

А.А. Половцов

Русский биографический словарь. Том 17

А.А. Половцов

[Том 1](#) * [Том 2](#) * [Том 3](#) * [Том 4](#) * [Том 5](#) * [Том 6](#) * [Том 7](#) * [Том 8](#) *
[Том 9](#) * [Том 10](#) * [Том 11](#) * [Том 12](#) * [Том 13](#) * [Том 14](#) * [Том 15](#) * [Том 16](#) * [Том 18](#) * [Том 19](#) * [Том 20](#) * [Том 21](#) * [Том 22](#) * [Том 23](#) * [Том 24](#)
* [Том 25](#)

Словник № 17: Романова – Рясовский

[Романова-Юрьева, ИулианияФеодоровна](#) • [Романова-Юрьева, КсенияИвановна](#) • [Романовский, Василий Васильевич](#) • [Романовский, ВасилийИванович, протоиерей](#) • [Романовский, Дмитрий Ильич](#) • [Романовский, Иван Васильевич](#) • [Романовский, Константин Данилович](#) • [Романовский, Севастьян Павлович](#) • [Романовский, ЯковИванович](#) • [Романов, Александр Евлампиевич](#) • [Романов \(Юрьев-Захарьин\), АлександрНикитич](#) • [Романов, Вадим Владимирович](#) • [Романов, Василий Никитич](#) • [Романов, Василий Павлович](#) • [Романов, Владимир Павлович](#) • [Романов, Вукол Федотович](#) • [Романов, Григорий Иванович](#) • [Романов, Даниил Романович](#) • [Романов, Дмитрий Иванович](#) • [Романов, Иван Никитич](#) • [Романов, ИоакимКонстантинович, протоиерей](#) • [Романов, Максим Григорьевич](#) • [Романов, Михаил Никитич](#) • [Романов, Никита Иванович](#) • [Романов \(Юрьев-Захарьин\), НикитаРоманович](#) • [Романов, Павел Ипатьевич](#) • [Романус, Аврам Иванович](#) • [Романус Иоганн, генерал-майор](#) • [Романус, Иван Васильевич](#) • [Романчуков, Алексей Саввич](#) • [Романчуков, Савва Юрьевич](#) • [Роман, преподобный Киржачский](#) • [Роман, митрополит Литовский и Галицкий](#) • [Роман, игумен Златовратского Спасского монастыря](#) • [Роман, игумен Николаевского на Липне монастыря](#) • [Роман, игумен Воскресенского Терехова монастыря](#) • [Роман Владимирович, благоверный князь Угличский](#) • [Роман Олегович, благоверный князь Рязанский](#) • [Роман, преподобный Перекомский](#) • [Роман, архимандрит Никитского Переяславского монастыря](#) • [Роман,](#)

игумен Никольского Переяславль-Залесского монастыря • Роман, строитель Анзерского скита Соловецкого монастыря • Роман, игумен Терехова монастыря • Роман, игумен Молченской Путивльской пустыни • Роман (Копя или Капа), архимандрит Киево-Печерской Лавры • Роман Никитич, схимонах, основатель Данковского Покровского монастыря • Роман (Романоз, Эристов-Арагвский), митрополит Самтаврийский и Горийский • Ромарино, Александр Антонович • Ромберг Карл, виолончелист • Ромберг, Киприан Фридрих • Роммель, Христофор Филиппович (Dietrich-Christoph von Rommel) • Ромодановский, Василий Иванович • Ромодановский, Андрей Григорьевич • Ромодановский-Ряполовский, Антон Михайлович • Ромодановский, Василий Васильевич • Ромодановский, Василий Большой Григорьевич • Ромодановский, Василий Меньшой Григорьевич • Ромодановский, Григорий Григорьевич • Ромодановский, Григорий Петрович • Ромодановский, Иван Васильевич Телеша • Ромодановский, Иван Иванович Меньшой • Ромодановский, Иван Петрович • Ромодановский, Иван Федорович • Ромодановский, князь Михаил Григорьевич • Ромодановский, Никита Иванович • Ромодановский, Петр Григорьевич • Ромодановский, Юрий Иванович • Ромодановский, Федор Борисович • Ромодановский, Федор Григорьевич • Ромодановский, Федор Юрьевич • Ромодановский-Ладыженский, Николай Иванович • Ромздер (Рамсдес), Яков • Ронкони Феликс, профессор пения • Рончевский, Александр Тимофеевич • Рон, фон-, Александр Осипович • Рооде, Яков Фомич • Рооз, Андрей Иванович • Рооп, Евстафий (Густав) Антонович • Рооп, Богдан (Эммануил) Антонович • Ропп, фон-дер, Иоганн Готгардович • Ропп, Христофор Фромгольд • Рорбек, Трофим Людвигович • Росковшенко, Иван Васильевич • Рославец, Виктор Яковлевич • Рославец, Петр Иванович • Рославлев (Расловлев), Николай Иванович • Рославский-Петровский, Александр Петрович • Рослен Александр, художник • Росляков, Михаил Яковлевич • Роспини Антон, физико-механик • Россель, Юрий Андреевич • Россет, Аркадий Осипович • Росси (де Росси), танцовщик • Росси (де Росси), Игнатий Петрович • Росси, Игнатий Иванович (Яковлевич) • Росси, Карл Иванович • Росси, Петр

Игнатъевич (Петр Эдуард де Росси) • Росси, ПетрОсипович (Pierre de Rossi) • Россильон, Василий (Вильгельм) Васильевич • Россинский, КириллВасильевич, протоиерей • Россицкий, Евсейй Андреевич • Ростиславов, АлександрИванович, протоиерей • Ростиславов, Димитрий Иванович • Ростиславов, Иван Николаевич • Ростиславов, Николай Иванович • Ростислав Владимирович, князь Тмутораканский • Ростислав Всеволодович, князь Переяславский • Ростислав-Михаил Мстиславич, князь Киевский • Ростислав Мстиславич, князь Киевский • Ростислав Рюрикович, князь Киевский • Ростислав Юрьевич, князь Переяславский • Ростислав Ярославич, княжич • Ростовская, Мария Федоровна • Ростовские и Белозерские удельные князья • Ростовский (Растовский), АндрейАлександрович • Ростовцов, Александр Александрович • Ростовцов, Александр Иванович • Ростовцов, Василий Иванович • Ростовцов Григорий, депутат • Ростовцов, Иван Иванович • Ростовцов, Яков Иванович • Ростовцов, Яков Павлович • Ростопчина, Евдокия Петровна • Ростопчина, Екатерина Петровна • Ростопчин, Андрей Юрьевич • Ростопчин, Андрей Федорович • Ростопчин, Сергей Федорович • Ростопчин, Феодор Васильевич • Рост, Иван Акимович (Юрьевич; Иоганн Иоахим Юлиус) • Рост, София • Рост Христиан, врач • Рост, ЯковИванович (Jacob-Gottlieb Rost) • Росцишевский, Иосафат Игнатъевич • Ротари, Петр (Pietro Rotari) • Ротенберг, И. Д., врач • Роткирх, фон-, Василий Алексеевич • Ротчев, Александр Гаврилович • Ротчев, Василий Яковлевич • Ротштейн, Вильгельм Иванович • Рот, Иоганн Филипп фон, пробст • Рот, Георг Филипп Август фон • Рот, Константин Иванович • Рот, Логгин Осипович • Рот, ФедорФилиппович (Johann-Friedrich von Roth) • Роут, Иван Николаевич • Роше, Павел Егорович • Рошер, КарлХристиан (Röscher) • Рощаковский, Константин Александрович • Ртищев, Андрей Петрович • Ртищев, Василий-Юрий Макарьевич-Пятаго • Ртищев, Василий Михайлович • Ртищев, Григорий Иванович • Ртищев, Даниил Максимович • Ртищев, Иван Пятаго Макарьевич • Ртищев, Исаак-Исай Макарьевич Пятаго • Ртищев, Константин Петрович • Ртищев, Максим Григорьевич • Ртищев, Михаил Алексеевич • Ртищев, Михаил Федорович • Ртищев, Никифор

Тимофеевич • Ртищев, Николай Петрович • Ртищев, Николай Федорович • Ртищев, Тимофей Григорьевич • Ртищев, Федор Григорьевич • Ртищев, Феодор Большой Михайлович • Ртищев, Федор Меньшой Михайлович • Ру, Игнатий Анжелович (Ignace-Nicolas-Jean Roux) • Рубан, Василий Григорьевич • Рубан, Иван Осипович • Рубан, Яков Андреевич • Рубанов, Василий Степанович • Рубиконди, мозаичист • Рубини, Иосиф (Джузеппе) Павлович • Рубинский, Николай Яковлевич • Рубинский, Сергей Михайлович • Рубинштейн, Николай Григорьевич • Рубо, Иван Маркович • Рубцов Иван, подьячий • Рувим, архимандрит Тихвинского Успенского монастыря • Рувим, архимандрит Астраханского Воскресенского монастыря • Рувим (Петулинский), игумен Георгиевского монастыря • Руге, Эмильян Викторович фон • Рудаков, Александр Ильич • Рудаков, Александр Павлович, протоиерей • Рудаков, Алексей Гаврилович • Рудаков, Дмитрий Ильич • Рудаков Иван, живописец • Рудаков Иван, писатель • Рудаков, Павел Дмитриевич • Рудаков, Филолог Васильевич • Рудаков, Яков Тихонов Казанец • Рудановский, Лавр Яковлевич • Рудановский, Леонид Платонович • Рудановский, Николай Васильевич • Рудановский, Петр Васильевич • Руданский, Степан Васильевич • Рудецкий Василий, живописец • Руджа Марк, мастер • Рудзевич, Александр Яковлевич • Рудзевич, Николай Александрович • Рудзкий, Фелициан Матвеевич • Рудинский, Василий Иванович • Рудинский, Виктор Игнатьевич • Рудинский, Орест Иванович • Руднев, Даниил Владимирович • Руднев, Матвей Данилович, протоиерей • Руднев, Михаил Матвеевич • Руднев, Михаил Прохорович • Руднев, Михаил Федорович • Руднев, Николай Алексеевич • Руднев, Николай Андреевич, протоиерей • Рудницкий, Николай Иванович • Рудольский, Александр Андреевич • Рудольфов, Яков Васильевич • Рудольф, Иван Яковлевич (Johann-Heinrich-Friedrich Rudolph) • Рудольф, Михаил Давыдович • Рудольф, Федор Федорович (Фридрих Адольф) • Рудольф, Эрнест Федорович • Рудыковский, Андрей Петрович • Рудыковский, Евстафий Петрович • Рудеев, Кузьма Иванович • Рукавишников, Николай Васильевич • Рукавкин Данила, депутат • Рукин, Иван Федорович • Рукин, Степан

Васильевич • Рукомойкин, Илья Семенович • Рулье, Карл Францович • Руммель, Карл Христиан Леопольд (Карл Фридрихович) фон • Румницкий, Иван Михайлович • Румовский, НиколайЛукич, протоиерей • Румовский, Степан Яковлевич • Румяной Никита, дьяк • Румянцова, Екатерина Михайловна • Румянцова, Мария Андреевна • Румянцов, Александр Васильевич • Румянцов, Александр Иванович • Румянцов, Василий Иванович • Румянцов, Иван Николаевич • Румянцов, Михаил Петрович • Румянцев, Макар Иванович • Румянцов, Никита Иванович • Румянцов, Николай Петрович • Румянцов, Петр Александрович • Румянцов, Петр Александрович • Румянцов Семен, дьяк • Румянцов, Сергей Петрович • Рунеберг Вальтер, академик • Рунич, Аркадий Павлович • Рунич, Дмитрий Павлович • Рунич, Ефим Петрович • Рунич, Иван Степанович • Рунич, Павел Степанович • Руно, Иван Дмитриевич • Руновский, Андрей Максимович • Рунов, Константин Алексеевич • Руперт, Вильгельм Яковлевич • Рупини (Рупин), ИванАлексеевич • Рупрехт, ФранцИванович (Franz-Joseph Ruprecht) • Русановский, МихаилРуфович • Русановский, ПетрИванович • Русанов, Александр Андреевич • Русанов, Василий Акимович • Русанов, Василий Михайлович • Русанов, Иван Иванович • Русанов, Николай Иванович • Русецкий, Александр Христофорович • Русецкий, Болеслав–Михаил–ЮлийКанутович • Руска, Александр Иеронимович • Руска, Джеронимо Джiovанни • Руска, Карл-Иосиф Карлович • Руска, Луиз (Луиджи, Алоизий) Иванович • Руска, Франц Иванович (Frantz Ruska), доктор медицины • Руска (Руско), Франц Иванович, архитектор • Руска, Эжидио Матвеевич • Рускони, Феликс Осипович • Руссау, Карл Карлович • Руссов, ВалерианФедорович (Friedrich-Iohann-Wilhelm Russow • Руссов, Степан Васильевич • Рустем, Иван Францович • Рутковский, Антон Иванович • Рутковский, Владислав Игнатьевич • Рутковский, Клементий Лукьянович • Рутковский, Кузьма Осипович • Рутцен, Николай Карлович фон • Рут, ЯковИванович (Ruuth) • Руф, преподобный Печерский, затворник • Руцкий, Илья Васильевич • Рушковский, Иван Александрович • Рчинов, Артемий Михайлович • Рыбакова (Каменская), артистка • Рыбаков, Николай Хрисанфович •

Рыбасов, Иван Осипович • Рыбинский Федор, дьяк • Рыбинский, Василий Петрович • Рыбинский, Николай Петрович • Рыбин, Василий Андреевич • Рыбкин, Николай Андреевич • Рыбников, Александр Николаевич • Рыбников Иван, депутат • Рыбников, Иван Назарович • Рыбников, Павел Николаевич • Рыбушкин, Михаил Самсонович • Рыддер, Денис Петрович • Рыдзевский, Александр Людвигович • Рыдзевский, Георгий-Эдуард-Андрей Николаевич • Рыдзевский, Николай Антонович • Рыжков, Митрофан Егорович • Рыжов, Алексей Иванович • Рыкалова, Аграфена Гавриловна • Рыкалова, Елизавета Васильевна • Рыкалова, Пелагея Титовна • Рыкалов, Василий Васильевич • Рыкалов, Василий Федотович • Рыкатов, Петр Гаврилович • Рыкачев, Александр Петрович • Рыкачев, Владимир Петрович • Рыкачев, Дмитрий (Маркович?), переводчик • Рыкачев, Дмитрий Петрович • Рыкачев, Марк Иванович • Рыкачев, Николай Александрович • Рыков, Александр Максимович • Рыков, Василий Дмитриевич • Рыков, Василий Иванович • Рыков, Евгений Владимирович • Рыков, Иван Васильевич • Рыков Максим, рисовальщик • Рылеев, Александр Николаевич • Рылеев, Кондратий Феодорович • Рылеев, Михаил Николаевич • Рылеев, Никита Иванович • Рымашевский, Ипполит Августович • Рындин, Другой Тимофеевич • Рындин, Кирилл Степанович • Рындин, Лука Васильевич • Рындю, Иван Сидорович • Рындювский, Федор Михайлович • Рынкевич (Ренкевич), Ефим Ефимович • Рыхлевский, Андрей Иванович • Рычков, Владимир Дмитриевич • Рычков, Николай Петрович • Рычков, Петр Иванович • Редкин, Аполлон Михайлович • Редкин, Петр Григорьевич • Резанов (Рязанов), Гавриил Андреевич • Резанов, Дмитрий Иванович • Резанов, Иван Гаврилович • Резвые • Резвой, Дмитрий Петрович • Резвой, Модест Дмитриевич • Резвой, Николай Петрович • Резвой, Петр Терентьевич • Резвой Терентий, купец • Репина, Надежда Васильевна • Репинский, Косьма Григорьевич • Репин, Иван Иванович • Решетилов, Константин Федорович • Решетников, Андрей Гордеевич (Гордианович) • Решетников, Иван Андреевич • Решетников, Федор Михайлович • Решетов, Гавриил Степанович • Решетов, Степан Федорович • Решимов, Михаил Аркадьевич • Рюль, Иван

Федорович (Иоганн Георг) • Рюль, Федор (Friedrich-Ludwig Rühle или Rüll) • Рюмин Алексей, художник • Рюмин, Василий Гаврилович, генерал-майор • Рюмин, Василий Гаврилович, писатель • Рюмин, Гавриил Васильевич • Рюмин Иван, автор Записок • Рюмин, Михаил Акимович • Рюмин, Николай Гаврилович • Рюрик, первый русский князь • Рюрик-Василий Ростиславич, великий князь Киевский • Рюрик Ростиславич, князь Перемышльский • Рютчи, А. А., артист • Рябинин, Александр Дмитриевич • Рябинин, Андрей Михайлович • Рябинин, Егор Михайлович • Рябинин Ждан, дьяк • Рябинин, Михаил Ильич • Рябинин, Николай Егорович • Рябчиков, Александр Федорович • Рязанские князья • Рязанцев, Василий Алексеевич • Рязанцев, Василий Иванович • Рязанцев, Григорий Петрович • Рязанцев, Степан Родионович • Ряполовский, Андрей Иванович • Ряполовский, Василий Семенович Мних • Ряполовский, Дмитрий Иванович • Ряполовский, Иван Андреевич Нагавица • Ряполовский, Иван Иванович • Ряполовский-Стригин, Иван Феодорович • Ряполовский, Петр Семенович Лобан • Ряполовский, Семен Иванович Хрипун • Ряполовский, Семен Иванович • Ряполовский, Феодор Семенович большой • Ряполовский-Хрипунов, Феодор Семенович меньшей

Романова-Юрьева, Иулиания Феодоровна

Романова-Юрьева, Иулиания Феодоровна, в иночестве *Анастасия*; была замужем за *Романом Юрьевичем Захарьиным*, окольничим. 12-го февраля 1543 г. дом Иулиании Феодоровны в Москве посетил св. Геннадий Костромской и предсказал ее дочери Анастасии Романовне супружество с царем, что и исполнилось, так как Анастасия Романовна вышла замуж за царя Ивана Васильевича. 3-го ноября 1547 г. Иулиания Феодоровна была на свадьбе князя Юрия Васильевича (брата царя), у постели. Время кончины ее неизвестно; погребена она в Вознесенском монастыре в Москве.

С. Соловьев. История России, т. VI; Н. Селифонтов. Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова. СПб. 1898 г., вып. 2; Особы великокняжеской и царской фамилии, почивающие в Вознесенском монастыре, М. 1902, стр. 9; «Московский Некрополь», т. I, М. 1907, стр. 517.

Романова-Юрьева, КсенияИвановна

Романова-Юрьева, Ксения Ивановна (в иночестве *Марфа*) – дочь Костромского дворянина *Ивана Васильевича Шестова* и жены его, *Марии*, мать царя *Михаила Феодоровича*. Около 1590 г. она вышла замуж за *Феодора Никитича Романова*, двоюродного брата царя *Феодора Иоанновича*; на свадьбе ее присутствовали и царь, и *Борис Годунов*. В наследство от своего отца *Ксения Ивановна* получила старинную вотчину деда своего, *Василия Михайловича Шестова*, село *Домнино*, в Костромском уезде, на реке *Шаче*, с 57 деревнями и починками (из этого села *Домнина* был родом известный крестьянин *Иван Сусанин*). От матери *Ксения Ивановна* получила вотчину в *Углицком уезде* – село *Климянтино* с 14 деревнями и пустошами. Семейная жизнь *Ксении Ивановны* была омрачена великим горем: 29-го ноября 1592 г. у нее умерли два сына – *Борис* и *Никита*, 21-го сентября 1597 г. сын *Лев*, а 7-го июня 1599 г. – сын *Иван*.

В 1600 г. Романовых и их родственников и друзей – князей *Черкасских*, *Репниных* и *Сицких*, а также *Карповых* и *Шестовых* взяли под стражу; допрашивали господ, пытали слуг, но кроме «кореньев», найденных в «казне» *Ал. Никит. Романова* и будто бы приготовленных, чтобы «извести» царя *Бориса*, ничего преступного найдено не было. Однако *Ксению Ивановну* разлучили с матерью, мужем и детьми – *Татьяной* и *Михаилом*; детей отправили с теткой, княгиней *Марфой Никитичной Черкасской*, на *Белоозеро*, мать постригли и увезли в *Никольский девичий монастырь* в *Чебоксары*, мужа тоже постригли, с именем *Филарета*, и заключили в *Сийском монастыре*; той же участи подверглись и сама *Ксения Ивановна*, постриженная с именем *Марфы*, и ее золовка, княгиня *Евфимия Никитична Сицкая* (жена князя *Ивана Васильевича Сицкого*), постриженная с именем *Евдокии* и поселенная в пустыне *Сумского острога*, и сам князь *Иван Васильевич Сицкий*, постриженный под именем *Ионы*. Братьев *Феодора Никитича* – *Михаила*, *Василия* и *Ивана* сослали. Инокия *Марфа Ивановна*

была препровождена в Толвуйский погост, в Заонежье. Священник – «поп Ермолай Герасимов» и жители Толвуя радушно отнеслись к ссыльной боярыне-инокине: надзор за нею не был строгий, и она вошла в сношения с окрестными монастырями: Палеостровской обителью, на острове Онежского озера, и Яшеозерской пустынью, недалеко от Петрозаводска.

В 1602 г. царь Борис смиростивился: Феодору Никитичу, или, как его называли, «старцу Филарету» дозволено было стоять на клиросе в церкви; в Сийский монастырь стали допускать богомольцев, от которых, быть может, он получал известия о жене и детях. Инокиня Марфа из Заонежья и дети ее с княгиней Марфою Никитичною Черкасской с Белоозера были привезены в старинную вотчину Романовых – село Клины, Юрьевского уезда. При них находились два пристава, но это не нарушало мирного течения жизни, и Марфа Ивановна, несмотря на свой, хотя и невольный иноческий сан, вступила снова в права матери и домохозяйки.

Так шло до приезда в Москву Лжедмитрия, который вызвал в столицу своих мнимых родственников, разосланных Борисом в отдаленные местности. Прибыл в Москву и Филарет, уже в сане архимандрита, прибыла и Марфа Ивановна с детьми. В кратковременное царствование Лжедмитрия Филарет был хиротонисан в сан митрополита Ростовского, а 12-летний сын его Михаил получил чин стольника. В 1607 г. царь Василий Иванович Шуйский женился на княжне Марье Петровне Буйносовой-Ростовской, а Марфа Ивановна находилась с ней в дружеских отношениях. Дочь свою *Татьяну* Марфа Ивановна выдала в это время замуж за князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского; в 1611 г., в начале Московской осады, молодая княгиня умерла, и у Марфы Ивановны остался единственный сын *Михаил*. В царствование Шуйского Марфе Ивановне пришлось пережить тяжелое испытание: плен Филарета Тушинским вором, в стане которого он вынужден был жить, и наименование его, тем же Тушинским вором, патриархом. 17-го июля 1610 г. Шуйский был сведен с престола, а на другой день пострижен и он, и жена его царица Марья Петровна, которую поместили в Ивановском монастыре в

Москве. 11-го сентября 1610 г. выехало в Литву Московское посольство, во главе которого стояли: князь Василий Васильевич Голицын и Филарет Никитич. Посольство это было снаряжено, чтобы просить Сигизмунда отпустить на Московский престол сына своего, королевича Владислава, не допустить Сигизмунда быть Московским царем. Марфа Ивановна и Михаил оставались в Московском Кремле во все время осады Москвы сначала Русским ополчением, а затем поляками, с гетманом Ходкевичем во главе. Они выехали из Москвы уже после того, как Кремль был очищен князем Д. М. Пожарским от поляков, и отправились свою Костромскую вотчину – с. Домнино, где их застала зима. Оттуда переехали они в Кострому и нашли приют в Ипатьевской обители.

Польский король Сигизмунд своим движением из-под Смоленска к Москве и приход Польского войска, под предводительством Жолкевского, к самой столице заставили русских людей задуматься, хорошо ли они делают, призывая к себе на царство иноземного и иноверного королевича? Образовалось несколько партий, но ни на ком не могли остановиться. Наконец, какой-то дворянин из Галича Костромского и Донской атаман подали на Собор письменные заявления, что Михаил Феодорович Романов должен быть избран на царский престол, как ближайший родственник прежних царей. Бояре, средний класс и народ все были утомлены смутой и неурядицей и радовались, что царем будет юноша, не принадлежавший ни к какой дворцовой партий, ничем себя не запятнавший в тяжелую годину отечественного бедствия. 21-го февраля совершилось избрание; 2-го марта отрядили посольство бить челом Михаилу Феодоровичу, чтобы «пожаловал – ехал на свой царский престол», а его матери, «чтобы государыня пожаловала – благословила сына на царство». Не найдя Михаила в Ярославле, послы отправились в Кострому, куда и прибыли 13-го марта, в субботу четвертой недели великого поста. На другой день двинулся крестный ход в Ипатьевский монастырь; во главе шло высшее духовенство, прибывшее из Москвы: Рязанский архиепископ Феодорит, архимандрит Чудовский, Новоспасский и Симоновский, три

протоиерея и известный келарь Троице-Сергиева монастыря – Авраамий Палицын. За ними следовали: бояре Феодор Иванович Шереметев и князь Владимир Иванович Бахтеяров-Ростовский, окольный Феодор Васильевич Головин, стольники, дворяне, жильцы, выборные из разных городов, Костромской воевода и жителя Костромы. Марфа Ивановна и Михаил встретили крестный ход за монастырем и, выслушав челобитье послов, отнеслись к ним неблагосклонно и едва согласились идти в Троицкий собор. После молебна были поданы Марфе Ивановне грамоты и сказана речь по наказу, что в Москве и в других городах государства Михаилу целовали крест, и что они усердно просят их обоих «не презреть моления и слезного рыдания всех чинов людей Московского государства» и идти в царствующий град Москву. Марфа Ивановна и Михаил с «великим гневом» отказали, заявив, что у них и в мысли того нет, «что на таких великих преславных государствах быти государем; а он, государь, еще не в совершенных летах, да и потому, что Московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовалися, прежним Московским государем, дав свои души, не прямо служили». Марфа Ивановна припомнила, как по смерти царя Феодора, когда «пресекся корень в Российском Государстве прирожденных Великих Государей», был выбран царь Борис, и ему и его детям целовали крест, чтобы им служить и «прямить», а затем, когда умер Борис, изменили его сыну Феодору и отъехали к «вору Гришке Розстриге», который назвался царевичем Димитрием; не пощадили и этого названного Димитрия, убили и сожгли; выбрав на государство царя Василия Шуйского, многие отъехали от него в Тушино к вору, а другие, оставшиеся в Москве, с «царства скинув», постригли его и отдали в Литву. Марфа Ивановна поставила послам вопрос, как быть на Московском государстве и прирожденному государю государем, видя «такие клятвопреступления, позоры и убивство и поругание прежним государем?». Ее смущало и то обстоятельство, что царские сокровища вывезены Литовскими людьми, а дворцовые села, черные волости, пригороды и посады розданы в поместья дворянам, детям боярским и

всяким служилым людям и «запустошены»: из каких же средств может государь выдавать жалованье служилым людям и устроить свой обиход и каким способом стоять против недругов Московского государства – польско-литовского короля и иных пограничных государей? Важным препятствием к принятию Михаилом престола было, по мнению Марфы Ивановны, пребывание его отца, митрополита Филарета, в Литве. Узнав, что Михаил избран на царство, король тотчас велит над его отцом «какое зло сделать», «а ему, государю, без благословения отца своего на Московском государстве никак быть не мочно», – прибавила Марфа Ивановна. Послы объясняли такую смену государей и междоусобие тем, что Бог, «за грехи» и «рознь» всех людей Московского государства, послал испытание; в обмен за Филарета Никитича они решили отдать многих польских и литовских пленных. С третьего часа дня до девятого часа пробыли Марфа Ивановна с Михаилом и послы в соборе. Видя, что мольбы ни к чему не ведут, послы перешли к угрозам и сказали, что если святые Божии церкви и весь народ будут разорены неприятелем, то «Бог взыщет на нем, государе, и на ней, великой старице иноке Марфе Ивановне». Это подействовало на Марфу Ивановну, и она с чувством горячей веры произнесла перед иконой Богоматери: «Се тебе, о Богомати Пречистая Богородица! в твои руке, Владычице, чадо свое предаю, и яко же хочеши, устроиши ему полезная и всему православному христианству». После того она благословила Михаила на царство, и он принял от архиепископа Феодорита посох и благословение. 19-го марта Марфа Ивановна и Михаил поехали в Ярославль и пробыли там до весны. В конце грамоты Михаила Феодоровича, писанной из Ярославля в Москву 23-го марта, Марфа Ивановна напоминает всем людям Московского государства: «На чем вы, по своей воле, государю своему, а моему сыну Михаилу крест целовали и души свои дали, стоять в крепости разума своего, безо всякого позыбания служить и прямить во всем... и быть вам всем меж себя в соединении и в любви». 16-го апреля Марфа Ивановна и Михаил выехали из Ярославля. С полпути юный царь писал в Москву, чтобы бояре приготовили для него Золотую Палату

царицы Ирины, а для его матери – хоромы жены царя Василия Шуйского. Из ответа бояр выяснилось, что поляки употребили на топливо деревянные кровли, полы, двери и «окончины» царского дворца; что надо делать все новое, а нет ни денег, ни плотников, ни пригодного лесу. Вследствие этого бояре приспособили для государя комнаты царя Ивана и Грановитую Палату, а для великой старицы Марфы отделали хоромы в Вознесенском монастыре, в которых жила последняя супруга Иоанна Грозного – царица Марфа Нагих, во время царствования Лжедмитрия, ее мнимого сына. Царь Михаил и его мать остались недовольны этими приготовлениями и настоятельно требовали исполнения прежнего приказа. Волей-неволей, однако, великая старица, прибыв 2-го мая в Москву и отстояв с Михаилом, после торжественной встречи за городом, молебен в Успенском Соборе, должна была поселиться в Вознесенском монастыре, в бывших царицыных хоромах. В сентябре эти хоромы были убраны «суконным нарядом»; по-видимому, цветной убор, состоявший из червчатого сукна, червчатой адамашки и зеленого атласа, пришелся не по мысли великой старице; может быть, кроме того, для зимы эти обширные хоромы не были достаточно теплы, и к январю 1614 г. отстроили особую «малую избушку», куда она, вероятно, перешла 2-го января, так как в это число государь послал матери на новоселье сорок соболей, по Сибирской цене в 60 рублей.

Несмотря на то, что Марфа Ивановна поселялась отдельно от сына, она должна была принят на себя все заботы по управлению дворцом, так как Михаилу было только 16 лет с небольшим и он еще не скоро мог жениться. Помощницей в этом управлении была верхняя ее боярыня Марья Юрьевна Головина; должность казначеи исполняла сначала какая-то Марья, неизвестная ни по отчеству, ни по фамилии, а затем Анна Сумина. Великая старица жила на царском положении и приказывала своим «словом», как видно из записей приходно-расходных книг, в которых сохранились мелочные, но интересные сведения, касающиеся ее домашнего обихода и распоряжений. В Вознесенском монастыре, под наблюдением великой старицы, производились разные работы: изготовлялись

вышитые золотом, низанные жемчугом и украшенные драгоценными камнями пелены, покровы на мощи и на гробницы царей и цариц, воздухи, оплечья риз и т. д.; шились не только новые, но доканчивались начатые, приводились в порядок истертые или испорченные от времени. Для Михаила Феодоровича великая старица «строила» аксамитную шубу с жемчужным кружевом, в которую были вставлены в гнезда 16 яхонтов лазоревых больших. Сорочки из тафты для его ежедневного употребления шились тоже в монастыре, а нарядные сорочки, украшенные жемчугом, подавались царю из сохранившегося по какой-то случайности имущества Богдана Бельского, перешедшего в «царскую казну». Во время пребывания Филарета Никитича в польском плену, великая старица послала лично ему охобень и соболью шубу и кроме того шесть сороков соболей, ценою 367 руб., вероятно для подарка полякам, при размене пленных. В августе 1617 г. она послала ему святительскую нарядную праздничную мантию, будничную мантию и ряску. Для производства всех этих работ – шитья, вышиванья и т. п., в хоромы великой старицы доставлялись шелка разного цвета, пряденок золото и серебро, жемчуг, лалы, изумруды; разные ткани, как, напр., тафта, зендень, киндяки, бархат, мухояр черный, а также меха, главным образом соболи, требовались ею в большом количестве. Товары покупались преимущественно у гостя Надеи Светечникова.

Во время летних богомольных походов великой старицы, если она шла пешком, то над ней несли большой зонтик, или, как тогда называли, солночник из английского гвоздичного сукна на киндяковой подкладке; чтобы дать понятие о его размерах прибавим, что на него требовалось 15 аршин ткани. Для своей одежды Марфа Ивановна употребляла черную тафту виницейку и черный мухояр, из которого шились комнатные ряски; выходной одеждой ее были: опашень, охобень, шуба и соболья шапочка. Вследствие недостатка тканей черного цвета красили цветную тафту и киндяки в черный цвет для занавесей к каптанке и колымаге. Для тепла каптанка (повозка) была обита

внутри кунным мехом, а двери и окошки отделялись соболями.

Марфа Ивановна выдавала иногда жалованные грамоты от своего имени; в грамотах различным монастырям, появившихся на второй год царствования Михаила, вслед за царем упомянута и его мать. «Божиею милостию мы великий государь... и мать наша, государыня великая старица инока Марфа Ивановна пожаловали богомольца нашего игумена такого-то». Попа Ермолая Герасимова, который в бытность Марфы Ивановны в Толвуге, как сказано в царской грамоте, «про отца нашего здоровье проводывал и матери нашей обвещал», царь Михаил, по ее просьбе, наградил имением, вызвал в Москву и сделал ключарем Архангельского собора. По совету и прошению матери Михаил в 1614 г. дал «обельную» грамоту жителям Толвуйской волости, крестьянам Тарутиным, а в 1619 г. «обелил» в приходе села Домнина половину деревни Деревнищи, составлявшей земельный надел «Богдашки Сабинина», женатого на дочери Ивана Сусанина. Особенно сочувственно относилась Марфа Ивановна к судьбе насильственно постриженных инокинь, как, напр., к четвертой жене Иоанна Грозного, Анне Колтовской, в иночестве Дарье; к жене царя Василия Шуйского – Марье Петровне, в иночестве Елене, и некоторым другим, Им посылались «поминки» от имени Михаила Феодоровича в дни радостных событий в царской семье, их устраивали в лучших Московских монастырях, великая старица делала им подарки. Не забывала она и своих родных, бояр Салтыковых, и родных своего мужа, в особенности Ульяну Феодоровну, жену боярина Ивана Никитича Романова. Все драгоценности и пожитки прежних цариц, уцелевшие в Кремле, поступили в распоряжение великой старицы. Она жаловала соболями, камками, бархатом и тафтой цариц-инокинь и боярынь; невестам дарила серьги и запястья; новобрачных благословляла иконами в драгоценных окладах. Мастерицы, работавшие в ее светлицах, и старицы Вознесенской обители получали остатки тканей и мехов то на рукава, то на шапку; изредка мастерицам и швеям жаловалось по паре соболей; крестовые дьяки получали иногда настрафиль

(особая ткань) на шапки. За Москвой-рекой великая старица устроила новую ремесленную слободу, а в своем собственном подмосковном селе Рубцове-Покровском, кроме ткацких мастерских, завела садовое хозяйство. Деньги торговым людям, ремесленникам, позолотчикам и знаменщикам (т. е., тем, которые составляли разные узоры для работ) уплачивались по непосредственному приказанию великой старицы.

До возвращения из польского плена Филарета Никитича царь Михаил находился в полной опеке у своей матери, а двоюродные братья его Борис и Михаил Салтыковы, первый из которых назначен был дворецким, а второй крайчим, сделались самовластными временщиками. Вот современное сказание о первых годах царствования Михаила: «Бе же царь млад... и не бе ему еще толика разума, еже управлять землею, но боголюбивая его мати, инока великая старица Марфа, правя под ним и поддерживая царство со своим родом...»

Не станем подробно говорить о событиях, которые касаются лично царя Михаила; ограничимся указанием на то участие, какое принимала в них его мать. В 1616 г. Марфа Ивановна благословила сына на брак, и Михаил выбрал в невесты Марью Ивановну Хлопову, дочь московского дворянина. Невесту нарекли Анастасией и вместе с матерью и бабкою поселили в Верху, т. е., в царских хоромы; 9-го июня она ударила челом великой старице на новоселье двумя сороками соболей: будущая свекровь построила новые хоромы в Вознесенском монастыре. Все шло благополучно до поры до времени, но после того, как дядя невесты, Григорий Хлопов, позволил себе не согласиться с Михаилом Салтыковым, занимавшим должность оружничего, по поводу турецкой сабли в Оружейной Палате, Михаил Салтыков и его брат Борис прибегли к хитростям, чтобы невеста была признана больной и к «государской радости непрочной». По всему вероятно недомоганье началось от излишнего употребления сладостей и прошло бы само собой. Салтыковы постарались повлиять на расположенную к ним тетку – великую старицу Марфу Ивановну, и невеста не только была «сведена с Верху», но сослана с ближайшими родственниками в Тобольск. Михаил был крайне

опечален удалением невесты, которая полюбилась ему за время своего пребывания во дворце, но, как покорный сын, он не посмел противиться воле матери.

По возвращении в 1619 г. Филарета Никитича из плена, управление земскими, государственными и домашними государевыми делами перешло в его руки, и влияние на Михаила матери, а также и Салтыковых, заметно ослабело. Через два месяца после поставления отца в патриархи, царь отправился, 22-го августа, вместе с матерью на Унжу, на богомолье к Макарию Желтоводскому. По дороге она была в Переяславле, Ростове и Ярославле и у «Пречистой Богородицы Федоровской» на Костроме, в день празднования которой произошло его избрание на царство. Богомольный поход этот был предпринят по-видимому по обещанию, в благодарность за избавление из плена Филарета Никитича и Москвы от нашествия королевича Владислава. В это же время была послана грамота в Тобольск о переводе на Верхотурье бывшей царской невесты Хлоповой и ее родственников, причем невеста упоминалась лишь как «племянница» Ивана Желябужского. В грамоте конца 1620 г. личность невесты, названной Анастасией, поставлена уже во главе: ее и ее родных велено перевести в Нижний Новгород. Ясно, что Михаил, несмотря на видимую покорность матери не оставил мысли о браке с нареченною невестою. Весьма возможно, что, кроме отца, его поддерживал в этом намерении двоюродный брат, князь Иван Борисович Черкасский, с 1619 г. заменивший при нем Бориса Салтыкова. До 1623 г. было предпринято несколько попыток сосватать за Михаила иноземную королевну или княжну, но все попытки сказались неудачными, и родители предложили ему, по старинному обычаю, снова приискать невесту в своем отечестве. Вследствие отказа Михаила взять кого-либо, кроме Хлоповой, подняли дело о ее болезни, допрашивали доктора и ставили его «с очей на очи» с Салтыковым; патриарх и государь призывали отца и дядю Хлоповой кроме того, патриарх допрашивал ее духовника. Расспросы продолжались больше месяца и закончились опалой и ссылкой Салтыковых в дальние вотчины, так как раскрылся их обман. Невеста оказалась

совершенно здоровой, патриарх Филарет стоял за брак с ней своего сына, по великая старица Марфа Ивановна «клятвами себя заклала, что не быть ей в царстве пред сыном, если Хлопова будет царицею». Такая постановка вопроса заставила Михаила бесповоротно отказаться от намерения жениться на девушке, которую он не в силах был забыть в течение семи лет, и, спустя неделю после ссылки Салтыковых, 1-го ноября 1623 г. в Нижний послана царская грамота: «а Ивану Хлопову сказали б, что мы дочь его Марью взять за себя не изволили».

Почти год спустя Михаил, скрепя сердце, избрал, по желанию матери, себе в невесты княжну Марью Владимировну Долгорукую. По свидетельству летописца, «аще и не хотя, но матере не преслушав, поят вторую царицу Марью». В штат молодой царицы, состоявший из 26 человек, Марфа Ивановна назначила между прочим ее родственниц, что видно из приказания великой старицы, перед женитьбой Михаила на княжне Долгорукой, выдать жалованье боярыням вдовам: княгине Татьяне Долгорукой 30 руб. и княгине Прасковье Долгорукой 28 руб., тогда как ее собственная казначея Марья Головина получала только 10 рублей. 19-го сентября 1624 г. совершилась свадьба, а на другой день царица «обретется испорчена» и скончалась 6-го января 1625 г. Вскоре после брака Михаила, в ноябре 1624 г., Марфа Ивановна поставила для себя позади царских хором избушку; несмотря на это уменьшительное название, помещение было просторное, так как для «избушки» был куплен за 13 рублей еловый сруб о 23-х венцах, мерою 3 сажени, с углами.

5-го февраля 1626 г. царь Михаил обвенчался с Евдокией Лукьяновой Стрешневой, которая, из опасения порчи, была наречена невестою и введена в царские хоромы только за три дня до свадьбы. После венчания великая старица приказала положить в «коробью новгородскую» «царицын венец с косником, с камнем и с жемчуги» и запечатала своей печатью, во избежание какого-либо лиха. На новоселье царице Евдокии Лукьяновне присланы соболи от великой старицы, от царя и от патриарха. Осенью 1626 г. Марфа Ивановна построила себе новую келью, в которую 1-го октября была принесена оловянная

солонка с «хлебом-солью» от патриарха Филарета Никитича. «Избушка» и келья должно быть соединялись с церковью св. Георгия, поступившею впоследствии в число храмов Вознесенского монастыря. В 1629 г. про церковь св. Георгия сказано: «что у великия государыни иноки Марфы Ивановны на сениях».

Отношения между Марфой Ивановной и ее невесткой установились, по-видимому, хорошие, и они часто отправлялись вместе на богомолье в село Рубцово-Покровское. Великая старица нежно полюбила свою перворожденную внучку *Ирину*, брала ее к себе в кельи и всячески баловала и забавляла ее. В 1629 г., когда царевне Ирине шел третий год и она гостила у бабушки в кельях, старица Олена Языкова приняла из царицыной мастерской палаты в монастырь двадцать лоскутов золотого и серебряного атласа, камки и тафты на «потешные куклы» царевны. Надо полагать, что маленькой Ирине не было скучно у бабушки, обиход которой напоминал старинный обиход цариц, а отнюдь не монастырей. У великой старицы жили: дурка Манка, бахарь Петрушка Макарьев, пользовавшийся почетом за свои «сказания», и арап Давыд Иванов; рядом с кельями Марфы Ивановны текла в это время обычная монастырская жизнь, под начальством игуменьи Ефимы Полтевой и старицы-келаря Марфы Колычевой.

С течением времени, по свидетельству И. Е. Забелина, великая старица мало-помалу «удалялась из великих покоев царских хором в настоящую иноческую келью и в полное иноческое житие». Она скончалась 27-го января 1631 г. и погребена в Новоспасском монастыре, где покоятся многие члены рода Романовых.

Великая старица пользовалась казною государя для своего содержания, как видно из того, что деньги, по ее приказанию, доставлялись ей на руки дьяком Царицыной палаты; но у нее была и собственная казна, получаемая из оброчных доходов с принадлежавших ей Галицких волостей, так что после ее кончины осталось 6185 руб., которые и были израсходованы на ее поминование. Центром управления сел великой старицы в Темниковском уезде было село Троицкое, ныне заштатный

город Пензенской губернии Конобеево; был у нее двор и в Городецком посаде. Село Рубцово-Покровское Марфа Ивановна завещала своей любимой внучке Ирине.

«Собр. Госуд. Грамот и Договоров», тт. I, III; «Акты исторические», т. III; «Дворцовые разряды», т. I; «Русская Историч. Библиотека», тт. II и IX; А. Виктор. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 гг., М. 1877 г., вып. 1-й; Н. Карамзин, История государства Российского, т. XI; С. Соловьев. История России, т.т. VIII и IX; И. Забелин. Домашний быт русских цариц; Н. Костомаров, Историческое исследование «Иван Сусанин», в 1-м томе Собрания его сочинений, изд. Литер. Фонда, СПб. 1903 г.; «Древняя и Новая Россия» 1876 г., № 12, стр. 317–343, статья И. П. Хрущова: «Ксения Ивановна Романова (Великая старица инокиня Марфа)» и отд. изд., СПб. 1877 в изд. 2-е, СПб. 1882 (с портр.); «Московский Некрополь», т. III; Н. Селифонтов, Родословная рода Романовых, ч. II, СПб. 1898, стр. 78.

Романовский, Василий Васильевич

Романовский, Василий Васильевич, действительный статский советник, масон; род. в 1757 году, по-видимому – в Казанской губернии, и уже в 1766 г., т. е. 9-ти лет от роду, был зачислен на службу; в 1780 г., в чине коллежского асессора, служил в Вятской губернии, в 1792 году, уже будучи надворным советником, состоял Председателем Уфимской Палаты Гражданского Суда, в 1797 г. был Председателем Уфимской же Палаты Суда и Расправы и 5-го апреля этого года награжден был чином коллежского советника; из Уфы Романовский был переведен Председателем Оренбургской Палаты Суда и Расправы, откуда 30-го апреля 1798 г. назначен был советником Гатчинского Городового Правления; переведенный затем Членом Конторы С.-Петербургских Запасных хлебных магазейнов, он 17-го декабря 1798 г. был пожалован в статские советники; наконец, произведенный 29-го ноября 1802 г. в действительные статские советники, он продолжал служить старшим членом в Конторе С.-Петербургских запасных хлебных магазейнов и в этой же должности был и в 1808 году, когда, 5-го февраля, награжден был орденом св. Владимира 3-й степени.

Выйдя затем в отставку, Романовский переселился в родную ему Казань, где состоял Председателем Казанского Попечительного о бедных Комитета (ведомства Имп. Человеколюбивого Общества) и звание это сохранил до самой смерти своей, последовавшей 1-го октября 1827 г., в Казани, где он и погребен на православном Арском кладбище вместе с женою своею *Анною Ивановною* (ум. 22-го июля 1824 г., 66 лет), архангельскою уроженкою. Профессор Казанского Университета Г. Н. Городчанинов написал на смерть его эпитафию или надгробие.

Живя в Петербурге, Романовский, будучи масоном, вращался в кружке Лабзина и был членом его ложи «Умиравший Сфинкс»; по переселении в Казань, он, по словам доноса Магницкого, здесь открыл ложу под своим председательством; впрочем, один из участников собраний,

профессор К. Ф. Фукс, отрицал (1824), что у Романовского была ложа, утверждая, что под председательством Романовского он с некоторыми знакомыми имел «христианские беседы, по два раза в неделю»; «в сих беседах, которые были открыты для всех, проводили мы целые ночи в чтении Штиллинговых сочинений и в молитвах, но сие удовольствие наше не долго продолжалось, ибо преосвященный наш Амвросий и тогдашний губернатор граф Толстой сделали нам препятствие и собрания наши чрез полицию запретили». Любопытные сведения сохранил о Романовском С. Т. Аксаков, хорошо его знавший и часто упоминающий о нем в своих воспоминаниях; между прочим, в статье «Встреча с мартинистами. Воспоминание из Петербургской жизни», Аксаков ряд страниц посвящает описанию Романовского (которого он выводит под именем Рубановского) и его семейства, в котором он был постоянным гостем в 1808 году. «Место Рубановского, – пишет Аксаков, – было не безвыгодное, потому что хлеб отпускался недостаточным людям по такой цене, которая была вдвое и даже втрое ниже рыночной; и хотя для получения хлеба по дешевой цене надобно было представить свидетельство от полиции в недостаточности состояния, но кому не известно, что при добром расположении главного начальника хлебной конторы легко можно было приобрести и доброе расположение частного пристава. При таком мирном согласии властей добрые люди, получавшие дешевый хлеб, конечно, не остались бы неблагодарными. Но статский Енерал (как его звал народ), или Генерал-Куль (как называло его одно высшее лицо), старик Рубановский, фанатик бескорыстия, сам почти нищий, – был честности неподкупной, убеждений непреодолимых, и у него нельзя было спекулировать во имя недостаточности состояния. Рубановский, человек религиозный до мистицизма, злой мартинист, как его звали в обществе, во всю свою жизнь с суровой строгостью и с тягостною для всех точностью свято исполнял долг суда и правды на поприще своей разнообразной и долговременной служебной деятельности. Добившись до порядочного чина, он служил и у города Архангельска председателем Казенной Палаты, а впоследствии и в

Оренбургском крае, тоже председателем какой-то Палаты. В Уфе, как и везде, был он одним и тем же чиновником непреклонной, неумолимой честности. Именно в Уфе он познакомился с моим отцом и матерью, и это был единственный дом или семейство, с которым Рубановский постоянно находился в дружеских отношениях. Он был нелюбим в обществе, ненавидим своими подчиненными; да, признаться, мудрено было его и любить; но не уважать его было невозможно: будучи всегда чист в своих действиях, независим по своему бескорыстию и умеренности, он не стеснялся в своих речах законами лицемерного приличия, не держал на привязи своего языка и, когда считал это справедливым, не щадил никого. Его боялись, как огня, и никогда не заводили с ним ни ссор, ни споров: от него молча отходили прочь, но за то неумолимо действовали против него тайно, как против беспокойного чиновника и злонравного человека. Вследствие таких происков, Рубановский никогда не засиживался долго на одном месте, через каждые два, три года его переводили и вот, наконец, перевели из Уфы в Петербург, где он оставался довольно долго на службе, до выслуги пенсии, – и то благодаря покровительству мартинистов».

Н. Агафонов. Казань и казанцы, вып. 1, Каз. 1906, стр. 97; Сенатский Архив, т. I; Д. Корсаков. Сборник материалов по истории Казанского края, Каз. 1908, стр. 27 и 228; Месяцесловы с росписью чинов: 1792 г., стр. 294, 1804, ч. I, стр. 250, 1820, ч. I, стр. 946, 1825 г., ч. I, стр. 845 и др.; Список чиnam первых 4-х классов на 1806 г.; Придворный Месяцеслов на 1811 г., стр. 211; «Казанские Известия» 1817 г., № 13, 79, 81, 84, 101 (приб.) ; «Русск. Стар.» 1899 г., кн. 2, стр. 300; Н. П. Загоскин, История Имп. Казанского Университета, т. IV, Каз. 1906, стр. 83; «Минувшие Годы» 1908 г., кн. 3, стр. 130 и 132 (статья В. И. Семевского: Декабристы-масоны); С. Т. Аксаков. Сочинения, изд. тов. «Просвещение», т. I, стр. 107, т. III, стр. 273–332 и 446 и т. IV, стр. 12 и 17; Г. Н. Городчанинов. Сочинения и переводы, стр. 476 (надгробие).

Романовский, Василий Иванович, протоиерей

Романовский, Василий Иванович, протоиерей, писатель; сын дьякона села Романовского, Александровского уезда Владимирской губ., воспитывался во Владимирской духовной семинарии, где окончил курс, со степенью студента, в 1844 г. и 3-го июля 1845 г. назначен был священником к церкви села Борисоглебского (Покровского уезда той же губернии), где и состоял до смерти; умер, с 1882 г. будучи в сане протоиерея, 30-го апреля 1886 года.

Будучи любителем садоводства и пчеловодства, о. Романовский был членом-корреспондентом Юрьевского Общества Сельского Хозяйства, в изданиях которого печатал свои статьи по этим вопросам; из статей этих укажем: «Хозяйственно-статистическое описание Владимирской губернии Покровского уезда прихода погоста Борисоглебского и сопредельных ему местностей» («Записки Юрьевского О. С. Х.» 1860 г., вып. III, стр. 14–24 и 1862 г., т. I, № 2, стр. 17–29, прилож.); во «Владимирских Епарх. Вед.» напечатана его «Речь при поднесении св. иконы прихожанами церковному старосте погоста Борисоглебского купцу С. Д. Пичугину» (1884 г., № 24) и письмо по поводу 50-летнего юбилея 1-го приходского училища в г. Киржаче (1885 г., № 17).

«Владимирские Епарх. Ведомости» 1886 г., № 23 (некролог свящ. П. Евгенова); Н. Малицкий, *История Владимирской Духовной Семинарии*, вып. III, М. 1902, стр. 227; А. В. Смирнов. *Указатель содержания неоф. части «Влад. Губ. Вед.» и «Влад. Епарх. Вед.»*, Влад. 1902; Д. Языков. *Обзор жизни и трудов покойных русск. писателей*, вып. VI, стр. 109.

Романовский, Дмитрий Ильич

Романовский, Дмитрий Ильич, Генерального Штаба генерал-лейтенант, писатель; происходил из дворян Тверской губернии, род. 25-го февраля 1825 г., учился (с 1839 г.) в Николаевском инженерном училище и, по окончании курса, был произведен в прапорщики (8-го августа 1842 г.). Оставленный при училище для слушания курса наук в офицерском классе училища (ныне Николаевская инженерная академия), Р. в 1844 году, по окончании его с производством в поручики, был зачислен на службу в С.-Петербургскую инженерную команду. Здесь он оставался недолго и вскоре был переведен сначала в Киевскую инженерную команду, а затем в Грузинский инженерный округ (31-го августа 1846 г.). Вскоре он решил перейти в Егерский князя Чернышева полк (впосл. Кабардинский фельдмаршала князя Барятинского), командиром которого был полковник Козловский, хорошо знавший Романовского, который и начал хлопотать о переводе в этот полк, тем более что он находился в передовой линии действующей армии. 19-го июня 1847 г., уже в чине штабс-капитана, Романовский был переведен в Кабардинский полк, а прибыв в сентябре к месту служения, уже не застал полковника Козловского, вместо которого командиром полка был князь А. И. Барятинский.

Полковой штаб Кабардинского полка находился в то время в крепости «Внезапной», и общественная жизнь ее обитателей, главным образом, сосредотачивалась в квартире командира полка. Любовь Р. к военной службе и к Кавказу сразу обратила на себя внимание князя Барятинского, и он с первых же дней начал явно выказывать свое расположение Романовскому, все более и более приближая его к себе. Вскоре после прибытия Р. в крепость Внезапную Кабардинский полк выступил в поход в составе отряда генерал-лейтенанта Фрейтага 1-го, назначенного для действий в Малой Чечне.

Выступив из крепости Грозной 17-го ноября 1847 г., отряд этот находился почти в непрерывных действиях против горцев

по 23-е. декабря, причем Романовский, за боевые отличия, был награжден в 1848 г. орденами св. Анны 3-й степ, с бантом и св. Владимира 4-й степ. В 1849 г. Р. оставил на время службу на Кавказе и отправился в Петербург, где, одним из лучших, поступил в Академию Генерального Штаба. Курс ее Романовский окончил блистательно и за отличные успехи был удостоен серебряной медали и произведен в капитаны. За это время он еще ближе сошелся с князем А. И. Барятинским, который в 1850 г. прибыл в Петербург и находился в Свите Его Величества, не занимая никакой должности. Р. часто бывал у князя и всегда был особенно любезно принят в его доме. Благодаря частым и продолжительным беседам с будущим фельдмаршалом, Романовскому удалось узнать взгляды князя Барятинского на Кавказ и кавказскую войну, что впоследствии отозвалось и на его литературных произведениях.

По окончании курса в Академии капитан Романовский был прикомандирован к Образцовой пешей батарее для фронтовых занятий, но, вскоре, приняв участие в дуэли, был разжалован и исключен в отставку (12-го октября 1851 г.) с тем, чтобы впредь не определять в службу иначе, как рядовым. Определившись в Ставропольский пехотный полк рядовым 8-го июля 1852 г., он переведен был сперва в Дагестанский (24-го июля), а потом в Апшеронский (14-го сентября) полки, принял участие в делах против горцев и за отличия получил чины унтер-офицера (1-го марта 1853 г.) и прапорщика (4-го марта), 2-го июля 1854 г. назначен был и. д. старшего адъютанта по части Генерального Штаба в штабе действующего корпуса на Азиатско-Турецкой границе; вскоре, за отличие при Кюрюк-Дара, ему возвращен был прежний чин капитана, причем он был снова переведен в Генеральный Штаб (6-го декабря 1854 г.).

За отличие, оказанное под Карсом 17-го сентября 1855 г., капитан Романовский был награжден золотою шашкою с надписью «за храбрость», а в 1856 г. бывший главнокомандующий на Кавказе генерал-адъютант Н. Н. Муравьев объявил Романовскому, что, на случай возобновления военных действий, он предполагает назначить его начальником Штаба войск, предназначавшихся для действий в долине

Риона. В это же время на Р. было возложено весьма серьезное поручение: он ездил для переговоров о перемирии к Омеру-паше (1-го марта 1856 г.).

Утомленный постоянным участием в военных действиях и имея надобность, по своим домашним делам, быть в России, Р. просился в отпуск, на что со стороны Главнокомандующего препятствия не последовало, но одно обстоятельство затормозило его отъезд. Перед самым отъездом Р. был получен в Тифлисе отзыв бывшего тогда военного министра, что до сведения Государя дошло, что мирные Чеченцы сильно смущены дошедшими до них слухами, будто правительство наше имеет в виду всех их переселить на Маныч. При этом передавалось Высочайшее повеление, в случае существования подобных толков между Чеченцами, принять немедленно меры к их прекращению и в этих видах немедленно объявить всем горцам, что Его Величество отнюдь не желает в чем-либо сокращать льготы, дарованные им покойным Государем. Главнокомандующий выразил свое желание, чтобы ранее отъезда Р. исполнил это поручение. Романовский отправился в эту новую командировку и, при участии начальника левого фланга генерала Евдокимова и начальника Кумыкской плоскости барона Николаи, собрал самые точные сведения. Оказалось, что слухи, дошедшие до Государя, были совершенно справедливы, что объявление мирным горцам Высочайшего повеления было как нельзя более своевременно, и что Главнокомандующий был главной причиной возникновения слухов среди горцев о переселении их на Маныч.

По возвращении из командировки Р. приготовил подробный доклад для Главнокомандующего, и много нужно было такта и умения, чтобы доложить неприятные вести старику, всегда прекрасно относившемуся к Романовскому. Сведения, собранные им, и выводы, им сделанные, шли прямо вразрез с мнением Главнокомандующего. Однако, Романовский лгать не умел и, сознавая пользу для дела государственной важности, доложил все, не упустив ни мельчайшей подробности.

По-видимому, Н. Н. Муравьев оценил прямоту Р. и удержал его на своей даче в Коджорах, а затем, поблагодарив за совместные труды и службу, отпустил его в давно просимый отпуск, выразив желание, чтобы Романовский по поправлении здоровья скорее вернулся на Кавказ. Кроме такого результата, эта командировка дала Р. случай познакомиться и много говорить о Кавказской войне с генералом Евдокимовым, от которого он почерпнул много полезного материала для своего будущего сочинения «Кавказ и Кавказская война».

Подъезжая к Воронежу, Р. узнал важную для себя новость, что на место Муравьева Главнокомандующим на Кавказе назначен князь А. И. Барятинский. Явившись в Петербург к новому Главнокомандующему, он был приглашен состоять при нем для сопровождения его до Тифлиса и с того же дня вступил в заведование его военно-походною канцеляриею (2-го августа 1856 г.). Начальником Штаба Кавказских войск был назначен Свиты Его Величества генерал-майор Д. А. Милютин (впоследствии граф), полюбивший Романовского и вообще покровительствовавший всем офицерам Генерального Штаба. Таким образом положение Р. было прекрасное. Любовь и доверие к нему князя Барятинского усиливались с каждым днем, и он стал одним из самых близких к нему людей. Будучи в августе месяце в Москве, князь Барятинский посылал Р. несколько раз в Петербург, к Д. А. Милютину, причем в первую командировку, от 31-го августа 1856 г., писал ему следующее: «Посылаю к Вам, в виде уполномоченного посла, капитана Романовского, который мне передаст и получит те объяснения, которые могут ускользнуть или трудно передать на бумаге; он доверенное мне лицо, и смею думать, что он вполне сумеет заслужить и Ваше доверие».

Значение Романовского при Главнокомандующем все росло и ему пророчили блестящую будущность. В распоряжении Р. состояло несколько адъютантов, он был уже представлен в подполковники, а когда состоялось это производство, князь Барятинский принес ему подполковничьи погоны и сам одел их на него. Все приближенные князя заискивали у Романовского. Однако высокое положение не кружило Р. голову: он оставался

равным со всеми, однако, строго держался тесного кружка офицеров, приближенных к князю.

В 1856 г. Романовский, сопровождая Главнокомандующего через Нижний Новгород, Астрахань, Петровское, Темир-Хан-Шуру, Дербент, Баку, Нуху и Закатлы, прибыл в Тифлис. Весною 1857 г., князь Барятинский со штабом переехал в Коджоры. В числе его свиты находился и Романовский. В Коджорах для более важных офицеров были наняты отдельные дома; в числе них отведен был такой дом и Романовскому, который в то время ежедневно ожидал назначения командиром Ширванского полка с производством в полковники. Князь чуть не каждый день обещал ему полк, но все почему-то откладывал назначение. Однако, нежданно для Р., на открывшуюся вакансию командира полка было назначено другое лицо. Это обстоятельство сильно озадачило Романовского и задело его самолюбие, однако, он перенес обиду. Между тем, случилось обстоятельство, совершенно перевернувшее всю его карьеру. Однажды Главнокомандующий, проверяя казенные счета, нашел, что много денег расходуется на помещение его свиты. Тогда князю объяснили, что для каждого офицера нанимается отдельный дом, подчеркнув нарочно, что и Романовскому (самому младшему) отведен также таковой. Князь вспылil и тут же приказал Милютину назначать Романовского батальонным командиром Ширванского полка (29-го ноября 1857 г.); никому не была понятна такая резкая перемена Главнокомандующего к своему любимцу; немилость была явная, но причины никто не знал.

Получив предложение принять батальон, Романовский отказался от него наотрез, что еще более рассердило князя, и он приказал Романовскому в 24 часа оставить Кавказ.

В феврале 1858 г. Р. уехал из Тифлиса и по прибытии в Петербург был сначала назначен состоять при Департаменте Главного Штаба, а потом определен управляющим временным Отделением Департамента по войскам, расположенным в Кавказском, Оренбургском и Сибирском краях.

В 1859 г. Романовский был произведен в полковники и осенью того же года, состоя Заведующим Азиатскою частью в

Главном Штабе, имел не раз случай видеться и беседовать с Шамилем. Это особенно было важно для Романовского в то время, так как он готовился к публичным лекциям о Кавказе и Кавказской войне, а также серьезно был занят литературным трудом.

В 1860 г. Р. прочел ряд интересных лекций в зале Пассажа, куда стекалось все избранное общество Петербурга. Печать много говорила об этих сообщениях, которые в том же году были изданы отдельною книгою под заглавием «Кавказ и Кавказская война». В это же время Романовский был избран, 1-го февраля 1861 г., действительным членом Императорского Русского Географического Общества и много работал на пользу его в продолжение всего своего пребывания в Петербурге.

В сентябре 1862 г. Р. был назначен редактором «Русского Инвалида», в каковой должности и оставался до апреля 1865 г. Эта деятельность, сопряженная с кропотливым трудом, с сильно ограниченным полем деятельности, в то время была не по праву Романовскому, большую часть службы своей проведшему на Кавказе, и он искал другой деятельности. Назначенный в то время военным министром Д. А. Милютин сейчас же вспомнил о Романовском и назначил его состоять при себе, а в конце 1864 г. представил его к чину генерал-майора; в апреле месяце (20-го) 1865 г. состоялось производство, а в феврале (8-го) 1866 г. Романовский был командирован в распоряжение командующего войсками Оренбургского военного округа и 4-го июня назначен временным Губернатором Туркестанской области и командующим войсками, вместо генерала М. Г. Черняева. С этим назначением для Романовского открылась широкая деятельность.

Выехав 10-го февраля из Петербурга и задержанный служебными делами в Оренбурге около недели, Р. только и первых числах марта 1866 г. прибыл на Сыр-Дарью. Первое известие, полученное им при въезде в Область, было донесение генерала Черняева Генерал-губернатору об удалении наших войск после неудавшейся стычки и вследствие отсутствия провианта из-под Джюзака к Чиназу.

Прибыв в новый, только что занятый, но не покоренный еще край, Романовский сразу понял необходимость ослабить значение Бухары и, заняв пункты, которые бы могли лишь усилить наше значение в Средней Азии, приступил к убеждению соседних нам ханств о миролюбивых видах нашего правительства. Осуществляя эту идею, Романовский занялся внутренним административным устройством Области. При тяжелых условиях началась его административная деятельность; помощников у него не было совершенно, а штат местной администрации состоял из 8-ми человек. Пришлось много хлопотать и работать над созданием новых штатов для правильного административного управления. В военном отношении, как и в административном, на первых же порах встретились препятствия: недостаток войск и денег обнаружились сразу, а при таких условиях невозможно было осуществить намеченного плана и вообще действовать в каком бы то ни было направлении. Романовский не сомневался, что военные действия должны усилиться, а потому, рассчитывая на возможность усилить гарнизон Ташкента на средства Сыр-Дарьинской линии, без ущерба для нее, он вытребовал оттуда 2 роты пехоты и команду стрелков и казаков. Между тем, было уже известно, что Бухарский Эмир объявляет России священную войну (газават), и что к участию в ней приглашаются Хива и Коканд. Донесение Начальника Штаба Туркестанской Области от 7-го и 14-го марта 1866 г. о том, что Эмир собрал в Джюзаке 40000 войска при 40 орудиях и переходит в наступление, заставили Романовского обратиться к начальству Западной Сибири с просьбою о высылке подкреплений, а в форт Перовский им было сделано распоряжение о скорейшем отправлении в Чиназ двух пароходов, назначенных туда для военных действий.

Прибыв в Ташкент 25-го марта и остановившись там только на день, Р. отбыл в отряд 26-го и вступил в командование войсками 27-го марта.

Между тем, отряды Бухарской конницы начали беспокоить наши отряды, перехватывая почту, грабя население и нападая на одиночных, отходивших от биваков солдат. Это

обстоятельство заставило Романовского произвести 5-го апреля усиленную рекогносцировку с целью убедиться, находится ли партия бухарцев в несколько тысяч человек между Ирджаром и Мурзарабатом. В состав рекогносцировочной колонны входили 2 роты Оренбургского стрелкового батальона, 1 стрелковая рота 4-го Оренбургского стрелкового батальона, одна 3-го и одна 7-го, дивизион нарезной батареи и одна сотня Уральских и Оренбургских казаков со взводом конно-казацкой батареи и ракетная команда.

Едва высланная вперед рота удалилась от лагеря, как увидела Бухарцев, пробиравшихся к казачьим пикетам. Казаки спешили и выдержали атаку, убив одного бухарца. Тогда Романовский приказал двинуться вперед всему отряду и, нагнав стрелковую роту, обнаружил неприятеля у Уч-Тюбе. Три бека: Самаркандский, Ура-Тюбинский и Джузакский сосредоточили здесь свою конницу (3000 всадников) с целью нападения на лагерь Романовского, и только военный такт его, перешедшего в наступление, разрушил планы противника, собственно составлявшего небольшую часть военных сил, сосредоточившихся в Ирджаре. Около Ак-Тюбе бухарцы попытались атаковать Романовского, но выдвинутый им ракетный взвод заставил их изменить намерение и продолжать отступление.

Между тем, с рассветом бухарцы все же еще раз пытались атаковать рекогносцировочный отряд, желая отбить захваченных Романовским 14000 баранов, но каждый раз казаки отбивали их атаки и, наконец, сами атаковали неприятеля, порубив много народу в рядах его конницы. 6-го числа Романовский с отрядом вернулся в лагерь.

Эта встреча русских войск с бухарцами у Мурзарабада была началом ряда неприязненных действий: так, неприятель встретил и провожал выстрелами наш пароход «Перовский», и шайки бухарцев появились на левом берегу Сыр-Дарьи, против ущелья Крыса и в Зачирчикском крае. 18-го апреля небольшая партия подошла к Ташкенту и успела захватить в плен трех русских солдат, а 20-го пароход «Сыр-Дарья» имел перестрелку с неприятелем. Бесперывные появления значительных партий

в тылу наших сообщений и расположения главной армии заставили Романовского предпринять наступательные действия, тем более необходимые, по его убеждению, что Эмир готовился к наступлению и для этого переправил часть своих войск на правый берег Сыр-Дарьи в Зачирчикский край. Армия Эмира, по сведениям, доставленным Романовскому, состояла из 5000 хорошо вооруженных сарбазов и до 35000 киргизов при 20 орудиях. 7-го мая Романовский с отрядом в 14 рот пехоты и 5 сотен казаков при 20 орудиях и 8-ми ракетных станках выступил из Чиназа к Ирджару. Одновременно с этим отрядом приказано было и Кириучинскому отряду под начальством полковника Краевского двинуться правым берегом Сыр-Дарьи к тому же пункту. С рассветом 8-го числа стали показываться большие шайки неприятеля.

В продолжение целого дня повторялись натиски неприятельской кавалерии, отражаемой артиллерийским и ружейным огнем и, наконец, к 6-ти часам вечера Романовский устремил пехоту под начальством капитана Абрамова и кавалерию полковника Пистолькорса на позицию неприятеля, который, не выдержав дружного натиска, обратился в бегство, оставив лагерь со всем имуществом в руках победителей. Несмотря на огромную потерю неприятеля отряд генерала Романовского потерпел очень незначительно: всего насчитывалось раненых до 12 человек.

Трофеями победы Романовского при Ирджаре были: 6 орудий, взятых с боя на позиции, и 4 орудия, брошенных неприятелем во время его бегства; большие запасы пороху и свинцу, найденные на позиции, множество ядер, гранат и т. п. Ирджарская победа имела громадное значение на дальнейшие военные действия Романовского, так как она явилась первою победою после неудачного дела под Джизаком, престиж был восстановлен и русская сила предстала перед бухарцами во всем ее величии.

Дав отдохнуть отряду в Ирджаре, генерал Романовский 14-го мая двинулся к Нау и без боя занял эту крепость. 15-го и 16-го приводились в порядок верки занятой крепости, в которой и было оставлено Романовским 2 роты, 2 орудия и команда

казаков. 17-го мая Романовский со всем отрядом подошел к городу Ходженту, решив овладеть им, как оплотом в то время Бухарского Эмира.

18-го и 19-го мая были произведены Р. рекогносцировки по правому и левому берегам Сыр-Дарьи и выяснены слабые стороны крепости. 20-го мая Романовский начал бомбардировку города, а на рассвете 21-го назначил штурм крепости. Однако, в то время, когда войска уже двинулись на штурм, из города выехала депутация для переговоров, которые и затянулись на 2 дня, но не привели ни к каким результатам. Тогда, в 6 часов вечера 22-го мая, Романовский открыл бомбардировку города, продолжавшуюся до 2-х часов дня 24-го числа, а вслед за тем начал штурм. По его приказанию войска были поведены двумя колоннами: одна, под начальством артиллерии капитана Михайловского, атаковала восточную часть города, прилегающую к реке, а другая, под начальством ротмистра Баранова – ближайшие к реке Келенаусские ворота. За ними в резерве был отправлен майор Назаров с особою колонною, имевшею назначение, по занятии ворот штурмовавшими, идти и занять цитадель. Остальные войска Романовский оставил при себе в виде резерва для поддержания штурмовавших колонн.

Благодаря истинно героическому духу войск и начальников и правильному плану атаки, составленному Романовским, к вечеру не только весь город, но и цитадель были в руках Русских, несмотря на упорное сопротивление противника, потерявшего убитыми до 2500 человек. Отряд генерала Романовского потерял 71 человека убитыми и ранеными, контуженными 63 и без вести пропавшими 6. Из этого числа офицеров было ранено 1 и контужено 6. Трофеями Романовского, кроме множества разного оружия и значков, были 13 орудий и большое Кокандское знамя, принадлежавшее защитникам Ходжента. Трехнедельный поход Романовского, так блистательно завершившийся занятием Нау и Ходжента, подавал теперь надежду, что Бухарский Эмир, наконец, прекратит свои враждебные действия и возвратит задержанное Русское посольство. Между тем, за время пребывания Романовского в Ходженте он вел переписку с Кокандским Ханом

Худояром, который всячески старался войти в дружеские отношения с Россией, а также согласно представлению Романовского, Оренбургский Генерал-губернатор Крыжановский вступил в дипломатические переговоры с Бухарским Эмиром. Оставив надежный гарнизон в занятой крепости, Романовский 31-го мая выехал из Ходжента и 2-го июня прибыл в Ташкент, где был встречен Русским посольством, освобожденным из Бухарского плена, и, кроме того, там его ожидали подарки Эмира, который, после поражения под Ходжентом, сделался очень податливым и был готов на все уступки. Этим удобным временем умело воспользовался Романовский и поспешил выговорить для интересов России весьма выгодные условия и большую контрибуцию с Бухары. Между тем, отряды на передовой линии, не были достаточно обеспечены материально вследствие недостатка средств, и Романовскому пришлось вынести немало хлопот и работы для достижения благоприятных результатов, взяв на себя ответственность за пользование средствами для содержания отрядов из источников, предназначенных для другой цели. Весь июнь месяц прошел совершенно спокойно. Самые стычки на передовых линиях не имели важного значения. Бухарский Эмир, по требованию Романовского, отпустил всех задержанных купцов и возвратил им товары. Из Петербург было получено одобрение действиям Романовского и запоздалое предписание занять Ходжент. Эти благоприятные обстоятельства не могли не отозваться благотворно на деятельности Романовского, и он всецело занялся введением основных начал управления краем и сбора доходов, без которых правильное управление было немыслимо. Особенное затруднение встретил он в борьбе с туземным духовенством, всячески старавшимся сохранить за собою все права, которыми оно пользовалось до покорения края Русскими. Обстоятельство это осложнялось еще тем, что приходилось действовать так, чтобы не раздражить, а, наоборот, расположить к завоевателям этот важный элемент, не предоставляя ему в то же время особого значения и власти среди туземцев; особенное затруднение Романовский встретил в лице Казы-Киляна, главы духовенства в Ташкенте. Также

трудами Романовского в Ташкенте, Чиназе и Ходженте были отведены места для устройства Русских кварталов и учреждены городские комитеты, начаты шоссейные дороги и т. д. Одновременно с этими мерами по устройству края, Р. послал небольшую колонну войск для подробного осмотра верховий Чирчика, где находились богатые леса, в которых и укрывались разбойничьи шайки.

Таким образом, главные и наиболее насущные потребности были удовлетворены и принятые меры в первый же год дали блестящие результаты.

В июле месяце враждебное отношение Бухары снова возобновилось, а у крепости Нау произошли стычки с аванпостами бухарцев. Однако, эти осложнения не могли вызвать серьезных последствий, и Романовский не предпринимал наступательных действий; между тем из Оренбурга генерал-адъютант Крыжановский предписывал ему «принять высокий тон» с Кокандским Ханом и ни в чем не уступать Эмиру Бухарскому, а также высказывал необходимость немедленно начать военные действия против Бухары и Коканда. Такое распоряжение Генерал-губернатора шло вразрез с намеченным Романовским образом действий, мешая ему в упрочении установленного порядка в крае, а потому он, не желая идти вразрез своим убеждениям о несвоевременности начала войны с Кокандом и видя в этом только вред для интересов России, просил Крыжановского об увольнении от должности.

Двукратная поездка в Петербург и обратно, совершенная Р. за это время, а также сложные труды, выпавшие на его долю, сильно утомили его и он требовал отдыха. Однако просьба Романовского была отклонена, а отпуск был обещан ему, но не ранее, как с наступлением зимы.

В первых числах сентября, во время пребывания в Туркестанской области Оренбургского Генерал-губернатора, прибыл из Бухары посол для заключения мирного договора с Россией, но из этого ничего не вышло, так как на пункте о контрибуции Бухарский посланник разошелся с Крыжановским и последним был дан ему десятидневный срок на размышления

по докладе Эмиру требований России, после чего было предположено, в случае отрицательного ответа Эмира, начать военные действия. 23-го сентября оканчивался льготный срок. Ответа от Эмира не было получено, и Романовскому было приказано начать военные действия против Бухары. Между тем, со стороны Коканда оставалось миролюбивое отношение, и Романовский был вполне удовлетворен тем, что обстоятельства, осложнившие отношение к Бухаре, не дали Крыжановскому возможности затеять войну с Кокандом и стать, таким образом, между двух огней. Первою крепостью, которою предстояло завладеть Романовскому, была Ура-Тюбе, гнездившаяся на высоком кургане и представлявшая собою очень сильно укрепленную цитадель, значительно командовавшую над окружающими селениями и холмами. Подступ к Ура-Тюбе также был очень затруднителен вследствие прекрасного обстрела, открывавшегося с крепости, а потому Романовскому пришлось предусмотреть все случайности и действовать решительно, но соблюдая большую осторожность.

Осветив местность рекогносцировками 23-го, 27-го и 28-го сентября, определив слабейшие фасы крепости и произведя несколько демонстративных движений, Романовский в ночь с 29-го на 30-е сентября открыл артиллерийский огонь по Ура-Тюбе, который произвел большие опустошения в крепости. Против Северо-восточного фаса, под огнем, была заложена брешь-батарея, соединенная траншеями с резервом. Для поддержания же бреш-батареи Романовский нашел необходимым воздвигнуть два ложементы для четырех нарезных орудий, открывших с рассветом свое разрушительное действие. Такие же ложементы были построены и против южного фаса крепости для двух нарезных орудий, шести облегченных орудий и 4-х мортир, также с рассветом открывших огонь. Все эти работы производились под общим наблюдением генерала Романовского, постоянно показывавшегося то в одном, то в другом пункте действующего отряда, под градом пуль и бомб, сыпавшихся с укрепления.

В ночь с 1-го на 2-е октября 1866 г. огонь был усилен для того, чтобы противник не мог поправить произведенные

разрушения, а с рассветом был назначен штурм одновременно с северного и южного фасов несколькими колоннами. Перед началом штурма Р. объезжал войска, благодарил их за мужество и стойкость, проявленные за минувшие дни, и, ободряя солдат к предстоящему делу, выражал полную уверенность в победе. Около полуночи на 2-е число войска, назначенные для штурма, забрав с собою штурмовые лестницы, расположились вблизи крепости, а в 5½ часов, по условному знаку, артиллерия смолкла и штурмовые колонны двинулись вперед.

Под градом пуль и камней штурмующие взбежали на стены укрепления и вскоре овладели крепостью, где завязалась рукопашная схватка. Таким образом, после 1½-часового упорного боя крепость Ура-Тюбе, составлявшая главный оплот Эмира в Средней Азии, пала, и падение этого столь важного для Бухары пункта сказало огромное значение не только на упрочение нашей власти в Средней Азии, но подействовало весьма благотворно и в видах общего умиротворения в крае. Потери противника простирались до 2000 человек, а отряд Романовского потерял убитыми 3-х офицеров и 14 нижних чинов, ранеными 1 офицера и 102 нижних чина и контуженными 6 офицеров и 100 нижних чинов.

С падением Ура-Тюбе единственным и последним местом, владея которым Эмир мог еще надеяться удержать за собою долину Сыр-Дарьи, являлась крепость Джюзак, которая за последнее время была очень усилена тройным рядом стен, возвышавшихся друг над другом, из которых наружная имела 3½ сажени высоты при 4-х сажнях толщины. Тройной ряд рвов, из которых один доходил глубиною до 11-ти аршин, окружал крепость. Численность гарнизона этой крепости достигала до 10000 человек при 53-х орудиях и состояла из лучших войск Эмира, усиленных персиянами, афганцами. и туркменами, вооруженными по европейскому образцу. Зная важность занятия подобного пункта, Романовский двинулся к Джюзаку и по пути без боя занял небольшую крепость Заамин (6-го октября), оставленную бухарцами. 13-го, 14-го и 15-го октября производились рекогносцировки крепости Джюзака, а также

были заложены батареи против фортов, на которые было предположено направить атаку.

Вылазки противника, отбитые войсками, не повторялись, а воздвигаемые им препятствия разрушались метким артиллерийским огнем. Предвидя, что противник за ночь может свободно исправить повреждения, произведенные в стенах и тем осложнить дело, Романовский отступил от общего правила, принятого в Азии, атаковать крепость на рассвете и назначил штурм 18-го октября в 12 часов, двумя штурмующими колоннами, а для отвлечения внимания от главного пункта атаки, им была предпринята демонстрация на северо-западный угол крепости. Неприятель, не приготовившийся к нападению, не успел во время встретить штурмующих огнем и хотя бросился на защиту обвалов, однако был сбит и обращен в самое беспорядочное бегство. Следя за каждым движением действующих частей, Романовский приказал штурмовым колоннам разделиться и атаковать бреши в следующих стенах.

Джюзакцы геройски защищали свою крепость: из 18-ти беков 16-ть, в том числе и главный начальник гарнизона Таксабай-Перванчи-Аллаяр, погибли в рукопашной схватке, а часть защитников, видя неминуемую гибель, бросилась к пороховому погребу и взорвала его, причем отряд Романовского потерял 16 человек тяжело ранеными и обожженными.

Около часу сам Романовский был уже в крепости и занялся о восстановлении порядка и о тушении пожаров.

Между тем, к бухарцам приближалось подкрепление, и массы бухарской кавалерии показались вокруг крепости, а вслед за нею двигался отряд в 2000 человек сарбазов при 18 орудиях. Встреченные орудийным огнем, бухарцы отступили и неприятель более нигде уже не показывался. Трофеями Романовского были 23 больших и 30 малых орудий, 16 знамен, множество различного оружия и богатой добычи. Потери неприятеля распространялись до 6000 человек, отряд же Романовского потерял: убитыми 6, ранеными 76 человек (в том числе 5 офицеров), контуженными 16 человек, в том числе 1 штаб-офицер.

После этого Эмир Бухарский уже не решался возобновлять военных действий против России, и был принужден уступить предъявленным требованиям. Между тем, взгляд Романовского на преждевременность завоевания Коканда встретил как бы подтверждение и в высших сферах, и Генерал-губернатор получил телеграмму, воспрещавшую ему движение к Коканду.

В конце октября генерал Романовский был уже в Ташкенте и после отъезда Оренбургского Генерал-губернатора занялся составлением Положения для управления краем, работы по которому были закончены им в декабре и проекты отправлены в Оренбург.

Окончание военных действий дало возможность Романовскому заняться устройством помещений для войск во всех новых пунктах, присоединенных им к России, постройкою лазаретов и других зданий, необходимых под административные и общественные учреждения. В конце ноября 1866 года, объезжая передовую линию, Романовский убедился в прекрасном состоянии гарнизонов, а также в том, что со стороны Бухары нечего было опасаться враждебных действий. С Кокандским Ханом Р. вошел в хорошие отношения, в первых числах декабря обменялся с ним несколькими письмами и завязал торговые сношения с Кокандом. Первый торговый караван был отправлен им в Кокандское Ханство и с тех пор торговые сношения с соседним Ханством не прекращались до самого дня падения Худояр-Хана и движения русских войск в Коканд в 1875 году. Награжденный за военные подвиги монаршим благоволением за дело под Ирджаром (8-го мая), орденом св. Георгия 3-й степени за разбитие там же армии Эмира (21-го июня) и Анны 1-й степени с мечами и монаршим благоволением за взятие Джизака (18-го октября), Р. 12-го ноября 1866 г. был назначен в Свиту Его Императорского Величества, а вслед за тем выехал (11-го декабря 1866 г.) из Ташкента, отозванный в Петербург.

Блестящая карьера, начатая им в Туркестане, была прервана из-за интриг одного из участников военных экспедиций Романовского графа Воронцова-Дашкова, передавшего в высшие сферы о каких-то упущениях и будто бы о

злоупотреблениях Романовского по интендантским поставкам. Это обстоятельство очень огорчило Р. Самолюбивый, решительный и честный, он не пользовался казенными средствами даже для устройства себе комфортабельной жизни в Ташкенте, на что, как Губернатор, имел несомненное право. Жил он, как простой офицер, и лишь для престижа, столь необходимого в Азии, по отношению к туземцам держал себя гордо и неприступно, но милостиво. Поэтому отстранение его от должности в разгар деятельности из-за простого наговора офицера, всегда им прекрасно аттестованного и получившего благодаря ему много наград, жестокою болью отозвалось на Романовском и губительно отразилось на его здоровье. Нравственно и физически больной, он в 1867 г. взял отпуск и уехал за границу.

Возвратившись из отпуска ранее срока, Р. был назначен (26-го ноября 1867 г.) Начальником Штаба Казанского военного округа, а в 1871 г. (2-го октября) назначен командующим 11-ю пехотною дивизиею и 30-го августа 1873 г. награжден был орденом св. Владимира 2-й степени. Расстроенное здоровье не давало ему, однако, возможности оставаться в строю: он опять по болезни получил продолжительный отпуск, а затем был назначен (13-го марта 1877 г.) членом Военно-ученого комитета Главного Штаба; 1-го января 1878 г. он был произведен в генерал-лейтенанты.

Оставив строевую и административную деятельность, Р. не покинул литературных трудов и сотрудничества в Имп. Русском Географическом Обществе. Еще в 1866 г. в «Известиях» Общества (т. II, № 1, стр. 9–23) им была напечатана статья: «О географических исследованиях степи и Туркестанской области в 1865 г.» и «Несколько слов о торговом значении Ташкента». В 1868 г. он выпустил в свет свою книгу «Заметки по среднеазиатскому вопросу», с приложением своих подлинных донесений и донесений его подчиненных, а также с картою Туркестанского генерал-губернаторства.

После скоропостижной смерти в Женеве генерал-фельдмаршала князя А. И. Барятинского появилось несколько крайне бессодержательных некрологов и даже в «Русском

Инвалиде» некролог о покойном князе был написан не как о фельдмаршале, а как о заурядном генерале. Только Романовский в «Голосе» 4-го марта 1879 г. и Зиссерман в «Московских Ведомостях» напечатали теплые и сочувственные статьи о покойном завоевателе Кавказа. Забыв личные отношения к покойному фельдмаршалу, Р. в «Русской Старине» за 1881 г. напечатал свою статью: «Князь А. И. Барятинский и Кавказская война». В 1878 г. Р. принужден был лечиться за границей и в Женеве встретился с князем А. И. Барятинским, а в 1880 г., вернувшись из-за границы, поселился в Казани, где заболел и скончался в госпитале 16-го мая 1881 г.

Как член Географического Общества, Р. оказывал ему содействие своими сообщениями и в отчете своем за 1881 г. Общество почтило память Р., вспоминая о нем, как о полезнейшем и деятельном сотруднике, неустанно работавшем для Общества с 1861 г. Кроме перечисленных выше трудов, Р. принимал деятельное участие в описании «Обороны Севастополя» (СПб. 1863), во время редакторства «Русского Инвалида» поместил в нем много статей и заметок, в «Русской Старине» напечатал еще статью «Князь М. С. Воронцов и князь А. И. Барятинский» (1881 г., кн. 4), а в «Военном Сборнике» 1862 г., № 5–6, статью: «Обзор главных оснований французской военной администрации и предположения о применении их к нашей армии».

Д. Языков, Обзор, вып. 1; «Русский Архив» 1885 г., кн. 2, стр. 285–287 и кн. 8, стр. 558–569, 1889 г., I, стр. 128; «Русская Старина» 1800 г., т. 28, стр. 156, 157, 605; 1881 т., т. XXX, 247–318, 680, 908–911; т. XXXII, 218; 1888 г., т. LVII, 165; 1895 г., LXXXIV, авг., 16–22; 1897 г., т. XCII, окт. 169–171; «Исторический Вестник» 1892 г., т. XLIX, стр. 378; 1899 г., т. LXXVI, стр. 122, 895, 901, 909, 910, 913; «Русский Инвалид» 1881 г., 28 мая № 114; «Московские Ведомости» 1881 г., № 148; «Русский Вестник» 1868 г.; «Спб. Ведомости» 1886 г., № 102, № 204; «Сын Отечества» 1868 г., .V. 125; «Русский Туркестан», выпуск 3; «Извлечение из донесения генерала Романовского» в 1865 и 1866 гг. – приложение к 3-му выпуску «Русского Туркестана»; Отчет Имп. Русск. Геогр. Общ. 1881

г., стр. 10; «Голос» 1881 г., № 136; «Новое Время» 1881 г., № 1876; «Росс. Библиография 1831 г., стр. 286; «Знакомые. Альбом М. И. Семевского», СПб. 1888 г., стр. 80; «Военный Календарь» 1883 г., стр. 155; «Русск. Инв.» 1881 г. № 114 (некр.); «Моск. Ведом.» 1881 г., № 148; Н. Затворницкий, Указатель биогр. свед. чинов Канц. Военного Министерства, СПб. 1909 г., стр. 598 и 832–834.

Романовский, Иван Васильевич

Романовский, Иван Васильевич, доктор медицины, Владимирский врачебный инспектор, уроженец гор. Владимира, сын наставника Владимирской духовной семинарии; род. 2-го августа 1834 года. Основательно подготовленный дома, Р. окончил курс среднего учебного заведения в числе лучших учеников и в 1850 г. поступил казенным студентом в Имп. Московский университет по медицинскому факультету и в 1855 г. окончил курс со степенью лекаря; обязанный отслужить известное число лет по назначению, Р. определен был 8-го мая 1855 г. лекарем в Белозерский пехотный полк, находившийся тогда на театре военных действий и Крыму. Попад под начальство Н. И. Пирогова, Р. не мог не подпасть под влияние этого великого человека, который и для него, как для многих других, стал на всю жизнь путеводной звездой. Благодаря этому, в Р. окрепла склонность к специальности по хирургии,

Получив за защиту Севастополя серебряную медаль, а за Крымскую кампанию бронзовую медаль на Андреевской ленте, Р. 24-го августа 1861 г. был перемещен на должность младшего ординатора в Замосцкий военный госпиталь и в составе местного гарнизона находился в походе во время Польского восстания. 17-го мая 1863 г. Р. был переведен в Ивангородский крепостной полк.

Недюжинные способности Р. и ревностное прохождение им службы обратили на себя внимание, и 22-го сентября 1867 г. он был прикомандирован к Московскому университету с научной целью (3-го июня 1868 г.), а менее, чем через год, был, по прошению, уволен из военной службы и в 1870 г. (13 января) определен на должность старшего врача Владимирской Губернской Земской больницы. Это было, по словам его биографа, переходное время от Приказа Общественного Призрения к насаждению земской медицины. Тогда земство еще придерживалось порядков Приказа, и потому медицинская часть была в жалком виде во всех отношениях. В такое-то время Р. принял в свое заведование Губернскую больницу.

Чуждый всякого тщеславия, искренно преданный делу, он весь ушел в свои занятия по больнице и по практике в городе. С 10-го апреля 1872 г. в его заведование поступила медицинская часть и в Земской женской гимназии. Прослужив во Владимире с небольшим четыре года, он 1-го марта 1874 г. перемещен был сверхштатным врачом при грудных отделениях Московского Воспитательного Дома, а 1-го мая того же года был назначен исправляющим должность старшего врача в тех же отделениях. Переход в Москву для Романовского обусловливался главным образом тем, что он готовился к экзамену на степень доктора медицины, который к началу 1875 г. он и сдал, а 24-го мая того же года защитил диссертацию «О подтаранном вылущении и его значении сравнительно с другими способами отнятия стопы» (М. 1875 г., 95 стр.). Эта работа обратила на себя внимание и печати (см. «Медицин. Обзорение» 1875, IV, стр. 339; «Московск. Медицинск. Газета» 1875 г., №№ 17–20), и ученых. 26-го июня 1875 г. Р. утвержден был старшим врачом при Воспитательном доме, по собственному желанию. В сентябре 1876 года, увлеченный общим тогда потоком, он на три месяца ездил на войну в Сербию, а 11-го мая 1877 г. перешел на должность старшего ординатора (по хирургическому отделению) Имп. Екатерининской больницы в Москве, а затем назначен и в госпитальную клинику Московского университета.

В мае 1879 г. Романовский воспользовался отпуском для посещения родины, где случайно узнал об освободившемся во Владимире месте врачебного инспектора. На эту должность он и был назначен 11-го июля 1879 г., уже будучи в чине статского советника (с 13-го марта 1879 г.); это место Романовский с честью занимал 14 лет, – до выхода своего в отставку 7-го июня 1893 г., за месяц до смерти, последовавшей 17-го июля 1893 г. в г. Владимире.

Кроме указанной диссертации, Р. в медицинских журналах поместил несколько наблюдений из своей многолетней практики, напр., в «Протоколах Русских врачей в Москве» за 1875 год он напечатал статью: «О кровотечении и после ампутации» (тоже – в «Московск. Медицинск. Газете» 1876 года,

№ 2); в газете «Врач» (1885 г., № № 23 и 24) – «Противохолерные народно-лекарственные средства» и др.

Среди владимирцев Р. пользовался вполне заслуженною известностью, как врач и в особенности – как человек. Популярность свою, говорит биограф, он приобрел бескорыстным служением человечеству, примерным отношением к товарищам-врачам, как у постели больного, так равно и при столкновении на служебном поприще; прекрасный товарищ, отзывчивый на все доброе, одинаково ласковый и радушный со всеми, без различия положений, он горячо принимал к сердцу интересы людей, с которыми сталкивала его судьба, своим искренним участием ободрял сомневающихся, так что едва ли кто уходил от него не успокоенным надеждою на лучшее, на справедливое. Он за свою доброту, приветливость и отзывчивость оставил по себе прекрасную память в своих сослуживцах, подчиненных и товарищах.

В последние годы своей жизни Р. был Председателем Комитета Вспомогательной медицинской кассы во Владимире, и по его же инициативе в 1891 году было открыто местное Медицинское Общество, которого Председателем Р. был до самой смерти.

А. В. Смирнов, «Уроженцы и деятели Владимирской губернии», вып. II, Владимир, 1897, стр. 137–143; «Словарь врачей, получивших степень доктора медицины (и хир.) в Имп. Моск. Университете» Л. Ф. Змеева, СПб., 1885, стр. 50; «Русские врачи-писатели» Л. Ф. Змеева, тетрадь 5-я, СПб., 1889 г., стр. 99; «Владимирск. Губернск. Ведом.», 1893 г., № 30 (статья А. В. Смирнова); «Врач» за 1893 и 1894 годы.

Романовский, Константин Данилович

Романовский, Константин Данилович, подполковник корпуса горных инженеров, писатель и археолог. Окончив курс Горного корпуса, Р. начал служебную деятельность на Уральских казенных заводах и здесь продолжал заниматься минералогией. Главное внимание свое он обратил на определение минералов и руд разными способами, причем им был разработан способ определения минералов и руд помощью паяльной трубки.

Плодом многолетней работы в этом направлении явилась его книга: «Таблица для определения минералов и руд помощью паяльной трубки», изданная в 1863 год. Состоя членом Уфимского Губернского Статистического комитета почти с самого назначения своего на Урал, Романовский принимал деятельное участие в трудах Комитета, в котором был одним из видных членов. Когда Имп. Археологическая Комиссия обратилась к Губернским Статистическим Комитетам с просьбою об оказании в ее работах содействия, то Р. один из первых отозвался на это приглашение и деятельно принялся за работу; состоя в это время управителем Миасского завода (Оренбургской губернии), он принялся здесь за исследование многочисленных курганов, и результаты его работ были блестящие: в курганах было найдено много вещей, замечательных в археологическом отношении. Все найденное во время раскопок поступило в Музей Уфимского Статистического Комитета. Однако дальнейшему исследованию курганов в землях Миасского завода должно было прекратиться ввиду назначения Р. Горным Начальником Богословских заводов в Пермской губернии. Здесь Р. продолжал заниматься археологическими изысканиями и, страстно любя древности, собрал прекрасную коллекцию монет, между которыми попадалось много экземпляров очень редких. Горным начальником Богословских заводов Р. пробыл немного более года: в феврале 1867 г. он скончался на Богословском заводе.

«Уфимские Губернские Ведомости» 1867 г. № 8, отд. II, часть неофициальная, стр. 69 (ст. Р. Игнатова).

Романовский, Севастьян Павлович

Романовский, Севастьян Павлович, и. д. адъюнкта по кафедре Государственных учреждений Российской Империи в университете св. Владимира; сын киевского гражданина, Р. родился в 1816 г. в Киеве, где и воспитывался сперва в гимназии, а затем в университете (1834–1838 г.), по окончании курса в коем, со степенью кандидата прав, определился в марте 1839 г. в Дубенскую Комиссариатскую Комиссию.

Уже в следующем году Р. был приглашен проф. К. А. Невוליным, у которого он еще студентом с большим успехом проходил курс юридических наук, занять вакансию адъюнкта по кафедре энциклопедии законоведения и учреждений Российской Империи; место это Р. занял 11-го января 1840 г., сначала в виде опыта, а в феврале уже открыл свой курс. В 1841–1842 г. Р. читал «Обзор истории российского законодательства», а затем, в период времени с 1842 по 1844 г., вел курс истории русского законодательства и читал лекции о русских государственных законах. Дальнейшая преподавательская деятельность Р., не оставившая, впрочем, по себе каких-нибудь осязательных следов, прекратилась, так как, уехав в Петербург на вакационное время, он 28-го августа 1844 г. определился секретарем в 1-й Департамент Сената. Последовательно он занимал должности обер-секретаря в 5-м Департаменте Сената, начальника Отделения и Вице-директора Департамента Министерства Юстиции, состоял за обер-прокурорским столом во 2-м Департаменте и, наконец, был назначен обер-прокурором Межевого Департамента Сената. Независимо от прямых своих обязанностей, Романовский в 1860 г. был членом Комиссии для пересмотра правил об оценке строений, представляемых в залог по обязательствам с казною, а в 1861 г. он принял участие в редактировании «Журнала Министерства Юстиции», который во многом обязан его трудам. В 1862 г. Р. был назначен членом Комитета для составления новых правил о пересылке арестантов в Сибирь. В деятельности своей Р., по словам некролога, отличался неумоимостью, трудолюбием,

прямодушием, честностью и глубоким знанием дела. Впоследствии он служил в 5-м Департаменте Сената (1853 г.), а затем перешел в Департамент Министерства Юстиции, где в 1859–1860 г. занимал должность начальника IV Отделения.

Умер Р. в чине действительного статского советника 24-го ноября 1865 г. в Петербурге и погребен на Митрофаниевском кладбище.

В. С. Иконников. Биографический словарь профессоров и преподавателей Университета св. Владимира, Киев. 1884, стр. 580–583; Адрес-календари; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 264; «Журн. Мин. Юстиции» 1865, № 11; «Петербургский Некрополь», т. III.

Романовский, Яков Иванович

Романовский, Яков Иванович, писатель и переводчик; происходил из духовного звания, родился в 1770 г.; в 1779 г. вступив в Московскую духовную академию казенным учеником, он в 1784 г. произведен был в студенты, затем, «усовершенствовав себя в течение четырехлетнего курса в правилах логики, во всех частях метафизики, физики, нравственной философии, также догматической и нравоучительной богословии, выдержал на публичных состязаниях при открытом собрании четыре диспута с похвалою, по которым и удостоен был в звание магистра поэзии, истории и географии, с действительным вступлением в отправление должности»; в 1798 г. Р. перешел на службу в Государственную Адмиралтейств-коллегию и 15-го апреля 1799 г. пожалован был в коллежские секретари и затем был командирован в Высочайше учрежденный 25-го ноября 1799 г. при Коллегии, под председательством вице-адмирала А. С. Шишкова, Ученый Комитет – «для рассмотрения и издания морских журналов и всякого рода касающихся вообще до мореплавания проектов, сочинений и переводов». Проведя в этих ученых занятиях три года, Р. был перемещен в Канцелярию Коллегии на вакансию штатного секретаря и здесь «исправлял дела, заключающие в себе движения сумм и в них отчеты по казначейской и счетной экспедициям, также по Приказному столу, а потом, сверх сего, возложено было на него производство дел о комплектовании адмиралтейств и флота высшими и нижними чинами и служителями, о продовольствии людей пищею, одеждою и проч.».

За отличные труды и деятельность пожалованный 31-го декабря 1804 г. в коллежские асессоры, он 18-го февраля 1807 г., по болезни, был уволен от службы; 28-го апреля 1811 г. он поступил на службу в 1-е Отделение 5-го Департамента Сената, где исправлял должность секретаря однако, здесь он пробыл лишь до февраля 1812 г., когда перешел снова в Морское Министерство – в Главную Контрольную его Экспедицию и 29-го

февраля определен был здесь обер-секретарем. 31-го декабря 1812 г. произведенный в надворные советники, он 14-го марта 1819 г. пожалован был орденом св. Владимира 4-й степ. и в том же году награжден чином коллежского советника, а 19-го марта 1823 г. был определен членом Высочайше утвержденного Комитета для оставления постоянных правил о делах подрядных и 3-го декабря 1823 г. произведен был в 5-й класс, а 18-го февраля 1824 г. награжден 1000 рублей.

Еще будучи студентом Московской Славяно-греко-латинской Академии, Р. принял участие в сборнике стихотворных поздравлений, поднесенных архиеп. Платону («Святейшего Правит. Синода Члену Высокопреосвященному архиепископу Платону, сими искренними изображениями Московская Словено-греко-латинская Академия в день тезоименитства его свидетельствует свое высокопочитание...», М. 1786); затем, уже служа в Московской духовной академии, Р. в журнале «Прохладные Часы» за 1793 г. (ч. II, стр. 401–411) напечатал «Оду на бракосочетание Их Имп. Высочеств Великого Князя Александра Павловича и Великой Княгини Елисаветы Алексеевны»; ода эта тогда же была издана отдельно (М. 1793, 4°); затем он перевел: «Глас трубный, зовущий на суд», соч. Герарда, перев. с латинского языка, 2 ч., М. 1795–1796, изд. 3-е, М. 1818; «Струи сладостного источника, соч. славного Герарда», с латинского языка (посвящено епископу Дмитровскому Серапиону), в 4 частях, М. 1799; «Жертва чувствительной души», перевод, М. 1799 (перевод сделан в селе Грибанове и посвящен Семивскому); «Пятьдесят и одно священных размышлений, служащих к возбуждению истинного благочестия и ко усовершенствованию внутреннего человека», соч. Герарда, перевод с латинского, М. 1802.

Сенатский Архив (формулярный список, сообщ. Н. А. Мурзановым); Г. Геннади, Словарь писателей, т. III, М. 1908; Сопиков, Опыт, изд. В. Н. Рогожина; Смирдин, Роспись; «Моск. Вед.» 1797, № 102, прилож.; В. Н. Рогожин, Дела Московской цензуры, в. I, СПб. 1902, стр. 68 и 71; А. Н. Неустроев, Историческое разыскание о русск. повременных изданиях и сборниках, СПб. 1874; А. Родосский, Описание книг

гражданской печати XVIII ст., хранящихся в библиотеке СПб. Духовной Академии, СПб. 1889, стр. 332, 480; Описание Архива Морского Министерства, т. VIII.

Романов, Александр Евлампиевич

Романов, Александр Евлампиевич, контр-адмирал, командир Каспийского флотского экипажа; из дворян Петербургской губ., род. 2-го августа 1815 г. и воспитывался в Морском кадетском корпусе, куда поступил 17-го декабря 1827 г. По окончании этого учебного заведения он был зачислен юнкером в Черноморский флот и вскоре (1838 г., 3-го октября), за участие в сражении против горцев, был произведен в прапорщики с назначением в корпус морской артиллерии. В следующем году Р. был назначен в 29-й флотский экипаж, с переименованием в мичманы, 15-го апреля 1845 г. был произведен в лейтенанты, и 1856 – в капитан-лейтенанты.

В 1862 г., 13-го февраля, он был, после ряда переводов из одного флотского экипажа в другой, службы в качестве старшего офицера и командира отдельных судов, переведен в Сибирскую флотилию и должен был отправиться в Николаевск на Амуре, где, произведенный в капитаны 2-го ранга в апреле месяце того же года, был зачислен в 27-й (впоследствии «Амурский») флотский экипаж и вскоре (в мае месяце того же года) назначен исправляющим обязанность помощника капитана над портами Восточного океана и презуса портовой комиссии, а через два года – исправляющим должность капитана вышеупомянутых портов. В 1868 г. Р. был назначен исправляющим должность дежурного штаб-офицера по морской части при Штабе войск Восточно-сибирского Военного Округа, но в том же году был переведен в Балтийский флот и 20-го ноября вернулся в Петербург, где был зачислен в 8-й флотский экипаж, и в следующем году назначен председателем приемной комиссии по артиллерийской части.

В 1876 г. Р. был назначен помощником командира 8-го флотского экипажа, с 1883 г. по 1885 г. несколько раз исполнял должность командира Бакинского порта и Каспийского флотского экипажа, а в 1885 г., 27-го мая, был произведен в контр-адмиралы с увольнением от службы.

Умер 8-го октября 1887 г. и погребен на Смоленском кладбище в Петербурге.

Архив Главного Штаба Морского Министерства, Наградной отдел по пенсионной части, дело за № 202; Общий Морской список, ч. XI; Петербургский Некрополь, т. III, стр. 615.

Романов (Юрьев-Захарьин), Александр Никитич

Романов, Александр Никитич (Юрьев-Захарьин) – боярин; сын *Никиты Романовича Юрьева*; по отцу – родной брат патриарха Филарета Никитича, двоюродный брат царя Феодора Ивановича и родной дядя царя Михаила Феодоровича; по матери принадлежал к роду князей Горбатых-Шуйских; год рождения его точно не известен, но, по всей вероятности, родился он в 1560–65 гг. и получил хорошее, по тому времени, образование. В феврале 1585 года Р. сидел, в качестве дворянина, «в кривой лавке» во дворце, в день приема Литовского посла Лукаша Сапеги. В 1586 г. он был «рописан» «рындою у другого саадака», в том же году был назначен кравчим и получил Каширское наместничество.

В 1591 году, при защите Москвы от нападения крымцев, он показан «в прибылых, в думе» у воевод «большого полка», и после поражения крымцев, когда «бегучи царь (Крымский) от Москвы до Серпухова, метал лошади многие и рухледи и запас, и прибежал в Серпухов к реке Оке, июля в 6 день», он принимал участие с большим полком в преследовании крымцев «в тульские места и в каширские».

22-го мая 1597 года, в день приема Цесарского посла Авраама Донавского (Abraham Burggraf zu Dohna), Р. был первым крайчим. В этом же году, 1-го августа, скончалась его первая жена, *Евдокия Ивановна*, урожденная княжна *Голицына*. После смерти царя Феодора народная молва гласила, что Феодор указал на него, как на одного из наследников престола. В 1598 г. Р. был на соборе, избравшем царем Бориса Годунова и в том же 1598 г. был пожалован от царя Бориса «боярином». В 1599 году, в качестве одного из приближенных царя Бориса, «ел у него на Вербное Воскресенье в Грановитой Палате». В этом же году казначей его, Второй Никитин Бартенев, «второй Иуда», по выражению современников, донес заведовавшему политическим сыском Семену Годунову, что его «государь» Александр Никитич держит у себя «мешки с кореньем» и им

хочет «извести» царя. У Романова был произведен обыск и, действительно, найдены какие-то коренья. Во время допроса его «з братьею» «бояре, аки зверие пыхаху и кричаху». После «допроса» он был арестован, подвергнут пытке и после «розыска», как «государев изменник», сослан, с приставом Леонтием Лодыженским, в июне 1601 года, в Усолье Луду, на берег Белого моря, где на следующий год и скончался.

По указу Лжедмитрия I прах его был перевезен в Москву и 12-го марта 1606 года положен в Новоспасском монастыре, в усыпальнице Романовых. Вторая жена его, *Ульяна Семеновна Погожая (Погожева)*, с детьми, одновременно с ним, была сослана на Белоозеро, а в конце 1602 г. переведена в Клин, Юрьево-Польского уезда Костромской (ныне Владимирской) губ., в имение Феодора Никитича – его брата. Дети его неизвестны; вероятно, они умерли в младенчестве, во время ссылки на Белоозеро или в Клин. Вторая жена его умерла 5-го декабря 1624 года и погребена также в Новоспасском монастыре.

«Древняя Российская Вивлиофика» (изд. 2-е), т. XIV, стр. 484, 493, т. XX, стр. 63, 69, 71; *Синбирский Сборник*, стр. 115, 116, 138 («разряды»); *Памятники Дипломатических Сношений древней России с державами иностранными*, т. I, стр. 487, 578; *Русская Историческая Библиотека*, т. XIII, стр. 478; *Акты Исторические*, т. II, стр. 47–49; *Акты Археографической Экспедиции*, т. II, стр. 42; *Русская Летопись по Никоновскому списку*, т. VIII, стр. 45; *Карамзин, История Госуд. Российск.*, т. X, прим. 140, 262, 316, 370, 418; т. XI, стр. 10, 15, 59–62, 125, прим., 11, 149, 151; *Кн. М. М. Щербатов, История российская с древнейших времен*, СПб. 1771–1791 гг., т. VII. ч. 1. кн. 15, стр. 75; *Князь Козловский, Взгляд на историю Костромы*, стр. 83, прим. 55; *Масс и Геркман, Сказание о смутном времени в России*, СПб. 1874 г., стр. 60; *Буссов, Сказания современников о Дмитрие Самозванце*, изд. 3, ч. I, стр. 13; *«Временник Имп. Московского общества истории и древностей Российских»*, кн. X (материалы), стр. 88, 102; *И. М. Снегирев, Новоспасский монастырь*, М. 1843 г., стр. 131; *Описание Новоспасского*

монастыря, 1802 г., стр. 44; Н. Н. Селифонтов, Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова, ч. I, стр. 48, 104, 291, 292, 305, 328, 329, 333; ч. II, стр. XIV, XV, 81–83; Русская родословная книга, изданная «Русской Стариной» («Русская Старина», 1878 г., № 8), стр. 10; Г. В. Мещеринов, Заметка о доме Романовых («Русск. Стар.» 1896 г., № 7 и 1897 г., № 6); С. М. Соловьев, История России, т. II (изд. Общ. Пользы), стр. 612, 734, 682, прим. 2-е; С. Ф. Платонов, Лекции по русской истории, изд. 6-е, 1907 г., стр. 161; С. Ф. Платонов, Очерки по истории смуты в Московском Государстве XVI–XVII в.в., изд. 2-ое, стр. 101, 176, 179, 183, 187; П. Г. Васенко, С. Ф. Платонов, Б. Ф. Тураева-Церетелли, Начало династии Романовых. Истор. очерки, СПб. 1912 г., стр. 44, 45, 58–60, 63, 65; П. Н. Петров, История родов русского дворянства, т. I, СПб. 1886 г., стр. 9; А. Барсуков, Обзор источников и литературы русского родословия, СПб. 1887 стр. 58; Московский Некрополь, т. III.

Романов, Вадим Владимирович

Романов, Вадим Владимирович, писатель; происходил из дворян Херсонской губ. и был сыном контр-адмирала *В. П. Романова* (см. ниже); род. 23-го апреля 1841 г., ум. 19-го января 1890 г., в Ницце; погребен в Петербурге, в Новодевичьем монастыре. Образование получил в известном в 1860-х годах в Петербурге английском пансионе Мечина и в Морском кадетском корпусе, где пробыл с 1854 по 1859 гг. и был выпущен мичманом после восемнадцатимесячного плавания в Средиземном море и Атлантическом океане. Для пополнения пробелов своего образования Р. в 1860 г. поступил вольнослушателем в Петербургский университет. В то время впервые в Петербурге возникла мысль об устройстве для народа воскресных бесед и школ, и Р. стал одним из самых ревностных участников в осуществлении этой мысли.

В 1862 г. он оставил университет и был кандидатом в мировые посредники Александрийского уезда Херсонской губ. Произведенный в 1864 г. в чин лейтенанта, Р. вскоре оставил службу и провел четыре года (с 1865 по 1868 гг.) в путешествиях по Европе и Азии, причем прожил полтора года в тайге Енисейской губернии. Пребывание в Сибири и близкое, непосредственное знакомство с жизнью тамошнего населения и работою в тайге на приисках оставили неизгладимый след на впечатлительной натуре Р., и во всей последующей своей литературной деятельности он неоднократно останавливался, и притом с особенною любовью, на изображении сибирской жизни со всеми ее особенностями. Общение в глухой тайге с простым народом развило в Р. любовь к нему и дало ему возможность действительно понимать родной народ. Жизнь в Сибири закалила его в духе русской народной жизни.

Вернувшись в январе 1868 г. в Петербург, он поступил в 1869 г. на службу в Почтовый Департамент чиновником особых поручений и затем занимал там должность секретаря (до 1876 г.), а в 1877 г. перевелся на службу в Министерство Государственных Имуществ и 11-го апреля 1878 г. был

приглашен к участию в работах по созданию Добровольного Флота, напечатал воззвание о том в «Правительственном Вестнике» и был назначен заведовать приемом пожертвований, приносимых в Аничков Дворец на имя Государя Наследника, и делопроизводителем совета при Августейшем Председателе в хозяйственном отделении комитета Добровольного Флота. В 1880 г. граф М. Т. Лорис-Меликов пригласил его в Верховную распорядительную комиссию и командировал за границу. С 1885 г. Р. состоял гласным Петербургской Думы, принимая деятельное участие в городской Комиссии по народному образованию и в С.-Петербургском Тюремном Комитете.

В литературе Р. начал участие с 1860 г., сотрудничая в «Морском Сборнике», «Кронштадтском Вестнике», «Всемирной Иллюстрации» (которой он был и редактором в 1870 г., за отъездом за границу К. К. Случевского), «Русском Вестнике», где впервые, в 1875 г., был напечатан его роман из Сибирской жизни: «За Урал. Рассказ из воспоминаний о Сибири», вышедший потом отдельно в 2-х частях в 1884 г.; в «Вестнике Европы», «Наблюдателе», в котором напечатана: «Исповедь ссыльного» (1886 г., № 10, стр. 113–148) и «Один медведь и пять людей» (1887 г., № 11, стр. 235–254); в «Новом Времени», где печатались в 1883 г. его корреспонденции из Швеции, под заглавием: «Письма из скромного царства»; «С.-Петербургских Ведомостях», где он помещал воскресные фельетоны за время редакторства графа Е. А. Салиаса, и в других изданиях. Из отдельных изданий Р., кроме упомянутого «За Урал», известны: «Были без дум. Рассказы на сон грядущий», СПб. 1870 г., с псевдонимом – «дим-ов», и «Заколдованная земля. Из материалов для истории втуне лежащих Русских богатств», М. 1888 г. После Р. осталось много записок, неоконченных статей и рассказов, а из более крупных работ – наполовину написанный роман из Сибирской жизни под названием «Инородка», представляющий по содержанию продолжение романа «За Урал», а из вполне оконченных вещей – только повесть «Сестра декабриста».

Знакомые. Альбом М. И. Семевского. 1867–1888, СПб. 1888, стр. 342; «Всемирная Иллюстрация» 1890 г., № 9 (1101),

стр. 163 (с портр.); «Новое Время» 1890 г., № 4992 и 4994; «Исторический Вестник» 1890 г., т. XXXIX, март, стр. 732; «Новости» 1891 г., № 7; «Петерб. Листок» 1890 г., № 35; «Петербургский Некрополь», т. III, стр. 615; Д. Языков. Обзор, вып. X.

Романов, Василий Никитич

Романов, Василий Никитич, стольник; умер 15-го февраля 1602 г.; сын боярина *Никиты Романовича* и жены его, княжны Евдокии Александровны Горбатовой-Шуйской, дядя царя Михаила Феодоровича. В 1597 г., мая 22-го, он присутствовал, в числе других стольников, в Большой Грановитой Палате при приеме царем Феодором Иоанновичем посла немецкого Императора – бургграфа Авраама Донавского; в 1598 г. подписался под Соборным определением об избрании царем Бориса Феодоровича Годунова, а в 1601 г., когда Романовы подверглись гонению царя Бориса, Василий Никитич тоже был сослан в Яренск, под наблюдением приставленного к нему стрелецкого сотника Ивана Некрасова. Из «памяти», данной 1-го июня 1601 г. Некрасову, из его донесения и из отписки Смирного Маматова, которому Некрасов сдал впоследствии Василия Никитича, мы узнаем о правительственных распоряжениях относительно надзора за ссыльным и о его содержании, а также о том, как поступали пристава, не в меру усердные. Василию Никитичу было разрешено взять с собою в ссылку одного из своих людей, но так как во время задержания при нем не оказалось никого из его дворни, то он и поехал один. Во время дороги Некрасов должен был следить, чтобы Р., названный «государевым злодеем», ни с кем не сносился, «лиха некоторого над собою не учинил» и не бежал бы. О всех своих разговорах с Р. он обязан был доносить в Москву. На содержание Василия Никитича приставу было отпущено 100 рублей, что, по тогдашнему времени, составляло большую сумму; ежедневно велено было им давать Романову и его «детине», т. е. слуге, «по калачу да по два хлеба денежных, да в мясные дни два блюда рыбы, какова где случится, да квас житный». По приезде в Яренск Некрасову предписывалось выбрать двор, отдаленный от других дворов, поселить там ссыльного и поставить себе на этом дворе избу для того, чтобы удобнее было наблюдать за Василием Никитичем.

Из опасения, чтобы Р. «с дороги не утек». Некрасов заковал его и, «посаждая в телегу, повез с Москвы». Волгой, по-видимому, поехали из Нижнего. В Чебоксарах пристав расковал Василия Никитича, и тот, желая остаться на свободе, добыл потихоньку ключ от замка и кинул его в воду. За такое «воровство» Некрасов прибрал другой ключ «и на него чепь и железа положил».

9-го августа 1601 г. состоялось приказание перевезти Василия Никитича в Пелым и поместить его там вместе с братом его Иваном Никитичем, под надзором его пристава, стрелецкого головы Смирного Маматова. Во время поездки из Москвы в Яренск, Василий Никитич избегал разговоров с Некрасовым, а по дороге в Пелым произошла между ними такого рода беседа: «Кому Божьим милосердием, и постом, и молитвою и молостынею Бог дал царство, – говорил Некрасов, – а вы злодеи изменники хотели достать царство ведовством и кореньем». Василий Никитич не вытерпел такого восхваления царя Бориса и ответил: «Свята та милостыня, что мечут по улицам, добра та милостыня – дати десною рукою, а шуйца бы не слыхала». Большую часть пути от Яренска до Верхотурья Василий Никитич прошел пешком; днем, на время ходьбы, с него снимали цепи, ночью снова сковывали. В Верхотурье Василий Никитич сильно занемог, вследствие чего его везли в санях «простого», но лишь только он почувствовал облегчение от болезни, пристав распорядился надеть на него цепи. Прибыв в Пелым 20-го ноября 1601 г., Некрасов сдал Василия Никитича Смирному Маматову (как видно из донесения Маматова), «больна, только чуть жива, на чепи». Передал он также и кормовые деньги – «девяносто рублей десять алтын две деньги». Несмотря на то, что Василий Никитич «опох с ног», Маматов оставил его первое время в оковах и посадил в одной избе с Иваном Никитичем, тоже скованным. Чтобы они не могли подходить друг к другу, их держали прикованными к стене, в разных углах избы.

1-го января 1602 г. Некрасов явился в Москве «в Приказ» с отпиской Маматова; несколько дней спустя боярин Семен Никитич Годунов и дьяк Вылузгин допрашивали его, на каком

основании он «мимо Государева наказа» вез Василия Никитича в цепях и изнурил его до такой степени, что сдал Маматову еле живым? Некрасов оправдывался и ссылаясь на то, что последовал примеру Маматова, который еще в Москве заковал Ивана Никитича и вез его скованным в Пелым. Не известно, подвергся ли Некрасов какому-нибудь взысканию за самовольство, но ему и Маматову последовал от имени царя выговор в грамоте, отправленной в январе 1602 г. Маматову: «и вы то сделали мимо нашего указу». В этой грамоте приказывалось расковать обоих братьев и давать им «корм доволен». По всему вероятно, грамота получена была в Пелыме уже после смерти Василия Никитича, с которого Маматов в половине января велел снять цепи, ввиду тяжелой его болезни. Кроме Ивана Никитича в избе находился его человек Семен, прозванием «Натирка»; он-то и ухаживал за больным. Маматов навещал Василия Никитича и несколько раз «попа к нему пущал».

Скончался Василий Никитич 15-го февраля 1602 г., через 8½ месяцев после объявления указа о ссылке его в Яренск; за похороны его заплачено было трем попам, дьячку и пономарю 20 рублей.

Лжедимитрий, желавший выказать внимание не только к живым, но и к умершим членам семьи Романовых, своих мнимых родственников, послал 31-го декабря 1605 г. грамоту в Пелым к Алексею Зюзину и голове Максиму Радилову, чтобы вынуть гроб Василия Никитича из земли и передать его людям, присланным боярином Иваном Никитичем Романовым. Это было исполнено, и тело Василия Никитича было привезено в Москву и погребено в Новоспасском монастыре.

«Акты исторические», т. II; «Акты Археогр. Экспед.», т. II; «Собр. Гос. Грам. и договор.», т. II; Новый Летописец; Пермская летопись, I; Карамзин, Ист. Гос. Рос., т.т. X и XI; Соловьев, История России, т. VIII; С. Платонов, Очерки по истории смуты; Н. Селифонтов, Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феод. Романова. СПб., 1901 г., вып. 1; 1898 г., вып. 2; «Труды Вятской Ученой Архивной Комиссии», 1912 г., III, стр. 70–73.

Романов, Василий Павлович

Романов, Василий Павлович, генерал-лейтенант; род. в 1799 г.; поступив 28-го мая 1811 года в Морской корпус кадетом и произведенный 7-го июля 1812 г. в гардемарины, а 21-го июля 1815 – в мичмана, он в 1816 и 1817 г. на транспорте «Полифем» перешел из Кронштадта в Архангельск и обратно, а в 1818 г. плавал в Финском заливе на корабле «Берлин»; 27-го февраля 1820 г. Р. получил чин лейтенанта и плавал: на транспорте «Мезень» – из Архангельска в Кронштадт (1821), на фрегате «Диана» – по Балтийскому морю (1822), на корабле «Три святителя» – от Кронштадта до о. Исландии (1824), на фрегате «Патрикий» – по Балтийскому морю (1825), на бриге «Охта» – из Кронштадта в Мальту (1827) и в Адриатическом и Средиземном морях (1828–1830); произведенный, 6-го апреля 1830 г., в капитан-лейтенанты, он в том же году, на корабле «Имп. Петр I» крейсировал у Красной Горки, а в 1832 и 1833 г. – в Балтийском море, в 1834–1838 гг. состоял адъютантом при главном командире Кронштадтского порта адмирале Рожнове и, будучи произведен (6-го декабря 1838 г.) в капитаны 2-го ранга, был назначен (18-го октября 1839 г.) состоять при Рожнове по особым поручениям, а 6-го декабря 1840 г. получил чин капитана 1-го ранга; через 9 лет (6-го декабря 1849 г.) произведенный в генерал-майоры, Р. был назначен членом Общего присутствия Кораблестроительного Департамента Морского Министерства, а через 10 лет, 4-го января 1860 г., вышел в отставку с чином генерал-лейтенанта. Если не ошибаемся, он принимал участие в деятельности Русского Общества пароходства и торговли и писал о нем и разных изданиях конца 1850-х – начала 1860-х годов.

Он скончался 28-го июня 1874 г., 75 лет, в Петербурге, где и погребен на Смоленском кладбище.

Общий Морской Список, ч. VIII, СПб. 1894, стр. 139–140; «Петербургский Некрополь», т. III, СПб. 1912, стр. 615.

Романов, Владимир Павлович

Романов, Владимир Павлович, контр-адмирал, путешественник, писатель, *брат предыдущего*; он род. 12-го июля 1796 г. и происходил из дворян Херсонской губернии; отданный, 26-го мая 1811 г., в Морской корпус кадетом, Р. уже 6-го июня был произведен в гардемарины и, после плавания в 1812 г. под командою адмирала Кроуна, в эскадре его, перевозившей Русскую гвардию, после кампании 1812 года, из Франции и Любека, – в 1814 г. (19-го февраля) произведен был в мичманы, после чего на корабле «Всеволод» плавал в Балтийском море; в 1815 и 1816 гг. он плавал там же и в 1817 г. доходил до Копенгагена. Получив, 26-го июля 1818 г., чин лейтенанта, Р. в 1818 и 1819 г. на фрегате «Проворный» ходил из Кронштадта в Кадикс и обратно, причем, за спасение от потопления на Кадикском рейде 6-ти испанцев, а на Копенгагенском – 5-ти датчан, награжден был орденом св. Владимира 4-й степ. В 1820–1824 гг. на корабле Российско-Американской Компании «Кутузов», под командою капитан-лейтенанта Дохтурова, Романов совершил кругосветное плавание к берегам Российско-Американских колоний и, во время пребывания в Бразилии, с Русским генеральным консулом Лангсдорфом совершил поездку вовнутрь Бразилии.

По возвращении в Россию, Р. подал проект об описи Америки, от р. Медной до Берингова пролива, а 15-го января 1826 г. вышел в отставку с чином капитан-лейтенанта; впрочем, уже 15-го сентября того же года он вновь поступил на службу (прежним чином лейтенанта) с определением в Черноморский флот и в 1827 году на шлюпе «Диана» крейсировал у Абхазских берегов, причем описал заливы Сухумский и Редут-Кале. Во время Турецкой войны 1828 г. Р. на корабль «Париж» (на котором во время осады Варны находился Император Николай) плавал с флотом у крепости Анапы и Варны, находясь, во время осады и взятия Анапы, при адмирале князе А. С. Меншикове.

В ночь с 26-го на 27-е июля он командовал авангардом учебных судов при вырезке турецких судов, находившихся у стен Варны, за что и произведен был в капитан-лейтенанты (18-го августа 1828 г.), 7-го августа он находился при генеральной атаке креп. Варны флотом, устроил приморский редут и назначен был траншей-майором при осадных работах; в это время (22-го сентября) он был ранен пулею в голову и контужен в руку, за что награжден был орденом св. Анны 2-й степ. и золотого саблею с надписью «за храбрость». В 1829 г. Романов командовал гребною флотилиею в Бургасском заливе, овладел укреплением Чинганес-Кале и взял 4 орудия и множество артиллерийских припасов, после чего заведовал Ахполлом и Бургасом по морской части. В 1830 и 1831 гг. он командовал брандвахтенным бригом «Мингрелия» сперва на Одесском рейде, а затем на Николаевском, а в 1833 г., на флагманском корабле «Память Евстафия», под командою адмирала М. П. Лазарева, перешел из Севастополя на рейд Буюк-Дере; Лазарев был тогда послан Русским правительством с десантом, для помощи Оттоманской Порте, боровшейся тогда с Египетским пашою. Вернувшись с десантными войсками в Феодосию, Р. награжден был орденом Станислава 2-й степ. и турецкою золотою медалью.

В том же 1833 г. Романов посетил острова Архипелага и совершил, верхом, путешествие по всей Греции. 8-го февраля 1834 г., за раню, он был уволен в бессрочный отпуск, в котором находился до 1842 года, когда вернулся во флот, но, прослужив (в 30-м флотском экипаже) всего с 18-го марта по 22-е июля, но домашним обстоятельствам вышел совсем в отставку с чином капитана 2-го ранга. С этого времени Р. занялся приведением в устройство своего Херсонского имения, выучил крестьян обсаживать свои дома деревьями и разводить сады, приохотил их к разведению картофеля в большом количестве, за что получил от начальства благодарность. Он первый, в том краю, начал насыпать бурты навоза для селитры.

Человек любознательный, Р. объехал большую часть России и был избран действительным членом Имп. Вольно-Экономического Общества, Имп. Общества Сельского

Хозяйства Южной России, Московского Общества Сельского Хозяйства, Главного Общества улучшенного овцеводства, Комитета шелководства и Имп. Русского Географического Общества.

Пробыв в отставке около 12 лет, Р. в 1854 г. (апреля 14-го) снова поступил на службу – в морское ополчение; он командовал в Финляндских шхерах гребною флотилией, состоявшей из 15-ти канонерских лодок; в июле, по Высочайшему повелению, он провел из Свеаборга в Або 5 военных пароходов в виду неприятельского флота, 15 го августа, тоже по Высочайшему повелению, разоружил и подорвал все Гангутские укрепления, в виду того же неприятеля, а в конце августа на 4-х пароходах перевез в 3 рейса из Роченсальма в Гельсингфорс 3500 человек десанта в виду неприятельских крейсеров. За все эти действия Р. дважды удостоился получить Высочайшее благоволение. В ноябре Его Высочество Генерал-адмирал в особом рескрипте выразил ему благодарность за службу и за сделанное им пожертвование. 3-го ноября 1854 г. Р. был произведен, за отличие, в капитаны 2-го ранга, а в 1855 г. переведен был, по прошению, в Севастополь и до 27-го августа находился для поручений при главном командире Севастопольского порта. 28-го августа, при отступлении наших войск в южной на северную сторону, когда мост через бухту был уже разведен и неприятель стал занимать Севастополь, Р. перевез на баркасе более 100 человек отсталых, под выстрелами неприятеля, на северную сторону, причем был контужен осколком бомбы в ногу, за что и был награжден Императорскою короною к ордену Св. Станислава 2-й степени, а 26-го августа 1856 г. произведен был, за отличие, в капитаны 1-го ранга. В 1857 г., по поручению Русского Общества пароходства и торговли, Р. произвел опись р. Днестра и составил его карту, а в 1860 г., марта 7-го, зачислен был по резервному флоту. В 1861 г., 27-го марта, Его Высочество Генерал-адмирал рескриптом на имя Р. объявил ему благодарность за сообщение материалов для истории Русского флота, которые он усердно собирал еще с начала 1850-х годов.

Наконец 30-го августа 1861 г. Р. произведен был в контр-адмиралы с увольнением от службы.

В последние годы жизни Р. был мировым посредником по Александрийскому уезду Херсонской губернии и в 1863 г. отпраздновал 50-летие своей службы; кроме того, он состоял членом-корреспондентом Морского Ученого Комитета; он скончался в г. Александрии 11-го октября 1864 г.

Как сказано было выше, Р. в 1827 г., во время крейсерства у Черкесских и Абхазских берегов, сделал описание залива Сухум-Кале и составил карту, которая тогда же была отпечатана; описание рейдов Сухум-Кале и Редут-Кале помещено было в «Записках Ученого Комитета Морского Штаба Е. И. Вел.» за 1829 г. (ч. III), а собранный им словарь абхазского и других черкесских наречий был послан начальством Р. в Имп. Академию Наук.

С 1817 г., еще в бытность молодым мичманом, Р. начал сотрудничать в «Отечественных Записках» Свинына («Отрывок из походных записок в Испанию, 1818 г., в отряде капитана Ратманова, на фрегате «Проворном» – 1820 г., ч. II; «Предложение об описи Ледовитого моря на картах. С примечаниями» – 1829 г., ч. XXXIX); затем печатался в «Северном Архиве» Булгарина (где поместил статью «О колюжах или коломах вообще» – 1825 г., ч. XVII, стр. 17 и сл., «Мысли о путешествии, которое можно предпринять от реки Медной, по сухому пути, до Ледовитого моря и до Гудсонова залива» – 1825 г., ч. XVII, стр. 19 и сл.), в «Московском Телеграфе» Полевого («Предначертание путешествия от западных берегов Северной Америки до Ледовитого моря и до Гудсонова залива» – 1825 г., ч. V, стр. 18 и сл.), в «Указателе открытий» Н. Щеглова и в «Энциклопедическом Лексиконе», изд. Плюшара; в «Северной Пчеле» 1851 г. (№ 120) напечатаны его «Заметки на статью: Список кораблей, участвовавших в кругосветных плаваниях».

Общий Морской список, ч. VIII. стр. 140–142 ч. XI, стр. 385–386; Справочный энциклопедический словарь, ред. Старчевского, т. IX, ч. II, СПб., 1855, стр. 135; «Одесск. Вестн.» 1864 г., № 235 стр. 954; «Русск. Инв.» 1864 г., № 245;

«Иллюстрир. Газета» 1864 г., т. XIV, № 45, стр. 319. А. П. Соколов, Русская морская библиотека; 1701–1851, 2-е изд., СПб. 1883; «Кронштадтск. Вестн.» 1864, № 32 (354), стр. 127 (юбилей Р.); Месяцеслов на 1866 г., стр. 401.

Романов, Вукол Федотович

Романов, Вукол Федотович, писатель; родом новгородец, он учился в Новгородской семинарии, где дошел до философии, а затем – в Московском университете, после чего был учителем грамматики в Московской же университетской гимназии; он составил краткую российскую грамматику, которая, по словам митр. Евгения, «до преобразования Московского университета, была первою классическою книгой в своем роде в обеих гимназиях университетских» и с 1773 года напечатана была 8 изданиями; ее полное заглавие (она вышла без имени автора): «Краткие правила российской грамматики, собранные из разных российских грамматик в пользу обучающегося юношества в гимназиях Императорского Московского университета» (изд. 2-е – 1784, 8-е изд. вышло в 1802 г.); еще будучи в семинарии, Р. издал «Письмо Святейшего Правительствующего Синода члену, Его Имп. Величества учителю Богословия, Свято-Троицкия Сергиевой лавры Высокопреподобнейшему господину отцу священно-архимандриту Платону от Новгородской семинарии, сочиненное тояж семинарии философии студентом Вуколом Романовым 1770 года, сентября дня» (изд. в СПб.).

Р. умер в 1792 году.

Митр. Евгений, Словарь, ч. II, стр. 148; С. А. Венгеров, Русская поэзия, вып. VI, СПб. 1897, стр. 337; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 264; Сопиков, Опыт Росс. библиографии.

Романов, Григорий Иванович

Романов, Григорий Иванович, директор дачи «Студенец» и член Совета Российского Общества Любителей Садоводства, «степенный гражданин», родился в 1809 г., обладал твердым характером, и энергией, и сам прокладывал себе дорогу. Любя садоводство, Р. был одним из деятельных членов Российского Общества Любителей Садоводства, которое в 1865 году выбрало его членом своего Совета. С этих пор он принимал деятельное участие во всех делах Общества, помогая ему своею опытностью и советом, – особенно в решении экономических вопросов. В начале 1870-х годов он был назначен директором принадлежащей Обществу дачи «Студенец» и с этих пор круг его любимой деятельности сделался гораздо шире. Должность директора он исполнял до самой смерти, последовавшей 21-го февраля 1876 г. в Москве, где он и погребен на Преображенском кладбище.

«Журнал Садоводства» 1876 г., февраль, № 2, стр. 82–83 (некролог); Московский Некрополь, М. 1908, стр. 82.

Романов, Даниил Романович

Романов, Даниил Романович, боярин и дворецкий, старший сын *Романа Юрьевича Захарьина* и жены его *Иулиании Феодоровны*; ум. 27-го октября 1564 г. и погребен в Новоспасском монастыре. Будучи сыном Романа, внуком Юрия и правнуком Захария, Даниил назывался по деду Юрьевым или же, по прадеду, Захарьиным, а иногда Даниилом Романовичем Юрьевича Захарьина. Он был женат дважды, но фамилии обеих его жен неизвестны; 1-я жена его – *Анна* – на свадьбе князя Юрия Васильевича (брата царя Иоанна Грозного) 3-го ноября 1547 г. находилась у постели; она умерла 8-го июля 1552 г. и погребена в Новоспасском монастыре; 2-я жена – тоже *Анна* – умерла 24-го мая 1571 г., при нашествии на Москву и сожжении ее Крымским ханом Девлет-Гиреем; погребена тоже в Новоспасском монастыре.

3-го февраля 1547 г. царь Иван Васильевич женился на сестре Даниила Романовича – *Анастасии Романовне*; на этой свадьбе Даниил Романович, бывший в чине окольничего, «ходил перед царем». 3-го ноября 1547 г., на свадьбе князя Юрия Васильевича, «вино нес в склянице в церковь дворецкой Данила Романович». В качестве дворецкого он оповещал о решениях царя, что видно из следующих надписей на несудимых грамотах: 1) 1547 г., октября 15-го – попам и церковным причтам в царских селах; на обороте грамоты сверху: «Божьею милостию Царь и Государь Великий Князь Иван Васильевич всея Руси»; по середине: «А приказал дворецкой Данило Романович»; 2) 1548 г., ноября 30-го – Переяславскому Данилову монастырю о беспошлинном по городам пропуске 50 монастырских торговых подвод и о ежегодной даче этому монастырю руги; надпись: «Приговорил боярин и дворецкой Данило Романович». В поручной записи бояр и дворян по князе Иване Ивановиче Пронском о невыезде его из Московского государства, с обязательством уплатить в случае его побега 10000 руб., на втором месте подписался Данило Романович; выше его стоит подпись князя Феодора

Ивановича Шуйского. Начиная с 1548 г., Данило Романович участвовал в походах царя Ивана Васильевича против Казанского царя Сафа-Гирея. Первый и второй походы были неудачны. Выступив из Москвы 11-го декабря 1548 г., войска, по случаю бездорожицы, пришли в Роботки лишь 2-го февраля 1549 г., простояли там три дня и вынуждены были, вследствие оттепелей и дождей, возвратиться в Москву, куда прибыли 7-го марта. В 1550 г, царь с войском подступил к Казани 14-го февраля, но, не дождавшись благоприятной погоды для осады города, ушел через одиннадцать дней обратно.

В апреле 1551 г., задумав поставить крепость на реке Свияге, царь послал к Казани в судах бывшего Казанского царя Шигалея и с ним бояр и воевод; в большом полку были бояре: князь Юрий Михайлович Голицын и Даниил Романович. Через четыре недели крепость была готова, а жители нагорной стороны Волги – чуваша, мордва и черемисы, не только присягнули царю, но присоединились к Московскому войску. Князь Голицын и Данила Романович с остальными воеводами и со всеми ратными людьми вернулись в Москву по Волге.

В следующем, 1552 г., в мае, по линии от Каширы до Муром, собралось 150-тысячное войско Грозного, готовое к Казанскому походу. В судовой рати были отправлены бояре князь Александр Борисович Горбатый и Данило Романович. В Муроме царь получил известие, что князь Микулинский и Данило Романович с передовым полком ходили против мятежных черемис, разбили их и взяли с них клятву в верности. 11-го августа царя встретили, согласно его приказанию, в двух днях пути от Свияжска: в первом полку бояре и воеводы, пришедшие весной, князь Ал. Бор. Горбатый, Данило Романович и Борис Ив. Салтыков; во втором полку – годовые воеводы, а в третьем – «горные люди». Царь, довольный успешным началом похода, обошелся со всеми приветливо. 7-го сентября князь Сем. Ив. Микулинский и Данило Романович ходили с передовым полком на «Арские места» и вместе с воеводами двух других полков повоевали всю Арскую сторону. 2-го октября была взята Казань. Если верить «Истории» князя Курбского, царь не послушал «совета мудрых воевод своих», по

мнению которых следовало перезимовать в Казани, упрочить свое владычество в Казанском царстве и тогда уже вернуться в Москву: « послушал же совета шурьев своих, они бо шептаху ему во уши, да поспешится к царице своей, сестре их». После взятия Казани царь послал в Москву Данила Романовича сообщить эту радостную весть царице Анастасии, митрополиту Макарию и брату своему, князю Юрию Васильевичу. 11-го октября и сам Иван Васильевич выступил в обратный путь. Во время Казанского похода умерла жена Даниила Романовича, так что возвращение его в Москву произошло при печальных обстоятельствах.

Весной 1553 г., в первой половине марта, царь Иоанн опасно занемог – у него сделалась «огневая болезнь», т. е. горячка. Не надеясь выздороветь, он написал духовное завещание, в котором назначил преемником своего шестимесячного сына Дмитрия и требовал, чтобы ему присягнули князь Владимир Андреевич Старицкий (двоюродный брат царя) и бояре. Поднялся ропот; князь Владимир Андреевич и большинство бояр отказывались присягать. Отец Иоаннова любимца Алексея Адашева, окольный Федор Григорьевич Адашев, решился высказать умирающему царю о причине отказа: «Ведает Бог, да ты, государь: тебе, государю, и сыну твоему царевичу князю Дмитрию крест целуем, а Захарьиным нам, Данилу з братиею, не служивати; сын твой, государь наш, еще в пеленицах, а владеть нами Захарьиным Данилу з братиею; а мы уже от бояр до твоего возрасту беды видели многия».

На третий день распри царь строго приказал боярам идти в Переднюю избу и целовать крест царевичу Дмитрию. У его постели остались князь Воротынский, Шереметев, Захарьины и другие присягнувшие бояре. Он обратился к ним с увещанием помнить, в случае его кончины, присягу. «Не дайте бояром сына моего извести некоторыми обычаи, побежите с ним в чужую землю, где Бог наставит». Затем, обратившись к Даниилу Романовичу и Василию Михайловичу Захарьиным, сказал им: «А вы, Захарьины, чего испужалися; али чаете, бояре вас пощадят? Вы от бояр первые мертвецы будете! И вы бы за сына

моего, да и за мать его умерли; а жены моей на поругание бояром не дали». В конце концов князь Владимир Андреевич клятвенною записью обязался не думать о царстве и поцеловал крест Димитрию; бояре тоже присягнули царевичу.

По выздоровлении царя, Даниил Романович в том же 1553 г. ходил с ним на Коломну и был вместе с боярином князем Вл. Ив. Воротынским в «дворовых воеводах». В 1555 г. ездил он во главе посольства в Польшу; он и его товарищи поднесли королю Сигизмунду подарки: кубки, кречетов и бубны; так как между кречетами не оказалось ни одного красного и притом они были хворые, то король велел отослать подарки назад. В том же 1555 г. он участвовал в походах против луговых черемис – был вторым воеводой большого полка (товарищем у князя Ив. Феод. Мстиславского). С 26-го октября 1556 г. он был «по Крымским вестям» в Калуге и Серпухове одним из воевод большого полка, а затем в передовом полку на Кашире. В 1557 г. войско, назначенное для Ливонского похода, собралось в Новгороде под предводительством царя Шигалея, Крымского царевича Тохтамыша и Астраханского царевича Кайбулы; в большом полку вторым воеводой был Данило Романович. В 1559 г. готовились к войне с крымцами, но она не состоялась; Даниил Романович упоминается в числе дворовых воевод, которые должны были прибыть из Москвы с царем. В 1562 г. ближнюю думу составляли следующие бояре: князь Ив. Дм. Бельский, князь Ив. Феод. Мстиславский, князь Вас. Мих. Глинский и Данило Романович Юрьевича Захарьина. Каждый из них носил звание наместника важнейших городов Московского государства; Даниил Романович назывался наместником Тверским, а в 1563 г. – дворецким Московским и Казанским. В 1562–64 гг. были частые присылки от литовских панов рады к Московскому митрополиту Макарию и к боярам – князю Ив. Мих. Шуйскому и Даниле Романовичу – с просьбой о перемирии для выработки затем условий мира. В 1564 г. в росписи от Литовской украины значатся в Вязьме в большом полку: царь Шигалей, князь Ив. Дм. Бельский и Даниил Романович; 12-го сентября они пошли к Лукам Великим «на спех». Это известие последнее – о его службе.

У Даниила Романовича были дети: *Михаил* (ум. 1-го июля 1555 г.), *Иван* и *Феодор* (ум. 24-го мая 1571 г. в один день со своей матерью, во время нашествия на Москву Крымского хана Девлет-Гирея); *Фетиния* (ум. 15-го июня 1596 г.; была замужем за боярином князем *Феодором Дмитриевичем Шестуновым*).

«Древняя Российская Вивлиофика», тт. XIII и XX; *Никоновская Летопись*, VII; *Царственная книга*: «Собр. Госуд. Гр. в Договор.», т. I; «Чт. Моск. Общ. Ист. и Древ. Росс.» 1902, т. I; «Софийский Временник», II; «Отеч. Зап.» 1830 г., ч. 44; М. Погодин, *Русский Историч Сборн.*, II; «Акты Археогр. Экспед.», т. I; «Акты Ист.», I; «Симбир. Сборн.»; I; «Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.», тт. 59 и 71; Н. Карамзин. *История Госуд. Росс.*, т. VIII; С. Соловьев. *История России*, тт. VI и VII; А. П. Барсуков. *Род Шереметевых*, т. I; Н. Селифонтов, *Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова*, вып. 1; СПб. 1901 г., вып. 2, 1898 г.; *Московский Некрополь*, т. III, стр. 34.

Романов, Дмитрий Иванович

Романов, Дмитрий Иванович, инженер-полковник, писатель; родился в 1828 г. Получив инженерное образование, он был произведен в офицеры 12-го августа 1846 г. и был отправлен в Восточную Сибирь для исследования реки Амура и для проведения Амурской телеграфной линии. Обе задачи Р. исполнил прекрасно, выказав себя способным и трудолюбивым инженером. Он сделал несколько путешествий по Восточной Сибири и прошел пешком почти всю линию Амурского телеграфа.

О своих наблюдениях Р. сообщал в периодических изданиях: «СПб. Ведомостях», «Иркутских Губернских Ведомостях», «Северной Пчеле», «Русском Вестнике», «Русском Слове» и других. Во время пребывания своего в Сибири Р. пришел к мысли о необходимости проведения Сибирской железной дороги; мысль эту он развивал в журнальных и газетных статьях, приводя ряд доказательств в ее подкрепление. Вернувшись из Сибири, Р. отправился путешествовать по Европе, а затем побывал и в Северной Америке, изучая везде техническую сторону интересовавших его вопросов о телеграфе и железных дорогах.

По возвращении в Россию, Р. был командирован на Кавказ для исследования лучшего направления Ростово-Владикавказской железной дороги. Награжденный в 1862 г. орденом св. Владимира 4-й степени, а в 1863 г. (13-го июля) произведенный в полковники, Р. в 1867 г. получил орден св. Анны 2-й ст. с Имп. короною. В 1873 году, во время Хивинского похода, Р. был прикомандирован для исследования устьев Амударьи к войскам Туркестанского отряда. В Среднеазиатских степях он построил укрепление Благовещенское и затем предпринял труднейшую часть Хивинского похода – через безводные степи. Прежние его путешествия по Восточной Сибири значительно расстроили его здоровье. Особенно страдал Р. от ревматизма в ногах, но, несмотря на часто повторявшуюся острую боль, решил предпринять это трудное

путешествие. Р. ехал в небольшой кибитке, которую тащили верблюды. По дороге в Аристан-бель-кудук Р. еще больше простудился, и с ним сделалась лихорадка; но он все-таки продолжал идти дальше с отрядом, то в повозке, то верхом. Последний способ передвижения окончательно ослабил его организм, так что в урочище Каракаша Р. прибыл уже в бессознательном состоянии. Вечером Р. очнулся; нестерпимая боль заставила его покуситься на самоубийство: он выстрелил себе в рот из револьвера и через 10 часов умер – 19-го апреля 1873 г.; он похоронен около урочища Каракаша, в Бухарских владениях.

Из его статей назовем следующие: «О Сибирской железной дороге» – «С.-Петербургские Ведомости» 1858 г., № 226–228; «Железная Софиевско-Александровская дорога» проект с картой, СПб. 1859 г.; «Сибирский телеграф», СПб. 1860 г.; «Вопрос о телеграфе через Сибирь, между старым и новым светом» – «С.-Петербургские Ведомости» 1861 г., № 48; «Город Албазин», отрывок из дневника, – «С.-Петербургские Ведомости» 1857 г., № 269 и 270; «Мезенские пути сообщения» – «Вестник Русского Географического Общества», ч. XVII (кн. 3), отд. II, стр. 39–66; «Проект железной дороги от Амура к заливу Де-Кастри» – «Иркутские Губ. Ведомости» 1858 г., № 38 и 40 и «Северная Пчела» 1858 г., № 249 и 251–253, стр. 1052, 1059, 1060, 1063, 1064, 1068; «Армия Соединенных Штатов» – С.-Петербургские Ведомости» 1858 г., № 2 и 3; «Поездка на прииски Лазоревого камня и окрестности Байкала» – «Русский Вестник» 1859 г., т. XXIV (№ 22, кн. 2), стр. 117–138; «Присоединение Амура к России» – «Русское Слово» 1859 г., № 4, 6–8, отд. I, стр. 179–200, 329–388, 93–136, 107–171; «Из Японии» – «Русское Слово» 1859 г., № 4, стр. 221–257; «Ангарские пороги» – «Морской Сборник» 1863, т. LXVII, № 7, отд. III, стр. 87–107; «Глубина Байкала» – «Записки Сибирского Отделения Императорского Русского Географического Общества» 1863 г., кн. VI, отд. II, стр. 7–15; «Железные дороги и каналы» – «Отечественные Записки». 1860 г., т. CXXX, отд. I, стр. 479–582; «Амур» – «Морской Сборник», т. LXVII, № 6–7, отд. III, стр. 173–187 и 87–107 за 1863 г.; «Устье Амура» –

«Русское Слово» 1860 г., № 4, отд. 3, стр. 116; «Господину Густаву Радде (по поводу Уссурийской экспедиции)» – «Русское Слово» 1860 г., № 5, отд. III, стр. 18–40; «Последние события в Китае и значение их для России», Иркутск. 1861 г.

«Русский Архив» 1875 г., кн. 3, стр. 465; «Петербургская Газета» 1873 г., № 40 и 190; «Голос» 1873 г., № 168, 193 и 211; А. Н. Пыпин, «История Русской Этнографии», СПб. 1891 г., т. 2-й, стр. 71; «Записки Имп. Русск. Технич. Общества» 1874 г., № 2, стр. 124–142; «Петербургские Ведомости», 2-го августа 1873; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 264.

Романов, Иван Никитич

Романов, Иван Никитич, боярин; ум. 18-го июля 1640 г; сын боярина *Никиты Романовича* и жены его Евдокии Александровны, урожденной княжны Горбатовой-Шуйской; женат был на княжне *Ульяне Феодоровне Литвиновой-Мосальской*. В 1591 г., июля 10-го, был он прислан царем Феодором Иоанновичем в Серпухов, где тогда остановились большие бояре с войском, считая невозможным преследовать дальше Крымского хана Казы-Гирея, бежавшего из-под Москвы. Иван Никитич приехал от государя с жалованьем и с золотыми и о здоровье спрашивать. В 1597 г., мая 22-го, он присутствовал в Большой Грановитой Палате при приеме царем немецкого посла – бургграфа Авраама Донавского.

В 1599 г., августа 19-го, в день приема Шведского королевича Густава, Р. был чашником у царя Бориса. В 1601 г., когда опала постигла Романовых и их родственников, Иван Никитич также был сослан, 30-го июня, в Пелым, под наблюдением стрелецкого головы Смирнова-Маматова, который повез его из Москвы уже в оковах не вследствие царского указа, а из опасения, чтобы он не бежал с дороги. 20-го ноября 1601 г. в Пелым был привезен его брат Василий Никитич, совершенно больной, вследствие изнурительного пути от Яренска до Пельма. Три месяца прожили братья в одной избе, прикованные к стенам. К их счастью, с Иваном Никитичем поехал в ссылку его человек Сенька Иванов, по прозвищу «Натирка»; он ухаживал сначала за Иваном Никитичем, который, судя по донесению Маматова, «болен старою болезнию, рукою не владеет, на ногу маленько приступает», а затем и за Василием Никитичем. Весьма возможно, что Маматов напрасно употребил выражение «старою болезнию», желая лишь сложить с себя ответственность. На содержание Ивана Никитича было выдано Маматову 90 руб. и велено готовить мясные и рыбные кушанья и печь белый хлеб. После смерти Василия Никитича (15-го февраля 1602 г.) участь Ивана Никитича была облегчена. В марте Маматов получил предписание ехать с ним в Уфу; в

конце мая Ивану Никитичу и его племяннику князю Ивану Борисовичу Черкасскому дозволено было быть «на службе в Нижнем Новгороде, а осенью им обоим велено было ехать к Москве.

Если верить «Новому Летописцу», Иван Никитич был отправлен в родовую вотчину Романовых – село Клины, где и находился под надзором Маматова. В 1605 г., июля 30-го, в день венчания на царство Лжедмитрия, Иван Никитич пожалован был в бояре, а затем был одним из членов «Государственного Сената» в правление Лжедмитрия, который «всем обильно наполнил» Ивана Никитича. В 1606 г., в числе других бояр и воевод, он был послан царем Василием Ивановичем Шуйским в Козельск, а в 1607 г., января 17-го, был одним из поезжан на свадьбе царя Василия Шуйского, а за обедом в день свадьбы и на следующий день сидел в кривом столе. В 1607–1608 г. он неоднократно участвовал в походах против «воров», как называли приверженцев второго Лжедмитрия; он бывал вторым воеводою большого полка, в товарищах у князя Ив. Ив. Шуйского и у князя Вас. Мих. Скопина-Шуйского. При походе к Туле против «Тушинского вора», т. е. второго Лжедмитрия, князь Гр. Петр. Ромодановский, бывший вторым воеводою в передовом полку, бил челом государю «о местех» на Ивана Никитича Романова, второго воеводу большого полка. Для оберегания Москвы от нападения Тушинского вора князь Скопин-Шуйский и Иван Никитич стояли с большим полком у Тверских ворот. В сентябре 1610 г. бояре настаивали, чтобы ввести в Москву польские войска, так как де иначе чернь может передать ее Тушинскому вору. Патриарх Гермоген был сначала против этой меры, но уступил доводам Ивана Никитича, сказавшего, что если гетман Жолкевский отойдет от Москвы, то боярам ничего другого не останется делать, как идти вслед за поляками для спасения своих голов.

В 1612 г., января 25-го и 26-го, находившиеся в Москве бояре послали увещательные грамоты в Кострому и Ярославль: о пребывании в верности избранному в Московские цари Польскому королевичу Владиславу, о невспоможении стоящим

под Москвою воеводам князю Трубецкому и Заруцкому и о присылке к гетману Хоткевичу и к ним, боярам, выборных от города людей с повинною. Под этими грамотами подписался очень твердым и четким почерком, лучше всех остальных, «Боярин Иван Никитич Романов». В мае 1613 года он подписался под окружною грамотою об избрании на Российский престол родного племянника своего, Михаила Феодоровича Романова. 11-го июня того же года, в день венчания на царство Михаила Феодоровича, посольский дьяк объявил от имени царя в Золотой Палате, перед тем, как идти в Успенский Собор, что государь велел князю Феод. Ив. Мстиславскому осыпать себя золотыми, Ивану Никитичу Романову держать Мономахову шапку, а князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому держать скипетр. Князь Трубецкой бил челом на Ивана Никитича «о местех, что ему меньше Ивана быть невместно». Государь сказал князю Трубецкому: «ведомо твое отчество перед Иваном, мочно ему тебя менши быть; а ныне тебе быти для того, что мне Иван Никитич по родству дядя, а быть вам без мест». Вследствие такого распоряжения Иван Никитич держал шапку Мономаха, когда принесли ее с Казенного двора в Успенский Собор, а перед миропомазанием держал царский венец на золотом блюде.

В том же 1613 г., сентября 8-го, в день Рождества Богородицы, государь велел быть у стола боярам: князю Феод. Ив. Мстиславскому, Ивану Никитичу Романову и князю Бор. Мих. Лыкову, женатому на Анастасии Никитичне Романовой. Князь Лыков бил челом в отечестве на Ивана Никитича, а тот, в свою очередь, бил челом, что князь Лыков его обесчестил, и просил учинить указ. Государь «кручинился» и несколько раз повторил князю Лыкову, чтобы он был у стола «под Иваном Никитичем». Уговоры подействовали: после стола, когда царь подавал им чаши, князь Лыков подошел последним и не бил уже больше челом на Ивана Никитича.

17-го апреля 1614 г., в вербное воскресенье, Государь велел быть у стола боярам: князю Феод. Ив. Мстиславскому, Ивану Никитичу, князю Бор. Мих. Лыкову и окольничему Арт. Вас. Измайлову. Князь Лыков снова бил челом государю в

отечестве на Ивана Никитича и, несмотря на напоминание Михаила Феодоровича, что в день Рождества Богородицы он сидел за столом ниже Ивана Никитича, князь Лыков соглашался быть меньше Романова только по родству его с царем. Михаил Феодорович возразил, что «менши Ивана Никитича быти ему мочно по многим мерам, а не по родству». Князь Лыков не послушался государева указа, не сел за стол и поехал к себе на двор. Посланным государя он ответил, что «ехать готов к казни, а менши ему Ивана Никитича не бывать». Вследствие этого после стола князь Лыков был отвезен к Ивану Никитичу и выдан ему головою.

Как ни странно, но после местничества с князем Лыковым, мы не встречаем в записях «Дворцового Разряда» упоминаний о приглашении Ивана Никитича к царскому столу. Довольно редко присутствовал он и при приемах царем иностранных послов. 27-го января 1614 г. он сидел в Золотой Палате по правую сторону царя на приеме Английского посла Ивана Ульянова Мерика; в 1631 г. упоминается он на первом месте при приеме Шведского посла Антона Монира; в 1637 г. был при приеме Литовского гонца. Не думаем, чтобы причиной тому было болезненное состояние Ивана Никитича, так как в 1626 году он водил в Вербное воскресенье «осла» под патриархом Филаретом Никитичем; в 1625 и 1627 г. «осла» водил другой родственник царя и патриарха – князь Ив. Бор. Черкасский. В 1623 г., после того, как отложили намерение посватать за царя Михаила одну из иностранных принцесс, надумали расследовать дело о первой невесте царя, Хлоповой, которая жила в Нижнем Новгороде. Михаил Феодорович и патриарх Филарет призвали на совет самых близких людей: Ивана Никитича, князя Ив. Бор. Черкасского, Феод. Ив. Шереметева, – и на этом родственном совете порешили послать за отцом и за дядей Хлоповой, чтобы узнать от них обстоятельнее о болезни невесты. Несмотря на то, что здоровье ее не внушало опасений, брак этот не состоялся: 19-го сентября 1624 г. Михаил Феодорович женился на княжне Марье Владимировне Долгорукой.

Иван Никитич был в «отцово» место, а жена его – Ульяна Феодоровна – в «материно» место; оба сидели в первый день

«в лавке», за столом. 5-го февраля 1626 г. на второй свадьбе царя Михаила с Евдокией Лукьяновной Стрешневой, войдя в Палату перед венчанием и поклоняся образам на все четыре стороны, Иван Никитич ударил челом государыне царевне и сел за столом, на большом месте, в лавке, выше ее матери, а подле него сидела его жена. Посидев немного, он послал к царю боярина князя Дан. Ив. Мезецкого и велел ему говорить речь государю. После стола, когда новобрачные шли к сеннику, Иван Никитич шел впереди до дверей Палаты; у дверей он сказал им речь, а изговоря, поклонился; жена его Ульяна Феодоровна шла для береженья, по правую сторону государыни; возле сенника, положив на себя соболью шубу мехом вверх, она осыпала царя и царицу «осыпалом». На другой день после кушанья Иван Никитич и Ульяна Феодоровна были с государем и государыней в сеннике. В 1629 г., марта 12-го, родился царевич Алексей Михайлович; ему ударили челом: Иван Никитич – золотой братиной, оцененной в 121 руб.; на венце надпись – имена царя и царевича, а между надписью, в «гнездах», два лазоревых яхонта, да два изумруда; Ульяна Феодоровна – россольником, стоимостью в 40 руб., но более затейливым, чем братина: «и кровля, и стоянец, и поддон хрустальные, на кровле на столбике птица держит в когтях щит; ниже птицы четыре головы на змейках, литыя. У кровли край и у россольника венец и у поддона край серебряно, золочено. От венца к стоянцу четыре ехидны с крылы».

На встречах под Москвой в 1625–1634 гг. Кизильбашских. Шведских, Датских, Турецких и Литовских послов бывало особенно много конных даточных людей Ивана Никитича; напр., в 1626 г. из общего числа 177 человек 40 человек было выставлено Иваном Никитичем. В 1631–34 гг. он перевез на своих подводах под Смоленск 300 четей государевых запасов для войск.

За Иваном Никитичем числилось в 1613 году вотчин 4626 четвертей и поместий 448 четвертей. Не знаем, были ли ему возвращены все земли, отобранные царем Борисом во время опалы над Романовыми. Из «Никитичей», при воцарении Михаила Феодоровича, находились в живых только старший и

младший, следовательно, – земельные владения Никиты Романовича должны были поделиться между сыном Феодора Никитича (Филарета) – царем Михаилом и Иваном Никитичем. В Московском уезде Иван Никитич владел деревней Бутыркиной, в Коломенском – деревней Ратчиной, в Калужском – селом Спасским; в Вязьме на посаде у него была слобода.

Из межевой книги 1628 г. известно, что у Ивана Никитича, имевшего вотчины в Елецком уезде, возник спор о земле с селом Романовым городищем (Лебедянского уезда). Надо полагать, что Иван Никитич никогда не заглядывал в эти отдаленные от Москвы вотчины, и его приказчики и крестьяне, надеясь на силу своего господина, распоряжались по собственному усмотрению. Елецкие помещики подали челобитную, в которой между прочим сказано: «Нам в украинном городе с таким великим боярином в соседстве жить невозможно: мочи нашей от насильства людей и крестьян боярина Ивана Никитича не стало: каково нам разоренье было от Литвы, и Литва попленила нас на одно время, а нынешнему плену, каков на нас плен от людей и крестьян боярина Ивана Никитича, и конца не ведаем, пуще нам стало Крымской и Ногайской войны: во всем Елецком уезде не осталось за нами крестьян и бобылей третьева жеребья». Велено было сделать повальный обыск. Боязнь ли тягаться с «великим боярином», или чувство справедливости руководило допрашиваемыми – решить невозможно, но при повальном обыске 1865 человек сказали, что про такие насильства сами ничего не знают и от других не слышали; в новых слободах Ивана Никитича будто бы не объявилось ни одного чужого крестьянина. Вследствие этого челобитчики, за их «воровство», были биты нещадно батогами и посажены в тюрьму.

Иван Никитич скончался 18-го июля 1640 года. На другой день, как сказано в «Дворцовых разрядах», государь Михаил Феодорович ходил к Спасу на Новое погребать боярина Ивана Никитича Романова». Жена его Ульяна Феодоровна упоминается в чине первой свадьбы царя Алексея Михайловича 16-го января 1648 г.; она скончалась 23-го октября 1649 г. и погребена тоже в Новоспасском монастыре.

Иван Никитич Романов, князь Иван Борисович Черкасский и Феодор Иванович Шереметев составляли как бы семейный совет юного царя Михаила и пользовались большим уважением не только в царской семье, но и среди бояр. Старейший боярин – князь Феодор Иванович Мстиславский, перед смертью, последовавшею 19-го февраля 1622 г., назначил их своими душеприказчиками, и они приводили в исполнение духовную грамоту этого последнего представителя родовитых князей Мстиславских, распределяя по монастырям завещанные им денежные суммы.

У Ивана Никитича было четыре сына и четыре дочери: Андрей и Димитрий скончались, по-видимому, в младенчестве, Иван скончался 30-го июля 1625 г., Никита умер 11-го декабря 1654 г.; Прасковья старшая, Ирина и Прасковья младшая скончались в младенчестве; Марфа была замужем за князем Алексеем Ивановичем Воротынским.

«Древн. Росс. Вивл.», тт. XIII, XX; «Собр. Гос. Гр. и Договор.», тт. I, II и III; «Акты Археогр. Эксп.», II; «Акты истор.», II; «Акты Моск. Госуд.», I; «Синбирск. Сбор.»; «Дворцовые разряды», тт. I и II; «Разряд. книги», I, II; «Опис. докум. и бумаг Моск. Арх. Мин. Юст.», тт. I и II; Русск. Историч. Библ., II, IX, XIII; С. Белокуров, Разряд. записи за смутное время (7113–7121 гг.), М. 1907 г.; А. Виктор. Описание записных книг и бумаг старинных дворцов. приказов 1584–1725 гг.. М. 1887 г., вып. 1-й; «Новый Летописец»; «Сказания Массы и Геркмана о смутном времени в России, СПб. 1874 г.; Карамзин, История государства Росс., тт. X–XII; С. Соловьев, История России, тт. VII–IX; С. Платонов, Древнерусские сказания; Его же, Очерки по истории смуты; Н. Селифонтов, Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова, СПб. 1901 г., вып. 1; 1898 г., вып. 2; Московский Некрополь, т. III.

Романов, Иоаким Константинович, протоиерей

Романов, Иоаким Константинович, протоиерей, автор учебников по закону Божию и проповедник; род. на Кавказе в 1816 году, умер 21-го мая 1881 г. в Севастополе. По окончании курса в Тифлисской духовной семинарии, он был 18-го июля 1837 года рукоположен во священники к Эриванскому Покровскому собору, в 1840 г. назначен учителем и смотрителем Армянской семинарии, в 1842 году переведен в Тифлис священником кафедрального собора и, кроме того, постепенно назначен учителем татарского языка при местных духовной семинарии и духовном училище, казначеем Осетинской духовной комиссии, членом и казначеем Попечительства о бедных духовного звания в Грузии и старшим благочинным над греческим духовенством по реке Цалке. В 1847 году Романов был назначен законоучителем Тифлисской гимназии и настоятелем гимназической церкви. Он состоял также законоучителем Школы Кавказских межевщиков.

В 1864 г. Р. покинул Кавказ, так как назначался ректором предполагавшегося Миссионерского института в Новгороде; когда же открытие этого учреждения не состоялось, он был назначен членом Комитета для перевода Библии на татарский язык и вместе с тем законоучителем Первой С.-Петербургской военной гимназии (ныне корпус), в следующем году переведен был настоятелем церкви Свято-Троицкой Общины сестер милосердия, а в 1870 г. определен законоучителем Александровского смольного училища, где и служил до смерти. 18-го июля 1877 года в стенах Смольного училища скромно был отпразднован 40-летний юбилей его служения в священническом сане.

«Покойный отец И. К. Романов – читаем в некрологе – высоко ценил звание законоучителя. Законоучитель, в его глазах, всего менее школьный только учитель, наблюдающий главным образом за выучиванием уроков и ставящий отметки по успехам. Законоучительство для него было пастырством. Цель

законоучителя, по его верному пониманию, заключается в том, чтобы научить вере и благочестию не на словах только и для отметок, а по возможности на деле и для жизни. Не ответы на экзамене, «вечное спасение» составляло важнейшую заботу почившего законоучителя. Своему делу предан был покойный всею душою и к своим слушательницам относился с истинною отеческою любовью, подавая им добрый пример своею религиозностью и неуклонным исполнением своего дела... Его всегда (ученицы) радостно встречали, когда он во время праздников иногда посещал их; тут особенно становилось ясным, что он для них был не учителем только, но любящим их духовным отцом».

Протоиереем И. К. Романовым составлены буквари грузино-русский и татарский и несколько руководств по закону Божию, как-то: «Избранные молитвы и краткие понятия о церкви, о принадлежностях Богослужения и о литургии» (СПб. 1859); «Закон Божий для русских народных школ», четыре выпуска (СПб. 1867); некоторые выпуски выдержали до 8 изданий; «Краткие поучения о богослужении православной церкви», СПб. 1869, 1897 (два издания); «Уроки церковной истории» (3 выпуска), СПб. 1874, 1885 (два издания); «Уроки Закона Божия по катехизису», СПб. 1875 (в 1904 г. вышло пятое издание). Руководства Романова, особенно «Закон Божий для русских народных школ» и «Уроки Закона Божия по катехизису» пользуются известностью в педагогическом мире.

Кроме того, им составлены книги: «Пути ведущие нас ко Христу Спасителю» (СПб. 1867), «О правильном и душеполезном приготовлении к исповеди» (СПб, 1872, 1889 – два издания), «Краткие уроки о нравственной христианской жизни и о главнейших обязанностях христианина» (СПб. 1876, 1899 – два издания) и поучения, которые были изданы в 1860, 1868 и 1877 годах; наконец, было издано и «Полное собрание поучений» его, которое выдержало два издания (СПб. 1880, 1887).

О. Романов считался опытным проповедником, говорившим кратко, но просто, с большой силой убеждения, и действовавший на собиравшиеся толпы слушателей. «Все

проповеди о. И. Романова – пишет проф. Н. И. Барсов, – принадлежат к тому типу церковных пастырских собеседований, который создан в нашей духовной литературе многолетней пастырскою деятельностью покойного рыбинского протоиерея Родиона Путятина и, спешим прибавить, в большинстве случаев представляют весьма хорошие экземпляры своего типа. Эти поучения изъясняют истины веры и правила нравственности просто и общепонятно, с воодушевлением и внутреннею силою, с достаточною убедительностью и доказательностью».

Сорокалетний юбилей протоиерея Иоакима Константиновича Романова, СПб. 1877; «Церковн. Вестн.» 1881, № 22; Д. Языков, «Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц, Вып. I, СПб. 1885; Энциклоп. словарь Брокгауза-Ефрона; «Церков. Вестн.» 1880, № 5; «Нов. Вр.» 1881 г., № 1892.

Романов, Максим Григорьевич

Романов, Максим Григорьевич, дьяк. До 1690 г. служил в Тобольске в чине старого подьячего; 8-го февраля 1690 г., по грамоте Великих Государей Иоанна и Петра, переведен был в Тюмень исправляющим должность дьяка – «подьячим с приписью» «ведать с воеводою вместо разрядного стола». Здесь пробыл он до 1697 года и в том же году переведен был в Якутск, где пробыл до 1704 года. В Якутске ему было поручено, помимо прямых обязанностей, «ведать судные дела по челобитным», составление «прибыльных книг» за 1698–1700 гг. и «сыск о злоупотреблениях Якутских воевод с прокормлением». По циркулярному предписанию Сибирского Приказа о приведении Якутского архива «в надлежащий порядок», о хранении дел «в великой бережи», он в 1701 году составил подробную опись всего архива в виде «переписных книг». С 1704 г. по 1718 гг. Р. служил дьяком в Тобольске.

«Древняя Российская Вивлиофика», т. III, стр. 273, 275, 281 (2-е изд.); А. Барсуков, *Списки городовых воевод и др. лиц воеводского управления Московского Государства 17 столетия*. СПб. 1902 г. стр. 255, 283; Н. Оглоблин, *Обозрение столбцов и книг Сибирского Приказа (1592–1768)*, ч. I, стр. 29, 172, ч. III, стр. 26, 28, 123, 124, 189; *«Чтения в Обществе истории и древностей российских»* 1895 г., кн. 2, стр. 29 (исследования); *«Дополнения к Актам историческим»*, т. XII, № 86; *«Памятники Сибирской истории XVIII в.»*, кн. I, стр. 290, 294, 295, 297, кн. II, стр. 134, 156; В. Межов, *Сибирская библиография*, т. I–II, стр. 119. *«Томские Губернские Ведомости»* 1875 г. № 43, стр. 4.

Романов, Михаил Никитич

Романов, Михаил Никитич, окольничий; третий сын *Никиты Романовича Романова-Юрьева* и второй жены его, Евдокии Александровны, урожденной княжны Горбатой. В 1597 г., мая 22-го, он присутствовал, в чине стольника, при приеме посла немецкого Императора – бургграфа Авраама Донавского, в 1598 г. пожалован был в окольничие и подписался под Соборным определением об избрании царем Бориса Феодоровича Годунова. В июне 1601 г., лишенный звания, он был сослан в Ныроб, Чердынского уезда, куда привезен был зимой этого года, в кибитке, под присмотром пристава Романа Андреева Тушина и в сопровождении шести человек стражи. О заключении и смерти Михаила Никитича в Ныробе сохранились интересные предания, которыми мы и пользуемся. Для помещения изгнанника ничего не было приготовлено, и Тушин распорядился выкопать землянку на том месте, где они остановились. Погода была ненастная, снег валил хлопьями, шесть сторожей принялись копать глубокую яму, и Михаил Никитич, выйдя из кибитки, смотрел на их работу. Он был высокого роста и обладал такой силой, что в порыве горести и ожесточения схватил стоявшую около него кибитку и отбросил ее от себя шагов на десять, тогда как шесть сторожей едва могли сдвинуть ее с места. Это чрезвычайно поразило ныробцев, пришедших взглянуть на ссыльного. Землянку прикрыли сверху досками, сделав небольшое отверстие, через которое едва проникал свет в холодное, сырое и тесное помещение несчастного Михаила Никитича. С наступлением сильных холодов в землянке устроили небольшую печь – и, к довершению злоключений закованного в тяжелые кандалы Михаила Никитича прибавился удушливый смрад от дыма. Пища его состояла только из хлеба и воды, да и то в небольшом количестве; подавали пить и есть через упомянутое отверстие в потолке. Так прошла вся зима. Весною жители Ныроба, избы которых находились на юг от землянки, вблизи речки Ныробки, постарались хотя несколько облегчить участь

узника доставлением ему более сытной пищи, тайком от пристава и стражи. Для этого они наливали в дудочки квас, молоко и масло, давали эти дудочки вместе с разными съестными припасами своим детям и посылали их к землянке; дети делали вид, что играют около нее, и незаметно опускали в отверстие все, что получали от родителей; так же поступали и взрослые ныробцы, будто бы из любопытства приходя к землянке. Один из жителей Ныроба, как предполагают тот, в доме которого жил пристав Тушин, донес ему обо всем вышеизложенном из желания подслужиться к нему, а может быть даже и надежде получить награду. Чтобы удостовериться в правильности доноса, Тушин пошел однажды прогуляться по близости от землянки, а крестьянские дети, ничего не подозревая, по обыкновению прибежали со съестными припасами и стали спускать их. Тушин велел схватить детей и начал расспрашивать, кто научил их приносить пищу? Перепуганные дети ответили, что делали это по приказанию родителей. По одному преданию, Тушин немедленно донес об этом царю Борису, который велел пять ныробцев увезти в Казань и подвергнуть жестоким пыткам; один из них во время пыток умер, а остальные возвратились домой, как говорят, уже в царствование Шуйского. Другое предание приписывает самому Тушину отсылку шести человек прямо в Москву, за крепким караулом, откуда в царствование Шуйского вернулись будто бы только два человека, рассказывавшие, что четверо умерли, не выдержав пыток и тюремного заключения. Михаил Никитич, просидев год в землянке, скончался. Носился слух, что его уморили с голоду сторожа, которые привыкли к табаку и вину, а в Ныробе не могли достать ни того, ни другого. По свидетельству Миллера, Михаил Никитич «был удушен», но профессор Казанского университета Н. П. Вагнер, посетивший в 1850-х годах место ссылки и заключения Михаила Никитича, пишет: «Бывши сам несколько раз в помянутом подземелье, думаю, что Михайло Никитич умер не насильственной смертью, а еще удивляюсь, как он мог прожить год в такой тесной и сырой яме». По словам «Нового Летописца», над гробом, т. е. над могилой Михаила Никитича, «израстоша два древа кедрі –

едино у главы, второе же у ног». Впоследствии возле могилы была построена церковь, так что ее алтарь северной своей стороной прилегал к могиле.

Когда вступил на престол Лжедмитрий, то он приказал тела Романовых, как своих мнимых родственников, перевезти в Москву и похоронить подле предков в Новоспасском монастыре. Михаил Никитич погребен там 18-го марта 1606 г. В царствование Михаила Феодоровича построены деревянные часовни над землянкой и над тем местом, где лежало тело Михаила Никитича в Ныробе до перевезения в Москву; в этой второй часовне поставили гробницу, покрытую сукном, с вышитым на нем крестом. Обе деревянные часовни и деревянная церковь сгорели от удара молнии, были вновь отстроены и опять сгорели от той же причины; после этого и церковь и часовня были выстроены каменные. Вместо сгоревшей гробницы была впоследствии устроена новая гробница и поставлена в каменной церкви; из надписи на доске, положенной на этой гробнице, узнаем, между прочим, что тело Михаила Никитича «из земли взято ничем не вредимо». Проф. Вагнер так описывает каменную церковь: «Холодная церковь в Ныробе замечательна своей архитектурой. Она построена в 1705 г., по прямой корпус, широкие три арки под карнизом крыши напоминают церкви XVI в., а особенно окраска украшений этих арок и окон: красная, зеленая и желтая придает всей церкви какой-то восточный характер. В купол этой церкви нередко ударяет молния; от нее же сгорели и две прежде бывшие деревянные церкви. Вообще сильные грозы в этом краю не редкость; они вызываются близостью высоких увалов, предгорий Урала». В церкви хранятся «плечные железа, или так называемый стул» Михаила Никитича, весом 39 ф., его же ручные (12 ф.) и ножные кандалы (19 ф.) и замок (10 ф.), что в сложности составляет ровно 2 пуда. Народ чтит эти цепи, как святое воспоминание о мученике. Царь Михаил Феодорович за услуги, оказанные жителями Ныроба его дяде Михаилу Никитичу, пожаловал их «обельною грамотою», в силу которой они избавлялись от всех повинностей. В 1793 г. ныробцы построили на свои средства каменную часовню над землянкой-

темницей Михаила Никитича, что видно из надписи на карнизе этой часовни; надпись заканчивается так: «единственно в память бывшего на том месте в заключении боярина Михаила Никитича Романова, тщанием и коштом здешней волости крестьян и усердным старанием крестьянина Максима Пономарева».

«Акты Ист.», III; «Акты Археогр. Экспед.», II; «Древн. Росс. Вивл.», XX; Новый Летописец; Пермская летопись с 1263 по 1881 г., Пермь. 1881 г., ч. I; Пермский Сборник, М. 1859 г., I, смесь, статья проф. Н. П. Вагнера с рисунками (часовня, землянка-темница, цепи и ключ); Сказания Массы и Геркмана о смутн. врем. в России, СПб. 1874 г.: Карамзин. История гос. Росс., тт. X и XI; С. Соловьев. История России, т. VIII; Н. Селифонтов. Сборник материалов по истории предков царя Мих. Феод. Романова, СПб. 1901 г., т. I; 1898 г., т. II; «Пермск. Епарх. Вед. 1873 г., № 10; „Домашняя Беседа“ 1873 г., № 21; „Моск. Епарх. Вед.“ 1873 г., № 16. Др. и Нов. Россия» 1876 г., № 12, рисунки: 1) Гробница боярина Михаила Никитича Романова, в церкви Св. Николая Чудотворца в с. Ныробе, Чердынского уезда, 2) Часовня на месте заключения его; «Московский Некрополь», т. III.

Романов, Никита Иванович

Романов, Никита Иванович, боярин, сын *Ивана Никитича Каши*, двоюродный брат Царя Михаила Феодоровича. Во время народного движения в царствование Алексея Михайловича против боярина Б. И. Морозова особенно ярко выразились любовь и доверие народа к Никите Ивановичу. При том нравственном значении, которым он пользовался в глазах своего двоюродного племянника, царя Алексея Михайловича, и в глазах народа, обидно иметь о нем самые скудные, отрывочные сведения, не знать даже года его рождения. Соловьев выражает эту мысль следующим образом: «Разумеется, желалось бы знать больше об этом подстрекающем любопытство лиц; но отсутствие известий доказывает или недостаток у него личных средств играть роль более видную, или то, что ему нарочно загораживали дорогу, а сам боярин был так осторожен, что не пробивался чрез полагаемые ему преграды».

Первое известие о Никите Ивановиче относится к 1629 г., когда он поднес своему двоюродному племяннику, новорожденному Царевичу Алексею Михайловичу, серебряного золоченого единорога и яшмовую чарку, оправленную в золоченое серебро и наведенную финифтью. Затем в течение десяти лет нет о нем никаких сведений. 12-го июля 1639 г., в день именин царя Михаила Феодоровича, он пожалован был в стольники, а 14-го приведен был ко кресту в столовой избе думным дьяком Гавреневым. В 1644 г., в день приема Михаилом Феодоровичем Датского Королевича Вольдемара, он был чашником за столом государя. В 1645 г., сентября 28-го, в день венчания на царство Алексея Михайловича, он был пожалован из стольников прямо в бояре, когда царь шел в Успенский Собор. Во время венчания Никита Иванович осыпал государя золотыми в дверях соборов и на золотой лестнице.

В мае 1648 г. произошел в Москве мятеж, вследствие народного недовольства родственниками царского тестя Милославского: судьей Земского Приказа Леонтием Плещеевым

и заведовавшим Пушкарским Приказом Траханиотовым, – которые наживались на счет казны. С Плещеевым расправилась сама толпа: умертвила его, вырвав из рук палача. Когда Морозов вышел на крыльцо и от имени царя обратился с увещаниями, слышались крики, что ему грозит та же участь, какая постигла Плещеева. На другой день вспыхнул в Москве сильный пожар; кончился пожар – опять взбунтовалась чернь. Для защиты дворца был вытребован отряд служилых иноземцев, а вслед за их приходом царь выслал к народу Никиту Ивановича Романова, зная, что он пользуется народной любовью. Никита Иванович вышел с открытой головой, держа шапку в руках, объявил, что царь обещает исполнить все, что возможно, и уговаривал толпу разойтись по домам. На требование выдать Морозова и Траханиотова, Никита Иванович ответил, что они скрылись, но приняты меры к их розыску, и что когда отыщут, то казнят. Толпа послушалась и разошлась.

Царь Алексей Михайлович, посоветовавшись с Патриархом Иосифом, с освященным собором, боярами, окольными и думными людьми, повелел прислать в Москву выборных из разных городов от всех чинов людей, «чтобы государево и земское дело утвердить и на мере поставить». Выборные обратили внимание на некоторые нежелательные явления общественной жизни, как, напр., на «закладчиков», захвативших в свои руки таможи, кабаки и разные откупы, вследствие чего служилые и тяглые люди обнищали и лишились промыслов. Выборные просили, чтобы «государь пожаловал бы, велел сделать по-прежнему, чтобы везде было все государево». Закладчики, лишённые выгод, стали вымещать свою злобу на Морозове. В январе 1649 г. один старый закладчик боярина Никиты Ивановича Романова – Савинка Корепин, пришел к своему знакомому и начал говорить: «Когда я был за боярином Никитою Ивановичем, то мне было хорошо, а теперь меня взяли за государя, и мне худо; сделали это бояре Борис Иванович Морозов да Илья Данилович Милославский, и от этого их промыслу ходить нам по колена в крови, а боярам Морозову, Милославскому и друзьям их быть побитыми камнями». На другой день возобновилась между Корепиным и его знакомым

беседа про ненавистных народу Морозова и Милославского. «Боярина князя Якова Куденетовича Черкасского – говорил Корепин – хотели сослать и подводы под него были готовы, но не сослали его, боясь нас, для того, что мир весь качается; как его станут посылать, и боярин Никита Иванович Романов хочет выехать на лобное место и станет миру говорить, и мы за него всем миром станем, а бояр Морозова и Милославского побьем... Выедут на лобное место бояре: Никита Иванович Романов, князь Яков Куденетович Черкасский, князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, князь Иван Андреевич Голицын, пристанут к нам стрельцы и всякие люди и станут побивать и грабить Морозова, Милославского и других». За такие речи Корепина допрашивали, пытали и казнили смертью. Недовольным нововведениями не удалось раздуть в Москве мятеж против Морозова и Милославского, во имя Романова и князя Черкасского; но чего не достигли в Москве, то разгорелось во Пскове и Новгороде.

Бунт во Пскове произошел вследствие повеления царя Псковскому воеводе Собакину отпустить из Псковских царских житниц 11000 четвертей хлеба в Швецию, в счет той суммы, которую решено было уплатить Швеции за русских перебежчиков (т. е., за перебежавших в Московские пределы из русских областей, уступленных Швеции). В Пскове был недород хлеба, и взбунтовавшаяся толпа, не слушая увещаний архиепископа Макария и воеводы Собакина, кричала, что не даст возить из Кремля хлеб. На смену Собакину был прислан другой воевода, но смятение не затихло и Псковичи не выпустили от себя Собакина. Приехавший для розыску окольничий князь Волконский едва не был убит мятежниками. Наконец псковичи надумали послать к царю челобитчиков и просить, чтобы он прислал во Псков для подлинного сыску Никиту Ивановича Романова, который «государю радеет и о земле болит». Одновременно с этими челобитчиками к царю, псковичи отправили тайно, проселочными дорогами, казака Михаилу Карпова с челобитной к самому боярину Никите Ивановичу. Псковичи просили его, чтобы вперед во Пскове воеводы и дьяки судили с земскими старостами и с выборными

людьми по правде, а не по мзде и посулам. Никита Иванович привел казака к царю. Царь принял всех челобитчиков и отправил с ними к псковичам ответную грамоту. Относительно Никиты Ивановича сказано: «Написали вы это по воровскому заводу: нам он, боярин, наш холоп, служит с своею братьями боярами вместе, а недоброхота между боярами никого нет. При предках наших никогда не бывало, чтоб мужики с боярами, окольными и воеводами у расправных дел были, и впредь того не будет».

В 1653 г. встречаем упоминание о Никите Ивановиче, когда привезли в Москву скрывшегося в Голштинию самозванца Тимошку Анкудинова. Он заявил, что расскажет всю правду одному только боярину Никите Ивановичу Романову; но до этого не допустили и стали допрашивать его и пытаться в застенке.

18-го мая 1654 г., когда был объявлен поход царя Алексея Михайловича против польско-литовского короля Яна-Казимира, Никита Иванович находился при царе и отправился с ним под Смоленск.

Скончался он 11-го декабря 1654 г., «идучи с государевой службы», по всему вероятию в Вязьме, где царь расположился станом 21-го октября, в ожидании прекращения в Москве морового поветрия, когда по сделанному подсчету в монастырях, на боярских дворах и т. д. оказалось, что в живых осталось меньше, чем умерло; во дворе Никиты Ивановича в Москве умерло 352, осталось 134.

Никита Иванович, по-видимому, не был женат, и все имущество его перешло к царю Алексею Михайловичу, как ближайшему родственнику по мужской линии. Вскоре после смерти Никиты Ивановича, 22-го декабря 1654 г., думный дьяк Александр Иванов произвел осмотр всего, что было на боярском дворе, и составил тому подробную опись. Эта опись чрезвычайно интересна, так как дает понятие о богатстве последнего боярина и дворецкого из не царственной линии Романовых.

У Н. И. Романова оказалось более сотни серебряных и золотых кубков, ковшей, стоп, рассольников, ведер, солонок, чарок и кружек; серебряная утварь весила 2 п. 33 ф., золотая –

1 ф. 49 зол. Царь Алексей Михайлович велел думному дьяку Александру Иванову отпустить в свою казну все серебряные и золоченые «четвертины» и 15–20 братин и чаш. Кроме того, отнесены к государю жемчуг, разные драгоценные камни, перстни, кольца, запоны. 21-го февраля 1655 г. царь Алексей Михайлович дал Патриарху Никону из казны Никиты Ивановича 1000 руб. на шапку; в конце апреля и в мае того же года сам Патриарх неоднократно отправлялся во двор умершего боярина и выбирал, что ему нравилось; напр., он взял шкатулку черного дерева, 1 пуд серебра в слитках, разную одежду и несколько мелочей. Не станем перечислять икон, одежд и тканей, утвари и оружия, которые остались после Никиты Ивановича. В сундуках, окованных железом, помещались лубяные или осиновые коробки, мешки и узелки, а в них деньги, по большей части с надписями не только суммы, но даже того года, в котором был получен доход; напр., в нескольких коробках хранились деньги «по росписи за рукою боярина Ивана Никитича» 135 и 136 гг. (1627 и 1628 гг.), следовательно, не трогались более четверти века. Всех денег было около 22500 рублей, да без малого 1300 золотых. В амбарах, кладовых и подвалах хранились: ржаная и пшеничная мука, солод, сухари, толокно, разная крупа, рожь, пшеница, ячмень, хмель, соль, мак, орехи, ветчина, гусиные и утиные полотки, вино, пиво, мед, морсы и бочки с лимонами. Из этих запасов царь роздал много на помин души Никиты Ивановича в Московские монастыри, в тюрьмы, причту Знаменской церкви, которая была у его Московского двора, и разным лицам, обращавшимся с просьбой уделить что-либо на прокорм из хлебных запасов, оставшихся после Никиты Ивановича. Все оружие было передано в Оружейный Приказ.

К сожалению, составлена была опись только движимости. О вотчинах Никиты Ивановича сохранились отрывочные сведения; так, напр., ему принадлежал городок Скопин, Рязского уезда, с деревнями; были у него вотчины в уездах: Владимирском, Юрьевском, Старорусском, близ Твери, в Коломенском, в Московском уездах, в Горетовом стану, а в Васильевском стану известное село Измайлово. За ним на оброке были рыбные ловли на Волге, выше и ниже Твери, и на реках Поное и Лахте,

в Кольском уезде. В самой Москве у него было несколько владений, а за Яузою, в деревянном городе, подле земляного вала, находился огород, мерою около трех десятин. Большая часть упомянутых вотчин, а также рыбные ловли и огород за Лузой были отказаны царем, согласно просьбе Патриарха Никона, Иверскому монастырю (в Новгородском уезде, на Святом озере) и другим монастырям, к нему приписанным.

Подмосковное село Измайлово царь Алексей Михайлович оставил себе и завел там образцовое хозяйство. После его кончины Измайлово перешло к его старшему сыну, царю Феодору Алексеевичу, который часто ездил туда и брал гостить к себе брата, царевича Петра Алексеевича. Благоустройство и простор Измайлова, тамошние пруды и возможность кататься по ним в лодке (Феодор Алексеевич развивал в Петре любовь к воде) привлекали Петра и впоследствии. Весной 1688 г., гуляя в Измайлове со своим учителем математики, голландцем Францем Тиммерманом, Петр заглянул в один из амбаров, где лежали остатки имущества Никиты Ивановича Романова. Увидав иностранное судно, он спросил Тиммермана, что это за судно, как его употреблять, какое оно имеет преимущество перед русскими судами и найдется ли в Москве человек, который бы починил его и показал, как с ним обращаться. Тиммерман ответил, что судно – английский бот, что он может ходить на парусах не только по ветру, но и против ветра, и что в Москве найдется мастер для его исправления. Тиммерман разыскал голландца Корштен Бранта, который приехал в Россию при царе Алексее Михайловиче вместе с другими мастерами для делания морских судов на Каспийском море. Брант починил ботик. Несомненно, что беседы с ним заинтересовали Петра и впервые пробудили в нем мысль отправиться в Голландию для изучения корабельного дела. Ботик, найденный в амбаре Никиты Ивановича Романова, которого Петр называл «дедом», явился родоначальником кораблей в России и известен под именем «дедушки Русского флота».

Как видно, Никита Иванович находился в общении с иноземцами, в особенности с голландцами, и оказал

посмертное влияние на первое преобразование Петра. Подтверждением расположения Никиты Ивановича к иноземцам может служить свидетельство известного Олеария, секретаря Голштинского посольства в Московское государство при Михаиле Феодоровиче, что Никита Иванович ездил на охоту в немецком платье. Кроме того, Соловьев приводит известие, не ручаясь, впрочем, за его верность в подробностях, что Никита Иванович одел своих людей в ливреи на иностранный лад, и что Патриарх Никон прибег к хитрости, чтобы добиться уничтожения такого соблазна: он попросил у Никиты Ивановича ливрею, как будто для образца; в действительности же он не намеревался одеть своих служек в немецкое платье, а велел изрезать в куски присланную Никитой Ивановичем ливрею.

Из приведенных данных ясно, что Никита Иванович принадлежал к кружку тех лиц из высшего Московского общества XVII века, которые сознавали необходимость сближения Московского государства с Западной Европой, являясь таким образом предвозвестниками преобразовательной деятельности Петра Великого.

Насколько внимательно и почтительно относился Алексей Михайлович к памяти Никиты Ивановича, видно из расходной книги 1654–59 гг., где записывались деньги, отпущенные в монастыри, в тюрьмы и в Приказы на поминование; кроме царя Михаила в царицы Евдокии Лукьяновны, совершалось поминование и Никиты Ивановича. В 1668 г. (следовательно, 14 лет спустя после кончины Никиты Ивановича), апреля 3-го, на память преп. Никиты, царь Алексей Михайлович ходил в Новоспасский монастырь, где погребены Романовы, и слушал панихиду у гроба Никиты Ивановича. В 1674 г., декабря 12-го, литургию в Новоспасском монастыре совершали: Московский патриарх Иоасаф и Вселенский патриарх Паисий, а после обедни служили панихиду по Никите Ивановичу, со дня кончины которого исполнилось 11-го декабря ровно двадцать лет.

«Дворцовые разряды», т. III; «Дополнения к актам историческим», т. III, V, VIII; Полное собр. закон., т. I; А. Викторов. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых Приказов 1684–1725 гг., М. 1877 г.; «Описание

документов Московского Архива Мин. Юст., т. I, II; С. Белокуров. Дневные записки Приказа Тайных дел 7165–7183 гг., М. 1908 г.; «Чтения Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1887 г., III, стр. 1–128: «Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова и дачи по нем на помин души»; «Русская Историческая Библиотека», т. V, X; Олеарий, Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию. Перев. с немецкого Павла Барсова, М. 1870 г.; А. Мартынов, Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Текст И. М. Снегирева. Изд. 2-е. Год четвертый, М. 1853 г.; «Село Измайлово, родовая вотчина Измайловых», стр. 99–131; Н. Устрялов, История царствования Петра Великого, СПб. 1858 г., II; М. Погодин. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого, М. 1875 г.; Соловьев. История России, т. X и XII; Московский Некрополь, т. III; Н. Селифонтов, Родословная рода Романовых, ч. II, СПб. 1898, стр. 100.

Романов (Юрьев-Захарьин), Никита Романович

Романов, *Никита Романович* (также *Юрьев-Захарьин*) – боярин; умер 23-го апреля 1586 г.; сын *Романа Юрьевича Захарьина* и жены его *Иулиании Феодоровны* и любимый шурин царя *Иоанна Грозного*. Он был женат дважды: в первом браке – на дочери *Ивана Дмитриевича Ховрина* – *Варваре Ивановне Ховриной* (ум. 18-го июня 1552 г.), во втором (вероятно, с 1555 г.) – на княжне *Евдокии Александровне Горбатовой-Шуйской* (ум. 4-го апреля 1581 г.), дочери князя *Александра Борисовича Горбатова-Шуйского*. Долгое время историки полагали, что от его первого брака родился сын *Феодор*, впоследствии патриарх *Филарет Никитич*. Вопрос о том, которая из двух жен *Никиты Романовича* была матерью *Феодора*, сильно интересовал *Гр. Вас. Мещеринова*, занимавшего в 1882–1901 гг. место командующего войсками в Казани; он изучил мельчайшие подробности, которые могли пролить свет на выяснения этого вопроса, и доказал, что *Феодор* был старшим сыном от второго брака его отца.

В 1547 г., на свадьбе царя *Ивана Васильевича* с *Анастасией Романовной*, *Никита Романович*, как один из братьев невесты, был «спальником» и «мовником». 3-го ноября того же 1547 г., на свадьбе князя *Юрия Васильевича* с княжной *Ульяной Дмитриевной Палецкой*, у постели была его жена *Варвара Ивановна*, а сам он должен был спать у постели, ездить с князем и мыться с ним в мыльне. В 1547–1648 гг. в неудачном *Казанском походе*, продолжавшемся с 11-го декабря 1547 г. до 7-го марта 1548 г., (вследствие оттепели войска должны были вернуться из *Роботок* в Москву), *Романов* находился рындой у царя. В 1552 г., во время взятия Казани, он вероятно был с царем, так как князь *Курбский* в «Истории» упомянул, что шурия, т. е. *Данило* и *Никита Романовичи*, посоветовали царю немедленно вернуться в Москву. Затем в течение семи лет ничего не известно о службе *Никиты Романовича*.

В 1559 г. во время Ливонского похода, он был товарищем князя Василия Семеновича Серебряного в передовом полку, а затем князя Андрея Ивановича Ногтева-Суздальского в сторожевом полку, где упоминается уже в чине окольничего. В 1560 г. в Разряде сказано: «А наперед больших бояр и воевод ходили в войну: в большом полку боярин князь Василий Семенович Серебряный, да окольничий Никита Романович Юрьев». В 1562 г. ему пожаловано было боярство. Весной 1564 г., по Крымским вестям, он был назначен быть в Кашире вторым воеводой правой руки, товарищем к князю Ив. Феод. Мстиславскому; вторым воеводой в левой руке был князь Андрей Ив. Татев. Воевода большого полка князь Ив. Дм. Бельский писал государю, что князь Татев «списков не взял», а сам князь Татев писал государю, что ему «в левой руке быти не мочно для Никиты Романовича, что Никита в правой руке». Царь ответил обоим, чтоб он «списки взял, и в левой руке был, а меньши ему Никиты быти пригоже». По «тайной росписи» Никита Романович должен был идти с сторожевым полком «с берегаи навстречу к царю Ивану Васильевичу. В августе того же 1564 г. он был вызван из Каширы в Москву для переговоров с Литовским гонцом; из Коломны был одновременно вызван и князь Ив. Дм. Бельский. В том же году, в случае прихода Крымских людей на Украину, Романов назначен был, в числе других бояр, остаться в Москве. В начале 1565 г., когда царь Иван Васильевич разделил Московское государство на «опричнину» и «земщину», то оставил Никиту Романовича членом Земского правления. В мае 1565 года Никита Романович подписался под грамотою об отправлении посольства в Ногайскую орду, к новому владельцу ее Тип-Ахмету, сыну умершего в 1563 г. Измаила, заклятого врага Крымского хана Девлет-Гирея.

В 1566 г., после смерти своего брата Даниила Романовича, он был сделан дворецким и получил звание «наместника Тверского». Из грамот от 15-го января и 11-го марта 1566 г. видно, что Иоанн Грозный, прогневавшись за что-то на своего двоюродного брата князя Владимира Андреевича, дал ему вместо старинных его городов Старицы и Вереи с волостями

свои два города: Дмитров и Звенигород, тоже с волостями. Со стороны Иоанна при этой мене были бояре: Ив. Петр. Федоров и Никита Романович Юрьев, казначей Никита Афан. Фуников и дьяк Путила Михайлов. С 7-го мая по 15-е сентября 1566 г. в Москве находилось посольство от Польского короля Сигизмунда-Августа к царю Ивану Васильевичу: паны Хоткевич, Тишкевич и писарь Гарабурда; они желали заключения вечного мира, но ближняя дума, состоявшая из князя Ив. Дм. Бельского, Ив. Вас. большого Шереметева и Никиты Романовича решила толковать с ними лишь о перемирии. 2-го июля 1566 г. была выдана послом Польского короля грамота об отказе в перемирии; под этой грамотой подписался и Никита Романович. В 1567–1570 г. в Москву неоднократно приезжали посольства от Польского короля, и каждый раз на долю Никиты Романовича выпадало вести с ними переговоры. В 1569 г. Романов по росписи от Польской Украйны назначен был быть в правой руке товарищем у князя Ив. Феод. Мстиславского, а в случае прихода Крымских людей идти «за реку», т. е., за Оку, с передовым полком. В 1570 г. Романов был оставлен на Москве, когда ратные люди были посланы «на берег» по Крымским вестям. В 1571 г. Никита Романович и Феод. Вас. Шереметев ставили город на одном из полуостровов озера Нещерди, в нынешней Витебской губернии, близ границ Себежского и Невельского уездов.

В 1572 г., в зимнем походе царя Иоанна в Великий Новгород и против шведов, Романов был одним из воевод передового полка, а затем оставлен был в Новгороде, в числе годовых воевод. В 1573 г. он был вторым воеводой передового полка в Ливонском походе под Пайду, а осенью этого года находился в Муроме по время сборов для похода под Казань; поход этот был отменен, так как «Казанские люди в Муроме доби́ли челом и договор учинили о всем по Государеву наказу». В том же году он был в «сидячих боярах» на свадьбе Арцымагнуса с княжной Марьей Владимировной, В январе 1574 г. царь Иван Васильевич снова послал Никиту Романовича в Ливонский поход товарищем Ногайского мурзы Афанасия Шейдяковича в большом полку. Когда поход окончился, расписаны были воеводы по полкам

«Литовской украины», и вторым воеводой большого полка (первым воеводой был царь Симеон Бекбулатович) оставлен был Никита Романович, а вторым воеводой в правой руке – князь Андрей Вас. Репнин. Царь Симеон писал об этом царю из Новгорода, – и государь ответил: «велено на той службе быть без мест; а как служба минетца, и государь тогды дела их послушает». В мае 1574 г. Романов стоял с полком правой руки в г. Мышеге, Тарусского уезда, для приходу Крымских людей. Незадолго до того, в феврале 1574 г., он назначен был, вместо умершего князя Мих. Ив. Воротынского, начальником над сторожевою и станичною службою. Это назначение доказывает, что царь Иван признавал сторожевую службу одною из важных отраслей государственного управления и заботился, чтобы она и после князя Воротынского продолжала совершенствоваться. Никита Романович вызвал станичных голов, вожей и станичников, расспросил их об урочищах, где назначены были станицы и разъезды по приговору князя Воротынского, и пожелал узнать их мнение, остаться ли при прежнем порядке, или сделать изменения? По-видимому, распределение станичных разъездов и сторож осталось прежнее, но для поощрения станичников и сторожей Никита Романович счел необходимым назначить им поместные оклады и денежное жалованье, что в том же году и было утверждено Боярской Думой. В 1575–76 гг. линия украинских укреплений настолько подвинулась вперед, что в нее поступили некоторые вновь выстроенные города, а многие прежде существовавшие пришлось укрепить и приспособить к пограничной службе. Вследствие этого Никита Романович вызвал в 1576 г., для новых расспросов, лиц, служивших на станицах и сторожах, и сделал некоторые изменения согласно с показаниями станичных голов; напр., отменено было прежнее правило высылать сторожей в степь к первому апреля и велено сообразоваться с временем открытия весны. По-видимому, тогда же было составлено расписание, из каких городов каким служилым людям быть на сторожах и на каком жалованье. В феврале 1577 г. «стоялые головы», бывшие на станичной службе в 1576 г., подали Никите Романовичу жалобу, что

украинские воеводы назначают на «вторые и третьи перемены» людей, плохо вооруженных, «худоконных» и неспособных для степной службы. Никита Романович доложил об этом царю и получил от него разрешение передать в ведение дьяков Разрядного Приказа назначение боярских детей на станичную службу, на все три перемены.

Украинским воеводам и осадным головам велено было высылать боярских детей в станицы не иначе, как по вестям про воинских людей; «а без вестей бы станиц не посылати, и тем бы воинским людям истомы не чинили». Кроме того, для облегчения боярских детей не велено назначать на степную службу подряд два раза одних и тех же людей. Ближайший надзор за сторожами поручен осадным головам, которые обязывались следить за исправностью службы и выезда сторожей и подвергались ответственности за недосмотр. После строгого разбора украинских сторожей, годные для сторожевой службы поверстаны были добавочными поместными окладами и денежным жалованьем, а на место негодных выбраны лучшие из городских служилых людей. В 1578 г. станичники подвинулись еще вперед и оставили далеко за собою Дон и его притоки. Крымцы, преследуемые сторожами, прокладывали новые дороги, но сторожи разыскивали эти новые пути и доносили Московскому правительству, которое немедленно принимало надлежащие меры. В 1579 г. Никита Романович усилил отряды двух станичных голов и так распределил их «разъезды», что крымцы должны были отказаться от проезда по новой дороге через Калмиус. Станичная служба получила столь правильную постановку, что ежегодно доставляемые в Разряд росписи достигли поразительной точности. В первые два года царствования Феодора Иоанновича (1584–1585 гг.) сторожевая украинская служба оставалась без изменений, а с 1586 г., по приговору Никиты Романовича, линия укреплений выдвинулась в степь до Сосны и устья Воронежа, и решено было выстроить два новых города: Ливны и Воронеж.

Рассказав вкратце о деятельности Никиты Романовича по обороне южной окраины Московского государства, о его заботливости и справедливости по отношению к служилым

людям, находившимся под его начальством, вернемся к 1575 г. Участвуя в этом году в Ливонском походе, Никита Романович взял город Пернау (Пернов) и изумил жителей великодушием, предоставив им право добровольно присягнуть Московскому царю или удалиться из города со всем своим имуществом. В декабре этого же 1575 года приехали великие послы Немецкого Императора, Иоганн Кобенцель и принц Даниил из Бухова. Их задержали в Дорогобуже, куда явились Никита Романович, князь Сицкий и дьяк Андрей Щелкалов с наказом от царя устроить съезжий двор и, «сославшись» с Немецкими послами, съехаться с ними на этом дворе и спросить от имени царя, за каким делом они приехали. Велено было выяснить, что не раз уже под видом послов приезжали торговые люди, которым оказывались почести, подобающие лишь послам. Иоганн Кобенцель и принц Даниил из Бухова ответили, что они приехали, чтобы подтвердить прежний союз и уговориться о Литовском деле и о всяком христианском прибытке; речи Императора они желали передать самому Царю. В 1577 г. Никита Романович был снова назначен участвовать в Ливонском походе; и Новгороде по росписи у него должны были собираться к Преполовению: Костромичи, Галичане, Вотская и Обонежская пятины. Весной царь Иоанн прибыл в Новгород с обоими царевичами, и Никита Романович должен был предводительствовать правой рукой. В том же 1577 г. он был в числе судей для разбора местнических счетов по челобитью Фомы Аф. Бутурлина на Ив. Вас. Шереметева Меньшего; суд не состоялся, так как Ив. Вас. Шереметев погиб в сражении под Колыванью (Ревелем). В конце 1578 г. начались сильные приготовления к войне со Стефаном Баторием; во главе бояр и приказных людей из земщины показан Никита Романович.

В 1580 году Царь Иван Васильевич обратился к Папе Григорию XIII с просьбой о посредничестве между Россией и Польшей. Папа послал для ведения дипломатических переговоров известного иезуита Антония Поссевина, который и был неоднократно принят царем Иваном Васильевичем в Старице с 20-го августа по 12-е сентября 1581 г. После того Поссевин поехал в Польшу, откуда и послал царю Ивану гонцов

с грамотами. В ноябре царь с семьей находился в Александровской Слободе; 9-го ноября там были и Никита Романович с дьяком Андреем Щелкаловым; государь «думал с ними о польских делах», и между прочим было приговорено, чтобы царь переехал в Москву в среду 15-го ноября, ввиду предстоявшего приезда Литовского гонца от Стефана Батория. После отъезда из Александровской Слободы Никиты Романовича и дьяка Щелкалова сильно занемог царевич Иван Иванович, вследствие удара, нанесенного ему отцом, в порыве гнева, железным посохом. Царь растерялся, но надеялся на выздоровление сына. Вот что он писал 12-го ноября: «От великого князя Ивана Васильевича всеа Руси боярину нашему Миките Романовичю Юрьеву да дияку нашему Ондрею Щелкалову – которого вы дня от нас поехали, тово дни Иван сын разнемогся и нынече конечно болен, и что есмя с вами приговорили, что было нам ехати к Москве в Середу заговевши, – и нынече нам для сыновни Ивановы немочи ехати в Середу нелзя, и вы б о том помыслили, как тому быти, что король гонца своего прислал, а велит делати наскоро, и вы б к нам отписали, как о гонце о королеве быти, а нам, докудова Бог помилует Ивана сына, ехати отсюда невозможно. Писан в Слободе лета 7090, Ноября в 12 день». На другой же день боярин Никита Романович и дьяк Щелкалов ответили царю. В начале отписки, как это было принято, повторялось содержание царской грамоты. Дальше следовало: «И мы холопи твои поговорили: Литовского для гонца тебе, государю, ехати не пригож, покаместа Бог Свое милосердие подаст обলেখченье государю нашему царевичю князю Ивану в его болезни. А про гонца, государь, про Литовского весть переновилась...: послан он в Новгород ко князю Ивану Голицыну с товарищи от папина посланника от Онтонья (Поссевина) с листом». Из этой отписки видно, что Никита Романович и дьяк Щелкалов не придали особого значения болезни царевича. 14-го ноября они вместе с другими боярами «сидели» в Москве о посольском деле и лишь 15-го или 16-го были вызваны в Александровскую Слободу и привезли с собой медиков. Помочь царевичу оказалось невозможно, и 19-го ноября он скончался.

Вскоре после погребения царевича, 27-го ноября 1581 г., Никите Романовичу пришлось делать распоряжения и рассылать грамоты, чтобы были наготове со всею службою стрелецкий голова и сотники, назначенные, в случае заключения мира с Польшею, ехать в города Холм, Луки Великие, Невль и Заволочье. В 1582 г., февраля 18-го, Антоний Поссевин был принят в Москве царем Иваном Васильевичем; в «ответе» с ним назначены быть: Никита Романович, два думных дворянина и дьяки. В 1583 г. приехал в Москву Английский посол Боус, чтобы выхлопотать англичанам исключительное право входа с товарами во все Беломорские пристани и жалованную грамоту Английским купцам на беспошлинную торговлю. В «ответе» с ним были: Никита Романович, Богдан Яковлевич Бельский и дьяки Андрей Щелкалов и Савва Фролов. После долгих переговоров царь велел передать Боусу окончательное решение, которым он остался недоволен: к пяти пристаням дозволялось приставать только англичанам; к Пудожемскому устью – испанцу Ивану Белобороду; к Коле – французам. Вскоре после того умер царь Иван Васильевич, оказывавший Боусу, по собственному его выражению, милость, жалованье и честь великие, свыше его достоинства. По вступлении на престол Феодора Иоанновича отношения к нему изменились: он был, как позднее сам говорил русскому посланнику в Лондоне, и «опозорен, и обесчещен и не чаял себе живу быти от бояр, ото князя Ивана Мстиславского да от Шуйских, да от Никиты Романова, да от дьяка Ондreja Щелкалова». Если он остался жив, то только благодаря заступничеству Бориса Годунова, с великим жалованием и честью отпустившего его в Англию. По словам Боуса, англичане не получили исключительного права торговли в России потому, что голландцы приобрели расположение трех главных советников царских: Никиты Романовича, Богдана Бельского и Андрея Щелкалова. Голландцы будто бы подносили им беспрестанно подарки и заняли у них большие суммы денег из 25 % годовых. Боус указывал на это, как на благовидную взятку, но в конце XVI в. размер роста определялся в заемных кабалах,

«как идет в людях, на пять шестой», т. е., обычно был высок, равняясь 20 %.

Перед смертью царь Иван Васильевич поручил своих сыновей Феодора и Димитрия нескольким приближенным и именитым людям; во главе этих лиц несомненно стоял Никита Романович., который, по единогласному указанию современников, занял первое место при дворе своего племянника, царя Феодора. Кроме того, большим значением пользовались шурины царя – Борис Годунов, князь И. Ф. Мстиславский и дьяки Щелкаловы. Никита Романович находился в родстве, хотя и дальнем, с Борисом Годуновым, так как отдал дочь свою Ирину замуж за Ив. Годунова, троюродного его племянника; будучи женаты на двух родных сестрах, княжнах Горбатых-Шуйских, Никита Романович и князь Ив. Феод. Мстиславский были свояками; к Щелкаловым Никита Романович относился весьма дружелюбно, так как ценил в них ум и выдающиеся государственные способности. Из этого ясно, что в первые месяцы царствования Феодора, пока Никита Романович был здоров, власть сосредоточивалась в кружке лиц, которые находились между собою в родственных и дружеских отношениях. Когда, вскоре после смерти Иоанна Грозного, произошел в Москве мятеж и народная толпа требовала выдачи Бельского, обвиняя его, что он извел царя Ивана и намерен извести и Феодора, – к народу вышли для увещания: князь Ив. Феод. Мстиславский, Никита Романович и дьяки Щелкаловы.

В августе 1584 г. Никита Романович сильно занемог и не был уже в состоянии принимать участия в делах правления. Чувствуя приближение смерти, он взял с Бориса Годунова клятву «соблюдать» его детей и «вверил» ему попечение о них; один из современников свидетельствует, что Борис «клятву страшну тем сотвори, яко братию и царствию помощателя имети». Во все царствование Феодора Годунов, действительно, имел Романовых в «завещательном союзе дружбы», как выразился писатель того времени князь И. М. Катырев-Ростовский, женившийся в 1608 г. на дочери Феодора (Филарета) Никитича, Татьяне, следовательно, хорошо

осведомленной обо всем, что касалось Романовых. Никита Романович принял пострижение и даже схиму перед кончиной. В Новоспасском монастыре в памятнике написано: «лета 7094 (1586), апреля в 23 день, представим раб Божий болярин Никита Романович Юрьев-Захарьин, во иноцех Нифонт схимник».

От первого брака с Варварой Ивановной Ховриной у Никиты Романовича не было детей. От второго брака с княжной Евдокией Александровной Горбатой-Шуйской он имел шесть сыновей и шесть дочерей: *Феодора* (впоследствии патриарха Филарета), *Александра*, *Михаила*, *Ивана*, *Василия* и *Льва*. Дочери его: *Иулиания* умерла во младенчестве; *Анна* была замужем за князем Феодором Ивановичем Троекуровым; *Евфимия* – за князем Иваном Васильевичем Сицким (обоих, т. е. и жену, и мужа, постригли при царе Борисе в монашество); *Марфа* – за князем Борисом Камбулатовичем Черкасским; *Ирина* – за боярином Иваном Ивановичем Годуновым; *Анастасия* – за боярином князем Борисом Михайловичем Лыковым.

Сыновья Никиты Романовича были известны в конце царствования Феодора Иоанновича, а также и при царе Борисе, под именем «Никитичей», что указывает на их сплоченность и дружбу между собой. Они-то стали называться не Захарьиными и не Юрьевыми, а Романовыми по своему деду, Роману Юрьевичу.

Остается сказать о земельных владениях Никиты Ром. и о том, как он воспевается в народных песнях.

2-го октября 1550 г. состоялся указ о раздаче под Москвою, верст на 60–70 в окружности, поместий и вотчин избранной тысяче «детей боярских – лучших слуг», а также боярам и окольничим, обязанным быть готовыми к посылкам, но не имеющим жалованных поместий и вотчин ближе 50 или 60 верст от Москвы. Избранная тысяча была разбита на три статьи, Никита Романович записан был в первую статью, следовательно получил 200 четвертей земли в Московском уезде (при переводе на десятины, это составит всего 300 десятин в трех полях). Царь Иван Васильевич щедро наделил

землями Никиту Романовича и его мать Иулианию Феодоровну, что видно из следующего места духовного завещания Царя: «... и что есми пожаловал Романову жену Юрьевича и ее сына Никиту волостями и селы... – и в те вотчины сын мой Иван и сын мой Федор не вступаются». В самой Москве Никита Романович владел, между прочим, огромной усадьбой в Китай-городе, на Варварке; часть этой усадьбы занята в настоящее время палатами бояр Романовых.

Благодаря тем материалам, которые находятся в статье Д. В. Цветаева: «Избрание Михаила Феодоровича Романова на царство» («Журн. Мин. Юстиции» 1913 г., январь), мы узнаем названия некоторых вотчин Никиты Романовича. Впоследствии вопрос о землевладении Романовых по документам Архива Министерства Юстиции (как обещает Д. В. Цветаев) явится предметом особого исследования. Начнем обзор с Московского уезда. В Васильцовом стану Никите Романовичу принадлежали: село Измайлово, которое так любил впоследствии царь Алексей, и село Рубцово; при обоих селах было 7 населенных деревень, три пустоши и около 1000 десятин пашни. В Монатыном, Быковом и Коровином станах к нему перешли большие вотчины князей Токмакова и Серебряного и других владельцев, село Чашниково, с каменной двухпрестольной церковью, и сельцо Филисово; при них 9 населенных деревень, 24 пустоши, селище, большие покосы, 32 десят. лесу и около 1300 десятин пашни. В Коломенском уезде, в Большом Микулином стане: села Степаново и Лысцово-Цепеево, с сенокосами, лесом и около 1650 десятин пашни; в селе Степанове, кроме того, «2 пруда с рыбою, а на пруде же мельница немецкая, а в селе – церковь Благовещения Пречистыя Богородицы, камена, да 2 предела». В Юрьево-Польском, Владимирском и Муромском уездах, т. е., в восточной части Замосковья, находились: Петровское, Клины, Смердово, Лычево, Кигалеево, Заколпье, Георгиевское. Около Нерехты – село Денисовское. В уездах: Галичском, Чухломском и Солигаличском – Анофриево, Шулева, Зосима-Савватий, Никола Мокрый, Степурино, Верховье и др. К северу от Москвы, по направлению к Бежецкому Верху: Хабацкое, Суслово,

Лихачево, Федорково. Около Твери: Тургенево, Свистуново. На запад от Москвы – вотчина в Вязьме. В Новгородском крае у него были владения в Буретском погосте Шелонской пятины и в Ивановском погосте Вотской пятины. В самом Новгороде жили многие из людей Никиты Романовича и занимались разными промыслами. На южной окраине Московского государства у него были обширные земли в Калужском (Карамышево, Спасское), Епифанском, Рязском Данковском, нынешнем Лебедянском и Елецком уездах. По местоположению вотчины распределялись так: к западу от городка Скопина, также принадлежавшего Никите Романовичу – Кремлево; к востоку – Вослеба; к югу от Данкова – Романово, Мокрое; у Ельца – Черное; между Ельцом и Липецком – Студенец; к югу от Липецка – Сырское и Троицкое. В Каширском уезде – село Рождественно с деревнями, сенокосами, лесом и более 1500 десятин земли. Вероятно, многие из этих земель Никита Романович приобрел в то время, когда заведовал обороною южной окраины. Он принадлежал к числу самых крупных землевладельцев своего времени, и на его земли, а впоследствии в вотчины его сына, Ивана Никитича, стремились крестьяне, жившие за небогатыми помещиками и вотчинниками, сознавая, что найдут в них заступников и покровителей.

Существует несколько вариантов народной песни, главным героем в которой выставлен Никита Романович. Вот суть этой песни: на веселом пиру царь Иван Васильевич стал хвалиться, что «вывел измену» из своей земли. Царевич Иван Иванович припомнил отцу, что они «много силы потратили», когда стояли под Псковом, и заявил, что произошло это вследствие «великой изменушки» царевича Феодора. Царь сильно рассердился и приказал Малюте Скуратову взять Феодора и казнить его за Москвой рекой. Царица Анастасия Романовна поспешила к своему брату Никите Романовичу, который в это время спал. Надо было торопиться, чтобы застать царевича в живых, и в песне замечательно картинно представлена та быстрота, с какой собрался Никита Романович:

«Скоро вставал на резвые ноги,
Сапоги надевал на босые ноги,

Шубу надевал рукавом на плечо;
Шапку надевал блином на голову,
Садился на коня не на седланного,
Скоро поскакал за Москву реку...»
Он крикнул Малюте Скуратову:
«Не за свой ты кус принимаешься!
Этим кусом сам подавишься!»

При этом он толкнул Скуратова в грудь; Скуратов не устоял на ногах и упал замертво. После того Никита Романович увел племянника в свои белокаменные палаты, а сам отправился навстречу царю Ивану, который шел к ранней обедне в «смирном» платье, заливаясь горячими слезами. Никита Романович поклонился ему и с усмешкой сказал: «Поздравляю вас с двумя сынами: с первым – Иван Ивановичем, с другим Федором Ивановичем». Царь опалился гневом на своего шурина за насмешку, но, узнав от него, что Федор жив и находится в его палатах, обрадовался и спросил, чем его пожаловать: третью земли, золотой казной, городом, крестьянами или Москвою? Никита Романов просил пожаловать лишь тремя улицами: Арбатом, Никитской и Мясницкой и даровать этим улицам право убежища, т. е. чтобы не захватывали и не обыскивали тех людей, которые на них взойдут.

В другом варианте песни царь прогневался на самого Феодора Ивановича за его заявление на пиру, что «измена» не только не выведена из всей земли, но существует в самом дворце и изменник постоянно находится при царе. Схваченный по приказанию отца Скуратовым, царевич немедленно отправил к своему «дедушке, к любимому царскому дядюшке Никите Романовичу», с известием о предстоящей казни. Никита Романович, в «одной тоненькой сорочушке без поясу, в одних шолковых чулочках без чоботов» вышел на крыльцо и приказал подвести двух лучших коней – одного для себя, другого для своего ключника. Так как царь приказал Скуратову отрубить голову царевичу и, воткнув ее на острый кол, поставить перед царскими окнами, то Никита Романович пожертвовал своим любимым ключником. Вместо царевича был обезглавлен

ключник и его голова на колу помещена перед царскими окнами. Сам же Никита Романович, на радости, что спас племянника, затеял пир в своих палатах.

В третьем варианте царевич Феодор прогневил отца тем, что на похвальбу царя Ивана Васильевича, что он вывел измену из Киева и выведет ее из Новгорода, Феодор заметил, что из Москвы измена не выведена, и что три боярина Годуновы – изменники. Царь велел назвать их по имени, но Феодор отказался и был отдан на казнь Малюте Скуратову. «Перепахнула весть» об этом в «село Романовское (Преображенское) к старому Никите Романовичу». Не спрашивая о подробностях, Никита Романович сел на неоседланного и невзнузданного коня, посадил за себя любимого конюха и поскакал за Москву-реку. Отняв у Скуратова царевича Феодора, он решил отдать ему своего конюха, чтобы было Скуратову чем «окровенить» саблю и «замарать руки белые». Спасенного царевича он увез в село Преображенское. «Не пива ему варить, не вина курить (т. е. всяких запасов вдоволь), а пир пошел у него на радостях, а в трубки трубят по-ратному, барабаны бьют по-воинскому». Увидав издали окровавленную саблю Скуратова и голову, которую нес его «подмастерье», царь лишился чувств и три дня не пил – не ел. Тело конюха положили на большую телегу и привезли отпевать в Соборную церковь. Царь очутился в это время у церкви и, будучи уверен, что совершается погребение царевича, кинул три горсти земли на могилу и «с печали» пошел бродить по Московским улицам. Бояре Годуновы шли с царем и «подмолвились, «что в такое скорбное время у Никиты Романовича идет веселый пир. Иван Васильевич отправил посла с приказанием немедленно привести к нему боярина. Едва только поравнялся Никита Романович с царем, как царь пронзил его правую ногу остроконечным посохом и стал выговаривать ему за пиროванье в то время, как у него, царя, «кручина несносная». Никита Романович смело ответил, что пир идет для «утехи» царевича Феодора. Царь вместе с Никитой Романовичем пошел в его палаты и, увидав Феодора невредимым, обратился к Никите Романовичу с такою речью:

«А чем боярина пожаловати
А старого Никиту Романовича?
А погреб тебе злата-серебра,
Второе тебе питья равного,
А сверх того грамота тарханная:
Кто церкву покрадет, мужика ли убьет,
А кто у жива мужа жену уведет,
И уйдет во село во боярское,
К старому Никите Романовичу,
И там быть им не в выдаче».

Из всех этих вариантов ясно, что в народе сложилось убеждение о самостоятельности Никиты Романовича, о том, что он смело вступался за невинных, не опасаясь подпасть под гнев жестокого царя Иоанна, наконец – о молодецкой удали и быстроте, с которыми он приводил в исполнение свои решения. В первом из приведенных нами вариантов является заступницей за царевича Феодора его мать – Анастасия Романовна, умершая в 1560 г., когда царевичу Ивану шел шестой год, а царевичу Феодору третий год. В одном из вариантов Никита Романович называется «дедушкой» царевича Феодора и «царским дядичкой, «тогда как в действительности он приходился родным дядей Ивану и Феодору Ивановичам и шурином царю Ивану Васильевичу. Очевидно, что народная молва имела в виду убийство царевича Ивана в Александровской слободе, но смешала его с царевичем Феодором и перенесла действие в Москву. Оставляя в стороне эти неточности песни, обращаем внимание на тот почет и на ту любовь, которые заслужил Никита Романович среди народа.

Никита Романовича упоминается и в песне, сложенной по поводу женитьбы царя Ивана Васильевича на черкесской княжне Марии Темрюковне. Брат ее Мамстрюк Темрюкович вызывающе заявляет на пиру у царя, что в Москве нет таких умелых борцов, с которыми ему стоило бы померяться силою. Не вдаваясь в подробности многих вариантов, скажем только, что Никита Романович, по приказанию царя, призывает борцов; в одной песне они названы: «Васинька Маленький» и «Потанюшко Хроменький, « в другой «два брата Борисовичи» и

т. п. В этой песне ясно выразились народная любовь к шурина царя по первой жене Никите Романовичу, которого Иван Васильевич называет «дядюшка, свет Никита Романович!», и недружелюбно-насмешливое отношение к шурина по второй жене, чужеземцу Мамстрюку; он выставлен в жалком свете: борцы не только одолевают его, но снимают с него всю одежду, а царь на жалобы «Кострюка-Мострюка» (как величает его песнь) ссылается, что сделано это не по его приказанию, а по приказанию Никиты Романовича. Вместе с тем царь, очевидно, доволен исходом борьбы, так как говорит:

«А не то у меня честь в Москве,
Что Татары-те борются;
То-то честь в Москве,
Что Русак тешится!»

«Древняя Российская Вивлиофика», т.т. VIII, XI, XIII, XIV, XX; «Собрание Госуд. Грамот и договоров.», т. I; «Отеч. Записки» 1830 г., ч. 44; «Синбирский Сборник», М. 1846 г., I; М. Погодин. «Русский Исторический Сборник», т.т. II и V; «Дополн. к актам историч.», IX; «Писцовые книги XVI в.», т. II; «Чтения Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1902 г., I; «Сказания князя Курбского», СПб. 1868 г., изд. 3-е, Н. Г. Устрялова; «Сборник Имп. Русского Историч. Общества», т.т. 38 и 71; Н. П. Лихачев. Дело о приезде в Москву Антония Поссевина, СПб. 1903 г. (Отт. из «Летописи Занятий Археографич. Комиссии», вып. XI); Сказания Массы и Геркмана; П. В. Киреевский. Песни. Изд. Общ. Любителей Российской Словесности, М. 1864 г., вып. VI; Н. Карамзин, История госуд. Российского, т. VIII–X; И. Д. Беляев, О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской украине Моск. госуд. до царя Алексея Михайловича («Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.» 1845–1846 гг., № 4); С. Соловьев. История России, т. т. VI–VII; С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в., СПб. 1897 г.; С. Платонов, Очерки смуты; Н. Селифонтов. Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова, СПб. 1901 г., вып. I, вып. 2, 1898 г.; Д. В. Цветаев, Избрание М. Ф. на царство – «Журн.

Мин. Юстиции» 1913 г., кн. I, стр. 1–91; Барон М. А. Таубе – статья о гербе Романовых в журн. «Гербовед» 1913 г., № 7.

Романов, Павел Ипатьевич

Романов, Павел Ипатьевич, управляющий Канцелярией Кронштадтского военного губернатора; происходил из дворян Петербургской губернии, воспитывался в Первом штурманском полуэкипаже (ныне Техническое училище), из которого выпущен был в 1839 году прапорщиком флотских штурманов, и плавал по Балтийскому морю до 1845 года, когда перешел в Канцелярию Кронштадтского Военного губернатора столоначальником. В 1859 году он был назначен Управляющим губернаторской Канцелярией и в этой должности прослужил более 40 лет, дослужившись до чина действительного статского советника (в 1887 году). Р. был членом Комитета народного здоровья, Директором Тюремного Комитета, почетным членом Дома призрения в память Наследника Цесаревича Николая Александровича, членом Попечительного Совета Александровской женской гимназии и членом некоторых других благотворительных обществ; он скончался 2-го февраля 1890 года в Кронштадте, где и погребен.

«Кронштадтский Вестник» 1890 г., 4-го февраля, № 15, стр. 3 (некролог); Русский календарь на 1891 г., некролог, стр. 284; «Новое Время» 1890 г., № 5006, 5007 и 5008.

Романус, Аврам Иванович

Романус, Аврам Иванович (и *Романиус*) – генерал-поручик; родился, по-видимому, в Австрии, из «шляхетства» (дворянства) коей он происходил: в Русскую службу вступил, солдатом, 13-го мая 1735 года, в Псковский пехотный полк, в котором «унтер-офицерскими чинами происходил» до 1742 г., когда, 12-го сентября, получил чин прапорщика. Переведенный в 1744 году корнетом в Кирасирский полк, Р. в 1750 г. получил чин поручика, в 1755 г. – ротмистра, в 1757 г. (1-го января, 30-го июня и 12-го июля) – секунд-майора, премьер-майора и подполковника; последний чин он получил после того, как, будучи прислан от фельдмаршала Апраксина в Петербург с ключами г. Мемеля и взятыми там трофеями, поднес их 11-го июля Имп. Елисавете Петровне, от которой получил в награду 500 рублей; в 1759 г., 14-го апреля, состоя при заграничной армии, произведен был в чин полковника и в том же 1759 году был переведен, с назначением командиром, в Казанский Кирасирский полк (в котором уже служили в это время Иоганн и Алексей Романусы – вероятно, его братья), а 1-го июля 1762 г. произведен был в генерал-майоры с назначением состоять по армии; в 1768 и 1769 г. он находился в Малороссии, в армии графа П. А. Румянцева, в 1770 г. награжден был орденом св. Анны 1-й ст., 1-го января 1771 г. пожалован был в генерал-поручики, а 10-го июля 1775 г. получил орден св. Александра Невского; в конце 1771 и еще в 1781 г. он командовал корпусом, стоявшим в Польше и Литве и в 1778 г. предназначавшимся для действий против Австрии и в помощь Фридриху Великому, хотя в 1775 г. официально Р. значился при Оренбургском корпусе; в 1760 г., за оказанную им отличную к службе ревность, он получил в Лифляндии мызу с землею до 10 гаков. Имел орден Белого Орла (1776) и состоял на службе еще в 1783 году; умер до 1799 г.

В 1775 г. Р. был пожалован Королем Польским в потомственное дворянство; владел имениями в Игуменском уезде Минской губернии, Его сын, отставной капитан *Александр*

(род. в 1781 г.) с сыном Адамом внесен был в дворянские книги Минской губернии (ч. I).

В продолжение своей службы Р. участвовал в походах в Турецкую и Шведскую войны и был «как при взятии городов, так и в прочих случающихся сражениях и партиях везде безотлучно». Перед началом войны с Пруссией он в 1756 и 1757 гг. «употребляем был во многие по секретным экспедициям посылки», а затем находился в 1757 г. в сражении при Грос-Егерсдорфе, а в 1758 г. – при Фирстенфельде (14-го августа) и при Цорндорфе; при Фирстенфельде Р. был «ранен пулями – первую в правое плечо, которая вышла в половину спины, вторую – в правую руку выше локтя, да штыком в правую ногу насквозь» и «от тяжких ран лежал на месте баталии между мертвыми, ограбленный даже до последней рубашки». В 1759 г. он участвовал в сражениях при Пальциге и при Франкфурте, а в 1760 и 1701 гг. – безотлучно был с командуемым им Казанским кирасирским полком во все продолжение кампании и участвовал в занятии Берлина Русскими войсками.

Архив Департамента Герольдии; В. Н. Шустов. История 25-го драгунского Казанского полка. 1701–1901, Киев. 1901, стр. 88, 92–93, 95, 97; Камер-фурьерский Журнал 1757 г., стр. 65; Журнал о военных действиях Российской Имп. Армии, ч. I, 1757 и 1753 г., СПб., 1761; Список военным генералам со времени Петра I до Екатерины II, СПб. 1809, стр. 106 и 123; Ильенко и Масловский. Опись дел секретного поветья Моск. Отд. Общ. Архива Главного Штаба, М. 1890, стр. 125, 153, 157, 159, 162, 166, 170, 172–174, 178, 191; «Русск. Стар.» 1882 г., т. XXXIV, стр. 299; «Сборник Имп. Русск. Историч. Общества», т. 12, 26, 42, 62, 65, 118 и 135; Дневник поручика Васильева, СПб. 1896, стр. 13; Д. Н. Бантыш-Каменский. Историческое собрание списков кавалерам 4-х Российских орденов, М. 1814, стр. 811; Сочинения Державина, изд. Акад. Наук, т. XII, стр. 7–8; Сенатский Архив, т. XIII; Архив Государственного Совета, т. I, ч. 1; Список Воинскому Департаменту на 1776 г., стр. 20.

Романус Иоганн, генерал-майор

Романус Иоганн (и *Романиус*) – генерал-майор; происходил «из шляхетства Цесарской нации, католического закона», родился в 1709 году, в военную службу вступил 15-го февраля 1728 г., в том же году получил чин капрала (8-го июня), в следующем – подпрапорщика и сержанта (1-го февраля и 5-го июля), а в 1732 г., января 1-го, произведен был в прапорщики. В 1734 г. он участвовал в войне в Польше и в Литве, был на баталии при Вильне, а потом послан был курьером в Кабинет, но взят был поляками в плен, в котором находился около 7 месяцев и из коего был отбит на Седлецкой баталии генералом Измайловым и подполковником Ливеном. В 1736 г. Р. при Азове находился в атаке города и при штурме палисада его и 8-го июля произведен был в поручики; в 1737 г. участвовал в штурме Очакова, где был ранен пулями в правую ногу, в правое плечо и в левую щеку (пуля из щеки вышла только спустя 16 лет); в 1738 г. Р. был при Днестре, в 1739 г. был в сражении при Ставучанах и при Хотине и получил 8-го июня 1739 г. чин капитана; в 1742 г. он участвовал в Шведской войне, был в Лифляндии и при атаке Гельсингфорса, в 1752 г. (25-го апреля) получил чин секунд-майора, а в 1755 г. переведен был в Казанский кирасирский полк и вскоре получил чин подполковника (25-го декабря).

В Семилетнюю войну Р. в 1757 г. был в походе в Пруссию, участвовал в сражении при Грос-Егерсдорфе, а в 1759 г., июля 12-го, – при дер. Пальциге, где «с неприятельскими эскадронами выехавшими между первую и второю линиями, действительно в сражении был и рубился и в тыл оных гнал», а 1-го августа был в сражении при Франкфурте, где тяжело ранен пулею в голову. Получив 1-го июня 1760 г. чин полковника, он служил в Казанском Кирасирском полку до 1762 г., когда, 2-го апреля, произведен был в генерал-майоры (в этом чине состоял и в 1770 году); 23-го ноября 1762 г., именным указом Имп. Екатерины Военной Коллегии Р. был определен, в числе других генералов, в корпус войск, находившихся в Малороссии, на

линии и при границах, а в 1769 г. находился в главной Русской армии, состоявшей под начальством генерал-аншефа князя Голицына.

В. Н. Шустов, История 25-го Казанского драгунского полка. 1701–1901, Киев. 1901, стр. 333 и 389; Сборник Имп. Русского Исторического Общества, т. 12 и 62; Список военным генералам со времен Имп. Петра I до Екатерины II, СПб. 1809, стр. 105 и 122; Сенатский Архив, т. XII, стр. 208.

Романус, Иван Васильевич

Романус, Иван Васильевич, генерал-лейтенант, костромской губернатор; род. в 1803 г., воспитывался в Имп. военно-сиротском доме (Павловском кадетском корпусе), откуда в 1821 г. (октября 14-го) был выпущен прапорщиком в Гренадерский Короля Прусского полк; прослужив здесь с небольшим год, Р. 29-го января 1823 г. переведен был в л.-гв. Гренадерский полк, в коем в 1824 г. (мая 31-го) произведен был в подпоручики, а в 1826 г. (6-го декабря) – в поручики. Приняв в 1828 г. участие в Персидской кампании, Р. 12-го февраля этого года, за отличие в сражении, получил орден св. Анны 4-й ст. с надписью «за храбрость» и в том же году, за отличие в сражении против турок – тот же орден 3-й степени с бантом (6-го декабря 1828 г.).

По возвращении с театра войны Р. вскоре был прикомандирован (5-го мая 1830 г.) к Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в 1831 г. получил чин штабс-капитана, а 21-го апреля 1835 г. – капитана, неся должность дежурного офицера роты гвардейских подпрапорщиков. 20-го января 1837 г. Р. был произведен в подполковники с назначением в Воронежские батальоны военных кантонистов, но 6-го февраля того же года назначен был командиром 1-го Казанского батальона тех же кантонистов; затем, в чине полковника (с 16-го апреля 1841 г.), он служил в Смоленской губернии штаб-офицером 2-го округа корпуса жандармов и, произведенный в генерал-майоры, был назначен, 3-го декабря 1851 г., и. д. вологодского губернатора; утвержденный в должности 2-го июня 1853 г., Р. 13-го августа 1854 г. был переведен военным губернатором в г. Ковно, откуда 24-го октября 1857 г. был перемещен военным губернатором г. Костромы и Костромским гражданским губернатором и вскоре получил чин генерал-лейтенанта; в этой должности он и скончался в июне 1861 г. (исключен из списков в приказе 30-го июня).

Формулярный список за 1836 г.; Архив Капитула Орденов;
Архив Департамента Герольдии; Адрес-календари; К. П.
Гуковский, «Г. Ковна», изд. 1904 г., стр. 69.

Романчуков, Алексей Саввич

Романчуков, Алексей Саввич, стряпчий; с 1627 по 1629 г. был стряпчим с платьем, а с 1629 г. – стряпчим; в 1633 году он был послан к воеводе Баиму Болтину с царскою грамотою и пожалованным за службу «государевым жалованьем», а в 1636 году был назначен сопровождать Голштинское посольство в Персию и, одновременно, «малым послом» к Шаху Персидскому. 24-го сентября он прибыл в Астрахань, где его ожидало посольство. На обратном пути, в конце 1638 года, Р. поехал из Астрахани вперед посольства с донесением к Царю Михаилу Федоровичу. Как сообщает Ад. Олеарий, это был человек со здравым умом и весьма ловкий, получивший некоторое образование, знавший немного латинский язык и имевший большую склонность к наукам. Во время пути он, благодаря голштинцам, вполне овладел латинским языком и ознакомился с началами математических наук, до того пристрастившись к ним, что беспрестанно беседовал о них с голштинцами, занимаясь в каждом попутном городе применением астролябии и делал математические вычисления. В 1638 году он, по-видимому, отравился, узнав о неудовольствии на него Государя за действия его в Персии, а также, может быть, и за излишнее увлечение науками.

П. Иванов, Алфавитный указатель фамилии и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в Моск. Архиве Мин. Юстиции, М. 1858, под годами 7135, 7137 и 7144; Акты Московского Государства, т. II, СПб. 1894, стр. 485; Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 гг., составленное секретарем посольства Адамом Олеарием, пер. с нем. П. П. Барсова, книга IV, стр. 464–466 («Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских» 1869 ч., кн. I, отд. 4); В. С. Иконников, Ближний боярин Афан. Лавр. Ордин-Нащокин, один из предшественников Петровской реформы – «Русская Старина» 1883 г., октябрь. стр. 26.

Романчуков, Савва Юрьевич

Романчуков, Савва Юрьевич, дьяк. При царе Василии Шуйском, «будучи на Москве против Польских и Литовских людей и русских воров», выдержал «Московское осадное сиденье крепко и непоколебимо, безо всякия шатости», терпя «голод и во всем оскудение, и всякую осадную нужду». При Василии же Шуйском был пожалован поместьем окладом в Тверской области в 400 четвертей. В 1611 году он получил чин дьяка «при Литве»; в 1612 году скрепил «отписку» князя Пожарского к Новгородскому митрополиту о созыве «выборных земских чинов для избрания государя». В 1614 году он – дьяк Посольского Приказа, «в товарищах» сперва к И. Грамотину, потом к П. Третьякову, с заведованием польскими и литовскими делами и «Новгородской четвертью». В том же году Р. был пожалован за «Московское осадное сиденье» вотчиною в 80 четвертей в Ярославском уезде, в Жарской волости, сельцом Писютиным. В 1623 году он именуется «государевым дьяком»; «скрепы» его находятся, главным образом, на «царских грамотах». Служил до 1624 года. Сыновья его: Алексей и Василий были «стряпчими с платьем» в 1627 г., а Иван и Юрий – «патриаршими стольниками» в том же году. Род его прекратился на внуке его Иване Ивановиче.

Общий Гербовник, т. IV, стр. 74; Архив Департамента Герольдии Правительствующего Сената, дело по Герольдии № 514, связка 2478; Н. Н. Оглоблин, Обзор историко-географических материалов XVII и начала XVIII в., заключающихся в книгах Разрядного Приказа, М. 1884 г.; Русская Историческая Библиотека, т. II, стр. 242, 363; т. V, стр. 13; т. VIII, стр. 128; т. IX, стр. 298, 311, 379–381. Акты Исторические, т. III, стр. 136, 138, 139, 178, 456, 458, 459; Дополнения к Актам Историческим, т. I, стр. 294, т. IX, стр. 203; Акты Археографической Экспед., т. III, стр. 21, 31, 125, 147, 170, 180, 191, 206, 208, 221; Памятники Дипломатических Сношений, т. I, стр. 222, 283, 310, 319, 628, 681, 566, 682; т. II, стр. 1071, 1081, 1083, 1093, 1134, 1136; Н. Лихачев,

Разрядные дьяки XVI в., стр. 526; Сборник Археолог. Инст., вып. VI, стр. 102; Акты Московского Государства, т. I, стр. 191; П. Иванов, Алфав. указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м Отделении Москв. Архива Мин. Юстиции, М. 1853 г.; Описание актов собрания графа А. С. Уварова; Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым, под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского, М. 1905 г., отд. II, № 132; С. М. Соловьев, Ист. России, изд. «Общ. Пользы», т. II, стр. 1127; «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-ое, ч. VII, стр. 224; Дворцовые Разряды, т. I, стр. 142, 159; Вестник археологии и истории (изд. Имп. Археол. Инстит.), вып. XX, СПб. 1911 г. статья: Материалы для истории сношений России с иностранными державами в XVII в., стр. 47, 48, 56–65, 83, 84.

Роман, преподобный Киржачский

Роман, преподобный Киржачский, ученик св. Сергия Радонежского; скончался 29-го июля 1392 года. О его происхождении нет никаких сведений. Возникшие в Радонежском монастыре, вследствие нежелания части братии иметь игуменом преп. Сергия, раздоры заставили святого удалиться вместе с преп. Романом в Покровские леса и поселиться близ сельца Киржача (Покровского уезда Владимирской губ.). Здесь они положили основание Введенскому Киржачскому монастырю. Возвратившись затем в обитель по просьбе митрополита Алексия и другой части братии, преп. Сергей поручил преп. Роману оканчивать устройство нового монастыря. Роман устроил обитель, был ее первым настоятелем и служил братии примером подвижнической жизни. Мощи преп. Романа почивают под спудом в храме обители Киржацкой (ныне соборный храм города Киржача). Не канонизован.

Житие преп. Сергия Радонежского, написанное Епифанием Премудрым (Макарьевские четьи mineи, под 25-м сентября); В. О. Ключевский, Древнерус. жития святых, 1871 г., стр. 131; Н. Барсуков, История русской агиографии, 456–57; Филарет. Русские святые, 1882 г., т. II, стр. 451, 29 июля; Игнатий. Краткое жизнеописание русских святых. XIV в., стр. 73; Словарь исторический о святых, 1862 г., стр. 205; «Книга, глаголемая Описание о российских святых», № 219 («Чтения» 1887 г., № 4.); Леонид, Святая Русь, № 661; В. Зверинский. Материалы для истор.-топогр. исслед. о правосл. монаст., т. II, № 861 (указана вся литература о монастыре).

Роман, митрополит Литовский и Галицкий

Роман, митрополит Литовско-Галицкий в 1354–1361 г. Происходил, как сообщает Византийский историк Никифор Григора, из какого-то соседнего Ольгерду, великому князю Литовскому, русского княжеского рода, каковым, по-видимому, был Тверской, так как дочь великого князя Тверского Александра Михайловича – Ульяна (Иулиания) была второю женой Ольгерда. Кем он был до назначения на митрополичью кафедру, неизвестно. В Летописце Рогожском (XV в.) он назван чернецом и сыном боярина Тверского. Если верить Н. Григоре, это был человек не заурядный по своей природе, с большими религиозно-церковными сведениями и большой общественной опытностью. Честолюбие его – несомненно. Движимый им, он предложил себя Ольгерду в качестве исполнителя политических замыслов последнего о приоритете Литовско-русского государства над Московским путем перенесения кафедры «митрополита Киевского и всея Руси» из Москвы (где она тогда была) обратно в Киев и назначения на нее его, Романа, – с тем, чтобы, путем церковного главенства, взять в свои руки и политическое.

В 1352 году, зимою, по смерти митрополита Феогноста, митрополичья кафедра освободилась, и Роман, снабженный грамотами Ольгерда, в которых последний хвалил своего избранника и просил назначить его на митрополию, и с достаточным количеством золота явился в Царьград, но опоздал: в митрополиты Киевские был уже посвящен, 30-го июня 1354 г., Алексей, архиепископ Владимирский, ставленник покойного Феогноста, которому место митрополита было обещано еще до смерти последнего. Считаясь с желанием Ольгерда, патриарх Филофей, рукоположивший Алексея, возвел Романа в Литовские митрополиты, причем ему были определены, кроме двух Литовских епархий – Полоцкой и Туровской, где должна быть митрополичья кафедра, и епархии «Малой Руси» – т. е. Владимирская, Холмская, Галицкая, Перемышльская и Луцкая. Такой оборот дела не входил в

расчеты ни Ольгерда, ни Романа; были пущены в ход деньги, причем к этому, естественно, прибегнул и Алексей; когда их не хватило, «от обоих из Царя-Града приидоша послы в Тверь к Феодору, владыце Тверскому», чтобы был произведен сбор с духовенства, и сбор, вероятно, усиленный, потому что, как говорит летопись, «бысть священническому чину тяжесть велия везде». В конце концов Алексей одолел Романа. Это не удовлетворило Р. и на следующий год (1356) он снова отправился в Царьград «искать себе Киева». Туда был вызван и Алексей, и между ним и Романом произошел, как говорит летопись, «спор великий». В результате патриарший синод подтвердил свое прежнее постановление о бытии Роману митрополитом «Малой Руси». Последний остался не доволен этим исходом дела; его и Ольгерда точка зрения, что все, принадлежащее к княжеству Литовскому в политическом отношении, должно принадлежать и Литовскому митрополиту в церковном отношении, побудила его отправиться в конце 1356 года в Киев, политически принадлежавший Ольгерду, в церковном же отношении – Москве, не взяв даже патриаршей грамоты, определявшей пределы его владений; его здесь не приняли, может быть потому, что имели своего, хотя и не канонично поставленного митрополита – Феодорита; это, однако, его не смутило: он объявил себя единственным митрополитом Киевским и всея Руси и, опираясь на Ольгерда, совершал литургии, рукоположения, что вызвало столкновения, сопровождавшиеся даже кровопролитием и разорением христианских жилищ, особенно в г. Алексине.

В 1356 году Ольгерд овладел г. Брянском и областью Черниговской, что дало возможность Роману и здесь предъявить свои притязания. Все это побудило Алексея отправить в 1357 году в Константинополь своих послов с жалобами на Романа. Пока тянулся разбор дела, Алексей, отправившись в Киев, получил целый ряд оскорблений со стороны Ольгерда; но самый факт поездки Алексея Роман учел со своей точки зрения тем, что отправился в 1360 г. в Тверь «напрасньством и безстыдством, не обослався ни по любви с преосвящ. Алексием, но не бысть ему ничто же по его мысли и

воле», так как он не был принят архиепископом Феодором, но принят был с большим почетом князьями, Которые находились в родстве и дружбе с Ольгердом и враждовали против Москвы. Для прекращения этих притязаний Романа и для разрешения недоразумений его с Алексием, в 1361 году Константинопольский патриарший синод, под председательством самого Императора, вновь подтвердил свое первоначальное распределение епархий между митрополитами, а для подробного разбора дела на месте отправил на Русь патриарших апокрисиариев – митрополита Кельчинского и диакона Георгия Пердикку, и была об этом заготовлена особая грамота. Разбор дела окончен не был, так как вскоре после прибытия апокрисиариев в Россию, в исходе 1361 года, Роман умер.

Полн. Собр. Русск. Летописей, т. X, стр. 226–231; т. XI, стр. I; Степенная книга, т. I, стр. 452, 453; Летопись Данилевича, стр. 173–174; Acta Patriarchatus Constantinopolitani, изд. Miclosich'ем и Müller'ом, т. I, стр. 425–430, 434–436; Русск. Ист. Библиотека, т. VI, прилож., стр. 70–92; Nicephorus Gregoras, Historiae Byzantinae, т. III, Bonnae. 1855, стр. 518–521; Акты Запад. России, т. III, прим. 84; П. М. Строев, Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви, СПб. 1877 г., стр. 2, 1039; Архиепископ Макарий, История русск. церкви, т. IV, СПб. 1866, стр. 42–45, прил. № 9, стр. 44–45; Т. Барсов, Константинопольский патриарх и его власть над Русскою Церковью, СПб., 1878 г., стр. 393–397; И. Покровский, Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы, т. I (XVI–XVII вв.), Казань. 1897 г., стр. 12–14; А. С. Павлов, О начале Галицкой и Литовской митрополий, М. 1894, стр. 8, 34–38; Н. Geizer, Beiträge zur russischen Kirchengeschichte – Zeitschrift für Kirchengeschichte, изд. Бригером и Бессом, т. III, стр. 246 и след.; Н. Тихомиров, Галицкая митрополия, СПб. 1896, стр. 95–108; И. П. Филевич, Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие, СПб. 1890, стр. 150; Е. Е. Голубинский, История русской церкви, т. II, ч. 1, М. 1900, стр. 182–185, 190–193; М. С. Грушевський, История України-Руси, т. IV, Львов. 1903, стр.

67–68; т. V, *ib.* 1905, стр. 387–890, 409, 418; В. С. Иконников, *Опыт русской историографии*, т. II, ч. 1, стр. 993, 1019; ч. 2, стр. 1099, 1142, 1192; С. М. Соловьев, *История России*, изд. «Общ. Пользы», т. I, стр. 1247–1249; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья Северн. Руси в татарский период*, т. II, СПб., 1891 г., стр. 543, 244; Филарет *Русские святые*, февраль, стр. 92–98; *Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко*, СПб. 1913, стр. 66–71.

Роман, игумен Златовратского Спасского монастыря

Роман, игумен Златовратского Спасского монастыря во Владимире-на-Клязьме; по-видимому, был игуменом от 1512 до 1534 г.; других известий о нем не сохранилось.

П. М. Строев, Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви, СПб. 1877, стр. 698, № 22.

Роман, игумен Николаевского на Липне монастыря

Роман, игумен Николаевского на острове Липне, близ Новгорода, монастыря, основанного в первой половине XII в., первый из известных нам игуменов. В 1513 г. великим князем Василием Ивановичем ему была пожалована несудимая грамота. По-видимому, в его настоятельство, в 1518 г., при архиепископе Макарии и по его предложению, в монастыре (равно как и во многих других монастырях епархии) было устроено общежитие, – и тогда «нача благодать множитися, и все благочиние пребывати и братия в монастырь начаша приходитьи».

Архим. Амвросий, История Российской иерархии, т. V, стр. 15; П. М. Строев, Списки иерархов и настоятелей монастырей Российские церкви, СПб. 1877, стр. 112, № 58; Полное Собр. Русск. Лет., т. VI, стр. 284–285; т. XX, ч. I, стр. 405.

Роман, игумен Воскресенского Терехова монастыря

Роман, игумен Воскресенского Терехова, на Оке, близ Шилова, монастыря Рязанской епархии. Время его настоятельства падает на 1520–1534 гг.; первый из известных нам игуменов монастыря. В 1520 году великим князем Василием Ивановичем была дана Роману несудимая грамота.

П. М. Строев, Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви, СПб. 1877, стр. 433 № 12; В. В. Зверинский, Материал для историко-топогр. исслед. о правосл. монастырях в Росс. Империи, т. III, № 1546; Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссии, т. XVII, в. 1, стр. 42.

Роман Владимирович, благоверный князь Угличский

Роман Владимирович, Угличский князь с 1261 до 1285 г., второй сын Угличского князя *Владимира-Димитрия Константиновича*, упоминается в летописях только по случаю кончины: в Троицкой летописи сказано, что он скончался в 1283 г.; в первой же Софийской и Воскресенской летописях годом его кончины показан 1285-й год. Некоторые сведения о нем мы почерпаем из «Истории г. Углича», в основание которой положены по-видимому, какие-то местные летописи. По словам автора этой книги, г-на Кисселя, Роман был истинным отцом подданных, строил больницы и странноприимные дома в Угличе и в монастырях, причем больницы содержались на его счет, странноприимные дома – на счет монастырей. Он же построил в Угличе других городах и селах 15 церквей при нем, по словам одной из местных летописей, «Угличское княжество, по числу седми городов, Семиградным именовалось». Города эти были следующие: Кашин, Бежецкий Верх, Железный Устюг, Дмитров, Звенигород, Романов и Углич, как столица. Кроме того, Угличу были подвластны слободы: «Борисоглебская, от нея же Романов начало восприим; Рыбная слобода, или Рыбинская, Молочная... Сии великосадные слободы, так же и иные многия веси и села во одержании своем Углич имеяше». На основании местных летописей «История Углича» считает князя Романа Владимировича основателем г. Романова, по Экземплярский называет основателем этого города сына Ярославского князя Василия Грозного – тоже Романа.

Автор «Истории Углича» представляет князя Романа Владимировича не только, как мудрого правителя, любившего беседовать с умными и опытными людьми, но как подвижника, преисполненного религиозных чувств, пламенные молитвы которого спасли Углич от разорения Батыя. Молва о кротком, мудром и милосердом князе привлекала в Углич народ даже из других княжеств, вследствие чего город расширялся и украшался. Князь Роман был женат на какой-то Александре,

скончавшейся раньше его; потомства у них не осталось. По свидетельству летописца, приводимому г-ном Кисселем, князь Роман, предугадав свою кончину, созвал бояр и духовенство во дворец и завещал им жить в мире, любви и согласии. Углич перешел после его смерти к его двоюродным братьям, князьям Ростовским. Если верить «Истории г. Углича», то князь Роман скончался 3-го февраля 1285 г., будучи 60 лет от роду; между тем, Лаврентьевская летопись считает, что отец его, князь Владимир Константинович, женился в 1232 г., а старше Романа был Андрей; следовательно, Роману не могло быть 60 лет, а меньше. Тело князя Романа положено было в Углицкой церкви Преображения.

В 1486 г., при основании нового соборного храма, обретены были нетленные мощи благоверного князя Романа. По распоряжению патриарха Иова, мощи были вновь свидетельствованы Казанским митрополитом Гермогеном в 1595 или 1605 гг. Н. П. Барсуков в своей «Агиографии» принимает первый из этих годов, В. О. Ключевский в «Древнерусских житиях святых» – второй год, основываясь на свидетельстве сохранившегося описания чудес Романа. Чудотворения от мощей начались 3-го февраля 1605 г., и тогда же Казанский митрополит Гермоген свидетельствовал мощи, а Семен Олферьев с иноком Сергием написали «повесть» о нем, стихиры и каноны. В 1609 г. поляки сожгли соборный храм в Угличе и святые мощи князя; погибло и житие с первыми чудесами. Останки мощей находятся в приделе Собора, устроенном во имя князя Романа, и продолжают источать исцеления. Сохранились служба князю и описание чудес со 2-го по 12-е марта 1605 г.

Полное Собр. Русск. Летопис., т. I, V и VII; П. Алексеев. Словарь историч. о святых, прославл. в Российской церкви; Филарет, «Русские святые», февраль; В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых, М. 1871 г.; Н. П. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб. 1882 г.; Ф. Киссель. История г. Углича, Ярославль. 1844 г.; А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья сев. Руси в татарский период с 1238 по 1505 г., СПб. 1889 г., II.

Роман Олегович, благоверный князь Рязанский

Роман Олегович, св. великомученик, князь Рязанский (1258–1270), единственный сын *Олега Ингваревича Красного* (1230–1258). Занял Рязанский стол тотчас после смерти отца своего, в марте 1258 г., когда Рязанская земля испытывала большие «тяготы» со стороны татар. Двенадцатилетнее княжение его летописи обошли молчанием. Возможно только догадываться, что это был человек благочестивый и «книжный»: до нашего времени дошел памятник благочестия детей и супруги его – номоканон, списанный по их усердию в Киеве. Тяжелое положение своего народа он, сколько мог, старался облегчить и за это потерпел в точном смысле мученическую смерть за веру. Один из баскаков, которого Роман удерживал от бесчеловечных насилий при сборе дани, оклеветал его перед ханом Менгу-Темиром, будто Роман «хулит его и поносить веру его». Менгу-Темир, не разбирая дела, поставил ему альтернативу: или отказаться от христианской веры и принять веру «бессерменскую», или принять мучительную смерть. Роман выбрал последнее. Тогда Роман был предан «суровейшим татарам на мучение», которые старались сперва принудить его изменить христианской вере, но, встретив твердый отказ и даже дерзновенную хулу на веру, в ярости избили его и бросили в оковах в темницу. Приведенный затем на место казни, Роман вновь начал говорить собравшемуся народу о святости веры христианской, за что татары «распыхався яростию и зубы скрежюще», подвергли его целому ряду бесчеловечных мучений: отрезали ему язык, потом пальцы на руках и ногах и «устне и уши и прочая суставы розрезаша»; когда остался один труп, они, содравши кожу, отрубили голову, воткнули ее на копье и выставили напоказ. «Страданием он (Роман) подобен, – говорит Иконописный Подлинник, – Иакову Перскому; подобием рус, брада и власы, аки князя Бориса, и ризы княжеские». Этою «страстью» Роман «купи себе царствие небесное и венец прият от руки Господней с сродником своим великим князем

Черниговским Михаилом Всеволодовичем, пострадавши по Христу за православную христианскую веру». Мученический подвиг князя Романа произошел 19-го июля 1270 года.

Память его, как мученика, постоянно читается в Русской церкви. Местное празднование ему в Рязани началось с 1854 года, когда архиепископ Рязанский Гавриил «повелел в крестных ходах совершать молебное пение святому Роману, как защитнику земли Рязанской». Первый храм в честь его освящен был в 1861 г. Иконы с его изображением писались задолго до канонизации. Лик его, по преданию, изображался на иконах так: князь не старых лет, с волосами русыми, курчавыми, падающими с ушей тонкою водною, в собольей шубе на плечах, в бархатной поддевке, правая рука простерта на молитву, а левая держит город и церковь. В память победы над французами 19-го июля 1812 г. при селе Клястицах образ Романа написан на стене храма Христа Спасителя в Москве. Св. Роман погребен в церкви св. Спаса в Спасо-Рязанском монастыре.

Князь Роман был женат на *Анастасии*, известной только по имени из приписки к Рязанскому списку Кормчей книги; оставил он после себя трех сыновей: *Феодора*, *Ярослава* и *Константина*, последовательно занимавших великокняжеский Рязанский стол.

Митроп. Филарет, Русские святые, чтимые всею церковью или местно – месяц июль, стр. 114–118, Черн. 1864; Архим. Игнатий, Краткие жизнеописания русских святых, ч. I, СПб. 1876; Князь Эристов, Словарь исторический о святых православной всероссийской церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых, СПб. 1836, стр. 234–235; Описание рукописей графа Толстого, стр. 207–108; Митр. Макарий. История русской церкви, т. IV, стр. 258, СПб. 1866; Полное Собр. русск. Летописей, т. IV, стр. 42; т. V, стр. 197; т. VII, стр. 170, 243; т. X, стр. 141, 149, 150; т. XV, ч. I. стр. 167; Степенная Книга, т. I, стр. 383–384; Софийский Временник, т. I, стр. 283–284; «Слово о царях, князех и властелех», дошедшее до нас в позднейшем списке – «Истор. Вестник» 1897 г., № 3, стр. 1152; Архим. Леонид, Святая

Русь, СПб. 1891, стр. 196–197, № 762 (Памятники Древней Письменн., № 97); Митр. Платон, Ист. русс. церкви, т. I, стр. 143, прим. 182; Е. Е. Голубинский, История русской церкви, т. II, ч. I, М. 1990, стр. 47–48; Его же, История канонизации святых в русской церкви, изд. 2-ое, М. 1903, стр. 66–67, 196; Н. Карамзин, История государства российского, т. IV, стр. 45, 68, прим. 136; С. М. Соловьев, История России, т. I, стр. 852–863 (Изд. «Обществ. Пользы»); А. В. Экземплярский, Великие и удельные князья сев. Руси в татарский период, т. II. СПб. 1891 г., стр. 672–574; Д. И. Иловайский, История Рязанского княжества, М. 1858, стр. 136–137; Т. Я. Воздвиженский, Историч. обозрение Рязанской губернии, М., 1822, стр. 118–119; П. Г. Васенко, Книга Степенная царского родословия и ее значение в древней русс. истор. письменн., т. I, СПб., 1904, стр. 225, 230, 234; Сборн. Имп. Русск. Истор. Общества, т. XXVI, стр. 350–351; Журнал Рязанской Ученой Архивной Комиссии, от 25 марта 1886 г., прил., стр. 18; В. С. Иконников, Опыт русской историографии, т. II, кн. I, Киев, 1908, стр. 1031, 1048, 1051, 1053; Сказания о страдании св. Р. находятся в следующих рукописях: Вяземск. № С(Степ. Кн., л. 296. обзор., XVII в.); Милютин. Чет. Мин., под 19 июля; Оболенская, № 86, XVIII в.; Царск., № 396, 1642 года.

Роман, преподобный Перекомский

Роман, преподобный, ученик преподобного Ефрема Перекомского, игумен Ефремова Перекомского (или Перекопского) Николаевского Розважского монастыря Новгородской епархии. О его происхождении и первоначальном периоде жизни ничего не известно. До 1492 года он был «в послушании» у преподобного Ефрема Перекомского, игумена этого монастыря, будучи с 1486 г. предназначен последним в преемники себе. После смерти преподобного Ефрема (ум. В 1492 г.) Роман вступил в игуменство, в котором пробыл до 1554 года, скончавшись в глубокой старости. Его стараниями монастырь развился и украсился. Расположенный сперва на острове Перекомском (на Ильменском озере), где ему грозило разрушение от частых и сильных наводнений, он был перенесен Р. на новое место, в 2-х поприщах от прежнего, в местности, именуемой Клинково. Так как земля эта была «государева», то Р. отправился, за разрешением строиться, к Иоанну Грозному. Последний не только разрешил это, но еще пожертвовал в церковь утварь и для расходов по перенесению монастыря – значительную сумму денег. Роман, возвратившись в обитель, в том же 1545 г. приступил к разборке и перенесению обеих церквей – каменной и деревянной, устроив временно часовню над гробом преподобного Ефрема. 16-го мая церкви были перенесены, и в каменной церкви Николая Чудотворца положены мощи преподобного Ефрема.

Роману приписывается житие преподобного Ефрема. В. О. Ключевский, основываясь на некоторых противоречиях жития, отрицает принадлежность его Р. Роман погребен в самой обители; память его чтится церковью, но он не канонизован. Творение Романа – Житие Преподобного Ефрема, находится: в библиотеке Общества истории и древностей, № 45 (XVIII в.) и в библиотеке П. Н. Царского (XVIII в.), № 136, принадлежавшей графу А. С. Уварову.

П. М. Строев, Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви, стр. 113, № 61; В. О.

Ключевский, Древнерусские жития святых, как исторический источник, М. 1871 г., стр. 263–264; Н. Барсуков, Источники русской агиографии, СПб. 1882 («Памятники древней письменности», вып. 81); архиеп. Филарет, Обзор русской духовной литературы, кн. I–II, изд. 3, СПб. 1884, стр. 153; В. В. Зверинский, Материалы для ист.-топогр. исследования о православных монастырях в Российской Империи, т. I, стр. 290, № 588; Амвросий, архим., История Российской иерархии, т. V, стр. 472–474; митр. Макарий, История русской церкви, т. VII, стр. 448; А. Ф. Бычков, Описание рукописей Имп. Публ. Библиотеки, т. I, стр. 310; Кн. Эристов, Словарь исторический о святых, прославленных в российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых, СПб. 1836 г., стр. 112–113.

Роман, архимандрит Никитского Переяславского монастыря

Роман, архимандрит, игумен Никитского Переяславского монастыря Владимирской епархии, 1663–1685 гг. Один из всех Переяславских архимандритов и игуменов принимал участие в торжественной встрече вселенских патриархов в Москве 2-го ноября 1666 г. За время его настоятельства монастырь получил много (и больших) вкладов: царь Алексей Михайлович ежегодно посылал в монастырь по 36 руб. 6 алтын денег и дал позволение на монастырский обиход ловить рыбу; царица Мария Ильинична, около 1668 г., исправила, большею частью на свои средства, полуразрушенную в Смутное время шатровую каменную колокольню, построенную Иоанном Грозным, и «по ее приказу» был сделан вклад в 300 руб. «в сию колокольницу», о чем имеется следующая надпись: «Во 177 (1669) году, по приказу Государыни Царицы и Великие Княгини Марии Ильичны, дали в сию колокольницу вкладу боярина Иоанна Михайловича Милославского боярыни Анне Ильичне (300 руб.) к монастырскому строению при игумене Романе з братиею». 14-го августа 1675 года Р. был в служении патриаршем «у малой вечерни и у молебна» в Успенском московском Соборе.

П. М. Строев, Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви, стр. 678; Амвросий, архим., История российской иерархии, т. VI, стр. 1030; Дворцовые разряды, т. III, стр. 653, 1592; «Владимир. Губерн. Ведом.» 1854 г., № 2, стр. 11 (статья свящ. Н. Меморского); «Москвитянин» 1853 г., № 8; «Владимир. Епарх. Ведом.» 1897 г., № 13, стр. 396–397.

Роман, игумен Никольского Переяславль-Залесского монастыря

Роман, строитель Никольского Переяславль-Залесского (или Николаевского-на-Болоте) монастыря Владимирской епархии, 1657–1661 г. Деятельность его падает на время между началом обновления монастыря схимонахом Дионисием Затворником в 1645 г. (после опустошения его моровою язвою и поляками в начале XVII в.) и энергичной деятельностью игумена Варлаама, конца XVII в. Точных данных о деятельности Романа не сохранилось.

П. М. Строев, Списки иерархов, и настоятелей монастырей Российской Церкви, стр. 686; «Владим. Губернск. Ведом.» 1849 г., № 2, 19, стр. 10, 101; 1851 г., № 10, стр. 67, прим.; 1898 г., № 37.

Роман, строитель Анзерского скита Соловецкого монастыря

Роман, строитель Анзерского, «что на окиане море», на Анзерском острове, скита при Соловецком монастыре. В начале 1677 г., когда скит пришел в упадок, в нем оставался только старец Роман с некоторыми из братии, в количестве меньшем 12 (по штату). 22-го августа 1678 г. Роман с братиею били челом Царю Алексею Михайловичу о том, что «святые церкви стоят без пения и братия помирают голодом», от чего они «в конец погибают», и просили восстановить скит. Ходатайство было уважено, и было приказано «пустыни быть», чтобы братия жила со старцем Романом и выбрала бы себе строителя, которыми был избран Роман. В октябре 1680 г., по челобитью Романа Царю Алексею Михайловичу о том, что Соловецкий монастырь не дает скиту, как приписанному к монастырю, денег, почему «в Анзерской пустыни святые церкви и иконы обветшали и колокольня обвалилась, и кельи погнили, и построить нечем, и от того Анзерской пустыни чинится разорение», – приказано было Анзерскую пустынь изъять из ведения Соловецкого монастыря и Роману, следовательно, быть на положении игумена.

П. М. Строев, Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви, стр. 834; Описание документов и бумаг Св. Правит. Синода, т. II, ч. I, № 435; Дополнения к Актам Историческим, т. IX, стр. 100, 101, 148–160.

Роман, игумен Терехова монастыря

Роман, игумен Терехова монастыря, Рязанской епархии, 1520–1534 гг. Деятельность его относится к первому периоду жизни монастыря (основанного в 1507 г.). В 1520 г. монастырю была дана великим князем Василием Иоанновичем несудимая грамота. С ним же, вероятно, закончилась самостоятельность монастыря, приписанного при Иоанне Грозном к Солотченскому монастырю.

П. М. Строев, Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви, стр. 433; В. В. Зверинский, Материалы для ист.-топогр. исследования о православных монастырях в Российской Империи, т. III, № 1545; В. С. Иконников, Опыт русской историографии, т. II, ч. I, стр. 1043; «Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссии» 1912 г., т. XVII, вып. 1, стр. 42.

Роман, игумен Молченской Путивльской пустыни

Роман, игумен Молченской Путивльской пустыни, Курской епархии. Дошедшие до нас о нем сведения рисуют его с невыгодной стороны. Знаменитый Сильвестр Медведев, отец славяно-русской библиографии, характеризует его в одном письме, как человека, «часто и богато» употреблявшего вино «при пиве и меде». Проигрывая в особенности рядом со строителем пустыни, – схимонахом Софронием, человеком редкой жизни, Роман какими-то путями добился удаления Софрония из пустыни и заточения его в ссылку. Когда Софроний, благодаря хлопотам С. Медведева перед князьями Ромодановскими и Чудовским архимандритом Иоакимом (впоследствии патриархом), через год был возвращен из ссылки и восстановлен в своих правах, одновременно Роману была послана Иоакимом «увещательная епистолия», прочтя которую Роман «испустил глас от великого гнева в ярости и назвал грамоты владычни неправедными». Спустя немного времени, Роман был и совершенно устранен от игуменства, пробыв в нем не более 2-х лет (1671–1672).

П. М. Строев, Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви, стр. 636; В. В. Зверинский, Материалы для ист.-топогр. исследования о православных монастырях в Российской Империи, т. II, № 933; А. Ф. Бычков, Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Имп. Публ. Библиотеки, ч. I, СПб. 1882 г., стр. 359–367.

Роман (Копа или Капа), архимандрит Киево-Печерской Лавры

Роман (*Копа* или *Капа*) – архимандрит Киево-Печерской Лавры; происходил из купеческого звания, родился в 1677 г. от родителей благочестивой жизни, и, проведя в родительском доме «юность богодухновенную» и получив «страх Божий, купно с возрастом растущий», получил большое расположение к монастырской жизни. В 1700 году, 23-х лет от роду, был пострижен в монашество в Лавре, при архимандрите Иоасафе Кроковском; отличаясь чистотою своей жизни, смирением, кротостью и послушанием, он представлял «зерцало безболезненного жития, не за страх, но за совесть непреоборимое повиновение и воли своей отдавание начальствующему». В следующем, 1701 году Роман возведен был в сан иеродиакона епископом Переяславским Захариєю Корниловичем, в 1716 г., митрополитом Иоасафом Кроковским, был возведен в сан иеромонаха и вскоре назначен игуменом приписанного к Лавре Змиевского Николаевского монастыря, «показав честное и другим образцовое игуменское начальствование, им первым прославленное, им употребленное». В бытность игуменом этого монастыря, Роман был послан, в 1719 г., в качестве уполномоченного от Лавры, к Петру Великому с ходатайством подтвердить все жалованные грамоты Лавры, погибшие в большом пожаре 1718 года. Избранный вскоре после этого наместником Лавры, он «принял на себя труд попечение испепелевшие вся в прежнем своем чину, крепости и числе поставить и поставил, с немалым даже здоровья своего уроном».

В феврале 1727 г. он был представителем Лавры на коронации Петра II-го. Вскоре после этого Роман доставил, по поручению Св. Синода, из Москвы в Петербург 50 антиминсов. В конце этого года он подал просьбу в Св. Синод о разрешении печатать «православным народом благопотребных книг»: молитвословов, акафистов, житий св. отец, алфавитов и проч., что в следующем году было разрешено Св. Синодом указом 21-

го февраля. Когда, в конце 1729 г., умер архимандрит Лавры Иоанникий, на это место представлено было шесть кандидатов, из коих первым Роман, как «от старейших мужей летами, заслугами и житием свидетельствованный». Императрица Анна Иоанновна, по настоянию Феофана Прокоповича, назначила не предположенного Лавроу Романа, а другого – Харьковского архимандрита Платона Малиновского. Вероятную роль в этом сыграло показание Романа в деле Родышевского по обвинению Феофана Прокоповича «в противностях церковных», засвидетельствовавшего, что в библиотеке Лавры имеется сочинение Афанасия Великого, переправленное (несогласно с православием) Феофаном. Братия Лавры, несогласная с назначением Платона, отказалась принять последнего и отправила депутацию к Императрице с прошением, «чтобы в Печерской обители Платону архимандритом не быть, а быть бы Роману». По докладу Иностранной Коллегии, 18-го апреля 1730 г. назначение Платона было отменено, и архимандритом Лавры был назначен Роман, посвящение которого было совершено Питиримом, архиепископом Нижегородским и Алатырским, 12-го июня 1730 г., в церкви Московского Измайловского дворца, в присутствии Императрицы. В настоятельстве своем Р. искал «не чести, но дела», будучи «сущим пастырем, который с первого дня паствы своей без труда, без доброй пажити стаду своему промысла, никогда не был».

За шесть лет своего настоятельства он сделал так много для Лавры, – говорит сказатель надгробного слова о нем, – сколько другой и за десять лет не сделал бы. В 1731 г., 25-го мая, он заложил Лаврскую колокольную по плану знаменитого архитектора того времени Шейдена, современника графа Растрелли; при нем же был вылит для колокольной большой колокол в 1000 пудов; «другие здания в лучшие благолепия одел»; увеличил «благолепие внутреннее церковное, ему же он (Роман) своим иногда пособил имением, а иное и все собою поделал». «Все то трофей, все то Романовых делobeliski», восклицает тот же сказатель. В октябре 1735 г. Св. Синод, по рассмотрении напечатанных в Лаврской типографии «Календарях или месяцесловах», приказал отменить печатание

таковых, так как эти календари представляли из себя «перевод с польских календарешков» с различными сведениями и астрологическими «и прочими тем подобными бреднишками», которые к тому же «и теми самыми астрологишками за суетна и ложна признаваемы суть и потому весьма ни к чему годны», во избежание «нарекания и бесславия духовному чину». Роман, в своих представлениях Св. Синоду по этому доводу, указывал на их распространенность и разнообразие и на массу полезных в них сведений. Чем кончилось это дело, неизвестно.

13-го сентября 1736 г., «расслабляемый долгою болезнью», Роман скончался, провожаемый искренними слезами любившей и почитавшей его братии. Погребен он у западной стены правого или южного придела великой церкви Лавры. Внешность его была «вся от добродетели сложенная», как выражается сказатель надгробного слова; это был муж «высочайшего рассуждения»: «с кем ни говорил, того как магнитною стрелою сердце поразил». Он пользовался большим уважением Петра Великого.

П. М. Строев, Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви, стр. 13; Митр. Евгений, Описание Киево-Печерские Лавры с присовокуплением разных грамот и выписок, объясняющих оное, также планов Лавры и обеих пещер, изд. 2-ое, исправ. и умнож., Киев. 1831 г., стр. 150–151, а также изд. 1826 г.; Сборник летописей Южной и Западной Руси, стр. 65; Описание документов и бумаг, хранящихся в Архиве Св. Синода, т. III, д. № 455, стр. 479–480; т. VII, д. № 151/75, стр. 170–171, д. № 318/29, стр. 323–328, д. № 327/3, стр. 344–337; т. X, д. № 275, д. № 76; т. XI, д. № 247, № 298; т. XII, д. № 39, № 265, № 491; т. XIV, д. № 350/181, стр. 452, д. № 40/156, стр. 528–529; т. XV, д. № 350; т. XVI, д. № 343, стр. 428, прил. № 34, стр. 840; т. XXXI, д. № 247/94, стр. 333–334; т. XXXIV, прил. № 21, стр. (523; Полное Собрание постановлений и распоряжений по Ведомству Православного Исповедания, т. VII, д. № 2300, № 2628; «Киевская Старина» 1886 г., т. XV, стр. 392, 405, 613, 615; т. XVI, стр. 507, 515–516 (статья: «Киево-Печерская Лавра в ее прошедшем и нынешнем состоянии»); И. Чистович, Феофан

Прокопович и его время («Сборник статей, читанных в Отделении русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наук», т. IV), стр. 299, 300, 332, 500, 501; А. Страдомский, Слово на погребение архимандрита Киево-Печерской Лавры, преподобного отца Романа Копы – «Духовный Вестник» 1865 г., № 10, стр. 241–249; Амвросий, История Российской Иерархии, т. II, стр. 12, 51.

Роман Никитич, схимонах, основатель Данковского Покровского монастыря

Роман Никитич [в миру, по преданию, *Телепнев-Оболенский* (в родословных росписях не упоминается)] – схимонах, основатель и первый строитель Данковского Покровского монастыря Рязанской епархии. Предание говорит, что Роман был боярином царя Иоанна Грозного, быв человеком значительным в кругу дворянском, но, избегая опалы царя за какой-то совершенный им проступок, скрылся в тогда дремучих Муромо-Рязанских лесах и жил там отшельником. Однажды рыбаки (вероятно, рязанские казаки) во время ловли рыбы натолкнулись в лесу на отшельника Романею (или Романа) и, прельстившись местоположением и жизнью отшельника, остались у него. Вскоре они вместе основали Покровскую пустынь, а потом и первый монастырь Данковский.

П. М. Строев, на основании «Истории иерархии» Амвросия, относит основание монастыря к 1627 году, а строительство Романа – с этого года до 1646. Более подробных сведений о Романе не сохранилось. В монастыре находится склеп с прахом Романа, над которым устроена часовня, а в ней железные вериги и часть суконных четок, будто бы оставшихся после Романа.

П. М. Строев, Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви, стр. 436; архим. Амвросий, История Российской Иерархии, т. IV, стр. 11; Т. Я. Воздвиженский, Историческое Обозрение Рязанской епархии, стр. 326; В. В. Зверинский, Материалы для ист.-топогр. исследования о православных монастырях в Российской Империи, т. II, № 1053, стр. 274; «Рязанские Губернские Ведом.» 1846 г., № 16; «Журнал Мин. Внутр. Дел», 1841 г., т. XL, стр. 474; Описание Московского Архива Мин. Юстиции, т. XV, отд. II, стр. 157.

Роман (Романоз, Эристов-Арагвский), митрополит Самтаврийский и Горийский

Роман (*Романоз, Эристов-Арагвский*), митрополит Самтаврийский и Горийский (1731–1753), писатель. Сын Арагвского «эристава» (главы парода) *Георгия Иассоновича* (1696–1723), тайного советника и моурава (губернатора) города Тифлиса, бывшего в Грузии «первым фамильным человеком». Через свою сестру Анну, жену царевича Бакара, сына царя грузинского Вахтанга VI, Роман был в родстве с грузинским царским домом. Портрет его, приложенный к его рукописному сочинению «Цымбан», изображает его человеком высокого роста, с типичной грузинской физиономией.

В начале XVIII ст. он принял монашество; обстоятельства, заставившие пойти в монашество его, человека женатого, нам неизвестны. В 1720-х гг. он достиг уже сана архимандрита. В 1720 г., когда Грузия была «со всех сторон от персиян, турок и др. подвергнута нападениям и разорению», в его родовой замок, Ананур, на его попечение, в предохранение от нового увоза, был перенесен крест св. Нины, национальная святыня Грузии. Постриженный в монашество в Давидо-Гареджинском монастыре, Тифлисской губернии, Р. жил там 12 лет, выражая желание остаться в нем до конца жизни, но вместо того, в 1722 г., отправился в Россию «для службы по должности и обещанию» и «для сбора милостыни». «Ограбленный совершенно горцами» по дороге к гор. Кизляру, Роман приехал в Москву 9-го июня, и, по ходатайству Имеретинской царевны Дарьи Арчиловны, ему (со спутниками) было назначено жалованье по 100 руб. в год и отведено помещение в Донском монастыре; но вскоре, за неимением свободного помещения, он был перемещен в Богоявленский монастырь.

В конце 1722 года, прошением на Высочайшее Имя, Роман ходатайствовал о выдаче ему паспорта, денежного вспомоществования и вооруженной охраны для проезда на родину, каковая просьба, в феврале 1723 г., была удовлетворена, а вместе с тем Высочайшим указом ему было

определено жалование по 30 руб. в месяц. Р. остался в России, но выдача ему жалованья производилась очень неаккуратно и «я пришел в такую скудость», пишет он, что и которую сделал было себе архимандричью шапку и ту на пропитание продал и на хлеб проел».

Вахтанг VI, теснимый турками, занявшими Тифлис и Гори, и персами, разбитый к тому же Кахетинским царем, бежал в Имеретию, и, фактически уже потеряв престол, предложил через Романа Петру Великому занять русскими войсками крепость Арши – ключ Дарьяльского ущелья, взамен чего русские войска должны были помочь Вахтангу опять занять престол. Однако проект этот не осуществился, и в следующем году Вахтанг, в сопровождении 43 грузинских князей и дворян и многочисленной свиты, уехал из Грузии в Россию. На этом роль Р., как политического агента Вахтанга, не кончилась: по отъезде Вахтанга в Россию был образован в Грузии заговор с целью вернуть ему престол, и Роман поехал в Грузию в октябре 1725 г. Официальным же предлогом его поездки было желание матери и родственников его увидеться с ним, «а паче для обещания своего, где он пострижен был в монастыре и 12 лет жил, – по-прежнему в том монастыре желал быть до конца жизни своей». Тем не менее, он жил все время в Тифлисе; здесь построил он каменную церковь и основал монастырь, приписав к нему свои деревни. В это время Тифлис был осажден персами и монастырь занят был под помещение для солдат. Давидо-Гареджинский же монастырь, в 1728 г., был разрушен от «неприятельских людей лезгинцев», также, как и вотчины Эристовых, и Роман в 1729 г. опять уехал в Россию. По приезде в Москву, он был включен в число 42-х положенных по штату духовных персон, с жалованьем по 75 руб. в год и по 3 порции хлеба против прочих Грузинских архимандритов. В мае 1730 г., получив паспорта из Коллегии иностранных дел, Роман вновь поехал в Грузию «для свидания с матерью». Этот год он был настоятелем Ананурского монастыря.

В январе 1731 г., по избранию князей и дворян, Роман был посвящен католикосом Бессарионом в митрополиты на епархию Самтаврийскую и Горийскую, или Карталинскую, обнимавшую

все пространство земли между Рехулою и Б. Лиахвою. Пробыв в Самтавре (близ бывшей столицы Грузии, Мцхета) один, и в Гори – три месяца, Роман в апреле, изгнанный из Гори турками, бежал в Ананурский монастырь, где был до сентября месяца, откуда затем уехал в Москву и прибыл в нее в феврале 1732 г. Не имея при себе ставленной на митрополию грамоты, давать которую не было обычая в Грузии, Роман долгое время не был признаваем русским правительством за имеющего сан митрополита, и только благодаря личному ходатайству царя Вахтанга, указом 25-го августа, он был назначен в Москву для посвящения диаконов и священников и для отправления богослужения, с жалованьем по 150 руб. в год и по 5 порций хлеба, с предоставлением ему половины покоев на подворье Саввина монастыря. Высочайшим указом 12-го сентября 1733 г. Роман был назначен (с архиепископом Иосифом Самобельским) отправлять в течение года «повседневное служение» по ее Императорскому Высочеству царевне Екатерине Иоанновне, герцогине Мекленбург-Шверинской, в Александро-Невском монастыре в С.-Петербурге, куда он прибыл 21-го октября. Прогонных денег и других сумм за отправление этих служб, ему было выдано разновременно около 1000 руб., кроме положенного жалованья. 15-го марта 1734 г. состоялось зачисление Романа в штат, содержание же ему было оставлено прежнее. 26-го августа он был определен окончательно в Москву в качестве «помощного архиерея» для поставления и посвящения диаконов и священников, а «дабы не воспоследовало от Его Преосвященства производящимся в священство и диаконство ставленником напрасной волокиты», ему было увеличено вознаграждение за посвящение, сравнительно с другими архиереями; при этом ему было предписано, что «грузинских духовных ни посвящать, ни определять он не может, за границу отпускать также, наград им выдавать также», донося обо всем Св. Синоду. Тогда же Роману, по его личной просьбе, была выдана «пристройная карета» с четырьмя лошадьми и архиерейское облачение «не из богатого, но из посредственного убору», с предупреждением, что все это дается ему на первый случай, а впредь ему... дачи не будет, и в

том бы он надеяния не имел». 2-го мая 1735 г., за теснотою Саввина подворья, Роману было предложено жить на подворье Иверского монастыря, а за отказом Романа, отведено было ему помещение на подворье Кирилло-Белозерского монастыря (в Кремле). В марте 1736 г. Роман просил о разрешении устроить у себя (в Грузинах, куда он перешел из Кирилло-Белозерского подворья), за отдаленностью его от местожительства от Москвы, полотняную церковь для посвящения ставленников, но вместо того, без разрешения Св. Синода, построил деревянную церковь, которую Св. Синод, по его просьбе, разрешил освятить с напоминанием, что, однако, «он подлежал бы, собственно говоря, немалому штрафу, но что оное для его иностранства ныне по снисхождению Св. Синодом оставляется».

В 1738 г. Роман снова уехал в Грузию. В следующем году фамилия Эристовых-Арагвских пала жертвою свирепых нравов грузинских феодалов. Иессей, брат Ксанского эристава Шанша, старого врага Арагвских эриставов, был ограблен Арагвским Эриставом Бардзимом, братом Романа. Тогда Шанша с наемным войском из лезгин осадил Ананурский замок, после продолжительной осады взял его и разграбил, «порубив их (Эристовых-Арагвских) фамилию до последнего человека без остатку». Роман бежал сперва в Имеретию, где скитался около 8 месяцев, а затем пробрался в Кизлярскую крепость и, находясь в крайней нужде, просил в 1740 г., через свою сестру Анну, о разрешении прибыть в Москву и о принятии его в русское подданство.

По получении разрешения, он приехал в Москву в июне 1741 г. Для его местопребывания Св. Синод назначил сперва Троице-Сергиевскую Лавру, но после двукратной просьбы м. Романа перевел его в 1743 г. в Чудов монастырь на прежний оклад. 11-го июля 1744 г. Роман принимал участие в торжественном богослужении в Успенском соборе по случаю заключения мира с немцами. Перенеся в 1748 г. тяжелую и продолжительную болезнь, Роман просил 26-го августа об увольнении его в Грузию, в Давидо-Гареджинский монастырь, чтобы «там посхимиться и положить свое тело». 16-го января 1749 г. Св. Синод отказал ему в этом на том основании, что он,

Роман, обещал быть в России в вечном подданстве. 10-го мая 1749 г. Р. вновь просил о выезде; на этот раз просьба его была удовлетворена, и он тотчас же уехал в Грузию.

Возвратился он в Россию в 1752 г. Опасаясь, чтобы крест св. Нины, ввиду опасного политического положения Грузии, не попал в руки неверных, Роман тайно, без ведома царей, взял его с собой и передал царевичу Бакару. Проезжая тогда же, в мае, через Кизлярскую крепость, Роман подал тамошнему губернатору обширное «письменное объявление об обстоятельствах царя Теймураза и Ираклия» (о походах в Персию грузин и поражениях их).

Скончался Роман в городе Черном Яре, 30-го января 1753 г., по дороге в Москву, а погребен был, по завещанию, в Астрахани, в местной соборной Успенской церкви, епископом Астраханским Илларионом, 13-го марта.

Роман был настоящим «книжником», богословски и вообще очень начитанным и образованным, Еще в 1715 г. он переписал псалтирь. В 1745 г. написал прекрасное сочинение под названием: «Tintili ġaġadebiça» – «Гусли славословные», или «Кимвал взываний», или просто – «Цымбан» песнопений, состоящее из свидетельств из Ветхого и Нового Завета против распространившихся лжеучений и утверждения в вере «сладким гласом» Александра, сына Арчила (ум. 1762 г.). В 1738 г., в Москве, переписал он ряд житий грузинских святых: Евстафия, Трифона, Давида Гареджинского и др. Позже он переписал еще «Клемакс» св. Иоанна Синаита.

На его средства были переписаны и принесены в дар Гареджинскому монастырю следующие книги: 1) в 1749 г. – рукописный сборник, заключающий в себе: а) «Аскетикон» св. Ефрема Сирина, в 2-х книгах; б) «Лавсаикон» Палладия, епископа Каппадокийского; в) «повествование о монашеской жизни» св. Кассиана и г) «повествование о 8-ми нечистых помышлениях», его же; 2) в 1742 г., в Москве Праздничная Минея на весь год с послесловиями в честь Грузинских святых (рукопись украшена инициалами, разноцветною каймою и иллюстрирована миниатюрными изображениями, исполненными золотом и красками в духе русской живописи). Без сомнения, он

принимал участие и в печатании Грузинской Библии, вышедшей в 1744 г. в Москве.

Дело Св. Синода, за 1758 г., № 313; за 1732 г., № 256; Дело Архива Главного Управления Закавказского края, связка 91, № 819; Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией, т. I, стр. 33; т. V, стр. 1075, 1086; Полное Собрание постановлений и распоряжений по Ведомству Правосл. Исповедания, т. I (1748 г.) № 338, стр. 322; № 480, стр. 455; т. II (1744 г.), № 684, стр. 166; т. VII (1730–1732 гг.), №№ 2285, 2286, 2364; т. VIII (1733–1734 гг.), № 260; т. IX (1736 г.), №. 2993, стр. 322–323; т. X (1738 г.), № 3264, стр. 96; Описание документов и дел, хранящихся в Архиве св. Синода, т. II, ч. 2-ая (1722), № 769, стр. 9–12; т. V (1725), № 115, стр. 194–196; т. XII (1732), № 370, стр. 717–724; т. XIV (1734), № 7, стр. 30; № 8, стр. 31; № 24, стр. 47; № 44, стр. 67; № 108, стр. 131–183; № 336, стр. 441; т. XV (1735), № 49, стр. 95; № 340, стр. 474–475; № 431, стр. 612–613; № 128, стр. 166–167; т. XVI (1736), № 200, стр. 234; прил. XXXII, стр. 819, 820–822, 825, 826; т. XX (1740), № 519, стр. 518–523; т. XXIII (1743), № 243, стр. 335, 336; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Минист. Юстиции, т. IX, стр. 327; Переписка, на иностранных языках, Грузинских царей с Российскими Государями, от 1639 г. по 1770 г., СПб., 1861 г., изд. Акад. Наук, стр. 153–155, 177–179; Описание рукописей Церковного музея Духовенства Грузинской Епархии, кн. I, Тифлис, 1903 г., №№ 149, 160, 152, 154, 161, 164; кн. III, Тифл. 1908, № 914; *Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX-e siècle*, par M. Brosset, часть II, СПб., 1856 г., стр. 114–138, 577–601; С. М. Соловьев, *История России* (изд. Общ. Пользы), т. IV, стр. 703–706; *Wakhoucht, Description de Géorgie*; Записки Общества любителей кавказской археологии, Тиф. 1875, кн. I, статья Д. Бакрадзе: Кавказ в древних памятниках христианства, стр. 26, 130 (Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией, т. V); П. Г. Бутков, *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.*, ч. I, СПб. 1869, изд. Акад. Наук. стр. 389, 390; ч. III, стр. 88, 90, 542; Прибавление к С.-Петербургским Ведомостям, от 23

ноября 1753 г.; кн. П. В. Долгорукий, Российская родословная книга, ч. III, стр. 61; А. С. Хаханов, Грузинские дворянские акты и родословные росписи (Материалы для истории Грузии). М. 1893, прил., стр. XX; Утверждение Русского владычества на Кавказе, т. I, Тиф., 1901 г., стр. 36; Памятники времен утверждения Русского владыч. на Кавказе, вып. I, Тиф., 1901 г., стр. 90; П. Иосселиани, Описание древностей города Тифлиса, Тифлис. 1866, г., стр. 123–129, 219, 270; Его же, Описание древностей гор. Душета, стр. 45; Г. Садзагелов-Ивериели, Ананурский Успенский Собор, стр. 10, 11 (оттиск из «Древностей Восточных»); А. Натроев, Мцхет и его собор Свэти-Цховели, Тиф. 1901, стр. 130, прим.; М. Сабинин, Житие и апостольские подвиги св. равноапостольной Нины, просветительницы Грузии, стр. 8, 9, прим.; М. Г. Джанашвили, К материалам по истории и древностям Грузии и России, Тиф., 1912, стр. 9, прим.; А. С. Хаханов, Очерки по истории грузинской словесности, вып. III (литература XIII–XVIII в.в.), М. 1901 г., стр. 325; Летопись Грузии. Юбилейный сборник к 300-летию царствования Дома Романовых, державных покровителей грузинского народа, 1613–1913, т. I, Тифл. 1913, изд. князя 11. I, Туманова, под ред. Б. С. Эсадзе, стр. 75, прим. 111.

Ромарино, Александр Антонович

Ромарино, Александр Антонович, архитектор; получил образование в Имп. Академии Художеств, под руководством А. А. Тона. Будучи еще учеником Академии, он, вместе с товарищем своим В. Геккером, в 1850 г. занялся исполнением практических чертежей строившейся в то время архитектором Карминым церкви во имя св. Апостола Павла для лейб-гвардии Егерского полка и занимался ими в течение четырех лет. Академия очень поощряла такие работы и не только приобрела их для класса строительного искусства, но неоднократно выражала ему похвалу, а в 1851 г. присудила ему за них же вторую серебряную медаль. В 1854 г. он получил обе серебряные медали «за архитектурную композицию», а в 1858 г. признан был академиком за проект «большой станции на железной дороге при виадуке».

Умер в 1876 г.

Отчеты Имп. Академии Художеств за 1862–1863 и 1875–1876 гг.; Сборник материалов для истории Имп. Петербургской Академии Художеств, Т. III, СПб. 1866.

Ромберг Карл, виолончелист

Ромберг Карл, виолончелист; происходил из семьи известных немецких музыкантов, давшей виртуозов-композиторов Андрея и Бернгарда Ромбергов; родился в конце XVIII столетия в Германии, там же получил свое воспитание и музыкальное образование под руководством своего дяди, *Бернгарда Ромберга*. Способности и любовь к музыке сделали из него серьезного музыканта-виртуоза. Играя на нескольких инструментах, он больше всего любил виолончель, немногим уступая в искусстве своему дяде Бернгарду и брату Киприану.

Братья Карла – *Генрих* и *Киприан* – в начале 1820-х годов приехали в Петербург вместе со своим дядей Бернгардом, который уже не в первый раз был в России. Выдающиеся музыкальные качества обоих молодых Ромбергов обратили на них внимание, и им было предложено поступить на службу Дирекции Императорских театров; они приняли предложение, и с тех пор навсегда поселились в России. В начале 1830 года, по их совету, в Россию приехал и их младший брат Карл; Киприан в это время, ввиду бывших у него с Дирекцией несогласий, оставил службу, и место виолончелиста в оркестре Итальянской оперы занял его брат Карл, с которым был заключен контракт 2-го июня 1830 года сроком на два года. Еще до истечения этого срока Итальянская опера была упразднена и почти все артисты были уволены, но только Ромберги, да еще несколько человек выдающихся музыкантов были оставлены с тем, чтобы играть всюду, где потребует этого Дирекция. 1-го марта 1832 года с Карлом Ромбергом был заключен новый контракт на три года, дальше же служил он без контракта. В 1840 году исполнялось десять лет его службы Дирекции – срок, установленный для получения пенсии иностранцами. Ввиду своего слабого здоровья Карл Ромберг просил об увольнении его от службы с назначением ему пенсии; 17-го июня 1840 года это увольнение состоялось, и ему была назначена пенсия по 2000 руб. ежегодно. Будучи весьма хорошим виолончелистом-виртуозом, Карл Ромберг часто принимал участие в концертах своих

братьев и многих других артистов. Как ученик своего дяди, он позаимствовал от него и главные качества его игры: чувство, легкость, приятность, мягкость смычка, что доставляло ему всегда симпатии и одобрение публики. Выйдя в отставку, он, однако, оставался в Петербурге, где по-прежнему продолжал выступать в концертах; скончался в середине 1850-х годов.

Архив Дирекции Императорских Театров, Дело 1840 года, за № 175.

Ромберг, Киприан Фридрих

Ромберг, Киприан Фридрих, известный виолончелист, сын также известного скрипача и композитора *Андрея Ромберга* и племянник виолончелиста *Бернгарда Ромберга*; родился 28-го октября 1807 г. в Гамбурге и первоначальное музыкальное образование получив под руководством отца; пристрастившись к виолончели, он поступил под руководство своего дяди Бернгарда, который не раз брал его с собою в концертные поездки, причем Киприан Ромберг всегда участвовал в его концертах. Во время одной из таких поездок Бернгард Ромберг приехал в Петербург, где бывал неоднократно и ранее и где его хорошо знали, встречая с энтузиазмом; с ним приехали также и два его племянника: *Киприан* и *Генрих* (скрипач, *Heinrich-Maria*, род. 4-го апреля 1802 г.) *Ромберги*. Познакомившись с их игрою, Дирекция Императорских театров предложила им остаться в Петербурге в качестве музыкантов оркестра Итальянской оперы, назначив им довольно большое жалованье – по 4000 рублей в год. Оба молодые музыканта согласились, но Киприан Ромберг оставался в оркестре недолго – лишь до 1828 года, когда на его место был назначен его двоюродный брат Карл.

Будучи страстным любителем музыки, он принимал деятельное участие в основании «Общества любителей музыки» (Филармоническое Общество, основанное в 1828 году) и, состоя потом его членом, постоянно участвовал в его концертах. Кроме того, Киприан Ромберг, вместе с братом своим Генрихом (скрипачом), давал ежегодно 2–3 концерта в Петербурге, а также ездил в Москву и за границу, где имел выдающийся успех. Унаследовав от дяди своего Бернгарда главные качества его игры – чувство, легкость, приятность, мягкость смычка, он восхищал публику исполнением сочинений своего дяди и собственных произведений, преимущественно вариаций на мелодии Русских народных песен. В 1830 году Дирекция Императорских театров снова пригласила его в оркестр, где он прослужил еще около шестнадцати лет. Продолжая по-прежнему принимать живое участие в

музыкальной жизни Петербурга, Киприан Ромберг, вместе со своим братом Генрихом, почти каждый год давал концерты, и внимание и симпатии к нему публики не уменьшались, о чем свидетельствуют многочисленные отзывы о его концертах, появлявшиеся в современной периодической печати.

В 1847 году Киприан Ромберг снова оставил службу при Дирекции Императорских театров, на этот раз уже навсегда, причем был награжден пенсией в размере 4000 рублей в год. С этих пор он все реже и реже стал появляться пред публикой, хотя и не бросил совсем концертной эстрады. Еще более десяти лет прожил он в Петербурге, изредка участием в концертах напоминал о себе, и имя любимого музыканта в таких случаях всегда привлекало публику, которая по-прежнему встречала его шумными овациями.

Киприан Ромберг скончался в 1865 году в Петербурге, где и погребен на Лютеранском кладбище.

Как музыкант, он был горячо предан любимому искусству, а как человек отличался веселым, общительным и симпатичным характером. Из написанных им мелких пьес особенную известность приобрели романсы: «Тучи черные», «Дайте крылья мне» и др.

«Северная Пчела» 1825 г., 17 марта, № 33, ст. «Концерт Ромберга»; 1827 г., 17-го марта, № 33, 1828 г., 16-го февраля, № 20, 25 февраля, № 24, 8-го марта, № 27, 6-го марта, № 28, 19-го апреля, № 47 и 3-го мая, № 53, 12-го мая, № 67; 1830 г., 13-го марта, №№ 31 и 37; «Русский Архив» 1900 г., т. II, стр. 10–11; Архив Дирекции Императорских Театров, Дело 1847 года, № 230; Neues Konversations-Lexikon, von H. I. Meyer, B. 13, 1866 г.; Воспоминания Ю. Арнольда, вып. I, М. 1892, стр. 126.

Роммель, Христофор Филиппович (Dietrich-Christoph von Rommel)

Роммель, Христофор Филиппович (*Dietrich-Christoph von Rommel*), профессор Харьковского университета по кафедре латинской словесности и древностей, директор Педагогического института; род. 17-го апреля в. ст. 1781 г. в Касселе, ум. 21-го января н. ст. 1859 г. там же.

Отец его, *Юст Филипп фон Роммель* (*Justus-Philipp von Rommel*) был генерал-суперинтендентом и главным проповедником в Касселе и дал своему сыну блестящее воспитание. «Образец крепкого пастыря», – пишет о нем Роммель в своих воспоминаниях, «он дал своей семье прекрасное воспитание, чуждое всякого педантизма и предрассудков». Воспитание Роммеля было просто и вполне свободно. С удовольствием он вспоминает о чудной природе родного города и о горах, которые он научился любить еще в детстве. Семья Юста Филиппа Роммеля была многочисленна, и каждому из детей дано было воспитание соответственное его предполагаемой будущей деятельности; Роммель должен был изучать богословие, чтобы быть впоследствии пастором и, может быть, занять место отца в родном городе. Сначала, с 1790–1799 г., Роммель посещал лицей Фридриха в Касселе, где на него имел влияние Филипп Карл Людовик Рихтер, ректор лицея; он знал тайну пробуждать в своих учениках любовь и уважение к себе и своей науке и поддерживать соревнование между учащимися. Ему Роммель обязан тем, что уже на первых порах учения он сделался филологом: Рихтер вдохнул в него не только любовь, но даже страсть к филологии. Однако так как ему предстояло затем изучать богословские науки, он должен был уже в Кассельском лицее познакомиться с восточной литературой и изучить для этого арабский язык. Об этом Роммель пишет: «Я брал уроки у какого-то кандидата богословия, по имени Винкельмана, который жил в дальнем переулке Кассельского предместья, в темной конуре, и нищете и, несмотря на то, владел дорогими восточными рукописями».

Знание арабского языка потом сослужило Роммелю, на первых же порах его научной деятельности, большую службу и оказало решительное влияние на направление и характер его дальнейших занятий.

Окончив курс в Кассельском лицее, от 18-ти лет от роду (в 1799 г.) поступил в университет в Марбурге, где, согласно плану отца, стал изучать теологию. Из профессоров этого университета Роммелю особенно нравились Арнольди и Крейцер; первый из них преподавал богословие – и это преклонение перед профессором отвечало предполагаемой специальности Роммеля, но второй преподавал греческий язык и, сумев пробудить в учениках любовь к своему предмету, много способствовал тому, что Роммель с особенной охотой стал изучать римских и греческих авторов. Из латинских авторов он особенно любил Цицерона и впоследствии старался подражать его стилю. Кроме того, еще в Марбурге, он с особенным жаром и охотой читал Вольтера, а именно его «*Mélanges de la littérature et de philosophie*», но увлекался не крайностями его воззрений, а лишь его стремлением к широкому просвещению человечества.

Марбургский университет во время пребывания в нем Роммеля достиг высшей степени процветания вследствие назначения в него лучших профессоров. Роммель жил в монастырской обстановке, в квартире учителя и профессора богословия, педантичного Арнольди. Вот что Роммель пишет о своем пребывании здесь и о своем учении в Марбургском университете в 1799 г. «Я не могу сказать, что я провел здесь совершенно безрезультатно первый год моего университетского учения, ибо я нашел большое удовольствие в лекциях моих учителей, особенно в прекрасном изложении Исаии Арнольди и в изучении арабской грамматики... В развитии древних писателей Фридриха Крейцера и даже в сухом очерке всеобщей истории старого Курциуса. Я ударился в упражнения в латинском штиле, излагая и переводя этические произведения Цицерона. Я был также, несмотря на все предосторожности моей бабушки, почитателем Вольтера, особенно его «*Mélanges de littérature et de philosophie*», смелые послышки которого меня смешили... Я посетил один раз студенческое собрание и по

своем возвращении домой понял, как предостережение, серьезное выражение лица моего хозяина, весьма сдержанного в изъятии своих чувств (он был прекрасным комментарием к классическому труду ректора [Кассельского лицея] К. Л. Рихтера под названием «De silentio diserto»).

В Марбургском университете Роммель пробыл только год: в начале 1800 г. он перешел в знаменитый Геттингенский университет. Здесь он, под руководством Эйборна, посвятил себя изучению восточных языков, но главным учителем его был проф. Гейне, принявший его в свой классический семинарий. Кроме этих двух профессоров, его учителями были Шлоцер, Геерен и Блуменбах.

Геттингенский университет в ту пору был питомником великих ученых и был замечателен, кроме того, своей библиотекой, собранной с большим вкусом и богатой по составу. Здесь Роммель, изучая теологическую пропедевтику, незаметно сделался историком-философом. Уже при изучении введения проф. Эйборна к изучению Ветхого Завета, он был приведен к предварительному изучению литературы Востока и всеобщей истории и к самостоятельным писаниям по части Восточной литературы и истории. Но с особенною любовью он приступил, по его собственным словам, к изучению неиссякаемой сокровищницы греческой и римской литературы и древностей под руководством проф. Гейне. Вместе с изучением древней литературы и всеобщей истории Роммель, под влиянием своего многостороннего и живого профессора, соединил изучение географии и этнографии, истории народов и земель, вместе с описанием их стран и расовых отличий. В последнем его руководителями, кроме Эйборна и Гейне, были проф. Шлецер и Геерен, а по географии он слушал курс «наблюдения природы» (die Anschauung der Natur), читанный проф. Блуменбахом; особенное влияние на дальнейшую научную деятельность Роммеля оказал проф. Гейне, последователем которого он остался на всю жизнь. «Он принял меня», пишет Роммель в своих воспоминаниях, «к слушанию своих Esoteriker и в филологический семинарий, и его вдохновенный взгляд исследователя так часто с кафедры с любовью направлялся на

меня, которого вся душа горела огнем, когда он, подобно священному оракулу, выходил из своего святилища, занятого исключительно книгами и бумагами, и его существо меня никогда не пугало, так как я прекрасно, со слезами на глазах, понял, что происходящим во мне эстетическим переворотом, мыслями, до сих пор мне совершенно чуждыми и направленными к красоте, я обязан его археологическим лекциям и его необычайному искусству объяснять классические древности. Имело для меня большое значение и то, что я жил вблизи библиотеки, напротив Гейне, и в употреблении утренних часов всегда подражал ему».

Результатом этих занятий было то, что уже в 1802 году, т. е. через год с небольшим по поступлении в Геттингенский университет, Роммель получил высшую награду Философского Факультета Геттингенского университета – медаль за свою первую литературно-научную работу – исследование описания Аравии Абульфеда.

Вот как пишет об этом сам Роммель: «Арабский текст этого жившего в XIII и XIV столетиях в Сирии писателя, в котором нельзя отделить историка от географа, для коих мусульманская летопись постоянно была главным источником арабской истории, мог быть приведен по лучшим изданиям... К этому переводу было приложено пространное пояснение на основании восточных и западных источников. Все это было изложено по-латыни... Каждый день для этой работы я занимался около 12 часов, работая над всеми источниками, начиная и кончая Нибуром. Окружив себя книгами и ландкартами, я даже ночью мечтал о Мекке и Медине. Результатом этого было переутомление и 4-недельная болезнь». И, хотя результатами этой работы Роммель не был вполне доволен, однако, руководствуясь, как он говорит, старым изречением: «*Quod totum non scitur, tamen neque totum praetermittitur*», он представил ее на соискание премии.

Труд его, одобренный не только профессорами Геттингенского университета, но и заслуживший весьма лестные отзывы известных ученых востоковедов Франции и Англии, сразу сделал имя Роммеля известным. Профессор Блуменбах

переслал работу Р. известному ориенталисту Англии, ученику великого Джона (Jonas) Г. Джоселею в Калькутте, издателю «Asiatic researches» и Сильвестру де Саси в Париж. Сир Георг Джоселей, бывший тогда в Лондоне, ответил Роммелю тотчас письмом, и этому высокоавторитетному отзыву Роммель обязан дальнейшими успехами в этой области.

Указанный труд Роммеля, вопреки шутливому тону, с которым о нем он сам отзывается, представляет ценный вклад в науку, как о том свидетельствуют многочисленные письма, полученные им от многих профессоров-ориенталистов всего мира. В нем сказалось несомненное влияние проф. Гейне и проф. Шлецера: здесь, не говоря о прекрасном комментарии текста, есть немало своеобразных, хотя и не личных его мыслей, в будущем послуживших источниками важных открытий в истории Аравии и Востока и всего древнего мира. География и этнография в нем совершенно неотделимы от истории и историко-литературных изысканий. Книга эта и до сих пор могла бы служить прекрасным источником для исследований внутреннего быта и этнографии Аравии, несмотря на то, что, ввиду позднейших открытий известных ориенталистов, она уже устарела.

От изучения Аравии Роммель естественно перешел к изучению Кавказа. Составленный им в следующем, 1803 году комментарий к Страбонову описанию Кавказа заслужил ему почетный отзыв университета и славу знатока Древнего и Нового Востока.

Кроме того, на молодого немецкого ученого было обращено внимание в России, и уже в 1803 году он получил предложение занять одну из кафедр в русских университетах. Самого Роммеля к принятию этого предложения побуждали его уважение к личности Императора Александра I-го (отчасти и надежда на него, как на избавителя Европы от угрожавшего Германии ненавистного ига Наполеона) и желание увидеть новую страну, достойную внимания этнографа, и, в особенности, Кавказ, занимавший его внимание в это время.

Предложение занять кафедру в Харьковском университете, переданное ему королевским советником Мейнером,

уполномоченным на то Русским Правительством, было очень лестно для молодого (22-летнего) ученого, но, как говорит сам Роммель, он был далек от того, чтобы променять тихий музей Геттингенской библиотеки на все блага мира. Поэтому Роммель отклонил предложение и остался в Германии. В 1803 г. Роммель сдал докторский экзамен, в котором принимал деятельное участие знаменитый Шлецер, и, в качестве приват-доцента, открыл круг чтений о Гомере в Геттингене.

Роммель рассчитывал посвятить себя исключительно ученой деятельности здесь, но в 1804 г. он был приглашен профессором красноречия и греческого языка в Марбургском университете (утвержден 23-го марта 1804 г.). Он выступил здесь представителем взглядов Винкельмана и Гейне, приверженцем эстетики и всестороннего изучения классического мира. «В первые два семестра», пишет Роммель: «лекции мои о Горации, Ювенале, Аполлодоре и Теофрасте заслужили одобрение моих слушателей, сильно меня порадовавшее; куратор Университета со своей стороны изъявил мне письменно благодарность и утвердил меня ординарным профессором» (по кафедре латинской словесности); «тогда я не допускал и мысли, чтоб мое стремление к живому, эстетическому изучению древних, по примеру Винкельмана и Гейне, поставило меня в столкновение с некоторыми товарищами и отдалило от большинства студентов. В первой же своей программе о филологии и филологическом объяснении древних, напечатанный в 1805 г., я объявил войну сухому буквоедству и с большим жаром указывал филологическим наукам высшую, самостоятельную, разностороннюю задачу. На мой глас не было ответа, как в пустыне. Потом, мало-помалу, увидел я огромные недостатки приготовительного учения в гимназии, потом грубость большинства слушателей науки, выросших под гнетом тяжелых общественных отношений, убедился в недостаточности библиотеки, где не было больших собраний по археологии; наконец, с грустью заметил, что прибыльные, доставляющие хлеб науки – юриспруденция, богословие, медицина – с каждым днем брали перевес».

В то же время, не переставая читать курс римской словесности, Роммель занимался географией, этнографией и политическими науками и продолжал свои арабские и кавказские исследования. Он хотел дать этнографии особое место наряду с географией и статистикой, понимая под этнографией последовательное и самостоятельное описание народов всего земного шара по языку, нравам, обычаям, промышленности, культуре и государственному устройству. Это направление сильно сказалось потом в его воспоминаниях о России. В Марбургском университете Роммель открыл чтения по географии, этнографии и статистике и обнаружил живую писательскую деятельность.

Но обстоятельства вскоре быстро изменились – вследствие занятия Гессена и вообще Германии французскими войсками. Положение немецких университетов и это время было очень печальное. В Германии вспыхнул тогда немецкий патриотизм и к числу таких патриотов, выражавших свое негодование по адресу Наполеона и французов, примкнул и Роммель, выразивший свой горячий патриотизм во многих речах. Курфюрст Гессенский отказался вступить в Рейнский союз. «Везде», пишет около того времени Роммель, «во время поездки моей в Майнц и по Рейну я был свидетелем актов грубого насилия со стороны французов над местными поселянами, и я вернулся с тяжелым чувством в Марбург». Такое же чувство было и у его друзей – проф. Арнольди и классика Конрада. В Гессене Роммеля познакомил с положением дел королевский советник Кох. Все это уже возбудило в Роммеле большое негодование. Он был членом академического Сената и своею ученою деятельностью утвердил за собой свою кафедру, когда, в и ноябре 1806 г., с занятием французами Гессенского герцогства и с низвержением прежнего государственного устройства, Роммель вступил в совершенно новую эпоху политической борьбы и стремлений, которые имели заметное влияние на ход его занятий. В своих публичных (ненапечатанных) речах, в которых он, по примеру Гейне, держал себя насколько возможно далеко от панегириков королю-узурпатору Вестфалии, он перешел мало-помалу к

идеалу любви к родине; указывая при этом на примеры греков и римлян, выслушивая замечания коллег-оппонентов насчет того, что он мечтает о Платоновой республике, несмотря на опасность положения и не обращая внимания на тонкие намеки, которые ему от времени до времени делало Министерство внутренних дел, Роммель стремился всеми силами пробудить в аудитории патриотизм, способность к самопожертвованию и протест против завоевателей-французов. При этом материалом ему служили те же чтения по Римской словесности и извлечения из древних классиков. Так, например, в сочинении: «De generibus eloquentiae» он, разбирая вопрос о четырех видах красноречия: политическом, судебном, церковном и академическом, исследует далее их влияние на развитие национальной жизни и доказывает, что прежде всего необходимо развитие публичности (Mündlichkeit), указывает затем на древнегерманские институты и на вред замкнутости и чужеземного влияния, не имеющего корня в национальном гении народа.

При уничтожении цехов и гильдий в королевстве Вестфальском Роммель посвятил этому вопросу небольшое сочинение, озаглавленное «De institutione publica» (1808 г.). В нем высказывается мысль о необходимости учреждения, наряду с цехами и гильдиями, также и центрального торгового собрания, или департамента, в котором бы участвовали все деятели торговли и ремесел и представители науки, начиная от простых мастеров и кончая тонкими юристами.

Вскоре в Марбурге вспыхнуло восстание, Французский гарнизон был перерезан. Грустную картину этого происшествия, коего он был современником, Роммель передает в своих воспоминаниях.

В 1807 г. начались беспорядки в Марбургском университете. От Гейне Роммель узнал, что Иероним Наполеон во время своего пребывания в Геттингене сказал несколько слов насчет предстоящего уничтожения германских университетов. Эти слова, впрочем, не имели никакого значения, ввиду известной болтливости короля Вестфалии, но настроение, в действительности, было таково, что, казалось, над Марбургским

университетом был поднят и висел Дамоклов меч. Любовь короля Вестфалии к составлению новых проектов, неясные и никогда не сдерживаемые обещания французов, отсутствие средств, механическое ведение дела, – все это повергло, как пишет Роммель, Университет в лихорадочное беспокойство. И Гейне, и Роммель чувствовали свое положение непрочным. В конце 1808 г. Гейне передал Р. вторичное предложение графа Разумовского занять место ординарного профессора в Харьковском университете, по кафедре древней литературы. Ввиду положения дел на родине и желая способствовать распространению науки в России, Р. принял на этот раз предложение. «Это было светлое время», пишет он сам по этому поводу: «время благородного Императора Александра, который составил большой план, как писал мне тогда секретарь академического Совета в Харькове, при посредстве университетов свою нацию привести до высокой степени образования. Мое решение было вскоре принято: желание вступить в круг широкой и свободной деятельности превозмогло природную любовь к родине».

Однако только в середине 1810 года последовало приглашение Р. занять кафедру в Харьковском университете. От этого времени сохранился дневник Р., в котором находится много интересных сведений о его жизни в ту пору, в ряд писем немецких профессоров по поводу его научных занятий, положения родной страны и предполагаемого отъезда его в Россию. Так в письме 15-го декабря 1808 г. проф. Мюллер советует Р. принять приглашение; то же ему советует 24-го ноября 1808 г. и проф. Гейне. В 1808 г. Р. продолжал читать в Марбургском университете историю Римской литературы, но его положение становилось все более неприятным и, получив приглашение из Харьковского университета, Р., наконец, 12-го июня 1810 г, послал ответ с согласием и с извещением о своем выезде и отправился через Северную Германию в Россию. В воспоминаниях Р. сохранилось его повествование о том, как его приветствовали ученые северных городов, с какими напутствиями они его провожали и какие вопросы относительно незнакомой страны они ему заранее предлагали. В Северной

Германии он посетил Эшенбурга, Кампе, Ланге, Гервинуса, Геберлинга и многих других ученых, всюду посещая библиотеки, музеи и учебные заведения.

В то же время Р. с грустью вспоминал об оставленной им родине. В Потсдаме, случайно, во время прогулки, он встретил несчастного, но в несчастьи покорного судьбе короля. 22-го ноября 1810 г. он приехал «в плохо освещенную столицу Пруссии», где был приветствуем в собрании Академии, и познакомился с Нибуром. В Данциге он посетил известного своим описанием путешествия по Германии Николаи, астронома Боде, Фихте, известного исследователя-естественника Палласа. Последний упомянул о своей дружбе с графом Потоцким и дал Р. письмо к нему; посетил проф. Шлейермахера и драматурга Иффлянда. В Лейпциге Роммеля посетил русский консул Шварц, вручивший ему 200 дукатов путевых денег и медвежью шубу, необходимую для путешествия по России. Через Шварца познакомился Роммель с лучшими Лейпцигскими учеными: психологом Беком, Розенмиллером и др., был у известного живописца Гейснера, делавшего гравюры к путешествию Палласа, равно как и к сочинению Р. о Кавказе. В середине декабря 1810 г. Р. оставил Дрезден. В Праге он встретил старого курфюрста Гессенского. «Со слезами на глазах», – рассказывает Р.: принял он меня и осведомился относительно положения дел в Касселе, спросил о моем отце, о местонахождении Харькова и прибавил: «Я надеюсь, что вы будете не последним у тех, кто мне наследует». Здесь он познакомился со славянским ученым Добровским. Через Лемберг и Броды, где он за 20 дукатов нанял до Киева через посредство одного еврея лошадей, в новый 1811-й год Роммель прибыл к русской границе и благополучно переехал через нее. Мороз сразу встретил профессора, а в Бердичеве он был едва спасен одним доктором евреем от начинавшейся болезни. В одной деревне Волынской губернии Р. ночевал на соломе в свином хлеву, так как постоялый двор был занят почтмейстером, игравшим в нем в карты с женой. Очень интересны для нас Роммеля повествования о его путешествии в далекую Малороссию, начиная с того момента, как он переехал

Австрийскую границу. С наивным интересом и удивлением описывает Р. русские избы и постоянные дворы, где он останавливался, – ямщиков, тройки и незнакомый ему, удивительный для него новый, дикий в его глазах народ, с которым он не знаком и языка которого он не знает, и особенно администрацию, рогатки, полицию и т. д. Немало у него на этом пути было недоразумений всякого рода. Особенно его занимало, то, что по переезде через границу, он, известный на своей родине ученый, в глазах всех этих людей, сразу обратился просто в иностранца, «немца», во что-то вроде иноплеменника-бродяги, ищущего пристанища. Но нужно отметить и то понимание людей, чуждое недоброжелательства, и то редкое беспристрастие, свободное от шовинизма, с которыми Р. описывает всех, кого он пути своим встретил. Впрочем, он не был совершенно лишен общения с людьми за время своего путешествия, так как в каждом почти городе он встречал немцев, у которых обыкновенно и останавливался.

В своих путевых записках особенно подробно Р. описывает Киев. Он выехал из Киева 7-го января 1811 г. При переправе через Днепр его опрокинули, так что он едва вылез из проруби. На ближайшей затем почтовой станции Р. остался без лошадей и едва-едва, с помощью крестьян, нашел человека, согласившегося перевезти его в Переяславль. В Переяславле Р. был принят за доктора, и хозяин постоянного двора привел к нему множество евреев с детьми, так что Р. был принужден, не имея никакого понятия о медицине, разыграть роль доктора. Здесь впервые Р. слышал русскую песню, и ее глубина и грусть и что-то близкое природе поразили Р. Проехав Лубны, Р. узнал, что на мельнице графа Румянцева живет арендатор-немец, которому он должен был передать письмо с родины. Он свернул на мельницу и провел здесь две ночи и два дня, по его словам, как в лоне Авраама, чувствуя необходимость отдохнуть от путешествия. В Хороле Роммеля принял единственный немец в городе – аптекарь, в Полтаве он посетил директора гимназии и пастора Лиммера, в Валках ночевал у русского офицера; наконец, после долгого путешествия, 17-го января 1811 г. прибыл Роммель в Харьков.

Тотчас по вступлении в должность профессора, Р. озаботился приготовлением необходимых для изучения древностей материалов и руководств, а для практического изучения древностей учредил классический семинарий. В своих лекциях Р. читал о Цицероне, своем любимом писателе, о Римских историках и о Тибулле, Теренции и некоторых Римских комиках. Но не было здесь почвы для проведения эстетического направления в преподавании латинской словесности в духе Гейне и Винкельмана: для этого у студентов было слишком мало подготовки. Нужно было озаботиться преподаванием им самых элементарных сведений в латинской словесности; поэтому, не переставая читать свой курс, Р. занялся по преимуществу педагогическою деятельностью.

С 1811 по 1814 г. Р. с честью занимал в Харьковском университете кафедру латинского языка и древностей. В качестве ординарного профессора он был членом Университетского Совета, в 1813 г. был деканом Словесного Отделения и, кроме того, некоторое время был казначеем университета. В 1811 г. ему поручено было произвести ревизию Харьковской университетской библиотеки, и в том же году он был командирован в Славянск для освидетельствования найденного там загадочного камня.

В том же 1811 г. по случаю смерти ректора Рижского Роммель говорил на латинском языке речь, взяв темой стих Горация: «Non omnis moriar». Несколько позднее он говорил на торжественном акте в Университете речь на тему: «О силе и преимуществах истинного и совершенного дарования».

11-го октября 1813 г. Р. выступал неофициальным оппонентом на диспуте Хлапони́на. Когда вновь назначенный ректор Стойкович был отдан под суд Университетской коллегии профессоров, Р., бывший прежде высокого о нем мнения, но глубоко разочаровавшийся в нем, настаивал в заседании Совета на том, чтобы начатое по этому делу следствие было доведено до конца, а не передавалось на воззрение Министра. В 1811 г. Роммелем был выработан план и правила Педагогического института для приготовления в нем кандидатов и окончивших курс университета к учительской деятельности,

причем он сам и был избран, в том же году, на должность директора этого института. Его план и правила были напечатаны («План и правила Педагогического института, составленные профессором Р.», Х. 1811 г.). Не зная русского языка в такой мере, чтобы иметь влияние на будущих кандидатов, в учителя, Р. ограничился письменной обработкой задач и методов (методики и дидактики); его сочинение впоследствии было переведено на русский язык и заслужило одобрение министра графа Разумовского.

В 1812 г., в качестве директора института, Р. преподавал в нем кандидатам и некоторым студентам, более прочих в науках успевшим, общую и частную педагогику, дидактику и методологию, относящуюся ко всем школьным предметам и, кроме того, руководил их в занятиях их своими советами и наставлениями, требуя от них отчета в их домашних упражнениях. Слушателей-кандидатов в институте было незначительное число, но Р. привлек сюда лучших студентов. Впрочем, этот институт не вызывался необходимостью и был устроен лишь на основании Устава, предписывавшего его устройство.

Роммель был членом Училищного Комитета в Харькове, причем ему было поручено ревизовать Харьковскую гимназию и уездное училище; в Правлении университета Роммель участвовал только год.

По инициативе Роммеля при университете было основано ученое Общество, принявшее в число своих членов губернатора, архиерея и всех образованнейших и почетных лиц в окрестности. Роммелю было предложено председательство в этом Обществе. Оно называлось «Харьковское Общество наук» и имело два отделения: естественных наук и словесное. В самом начале в нем было лишь десять членов.

На лекциях Роммеля в университете наблюдалось недостаточное число слушателей; по классическим языкам он отмечает отсутствие пособий в средних школах, университете и в Педагогическом институте. Поэтому отчасти с целью внушить своим будущим слушателям любовь к классическим древностям, отчасти с целью восполнить этот недостаток

руководств и пособий, он издал ряд сочинений по латинской словесности и ряд сочинений римских классиков.

Р. приехал в Харьков в неудачное время. В обществе перед Отечественной войной была реакция против иностранцев и отчасти против либеральных веяний первых лет царствования Императора Александра I. Подъем патриотизма и недоверие к «немцам», хотя бы приносившими просвещение и гуманное направление, и общественные перемены с удалением Сперанского – все это сказалось понемногу и в отношении Харьковского общества к иностранцам профессорам. В Совете Р. примкнул к оппозиции, сторонником которой был проф. Шад, ревностный поборник просвещения, как его называет Р. Оппозиция была в меньшинстве, и приходилось выдерживать продолжительную борьбу за гуманное и свободное направление в науке и за независимое ее положение.

Познакомившись с двумя-тремя помещиками, в том числе с семейством Черновых, жившим в своей деревне Водолаге, Р. на одной из дочерей майора Чернова – *Маргарите Ивановне*, женился и таким образом вошел в местное общество.

Все свои наблюдения во время жизни в Харькове Р. изложил в своих воспоминаниях, предоставляющих богатый и ценный материал для истории Харьковского Университета в первое десятилетие его существования, для истории науки в России в царствование Александра I, для истории внутреннего общественного развития, характеристики местного дворянства, администрации, помещичьего общества Малороссии начала XIX века и внутренней жизни академической и помещичьей среды.

В 1814 году, вследствие тяжелого климата, расстроившего его здоровье за трехлетнее с небольшим пребывание в Харькове и, наконец, вследствие поднявшейся после войн 1812–1814 г. реакции против иностранцев, Роммель решил оставить Харьков. В июле 1814 г. он отправился через Москву в Петербург, чтобы получить более подходящее назначение, но так как Имп. Александр уехал на Венский конгресс и Роммелю его не удалось видеть, а желание его занять кафедру в другом русском университете не было исполнено, то он и отправился

на свою родину, освобожденную русским Императором от ига французов.

В Петербурге Роммель познакомился с Олениным, которому он был благодарен впоследствии за его указания по поводу древностей в Тмутаракани и Тамани. С директором Публичной библиотеки Р. вступил в дебаты по поводу предприятий англичан в Ост-Индии. Здесь Роммель видел 4 письма Генриха IV к немецким князьям и в частности к ландграфу Гессенскому Морицу, письма послужившие потом материалом для его сочинений. У Оленина Р. видел современное ему Петербургское общество. С. С. Уваров, беседовавший с ним по вопросу о народном образовании, высказал тогда мысль о необходимости национализации образования, осуществленную потом при Имп. Николае Павловиче. Это был намек на надвигающуюся реакцию в Европе и на подъем национального шовинизма. Здесь же в Петербурге Р. повидал профессоров и академиков. В Дерпте Р. встретил проф. Г. Ф. Паррота, Моргенштерна, Эверса, Рамбаха, В. Гецеля, Дейтша и др. Они приняли его весьма дружелюбно и приглашали Р. непременно остаться в Дерптском университете и занять в нем свободную кафедру всеобщей истории. Попечитель университета генерал Клиnger и граф Разумовский – оба писали Роммелю, что, если он будет выбран Советом университета, они не откажут ему в своем содействии к замещению кафедры. Но Роммель не решался занять кафедру всеобщей истории, не будучи коротко знаком с историей России и всеобщей историей, а проф. Эверс заявил, что будет препятствовать его назначению на эту кафедру, если найдется русский ученый, более его знающий этот предмет. Это заявление Эверса лишь укрепило дружественные отношения к нему Роммеля.

О России у Р. сохранились хорошие воспоминания, несмотря на все невзгоды, испытанные им в ней. С равным вниманием, с одинаковой любознательностью он описывает в своих Записках и русского кучера, и малороссийскую песню, и варенье, борщ, щи и квас, и русскую баню, и русскую девушку. Его жена была малороссиянка, знала малороссийские песни и была склонна к тихой грусти. Он с интересом описывает новый,

странный для него язык, со звуковой стороны его поразивший своей мягкостью и музыкальностью (малороссийское наречие). С таким же вниманием и любовью наблюдательного ученого он описывает всех людей, с которыми он встречался в России: губернатора, двоюродного брата своей жены, жену, полицмейстера и своих товарищей-профессоров. Но и тут в нем обнаруживается историк: проездом через разные города от Харькова до Москвы, от Москвы в Петербург и оттуда через Ригу и Митаву в Германию Роммель останавливается с интересом на древностях каждого города и присоединяет к их описанию краткую историю города (главным образом политическую историю) и, как всегда, соединяет с этим географическое его описание и этнографические сведения о его населении.

В Дерпте Роммель познакомился со многими лифляндскими дворянами. Многие из них учились в Геттингене. Из Дерпта через Ригу, Митаву, Мемель и Кенигсберг, Роммель вернулся в родной город. Из-за границы Роммель прислал письмо с просьбой об увольнении его от службы по расстроенному здоровью.

В апреле 1815 г. Роммель переехал в Кассель к родным, а 2-го июня 1815 г. он получил назначение в качестве профессора истории в Марбургский университет на место Вахлера. Р. приглашал и свою жену, жившую в Петербурге у своей подруги графини Ламберт, следовать за ним в Германию; но получил от нее ответ, что она, вследствие разницы их характеров и вследствие его привязанности к отечеству, предпочитает остаться на родине. К письму было приложено писанное по-русски и по-немецки формальное требование развода (12-го ноября 1815 г.). Развод состоялся, не без протеста со стороны духовенства, 22-го июня 1816 г. Впоследствии, будучи увлечена масонством, она окончательно сделалась девоткой и жила строгою аскетической жизнью.

В Германии в ту пору был подъем национализма, и Р. сосредоточился на национальной и местной (Гессенской) истории.

В 1820 г. Р. был вызван, со званием историографа, из Марбурга в Кассель, где ему было поручено заведование

королевским и государственным архивом, а впоследствии (в 1829 г.) заведование и королевской библиотекой. В 1828 г. он получил дворянское достоинство.

Труды Р. относятся частью к восточной этнографии, частью к древностям римским и греческим. Немало также им напечатано мелких статей и речей по общественным и академическим вопросам. Наконец, особое и главное место занимают его труды по истории и историографии. Совершенно отдельно стоят его воспоминания, имеющие для нас специальный интерес. Кроме указанных выше речей и статей, следует отметить следующие. До поступления в Харьковский университет им были напечатаны, кроме указанной выше диссертации: «*Abulfedae Arabiae descriptio commentario perpetuo illustrata*», Геттинген. 1802 г.; «*Straboniana regionuin et gentium Caucasciarum descriptio commentrio perpetuo illustrata*; «*De styli quibusdam virtutibus ad orationem ornandam necessariis*», Геттинген. 1802 г.; «*De Taciti descriptione Germanorum*»; «*Progr. quo Veterum de Amazonibus narratio exponitur*», Marb. 1805; «*Ueber Philologie und philologische Erklärung der griechischen und römischen Classiker*», Marburg. 1805; «О Кавказских дикарях по известиям путешественников», «Характеры Теофраста, переведенные с примечаниями и рассуждениями о характерах»; «Аристотель и Росций, или об искусстве вообще и в особенности о жестах и декламации» (все на немецком языке); кроме того, несколько трудов по географии, этнографии и статистике и ряд статей в журналах («Географические Эфемериды», «Меркурий», «*Morgenblatt*», «*Minerva*» и др.).

В 1811 г. им были в Харькове напечатаны следующие труды: «*M. T. Ciceronis Orationes selectae, Universitatis Charcoviensis auctoritate*», 1812, XVIII, 438; «*M. T. Ciceronis libri de amicitia, de senectute et de officiis, nec non paradoxa et somnium Scipionis*», Charcov. 1812; «*Caji Progr. I–III de systema philologiae*, Charc. 1811–1813, 40; «*Crispi Sallustii quae exstant opera*», Charcov. 1814; «*Cornelii Nepotis vitae excellentium imperatorum*», Charcov. 1814 и др. Эти, равно как и «Хрестоматия немецкого языка в прозе и в стихах» («*Deutsche Chrestomathie. Poetischer Theil*», Chark. 1813, 8°), составленная для гимназии Р. и Шагом по поручению

Совета и изданная от имени университета, сочинения уже, главным образом, педагогические, руководства, пособия для изучения языка.

Роммель находил, что римские и греческие древности на современное ему поколение будут и должны иметь большое влияние. Это влияние должно сказаться в области права, в области немецкой литературы и в области общественного устройства. Поэтому многие из его статей, хотя и имеют тему из области изучения древнего мира, но имеют некоторое отношение к современным ему общественным событиям и, следовательно, приближаются ко второму роду его сочинений. К числу трудов такого рода принадлежат непосредственно: «Надежда и счастье нашего времени в самом злополучии». «О докторе Галле в рассуждении его преподавания» и мн. др.; «Deutschland und die deutsche Nationalversammlung», Kassel. 1848 г. Главные труды Р. относятся к третьему отделу, включающему сочинения по истории и историографии. Они немногочисленны. Это «Geschichte von Hessen» (Hamburg und Gotha. 1820–43; доведена до 1600 года); продолжением этого труда служит «Geschichte von Hessen seit dem Westfälischen Frieden» (Kassel. 1853 und 1858). Кроме того, «Résumé de l'histoire de reforme ecclesiastique dans la Hesse» 8 vv., 1843 (на немецком языке: «Kurze Geschicthe der hessischen Kirctenreformation unter dem Landgrafen Philipp dem Grossmüthigen, Wilhelm dem Weisen und Moritz dem Gelehrten», Marb. 1817); «Correspondance inédite de Henri IV, roi de France et de Navarre avec Maurice le Sevent, Landgraf de Hesse», Paris. 1840: «Leibnitz und Landgraf Ernst von Hessen-Rheinfels. Ein ungedruckte Briefwechsel über religiose und politische Gegenstände», Frankfurt a/M. 1847, 2 Bde и др.

Главный труд Р. – История Гессена, не отличается художественной обработкой и занимательностью содержания, но зато отличается обилием материала, подобранного и исследованного с особенной, тщательной добросовестностью. Напротив, его «Errinnerungen aus meinem Leben» написаны очень живо и местами увлекательно. Они для нас представляют особый интерес в качестве источника для истории самого

начала царствования Императора Александра I, написанного иностранцем и, кроме того, что особенно важно, написанного известным историком того времени и беспристрастным, хотя и не достаточно серьезного. Это скорее литературное произведение, чем научный труд.

Strieder-Justi, Hess. Gelehrten Geschichte, B. XVII, 406; A. Duncker, Der Verein S. Hessischen Geschichte und Landeskunde in den ersten 15 Jahre seines Bestehens (1834–1884). Festschrift, Kassel. 1884, S. 14–17; Allgemeine Deutsche Biographie, B. XXIX, Leipzig. 1889, S. 126–128; Biographie Universelle, T. 36, p. 415–416; Meyers Konversations-Lexicon, B. XIV, 1897, S. 898; J. G. Meusel, Das Gelehrte Teutschland, B. XIX, Lemg., 1823; Fr. Bülow, Geheime Geschichten und ratselhafte Menschen, B. V, Leipzig, 1854: Chr. Rommel. Erinnerungen aus meinem Zeit; Д. И. Багалей, Опыт истории Харьковского университета, т. 1-й, Харьков. 1893–1893 гг.; «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1873 г., февр., стр. 294–311: Н. А. Лавровский, Из первоначальной истории Харьковского университета; «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1855 г., № 7, стр. 1–36: Рославский-Петровский, Об ученой деятельности Харьковского университета в 1-е десятилетие его существования; «Южный Сборник», Н. Максимова, Одесса. 1859 г.; «Пять лет из истории Харьковского университета» (отд. изд., Харьков, 1869 г.) – «Харьк. Губ. Вед.» 1869 г., № 32 и 33; Историко-филологический факультет Харьковского университета (1805–1905), X. 1907, стр. 150–159.

Ромодановский, Василий Иванович

Ромодановский, Василий Иванович, доктор медицины, писатель, профессор патологии и терапии Московского университета; род. в Москве в 1780 г.; ум. 25-го октября 1830 г. от холеры. Происходил из духовного звания и был сыном протоиерея *Ивана Степановича Ромодановского*; учился в Славяно-греко-латинской Академии и в 1804 г. поступил в Московский университет; за время пребывания в нем Р. получил две серебряных медали и окончил курс кандидатом в 1808 г., после чего поступил на службу помощником инспектора казеннокоштных студентов университета. В 1812 г. он защитил диссертацию на степень доктора медицины и в августе того же года отправился, в должности инспектора студентов, вместе с последними, в Нижний Новгород, по возвращении откуда, в 1814 г. назначен был экстраординарным профессором университета по кафедре патологии и терапии; должность эту он занимал до самой своей смерти, читая, кроме указанных курсов, еще диететику и общую патологию и терапию.

Диссертация Р. на степень доктора медицины вышла под заглавием: «*De regimine lactationis*». Кроме этого труда известны следующие сочинения Ромодановского: «*De usu et praestantia remedium domesticorum*», 1821 г. и «О пользе диететики», 1813 г. Первая из этих тем была им разработана для речи на торжественном собрании университета 1821 г. и тогда же: напечатана; вторая не была напечатана. Р. был в свое время известен в Москве, как искусный врач-практик, враг сложных и дорогих средств и лекарств, и отличался редким бескорыстием.

Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета, ч. II, Москва 1855 г.; Л. Змеев, «Русские врачи-писатели». Вып. I, СПб. 1886 г., стр. 85; «Речи и отчет Московского университета» 1821 г.; В. Рихтер, История медицины в России, т. III, стр. 415; «Московские Ведомости» 1830 г., № 94, стр. 4112 (некролог).

Ромодановский, Андрей Григорьевич

Ромодановский, князь *Андрей Григорьевич*, младший сын князя *Григория Григорьевича Р.*, участвовал в 1668 г. в военных действиях своего отца против гетмана Дорошенка и был взят в плен крымцами. Князь Ромодановский находился в плену в Жидовском городке (Чуфут-Кале), вместе с боярином Вас. Бор. Шереметевым, который относился к нему с большим сочувствием. В 1671 г. хан Адиль-Гирей решил отпустить пленных, но не успел привести в исполнение своего намерения, как его место занял хан Салим-Гирей, отменивший приказ своего предшественника. Ближний человек хана запросил с князя Р. 80000 ефимков и освобождения 60 пленных татар. «Больше 10000 за меня не дадут», – ответил князь Р. – «Как не дадут? – отец твой боярин и владеет всею Украиной, хотя с шапкою пойдет, то соберет с Украины больше 100000 руб.». – «Хотя бы хан велел меня замучить, то больше 10000 не будет», – ответил князь Р. В 1674 г. отец его, князь Гр. Гр. Р., служивший в Украине в течение 22-х лет, писал Царю Алексею Михайловичу о бедственном положении Севского и Белгородского полков и о своих семейных невзгодах: «сынишка мой Мишка служит шесть лет без перемены, а другой мой сынишка Андрюшка, за тебя разлив свою незрелую кровь, в томительной нужде в Крымском полону, в кандалах, живот свой мучит седьмой год». В 1677 г., когда у Московского правительства пошли переговоры о мире, размене и выкупе пленных, то Шереметева и князя Р. привезли из Жидовского городка в Азов. Так как переговоры ничем не закончились, то пленных заковали, посадили на галеру Турецкого паши и увезли обратно. В 1680 г. приехали в Крым посланники Царя Феодора Алексеевича – Зотов и Тяпкин; им пообещали отпустить пленных, но опять не отпустили, потому что не были присланы за них деньги. Лишь 8-го ноября 1681 г. назначенный для размена пленных князь П. И. Хованский окончил все дела и выступил из Переволочны в Курск с выкупленными пленными, в сопровождении войска. 12-го ноября они прибыли в Ахтырку,

откуда князь Хованский отпустил Шереметева и князя Ромодановского в Хотмыжск «для опасения бывшего в Крыму морового поветрия» (хотя прошло уже полгода с прекращения этой болезни), им велено было жить в Хотмыжске впредь до царского указа; 18-го ноября указ был получен, и князь Р. отправился в свою Епифанскую вотчину.

Сколько времени он прожил в ней и когда пожалован в бояре – неизвестно; 12-го ноября 1682 г. он подписался в числе бояр под Соборным определением об уничтожении местничества. 15-го мая этого же года был убит во время стрельца · кого бунта в Москве отец князя Андрея Ромодановского – князь Гр. Гр. Ромодановский; по свидетельству А. С. Матвеева, оставившего записки о первом стрельцком бунте, в это время убит и князь Андрей. Устрялов, подробно изучавший вопрос о стрельцком бунте 1682 г., говорит следующее. «Очевидец первого стрельцкого бунта, по всей вероятности Датский резидент Бутенант фон Розенбуш, в донесении своему правительству, напротив того, свидетельствует именно, что стрельцы пощадили его за долговременную неволю у Татар Крымских. О смерти князя Андрея Григорьевича молчит и Медведев; имени его нет и в числе убитых, означенных на «Каменном столбе».

С 12-го февраля 1682 г. князь А. Г. Ромодановский был женат на княгине *Евдокии Феодоровне Хилковой*, вдове стольника князя Феодора Феодоровича Хилкова (ум. 1681) и дочери Феодора Меньшого Михайловича Ртищева.

«Собрание Государственных грамот и договоров», т. IV; «Полное Собрание Законов», т. II; С. Соловьев, История России, т. XII; А. Петров, История родов русского дворянства. СПб. 1886 г., – А. П. Барсуков. Род Шереметевых. СПб. 1899 и 1904 гг., т.т. VII и VIII; Н. Устрялов, История царствования Петра Великого. СПб. 1858 г., I; Н. Н. Кашкин, Родословные разведки, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, Спб. 1912.

Ромодановский-Ряполовский, Антон Михайлович

Ромодановский-Ряполовский, князь *Антон Михайлович*, воевода. В 1574 г. на свадьбе царя Ивана Васильевича с Анастасией Романовной он нес «другую» свечу к месту и к церкви; в 1548 г., на свадьбе князя Юрия Васильевича с княжной Ульяной Дмитриевной Палецкой, тоже нес свечу. В 1558 г. был одним из воевод в Юрьеве, а 18-го августа 1562 г. отправлен был послом в Данию для размена договорных грамот относительно Ливонской земли. В наказе ему между прочим сказано: «Да и того про короля (Фридерика) проведати, сам король на что ся важет, до чего его большая охота, до воинского строенья охоч ли, и своими людьми гораздо ли владеет, и послушны ли ему, и люди его любят ли?». В 1564 г. велено князю Ромодановскому стать «на Наколин день вешний» в Калуге вторым воеводой в передовом полку; 17-го октября того же года, вследствие осады Рязани Крымским ханом Саин-Гиреем, было решено послать за Оку боярина Ив. Петр. Яковля, а с ним князя Андрея Хованского и князя Андрея Ромодановского, с повелением, если хан пойдет от Рязани – направиться в Лихвин, для береженья Козельских и Белевских областей. В 1572 г. Р. был судьей Холопьевого Суда, а в 1574–76 гг. – воеводой в Васильгороде; назначенный к нему в товарищи Ром. Вас. Олферьев бил челом, что ему неуместно быть меньше князя Ромодановского, и получил царскую грамоту, в которой признавалась неправильность такого назначения. За князем Р. была вотчина в Московском уезде, в Боховом стану: сельцо и 7 пустошей; земли значилось 500 чет., сена 548 копен, лесу 21 дес.

По мнению князя Долгорукого, Антон Михайлович писался «князь Ромодановский-Ряполовский» в ознаменование однородства своего со знаменитым родом князей Ряполовских.

«Русск. Вестн.» 1887 г., № 7, стр. 88–175 (статья о посольстве Р. в Данию); «Древняя Российская Вивлиофика», т.т. VIII, XIII, XIV; Синбирский Сборник; «Чтения Московского

Общества истории и древностей Российских» 1902 г., I; Князь М. М. Щербатов, История, т. VIII; Карамзин, История госуд. Российского, т. IX; «Русская Историч. Библиотека», т. III; Писц. книги XVI в., I; Князь П. Долгоруков, Росс. род. книга; П. Н. Лихачев, Разрядные дьяки.

Ромодановский, Василий Васильевич

Ромодановский, князь *Василий Васильевич*, окольничий; старший из семи сыновей князя *Василия Федоровича Стародубского*, который первым из князей Стародубских стал по своему уделу называться князем Ромодановским-Стародубским; князь Василий Васильевич был старшим братом боярина князя Ивана «Телеяша», князей Юрия, Феодора, Михаила и Бориса Васильевичей Ромодановских.

В 1483 г., судя по «духовной» Вереяского удельного князя Михаила Андреевича (согласно которой, как известно, великий князь Иоанн III Васильевич делался наследником удела этого князя), князь Василий Васильевич Ромодановский был «боярином» Вереяского князя Михаила Андреевича; по смерти (в 1496 г.) князя Михаила князь Василий перешел на службу к Московскому Великому Князю Иоанну III, к которому, в силу завещания, в этом году перешел удел Вереяский, а вместе с уделом перешли, вероятно, и служилые князья. В 1490 году князь В. В. Ромодановский ездил послом в Крым, откуда возвратился 16-го ноября 1491 года. Он привез с собою из Крыма двух послов, но эти послы, ввиду появившейся среди них моровой язвы, не были впущены в Москву, а остановлены на берегу речки Волкони, где должны были зимовать, а туда было послано уполномоченное лицо с толмачом. Для безопасности, переговоры должны были вестись через реку.

В 1492 году Иоанн III послал своих воевод в Северскую землю, в помощь к удельным князьям Стародуба-Северского. Эти князья, имея удел в Северной земле, на границе Литовско-Польского государства, служили оплотом от неожиданных нападений литовцев. В войске, посланном к князьям Стародубским, князь В. В. Ромодановский был вторым воеводой полка правой руки.

В 1495 году состоялась свадьба старшей дочери Иоанна III – Елены Иоанновны с вел. кн. Литовским Александром, сыном Казимира-Ягеллона. Венчание происходило в Вильне. В январе (6-го) прибыло за невестой посольство, а 13-го января Иоанн III

отпустил невесту. Сопровождать ее было отправлено пышное Московское посольство (82 человека) с боярином князем Сем. Ив. Ряполовским и боярином Мих. Яковл. Русалкою во главе, причем оба боярина были с женами. Посольство это должно было не только сопровождать невесту, но и присутствовать на свадебных торжествах. Но этого показалось мало великому князю, и он вскоре (3-го февраля), т. е. менее чем через месяц, послал новое посольство, в которое вошли: князь В. В. Ромодановский с женою, Андрей Захарович Щулепников и подьячий Иван Котов, чтобы «пожить при великой княгине Елене Ивановне, доколе она обойдется» в новой для нее обстановке, о чем велено было послу просить в речи при приеме его великим князем Литовским. По окончании свадебных торжеств, великим князем Александром Литовским «с великою честью», как говорится в летописи, было отпущено первое посольство, второе же (князь В. В. Ромодановский с женою и другие) были оставлены на некоторое время при великой княгине Елене; однако, и оно чрез нового посла Бор. Вас. Кутузова (28-го августа) было отозвано в Москву, куда В. В. Ромодановский и прибыл 20-го сентября.

В 1496 г. князь Ромодановский принимал участие в Шведском походе на Финляндию, будучи вторым воеводою передового полка, а в 1498 году, 30-го марта, был опять отправлен послом в Вильну вместе с дьяком Василием Кулешиным. Ему было поручено учредить пограничный съезд для решения «взаимных спорных дел», а кроме того упрекнуть великого князя Литовского, что он ведет переписку с королем Шведским, который был недругом Иоанна, и попрекнуть еще за упорство в непризнании за великим князем Московским титула князь «Всея Руси». В том же 1498 г., в сентябре, когда Казанский царь Абдул-Летиф прислал известие, что Урак с царевичем Салтаганом подступает к Казани, великий князь Иоанн послал в Казань своих воевод, причем князь Ромодановский был воеводою передового полка.

В 1498 г. (в конце), как известно, великий князь примирился с великою княгиней Софией Фоминичной и с сыном Василием Иоанновичем и тотчас же приказал расследовать дело о

доносах на них. В следующем (1499) году, как результат этого расследования, совершилась казнь князей Ряполовских и насильственное пострижение первого сановника государства – князя Ивана Юрьевича Патрикеева с сыном; тогда же были взяты под стражу и заподозренные в принадлежности к этой партии Андрей Иванович Коробов и князь Василий Васильевич Ромодановский. Однако, они под стражей были недолго, так как в 1501 г. (в сентябре) тот и другой уже принимали участие в походе князей Стародуба-Северской земли (князя Семена Ивановича, сына Ивана Андреевича Можайского-Стародубского и князя Василия Ивановича Шемячича), посланных к Мстиславлю. В этом походе князь Вас. Вас. Ромодановский был воеводою сторожевого полка. После известия о победе под Мстиславлем, присланного князьями Сем. Ив. Стародубским и Вас. Ив. Шемячичем, был от государя отправлен к князьям и воеводам Иван Микулин Ярового с изъявлением милости от великого князя, причем воеводам князю Ив. Мих. Воротынскому и князю Петру Семеновичу Лобану-Ряполовскому было велено остаться у князей в Стародубе, а остальным, в числе них и князю Вас. Вас. Ромодановскому, велено «быть в Москве».

В 1502 г. (в декабре) великий князь снова снарядил поход князей Стародубских на Литовскую землю, и в помощь посланы были воеводы Московские, причем князь В. В. Ромодановский опять был воеводою сторожевого полка, а в 1507 г. (в сентябре) в таком же походе князей Стародубских-Северских – 3-м воеводою полка правой руки.

Князь Вас. Вас. Ромодановский, кажется в 1501 г., пожалован был окольничим, каковым упоминается «в списке бояр, окольничих и т. д.», составленном В. Н. Берхом, а затем в «Древней Российской Вивлиофике» упоминается в год смерти великого князя Иоанна III, как старый окольничий, оставшийся новому великому князю Василию III Иоанновичу от отца, но в Разрядных Книгах, как окольничий, он нигде не упомянут. Несомненно только одно, что он, однако, уже был окольничим в 1509 г., когда, как окольничий (вторым), был в сентябре оставлен великим князем Василием III на Москве, во время

отлучки своей из Москвы в Новгород Великий. Скончался в 1512 году.

«Собрание Гос. Грам. и Догов.», т. I, стр. 300, 302, 394; «Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.», т. 35; «Полн. Собр. Русских летописей», т. IV, стр. 165; т. VI, стр. 240; т. VIII, стр. 224, 229, 238; т. XV, стр. 502; «Древн. Росс. Вивлиоф.», изд. 2-е, кн. XX, ч. I, стр. 13, 16, П. Н. Милюков, «Древнейшая разрядная книга», стр. 16, 23, 24, 30, 32, 36, 44; Н. Н. Бантыш-Каменский, «Обзор внешних сношений России», ч. III, стр. 80, 82; С. Соловьев, «История России», изд. т-ва «Общ. Польза», кн. I, т. V, стр. 1960; Карамзин, «История Госуд. Российского», изд. ж. «Север», т. VI, стр. 149, 163, прим. к VI т., 374, 451, 471, 508, 544; В. Н. Берх, «Список бояр, окольных и т. д.»

Ромодановский, Василий Большой Григорьевич

Ромодановский, князь *Василий Большой Григорьевич*, стольник; был вторым сыном князя *Григория Петровича Ромодановского*, братом князей Андрея, Ивана Большого (по прозвищу Молчанки), Петра, Василия Меньшого, Федора, Ивана Меньшого и Григория Григорьевичей Ромодановских. Прозвище «Большого» получил в отличие от 5-го сына князя Григория Петровича – боярина князя Василия Меньшого Григорьевича Ромодановского. Старший брат его, князь Андрей Григорьевич, в 1608 году участвовал в битве, которую дал отец его, князь Григорий Петрович, вместе с князем Ив. Ив. Шуйским и Федором Васильевичем Головиным, преследуемому ими гетману Сапеге, которого они настигли между сел. Воздвиженским и Рахманцовым, мужественно сражался и пал в битве. В 1613 г. князь Василий Большой Григорьевич с дворянином Ларионом Суминым назначен был в Псковскую область на межевание Русско-литовской границы. Во время этого межевания у князя Ромодановского с Суминым произошла ссора в Съезжей избе: Сумин сделал упрек князю Ромодановскому, сказав, чтобы он «не государился и не воцарялся, что и брат его (Ромодановского), князь Дмитрий Пожарский, воцарялся, и стало ему это в 20000 рублей». Пожарские и Ромодановские, как известно, происходили от одного общего рода князей Стародубских, только были разных ветвей, разделившихся еще за много лет до этого времени. Правда, на допросе Сумин отрекся от своих слов, но свидетели их подтвердили. Князь Ромодановский за это «бил челом Государю» на Сумина.

В том же (1613) году при приеме Государем Кизильбашских послов (Амира-Албека) Ромодановский был рындюю; старшими его товарищами при этом были два брата князя Куракиных – Василий и Федор Семеновичи, а младше его был Иван Иванович Чепчугов. Чепчугов, обиженный таким назначением, затеял местническое дело против князя Василия

Ромодановского, за которого, как за представителя близкого к Пожарским рода, заступился князь Дм. Мих. Пожарский. Приговор бояр был – выдать головой Чепчугова князю Василию Ромодановскому. В 1616 г. (16-го марта), когда вышел указ «от прихода Крымских и Ногайских людей» быть воеводам по полкам, – князю Ромодановскому назначено было быть первым воеводой в Ельце, заменив там стольника Ив. Ив. Салтыкова, и указано «по вестям» быть на сходе с первым воеводою большого полка – со стольником князем Фед. Сем. Куракиным, стоявшим в Туле. В том же (1616) году, когда литовцы подошли к Болхову и дали даже битву Болховским воеводам, в которой пал второй Болховской воевода Михаил Самсонович Дмитриев, то, по получении Государем об этом известия, были назначены полковые воеводы для этого «Северского похода», а князь Василий Ромодановский оставлен воеводою в Ельце, откуда велено ему «быть на сходе» с 1-м воеводою князем Ив. Ф. Хованским. Там же, на Ельце, мы его видим и в 1617 году (в апреле), когда были, «для приходу крымских и ногайских людей», назначены воеводы и в Украинский, и в Рязанский Разряды, и он был «сходным воеводою» к тому же князю И. Ф. Хованскому, первому воеводе в Туле, который был при «Северском походе» первым воеводою в Болхове. В Ельце оставался Ромодановский, вероятно, до осени 1617 г., когда произошла смена воевод, так как в росписи городских воевод в 1617–18 г в Ельце уже видим других воевод. В 1618 году (4-го января) Ромодановский участвовал опять в приеме Кизильбашских послов, причем после «ответа у бояр» Кизильбашского посла «ездил со столом к послу от Государя». В 1619 г. (12-го марта), при назначении «для обереганья от приходу Крымских и Ногайских людей» полковых воевод в Украинский Разряд, князю Ромодановскому указано было быть 1-м воеводою «прибыльного» полка, стоявшего во Мценске, заменив там стольника Василия Алексеевича Третьякова. В том же году (21-го декабря) он был «у стола Патриарха», причем ему велено было «смотреть в кривой стол».

В следующем, 1620 году (13-го апреля), при назначении полковых воевод в Украинский Разряд, князю Ромодановскому

велено было быть 1-м воеводою передового полка в Дедилове. Это назначение вызвало местническое дело со стороны 3-го воеводы сторожевого полка – князя Дмитрия Петровича Пожарского. Когда-то (в 1613 г.) мы видели, что князь Пожарский счел необходимым заступиться за честь князя Ромодановского, как представителя родственной фамилии; местническое же дело 1620 года любопытно тем, что тут столкнулись интересы представителей одного рода, но разных фамилий, или, вернее, двух линий одного и того же рода. В челобитной по этому местническому делу князь Ромодановский, заявляя, что он не может отрицать, что по происхождению (по лестнице) князья Пожарские – старше князей Ромодановских, говорит, что он берет в расчет не генеалогию, но выслугу: «считаемся мы и бьем челом Государю по государевым разрядом, а не по лестнице; а лестницу де и родство мы знаем во всех Ромодановских промеж себя, а не Пожарских, а Пожарские и с меньшими товарищами нашими бывали». Государь «счету» по этому местническому делу не дал, а велел «по прежнему государскому моженью» объявить, что передовому полку и сторожевому «быть без мест». Другое местническое дело, поднятое на него вследствие того же назначения – от воеводы передового полка Рязанского Разряда князя Юрия (Косого) Ивановича Шаховского, кончилось тем, что князь Юрий сидел в тюрьме два дня, а по выходе из тюрьмы велено было отвезти князя Юрия и выдать головою князю Ромодановскому.

В том же (1620) году, 15-го декабря, после приема Английского посла Ромодановский «ездил со столом» к послу от патриарха, в сентябре (12-го) 1621 года «смотрел в кривой стол» (во время стола у государя), а равным образом также 24-го сентября того же года, 14-го февраля, 1-го августа и 8-го сентября в 1622 году. В 1623 г. князь Р. послан был 1-м городовым воеводой в Путивль, а в 1625–26 году – в Торопец, вместо князя Б. А. Хилкова, и оставался там, вероятно, до 1628 года, ибо в мае того же года был в Москве, где 28-го мая, во время «похода на богомолье» государя в Сергиево-Троицкую лавру, «дневал и ночевал на государевом дворе» с боярином

Фед. Ив. Шереметевым, причем в списке ночевавших стольников поставлен на первом месте.

В 1630 году (25-го мая) указано было послать князя Ромодановского, после приема Венгерских послов «на приезде», «со столом» к этим послам ехать, но за болезнью его пришлось назначить затем другое лицо. В 1630 году, 22-го декабря, было ему указано быть воеводою в Брянске. В 1631 г. (30-го ноября) от него, как 1-го воеводы Брянского, и от 2-го воеводы Никиты Вас. Оладына прислано было известие (в то время была война), с Павлом Львовым, что 2-й воевода ходил из Брянска под Почеп, и город этот взят им и там оставлен осадный голова; такое же донесение было прислано и о взятии г. Трубчевска. Вследствие этого донесения был к воеводам Брянским послан, (8-го февраля следующего, 1633 г.) стольник Яков Михайлович Толочанов «с государевым жалованьем и о здоровье спрашивать и с золотыми».

В следующем, 1633–34 г. в Брянске были уже другие воеводы, а князь Василий Ромодановский оставался, вероятно, до осени 1633 г. В 1634 г. он принимал участие в приеме государем Алея-Аги, посла Турецкого султана Мурата (в 1-й, меньшей встрече, на крыльце), равным образом и 15-го февраля, когда Турецкий посол был на отпуске. В том же 1634 г., по заключении мира с Польшею (5-го июля), Государь назначил (в августе того же года) «судей для межевань» Русско-польских границ «по договору послов», причем князь Василий Ромодановский с дворянином Лар. Григ. Суминым, да с дьяком Дмитрием Прокофьевым назначен был в Великие Луки. В августе (18-го) были отправлены «межевые судьи» во Псков и Великие Луки. Производя межевание границ от Псковской области до Великих Лук, князь Ромодановский, сносясь с Москвой, в бумагах опускал имя князя А. М. Львова, делая это вопреки наказу, который повелевал писать: «по договору послов, боярина и наместника Псковского Ф. Ив. Шереметева да боярина и наместника Суздальского князя Алексея Михайловича Львова», а не: «боярин и наместник Псковской Ф. Ив. Шереметев с товарищи». В этом было усмотрено бесчестие

для боярина князя А. М. Львова, и князь Ромодановский был посажен в тюрьму.

В 1635 г., во время «встречи за городом» Александра Песочинского да Льва Сапеги, послов Польского короля Владислава IV, приехавших для «подкрепления вечного dokonчания» (ратификации), когда, по государеву указу, приняли участие стольники и прочие чины Московские, князь Василий Большой Григорьевич был головою у «сотни» стольников, состоявшей из 12 человек; когда же эти послы, после приема (12-го марта), «на отпуске» были приглашены «к столу» Государеву, данному в честь их, то князь Ромодановский был в числе стольников, которые во время этого стола «пред Государя пить носили»; то же самое и 12-го мая, после приема на отпуске Кизильбашского посла Аджи-Бека, В 1637 году (10-го марта), при назначении «для прихода Крымских и Ногайских людей» полковых воевод в Украинский и Рязанский Разряды, князю Ромодановскому велено быть в большом полку Рязанского Разряда, в Деделове и по вестям быть на сходе с воеводою большого полка Украинского Разряда, стоявшего на Туле, со стольником князем Ив. Фед. Хованским.

В 1639 г. (1-го мая), при назначении бояр и воевод на Украине для прихода Крымского Царя, Крымских и Ногайских людей не «по полкам», а «по местам», стольнику князю Ромодановскому было велено быть 1-м воеводой в Веневе, а в 1640–41 году – 1-м воеводою в Вязьме, где он был, вероятно, до 1643 г. В 1644 г. (28-го января), когда, после приема «на приезде» Датского королевича Вольдемара и датских послов, был стол у государя, и королевич с послами был у стола, князю Василию Ромодановскому велено было «смотреть в кривой стол» 1-м из двух, вместо назначенного раньше, но заболевшего стольника князя Юрия Петровича Буйносова-Ростовского. В 1639 г. Р. был в числе стольников, несших тело Царевича Ивана Михайловича (скончавшегося 9-го января) и тело Царевича Василия Михайловича (скончавшегося 25-го марта), а также несколько раз среди стольников и других чинов Московских назначаем был «дневать и ночевать у гроба Царевичей».

«Акты Моск. Государства», т. I, стр. 140, 186, 188, 191, 224–226, 382, 393, 443–445, 450–465, 463, 464, 466, 474, 559–565, 600, 657; «Разрядные книги», изд. 2-м Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, т. I, стр. 122, 193, 262, 274, 403, 621, 622, 624, 656, 677, 679, 680, 681, 693, 694, 695, 708, 709, 712, 714, 724, 726, 731, 925, 958, 1030, 1242, 1351; т. II, стр. 81, 382, 384, 461, 466, 673, 729, 920; «Дворцовые разряды», т. I, стр. 110–111, 212, 224, 259, 267, 294, 310, 388, 422, 434, 443, 466, 476, 488, 492, 493, 395, 520, 525, 566, 689, 738, 846; т. II, стр. 4, 142, 179, 235, 291, 304, 305, 316, 341, 361, 364, 382, 391, 399, 407, 417, 437, 461, 514, 531, 548, 605, 661, 687, 726, 934, 942, 963, 965, 974; Н. П. Лихачев, «Разрядные дьяки XV века», стр. 97, 210, 211, прил., 41, 51, 62; Соловьев, «История России с древнейших времен», кн. II, т. IX, стр. 1311; П. Иванов, «Указатель к боярским книгам»; А. П. Барсуков, «Списки городовых воевод».

Ромодановский, Василий Меньшой Григорьевич

Ромодановский, князь *Василий Меньшой Григорьевич*, боярин; 5-й сын боярина князя *Григория Петровича Ромодановского* и брат князей Андрея, Василия Большого, Ивана Большого Молчанки, князей Петра, Федора, Ивана Меньшого и Григория Ромодановских.

До своего назначения (в 1632 г.) воеводою в Рыльск, будучи стольником, уже принимал участие в придворной Московской жизни. При приеме послов находился среди тех чинов, которые должны были сидеть в золоте при Государе и Патриархе (в 1625 г. при приеме Кизильбашских послов на отпуске, в 1630 г. при приеме Шведского посла Антона Монира) или же быть рындю (в 1627 г. – 13-го июня; в 1630 году – 23-го, 25-го и 27-го мая; 6-го, 27-го июня и 6-го июля; в 1631 г. – 10-го января, 4-го и 9-го марта) при приеме послов. Во время «стола у государя», дававшегося в честь послов, находился в числе стольников, которые «есть ставили пред Государя» (в 1625 г., 17-го мая), а во время обычного «стола» у Государя «смотрел в кривой стол (в 1619 г. 8-го ноября; в 1623 г. 30-го ноября; в 1630 г. 5-го мая и в 1631 г. 28-го августа по случаю крещения царевны Марфы Михайловны). В 1627 г., 13-го июня, при приеме Английского посла князь Василий был назначен 2-м рындю (1-м был назначен его брат Иван Большой Григорьевич Ромодановский), другими же, меньшими рындами были князья Петр и Федор Федоровичи Волконские. Князья Волконские, вследствие такого назначения, просили Государя на Ромодановских «счет дать». Результатом такого ходатайства было то, что Ромодановские были отставлены и заменены князьями Пожарскими.

В 1632 году князь Василий был послан воеводою в Рыльск, откуда 10-го января следующего года, во время Польской войны, прислал к Государю вестника, что он, Ромодановский, посылал из Рыльска голов воевать в Литовскую землю, и они взяли у города Роман два острожка, пожгли его посады, много людей

побили. Судя по грамотам князя, он в апреле 1634 г. был еще в Рыльске.

В 1635 г. имя князя Ромодановского встречается в числе стольников, которые во время «стола» у Государя, дававшегося в честь послов после приема «на отпуске (21-го марта – Литовского посла Александра Песочинского и 19-го мая – Кизильбашского посла Аджи-Бека), «есть ставили пред Государя».

В том же (1635) году, 9-го июня, князь Р. был послан 1-м воеводою на Терек, где находился до 1637–38 г. Когда в 1640 году (8-го марта) указано было «для приходу Крымского царя и Крымских и Ногайских людей» быть воеводам «не по полкам, а по местам», князь Василий назначен был 1-м воеводою на Венев. По случаю этого назначения возникло против Ромодановского местническое дело со стороны 2-го воеводы, назначенного в Венев, – Ив. Фед. Еропкина. По приговору, данному по этому местническому делу, Ив. Фед. Еропкин «за бесчестие» Ромодановского «был отведен в тюрьму». В 1641–42 г. князь Ромодановский был воеводою в Воронеже, где находился еще в марте 1644 года.

После кончины царя Михаила Феодоровича князь Ромодановский был в числе уполномоченных лиц, на которых было возложено поручение приводить к присяге на верность новому царю Алексею Михайловичу воевод и прочих чинов по городам и полкам. В 1645 г. (11-го октября) ему указано быть 2-м во Владимирском Судном Приказе при боярине Ив. Вас. Морозове, а 20-го марта 1646 года он был пожалован в окольничие. В 1646 г. (25-го декабря) он был приглашен, как окольничий, к государеву столу, в 1647 г., 11-го апреля, в Вербное воскресенье – к столу Патриарха, а 28-го июля – к столу Государя в Новодевичьем монастыре.

В 1648 году князь Р. был 2-м дружкой Государевым на 1-ой свадьбе Государя, жена же его Евдокия Афанасьевна – 2-й свахой с государевой стороны. В том же году он с дьяком послан был воеводою на Двину, где оставался до 1650 года. По возвращении с Двины, во время «походов на богомолье» Государя в монастыри (в 1650 г. 22-го сентября; 9-го октября,

30-го ноября; в 1651 г. 26-го сентября, в 1652 г. 15-го января) и в придворные села (в Коломенское 29-го октября 1650 г., в село Хорошево 3-го апреля 1651 г.) был в числе лиц, сопровождавших Государя в этих «походах». Для встречи Литовского посла Станислава Витовского с товарищи (9-го апреля 1651 г.) князем Ромодановским было дано 10 человек «даточных людей». В 1652 г. (5-го апреля) с 3 боярами и 2-мя окольничими он послан был к Спасу на Восток, по Полоцкой дороге, встречать тело патриарха Иова.

В том же (1652) году князь Ромодановский был воеводою во Пскове, откуда он возвратился не ранее февраля 1653 г., но во всяком случае был в Москве не позже ноября 1653 года, когда ему (30-го ноября) назначено было следовать за Государем среди других лиц в «походе» на богомолье в Звенигород. В 1654 году, с февраля месяца, он был в Пушкарском Приказе, а с сентября 1654 г. – в Челобитном Приказе. За это время в 1654 году, 11-го апреля он был у стола государя, а 16-го апреля – у стола Патриарха, когда же государь (18-го мая) отправился в поход на Литовскую землю против короля Яна-Казимира, то на Москве он «оставил за себя бояр и окольничих», среди коих был оставлен и князь Ромодановский (3-м окольничим). В 1655 году (12-го февраля) при приеме Макария, патриарха Антиохийского, он принимал участие во 2-ой, меньшей встрече (на лестнице) с сыном своим князем Дмитрием Васильевичем.

В том же (1665) году 25-го февраля Р. был пожалован из окольничих в бояре, а 11-го марта был послан 1-ым воеводою в Астрахань на смену боярина князя Ив. Петр. Пронского. В том же году (11-го марта) на место 2-го воеводы Ивана Никитича Колтовского был прислан стольник князь Ив. Сем. Гагарин. Вследствие этого назначения было местническое дело со стороны стольника князя Гагарина на Ромодановского, и по приговору этого дела князь Гагарин был посажен в тюрьму. Находясь на воеводстве в Астрахани, князь Ромодановский с дьяками Иваном Городовым и Исаем Нефедьевым завели сношения с Калмыцкими тайшами, привели их в подданство Государю и взяли с них присягу, что они будут «под Государскою

высокою рукою на веки, неотступно, на всей Государевой воле», да кроме того взяли с них заложников.

Это было поставлено князю Ромодановскому в большую заслугу: «будучи-де в Астрахани, многую прибыль государю учинил в его государевой казне», «двор Гилянский строил» и «на дворе палаты каменные построил малым расходом»; за эту «калмыцкую службу» Государь (17-го августа 1657 г.) назначил отправить в Астрахань к князю Ромодановскому стольника А. И. Самарина «с государевым жалованьем, милостивым словом и о здоровье спрашивать и с золотыми». Самарин считал, однако, делом не подходящим («невместным») ехать к князю Ромодановскому и тем «быть его меньше», о чем и бил челом государю. По приговору, однако, «за безчестие боярина князя Ромодановского», велено Самарина, по указу государеву, «бить батоги», после чего Самарин все-таки был послан в Астрахань.

В 1661 г. (17-го сентября) князь Р. назначен был снова в Пушкарский Приказ, но на этот раз боярином. В том же (1661) году, 27-го октября вспомнили «Калмыцкую службу» боярина князя Ромодановского с дьяками, – и они были приглашены к «Государеву столу», а после стола были награждены: князь Ромодановский получил шубу «атлас золотной, по червчетой земле», в 270 рублей, кубок, придачи к прежнему окладу 100 рублей, да 6000 ефимков. В 1662 г. князь Р. дважды был оставляем (первый раз с боярином князем А. Н. Трубецким, а второй раз с боярином князем Ф. Ф. Куракиным) на Москве, в отсутствие государя из Москвы во время его походов на богомолье. В 1663 году (26-го августа) он назначен был участвовать в крестном ходу в этот день в Сретенский монастырь по случаю праздника иконы «Владимирской Божьей Матери». В 1665 году с дьяком Симеоном Углецким Р. был послан воеводою в Великий. Новгород. В 1668 г. (19-го января) назначен был в Новгород другой воевода, 12-го февраля воеводы были отправлены из Москвы и только в марте боярин Ромодановский получил смену. В том же году (8-го июня), по случаю именин царевича Феодора Алексеевича, князь Р. был „у стола государя“, в 1669 году (6-го июля) «дневал и ночевал» у

гроба Царевича Симеона Алексеевича с думными дворянами, дьяком и стольниками. Скончался 3-го октября 1671 года.

«Акты Истор.», т. IV, стр. 273, 277, 280, 371; «Доп. к Акт. Историч.», т. III, стр. 149, 185, 189, 191, 192, 196–199, 201, 440, 461, 488, 489; т. V, стр. 155–157; т. IX, стр. 167, т. X, стр. 460. «Акты Арх. Эксп.», т. IV, стр. 77; «Акты Московского Государства», т. I, стр. 140, 351, 407, 460, 466, 467, 497, 515, 519, 597, 616; «Полн. Собр. Русск. Лет.», т. IV (Псковск. I), стр. 339; «Русская Истор. Библ.», т. IX, стр. 496, 540, 561; «Древн. Росс. Вивлиофика», кн. XIII, ч. XVIII, стр. 175; кн. XIV, ч. V, стр. 72, 81, 90; кн. XVIII, ч. I., стр. 27; кн. XX, ч. I, стр. 104, 110, 122; ч. III, 203, 381, 410; «Памятн. Диплом. Сношен.», т. VII, стр. 546–548; «Разрядные книги», изд. 2-го Отдел. Собств. Е. И. В. Канцелярии, т. II, стр. 678, 730, 817; «Дворцовые Разряды», т. I, стр. 432, 673, 574, 684, 691, 925; т. II, стр. 4, 132, 139, 141, 143, 145, 147, 150, 182, 183, 189, 190, 192, 228, 234, 247, 312, 437, 461, 468, 517, 626, 629, 673, 687, 706; прил., стр. 839, 870, т. III, стр. 3, 21, 33, 34, 54, 56, 64, 78, 79, 185, 191, 197, 205, 212, 229, 236, 265, 281, 285, 290, 304, 327, 382, 403, 407, 413, 457, 459, 460, 490, 713, 715, 776, 845, 857, 862; Доп. к III т., стр. 62, 103, 106, 291. 295, 296, 347, 354. 893; Н. П. Лихачев, «Разрядные дьяки XV в.», прилож. 52; И. И. Голиков, «Деяния Петра Вел.», кн. XIII, стр. 6; Н. Н. Бантыш-Каменский, «Обзор внешних сношений России по 1800 г.», т. III, стр. 118, 119; Соловьев, «История России с древнейших времен», изд. «Общ. Польза», кн. II, т. IX, стр. 1300; кн. III, т. XII, стр. 617; А. Олеарий. «Описание путешествия в Московию и чрез Московию в Персию и обратно (есть указатель); А. Барсуков, «Списки городовых воевод»; В. Н. Берх, «Список бояр, окольничих и других чинов»; П. Иванов, «Указатель к боярским книгам».

Ромодановский, Григорий Григорьевич

Ромодановский, князь *Григорий Григорьевич* – боярин; восьмой сын боярина князя *Григория Петровича Ромодановского*, брат князей: Андрея, Василия Большого, Ивана Большого Молчанки, Петра, Василия Меньшого и Ивана Меньшого Григорьевичей Ромодановских. Самое раннее упоминание о князе Григории относится к 1653 году: 1-го октября был созван собор по вопросу о присоединении Малороссии, и тогда же, после решения вопроса в утвердительном смысле, посланы были (9-го октября) в Малороссию, для приведения к присяге, боярин В. В. Бутурлин, окольный Ив. Вас. Алферов, а с Бутурлиным – стольники, в числе которых находился и стольник князь Г. Г. Ромодановский. В следующем, 1654 году, весной, из-за присоединения Малороссии возникла война с Польшею, а в мае был объявлен поход царя Алексея под Смоленск, на «недруга» – короля Яна-Казимира: князь Г. Г. Ромодановский принимал в нем участие, будучи назначен головою жильцов в полку самого Государя. В августе того же 1654 года из-под Смоленска был послан под Дубровну стольник князь Ф. Ф. Куракин с 7 сотнями жильцов, среди «голов сотен» которых был и князь Р. В начале 1655 г. стольник князь Р. был в Москве, где принимал участие (12-го февраля) во встрече Антиохийского Патриарха Макария, и в том же году, 1-го марта, с боярином и дворецким В. В. Бутурлиным послан был в Белую Церковь, на смену воеводам боярину Вас. Б. Шереметеву и Фед. Вас. Бутурлину, с приказанием при этом идти оттуда с Хмельницким под Литовские города. Воеводы с гетманом Хмельницким, в июле, выступили в поход и, пользуясь неизменным успехом, проникли в Галицию, беря город за городом. 15-го сентября от Бутурлина и князя Г. Г. Ромодановского было прислано к Государю, находившемуся тогда на пути из Вильны в Москву, известие о взятии города Черткова и других городов, а также о том, что «добил» челом государю Павел Потоцкий, брат коронного гетмана Польского Станислава Потоцкого. Тем временем Хмельницкий с

Ромодановским подступили ко Львову. Польский коронный гетман Потоцкий, вслед за которым они проникли в Галицию, не решился дать сражение и отступил от Львова к Слонигродеку (Городеку или Городку). Хмельницкий оставил значительную часть войска под Львовым, другую же часть – под начальством Миргородского полковника Лесницкого и еще часть Московского войска – под начальством стольника князя Ромодановского и Гротуса – отправил в погоню за Потоцким. Преследуя Потоцкого, они настигли его в 4-х милях от Львова, около города Слонигродека. Это место было признано удобным для обороны; перед городом было глубокое озеро; перебравшись через него, Потоцкий с войском остановился, намереваясь укрепиться: сзади был город, впереди – озеро, которое отделяло Польское войско от неприятеля, с боков впадали протекавшие по лесистой местности протоки; на этих протоках были расставлены караульные, да и переправа в лесистой местности казалась опасною. Казаки не дремали, воспользовались первою же лунною ночью (18-го сентября 1655 г.), разобрали близ лежавшие хаты, сделали из них плотины на протоках, тайком перебрались через них, убили караулы и опрокинули небольшой отряд, высланный, чтобы воспрепятствовать переправе, как только это было замечено. Тем временем русские, под начальством стольника князя Г. Г. Ромодановского и иноземца русской службы Гротуса, очутились на той стороне озера, где находилось Польское войско, а затем проникли за отступавшими поляками в город, где начался пожар. Напрасно поляки тушили его – русские разогнали их, а затем овладели и лагерем. Потоцкий упорно защищался, более трех часов продолжалась битва. Одно время казалось, что Московское войско подалось назад, но скоро оно оправилось, и оба фланга ударили на Польское войско. Русским войскам помог к тому же еще один неожиданный случай: вдали показалось какое-то новое войско: это был отряд «Перемышельского посполитого рушения», шедший на помощь полякам. Кто-то из поляков, не узнав подоспевшую помощь, крикнул: «Свежее войско идет на нас!» Поляки в паническом страхе бросились бежать, под напором русских, оставив им

артиллерию, знамена и пр., которые и достались русским, преследовавшим поляков, и только ночь прекратила это преследование.

После этой победы Московское войско возвратилось к Хмельницкому, к г. Львову, и расположилось кругом города в лагерях. Опираясь на эту победу, Хмельницкий стал настойчиво нести переговоры с жителями Львова, оставленными гетманом Потоцким, уговаривая их к сдаче. Переговоры затянулись; жители города ставили неподходящие условия и только после долгих споров решили послать депутацию к Хмельницкому, на собрание у которого были приглашены двое пленных Поляков, а также и стольник князь Ромодановский и Гротус. Находясь на собрании, Ромодановский вмешивался в переговоры, издевался над трусостью Польского войска и говорил по адресу Поляков всякие оскорбления, но получил отпор со стороны пленных Поляков, говоривших, что Московские люди приписывали победу себе напрасно, так как коронное войско победили не Московские люди, а мужественные казаки. Хмельницкий с Московскими войсками не долго, однако, пробыл в Польше и Галиции, так как нападение на Украину Крымских татар заставило его оттуда удалиться.

В 1656 г. мы видим князя Ромодановского в Москве, где он 5-го марта принял участие во встрече Антиохийского Патриарха Макария, а после его приема у Государя «ездил со столом» от Государя к Патриарху. В том же 1656 году, 29-го апреля, князь Ромодановский из стольников был пожалован в окольничие и в тот же день, с В. В. Бутурлиным и другими воеводами, действовавшими в Польскую войну в Малороссии, был приглашен к Государеву столу, после коего были получены ими всеми награды «за службу», причем Ромодановский получил: 1) шубу атлас золотной, 2) кубок, да 3) придачу к прежнему окладу. После пожалования те из воевод, которые были назначены воеводами «по городам», были у руки Государя, а среди них был и князь Ромодановский, которому было указано «на Государеву службу в Белгород и быть в Белгороде от приходу Крымского царя и Крымских людей». В Белгороде Ромодановский был до 13-го августа 1657 года.

В 1657 г., когда, после смерти Богдана Хмельницкого, гетманом на 3 года был избран, на место Юрия Хмельницкого, хитрый и честолюбивый Выговский, он, зная, что среди старшины есть много недоброжелателей Москвы, не отправил посольства в Москву ни с известием о смерти старого гетмана, ни о своем избрании; но, боясь в такое время раздражить Москву, послал известие о смерти гетмана в Киев – к воеводе А. В. Бутурлину и в Белгород – к воеводе, Ромодановскому. Извещенный через Киевского воеводу Бутурлина, а может быть и через Ромодановского, Государь послал в Малороссию своего любимца полковника и голову стрелецкого Артамона Матвеева с дьяком Перфилием Оловенниковым, с выговором Выговскому за неизвещение о смерти Хмельницкого и с повелением объявить гетману и войску Запорожскому, что Государь «для своих государевых дел посылает боярина и наместника Казанского князя А. Н. Трубецкого и Ржевского наместника Б. М. Хитрово, да дьяка Лариона Лопухина». Кроме того, добавили послы, Государь, извещенный еще покойным гетманом Богданом Хмельницким о неприятельских замыслах хана Крымского, посылает на помощь казакам Московское войско под начальством князя Ромодановского и В. Б. Шереметева; в Черкасских городах велено было готовить им «кормы» и подводы. Ромодановский, сдав Белгородское воеводство вновь назначенному (13-го августа 1657 г.) воеводе, окольному князю Семену Петровичу Львову, немедленно выступил и стал с одним отрядом сам в Переяславе, а другой отряд с Ляпуновым поставил в Пирятине. Семь недель поджидал к себе князь Ромодановский гетмана Выговского, чтобы договориться с ним о совместных военных действиях против крымцев.

Выговский только 25-го октября приехал в Переяславль на свидание, на котором Ромодановский, со свойственными ему прямолинейностью и резкостью, стал выговаривать гетману за его промедление и упрекать его за то, что ратным людям Царского Величества «запасов и конских кормов не выдавали», выставляя на вид, что «от бескормицы люди многие разбежались, лошади попадали» и т. под. Ромодановский, кроме того, пригрозил, что если и теперь не будут выдавать

запасы, то ему велено отступить в Белгород. Выговский хитрил и со свойственной ему изворотливостью оправдывался тем, что он долгое время не мог утвердиться в гетманстве и потому извинялся, что «запасы были скудны, теперь же для ратных людей Царского Величества запасы будут не скудны». Вместе с тем, желая спровадить Ромодановского за Днепр, Выговский предложил ему стать за Днепром со своими и некоторыми черкасскими войсками против ляхов и татар, обещая тотчас явиться к нему, как только управится с бунтовщиками в Запорожье. Ромодановский не поддался на хитрость гетмана и не согласился на это, отговариваясь неимением на то Царского веления, но обещал написать обо всем Государю. Выговский действовал двулично и вместе с тем осторожно; он понимал, что он не мог еще рисковать разрывом сношений с Москвою и что не мог быть прочен в гетманском достоинстве, пока существовал его непримиримый противник, Полтавский полковник Пушкарь, да не было еще заключено прочных союзов, направленных против Москвы, главным образом, с Крымом и Польшею. Мало того, перед радю в Переяславле (1-го февраля 1658 г.), когда Выговский был утвержден в гетманстве Московским правительством, он уже тогда, замышляя измену, дал формальное согласие на утверждение Московских воеводств по украинным городам, заведомо зная, что это было не по сердцу ему и его сообщникам. Но тогда было дело другое – от этого зависело его окончательное утверждение в гетманстве и признание такового со стороны Москвы.

В том же 1658 году, 1-го марта, в Белгород на место Ромодановского послан был князь Хилков, но вскоре (1-го мая того же года) Ромодановский снова послан был в полковые воеводы в Белгород. К июлю месяцу обстоятельства изменились в благоприятную для Выговского сторону: борьба его с Пушкарем закончилась в союзе с Крымцами (1-го июня) полною победою над ним, взятием Полтавы и смертью Пушкаря. После этого Выговский стал еще смелее заявлять о ненужности воевод. К этому же времени относится ссора его с Ромодановским, который после поражения Пушкаря, по приказанию Московского правительства, вступил в Украину и

расположился в Прилуцком полку. Выговский жаловался потом подъячему Якову Портомоину, приехавшему с царской грамотой (поданной гетману 9-го августа), что Ромодановский держит в своем лагере оставшихся в живых приверженцев Пушкаря (Довгала, Семена Писаря, Барабаша и Лукаша), что он, почитая себя выше гетмана, не считается с ним, как с главою страны, не является к нему, гетману, да еще похваляется схватить его. После ссоры с Ромодановским Выговский стал принимать все меры, чтобы избавиться от присутствия Московского войска и Ромодановского на Украине. Он понимал, что при дальнейшем развитии и выполнении затеянного плана перевести Малороссию на особых условиях в подданство Польше, помощь, присланная из Москвы с Ромодановским против его личных врагов, могла обратиться как раз на него самого. Стремясь к удалению из Малороссии Московского войска, от снесся с Москвою и, выставляя на вид то, что, по усмирении мятежных казаков, он уже распустил находящихся при нем наемных татар и теперь не нуждается во вспомогательном Московском войске, добился того, что Московские войска с Ромодановским были отозваны из Малороссии. Опьяненный успехами в переговорах с Москвою и податливостью Московского правительства, в разговоре с тем же Портомоиным, Выговский дошел до такой дерзости, что грозил послать к Киеву своего брата Данилу с войском, чтобы оттуда выслать боярина и воеводу, а если воевода не выйдет, то осадить его в Киеве, а город, который по указу Царского Величества сделан, разорить и разметать. Задумав нападение на Киев, он на время отложил свое намерение. Портомоин, как известно, был заключен под стражу, но, находясь под стражей, все-таки нашел возможность снестись с Москвою. Государь послал тогда к гетману (в августе 1658 г.) дьяка Василия Михайлова со строгим выговором за нарушение присяги и с приказанием немедленно распустить собранные казацкие и татарские войска. Почти явно затеяв измену, Выговский не стыдился оправдываться и уверять Государя в верности, только на время отлагая выполнение своего плана; вскоре же он счел обстоятельства благоприятными и 6-го сентября заключил так

называемый Гадячский договор о приведении на известных условиях Малороссии в подданство Польше. В Москве узнали об измене Выговского в сентябре, и 24-го сентября Выговский получил грозную грамоту; ко всем казакам, особенно же Полтавским, как прежним противникам Выговского, была прислана грамота с призывом к совместному действию против Выговского, для свержения его и избрания нового гетмана. В грамоте указаны были его изменнические поступки – задержание Портомоина, готовившееся нападение на Киев и открытое заявление посланцу Кикину о решении идти с оружием на Ромодановского. Угрожая осадить в Киеве воеводу В. Б. Шереметева, Выговский не решался еще открыто, лично выступить до заключения Гадячского договора, тем не менее, уже в августе стянул войска к Киеву и начальником для предварительной осады назначил брата своего Данилу. Данила Выговский 23-го августа появился под Киевом, но его первое нападение на Киев окончилось неудачей, и он вынужден был отступить; почти вся Малороссия, примыкающая к левому берегу Днепра (восточная сторона) осталась верна Москве. На нее-то в своих действиях и оперлись Московские воеводы – князь Ф. Ф. Куракин и Ромодановский, получивший приказ в октябре снова двинуть полки в Малороссию. После трех неудачных попыток, не надеясь овладеть Киевом, Выговский завел мирные переговоры, а затем и совсем отступил от Киева, двинувшись навстречу надвигавшемуся в Малороссию Ромодановскому. Появление в Малороссии Ромодановского с Московским войском воскресило надежды сторонников Москвы. Тем временем Ромодановский, вступив в Малороссию, брал город за городом (Лубны, Пирятин и др.); при появлении Ромодановского к нему, помимо верных Москве казаков, приставала масса бедного населения («голоты»), из которой и образовался особый полк так называемых «дейнеков», постоянно служивший передовым отрядом для Ромодановского, но имевший тот недостаток, что был падок до грабежа, от которого с большими усилиями Ромодановскому приходилось его удерживать. Так, дейнеки ограбили Мгарский монатырь, нашли замурованные деньги, и Ромодановскому едва удалось

отстоять обитель от окончательной гибели. Подверглись разорению и сожжению Лубны и др. города. Подойдя к Лохвице, Ромодановский расположился под этим городом лагерем на зимние квартиры. К Ромодановскому, среди других, явился вновь назначенный войсковой генеральный судья Иван Беспалый. В конце ноября того же года Ромодановский предложил верным Москве казакам выбрать гетмана. Казаки левобережной части Украины выбрали в городе Варве Ивана Беспалого «гетманом на время», чтобы дела войсковые не гуляли. Тогда же был выбран генеральным есаулом Воронок. Местопребыванием гетмана Беспалого был назначен город Ромны. Беспалый с Воронком и явились деятельными помощниками Ромодановского в борьбе с Выговским. Был и другой претендент на гетманское достоинство, боевой товарищ Пушкаря – Иван Искра, сын знаменитого Якова Искры Острянина. В бытность его в Москве, при первом известии об измене Выговского после Гадячского договора, Искре посулили гетманство; теперь, после избрания Беспалого, он явился в лагерь Ромодановского, которому Московское правительство предоставило сделать выбор. Но судьба сама сделала этот выбор: на Искру напали, в 7-ми верстах от Лохвицы и лагеря Ромодановского, Чигиринские казаки под начальством наказного гетмана Скоробогатенка, Искра послал через гонцов известить Ромодановского об угрожавшей ему, Искре, опасности, но Ромодановский, оговорившись ночным временем, послал войска уже тогда, когда на поле битвы лежали одни трупы. Выговский, не имея ожидаемой помощи от Польши и видя, что военные действия разоряют ту и другую сторону, а вместе с тем желая предупредить высылку все новых и новых воевод, отправил к Государю Белоцерковского полковника Кравченку с повинною. Перед Москвою Выговский лицемерил, а на письмо Ромодановского, чтобы «Выговский распустил войско и не приходил на царские города», он дерзко отвечал (от 14-го декабря 1658 г.): «на царские города приходить не помыслю, а только своевольников своих усکромлю и усکромлять буду, равно как и союзников их». Тем временем, как в Москве находился Кравченко с «повинной», наказной гетман Выговского

Скоробогатенко напал (16-го декабря) на Беспалого, стоявшего лагерем в Ромнах с преданными Москве казацкими полками, но был после упорного боя отогнан Беспалым, а 20-го декабря такой же участи от того же Скоробогатенка, поляка Груши и Переяславского полковника Тимофея Цецюры подвергся и сам Ромодановский в своем лагере в Лохвице, но от Лохвицы они были отбиты.

Так закончился 1658 год. В январе 1659 г. действия возобновились; главный центр их был под Миргородом и в Лохвице, где тогда Ромодановского, кажется, уже не было, так как там главное начальство принадлежало князю Ф. Ф. Куракину, сподвижнику Ромодановского, а также и под Ромнами, где стоял Беспалый. Беспалый жаловался Государю в Москву на Выговского и просил подкрепления, но на просьбы ему сообщили, что идет в Малороссию с войском ближний боярин князь Алексей Никитич Трубецкой. 29-го марта князь Трубецкой и находившийся при нем князь Ромодановский прибыли в Константинов, где к ним присоединился и гетман Беспалый. 10-го апреля Трубецкой выступил к Конотопу на местечко Смелое, где находился приверженец Выговского, полковник Григорий Гуляницкий с Нежинским, Прилуцким и Черниговским полками и Татарами. 12-го апреля совершено было первое нападение под Смелым на обоз Трубецкого, но было отбито. Из Смелого Трубецкой двинулся к с. Липне (в трех верстах от Конотопа), 19-го апреля прибыл к городу и послал к Гуляницкому письменное увещание отстать от Выговского, но получил отказ и стал готовиться к осаде. 28-го апреля начали приступ, ворвались в город, но были опрокинуты и отступили. Осада тянулась до 29-го июня. В мае Ромодановский по поручению Трубецкого совершил 2 похода: 12-го мая со Скуратовым напал на Борзну, разбил начальника казаков в Борзне Вас. Золотаренка (шурина Богдана Хмельницкого), Борзна была взята и сожжена, много жителей истреблено, а жен и детей казацких привели пленными под Конотоп, а оттуда отправили в Москву и вообще в Великороссию. Второй поход был к Нежину с князем Куракиным и казаками под начальством Беспалого; бой был удачен, татары отступили, а среди пленных казаков был и наказной гетман

Скоробогатенко. Ромодановский принялся преследовать татар, но затем, боясь, что они нарочно заманивают его за собою, воротился поспешно к Трубецкому под Конотоп.

Между тем, обстоятельства стали неблагоприятны для Выговского после того, как наиболее талантливый из его приверженцев, Переяславский полковник Тимофей Цецюра перешел на сторону Москвы, стал перебивать сторонников Выговского и сообщил об этом Трубецкому. Даже Данило Выговский, брат гетмана, женатый на сестре Юрия Хмельницкого, перешел на сторону последнего. Выговский вынужден был удалиться за Днепр, сдать клейноды Юрию, а оттуда едва успел бежать в Польшу. Хмельницкий был утвержден на раде в Переяславле (17-го октября 1659 г.). Для присутствия на этой раде были вызваны Московские воеводы с войсками – Шереметев, Ромодановский и др., причем Ромодановский прибыл в Переяславль 14-го октября. 21-го октября он выехал из Переяславля, а 1-го ноября из Переяславля пришли в Москву гонцы с известием о бывшей раде и об избрании от князя А. Н. Трубецкого и от других воевод, а среди них и от Ромодановского. В ответ на это Государь послал к воеводам, действовавшим в Малороссии, а среди них и к Ромодановскому, стольника Лукьяна Ивановича Ляпунова «со своим государевым жалованьем, с милостивым словом, о здоровье спрашивать и с золотыми».

В начале нового (1660) года Московское войско под начальством Ромодановского возвратилось к Москве. 17-го января 1660 г., когда войско уже приблизилось к Москве, Государь сам лично встретил его за Калужскими воротами и, встретив, пожаловал Ромодановского к руке. 23-го февраля 1660 г. Ромодановский среди других участников Малороссийского похода был приглашен к Государеву столу, а после стола, как и прочие, получил награду, причем ему были даны: 1) шуба «атлас золотной» в 150 рублей, 2) кубок в 6 гривен, 3) да «к прежнему окладу придачи» 80 рублей, 4) да на вотчину 6000 ефимков. Через три дня после стола государева Ромодановский снова получил то же назначение: ему велено быть в Белгороде «по-прежнему в полковых и осадных

воеводах», а в «товарищи» ему был дан стольник Петр Дмитриевич Скуратов. Летом 1660 года к Ромодановскому, как к воеводе Белгородскому, прибыли Ногайские мурзы, кочевавшие под Астраханью, и просили его, чтобы Государь пожаловал и принял их в свое подданство. Государь согласился, и Ромодановский привел их в Русское подданство. После взятия в плен воеводы Шереметева татарами и после измены Юрия Хмельницкого сторонники Москвы Самко и Золотаренко, оба родственники Хмельницкого, среди всеобщего волнения оставшиеся верными Царю, окруженные врагами, напрасно умоляли Ромодановского, стоявшего в то время с Московскими полками в Сумах, чтобы он поспешил в Малороссию: Ромодановский отказывал, ссылаясь на то, что ему велено стоять в Сумах, и послал под Гадяч только отряд, для того, чтобы разорять мятежных казаков и жителей. Приверженцы Москвы принуждены были действовать за свой страх; мало того, Ромодановский на просьбу Золотаренка о присылке помощи и о прибытии его самого, вместо того, чтобы двинуться в Малороссию, двинулся из Сум в Белгород, прослышав о предполагаемом нападении Крымских татар на Московские пределы. Весь почти 1661 г. Самко вел борьбу с приверженцами Хмельницкого, подчиняя Царю город за городом и борясь с Хмельницким и вступившим с ним в союз Крымским ханом Мехмет-Гиреем. В начале января 1662 г. хан и Хмельницкий ушли за Днепр, оставив в Ирклееве гарнизон, державшийся на стороне Хмельницкого, под начальством полковника Тимофея Цецюры. Князь Ромодановский подступил к городу на помощь Самку, разбил Цецюру (в январе 1662 г.), взял его в плен и отправил в Москву, а город разорил. С радостным известием об этой победе Ромодановский послал в Москву сына своего товарища по воеводству – Александра Петровича Скуратова, который прибыл в Москву в Христову заутреню, когда Государь был в соборе. В ответ на это известие Государь 5-го апреля, в субботу на Светлой неделе, послал к Ромодановскому стольника Гр. Ив. Кафтырева «с государевым жалованьем, с милостивым словом и о здоровье спрашивать».

Ожидая нового нападения со стороны Хмельницкого, Самко созвал раду в Козельце (на 23-е апреля), как будто для того, чтобы посоветоваться о средствах обороны. На самом деле он надеялся что на этой раде состоится избрание его в гетманы. И действительно, собравшаяся там казацкая рада объявила Юрия Хмельницкого изменником и выбрала гетманом Самка; но в мае должна была произойти новая рада для подтверждения избрания в присутствии Московского посланца Протасьева на поле близ Нежина. На этой раде должен был быть и Ромодановский с войском, но он остался в Нежине, а на раду послал товарища своего, стольника Семена Змиева. Рада почти вся снова избрала Самка, но голоса все-таки разделились, так как Нежинский полк избрал своего полковника – Василия Никифоровича Золотаренка; кроме того, еще не участвовал на раде Полтавский полковник Жученко, так как не повинился еще перед Государем. Вследствие этого, всем войском решено было на раде отдать гетманское избрание «на волю Царского Величества, кого он, Великий Государь, пожалует в гетманы». Этим раздором двух кандидатов, как известно, воспользовался новый соперник их, третий претендент – Иван Мартынович Брюховецкий. Государь, получив известие о том, что рада под Нежином (в Быкове) кончилась ничем, что выбор гетмана передан радой на его благовоззрение, назначил раду в Переяславле для окончательного избрания настоящего гетмана. Хмельницкий, узнав о предстоящем избрании и желая ему воспрепятствовать, подступил к Переяславлю и осадил Самка, который больше месяца отбивался от Хмельницкого, посылал в Москву просить помощи, жалуясь, что Ромодановский не помогает ему. Самко, храбро отбивая приступы, дождался прибытия Ромодановского с Московским войском и конницей 25-го июня; Хмельницкий еще не знал о прибытии Московского войска, но когда услышал об этом от пленных, то оставил осаду Переяславля и спешно отступил за Днепр, к Каневу, где, не доходя до города, окопался около Днепра. Ромодановский, соединясь с казаками под предводительством Самка, двинулся за Днепр, 17-го июля подступил к лагерю Хмельницкого, овладел им, истребил вспомогательный отряд поляков,

посланный от короля, и прогнал татар. Бой открыл Самко, и продолжался этот бой два с половиною часа. Войско Хмельницкого упорно держалось, когда же на него наступил Ромодановский с конницей, войско подалось и уже не могло оправиться и разбежалось. Московское войско приперло бегущих к реке, и те, спасаясь от неприятеля, бросались в реку и гибли. Овладев лагерем, Ромодановский подошел к Каневу и занял его. Хмельницкий бежал в лес и, пользуясь тем, что лес закрывал его от неприятеля, переправился за Днепр. С известием об этой победе Ромодановский прислал к Государю (30-го июля) своего сына, стольника князя Андрея Ромодановского. В ответ на это известие Государь 11-го августа послал стряпчего князя Ивана Ивановича Гагарина в полк к Ромодановскому «за их службу со своим государевым жалованьем и о здоровье спрашивать».

На другой день Самко со своими приверженцами задумал собрать раду для избрания гетмана, так как он был только наказным гетманом. Находясь в местности Нежинского полка, он стал рассылать приближенных лиц, чтобы они агитировали в его пользу против его соперника Нежинского полковника Золотаренка. Ромодановский наотрез отказал Самку, указывая на то, что рада будет после, когда можно будет собрать всех казаков и чернь, и непременно в присутствии боярина, нарочно присланного от Царя, и что теперь он не допустит никакой рады.

Самко, желая добиться популярности среди Нежинского полка, привязавшись к удобному случаю, стал праздновать победу пирами, не думая о дальнейшем походе. Этим воспользовались враги его – епископ Мефодий (бывший Нежинский протопоп Максим Филимонов, сторонник Москвы), а также Нежинский полковник Золотаренко: зная, что Ромодановский сильно недолюбливал Самка, они стали советовать Ромодановскому оставить Самка в Каневе, а самим выступить дальше. У них был такой расчет, что если война с Хмельницким закончится без Самка, то это окончательно подорвет значение его у царя. Ромодановский так и поступил. Не говоря ни слова Самку, он выступил из города и остановился лагерем в Богушевке над Днепром. Отсюда он послал своего

товарища по воеводству М. Б. Приклонского на другой, правый берег с отрядом, а сам пошел по левому берегу. Приклонский взял Черкасы, оставил там полковника Михаила Гамалею, а сам двинулся вниз по правому берегу реки к Чигирину, главному центру правобережной Украины.

Тем временем Хмельницкий успел несколько оправиться от поражений при Переяславле и Каневе, собрать войско и орду и выступить к Чигирину. Приклонский, услышав о приближающихся войсках, двинулся к Днепру и к Бужину. Ромодановский стоял в то время как раз против Бужина, на другой стороне. Приклонский для того и стремился туда, чтобы, переправившись через Днепр, соединиться с Ромодановским, но не успел: Татары нагнали его передовой отряд и 1-го августа разбили под Крыловом, а затем и самого Приклонского под Бужином 3-го августа. Потери Приклонского были малочисленны (пострадали более Малороссийские полки, которые поторопились пуститься вплавь от неприятеля). В общем переправу через Днепр Малороссийских казаков и Московских войск можно было считать благополучной, так как она совершилась под прикрытием пушечных выстрелов войск Ромодановского, стоявших на другой стороне, в местечке Крюкове. После соединения войск Приклонского и Ромодановского последний поспешно отступил в Лубны. Существует известие, что Ромодановский, при отступлении в Лубны, при переправе через Сулу, был настигнут ханом Мехмет-Гиреем, который жестоко поразил его, взяв 18 пушек и весь его лагерь, и Ромодановский только с остатком войска отступил в Лубны. Но должно с осторожностью относиться к этому известию, так как оно, не встречаясь в других источниках (как, напр., «Летопись Самовидца»), взято из источника очень пристрастного – донесения Юрия Хмельницкого Польскому королю. Сомнительна правдоподобность этого известия и потому, что сам Хмельницкий считал после этого поражения борьбу законченной, отказался от дальнейшей борьбы и от гетманства и удалился в монастырь; не то было бы, если бы в действительности Ромодановский был разбит ханом Мехмет-Гиреем.

Когда была окончена борьба с Юрием Хмельницким, была назначена рада для избрания гетмана (17–18-го июня 1663 г. в Нежине), на которой, как известно, избран был гетманом Малороссии «кошевой» Запорожского войска Иван Брюховецкий. Торжество Брюховецкого над претендентами Самком и Золотаренком и приобретение им доверия у Московского правительства объясняется умением расположить к себе и заставить действовать в свою пользу двух лиц: во-первых, Епископа Мефодия Мстиславского, во-вторых, Ромодановского, стоявшего во главе Московских войск в Малороссии. Не станем выяснять, какими средствами добился он расположения Епископа Мефодия; укажем только, какие были основания у Ромодановского предпочесть Брюховецкого двум другим кандидатам. Ромодановский был дружественно настроен к Мефодию и часто, как говорится, смотрел на события его глазами. Но были и другие основания – личного, так сказать, свойства: он недолюбливал Самку, что и выразил очень характерно, когда он, после победы под Каневом над Хмельницким, оставил Самку праздновать победу, а сам, не сказав Самку ни слова, ушел с Московским войском для дальнейших военных действий.

Самко не стеснялся писать доносы на своего противника – Золотаренку и жаловался Царю вместе с тем на медлительность и нерешительность действий Ромодановского. Это, конечно, могло вредить Ромодановскому в глазах Московского правительства, а через доброжелателей в Москве Ромодановский, конечно, был обо всем осведомлен. Золотаренко тоже не пользовался симпатией Ромодановского, окончательно же испортил свои с ним отношения таким поступком. В конце 1662 г., когда уже была назначена окончательная рада в Нежине для избрания гетмана, и когда кандидаты стали готовиться к ней, Золотаренко из писем стал замечать охлаждение в отношении к себе своего друга Епископа Мефодия, находившегося в то время в Гадяче; там же находился и «кошевой» Запорожского войска Брюховецкий. Желая выяснить положение, Золотаренко решил отправиться в Гадяч, предполагая найти там и Ромодановского. Доехав до

Батурина, он дальше не поехал, так как бывшие его приверженцы отсоветовали ему ехать, советуя побояться Брюховецкого, примириться с Самком и помогать ему в достижении гетманского достоинства. Не поняв истинного положения, приписал он это козням Самка и решил покончить с этими бывшими друзьями: собрать их всех и перебить. Когда ему не удался этот замысел, то он решил снискать, во что бы ни стало, расположение и содействие князя Ромодановского. Будучи такого взгляда на Московских воевод, что они все продажны, что их можно всегда подкупить в свою пользу, Золотаренко послал к Ромодановскому подарки. Ромодановский находился в то время в Зенькове; князь не только не принял подарков, но, по прямолинейности своего характера и со свойственной ему язвительностью, велел передать Золотаренку, что у него, князя и боярина, больше своего, чем у Золотаренка. Не так действовал третий претендент – Брюховецкий. Понимая, что слова его несомненно дойдут до Ромодановского, Брюховецкий в письмах к Мефодию всегда расхваливал Ромодановского: «Мы все бы пропали, если бы не Ромодановский», писал он. Это, конечно, льстило самолюбию Ромодановского и он понимал, что слова эти доходили в Москву, до кого нужно, а это создавало около его имени известную благоприятную атмосферу.

В 1663 г., в январе, князь Ромодановский был отозван на время в Москву, 12-го февраля был уже у руки Государя, а 14-го марта опять послан был в Белгород. Возможно, что этот вызов в Москву «на время» был связан с избранием нового гетмана. Избранный на раде в Нежине (17-го июня 1663 г.) Брюховецкий счел свое положение прочным только после казни своих противников Самка и Золоторенка (18-го сентября 1663 г.), а затем вступил в борьбу с гетманом Правобережной Украины Тетерею и с королем Польским Яном-Казимиром, приглашенным Тетерею совершить поход для овладения и левой частью Украины. Тотчас же после избрания гетмана Тетеря пригласил короля совершить этот поход; много раз Тетеря писал королю и домогался этого; наконец, в начале сентября 1663 г., король прибыл в Сокольники на смотр

собранным войскам, а на 15-е сентября 1663 г. был назначен поход. Польское войско было разделено на 4 отряда; во главе первого отряда поставлен был коронный гетман Потоцкий (этот отряд должен был двинуться на Тарнополь); по главе 2-го – Чернецкий, долженствовавший двинуться на Дубно; в 3-м – Собесский, на Бар, где этот отряд должен был сойтись с союзниками татарами и ханом Махмет-Гиреем; в 4-м – Лифляндец Бокун, в котором находился и сам король Ян-Казимир. 8-го октября король прибыл в Белую Церковь, где к Польскому войску присоединились казацкие полки с Тетерею и полковниками; там же состоялся военный совет. Отсюда Тетеря разослал казакам левой Украины универсалы (от 12-го октября 1663) с увещеванием отстать от Москвы и присоединиться к Польше. Универсалы мало оказывали влияния на Левобережную Украину: она осталась на стороне Москвы; изменили только городки Поток, Переволочна и Кременчуг. Тетеря подступил к Кременчугу. Высланный Брюховецким передовой отряд овладел Потоком, а оттуда двинулся на Кременчуг, куда вскоре двинулся сам гетман Брюховецкий с Московским отрядом, посланным от князя Ромодановского с воеводою Кириллом Осиповичем Хлоповым, Сам Ромодановский оставался в Белгороде и не двигался в Малороссию. Тем временем (13-го ноября) король переправился через Днепр, но и на левой стороне не встретил никакого сопротивления. То, что Ромодановский не оказывал сопротивления, король и Польские воеводы поняли, как тонкую военную хитрость, и стали усиливать осторожность; Брюховецкий же из-под Кременчуга писал в Москву жалобы на князя Ромодановского, отчасти благодаря расположению которого недавно сделался гетманом. В письме к Киевскому полковнику Василию Дворецкому, бывшему тогда с посольством в Москве, он просил объяснить положение дел Федору Михайловичу Ртищеву; как человеку влиятельному, и даже язвил насчет Ромодановского. «Удивляюсь радению князя Ромодановского, который, собравши войско, все лето стоял в Белгороде, а как узнал о приходе королевском, то войско по домам распустил: не знаю, уж не пришла ли к нему грамотка от

брата его Выговского». Но оба они, и король, и Брюховецкий, не были правы и не поняли поведения Ромодановского: ни первый с поляками, объяснявший поведение князя тонкою военною хитростью, ни второй – объяснявший это нерадением. Ромодановский сознавал положение, но ничего не мог сделать, без прямого указа не мог двинуться в Малороссию, а роспуск войск по домам объясняется Московским обычаем отпускать войска на осень, если не представлялось непосредственно угрожающей опасности; в случае же таковой опасности обыкновенно давался указ, воспрещавший роспуск. Когда же Р. услышал о вторжении короля и получил новый царский указ, он разослал гонцов по городам с отписками о высылке ратных людей и послал своего товарища по воеводству Петра Дмитриевича Скуратова со вспомогательным отрядом к Брюховецкому. Зимой на время военные действия прекратились; в первых же числах января 1664 г. король выступил из г. Остра и, покинув с войском зимние квартиры, двинулся к Нежину, хорошо укрепленному и снабженному сильным гарнизоном, но, миновав Нежин, двинулся затем к местечку «Салтыкова-Девица». За «Салтыковой-Девицей» король взял Сосницу, Новый Млин и т. д., затем задумал идти на Батурин, где по его предположению находился гетман Брюховецкий, но, по получении сведений о сильном укреплении Батурина, решился двинуться к северу, так как туда на соединение с королем шли Литовский гетман Сапега и Польский гетман Пац, а наперерез им шел с Московским войском князь Барятинский; сражение князя Барятинского с ними под Брянском было нерешительное. Тою же целью воспрепятствовать соединению Литовских войск с королевскими был занят и Путивльский воевода князь Куракин и спешивший к нему на соединение князь Яков Куденетович Черкасский. Поняв, что соединение не будет допущено, король круто повернул к Новгород-Северскому, а оттуда к Глухову. Здесь были казаки Глуховской сотни под начальством Дворецкого, генеральный судья Животовский и гарнизон Московских ратных людей под начальством Авраама Лопухина. Глухов оказал отчаянное сопротивление. Ни приступы, ни осада, ни подкопы не

поколебали мужества осажденных. Тут пришло к королю известие, что к Глухову подступают гетман Брюховецкий с казаками и князь Ромодановский с Московскими войсками. Тогда Польское войско отступило от города и приготовилось встретить их в открытом бою. Битва длилась весь день и была неудачна для поляков, которые стали отступать к Новгород-Северскому. Ромодановский, однако, не удовольствовался этим: приведя войско в порядок, он напал на отступавшее Польское войско при переправе через Десну, заставив его под неприятельским натиском переправиться через хрупкий лед. К Ромодановскому должны были придти с подкреплением воеводы из Путивля и Брянска (вышеупомянутые князья Черкасский и Куракин), но, как говорят, из-за местнических счетов они нарочно не прибыли в пору; но если бы это случилось, то погибло бы все войско Польское, и королю тогда не избежать бы было плена.

В Белгороде Ромодановский был до июня 1664 г.; в 1665 году он был пожалован из окольничих в бояре. Пожалование это совпало со временем пребывания в Москве гетмана Брюховецкого, также пожалованного там в звание боярина-гетмана и женившегося в Москве на княжне Долгорукой, дочери князя П. А. Долгорукого. До 1668 г. Ромодановский был, вероятно, в Москве. К этому году относится измена гетмана Брюховецкого Московскому государю. Брюховецкий чувствовал все усиливавшуюся нелюбовь к нему населения Малороссии; только одни казаки Запорожья сохраняли еще к нему расположение. С другой стороны он не мог не замечать все усиливавшейся популярности гетмана Правобережной Украины – Петра Дорошенка. Брюховецкий также замечал, что Московское правительство вело какие-то тайные переговоры с Дорошенком, и чувствовал, что почва уходит из-под его ног. Дело довершил Андрусовский договор Москвы с Польшею, сопровождавшийся так называемым Андрусовским перемирием. Не веря ранее Москве, Брюховецкий счел невозможным верить и Польше и решил подчинить на известных условиях Малороссию Турецкому султану. Кроме того, он знал о недовольстве Малороссии Московскими воеводами, которых, с

его помощью и по статьям заключенного с ним в Москве договора, Московское правительство разместило по Малороссийским городам. С целью возратить себе потерянное расположение населения, Брюховецкий решил предпринять популярное среди Малороссиян дело – изгнать воевод из городов, а затем с помощью Турции очистить Малороссию вообще от Московских воевод и людей. Для этого он собрал в Гадяче (1-го января 1668 г.) раду, а затем начал изгонять городских Московских воевод. Как только весть об измене Брюховецкого достигла Москвы, вышел указ (17-го февраля 1668 г.) боярину Ромодановскому быть на государевой службе в Белгороде с полком против изменника Ивашки Брюховецкого и Черкас; в товарищи ему был дан стольник Петр Дмитриевич Скуратов, старый его товарищ по Белгородскому воеводству; в Белгороде они должны были сменить окольного и воеводу князя Ю. Н. Борятинского да князя Василия Дмитриевича Борятинского, находившихся там с 1666 г. На другой же день (18-го февраля) воеводы были у руки Государевой и отправились к месту назначения, куда прибыли уже в марте. Ромодановский не ранее мая, однако, мог проникнуть в Малороссию, но произошло это не по его вине: в тот год, хотя была ранняя Пасха, долго стояла совершенно зимняя погода, и весна настолько запоздала, что еще месяц спустя после Пасхи не росла трава, местами же лежал снег, и лошади не могли иметь корму. Прибыв в Малороссию, Ромодановский подступил к городку Котельве (в Гадячском полку), на границе с Великокороссийскими владениями, но встретил в нем сильный гарнизон. Выбор этого городка для осады был сделан потому, что Ромодановский знал, что у Брюховецкого здесь сосредоточена была большая часть запорожских казаков, а они составляли самую надежную опору Гетмана. Брюховецкий двинулся к Котельве против Ромодановского. Но последнему уже не пришлось сразиться с Брюховецким: тем временем, как Брюховецкий собирался выступить против Ромодановского, гетман Правобережной Украйны Дорошенко отправил послов к Брюховецкому с требованием снять с себя гетманское достоинство; это требование разгневало Брюховецкого, который

питал надежду сделаться гетманом обеих половин Украины, так как Дорошенко одно время, из любви к родине, предполагал сам отказаться от гетманства, чтобы соединить под властью одного гетмана всю Украину. Получив такое предложение, Брюховецкий приказал заковать присланных Дорошенком казаков в кандалы. Тем временем Дорошенко, получив отказ и зная, что Брюховецкий двигается к Опошне и Котельве, чтобы сразиться с Ромодановским, двинулся Брюховецкому наперерез, прибыл к Опошне и оттуда вторично отправил к Брюховецкому послов. После второго отказа явился посланник от Дорошенка с прямым требованием, чтобы Брюховецкий явился к Дорошенку, как к гетману обеих сторон. Затем Брюховецкий был силою приведен к Дорошенку и, как известно, был забит до смерти расsvирепевшей толпою казаков. После убийства Брюховецкого (1-го июня 1668 г.) Дорошенко оставался в нерешительности, не зная, кому поддаться: Москве, Польше или Туркам, и после того, как почувствовал, что народ был склонен к туркам, решил поддаться им. Затем, объявив себя гетманом обеих сторон Украины, он стал собираться против Ромодановского. Ромодановский же не решился выступить против Дорошенка и отступил. Дорошенко преследовал отступавшего на Путивль Ромодановского, но вскоре оставил преследование, вследствие своих семейных обстоятельств, и поспешил домой в Чигирин, оставив за себя наказным гетманом от левой Украины бывшего Черниговского полковника, только что перед тем сделавшегося генеральным есаулом Демьяна Игнатовича Многогрешного, теперь получившего название наказного «Северского гетмана». Ему, брату своему Григорию Дорошенку и другим главным своим приверженцам гетман поручил изгнать оставшихся еще в некоторых городах царских воевод (в Нежине, Чернигове и Переяславле). С уходом гетмана Дорошенка с Левобережной Украины счастье перешло на сторону князя Ромодановского: он не только успел оправиться и пополнить свои войска, но уже счел себя в силах действовать наступательно. В Котельве Ромодановский подвергся ночному нападению от гетмана Дорошенка с казаками. С ними были и союзные крымцы: Салтан

с мурзами и с 20000 татар. Ромодановский счастливо отразил нападение, и они отошли на 7 верст от Котельвы. С известием об этом Ромодановский прислал к Государю (24-го июня 1668 г.) рейтарского полковника П. Стремчевского. В ответ на это известие Государь (26-го июня 1668 г.) послал к Ромодановскому стольника князя Ник. Гр. Гагарина «с Государевым жалованьем, милостивым словом и о здоровье спрашивать» – «за службу, что побил черкас и татар». 19-го июля 1668 г вышел указ боярину князю Григорию Семеновичу Куракину из Севска двинуться к Нежину, а боярину Ромодановскому, стоявшему в то время в Ахтырском (от Котельвы он отступил), быть на сходе с этим боярином. 23-го июля Ромодановский прислал в Москву жильца Игн. Ник. Логвинова с известием, что он, боярин, послал на Черкасский город Грунь своего сына, стольника князя Андрея Григорьевича Ромодановского, с товарищем своим по воеводству стольником Петром Дмитриевичем Скуратовым и с ратными людьми и Калмыками (500 ч.), и что они взяли город Грунь, но вынуждены были принять бой с черкасами, посланными на выручку от Дорошенка. Вскоре дела, однако, пошли хуже: князь Андрей Ромодановский потерпел сильное поражение у Гайворона и даже, говорят, был взят в плен; сам боярин Ромодановский не мог оказать ему помощи за малочисленностью войска и принужден был отступить к Путивлю, после чего первым делом поспешил на выручку оставшихся по городам воевод с Московскими гарнизонами, которые были осаждены казаками. Восточная сторона, как только почувствовала силу на Московской стороне, тотчас же потянула к ней. Это явление было не ново: Москва испытала это и после Конотопа, и после Чуднова.

В сентябре 1668 г. Ромодановский перешел в наступление и двинулся к Нежину, где сидел в осаде воевода Ив. Ив. Ржевский. Осаждавшие, увидев у себя в тылу войска Ромодановского, бежали, а за ними бежали и многие из жителей Нежина, боявшиеся преследования Ромодановского. Той же участи подвергся и Чернигов, где был Многогрешный. Он посылал к Дорошенку просить о присылке помощи, но получил

отказ. Тем временем Ромодановский подступил к Чернигову, и его ратные люди подожгли окраину города, носившую имя «нового места», и оттуда стали беспокоить артиллерийским огнем середину города, так называемое «старое место». Многогрешный, увидев себя в опасности, отправил к Ромодановскому гонцов сказать, что он отказывается сопротивляться, сдает город, но желает получить за то свободный пропуск с казаками. Ромодановский дружелюбно отнесся к Многогрешному – выпустил его из города (после чего Многогрешный ушел в Седнево), а сам вошел в город, где находился воевода Толстой с ратными людьми. Освобожденные Ромодановским от долгой осады, они присоединились к его войскам. С этого времени началось сближение князя Ромодановского с Многогрешным, чему много способствовал брат Многогрешного – Василий Игнатович Многогрешный и бывший Нежинский полковник Матвей Гвинтовка. Они явились к Демьяну Многогрешному в Седнево и стали убеждать его принять подданство Государю. Многогрешный с радостью принял их совет и тотчас же отправил их к Ромодановскому. Начались переговоры об условиях, и вскоре же от Ромодановского были присланы два Московских полковника для принятия присяги от Многогрешного, а затем состоялось в городе «Девнице» свидание Д. Многогрешного с Ромодановским. Затем в январе 1669 г. Василий Многогрешный с Гвинтовкой послан был в Москву (кроме них были в посольство отправлены и другие лица); 24-го января велено было от Государя объявить Малороссийским послам, что рассмотрение всех дел и избрание самого гетмана должны будут состояться на раде, на которую отправлены будут боярин Ромодановский, стольник Артемон Сергеевич Матвеев, да дьяк Григорий Карпович Богданов. Матвеев с Богдановым двинулись из Москвы, откуда они должны были направиться в Севск. Ромодановский же, в то время стоявший с войском в Судже, должен был присоединиться к ним в Севске же. Относительно места рады, вопреки просьбе посланников, чтобы рада была в Батурине, Государь определил, чтобы рада была в Глухове, так как этот

город найден был более удобным «для ближайшего привоза из городов людских припасов и конских кормов». Кроме того, Государь повелел, чтобы рада была «черневая», т. е. с представителями черни, простого народа, а не из одних только старшин, т. е. высших войсковых должностных лиц. 1-го марта 1669 года с указанными выше товарищами боярин Ромодановский прибыл в Глухов, 2-го марта состоялось его совещание с Д. Многогрешным, а 3-го марта приехал туда же Черниговский Архиепископ Лазарь Баранович; в тот же день на дворе боярина Ромодановского в Глухове состоялась рада, причем от мещан и казаков простых были только выборные. Вопрос о выборе гетмана решился тотчас же. Лишь только Ромодановский объявил, что «Царское Величество указал им, по их правилам и вольностям, выбрать гетмана», как тотчас же рада ответила, что выбирает гетманом Демьяна Игнатовича Многогрешного. Долго, однако, пришлось Ромодановскому убеждать согласиться на требование Московского правительства по другому вопросу – о воеводах по некоторым городам (в Переяславле, Нежине, Чернигове, Остре) и о ратных Московских людях: раде очень хотелось добиться вывода воевод и ратных людей; поэтому пришлось вести долгие переговоры и собирать раду на 5-е и на 6-е марта, пока, наконец, благодаря своей настойчивости, Ромодановский не убедил старшин принять статьи согласно воле Государя. В этот же день Ромодановский вручил новому гетману верительные грамоты, затем все пошли в церковь, где и была принесена присяга. 8-го марта, согласно установившемуся обычаю, боярин Ромодановский роздал «государево жалованье» соболями; его получили: сам гетман, старшины и полковники, которые, в свою очередь, отдали Ромодановского лошадьми. В тот же день боярин отправил Государю известие об окончании рады, собранной в Глухове, и об избрании гетманом Многогрешного, но не скрыл в своей отписке-отчете казацких домогательств относительно вывода воевод и того, что он воспротивился и наотрез отказал в этом. После этого Многогрешному ничего более не оставалось, как отправить к Государю письмо с уверениями и обещаниями в неизменной и верной преданности

и не только не просить вывода воевод, а, напротив того, умолять Государя дать указ царским войскам, как только неприятель будет наступать на Украйну, тотчас же оказывать помощь. В апреле того же (1669) года от нового гетмана Многогрешного отправлено было посольство в Москву (генеральный судья и будущий гетман Иван Самойлович), которое высказало еще более характерную просьбу, чтобы князь Ромодановский с войском своим был всегда наготове на защиту Украйны, по первому требованию, не отговариваясь неимением царского указа. В скором времени Ромодановский выехал из Глухова на три версты от города, провожаемый новым гетманом и старшинами.

В 1670 году, во время бунта Стеньки Разина, брат Стеньки, Фролка, пробрался на Дон, а затем поплыл вверх по Дону, чтобы потом проникнуть в Слободскую Украйну, а уж оттуда в Малороссию и поднять там восстание среди Малороссийских полков. Поднявшись по Дону, Фролка напал на Коротояк, в 80 верстах к югу от Воронежа, на правом берегу Дона. Коротоякский воевода тотчас же известил князя Ромодановского, стоявшего в Острогожске, в 97 верстах на юг от Воронежа, на берегу реки Тихой Сосны. В помощь к Ромодановскому гетман Многогрешный отправил 1000 человек отборных казаков под начальством генерального есаула Гвинтовки. Ромодановский поспешил на помощь осажденным, поспел вовремя и с государевыми ратными людьми не только отбил приступ от города воровских казаков Разина, но и разбил их наголову, так что те побежали вниз по Дону. Этой победой Белгородская и прочие волости Слободской Украйны были сохранены от бунта. Казаки остались верны; только в одном Острогожске произошло восстание: воевода Московский Тимофей Панютин был утоплен в реке; однако, население осталось верно Государю, и город остался спокоен. Извещенный об этом Царь 1-го октября 1670 г. отправил к боярину князю Ромодановскому стольника Михаила Богдановича Приклонского, чтобы тот передал, что Государь велел «спросить вас о здоровье вашем, жалует вас за службу вашу и похваляет».

В 1671 г. князь Ромодановский был воеводою в Курске. В 1672 году в Малороссии произошла новая перемена гетмана. Против Многогрешного составилась заговор, в котором приняли участие обозный Петр Забелло, судьи: Иван Домонтович и Иван Самойлович (будущий гетман), генеральный писарь Карп Иванович Мокриевич (душа заговора) и полковники: Переяславский Дмитрашко-Раич, наказной Нежинский Филипп Уманец и Стародубский Петр Рославец. Они обвиняли гетмана в сношениях с П. Дорошенком и в желании, по примеру Дорошенка, перейти в подданство Турецкому султану. Как известно, эта измена осталась не доказанной, тем не менее заговорщики в ночь с 12-го на 13-е марта 1672 г. явились к воеводе Батуринскому Григорию Неелову и испросили его разрешения арестовать Многогрешного, обвиняемого ими в измене Государю. Неелов, настроенный за что-то против гетмана, дал разрешение. Они взяли у воеводы стрельцов, проникли в замок, пробрались в опочивальню и во время сна, не давши гетману возможности ни звать на помощь, ни объясниться, связали, положили на заранее приготовленные сани, закрыли и так тихо вывезли из Батурина, что не только жители его до утра не знали о случившемся, но даже наемное войско, состоявшее при особе гетмана, не могло поспеть ему на выручку. Поутру повезли связанного гетмана через Путивль и Севск в Москву. Сопровождали его генеральный писарь Карп Мокриевич, полковник Стародубский Петр Рославец до Москвы, а полковник Переяславский Дмитрашко Раич свернул с дороги в Курск, чтобы известить воеводу боярина Ромодановского о том, как поступили старшины с гетманом. После низведения Многогрешного и отсылки его в Москву (откуда, помилованный от смертной казни, он был сослан в Сибирь), управляли за гетмана старшины. В первых числах мая 1672 г. стали в Москве подумывать об избирательной раде. По просьбе старшин казацких на раде поручено было присутствовать боярину Ромодановскому; в товарищи ему был дан дворянин Ив. Ив. Ржевский, дьяк, четверо подьячих, восемь дворян и переводчик. 18-го мая Ромодановский получил отпуск. Наказ ему был дан следующего содержания: во-первых, он должен был объявить

старшинам царскую похвалу, что они не пристали к изменническим замыслам; во-вторых, сообщить прежние Глуховские статьи, которые и теперь признавались действительными; кроме того, на раде должен был быть и Архиепископ Лазарь Баранович, к которому о том была послана отдельная грамота. Рада должна была быть в Конотопе. 25-го мая 1672 г. Ромодановский двинулся в путь, а 9-го июня, по прибытии в Путивль, отправил через Харьковского полковника извещение о вступлении своем в Малороссию. 12-го июня, получив от Ромодановского извещение, старшины, замещавшие гетмана, из Батурина двинулись к Конотопу навстречу Ромодановскому, выслав наперед себя Киевского полковника Солонину с просьбою собирать раду не в Конотопе, а где-нибудь между Конотопом и Путивлем, представляя в качестве возражения против рады в Конотопе чисто хозяйственные соображения. Ромодановский отказал Солонине, указав, что в царском указе точно сказано быть раде в Конотопе. Когда Солонина ушел, Ромодановский двинулся в путь и, перейдя реку Сейм, остановился в местечке «Казачьей Дубраве» на речке Крисени, в 15-ти верстах от Конотопа. Туда к нему прибыл другой посланец от старшин – прилуцкий полковник Лазарь Горленко, с просьбою устроить раду хотя бы в Казачьей Дубраве, но и ему было отказано на том же основании. Не успел Ромодановский после ухода Горленка пройти 3-х верст от Казачьей Дубравы, как его встретили все старшины и стали упрашивать; какими доводами – неизвестно, но им удалось убедить Ромодановского приступить к созванию рады. Поставили «царский шатер» и приступили к чтению старых «Глуховских статей» с новыми добавочными статьями. Во время прочтения статей к боярину из Москвы неожиданно прибыл гонец с царской грамотой, с извещением о рождении Царевича Петра Алексеевича. Старшины принесли поздравление боярину, а затем обратились к начатому делу. 17-го июня явился на раду архиепископ Лазарь Баранович, и тогда же приступили к выбору гетмана, которым был выбран первый генеральный судья Иван Самойлович. После присяги и наставительной речи, сказанной согласно наказу,

Ромодановский велел «приложить руки» под статьями, а затем пригласил новоизбранного гетмана и старшину к себе на пир, на другой же день сам был приглашен к гетману на обед, после которого произошла обычная раздача подарков, «государева жалованья», новоизбранному гетману, старшинам и полковниками. 19-го июня старшины с гетманом уехали в Конотоп, а оттуда в Батурин. Начало гетманства Самойловича совпало с наступательными действиями Турецкого султана Магомета IV против Польши и Малороссии. Давно уже Турки думали о походе на Польшу и Украину, но их удерживала продолжительная война с Венецианцами из-за острова Кандии (Крита). Освободившись от этой войны, Султан все свои силы устремил на борьбу с Польшею. К 23-му апреля 1672 по султанскому указу должны были стянуться к Адрианополю Анатолийские, Румелийские и другие войска; призваны были и крымцы. Послана была, еще в феврале или марте, султанская грамота к Польскому королю Михаилу (Вишневецкому) с выговором, что поляки беспокоят владения гетмана Дорошенка, который со своим народом казацким поступил в число «невольников высокого порога нашего». 4-го мая прибыла ответная грамота из Польши, в которой указывалось, что Украина «от веков была наследием наших предшественников, да и сам Дорошенко не кто иной, как наш подданный». Так завязалась война.

Дорошенко был извещен о походе Султана. Весною 1672 г. 300000 турецкого войска перешло Дунай. Вначале поляки как будто имели успех: 40000-ный передовой отряд татар ворвался в Подолию, но встретил при Батоге (на реке Буге) 6000-ный польско-казацкий отряд под начальством Лужецкого, был разбит им и обращен в бегство. Но Лужецкий увлекся победой, стал преследовать татар, вопреки совету гетмана Правобережной Украины Ханенка, был разбит оправившимися от бегства татарами и сам обратился в бегство. С большими потерями они достигли табора гетмана Ханенка. Войска Ханенка под напором татар стали подаваться назад, пока не достигли, отступая, города Ладыжина, где заперлись и были осаждены, но город не мог быть взят. Дела сильно изменились. 4-го августа турки

перешли Днестр, а затем в августе же все турецкое войско обложило осадой г. Каменец (Подольский), считавшийся сильнейшим оплотом Польши с юга. Ужасное впечатление произвело падение этой первоклассной крепости и на Польшу, и на Москву. После взятия Каменца и Подолии, турки в том же году двинулись в Галицию и появились уже под стенами Львова, который и взяли 28-го сентября. Вскоре (5-го октября) был заключен униженный Бугачский мир (Бугач – город в Восточной Галиции); по этому миру Украина досталась Дорошенку на правах ленного от Турции владения, а город Каменец с Подолией отошел к Турции. Султан лично не продолжал похода и по заключении с Польшей Бугачского мира ушел назад. Нечего и говорить о тягостном впечатлении на Малороссию, которое произвел поход султана Магомета IV в Польшу. Самойлович тотчас заговорил о походе на Крым и на Дорошенка.

В марте 1673 г., отправляя двух своих сыновей (Семена и Григория), с известным в Малороссии протопопом Симоном Адамовичем и Москву, Самойлович велел протопопу бить челом от него, Самойловича, Государю, чтобы Государь приказал Ромодановскому и ему, гетману, выступить тотчас походом в Крым, для чего прислал бы пушек, пороху, свинцу и еще ратных людей. Адамович передал в Москве поручение гетмана, но, при отпуске его обратно, ему было объявлено, что Государь велел мысль о совместном походе Гетмана с Ромодановским оставить, а идти им обоим к Днепру и стать лагерем; затем приказано было из лагеря заслать к Дорошенку и объявить ему, что Государь, на его челобитье о подданстве, разрешает принять его в подданство и не только обещает не нарушать права и вольности, но обещает даже оборонять его, Дорошенку, от турок. В противном же случае, если Дорошенко откажется принести присягу, то велено было объявить ему, что царские войска обратятся против него. Кроме того, дано было указание и на тот случай, если бы Заднепровские казаки пожелали поддаться Государю помимо Дорошенка: велено было привести их к присяге и, по уговору с ними, выбрать верного гетмана или из их среды, или кого-либо с восточной стороны Украины, или,

наконец, если станут просить, сделать гетманом обеих половин Самойловича. Еще было указано протопопу Адамовичу, что обещанная Малороссиянам помощь послана, так как в Украину отправлено уже большое войско под начальством боярина князя Юрия Петровича Трубецкого, который в начале января 1673 г. и двинулся в Малороссию. 13-го февраля Трубецкой был уже в Киеве. Предположенное совместное движение Самойловича и Ромодановского к Днепру замедлилось вследствие распутицы, о чем Ромодановский дал знать Государю: «У нас на Украине с полей снег сбило и полное располнение большое», писал князь Ромодановский: «никоторыми мерами мне походом спешить нельзя; ратных людей при мне нет никого». Только 17-го апреля произошел съезд Ромодановского с гетманом в Сумах; там же было решено собраться с ратными людьми для предстоявшего похода. Войска гетмана должны были собираться в Батурине – резиденции Самойловича, войска же Ромодановского – в Судже, а сойтись войскам указано было между Глинском и Лохвицей. И действительно, войска соединились 22-го мая близ Лохвицы, а 1-го июня отправили отряд за Днепр к Каневу, а также к Дорошенку и его генеральному есаулу Якову Лизогубу, с предложением подданства, но получили отказ. Между тем появились на восточной стороне толпы Татар. Ромодановский выслал против них Харьковского полковника, который настиг их под Коломаком, бился целый день и едва избавился от гибели. Эта неудача заставила Ромодановского и гетмана отступить из-под Лубен, где они в то время находились, к Белгороду, в Москву же сообщить, что им нельзя переправиться через Днепр, так как река очень располнилась, а Дорошенко отогнал суда. На это пришло от Государя гневное письмо к ним обоим. «Разве вам велено было», писал Государь, «переправляться за Днепр? Вам велено было стоять у Днепра, где пристойно, и, устроясь обозом, послать к Дорошенку, с милостивыми грамотами, двоих досужих людей, а не полк».

«Услыхав о татарах», сказано дальше в письме, «велено было не отступать, а выслать против них части, войска». Этот поступок, вызвавший гневное Царское письмо, объясняется

проще всего нежеланием Самойловича привлечь в Московское подданство Дорошенка, которого он считал опасным для себя соперником, так как замечал, сколько со стороны Московского правительства прилагалось старания и сколько делалось попыток привлечь Дорошенка в подданство Государя, Попустительство же Самойловичу со стороны Ромодановского объясняется, во-первых, личным расположением Ромодановского, благодаря чему был сделан гетманом Самойлович, а не Карп Мокриевич, бывший душою заговора против прежнего гетмана Многогрешного, а, во-вторых, тем, что Ромодановский, проведенный столько лет на Украине, стал свыкаться с Малороссиянами и стал более податлив к ним и более обходителен. Недаром он снискал в последние годы особое к себе расположение Малороссиян. Можно собрать много отзывов Малороссиян о воеводах Московских и о бесцеремонном хозяйничанье Московских войск, приходивших защищать Малороссию. Так, Киевский полковник Константин Солонина, жалуясь на воевод и голов стрелецких, говорит: «Не знаю, как и назвать, неужели это христиане к христианам пришли на защиту? Но и татары то же бы сделали! только тем и удивляться нечего: неприятельские люди и басурманы». Жаловались они и на последнего воеводу, вновь прибывшего, князя Ю. П. Трубецкого: «полковникам на дворе и со двора ездить не велит», «боярин и воеводы недоступны», «ласки к ним не держат». Напротив, о Ромодановском выражались так: не то, что боярин князь Г. Г. Ромодановский, кто бы из малороссиян к нему ни пришел, он со всяким обходится, как равный, за это все его любят».

После неудачного похода за Днепр в 1673 г., а затем после длительных и не менее неудачных попыток склонить Дорошенка в подданство Царю, состоялся, наконец, в ноябре того же (1673) года царский указ Ромодановскому и Самойловичу идти с войсками за Днепр на Дорошенка. Но даже и на этот раз сделаны были указания, как поступить с Дорошенком, если он изъявит желание поддаться Царю и принять присягу, или если такое желание изъявит какой-нибудь из Заднепровских полков. Указания были совершенно тождественны с теми, какие были

даны перед предыдущим неудавшимся походом того же года. 23-го ноября к Ромодановскому «в товарищи» указано было быть сыну его, стольнику князю Мих. Гр. Ромодановскому, и Ив. Ив. Вердеревскому, а 11-го декабря в «товарищи» к Ромодановскому был назначен еще и стольник князь Борис Ефимович Мыщецкий, которому приказано быть в Белгороде «в осадных воеводах». 31-го декабря Самойлович выступил в поход из своей резиденции, из Бутурина, 8-го января 1674 г. достиг Гадяча, 12-го января к нему прибыл Ромодановский, а 14-го оба выступили к Днепру с 80000 войска. Затем они подошли к Днепру против Крылова, перешли реку, сожгли Вороновку, Боровицу, Бужин и 27-го января взяли Крылов. Затем из Бужина Ромодановский и гетман послали отряд из казаков и Московских ратных людей под Чигирин. От себя Ромодановский послал товарища своего, стольника Петра Дм. Скуратова, а от гетмана был послан Переяславский полковник Дмитрашко-Раич. 31-го января Скуратов с полковником достигли Чигирина. Против них Дорошенко выслал 2000-ный отряд из конных и пеших казаков, но они были разбиты Скуратовым и полковником и ушли, а Скуратов с Раичем преследовали их до городской Чигиринской стены, но ограничились только тем, что пожгли посады, а затем возвратились к Ромодановскому и гетману, стоявшим в то время в Бужине. Отсюда Московские и казацкие войска отправились по льду вверх по Днепру и 2-го февраля достигли Черкасс; там находились: Дорошков обозный Гулак и местный полковник Григорович. Им послано было предложение сдаться, но они, осажденные, отказались. Начался бой, продолжавшийся два дня. 4-го февраля город сдался; Гулак и Григорович с местным протопопом и другими лицами вышли из города и принесли присягу на вечное подданство великому государю. После принесения присяги этими лицами и жителями, Ромодановский оставил здесь от себя Острогожского полковника Герасима Карабута, гетман же оставил от себя Прилуцкого полковника Лазаря Горленка. 8-го февраля соединенные войска с Ромодановским и гетманом достигли городка Мошны. Жители без сопротивления сдались, присягнув

Царю. Отсюда Ромодановский с гетманом отправили отряд к гор. Каневу, с предложением сдаться, а затем и сами двинулись по льду и 9-го февраля подошли к городу, который, однако, не пришлось брать приступом, так как находившийся там Дорошенко генеральный есаул Яков Лизогуб и местный Каневский полковник Ив. Гурский и др. явились к предводителям соединенных войск и просили принять их в вечное подданство. Боясь предстоящей распутицы, Ромодановский с гетманом не пошли далее Канева, но поручили Лубенскому полковнику Сербину с его полком идти по разным украинским правобережным городкам и приводить их к присяге Государю, а затем сами перешли назад через Днепр и расположились с обозами на левом его берегу, против Канева, а 15-го февраля, вследствие недостатка корма, отступила к Переяславлю. Вслед за Каневом и Черкасами много других городов присягнули Государю. С известием об этих успехах боярин с гетманом отправили к Государю гонца Ивана Подымова, который и прибыл в Москву 25-го февраля. В ответ на это известие был прислан от Государя полковник и голова стрелецкий Колобов «спросить о здоровье», похвалить за службу, но вместе с тем поставить в укор то обстоятельство, зачем они посылали Скуратова с полковником под Чигирин, а не осадили Дорошенко всеми ратными силами: тогда бы, видя Дорошенко в осаде, все его полки сдались бы. Уходя на левую сторону Днепра, Ромодановский на правой (западной) стороне оставил Московского полковника Андрея Цея с копейцами, рейтарами, драгунами и солдатами, Самойлович же – своего генерального есаула Ивана Лысенко. 2-го марта они, в 15 верстах от местечка Лысенки, встретились с Григорием Дорошенко (братом гетмана) и татарами и разбили их наголову; те обратились в бегство, а затем, ускользнув от Цея и Лысенки, заперлись в местечке Лысенке, но жители выдали Дорошенко в руки Цея и Лысенки, а те препроводили их в Переяславль, к боярину и гетману. Находившийся в это время в городе другой брат гетмана – Андрей Дорошенко и Дорошенко наказной гетман и Паволоцкий полковник Григорий Гамалея, под влиянием этого поражения, бежали к Петру Дорошенку в

Чигирин, причем Гамалея бросил даже свой Паволоцкий полк, а оставшиеся в Корсуне полковники (5 человек), со своими полками приняли присягу на подданство Государю. Обо всех этих событиях Ромодановский снова послал известия с Подымовым, который прибыл в Москву 16-го марта; в марте же в полк к боярину и гетману Государь послал стольника Сем. Сем. Колтовского «с государевым жалованьем, милостивым словом и о здоровье спрашивать». 15-го февраля Ромодановский с гетманом двинулись к Переяславлю, а 17-го февраля к ним туда же явился от Польского короля гетман Западной стороны Мих. Ханенко с предложением положить свою гетманскую булаву и принять присягу на подданство. Вследствие отказа Ханенка от гетманства, Ромодановский с гетманом Самойловичем назначил полковникам Западной стороны съехаться на 15-ое марта в Переяславле, а 17-го марта была рада, на которой избран был гетманом Западной стороны гетман Иван Самойлович. Таким образом, под его властью соединились обе стороны Украины, а бывший гетман Ханенко сделался полковником в одном из полков. Были составлены новые «Переяславльские статьи». Во время обычного обеда у боярина, дававшегося после рады в честь старшины, прибыл к Ромодановскому от Дорошенка гонцом Иван Степанович Мазепа, его генеральный писарь (будущий гетман после Самойловича), сказавший смиренную, но витиеватую речь. Он передавал, что Дорошенко просит принять его в подданство под высокую царскую руку со всем войском Запорожским, и о том, чтобы Ромодановский «взял бы его на свою душу, чтобы ему никакой беды не было». На это Ромодановский отвечал, чтобы Дорошенко, надеясь на милость Государя, ехал к нему в полк без всякого опасения. Однако со стороны Дорошенка это оказалось притворством: он и не думал ехать, как обещал, в Переяславль, но, чтобы оттянуть время, стал просить Самойловича прислать к нему доверенных лиц, которые приняли бы от него присягу. Ромодановский и гетман послали доверенных, но те напрасно ждали присылки за себя заложников: прождав в Черкасах 6 дней, они не получили ни письма, ни заложников.

Весь апрель 1674 г. не давал о себе знать Дорошенко; наконец, в мае (5-го) послана была из Москвы с головою Московских стрельцов Терпигоревым царская грамота через Ромодановского в Чигирин, куда и прибыл Терпигорев 25-го мая. Дорошенко отказался присягнуть. На замечание же Терпигорева, что его старшины и полковник уже без него «учинились в подданстве Царскому Величеству и присягу на верность принесли», он ответил, что они скоро изменят, не вечно останутся в подданстве, а делают это только для получения соболей от боярина. На то же место грамоты, где сказано было, что Ромодановский и гетман «учнут над Чигирином воинский промысел чинить», отвечал, что он, Дорошенко, готов дать отпор, как только дождется Крымской орды, и что уже теперь стоят два Крымских салтана верстах в 20-ти от Чигирина. Видя безрезультатность грамоты, Терпигорев просил отпустить его, чтобы передать ответ Ромодановскому, но Дорошенко сказал, что отпустит его в скором времени, а затем не только совсем задержал, но даже заковал и посадил в Чигиринскую тюрьму. Дерзость его объяснялась тем, что к нему к тому времени явился уже 4000-ный отряд татар, который в мае же соединился с Чигиринскими татарами и осадил в Черкасах Московского воеводу, товарища по Белгородскому воеводству Ромодановского, которого Ромодановский оставил в Черкасах. Осажденные сделали вылазку и не только отбили неприятеля от города, но и гнали его на протяжении 15-ти верст. Тем временем Дорошенко послал своего брата возвращать отпавшие от него города и местечки. И действительно, Андрею Дорошенку удалось хитростью завладеть двумя укрепленными местечками, сказав, что он поддался царю. Когда он завладел этими местечками, то часть жителей зверским образом была умерщвлена, а другие отданы были в плен татарам. Узнав об этом, жители третьего местечка дали битву Андрею, разбили его и даже погнали до Чигирина. Тогда Ромодановский с гетманом отправили за Днепр соединенный казацко-московский отряд под начальством рейтарского Московского полковника Беклемишева и Переяславского полковника Дмитрашка-Раича. Те, настигнув Андрея и татар близ местечка Смелого 9-го июня, дали битву и

нанесли сильное поражение; Андрей, Дорошенко раненый, едва убежал к брату. К затруднительному положению в Чигирине присоединилась еще тревога: громадное скопление народа, сбежавшегося из разных местечек и городов, вызвало в городе голод, а голод вызвал, ропот, народ заволновался и стал требовать, чтобы Дорошенко сдал город и присягнул Царю. Тогда Дорошенко пустился на крайнее средство: он послал в Турцию своего генерального писаря Мазепу, отправив с ним 9 татар, которые повели 15 христианских невольников в подарок султану. Мазепа получил от Дорошенка письмо, в котором тот просил помощи. Но посланные встретились с Запорожскими казаками, убили татар, невольников освободили, а Мазепу доставили с письмами в Сечь к атаману Серку. Запорожцы хотели убить Мазепу, но по настоянию Серка только заковали. Гетман стал требовать у Серка Мазепу, но Серко, не желая нарушать старинного обычая и права Сечи не выдавать никого из Сечи, отказал гетману. Чтобы оказать давление на Серка и сломить его упрямство, Ромодановский, по совету гетмана, послал распоряжение в Харьков взять под караул проживавшую там жену и зятя Серка. Последний уговорил тестя, и Мазепа был выдан гетману, который однако передал его Ромодановскому, а 15-го мая Мазепа был отправлен в Москву. Хитрый, лукавый, ловкий и сообразительный, Мазепа успел поправиться и боярину, и гетману, да и в Москве. Попытка Дорошенка через Мазепу известить султана о своем положении, таким образом, окончилась неудачей; но его выручил другой его полковник – Евстафий Гоголь, который отвез известие в Константинополь. Турки поспешили явиться на помощь к Дорошенку. В начале июня турецкое войско перешло через Днестр и стало брать город за городом, при упорном сопротивлении сжигая города и истребляя все живое. Такой участи подверглись Тульчин, Лодыжин и другие города. Никакие мольбы не могли подействовать на визиря, производившего опустошения в юго-западной части Украины. Самой ужасной участи подверглась Умань, для осады которой послан был великим визирем его товарищ. Он сжег весь город дотла со всем народом, строениями, имуществом и церквями. В то

время, как турки производили опустошения на юге, Ромодановский 23-го июля подступил с гетманом к Чигирину, приговариваясь к осаде. Для этого понаделали шанцы и начали громить город, но осада была непродолжительна, так как услышали, что татары идут на помощь к Чигирину на выручку Дорошенка, и что визирь двигается туда же и стоит уже под Ладыжином; поэтому они решили оставить осаду. 9-го августа крымские татары с ханом стали приближаться к Чигирину, а 10-го Ромодановский с Самойловичем велели сжечь табор и отступили к Черкасам, куда и прибыли 12-го числа. Тогда хан Крымский, встреченный Дорошенком, не остался в Чигирине, а погнался за Ромодановским и гетманом, надеясь застать их еще в пути, но пришел под Черкасы только 13-го августа. Победенный в незначительной стычке, хан повернул опять на Чигирин, затем оттуда возвратился к Умани, где находился тогда турецкий великий визирь с войском. Ромодановский с гетманом не только не могли послать помощи на юго-запад Украины, но и у них самих войска редели, много народу в полках гетмана разбежалось и оставалось всего до 15000 казаков. К этому еще присоединялось и то обстоятельство, что укрепления города Черкас обветшали, подгнили и обвалились и вообще находились в дурном и ненадежном состоянии; тогда они решили сжечь Черкассы, а жителей перевести на левую сторону Днепра, да и сами удалились туда же за Днепр. Когда хан удалился к Умани, туда за ним последовал и Дорошенко. Пользуясь тем, что за отсутствием Дорошенка надзор в Чигирине ослабел, Терпигорев, о котором сказано было выше, говорят, взломал 26-го августа окно тюрьмы в Чигирине, куда был посажен Дорошенком, выполз оттуда в оковах вместе с другими узниками и, переправившись через Днепр, добрался до Кременчуга, откуда его доставили в полк к Ромодановскому, стоявшему в то время на левом берегу Днепра, против Канева. Нашествие турок и татар на Украину продолжалось недолго. В начале сентября 1674 г. турки из-под Умани и Лодыжина пошли обратно. Дорошенко с Крымским ханом хотя и думали продолжать военные действия в Западной Украине, но попытки

их были неудачны: они были постоянно побиваемы, и 8-го октября хан повернул в Крым.

После возвращения хана в Крым, поляки прекратили свои действия в Малороссии, хотя о завоевательных планах короля Яна Собесского все время ходили слухи. Ромодановский сообщил Царю о временном затишье на Украине, на что Государь писал, что, если действительно на Украине неприятеля нет, то он, Государь, дает Ромодановскому позволение отступить к пределам собственно Московского государства – на воеводство в Курск, Самойловичу же – в Батурин, а войска Московские распустить на осень, как это делалось на Руси в спокойное от военных действий время. Но Государь ставил непременно в условие, чтобы боярин оставил в Переяславле своего молодого сына стольника князя Михаила Григ. Ромодановского с отрядом Московских ратных людей, а Самойлович – отряд казаков, выбрав им наказного гетмана. Тогда Ромодановский стал просить за сына, князя Михаила, отпустить его со службы, указывая на свою службу, на службу этого сына и на старшего его брата Андрея. «Служу тебе на Украине», пишет Ромодановский: «22 года беспрестанно, да сынишка мой, Мишка, служит 6 лет без перемен, а другой мой сынишка, Андрюшка, за тебя разлив свою недозрелую кровь в томительной нужде, в Крымском полону, в кандалах живот свой мучит седьмой год». Ссылка на многолетнюю службу подействовала, и князь Михаил Ромодановский был отпущен в Москву для свадьбы.

К весне 1645 г. стали опять подумывать о возобновлении военных действий. 26-го февраля Ромодановский со своим сыном получил назначение воеводой в Белгород, но оставался он там недолго, так как в апреле присылались гонцы от него из Курска. 26-го апреля получено было приказание Государя собраться с Белгородскими и Севскими полками и с казаками и двинуться к тому месту Днепра, где он более удобен для переправы, и, остановившись там, послать к Польским и Литовским гетманам, чтобы договориться с ними о соединении ратей. Если турки и татары не придут, и при Дорошенке турок и татар будет не много, то, сказано в наказе, боярину с гетманом

и царским войском с польскими не соединяться и далее Паволочи не ходить; а когда с неприятелем сойдутся, то предоставить первый бой войскам королевским, а царских войск не посылать. Однако, в наказе было упомянуто, что нужно «стоять заодно и в нужное время друг от друга не отступать. В благодарность же просить, чтобы за соединение войск король уступил на веки завоеванные места». Царский посланец, стряпчий Алмазов доставил Ромодановскому с гетманом грамоту (29-го мая) в Сумах, в присутствии старшин. Ромодановский с гетманом в ответ на царскую грамоту указали посланцу на опасность соединения Польских и Русских войск: поляки, ведь, не приходили сражаться с общими врагами, с турками и татарами; между ними не происходило никаких стычек и сражений; наоборот, известно им об ссылке с салтаном и с Дорошенком о мире. Цель же появления короля на Украине – не отпор туркам, но желание отобрать Украину и Киев себе. Напротив того, они просили передать Государю, что если Государь укажет им идти в Крым, то они надеются учинить там великое разорение. В конце июля велено было Ромодановскому двинуться из Курска в Суджу, а в Заднепровье послать знающих людей выведать настоящее положение дел; вместе с тем отписать к коронному гетману князю Дмитрию Вишневецкому, что, если все войска коронные и литовские в соединении не будут, то царские войска с одним коронным гетманом не соединятся. В августе вышел новый указ Ромодановскому – выйти из Суджи, а Самойловичу из Батурина и двинуться к Днепру, а за Днепр послать по отряду; Самойлович и на этот раз объявил царскому посланцу, что он готов исполнить указ великого государя, но что, по его мнению, надо только ограничиться тем, что прогнать татар, а не соединяться с поляками, Соединение польских и русских войск так и не состоялось; тем не менее, Ромодановский и Самойлович сошлись у так называемой Обечевской гребли (между рекою Галицею и Прилуками, в 50 верстах от Днепра, а отсюда двинулись к Яготину, куда пришли 11-го сентября. Сюда к ним явились Польские посланцы и объявили, что хан ушел из польских пределов к Каменцу. Это очень обрадовало

Ромодановского с гетманом: теперь уже не было повода для соединения с польскими войсками; они теперь вполне могли отказаться от этого и поступить в этом случае согласно царскому указу. Простояв под Яготинем до 16-го сентября, они приблизились к Днепру, а 18-го сентября остановились в 10-ти верстах от Канева. Однако, они послали на другую сторону Днепра Московский отряд под начальством генерал-майора Франца Вульфа и казацкий – под начальством генерального есаула Ивана Лысенка. Приверженцы Дорошенковы массами бежали к нему в Чигирин. Это движение нагнало страх на Дорошенко, который стал просить помощи у турок и татар, но тщетно: они занятые войной с Польшею, помощи не оказали. Впечатление от этого движения было очень сильно. Несмотря на то, что Ромодановский с гетманом разошлись (Ромодановский – в Курск, Самойлович – в Батурин), не предпринявши ничего важного, тем не менее, этот поход имел важные последствия, так как Дорошенко увидел, что ему, оставленному на этот раз турками, пора прибегнуть к последнему средству спасения, которое он приберегал к концу: Дорошенко решил прямо и искренно отдаться в подданство Московскому Государю. Переговоры велись при посредстве кошевого атамана Запорожской Сечи Серка. В январе 1676 года Дорошенко отправил своих двух посланцев в Москву (своего тестя Яненко и Семена Тихого). Эти посланцы привезли и Москву бунчук и санджаки, подаренные султаном Дорошенку под Уманью, оставив у себя только булаву, будто бы для той цели, чтобы ему прилично было с ней явиться в Москву к великому Государю, когда Государь дозволит ему «видеть свои царские очи».

12-го января 1676 г. состоялся с торжественной церемонией прием знаков гетманского достоинства. При отпуске посланцев, старшему из них Яненку была отдана ответная грамота Государя, с похвалою за желание отступить от турецкого султана и отдаться в подданство Государю, дано было дозволение по желанию избрать место жительства, но он должен был вместе с тем сложить с себя гетманское достоинство, а так как присяга, данная в присутствии кошевого

атамана Серка и Запорожской Сечи, была признана недостаточной, то его обязывали перебраться на левый берег Днепра и здесь присягнуть перед св. Евангелием в присутствии гетмана Самойловича и боярина князя Ромодановского. 30-го января скончался Царь Алексей Михайлович, а новый Царь смягчил второе требование и послал для присяги стольника Доримедонтова. Доримедонтов проехал не прямо в Чигирин, а явился сначала к гетману Самойловичу. Последний, узнав о том, что новое правительство не настаивает уже на том, чтобы присяга была принесена перед гетманом и боярином Ромодановским, а также, что в грамоте царской на имя Дорошенка он был, вопреки обычаю, назван с «вичем» (окончание отчества на «вич» считалось в то время признаком особенной почтительности), решился на смелый и рискованный поступок. Опасаясь поворота Московской новой политики с переменою царствования, Самойлович задержал стольника Доримедонтова у себя. Самойлович верно учел нерешительность Московской политики; к сделанному уже дерзкому поступку (задержанию Доримедонтова) он присоединил безнаказанно и другой: он не только послал в Малороссийский Приказ письмо, но еще и с наставлением, что не следует так почтительно обращаться с Дорошенком, не следует никого посылать в Чигирин для отобрания присяги, а напротив того привести, хотя бы силою, Дорошенко к присяге перед боярином Ромодановским и им, гетманом. Благодаря своей настойчивости, Самойлович добился того, что второе требование, а именно обязательность присяги в присутствии Ромодановского и гетмана, отмененная новым Московским правительством, снова была восстановлена. Затем опять начались частые посылки от боярина и гетмана с приглашением Дорошенку явиться и в их присутствии принести присягу. Дорошенко, хотя и желавший принести присягу, но считавший для себя, видимо, унижением выполнение этого требования, стал отговариваться, что он в ожидании прибытия своих послов из Москвы, а также возможности нашествия неприятелей на Чигирин, не может явиться к боярину, боясь оставить Чигирин на произвол судьбы. Желая понудить Дорошенко, гетман послал к

Чигирину казачий отряд Черниговского полковника Василия Барковского (который и прибыл 18-го марта под Чигирин), но по царскому указу вынужден был отозвать его. Наконец, в конце июня Дорошенко наотрез отказался сдать гетманство Самойловичу. «Не поеду, – сказал он, – и не сдам гетманства без войсковой рады: это бесчестно». В свою очередь, Самойлович все настойчивее стал указывать на унижительность посылать бесполезные приглашения и добился указа (в июне) двинуться боярину и ему, гетману, к Днепру со всеми войсками. Послав наперед передовой отряд (Ромодановский – Косагова с 15000 войска, а Самойлович – генерального бунчужного Леонтия Полуботка с 3 полками), они отправили их под Чигирин, а затем и сами (15-го августа) приблизились к Днепру (под Крыловым) и стали по частям переправлять войска. Высланные вперед Косагов и Полуботок остановились за несколько верст от Чигирина и отправили к Дорошенку увещательную грамоту от имени Государя, а утром приблизились к городу. Произошла недолговременная битва. Видя успех Московских войск, Дорошенко созвал раду, на которой порешено было отдаться на милость Государя, а затем отдал приказ прекратить бой. На другой день он выехал за 3 версты от Чигирина; с ним было духовенство с хоругвями и образами, старшина и Чигиринская знать. Там (на речке Янчарке) он дал присягу в подданстве Государю в присутствии Косагова и Полуботка. Затем были отправлены посланцы, которые должны были отвезти боярину Ромодановскому знаки гетманского достоинства и объявить, что Дорошенко вскоре вслед за ними сам прибудет к нему; кроме того, они должны были повезти статьи, на каких он хотел перейти в подданство.

Получив согласие на все условия, Дорошенко в сопровождении казацкого войска, Косагова и Полуботка из Чигирина двинулся за Днепр и 19-го сентября 1676 г. передал знаки гетманского достоинства боярину Ромодановскому, а тот – Самойловичу, как гетману обеих половин Малороссии, и на другой день отправился в Чигирин. Вслед за тем были отправлены назначенные от боярина и гетмана для занятия Чигирина стольник князь Мих. Гр. Ромодановский (сын боярина)

и Черниговский полковник Василий Борковский, а за ними подъехал в Чигирин и сам гетман. Дорошенко сделал гетману и стольнику торжественную встречу, сам вышел за 3 версты от города и, в знак особенного удовольствия, приказал палить из пушек ради приветствия прибывших. Получив от Дорошенка городские ключи и 16 пушек и переночевав, гетман со стольником поутру отбыли из Чигирина, а затем гетман с боярином Ромодановским переправились назад за Днепр. Взятые у Дорошенка знаки гетманского достоинства были отправлены Ромодановским в Москву, куда они прибыли 12-го октября. 1-го ноября Дорошенко, по указанию гетмана, прибыл к нему в Батурин, где Самойлович не только встретил его радушно, но и почтил его приезд трехдневным пиром, а затем, по уговору с боярином Ромодановским, назначил ему жить в Соснице, но оттуда Дорошенко был вытребован в Москву, куда и уехал 8-го марта 1677 г., а 20-го марта «видел очи государевы». Еще находясь в Чигирине, а затем в Соснице, Дорошенко предупреждал Ромодановского и гетмана о возможности следующего: Султан, считая себя властителем правобережной Украины, после отречения Дорошенка от гетманского достоинства и даже перехода в подданство Московскому Государю, несомненно, пожелает назначить от своего имени гетмана для правобережной части Украины. Таким гетманом возможно, что он назначит сына Богдана Хмельницкого Юрия, уже бывшего гетманом и находившегося у него в заточении в Константинополе. Предсказания Дорошенка сбылись. По совету Константинопольского патриарха, султан выпустил Юрия Хмельницкого из Семибашенного замка, пожаловал князем Малороссийской Украины и приказал готовиться к походу. Вновь назначенный гетманом и князем Малороссии, Хмельницкий с началом весны переправился через Дунай. Он имел при себе по одним известиям, 150 человек, а по другим – всего только 60. Во главе столь незначительного числа казаков Хмельницкий, как гетман и князь Малороссийский, назначил от себя «наказным гетманом» Евстафия Гиновского, который двинулся в Подолию и стал повсюду рассылать универсалы, требуя, чтобы находившиеся в подольских городах польские гарнизоны

выходили из города, так как Подолия Польшею уступлена Турции, а кроме того было объявлено, что если города Подолии признают Хмельницкого гетманом и князем, им обеспечивается безопасность от наступающих турецких войск. Неохотно, недоверчиво отнеслись жители Подолии и Украйны к Хмельницкому. Один такой универсал был доставлен Самойловичу. 7-го апреля Хмельницкий отправил письмо к кошевому Запорожья – Серку. Это еще могло быть серьезно по своим последствиям, так как Серко стал склоняться на сторону Хмельницкого. Вслед за Хмельницким должно было выступить 60-тысячное турецкое войско, но во главе его был поставлен не Хмельницкий, а Ибрагим-паша, по прозванию «Шайтан» (черт). 13-го июля войско Ибрагима перешло через Днестр, а 8-го августа Ибрагим подступил к Чигирину, чтобы там соединиться с подступавшим туда войском Крымского хана. Услышав о появлении Хмельницкого, а также о приготовлении турок к походу под Чигирин, Московское правительство в свою очередь стало принимать меры. В Чигирин отправлен был генерал-майор Афанасий Трауернихт, с ним был послан инженер-полковник фан Фрастен, да двое стрелецких голов: Титов и Мещеринов с Приказами, так что во всех трех стрелецких полках было до 24000 человек. Ромодановский, стоявший в том году с войском в Курске, получил приказ соединиться по первому требованию с гетманом. На подкрепление соединенным войскам послано было еще войско под начальством боярина князя В. В. Голицына, причем стоять ему велено было в Путивле. В конце июня Трауернихт уже прибыл в Чигирин и начал приводить в порядок укрепления. Весь июль прошел в приготовлениях. 28-го июля уже проникло первое известие о наступлении турецких войск, о чем известили гетмана Самойловича, находившегося в Ромнах; 3-го августа неприятели стали появляться под городом, а 4-го августа осадили его. Трауернихт не пользовался авторитетом среди подчиненных; он был осторожен, а в этом видели подозрительность. Испытывая верность казаков, Трауернихт приказал им в ночь на 6-ое августа 1677 г. сделать из города вылазку. Необходимость в подобной отчаянной вылазке явилась

потому, что турки подвели свои траншеи уже так близко, что находились всего в 100 шагах от верхнего города. Казаки не возражали и вышли из города в количестве 1000 человек, захватив с собой до 800 царских ратников. Вылазка была удачна для русских: они побили много турок в траншеях и захватили в плен 11 человек языков. 10-го августа явился к Ибрагиму Крымский хан с татарским войском. В то же самое число (10-го августа) произошло соединение войск гетманских с войсками Ромодановского в Артополоте, и оба двинулись к Днепру. Турки с татарами, заслышав о движении Ромодановского с гетманом, стали прилагать все усилия захватить город приступом до прихода русских войск, но все приступы храбро отражались осажденными, постоянно и с большим уроном для осаждающих. 17-го августа Ромодановский с Самойловичем подошли к Снятину и отсюда послали отряд на помощь осажденным, причем гетман послал пехотный казачий полк, а Ромодановский 1000 драгун. Придя к Чигирину, этот отряд ночью прокрался через ряды татар в виду турецкого войска, со славою, через окровавленные трупы своих врагов, с музыкою и распущенными знаменами вошел в город. Это настолько подняло дух осажденных, что они не пали, когда 23-го августа взорвало один турецкий подкоп и турки хотели проникнуть через прорыв в стене в город. Узнав через одного пленного молдаванина о намерении турок, осажденные приготовились и отбили турок, бросившихся в прорыв. На другой день, 24-го августа, осажденные заметили, что значительная часть осаждавших, особенно татары, удаляется от города. Это не изумило, но, наоборот, еще ободрило осажденных. Через вновь прибывший отряд они были извещены, что к городу подступал Ромодановский с гетманом. Они поняли, что означало отступление неприятеля от города. И действительно, 25-го августа Ромодановский с гетманом подошли к Днепру против Чигирина, к Бужинской пристани. Чтобы не допустить Ромодановского с гетманом переправиться через Днепр, был отряжен сначала хан Крымский с татарами и с частью только турецких войск, для чего и был занят неприятелем островок на Днепре. Вскоре двинулся и сам

Ибрагим-паша с большею частью своих сил. 26-го августа казаки, по приказанию гетмана, под выстрелами, подплыли на лодках по Днепру, переплыли на правый берег и зашли туркам в тыл, так что туркам пришлось отстреливаться на два фронта. Наступила ночь. На утро 26-го августа уже все русские войска были на правом берегу; тогда турки двинулись по направлению к Крылову. 28-го августа произошла схватка. Турки потерпели поражение, русские их гнали на протяжении 5-ти верст. Отсюда турки двинулись к реке Тясмину, перешли ее и, идя позади реки, к ночи достигли Чигирина. Канонада по Чигирину была усилена, но они не думали ни о каком приступе, так как канонада была необходима, чтобы замаскировать отступление. И действительно, к трем часам утра канонада стала утихать, турки вывезли весь обоз и артиллерию, зажгли свой стан и быстро ушли. Когда наступило утро, осажденные вышли из города и, к изумлению своему, не нашли в турецких траншеях ни одного турка. В тот же день (29-го августа) Ромодановский с гетманом прибыли к Чигирину. Ромодановский не двинулся всем войском преследовать их, но ограничился только тем, что послал 3000-ный отряд для выведывания о неприятеле. Привели какого-то плененного ими славянина (серб или болгарина), который сообщил, что турки бежали в такой панике и с такою поспешностью, что на переправах покидали лошадей и наметы и ушли за Днестр в свои владения. Татары, уже дойдя до Буга, покинули союзников и повернули домой. Узнав об этом, гетман отправил за Ингул большой отряд казаков, который нагнал партию татар, рассеял их и возвратился с большой добычей. Дальнейшею заботою Ромодановского было привести в порядок и выровнять местность под Чигирином: она была вся изрыта траншеями и ходами для подкопов. Чтобы ими на будущее время не воспользовался неприятель, Ромодановский приказал зарывать траншеи и шанцы и срывать бугры, насыпанные для постановки на них осадных орудий. Приведя все в порядок, Ромодановский с гетманом отправили свои донесения в Москву, а 9-го сентября (1677 г.) переправились на левый берег Днепра, где встретили наготове войско, шедшее на подмогу под начальством боярина князя В. В. Голицына, а т. к.

неприятеля в правобережной части Украины уже не было, то они и возвратились к себе по местам; Ромодановский возвратился на воеводство в Курск. По получении известия об этой победе, Царь с милостивым словом к боярину князю Ромодановскому и гетману Самойловичу отправил стольника Василия Тяпкина. Кстати Тяпкину было поручено узнать мнение относительно Чигирина и у Ромодановского, и у Самойловича, и у старшин. Все они сходились на одном, что Чигирин не только не должен быть разрушен, но должен быть сохранен и даже укреплен настолько, чтобы служить оплотом против турок. В Москве понимали, что турки не примирятся с поражением при Чигирине и в следующем, 1678 году возобновят попытку вторгнуться в Украину. В Москве не желали войны с турками, поэтому решено было отправить в Турцию гонцом Афанасия Парасукова, как бы с известием о вступлении на престол Царя Феодора Алексеевича, на самом же деле предложить, если представится возможность, возобновить дружественные отношения между государствами и указать, что достаточных поводов нарушать их нет.

Вступив на этот путь, Московское правительство и в дальнейшем старалось прибегать к попыткам разрешать все мирными переговорами. Турецкое же правительство смотрело на дело иначе.

Парасукову категорически было объявлено, что, если Государь не отступится от Чигирина и Украины, то война неизбежна. Парасуков сообщал в Москву о поспешных приготовлениях для предстоящего похода на Чигирин. Стало известно в Москве, что султан сменил Ибрагима-пашу, заменив его Каплан-пашою, человеком очень воинственным; сменен был даже хан Крымский Селим, которому султан приписывал неудачу Чигиринского похода в прошлом году, и он был заменен ханом Мурад-Гиреем, который прославился победой под Чудновом над воеводой боярином В. Б. Шереметевым в 1660 году.

Получая такого рода известия, Государь, по совету с духовенством и боярами, 12-го апреля 1678 г. указал Ромодановскому идти в Малороссию, но до начала действий

попытаться вступить с визирем в переговоры, отстаивать Малороссию, доказывать, что она исстари принадлежала России, что ею не мог, не имел права распоряжаться Дорошенко, отдаваясь в подданство турецкому султану; в случае неудачи переговоров, всеми силами защищать Чигирин, а если это невозможно, то Ромодановский должен разорить его до основания, если же после его разорения возникнут у Ромодановского с турками переговоры, то постановить такой договор, чтобы в тех местах никаких городов не строить, а жителей перевести на левую сторону Днепра.

Ромодановскому, однако, было указано делать это так, чтобы не возникло ропота у малороссиян.

Желая, на случай предстоящей войны, укрепить Чигирин, Московское правительство отправило туда воеводою окольного Ив. Ив. Ржевского, с успехом уже раньше действовавшего в Малороссии; старый гарнизон, уже выдержавший осаду, был заменен новым, свежим. Послано было 5 стрелецких Приказов с головами, Севский драгунский полк, да еще шотландец инженер Патрик Гордон, получивший большую известность в нашей истории. Ржевский с Гордоном прибыли в конце апреля и деятельно стали заниматься укреплением города и подготовкою его к осаде. 12-го мая прибыли туда Гадяцские казаки под начальством полковника Фед. Криницкого, 17-го июня к ним присоединились еще казаки из полков Нежинского и Лубенского, предназначенные для ведения земляных работ и отданные в распоряжение Гордона; вообще казаки были подчинены специально назначенному наказному гетману Павлу Животовскому. Много хлопот было Ржевскому и Гордону. Когда они явились в Чигирин, то увидели его в полном разорении; обещанных ранее гетманом хлебных запасов они также не нашли; кроме того, обещано было, что в пути к ним присоединятся казаки, посланные гетманом, но и этого не случилось. Когда они известили об этом в Москву, то в Москве забили тревогу, и к гетману в Батурин и к Ромодановскому в Курск поскакал, в апреле же, стольник Алмазов запросить того и другого, что они думают.

Ромодановский отвечал, что он немедленно идет к Чигирину, гетман же оправдывался тем, что у него войска были не все в сборе, что он к Ромодановскому пока и один без войска пойдет для переговоров, что опасаться нечего: и войска, и запасы придут вовремя. Гетман был прав: войска и запасы пришли вовремя, но это случилось только потому, что турецкий верховный визирь Кара-Мустафа явился к Чигирину только 9-го июля. Война возобновилась собственно в марте; открыл военные действия Крымский хан Мурад-Гирей в Переяславском полку, где татары под предводительством Юрия Хмельницкого стали производить страшные опустошения. Между тем, из Москвы двинулось войско к Ромодановскому под начальством воевод Касимовского Царевича Василия Араслановича, окольного князя Конст. Осип. Щербатова и стольника Сем. Фед. Толочанова, и Ромодановский принял над ним начальство. 10-го мая выступил из Батурина гетман и в начале июня в Артополоте соединился с Ромодановским. Тут Ромодановский дал гетману пир, пригласил казацкую старшину и вообще дал им предпочтение пред велокороссиянами; отсюда возникает первая причина ненависти участников похода к Ромодановскому. Из Артополоты они двинулись к Лубнам, куда прибыли 12-го июня (1678 г). Отправив вперед 12-тысячный отряд под начальством Косагова для приискания места для переправы, Ромодановский с гетманом в конце июня прибыли к Днепру. 1-го июля пришло известие, что Турки приблизились к Бугу. Нужно было ждать быстрого нашествия. Тогда только Ромодановский с гетманом сообразили, что место, выбранное ими для переправы и куда был выслан отряд с Косаговым, было неудобно, так как им мили 3 пришлось бы двигаться к Чигирину чрез леса и болота и быть постоянно в страхе, что неприятель нападет на них сбоку или сзади, и они решили повернуть вверх по течению Сулы (чрез нее перешли 3-го июля), а потом пришли к Бужинскому перевозу, где совершали переправу в прошлом (1677) году. По причине большого на этот раз количества войск, переправа затянулась и была медленной. Начав ее 6-го июля, они к 10-му июля еще не успели переправить большей части войск, а татары в этот день тайком переправились через Днепр

у Крылова, ударили сбоку на русские обозы, но потерпели большой урон. На другой день (11-го июля) татары опять напали на переправившуюся часть русских войск, но потерпели еще больший урон. 12-го июля уже все русские войска были на правой стороне, а на другой день выдержали бой с 5 пашами и Крымским ханом. Битва происходила с 8 ч. утра до вечера, при селе Шабельниках, но русские отбили неприятеля. Затем 7 дней подряд происходили стычки, но Ромодановский, согласно царскому указу, не двигался дальше, чтобы не принимать генерального сражения, так как ему велено было дожидаться прихода князя Каспулата Муцаловича Черкасского, который должен был придти в подмогу к Ромодановскому с калмыками и татарами. Весь июль прождали Черкасского. Ромодановский, согласно указу, не мог двинуться к Чигирину, а между тем осажденные все время посылали в лагерь к Ромодановскому с просьбой о выручке; к 27-му июля сообщение с городом было отрезано. Черкасский обманул ожидания, приведя, вместо большого вспомогательного войска, всего каких-нибудь 4 тысячи, а между тем времени было упущено много, и гарнизон Чигирина был истомлен. С приходом князя Черкасского Ромодановский на другой же день послал его к Чигирину, дав от себя рейтаров и копейщиков, от гетмана – охочих казаков, так что всего было тысяч около двадцати. Вслед за ними двинулось от Бужина к Чигирину и все остальное войско. Между тем, осада Чигирина усилилась. 29-го июля был взрыв первого подкопа, а на следующий день произошел 2-ой и 3-ий взрыв, притом с такою силою, что в нижнем городе думали, что верхний разрушен был до основания и все погибли. Образовался пролом, но Гордон принял меры. 1-го августа Каплан-паша двинулся против Ромодановского и гетмана.

Между Чигирином и Днепром находились горы, стоявшие на границе приднепровской равнины. Особенно господствовала над всей приднепровской местностью и даже над Чигирином так наз. «Стрельниковая гора». Турки заняли эти высоты, возвели батареи, устали пушки и стали защищать вход на гору. Вперед был выслан Алеппский паша, с которым и завязалась 31-го июля битва; Алеппский паша был побежден и принужден

отступить к Каплану-паше, стоявшему на горах. 1-го августа Каплан-паша, спустившись с горы, вступил в битву, но был отражен, а Ромодановский с гетманом подступили к горам; хотя попытки русских (1-го и 2-го августа) овладеть высотами были неудачны, однако, Ромодановский 3-го августа снова двинул значительный отряд и овладел высотами.

Получив об этом известие, Ив. Ив. Ржевский, главный воевода Чигирина, на радости взобрался на стену города, желая оттуда видеть прибывших русских, но случайно осколок гранаты сразил его насмерть. Начальство над гарнизоном перешло к Гордону. Услыхав о победе русских, Гордон послал к Ромодановскому с просьбой, чтобы он поскорее прибыл в город и тем завершил победу; но Ромодановский не сумел воспользоваться победой; он послал Гордону один только драгунский полк, сам же, спустившись с высот, остановился в 2½ верстах от города. Гордон 5-го августа снова послал к Ромодановскому с просьбой хотя бы приблизиться к городу, указывая даже удобное место для стана, а именно на островке, ниже Чигирина, указывая, что оттуда легко можно обстреливать неприятеля; но Ромодановский не послушал Гордона, послал ему еще около 3-х тысяч ратных людей на помощь и рекомендовал самому сделать вылазку. Вылазка (6-го авг.) оказалась неудачной. Как ни домогался Гордон, Ромодановский упорно не хотел приблизиться к городу, посылая Гордону только на помощь, все новые отряды. В то время, как Ромодановский так вяло действовал для выручки Чигирина, в русский стан перебежал Куницкий и донес, что был у турок в плену, что они ощущают большой недостаток в продовольствии и при первой неудаче отступят. Гордон воспользовался этим известием и послал к Ромодановскому умолять придти на помощь, но и на этот раз Ромодановский ограничился посылкой отряда для вылазок. Чигирин мог держаться только до 11-го августа. В этот день взорвало мину под нижним городом, и образовался прорыв. Много казаков погибло. Толпою кинулись казаки из города через Московский мост, чтобы проникнуть в войсковой обоз Ромодановского. За мостом стояли турки, проникшие туда через болото; они надломили мост; масса

казаков потонула при крушении моста, другие казаки погибли во время давки, происшедшей от испуга после взрыва в нижнем городе, и возникшего пожара, так как проникшие через прорыв турки стали зажигать строения. К вечеру этого дня (11-го августа.) Ромодановский прислал от себя гонца с повелением вывести гарнизон из верхнего города, но он не вошел в город, а устно передал его – и то не Гордону, а одному из стрелецких голов, который уже в свою очередь донес Гордону. Гордон на это ответил: «Мне дано повеление лучше погибнуть, чем оставить свой пост; и другим я этого не позволю, не получивши письменного приказа». Только в 3 часа ночи явился барабанщик из полка стрелецкого полковника Карандеева и привел гонца от Ромодановского, на этот раз уже с письменным приказом выступить из города с ратными царскими людьми, взять с собою пушки, что полегче, прочие закопать, укрепления разорить, боевые запасы и порох истребить. Гордон все приготовил к отступлению, но не мог вывести войско в порядке. Воины, без команды, побросали оружие и с ужасным криком бросились к обозу Ромодановского; много их погибло: частью они были перехвачены по дороге и изрублены турками, частью погибли, когда переправлялись вплавь через реку Тясьмин. Гордон, говорят, с пистолетом в одной руке, с саблей в другой благополучно пробрался среди неприятелей; явившись в лагерь к Ромодановскому, он стал упрекать и обвинять его в гибели множества народа, так как вовремя не дал помощи. Ромодановский с понятным неудовольствием выслушал тяжкие упреки, но мало мог возразить на них. Пала дисциплина в гарнизоне Чигирина, но не лучше дело обстояло и в войске самого Ромодановского. Несколько позднее посланцем, отправленным от гетмана в Малороссийской Приказ – Ив. Ст. Мазепю, была дана очень интересная характеристика войску Ромодановского в то время «У нас в походе», говорит он: «с Ромодановским людей было много, а на боях было их мало: только солдатские полки да стрелецкие приказы; да и стрельцов было немного, прочее все пряталось в обозе, в телегах: от рейтар, городских дворян и детей боярских только один крик! Гетман много раз посылал к ним, а они не шли, и гетман

принужден был послать в бой свои казацкие полки, а сам остался со своим двором и драгунами, которые всегда неотлучно находились при нем». Характеристика эта делает понятною ту ненависть, какую питали казаки и стрельцы, к прочим ратным людям, упоминаемым им, так как они, казаки и стрельцы несли на своих плечах всю тяжесть похода и сражений, и не мудрено, что эту ненависть они переносили и на самого Ромодановского, а эта ненависть впоследствии была причиной трагической кончины Ромодановского. На другой день после разрушения и падения Чигирина боярин с гетманом повернули назад к Днепру, подвергаясь нападениям от неприятеля, которые всякий раз, правда, с успехом отражали, пока не достигли наконец (к полудню 13-го августа) до Бужинского перевоза; но они не переправились тотчас через Днепр, опасаясь нападения со стороны неприятеля при переправе. Так прошло время до 19-го августа, и. после кровопролитного сражения в этот день, в ночь с 19-го на 20-го августа великий визирь, не надеясь уже завладеть русским обозом и лагерем, видя, что постоянные кровопролитные нападения, сопровождавшиеся большими потерями, всякий раз с неизменным успехом отражаются русскими, отступил к Чигирину, а затем, разорив его окончательно, – оттуда к Днестру. Война 1678 г. и операции под Чигирином были последними действиями Ромодановского в Малороссии, да и вообще прекращается тогда его военное поприще: Ромодановский после падения Чигирина был отозван в Москву, где и оставался до своей кончины в 1682 г. Поступок Самойловича был вполне понятен, так как он не мог выставить очень категорически свою инициативу при боярине князе Ромодановском, как наместнике царском. Поведение князя Ромодановского казалось мало объяснимым и вызывало большие толки. С одной стороны, говорили о его измене. Была даже такая версия. В плену у Крымского хана находился его старший сын, князь Андрей Григорьевич, взятый в 1668 г. запорожским кошевым Суховеенком и отосланный в Крым. Говорили, будто хан обещал отпустить князя Андрея, если Ромодановский допустит визирю взять Чигирин, в противном

случае боярину пришлют голову сына. Эти толки тем более казались правдоподобными, а действия Ромодановского, его медленность и недодача помощи осажденному Чигирину казались тем обиднее, что из турецких областей доходили вести (напр., от Куницкого к Самойловичу), что положение турок было плохо, что туркам пришлось бы пропасть под Чигирином, если бы Ромодановский действовал иначе. Существует и другое, противоположное мнение. Говорили (и это известный факт), что еще прежде, чем Ромодановский явился с войском под Чигирином, у него был царский указ оставить Чигирин, предав разорению, если окажется трудным его удерживать. Кроме разорения Чигирина, указ этот предписывал попытаться завести с турками сношения о мире. Возможно, что этот указ стеснял активность военных действий. Мы не имеем достаточно проверенных фактов для утверждения того или противоположного взгляда на деятельность Ромодановского под Чигирином. Возможно, что операция под Чигирином при условии существования вышеупомянутого указа требовала от предводителя русско-казацких военных сил сочетания, помимо военных, еще и дипломатических способностей, по боярин князь Гр. Гр. Ромодановский был только воин, и задача, возложенная на него Московским правительством, не соответствовала его дарованиям, и потому он потерпел неудачу. Но также возможно, что сыграло роль и общее деморализованное состояние войска, что так характерно передано известным посланцем в Москву (будущим гетманом) Ив. Ст. Мазепой (в марте 1679 г.). В 1678 году 27-го марта, вероятно, благодаря успеху 1-го Чигиринского похода (1677 г.) боярин князь Гр. Гр. Ромодановский получил в вотчину село Ромоданово с приселками Покровским (Покрова Пресвятые Богородицы), Николаевским, да Рождественским с деревнями и с крестьянами, пустошами, с мельницами и рыбными ловлями, с перевозами и со всеми угодьями. Получение этой вотчины было особенно важно для него, так как в этом месте когда-то его предки были владельческими удельными князьями и от него, села Ромоданова, и получили свою фамилию, называясь ранее только князьями Стародубскими.

Вызванного в Москву Ромодановского мы не видим в опале: мы видим, что он принимал, правда лишь некоторое, участие в придворной жизни. Так в 1679 году, 9-го сентября, мы видим его среди бояр, которые следовали за Государем в его о походе в село Хорошево; в 1682 г., 12-го января, он участвовал в Соборе, созванном Царем Феодором Алексеевичем по вопросу об уничтожении местничества, и мы находим его подпись под «соборным деянием». В том же 1682 г., 2-го мая, он дневал и ночевал при гробе Царя Феодора, а 15-го мая пал в числе жертв Стрелецкого бунта, когда стрельцы, наущенные партией Милославских, стали не только убивать лиц, враждебных или опасных для партии Милославских, но и тех, к которым у них накопилась вследствие той или другой причины ненависть. Причиной «казни» князя Ромодановского, как они говорили, было то, что они считали именно его виновником неудачи Чигиринского похода, припоминали также и те притеснения и жестокости, какие он им чинил во время похода. Стрельцы поймали его между патриаршим двором и Чудовым монастырем, против Посольского Приказа. Как описывает один современник события, стрельцы схватили его за бороду и потащили к Разряду. «Ведуще его за власы и браду, зело ругательно терзаху и по лицу бивше»; там они подняли его на копьях, а затем, опустив на землю, зарубили. Издевательства продолжались и после смерти жертв: за ноги потащили их через Спасские ворота и Красную площадь на Лобное место, саркастически выкрикивая, как бы расчищая для почета дорогу: «Давайте дорогу! Се боярин князь Григорий Григорьевич Ромодановский». Так же поступили и с другими жертвами: притащив трупы на Лобное место, они рубили их бердышами на куски с костями, все время приговаривая: «Любили величаться, вот нам и вознаграждение». Мало того: у растерявшегося правительства было вытребовано строгое воспреещение называть стрельцов изменниками, а над телами убитых на Лобном месте были поставлены столбы с надписями, за что эти лица были «казнены».

Боярин князь Григорий Григорьевич Ромодановский был женат на *Анастасии Ивановне* (фамилия неизвестна) и имел от

нее двух сыновей: князей *Андрея* (см. выше) и *Михаила Григорьевичей* (см. ниже), из которых старший действовал с отцом в Малороссии, в 1668 г. был захвачен в плен Суховеенком и отдан Крымскому хану, у коего и находился в Бахчисарае и заточении до 1681 г., когда, после заключения мира с Турцией и Крымом, был 4-го ноября освобожден и передан русским. Князя Андрея Ромодановского, пойманного вместе с отцом во время Стрелецкого бунта, стрельцы освободили от «казни», принимая в соображение его долголетний тяжкий татарский плен и неволю. Как бы на память о многолетних военных действиях боярина князя Г. Г. Ромодановского, в Малороссии осталась большая дорога, проведенная им во время Чигиринских походов прямым путем по степным местам от Путивля мимо Конотопа, Ромен и Хорола. Эта дорога, построенная им и уцелевшая до последних времен, носила, по имени строителя, название Ромодановской, а простой народ называл ее Родоманом.

«Акты Архивной Экспедиции», т. IV, стр. 197–198, 266, 268, 271, 274, 277, 306, 313, 369, 362; «Акты Истории», т. IV, стр. 322–323, 325; т. V, стр. 17. «Доп. к Акт. Истории», т. V, стр. 395, 396; т. VI, стр. 59–61, 64, 60, 286; т. VII, стр. 64–66, 68, 71, 85, 206, 211, 212, 215, 218; т. VIII, стр. 21, 84, 87, 125, 137; т. IX, стр. 23, 24, 57, 60–62, 86, 103, 257, 261, 282, 342; т. X, стр. 203; «Акты, относ. в ист. Южной и Западн. России», т. IV, стр. 10, 22, 23, 24, 27, 29, 34, 35, 40, 46, 48–49, 50–64, 56, 62, 64, 129, 134, 145, 148, 149, 151, 152, 153, 157, 163, 166, 167, 174, 175, 178, 181, 189, 190, 191, 199, 219, 220, 225, 235, 236, 237, 242, 252, 262, 270, 274; т. V (указатель), т. VI (указатель), т. VII (указатель), т. VIII, указатель), т. X (указатель); «Сборник Муханова», стр. 388; «Акты Московского Государства», т. II, стр. 402, 476, 609, 611, 623, 624, 630–633, 636–638, 642, 644, 648, 649, 656, 672, 676; т. III, стр. 35, 28, 29, 31, 88, 89, 97, 83, 112, 113, 120, 127, 129, 132, 138, 140–142, 157, 160–163, 175, 176, 178, 181, 182, 184, 186, 187, 191, 192, 194, 196, 198, 202, 203, 216, 220, 222, 223, 224, 245–250, 252–255, 257–262, 267, 272, 283, 296, 297, 300, 303–305, 309–321, 325, 365, 366, 381, 400, 433, 436, 441, 473, 483,

507, 512, 516, 519, 521, 541, 544, 547, 551, 552, 565, 572, 573, 574, 580; «Собр. Госуд. Грам. и Догов.», т. IV, стр. 36, 40, 50, 59, 64, 66, 82–84, 176, 218, 226, 229, 237, 241, 264, 276, 300, 302–305, 311, 313, 328, 357, 365, 407; «Синбирский Сборник», т. I, отд. III (Малороссийские дела), стр. 14, 36, 37, 75, 78, 80, 85, 88, 89, 92, 94, 95, 96, 97, 110, 111, 141, 159, 172, 178, 181, 199, 203, 206, 211, 212, 218, 219; «Памятники дипломат. снош.», т. IV, стр. 1124, 1126; т. V, стр. 241, 255, 256, 258, 305, 519, 877; «Памятники», изд. Киевск. Врем. Комм. для разб. древн. актов, т. III, отд. 3, стр. 297, 307, 333; т. IV, отд. 3, стр. 44, 162, 191, 197, 199, 241, 315, 331, 343, 346, 350, 367, 368, 424; «Дворцовые разряды», т. III, стр. 20, 34, 118, 119, 142, 148, 213, 215, 256, 302, 308, 375, 394, 416, 439, 457, 461, 718, 797, 799, 811, 812, 817, 824, 826, 827, 843, 887, 909, 910, 911, 912, 914, 921, 922, 923, 930, 932, 984, 985, 1018, 1024, 1028, 1036, 1038 (прим.), 1044, 1047, 1048, 1125, 1140, 1143, 1164, 1250, 1256, 1281, 1294, 1332, 1366, 1368, 1377, 1378, 1385, 1386, 1387, 1388, 1405, 1406, 1466, 1471, 1476, 1477, 1483, 1504, 1521, 1550, 1565, 1566, 1577, 1581, 1626, 1652, (прим.), т. IV, стр. 69, 112; Доп. к III т., стр. 8, 18, 28, 33, 34, 35, 36, 105, 122, 130, 152, 154, 202, 203, 204, 210, 216, 216, 219, 328, 329, 342, 345, 346, 347, 365, 367, 370; Сам. Величко, «Летопись событий в Ю.-З. России в XVII в.», изд. Киевск. Врем. Комм., т. I, стр. 330, 333, 339–341, 361, 362, 365, 372–375, 460; т. II, стр. 19, 27–30, 37, 85, 86, 161, 166, 168, 179, 180, 182, 184, 200, 305, 306, 310, 328, 350, 397, 398, 419, 456, 458, 460, 462–467; «Летопись Гр. Грабянки», стр. 167, 168, 186, 197, 198, 200, 212, 214, 216, 220, 221, 223, 224, 226, 231, 305; «Летопись Самовидца о войнах Богд. Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малор. по его смерти», изд. Киевск. Врем. Комм., Киев. 1878, стр. 55–58, 64–72, 82, 83, 99–103, 116; 120–122, 125, 127–130, 136–138, 141–143, 160, 253, 254, 258, 259, 262, 263, 268, 270, 274, 276–278, 280, 281, 283, 286; «Материалы для истории Воронежской и соседних смежных губ.», т. I, стр. 256; «Древн. Росс. Вивлиофика», кн. III, ч. 2, стр. 246; кн. VII, ч. 7, стр. 392; кн. XI, ч. 49, стр. 298; кн. XV, ч. 18, стр. 298; кн. XVII, ч. 7, стр. 285, 288, 286, 290, 292, 293, 294, 297, 300, 302, 305, 322, 326, 330, 338,

340, 842–842; кн. XX, ч. I, стр. 112, 118, 127; И. Голиков, «Деяния Петра Вел.», т. I, стр. 15; т. XIII, стр. 52, 53, 54, 60, 61, 66, 83, 97, 96, 99, 107, 109, 111; т. XIV, стр. 128; Н. П. Лихачев, «Разрядные дьяки, стр. 97; П. И. Бартенев, «Собрание писем царя Алексея Михайловича», М. 1856; И. П. Сахаров, «Записки русских людей», СПб, 1841; А. П. Барсуков, «Род Шереметевых,» т. III, стр. 486; т. IV, 70, 236; т. V, 90–92, 96, 101–103, 118, 119, 126, 130, 142, 143, 146–148, 161, 164, 165, 171, 173–175, 177, 178, 181, 208, 214–216, 284, 375, 382; Ю. Щербачев, «Датский Архив», стр. 275; Д. Н. Бантыш-Каменский, «История Малой России», издание Южно-русского книгоиздательства Ф. А. Иогансона, Киев. 1903 г., стр. 212, 222, 224, 226–227, 229, 230, 240, 241, 253, 366, 270, 271, 272, 276, 276, 277, 282, 285, 286, 289, 292, 293, 294, 295, 299, 302, 306, 307, 308, 309, 310, 811, 312, 330; Н. И. Костомаров, Собрание сочинений. Историч. монографии и исследования, кн. I, т. II, стр. 319, 326, 350, 351, 353, 354, 355, 356, 358, 359, 360, 361, 369, 371, 372, 373, 374, 875, 377, 380, 381, 382, 399, 479–430; кн. IV, т. XI, стр. 594, 597; кн. V, т. XII, стр. 101, 141, 142, 150, 153, 154, 159, 160, 161, 162, 163, 168, 169, 176; кн. VI, т. XV, стр. 13, 19, 21, 31, 114, 115, 118, 120, 129, 135, 136, 138, 139, 140, 143, 145, 208, 209, 210, 211, 212, 214, 229, 230, 242, 243, 244, 245, 246, 240, 250, 253, 256, 260, 261, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 273, 284, 295, 296, 298, 299, 302, 303, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 327; С. М. Соловьев, История России, изд. т-ва «Общ. польза», кн. II, т. X, стр. 1678; кн. III, т. XI, стр. 7, 10, 16, 17, 26, 31, 50, 55, 97, 107, 108, 109, 126, 139, т. XII, 365, 367, 380–383, 435–438, 447, 449, 450, 462–465, 469, 473–477, 484, 485, 487, 488, 489, 491, 607, 608, 612, 613, 616, 617, 680, 682, 802, 823, 824, 829, 830, 835, 836, 837, 840, 841, 899, 901, 906; М. П. Погодин. «Семнадцать первых лет в жизни Императора Петра Великого (1672–1689)», М. 1875 г., стр. 49; Н. Аристов, «Московские смуты в правление Царевны Софии Алексеевны», Варш. 1871 г., стр. 73; А. П. Барсуков, «Списки городовых воевод»; П. Иванов, Указатель к боярским книгам.

Ромодановский, Григорий Петрович

Ромодановский, князь *Григорий Петрович*, боярин, известный деятель Смутного времени; он был старшим сыном *Петра Меньшого Борисовича Ромодановского*, внуком князя Бориса Васильевича, правнуком князя Василия Феодоровича Стародубского-Ромодановского (родоначальника князей Ромодановских) и старшим братом князя Ивана Петровича. В 1586 и 1587 г. был 1-м воеводой на Михайлове с наместником Василием Вердеревским, а в 1587–88 г. – 1-м воеводой на Воронеже с Юрием Дмитриевым. В 1590–91 году, когда приказано было быть воеводам «полковым по берегу», князь Григорий Петрович был 2-м воеводою левой руки при князе Андрее Ив. Голицыне в городе Кашире. Там же, но только одним воеводою левой руки, оставался он, когда 10-го июля «большие» воеводы были отпущены из полков. В том же году была роспись полковых воевод в Новгороде, на Наровское устье, за 10 верст от Ям-Города, и князю Ромодановскому велено было быть 1-м воеводою сторожевого полка с князем М. М. Путятиным. Вследствие этого назначения у него было два местнических дела: одно против окольничего М. Гл. Салтыкова, как 1-го воеводы передового полка, а второе было возбуждено против него (Ромодановского), как 1-го воеводы сторожевого полка, от князя Александра Феодоровича Жирового-Засекина, как 2-го воеводы передового полка. В этом году в Новгороде Великом было несколько полковых росписей (от 1-го сентября, 20-го октября, 5-го декабря), причем по последней росписи (посланной в Новгород с разрядным дьяком Сапуном Авраамовым), ему велено быть воеводою передового полка с князем Влад. Кольцовым-Мосальским, которым и возбуждено было местническое дело.

В 1597 г., в мае – июне, Р. был «приставом» у Цесарского посла Авр. Бургграфа Даневского (Abraham Burggraf zu Dohna). Сначала был назначен Петр Никитич Шереметев, но затем, вследствие возникшего местнического дела, Шереметев был заменен князем Г. П. Ромодановским. В том же 1697 году, когда

Государь послал на берег воевод по полкам, то князь Г. П. назначен был 3-м воеводою левой руки. В 1598–99 году он был послан с князем Григ. Конст. Волконским воеводою в Белгород, где был до 1601–02 г. В 1602 году он участвовал во встрече жениха царской дочери Ксении Борисовны Годуновой, Датского королевича Иоганна, сына Датского короля Фридриха II и брата царствовавшего тогда короля Христиана IV. Иоганн, прибывший с целью женитьбы, умер до свадьбы в том же (1602) году в Москве. В том же году, когда были назначены воеводы по украинным городам, князь Григорий Петрович назначен был воеводою сторожевого полка на Орле, с князем Дан. М. Барятинским, а оттуда послан был на Горских Черкас (на Кавказ), на Терек (Терки), – «городов ставить».

В 1606 г. он принимал участие в заговоре против Лжедмитрия I и в мятеже (15-го мая), когда решено было убить Лжедмитрия, приверженцев его или, в крайнем случае, также Поляков, живших во дворце по случаю свадебных торжеств. Когда же чернь, опьяненная кровью, начала избивать и других поляков, живших в Москве, врываясь в дома, так что в течение семи часов перебили свыше 200 человек, бояре решили принять меры безопасности для послов Польского короля Сигизмунда (Олесницкого, Гонсевского и других): к посольскому двору отрядили 500 стрельцов, а с уверением в личной безопасности послов были присланы П. Н. Шереметев и князь Ромодановский. От имени всех бояр они просили послов и их свиту не опасаться ничего, но безопасность эта давалась только под тем неременным условием, чтобы они не вмешивались в дела других поляков, то есть, тех, которые приехали с воеводой Сандомирским. Послы, успокоенные этим заявлением, выразили Шереметеву и Ромодановскому свою благодарность. В том же (1606) году князь Гр. Петр. Ромодановский был пожалован в окольничие. В 1608 году, 17-го января, в день свадьбы Царя Василия Ивановича Шуйского, окольничий князь Г. П. Ромодановский назначен был «ездить дозировать по воротам в Кремле».

В том же 1608 г. (в июне) когда Лжедмитрий 2-й, в намерении угрожать, столице, остановился и укрепился в с.

Тушине (на С.-З. от Москвы, в 12-ти верстах по Волоколамской дороге), Царь Василий Ивановича Шуйский для защиты столицы выставил войско на Ходынке, под начальством воевод большого полка князя М. В. Скопина-Шуйского и Ив. Ник. Романова, причем окольный князь Гр. Петр. Ромодановский был 2-м воеводой передового полка. Поляки, находившиеся при Лжедмитрии во главе с князем Ромодановским, спасались нападать на Ходынский лагерь: в Москве, ведь, находились князь Юрий Мнишек с дочерью и послы короля Сигизмунда (Олесницкий и Гонсевский). Когда же они, под предлогом мирного договора, выманили их из Москвы, то обстоятельства изменились. Лагерь Ходынский раньше принимал большие меры предосторожности, но, когда начались переговоры, бдительность стала уменьшаться, Рожинский выведал об этом и ночью на 24-е июля напал на лагерь, захватил обоз и пушки, многих сонных и безоружных вырезал в лагере, другие же бежали. Когда они добежали до Пресни (предместья Москвы), их встретило высланное царем из Москвы свежее войско; оно приняло беглецов и соединенными силами ударило на поляков. Произошла ожесточенная битва, – и поляки вынуждены были отступить и прогнаны были до Ходынки. В этих военных действиях принимал участие и Ромодановский. В конце июня число поляков увеличилось на 7000 человек конницы, приведенных князем Яном Петром Сапегою. Сначала Сапега рассчитывал действовать совместно с князем Рожинским и приступом взять Москву, но Рожинский медлил, рассчитывая на скорую измену. Разладив с Рожинским, князь Сапега отделился от него, чтобы захватить и разграбить Сергиево-Троицкую Лавру, славившуюся своим богатством. Царь Василий Шуйский, услышав о намерении Сапеги, отправил в погоню младшего брата своего, князя Ивана Ивановича Шуйского (по прозвищу «Пуговку»). окольного князя Гр. П. Ромодановского (воеводу передового полка) и Ф. Вас. Головина (воеводу стороженого полка); они настигли его между селами Здвиженским и Рахманцовым и дали бой. Русские не только выдержали две стремительные атаки, но многих побили, взяли в плен и даже захватили пушки («такو их побили, яко и наряд у них поймали»),

а Сапега был сильно ранен в лицо. Однако, это не удержало ему: он не прекратил боя, а наоборот даже еще стремительнее напал на русских. Во время этой атаки князь Гр. Петр. Ромодановский лишился своего старшего сына Андрея, который пал в битве, находясь подле отца. Это, однако, не остановило князя, и он продолжал битву. «Храбрость и дородство», говорит летописец: «показал боярин и воевода передового полку князь Гр. Петр. Ромодановский; туто же у него и сына его убиша князя Андрея». Битва была проиграна только тогда, когда «грех же ради наших», как выражается летописец, дрогнул со своим полком Ф. Вас. Головин, в смятении смял половину большого полка и побежал, несмотря на усилия князя Гр. Петр. Ромодановского поддержать битву. В этой ожесточенной битве погибло много народу, многие были взяты в плен; воеводы пошли в Москву, войско же не пошло в Москву, а тотчас же разошлось по домам, и Сапега беспрепятственно подступил к Лавре.

В 1609 г. окольный князь Гр. Петр. Ромодановский сделан был воеводою Каширским. В 1610 г., после знаменитой Клушинской битвы, решившей участь Царя Василия Шуйского, многие города стали отпадать от Шуйского, а в числе их и Коломна, которая присягнула «Тушинскому вору». Воеводы Коломенские князь Мих. Самс. Туренин и князь Фед. Тим. Долгорукий с коломенскими жителями стали писать по другим городам, призывая их присягнуть Самозванцу. Одна такая грамота попала и в Каширу, до того верную Царю Шуйскому: жители этого города отпали и присягнули Лжедмитрию, Ромодановского же, отказавшегося присягнуть, едва не убили, а затем силою заставили его присягнуть и, мало того, послали силою к «Тушинскому вору». Однако Ромодановский не держал сторону самозванца и тотчас после свержения с престола Царя Василия Шуйского (17-го июля 1610), когда стали бояре присягать королевичу Владиславу, Ромодановский также присягнул. В 1611 г. (в мае), когда первое ополчение (Ляпуновское) стояло под Москвою и действовало против Поляков, туда же явился и Сапега, заявляя себя другом России и объявив при этом условия, при соблюдении которых он желал

бы помогать ополчению. Условия не были приняты, и тогда Сапега стал делать нападения на ополчение, но нападения его были отбиты. Гонсевский, запершийся с поляками в Москве, считая действия Сапеги вредными для выполнения задуманного поляками плана, решил удалить его от Москвы. Он дал ему в помощь отряд поляков из 1500 человек под начальством пана Косяновского, с тем, чтобы он двинулся во внутрь России, грабил там и тем тревожил осаждающих Москву, а ввиду того что в ополчении было большинство людей из Рязанских мест, то Сапега отправлен был прежде всего в Переяславль-Рязанский. Кроме поляков, боярами Московскими был придан и русский ратный отряд под начальством окольного князя Гр. Петр. Ромодановского (он же мог служить и руководителем). Однако, Ромодановский вряд ли долго был с Сапегою. Во время осадного сидения сначала от 1-го Ляпуновского, или Рязанского ополчения, а затем и от 2-го, Нижегородского, когда поляки заперлись в Кремле, то волею-неволею пришлось запереться в нем патриарху, думным боярам и другим чинам Московским; среди них тогда был и князь Ромодановский.

Во время осадного сидения (1611–1612) он был «1-м товарищем» у боярина Фед. Ив. Шереметева, заведовавшего Казенным Двором (2-м был князь Гр. Конст. Волконский, а затем два думных дьяка). Кроме того, он назначен был от бояр Московских в смешанную московско-польскую комиссию, которая обязана была «чинить суд и расправу в случае возникновения каких-либо между Московскими и Литовскими людьми дел. В 1613 году кн. Ромодановский подписался, как выборный человек, под грамотой об избрании на царство Михаила Феодоровича Романова. В 1614 году окольный князь Ромодановский был послан на Крымскую посольскую размену в Ливны, причем ему поручено было провожать посла князя Гр. Конст. Волконского с дьяком Петром Евдокимовым. В следующем (1615) году, в день Рождества Христова, князь Гр. Петр. Ромодановский был пожалован в бояре. В 1615–16 г. (вероятнее, в начале 1616 г.) боярин князь Ромодановский послан был в Казань «для сыску», «что Черемиса заворовала»;

ему был дан в товарищи думный дворянин, знаменитый Кузьма Минин, да дьяк Марко Поздеев.

В 1618 году, в ожидании нашествия королевича Владислава на Москву, назначены были воеводы по воротам Московским, распределены отдельные районы Москвы и защита их вверена была этим отдельным воеводам, причем боярину князю Гр. Петр. Ромодановскому поручено было ведать Никитские ворота (они были заперты), а также пространство от Никитских ворот до Тверских, а на Никитские ворота еще был дан воевода Ф. Ф. Пушкин, Дм. Гавр. Аверкиев да дьяк Иван Мизинов. В сентябре того же 1618 года князь Гр. Петр. Ромодановский присутствовал на Земском соборе этого года, а во время осады ведал район, ранее ему назначенный. В том же году, в декабре, тотчас после ухода королевича Владислава, боярин князь Гр. Петр. Ромодановский был послан в Можайск «разбирать дворян и детей боярских», бывших там же с боярином князем Бор. Мих. Лыковым. В товарищи ему был дан окольный Артемий Вас. Измайлов, который и поднял вследствие этого назначения местническое дело на боярина князя Ромодановского. Разбор этого местнического дела был очень «шумным»: «у Артемия шум с ним был», «а браняся перед боярами, Измайлов попрекал Ромодановских разрядами», и «за то», говорят «Дворцовые разряды», был посажен в тюрьму, т. е. за непристойное поведение (а о приговоре или о бесчестии «Разряды» умалчивают). В 1619 году, в феврале, боярину князю Ромодановскому указано было «сидеть в Московском Судном Приказе «с князем Иваном Лосем Федоровичем Волконским.

В 1622 г. посланы были уполномоченные лица по разным городам разбирать дворян и детей боярских, «кому мочно быть на государевой службе по вестям Литовским», причем боярин князь Гр. Петр. Ромодановский послан был в Кострому. В 1623 г. (вероятно, в январе) он назначен был воеводою в Новгород Великий, где был воеводой до апреля 1626 г., когда он уже был в Москве, 19-го апреля присутствуя у стола Государева. При сношениях со Швецией Новгородским воеводам велено было пользоваться титулом «наместника» какого-либо из городов, причем боярину князю Гр. Петр. Ромодановскому велено было

именоваться наместником «Брянским». Для встречи (2-го декабря 1626 г.) Турецких послов грека Фомы Кантакузена с товарищами, по указу государя, от высших чинов Москвы велено было дать «даточных людей», причем от боярина князя Гр. Петр. Ромодановского было на встрече 10 человек. Будучи боярином и находясь в Москве, Ромодановский принимал участие в придворной жизни. Так, он был оставляем много раз, за отсутствием Государя, среди других высших Московских чинов на Москве (1-го августа 1619 г., 24-го мая 1620 г.); много раз был приглашаем к столу Государя (21-го марта, 16-го июня 1619 г., 9-го апреля 1620 г.; 18-го апреля, 19-го и 20-го мая, 16-го августа, 24-го сентября 1621 г.; 14-го и 28-го апреля, 9-го июня, 19-го июля, 8-го и 29-го сентября 1622 г.; 12-го июля 1626 г.; 1-го сентября 1627 г.) и у Патриарха (15-го августа 21-го декабря 1622 г.). В одно из таких приглашений к государеву столу (6-го августа 1622 г.) боярин князь Ромодановский был назначен сидеть вторым, а первым боярин князь Юрий Еншеевич Сулешев. Ромодановский затеял против Сулешева местническое дело, ссылаясь на то обстоятельство, что при «Крымской размене» в Ливнах в 1614 г. для князя Сулешева Ахмет-паша ездил к нему, Григорию Ромодановскому, в шатер; было выяснено, что у него, Ромодановского, не может быть счета с Ахметом-пашою, и велено было сидеть ниже князя Юрия Сулешева; Ромодановский подчинился этому решению. Другое местническое дело из-за места во время государева стола было у князя Гр. Петр. Ромодановского в 1617 г. (8-го июня): Ромодановский был посажен на 4-м месте, а на 3-м (т. е. выше его местом) должен был сидеть князь Иван Большой Андреевич Хованский. Не желая сидеть за царским столом ниже князя Хованского, Ромодановский сказался больным и не поехал. Хованский, догадываясь об истинной причине отсутствия Ромодановского, бил челом Государю о бесчестии. За князем Григорием были посланы стрельцы; Ромодановский явился к государю, сказался, что болен от ран, но в свою очередь бил челом на Хованского, говоря, что ему «на такого князя бить челом есть чем». Однако у стола он также присутствовал.

Скончался князь Ромодановский в 1628 году.

«Акты Историч.», т. II, стр. 379, 383; т. III, стр. 64; «Акты Архивной Экспедиции», т. III, стр. 207, 218, 220, 221, 233, 262, 265; «Акты Московского Государства», т. I, стр. 138; «Собрание Государственных Грамот и Договоров», т. I, стр. 637; «Русская Историч. Библиотека», т. II, стр. 244, 355; т. IX, стр. 372, 378, 396; «Древняя Росс. Вивлиофика», т. XIII, ч. XIV, стр. 127; т. XIV, ч. XV, стр. 419; т. XX, ч. I, стр. 50, 80, 88, 94; «Сборник Императорского Русского Исторического Общества», т. II, стр. 495; «Разрядные книги», изд. 2-м Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, т. I, стр. 413, 414, 511, 564, 610, 782, 922, 1031, 1042, 1134, 1239; «Дворцовые разряды», т. I, стр. 139, 142, 208, 252, 253, 282, 325, 337, 351, 352, 360, 383, 385, 390, 400, 406, 410, 432, 433, 440, 453, 466, 472, 475, 477, 483, 492, 495, 506, 508, 510, 513, 517, 521, 522, 525, 528, 530, 585, 737, 795, 811, 814, 827, 939; «Памятники Дипломатических Сношений», т. II, стр. 485, 486, 493, 494, 555, 574, 579, 627, 628, 789, 792, 794, 796, 833, 834, 836, 839, 843, 845, 846, 848, 856, 858, 860, 862, 867, 868, 874, 876, 877, 900; «Синбирский сборник», т. I, стр. 95, 102, 112, 118, 121, 123, 139, 133, 139, 142, 150, 153; Н. П. Лихачев, «Разрядные дьяки XV в.», стр. 491, 506, прил. 33; И. И. Голиков, «Деяния Петра Великого», т. XII, стр. 229, 270, 425; Соловьев, «История России с древн. времен», т. IX, стр. 55, 366; Карамзин, «История Государства Российского», т. XI, прим. 61; т. XII, стр. 88, 89, 98, 224, 228, прим. 198, 214, 553, 754; А. Барсуков, «Списки городов, воевод» (указ.); Н. Барсуков, «Род Шереметевых», т. II, стр. 44, 111, 247, 261; Н. Савельев-Ростиславович, статья в «Военно-Энциклопедическом Лексиконе»; П. Иванов, «Указатель к боярским книгам»; В. Н. Берх, «Списки бояр, окольных и других чинов», СПб. 1833.

Ромодановский, Иван Васильевич Телеляш

Ромодановский, князь Иван Васильевич, носивший прозвища «Лихач» и «Телеляш», боярин; второй сын князя *Василия Федоровича Ромодановского-Стародубского*, брат окольного князя *Василия Васильевича Ромодановского* (см.). Первые известия о князе Иване Васильевиче относятся к 1485 году, когда Великий Князь Московский Иоанн III Васильевич послал в поход на Казань против хана Алегам царевича Мегмет-Аминя и с ним нескольких воевод, из коих четвертым по старшинству был князь Иван Васильевич Ромодановский. Поход этот окончился успешно: хан Алегам бежал из Казани и на его место был водворен Мегмет-Аминь.

Спустя два года хан Алегам с помощью Ногайцев изгнал из Казани Мегмет-Аминя и занял ханский престол. Тогда Великий Князь вновь послал на Казань войско, отдельною частью которого, ехавшей «в судех», самостоятельно командовал князь И. В. Ромодановский. Этот поход также сопровождался полным успехом: Алегам был вновь изгнан, а Мегмет-Аминь восстановлен на ханском престоле. Краткость и неполнота дошедших до нас источников не позволяют с уверенностью сказать, насколько важное значение в обоих походах имела деятельность князя Р., однако, судя по тому, что в дальнейших сведениях князь Иван Васильевич упоминается с прозвищем «Лихач», можно думать, что деятельность его на ратном поле была во всяком случае не заурядной.

Сведения о последующем времени жизни князя Р. крайне скудны. Видно лишь, что он перешел ко двору Великого Князя: в 1495 году он сопровождал Великого Князя, в числе других князей и детей боярских, при поездке его в Новгород.

В 1513 году преемник Иоанна III – Великий Князь Василий III Иоаннович, отправляясь во второй Смоленский поход, оставил «на Москве» с зятем своим, Царевичем Петром, князя Ивана Васильевича Ромодановского в качестве второго из «князей и детей боярских». Через два года после этого князь Иван

Васильевич Ромодановский был пожалован в бояре, а в 1516 году был назначен наместником трети Московской.

Умер он в 1520 году.

«Разрядная книга» П. Ф. Лихачева, изд. Н. П. Лихачевым, стр. 78; П. Н. Милюков, «Древнейшая Разрядная книга», стр. 14, 15, 20 и 54; Н. Карамзин, «История Госуд. Росс.», т. VI, прим. 299; Родословная (Бархатная) книга, изд. 1787 г., я. II, стр. 72; «Российская родословная книга», изданная князем Петром Долгоруковым, часть II, стр. 49; Н. П. Лихачев, «Разрядные дьяки XVI века», стр 51, 52.

Ромодановский, Иван Иванович Меньшой

Ромодановский, князь *Иван Иванович Меньшой*, боярин; младший сын князя *Ивана Петровича* (см.), внук князя Петра Борисовича Меньшого и правнук князя Бориса Васильевича, младшего брата князей Василия Васильевича (окольничего) и боярина Ивана Васильевича Телеляша (см.) Ромодановских; прозвище «Меньшой» получил в отличие от старшего своего брата, тоже Ивана, убитого в 1610 г. в сражении под Клушиным с Вольскими войсками, находившимися под командою гетмана Жолкевского. Первое упоминание о князе И. И. меньшом Ромодановском в источниках мы находим под 1616 годом: именно, в списке бояр, окольничих и других должностных лиц за этот год он показан в звании стольника без денежного оклада и поместья. После 1616 года имя князя Ивана Ивановича Ромодановского в источниках не встречается до 1624 года, когда он, в числе других 70 стольников, состоял «в поезде» Царя Михаила Феодоровича при бракосочетании последнего с княжной Марьей Владимировной Долгорукой. В 1625 году, 9-го мая, князь Иван Иванович при обеде у Государя «смотрел в кривой стол», 17-го мая, во время приема Царем Персидских послов, «сидел в золоте» при отце Государя, Патриархе Филарете Никитиче, а за обедом, данным в честь послов, в числе 18-ти других стольников «носил пить перед Государем». В 1626 году, на торжествах бракосочетания Царя Михаила Феодоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой, князь Иван Иванович Ромодановский ехал в числе поезжан перед Государем и в том же году, 29-го апреля, за столом у Государя «смотрел в кривой стол».

В марте 1628 года князь Иван Иванович Ромодановский был назначен первым воеводой сторожевого полка в Крапивну, числившуюся в «Украинном Разряде». По поводу этого назначения возникло дело о местничестве: князь Алексей Морткин, назначенный воеводой сторожевого полка в г. Пронск, который числился в Рязанском Разряде, и командированный затем в помощь князю Ивану Ивановичу Р., бил челом Государю

о том, что ему «меньши князя Ивана быть невместно»; со своей стороны жаловался на бесчестье и князь Иван Иванович; на это последовал указ Государя, признавший, что князю Морткину можно быть «меньше» князя Ромодановского.

Служба князя Ивана Ивановича в Крапивне продолжалась, однако, недолго, так как в ноябре того же 1628 года мы видим его на новоселье у Государя в качестве стольника «на службе», из чего явствует, что он был вновь отозван ко двору в Москву; при дворе он находился до 1633 года, причем 6-го августа 1630 года, 28-го июля, 6-го августа и 28-го августа 1631 года за обедом у Государя он «смотрел в кривой стол».

В 1633 году князь И. И. Ромодановский был назначен первым воеводой большого полка в Тулу, что вызвало челобитные со стороны второго воеводы того же полка Бориса Колтовского, а равно и воевод остальных полков, но челобитные эти были Государем отклонены, и приказано было быть на службе «без мест». Деятельность князя Р. в Туле была очень успешна: им было отражено три татарских набега – 2-го мая, 22-го июля и 2-го августа 1633 года, за что князь Р. был пожалован поместьем и денежным окладом. 21-го января 1635 года он был назначен первым воеводой в Томск, где и находился до февраля 1639 года, когда вновь был отозван ко двору, в Москву. 3-го января 1642 года он, в числе других придворных чинов, принимал участие в Земском Соборе, созванном для разрешения вопроса о том, удержать ли взятый Донскими казаками Азов, или отдать его Туркам.

В 1645 году, при вступлении на престол Царя Алексея Михайловича, князю И. И. Ромодановскому было поручено привести к присяге новому Царю воеводу и всех жителей Верхотурья, а равно и окружающих Вогул и Татар.

27-го ноября 1647 года князь Иван Иванович был пожалован из стольников в окольничие и в том же году послан был в город Тамбов для устройства вокруг города и в его окрестностях окопов. В 1648 году, 16-го января, на свадьбе Царя Алексея Михайловича с Марьей Ильиничной Милославской, князь Иван Иванович «ходил перед Государем»; 7-го апреля, во время отлучки Государя в село Покровское, был

оставлен «на Москве» с боярами Морозовым и князем Темкиным-Ростовским; 17-го мая, во время поездки государя в Троицко-Сергиевский монастырь, ехал перед Государем «по станом», а 21-го мая в Троицко-Сергиевском монастыре сидел у Государя за трапезою. По поводу этого возникло местническое дело, возбужденное приглашенным к той же трапезе окольничим князем Федором Волконским, который дважды бил челом Государю о том, что ему с Ромодановским быть невместно; обе жалобы Волконского были оставлены, однако, Государем без результата.

28-го ноября 1648 года князь И. И. Ромодановский был послан в Тверь – «разбирать дворян и детей боярских, и жалованье им давать, и новиков верстать», но в ноябре 1649 года мы видим его уже снова в Москве – сопровождающим Государя, в числе других лиц свиты, в Можайск; 21-го декабря 1649 года он был за столом у Патриарха Иосифа.

1-го апреля 1650 года князь Ромодановский был приглашен к царскому столу, на именины Государыни Марьи Ильиничны, вместе с окольничим Василием Бутурлиным, ниже которого он сесть не пожелал и бил о том Государю челом; Государь, однако, Признал князя Ивана Ивановича неправым и посадил его в тюрьму на два дня. Однако, это наказание его не отрезвило, и он 7-го апреля того же года, будучи приглашен вместе с тем же Бутурлиным к столу Патриарха Иосифа, вновь не захотел сесть ниже Бутурлина, бил Государю челом и отказался от приглашения; Государь тогда велел думному дьяку Семену Заборонскому посадить князя Ивана Ивановича «под Бутурлиным» силой; будучи приведен насильно к Патриарху, князь Иван Иванович упал со скамьи; его подняли и держали за столом на руках. В наказание за это он был, по приказанию Государя, выдан Бутурлину головою.

22-го мая 1650 года князь Ромодановский находился в свите Государя при поездке последнего в Троицко-Сергиевский монастырь, а 28-го июля того же года, вместе с боярином Иваном Салтыковым, был послан Государем из Новодевичьего Монастыря «за крестами»; Иван Иванович от этой поездки отказался, заявив против Салтыкова местнический спор, но был

признан неправым и посажен на 2 дня в тюрьму. В том же 1650 году он, 12-го сентября, состоял в свите Государя при поездке последнего на богомолье в Звенигород, 22-го сентября – при такой же поездке в Троицко-Сергиевский монастырь, 1-го октября был приглашен к царскому столу, 9-го октября, при новой поездке Государя в Троицко-Сергиевский монастырь, ехал перед Государем «по станом» вместе с окольничим Иваном Чевкиным (который возбудил против князя Ивана Ивановича местнический спор, но был признан неправым), 30-го ноября, во время поездки Государя в Звенигород, был оставлен «на Москве» с боярами Морозовым и Салтыковым; в 1651 году, 25–26-го сентября, он состоял в свите Государя при поездке в Троицко-Сергиевский монастырь и в этом монастыре был приглашен к царскому столу.

8-го сентября 1653 года князь Иван Иванович Ромодановский был послан во временную посылку на Валуйку, но уже 30-го ноября был вновь в Москве, где и был оставлен вместе с боярином князем Григорием Куракиным на время поездки Государя в Звенигород, Боровск и на Волок на богомолье; «на Москве» же был оставлен он и 17-го января 1654 года.

22-го мая 1654 года мы встречаем князя Ромодановского воеводой в Яблоне, где ему были подчинены воеводы других украинских городов и поручено было следить за татарами, ногайцами, поляками и Богданом Хмельницким, что князь Иван Иванович, как усматривается из сохранившихся донесений его Государю, исполнял весьма добросовестно. Из Яблонова ему было поручено вместе с полком двинуться, под общей командой боярина Василия Борисовича Шереметева, в поход против Поляков. В Яблоне он находился и в 1655 году, что видно из распоряжения Государя на его имя о том, чтобы, ввиду вестей о моровом поветрии в Астрахани, он не пускал в Яблоново Донских казаков.

Деятельность князя Р. была, очевидно, признана полезной: это видно из того, что 1-го апреля 1657 года, на именины Государыни Марии Ильиничны, он был пожалован из окольничих в бояре.

О боярском периоде жизни князя Р. сведений сохранилось мало: известно лишь, что 25-го сентября 1658 года он был у Государя за столом в Троицко-Сергиевском монастыре, 16-го октября 1660 года подавал челобитную Государю об увеличении жалования и вместо ранее получавшегося оклада в 300 рублей получил оклад в 400 рублей, а 25-го июня и 23-го июля 1669 года дежурил у гроба скончавшегося Царевича Симеона Алексеевича.

Умер князь Р. в марте 1675 года и был погребен Патриархом 20-го марта в Московском Георгиевском монастыре.

«Российская родословная книга», изд. кн. Петром Долгоруковым, ч. II, стр. 50; «Родословная книга (Бархатная)», изд. 1787 г., часть II, стр. 76; «Дворцовые разряды», т. I, стр. 635, 682, 685, 690, 776, 823, 983, 987, 992, 993, 996; т. II, стр. 18, 159, 227, 229, 234, 322–324, 411, 479, 518, 549, 587, 602, 839; т. III, стр. 74, 80, 89, 90, 92, 93, 109, 145, 153, 156, 157, 170, 179, 185, 191, 194, 197, 202, 281, 285, 864, 382, 395, 396, 423, 852, 858, 868, 1651; Доп. к т. III, стр. 98, 149; «Разрядные книги», т. II, стр. 8–12, 14, 16, 20, 21, 47–49, 102, 449, 693–700, 702–708, 710, 713, 715–718, 830, 935; «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных Дел», ч. III, стр. 284, 380, 418, 420; «Акты Московского Государства», т. I, стр. 141, 537, 538; т. II, стр. 241, 253, 377, 378, 379, 417, 454, 455; т. III, стр. 172; Московский Некрополь, т. III; полное Собрание Русских летописей, т. IV, стр. 341; Описание рукописей, хранящихся в Архиве Св. Правит. Синода, т. I, СПб. 1904 г., стр. 534.

Ромодановский, Иван Петрович

Ромодановский, князь *Иван Петрович*, дворянин Московский, посол в Персию; младший брат боярина князя *Григория Петровича* (см.), сын князя *Петра Борисовича Меньшого*, внук князя Бориса Васильевича и правнук князя Василия Федоровича Стародубского-Ромодановского.

Первые известия о князе И. П. Ромодановском, которые мы встречаем в источниках, относятся к 1565 году, когда им «с товарищи» были списаны в Переяславле «платежные книги». Далее, под 1577 годом он упоминается в списке «бояр, окольных и дворян, которые служат из выбора», в качестве дворянина Московского, посланного в Персию. В 1591 году он был назначен первым воеводой сторожевого полка, вследствие чего князь Иван Григорьевич Звенигородский возбудил местнический спор за брата своего, князя Семена Григорьевича, назначенного в тот же полк вторым воеводой; спор этот, возобновленный уже в 1600 году, окончился в пользу князя Ивана Петровича Ромодановского. В 1595 году он вновь был назначен воеводой сторожевого полка в Крапивне, головой же при нем был назначен князь Григорий Шаховской; последний бил Царю Федору Иоанновичу челом на Ивана Петровича и получил невместную грамоту; однако, в 1596 году, по возвращении из Крапивны, князь Иван Петрович в свою очередь подал Царю челобитную, в результате чего невместная грамота была признана недействительной, и князь Иван Петрович Ромодановский поставлен выше князя Шаховского.

В 1597 году князь Ромодановский был назначен воеводой большого полка в Тулу, а в 1598 году был вторым воеводой в передовом полку на Дедилове. Далее в источниках имеется перерыв до 17-го июля 1605 года, когда мы встречаем князя Ивана Петровича Ромодановского вторым воеводой в Смоленске; в том же году под осень он был большим воеводой сторожевого полка в Орле, где его сменил Еропкин, а он сам был вызван Лжедмитрием I «к Москве». Там он встречал нареченного тестя Самозванца – воеводу Сандомирского, а на

свадьбе Самозванца с Мариной Мнишек, в мае 1606 года, был «в поезде», за свадебным же столом угощал Польского посла Александра Гонсевского.

После свержения Самозванца князь Иван Петрович Ромодановский, как человек, знакомый с Персией, был отправлен туда Царем Василием Шуйским в качестве посла, но на обратном пути в Астрахани был убит в том же 1606 году шайкой лже-Петра или лже-Ивана (Августа).

Он был женат на княжне *Марье Васильевне Волконской*.

«Родословная книга» (Бархатная), изд. 1787 г., т. II, стр. 74; «Российская родословная книга», изд. князем Петром Долгоруковым, т. II, стр. 49–52; «Дворцовые разряды», т. I, стр. 445–449; т. II, стр. 30; «Разрядные книги», т. I, стр. 724, 725, 1042; А. Барсуков, «Списки городовых воевод», стр. 209; Г. Власьев, «Потомство Рюрика», т. I, ч. I, стр. 578; ч. 3, стр. 340; «Синбирский сборник», стр. 123, 142; С. А. Белокуров, «Разрядные записи за Смутное время», стр. 27, 74, 75, 77, 80, 81, 85, 184, 136, 137, 141, 184, 204, 218, 219; «Акты Московского Государства, т. I, стр. 40 и т. II, стр. 271; Описание рукописей, хранящихся в Архиве Св. Правит. Синода, т. I, СПб. 1904, стр. 534. Соловьев, История; Карамзин, История.

Ромодановский, Иван Федорович

Ромодановский, князь *Иван Федорович*, ближний стольник, князь-кесарь, главный начальник города Москвы, впоследствии действительный тайный советник и кавалер ордена св. Андрея Первозванного, московский генерал-губернатор и сенатор. Год рождения его в точности неизвестен, но, по всей вероятности, он родился в конце 1670-х гг. Единственный сын князя *Федора Юрьевича Ромодановского*, князь Иван Федорович при жизни отца имел чин ближнего стольника, но упоминается в этом звании редко. Известно, что в сентябре 1698 г. он заседал вместе с отцом в допросной комиссии, разыскивавшей Стрелецкий бунт.

Петр Великий, отличавший особым доверием князя Федора Юрьевича, соответственно относился и к сыну его. Он видел в нем преемника отца в исполнении той роли, которую играл последний. В письме от 21-го июля 1706 г. из Киева Петр писал князю Федору Юрьевичу: «При сем поздравляю Вашему Величеству тезоименитством сего дня вашего сына, а нашего государя царевича и великого князя Иоанна Федоровича, про которого здравие чашу заздравную ваш государев дядя Преосвященный Мишура (князь М. Г. Ромодановский, см.) всем раздавал. Piter».

После смерти отца князь И. Ф. Ромодановский занял его положение. Ему было тогда около 40 лет. Петр дал ему титулы князя-кесаря и Величества и поручил ведать Преображенский Приказ, которым долго управлял его отец. 24-го февраля 1718 г. Петр писал князю Ивану Федоровичу: «как словесно Вашему Величеству били челом, так и письменно доносим, дабы благоволили дела Приказу Преображенского принять так, как блаженные памяти отец ваш управлял».

При исполнении своих обязанностей князь Иван Федорович действовал не так сурово, как его отец; «при нем мало было работы в застенке, редко прибегали к розыскам и пыткам». Относясь к Ивану Федоровичу с большим доверием, Петр Великий окружал его и внешним почетом. В апреле 1718 г.,

получив титул «князя-кесаря» и назначение управлять Преображенским Приказом, князь Иван Федорович торжественно въехал в Петербург. Петр, сопровождаемый большою свитой, встретил его за городом. «Поздравив его чрезвычайно учтиво с новым титулом, Царь поместился в карете напротив нового «князя-кесаря», а рядом с собой посадил генерал-поручика Бутурлина. Так въехали они в город, приветствовавший «князя-кесаря» пушечной пальбой. Во дворце его встретила Царица с придворными дамами; она поздравила его и угощала сама водкой и вином». Такою же торжественностью отмечено отношение Петра Великого к князю Ивану Федоровичу и в других случаях. Так, в 1719 г. Петр пригласил князя-кесаря на свой корабль и там принял его с редким почетом, приказав салютовать князю выстрелами из 15 пушек с каждого корабля.

Петр нередко посещал его дом, являясь к нему иногда запросто пировать со своими приближенными или же с донесениями о каких-нибудь важных событиях. Так, во время торжества после заключения Ништадского мира, 4-го сентября 1721 г., Петр Великий из церкви св. Троицы, где совершалось благодарственное молебствие, «тотчас отправился к князю Ромодановскому, как князю-кесарю, и объявил ему о заключенном мире». Свое почтение Петр выражал и в письмах к князю, называя его Величеством и подписываясь «нижайшим слугой». В письме от 11-го июля 1719 г. Петр писал: «О здешнем объявляю Вашему Величеству, что к сему месту как галерный, так и корабельной флоты пришли в разные дни, только собрались все в 8 числе сего месяца... Дай Боже доброе окончание, а начало зело благополучно учинилось. Вашего Величества нижайший слуга Петр». 30-го июля того же года Петр уведомлял князя об удачных действиях против шведов; 19-го июля 1722 г. сообщал ему о своем выступлении с флотом из Астрахани в море к Персидским берегам и дальнейших своих предположениях и т. под. Князю Ромодановскому часто приходилось участвовать в забавах Петра, в которых принимали участие обыкновенно многие приближенные, а также и сам Царь. На большом маскараде 10-го сентября 1721 г., на котором

праздновалась свадьба князя-папы Петра Ивановича Бутурлина со вдовою его предместника, Никиты Моисеевича Зотова, Анной Еремеевной (урожденной Пашковой, в 1-м браке Стремоуховой, женою капитан-поручика Стремоухова), «князь-кесарь И. Ф. Ромодановский в костюме древних царей, т. е. в бархатной мантии, подбитой горностаем и сияющей драгоценными камнями, в золотой короне, со скипетром в руке, изображал древнего царя. Его окружала толпа слуг в старинных русских одеждах. Ему предшествовали 4 барабанщика, в том числе и сам Государь. Супруга князя Ивана Федоровича, княгиня-кесарша, одетая в длинную красную бархатную мантию, отороченную золотом, в короне из драгоценных камней и жемчуга, окруженная многочисленной свитой в старинной русской одежде, являлась древнею царицею». Такую же роль играл князь Иван Федорович во время Московского маскарада в 1722 г., устроенного с необычайной пышностью в память Ништадского мира: «ехал князь-кесарь Ромодановский в мантии, подбитой горностаем, имея около себя несколько смешных наперсников, из которых один облачен в курфюршескую мантию. Князь-кесарь сидел в белой лодке, украшенной спереди и сзади медвежьими чучелами, необыкновенно хорошо сделанными». В нескольких других маскарадах он принимал такое же участие. Выказывая князю Р. и его супруге наружные знаки почета лично, Петр внимательно следил за тем, чтобы и все другие, не исключая и иностранцев, подражали ему в этом. Заметив на происходившем 20-го июня 1723 г. обеде у генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина, что Царица Екатерина Алексеевна и Принцесса Мекленбургская сидят, между тем как княгиня-кесарша А. Ф. Ромодановская стоит, Петр немедленно оштрафовал и Государыню, и Принцессу за недостаток почтения к княгине-кесарше, заставив их выпить по рюмке крепчайшего венгерского.

О деятельности князя И. Ф. Ромодановского, как администратора, осталось не много воспоминаний. Вскоре после вступления в должность начальника Преображенского Приказа ему пришлось принять участие в разборе дела и суде над Царевичем Алексеем Петровичем. На вынесенном 24-го

июня 1718 г. смертном приговоре Царевичу имеется среди других подпись: «ближний стольник князь Иван Ромодановский».

11-го мая 1719 г. князь Р. был назначен главным начальником города Москвы и исправлял эту должность до июля 1724 г.

Со вступлением на престол Императрицы Екатерины I положение его оставалось по-прежнему высоким, хотя он и перестал носить титул «князя-кесаря». Императрица неоднократно оказывала ему знаки внимания: так, 21-го мая 1725 г., когда, по случаю свадьбы Царевны Анны Петровны с Герцогом Голштинским Карлом-Фридрихом, были объявлены милости многим, князь И. Ф. Ромодановский был произведен в действительные тайные советники. В 1726 году он был пожалован кавалером ордена св. Андрея Первозванного. Указы этого и последующего года называют князя Ромодановского московским генерал-губернатором. После празднеств по случаю свадьбы Царевны Анны князь Иван Федорович уехал в Москву управлять по-прежнему Преображенским Приказом, деятельность которого вскоре была расширена, так как в него были переданы дела Тайной Канцелярии, которая была закрыта по указу Императрицы Екатерины I. Ведая Преображенский Приказ, князь Р. иногда вступал в конфликты с другими учреждениями. Сенат несколько раз жаловался Императрице на князя Р., не желавшего исполнять данного ему приказания. Так, 30-го января 1727 г. Сенат доносил, «что действительный тайный советник Ромодановский в выдаче на провиант денег отказал» и заявил, что «щотных ведомостей о приходе и расходе денег без имянного ее Императорского Величества указу в ревизию отсылать не будет». Князь Р. не хотел подчиняться распоряжению правительственного учреждения, считаясь только с волей Императрицы. Подобная же жалоба на неисполнение приказания была подана на князя Ромодановского еще при Петре Великом от Синода: «Подано нам дело князя Долгорукова с Салтыковым, и мы послали к князю Ивану Федоровичу Ромодановскому, чтоб отправил в Синод содержащихся в Преображенской Канцелярии под

арестом дворовых людей Салтыкова; послан указ Вашего Величества за руками всех коллегиятов; но этот Вашего Величества указ Ромодановским уничтожен и не только требуемого исполнения лишен, но, как неважный, прислан к нам обратно». После учреждения Верховного Тайного Совета Преображенский Приказ подлежал его контролю. Князь Ромодановский должен был давать в Верховный Тайный Совет «для рассуждения и решения» краткие выписки по важнейшим делам, решения которых по личному усмотрению не осмеливался брать на себя.

В мае 1727 г. снова сменилось правление: на престол вступил Петр II. Новое правительство отнеслось к князю Р. с прежним доверием и вниманием. На другой же день по воцарении Петра II князь И. Ф. Ромодановский получил уведомление Верховного Тайного Совета об оставлении его в звании Московского генерал-губернатора на место графа Мусина-Пушкина, который назывался главным начальником Москвы. Петр II поручил князю Ивану Федоровичу привести к присяге жителей Москвы. 8-го мая 1727 г. он прислал ему указ об этом: «Нашему действительному тайному советнику и Московской губернии генерал-губернатору и кавалеру князю Ромодановскому с товарищи... Должны вы и все наши подданные, обретающиеся в Москве и в городах той губернии и уездах, как духовного, воинского, гражданского и всякого чина и достоинства в верной нам службе присягу учинить. ...О том в наш Верховный Тайный Совет рапортовать».

Князь Иван Федорович являлся главным административным лицом Москвы; деятельность его подлежала только контролю Верховного Тайного Совета. Указом от 22-го мая 1727 года определен был порядок управления Преображенским Приказом политических дел и его отношения к Совету, о трех пунктах: «т. е. первое, ежели кто за кем знает злое умышление на здоровье Его Императорского Величества, второе о измене, третье о возмущении или бунте, о тех из ближних к С.-Петербургу Новгородской, Эстляндской, Лифляндской губерний доносить в Сенат, а из дальних губерний и провинций писать в Москву к действительному тайному

советнику и генерал-губернатору князю Ромодановскому, а в Верховный Тайный Совет писать им о том для ведома немедленно».

31-го июля 1727 года князю Ромодановскому был дан указ о помещении Царицы Евдокии Феодоровны, в монашестве Елены, в Новодевичий монастырь; 2-го октября того же года состоялся указ Верховного Тайного Совета о подчинении ему Московской полиции, а 31-го октября того же года Верховный Тайный Совет прислал ему указ о постройке трех триумфальных ворот к приезду Петра II в Москву для бракосочетания с княжной Долгорукой. Князь Иван Федорович устроил молодому Императору торжественную встречу в Москве. «Князь с превеликим прилежанием старался, дабы Его Величество наипреставне принять, а понеже тамошния места натурою и разными художествами зело украшены и ко всем весельям весьма были угодны», то и прием Государю удалось ему устроить великолепный. Имея в своем ведении широкий круг дел в царствование Петра II, князь Иван Федорович не всегда мог быть исполнительным; он был уже стар и часто хворал, страдая подагрой и каменной болезнью. Ему трудно было вести дела в Преображенской Канцелярии, и его замещал А. И. Ушаков, хотя князь Иван Федорович и считался официально управителем Приказа. В 1729 г. он подал прошение «освободить его от дел», так как он болен. Указом от 4-го апреля 1729 г. он получил отставку, и вместе с тем Преображенская Канцелярия, бывший Преображенский Приказ, прекратила свое существование.

Князь Иван Федорович, оставив дела, тихо доживал свой век в Москве, вдали от политических событий Петербурга. В 1730 г. четвертый раз сменилось при нем правительство: на престол вступила Императрица Анна Иоанновна, и князь Иван Федорович в числе других сановников (их было 21 человек) получил от нее новое назначение в восстановленный в прежнем значении Сенат. Но он был так болен, что не мог даже побывать в Сенате, и 15-го марта 1730 г. умер. Тело его было погребено «с преславной процессией в монастыре св. Георгия, при его предках»...

В домашней жизни князь Иван Федорович держался укладов старины. Жил он обыкновенно в Москве, где у него был дом на Моховой улице, недалеко от Преображенского Приказа, доставшийся от отца, обставленный с роскошью старинных боярских домов. При Петре Великом он несколько раз ездил в Петербург и иногда жил там подолгу. Петр подарил ему одно из своих любимых владений – Ропшу, где иногда гостил Иван Федорович. В доме князя нередко устраивались шумные пиры, в которых принимали участие сам Государь, именитые вельможи, а также знатные иностранные гости, как, напр., Герцог Голштинский и другие. В качестве «вселенского князя-цесаря сумасброднейшего, всешутейшего и всепьянейшего собора, князь Иван Федорович принимал близкое участие в заседаниях этого собора и в избрании князя-папы, и имя его, «великого государя, вселенского князь-цесаря Иоанна Феодоровича», часто встречается в списках и других документах, оставшихся от «всеппьянейшего собора».

Любимым развлечением князя Ивана Федоровича была охота; особенно страстно любил он травить зайцев. В Преображенских лесах нередко устраивалась охота с соколами; в ней принимали участие многие знатные люди, и она обставлялась с необыкновенной роскошью. Устраивались охоты и в Ропшинском имении князя И. Ф. Ромодановского, в 40 верстах от С.-Петербурга, «где места были весьма удобные». Петр II, большой любитель этого удовольствия, брал у князя Ромодановского обученных кречетов и ястребов. Почти без образования, князь Иван Федорович Ромодановский отличался здравым умом, честностью и прямою, за что и был любим Петром, тем более, что, любя старинные русские обычаи и верный заветам старины, князь не был противником вводимых Царем новшеств.

Князь Иван Федорович был женат на *Анастасии Феодоровне Салтыковой* (ум. 2-го сентября 1736 г.), родной сестре Царицы Прасковьи Феодоровны, супруги Царя Иоанна Алексеевича. У него была единственная дочь княжна *Екатерина Ивановна* (род. 22-го ноября 1701 ум. 20-го мая 1791 г.), вышедшая замуж за графа Михаила Гавриловича Головкина.

Со смертью князя Ивана Федоровича прекратилась мужская линия рода князей Ромодановских.

Сенатский Архив, Указы Императора Петра Великого, книга 65; «Родословная книга князей и дворян, известная под названием Бархатная книга», Москва. 1787, ч. II, стр., 72, 300, 871; Князь П. Долгорукий, «Российская родословная книга», ч. II, СПб. 1855 г.; И. И. Голиков, «Деяния Петра Великого», Москва. 1789 г., т. VI, стр. 139, 160–162, 352, 408 и «Дополнения», т. XI, стр. 130; «Письма и бумаги Императора Петра Великого», т. I, СПб.; «Сборник Императорского Русского Исторического Общества», тт. 62 и 63; Бергман, «История Петра Великого», СПб. 1838 г., IV, стр. 226; V, 76, 184, 185; VI, 156–158; С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен». Изд. 2-е, кн. IV (см. указ.); И. Кириллов, «Цветущее состояние всероссийского государства», кн. 1, Москва. 1831, стр. 9, 84; М. Д. Хмыров, «Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время», СПб. 1867; «Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца (1721–1725), перевод с немецкого И. Ф. Аммона, Москва. 1902; Бантыш-Каменский, «Словарь достопамятных людей русской земли», Москва 1836; Старчевский, Справочный энциклопедический словарь, СПб. 1855 г., т. IX; «Птенцы Петра Великого 1721–1725 гг. Сообщил С. И. Турбин, с замечаниями В. Андреева, «Русская Старина» 1872 г., т. V, № 6; «Письма к князю Меншикову А. И. Ушакова и князя И. Ф. Ромодановского, 1711 г.» – «Древняя и Новая Россия» 1876 г., т. I, № 3, стр. 303; «Русская Старина», т. VIII, стр. 18, т. XXIII, стр. 173; «Владимирские Губернские Ведомости» 1870 г., № 47; 1871 г., № 17, 18; 1876 г., № 9: «Чтения в Обществе Истории и древностей Российских при Московском Университете» 1860 г., книга 1; Spada. «Ephémérides russes politiques, littéraires, historiques et nécrologiques», СПб. 1806 т. I; Levêque, Histoire de Russie; R. Michaud, «Biographie universelle К. Арсеньев, «Царствование Петра II, СПб. 1839; В. И. Веретенников, «История Тайной Канцелярии Петровского времени», Харьков. 1910; М. И. Семеvский, «Очерки и рассказы из русской истории XVIII в. «Слово и дело» 1700–1725, СПб. 1885; С. Шубинский,

«Исторические очерки и рассказы», СПб. 1911; Е. П. Карнович, Замечательные богатства частных лиц в России, СПб. 1874; Граф Павел Шереметев, Владимир Петрович Шереметев. 1668–1737, т. I–II, Москва. 1914; Платон Бекетов. Собрание портретов Россиян знаменитых, М. 1823, ч. I, отд. IV, стр. 192.

Ромодановский, князь Михаил Григорьевич

Ромодановский, князь Михаил Григорьевич, боярин, воевода, Московский губернатор; сын боярина князя Г. Г. Ромодановского (см. выше) и младший брат боярина князя А. Г. Ромодановского (см. выше), родился в 1653 году; в 1669 году, будучи уже стольником, он 6-го и 20-го июля дневал и ночевал у гроба Царевича Симеона Алексеевича, затем находился на службе при отце, на Украине, а в 1673 году, ноября 22-го, ему, с И. И. Вердеревским, велено было быть на Государевой службе в Белгородском Разряде, с отцом, боярином и воеводою князем Г. Г. Ромодановским, «в товарищех»; 24-го ноября князь М. Г. Ромодановский и И. И. Вердеревский были на отпуске у Государя, у руки, в передней. В феврале 1674 г., после присоединения к России некоторых Заднепровских городов, князю М. Г. Ромодановскому велено было остаться осадным головою в Каневе, но затем приказ этот был отменен, и Р. остался по-прежнему «в товарищех» у отца своего. 18-го декабря 1674 г. он был в Москве, у руки Государевой и у Царевича, и вскоре (вероятно, в начале следующего года) женился на *Авдотье Васильевне Голохвастовой* (род. 1656, ум. 30-го января 1716 г.), дочери думного дворянина Василия Яковлевича Голохвастова.

В 1675 году, 26-го февраля, будучи стольником, он был снова назначен товарищем к своему отцу, воеводе Белгородскому боярину князю Г. Г. Ромодановскому и 6-го марта был «у руки Государевой», а в конце марта ему указано было быть «своим полком» в Севске с И. И. Вердеревским, «а в сход по вестям велено ему итти к отцу».

В 1678 г. князь Ромодановский участвовал в Чигиринском походе своего отца, причем 12-го апреля этого года ему с отцом были посланы «статьи» о том, как поступать в походе, а 11-го июля того же года им была дана царская грамота о принятии предосторожностей в мирных переговорах с Турцией, об употреблении всевозможного старания удержать по трактату за

Россией Чигирин и о срытии этой крепости до основания, когда турки будут ее домогаться неотступно. В том же 1678 г. (в середине) 25-летний князь Ромодановский был пожалован в бояре. 20-го июня 1679 г. он был в походе Царя Феодора Алексеевича из Москвы в село Воробьево и в том же и в 1680 году принимал постоянное участие в других событиях придворной жизни Царя Феодора, который, очевидно, благоволил к своему боярину; равным образом и по воцарении Петра Алексеевича князь М. Г. Ромодановский оставался в кругу ближайших ко Двору лиц; в 1683 году, например, он ходил за молодым Царем в село Воробьево (6-го мая), а в 1684 году участвовал в крестном ходу 20-го июля и т. под.

В 1682 г. (12-го января) князь М. Г. Ромодановский подписался под соборным деянием об уничтожении местничества. В 1685 году, 30-го января, он был назначен воеводою во Псков, с дьяком Миною Грбовым, и здесь пробыл до 14-го января 1687 г., в 1688 году был в Москве, где, 2-го июля, сопровождал Царя Иоанна и Царевну Софью в их «походе» в Новодевичий монастырь, а 19-го августа и 1-го сентября – в село Коломенское. 17-го сентября того же 1688 г. князю Р. указано было быть в Володимирском Судном Приказе. В 1689 году он, в мае месяце, сопровождал Царей Иоанна и Петра в их «походе» в Новодевичий монастырь, а в конце года назначен был воеводою в Киев, с дьяком Иваном Алферьевым. Здесь князю Р. пришлось следить за деятельностью гетмана Мазепы и доносить о ней в Москву.

В 1692 г., в марте, князь Р. был снова в Москве, при дворе Царей Иоанна и Петра. 10-го декабря 1692 г., в доме боярина Петра Васильевича Шереметева, у князя Р. произошла ссора с боярином Алексеем Семеновичем Шеиным: в пылу ссоры оба боярина наговорили друг другу много дерзостей, взаимно задев честь один другого; по случаю этой ссоры 10-го января 1693 г. был издан особый указ Царей Иоанна и Петра, общего значения, о взаимных обидах двух поссорившихся лиц. Придворную службу нес князь Р. и в 1693 году, когда, 5-го марта, он с Имеретинским Царевичем Александром Арчиловичем, окольным Федором Саввичем. Нарбековым и думным дьяком

Г. Ф. Деревниным, был, по приказу Царей, в церкви Успения Богородицы «у действия», а 8-го июля провожал иконы в Чудов монастырь; в 1694 году, в апреле и июне, он снова принимал участие в подобных церемониях, а в июле был оставлен на Москве, на Государевом дворе, на время отсутствия Царя Иоанна Алексеевича в Троицкий Сергиев монастырь. В 1695 г., 2-го октября, в Москве сгорел двор князя Р., а в феврале 1696 г. он дневал и ночевал у гроба Царя Иоанна.

7-го марта 1697 г. Царь Петр указал князю быть в полках на Луках Великих, на Литовской границе, с Новгородским Разрядом, причем с ним послан был дьяк Петр Исаков; войска эти назначались Царем Петром в помощь Польскому Королю Августу II в его борьбе с Принцем Конти Бурбонским и его сторонниками. Находясь в 1698 г. в Торопце, Р. пришлось действовать против возмущения стрельцов, сосланных Петром к нему под начальство, а по усмирении их – участвовать в особой судной над ними комиссии.

И. А. Желябужский сохранил указание, что в 1699 году, когда князь Ромодановский, в числе других придворных, был в Воронеже с Петром Великим, то «на Воронеже был гнев и опала на боярина князь Михаила Григорьевича Ромодановского, и прислан с Воронежа с солдаты во деревню свою, что на Клязьме», причем в мае он из деревни этой был взят в село Семеновское – «для розыску и очных ставок с достальными стрельцами, и очные ставки у него с ними были». Однако, подозрение в сочувствии к стрельцам, очевидно, князю Ромодановскому удалось с себя снять, так как уже в следующем, 1700 году (19-го февраля) он, в числе прочих, был назначен Царем Петром к работам по составлению нового Уложения, т. е., по кодификации Уложения 7157 г. с позднейшими, «новоуказными» статьями и с «новосостоятельными» указами. В 1703 году князь Р. был, с полками, в Севске, Сумах и Ахтырке и за Сумский поход получил похвальную грамоту, а в 1705–1707 гг. заведовал Провиантским Приказом, снабжая войска всем необходимым во время непрерывных походов Шведской кампании. В 1711 году, по получении известия о разрыве мира со стороны Турок, Петр

Великий поднял свои воинские силы, причем князю М. Г. Ромодановскому приказано было отправиться в Путивль и здесь собрать дворянские полки. Здесь боярин и воевода Р. простоял целый год, после чего получил новое назначение: именным указом от 23-го января 1712 г. он был назначен Московской губернии губернатором (его помощником, т. е. вице-губернатором, назначен был В. С. Ершов); в своей деятельности Р. на первых же порах столкнулся с новоучрежденным Сенатом и горячо жаловался Императору Петру на притеснения и обиды, чинимые ему «господами сенатами»; однако, победа была видимо не на его стороне, так как, напр., 20-го сентября 1712 г. Поместный Приказ был изъят из его ведения и назначен в ведение Сената.

Вскоре после этого князь Р. скончался: 30-го января 1713 г., 60 лет от роду, что видно из следующей эпитафии на его могиле в трапезе Богоявленской церкви села (ныне слободы) Мстеры, Вязниковского уезда Владимирской губернии:

Тысяча семь сот десять третья лета
Иануария дне тридцатого воспета,
Волею Бога раб вере и скончася,
Благородный князь Михаил мертв стася
Григорьевич Ромодановский славный,
Болярин, в службе воевода давный,
Града Москвы он губернатор бывый
Христианск конец в Христе получивый;
На сем месте он телом положися,
О душе его, зрев гроб сей, молися.
Боже, упокой сего раба верна,
Любовь бо Твоя к нам и милость безмерна.
Живе 60 лет, в именованье ноемврия 8-го.

С ним погребена и жена его, княгиня *Авдотья Васильевна Ромодановская*, урожденная Голохвастова, и сын, стольник князь *Андрей Михайлович*, умерший 17-го февраля 1712 года, 32-х лет.

Будучи членом «Всеппянейшего собора», князь М. Г. Ромодановский носил данное ему Петром Великим насмешливое прозвище «Преосвященного Мишурь».

Среди других имений у князя М. Г. Ромодановского в Калужском уезде была вотчина – село Ромоданово (1713), в Московском уезде (Манатына, Быкова и Коровина стана) села Льялово и Никольское (1694), в Пехрянской десятине – село Вешняково (1703) и др.

Князь П. Долгоруков, Родословная Книга, т. II; В. В. Руммель, Родословный Сборник, т. I; А. Барсуков, Списки городовых воевод, СПб. 1902; Н. П. Волынской, Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра, Вып. I, кн. 3, СПб. 1912, стр. 320 (3 письма князя Р. к князю А. Д. Меншикову, 1704–1706 г.); П. Иванов, Указатель к боярским книгам, М. 1858, стр. 857; Н. П. Лихачев, Разрядные дьяки, СПб. 1888, стр. 864 (упоминается Родословная книга, ему принадлежавшая и находящаяся ныне в Рукописном Отделении Библиотеки Императорской Академии Наук); Князь Н. Н. Голицын, Указатель к Дворцовым Разрядам, СПб. 1912 и «Дворцовые Разряды», т. III и т. IV; Письма и бумаги Императора Петра Великого, т. I, II, III (письмо князя М. Г. Ромодановского к князю Н. И. Репнину от 10-го февраля 1705 г.; указ ему Петра от 21-го июня 1705 и письма от 14-го октября и 6-го декабря 1705), т. IV (указ ему 1-го июля 1706), т. V и VI; Соловьев, История России, кн. III и IV; Доклады и приговоры Сената в царствование Петра Великого, т. I, II, III; Записки Желябужского, СПб. 1840; Памятники дипломатических сношений, т. VIII, СПб. 1867, столб. 1023–1024 и Сборник Императорского Исторического Общества, т. XX, стр. 10–11 (грамота Петра к Р. от 3-го октября 1697 г.); Описание документов Московского Архива Министерства Юстиции, кн. I и др.; «Владим. Губ. Вед.» 1876 г., № 2, (указ Р. в свою вотчину – с. Мстеры), 1870 г., № 42 (челобитная его крестьян 1711 г.), 1868 г., № 26 (уставная грамота на его слободу Мстеру); Великий Князь Николай Михайлович, Провинциальный Некрополь, т. I; И. Голиков, Деяния Петра Великого (по указателю); Полное Собрание Законов (1-е), т. I, стр. 965, 976; т. II, стр. 155, 166, 970, т. III, стр. 149–151, 483, т. IV, стр. 649, 674, 703, 776, 808, 821, 853, 857, 876; Сборник Московского Архива Министерства Юстиции, т. VI,

М. 1914; Собрание государственных грамот и договоров., т. IV, М. 1826; Н. В. Берх, Систематические списки боярам, окольным и думным дворянам, СПб., 1838.

Ромодановский, Никита Иванович

Ромодановский, князь *Никита Иванович*, сын князя *Ивана Федоровича Ромодановского-Гнуса*; в первый раз упоминается в 1561 (7068) году – головою в полку воеводы князя Федора Ивановича Троекурова, в походе в Немецкой земле под городом Веляном. В 1570 г. он состоял воеводою Пермским.

П. Н. Милюков, Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.), М. 1901; и Акты Исторические, т. I, стр. 340–341.

Ромодановский, Петр Григорьевич

Ромодановский, князь *Петр Григорьевич*, стольник; сын боярина князя *Григория Петровича Ромодановского*, впервые упоминается в 1618 году – при приеме Шведских послов рындой. В 1624 году, на свадьбе Царя Михаила Феодоровича, был в царском поезде в звании стольника; в 1625 году в большой Грановитой Палате, при приеме Кизилбашского посла Русам-бека, он от Государя подавал послам к столу, в 1630 году присутствовал в Золотой Палате при приеме гонца Шведского короля Адольфа и в том же году, в большой Золотой Грановитой Палате, присутствовал при отпуске Турского посла Фомы Кантакузена. В течение 1631 года князь Р. часто упоминается в Дворцовых Разрядах при приемах и отпуске послов различных государств; затем до 1638 года он в Разрядах не встречается – по-видимому, за отсутствием из Москвы, находясь на воеводстве в провинции. Известно, что в 1634 году он был воеводою в Курске, но уже в следующем году был отпущен к Москве. В 1638 году он снова находился в Москве – головою у стряпчих и 23-го мая, по указу Царя Михаила Феодоровича, в числе других бояр и воевод, встречал за Калужскими воротами посла Крымского царя Бахты-Гирея. В 1639 году, в феврале, он дневал и ночевал у гроба Царевича Ивана Михайловича, а в марте – у гроба Царевича Василия Михайловича. В 1644 году князь Р. находился воеводою в Брянске, а в 1648 году опять был в Москве и участвовал в свадебном поезде на свадьбе Царя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской. В 1650 году князь Р. состоял воеводою в Веневе, в 1654 году значился в полку Царя Алексея Михайловича «у огней головою», а в 1655 году – с тем же полком выступил из Смоленска в поход против Польского короля.

Год смерти князя Петра Григорьевича Ромодановского неизвестен; умер он бездетным.

«Акты Московского Государства», т. I, стр. 141, 574, 616; «Разрядные книги», изд. 2-го Отд. Собств. Е. В. Канцелярии,

т. II, стр. 804; Князь П. В. Долгоруков, «Российская родословная книга», т. II; А. Барсуков, «Списки городских воевод»; II, Иванов, «Указатель к боярским книгам», стр. 357; Дворцовые Разряды», т. I, стр. 318, 319, 386, 691, 635, 931; т. II, стр. 4, 182, 141, 143, 145; 148, 150, 182–184, 189–192, 228, 437, 461, 576, 580, 738, 870, 934, 942, 965, 974; т. III, стр. 82, 163, 176, 380, 418, 466, 476.

Ромодановский, Юрий Иванович

Ромодановский, князь *Юрий Иванович*, боярин; сын боярина князя *Ивана Меньшого Ивановича Р.* Первый раз упоминается 16-го января 1648 г. на свадьбе Царя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской, стольником в свадебном поезде. С этого времени имя его постоянно встречается в Разрядах: он служил у стола Государя, сопровождал Государя в ближние походы, посылался на воеводства. Так, в 1649 году он находился с Алексеем Михайловичем в поездках в село Коломенское, в село Голенищево, в село Покровское и в походе в Можайск. В 1650 году он в том же звании стольника был назначен воеводой в Мценск; здесь, однако, он оставался недолго, так как, по указу от 20-го сентября того же года, был отпущен к Москве. В 1652 году, на Праздник Благовещения, за столом Государя, в присутствии Патриарха Иосифа, на князя Юрия Ивановича Р. бил челом дядя его князь Григорий Григорьевич, не желая служить за кривым столом в то время, как князь Юрий служил у большого стола. Князь Юрий доказывал в свою очередь, что, хотя князь Григорий ему и дядя, однако, он не может претендовать на старшинство, так как дед князя Юрия, князь Иван Петрович, был старшим братом отца князя Григория Григорьевича; поэтому князю Григорию Григорьевичу велено было по-прежнему служить в кривом столе, чего, однако, князь Григорий не послушался и был за то «посажен в железа».

В 1654 году князь Юрий Иванович в звании есаула и стольника отправился в поход с Государем в государевом полку под Смоленск. В июле месяце того же года князь Ромодановский ездил из Рославля по поручению Царя в Полоцк, к боярину Василию Петровичу Шереметеву. В том же году 23-го сентября он, по царскому повелению, был отправлен в Москву к Царице, к Великому Князю Алексею Алексеевичу и к Патриарху Никону с известием о взятии Смоленска. В 1655 году, в декабре месяце, князь Р. был назначен воеводою в Могилев, но еще 22-го декабря того же года, на новоселье у Патриарха

Никона в новой крестовой палате, в присутствии Царя, Антиохийского Патриарха Макария и Царевичей: Грузинского, Касимовского и Сибирского, служил у стола и наливал пить и до июня следующего, 1656 г. оставался в Москве, причем на придворных торжествах этого времени исполнял всегда одну и ту же обязанность: «пить наливал». 20-го июня этого года Государь из Смоленска выступил против Шведского короля под Ригу; в Государевом полку сотенным головою у стряпчих отправился туда и князь Ю. И. Ромодановский.

В октябре этого же года он ездил в Москву с известием от Царя Алексея Михайловича к Царице, Царевичу и Патриарху Никону о взятии города Юрьева (Ливонского). В январе 1658 г. он встречал за городом, за Сретенскими воротами, Кизылбашского посла Ханедалука-Салтана. В этом же году князь Юрий Иванович оказался случайным участником в распри Царя с Патриархом Никоном. 8-го июля, на праздник Казанской Богородицы, Царь не был в соборе ни на одной службе, а 10-го числа, в большой праздник Ризы Господней, перенесенной из Персии при Царе Михаиле, явился перед обедней к Патриарху князь Ромодановский с приказанием от Царя, чтобы его не дожидались к обедне в Успенском соборе; к этому он прибавил: «Царское Величество на тебя гневен, – ты пишешься великим государем, а у нас один великий государь – Царь». – Называюсь я великим государем не сам собою, – отвечал Никон, – так восхотел и повелел Его Царское Величество, свидетельствуют грамоты, писанные его рукою». – «Царское Величество, – продолжал Ромодановский, – почтил тебя, как отца и пастыря, но ты этого не понял; теперь Царское Величество велел мне сказать, чтобы ты вперед не писался и не назывался великим государем, и почитать тебя вперед не будет». Впоследствии, на соборе, осудившем Никона, Ромодановский отрекся от своих слов «о гневе на Никона Государя».

В 1659, 1660, 1662 и 1663 гг. в жизни князя Юрия Ивановича, по-видимому, не произошло никаких перемен, но имя его реже встречается на разных торжествах при дворе. В 1664 году при приеме посла Английского Короля Карла – князя Чарлуса Говарта, в Грановитой Палате князь Ромодановский

упоминается в звании чашника с теми же обязанностями: «пить носил». После этого в течение четырех лет имя князя Р. не упоминается на придворных торжествах и выходах; надо думать, однако, что он не покидал в это время Москвы, так как служба его за это время подвинулись быстро вперед. В 1668 году, на именины Государя, который праздновал их, ввиду поста, не 17-го, а 24-го марта, князь Р. упоминается уже в звании боярина, которое он получил в 1665 году; с 1667 по 1671 г. он заведовал также Пушкарским Приказом. В 1669 году он, вместе с другими боярами, окольными, думными людьми и дьяками дневал и ночевал у гроба Царевича Симеона Алексеевича.

В 1671 году, января 22-го, князь Юрий присутствовал на свадьбе Царя Алексея Михайловича с Наталией Кирилловной Нарышкиной, а с 1673 по 1676 г. он был воеводою в Казани. В 1674 году, в отсутствие боярина Ромодановского, дворовые его люди в Москве, завлекши к себе на загородный двор старосту Серебряного ряду торговых людей с товарами, убили его и вывезли на Девичье поле, а товары его и лошадь с седлом взяли себе. Схваченные по приказанию Государя и приведенные в Стрелецкий Приказ, они сознались в убийстве и, кроме того, рассказали об убийстве еще 20-ти человек в разное время, причем оговорили товарищей своих, находившихся с боярином Ромодановским в Казани. За ними были посланы в Казань сотник стрелецкий и 20 человек стрельцов. В Дворцовых Разрядах, к сожалению, не сообщается, чем кончилось это дело, но, вероятно, оно доставило много неприятностей князю Юрию. В 1676 году, в октябре и ноябре месяце, князь Ромодановский ездил в поход с Государем в село Покровское, в Кашинский поход, в поход в Троице-Сергиев монастырь, в Александрову слободу, в Переславль-Залесский. В 1678 году, 17-го марта, Государь ездил в село Измайлово, и его сопровождал, в числе других бояр, и князь Юрий. В 1679 году он в последний раз упоминается в Разрядах: в ноябре этого года Государь изволил идти в село Измайлово, а на Москве велел быть боярам князю Черкасскому и Ромодановскому.

Скончался князь Юрий Иванович в 1683 г. и 21-го февраля был погребен Патриархом в Георгиевском монастыре в Москве.

«Акты Московского Государства», том II, стр. 394; т. III, стр. 36, 37; «Акты Исторические», т. III, стр. 253, 256; т. IV, стр. 242, 466–467, 469–470; т. V, стр. 91, 221, 228, 294, 379, 391; т. VI, стр. 305; т. VII, стр. 53, т. IX, стр. 4, 5; «Акты Археографической Экспедиции», т. IV, стр. 129; II. Иванов, «Указатель к боярским книгам», стр. 357; Соловьев, «История России с древнейших времен», изд. «Обществ. Пользы», т. III, стр. 211, 258, 617, 682, 755; А. Барсуков, «Списки городовых воевод», стр. 89, 139; кн. П. В. Долгоруков, «Российская Родословная книга», т. II; «Московский Некрополь», т. III; «Дворцовые Разряды, т. III, стр. 82, 93, 128, 133, 186, 188, 142, 148, 164, 176, 177, 190, 302, 394, 395, 407, 418, 434, 450, 456, 489, 520, 565, 732, 799, 829, 835, 840, 854, 860, 876, 1119, 1120, 1144, 1465, 1578, 1636, Дополнение к III-му тому, стр. 18, 21, 22, 25, 27, 29, 34, 52, 59, 80, 96, 118, 187, 194, 334, 365, 368; т. IV, стр. 10, 14, 15, 20, 127; Н. Берх, Систематические списки, боярам окольничим и думным дворянам, СПб. 1833 г., стр. 40.

Ромодановский, Федор Борисович

Ромодановский, князь *Федор Борисович*, боярин; сын князя *Бориса Васильевича Р.*; в первый раз упоминается в 1538 (7045) году – воеводою в Нижнем Новгороде, за городом. В 1544 (7051) году он был воеводою во Владимире, в полку, в левой руке, и в том же году состоял воеводою во Владимире же, в сторожевом полку. В 1545 (7052) году он находился воеводою в передовом полку в Суздале, а в 1550 (7057) году служил воеводою в Муроме, в передовом полку от Казанской украины. В том же году он был послан на Укречь, а в 1552 (7059) году, «как Свияжской город поставили, царь и великий князь повелел ему с другими воеводами там годовати». В 1554 (7061) году, после взятия Казани, князь Ф. Б. Ромодановский, находясь воеводою в передовом полку, выехал по приказу Царя из Казани на судах в Нижний Новгород. В 1556 (7063) году он, уже в звании боярина, был назначен воеводою в Казань.

Князь Федор Борисович Ромодановский скончался в монашестве, с именем Феодорита, в 1573 году и погребен в Троицкой Сергиевой лавре; умер он бездетным.

Князь П. В. Долгоруков, *Российская родословная книга, т. II*; П. Н. Милюков, «*Древнейшая Разрядная Книга официальной редакции (по 1565 г.)*», М. 1901 г., стр. 102, 116, 118, 119, 134, 139, 149, 158, 175; *Московский Некролог, т. III, стр. 418.*

Ромодановский, Федор Григорьевич

Ромодановский, князь *Федор Григорьевич*, боярин; сын боярина князя *Григория Петровича Ромодановского*. Имя его в первый раз встречается в 1635 году, в марте, при приеме Царем Михаилом Федоровичем литовских послов, когда князь Федор был стольником. В 1639 году, в январе месяце, он дневал и ночевал у гроба Царевича и Великого Князя Ивана Михайловича, а в апреле – у гроба Царевича и Великого Князя Василия Михайловича. В январе 1644 г., в звании стольника, Ромодановский смотрел за большим столом при приеме в Грановитой Палате Датского королевича Вольдемара Христиановича, графа Шлезвигского и Голштинского и иных. 1-го октября 1645 г., на праздник Покрова Пресвятой Богородицы, князь Федор упоминается при столе в столовой избе, в присутствии Государя и Патриарха Иосифа.

Далее, до 1651 года имя князя Ф. Г. Ромодановского не встречается в Разрядах; только в сентябре этого года, уже в звании дворянина Московского, он ездил с Государем в поход в Троице-Сергиев монастырь в числе многих других бояр, окольничих, стольников и дворян. В 1654 году он отправился в поход сотенным головою у жильцов в Государевом полку против Польского и Литовского короля Яна Казимира. В 1655 году, в феврале месяце, князь Федор Григорьевич находился при встрече Макария, Патриарха Антиохийского и всего Востока. С 1664 г. по 1665 год он был воеводою в Пскове.

30-го июня 1672 г. Ромодановский находился в Грановитой Палате при родинном столе (по случаю рождения Царевича Петра, впоследствии Императора Петра Великого), в присутствии Государя, Новгородского митрополита Питирима и архимандритов московских монастырей, а также Царевичей: Грузинского, Касимовского и Сибирского. В 1674 году князь Федор находился воеводою в Рыльске: в этом же году ему было приказано возвратиться и Москву. В 1677 году он был пожалован в бояре и в 1678 году, по указу Государя, оставался в Москве, с другими боярами, когда Государь ездил в село

Измайлово и село Покровское и ходил в Новодевичий монастырь для моления. В мае 1679 г., по указу Государя, он опять оставался в Москве, когда Государь ходил в село Воробьево. В последний раз имя князя Федора Григорьевича упоминается в разрядах в 1688 г.

Скончался он в 1689 г. и погребен был Патриархом 14-го января того же года в Москве, в церкви Василия Кесарийского, на Тверской улице. Он умер бездетным.

«Акты Исторические», том IV, стр. 515, т. VII, стр. 310; «Акты Московского Государства», т. III, стр. 354, 553, 561–563, 565, 569, 570, 577; II. Иванов, «Указатель к боярских книгам», стр. 357; кн. П. В. Долгоруков, «Российская родословная книга», т. II; А. Барсуков, «Списки городовых воевод», стр. 186; «Московский Некрополь», т. III; «Дворцовые разряды», т. II, стр. 438, 462, 726, 872, 936, 944, 968; т. III, стр. 20, 285, 394, 416, 457, 466, 475, 484, 890, 948, 1044, 1143, 1199; Дополнение к III тому, стр. 28, 52, 67, 76, 467; т. IV, стр. 27, 53, 55, 79–81, 112, 142, 170, 173, 398; Н. В. Берх, Систематические списки боярам, окольным и думным дворянам, СПб. 1833 г., стр. 40.

Ромодановский, ФедорЮрьевич

Ромодановский, князь *Федор Юрьевич*, ближний стольник при Царях Алексее Михайловиче, Феодоре, Иоанне и Петре Алексеевичах; потешный генералиссимус 4-х выборных Петровских гвардейских полков и адмирал; князь-кесарь, обладавший высшей юрисдикцией по делам гражданским и уголовным; начальник Преображенского Приказа и главный начальник города Москвы; Пресбургский король.

Происходил из старинного рода князей Стародубских, ведущих свое происхождение от Рюрика. В родословной князей Стародубских значится, что потомок великого князя Владимира Святого, крестившего Русскую Землю, князь Иван Всеволодовичу получил от брата своего, великого князя Ярослава Всеволодовича в удел Стародуб, и что от него пошли князья Стародубские. Праправнук этого князя Ивана, князь Федор Андреевич Стародубский, имел сына князя Василия Ромодановского. В Бархатной Книге записано, что «У пятого сына князя Федора, княж Андреева сына Стародубского, у князя Василия Федоровича Ромодановского дети»... Таким образом, князь Василий Федорович Стародубский, прямой потомок Рюрика, живший во второй половине XV века, первый начал называться и писаться Ромодановским. Потомки этого князя служили в боярах и других высших званиях и чинах. Однако, по свидетельству Котошихина, при нем князья Ромодановские принадлежали к меньшим, или вторым родам Московской знати. В XVI и XVII веках фамилия Ромодановских встречается в перечне знатных родов второго разряда, члены которых служили как в боярах, так и в окольничих: в XVI веке, по 7108 год, они упоминаются в боярах всего один раз, а в XVII веке, по 7185 год – 5 раз. Но уже в царствование Алексея Михайловича – при жизни отца Федора Юрьевича, начинается возвышение фамилии Ромодановских. Так, дед Федора Юрьевича, князь Иван Иванович Ромодановский, пишется еще в Боярских книгах сначала стольником (1626 г.), а затем уже боярином (1657 год). Отец Федора Юрьевича, князь Юрий Иванович, также пишется

стольником, а затем и боярином. Но, помимо этого, князь Юрий Иванович пользовался благосклонностью и неограниченным доверием Царя Алексея Михайловича и был его любимцем и другом.

Год и место рождения князя Федора Юрьевича, равно как и первые годы его службы, не известны, но, по-видимому, как сын друга царского, князь Федор с малых лет находился при дворе. Когда в 1672 году праздновалось рождение Петра Алексеевича, то в числе десяти дворян, приглашенных к родинному столу в Грановитой Палате, князь Федор Юрьевич Ромодановский показан первым. После того он получил звание ближнего стольника, которое не переставал носить в течение всей своей долгой жизни. В боярской же книге князь Федор Юрьевич Ромодановский пишется комнатным стольником в 1675 году. В 1678 году также показан он в стольниках и в том же году был первым воеводою войск, действовавших против турок. 13-го августа этого года он разбил близ Чигирина турецкие войска, находившиеся под начальством Каплана-паши и Хана Крымского, и овладел всем их оружием и обозом. Быстрое возвышение князя Ромодановского начинается с первых лет царствования Петра Великого. Впервые о деятельности его в это царствование упоминается под 1689-м годом, во время второго стрелецкого бунта. Когда бунт был подавлен, и Царевна Софья заключена была в Новодевичий монастырь, князю Федору Ромодановскому был поручен надзор за нею. «Для крепкого ее содержания вскоре поставлен был перед монастырем тем крепкий караул из потешных солдат Преображенского полка, над которым командовал тогда в главном правлении из комнатных стольников князь Федор Юрьевич Ромодановский, муж верный и твердый, со всегдашним надзирательством». Стоя во главе Преображенского полка, князь Ф. Ю. Ромодановский вместе с ним принимал деятельное участие во всех четырех потешных походах Петра. В октябре 1691 года, во время первого похода Петра на крепость Пресбург, построенную в 1684 г. Тиммерманом и бывшую стольным городом князя Федора Юрьевича, сам князь был назначен генералиссимусом и

действовал под именем Фридриха Ромодановского. В результате «великого и страшного боя», «равнявшегося судному дню», ротмистр Петр Алексеев, т. е. сам царь Петр, взял генералиссимуса в плен. В 1693-м и в 1694-м гг. были сделаны два морских похода к Архангельску. Готовясь к походу 1693 года, «Петр выбрал лучших солдат для состава морских экипажей, придумал морские сигналы, начертил план маневров и назначил командиров будущего флота: адмиралом – генералиссимуса Ромодановского, вице-адмиралом – Бутурлина, а себя шкипером».

В походе 1694 года опять всей флотилией командовал адмирал Ромодановский, «человек», по выражению Петра: «зело смелый к войне, а паче к водяному пути». «С того похода Великий Князь Петр Алексеевич изволил прийти к Москве в августе месяце, а князя Федора Юрьевича Ромодановского встретили все палатные люди на Мытищах» (подмосковное село). В том же 1694 году, осенью, был сделан большой потешный поход Кожуховский (село Кожухове – в 4-х верстах от Москвы, по Коломенской дороге), и в этом походе князь Ф. Ю. Ромодановский занимал самое видное место, командуя «Русскою» армиею, состоявшею из потешных полков – Преображенского и Семеновского, выборных полков солдатских – Лефортова и Бутырского, трех рот гранатчиков, восьми выборных рот рейтарских, двух рот даточных людей, под именем нахалов и налетов, и 20-ти рот стольничих и действовавшей против неприятельской армии, находившейся под командою «короля Польского» – Ивана Ивановича Бутурлина. Во время приготовления к походу был издан указ о высылке стольников, стряпчих и дворян к ротному учению. Люди приезжали в Москву, записывали приезды свои в Разряде, а из Разряда их всех отсылали в Преображенское, указывая явиться к князю Федору Юрьевичу Ромодановскому, в большом полку. В этом походе Ромодановский осаждал безымянную крепость – село, защищаемое стрельцами и ротами из дьяков и подьячих под начальством Бутурлина. После 4-недельной осады село было взято, а плененный Бутурлин приведен в шатер к Ромодановскому. По словам современника,

«Главногокомандующий был поздравлен от регулярных полков беглым огнем, чем вся сия примерная война и кончилась». После Кожуховского похода, приветствуемый, как победитель, генералиссимус Ромодановский задал великолепный пир всем участникам маневров.

В 1695 году, когда Петр отправился в Азовский поход, князь Ф. Ю. Ромодановский был им оставлен в Москве. К этому времени относится начало обширной переписки Петра и Ромодановского, продолжавшейся и в последующие годы, во время отъездов Петра из Москвы. Петр сообщает в этих письмах о своих делах, о постройке флота и т. п. или просто возвещает о своем здоровье. Из переписки этой, по тому времени весьма оживленной (сохранилось 17 писем, написанных Петром князю с мая по ноябрь 1695 года, и много писем князя к Государю за этот период) видно, что князь Федор Юрьевич пользовался неограниченным доверием Царя и что ему было поручено ведать важнейшие дела. В письменных сношениях Петр окружает Ромодановского тем же почетом, как и в личных, величает его высшими титулами: Siir, Min Her Kenich, Ваше Пресветлейшество, Ваше Величество и т. п., являет перед ним вид подданного. Так, в письме из Нижнего от 19-го мая 1695 года Петр пишет: «Min Her Kenich. Письмо Вашего Пресветлейшества, государя моего милостиваго, в стольном граде Пресшпурхе мая в 14 день писанное, мне в 18 день отдано, за которую вашу государскую милость должны до последней капли крови своей пролить, для чего и ныне посланы... Засим отдаюсь в покров щедрот Ваших, всегдашний раб пресветлейшего вашего Величества бомбардир Piter». Также и в других письмах к Ромодановскому и другим лицам Петр постоянно пишет о «государевой» его (князя Р.) милости, о счастливом его пребывании в государстве, подписываясь: «Его Пресветлейшества, генералиссимуса князя Федора Юрьевича бомбардир», «under Knech Piter», «Aldach iv Knecht», «холоп ваш Картеин Piter» и т. п. и адресуя письма «Государю князю Федору Юрьевичу».

Нельзя не отметить также весьма интересного по своей форме письма Петра к Ромодановскому от 19-го июня 1695

года. «Сего месяца в 14 день отец твой, великий господин святейший кир Ианникит, архиепископ Прешпурский и всея Яузы и всего Кокуя патриарх, такожде холопы твои... в добром здравии. Нижайшие услужники пресветлого вашего величества Ивашка меньшей Бутурлин, Яшка Брюс, Федька Троекуров, «Петрушка Алексеев», Ивашка Гумерт – челом бьют». Но в большинстве случаев письма выдерживались в строгом, официальном тоне; особенно это следует сказать про письма в случаях важных. Так, 20-го июля 1696 года, донося о сдаче Азова, Петр писал: «Min Her Koninch. Известно вам, государю, что благословил Господь Бог оружия ваша государские, понеже вчерашнего дня молитвой и счастьем вашим государским, Азовцы, видя конечную тесноту, сдались, а каким поведением и что чего взято, буду писать в будущей почте. Изменника Якушку отдали жива. Piter». Любопытно отметить, что в последующие годы – во время Шведской войны, письма Петра изменяют свой характер; нет уже прежнего величания, нет торжественности. Адресует он письма просто князю Федору Юрьевичу, и даже князю Федору. Воля Петра здесь кратко и определенно выражается словом: «изволь». Но в торжественных случаях, при известиях о победах и пр., Петр по старому обращается к Ромодановскому в высоко почтительней форме: «Известно Вашему Величеству» и т. д.

Ответные письма князя Федора Юрьевича почти всегда носят строго деловой характер. Только иногда и он позволяет себе шутку, заканчивая письмо словами: «Последней пьяной Фетка Чемоданов, вспоминая вас за пипкою, челом бьет», или делая, например, выговор «капитану Питеру» за то, что тот поздравил его с праздником Пасхи заодно с другими. Петр немедленно отвечал: «Изволишь писать про вину мою, что я ваши государские лица вместе написал с иными, и в том прошу прощения, потому что корабельщики, наши братья, в чинах неискусны».

Особенное возвышение Ромодановского относится к 1697 году. Отправляясь с посольством в путешествие за границу, Петр поручил управление Москвою совету, составленному из бояр: Льва Кирилловича Нарышкина, князя Петра Ивановича

Прозоровского, князя Бориса Алексеевича Голицына, Тихона Никитича Стрешнева и ближнего стольника князя Федора Юрьевича Ромодановского, объявив сего последнего председателем совета и Наместником в Москве. «А чтоб уважить более главного правителя князя Ромодановского, то дал ему титул Князя Кесаря и Величества, и сам делал вид перед ним подданного». Письмо Царя от 18 апреля 1697 года, писанное, вероятно, из Митава, свидетельствует о том, что Петр позаботился и о средствах, которыми должна была поддерживаться власть князя-кесаря: последний получил от Царя «некоторую вещь на отмщенье врагов своего маестату». «Вещью» этой была особая машина или, как называл ее Петр, «мамура» для отсекания голов. Это видно из письма князя к Царю, писанного в августе того же года: «Писал Ты, господине, ко мне в своем письме, чтоб к тебе отписать, которая от тебя прислана мамура ко мне Московским людям недобрым в подарки, и тою мамурою учинен опыт над крестьянином Покровского села, что прежь сего бывало Рупцово, отсечена голова за то, что он зарезал посацкого человека; питан трожды и в том винулся, что зарезал с умыслу. Другова человека своего, Сидорку серебряника, который был в Московском разбое с Ваською Зверевым, тою ж мамурою указ учинен. А еще многие такие ж той мамуре подлежат, только еще указ не учинен, и к сей почте к ведомости не поспело. Буду о том к тебе впредь писать К. Ф. Р.». События последующего, 1698 года оправдали целесообразность особых полномочий, которыми был облечен князь Ромодановский. Когда стрельцы самовольно двинулись к Москве с Литовской границы (бывшей тогда у Великих Лук), где со времени первого бунта находились они в виде ссылки под командой князя Михаила Григорьевича Ромодановского, бояре сильно обеспокоились, и лишь распорядительностью князя Федора Юрьевича Ромодановского бунт был подавлен. Об этом бунте Ромодановский доносил Петру: «Известно тебе, господине, буди: которые стрелецкие 5 полков были на Луках Великих с князем Михаилом Ромодановским, а из тех полков побежали в разных числах и явились многие на Москве в Стрелецком Приказе в разных же

числах 40 человек и били челом винами своими о побеге своем и побежали-де они оттого, что хлеб дорог. И князь Иван Борисович в Стрелецком Приказе сказал стрельцам указ, чтобы они по прежнему государеву указу в те полки шли. И они сказали князь Ивану Борисовичу, что иттить готовы, и выдал бы стрельцам за те месяцы, на которые не дано стрельцам, деньгами. И им на те месяцы и выдали деньгами. И после того показали стрельцы упрямство и дурость перед князь Иваном Борисовичем и с Москвы иттить не хотели, допрасу..., а такую дурость и невежество перед ним явили, и о том подлинно хотел писать милости вашей сам князь Иван Борисович... Прислал ко мне князь Иван Борисович с ведомостью... реля против четвертого числа часа в отдачу... хотят стрельцы иттить в город и бить в колокола у церквей. Я по тем вестям велел полки собрать Преображенский, Семеновский и Лафертов и, собрав, для опасения послал полуполковника князя Никиту Репнина в Кремль, а с ним послано солдат с 700 человек с ружьями во всякой готовности. А Чамарса с тремя ротами Семеновскими велел обнять у всего Белого города ворота все. И после того от стрельцов ничего, слуху никакого не бывало. А как они невежеством говорили, – и на завтра князь Иван Борисович собрал бояр и боярам стрелецкий приход к Москве и их невежество боярам доносил. И бояре усоветовали в сиденье и послали по меня, и говорили мне, чтоб послать мне для высылки стрельцов на службу полковника с солдаты; а с ним послал солдат с шестьсот человек и велел сказать стрельцам государев указ, чтобы они шли на службу у Троицы по прежнему государеву указу, где кто в которых полках был. И стрельцы сказали ему, Чамарсу, что мы иттить на службу готовы; и пошли на завтра, которые были на Луках Великих – те на Луки, а иные в Торопец, а пятого сборного полка во Брянск. А для розыску и наказания взяты в Стрелецкий Приказ из тех стрельцов 3 человека да четвертый стрелецкий сын. А стрельцы пошли на службу и без них милостью Божей все смирно». В ответ на это донесение Петр писал Ромодановскому 9-го мая из Амстердама: «В том же письме объявлено бунт от стрельцов и что вашим правительством и службою солдат усмирен. Зело

радуемся; только зело мне печально и досадно на тебя, для чего ты сего дела в розыск не вступил – Бог тебя судит!

Не так было говорено на загородном дворе в сенях. Для чего и Автамона (Головина, командира Преображенского полка) взял, что не для этого? А буде думаете, что мы пропали (для того, что почты задержались), и для того, боясь, и в дело не вступаешь: воистинно скорее бы почты весть была; только, слава Богу, ни один человек не умер: все живы. Я не знаю, откуда на вас такой страх бабий. Мало ль живет, что почты пропадают? А се в ту пору была и половодь. Неколи ничего делать с такою трусостью! Пожалуй, не осердись: воистинно от болезни сердца писал». Но вытесненные из столицы стрельцы не успокоились и вскоре снова подняли мятеж. По словам Голикова, в числе лиц, намеченных стрельцами к убийству, был и князь Федор Юрьевич Ромодановский. Об этом новом мятеже Ромодановский доносил «...Слушав бояре тех допросных речей и полковничьих писем, приговорили: против тех ослушников иттить с Москвы с полки боярину и воеводе Алексею Семеновичу Шеину с товарищи и в полку у него быть Московских чинов людям и отставным и недорослям Московского же чину всем, да солдатам» (письмо от 17-го июня). Видя серьезность положения, Петр писал в ответ на это письмо из Вены 16-го июля 1698 года. «Min Her Kenih, письмо твое, июня 17-го дня писанное, мне отдано, в котором пишешь ваша милость, что семя Ивана Михайловича (Милославского) растет, в чем прошу быть вас крепких, а кроме сего, ничем сей огонь угасить не мочно. Хотя зело нам жаль нынешнего полезного дела (поездки в Венецию), однако же сей ради причины будем к вам так, как вы не чаете. Piter».

Как до, так и после возвращения Петра, главный розыск по стрелецкому делу чинил князь Ф. Ю. Ромодановский. Но особенно разворачивается его деятельность по возвращении Петра. В Преображенском – месте этого в высшей степени строгого допроса, пылало ежедневно, как свидетельствуют современники, по тридцати и более костров. Ежедневно происходили казни. Князь Федор Юрьевич превосходил других свирепостью розыска в такой же степени, как и был вообще

суровее прочих: в изыскании истины он был упрям и строг даже до бесчеловечия. Во время казней Ромодановский собственноручно одним и тем же лезвием отсек 4-м стрельцам головы. Следует отметить, что в характеристике Ромодановского сходятся все исследователи. Так, весьма ярко его рисует Бантыш-Каменский: «Князь Федор Юрьевич Ромодановский был человек права жестокого, не знал, как милуют. Вид его, взор, голос вселял в других ужас. Воров Ромодановский вешал за ребра»: таким образом им было однажды повешено 200 человек. Неоднократно сам Петр упрекал Ромодановского в жестокости. Так, в одном из писем (от 22-го декабря 1697 года из Амстердама) Государь писал: «Зверь! долго ль тебе людей жечь? И сюды раненные от вас приехали. Перестань знаться с Ивашкой (Хмельницким, т. е. пьянствовать). Быть от него роже драной». Достаточно выразительны и собственные слова Ромодановского, писанные Петру в ответ на это обвинение в пьянстве: «Неколи мне с Ивашкою знаться – всегда в кровях омываемся; ваше то дело на досуге стало знакомство держать с Ивашкой, а нам недосуг».

В 1699 году Петр, опять покидая столицу, вновь передал всю полноту власти в руки Ромодановского и в частности поручил ему продолжение розыска по делу стрельцов. Розыск занимал 1698 и 1699 годы, но и после этого розыскная деятельность Ромодановского не замерла, а напротив, расширилась. Стоя с первых лет правления Петра во главе Преображенского Приказа, Ромодановский ведал дела, как политические, так и общеполицейские. Но в начале XVIII столетия в Преображенском Приказе сосредоточиваются дела исключительно политические. Указом 1702 года приказывается всех людей, доносивших «Государево слово и дело», присылать в Преображенский Приказ, к стольнику князю Федору Юрьевичу Ромодановскому. Тенденция изъять из ведения «страшного Пресбургского короля» обычные уголовные дела заметна у Петра еще в 1698 году. Когда лучший из учеников «морского дела», посланных Петром за границу, Склеяев, при проезде из-за границы в Воронеж, где его ожидал Царь, задрался в Москве с Преображенскими солдатами и вместе с товарищем своим,

Лукияном Верещагиным, попал в руки Ромодановского, Петр, указывая на то, что данное дело – не государственное, просил князя-кесаря освободить виновных. На это князь отвечал: «Что ты изволишь ко мне писать о Лукьяне Верещагине и о Склеяеве, будто я их задержал, я их не задержал, только у меня сутки ночевали. Вина их такая: ехали Покровскою слободою пьяны и задрались с солдаты Преображенского полку, изрубили двух человек солдат и по розыску явилось на обе стороны неправы; и я, розыскав, высек Склеяева за его дурость, также и челобитчиков, с кем ссора учинилась, и того часу отослал к Федору Алексеевичу (Головину). В том на меня не прогневишься: не обык в дуростях спускать, хотя б и не такова чину были». Но не только привычка заставляла князя Ромодановского разбирать дела и не политические: он должен был, как глава государства, оберегать порученных ему Петром мирных граждан от насилий и грабежей и вести войну с разбойниками, от которых не было житья.

Среди насильников бывали и знатные люди, которым князь Ромодановский также не давал пощады. Он старался отклонять от себя дела, в которых были замешаны его родственники, чтобы не навлечь на себя обвинения в пристрастии и дабы не быть «в ругательстве и лае». Когда муж его дочери Федосьи Феодоровны Абрам Федорович Лопухин был обвинен в замыслах против Государя, князь Федор Юрьевич не замолвил за него ни единого слова, и Лопухин был казнен. В ряду разнообразных дел Ромодановский вел в 1705 году расследование о «ворах» Астраханских и с Дону, а в 1707 году – по делу Мазепы. Ведая Преображенский Приказ, занимая должность, которая важностью своей и силой ни с какой другой не равнялась, Ромодановский вместе с тем ведал еще и другие дела. В 1698 году князь имел смотрение за торговлею табаком, ведал пошлинным табачным сбором и должен был, по должности начальника Преображенского Приказа, расследовать дело о злоупотреблениях табачного откупщика Орленка. Петр писал ему: «Писал ко мне Виниус, жалуясь на Орленка и товарищей его во всяких насильствах и убийствах в Сибири, и то изволь своим премудрым разумом разыскать, чтоб тамошние

дикие края к какому смущению не пришли». В 1703 году ведал он Аптекарский и Сибирский Приказы. Как главный начальник города Москвы, князь Ромодановский в 1700 г. производил сбор денег с обывателей для замощения столицы.

В 1701 г., после сильного пожара, опустошившего Москву, князь Федор Юрьевич занялся отстраиванием вверенной ему столицы. Наряду с этим князь Ф. Ю. Ромодановский заведовал снабжением армии артиллерией, литьем пушек, и изготовлением снарядов к ним. Наконец, князь и ведал производством в чины, которые от него получал и сам Петр: все высшие чины – полковника (1706 г.) генерал-поручика и шоутбейнахта (контр-адмирала; 1709) и вице-адмирала (1714) были пожалованы Петру Князем-Кесарем. Особенно большой торжественностью было обставлено последнее производство. Князь-кесарь Ромодановский сидел в Сенате. Весь кортеж, сопровождавшие Царя, остановился перед палатами сенатскими. Петр велел доложить Его Величеству Князю Кесарю и, получив позволение, вошел и подал Князю-Кесарю рапорт и рекомендательное о себе от Генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина письмо. Князь Кесарь, прочитав вслух рапорт и письмо, похвалил Царя за службу и пожаловал его вице-адмиралом сказав: «Здравствуй, вице-адмирал!» В этой церемонии, а также в том величании, которым окружал Петр Ромодановского, некоторые исследователи склонны видеть насмешку над ним Петра, а в лице Ромодановского – шута. Соловьев идет даже еще дальше и пишет: «Ромодановский был шутовской адмирал, как был шутовской король, шутовской генералиссимус». С этим, однако, нельзя согласиться. Правда, один из современников князя Ф. Ю. Ромодановского князь Борис Иванович Куракин, передавая в своей «Гистории о Царе Петре Алексеевиче» о забавах Царя, о потешных его баталиях и о том, как баталии эти происходили под начальством двух «шутешных» государей, одним из которых был князь Федор Юрьевич, склонен перенести эту «шутешность» и на самую личность князя, говоря, что он был «характеру партикулярного и собою видом, как монстра, превеликий нежелатель добра никому, пьян во вся дни», но этот отзыв вряд ли может

считаться вполне беспристрастным. Свидетельство о «партикулярном» характере князя Ф. Ю. Ромодановского плохо мирится с известиями о достигнутых им на поле брани успехах, о победе его над турками и татарами и удачном ведении потешных баталий, а также о том умении, с которым князь ведал артиллерийским снабжением армии во время походов Петра Великого. Достаточно проследить переписку Петра с князем по сему вопросу, чтобы убедиться, насколько Царь доверял ему в этом деле и как умело справлялся князь с данными ему Царем поручениями. Например, 1706 года, 22 дня февраля, Петр писал Ромодановскому:

«Sir. Письмо ваше государское приняв, ответствую, Пороху изволь держать 25000 пуд постоянно всегда, а что убудет, тотчас дополнить. Фетилю 400 пуд изволь прислать; також 600 палуб для пороха и две тысячи телег простых с нарочитым числом колес и осей [сиу б число с теми б было, которые в Смоленску есть], также 20 пушек полковых новова образца, [при которых железные мортирцы есть] и 20 медных мортирцов [которых по два на одном станку без пушек] нового же обрасца прислать в Смоленск поспоряя. Да послал я при сем письме два текена пушкам, 12-и 6-оунтовой. Изволь зделав, також сим путем прислать в Смоленск все сие. Которое как привезут в Смоленск, прежде бы описывались к нам в полки, а, не описафся, не возили. Здесь, слава Богу, все добро, и наши в Гродне во всякой делости, и ведомости частые от них емеем».

Об исполнении распоряжений государя, объявленных в этом письме, князь Ромодановский сообщил Петру Великому в нижеследующих трех письмах: «Господине капитан Петр Алексеевич, здравие твое да сохранит десница Вышнего на лета многа. Писмо твое мне отдано февраля в 25 день, в котором писано о присылке пушек в Смоленск трехфунтовых с мартирцы да дватцать мартирцов, которые по два на станку. Вышлю тотчас в Смоленск; палубы и телеги против писма приказал делать; двенатцафунтовых пушек десять, пятифунтовых десять же делать почяли, и делают немедленно днем и по начам. И что чево будет в готовности, отпущать

прикажу без задержания. И велел до вашей милости из Смоленска описыватца, что чево в Смоленск привезено будет».

«Господине капитан Петр Алексеевич, здравие твое да сохранит десница Вышнего на лета многа. Извесно милости твоей буди: против писма милости твоей отпущено в Смоленск дватцать пушек трехфунтовых с мартирцами железными да дватцать мартирцав медных, которых по два на станке, чetyреста пуд фетилю, да десеть тесечь восемсот граната штифунтовых, сто деветь палуб, да в Смоленску девяноста три палубы. А достальные палубы делают наскора, также и телеги против твоего писма; и велено надзирать над всеми, чтоб делали денно и ношна. Пушки двенатцатифунтовые и штифунтовые к литью готовятца, и, чаю, милостию Божію не замедлетца. В остатке восемдесят мартирцав медных, по два на станке; как об них укажешь: все ль присылать в Смоленск, или до указу быть на Москве? О том желаю отповеди».

«Господине капитан Петр Алексеевич. Здравие твое да сохранит десница Вышнего на лета многа. Писмо твое от милости твоей получил марта 11-го числа, в котором писано: как ко мне о чем станет писать господин Меншиков, чтоб исправлено было не мешкав. И я делаю так, как возможно. В том же писме писано, чтоб готовить пятьдесят тележек, в чем скарастрельные патроны возить. И у меня их пятьдесят готовят; а зделав, немедленно пришлю. Извесно милости вашей буди, что отпущено в Смоленск марта 8-го числа нынешнего 706-го году с капитаном с Васильем Кривцовым 20 пушек медных новой манеры, ядром по три фунта, и с мартирцы железными, с станки и с колесы; 20 шухл медных к трехфунтовым; 20 набойников; 30 банников к медным мартирцам и к железным 11000 гранат штифунтовых; 4000 ядер трехфунтовых; 400 пуд фетилю; 110 палуб. А в Смоленске старова отпуску 93 палубы, итого 203 палубы. А телег простых в Смоленску ничего нет. Против писма твоего указное число палубы и телеги готовят; а как изготовят, немедленно пришлю в Смоленск. Да нынешнего 706-го году марта 14-го числа отпущено в Смоленск с капитаном с Афтамионом Петровым, по писму Василья Карчмина велено 2 пушки прислать, чтоб ис трехфунтовых пушек стрелять

штифунтовыми ядрами. И те две пушки розсверлины и посланы с тем капитаном с станки, и с калесы, и с перетки, с шухлы, и з банники и с набойники; да в запас к тем пушкам 2 колеса передних, да 2 колеса задних, 400 ядер штифунтовых, 400 картечь обвязанных штифунтовых, 400 картузников штифунтовых з дробью жестяных, 2000 трубок скарастрельных жестяных к трем штифунтовым пушкам, 3000 трубок жестяных к медным и железным мартирцам, 100000 кремней к фузеям и к пистолетам и к карабинам, 50 осей дубовых к осмнатцатифунтовым пушкам, 3000 трубок деревянных к штифунтовым гранатам по образцу Василья Карчмина. Пушки по новому образцу, которые образцы присланы от милости твоей, станут лить марта 19-го числа штифунтовые, а двенатцатифунтовые станут лишь марта 26-го числа, а скоряя тово управитца невозможно: и так делали денно и ночью, покою себе не знали. Которые в остатках восмдесет мартирцов медных, в Смоленск ли прислать, или на Москве до указу быть? Желая отповеди. Князь Федар Рамаданафская. Уже эти письма в достаточной степени определяют характер деятельности князя и отношения к нему Петра.

Даровав Ромодановскому первые чины еще во время потешных походов, «когда на уме ничего, кроме игры, не было», Петр не только сохраняет их за ним уже в зрелом возрасте, но даже дает ему еще новые чины отнюдь не для смеха, а несомненно ввиду выдающихся достоинств князя и, может быть, отчасти и для того, чтоб сокрушить «господствующую до сего», по выражению Голикова, гидру местничества: «...Петр Великий, с самого начала правления своего желая показать подданным своим пример подчиненности самим собою, хотел, чтобы его почитали некоторым образом подвластным Князю Ромодановскому, дабы чрез сие заставить Россиян уважать своих начальников, какого бы они ни были происхождения, и показать им, что не знатность и богатство дают право на получение чинов и почестей, но душевные достоинства и дарования». И если Петр окружал иногда Ромодановского излишней торжественностью и делал его предметом шутки, как то было в 1702 г., на свадьбе шута Шанского, когда Федор Юрьевич изображал собою старинного царя в прежних одеждах,

то в этом проявлялось скорее «больше настроения, чем тенденции». Во второй половине Петровского царствования князь Ф. Ю. Ромодановский, как правитель, отошел на второй план. Во главе управления стали коллегиальные учреждения, и в состав некоторых из них вошел и Ромодановский. Так, известно, что князь Федор Юрьевич входил в Ближнюю Канцелярию: в списке же членов Сената мы его не находим. Впрочем, до учреждения Сената Петр постоянно обращался к Ромодановскому. В 1707 году Царь писал ему из Вильны, по поводу неаккуратного посещения боярами, членами Совета, заседаний в Ближней Канцелярии: «Изволь объявить при съезде в Палате всем министрам, которые в консилию съезжаются, чтоб они всякие дела, о которых советуют, записывали, и каждый бы министр своею рукою подписывал, что зело нужно надобно, и без того отнюдь никакого дела не определяли бы, ибо сим всякого рода дурость явлена будет».

Как бы то ни было, роль князя Федора Юрьевича сильно изменилась: «их милость, правящий все», мало-помалу должен был передать различные отрасли управления в руки более молодых, более образованных сподвижников Петра и остаться царить в одном своем Преображенском Приказе, над которым он до конца дней сохранил всю полноту власти. В последние годы жизни князя Федора Юрьевича на него было немало нареканий, но Петр Великий, уверенный в его беспристрастии и бескорыстии, мало обращал внимания на доносы на грозного князя и сам сносил от него разные неприятности. В 1713 году Царь писал графу Апраксину: «С дедушкой нашим, как с чертом вожуся, а не знаю, что делать. Бог знает, какой человек?»

В частном обиходе князь Федор Юрьевич Ромодановский жил укладом старинного боярина, любил и почитал старые нравы и придерживался старинных обычаев; был гостеприимен, но требовал от всех к себе особого почтения. В обществе перед ним все стояли. «Никто не смел въезжать к нему во двор – сам Государь оставлял свою одноколку у ворот его». Дом князя Ромодановского находился в Москве, на Моховой, около Каменного моста; на столбах у него было изображение родового герба князей Ромодановских: черного крылатого дракона в

золотом поле. Во дворе дома князя находились ручные медведи, один из которых приветствовал посетителей, поднося каждому чару крепчайшей перцовки, которую обязательно было выпить, чтобы не быть оцарапанным зверем.

Ближайший исполнитель предначертаний Петра, князь Федор Юрьевич не всегда разделял его взгляды: так, между прочим, он не сочувствовал женитьбе Петра на Екатерине.

Умер князь Федор Юрьевич Ромодановский в преклонном возрасте, 17-го сентября 1717 года; место его погребения неизвестно.

Личность князя Ф. Ю. Ромодановского и отношение к нему Петра Великого занимали многих исследователей, но не могут считаться окончательно выясненными до настоящего времени: в отношении историков к князю-кесарю замечается двойственность, порождаемая таким же отношением к нему и самого Царя. Вернувшись из-за границы в 1698 году, Царь собственноручно обрезал бороду Ромодановскому; в другой раз, когда князь стал защищать Шеина от обвинений Петра. Царь бросился на него с обнаженной шпагой и, ударив по руке, едва не отрубил ему пальцев; неоднократно заставлял он князя играть шутовские роли – это факты, записанные историей. Но, с другой стороны, история знает, что в руки князя Федора Юрьевича была передана фактически сильная власть административная, что ни одно политическое дело не вершилось без его участия и наблюдения, что в хозяйственных делах Петр оказывал ему большое доверие, и потому трудно думать, чтобы князь Ромодановский был, как говорит М. И. Семевский, только подставной куклой, куклой весьма комичной» и чтобы титул князя-кесаря был ему придан «из шутовства, ради насмешки», и если не вызывал таковой, то только потому, что с князем, имевшим в своем ведении застенки, в руках кнут, а на дворе медведей, готовых, по мановению хозяина, понять дерзкого, шутить было опасно. Никто не решался смеяться над званием князя-кесаря и рассуждать об его значении, и потому в письмах, реляциях и всевозможных официальных бумагах либо о князе Ромодановском, либо к нему писанных, нигде не встречается каких-либо острот над его званием, которые были

бы неизбежны, если бы князь-кесарь имел только пародию власти. Совершенно невероятно, чтобы Царь Петр, зная, в каком состоянии находятся умы в оставляемом им государстве, и какой опасности подвергается задуманное им великое дело преобразования, мог поставить во главе правительства шута, подставную куклу, а не достойного всеобщего уважения твердого мужа, способного разобраться в сложных и разнообразных государственных вопросах.

Родословная книга князей и дворян, известная под названием Бархатная Книга, Москва. 1787 ч. II; Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I-м отделении Московского Архива Министерства Юстиции, Москва. 1853 г.; Князь П. Долгоруков, «Российская родословная книга», ч. II, СПб. 1855 г.; И. И. Голиков, «Деяния Петра Великого», Москва. 1789 г., т.т. I, II, III, IV, X, XI. XII и «Дополнения», т.т. IV–VIII, X, XV; Н. Г. Устрялов, «История царствования Петра Великого», СПб. 1858; Г. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, СПб. 1859; И. Желябужский, «Дневные записки» – «Русский Архив», 1910 г. № 9; «Записки русских людей», изд. Сахарова, «Записки Матвеева», стр. 57, 63; «Достопамятные повести и речи Петра Великого, записанные денщиком его Нартовым» («Москвитянин, 1842 г., №№ 4, 6, 8, 11); Патрик Гордон, «Дневник, веденный им во время его шведской и польской службы от 1650 по 1661 год и во время его пребывания в России от 1661 по 1699 год» ч. I, Москва. 1892; Иоганн Георг Корб, «Дневник путешествия в Московию» (1698–1699). Перевод с примечаниями А. И. Малеина, СПб. 1906; «Российской Магазин, составленный трудами Федора Туманского», СПб. 1793 г., ч. I и V; «Сборник Императорского Русского Исторического Общества» т. 63; «Письма и бумаги Петра Великого» т.т. I–VI; В. И. Веретенников, «История Тайной Канцелярии Петровского времени», Харьков, 1910; Н. Я. Токарев, «Ближняя Канцелярия при Петре Великом и ее дела», стр. 47; А. А. Востоков, «О делах генерального двора», стр. 3 (обе статьи в «Описании документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции»,

т. V, Москва. 1888); «Опыт трудов Вольного Российского Собрания при Императорском Московском Университете» т.т. IV–V, 1778 г.; А. Катифор, Житие Петра Великого, СПб. 1772, изд. I, стр. 112, 828; А. Градовский. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры, СПб. 1866; Н. П. Павлов-Сильванский, «Государевы служилые люди». СПб. 1909; Н. В. Чарыков, «Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия» (1637–1694), СПб. 1906; «Птенцы Петра Великого». Сообщил С. И. Турбин – «Русская Старина» 1872 г., т. V, № 6; «Записки Юста Юля, Датского посланника при Петре Великом» (1709–1711) – «Русский Архив» 1892, ч. III; М. Д. Хмыров, «Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время (1701–1791), СПб. 1867; М. И. Семевский, «Очерки и рассказы из русской жизни XVIII в. Слово и дело, 1700–1725», СПб. 1884; Он же «Царица Прасковья Федоровна», СПб. 1883; «Альбом Северных Муз» 1828 г.; «Древняя и новая Россия» 1876 г., № III; «Чтения в Обществе Истории и древностей Российских при Московском Университете», 1860 г. – кн. I; И. Н. Козановский, Андрей Винуус, сотрудник Петра Великого». «Русская Старина» 1910 г., № VIII; А. Брикнер, «Иллюстрированная история Петра Великого», СПб. 1882; В. О. Ключевский, Курс русской истории, часть 4 (литографированный курс); С. М. Соловьев, «История России с древнейших времен». Второе издание, СПб., кн. III и IV; П. Н. Петров, История Петербурга. 1703–1782, СПб., 1885; «Архив князя Куракина», кн. I. СПб. 1890; Граф Павел Шереметев. Владимир Петрович Шереметев. 1668–1737. I–II. Москва 1914; Платон Бекетов. Собрание портретов Россиян знаменитых. Ч. I, отд. IV, стр. 188–192; Петр Великий, его полководцы и министры с присовокуплением кратких о жизни их описаний. Издание В. Алексеева. Москва 1848; Е. П. Карпович, «Замечательные богатства частных лиц в России», СПб., 1885. С. Елагин, «Материалы для истории русского флота», ч. I. СПб., 1865; М. П. Азанчевский; История Л.-гв. Преображенского полка, Москва, 1819; М. Г. Ф. Известие о начале Преображенского и Семеновского полков гвардий; Корнилович, Известие о первых маневрах при Петре I-м. –

«Северный Архив» 1834 г.; Павловский и Сторковский. «Полтавская битва и ее памятники», Полтава, 1895 г.; «Владимирские губернские ведомости» 1865 г., № 10, 1870 г., № 6; 1871 г., №№ 33, 39, 1876 г., № 3; «Русский Архив» 1865 г., № 5–6; «Русская Старина» 1878 г., т. XXIII; «Mémoires pour servir à l'histoire de l'Empire Russien sous Pierre le Grand» p. 300; Бантыш-Каменский, «Словарь достопамятных людей русской земли». Москва, 1836 г.; Старчевский. Справочный Энциклопедический Словарь, СПб. 1855, т. IX, ч. II.; Michaud. Biographie universelle, v. R; Leveque, Histoire de Russie; Spada, Ephémérides Russes politiques, littéraires, historiques et nécrologiques, СПб. 1806, т. 1.

Ромодановский-Ладыженский, Николай Иванович

Ромодановский-Ладыженский, князь *Николай Иванович*, сенатор, действительный тайный советник; сын стольника *Ивана Петровича Ладыженского* от брака его с княжною Екатериной Андреевной Ромодановской; родился в середине 1740-х (в 1746?) гг., в 1755 г. был записан в службу, 10-го февраля 1762 г. из вахмистров Конной Гвардии был произведен в корнеты, а 1-го сентября 1770 г. из секунд-ротмистров Конной же Гвардии был переведен в армию подполковником; 17-го марта 1774 г. Л. получил чин полковника и в 1776 г. и этом чине служил в Ростовском карабинерном полку, а впоследствии дослужился до чина генерал-поручика, каковой получил 14-го апреля 1789 г., будучи в это время членом Военной Коллегии.

Приобретя милость Императора Павла, он 29-го ноября 1797 г. получил от него чин генерала от инфантерии, а 2-го декабря того же 1797 года, переименованный в действительные тайные советники, назначен был сенатором и вскоре (8-го апреля 1798 г.), как сын последней в роду княжны Ромодановской, получил от Императора Павла разрешение именоваться князем Ромодановским-Ладыженским; 8-го декабря 1798 г. он получил в вечное и потомственное владение Полоцкую экономию с 596 мужского пола душами и землями и угодьями; 26-го января 1799 г. разрешено ему было пользоваться Императорскою придворною ливреею, пожалованною Императором Петром Великим его деду, князю Андрею Ромодановскому, а 7-го февраля 1800 г. он был уволен, по прошению, от службы с пенсионом получавшегося им жалованья.

Через 3½ года, 10-го июля 1803 г., князь Н. И. Ромодановский-Ладыженский скончался в своем белорусском имении, оставив от брака своего (в который вступил в 1763 г.) с баронессой *Марией Исаевной Шафировой* (род. 1736 г., ум. 5-го декабря 1799 г.) одного сына, князя *Александра Николаевича Ромодановского-Ладыженского*; последний воспитывался в

Пажеском корпусе, в службу был записан в 1770 г., 7-го августа 1783 г. из камер-пажей был выпущен поручиком в Конную Гвардию, в 1789 г. произведен был в ротмистры, а 1-го января 1795 г. из ротмистров Конной Гвардии был переведен в армию полковником, в 1796 г. состоял в Оренбургском драгунском полку, а впоследствии был генерал-лейтенантом (1800); с 1798 года, октября 25-го, по 23-е января 1799 г. Р.-Л. был шефом Кирасирского своего имени (ныне 4-й Харьковский уланский) полка, а с 23-го января 1799 г. по 31-е марта 1801 г. – шефом же другого Кирасирского своего имени (ныне 14-й драгунский Малороссийского) полка. От брака своего с воспитанницею своего холостого дяди Петра Исаевича Шафирова – *Н. Н. Фировою* он оставил двух сыновей *Константина* и *Юрия* – и трех дочерей; род его пресекся.

В. В. Руммель, Родословный Сборник, т. I, стр. 491 (родословие и герб), князь П. В. Долгоруков, Российский Родословный Сборник, кн. 3, СПб. 1841, стр. 66; П. Петров, История родов Русского дворянства; Сенатский Архив, т. I; Полный список шефов; полковых командиров и офицеров л.-гв. Конного полка, СПб. 1886 г.; Сборн. Имп. Русск. Историч. Общества, т. 62, стр. 221 и 741; Н. А. Мурзанов, Списки сенаторов, СПб. 1911 г.; фон Фрейман, Пажи за 183 г.; Список Воинскому Департаменту на 1776 г., стр. 73 и на 1792 г., стр. 3 и 29; Список Воинскому Департаменту на 1796 г.; Е. Альбовский, История Харьковского полка, 2 т., Х. и Минск. 1895–1897, История 37-го Драгунского Военного Ордена полка; т. I, СПб. 1907.

Ромздер (Рамсдес) , Яков

Ромздер, Яков (Рамсдес) – серебряных дел мастер; происхождением голландец, он в 1632 году приехал в Москву, где и служил до 1647 года в «Приказе золотого дела» и «места царские и всякие дела делал», после чего был отпущен с семьей на родину, но в 1660 году снова подал прошение о зачислении его на службу; каковы были результаты этого прошения, нам неизвестно.

Главный Архив Министерства Иностранных Дел в Москве, Дела о выезжих в Россию иностранцах, №№ 4 и 6.

Ронкони Феликс, профессор пения

Ронкони Феликс, профессор пения; родился в 1811 г. в Венеции и был сыном известного в свое время певца и преподавателя пения *Доменико Ронкони*, вся семья которого отличалась музыкальностью и хорошими голосами; наиболее выдавались из нее старший сын Доменика – *Джорджио*, приобретший себе впоследствии известность и как певец (баритон), и как профессор пения, и *Феликс Ронкони*, рано, впрочем, прекративший свою артистическую карьеру и посвятивший себя преподаванию. Десяти лет от роду он был принят в число певчих Миланского собора и Придворной церкви; изучая пение под руководством своего отца, Р. еще молодым человеком начал давать уроки и вскоре приобрел известность хорошего преподавателя. Не ограничиваясь Миланом, он посещал и другие города Италии, всюду с успехом давая уроки пения. В 1836 г. Феликс Ронкони отправился в Вюрцбург, где также занялся преподаванием, но пробыл здесь недолго и переехал во Франкфурт, где оставался до 1844 г., когда снова вернулся в Милан, так как получил там место профессора пения в Миланской консерватории, и в том же году был избран в члены Музыкальной Академии св. Цецилии в Риме. Пробыв в Милане 4 года, Р. со всем тщанием и добросовестностью исполнял свои обязанности до начала революции в Милане в 1848 г., когда ему пришлось прекратить свои преподавательские занятия в этом городе тогда; он отправился в Лондон, где уже был хорошо известен; здесь Ронкони предложили место директора пения при Ковентгарденском театре, где он и пробыл около 4-х лет, а в 1852 г., по совету брата, который уже неоднократно рекомендовал ему отправиться в Россию, поехал в Петербург. Опытность Р., глубокое знание своего предмета и умение преподавать были известны и здесь, – поэтому он вскоре нашел себе множество уроков, как частных, так и в институтах: Николаевском, Екатерининском, Патриотическом и Павловском, при которых он и оставался в качестве преподавателя до самой своей смерти. В 1867 году король

Италии пожаловал Р. орден Маврикия и Лазаря, а в начале 1870-х годов Император Александр II пожаловал ему орден св. Станислава за его полезную службу при институтах. Проработав на педагогическом поприще более пятидесяти лет, причем на долю России из этого числа пришлось 23 года, Ф. Ронкони скончался 29-го августа 1875 года в Петербурге, где и погребен на католическом кладбище на Выборгской стороне.

У него было три дочери; одна из них, *Клотильда Ронкони* (умерла 6-го февраля 1900 г.) пошла по следам отца и пользовалась известностью, как хорошая учительница пения.

«Иллюстрированная Неделя» 1875 г., 12-го октября, № 40 (некролог); «Петербургский Некрополь», т. III, стр. 617; «Сборник Императорского Русского Исторического Общества», т. 62.

Рончевский, Александр Тимофеевич

Рончевский, Александр Тимофеевич, доктор медицины, Секретарь Кавказского Медицинского Общества; род. в 1831 г. в Витебской губернии, где отец его был священником; среднее образование получил сначала в Витебской, а потом в Полоцкой гимназии, по окончании курса в которой поступил в число казенных воспитанников Петербургской Медико-хирургической академии в 1854 г. Через четыре года он окончил курс Академии со званием лекаря и назначен был в Отдельный Кавказский корпус, а в следующем году переведен был младшим врачом в Тифлисский военный госпиталь. Здесь прослужил он три года, готовясь к докторской диссертации, и с этою же целью в 1860 году прикомандировался к Харьковскому университету. В следующем году Р. защищал в этом университете диссертацию на тему: «Общее кровопускание, как противувоспалительное средство на Кавказе» (Дисс. Д. М., Харьков. 1861 г.) и получил степень доктора медицины, после чего вернулся на Кавказ, где был назначен старшим врачом Тифлисского военного госпиталя.

Здесь Р. занялся популяризацией медицинских сведений, был одним из членов-учредителей и первым Секретарем Кавказского Медицинского Общества и напечатал несколько популярных сочинений по медицине. Так, в 1863 г. им были напечатаны: «Общепонятные лекции о строении и отправлениях человеческого тела «с изложением правил к сбережению здоровья, читанные в 1862 г. для писарей Главного Штаба» (Тифлис. 1863 г.; 2 изд., Тифлис. 1867). В 1865–1866 г. он прочел несколько популярных лекций о холере и затем издал их (Тифлис. 1866–1867). Около этого же времени Р. был командирован за границу, но пробыл там недолго. В 1866 г., в «Медицинском Сборнике Кавказского Медицинского Общества», он напечатал свою работу: «О средствах против холеры», а в следующем году был назначен медиком для командировок пятого разряда при Кавказском Военно-Медицинском Управлении, но через несколько месяцев перешел в гражданское ведомство Кавказского Медицинского Управления

и в конце года уехал в Петербург. В последний год его жизни временами у него замечалось расстройство умственных способностей и, вероятно, это было причиной его смерти; Рончевский скончался в Петербурге 2-го января 1868 г., на 37 году от рождения, отравившись стрихнином, которого принял сразу 5 гран.

Незадолго до своей смерти он издал отдельным изданием (Тифлис. 1867 г.), с некоторыми изменениями, печатавшиеся раньше в «Современнике» и «Военном Сборнике» три своих рассказа: «Вопрос», «Неспособный» и «Транспорт».

«Русский Архив» 1870 г., стр. 2033; Л. Ф. Змеев, «Русские Врачи-Писатели», вып. I, СПб., 1886 г., тетр. 2, стр. 85; «С.-Петербургские Ведомости» 1868 г., 15-го января, № 14, стр. 1–2 (некролог); «Медицинский Вестник» 1868 г., № 2 (некролог); «Иллюстрированная Газета» 1868 г., № 4 (некролог); Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 265.

Рон, фон-, Александр Осипович

Рон, фон-, Александр Осипович, Директор Заемного Банка; происходил «из цесарских дворян» и родился в 1764 г.; записанный 13-го января 1771 г. в службу артиллерии капралом, он через год был произведен в сержанты, а 13-го января 1773 г. переведен был в Егерский Императорский корпус яхт-пажом, 13-го января 1775 г. определенный сержантом в л.-гв. Преображенский полк, Р. 1-го января 1782 г. переведен был в Казанский кирасирский полк с чином ротмистра, затем, поступил, 20-го марта 1783 г., в С.-Петербургский гарнизонный батальон секунд-майором, но пробыл здесь лишь несколько месяцев и 7-го ноября 1783 г. был назначен прокурором С.-Петербургского Верхнего Надворного Суда; 3-го мая 1784 г. он был назначен прокурором Верхнего Земского Суда, а 11-го декабря 1796 г. назначен был Директором Государственного Заемного Банка. В должности Директора он получил чины: 5-го апреля 1797 г. – коллежского, а 14-го октября 1798 г. – статского советника, 27-го июля 1804 г. был определен Советником Правления этого Банка и в этой должности 12-го декабря 1807 г. пожалован был в действительные статские советники; время смерти его не известно.

Сенатский Архив (формулированный список); Шустов, История Казанского полка, Киев 1901 г.

Рооде, Яков Фомич

Рооде, Яков Фомич, управляющий Петергофской гранильною фабрикою; вступив в военную службу в 1739 г, он в 1762 году перешел в статскую, 22-го августа 1768 г. произведен был в надворные советники и в 1772–1773 г. служил в Канцелярии Главного Правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов в Екатеринбурге; в 1774 г. Р. был членом Канцелярии Главного Заводов Правления и членом Горной Экспедиции золотых производств в Берг-коллегии; через 14 лет, уже будучи статским советником (с 21-го апреля 1785 г.) и кавалером ордена св. Владимира 4-й степени, Р. состоял (1789 г.) командиром или начальником Петергофской гранильной и шлифовальной фабрики и 2-го сентября 1793 г. награжден был чином действительного статского советника; скончался он 13-го октября 1806 г., будучи в отставке.

Списки чинов на 1772, 1778 и 1793 г.; Месяцеслов 1774 г., стр. 111, 1789 г. и 1793 г., стр. 112; Высочайший указ 2-го сентября 1793 г.; Архив Капитула Орденов (дата смерти).

Рооз, Андрей Иванович

Рооз, Андрей Иванович, доктор медицины; родился в 1781 г. в Саксонии; во время Отечественной войны Р. был взят в плен в сражении под Студянкою, близ г. Борисова, и 17-го ноября 1812 г. определен в русскую службу графом Витгенштейном, в должность старшего врача; через год (30-го ноября 1813 г.), для выдержания экзамена, он был переведен в С.-Петербургский военный госпиталь, где успешно пользовал больных с 28-го января 1814 до 28-го сентября 1815 г., когда вышел в отставку, еще в 1814 году (11-го ноября) будучи утвержден Имп. Медико-хирургическою академиею в звании доктора медицины. Пробыв в отставке 1/2 года, Р. 1-го февраля 1816 г. был определен Имп. Марией Феодоровной в Петербургскую больницу для бедных (ныне Мариинская) и в 1818 году получил чины коллежского асессора и надворного советника (3-го и 20-го февраля); 1-го декабря того же года Р. был назначен врачом в С.-Петербургское коммерческое училище, а 1-го января 1819 г. – в училище Ордена св. Екатерины. В 1824 г. Р. был определен (24-го августа), по воле Имп. Марии Феодоровны, старшим врачом в больницу для бедных, в 1826 г. получил чин коллежского и в 1830 г. (18-го марта) статского советника и был награжден в 1820 г. орденом св. Владимира, а в 1828 г. – св. Анны 2-й степени. В Мариинской больнице Р. служил главным врачом еще в 1838 году, а в 1840 г. уже в ней не значился. 29-го августа 1819 г. он был избран членом С.-Петербургского Минералогического Общества.

Архив Капитула Орденов (формулярный список 1831 г.); Я. Версилов, Список членов Имп. С.-Пб. Минералогического Общества, СПб. 1902 г., стр. 76.

Рооп, Евстафий (Густав) Антонович

Рооп, Евстафий (Густав) Антонович, генерал-майор, комендант и директор г. Гатчины; происходил из Эстляндских дворян и родился в 1788 году. Службу начал 1-го января 1802 г. фанен-юнкером в Казанском драгунском полку, в 1804 г. произведен был в прапорщики и принимал участие в походе против французов в 1806 г.; между прочим, он в 1807 г., 22-го января, был у прикрытия арьергарда при ретирade армии из-под деревни Янендорф, 25-го января находился в действительном сражении при г. Гейльсберге, в отряде генерал-майора Варнека, для удержания в переправе неприятельских отрядов чрез реку Оль и для уничтожения предприятия ускорить марш свой к местечку Прейсиш-Эйлау; 26-го и 27-го января Р. участвовал в сражении при Прейсиш-Эйлау, где, быв во фланкерах, ранен был пулею в правое плечо навылет и саблею в левую бровь; 28-го января он был отправлен, для излечения ран, в Кенигсберг, где и находился по 13-е марта; 12-го декабря 1809 г. Рооп был переведен л.-гв. в Драгунский полк, а через год произведен был в поручики.

Получив 21-го января 1813 г. чин штабс-капитана, Р. в этом году принял участие в походе: с 14-го февраля – до границ герцогства Варшавского, а с 20-го апреля – за границу, через Пруссию, Силезию, Богемию, в Саксонию до Дрездена, где 15-го августа участвовал в сражении; затем 17-го и 18-го августа он находился в Богемии, в битве при Кульме, и за отличие в этом деле был, 15-го сентября 1813 г., награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом и знаком отличия Прусского Железного креста. 3-го сентября 1813 г. объявлено было Р. Высочайшее благоволение за успешное исполнение возложенного на него поручения по сформированию резервов и по проводу их к армии. Находясь в сражении 4-го и 6-го октября при Лейпциге, Р. и здесь был ранен в левую ногу обломком гранаты и получил контузию от ядра в грудь, но службы не оставил, лечился при полку и уже 11-го октября находился при Бутельштадте и при преследовании неприятеля до реки Рейна.

В 1814 г., переправясь 1-го января чрез Рейн во Францию, Р. принял участие в сражениях 21-го и 22-го января, 2-го, 3-го и 5-го февраля, а затем был командирован с командой от генерал-квартирмейстера барона Дибича, для открытия коммуникации с армией генерал-фельдмаршала Блюхера. За исполнение этого поручения Р. 18-го апреля 1814 г. был награжден золотою шпагою с надписью «за храбрость». 10-го и 11-го марта он находился снова в сражении, а 13-го числа – в деле при Фер-Шампенуазе и при преследовании неприятеля до Парижа и 18-го марта участвовал в битве при Париже и в занятии города. За участие в сражениях 10-го, 11-го и 13-го марта и 28-го мая 1814 г. награжден был орденом св. Анны 2-й степени. 12-го октября 1814 г. Рооп вернулся в Россию, 25-го марта 1816 г. был произведен в капитаны, 14-го мая 1819 г. – в полковники, а в 1820 г. ему Всеимостивейше пожаловано было, в вечное и потомственное владение, 3000 десятин земли в Саратовской, Астраханской, Вологодской, Вятской, Кавказской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Пермской и Сибирской губерниях. 17-го сентября 1823 г. Рооп был назначен командиром учебного кавалерийского эскадрона, 12-го декабря 1824 г., за выслугу лет, пожалован был орденом св. Георгия 4-го класса, 11-го июня 1827 г. получил алмазные знаки ордена св. Анны 2-й степени, 25-го марта 1828 г. произведен был в генерал-майоры, 6-го декабря 1831 г. пожалован орденом св. Станислава 2-й степени, а 10-го января 1832 г. назначен был в должность коменданта и директора города Гатчины; в этих должностях он и скончался 22-го апреля 1842 г. в Гатчине, где и погребен на Колпинском кладбище; 13-го апреля 1840 г. он награжден был орденом св. Анны 1-й степени.

Жена его Анна Евстафьевна пережила мужа.

Сенатский Архив (формулярный список); «СПб. Вед.» 1840 г., № 85; «Русский Инвалид» 1842 г., № 241 (дата смерти). «Петербургский Некрополь», т. III, стр. 618; Jahrbuch für Genealogie u. s. w., 1905 und 1906, Mitau. 1908, S. 103.

Рооп, Богдан (Эммануил) Антонович

Рооп, Богдан (Эммануил)¹ Антонович, генерал-майор; происходил из дворян Эстляндской губернии и родился 18-го января 1795 г.; воспитывался с 15-го сентября 1811 г. в Дворянском полку, 27-го декабря 1812 г. произведен был в прапорщики, с переводом в формиовавшиеся тогда гвардейские резервные эскадроны. Приняв участие в военных действиях Отечественной войны, он за отличие под Кульмом награжден был орденом св. Анны 4-й ст. и переведен был (12-го марта 1813 г.) в л.-гв. Драгунский полк, к которому прибыл лишь 10-го января 1814 г.; за отличие в сражении при Фер-Шампенуазе награжденный орденом св. Владимира 4-й ст. с бантом (13-го марта 1814 г.), он 25-го марта 1816 г. произведен был в поручики, а 26-го апреля 1817 г. переведен был, капитаном, в Лифляндский Конно-Егерский полк, откуда 25-го июня 1822 г. перешел ротмистром в Люблинский гусарский полк, 11-го мая 1825 г. произведен был в майоры с переводом в Сумский гусарский полк, а 10-го января 1827 г. – в Ольгиопольский гусарский же полк; произведенный, за отличие по службе, в подполковники (6-го августа 1830 г.), Р. 24-го августа 1833 г., по расформировании Ольгиопольского полка, переведен был в Ахтырский гусарский полк, в феврале 1834 г. назначен был командиром резервного эскадрона, с которым в 1835 г. (23-го июня) был командирован в Стародубовский кирасирский полк; 4-го сентября 1837 г. он произведен был в полковники, в августе 1839 г. командирован был в Образцовый кавалерийский полк и в декабре прикомандирован к Лейб-Кирасирскому Наследника Цесаревича полку, из которого в августе 1840 г. снова отчислен был в Образцовый полк, а 2-го февраля 1841 г. назначен был командиром Оренбургского казачьего № 2 полка; 12-го мая 1845 г. Р. был назначен командиром 2-го военного округа Оренбургского казачьего полка, 16-го марта 1850 г. награжден был орденом св. Владимира 3-й степ. и 7-го мая 1850 г. отчислен от должности и только 25-го апреля 1854 г. получил назначение Презусом

Комиссии военного суда при Хотинском Ордонанс-гаузе, из которого откомандирован 20-го мая 1855 г. к Киевскому, а 4-го февраля 1856 г. назначен Презусом Эриванского Ордонанс-гауза; отчисленный 29-го марта 1864 г. в запасные войска, Р. 27-го октября того же года назначен был состоять при Кавказской армии и по армейской кавалерии, а 11-го декабря 1865 г. произведен был в генерал-майоры с увольнением от службы; умер в том же 1865 году.

Кроме указанных выше, Р. участвовал в сражениях: 1813 г. – при Дрездене, Лейпциге, Бутельштедте и при Ла-Ротьере; в 1814 г. – при дер. Пионе, при мест. Сезанне и Монмираль, при Реймсе, при дер. Суди и Сомпы, под Парижем и при взятии его, после чего вернулся в Россию. В Польскую кампанию 1831 г. Р. 5-го февраля участвовал в стычке при Калушине, при Минсе, при корчме Вавер, под Прагою, на Гроховском поле, близ мест. Латавича, на р. Ловице близ Венгрова, близ Куфиева, под Минском (14-го апреля), при Енджиеве (4-го мая); затем, оставшись в Кобрине, он «угрожал команде мятежника Пусловского беспрестанными опасностями и отличался распорядительностью и неусыпными стараниями»; 17-го августа, по распоряжению генерала барона Розена, Р. был командирован в Тирасполь с 3-мя эскадронами, с которыми, при наступлении Ромарино, содержал пикеты и «все даваемые ему поручения исполнял с примерною точностью и усердием».

Формулярный список 1865 г.; Архив Капитула Орден.

Ропп, фон-дер, Иоганн Готгардович

Ропп, фон-дер, Иоганн Готгардович (Иоганн-Готгард), генерал-майор; происходил из древнего рыцарского рода, переселившегося в XIV в. в Прибалтийский край из Нидер-Рейна, и был сыном капитан-лейтенанта Польской службы *Готгарда-Фридриха Ивановича Р.* и третьей жены его Екатерины-Агаты Ивановны фон Вейс; в 1725 году, «по рассмотрению генерал-фельдмаршала и кавалера князя Мих. Мих. Голицина», Р. написан был из вахмистров в Выборгский драгунский полк в подпоручики, а затем был определен флигель-адъютантом к своему дальнему родственнику генерал-лейтенанту Х. Ф. фон Роппу (см. ниже); в 1726 году, взятый кавалергардом в Кавалергардский корпус, Р. произведен был в капитаны, а 12-го января 1728 года переведен был «из кавалергардии» тем же чином в Киевский драгунский полк.

В том же 1728 году Р. подал челобитную в Верховный Тайный Совет о назначении ему «иноземческого оклада *новых* выездов»; Кругс-комиссариат нашел, что ему не следует давать оклада *новых* выездов, так как «в прошлом-де 1715 г., по Именному указу... Петра Первого, велено иноземцам, обретающимся в российской службе, которые выехали в Свейскую войну и жалованье с их выезда давано им *новых* выездов иноземцев, высокий оклад, тем всем, которые хотя и капитуляций не имеют, платить по такому ж высокому иноземческому окладу, а которые впредь офицеры иноземцы в службу по призыву и собою выедут, и таким платить ровно с теми прежних выездов иноземцами, которые выехали до Свейской войны, разве тех, которые по Именному Его Величества указу капитулованы будут – тем по капитуляциям». 20-го мая 1728 г. Военная Коллегия «подала в Верховный Тайный Совет доношение и требовала высокоповелительного указа: ...иностранцам майору Каркетелю и капитану Роппу жалованье по какому окладу давать, понеже за вышеозначенным 1715 г. указом о даче им нового оклада Коллегия того определения учинить не может». «И

вышепомянутое доношение из Верховного Тайного Совета в Контору Военной Коллегии прислано возвратно, а по слушанию того доношения в Верховном Тайном Совете на реестре отмечено, чтоб о той даче учинить по указам», а Роппу, «по определению оного Комиссариата, надлежащее жалованье платить иноземческое старых выездов». Однако, после того, как Каркетелю удалось, при помощи Остермана, добиться «иноземческого жалованья *новых* выездов», – Верховный Тайный Совет 16-го мая 1729 г. милость эту распространил и на Роппа. В 1732 г., декабря 7-го, он был произведен в подполковники. Служа с 15-го декабря 1731 г. в полку фон дер Роппа, он участвовал в походе в Польшу, 31-го декабря 1737 г. был произведен в полковники, а 25-го октября 1740 г. – в генерал-майоры и скончался в 1741 году; он был женат на баронессе *Маргарите-Елисавете Фабиановне Цеге-фон-Мантейфель*, но потомства не оставил.

Сборник биографий кавалергардов, под ред. С. А. Панчулидзева, т. I, стр. 204; Князь П. В. Долгоруков, Российская родословная книга, т. III, стр. 460; Н. Григорович, История 37-го Драгунского Военного Ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полка, т. I, 1709–1809 гг., прил.

Ропп, Христофор Фромгольд

Ропп, *Христофор Фромгольд*, генерал-поручик; сын Саксонского полковника *Христофора Фридриха Р.* и его 2-й жены Урсулы Раппе; родился в Курляндии, служил «в Саксонском войске майором в Государстве Польском Его Королевского Величества Августа»; принятый в Русскую службу Петром Великим в 1703 г. и участвуя в войне Петра I с Польшей под начальством генерала Шумбурха, он находился в деле при Пунице (на Шленской границе), а затем в 1704 году – в битве при Фронштамме, в которой был ранен. В 1706 году Ропп служил в полку генерал-лейтенанта Паткуля и совершал с ним поход в Цесарию (Австрийские владения) и в деле при Дюрингервальде отбивал с успехом атаки шведов. Во время этого похода он был пожалован, в 1707 г., в подполковники, а по возвращении из похода произведен был в полковники с оставлением в том же полку, но вскоре переведен был старшим генеральс-адъютантом к генерал-фельдмаршалу князю А. Д. Меншикову.

В следующем, 1708 г., 12-го апреля, именным указом Р. был «пожалован» Астраханским Драгунским полком, с которым в Полтавскую кампанию участвовал в сражении при Головчине, был ранен, увечен и отпущен для лечения ран. После почти годового лечения Р. возвратился вновь на службу и при сформировании из драгунских полков трех десятиротных полков, получил в командование (в сентябре 1709 г.) один из этих полков, названный его именем: полк фон дер Роппа (ныне 13-й драгунский Военного Ордена полк; другими двумя командовали братья Андрей и Гавриил Семеновичи Кропотовы), который и принял 6-го сентября 1709 г., в то время, когда полк, после Полтавской битвы, был направлен для усиления отряда русского генерал-фельдмаршала Гольца, находившегося в пределах Польши. В последовавшем вскоре (в октябре 1709 года) сражении с воеводою Киевским Потоцким при мест. Одоляны под фон дер Роппом одна лошадь была убита, а две ранены. Затем фон дер Ропп участвовал с полком в Турецкой

войне, был в деле при Рашкове, а затем при р. Пруте, в котором потерял немало людей. По заключении перемирия он был послан Царем с трудным поручением добыть, по недостатку в армии лошадей, венгров пеших и конных и выполнил это поручение очень удачно. После этого он участвовал в Померанской войне, по окончании которой из состава его полка были выбраны в 1716 г. 12 великанов, отправленных в подарок Прусскому королю, оставшемуся очень довольным таким подарком. В 1716 г. фон дер Ропп был произведен в бригадиры, но продолжал командовать полком, который сдал Манштейну, после своего производства в генерал-майоры 15-го марта 1719 года.

Произведенный затем, 1-го января 1726 года, в генерал-лейтенанты, Р. состоял в Украинском корпусе войск, находившемся под главною командою генерала Лессия, на юге, около Днепра, заведую Царицынскою пограничною линиею и ведя сношения с Калмыцкими князьями; в декабре 1726 г. он значился, в списке генералитета, «при армии» и до смерти своей находился на Царицынской линии.

Умер Р. в 1728 г. (в январе-марте).

Уже после его смерти указом Верховного Тайного Совета от 18-го марта 1728 г. было поручено Президенту Алексею Зыбину произвести исследование по жалобам малороссиян на генерала Вейсбаха, генерал-майора Дукласа и покойного генерал-лейтенанта Роппа, с увольнением двух первых от их команд; 21-го июня Зыбин был заменен в роли следователя генерал-фельдмаршалом князем М. М. Голицыным. Изложение обид, причиненных Роппом малороссиянам, см. в т. 79 «Сборника Императорского Русского Исторического Общества», а также в «Истории России» Соловьева. Фон дер Ропп владел имениями, которые оставил своим племянникам Христофору Адаму и Эрнесту Вилиму фон дер Роппам и племяннице Шарлотте фон Мюлленфельс и Василию фон Виттену.

Князь П. В. Долгоруков, *Российская родословная книга*, т. III, стр. 451; *Дворянский Адрес-календарь 1898 г.*, ч. II, стр. 88; П. Баранов, *Опись Высоч. указам и повел.*, хранящ. в Сенатск. Архиве, т. II; С. Соловьев, *История России*, кн. IV, стр. 1107;

Фельдмаршал гр. Б. П. Шереметев. Военно-Походный журнал 1711 и 1712 гг., изд. А. З. Мышлаевского, СПб. 1898; Сборник Имп. Русского Исторического Общества, т. 25, 55, 56, 62, 63, 79, 84, 94, 101; Н. Григорович, История 37-го Драгунского Военного Ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полка, т. I, 1709–1809 гг., стр. 19–20 и 55 и прил., стр. II и VIII; Д. Масловский, Северная война 1708 г., стр. 133.

Рорбек, Трофим Людвигович

Рорбек, Трофим Людвигович, генерал-лейтенант, командир 4-й бригады кавалерийского запаса; происходил из дворян Эстляндской губернии, родился 10-го октября 1823 года; по окончании образования в бывшем Павловском кадетском корпусе, 8-го августа 1842 г. был выпущен корнетом в 13 Уланский Владимирский полк, 19-го марта 1845 г. произведен был в поручики, 26-го февраля 1849 г. – в штабс-ротмистры, 3-го апреля 1851 г. переведен поручиком л.-гв. в Уланский полк, в коем 15-го апреля 1856 г. произведен был в штабс-ротмистры, 23-го марта 1858 г. – в ротмистры, а 17-го апреля 1862 г. – в полковники; 27-го марта 1866 г. назначенный командиром 8-го Уланского Вознесенского Принца Александра Гессенского полка, он 30-го августа 1874 г. за отличие по службе произведен был в генерал-майоры, а в следующем, 1875 г. (27-го июля) назначен был командиром 2-й бригады 8-й кавалерийской дивизии. Во время войны 1877–78 гг. Р. состоял в отряде генерала Веревкина, участвовал 4-го сентября 1877 г. при обстреливании Турецким пароходом нашего поста близ Тульджи, а в начале 1878 г. был командирован в Добруджу начальником сводной бригады 7-й кавалерийской дивизии. К 1-му января 1878 г. ему пожалован был орден св. Станислава 1-й ст.; в 1880 г. (13-го октября) Р. назначен был командиром 2-й бригады 6-й кавалерийской дивизии, а 26-го марта 1881 г. – командиром 4-й запасной кавалерийской бригады, которою и командовал до самой своей смерти. 30-го августа 1882 г. ему пожалован был орден св. Анны 1-й ст., в следующем году (15-го мая) он произведен был в генерал-лейтенанты и скончался 6-го мая 1885 года.

Формулярный список за 1885 г.; «Новое Время» 24-го мая 1885 г., № 3316; «Русский Инвалид» 1885 г., № 109; «Петербургский Листок» 1885 г., № 162; П. О. Бобровский, История л.-гв. Уланского Полка, прил., т. II, стр. 152.

Росковшенко, Иван Васильевич

Росковшенко, Иван Васильевич, писатель, председатель Московского Цензурного Комитета, тайный советник; происходил из дворян Полтавской губернии (где у него было в Миргородском и Зеньковском уездах небольшое родовое имение), родился 4-го августа 1809 г. в селе Штеповке, Лебединского уезда Харьковской губернии; воспитывался в Харькове, в частном пансионе Рейпольского, а затем – на этико-политическом отделении философского факультета Имп. Харьковского университета, в который он поступил в 1826 году; по окончании курса в университете со званием действительного студента в 1829 г., Росковшенко поступил на службу в Департамент Министерства Юстиции – канцелярским чиновником (1-го января 1832 года), оттуда перемещен был в Комиссариатский Департамент Военного Министерства (15-го июля 1832 г.) и здесь был, 3-го апреля 1834 г., утвержден помощником столоначальника, а 1-го мая 1836 г., по случаю преобразования Военного Министерства и уменьшения числа чиновников Комиссариатского Департамента, согласно изъявленному желанию, был уволен от службы и 29-го января 1837 г. был определен в Канцелярию Хозяйственного Комитета при Святейшем Синоде помощником правителя Канцелярии; отсюда Росковшенко, согласно прошению, перемещен был в Редакцию «Журнала Министерства Народного Просвещения» (16-го июля 1837 г.) помощником редактора этого издания; здесь своим трудолюбием и способностями Р. обратил на себя внимание тогдашнего Министра Народного Просвещения С. С. Уварова и, благодаря ему, уже через два года определен был Инспектором Тифлисской гимназии (5-го сентября 1839 г.), причем дважды исправлял должность директора Закавказских училищ (с 15-го ноября 1840 года по 13-е февраля 1841 года и с 10-го июня 1841 года по 16-е сентября 1843 года). В 1844 году Росковшенко был командирован (с 22-го июля по 5-е ноября) в Петербург и Москву «для доставления назначенных по

Высочайшему повелению в тамошние учебные заведения детей из грузинского дворянства».

В 1845, 1847 и 1848 гг. Росковшенко неоднократно исправлял должность Директора Закавказских училищ и с 12-го декабря 1845 по 16-е июля 1847 г., по назначению наместника Кавказского, находился членом временной Комиссии для окончания училищных домов в Закавказском крае, а 6-го мая 1848 года произведен был в статские советники. При отъезде Росковшенка из Петербурга в 1839 году ему дано было поручение подробно ознакомиться с положением учебной части в Закавказье и составить проект ее преобразования. Во время своей службы в этом крае Росковшенко выступил горячим противником мысли об устройстве университета в Тифлисе, доказывая, что учреждение особого Закавказского университета послужит к обособлению Закавказья и отдалит его от России; средство же сближения окраины с Россией он видел в посылке кавказских уроженцев в Русские образовательные заведения. Это мнение Росковшенка, как известно, было принято; равным образом был также одобрен и его проект преобразования учебной части в Закавказье. Враждебное отношение к Росковшенку многих лиц местной администрации, несмотря на полное к нему сочувствие наместника Кавказского князя М. С. Воронцова, заставило его проситься о переводе из Тифлиса, почему он и был переведен Директором училищ Подольской губернии 22-го июня 1848 г. Вскоре же, за деятельные меры, принятые им к улучшению состояния частных еврейских учебных заведений, состоявших в Подольской губернии, и за доставление подробных сведений об них, ему объявлена была Киевским, Подольским и Волынским военным генерал-губернатором благодарность (1-го мая 1850 г.). В том же 1850 году Росковшенко был уволен для поправления здоровья к Карлсбадским минеральным водам, а в 1851 г., за постоянно усердную и полезную службу, объявлена ему была начальником Киевского учебного округа благодарность (1-го ноября).

В 1852 году Р. снова ездил за границу, в Карлсбад, а в следующем, 1853 г. был переведен директором Ровенской гимназии (1-го сентября), но уже через два года, 28-го августа

1855 г., был уволен от службы, по болезни. Пробыв в отставке три с половиною года, Росковшенко снова вступил в службу, был назначен, 30-го апреля 1859 года, цензором в Московский Цензурный Комитет и через 5 лет, 19-го апреля 1864 г., произведен был, за отличие, в действительные статские советники; с 21-го декабря 1865 г. до 16-го марта 1866 г. он исправлял должность председательствующего в Комитете, а 6-го июня того же года Министром Внутренних Дел поручено ему было председательствовать в Московском Цензурном Комитете; эти обязанности, совокупно с цензорскою, Росковшенко исправлял по 7-е декабря 1879 года, получив последовательно ордена: св. Владимира 3-й ст. (27-го марта 1866 г.), св. Станислава 1-й ст. (1-го марта 1868 г.) и св. Анны 1-й ст. (8-го апреля 1873 г.).

По распоряжению Министра Внутренних Дел Росковшенку было назначено (1-го января 1870 г.) производство содержания по должности председателя Московского Цензурного Комитета, а 1-го января 1880 г. он был произведен в тайные советники. В том же 1880 г. Росковшенко вышел в отставку, поселился в деревне и скончался 25-го апреля 1889 г. в селе Высоком, Рыльского уезда Курской губернии.

Еще будучи в Харьковском университете, Росковшенко принадлежал к кружку передовых студентов, группировавшемуся около И. И. Срезневского, и был не чужд литературных занятий, а через год по переселении в Петербург выступил и в печати, поместив в «Вестнике Европы» 1830 года (кн. 3) стихотворение «Забвение». Жизнь в Петербурге и знакомство с лицами, причастными к литературе, побудили Росковшенко его деятельнее отдаться литературным занятиям, – и он напечатал в различных журналах, газетах и альманахах 1830-х годов много статей разнообразного, преимущественно исторического содержания (частью без подписи), а также много стихотворений с подписью своих инициалов (И. Р.) или с псевдонимом «Вильгельм Мейстер», а также стал деятельным сотрудником известного «Энциклопедического Лексикона» Плюшара (т. VIII–XII, СПб. 1837–1838); наконец, он выступил в качестве переводчика Шекспира; из сочинений последнего он

перевел: «Ромео и Юлию» («Библиотека для Чтения» 1839 г., т. 33, № 4, отд. II, стр. 81–228; об этом переводе сочувственно отозвался Белинский; отд. издание – М. 1861 г.); «Сон в Ивановскую ночь» (там же, 1841 г., т. 45, № 4, отд. 11, стр. 181–224) и «Три сцены из «Ричарда III»» («Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду» за 1838 г., № 28, стр. 544–548: Действие I, сцена IV и Действие IV, сцены II и III); к Шекспиру он снова вернулся в старости, переводя, уже незадолго до смерти, комедию «Виндзорские проказницы» (не напечатано).

В последний период жизни своей И. В. Росковшенко усердно занимался изучением живописи на Западе, а также историей Малороссии. Он имел, кроме того, обширную и редкую коллекцию монет греческих, римских и восточных, большая часть которых была приобретена Имп. Эрмитажем. Из переписки его напечатаны его любопытные письма, за 1831–1832 гг., к И. И. Срезневскому из Петербург («Русск. Стар.» 1900 г., т. 101, стр. 477–480); одно письмо, 1868 г., опубликовано в «Щукинском Сборнике», вып. IX, стр. 206–208.

Вот перечень (кроме указанных выше) известных нам произведений Росковшенка: «Тоска по юге», стих. – «Невский Альманах» на 1832 г., стр. 186 (с подп. И. Р.); рецензия на «Руководство к первоначальному обучению Русской Истории» Н. Г. Устрялова – «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1837 г., ч. XIII, отд. IV, стр. 413–423; рецензия на «Словарь достопамятных людей» Д. Н. Бантыш-Каменского – там же, стр. 426–429; стихотворения: «Нет Миньоны» («Библ. для Чтения» 1838 г., т. 26, стр. 100), «Прости» (там же, т. 28, стр. 157–158), «Разлука» (там же, т. 30, стр. 10–11), «Два сонета» (там же, 1839 г., т. 32, стр. 12–13), «Сонет» («Отечественные Записки» 1839 года, т. III, стр. 251). Наконец, следует указать, что в издании И. И. Срезневского «Собрание памятников народной украинской словесности» помещено 14 записей И. В. Росковшенка, а в «Русском Архиве» 1873 г. им опубликовано «Письмо графа К. Г. Разумовского к зятю его И. В. Гудовичу».

Формулярный список 1880 г.; «Правит. Вестник 1889 г., № 98; «Московские Ведомости» 1889 г., № 113; «Новое Время»

1889 г., № 4733; Русский Календарь Суворина на 1890 г., стр. 249; «Русский Архив» 1890 г., кн. I, стр. 310–315; «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1898 г., ч. 315 кн. 1, отд. 2 стр. 5–6 и 9–10 (в статье В. И. Срезневского: «Из первых лет научно литературной деятельности И. И. Срезневского»); «Библ. для Чтения» 1838 г., т. XXXI, отд. VI, стр. 79; Д. Д. Языков, Обзор жизни и трудов русских писателей, вып. IX, М. 1905, стр. 60–61; Сочинения Кольцова, изд. под ред. А. И. Лященко, СПб. 1910; Сочинения Белинского, изд. под ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 249–250; «Русск. Стар.» 1900 г., т. 101, стр. 477–490.

Рославец, Виктор Яковлевич

Рославец, Виктор Яковлевич, Херсонский губернатор; происходил из дворян Черниговской губернии и был сыном коллежского протоколиста и помещика Глуховского уезда *Якова Васильевича Рославца*; родился в 1796 г., воспитывался в Московском университетском благородном пансионе; в 1815 г., в чине титулярного советника, он служил при Комитете Министров, где был и в 1820 году; с 22-го мая 1829 г. Рославец был Саратовским вице-губернатором, а вскоре, уже будучи в чине статского советника, был назначен Саратовским же гражданским губернатором (26-го октября 1830 г.); отсюда, после неудачной деятельности по прекращению холеры, Р. 26-го апреля 1831 г. был переведен в Енисейск, но уже 21-го июня, не вступив, вероятно, в должность, вышел, «по болезни», в отставку; вступив опять в службу, Рославец 13-го мая 1837 г. был назначен Архангельским губернатором, но уже 6-го июля переведен был в Смоленск, однако, едва вступив в должность, был, 11-го ноября того же года, назначен Херсонским губернатором; здесь прослужил он до 13-го августа 1839 г., когда, по расстроенному здоровью, был уволен от службы с производством в д. с. советники и с причислением к Министерству Внутренних Дел; через 4 года (19-го января 1843 г.) Р. был назначен Таврическим губернатором, а 22-го января 1845 г. вторично перешел губернатором Херсонской губернии и умер в Одессе 16-го марта 1848 г., на 53 году.

В. Я. Рославец был женат на *Е. Н. Панкратьевой* (дочери генерала Н. П. Панкратьева), сестра коей была замужем за Таганрогским градоначальником светлейшим князем А. К. Ливеном.

Архив Департамента Герольдии: дело о дворянстве Р.; Месяцесловы 1816 г., ч. I, стр. 187, 1820, ч. 1, стр. 80; «Моск. Вед.» 1880, № 84, стр. 8681; «Саратовский Край», вып. I, Саратов. 1893; стр. 192 и сл.; «Русский Инвалид» 1831, № 164, стр. 655; «СПб. Вед.» 1839 г., № 203; «Ведом. СПб. Полиции» 1848 г., № 74; «Месяцеслов на 1849 г.», стр. 175; О. Шишкина,

Заметки и воспоминания русской путешественницы, ч. II, СПб. 1848, стр. 65; Н. Сушков, Московский универс. благородный пансион, стр. 34; «Сборник Имп. Русского Исторического Общества», т. 62 и 78; Историч. данные об образовании губерний...., изд. Департ. Общих Дел М. В. Д., СПб. 1902, стр. 28, 61, 136, 137, 148, 165; В. Модзалевский, Малороссийский Родословник, т. IV, К., 1914, стр. 357–358.

Рославец, Петр Иванович

Рославец, Петр Иванович, полковник Стародубский. Происходил из мещан города Почепа, принадлежавшего к составу Стародубского полка. Несмотря на свою неграмотность, Рославец в 1653 году занимал уряд Почепского сотника, но через три года был уже смещен с сотничества, как это видно из универсала наказного полковника Стародубского Яцка Обуйноженка 1657 года, которым утверждалось за «Петром Рославчепком, казаком и полковым товарищем», занятое им на речке Косте место для устройства мельницы. В 1660 году Рославец был наказным полковником Стародубским, поставленным от полковника Нежинского Василия Золотаренка; на этом уряде он оставался по 1663 год, когда Брюховецким был образован самостоятельный от Нежинского Стародубский полк и когда Рославец сделан был и «целым» полковником нового полка. Получению такого высокого уряда, как полковнический, Рославец обязан был, по-видимому, лишь своим способностям, которыми он, видимо, выделялся из среды полкового «товариства». Вскоре, однако, в том же 1663 году, он был смещен гетманом со своего уряда, который понадобился для Ивана Плотника, одного из тех полковников, которые, по выражению летописца Грабянки, были наставлены Брюховецким «з гультайства Запорожского», из среды которого происходил и сам гетман. Задумав под конец своего гетманства измену, Брюховецкий в сентябре 1668 года снова назначил Рославца полковником Стародубским, – должно быть, думая найти в нем сочувствие своим планам и рассчитывая на его популярность в одном из главных полков. Рославец, однако, не разделял замыслов гетмана; соединившись с полковником Черниговским Многогрешным, он поспешил, в первых числах октября 1668 года, присягнуть Царю на верность и тут же уговорился с будущим гетманом, «чтоб друг на друга быть надежным».

Управляя с 1668 года полком и пользуясь покровительством нового гетмана Многогрешного, Рославец

сделался полным властителем Стародубщины, чем и пользовался для бесконтрольной раздачи земель полковой старшине. Распоряжаясь войсковым имуществом, Рославец не обходил и себя, отчего сильно разбогател, нажив при этом много врагов и завистников, а с 1672 года и Многогрешный стал ему завидовать и хуже к нему относиться. Видя нескрываемую неприязнь к себе гетмана, Рославец в декабре 1672 года отказался от уряда, «одмовляючись подешлых лет своих недолужностью», но Многогрешный, опасаясь, должно быть, его интриг, посадил Рославца в Батуринскую тюрьму. Однако еще до своего заключения Рославец успел написать письмо своему всегдашнему покровителю Лазарю Барановичу, который немедленно обратился к гетману с горячим ходатайством за заключенного полковника. Гетману удалось выйти из этого затруднения: посланный им в это время в Стародуб для устройства избрания в полковники гетманского брата Саввы Шумки, генеральный есаул Грибович, добившийся этого избрания, возвратился обратно со множеством жалоб, поданных на Рославца его полчанами. В ответном письме своем к Барановичу, от 2-го февраля 1673 года, гетман оправдывался перед ним в заключении Рославца указанием на эти жалобы, а через месяц с небольшим после этого (в марте 1673 года) Рославец, вместе с генеральным писарем Мокриевичем, вез скованного Многогрешного в Москву.

Освободившись таким образом от грозившей ему опасности, Рославец опять получил полковничество Стародубское, а новый гетман Самойлович позволял ему обогащаться беспрепятственно. Рославец был настолько богат, что в 1674 году предлагал Артамону Матвееву доставить ему возможность поставлять вино на Москву, обещая за это Матвееву неограниченное количество ведер вина. Привыкнув за продолжительное время своего полковничества к широкой власти в своем полку и имея громадные богатства, Рославец стал тяготиться зависимостью от гетмана и задумал поставить Стародубский полк в положение слободских казачьих полков, на которые гетманская власть не простиралась. Своей мыслью Рославец поделился с полковой старшиной и предлагал ей

ехать с ним в Москву, чтобы бить челом Царю об освобождении Стародубского полка из-под власти гетмана, однако не встретил сочувствия своим намерениям и уже в августе 1676 года был один в Москве с жалобой на гетмана. Одновременно с доносом он предлагал Царю выделить свой полк из состава гетманщины и сделать его слободским. С доводами Рославца в пользу его предложения на Москве, однако, не согласились, донос оказался ложным, – и Стародубский полковник, выданный Самойловичу, был предан последним на суд старшины, приговорившей его к смертной казни. Наказание гетманом было смягчено заменой смертной казни ссылкой в Сибирь, куда Рославец и был сослан в том же 1676 году, по царскому указу.

Акты Южной и Западной России, т. V, стр. 11, т. VII, стр. 88 и 89, т. IX, стр. 644, т. X, стр. 834; т. XII, стр. 869; Письма Лазаря Барановича, Чернигов. 1865 г., стр. 161; Ал. Лазаревский, Описание Старой Малороссии. т. I. Полк Стародубский, Киев. 1889, стр. 11, 13; 15–18, 180, 255, 256, 262, 263, 294, 295, 315, 316, 325, 338, 348; Дело Архива Департамента Герольдии Правительствующего Сената о дворянстве рода Рославцов; В. Модзалевский, Малороссийский Родословник, т. IV, к. 1914, стр. 347–348; «Киевская Старина» 1885 г., июнь, стр. 435; Полное собрание законов Российской Империи, т. I, СПб. 1830, стр. 805, 841; Синбирский Сборник, 1845, стр. 18; Труды Черниговской Губернской Архивной Комиссии, вып. I, стр. 87–38; В. Эйнгорн, Очерки из истории Малороссии в XVII веке. Сношения Малороссийского духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича, М. 1889, стр. 174, 201, 453, 471, 480, 492–4, 795, 835, 837, 989, 1002.

Рославлев (Расловлев), Николай Иванович

Рославлев, Николай Иванович (Расловлев) – генерал-поручик; род. в 1724 г. и был сыном бригадира *Ивана Семеновича Рославлева*, помещика Ярославского, Даниловского и Коломенского уездов; воспитывался, со 2-го марта 1732 г., в Шляхетном кадетском корпусе, откуда 4-го ноября 1736 г. был выпущен в армию капралом; в 1740 г. он начал службу в л.-гв. Измайловском полку, откуда, будучи капралом, был пожалован в гренадеры Лейб-кампании (7-го апреля 1742 г.) и здесь в 1750 г. (25-го февраля) произведен был в вице-капралы; в 1752 г. Р. был капитан-поручиком, а 25-го ноября 1758 г. из вице-капралов Лейб-кампании пожалован был в капитаны л.-гв. в Измайловский полк.

19-го июля 1761 г. Р. Императрицею Елизаветою был пожалован в камер-юнкеры Высочайшего Двора, причем это пожалование было подтверждено, 22-го января 1762 г., и Императором Петром III. В том же 1762 г., будучи премьер-майором Измайловского полка, Р. стал в ряды сторонников Великой Княгини Екатерины Алексеевны и принял деятельное участие в возведении ее на престол. Один из участников переворота 28-го июня, камер-юнкер Ф. А. Хитрово, передает следующее: «Алексей Орлов сказывал, что Панин сделал подписку с тем, чтоб Государыне быть Правительницею, и она на это согласилась, а когда пришли в Измайловский полк и объявили про ту подписку Рославлеву и Ласунскому, то они ей объявили, что на то не согласны, а поздравляют ее самодержавной Императрицей и велели солдатам кричать ура». В награду за это Р. 3-го августа был награжден пожалованием 600 душ крестьян и, «в дополнение» – 6000 рублей; став в число наиболее близких к новой Государыне лиц, Р. в ее свите сопровождал ее, в сентябре, в поездке в Москву для коронования, в день коего, 22-го сентября, во время обеда в Грановитой Палате, Р. стоял около трона Императрицы, рядом с графом Гендриковым и А. Г. Орловым, и в тот же день

пожалован был в генерал-майоры и кавалером ордена св. Анны 1-й степени.

Вскоре, 11-го ноября того же 1762 г., в Москве, Р. женился на *Екатерине Николаевне Чоглоковой* (род. 7-го марта 1746, ум. в 1794), внучатной сестре Имп. Петра III (по ее матери – графине М. С. Гендриковой); Императрица присутствовала на его свадьбе. Считая себя обиженным в деле распределения наград участникам возведения на престол Екатерины, Р. примкнул к числу тех, кои с неудовольствием смотрели на все возраставшее влияние братьев Орловых, и в мае 1763 г. оказался замешанным в дело вышеупомянутого камер-юнкера Хитрово. Как выяснилось из следствия, Р. был, между прочим, против возбужденного тогда вопроса о браке Государыни с графом Г. Г. Орловым, но в особенную вину ему вменено было то, что он передавал Хитрово и, вероятно, распространял по Москве слух, что «дело затихло и остановлено совсем» благодаря вмешательству Н. И. Панина, и объяснял это влияние тою записью, которую он взял с Императрицы, что быть ей только Правительницею до совершеннолетия Павла Петровича. За это Р. был выслан с семьею в крепость Св. Елисаветы; здесь он был уже в августе 1763 г. и просил заступничества И. П. Елагина. Возвращенный оттуда, Р. 6-го февраля 1765 г. был уволен от службы с чином генерал-поручика; скончался он 10-го апреля 1785 г.

Р. имел сыновей *Владимира* и *Ивана* (генерал-поручик, род. 1764, ум. 1811) и дочерей *Марью* (ум. 8-го марта 1820 г., на 48 г.) и *Анну*, бывшую фрейлиной Имп. Марии Феодоровны.

В 1752 г. Р. купил у вдовы своего дяди – М. И. Рославлевой ее имения в разных местах.

«Именной список ...кадетам Шляхетного корпуса, СПб. 176], стр. 19; Прибавл. к СПб. Вед. 1758 г., № 97; «Словарь кавалергардов», под ред. С. А. Панчулидзева, т. I, стр. 316–317; «С.-Петербур. Ведом.» 1765 г., № 18; П. Баранов, *Опись Высоч. указам и повелениям, хранящимся в Сенатском Архиве*, т. III, №№ 10092, 11968; *Восемнадцатый Век*, кн. III, стр. 344–346, 491; «Сенатский Архив», т. XV, Соловьев, *История России*, т. XXV, стр. 257, 261, 375; В. Бильбасов, *История*

Имп. Екатерины II; Д. Бантыш-Каменский, Историч. собрание списков кавалерам орденов, М. 1814, стр. 321; Записки княгини Дашковой, СПб. 1907.

Рославский-Петровский, Александр Петрович

Рославский-Петровский, Александр Петрович, профессор и ректор Харьковского университета; род. в селе Слабине, близ Чернигова, 9-го апреля 1816 г. Рано лишившись отца, он своим воспитанием всецело обязан был заботам и любви матери; она жертвовала последними средствами своего небольшого состояния, чтобы дать своему единственному сыну образование. Под ее наблюдением с Р.-П. занимался один из студентов Черниговской семинарии. С 1825 г. Р. стал учиться в Чернигове, сначала у преподавателя гимназии Негаченка, а потом у профессора семинарии Осипа Яковлевича Самчевского. Последний имел значительное влияние на развитие способностей Р. Под руководством Самчевского Р. начал изучать произведения лучших русских писателей, и постепенно в нем развилась любовь к чтению. Самчевский, кроме того, задавал Р. темы для сочинений и старался выработать у него хороший слог. Домашнее образование Р. шло столь успешно, что, отвезенный в 1828 г. матерью в Нежин, для поступления в Гимназию высших наук князя Безбородко, он был принят прямо в IV класс, а по языкам – в 3-е отделение, где вместе с ним находились ученики гораздо старше его по возрасту и высших классов (в том числе Е. П. Гребенка).

Здесь своими познаниями в латинском языке Р. вскоре обратил на себя внимание профессора Андрущенко, назначившего Р. аудитором аудиторов всего отделения. В то время в Нежинской гимназии веял литературный дух: воспитанники высших классов составляли кружки, где с жадностью читалось и подвергалось обсуждению все, что выходило замечательного в стихах и прозе. Воспитанники составляли рукописные альманахи, в которых помещали свои литературные опыты, и представляли их затем профессору русской словесности Парфению Ивановичу Никольскому. Это был человек, получивший основательное классическое образование и прославившийся своей неприязнью к так

называемому романтизму. Р., мечтавший еще в детстве о славе писателя, увлекся направлением, господствовавшим в Нежинской гимназии, и принялся писать. Отчасти по собственному уважению к Державину и Крылову, отчасти по совету Никольского, Р. занялся преимущественно сочинением од и басен. Одна ода, в честь генерал-фельдмаршала Паскевича, написанная им в 13 лет, заслужила особенное одобрение профессора, находившего ее даже достойной напечатания. Однако у ученика оказалось больше понимания поэзии, чем у преподавателя, и мало-помалу Р. охладел к поэтическому творчеству и в последние годы своего пребывания в Нежинской гимназии совсем не писал стихов.

В 1832 году Гимназия высших наук князя Безбородко была переименована в лицей и подверглась преобразованию, придавшему этому заведению специальный характер, между тем, как прежде там господствовало энциклопедическое образование. Вскоре после этой перемены Р. окончил курс лицея и в 1834 г. поступил в Харьковский университет на филологический факультет, где слушал науки филологические, римские древности и объяснение римских писателей у И. Я. Кронеберга.

Вниманию декана факультета, профессора русской истории, известного малорусского поэта П. П. Артемовского-Гулака Р. обязан тем, что, по окончании в 1837 г. курса со степенью кандидата, он получил от университетского начальства приглашение занять место преподавателя в университете. По выдержании экзамена на степень магистра исторических наук в 1839 г., Р. был назначен адъюнктом в 1-е отделение философского факультета для преподавания статистики. Когда Р. начал свое поприще, старые понятия в этой науке были еще во всей силе, а новейшая статистическая литература почти не существовала. Р. вскоре сознал неудовлетворительность господствующего воззрения на статистику и стремился приложить новый метод к ее разработке. Постоянно следя за западноевропейской литературой, Р. стоял на высоте новейших научных требований. Он более всего заботился о логической последовательности и ясности изложения и принял за исходную

точку такой пункт, в котором сходились мнения всех ученых. Таким пунктом являлась ему цель изучения статистики. Отсюда Р. вывел неудовлетворительность принятых до него способов обработки статистического материала и предложил новую теорию, составленную им под влиянием незадолго перед тем появившегося сочинения Кетле «*Sur l'homme et le développement de ses facultés*». «Лекции Статистики», читанные Р. в Харьковском университете, обратили на себя внимание тогдашних ученых. Что же касается Харьковского университета, то можно сказать, что Р. создал в нем статистику: ни раньше, ни после него этот предмет не стоял на такой высоте. Сверх теории науки и общей сравнительной статистики европейских государств Р. излагал своим слушателям специальные курсы статистики России, Франции и Англии с целью представить им образцы статистических монографий. В 1841 г., по представлению графа Ю. А. Головкина, преподавание статистики в Харьковском университете было отделено от кафедры политической экономии, и Р. был назначен исправляющим должность экстраординарного профессора статистики.

В 1844 г. Р. получил поручение руководить практическими занятиями студентов Педагогического института при университете по истории и ее вспомогательным наукам. Эту обязанность он исполнял до открытия в 1852 г. в Харьковском университете кафедры педагогики. В 1845 г. Р., вследствие избрания и ходатайства Совета, перешел на кафедру всеобщей истории, остававшуюся свободной в университете после смерти ординарного профессора М. М. Лунина. В том же году Р. получил ученую степень доктора исторических наук, политической экономии и статистики. В феврале 1846 г. Императорское Географическое Общество избрало его в свои члены-сотрудники, и в том же году Р. утвержден был экстраординарным профессором, а спустя шесть месяцев – ординарным по занимаемой им кафедре. Несмотря на то, что главным предметом преподавания Р. сделалась всеобщая история, он продолжал, по распоряжению факультета, преподавание статистики, которое в 1850 г., согласно

программе, предписанной Министерством Народного Просвещения, ограничивалось общими предварительными понятиями о науке, изложением экономической статистики России. В течение второго семестра 1849/50 академического года Р. читал политическую экономию.

По всеобщей истории Р. издал много сочинений, свидетельствующих о знакомстве его с литературой своего предмета. Однако, как лектор, Р. не только не пользовался популярностью, но был даже не любим за свой педантизм и весьма дурное чтение. Всего неприятнее действовало на слушателей то, что Р. говорил по своим лекциям слово в слово, не позволяя себе ничего изменять, а если ему случалось ошибаться, то он сейчас же поправлялся, повторяя фразу в том виде, в каком она была у него в лекциях. Все прочитанное на одной лекции, Р. имел обыкновение повторять в начале следующей лекции, но с такой быстротой, что попавшему в аудиторию в первый раз нельзя было ничего понять. Р., имея в виду, что всеобщая история обладает весьма богатой литературой, которой посвящали свою деятельность многие из лучших умов, не считал нужным предлагать своим слушателям собственные исследования и вырабатывать новые взгляды. Он постоянно заботился лишь о том, чтобы передать им в строго систематической форме и с юридической точностью, избегая многословия, результаты, добытые другими и получившие уже признание в науке. Он также обращал внимание на полноту содержания излагаемого предмета, для чего, независимо от изложения политической истории, посвящал значительную часть своих лекций внутренней истории, изучению духовной жизни народов и тому, как она отразилась на их религии, государственном устройстве, в науке и искусстве, в промышленной и частной жизни. Вообще о направлении и значении его деятельности, как преподавателя истории, может дать верное понятие изданный им в 1851 г. конспект, под заглавием: «Обозрение истории древнего мира». Об этом сочинении, явившемся одним из первых в России руководств по древней истории, отзывались с весьма выгодной стороны профессора Лоренц и Грановский; преподаватель истории в

Московском университете С. В. Ешевский поместил на первый выпуск этого труда пространную и сочувственную рецензию в № 125 «Московских Ведомостей» за 1851 г.

Кроме обязанностей по преподаванию, Р. исполнял разные учено-административные должности и поручения. Так, он состоял: секретарем (более 14 лет) и членом (9 лет) Комитета для испытания лиц, ищущих звания домашних учителей и учительниц; секретарем факультета (в 1842/3 г.); цензором неофициальной части «Харьковских Губернских Ведомостей» (1851/2 г.) и, по назначению Совета, принимал участие в приемных студенческих испытаниях (10 раз в качестве экзаменатора и один раз в качестве председателя 2-го Комитета). В 1842 г. на Р. было возложено составление отчета о состоянии Харьковского университета для произнесения на торжественном акте и за отличное исполнение этого поручения ему была изъявлена письменная благодарность от Совета. В 1851 г., по желанию управлявшего Харьковским учебным округом генерал-адъютанта С. А. Кокошкина, Р. составил краткую историческую записку об университете для Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей. В 1854 г., по поводу проекта, представленного правительству одною частною компаниею, об устройстве железной дороги между Харьковом и Феодосией, Р. занимался собиранием статистических данных для определения пользы, обещаемою этим предприятием. В том же году Р. составил записку для устранения сомнений, возбужденных насчет пользы устройства означенной дороги. По случаю празднования пятидесятилетия существования Харьковского университета Р. читал написанный им краткий исторический его очерк. С 1853 г. Р., вследствие избрания товарищей-профессоров, утвержденного Министерством Народного Просвещения, был назначен деканом историко-филологического факультета, а с 1859 по 1862 г. состоял ректором Харьковского университета.

Р. умер в Харькове 25-го декабря 1871 года.

Р. написал много сочинений по истории и статистике. Из крупных его трудов можно указать на следующие: «Сравнительная статистика пяти первоклассных держав

Европы»; «Конспект истории древнего мира»; «Руководство к истории народов древнего востока»; «Руководство к статистике», Харьков. 1844 и 1856; «Австрийское посольство в Москве в 1698 г.» в «Очерках России», издаваемых Вад. В. Пассеком, 1840 г., кн. IV, стр. 67; «Об ученой деятельности Харьковского Университета в первое десятилетие его существования» – «Журн. Мин. Народн. Просвещ.» 1853 г., ч. LXXXVI, отд. V; «Очерк истории Персидских войн» – «Москвитянин» 1855 г., № 21 и 22, отд. 1-й, стр. 31 и сл.; «Критический обзор истории 3-х последних Римских царей» – «Журн. Мин. Народн. Просвещ.» 1856 г., ч. LXXXIX, отд. 2, стр. 299 и сл.; «Статистико-экономические заметки о Харьковской губ.» – «Экономический Указатель». 1857 г., № 25, стр. 586; «О торговле на Харьковских ярмарках» – «Харьк. Губ. Ведомости» 1847 г.; «Обороты Харьковских ярмарок за пятилетие» – там же 1849 г.; «Русские университеты и университетский вопрос г-на Пирогова», Харьк. 1864 г.; «Несколько слов об Альфреде Великом» – «Русское Слово» 1860 г., № 7, отд. II, стр. 48–106; «Статистические сведения о государственных крестьянах Харьковской губернии» – «Сборник статистич. сведений о России» 1854 г., кн. II-я, стр. 85; «Мысли об устройстве железной дороги от Харькова к Черному морю», Харьков, 1852 г.; «Исследование о движении народонаселения в России» – «Вестн. Имп. Русского Географ. Общ.» 1853 г., кн. 3, стр. 1 сл.; «Москва в 1698 г.» – «Очерки России», изд. Вадимом Пассеком; «Очерк быта и правления Сларты», Харьк. 1838 г.; «Решение вопроса о том, в чем состоит истинное значение прагматической истории и какова должна быть ее обработка», Харьк. 1839 г.; «Статистическое обозрение Европейского народонаселения и управления», «Маяк», 1843 г., т. II, № 22, стр. 83.

«Лицей князя Безбородко», изд. 1859 г., отд. II, стр. 112–115, 201; «Харьков. Календарь» на 1884 г., стр. 431; Е. Петухов, «Гимназия высших наук в Нежине», СПб. 1895 г., стр. 38, 39; «Моск. Ведом.» 1862 г., № 250; А. Старчевский, «Справочный Энциклопедический Словарь», СПб. 1855 г., т. IX, ч. II, стр. 147; «Харьк. Губ. Ведомости» 1872 г., № 5; «Русский Календарь» на 1873 г., СПб. 1873 г., стр., 477; А. Н. Пыпин;

«История Русской Этнографии», СПб. 1890 г., т. I, стр. 840, т. II, СПб. 1891 г., стр. 422; М. Ф. де Пуле, Харьковский университет и Д. И. Каченовский. Культурный очерк и воспоминания из 40-х годов» – *«Вестник Европы»* 1874 г., кн. 1-я, стр. 98–101; Д. Багaley, История Харьковского университета, т. II; Н. Сумцов. Материалы для истории Харьковского университета, Харьков. 1894, сир. 17–20; Г. Н. Геннади, Словарь т. III, М. 1908; Историко-филологический факультет Имп. Харьковского университета 1805–1905, Х. 1908.

Рослен Александр, художник

Рослен, Александр, художник-портретист; родился 15-го июля 1718 г. в Мальме, в Швеции; с детства обучался живописи, имел к ней большую природную склонность, а затем, усовершенствовавшись в Париже, быстро приобрел большую известность, как портретный живописец. В 1753 г. он был назначен членом Академии Живописи в Париже и до 1791 г. выставлял свои произведения на ежегодных выставках в Лувре. Рослен написал множество портретов, в которых особенно поражает тщательность отделки аксессуаров – одежды, кружев, украшений и т. д.. Король Шведский Густав III пожаловал Рослену, за его работы, орден Вазы (в 1772 г.); кроме того, он был назначен членом Совета Парижской Академии Художеств (в 1767 году) и избран членом Имп. Академии Художеств в Петербурге, где Рослен пробыл несколько лет, сделав много замечательных портретов, в том числе портрет Императрицы Екатерины II в блестящем Императорском одеянии, портрет Наследника Павла Петровича и его Супруги, Ив. Ив. Бецкого (с которого гравировал Дюпюи), Ландграфини Гессен-Гомбургской Анастасии Ивановны, урожденной княжны Трубецкой и т. д. Кроме того, очень известны его портреты: Линнея (в Версале), Королевы Марии-Антуанетты (в Лувре), Короля Густава II и его братьев (в Стокгольме), Герцогини Марии-Христины Шведской, Герцога Ларошфуко и т. д. В свое время Рослен пользовался большою известностью.

Он умер 5-го июля 1793 года в Париже, 75 лет от роду.

Он был женат во Франции на художнице *Марии Сюзанне Журу (Girout)*, скончавшейся в 1772 году.

Nagler, Neues allgemeines Künstler-Lexicon, oder Nachrichten von dem Leben und den Werken der Maler, Bildhauer, Baumeister etc. etc., 13 Band, München; Grand dictionnaire universel, par Larousse; Biographie universelle ancienne et moderne, par Michaud, Paris, v. 37; Allgemeines Künstler-Lexicon von Singer, IV Band, 1901; Revue universelle des arts, m. IV, 1856; Великий Князь Николай Михайлович, Русские портреты XVIII и

*XIX ст. (воспроизведены многие портреты работы Рослена);
Каталог Исторической Выставки портретов в Таврическом
Дворце (перечень многих портретов работы Рослена);
«Старые Годы» (passim); Словарь Брокгауза-Ефрона.*

Росляков, Михаил Яковлевич

Росляков, Михаил Яковлевич, автор книги; в службе находился с 1781 г., служил по ведомству св. Синода в Москве и был секретарем в Московской Св. Синода Конторе (1805), имел с 20-го июля 1803 г. чин надворного советника; там же был и в 1808 г., вскоре получил чин коллежского советника и умер 11-го декабря 1812 года; имел орден св. Владимира 4-й степ. В 1811 г. в Москве Р. издал книгу: «Простое умозаключение о всеобщем языке, изобретенном от Риема, Майнцского адвоката» (8°).

Г. Геннади, Словарь писателей, т. III, М. 1908 стр. 266; Сопиков, Опыт, № 12139; Архив Капитула Орденов (дата смерти).

Роспини Антон, физико-механик

Роспини Антон, «Императорский физико-механик», как он именовал себя в объявлениях о публичных лекциях, читанных им в Петербурге по опытной физике и химии; одно из объявлений об этих лекциях, напечатанное в «Русском Инвалиде» 1816 г. (№ 241), помещаем здесь: «Курс опытной Физики. Почтенный и деятельный согражданин наш, г-н механик Роспини, по желанию некоторых особ, посещавших прошедшею зимою его курс опытной Физики, намерен продолжать оный и на сей год. Мы почитаем за долг наш упомянуть о сем в Военных Ведомостях и обратить внимание тех из читателей наших, кои не участвовали в прошлогоднем курсе, на красоту залы и на изобилие и превосходство инструментов. Г-н Профессор Делошь, известный Публике как обширными своими сведениями, так и даром преподавания, и ныне принял на себя теоретическую часть сего курса, коего главные предметы суть следующие: Естество и общие качества тел; Динамика, Гидродинамика и Статика; натура и качества воздуха, воды и огня; учение о свете; Оптика, Катоптрика и Диоптрика; Электрическая и Магнетическая сила и Гальванизм. Изъяснения сделаны будут на Французском языке. Лекции сии начнутся в первых числах ноября и продолжаться будут каждую среду и субботу, с 7 до 9 часов вечера. Подписная цена за весь курс, который состоять будет по крайней мере из 30 лекций, 125 руб. асс. Учители, сопровождающие своих воспитанников, имеют вход без особливового билета. Сказывают, что некоторые знатнейшие и образованнейшие Дамы здешней Столицы намерены удостоить сии лекции своим присутствием. Подписка принимается у Г-на Роспини. в доме Католической церкви, на Екатерининском канале, где читаны будут и самые лекции».

Лекции свои Роспини читал в течение многих лет, и сведения о них помещены были, между прочим, в «Conservateur Impartial» 1821 г., № 92, стр. 443 и № 101, стр. 493; в «Отечественных Записках» 1821 г., т. VI, стр. 347–349, в

«Русском Инвалиде» 1822 г., № 286, стр. 1142; в «СПб. Вед.» 1825 г., № 95, прибавл., стр. 1123 и т. д.

С 1812 г. Роспини работал для физического кабинета Царскосельского лицея, а в 1829 г. принял на себя оборудование физического кабинета Главного педагогического института и до смерти своей состоял его комиссионером; делал он инструменты и для Обсерватории Дерптского университета.

Акт 25-летия Главного педагогического института, СПб. 1853, стр. 75; Селезнев, Исторический очерк Имп. Александровского Лицея, стр. 77; Г. Левицкий, Астрономы Юрьевского университета с 1802 г., Юр. 1899, указ.; указанные в тексте статьи и объявления в периодических изданиях.

Россель, Юрий Андреевич

Россель, Юрий Андреевич – писатель-публицист; родился в 1838 году в английской семье, издавна жившей в России, умер 1-го февраля 1878 г. в С.-Петербурге, погребен на Успенском лютеранском кладбище, близ Петербурга, по линии Финляндской железной дороги. Поступив в Медико-хирургическую академию и будучи уже на пятом курсе, Россель, вследствие личного столкновения с одним из надзирателей, был принужден оставить Академию до окончания ее курса; уехав после этого в Лондон, он оставался там более года и много работал над окончанием своего умственного развития. По возвращении в Россию, Россель отдался литературной деятельности и сначала сотрудничал в газете «Современное Слово», где делал выборки из английских корреспонденций и писал фельетоны преимущественно по социальным вопросам, после же прекращения этой газеты, в 1863 г., стал работать в «Голосе», а затем в «С.-Петербургских Ведомостях» (времен Корша), в «Руси», «Новом Времени» и других изданиях.

В 1869 году с Е. И. Конради и П. А. Гайдебуровым Россель стал издавать газету «Неделя», где до 1873 года он вел политический отдел и иногда помещал статьи по русской журналистике, обращавшие на себя внимание читателей меткостью приговоров и оценки. Большею частью его статьи появились в печати без подписи, и потому совершенно невозможно составить список его печатных трудов. В «Вестнике Европы» им помещены статьи: «Корнеллевский университет в Америке» (1869, № 9); «Джон-Стюарт Милль и его школа» (1874, № 5, 6, 7, 8, 10, 12); «Специальный журнал для русской публицистики» (1875, № 4); «Южные Штаты Северо-Американской республики и их настоящее» (1877, № 3); «Аграрный вопрос и его главные задачи: землевладение и земледелие в России и других европейских государствах, князя А. Васильчикова» (1877, № 6) и «Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке» (1878, № 6, 7).

Ю. А. Россель был человек прямодушный, с твердым характером; у него слово никогда не расходилось с делом. «В житейских делах, – читаем в его некрологе: он был крайне неопытен и легко поддавался увлечению, между тем, как уму его именно увлечение было чуждо. И в литературе это был человек недостаточно высказавшийся, далеко не сделавший того, что мог бы сделать. Но все же он оставил в нашей журналистике воспоминание о себе, как об умном писателе и безукоризненно честном человеке, который был гораздо выше того, что ему удалось сделать в течение его недолгой жизни – 40 лет».

«Вестн. Евр.» 1878, № 3; «Новое Время» 1878, № 697; «Неделя» 1878, № 7; «С.-Петерб. Ведом.» 1878, № 37.

Россет, Аркадий Осипович

Россет, Аркадий Осипович – сенатор; происходил из дворян Херсонской губ., родился в 1811 году и был сыном коллежского советника *Иосифа Ивановича Россета*, служившего инспектором Одесского портового карантин, бывшего другом устроителя Одессы герцога Ришелье и умершего 11-го декабря 1813 г. Мать Россета, овдовев, вышла замуж за Ивана Карловича Арнольди, боевого генерала-артиллериста, который и определил своего старшего пасынка в Пажеский корпус, по окончании курса в котором Россет из камер-пажей поступил на службу лейб-гвардии Конной артиллерии в 1-ю легкую батарею (22-го сентября 1830 года), откуда в том же году (17-го декабря) он перешел в батарею.

В 1831 году, во время Польского восстания, Россет участвовал в его подавлении, находясь под командою генерал-адъютанта Бистрома, и был в следующих сражениях: 5-го мая – близ Старого Акаца; 6-го и 7-го – под Соколовым (где получил орден св. Анны 4-ой степени с надписью: «за храбрость»), 8-го мая – при деревне Рудке и 9-го мая – под Тыкоцином, за что был награжден орденом св. Анны 3-ей степени с бантом; 14-го мая он участвовал в генеральном сражении под городом Остроленкою и был награжден золотой саблей с надписью: «за храбрость», 25-го, 26-го и 27-го августа – при взятии Варшавы и, затем, в преследовании остатков Польской армии до Прусской границы. В декабре 1838 года Россет был произведен в штабс-капитаны и переведен во 2-ю легкую батарею той же Конной артиллерии, но вскоре вернулся обратно.

В 1839 году (в ноябре) он получил чин капитана, а в декабре – бриллиантовый перстень. 8-го января 1840 г. Россет был прикомандирован к Штабу Управления генерал-фельдцейхмейстера, которым вскоре и был командирован для осмотра по всем частям артиллерийских гарнизонов Сибирского и Оренбургского округов. В этой командировке Россет пробыл пять месяцев. 10-го февраля 1842 года он был произведен в

полковники и назначен Правителем дел Комитета об улучшении штуцеров и ружей, с правом в нем голоса. В 1843 году он лечился за границую (летом), а 25-го февраля 1850 года был назначен для особых поручений к Виленскому военному губернатору и Гродненскому, Минскому и Ковенскому генерал-губернатору.

В следующем году (14-го марта), за отличие по службе Р. был произведен в генерал-майоры, с назначением Виленским гражданским губернатором. В этом же году, «за удовлетворительное поступление податей и недоимок с мещан и других сословий» Виленской губернии Россету было объявлено Монаршее благоволение, а в следующем, 1852 году, за 25-летнюю службу, он получил орден св. Георгия 4-го класса. В 1855 году Россет состоял вице-президентом Комитета Попечительного Общества о тюрьмах в Виленской губ., за труды в котором в 1856 году получил Монаршее благоволение, 18-го октября 1857 года был назначен военным губернатором г. Минска и Минским гражданским губернатором, а 3-го февраля 1858 года был переведен членом Временного Распорядительного Комитета по устройству Южных поселений, в котором 8-го января 1861 года назначен был Председателем. Когда Комитет этот был упразднен, Россет был назначен (16-го июля 1864 года) заведующим поселениями, в должности которого состоял вплоть до упразднения поселений, т. е. до 1-го января 1867 года.

10-го ноября 1865 года ему было поручено исправлять должность товарища министра Государственных Имуществ, в которой через месяц он был утвержден. В следующем году, 1-го января, ему повелено было присутствовать в Общем собрании 4-го и 5-го Департаментов, Правительствующего Сената и, независимо от сего, в Общем Собрании первых 3-х Департаментах и Департамента Герольдии, в тех случаях, когда в нем будут разбираться дела, касающиеся Министерства Государственных Имуществ. В 1867 г. Россету был пожалован орден Белого Орла и в этом же году он некоторое время управлял Министерством, а 3-го марта 1870 года был от должности товарища министра уволен и награжден орденом

Александра Невского; в этом же году, в ноябре, он был переведен к присутствию в 7-м Департаменте Правительствующего Сената, а с 1-го сентября 1871 года сверх того, стал присутствовать еще и в 6-м Департаменте. В декабре месяце 1871 года, ввиду упразднения 6-го и 7-го Департаментов и Общего Собрания Московских Департаментов с января 1872 года, Россету было разрешено жительство в Москве, с зачислением в сенаторы неприсутствующие.

Умер А. О. Россет 29-го августа 1881 г. Он состоял в близких дружественных отношениях с Пушкиным, с которым познакомился, вероятно, через свою сестру, известную А. О. Смирнову, и у которого был постоянным, домашним гостем, и с Гоголем, который во время своего пребывания за границей обращался к нему относительно хлопот по изданию его «Ревизора» и «Писем» и просил собирать отзывы о последних. Он же выбрал Россета в устроенный им комитет для распоряжения суммами, поступавшими от продажи нового издания комедии «Ревизор».

В «Русском Архиве» за 1882 г. (стр. 245–248) Россетом помещены были его весьма ценные рассказы про Пушкина, а в 1890 г. (кн. I, стр. 279–310 и 360–392) напечатано 53 его любопытных письма к его сестре, А. О. Смирновой, и к брату, К. О. Россету, за 1831–1864 гг.

Формулярный список; Военный Календарь на 1883 г., стр. 158; «Русская Старина», т. VI, стр. 283, 311, 323, 327, 337, 570, 589, 590; т. VIII, стр. 943, 947; т. XLI, стр. 163–172, 437–440; т. LVIII, стр. 33, 42, 48, 50, 52, 56, 69, 72; т. LIX, стр. 52–60; LX стр. 128, 134, 140; LXVI, стр. 642, 644, LXVII, стр. 196, 280, 282; LXVIII, стр. 356, 657, 658; «Русский Архив» 1878 г., стр. 891; 1888 г. т. II, 297; 1895 г., т. I, стр. 540, 511; т. II, стр. 25, 323, 456–468; 1896 г., т. I, стр. 279–310, 820, 361–392, 603; 1897 г., т. II, стр. 615–632; т. III, стр. 123–133, 377, 392; В. Шенров, Материалы для биографии Гоголя; Письма Гоголя, под ред. В. Шенрока, т. I–IV; Переписка Грота с Плетневым (по указ.); Н. Барсуков, Погодин (по указ.).

Росси (де Росси), танцовщик

Росси (де Росси) – танцовщик придворного балета конца XVIII столетия; француз по происхождению, он приехал в Россию в 1779 году и был принят на службу в придворный балет 1-го июля того же года с жалованьем по 600 рублей в год; в середине 1780-х годов он женился на только что выпущенной тогда из Театрального училища фигурантке *Марии Молодецкой*, которая впоследствии, благодаря своим недюжинным способностям, сделалась довольно известной солисткой. Танцовщик де Росси прослужил в придворном балете более двенадцати лет и 1-го января 1792 года, ввиду преклонного возраста, вышел в отставку. Свыкшись с Россией, он жил в ней до самой своей смерти.

«Архив Дирекции Императорских театров», Изд. Дирекции Импер. театров, вып. I (за 1746–1801 гг.), СПб. 1892 г., Отд. I, Отд. II и Отд. III.

Росси (де Росси), Игнатий Петрович

Росси, Игнатий Петрович (де Росси) – генерал-майор, участник Отечественной войны; родом был из Миланских дворян, но родился в Петербурге 17-го января 1765 г.; умер 10-го ноября 1814 г. в Курляндии. Дед его, вызванный в Россию при Петре Великом, был строителем дворцов и других зданий, а отец участвовал в Семилетней войне, был ранен и, дослужившись до чина полковника, умер в 1770-х годах. Росси на восьмом году от рождения был определен (2-го февраля 1772 г.), в Артиллерийский и инженерный (впоследствии 2-й) кадетский корпус откуда по окончании образования был выпущен, 4-го марта 1781 г. подпоручиком в Нарвский мушкетерский полк. 20-го апреля 1783 г. он был произведен в поручики, а 1-го января 1786 г. – в капитаны, с переводом во вновь сформированный Софийский мушкетерский полк. С этим полком он поступил, в 1789 г., на гребной флот вице-адмирала Принца Нассау-Зигена и находился с ним в сражениях против шведов 4-го и 13-го августа близ Роченсальма, за что был награжден чином секунд-майора. 21-го числа того же месяца он сражался со шведами в Роченсальмском заливе и потом участвовал в преследовании их сухим путем за границу. В следующем году Р. поступил опять под начальство Принца Нассау-Зигена и был в сражениях с неприятельским флотом 23-го мая и 22-го июня.

В начале царствования Императора Павла I-го, при уничтожении секунд и премьер-майорского чинов, Росси был переименован в майоры, 22-го декабря 1792 г. произведен в подполковники, а 10-го марта 1800 г. – в полковники, 6-го апреля 1802 г. переведен был в Псковский мушкетерский полк, а 13-го июля 1805 г. назначен шефом Волынского мушкетерского полка. В ноябре того же года он ходил с полком за границу, на усиление армии Кутузова, но, вследствие скорого прекращения военных действий, в сражениях не участвовал. Летом 1806 г., при разделении армии вместо инспекций на дивизии, Волынский полк поступил в 6-ю дивизию Седморацкого и состоял в одной

бригаде с Ревельским мушкетерским полком. 22-го октября, при начале второй войны Императора Александра с Наполеоном, Росси, состоя в корпусе Бенигсена, перешел с ним через границу у Гродно. 5-го ноября войска этого корпуса расположились у Остроленки, откуда вскоре двинулись к Пултуску. В продолжение первых шести дней Росси, находясь со своим полком на аванпостах вдоль реки Вкры, близ Помихова, имел перестрелки с французами, а 14-го декабря участвовал в сражении под Пултуском, где стоял во второй линии. После того 6-я дивизия отошла к Гониондзу и в начале января 1807 г. поступила в состав отдельного корпуса генерал-лейтенанта Эссена 1-го. Через месяц она получила приказание соединиться с главною армиею, расположенною у Кенигсберга. Военных действий тогда не происходило вследствие изнеможения русских и французских войск от зимнего похода и Прейсиш-эйлауской битвы. Действия возобновились во второй половине мая. В Гейльсбергском сражении, 29-го мая 1807 г., Росси находился с своим полком на левом крыле и вместе с Перновским и Белозерским полками ходил в штыки на неприятеля. В последовавшей затем Фридландской битве, 2-го июня, он стоял со своим полком на правом крыле армии, которым командовал князь А. И. Горчаков. Долго наши бились мужественно, но наконец должны были отступить, и князь Горчаков повел войска назад, к городу Фридланду, уже занятому французами. Пока наш арьергард отбивал атаки неприятельской конницы, другие полки, в том числе Волынский, отчаянно ворвались в объятый пламенем Фридланд и выгнали оттуда французов. Нужно было потом переправиться через реку Алле, но так как бывшие на ней мосты сгорели дотла, то наши бросились в реку и вплавь достигли противоположного берега.

Вскоре последовал Тильзитский мир, и Волынский полк возвратился в Россию. В том же году 12-го декабря Росси был произведен в генерал-майоры. С 1808 по 1811 гг. он командовал бригадою из Тобольского и Волынского пехотных полков, находившейся в 4-й пехотной дивизии Принца Евгения Виртембергского и принадлежавшей ко 2-му пехотному корпусу генерал-лейтенанта Багговута. В марте 1812 г. этот корпус

поступил в 1-ю западную армию Барклая-де-Толли. При известии о переходе Наполеона через Неман, 12-го июня, наши войска начали отступать от границы, и Росси направился со своею бригадою в укрепленный Дриссинский лагерь. По приходе 1-й армии под Смоленск, 4-го августа, 2-й корпус расположился в двух верстах от Петербургского предместья и не участвовал в сражении, происходившем в тот день. На другой день Волынский полк вместе с 4-ю дивизией был послан на усиление Дохтурова, который оборонял Смоленск, атакованный Наполеоном. Росси получил приказание идти со своею бригадою к Раченскому предместью, где сражался Неверовский с 27-ю дивизией, и, сменив утомленный боем лейб-гвардии Егерский полк, дал Неверовскому возможность отстоять предместье. От Смоленска наша армия направилась к Бородину. Здесь, при размещении войск на позиции, 2-й пехотный корпус поставлен был на оконечности правого нашего крыла.

Во время Бородинского боя князь Кутузов послал 2-й пехотный корпус на подкрепление нашего центра и левого крыла. Едва Росси занял указанное ему место за Семеновским оврагом в первой линии сражающихся, как был тяжело ранен в голову, вследствие чего и не мог более участвовать в военных действиях и только через год возвратился в армию, получив за Бородинское сражение орден св. Владимира 3-й степени. Прибыв в 1813 г. в Варшавское герцогство, Росси поступил в «Польскую» армию генерала от кавалерии Бенигсена и в июле пошел с нею в Богемию. С 28-го сентября по 3-е октября, состоя в авангарде Бенигсена, он был в делах с французами, потам, вступив в командование 13-ю пехотною дивизией, пошел к Лейпцигу и за блистательное участие во взятии приступом селения Гольцауэна 6-го октября и Гримского предместья 7-го, получил Аннинскую звезду. После двухдневного пребывания в Лейпциге, Росси пошел с Польскою армией через Люцен, Галле и Бернбург к Магдебургу, занятому французами. По прибытии Польской армии, французы были вытеснены из окрестных селений, и Бенигсен обложил Магдебург. Через месяц он получил повеление идти к Гамбургу, вследствие чего сдал

блокаду Магдебурга Прусскому корпусу генерал-лейтенанта Гиршфельда, а в помощь ему были оставлены Росси и Крейц. 3-го ноября утром до 9000 французов вышли из Магдебурга, вытеснили два наши батальона из селений Зален и Додендорф и стали подвигаться вперед. Росси наскоро собрал отряд и обратил французов назад. Не довольствуясь этим, он преследовал неприятелей и вогнал их в крепость. За этот подвиг король Прусский наградил его орденом Красного Орла 2-й степени. В том же месяце, по приказанию Беннигсена, Росси выступил к Гамбургу, занятому французскими войсками под начальством маршала Даву. Он пришел к месту своего назначения 11-го января 1814 г. и при распределении блокадных войск вошел в состав центрального корпуса графа Толстого, занимавшего пространство от деревни Гам до левого берега реки Альстера. 14-го января предпринята была атака на неприятеля, стоявшего в ближних от Гамбурга селениях. В этом деле, которое увенчалось полным успехом, Росси явил новые доказательства своей распорядительности. Спустя две недели Беннигсен, желая воспользоваться льдом, покрывавшим Эльбу, вознамерился нанести гарнизону удар со стороны лежащих на этой реке островов и повел атаку тремя колоннами со стороны Оксенвердера. Росси находился во главе средней колонны с Великолуцким и Галицким пехотными полками и несколькими охотниками из местных жителей. Сбив встреченные им передовые французские посты, он дошел до укрепления, окруженного глубоким водяным рвом и засекою, но не атаковал его, так как получил приказание отступить, потому что Беннигсен отложил нападение, и Росси со всеми войсками возвратился в свой лагерь. Через неделю, 5-го февраля, он участвовал в ночном нападении на Вильгельмсбург и потом оставался под Гамбургом до конца июля, когда все наши войска возвратились из-за границы. За отличия, оказанные под Гамбургом, Росси получил золотую, алмазами украшенную шпагу с надписью: «за храбрость», и вскоре после этого, страдая от бородинской раны, скончался.

А. И. Михайловский-Данилевский. Император Александр I-й и его сподвижники. Военная Галерея Зимнего дворца, т. 5-й,

вып. 117-й, тетр. 13-я, СПб. 1848 г.; Военная Галерея Зимнего Дворца, изд. под ред. Великого Князя Николая Михайловича, СПб. 1912 (с портретом).

Росси, Игнатий Иванович (Яковлевич)

Росси, Игнатий Иванович (Яковлевич), «штукатурного и гротического дела мастер» в царствование Елисаветы Петровны и Екатерины II; род. в 1706 г., умер 16-го декабря 1780 г. Р. в службу вступил в 1724 г., в 1746 г. был мастером в Канцелярии от строений и в 1747 г. имел ранг майора; он участвовал, между прочим, в постройке флигелей при Екатерингофском дворце; имел с 21-го июля 1762 г. чин коллежского, а в 1766 г. – статского советника и был членом Канцелярии от строений, а в 1772 г. состоял при Главной Полиции.

Сборник Имп. Русского Историч. Общ., т. LXII; «Художественные Сокровища России». 1903 г., стр. 113; Сенатский Арх., т. 65; П. Майков, И. И. Бецкий, СПб. 1904; Материалы для истории Имп. Академии Наук, т. VIII, СПб. 1895; Адрес-Календарь на 1765.

Росси, Карл Иванович

Росси, Карл Иванович, архитектор; род. в 1775 г., умер 6-го апреля 1849 г. Биография этого выдающегося строителя стольких замечательных Петербургских зданий очень мало известна. Мы знаем только, что он занимал должность главного архитектора при строениях Кабинета Его Величества, а в 1821 г. находим его имя в числе членов Комиссии по построению храма св. Исаакия, Высочайше утвержденной 13-го августа этого года. В 1822 г. Совет Имп. Академии Художеств удостоил его звания почетного члена Академии, как человека, «известного многими важными зданиями, произведенными по его проектам». Вероятно, здесь главным образом разумелись постройки его при Павловском дворце, где он, по повелению Императрицы Марии Феодоровны (от 16-го февраля 1822 г.) выстроил над открытой галереей, сооруженной архитектором Гонзаго и имеющей пять пролетов среди колонн – закрытую галерею, для помещения в ней библиотеки. Принимая во внимание большую тяжесть верхнего помещения, решение задачи требовало от архитектора не только большого таланта, но и больших практических сведений.

В августе 1825 г. им окончен был Михайловский дворец, по Инженерной улице, предназначенный для Великого Князя Михаила Павловича и обошедшийся около семи миллионов. Государь остался так доволен постройкою, что наградил архитектора орденом св. Владимира 3-й степени и бриллиантовым перстнем со своим шифром.

В 1828 г. архитектору А. Е. Штауберту поручена была перестройка здания Правительствующего Сената. Одобрив, в общем, представленные им планы и фасады, Государь, тем не менее, повелел: «Дабы зданию Сената дать характер, соответствующий огромности площади, на которой оно находится, учредить, для сочинения планов сему зданию, между архитекторами конкурс, призвав к сему архитекторов Росси, Штауберта, Стасова и Шустова». Из представленных ими 18-го февраля 1829 г. планов, заслужил Высочайшее одобрение

проект Росси, и 24-го августа того же года состоялась закладка здания, причем на закладной доске было обозначено: «Чертеж фасада, Высочайше утвержденный, составлен был архитектором Карлом Росси. Строителем был архитектор Александр Штауберт».

В 1823–1830 гг. по планам Росси было расширено помещение Императорской публичной библиотеки пристройкою, выходящею на Александринскую площадь. В 1832 г., по его же проекту, отстроен был Александринский Театр, а 27-го мая 1835 г. было освящено здание св. Синода, заложенное 26-го августа 1830 г., которое строил, по его же проекту, уже упоминавшийся выше А. Е. Штауберт. Смета была составлена на 1700000 руб. асс. Наконец, Росси же была построена еще арка Главного Штаба и Елагинский дворец.

Умер Р. в чине коллежского советника; погребен в Петербурге, на Волковом лютеранском кладбище.

«Журнал Изящных Искусств», издаваемый Григоровичем, СПб. 1825 г., стр. 82–83; История и достопамятности Исаакиевского собора, СПб. 1858 г.; М. Михайлов, Петербург и его окрестности – «Северное Сияние» 1862 г.; В. Серафимов и М. Фомин, Описание Исаакиевского собора в Петербурге, СПб. 1865; Сборник материалов для истории Имп. С.-Петербургской Академии Художеств, т. II, СПб. 1865 г.; А. Безродный, История постройки Сенатского и Синодского зданий – «Строитель» 1899 г., № 7–8; Материалы для истории православной церкви в царствование Императора Николая I. Изд. под ред. Н. Ф. Дубровина – «Сборник Имп. Русского Исторического Общества», т. CXIII, СПб. 1902; «Мир Искусства» 1902 г., т. I; «Художественные Сокровища России» 1903 г., стр. 404 и 426; Д. Д. Иванов, Объяснительный путеводитель по художественным собраниям Петербурга, СПб. 1904 г.; Каталог историко-художественной выставки русских портретов 1905 г., СПб. 1905 г.; Барон Н. Н. Врангель, Музей Имп. Александра III, т. I (биография и портрет); «Русский Худож. Листок» Тимма 1852 г., № 22; Месяцеслов на 1850 г., стр. 156; «Сев. Пчела» 1849 г., № 76.

Росси, Петр Игнатьевич (Петр Эдуард де Росси)

Росси, Петр Игнатьевич (Петр Эдуард)(де Росси) – генерал-лейтенант; сын генерал-майора *Игнатия Петровича де Росси* (см. выше), род. 16-го марта 1809 г.; в 1826 г. был выпущен в гвардию офицером, в 1828–1829 гг. участвовал в Турецкой войне, затем перешел в Корпус Горных Инженеров, 3-го апреля 1849 г. получил чин полковника и в 1855 году состоял дежурным штаб-офицером Штаба Корпуса горных инженеров; с 30-го августа 1858 г. по день смерти состоял Членом Горного Совета Министерства Государственных Имуществ и умер 23-го декабря 1875 г. в чине генерал-лейтенанта; погребен на Волковом лютеранском кладбище.

Историческое Обозрение Министерства Государственных Имуществ, ч. I, стр. XIX; История Министерства Финансов, 1802–1902, т. II, стр. 671; Список Корпуса Горных Инженеров, СПб. 1855, стр. 12; Петербургский Некрополь, т. III, стр. 620.

Росси, ПетрОсипович (Pierre de Rossi)

Росси, Петр Осипович (Pierre de Rossi) – миниатюрист; род. в 1789 г., умер 10-го июля 1831 г. от холеры. Состоял придворным живописцем и работал миниатюрные портреты для Кабинета Его Величества. В 1813 г. удостоен был звания академика Имп. Академии Художеств по части миниатюрной живописи; написал портреты И. П. Мартоса, П. С. Валуева, И. В. Васильчикова, князя Д. В. Голицына, графа А. Ф. Ланжерона, графа М. А. Милорадовича, Я. А. Потемкина, Н. Н. Раевского, Н. М. Сипягина, князя П. Д. Цицианова, которые гравированы были Скотниковым, Вендрамини и другими. На Историко-Художественной выставке русских портретов 1905 г. находился его работы портрет скульптора И. П. Мартоса.

Отчеты Имп. Академии Художеств за 1828, 1829 и 1830 гг.; «Сын Отечества и Северный Архив» за 1830 г., № XLIV, стр. 212; Сборник материалов для истории Имп. С.-Петербургской Академии Художеств, т. I, СПб. 1864.; Каталог историко-художественной выставки русских портретов 1905 г., СПб. 1905; Ю. Иверсен, Медали в честь Русских государственных деятелей и частных лиц, вып. IV, СПб. 1882, стр. 156 и 157.

Россильтон, Василий (Вильгельм) Васильевич

Россильтон, барон *Василий (Вильгельм) Васильевич*, родился в 1778 г. в Марбурге, воспитывался в Германии, а потом служил в военной службе в Австрия, в кавалерии; в 1806 г. (февраля 28-го) он перешел в русскую службу и в 1818 г. был ассессором в Эстляндском губернском правлении, в Ревеле; в 1832 г., в чине коллежского советника, он был там же советником и, несмотря на плохое знание русского языка, состоял цензором предпринятого в 1832 г., под покровительством печальной памяти Магницкого, патриотического журнала «Радуга»; 18-го мая 1840 г. барон Р. получил чин статского советника, будучи в это время уже директором училищ Эстляндской губернии; в этой должности он прослужил до самой смерти, последовавшей 30-го октября 1855 г. в Ревеле.

Сын его, барон *Лев Васильевич* Россильтон (род. 1803, умер в Дерпте в конце 1883 года), начавший службу в 1822 г. юнкером в 1-м Егерском полку, а в 1829 г. переведенный подпоручиком л.-гв. в Семеновский полк, с 1832 г. служил в Гвардейском Генеральном Штабе и с 1838 г. находился на Кавказской линии (где прослужил до 1845 г.); здесь он познакомился с Лермонтовым, но не пользовался его расположением; поэт выражался про него: «не то немец, не то поляк, а пожалуй и жид». Причисленный впоследствии к Почтовому Департаменту (19-го марта 1845 г.), барон Р. 14-го апреля 1846 г. был назначен Виленским Губернским почтмейстером и в этом звании служил еще в 1867 г., в 1856 г. получив чин д. с. советника.

«Русск. Стар.» 1875 г., т. XIV, стр. 482; «Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее Щукина», вып. VIII, М. 1901, стр. 288–289; Список чинов I–VI кл. за 1849 г.; Месяцесловы и Адрес-календари; «Русск. Стар.» 1883 г., т. XL, стр. 591–592; 1884 г., т. XLI, стр. 84–87, 239; 1885 г., т. XLV, стр. 474–475; формулярный список за 1867 г.

Россинский, Кирилл Васильевич, протоиерей

Россинский, Кирилл Васильевич, протоиерей войска Черноморского, проповедник; родился 17-го марта 1774 г. в г. Новомиргороде, где отец его, родом малороссиянин, был священником. Учился Р. в Новороссийской духовной семинарии, где был 20-го апреля 1795 г. посвящен в стихарь для проповедования слова Божия. По окончании здесь курса Р. поступил учителем информаторского класса и Закона Божия при Новороссийской семинарии, в 1798 г. вступил в супружество, 13-го июня был посвящен в священники и, оставив учительскую службу, 24-го августа был определен священником к Новомиргородской Рождества Богородицы церкви.

Строгий образ жизни и красноречивые проповеди обратили на Р. внимание епархиального начальства, и ему было поручено учить произнесению проповедей вновь поставляемых священников при кафедральной церкви. За ревность и труды при исполнении возложенных на него поручений Р. в 1800 г. был возведен в сан протоиерея и переведен в г. Таганрог, где его проповеди заставили говорить о нем, как о редком явлении на церковной кафедре. 19-го июня 1803 г., по просьбе всего войска Черноморского, Р. был назначен Афанасием, архиепископом Екатеринославским, в город Екатеринодар войсковым протоиереем Черноморского войска, и, одновременно, первоприсутствующим Екатеринодарского духовного правления. Благодаря выдающемуся уму, талантливости и обширным и, по тому времени, разносторонним знаниям, Р. скоро приобрел среди Черноморского войска и населения его большой вес и значение, что очень помогало ему в его последующей деятельности.

Озабочиваясь малым количеством в крае священников (всего 10 человек) и не имея возможности вызвать подходящих лиц из России, где ходили преувеличенные слухи о губительном климате Черноморья, Р., с согласия войскового начальства, избрал из местных жителей способных и истинно-

расположенных к духовному званию людей, сам обучил их всему необходимому и отправил затем их к Екатеринославскому преосвященному для рукоположения. Так как церквей в крае было всего четыре (не считая часовен), то Р. иногда месяца по два разъезжал по краю «для испрашивания подаяний на построение церквей». В самое короткое время Р. заложил на собранные суммы во многих станицах деревянные церкви, вызвал из России мастеров и сам заведовал постройкою церквей. За все время его службы в Черноморье им было заложено и выстроено 27 церквей. За эти заслуги Р. был награжден бархатною скуфьею и палицею.

Дальнейшая деятельность Р. почти всецело была отдана делу просвещения в Черноморском крае, имевшем до него только одно низшее учебное заведение. По справедливости Р. и до сих пор именуется «просветителем Черноморского края». По инициативе Р. существовавшая в Екатеринодаре школа была 14-го декабря 1806 г. преобразована в уездное училище; на постройку здания для него и на его содержание Войсковая канцелярия постановила отпускать ежегодно пособие в 1500 рублей. Благодаря стараниям Р., назначенного смотрителем училища, оно в самое короткое время наполнилось воспитанниками; из России Р. вызвал хороших преподавателей, среди которых сам он был примерным законоучителем.

В 1809 г., вероятно, умерла его жена, – и ее смерть сильно подействовала на Р.; по просьбе заштатного протоиерея И. Гоздава-Бочковского, он согласился уступить ему свое место, а сам намеревался идти, «по своему одиночеству и вдовству», в монастырь; на эту комбинацию не согласился Екатеринославский архиепископ, к которому поступило из св. Синода прошение о. Гоздава-Бочковского, и Р. остался в Черноморье.

В 1811 г., по ходатайству Р., в уездном училище был образован первый класс гимназии, чем было положено начало к учреждению в Екатеринодаре гимназии, открытие которой составляло заветную мечту Р. За заслуги по делу просвещения в крае Р. был Высочайше пожалован, 19-го января 1812 г., орденом св. Анны 3-й степени. Чтобы увеличить приток

учащихся в уездное училище и, вместе с тем, подготовить контингент учеников для гимназии, Р. задался целью открыть приходские школы. Не рассчитывая на помощь Войсковой канцелярии, Р. вновь обратился к благотворительности; напечатав и распространив Высочайшую грамоту 1806 г. Черноморскому войску за пожертвования на учебное дело, он собрал сумму денег, достаточную для открытия трех школ, каковые и открыл в Темрюке, Щербиновке и ст. Брюховецкой. Надзирателями в эти школы Р. выбрал лиц из зажиточных и почетных жителей, которые, на основании Устава, должны были заботиться о внешнем и внутреннем благосостоянии школ; у Екатеринославского архиепископа он испросил разрешение на преподавание в школах латинского языка и нотного пения для детей священно- и церковнослужителей, с правом отчислять за это на школы известную часть кружечного сбора. Вскоре Р. открыл четвертое училище – в Гривном.

Неожиданно в 1815 г. Екатеринославский архиепископ запретил пользоваться церковно-кружечными суммами, потребовав от Р. отчета в израсходовании этих сумм; все оказалось правильным, но источник доходов иссяк, благодаря чему многие учителя оставили свои места. Время с 1815 г. по 1817 г. было самым тяжелым в жизни Р. – временем борьбы его за существование школ. Школьное дело было спасено, когда в 1817 г. явился благотворитель – курский купец С. В. Антимонов, который пожертвовал 6500 рублей, благодаря коим было упрочено существование открытых школ.

Забываясь о просвещении и образовании детей духовенства Черноморского края, Р. открыл в августе месяце 1818 г. Духовно-приходское училище и был первым его смотрителем. В 1819 г. Р. открыл еще школы в станицах: Риговской, Темрюке, Медведовской, Куцевской, Леушковской и Пластуновской. 1-го декабря 1819 г. было Высочайше разрешено на собранные Р. 45000 рублей открытие гимназии в Екатеринодаре; самое открытие гимназии состоялось 17-го мая 1820 года. Первым директором ее, в изъятие правил, был Высочайше назначен Р. Его стараниями была при гимназии сформирована библиотека, куда поступили книги из Войсковой канцелярии, Межигорского

монастыря и др. мест; Р. не щадил на нее средств: все лучшее, что тогда выходило – учебники и специальные ученые сочинения, все приобреталось в библиотеку. Кроме наук, положенных по Уставу, в котором числились и изящные науки, основания политической экономии и коммерции, а с 1821 г. и греческий язык для желающих; Р., ввиду особого, как он говорил, военного характера населения, свел еще преподавание военных наук: артиллерии и фортификации; он хотел также ввести в курс и турецкий язык, но не нашлось для этого подходящего преподавателя.

В своей деятельности Р. был совершенно лишен поддержки Войсковой Канцелярии, и только Харьковский университет, в ведении которого находилось школьное дело Черноморского края, являлся единственным пособником и ходатаем за Р., неоднократно давая блестящие отзывы о его деятельности. Два года (1821 и 1822) Р. преследовала клевета за то, будто он занимался взяточничеством и присвоением общественных сумм; расследование совершенно сняло с него эти обвинения. Напряженная деятельность, при отсутствии поддержки, подорвала силы Р.; в начале 1825 г. он заболел и, не имея более возможности отправлять свои служебные обязанности, просил школьный комитет Харьковского университета об отставке; после многих попыток удержать его, Комитет, наконец, предписал Р. сдать должность по форме одному из учителей; как ни торопился Р. скорее окончить сдачу дел и имущества гимназии, сдача шла медленно по причине его болезни, и, не окончив сдачи, 12-го декабря 1825 года он скончался.

Р. был известен, как писатель и сотрудник журналов «Соревнователь Просвещения» и «Украинский Вестник». Он был членом Харьковского Общества наук, считавшего его в числе своих внешних членов по отделению словесных наук, Императорского Человеколюбивого Общества, почетным членом С.-Петербургского Вольного Общества любителей Российской словесности. «Все эти Общества, избирая его в свои члены, спешили изъявить и дарованиям его, и ревности к наукам, и всяким общепольным намерениям высокое почитание и уважение».

В 1815 г. Р. составил руководство под заглавием: «Краткие правила русского правописания» (дважды изданные в Харькове, изданием Черноморского войска подполковника С. М. Дубоноса); кратко, просто и понятно изложенные правила составлены были так рационально, что могли бы с пользою служить еще и теперь, тогда же они были редкое, если не единственное явление в России. Занимался он также иногда и стихосложением. Речи его издавались в 1818 («Речь при публичном собрании в Екатеринодарском уездном училище 1816 года июля 30-го. Харьков») и в 1820 («Речь при открытии Черноморской гимназии в Екатеринодаре, 1820 г., мая 17-го», СПб. и «Речь при публичном собрании, в заключение годичного испытания, в Екатеринодарском училище», Харьков) годах. Погребен Р. в Екатеринодарском Воскресенском соборе, по левую сторону алтаря. Над прахом его не поставлено памятника, но на портрете его, хранящемся в Екатеринодарском окружном училище, собственною рукою Р. написаны слова, знаменующие всю его жизнь: «Alienis inserviando consumor». В память Р. ныне открыта в Екатеринодаре бесплатная городская читальня.

Дела Архива Св. Синода: № 634, от 6-го ноября 1805 г.; № 755, от 23-го июня 1806 г.; № 1014, от 14-го декабря 1806 г.; № 681, от 23-го августа 1809 г.; № 57–1810 г.; № 1381–1821 г.; № 4367, от 11-го февраля 1812 г., № 587, от 3-го июня 1822 года; «Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией», т. VI, стр. 136, 137, 139–142, 145; П. Кеппен, Материалы для истории просвещения в России. вып. II – Библиографические листы 1825 г., СПб. 1826 г., стр. 586–589; Труды Вольного Общества любителей Российской словесности в СПб., ч. XII. стр. 3–32 («Соревнователь», № 10); ч. IX, СПб, 1820 г., стр. 109, 339–340; ч. XVI, СПб., 1821, стр. 109, 357; Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1896 г., стр. 48; «Журнал Министерства Народного Просвещения», ч. LXVI, за 1860 г., отд. V, стр. 1–12; «Ведомости Московской городской Полиции» 1849 г., № 97, ст. В. Золотаренка; Приложение к циркуляру по управлению Кавказским Учебным Округом, № 10, 1876 г., стр. 1–48; Г. Н. Геннади, Словарь, т.

III, М. 1908, стр. 268; Кубанский Сборник на 1913 г. (биография с портретом).

Россицкий, Евсевий Андреевич

Россицкий, Евсевий Андреевич, интендант действующей армии в 1877–1878 г.; родился в 1823 г. и был сыном обер-офицера; воспитание получил в Одесском Ришельевском лицее, где окончил курс в 1842 г., после чего поступил на службу в штаб Бессарабского военного губернатора (20-го сентября), откуда через год перешел в Бессарабскую Палату Государственных Имуществ столоначальником. В феврале 1850 г. Р. поступил столоначальником в полевое провиантское Комиссионерство 5 пехотного корпуса и в августе сделан членом Комиссионерства, а вскоре (1852) перешел в Кременчугскую Провиантскую Комиссию; в 1856 г. выйдя в отставку, Р. в 1858 г. поступил в Новгородскую Провиантскую Комиссию и вскоре прикомандирован был к Провиантскому Департаменту, откуда был послан в Бессарабию дистанционным смотрителем провиантских магазинов, 29-го ноября 1859 г. назначен Бессарабским обер-провиантмейстером, в январе 1860 зачислен в Департаменте, 17-го апреля 1860 г. назначен Таврическим, а 25-го февраля 1862 г. Ковенским обер-провиантмейстером, 21-го октября того же года переведен состоящим при Виленском окружном интендантстве, где с 1864 г. состоял начальником вещевого отделения, в 1867 г. назначен был помощником окружного интенданта Туркестанского военного округа, в 1868 г. назначен был начальником г. Ташкента, и. д. председателя Сыр-Дарьинского Областного Правления и и. д. губернатора этой области (29-го октября 1868), в 1869 г. произведен в д. с. советники (5-го октября) и назначен (28-го ноября) помощником военного губернатора и Председателя Семиреченского Областного Правления, а также Председателем Верненского Комитета для призрения китайских эмигрантов и Попечительного Совета Верненского училища, членом Комитета по постройке собора в г. Верном и и. д. Директора Семиреченского Тюремного Комитета. С 18-го августа 1872 г. Р. был и. д. военного губернатора Семиреченской области, а 1-го мая 1877 г. был назначен состоять в

распоряжении Главнокомандующего действующей армией и 2-го октября 1877 г. определен был интендантом действующей армии. Получив, 22-го января 1878 г., чин тайного советника, Р. уже 7-го мая того же года был зачислен по Военному Министерству, а 1-го июля 1884 г. был исключен из службы, без лишения, однако, чинов, но с заключением в крепости на 10 месяцев и 20 дней и с потерю некоторых прав и преимуществ.

Умер Р. 24-го августа 1885 г. в Киеве, где и погребен на Аскольдовой могиле.

Н. Затворницкий, Указатель биографических сведений... касающихся чинов... Канцелярии Военного Министерства, СПб. 1909, стр. 627–628; надгробие; «Ришельевский Лицей», сборник, ч. I, Од. 1898, списки, стр. 24.

Ростиславов, Александр Иванович, протоиерей

Ростиславов, Александр Иванович, протоиерей, настоятель Градо-Калужской Воскресенской церкви, родной брат профессора *Д. И. Р.* (см. ниже); родился в 1821 г.; по окончании курса в Рязанской духовной семинарии в 1841 г., он в том же году поступил в С.-Петербургскую духовную академию и окончил курс последней в 1845 г., кандидатом XVI курса, после чего, 20-го сентября, был определен учителем церковно-библейской истории, археологии и канонического права в Калужскую духовную семинарию; в 1847 г. исполнял обязанности помощника инспектора семинарии и затем некоторое время был секретарем семинарского Правления.

В 1850 г. женился на племяннице преосвященного Антония (Амфитеатрова), 17-го октября 1858 г. был рукоположен в священники к Градо-Калужской Воскресенской церкви, с оставлением в должности учителя семинарии. При открытии, в 1860 г., в Калуге воскресных школ, Р. принял на себя обязанности законоучителя сперва в мужской, а потом в женской школе; в 1864 г. был приглашен преподавать Закон Божий в первых трех классах Калужской мужской гимназии, а в следующем году был назначен штатным законоучителем гимназии, с увольнением от должности учителя семинарии. Обладая «обширными познаниями и несомненным талантом при завидной памяти», Р. «воспитал много поколений в духе истинной веры и доброй нравственности, оставив по себе память, как прекрасный наставник и воспитатель». При деятельном участии его, как приходского священника, был устроен в Воскресенской церкви придел во имя Ахтырской иконы Божьей Матери.

Р. скончался в ночь на 2-е марта 1889 г., от рака в печени.

При окончании курса Академии Р. писал кандидатское сочинение на тему: «Сравнение секты духоборцев (молокан) с сектою квакеров (рукопись в библиотеке СПб. духовной академии).

«Калужские Епархиальные Ведомости» 1889 г., № 5 и 6; А. С. Родосский, Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов СПб. дух. академии (1814–1869), СПб. 1907, стр. 412–413.

Ростиславов, Димитрий Иванович

Ростиславов, Димитрий Иванович, профессор и инспектор С.-Петербургской духовной академии, писатель; родился в 1809 году, умер 18-го февраля 1877 г.; происходил из духовного звания, был сыном священника, родом из Рязанской губернии села Палищ, Касимовского уезда. Образование получил в Касимовском и Рязанском духовных училищах и в Рязанской семинарии, а высшее – в С.-Петербургской духовной академии. По окончании курса Академии, Р. был утвержден в степени магистра и определен бакалавром по кафедре физико-математических наук в той же Академии – в 1833 году (6-го октября); с 25-го ноября 1835 г. по 28-е сентября 1836 г. он исправлял должность профессора физико-математических наук, а 27-го июля 1838 года был назначен ординарным профессором.

Любовь профессора к предметам своих лекций, ясность и общедоступность изложения привлекали в аудиторию многочисленнейших, против прежнего, слушателей, ввиду чего высшее начальство в 1842 г. признало необходимым объявить слушание лекций по физике, математике и всеобщей истории обязательным для всех студентов, тогда как раньше выбор их был предоставлен на произвол студентов. Стараниями Р., во время его профессорства, был устроен довольно полный физический кабинет, снабженный многими инструментами, собрана была и библиотека по части физики и математики. Но духовное начальство на все эти нововведения смотрело не вполне одобрительно: тогдашний митрополит Антоний находил «странным» успехи в Академии по физике и математике, предметам, якобы не имеющим ничего общего с богословием. Однако от такого неблагоприятного отношения начальства энергия Р. не ослабевала...

В 1840 г., 2-го декабря, по прошению, Ростиславов был уволен из духовного звания в светское и в 1847 г., 6-го октября, произведен был в статские советники. Во время своего пребывания при Академии он несколько раз на короткое время

исправлял должность инспектора Академии, а также в продолжение 12 лет, с 1834 по 1846 год, был экономом Академии. В 1852 г., 19-го июня, Ростиславов вышел в отставку по болезни и поселился в Рязани.

В скором времени он оправился от своей болезни и снова принялся за педагогическую деятельность на месте нового своего жительства: в 1858 г. он испросил у Св. Синода разрешение на бесплатное чтение лекций по физике в Рязанской духовной семинарии. В аудиторию его устремились толпы и посторонних слушателей; о лекциях Р. заговорил весь город, но многие отнеслись с подозрением к лекциям по важнейшей отрасли естествознания, особенно, когда Р. начал еще читать лекции по астрономии, метеорологии, физической географии и геологии. Многолюдство слушателей побудило Р. перенести свою аудиторию в зал Благородного собрания, где лекции и читались в 1860, 1861, 1862 и 1866 годах. Но под конец Р. навлек на себя обвинения в безбожии и в сочувствии протестантизму со стороны известной части местных деятелей...

В октябре 1859 г. Директор Канцелярии св. Синода И. С. Гаевский полуофициальным письмом предложил Р., как бывшему воспитаннику духовно-учебных заведений и одному из усерднейших деятелей на поприще духовного образования, сообщить свои замечания и соображения о переменах к улучшению духовных училищ, как в учебном, нравственном, так и в экономическом отношениях. Составителю записки предоставлена была полнейшая свобода мнений, без всякого стеснения канцелярской формалистикой. Это предложение как нельзя более соответствовало заветным и давнишним мечтам Ростиславова. С жаром и с свойственной ему энергией он принялся за дело, и через 9 месяцев записка была окончена и отправлена Гаевскому, который через несколько времени возвратил ее автору с отзывом, что «записка, по своему направлению, не может получить дальнейшего хода». Не желая, чтобы добросовестный труд его пропал бесследно, Р. передал свою рукопись М. П. Погодину. Неведомо какими путями рукопись попала за границу и была напечатана в 1863 г. в Лейпциге под заглавием: «Об устройстве духовных училищ в

России» (т. I – 502, т. II – 581 стр.). Книга эта была принята весьма сочувственно, ее успех поощрил Р. к дальнейшему труду и в 1866 году он отпечатал в Лейпциге новый замечательный труд свой: «Черное и белое духовенство в России». Эти сочинения впоследствии, с ослаблением строгости цензурного Устава, были допущены к обращению и у нас и напечатаны: первое – в «Церковно-Общественном Вестнике» 1875 года, второе – там же за 1874 год. Оба произведения Ростиславова достигли главнейшей своей цели: в 1867 году, при преобразовании семинарий и низших духовных училищ имелись в виду и сочинения Р., и многое было исправлено по указаниям, заключавшимся в его трудах. С того времени до конца своей жизни Р. посвятил себя исключительно литературным трудам. Замечательнейшим из них был «Опыт исследования об имуществе в доходах наших монастырей», СПб. 1872 и 1876 гг. Четвертый, громадный труд Р., оставшийся в рукописи, имеет предметом обозрение степеней веротерпимости во всех древних и новых религиях, равно во всех исповеданиях и ересь христианского учения.

Кроме сочинений, посвященных духовно-историческим исследованиям, Р. написал несколько руководств по части физики и высшей математики (напр., «Начальная алгебра», М. 1868). Помимо указанных трудов, братом Д. И. – Николаем Ивановичем, еще сообщены в печать «Записки Дм. Ив. Ростиславова» – в «Русской Старине» 1880 г., т. 27 и 28; 1882 г., т. 33 и 34; 1884 г., т. 42 и 43; 1887 г., т. 56; 1888 г., т. 57 и 59; 1892 г., т. 76; 1893 г., т. 77–80; 1894 г., т. 81 и 82; 1895 г., т. 83. Наиболее интересны записки «О Николае Ивановиче Надеждине» («Русская Старина» 1894 г., т. 81, июнь); «О Балашеве» (там же 1894 г., т. 82, декабрь); «О Рюмине и некоторых других Рязанских жителях мирянах» (там же 1894 г., т. 82, декабрь); «О Симоне и Амвросии, Рязанских архиепископах» (там же 1894 г., т. 82, декабрь); «О Феофилакте, архиепископе Рязанском» (там же 1895 г., т. 83, март); «О приезде в Рязань нового архиерея Филарета и о смерти Императора Александра I» (там же 1895 г., т. 83, июнь). При жизни Р. напечатаны также: «С.-Петербургская духовная

академия до графа Пратасова» («Вестник Европы» 1872 г., кн. 4 и 5), «С.-Петербургская духовная академия при графе Пратасове» («Вестник Европы» 1883 г., кн. 7, 8 и 9) и «Феофилакт Русанов, 1-й экзарх Грузии» (там же, 1873 г., кн. 6); «О преподавании словесности в духовных семинариях и – «Православное Обозрение» 1860 г., № 11 под (псевд. Д. Варник) и несколько статей в «Церковно-Общественном Вестнике».

Послужной список, хранящийся в Архиве Св. Синода; «Церковно-Общественный Вестник» 1877 г., № 24; «Новое Время» 1877 г., № 363; «Русская Старина»; В, Иконников, Русская историография», К. 1891 г., т. I, кн. 1, стр. 683, 771, CLXXXI, СС; «С.-Петербургские Ведомости» 1907, № 39; «Голос» 1877 г., № 62; «Щукинский Сборник», т. V, стр. 501 и сл.; А. Родосский, Биографический словарь студентов С.-Петербургской духовной академии 1814–1869, СПб. 1907, стр. 413–415.

Ростиславов, Иван Николаевич

Ростиславов, Иван Николаевич, преподаватель Ярославской духовной семинарии; родился в 1808 г. и был сыном диакона Вологодской епархии; поступив в 1826 г. в Вологодскую духовную семинарию и окончив в ней курс в 1831 г., он в том же году поступил в С.-Петербургскую духовную академию, курс которой окончил в 1835 г., и 10-го октября был возведен в степень кандидата с назначением преподавателем словесности в Иркутскую духовную семинарию. По приезду на место службы, Р. корпорацией семинарии был избран (с 10-го января 1836 г.) библиотекарем семинарской библиотеки и занимал эту должность до 22-го февраля 1836 г. С 22-го февраля 1836 г. по 8-е июня 1841 г., почти во все время службы в семинарии, Р. был, по избранию, секретарем семинарского правления; за временным отсутствием некоторых учителей он неоднократно преподавал различные предметы в разных отделениях семинарии: св. Писание, церковно-библейскую историю, математику, греческий, латинский, французский и немецкий языки.

24-го октября 1841 г. Р. был перемещен в Ярославскую семинарию, в высшее ее отделение, на Священное Писание. Вследствие недостатка печатных руководств, Ростиславов составлял немало своих записок по Священному Писанию, причем для правильного и точного толкования смысла объясняемых мест он обыкновенно обращался к подлинным текстам – еврейскому и греческому. Желая возможно лучше ознакомиться с французским языком, Ростиславов большую часть своего скудного жалованья тратил на выписку учебников, хрестоматий, словарей и т. п. пособий по этому языку. С 22-го февраля 1845 года по 26-е мая 1847 г. он исполнял обязанности помощника инспектора семинарии, состоя в то же время членом комитета по проверке экономических отчетов за 1843–44 гг. по Ярославскому духовному училищу и за 1845–6 гг. – по Ярославской духовной семинарии. Разновременно преподавал он в это время и позже математику, французский и греческий

языки и словесность, с 16-го июля 1855 г. по 24-е декабря 1856 г. состоял членом комиссии для ревизии церковного имущества в соборах, монастырях и приходских церквях по г. Ярославлю и его уезду, 19-го июня 1857 г. перемещен на кафедру Всеобщей гражданской истории и соединенных с нею предметов 1-го февраля 1860 г. Р. был уволен, согласно прошению, из духовного звания, а 15-го сентября 1862 г., согласно прошению, уволен был и от духовно-учебной службы.

Ростиславов был одним из малоизвестных, но редких преподавателей первой половины XIX в. Преданный до самозабвения делу воспитания молодежи, ограниченный скудным (280 руб.) жалованьем, он сознательно остался холостяком, отдавая всего себя преподаванию и, после отставки, безвозмездно продолжая занятия французским языком с бедными воспитанниками семинарии.

Скончался 5-го февраля 1888 г.

При окончании курса Академии написал кандидатское сочинение на тему: «О почитании св. икон» (рукопись Академической Библиотеки).

«Ярославские Епархиальные Ведомости» 1871 г., часть неоф., № 3, стр. 23–24; 1888 г. № 7, часть неоф., стр. 110–112; А. Родосский, Биографический Словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской духовной академии (1814–1869), СПб. 1907, стр. 416.

Ростиславов, Николай Иванович

Ростиславов, Николай Иванович, тайный советник, магистр С.-Петербургской духовной академии; сын священника Рязанской епархии, род. 14-го марта 1823 г. в селе Шеянках, Касимовского уезда Рязанской губ. (брат *Д. И. Р.* – см.). Окончив в 1843 г. курс Рязанской духовной семинарии, он в том же году поступил в С.-Петербургскую духовную академию и, окончив курс последней в 1847 году 9-м магистром, был в том же году назначен профессором Казанской духовной семинарии по церковной истории, гражданской всеобщей истории, русской истории и немецкому языку. В 1849 г. в Чистопольском духовном училище, подчиненном Казанской духовной семинарии, из-за неумелого руководства смотрителя училища учащимися, вспыхнули волнения. В качестве ревизора в училище был послан Ростиславов, но его ревизия, веденная неумело, повела только к еще большему разладу в училище. По требованию Ростиславова, отпуск учеников на вakat был несколько задержан, а между тем за ними уже приехали в город их родные и проводники с подводами; толпа родителей и учеников, враждебно настроенная против ревизора, выбила стекла в доме смотрителя, где тот помещался. Ростиславов так и не кончил своей ревизии: сказавшись больным, он уехал в Казань. Под влиянием, вероятно, этой неприятности он в 1851 г. перешел на гражданскую службу – в Самарскую Палату Гражданского Суда, в 1853 г. – в Рязанскую Палату Гражданского Суда, затем в Канцелярию Рязанского прокурора, а в 1856 г. – в Канцелярию I Отделения 5-го Департамента Правительствующего Сената.

Не имея специального юридического образования, Ростиславов поступил вольнослушателем в С.-Петербургский университет, по юридическому факультету. Подготовленный, таким образом, опытом и специальным юридическим образованием, Ростиславов в 1863 г. поступал в Канцелярию Морского Министерства на должность младшего помощника делопроизводителя, а в 1866 г. занял должность делопроизводителя по советскому Отделению Министерства, в

которой и состоял до 1886 г. В этом году он был назначен Председателем Комиссии по пересмотру и окончанию работ бывшего Кодификационного Управления по составлению «Свода морских постановлений», в каковой должности и состоял до самой смерти.

В конце 1887 г. болезнь, которою он страдал (рак желудка), настолько усилилась, что он не мог уже выезжать из дому, но не переставал работать над делами Комиссии, закончив их в январе 1888 г., а 28-го марта того же года скончался; погребен на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры.

Ростиславов оставил по себе прекрасную память во всех, знавших его. В литературе имя его известно, как издателя посмертных трудов его брата, Д. И. Ростиславова, а особенно автобиографии последнего, помещенной им в «Русской Старине». Самому Ростиславову принадлежит статья «О заштатных чиновниках», напечатанная в «Русском Вестнике» за 1860 г., № 10. Магистерское сочинение Ростиславов писал на тему: «Опыты объяснения VI–VIII глав послания св. апостола Павла к Римлянам».

«Церковный Вестник» 1888 г., № 15, стр. 813–315; А. Родосский, Биографический Словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской духовной академии (1814–1869), СПб. 1907, стр. 412–413; И. Чистович, История СПб. духовной академии, СПб. 1857, стр. 458; П. Знаменский, История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870), Казань. 1891, стр. 346–347; А. Благовещенский, История Казанской духовной семинарии, Казань. 1883, стр. 326; «Новое Время» 1888 г., № 4340, и 4841; «Русская Старина» 1880 г., июль, стр. 405–406 (Записки Д. И. Ростиславова); Петербургский Некрополь, т. III, стр. 621; «Новости» 1888 г., № 89; «Сын Отечества» 1888 г., № 86.

Ростислав Владимирович, князь Тмутараканский

Ростислав Владимирович, князь Тмутараканский, сын старшего сына Ярослава Мудрого – князя Новгородского *Владимира Ярославича*, родился в 1038 году. Так как Владимир Ярославич умер раньше отца своего – в 1052 году, то при дележе наследства после Ярослава Мудрого князь Ростислав Владимирович, как «изгой», потерявший старшинство, не мог рассчитывать на получение крупного удела, а должен был ограничиться подчиненным положением князя одной какой-нибудь волости, которую ему дадут старшие родичи. Последние первоначально дали Ростиславу Владимировичу Ростовский удел, затем в 1056 году перевели его во Владимир-Волынский и, наконец, в 1061 году – в Новгород. Там он княжил до 1064 года, когда, с двумя родовитыми известными людьми Пореем и Вышатой, сыном Новгородского посадника Остромира, «бежал», по выражению летописи, в Тмутаракань. В Тмутаракани княжил тогда двоюродный брат его – Глеб Святославич; Ростислав изгнал оттуда последнего и завладел княжением. На помощь к сыну явился тогда с ратью Святослав Ярославич, князь Черниговский. Ростислав, по словам летописи, «отступи кроме (вон) из города, не убоявся его, но не хотя противу стрыеви (дяди) оружия взяти». Святослав ввел вновь своего сына на княжение, но едва он удалился домой, как Ростислав опять изгнал Глеба и окончательно утвердился в Тмутаракани. Отсюда он предпринимал походы на соседних Касогов и Ясов, покорил их и заставил платить себе дань. Такая энергичная деятельность показалась опасною Грекам, которые подослали к Ростиславу Корсунского начальника Котопана; Ростислав принял его весьма радушно, как посла дружественного государства. Но однажды, как повествует летописец, «пьющу Ростиславу с дружиною своею, и рече Котопан: Княже, хочу на тя пити. Оному же рекшу: пей. Он же, испив половину, а половину дасть князю пити, дотиснувся пальцем в чашю: бе бо имея под ногтем растворенье смертное (яд)». Яд этот должен

был подействовать на восьмой день. Котопан, возвратившись в Корсунь, объявил, что в такой-то день (13-го февраля 1065 года) Ростислав умрет, что и случилось. За это корсунцы побили Котопана камнями, боясь мщения русских, так как, по свидетельству летописи, Ростислав пользовался общей любовью; он был добр к рати и милостив к убогим, высок ростом и красив лицом. Ростислав был женат на дочери Венгерского короля и имел от нее трех сыновей, из коих младший – Василько, известен своей трагической судьбой. После смерти Ростислава вдова его пожелала возвратиться в Венгрию, к отцу своему; великий князь Изяслав Ярославич согласился отпустить ее, но сыновей ее удержал на Руси. Ростислав был похоронен в церкви св. Богородицы в Тмутаракани.

С. Соловьев, История России с древнейших времен, изд. второе, т. I, стр. 286, 289, 290; Карамзин, История Государства Российского, изд. 1892 г., т. II, стр. 48, 49, прим. 116, 117, 120, 138, 145; Татищев, История Российская, т. II, стр. 117; Полное собрание Русских летописей, т. I, стр. 70, 71, 72; т. II, стр. 269, 270; т. III, стр. 2, 121; т. V, стр. 140, 141; т. VII, стр., 219, 232, 334, 335; т. IX, стр. 92, 93, 94; т. XV, стр. 154, 150; В. Иконников, Опыт Русской историографии, т. II, стр 148, 476, 540, 1370; И. Нехачин, Исторический словарь Российских государей, князей и пр., стр. 156.

Ростислав Всеволодович, князь Переяславский

Ростислав Всеволодович, князь Переяславский, сын Всеволода I Ярославича, младший единокровный брат Владимира Мономаха (от разных матерей). Матерью Ростислава была Половецкая княжна, по имени Анна; родился он в 1070 году. В летописях мы нигде не встречаем упоминания о князе Ростиславе, где бы одновременно не был упомянут и брат его Владимир: видимо, первый был всегда только верным помощником старшего брата и никогда нигде не выступал самостоятельно. В 1086 году он вместе с отцом и братом принимал участие в похоронах в Киеве безвременного погибшего князя Ярополка, а в 1089 году он, опять-таки с отцом и братом, присутствовал при освящении Печерской церкви в Феодосиевском монастыре во имя Успения Пресв. Богородицы. Как рассказывает Владимир Мономах в своей духовной, он вместе с Ростиславом победоносно сражался с Половцами у городка «Варина», где взял у них вежи. В борьбе с Половцами Ростислав и погиб, участвуя в несчастном походе Святополка Изяславича и Владимира Мономаха, в скором времени после смерти великого князя Всеволода Ярославича – в 1093 году. Об этом походе летописец рассказывает следующее: когда Половцы узнали о кончине Всеволода и о переходе Киевского стола к Святополку Изяславичу, то послали к последнему послов, предлагая, по своему обыкновению, купить мир. Святополк на это не согласился и велел заключить послов в темницу. Узнав об этом, Половцы значительными полчищами пошли на Русь и осадили город Торческ. Испугавшись, Святополк сам предложил Половцам мир, но они на таковой не согласились, почему Святополк и был вынужден выступить против них. Предварительно он, по совету дружины, обратился за помощью к Владимиру Мономаху, который не замедлил явиться, вызвав вместе с тем и брата Ростислава из Переяславля. Соединенные войска подошли к Триполью. Их было так мало, что Владимир и многие дружинники стали

советовать заключить с Половцами мир, но Святополк и большинство Киевской дружины настояли на том, чтобы воевать. Войска перешли за реку Стугну. Святополк вел правое крыло, Владимир – левое, а Ростислав шел посередине. Половцы прежде всего набросились на правое крыло, смяли его и обратили в бегство, а затем стали наступать на Владимира и Ростислава. Дружины этих князей оборонялись мужественно, но в конце концов не выдержали и побежали. Добежав до Стугны, они стали переправляться вброд, и при этой-то переправе Ростислав утонул на глазах брата, который хотел спасти его, но едва не утонул сам.

Тело Ростислава удалось извлечь из воды, и он был похоронен в Киеве, в церкви Св. Софии. «И плакася по нем мати его и вси людие, пожалиша си много по нем юности ради его», – говорит летописец. В Печерском Патерике рассказывается, что кончина Ростислава от воды была предсказана ему Григорием, чудотворцем Печерским, и что Ростислав велел утопить предсказателя, сказав ему: «Мне ли смерть поведаети от воды, умеюще плавать посреде ея? сам тоя вкусиши».

С. Соловьев, История России с древнейших времен, изд. второе, т. I, стр. 318, 319, 742; Карамзин, История Государства Российского, изд. 1892 г., т. 11, стр. 64, 65, 67, 71, 72, прим. 146, 156, 164, 166, 229; В. Иконников, Опыт Русской историографии, т. I, стр. 141, 195, 248, 462; И. Нехачин, Исторический словарь Российских государей, князей и проч.; Полное Собрание Русских летописей, т. I, стр. 75, 88, 89, 93, 94, 103; т. II, стр. 272, 277, 278, 279; т. III, стр. 2; т. V, стр. 143, 148, 149; т. VII, стр. 4, 6, 7, 232, 337; т. IX., стр. 97, 114, 115, 120, 121; т. XV, стр. 160, 176, 182.

Ростислав-Михаил Мстиславич, князь Киевский

Ростислав-Михаил Мстиславич, третий сын *Мстислава Владимировича*, внук Владимира Мономаха, князь Смоленский (1125–1159 г.), а затем Киевский. Профессор П. В. Голубовский в своей монографии «История Смоленской земли до начала XV ст.» отводит ему первенствующее место в деле устройства Смоленской земли. «Значительная населенность, – говорит он, – развитие торговли с востоком и западом, севером и югом давали Смоленскому князю обильные средства для придания своему княжеству политического веса в общерусских делах, и, несмотря на всю отрывочность имеющихся у нас данных, можно сказать, что Ростислав умел воспользоваться своим положением и поставил Смоленскую землю на высшую степень политического могущества, какой она уже никогда не достигала после его смерти». Стремясь поставить свой удел в независимое положение и в церковно-административном отношении, Ростислав основал в Смоленске в 1137 г. епископскую кафедру, а в 1151 г., «сдумав с людьми своими», т. е. с согласия веча, написал уставную грамоту, в которой назначил десятую часть доходов князя и княгини, земельные владения, бобровые гоны, «сеножаты» (сенокосы) и т. д.

«Святей Богородици (Соборной церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы) и епископу, кроме продажи, и кроме виры, и кроме полюдья». Примеры назначения десятой части доходов в пользу церкви были, как известно, и ранее: начало «десятин» в пользу церкви положил, как известно, Владимир Святой, при построении им Десятинной церкви в Киеве. В случае упразднения епископской кафедры в Смоленской земле и присоединения этой земли, как то было раньше, к Переяславской епископии, все преимущества, дарованные Смоленскому епископу, должны быть, как сказано в уставной грамоте 1151 г., уничтожены. Из этой же уставной грамоты видно, что ежегодный доход князя Ростислава составлял на наши деньги около 535869 рублей, а если присоединить

колеблющиеся доходы: гостинную и торговую дани, мыто, корчемную и весовую пошлины, то сумма эта, вероятно, превышала 600000 рублей.

Первым епископом Смоленским был назначен в 1137 г. грек Мануил, пришедший из Греции в Киев к великому князю Мстиславу, отцу Смоленского князя Ростислава, с двумя певцами. Будучи знатоком церковного пения (деместик), он развил в жителях Смоленска любовь к хорошему церковному пению, о котором впоследствии так заботился преп. Авраамий. Выбор в епископы Мануила и беседы с выдающимися лицами из Смоленского духовенства доказывают, что Ростислав любил окружать себя образованными и учеными людьми. Из послания Киевского митрополита Климента (Клима) Смолятича (Смоленского уроженца) к его старому другу, священнику г. Смоленска Фоме, видно, что Климент писал перед тем самому Ростиславу, что князь беседовал по поводу его письма с Григорием (тоже из высшего Смоленского духовенства) и Фомой и поручил последнему написать ответ, вызвавший со стороны митрополита новое послание. Из послания Климента к священнику Фоме ясно также, что творения святых отцов и классических писателей Греции были известны высшему Смоленскому духовенству в подлиннике, что свидетельствует о высоком уровне его образованности.

Просвещение, торговля и богатство Смоленской земли обуславливались ее географическим положением. Находясь в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги, она рано вступила в торговые сношения с Западной Европой через посредство Полоцкой земли, с Киевом, Новгородом, Суздальской землей вообще и выделившимся из нее впоследствии Тверским княжеством. Ведя оживленную торговлю с соседями, Смоленская земля – через них или даже непосредственно, вошла в сношения с далекими образованными странами на Востоке, как, напр., с Волжской Булгарией и Багдадским халифатом, а на юге – с Византией, под сильным влиянием которой и развилось ее просвещение. Смоленские бояре, пришедшие с Ростиславом в Киев, когда он сделался великим князем, ездили в 1161 г. в Византию по делу о постановлении

нового митрополита в Киев. Вследствие умения Ростислава ладить с вечем, во все время его долгого княжения в Смоленской земле господствовало внутри страны спокойствие. Для большей ясности повествования о деятельности Ростислава Мстиславича мы должны помнить, что после смерти Владимира Мономаха стало обнаруживаться в отдельных княжениях Южной и Западной Руси стремление к самостоятельности. Киев привлекал к себе и Мономаховичей (сыновей и внуков Владимира Мономаха), и Ольговичей. Киевляне были более расположены к Мономаховичам, считая их своими законными князьями, но и Ольговичам случалось занимать киевский стол, для достижения которого многие из них опирались на половцев, опустошавших Русские земли. Вследствие этого возникла борьба между Мономаховичами и Ольговичами, оставившая глубокий след в южно-русских летописях.

В 1125 г. скончался Владимир Мономах, и Киевское княжение перешло к его старшему сыну Мстиславу, который перевел брата Вячеслава из Смоленска в Туров, а сына своего Ростислава посадил в Смоленске. В 1128 г. Ростислав ходил со смолянами к Друцку против Полоцких князей, в 1130 г. против Чуди, а в 1131 г. Мстислав брал его с собой в поход против Литовцев. Такое участие Смоленского князя в походе великого князя Киевского можно объяснить повиновением сына отцу и желанием оказать ему помощь, но из последующих событий видно, что Смоленск находился в зависимости от великого князя. После смерти в 1132 г. Мстислава киевляне выбрали в князя его брата Ярополка, и Ростислав вносил ему со Смоленской земли известную дань, или «дар», за которым приезжал в Смоленск, по поручению Ярополка, старший брат Ростислава – Изяслав. В 1139 г. Ростислав помогал Ярополку в его походе против Чернигова.

В том же 1139 г. умер бездетный Ярополк, и великим князем Киевским, помимо его брата Вячеслава, сделался Всеволод Ольгович, троюродный брат Изяслава и Ростислава Мстиславичей, женатый на их сестре и настолько с ним расположенный, что в 1142 г. его родные братья роптали на него

за любовь к Мстиславичам. Как видно, Смоленск продолжал и Всеволоду платить подать: в летописи встречается известие, что в 1142 г. Ростислав шел «с Смоленским послом в Киев к своему зятю» и, слыша, что Ольговичи бились у Переяславля с его дядей Вячеславом и братом Изяславом, напал на владения Ольговичей и захватил все, что им принадлежало около Гомия. В 1144 и 1146 гг. Ростислав участвовал в походах великого князя Всеволода против князя Галицкого Владимира. По возвращении из первого похода, Ростислав построил в 1145 г. при Смядынском монастыре церковь во имя св. мучеников Бориса и Глеба, желая почтить память Муромского князь Глеба, убитого неподалеку от этого места в 1015 г.; в 1146 г. он построил в том же монастыре церковь во имя св. апостолов Петра и Павла.

После смерти Всеволода Ольговича в 1146 г., произошли сильные распри из-за Киевского княжения между его братом Игорем и Изяславом Мстиславичем. Верх одержал Изяслав, а Игорь был сослан им в Переяславль для заключения в «порубе» при монастыре св. Иоанна. С этого времени Ростиславу пришлось принимать деятельное участие в большей части походов своего старшего брата Изяслава. Скажем об этих походах, не вдаваясь в подробности, уместные в биографии Изяслава.

По вступлении на великокняжеский стол, Изяслав предоставил Переяславское княжение Ростиславу, а Смоленск назначил своему меньшому брату Владимиру; но Ростислав не пожелал расстаться со Смоленском и Владимир жил при брате в Киеве. В 1147 г. Ростислав участвовал в походе на Святослава Ольговича, пожег Любич и, соединившись с Изяславом на урочище Черная Могила, посоветовал ему идти к р. Суле навстречу неприятелю. Они взяли и разграбили г. Всеволож; из нескольких городов население бежало в Чернигов, а после того, как жителям г. Глебла удалось от них отбиться, братья Мстиславичи отправились в Киев, и несколько времени Ростислав мирно там прожил. В 1148 г. Изяслав прислал своих людей к Ростиславу за советом, мириться ли с князьями, имевшими против него вражду из-за убиения Игоря Ольговича киевлянами? Ростислав ответил, что если «старший брат

делает ему такую честь», что желает узнать его мнение, то, «для блага земли Русской и православных, он предпочитает мир», а потому, если князья перестанут враждовать из-за Игоря, то следует помириться.

В 1149 г. Изяслав пришел к Ростиславу в Смоленск за помощью против своего дяди Юрия Долгорукого, князя Суздальского. Сговариваясь относительно похода, они проводили время не только в кругу своих дружинников, но и со Смолянами, что указывает на близкие отношения, существовавшие между Ростиславом и жителями Смоленска. Изяслав и Ростислав сделали друг другу большие подарки: Изяслав привез брату в дар произведения Русской, т. е. Киевской земли и Византии, Ростислав отдал Изяславу тем, что получал из «верхних» земель и от Варягов. Из Смоленска Изяслав поехал в Новгород к своему сыну Ярославу, собрал там войско и несколько времени спустя соединился на устье реки Медведицы (притоке Дона) с братом Ростиславом, который привел с собой Русские (южные) и Смоленские полки. Раньше, чем предпринять поход, Ростислав отправил к дяде Юрию послов, думая, вероятно, войти с ним в мирное соглашение, но Юрий задержал послов и оставил племянника без всякого ответа. Опустошив земли Юрия по обоим берегам Волги, Ростислав вернулся в Смоленск, а Изяслав в Новгород, так как наступила Вербная неделя, сделалось тепло, и Волга и Молога вскрылись, В августе того же года Юрий собрал большое войско и призвал половцев, чтобы идти мстить Изяславу за весеннее опустошение и за обиду, нанесенную сыну Юрия – Ростиславу. Услыхав о сборах Юрия, Изяслав послал за своим братом, Ростиславом Смоленским, который и принял участие в сражениях против Юрия. Поход окончился поражением союзных войск Мстиславичей; Юрий занял Киев, Изяслав с семьей отправился во Владимир Волынский, а Ростислав вернулся в Смоленск. По поводу борьбы с Юрием заметим кстати, что он ни разу не решился прорваться через Смоленскую землю, следовательно, признавал могущество Ростислава. Дальнейшие распри из-за Киева между Юрием и Изяславом обошлись без содействия Ростислава, а потому мы и не

говорим о них. Когда же Изяслав посадил в 1151 г. в Киев дядю Вячеслава, старшего представителя Мономаховичей, а сам сделался его соправителем, то понадобилась помощь венгров и Ростислава. Вячеслав и Изяслав послали звать Ростислава, причем Вячеслав велел сказать ему, что считает и его, и Изяслава своими «сыновьями», а Изяслав признавался, что «посадил» дядю в Киеве вследствие неоднократных доводов Ростислава, всегда отстаивавшего право старшинства. «Ты меня, брат, не раз понуждал», должны были сказать послы Изяслава Ростиславу, «чтобы я оказал честь дяде своему и отцу, а теперь Бог привел меня в Русскую землю, и я посадил дядю моего и твоего в Киеве для тебя и всей Русской земли»...

Вскоре после призыва Вячеслава Ростислав явился в Киев с большим войском и был дружески принят дядей и братом. Как в этом, так и в следующем, 1152 г. Ростислав участвовал в походах против Юрия, а в промежутки между походами жил у себя в Смоленске. В 1152 г. Ростислав и союзные князья, придя на помощь Изяславу Давидовичу, выдержали в Чернигове 12-дневную осаду от половцев и Юрия с его союзниками, которые только тогда отступили от Чернигова, когда узнали, что Вячеслав и Изяслав Мстиславич двинулись к нему со своими полками.

В 1154 г. умер Изяслав Мстиславич. Вячеслав, назвавший Ростислава «сыном», немедленно известил его о кончине брата и до его прихода в Киев не пустил к себе Изяслава Давидовича, очевидно, опасаясь, что он захватит Киевский стол. Чтобы не оставаться одному, Вячеслав послал за любимым племянником Ростислава, Святославом Всеволодовичем, который и приехал в Киев. Вся Русская (т. е. Киевская) земля и Черные Клобуки были довольны, что Ростислав пришел в Киев. Вячеслав передал ему свой полк и дружину и сказал, чтобы он властвовал и распоряжался по примеру Изяслава, а Киевляне обещали Ростиславу, что Киев будет за ним в течение всей его жизни, и требовали только, чтобы он почитал Вячеслава так же, как почитал его Изяслав. Ясно, что Киевляне были твердо намерены устранить Юрия Долгорукого от Киевского стола, несмотря на его старшинство. Между тем, Изяслав Давидович

Черниговский и его двоюродный брат Святослав Ольгович Новгород-Северский известили Юрия Суздальского обо всем происшедшем, и он прислал своего сына Глеба с половцами на Переяславль, где находился Мстислав, сын умершего великого князя Киевского Изяслава. Ростислав со своим сыном Святославом и племянником Мстиславом количеством войска нагнал страх на половцев, и они ушли за реку Сулу. Предстояло идти против Изяслава Давидовича к Чернигову, а потому Ростислав, не возвращаясь в Киев, выступил со своими полками в поход; он взял с собою племянников: Святослава Всеволодовича и Мстислава Изяславича, Торков и Киевлян и, перейдя Днепр, остановился напротив Вышгорода. На другой день прискакал из Киева гонец с известием о внезапной смерти Вячеслава. Оставив свои полки, Ростислав поспешил в Киев; там он оплакал Вячеслава, как своего отца, и похоронили его в храме Св. Софии. После похорон Ростислав приехал на «Ярославов двор» и велел принести к себе имущество Вячеслава – одежды, золото и серебро. Он взял только крест на благословение, а все имущество роздал по монастырям, по церквам, отшельникам и нищим. Распорядившись поминовением, Ростислав поехал к войску и советовался с племянниками относительно похода к Чернигову. На военном совете дружинники, очевидно Киевляне, знавшие настроение населения, отговаривали его от похода к Чернигову, считая, что следует ему прежде упрочить свое положение в Киеве. «Если твой дядя Юрий и придет на тебя, когда ты с Киевлянами уладишься, удобно будет – если захочешь мириться, то мириться, а если предпочтешь воевать, то – воевать с ним». Ростислав не послушал этого совета, двинулся к Чернигову и предложил Изяславу Давидовичу целовать крест, что он признает Ростислава Киевским князем. Изяслав отверг мирные предложения и, соединившись с Глебом Юрьевичем и Половцами, вышел к Боловесу навстречу Ростиславу. Видя огромное число половцев, Ростислав оробел и стал посылать к Изяславу Давидовичу, прося мира; при этом он отдавал ему Киев и Переяславль. Услышав это, Мстислав Изяславич рассердился: «Пусть же не будет ни мне Переяславля, ни тебе

Киева», сказал он и вместе со своею дружиною покинул дядю. После двухдневной упорной битвы с Половцами полки Ростислава обратились в бегство; Святослав Всеволодович был взят в плен Половцами, а Ростислав едва избежал той же участи. Не заключив никакого договора с Киевлянами, Ростислав не решился вернуться в Киев и отправился в Смоленск. Изяслав Давидович предложил себя в князья Киевлянам и был ими принят; своему союзнику Глебу Юрьевичу он дал Переяславскую волость.

Между тем, князь Юрий Долгорукий, призванный в Киев Святославичами, узнал на дороге о вышеупомянутых происшествиях и направился к волости Ростислава. Собрав войско, Ростислав вышел к нему навстречу и послал просить у него мира. При свидании он сказал Юрию: «Отец, кланяюсь тебе, ты ко мне был прежде добр, а я – к тебе, и теперь кланяюсь тебе; ты, мой дядя, мне как отец». Юрий отвечал: «И вправду, сын мой; с Изяславом поладить я не мог, а ты мой брат и сын». Они целовали между собой крест, чтобы быть в любви и дружбе. Ростислав вернулся в Смоленск, а Юрий отправился в Киев, где и вокняжился мирно, так как Изяслав добровольно уступил ему Киевский стол. Узнав, что многие князья готовятся к походу против него, Юрий послал в Смоленск за Ростиславом и велел ему сказать: «Сын мой, кто мне поможет удержать Русскую землю, как не ты? Ступай сюда». В это же время жена Юрия приехала со своими детьми из Суздаля в Смоленск к Ростиславу. Вследствие приглашения Юрия, Ростислав отправился провожать тетку и повел в Киев весь свой полк. Юрий встретил его с великою любовью и честью, и они проводили время в пирах. При посредстве Ростислава состоялось примирение Юрия с сыновьями Изяслава Мстиславича, и все они вместе ездили в Канев для переговоров с Половцами относительно мира. Вернувшись затем в Смоленск, Ростислав заключил союзный договор со своими родственниками – Рязанскими князьями, которые, как сказано в летописи, «смотрели на Ростислава, как на отца своего, и так его почитали».

В 1158 г. Изяслав Давидович решил воспользоваться возобновившимся неудовольствием сыновей Изяслава Мстиславича против Юрия и начал замышлять поход, причем заручился союзом Мстислава Изяславича и Ростислава. Надо полагать, что Ростислав согласился примкнуть к Изяславу Давидовичу вследствие того, что рассердился на Юрия из-за своих племянников и младшего брата Владимира, княживших в Волыни и потерпевших от Юрия. Стали собираться в поход; Ростислав отрядил уже своего сына Романа с полком на юг, как пришло известие о смерти Юрия, последовавшей 16-го мая 1158 г. Немного более полугода прокняжил вторично в Киеве Изяслав Давидович, а затем Мстислав Изяславич овладел Киевом для своего дяди Ростислава и послал в Смоленск звать его на Киевский стол. Ростислав сознавал, что уронил себя в глазах киевлян бегством с поля сражения после смерти Вячеслава, и мог предполагать, что храбрый Мстислав станет относиться к нему, как Изяслав относился в былое время к старому дяде Вячеславу: оказывая наружное уважение и называя отцом, быть настоящим князем-правителем. Вследствие этого Ростислав послал сказать союзным князьям: «Если зовете меня в правду с любовью, то я пойду в Киев на свою волю, чтоб вы имели меня отцем себе в правду и в моем послушании ходили; и прежде всего объявляю вам: не хочу видеть Клима митрополитом, потому что он не взял благословения от св. Софии и от патриарха». Лишь после долгих споров и пререканий Роман, старший сын Ростислава, уговорился в Вышгороде с Мстиславом о принятии нового митрополита из Константинополя.

Ростислав въехал в Киев 12-го апреля 1159 г., в самый день Пасхи; Киевляне приняли его «с достохвальною честью», – «и бысть людям двоя радость: и воскресение Господне, и княже седение». В Смоленске Ростислав оставил своего старшего сына Романа, а сына Рюрика взял в Киев; Мстиславу Изяславичу он дал из Киевских волостей Белгород, Торческ и Треполь. Вскоре после приезда в Киев Ростислав назначил свидание в Моравске своему давнишнему врагу Святославу Ольговичу. Они обедали друг у друга и поменялись дарами:

Ростислав дарил Святослава соболями, горностаями, черными куницами, песцами, белыми волками, рыбьими зубьями; Святослав отдал Ростислава барсом и двумя резвыми конями в кованых седлах. Этот союз, вызванный их общей враждой к Изяславу Давидовичу, показался Киевлянам странным и подозрительным. Для успокоения Киевлян и берендеев, Ростислав взял к себе Всеволода, сына Святослава Всеволодовича, взамен своего сына Рюрика, которого отправил к Святополку Ольговичу в Чернигов против Изяслава Давидовича. Вследствие прихода Половцев на помощь Изяславу, Ростислав послал против него еще нескольких князей и галицкий отряд. Удача в этом походе была на стороне Ростислава и его союзников, и это побудило Изяслава прибегнуть к хитростям, чтобы поссорить Ростислава с новым его приятелем Святославом Ольговичем. Вследствие этого положение дел изменилось, и Изяслав начал борьбу за Киевский стол, соединившись с Ольговичами; сам Святослав, однако, в поход не выступил. Война велась с переменным счастьем: сначала Изяслав не решился встретить Ростислава, стоявшего с войском в Треполе, и бежал, а Половцы ушли в степь. Несколько времени спустя Изяслав с союзными князьями и Половцами приступил к Подолью (в Киеве) и застиг Ростислава врасплох; так как к нему не успели еще придти вспомогательные отряды Мстиславичей, то Ростислав, по совету дружины, очистил Киев и со своими полками отступил к Белгороду. Вслед за тем 12-го февраля 1161 г. Изяслав Давидович вступил в Киев в третий и последний раз. Около трех недель длилась осада Белгорода Изяславом. Святослав Ольгович советовал ему мириться с Ростиславом или отступить за Днепр, но Изяслав не согласился и продолжал осаду. Узнав о приближении Мстислава с большим войском, Изяслав обратился в бегство, а Ростислав, соединившись с пришедшими подкреплениями, отправился за ним следом. Изяслав был ранен в сражении, вероятно, черными клобуками и отвезен в Киевский монастырь св. Симеона, где и скончался в тот же день, 6-го марта 1161 г. Ростислав возвратился в Киев, сохраненный ему, благодаря содействию племянника

Мстислава Изяславича. Вскоре, однако, между ними возникли несогласия, и Мстислав уехал из Киева. Давид Ростиславич, без приказания отца, отправился в Торческ, схватил там посадника Мстиславова и привел в Киев: было необходимо занять Торческ, чтобы отрезать Мстиславу сообщение с черными клобуками. В Белгород Ростислав посадил своего сына Мстислава. Лишь два года спустя эти города были возвращены Мстиславу Изяславичу и к ним прибавлен Канев вместо Триполя, данного Ростиславом младшему брату, Владимиру Мстиславичу. В 1161 г., вслед за кончиной Изяслава Давидовича, Ростислав выдал свою дочь за Олега Святославича, а в 1164 г. принял его сторону, когда у него произошли пререkanie из-за волостей с Святославом Всеволодовичем, который наследовал Черниговский стол после смерти Святослава Ольговича.

М. С. Грушевский в своей монографии «Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст.» так характеризует Ростислава во время его Киевского княжения: «Ростислав с честью носил достоинство Киевского князя; не обладая особенными дарованиями государя и полководца, он внушал к себе уважение своею честностью и справедливостью. Он, действительно, был первым между равными и обладал некоторым авторитетом: в Смоленской области, на Волини, в Новгороде сидели его дети и племянники; он также имел влияние на Полоцкие дела; Ярослав Галицкий и Ольговичи присылали полки свои по его призыву; только Северо-восток оставался вне сферы влияния Ростислава».

По поводу участия Смоленска в делах Полоцких мы встречаем интересные соображения у проф. Голубовского. В 1159 г. вернулся из своих скитаний Рогволод, сын бывшего Полоцкого князя Бориса. Полочане признали его своим князем и прогнали княжившего у них Ростислава Глебовича. «Полоцкая земля» – говорит проф. Голубовский, «сосредоточилась в руках одной семьи Глеба Всеславича, энергического защитника самостоятельности Полоцкой земли, постоянно грозившего целостности Новгородской и Смоленской территории. Такое положение дела не могло не внушать опасения смоленским

князьям, и потому вполне естественно было Ростиславу Мстиславичу поддержать теперь Рогволода Борисовича, чтобы разделить Полоцкую землю между князьями двух семей. Вслед за уходом Ростислава Глебовича из Полоцка Рогволод двинулся на него к Минску. Ростислав Мстиславич послал ему в помощь двоих своих сыновей – Романа и Рюрика, боярина Вnezда и смоленские ополчения. Полоцкая земля раздробилась снова на два крупных удела: Полоцкий и Минский, и на два меньшие: Изяславльский и Стрежевский. Этим вмешательством Ростислава в распрю Полоцких князей было положено прочное основание для распространения протектората Смоленска над землей Полоцкой, который устанавливается в начале XIII столетия».

Как мы видели выше, Половцы доставляли Ростиславу много неприятностей. В 1163 г. он счел необходимым заключить с ними мир и женил своего сына Рюрика на дочери хана Белука. Но так как Половцы не представляли из себя сплоченного народа, и каждая орда находилась под начальством независимого хана, то не могло быть общего продолжительного мира. Половцы были опасны не только в военном отношении: они вредили торговле Руси с греками, которая была очень важна для Киева. В 1166 г. Половцы засели в приднепровских порогах и начали грабить «гречников», т. е. купцов, производивших торговлю с Грецией; Ростислав послал своего боярина Владислава с войском, под прикрытием которого гречники прошли пороги и достигли Киева. Летописное известие 1166 г. показывает, что приходилось принимать иногда большие предосторожности для охраны торговых судов от нападения половцев. В этом году Ростислав послал ко многим князьям приказ собираться со всеми своими полками; пришли: Мстислав Изяславич из Владимира Волынского, с братьями – Ярославом из Луцка и Ярополком из Бужска; Владимир Андреевич, Владимир Мстиславич, Глеб Юрьевич, Глеб Городненский, Иван Юрьевич Туровский; сыновья Ростислава – Рюрик, Давид и Мстислав, Галицкий отряд, и все долгое время стояли у Канева; когда поднялись торговые суда – все князья разошлись по домам.

Как видно, Ростиславу удалось умиротворить всех князей и на западной, и на восточной стороне Днепра; предстояло устроить дела на северо-западе.

Мы не сказали в своем месте ничего об отношениях Ростислава к Новгороду, чтобы не прерывать повествования о Киеве. В 1154 г. Новгородцы прогнали Ярослава Изяславича за то, что он «нарушил порядок», т. е., был причиной борьбы сторон, Софийской и Торговой. Не желая разрывать с Мстиславичами и великим князем Киевским, они призвали из Смоленска Ростислава Мстиславича, который, конечно, не мог занять Новгород без согласия старшего брата Изяслава. Но и Ростислав не только не установил порядка, а еще более наделал смуты. Он спешно уехал в Киев, вызванный туда после смерти Изяслава, и оставил в Новгороде сына Давида. Новгородцы были недовольны последними распоряжениями Ростислава, а потому «показали по нем путь сыну его» и взяли к себе в князья Мстислава, сына Юрия Долгорукого. В 1157 г. в Новгороде произошла сильная распря между жителями: одни стояли за Мстислава Юрьевича, другие – за Ростиславичей. Приехали сыновья Ростислава, Святослав и Давид, а три дня спустя и сам Ростислав, направляясь в Киев для занятия великокняжеского стола. Мстислав Юрьевич бежал из Новгорода, и Ростиславу удалось на этот раз примирить враждовавшие стороны. Уезжая из Новгорода, Ростислав оставил там Святослава, а Давида посадил в Торжке, вероятно для оберегания границы со стороны Суздальской. Ростиславичи не сумели ладить с новгородцами, которые в 1160 г. потребовали у Святослава вывода его брата Давида из Торжка. Святослав исполнил их желание, но вскоре вспыхнуло восстание против него самого. Новгородцы схватили Святослава и его жену, сковали дружинников и разграбили княжеское имущество. Святослава они отправили на Ладугу, а его жену – в монастырь Св. Варвары. Узнав об этом, Ростислав приказал посадить новгородцев, бывших в Киеве, в Пересеченскую тюрьму (погреб), и в одну ночь умерло 14 человек. Ростислав был очень огорчен этим и велел остальных новгородцев освободить и развести по разным городам.

Святослав бежал из Ладоги в Полоцк к Рогволоду, который и проводил его в Смоленск. Новгородцы просили князя у Андрея Боголюбского; он дал им своего племянника Мстислава (сына Ростислава Юрьевича); по в 1161 г., стараниями Ростислава Мстиславича, Андрей Боголюбский вывел его из Новгорода. Снова призвали к себе новгородцы Святослава, и притом, как сказано в летописи, «на всей воли его». На этот раз причин к недовольству князем оказалось еще больше, так как он был дан новгородцам помимо их воли, вследствие решения двух сильных князей.

В конце 1168 г. Ростислав отправился в Новгород, чтобы установить там спокойствие. По дороге он заехал в г. Чичерск, к своему зятю Олегу, и получил много подарков и от него, и от дочери, а их, в свою очередь, осыпал еще большими дарами. Затем он отправился в Смоленск. Смоляне стали встречать его за 300 верст от своего города, потом встретили его внуки, за ними сын Роман, епископ Мануил, тысяцкий Внезд и чуть не все жители вышли ему навстречу. Все сильно обрадовались приезду Ростислава и поднесли ему множество подарков. Из Смоленска Ростислав отправился в Торопец и послал звать сына Святослава с новгородцами в Великие Луки, потому что болезнь не позволяла ему ехать дальше. Уговорившись с Новгородцами, которые клялись в верности Святославу, и получив много даров от них и от сына, он возвратился в Смоленск совсем больной. Сестра Рогнеда советовала ему остаться в Смоленске и лечь в построенной им церкви, но Ростислав отвечал: «Не могу здесь лечь – везите меня в Киев; если Бог призовет меня еще дорогою, то положите меня в отцовском благословении – у св. Феодора; а если, Бог даст, выздоровлю, то постригусь в Печерском монастыре». Перед смертью он говорил своему духовнику, священнику Симеону: «Отдашь ты ответ Богу, что не допустил меня до пострижения». Ростислав постоянно имел эту мысль и неоднократно говорил Печерскому игумену Поликарпу: «Тогда мне пришла мысль о пострижении, как получил я весть из Чернигова о смерти Святослава Ольговича». С тех пор он все твердил игумену: «Поставь мне келью добрую, боюсь напрасной смерти». Но Поликарп возражал: «Вам, князьям, Бог

так велел быть: правду блюсти на этом свете, суд судить праведный и стоять в крестном целовании». Ростислав отвечал на это: «Отец! княжение и мир не могут быть без греха, а я уже немало пожил на этом свете, так хотелось бы поревновать святым». Поликарп, наконец, согласился: «Если уже ты так сильно этого хочешь, князь, то да будет воля Божия». На Ростислава напало раздумье: «Подожду еще немного; есть у меня кое-какие дела». Теперь все дела были устроены, и Ростиславу хотелось скорее приехать в Киев и постричься там. По дороге из Смоленска в с. Зарубе, принадлежавшем его сестре Рогнеде, Ростислав почувствовал приближение смерти и послал за духовником, В летописи приведена молитва его к Пресвятой Богородице, читая которую, он плакал, отирая платком слезы, катившиеся по его лицу; он скончался в полной памяти 14-го марта 1168 г. Погребение его совершилось 21-го марта в Киеве, в монастыре св. Феодора.

В летописи сказано, что Р. имел обыкновение в течение великого поста каждую субботу и воскресенье сажать с собой обедать двенадцать монахов и игумена Поликарпа; в Лазареву субботу он звал всех Печерских монахов и из других монастырей приглашал братию. Сам каждое воскресенье великим постом приобщался св. Тайн и так усердно молился и «смирал» себя, что видевшие это не могли удержаться от слез. Князь Ростислав помещен в «Книге о святых» между Святыми «Града Киева, по благочестии в нем и в пещерах». Князь Ростислав не канонизован.

С. М. Соловьев подводит такого рода итог деятельности Ростислава: «И этот Мстиславич представляет также замечательное явление между древними князьями нашими: далеко уступая старшему брату своему Изяславу в деятельности, отваге и распорядительности ратной, Ростислав отличался охранительным характером: постоянно почтительный пред старшим братом, покорный его воле, он был почтителен и перед дядьями, с неудовольствием смотрел на борьбу с ними старшего брата, уговаривал его уступить им, и когда самому пришла очередь быть старшим в роду, то потребовал от младших такого же повиновения, какое сам оказывал своим

старшим. Принявши старшинство, он не уступил пылкому племяннику своему Мстиславу в требованиях, – как по всему видно, неумеренных, но после и его, и всех остальных младших родичей ни в чем не обидел, всех старался примирить, всех наделил волостями, так что при конце его жизни повсюду водворилось спокойствие».

У Ростислава Мстиславича было пять сыновей и одна дочь: *Святослав* княжил в Новгороде; *Роман* в Смоленске, а затем в Киеве; *Рюрик-Василий* (женат с 1163 г. на дочери Половецкого хана Белуха, а во втором браке на Анне, дочери Юрия Ярославича) – в Новгороде, а затем в Киеве; *Давид* княжил последовательно в Новгороде, Торжке, Вышгороде, Витебске и Смоленске; *Мстислав Храбрый* (женат на дочери Глеба Рязанского) – в Треполе, а затем в Ростове и Новгороде. Дочь *Агапия* была замужем за князем Олегом Святославичем.

Через браки своих семи сестер Ростислав Мстиславич находился в родственных отношениях с Норвежским, Оботритским и Венгерским королями, с Греческим императором Иоанном и с князьями: Брячиславом Борисовичем (внуком Всеслава Полоцкого), Ярославом (сыном Святополка II Михаила) и Всеволодом (сыном Олега Святославича), князем Черниговским.

Полн. Собр. Русск. Летописей, т. II (Ипатьевская летопись); Софийский временник, М. 1820 г., I; Новгородская летопись, СПб. 1888 г., I и II; Карамзин, История госуд. Росс., т. II; М. Погодин, Исследования, замечания и лекции о Русской истории, М. 1855 г., т. VI; Соловьев, История России, т.т. I и II; А. В. Экземплярский, Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г., СПб. 1889 г., т. I; Никитин, История города Смоленска, М. 1848 г.; Голубовский, История Смоленской земли до начала XV ст., Киев. 1895; М. С. Грушевский, Очерк истории Киевской земли, Киев. 1891 г.; Строев, Списки иерархов, СПб. 1877 г., Н. П. Барсуков, Источники русской агиографии, СПб. 1882 г.

Ростислав Мстиславич, князь Киевский

Ростислав Мстиславич, сын *Мстислава Давидовича*, князь Смоленский, а потом Киевский. Княжение его в Смоленске см. под словом; «*Смоленские князья*». В Киев Ростислав явился из Смоленска в 1239 году, после того, как княживший там Михаил Всеволодович, испугавшись возможности осады Киева татарами, подходившими к левому берегу Днепра под предводительством племянника Батыя – Менгу-Хана, бежал в Венгрию. Княжение Ростислава в Киеве продолжалось очень недолго, так как старший по родовой лестнице четвероюродный брат его Даниил Галицкий в том же 1239 году явился с войском в Киев, завладел городом, полонил Ростислава и увез его с собою. В 1240 году Даниил отправился к Венгерскому королю Беле за помощью против татар и взял с собой Ростислава Мстиславича, который и скончался в Венгрии во время этого путешествия.

Карамзин, История Государства Российского, изд. 1892 г., т. IV, стр. 7, прим. 7, 107; Соловьев, История России с древнейших времен, изд. 2-ое, т. I, стр. 824; Полное собрание Русских летописей, т. II, стр. 177, 339; т. IV, стр. 36; т. V, стр. 175; т. VII, стр. 144, 145, 236, 239; т. XV, стр. 374.

Ростислав Рюрикович, князь Киевский

Ростислав Рюрикович, князь Киевский; сын *Рюрика II Ростиславича* шурин Романа Галицкого. Родился 4-го октября 1172 года в городе Лучине (ныне Люцин, Витебской губ.) и наречен был в крещении *Михаилом*. На месте того дома, где он родился, отец его поставил церковь во имя св. Михаила. Ростислав княжил сначала в Белгороде; там он женился, в 1187 году, на второй дочери Всеволода III большое Гнездо – *Верхуславе* или *Антонии*, имевшей в то время 8 лет. По описанию летописца, свадьба эта была одною из редких в то время по великолепию. «Посла же (Всеволод) с нею (невестой) сестричича своего Якова с женою и иные бояре с женами. Приведоша ю в Белгород на Ефросинин день, а заутре Богослова венчана у св. Апостол в деревянной церкви блаженным Епископом Максимом. Сотвори же Рюрик Ростиславу велми силну сватбу, яка же не была в Руси, и быша на сватбе князи мнози, за 20 князей. Сносе же своей дал (Рюрик) многы дары и город Брягин, тако ж и свата с бояры отпусти в Суждаль, дары многими одарив». В 1189 году князь Роман Галицкий, будучи изгнан из Галича Венграми, обратился за помощью к Рюрику Ростиславичу, княжившему в то время в Овруче, и просил тестя отпустить с ним Ростислава для завоевания Галича. Рюрик согласился. Поход, однако, был неудачен: отправленный Романом передовой отряд был разбит наголову Галичанами и Венграми под городом Плеснеском, что заставило Романа прекратить поход и отпустить Ростислава домой.

С 1190 года Ростислав стал принимать участие в борьбе отца своего, действовавшего в союзе с великим князем Киевским Святославом, с половцами. Так, в 1190 году осенью Ростислав с дружиной весь сторожевую службу в городе Торческе, на Поросьи, где он ожидал половцев, предпринявших поход на Русь; половцы взяли город Чурпаев и хотели идти к другому городу – Боривому, но, услышав, что Ростислав находится в Торческе, возвратились к своим становищам и

стали предпринимать отсюда мелкие набеги на различные места по реке Роси. Ростислав остался в Торческе зимовать; зимой к нему явились «лучшие люди» из черных клобуков и просили о помощи в борьбе с половцами. Великий князь Святослав находился в это время за Днепром, а князь Рюрик – в Овруче, почему Ростислав Рюрикович решился самостоятельно сразиться с половцами, пригласив на помощь лишь князя Ростислава Владимировича (сына Владимира Мстиславича). Соединившись с черными клобуками, он внезапно напал на половецкие вежи, захватил жен, детей и стада. Половцы, услышав, что вежи взяты, поднялись за Ростиславом и настигли его. Ростислав, однако, не испугался того, что половцев много, и велел молодым стрельцам своим начать дело. Половцы стали было перестреливаться с ними, но когда увидели знамена самого Ростислава, то обратились в бегство, причем русские стрельцы и черные клобуки взяли до 600 пленных.

Такой успех побудил черных клобуков осенью 1192 года, когда половцы предприняли новое нашествие на их землю, обратиться к князю Рюрику с просьбой отпустить сына в поход против половцев, но Рюрик, желая сохранять с половцами мирные отношения, на это не согласился, а осенью следующего, 1193 года посылал даже Ростислава к ханам лукоморских половцев с приглашением для заключения полного мира в г. Канев. Ростислав привез ханов, но переговоры ничем не закончились вследствие несогласия на мир половцев-бурчевичей и нежелания великого князя Святослава Киевского мириться с одной лишь частью Половецкой земли, а не со всею землею.

Зимой того же 1193 года черные клобуки вновь обратились к Ростиславу Рюриковичу с просьбой предпринять поход на половцев. Ростислав, находившийся в это время в Чернобыле, тайно от отца отправился к дружине в Торческ, пригласил на помощь двоюродного брата Мстислава Мстиславича, княжившего в Триполье, и выступил против половцев. Перейдя речку Ингулу, он захватил половецкие сторожевые дозоры и, узнав, что половцы находятся на Русской стороне Днепра, на

расстоянии дня пути, напал на них на рассвете и взял огромную добычу.

Слава об этом удачном походе разошлась далеко, и тесть Ростислава, Всеволод III пригласил к себе зятя с женой. Ростислав привез в Суздаль взятые у половцев трофеи, прожил там с женой всю зиму и к весне возвратился в Белгород с богатыми подарками.

В 1194 году скончался князь Киевский Святослав Всеволодович, и Киевский стол при содействии Всеволода III, перешел к Рюрику Ростиславичу. По этому поводу происходили торжества и задавались пиры у Рюрика – в Киеве, брата его Давида – в Смоленске и у Ростислава Рюриковича – в Белгороде. Однако в скором времени начались недоразумения у Рюрика с Всеволодом III, недовольным тем, что Рюрик отдал города по реке Роси зятю своему Роману, и Рюрик, чтобы умиловить сильного князя Суздальского, передал в 1195 году Поросье в распоряжение последнего. Всеволод отдал лучший из городов Порочья – Торческ Ростиславу Рюриковичу. Это вызвало крайнее неудовольствие со стороны Романа, который после этого соединился с князьями Ольговичами и начал с тестем своим долгую борьбу. Ростислав Рюрикович поддерживал отца и в 1196 году опустошил около Каменца часть принадлежавшей тогда Роману Волынской области.

В 1197 году скончался князь Владимир Галицкий. Жители Галича обратились к Рюрику с просьбой дать им на княжение Ростислава, но Роман, услышав об этом, соединился с поляками и венграми и пошел походом на Галич. Это заставило галичан, не получивших, к тому же, от Рюрика ответа, принять к себе на княжение Романа.

После этого – до 1203 года, надобно думать, Ростислав оставался князем Белгородским, хотя в летописи имеется одно указание на то, что он проживал в Вышгороде; именно, под 1198 годом показано, что у Ростислава родилась дочь *Евфросиния*, «и бысть радость велика во граде Киеве и в Вышегороде». Указание это, однако, очень сомнительно, так как Вышгород входил в область Романа Галицкого, находившегося тогда в силе, и вряд ли мог быть отдан сыну врага. Скорее всего здесь

можно предположить ошибку переписчика, знавшего, что Ростислав был впоследствии князем Вышгородским, и поставившего в данном месте слово «Вышгород» вместо «Белгород».

Под 1200 годом мы встречаем Ростислава присутствующим на пире в Выдубецком монастыре по случаю окончания постройкой новой каменной монастырской стены, а под 1201 годом – гостящим в Переяславле у шурина своего – князя Ярослава Всеволодовича; оттуда, по словам летописи, он поехал в Триполье, где находились в это время отец его и Роман, бывшие тогда в мирных отношениях. В 1203 году вновь возгорелась борьба между Рюриком и Романом; последний захватил тестя в плен вместе с женой и сыновьями, велел постричь в монашество Рюрика, его жену и дочь – свою жену, с которой он разошелся, а сыновей Ростислава и Владимира забрал с собою в Галич. Однако ввиду заявленного Всеволодом III Суздальским протеста Роман, из боязни перед Всеволодом, должен был отпустить сыновей Рюрика, город же Киев предоставить в распоряжение Всеволода. Последний тогда посадил в Киеве на княжение Ростислава Рюриковича.

Княжение Ростислава в Киеве продолжалось до смерти Романа Галицкого, то есть до 1205 года. Узнав о смерти Романа, Рюрик снял схиму и вновь объявил себя князем Киевским вместо сына, которого послал с дружиной на владения Романа Галицкого. В этом походе Ростислав захватил город Вышгород, изгнав оттуда князя Ярослава Владимировича, и стал там княжить. Оттуда он ходил на помощь Рюрику в походах последнего в 1206 и 1207 годах на Галич и на Киев, когда последний был захвачен князем Всеволодом Чермным.

В 1210 году князь Ростислав был приглашен на княжение в Галич, но в следующем же году был оттуда галичанами изгнан и возвратился в Вышгород, где и княжил до самой смерти.

Скончался он в 1218 году.

Карамзин, История Государства Российского, изд. 1892 г., т. III, стр. 44, 51, 58, 62, 69, 76, прим. 12, 74, 77, 80, 89, 104, 110, 115, 118, 135, 163, 155; Соловьев, История России с древнейших времен, изд. 2-е, т. I, стр. 537, 540, 542, 548, 552,

558, 562, 638, 639, 640; В. Татищев, *История Российская*, т. II, стр. 283; *Полное Собрание русских летописей*, т. I, стр. 171, 179, 180; т. II, стр. 107, 136, 137, 140–145, 149, 152, 153, 313, 321, 323–326, 328–330, 334; т. VII, стр. 101, 103, 103, 109, 112, 113, 116, 117, 125, 234.

Ростислав Юрьевич, князь Переяславский

Ростислав Юрьевич, князь сначала Новгородский, а потом Переяславский, старший сын князя Юрия Долгорукого, брат князя Андрея Боголюбского. Год рождения его неизвестен, первое же упоминание о нем в летописи находим под 1138 годом, когда он был призван на княжение новгородцами, желавшими иметь дружественные отношения с Юрием Долгоруким, князем Суздальским. В Новгороде Ростислав пробыл несколько более года и ушел оттуда в 1139 году, рассердившись на новгородцев за то, что они не захотели оказать помощь Юрию Долгорукому в борьбе его с Всеволодом Ольговичем, великим князем Киевским.

В 1141 году новгородцы обратились к Юрию Долгорукому, призывая его на княжение, но последний лично ехать отказался и вторично послал в Новгород Ростислава. Это княжение продолжалось менее года, ибо в 1142 году новгородцы, узнав, что великий князь Всеволод Ольгович посылает к ним княжить Святополка Мстиславича, сначала заключили Ростислава Юрьевича в епископском доме, а затем, по приезде Святополка, отправили Ростислава к отцу.

В 1147 году Ростислав совместно с братом Андреем был послан отцом, находившимся в это время в союзе с князем Святославом Ольговичем Черниговским, в помощь последнему в борьбе его с Изяславом Мстиславичем, великим князем Киевским. Они разбили дружину союзника Изяслава – князя Ростислава Ярославича Рязанского и заставили последнего бежать к Половцам. В 1148 году князь Ростислав Юрьевич был вновь послан отцом в Южную Русь в помощь Святославу Ольговичу, с тем, чтобы завоевать себе удел, так как в Суздальской земле отец не мог дать ему такового. Но, придя на юг и убедившись в том, что дела Черниговского князя идут плохо, и что он хочет заключить с великим князем Изяславом мир, Ростислав счел за лучшее обратиться к последнему с ходатайством об уделе, заявив, что отец его обидел и не хотел дать ему волости. «Я пришел сюда», говорил он Изяславу:

«поручивши себя Богу да тебе, потому что ты старше всех нас между внуками Владимира; хочу трудиться за Русскую землю и подле тебя ездить». Изяслав отвечал ему: «Всех нас старше отец твой, но он не умеет с нами жить; а мне дай Бог вас, братью свою всю и весь род свой, иметь в правду, как душу свою; если отец тебе волости не дал, так я тебе даю». И дал ему 6 городов на Волыни: Бужск, Межибожы, Котельницу, Городец-Остерский и еще два, неизвестных по имени.

В одном из этих городов, а именно Городце Остерском был в том же году съезд князей, на котором было решено идти зимой 1149 года походом на князя Юрия Долгорукого, чтобы наказать его за притеснения, чинимые им Новгородцам. В съезде участвовал и Ростислав Юрьевич, но в поход великий князь его не взял, а, возвратившись со съезда в Киев, сказал ему: «А ты иди в Божеський (Бужск), пострези оттоле русьския земли, и буди тамо, дónдеже схожу на отца твоего, мир ли с ним возьму, или како с ним ся ни управлю».

По возвращении Изяслава из этого похода в 1149 году бояре донесли ему, что якобы Ростислав Юрьевич подговаривает против великого князя киевлян и берендеев и хочет захватить семью и имущество последнего. Изяслав поверил доносу, несмотря на отрицание Ростиславом своей вины, заковал его дружину и отправил его к отцу, посадив на барку с 4-мя отроками и отняв у него имение. Ростислав Юрьевич, явившись к отцу в Суздаль, заявил ему, что вся Киевская земля и черные клобуки недовольны Изяславом и желают иметь своим князем Юрия. Последний, страшно возмущенный позорным изгнанием сына, предпринял поход на Изяслава, разбил его под Переяславлем и изгнал из Киева. В Переяславле Юрий посадил князем Ростислава, где он и княжил до самой смерти.

После этого Ростислав участвовал, в 1150 году, в новом походе отца своего против Изяслава Мстиславича, причем усиленно противодействовал заключению мира с последним. Мир, однако, был заключен по настоянию Андрея Боголюбского, причем, как известно, Изяслав отказался от великокняжеского стола в пользу брата своего Вячеслава. Когда, в скором

времени, Изяслав вновь нарушил мир и захватил Киев, сын его Мстислав захотел отнять у Ростислава Юрьевича Переяславль. Однако, Ростислав, пригласив на помощь брата Андрея и кочующих торков, разбил и полонил союзников Мстислава – турпеев, что заставило Мстислава отказаться от мысли взять Переяславль.

Ростислав Юрьевич скончался в 1151 году, на Страстной неделе, рано утром в Великую пятницу, и погребен братьями Андреем, Глебом и Мстиславом в церкви Св. Михаила в Переяславле, близ дядей своих Андрея и Святослава Владимировичей.

Дочь Ростислава Юрьевича, *Евфросиния*, была замужем за князем Рязанским Глебом Ростиславичем.

Карамзин, История Государства Российского, изд. 1892 г., т. II, стр. 122, 127, 128, 141, 148–155, 157, прим. 276, 278, 299, 313, 315, 317, 323, 324, 328, 331, 344; т. III, стр. 23, прим. 35; Соловьев, История России с древнейших времен, изд. 2-ое, т. I, стр. 378, 382, 390, 391, 402, 410, 411, 413, 414, 415, 417, 419, 420, 434; Полное собрание Русских летописей, т. I, стр. 133–135, 138–142; т. II, стр. 17, 18, 29, 39–41, 45–47, 50, 52, 57, 296, 299, 300; т. III, стр. 8, 9; т. IV, стр. 6; т. V, стр. 158; т. VII, стр. 31–33, 38, 44–49, 51, 90, 242.

Ростислав Ярославич, княжич

Ростислав Ярославич, княжич, сын Ярослава Владимировича, князя Новгородского. Родился в Новгороде в 1193 году, скончался там же в 1198 году. Погребен вместе с братом Изяславом, одновременно скончавшимся в Великих Луках, в Новгородском монастыре Св. Георгия.

Карамзин, История Государства Российского, изд. 1892 г., т. III, прим. 153; Соловьев, История России с древнейших времен, изд. 2-ое, т. I, стр. 576, прим. 1; Полное собрание Русских летописей, т. III, стр. 24; т. IV, стр. 18; т. V, стр. 171; т. VII, стр. 106; т. XV, стр. 288.

Ростовская, Мария Федоровна

См. Растовская М. Ф.

Ростовские и Белозерские удельные князья

Политическая история княжеств Ростовского и Белозерского, рассматриваемая как единое целое, может быть разделена на четыре почти равномерных периода: 1) историю «Залесской» страны от конца IX до конца X века; 2) историю Ростовско-Суздальской земли, сперва (до начала XII века) зависимой от Киева, затем самостоятельной (до начала XIII в.); 3) историю собственно удельных – Ростовского и Белозерского – княжеств с начала XIII в. до конца XII в. и 4) историю этих княжеств, самостоятельных *de jure* и вполне зависимых *de facto* от Московского княжества в XV веке.

Территория, составлявшая собственно удельные княжества – Ростовское и Белозерское, занята была с древнейших времен финскими племенами мерю и весью («первьии насельницы в Ростове Меря, в Белоозере – Весь»), о которых история не знает ничего достоверного; отделенная от Южной Руси непроходимыми лесами, она получила название «Залесской»; В ней существовали города, самыми древними из коих были Ростов (на берегу Ростовского, в старину Каово, позднее – Неро озера), время основания которого теряется в глубине веков, и – Суздаль. Край этот, лежавший на перекрестке торговых путей новгородцев и кривичей (а еще ранее – волжских болгар и норманов) с Востоком и Византией, задолго до «призвания князей» исподволь и незаметно подвергался мирной колонизации новгородских славян и в эпоху «призвания варягов», вероятно, вошел в состав владений брата Рюрика (владевшего Белоозером), после смерти которого начинает рассматриваться, как отдельная, самостоятельная область, хотя и с неопределенными границами, но в политическом отношении зависимая от Новгорода. С начала X века «Залесская» земля, как и все другие «земли», подчинилась Киеву и управлялась княжими мужами или князьями-наместниками (при Олеге); главный город ее – Ростов, являлся одним из важнейших городов Руси, которому, по договору князя Олега с Византией в

907 г., византийцы обязаны были платить определенные «уклады». С 913 по 988 год в летописях ничего не встречается о Ростовской земле, вследствие чего можно предполагать, что она в это время пользовалась достаточной независимостью от южных князей, управляясь, быть может, потомками «князей, сущих под Олегом». С X и до половины XII века слагались элементы гражданственности Ростовской земли и определялись основы ее последующего развития. Со второй половины XII в. совершенно растворившиеся в славянской среде финские племена способствовали образованию нового этнографического целого – великорусской народности, колыбелью которой явился Ростовско-Суздальский край. С конца X века в Ростовской земле, как едином политическом целом, сидели великокняжеские сыновья: в 988 г. Владимир Святой назначил в Ростов сына своего Ярослава (988–1010 гг.), затем Бориса (1010, ум. 1015 г.); после кратковременного (1015–1019 гг.) княжения убийцы последнего – Святополка, Ростовская земля перешла к великому князю Ярославу Владимировичу, а от него к его сыновьям: сперва к Святославу, затем, с присоединением Суздаля и Белоозера – к Всеволоду, при сыне которого, Владимире Мономахе, вся земля стала наследственной волостью в роду последнего, получив название «земли Ростовской»; границы последней были весьма неопределенны, идя, приблизительно, к северу до Белоозера, вверх по течению р.р. Мсты, Мологи, Костромы и Унжи, а к югу ограничиваясь р.р. Клязьмой и Москвой; на востоке – границы еще не доходили до р. Оки, а на западе шли неопределенно между бесчисленными речками земель Кривской и Новгородской.

Таких размеров Ростовская земля достигла при князе Юрий Владимировиче Долгоруком, сыне Владимира Мономаха, который был первым отдельным Ростовским князем – устроителем Ростовской земли, и при котором закончился процесс созидания последней. При Долгоруком Ростовская земля получает решительное преобладание перед остальными областями Русской земли; однако, значение ее начинает постепенно падать: уже Юрий Долгорукий отдает предпочтение старому «пригороду» Ростова – г. Суздалью и его земле (и вся

земля начинает называться Ростовско-Суздальской), а сын его – Андрей Боголюбский, новому «пригороду» – Владимиру. В борьбе г. Ростова за политическое влияние и первенство, достигшей наивысшего напряжения в убийстве великого князя Андрея Боголюбского, победил «пригород» Владимир, – и область Ростовско-Суздальская получила название великого княжества Владимирского. Возвышение г. Владимира относится всецело к деятельности Всеволода III Большого Гнезда, хотя ни он, ни, в особенности, его сын Константин не теряли связи с Ростовом. Со Всеволода III начинается дробление дотоле единой, неделимой Ростовско-Суздальской области на уделы по старшинству городов, образующих последние. Первым выделился Ростовский удел, когда Всеволод III в 1207 году отдал Ростов «и иных 5 городов» (которыми можно считать Ярославль, Устюг, Белоозеро, Угличе-Поле и Кострому), своему старшему сыну Константину. К этому времени может быть отнесен конец второго периода и начало третьего – эпоха самостоятельного удельного существования Ростовского княжества. Константин Всеволодович может считаться первым князем Ростовского удельного княжества, включавшего, однако, в свой состав такие части, из коих позже образовались другие самостоятельные княжества.

Первый раздел, учиненный Всеволодом III, повел к усобице, окончившейся Липецкою битвой (1216 г.), после которой началось временное, очень короткое объединение при Константине Всеволодовиче (№ 71), после коего Ростовское княжество, оставаясь у его потомков, никогда не достигало своего первоначального значения, раздробившись на уделы внутри, и будучи ослаблено вмешательством татар и Москвы извне.

Константин Всеволодович, сделавшись великим князем Владимирским, разделил свой прежний Ростовский удел между своими сыновьями, причем Ростов и Белоозеро отдал старшему сыну – Васильку (26). По смерти Василька в Ростове сидели сперва оба его сына – Борис (15) и Глеб (32), затем один Борис, а Глеб в отделившемся от Ростова Белоозере (с 1277 г.). По смерти Бориса в Ростове сел помимо племянников Глеб,

соединив вновь (на один год) оба удела – Ростов и Белоозеро; последнее он выделил перед смертью в особый удел для своего сына Михаила (79). По смерти Глеба (ум. 1278) в Ростове сели сыновья Бориса – Димитрий (39) и Константин (67), которые отняли у Михаила Белоозеро (впрочем, ненадолго); после присоединения (в 1285 г.) к Ростову Угличского удела увеличившееся княжество братья Борисовичи поделили между собою по жребию, причем Углич достался Димитрию, а Ростов – Константину (впрочем, они скоро обменялись своими уделами). По смерти Димитрия (ум. 1294 г.) Константин занял Ростов, а в выделенном Угличе посадил сына своего Александра. По смерти Константина (ум. 1307 г.) и его сына Василия (ум., вероятно, в 1316 г.) княжить стал внук Константина, Углицкий князь Юрий Александрович (93), преемниками которого явились дети Василия (21) – Федор (101) и Константин (68), при которых Ростовское княжество разделилось на две части (в 1328 г.) и притом так, что разделился и самый гор. Ростов на две «стороны» – Сретенскую (Устретенскую) и Борисоглебскую; первую взял себе Федор, вторую – Константин. Таким образом едино-целое прежде Ростовское княжество разделилось на две части, которые в свою очередь начали делиться на более мелкие волости: Гвоздево, Приимково, Пугоболы, Хохлово и многие другие. С территориальным дроблением начинается политическое подчинение Ростовских и Белозерских князей Москве, великий князь которой – Иван Калита начал понемногу делать «примыслы» – скупать села и города у беднейших Ростовских князей; последние, продав свои земельные владения, пользовались, однако, некоторой частью доходов с них и даже имели право чеканить монету, называясь «откупными» князьями. Город Ростов в это время подвергся всем невзгодам наместнического правления (Аверкий), с чем соединилось и падение веча. Вообще XIV век в истории Ростовского княжества был эпохой его окончательного падения; многочисленность князей все более и более дробила княжество, и князья мало-помалу превращались в мелких владетелей-помещиков, находившихся в полном подчинении у Московских князей.

Владельцы же князья Ростовские во второй половине XIV века до того ослабели и подчинились Москве, что в конце этого столетия и в начале XV, сохраняя еще значение князей владельцев, являлись как бы обыкновенными слугами великого князя Московского.

С великого князя Московского Дмитрия Донского установилось полное подчинение Ростовских князей Москве. Перечисление последних в летописи за XV в. представляет печальный некролог вымирающего потомства Константина Всеволодовича; уступая свои владения Московскому князю, Ростовские князья перед смертью поступали в монахи, принимали схиму; к концу XV века все уделы Ростовского княжества уже вошли в состав Московского княжества. От разделения Ростовского княжества (в 1328 году) на две половины владельцы Ростовские князья располагаются в следующем порядке: А. Сретенской стороны – Федор (101), при котором Ростов находился в полном распоряжении Московского князя, сын его Андрей (11), не выходивший из воли великого князя Московского, и Иван (48); Б. Борисоглебской стороны – Константин Васильевич (68), Василий (22), Александр (4) и Владимир Константиновичи (29), Андрей (8) и Федор (97) Александровичи, Иван (51) и Владимир (27) Андреевичи и Иван Иванович Долгий (58); трое последних продали Ростовский удел в 1474 году великому князю Московскому Ивану III. Белозерское княжество занимало ту местность, где в древности жила Весь. История Белозерского княжества вполне входит в историю Ростовского княжества, которого оно, по-видимому, составляло значительную часть. Самостоятельное существование Белозерского княжества начинается с отделения его от Ростовского при князе Глебе (32). В состав его в то время входили города: Вологда, Устюг, Белоозеро, села: Сугор, Шелешпань, Карголома, Каргополь, Андома, Вадбола, Белое село и др. Утвердившись за потомством Глеба Васильевича, оно существовало, как самостоятельный удел до половины XIV в., когда было куплено великим князем Московским Иваном Калитой у размножившихся и обедневших Белозерских князей. После Глеба княжил сын его Михаил(79); сын последнего –

Роман Михайлович (86) представлял собою оппозицию властолюбивым замыслам Ивана Калиты. После Романа княжил сын его Федор (105), павший геройской смертью со своим сыном Иваном (65) на Куликовом поле. Последним самостоятельным князем Белозерским был племянник Романа – Юрий Васильевич (95), при котором, в период 1380–1389 гг., Белозерское княжество перешло к Москве, раздробившись на целый ряд мелких княжеств: Шелешпанское, Сугорское, Кемское, Карголомское, Ухтомское, Андожское, Вадбольское, Белосельское (по некоторым данным еще Осготинское и Лозское). Димитрий Донской отказал Белозерское княжество своему сыну – князю Можайскому Андрею, от которого оно перешло к его сыну – Михаилу, после смерти которого, по договору с великим князем Московским Иваном III, было присоединено окончательно к Москве. От князей Ростовских произошли следующие, большею частью угасшие княжеские фамилии с присоединением слова «Ростовский»: князья Бахтеяровы, Буйносовы, Бычковы, Голенины, Голубые, Косаткины, Катыревы, Ласкины, Лобановы, Приимковы, Пужбольские, Темкины, Хохолковы, Щепины и Яновы; от князей Белозерских: князья Андожские, Белосельские, Вадбольские, Карголомские, Кемские, Сугорские, Ухтомские и Шелешпанские.

I. Родословные: *«Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих» («Бархатная книга»), ч. II, М. 1787 г.; Т. Мальгин, «Зерцало Российских государей», изд. 3-е, М. 1791 г.; М. Г. Спиридов, «Сокращенное описание служеб благородных Российских дворян», М. 1810 г.; «Родословная книга великих и удельных князей рода Рюрикова» – в «Записках касательно Российской истории», ч. V, СПб. 1793 г.; «Родословник князей великих и удельных рода Рюрикова», СПб. 1793 г. (приписываемый Екатерине II); Родословная книга в трех списках, синодальным и двух других» – «Врем. Общ. ист. и древ. росс.», кн. X, М. 1851 г.; П. Строев, «О родословии владетельных князей русских» – «Сын Отеч.» 1844 года, ч. XIV; Н. Головин, Родословная роспись потомков вел. князя Рюрика, М. 1851 г.; П. Хавский, О родословных росписях потомства великого князя Рюрика – «Сев. Пчела» 1825 г., №*

135; князь П. В. Долгоруков, *Российская родословная книга*, I–II т.т., СПб., 1854–1855 гг.; Князь А. Б. Лобанов-Ростовский, *Русская родословная книга*, С.-Пб, 1895 г.; Руммель и Голубцов, *Родословная книга*, т. I; П. Н. Петров, *История родов русского дворянства*, т. I, СПб. 1885 г.; Гр. Бобринский, *Русские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской Империи*, ч. I–II, СПб. 1890 г.; П. Д. Хмыров, *Перечень князей Рюрикова дома. Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых*, СПб. 1871 г.; *Родословная роспись Ростовских князей*, изд. С. А. Серебренниковым – «Яросл. Губ. Вед.» 1851 г., № 36.

II. *Летописи и акты*: Полн. Собр. Русск. Летоп., т.т. I–VIII и XV; Никоновская летоп., т.т. III–V; Суздальская летопись по Академическому списку; *Акты Исторические*, т. I; *Акты Юридические или собрание форм старинного делопроизводства*; *Акты Археографической экспедиции*, т. I; *Собрание Государственных Грамот и договоров*, т. I; *Степенная книга*, т. I; А. А. Титов, *Кекинский летописец*, Ярослав. 1887 г.

III. *Пособия общего характера*: В. Татищев, *История России*, т. IV; Карамзин, *История*, т.т. I–V; Арцыбашев, *Повествование о России*, т. II; М. П. Погодин, *Исследования, замечания и лекции по русской истории*, т.т. IV–VI; Князь М. М. Щербатов, *Российская история*, т. II; Соловьев, *История России*, кн. I; Его же, *История отношений между Русскими князьями Рюрикова дома*, М. 1847; К. Д. Кавелин, *Сочинения*, т. I; В. С. Борзаковский, *История Тверского княжества*, СПб. 1876; Д. И. Иловайский, *История России*, т.т. I–III; К. Н. Бестужев-Рюмин, *Русская История*, т.т. I–II; Н. Костомаров, *Лекции по русской истории*, ч. I, СПб. 1861 г.; В. И. Сергеевич, *Лекции по русскому праву*, СПб. 1887 г.; А. Е. Пресняков, *Княжое право*, СПб. 1908 г.; И. Е. Забелин, *Московское единодержавие – «Истор. Вестн»*. 1880 г., кн. IV; В. С. Иконников, *Опыт русской историографии*, Киев 1908 г., т. II, кн. I, гл. 10; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период от 1238 г. по 1505 год*, т.т. I–II, СПб. 1889–1891 гг.; С. Ф. Платонов, *Лекции по*

русской истории, изд. 8-ое, СПб. 1913 г., стр. 103–107, 111–119; В. О. Ключевский, Курс русской истории, т. I, М. 1908 года, изд. 3-ье, стр. 334–415; Т. П. Мятлева, Владимиро-Суздальский край и начало Московской Руси, ч. I–III, СПб. 1913 г.

IV. Специальные сочинения: Д. Поленов, Библиогр. обзор русск. летопис., СПб. 1850 г. (из «Ж. М. Н. П.»); К. Н. Бестужев-Рюмин, О составе и происхождении Русских летописей; И. А. Тихомиров, Обзорение Московск. сводов; А. А. Шахматов, Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод – «Известия Акад. Наук» 1904 г., т. I, стр. 72–98; Его же, Общерусские летописные своды XIV и XV в.в. – «Ж. М. Н. П.» 1901 г., № 11, стр. 55; Гр. А. С. Уваров, Меряне и их быт по курганным раскопкам – «Труды Первого Археологич. Съезда, т. II, стр. 633–687; Его же: Меря, М. 1870; П. Ефименко, Заволжская Чудь, Арханг. («Арханг. Губ. Вед.» 1868 г., № 88–95; 1869 г., № 68–71, 73–75, 81–86); Соловьев, Об историческом движении русского народонаселения – «Сборн. антропол. и этнограф. статей о России», изд. В. А. Дашковым, т. I, стр. 111–117; А. И. Соболевский, Откуда шла русская колонизация в Ростово-Суздальскую область – «Труды Ярослав. Област. Съезда», стр. 99–103; А. А. Спицын, Расселение др.-русских племен по археологическим данным – «Ж. М. Н. П.» 1899 г., № 8, стр. 334–337; Е. В. Барсов, Из истории, колонизации и культуры Ростовского края – «Труды Ярослав. Област. Съезда», стр. 164–170; С. С., Очерк древней истории г. Ростова и политической системы Ростовских владетельных князей – «Яросл. Губ. Вед.» 1842 г., № 6–7; Историч. свед. о г. Ростове – «Яросл. Епарх. Вед.» 1869 г., № 20, 21, 23, 25, 26, 28; Летописный обзор достопамятных событий Ростовской области по 1868 г. – «Яросл. Епарх. Вед.» 1868 г.; Статистическое описание Ярослав, губ. – «Яросл. Губ. Вед.» 1850 г., № 1–47 (здесь и История Ростов, княжества); П. Кандаков, Ростовские древности – «Ярослав. Губ. Вед.» 1869 г., № 48; А. В. Экземплярский, Ростовские владетельные князья, Яросл. 1888 г. – из «Яросл. Губ. Вед.»; Летопись о ростовских архиереях, с прим. А. А. Титова, СПб.

1890 г.; А. Крылов, Обзор истор.-статист. Ростовско-Ярославской епархии, Яросл. 1861 г.; Гр. М. Толстой, Древние святыни Ростова Великого – «Чтения в Имп. Общ. ист. и древн. росс.», 1847 г., год 3-ий, кн. 2, стр. 1–86, 3-ье изд., М. 1866 г.; Сказания по истории Ростова и Ростовских князей А. Артынова – «Чтения в Общ. Ист. и древн. росс.» 1882 года, кн. 1, стр. 1–88; А. А. Титов, предания о Ростовских князьях, М. 1885 г.; Его же, Ростовский уезд Ярославской губ., М. 1885; Д. А. Корсаков, Меря и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростовско-Суздальской земли, Казань. 1872 года; И. Д. Беляев, Великий князь Константин Всеволодович Мудрый – «Временн. Общ. ист. и древн. росс.», т. III, стр. 50–78; «Василий Константинович, князь Ростовский» – «Яросл. Губ. Вед.» 1843 г., № 9 и «Ростов. Епарх. Вед.» 1868 г.; М. П. Погодин, Битва на р. Сити – «Яросл. Губ. Вед.» 1869 г., № 14; И. Лажечников, Заметки исторические о месте сражения на р. Сити в 1288 году с монголами – Прибав. к «Русс. Инвал, « 1838 года, № 22; В. Лествицын, Место побоища на р. Сити – «Яросл. Губ. Вед.» 1868 г., № 41; С. Серебряников, Последние междоусобия князей русских и битвы их в Ярослав., Ростов, и Углической обл. – «Ярослав. Губ. Вед.» 1856 г., № 7–8; С. С., О избавлении Ростова от разграбления татарск. хана Ахмыла – «Яросл. Губ. Вед.» 1843 г., № 34; И. Троицкий, История Белозерского княжества и князей его – «Яросл. Губ. Вед.» 1868 г., № 20–23; С. Серебряников, Заозерское княжество – «Яросл. Губ. Вед.» 1843 г., № 3.

1. Александр Иванович, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Ивана Владимировича* (55) Бычка. Жил в XIV–XV вв. Известен только по родословным, которые дают ему 5 сыновей: 1) Василия Ластку (16), род которого угас с сыном его Юрием Ласткою-Ростовским; 2) Михаила Касатку (75), родоначальника существующего рода князей Касаткиных-Ростовских; 3) Ивана Лобана (45), родоначальника существующего рода князей Лобановых-Ростовских; 4) Ивана-Яна (46), бездетного и 5) Федора Голубого (98), родоначальника (через сына Василия) угасших князей Голубых-Ростовских, потомство которого пресеклось (в конце княжения великого

князя Московского Ивана III) с внуком его, князем Петром Васильевичем Голубым-Ростовским.

Родословные; Гр. М. Толстой, Древние святыни Ростова Великого – «Чтения в Имп. Обществе истории и древностей Российских», М. 1847 г., № 2, стр. 82; А. В. Экземплярский, Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г., т. II, СПб. 1891 г., стр. 54, 55.

2. Александр Иванович (колени от Рюрика XVIII), младший сын князя *Ивана Александровича* (44), XIV–XV в., известный только по родословным. Должен считаться еще удельным князем, так как, очевидно, он умер раньше старшего брата своего Ивана Долгого (58), в противном случае последний должен был бы продавать (в 1474 г.) «половину Ростова со всем» с согласия также и князя Александра, чего из сохранившихся летописных известий не видно.

Полн. собр. русск. летопис., т. VIII, стр. 180; Экземплярский, назв. соч., т. II стр. 61, примеч. 206.

3. Александр Иванович Хохолок (колени X, от Рюрика XIX), князь Ростовский, сын князя *Ивана Андреевича Брюхатого* (50), умер до 1474 г.; был еще (хотя, быть может, и не до конца своей жизни) удельным князем, так как только при нем (см. Андрей Иванович Хохолок), в 1474 г., дядья его Владимир и Иван Долгий, за себя и за него, продали свою отчину великому князю Московскому. Был женат на некоей Матрене, которая в селе Козлове, Зверинцевской волости Ростовского уезда, содержала большие козлиные стада, а также была любительницей разводить их. У него был сын Иван Буйнос (47).

А. В. Экземплярский, т. II, стр. 56; А. А. Титов, Ростовский уезд Ярославской губ. М. 1885, стр. 293, 334, 577; Гр. М. Толстой, Древние святыни Ростова Великого – «Чт. Имп. Общ. ист. и древн. Росс.», 1847 г., № 2, стр. 82.

4. Александр Константинович, князь Ростовский (колени VII, от Рюрика XVI), сын князя *Константина Васильевича* (68). Княжеский престол занял в 1365 году, тотчас после смерти своего отца, и продолжая политику последнего к Москве – полное ей повиновение. В 1375 году, по приказу великого князя Московского Димитрия Ивановича (Донского), он, в числе других

Ростовских князей, принимал участие в карательном походе против Тверского князя Михаила Александровича, который, будучи побежден, должен был признать главенство Москвы. При нем в Ростов явился еретик Маркиан, «армяновер, зело хитр в словесах и в писании книжном коварен», и возбудил к своему учению значительный интерес среди народа, бояр и у самого князя; ввиду грозившей «вере православной» опасности, состоялось публичное прение епископа Иакова с еретиком, в присутствии князя, бояр и народа, и еретик, будучи побежден, был изгнан из города. Князь Александр скончался в июне (по одним известиям 9-го, по другим – 19-го) 1404 года, перед смертью приняв иноческий чин с именем Андрея. Повторявшееся в старых и новых родословных указание, будто бы он был епископом Ростовским под именем Арсения, надо решительно отбросить, как противоречащее хронологии: епископ Арсений скончался гораздо позже князя Александра. Он имел 3-х сыновей: Андрея (8), Феодора (97) и Ивана (44).

Полн. собр. Русск. летоп., т. I, стр. 233; т. IV, стр. 70; т. V, стр. 233; т. VI, стр. 128, 132; т. VIII, стр. 22; т. XV, стр. 99; т. XXIII, стр. 119, 167; Троицкая летопись, т. I, стр. 223; Суздальская летоп. по Академич. списку, стр. 510; Родословные: Долгорукова и Головина; Хмыров, Перечень, стр. 14, № 250; кн. М. М. Щербатов, Историч. повеств. о России; Карамзин, История, изд. Эйнерлинга; Гр. М. Толстой, Древние Святыни Ростова Великого («Чт. Общ. ист. и древн. Росс.» № 2, 1847 г.), стр. 14, 16, 52, 81, 82; Митр. Макарий, История Русской церкви, т. IV, стр. 247, 248; Описание Спасо-Яковлевского монастыря, СПб. 1879 г., стр. 6, 7; В. Талицкий, Святой Иаков, епископ Ростовский (по рукописи А. А. Титова), Ярослав. 1892 г.; А. А. Титов, Ростовский уезд Ярославской губернии, М. 1885 г., стр. 75, 504, 572; Д. А. Корсаков, Меря и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростовско-Суздальской земли, Казань. 1872 г., стр. 169; Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 106, 411, т. II, стр. 50, 52–54, 58, 61; В. С. Иконников, Опыт Русской историографии, Киев. 1908 г., т. II, кн. 1, стр. 875.

5. Александр Федорович Щепа, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Федора Андреевича* (99). По одним летописным известиям Псковичи, в заботах о защите своей земли от ливонцев, отправили в 1410 г. послов с «челобитьем» к князю Александру и просили его быть Псковским наместником; по согласии князя и по приезде его во Псков, Псковичи приняли его «с честью» и посадили на княжение 26-го сентября; по другим летописным известиям (и это более достоверно) князь Александр приехал во Псков «из руки великого князя Василия Дмитриевича», с псковичами не ладил или псковичи с ним не могли ужиться – неизвестно; с небольшим через 2 года (15-го мая 1412 года) псковичи «выпроводиша» князя, который «возложил на Псков крестное целование» (т. е., что псковичи поступили против крестного целования), «а псковичи, замечает летопись, в крестном целовании прави» (Псковская летопись). В 1421 г. те же псковичи, опасаясь близкой войны с литовским князем Витовтом, просили у великого князя Московского дать им в князья князя Александра, который прибыл во Псков в том же году и был принят с честью, но уже в 1423 г. выехал из Пскова «с челядью». В 1428 г. перед грядущей со стороны Витовта опасностью псковичи вновь обратились к великому князю Московскому с просьбой назначить к ним князем-наместником князя Александра, который, очевидно, не желая ехать во Псков, послал туда сперва сына своего Дмитрия (37), обещая в скором времени приехать сам. Дмитрий, пробыв во Пскове до половины зимы и, не дождавшись отца, уехал в Москву. В следующем году великий князь вновь назначил во Псков князя Александра, который приехал туда с сыном 20-го февраля. «Сие же буде ведомо, прибавляет летописец, яко сий князь Александр уже третье приеха в Псков князем». На этот раз князь Александр пробыл во Пскове до 1434 года. Деятельность его в этот период выразилась в том, что он вместе с посадником Сильвестром заложил в октябре месяце 1431 г. на новом месте «на реке над Ругодивом (Нарвой) в Залесьи» (по другой летописи «в Котеленском обрубе») новый городок Выбор; в том же году, на пятой неделе по Пасхе, князь Александр с

посадником Яковом Павловичем, «наняв 300 человек (рабочих) заложи город на реке на Гдове, а на Гдовских земцах, в кого тамо отчина, взяша 300 в камену стену». Спустя 3 года (28-го февраля 1434 года) князь Александр выехал из Пскова со всей челядью. «А был тот князь, – говорит летописец, – во Пскове трижды, а жития его всего во Пскове (было) 12 лет». По одной Псковской записи на книге о кончине его упоминается под 1442 годом (6950 г.) в монашестве. По некоторым родословным он был женат дважды: первый раз, с 17-го января 1412 года, на княжне Н. Ивановне Ярославской (этот брак является сомнительным), второй раз – на дочери Димитрия Константиновича Зернова, праправнука Мурзы-Чета, также неизвестной по имени; от второго брака он имел сына Димитрия (37) и неизвестную нам по имени дочь, бывшую за мужем за князем Литовским Владимиром Даниловичем. Через сына своего князь Александр является родоначальником князей Щепиных-Ростовских.

Полн. собр. Русск. летоп., т. IV, стр. 201, 205, 206, 207–28; т. V, стр. 21, 23, 24, 26, 27; Карамзин, История; Соловьев, История; А. В. Экземплярский, назв. соч. т. I, стр. 143, 145, 146, 151, 152, 161, 410–415; т. II, стр. 43–46; Хмыров, Перечень, стр. 17, № 264; кн. М. М. Щербатов, История, т. IV; А. А. Титов, Ростовский уезд, М., 1885 г., стр. 574, 577; Евгений (Болховитинов), История княжества Псковского, ч. IV, стр. 63 и след.; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; В. С. Иконников, Опыт Русской историографии, Киев. 1908 г., т. II, кн. I, стр. 788, 813.

6. Александр Федорович, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика XVIII), единственный сын князя Федора Александровича (97); время жизни его относится к первой четверти XV века; в большей части родословных он оказывается пропущенным; Хмыров, на основании некоторых официальных документов, передает, что его женой была дочь Ивана Владимировича, князя Серпуховского, – Мария.

Хмыров, Перечень, № 263, 264; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 45, 55, 60, 91, 138. 305.

7. Андрей, князь Кемский, сын неизвестно какого князя; жил в конце XIV в. и принимал участие в Куликовской битве, в которой был убит в числе четырех других Белозерских князей: «и приидоша, говорит летопись, князи Белозерстии крепцы суще и мужественни на брань с воинствы своими, князь Федор Семенович (107), князь Семен Михайлович (91), князь Андрей Кемский, князь Глеб Каргапольский и Адожкий».

Пол. собр. русск. летоп., т. XI, стр. 52; Никоновская летоп., т. IV, стр. 48; Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 163; В. С. Иконников, опыт Русской историографии, т. II, кн. 1, Киев. 1908 г., стр. 883.

8. Андрей Александрович, князь Ростовский (колени VIII, от Рюрика XVII), сын князя *Александра Константиновича* (4). Именуясь еще владетельным князем, он, как и все Ростовские князья второй половины XIV века, фактически является как бы обыкновенным слугою великого князя Московского. О нем известно только, что в 1415 г., по воле великого князя Московского, он отправился во Псков наместником, но уже 17-го июля 1417 г. псковичи выгнали его, может быть, за слишком сильные притеснения и поборы. По родословным у него были следующие сыновья: Иван Брюхатый (50), Димитрий (38), Федор (100), Владимир (27), Иван-Ян (51) и Петр (84). Через сыновей он является родоначальником отдельных княжеских фамилий: Хохолковых, Буйносовых, Яновых и Темкиных-Ростовских.

Полн. собр. русск. летоп., т. V, стр. 22; Акты истор., т. I, стр. 48; Карамзин, История; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885 г., стр. 573; Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 187, 411, 412; т. II, стр. 44, 53, 55, 56, 60.

9. Андрей Иванович, князь Ростовский, XV века (колени IX, от Рюрика XVIII), старший сын князя *Ивана Александровича* (44); известен только по родословным; бездетен.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М., 1885 г., стр. 675, Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 61.

10. Андрей Иванович Хохолок, князь Ростовский, XV в. (колени Х, от Рюрика XIX), сын князя *Ивана Андреевича Брюхатого* (50), был, хотя, может быть, и не до конца своей жизни, удельным князем, так как только при нем в 1474 г. дядья его – Владимир Андреевич и Иван Иванович Долгий (58), за себя и за него, продали отчину свою великому князю Московскому. По Хлебниковскому летописцу, списанному Артыновым (Титов, стр. 409), он был женат на княжне Татьяне, дочери Ивана Федоровича, внучке князя Константина Владимировича, и взял за ней в приданое местность, занимаемую ныне селом Рославлевым, Новоселко-Пеньковской волости Ростовского уезда. Самому ему принадлежала местность, занимаемая ныне селом Соколовым, Зверинцевской волости. Он имел сына Ивана Катыря (49), родоначальника угасших княжеских фамилий Хохолковых-Ростовских и Катыревых-Ростовских.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885 г., стр. 362, 409, 461, 577; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 56.

11. Андрей Федорович, князь Ростовский (колени VII, от Рюрика XVI), единственный сын князя *Федора Васильевича* (101), родился неизвестно когда. На княжение «отчины» – Сретенской стороной города Ростова, вступил тотчас после смерти отца своего, в 1331 году. Будучи вполне самостоятельным князем, являлся верным союзником и слугою великого князя Московского, предоставив как себя, так и свое княжество в полное распоряжение последнего. В 1347 году женился и спокойно владел своей «отчиной» до 1360 года; в этом году дядя его Константин Васильевич (68), владевший Борисоглебской стороной Ростова, пользуясь происходившими в это время княжескими неурядицами, выхлопотал для себя в Орде ярлык на все Ростовское княжество и выгнал из Ростова князя Александра, который удалился в Переяславль. В 1363 году, как отмечают летописи, между ним и Константином Васильевичем «произошло нелюбие», в результате которого князь Александр, поддержанный великим князем Московским Димитрием Ивановичем Донским, приславшим ему на помощь

большую Московскую рать под начальством князя Ивана Ржевского (Жревского?), заставил дядю своего удалиться в 1364 году из Ростова в Устюг. В 1371 году он, как ближайший сподручник Дмитрия Ивановича, сопровождал последнего в Орду, а в 1375 году принимал участие в его походе на Тверь. Есть известие, что в 1380 году он участвовал в Куликовской битве, находясь, как сообщает Карамзин, на правом крыле и показав себя героем. В 1408 году, когда один из татарских отрядов, разосланных ханом Едигеем по окрестностям Москвы, пришел к Ростову, князь Александр вместе с жителями бежал оттуда, а татары разграбили и сожгли Ростов. По преданию, князь Александр возобновил знаменитый зверинец, устроенный князем Константином Всеволодовичем (71) в местности, занимаемой ныне селом Зверинцевым, Ростовского уезда; позже зверинец этот был уничтожен его сыном – Борисом (14). В 1409 году князь Александр скончался, приняв перед смертью иноческий чин с именем Афанасия. От брака с неизвестной имел шестерых сыновей: Ивана (48), Федора (99), Юрия (93), Константина (66), Михаила (76) и Бориса (14). По рукописи Хлебникова (Титов, стр. 573) у него была дочь Вера, бывшая за мужем за Иваном Владимировичем Бычком, родоначальником князей Бычковых-Ростовских, и дочь Дарья, которая за некоторое время до Куликовской битвы пропала из отцовского терема и впоследствии оказалась женою Ростовского князя Ивана Александровича, вместе с которым она участвовала, будучи в мужском одеянии, в битве. Сохранилась одна монета Ростовского княжества с надписью: «печать князя Андр... Ф...», которого Карамзин считает за князя Александра Федоровича.

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 230, 231, 234; т. IV, стр. 64, 70; т. V, стр. 229, 233; т. VIII, стр. 18, 22; т. XV, стр. 435, 483; Никоновская летоп., т. IV, стр. 29, 42, 64; Головин, Родословные, № 496; Карамзин История; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 16, 81; Д. А. Корсаков, Меря и Ростовское княжество, Каз. 1872, стр. 168, 169; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885 г., стр. 77, 78, 334, 346, 459, 572; Н. П. Петров, История родов Русского двор., т. I; А. В.

Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 96, 106; т. II, стр. 39–45, 49, 50, 52, 53, 183, 407, 423.

12. Андрей Юрьевич, князь Белозерский (колени VIII, от Рюрика XVII), сын князя *Юрия Васильевича* (95); удельным князем не был. При его отце, в период между 1380 и 1389 гг., совершился переход Белозерского удела, купленного еще великим князем Московским Иваном Калитой (на особых, вероятно, условиях) в род *Димитрия Ивановича Донского*; сыновья же *Юрия Васильевича*: бездетный *Давид* (35), *Роман* (87) и *Андрей* поделили между собою отцовский удел, из которого князь *Андрей* получил земли по реке *Андоге* и *Вадбольскую волость*, которые перешли по наследству к сыновьям его: *Михаилу*, получившему *Андожскую волость*, и *Ивану*, получившему *Вадбольскую*; по названиям этих волостей *Михаил* и *Иван* получили свои родовые прозвища и явились родоначальниками князей *Андожских* и *Вадбольских*.

Энциклопедический Лексикон Плюшара, т. VII стр. 33; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; Петров, Ист. родов русск. двор., т. I; А. В. Экземплярский, назв. соч. стр. 165, 167, 171.

13. Афанасий Васильевич, князь Сугорско-Шелешпанский (колени VII, от Рюрика XVI), сын князя *Василия Романовича* (23), жил в конце XIV века. После смерти своего отца он получил в удел *Шелешпанскую волость*, был первым и последним ее удельным князем и дал своему потомству фамилию князей *Шелешпанских*. От брака с неизвестной у него был сын *Иван* (53), из четырех сыновей которого два старших, *Юрий* и *Димитрий*, были продолжателями рода князей *Шелешпанских*: от *Юрия* пошла старшая ветвь рода (угасшая), а от *Димитрия*, прозванием *Судницы*, младшая, теперь тоже уже угасшая.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; П. Н. Петров, Ист. родов русского двор., т. I, стр. 108; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 168, 169; Краткое повествование о начале родов князей Российских, М. 1785 г.; Энциклопедич. лексикон Плюшара, т. VII, стр. 550.

14. Борис Андреевич, князь Ростовский (колени VIII, от Рюрика XVII), сын князя *Андрея Федоровича* (II), жил в XIV–XV

вв. По рукописи Хлебникова (А. Титов, стр. 334), он уничтожил возобновленный его отцом знаменитый зверинец в Ростовском уезде. По родословным росписям, потомства от него не показано и других сведений о нем не имеется.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885 г., стр. 573, 334; А. В. Экземплярский, назв. соч., стр. 42, 47.

15. Борис Василькович, князь Ростовский (колени III, от Рюрика XII), сын св. князя *Василька Константиновича* (26), родился 24-го июля 1231 года в г. Ростове и под тем же годом упоминается в числе лиц, бывших 14-го августа на освящении церкви св. Богородицы в Ростове. По смерти отца в 1238 году, он с младшим братом своим Глебом поделил, по существовавшему тогда отчинному раздельному владению, между собой Ростовское княжество таким образом, что Ростов взял Борис, а Белоозеро – Глеб, хотя *de facto* оба они, по малолетству своему, жили в Ростове при матери, которая и управляла всем княжеством. В 1244 году Борис вместе с дядею своим Владимиром Константиновичем, князем Углицким, и другими князьями, ездил в Орду «про свою отчину», т. е. хлопотать перед ханом об утверждении себя и младшего брата Глеба в правах на наследственные уделы; Батый «рассудил им когождо в свою отчину, и приехалша (они) с честью на свою землю». В конце 1245 года Борис сопровождал своего деда Михаила Всеволодовича, князя Черниговского, в Орду и там уговаривал его исполнить «волю цареву» – поклониться «кусту, солнцу и идолам», но безуспешно. После мученической кончины деда князь Борис был отправлен Батыем к его сыну Сартаку, который, «почтив, его отпусти восвояси». В 1248 г. князь Борис женился на Марии, дочери Муромского князя Ярослава Юрьевича. Зимой следующего года он с матерью, младшим братом и князем Александром Невским сопровождал в Ярославль из Владимира тело князя Ярославского Василия Всеволодовича. С 1250 года вновь начинаются поездки князя Бориса в Орду; в этом же году он был у хана Сартака, который принял его с честью. После 1252 года князь Борис побратался с бежавшим из Орды и жившим в Ростове татарским царевичем

Даиром Кайдагулом (впоследствии св. Петром Ордынским), а в 1256 и предыдущем году подносил в Орде дары приближенному хана – Улавчию, которому хан Берка поручил ведать дела Руси. 1257 и 1258 годы изобилуют поездками князя Бориса с другими князьями в Орду к тому же Улавчию; наиболее правдоподобным объяснением этих, столь частых поездок надо считать догадку Карамзина о том, что князья Северо-Восточной Руси, «Сведав намерение татар обложить Северную Россию, подобно Киевскому и Черниговскому княжению, определенной данию по числу людей, желали отвратить сию тягость, но тщетно: вслед за ними приехали чиновники татарские в области Суздальскую, Рязанскую, Муромскую и изочли жителей. В 1259 году князь Борис вместе с братом Глебом и матерью своею принимали в Ростове в среду средокрестной недели князя Александра Невского, а в 1261 году они с Александром Невским назначили в помощники Ростовскому епископу Кириллу архимандрита Игнатия. В 1274 году князь Борис женил своего старшего сына Дмитрия, и затем до 1277 года о нем летописи ничего не говорят, а в этом году князь Борис прибыл в Орду на помощь хану Менгу-Тимуру в его походе против Кавказских ясов (аланов), но, тотчас по прибытии в Орду, заболел и, ожидая кончины, хотел было принять иноческий сан, но жена его, в надежде на благополучный исход болезни, отговорила его от этого намерения. Князь Борис скончался в Орде 16-го сентября того же года; тело его было перевезено женою и сыном Дмитрием в Ростов и 13-го ноября того же 1277 года погребено в Соборной Успенской церкви, по правой стороне.

Князь Борис был большим любителем книг, и несомненно он есть тот «княж летописец», который в так называемой Суздальской и Тверской летописях (исчезнувшая Ростовская летопись) описывает события, относящиеся преимущественно к Ростовской земле. Из фактов, бывших в его княжение в Ростове, летопись отмечает, кроме переписи 1257 года, также изгнание татар из Ростова в 1262 году. У князя Бориса были сыновья: Дмитрий (39), Василий (17) и Константин (67), княжившие один за другим после отца.

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 195, 196, 199–204, 224–228, 252; т. IV, стр. 29, 32–34, 43; т. V, стр. 174, 184, 199; т. VII, стр. 187, 143, 152, 154–156, 159, 160, 162, 167, 173; т. XV, стр. 373, 385, 395, 400, 401, 403–405; Никон. летоп., т. III, стр. 3, 4, 18–26, 32, 37–41, 46, 54, 61–63; Тверская летоп. (рукоп. Археограф. Ком.), стр. 14; Степенная книга, т. I, стр. 335, 339, 347–349, 393; Карамзин, История; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 10, 12, 26, 29, 50–52, 81; Соловьев, История; Д. А. Корсаков, Меря и Ростовское княжество, Казань. 1872, стр. 164, 165, 229; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 310, 311, 569; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 23, 27, 28, 36, 38, 44, 46, 58; т. II, стр. 21–25, 31, 34, 35, 71–74, 78, 127, 154–156, 159, 210, 263, 450, 617, 634; В. С. Иконников, Опыт Русской историографии, Киев. 1908, т. II, кн. 1, стр. 863, 877, 906–909; А. Е. Пресняков, Княжое право, СПб. 1909, стр. 152.

16. Василий Александрович Ластка, князь Ростовский (колени Х, от Рюрика XIX), старший сын князя Александра Ивановича (1), старшего внука Владимира Константиновича (29). С 1520 г. по 1525 год был воеводою московских войск. Предания о нем, приводимые А. Титовым из рукописей Хлебникова, носят баснословный характер, Владения князя Василия в нынешнем Ростовском уезде были на месте нынешних сел: 1) Деболы, где было его жилище, которое служило притоном разбойничьей шайки Василия Шемяки и 2) с. Сельца. Князь был очень дружен со Св. Исидором блаженным, вместе с которым навещал киновию Ростовского архиепископа Дионисия. При князе Василии, его брате Иване Лобане и при архиепископе Дионисии 29-го мая 1423 года на «Сахотском болоте», притоне чародеев и волшебников, явился животворящий крест с иконы св. Николая Чудотворца, с какового креста князь Василий приказал написать четыре таких же креста. Он имел сыновей: Семена и Юрия, с которыми угас род князей Ласткиных-Ростовских.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 77, 171, 349, 350, 459, 460, 528, 550, 678; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 56.

17. Василий Борисович, княжич Ростовский (колени IV, от Рюрика XIII), сын князя *Бориса Васильковича* (15). По летописям известно только, что он родился 16-го апреля 1268 года. Можно предполагать с большой вероятностью, что он умер в младенчестве, так как после смерти его дяди, князя Глеба Васильковича (32), сели на княжение только два сына Бориса Васильковича (15): Димитрий (39) и Константин (67).

Полн. собр. русск. летоп., т. VII, стр. 167; т. XV, стр. 403, 404; Никон. летоп., т. III, стр. 46; Акты археогр. эксп., т. I, стр. 340; Карамзин, История; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 12, 81; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 570; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 56; т. II, стр. 28, 25, 34, 634; В. С. Иконников, Опыт русск. историогр., Киев. 1908, т. II, кн. 1, стр. 910.

18. Василий Глебович, князь Белозерский (колени IV, от Рюрика XIII), сын князя *Глеба Васильковича* (32). В некоторых родословных отсутствует; он служил у великого князя Московского чем приравнен был к боярам. Умер в 1283 году.

Кн. Долгорукий, Родосл. книга, т. I, стр. 217; Головин, Родословные, № 293, 335, 336; Родословные во Временнике Общ. ист. и древн. Росс., вып. X, стр., 41 и след.; «Историч. Вести.» 1880 г., т. IV, стр. 513 (И. Е. Забелин, Московское единодержавие); А. В. Экземплярский, назв. соч., стр. 157; В. С. Иконников, Опыт русск. историогр., Киев. 1908, т. II, кн. 1, стр. 883.

19. Василий Иванович Губка, князь Ростовский (колени X, от Рюрика XIX), сын князя *Ивана-Яна Андреевича* (51) был воеводою великого князя Московского Василия III. Титов ведет от него род князей Губкиных-Ростовских, чего не встречается в других родословных.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885 г., стр. 387, 426, 578; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 58.

20. Василий-Варсонофий Иванович, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Ивана Александровича* (44). Известен только по родословным; жил приблизительно в XV века.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 61.

21. Василий Константинович I, князь Ростовский (колени V, от Рюрика XIV), сын князя *Константина Борисовича* (67). Родился в 1291 году; в 1316 г. пришел из Орды с татарскими послами Казанчием и Сабанчием, с которыми «много зла сотвориша в Ростове». Причиной появления татар, составлявших передовой отряд, можно считать участие князя Василия в борьбе племянника своего Юрия Даниловича Московского с Михаилом Ярославичем князем Тверским. Князь В. был женат на неизвестной, от брака с которой у него были сыновья: Федор (101) и Константин (68), при которых Ростовское княжество разделилось на два удела.

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 229; т. IV, стр. 47, 48; т. V, стр. 205, 206; т. VII, стр. 185, 187; Никон. летоп., т. III, стр. 89, 105; Карамзин, История; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 62, 81; Д. А. Корсаков, Меря и Ростовское княжество, Казан. 1872, стр. 168; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 529; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 29, 34–38, 40, 45, 47, 56, 210, 211.

22. Василий Константинович II, князь Ростовский (колени VII, от Рюрика XVI), сын князя *Константина Васильевича* (68).

Кроме известия о том, что в 1375 году он вкупе с Андреем Федоровичем (11), Александром Константиновичем (4) и Федором Романовичем (106) участвовал в походе великого князя Московского Дмитрия Ивановича на Тверь, никаких других сведений о нем не имеется. По родословным росписям он показан бездетным; был ли женат, неизвестно.

Полн. собр. русск. летоп., т. IV, стр. 70; т. V, стр. 233; т. VIII, стр. 22; Карамзин, История; Родословные Головина и Долгорукова; гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 16, 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 572; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 106; т. II, стр. 50, 52, 53.

23. Василий Романович, князь Сугорский (колени VI, от Рюрика XV), младший из двух сыновей князя *Романа Михайловича* (86). Известен только по родословным. Со смертью Романа Михаила, отца его, Белозерский удел

разделился на две части; старший сын его Федор (106), брат князя Василия, получил Белозерск, а сам Василий – Сугорье (восточную половину за рекой Шексой). Можно предполагать с большой достоверностью, что князь Василий скончался до 1380 года – на основании того, что после смерти брата его, князя Федора (ум. 1380), удел последнего перешел к сыну Василия Романовича – Юрию, иначе он сам занял бы Белозерск, предоставив Сугорье Юрию. У него были сыновья: Юрий (95), Афанасий (13), Семен (89) и Иван (54), а по некоторым родословным еще и Константин (69). Они явились родоначальниками следующих отдельных княжеских фамилий: Шелешпанских, Кемско-Сугорских и Кемских, Карголомских, Ухтомских, Андожских, Вадбольских и Белосельских.

Карамзин, История; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; Н. Петров, История родов русского двор., т. I, стр. 108; А. В. Экземплярский, назв. соч., стр. 162, 165, 167–171.

24. Василий Романович, князь Белозерский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя Романа Юрьевича (80), жил в XV веке. Известен только по родословным.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 172.

25. Василий Федорович, князь Белозерский (колени VI, от Рюрика XV), сын князя Федора Михайловича (104), внук Михаила Глебовича (79). На основании большинства родословных существование его можно признать действительным.

Родословные; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 162, примеч. 484.

26. Василько (Василий) Константинович, святой, князь Ростовский (колени II, от Рюрика XI), старший сын князя Константина Всеволодовича (71), великого князя Владимирского, был первым самостоятельным князем отдельного Ростовского княжества. Родился 7-го декабря 1209 года в Ростове. Под 1212 годом, 23-го мая, летопись отмечает о совершении над ним известного старинного обряда пострига: «и бысть радость велика в граде Ростове», – замечает по этому поводу летописец. В 1216 г. отец его, Константин Всеволодович,

по утверждении своем во Владимире, оставил своего семилетнего сына в Ростове на попечении епископа Пахомия, известного своей книжностью («исполнен книжного учения»), а в 1219 г., незадолго до кончины, окончательно назначил сыну в удел Ростовскую землю, поручив В. непосредственному попечению своего брата Юрия Всеволодовича, великого князя Владимирского, дабы он ему был «в его место». Во все время своего княжения Василько подчинялся указаниям своего дяди Юрия Всеволодовича. В 1220 году он, по приказанию последнего, а также, вероятно, и по своему желанию, когда Волжские болгары в 1219 году разорили Устюг (его город), принимал участие в военной экспедиции против болгар в верховья Камы. По просьбе южно-русских князей Юрий Всеволодович послал в 1223 году на помощь русским князьям против татар князя Василька, который, однако, дойдя до Чернигова и узнав о поражении русских на реке Калке, вернулся в Ростов. В 1224 году он со своею ратью сопровождал дядю своего в походе его на Новгородскую землю, а в 1226 г. с ним же участвовал в походе на Олега, князя Курского. В 1227 году, по совету и желанию дяди, он 10-го февраля женился (в Москве «в церкви Благовещения») на княжне Марии Михайловне, дочери князя Черниговского, а 12-го февраля прибыл с женою в Ростов. В 1228 году дядя посылал его, вместе со Владимирским воеводою, Еремеем Глебовичем, на Мордву для наказания ее за набеги на Суздальскую область, но, по случаю непогоды, приказал ему вернуться обратно; через четыре месяца (в январе) В. принимал участие в новом походе на Мордву, во время которого было много побито мордвы, край опустошен огнем и мечом, а князья возвратились домой с многочисленным полоном. В следующем (1229) году между Васильком и его дядею Юрием нарушилось бывшее до тех пор согласие, «Но, говорит летопись, Бог не попусти лиху быти», и в скором времени князья помирились на Суздальском съезде. Князем Васильком был достроен в Ростове Успенский храм, постройка которого была начата еще его отцом, Константином Всеволодовичем. В 1230 году он присутствовал на освящении храма и тогда же просил дядю Юрия и епископа Владимирского

Митрофана о назначении Ростовским епископом архимандрита Кирилла, игумена Рождество-Богородицкого монастыря, на что получил согласие, и в следующем году послал архимандрита Кирилла в Киев для посвящения в епископы. В 1232 году он участвовал в походе на Михаила Всеволодовича, князя Черниговского, в защиту интересов Ярослава Всеволодовича, брата великого князя Владимирского. Поход закончился разорением области князя Михаила: князя выжгли Серенск, осадили Мосальск и много сделали зла жителям этого края.

В 1237 году, во время движения татар на Владимир, князь Василько вместе с Юрием Всеволодовичем, великим князем Владимирским, ушел за Волгу. В следующем году, 4-го марта, во время битвы на р. Сити между татарами и русскими, татары взяли в плен князя Василька, увели его с собою и на одной остановке в Шеренском лесу (ныне Калужской губ.), после того как Василько с презрением отверг предложение татар принять их веру, он был убит, а труп его тут же брошен был в лесу. Спустя некоторое время труп был найден, по преданию, какою-то женщиною, которая рассказала о своей находке некоему благочестивому поповичу Адриану, который взял тело и скрыл его в укромном месте; затем оно было перевезено в Ростов и там погребено в соборной Успенской церкви. По словам летописи Василько был очень любим жителями Ростова, а особенно своею дружиной, храбр, красив лицом и имел ясный и грозный взор; «кто из бояр служил ему, кто ел хлеб его и пил с ним чашу, тот, по словам летописи, не мог уже служить другому князю».

За свои страдания Василько причислен русскою церковью к лику святых; память о нем совершается 4-го марта. Время канонизации его неизвестно. В настоящее время, именно, как полагают, с конца XVIII в., с переводом архиерейской кафедры из Ростова в Ярославль, память Василька не празднуется. Начало «страдания» его (Милютинские четьи минеи): «Во время же страсти святого благоверного князя Георгия Всеволодовича»; начало другого «страдания»: «Егда убо не исправихомся и не потребни быхом, зависти же и гордости и неправды не

лишихомся». В Ростове существует предание, что мощи Василька были прежде во вскрытии.

У него были сыновья: Борис (15) и Глеб (32), которые после смерти отца поделили между собою Ростовское княжество; 1-ый взял собственно Ростовский удел, а 2-ой – Белозерский. Жена Василька, княгиня Мария Михайловна, после убиения мужа татарами, основала в память супруга, в версте от г. Ростова, Спасский на Песках Княгинин женский монастырь, в котором сама и была погребена в 1271 г., а в 1278 г. здесь же был «закопан» и сын ее Глеб (32).

«Страдание блаженного князя Василька Ростовского» напечатано в *«Степенной книге царского родословия»*, т. I, стр. 338–340; Рукописные «страдания» находятся в Милютинских четьях минеях в Имп. Публ. Библ. (рукописи Толстого, отд. III, № 69, XVII в.) и в рукописях И. Н. Царского, № 136, XVIII в.; Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 183–185, 187, 189–196, 198, 199, 222, 224, 225, 252; т. III, стр. 41; т. IV, стр. 27, 32, 83; т. V, 173, 174; т. VII, стр. 116, 125–128, 132–138, 140–143, 236; т. X, стр. 150; т. XV, стр. 327, 365, 368, 370–372; Никон. летоп., т. III, стр. 54, 93; Тверск. летоп., стр. 404; Карамзин, История; князь Эристов, Словарь исторический о святых, прославляемых в Российской церкви, СПб. 1836, стр. 53 и 54; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 6, 7, 9–12, 20, 29, 34, 44, 70, 81; Соловьев, История отношений между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847, стр. 261, 262; Его же, История России; Филарет, Русские святые, сентябрь; Д. А. Корсаков, Меря и Ростовское княжество, Казань. 1872, стр. 129, 134, 159–162, 164, 166, 229, 231; Краткие жизнеописания русских святых, составленные арх. Игнатием, ч. I, СПб. 1875 г.; Жития Ростовских угодников Божиих, соч. Н. К., СПб. 1865; Гр. М. Толстой, Рассказы из истории Русской церкви, кн. I, гл. VII, М. 1866; Благоверный князь Василько Константинович Ростовский – «Яросл. Епарх. Вед.» 1843 г., № 9; 1868 г., № 36, 37; 1887 г., № 6; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 361, 463, 464; Его же, Ростов и его святыни, стр. 8, 25; Н. Барсуков, Источники русской агиографии, СПб. 1882, стр. 94; «Чтения Общ. любит.

духовн. просвещ.»), М. 1868; Описание рукописей графа Ф. А. Толстого, сост. К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым, М. 1825; Описание рукописей И. Н. Царского, сост. П. М. Строевым, М. 1848; Архим. Леонид; Святая Русь, СПб. 1891 г., стр. 158, 159, № 613, Р. В. Зотов, О Черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время (Летопись занятий Археографической Комиссии 1882–1884 гг., вып. IX, отд. I, стр. 186, 286, 287); Е. Е. Голубинский, История канонизации святых в русской церкви, изд. 2-ое, М. 1903, стр. 141; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 13, 14, 21, 56, 283; т. II, стр. 15–21, 25, 26, 35, 64–69, 123, 125, 126, 128, 154, 177, 204, 206, 211, 263, 387, 389; В. В. Зверинский, Материалы для историко-топографич. исследования о правом, монастырях в Росс. Имп., т. II, СПб. 1892, № 1195, стр. 341, 342; П. Г. Васенко, Книга степенная царского родословия, ч. I, СПб, 1910, стр. 230; В. С. Иконников, Опыт русской историогр., т. II, кн. 1, Киев. 1908, стр. 872, 878; А. Е. Пресняков, Княжое право, СПб. 1909, стр. 152, 231, 254.

27. Владимир Андреевич, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика XVIII), четвертый сын князя *Андрея Александровича* (8). Именуясь удельным князем, фактически вполне зависел от великого князя Московского, который послал его в 1461 году, как «наместника своего», во Псков на княжение, назначив его, как говорит летопись, «не по Псковскому прошению, не по старине»; однако, псковичи приняли его с честью и посадили «на княжение». Под следующим, 1462 г., первая Псковская летопись отмечает закладку им нового городца «на обидном месте» под Великим озером и церкви Космы и Дамиана «у примостья на Запсковьи»; тогда же «псковичи заложиша иной городок нов на Володчике горе и нарекоша и Володымерец»; город был назван так или в честь князя, бывшего тогда во Пскове, или по самой горе, на которой он поставлен. Хотя псковичи приняли Владимира «с честью», но не ужились с ним, находя, что он «на народ не благ», и «на вечи с степени спхнули его» и в сентябре 1462 года «показали ему путь». Обиженный таким отношением к себе, князь отправился из Пскова с

жалобой на псковичей в Москву, к великому князю, который сильно разгневался на псковичей за самоуправство, но из летописи не видно, что предпринял он для наказания псковичей. Кроме этих известий, в летописи сохранился еще один факт из жизни князя Владимира, а именно, что он, вместе со своим двоюродным братом, князем Иваном Ивановичем Долгим, за себя и за своих детей продал свою отчину – Борисоглебскую сторону Ростова – великому князю Ивану III. Князь Владимир имел двух сыновей: Дмитрия и Александра, сперва княживших во Пскове, а затем служивших в Москве, в сане бояр.

Полн. собр. русс. летоп., т. IV, стр. 221, 222; т. V, стр. 33, 84; т. VII, стр. 227; т. VIII, стр. 3, 180; Степенная книга, т. II, стр. 132; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 17, 54, 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 575, 577, 578; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 186, 187, 189, 190, 420; т. II, стр. 56–58, 61, 62.

28. Владимир Иванович Волох, князь Ростовский (колени Х, от Рюрика XIX), сын князя *Ивана Ивановича Долгого* (58). Удельным князем может считаться лишь до 1474 года, года продажи отчины Ивану III; с этого года – вместе с братьями: Иваном Брюхом, Иваном Вершей и Михаилом Шенданом, он начал писаться князем Пужбольским-Ростовским.

А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 61; А. Крылов, Историко-статистический обзор Ростовско-Ярославской епархии, стр. 207.

29. Владимир Константинович, князь Ростовский (колени VII, от Рюрика XVI), сын князя *Константина Васильевича* (66), жил в XIV–XV вв. В 1375, г. вместе с братом Александром Константиновичем (4), помогал великому князю Московскому Дмитрию Ивановичу в его борьбе с Тверским князем Михаилом Александровичем. В Куликовской битве 1380 года был «воеводой правой руки»; в свое время был очень известен любовью к соколиной охоте; охотился очень часто в своей вотчине, расположенной в местности, занимаемой ныне дер. Емельяниковом, Ростовского уезда. У него было два сына: Константин (70) и Иван, прозванием Бычок (55).

Родословные; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 312, 504, 672; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А.В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 50, 52, 54, 55.

30. Владимир Семенович, князь Сугорский (колени VIII, он от Рюрика XVII), сын князя *Семена Васильевича* (89), князя Кемско-Сугорского. Известен только по родословным.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 169.

31. Гавриил Федорович, князь Белосельский (колени X, от Рюрика XIX), сын князя *Федора Романовича* (106), князя Белозерского. Владел Белым селом (в нынешнем Пошехонском уезде Ярославской губ.), от которого принял фамилию Белосельский. При Павле I, для того чтобы сохранить память об угасших князьях Белозерских, от которых происходят князья Белосельские, к имени последних прибавлено было название «Белозерские».

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 172.

32. Глеб Василькович, князь Белозерский и Ростовский (колени III, от Рюрика XII; его краткая биография и сведения о его потомстве помещены в томе «Словаря» на букву Б., стр. 649–651); сын святого князя *Василька Константиновича* (26). Родился в 1237 году. В следующем, 1238 году был убит татарами его отец, и по одному летописному известию князь Глеб «сел на Белоозере»; несомненно, это известие означает только то, что Белоозеро было предназначено ему в удел, а сам он, за малолетством, жил при матери в Ростове, или, как говорит летопись, с братом Борисом, по уходе Батыя, «сел на Ростовское княжение». Уже будучи 7-ми лет от роду, он сопровождал брата в Орду для утверждения за ними ханом их наследственных уделов, и Белоозеро было укреплено за Глебом. В 1249 году, по-видимому, один, без брата, который был в Орде в 1245 году. Глеб ездил в Орду к сыну Батыя – Сартаку, по всей вероятности для представления и для нового утверждения в правах на удел, так как Батый совершенно отказался от дел и ханом фактически был Сартак. В том же году Глеб провожал в Ярославль тело Василия Всеволодовича,

князя Ярославского, скончавшегося во Владимире. В 1251 году князь Глеб в первый раз поехал в свой удел на Белоозеро и поселился там; надобно полагать, что именно в этом году на Белоозере поселился первый Белозерский князь. Но, живя там, Глеб не порывал связи с Ростовом, часто наезжая в него. В 1257 году он ездил в Орду с братом своим Борисом и там женился на родственнице хана, названной во св. крещении Феодорой, и в том же году возвратился в Ростов; «и бысть», замечает летопись, «в Ростове радость велика о Глеbove приезде». В 1259 г., вместе с братом и матерью, он принимал и чествовал в Ростове князя Александра Невского, проезжавшего из Новгорода во Владимир. В 1261 году, вместе с Александром Невским и братом, он назначил, по благословению митрополита, Богоявленского архимандрита Игнатия в помощники Ростовскому епископу Кириллу. В 1268 году Глеб снова ездил в Орду и вернулся оттуда больным, а в следующем году присутствовал в Юрьеве Польском при кончине князя Дмитрия Святославовича. В 1271 г. он вновь ездил в Орду; в его отсутствии умерла его мать, а в 1273 году, 20-го декабря, скончалась и его жена, которая была погребена в Ростовской церкви Пресв. Богородицы. В 1276 г. Г. присутствовал в Костроме на похоронах великого князя Василия Ярославовича Мизинного, а в следующем году, вместе с другими русскими князьями, он принимал участие в военной экспедиции хана Менгу-Тимура на Кавказских Ясов. Русские князья оказали большую помощь татарам: сожгли город Ясов – Дедяков (Тетяков), в южном Дагестане, и забрали большой полон. В благодарность за это хан богато одарил князей и отпустил их с честью. В этом же году, по смерти брата своего Бориса, Глеб занял Ростовское княжество, соединив под своей властью Ростов и Белоозеро. Возвратившись из Орды после похода, Глеб в 1278 году женил своего сына Михаила на дочери Ярославского князя Федора Ростиславовича и в том же году послал его в Орду, где готовились к походу в Болгарию, против явившегося там самозванца, бывшего свинопаса и известного в греческих летописях под именем «Лохана», который уверял народ, что он освободит его от ига Монгольского. 13-го декабря

1278 г., после 7-дневной болезни, князь Глеб «тихо и кротко испусти душу» в Ростове; он был погребен в соборной Ростовской церкви епископом Игнатием, рядом с супругою и братом; но спустя 9 недель Игнатий, неизвестно почему, велел «изринуть его поругана и бесчестна из церкви соборные в полночь и повеле просто закопати его в земле у Св. Спаса в Княгинине монастыри». За этот поступок еп. Игнатий был отлучен митрополитом Кириллом от священнослужения, но затем прощен по ходатайству князя Димитрия Борисовича (39). Летописи с похвалой отзываются о Глебе, как князе богобоязненном, кротком и щедром, почитавшем монашеский чин, не гордом, ревнивом к церковному благолепию. «От юности своя, – говорит Троицкая летопись, – по нахождении поганых татар, нача служити им и многих хрестьяны обидимыя от них избави и печальные утешая, и брашна своего и пития нещадно требующим подавая... и многы церкви созда и украси иконами и книгами». С именем Глеба связано возникновение монастырей в Белозерском крае; им основаны: 1) около 1260 года Спасо-Каменный монастырь, на небольшом островке Кубенского озера, по случаю чудесного спасения от бури на озере, и 2) Устьшехонский Троицкий на Устье, в 1251 году, в благодарность за чудесное исцеление сына его Михаила от слепоты. Князь Глеб замечателен еще и тем, что первый в России возымел мысль об искусственных водяных сообщениях; местные (Ростовские) летописи рассказывают, что однажды он плыл из Белоозера в Устюг и, выйдя из Кубенского озера рекою Сухоной, заметил, что эта река образует недалеко от озера круглую излучину версты на две от прямого пути, между тем, как прямо, поперек, расстояние было бы не более, как на «вержение камня». Князь Глеб приказал перекопать этот перешеек, и река пошла по каналу, который с тех пор стал называться «Княже-Глебовою простью»; такой же канал он сделал и на р. Вологде. По родословным у князя Глеба были различные сыновья: одни родословные дают ему в сыновья Демьяна и Михаила, другие – еще Василия и Романа; третьи – Демьяна, Василия и Михаила или Василия и Михаила; с уверенностью можно говорить только о Демьяне (36), Михаиле (79) и, отчасти, Василии (18),

известных по летописям; остальные являются лицами сомнительными. По некоторым источникам, от Глеба пошли князья Шехонские, Солнцевы, Засекины, Щетиныны и Шаховские.

Полн. Собр. русск. летоп., т. I, стр. 199–204, 224–227, 252; т. IV, стр. 32–84, 38, 43; т. V, стр. 174, 196, 199; т. VII, стр. 143, 159, 161, 163, 168, 173, 174; т. X, стр. 157; т. XV, стр. 373, 400, 401; Никоновск. летоп., т. III, стр. 3, 4, 18, 33, 35, 37, 40, 48, 54, 58, 61–65, 66, 69; Тверск. летоп., стр. 401; Троицк., лет. т. IV, стр. 84; Родословные: Долгорукова, т. I, стр. 217; Головина, № 293, 335, 336; «Временника Общества истории и древностей российских», ч. X, стр. 41 и сл.; Степенная книга, т. I, стр. 835, 839, 393; Собр. госуд. грам. и догов., т. I, № 34; Энциклопед. лекс. Плюшара, т. VIII, стр. 651; Карамзин, История; П. М. Строев, Списки иерархов и настоятелей монастырей Российские церкви, С. Пб. 1877 г., стр. 85, 742; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 10, 12–14, 26, 80, 44, 81, 82; В. С. Борзаковский, История Тверского княжества, СПб. 1876, стр. 85; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 569; С. М. Соловьев, История; Д. А. Корсаков, Меря и Ростовское княжество, Казань. 1872, стр. 164, 165, 178, 205, 228; Н. П. Петров, История родов русск. двор., т. I, стр. 107; «Историч. Вестн.» 1904 года, № 1, стр. 234, 235; В. В. Зверинский, Материалы для ист.-топогр. исслед. о правосл. монастырях в Росс. Имп., т. I, СПб. 1890 г. № 446, стр. 237, 238, 239; т. II, СПб. 1892 г., № 1195, стр. 342, № 1332, стр. 394; Амвросий, История Российской иерархии, т. III, стр. 472; т. IV, стр. 325, 327; т. VI, стр. 584, 997; «Вестн. Имп. Русск. Геогр. Общ.», в. XXII, смесь, стр. 13; А. Бычков, Описание рукописей Имп. Публ. Библиотеки, т. I, стр. 7, № 4; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 23, 38, 44, 46, 47, 53; т. II, 21–25, 31, 71–74, 76, 78, 127, 154–160, 167, 209, 214, 259, 263; А. Е. Пресняков, Княжое право, СПб. 1909, стр. 152; В. С. Иконников, Опыт русской историографии, Киев. 1908, т. II, кн. 1, стр. 863, 868, 882, 883, 894, 907, 971.

33. Глеб Константинович, князь Ростовский (колени VII, от Рюрика XVI), сын князя Константина Васильевича (68). Как и

брат его Иван (60) упоминается только в родословных; с большим вероятно можно полагать, следуя Экземплярскому, что князь Глеб скончался в 1365 году, основываясь на сообщении Никоновской летописи, где под 1365 годом сказано: «того же лета князь Константин и з женою и з детьми преставись» (от моровой язвы); здесь следует разуместь, по-видимому, именно Ивана и Глеба Константиновичей, детей Константина Васильевича, так как другие его сыновья еще упоминаются в летописях после этого года.

Никоновск. летоп., т. IV, стр. 8; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 50, 51; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 125, 207, 292, 293.

34. Давид Семенович, князь Кемский (колени VIII, от Рюрика XVII), сын князя *Семена Васильевича* (89), князя Кемско-Сугорского. Жил в XIV–XV вв. После смерти отца получил, с братом Константином (74), Кемскую волость Белозерского уезда; но Константин вскоре оставил мирскую жизнь для монашеской келии, и князь Давид стал единоличным владельцем волости. От брака с Феодосией, известной только по имени, он имел 5 сыновей: Александра, Ивана, Афанасия Фуника (что является не прозвищем, а скорее уменьшительным именем от Афанасия), Юрия и Феодора, которые были уже простыми землевладельцами-вотчинниками и носили фамилию князей Кемских; поэтому князя Давида можно считать родоначальником угасших князей Кемских.

Акты Юрид., № 13; П. Н. Петров, История родов русского дворянства, т. I, стр. 108; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 169.

35. Давид Юрьевич, князь Белозерский (колени VIII, от Рюрика XVII), сын князя *Юрия Васильевича* (95). Жил в XIV–XV вв. Удела уже не имел; известен только по родословным; бездетен.

Граф М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 165, 171.

36. Демьян Глебович, князь Белозерский (колени IV, от Рюрика XIII), сын князя *Глеба Васильковича* (32), родился в 1263 году, 1-го июля. По некоторым родословным носит имя

Демьяна-Василия или просто Василия. Известен только по родословным; бездетен. Умер, по всей вероятности малолетним, до 1277 года: это можно предположить из того, что отец его, отправляясь в Орду, взял с собой сына Михаила, о князе же Демьяне, старшем сыне, при этом не упоминается.

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 204; т VII, стр. 163; т. XV, стр. 403; Троицкая летоп., стр. 226; М. Д. Хмыров, Перечень, № 662; Карамзин, История; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 157–159.

37. Димитрий Александрович Щепа, князь Ростовский (колени Х, от Рюрика XIX), сын князя *Александра Федоровича Щепы* (5). В 1428 году отец его, которого Псковичи выпросили себе князем у великого князя Московского Василия Васильевича, послал князя Димитрия прежде себя во Псков; там он дожидаясь отца «до полузимы» и, не дождавшись, уехал в Москву. В следующем году он вновь приехал с отцом во Псков. В 1431 году в его присутствии был заложен новый город на Гдове; он является родоначальником князей Щепиных-Ростовских. У него был сын Семен Горбатый.

Полн. собр. русск. летоп., т. IV, стр. 206; т. V, стр. 26; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 577, 580; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 152, 414; т. II, стр. 45, 46.

38. Димитрий Андреевич, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Андрея Александровича* (8). Известен только по родословным, которые считают его бездетным.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, назв. соч., стр. 575; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 56.

39. Димитрий Борисович, князь Ростовский (колени IV, от Рюрика XIII), сын князя *Бориса Васильковича* (15), родился 11-го сентября 1253 года. О нем в летописях нет никаких известий до 1276 года – года его женитьбы на неизвестной нам по имени княжне. В следующем году, вместе с отцом, матерью и младшим братом Константином, он был в Орде и после кончины там отца, перевез тело его в Ростов. В 1278 году, после смерти своего дяди, князя Глеба Васильковича, занял

Ростовский престол вместе с братом своим Константином и в следующем году «со грехом и неправдою великою» отнял удел у своего двоюродного брата князя Михаила Глебовича (73); не лишено вероятия предположение, что такой поступок его явился как бы отместкою князю Глебу Васильковичу (32), ничем не наделившему князя Димитрия при занятии Ростовского удела после смерти его отца; этим же предположением можно объяснить ходатайство его в 1280 году перед Митрополитом Кириллом за Ростовского Епископа Игнатия, приказавшего вырыть из могилы тело князя Глеба Васильковича. В 1281 году у него произошла с братом Константином ссора (причина коей неизвестна; летопись глухо говорит: «воздвиже диавол «ражду и крамолу межи братома»), и Константин, как младший, должен был уехать во Владимир к великому князю Димитрию Александровичу, а князь Димитрий «нача рать свкупляти в Ростове, блюдяся братьи, и город весь замете». Но, благодаря посредничеству Ростовского Епископа Игнатия и великого князя, кровопролития между братьями не произошло и в скором времени они помирились. В 1285 году, по кончине, без потомства, Углицкого князя Романа Владимировича, удел последнего был присоединен к Ростовскому княжеству; благодаря этому территориальному увеличению, в 1286 году (по Никоновской летописи – в 1287 году) между Димитрием Борисовичем и его братом произошел раздел (вероятно, по жребию) Ростовского княжества, причем Димитрию достался Углич, а его брату – Ростов. В 1288 г. князь Димитрий участвовал в походе великого князя Владимирского Димитрия Александровича (сын которого Иван года за три до этого женился на дочери Димитрия) на Тверского князя Михаила. В этом же году между Димитрием и его братом произошла добровольная мена уделами: Димитрий сел в Ростове, а Константин получил Углич. Спустя год, как глухо отмечают летописи, татары были выгнаны Ростовцами из города, и Димитрий должен был, для умиловствования хана, отправиться с братом в Орду. В конце жизни его добрые отношения, существовавшие между ним и великим князем Владимирским, омрачились вследствие того, что князь Димитрий принял

участие в происках брата великого князя, Андрея Александровича, против великого князя и в 1293 году, вместе с другими враждебными лицами, оклеветал великого князя Дмитрия Александровича перед ханом и даже принимал участие в походе татар для наказания великого князя. В 1294 году князь Дмитрий Борисович скончался, оставив после себя сына Михаила (80); по некоторым известиям у него был еще сын Александр, но существование такового надо признать сомнительным. Кроме сына, у него было три дочери: первая, неизвестная по имени, вышла замуж в 1292 году за Ивана Дмитриевича, князя Переяславского, вторая – Анна (преподобная Анна Кашинская) в 1294 г. – за Михаила Ярославича Тверского и третья – Василиса в том же году за Андрея, сына Александра Невского.

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 202, 226, 227, 228, 222; т. IV, стр. 38, 43, 44, 45; т. V, стр. 199, 201, 202; т. VII, стр. 160, 178, 174, 175, 179, 181; т. X, стр. 170; т. XV, стр. 403, 406, 407; Никон. летоп., т. III, стр. 35, 46, 61, 71, 85, 86–88, 89–91, 93; Карамзин, История; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 12, 14, 27, 80, 81; Соловьев, История отношений между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847, стр. 282, 284; Прудиков, Исторические сведения о благоверной княгине Кашинской, СПб., 1859; А. Иноземцев, Удельные князья Кашинские – «Чт. общ. ист. и древн. Росс.», 1873, кн. 6, стр. 31–58; Д. А. Корсаков, Меря и Ростовское княжество, Казань. 1872, стр. 165, 180–182; Соловьев, История; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 306, 430, 570; Н. Барсуков, Источники русской агиографии, СПб. 1882, стр. 42; Е. Е. Голубинский, История канонизации Святых в русской церкви, изд. 2-е, М. 1903, стр. 159, 558; В. С. Борзаковский, История Тверского княжества, СПб. 1876, стр. 89, 113; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 47, 50, 51, 54–56, 58; т. II, стр. 6, 21, 23–34, 80, 130, 131, 156, 159, 160, 267, 268, 388, 458, 459, 523; В. С. Иконников, Опыт русской историографии, т. II, кн. 1, Киев. 1908, стр. 886, 907, 1002, 1017.

40. Дмитрий Иванович, князь Ростовский (колени Х, от Рюрика ХІХ), сын князя *Ивана-Яна Андреевича* (51). Известен

только по родословным. Жил в XV веке. Может считаться одним из родоначальников угасших князей Яновых-Ростовских.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 678; А. В. Экземплярский, назв. соч., стр. 58.

41. Димитрий Иванович Бритый, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Ивана Владимировича Бычка* (55), жил во 2-ой половине XV века. Известен только по родословным. У него были сыновья: Василий, Юрий и Владимир, прозвищем Волох, князья Бритые-Ростовские, уже не бывшие удельными. От одного из внуков Димитрия, князя Василия Юрьевича, по прозвищу, как и прадед его – Бычка, произошел давно уже угасший род князей Бычковых-Ростовских.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 576, 579; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 54, 55.

42. Димитрий Семенович, князь Сугорский (колени VIII, от Рюрика XVII), сын князя *Семена Васильевича* (82), князя Кемско-Сугорского. Жил в XV веке; известен только по родословным.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 169.

43. Димитрий Федорович Приимок, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Федора Андреевича* (99). Жил в XV веке. Имел (по Титову) 2-х сыновей: Федора и Димитрия. Известен только по родословным; является родоначальником угасших князей Приимковых, Гвоздевых и Бахтеяровых-Ростовских.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81, 83; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 675 и 577; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 44, 60, 61.

44. Иван Александрович, князь Ростовский (колени VIII, от Рюрика XVII), 3-ий сын князя *Александра Константиновича* (4), жил в XIV и XV веках. Известен только по родословным. По Титову у него была жена Дарья, дочь князя Ростовского Андрея Федоровича, от которого убежала к князю Ивану Александровичу и вместе с ним сражалась на Куликовском поле

(см. Андрея Федоровича); имел 5 сыновей: Андрея (9), Василия-Варсонофия (20), Константина (72) – бездетных, Ивана, по прозвищу Долгого, (58), и Александра (2).

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 346, 573; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 53, 61.

45. Иван Александрович Лобан, князь Ростовский (колени Х, от Рюрика XIX), сын князя *Александра Ивановича* (1), жил в XIV и XV веках. Родоначальник существующего рода князей Лобановых-Ростовских. При нем и брате его Василии Александровиче Ластке (16) явился животворящий крест Господень (см. биографию Василия Александровича).

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 171, 419, 678; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 55.

46. Иван-Ян Александрович, князь Ростовский, брат предыдущего. Известен только по родословным; был бездетен.

Библиографию см. у предыдущего.

47. Иван Александрович Буйнос, князь Ростовский (колени XI, от Рюрика XX), сын князя *Александра Ивановича Хохолка* (3). Известен только по родословным. От него произошел род ныне угасших князей Буйносовых-Ростовских.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 581; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 66.

48. Иван Андреевич, князь Ростовский (колени VIII, от Рюрика XVIII), сын князя *Андрея Федоровича* (11); жил в XV веке. В 1474 году продал свою часть г. Ростова (Сретенскую сторону) великому князю Московскому Василию Димитриевичу. Имел 2-х сыновей: Юрия (96), по прозвищу Немого, и Федора (103), по прозвищу Голень, родоначальника угасших князей Голениных-Ростовских.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 343; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 42, 43.

49. Иван Андреевич Катырь, князь Ростовский (колени XI, от Рюрика XX), сын князя *Андрея Ивановича Хохолка* (10); жил

в XV в. Известен только по родословным. Является родоначальником угасших князей Хохолковых-Ростовских и Катыревых-Ростовских.

А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 66.

50. Иван Андреевич Брюхатый, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Андрея Александровича* (8); жил в XV в. Принимая в соображение то обстоятельство, что он не упоминается по случаю продажи половины Ростова в 1474 году, можно заключить, что он умер до этого года. У него было 2 сына: Андрей (10) и Александр (3) Хохолки.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 430, 481, 440, 575; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 56.

51. Иван-Ян Андреевич, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Андрея Александровича* (8); жил в XV в. В 1425 г. у него умерла мать. Умер до 1474 года. У него было 4 сына: Василий Губка (19), Иван Темка (59), Семен (90) и Димитрий (40). Считается родоначальником угасших князей Яновых и Темкиных-Ростовских.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 575; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 56, 58.

52. Иван Андреевич, князь Вадбольский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Андрея Юрьевича* (12), князя Белозерского. Владея Вадбольской волостью, стал называться по имени этой волости, передав это название своему, еще не угасшему и теперь потомству. Жил в XV веке.

Энцикл. Лекс. Плюшара, т. VIII, стр. 33; П. Н. Петров, Ист. род. русск. двор., т. I, стр. 114; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 165, 171.

53. Иван Афанасьевич, князь Шелешпанский (колени VIII, от Рюрика XVII), сын князя *Афанасия Васильевича* (13); жил в XV веке. Известен только по родословным. Имел 4-х сыновей, из которых двое старших – Юрий и Димитрий были продолжателями рода князей Шелешпанских: от Юрия пошла старшая ветвь рода князей Шелешпанских, ныне угасшая, а от

Димитрия, по прозванию Судницы – младшая, ныне тоже уже угасшая.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; Н. П. Петров, Ист. родов русск. двор., т. I, стр. 108; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 168, 169; Краткое повествование о начале родов князей Российских, М. 1785; Энциклопедич. Лексикон Плюшара, т. VII, стр. 550.

54. Иван Иванович Брюхо, князь Ростовский (колени Х, от Рюрика ХІХ), сын князя *Ивана Ивановича Долгого* (58), который продал свою отчину в 1474 году великому князю Московскому Ивану ІІІ Васильевичу; таким образом, он не был удельным князем, начав писаться князем Пужбольским-Ростовским.

А. В. Экземплярский, назв. соч. т., II, стр. 61.

55. Иван Владимирович, князь Ростовский (колени VIII, от Рюрика ХVІІ), сын князя *Владимира Константиновича* (29). Жил в ХІV и ХV вв. Известен только по родословным; у него было 2 сына: Александр (1) и Димитрий (42), по прозванию Бритый.

А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 52, 54, 93.

56. Иван Васильевич, князь Карголомский и Ухтомский (колени VII, от Рюрика ХVІ), сын князя *Василия Романовича* (23), князя Сугорского. При разделе Белозерского удела, после смерти отца, получил во владение село Карголом, волость которого тянулась на восток по берегу Белого озера, выше впадения реки Шексны, не доходя Кубенского озера, и Ухтомскую волость. Известен только по родословным. Жил в ХІV и ХV вв. Имел 2-х сыновей: Ивана и Федора (102), которые после смерти отца разделили удел: Иван взял себе Ухтомскую волость, а Федор – Карголомскую.

П. Н. Петров, Ист. родов русск. двор., т. I, стр. 108, 111; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 168, 170.

57. Иван Иванович Верша, князь Ростовский (колени Х, от Рюрика ХІХ), сын князя *Ивана Ивановича Долгого* (57); жил в ХV в. и не был удельным князем. Брат Ивана Ивановича Брюха (56).

Библиографию см. у последнего.

58. Иван Иванович Долгий, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Ивана Александровича* (44); жил в XV в.; известен тем, что зимой 1474 г., совместно с двоюродным братом и со всеми своими детьми и с «братаничи» «продаша великому князю Московскому Ивану Васильевичу... свою отчину, половину Ростова (Борисоглебскую сторону) со всем». У него были дети Владимир Волох (28), Иван Брюхо (54), Иван Верша (57) и Михаил Шендан (81), которые не были уже удельными князьями; через своих сыновей считается родоначальником князей Пужбольских, получивших эту фамилию от главного селения своей волости – села Пужбол.

Полн. собр. русск. летоп., т. VII, стр. 227; т. VIII, стр. 3, 180; А. Крылов, Историко-статистический обзор Ростовско-Ярославской епархии, стр. 207; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 17, 54, 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 575; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 56, 57, 61, 62.

59. Иван Иванович Темка, князь Ростовский (колени X, от Рюрика XIX), сын князя *Ивана-Яна Андреевича* (51); жил в XV–XVI вв. Как князь, не имевший удела, служил воеводою у великого князя Московского и был убит 8-го сентября 1514 года в битве с литовцами под г. Оршею. Считается родоначальником князей Темкиных-Ростовских, ныне угасших.

А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 59, 578; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 58.

60. Иван Константинович, князь Ростовский (колени VII, от Рюрика XVI), сын князя *Константина Васильевича* (68); жил в XIV в. Владел в Ростовском уезде, как вотчиною, деревней Мартюковой, которая впоследствии перешла к его сыновьям (о последних сообщает один Титов) Андрею, Федору и Ивану; деревню Ивановой, которую сын его Федор дал в приданое за своей дочерью Дарьей, выданной замуж за князя Димитрия Ивановича Бритого-Бычкова (41), а в 1321 г. к нему перешло во владение и село Вознесенское. Можно полагать с большою достоверностью, что он скончался в 1365 году.

Никоновская летоп., т. IV, стр. 8; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 70, 310, 376, 572; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 50, 51.

61. Иван Михайлович, князь Ростовский (колени XI, от Рюрика XX), сын князя *Михаила Ивановича Шейдана* (81); жил в XVI в. С ним пресекался род князей Пужбольских-Ростовских. Известен только по родословным.

А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 61.

62. Иван Романович, князь Белозерский-Белосельский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Романа Юрьевича* (87); жил в XV в. Известен только по родословным; бездетен.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 172.

63. Иван Федорович большой и Иван Федорович меньшей, князья Ростовские (колени IX, от Рюрика XVIII), сыновья князя *Федора Андреевича* (99); жили в XV в. Известны только по родословным, где оба показаны бездетными.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 575; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 43, 44.

64. Иван Федорович, князь Карголомский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Федора Ивановича* (102); жил в XV в. Известен только по родословным; бездетен.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82, 84; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 170.

65. Иван Федорович, князь Белозерский (в одной летописи назван «Белозерец») (колени VII, от Рюрика XVI), сын князя *Федора Романовича* (105); жил в XIV веке. Многие родословные называют его сыном князя Константина. Род. в 1350 году; был союзником Суздальского князя *Дмитрия Константиновича*, который, пользуясь малолетством великого князя Московского *Дмитрия Ивановича*, пытался сам занять великокняжеский престол, и в 1363 году князь Иван, очевидно по поручению *Дмитрия Константиновича*, ездил в Орду и привез оттуда последнему ханский ярлык на великое княжение. Но когда *Дмитрий Иванович* осилил *Дмитрия Константиновича*, князь Иван стал на сторону первого и вместе со своим отцом умер геройской смертью на Куликовском поле 8-го сентября 1380 года. Князя Ивана, как прошедшего всю жизнь при отце, нельзя

считать отдельным, самостоятельным Белозерским князем; он имел единственного бездетного сына Константина (73).

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 232; т. III, стр. 92; т. IV, стр. 81; т. VI, стр. 95; т. VIII, стр. 12, 39; Никон. летоп., т. IV, стр. 4–6, 121; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82, 84; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 95, 409; т. II, стр. 162–167, 406; В. С. Иконников, Опыт русск. историогр., т. II, кн. I, Киев. 1908, стр. 883.

66. Константин Андреевич, князь Ростовский (колени VIII, от Рюрика XVII), сын князя *Андрея Федоровича* (11); жил в конце XIV и начале XV вв. Из летописей известно лишь, что он скончался 27-го апреля 1407 г., перед смертью приняв иноческий сан с именем Кассиана. Потомства у него не осталось.

Полное собр. русск. летоп., т. I, стр. 234; гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 573; Д. А. Корсаков, Меря и Ростовское княжество, Казань. 1872, стр. 169; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, 1891 стр. 42, 47.

67. Константин Борисович, князь Ростовский (колени IV, от Рюрика XIII), сын князя *Бориса Васильковича* (15). Родился 30-го июля 1255 года (по Лаврентьевской и Никоновской летописям – в 1254 году). Имя его начинает появляться в летописях с 1277 года, когда он сопровождал отца и брата Димитрия в Орду, откуда они должны были принять участие в организованном ханом Менгу-Тимуром походе на непокорных Кавказских ясов (алан). Еще до похода отец князя Константина скончался в Орде и с его телом отправился в Ростов брат его, а сам он с дядею Глебом Васильковичем (32) участвовал в походе, из которого вернулся домой в половине июня 1278 г. и тогда же сел на отчий престол вместе с братом. В конце этого лета он пировал на свадьбе у своего двоюродного брата Михаила Глебовича. Как младший брат и человек более миролюбивый, князь Константин не принимал участия в обидах, чинимых братом князю Михаилу Глебовичу, а в 1281 году из-за ссоры, поднятой его братом, он и сам должен был уйти из Ростова к великому князю Владимирскому Димитрию Александровичу,

который, при посредничестве епископа Ростовского Игнатия, примирил враждующих. В том же году он принял сторону Андрея Александровича, враждовавшего с братом своим, Димитрием Александровичем, великим князем Владимирским. В 1286 году по дележу между братьями (вероятно по жребию) ему достался Ростов, однако в 1289 году, вероятно добровольно, он, уступив Ростов, занял Углич. В том же году ездил в Орду; туда же он ездил и в 1293 году, где вместе с братом и другими князьями поддерживал клевету на великого князя Владимирского, стараниями которого состоялось примирение между ним и братом. В том же году, после смерти брата, он занял Ростовский удел, отдав Углич сыну своему Александру, а в 1294 году поссорился с Ростовским Епископом Тарасием, который вследствие этого покинул Ростов и отправился в Устюг, но по дороге был настигнут князем, который «ят Владыку и люди около его поима». В 1293 году Андрей Александрович, князь Городецкий, заняв великокняжеский Владимирский престол, задался целью подчинить своей власти удельных князей, найдя верных себе помощников в лице князя Константина и князя Федора Ярославского; последним пришлось вступить в длительную борьбу с противниками великого князя Андрея. Эта борьба закончилась в 1301 году на Дмитровском съезде примирением князей, за исключением Константина, который, по летописным известиям, «заратися» с Иваном, князем Переяславским, и только вмешательство владыки Семена «смири их». После кончины в 1299 г. супруги князя Константина, последний женился в 1302 году в Орде у какого-то, как сказано в летописи, «Кутлукорткы», и в том же году женил своего сына Александра. В 1307 году князь Константин скончался в Орде. От первого брака он имел двух сыновей: Александра, князя Угличского, и Василия (21) и, может быть, дочь, ту княжну Ростовскую, на которой женился в 1297 году Юрий Данилович, князь Московский (см. биографию князя Димитрия Борисовича).

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 202, 226, 227, 228, 229, 252; т. IV, стр. 38, 43, 44, 45, 47; т. V, стр. 199, 201, 202, 204; т. VII, стр. 160, 174, 175, 179, 181, 185; т. XV, стр. 398,

400; Никон. летоп., т. III, стр. 35, 64, 65, 89–91, 94; Карамзин, История; М. Толстой, назв. соч., стр. 12, 14, 15, 27, 30, 81; Д. А. Корсаков, Меря и Ростовское княжество, стр. 165, 166; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 161, 528, 529, 570 В. О. Борзаковский, История Тверского княжества, СПб. 1876, стр. 89; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 47, 50, 51, 54–56, 87; т. II, стр. 6, 8, 24–26, 28–84, 77, 80, 81, 130, 131, 156, 159, 160, 179, 210, 211, 260, 267, 459; Соловьев, История; В. С. Иконников, Опыт русской историогр., Киев. 1908, т. II, кн. 1, стр. 868, 886, 907.

68. Константин Васильевич, князь Ростовский (колени VI, от Рюрика XV), 2-ой сын князя *Василия Константиновича* (21); первый князь младшей линии рода *Василия Константиновича*, владевшей *Борисоглебской* стороной гор. Ростова. По Корсакову, родился в 1291 году. В 1328 году князь Константин женился на дочери князя *Ивана Калиты* – *Марии*. Благодаря этому родству с сильным *Московским* князем он был, разумеется, сильнее всех остальных князей *Ростовских*, которые дошли в XIV в. до такого унижения, что их «ограбиша в Орде и пустиша нагих», но, вместе с тем, он был вполне подчинен *Московскому* князю, являясь его подручником, в области которого *Иван Калита* распоряжался, как в своей, прислав даже в Ростов, в качестве своего наместника, боярина *Василия Кочеву*. В 1340 году князь Константин был послан *Калитой* на помощь татарскому военачальнику *Товлубию*, шедшему наказывать за что-то *Смоленских* князей, и в том же году сопровождал сына *Калиты*, *Семена Гордого*, в походе на *Новгород*; через 2 года, как и другие русские князья, ездил в *Орду* на поклон новому хану *Чанибеку*. В 1248 году, по приказанию князя *Семена Гордого*, вместе с сыном последнего, ходил на помощь *Новгородцам* против *шведов*. В продолжение одиннадцати лет после этого похода летописи не упоминают о нем; имя его появляется лишь в 1360 году, когда он, пользуясь происходившими в то время раздорами между *Московским* князем и *Суздальским*, выхлопотал для себя у хана ярлык на все *Ростовское княжество* – значит, и на *Сретенскую* сторону, которую владел племянник его *Андрей Федорович* (11). В том

же 1360 г. он принимал участие в образованном в Костроме, по приказанию хана, съезде князей для решения вопроса «о разбойницах» (Новгородских ушкуйниках, ограбивших и побивших в Жукотине множество татар), результатом какого-то совещания явилась выдача ушкуйников в руки татарских властей. В 1361 г., в числе других русских князей, он ездил в Орду для решения, по-видимому, своих домашних споров. Пребывание его в Орде совпало с «замятней», результатом которой явилось убийство хана Хидыря; не считая себя в безопасности, князья поспешили удалиться из Орды, но не все выбрались счастливо оттуда: есть известие, что татары тогда «ограбиша князей Ростовских и пустиша их нагих»; одна только Никоновская летопись говорит, что именно Ростовские князья избежали «граблений». Получение князем Константином ханского ярлыка на все княжество Ростовское создало между ним и племянником его Андреем Федоровичем (11) «нелюбие», после чего Андрей Федорович должен был покинуть Ростов в 1363 году, но в следующем году пришлось покинуть Ростов и самому князю Константину и удалиться в Устюг – из-за невозможности бороться с племянником, поддержанным Московскою ратью. Через год он, вероятно, помирившись с племянником, приехал в Ростов, где через год (в 1365 г.) вместе с женой скончался от моровой язвы и был погребен в Ростовском Успенском соборе. У него были сыновья: Иван (60), Глеб (33), Василий (22), Александр (4), Владимир (29) и, по некоторым известиям, дочь – княжна Анна, бывшая второю супругою Любарта Гедиминовича, во св. крещении Василия, князя Волынского. В 1363 году князем Константином был основан в Ростове Константино-Борисоглебский монастырь.

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 231, 280; т. II, стр. 350; т. IV, стр. 51, 55, 64; т. V, стр. 218, 222, 229, 230; т. VII, стр. 201, 206, 215; т. VIII, стр. 11; т. XV, стр. 248; Никон. летоп., т. III, стр. 171, 173, 179, 187, 189, 192, 216–218; т. IV, стр. 7–9; Троицк. летоп., стр. 231; Воскресенск. летоп., т. VII, стр. 215; Карамзин, История; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 15, 16, 17, 52, 58, 81, 82; «Яросл. губ. Вед.» 1850 г., № 4, стр. 60 (Историч. очерк Яросл. губ.); М. Д.; Хмыров, Перечень,

№ 24, 41, 328; Д. А. Корсаков, *Меря и Ростовское княжество*, Каз. 1872, стр. 168, 169; А. А. Титов, *Ростовский уезд*, стр. 110, 571, 572; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. I. стр. 83, 87, 95; т. II, стр. 34, 35, 37, 40, 41, 45, 47–51, 53, 55, 87, 104, 182, 260, 400, 405, 407–409; «Историч. Вестн.» 1891 года, № 12, стр. 768; В. С. Иконников, *Опыт русской историогр.*, Киев. 1908, т. II, кн. 1, стр. 736, 859, 939, 940.

69. Константин Васильевич, князь Белозерский (колени VII, от Рюрика XVI), сын князя *Василия Романовича*; жил в XIV–XV вв. Известен только по родословным, которые смешивают его с князем Константином Ивановичем (73).

А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 162, 165–168.

70. Константин Владимирович, князь Ростовский (колени VIII, от Рюрика XVII), старший сын князя *Владимира Константиновича* (29). По летописям известно только, что он умер в 1415 году, приняв перед смертью иноческий чин с именем Кассиана. Был бездетен.

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 234; Троицк. летоп., стр. 226; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; С. М. Соловьев, *История отношений между русск. князьями Рюрикова дома*, М. 1847, стр. 390; Д. А. Корсаков, *Меря и Ростовское княжество*, Каз. 1872, стр. 170; А. А. Титов, *Ростовский уезд*, М. 1885, стр. 75, 409; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 52, 54.

71. Константин Всеволодович, Мудрый, князь Ростовский и великий князь Владимирский (колени I, от Рюрика X), сын великого князя *Владимирского Всеволода III Юрьевича большого Гнездо*. Первый князь в ряду самостоятельных Ростовских князей. Родился в 1186 году, в Ростове, от первого брака его отца с Мариею, дочерью Чешского князя Шварна. Уже на десятом году отец женил его на дочери князя Смоленского Мстислава Романовича. До 1205 года он находился при отце, присутствуя, как представитель последнего, при освящении церквей во Владимире и участвуя в 1199 году в походе на половцев, а в 1205 г. был послан отцом на княжение в Новгород, где пробыл до 1207 года, но большую часть времени проводил не в Новгороде, а во Владимире и в Ростове. Тогда же он, собрав новгородцев, псковитян, ладожан и новоторжцев,

прибыл с ними к Москве для оказания помощи отцу против половцев. Спустя некоторое время, отец дал ему в удел Ростов с другими пятью городами, но какими именно, – неизвестно. В его отсутствие в 1211 году выгорел почти весь Ростов, и он, узнав об этом, немедленно возвратился в него из Владимира, куда ездил для свидания с отцом. Как уроженец Ростова и человек, долго живший там, он завязал со своей родиной не только нравственную связь, но проникся и ее политическими идеалами, добиваясь как старшинства Ростова перед Владимиром, так и политической неделимости всей Ростовско-Суздальской земли. В 1212 году, когда отец его «нача изнемогати», он послал в Ростов за князем Константином, с тем, чтобы «благословить» его великим княжеством Владимирским, а Ростов передать его брату Юрию. Князь Константин отказался ехать во Владимир и передать Ростов, доказывая, что он, как старший сын, имеет право на все великое княжество. После троекратного приглашения Всеволод лишил его старшинства, назначив великим князем брата его – Юрия, которому дал Владимир и Суздаль, а Константану – Ростов и Ярославль. Константин, опираясь на право старшего в роду, начал домогаться великого княжения, и Юрий, желая покончить миром, уступал ему Владимир, а себе просил Ростов, но Константин не согласился, оставаясь непреклонным в своем намерении. Усобица между братьями закончилась в 1216 г. Липицкой битвой, которая возвратила Константину права на великое княжение. Сделавшись великим князем Владимирским, он не порывал, однако, связей с Ростовом, проводя здесь большую часть времени, заложив соборную церковь и оставив после себя много других памятников, и, между прочим, библиотеку, которая продолжала увеличиваться при сыне его Васильке. Скончался князь Константин 2-го февраля 1219 года, вызвав всеобщую печаль в народе; летопись так говорит: «плакали плачем великим, – бояре, како заступники земли их, слуги, как о кормителе и господине, убогие и чернецы, как о своем утешении и одеянии наготы их». Летопись изображает его правдивым, кротким, щедрым. Князь Константин имел 3-х сыновей: Василька (26), Всеволода и Владимира, между

которыми разделил Ростовско-Суздальскую землю, отдав Ростов – Васильку, Ярославль – Всеволоду и Углич – Владимиру.

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 167, 171, 174, 175, 176, 179, 177–178, 181, 182, 183–184, 185, 186, 210, 212; т. III, стр. 29, 30, 34; т. IV, стр. 19, 20, 21, 22; т. V, 172; т. VII, стр. стр. 98, 101, 103, 106, 108, 112, 113–114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 124, 236, 212; Никон. летоп., т. II, стр. 310, 311; т. III, стр. 261; Троицк. летоп., стр. 215; Летописец Переяславля Суздальского, стр. 110, 111; Карамзин, История; гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 8, 19, 23, 34, 69, 81; С. М. Соловьев, История отношений между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847, стр. 261–263; М. П. Погодин, Исследования, замечания и лекции, т. VI, стр. 243–248; И. Д. Беляев, Великий князь Константин Всеволодович Мудрый – «Временник Общ. ист. и древн. Росс.» 1849 г., кн. 3-ья, отд. I, стр. 59–78; Д. А. Корсаков, Меря и Ростовское княжество, Каз. 1872, стр. 162–160, 163, 170, 229, 231, 232, 235; «Яросл. Губ. Вед.» 1843 г., № 5; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 75, 122, 332, 333, 334, 405, 438, 568; Соловьев, История; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 7, 8, 10, 11, 20, 21, 23, 34, 278, 330, 331, 394; т. II, стр. 15, 16, 30, 64–66, 102, 123–125, 128, 154, 176–177, 204–206, 255, 256, 261–263, 272, 381, 383, 389, 446, 566, 615, 622; В. С. Иконников, Опыт Русск. историогр., Киев. 1908 г., т. II, кн. 1 и 2; В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. I, изд. 3-ье, М. 1908, стр. 413.

72. Константин Иванович, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Ивана Александровича* (44); жил в XV в.; известен только по родословным.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 575; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 61.

73. Константин Иванович (по другим – *Васильевич*), князь Белозерский (колени VIII, от Рюрика XVII), сын князя *Ивана Федоровича* (65). Время его жизни относится к периоду полной политической зависимости Белозерска от Москвы. Не желал подчиняться Москве, он ушел в 1393 году в Новгород, который

легко открывал доступ служилым князьям, назначая им в управление города и волости и требуя от них лишь защиты города в минуту опасности. В том же году, во время войны великого князя Московского Василия Дмитриевича с Новгородом, со стороны последнего, вместе с князем Литовским Романом, сражался «с охвочю ратью» и князь Константин, принимая участие во взятии Клигена и Устюжны и в сожжении Устюга и Белозерска. В 1394 году Новгородцы с князем Романом Литовским и князем Константином пришли ко Пскову ратью и «в заезде между ними и Псковичами произошел бой, после чего Новгородцы ушли от Пскова в розмирьи». В 1395 г. князь Константин разбил Шведов, пришедших к новому городку Яму. Через год, во время нападения немцев на Корельскую землю, он преследовал их, но не нагнал: поймал только одного языка и прислал его в Новгород; в 1408 году перешел на службу во Псков, по всей вероятности, для оказания помощи в бывшей тогда войне Псковичей с немцами и литовцами, но в том же году «Князь Константин Белозерский, – говорит Псковская летопись, – выеха вон из Пскова, а не учинив помощи никоея же». Когда и где умер он – неизвестно. Родословные считают его бездетным.

Полн. собр. русск. летоп., т. III, стр. 96, 97; т. IV, стр. 99, 200, 101, 102, 140, 141, 199; т. V; стр. 21, 245, 246, 248; т. VI, стр. 123, 124; т. VIII, стр. 63, 64; Никон. летоп., т. IV, стр. 254, 266; Карамзин, История; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 162, 165–168; В. С. Иконников, Опыт русск. историогр., Киев. 1908 г., т. II, кн. 1, стр. 620, 788, 883.

74. Константин Семенович, князь Кемский (колени VIII, от Рюрика XVII), сын князя Семена Васильевича (89), князя Кемско-Сугорского. После смерти отца, вместе с братом Давидом получил во владение Кемскую волость, но вскоре оставил мирскую жизнь для монашеской келии.

Акты Юрид., № 13; П. Н. Петров, История родов русск. дворянства, т. I, стр. 108; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 169.

75. Михаил Александрович Касатка, князь Ростовский (колени Х, от Рюрика ХІХ), сын князя *Александра Ивановича* (1); жил в XV веке; известен только по родословным.

Гр. М. Толстой. назв. со, стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 77, 171, 349, 350, 459, 460, 528, 550, 578; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 65.

76. Михаил Андреевич, князь Ростовский (колени VIII, от Рюрика ХVІІ), сын князя *Андрея Федоровича* (11); жил в ХІV–ХV вв. Известен только по родословным, в которых потомства от него не показано. Из рукописи Артынова (Титов, стр. 459) видно, что он пал на Куликовском поле.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1886, стр. 459, 573; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 42, 47.

77. Михаил Андреевич, князь Андожский (колени ІХ, от Рюрика ХVІІІ), сын князя *Андрея Юрьевича*, князя Белозерского (12). Когда, после смерти Юрия Васильевича (95), началось дробление Белозерского удела, то он получил от своего отца волость по р. Андоге, которая берет начало в нынешнем Белозерском уезде, а в Череповецком впадает в реку Суду, изливающуюся в Шексну; по р. Андоге обладатели бассейна этой реки стали называться, начиная с детей князя Михаила, князьями Андожскими. Время жизни его можно отнести к ХV веку.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; П. Н. Петров, История родов русск. двор., стр. 114; А. В. Экземплярский, назв. соч., стр. 165, 171.

78. Михаил Андреевич, князь Вереиско-Белозерский (колени VIII, от Рюрика ХVІІ), сын князя *Андрея Димитриевича*, внук Димитрия Ивановича Донского, не из рода князей Ростовских. Получив после смерти отца часть Можайского удела – Верею и Белоозеро, входившее уже в состав Московского княжества со времени Ивана Калиты, князь Михаил владел им до смерти (1485 г.). Таким образом, деятельность его относится главным образом к Вереискому княжеству; в Белозерском же уделе деятельность его отмечена, главным образом, выдачей жалованных грамот Кирилло-Белозерскому монастырю (7),

касавшихся рыбных промыслов и Ферапонтовой пустыни (3) и освобождавших пустынь от княжеских даней и пошлин. В политическом отношении он был совершенно зависим от Московского князя, сохранив за собою только видимость княжеской власти, и в конце своей жизни по особому договору с своим двоюродным дядею, великим князем Московским Иваном III, навсегда отказался от прав на Белоозеро – как за себя, так и за свое потомство.

Полн. собр. русск. летоп., т. IV, стр. 125, 153; т. V, 267, 268; т. VI, стр. 9, 20, 21, 33, 34, 35, 170, 171, 172, 193, 224, 238, 277, 278; т. VIII, стр. 4, 112, 113, 114, 163, 164, 166, 167, 200, 206, 238, 278; т. XV, стр. 492; Никон. летоп., т. V, стр. 201, 215; т. VI, стр. 25, 27, 31, 33, 112; Акты историч., т. I, стр. 77, 98, 99, 300–306; Акты Археографич. экспед., т. I, стр. 23, 24, 28, 35, 36, 48, 49, 78, 82, 83, 86, 466, 467, 474–478, (№ 30, 31, 36, 47, 48, 65, 66, 67, 73, 100, 107, 114, 124); т. III, № 48; Собр. госуд. грам. и догов., т. I, № 64, 78, 45–47, 49, 50, 61, 65, 67, 75, 90–94, 118; Дополн. к Акт. Историч., т. I, № 191; Акты Западн. России, т. I, № 50; Древн. Росс. Вивл., т. I, стр. 254; Карамзин, История; гр. М. Толстой, назв. соч, стр. 81; Д. А. Корсаков, Меря и Ростовское княжество, Каз. 1872, стр. 178–180; Соловьев, История; Е. В. Виктор, Описание рукописных собраний в книгохранилищах Северной России, стр. 150; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 158, 167–170, 176, 177, 179, 180, 191, 192, 201, 202, 204, 228, 246–248; т. II, стр. 113, 116, 117, 145, 147, 173, 199, 231, 241, 242, 246, 247, 312, 313, 321, 323–325, 328–334, 336, 339, 522, 637, 638; В. В. Зверинский, Материалы для историко-топографич. исследований о православных монастырях в Росс. Имп., СПб. 1890, т. I, стр. 280, 281, № 556; т. II, стр. 394, № 1332; стр. 166, 167 и след. № 867; В. С. Иконников, Опыт русск. историогр., Киев, 1908, т. II, кн. 1–2, стр. 895, 896, 1153, 1715.

79. Михаил Глебович, князь Белозерский (колени IV, от Рюрика XIII), сын князя Глеба Васильковича (38). Родился в 1263 году. 14-ти лет от роду (в 1277 году) принимал участие в походе хана Менгу-Тимура на Кавказских ясов, а в следующем году, в июле месяце, женился на неизвестной по имени дочери

Ярославского князя Федора Ростиславовича. В начале октября следующего года ходил с тестем помогать татарам, воевавшим в Болгарии с самозванцем Лаханом, который выдавал себя за посланника Божия, пришедшего для освобождения от монгольского ига. Заняв после смерти отца Белозерский удел, князь Михаил пробыл в нем очень недолго, так как двоюродный брат его Димитрий Борисович Ростовский (39) отнял у него удел «со грехом и неправдой великою». Изгнанный из удела, князь Михаил скитался неизвестно где и только в 1286 году, при дележе Ростовского княжества между Димитрием и Константином Борисовичами, ему вновь был предоставлен Белозерский удел. В 1292 году он принял участие в интригах князя Городецкого Андрея Александровича против брата его, великого князя Димитрия; вместе с другими князьями он ездил в следующем году в Орду и там клеветал на последнего хану. В Орде летом того же года он и скончался, а погребен в Ростовском Успенском соборе. У него было 3 сына: Федор (104), Роман (86) и Василий (18).

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 226–228; т. IV, стр. 30, 44, т. VII, стр. 173, 174; Никон. летоп., т. III, стр. 61, 65–68, 85, 89–91; Карамзин, История; Гр, М, Толстой, назв. соч., стр. 12, 14, 15, 26, 27, 82; С. М. Соловьев, История отношений между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847, стр. 282. 283; Его же, История; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 47, 50, 51, 55; т. II, стр. 6, 25, 26, 31, 76, 83, 156–161, 209, 214; В. С. Иконников, Опыт русск. историогр., Киев. 1908 г., т. II, кн. I, стр. 883.

80. Михаил Дмитриевич, княжич Ростовский (колено V, от Рюрика XIV), сын князя *Димитрия Борисовича* (39); родился в 1286 г. Так как имя его упоминается только один раз по поводу его рождения, а родословные считают его бездетным, то можно полагать, что он умер в младенчестве.

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 227; т. IV, стр. 44; т. V, стр. 201; т. VII, стр. 179; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1886, стр. 571; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 6, 29–31.

81. Михаил Иванович Шендан, князь Ростовский (колени Х, от Рюрика ХХ), сын князя *Ивана Ивановича Долгого* (58). Сведений о нем не сохранилось.

Полн. собр. русск. летоп., т. VII, стр. 227; т. VIII, стр. 3, 180; А. Крылов, Историко-статист. обзор Ростовско-Ярославск. епархии, стр. 207; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 17, 54, 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 575; А. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 56, 57, 61.

82. Михаил Константинович, князь Ростовский (колени V, от Рюрика ХV), сын князя *Константина Борисовича* (67). Родился в 1287 году. По рукописи Артынова (А. А. Титов, стр. 161) видно, что он получил от отца своего во владение в ХIII в. село Исаевское, Щадневской волости Ростовского уезда. Умер бездетным.

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 227; т. IV, стр. 44, т. V, стр. 201; т. VII, стр. 179; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 161, 571; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 29, 30.

83. Михаил Юрьевич, князь Ростовский. В летописи имеется только одно указание, что он скончался в 1405 году; кто был его отец – неизвестно; есть предположение, что он был сыном князя Юрия Александровича (93), правнука Бориса Васильковича (15).

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 283; Д. А. Корсаков, Меря и Ростовское княжество, Казань. 1872, стр. 169; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 54.

84. Петр Андреевич, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика ХVIII), сын князя *Андрея Александровича* (8). Умер бездетным; известен только по родословным.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 575; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 56.

85. Роман Глебович, князь Белозерский (колени IV, от Рюрика ХIII); сомнительный сын князя *Глеба Васильковича* (32). Известен только по некоторым родословным.

Князь П. Долгоруков, т. I, стр. 217; Головин, № 293, 335, 336; «Врем. Общества Ист. и древн. Росс.» вып. X, стр. 41 и

др.; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 158.

86. Роман Михайлович, «Романчук», князь Белозерский (колени V, от Рюрика XIV), сын князя *Михаила Глебовича* (79). В 1338 или 1339 г., из-за интриг Ивана Калиты, ездил вместе с князем Ярославским в Орду к хану Узбеку. После этого года имя его в летописи не упоминается. С. М. Соловьев высказывает догадку, что при нем именно Белозерский удел был куплен Иваном Калитой на таких условиях, которые до известного времени оставляли за князьями Белозерскими права князей самостоятельных. От брака с неизвестною он имел 2-х сыновей: Федора (105) и Василия (23), с которыми начал делиться Белозерский удел.

Полн. собр. русских летоп., т. XV, стр. 422; Никон. летоп., т. III, стр. 79, 167; т. V, стр. 221; т. VII, стр. 205; Карамзин, История; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; Соловьев, История; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 85, 160–163, 168.

87. Роман Юрьевич, князь Белозерский (колени VIII, от Рюрика XVII), сын князя *Юрия Васильевича* (95). Известен только по родословным, которые дают ему трех сыновей: Федора (106), Ивана (62) и Василия (24); последние были бездетны, а через сына первого князь Роман считается родоначальником князей Белосельских.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 165, 171, 172.

88. Русан Федорович, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Федора Андреевича* (99). В некоторых родословных называется Федором Русаном, у Титова же представлен он двумя разными лицами: Федором (см.) и Русаном. Известен только по родословным.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 575; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 44, 46.

89. Семен Васильевич, князь Кемско-Сугорский и Кемский (колени VII, от Рюрика XVI), сын князя *Василия Романовича Сугорского* (23); жил приблизительно в XIV–XV вв. При делении, после смерти отца, Белозерского удела получил две

мелкие волости: Сугорскую и Кемскую, будучи первым и последним князем этих волостей. Известен только по родословным, которые приписывают ему 5 сыновей: Владимира (30), Федора, по прозвищу Дурак (108), Давида (34), Димитрия (42) и Константина (74). Первые трое владели Сугорьем, а последние двое – Кемской волостью и явились родоначальниками князей Кемских и Сугорских.

А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 168, 170; Гр. М. Толстой, назв. соч., М. 1885, стр. 82.

90. Семен Иванович, князь Ростовский (колени Х, от Рюрика ХІХ), сын князя *Ивана-Яна Андреевича* (50); жил в XV веке. До 1474 г. может считаться удельным князем, так как в этом году Ростовский удел был продан его отцом великому князю Московскому Ивану III. Известен только по родословным.

Гр. М. Толстой, назв. соч. стр. 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 58.

91. Семен Михайлович, князь Белозерский; неизвестного происхождения. Упоминается в Никоновской летописи, как принимавший участие в Куликовской битве. Д. И. Иловайский считает его племянником князя Федора Романовича (105), но на каком основании – неизвестно.

Никон. летоп., т. IV, стр. 48; Полн. собр. русск. летоп., т. XI, стр. 52; Карамзин, История; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 162, 163; Д. И. Иловайский, Куликовская битва, изд. по случаю 500-летия годовщины Куликовской битвы.

92. Семен Юрьевич, князь Ростовский (колени Х, от Рюрика ХІХ), сын князя *Юрия Ивановича Немого* (96). По Титову, был женат на Марии, дочери князя Александра Борисовича, внука Юрия Долгорукого. Умер бездетным. С ним пресеклось потомство князя Юрия Немого.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 576; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 43.

93. Юрий Александрович, князь Углицкий и Ростовский (колени VI, от Рюрика XV), сын князя *Александра Константиновича*, князя Углицкого. Еще малолетним, после смерти своего отца (умершего в 1307 г.), занял Углицкий стол,

на котором сидел приблизительно до 1316 года, когда получил еще и Ростовский удел после смерти дяди своего Василия Константиновича (21), дети которого были младшими троюродными братьями Юрия, почему и заняли Ростовский стол только после смерти последнего. При нем в Ростове в 1318 году был из Орды «посол лют», именем Кочка, причинивший много бедствий Ростову. В 1320 г., 30-го мая, князь Юрий умер, когда ему было лет 17 или 18, не оставив потомства. После него Ростовское княжество разделилось на 2 половины, так же, как и сам Ростов, разделившийся на 2 стороны – Борисоглебскую и Сретенскую. Есть предположение, что у него был один сын Михаил Юрьевич (83), Ростовский князь неизвестного происхождения.

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 229; т. IV, стр. 49; т. V, стр. 216; т. VII, стр. 198; Никон. летоп., т. III, стр. 125; Карамзин, История; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 8; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 70, 571; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 67; т. II, стр. 29, 30, 35, 38, 40.

94. Юрий Андреевич, князь Ростовский (колени VIII, от Рюрика XVII), сын князя *Андрея Федоровича* (11). В 1398 году, во время борьбы великого князя Московского Василия Дмитриевича с Новгородом, был в Устюге, будучи, вероятно, там в качестве воеводы. Когда Новгородцы, разбившие Московскую рать, в поисках за Новгородцем Анфалом, перешедшим на сторону Москвы, подошли к Устюгу и спросили князя и граждан: стоят ли они за Анфала, то получили отрицательный ответ и оставили Устюг в покое; между тем как, спустя некоторое время, те же устюжане с князем пришли на помощь Анфалу. В 1313 году князь Юрий умер, приняв перед кончиной иноческий чин с именем Герасима. Потомства у него не было.

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 234; т. IV, стр. 103, 141; т. V, стр. 251; т. VI, стр. 130; Никон. летоп., т. IV, 272, т. IV, 277; Троицк. летоп., стр. 226; Собр. госуд. грам. и догов., т. I, № 86; Росс. родосл. книга кн. Долгорукова, т. I, стр. 208; Д., А. Корсаков, Меря и Ростовское княжество, Каз.

1872, стр. 170; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 573; А. В. Экземплярский, назв. соч., стр. 42, 46; В. С. Иконников, Опыт русской историографии, Киев, 1908, т. II, кн. 1, стр. 736, 883.

95. Юрий Васильевич, князь Белозерский (колени VII, от Рюрика XVII), сын князя *Василия Романовича* (23). Князь Юрий, оставшись старшим из князей Белозерских после 1380 года, занял Белозерское княжество, которым владел приблизительно до 1389 г., когда таковым начал распоряжаться великий князь Московский *Димитрий Иванович Донской*; около этого года, вероятно, Юрий умер. После его смерти Белозерское княжество, как самостоятельный удел, перестало существовать, так что он был последним удельным князем Белозерским. У него было три сына: бездетный *Давид* (35), *Роман* (87) и *Андрей* (12).

Продолж. Древ. Росс. Вивл., т. III, 1788 г., стр. 172; В. В. Зверинский, Материалы для истор.-топогр. исслед. о правосл. монастырях в Росс. Импер., СПб., т. II, 1892, стр. 82, № 675; П. Н. Петров, История родов русск. двор., т. I, стр. 107; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 165–168, 171, 172.

96. Юрий Иванович Немой, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Ивана Андреевича* (48). Потомство его пресеклось на единственном сыне его *Семене* (92), умершем бездетным. По Титову, он имел дочь *Марию*, бывшую за мужем за князем *Федором Дмитриевичем Приимковым*, и другую, неизвестную по имени дочь, бывшую замужем за Ростовским князем *Юрием Дмитриевичем Бычковым*. По рукописи *Артынова* (Титов, стр. 354), князь Юрий, спустя два с половиной месяца после *Мамаева побоища*, 20-го ноября 1380 г. участвовал на съезде Ростовских князей в г. *Городце на Саре* для обсуждения последствий *Куликовской битвы*.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 403, 404, 354, 524, 576; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 43.

97. Федор Александрович, князь Ростовский (колени VIII, от Рюрика XVII), сын князя *Александра Константиновича* (4). В

1397 году, во время борьбы великого князя Московского Василия Димитриевича с Новгородом, Двинская земля стала на сторону Москвы и, боясь своей метрополии – Новгорода, просила у великого князя наместника, которым был послан князь Федор. Последнего Новгородцы осадили в крепости Орлице и, после упорной месячной осады, взяли ее, а князя Федора, взяв с него «присуд и пошлину», отпустили восвояси со всеми его ратными людьми. Десять лет спустя, (а по Никоновской летописи – одиннадцать), во время княжения в Ростове князя Федора, город выгорел едва не весь и к тому же был разграблен татарами, а князь с жителями бежал из города. В 1411 г., в числе других Ростовских князей, князь Федор стоял на стороне Москвы в борьбе последней с Нижегородскими князьями и принимал участие в «злой сечи» при селе Лыскове, которая окончилась поражением Московских войск. Князь Федор принимал участие и в другом походе против Нижегородских князей, предпринятом Московским князем в 1414 году. Он служил Московским князьям не только, как воин, но и как администратор. В 1417 году, по просьбе Псковичей, князь Федор был назначен великим князем Московским к ним наместником и, как кажется, пришелся по нраву Псковичам. На второй год своего княжения во Пскове он заключил выгодный для Пскова «мир по старине с Новгородом». В 1420 г., во время свирепствовавшего во Пскове мора, князь Федор, заболев и ожидая близкой кончины, постригся в монахи и уехал в Москву, где, вероятно, тогда же и скончался. Супруга его, неизвестная нам по имени, скончалась в 1425 г. Из всех, приписываемых ему родословными детей с несомненностью можно говорить лишь о сыне Александре (6).

Полн. собр. русск. летописей, т. III, стр. 99; т. IV, стр. 103, 141, 202; т. V, стр. 22, 23, 250, 263; т. VI, стр. 130; т. VIII, стр. 71; т. XV, стр. 481, 483; Никон. летопись, т. IV, стр. 275, 276; т. V, стр. 15, 22–24, 36, 44; Тверская летопись, стр. 487; Карамзин, История; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1885, стр. 678; М. Д. Хмыров, Алфавитно-справочный перечень, стр. 17, № 263; А. В.

Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. III, 135, 375, 311; т. II, стр. 44, 45, 53, 58–60.

98. Федор Александрович Голубой, князь Ростовский (колени Х, от Рюрика ХІХ), сын князя *Александра Ивановича* (1). По Титову, имел двух сыновей: Александра и Василия, на сыне которого Петре Голубом пресеклось потомство князей Голубых-Ростовских, родоначальником которых был князь Федор. Известен только по родословным.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, Ростовский уезд, М. 1886, стр. 376, 621, 578; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 55.

99. Федор Андреевич, князь Ростовский (колени VIII, от Рюрика XVII), сын князя *Андрея Федоровича* (11). Жил в XIV в. Известен только по родословным; имел 6 сыновей: Александра, по прозванию Щепы (5), Ивана Большого (67) и Ивана Меньшого (63), Русана (88), Димитрия (43) и Федора (109).

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титов, назв. соч., стр. 573; А. В. Экземплярский, назв. соч., стр. 42–45.

100. Федор Андреевич, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Андрея Александровича* (8). Известен только по родословным, которые считают его бездетным; лишь Титов дает ему дочь Дарью, которая была замужем за князем Димитрием Бритым-Ростовским.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. А. Титов, назв. соч., стр. 575; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 56.

101. Федор Васильевич, князь Ростовский (колени VI, от Рюрика XV), сын князя *Василия Константиновича* (21). По С. М. Соловьеву, родился в 1311 году. Летописные известия о нем весьма скудны и ограничиваются передачей двух фактов из его жизни: в 1326 году он женился, неизвестно на ком, и 28-го марта 1331 года скончался, оставив единственного сына, князя Андрея (11).

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 229, 230; т. III, стр. 131; т. IV, стр. 47, 52; т. V, стр. 24, 205; т. VII, стр. 185, 202; Никон. летоп., т. III, стр. 167; Карамзин, История; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 16, 52, 81; А. А. Титов, назв. соч., стр. 571; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 35–40, 42.

102. Федор Иванович, князь Карголомский (колено VIII, от Рюрика XVII), сын князя *Ивана Васильевича* (54). По родословным у него был единственный, но бездетный сын Иван (64), бывший последним князем Карголомским.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81, 82, 84; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 170.

103. Федор Иванович *Голеня*, князь Ростовский (колено IX, от Рюрика XVIII), сын князя *Ивана Андреевича* (48). Известен только по родословным. Является родоначальником угасших князей Голениных-Ростовских.

Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 81; А. А. Титов, назв. соч., стр. 537, 574; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 48.

104. Федор Михайлович, князь Белозерский (колено V, от Рюрика XIV), сын князя *Михаила Глебовича* (79). В 1293 году, после смерти отца, занял княжеский престол. В 1302 году женился в первый раз на дочери Вельбласмышы, в Орде, а в 1314 году – на дочери некоего Димитрия Жидимирича, как кажется новгородского боярина. Никаких других известий об этом князе до нас не дошло. Родословные, хотя и не все, считают Федора Михайловича бездетным.

Полн. собр. русс. летоп., т. I, стр. 228, 229; Гр. М. Толстой, назв. соч., стр. 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. II, стр. 160, 161.

105. Федор Романович, князь Белозерский (колено VI, от Рюрика XV), сын князя *Романа Михайловича* (86), после смерти которого занял княжеский престол. О нем известно только, что в 1375 году он принимал участие, в числе других удельных князей, в походе великого князя Московского Димитрия Ивановича Донского против Твери. В 1380 г., вместе с сыном Иваном (65), принимал участие в Куликовской битве, где оба были убиты. После него Белозерское княжество перешло к Юрию Васильевичу (95).

Полн. собр. русск. летоп., т. I, стр. 232; т. III, стр. 92; т. IV, стр. 70, 81; т. V, стр. 233; и. VI, стр. 95; т. VIII, стр. 22, 39; Никон. летоп., т. IV, стр. 7, 42–44, 121; Карамзин, История; Гр. М. Толстой. назв. соч., стр. 16, 82; А. В. Экземплярский, назв. соч., т. I, стр. 106; т. II, стр. 161–163,

165, 166, 168, 172; В. С. Иконников, *Опыт русск. историогр.*, Киев. 1908, т. II, кн. 1, стр. 883.

106. Федор Романович, князь Белозерский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя Романа Юрьевича (87). Известен только по родословным. Жил в XV в.

Гр. М. Толстой, *назв. соч.*, стр. 82; А. В. Экземплярский, *назв. соч.*, т. II, стр. 172.

107. Федор Семенович, князь Белозерский, неизвестный по происхождению. Известно лишь, что он участвовал в Куликовской битве 1380 года, где, по-видимому, и был убит.

Полн. собр. русс. летоп., т. XI, стр. 52; Никон. летоп. т. III, стр. 118–121; т. IV, стр. 48; А. В. Экземплярский, *назв. соч.*, т. II, стр. 162, 163.

108. Федор Семенович, по прозвищу Дурак, князь Сугорский (колени VIII, от Рюрика XVII), сын князя Семёна Васильевича, князя Кемско-Сугорского (89). После смерти отца был одним из владельцев Сугорской половины Белозерского удела. Известен только по родословным, которые считают его бездетным.

Гр. М. Толстой, *назв. соч.*, стр. 82; А. В. Экземплярский, *назв. соч.*, т. II, стр. 169.

109. Федор Федорович, князь Ростовский (колени IX, от Рюрика XVIII), сын князя Фёдора Андреевича (99). В некоторых родословных считается за одно лицо с Русаном (88). Известен только по родословным. Бездетен.

Гр. М. Толстой, *назв. соч.*, стр. 81; А. А. Титов, *назв. соч.*, стр. 574; А. В. Экземплярский, *назв. соч.*, т. II, стр.

См. также Белозерские.

Ростовский (Растовский), Андрей Александрович

Ростовский, Андрей Александрович (*Растовский*) – директор училищ С.-Петербургской губернии; происходил из дворян Казанской губернии, слушал недолгое время лекции в Имп. Казанском университете (с 27-го июня по 4-е октября 1829 г.), а затем поступил юнкером в л.-гв. Егерский полк, где в 1831 г. (19-го апреля) был произведен в подпоручики, принял участие в Польской кампании, был ранен в правую руку и левую ногу, в 1840 г. (23-го января) уволен был, за ранами, в чине штабс-капитана в отставку, в 1846 г. назначен был уполномоченным по размежеванию земель Казанской губернии, а в июне 1851 г. – директором Казанской 1-й гимназии. 23-го февраля 1856 г. Р. был определен директором училищ С.-Петербургской губернии и одновременно состоял директором С.-Петербургской Пятой гимназии; однако, уже вскоре Р. переменил снова род должности: сперва он был причислен к Министерству Государственных Имуществ, а потом поступил чиновником особых поручений при генерал-провиантмейстере П. А. Булгакове (своем родственнике) и в 1866 г. состоял членом Временного Общего Присутствия Главного Интендантского Управления. Выйдя затем в отставку в чине д. с. советника, он умер 8-го мая 1871 г. в Петербурге, где и погребен на Смоленском кладбище. Его жена – Мария Федоровна, урожденная Львова, была известною детскою писательницею (см. Растовская, М. Ф.).

А. И. Михайловский, *Преподаватели, учившиеся и служившие в Имп. Казанском Университете, ч. I, вып. I, Каз. 1901, стр. 144; История л.-гв. Егерского полка, СПб. 1896, прил., стр. 54; Н. К. Горталов, Памятная Книжка Имп. Казанской 1-й Гимназии на 1897–1898 уч. год, Казань, стр. 12; Петербургский Некрополь, т. III; «С.-Петерб. Вед.» 1871 г., № 127.*

Ростовцов, Александр Александрович

Ростовцов, Александр Александрович, гофмейстер; сын А. И. Ростовцова (см. ниже); воспитывался в Пажеском корпусе и из камер-пажей выпущен был, 13-го августа 1853 г., в прапорщики в л.-гв. Конно-Пионерный дивизион; в 1862 г. перешел в Кавалергардский полк, был в 1867 г. ротмистром и состоял адъютантом при Великом Князе Николае Николаевиче Старшем; 1-го апреля 1876 г. произведен был в генерал-майоры с зачислением по армейской кавалерии, вскоре был пожалован в должность гофмейстера Высочайшего Двора и управлял Двором Великого Князя Николая Николаевича Старшего, затем был переименован в д. с. советники и состоял (1885) при Великой Княгине Александре Петровне; умер 6-го марта 1888 г. в Петербурге, где и погребен на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры.

О. фон Фрейман, Пажи за 185 лет, стр. 483; «Петерб. Листок» 1888 г., № 66, некр.; Петербургский Некрополь, т. III; Адрес-календари и Списки чинам за разные годы.

Ростовцов, Александр Иванович

Ростовцов, Александр Иванович, тайный советник; сын *И. И. Ростовцова* (см. ниже), родился 27-го августа 1800 г.; отданный в 1807 г. (14-го сентября) в Пажеский корпус, он в 1819 г. (29-го марта) был произведен в камер-пажи, а 26-го марта 1821 г. выпущен был прапорщиком в л.-гв. Егерский полк, в котором в 1822 г. получил чин подпоручика, а в 1824 г. назначен полковым адъютантом (19-го февраля) и произведен в поручики (15-го июня).

В 1828 г. Р. участвовал в Турецкой войне, был взят в плен и некоторое время прожил в Константинополе; в 1830 г., 8-го февраля, Р. был уволен из Егерского полка «для определения к статским делам» и 15-го ноября того же года был причислен к Министерству Финансов, в котором и прошла вся дальнейшая его служба. Назначенный, 18-го февраля 1831 г., и. д. столоначальника в Канцелярии Министра Финансов, он 8-го августа того же года получил в ней место секретаря 1-го стола в 1-м Отделении Канцелярии, 5-го декабря 1833 г. пожалован был в звание камергера Высочайшего Двора, 15-го ноября 1835 г. назначен чиновником особых поручений Министерства и Членом Общего Присутствия Департамента Мануфактур и Внутренней Торговли; впоследствии занимал место Начальника Отделения в Канцелярии Министра, а затем был Вице-директором Департамента Государственного Казначейства, Управляющим Экспедицией Государственного Банка (с 15-го октября 1854 г. по 17 июня 1860), Управляющим Государственным Коммерческим Банком (с 1-го апреля по 17-е июня 1860 г.), Управляющим Государственной Комиссией Погашения долгов (с 17-го июня 1860 по 22-е января 1862 г.) и, наконец, членом Ученого Комитета Министерства Финансов.

Умер в чине тайного советника 18-го мая 1867 г. в Петербурге, где и погребен в Александро-Невской Лавре, в Благовещенской церкви, с женою, *Александрой Александровною*, урожденной Ольхиной (род. 26-го октября 1815, ум. 14-го октября 1880).

О. фон Фрейман, Пажи, стр. 224; Архив Департамента Герольдии; «Голос» 1867 г., № 137–138; «СПб. Ведом.» 1867 г., № 136; Месяцесловы и Адрес-календари; История л.-гв. Егерского полка; История Министерства Финансов, т. II, стр. 686 и 688; Петербургский Некрополь, т. III, стр. 621 и 622; Записки А. В. Никитенка, т. I, СПб. 1905, стр. 196.

Ростовцов, Василий Иванович

Ростовцов, Василий Иванович, директор Коммерческого Банка (брат предыдущего); род. 18-го июня 1798 г., воспитывался в Пажеском корпусе, в который был зачислен пажом 4-го сентября 1807 г. и из которого был выпущен 20-го апреля 1817 г. прапорщиком в Учебный карабинерный полк; переведенный, 28-го декабря того же года, л.-гв. в Финляндский полк, Р., в чине подпоручика (с 8-го июня 1818 г.) переведен был, 4-го ноября 1821 г., л.-гв. в Егерский полк, с коим участвовал в Турецкой войне 1828 и 1829 гг., находился при осаде и взятии Варны, а в ночь с 13-го на 14-е сентября участвовал во взятии турецкого укрепленного лагеря, а затем находился в траншеях; 8-го ноября 1830 г. Р. был произведен в полковники с переводом в л.-гв. Преображенский полк; приняв участие в Польской кампании 1830–1831 г., Р. находился при взятии Варшавы (за что имел серебряную медаль) и 16-го октября 1831 г., «за блистательную храбрость и мужество», оказанные им 25-го и 26-го августа при штурме передовых Варшавских укреплений, городского вала и г. Варшавы (командуя в этом сражении охотниками, он был ранен пулею навывлет в левую ногу ниже колена), награжден был орденом св. Георгия 4-й степени, а 6-го ноября 1832 г. назначен был состоять по армии.

В 1835 г. (15-го марта), по Высочайшему повелению, Р. был назначен директором в Государственный Коммерческий Банк сверх штата, причем через 2 месяца был, за ранюю, уволен от военной службы. Впоследствии он был (с 24-го апреля 1849 г.) старшим директором этого Банка и был произведен в действительные статские советники (28-го сентября 1849 г.).

Умер 24-го июня 1858 г. в Петербурге и погребен на Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры.

Был женат на *Екатерине Егоровне*, урожденной *Пшеницыной* (род. 24-го ноября 1815, ум. 5-го ноября 1840).

Формулярный список за 1832 г.; О. фон Фрейман, Пажи за 185 лет, стр. 194–195 и 872; Архив Департамента Герольдии

(дело о дворянстве Ростовцовых); История л.-гв. Егерского полка, прил.; Истории л.-гв. Преображенского полка (списки офицеров); Петербургский Некрополь, т. III; «Полицейская Газета» 1858 г., № 139.

Ростовцов Григорий, депутат

Ростовцов Григорий, купец. В 1767 г. был выбран депутатом от города Ельца в Екатерининскую Комиссию о сочинении Проекта нового Уложения. В заседаниях 7-го и 19-го ноября 1767 г. Комиссией выслушано было его мнение о запрещении разночинцам производить торговлю в тех местах, где есть купцы, и лишь при условии записи их в купечество. С 10-го июля по 9-е сентября 1768 года Р. участвовал в заседаниях по рассмотрению проекта прав благородных. Он стоял за ограничение прав дворян на производство торговли валовою продажей произведений собственных деревень и на владение фабриками и заводами; поддерживал мнения о необходимости обращения взысканий по долгам на родовые имения, в случае, если нет благоприобретенных, и о недозволении дворянам представлять от себя особого судью в уголовных делах. Р. был в числе высказавшихся против положения ст. 31-й Проекта о признании недействительными доносов и свидетельств крепостных на благородных. Когда при обсуждении вопроса о порядке рассмотрения проекта мнения депутатов резко разделились, Р. присоединился к мнению депутата князя Вяземского, предлагавшего, предварительно обсуждения, просить Императрицу об учинении разбора дворянам, каковым и руководствоваться при рассмотрении проекта.

Сборник Имп. Русского Исторического Общ., т. VIII, стр. 219 и 293 и т. XXXII, стр. 245, 252, 260, 267, 275, 277, 278 и 282.

Ростовцов, Иван Иванович

Ростовцов, Иван Иванович, директор Петербургских народных училищ; происходил из купцов, родился 9-го сентября 1764 г. и 19 лет от роду поступил на службу (26-го августа 1782 г.) бухгалтером и в то же время был надзирателем С.-Петербургской учительской семинарии, где получил чин коллежского секретаря (20-го марта 1786 года); в 1797 произведен был в коллежские асессоры и затем записался в родословную книгу дворян С.-Петербургской губернии; в 1798 г. Р. состоял в ведомстве Комиссии о учреждении училищ, под начальством Ф. И. Янковича-де-Мириево, 20-го июня 1798 г. получил чин надворного советника, а 14-го апреля 1800 г., служа в Камеральном Департаменте, назначен был директором Экономии и директором С.-Петербургских народных училищ, 13-го декабря того же года получил орден св. Иоанна иерусалимского, 30-го августа 1801 г. – чин статского советника, 30-го августа 1802 г. – орден Анны 2-й степ. и, наконец, 16-го августа 1806 г. награжден был чином действительного статского советника.

В 1803–1806 г., кроме того, Р. состоял Управляющим Конторою и Казначеем Главного Училищ Правления и был Непременным членом С.-Петербургского Приказа Общественного Призрения, а в 1805 году, при учреждении С.-Петербургской губернской гимназии (ныне С.-Петербургская 2-я гимназия Императора Александра I) был назначен, как опытный педагог-администратор, ее Директором, но уже через два года, 24-го августа 1807 г., умер (погребен на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры).

Был женат дважды, во 2-м браке – на дочери с.-петербургского купца Ивана Кусова *Александре* (род. 18-го февраля 1778, ум. 4-го февраля 1843) и имел детей: *Ивана* (колл. асс., род. 21-го октября 1786, ум. 24-го апреля 1814) и *Екатерину* от 1-го брака и *Илью* (полковник л.-гв. Финляндского полка, род. 15-го апреля 1797, убит под Кюстенджи, в Турции, 11-го августа 1828), *Василия* (см. выше), *Александра* (см. выше),

Якова (будущий деятель по освобождению крестьян; см. ниже) и Пелагею – от 2-го брака.

Сенатский Архив, форм. списки 1798 г., № 21, л. 8; Архив Департамента Герольдии Прав. Сената; Месяцеслов 1804 г.; Сенатский Архив, т. I; А. Воронов, Историко-статистический обзор учебных заведений С.-Петербургского учебного округа, ч. I, стр. 84; Историческая записка 75-летия С.-Петербургской Второй гимназии, ч. I, СПб. 1880, стр. 8, 16, 35, 125; Петербургский Некрополь, т. III, СПб. 1912, стр. 622–623; Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства Народного Просвещения, т. I, СПб. 1893.

Ростовцов, Павел Яковлевич, Витебский губернатор; родился 1-го августа 1826 г. и был сыном директора училищ Черниговской губернии Якова Павловича Ростовцова (см. ниже); по окончании курса в Черниговской гимназии, Р. 16-го ноября 1846 г. поступил на службу и в 1851 г. был Начальником газетного стола в Черниговском Губернском Правлении, в 1855 г. был в отставке, а в конце 1850-х годов служил столоначальником в III Отделении Департамента Общих Дел Министерства Внутренних Дел, вскоре был назначен начальником I Отделения того же Департамента, 16-го апреля 1867 г. произведен был в д. с. советники и 14-го ноября 1869 г. назначен Витебским губернатором; здесь Р. прослужил до 20-го апреля 1880 г.; умер в чине тайного советника 22-го ноября 1882 г.

Архив Департамента Герольдии Правит. Сената; Адрес-календари и Списки чинам первых классов; Сборн. Имп. Русск. Историч. Общества, т. 62, стр. 223; Гр. Г. Милорадович, Родосл. книга Черниговского Дворянства, т. II, СПб. 1901, стр. 282.

Ростовцов, Яков Иванович

Ростовцов, Яков Иванович, генерал-адъютант; род. 28-го декабря 1803 г. и был сыном *Ивана Ивановича Р.* (см.) и его второй жены, урожденной Кусовой, дочери богатого и влиятельного купца; 4-го сентября 1807 года, вскоре после смерти отца, он был зачислен в пажи Высочайшего двора и отдан в Пажеский корпус; здесь он отличался склонностью к шалостям и даже бывал в них коноводом, но учился так хорошо, что 29-го марта 1821 г. получил награду и был назначен камер-пажом. 31-го марта 1822 года Р. был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Егерский полк, где 13-го декабря 1823 года произведен был в подпоручики и назначен казначеем (последнее назначение объясняется тем, что Р. сильно заикался и потому не мог служить в строю), 21-го апреля 1825 года получил должность адъютанта в дежурстве всей пехоты Гвардейского Корпуса, командиром которого был генерал К. И. Бистром. Часы досуга Ростовцов проводил с князем Е. П. Оболенским, Ф. Н. Глинкой и К. Ф. Рылеевым и принимал участие в их спорах и беседах на политические темы. Когда деятельность тайного общества, после смерти Александра I, оживилась и стало ясно, что члены его собираются перейти от слов к делу, Ростовцов понял, что дальнейшее его пребывание в этом кружке грозит ему гибелью, и 24-го ноября 1825 года, на предложение князя Е. П. Оболенского вступить в тайное общество членом ответил отказом. Но боязнь, что дружба с Оболенским может навлечь на него подозрение в участии в замыслах тайного кружка, заставила Ростовцова довести до сведения Великого Князя Николая Павловича о готовившемся восстании. 12-го декабря, в 8 часов вечера, он явился во дворец и передал Великому Князю письмо, в котором были изложены намерения тайного общества и просьба о том, чтобы Великий Князь Константин Павлович прибыл в Петербург и публично, перед войсками, отказался от престола. 14-го декабря Ростовцов участвовал в рядах войск, оставшихся верными Николаю Павловичу и подавлявших восстание, был

ранен и увезен домой. 18-го декабря он был произведен в поручики, а 19-го января 1826 года, по распоряжению генерала Бистрома, отчислен от должности адъютанта и переведен в строй. Во время следствия над декабристами, из боязни быть замешанным ими в дело, Р. написал Императору письмо, где доказывал, что он не только не мог быть участником заговора, но даже не мог быть уверенным в его существовании. 28-го января 1826 г. Ростовцов, по личной просьбе, обращенной к Императору, был назначен состоящим при особе Великого Князя Михаила Павловича, а 1-го января 1828 г. был утвержден его адъютантом.

С 1-го мая 1828 г., в качестве адъютанта Великого Князя, Ростовцов участвовал в Русско-турецкой войне, был при осаде Браилова, Шумлы и Варны и за этот поход получил орден св. Владимира 4-ой степени, а 26-го октября, по возвращении в Петербург, был произведен в штабс-капитаны. С 11-го апреля 1831 г., с отрядом Гвардейского Корпуса, Р. участвовал в Польской войне – в боях при Яссах (6-го мая), при Жолтках (9-го мая) и в штурме Варшавы 25-го и 26-го августа. За эту войну он был произведен в капитаны (25-го июня) и получил орден св. Анны 2-ой ст. В ноябре этого же года Ростовцов прибыл, с докладом Государю о ходе дел в Польше, в Петербург, где уже и остался и 23-го декабря был назначен дежурным штаб-офицером Управления Главного Начальника Кадетских Корпусов Великого Князя Михаила Павловича, с оставлением его адъютантом; 8-го ноября 1832 г. Р. был произведен в полковники, 7-го апреля 1835 г. назначен исправляющим должность Начальника Штаба Его Императорского Высочества Главного Начальника Кадетских корпусов, а 29-го марта 1836 г. утвержден в должности. В июле месяце 1836 г. начал издаваться, под руководством Ростовцова, «Журнал для чтения воспитанникам старшего и среднего возрастов Военно-Учебных Заведений»; ходатайство педагога В. П. Бурнашева об издании журнала для младшего возраста было отклонено, и Ростовцов, отнесшийся сочувственно к этой идее, мотивировал отказ отсутствием в Главном Управлении денежных средств. В 1838 г. Штабом Его Высочества был разработан проект

«систематического уложения по управлению и устройству военно-учебных заведений» и составлено, по поручению Великобританского правительства, на французском языке, «подробное обозрение наших военно-учебных заведений, дворянских, кантонистских и морских»; за эти работы Я. И. Ростовцов получил (22-го апреля 1838 г.) денежную награду. – 16-го апреля 1841 г. Р. был произведен в генерал-майоры.

25-го марта 1843 г. было утверждено Государем разработанное Штабом Его Высочества» Положение о кадетских корпусах», по которому Великому Князю было присвоено звание «Главного Начальника Военно-Учебных Заведений», а Ростовцову – Начальника Штаба этого управления. При Главном Начальнике был образован «Совет военно-учебных заведений», на членов которого (равно и на Начальника Штаба) была возложена обязанность инспектирования всех военно-учебных заведений, для чего была составлена подробная инструкция. За разработку этого «Положения» Ростовцов 28-го марта 1843 г. был награжден орденом Станислава 1-ой степени, а 6-го декабря того же года получил, за выслугу лет, орден св. Георгия 4-ой степени. В 1843 г. он ездил за границу, 6-го января 1845 г. назначен был членом Главного Совета женских учебных заведений, а 10-го апреля 1846 г. – членом Комиссии по сокращению переписки в войсках, с оставлением во всех прежних должностях, а вскоре был награжден орденом св. Владимира 2-ой степени (20-го декабря 1847 г.). 24-го декабря 1848 г. утверждено было составленное Ростовцовым «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений», где даны были указания: преподавателям – как и чему учить, а директорам – чего требовать от преподавателей и как проверять их деятельность.

1-го января 1849 г. Ростовцов получил звание генерал-адъютанта, а 19-го сентября того же года был назначен Начальником Штаба Наследника Цесаревича, который, после смерти Великого Князя Михаила Павловича, занял должность Главного Начальника военно-учебных заведений. Это было время реакции, наступившей в России после событий 1848 года, когда и Ростовцов должен был сложить свое прогрессивное

знамя и в деле образования юношества начать движение назад: программы были сокращены до минимума, и вся цель обучения была направлена к тому, чтобы согласовать науку с официальными требованиями власти. В учебных заведениях, даже высших, были введены наставники-наблюдатели за профессорами, которым вменялось в обязанность контролировать образ мыслей профессоров и о малейшем проявлении либерализма доводить до сведения административных властей. 24-го сентября 1849 г. Ростовцов был награжден золотою табакеркой, усыпанной бриллиантами, с портретом Государя, 11-го октября назначен был членом Комитета для пересмотра учреждений Министерства Народного Просвещения и 6-го декабря 1850 года произведен в генерал-лейтенанты. В 1851 г. он получил орден Белого Орла, а в 1853 г. – орден Александра Невского и 26-го февраля того же года назначен был Членом Совета Императорской Военной Академии. 22-го февраля 1855 г., после смерти Императора Николая I, он получил звание Начальника Главного Штаба Его Императорского Величества по Военно-Учебным Заведениям, с правами и обязанностями, присвоенными Главному Начальнику военно-учебных заведений Положением 1843 года, а 24-го февраля зачислен был в списки 1-го Кадетского корпуса.

Когда, после неудачной Крымской войны, наступила эпоха реформ в государственной и общественной жизни страны, Ростовцов мог снова вернуться ко взглядам на образование и воспитание юношества, господствовавшим до 1848 года: во внутренней жизни военно-учебных заведений было сделано много улучшений как в области воспитания, так и обучения, были открыты военные училища и 22 училища для призрения детей нижних воинских чинов. 27-го марта 1856 г. Ростовцов был назначен членом Государственного Совета и присутствующим в Комитете Министров и награжден бриллиантовым перстнем с портретом Императора; 14-го февраля 1856 г. назначен членом Комитета о раненых, 7-го апреля – членом Комитета для обсуждения вопроса об офицерских браках; 3-го мая – членом особого Комитета по обсуждению вопроса, относящегося до устройства юнкерских училищ, 26-го сентября получил

алмазные украшения на орден Александра Невского, а 2-го ноября назначен главным попечителем инвалидного дома Овсянникова, 17-го апреля 1858 года награжден орденом Владимира 1-ой степени и 8-го ноября 1859 года произведен в генералы от инфантерии. К этому же году относится издание 3-го и последнего тома «Узаконений по военно-учебным заведениям».

Тогда же Ростовцов был привлечен и к делу освобождения крестьян в качестве члена «Секретного Комитета», образованного 3-го января 1857 года и переименованного 8-го января 1858 года в «Главный Комитет». Он пробовал уклониться от этой обязанности, так как сам не владел крестьянами и не интересовался их положением, а потому имел об этом вопросе лишь слабое представление, но Император Александр II настоял на своем желании, и Р. должен был согласиться: по словам Товарища Министра Внутренних Дел Левшина то было время, когда «всякий думал только о том, чтобы угодить Царю, а своим мнением не дорожил совершенно». Первая резолюция Секретного Комитета, 18-го августа 1857 года, под которою подписался и Ростовцов, имела целью затянуть дело освобождения на многие годы. С назначением в Секретный Комитет членом Великого Князя Константина Николаевича дело стало быстро подвигаться вперед, и с этого момента Ростовцов, являясь его ближайшим сотрудником, стал сознательнее относиться к крестьянскому вопросу: он начал читать соответствующие книги, вести беседы с знатоками крестьянского дела и, благодаря этому, к 15-му июля 1858 г., когда он был назначен членом Особого Комитета из четырех лиц, он явился туда с запасом нужных знаний, ярым поборником идеи освобождения и ревностным исполнителем царской воли – не «токмо за страх, но и за совесть». Есть указания, что в мае 1858 года, в Дрездене, сын Ростовцова перед смертью завещал своему отцу просьбу загладить поступок своих молодых лет и посвятить всю жизнь бескорыстному служению народному благу. За границею Ростовцов знакомился с иностранной литературой по крестьянскому вопросу и приобретаемыми познаниями делился

в письмах с Императором, Поддерживая в нем этим энергию и решимость довести дело освобождения до благополучного конца, невзирая ни на какие препятствия. Письма эти, впрочем, отличаются некоторою спутанностью понятий, желанием освободить крестьян так, чтобы не обидеть и помещиков, но зато в них чувствуется вера в необходимость этого освобождения, которое Ростовцов стал называть не иначе, как «святым делом». С сентября 1858 года он принялся за работу; результатом этих занятий явилась собственная записка его: «Ход и исход крестьянского вопроса», с дополнением к ней, и «Общее положение об освобождении крестьян», из 12-ти пунктов, послужившее основанием для дальнейших работ редакционных комиссий 1859 года. Изучая присланные Губернскими Комитетами постановления, Ростовцов пришел к заключению, что поручить разработку уже составленного им «Общего Положения» этим Комитетам – значить отложить разрешение вопроса об освобождении на неопределенное время, а потому 1-го января 1859 года он представил Императору Проект образования правительственных редакционных комиссий, куда были бы Приглашены члены Губернских Комитетов, но не только от реакционного большинства, но и от либерального меньшинства. 17-го февраля проект Ростовцова был утвержден, а сам он был назначен Председателем Редакционных Комиссий. Заседания этих Комиссий открылись 4-го марта, и с этого момента дело освобождения всецело перешло из Главного Комитета в Редакционные Комиссии. 8-го сентября 1859 года уже были закончены и поднесены Государю 3 тома первого периода занятий Редакционных Комиссий. Между тем, у Ростовцова начала развиваться болезнь – карбункул, и здоровье его с каждым днем ухудшалось, так что с октября он уже не мог выходить на улицу, а бывал только на заседаниях комиссий, которые происходили в здании 1-го Кадетского корпуса, где он и жил.

23-го октября он написал Императору письмо с изложением хода работ по крестьянскому делу, где делал любопытное сравнение взглядов членов Редакционных Комиссий со

взглядами депутатов от дворян и Губернских Комитетов: «Первые, говорит он, при решении вопросов исходят из права государственного и государственной необходимости, а вторые – из права гражданского и частных интересов». Во всех спорных вопросах Ростовцов старался склонять большинство голосов в пользу крестьян, исходя из того, что потом найдется много охотников и достаточно сил, чтобы перерешить вопросы в пользу помещиков. 14-го ноября 1859 года он присутствовал в последний раз в зале заседаний Редакционных Комиссий, а с этого дня ограничивался только непродолжительными совещаниями перед началом заседаний с членами Комиссий у себя на квартире. Со 2-го декабря, по настоянию врачей, ему пришлось прекратить и эти совещания, и уже до самого дня смерти, 6-го февраля 1860 года, Р. не вставал. Лежа в постели, он еще писал Императору письма и диктовал своему секретарю «записку» с изложением того, что уже сделано по крестьянскому вопросу, и с указанием дальнейшего пути, по которому, по его мнению, было необходимо идти, чтобы с честью окончить «святое дело». С 1-го февраля 1860 г. Р. был уже без сознания и не мог подписать своей «записки», но Государь, присутствовавший при его кончине, взял ее с собою, велел отпечатать и разослать всем членам Главного Комитета и Редакционных Комиссий для ознакомления и руководства. Эта записка была отпечатана с таким заглавием: «Всепогодданнейшая записка Председателя Редакционных Комиссий генерала Ростовцова, представленная Его Императорскому Величеству 6-го февраля 1860 г.» (см. «Русский Архив» 1868 г., № № 7 и 8). К сожалению, после смерти Р. работы Редакционных Комиссий приняли другое направление, и почти все планы этой «записки» остались невыполненными.

Как человек, Я. И. Ростовцов отличался доступностью и справедливым отношением к своим подчиненным. Известен его приказ от 28-го января 1857 года, где он извиняется перед Директором Кадетского корпуса за несправедливо сделанный ему выговор. Образование он считал необходимым не только чиновникам, но также дворянам и купцам; царскую власть он

идеализировал и называл ее орудием Провидения, а приказания этой власти ставил выше велений совести человека. Этим отчасти объясняется та двойственность в его деятельности, когда он увольнял талантливых, по его мнению, преподавателей за высказанное ими несочувствие распоряжениям уже покойного Императора, и вместе с этим созывал съезды педагогов для публичного обсуждения вопросов воспитания и образования юношества. Он не обладал большими познаниями, но во всякое дело, за которое брался, вкладывал душу и отдавался этому делу с юношеским энтузиазмом. Если он начал свою жизнь с бессознательного поклонения суровой действительности, то во всяком случае кончил ее, как борец за народное благо и свободу. Есть указания, что Р. это делал из эгоизма, из боязни строгого над ним суда потомства и из желания занять почетное место на страницах истории, но этим он платил дань своему времени и той среде, в которой воспитался и жил. Ростовцов никогда не считался с чинами или происхождением, а всегда окружал себя людьми, сочувствовавшими его идеям, и был неутомим в труде. Наконец, он обладал незаурядным литературным талантом, и если не оставил большого литературного наследства, то только потому, что на свои занятия поэзией и литературой смотрел, как на забаву. В 1820-х годах в различных журналах печатались его мелкие стихотворения.

На литературное поприще Р. выступил в 1821 г., еще будучи камер-пажом, когда в февральской книжке журнала «Невский Зритель» появилось его стихотворение «Тоска араба по милой», о котором в майской книжке того же журнала (в которой было напечатано стихотворение Р. «Осень») поместил целую восторженную статью некто И. В-в, не находивший слов для похвалы опыту молодого поэта. В «Сыне Отечества» 1821 г. (ч. 68, № 12, стр. 232–233) помещено было стихотворение Р. «К зоилам поэта» (Жуковского); в «Московском Вестнике» 1828 г. (ч. IX, № 10, стр. 117–119) – стихотворение «Тоска души»; стихи и. С. Т-ву (1849) напечатаны в «Русской Старине» 1870 г., т. II, стр. 90–92; послание к А. Н. Креницыну (1853) – там же, стр. 91–92; им написана трагедия «Персей» (отрывок опубликован в

«Сыне Отечества» 1822 г., ч. 78, стр. 268–280; перепечатано в «Собрании новых русских стихотворений, вышедших в свет с 1821 по 1823 год», СПб. 1824 г., ч. I, стр. 114–129; отд. изд., СПб. 1823 г.); в «Московском Вестнике» 1827 года (т. IV, № 14, стр. 129–135) напечатаны отрывки из другой его трагедии: «Князь Димитрий Пожарский», а в журнале «Благонамеренный» за 1821 год (кн. 15) – «Отрывок из Арнольдовой трагедии Оскар». Кроме того, известны его шуточные стихотворения, написанные разным лицам по различным поводам. Скажем также, что Р. водил знакомство с Гречем, Булгариным (письма к нему Ростовцова см. в «Русской Старине» 1901 г., № 2, стр. 386–387) и Н. В. Кукольников, был в приятельских отношениях с Жуковским; на его руках умер Крылов, за которым Р. трогательно ухаживал во время его предсмертного недуга и который назначил его своим душеприказчиком; по его же инициативе и ходатайству воздвигнут Крылову памятник в Летнем саду (см. письмо Р. к Жуковскому в «Русском Архиве» 1875 г., кн. III, стр. 370). В «Русском Архиве» 1873 г., кн. I, стр. 460–461, напечатан «Отрывок из моей жизни» Я. И. Ростовцова (тут же переписка его с князем Е. П. Оболенским и опровержения статей о нем «Колокола»).

В 1849 г. Ростовцов был членом следственной Комиссии по делу Петрашевского.

Ростовцов умер в Петербурге 6-го февраля 1860 г.; он похоронен в церкви Св. Духа Александро-Невской Лавры; на гробницу его, по повелению Александра II, положена золотая медаль «за труды по освобождению крестьян» и прибита медная доска с вырезанным на нем рескриптом Имп. Александра II от 23-го апреля 1861 г., коим вдова Ростовцова и его потомство возведены были в графское Российской Империи достоинство.

Он был женат на дочери Выборгского губернатора, *Вере Николаевне Эминой* (род. 21-го мая 1807 г., умерла 2-го февраля 1888 г.), племяннице известного писателя-драматурга Н. И. Хмельницкого, и имел двух сыновей – графов *Николая* и *Михаила Яковлевичей*.

Ростовцов был членом Общества Поощрения Художеств, действительным членом Императорского Русского Географического Общества, почетным членом С.-Петербургского, Московского и Киевского Университетов, Академии Наук, Академии Художеств, Императорской Публичной Библиотеки, Комиссии для издания древних актов в Киеве и Киевского Общества Древностей. В здании 1-го Кадетского Корпуса существует зал, посвященный имени Ростовцова, с его портретом и бюстом.

«Русский Архив» 1873 г., № 1 (Два документа из бумаг И. И. Р.), 1886 г., № 7 (Первые шаги освобождения помещичьих крестьян в России), 1868 г., стр. 1214–1246 (Последняя записка генерала Р.), 1906 г., № 1, стр. 160, № 4, стр. 610; 1902 г., № 5, стр. 161 и 162 и № 7, стр. 476, 1886 г., т. II, стр. 200, 220, 353–404 и т. III, стр. 180 и 185; М. Лалаев, Исторический очерк военно-учебных заведений, ч. II; А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование Императора Александра II, 1862–1868, Бонн на Рейне; Н. П. Семенов, Освобождение крестьян в царствование Императора Александра II, 3 тома, СПб. 1889–1893 г.; «Русский Вестник» 1866 г., № 2 (Болезнь и кончина генерала Р.), 1862 г., № 8, стр. 821–840, 1864 г., № 10, 11 и 12 (статья Н. П. Семенова о деятельности Я. И. Р.); «Русская Старина» 1880 г., т. 27; 1881 г., т. XXX, 1882 г., т. XXXIII и 1884 г., № 2, 3 (Записки сенатора Соловьева); Празднование по случаю 25-летия службы генерал-адъютанта Ростовцова по управлению военно-учебными заведениями, СПб. 1857 г., 24 стр.; Schnitzler, La mission de l'Empereur Alexandre II et le général Rostoftsof, Paris. 1860, VIII + 158 стр.; «Русская Старина» 1903 г., сентябрь, стр. 537; 1905 г., № 3, стр. 548, 1906 г., июнь, стр. 555, 568, 572–575, 587, 592; 1904 г., май, стр. 386, 388 и 610; 1879 г., т. XXIV, стр. 317–334; 1892 г., № 3, стр. 812; 1889 г., №№ 2, 3, 4, 6 и 9 (Дневник Никитенко); 1890 г., №№ 2, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11 (Дневник Никитенко; Воспоминания гвард. офицера и Воспоминания Маркова); 1870 г., т. II, стр. 90; «Главные деятели освобождения крестьян» под редакцией С. А. Венгерова, СПб. 1903 г., стр. 30–84; О. фон Фрейман, Пажи за

185 лет, Фридрихсгам. 1897 г., стр. 230–283; «Странник» 1860 г., т. III, № 7, отд. V, стр. 1–4; «Месяцеслов» 1861 г., приложение, стр. 110–113; «Отечественные Записки» 1865 г., кн. 16, стр. 293–294; тоже 1860 г., № 2, стр. 41–42; «Голос» 1868 г., № 260; «Наше Время» 1860 г., № 5; «Древняя и Новая Россия» 1876 г., № 1, стр. 98–98; Schnitzler, *Histoire intime de la Russie*, P. 1847, t. I, p. 201 et 216; А. Старчевский, *Справочный Энциклопедический Словарь*, СПб. 1855 г., т. IX, ч. II, стр. 211–213; Н. Барсуков, *Жизнь и труды М. Погодина*, кн. XVI и др.; Брокгауз и Ефрон, *Энциклопедический Словарь*, т. XXVII, ст. 132–133; «Современная Летопись» 1864 г., № 7 (статья П. Семенова о Р.); «Русские военные деятели», т. I, изд. В. Березовского; Гр. Милорадович, *Материалы для истории Пажеского Корпуса. 1711–1875 годов*, Киев. 1876 г.; И. И. Ростовцов и его деятельность в крестьянском вопросе, Некролог (Еленева), СПб. 1860 г., 24 стр.; Иванюков, *Падение крепостного права*; Г. Джанишев, *Эпоха великих реформ*, М. 1898 г., 7-е изд.; *Материалы для истории упразднения крепостного права*, Берлин. 1860 г.; *Бумаги по крестьянскому делу М. Позена*, Дрезден. 1864 г., стр. 265 и 329; «Исторический Вестник» 1901 г., № 11, стр. 518–522 и 1904 г., стр. 122, 126, 227; А. Мюнстер, *Портретная галерея*, т. I, СПб. 1865, стр. 75; Г. Геннади, *Словарь русских писателей*, т. II, М. 1908, стр. 269–270; С. А. Переселенков, *Литературная деятельность Я. И. Ростовцова – «Педагогический Сборник» 1918 г., № 8 и отдельные оттиски*, СПб. 1913 г.; «Русск. Вед.» 1899 г., конец февраля (статья К. Н. Боборыкина о Р.).

Ростовцов, Яков Павлович

Ростовцов, Яков Павлович, директор училищ Черниговской губернии; происходил из мещан и родился в 1791 году в г. Острогожске, Воронежской губернии; обучался сперва в Острогожском уездном и Воронежском главном народном училищах, а затем, в качестве вольнослушателя, – на юридическом факультете Имп. Харьковского университета «российскому языку, всеобщей и математической географии, российской и всеобщей истории, алгебре, геометрии, физике, естественной истории, архитектуре, механике, философии, естественному, народному, российскому и римскому правам, политической экономии, риторике, поэзии и эстетике, языкам французскому, немецкому, латинскому и английскому», на что и имел аттестат.

21-го октября 1814 г. Р. был определен учителем философии, экономии и словесности в Полтавскую гимназию, в 1820 году перемещен был в Киевскую гимназию учителем философских наук и с 1834 г. состоял в ней старшим учителем русской словесности и логики, отличаясь ревностным исполнением своих обязанностей, благодаря чему ученики его оказывали отличные успехи. В 1839 г. (27-го октября) Р. был назначен и. д. директора Черниговской гимназии и училищ Черниговской губернии, в феврале 1844 г. получил чин статского советника, а 10-го января 1846 г. вышел в отставку. Умер 12-го ноября 1871 г. в селе Злееве, Городнянского уезда Черниговской губернии. По словам некролога, Р. «никогда не переставал расширять круг своих познаний, занимаясь, кроме своего главного предмета – русской словесности, высшей математикой, ботаникой и медициной. Р. принадлежал к образованнейшим людям своего времени. Воспитанники, из которых некоторые приобрели литературную известность, и многочисленные воспитанницы усопшего сохранили светлое воспоминание о познаниях и педагогической способности его». По выходе в отставку, Р. «до того усиленно читал и днем, и ночью, что потерял зрение».

Архив Департамента Герольдии Прав. Сената; Столетие Киевской Первой Гимназии (1809–1811–1911 гг.), т. I, Киев 1911, стр. 169; Гр. Г. Милорадович, Родословная книга Черниговского Дворянства, т. II, СПб. 1901, стр. 282; «Киевлянин» 1871 г., № 140.

Ростопчина, Евдокия Петровна

Ростопчина, графиня *Евдокия Петровна* (урожденная *Сушкова*) – поэтесса; родилась 23-го декабря 1811 г., в Москве, от брака *Петра Васильевича Сушкова* с *Дарьей Ивановной Пашковой*. Занятый разными делами, отец ее не интересовался воспитанием своих детей, оставшихся после смерти матери в 1817 г. сиротами, и поручил их наблюдению деда и бабки Пашковых. Будущая поэтесса росла в семье, где за ее воспитанием никто не следил, так как старики Пашковы на своих внуков обращали мало внимания, живя светской жизнью и думая только о себе. Девочка была поручена гувернанткам, которые часто менялись; лишь одна из них, русская, питомица Смольного института, который в те времена ближе всех других учебных заведений в России соответствовал началам истинного воспитания, оказала благотворное, хотя и недолго длившееся влияние на свою воспитанницу. Учили Евдокию Петровну так, как полагалось тогда учить светскую барышню, которой назначено судьбою блистать в обществе – всему понемножку: Закону Божьему, русскому, французскому и немецкому языкам, рисованию, музыке, танцам, слегка – истории и географии, начаткам арифметики – «un peu de mythologie, un peu de géographie», по выражению Салтыкова. К счастью, Р. не окаменило это бездушное воспитание: в ребенке жила чуткая, нежная душа; говоря ее же словами («Предопределение»), дитя на заре жизни «уже страдать могло и слезы горячие на лилии и розы тайком роняло часто, объяснить само себе не могли их причины»... Особенно тоска брала его под сумерки, когда вокруг него, «торжественно сливаясь в гул единый, колоколов несчетный звон гудел, и день, кончаясь тихо, вечерел. И чудный гул, и многовеший звон ребенка слух и душу поражали, как будто к жизни дальней призывали, к борьбе его: вперед стремился он! Грядущее с насмешкой и угрозой страшилищем вставало перед ним»... Хорошая память, любознательность и влечение к литературе, поддерживавшееся в окружавшей ее среде, которая увлекалась литературными интересами, в связи

с поэтическим настроением девушки и врожденной каждой талантливой натуры страстью к творчеству, сделали Сушкову писательницей уже в раннем возрасте. Особенно сильное влияние на нее сказали ее великий современник Пушкин, Байрон, Жуковский, Шиллер; она написала оду Шарлотте Кордэ (вероятно, не без влияния Андрэ Шенье), но впоследствии сожгла этот свой первый опыт. С детства хорошо обеспеченная, Евдокия Петровна всю свою жизнь прожила в довольстве и роскоши; ей не пришлось растрачивать по мелочам свои силы и дарования в иссушающей душу борьбе за кусок хлеба, и она имела досуг и возможность уходить в себя, мечтать, а это еще более обострило ее восприимчивость. В 1830 году бывавший у Пашковых известный литератор князь П. А. Вяземский, друг Пушкина, познакомился со стихами Додо Сушковой и одну пьесу, «Талисман», без ее позволения напечатал в альманахе «Северные Цветы» на 1831 год; это был ее первый дебют в печати.

Евдокия Петровна Сушкова была очень хороша собою; когда она стала выезжать в свет, ее свежая девическая красота и окружавший ее юную головку ореол зарождавшейся поэтической славы доставили ей ряд головокружительных триумфов. Ее сразу «заметили», и несколько лет веселой светской жизни пронеслись пред ней быстрым, волшебным видением.

В 1833 г. (28-го мая) Евдокия Петровна вышла замуж за графа *Андрея Феодоровича Ростопчина*, сына знаменитого московского генерал-губернатора графа Феодора Васильевича Р.; жених был несколько моложе невесты. Любви к нему Евдокия Петровна не питала и сначала отказала ему, но потом, уступая дружному напору всей семьи и друзей, дала слово богатому и знатному жениху. Счастья в браке Р. не нашла, что наложило свою печать на ее творчество, но двери большого света еще шире распахнулись перед красивой, богатой графиней; Евдокия Петровна стала увереннее, решительнее. Детские порывы к высокому, даже к «борьбе» заменились спокойным наслаждением светскою жизнью, полною веселья и удовольствий. Графиня Ростопчина стала верить, что цель

жизни – наслаждение: «я только женщина, – гордиться тем готова, я бал люблю!.. отдайте балы мне»; «в слезах ли, в радости ль собою занята, я знаю лишь себя», – без смущения, даже с некоторою наивностью исповедует она догму мелкого эгоизма. Евдокия Петровна сама себя замкнула в мелком кругу невысоких чувств личной неудовлетворенности семейной жизнью. Она решила, что «женской доле единый путь лишь к счастью дан: чрез церковь!.. Если же обман, холодность, пустоту, неволю на том пути мы обрели, – для нас все кончено!.. Прошли на век дни жизни сердца».

Еще до замужества Р. познакомилась с Пушкиным. С ним она встретилась в 1829 или 1830 г. на бале у московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына и произвела на него прекрасное впечатление; позже она вспомнила о Пушкине в стихотворении «Две встречи»: «он дружбой без лести меня ободрял, он дум моих тайну разведать желал... Ему рассказала молва городская, что, душу высокой мечтою питая, поэзии чары постигла и я, и он с любопытством смотрел на меня... Стихи без искусства ему я шептала и взор снисхожденья с восторгом встречала»...

В 1836 году супруги Ростопчины переехали в Петербург и заняли здесь видное положение в обществе благодаря своим связям и родству в высшем свете; они получили доступ и ко двору; на их званых обедах бывали Пушкин, Жуковский, князь П. А. Вяземский, князь В. Ф. Одоевский, А. И. Тургенев, П. А. Плетнев, С. А. Соболевский, И. П. Мятлев, граф В. А. Соллогуб, графы Вельегорские. Жуковский был такого высокого мнения о даровании Р., что подарил ей черновую книгу, приготовленную Пушкиным для стихов; посылая ее, поэт писал: «вы дополните и dokonчите эту книгу, она теперь достигла настоящего своего назначения». Ростопчина приняла этот подарок, сознавая (пьеса «Черновая книга Пушкина»), что «не исполнить мне такого назначенья, не достигнуть мне желанной вышины, не все источники живого песнопенья, не все предметы мне доступны и даны». С Лермонтовым Ростопчина познакомилась в 1841 году, когда он приехал с Кавказа в Петербург, у Карамзиных; они стали встречаться там часто. Впоследствии Ростопчина писала

Александру Дюма о своем знакомстве с Лермонтовым: «мы постоянно встречались и утром, и вечером; что нас окончательно сблизило, это мой рассказ об известных мне его юношеских проказах; мы вместе вдоволь над ними посмеялись и таким образом вдруг сошлись, как будто были знакомы с самого того времени». Оба они были молоды, умны, остроумны; между ними, несмотря на огромную разницу в дарованиях, была некоторая общность во влечениях и вкусах. Памятником их отношений остались несколько стихотворений Ростопчиной, между прочим пьеса «На дорогу», написанная в напутствие уезжавшему на Кавказ поэту, и два стихотворения Лермонтова, одно из которых очень популярно: «Я верю, под одной звездой мы с вами были рождены; мы шли дорогою одною, нас обманули те же сны»...

Успех Ростопчиной все возрастал; стихи ее заучивались наизусть, их охотно печатали лучшие журналы. Она сделалась модной писательницей, о ней говорили. Ободряемая этим успехом, Ростопчина выпустила в 1841 г. сборник своих стихотворений. В этой книжке было девяносто одно стихотворение; она обнимала период 1829–1839 гг. Почти все стихи были уже известны публике, но книга была встречена общими похвалами и лестными критическими отзывами. П. А. Плетнев писал в «Современнике»: «Мы смотрим на это собрание стихотворений с чувством, которому трудно приискать название. Тут заключены впечатления, ощущения, думы, мечты, надежды, радости, утраты, все, чем жизнь так волнуется и чем она так очаровательна в лучшие наши годы, тут десять лет цветущего возраста женщины, тут история прекраснейшего существа в его прекраснейшую эпоху. Как не сказать, что это – явление, какого еще не бывало в нашей литературе, явление, на которое нельзя смотреть без полного участия, без особенного любопытства и неизъяснимого удовольствия? Перед нами открыт непроницаемый лабиринт юного, пылкого, трепещущего сердца; мы видим все его изгибы, все уклонения, весь путь, где десять лет играли, тревожились и бодрствовали ум и воля поэта с его детства до нынешних его блестящих дней юношества... Рассматривая книгу, вы чувствуете, как

увеличивается деятельность поэта, как укрепляются силы его таланта, как все в нем получает зрелость и могущество... Слиянная с жизнью, не отделяясь от нее для исполнения каких-нибудь условий искусства, здесь поэзия во всем есть власть духа над явлениями и вещественностью». С. П. Шевырев в «Москвитянине» писал, что стихи Ростопчиной представляют по большей части «поэтические размышления о разных впечатлениях женской души. В них всякое чувство, всякая страсть, всякое созерцание переведены на мысль и умерены строгою, важною думою». А. В. Никитенко писал в «Сыне Отечества»: «Не ищите поэтической архитектуры в этих милых произведениях женского ума и фантазии; вы не найдете в них также творческого могущества, которое превращает идею в действительное явление, и живой образ. Это звуки идеально настроенной души, а не вещи и силы – результаты лирического ее воодушевления, без воззрения на те предметы, которые его возбуждают. Поэт прямо и непосредственно вводит вас в ее святилище; вы не видите там богов, которым он приносит свои жертвы, а только слышите тихую, очаровательную мелодию молитвы, которая заставляет вас верить, что они только тут присутствуют. Так вообще женщина раскрывает перед вами движения своего гибкого ума и своего прекрасного чувства, не объясняя причины их; занятая единственно тем, что в ней происходит, она указывает на свое сердце и говорит вам: «Вот мой и ваш мир».

В первую минуту, читая «Стихотворения графини Ростопчиной», вы не испытываете тех сладостных, сильных впечатлений, какие обыкновенно возбуждаются в душе, когда окружают ее бесплотные небесные лики, созданные творческим воображением; но чем более вы, так сказать, в них вчитываетесь, чем внимательнее становитесь к подробностям, тем ощутительнее для вас делается отрадное, благоухающее веяние невидимой, но живущей и действующей красоты и поэзии. Сфера ее идей принадлежит современному поколению: это большею частью тревоги и страдания неудовлетворенного бытия. У многих они суть не иное что как общие места или спазматические трепетания сердца, приведенного в

насильственное раздражение, жалкая нищета мысли, прикрывающая себя лоскутьями модных, оборванных фраз. Но среди этой лицемерной скорби людей, которых ничтожеством должно бы обеспечиваться их счастье, нередко раздаются жалобы и стоны истинного и существенного страдания души, виновной только тем, что она не умеет стать ни выше, ни ниже самой себя. Конечно, есть выход из этого лабиринта внутренних треволнений; есть нравственная высота, на которой и под темным небосклоном, при шуме бурь, душа может вкушать возвышенный мир и успокоение; но достижение-то ее и покупается дорогою ценою. Элегический характер стихотворений графини Ростопчиной есть характер самой истины и простоты; ее грустные порывы текут из глубины сердца, а по их энергии вы видите, что они не есть плод поэтического расслабления духа. Вообще, нежная прелесть чувств у ней везде поддерживается и облагораживается крепостью мысли... Таких благородных, гармонических, легких и живых стихов вообще немного в нашей современной литературе, а в женской – это решительно лучшие стихи из всех»... Основными мотивами поэзии Ростопчиной были разочарование, не такое, правда, сильное и дышащее протестом, как у Лермонтова, которому она явно подражала – тоска и задумчивость, неясные, неопределенные: «грезы ходят кругом... и манят, и зовут за пределы земного; так неясны они, а так много дают сладко-томного, грустно-святого». Намеки на неудачно сложившуюся семейную жизнь сквозят в тех стихах, где она говорит о запоздалом счастье, разрыве, поздней встрече; например, в пьесе «На прощанье»: «Меж нами так много созвучий! Сочувствий нас цепь обвила, и та же мечта нас в мир лучший, в мир грез и чудес унесла. В поэзии, в музыке оба мы ищем отрады живой, душой близнецы мы... Ах, что бы нам встретиться раньше с тобой!.. Прощай! Роковая разлука настала... О, сердце мое!.. Поплатимся долгою мукой за краткое счастье свое!» Но Р. не ищет сожаления и сочувствия, она для этого слишком горда: «бушуй и волнуйся, глубокое море, и ревом сердитым грозу оглушай! О, бедное сердце, тебя гложет горе, но гордой улыбкой судьбе отвечай!»! Счастье и

утешение Р. находит только в царстве мысли: «все, что в лучшие дни утешало меня, все прошло с мимолетностью сна... Мне осталась верна только дума моя, только дума моя спасена».

Один из недостатков Р., чаще всего нарушающий гармонию ее поэзии – холодное, рассудочное резонерство, иногда слитком сильно разрастающееся; вдобавок, резонерство это ведет к обыкновенному кодексу «житейской морали», которую Р. чтит, как святыню. Это свойство поэзии Р. отметил Белинский, в «Отечественных Записках», в своей рецензии на «Стихотворения» Р. «Отличительные черты музы графини Ростопчиной», – говорит знаменитый критик, – «рефлексия и светскость. Это муза рассуждающая и светская... Несмотря на все уважение к музе графини Ростопчиной, мы не можем не заметить, что рассуждение охлаждает даже мужескую и мужественную поэзию и придает ей какой-то однообразный и прозаический колорит. Правда, этого нельзя безусловно отнести к прекрасным медитациям графини Ростопчиной, но все-таки нельзя не сказать, чтобы ее стихотворения не выиграли больше в поэзии, если б захотели оставаться поэтическими откровениями мира женственной души, мелодиями мистики женственного сердца: тогда они были бы и любопытнее для остальной половины человеческого рода, Бог знает почему присвоившей себе право суда и награды... Исключительное служение «богу салонов» также не совсем выгодно. Наши салоны – слишком сухая и бесплодная почва для поэзии. Правда, они даже и зимой дышат ароматом, но этот аромат искусственный, возросший на почве горшков, а не на раздолье плодотворной земли, улыбающейся ясному небу. Бал, составляющий источник вдохновений графини Ростопчиной, конечно, образует собой обаятельный мир даже и у нас, – не только там, где царит образец, с которого он довольно точно скопирован; но бал у нас – заморское растение, много пострадавшее при перевозке, помятое, вялое, бледное. Поэзия – женщина: она не любит показываться каждый день в одном уборе; напротив, она каждый час любит являться новою: всегда быть разнообразною – это жизнь ее... Между тем поэзия

графини Ростопчиной, так сказать, прикована к балу: даже встреча и знакомство с Пушкиным, как совершившиеся на бале, суть собственно описание бала, которое более бы шло к письму или статье в прозе, чем с рифмами. Муза графини Ростопчиной не чужда поэтических вдохновений, дышащих не одним умом, но и глубоким чувством. Правда, это чувство ни в одном стихотворении не выказалось полно, но более сверкает в отрывках и частностях, зато эти отрывки и частности ознаменованы печатью истинной поэзии... Даже и в рефлексированных стихотворениях графини Ростопчиной встречаются места, ознаменованные думою и чувством... Такие думы и чувства доказывают, что талант графини Ростопчиной мог бы найти более обширную и более достойную себя сферу, чем салон, и что стихи, подобные следующим, выражают только бессознательность, несправедливую как к своему собственному, так и вообще к высокому назначению женщины». (Здесь критик выписывает четверостишие, оканчивающееся словами: «Я только женщина, гордиться тем готова... Я бал люблю, отдайте балы мне!»...). Еще раньше Белинский хвалил в своих рецензиях «прекрасные, полные души и чувства стихи» Ростопчиной; об одном отрывке, из поэмы «Существенность и вдохновение, или жизнь девушки», Белинский в восторге писал, что он «поражает удивлением». Отзыв Белинского о ее «Стихотворениях», отзыв сочувственный и справедливый, заключал в себе выраженный в мягкой и деликатной форме упрек в бессодержательности и пустоте увлечений Ростопчиной, в поверхностном отношении к жизни со стороны талантливой натуры, которая могла бы дать больше, чем дала. Упрек знаменитого критика не повлиял на поэтессу, и ход ее поэзии остался тот же, что и был.

Ростопчина писала не только стихами, но и прозой. Первыми прозаическими ее произведениями были две повести: «Чины и деньги» и «Поединок», напечатанные в журнале «Сын Отечества и Северный Архив» 1838 г. (февраль и апрель) и подписанные псевдонимом: «Ясновидящая». В 1839 году они были выпущены в свет отдельной книжкой, под общим заглавием: «Очерки большого света». В предисловии к своей

книге Ростопчина писала: «Свет – живая книга, книга пестрая, трепещущая занимательностью; но не всякому дается ее мудреная грамота. Двоякий путь ведет к оценке света, к познанию страстей и тайн, в нем кипящих: умственные способности разбирают, обсуждают, доискиваются, сердечность отгадывает и понимает. Ум видит и заключает; сердце видит и сочувствует. Первому свет – зрелище; для последнего – он драма. И не верьте им, говорящим, что одна только собственная опытность доводит до разумения других; не верьте, что необходимо самому прожить и прочувствовать, чтоб постичь и угадать жизнь и чувства и окружающих. Нет, достаточно носить в душе зародыш сильных впечатлений, чтоб отозваться на вопль души чужой; достаточно вблизи смотреть, как страдают, как любят, чтоб говорить их языком с страдающими и любящими; достаточно прозреть и прослышать, чтоб на все найти отблеск и отзвук». Ростопчина ратовала в своих повестях за право женщины любить, не скрывая своего чувства, клеймила высший свет за то, что он ценит людей не по личным достоинствам их, а по чинам и деньгам, восставала против дуэлей. Несмотря на психологическую глубину и литературный талант, повести не обратили на себя внимания критики. Только Н. А. Полевой, бывший редактором «Сына Отечества» и читавший эти рассказы в корректуре, записал в своем дневнике: «Читал повесть Ростопчиной. Какая прелесть! Это наша Жорж Санд». Молчание публики и критики, по-видимому, смутило Ростопчину: больше 10 лет она не писала прозой.

В 1837–1839 г. г. у графини Ростопчиной родились две дочери и сын. Два года провела она вдали от большого света, хотя и порицаемого, но все-таки любимого ею, в принадлежавшем ее мужу Воронежском имении – селе Anne; затем Ростопчины переехали в Петербург, и опять потянулась светская жизнь. У Ростопчиных собирались артисты, давались музыкальные вечера, на которых бывали Ф. Лист, М. И. Глинка, князь В. Ф. Одоевский, заезжали Виардо, Рубини, Тамбурины. Весною 1845 г. Ростопчины всей семьей отправились за границу, где прожили более двух лет. Из Италии Р. в 1846 г. прислала в «Северную Пчелу» свою известную аллегорическую балладу

«Насильный брак» (иначе называемую «Старый барон»). По словам Н. В. Берга, Ростопчина написала свою балладу под впечатлением политического угнетения Польши. В Риме она читала свое стихотворение навестившему ее Н. В. Гоголю, который, будто бы, посоветовал ей послать пьесу в Петербург, где ее наверно напечатают, так как цензора не разберут в чем дело и не поймут аллегории. Пьеса была напечатана, и сначала было, действительно, почти никто ничего не заметил, но, на беду Ростопчиной, какая-то французская газета поместила разъяснение стихотворения. III Отделение стало отбирать у подписчиков преступный номер «Северной Пчелы»; имя Ростопчиной стало известно в таких читательских кругах, где ее раньше не знали; стали носиться слухи, что поэтесса по возвращении в Россию подверглась тяжким неприятностям. Судя по всему, что мы знаем о Ростопчиной, все эти слухи неверны, и можно легко поверить, что поэтесса вовсе не имела в виду изобразить несчастную участь Польши, которой она никогда не сочувствовала, а просто описала горькую судьбу женщины, выданной против ее воли замуж за нелюбимого человека. Ростопчина была далека от политического протеста, она была счастлива в несчастной России 30–40-х годов и свободы требовала только для сердечного чувства, для права любить, да и требовала-то без особого подъема, без горячего увлечения. То же самое подтверждает знавший Ростопчину и близкий ей человек – ее дядя Сушков. Брат Ростопчиной рассказывает, что она «в задушевных разговорах искренно признавала свою вину и каялась в написании этого злополучного стихотворения, которое вырвалось из-под ее пера совершенно случайно и необдуманно, под впечатлением слышанных ею за границею ложных и вздорных толков о политическом положении Польши, судьбою которой она никогда прежде не интересовалась и ничего определительного по этому вопросу не знала».

Тем не менее, доступа ко Двору Ростопчина лишилась; злоязычие язвило ее, и Ростопчины переселились, в декабре 1849 г., на постоянное жительство в Москву. Зажили они роскошно, богато, хоть и не особенно открыто. Граф увлекался

цыганами, тройками, балетом, посещал Английский клуб, графиня жила отдельно от него и на своей половине проводила время по-своему, принимала гостей, изредка выезжала. Писала она теперь уже не мелкие лирические пьесы, а вещи более крупные, а также романы в прозе; писала она и небольшие пьесы для театра; последние были легкими, милыми пустячками, приготовленными обыкновенно для чьего-нибудь бенефиса. Потерпев крупную неудачу при попытке занять в высшем свете и при Дворе прежнее положение (ее пригласили удалиться с придворного бала), Ростопчина окружила себя людьми, к которым собственно ее никогда и не тянуло, и которых она в душе считала чуждыми себе. У нее стали бывать А. Н. Островский, М. П. Погодин, Л. А. Мей, Е. Эдельсон, Т. И. Филиппов, Н. Ф. Павлов, артисты М. С. Щепкин и Самарин, Ю. Н. Бартенев, С. А. Соболевский, В. А. Вонлярлярский, Д. В. Григорович, И. С. Тургенев, А. Н. Майков, Н. Ф. Щербина. Время проводили у Ростопчиной весело, за исключением, впрочем, тех вечеров, когда несколько тщеславная и жаждущая похвал хозяйка начинала читать гостям свои длинные повести и драмы. Другой страстью Ростопчиной сделались в то время лошади, большим знатоком и ценителем которых был ее муж. В «московский период» своей жизни (1849–1858) Ростопчина написала целый ряд произведений, из которых главные – следующие: «Нелюдимка», драма в пяти действиях, в белых стихах («Москвитянин» 1850 г.), «Поэзия и проза жизни. Дневник девушки», роман в стихах («Москвитянин» 1850 г.), «Семейная тайна», драма в пяти действиях, в стихах («Библиотека для Чтения» 1851 г.), «Счастливая женщина», роман в прозе («Москвитянин» 1851–1852 г.), «Одаренная», драматическая фантазия, взятая из волшебных сказок XVII века, в белых стихах («Библиотека для Чтения» 1852 г.), «Палаццо Форли», роман в прозе (Библиотека для Чтения» 1854 г.), «Дочь Дон-Жуана», драматическая фантазия, написанная белыми стихами («Пантеон» 1856 г.), «Угасшая Звезда», сцены в белых стихах и в прозе («Библиотека для Чтения» 1856 г.), «У пристани», роман в прозе (изд. Смирдина 1857 г.). В разных журналах Ростопчина поместила разные произведения, написанные то

рифмованными, то белыми стихами: романсеро «Любовь в Испании», рассказы из воспоминаний «Уроки жизни», историческая сцена «Монахиня», отрывок из романа «Бальная сцена», «Версальские Ночи», «Донна Мария Колонна-Манчини». В «Пантеоне» Ростопчина напечатала комедии: «Домашнее уложение», «Ни тот, ни другой», «Кто кого проучил?», «Уедет или нет?», «Людмила и Люба», «Барыне скучно» (все – в прозе). К этим произведениям Ростопчиной критика отнеслась отрицательно, видя в них падение ее таланта. «Дневник девушки» был очень растянут; мысли отличались банальностью и неприятной, приторной сентиментальностью. Просто у Ростопчиной с современным ей поколением ничего уже не было общего: она отстала от нового течения и, желая попасть ему в тон, была только неискренняя и фальшива. Героиня ее «Нелюдимки» удаляется в деревню, разочаровавшись в блеске большого света, и там занимается помощью «мужичкам», устраивая для пейзажистов школу рукоделия и богадельню, но продолжает выписывать платья из Парижа. Короче говоря, для Ростопчиной наступило самое ужасное в жизни писателя время: она стала смешна, ее философия женского чувства и взгляд на женский вопрос (в романах «У пристани», «Счастливая женщина») забавно мелки и вертятся только около брачных и любовных отношений; других она себе как будто и представить не могла. Со своим веком Р. все более и более расходилась, и, наконец, ее обособленное положение обозначилось ярко и решительно. Общественные запросы, высокие цели были ей чужды; ее идеал был мелкий, дешевый идеал личного материального устройства. Над забываемой поэтессой смеялись, ее игнорировали, замалчивали, и Ростопчина постепенно озлобилась.

В 1851 г. в «Письме к Ф. Н. Глинке», напечатанном в «Москвитянине», она предостерегает молодежь от «гибельного чтения жалких и вредных современных теорий»; бывшая жоржзандистка находила в литературе «наваждение реализма и скудости духовной, прикрытой нынешним именем разума и рассудка». В 1852 г. она напечатала «Оду поэзии», в которой писала: «Молодое поколение, не признавая вдохновенья,

пошло дорогою иной...; они – потешники народа, из грязи вылепя уроды, его включают в сонм богов... умам зоилов полудиких чужд дивный строй бессмертных лир...». Узость понимания великого общественного движения, начинавшегося на глазах гр. Ростопчиной, и ее озлобление окончательно погубили ее былую славу. Она и сама это понимала и в элегической пьесе «Господь зовет» (1854 г.) писала: «Мы чужды и смешны для новых поколений, расторглась цепь меж них и нас; меж них былого мы глашатаи и тени, и не для нас грядущий час!...» Тем не менее, неудачница-поэтесса продолжала злобствовать. В 1856 году она написала сатиру – сценический разговор в стихах, в одном действии: «Возврат Чацкого в Москву, или встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки. Продолжение комедии Грибоедова Горе от ума» (издана она была уже по смерти Ростопчиной, – в 1865 г.). В пьесе изображается, как Чацкий, после четвертьвекового отсутствия, вернулся в Москву и снова посетил дом Фамусова. Софья Павловна – замужем за Скалозубом; Молчалин – генерал, Загорецкий разбогател откупам; Зизи и Мими стали эмансипированными дамами, остригли волосы, курят сигары; автором они причислены к прогрессивной молодежи, над которой Ростопчина издевается, не менее, впрочем, чем и над славянофилами, тоже выведенными в «Возврате». Авторская мудрость выражается устами Чацкого, который изрекает умные вещи, вроде: «зачем нам камер-юнкер, камергер взамен дворян и отроков дворцовых» и желает видеть Русь устроенной по такому образцу: «на пашне – мужичок, в поместье – господин». Большинство выведенных лиц были портреты живых людей; строгость осуждения, с которым отнеслась Ростопчина к двум великим историческим течениям, объясняется ее раздражением перед непонятным, недоступным ее уму грандиозным общественным явлением и личной злобой на представителей обоих направлений, которые одинаково оставляли в тени пережившую себя писательницу.

Ростопчиной пришлось, однако, еще раз напомнить о себе. В 1857 г. вышли первые два тома второго издания ее стихотворений в издании А. Ф. Смирдина; два остальные тома

вышли в 1860 г. Из принадлежащих к Московскому десятилетию больших произведений, написанных белыми стихами, в это собрание вошел только «Дневник девушки», занявший весь третий том. Мелких стихотворений было помещено 314 и несколько произведений под заглавиями: поэмы, повести, романы в стихах; почти все уже раньше были напечатаны в разных журналах. Позднейшие из мелких стихов написаны в 1857 году; последнее помечено февралем 1858 г. Критика встретила новое издание стихотворений Ростопчиной весьма недружелюбно. В «С.-Петербургских Ведомостях» была помещена весьма насмешливая рецензия. Н. Г. Чернышевский писал в «Современнике» 1856 г. о пустоте и беспринципности Ростопчиной и беспощадно говорил об эготизме поэтессы: «Кто может сочувствовать этому «я», в том нет ни капли поэзии. Ростопчина же велика тем, что осмеивает это «я», возбуждает к нему полнейшее презрение», – язвительно иронизировал критик. «Высок подвиг поэта, решающегося избрать пафосом своих стихотворений изобличение ничтожества и порока на благое предостережение людям... Этим, без сомнения, надо объяснять то уважение, которым почтили талант и произведения графини Ростопчиной три величайшие поэта трех поколений: Жуковский, Пушкин и Лермонтов». До того никто не мог так говорить о Ростопчиной. Через год молодой соратник Чернышевского Н. А. Добролюбов написал в том же «Современнике» по поводу романа Ростопчиной «У пристани» сокрушающую статью. Добролюбов отметил у Ростопчиной отсутствие определенного идеала, узость нравственного кругозора, ничтожество стремлений, непонимание того вопроса, которому Ростопчина посвятила столько страниц – женского вопроса. Так же иронизируя, как Чернышевский, Добролюбов говорит, что Ростопчина сама осмеивает своих героев. «Это уменье автора не высказывать своего взгляда на изображаемые личности может, пожалуй, ввести многих в заблуждение. Могут подумать, судя по тону изложения, что автор серьезно считает свои лица людьми честными, благородными и неглупыми. Это было бы, без сомнения, очень грустно для автора, и потому мы думаем, что, решившись на такой подробный разбор, оказываем

автору услугу, ставя читателя на настоящую точку зрения». Ростопчина писала в ответ («Моим критикам»): «Я разошлась с новым поколением, прочь от него идет стезя моя; понятиями, душой и убеждением принадлежу иному миру я. Иных богов я чту и призываю и говорю иным я языком; я им чужда, смешна, я это знаю, но не смущаюсь перед их судом», так говорила давно утратившая всяких богов и уже ни пред чем не смущавшаяся Ростопчина. Она становилась все смешнее: «вы скажете неосторожно слово о барстве, о неравенстве людей, и завистью уж закипеть готовы тревожные сердца невежд-детей»; ремесленник отдал свою девочку в школу, она научилась писать любовные письма; помещичья дочка начиталась либеральных журналов, влюбилась в домашнего учителя и ушла с ним, проклятая отцом и уложив в могилу мать, и т. д. («Простой обзор»).

В 1858 г., незадолго до смерти, Ростопчина написала окончательно сумбурное и неудачное произведение – сатиру «Дом сумасшедших в Москве», подражание известному остроумному «Дому сумасшедших» А. Ф. Воейкова. К сатире Ростопчина рвалась давно, долго подумывала осуществить свое намерение и, наконец, написала длинную, растянутую, грубоватую сатирическую поэму, отражающую упадок таланта и, по-прежнему – отсутствие у автора каких бы то ни было общественных взглядов; правда, Ростопчина любила говорить о своей «беспартийности», но ясно, что эта беспартийность граничила с беспринципностью. Посылая новую сатиру своему дяде Н. В. Сушкову, Ростопчина писала о современных литераторах, как о какой-то таинственной, зловедной секте, стремящейся покорить весь мир, до того была она озлоблена и словно не хотела замечать, что ненавистные ей разрушители мира просто враги русского бесправия и произвола: «А что, если метемпсихоза точно существует, и ваши друзья-западники и враги-славянофилы уж жили, кутили, ломали и разрушали под именами французских реформаторов пред революцией?.. Старайтесь угадать маски! Кто из них Вольтер? По уму и по доброте ни один!» – писала Ростопчина. Разбранены в сатире и «славянобесы», и «прудонисты, герценисты, социалисты».

Политической оценки нет никакой, и даже в основе добрых отзывов и похвал лежит личная симпатия или просто каприз. Все изображены сумасшедшими, кроме самой поэтессы, которая видит в себе «Сафо» и «Кассандру новой Трои», ищущую родине «избавителя-героя». Ростопчина рубила сплеча и без оглядки, так что без основания иных записала в западники, других пожаловала славянофилами. Ясно было, что Ростопчина пережила себя. Н. П. Огарев даже бросил ей в лицо кличку – «Отступница», а А. И. Герцен напечатал эти стихи.

В последний раз Р. взялась за перо в конце августа 1858 г., чтобы написать для А. Дюма, бывшего тогда в России, свои краткие воспоминания о Лермонтове. Письмо ее Дюма получил на Кавказе, в декабре, когда Ростопчиной уже не было в живых: 3-го декабря 1858 г. она скончалась в Москве, где и погребена на Пятницком кладбище.

Глубокое размышление – один из основных мотивов поэзии Ростопчиной. Жизнь представляется ей тяжелым бременем; она учит нас злу, учит нас «тому, что мы не кроткой голубицей, а мудрым змеем с жалом и отравой должны на свете жить; тому, что тщетно и дружбе, и друзьям, и даже, даже самой любви мы верим... что от них, как страннику от марева в пустыне, один песок бегучий остается...; что счастье есть легкий сон с просоньем неизбежным удушливых волнений, – и потом у изголовья горе наяву тяжелым, неизбежным сядет гостем! Лишь одному отрадному нас учить безжалостная жизнь: молитве теплой, да тихой смерти тихому желанью!» Отсюда – прямой переход к религиозному чувству, на выражение которого Ростопчина была очень не скупа. Поэтесса любила молитву и находила в ней отраду: «невидимо благодать на душу слабую нисходит и долгой горести печать она с чела мне тихо сводить. И вдруг с надеждой неземной ко мне слетает утешенье, и верой чистой и живой трепещет сердце в упоенье». «Молитвы дар – чудесный дар, бесценный, замена всех непрочных благ земных; блажен, кому дано душою умиленной изведать таинство святых отрад твоих... блажен, кто молится в минуту счастья... блажен, кто, битвой жизни испытует, смиренно верует, смиренно ждет»... Вера в Бога заставляла Ростопчину любить жизнь:

«здесь, на земле, верю сердцу высокому, чувству горячему, нежным душам; верю друзей поминанью далекому, гению, в мире всегда одинокому, и вдохновеньям его и мечтам!» Немало стихотворений Ростопчиной выражает ее патриотическое чувство. Оно сказалось в нескольких пьесах, внушенных ей родной стариною, а особенно в стихотворениях, написанных по поводу Крымской войны. Но патриотизм Ростопчиной – патриотизм холодный; это не пламенная любовь к родине Хомякова, проникнутая в то же время скорбью и негодованием: это официальный, патриотизме Погодина, Кукольника, Бенедиктова. Русь Ростопчина прославляет за ее «любовь к царю», а противников называет «нехристями», и пророчит, что Бог возвеличит Россию. Лучший и самый глубокий, задушевный мотив поэзии Ростопчиной – любовь, самый важный потому, что любовь Ростопчина считала самым значительным, что есть в жизни женщины, ее единственным счастьем. «Да, если двое сошлись и в сближении души и сердец обрели упоение, – счастье возможно им, счастье не сон». Но чаще всего Ростопчина изображала мучение любви. «Надеяться мне разум не велит, любить ни Бог, ни свет не разрешит, тяжелого мы не изменим рока, нет счастья нам»; «я не могу дать сердцу воли, своей души я не должна сроднить с другой, – так мудрено ли, что я грустна и холодна?» Не найдя счастья в семье, не имея близкой души, Ростопчина любила поэзию и природу и верила в «связь меж сердцем беспокойным, кипящим жизнью, и этим дивно стройным, но хладным, мертвым естеством...; мечты мои цвет неба отражают, сочувствия мир видимый сдружают с неосязаемым умом»... «Поэзия – она благоуханье и фимиам восторженной души, но должно ей гореть и цвести в тиши, но не дано на языке изгнанья ей высказать все таинства свои». Как истинный поэт, Р. мучилась несоответствием между словом и ощущением: «и много дум и много чувств прекрасных не имеют слов, глагола не найдут и на душу обратно западут; и больно мне, что в проблесках напрасных порывы их навек со мной умрут». Глядя, как облако окутывает месяц, поэтесса думает: «жизни духовной, судьбы человеческой образ здесь вижу я, в сердце волнуемом так же встречаются, спорят и ратуют с

радостью светлую туча печаль. Кто одолеет?..» Вообще жизнь души, любовь к природе, задумчивость – лучшие стороны поэзии Ростопчиной; вся она читаться не будет, но несколько лирических стихотворений Ростопчиной навсегда сохраняют свое место в русской литературе.

Библиография: «Стихотворения» графини Е. Ростопчиной, СПб., 1841; «Стихотворения» графини Е. Ростопчиной, издание 2-ое, т. I и II, СПб. 1857; т. III и IV, СПб. 1860, издание А. Смирдина; его же издание, Лейпциг. 1862; «Сочинения» графини Е. П. Ростопчиной, изд. С. И. Сушкова, с предисловием и биографическим очерком, два тома, СПб. 1890; «Москвитянин» 1853 г., № 4, журналистика, стр. 216–219; № 5, снесь, стр. 24–28; «Памятник искусств» 1840 г., № 1; «Essais poétiques» par le prince N. Galizine, S.-Pb. 1849 («A ma croix-protectrice», traduit du russe, de la comtesse R.); кн. Н. Голицын, «Словарь русских писательниц», СПб. 1889; «Русск. Старина» 1871 г., 111, 237–288; «Библиограф. Записки» 1861 г., № 1, ст. 3–4; «Московские Ведомости» 1836 г., № 14, стр. 293–294; «Литерат. Прибавления к Русскому Инвалиду» 1837 г., стр. 195; «Русск. Старина» 1893 г., июнь, 563; «От досуга», собрание стихотворений Ю. Ш-ной, М. 1880, стр. 54–56 (подражание Ростопчиной); «Сын Отечества» 1841 г., № 18, литерат. обозрение, 95–104, ст. А. В. Никитенко; «Русск. Старина» 1882 г., сентябрь, 610–620 (письма Ростопчиной к А. Дюма и воспоминания ее о М. Ю. Лермонтове); «Сын Отечества» 1838 г., I, 145–146; «Современник» 1838 г., № 3; «Вестн. Европы» 1867 г., июнь, 192; 1869 г., сентябрь, 303–304; 1885 г., март, 42–81 (ст. Е. С. Некрасовой «Графиня К. П. Ростопчина»); 1888 г., май, 888–437 («Возражение на статью Е. С. Некрасовой о гр. Е. П. Ростопчиной» С. П. Сушкова); «Историч. Вестн.» 1885 г., май, 495–496, заметка И. Белова: «По поводу сочинений гр. Ростопчиной»; 1893 г., т. 51, стр. 690–708, ст. Н. В. Берга. «Графиня Ростопчина в «Москве»; 1904 г., № 1, 2, 3, 4: ст. графини Л. А. Ростопчиной «Правда о моей бабушке»; «Сочинения» Ф. И. Тютчева, СПб. 1899 г., стр. 181–182, 218; «Иллюстриров. газета» 1863 г., т. XII, № 18, стр. 278; «Сын Отечества» 1840 г., I, 815–816; «Живописная

Русская Библиотека» 1859 г., IV, № 2, стр. 16–16; «Отечеств. Записки» 1855 г., т. CII, IV, 113–115; 1856 г., CIX, III, 77–85; «Древняя и Новая Россия» 1877 г., зам. Гильтебрандта о Ростопчиной; С. Браиловский, Из Прошлого отечественной литературы, А. Е. Измайлов, кн. Д. П. Горчаков, гр. Е. П. Ростопчина» Воронеж, 1893 («Филолог. Зап.» 1892, вып. III); «Всемирная Иллюстрация» 1887 г., т. 38, стр. 439; «Древняя и Новая Россия» 1878 г., № 7, 238–248; № 10, 176; «Нива» 1887 г., № 44, ст. 1081; «Русск. Архив» 1865 г. 1349; 1870 г., 1281; 1902 г., № 3, 5205–28; «Библиот. для Чтения» 1856 г., июнь, реценз.; «Современник» 1856 г., март, реценз.; «Новое Время» 1881 г., № 1769 («Вопросы и ответы»); альманах «Раут»; «Пантеон» 1852, 1853, 1854, 1855, 1856 г. г.; «Библиотека для Чтения» 1851, 1853, 1854, 1856 г. г.; «Московск. Наблюдатель» 1835 и 1836 г. г.; «Северная Пчела» 1846, 1854, 1855, 1857 г. г.; «Библиограф. Записки» 1869 г., № 20; «Сборник в память Смирдина», т. I; портрет Ростопчиной, писанный П. А. Федотовым – в Московской Третьяковской Галерее; «Новый русский базар» 1875 г., № 12, ст. П. В. Быкова о Ростопчиной; «Истор. Вестник» 1881 г., июнь, ст. Д. Сушкова; «Русск. Старина» 1872 г., № 2; «Северное Обозрение» 1848 г., № 1; «Отечествен. Записки» 1850 г., № 5, критика; «Современник» 1852 г., № 4, критика; «С.-Петербургские Ведомости» 1856 г., № 30; № 17; критика; «Современник» 1856 г., № 8; «Сочинения Н. А. Добролюбова», т. I; «Книжный Вестник» 1865, № 2; «Русская Старина» 1885 г., март, 671–709, апрель, 226–227; «Живоп. Русская Библиотека» 1856 г., № 8 и № 27, 210–211, «Известия о книгах»; «Полное собр. сочин. В. Г. Белинского», под ред. С. А. Венгерова, т. III, 398; IV, 279, 529–530; VI, 264–265, 317–321; VII, 68; «Карикатурные рисунки» Н. Степанова, тетр. I, 2-ое изд., СПб., 1860, карикатура; «Полн. собр. сочинений» Н. Ф. Щербины, СПб. 1873, стр. 333; Ю. Веселовский, «Поэзия гр. Е. П. Р.» («Этюды по русс. и иностр. литературе», т. I, М., 1913).

Ростопчина, Екатерина Петровна

Ростопчина, графиня *Екатерина Петровна*, писательница, дочь генерал-поручика и сенатора *Петра Степановича Протасова* (ум. 1794) и его жены Александры Ивановны, урожденной Протасовой же (ум. 1782), родилась 30-го ноября 1775 г.; потеряв мать в младенчестве, воспитывалась, вместе с четырьмя своими сестрами, у своей тетки (сестры отца) – известной камер-фрейлины и друга Императрицы Екатерины II, графини А. С. Протасовой и получила прекрасное по тому времени образование, причем главное внимание воспитательниц было обращено на изучение девушкой иностранных языков, не исключая даже латинского и греческого, но в ущерб русскому, которому ее совсем не обучали, и отечественной истории и религии. Очень красивая, стройная, высокого роста, с правильными и выразительными чертами лица и великолепными черными глазами, полными живости и огня (см. ее портрет на группе с теткой и сестрами, писанный Анжеликою Кауфман), П. была сдержанного и несообщительного характера, не любила светских развлечений и имела мало успеха в свете.

Пожалованная в 1791 г. во фрейлины Императрицы Екатерины, П. в начале 1794 г. вышла замуж за любимца Цесаревича Павла – известного *Федора Васильевича Ростопчина*, в 1799 г. получившего графский титул. Ценя в жене не только ее красоту, но и серьезный, вдумчивый характер, Р. был счастлив с нею до тех пор, пока душевный перелом, происшедший с Ростопчиной и завершившийся переходом ее в католичество, не нарушил их единения и согласия в их семейной жизни. Сторонясь от светских удовольствий, графиня стала размышлять над религиозными вопросами, от которых в детстве ее старались держать далеко. Уже давно ее привлекала эстетическая сторона христианства: «Как жаль», говорила она, «что такое прекрасное учение ложно». Истолкователями христианства для нее явились иезуиты, в начале XIX века кишевшие в русском высшем

обществе. С графиней вел беседы знаменитый граф де Местр, а аббат Сюрюг был ее духовным наставником и в 1806 г. принял ее в недра Римской церкви... Первое время переход графини в католичество держался в глубокой тайне. «Аббат Сюрюг» рассказывают про нее: «раз в неделю обедал у графа Ростопчина, и каждый раз после обеда графиня начинала ходить с ним по обширным комнатам дома, как бы ведя обыкновенный разговор, но тут она исповедывалась у него». С течением времени переход графини в католичество стал общеизвестным и поставил ее мужа, бывшего в 1812–1814 г. московским главнокомандующим, в неловкое положение, так как жена его, будучи ревностною католичкою, должна была разыгрывать роль «хозяйки» первопрестольной столицы.

После увольнения графа в 1814 г. от дел, Ростопчины переселились за границу, жили долгое время в Германии и Франции и лишь к 1824 году вернулись в Москву, где 1-го марта умерла от чахотки 18-летняя дочь их *Елизавета*, любимица отца, перед самою смертью приняв католичество – при обстоятельствах, заставляющих предполагать в этом непосредственное воздействие матери. Этот новый удар окончательно сломил здоровье графа Ростопчина, и он скончался 18-го января 1826 г., успев, однако, устранить жену от воспитания их сына графа *Андрея* (род. 1813 г.) и от управления громадным, завещанным ему состоянием. «Следуя», по словам биографии, «фанатическим принципам католичества», графиня Р. не присутствовала даже на похоронах мужа. К детям своим она всегда относилась холодно и мало ими интересовалась. Сдержанный и сосредоточенный характер ее с годами становился угрюмее и суровее, и она жила замкнутой жизнью, летом – в оставленном ей мужем подмосковном селе Воронове, а зимой – в старом, запущенном доме на Басманной, окруженная француженками-компаньонками и воспитанницами и католическими аббатами, пользовавшимися ее состоянием для дела католической пропаганды. Редко кого принимая, она выезжала только к обеду, а остальную часть времени проводила в чтении духовных книг и в молчаливом хождении взад и вперед по длинной анфиладе комнат мрачного и

опустелого дома. В 1825 г. она представляла митрополиту Филарету выписки из славянских книг в защиту латинского учения о главенстве Папы, и Филарет полемизировал с нею, а в 1833 г. он производил следствие по поводу дошедших до него слухов о том, что живший у графини в Воронове аббат Боржуа входил в священническом облачении в алтарь сельской церкви. Тогда же было выяснено, что у графини воспитывалось в Воронове до 12 девочек 7–14 лет, все католички, француженки и немки. В Воронове был устроен и католический храм, в котором служил проживавший в имении аббат.

Графиня Ростопчина скончалась в Москве 14-го сентября 1859 года, 83 лет от роду, и погребена на католическом кладбище на Введенских горах.

Графиня Р. написала несколько сочинений духовного содержания: «Recueil de preuves sur la vérité de la religion», Moscou. 1810, 12°; «Miroir de la vie d'un véritable disciple du Christ. Traduit du Kusse», Moscou. 1817; «Album allégorique», Moscou, 1829, 16°; «Recueil d'anti-alogies, ou Discussions religieuses, par une dame convertie a la religion catholique. Ouvrage publié par M. Gaston de Ségur», Paris. 1842, 18°.

Князь Н. Н. Голицын, Библиографический словарь русских писательниц. СПб. 1889, стр. 301; «Русск. Арх.» 1888 г., кн. I, стр. 489–490; Деятельный век, кн. II, стр. 13; Д. А. Ровинский, Словарь гравированных портретов, т. II; Великий Князь Николай Михайлович, Русские Портреты XVIII и XIX ст., т. I и V; Великий Князь Николай Михайлович, Письма Высочайших особ к графине А. С. Протасовой, СПб. 1913, стр. XXII–XXIII; Г. Н. Геннади, Словарь писателей, т. III, М. 1908, стр. 270–271; «Московский Некрополь», т. II; Граф Д. А. Толстой, Римский католицизм в России, т. II, стр. 206–207; «Русск. Стар.» 1893, т. LXXVII, стр. 172; Собрание мнений и отзывов Филарета, т. II, СПб. 1885, стр. 121–134 и том дополн. 1887. стр. 590–593 (тоже, что в «Русск. Арх.» 1888, кн. I, стр. 489–490); «Чтения в Моск. Общ. Люб. дух. просвещ.» 1865 г., т. IV, стр. 1–16; Графиня Л. Ростопчина, Правда о моей бабушке – «Ист.

Вестн.» 1904, № 1–4; ее же: «Семейная хроника (1812)», М. 1912.

Ростопчин, Андрей Юрьевич

Ростопчин, Андрей Юрьевич, воевода; был сыном Юрия Ивановича Ростопчина, новгородского помещика; с 1635 года был стряпчим, в 1638 году был воеводою в г. Боровске, а в 1646 и 1647 гг. – в Черни.

«Русская Историческая Библиотека», т. X., стр. 132, 806; Н. Барсуков, Списки городских воевод XVII века; В. В. Руммель, Родословный Сборник, СПб. 1888 г., т. II; П. И. Иванов, Указатель к боярским книгам.

Ростопчин, Андрей Федорович

Ростопчин, граф *Андрей Федорович*, библиофил, писатель-библиограф, тайный советник; младший сын графа Ф. В. *Ростопчина* и жены его графини Екатерины Петровны, урожденной Протасовой; родился 13-го октября 1813 года в Москве; рождение его, по словам его сестры Н. Ф. Нарышкиной, «не обрадовало его отца, который в то время был расстроен предыдущими событиями, грустил, не принимал участия в событиях, происходивших около него, и усиленно лечился». Раннее свое детство граф Р. провел, с родителями, за границей и воспитывался сперва дома, а потом, по возвращении отца в Россию в 1824 году – в Пажеском корпусе, откуда 22-го сентября 1830 года, не имея еще и 17-ти лет от роду и не окончив курса, был выпущен корнетом в Лейб-Кирасирский Ее Величества (затем – Лейб-Кирасирский Его Высочества Наследника Цесаревича) полк, с которым был в походе в Царстве Польском с 1-го марта 1831 года и участвовал в сражениях с поляками: 8-го мая – под мест. Снядовым, при с. Рудках, 9-го мая при с. Жолтках, а потом был при отступлении за р. Нарев, откуда шел обратно при преследовании повстанцев; 14-го числа граф Р. был в авангардном деле между дер. Замосцем и Ержекунем, а оттуда был послан с другими, для подкрепления генеральных сил, под Остроленку, 8-го июля переправился при Очепе на левый берег Вислы и дошел до г. Ловича, 24-го участвовал в стычке между сел. Небаровым и Борисовым под командою генерала графа Витта, после чего, подойдя к Варшаве, находился 25-го и 26-го августа при взятии Варшавы штурмом и 27-го – при покорении ее, с 15-го же по 24-е сентября был при преследовании остатков Польской армии, после чего через Варшаву вернулся 25-го октября в Россию, получив за эту кампанию знак отличия за военные достоинства 4-й степени и серебряную медаль за взятие Варшавы. После этого граф Р. прослужил уже недолго – до 27-го января 1833 г., когда вышел в отставку тем же чином, «для определения к статским делам».

Молодой Р. причинял, видимо, немало хлопот своему опекуну А. Ф. Брокеру, приятелю его покойного отца, графа Ф. В. Ростопчина (его мать, графиня Е. П., как известно, была устранена от опеки над детьми и от распоряжения имением): «А. Ф. Брокер», писал А. Я. Булгаков своему брату 16-го января 1832 г., – «должен возиться с молодым Ростопчиным. Вообрази себе, что этот повеса просит дать ему попечителя, в противность завещанию отца. Это бы еще ничего, но он попался в лапы матери и брата, коего избирает себе попечителем, брата, который, просвистав все имение, сидел в S-te Pélagie, а теперь сам на соломе. Чего ждать от такого опекуна? Вообрази, что Андрюша не был еще у меня... «У этого молодца», – прибавляет раздраженно Булгаков, – «мало чувств благородных. Он себя только одурачит просьбою своею: или Сенат, или опека спросят: разве опекун Брокер не соблюдает интересов малолетнего?..»

Выйдя в отставку граф Ростопчин 18-го апреля 1833 г., в Москве был помолвлен с *Евдокией (Додо) Петровною Сушковой*, прекрасною и образованною девушкою, уже тогда пользовавшеюся некоторою литературною известностью, а впоследствии ставшею известною поэтессою (ум. в 1858). По этому случаю А. Я. Булгаков писал своему брату: «Ежели бы Ростопчину было года три более, то хорошо бы, но он еще не вышел из опеки. Дай Бог, чтобы были счастливы! От нее зависит: надобно держать его в руках. Она умна, будет уметь ладить и с ним, и с графинею полоумною. Андрюшу люблю по отце, но верно бы никогда не отдал Катю свою за него». После свадьбы, состоявшейся уже 28-го мая 1833 г. в Москве, в церкви Введения, что на Лубянке, молодые прожили некоторое время в одном из многочисленных имений графа Ростопчина – селе Анне, Бобровского уезда Воронежской губ., потом поселились в Москве, где жили несколько лет, а в 1836 и 1839 гг. совершили поездки на Кавказские минеральные воды. 1836-й и следующие годы Р. жили в Петербурге, а 6-го февраля 1840 г. граф Р. снова зачислился на службу – корнетом в Гусарский Е. И. В. Герцога Максимилиана Лейхтенбергского (ныне 9-й Гусарский Киевский) полк; 16-го июня того же года он произведен был в поручики, а

29-го марта 1843 года был уволен от службы (с чином штабс-ротмистра), живя постоянно в деревне; в 1844 г. Р. состоял корреспондентом специальной Комиссии в Управлении Государственного Коннозаводства.

1845, 1846 и 1847 гг. граф Р. Провел с семьей за границей – в Италии, Франции и Германии. Позже, уже к концу войны нашей с Англией, Францией и Турцией, граф Р. вступил (3-го апреля 1855 г.) в дружину № 15 Московского ополчения, в которой был назначен сперва ротным командиром (3-го июня), а потом и командующим ее (21-го июня); 23-го октября, будучи в Одессе, он получил Высочайшее благоволение за отличное состояние дружины, вскоре (16-го декабря) был прикомандирован к Люблинскому резервному егерскому полку, 31-го марта 1856 г. откомандировался от него, а 29-го сентября, по расформирования ополчения, уволен был от службы с прежним чином штабс-ротмистра и с награждением (28-го ноября), орденом Анны 3-й степени, получив также крест Государственного Ополчения. – 7-го марта 1858 г. граф Р. вновь определен был на службу, будучи пожалован в должность церемониймейстера Высочайшего Двора, с чином губернского секретаря и с причислением к Государственному Коннозаводству, в котором он и прослужил до закрытия, 13-го ноября 1859 г. Комитета Коннозаводства, в заседаниях которого присутствовал; в июне 1858 г. он исполнил специальное поручение осмотреть скаковые испытания в Туле и с. Хреновом. 1-го января 1864 г. он был пожалован в должность шталмейстера Двора Е. И. В. (звание это он носил до своей отставки в 1881 году), а через четыре года перешел на службу в Сибирь, будучи 15-го апреля 1868 г. причислен к Главному Управлению Восточной Сибири.

Поселившись с мая 1868 г. в Иркутске (где служил и сын его, граф *Виктор*, состоявший штаб-офицером для поручений при Управлении Начальника местных войск Иркутской и Енисейской губерний), граф Р., в качестве чиновника особых поручений, постоянно был командирован генерал-губернатором М. С. Карсаковым в разные местности Восточной Сибири и с различными назначениями; так, напр., в первый же год своего

прибытия в Иркутск, в 1868 г. он был послан: 1) на Жилтугинские золотые промыслы Кабинета Его Величества – с поручением войти там в ближайшее рассмотрение и разъяснение на месте существующих порядков и способов снабжения различными необходимыми материалами отдаленных Нерчинских казенных золотых промыслов, после чего должен был посетить Нерчинские заводы и сделать здесь внимательный осмотр окружного училища; 2) в Иркутский и Енисейский Приказы Общественного Призрения – для осмотра их делопроизводства; в 1869 г.; 3) в Верхнеудинск и Троицкосавск – для обозрения гражданских больниц; 4) в Красноярск – для производства секретного удостоверения по беспорядкам в Красноярской Гимназии; 5) в Шилкинскую Комиссию Военного Суда презусом – по случаю передачи ссыльнокаторжных Нерчинского и Петровского заводов в гражданское ведомство и т. д. Уже 30-го января 1870 г. получив чин статского советника граф Р. 2-го марта того же года был назначен и. д. старшего чиновника особых поручений при Главном Управлении Восточной Сибири. В июле 1871 г. генерал-губернатором Синельниковым он был командирован в Петербург, для исполнения лично ему данных специальных поручений и затем в Иркутск уже не вернулся; 16-го апреля 1872 г. он получил чин действительного статского советника, а 18-го сентября 1881 г. окончательно вышел в отставку, причем был награжден чином тайного советника.

С 1871 года граф Ростопчин проживал в Петербурге, где и скончался.

28-го мая 1858 г. граф Ростопчин был избран Почетным Членом Импер. публичной библиотеки, с которою с тех пор находился в постоянных сношениях, жертвуя ей и деньги и, подчас, весьма богатые коллекции редких книг и гравюр. Граф Р., унаследовавший от отца его архив (часть которого, отобранная в 1826 г. в III Отделение, была возвращена графу А. Ф. Ростопчину лишь около 1881 года), картинную галерею и библиотеку, был просвещенным библиофилом, любившим и знавшим книгу. О его библиотеке можно судить по любопытному, чрезвычайно редкому (издан он был в количестве всего 50

экземпляров) каталогу, имеющему следующее необычное заглавие: «Gensiskhana. Pour comprendre ce titre, lisez la note du № 468. Catalogue anecdotique, bibliographique, biographique et facétieux des livres de la bibliothèque du Comte André Rastapchine; accompagné d'une vinaigrette de notes, la plupart malsonnantes, pour les morts comme pour les vivants. Dédié a mon maotre en bibliographie S. S. [Sobolevsky], Bruxelles, Mars 1862. Avec un portrait de l'auteur, fort rassemblant. Tiré a cinquante exemplaires. Bruxelles, Imprimerie de M.-J. Poot et C-ie. 1862, 8° [шмутцтитул + загл. лист + 2 нен. стр. + 332 стр. + XXI стр. – Table des auteurs]; портрет, приложенный к книге, литографированный, изображает графа А. Ф. Ростопчина в его библиотеке, стоящим на лестнице, подставленной к книжным полкам, причем Р. повернулся почти совсем спиной к зрителю, так что виден лишь его затылок, лысина и ухо. В экземпляре этой редчайшей книги, принадлежавшем С. А. Соболевскому, а ныне украшающем известную библиотеку Московского библиофила Д. В. Ульянинского, граф А. Ф. Ростопчин сделал следующую любопытную позднейшую приписку, характеризующую и автора, и его собрание: «Tous les ouvrages marqués d'un croix se vendent et sont bien emballés dans 19 caisses. Les reliures sont belles, en bon état, et tous des ouvrages sont complets. En outre des livres marqués d'un croix, les caisses contiennent une centaine de bons ouvrages en Français, achetés depuis la publication du catalogue, et a peu prés 300 tomes en russe, parmi lesquels nos meilleurs classiques et plusieurs éditions de luxe, entre autres les памятники русских древностей; les différents peuples de la Russie, par Paouly; etc. etc. etc. Ces deux derniers ouvrages se sont vendu plus de cinq cent roubles argent. En un mot ce qui se vend est la crème de ma bibliothèque et consiste environ en 2500 volumes». На другом экземпляре Каталога, подаренном также Соболевскому, граф Ростопчин написал: «Ce catalogue, qui est plus qu'un catalogue, contient la recette infallible pour se guérir de la bile. Ayant bien craché une fois a la face du genre humain, tout ce qu'on a a lui reprocher, on peut redevenir sensible et bon homme tout a fait. Comte André Rastaptchine». Библиотека графа Р. была в 1860-х годах продана, но где и кому, нам в точности неизвестно.

Картинная галерея графа Р. в свое время была очень известна. Она состояла в значительной степени, по словам самого владельца, из предметов, собранных его отцом, графом Ф. В. Ростопчиным, в 1817–1823 г., в Париже и помещавшихся в его доме на Лубянке; затем она была перевезена графом А. Ф. Ростопчиным в 1836 году в Петербург, где и оставалась до 1849 г., увеличенная новыми приобретениями, сделанными в Италии и Франции в 1846 и 1847 годах; когда же граф Р., переселившись зимою 1849 г. в Москву, временно переехал к матери на Басманную, то он заново отделал купленный им дом на Садовой (бывший губернатора Небольсина) и 8-го января 1850 года открыл здесь, для обозрения публики, свое художественное собрание, которому тогда же издал особый каталог: «Catalogue des portraits, tableaux, marbres et objets d'art de la galerie du Comte Rastaptchine», Moscou, Imprimerie W. Cautier, 1850, 8°, 96 стр. Погодин, отмечая этот, по его мнению, важный факт общественного значения, поместил в своем «Москвитянине» особую статью о «богатейшем собрании картин» графа Р. и свидетельствовал, что, «по первому скромному объявлению» в «Московских Ведомостях» об открытии галереи для публики, «толпы хлынули, несмотря на жестокий мороз 8 января, в новый, отлично устроенный дом на Садовой улице... Дворяне, купцы, духовные и даже двое крестьян ходили по великолепным залам и любовались изящными произведениями искусства... Для художников, – писал Погодин: галерея открыта ежедневно, для публики – по воскресеньям, от 12 до 4 часов. Честь и слава владельцу сокровищ, предлагающему их с таким радушием для общественного наслаждения, поучения и употребления»... В галерее Р. (всего в Каталоге ее описано 282 картины и портрета и 26 мраморов и objets d'art) были картины и портреты русских и чужеземных деятелей работы отечественных и иностранных мастеров: Греза, Веласкеца, Ван-Дика, Мурильо, А. Дюрера, Рембрандта, Гвидо Рени, Рубенса, Тициана, Ван-Остадов, Рюисдаля, Пуссена, Вуверманов, Теньера, Доу и Ларжильера (автопортрет и др.), П. и И. Вернетов, Скиавоне и других (всего 133 мастеров, не считая анонимных), портреты Имп. Екатерины

(Лампи), Павла I (Щукина), Суворова, Ермолова (копия с Доу, сделанная художницею Е. М. Бакуниной), графа П. А. Румянцова, графов С. Р. и М. С. Воронцовых, графа Ф. В. Ростопчина (бюст работы Галленса, сделанный в Париже в 1819 году, и портреты – два работы Тончи и Кипренского; последний ныне в Московском Архиве Министерства Иностранных Дел), князя П. Д. Цицианова (раб. Тончи), графа Н. И. Головина, Д. А. Новосильцова, Тончи (автопортрет), графини Е. П. Ростопчиной (раб. Кипренского) и многие другие, а из иностранцев – Робеспьера, Наполеона, Георга IV, Людовика XVIII, Карла X, Франца II, Бернадота и других. Галерея графа Р. впоследствии была по частям распродана и таким образом разошлась по разным рукам и собраниям.

Что касается научной и литературной деятельности графа Ростопчина, то ему принадлежат следующие издания: 1) «Histoire Universelle», Moscou, de l'imprimerie d'Auguste Semen, 1843–1844, 2 тома, 8° (460+1 неп. и 474+III стр.) – компиляция, составленная графом Ростопчиным для своих детей и не предназначавшаяся для издания, но напечатанная им «по частным соображениям», с единственной целью облегчить юношеству изучение истории. Изложение доведено до конца Римской республики; ссылок на источники и пособия, служившие автору, нет. 2) «Trois relations de l'édu faux Démétrius, tirées de la Bibliothèque Impériale Publique de St-Pétersbourg, et du Musée Roumiantzow, St-Pétersbourg. Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences. 1862. – Три записки времен Лже-Дмитрия, изданные по спискам Императорской Публичной Библиотеки и Румянцевского Музея», С.-Пб. В типографии Императорской Академии Наук, 1862, мал. 8°, 59 стр.; 3) «Четыре сказания о Лжедимитрии, извлеченные из рукописей Императорской Публичной Библиотеки», СПб. 1863. В типографии И. И. Глазунова, 12°, 2 нен. + 132 стр. Обе эти книжки были напечатаны графом Ростопчиным на свой счет, в пользу Имп. Публичной Библиотеки; 4) «R. Minzloff. Les Elzevirs de la Bibliothèque Impériale de St.-Pétersbourg», St.-Pétersbourg. 1862, 16°, XIV+223 стр.; издано в ограниченном количестве экземпляров на средства графа Р., принимавшего участие и в

описании книг; 5) «Matériaux en grande partie inédits, pour la biographie future du Comte Théodore Rastaptchine, rassemblés par son fils. Tiré a douze exemplaires, Bruxelles. 1864 (ценное издание, к сожалению, напечатанное в столь малом количестве экземпляров; перечень содержания этой книги см. у Г. Н. Геннади: Словарь русских писателей, т. III, М. 1908, стр. 272); 6) «Russie anecdotique, bibliographique, biographique, géographique, historique, littéraire, statistique et contrairement a l'ordinaire – véridique. Ouvrage dédié aux étrangers, curieux de la connaitre non pour l'injurier, par le Comte André Rastaptchine», Bruxelles. 1874, 8°, 4 нен.+II+ 413 стр. Это – местами остроумный и очень краткий объяснительный словарь русских замечательных людей, географических названий (крайне злобная характеристика дана Иркутску, в котором жил тогда Р.) и некоторых терминов вроде: Kniaz, Siatelstvo, archine, poude, statskiy sovétnik tchine и т. д.; в словарь деятелей вошло много современников графа Ростопчина, поместившего, напр., заметки о П. И. Бартеневе, С. А. Соболевском, М. Н. Лонгинове, С. Д. Полторацком и других лицах; выбор имен, однако, довольно случайный, а в сообщаемых сведениях попадаются ошибки, – напр., графиня Лович названа урожденною Грушинскою, Некрасову дано отчество Александрович, Пестелю – Петрович и т. п., но есть и любопытные сведения, имеющие значение личных сообщений графа Р., – напр., об А. Я. Булгакове, о гр. Ростопчиных. В этой книге граф Р. говорит про себя, между прочим, что он составил Словарь художников и Путеводитель по Сибири («Dictionnaire des peintres» и «Guide pour la Sibérie»). Первый – вероятно, список живописцев, с краткими о них сведениями, напечатанный в «Catalogue» его галереи, а второй нам вовсе неизвестен.

Кроме издания этих книг, граф Р. сообщил несколько материалов своего семейного архива для опубликования: 1) в «Москвитянине» 1849 г., ч. I, III и IV – «Путешествие в Пруссию графа Ф. В. Ростопчина»; 2) в «Русском Архиве» – «Письма графа С. Р. Воронцова к графу Ф. В. Ростопчину», с биографическим предисловием о графе Воронцове и с примечаниями (1872 г., кн. II, стр. 2174–2246); 3) «Записку графа Ростопчина о политических отношениях России в последние

месяцы Павловского царствования» (там же 1878 г., кн. I, стр. 103–110); 4) «К истории 1812 года» (там же 1866 г., кн. 5, стр. 689–735); 5) «Новонайденные бумаги гр. Ф. В. Ростопчина» (там же 1881 г., кн. III, стр. 215–227 и 412–419); наконец, следует указать: 1) «Объяснение» графа Р. по поводу писем его отца, опубликованных в статье о нем Н. С. Тихонравова в «Отечественных Записках», напечатанное в «Московских Ведомостях» 1854 г., № 141, Литер. Отд., стр. 588 (перепечатано в книге Н. П. Барсукова «Жизнь и труды Погодина», т. XIII, стр. 266–267); 2) «Письмо к Редактору», представляющее собою возражение на «Дополнение к статье М. Н. Лонгинова о Сперанском» – в «Русском Вестнике» 1860 г., т. XXVI, кн. 5, Соврем. Летоп., стр. 33–34; 3) «Голос из Иркутска по поводу кончины С. А. Соболевского» – в «Русск. Арх.» 1871 г., кн. 2, стр. 383–384; 4) «Письмо к издателю «Русского Архива» (по поводу романа графа Л. Н. Толстого «Война и мир») – в «Русск. Арх.» 1869, кн. 5, стр. 935–936; 5) Заметка о князе Н. Г. Щербатове – в «Русск. Стар.» 1887, т. 53, стр. 388; 6) письма графа Р. к М. П. Погодину (от 4-го января 1849 и от 6-го февраля 1864 г.) напечатаны в сочинении Н. П. Барсукова о Погодине, т. X, стр. 370 и 371, и т. XXI, стр. 407–408 и 431–432.

Характером и складом ума граф Р. походил на своего отца; он был веселый, живой, остроумный человек, любивший светские развлечения, постоянно участвовавший во всех московских празднествах (так, например, в 1849 году он участвовал в маскараде в доме московского генерал-губернатора, изображая, с княгиней С. В. Мещерской, Москву), и живший открытым домом и в Москве, и в Петербурге, куда он по временам переселялся; подолгу он жил и в своем имении в Воронежской губернии, к дворянству которой он приписался в 1839 году. В Петербурге, где, по связям своим и богатству, Р. занял видное положение в высшем столичном обществе, он вращался, между прочим благодаря своей жене-поэтессе, и в кругу литературных деятелей, был хорошо знаком с Жуковским, А. И. Тургеневым, Пушкиным, князем Вяземским, Плетневым, князем Одоевским, графом Соллогубом, Тютчевым, Карамзиными, с С. А. Соболевским, М. Н. Лонгиновым

(шуточное стихотворное послание обоих последних к графу Р., от 11-го апреля 1870 г. в Иркутск см. в «Русск. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 319 и в сборнике В. В. Каллаша «Эпиграммы и экспромты С. А. Соболевского», М. 1912), И. П. Мятлевым, графами М. Ю. и М. Ю. Виельгорскими, Лермонтовым и др. У них бывали и артисты, и музыканты, давались обеды и вечера, на которых появлялись Лист, М. И. Глинка, Виардо, Рубини, Тамбурини... «Он очень не глуп и оригинален», – писал о Ростопчине Плетнев Гроту 19-го мая 1843 г. из Петербурга, где жил тогда граф с женою-поэтессою; вскоре (18-го сентября 1843 г. из Петербурга же) Плетнев сообщал своему другу, что Ростопчины «собирались было за границу, но я надеюсь, что не соберутся, ибо у графа по вечерам уже начали играть в карты, и есть надежда, что скоро они останутся опять без денег».

Любопытные подробности о жизни графа Ростопчина сохранила дочь его – графиня *Лидия* (см. ее «Семейную хронику», М. 1912), а также, в своих Воспоминаниях., Н. В. Берг; рассказ его относится к концу 1840-х годов, когда, по возвращении из поездки с семьею за границу, Ростопчин поселился в Москве, в упомянутом выше, купленном, на Садовой, в приходе Ермолая, «известном всей Москве доме Небольсиных, лежавшем глубоко во дворе, с примыкавшим к нему довольно большим садом, доме обширном, поместительном, но всего в два этажа. Графиня поселилась внизу», а «граф занял верхнюю половину дома, отделав ее по своему вкусу, довольно просто, но комфортабельно. В том же этаже поместилась наследственная картинная галерея и библиотека... Средства Ростопчиных в то время были еще в надлежащем порядке. Можно было бросать деньги, и граф бросал, Бог видит куда и на что. Ни балов, ни вечеров и многолюдных съездов граф не любил... Жили они относительно довольно скромно. Граф проводил утро преимущественно у себя дома. Временами к нему заглядывали кое-какие приятели и знакомые по Английскому Клубу, где он был членом: коннозаводчики, любители троек, цыган, балета, добрых закусок», и т. д. Такую жизнь граф Ростопчин, к тому же большой гастроном, вел в Москве до окончательного переселения своего

в Петербург; он восстановил, по возможности, знаменитую подмосковную отца – село Вороново, и здесь, будучи большим любителем лошадей, привел в порядок «огромные конюшни, где воспитывались хорошие заводские лошади, предмет немалых попечений графа и графини». Однако когда скончалась мать графа Ростопчина и Вороново поступило в его полное распоряжение, он тотчас же продал «лес одному англичанину, который сильно ухаживал за графом – можно сказать, не отходил от него ни на шаг, – с целью именно купить что-нибудь за полцены. И удивительный Вороновский лес, тянувшийся на огромное пространство, почти до самых стен Москвы, лес, которому цены не было, пошел в трехстах тысячах, стоя, на худой конец, миллион! Немного позже улыбнулось и все Вороново. Затем продан дом на Садовой, а в заключение неизвестно куда девались и вырученные за все это большие деньги. Граф определился на службу в Иркутск, служил там довольно долго, смертельно скучал... ему было о чем скучать». То же сообщает в своих воспоминаниях о крушении состояния графа Р. и его родственница Е. А. Нарышкина, урожденная княжна Куракина, говоря, что он «ухитрился в продолжение тридцати лет промотать огромное состояние, оставленное ему отцом. Дома в Москве, великолепные имения в лучших губерниях, картинная галерея, библиотека, знаменитый Ростопчинский конский завод – все исчезло, как дым. Катастрофа завершилась в 68 году».

Граф А. Ф. Ростопчин скончался в Петербурге 24-го ноября 1892 г., на 80-м году от рождения, и погребен на Волковом кладбище; от брака своего с Е. П. Сушковой он имел сына – графа *Виктора*, служившего сперва в л.-гв. Гусарском полку, а затем – на Кавказе и в Сибири (род. в с. Анне 12-го декабря 1839 г., ум. 9-го августа 1878 г.), женатого со 2-го ноября 1873 г. на Марии Григорьевне фон Рейтлингер, и дочерей: графиню *Ольгу Андреевну* (род. 5-го сентября 1837), бывшую за Итальянским посланником во Франции графом Иосифом Торниелли ди Брузати, и графиню *Лидию Андреевну* (род. 25-го сентября 1838), писательницу, живущую ныне в Париже (1915) и в 1912 г. издавшую любопытную «Семейную хронику». Овдовев

в 1858 г., граф Р. впоследствии женился на вдове капитана Франца Александровича Мирецкого – *Анне Владимировне*, урожденной *Скоробогач* (ум. в Одессе 4-го сентября 1901 г.), и имел усыновленную в 1885 г. дочь *Анну* (род. в Петербурге 8-го января 1876 г.).

Существует два именных жетона-приза имени графа Ростопчина (из них первый – с фамильным гербом), назначавшегося, вероятно, за скачки или в награду лучшим лошадям; они описаны в труде Ю. Б. Иверсена о «*Медалях в честь русских государственных деятелей и частных лиц*», вып. IV, СПб. 1882, стр. 159 и табл. XLIV, № 4.

Архив Департамента Герольдии Правительствующего Сената (метрика рождения, формулярный список и другие сведения); Д. Н. Бантыш-Каменский. *Словарь достопамятных людей*, ч. III, СПб. 1847, стр. 176; Князь П. В. Долгоруков, *Российская Родословная Книга*, т. II, стр. 247; В. В. Руммель, *Родословный Сборник*, т. II, стр. 845 и 894; *Дворянский Адрес-календарь на 1898 г.*, т. II, стр. 89 (изд. А. Шапошникова); «*Петербургский Некрополь*», т. III, стр. 624; «*Моск. Листок*» 1892 г., № 334; Д. Д. Языков, *Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц*, вып. XII, СПб. 1912, стр. 152–154; «*Русск. Стар.*» 1893 г., т. 77, стр. 172; «*Русск. Арх.*» 1881 г., кн. III, стр. 121; 1900 г., кн. I, стр. 226 (о рождении графа А. Ф. Р.), 190 и 1902, 1908 и 1906 г.; «*Русск. Арх.*» 1868 г., стр. 854; Воспоминания Н. В. Берга о графине Е. П. Ростопчиной – «*Ист. Вестн.*» 1893, март, стр. 691–697 и 706–708 и «*Записки*» его же – «*Русск. Стар.*» 1891, т. LXIX, стр. 253, 271; Мои Воспоминания. Е. А. Нарышкиной, урожденной княжны Куракиной, СПб. 1906, стр. 299; «*Ист. Вестн.*» 1881 г., т. V, стр. 305 (в статье Д. П. Сушкова), Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I; стр. 585 и 647 и т. II, стр. 83–84, 90, 117, 156 и 327; Остафьевский Архив князей Вяземских, т. III, стр. 232–233, 602 и др.; «*Архив князя Воронцова*», т. VIII, стр. 456, 504, 535, 538, 560 и 561; т. XVII, стр. 482, 521, 522; т. XXIV, стр. 282 и т. XXXVIII, стр. 583; Полк. Марков, *История лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка*, СПб. 1884, прилож., стр. 122; Библиотека Д. В. Ульянинского.

Библиографическое описание, т. I. М. 1912, стр. 328, и т. II, М. 1913, стр. 868–869 и 1137–1138; Библиографические материалы. Опись... библиотеки Сенатора Н. П. Смирнова, СПб. 1898, стр. 522–523; Отчеты Имп. Публичной Библиотеки за 1858–1863 (pass.) и 1892, стр. 2–3 Отчет Имп. Российского Исторического Музея в Москве за 1908 г., стр. 52–53; Ю. Иверсен, Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц, вып. IV, СПб. 1882, стр. 158–159; «Москвитянин» 1850 г., кн. 2 (описание галереи графа Г.); «Стар. и Новизна», кн. VII, стр. 104; *Catalogue de la collection précieuse de livres anciens et modernes formant la bibliothèque de feu M. Serge Sobolewski (de Moscou)*. Leipzig. 1873, S. 35 и 170–171; Имп. Публичная Библиотека за сто лет, СПб. 1914, стр. 220, 221 и прилож., стр. XIX; О. фон Фрейман, Пажи за 185 лет, Фридрихсгамн. 1897; Н. Барсуков, Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 207, 330, 370–371, т. XI, стр. 99, 227–232 (о его галерее); т. XIII, стр. 260–262, 264, 266, 267; т. XVIII, стр. 297; т. XXI, стр. 407–408 и 431; Сочинения Н. С. Тихонравова, т. I и т. III, ч. 1, М. 1898; В. С. Иконников, Опыт Русской историографии, т. I и т. II, ч. 2; 1812. «Le Comte Rostopchine et son temps. (Par Madame Narichkine née comtesse Rostopchine)», St.-Pétersb. 1912, p. 214; Comte A. Rastaptchine, *Russie anecdotique, bibliographique, biographique...*, Brux. 1874, p. 289 (автобиографическая заметка); «Magazin für die Literatur des Auslandes» 1875, № 25, стр. 367–371 (статья Л. С. окнигах графа Р.: «Gensiskhana» и «Russie anecdotique»); Гр. Л. Ростопчина, Семейная хроника, М. 1912; Кн. Е. А. Куракина, Мои воспоминания, СПб. 1906.

Ростопчин, Сергей Федорович

Ростопчин, граф *Сергей Федорович*, старший сын графа *Федора Васильевича Ростопчина* и его супруги *Екатерины Петровны*, урожденной *Протасовой*; родился в конце 1794 г. и, как первенец, был нежно любим отцом, много о нем заботившимся; 12-го декабря 1809 г. он был пожалован в камер-пажи и оставлен в доме родителей, где и получил образование. 23-го марта 1812 г. он был произведен без экзамена, по Высочайшему повелению, офицером в Ахтырский гусарский полк и вскоре назначен адъютантом к главнокомандующему *Барклаю-де-Толли*, причем во время *Бородинской битвы* исполнял различные его приказания. По словам *Сегюра*, едва ли, впрочем, достоверным, ему пришлось быть свидетелем убийства в Москве *Верещагина*, по приказанию его отца. Сопровождая главнокомандующего, молодой *Ростопчин* участвовал в различных сражениях войн 1812–1814 гг. и 12-го марта 1813 г. был переведен в Кавалергардский полк; за битву под *Лейпцигом* 4–7-го октября он был награжден орденом св. *Анны* с алмазами, а 2-го апреля 1814 г. произведен в штабс-ротмистры. По возвращении наших войск из-за границы, *Ростопчин* в 1814 г., неумеренно предаваясь всем удовольствиям молодости, расстроил свое здоровье, наделал много долгов и в 1815 году уехал лечиться за границу.

Возвратясь снова в полк осенью 1816 года, он в марте следующего 1817 года был снова уволен на два года за границу для лечения. Отец его очень тревожился болезненным состоянием сына, жил с ним вместе в Париже в 1818 году, заботился о серьезном его лечении и о поправлении разбитого его здоровья. *Ростопчин* сначала относился внимательно к лечению и установленному для него строгому образу жизни, но вскоре кинул все это, предался снова увлечениям парижской жизни и, мотая деньги, опять задолжал немало. Отец его, заплатив часть долгов, отказался, наконец, уплачивать их за легкомысленного своего сына, предоставив заимодавцам поступать с ним по закону. Последствием этого было

заклучение молодого Ростопчина в тюрьму несостоятельных должников (St.-Pélagie), а затем и увольнение его от службы по болезни (2-го октября 1820 г.). Отец был в негодовании и не хотел знать своего сына, который некоторое время влачил незавидное существование. Пред смертью своею граф Ф. В. Ростопчин, по убеждению своего друга А. Я. Булгакова, простил сына, благословил его и, назначив ему немалую долю имущества, сказал, что если долги его превышают то, что он ему оставляет, то и назначает ему пожизненно по 20000 руб. в год. Это дало возможность Ростопчину вернуться снова в Россию и здесь продолжать свою праздную жизнь, проживая по преимуществу в известном Воронове, подмосковном имении графа Ф. В. Ростопчина.

Граф Сергей Ростопчин умер в Москве 4-го апреля 1836 г. похоронен на том же Пятницком кладбище, где покоится его родитель.

Еще в молодости, путешествуя по Италии, молодой Ростопчин обратил на себя особенное внимание красивой итальянки, вдовы графа Филиппи, урожденной княжны *Марии Кроа-де-Сольж* (Croy de Solges), и вскоре, еще до брака своего, имел от нее сына; позднее она сделалась его законною супругою и носила имя *Марии Игнатьевны*.

*Московское Отделение Общего Архива Главного Штаба, формуляры № 2354, опись 152, св. 586; Биографии Кавалергардов, под редакцией С. А. Панчулидзева, т. III стр. 263; В. Руммель и Голубцов, Родословный сборник, кн. II; Сегюр, Жизнь графа Ф. В. Ростопчина (на франц. языке), стр. 211–15; Н. А. Попов, Дело Верещагина – «Чтения Общ. Ист. и Древностей» 1885; Щукинский Сборник, т. V; «Русск. Арх.» 1868 г., ст. 1875; Записки Богуславского – «Русск. Старина» 1879, стр. 110; Записки гр. Бутурлина – «Русск. Архив» 1897 г., т. II; Архив кн. Воронцова, т. VIII и XXXVIII; «Русский Архив» 1887 г., I (Письма Ростопчина); 1901. IV, VI (Письма Булгакова); 1888, III (Кедров: Гр. Ростопчин); «Исторический Вестник» 1904, III (Моя бабушка); *Astree pour l'an 1868*, p. 175; Московский Некрополь», т. III, стр. 42; «Моск. Вед.» 1829, № 22, стр. 1070; Е. А. Нарышкина, Мои Воспоминания, СПб. 1906.*

Ростопчин, Феодор Васильевич

Ростопчин, граф *Феодор Васильевич*, обер-камергер, главнокомандующий Москвы в 1812–1814 гг., член Государственного Совета. Род Ростопчиных родоначальником своим считает прямого потомка великого монгольского завоевателя Чингисхана – Бориса Давидовича Ростопчу, выехавшего из Крымской орды в Россию при Великом Князе Василии Иоанновиче, т. е., в начале XVI в. При следующих Московских государях предки Ростопчина несли разные службы, были жалованы поместьями, но ничем особенно не выдвигались.

Отец графа – *Василий Федорович Ростопчин* принимал участие в Семилетней войне, вышел в отставку в чине майора, жил безвыездно у себя в деревне Орловской губернии и не щадил средств, чтобы дать хорошее воспитание своим детям. Федор Васильевич Ростопчин родился 12-го марта 1763 года в деревне Ливны, Орловской губернии; его мать, урожденная Крюкова, умерла в 1766 году, в молодых годах, вскоре после рождения брата Федора Васильевича. В своих «Воспоминаниях в миниатюре», написанных им уже на склоне жизни, граф Р. следующим образом характеризовал, в присущем его натуре шутилом тоне, свое первоначальное воспитание: «Меня обучали сразу целой куче вещей и разным языкам. Благодаря тому, что я обладал некоторой долей бесстыдства и шарлатанства, меня принимали порой за мудреца. Моя голова скоро превратилась в библиотеку, ключ от которой хранился у меня». Первые пятнадцать лет жизни он провел в имении отца своего – в селе Козмодемьянском, рос без матери, под надзором учителей иностранцев, которые часто менялись; но все же, по его словам, он остался русским, «помня поучения священника Петра и слова мамки Герасимовны». Получив, по обычаю того времени, домашнее образование, молодой Р. еще 10 лет от роду был записан в лейб-гвардии Преображенский полк и прошел обычную для тогдашнего дворянина военную карьеру; в 1775 г., состоя уже в чине капрала Преображенского

полка, он был зачислен к Пажеский Корпус, в 1776 г. произведен был фурьером, в 1777 г. сержантом, в 1782 г. – выпущен прапорщиком, в 1785 г. пожалован в подпоручики, в 1787 г. получил чин поручика, а в 1789 произведен в капитан-поручики л.-гв. Преображенского полка.

Будучи в чине подпоручика, Р. решил на время оставить службу и, взяв продолжительный отпуск, предпринял в 1786–1788 гг. поездку за границу для пополнения своего образования. Во время этого путешествия Ростопчин посетил, между прочим, Берлин, Лейпциг, Париж и Лондон. В Берлине он был коротко принят у тогдашнего русского полномочного министра графа С. П. Румянцева, который ввел молодого Ростопчина в тамошнее великосветское общество. Здесь же Р. довольно усердно занимался математикой, беря уроки ее у преподавателя Кастильона-сына, и кроме того изучал фортификацию под руководством Беллера. В Лейпциге Р., насколько известно, посещал лекции в Университете и, наконец, в Лондоне, куда он прибыл в начале 1788 г., сильно увлекался английским боксом и даже брал уроки кулачного боя... В этом же городе завязалось его знакомство с графом С. Р. Воронцовым, с которым впоследствии он почти постоянно находился в дружеской переписке и которому он многим был обязан на первых шагах своей карьеры.

По возвращении из-за границы весной 1788 г., т. е. почти накануне Русско-шведской войны, Р. сразу отправился в главную квартиру русских войск, расположенную в Фридрихсгаме, и оставался при ней, находясь в рядах небольшой армии, предназначенной для защиты этой части страны от вторжения шведов. Несколько месяцев спустя, вернувшись из Фридрихсгама в Петербург, Р. сознательно уклонился от возвращения в гвардию, так как не желал оставаться простым зрителем войн, происходивших тогда на двух противоположных концах России: в Финляндии и на границе с Турцией. Избегая гвардейской службы, которая не могла, конечно, быстро выдвинуть молодого офицера почти без всяких связей, он предпочел поэтому принять участие в походе против турок и с этой целью в том же 1788 г. причислился к

князю Виктору-Амедео Ангальт-Бернебург-Шаумбургскому, только что прибывшему в Петербург из-под Очакова, отправился с ним обратно к южной армии и принял там участие в штурме упомянутой крепости. Когда же князь Ангальт-Бернебургский должен был на время отлучиться в Германию, Ростопчин оставался еще около года при действующей армии, служа под начальством Суворова, и получил даже от последнего в знак расположения походную палатку; все это время он продолжал числиться по Преображенскому полку. Между прочим в это время он принял участие в Фокшанском и Рымникском сражениях. Ему удалось заслужить расположение к себе князя Ангальта, но этим он отдалил себя от Потемкина. Когда Ангальт вернулся из Германии и получил назначение в действующую армию против шведов, он тотчас же вызвал к себе Р., который к этому времени, по окончании Турецкого похода сдачею Бендер, успел вернуться в Петербург. Он поспешил на призыв Ангальта и вторично принял участие в Финляндском походе, но ему как-то особенно не везло в эту пору. Ангальт вскоре умер (в апреле 1790 г.) – и Ростопчин, таким образом, лишился своего покровителя. Приблизительно в это же время Р. лишился также и своего единственного брата, служившего во флоте и геройски погибшего: чтобы не сдаться шведам, он взорвал свою галеру.

Между тем, расположение, которым пользовался Р. у Ангальта, внушило его близкому другу Принцу Нассау-Зигену желание приблизить молодого гвардейца к себе. Принц Нассау поручил Ростопчину командование гренадерским батальоном, во главе которого он и принял участие в окончившихся неудачею сражениях Принца 21–28 июня 1790 года. За участие в этих делах Р. был представлен к Георгиевскому кресту, но почему-то не получил его, хотя отзывы о нем были даны самые лестные. Не получая обещанной награды, он решил прибегнуть к содействию Принца Нассау, чтобы тот выхлопотал ему по крайней мере зачисление в камер-юнкеры. Императрица Екатерина II согласилась на это назначение, поддержанное Принцем Нассау, и приказала даже заготовить указ о пожаловании Р., но последнее почему-то не состоялось, а заготовленный указ

остался неподписанным в портфеле князя Безбородка до самой весны 1791 года. Между тем, у Принца Нассау относительно Ростопчина составилась своеобразный план: молодой гвардейский офицер так понравился ему, что он решил его женить на своей незаконной дочери; в качестве же заманчивой награды Принц обещал Ростопчину настоять на его пожаловании в камер-юнкеры. К чести Ростопчина надо сказать, что он с негодованием отверг предложение своего начальника, которое привело его даже в бешенство, и он окончательно порвал отношения с Принцем Нассау, не побоявшись громогласно назвать его поступок «бесчестным».

Раздосадованный неудачами своей военной карьеры и невозможностью попасть ко Двору Императрицы Екатерины, Ростопчин уже решил было навсегда покинуть Петербург, намереваясь провести некоторое время в имении отца и более не возвращаться в армию, «где чин не защищает и где надо скрывать свою честность, если желаешь успехов», как писал он в одном из наиболее ранних писем своих к послу в Лондоне графу Воронцову, но намерениям Р. не суждено было осуществиться: благодаря содействию того же графа Воронцова, в нем принял участие Принц Вюртембергский, который предложил Ростопчину отправиться с ним на юг России, где в то время военные действия против Турции подходили к концу и близились заключение мира. Р. решил еще раз попытаться счастья и отправился вместе с Принцем в г. Яссы. Но едва они прибыли на место, как Принц Вюртембергский получил желчную лихорадку и, проболев несколько дней, скончался. Ростопчин, таким образом, и на этот раз остался не причем: его продолжал преследовать какой-то рок; несмотря на все его старания и на все обнаруживаемое им усердие, он испытывал лишь невзгоды. По смерти Принца он хотел тотчас же вернуться, но еще не успел получить разрешение на отъезд, как и сам заболел лихорадкою – к счастью, в легкой форме. Поневоле ему пришлось остаться некоторое время в Яссах. Здесь его и застал граф А. Н. Самойлов, назначенный тогда уполномоченным со стороны России для присутствия на Ясской конференции. Самойлов, зная немного Ростопчина по Петербургу, пригласил

его к себе в сотрудники; прибывший вслед за ним граф А. А. Безбородко вполне одобрил этот выбор и поручил Ростопчину составление журнала и ведение протоколов конференции. Работы этой конференции прекратились быстрее, чем можно было ожидать, благодаря тому, что Безбородко снял с обсуждения вопрос о контрибуции, так сильно волновавший Турецких делегатов, и Ростопчина хотели сперва отправить с бумагами в Варшаву, но, благодаря вмешательству самого Безбородка, в Варшаву был отправлен другой курьер, а Ростопчину поручили, три дня спустя по заключении мира, ехать немедленно в Петербург и представить Императрице Екатерине II три последние протокола конференции. Кроме того, в письме, приложенном графом Безбородком к протоколам, сообщалось, что посланец является в то же время и составителем этих протоколов. Ясский мир состоялся 29-го декабря 1791 г., а 14-го февраля 1792 г., по приезде в Петербург, Р. получил уже звание камер-юнкера «в ранге бригадира» (т. е., 5 класса). Таким образом исполнилась давнишняя мечта Ростопчина. По возвращении из Ясс Ростопчин дважды болел возвратными приступами лихорадки. Благодаря расположению графа Безбородка, который несколько раз писал о нем Екатерине II, Р. был назначен состоять при посольстве графа Самойлова, но посольство это постоянно откладывалось и, в конце концов, совершенно не состоялось. Зато ему удалось сблизиться с графом С. П. Румянцевым и даже добиться, в апреле 1793 г., назначения состоять при нем. Сближение с Румянцевым приблизило Ростопчина и ко Двору. Но первые шаги его на этом новом поприще не были особенно удачны. Он попытался было заслужить расположение Императрицы, передразнивая при ней некоторых придворных, сочиняя пословицы и т. п., словом, взявшись за роль придворного шута; Екатерина охотно забавлялась шутками Р., которому особенно удавалось подражать манерам и голосу одного немецкого проповедника, но дальше смеха ее расположение к Ростопчину не шло, и он так и остался в ее глазах «сумасшедшим Федькой», как она сама его назвала. Насмешливо относились к Р. и придворные круги, и он сам вскоре должен был почувствовать, что стал не

на верный путь, чтобы добиться расположения Государыни. Но, помимо чисто практических соображений о ненадежности избранного им пути, у Ростопчина смутно проскальзывало сознание и о непристойности таким способом добиваться карьеры. В одном из своих писем к графу Воронцову он прямо заявлял, что боится «известности, заслуженной ремеслом комедианта», и спрашивал у него дружеского совета по этому поводу.

Не успев ничего достигнуть при Дворе Императрицы, Ростопчин не упал, однако, духом и попытался снова испытать свои способности, на этот раз при так называемом малом дворе Великого Князя Павла Петровича, к которому он был прикомандирован на дежурства с середины 1793 года. Это новое назначение, которому суждено было сыграть такую важную роль в жизни Ростопчина и которому он, в сущности, был обязан всей своей дальнейшей карьерой, открывало перед ним с одной стороны богатые перспективы войти в доверие Наследника престола и заслужить его расположение, а с другой стороны заключало в себе немало и неприятного. Гатчинский дворец, в котором постоянно жил в то время Великий Князь со своей семьей, представлял особый, странный и необычный для всякого постороннего мир. Не находивший более серьезного дела, Великий Князь Павел Петрович занимался по целым дням со своими Гатчинскими войсками, устраивая маневры, плац-парады присутствуя на разводах и экзекуциях если они случались, и требовал проявлений такого же увлечения военной муштровкой и от своих приближенных. Натянутые отношения, существовавшие в это время между Екатериной II и ее сыном, еще более сгущали Гатчинскую атмосферу, так как приближенные Государыни совершенно не считались с Наследником престола и позволяли себе явно смеяться над его бессильным гневом. А это, в свою очередь, раздражало Павла, которому казалось, что ему не хотят оказывать должного уважения. В эту-то тяжелую Гатчинскую жизнь и пришлось вскоре войти Ф. В. Ростопчину, Будучи назначен, вместе с несколькими другими камер-юнкерами, поочередно дежурить при Наследнике, он отнесся серьезно к возложенным на него

обязанностям, а так как другие его товарищи, предпочитая удовольствия Петербургской жизни пребыванию в Гатчине, часто манкировали своими дежурствами, то ему сплошь и рядом приходилось заменять их и почти безотлучно находиться при Наследнике. Последний вскоре обратил на Р. свое внимание, полюбил его сообразительность, меткие шутки и проявление внимания я нему самому и, в знак своего расположения, поспешил даровать Ростопчину заведенную им военную форму прусского образца и назначил капралом своих войск.

Первое время после назначения состоять при Павле Петровиче Р. старался действовать осторожно, чтобы не выставлять на вид свои отношения к Великому Князю, так как он отлично понимал, с какими неприятными последствиями для его карьеры может быть сопряжены слишком явные знаки благоволения опального Наследника, пока жива Царица Мать. «Для меня», пишет он в одном из писем, относящихся к этому периоду его жизни, «нет на свете ничего страшнее, кроме бесчестия, как благодарность Павла». И он был, конечно, прав в своих опасениях. Но независимо от его воли, сближение Павла Петровича со своим камер-юнкером продолжалось и не замедлило сказаться еще в том же 1793 году. 2-го сентября Ростопчин был представлен к ордену св. Владимира, но «какие-то бездельники помешали этому», по его словам. Вскоре он должен был окончательно убедиться в безысходности своего положения, так как невозможно было в то время играть двойную игру с каким-нибудь расчетом на успех. Ростопчину необходимо было сделать выбор и либо пойти за более сильным течением, примкнуть к свите любимцев Екатерины и в особенности позаботиться о расположении ее тогдашнего фаворита графа Зубова, либо же открыто стать в ряды «Гатчинцев» и этим, по крайней мере временно, поставить крест на своей придворной карьере. «Благосклонность Великого Князя, писал Р. в это время Воронцову, не составляет рекомендации в глазах Императрицы, и если бы я вздумал хлопотать о каком-нибудь месте, то это значило бы идти навстречу неизбежным оскорблениям и отказам... было бы странно чего-либо добиваться, когда

предержащая власть предубеждена против тебя, а всемогущий министр тебя ненавидит». Он таким образом остановился на втором из открывавшихся пред ним путей, и надо думать, что сделал он этот выбор после зрелого размышления. Правда, он сам в своих письмах и записках старался представить обстоятельства в несколько ином свете, подчеркивая, что им руководили при этом не грубо эгоистические расчеты, но чувство долга, соединенное с состраданием к печальной судьбе Гатчинского пленника и взаимной благодарностью за то расположение, которое к нему питал Наследник престола. «Чувство благодарности за дружеское расположение Великого Князя, говорит Р., внушало мне решимость доказать ему, в какой мере я ценю это расположение. Видя, что он всеми забыт, унижаем и оставлен в пренебрежении, я не хочу видеть его недостатков, происходящих, быть может, от характера, ожесточенного обидами... Я слишком чужд расчетов честолюбия, чтобы предаваться каким-нибудь мечтам о будущем, но нахожу, что, доказывая ему мою благодарность усердием и живым вниманием ко всему, что до него касается, я только исполняю мой долг». Ростопчин, действительно, как это видно и из других мест его переписки, постепенно привязывался к Наследнику, с которым его, кроме того, до известной степени сближало сходство характеров, та же страстность и порывистость натуры и неудовлетворенность положением, с которым приходилось мириться и тому, и другому; он поэтому с горечью наблюдал развитие в Павле Петровиче отрицательных черт его характера и разного рода причуд, которыми тот «как бы изыскивал все средства внушить к себе нелюбовь»; но в то же время Ростопчин вряд ли был искренен, когда утверждал, что он совершенно чужд расчетов честолюбия и что не они заставили его остаться при Гатчинском дворе. Его стремление к быстрой и верной карьере, его постоянная погоня за расположением лиц, могущих сказать ему в этом отношении услугу, настолько преобладали во все предыдущие годы его службы, что не оставляют никакого сомнения в том, чем, в глубине души, наедине с самим собой, руководствовался он, делая свой выбор. Следует только

припомнить, что здоровье Екатерины II к этому моменту уже успело пошатнуться, и можно было поэтому надеяться на скорую перемену правления. Сам Ростопчин в своих письмах к лондонскому другу неоднократно отмечал ухудшения здоровья Императрицы и, как видно, зорко следил за ними, строя именно на них расчеты на свою будущую карьеру. Впрочем, причудливый характер Павла Петровича, его склонность к быстрым переменам и невозможность, вследствие этого, особенно полагаться на его чувства – все это осложняло положение Ростопчина.

Но некоторые случайные и привходящие обстоятельства вскоре помогли Ростопчину обойти затруднения этого рода. В октябре 1793 г. Р. посватался к родной племяннице фаворитки Екатерины II, ее камер-фрейлины, графини Анны Степановны Протасовой – *Екатерине Петровне Протасовой* (есть указание, что это было уже второе его сватовство: в первый раз он добивался руки княжны Варвары Алексеевны Хованской (ум. в апреле 1788 г.), но потерпел неудачу, так как княжна предпочла ему старика сенатора князя Кирилла Александровича Багратиона). На этот раз, хотя Р. и не сомневался во взаимности Протасовой, но, не особенно надеясь на согласие ее тетки, игравшей при дворе видную роль, прибег к помощи письма для объяснения своих намерений и, кроме того, заручился содействием графа Безбородка. Его сперва попросили обождать, но уже в декабре того же года он мог назвать красавицу Протасову своею невестой, а в начале следующего года в большой церкви Зимнего Дворца состоялось в присутствии Императрицы его бракосочетание (10-го февраля 1794 г.).

Привязанность к молодой супруге заставила Р. тяготиться его служебными обязанностями, тем более что он часто должен был нести дежурство при Наследнике не только за себя, но и за своих манкировавших товарищей. До своей женитьбы Р. охотно оставался безотлучно при Наследнике, теперь же отлучки из дома вне очереди стали его тяготить, и однажды он даже написал по этому поводу резкое письмо к обер-камергеру Двора Наследника И. И. Шувалову, в котором жаловался на своих

товарищей, раскрывал без стеснений истинные причины их уклонений от дежурств и даже обозвал их по этому поводу негодяями. Письмо это получило известность и даже было показано самой Императрице, но та первоначально только посмеялась над всею историей и острословием «сумасшедшего Федьки», не стеснявшегося в выражениях. Между тем, сослуживцы Р., задетые его письмом, коллективно потребовали, чтобы он отказался от своих слов. Когда же Ростопчин отвергнул это предложение, они стали поочередно требовать от него удовлетворения. Дуэли, однако, по каким-то причинам не состоялись; по словам самого Р., причиною этого была трусость его противников, но, тем не менее, по городу стали ходить слухи, будто он сам испугался в последнюю минуту и просил извинения. Взбешенный этим, Р. вызвал на дуэль одного из распространителей этих слухов – Всеволожского; но дуэли помешали, доложив о ней Екатерине II; та приказала нарядить следствие, по окончании которого Ростопчину было предложено на год покинуть Петербург и уехать к отцу в Орловскую губернию. Как видно из всей обстановки этого происшествия, закончившегося для Р. высылкой, ему пришлось пострадать не столько за свой горячий нрав, сколько за близость к Наследнику. Уже по возвращении Ростопчина из ссылки Екатерина II велела ему передать, что она «не имела намерения его наказать, но сочла его удаление необходимым, как единственное средство предотвратить последствия, еще более прискорбные, которые заставили бы ее прибегнуть ко всей строгости законов». Императрица при этом прибавляла, что она даже надеялась «освежить голову Р., и что битый стоит двух небитых». Необходимость же, о которой упоминалось только что в словах Государыни, заключалась в том, что Ростопчина ей пришлось принести в жертву более сильным влияниям, поддерживавшим другую сторону в этом случайном эпизоде, так как Ростопчин задел своим письмом одного из родственников всесильного в то время графа Зубова.

Ростопчин отправился в ссылку вместе с женой и перенес ее совершенно незаметно среди новых семейных забот, вызванных рождением первенца *Сергея* (род. в конце 1794 г.).

Прожив около года в Ливенской деревне своего отца, он снова, вернувшись в Петербург, приступил к исполнению прежних своих придворных обязанностей. Но, совершенно неожиданно для него самого, ссылка сыграла в его дальнейшей судьбе весьма важную роль. Прежде всего, неизбалованный вниманием придворных Великий Князь Павел Петрович был очень тронут поступком Ростопчина и с этих пор начал считать его преданным себе человеком, хотя в действительности поступок Р. скорее вытекал не из его внимательности к Павлу Петровичу, а был вызван лишь необходимостью нести тройную службу и часто покидать свою молодую супругу. Но, тем не менее, расположение Великого Князя к Ростопчину возросло до того, что он, со времени отъезда Р. в ссылку, демонстративно не захотел допускать к себе на дежурство никого из других камер-юнкеров, и те являлись в Гатчину обыкновенно лишь за тем, чтобы тотчас же по представлении Павлу вернуться обратно. Как только Ростопчин возвратился из ссылки, Великий Князь послал передать ему, чтобы он немедленно явился к нему в Павловск, осыпал его знаками своего расположения и стал настаивать на том, чтобы Р. без стеснений посещал его всегда и повсюду, где бы он ни находился и когда бы ему самому ни заблагорассудилось. Наконец, в знак величайшей своей милости, Павел Петрович разрешил Ростопчину носить у себя на службе особый его мундир, каковой милости до этой поры у него не удостоивался еще никто.

Таким образом ссылка Р. оказала окончательное и решающее влияние на его приверженность к Наследнику престола, и в ней надо видеть одну из главных причин их дальнейшего сближения, имевшего такое важное значение в судьбе их обоих. Все же другие обстоятельства, как, напр., подарок военной игрушки, вывезенной Р. из Пруссии и сильно понравившейся Павлу, и т. п. могли играть лишь второстепенное значение в этом процессе. В результате этого сближения Р. вскоре стал необходим Павлу, «как воздух», по его собственным словам: Павел не мог провести без своего любимца ни одного дня, и, если тот почему-либо не появлялся у него во дворце, Наследник спешил послать за ним. Впрочем, не одному только

Наследнику престола Р. внушил чувство привязанности: он пользовался также расположением и Великой Княгини Марии Феодоровны, а Цесаревич Александр Павлович приветствовал его возвращение из ссылки проявлением искренней своей по этому поводу радости.

Р. продолжал оставаться на своем скромном посту камер-юнкера, прикомандированного к малому двору до самого конца 1796 г. и делил время между пребыванием в Гатчине, Павловске и Петербурге. Незадолго до кончины Екатерины II, а именно 2-го ноября 1796 г., он получил от Наследника орден св. Анны 3-й степени. Одно время стали упорно носиться тревожные слухи, грозившие крушением всех его планов, связанных с возможностью скорого воцарения Павла Петровича: Екатерина II вела в это время переговоры с Цесаревичем Александром о назначении его самого Наследником, минуя отца, как вдруг 5-го ноября 1797 г. Великую Императрицу неожиданно сразил удар. Ростопчин в этот памятный для него день находился случайно в Петербурге и должен был вечером отправиться обратно в Гатчину. Ничего еще не зная о случившемся, перед отъездом в Гатчину Р. отправился в Эрмитаж, чтобы проститься с графиней Протасовой, которая пользовалась в этом здании квартирой. Протасову он застал в слезах и тут только узнал о внезапной болезни Екатерины и о том, что нет никаких надежд на ее выздоровление. Там же он встретил разыскивавшего его курьера Цесаревича Александра Павловича, который только в 5-м часу вечера был допущен к умиравшей бабке своей. По выходе из спальни Императрицы Александр подозвал Ростопчина и убедительно просил его немедленно отправиться в Гатчину, чтобы как можно скорее известить отца о безнадежном положении Императрицы, прибавив, что «хотя туда и отправлен уже граф Зубов, но Р. сможет лучше рассказать о сем печальном происшествии от его имени». Р. тотчас же исполнил волю Великого Князя и, приказав запрячь в легкие сани тройку, поскакал по направлению к Гатчине. Спустя час он был уже в Софии, где и встретился со спешившим в Петербург Павлом. Тот сразу же узнал его по голосу и окликнул

его по-французски: «Это вы, мой дорогой Ростопчин?» Затем, расспросив подробно о происшествиях этого дня, он приказал ему следовать за собою, прибавив: «Я люблю видеть вас возле себя». Ростопчин поскакал за каретой Наследника. По дороге они должны были ежеминутно останавливаться, так как беспрерывно встречали посланных из Петербург разными лицами курьеров и при мерцающем свете луны прочитывали записки и донесения.

По прибытии в Зимний дворец Ростопчин все время безотлучно находился при Павле, исполняя различные его поручения и служа посредником между восходившим на трон Государем и слугами минувшего царствования. Павел I своим обращением с Ростопчиным и доверием, ему оказываемым, давал понять всем окружающим, что его давнишний любимец отныне становится его правою рукой. Он вручил ему свою именную печать, которую носил постоянно при своих часах, и приказал ему вместе с генерал-прокурором графом А. Н. Самойловым немедленно опечатать двери кабинета умиравшей Императрицы, а несколько дней спустя, совместно с Великим Князем Александром Павловичем и князем А. Б. Куракиным, Р., по поручению Павла, должен был разобрать бумаги Императрицы; тогда, между прочим, по взаимному согласию участников, было уничтожено завещание Екатерины, которым она хотела отстранить от престола Павла Петровича, назначив вместо него своим преемником его сына Александра. При докладе графа Безбородка, на другой день, Императору Павлу, последний приказал Ростопчину оставаться при докладе, а по окончании его доклада, когда министр иностранных дел собирался удалиться с бумагами, Государь представил ему своего фаворита, говоря: «Вот человек, от которого я не намерен ничего скрывать».

Еще до кончины Екатерины II, когда, однако, по уверению придворных медиков, уже не оставалось никакой надежды на ее поправление, и с минуты на минуту можно было ожидать кончины, Павел, почувствовав себя самодержцем, подозвал к себе Ростопчина и обратился к нему со следующими словами: «Я тебя прекрасно знаю таким, каков ты на самом деле: будь

поэтому откровенен и скажи мне, в качестве кого ты желал бы находиться при моей особе?» Р. не замедлил ответом, и его желания, по крайней мере с виду, были довольно скромны: он просил позволения быть личным секретарем Императора по приему прошений. Павел I, после короткой паузы, ответил ему: «Я не считаю это достаточной наградой для тебя; знай, что я назначаю тебя генерал-адъютантом, но, разумеется, не для того, чтобы ты прогуливался из одного конца дворца в другой с тросточкой в руке, но чтобы ты принимал участие в делах Военной Коллегии». Так как Ростопчин не чувствовал особого призвания к этой, чисто-военной должности, он попробовал убедить Павла назначить его на какую-нибудь другую, но Император остался непреклонен: Ростопчину пришлось примириться с этим назначением и оставаться генерал-адъютантом в течение двух первых лет царствования Павла I.

В качестве близкого к Государю лица, Ростопчину пришлось присутствовать при последних минутах жизни Екатерины II. Выделенный из общей толпы придворных, он стал, вместе с Плещеевым, у изголовья умиравшей, почти рядом с Павлом Петровичем и Марией Феодоровной. «Я никогда не забуду этой минуты, восклицает он в своих, написанных позднее воспоминаниях: она не изгладится из моей памяти до конца моей жизни!»

Тотчас же после смерти Екатерины и по окончании церемонии присяги придворных новому Государю, Павел I, несмотря на поздний час, отправил Р., вместе с Архаровым, позднее исполнявшим должность Петербургского военного губернатора, на Васильевский Остров, привести к присяге старика Алексея Орлова, которому Император не мог простить его участия в событиях 29-го июня 1762 г.

Таким образом, силою исторического хода вещей Ростопчин оказался у самого источника власти. Его надежды и планы блистательно сбылись, и годы, проведенные им возле Наследника в Гатчине, должны были теперь сторицею вознаградить его за долгое терпение. С первых же дней нового царствования на него посыпался поток разного рода милостей и высочайших наград. Будучи назначен еще 7-го ноября

адъютантом Его Имп. Величества (т. е., флигель-адъютантом), бригадир Р. в тот же день получил орден св. Анны 2-й степени; еще через день был произведен в генерал-майоры и сделан генерал-адъютантом, а 12-го ноября стал кавалером ордена св. Анны 1-й степени. 18-го декабря он получил от Государя дом на Неве и Миллионной улице, купленный у камер-юнкера Павла Бакунина за 45000 рублей.

Тотчас же после смерти Екатерины II Ростопчин становится постоянным и влиятельным собеседником Павла I и делит первое время это влияние на нового государя всего с двумя лицами: графом Безбородком и фрейлиной Нелидовой. Отношение придворных к нему не замедлило перемениться: всякий старался теперь попасться ему на глаза, сказать ему какую-нибудь услугу, польстить, в надежде, что новый фаворит замолвит слово перед Императором при распределении ожидавшихся по случаю восшествия на престол милостей.

Помня участие, которое принимал в нем граф Безбородко, Р. счел своим долгом и прямою обязанностью почти тотчас же после пожалования его самого в генерал-адъютанты заступиться перед Павлом I за своего бывшего покровителя, который ожидал себе опалы и просил только об одном – выхлопотать ему чистую отставку. Но благодаря заступничеству Ростопчина Павел не только не проявил никаких признаков недовольствия, но даже просил своего нового генерал-адъютанта передать Безбородку, чтобы тот забыл все прошедшее и не покидал службы, так как его дарования и способности пригодятся Государю. Самому же Р. Павел сказал при этом: «Этот человек для меня дар Божий; спасибо же тебе, что ты меня с ним помирил». Не забывал Р. о Безбородке и впоследствии: это он подал Павлу I мысль возвести старика в княжеское достоинство и щедро наградить землями при коронации. Даже к своему прежнему врагу графу Зубову, больше всех пораженному смертью Екатерины и тотчас же всеми оставленному, Р. постарался выказать свое расположение. Увидя, что Зубов сидит в слезах и не может допроситься стакана воды, а толпа придворных избегает его, точно зачумленного, Р. приказал лакею исполнить требование

Зубова и сам поднес ему стакан с водой. Но по отношению к остальной массе придворных, спешивших заискивать перед любимцем нового Государя, Р. мог испытывать только чувство отвращения. «Пред глазами у меня, – писал он в Лондон Воронцову, – отвратительное зрелище внезапно постигшей смерти; весь этот двор, граф Зубов, покинутый всеми. Ах!.. как люди глупы!» Когда постепенно события при дворе стали принимать обычное течение, Р. сосредоточил свое преимущественное внимание на делах, которые входили в круг обязанностей генерал-адъютанта Императора. Как мы уже указывали, Павел I не совсем обычно толковал эту должность, и Ростопчину, в сущности, пришлось взять на себя заведование всею воинской частью, поскольку она, по крайней мере, сосредоточивалась вокруг личности самого Императора. Он должен был рассылать все приказы Государя и получал все рапорты для представления и прочтения ему. Зная по опыту, как мало можно полагаться на других, Р. предпочитал все делать сам, возлагая на секретарей лишь переписку и наблюдение за внешним порядком. В общем работы по новой должности у него было немало: в 6¼ часов утра он уже должен был ежедневно являться с докладом к Павлу I и оставался при нем до полудня или до 1 часу, а все время после полудня, с 4-х до 9-ти часов вечера уходило на разборку новых депеш и на подготовку к следующему докладу. Но кроме этих, так сказать, очередных дел по его должности, Павел I доверил Ростопчину окончательную редакцию своего Военного Устава, составленного по прусскому образцу. Характер редактирования этого Устава Ростопчиным можно определить тем, что он не ограничился одними детальными поправками, но внес в Устав много существенных изменений, совершенно отступив от первоначального образца. Между прочим, он постарался ослабить значение фельдмаршала в русской армии и соответственно усилил положение инспекторов войск, поступая в данном случае в угоду личным целям, так как инспекция войск была подчинена ему непосредственно, тогда как должность фельдмаршала оставалась и по новому Уставу более или менее независимой. Все эти изменения Устава были одобрены

Павлом I, который вообще привык доверять своему любимцу и легко, по крайней мере первое время, позволял ему себя убеждать.

В конце марта 1797 г. Р. сопровождал Павлу I в его поездке в Москву на коронацию; Император Павел пожаловал своему любимцу 5-го апреля 1797 г. орден св. Александра Невского и кроме того – поместье в Орловской губернии с 473 душами. На обратном пути из Москвы Р. посетил вместе с Государем ряд литовских городов, а по возвращении продолжал занимать прежнюю должность. С 17-го мая 1797 г. Р. нес (до 4-го марта 1798 г., когда был уволен со службы) еще обязанности начальника Военно-походной Канцелярии.

Между тем, при дворе нового государя не замедлили возникнуть влияния разных лиц, стремившихся всецело овладеть вниманием Павла I, чтобы затем постараться использовать его в своих личных целях. С этими влияниями волей неволей приходилось считаться и Ростопчину, раз он не хотел, чтобы его постепенно отодвинули на задний план. Но, проученный опытом, он теперь старался по возможности сдерживать порывистость своего характера, избегал затевать по пустякам ссоры, стремясь, напротив, всеми способами ладить с людьми, окружавшими Павла. Он довольно быстро усвоил нехитрую науку придворной дипломатии и научился обходить подводные камни, снискивая расположение одних или пользуясь услугами и глупостью других. Прежде всего он постарался заручиться прочным расположением к себе тогдашнего обер-гардеробмейстера П. И. Кутайсова. Близкие отношения поддерживал Р. также с князем Безбородком. По отношению же к придворной партии Императрицы Марии Феодоровны, руководимой в то время фрейлиной Нелидовой, Р. придерживался совершенно иной тактики, которая, впрочем, неоднократно менялась, сообразно с обстоятельствами. Еще до восшествия Павла на престол деятельность этой партии давала о себе знать, сильно развивая при дворе дух шпионства. Ростопчин в это время еще сочувствовал Марии Феодоровне и считал для себя унижительным вмешиваться в отношения Великой Княгини к ее интимному другу Плещееву. Того же

сочувственного или, во всяком случае, безразличного отношения продолжал придерживаться Р. по отношению к этой партии и в первое время по восшествии Павла I на престол; но когда вслед за тем влияние партии Императрицы на Павла стало усиливаться и одно время грозило совершенно устранить все посторонние влияния, Р. пришлось, из одного чувства самосохранения, переменить свое прежнее отношение к Марии Феодоровне и фаворитке государя Е. И. Нелидовой и даже противопоставить их влиянию на Павла другие влияния, заменив Нелидову новою фавориткой, А. П. Лопухиной, что ему, в конце концов, и удалось осуществить при содействии Кутайсова и отчасти князя Безбородка. «Жаль, что на Императора действуют внушения Императрицы, которая вмешивается во все дела, окружает себя немцами и позволяет обманывать себя нищим (т. е. эмигрантам)», – так отзывался об Императрице Р. еще летом 1797 года; несколько дальше в том же письме своем к Воронцову он говорит: «Мы, три или четыре человека, отверженные люди для этих дам (т. е., для Марии Феодоровны и для Нелидовой), потому что мы служим одному только Императору, а этого не любят и не хотят». Ростопчину не удалось избежать козней враждебной ему партии, и он был даже удален на время Павлом I; но за то, когда Император, удалив от себя Марию Феодоровну и Нелидову и приблизив вместо них Лопухину, позволил Ростопчину вернуться ко двору, влияние последнего не только упрочилось, но и значительно возросло. Однако, забегая несколько вперед, мы должны сказать, что хотя эта придворная борьба и отразилась на отношениях Р. к Государыне, она не помешала ему немного позже выступить снова в ее защиту, когда пылкий Павел I, не умевший сдерживать своих чувств и не особенно разбиравшийся в людях, поверил взводимым на свою супругу неосновательным обвинениям и хотел было предать ее суду Сената. Ростопчину было поручено написать по этому поводу указ. Для Р. было, конечно, ясно, что подобным поступком Император обесславит себя на всю Европу; поэтому он, невзирая на опасность, какую представляло самое пустое противоречие выраженной воле Императора, не побоялся

высказать ему всю правду. По одной версии он высказал эти соображения лично государю и при этом прибавил: «Я сказал все, как верноподданный Вашего Величества, а теперь делайте со мной, что хотите!» По другой же, как кажется, более достоверной версии, Р. в это время серьезно заболел и написал Павлу I смелое письмо, в котором оправдывал Императрицу, а Император на том же самом письме выразил свое согласие с мнением своего верного слуги.

Между тем, служба Ростопчина при Павле продолжалась; он безотлучно находился при Императоре, который поверял ему все свои самые сокровенные мысли, так как с одной стороны безгранично доверял своему любимцу, а с другой – находил удовольствие в общении с ним, как с оживленным и остроумным собеседником. Удачные остроты Ростопчина, на которые он был мастер, приводили Павла I в восторг, а его разносторонний ум казался Государю незаменимым, так как ловкий придворный часто помогал ему легко преодолевать все затруднения, какие бы ни возникали. В то же время Р. был, конечно, достаточно сообразителен, чтобы считаться с настроениями своего покровителя, не быть докучливым и не надоедать своим присутствием. В самом деле, если даже согласиться, что на сближение Ростопчина с Павлом I оказала главное влияние его прежняя приверженность к опальному наследнику, а также его близость к нему в памятные для Павла Петровича дни восшествия его на престол, то все же необходимо признать, что Р. должен был обладать умением сохранить за собою эту благосклонность Государя; а он действительно пользовался ею (если не считать нескольких мимолетных вспышек Павла I) почти во все время царствования этого Императора и должен был удалиться от двора только за месяц до его кончины. Правда, задача Ростопчина несколько облегчалась тем, что между ним самим и Государем можно было подметить большое сходство и соответствие настроений, благодаря которым между ними часто царила полная гармония. Но все же Р. должен был обладать достаточной чуткостью ко всяким переменам в настроениях своего повелителя, который, как известно, отличался большими

странностями и мог быть сегодня веселым, смеяться, быть полным доброты, а на завтра – стать суровым, озлобленным, мрачным, а порой даже жестоким. В начале 1798 г. произошла первая размолвка Ростопчина с Государем, непосредственным поводом к которой послужили разногласия по службе; настоящей же причиной ее приходится считать козни враждебной Ростопчину придворной партии Императрицы, которая видела в нем, равно как и в ряде других приближенных Павла, помеху для осуществления своих собственных планов. Одновременно с Ростопчиным та же участь постигла и Аракчеева. Детали самого столкновения нам неизвестны, но, судя по уцелевшим письмам Р., оно имело почву в стремлениях Императрицы Марии Феодоровны упрочить свои Германские симпатии. 4-го марта 1798 г. Р. был отставлен от всех занимаемых им должностей, после чего некоторое время оставался не у дел в Петербурге, а затем, 3-го июля, через Москву, отправился в отцовскую деревню. Свое пребывание в Петербурге он употребил на подготовку той интриги, направленной против партии Нелидовой и Марии Феодоровны, о которой мы говорили выше и главным исполнителем которой должен был стать Кутайсов. Интрига эта блестяще удалась, и Ростопчин успел пробыть у своего отца всего три дня, как туда прискакал курьер с письмом от Государя, в котором тот высказывал желание видеть опять при себе своего любимца. Р. тотчас же вернулся в С.-Петербург и уже 24-го августа 1798 г. снова вступил в отправленные прерванных обязанностей начальника Военного Департамента, будучи вновь принят в службу с чином генерал-лейтенанта и с назначением в Свиту Его Величества. Но, помимо прямых его обязанностей, Павел I сплошь и рядом возлагал на него поручения иного рода, когда почему-либо не доверял другим или же желал, чтобы его воля была точно и быстро исполнена. Такой порядок был, впрочем, весьма обычен при этом Государе, который часто, не лишая своих министров занимаемых ими должностей, поручал тому или другому из своих любимцев выполнение какого-либо поручения, тесно связанного с должностью первых. Таким-то образом Ростопчину приходилось неоднократно выполнять

поручения Государя по части дипломатических сношений. Не имея тайн от своего генерал-адъютанта, Павел I охотно посвящал его во все закулисные ходы своей политики, разбирал вместе с ним дипломатическую переписку Екатерины II, часто поручал ему составление деловых писем к иностранным государям и князьям, к начальникам армий и флота; на него же была возложена Павлом и переписка с фельдмаршалом Суворовым и Римским-Корсаковым. Его участие в ведении дипломатических переговоров было настолько сильно, что уже в январе 1798 г., когда князь Безбородко задумал уйти из Коллегии Иностранных Дел, многие обвиняли в этом Ростопчина, предполагая, что он желает освободить это место для себя. Но это обвинение едва ли правдоподобно, особенно, если принять во внимание, что и позднее Р. не чувствовал особого влечения к дипломатической карьере и неохотно соглашался на это назначение; тогда же он прямо отклонял его от себя, откровенно заявляя, что не настолько безрассуден, чтобы домогаться главного заведования делами, когда едва только успел ознакомиться с ними. Тем не менее, вскоре же по возвращении из Ливенской отцовской деревни Ростопчину снова пришлось столкнуться с делами Иностранной Коллегии, а когда, в середине октября 1798 г., из этой Коллегии ушел П. А. Обресков, Павел I назначил Р., 17-го октября, исполняющим обязанности кабинет-министра по иностранным делам, а через несколько дней, а именно 24-го октября – третьим присутствующим в Коллегии Иностранных Дел, с производством в действительные тайные советники. Кроме того, 21-го декабря того же 1798 г. он был Пожалован в командоры ордена Иоанна Иерусалимского, через 10 дней, 31-го декабря, награжден орденом св. Александра Невского с алмазами; затем вскоре, 22-го февраля 1799 г., Ростопчин был возведен в графское Российской империи достоинство, а 30-го марта того же года назначен был Великим Канцлером ордена Иоанна Иерусалимского и кавалером большого Креста этого ордена. 20-го апреля Имп. Павел пожаловал отца Ростопчина, отставного майора, в действительные статские советники и вскоре дал ему орден Анны 1-й ст., вместо княжеского

достоинства, которое он предложил было сыну. Павел хотел также повысить Р. в Коллегии Иностранных Дел и предложил ему место вице-канцлера, но Р., не сознавая за собою особенных способностей к управлению и не желая брать на себя обязанности вице-канцлера, заявил Павлу I, что он почтет это назначение за наказание; однако, вопрос о его повышении вновь возник после смерти князя Безбородка, и с 25-го сентября 1799 года Р. должен был взять на себя исполнение обязанностей первоприсутствующего в Коллегии Иностранных Дел, еще ранее, 28-го июня, получив, на 37-м году от роду, орден св. Андрея Первозванного.

В то время, как вице-канцлер граф Панин с нескрываемым отвращением смотрел на подготавливавшееся самым ходом европейских событий сближение России с Францией, граф Р. исходил из совершенно противоположной точки зрения. Применяясь к изменившемуся настроению Павла I, он старался использовать его в целях политического переустройства Европы. Его планы, правда, не имели ничего общего с рыцарским, бескровным вмешательством Павла, в качестве великого магистра Мальтийского ордена, в европейские дела, приводившее на практике лишь к упрочению чужих выгод за счет России; эти планы Ростопчина скорее можно рассматривать, как в некотором роде возвращение к политическим заветам предшествовавшего царствования. О том, как оценивал в это время сам граф Ростопчин политическую ситуацию, он сам довольно подробно говорит в одном из своих писем к Лондонскому своему другу графу Воронцову: по его словам, он никогда не доверял Англии, которая «последовательно, почти целое столетие, не щадить никаких усилий для полного возобладания на морях», а с другой стороны он не считал опасным для России Францию – прежде всего в силу отдаленности этой страны. Не считая прочным в то время положение во Франции Наполеона, Р. не видел ничего страшного и в восстановлении там республиканского образа правления. Сомнения у него вызывали лишь планы реставрации власти Бурбонов. Аргументируя и неудачами прежних попыток, и осторожностью, с какою вел себя во время

французских войн Суворов, который не решился вступать в пределы Франции, дабы не вызвать поголовного восстания ее населения, граф Ростопчин полагал также, что, приневоленная к обратному принятию Бурбонов, Франция может сказаться уже не в силах «служить уздой для двух наших соседок-завистниц, – Австрии и Пруссии». Таковы были в общем взгляды Р. на внешнюю политику России в тот любопытный момент, когда, по воле Павла I, в этой политике наступил резкий и неожиданный переворот. Между тем, европейские события приняли следующий оборот. В ответ на занятие Англией острова Мальты, в каком-то факте вспылчивый Павел I не замедлил усмотреть личное оскорбление себе, он приказал тотчас же наложить во всех портах Российских «амбарго» на английские суда и товары. В декларации от 23-го октября 1800 года ко всем державам, за подписью графа Ростопчина, было сообщено об этом распоряжении, имевшем целью служить ответом на занятие британским флотом владений великого магистра. Вместе с тем Павел I готовился вступить в тесный союз с представителем начавшей уже успокаиваться после бурных лет революции Франции. Государь поручил обоим влиятельным членам Коллегии Иностранных Дел – Н. И. Панину и Ростопчину, составить докладные записки о том, какого направления в будущем должна придерживаться наша политика. Панин предлагал созвать европейский конгресс и вызывался быть на этом конгрессе уполномоченным самого Павла I. Выступая с этим планом, Н. И. Панин вряд ли мог рассчитывать на его одобрение, и он, действительно, не только не был одобрен, но и облегчил Ростопчину его задачу свести давнишние счета со своим противником: он постарался превратно истолковать Павлу намерения Панина, неоднократно ставил Государю на вид, что вице-канцлер неохотно скрепляет своей подписью рискованные рескрипты и декларации иностранным державам, уклоняясь от этого под всевозможными предлогами, и этим путем в конце концов добился, в середине ноября 1800 года, удаления его из Коллегии Иностранных Дел, а затем и высылки из Петербурга.

Отвергнув план Панина, Павел I остановился на проекте, который защищал Ростопчин и который сводился к восстановлению добрых отношений с Францией, чтобы вместе с последней обрушиться против Англии. Государь приказал Ростопчину составить более подробный мемориал и изложить в нем свои мысли о тогдашнем политическом состоянии Европы. Ростопчин исполнил волю государя и представил свой мемориал, не полагая нисколько, как он сам признавался впоследствии, что этот документ произведет столь важную перемену в политике и станет служить основанием новой системы. Впоследствии, основываясь на этом решении Павла I, Ростопчин любит говорить, что оно «может служить сильным и новым доказательством, что удобная минута в больших и самоважнейших делах содействует возможным прежде и после веками невозможное». Этот мемориал Р. был подтвержден Павлом 2-го октября 1800 г.; им, действительно, руководилась политика России до самой кончины этого Императора. Он представляет из себя, таким образом, явление большой важности и на нем стоит остановить внимание. Записка начинается полной и довольно удачно начертанной картиной Русской политики в то необычное время, которое последовало за победами Суворова в Италии и за разрывом нашего союза с Австрией. Коснувшись при этом политического положения всех иностранных держав, а равно и тех интересов, которые связывали с ними Россию, автор мемориала главное свое внимание сосредоточивает на оценке взаимоотношений России с Англией, Францией, Австрией и Пруссией. Союз с Францией, по мысли Ростопчина, должен был повести к разделу Турецкой Империи, которую он признавал «безнадежным больным, коему медики не хотят объявить о грозящей ему опасности». Насколько известно, эта меткая характеристика Турции сделана была впервые Ростопчиным, и от него получила право гражданства это прозвище Османской Империи. К разделу Турции Р. полагал привлечь Австрию и Пруссию. России должна была достаться, по его плану, «Романия, Булгария и Молдавия, а по времени греки и сами подойдут под скипетр Российский»; Франции предназначался Египет; Австрии – Босния, Сербия и

Валахия; Пруссию же он предполагал удовлетворить расширением ее владений на севере, а из Греции и островов Архипелага – «учредить по примеру Венецианских островов республику». Успех этого плана Р. возлагал на тайну дипломатических сношений и на быстроту его осуществления. Центральная роль в нем была отведена Бонапарту, который должен был увидеть и найти «в предпринимаемом разделе вернейший способ к унижению Великобритании и к утверждению при общем мире всех завоеваний, Францией сделанных». Гораздо слабее была заключительная часть этого мемориала, в которой автор его предлагал Павлу I поручить ему конфиденциальный объезд всех главных европейских дворов для проведения в жизнь задуманной им мысли. По проекту Ростопчина Павел I должен был разыграть сцену устранения его от должностей, чтобы последующая поездка Р. в Западную Европу не привлекла ничего внимания. Этот несколько водевильный конец, быть может, внушенный честолюбивым желанием не уступать никому другому столь важной дипломатической миссии, соединенной с личными сношениями с Бонапартом и главами других держав, вносил известного рода диссонанс в общий тон записки и, по-видимому, не встретил поддержки в Императоре Павле, который на самом мемориале против того места, где Р. развивал план, как лучше обмануть бдительность дипломатов, заметил от себя: «зачем мешать дело с бездельем!» Но если оставить в стороне эту неудачную попытку Р. добиться столь высокой миссии, то необходимо признать, что вообще этот мемориал произвел на Государя сильное впечатление. Он испещрил его своими пометками. Так, напр., к словам Ростопчина, что Англия «вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы против Франции», Государь прибавил: «и нас грешных»; характеристика, данная Ростопчиным Австрии, которая «подала столь справедливые причины к негодованию Государя» и, «вооружась на скорую руку для произведения раздела Франции..., потеряла из виду новейшую цель своей политики» – эта характеристика вызвала следующее восклицание Павла Петровича: «чего захотел от мокрой курицы!» Замечание

Ростопчина, что «Россия с прочими державами не должна иметь иных связей, кроме торговых», Павел I сопроводил восклицанием: «святая истина!» Против слов мемориала, что Англия «своей завистью, пронырством и богатством была, есть и пребудет не соперница, но злодей Франции...», Император на полях пометил: «мастерски писано!» Над предложением уступить Австрии Боснию, Сербию и Валахию он поставил знак вопроса и написал: «не много ль?» Наконец, одобрив весь мемориал Ростопчина, Император Павел в отношении заключительной его части, в которой говорилось, что «если Творец мира... благословит предприятие сие, тогда Россия и XIX век достойно возгордятся царствованием Вашего Императорского Величества, соединившего воедино престолы Петра и Константина, двух... основателей знатнейших Империй света» – с грустью заметил: «А меня все-таки бранить будут!» Само одобрение предложенного Ростопчиным дипломатического плана Император выразил в следующих торжественных словах, помещенных сверху докладной записки: «Апробуя план ваш, желаю, чтобы вы приступили к исполнению оногo. Дай Бог, чтоб по сему было». Трудно сказать, насколько Ростопчин успел подвинуть выполнение этого плана. Занятый тысячею других очередных дел, он не мог отдаться целиком этому делу и постоянно должен был отвлекаться в сторону, но во всяком случае коренной перелом внешней политики Павла I был произведен при его непосредственном участии не только в виде наложения эмбарго на английские суда, но и в виде заключения ряда конвенций о восстановлении вооруженного нейтралитета против Англии. В частности же для осуществления нового курса политики Императора Павла I была учреждена в С.-Петербурге конференция под председательством графа Ростопчина, главным предметом деятельности которой было осуществление союза трех Северных морских держав с целью положить конец своеволию английских крейсеров. Ростопчину удалось довольно легко склонить к этому союзу Швецию, которая охотно пошла навстречу планам Императора Павла и согласилась наложить эмбарго на британские корабли, но Дания уклонилась от этого.

Тогда Р., дабы принудить и Данию примкнуть к союзу, предложил отозвать Русского посланника из Копенгагена.

Вместо самого Ростопчина в Париж был послан генерал Спренгпортен, назначенный официально для приемки пленных, но проекты Ростопчина столкнулись при этом с собственными планами Наполеона, переговоры затянулись, а вскоре Ростопчину пришлось покинуть пост Министра иностранных дел. Необходимо прочесть и заметить, что все описанное усвоение Павлом I политической системы Ростопчина надо принимать со значительными оговорками, ни на минуту не забывая личных особенностей этого Государя, который не допускал никакого противодействия малейшим своим желаниям. Сам Ростопчин впоследствии писал, что он не мог иметь своей системы «при Государе, который все хотел делать сам, который требовал, чтобы повеления его исполнялись немедленно... Приходилось наблюдать крайнюю осторожность, ловить благоприятные мгновения и пользоваться добрым расположением его духа, чтобы достигнуть отмены отданного приказания, разубедить его в чем-либо и склонить к мерам, которые почитал я лучшими».

Другим результатом дипломатической деятельности Ростопчина было его содействие благополучному окончанию завязавшихся в то время переговоров Павла I с последним Грузинским Царем Георгием XII. Хотя самый факт присоединения Грузии произошел лишь при Александре I, когда Ростопчин был отстранен от дел, тем не менее, вся почва для присоединения этого царства к России была подготовлена именно им. Будучи уполномочен Павлом I вести переговоры с Грузинскими послами, Ростопчин еще 14-го ноября 1800 г. объявил им о решении Императора принять во всегдашнее подданство Царя и весь его народ. Согласно утвержденной Павлом I записке Ростопчина, предполагалось, принимая Грузию в Русское подданство, не чинить населению ее особых стеснений в их внутреннем управлении. Он находил возможным предоставить им право выбирать судей, гражданских и духовных представителей и только для общего надзора находил нужным командировать в Тифлис Русского чиновника, который бы следил за правосудием и порядком внутреннего управления.

Он предлагал также Павлу I обещать Георгию XII сохранение за ним права на престол до самой смерти, а после его кончины утвердить его сына Давида в звании генерал-губернатора с титулом Царя и таким образом причислить самую страну к числу русских губерний, под названием «Царства Грузинского». Он настоял также, чтобы, для защиты присоединяемых земель, были посланы на Кавказ новые войска. Самый план присоединения был им выработан такой. Двое из прибывших в Петербург Грузинских послов, посланных Георгием XII хлопотать о присоединении Грузии к Русской державе, должны были отправиться обратно, чтобы отвезти Царю условия, на которых Павел I согласился принять Грузию под свое покровительство и, заручившись как согласиём самого Георгия, так и Грузинского народа, вернуться в С.-Петербург. В письме к Георгию XII Ростопчин просил его, по рассмотрении условий, не задерживать послов, но, в случае согласия, утвердить их своею подписью и возвратить в Петербург вместе с благодарственной грамотой. Одновременно же он предложил посланному Павлом I на Кавказ Кноррингу прилагать все усилия к тому, чтобы до момента опубликования манифеста о присоединении Грузии «вещи в той земле остались в первобытном их положении»; советуя тому же Кноррингу успокоить Грузинских послов насчет их соседей, он указывал ему на всю важность выполнения этого для успешного окончания его миссии; если, писал он ему, «все приведено будет в должный порядок, и мы будем иметь удовольствие соучаствовать в деле, столь Богу и Государю угодном». Но когда вслед за тем осуществление этого плана замедлилось вследствие неожиданной кончины самого Георгия XII, который умер еще до возвращения послов в Тифлис, Ростопчин постарался заинтересовать Павла I в немедленном же присоединении Грузии, указав ему на ту пользу, которую может сказать России этот край на случай возможных столкновений с Англией, а также по отношению к Турции, в случае обострения Восточного вопроса, и настоял на обнародовании в Петербурге манифеста о присоединении этого царства 18-го января 1801 г. Эта мысль так понравилась Павлу I, что он живо интересовался положением вопроса о Грузии и

задолго еще начал готовиться к торжественной встрече Грузинских послов. Продолжая еще в январе 1801 г. вести переговоры с оставшимся в Петербурге послом Георгия XII, князем Чавчавадзе, Ростопчин подтвердил ему незыблемость прежних условий, на которых, согласно манифесту, Грузия присоединялась к России на вечные времена. Таково было участие Ростопчина в этом деле.

За время деятельности Ростопчина в Коллегии Иностранных Дел, ему пришлось участвовать в составлении и ратификации следующих договоров с различными иностранными державами: 17-го ноября 1798 г. Ростопчин участвовал в заключении договора с Неаполитанским двором сроком на 8 лет, по которому Россия обязывалась охранять союзника против Франции и вместе с Турцией брала на себя охрану Сицилийских берегов. 16-го декабря того же года им был заключен 12-летний дружественный договор России с Португальским двором, заключающий в себе 37 статей, касавшихся главным образом торговли и мореплавания, а 17-го декабря при его участии был подписан оборонительный союз с Великобританией против Франции, по которому Россия обязывалась выставить для войны 45-тысячное войско, Англия же должна была содержать его на свой счет. В 1799 г. 10-го июня Р. подписал новую конвенцию с Англией, изменявшую несколько условия предыдущей, но носившую по-прежнему оборонительный характер и направленную против успехов революционной Франции; по этой конвенции проектировалось изгнать французов из семи соединенных островов: Корфу, Занта, Кефалонии, Сант-Мавра, Итаки, Пикса и Чериги и образовать из последних Греческую республику. Согласно этой конвенции Россия выставляла всего 17593 человека, а Великобритания – от 8000 до 13000 и, кроме того, на последнюю было возложено прокормление союзной армии и снабжение Русской кавалерии лошадьми. В том же 1799 г. Ростопчиным были заключены и подписаны, в качестве первоприсутствующего члена Коллегии Иностранных Дел, несколько других оборонительных договоров с Европейскими державами, а именно: с Португалией (7-го сентября 1799 г.); обе

стороны улавливались о взаимной помощи для охраны союзных владений, а также для поддержания спокойствия в Европе. Россия обязывалась выставить в случае надобности 6000 пехоты, а Португалия должна была в подобном же случае прислать на помощь своей союзнице 6 военных судов. 20-го сентября того же года был заключен договор с Баварией, по которому Император Павел I брал на себя защиту Баварских владений и их охрану при заключении общего мира, а также брался ходатайствовать перед Великобританией о назначении Баварии денежной субсидии на содержание 20000 отряда регулярного войска; Бавария же ограничивалась лишь признанием Павла I великим магистром ордена св. Иоанна иерусалимского и соглашалась восстановить этот орден в своих владениях. Наконец, 17-го октября 1799 года был заключен и подписан Ростопчиным 6-летний оборонительный договор со Швецией; обе державы обязывались иметь наготове и немедленно выставлять, в случае надобности, вспомогательные войска: Россия – 12000 пехоты, 4000 кавалерии, 9 линейных кораблей и 2 фрегата, а Швеция – 8000 пехотинцев, 2000 конных, 6 линейных кораблей и 2 фрегата. Жалованье вспомогательному войску уплачивала та сторона, которая прибегала к посторонней помощи. Обе державы, кроме того, обязывались во время войны не вступать в переговоры о мире или перемирии без взаимного согласия, и, наконец, особой статьей договора разрешалось Шведскому королю ежегодно закупать в Русских Балтийских портах по 50000 четвертей хлеба, не платя за него пошлины.

16-го августа 1800 года Павел I поручил Ростопчину вместе с графом Паниным составить текст декларации, которою Русский Император приглашал Датского, Прусского и Шведского королей возобновить вооруженный нейтралитет, существовавший между этими державами в 1780 году против Англии. На основании этой декларации Ростопчиным были заключены следующие две конвенции: одна тогда же со Шведским двором о защите свободного мореплавания; 6-го декабря такая же конвенция была подписана и с представителями Пруссии, а 15-го февраля 1801 года (т. е., уже

после ухода Ростопчина из Коллегии Иностранных Дел) к ней примкнула, наконец, и Дания.

Следует также упомянуть, что Ф. В. Ростопчину неоднократно удавалось удерживать вспыльчивого и неуравновешенного Павла Петровича от рискованных шагов, последствием которых должно бы было быть объявление войны; три раза, по его настояниям, отменялось объявление войны с Пруссией, и дважды он предотвратил разрыв дипломатических сношений с Австрией. Удавалось ему равным образом удерживать Павла и от других рискованных шагов; так, напр., со слов младшего сына Ростопчина – графа Андрея Федоровича, известен следующий эпизод, характеризующий отношения Ростопчина к Государю. Однажды, во время парада, Павел Петрович заметил, что сукно, поставляемое русскими фабрикантами для солдатских мундиров, никуда не годно. Взбешенный этим, он, возвратясь во дворец, тотчас же послал за Ростопчиным и приказал тому немедленно же, в его присутствии, написать графу Воронцову, чтобы тот передал поставку сукон для всей Русской армии Английским фабрикантам. Ростопчин пытался возразить, что это распоряжение должно повлечь за собой закрытие всех русских фабрик, разорить их владельцев и т. п., но его возражения лишь раздражали Государя, и он все-таки принужден был написать это письмо. Государь прочел его, подписал и приказал отправить. Но перед отправкой Ростопчин успел сделать к письму приписку, поместив после подписи Государя следующее обращение к своему Лондонскому другу: «Не выполняйте этого повеления, потому что он не в моем уме». Но Павел I, ходивший в это время по своему кабинету, заметил, что Ростопчин снова взялся за перо. «Мне сдается, Милостивый Государь, – обратился он тогда к Ф. В., – что вы осмелились что-то прибавить к моему приказанию». Ростопчин утвердительно ответил и подал Государю письмо. Тот прочел приписку, побледнел, начал нервно ходить взад и вперед, но через несколько мгновений овладел собой и, бросив письмо в пылавший камин, обнял Ростопчина и сказал ему: «Спасибо тебе, ты прав; молю Бога, чтобы все мои слуги могли походить

на тебя». В качестве первоприсутствующего Коллегии Иностранных Дел, граф Ростопчин озаботился выработкой новых штатов, которые и были введены при нем, но сам он все время довольствовался жалованьем, полагавшимся третьему члену Коллегии, хотя исполнял обязанности Канцлера. Впрочем, по отзывам некоторых современников, Ростопчин оставался при этом не в накладе, так как только за заключение договоров и бракосочетаний, помимо наград орденами, успел получить за годы своей дипломатической карьеры свыше 300000 рублей деньгами.

Одновременно с деятельностью в Коллегии Иностранных Дел Ростопчину приходилось нести еще и другого рода обязанности. 31-го мая 1799 г. на имя графа Ростопчина последовал следующий указ: «Для приведения в желаемый порядок Почтового Департамента вообще, всемилостивейше повелеваем Вам быть Главным Директором оног... и по всем делам относиться непосредственно к Нам, оставляя в прежних должностях». Деятельность Ростопчина в качестве Главного Директора Почтового Департамента выразилась, между прочим, в том, что 24-го апреля 1800 г. был санкционирован его доклад о постепенном развитии в России сети почтовых станций. Вместо существовавшей в то время 81 станции, Ростопчин проектировал довольно густо покрыть всю Россию сетью новых контор и станций; всего было намечено им к открытию 377 губернских и уездных контор и 2975 почтовых станций. Но самому Ростопчину удалось лишь приступить к осуществлению этого обширного проекта. В том же году им был введен весовой и полупроцентный сбор с денежных сумм и посылок; при нем же, наконец, впервые была введена пересылка почтою денег за границу. Впоследствии Р. ставил себе в заслугу то, что при нем доходы почтового ведомства удвоились вследствие прекращения им злоупотреблений и краж. Кроме того, он настоял на отмене проекта бывшего Московского, а затем и С.-Петербургского почт-директора Пестеля, который, под предлогом усиления почтовых доходов, предлагал запретить перевозку писем иначе, как по почте, и проектировал наделить губернаторов, комендантов и вообще представителей

администрации правом обыскивать всех проезжающих и конфисковать перевозимые ими письма.

Благодаря настояниям Ростопчина, было введено отбывание рекрутской воинской повинности в Лифляндии, Эстляндии, Финляндии и в Польских губерниях наравне с остальными частями Империи. Он выхлопотал также указ об учреждении 80 командорств, каждое с доходом не менее 300 рублей в год, для офицеров, отличившихся на войне, и их семей.

28-го июля того же 1799 года, за усиленную деятельность, Ростопчин был награжден орденом св. Апостола Андрея Первозванного. На Ростопчина, кроме того, было возложено с 1799 г. заведование делами по бракосочетаниям и ему же поручалось Императором проведение целого ряда других дел, часто в обход и устранение других ближайших помощников Павла I. Из этой деятельности Ростопчина здесь следует отметить его упорную борьбу с иезуитами, которую он провел вместе с епископом Станиславом Сестренцевичем. Последний представил через Ростопчина сочиненный им Регламент для церквей и монастырей римско-католического исповедания в Российской Империи, каждый параграф которого являлся чувствительным ударом как для иезуитов, так и для всего черного духовенства, так как указывал на злоупотребления их. Регламент этот был утвержден Павлом, а кроме того, по настояниям графа, Государь издал еще в 1798 г. особый указ об уничтожении съездов католического духовенства. Эти многообразные обязанности отнимали у Ростопчина весь день, так что часто у него не было не только свободной минуты на необходимый для поддержания здоровья моцион, но порой и для еды. «В четыре года адской работы, – писал он сам: я разрушил себе здоровье и пришел к уверенности, что смерть застигнет меня врасплох...» Тяжесть служебных обязанностей, возложенных на него Павлом I, усиливалась еще более тою атмосферой, которая постепенно скоплялась вокруг Государя. Из-за неуравновешенности Павла I никто не мог поручиться за то, что готовить ему завтрашний день. Еще в декабре 1798 года Ростопчину пришлось испытать на себе самом перемену в

расположении Императора: за то, что, будучи тяжело болен, он не мог быстро явиться по зову Государя (Ростопчин жил тогда на Английской набережной), ему было вообще запрещено являться ко двору. Но эта вспышка Павла I на своего любимца была лишь мимолетной и снова прошла, благодаря заступничеству Кутайсова. Когда обиженный этой немилостью Ростопчин подал прошение об отставке или хотя бы только об отпуске для лечения, Павел I отказал ему и в том, и в другом, приказав вступить в отправлении прежней должности с 8-го декабря 1798 г.

Однако Ростопчин, по-прежнему пользуясь расположением Государя, начинал уже тяготиться службою. Он чувствовал себя не вполне приспособленным к придворной атмосфере, значительно усложнившейся в последние годы царствования Павла I, где все должны были быть всегда начеку и где нельзя было не иметь врагов. «На меня косо смотрят в публике, – писал Ростопчин своему другу в Лондон, – полагая, что я пользуюсь доверием Государя, которого не любят. Многие министры подозревают меня в приверженности к демократическим началам, потому что я был близок с графом Кутайсовым, находившимся под влиянием француженки Шевалье, муж которой слывет ярым якобинцем. Я убежден, что Императрица и Наследник терпеть меня не могут...» «Я ненавижу происки, – писал он в другом письме; если бы даже я хотел ими заняться, то мой характер и моя наружность представляют к тому неодолимое препятствие... Я не обнаруживаю самой слабой человеческой струны, – именно корыстолюбия. Я ничего не просил для себя и не буду просить. Это знают и это-то не нравится...»

Ростопчин, действительно, выделялся среди других придворных Павла I своею щепетильностью относительно личных просьб, Император сам никогда не забывал своего любимца и, помимо беспрестанных служебных наград, знаков отличия и поместья, пожалованного во время коронации, подарил Ростопчину в разное время более 3000 душ крестьян в Орловской и Воронежской губерниях и, кроме того, особо 33000 десятин земли в последней губернии. В апреле 1799 года он

даже предложил своему фавориту княжеский титул, но Р. предпочел отказаться от этой новой милости, упросив Государя, вместо того, произвести его старика-отца в чин действительного статского советника и наградить его орденом св. Анны 1-й степени. В рескрипте Павла I по этому поводу говорилось: «за верность и преданность нашего действительного тайного советника графа Ростопчина и в знак нашего к нему благоволения, всемилостивейше жалуем отца его, отставного майора Ростопчина, в наши действительные статские советники, увольняя его от всех дел». Кроме того, сам Ростопчин был награжден следующими иностранными орденами: французским – св. Лазаря, неаполитанским – св. Фердинанда, баварским – св. Губерта и сардинскими: св. Маврикия и Аннонциады, (последний орден давался весьма немногим и считался весьма важным). Наконец, 14-го марта 1800 г. он был назначен членом Совета Императора. Но, несмотря на все эти почести, Ростопчин все более и более тяготился своей службой при Павле I. Его, прежде довольно близкие отношения к князю Безбородку испортились, когда последний, во время размолвки Ростопчина с Павлом I, выказал по отношению к первому холодность и этим восстановил его против себя. Но, разойдясь с Безбородком, Р. должен был почувствовать себя почти одиноким среди толпы придворных Павла. Это чувство одиночества еще более усилилось, когда при дворе стало возрастать влияние графа Палена, назначенного на пост Петербургского военного губернатора. Последний постарался поссорить Ростопчина с графом Кутайсовым и без труда добился этого. В то же время, с усилением Палена, влияние Ростопчина на Императора начало заметно падать, чего он также не мог не заметить. Все это должно было действовать на Ростопчина, а те интриги, жертвой которых он вскоре стал, и которые постоянно заставляли его самого быть настороже, еще более ухудшили его положение. Он начал в это время жаловаться на свою участь: «Труды мои напрасны. Я ни на что не годен и только убиваюсь, глядя на то, что делается и чему воспрепятствовать я не могу». Ему приходилось в это время тщательно обдумывать каждый свой шаг и малейший поступок,

чтобы не дать случайно оружия против себя в руки врагам и тайным завистникам. Но борьба все-таки оказалась для него не по силам. Собственными руками Ростопчину пришлось подписать, в начале апреля 1800 года, отставку своего друга, Лондонского посла графа С. Р. Воронцова. Пересылая ему этот рескрипт, он присовокуплял в записке, написанной шифром, к которому он все чаще должен был в это время прибегать и в своей личной переписке: «Видите, что мне приходится подписывать, и могу ли я оставаться. Если с вами так поступают, чего ждать мне?». Он, как видно, предчувствовал, что ему не удержаться долго на своем месте. Охлаждение к себе Павла I он в это время объяснял происками враждебной партии графа Панина, которая ему мстила за разрушение ее планов: «За разрушение союза с коварным Венским двором означены четыре жертвы: князь Суворов, граф С. Р. Воронцов, Англия и я. Три первые принесены, а я еще остался, но весьма холодно и спокойно ожидаю своего жребия». Временно, затем, его положение улучшилось, когда Павел I принял его мемориал о внешней политике России и поручил ему, в октябре 1800 года, приступить немедленно к его выполнению. Но улучшение это было очень непрочное, и, начиная уже с декабря того же года, Ростопчин снова начал думать о своей отставке. «Мне противно покидать службу на 38-м году возраста, но я сказал себе, что оставаться долее нельзя», – писал он в конце 1800 г. Воронцову. В другом письме, адресованном неизвестному и писанном почти накануне отставки, он выражается еще определеннее и со свойственной ему резкостью: «Я не в силах долее бороться против каверз и клеветы и оставаться в обществе негодяев, которым я неугоден и которые, видя мою неподкупность, подозревают, и – не без основания, что я противодействую их видам. Лишь бы мне позволили жить в Воронове (недавно приобретенное им имение под Москвою) с женой, вот чем ограничивается все мое домогательство». Непосредственным поводом, повлекшим за собою окончательное удаление Ростопчина от Павла I, послужило следующее обстоятельство. Заведуя, в качестве Директора Почт, перлюстрацией писем, Р. обратил однажды внимание на

одно письмо, не совсем ясное по содержанию и сильно напоминавшее ему почерк ненавистного графа Панина, в то время уже удаленного от двора и даже сосланного в Москву. Письмо показалось Ростопчину подозрительным, и он, не долго думая и не проверив своих догадок, тотчас же представил его Павлу I, заявив, что письмо принадлежит Панину. Привыкший доверять своему верному слуге во всем, Павел I поверил ему и на этот раз, тем более, что почерк письма и ему показался схожим, и тотчас же отдал приказ уличить графа Панина и сослать его за 2000 верст от Москвы. Но скоро Ростопчину пришлось раскаяться в том, что он так легкомысленно отдался чувству ненависти против Панина, забыв свою обычную осторожность: нашелся истинный автор письма, который, из чувства расположения к Панину, открыл свое имя и объяснил истинный смысл своего письма, вообще довольно невинного. При посредстве Кутайсова, который в это время уже был враждебно настроен графом Паленом по отношению к Ростопчину, обо всем этом было доложено самому Павлу I. Доводы этих лиц были так энергичны и так убедительны, что Государь не мог ни на минуту усомниться в их истинности и, говорят, при этом воскликнул: «Ростопчин – настоящее чудовище! Он хочет сделать меня орудием своей личной мести; так пусть же последствия ее падут на него самого!».

20-го февраля 1801 года, т. е. ровно за 3 недели до кончины Павла I Ростопчин был по прошению уволен от всех занимаемых им должностей с чином действительного тайного советника; ему кроме того было приказано отправиться к себе в подмосковное имение, куда он вскоре же и уехал вместе с семьей. Эта немилость Павла I к Ростопчину, который до того почти не переставал пользоваться доверием Государя, казалась всем худым предзнаменованием. Действительно, она не замедлила повлечь за собой ряд других перемен. С удалением Ростопчина Император лишился последнего из своих прежних любимцев, преданных ему во всяком случае искренно и которых ему теперь не кем было заменить. Сам Р. впоследствии не раз заявлял, что не будь он удален из Петербург и продолжай занимать пост директора Почтового Ведомства, он несомненно

расстроил бы план заговорщиков. Быть может, подобное заявление его и слишком самоуверенно, но несомненно то, что он являлся большой помехой для графа Палена, который поэтому и постарался отстранить его от Павла.

Оценивая разностороннюю деятельность Ростопчина при Павле I, которая неоднократно подвергалась голословному осуждению, мы должны признать, что он отдавал этой службе все свое время, не щадя здоровья, и оказывал более или менее значительное влияние на ход как внешней, так и внутренней политики почти во все время царствования этого Государя. За исключением двух весьма коротких перерывов он в продолжение пятидесяти месяцев был крупным деятелем этого царствования. Необходимо также признать, что Ростопчин, наряду с графом Паленом и Кутайсовым, пользовался действительным значением при Павле I. Его нельзя ставить в один ряд со всеми прочими крупными и мелкими царедворцами, постоянно окружавшими Императора и известными, в истории под именем «гатчинцев», т. е. людьми, умевшими с усердием и точностью исполнять волю государя, но которые, не отличаясь ни умом, ни образованием, сказались не в состоянии возвыситься до более широкого понимания государственных задач, но всегда привыкли следовать букве велений Императора, а не духу их. Павел I вскоре же раскаялся в своей вспыльчивости по отношению к Ростопчину. Всемогущество Палена начинало его тяготить и даже пугало подозрительного монарха. Существует рассказ, очень характерный, хотя и похожий на анекдот, что в одну из таких минут он, тайком от Палена, написал своему старому любимцу письмо, в котором просил забыть обиду и немедленно вернуться в Петербург. Но так как это письмо было отправлено по почте, оно не миновало рук графа Палена. Последний на следующее утро показал его самому Императору, заявив, что под его руку подделываются враги. Смущенный, Император принужден был промолчать, дабы не показать, что он сам был автором этого письма. Таким образом попытка эта успеха не имела. Впрочем, известна и другая версия, согласно которой Имп. Павлу удалось переслать Р. короткую записочку, состоявшую всего из пары строк:

«Возвращайтесь немедленно; вы мне крайне необходимы. Павел». Согласно этой версии, Ростопчин поспешил исполнить желание своего государя, но едва успел он приехать в Москву, как там уже стало известно о скоропостижной смерти Павла I. Прямолинейный по своей натуре Ростопчин тем с большим осуждением отзывался о тогдашних событиях придворной жизни, что к покойному Государю он был действительно искренно привязан и сохранил это чувство до конца своей жизни. Он не воздерживался от резких осуждений как всей партии Палена, так и самого Александра Павловича, а так как суждения эти не оставались для последнего тайной, то и помимо прочих причин они должны были отдалять Ростопчина от молодого Государя. Известно, напр., что до сведения Александра Павловича дошло письмо Ростопчина, писанное им в 1806 г, своей свояченице княгине Голицыной, в котором он высказывал уверенность, что Аустерлицкое поражение явилось «божеским наказанием» за 12-ое марта. Но помимо этого у Ростопчина с Александром Павловичем были, конечно и старые счеты, под влиянием которых он, еще задолго до кончины Павла, писал графу Воронцову в Лондон, что Наследник его «ненавидит»; наконец, молодой государь, являвшийся во многом полною противоположностью своему отцу, поспешил с первых же шагов своего царствования окружить себя тесным кругом молодых сподвижников, воодушевленных прогрессивными стремлениями, и сперва заодно с ними, а позднее рука об руку со Сперанским энергично принялся за обновление и переустройство большинства сторон государственного порядка. Ростопчин по своим взглядам и административным навыкам совершенно не гармонировал с веяниями нового царствования; он не сочувствовал большинству реформ, проводимых Александром I; на попытки последнего приняться за разрешение крестьянского вопроса путем уничтожения крепостного права смотрел с нескрываемым ужасом, пророча России все беды и напасти, которые пришлось пережить в эпоху революции Франции; к сподвижникам же Александра Павловича он также не мог питать особых симпатий, считая их либо «мальчишками», либо выскочками,

вроде Сперанского. Все это, вместе взятое, совершенно лишило его возможности возобновить при Александре I свою служебную карьеру.

Оставшись не у дел, Ростопчин посвятил свои силы деятельности на поприще улучшения отечественного сельского хозяйства. Такое стремление к сельскому хозяйству родилось у него, вероятно, не сразу, а скорее всего под влиянием забот о приведении в порядок его собственного, довольно значительного, но обремененного долгами имущества. Незадолго до выхода в отставку при Павле I Ростопчин приобрел под Москвой (в 50 верстах по старой Калужской дороге) получившее впоследствии, в 1812 году, всеобщую известность поместье Вороново (принадлежавшее затем графу Шереметеву, а ныне г. Сабурову). Кроме того, он располагал значительным количеством земли в Орловской и Воронежской губерниях. Поселившись сперва в Воронове, Ростопчин предался разного рода хозяйственным заботам и вскоре действительно упорядочил свои дела. Но, не довольствуясь достигнутыми результатами, а быть может и тяготясь однообразием деревенской жизни, Р. вскоре решил повести свое хозяйство шире, сделав его некоторым образом образцовым; с этой целью он стал разводить сперва у себя в Воронове, а затем и в других своих имениях хорошие по роды скота, выписывая из Англии овец и баранов, с севера России – рогатый скот, а из Англии и Аравии скаковых лошадей. Вскоре у него образовался конный завод в селе Воронове (основан в 1802 г.); позднее другой такой же завод был учрежден им в селе Анне, Бобровского уезда Воронежской губернии, куда в 1812 г. были переведены и все лошади Вороновского завода. Относясь серьезно к конскому спорту, Р. ставил целью своей деятельности на этом поприще получение такой породы лошадей, которая, обладая высокими качествами английских и арабских скакунов, в то же время всего лучше отвечала бы условиям русского коннозаводства. В качестве коннозаводчика Р. часто не шел вслед за другими, а применял им самим продуманные методы и приемы, в результате применения которых выпускаемые им лошади действительно отличались некоторыми настолько

своеобразными качествами, что даже создалась особая порода их, известная под именем «Ростопчинской», пользовавшаяся довольно долго заслуженной славой и не однократно побеждавшая на скачках и бегах. Аннинский завод Ростопчина продолжал существовать до самой смерти Р., а затем перешел во владение его сына графа *Андрея Федоровича Ростопчина* и последним был продан в 1845 г. Главному Управлению Государственного Коннозаводства в количестве 240 голов.

Помимо конского завода, как мы уже упоминали, Р. заботился и о разведении и улучшении пород домашних животных, причем его преимущественное внимание было обращено, однако, не на них, а на улучшение и развитие всей вообще техники сельского хозяйства. Имея это в виду, он не только производил сам опыты по усовершенствованию русской сохи, по устройству разного рода молотилок, но и задался целью создать у себя в имении образцовую школу сельского хозяйства, в которой как его собственные крестьяне, так и крестьяне соседних помещиков могли бы получать элементарное, но по возможности всестороннее знакомство с основными правилами сельского хозяйства. Такая школа позднее была действительно основана им в Воронове; преподавание в ней было поручено двум шведам: Паттерсону и Гумми. С поступающих в нее чужих крестьян взималась самая малая плата; ученики могли приобретать на льготных для себя условиях усовершенствованные орудия, а также образцы семян и удобрений. Срок обучения не превышал восьми месяцев.

Во время жизни в Воронове Р. сохранял за собой руководство деятельностью этой школы, уделял ей немало забот и попечений и даже попробовал выступить в печати с пропагандой своих сельскохозяйственных затей, защищая, между прочим, отечественную соху в противовес английскому плугу. В этом первом выступлении Р. уже чувствуется его привязанность ко всему русскому и протест против иностранных новшеств: «То, что соделалось в других землях веками и от нужды, мы хотим посреди изобилия у себя завести в год. Теперь проявилась скоропостижно мода на английское земледелие, и английский фермер столь же начинает быть нужен многим

русским дворянам, как французский эмигрант, итальянские в домах окна и скаковые лошади в запряжку». Одновременно с этим не прекращал он и своих собственных хозяйственных занятий, ради которых часто вставал в пятом часу утра, проводил целые дни в поле, то пробуя засеять озимый ячмень, американский овес, сирийскую и мексиканскую пшеницу, то производя опыты по унавоживанию полей землей из пруда или купоросной кислотой. Одно время он так измучился от забот и хлопот, что, в связи с запутавшимися делами, хотел было продать свое Вороново в казну, дабы, благодаря этой операции., покрыть свои долги; он даже сделал кое-какие шаги в этом направлении через В. П. Кочубея, но покупка эта не состоялась, – и все осталось по старому.

Жизнь Р. в Воронове была довольно однообразной и уединенной; он, правда, пробовал развлекаться музыкой, а также позаботился обставить свой дом, заново им самим перестроенный, возможно пышнее, не жалея средств на украшение его произведениями искусства; но, несмотря на это, он и сам почти не ездил к соседям, и еще реже принимал их у себя. Его отношения к крестьянам складывались также не всегда благоприятно. Крепостник по убеждению и русский барин времен Екатерины по природе, Р. считал себя «отцом» своих крепостных. В то же время он не был охотником до всякого рода новшеств; и хотя, с одной стороны, напр., известно, что он простил своим крестьянам свыше 30000 недоимки за забранные ими хлеб, лес и т. п. предметы, но за то с другой – ни за что не соглашался отпускать их на оброк, грозя сослать непокорных в Сибирь. Хотя установленное им обложение не было слишком тяжелым, однако, крестьяне тяготились им. Но сельское хозяйство все же не могло захватить Ростопчина всецело; даже отдаваясь ему, он не переставал надеяться, что его устранение от государственной службы лишь кратковременно и вплоть до 1812 г. предпринимал целый ряд попыток приблизиться к Александру Павловичу. Одна из первых таких попыток его относится к тому моменту, когда Россия в 1806 году очутилась перед возможностью кровавого столкновения с Наполеоном. Изданный Александром I манифест об учреждении по

губерниям ополчения, породил у Ростопчина надежду, что молодой Государь, принужденный тяжелыми обстоятельствами, должен будет вспомнить о верных слугах своего отца,...и он счел поэтому уместным напомнить ему о себе письмом от 17-го декабря 1806 года, стараясь обратить его внимание на опасность, которую могли представить оставшиеся в России иностранцы, поспешившие принять Русское подданство. По его мнению, все они почти поголовно являлись тайными врагами России и были заняты пропагандой освободительных идей среди крепостного населения, которое, по словам графа, «уже ждет Бонапарта, дабы быть вольными». Для прекращения этой пропаганды, а равно и в целях поддержания дворянского сословия, Р. просил Александра I: «Исцелите Россию от заразы и, оставя лишь духовных, прикажите выслать за границу сонмище ухищренных злодеев, коих пагубное влияние губит умы и души несмыслящих подданных ваших». Одновременно с этим письмом Р. решил выступить также в качестве народного трибуна, чтобы бороться с увлечением верхов Русского общества французским языком, искусством, правами, воспитанием и т. д. С этой целью он написал в Москве в 1807 г. небольшую статейку, носившую заглавие «Мысли вслух на Красном крыльце». В ней автор говорит устами «Ефремовского дворянина, отставного подполковника Силы Андреевича Богатырева», который никак не может понять близорукости своих соотечественников, в особенности молодежи, не только одетой, обутой по-французски, но и словом, и делом, и помышлением французской», которой «отечество – на Кузнецком мосту, а царство небесное – в Париже». Основная мысль автора высказана им в самом начале брошюры: «Господи помилуй! Да будет ли этому конец? Долго ли нам быть обезьянами? не пора ли нам опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французам: Сгинь ты, дьявольское наваждение». Бичуя подражательность Русских людей, автор не забывал и французов и изливал на них потоки своего желчного остроумия: «Что за народ эти французы!», восклицал он: «копейки не стоят, смотреть не на что, говорить не о чем. Врет чепуху, ни совести нет... во французской всякой

голове ветреная мельница, гошпиталь и сумасшедший дом. На делах они плутишки, а на войне – разбойники...» Особенно сильна была его ненависть к Наполеону, которого он сравнивал с угорелой кошкой, мечущейся из угла в угол. «Что за Александр Македонский! – восклицал по адресу Бонапарта автор. – Мужчиниска в рекруты не годится: ни кожи, ни рожи, ни виденья. Раз ударить, так след простынет и дух вон; а он лезет вперед на русских...»

В таком духе, «простым» слогом был составлен весь памфлет Ростопчина, вызвавший в свое время оживленные споры и толки. Его с особым сочувствием приняли в Москве в купеческой среде. Сам граф не решался первоначально выпустить в широкий свет свой литературный опыт, который ходил по рукам лишь в списках. Но один из списков попал в Петербург и там был отпечатан, причем издатель внес в него кое-какие поправки. Между прочим была, к негодованию Р., добавлена похвала по адресу главнокомандующего русской армией в 1807 году Л. Л. Беннигсена, которого сам Ростопчин сознательно обошел молчанием, так как не мог ему простить его участия в заговоре против Павла I. Появление памфлета в печати вызвало ряд сочувственных отзывов, – между прочим в «Московских Ведомостях»; но наряду с благожелательным отношением встречались и возражения, причем в вину Ростопчину ставили главным образом излишние резкости, над которыми охотно смеялись в устной беседе, но которые находили неуместными в печати. Сам Р. отнесся к успеху своего памфлета несколько иронически: «Ба! Опять в честь попал; смотри, пожалуй; дай Бог, чтоб в прок пошло!» – писал он после появления сочувственной заметки в «Московских Ведомостях». Но успех первого опыта все же окрылил его надежды, так как давал во всяком случае исход его вынужденному восьмилетнему устранению от общественной деятельности. В следующем же году Р. выступил с новым произведением в прежнем духе, но на этот раз с комедией в одном действии: «Вести, или Убитой-живой». Комедия была представлена им Дирекции Имп. Московского театра и в первый раз была сыграна 2-го февраля 1808 г. В ней Р. вывел опять-таки того же

С. А. Богатырева, как представителя старой России, противопоставляя его «модникам, сплетницам и зараженным заморскими проказами». Олицетворением сплетни являлась в ней Маремьяна Бабровна Набатова, на пустозвонстве и преувеличениях которой автор построил фабулу своей комедии. Особыми литературными достоинствами последняя не отличалась, являясь скорее рассуждением в лицах, чем драматическим произведением; впрочем, и сам автор преследовал главным образом публицистические цели, пропаганду своих патриотических взглядов. Его alter ego – Богатырев произносил целые монологи, в которых между прочим, так определял свою любовь к родине: «Я люблю все русское, и если бы не был, то желал бы быть русским, ибо ничего лучше и славнее не знаю: это бриллиант между камнями, лев между зверями, орел между птицами...» В новом произведении Ростопчина им было допущено немало намеков на тогдашние нравы и привычки высших кругов русского общества; комедия поэтому многих уколола не в бровь, а в глаз и многим не понравилась. Верхние ярусы театра встретили ее сочувственно, публика же лож и кресел отнеслась к ней далеко не благосклонно, справедливо замечая, что многое в пьесе утрировано и пересолено. В Московском театре пьеса Ростопчина пошла только один раз, но сценическая неудача объясняется не столько длиннотой действия и однообразием его развития, сколько отмеченным выше неудовольствием известной части современного автору Московского общества, которая считала себя задетою сильно его пером и на его сатирические выходки смотрела, как на личности.

Р. пытался было оправдываться и с этой целью опубликовал в том же году два составленных им письма: 1) «Письмо Веникова к Силе Андреевичу Богатыреву» и 2) «Ответ Силы Андреевича Богатырева Устину Ульяновичу Веникову». Эта литературная деятельность если и не доставила Р. славы писателя, то все же заставила вновь заговорить о нем. Впрочем, его писания не ограничивались только что перечисленным. Помимо появившихся в печати, он составлял на досуге немало других едких памфлетов и комедий, выводя в

них, под разными именами, многих из своих современников; но все эти произведения, по свидетельству А. Я. Булгакова, обыкновенно прочитывались только в тесном кругу знакомых графа и тотчас же, во избежание огласки, предавались сожжению. Только одна повесть «Ох, французы!» избежала этой участи. Оценивая вообще участие графа Ростопчина в литературном движении того времени, нельзя не заметить, что он почти всегда прокладывал самостоятельно дорогу, избегал подражаний модным течениям и направлениям, а его оригинальная манера писания довольно заметно выделяется на общем, довольно бледном фоне подражательной литературы того времени.

Нельзя сказать, чтобы литературные выступления Ростопчина остались без всякого влияния на тогдашнее Русское общество; они, быть может, не вполне достигали той цели, какую преследовал их пылкий автор, но все же производили известное впечатление и мало-помалу выдвинули самого Р. на авансцену общественной жизни. Между прочим, надо отметить, что успех литературных выступлений графа Ростопчина окрылил надеждами С. Н. Глинку и послужил толчком, заставившим его взяться за издание «Русского Вестника». Сам Р. также близко интересовался этим изданием и даже принял в нем участие, выступив в одном из первых номеров журнала с открытым письмом к издателю «Русского Вестника».

Вокруг Р. в Москве постепенно стали группироваться некоторые элементы московского общества, но объединяла всех этих лиц не столько привязанность к старине, сколько недовольство тем характером правительственной политики, которой оставался верен Александр I, по крайней мере в первую половину своего царствования. Ростопчин же, почувствовав у себя под ногами некоторую почву, решил снова сделать попытку добиться доверия Александра. На этот раз он решил прибегнуть для этого к посредничеству княгини Дашковой, жившей в то время в Москве, и любимой сестры государя – Великой Княгини Екатерины Павловны. Последняя была особенно расположена к Р. и, благодаря ее настояниям, Александр I не только постарался скрыть свое нерасположение

к Ростопчину, так как все еще не мог простить ему его откровенных писем, но и позволил ему представиться во время его посещения Москвы в декабре 1809 года. Вел. Кн. Екатерине Павловне удалось даже настоять на том, чтобы Император поручил Р. обревизовать и представить отчет о состоянии Московских богоугодных заведений. Александр I отнесся тогда вообще довольно милостиво к Ростопчину и, между прочим, назначил его старшего сына Сергея камер-пажом. Можно себе представить, с каким рвением принялся Р. за выполнение скромной, но окрылявшей его надеждами на лучшее будущее задачи. Представленный им в начале 1810 года отчет отличался редкой обстоятельностью и продуманностью. Р. советовал в нем завести в смиренном доме, наряду с ткацкой фабрикой, кузнечные и столярные работы, как наиболее соответствовавшие преследуемым тюрьмой целям исправления, обращал внимание, что продолжительное неподвижное пребывание в остроге при спертom воздухе быстро разрушает здоровье и только приучает к лени; лиц же, не приписанных к помещикам и попавших в тюрьму за кражи, он советовал сдавать в солдаты. К отчету своему Ростопчин приложил письмо на имя Государя, в коем заявлял, что нашел в тюрьмах немало случаев неправосудия и имел возможность убедиться, как часто «лень, корысть и плутовство останавливают, даже уничтожают силу законов». Поэтому он просил Александра I разрешить ему лично сноситься с различными учреждениями, если ему придется и в будущем наталкиваться на «злоупотребления, притеснения, явное нарушение законов и упущение пользы государственной». Эта просьба его, однако, не была уважена, хотя, в награду за произведенную ревизию, Александр I назначил его, 24 февраля 1810 г., обер-камергером, но с правом числиться в отпуску и не приезжать в Петербург; обязанности же, связанные с его званием, были поручены старшему обер-камергеру А. Л. Нарышкину.

Таким образом и на этот раз бездействие Ростопчина не прекратилось. Такое отношение Александра к Ростопчину продолжалось до самого нашествия Наполеона на Россию.

При первых тревожных признаках приближения новой войны с французами Ростопчин решил ехать в Петербург и предложил себя Государю, «не избирая наперед никакого назначения или места, но чтобы находиться при его особе». Вместе с собою он взял и своего старшего сына Сергея, камер-пажа, чтобы зачислить его в армию. Государь принял Ростопчина довольно милостиво, назначил его сына, тогда всего в чине гусарского поручика, адъютантом к Герцогу Ольденбургскому, говорил с ним долго и подробно о своей решимости повести смертельную борьбу с Наполеоном и не только исполнил его просьбу, зачислив его состоящим при своей особе, но и решился доверить ему весьма ответственный пост Московского Главнокомандующего. Делая это, Александр I не только преодолевал свое давнишнее нерасположение к Ростопчину, но сознательно привлекал его к себе, как представителя партии «старых русских», содействием которой ему необходимо было заручиться в то критическое для России время. Граф Ростопчин был одним из самых видных представителей этой партии; общественное мнение Москвы давно на него указывало; за него же усиленно хлопотала Великая Княгиня Екатерина Павловна, а также и многие влиятельные лица в Петербурге. На Ростопчина, как на достойного заместителя слишком дряхлого, а потому не годившегося быть главнокомандующим Москвы в трудное время графа Гудовича Александру I указывал и Великий Князь Константин. Император пригласил Р. к себе в кабинет после обеда и там, после ряда настояний, убедил его принять на себя эту должность. «Император настаивал», пишет сам Ростопчин, «осыпая меня похвалами... и, видя, что я с трудом поддаюсь его убеждениям, заключил наконец словами: Я этого желаю. Это уже было приказание, и я уступил покорно». Согласившись на назначение, Ростопчин хотел получить точную инструкцию, на которую бы мог опереться в своей предстоящей деятельности, но Александр I уклонился от этого, заранее соглашаясь на утверждение ряда проектов Ростопчина. Последний, таким образом, должен был руководствоваться лишь общим Положением о губерниях, которое приравнивало

должность московского главнокомандующего к должности генерал-губернатора. Между Государем и Ростопчиным было решено хранить в тайне это предположение до отставки графа Гудовича. По возвращении в Москву, в конце марта, Ростопчин некоторое время был занят исполнением некоторых частных поручений и в том числе заботами по устройству мастерской для изготовления управляемого аэростата. Отставка Гудовича последовала только в конце мая и вслед за тем в Вильне 24-го мая Государь подписал указ, коим Р. был назначен московским военным губернатором. Назначение это несколько разнилось от первоначального предложения Александра Павловича – занять пост главнокомандующего в Москве; оно кроме того не соответствовало ни прежним должностям Р., ни его званию обер-камергера и, наконец, должно было поставить его в странные отношения с Московским гражданским губернатором, равным с ним по должности. Одновременно с этим указом Александр I писал Ростопчину по поводу вынужденной некоторой отсрочки его назначения: «Только долг приличия, которое я должен был сохранить в отношении фельдмаршала, замедлил ваше назначение... Я полагаюсь на вас и льщу себя уверенностью, что вы оправдаете мое доверие». Но уже через несколько дней последовало новое Высочайшее повеление, от 29-го мая 1812 г., коим Ростопчин назначался главнокомандующим в Москве причем переименован был в генералы от инфантерии. Было ли первое назначение случайною ошибкой, тотчас же исправленной, или же сделано было Александром I сознательно, но Ростопчин, по-видимому, был несколько оскорблен первым своим назначением и, получив вскоре Высочайшее повеление, в котором он назывался уже «Главномкомандующим», решил выждать официального опубликования нового своего назначения. Об этом он писал в сдержанном тоне Имп. Александру Павловичу от 4-го июля. Но вскоре повеление Государя о его назначении было обнародовано, и недоразумение таким образом было устранено. Еще до официального назначения Ростопчина на пост главнокомандующего ему пришлось сыграть некоторую роль в нашушевской в свое время истории устранения и ссылки

Сперанского. Роль Ростопчина в этом деле до сих пор не вполне разъяснена, но отрицать ее совершенно, как это пытался сделать он сам в своих воспоминаниях, невозможно. Уже само назначение Ростопчина, который ненавидел Сперанского и выражался о нем не иначе, как «le misérable Speransky», состоялось под влиянием противной последнему партии.

Московским населением назначение Ростопчина на ответственный пост Главнокомандующего было встречено различно. В то время, как одни из современников находили, что «Александр I был вдохновлен свыше, когда в преемники графу Гудовичу выбрал графа Ростопчина и все жители Москвы чрезвычайно этому обрадовались...», другие отзывались о Ростопчине более сдержанно, не доверяя его опытности, такту и административным талантам. Но первые же шаги Ростопчина на новом поприще помогли ему расположить в свою пользу общественное мнение. Прежде всего он позаботился о том, чтобы стать доступным населению, позволяя каждому приходить к нему с нуждами и жалобами; в эти жалобы он старался вникать подробно, часто самолично производил расследования. Подчиненных своих он встретил сурово, строго, некоторых даже отправил, за провинности по службе, под арест; довольно часто производил объезды города, обращая внимание на непорядки и быстро их исправляя. Вскоре Ростопчин приобрел славу деятельного и неутомимого начальника. Знание народной массы, ее привычек и слабостей еще более облегчало Ростопчину возможность завоевать ее симпатии. «Двух дней мне достаточно было, признавался он сам впоследствии, чтобы бросить пыль в глаза и убедить большую часть жителей Москвы, что я неутомим и что меня видят повсюду». Для достижения своих целей – порядка и благоустройства в столице – Р. не останавливался и перед крутыми мерами прибегая, напр., к палочной расправе, к высылкам, тюрьме по одним только подозрениям, не вполне проверенным; все это не вредило его популярности. Он сознательно стремился к этой популярности, об ней постоянно писал Государю, ей же много уделил места и в своих воспоминаниях о 1812 годе, но стремился он к ней, по его

словам, не как к заветной цели, а как к средству для осуществления других планов – охраны Москвы и спасения России. «Я очень хорошо понимал», говорит он, что Москва послужит примером для всей России, и употребил все старания, чтобы приобрести доверие и расположение ее жителей. Необходимо было, чтобы Москва служила указателем, маяком и электрическим очагом». Ростопчин реорганизовал тайную полицию, усилив главным образом надзор за московскими масонами и мартинистами, вернее же говоря за последними представителями Новиковского кружка, значение которых Ростопчин сильно переоценивал, считая их политической партией, чуть ли не заговорщиками, способными на измену и осуществление государственного переворота, тогда как на самом деле лица, отданные им под тайный надзор, ограничивались посещениями масонских собраний. Поставив своей целью во что бы то ни стало открыть их козни и помешать осуществлению их «преступных» намерений, Р. довольно долго не имел, однако, никакого повода вмешаться в их деятельность и начать против них преследования. Но даже и это обстоятельство в глазах Ростопчина играло роль улики против московских мартинистов: он заключил отсюда и даже доносил об этом Государю, что мартинисты притихли с целью присмотреться к его управлению, чтобы потом, соображаясь с ним, приступить к своей разрушительной деятельности. Особенно вредными в этом отношении он считал попечителя Московского университета Павла Ив. Голенищева-Кутузова, подозревая его даже в тайных сношениях с Наполеоном, а также московского почт-директора Ф. П. Ключарева и одного из его помощников – Дружинина. В это время совершенно неожиданно в его руки попали ходившие в Москве по рукам два рукописных списка воззваний Наполеона, переведенных с немецкого на русский язык. Это было, во-первых, «Письмо Наполеона к Прусскому Королю», и во-вторых, «Речь, произнесенная Наполеоном к князьям Рейнского союза в Дрездене». В обоих воззваниях возвещался поход на Россию, а во втором из них Французский Император хвастливо заявлял, что не пройдет и 6 месяцев, как две северные столицы Европы

будут у его ног. В этих переводах, конечно, не было ничего преступного (хотя иностранные газеты, из которых были заимствованы эти воззвания, и не были пропущены русской цензурой), но Ростопчин постарался придать этому открытию какую-то особую, чрезвычайную важность. Им тотчас же было произведено расследование, через московского обер-полицеймейстера Ивашкина, в результате которого выяснилось, что переводчиком воззваний является молодой человек, сын московского 2-й гильдии купца Верещагина, а переписчиком воззваний – губернский секретарь Мешков. Оба они были тотчас же арестованы, заключены под стражу и преданы суду. Первоначальное следствие не дало в руки Ростопчина, усердно наблюдавшего за его ходом, никаких нитей воображаемого им заговора, но совершенно случайно пристегнуло к делу Верещагина московского почт-директора Ключарева. Ростопчин, давно уже косившийся на последнего, теперь окончательно уверился в его неблагонадежности и рисовал Ключарева в своих письмах к Государю в самом ужасном виде. Так как заграничные издания могли попасть в Россию скорее всего через Почтамт, то одною из первых мер Ростопчина было выяснить, кто выдал эти газеты молодому Верещагину; но посланного в Почтамт полицеймейстера не пропустили туда по распоряжению Ключарева. Когда же был вызван последний, он увел Верещагина в особую комнату и там долго наедине с ним беседовал. Это поведение почт-директора заставило Ростопчина поднять перед Государем и тогдашним исправляющим должность министра полиции С. К. Вязьмитиновым вопрос об удалении Ключарева с занимаемого им поста, но тщетно. Из расследования вскоре выяснилось, что Верещагин, как купец, не подлежит телесным наказаниям, и дело его может быть разрешено окончательно лишь Сенатом, пройдя первоначально через Магистрат и Палату. Через обе эти инстанции Ростопчину удалось чрезвычайно скоро для того времени провести дело, но из-за Сената вышли задержки, и Ростопчин, считая, что приговор должен быть исполнен как можно скорее «ввиду важности преступления, волнений в народе и сомнений в обществе», предлагал Александру I

следующее средство, которое, по его мнению, должно было согласовать правосудие с милосердием: он просил Государя прислать на его имя указ, приговаривающий Верещагина к смертной казни через повешение, брался торжественно обставить эту экзекуцию и только в последний момент, на эшафоте, объявить осужденному о помиловании его и о ссылке его в Сибирь в каторжные работы. Но Император категорически отклонил придуманную Ростопчиным меру и не согласился на это ни тогда, ни позднее, во время своего пребывания в Москве. Он не согласился изъять это дело из общего законного порядка судебного производства и ограничился лишь тем, что позволил Ростопчину, когда дело поступит в Сенат, объявить последнему Высочайшее повеление о рассмотрении его вне очереди и о немедленной постановке по нем решения. Как судом первой, так и второй инстанции Верещагин был приговорен к ссылке в Нерчинск на вечную каторгу. Затем приговор Палаты с отзывом на него самого главнокомандующего в Москве был переслан в Сенат. Граф Ростопчин со своей стороны не задержал этого отзыва, но, не согласившись с решением Палаты, которая признала Верещагина виновным лишь в переводе пасквильных статей, настаивал, считая обвиняемого сочинителем распространенных им «дерзких бумаг», на наказании его кнутом и ссылке в Нерчинск. Сенат 19-го августа согласился с этим отзывом главнокомандующего в Москве и постановил усилить наказание. Но и приговор Сената, согласно указу 1802 г., не мог быть окончательным и подлежал представлению через Министра юстиции на утверждение Государя.

В таком неопределенном положении и оставалось это дело до 2-го сентября, когда, покидая Москву, граф Ростопчин нашел способ разделаться с Верещагиным (см. ниже).

Продолжая следить за московскими масонами, Р. был склонен считать их виновниками бесчисленных, порою нелепых слухов, которые стали сильно волновать Московское население тотчас после отъезда Государя. Слухи эти, находившие обильную почву в общей нервной и повышенной атмосфере того времени, еще более должны были усиливаться по мере

того, как в Москву стали прибывать в довольно большом количестве беглецы из уже опустошенных областей и приносили с собою известия о положении воюющих армий, о наступательном движении Наполеона и т. п. К этому присоединилась критика правительственных мероприятий, о проявлениях которой агенты московского главнокомандующего не переставали его уведомлять. Ростопчин, не задумываясь, обвинял во всем этом московских мартинистов. Основываясь на некоторых перехваченных письмах, он распорядился арестовать надв. сов. Дружинина, служившего секретарем у московского почт-директора Ключарева, и, вменив ему в вину критику некоторых правительственных действий, отправил его в Петербург к Министру полиции. Но арестованного Дружинина Ростопчин, при всем желании, не мог выставить в качестве главаря масонов; таким главарем он считал самого московского почт-директора Ф. П. Ключарева. Уже одно то, что Дружинин был его секретарем, в глазах Ростопчина было уликой; затем то участие, которое Ключарев принял в Верещагине, должно было еще более усилить подозрительность Ростопчина. К этому; наконец, присоединилась его уверенность, что почт-директор следит за его корреспонденцией и вскрывает все его письма. Ростопчин уже раньше по этому поводу просил Государя не посылать ему через почту таких приказаний, которые никому, кроме него, не должны быть известны. Самого Ключарева он аттестовал Государю, как человека «негодного», которого необходимо устранить от занимаемой им должности. После же ареста Дружинина и не получая ответа от Государя относительно устранения московского почт-директора, Ростопчин решил еще раз повторить свои настояния и поставить вопрос ребром. «Я осмеливаюсь просить вас, Государь, – писал он Имп. Александру 4-го августа 1812 г.: – если вы сочтете возможным оставлять здесь еще Ключарева, назначить на мое место кого-либо другого, потому что я буду считать себя недостойным долее занимать его». Чтобы еще более восстановить Государя против Ключарева и мартинистов, Р. в следующем же письме своем, от 6-го августа, не остановился даже перед тем, чтобы сообщить Александру I о

циркулирующих по Москве слухах, будто гибель России является Божиим наказанием за кончину Императора Павла I. «Я не сомневаюсь, – прибавлял он от себя, – что сочинители этой бессовестной молвы суть Лопухин, Ключарев, Кутузов и Лубяновский, но который из них пустил ее в ход, этого открыть невозможно»; и несмотря на всю смутность собственных подозрений, он решился еще раз просить у Александра Павловича полномочий расправиться с ними. «Не решитесь ли вы, Государь, для предотвращения больших несчастий, приказать мне сообщить этим господам, чтобы они отправлялись в свои деревни и оставались там до дальнейшего распоряжения? Я обязуюсь на одного себя обратить их гнев, ибо пушу в ход слух, что я поступил так самовольно...». Но Александр Павлович долго не отзывался на все эти письма, так как его в это время даже не было в Петербурге: он уезжал в Або для свидания с наследным Шведским Принцем. Ростопчин же, не получая ответа на свои предложения, решился, наконец действовать самостоятельно. Основываясь на новых дошедших до него слухах о каких-то ночных собраниях в квартире Ключарева, он 10-го августа распорядился выслать Почт-директора из столицы в Воронежскую губернию, а его должность впредь до нового назначения передать своему другу князю Цицианову. Решившись на такую экстраординарную меру, Ростопчин оправдывал ее необходимость перед Государем: «К этому поступку, писал он, я принужден был прибегнуть, как к единственному средству предупредить замыслы мартинистов, которые доведены уже до того, что угрожали несчастием России и Вам – участию Людовика XV?». Поступок Ростопчина был действительно необычен и вызвал переполох в Петербурге. Тогдашний Министр внутренних Дел О. П. Козодавлев, уведомленный о высылке Ключарева, был крайне поражен и писал по этому поводу Александру I: «Признаюсь... в первом движении подумал я, что Почт-директор Ключарев бежал из Москвы; ибо, не имея и не видя указа, ни Высочайшего Вашего предписания, не мог я себе представить, чтобы отсутствием Почт-директора могла быть ссылка его и что в каком бы то ни было государстве начальник города мог кого-нибудь, а тем

более такого чиновника, каков есть Почт-директор, отправить самовластно в ссылку». Сам А. Д. Балашов, пользовавшийся доверием Ростопчина и им самим уведомленный о происшествии, был удивлен не менее Министра внутренних дел. В одном из писем к Имп. Александру I он заявлял, что его поразила решимость Ростопчина, тем более, что никакого явного преступления Ключарева он назвать не может. «Я опасаюсь, прибавлял при этом Балашов, – чтобы таковые поступки не стали иные относить насчет слабости правительства, попускающего излишнему самовластию: ибо одному генералу послать в ссылку другого генеральского же чина чиновника, без повеления Государя, мне кажется, иначе нельзя, как в важности первой степени». Поразившую так министров расправу Ростопчина с Ключаревым и другими мартинистами следует объяснить с одной стороны административными навыками главнокомандующего в Москве, унаследованными им еще из эпохи прежнего царствования, а с другой – тою дозой подозрительности и даже ненависти, какую Ростопчин питал к масонам, хотя в прежнее время, находясь не у дел, он пытался сблизиться с Новиковым. Следует при этом заметить, что чувства эти к мартинистам возникли у Ростопчина не впервые; с деятельностью их он познакомился еще при Павле, который позволял своему любимцу знакомиться с бумагами, хранившимися в архивах Екатерины II. В своей «Записке о мартинистах», составленной им незадолго до Отечественной войны и представленной Великой Княгине Екатерине Павловне, Ростопчин приписывает именно себе заслугу охлаждения к мартинистам Павла I. «Я воспользовался, – говорит он там, – поездкой наедине с Государем в Таврический дворец и восстановил его против Лопухина, упомянув о письме Баварских мартинистов к Новикову, об ужине, на котором бросали жребий, кому убить Екатерину II, и с удовольствием заметил, что разговор этот нанес смертельный удар мартинистам и произвел сильное брожение в уме Павла I, крайне дорожившего своей самодержавной властью и склонного видеть во всяких мелочах зарождение революции». После этого отступления в эпоху предыдущего царствования должна стать

более понятной деятельность Ростопчина в Москве, когда ему самому пришлось столкнуться с тамошними мартинистами. Он, действительно, готов был уверять и Александра Павловича в том, в чем удалось уверить ему его отца, и сам решался расправиться с ними, как с явными участниками чудовищного заговора. Помимо Ключарева Ростопчин видел мартиниста и в лице тогдашнего Попечителя Московского Университета Пав. Ив. Голенищева-Кутузова, считая его за опасного революционера, находившегося в тайных сношениях с Наполеоном и мечтавшего о низвержении трона. Самого опального уже в то время Сперанского Ростопчин хотя и считал не принадлежащим ни к какой из масонских сект, но полагал, что он пользуется услугами последних и держит их в зависимости от себя. Наконец, не менее серьезные опасения внушал ему и доживавший свои дни в Московской губернии Н. И. Новиков, с которым он некогда искал сближения при посредстве Лабзина. Не имея возможности придраться к нему до занятия Москвы французами, Ростопчин после оставления ими Первопрестольной воспользовался первыми же неясными слухами о сношениях Новикова с французами и предписал Бронницкому исправнику Давыдову разузнать и донести ему, какие сношения были у Новикова с чиновниками Наполеоновской армии и не принимал ли он к себе в дом больных французов...

Настроение Москвы в описываемое время было довольно спокойным, если не считать тех разноречивых толков, которые возникали повсюду и которые в горячем воображении Ростопчина принимали вид какого-то чудовищного заговора мартинистов. Правда, в самой Москве, главным образом в верхах общества, было немало лиц, которые относились отрицательно к войне России с Францией. Сам Ростопчин так характеризовал тогдашнее настроение московской интеллигенции: «Было всего печальнее, что недовольные и трусы обвиняли Императора в том, что предстоявшие бедствия для России были последствием нежелания или неумения предупредить или устранить третью войну с врагом уже два раза победившим нас... Отчаяние до того доходило, что

превозносили до небес ум и доблести покойного Императора и сожалели о его царствовании». С этого рода толками Ростопчин предпочитал бороться даже и тогда, когда, с приближением французов, уныние стало распространяться, и продолжал самолично бороться с ним повсюду. Он открыто смеялся над страхами дворянского общества заявляя, что, пока он будет оставаться главнокомандующим, он не отдаст ключей Наполеону, «Ну, а если вас заставят?» – спросили его однажды. – «Меня заставят?» – воскликнул Ростопчин и поднялся во весь свой рост. «Но, граф, – пытались было возражать ему: – ведь Вена, Берлин, Мадрид...» – «Москва не будет им подражать и останется неподражаемой!..» – воскликнул с пылом Ростопчин. Своим пылом он заражал других; тем не менее, подозрительность к настроению Московского общества почти не покидала Ростопчина. Впрочем, по временам и сам Ростопчин, отмахнувшись от призраков готовящегося заговора, смотрел трезво на положение дел; в такие минуты, забывая о том, что он незадолго перед тем пугал Александра Павловича участью Людовика XVI, он сообщал Государю, что «Москва так спокойна, что надо удивляться». Чтобы противодействовать распространявшимся слухам о поражении Русской армии, Р. первоначально решил было прибегать также к помощи слухов, распуская известия об успехах Русских войск; он старался также заподозривать всякое вновь приходившее с театра военных действий известие, подвергал их критике, надеясь этим способом подорвать веру к ним в обществе. Но так как подобная борьба со слухами оказывалась мало действительной и уж совершенно никуда не годилась для противодействия тому впечатлению, которое производило на всех безостановочное отступление наших армий, граф Ростопчин принужден был остановиться на каком-либо ином, более действительном средстве. Быть может случайно, а вернее всего благодаря своей причастности к литературе, он напал при этом на мысль ознакомлять население с действительным положением дел путем печати, публикуя возможно чаще во всеобщее сведение получаемые им самим известия. Такие публикации и воззвания для того времени были явлением совершенно необыкновенным

и уже по одному этому должны были привлечь к себе внимание всех. «Лишь только вышел, – рассказывает один из современников в своих воспоминаниях, – из типографии приказ Государя армиям, как тучи листов его разлетелись по Москве. Толпившийся на Никольской народ подхватывал, перехватывал их друг у друга и с жадностью читал». Эти листки обыкновенно составлялись не на тяжелом языке официальных донесений, мало понятном простому народу, а в том самом стиле, в котором Ростопчин уже испробовал свои силы в 1807–1808 гг. объявления эти далеко не были одинаковы: одни из них ограничивались сухой передачей в понятной форме того, что происходило на театре военных действий; другие же носили форму прокламаций, имевших целью поднять патриотическое настроение Московского населения. Во всяком случае, все они имели огромный успех. Так как они печатались на отдельных листках, а затем расклеивались на людных улицах и разносились по домам, на подобие театральных афиш, то за ними вскоре утвердилось прозвище «афишек», и они под этим именем «Ростопчинских афишек» известны и до сих пор в русской литературе. Дабы обеспечить своевременное поступление известий из армии, Р. отправил в Смоленск полицейского офицера Вороненко и просил Барклая-де-Толли сообщать тому все сведения, – как дурные, так и хорошие, – для скорейшей передачи в Москву эстафетами. Эти известия действительно вскоре стали поступать и доводились до общего сведения частью в форме «афишек», частью же на страницах «Московских Ведомостей». Первое такое известие, о движениях русских армий у Смоленска и об авангардном деле у Молева болота было опубликовано 2-го августа; оно сухо и без всяких прикрас излагало события. Такого же характера были и многие из последующих публикаций московского главнокомандующего.

Афишки Ростопчина производили на низшие слои горожан и подмосковных крестьян очень сильное впечатление. Образный и сильный язык Ростопчина, не стеснявшегося в выражениях, приводил их в восторг и вызывал слезы. По словам С. Н. Глинки, когда в одном месте Москвы грамотей дошел до фразы написанного Ростопчиным «дружеского послания», в которой

говорилося: «Когда дело делать, я с вами, на войну идти – перед вами, а отдыхать – за вами», – у многих из глаз лились слезы, на лицах всех пылала отважность, и все в ту минуту готовы были поднять оружие на врага... Про самого же Ростопчина эти люди говорили, что «он крепкий слуга государев, он отец Москвы». Ростопчину в этой деятельности помогал также С. Н. Глинка, получивший через него от Александра I 300000 рублей на патриотические издания. Ростопчин, относившийся сперва не совсем доброжелательно к редактору «Русского Вестника», после изъявления этой воли Государя примирился с ним и часто даже пользовался его услугами для издания своих афишек. Когда Александр I решил оставить свою армию и съездить на несколько дней в Москву, «дабы устроить там новые войска и поднять тамошний дух», он попросил Аракчеева уведомить об этом Ростопчина, который лично должен был выехать на встречу Государю 11-го июля. Вместе с тем, Ростопчину поручалось опубликовать воззвание Государя к Москве и подготовить к его встрече жителей. Проведя за работой всю ночь, Ростопчин успел отдать все необходимые распоряжения и не только напечатать воззвание Александра I, но и прибавить к нему извещение, составленное им самим, в котором он постарался выразить причины, цель и надежды Государя, который ехал в древнюю столицу, чтобы совещаться со своими подданными, как остановить и победить страшного неприятеля. На следующий день Ростопчин отправился вместе с князем В. С. Трубецким на встречу Александру I в деревню Перхушково. Встреча произошла около 5 часов пополудни 11-го июля; Государь около часа беседовал наедине с Ростопчиным, который в своих «Воспоминаниях» сам рассказывает, что Александр хвалил способ его действий для приобретения расположения жителей Москвы, сообщил ему свое намерение обратиться к дворянству с предложением образовать земское ополчение. Ростопчин, между прочим, отсоветовал Государю останавливаться в Слободском дворце, рекомендуя предпочесть старый Кремль. Император согласился с этим. Затем, взглянув на эполеты Ростопчина, он сказал: «здесь кой-чего недостает», подразумевая свой вензель, т. е.

особый знак отличия, который в то время имели только двое главнокомандующих, и прибавил при этом: «Мне приятно быть на ваших плечах»...

Три дня спустя по прибытии Александра в Москву, в залах Слободского дворца должно было состояться его торжественное обращение к дворянскому и торговому сословиям. Ростопчин, по поручению Государя, должен был отправиться в это собрание вместе с статс-секретарем А. С. Шишковым и еще до прибытия туда Государя прочесть как дворянству, так и купечеству манифест от 6-го июля. При входе во дворец Ростопчин, указав своему спутнику на залу, где были собраны купцы, сказал: «Отсюда польются к нам миллионы, а наше дело – выставить ополчение и не щадить себя». Его слова, как известно, оказались пророческими.

Растроганный самопожертвованием московского дворянства, которое бралось выставить в полном вооружении 32000 ополчения (по 10 со ста крепостных) и содержать их в течение трех месяцев, а также значительностью суммы, собранной купечеством, Александр I в самых теплых выражениях высказал Ростопчину свою признательность и благодарность, сказав ему между прочим, что считает счастливейшим днем своей жизни тот день, когда у него утвердилось мысль назначить Ростопчина московским главнокомандующим, и в заключение, прощаясь, с чувством поцеловал его. Ростопчин, однако, далеко не разделял всеобщего энтузиазма, охватившего московское население с приездом Государя. Будучи настроен более трезво, он даже не вполне сочувствовал решению дворянства выставить такое значительное ополчение: он считал более правильным и разумным предложение графа Гудовича, который высказался за вооружение каждого двадцать пятого из помещичьих крепостных.

Покидая Москву, Император Александр поручил Ростопчину иметь в своих руках главное руководство и надзор за составлением ополчений всего первого Округа. Ростопчин первоначально хотел отклонить от себя назначение быть во главе ополчения и просил Государя освободить его от этого

поручения, но назначение осталось в силе; только составление ополчений Тверской и Ярославской губерний было поручено Александром I, по приезде его в Тверь, генерал-губернатору этих губерний Принцу Георгу Ольденбургскому. Заботы о своевременном составлении и обучении ополчения, а также о сносном вооружении его должны были отнять у Ростопчина немало времени. Перед отъездом Александра из Москвы он попытался еще раз просить у Государя подробных наставлений и приказаний о том, как поступать ему в разных предвидимых обстоятельствах. Но Император и на этот раз уклонился от прямого ответа. Ссылаясь на трудность, связанную с выполнением его просьбы, он говорил Ростопчину: «Я даю Вам полную власть действовать, как сочтете нужным. Как можно предвидеть в настоящее время, что может случиться? Я полагаюсь на вас». «Он... уехал, – вспоминал позднее сам Ростопчин, – оставив меня полновластным, вполне облеченным его доверенностью и в чрезвычайно затруднительном положении импровизатора, которому задали задачу: Наполеон и Москва». Сам Ростопчин был, по-видимому не вполне доволен тою полнотою власти, которая ему была предоставлена Государем, но которая предполагала и такую же полноту ответственности. Он не мог не сознавать, что по многим вопросам внутренней политики и административной практики его собственные взгляды сильно расходятся от воззрений Александра I, которые поэтому неизбежно должны были его связывать. Посему он охотнее предпочел бы располагать более ограниченной сферой власти, лишь бы иметь возможность опереться на ясно выраженную волю Монарха.

Впоследствии характер деятельности, проявленной Ростопчиным в Москве до ее занятия французами, породил всевозможного рода слухи, которые не имели под собою основания. Многие из современников Отечественной войны в своих воспоминаниях передавали с твердою уверенностью, что Александр I оставил Московскому губернатору подписанные бланки, которые тот и заполнял по мере надобности. Но они, конечно, ошибались, так как Александр I никогда и никому не вверял таких бланков. Более верное объяснение деятельности

Ростопчина можно найти, вспомнив, с одной стороны, что он считался «состоящим при особе Государя» – отличие, даваемое весьма редко, и потому, напр., он мог позволить себе ту смелость, какую отличаются его письма к Александру I. С другой же стороны, не надо забывать, что, в бытность министром при Павле I, ему стали знакомы все пружины правительственного механизма, и этой осведомленностью, быть может, и следует объяснять многие черты его деятельности в 1812 году. Также было довольно распространено мнение, будто план сожжения Москвы, зародившийся в голове Ростопчина, был одобрен Государем еще во время его посещения Москвы. О том, как на самом деле относился Александр Павлович к сожжению столицы, нам еще придется говорить ниже; здесь же можно ограничиться указанием на то, что во время пребывания Александра I в Москве было бы трудно вообще загадывать о неизбежности такой печальной участи для столицы, так как тогда обе Русские армии еще не успели соединиться у Смоленска, не было еще известно, удержат ли они натиск Наполеона, или же принуждены будут отступать далее, и, наконец, было совершенно неизвестно, по какому направлению думает продолжать свое наступление сам Наполеон. Впрочем, об укреплении столицы на всякий случай речь между Ростопчиным и Александром Павловичем шла; последний поручил также московскому главнокомандующему принять в случае надобности меры по охране и спасению разного рода государственных ценностей и сокровищ, и Ростопчин, почти тотчас же по отъезде Государя, нанял под благовидным предлогом, дабы не вызывать у населения никаких преждевременных подозрений, несколько барок в Коломне, чтобы на них отправить все необходимое по реке Оке. Но, исполняя эту меру, предписанную ему Государем, сам Ростопчин в это время не задумывался еще серьезно о предстоявшей Москве участи. Все его письма за этот период времени дышали спокойствием и были полны надежд на отражение неприятеля.

Новое назначение Р. на пост начальника над всем ополчением шести смежных с Московской губерний в

значительной степени усложнило занятия и обязанности московского главнокомандующего. Ему предстояло все время сноситься с гражданскими губернаторами этих губерний, отправляя к ним курьеров и сообщая правила, которыми они должны были в этом случае руководствоваться. Ростопчин назначал также место для сбора ополчений и руководил их перемещениями и обучением. В результате этой усиленной деятельности, 24 дня спустя после опубликования манифеста, ополчение всего первого округа было выставлено и обмундировано, но вооружить ружьями удалось лишь часть вновь составленных полков. Всего полков было образовано 12, в том числе один конный, а общее число московских ополченцев достигало 25834 человек. Для содействия Ростопчину в этой новой сфере его деятельности были организованы два комитета. Один из них был открыт самим Р. на следующий же день после отъезда Государя. В состав его входили лица, назначенные Александром I, хотя члены этого комитета имели в нем только совещательный голос. Впоследствии Ростопчин обвинял своих товарищей в том, что они «ничего не делали, только болтали и спорили с генералом Апраксиным; этот постоянно вмешивался в дела, до него не касавшиеся, предлагал новые меры, с которыми не соглашались, и рассылал приказания, которым не повиновались». Другие современники также подтверждают, что «в ратническом комитете возникла шаткость». Но если Р. имел основания быть недовольным деятельностью только что названного комитета, в котором ему все же было обеспечено независимое положение, то еще менее мог он мириться с существованием второго комитета, организованного Александром Павловичем вскоре по возвращении в Петербург. Этот особый, высший комитет по делам ополчений, учрежденный как для общего наблюдения над всеми окружными и губернскими комитетами, так и для того, чтобы придать единство их действиям, был для Ростопчина уже высшей инстанцией; назначение в состав его графа Аракчеева, с которым у Р. в это время уже начались трения, еще более должно было обострить его положение и сильно его

нервировало. «Я не ребенок, – говорил он сам с досадой по этому поводу, – и меня поздно водить на помочах».

Ростопчин был также избран Московским дворянством кандидатом на пост командующего собранным ополчением, но, разумеется, он не мог выполнять этих обязанностей, продолжая оставаться главнокомандующим в Москве, и вместо него был утвержден Александром I отставной генерал-лейтенант граф Морков.

Выше уже говорилось, с какой подозрительностью относился Ростопчин к деятельности иностранцев, остававшихся в Москве. Подозрительность эта была в нем давняя, так как еще в 1806 году он предостерегал Александра против козней французов, принявших лишь для видимости Русское подданство. Так как план Главнокомандующего в Москве совершенно очистить столицу от этого элемента не был одобрен Государем, то Ростопчину оставалось лишь продолжать следить за деятельностью наиболее беспокойных членов французской колонии. Еще 26-го июня он обратился к настоятелям двух католических приходов в Москве со следующим объявлением: «Император французов вступил в пределы России. Война началась. Зная образ мыслей ваших, обращаюсь к вам, милостивые государи мои, Прося покорно употребить убедительнейшее средство, по мере возможности, ко внушению иностранцам прихода вашего, чтоб они в поступках своих были благоразумнее и в разговорах ограничивали себя скромностью». Не довольствуясь этим и не особенно полагаясь на деятельность собственных агентов, Ростопчин обращался также за содействием и помощью ко всему Московскому населению; в своих афишах он именно имел в виду иностранцев, когда просил, чтобы всякого, кто начнет восхвалять Наполеона, тащили «за хохол да и на Съезжую». Этот призыв его был, разумеется, услышан, и дело не обошлось без ряда недоразумений, которые только благодаря случаю не окончились слишком печально для некоторых из жертв возбуждения против иностранцев. В конце концов Ростопчин вынужден был сам вмешаться в эти дела: всех арестованных должны были приводить к нему и он сам

творил суд и расправу; впрочем, в огромном большинстве случаев эти задержанные оказывались совершенно невинными и их приходилось отпускать. Особенно усилилась вражда к иностранцам в последние дни перед занятием столицы французами. Многие уже чувствовали приближение роковой развязки и, бессильные ей противодействовать, хотели выместить свою злобу, питаемую к недостижаемому врагу, на ни в чем неповинных иностранцах. Некоторые выражения ростопчинских афиш лишь усиливали общее возбуждение и озлобление. На этой почве дважды составлялись даже заговоры о поголовном истреблении всех иноземцев, и лишь благодаря счастливой случайности эти планы не были приведены в исполнение.

Заботы Ростопчина о внутреннем спокойствии Москвы концентрировались все время на том, чтобы не дать возможности вспыхнуть каким-либо беспорядкам. С этой точки зрения он подходил и к воображаемому им заговору мартинистов и к агитации иностранцев среди крепостных. Но в самой Москве в то время было достаточное количество элементов беспокойных помимо мартинистов и иностранцев. Разного рода ремесленники, поденщики, мелкие торговые служащие и т. под. вплоть до трактирных завсегдатаев и тех подонков населения, которые имеются во всяком большом городе, представляли из себя слишком горючий материал, чтобы Ростопчин, ставивший своей главной целью спокойствие столицы, мог его оставить без всякого внимания. Совершенно случайно был открыт целый заговор шайки, собиравшейся устроить ряд поджогов, чтобы под прикрытием вызванной этим тревоги учинить грабеж. С помощью денег Ростопчину удалось тотчас же раскрыть все планы этой шайки, переловить ее главарей и разогнать остальных участников; но на место первой вскоре возникла другая, еще более внушительная. Ростопчину пришлось поэтому поставить на ноги всю подведомственную ему полицию и самому постоянно быть наготове, чтобы при первых же тревожных известиях лично явиться на место происшествия. «Я позабыл о существовании кровати», говорил он сам про последние недели своей деятельности в Москве;

другие современники также свидетельствуют о его неутомимой деятельности в эти дни. С. Н. Глинка, часто бывавший у Ростопчина в разное время дня и ночи, всегда заставлял его на ногах. По этому поводу он не удержался даже однажды от вопроса: «Когда к вам ни заеду... вы всегда в военном сюртуке. Успокоенная вами Москва спит, а вы когда спите? Вы живете на даче, а днем то у Тверской Божьей Матери, то в Кремле, то во всех концах Москвы. Вы как будто размножаетесь». – «Стыдно было бы мне, отвечал Глинке Ростопчин, и дремать, и спать... Наступило мое время. Я действую в полноте моих сил, – вот и все!» Его энергии Москва действительно была обязана тем, что до самого вступления в нее французов в ней не было ни грабежей, ни серьезных беспорядков. Чтобы лишить участников беспорядков легкого способа вызвать общую тревогу, Р. отдал распоряжение снять с церковных колоколов веревки и держать всегда на запоре колокольни; а так как многие из последних были ветхи, Ростопчин распорядился немедленно их исправить. Следует отметить, что этого рода деятельность Ростопчина осталась почти совершенно незамеченной ни обществом, ни самим Александром I. Когда позднее, уже после изгнания французов из пределов России, за Ростопчиным упрочилась слава виновника Московского пожара, никто и не заикнулся, что ему принадлежит заслуга сохранения в Москве спокойствия и порядка, заслуга быть может тем более важная, что в ту пору на Первопрестольную столицу действительно были устремлены глаза всей остальной России, чутко прислушивавшейся к настроениям Московского общества. Только сам Ростопчин, считавший этого рода заслугу еще важнее первой, им совершенно незаслуженной, отдавал ясный отчет в значении достигнутых им в этом отношении результатов и, не встречая себе воздаяния, с грустной иронией писал об этом своей дочери: «Всего смешнее, что моя так называемая знаменитость основана на Московском пожаре, – событии, которое я подготовил, но вовсе не приводил в исполнение, – и никто ни слова не говорит ни о том, что народонаселение Москвы постоянно сохраняло спокойствие, ни о героизме народа».

Еще до официального назначения Ростопчина Московским главнокомандующим его попечениям был вверен изобретатель Леппих, предложивший Русскому правительству соорудить управляемый аэростат огромных размеров, который был бы в состоянии поднимать на воздух целую роту солдат с запасами разрывных снарядов. Александр Павловичу заинтересованный этим изобретением, поручил Р. посодействовать устройству где-либо под Москвой мастерской для этих работ и просил доносить ему о ходе их. Ростопчин довольно аккуратно выполнял эту обязанность, неоднократно посещая Леппиха, которому для опытов было отведено помещение в поместье Воронцова, в 7 верстах от Москвы по Калужской дороге. Из писем к Александру I легко усмотреть, что Ростопчин в то время разделял вместе с другими лицами уверенность в возможности постройки такого шара и сам ожидал с нетерпением окончания работ Леппиха. Через руки Р. шли все ассигнования на эту затею, достигшие довольно значительных размеров; кроме того, Р. принимал всевозможные меры, чтобы сохранить постройку шара в секрете. С этой целью по городу он старательно распускал разного рода слухи, выдавая Леппиха то за фабриканта земледельческих орудий, то за поставщика пластырей для армии. Но вскоре Ростопчину пришлось так же разочароваться в Леппихе, как он уверовал в осуществимость его фантастических планов. До 22-го августа он еще, однако, не терял этой веры и, готовясь приступить к опытам с шаром меньших размеров, предупреждал об этом московское население особым объявлением, чтобы избежать переполоха и кривотолков. Но, вопреки всем ожиданиям, приготовленный для образца шар плохо наполнялся газом и едва был в состоянии поднять двух человек. Донося об этих неудачах Александру I, Р. писал: «Большая машина не готова, и, кажется, надо отказаться от надежды на успех, которого ожидали от этого предприятия. Менее всего, конечно, можно пожалеть об истраченных на него деньгах. Леппих – сумасшедший шарлатан...» После этой неудачи, незадолго до оставления Москвы, Ростопчин поспешил отправить все заготовленные для шара материалы и рабочих в Нижний Новгород, а Леппиха и его помощника Иордана – в

Петербург. Позднее, уже во время пребывания за границей, Р. позабыл про свое увлечение мечтой Леппиха и заявлял в своих воспоминаниях, что он ни минуты не сомневался в шарлатанстве этого изобретателя; но в данном случае ему либо изменяла память, либо им руководило желание не выставять себя в смешном виде перед иностранцами. Предприятие Леппиха обошлось не дешево (свыше 150000 рублей).

Почти с момента назначения на пост московского главнокомандующего и до конца 1812 г. Ростопчин находился в оживленных сношениях с Александром I, донося о каждом предпринятом им шаге и спрашивая согласия на большинство проектируемых мероприятий. Император Александр, занятый другими очередными заботами и часто отвлекаемый из Петербурга, отвечал Ростопчину довольно редко. Как большинство писаний, исходящих из-под пера Ростопчина, письма его носят своеобразный, исключительно им свойственный отпечаток; особенно в них поражает откровенность, с какою Ростопчин находил возможным беседовать с Государем; в них отсутствует лесть, желание выдвинуться самому и доминирует преданность, забота о наилучшем выполнении порученного ему дела и, пожалуй, стремление внушить Александру I уверенность в правдивости и искренности автора писем. Ростопчин, не смущаясь, сообщал Государю о всевозможных слухах, ходивших насчет него. Он не боялся смело высказывать свои суждения, порою весьма резкие, о лицах, близких Государю или пользовавшихся его доверием. Другим, не менее примечательным качеством этой переписки является ее содержательность. На небольших, сравнительно, страницах письма Ростопчин успевал вкладывать столько содержания, так ясно ставил вопросы, давал ответы, что одних этих писем было бы достаточно, чтобы почти целиком воссоздать всю картину его деятельности в Москве в качестве ее главнокомандующего. Порою автору их нельзя отказать и в редкой проницательности, с какою он пытался разобраться в развертывавшихся событиях и оценить создавшееся положение вещей.

Александр I, уезжая из Москвы, поручил Р. озаботиться своевременным вывозом из Москвы государственного

имущества и сокровищ. Мера эта в то время еще не предreshала оставления столицы, но принималась лишь в благоразумной предусмотрительности, на всякий случай. Ростопчин тогда же, как сказано было выше, исполняя приказание Государя, нанял несколько барок для этой цели, но, не желая вызывать без времени тревогу среди жителей, оставил их в Коломне. Но когда армии стали постепенно приближаться к Москве, т. е., в двадцатых числах августа, Р. должен был, наконец, приступить как к вывозу государственных сокровищ, так и к удалению из столицы присутственных мест и архивов. Чтобы не вызвать паники населения при виде закованных присутственных мест, Ростопчин в одной из своих «афишек» писал: «Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственные места закрыли: дела прибрать надобно; а мы своим судом со злодеем разберемся! Когда до чего дойдет, мне надобно молодцов и городских, и деревенских: я клич кликну дня за два, а теперь не надо, я и молчу. Хорошо с топором, не дурно с рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: француз не тяжеле снопа ржанова».

С 15-го по 30-е августа Ростопчину удалось собрать с 9 незанятых еще уездов Московской губернии 52000 подвод, не считая заготовленных барок. «Я решил, – писал впоследствии он сам, – что при отступлении наших войск их прибытие в Гжатск послужит указанием к вывозу из Москвы всего, что предположено было вывезть»... Кроме Судов, Сената, Военной Коллегии, Архива Министерства Иностранных Дел, – сокровища казны, Оружейной Палаты и патриаршей ризницы, монастырей Троицкого и Воскресенского, да еще 96 пушек – были отправлены в течение 10 дней в Нижний, Казань и Вологду. Ростопчину приходилось также озаботиться упорядочением передвижения чиновников, их семей и частных жителей, а также и тем, чтобы во Владимире и Нижнем Новгороде обозы могли найти достаточное количество лошадей, чтобы следовать далее. На многое, правда, при этом приходилось закрывать глаза, смотреть сквозь пальцы на злоупотребления, но все же, благодаря личному вмешательству Р. в дело, оно обошлось без особенных затруднений. Впоследствии Ростопчина

неоднократно упрекали в том, что он препятствовал оставлению Москвы ее жителями и далеко не все вывез из столицы из порученного ему Государем, так как принялся за это слишком поздно. Что касается первой части этого обвинения, то она не соответствует действительности: из Москвы не запрещалось никому уезжать; что же касается второго обвинения, то, действительно, надо сказать, что Ростопчин начал вывоз казенного имущества слишком поздно.

Немало хлопот доставляло Ростопчину снабжение приближавшейся к Москве Русской армии всем необходимым. Кутузов постоянно обращался к нему с бесчисленными просьбами о присылке подкреплений, о доставке провианта, водки, пушек, снарядов и т. п. Так как в самой Москве были довольно значительные запасы всех этих предметов, то на первых порах посылка их шла довольно гладко, но с середины августа положение изменилось, так как подрядчики стали уклоняться от подобных поставок, не желая рисковать потерей своих лошадей, которых стали забирать в армию.

С 9-го августа в Москву стали приезжать первые транспорты раненых и больных, пострадавших еще под Витебском и при отступлении к Смоленску. Р. отвел под госпиталь Головинский дворец, обращенный еще при Павле I в казармы, организовал целый корпус врачей и фельдшеров и сам постоянно навещал больных. Дабы обеспечить им необходимое продовольствие, Р. обратился с просьбой принять заботы о них к самому московскому населению: «Сюда раненых привезено, писал Р. в грамотах к народу: они лежат в Головинском дворце; я их осмотрел, напоил, накормил и спать положил. Ведь они за вас дрались, не оставьте их, посетите и поговорите. Вы и колодников кормите, а это государевы верные слуги и наши друзья – как им не помочь».

С назначением на пост главнокомандующего Кутузова сношения между Ростопчиным и русской армией еще более усилились. С одной стороны сам Р. склонен был, по крайней мере на первых порах, более доверять Кутузову, чем его предшественнику Барклаю-де-Толли, а с другой – и Кутузов, по мере приближения к Москве, был вынужден обращаться туда за

множеством различных вещей, необходимых для армии. Ростопчин и Кутузов в это время редкий день не обменивались письмами, иногда даже по несколько в день. Граф Ростопчин первый обратился к Кутузову с вопросом, будет ли тот защищать Москву и нуждается ли в дальнейших подкреплениях. Со своей стороны он предлагал приступить к вооружению московского населения, что, по его расчетам, могло составить около 80000 человек. Ответ Кутузова на это письмо должен был успокоить московского главнокомандующего. «С потерей Москвы соединена потеря России», – писал он Ростопчину, но при этом добавлял, что вопрос о том, потерять ли армию, или Москву – им окончательно еще не решен. Со своей стороны, он просил Р. озаботиться доставкой ему хранившегося в арсенале оружия, а также спешной починкой ружей, мушкетов и карабинов, необходимых для вооружения ополчений; просил он также немедленно заготовить для всей армии сухарей; ополчение из московских жителей-добровольцев советовал сосредоточивать в Можайске. Занявшись спешно порученными ему приготовлениями и отправкой провианта и оружия, Р. должен был сразу же столкнуться лицом к лицу с тем хаосом, который царил в это время на большой Смоленской дороге и в самой русской армии. Дорога была страшно загромождена транспортом с ранеными, обозами; чтобы восстановить хотя бы относительный порядок, Р. расставил на пространстве ближайших 20-ти верст отряды формировавшихся в Москве полков и поручил им следить за правильностью передвижения. В несколько дней им было собрано и доставлено до 10000 ружей; началась также спешная заготовка и доставка сухарей с таким расчетом, чтобы обеспечить продовольствие 120-тысячной армии в продолжение целого месяца. Для этой цели им был учрежден особый комитет, который энергично приступил к делу: «все булочники были заняты печением хлеба, другие резали его на ломти и сушили день и ночь в нанятых для того печах. Каждое утро обоз из 600 подвод отправлялся от главного магазина с сухарями и крупой для каши к нашим войскам, и такой способ продовольствования для 116000 человек продолжал действовать до кануна вступления неприятеля в

Москву». Когда Кутузов потребовал присылки перед Бородинской битвой саперных инструментов, все требуемое также было ему доставлено на следующий день. Исполняя все, что было нужно, Р. просил Кутузова только «принять скорейшие меры для очищения дороги Московской от обозов и разбоев: без того целые транспорты попадут в руки мародерам и казакам». А в следующем письме свою просьбу он подкреплял заявлением, что слагает с себя всякую ответственность за своевременную доставку провианта: «Если за армией будут происходить подобные бывшим беспорядки, то я вам ни за что отвечать не могу, и сношения от грабежей со столицей прервутся». Так как для обоза армии и для организации подвижных магазинов необходимы были значительные количества лошадей, Ростопчин выставил их по 1000 на каждой станции между Москвой и Можайском; благодаря последней мере, был положен конец тому ненормальному явлению, что подводы частных лиц задерживались в армии, вследствие чего многие подрядчики отказывались от выполнения срочных поставок.

Уклончивый ответ Кутузова на первое письмо Ростопчина относительно судьбы Москвы заставил его вторично изложить фельдмаршалу свою точку зрения на этот вопрос. Он не желал в это время допускать и мысли о возможности оставления столицы неприятелю. Особенно опасною он считал подобную меру ввиду того, что из Москвы Наполеону будет легче вызвать волнения и восстание среди крестьян: «Народ русский есть самый благонамеренный; но кто может отвечать за него тогда, когда древняя столица сделается местопребыванием сильного, хитрого и счастливого неприятеля рода человеческого?.. Какого повиновения и ревности ожидать в губерниях, когда злодей издавать будет свои манифесты в Москве?» Но Кутузов и на этот раз уклонился от прямого ответа, а как раз в это же время в Москву пришли частные известия о дальнейшем отступлении русской армии. Сильно встревоженный всем этим, Р. на следующий же день отправил к Кутузову нарочного с письмом, в котором настаивал на прямом и немедленном ответе: «Извольте мне сказать, — писал он, выдавая необычной

резкостью обращения свое нервное настроение, – твердое ли вы намерение имеете удерживать ход неприятеля к Москве и защищать город сей. Посему я приму все меры: или, вооружа всех, драться до последней минуты, или, когда вы займетесь спасением армии, я займусь спасением жителей и со всем, что есть военного, направляюсь к вам на соединение. Ваш ответ решит меня, а я по смыслу его действовать буду с вами перед Москвой или один в Москве». В ответ на это нервное письмо Кутузов поспешил успокоить Ростопчина уверениями, что он не уклонится от сражения перед Москвой. Ростопчин забывал при этом, что, по закону, во время военных действий «приказания Главнокомандующего как в армии, так и всеми гражданскими чиновниками пограничных областей и губерний исполняются, яко Высочайшие именные повеления»; избалованный еще при Павле I быстрым возвышением и доверием Государя, он и теперь не хотел считаться со своим положением. Но Кутузов, по-видимому, тогда уже понял, с кем ему приходится иметь дело. Стараясь не противоречить московскому главнокомандующему, он соглашался в письмах с его планами и доводами, всячески избегая начальнического тона и заменяя его просьбами, и в то же время скрывал от Ростопчина свои истинные планы и намерения, продолжая его уверять до самой последней минуты в своем решении защищать Москву во что бы то ни стало.

На время Ростопчин готов был поверить успокоительным уверениям Кутузова. Но постепенно, в особенности после Бородинской битвы, глаза его стали раскрываться на действительное положение вещей. Когда в Москву пришло донесение Кутузова о Бородинской битве, Ростопчин, по словам А. Я. Булгакова, воскликнул: «Кутузов называет это победой... Дай Бог, чтобы так было, но в этом кровавом потоке поглощены одинаково и победители, и побежденные. Они свое сделали... теперь моя очередь... Доходят до Москвы, но Москва не Можайск. Москва – Россия! Все это ужасное бремя ляжет на меня. Что я буду делать?» При этих словах Ростопчин закинул обе руки на голову и, казалось, готов был рвать на себе волосы. Итак, уже тотчас после Бородинской битвы у Ростопчина не

могло оставаться никаких сомнений относительно судьбы, которая должна постигнуть вверенную его попечению столицу; Кутузов, между тем, продолжал уверять, что не уступить Москвы Наполеону без нового сражения. Убедившись тогда, что фельдмаршал попросту ему не доверяет, Ростопчин оскорбился и уже до конца своей жизни не мог простить Кутузову этого недоверия. Был, впрочем, и целый ряд других причин, восстановивших Ростопчина против Кутузова. Серьезное, напр., недоразумение возникло между ними по поводу 80000 нового Московского ополчения или, иначе, «Московской дружины», выставить которую, в случае надобности, Ростопчин вызывался в одном из своих писем к фельдмаршалу. Кутузов принял всерьез это предложение; и когда, после отступления с Бородинского поля, правому крылу русской армии стал серьезно угрожать французский корпус, он обратился к Ростопчину со спешным запросом, не будет ли в состоянии московская дружина выступить по направлению к Звенигороду, чтобы воспрепятствовать обходному движению неприятеля и защитить Москву. Но у Ростопчина в этот момент не было ни войск из состава ополчения, так как они еще раньше все были отправлены к армии, ни дружины, ибо организовать ее московский главнокомандующий собирался лишь в последний момент. Таким образом, получилось досадное недоразумение, которое Ростопчин счел «дурною шуткой» по своему адресу со стороны Кутузова. Но вина за это недоразумение целиком ложится на самого Ростопчина, так как Кутузов имел все основания, зная размеры народного воодушевления, полагаться на обещание Ростопчина выставить эту дружину и даже включить ее силы в свои стратегические расчеты. В Москве же к этому времени оставалось не более 50000 населения, из которого едва ли можно было бы набрать более 2–3 тысяч людей, способных носить оружие. Поэтому, когда Кутузов предложил Р. выставить московскую дружину, последнему не оставалось ничего другого, как промолчать ему в ответ. Ростопчин досадовал также и на другое предложение главнокомандующего армией, полученное им приблизительно в это же время и состоявшее в просьбе действовать вооруженной

рукой против мародеров и дезертиров, начавших уже пробираться в Москву. Он, опять-таки по той же причине, счел этот совет за насмешку над собой, так как в его личном распоряжении в это время уже не было никаких военных сил: два последних полка ополчения, численностью до 4000, под начальством Миллера, ушли в Можайск на подкрепление армии. «Разъездом двумястами драгун делать невозможно», – писал он по этому поводу министру полиции. С Кутузовым Ростопчин прервал переписку, хотя и продолжал исполнять все поступавшие от главнокомандующего армиями просьбы и требования. Так, для прекращения мародерства, не располагая вооруженной силой, он распорядился 30-го августа, чтобы главное управление винным откупом прекратило отпуск вина и спирта частным торговцам, а полиции приказал вечером того же дня запереть все кабаки и удалить из них сидельцев.

Только теперь, когда отступившая Русская армия приблизилась к Москве почти на 40 верст и по вечерам можно было уже легко различать в западной части небосклона зарево от огней ее бивуака, перед Ростопчиным встал во всей наготе вопрос о неизбежности оставления Москвы без нового сражения. Только теперь он ясно понял всю несбыточность надежд, возлагавшихся им все время на Кутузова, который, конечно, не мог снова рисковать всей армией, не пополнив, как следует, ее недавнего урона. Только теперь Ростопчин решил выслать из Москвы свою семью, с которой до того времени он жил на даче в Сокольниках. Когда 30-го августа утром к нему явился С. Н. Глинка и задал ему вопрос, будет ли «сдана Москва с кровью или без крови?» – Ростопчин ответил ясно и категорично, что сражения не будет, хотя он не был даже приглашен на совет, в Филях назначенный. Он тогда же предсказал, что русская армия займет старую Калужскую дорогу, и тогда же обещал сжечь свое богатейшее поместье Вороново, расположенное на этой дороге. Во время этого разговора с С. Н. Глинкой Ростопчин в сильном волнении подошел к письменному столу и «летучим пером» написал «Воззвание на Три Горы». Подавая это воззвание Глинке и поручая ему немедленно его напечатать, Р. прибавил: «У нас на

Трех Горах ничего не будет; но это вразумит наших крестьян, что им делать, когда неприятель займет Москву». Таким образом, Ростопчин был одним из первых, выдвинувших необходимость партизанской войны. «Я вас призываю, – говорилось в этом воззвании, – именем Божией Матери на защиту храмов Господних Москвы и земли Русской. Вооружитесь, кто чем может, и конные и пешие; возьмите только на три дня хлеба». Но, будучи в это время сам уже окончательно уверен в неизбежности оставления Москвы, Ростопчин в своих воззваниях продолжал еще поддерживать в населении противоположную уверенность. Отправляясь на следующий день на свидание с главнокомандующим армиями, он в новом обращении своем к московским жителям писал: «Я завтра рано еду к Светлейшему Князю, чтобы с ним переговорить, действовать и помогать войскам истреблять злодеев. Станем и мы из них дух искоренять и этих гостей к черту отправлять. Я приеду назад к обеду и примемся за дело, доделаем – и злодеев отделаем». Отправившись на следующий день рано утром из Москвы на свидание с Кутузовым, Ростопчин застал его, окруженного своим штабом, на Поклонной горе. Кутузов сидел на своей походной скамейке перед огнем; это было первое свидание двух деятелей Отечественной войны, знавших до того друг друга лишь понаслышке и по деловой переписке. Приняв чрезвычайно учтиво московского главнокомандующего, Кутузов отвел его немного в сторону и в течение более получаса вел с ним беседу наедине. Ростопчин старался разузнать о дальнейших планах главнокомандующего, но последний уклонился от прямого ответа, сказав лишь, что, в случае нужды, он отступит с армией по Тверской дороге, чтобы прикрыть собою Петербург. Р. принялся горячо возражать против этого плана, доказывая, что тогда русская армия может сказаться лишенной продовольствия и отрезанной от всего юга России. Со своей стороны он советовал Кутузову занять Калужскую дорогу, приводя все доводы, говорящие за это, и не подозревая, что Кутузов, быть может, просто не хотел посвящать его в свои планы. По окончании этой беседы Ростопчин вместе с Кутузовым приблизился к остальной группе

генералов, собравшихся на Поклонной горе, и принял участие в их оживленной беседе, вращавшейся вокруг вопроса о предстоящем сражении. Основываясь на воспоминаниях многих из участников Отечественной войны, надо признать, что уже во время этих совещаний на Поклонной горе граф Ф. В. Ростопчин делился с другими своим планом, – раз уж нельзя отстоять столицы, – оставить наступающему врагу вместо нее лишь груды развалин и пепла. Так, он сказал тогда между прочим А. П. Ермолову, подъехавшему к Кутузову с докладом о недостатках избранной позиции: «Не понимаю, для чего вы усиливаетесь непременно защищать Москву, когда, овладев ею, неприятель не приобретет ничего полезного... Если без боя оставите Москву, то увидите ее за собою пылающе». Еще более интересный в этом смысле разговор имел тогда же Ростопчин с Принцем Евгением Вюртембергским: «Если бы меня спросили, – заявил Р., подразумевая сдачу Москвы врагу, – я бы сказал: уничтожьте город прежде, чем отдадите его неприятелю! Но таково мое личное мнение; в качестве генерал-губернатора, которому поручена охрана и благоденствие города, я, конечно, не могу дать подобного совета». Все это было сказано им громко, во всеуслышание. Пораженный этими словами, Принц Евгений мог только ответить: «Чтобы решиться на это, необходимо быть русским».

Ростопчин не остался в Филях до совета, но вскоре же после разговора с Кутузовым вернулся пешком в Москву, получив разрешение взять с собою своего сына Сергея, контуженного в руку 26-го августа. Печальное состояние русской армии в то время произвело на Ростопчина удручающее впечатление и еще более укрепило его мнение о необходимости оставить Москву французам. Однако, устранение его от обсуждения вопроса об оставлении Москвы, видимо, задело Ростопчина. Впоследствии он высказывал это в следующих словах, под покровом благодарности Кутузову за то, что тот не пригласил его присутствовать на военном совете: «Я точно так же настаивал бы на необходимости отступления, и это мнение было бы принято, а мое с ним (т. е., с Кутузовым) согласие

только бы послужило ему оправданием, что он отдал Москву неприятелю».

Почти тотчас же по возвращении в Москву Ростопчин отправил с нарочным письмо к Государю, стараясь подготовить последнего к мысли о потере столицы. В этом письме, сообщая о всем, что он предпринял за последние дни, Ростопчин заявлял, что если войска оставят Москву в добычу неприятелю, он сам решил присоединиться к армии «в качестве простого офицера». Вместе с тем, он заклинал Александра Павловича не заключать мира с Наполеоном. «Государь, писал Р.: чтобы слово мир удалилось от Вас! История Вашего царствования не должна быть запятнана позором, который неизгладимым пятном лег бы на Русский народ».

В 8 часов вечера того же дня он получил от Кутузова официальное извещение об оставлении Москвы. Сообщая об этом решении, главнокомандующий просил Ростопчина прислать к нему всех имеющихся полицейских офицеров, которые помогли бы провести армию через город на Рязанскую дорогу. Отдав спешно соответствующие распоряжения, Р. вторично в этот день послал донесение Государю о ходе событий и дал при этом полную волю своему негодованию на Кутузова: «Решением главнокомандующего, писал Р. Государю, решается участь этой столицы и Вашей Империи, которая задрожит от гнева, когда узнает, что он отдает неприятелю город, в котором заключалось величие России и где покоится прах Ваших предков».

Всю последнюю ночь своего пребывания в Москве Ростопчин провел на ногах. Отправив к Кутузову затребованных тем полицейских офицеров, Р. вслед за тем поручил московскому обер-полицеймейстеру увести из Москвы всю полицию, захватив с собою весь пожарный обоз столицы. Затем он уведомил Московского архиепископа об оставлении Москвы и поручил ему немедленно отправиться во Владимир, захватив с собою три находившиеся в то время в столице чудотворные иконы Богородицы: Иверскую, Смоленскую и Владимирскую, а также все, что возможно, из церковных драгоценностей. Увезить эти иконы и церковную утварь до самого последнего момента

препятствовал сам Ростопчин, опасавшийся, как бы возбужденное население, остававшееся в Москве, не оказало сопротивления этой мере. Многие из верующих, действительно, опасались увоза святынь и даже наряжали дежурства при них, но в последнюю минуту архиепископу удалось без особого труда выполнить поручение Ростопчина, объявленное им в качестве Высочайшего повеления.

Особенно много энергии потребовала от графа Ростопчина в эту ночь отправка из Москвы Русских раненых. Хотя ему приходилось отправлять их ежедневно перед тем по 1–2 тысячи в день, но после Бородинской битвы раненые стали прибывать в столицу такими огромными транспортами, что к 1-му сентября их скопилось в Москве около 30000 человек. К счастью, у Ростопчина в резерве оказалось до 5000 подвод, которые он и поспешил употребить для этой цели. Около 25000 раненых были спасены таким образом, доставлены на подводах в Коломну, а оттуда должны были отправиться далее. Но все-таки удалось перевезти далеко не всех желающих. Даже по свидетельству самого Ростопчина пришлось оставить в Москве около 2000 человек, в том числе всех тяжело раненых; французские же свидетели-очевидцы приводят более крупные цифры, исчисляя количество остававшихся в Москве раненых в 10000 человек. Впоследствии большая часть покинутых несчастных жертв войны нашла тяжелую, мучительную смерть во время пожара Москвы, и в этом многие склонны были обвинять Ростопчина, порицая его непредусмотрительность; вряд ли, однако, подобное обвинение может быть строго обосновано, если припомнить размеры потерь, понесенных русскою армиею при Бородине.

Около полуночи на 2-е сентября к Ростопчину прибыли Принц Вюртембергский и Герцог Ольденбургский с намерением пригласить его отправиться с ними к Кутузову и уговорить последнего не покидать Москвы. Но Ростопчин уклонился от этой поездки, которую считал бесцельной, сославшись, что у него нет возможности тратить 4–5 часов на поездку, так как еще много дела до утра. Этот же ответ давал Р. и другим лицам, являвшимся к нему с мольбой уговорить главнокомандующего

не покидать столицы. Последними распоряжениями Р. в эту памятную ночь были следующие меры: он поспешил отправить из Москвы Леппиха со всеми его приспособлениями для изготовления воздушного шара; в самой Москве оставил 6 человек переодетых полицейских офицеров, которым было поручено доставлять ему через Сокольницкий лес в главную квартиру донесения о положении дел. Кроме того, он поручил полицейскому чиновнику Вороненку отправиться на винный и мытный дворы, а также на запоздавшие казенные и частные баржи у Красного холма и Симонова монастыря и, в случае внезапного вступления неприятельских войск, стараться истребить все их огнем, что и было действительно исполнено в день вступления в Москву французов. До последней минуты московского главнокомандующего не оставляли разного рода просители, в особенности раненые офицеры; всем им Р. находил время оказывать посильную помощь, щедро раздавая свои собственные средства. «Что касается денег, – пишет Р. в своих воспоминаниях, – я роздал их столько, что выехал из Москвы одновременно человеком самым богатым и самым бедным, так как увозил с собою 130000 рублей, оставшихся у меня из экстраординарных сумм, и 630 рублей, собственно мне принадлежавших. Мысль о том, откуда добыть денег впоследствии, не приходила мне в голову». Уже рано утром Ростопчину пришлось еще озаботиться отправкой из Москвы Экзарха Грузии, Грузинских Царевен и Княжен, покинутых П. С. Валуевым; с большим трудом ему удалось найти для них лошадей. Все же свое имущество, представлявшее ценность не менее полумиллиона рублей, Ростопчин сознательно решил предоставить на разграбление французам, чтобы впоследствии его не могли упрекнуть в том, что он действовал в данном случае в ущерб общественным интересам. «Хотя я и наперед был уверен, что все это будет разграблено, говорит он сам, но хотел понести те же потери, какие понесены были другими, и стать на один уровень с жителями, имевшими в Москве свои дома. Каких-нибудь двадцать телег могли увезти всю эту обстановку... в распоряжении моем находились тысячи лошадей, да кроме того еще лошадей 500 могли бы быть

доставлены из поместья моего Воронова, но таковы уж были побудительные причины моего пожертвования». Действительно, из всего движимого имущества Р. увез лишь два наиболее ценных для него портрета – своей жены и Императора Павла I, да шкатулку с наиболее ценными бумагами. К 10 часам утра 2-го сентября все сборы Ростопчина были закончены, и, в сопровождении своего сына, он спустился на двор, чтобы сесть на лошадь. Вся улица перед его домом оказалась запруженной народом, который собрался сюда со всей Москвы, чтобы узнать от самого главнокомандующего, действительно ли Москва будет уступлена без сражения неприятелю. Здесь разыгралась трагическая сцена, воспоминание о которой ложится темным пятном на Ростопчина. Дело идет о смерти купеческого сына Верещагина, осуждения которого Р., как сказано было выше, уже раньше, но безуспешно добивался у Александра I. Сама обстановка этого события не могла способствовать сохранению о нем точных и достоверных свидетельств; последние, поэтому, довольно разноречиво излагают подробности происшествия, но даже если отбросить те версии, которые наиболее неблагоприятны для Ростопчина, то и тогда нельзя не отнестись с осуждением к проявленной им жестокости и самовластию, ничем в данном случае, казалось бы, не вызывавшимся. По словам самого Ростопчина, когда он вышел на крыльцо, вся толпа обнажила головы. Он приказал тогда вывести Верещагина и одного французского фехтовального учителя, по фамилии Мутона, который был уже приговорен Уголовною Палатой к наказанию плетью и к ссылке в Сибирь. Оба эти узника сказались случайно забытыми в долговой тюрьме и только потому не были отправлены вместе с остальными заключенными из Москвы во Владимир. «Я обратился к первому, – говорит Ростопчин, – упрекая его в преступлении, тем более ужасном, что из всего народонаселения Москвы нашелся он один, который хотел предать Отечество. Я ему сказал, что Сенат приговорил его к смерти и приговор должен быть исполнен. Я приказал двум унтер-офицерам из находившихся при мне драгун бить его саблями. Он упал, не произнеся ни одного слова». Так излагает это событие сам

Ростопчин; в других же воспоминаниях приводятся чаще всего указания, что Ростопчин был вынужден пожертвовать Верещагиным, дабы отвлечь от себя самого внимание народной толпы, которая, считая себя обманутой, требовала от графа ответа, на каком основании войска оставляют Москву беззащитной. Но дальнейшее поведение Ростопчина, как кажется, исключает эту версию; он ни в чем не проявил растерянности: предавая смерти Верещагина, он обратился к другому узнику – Мутону, который уже ожидал своей участи, со словами: «Я оставляю тебе жизнь, ступай к своим и скажи им, что несчастный, которого я наказал, был единственный из русских изменник своему Отечеству». С этими словами он сам провел Мутона к воротам и сделал толпе знак, чтобы его пропустили. В этом обращении к французу, явившемуся очевидцем жестокой расправы с Верещагиным, кроется наиболее вероятная разгадка намерений Ростопчина. Неудержимый в своих порывах, взволнованный наступавшими событиями и столкновениями с Кутузовым, он в данном случае не только давал исход своему гневу и ненависти против всех тех, кого он считал врагами России, но и хотел, с одной стороны, еще более усилить народное негодование против французской армии и ее вождя, а с другой – хотел дать понять последним, какое ожесточение их ожидает в гостеприимной Москве, когда одно подозрение в измене могло побудить к подобной расправе. Хотя Ростопчин и заявил Верещагину, что он приговорен Сенатом к смертной казни, но эти слова его не отвечали действительности. Приговор Сената, во-первых, нуждался еще в санкции Александра I, а во-вторых, этим приговором Верещагин был присужден лишь к ссылке в каторжные работы. Это обстоятельство еще более усиливает вину Ростопчина, так как, даже если бы имелся смертный приговор, он был бы обязан привести его в исполнение предписанным законом способом, а не отдавать несчастного Верещагина на растерзание толпе. Хотя об этом последнем факте сам Р. умалчивает в своих воспоминаниях, говоря, что Верещагин свалился после первых же ударов драгун, но единогласное свидетельство других очевидцев заставляет

принять другую версию: раненый первыми ударами драгун Верещагин был отдан затем на растерзание толпе и под ее ударами испустил дух; впрочем, и сам Р. в своем донесении о судимости Верещагина писал в 1813 году: «Изменник сей и государственный преступник был пред самым вшествием злодеев наших в Москву предан мною столпившемуся пред ним народу, который, видя в нем глас Наполеона и предсказателя своих несчастий, сделал из него жертву справедливой своей ярости». Некоторые из писателей обвиняли Ростопчина также и в том, что он собственной рукой нанес первый удар Верещагину, но это уже преувеличение. Однако Ростопчину впоследствии не легко было отделаться от угрызений совести за смерть своей жертвы. Десять лет спустя, в своих воспоминаниях о 1812 г., он не решился воспроизводить всю ужасную картину этой расправы, ограничившись лишь следующими словами, приводимыми им в заключение описанной им расправы с Верещагиным: «Я не оглядывался, чтобы не смущаться тем, что произошло. Глаза закрывались, чтобы не видеть ужасной действительности». Некоторые утверждали даже, что все последние годы его жизни он постоянно страдал от галлюцинаций и был не в силах отогнать от себя образ убитого Верещагина, но подтверждения этого нельзя найти в воспоминаниях таких близких к Ростопчину лиц, как А. Ф. Брокер, А. Я. Булгаков и другие; да оно, кажется, противоречит и его характеру. Оказало это обстоятельство влияние и на дальнейшую карьеру московского главнокомандующего, так как было одною из главных причин, возбудивших неудовольствие против Ростопчина Императора Александра I. «Я был бы вполне доволен вашим образом действий при этих весьма затруднительных обстоятельствах, писал государь Ростопчину в письме от 6-го ноября 1812 г., если бы не дело Верещагина, или, лучше сказать, не окончание этого дела. Я слишком правдив, чтобы говорить с вами иначе, как с полной откровенностью. Его казнь была не нужна, в особенности ее отнюдь не следовало производить подобным образом. Повесить или расстрелять было бы лучше».

Отправившись из дому к центру Москвы, Ростопчин остановился на одном из бульваров столицы и оставался там до тех пор, пока к нему не подскакал ординарец с донесением, что Милорадович с русским арьергардом уже прошел через Арбат, а непосредственно за ним следует неприятельский авангард. Тогда, считая свои обязанности по охране и поддержанию порядка в столице оконченными, Ростопчин направился к Рязанской заставе; здесь, у моста через Яузу, он столкнулся с Кутузовым и обменялся с ним холодным поклоном. Час спустя, он был уже за Рязанской заставой – и как раз в это время пушечные выстрелы возвестили о занятии Москвы французами. Там он присоединился сперва к штабу Барклая-де-Толли, а затем к главной квартире Кутузова.

С первой же ночи после занятия Москвы французами в ней начались пожары, которые с 3-го сентября приняли такие размеры, что охватили сплошным кольцом всю столицу.

В первые дни этих зловещих пожаров сами французы не придавали им большого значения и не отдавали себе отчета в том, кто является действительным виновником поджогов. Наполеон, как, впрочем, и большинство его генералов, склонны были объяснять их излишествами или просто неосторожностью своих войск, почти неизбежными при занятии враждебной армией покинутого жителями города. Но когда, вслед за тем, при попытке организовать борьбу с пожарами, было обнаружено, что из Москвы вывезены все противопожарные средства, а с другой стороны сторожевые патрули стали ловить на месте преступления отдельных поджигателей – русских, французам пришлось изменить свое мнение. К этому присоединились также рассказы иностранцев, оставшихся в Москве, которые не замедлили познакомить своих соотечественников с агитационной деятельностью графа Ростопчина, старавшегося всеми мерами привить Русскому простонародью ненависть к французам. Многие из них, конечно, могли слышать о намерениях графа скорее сжечь столицу, чем оставить ее врагу. Всего этого было более, чем достаточно, чтобы гнев Наполеона, разочаровавшегося в своих ожиданиях и нашедшего в Москве вместо желанного мира серьезную

преграду своим дальнейшим успехам, со всей, свойственной ему силой обрушился на голову московского главнокомандующего. Никто никогда не доводил его до такой степени бешенства, как это удалось сделать Ростопчину. Император не находил слов, способных, по его мнению, заклеить Ростопчина. В своих бюллетенях он называл его «негодяем», «сумасшедшим», «Геростратом». Впрочем, Наполеоном в данном случае руководило не одно только чувство ненависти: его побуждала к этому и потребность к самозащите, так как он не мог не видеть и не отдавать себе отчета в том, что общественное мнение всего мира выскажется против него, когда узнает, что вступление его войск в покинутую древнюю столицу России сопровождалось страшным пожаром. Он понимал, что обвинять в пожаре станут прежде всего его самого, и поэтому счел нужным позаботиться о том, чтобы сложить эту вину на самих русских и на русское правительство в лице его высшего представителя в Москве – московского главнокомандующего.

По приказу Наполеона, тотчас по прекращении пожара была организована, под председательством главного военного судьи армии, генерала Лаури, особая комиссия, на которую было возложено расследование причин пожара. 12-го сентября эта комиссия вынесла приговор, составленный весьма пространно и с явным желанием показать, что при разборе дела были соблюдены все формальности правосудия. В этом приговоре говорилось, что русское правительство уже за три месяца до вступления французов в Москву решилось прибегнуть к таким необычным средствам защиты, как пожар, и для этой цели воспользовалось услугами Шмидта (т. е., Леппиха), который, под видом постройки воздушного шара, занимался изготовлением поджигательных снарядов. Таким образом, сожжение Москвы, по мысли комиссии, являлось делом преднамеренным, и представшие пред нею подсудимые являлись лишь слепым орудием и исполнителями приказаний, полученных ими от московского генерал-губернатора. Далее в приговоре говорилось, что Ростопчин приступил к выполнению плана сожжения столицы тотчас же после Бородинской битвы. С

этою целью он, будто бы, выпустил на волю из острога и из ямы уголовных преступников, приказав им поджечь со всех сторон город через 24 часа после занятия его неприятелем. Чтобы руководить поджогами, он-де распорядился оставить в Москве переодетых военных и полицейских офицеров и, дабы помешать французской армии бороться с пожарами, вывез все противопожарные инструменты. В этом обвинительном акте против Р. крупницы правды оказывались перемешанными с вымыслом и небылицами, которые подсказывало московским французам и другим иностранцам их напуганное воображение. Комиссия, однако, не остановилась на этом: в подтверждение своих выводов она включила в свой приговор отрывок одной из Ростопчинских афиш, в которой он будто бы призывал Москвичей к поджогу своих жилищ. В редакции комиссии этот отрывок гласил следующее: «Вооружитесь, чем ни попало, особенно вилами, которые наиболее пригодны для французов, так как они не тяжелее соломенного снопа. Если же не победим их, то сожжем в Москве, коль скоро они осмелятся войти в нее». Первая часть этого отрывка, действительно, заимствована из одного, упомянутого нами, воззвания Ростопчина, но вторая, наиболее существенная, оказывается целиком сочиненной, так как Ростопчин не только ни разу не рисковал печатно выступить с планом сожжения Москвы, но и вообще в своих воззваниях не допускал и мысли о возможности занятия столицы армией Наполеона; наоборот, он «честью клялся», что «нога неприятеля не будет в Первопрестольной». При этом убеждении он долгое время оставался и сам, а поддерживать его среди московского населения он не переставал до самого последнего дня.

Тем не менее, с легкой руки Наполеона, слава главного виновника московского пожара, его вдохновителя и организатора быстро упрочилась за Ростопчиным сперва в Западной Европе, а потом и в России; а так как сожженная Москва стала в то же время могилой славы самого Наполеона, положив предел его завоеваниям и повлекши за собой поражение его армии, а затем и свержение с престола его самого, то вполне понятны те чувства удивления, даже энтузиазма, соединенных, впрочем, с значительной долей

ужаса, которыми вскоре оказалось окружено имя Ростопчина. О нем заговорили все; его портреты и биографии, часто фантастические, расходились за границу в тысячах экземпляров; многие иностранцы направлялись в Москву специально с тем, чтобы взглянуть на славного и в то же время страшного Ростопчина...

Наполеон, убежденный и том, что Ростопчин является главным виновником московского пожара, в бессильной злобе своей отдал распоряжение по армии, а в особенности по авангарду задержать во что бы то ни стало московского главнокомандующего; в этом приказе содержались более или менее точные приметы Ростопчина и была обещана крупная денежная награда за его голову.

Сам Ростопчин первоначально, казалось, старался отклонить от себя славу организатора московского пожара. Так, по крайней мере, он заявлял в своих письмах Имп. Александру Павловичу по оставлении Москвы. Вместе с Кутузовым и другими русскими, при первых известиях о сожжении столицы, он обвинял в этом поступке всецело Наполеона и французов. Но когда московский пожар возбудил всеобщее внимание в Европе и имя Ростопчина получило такую громкую известность повсюду, что даже французы считали подвиг его внушенным пламенной любовью к родине, делом хотя варварским, но высоким и получавшим оправдание в событиях того времени, когда дело шло о спасении отечества, то Ростопчин не мог остаться к этому равнодушным. Он, правда, не выражал своего согласия с обвинением, но зато и не опровергал, почти в течение 10 лет, его справедливости. Его молчание только укрепляло всеобщую уверенность, что именно он является виновником московской катастрофы; даже когда, порой, он сам пытался отклонить от себя незаслуженную честь спасителя Отечества, ему никто не верил и считал это проявлением скромности с его стороны. Так, напр., обстояло дело и со старинным приятелем и другом Ростопчина – графом С. Р. Воронцовым. После 1801 г. переписка между друзьями оборвалась, но когда, в 1813 году, имя Ростопчина прогремело на всю Европу и с особенным восторгом произносилось именно

в Англии, граф Воронцов первый пошел навстречу возобновлению сношений с Ростопчиным. «Я ни с кем не могу вас сравнить, кроме князя Пожарского, – писал он Ростопчину, – но ваш подвиг был еще труднее... Вы были благотворною искрою, возбудив возвышенный характер моих дорогих соотечественников...» Ростопчин отвечал ему на это: «Наполеон предал город пламени для того, чтобы иметь предлог допустить свои войска ограбить его... Вы хвалите мою любовь к Отечеству; но сколько же лиц, которые превзошли меня!.. Я вознагражден уже тем, что исполнил мой долг». Еще более искренни были его признания жене, которой он писал: «Ты видишь, мой друг, что моя мысль поджечь город до вступления в него злодея была полезна. Но Кутузов обманул меня и когда он расположился накануне отступления от Москвы в 6 верстах от нее, было уже поздно. Французы ничего не нашли в Москве, но они могут говорить, что разграбили и сожгли ее; это все-таки торжество. Напротив, если бы они нашли только один пепел, Москва наполнила бы сердца солдат яростью, а они увидали бы, с каким народом имеют дело». Но подобного рода заявления Ростопчина, делавшиеся им в частной переписке, оставались, конечно, тайною для всех остальных, пока, наконец, лишь в близкое к нам время они не были опубликованы. Для остального же мира его имя оставалось очень долго неразрывно соединенным с великою жертвой, принесенною русским народом. Упорное молчание самого Ростопчина или его уклончивые ответы способны были лишь усилить и укрепить эту уверенность. Когда, несколько лет спустя после московского пожара, он переселился за границу, один немец-врач попробовал было задать ему прямой вопрос, действительно ли он является виновником сожжения Москвы; Ростопчин ответил ему, что подобного вопроса ему никогда не задавал даже сам Александр I, и что он не обязан никому отвечать на него. Подобным же образом отделялся он и от других назойливых расспросов или же просто переводил разговор на другие предметы. Когда в 20-х годах XIX столетия Д. П. Бутурлин, готовя к изданию свою Историю войны 1812 г., в которой он приписывал московский пожар

распоряжениям правительства и в первую голову самого Ростопчина, послал к нему на просмотр свою рукопись, прося дополнить и исправить ее, Ростопчин возвратил ее автору без всяких замечаний, как бы соглашаясь с его объяснением событий. Когда, наконец, в 1822 г. в английской печати появилось сообщение, что Роберт Вильсон, будучи в 1812 г. в Москве, «помогал Ростопчину привести в исполнение задуманное им намерение сжечь столицу», Ростопчин поспешил поместить опровержение на него, в котором писал, что впервые встретил Вильсона в главной квартире на реке Пахре, и добавлял: «Следовательно, ему поздно было и бесполезно помогать мне». После всего сказанного будет вполне понятно то впечатление, которое произвело в 1823 г. опубликование Ростопчиным в Париже его сочинения «Правда о московском пожаре» («La vérité sur l'incendie de Moscou»), в котором он категорически отклонял от себя честь сожжения Москвы, возражая по пунктам как против всех обвинений, взводившихся на него Наполеоном в его бюллетенях и военной комиссией, разбиравшей дело о московских поджигателях, так и против ошибочных свидетельств современников. Этим заявлением он разрушал собственными руками тот пьедестал, на который его возвело общественное мнение всего мира. «Я, – говорил он про себя, – сам разрушаю здание моей знаменитости, но я решаюсь говорить правду, которая одна должна руководить историей». В своей книжке Ростопчин отрицал не только то, будто он принимал участие в организации московского пожара в качестве представителя власти, но и всякое личное прикосновение к этому событию; он опровергал сообщения о заготовке зажигательных снарядов, об освобождении из тюрем преступников, самую мысль о сожжении Москвы называл «ужасной, жестокой и неблагоразумной» и высказывал уверенность, что размеры пожара, благодаря наличности в Москве множества садов, бульваров и пустырей, не могли бы быть так грандиозны, если бы этому не помогло чисто случайное обстоятельство – необычайно сильный ветер. Заявления Ростопчина вызвали всеобщий интерес; французская печать, отмечая, что самые просвещенные умы считали его

главнейшей причиной не только спасения России, но и падения Наполеона, и что «в зареве Московского пожара уже виднелась св. Елена», заявляла, что нельзя не верить такому самоотверженному свидетельству, которое не может быть заподозрено. Но, тем не менее, этому самоотречению Ростопчина почти никто не верил – как в Западной Европе, так и в России. Таким образом, вопрос этот до самого последнего времени оставался окончательно невыясненным: действительно ли размеры московского пожара должны быть приписаны стихийному стечению обстоятельств, как пытался объяснить дело сам Ростопчин, или же ему самому должна быть приписана инициатива и решающая роль. Только теперь, на основании опубликованных в последнее время архивных материалов, а в том числе на основании обширной переписки, которую московский главнокомандующий поддерживал в то время с различными лицами, можно составить более или менее полное представление о всех важных шагах деятельности Ростопчина на его ответственном посту и несколько разобраться в этом запутанном противоречивыми показаниями и свидетельствами историческом вопросе.

Прежде всего, на основании уже изложенного необходимо признать, что Ф. В. Ростопчину не была чужда мысль о возможности предать огню Москву и тем ускорить развязку войны. Он сам говорил об этом более или менее свободно, по крайней мере в тесном кругу лиц, принимавших близкое участие в судьбах России того времени. Но при этом необходимо отметить, что Р. говорил об этой мере не как московский главнокомандующий, а лишь, как частное лицо, как гражданин или, вернее, как пламенный патриот. Разбираясь в мотивах, которые могли толкать его на осуществление этой идеи, прежде всего приходится остановиться на его давней ненависти к республиканской Франции. Этой ненависти, при обычной страстности характера Р., было вполне достаточно, чтобы внушить ему мысль о сожжении Москвы и даже чтобы заставить агитировать в пользу осуществления ее; но этого все же было недостаточно, чтобы Ростопчин решился взять ее целиком на свою личную ответственность. Как бы ни были широки

полномочия, данные ему Александром I при назначении его в Москву или позднее, во время личного их свидания при посещении Государем Москвы, они не могли простирались так далеко, чтобы Р. мог считать себя вправе располагать судьбами столицы. Конечно, от порывистого и не знавшего удержу в проявлениях страстности Ростопчина можно было ожидать всего, как от человека, решавшегося высылать лиц, не зависевших непосредственно от него, способного отдать на растерзание толпе Верещагина... Всем своим поведением в Москве в 1812 году Р. как бы оправдывал опасения подобного рода; в его собственных жалобах по адресу Кутузова можно найти фразы, которые как бы свидетельствуют, что если бы фельдмаршал заранее сообщил ему о своем намерении уступить Москву французам без боя и не лишил бы его возможности заблаговременно предпринять все меры, то Наполеону не было бы суждено вступить в Московский Кремль. Но в действительности дело обстояло иначе. Уже после Бородинской битвы Р. вряд ли мог сомневаться в судьбах столицы. Хотя Кутузов и продолжал его обнадеживать, что не оставит Москвы без нового сражения, но Р. уже отдавал себе ясный отчет о размерах понесенных русскими войсками потерь под Бородином и в том, что фельдмаршалу вряд ли удастся задержать дальнейшее наступление французов на Москву. Когда же Кутузов, в целях предупреждения обходного движения двух французских корпусов, потребовал от Ростопчина обещанного последним 80000-ного ополчения, у того не могло оставаться никакого сомнения насчет истинного положения дел. Если бы, таким образом, все зависело исключительно от осведомленности самого Р., его нерешительность должна была бы казаться ничем необъяснимой, но на самом деле вопрос стоял не так уж просто. Ростопчин прекрасно понимал, что проектируемая им мера далеко выходит за границы его полномочий. Если он еще и мог рассчитывать на то, что другие чрезвычайные меры, принятые им, могут найти оправдание в наличности чрезвычайных же обстоятельств, то не мог он не понимать, что гибели Москвы ему никогда не простить ни Император Александр, ни Россия. Правда, он сам считал эту

меру единственно в данных условиях целесообразной и спасительной, так как она, по его мнению, с одной стороны должна была ожесточить сердца русских солдат и вдохнуть в них мужество отчаяния, а с другой – показать французами, с каким самоотверженным народом приходится им вести войну. Но его собственного убеждения, конечно, было далеко недостаточно, попытки же его убедить в спасительности своего плана других оканчивались неудачами: одни отмалчивались, другие пожимали плечами и почти никто не выказывал намерения поддержать московского главнокомандующего. Ростопчин попытался было посвятить в свои планы Кутузова, но последний, до того времени совершенно не знавший графа, а теперь убедившийся, что имеет дело с энтузиастом, малоспособным считаться с действительностью, решил всячески противодействовать его намерениям и до тех пор не переставал уверять его, что он ни в коем случае не уступит Москвы, пока вступление обоза русской армии в столицу не помешало Ростопчину привести в исполнение свой план; последний действительно мог явиться помехой для фельдмаршала, который намерен был, проведя войска через город на Рязанскую дорогу, вслед за тем удачным маневром скрыть свою настоящую позицию от внимания французского авангарда. Сожжение столицы главнокомандующий русскими армиями считал вообще бесцельным, так как он рассчитывал воспользоваться задержкою французов в Москве с тем, чтобы привести в порядок ряды своих войск и поднять на должную высоту уже напавшую было падать дисциплину. Но все эти намерения и соображения были скрыты Кутузовым от Ростопчина, который первоначально рассчитывал, что фельдмаршал утвердит своим авторитетом его проект уничтожения столицы. Таким образом у Р. в последние дни перед оставлением Москвы не хватило решимости осуществить свой план; когда же через Москву двинулись обозы русской армии и транспорты раненых, он и фактически не мог осуществить своего намерения – сжечь столицу еще до вступления в нее французов, так как это было бы равносильно гибели всего обоза армии и осуждению на смерть ни в чем

неповинных жертв войны. Теперь остается выяснить, каково же на самом деле было его участие в пожарах, начавшихся почти вслед за занятием Москвы Наполеоном. Первые из этих пожаров были произведены полицейским чиновником Вороненком, исполнявшим непосредственное приказание Ростопчина истребить и, если нужно, поджечь на барках и складах съестные припасы, дабы они не достались в руки неприятеля.

Ответственность за эту меру должна быть целиком возложена на Р., но это приказание было продиктовано ему вполне разумными соображениями. Пожары начались в первую же ночь по оставлении Москвы русскими; первоначально французам удавалось их тушить, и они сами были склонны приписать возникновение их чисто случайным причинам. Только новые поджоги, в следующую ночь, и поднявшийся тогда же ветер придали огненной стихии такую мощь, что все усилия французских войск локализовать ее распространение оказались тщетными. Уже эта картина возникновения московских пожаров заставляет отнестись с сомнением к утверждениям иностранных авторов, будто пожар Москвы явился делом заранее обдуманном и осуществленным по непосредственному приказанию Ростопчина. Из всех взведенных на Ростопчина французской судебной комиссией обвинений остается в силе лишь одно, а именно, что он сознательно вывез из Москвы пожарный обоз и предписал покинуть столицу пожарным командам, чтобы лишить французскую армию возможности бороться с пожарами, на первый взгляд может показаться, что уже в одной этой мере, принятой Р., содержится косвенное признание его участия в организации поджогов. На самом деле Р., будучи хорошо знаком с настроением и духом русского народа, имел много оснований рассчитывать, что пожары в Москве начнутся и без специальных или организованных поджогов. Еще задолго до вступления Наполеона в столицу Ростопчину, по его собственным признаниям, неоднократно приходилось слышать среди купцов и среди мастеровых, ремесленников и других групп простонародья подобное суждение. «Лучше сжечь Москву», – говорили эти люди,

высказывая ему с грустью опасения, что Москва может достаться в руки неприятеля. Р. знал об этом также и по донесениям своих агентов; ему было, кроме того, известно о существовании нескольких заговоров, инициаторы коих также соединяли свои планы с пожаром Москвы, но исходили далеко не из патриотических побуждений. Вот что, напр., писал Р. князю П. И. Багратиону после получения известия о потере Смоленска: «Народ здешний... решительно умрет у стен московских. А если Бог ему не поможет в его благом предприятии, то, следуя русскому правилу: «не доставайся злодею!», обратит город в пепел». Наконец, не надо забывать и всей его предшествовавшей деятельности, направленной почти исключительно на то, чтобы возбудить среди московского населения сильнейшую ненависть к французам. «Я поджег дух народа, – говорил впоследствии Р. при встрече с Варнгагеном-фон-Энзе в Базеле в 1817 г., – а этим страшным огнем легко зажечь множество факелов». При тогдашнем настроении московского населения и его отношении к французам, вся предшествующая деятельность Ростопчина именно должна была иметь такой характер. Разумеется также, что проникновение в народную массу толков о том, будто сам губернатор собирается сжечь столицу и относится сочувственно к намерениям лиц, желающих уничтожить все ценное, дабы ничто не досталось врагу, – подобные толки могли лишь окончательно развязать руки оставшимся в Москве жителям. Но если этого рода деятельность и была заслугой Ростопчина, он сам все же придавал гораздо большее значение другой стороне ее, а именно тому, что ему все время удалось сохранить в Москве спокойствие и настолько враждебно настроить против французов и Наполеона все окрестное население, что неминуемо должны были потерпеть крушение планы Наполеона заручиться сочувствием крепостных при объявлении их свободными. Хотя в действительности Наполеон и не привел в исполнение этих планов, но они несомненно существовали; также несомненно, что Р. их предугадывал и, как уже приходилось выше указывать, считал эти планы опасными для существовавшего тогда гражданского правопорядка. Неудачу же

Наполеона он склонен был приписывать почти исключительно собственному воздействию на народную массу и видел в этом едва ли не высшую свою заслугу.

Хотя по оставлении Москвы непосредственные обязанности Ростопчина, как главнокомандующего, сами собою оказались прерванными, он все же считал своим долгом не прекращать забот о судьбах столицы. С этою целью он оставался при армии до тех пор, пока она, наконец, не покинула пределов Московской губернии; насколько это было возможно, он старался поддерживать с Москвою сношения, посылая туда сам разведчиков и получая донесения о положении дел в самой Москве и в ее окрестностях от полицейских агентов, оставленных там специально для этой цели. Результатами добытых сведений он делился постоянно с Государем, обвиняя перед ним в сожжении Москвы исключительно французов, хотя сам вряд ли уже тогда хоть сколько-нибудь сомневался в истинных причинах возникновения пожаров. Отношения Ростопчина к Кутузову в это время если не обострились еще сильнее, то во всяком случае – не улучшились, и его отзывы о главнокомандующем армией дышали всем пылом ненависти и сарказма, на какой он только был способен. По отзывам же современников, оба центральных деятеля Отечественной войны жили в это время, «как собака с кошкой». Вынужденный к бездействию и стремясь чем-либо наполнить время лагерной жизни, Р. принялся разъезжать по окрестностям, возбуждая крестьян, и помогая им образовывать партизанские отряды для нападений на французов. С этою же целью им было составлено и распространено воззвание, обращенное к крестьянам, жителям Московской губернии. Написанное очень вразумительно, огненным языком и с патриотическим подъемом, послание это должно было произвести сильное впечатление. Вот что писал в нем Ростопчин: «Враг рода человеческого, наказание Божие за грехи наши, дьявольское наваждение, – злой француз взошел в Москву; предал ее мечу и пламени; ограбил храмы Божии, осквернил алтари непотребствами, сосуды пьянством, посмешищем; надевал ризы вместо попон; сорвал оклады, венцы со святых икон;

поставил лошадей в церкви православной веры нашей; разграбил дома, имущества; надругался над женами, дочерьми, детьми малолетними; осквернил кладбища и, до второго пришествия, тронул из земли покойников, предков наших родителей»... Предупреждая вслед за тем подмосковных крестьян не поддаваться на обещания Наполеоном свободы и всяких благ, автор воззвания убеждал их оставаться «покорными христианскими воинами Божией Матери»; «не слушайте пустых слов; почитайте начальников и помещиков: они ваши защитники, помощники, готовы вас одеть, кормить и поить. Истребим достальную силу неприятельскую, погребем их на святой Руси, станем бить, где ни встренутся... А злодей француз – некрещеный враг; он готов продать и душу свою; уж был и туркою, в Египте обасурманился, ограбил Москву, пустил нагих-босых, а теперь лается и говорит, что не быть грабежу, а все взято им, собакою, и все в прок не пойдет. Отольются волку лютому слезы горькие. Еще недельки две – закричат пардон, а вы будто не слышите. Уж им один конец: съедят все, как саранча, и станут стенью, мертвецами непогребенными; куда ни придут, тут и вали их живых и мертвых в могилу глубокую. Солдаты русские помогут вам: которой побежит, того казаки добьют; а вы не робейте, братцы удалые, дружина московская, и где удастся поблизости – истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину, и тогда к Царю в Москву явитесь и делами похвалитесь...» Наконец, в заключение Ростопчин суровыми карами и даже наказанием в загробной жизни грозил всякому, кто окажется народным изменником. Без сомнения, это воззвание является самым ярким образчиком Ростопчинских писаний; оно выставляет своего автора хорошим знатоком народной психологии, сумевшим затронуть сердце каждого, благодаря чему это воззвание его должно было сказать сильное влияние на активные выступления московских поселян против французов.

Проследить непосредственное влияние самого Ростопчина и его воззваний на начавшееся вслед за тем партизанское движение, конечно, трудно, но его участие в нем не подлежит сомнению. Все эксцессы этого движения, к которым он

призывал крестьян и которые действительно наблюдались, быть может, также имеют непосредственную причинную с ним связь.

Следуя в своих передвижениях и разъездах по окрестностям за движением русской армии, Р. переезжал сперва в Красную Пахру, оттуда в свое Вороново и, наконец, в Тарутино. По приезде в Вороново, расположенное по старо-Калужской дороге, Р. решил сжечь его, не желая, чтобы оно досталось французам. Трудно в настоящее время разобраться в тех чувствах, которые на самом деле толкали его на такой поступок. С одной стороны им руководило желание «явить миру пример истинно-римской», – или, как он сам спешил поправиться, – «русской доблести»; но вместе с тем ему, быть может, не было чуждо и сознание нравственной своей ответственности в московском пожаре, заставившее его, из свойственных ему рыцарских побуждений, поставить и самого себя в то же самое положение, в каком оказалось большинство жителей Москвы. По приезде в Вороново, Р. громогласно заявил о своем намерении находившимся там несколькими русскими генералам и, несмотря на все их просьбы и убеждения не делать этого, поджег на следующий день, 19-го сентября, свой дом и конский завод. Вскоре за тем, разрешив крепостным покинуть Вороново, Р. прибил к церковной двери следующую записку на французском языке: «Восемь лет украшал я это село, в котором наслаждался счастьем среди моей семьи. При вашем приближении обыватели, в числе 1720, покидают свои жилища, а я предаю огню дом свой, чтобы он не был осквернен вашим присутствием. Французы! В Москве оставил я вам два мои дома и движимости на полмиллиона рублей, здесь найдете вы только пепел». Переехав затем в Тарутино, Р., считая, что за пределами Московской губернии кончаются и его полномочия, решил покинуть армию и направился в Ярославль. Но еще по дороге туда, а именно во Владимире, его застало известие об оставлении Москвы Наполеоном.

Узнав об этом, Ростопчин тотчас же поспешил командировать в Москву полицейских чиновников, дабы воспрепятствовать остававшимся в Москве русским разорить до конца то немного, что еще оставалось невредимым в

разоренной столице, а вслед за тем, получив донесение от полицеймейстера, направился туда и сам. Поселившись в своем доме (на Лубянке), который почему-то был оставлен французами невредимым, хотя Наполеон и отдал приказание непременно его взорвать перед оставлением Москвы (всего вероятнее, что французы отказались от выполнения этого намерения ввиду близкого соседства дома Ростопчина с деревянной католической церковью и с другими строениями, уцелевшими от пожара), Р. должен был сразу же приняться за упорядочение всех сторон жизни в городе.

Печальную картину представляла Москва в это время. Главное внимание Ростопчину пришлось сосредоточить прежде всего на урегулировании жилищного вопроса, на организации доставки съестных припасов как для самого московского населения, так и для воинских отрядов, действовавших в окрестностях Москвы, а также для раненых русских и французов, свозившихся туда отовсюду. Одновременно с этим Ростопчину пришлось озаботиться прекращением беспорядков и грабежей со стороны московской черни и подмосковных крестьян и принять ряд мер для предотвращения развития эпидемических заболеваний. В борьбе с отрицательными явлениями Р., конечно, не останавливался перед обычными для него мерами и строгостями, но, не полагаясь всецело на них, он снова стал прибегать к воздействию на население путем печатного слова, обратившись к крестьянам Московской губернии с новым воззванием, в котором, взывая к патриотизму населения и напоминая ему заслуги его по уничтожению французской армии, убеждал не слушаться подстрекателей и прекратить грабежи: «Бонапарта не слушались, а теперь слушаетесь какого-нибудь домашнего вора; ведь опять и капитан-исправники, и заседатели везде есть на месте. Гей, ребята! живите смирно да честно». В то же время Р. возобновил опубликование как в «Московских Ведомостях», так и в отдельных листах донесений главнокомандующего, приказов по армии, собственных своих распоряжений и других сведений, распространение которых среди народных масс могло содействовать их успокоению. Для борьбы с распространением

заразных заболеваний Р. немедленно же приступил к очищению столицы и ее окрестностей от заполнявших их трупов людей и животных. Лошадей вывозили за город и там предавали сожжению. Людей погребали в братских могилах. Кроме того, так как много умерших от ран и убитых были закопаны сравнительно неглубоко, то по приказанию Ростопчина все такие могилы были разрыты и найденные в них тела погребены вновь – глубже. То же самое было произведено и на Бородинском поле, и сам Ростопчин выезжал туда, дабы убедиться, насколько точно выполнены его приказания, и не станет ли угрожать это огромное кладбище распространением заразы. В самой Москве было сожжено в течение зимы 1812–1813 гг. свыше 23000 мертвых тел, а на Бородинском поле – 58630 людских трупов и 32765 конских. Благодаря этим, своевременно принятым мерам, а также холодному времени года, опасность развития эпидемий была предотвращена, но, тем не менее, опасения возможности чумных заболеваний еще долго существовали, и Ростопчину приходилось даже печатно заявлять о неосновательности подобных страхов, которые мешали быстрому заселению столицы. К концу декабря 1812 года в Москве, благодаря указанным выше мерам, насчитывалось уже до 70000 жителей; столица начала быстро застраиваться вновь, уцелевшие здания ремонтировались; одних лавок было выстроено до 3000, базары и рынки привлекали крестьян почти со всей губернии. Ростопчину пришлось также озаботиться поправкой и реставрацией Кремля и находившихся в нем исторических памятников; к счастью, взрыв кремлевских стен, произведенный французами в момент отступления из Москвы, несмотря на всю свою силу, произвел там сравнительно незначительные повреждения, так что достаточно было нескольких месяцев, чтобы все привести в прежний вид. Много времени отнимало у Р. разбирательство всякого рода споров по поводу разграбленного имущества. Прежние собственники, находя у кого-либо свою вещь, стремились получить ее обратно и обращались за содействием к Ростопчину; но последнему разрешать подобного рода споры, не вызывая в то же время на себя нареканий, было почти

невозможно, и он, в конце концов, принужден был установить для прекращения тяжб и домогательств, в виде общего правила, что все имущество, приобретенное с сентября по ноябрь 1812 года, обращалось в добычу от неприятеля и оставалось за последним приобретателем.

Ростопчин считал также нужным, по возвращении в Москву, возобновить преследование мартинистов и масонов, а также и тех лиц, против которых были хотя какие-либо данные, уличавшие их в сношениях с французами. По его настоянию в Москве была учреждена для этого особая комиссия, которая и занялась расследованием деятельности русских подданных, остававшихся в Москве, и их участия в организованном французами городском самоуправлении. В числе прочих были обвинены им гоф-маклер Коммерческого Банка Г. Н. Кольчугин (переводчик поэмы Геслера «Авелева смерть») и преподаватель Московского университета Годфруа, высланный в Оренбург. Так как все московские соборы, монастыри и церкви требовали освящения, то Ростопчин еще 18-го октября 1812 г. обратился с письмом к Московскому викарию Августину, в котором просил его направить свой путь «к первопрестольному граду, коего жители желают возвращения Вашего, церкви – освящения и все истинные христиане присутствия чудотворных икон для принесения теплых молитв за избавление от нашествия врага и унижения гордыни его». К концу декабря 1812 г. в Москве уже снова действовали почти все присутственные места, возобновлены были регулярные почтовые сношения, и вся жизнь постепенно начала входить в свое обычное русло; но исключительность обстоятельств того времени требовала и чрезвычайных мер и такого напряжения со стороны самого общества, на которое далеко не все были способны. Ассигнованных Александром I 2000000 рублей на оказание помощи беднейшему населению было, конечно, далеко недостаточно; пособия приходилось выдавать далеко не всем и в весьма ограниченных размерах, а так как главное заведование раздачею этих пособий было возложено на Р., то на него же посыпались и разного рода упреки. Учрежденное им особое отделение при Приказе Общественного Призрения для

помощи и поддержки бесприютного населения также не могло удовлетворить всех желающих; собственники имущества были недовольны тем, что, озабочиваясь сбором средств в опустевшую государственную казну, Ростопчин распорядился взимать с них налоги и за то время, когда Москва находилась во власти французов; наконец, все, кому сожжение столицы причинило непоправимые убытки, в душе не могли простить Московского пожара тому, на кого стоустая молва указывала, как на главного виновника. Недовольство это возникло, правда, не сразу, оно накапливалось постепенно и особенно сильно стало проявляться к концу службы Ростопчина в Москве; в первые же месяцы по оставлении столицы французами общий энтузиазм по случаю побед русской армии над отступавшим неприятелем был еще настолько силен, что каждое публиковавшееся Ростопчиным известие с театра военных действий встречалось с радостью; когда же, наконец, в Москве было получено известие об окончательном поражении Наполеона, сам Р. распорядился организовать по городу празднества и богато иллюминировал свой собственный дом. Но, тем не менее, несмотря на энтузиазм, Ростопчину приходилось на каждом шагу наталкиваться на проявления неудовольствия его деятельностью. Даже сам московский пожар, являвшийся основой славы Ростопчина, первоначально вызвал двойственное отношение к себе. Многие из современников этого события рассказывают, что первоначально даже в Петербурге можно было слышать проклятия по адресу Р., которого обвиняли в чудовищной жестокости, и только когда проклинать Ростопчина начали сами французы, в русском общественном мнении произошел коренной переворот.

Не будучи в состоянии многое брать на свое личное усмотрение, Р. стал собираться, в декабре 1812 г., съездить в Петербург, чтобы в личной беседе с Государем представить ему истинное положение дел, ходатайствовать об облегчении участи пострадавшего от войны московского населения и разрешить ряд назревших по административному управлению столицей вопросов и недоумений. Кроме того, он хотел лично представить Имп. Александру к награде тех из своих ближайших

помощников, которые, по его мнению, этого более всего заслуживали. Но поездке этой не суждено было осуществиться, так как вскоре Александр Павлович надолго покинул северную столицу, отправившись сперва в Вильно, а оттуда за границу. Не успев, таким образом, осуществить своих намерений путем личных объяснений с Государем, Р., продолжая оставаться на посту главнокомандующего до сентября 1814 г., успел добиться учреждения в Москве «Комиссии для строения», которая была образована по Высочайшему повелению от 26-го мая 1813 г., причем для ее целей была отпущена ссуда в 5 миллионов рублей с рассрочкою этих денег на пять лет.

11-го июля 1813 г. на имя Р. последовал указ, которым на него было возложено регулирование рекрутских наборов в Московской губернии и было предписано при осуществлении их учитывать то напряжение, какое понесло в предыдущем году московское дворянство, выставившее в усиленном размере ополчение. Другим, более ранним Высочайшим приказом ему поручалось собирать у себя в Москве всю отнятую у французов артиллерию, которую туда должен был направлять, по распоряжению Государя, Кутузов, чтобы затем соорудить из нее достойный памятник славы русского оружия – «для уничижения и помрачения самохвальства» неприятеля.

Между тем, здоровье графа, вообще говоря, крепкое, начало расшатываться.

Страшное напряжение, которое Р. пришлось пережить перед оставлением Москвы французам, конечно, не могло пройти для него бесследно; к этому присоединились лишения лагерной жизни по оставлении Москвы, к которым он никогда не был приучен. Еще в сентябре 1812 г. в лагере под Тарутином у него начались первые признаки серьезного расстройства здоровья, выражавшиеся первоначально в беспричинных обмороках. К служебным заботам присоединились еще беспрестанные огорчения, действовавшие на здоровье Р. самым губительным образом. Нервный и быстро возбуждающийся по натуре, он слишком сильно реагировал на малейшее противодействие или даже на разногласие с ним во мнениях. Поводов же для раздражения у Р. было более чем достаточно.

Особенно много огорчений должны были ему доставить лукавые отношения к нему Кутузова, а впоследствии обильную пищу для постоянных раздражений доставляли ему жалобы и нарекания со стороны пострадавших московских жителей. Вскоре во главе всех недовольных Ростопчиным стал тогдашний начальник Кремлевской Экспедиции П. С. Валуев; отношения Р. с ним крайне обострились. Следует отметить, что Р. еще до занятия Москвы французами как бы предвидел, что его одного как главного начальника столицы, станут потом обвинять за все тяжелые последствия оставления Москвы. Когда в Москве были получены известия об исходе Бородинской битвы, Ростопчин, не сомневавшийся более в неизбежности гибели Москвы, говорил тогда Булгакову: «Москва – не Можайск... Москва – Россия! Все это ужасное бремя ляжет на меня! Что я буду делать?»... И в ответ на успокоительные заверения своего собеседника, старавшегося уверить графа, что ответственность за оставление столицы должен нести главнокомандующий армией, Р. возражал тогда: «так не будет никто судить, я буду всему виною... Я буду за все и всем отвечать... меня станут проклинать сперва барыни, а там купцы, мещане, подьячие, а там все умники и православный народ... Я знаю Москву!» Дальнейшие события действительно показали, что он не ошибся. Позднее, когда всеобщее недовольство против него достигло своего апогея, он попытался оправдаться, напечатав в марте 1813 года в «Русском Вестнике» письмо к издателю, в котором пытался защищаться тем, что он никого не удерживал в Москве. Забывая о том, как в своих афишках он клялся, что Москва не будет отдана французам, Ростопчин теперь упирал главным образом на то, что защита Москвы зависела не от него, что он даже не был приглашен 1-го сентября на военный совет в Филях. «Меня бранят за то, говорил он в этом письме, что (если смею сказать) для многих здоровых людей рубль дороже жизни».

В результате всех этих огорчений у Р. образовалось разлитие желчи, расстроились нервы, началась ипохондрия, доставлявшая ему много страданий, и здоровье его вообще сильно пошатнулось. По отзывам современников, Ростопчин в

это время «сильно похудел, утратил свою насмешливую улыбку. На лбу его, еще более обнажившемся от волос и покрытом морщинами, лежала печать тяжелой думы»... Но он продолжал оставаться на своем посту до тех пор, пока не возвратился из Франции Имп. Александр. Последний хотя и не мог следить во время пребывания за границей за деятельностью Ростопчина, но до него все же доходили постоянные на него жалобы. Александр I возвратился в Петербург в середине июля 1814 года, а уже 30-го августа состоялась отставка Ростопчина от должности главнокомандующего Москвы. К удивлению Р., он был оставлен в звании состоящего при особе Государя и пожалован при этом в звание члена Государственного Совета.

Еще будучи главнокомандующим в Москве, Р. задумал было издать на свой собственный счет роскошное описание Отечественной войны с портретами всех лиц, отличившихся во время нее. С этой целью он начал собирать материалы и поручил талантливому художнику А. Л. Витбергу (впоследствии академику) рисовать для этого издания виньеты, картины и портреты, но начавшаяся вскоре ипохондрия помешала ему осуществить это благое намерение. Из собранных же Ростопчиным материалов был им опубликован только «Подробный список всех корпусов, составлявших французскую армию в 1812 году, с приложением расписания потерь...», составленный им по рапортам французского Генерального Штаба, покинутым в Москве Принцем Невшательским (Бертье); издание этого списка Р. снабдил своим предисловием, в котором указывал, откуда заимствованы им публикуемые сведения.

По выходе в отставку и по приведении в порядок своих личных дел, Р. пробыл некоторое время в Петербурге, но, окончательно убедившись, как враждебно настроены против него придворные сферы, он счел за лучшее на время совершенно удалиться от дел; сперва его намерением было снова поселиться в сожженном им самим Воронове, но все продолжавшая развиваться болезнь, осложнившаяся появлением геморроидальных страданий, вынудила его отказаться от этого плана и уехать за границу. Р. выехал 16-го

мая 1815 года, рассчитывая провести вне России только курс лечения, но ему суждено было остаться за границей в течение целых восьми лет, т. е. до конца 1823 года.

Первоначально Р. направился в Германию, пробыл некоторое время в Берлине, а оттуда поехал в Карлсбад, где и приступил к лечению. Оставление России должно было в общем подействовать на Р. благотворно уже по одному тому, что он удалялся от самого источника своих постоянных раздражений. За границей его никто не только не донимал жалобами, но, напротив, часто даже самое имя его, как виновника московского пожара, вызывало чувства уважения и изумления. Правда, примеры подобного преклонения перед подвигом, всеми ему приписываемым, Ростопчину приходилось встречать со стороны иностранцев еще и в России. Так, напр., он сам рассказывал со смехом А. Ф. Брокеру про приезжих англичан, остававшихся в Петербурге специально с тем, чтобы получить возможность взглянуть на него. Еще тогда же доходили до него, конечно, известия, что за границей имя его повсюду пользуется почетом, что, напр., в Ливерпуле новой городской площади дали его имя, что в Испании вошло в пословицу говорить «Это Ростопчин!», если что-нибудь было очень сильно или честно... Но там, на родине, к этого рода фактам, конечно, льстившим самолюбию графа, присоединялись и огорчавшие его неприятности и, как он думал, неблагодарность соотечественников. За границей же его почти повсюду ожидал самый трогательный прием. Почти везде в городах к его приезду собирались из окрестностей жители, дамы просили позволения зайти в его комнату и, извиняясь, объясняли свой визит желанием взглянуть на виновника гибели Наполеона; отцы приводили с тою же целью детей, хозяева гостиниц отказывались брать с него плату, а городские власти просили разрешения срисовать с него портрет... Все это внимание, разумеется, сильно трогало Р., трогало «чрезвычайно, до слез», как он сам признавался в своих письмах к русским друзьям, и утешало за перенесенные в прошлом обиды. «В немецкой земле», говорил он в одном из своих писем: «мне делают почести и признают главным

орудием гибели Наполеона. По крайней мере, когда своим не угодил, то чужие спасибо скажут».

Интерес, возбужденный Ростопчиным за границей, не ослабевал почти все время его пребывания там; даже напротив, он достигал своего апогея, когда Р. случалось попадать в крупные центры. В Берлине его пригласил к себе Прусский Король; в Париже, куда Р. направился после лечения в Карлсбаде и где он решил остановиться на более продолжительное время вместе со своей семьей, он также, и притом неоднократно, получал аудиенции, а в 1820 году специально был приглашен в Лондон Английским Королем Георгом IV, пожелавшим познакомиться с прославившимся русским вельможей. Ростопчин тем охотнее исполнил просьбу Георга IV, что он сам в 1814 году, еще будучи в России, добивался, через посредство своего друга графа Воронцова, оказания ему какой-либо почести со стороны Англии и в особенности ее столицы – Лондона.

С 1817 года Р. окончательно устроился за границею со всею своею семьей, решив обосноваться в Париже; отсюда он часто предпринимал путешествия и по другим странам, побывал в Италии и снова посетил Германию и Англию. В Париже он продолжал вызывать всеобщее любопытство, и часто случалось, напр., во время спектаклей, что взоры всей публики обращались не на сцену, а на ложу, занимаемую Ростопчиным. Не прекращавшаяся болезнь заставляла Р. время от времени возобновлять свое лечение – главным образом в Бадене.

Выехав за границу вместе с семьей, в том числе со старшим сыном своим Сергеем, подававшим большие надежды в первые годы своей службы, но вскоре сильно расстроившим свое здоровье непрерывными кутежами, Ростопчин вскоре должен был окончательно разочароваться в своем первенце. Последний, пренебрегая лечением, продолжал вести в Париже настолько широкую жизнь, что вскоре вошел в большие долги. Уплатив несколько раз долги сына, Р. в конце концов отказался погашать их, и молодой Ростопчин попал в долговую тюрьму – St.-Pélagie. Многие упрекали отца в жестокосердии, тем более

что он все-таки уплатил долги сына, собрав всех его кредиторов и уплатив им более 85000 рублей.

Еще более серьезное огорчение доставляло Р. в последние годы его жизни поведение его супруги, графини Екатерины Петровны (см.), перешедшей в католичество и стремившейся обратить в католицизм своих детей, родных и даже знакомых. Так, вслед за женой в католичество перешли и дочери Р., что заставило Р. приложить все усилия к тому, чтобы предохранить от этого шага хотя бы своего младшего сына Андрея. С годами здоровье Р. все более расшатывалось, чему много способствовали семейные неурядицы. Ко всему этому присоединилась, наконец, и тоска по родине. Покинув Россию неocenенным, Р. мог, однако, надеяться, что с течением времени и там его заслуги оценят по достоинству. Но годы шли, а на родине о нем почти не вспоминали; сам же он, хотя и провел за границей более 8 лет, не мог никак привыкнуть к новому укладу жизни; когда же и за границей постепенно привыкли к его имени, перестали говорить о его заслугах и постепенно стали забывать о нем, его все сильнее начало тянуть в Россию. Задумав вернуться на родину, Ростопчин должен был прежде всего позаботиться о том, чтобы примирить себя с общественным мнением России и Москвы; с этой целью, еще будучи в Париже, он подготовил и издал свою «Правду о московском пожаре» («La vérité sur l'incendie de Moscou»), наделавшую в свое время так много шума и поразившую современников. С этой же целью Р. задумал, и частью осуществил, ряд других работ, которые также должны были служить оправданием его деятельности в качестве московского главнокомандующего. Так, в 1824 г. он собрал и подготавливал к печати свою переписку с Кутузовым, но осуществить это намерение ему почему-то не удалось. Приблизительно тогда же (т. е., вскоре после возвращения в Россию) Ростопчин написал и свои «Воспоминания о 1812 годе», которые также, надо думать, предназначались к печати, но остались неизданными и после смерти их автора были взяты вместе с перепиской и другими бумагами Р. и отданы на хранение в Государственный Архив. Содержание их ясно свидетельствует, что они написаны долгое

время спустя после описываемых событий, когда свежесть впечатлений успела уже сильно поблекнуть, а потому в них неоднократно встречаются противоречия с тем, что делал и заявлял Р. в качестве активного участника Отечественной войны.

Окончательным толчком, побудившим Р. расстаться с Парижем и вернуться на родину, явилась болезнь его младшей, нежно любимой им дочери Елизаветы, только что выступившей в свете и сразу же приобретшей репутацию красавицы и девушки редкого, блестящего ума. В надежде, что больной поможет климат родины, отец перевез ее первоначально в свое подмосковное село Вороново, барский дом в котором, сожженный Ростопчиным в 1812 г., был уже возобновлен. По дороге в Россию сам Р. заболел и принужден был остановиться в Лемберге, вследствие чего переезд его в Москву осуществился лишь к середине сентября 1823 года. Почти тотчас же по возвращении в Россию, именно в середине октября, Р. стал хлопотать об окончательном выходе в отставку, хотя и до того он лишь номинально числился членом Государственного Совета. Желание его было исполнено и 14-го декабря 1823 г. он был уволен, с сохранением, однако, звания обер-камергера.

Получив через Аракчеева указ об увольнении, Р. писал этому временщику: «Извещение о всемилостивейшем увольнении меня от службы я имел честь получить. Теперь остается мне единственно избрать кладбище, где, соединясь с прахом вельмож и нищих сего мира, пролежу до страшного суда, на коем предстану с чистой совестью пред правосудием Божиим. Пожелав сего всякому христианину и Вам, имею честь пребыть и пр.

Здоровье дочери, однако, не поправлялось и в подмосковной деревне; Р. вскоре переехал ради нее в свое Ливенское поместье, но и там болезнь девушки продолжала прогрессировать, и она скончалась в Москве 1-го марта, 1825 г. Смерть ее окончательно сразила Ростопчина, и без того уже надломленного; с возвращения в Москву он все время сильно хворал; состоявшиеся в декабре два консилиума врачей нашли у него начало астмы, разлитие желчи и геморрой. Накануне

Рождества 1825 г. судороги и удушье до того усилились, что близкие решили пригласить священника. Больной успел исповедаться и причаститься, а через день, 26-го декабря, его поразил припадок нервного паралича, отнявший у него способность речи. С этих пор он уже не поднимался с постели, почти не владел языком, хотя и продолжал оставаться в полной памяти. Эта предсмертная агония затянулась почти на месяц; каждую минуту можно было ожидать паралича мозга, но крепкий организм Р. продолжал упорно бороться. Он успел еще составить новое (второе) завещание, которым лишил наследства свою жену, тогда как по первому завещанию, написанному им еще в 1811 г., ей предоставлялось все его огромное состояние. В заботах о своих младших детях, в особенности о сыне Андрее, Р. назначил опекунами А. Ф. Брокера и Д. В. Нарышкина (мужа своей младшей дочери – Наталии Федоровны), завещав им препятствовать соращению женой сына в католицизм. Брокер, неотлучно проводивший при постели больного почти месяц, кроме того, был назначен душеприказчиком, и ему умирающий поручал разобрать после своей смерти бумаги и сохранить их для младшего сына.

Граф Ф. В. Ростопчин умер 18-го января 1826 г., в 7 ч. 20 мин. утра, в Москве. Погребение его состоялось при большом стечении народа на Московском Пятницком кладбище, рядом с могилой его дочери Елизаветы и других детей. Исполняя волю покойного, на могилу его возложили простую мраморную плиту с лаконической надписью: «Граф Федор Васильевич Ростопчин, обер-камергер; родился 12 марта 1765 г., умер 18 января 1826 г.» и с эпитафией его собственного сочинения: «Посреди своих детей покоюсь от людей».

Кроме дочери *Елизаветы* (см. выше) у Ростопчина были еще следующие дети: *Сергей* (род. в 1793 г., ум. 4-го апреля 1836; см. выше), *Наталья*, в 1819 г. вышедшая замуж за Дмитрия Васильевича Нарышкина, бывшего впоследствии Таврическим губернатором (скончалась в Царском Селе 2-го июля 1863 г., погребена в Москве, с отцом), *Софья* (род. в июле 1799 г.), бывшая за графом Евгением де Сегюр, Мария (род. и ум. в 1805 г.), *Павел* (род. 27-го января 1811, ум. 12-го августа

того же года) и *Андрей* (см.), женатый на Евдокии Петровне Сушковой, известной писательнице (см.).

Известно несколько портретов Ростопчина, из коих писанный художником Сальватором Тончи находится ныне в зале Совета Имп. Акад. Художеств (этот портрет гравирован Клаубером); другой портрет, работы Кипренского, находится в Московском Архиве Министерства иностранных дел; третий, работы А. Л. Витберга – в Московском Российском историческом музее; четвертый, карандашный, неизвестного художника – в собрании портретов русских деятелей в Румянцевском музее. Существует много гравированных портретов Р.; одних основных оригиналов считается пять, число же различных копий с них доходит до 30, в том числе, правда, и несколько карикатур. Из гравюр одною из лучших считается портрет работы Клаубера, изображающий графа на 37-м году его жизни, а за более позднее время самым похожим считается портрет, гравированный Осиповым в 1812 г. Под одним из этих портретов Р. подписал в годы своего вынужденного бездействия двустилишие: «Без дела и без скуки сижу, поджавши руки»; другую гравюру он снабдил такой же краткой надписью: «Он в Москве родился и ей пригодился»; наконец, на третьем портрете известна следующая стихотворная надпись, принадлежащая перу самого Р.: «Je suis né Tartare et j'ai voulu être Romain. Les Français m'ont fait barbare, et les Russes – Georges-Dandin».

Не о многих деятелях русской истории существует столько разнообразных и большей частью противоречивых и непримиримых характеристик, как о Ростопчине. Уже одно это свидетельствует, что он был личностью незаурядною, оригинальною, с трудом укладывающеюся в рамки обычного понимания. Трудно, поэтому, дать его исчерпывающую и всеобъемлющую характеристику, приемлемую как для почитателей, так и для противников его, когда даже в оценке одной его политической роли в 1812 г. приходится сталкиваться с такими диаметрально противоположными отзывами, как эпитеты «Герострат» и «несравненный патриот». Оценка его личного характера также представляет немало затруднений ввиду тех противоречий, какие были заложены в нем самую

природой. По внешности Р. был среднего роста, плотного телосложения; широкое лицо и хотя правильный, но короткий нос как бы напоминали о его монгольском происхождении; он имел голубые глаза, в движениях был быстр и даже резок. Он сам говорил про себя: «ростом велик, лицом калмык, плешив, не спесив, сердцем прям»... Нервный, раздражительный и даже желчный во вторую половину жизни темперамент делал Ростопчина не всегда уживчивым, но это качество не помешало ему завязывать и поддерживать продолжительные и живые связи с такими людьми, как князь Цицианов, граф Воронцов, граф Головин, Карамзин и др. Раздражительность не мешала ему быть общительным, и он умел соединять в себе, говоря словами одного из его биографов, «неумолимую жестокость башкира с любезностью француза начала XIX века». В нем, действительно, непостижимым образом соединялись коренной русский, истый москвич – с чистокровным парижанином. По отзывам большинства современников, Р. был вообще человеком словоохотливым, был чужд всякого педантизма, натяжек и принуждения; обладал даром красноречия, почему роль его собеседника сводилась лишь к тому, чтобы слушать его пересыпанную остроумными выражениями речь. Он всегда умел соразмерять свои рассказы с умом и понятиями того, с кем разговаривал. Сообщество людей ему было необходимо, по отзыву одного из современников, «как хирургу оператору нужна клиника... уединение, отшельничество не могли ладить с натурой его: он любил быть действующим лицом на живой и светской сцене; ему, как актеру, отличающемуся великим дарованием и художеством, нужны были партер и ложи, занятые избранными и блестящими слушательницами... В избранных салонах он был душою общества. Он прекрасно владел даром слова, по-русски и по-французски. При нем охотникам говорить самим было мало простора. Разговор его был разнообразен содержанием, богат красками и переливами оттенков. Он хорошо знал историческое царствование Екатерины и анекдотическое царствование Павла. Он был довольно искренен и распахист в воспоминаниях и рассказах своих... В продолжение речи своей имел привычку медленно и,

так сказать, поверхностно приносивать щепотку табаку, особенно перед острым словом или при остром слове; он табаком, как будто порохом, заряжал свой выстрел. Острословие было отличительной чертой Ростопчина как в его беседах, так и в переписи, и многим было небезопасно попасть под его перо или под его острый, как бритва, язык. Он умел, говоря словами русской пословицы, «подбивать слова бархатные атласом». Порою эта острота переходила у него в насмешливость и злоречие, от которого, в конце концов, под конец жизни ему пришлось поплатиться самому: покинутый обществом, он доживал свой век в одиноком желчном раздражении. Слывя за хорошего рассказчика, Р. умел отменно искусно представлять в лицах разные случаи»... Его рассказы всегда имели широкий успех. Про себя самого он так писал в своей автобиографии: «Был христианин, россиянин, бахарь, пахарь, язычник, птичник, наездник, насмешник, читатель, писатель и во весь век – честный человек». Едкая насмешка не покидала Ростопчина почти до самой его кончины. Известны его слова, сказанные им о декабристах, когда он сам стоял уже одной ногой в гробу: «Обыкновенно сапожники делают революцию, чтобы сделаться господами, а у нас господа захотели сделаться сапожниками».

Проявившаяся по вторую половину его жизни желчность имела своим последствием развитие в характере Р., под конец его жизни, мизантропии, которая так противоречила его общительности; на первых порах это новое настроение проявлялось в нем лишь урывками, и ему часто удавалось подавлять в себе такие приступы; но с годами его презрение к людям все более возрастало, чем больше ему приходилось углубляться в жизнь и приходить в столкновение с людьми. Первоначально оно, быть может, находило себе исход в его ненависти к Франции и к французам, которых он ненавидел и ругал на чистом французском языке, поражая их оружием, которое он у них же сам заимствовал. Позднее, особенно в годы невольного изгнания, это чувство овладело им почти всецело, находя для себя пищу сперва в двусмысленных отношениях к

нему Кутузова, затем в неблагодарности к нему москвичей и, наконец, в охлаждении Императора Александра.

Большинство современников считало Ростопчина человеком весьма талантливым и энергичным; его ума не отрицала и Екатерина Великая, называвшая его за его гаерские выходки «сумасшедшим Федькой»; ценил его и фельдмаршал Суворов. Но ум Ростопчина был несколько особого свойства: в нем было больше блеска и внезапности, чем основательности и убеждения; он был достаточно разносторонен, чтобы не замкнуться в узком кругу одной какой-нибудь специальности, но в нем не было и той широты и мощи, которая так необходима для деятельности государственной. Эти качества обеспечили Ростопчину его жизненный успех, но они же наметили и предел его. Что касается нравственной характеристики Ростопчина, то нельзя умолчать о таких его качествах, как неподкупная честность и искренность характера; можно разное оценивать его отношения к Императору Павлу I, но нельзя отказать ему в преданности и благодарности, какую он всегда питал к своему благодетелю и к его памяти. Он был на редкость щепетилен относительно личных просьб; во многих поступках, как, напр., в пожертвовании своею усадьбою в Воронове или имуществом в Москве, он выступает настоящим рыцарем, но наряду с этим, в силу своей страстности и неводержности, он бывал порою без меры жесток и беспощадно суров к тем, кто становился на его пути. Рисуя свой нравственный портрет, Р. сам говорит, что он «был упрям, как лошак, капризен, как кокетка, весел, как дитя, деятелен, как Бонапарте, но все это, когда и как вздумается». Несмотря на всю резкость и прямолинейность своего характера, Ростопчин был добр и великодушен; плохой педагог сочетался в нем с нежным отцом, и это сочетание явилось одною из основных причин крушения его семейного счастья. Ко всему этому надо, наконец, добавить, что Р. обладал редкою наблюдательностью, умением быстро схватывать и подмечать особенности народной жизни и чуждой ему среды. За годы своего вынужденного пребывания в деревне под Москвой он до тонкости изучил психологию великорусского простолюдинства, что и использовал в своих пламенных дружеских посланиях. Таков

встает пред нами облик Ростопчина; он имел полное право сказать про себя в конце жизни: «вышел сам собою, делами, чинами, орденами, местами в вельможи».

Выше уже было указано, какое важное историческое значение имеет переписка Ростопчина с Имп. Александром. Не менее замечательна, но значительно более обширна переписка Р. с графом С. Р. Воронцовым. Сближение Р. с тогдашним русским послом в Лондоне относится к самой начале карьеры первого, а именно к периоду его заграничного путешествия в 1787–1788 г., когда, будучи всего в чине поручика Преображенского полка, молодой Ростопчин посетил Англию и здесь обратил на себя внимание Воронцова, когда-то также начавшего свою службу в Преображенском полку. Воронцов принял близкое участие в судьбе молодого офицера, и между ними, несмотря на значительную разницу лет и полное несоответствие положений, завязалась уже тогда живая переписка, оборвавшаяся затем в 1803 г. и возобновившаяся в 1813 году. Особенно усердным корреспондентом Р. был в годы царствования Екатерины II; руководимый отчасти чувством благодарности, отчасти же высоким почитанием, с каким он относился к своему покровителю, он не уставал посвящать его во все события придворной жизни, во все толки, слухи и мелочи придворных интриг.

С воцарением Павла I роль обоих друзей радикально изменилась в связи с переменой положения самого Ростопчина, но переписка их от этого еще более выиграла в интересе. Став близко к кормилу власти, Р. не только перестал нуждаться в поддержке своего Лондонского друга, но, по иронии судьбы, сам превратился в его покровителя. В первые же дни нового царствования он выхлопотал ему чин и вообще постарался расположить Павла в пользу Воронцова. Это ему и удалось как нельзя более, и он писал по этому поводу в Лондон: «Знайτε, что ваша личность и ваши труды угодны и нужны Императору, – не лишайте его такого слуги, как Вы». Ростопчину удалось также настоять на том, чтобы Воронцов был оставлен в Лондоне, тогда как Павел I первоначально проектировал вызвать его в Петербург. Эта услуга была особенно ценна для Воронцова,

который не хотел расставаться с Англией и уже подумывал об отставке. Но и помимо этой Ростопчин оказал своему другу немало иных услуг, щедро оплатив ему за прежнее участие в его судьбе, и Воронцов в своих ответных письмах не переставал его благодарить. В письмах Р. за этот период, когда он стоял во главе управления политическими делами, находится множество сообщений животрепещущего интереса, приправленных желчными и резкими выходками по адресу отдельных лиц. В этой письменной беседе, не прекращавшейся в течение ряда лет, Р. отводил свою душу, делился с Воронцовым всеми новостями, переменами, проектами и планами; письма эти по историческим показаниям должны быть причислены к важнейшим документам эпохи, хотя и не всегда, быть может, беспристрастным. Лишь начиная с 1800 г. письма Ростопчина становятся более краткими, отрывочными и служат скорее намеками на то, что приходилось ему переживать, чем подробными отчетами; такой характер писем этого периода всецело объясняется атмосферой, царившей в России в последние месяцы царствования Павла, когда всякий жил с опаской, остерегался проговориться не только на бумаге, но и на словах. Ростопчин в это время даже просил Воронцова сжигать его письма, а при переписке чаще всего прибегал к шифру. Вскоре Р. еще более охладил к переписке, отчасти под влиянием собственных неудач и удаления от двора, отчасти потому, что граф Воронцов не соглашался с его оценкой графа Панина, которого тот считал главным виновником крушения своей политической карьеры. Изредка поддерживаемая в первые годы нового царствования, переписка друзей в 1803 г. совершенно оборвалась и возобновилась лишь девять лет спустя, когда исторические события вновь выдвинули Ростопчина на политическую арену. На этот раз первый шаг к возобновлению переписки сделал Воронцов, восторгавшийся образом действий Ростопчина в качестве главнокомандующего в Москве. С этих пор переписка между ними не прекращалась уже до самой смерти Р., а после того, как ему в 1815 г. пришлось покинуть Россию, почти ежегодно происходили и личные свидания друзей в Париже или Лондоне.

Письма Р. в этот период являются хроникой тогдашних новостей, полны живого интереса, поражают необычайно меткостью, желчно-остроумной наблюдательностью и неумолимым скептическим отношением ко всем вопросам дня и ко всем тогдашним событиям европейской жизни. По отношению к Франции и к французам автор остается прежним Ростопчиным 1806–1812 гг., полным ненависти и презрения ко всему французскому, к самой нации, которую он не перестает считать пустой, развращенной до мозга костей и стремящейся заражать ядом своих пороков чуть ли не весь человеческий род. Эта же оценка, если только не более сгущенная, замечается в его письмах по отношению к России; с резким осуждением относится он к той среде, которая в описываемую эпоху окружала Императора Александра I; он недоволен буквально всем и всеми, и в этом недовольстве нельзя не усмотреть отпечатка его личного разочарования и болезненного чувства оскорбленного самолюбия; но при этом трудно подметить его собственные положительные идеалы: в одно и то же время он обнаруживает и глубочайшую антипатию к либеральным стремлениям общества, и к реакционной политике власти. Быть может, в этом отразились его оторванность от русской почвы и нежелание войти целиком в чужую жизнь, но политическое чутье не покидало его и в эту пору, и он с редкой наблюдательностью подмечал симптомы приближавшегося крушения Реставрации и непрочность трона Бурбонов во Франции.

Оценивая всю переписку Ростопчина с Воронцовым, охватывающую с небольшим промежутком почти 40-летний период времени, необходимо отметить, что она, помимо автобиографического значения (Р. делился со своим другом также и мельчайшими подробностями своей семейной жизни, вплоть до самых интимных) имеет большой исторический интерес. В этих его письмах и заметках отразилась, как в зеркале, вся современная ему жизнь; в его лице перед нами не только политический деятель и писатель-памфлетист, но и летописец, хотя и не всегда беспристрастный, но показания которого не могут быть опущены уже в силу одной лишь важности тех ролей какие ему довелось играть. Целое

поколение нашло в этих письмах Ростопчина своего меткого критика. Страстность и впечатлительность автора приводят его правда, иногда к противоречиям и сплошь и рядом об одном и том же лице у него можно встретить совершенно различные отзывы; но как бы ни были неверны отдельные суждения Ростопчина, в целом его переписку нельзя не ценить за сообщение множества ценных исторических свидетельств, а автору ее нельзя отказать в зоркой наблюдательности и в редкой живости изложения. Вот как характеризует эту переписку Р. один из его современников, князь Вяземский: «Это горячий памфлет; но памфлеты обыкновенно и пишутся сгоряча на нескольких страницах, на известное событие или по известному вопросу. А здесь памфлет почти полувековой и ни на минуту не остывающий... Нельзя оторваться от чтения, хотя не всегда сочувствуешь писавшему; нередко и осуждаешь его. Многому научиться из этой переписки, за многое поблагодаришь; но общее заключительное впечатление несколько тягостно. Бранные слова так и сыплются: он за ними в карман не лезет; они натурально так и брызгают с пера. Не хотелось бы помянуть покойника лихом, а невольно скажешь, что он был большой ругатель; но вместе с тем признаешься, что ругательство его часто очень забавно, и пришлось бы пожалеть, если бы он менее ругался...».

Письменные сношения Р. были вообще весьма обширны: хотя и до сих пор опубликована далеко не вся переписка его, но даже одно опубликованное достигает весьма внушительных размеров. Ввиду важного значения этих писем для истории, помимо чисто биографического интереса, ниже приведены сведения о его переписке с отдельными лицами.

Так, письма гр. Ф. В. Ростопчина напечатаны: 1) К Александру I: Отрывки из 29 писем (с 7-го мая по 2-е декабря 1812 г. и 2 письма 1813 г.), по подлинникам в Военно-ученом архиве Главного Штаба, появлялись в печати в разных исследованиях, напр. у А. Попова в «Русском Архиве» 1875–1876 г. и в «Русской Старине» 1877 г.; отрывок из письма на французском языке – в сочинении Корфа: «Жизнь графа Сперанского», 1861 г., т. II, стр. 66; отрывки из них переизданы

также в *Matériaux*, стр. 271–273; отдельные письма помещены также: в «Русском Архиве» 1871 г., стр. 1843; 1881 г., кн. III, стр. 216–219, 412–414; 1892 г., кн. II, стр. 399–447 и 520–565, 1909 г., кн. I, стр. 26–36, 50–51; у Н. Ф. Дубровина: «Отечественная война в письмах современников», стр. 2–5; значительно пополнена переписка Р. с Императором Александром II. Шильдером в «Русской Старине» 1893 г., т. LXXVII, январь, стр. 173–208; там же приведены и ответные письма Александра I. – главным образом за 1813 и 1814 г.; у П. И. Щукина: «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г.», ч. VII, стр. 418–428 (11 французских подлинников писем за 1812–1814 гг.). 2) К князю Кутузову: донесение от 4 сентября 1812 г. – и «Записках» Ермолова, изд. 1, 1865 г., ч. I, прилож., стр. 224; 11 писем за август и сентябрь 1812 г. хранятся в делах Моск. Отд. Общ. Арх. Главного Штаба; напечатаны они в «Русск. Архиве» 1875 г., кн. III, стр. 456–460; в книге Н. Дубровина «Отечественная война в письмах современников», стр. 153; «Русск. Старина» 1870 г., т. II (№ 9), стр. 305; «Библиограф. Записки» 1861 г., № 1. 3) К А. А. Петрово-Соловово: копия письма от 15 февр. 1813 г. – в сборнике Щукина: Бумаги, относящиеся до Отеч. войны, ч. VI, стр. 95; 4) К графу Румянцеву: письма за 1788 г. – в «*Matériaux*», изд. в Брюсселе, стр. 26–27; «Русск. Архив» 1887 г., «Девятнадцатый век» Бартенева. 5) к князю А. И. Горчакову – «Русск. Архив» 1871 г., стр. 152–153. 6) к жене: *Correspondance avec la comtesse Rostopchine* 1814–1820 г. помещена в «*Matériaux*», стр. 289–363, а также в «Русск. Архиве» 1901 г., кн. II, стр. 461–507. 7) к Великой Княгине Екатерине Павловне: 3 письма 1810 г. в «Русск. Архиве» 1869 г., стр. 759–763, 1876 г., кн. I, стр. 374–375; письмо 1812 г. – 1878 г., кн. II, стр. 370, 371; 1909 г., кн. I, стр. 37–38. 8) к Великому Князю Константину Павловичу: 2 письма за февраль 1811 г. – в «Русск. Архиве» 1869 г., стр. 763–766. 9) к графу П. А. Толстому: 7 писем, с 31-го июля по 2-е октября 1812 г. – в Военно-учен. архиве Главного Штаба; одно из них напечатано в «Русск. Арх.» 1875 г., кн. II, стр. 380–381; «Заря» 1871 г., авг., стр. 186–190. 10) к графу Н. И. Салтыкову, от 30-го июня 1812 г. – в Военно-учен. архиве Главного Штаба, напечатано в «Русск. Архиве» 1875 г., кн. II,

стр. 287–288; в соч. Н. Дубровина: Отеч. война в письмах современников, стр. 47. 11) к А. Ф. Брокеру: письма за 1815–1818 гг. – в «Русск. Архиве» 1868 г., стр. 1873–1924. 12) к Н. Н. Бантыш-Каменскому: 4 письма за август 1812 г. – в «Русск. Архиве» 1875 г., кн. III, стр. 291–295; «Русск. Старина» 1889 г., № 10, стр. 191–192. 13) к Императрице Елизавете Алексеевне у Н. Дубровина: Отеч. война в письм. соврем., стр. 511–512, 523, 530. 14) К фельдмаршалу князю А. В. Суворову: Фукс, История Российско-Австрийской кампании 1799 г., ч. III, стр. 272–274; 2 письма и «Отеч. Зап.» 1854 г., т. 95, отд. 2; «Русск. Вестник» 1842 г., № 3, отд. II, стр. 365; «Русск. Архив» 1871 г., стр. 1460–1462; «Исторический, стат. и геогр. журнал» 1828 г., ч. I, № 3, стр. 210 (3 письма 1799 г.); «Русск. Инвалид» 1835 г., № 40–44 (письма 1799 г.); «Журн. для чтения воспит. Военно-учебн. завед.» 1838 г., т. XIII, стр. 116–117; Полн. собр. сочин. Ростопчина, изд. Смирдина, стр. 145–160; «Московский Телеграф» 1826 г., ч. VIII, стр. 191–205 (9 писем за 1799 г.); письма Суворова к Р. – «Военный Журн.» 1811, ч. IV. 15) к князю П. Д. Цицианову – 29 писем и отрывков из них помещены в «Отеч. Зап.» 1854 г., т. 95, отд. 2, стр. 3–57; письма за 1803–1806 г. напечатаны в «Matériaux», стр. 447–525, и в «Девятнадцатом Веке», кн. II, стр. 1–113. 16) к Н. И. Мосоловой – Щукинский Сборн., т. IV, стр. 362–364 (два письма). 17) к Д. М. Полторацкому 3 письма – в «Отеч. Зап.» 1854 г., т. 95, отд. 2, стр. 25–26. 18) к О. П. Козодавлеву – в «Трудах Черниг. Губ. Архивн. Комм.», вып. II, стр. 23–24 (письмо от 11 сент. 1813 г.). 19) к С. Н. Глинке – 1 письмо в «Отеч. Зап.» 1854 г., т. 95, отд. 2, стр. 64; «Русск. Архив» 1876 г., кн. III, стр. 430–432; «Русск. Вестник» 1813 г., № 5, стр. 65–75; С. Глинка, «Русское чтение», вып. III, СПб. 1845 г., стр. 215–256. 20) к князю П. И. Багратиону: отрывок письма – в Словаре Бантыш-Каменского, т. III, стр. 153; 2 письма (от 2 августа 1812 г.) – в Военно-учен. арх. Главн. Штаба; «Русск. Архив» 1875 г., кн. III, стр. 6; 1896 г., кн. 1, стр. 562–563; 2 письма от августа 1812 г. – в книге А. Терещенка: Опыт обозрения жизни сановников, ч. II, СПб. 1837, стр. 221–223 и примеч. 240-е. 21) к П. С. Валуеву: «Библиогр. Записки» 1861 г., стр. 21–23 (письмо 1813 г.), «Русск. Старина» 1901 г.,

апр., стр. 46–52 (письма 1812 г.). 22) к Ф. П. Ключареву – у Н. Дубровина: «Отеч. война в письмах соврем.», стр. 32. 23) к Д. И. Киселеву – 4 письма в «Русск. Архиве» 1863 г. (2-ое изд.), стр. 812. 24) к А. П. Нащокину – в книге: «Чудесное исцеление, или путешествие к водам Спасителя в селе Рай-Семеновское», СПб. 1817 г., стр. 79–80 (письмо от 30 августа 1812 г.). 25) к князю А. Н. Голицыну – «Русск. Архив» 1895 г., кн. III, стр. 484–485; у Н. Дубровина: Отеч. война в письмах соврем., стр. 103; в «Журн. Ряз. Уч. Арх. Комм.» 1885 г., № 11, стр. 6–7. 26) к Крюкову, Нижегородскому губернатору – в книге барона М. А. Корфа: «Жизнь графа Сперанского», 1861 г., т. II, стр. 56. 27) к А. Д. Балашову – в «Русск. Архиве» 1875 г., кн. II, стр. 385–386; 1881 г. кн. III, стр. 226–227 и 1909 г. кн. I, стр. 47; «Русск. Старина» 1881 г., т. XXXII, стр. 219–220; у Н. Дубровина: Отеч. война в письмах современников, стр. 1, 9, 12, 37, 58, 63, 69, 75, 80, 89, 90, 94, 102, 104, 114, 303, 316, 430, 439, 446, 456, 459, 461, 481, 490, 498, 517, 526). 28) к графу М. М. Сперанскому – письмо, считаемое апокрифическим – в «Историческом сборнике», изд. в Лонд. 1859 г., кн. I. 29) к Я. И. Булгакову – «Русск. Архив» 1875 г., кн. I, стр. 6. 30) к графу Головкину – «Matériaux», стр. 409–443. 31) к Г. Р. Державину – 1 письмо в «Др. и Нов. России» 1875 г., № 8; перепеч. в соч. Державина. 32) к графу С. Р. Воронцову – «Русск. Архив» 1876 г., кн. I, стр. 77–120, 206–222, 393–415; кн. II, стр. 57, 81–90; кн. III, стр. 65–103, 414–429; 1887 г. (из «Архива Воронцова»); «Matériaux», стр. 363–409; отрывки – в «Русск. Старине» 1876 г., т. XVII, стр. 437–460, 691–705; «Архив князя Воронцова», т. VIII (130 писем 1791–1825 гг.) и т. XXIV (в «Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.», т. XXIX, стр. 192–512 – выписки из писем Р.). 33) к Московскому гражданскому губернатору Обрескову – предписание от 20-го дек. 1812 г. помещено в сборнике П. Щукина: Бум., относ. до Отеч. войны, т. IV, стр. 357. 34) к князю С. М. Голицыну – «Русск. Архив» 1876 г., кн. II, стр. 144–146; П. Щукин, Бумаги, относ. до Отеч. войны 1812 г., ч. VII, стр. 207 (письмо от 8 июня 1813 г., 35) к графу Н. М. Каменскому: Щукинский Сборник, т. IX, стр. 187–188 (письмо 1810 г.). 36) к графу Панину – «Русск. Архив» 1876 г., кн. III, стр. 432–436; три письма – «Русск. Архив» 1909 г.,

кн. II, стр. 445–454. 37) к графу С. К. Вязьмитинову: Щукин, Бумаги, относ. до Отеч. войны, ч. VII, стр. 416 (письмо от 30 октября 1812 г.), «Русск. Архив» 1881 г., кн. III, стр. 222–225, 414–417; 1909 г., кн. I, стр. 39–47; у Н. Дубровина: Отеч. война в письмах соврем., стр. 46, 458, 481, 493. 38) к князю С. Н. Долгорукову – «Русск. Архив» 1888 г., кн. II, стр. 265–288. 39) к управителю Орловских деревень (1815 г.) – «Русск. Архив» 1864 г., стр. 834–835. 40) к князю В. Н. Горчакову – «Русск. Архив» 1888 г., кн. II, стр. 291; 41) к князю А. И. Горчакову – 1 письмо от 17 авг. 1812 г. – у Щукина, Бумаги 1812 г., ч. VII, 413–415, (2 письма за сент. 1812 г., – ч. VIII, стр. 77–80. 42) к кн. Н. Б. Юсупову – «Русск. Архив» 1895 г., кн. II, стр. 114. 43) к Имп. Марии Феодоровне: донесения от января 1814 г. – Щукин, Бумаги Отеч. войны 1812 г., ч. VIII, стр. 412; там же, ч. VI, стр. 126 (письмо Р. от 11 июля 1812 г.), 44) к А. Ф. Лабзину – «Русск. Стар.» 1913 г., т. CLIII, февр., стр. 419–430 (8 писем, 1800–1813 г., с примечаниями Б. Л. Модзалевского). 45) к Н. И. Новикову – «Русск. Библиофил» 1913 г., апр. (письмо 21-го марта 1804 г., сообщ. по копии Б. Л. Модзалевским). 46) Письма к неизвестным лицам: 1) в Альманахе «Русская Правда» 1860 г., 2) в «Русск. Архиве» 1878, кн. I, стр. 292–298 (о состоянии России в конце царствования Екатерины II; написано приблизительно в 1794 и служило дополнением к письмам Р. к графу С. Р. Воронцову); 3) «Русск. Арх.» 1881 г., т. III, стр. 220–221; 4) «Щукинский сборник», т. VI, стр. 397. 47) Рапорты Сенату – «Русск. Арх.» 1868 г., стр. 884. 48) деловая переписка с Московским обер-полицм. Ивашкиным – П. Щукин, Бумаги, относ. до Отеч. войны 1812 г., ч. I, стр. 48–128, ч. II, стр. 10–124 и 210–217, ч. III, стр. 108–195 и ч. VII, стр. 104–105.

Выше упоминалось уже о литературной деятельности Ростопчина, но последняя далеко не исчерпывается произведениями, о которых шла речь. Ввиду разногласий относительно принадлежности ему некоторых произведений, считаем нелишним привести здесь их список, по возможности в хронологическом порядке их написания или появления в печати.

В 1806–1812 гг. Р. напечатал: 1) «Плуг и соха» (брошюра, Москва. 1806 г., изд. без имени автора); первоначально

приписывалась кн. Е. Р. Дашковой, хотя из эпитафия, приложенного к ней, явствует, что автором был Ростопчин; 2) «Мысли вслух на Красном крыльце, с приложением письма Силы Андреевича Богатырева к одному приятелю в Москве», СПб. 1807 г., изд. А. С. Шишковым; в том же году переиздана самим Р. в Москве. Перепечатано в собр. Соч., изд. Смирдина; 3) Вышеупомянутое Письмо Силы Андреевича Богатырева к одному приятелю в Москве, 1807 г., вошло в Собр. соч. Р., изд. Смирдина, стр. 14–24; 4) «Вести, или убитой живой. Комедия в одном действии», изд. в Москве в 1808 г.; перепеч. в. «Русск. Архиве» 1867 г. и в изд. Смирдина, стр. 25–134; 5) Письмо Устина Веникова к Силе Андреевичу Богатыреву и ответ Силы Андреевича Богатырева Устину Ульяновичу Веникову, М. 1808 г.; в изд. Сочин. Смирдина, стр. 135–144, оба письма помещены отдельно; 6) О Суворове – «Русск. Вестник» 1808 г., № 3, стр. 241–249; 7) Письмо Устина Веникова к издателю «Русского Вестника» – «Русск. Вестник» 1808 г., № 1, стр. 68; позднее перепечатано в «Отеч. Зап.» 1854 г., т. 95, отд. 2, стр. 62; 8) «Ох, французы». Народная повесть из былей, написана в период 1808–1812 г.; автор предполагал предать ее тиснению, но не успел, по-видимому, окончательно обработать, и она осталась неизданной. Повесть эта, разбитая на LIX небольших глав, полна язвительных сарказмов, дышащих ненавистью к французам и направленных против нравов тогдашнего Русского общества. Оригинальная манера письма, образный язык, знание окружающей среды роднят это произведение Р. с теми, о которых приходилось уже говорить выше. Напечатана она была впервые в «Отечеств. Записках» 1842 г., т. XXIV, отд. ?, стр. 257; по-французски – в «Matériaux»; переиздана по-русски в «Русск. Архиве» 1902 г., кн. II, стр. 5–52; 9) «La vérité sur l'incendie de Moscou», написанная в Париже 5-го марта 1823 г., издана там же; по-русски, в переводе А. Волкова, появилась в Москве также в 1823 году; переиздана по-французски в «Matériaux»; см. в Собр. сочин., изд. А. Смирдина, СПб. 1853 г., стр. 255–298; там же помещен Русский перевод, стр. 199–254; возражения на нее в брошюре: «Reponse a l'auteur de la «Vérité», par Chambray, Paris. 1823; 10) «Картины Франции в 1823 г.»; была

представлена Ростопчиным Александру I; это – политический трактат на французском языке, рекомендовавший правительству агрессивную политику по отношению к Франции. Напечатано в «Matériaux»; в переводе – «Русск. Архив» 1872 г., стр. 965–985; 11) «Fragments des mémoires sur l'année 1812»; записки эти, взятые после смерти Ростопчина по распоряжению правительства для помещения вместе с другими бумагами Р. в Государственный Архив, долгое время находились в Архиве III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, затем были переданы в Архив Канцелярии Военного Министра, а в 1880-х гг. поступили в Военно-ученый архив Главного Штаба. Они составляют рукопись на 42 полулистах, на французском языке; со списка, снятого с рукописи, были изданы в «Matériaux» сыном Р. значительные выдержки; в переводе использованы А. Н. Поповым в его «Очерках об Отечественной войне» – «Русск. Архив» 1875 и 1876 гг. и в «Русской Старине» 1877 г., а также в сочинении Сегюра: «*Vie du Comte Rostopchine*», Р. 1871 и в «Девятнадцатом Веке», кн. II, стр. 114–120; полностью же перевод сделан И. И. Ореусом и помещен в «Русск. Старине» 1889 г., № 12, стр. 643–725; 12) «*Mes mémoires, ou moi au naturel, écrits en dix minutes*», – довольно изящная миниатюра в 15-ти главках, полная едкой иронии, написана была в 1823 г., уже по возвращении из-за границы в Москву, по вызову гр. Анны Влад. Бобринской. Напечатано в Собр. соч., изд. Смирдина, стр. 303–320, вместе с переводом на русский язык; в «Matériaux», в «Русск. мире» за 1860 г., № 50, у Ségur'a: *Vie du comte Rostopchine*, р. 342–347; у Schnitzler'a и др. В Париже вышло в издании С. Д. Полторацкого в 1839 г. под названием: «*Mémoires du C-te Rostoptohine écrits en dix minutes*»; 13) «*Journal écrit à Berlin, les années 1786 et 1787*»; напечатан по-французски в «Matériaux», изданных сыном, графом А. Ф. Ростопчиным в Брюсселе; 14) «Путешествие по Пруссии», относящееся к тому же пребыванию Р. за границей (1784); почти половина очерка занята описанием неприятностей, которые суждено было испытать путешественнику; с обычной иронией автор отмечает странный для него характер и обычаи немцев; между прочим, он подробно останавливается на описании торжества Берлинской

Академии Наук. Впервые было напечатано в переводе на русский язык в «Москвитянине» 1849 г., кн. I, стр. 69–92, кн. X, стр. 77–90, кн. XIII стр. 3–14 и кн. XV, стр. 121; затем в журнале «L'Observateur» и в «Matériaux» Ростопчина-сына; 15) «Последние дни жизни Императрицы Екатерины II»; написано почти тотчас после событий; напечатано на французском языке в «Matériaux»; в «Чт. Общ. Ист. и Др.» 1860 г., кн. III, отд. V, стр. 155–166, без конца, и во второй раз – в 1863 г., кн. 11, отд. V, стр. 171–184 – полностью; и «Русск. Архиве» 1869 г.; 16) записка «О политическом состоянии Европы». Известна в двух, несколько разнящихся редакциях; одна из них напечатана в первый раз в сборнике «Памятники новой русской истории», изд. В. Кашпиревым (СПб. 1871 г., т. I, стр. 102) под заглавием: «Картина Европы в начале XIX столетия и отношение к ней России»; затем была перепечатана в 1873 г. в «Сборнике исторических материалов и документов», изд. М. Михайловым, стр. 102–111. Этот список записки был сделан князем А. И. Гагариным с подлинника, полученного им от Вел. Княгини Екатерины Павловны, которая в свою очередь получила его от самого Ростопчина. Другой же список, в копии из бумаг Р., был передан сыном его Андреем редакции «Русского Архива» и был напечатан в этом журнале за 1878 г. (кн. I, стр. 103–110) под заглавием: «Записка графа Ф. В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования». В «Revue d'histoire diplomatique» (1889 г., № 1) она помещена в искаженном французском переводе; поправки к нему см. в «Revue d'histoire» 1889 г., № 2. Наконец, в книге Н. К. Шильдера «Император Александр I» (т. I, стр. 285) помещена еще одна записка Р., но уже совершенно иного содержания: в ней речь идет не о разделе Турции, но о совокупных действиях России и Франции против Пруссии. Эта записка была найдена французами в Москве в доме графа Р. в 1812 г. и озаглавлена в печати: «Note, présentée à l'Empereur Paul en 1800, après l'époque de la signature de la paix de Luneville». Выраженный Р. в записке этой взгляд на Францию повторен был им и в интересном письме его к графу С. Р. Воронцову от 30 июня 1801 г. (см. «Архив князя Воронцова», кн. VIII), представляющем

политическое самооправдание автора; 17) Предисловие к «Le Sottisier de Voltaire». Имея возможность свободно рассматривать, в качестве доверенного лица Павла I, все бумаги его матери, Р. собственноручно переписал тетрадь более ранних произведений Вольтера, приобретенную Екатериной II тотчас же после его смерти. По этому-то списку Ростопчина эти произведения Вольтера и появились впервые в 1881 г., под приведенным выше заглавием; последнее, впрочем, не принадлежит Ростопчину: он предполагал назвать книгу «Вольтер в халате». В предисловии Р., указывая, что входящие в состав книги произведения Вольтера полны наивности, легковерия, невежества и даже глупости, прибавляет: «Однако подлец был умен... Но не эта книга о том свидетельствует. Первенствующие качества Вольтера: сарказм, внезапность, порыв – тут отсутствуют». 18) Замечания на книгу графа Стройновского: Об условиях с крестьянами. Существуют три варианта этих возражений: один из них напечатан в «Чт. в Общ. Ист. и Др. Росс.» за 1859 г., кн. III, отд. V, стр. 37–45, но авторство графа Ростопчина отверг сын его граф Андрей Федорович (см. «Русский Вестник» 1860 г., кн. 5); и действительно, содержание этого возражения противоречит некоторым биографическим данным о Р.; два других варианта помещены в «Чт. в Общ. Ист. и Др. Росс.» за 1860 г., кн. II, отд. V, стр. 195–217, причем только последний приписан Ростопчину; между тем, самый факт составления Р. возражений на книгу графа Стройновского не вызывает сомнений и был известен в свое время многим лицам. Из опубликованных вариантов как по характеру мышления, так и по совпадению отдельных данных, графа Ростопчина скорее всего можно счесть автором последнего из них («Чтения» 1860 г., кн. II, отд. V, стр. 213–217); составлен он около 1811 г. 19) «Записка о мартинистах», представленная Р. в 1811 г. Великой Княгине Екатерине Павловне. Она написана была с очевидным стремлением раскрыть глаза Императора Александра I на мартинистов чрез посредство его любимой сестры. Ростопчин очерчивает сперва историю возникновения общества мартинистов, а затем дает оценку их деятельности и влияния. Автор исходит из мысли, что

Наполеон I покровительствовал мартинистам и желал использовать их для достижения своих целей. «Тогда увидят, предостерегал Р. в заключении записки, но слишком поздно, что замыслы их не химера, а действительность, что они намерены быть не посмешищем дня, а памятными в истории, и что эта секта не что иное, как потаенный враг правительств и государств». Нельзя отказать Р. в искренности его неприязни и предубеждений против мартинистов, так как и в своей деятельности он оставался верен самому себе. Несмотря на очевидное пристрастие автора и невзирая на наличие других материалов по этому вопросу, «записка» Ростопчина имеет несомненное значение для историка, между прочим по тому, что автор ее, пользуясь своим исключительным положением при Павле I, имел возможность узнать многое из того, что осталось скрытым от современников. Сохранилась «записка» во французском списке в бумагах А. Н. Афанасьева; русский перевод ее, принадлежащий М. А. Жуазелю, напечатан в «Русск. Архиве» 1875 г., кн. III, стр. 75–81; 20) «Fragments d'un journal, écrit l'année 1815», во время пребывания в Германии для поправления здоровья вскоре после отъезда из России; 21) «Le mystère des forêts, ou l'arbre bavard»; 22) «Ce que j'ai lu, vu et entendu», 1818–1819 г.; 23) « Le cimetière du père Lachaise». Четыре последних произведения Ростопчина не появлялись на русском языке и напечатаны были впервые в «Matériaux»; 25) «Dernières pages» 1825 г., – последние страницы, написанные Ростопчиным незадолго до его смерти; напечатаны в «Matériaux»; 26) Краткая нотация некоторым мусьям, М. 1812 г., 7 стр. Сатирические стихи на Французском языке, напечатанные графом Ростопчиным в самом ограниченном числе экземпляров. 27) Подробный список всех корпусов, составлявших французскую армию, вышедшую в поход против России в 1812 г. с приложением расписания потерь, сделанных неприятелем с начала кампании в разных сражениях, до вступления в Москву»; снабжен предисловием Ростопчина; составлен на основании документов, захваченных в Москве по оставлении ее французами, в переводе с французского языка; издан в М. в 1813 г. Перепечатан в Собр. соч. Р. (изд.

Смирдина), стр. 339–364; 28) Ростопчину принадлежат также несколько стихотворных опытов, в большинстве случаев мелких, но всегда достаточно метких и попадающих в цель; известно, напр., его пятистишие на смерть Павла, написанное на французском языке (см. «Русский Архив» 1902 г., кн. III, стр. 72), три стихотворные подписи под своими портретами – см. «Русский Архив» 1868 г., стр. 856; автобиография в стихах, найденная в бумагах А. Ф. Брокера.

Сочинения Р. были изданы в одном томе А. Ф. Смирдиным в 1853 г. Неправильно приписывалась Ростопчину брошюра: «Мысли не вслух у деревянного дворца Петра Великого», являющаяся одним из подражаний его «Мыслям вслух»... (включено в собрание Сочинений Ростопчина, изд. Смирдиным).

Знаменитые ростопчинские афишки еще и до сих пор вызывают споры относительно хронологии и общего числа их. В полном собрании сочинений Р., изд. Смирдиным (СПб. 1853, стр. 163–182), не только не полном, но и крайне небрежном, эти афишки напечатаны в беспорядке и без обозначения чисел; общее число их в издании Смирдина – 14; кроме того, там же еще помещены: его «объявление к аббатам католических церквей, находящихся в Москве» (от 26-го июня 1812 г.), «объявление к Викарию Московскому Августину» (от 18-го октября 1812.), записка, оставленная Р. французам в Воронове, и его воззвание «К крестьянам Московской губернии» от 20-го октября 1812 г. Это издание афишек является, хронологически по счету третьим: первое, насколько известно, состоялось в «Историческом, Статистическом и Географическом Журнале», ч. III, кн. II, стр. 182–189, где были собраны 15 афиш Р. под общим заглавием: «Дружеские послания от Главнокомандующего в Москве к ее жителям». Вторично издал их И. М. Снегирев в приложениях к «Очеркам жизни преосв. Августина» (всего 9 афиш), изд. 1841 г., прил. 16, стр. 116–122; в четвертый раз они переизданы ген. Богдановичем в «Истории царствования Александра I» (т. III, гл. 35, прил., стр. 69–73); всего помещено 10 афиш, да кроме того, в тексте самой Истории (гл. XXV, стр. 259 и 262) еще две. В 1859 г. в «Библиографич. Записках» (т. II, стр. 48–49) были помещены еще две афиши. Первая попытка

объединить эти афишки и снабдить их точным указанием месяца и числа их издания принадлежит М. Н. Лонгинову и его заметке о сочинениях графа Ростопчина («Русск. Архив» 1868 г., ст. 856–858); отдельные афиши, кроме того, приводились не только русскими историками, но и французскими (напр., у Ségur'a, Schnitzler'a и др.); отрывки из них помещены в «Словаре» Бантыш-Каменского, в статье А. Н. Попова: «Москва в 1812 г.» («Русский Архив» 1875–1876 г.). В 1889 г. 18 афишек были переизданы Сувориным под редакцией В. И. Саитова. Наконец, в 1904 г. появилось собрание их, составленное П. А. Картавовым, который включил в свое издание («Летучие листки 1812 г. Ростопчинские афиши», СПб. 1904 г.) не только листки, составленные или проредактированные самим Ростопчиным, но и опубликованные последним Высочайшие повеления, воззвания Св. Синода, донесения Голенищева-Кутузова, Барклая-де-Толли, молитву Архиеп. Августина, приказы по армиям, составленные государственным секретарем А. С. Шишковым, и т. п. В 1912 г. «Ростопчинские афиши» были вновь изданы товариществом Суворина, под ред. Н. В. Борсука. Общее число листков в этом последнем собрании достигает 57, из коих только 23 составитель собрания приписывает перу Ростопчина. Об отдельных афишах и воззваниях, изданных Р., см. также: «Московские Ведомости» за 1812 г., № 50, 51, 53–57, 59–60, 64–69, 99, 104; эти же известия перепечатывались в «Северной Почте» и в «С.-Петербургских Ведомостях» (в прибавлении к ним); «Русский Вестник» 1812 г., кн. 8, стр. 78, кн. 10, стр. 82–86, 1813 г., кн. 5, стр. 71, 1814 г., кн. 9, стр. 43, кн. 10, стр. 33; Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов и т. п. за 1812–1816 г., СПб. 1816 г., стр. 36–49, 83–84; Князь П. И. Шаликов, Историческое известие о пребывании в Москве французов в 1812 г., М. 1813, стр. 56; Русские и Наполеон Бонапарте, М. 1813 г., стр. 111–115; С. Н. Глинка, Записки о 1812 годе, СПб. 1836, стр. 55; И. М. Снегирев, Биографические черты из жизни Архиеп. Московского Августина, М. 1824, стр. 27, 121; «Чтения в Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. при Моск. ун.» 1866 г., кн. 4 (ст.: Дело о Верещагине и Мешкове); М. С. Любецкий, Москва в 1812 г., М. 1872 г., стр. 75–77; «Русск.

Архив» 1875 г., кн. II, стр. 388–402. Отдельные афишки хранятся в Имп. Публичной Библиотеке, в Библиотеке Бородинского Музея, а также в коллекциях частных лиц (П. А. Картавова, В. И. Яковлева, А. П. Бахрушина, П. И. Щукина и др.).

«Отечеств. Записки» 1826 г., ч. XXV, стр. 79; ч. XXVI, стр. 54 (ст. А. Я. Булгакова); А. Терещенко, Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России, СПб. 1837 г., ч. II, стр. 203–224; Бантыш-Каменский, Словарь достопамятных людей русской земли, ч. III, СПб. 1847 г., стр. 106–175 (с портретом); Н. Тихонравов, Граф Ростопчин и литература в 1812 г., СПб. 1854 г. (оттиск из «Отеч. Записок» 1854 г., т. XCV, стр. 1–70); Н. Тихонравов, Собрание Сочинений; статья Н. Дубровина в «Военном Сборнике» 1863 г., № 7; «Русский Вестник» 1860 г., т. XXV, № 1 (ст. А. Афанасьева); «Московские Ведомости» 1859 г., № 25 (ст. М. Дмитриева) и № 284 (восп. Варнгагена-фон-Энзе); «Журнал Коннозаводства» 1878 г., № 3, стр. 1–43; Чистович, Руковод. деятели духовного просвещения в России, СПб. 1894, стр. 33–34; «Вестн. Сельского Хозяйства» 1901 г., № 101, стр. 3–6; «Русский Архив» 1877 г., кн. II, стр. 69–78 (ст. князя Вяземского); «Русская Старина» 1893 г., т. LXXVII, январь, стр. 161–172 (ст. А. Ф. Брокера); «Русский Вестник» 1902 г., № 8, стр. 589–598 (ст. М. М-ва); Энциклопед. Словари Брокгауза, Граната, Толля, Справочный Словарь, т. IX, ч. 2-я, стр. 212–216; Энциклопедия военных и морских наук, т. VI; Schnitzler, Rostopchine et Koutousof, P. 1863 (в 1912 г. вышел русский перевод этой книги А. Ельницкого); Ségur, Vie du comte Rostopchine, Paris. 1872, V+366 стр.; его же статья в «Revue de Paris» 1902 г. (Rostopchine en 1812); Biographie Universelle, т. LXXX, стр. 19; «Военно-Энциклопедический лексикон, изд. 2, т. XI, СПб. 1856 г., стр. 98–100; «Русские портреты XVIII и XIX ст.», изд. Великого Князя Николая Михайловича, СПб., т. V, стр. 12; 1812. Le comte Rostopchine et son temps. Par Madame Narichkine née Rostopchine», St.-Pétersb. 1912 (с портретами графа Ф. В. и графини Е. П. Ростопчиных); В. В. Руммель, Родословный Сборник русских дворянских фамилий, т. II, СПб. 1887, стр. 841; кн. Долгоруков, Родословная книга, ч. II, стр.

217; Списки титулованным родам, I, 883; гр. А. Бобринский, Дворянские роды, ч. I стр. 486–487; Бархатная книга, стр. 371, 423; П. Иванов, Указатель к боярским книгам, стр. 358; Л. Савелов, Воронежское дворянство – в газете «Дон» 1897 г., № 22; Дворянский Адрес-календарь на 1898, т. II (стр. 89); Общий Гербовник, т. II, стр. 72, IV, стр. 12; Н. Шильдер, Император Павел I, СПб. 1901, стр. 276–284, 286–290, 394, 400, 408–414, 423, 468, 469, 471; Сборник Исторических материалов (изд. М. Михайлова), СПб. 1873, стр. 102–111, Осьмнадцатый век, кн. ?, стр. 274–275, кн. II, стр. 638–642; Д. Милютин, История войны 1799 г., т. III, стр. 499 и т. V, стр. 213; А. И. Михайловский-Данилевский, Полное собр. сочинений, т. IV, стр. 292; История лейб-гвардии Преображ. полка 1683–1888 г., т. IV, прил., стр. 181; Бутков, Материалы для новой истории Кавказа, т. II, стр. 120–180; Н. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. II, стр. 9–10; М. Броссе, Переписка Грузинских Царей с Российскими Государями, СПб. 1861 г., стр. XII; Краткое историч. сведение о сост. Имп. Академии Художеств, СПб. 1829, стр. 30; Бантыш-Каменский, Обзор внешних сношений России, т. II, стр. 16, 20; т. III, стр. 306; т. IV, стр. 286; Н. Дубровин, Георгий XII, последний царь Грузии, и присоединение ее к России, издание 2-е, СПб. 1897 г., стр. 166–167, 184–186; М. Морошкин, Иезуиты в России, СПб. 1867 г., ч. I, стр. 349, 352, 362; З. Авалов, Присоединение Грузии к России, изд. II, СПб. 1906, стр. 195; «Историч., статистич. и географич. журнал», 1828 г., март, стр. 210, 212, 213; И. М. Снегирев, Очерки жизни Преосв. Августина, 1841 г., прил. 16, стр. 64–65, 116–122; М. Богданович, История царствования Александра I, т. III, 1869 г., гл. 85, прилож., стр. 69–78; его же, История Отечественной войны, СПб. 1869, т. III, гл. XXV, стр. 226, 227, 259, 262, 319, 326, 328–333, 339–341; Записки о Москве и о заграничных происшествиях с исхода 1812 г. до половины 1813 г., СПб. 1837, стр. 43–44; Осьмнадцатый век, кн. I, стр. 349, 350, 398, 399, 402, 416, 507; Деятнадцатый век, кн. I, стр. 327–329 (Записки графа Комаровского), кн. II, стр. 114–120; Толычева, Рассказы очевидцев, стр. 30–31; Д. В. Давыдов,

Сочинения, т. I, стр. 8; «Русский Инвалид» 1846 г., № 270; Кн. Н. В. Голицын, *Souvenirs et impressions d'un officier russe pendant les campagnes de 1812–1814*, СПб. 1849 г., стр. 10; Записки А. П. Ермолова, ч. I, стр. 209; «Русский Вестник» 1813 г., № 1, стр. 7–15, № 3, стр. 6–19, № 4, стр. 65–74, № 5, стр. 65–96, 65–74; 1814 г., кн. № 10, стр. 8; «Северная Почта» 1812 г., № № 69, 76; «Сын Отечества» 1812 г., № 1, стр. 1–17, № 12, стр. 253–258; Русские и Наполеон Бонапарте, М. 1818 г., стр. 71–74; Поражение французов на Севере, М. 1814 г., ч. I, стр. 88–95; Н. Ф. Дубровин, Отечественная война в письмах современников, СПб. 1882; Письма главнейших деятелей в царствование Александра I, СПб. 1883 г.; Н. К. Шильдер, Император Александр I, т. I и III; П. И. Щукин, Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., ч. II, стр. 7, 10–124; ч. III, стр. 108, 111, 120, 128, 138–140, 142, 187, 191, 195; ч. IV, стр. 357; ч. V, стр. 183; ч. VI, стр. 126; ч. VII, стр. 104–105; ч. VIII, стр. 47–74; ч. IX, стр. 181; ч. X, стр. 50–259 (Журнал исходящих бумаг Гр. Ф. В. Ростопчина); Исторический Сборник, Лондон. 1859 г., кн. I; И. Липранди, «Не голод и не мороз...», СПб. 1854 г.; Дом графа Орлова-Денисова, прежде бывший графа Ростопчина, М. 1850, стр. 1–28. Гр. Лидия Ростопчина: Семейная хроника (1812), изд. Н. Орфенова, М. (1912); («Из Русской старины», изд. А. Мартынова; гр. Л. Толстой, Война и Мир; *Verbrennung der Stadt Moskau, Leipzig*. 1813; *Lecointe de Laveau, Moscou avant et après l'incendie, Paris*. 1814, стр. 136–150; *Obraz spalenia i opalowania Moskwy przez Francuzov, w miesięcu Wrzesniu 1812 roku*, 1814; *Voyages d'une dame française en Russie en 1812, témoin oculaire de l'incendie de Moscou, Paris*. 1814; M-me Fusil, *L'incendie de Moscou, Paris*. 1817; B-ch, *Histoire de la destruction de Moscou en 1812, Paris*, 1822, стр. 28, 41, 47, 50, 64–66, 68; *Réponse de l'auteur de l'histoire de l'expédition de Russie à la brochure de M. le Comte Rostopchin, intitulée: «La vérité sur l'incendie de Moscou»*, Paris. 1823, стр. 1–18; *Historich-Politiscie Blätter für das Katholische Deutschland*, 1873, № 11 (статья о графе Ростопчине); Masson, *Mémoires secrets*, том I, стр. 307–308; *Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812*,

Paris. 1824, m. I, cmp. 369–374; Varnhagen von Enze, *Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften*, Leipzig. 1842, cmp. 171–172; I. I. E. Roy, *Les Français en Russie*, Tours. 1886, cmp. 50–51; (Comte A. Rastaptchine) *Matériaux, en grande partie inédits, pour la biographie future du Comte Théodore Rastaptchine*, rassemblés par son fils (tiré à douze exemplaires), Bruxelles. 1864 г., cmp. 1–525; Louise Fusil, *Souvenirs d'une actrice*, Paris. 1841, cmp. 51–54; «L'Atheneum Français» 1854 г., № 41, 1855, № 2, 3 (Anecdotes sur Rostopschin); «Mercure de France», m. IX, cmp. 144; D-r Gantscho Tzenoff, *Wer hat Moskau im Jahre 1812 im Brand gestickt?* Berlin. 1900; Surrugues, *Lettres sur l'incendie de Moscou, écrites de cette ville au R. P. Bouvet, de la compagnie de Jésus*, Paris. 1823, cmp. 12–15; Opinion de M. le général du génie Nempde sur l'incendie de Moscou, Paris. 1826, cmp. 1–16; Relation du séjour des français à Moscou et de l'incendie de cette ville en 1812, Bruxelles. 1871, cmp. XIV, 50–61, 85, 91, 98, 101, 112, 175, 183, 185; Le Rebours, *Moscou pendant l'incendie*, Paris. 1891, cmp. 9; Ségur, comte, *Incendie de Moscou et la retraite de la grande armée*, 1902, cmp. 7; Lydie Rostoptchine, *Les Rostoptchine*, P. 1909, cmp. 1–79; ГансШмидт, Виновники пожара Москвы в 1812 году, Рига. 1912, 100 стр. (издание Н. Куммеля); О деле Верещагина см.: «Военный Сборн.» 1863 г., № 7, стр. 109–115, № 8, стр. 462–464 (см. Н. Дубровина: Москва и граф Ростопчин в 1812 г.); «Русский Архив» 1875 г., т. II, стр. 287–291, см. А. Н. Попова: «Москва в 1812 г.», *ibid.*, т. III, стр. 285–286; «Р. Архив» 1870 г., стр. 517–522: «Заметки об убиении Верещагина» Д. Н. Свербеева; «Чтения Общ. ист. и древн.» 1866 г., кн. 4, стр. 231–247, см. II. В. Шереметевского: «Дело о Верещагине и Мешкове» и И. Ф. Жукова: «Разбор известий и дополнительное сведение о казни купеческого сына Верещагина»; «Московск. Ведом.» 1859 г., № 234, 258 и 1860 г., № № 7, 8, 13; Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины, СПб. 1876 г., стр. 433–469 (см. А. Попова: «Дело о Верещагине»); «Русский Архив» 1872 г., стр. 511–512 (Воспомин. Ф. П. Лубяновского); «Русск. Старина» 1889 г., № 12, стр. 723–724; «Русск. Арх.» 1868 г., стр. 851–859 (материалы для биографии); 1674–1675 (Заметка

Лонгинова); «Русская Старина», т. V, 19–22, 479, 551–579 (Записки А. Л. Витберга); 1881 г., т. XXXII (ответ С. А. Богатыреву); 1882 г., т. XXXIII, XXXV и XXXVI (Записки Я. И. де Санглена); 1888 г., т. LVII (Шильдер, Россия и ее отношения к Европе); 1889, т. LXI и LXIV (Записки Ростопчина о 1812 г.); Сборник Имп. Русского Историч. Общества, т. II, стр. 178, 219, 270; т. III, стр. 89; т. IX, XXVI, XXIX, XLV, LXX, LXXIII, LXXXIX, CXIX; «Русский Вестн.» 1902 г., № 8, стр. 589–598; Архив гр. Мордвиновых, т. III; Остафьевский Архив кн. Вяземских, т. I, II, III, т. V, вып. I: Архив кн. Воронцова, т.т. V, VIII, IX, XI–XXII, XXVI–XXX, XXXII, XXXIV–XXXVIII; Геннади, Справочный словарь о русских писат. и ученых, т. III, М. 1908 г.; «Сенатский Архив», т. 1, стр. 22, 69 и др.; т. IV, стр. 253–627; т. X, стр. 203; А. Е. Бурцев, Описание редких Росс. книг, СПб. 1897 г., ч. II, стр. 396; Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина. т.т. I, II, V, VIII, X, XI, XII, XIII, XII, XXI; Д. Ровинский, Подробный словарь русских гравированных портретов, т. II, СПб. 1889 г.; Е. П. Карнович, Замечательные богатства частных лиц в России, СПб. 1874 г., стр. 375–376; М. Н. Лонгинов, Новиков и московские мартинисты, М. 1867 г.; «Московск. Полицейск. Ведомости» 1861 г., № 113; «Москвитянин» 1843 г., кн. 2, стр. 499 (ст. А. Я. Булгакова); «Московские Ведомости» 1812 г., № 58 (ст. Нелединского-Мелецкого), 1859 г., № 26 (ст. М. А. Дмитриева), № 264 (восп. Варнгагена-фон-Энзе); Щукинский Сборник, т. IV, стр. 362–364; т. VI, стр. 397, т. IX, стр. 187–188: «Русский мир» 1860, № 50; Записки Ф. Ф. Вигеля, СПб. 1892–93 г.; Подробные сведения о коннозаводстве Российском в 1839 г., изд. Комитета Коннозаводства; Об архиве Р. – В. Иконников, Опыт русской историографии, т. I, кн. 2, стр. 1143–1144; В. Межов, Русская Историческая библиография, т. VIII и др.; Литературная деятельность Ростопчина: Отеч. Зап.» 1853 г., т. LXXXIX, № 9, отд. V, стр. 79–88; «Современник» 1863 г., т. XL, № 7, отд. IV, стр. 16–20; «Русск. Арх.» 1868 г., № 4–5 (статья М. Лонгинова); А. Пыпин, История русской литературы, СПб. 1899 г., т. IV, стр. 151, 239, 283, 306, 326; Н. А. Энгельгардт, История русской литературы XIX ст.,

СПб. 1902 г., т. I, стр. 126; «Русск. Архив» 1877 г., кн. II, стр. 73–76; А. Галахов, История русской литературы, СПб, 1878 г, стр. 378, 381–383.

Рост, Иван Акимович (Юрьевич; Иоганн Иоахим Юлиус)

Рост, Иван Акимович (Юрьевич; Иоганн Иоахим Юлиус), профессор Московского университета; родился 29-го сентября 1726 года в Ганновере и происходил из саксонского дворянского рода. Учился и окончил курс в Геттингенском университете и в середине 1757 года прибыл в Москву для поступления, в звании адъюнкта, в число преподавателей Московского университета, только что тогда открытого.

Приглашение занять это место Рост получил от академика и известного русского историографа Г. Ф. Миллера, с которым потом находился в постоянной переписке, содержащей много интересных сведений о состоянии и деятельности Московского университета в первые десятилетия его существования; в 1761 году он даже породнился с Миллером, женившись на его двоюродной сестре, девице *Марии Вольф*.

Предметом преподавания Роста в течение первого года его деятельности в Московском университете был английский язык. В каталоге лекций на вторую половину 1757 года он заявлял также о своем намерении преподавать приватно, для желающих, механику, военную и гражданскую архитектуру и первые три части чистой математики, то есть арифметику, геометрию и плоскую тригонометрию. По отсутствию желающих между очень немногочисленными в то время студентами университета, намерение Роста, однако же, не осуществилось, и приступить к действительному преподаванию математических наук он получил возможность только со следующего года, когда состоялось постановление университетской Конференции от 4-го июля 1758 года о поручении этого преподавания ему и магистру Барсову. Рост преподавал на латинском языке, но так как не все из его слушателей понимали этот язык, то ему пришлось выбрать одного из студентов своим переводчиком. Во время лекции этот последний должен был переводить на русский язык и объяснять все, что говорил профессор. До 1761 года Рост продолжал также преподавать и английский язык, за

что получал ежегодно по 100 рублей. Кроме того, состоя, как преподаватель математики, в звании ординарного профессора, он пользовался присвоенным этому званию содержанием в размере 500 рублей в год. Так как в число преподаваемых им предметов входила и архитектура, то он должен был взять на себя безвозмездный надзор за университетскими зданиями. Кроме того, и также безвозмездно, ему был поручен надзор за математическими классами и за практическими работами по геодезии. В течение 1761 года Рост не преподавал в университете; причиной этому было, по-видимому, заключение с ним университетом нового контракта, после этого перерыва Рост уже не возвращался более к преподаванию английского языка; что же касается математических наук, то при разделении их преподавания между ним и новым профессором Д. С. Аничковым, он взял на себя прикладную математику и экспериментальную физику. Разделение это, однако же, не было строгим; были годы, когда к предметам своего обычного преподавания Рост присоединял еще и некоторые из отделов чистой математики. Прикладную математику Рост читал по сочинению Вейдлера: «*Institutio-nes Matheseos selectis observationibus illustratae in usum academicarum*», состоящему из отдельных частей, посвященных как чистой, так и прикладной математике. Последняя была представлена в нем следующими отделами: *Optica proprie dicta*, *Ars perspectiva*, *Catoptrica*, *Dioptrica*, *Astronomia sphaerica*, *Astronomia theórica*, *Geographia generalis*, *Ghronologia*, *Gnomonica*, *Mechanica*, *Hydrostatica*, *Aërometria*, *Hydraulica*, *Architectura civilis*, *Architectura militaris*. Все эти науки в преподавании Роста, за исключением астрономии, занимали не один год, а несколько, причем никакого определенного порядка в их следовании друг за другом не соблюдалось. К ним нередко были присоединяемы профессором еще и следующие, не содержащиеся в книге Вейдлера: геодезия, подземная геометрия (излагаемая по сочинению Фогеля «*Geometria subterranea*»), артиллерия, учение о трении и гидротехния. Для преподавания математических наук, отличавшегося, говоря вообще, крайнею элементарностью, Рост назначал обыкновенно четыре 2-

часовые лекции в неделю, а для преподавания экспериментальной физики таких же две лекции. Экспериментальную физику Рост излагал в первые годы своего преподавания по сочинению Винклера «Anfangsgründe der Physik» (8°, Leipzig. 1753; 2-ое изд., 1755; английский перевод – Лондон. 1757), а потом по книгам «Philosophia naturalis, experimentis confirmata» (3 книги, 8°, Halle. 1753) Иоганна-Готтлоба Крюгера и «Course of Expérimental Philosophy» by J. T. Desaguliers (London. 1717 и 1745, т. I и II, 4°).

Для производства физических опытов во время лекции Рост имел лаборантов: сначала француза Петра Дюмуленя, а потом итальянца Иосифа Маджи. Обоими ими Роста, однако же, не был доволен и часто с ними ссорился. Некоторые из столкновений с первым разбирались даже Конференциею университета. Главным их поводом были обвинения профессором Дюмуленя в крайней небрежности исполнения своих обязанностей, выражавшейся как в беспорядках по содержанию физического кабинета, делавших иногда невозможным производство некоторых опытов, так и в дурных отношениях к ученикам, прикомандированным к нему для изучения механического искусства.

Лекции экспериментальной физики Роста имели очень большой успех – на них собирались студенты всех факультетов. Причиною этого, кроме характера самого предмета и его способности к популярному изложению, было умение профессора соединять логическую ясность изложения с живостью, доходившею иногда до шутливости. Что касается лекций прикладной математики, то, по невозможности в них популярного изложения и при общей малочисленности студентов, они могли иметь и имели только очень немногих слушателей. Кроме лекций для студентов, Рост читал еще с помощью студента-переводчика публичные лекции по физике с присоединением иногда космологии для посторонних и давал много частных уроков.

Рост обладал замечательными лингвистическими сведениями, стоявшими значительно выше его знаний по математике и физике. Он знал теоретически и практически

языки: латинский, греческий, французский, немецкий, английский, голландский, итальянский и испанский. Рассказывали, что во время посещения Московского университета Австрийским императором Иосифом II, Рост при входе императора в его аудиторию обратился к нему с вопросом, на каком языке желает он слушать лекцию. Император выбрал итальянский язык и нашел изложение Роста очень красноречивым.

Не оставляя университета, Рост занимал с 1763 года в течение нескольких лет должность главного надзирателя в только что основанном тогда Воспитательном доме. Несмотря на свою обширность, преподавательская и вообще педагогическая деятельность имела для Роста только второстепенное значение: главным предметом его занятий были коммерческие предприятия, состоявшие в закупке в разных местах России и в отправке за границу на кораблях Голландско-Российской Компании, агентом и комиссионером которой он состоял, различных сырых материалов: хлеба, пеньки, конопляного и льняного семени, растительных масел, сала, волоса, пуха и пр. При невозможности уезжать из Москвы он вел все эти большие коммерческие дела при помощи нескольких сотен приказчиков, которых он держал на жалованье в разных местах России. Через них он получал очень обстоятельные сведения об урожаях в России и вообще о размерах сборов того сырья, которое отправлялось им за границу. На основании этих сведений он составлял для руководства в своей коммерческой деятельности очень интересные и в свое время единственные записки об ежегодной производительности России в интересующей его области. К сожалению, эти записки сказались утраченными безвозвратно. Торговая деятельность Роста сделала его очень богатым человеком; он имел в Москве собственный дом, находившийся за Варваркою около монастыря Св. Иоанна Богослова, и после своей смерти оставил своим трем сыновьям – *Якову, Ивану и Лаврентию*, имение с населением более, чем в 1000 человек крепостных крестьян и капитал в несколько сотен тысяч рублей.

Строго-практическое направление деятельности Роста нашло себе яркое выражение и в его учено-литературных произведениях, состоявших исключительно из речей, произнесенных в торжественных собраниях университета и затем напечатанных на латинском и русском языках. Разработкою и решением вопросов преподаваемых им наук Рост не занимался; поэтому предметом его речей были не успехи этих наук, а различные практические вопросы, почему-нибудь особенно важные или интересные для современников. Так, необходимость для оздоровления русских городов закрытия находящихся в их черте кладбищ послужила темою его первой речи «*De effluviorum in corporibus, inprimis animalium, penetranti efficacia*», произнесенной 22 апреля 1765 года (в русском переводе: «О проницательном действии малейших частиц, которые из тел, особливо животных, истекают»). Очень интересовавшее Роста по своему отношению к некоторым сторонам его торговой деятельности добывание соли в России заставило его произнести в 1769 году речь «*De faciliiori melioris fontium salis praeparatione*» (заглавие русского перевода: «Об удобнейшей выварке соли из соляных источников»), в которой, говоря о способах образования крупных кристаллов соли, он познакомил слушателей также и с результатами своих собственных опытов по тому же предмету. Московская чума 1771 года вызвала произнесение Ростом в следующем же году речи: «*De aëre nocuo in tricliniis praesertim plebeiorum et quomodo ille facili negotio salubrior reddi potest*» (в русском переводе: «О вредном воздухе, в жилищах особливо простого народа примечаемом, и о средствах, удобных к поправлению оногo»). В ней он высказывал отвергнутую впоследствии специалистами мысль, что чумная зараза могла быть не только заносима в Россию, но и зарождаться в ней самостоятельно, как в Египте. Три большие пожара, происшедшие в Москве в 1773 году, заставили Роста произнести в следующем году речь «*De commodis in Russia contra incendiorum furorem adminiculis*» (в русском переводе: «О лучших средствах прекращать в России свирепство пожаров»). Следующая речь – «*De perenni gloria Imperantium, quam ex felicitate populi promota acquirunt*» (в

русском переводе: «Торжественное слово о вечной славе Государей, происходящей от умножения благополучия народного»), произнесенная в 1776 году, была посвящена восхвалению мудрого правления Императрицы Екатерины II. Основание и построение при той же Императрице многих новых городов вызвали со стороны Роста произнесенную им в 1781 году речь: «De eo, quod conducit et observari oportet ratione valetudinis in eligendo exstruendarum urbium novarum loco» (в русском переводе: «О избрании здоровых мест к построению городов»). Последнюю речью Роста, произнесенную им в 1787 году и также занимающуюся деятельностью Екатерины II, была «Oratio solemnis, qua Dominæ Catharinae II de itinere feliciter peracto per Rossiam Meridionalem ea, qua decet, gratulatur Ioannes Ioachimus Iulius Rost D. XXX Iunii» (в русском переводе: «Слово торжественное и поздравительное Императрице Екатерине II с благополучным свершением путешествия по Южной России»).

За свои труды по устройству Воспитательного дома Рост получил чин коллежского советника, а за другие заслуги – орден св. Владимира 4-ой степени.

Он умер 7-го апреля 1791 года в Москве.

Биографический Словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, часть II, М. 1855, стр. 362–369; «Чтения в Обществе истории и древн. Росс.» 1872, № 3; Г. Геннади, Словарь, т. III.

Рост, София

Рост София (урожденная *Тер-Рееген*) – основательница первого Зоологического сада в Петербурге; род. 4-го марта 1813 года в Голландии, в городе Гронингене, где родители ее занимались торговлей. Они оставили маленькие средства своей дочери, которая, организовав небольшой зверинец, приехала с ним в 1842 году в Россию и начала здесь путешествовать из города в город, показывая своих зверей и везде имея успех. Побывав в Варшаве, Киеве и других больших городах, Т.-Р. приехала в Одессу; красивая собой, неугомонная, предприимчивая, она повсюду обращала на себя внимание; в 1848 году она вышла замуж за доктора зоологии *Гебгардта*, после чего еще 15 лет странствовала из города в город со зверинцем, улучшая его при всякой возможности. В 1864 году она, вместе со своим мужем *Гебгардтом*, основала первый Зоологический сад в Петербурге. Сад этот первое время отличался весьма скромными размерами, но мало-помалу число коллекций и оранжерей стало в нем увеличиваться. Когда же, по смерти своего первого мужа, София *Гебгардт* в 1873 году вышла вторично замуж за *Эрнста Роста*, то дела Зоологического сада пошли лучше, так как сам Рост не жалел ни времени, ни труда, чтобы достигнуть процветания своего учреждения, а С. Рост тоже немало поработала на пользу любимого ею дела. Живая, энергичная, хлопотливая, она и в последние годы жизни, будучи уже семидесятилетней старухой, продолжала помогать своему мужу.

Она скончалась 20-го февраля 1887 г.; погребена на римско-католическом кладбище в Петербурге, на Выборгской стороне.

«Петербургский Листок» 1887 г., 22-го февраля, № 49 (некролог); Петерб. Некрополь, т. III, стр. 624.

Рост Христиан, врач

Рост, Христиан, врач, писатель; в службе находился с 1745 года; с 29-го сентября 1783 г. имел чин надворного советника; в 1793 году служил в ведомстве конторы строения Ее Величества домов и садов штаб-лекарем.

В 1793 году, в Москве, Р. издал книгу: «Врачебник деревенской, или легкий способ пользоваться недостаточным людям от всяких болезней простыми или домашними вещами, не имея надобности в лекарствах аптекарских, сочиненный Хр. Ростом» (8°, цена 60 коп.).

Список находящимся в статской службе чинам 1793 г., стр. 106; Сборник Имп. Русского Исторического Общества, т. 62, стр. 224; Сопиков, Опыт, № 2664; Геннади, Словарь, т. III, М. 1908.

Рост, Яков Иванович (Jacob-Gottlieb Rost)

Рост, Яков Иванович (*Jacob-Gottlieb Rost*) – писатель; род. 14-го сентября 1766 г.; сын профессора Московского университета И. Ю. *Роста* (см.) от брака его с Мариєю Карловною Вольф, двоюродною сестрою историографа Г. Ф. Миллера; службу начал в 1786 году в Штабе московского главнокомандующего П. Д. Еропкина, с которым по самую его кончину был «в дружеском обращении». 22-го октября 1802 г., числясь «при Герольдии», получил чин надворного советника и в 1806 г. также состоял «при Герольдии»; в 1804 году он был назначен директором основанного 22-го июля Имп. Марией Феодоровной Московского коммерческого училища и прослужил здесь до 1809 года; умер, в чине коллежского советника, в Москве, через день после занятия ее французами – 4-го сентября 1812 г., и погребен на Иноверческом кладбище на Введенских горах.

У него был сын *Петр* (1855 г.).

В 1805 г., когда Российская Академия объявила премию в 100 червонных за сочинение похвального слова Петру Дмитриевичу Еропкину, Р., бывший с ним в «давнишнем и коротком обращении», откликнулся на приглашение изданием книжки: «Краткие известия о жизни, делах и кончине покойного генерал-аншефа и разных орденов кавалера Петра Дмитриевича Еропкина. Собранные из верных и несомнительных источников» (М., в тип. Кряжева и Мея, 1805, 39 стр.; автор скрылся под буквами Я. Р.); кроме того, в 1808 году он же собрал и издал «Высочайшие собственноручные письма и повеления... Государыни Императрицы Екатерины. Великие к покойному генералу Петру Дмитриевичу Еропкину и всеподданнейшие его донесения, в трех отделениях; Собранные и с Высочайшего дозволения в печать изданные коллежским советником Яковом Ростом (с выгравированным с почерка Императрицы письмом), М. в университетской типографии, 1808 (8°, 8+343 стр.), цена 3 рубля.

Список чинам 6 и 7 классов на 1806 г., стр. 147; Сопиков, изд. В. Н. Рогожина, № 4421 и 8149; Б. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, СПб. 1910, стр. 88–89; Геннади, Словарь, т. II, стр. 48 и т. III, стр. 273; Московский Некрополь, т. III, стр. 42; Сочинения Державина, т. III, стр. 505; Высоч. указ Сенату от 22 октября 1802 г.; Словарь профессоров Имп. Московского университета, М. 1855, т. II, стр. 367.

Росцишевский, Иосафат Игнатьевич

Росцишевский, Иосафат Игнатьевич, доктор медицины; родился в 1788 году; медицинское образование получил в Виленском университете, где выдержал экзамен на степень доктора медицины, и 7-го апреля 1812 г. был определен на службу в 41-й Егерский полк, с которым участвовал в походах Отечественной войны; 2-го мая 1814 г., за отличное усердие в кампанию, был помещен на оклад младшего лекаря 1-го класса, в январе 1815 г. – на оклад старшего лекаря 2-го класса, а в феврале награжден подарком в 300 рублей.

Уволившись, 13-го апреля 1820 г., от военно-медицинской службы, Р. занимался частною практикою до 1-го апреля 1825 г., когда был определен штатным врачом в Полтавский институт благородных девиц, где прослужил до 9-го декабря 1830 г., а затем, 13-го февраля 1831 г., выдержав соответствующий экзамен в Харьковском университете, получил звание акушера и 17-го апреля того же года назначен был акушером в Полтавскую врачебную управу; эту должность Р. занимал еще в 1854 г., будучи с 31-го декабря 1843 г. в чине статского советника.

Умер 12-го ноября 1856 г.

Формулярный список за 1832 г.; Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ., т. 62, стр. 224.

Ротари, Петр (Pietro Rotari)

Ротари, граф *Петр (Pietro Rotari)* – живописец; род. в Вероне, по одним сведениям – около 1707 г., по другим – в 1710 г.; ум. в Петербурге 31-го августа 1762 г. Учился он сперва у Р. Ауденарде и у Антонио Балестра, затем – у Тревизани в Риме и у Солимена в Неаполе. За это время им исполнены несколько образов в Веронскую церковь, картины: «Св. Людовик» и «Вознесение», находящиеся в Падуе, и «Рождество Богородицы», находящуюся в Риме. В 1750 г. Р. переехал в Вену, а оттуда – в Дрезден и Мюнхен. В Дрездене он написал: «Бегство в Египет», «Портрет Карла, Герцога Курляндского», «Св. Иакова», «Монаха» и «Св. Магдалину»; в Мюнхене – «Прерванный сон», «Плачущую девочку» и др. В 1757 г. Императрица Елисавета Петровна вызвала его в Петербург, где он и оставался до конца своей жизни.

Деятельность его в России была необыкновенно плодотворна. Из его петербургских работ назовем портрет П. А. Бутурлина, находящийся у графини М. В. Бутурлиной, в имении Дубны, Тульской губернии; поясной портрет графини М. А. Воронцовой, принадлежащий графу Воронцову-Дашкову; портрет графа Ив. Ил. Воронцова, по грудь, бывший у князя С. М. Воронцова; портреты: графа М. Ил. Воронцова, копия с которого, работы Быкова, находится в Гатчинском дворце; княгини А. А. Голицыной (1759 г.), находящийся у князя С. М. Голицына в с. Кузьминках, близ Москвы; князя А. М. Голицына – в Академии Художеств; Принцессы Екатерины Петровны Голштейн-Бек – у князя А. В. Барятинского, в имении Ивановское, Курской губ.; Св. Димитрия, Митрополита Ростовского (1759 г.), изданный в «Очерках» Тромонина; Императрицы Екатерины II, поясной, писанный в бытность ее еще Великою Княжною (около 1758 г.) – в Эрмитаже; такой же портрет ее, по грудь, в Музее Александра III и, кроме того, – в Цербстском дворце и у графа С. Д. Шереметева в Кускове, и неоконченный, оставшийся у графа И. И. Шувалова; Императрицы Елисаветы Петровны, в черной мантилье – в Большом Петергофском дворце; ее же поясной – в

Царском Селе и неоконченный – в Гатчине; Карла, Принца Курляндского; княгини Е. С. Куракиной, урожденной Апраксиной, – у князя А. Б. Куракина; Великой Княгини Марии Феодоровны (1782 г.), поясной, принадлежащий Имп. Эрмитажу; графа Гр. Орлова – у графов Орловых-Давыдовых, в имении Отрада; Императора Павла I, в раннем детстве; графа В. В. Растрелли – у А. И. Штуkenберга, гравированный Н. С. Мосоловым; его же – у графини Е. А. Воронцовой-Дашковой в Андреевском, Владимирской губернии; графини А. А. Рибопьер – у графа Г. И. Рибопьера в Петербурге; графа П. С. Салтыкова (1760 г.) – у Е. А. Балашовой, в Петербурге; такой же – у графа А. Д. Шереметева; графа Ф. М. Санти – у А. Е. Голубицкого, в селе Всехсвятском под Москвою; графа Е. В. Сиверса, гравированный Чемесовым; графа К. Е. Сиверса; графа А. С. Строганова – у князя П. П. Голицына, в Марьине, Новгородской губ.; графа А. В. Суворова-Рымникского, писанный в Риге, в 1793 г.; графини В. А. Шереметевой, в черной косынке – у графа С. Д. Шереметева, в Кускове; графа П. Б. Шереметева, с книгой в руках, – там же; Ив. Ив. Шувалова, поколенный – бывший у Хр. Хр. Гиля, в Петербурге; его же, по грудь – в Гатчинском дворце; князя Эстергази – там же; собственные портреты художника – у графини Е. А. Воронцовой-Дашковой в Андреевском, Владимирской губернии, и в Гатчинском дворце. Кроме того, в Александро-Невской лавре его кисти принадлежит «Рождество Спасителя», а в 1780 г. на Императорской шпалерной фабрике был выткан по его картине «Образ Богоматери».

Еще Императрица Елисавета Петровна купила у Р. пятьдесят женских головок, а после его смерти Екатерина и приобрела еще триста таких же головок и приказала их развесить в одной из зал Большого Петергофского дворца, получившей название «Кабинета мод и граций». В Китайском дворце, в Ораниенбауме, тоже находится особый «Кабинет Ротари», в котором развешены двадцать две подобных головки.

Тотчас по приезде своем в Петербург Р. принялся и за преподавательскую деятельность и имел немало учеников, которые копировали его произведения, а также писали и

оригинальные картины. Из них некоторые вышли довольно хорошими мастерами.

Кроме живописи, Р. занимался также и офортом, и у Наглера описаны 21 лист его гравюр; но все они не имеют никакого отношения к России, исполнены же мастерски.

В... О состоянии художеств в России – «Северные Цветы» на 1828 г., стр. 16–17; Фишер, Указатель находящихся в Академии произведений, СПб. 1842; К. Тромонин, Очерки, стр. 41 и 42; Д. Р-ий (Ровинский Д. А.), Академия Художеств до времен Императрицы Екатерины II – «Отечественные Записки» 1855 г., Отд. II, стр. 64; А. Н. Андреев, Живопись и живописцы, СПб. 1857; Каталог Выставки портретов русских достопримечательных людей на постоянной выставке Общества Любителей Художеств, М. 1868; П. Н. Петров, Каталог исторической выставки портретов лиц XVI–XVIII вв., устроенной Обществом Поощрения Художников, СПб. 1870; А. Wassiltschikoff Liste alphabétique de portraits russes, St.-Petersbourg, 1875; Д. Ровинский, Подробный словарь русских гравированных портретов, СПб. 1889; Его же, Подробный словарь русских гравированных портретов, СПб. 1895 г.; «Художественные Сокровища России» 1901 г., №№ 9 и 10, и 1902 г., стр. 74 и 204; «мир Искусства» 1902 г. и 1904 г.; Н. Спиглиоти, Императорская Шпалерная Мануфактура – «Художественные Сокровища России» 1905 г., стр. 245; Каталог историко-художественной выставки русских портретов 1905 г., СПб. 1905; Великий Князь Николай Михайлович, Русские портреты XVIII и XIX столетий, pass.; Барон Н. Н. Врангель, Каталог Музея Имп. Академии Художеств.

Ротенберг, И. Д., врач

Ротенберг, И. Д., врач; род. в 1801 году; по окончании курса медицинского факультета в одном из русских университетов, Р. поселился в Бердичеве, где вскоре приобрел известность опытного врача и энергичного человека. Интересам этого города он прослужил свыше 60-ти лет, много сделав для местного населения и для развития общественной жизни города. Впервые Р. проявил свою деятельность в 1838 году, когда раввин доктор Лилиенталь Министерством народного просвещения был командирован в Юго-Западный край и другие местности для открытия еврейских училищ. Местное население противилось открытию школ, и только благодаря необыкновенной настойчивости и энергии Р. д-ру Лилиенталю удалось открыть несколько училищ в Бердичеве и в смежных местностях. Кроме того, по инициативе и при непосредственном участии Р. в начале 1860-х годов была учреждена в Бердичеве Общественная русская библиотека и открыт общественный клуб. В 1884 году его разбил паралич, но он продолжал заниматься практикой, посещая больных, богатых и бедных (с последних он обыкновенно ничего не брал); скончался 23-го апреля 1891 года.

«Киевское Слово» 1891 г., 28-го апреля, № 1230, ст. О. III. (корреспонденция из Бердичева); «Русская Медицина» 1891 г., № 17, стр. 273 (некролог); «Медицинская Беседа» 1891 г. (некролог).

Роткирх, фон-, Василий Алексеевич

Роткирх, фон-, Василий Алексеевич, генерал-лейтенант, писатель; происходил из дворян Финляндского рыцарского дома и, по женской линии, происходил от *Абрама Петровича Ганнибал*; родился 1-го января 1821 года; по окончании курса в Могилевской губернской гимназии, Р. 25-го марта 1837 г. поступил в военную службу – юнкером в Галицкий егерский (ныне 20-й пехотный Галицкий) полк и в 1843 г. был назначен полковым адъютантом; в 1847 г., уже в чине поручика, Р. был назначен плац-адъютантом в крепость Динабург, а в 1853 г., за отличие по службе, получил чин штабс-капитана. В октябре 1859 г. он был переведен в Главное Дежурство бывшей 1-й армии, где в ноябре 1861 г. получил должность старшего адъютанта Главного Штаба 1-й армии, и за отличие произведен был в майоры (5-го апреля 1861 г.).

Когда в 1861 г. Царство Польское было объявлено на военном положении, Р. был назначен вице-директором «Особой Канцелярии по делам военного положения», учрежденной при Наместнике Царства Польского, и в 1863 г., 10-го декабря, едва не был убит на Краковском предместье в Варшаве, при нападении на него нескольких злоумышленников, причем был ранен в голову и в грудь отравленным кинжалом.

В 1864 г., по замирении края, Р. был переведен на службу дежурным штаб-офицером Управления III Округа Корпуса жандармов (в Варшаве), в 1865 г. прикомандирован к Штабу Корпуса жандармов., а затем – командирован жандармским штаб-офицером в Одессу и произведен в подполковники. В том же году Р. был командирован в Париж, куда и проехал через Константинополь, Пирей, Мессину, Аяччио и Марсель. В 1867 г. Р. получил назначение (9-го мая) в Могилев начальником Губернского Жандармского Управления и занимал последовательно должности: начальника Управления Митаво-Риги-Орловской железной дороги (с 1868 до 1873 г.), начальника Минского Жандармского Полицейского Управления железных дорог (с апреля 1873 г.) и Виленского Губернского Жандармского

Управления (с 1882 г.). В 1885 г. Р. был произведен (24-го марта) в генерал-майоры, а в 1890 г. вышел в отставку с чином генерал-лейтенанта.

Кроме прямых служебных обязанностей, Р. принимал деятельное участие: в Минском и Виленском Обществах вспомоществования нуждающимся учащимся (в коих был председателем), в учрежденном им Виленском «Доме для бедных», в Виленском Свято-Духовском братстве, а также работал в Предварительном Виленском Комитете по устройству в Вильне Археологического Съезда.

Досуги свои Р. посвящал литературе; так, большое число статей его помещено в «Виленском Вестнике», «Виленском Календаре», «Русской Старине» и других изданиях; некоторые из них он подписывал псевдонимом «Теобальд». Часть писаний его была собрана им в одну книгу и вышла в ограниченном количестве экземпляров, не для продажи, под заглавием «Воспоминания Теобальда» (ч. 1, 2, 3, 4 и 5, Вильна. 1890 г.).

В течение долгого времени Р. занимался вопросом о Литовской мифологии, но обширный труд его под этим заглавием не вышел в свет и хранится в рукописи в Библиотеке Имп. Академии Наук, куда передан был в 1890 г.

Проведя последний год жизни за границей, откуда он посылал корреспонденции в «Виленский Вестник», Р. скончался в Вильне 10-го ноября 1891 г.

В «Русском Архиве» напечатаны следующие статьи Р. (частью под псевд. Теобальд): «О Польском Катехизисе» (1882 г., кн. III, стр. 244–251); «Из давних воспоминаний. Капитан Платов. Сиротинушка-девушка» (1886 г., кн. II, стр. 128–142); «Борьба за старшинство в чине» (1886 г., кн. III, стр. 515–517); «Далекое прошлое» (1890 г., кн. I, стр. 131–138); «Две службы» (1889 г., кн. I, стр. 425–445); «Люди прежнего закала. А. М. Симборский, Динабургский комендант» (1888 г., кн. III, стр. 271–293); «Анекдоты о генерале Федоренке» (1886 г., кн. III, стр. 266–267 и 517); «Еще несколько слов о загадочной кончине Варшавского генерал-губернатора А. Д. Герштенцвейга» (1887 г., кн. II, стр. 528–534); «Поляки о Польше» (1885 г., кн. III, стр. 548–552); «Апология графа Ф. Ф. Берга от Польских наветов»

(1885 г., кн. III, стр. 433–442); «Рука Всевышнего отечество спасла», драма Кукольника. Из воспоминаний» (1889 г., кн. III, стр. 509–511); «Железнодорожные впечатления». Из воспоминаний (1895 г., кн. I, стр. 57–90); «Из воспоминаний В. А. Роткирха. – С. Г. Батурин» (1894 г., кн. II, стр. 427–432); в «Русской Старине»: «Динабургское комиссариатское дело 1846–1850. Из Последней Польской смуты 1862 г. Из Одесской жизни. Встречи с Царем-Освободителем» (1889 г., т. 64, стр. 67–102); «Император Николай Павлович» (1890 г., т. 66, стр. 353–359); «Генерал А. К. Ушаков и А. О. Сабашинский» (1890 г., т. 67, стр. 439–442); «Бородинская годовщина» (1889 г., т. 62, стр. 43–58); отдельно изданы статьи: «Спартанка. Эпизод из событий 1863 года» – Приложение к «Виленскому Вестнику» № 96, Вильна. 1885; «Необыкновенный феномен в Кандийском море», отд. отт. из «Виленского Вестника», Вильна. 1886; «Историческая новелла. Озеро «Девичье око» (Каметское). Эпизод из жизни королевы Боны», отд. отт. из «Виленского Вестника», Вильна. 1886; «Жидовка. Драма в 5 действиях», М. 1887; «Две службы. Из воспоминаний», М. 1889; «Бродящий портрет. Новелла», отд. отт. из «Виленского Вестника» 1890 г., Вильна. 1890; «Литовско-языческие очерки», Вильна. 1890. – Рукописи некоторых сочинений хранятся в Рукописном Отделении Имп. Академии Наук и в Виленской Публичной Библиотеке и Музее (здесь находится и его переписка).

В. А. Роткирх был женат на вдове *Каролине Христиановне Закревской*, урожденной Литке, но детей не имел.

«Виленский Календарь на 1893 г.», Вильна. 1892 г., стр. 246–248; *«В. А. Роткирху 28 августа 1890 года»*. Стихотворение М. Г., Вильна. 1890; *«Нов. Вр.»* 1902 г., № 9298, стр. 3; *Отчет Имп. Академии Наук за 1890 г.*, стр. 13; *«Сведения о рукописях, поступивших в Библиотеку Имп. Академии Наук в 1904 г.»*, стр. 110–111; *Извлечение из Отчета Министерства Народного Просвещения за 1901 г.*, СПб. 1903, стр. 73.

Ротчев, Александр Гаврилович

Ротчев, Александр Гаврилович, писатель; происходил из «обер-офицерских детей», родился в 1806 или 1807 году; высшее образование получил в Московском университете, но вышел из него до окончания курса и 6-го июля 1833 г. поступил на службу копиистом и исправляющим должность переводчика в Контору Императорских С.-Петербургских театров (при директоре театров князе Сергее Сергеевиче Гагарине); отсюда через два года (2-го апреля 1835 г.) он перешел в Российско-Американскую Компанию и 2-го августа того же года отправился в колонии, на компанейском корабле «Елена», комиссионером; со 2-го июля по 13-е октября 1836 г. Р. находился в плавании в Калифорнию, в залив Бодего и в порты Монтерей и св. Франциска на принадлежавшем Компании шлюпе «Ситха», будучи послан с особыми поручениями от Главного Правителя Компании, при котором он состоял до 1-го августа 1838 года, когда был назначен правителем компанейского поселка «Росс», а с 15-го июля 1841 до 1-го января 1842 г. исправлял должность комиссионера по делам Компании в Калифорнии. Вернувшись затем в Петербург, он представил Главному Правителю Компании отчет о своем пребывании в Америке, а 5-го мая 1843 г., после того, как русско-американские колонии были проданы Соединенным Штатам, вышел в отставку, в которой и пробыл до 21-го октября 1850 г., когда определился младшим помощником контролера в Департаменте разных податей и сборов; здесь, однако, он прослужил всего год – до 4-го октября 1851 г.

Поступив, затем, в Канцелярию Военного Министерства, он в январе 1855 г. получил бриллиантовый перстень за сочинение «Правда об Англии», 28-го февраля 1857 г. переведен был чиновником на усиление в Артиллерийский Департамент, причем 11-го декабря, сверх того, был назначен переводчиком в редакцию газеты «Русский Инвалид», где проработал лишь до 8-го февраля 1858 г.; 20-го июля того же года ему пожалован был, за труды по Театрально-Литературному Комитету, бриллиантовый перстень, а 10-го апреля 1859 г. – подарок;

затем Р. служил в редакции официальной газеты «Северная Почта», откуда перешел управляющим типографией и редактором (с конца 1862 до середины 1866 г.) «Ведомостей С.-Петербургской Городской Полиции»; вышел в отставку с чином надворного советника; в 1867 г. недолгое время был редактором «Петербургского Листка».

В 1870 г. Р. жил в Ташкенте и участвовал в издании «Туркестанских Ведомостей»; наконец, он в 1872 г. переселился в Саратов и здесь был редактором «Саратовского Справочного Листка». Так как самому Ротчеву не разрешено было быть редактором, то за него официально подписывался утвержденный «за редактора» А. Вознесенский, служивший в редакции конторщиком. «Саратовский Листок» в 1872 и особенно в 1873 году отличался большим литературным оживлением. Р., бывший, по отзывам его сотрудников, образованным, живым и симпатичным человеком, сумел привлечь в «Листок» талантливых молодых писателей. При нем впервые выступил в качестве фельетониста С. С. Гусев (под псевдонимом «Tutti quanti») и вступили в редакцию И. П. Горизонтов, Любомудров, Блюммер и другие.

Ротчев скончался в Саратове 20-го августа 1873 г. и похоронен на кладбище Спасо-Преображенского монастыря. На плите, покрывающей его могилу, по его желанию вырезана надпись: «Он был человеком и как человек заблуждался».

Об Америке и своих путешествиях туда и обратно Р. написал много статей в наших журналах; укажем из них некоторые: «Очерки северо-западного берега Америки» – в «Сыне Отечества» 1838 г., т. I, № 1; «Сцена на море» – в «Библиотеке для Чтения» 1835 г.; «Новый Эльдorado в Калифорнии» – в «Отечественных Записках» 1852 г., т. LXII, отд. VIII; «Воспоминания Русского путешественника о Вест-Индии, Калифорнии и Ост-Индии», 3 статьи – «Отечественные Записки» 1854, т. XCII, XCIV и XCV; «Русские письма из Европы, Америки, Азии и Африки» – в «Северной Пчеле» 1854 г., №71; «Столкновение Англии с Соединенными Штатами в Северо-западной части Северной Америки» – «Сев. Пчела» 1856 г., № 27. – Возвратясь в Россию, Р. доказывал, что уступка наших

Американских владений Соединенным Штатам крайне невыгодна и убыточна; по этому поводу в «Русском Инвалиде» была помещена его статья под заглавием: «Ответ газеты Русский Инвалид Главному Правлению Российско-Американской Компании о бывших ее владениях в Калифорнии» («Русский Инвалид» 1857 г., № 237 и отд. отт.). Спустя несколько лет, мнение Р. подтвердилось, когда американцы открыли в уступленных землях богатые россыпи золота.

В 1867 году в Петербургской Судебной Палате, по Уголовному Департаменту, разбиралось дело Юркевича-Литвинова и Ротчева по обвинению их в нарушении постановлений о печати: Р. привлекался за статью о судопроизводстве, помещенную им в газете «Народный Голос» за 1867 г. (№ 70 и 71), редактором которой в это время состоял Юркевич-Литвинов; Р. был оправдан (см. «Биржевые Ведомости» 1867 г., № 320 и «Судебный Вестник» 1867 г., № 261, 262 и 1868 г. № 27) и затем уехал в Ташкент, где участвовал в издании «Туркестанских Ведомостей». В 1869 году он снова уехал за границу и в течение Франко-Прусской войны 1870–71 годов писал о войне обстоятельные корреспонденции в русские газеты.

На литературном поприще Р. выступил совсем молодым человеком, издав в 1825 г., в Москве, свой перевод комедии Мольера: «Мнимый рогоносец»; затем он поместил много стихотворений в альманахе «Ураания» Погодина 1825 года, в «Северной Лире» Раича и Ознобишина, и «Московском Телеграфе» Полевого, 1826, 1827, 1828, 1829, 1831 г. («Разбитие Сеннахерима», «Подражание Байрону», «Поэзия», «Жуковскому» и мн. др.), в «Атенее» Павлова, в «Невском Альманахе» на 1830, на 1832, на 1846 и на 1847–1848 г.; в «Театральном Альманахе на 1830 г.», в «Одесском Альманахе на 1831 г.» и др. Отдельно издал: «Подражания Корану», М. 1828, 16° (стихи), «Мессинская невеста», трагедия Шиллера; М., в типогр. Селивановского, 1829, 8°; «Вильгельм Телль, трагедия Шиллера», М., типография Семена, 1829, 8° (перевод в стихах, представленный один раз в бенефис Каратыгина); «Макбет»,

трагедия Шекспира, М. 1830 (отрывки были помещены в «Невском Альманахе на 1830 г.»), «Гернани, или Кастильская честь», трагедия Виктора Гюго, СПб. 1830; «Правда об Англии и сказание о расширении владений ее во всех частях света», СПб. 1854 (5 тетрадей), изд. 2-е, СПб. 1855. Из статей назовем еще: «Двойственное избрание Господаря Молдавии и Валахии» – «Сын Отеч.» 1859 г., № 14, стр. 367–368; «Театральные новости» (о г-же Богдановой) – «Сев. Пч.» 1861 г., № 245 и 261 (ответ В. Я. Стоюнину); «Очерки торговли Семиреченской области» – «Русск. Вестн.» 1870 г., № 12; «Несколько слов по поводу понижений биржевого курса» – «С.-Пб. Вед.» 1859 г., № 126, и отд. отт., СПб. 1859, 12°; Письмо из-за границы – «Сев. Пчела» 1853, стр. 1164; «Значение гласности»; по поводу статьи «Дело гласности» в № 96 «С.-Пб. Вед.» – «Сев. Пч.» 1860 г. и отд. отт.

За перевод двух трагедий Шиллера (см. выше) Ротчев 15-го марта 1829 г. был избран действительным членом Общества Любителей Российской словесности; в 1860 г. он был избран членом-сотрудником Имп. Вольного Экономического Общества.

А. Г. Ротчев был женат, с 1820-х гг., на княжне *Елене Павловне Гагариной*, которая была в 1850-х гг. смотрительницей Сиропитательного дома Медведниковой в Иркутске и издала книжку для детей: «Маленький натуралист или семейные беседы о животных, растениях и минералах, сочинение г-жи Улльяк-Тремадер», СПб. 1852, 16°, 2 части (Посвящено Великому Князю Николаю Александровичу).

«Голос» 1873 г., № 240; *Н. Затворницкий, Указатель биограф. сведений... касающихся чинов Канцелярии Военного Министерства*, СПб. 1909; «Воспоминания А. М. Каратыгиной» – «Русск. Вестн.» 1881 г., март, стр. 590; «Русск. Архив» 1875 г., стр. 465, 466. 1882 г., кн. III, стр. 103 и 106–107; 1883 г., кн. I, стр. 293; «Судебный Вестник» 1867 г., № № 261, 262, 265 и 1868 г., № 27; «Биржевые Ведомости» 1867 г., № 320; «Саратовский Край», исторические очерки, воспоминания и материалы. Вып. 1-й, Саратов. 1893 г., стр. 304; «Библиографические Листы» П. И. Кеппена, 1825 г., II, 547; Д. И. Завалишин, *Записки*, Мюнхен. 1904, т. I, стр. 65;

Геннади, Словарь, т. III, М. 1908; Н. П. Барсуков, Жизнь и труды Погодина, т. IV; «Русск. Обозр.» 1895 г., № 12, стр. 603–604; «Щукинский Сборник», кн. I, стр. 131, 132, 140, кн. IV, стр. 286 (эпиграмма Р. на актера Толченова); Словарь членов Общества Любителей Российской словесности, М. 1911 г., стр. 244; Отчет Вольного Экономического Общества за 1876 г., СПб. 1877, стр. 72; «Моск. Телегр.» 1829 г., ч. XXVII, стр. 236; Записки Кс. А. Полевого, СПб. 1888; «Ист. Вестн.» 1896 г., № 8 (Воспоминания В. Р. Зотова).

Ротчев, Василий Яковлевич

См. Родчев, Василий Яковлевич.

Ротштейн, Вильгельм Иванович

Ротштейн, Вильгельм Иванович, генерал-лейтенант, начальник Военно-топографического училища; сын фельдъегеря, лютеранин, родился в 1820 году; зачисленный в службу топографом 4-го мая 1833 года, он в 1835–1841 гг. находился на съёмках Псковской губернии, г. Москвы и окрестностей Петербурга и 1-го апреля 1841 г. произведен был по экзамену прапорщиком, после чего в 1842–1857 гг. последовательно участвовал в работах по триангуляции Киевской губернии (1842–1846), Белостокской и Бессарабской областей (1846–1847), Царства Польского (1848–1849), между Петербургом и Москвою, Новороссийского края и Приволжья. Получив в 1845 г. чин подпоручика, в 1850 г. поручика и в 1853 г. штабс-капитана, Р. был назначен в 1857 г. Помощником Начальника Геодезического Отделения Военно-Топографического Депо, а в 1862 – Правителем Канцелярии Депо и, наконец, в 1863 г., будучи уже подполковником (с 17-го апреля 1862 г.), был определен инспектором училища топографов; произведенный, затем, 4-го апреля 1865 г., в полковники, Р. вскоре переименован был в начальники Военно-топографического училища и в 1878 г. произведен был в генерал-майоры.

Деятельность Р. оставила заметный след в истории Училища с 1863 года: он постарался привести его в такое положение, чтобы оно удовлетворяло прежде всего своему специальному назначению, для чего практиковал топографов в съёмках, которыми сам лично руководил, и т. под.

Выйдя в отставку в 1886 г. с чином генерал-лейтенанта, Р. умер 16-го марта 1888 г. в Петербурге, где и погребен на Волковом православном кладбище.

Он издал «Генеральную карту Европейской России» без подписей (немую), на 4 больших листах (цена 2 руб. 50 коп.).

«Исторический очерк деятельности Корпуса Военных Топографов. 1822–1872», СПб. 1872, стр. 207 и др. и приложение № 1, стр. 27–28 (№ 142); Ю. Б. Иверсен, *Медали в*

честь Русских государственных деятелей и частных лиц, вып. IV, СПб. 1882, стр. 159–160; «Нов. Время» 1888 г., № 4328 и 4329 (некролог); «Русский Календарь» на 1889 г., стр. 261; «Всеобщ. Календарь» на 1889 г., стр. 667; «Петербургский Некрополь», т. III; В. И. Межов, Систематический каталог русским книгам А. Ф. Базунова СПб. 1869, стр. 428.

Рот, Иоганн Филипп фон, пробст

Рот, Иоганн Филипп фон (*Johann-Philipp von Roth*) – писатель; род. в Пернове 13-го ноября 1754 г.; 12-ти лет от роду он поступил в Collegium Fridericianum в Кенигсберге, по окончании курса в котором слушал в продолжение полугода лекции в Кенигсбергском университете, затем был студентом в Галле, где сперва изучал юриспруденцию, а впоследствии теологию. В середине 1770-х годов Р. вернулся в отечество и с 1777 то 1780 г. занимался частным преподаванием. Указом 9-го апреля 1780 г. он был назначен пастором в Kannaräh, близ Зерро, где основал епархиальную и вместе с тем ремесленную школу, о которой очень заботился. В 1798 г. он был назначен пробстом округа Верро, или, вернее, пробстом второй Дерптской препозитуры. С 1803 Р. был ассессором Лифляндской Обер-Консistorии, с 1809 г. – ассессором Дерптского Главного по делам церковным Управления, с того же года – советником Консistorии и в 1815 г. был пожалован кавалером ордена св. Владимира 4-ой степени. В качестве пробста он учредил совет священников, который с 1802 г. стал ежегодно собираться в Дерпте; Дерптское Отделение Русского Библейского Общества также обязано ему своим возникновением. В 1817 г. он был избран членом Курляндского Общества литературы и искусства и членом-корреспондентом литературного комитета при Императорском Человеколюбивом Обществе в С.-Петербурге.

Умер 13-го июня 1818 г.

Р. известен следующими своими трудами: «Sädusse, mahwa perrastantu, kea Liwlandigubernementiwallitsuse al ellawa», Dorpat. 1804; «Amts-Erfahrung eines Propster», в «Gravés Magaz.» 1817; «Ueber Volksbildung durch die Kurl. Gesellschaft für Literatur u. Kunst», zwei Sentiments – в «Jahresverh.» этого Общества, ч. I, стр. 57–61.

Moritz, Erinnerungen an I. P. von-Roth – в «Gravés Magaz.» 1818, S. 225–244; прибавление к этому Sonntag'a – там же, 358–374; «Neue inländ. Bl.» 1818, № 31, см. 225–227; «Jahres-

verh. der Kurl. Gesellsch. für Lit. u. Kunst», ч. II, 44–47; Recke und Napiersky, Allg. Schriftsteller u. Gelehrten-Lexicon, III. S. 575–576.

Рот, Георг Филипп Август фон

Рот, Георг Филипп Август фон, лектор Дерптского университета; сын консисторского советника, родился в Лифляндии 8-го октября 1783 г.; в 1802–1803 гг. состоял студентом богословского факультета Дерптского университета, в 1803–1806 гг. продолжал свои учебные занятия за границей, в Германии, а в 1806 г. снова числился студентом того же факультета в Дерпте. До 1809 г. Р. занимался частным преподаванием в Оденпэ, а с 3-го марта 1810 года состоял лектором эстонского языка и вообще финских наречий в родном Дерптском университете.

Скончался, занимая эту должность, 15-го февраля 1817 г.

A. Hasselblatt und G. Otto, Album academicum d. Kais, Universität Dorpat, D. 1889, № 4; Биографический Словарь профессоров и преподавателей Имп. Юрьевского, бывшего Дерптского, университета, т. II, Юр., 1903, стр. 630.

Рот, Константин Иванович

Рот, Константин Иванович, генерал-лейтенант, почетный опекун; родился 26-го февраля 1821 года; по окончании курса в Михайловском артиллерийском училище, он произведен был в прапорщики 5-го августа 1841-го года и, как один из лучших воспитанников, был оставлен при училище для продолжения курса наук в офицерском классе (ныне Академия); по окончании в нем полного курса, Р. в июне 1843 г. вышел в 19-ую конную батарею. В декабре 1844 г. он заболел и вышел в отставку, но уже в январе 1846 года вновь поступил на службу, с назначением в конно-артиллерийскую № 3 батарею и с прикомандированием к артиллерии действующей армии.

В январе 1847 г. Рот был назначен адъютантом к начальнику артиллерии действующей армии, а в марте 1849 г. произведен в штабс-капитаны. Затем он был командирован в Вену для участия в работах по устройству местного артиллерийского парка в крепости Ольмюце, после чего принимал участие в кампании против Венгров. За сражение 5-го июня 1849 года под Вайценом он был награжден орденом св. Анны 3-ей степени с бантом, а в декабре 1849 года был назначен адъютантом к Инспектору артиллерии и в 1851 г. переведен, тем же чином, в гвардейскую конную артиллерию; 6-го мая 1855 года произведен был в капитаны.

В апреле 1856 года Р. был произведен в полковники с назначением состоять при Штабе генерал-фельдцейхмейстера для особых поручений, а по упразднении этого Штаба назначен был штаб-офицером для особых поручений в Главное Артиллерийское Управление и, на основании Высочайше утвержденной в 1863 году записки о мерах, необходимых для обороны Финляндии на случай военных действий, был командирован временно в Гельсингфорс, в распоряжение Командующего войсками в Финляндии, для поручений по артиллерийской части.

По возвращении из этой командировки Рот в сентябре 1863 года был произведен в генерал-майоры, а в ноябре 1867 года

был назначен Председателем Строительного Комитета, учрежденного для технического надзора за производством работ по устройству нового помещения для Главного артиллерийского управления, за что и получил Монаршее благоволение.

Назначенный совещательным членом Артиллерийского Комитета, Р. в августе 1871 года был назначен Начальником Михайловского артиллерийского училища и Артиллерийской академии. Почти десять лет находился он в этой должности; особенно заботился он о поднятии образовательной части как Академии, так и Училища. До назначения его в Академии вовсе не проходил курс стратегии, а также фортификации; хорошо сознавая, насколько необходимы эти науки для артиллерийского офицера, он ввел преподавание их в академический курс, а также сделал обязательным занятия по иностранным языкам, что со временем дало возможность офицерам Артиллерийской академии совершенствовать свои специальные знания по заграничным учебникам, в то время значительно превосходившим наши. В Артиллерийском училище Рот расширил также курс общеобразовательных предметов и ввел в нем преподавание истории русской литературы. Обращая внимание на развитие юнкеров, он поощрял чтение, для чего библиотека Училища была обильно пополнена и в нее выписывалось много журналов и новейших книг.

В 1872 году К. И. Рот был произведен в генерал-лейтенанты, а затем, по сдаче училища, назначен почетным опекуном С.-Петербургского Присутствия Опекунского совета.

К. И. Рот умер 28-го января 1885 года в С.-Петербурге; погребен на кладбище Новодевичьего монастыря.

«Исторический Очерк образования и развития Артиллерийского училища», СПб.; «Русский Инвалид» 1885 г., № 25 и 30; «Нов. Вр.» 1885, 30 янв. и 2 февр.; «Петерб. Лист.» 1886 г., № 50 и 57; Петербургский Некрополь, т. III.

Рот, Логгин Осипович

Рот, Логгин Осипович, генерал от инфантерии; происходил из французских дворян; родился в 1780 году; в службу вступил во французскую армию офицером, на 14 году от роду, 4-го июня 1792 года; в русскую службу перешел вместе с корпусом Принца Конде 30-го августа 1797 года и уже в 1799 году был произведен в капитаны. В следующем году, 30-го августа, Рот вместе с тем же корпусом Принца Конде оставил российскую службу, но два года спустя, 4-го сентября 1802 года, он принял русское подданство и поступил на действительную службу, с переименованием в поручики, в Выборгский пехотный полк. 23-го марта 1806 года Рот был произведен в штабс-капитаны, а 29-го апреля 1808 года был назначен дивизионным адъютантом к генерал-лейтенанту Олсуфьеву и в том же году, 30-го августа, произведен в капитаны. В следующем году, 18-го марта, Рот был переведен в лейб-гвардии Финляндский батальон тем же чином и с оставлением в прежней должности. 18-го июля 1811 года, за отличие в сражениях, Рот был произведен в полковники, после чего был назначен состоять при главнокомандующем Молдавскою армиею генерале от инфантерии М. И. Голенищеве-Кутузове. В том же году, 22-го августа, состоялось назначение его полковым командиром 45-го Егерского полка. 6-го ноября 1814 года Рот был назначен шефом 26-го Егерского полка, который в апреле этого года был переименован, за отличие в сражении, в Гренадерский Егерский, а после переименован в 5-й Карабинерный. 1812-го года, октября 6-го, за отличие в сражениях, Рот был произведен в генерал-майоры, а 18-го марта 1814 года – в генерал-лейтенанты. В том же году, 27-го апреля, он был назначен начальником 3-ей гренадерской дивизии, а 30-го августа 1818 года – начальником 15-й (ныне 8-й) пехотной дивизии. Через два года, а именно 4-го марта 1820 года, состоялось назначение Л. О. Рота командующим 3-м пехотным корпусом, затем, 26-го сентября 1823 года, – командиром 3-го пехотного корпуса, спустя три года после чего, 16-го сентября 1826 года, он был

назначен командиром 4-го пехотного корпуса. Затем Рот был последовательно командующим 6-м пехотным корпусом (с 26-го февраля 1827 года) и командиром того же корпуса, впоследствии переименованного в 5-й, – с 17-го мая 1827 года. 28-го июня 1828 года Л. О. Рот был произведен в генералы от инфантерии и, состоя в этом чине, последовательно назначен: 6-го октября 1831 года командиром 6-го пехотного корпуса (что прежде был Литовский), 12-го февраля 1833 года – помощником главнокомандующего 1-ю армией и, наконец, 12-го ноября 1835 года – состоящим при Особе Его Императорского Величества.

Боевая деятельность Л. О. Рота началась в 1792 году, тотчас по вступлении его на службу в корпус Принца Конде. С 4-го июня этого года он во все время кампании находился на действительной службе и принимал участие в сражениях, в которых был ранен пулею в живот и в левую руку. По переходе корпуса Принца Конде в русскую службу, Рот участвовал в походе русских войск в Швейцарию в 1799 и 1800 гг. и в сражении с французами 27-го сентября 1799 года при городе Констанце был ранен пулею в ляжку правой ноги, с переломом кости, навывлет. В 1805 году в чине поручика Рот участвовал в Аустерлицком сражении, а в 1806 и 1807 гг. находился в Пруссии, принимая участие в различных делах против французов. За отличие в сражении 27-го января 1807 года при городе Прейсиш-Эйлау был за храбрость награжден Высочайше установленным за это дело золотым знаком и прусским военным орденом «за заслуги». Затем, с 13-го по 15-е февраля этого года, он находился в авангарде, ведшем бой с неприятелем, а 27-го и 30-го мая – при реке Пассарге, во время отступления наших войск к Кенигсбергу: в этом деле, командуя 1-ю гренадерскою ротой Выборгского пехотного полка, он вместе с Прусским отрядом состоял под главным начальством прусского подполковника Принца Ангальт-Кетенского. Когда расположенный на высоте против Кенигсберга отряд этот был окружен французскими войсками, и начальник отряда сдал его неприятелю в плен, Рот со своею ротою бросился с горы, пробился через неприятеля и благополучно доставил свою роту

в Кенигсберг. За это дело и спасение роты от плена он был награжден орденом св. Владимира 4-й ст. с бантом. С 19-го июля 1808 года Л. О. Рот находился в Молдавии и Валахии; с 9-го апреля 1809 года по 6-е мая того же года – при блокаде крепости Браилова и 20-го мая – при штурме ее. 8-го и 12-го сентября того же года Рот был командирован генерал-лейтенантом Олсуфьевым 3-м, с эскадроном и казанами, для отражения вылазки Турецкой кавалерии, которую неоднократно атаковал и совершенно рассеял с большим для неприятеля уроном, за что был награжден золотою шпагою с надписью «за храбрость». 22-го июля 1810 года Рот принимал участие в штурме крепости Рущука. 31-го января 1811 года, при взятии штурмом крепости Ловчи, он с 500 охотников овладел главным бастионом крепости, с тремя пушками и девятью знаменами, и этим открыл путь следовавшим за ним колоннам к совершенному занятию этой крепости. За это дело Л. О. Рот был награжден орденом св. Георгия 4-й степени. 2-го февраля 1811 года он был откомандирован в Балканы по Софийской дороге, после чего 14-го февраля атаковал неприятеля в местечке Тетевине, выбил его оттуда и занял местечко. 22-го июня Рот участвовал в генеральном сражении при Рущуке и за отличие в этом сражении был произведен из гвардии капитанов в полковники и назначен состоять при главнокомандующем Молдавскою армией генерале от инфантерии М. И. Голенищеве-Кутузове. С 3-го сентября того же года Рот, в качестве командира 45 Егерского Полка, принимал участие в обложении главного Турецкого корпуса, находившегося под командою верховного визиря и успевшего переправиться на левый берег Дуная.

В 1812 году Л. О. Рот вновь был переведен на северо-западный фронт. 18-го июля этого года, состоя в авангарде генерала Кульнева, в корпусе графа Витгенштейна, он был послан вытеснить неприятеля из леса близ местечка Клястицы, причем опрокинул неприятельский отряд, взял более 100 человек в плен и принудил неприятеля отступить к Клястицам; с рассветом 19-го числа он атаковал это местечко, вытеснил из него неприятеля и занял Клястицы. В тот же день и на

следующий он содействовал общему поражению неприятельских войск, находившихся под командою маршала Удино, и преследовал последнего до Полоцка. – 6-го августа, когда неприятель сделал внезапно общее нападение на наши войска, Рот принял на себя стремительные удары левого неприятельского фланга и мужественно выдержав их, сам перешел в контратаку и заставил неприятеля отступить в Полоцк. Ввиду угрожавшего корпусу графа Витгенштейна обхода со стороны неприятеля, этот корпус получил приказание отступить и, согласно диспозиции, в ту же ночь двинулся по Псковской дороге, а наш авангард, под начальством генерал-майора Властова, остановился в местечке Смеле, где 10-го августа пополудни был атакован Баварским корпусом и после горячего боя должен был отступить для присоединения к главным силам, оставив для наблюдения за неприятелем полковника Л. О. Рота с 25-м и 26-м Егерскими полками, четырьмя орудиями и сотнею казаков. – Осведомившись, что начальник неприятельского отряда, которому было известно, что наши войска продолжают отступать, не выставил даже передовых постов, в полной уверенности, что граф Витгенштейн не рискнул оставить какую-либо часть вблизи французского расположения, Л. О. Рот, лично удостоверившись в оплошности неприятеля, с наступлением ночи приблизился к господскому дому, у которого была расположена часть неприятельской дивизии, открыл по ней орудийную пальбу, бросился затем на нее в штыки и нанес значительный урон неприятельским батальонам, которые бежали, оставив большую часть своего оружия. Пользуясь темнотою ночи, Рот немедленно пустился преследовать разбитые неприятельские части, которые, достигнув других своих полков, произвели в них панику, результатом чего было отступление неприятеля с большими потерями до Полоцка. Получив донесение об этом удачном деле, граф Витгенштейн совершенно приостановил свое отступление, а Рота за его смелый и решительный образ действий представил к награждению орденом св. Георгия 3-й степени.

5-го октября 1812 года, состоя в авангарде под начальством генерал-майора Балка, Рот принимал вместе с начальником участие в разведке, во время которой генерал Балк был ранен пулею в лоб, и Роту, как старшему, пришлось вступить в командование авангардом. Приняв начальство, он немедленно атаковал неприятельский авангард и принудил его отступить до главной неприятельской позиции. Затем, несмотря на громадные усилия неприятеля выбить наши войска, он удержал за собою занятые позиции до прибытия корпуса графа Витгенштейна, которому удалось разбить неприятеля и 6-го октября занять Полоцк.

В этом сражении Рот был ранен пулею в правое колено с разбитием чашки и, за проявленную им в этом деле мужественную распорядительность, произведен в генерал-майоры.

С 17-го марта 1813 года Рот находился в Пруссии, где командовал авангардом нашей армии. Командированный затем с отрядом в Прусский корпус генерала Клейста, Р. защищал 16-го апреля город Галле от неприятельского приступа; 20-го апреля командовал отрядом, действовавшим при Лейпциге, против неприятельских войск, бывших под начальством вице-короля итальянского; 8-го и 9-го мая принимал участие в генеральном сражении под Бауценом, где 8-го взял до 500 пленных, а 9-го, при самом начале сражения, когда маршал Ней оттеснил генерала Барклая-де-Толли, командовавшего правым флангом, Рот был послан со вверенными его русскими и прусскими войсками для удержания натиска маршала Нея и быстрым нападением заставил его вновь отступить за реку Шпре; за это отличие он получил ордена св. Анны 1-й степени и прусский Красного Орла 1-го класса. После Бауценского сражения Рот командовал арьергардом, прикрывая отступление Прусской армии; затем, после окончания перемирия, вновь получив под свое начальство сильный авангард, атаковал 10-го августа маршала Сен-Сира при селении Петерсвальде в Саксонии и принудил его отступить до Дрездена, причем овладел городом Пирною. В происшедшем 14-го августа генеральном сражении под Дрезденом Рот, имея в своем

распоряжении один только авангард и будучи обойден неприятелем с обоих флангов, сумел, несмотря на это, удержать за собою Гроссгартен, находившийся под самым городом, до утра следующего дня, после чего отступил в полном порядке. 16-го августа, когда во время отступления наша армия прошла чрез местечко Дипольдисвальд, а часть неприятеля, преследовавшая австрийские войска, успела до прибытия нашего арьергарда занять это местечко и, таким образом, отрезала арьергард от сообщения с остальною армией, Рот быстрым нападением вытеснил неприятеля из Дипольдисвальда и пошел на соединение с главными нашими силами, причем 17-го числа захватил в Богемских горах брошенные нашими союзниками-австрийцами и пруссаками вследствие изнурения лошадей 33 орудия и, несмотря на сильные атаки неприятеля на наш арьергард, не только отправил эти орудия в главную квартиру в город Теплиц, но захватил еще несколько сот пленных. В этом деле Рот был ранен пулею в лицо с раздроблением нижней челюсти, которая была разбита на четыре части. За отличие в этом сражении он был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени и Австрийским военным орденом Марии-Терезии 3-го класса.

В 1814 году Рот находился в войсках, действовавших во Франции: 9-го марта он принимал участие в сражении при городе Арсисе, 13-го числа того же месяца – в боях под Фер-Шампенуазом, а 17-го генералом от кавалерии Н. Н. Раевским ему было приказано овладеть селением Пантен, находившемся недалеко от Парижа, на большой дороге. Рот блестяще исполнил данное ему приказание и, несмотря на двукратные отчаянные попытки неприятеля взять Пантен обратно, оба раза отбросил его от Пантена и этим открыл нашей армии беспрепятственный путь к Парижу, который был взят в тот же день после общего поражения неприятеля. Раненый в сражении у Пантена пулею в левую бедренную кость, Л. О. Рот был за отличие произведен в генерал-лейтенанты, а вскоре назначен начальником 3-й гренадерской дивизии.

В 1815 году, находясь с дивизией в Вильне, Л. О. Рот получил приказание отправиться во второй французский поход

и в апреле выступил из Вильны во Францию, дошел с дивизиею до Парижа, где был начальником русского гарнизона во время пребывания Императора Александра I, после чего вернулся в Россию.

В январе 1826 года Роту пришлось принять участие в усмирении Черниговского пехотного полка, в котором нашли себе отклик Петербургские события 14-го декабря 1825 года. За отличную деятельность и решительность проявленные им в деле усмирения и успокоения умов, он был награжден орденом св. Александра Невского.

В 1828–1829 гг. Л. О. Рот, уже в чине генерала от инфантерии, принимал участие в Турецкой войне и во взятии Адрианополя. За храбрость и отличную распорядительность во время кампании 1829 года, при переправе через реку Камчик, разбитие корпуса Сераскира, взятие Меземврии, Ахиолло, Бургаса и сражение при городе Сливно, Рот получил 29-го сентября орден св. Георгия 2-й степени. По прибытии на зимние квартиры он был назначен начальствующим войсками и краем в Румелии, а по отъезде главнокомандующего 2-ю армиею в апреле 1830 года на него было возложено главное начальство над войсками и заведование управлением Румелией и Баварией. По очищении нашими войсками Румелии Рот некоторое время находился в крепости Варне, которую впоследствии взорвал, и 1-го октября 1830 года возвратился в пределы России.

Местом пребывания его был назначен Кишинев, и на него было возложено главное начальство над карантинными и кордонными линиями по Днестру, Пруту и Дунаю. В феврале 1831 года Рот был назначен управляющим военной частью Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства до возвращения из заграничного отпуска генерал-адъютанта графа Воронцова. С началом Польского восстания в юго-западном крае, получив донесение о вторжении мятежников в Волынскую губернию и о подготовке мятежа в Подольской губернии, Рот двинул войска в эту последнюю, затем, получив сведения о сборах повстанцев в Ольгопольском уезде, немедленно отправился их преследовать и 2-го мая, в 6 верстах от местечка

Дашева Киевской губернии, настиг большой повстанческий отряд в 7000 человек конницы и 500 пехоты при семи орудиях, который разбил совершенно, чем прекратил волнение в крае и заставил беспокойные элементы удалиться за границу.

За совершенное уничтожение мятежа и восстановление спокойствия в крае Рот получил 26-го мая золотую с алмазами табакерку с портретом Государя Императора.

В августе того же года главнокомандующим 1-ою армиею Роту было поручено принять под свою команду, сверх 5-го пехотного корпуса, все войска, расположенные в Волынской, Киевской и Подольской губерниях, а затем и войска, находившиеся под крепостью Замостьем и в Люблинском воеводстве. Услышав об его прибытии к Замостью и о выступлении его с частью войск к Висле, находившийся там корпус Польского войска под начальством Ромарино уклонился от боя и бежал в Галицию. Затем, с 9-го сентября по 3-е октября он принимал участие в блокаде крепости Замостья, после чего вместе с войсками 5-го пехотного корпуса возвратился в пределы Империи. 6-го октября 1831 года, ввиду возвращения из отпуска генерал-адъютанта графа Воронцова, Рот сдал ему управление военною частью в Новороссийском крае и остался в должности корпусного командира, которую занимал вплоть до назначения своего в помощь к главнокомандующему 1-ою армиею, т. е. до 12-го февраля 1833 года.

«В ознаменование признательности за долговременную, деятельную и полезную службу, ознаменованную многими опытами отличного усердия к Престолу и Отечеству, и точное исполнение важных поручений» Роту было пожаловано вензелевое изображение Имени Его Императорского Величества на эполеты, с назначением состоять при Особе Государя Императора.

Высочайшим приказом 1-го февраля 1851 года Рот был исключен из списков умершим.

Храбрый полководец и опытный стратег, Л. О. Рот не пользовался, однако, любовью и уважением подчиненных. Человек сухой, формалист, в высшей степени придирчивый даже в мелочах, он получил в армии прозвище «Рвот».

«Запорю, закатаю!» – были самые любимые его слова. Неоднократно он служил мишенью для насмешек офицеров. Анекдотов о нем существует множество. На него писались стихи, одно из дел о которых восходило даже на Высочайшее усмотрение, но за невозможностью открыть их сочинителя было прекращено. Мимо его окон однажды была направлена похоронная процессия с его же гробом, но виновников устройства ее также не удалось обнаружить. Лютая жестокость его по отношению к подчиненным нашла себе отражение даже в беллетристике.

Кавалерские списки в Архиве Капитула Орденов; «1812–1912. Издано по повелению Государя Императора. Военная Галерея 1812 года», С.-Петербург 1912; Н. С. Лесков. Полное собрание сочинений. Изд. А. Ф. Маркса, т. XVIII, СПб. 1903 (Жидовская кувырколлегия); «Император Николай Павлович и граф Дибич-Забалканский». (Переписка) – «Русская Старина» 1880 г., т. XXVII, стр. 776–779; т. XXVIII, стр. 409–425; т. XXIX, стр. 906, 912–921; 1881 г. т. XXX, стр. 106–125; т. XXXII, стр. 288–301; 1882, т. XXXIV, стр. 156–173; «Дело о стихах на генерала Рот» (Записная книжка «Русской Старины» (1882, т. XXXIV, стр. 277–279); «Русская Старина» 1874 г., т. XI, стр. 180, 428, 540, 778; 1877 г., т. XIX, стр. 10, 163; 1878 г., т. XXII, стр. 273; 1879 г., т. XXV, стр. 160, 161, 168, 169; 1880 г., т. XXVII, стр. 83, 772; XXIX, стр. 46, 48, 49; т. XXX, стр. 97; т. XXXI, стр. 557; т. XXXII, стр. 562, 570, 573, 712, 713, 734, 735; 1882 г., т. XXXIV, стр. 196; т. XXXV, стр. 196, 198, 204, т. XXXVI, стр. 84, 89 и 90; 1890 г., т. LXVII, стр. 53, т. LXVIII, стр. 491–493; 1891 г., т. LXIX, стр. 1, 11, 106, 619; 1893 г., т. LXXVII, стр. 609, 610, 614; т. LXXIX, стр. 200 и 357; 1894 год т. LXXXI; стр. 176, 193; 1895 г., 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1904, 1905 (passim – см. указатели за означенные годы).

Рот, Федор Филиппович (Johann-Friedrich von Roth)

Рот, Федор Филиппович (*Johann-Friedrich von Roth*) – числившийся по спискам 3-м, генерал-лейтенант; род. в феврале 1793 года, происходил из дворян Лифляндской губернии, образование получил в Дерптском университете, пробыв в нем на медицинском факультете с 1810 по 1812 год, но курса не кончил. Службу начал в 1-м гусарском полку Российско-Германского легиона, куда поступил юнкером в 1812 году; в том же году был произведен в корнеты. В 1813 году, произведенный в поручики, Рот был переведен во 2-й гусарский полк Российско-Германского легиона, с которым принимал участие в делах против французов до 1814 года. В этом году Рот был прикомандирован к Иркутскому гусарскому полку, к которому и причислен в следующем, 1815 году. В Иркутском полку Рот оставался до 1825 года, когда, в чине ротмистра, был назначен адъютантом к Начальнику 2-й гусарской дивизии генерал-лейтенанту Будбергу 2-му.

В 1827 г. он был произведен в майоры с переводом в гусарский эрцгерцога Фердинанда полк, а в следующем, 1828 году по домашним обстоятельствам был уволен от службы. Однако в отставке он оставался недолго и уже в 1829 году был вновь принят на службу в тот же гусарский эрцгерцога Фердинанда полк. В рядах этого полка Рот принимал участие в усмирении Польского восстания 1831 года, был в нескольких сражениях ранен – ружейною пулею в голову, штыком в левое бедро и пикою в левую лопатку и левый висок. В 1833 году Рот был назначен состоять по кавалерии с утверждением командиром Кубанского линейного казачьего полка, во главе которого принимал с 1834 по 1838 год участие в многочисленных походах против Кавказских горцев.

В 1839 году он был произведен в полковники, а в следующем году назначен исправляющим должность коменданта крепости Анапы на место Е. Е. фон Бринка, произведенного в генерал-майоры и назначенного Начальником

всей действующей кавалерии в предполагавшуюся в то время большую экспедицию. По отзыву современника, генерала М. Ф. Федорова, Ф. Ф. Рот «по нравственным достоинствам ни в чем не уступал своему предместнику: такой же добрый, внимательный, честный и справедливый, он не изменил ни одного распоряжения прежнего командира, но многое дополнил по указаниям опыта». Между прочим, он предполагал сформировать особый эскадрон из шапсугов и нутхайцев.

Утвержденный в 1841 году в должности Анапского коменданта, Ф. Ф. Рот в течение с лишком трехлетнего пребывания в этой должности принимал самое деятельное участие в обеспечении вверенной ему крепости от нападений горцев, для чего сам предпринимал против них частые походы. Более значительные из них были предприняты в 1841 и 1842 гг. В 1844 году он был отчислен по запасным войскам, но уже в следующем назначен состоять при Отдельном Кавказском корпусе. В том же году состоялось назначение Ф. Ф. Рота начальником Самурского округа и заведующим ханствами Казикумыхским и Кюринским. В 1847 г. Роту пришлось принять участие в большом походе против горцев, вдохновленных Шамилем, причем в мае этого года состоявшийся под его командою отряд движением на селение Цахур содействовал войскам ген.-лейт. Шварца в деле окончательного изгнания скопищ Даниель-бека из верхних деревень Джаро-Белоканской области. В августе 1848 года на него возложена была охрана Самурского округа от скопищ Елисуйского султана, шедших в авангарде значительных отрядов мюридов, находившихся под предводительством самого Шамиля. Получив 28-го августа извещение о том, что неприятельские толпы в 900 человек конницы и 3000 человек пехоты готовятся напасть на селение Ихрек, Рот немедленно командировал на помощь жителям этого селения бутульского наиба прапорщика Абу-Муслим-бека с Самурскими беками, которые при мужественной поддержке местных жителей разбили неприятеля и прогнали его за гору Куртай, захватив при этом знамя Муса-Хаджи, главного начальника вторгнувшейся партии. Однако, уже 30 числа мюриды, посланные ускорившим свое движение Даниель-

султаном, снова показались у селения Ихрек в количестве около 1000 человек.

На этот раз Рот во главе милиции лично встретил и обратил их в бегство. Вынужденный недостатком провианта распустить милицию, он оставил в селении Лучек 800 человек, чтобы этим удержать дальнейшие покушения неприятеля, а сам отправился в укрепление Ахты, чтобы сделать новый набор милиции и снабдить ее порохом, а затем снова вести на границу Самурского округа. К 3-му и 4-му сентября Роту удалось собрать в Рутуне 1200 человек милиции, а в Ахтах 1000 человек, в том числе 300 человек конницы, но вести их на границу не пришлось, так как вечером 5-го сентября внезапно показался в Шиназском ущелье Даниель-бек, захвативший селение Лучек с находившейся там милицией и весь Рутульский магал, за исключением наиба, прапорщика Абу-Муслим-бека, прибывшего со своим семейством под защиту Ахтинского укрепления. 8-го сентября Рот во главе 300 человек конной и 1000 человек пешей милиции, подкрепленный ротою пехоты из Ахтинского гарнизона, предпринял рекогносцировку вверх по реке Самуру и выгнал неприятельские караулы из селения Кахва и Хрюн, но к вечеру того же числа, теснимый огромными массами неприятеля, находившегося под предводительством Хаджи-Мурада, должен был отступить под стены укрепления Ахта, гарнизон которого состоял всего из 300 человек пехоты и 27 артиллеристов. Ввиду явного перевеса неприятельских сил, которые росли с каждым днем благодаря прибытию к Ахтам самого Шамиля, Рот попросил подкрепления у начальника 1-й бригады 21-й пехотной дивизии генерал-майора Бриммера, и 14-го сентября в Ахты прибыла 5-я гренадерская рота князя Варшавского полка, проникшая в укрепление исключительно благодаря своевременно принятым Ф. Ф. Ротом мерам. По прибытии гренадер Рот тотчас же привел укрепление в усиленное оборонительное положение.

Вечером 15-го сентября, когда мюриды, предводительствуемые Шамилем, с большим успехом вели осадные работы, Рот был тяжело ранен ружейною пулею, прошедшею чрез шею в левую лопатку, и вынужден был

поручить начальствование гарнизоном «на время своего изнеможения» капитану 5-й гренадерской роты Новоселову. Собрав офицеров, Ф. Ф. Рот приказал им «к неперемому исполнению», чтобы во всяком случае гарнизон держался до последней крайности, и в случае, если неприятелю удастся ворваться в укрепление, чтобы пороховые погреба были взорваны. Но уже на следующий день, 16-го числа, в полдень, неприятелю удачным выстрелом, пробившим крышу порохового погреба, удалось взорвать до 400 пудов пороха и множество артиллерийских снарядов. Многочисленность неприятеля и удачные его действия побудили Роту отправить донесение командующему войсками генерал-адъютанту князю Аргутинскому, сам же он, несмотря на страдания от раны, обошел укрепление и напомнил изнуренному непрерывным шестидневным боем гарнизону о священном долге не щадить своей жизни для службы Государю Императору и Русскому оружию. Убедившись в одушевлении солдат, с радостным криком «ура» единогласно клявшихся умереть каждый на своем месте, Рот мужественно защищал крепость, несмотря на успешность осадных работ неприятеля, на удачный взрыв мин и на временный захват отрядами 1-й, 4-й и 5-й батарей. 20-го числа гарнизон крепости отразил ожесточенные атаки противника, который был вдесятеро многочисленнее и проникнут религиозным фанатизмом. 22-го сентября лишенный ближайшего своего помощника, капитана Новоселова, тяжело раненого во время штурма крепости, Рот вторично взял с нижних чинов клятву держаться до последнего человека и стал готовиться к новому штурму, но в это время на выручку Ахтинскому укреплению прибыли войска Дагестанского отряда. В своем донесении главнокомандующему войсками на Кавказе князю М. С. Воронцову от 25-го сентября 1848 г. № 1069 князь Аргутинский, упоминая о защитниках Ахтинского укрепления, находил, что «всех их имена достойны быть произнесены, но умолчать нельзя о полковнике Роте, капитанах Жорже и Новоселове, штабс-капитане Бучкиеве и прапорщике Бенисте. В свою очередь, донося о геройской защите укреплений Ахты Императору Николаю Павловичу, князь М. С. Воронцов писал,

что защита эта «равняется с самыми блистательными действиями в этом роде, с тех пор, как русские занимают Кавказ», и всеподданнейше просил о производстве «достойного начальника» укрепления Ахты полковника Рота в генерал-майоры.

Произведенный в 1848 году в генерал-майоры за отличие, Ф. Ф. Рот был в следующем году назначен состоять при Отдельном Кавказском Корпусе и по кавалерии и затем в том же 1849 году назначен был Тифлисским комендантом. В должности этой он пробыл девять лет и был за это время награжден орденом Св. Станислава 1-й степени (в 1850 году) и произведен в генерал-лейтенанты (в 1858 году). В 1858 же году состоялось назначение его на должность начальника Управления сельского хозяйства и иностранных колоний на Кавказе и за Кавказом.

В 1860 году Ф. Ф. Рот был отчислен от этой должности с оставлением при Кавказской армии и по армейской кавалерии. Выйдя в отставку, Рот поселился на родине, в Лифляндии, в Пауленгофе, затем жил в Дерпте, где и умер 27-го мая 1880 года.

Album Academicum des Kaiserlichen Universität Dorpat. Bearbeitet von A. Hasselblatt und Dr. Otto, Dorpat. 1884; «Акты, собранные Кавказскою Археографическою Комиссиею, Архив Главного Управления Наместника Кавказского», том X. Издан под редакциею Председателя Комиссии д. с. с. А. Берже, Тифлис. 1885, стр. XXX, 451, 487, 492, 493; «Кавказский Сборник», т. III, стр. 183, 195, 197; «Русская Старина», т. VIII, стр. 601, 613, 614.

Роут, Иван Николаевич

Роут, Иван Николаевич, архитектор; в 1850 году получил звание академика архитектуры. Служил в Департаменте проектов и смет Министерства Путей Сообщения и в Департаменте Военных Поселений; в 1850-х годах он участвовал и отделке здания Имп. Эрмитажа, где занимался составлением и выполнением детальных чертежей в натуральную величину. По его проектам построены: кладбищенская церковь в г. Тихвине, Новгородской губернии; соборная церковь в г. Грайвороне, Курской губернии, и офицерские казармы в лейб-гвардии Конной артиллерии; постройку последних производил академик Гемиллиан. Кроме того, Гемиллиан построил по проектам Р. казармы лейб-гвардии Кирасирского Е. И. В. Государя Наследника Цесаревича полка в Гатчине.

Отчеты Имп. Академии Художеств за 1850–51 г. и за 1864–5 г.; «С.-Петербургские Ведомости» 1851 г., № 247.

Роше, Павел Егорович

Роше, Павел Егорович, инженер-генерал-майор, профессор строительного искусства в Николаевской инженерной академии и Училище; образование получил в Главном инженерном училище (ныне Николаевское инженерное училище), из которого в 1836 году был выпущен с чином прапорщика. Прослужив в строю четыре года, он был прикомандирован к Главному инженерному училищу и назначен в 1840 году преподавателем строительного искусства. С этих пор Роше всецело посвятил себя учено-педагогической деятельности.

В конце 1840-х годов он начал разрабатывать цемент; работы его увенчались полным успехом, и цемент «Роше» употребляется едва ли не до сих пор. В 1853 году Р. был назначен профессором строительного искусства и членом Конференции Николаевского инженерного училища, спустя три года был произведен в полковники, а в 1866 году – в генерал-майоры.

2-го июля 1869 г. он скончался в Петербурге; погребен на Смоленском лютеранском кладбище.

«Ежегодник Русской Армии» 1871 г., ч. II, стр. 67; «Русский Инвалид» 1869 г., № 79, стр. 5 (некролог); «Инженерный Журнал» 1869 г., № 9; сентябрь, официальная часть, стр. 53 (некролог); Петербургский Некрополь, т. III.

Рошер, КарлХристиан (Röscher)

Рошер, Карл Христиан (Röscher) – доктор медицины; родом из Штутгарта, родился 30-го сентября 1800 г., в 1823–1827 гг. обучался медицине в Дерптском университете и удостоен был степени доктора медицины; был затем окружным врачом в г. Таре, Tobольской губернии, городовым врачом в Tobольске, акушером и т. д. Инспектора Врачебной Управы, а потом – врачом при Кавказских Минеральных водах в Пятигорске; в 1858–1860 гг., жил в Риге, а с 1860 г. – в Штутгарте; имел чин статского советника; умер в Штутгарте в 1864 г.

A. Hasselblatt und G. Otto, Album academicum der Kais. Universität Dorpat, D. 1889, № 1759.

Рощаковский, Константин Александрович

Рощаковский, Константин Александрович, коллежский советник, предводитель дворянства Бобринецкого уезда; род. 1-го ноября 1815 г.; окончил курс в Харьковском университете со степенью действительного студента, после чего поступил на службу в Департамент Министерства Государственных Имуществ канцелярским чиновником в декабре 1835 г., потом был помощником столоначальника, но прослужил до мая 1840 г. и, выйдя в отставку, поселился в своем родовом имении в Бобринецком уезде. В 1843 г. он был выбран в почетные смотрители Бобринецкого уездного училища, которому принес много пользы своими широкими пожертвованиями и заботами, а затем в 1859 был выбран Бобринецким и Елисаветградским уездным предводителем дворянства; должность эту он занимал до самой своей смерти. Заняв должность предводителя после окончания Крымской кампании, когда уже шли разговоры об освобождении крестьян, Р. много работал, будучи человеком в высшей степени добрым и гуманным. Это был один из наиболее деятельных и честных служителей местного общества, которое многим обязано ему. Выработав себе взгляд на сословные отношения в весьма примирительном духе, он всячески старался привести крестьянский вопрос к благоприятному для обеих сторон решению. Этому вопросу посвящал он большую часть своей деятельности; он был членом Херсонского Дворянского Комитета по освобождению крестьян; стараясь и при помощи печати и гласности установить в обществе правильный взгляд на это дело, он довольно деятельно сотрудничал в «Одесском Вестнике», где поместил немало статей. Редакция «Одесского Вестника» очень дорожила им, как одним из наиболее уважаемых своих сотрудников, который писал исключительно для разъяснения и освещения дела.

Напряженная деятельность вредно отразилась на здоровье Р. и он 18-го (или 20-го) марта 1862 г. скончался в Елизаветграде, где и погребен.

Его «Мемуары времени освобождения крестьян» напечатаны в «Киевской Старине» 1887 г., июнь и июль, стр. 396–450.

«Одесский Вестник» 1862 г., 31-го марта, № 36 (некролог); В. Л. Модзалевский, Малороссийский Родословник, т. IV, Киев. 1914, стр. 365.

Ртищев, Андрей Петрович

Ртищев, Андрей Петрович, дворянин московский; потомок древнего Дмитровского рода, служил стрелецким сотником в Новгороде в 1580 и следующих годах; в той же должности находился в отряде П. Ф. Басманова, отстоявшем Новгород-Северский от осады Лжедмитрия I, за что пожалован от царя Бориса 31-го января 1605 г. золотою деньгой; в декабре 1607 г., приехав из Москвы в Устюжну Железопольскую, Р. был выбран в воеводы и отстоял город от осады Тушинцев, разбив их несколько раз и отняв у них часть артиллерии, что было приписано чудесной помощи ему иконы Божией Матери Одигитрии. В 1615 г. служил в отряде Ф. И. Шереметева, в следующие 2 года – объезжим головой «для береженья от огней» в Москве, затем упоминается дворянином Московским; умер до 1627 г. Имел поместье в Зубцовском уезде, вотчину в Дмитровском уезде и был жалован за отражение осады Устюжны Железопольской; имел одну дочь.

Рукописные сборники Имп. Публ. Библиотеки, из древлехранилища Погодина, № № 1693 и 1957, и рукопись архива Кашкиных в с. Н. Прысках Козельского уезда (ныне в Имп. Академии Наук); «Акты Моск. Государства», т. I; «Русская Истор. Библиотека» т. II; «Новгородские Губ. Ведомости» 1859 и 1861 гг.; Московский Архив Министерства Юстиции, оклеенные столпцы по Дмитрову 253, д. 18, и 240, д. 8, и писцовая книга Зубцовского у. 1628–1629 гг., № 150; «Книги Разрядные» т. I, и 198, 215 и 408; «Дворц. Разряды», т. I, стр. 235 и 298; Н. Н. Кашкин, Родосл. разведки, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, СПб. 1912.

Ртищев, Василий-Юрий Макарьевич-Пятаго

Ртищев, Василий-Юрий Макарьевич-Пятаго, известный дьяк Иноземского Приказа; ум. в 1654 г. Происходил из древнего рода Дмитровских вотчинников; с 1609 г. служил 5 лет «с дворяны», а в 1614 г. поступил в подьячие Иноземского Приказа. Пожалованный в дьяки того же Приказа 24-го января 1634 г., отличался большой деятельностью. Участвовал иногда в приемах иностранных гонцов, бывал при «ответе» чужеземным посланникам, допускался ко двору – «видеть очи государския» «в передней», дневать и ночевать у гроба умершего Царевича. Благотворил Николо-Пешношскому Дмитровскому монастырю, где была «обетная церковь» его предков. В 1642 г. на его жизнь покушался майор Ричард Кармихаль и был за это выслан на родину, в Шотландию. 22-го февраля 1654 г. по челобитной с перечнем заслуг своих и своего рода (где он упоминал, между прочим, получившего, по молитве к преп. Савве Сторожевскому в его Звенигородском монастыре, дар целения Ивана Федоровича Ртищева), пожалован в дворяне московские и назначен воеводой в Козьмодемьянск, но вскоре скончался.

Имел вотчины в Ростовском и Нижегородском уездах и поместье во Владимирском.

Оставил трех сыновей; потомство его ныне в Костромской губернии.

Московский Архив Министерства Юстиции, столпцы Моск. стола 250, № № 222–225; 243, № 397; записная книга Московского стола 1633–4 гг.; Моск. столпцы по Дмитрову 40, д. 2; оклеенные столпцы: по Ростову – 227, д. 2; по Дмитрову – 263, д. 13; 240, д. 8, – и мн. др. «Дворцовые Разряды», т. II, стр. 868, 874, 878, 942; «Дневник Патрика Гордона», т. II, стр. 26, пр. 31; «Историч. описание монастыря св. чуд. Николая, что на Пешноше», стр. 50 и 133; Н. Н. Кашкин, Родословные разведки, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, СПб. 1912.

Ртищев, Василий Михайлович

Ртищев, Василий Михайлович, обер-штер-кригскомиссар и генерал-майор; род. около 1683 г., умер после 1743 г.; внучатный племянник «милостивого мужа» Ф. М. Ртищева и сын комнатного и ближнего стольника и судьи Расправной Палаты при Сенате *Михаила Большого Федоровича Ртищева*, от первого брака его с рано умершей Прасковьей Семеновною Васильчиковой. Близость его отца ко двору доставила Р. возможность начать службу прямо с должности комнатного стольника Царя Иоанна Алексеевича еще в 1693 (7201) году, а по кончине Иоанна (29-го января 1696 года) он был, в следующем (7205) году, пожалован в комнатные стольники к Царю Петру. Уже в 1698 г., т. е. лет пятнадцати от роду, Р. начал военную службу, будучи записан, со смотра генерала Автамона Головина, сержантом в Семеновский полк.

Отец его, по воле Петра Великого побывавший, уже в зрелом возрасте, с образовательной целью в Италии, так горячо желал и для сына подобной поездки, что, составляя завещание на случай смерти в походе, настойчиво требовал от душеприказчиков, чтобы они непременно, хотя бы заняв денег, отправили сына его в чужие края года на три или на четыре; назначил ему на прожиток за границую по триста рублей в год, но не более, и определил даже, каких дворовых людей с ним послать. Волю эту, вернувшись из Азовского и Шведского Походов невредимым, Р.-отец осуществил лично: сын его в 1702 г. был послан «для наук в иностранные европейские государства».

По возвращении оттуда он в 1704 г. получил назначение в адъютанты капитанского чина сперва к генералу Ренне, а затем к графу Гессен-Дармштадтскому. Только в 1707 году, января 30-го, был впервые назначен Ртищеву оклад – в размере 650 четвертей, при жалованье в 40 рублей в год. Произведенный в майоры в 1708 году, Р. был, по смерти графа Дармштадтского, определен в том же году генеральс-адъютантом к князю А. Д. Меншикову и зачислен в конный «шквадрон» светлейшего.

Участвуя в ряде походов, он побывал в Лифляндии, где упоминается в 1709 и 1710 годах, и в Польше; был он тогда и ранен. В 1712 году, 4-го августа, Р., как и отцу его и многим высшим служилым людям, велено было жить, по окончании войны, на острове Котлине, где раздавались земли и дворы, и разрешено построить себе дом в Петербурге, «на первый приезд». Со времени назначения к Меншикову служебное движение Р., дотоле быстрое, остановилось. Можно предположить, что на судьбе его отозвались и недовольство Петра Меншиковым, начавшееся с бытности последнего в Польше, и раскрытие злоупотреблений князя Григория Ивановича Волконского, названного Петром Иудой и наказанного жжением языка в апреле 1715 года: князь Г. И. Волконский был тестем Василия Михайловича Ртищева, который был женат с 1710 года на дочери его *Пелагее*.

Как бы то ни было, но Ртищев пробыл майором целых 17 лет; в этом чине попал он и в Кроншлотский драгунский полк, составленный 7-го марта 1721 года из лейб-шкwadрона и других войсковых частей, причем в 1722 году было повелено и солдат его набирать из одних дворян лучшего образования и поведения, для подготовки их в кавалерийские офицеры, и полк этот был предназначен стать лейб-региментом (как он и был переименован 4-го декабря 1725 года и как назывался до преобразования его в лейб-гвардии Конный полк). Между тем Р., на коронацию Имп. Екатерины I, был взят вице-капралом в кавалергарды, а затем снова стал подвигаться по службе довольно быстро: в 1725 г. произведенный в подполковники с переводом из Кроншлотского в Архангелогородский драгунский полк, он 3-го июня 1726 года был назначен комендантом в Нежин, отозван в Петербург указом Верховного Тайного Совета 20-го мая 1727 г. и переведен в Петербургский драгунский полк. При ссылке в Соловки графа Ивана Петровича Толстого, женатого с 1711 г. на старшей из двух сестер Ртищева – Прасковье Михайловне, по делу отца его, печально знаменитого графа Петра Андреевича Толстого, тоже сосланного в Соловки, и графа Девьера – Р. уцелел; надо думать, поэтому, что виновник этой ссылки, всесильный тогда князь Меншиков,

считал его преданным себе человеком, не заподозрил его; однако первое видное назначение Р. получил уже после падения «герцога Ижорского», только в царствование Императрицы Анны, при воцарении которой он примкнул к числу дворян, подписавших так называемый проект Секиотова. Высочайше утвержденным докладом Сената Р. 30-го августа 1730 г. был назначен обер-кригскомиссаром при армии и в течение всего царствования Анны Иоанновны был занят этой деятельностью, «у исправления по той должности различных дел и для довольствия полков находился в Риге, Украине и за границую». По сообщению Кабинет-министров в Сенат от 27-го июня 1736 г., назначенный обер-кригскомиссаром походного комиссариата, Р. нес эту нелегкую обязанность во время войны с Турцией, причем в 1737 г., в Киеве, перенес тяжкую болезнь; в 1738 г. он был повышен в обер-штер-кригскомиссары и продолжал свою хлопотливую деятельность, сопряженную с постоянными разъездами: так, в начале 1739 г. он находился в Полтаве, в июле – в Харькове и т. д. По окончании войны и по воцарении Имп. Елисаветы Петровны, Р. в конце 1741 г. был назначен присутствовать в Московской Военной Конторе, а в следующем году состоял при вновь учрежденном Главном Комиссариате, но не долго: 25-го июня 1742 г. он получил отставку с чином генерал-майора, по болезни, которая и свела его в могилу – по-видимому вскоре после того: последние упоминания о нем в бумагах семейного архива относятся к 1744 году.

То обстоятельство, что из всех отраслей военного дела Р. посвятил себя хозяйственной, было, по-видимому, не случайно: хозяйственные наклонности были очень развиты в нем. Богатый отец его из многих своих имений весьма рано, уже в 1696 г. передал ему некоторые Лихвинские и иные поместья, и Р. начал меняться ими и, вообще, округлять свое состояние. Между прочим, получил он в приданое в 1710 году поместье тестя своего князя Волконского в Суздальском уезде и 600 рублей на покупку вотчины, а впоследствии село Карцево с деревней Житцевой в Козельском уезде. В том же году в одну из Козельских своих вотчин – Антоньево, он прислал добровольно

поступивших к нему в Польше в крестьяне поляков и полек из разоренной Шведами Сапегиной местности около местечка Невли, числом 41, потомки коих доселе сохранили особенности в говоре. В том же году была освящена в селе Старо-Никольском, Московском родовом именье Р., где в древности был Николаевский монастырь, выстроенная им по обету каменная церковь, а после 1736 г. он построил новую церковь, деревянную, в Алаторской своей вотчине – селе Архангельском-Погибелке, Новый Починок тож. В 1722–1724 г. он скупил много земель в Ефремовском уезде при селе Нижних-Гольских или Евегани, впоследствии Ртищево тож. По смерти отца оказавшись человеком вполне богатым, В. М. Ртищев не оставил привычек хозяйственной заботливости, которою проникнута его переписка со старшим сыном его Николаем, уцелевшая в семейном архиве. В Москве он имел дома: в Земляном Городе, в приходе церкви великомученика Власия, в Старой Конюшенной улице и в приходе Григория Неокесарийского; имел он также дом и в Петербурге. В 1736 г. за ним числилось уже до 2500 душ крестьян.

Единственную свою дочь *Марью* он выдал замуж за известного мореплавателя капитан-командора Алексея Ивановича Скуратова, а трех сыновей своих разделил 5-го февраля 1743 года. В мужском поколении потомство его угасло в 1775 г. в лице внука его, гвардии капитана *Василия Николаевича*, сына воеводы Брянского и первого Козельского уездного предводителя дворянства *Николая Васильевича Ртищева*, скончавшегося в 1770 году; братья же последнего – Федор и Михаил имели только дочерей. Ныне из этого рода Ртищевых, имевшего три ветви (вторая гнездилась в Мещовском уезде и угасла в 1831 г.), существует лишь самая младшая – в Лихвинском уезде Калужской губернии и в г. Москве.

Московский Архив Министерства Юстиции, боярская книга № 11, л. 108; боярские списки, книги 36–60; дела старых лет по Коломне (кн. 14, д. 41), по Суздалю (кн. 11, д. 47, л. 1) и др.; С. Панчулидзе, «Сборник биографий кавалергардов» 1724–1766 гг.; «Доклады и приговоры, состоявшиеся в

Сенате», т. II, ч. 2, стр. 101; П. Баранов, «Опись Высочайших указов и повелений, хранящихся в Сенатском Архиве», по указателю; Г. А. Власьев, «Потомство Рюрика», т. I, ч. 3, стр. 403, 503–504; В. и Г. Холмогоровы, «О церквях и селах Московской епархии, вып. III, Загородская десятина», стр. 283–285; В. Холмогоров, «Материалы для истории Симбирского края», стр. 113–114; М. Беляев, «Исторические сведения о Московской Григорие-Неокесарийской церкви», стр. 185; «Москва. Актовые книги XVIII столетия», т. IX, стр. 136; Семейный архив Кашкиных в с. Нижних Прысках Козельского уезда (ныне в Имп. Академии Наук); Н. Н. Кашкин, Родосл. разведки, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, СПб. 1912, стр. 349–353.

Ртищев, Григорий Иванович

Ртищев, Григорий Иванович, воевода и думный дворянин; умер в 1671 г.; был единственным сыном не оставившего по себе никакого следа *Ивана-Сергия Давыдовича Р.*; начал службу в рядах Лихвинского дворянства и в 1636 г. был в Калуге стрелецким головою, но в ноябре 1646 г. получил видное городовое воеводство – в той же Калуге, где и пробыл три года. Нет сомнения, что этим он был обязан двоюродному брату своему Михаилу Алексеевичу Ртищеву, ставшему к этому времени, в должностях сперва стряпчего с ключом, а затем постельничего, лицом влиятельным при юном Царе Алексее. В 1649 году, ноября 15-го, Ртищев за службу «по Лихвину многие годы», испросил себе пожалование в Московский список, а 15-го августа 1650 г., когда в постельничие, на место пожалованного в окольничие Михаила Алексеевича Ртищева, был назначен его старший сын – знаменитый «милостивый муж» Федор Большой Михайлович, то должность, занимавшаяся дотоле последним – стряпчего с ключом, была дана Григорию Ивановичу, после чего ему был назначен оклад поместный в 1000 четвертей и 12 рублей жалованья. Объявить ему о пожаловании его в стряпчие с ключом велено было думному разрядному дьяку (из воевод и первостатейных Бежецких дворян) С. И. Заборовскому, который незадолго пред тем неудачно местничал с М. А. Ртищевым; «и Семен Заборовский бил челом Государю, что ему стряпчество сказать Григорью невместно; и бив челом, сказал. А за Григорьево бесчестье Ртищева, что на него бил челом, велел Государь Семена Заборовского послать в тюрьму». С тех пор неразлучный, по обязанностям своей должности, с Государем, Ртищев сопровождал его и в богомольные походы (в монастырь Саввы Сторожевского, с 15-го января 1652 года; к Троице-Сергию, в 1650–1652 гг., пять раз), и в подмосковные села (Покровское – с 16-го апреля 1651 г.), и, наконец, в поход ратный против Польши, в котором он нес также должность есаула и головы жильцов в государевом полку – со дня выступления из Москвы 18-го мая 1654 года. 11-го июня он и

несколько других голов с их сотнями были посланы в Дорогобуж, к воеводе П. Шереметеву, для преследования напавших на этот уезд Поляков и Литовцев, но не нагнали их. Остальное время Р. был, по-видимому, безотлучно при Царе.

По возвращении в Москву удостоившись, 12-го мая 1656 г., пожалования (в Чудове монастыре) в постельничие, он через три дня вновь выступил, сопровождая Государя сперва в Смоленск, а затем в Ригу, в поход против Швеции, снова в должности головы жилецкой сотни в государевом полку. За эти службы ему, по окончании войны, было прибавлено 40 рублей жалованья. Любопытно, что и затем, оставаясь постельничим, заведую Государевой Мастерской Палатой, начальствуя над дворцовыми стряпчими и неся множество мелких обязанностей, сопряженных с его должностью, он, видимо, продолжал числиться головой над жилецкой сотней, во главе которой назначался встречать прибывавших в Москву иноземных послов: Персидского («Кизельбашского») – Ханедалука Салтана, 30-го января 1658 г.; Короля Венгерского – фон Фрагштейна и фон дер Бина. – в 1661 г. В этом году благоволение к нему Царя Алексея Михайловича, неизменного покровителя всей этой семьи Ртищевых, выразилось в удовлетворении его челобитья о том, чтобы сыну его Максиму Григорьевичу не считаться в отряде князя Ю. А. Долгорукова ниже стольников и воевод Ф. Сукина и С. Змеева.

Постельничим Г. И. Ртищев прослужил долго, видимо удовлетворяя требованиям Царя Алексея, и наградой ему за это явилось пожалование в думные дворяне – 13-го апреля 1669 г., предупредившее его смерть года на два. Последний раз упоминается он на свадьбе Царя Алексея с Н. К. Нарышкиной, 29-го января 1671 года.

После него осталось четверо сыновей: *Максим, Федор, Тимофей и Лука.*

Жил Г. И. Ртищев в Москве, неподалеку от окольного Ф. М. Ртищева, тоже близ Боровицкого моста, по левую сторону, от Знаменки в третьем переулке. Состоянием он владел незначительным, хотя и пытался с 1659 г. завести в Обоянском уезде будный промысел и получил разрешение строить там

заводы и мельницы, ставя только осьмую часть выделанных им поташа и смольчуги бесплатно в казну. Из земельных владений упоминаются за ним лишь поместья: Лихвинское – полдеревни Песочной, 120 четвертей, Кашинское – сельцо Фроловское с деревнями, 182 четверти, да подмосковное – в Таракманском стану. На поминование записан он в синодике Козельской Введенской Оптиной пустыни, где между его именем и именами его сыновей стоит имя *Мавры*: вероятно, так звали его жену.

Московский Архив Министерства Юстиции, боярские книги 5, л. 19, кн. 6, лл. 25 и 25 об.; боярские списки, книги 2–11; столпцы Белгородского стола Разрядного Приказа 83, лл. 96–100; 706, III, лл. 52–753; столпцы Московского стола Разрядного Приказа 227, № 365; 330, № 178: отказная книга по Мурому Н. 854, № 320; «Русская Историческая Библиотека», т. X, стр. 806; «Дворцовые Разряды», т. III, ст. 59, 102, 122, 182, 191, 198, 241, 255, 281, 315, 416, 429, 465, 474, 840, 853, 859, 864, 876; дополнения к т. III, ст. 40, 52 и 118; «Памятники дипломатических сношений»; Переписная книга г. Москвы 1668 года; семейный архив Кашкиных в селе Нижних Прысках (ныне в Имп. Академии Наук); Н. Н. Кашкин, Родословные разведки, под. ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, СПб. 1912, стр. 353–356.

Ртищев, Даниил Максимович

Ртищев, Даниил Максимович, городской воевода; умер в 1700 г.; сын дворянина московского и воеводы полкового *Максима Григорьевича Р.*, он начал службу в жильцах 22-го августа 1674 г. и провел этот год в полку князя В. А. Долгорукова под Севском; в следующем году он был в полку князя В. В. Голицына, а 10-го июня 1676 г. пожалован был в стряпчие. Проведя 1677-й год снова в полку князя Голицына – в походе на Днепр к Чигирину, он в следующем году участвовал во втором, неудачном Чигиринском походе, служа в полку князя Г. Г. Ромодановского вместо своего отца, уже в звании стольника, полученном 2-го апреля, но тем не менее провел и часть 1679 года в походе к Киеву, под предводительством князя М. А. Черкасского. Когда же отец его был назначен воеводою на Балахну, с поручением ему же заведовать дворцовыми волостями Заузольской и Толоконцовской, Р. был определен сюда же в товарищи к отцу; многие грамоты писались даже на имя его одного; вообще надо заметить, что по межевой и судебной частям у него в названных волостях дела и переписки было очень много. Здесь он провел 1683 и 1684 годы; в 1686 г. похоронил он отца, а Крымские походы князя В. В. Голицына опять вернули Ртищева к ратной службе: был он в обоих этих походах, в рядах большого полка, и поплатился раною – правое плечо его было пробито копьем. Это не помешало ему в 1696 г. участвовать в походе под Азов в полку А. С. Шеина; не избавило это его и от призыва, в июне 1700 года, к участию в Северной войне, которое оказалось очень непродолжительным: в бою под Ругодивом (Нарвою), вероятно 19-го ноября, Ртищев был убит, всего лишь в начале пятого десятилетия своей жизни.

Помещик Пошехонский, Шуйский, Новосильский, Лихвинский, Козельский и Мещовский, он, по-видимому, чаще бывал в последнем уезде, как можно думать по тому, что вклады по отце своем и по дяде Луке он вносил в Мещовский Георгиевский монастырь, в синодике коего и записан сам, вместе с братом и с родом своим, на вечное поминовение. В

Лихвинском уезде Даниил Максимович выслужил (в 1688 г.) в вотчину, за Чигиринский поход, от деда и отца дошедшую до него поместьную деревню Песочную; около того же времени получил он часть наследства дяди своего Луки Ртищева. Наследовав также единственному меньшому брату своему Илье, стольнику Царицы Прасковьи Федоровны, а также – царскому, умершему 15-го февраля 1700 г., Даниил Максимович оставил по себе вдову *Дарию Яковлевну* (умершую в 1735 г., а происходившую, по-видимому, из рода Ждановых) и двух сыновей: *Андрея*, в год смерти отца начавшего службу жильцом, в 1717 г. посланного учиться в Голландию, а в 1741 г. произведенного в бригадиры с определением «к статским делам», и *Михаила Данииловича*, капитана артиллерии, скончавшегося в сентябре 1735 г. Потомство Андрея Данииловича угасло в лице его внуков – *Алексея* (умер в 1775 г.) и *Максима* (умер в 1758 г.) *Георгиевичей*, потомство же Михаила Данииловича – тоже в лице внуков, из коих долее всех прожил старший, – *Михаил Львович Ртищев*, гвардии прапорщик с 1776 года, уездный предводитель дворянства Серпейский в 1795 г., а позже Мещовский, женатый на Анне Сергеевне Богдановой, а вторично – на Татьяне Евгениевне Кашкиной и умерший 7-го октября 1831 года.

Московский Архив Министерства Юстиции, боярские книги: 7, лл. 196, 286, 301, 598, 622, 636 и сл. книги; боярские списки, кн. 14, 15, 21, 23, 26, 28, 29, 40, 43, 44 и др.; столпцы Московского стола Разрядного Приказа, 467, № 267-е, и 356; 501, № 797, 538, №№ 444–446; 551, № 249; 612, V столпик № 156; 1031, № 208 и др.; Арх. Леонид. «Историческое описание Мещовского Георгиевского монастыря», стр. 21, 147, 171; семейный архив Кашкиных в с. Нижних Прысках (ныне в Имп. Академии Наук), Н. Н. Кашкин, Родосл. разведки, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, СПб. 1912, стр. 356–357.

Ртищев, Иван Пятаго Макарьевич

Ртищев, Иван Пятаго Макарьевич, старший брат дьяков *Василия* и *Исая* (см. выше и ниже), Дмитровский городской дворянин; служил головою у черкас на Туле, причем вызвал жалобы своими обидами и налогами, в 1638–1642 гг., а в 1647 г. послан основать Сокольский острог и обратить в драгунскую службу бывших крестьян боярина кн. А. Н. Трубецкого, сел Соколя и др., Лебедянского уезда; за непослушание Козловскому воеводе, известному Роману Федоровичу Боборыкину, посажен в тюрьму на 3 дня. Прослужив приказным Сокольского острога 2 года, сменен. В войну с Польшей отличался в 1655 г., служа майором пешего строя, под Велижем и Сурожем, во главе отряда черкас и смоленских вольных людей.

Умер не позже 1663 г.

Имел родовые вотчины в Дмитровском и Ростовском уездах и поместья в уездах Кашинском и Углицком.

Оставил трех дочерей.

Московский Архив Министерства Юстиции, столпце: Белгородского стола 102, лл. 1–278; 227, лл. 1–86; 245, лл. 2–21, 26 и след.; Владимирск. стола 117, № 156; Новгородского – 164, I, столпик, лл. 47, 568–570 и след.; разрядная вязка 1, дела 54, 57, 64; оклеенные столпцы: по Мурому, 207, дело 1, по Дмитрову 253, д. 13, по Ростову 227, д. 2; дела молодых лет: по Дмитрову книга 23, д. 8, по Угличу книга 1, 3, 4 и др.; Кашинские отказные книги 11852, д. 174; 11853, д. 195; 11854, д. 73; Н. Н. Кашкин, Родосл. разведки, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, СПб. 1912.

Ртищев, Исаак-Исай Макарьевич Пятаго

Ртищев, Исаак-Исай Макарьевич Пятаго, с 1621 г. подьячий Иноземского Приказа, 25-го февраля 1649 г. по челобитью назначен дьяком в Вязьму, где и умер в 1650 году.

Имел двор в Москве, на Покровке, и вотчины в Ростовском и Дмитровском уездах; был бездетен.

Московский Архив Министерства Юстиции, столпец Московск. стола 223, № 364; оклеенный столпец по Дмитрову 253, д. 13; Н. Н. Кашкин, Родосл. разведки, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, СПб. 1912.

Ртищев, Константин Петрович

Ртищев, Константин Петрович, дворянин московский; в мае 1594 года пристав при Кизылбашском гонце Искендере, в 1604 г. посланный в Холмогоры к Английскому послу; в декабре 1612 г., служа воеводою в Каргополе, отрядом литовцев, шедших туда с Чаронды, убит на реке Свири вместе с двумя своими сыновьями, а жена его и дочери увезены литовцами в плен. Происходя из весьма древнего Дмитровского рода, он владел в этом уезде вотчиною, а в Вяземском уезде – поместьем.

Московский Архив Министерства Юстиции, столпцы Московск. стола, 250, № 222; оклеенный по Дмитрову 240, дело 8, и неоклеенный по Дмитрову 40, д. 2; «Памятники дипломат, и торговых сношений Московской Руси с Персией» т. I, с. 214; Имп. Публ. Библиотеки F IV, ы; рукопись Спиридова, ч. 12, DCLIX, 11; «Дополнение к Актам Историч.» I, № 171, с. 304; «Писцовые книги XVI века» 1, 2, ст. 668–673; Н. Н. Кашкин, Родосл. разведки, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, СПб. 1912.

Ртищев, Максим Григорьевич

Ртищев, Максим Григорьевич, воевода городской и полковой; умер в 1686 году; был старшим из четырех сыновей думного дворянина *Григория Ивановича Ртищева*; службу начал, когда последний был еще воеводою в Калуге, 8-го октября 1647 года «по жилецкому списку»; выдвигаться стал он по окончании Литовского похода, когда, в звании дворянина московского, был назначен, 17-го февраля 1656 г., воеводою в дальний Енисейск. От здешней его деятельности, весьма разнообразной, сохранилось довольно много письменных следов. Из них видно, между прочим, что в 1658 г. он посылал Енисейских детей боярских Якова Тургенева да Ивана Максимова звать под царскую руку откочевавших вследствие насильств и налогов сына боярского Ивана Похабова, «Енисейского уезда Братских острогов Братских ясачных людей»: то были Бурятские князцы – Инкей «с товарищи», ушедшие за Камень «в Мунгалы». Про обиды и злоупотребления Похабова Ртищев сыскивал и доносил в Москву. Доносил он также, 16-го января того же года, о находке посадским человеком Алексеевым Жилиным слюды, из которой десятую часть Ртищев взял с него в пошлину и послал 1 пуд, для образца, в Москву с самим Жилиным. Ответною грамотою, от 26-го ноября 1658 г., ему было предписано оказать содействие Жилину к ломке слюды, плавлении медной руды и приискивании серебра и золота, со взысканием десятой части в Сибирский Приказ. Возлагались также на Ртищева заботы о снабжении продовольственными запасами не только служивых, но и ясачных людей Ленского края и о доставлении в Якутск этих запасов. Смененный в 1659 году, по истечении обычного двухлетнего срока воеводств, Максим Григорьевич вернулся в Москву, составив себе, по-видимому, доброе имя, почему и получил весьма скоро новое назначение: поставленный во главе особого полка, он был послан с ним «промышлять над шишами», т. е. шпионами, «от Серпейска и от Мосальска», а вслед за тем был отправлен, во главе того же полка, в отряд

боярина князя Ю. А. Долгорукова в Мстиславский и Кричевский уезды, против «государевых изменников поветовой шляхты и Черкас», и пришел к нему «восход» перед боем под Могилевом 24–26-го сентября, в котором были разбиты Литовские гетманы Сапега, Чарнецкий, Пац и Полубенский. У Долгорукова в полковых товарищах был воевода О. И. Сукин, человек по происхождению «родословный», а 7-го октября в товарищи князю Юрию Алексеевичу был послан еще С. Д. Змеев, и вскоре Долгоруков, в одном донесении Царю, поместил имя Ртищева, в росписи воевод, ниже имен вышеназванных своих товарищей. Это вызвало челобитную отца Максима Ртищева, в то время постельничего, Григория Ивановича, в которой, находя, что сын его тем обещен, он просил: «не выдай, государь, сынишка моего стольникам и воеводам Осипу Сукину и Семену Змееву, чтобы тем мне, холопу твоему, и сынишку моему от иных родов, кому я, холоп твой, в версту, в попреке и обещену не быть». В тот же день, 4-го января 1661 г., Максима Ртищева «Государь пожаловал – велел его челобитье записать; а быть ему с боярином и воеводою со князем Ю. А. Долгоруково, а товарищам, Осипу Сукину и Семену Змееву до него дела нет». Вслед за тем отряд князя Долгорукова был распущен, воеводе же Ртищеву было велено, 16-го января, зимовать со своим полком – по-видимому на реке Басе. Сохранился и список этого полка, состоявшего из 4 жильцов, 429 рейтаров касимовских и 289 кадомских, преимущественно князей и мурз, и 208 солдат разных чинов, пришедших из Царевичева Дмитриева города (Кокенгаузена) из полков Ирика Андерсона Лукса и Андрея Гамильтона, в том числе 79 казачьих детей, верстанных поместными окладами.

Полковое воеводство Максима Ртищева кончилось в том же году: в декабре, будучи на Москве, он уже отдался совсем другому делу, а именно хлопотал, вместе с другими помещиками Перемышельской волости Московского уезда, о приписке ко вновь отстроенной ими церкви св. Великомученицы Прасковьи Пятницы земли, отнятой патриаршим дьяком Кокошиловым, известным корыстолюбцем. Хлопоты эти увенчались, несмотря на ловкость и силу Кокошилова, успехом:

помянутая земля была возвращена церкви, хотя только в августе 1663 г.

Живя в Москве, Ртищев, несмотря на то, что положительно все его однородцы носили в то время какие-либо придворные звания, что троюродный брат его Федор Большой Михайлович Ртищев стоял во главе всего дворцового ведомства, а отец был царским постельничим, сам не искал близости ко двору и до смерти своей остался в звании дворянина московского. На Москве он изредка исполнял лишь такие обязанности, как участие, в качестве головы у сотни дворян Московских, в торжественной загородной встрече Английского посла «князя Чарлуса Говорна», при дворе же он почти никогда не появлялся. Это не мешало ему числиться по так называемым «боярским спискам» дворянином «чиновным» и получить в 1668 году новое назначение на городское воеводство – на Тотьму. 11-го июня означенного года воевода Пимен Савельевич Орлов, по грамоте из Приказа «Устюжской четверти», сдал Ртищеву «городовые ключи и в казенном амбаре городской наряд, и зелье и свинец, и всякие пушечные запасы, и все в казенном амбаре за отчетом Тотемского и всеуездного земского старости, что ключи того казенного амбара живут у них земских старост», составив длиннейший список всему передаваемому, включал приходные книги, грамоты из Приказов и всякие судные и иные дела вершенные и невершенные. Приняв воеводство, Ртищев пробыл на Тотьме вместо обычных двух лет – около трех, и служба его оказалась не из спокойных. Уже в июне 1669 года Максиму Ртищеву пришлось доносить в Москву о появлении в Тотемском и Устюжском уездах шайки, ограбившей князя Савелия Ивановича Козловского и многих других. Позже брожение в низших слоях населения все усиливалось. Бунт Стеньки Разина, потрясший Поволжье, от Козьмодемьянска распространился на луговую сторону Волги и охватил и Заволжье. Из пятнадцатитысячного скопища мятежников, собравшихся в Козьмодемьянске, отделилась небольшая шайка под главенством одного из Разинских атаманов, Кадомского Черкашенина Ильюшки Иванова Пономарева («а Попов он же»), ушла на Ветлугу и оттуда на Унжу, рассылая по окрестным

села «прелестные грамоты», грабя поместья и вотчины служилых людей и, по указанию крестьян, умерщвляя помещичьих приказных людей и выжигая усадьбы. Возросши, с приставшими к ней крестьянами, до 700 человек, ватага Пономарева, подчинившаяся черемисскому приставу Мумарину и уже обратившаяся в «войско» и распределившаяся по сотням и десяткам под несколькими красными пестрядинными знаменами – все на конях или на санях, 3-го ноября 1670 г. явилась в Унженский посад, где, разбив тюрьмы и освободив заключенных, которые все пристали к ней, разграбила кружечный и таможенный дворы, отняла всю государеву денежную казну» и порубила головы, после пытки, стрельцам и их сотникам. Уйдя затем на реку Шангу, мятежники были разбиты в открытом бою догнавшим их стольником и воеводою В. С. Нарбековым, а ловить рассеянные скопища их Василий Саввич послал несколько отрядов. Вожди мятежников Пономарев и Мумарин скрылись. О приметах их писал Нарбеков Ртищеву и Галицкому воеводе С. М. Нестерову.

Хотя Семен Михайлович Нестеров раньше и враждовал с Максимом Григорьевичем (соседом по Козельским его поместьям), он поспешил, однако, посоветовать ему «жить на Тотьме с великим опасением и бережением» и в случае появления Пономарева с мятежниками «чинить над ними промысл, сколько Господь Бог помочи подаст», и просил о дальнейшем писать к нему в Галич.

Получил Ртищев «отписку» Нестерова 10-го декабря – и имел удовольствие ответить ему, очень скоро, что уже 11-го декабря ему удалось, послав своих людей и Тотмян посадских и жилецких людей человек 100 ловить Пономарева, по слухам, близ Усолья Леденского, поймать его с 5 товарищами на болоте, за рекою Сухоною. Жалости к ним Ртищев не обнаружил: подвергнув их пытке и узнав от них все нужное (и всю по весть их походов), он 12-го декабря по челобитью всех Тотмян, повесил их на берегу Сухоны, трупы же их по слал в Галич, чтобы их казнь «была ведома всему народу впредь для смятения» Затем, предупрежденный Пономаревым о предстоящем приходе на Тотьму Мумарина «с войском»,

Ртищев собрал «из посадских людей и из всяких чинов людей с ружьем маломочных людей и поставил сотни сторожей, а по дорогам заказ учинил крепкий и заставы поставил и засеки велел засечь, чтобы те воры на Тотьму не прокрались», и написал на Устюг Великий и Вагу, в дворцовые села и деревни, чтоб они «жили со всяким опасением»; Нестерова же Ртищев просил, буде прибыл в Галич ожидавшийся с Москвы воевода Иван Вельяминов с ратными людьми, то направить его против Мумарина в Тотьму, потому что «на Тотье служилых людей и ружья никакого нет». «Ружья» не осталось, очевидно, за раздачею его сторожевым сотням; посад же оставался совсем беззащитным и уцелел лишь по счастливой случайности, благодаря поимке Мумарина с товарищами на Устюге, ибо когда, 1-го февраля 1671 г., новый воевода – Андрей Непейцын принял Тотьму от Ртищева, то донес, что «города и башень, и городовые стены, и пороху, и свинцу на Тотье нет, и крепости никакие от воевального времени не учинено».

Отсюда Максим Григорьевич вернулся на Москву, где владел в то время домом на излюбленной Ртищевыми Знаменке, у Боровицкого моста: дом Федора Большого Михайловича был в пятом переулке от Знаменки направо; дом Максима – в четвертом, а отца его (скончавшегося в том же году) – в третьем. Имел Максим Григорьевич и другой дом – в тупике у церкви Антипия Чудотворца. Ртищев состоял в государевом полку и 1-го января 1674 г. участвовал в торжественной встрече Кизылбашских послов в качестве головы и жильцов, а в 1677 г. должен был отправиться в поход, в полку князя В. В. Голицына, но двоюродный дядя его, заслуженный и престарелый окольничий Михаил Алексеевич Ртищев, имевший несчастье пережить всех своих детей и в то время тяжело больной, упросил царя Феодора оставить Максима Григорьевича при нем; челобитье это было удовлетворено: Максим Ртищев был вновь зачислен в государев полк и, конечно, оставался при дяде до кончины его – в декабре того же года, В 1680-м же году он и сам почувствовал себя настолько старым, что бил челом об отставке от полковой службы и зачислен был в царицыны дворяне – походные, т. е. в число

дворян, сопровождавших цариц Наталью Кирилловну и Марфу Матвеевну в их «походы» по подмосковным монастырям и «потешным» селам.

Однако уже в следующем году он получил новое деловое назначение, на третье в его жизни воеводство – в Балахну, с заведованием, сверх того, дворцовыми волостями Заузольской и Толоконцовской, причем в помощь ему был назначен товарищем к нему старший из двух его сыновей *Даниил*. Эта служба оказалась последнею в жизни Ртищева: в 1686 году его не стало.

Память о нем хранилась в Лихвинском Успенском Гремячем монастыре, благодаря пожертвованной им туда в 1668 году, «в вечное поминовение», «Цветной Триоди» издания 1660 г., с его надписью, но монастырь этот упразднен уже весьма давно. Род Максима Григорьевича Ртищева записан в синодике 1670 года Козельской Введенской Оптиной Пустыни, которой, очевидно, он тоже что-нибудь жертвовал. Обладание 80 крестьянскими дворами в уездах Шуйском, Новосильском, Мещовском, Лихвинском и Козельском давало ему возможность, при денежном жалованье и частых воеводствах, жить безбедно и делиться с «церковью Божией».

После него осталась вдова, *Фетинья Яковлевна* (вторая его жена), и сыновья от первого брака: стольник *Даниил*, продолжатель рода в Мещовской его ветви, и бездетный стольник же *Илья Максимович Ртищев*.

Московский Архив Министерства Юстиции, боярские книги: 5, лл. 256 и 375 об., в др. книги; боярские списки, кн. 1, л. 89; 7, л. 60; 17, л. 152 об.; 18, л. 201; 19, л. 223 об.; 21, лл. 274 и 740, и др. книги; столпцы Московского стола Разрядного Приказа: 526, № 30; 528, II столпик, № 230; 822, № 920; Переписные книги г. Москвы 1669 и следующих годов; «Дополнения к Актам историческим», т. IV, № 46; № 57; № 80; № 97; т. V, № 94; т. VI, № 24; «Описание Государственного Разрядного Архива», стр. 350–351; Дворцовые Разряды», т. III, ст. 554 и 1158, и дополнения к т. III, ст. 26, 240, 250; В. и Г. Холмогоровы, «О церквях и селах Московской епархии», вып. VII, стр. 12–15; Арх. Леонид,

«Описание упраздненных монастырей Калужской епархии», ст. 121; Архив Кашкиных в с. Нижних Прысках Козельского уезда (ныне в Имп. Академии Наук); Н. Н. Кашкин, Родосл. разведки, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, СПб. 1912, стр. 359–365.

Ртищев, Михаил Алексеевич

Ртищев, Михаил Алексеевич, окольный; род. в последней четверти XVI века, ум. в конце 1677 года; был сыном убитого на поле брани *Алексея Давыдовича Ртищева* и происходил из рода Лихвинских, а ранее Медынских помещиков, предок коих, выездный из Золотой Орды Аслан-Челеби-мурза, был около 1389 г. Великим Князем Дмитрием Иоанновичем Донским пожалован, очевидно в кормление, городом Кременеском. Михаил Алексеевич имел старшего брата Осипа и сестру Пелагею, которая вышла замуж за Матвея Елизаровича Хитрово и была матерью впоследствии знаменитого боярина и оружейничего Богдана-Иова Матвеевича Хитрово. Осип Ртищев при царе Василии Шуйском служил по Лихвину с окладом в 600 четвертей. В сентябре 1608 г., когда множество городов уже присягнуло второму Самозванцу, и он стоял под самой Москвою в селе, от которого получил прозвище Тушинского вора, а Сапега, поразив Московское войско под предводительством царского брата, князя Ивана Шуйского, шел на Троицкий монастырь, и Царь Василий решил выдержать в Москве осаду, братья Ртищевы приняли участие в ней, вытерпели много страданий и в марте 1610 г. имели радость видеть «польских и литовских людей и русских воров» отходящими от Москвы.

Через несколько месяцев Осип Ртищев получил в награду 120 четвертей из Лихвинского своего поместья в вотчину, а по свержении Шуйского, 17-го июля, принял участие в Земском Ополчении под начальством боярина и воеводы князя Д. Т. Трубецкого. В войне с Поляками нашел старший из братьев Ртищевых и смерть свою, годовщину коей потомки его поминали 24-го июля; погиб он, надо думать, и «Королевичев приход» 1618 г., под Можайском. Михаилу же Алексеевичу Ртищеву выпал жребий попасть к полякам в плен, не очень, впрочем, продолжительный, так как в 1614 г. он уже был в рядах войска, пытавшегося вернуть взятый поляками за три года перед тем Смоленск. Затем сражался он с литовцами под

Орлом, под предводительством знаменитого князя Пожарского, в 1615 г., и под Ельцом и Калугою в 1617 году. Награжден был он за все это пожалованием ему, по грамоте Царя Михаила 1615 года, вотчины в 70 четвертей из Лихвинского его поместья, а затем – званием жильца. В 1622-м же году, по жалованной грамоте 31-го января, он получил в том же уезде вышеупомянутую вотчину покойного своего брата.

После заключенного в декабре 1618 г., на 14½ лет, Деулинского перемирия с Польшею и Литвою он получил возможность вернуться в родной уезд и заняться хозяйством в своих небольших и лишь медленно прираставших поместьях и вотчинах. Местом жительства служило ему село Покровское, находившееся в пяти верстах от Покровского же Доброго монастыря, чрезвычайно пострадавшего в смутное время, как и весь окрестный край, выжженный и разграбленный Черкасами и шайками Лисовского. Заботы по восстановлению хозяйства делила с Михаилом Алексеевичем ставшая около этого времени его женою *Ульяна Потемкина*. Род, из коего она происходила, отличался от большинства современных ему русских служилых людей свою образованностью; очень выделялся ею брат Ульяны Семен (впоследствии в иночестве Спиридон) Потемкин, учености которого, свойственной многим его однокоренным, выдающееся благочестие придавало богословское направление. Набожность была также чертою, общею М. А. Ртищеву и его жене. Не удивительно поэтому, что в описании их сельской церкви, составленном в 1625–1627 годах, читается: «а церковь и в церкви образы, и свечи, и книги, и ризы, и сосуды, и колокола, и все церковное строение – помещиково». К той же церкви были даны из поместной земли Ртищева луг по речке Сваботи, да 10 четвертей земли, на которых жил полный причт. Прослужив годы перемирия в выборе Лихвинского дворянства, Ртищев уже 27-го февраля 1632 г. показывал, быв вызван в Москву и явившись в Разрядный Приказ, что поместья за ним в Алексинском уезде 130 четвертей, да в Лихвинском 160, кроме 178 четвертей вотчин; что дворов крестьянских и бобыльских за ним 18, и что на государевой службе он будет на коне с пищалью, да за ним

будут один человек на коне с пищалью, а другой – в обозе. Показание это потребовалось от него ввиду начинавшихся приготовлений к походу против Польши; участвовать в нем Михаил Алексеевич был призван в должности головы. Пришлось ему выдержать несчастную осаду под Смоленском, которая окончилась 19-го февраля 1634 года сдачею боярина Шеина и окольничего Измайлова на милость Владислава. С разрешения последнего, потянулись жалкие остатки Русского войска к Москве, где вышеназванных вождей ожидала смерть, пощадившая их в боях; после казни их, по обвинению в измене, многие другие воеводы и второстепенные чины были сосланы, но служба Ртищева не дала повода к подозрениям и была достойно награждена прибавкою ему за рану и за ратные подвиги денежного и поместного оклада. Вслед за тем оценка его заслуг выразилась в предоставлении ему подходящего назначения. Потерпев неудачу на окраине западной, правительство обратило внимание на восточную и южную и стало укреплять их и увеличивать назначенные для их защиты силы, опасаясь попыток беспокойных соседей воспользоваться годиною слабости государства, только что потерявшего десятки тысяч ратных людей. Осенью 1635 года были посланы многие дворяне «разных засек досматривать, и делать им же», а в соответствующих городах были сосредоточены отряды воинских людей. Между прочим, в Темников, значительный Мордовский город, где, по счету Разряда, было Мордвы 1120 дворов, назначен был воеводою М. А. Ртищев, под начальством коего здесь находились служилые мурзы и рядовые Татары, Черкасы и посадские люди. Из Москвы, через посредство полковых и городских воевод и засечных голов, зорко следил за каждым движением грозивших нападением инородцев – крымских татар, нагайцев, калмыков – Приказ Казанского Дворца, напряженная бдительность коего раскрывается, между прочим, в трех любопытных указах его М. А. Ртищеву, сохранившихся в числе многих сотен бумаг рода Ртищевых в семейном архиве их потомков Кашкиных.

Два года жизни Михаила Алексеевича в Темникове были полны постоянных забот, связанных с ожиданием врагов; по

истечении же этого, обычно предельного срока воеводств он был отозван в Москву, откуда лишь изредка удавалось ему получить отпуск в Покровское, но где он не сразу выделился из толпы жильцов и уездных дворян: лишь в 1641 году был он пожалован в чин дворянина Московского, открывавший ему возможность видных назначений по службе, а сыновьям его, уже подраставшим, дававший право на начало службы прямо «по Московскому списку».

Следующие четыре года Ртищев провел на Москве, если не считать почти ежегодных поездок его, по хозяйственным надобностям, в деревни и отпуска, взятого им в 1642 г., 6-го сентября, на Тулу, по делу о розыске по поводу убийства зятя Ртищева – Вельяминова, его крестьянами. Этот Вельяминов, Вонифатий Кузьмич, потомок знаменитых тысяцких, в 1629 году был взят к себе Патриархом Филаретом в стольники, а по смерти его был пожалован в дворяне Московские; на дочери Ртищева Анне Михайловне он женился всего за год до своей насильственной смерти, после коей она весь остаток жизни провела во вдовстве.

Около того же времени потерпел М. А. Ртищев еще более тяжкую утрату в лице своей жены. О добродетелях ее и о предсмертном наказе ее старшему ее сыну, Федору большому Михайловичу, сохранились известия в его знаменитом «Житии».

По вступлении на престол, 13-го июля 1645 года, Царя Алексея Михайловича, для новых дел потребовались и новые исполнители, которых молодой самодержец сумел найти и быстро, и, в большинстве случаев, удачно. В числе лиц, всего ранее приближенных им к себе, оказался и Михаил Алексеевич Ртищев. Он находился в Туле, в полку стольника и воеводы князя Якова Куденетовича Черкасского, посланного туда еще при Царе Михаиле на случай прихода Крымцев. При Ртищеве были и оба его сына, начинавшие полковую службу. В июле приезжавшим из Москвы князем А. Н. Трубецким были они приведены ко кресту на верную службу новому Царю, а 27-го августа князь Черкасский с товарищами получил грамоту, повелевавшую «Михаила Ртищева с детьми отпустить с государевы службы, с Тулы, к государю, к Москве», что и было

исполнено в тот же день. Прибыв в Москву, Михаил Алексеевич 6-го сентября 1645 г. был пожалован стряпчим с ключом и немедленно приведен, в царской столовой, к присяге на эту должность. Стряпчие присягали, между прочим, «государю своему служить и прямить, и лиха никакого ему государю не мыслите, и в платке и в полотенце и во всякой стряпне коренья лихова самому не положить и мимо себя никому положить не велети, и его государева здоровья во всем оберегати». Предместник Ртищева – И. М. Аничков был в тот же день повышен в постельничие, и обряд объявления ему этого пожалования исполнял Михаил Алексеевич, начавший, таким образом, уже на склоне лет новую для него службу – придворную. Как случился этот переворот в его судьбе, сохранившиеся источники не объясняют; был ли он почему-либо лично известен новому Царю, или кем-либо указан последнему, не известно; из родни же его находился в то время при дворе один лишь упомянутый выше племянник его Б. М. Хитрово, служивший тут уже двенадцать лет, все в той же невысокой должности стряпчего у крюка в комнате. Сменен он был в ней двоюродным братом своим Федором Большим Михайловичем Ртищевым одновременно с назначением отца последнего в непосредственные ему начальники – стряпчие с ключом.

Обязанности отца и сына Ртищевых сводились к заботе о царском платье, о постельных принадлежностях и о прочих предметах комнатного, спального и дорожного царского обихода, к наблюдению за изготовлением этих предметов в Государевой Мастерской Палате и т. п., причем все стряпчие были подчинены постельничему. Сколь ни ничтожны были эти должности по существу, они представлялись, тем не менее, весьма завидными вследствие постоянной близости лиц, занимавших их, к особе Царя. При нем ежедневно находились постельничий и означенные придворные стряпчие, будь то будничный день или день какого-либо торжества; так, например, 28-го сентября 1645 г., при венчании Алексея Михайловича на царство, М. А. Ртищев держал мису с золотыми, которыми осыпал Царя боярин Н. И. Романов. При царе находились они во время всех походов – как ратных, так и на богомолье или на

охоту. С Царем делили они его развлечения, делили иногда и заботы. Став, благодаря этому, коротко знаком Царю, Михаил Алексеевич был высоко оценен им и принят в немногочисленный кружок ближайших к нему людей. Видно это, между прочим, из известного шуточного прошения Царя Алексея, в котором он бьет челом нескольким «бояром нашим, и окольничим, и кравчему с путем, и стряпчему с ключом», т. е. Ртищеву, приглашая их в подмосковное дворцовое село Озерецкое на медвежью охоту, и, напоминая разные их просьбы и свои милости каждому порознь, просить и их не отказать ему. Кроме подаренной Ртищеву лошади, упомянутой в этом «прошении», царское благоволение к нему выражалось в то время и иными пожалованиями. Конечно, ценил в нем Царь Алексей не способность только ведать «государеву стряпню»: иначе он, например, не послал бы его, в январе 1646 года, во Мценск к стоявшему тут во главе предназначенного против Крымцев войска князю А. Н. Трубецкому с поручением – о здоровье спросить (что было Ртищеву выгодно, ибо пожалованные царским спросом о здоровье всегда, по обычаю, одаривали привозившего им эту государеву милость) и с повелением остаться при князе Трубецком «во дворянех»: ясно, что Царь Алексей рассчитывал при этом на пользу от боевой опытности Ртищева. Но на этот раз быть в сражениях ему не пришлось, ибо Татары, не дойдя до Мценска, были разбиты воеводами князьями Ф. А. Хилковым и С. Р. Пожарским и другими и поспешили вернуться восвояси, а Трубецкому с товарищами в том же январе было указано возвратиться на Москву.

В течение первого года придворной службы Ртищева положение его окрепло вполне, и уже в 1646 г., «сентября в 8 день, на Рожество Пречистые Богородицы, пожаловал государь в постельничие стряпчего с ключом Михаила Алексеевича Ртищева». По новой должности на него ложилось немало разных мелких хлопот, но их значение прекрасно выясняется текстом присяги, которую он должен был принести. В «приписи постельничему» выдвинуты на первое место две обязанности: оберегание царского здоровья и сохранение в тайне, впредь до

указа, «государских дум», которые, предполагалось, могли, так сказать неизбежно, быть известными постельничему, по особой его близости к царю. Требуется от него эта «припись», главным образом, личной преданности государю, которого он должен старательно охранять; о хозяйственных же обязанностях его по отношению к «государевой казне», т. е., ко всем предметам домашней царской обстановки, упоминается на последнем месте, причем требуется лишь сохранение «казны», т. е., честность, а о разнообразных заботах, связанных хотя бы только с управлением Государевой Мастерской Палатой, даже вовсе не говорится. Заботы эти едва ли и тяготили Ртищева, ибо их делили с ним занявший место стряпчего с ключом сын его Федор большой и целый штат подчиненных, например, особый подьячий, впоследствии пожалованный дьяком, который, с чрезвычайной тщательностью, вел книги царскому платью. Лично на Михаила Алексеевича постоянно возлагались особые, самые разнообразные поручения. Через него производились иногда пожалования в чины; ему же обычно поручался разбор ссор, беспрестанно происходивших на «постельном крыльце» между проводившими там ежедневно долгие часы стольниками, стряпчими и иными чинами. Из Сибирского Приказа вносилась «в верх», в Государеву Мастерскую Палату, по именному царскому приказу, «казна соболиная», которую Царь жаловал своим приближенным; принимал соболей Ртищев или его дьяк. Жалуя других при посредстве Ртищева, Алексей Михайлович не забывал и его самого: так, 11-го февраля 1647 года сделаны были в подарок дочери Ртищева нарядные летник, шубка и каптур; в следующем месяце, на праздник Благовещения, Михаилу Алексеевичу была сказана новая милость пожалованием его сына Федора Меньшого из простых стряпчих в стольники.

Конец этого года ознаменовался встречей Царя Алексея у своих сестер с красавицею Марьею Ильинишною Милославской, вскоре избранной в царские невесты. В этом звании она, по обычаю, жила уже «вверху» – во дворце. В это время всевозможные заботы об ее обиходе, как-то покупка мыла индейского и грецкого, тафты червчатой и т. п., лежали на

Ртищеве. Накануне свадьбы, 15-го января 1648 г., пожалованы были ему и сыну его Федору Большому, безденежно, два сорока соболей по сорок рублей, да два сорока соболей по тридцать рублей, чтобы они имели возможность теми соболями ударить челом Царю и новой Царице «на их государской радости». Пожалованы были для того же десять сороков соболей сестрам государевым, Царевнам Ирине, Анне и Татьяне, которым передавал соболей М. А. Ртищев. 16-го января, в торжественном обряде царской свадьбы, он находился «у мыльни», сын его Федор Большой был «у государева платья», а Федор Меньшой Михайлович был вторым из четырех стольников, которые «путь государю и государыне стлали от церкви к месту и от места к сеннику». Были на свадьбе, в числе дворян «сверстных», и Соковнины: Прокофий Федорович значится в свадебном разряде в конце списка дворян, шедших за государственными «санми» перед И. А. Милославским, а сын его Федор Прокофьевич Соковнин записан после Милославских в числе стольников-поезжан. Места, занятые ими при этом, являются несомненным подтверждением догадок И. Е. Забелина и некоторых других историков, указывающих на родство Соковниных с Царицею Мариєю Ильинишною, хотя родословцами родство это доселе не разъяснено. Михаилу же Алексеевичу Ртищеву Прокофий Федорович Соковнин приходился, как можно заключить из некоторых, частью обнародованных, частью еще не изданных документов, двоюродным братом (по-видимому, матерью Соковнина была сестра Алексея Давыдовича Ртищева, носившая, кажется, имя Анны). Рождается вопрос: не участвовал ли М. А. Ртищев в доставлении Марье Милославской доступа к Царевнам, у которых впервые увидал ее Царь Алексей? Обращение его внимания на дочерей И. Д. Милославского приписывается Коллинсом боярину Борису Ивановичу Морозову, впоследствии женившемуся (26-го января 1646 г.) на Анне Ильинишне Милославской; но следует вспомнить, как близок был к Морозову племянник М. А. Ртищева и, следовательно, двоюродный племянник П. Ф. Соковнина – Богдан Хитрово. Есть, впрочем, и разноречие: Котошихин рассказывает, что

Алексей Михайлович впервые увидел свою будущую жену в Успенском соборе и после того сам велел представить ее своим сестрам, но случайна ли была эта встреча в соборе? Как бы то ни было, в ряду назначений на многочисленные должности двора молодой Царицы виднейшие места были отданы П. Ф. Соковнину и дочери Ртищева – А. М. Вельяминовой. 28-го января Соковнин (кстати сказать, и земляк Ртищева по Лихвинскому уезду, и товарищу его по осадному сидению при Шуйском, а в конце царствования первого Романова – по службе на Москве) был пожалован в царицыны дворецкие, т. е., и управляющие ее двором; в деловых сношениях его именовали потом даже «царицыным окольниковым», то есть, чином не существовавшим; но в окольниковые обыкновенные он действительно пожалован был – 17-го марта 1650 г., чему мог способствовать происшедший в 1649 году брак его дочери Федосьи с боярином Глебом Ивановичем Морозовым, братом знаменитого, а тогда уже павшего Бориса. Дочь М. А. Ртищева – Анна Вельяминова получила немедленно после царской свадьбы высокую должность царицыной кравчей, а уже 30-го марта того же 1648 г. заняла место второй царицыной боярыни «верховой» или «дворовой» и вскоре стала одним из влиятельнейших при дворе лиц; младший же брат ее, Федор меньшой, младший сын Прокофья Соковнина Алексей и несколько позже семилетний сын Вельяминовой Борис были назначены стольниками к Царице.

В октябре 1648 г. Михаил Алексеевич Ртищев был послан в Белгород к воеводам князю Никите Ивановичу Одоевскому и князьям Д. и С. Львовым и в Карпово-Сторожевье к воеводам В. П. Шереметеву да А. Плещееву – о здоровье их, от имени Царя, спросить и объявить им и всем подчиненным им служилым людям похвальное слово за устройство вала от Белгорода к Карпову. Нет сомнения, что за исполнение этого поручения Ртищев был, по обычаю, одарен воеводами [Моск. Арх. Мин. Юст., столпец Белгородского стола Разрядного Приказа 230, лл. 67–77.]. Ввиду изложенного вполне понятно, что положение М. А. Ртищева после свадьбы Царя стало еще прочнее. Усиление его сказалось, между прочим, в небывалом значении,

приданном подведомой ему Мастерской Палате: она обратилась, с 1649 года, в особый Приказ для исполнения таких поручений молодого Царя, деятельного и настойчивого, которые он желал выделить из обычного течения приказных дел, желал видеть выполненными в особом порядке. Говоря словами проф. И. Я. Гурлянда, «нужны ли были Царю деньги на расходы, а какие – про то Царь ведает; желал ли Царь послать на тюремные дворы милостыню колодникам, назначал ли он раздачу бедным всяким людям, зимнего ради времени, на шубы – обо всем этом Царь приказывал Мастерской Палате, а та уже от себя посылала памяти в разные Приказы, требуя присылки денег «в верх». На подъячих Палаты возлагались самые разнообразные поручения – например, «выведывать прохладные цены мимо Большого Приходу» и т. п. Палата помещалась в самом дворце, а в походы сопровождала Алексея Михайловича в виде «Мастерского шатра». Невозможность брать с собою хотя бы лишь «шатры» или отделения решительно всех Приказов усугубляла потребность создать для личных, особых поручений Царя по всем ведомствам отдельный штат состоявших в его непосредственном распоряжении подъячих, из которого постепенно и выработался самостоятельный и знаменитый «Приказ Великого Государя Тайных Дел».

Бесцельно перечислять особые поручения, возлагавшиеся на главу Мастерской Палаты; их было тем больше, что он пользовался славой доброго человека, привлекавшей к нему обездоленных людей. В архиве его потомков сохранились акты вроде отписи от 30-го августа 1647 года, сообщающей, что к Ртищеву «била челом во двор» беглая от мужа жена сына боярского и т. п. Все существо его было проникнуто глубокою верою, настолько живою, что даже в летописи Троице-Сергиевой Лавры записано о чуде исцеления от жестокой, мучившей его два года болезни «чрева», совершившемся над Ртищевым, когда он сопровождал Царя, с 22-го мая 1650 года, в поход, чрез Троицу, в Углич, через помазание водою, захваченной с собою в Углич из незадолго пред тем открытого в Лавре чудодейственного источника; воды было взято с собой

мало, Михаил Алексеевич посылал за новым запасом ее; помазавшись ею, он выздоровел вполне, но сперва опасался возврата болезни, а убедившись в окончательном исцелении, поспешил к Троице молить у преподобного Сергия прощения в неверии! Такая набожность сближала его с людьми церкви; короток был он в описываемые годы даже с человеком узким и жадным, хотя не лишенным и достоинств, с Патриархом Иосифом, от которого, между прочим, присланный однажды к нему от Царя спросить о здоровье, получил он в подарок художественный серебряный кубок и другие предметы.

Уже 6-го августа 1650 г. удостоился Ртищев нового пожалования – прямо в чин окольничего, что, по «неродословности» его, являлось отличием выдающимся. Об ней пришлось Михаилу Алексеевичу вспомнить в самый день своего пожалования: обряд объявления ему «чести окольничества» должен был совершить думный разрядный дьяк С. И. Заборовский, потомок древнего польского рода, служившего на Руси с княжения Василия Иоанновича, бывший до дьячества даже воеводою в Суздале; «и Семен Заборовский бил челом государю в отечестве на Михаила Ртищева», но потерпел полную неудачу: по указу Царя Алексея, явно преуменьшившего в пользу своего приближенного те данные, которые имел Семен Иванович на это местничество, ему было объявлено, что «мочно ему, Семену, быть с Михайловым внуком, не токмо с Михайлом», и за бесчестье последнего он был отведен в тюрьму. После этого более никто с Ртищевым не местничал.

В должности постельничего Михаил Алексеевич был сменен 11-го августа старшим сыном своим (замещенным 15-го августа в должности стряпчего с ключом двоюродным дядей своим Григорием Ивановичем Ртищевым) и освободился от хлопотливой придворной службы, менее соответствовавшей его годам и опытности, нежели новая его служба – думная. Но, кроме обязанности участия в Думе боярской, на него вскоре была возложена еще одна, притом самостоятельная – управление Новою Четью. Так назывался Приказ, ведавший казенную продажу питей в кружечных дворах и дела о

корчемниках, – очень важный по крупному доходу, который он собирал. Памятником Ртищевского управления им остался появившийся 15-го февраля 1652 г. весьма необходимый царский указ, определивший все стороны дела казенной продажи питей. Полезен был Ртищев в этом ведомстве, где постоянно царили злоупотребления, и по своей честности, доказываемой тем, что при высоких своих окладе и положении он, как видно из многих документов, остался человеком среднего достатка и притом постоянно нуждался в деньгах.

При дворе он в это время появлялся изредка, по приглашениям на царские обеды; еще реже сопровождал он Царя на богомолья (так, уехав в объезд 15-го сентября 1650 г., Алексей Михайлович поручил Москву двум боярам и окольничему Ртищеву), но случайно ли, нет ли, он перестал показываться на придворных пиршествах и торжествах после кончины (15-го апреля 1652 г.) Патриарха Иосифа, глубоко его поразившей. Царь Алексей, описывая Никону погребение Иосифа, рассказывал, что и сам «надселся, плачучи», и ближние его «перервались, плачучи», в том числе Ртищев, который затем из казны покойного получил, по государеву распоряжению, тысячу рублей для раздачи бедным и на выкуп несостоятельных должников, выставленных «на правеж».

Можно думать, что тогда и созрела в нем окончательно мысль уйти «от здешнего прелестного и лицемерного света», как выразился в означенном письме Царь Алексей. Еще одно, последнее поручение его исполнил Ртищев – съездил в знакомый ему издавна Темников по какому-то тайному делу, «для сыскных дел», в сопровождении племянника своего Петра Сомова, летом 1652 года. Позже мы видим во главе Новой Чети Богдана Хитрово, а Ртищева – живущим «по обещанию» в Московском Новоспасском монастыре. Проводя в его «священном уединении остаток жизни своей», он, по свидетельству одного посетившего тогда Москву поляка, бывал все-таки «иногда приглашаем для тайного совещания с царем о важных государственных делах», преимущественно, надо думать, по делам благочестия и благотворительности, которым в круге ведения Приказа Тайных Дел принадлежало столь

видное место. Большого пострига Ртищев, несомненно, не принял, так как до конца жизни именовался, даже в списках монастырской братии, окольным, но был, может быть, в тайном рясофоре. На это намекает, между прочим, «похвальная» грамота с «милостивым словом и поздравлением» и с росписью завоеванных городов, присланная ему государем с похода против Польши от 14-го ноября 1655 года: обращена эта грамота к «окольному нашему или рабу Христову Михаилу Алексеевичу Ртищеву». С лишком двадцать лет, проведенных им в монастыре, были полны то предстательством за лиц, прибежавших к его содействию, то исполнением предсмертных поручений знакомцев, избравших его, за честность и благочестие, в душеприказчики (как дворянин московский Григорий Иванович Горихвостов и окольный Ждан-Тимофей Васильевич Кондырев), то строением храмов. Мирное, несмотря на заботы эти, течение жизни Ртищева было, однако, нарушено в 1662 году появлением в Новоспасском монастыре нового келаря – Иоакима Савелова.

Об отношениях к нему Ртищева сохранились повествования двух современных писателей самых противоположных направлений. Именно поэтому надлежит признать достоверным вполне совпадающий рассказ их о покровительстве, оказанном Савелову как Федором Большим Ртищевым, так и его отцом. Знаменитый раскольник Федор дьякон (Московского Благовещенского собора), быв сослан в Пустозерск, в послании оттуда к сыну своему Максиму обрисовал жизнь и личность Иоакима красками самыми мрачными, тогда как Новоспасский инок Игнатий Римский-Корсаков, составивший житие Патриарха Иоакима, приравнивал этого гонителя «древлего благочестия» к святым; но и у последнего находится рассказ о том, как однажды, во время всеобщей, недовольные келарем Иоакимом клирики отказались идти петь на клирос и грозили покинуть монастырь; как архимандрит не принял Иоакима под защиту и дело могло плохо кончиться для последнего, если бы не выступил Ртищев и увещанием и угрозами не побудил клириков пойти петь, а затем и примириться с Иоакимом.

Конечно, автор панегирического «Жития» изображает Ртищевых плененными высокими духовными качествами Савелова, тогда как лишенный языка Пустозерский узник выставляет Иоакима человеком без всяких искренних убеждений, да и твердых нравственных начал; но из сопоставления повествований обоих писателей нельзя не заключить, что без покровительства и своевременной защиты Ртищевых неизвестному до монашества Савелову вряд ли удалось бы занять первенствующее положение в Русской церкви. Когда он достиг его, один из Ртищевых уже окончил жизнь, другой был близок к ее концу, но светлые стороны шестнадцатилетнего патриаршества Иоакима продолжали выдавать некоторые свойства и взгляды его, напоминавшие о бывших его покровителях. Такое отношение к Савелову отчасти объясняется положением, занятым им в деле церковных нововведений и борьбы Никона с приверженцами старины. В житии знаменитой боярыни Морозовой (дочери Прокофия Соковнина) приведены беседы с нею дяди ее М. А. Ртищева, тщетно пытавшегося убедить Федосью Прокофьевну в разумности Никоновских новшеств. Кстати сказать, что при дворе не было у Никона более страстной защитницы, чем Анна Михайловна Вельяминова; отец же ее от деятельного участия в судьбе Никона был удержан своим иноческим житием, но лично был настолько дружен с ним, что из стана старообрядцев получил именование «любимый сосуд Никонов», хотя между приверженцами старины имел людей столь близких, как шурин его Спиридон Потемкин, как Соковнины и многие другие.

Неизвестно, когда именно, но только после 1663 года Р. в своей выслуженной и, очевидно, любимой вотчине – селе Покровском – выстроил, взамен прежней деревянной, новую каменную церковь; ближайшему же к селу Покровскому монастырю – Доброму Покровскому, он благодетельствовал издавна. Еще 2-го февраля 1653 г. он упросил Царя Алексея пожаловать этой обители рыбные ловли по частям рек Оки и Упы с притоками и озерами, а в 1667 году в этом монастыре была выстроена соборная каменная церковь, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, с теплою трапезою, «промыслом и радением окольничева Михаила Алексеевича Ртищева со

вкладчики». По его ходатайству, на постройку эту Царь Алексей «пожаловал связного железа чetyреста пуд с Тульских заводов», как сообщает вкладная книга Доброго монастыря, а сам Ртищев пожертвовал 400 рублей. Очень вероятно, что его же просьбам был обязан этот монастырь множеством вкладов, вслед за тем внесенных туда близкими Михаилу Алексеевичу лицами – Соковниными, Милославскими, Хитрово, Ртищевыми и другими. С его легкой руки Добрый монастырь процвел, как никогда, особенно после того, как здесь, по его челобитью, учреждена архимандрия, а в 1672 году архимандритам дозволено совершать священнослужение в епископской шапке и на ковре. Таким образом соорудил себе М. А. Ртищев в Добром монастыре прекрасный памятник, благополучно существующий и по настоящее время; но благотворил он и другим обителям, например Перемышльскому Успенскому Шаровкину монастырю и иным.

Старость Ртищева была омрачена рядом тяжелых семейных утрат: сперва – меньшого его сына, затем старшего, знаменитого «милостивого мужа», и наконец и дочери. Еще до кончины ее, а именно в марте 1675 г., составил он, по-видимому, последнее завещание, назначив душеприказчиками боярина и оружейничего Б. М. Хитрово, да «зятьев» своих (т. е., мужей внуков) князей Василия Федоровича Одоевского и Федора Федоровича Хилкова и духовника своего, священника Никифора, «что книг печатных справщик». Распределив между наследниками образа, два Московских двора и вотчины, купленные и выменянные в разных уездах, и оставив единственному внуку своему Ртищеву, сыну Федора меньшого, – Михаилу, все свои книги, он завещал на отпевание свое пригласить патриарха Иоакима да митрополита Павла, а похоронить себя в Добром монастыре. 10-го апреля 1677 года Царь Феодор Алексеевич слушал челобитную «холопа своего старого и увечного» Михаила Алексеевича Ртищева, последнюю на его веку, о том, что «заскорбел он великою тяжкою болезнью», и быть при нем некому (кроме, разумеется, женщин-родственниц), а потому просил не посылать на службу племянника его (двоюродного) Максима Григорьевича Ртищева,

назначенного в полк боярина и воеводы князя В. В. Голицына. Молодой царь удовлетворил прошение заслуженного старца вполне: «для его болезни и старости велел племянника его написать в свой, государев, полк».

Михаил Алексеевич скончался, достигши глубокой старости, и был отпет патриархом 3-го декабря 1677 г. в ближайшей к дому, где жила (в Пятом переулке Знаменки) семья Ртищевых, церкви Николая Чудотворца за Боровицким мостом, у богадельни. Погребен ли он, согласно завещанию, в Добром монастыре – не известно, и предания о погребении его здесь в обители этой не сохранилось...

Московский Архив Министерства Юстиции, боярские книги, боярские списки, столицы Московского стола, дела старых лет по Лихвину и Алексину, писцовые книги и мн. др.; Моск. Арх. Мин. Юст., столпец Московского стола Разрядного Приказа 526, № 30; Архив Департамента Герольдии, дела о дворянстве Ртищевых по Калужской, Курской и др. губерниям; Московское Отделение Общего Архива Министерства Имп. Двора, книга № 947; Архив Кашкиных в с. Нижних Прысках (ныне в Имп. Академии Наук): грамоты жалованные, похвальные, указы из Приказа Казанского Дворца, два списка завещания М. А. Ртищева, «Житие милостивого мужа Феодора званием Ртищева» и мн. др. документы; «Акты Московского Государства», т. I, стр. 81, том II, стр. 164 и др.; «Русская Историческая Библиотека», т. XV, стр. 87, X, с. 316 и др.; «Дворцовые Разряды», т. II, ст. 486, 655, 752, 836, 959, 967 и др.: III, ст. 13, 22–26, 47–80, 82, 83, 84, 151, 181–183, 187, 198, 220, 290, 302 и мн. др.; «Книги Разрядные», т. II, ст. 931; «Записки Отделения Русской и Славянской Археологии Имп. Русского Археологического Общества», т. II, стр. 711; А. Е. Викторов, «Описание записных книг и бумаг Московских Приказов», вып. I, стр. 201; И. Е. Забелин, «Домашний быт русских царей», т. I, стр. 270–273 и 283–285 и др.; он же, «Домашний быт русских цариц», стр. 496–7 и др.; приложения стр. 83, 95 и др.; А. Зерцалов, «О мятежах в г. Москве и селе Коломенском», стр. 4–6 и мн. др.; «Известия Калужской Ученой Архивной Комиссии» 1897 г., № 5, стр. 75; И. Я.

Гурлянд, «Приказ Великого Государя Тайных Дел», стр. 66–68, 69–70; «Церковно-Исторический Месяцеслов Троице-Сергиевой Лавры», стр. 55; «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2, т. XX, стр. 343; «Полное Собрание Законов», т. I, стр. 262, № 72; «Акты, собр. Археографической Экспедицией», т. IV, № 57, стр. 83–84; «Северный Архив» 1825 г., ч. 19; Н. Субботин, «Материалы для истории раскола», т. т – житие Аввакума; т. VI, стр. 228, 229; т. VIII, стр. 149 и сл.; «Житие св. патриарха Московского Иоакима», по изданию Л. М. Савелова, стр. 8 и 10; Арх. Леонид, «Описание упраздненных монастырей в пределах Калужской епархии», стр. 68; его же, «Описание Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря», стр. 511, 516, 562; его же, «Описание Покровского Лихвинского Доброго монастыря», стр. 12–14, 30, 37, 52 и др.; Н. Н. Кашкин. Родосл. разведки, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, СПб. 1912, стр. 365–381.

Ртищев, Михаил Федорович

Ртищев, Михаил Федорович, комнатный стольник всех сыновей Царя Алексея Михайловича, воевода, комендант и, наконец, судья Расправной Палаты при Сенате; родился во второй половине 1662 года, скончался в 1720-х годах. По смерти отца своего, комнатного стольника и «ближнего человека» Царя Алексея – *Федора Меньшого Михайловича Ртищева*, последовавшей 28-го января 1663 года, он остался моложе полугода. На руках матери его, Ульяны Степановны, происходившей из довольно богатого Владимирского служилого рода Навалкиных, остались, кроме него, две дочери: Евдокия и Марья. Ульяна Степановна, по-видимому, скончалась вскоре после мужа, а потому естественно, что в воспитании сироты Михаила родственники его со стороны отца приняли участие очень деятельное. Родственники эти были (не упоминая про отдаленных): дед его, окольный *Михаил Алексеевич*, в то время уже маститый старец, живший в Московском Новоспасском монастыре, иногда вызываемый оттуда высоко ценившим его Царем для тайных совещаний; единственный родной дядя Михаила Федоровича – окольный и дворецкий, знаменитый «милостивый муж» Федор Большой Михайлович Ртищев, и единственная родная тетка – вдова Анна Михайловна Вельяминова, урожденная Ртищева, кравчая и верховая боярыня Царицы Марьи Ильинишны, с которою Ртищевы были, по-видимому, связаны, через родственников своих Соковниных, узами дальнего свойств. Федор Большой Ртищев и жена его Ксения Матвеевна (урожденная Зубова), родители двух дочерей: Акулины и Анны, не имели утешения вырастить сына, а потому Михаил Федорович и оказался единственным внуком и продолжателем рода Михаила Алексеевича Ртищева в мужском поколении. Едва ли он и не жил у дяди Федора большого Михайловича: по крайней мере, положительно известно, что по смерти его он жил у его вдовы в доме их на Знаменке. Давно потеряв этого дядю (ум, 21-го июня 1673), тетку Анну Михайловну (ум. в ноябре 1675 г.) и деда (ум. около 1-го

декабря 1677 г.), юный Ртищев, продолжая, вероятно, жить у тетки Ксении Матвеевны (скончавшейся в октябре 1681 г.), сохранил еще покровительство крестного отца и двоюродного дяди своего, боярина и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово, бывшего после Федора Большого Михайловича дворецким и имевшего, в царствование Феодора Алексеевича, огромное влияние; а после его кончины (27-го марта 1680 г.) стал дворецким бывший кравчий с путем, теперь боярин князь Василий Федорович Одоевский, муж Акулины Федоровны Ртищевой, которому, наравне с Хитрово и с мужем старшей из родных сестер Михаила Федоровича – стольником князем Федором Федоровичем Хилковым, поручил его в своем завещании дед. Но Хилков умер в 1681 г., а второй муж (с 1-го февраля 1689 г.) его вдовы – боярин князь Андрей Григорьевич Ромодановский, выходец из Крымского плена и сын известного полководца, умер в мае 1686 года; в том же году, 20-го декабря, скончался и Одоевский; но в живых оставался еще муж (с декабря 1680 г.) меньшей из двоюродных сестер Ртищева, Анны Федоровны, занявший вскоре очень видное положение – боярин князь Петр Иванович Прозоровский, воспитатель Царя Иоанна Алексеевича. Таким образом, до полной возмужалости своей Михаилу Федорович имел покровителей в лице самых влиятельных при дворе, да и в Приказах лиц, и вырастал в обстановке, редко кому выпадавшей в удел. Подробностей обучения его не сохранилось, но нельзя сомневаться в том, что просвещеннейший Федор Большой Михайлович Ртищев, блестяще образовавший воспитанника своего, Царевича Алексея, дал и своему племяннику наилучшее, мыслимое в то время образование. Дед его, умирая, завещал ему по особой росписи все свои книги, хранившиеся у него в келье; то же, вероятно, делали и другие его родственники.

Ко двору Р. был введен в самом нежном возрасте: уже в 1667 г., следовательно, четырех или пяти лет от роду, он был пожалован в комнатные стольники к Царевичу Алексею Алексеевичу, воспитаннику его дяди Федора большого Михайловича и ученику Алексея Тимофеевича Лихачева, а после кончины этого юноши (17-го января 1670 г.), прожившего

менее шестнадцати лет и унесшего в могилу столько светлых надежд, на него всеми возлагавшихся, он был взят в число комнатных стольников к следующему из царственных братьев – Феодору Алексеевичу, причем одновременно состоял стольником и спальником при новой Царице – Наталье Кирилловне. По восшествии Феодора Алексеевича на престол, 29-го января 1676 г., Ртищев был определен комнатным стольником и спальником же к юному Царю, но уже через 6 лет ему пришлось участвовать в погребении последнего, переноса «кровлю» его гроба из дворца в Архангельский собор, а затем чередуясь с другими опальниками в сиденье у постели покойного государя в течение шести недель. В наступившее после того двоецарствие Ртищев был назначен в комнату к старшему из братьев-царей, Иоанну, с 11-го июня 1682 года, тоже в стольники и опальники. В том, что он попал к нему, сыну Милославской, а не к Царю Петру, сыну Нарышкиной, сказался, конечно, отголосок старинной близости Ртищевых к покойной царице Марье Ильинишне; однако, дружеские связи Михаила Федоровича сосредоточивались не в стане Милославских: бумаги, от Ртищева оставшиеся, указывают, что он был в тесных сношениях с «новыми людьми», столь выдвинувшимися или выдвинутыми Богданом Хитрово, братьями А. Т. и М. Т. Лихачевыми, старыми знакомыми Ртищевых; вел знакомство с этой семьей и И. М. Языков, а известно, что он с Лихачевыми отстранил Милославских от власти, и что перед смертью Федора они хлопотали перед ним за Матвеева и Нарышкиных. Женильба Ртищева, очень ранняя, на Прасковье Семеновне Васильчиковой не изменила в этом отношении его положений: и шурин его, Григорий Семенович, служил стольником Царицы Натальи Кирилловны. Выше было уже сказано, что сам Ртищев под конец царствования Алексея Михайловича служил одновременно в «комнатах» Царицы Натальи Кирилловны и Царевича Феодора, между которыми, по воцарении последнего, несогласия начались неукротимые.

Не удивительно поэтому, что когда борьба Царевны Софии с братом ее Петром приняла оборот, заставивший Петра Алексеевича в ночь на 8-е августа 1689 года спастись верхом,

полураздетым, в Троице-Сергиев монастырь, садиться здесь как бы в осаду и сзывать к себе отсюда, грамотами, ратных людей, то Ртищев оказался в числе первых приехавших к Троице и в село Воздвиженское «в скорых числах многолюдством», и здесь, служа Царю Петру «верно», «всякую нужду принимал». По рассказу свояка Петра Великого, князя В. И. Куракина, столь быстро затем последовавшие выдача Шакловитого и свержение правительницы Софии были делом вышеупомянутого мужа двоюродной сестры М. Ф. Ртищева – князя П. И. Прозоровского, «который был человек набожной и справедливой и весьма противной Царевне Софии Алексеевне», а удалось это ему тем легче, что воспитанник его, Царь Иоанн «был в его руках и воле». По переходе власти к Нарышкиным, так скоро раскрывшим все свои отрицательные свойства, «другая же комната – Царя Иоанна Алексеевича, содержала себя в тишине; токмо Его Величество отправлял церемонии церковные и публичные, а в правление никак не мешался. И той стороны только дядька его, боярин князь П. И. Прозоровский сидел в большой Казне и ведал Денежной Двор и управлял со всякою верностью и без мздоимства, понеже был человек набожной, которой до своей смерти был содержан честно, и так скончал свою жизнь». К тихому и незаметному двору Иоанна Алексеевича пристроил Ртищев в 1693 г. в комнатные стольники и десятилетнего сына своего *Василия*, и до самой кончины (29-го января 1696 г.) этого жалкого, больного Царя тихо и незаметно текла при нем жизнь Ртищевых. Таким образом, до 35-го года жизни нес Михаил Федорович исключительно стольничьи и спальничьи обязанности, конечно, как в Москве, так и при царских выходах в подмосковные «потешные» села и на богомолья в окрестные монастыри. В том же роде были и немногие особые поручения, на него возлагавшиеся, вроде посылки его в Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим) 12-го июля 1681 г., с приказанием отслужить соборно молебен о здравии и многолетию Царевича Ильи Федоровича; «и стоял до отпуску молебное пение, и дал великого государя жалованье братии на милостыню 100 рублей денег». Но наступило

единодержавие Петра, и вместе с преображением всей России преобразилась и жизнь Ртищева.

Зачислив его в свои ближние стольники, Петр I не мог ограничить свои требования к нему тем, что удовлетворяло его царственных братьев: он видел в Ртищеве свойства ума и духа, которыми дорожил для общей службы родине, видел даже образованность и предполагал способность к восприятию знаний; но не видел тех именно сведений, в которых нуждался. Все это побудило Петра, несмотря на зрелый возраст Ртищева, включить его в число тех, большей частью молодых комнатных стольников, которых он, 11-го января 1697 года, решил отправить за границу, частью в Англию и Голландию (22 человека), частью в Италию (по бумагам Кабинета Петра Великого – 43 человека, а по другим сведениям – меньше). 25-го февраля были написаны о последних две грамоты к Венецианскому дожу Сильвестро Валерио и посланы при двух поехавших в Венецию отрядах стольников, причем приняты были меры «для того, чтобы в иноземческих краях подлинно не ведали, какого чина и каких пород для науки в их государства посланы», как записал в свой дневник П. А. Толстой (впоследствии граф). Но тем временем, по доносу стрельца Елизарьева, Петр узнал про недовольство, вызванное им в Цыклере, Пушкине и последователе (как и родня его) «Капитонской ереси» окольничем Алексее Прокопьевиче Соковнине, между прочим тем, что сыновья Пушкина и Соковнина предназначались также в посылку за море для ученья. Следственный розыск окончился казнью Соковнина 4-го марта и ссылкой, по указу 20-го марта, его брата боярина Федора и всех их сыновей, людей, близких Ртищеву и по родству, и по воспоминаниям о тесной дружбе предыдущих поколений Ртищевых и Соковниных. Гроза, стрясшаяся над этой семьей, задела Михаила Федоровича лишь нравственно; более чем вероятно, однако, что подозрительный Царь запомнил связь Ртищева с противниками его новшеств. Тем не менее, Ртищев в Италию был послан. Помянутый выше сего князь Б. И. Куракин, тоже туда посланный «для наук навтичных», рассказал в своих записках, что выехал он с товарищами в марте на

Смоленск, Варшаву, Ченстохов, Силезию, Моравию, Ольмюц, Вену и через горы доехал до Венеции в июне, и что к ним было приставлено на эту поездку по солдату Преображенского полка; Ртищева сопровождал Павел Волков. Проучившись до осени в Венеции, поплыли стольники в конце сентября в Далмацию; из Рагузы – в «Бор-град», причем едва не утонули, попав в жестокую бурю; были у мощей Николая Чудотворца, съездили в Неаполь, в Рим и вернулись в Венецию. Отсюда следующим летом они вновь ходили в морское плавание. Пребывание их в Италии увековечено, между прочим, доныне висящей в ратуше далматского городка Перасто картиной, изображающей морехода Марка Мартиновича за обучением пяти молодых русских, представленных в одеждах и шапках древнерусского покроя. В надписи на картине переименовано 16 учеников, а именно 9 князей и 7 «бояр», в том числе Ртищев («Mihailo Nrtisev»). Князь Куракин, а потом, вероятно, и остальные, выучился у Мартиновича и у Франциско Дамиани графа ди Вергада «аретъметики, гиометрии теярики – 5 книг Евклидеса, гиометрии практики, тригонометрия пляны, острономии часть до навтики, навтики, механики, фортофикации офеньсивы и дифенсивы; и также некоторую часть в разговоре и читать и писать италинского языку». Сюда, в Италию, ждали к себе стольники Царя, побывавшего в Голландии и Англии, где тогда учился родственник Михаила Федоровича – Иван Богданович Ртищев, впоследствии майор, убитый в Саксонии, вероятно, в 1704 г. Из Вены и Пресбурга Петр собирался в Венецию, но весть о новом Стрелецком бунте заставила его повернуть в Москву, на новые розыски и казни... Пока он был занят ими, стольники-студенты, в октябре 1698 года, уже двинулись в обратный путь – на Вену, Краков и Киев, где «сподобились видеть мощи чудотворцев Печерских», и вернулись в Москву в феврале, но уже не застали здесь Царя, еще 23-го октября уехавшего на судостроение в Воронеж.

Отдохнуть в родной Москве пришлось Ртищеву очень мало – его дальнейшая служба была уже определена, как видно из завещания, написанного им 26-го февраля 1699 года, «при отъезде своем на службу Великого Государя под Азов».

Впрочем, по запискам князя Куракина, в марте стольники отправились в Воронеж на испытание их Царем, а оттуда Петр послал только его и Толочанова прямо к Азову, а прочих отпустил, может быть только на время; служба же под Азовом, незадолго перед тем завоеванным, заключалась в сопровождении отправлявшегося в Турцию посла Е. И. Украинцева до Керчи, куда он от Таганрога плыл на сорокашестипушечном корабле «в государевом морском корабельном и галерном караване», под предводительством генерал-адмирала Ф. А. Головина, причем на одном из кораблей флота – «Апостол Петр», командиром был сам Царь. 28-го августа Украинцев отплыл в Константинополь, а участники плавания в Керчь в октябре вернулись в Москву. Морские познания, вывезенные из Италии, не обратили ни Ртищева, ни соучеников его в офицеров флота и в начавшийся в следующем году сухопутный Шведский поход был назначен и он. Однако до ухода на войну он еще успел выдать замуж старшую из двух дочерей своих, *Агриппину*, 1-го мая 1700 года, за князя Василия Андреевича Кольцова-Масальского, впоследствии майора Троицкого драгунского полка (род. 1666 г., ум. 15-го февраля 1733 г.), и затем пересоставить завещание.

Не помешало участие в Северной войне и самому, давно уже вдовевшему Михаилу Федоровичу жениться вторично, в начале 1703 года, на вдове патриаршего боярина Матвея Григорьевича Баскакова (умершего в 1701 году) – *Ирине Ивановне*.

В войне принимал участие и тезка Ртищева, тоже Михаил Федорович, стольник и поручик, четвероюродный его брат, годами много моложе его; с целью избежать случавшейся путаницы, старший Ртищев испросил указ, последовавший 29-го июля 1701 года, чтоб ему «писаться в списках» и самому подписываться Михаилом Федоровичем Большим Ртищевым, но вскоре после того он избавился от непосредственного участия в войне, удостоившись назначения на должность воеводы в г. Севск – должность, весьма ответственную и хлопотливую, между прочим потому, что через Севск, издревле смотревший на татарскую «Свиную дорогу», или «Бакаев

шлях», шла в Москву дорога от Черного моря, а также оттого, что в Севский уезд входила знаменитая Камарицкая волость, исстари населенная бродячею и беглою буйною «вольницею». В правительственных архивах сохранилась поэтому очень обширная и разнообразная переписка Ртищева «с товарищи», за 1704–1705 года, с Приказами, например, о разных Греках, Нежинских и иных, задерживаемых в Севске по подозрению в шпионстве и в силу указа о непропускании торговых Греков «с товары и без товары» и «проезжих из-за рубежа Палестинских властей и архимандритов и игуменов с причетники, которые станут проситься для челобитья к Великому Государю о милостыне или для каких дел»; о подъемных лошадях; о копейном деле; о пойманных ворах и разбойниках; о розыске про бой и грабеж Камаричанами и Камарицким бурмистром посланцев гетмана Мазепы; о передаче денег в Приказ Военных Дел; о тяжёбных делах частных лиц и т. д. По обстоятельствам военного времени всеобъемлющая воеводская должность осложнялась еще более, но Ртищев справился с нею благополучно, что и вызвало впоследствии новое назначение его – комендантом в Ярославскую провинцию, 28-го марта 1712 года; но так как Ртищев «в Москве заскорбел», то новоучрежденный Сенат 3-го июня того же года определил назначить его к делам вместо Ярославской провинции – в Московскую губернию. Можно думать, поэтому, что хотя 4-го августа 1712 г. и было велено ему с сыном (в то время уже женатым на дочери сенатора князя Г. И. Волконского – Пелагее Григорьевне), как и всем «царедворцам» и высшим служилым людям, жить на острове Котлине, где раздавались безденежно земли и дворы, но в отношении его указ этот не был выполнен. Зато пришлось ему подчиниться, в числе прочих «палатных людей» и царедворцев, указу от 3-го июня 1714 года о постройке для себя дома в Петербурге.

Между тем, уже с сентября 1712 г. он состоял «судьею расправных дел», т. е., судьею Расправной Палаты при Сенате. Учреждение это произошло из Палаты того же имени, бывшей судным отделением при Боярской Думе, и вершило весьма многие виды спорных дел. Из числа первых сенаторов (коих

было всего девять) в Расправной Палате заседали М. М. Самарин и Г. А. Племянников, а судьями были, кроме Ртищева, Д. П. Протасьев, И. И. Леонтьев и Г. М. Петрово-Соловово. Сперва и Сенат, и Палата пребывали в Москве, но уже в 1714 г. были переведены в Петровский «Парадиз». Однако, один только Ртищев поехал в Петербург тогда же: остальные судьи не являлись и по Сенатскому указу от 26-го января 1715 года были в Петербург высланы, а деревни их отписаны на государя. Здесь Расправная Палата просуществовала при Сенате, хотя и подчиненная его надзору, но снабженная правами высшего апелляционного и кассационного органа, до 16-го января 1719 года, когда перешла под надзор Юстиц-коллегии, а 15-го июля того же года преобразована в С.-Петербургский Надворный Суд – высшую инстанцию областного судопроизводства (подобные суды были учреждены и в других значительных городах). Ртищев в должности судьи пережил все эти преобразования Палаты, но, по-видимому, после превращения ее в Надворный Суд получил, не став его членом, некоторый разряд дел в личное свое ведение. Сохранилась, например, подлинная и «заручная» (т. е., собственноручно подписанная) «сказка» стольника П. С. Тимирязева да двух приказных людей Мещовских имений «тайного действительного советника и кавалера» Петра Андреевича Толстого, села Серебряного да села Растворова, которые 10-го октября 1722 г. перед ближним стольником М. Ф. Ртищевым сказали, что обязуются впредь признавать за истинную межу между именьями Тимирязева и Толстого ту предположенную ими полюбовную межу, на которой Ртищев «признаки учинить и столбы повелить поставить, и ямы покопать по описанию с мерою, и те признатные росписи закрепит он, Михаил Федорович, своею рукою». Надо думать, что в данном случае Ртищев исполнял в Мещовском уезде особое Поручение Юстиц-коллегии; но если и нет, то уже очевидно, не С.-Петербургского Суда. Кстати заметить, что печальной памяти П. А. Толстой, будущий граф, старый сослуживец Ртищева по двору Иоанна, стал с апреля 1711 года его сватом, ибо сын Толстого – Иван женился на меньшей

дочери Ртищева, *Прасковье* (а не на княжне Троекуровой, как утверждают некоторые генеалоги вопреки документам).

Позднейших сведений о службе Михаила Федоровича не имеется, из приведенных же видно, что, несмотря на все данные для достижения весьма высокого положения, он и к шестидесяти годам своей жизни такого не приобрел. Между тем, целых две сотни бумаг, дошедших от него потомкам, раскрывают картину хозяйственной деятельности его, необычайно живой, доказывающей недюжинную трудоспособность, а нет оснований предполагать, чтобы о «государевом деле» он радел менее, нежели о своем. Объяснения следует, по-видимому, искать в том, что носитель преданий «милостивого мужа» Федора Большого Ртищева был по духу слишком далек от порочных приближенных Петра I и от самого Императора, который не мог не чувствовать этого и не мог желать, выдвинув его на видную государственную должность, часто иметь его перед своими глазами...

Хозяйственная деятельность Ртищева была очень сложна. За всю его жизнь поместий перебивало у него около ста: так, часто он получал их, покупал в вотчины, выменивал на меньшие с доплатою ему, отдавал сыну и вновь испрашивал в свой оклад. Вотчин кроме наследственных отцовских он получил несколько в дар – и от дяди Федора, и от его вдовы Ксении Матвеевны, и (две) от Богдана Матвеевича Хитрово. Первая жена если и принесла ему какое-либо приданое, то самое ничтожное: дочь простого стряпчего, выбрана она была, надо думать, за личные свои качества; вторая же его жена имела несколько вотчин и поместий, да дом за Москвою рекою, в приходе церкви Григория Неокесарийского, который Ртищев значительно расширил пристройками. Сам он унаследовал в Москве двор загородный, а 31-го января 1679 года купил за 800 рублей у дворянина Московского Матвея Никифоровича Спиридонова двор на Знаменке, в приходе церкви Иоанна Предтечи. Получал он и наследства: после умерших младшей сестры своей Марьи Федоровны Бутурлиной (в 1683 году) и двоюродной сестры – княгини А. Ф. Одоевской (Арзамасскую вотчину) в 1687 г. Бесцельно перечислять все уезды, где у него

были именья; по несколько же их было в уездах Московском, Лихвинском, Козельском, Воронежском, Тарусском и других. Помимо покупки им многих вотчин, ему были пожалованы: 14-го октября 1676 г., за службу отца его, треть сельца Лысцова в Коломенском уезде, а 23-го сентября 1689 г., за Троицкий поход – пустоши Домашовка и Барачна в Козельском уезде. Многие свои земли он впервые населил, например, «Дикое поле» Керенского уезда, «за валом», полученное им в поместье (а рядом испросили себе поместья родственник его, Тимофей Кириллович Ртищев, и несколько знакомцев), куда он перевел крестьян из Тарусской своей вотчины (сельца Кольцова) и Коломенской и основал в 1697 г. деревню Лютеж. По землевладению его очень много было у него тяжб, например, с Саввино-Сторожевским монастырем о крестьянах, с Н. Б. Пушкиным – о Козельской вотчине, с князем П. М. Долгоруковым и его братьями – о Коломенских сенных покосах, с Ханыковыми – об Алаторской вотчине, с Евдоксеем Племянниковым – о Лихвинской, с Дуровым и Тургеневым – о Воротынской вотчине, с И. М. Ладыженским – о другой Воротынской же вотчине. Последнюю свою тяжбу, как и большинство своих дел, Ртищев выиграл (решение дела напечатано в «Полном Собрании Законов», т. II, стр. 682); не одну тяжбу окончил он миром, но все-таки многие из них тянулись годами; для них Ртищев даже был вынужден держать особого «человека, который за дела ходит», но, направляя сам ход этих тяжб, он обнаруживал несомненную деловитость. В итоге, он создал крупное земельное состояние: по выделе сына и наделении дочерей большими приданными у него (в 1714 г.) все-таки оставалось 424 крестьянских двора.

В роду Ртищевых Михаил Федорович, как единственный в своем поколении представитель старшей ветви – притом самой знатной и богатой, считался главою и был добрым родственником; например, в 1688 году он озаботился выдачею замуж дальней родственницы своей – сироты Стефаниды Богдановны Ртищевой, за стряпчего Сытного Дворца Ивана Степановича Великопольского, и хотя отрок-брат ее Иван дал за ней поместье в 43¼ четверти в пустоши Коптевой (Белевского

уезда), Михаил Федорович подарил ей при этом несколько крестьян, да справил приданого на 350 рублей. Тимофей Кириллович Ртищев, жилец, Лихвинский и Белевский помещик, бездетный, жил у Михаила Федоровича, и тот не забыл его в своем завещании.

Когда после кончины Царя Феодора его преемниками был подтвержден указ его о подаче и Палату Родословных Дел поколенных родовых росписей, пришлось наконец заняться этим делом и Ртищевым, как ни далеки они были, по завету незабвенного Федора Большого Михайловича, от «высокоседания в родословиях». Вел это дело Михаил Федорович, и сохранившиеся в его бумагах три столпца открывают весь ход такового. Поручил его Ртищев крестнику Федора Михайловича большого – стольнику Самуилу Федоровичу Николеву, быть может, потому, что последний, как сын выезжего француза Nicol de Manor, сам родившийся в католичестве, мог быть более знаком, чем русские, с составлением родословий. Для этой цели были собраны извлечения из Разрядов, из «выезжей книги» и из частных родословцев; был послан человек к игумену Лихвинского Покровского Доброго монастыря за выпискою из соборного синодика, были использованы семейные бумаги, в том числе отметки о днях кончины и именин разных Ртищевых; велась переписка с членами других родов, происходивших от общего с ними родоначальника – Аслана-Челеби-мурзы; по всем этим источникам составлялась поколенная роспись, дополнялась и исправлялась самим Михаилом Федоровичем и была, наконец, переписанная набело, подписана им и представителями второй ветви рода, его троюродными дядьями Федором и Тимофеем Григорьевичами и племянником их Даниилом Максимовичем Ртищевыми; тем не менее, документ этот остался среди семейных бумаг, быть может потому, что не был подписан представителями младшей ветви рода (а в числе поданных в Разряд росписей Ртищевской нет, но пропала ли она, или вовсе не была подана, сказать невозможно). Нельзя не заметить, что столь добросовестное составление своей родословной, без украшения ее какими-либо вымыслами для придания своему

происхождению большого блеска, представляло в то время (а отчасти и в позднейшее) величайшую редкость.

Для характеристики Михаила Федоровича имеет немалое значение вышеупомянутое завещание его, в котором он, между прочим, особенно настаивал на отправлении сына своего Василия за границу, для ученья, года на два или на три, озаботившись и денежною стороною этой посылки, и выбором слуг для сопровождения Василия Михайловича.

Московский Архив Министерства Юстиции, боярские книги: 6, лл. 167 и 195; 7, лл. 93 и 95 об., 409 и 429; 10, лл. 67 и 70 об.; боярские списки с книги 12-й и по последнюю; столпцы Московского стола Разрядного Приказа: 642, №№ 971 и 1233; 623, №№ 734 и 735; 976, № 639; 657, №№ 443 и 444; 472, № 291; исполненные по Архиву справки 1793 г., кн. 113, дело 69; жалованным грамотам записные книги 5, лл. 335 об.; 15 лл. 281 об. – 282; оклеенные столпцы по Арзамасу № 83, д. 13; по Калуге 51, д. 2; по Алексину 92, дд. 4 и 6; Вотчинной Коллегии дела старых лет по Коломне, кн. 14, д. 41. и мн. др.; Московский Архив Министерства Иностранных Дел, Греческие дела 1704 г., № 26; 1705 г., № 31 и разные др.; «Описание документов и бумаг, хранящихся в Моск. Архиве Мин. Юст.», т. V, статья А. А. Голубева: «Расправная Палата при Сенате», стр. 337, 366, 367, 372, 376, 383, 388, 400, 407; «Дворцовые Разряды» т. III, ст. 1114, 1415, 1625; IV, ст. 243; С. М. Соловьев, «История России», изд. «Общ. Пользы», приложения к XIII тому, ст. 950, 951, 968, 970; Архим. Леонид, «Историческое описание Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастырь»; с. 40; С. Шумаков, «Столпцы, записи и грамоты», III, стр. 105; дневник П. А. Толстого «Русск. Архив» 1888 г., январь; Азанчевский, «История Л.-гв. Преображенского полка», прил., сс. 13 и 14; «Архив кн. Ф. А. Куракина», I, сс. 254–256 и др.; IV, сс. 77–79; кн. Н. Н. Голицын. «Род кн. Голицыных», с. XII и прил. к с. 124; А. Ф. Бычков, «Письма и бумаги Имп. Петра Великого», т. I, сс. 133–135 и 610–611; «Доклады и приговоры, состоявшиеся в Сенате», II, ч. I, сс. 217, 360, ч. 2. сс. 101 и 323, 345; III, ч. I с. 50; IV ч. I. с. 445 и др.; архив Кашкиных при с. Нижних Прысках, Козельского

уезда ныне в Импер. Академ. Наук, Н. Кашкин Родосл. разведки, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, СПб. 1912, стр. 381–395.

Ртищев, Никифор Тимофеевич

Ртищев, Никифор Тимофеевич, дворянин московский; известен победой над Разинцами; потомок Дмитровских вотчинников и сын Вязьмитина (умершего от изнурения и ран, полученных при защите Смоленска, в 1634 г.), жилец с 20-го августа 1648 г., зачисленный в рейтарский строй с 1654 г., провел в походах безотлучно более семи лет; в 1654 г. на приступе под Шклов ранен был в ногу пулей, навсегда в ней оставшейся; в 1659 г. был под Беховым, а на приступе под Мстиславль ранен из пищали в голову. В 1660 г. – капитан, в 1661 г. уже майор драгунского полка, он 24-го августа, за свои заслуги и за боевую смерть братьев *Назария* и *Евтихия Тимофеевичей*, пожалован был в дворяне московские. Продолжая полковую службу в рейтарах, Р. 10-го декабря 1670 г. послан был из Красной слободы против отряда Разинцев, разгромил его и занял село Алгуново.

Р. умер от ран в 1675 или следующем году.

Он имел небольшую вотчину в Вяземском уезде; оставил вдову, принявшую постриг, и сына, рано умершего.

Московский Архив Министерства Юстиции столпцы Моск. стола 822, № 720; 321, № 454; 244 № 150; 650, №№ 155–156; 524, № 516, и мн. др. боярские книги 5, л. 469 об., и 6, л. 691; оклеенный столпец по Дмитрову 48, № 3; А. Попов, «История возмущения Стеньки Разина», стр. 98; Н. Н. Кашкин, Родословные разведки, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, СПб. 1912.

Ртищев, Николай Петрович

Ртищев, Николай Петрович, генерал-майор; родился 9-го мая 1804 г. в дер. Старой Туголуковке, Борисоглебского уезда, которую впоследствии владел вместе с двумя младшими братьями; умер 14-го января 1884 г. в Тамбове; происходил из рода, владевшего с конца XIV века вотчинами в Дмитровском уезде. Воспитывались в Тамбовском дворянском училищном корпусе; произведенный в прапорщики 1-го кадетского корпуса 16-го мая 1824 г., он служил затем в Переяславском конноегерском полку; участвуя в усмирении Польского мятежа с 24-го января по 28-е октября 1831 г., в одном и том же сражении вынес из боевого огня тело своего полкового командира Новосильцева и спас жизнь своему брату Сергею.

Позже служил в Казанском драгунском полку, а с 11-го февраля 1844 г. – в Отдельном Кавказском Корпусе и за боевые отличия был произведен в подполковники (3-го декабря 1844 г.). В Крымскую кампанию Р. был в составе кавалерии, находившейся на Таврическом полуострове, был командиром 8-го драгунского Казанского полка, по производстве же в генерал-майоры командовал кавалерийской бригадой. Имел ордена св. Георгия 4 ст., золотое оружие и другие боевые знаки отличия.

Дожил век в Тамбове, где и погребен рядом с женою (*Анастасией Дмитриевной Свечиной*, по первому браку Шеховцовой), скончавшись на 80-м году. По словам автора некролога Ртищева, «в частной жизни это был человек высокого прямотушия, истинного рыцарства и честности» и пользовался большим уважением и известностью в Тамбовском обществе.

Архив Департамента Герольдии, дело Ртищевых по Тамбовской губ. 1862 г.; некролог в «Тамбовских Ведомостях» 1883 г., № 6; Н. Н. Кашкин, Родосл. разведки, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, СПб. 1912.

Ртищев, Николай Федорович

Ртищев, Николай Федорович, генерал от инфантерии, главнокомандующий Грузии; родился в 1754 г., умер 8-го января 1835 г. Происходя из древнего рода Дмитриевских вотчинников, он был правнуком стольника и воеводы *Михаила Дмитриевича Ртищева* (см. выше); отца потерял в двухлетнем возрасте; на первый смотр матерью своею Мариєю Васильевною (урожденной Лихаревой) он представлен был шести лет, в феврале 1761 г. Воспитывался в Сухопутном кадетском корпусе, откуда выпущен был в армию поручиком 16-го июля 1773 г. и 30-го сентября назначен адъютантом к генерал-фельдмаршалу графу З. Г. Чернышеву. Через шесть лет, 30-го сентября 1779 г., Р. был произведен в секунд-майоры, во 2-ой гренадерский полк, но уже 6-го ноября вернулся, генеральс-адъютантом, в штат Главнокомандующего в Москве и Московской губернии графа З. Г. Чернышева.

30-го июня 1783 г. единственная сестра Ртищева – *Елисавета Федоровна* вышла замуж за графа Ивана Григорьевича Орлова (ум. 16-го ноября 1791 г.), старшего брата знаменитых Екатерининских «Орлов» Григория и Алексея, но на службу Николая Федоровича Р. это не повлияло. По смерти графа Чернышева он 4-го сентября 1784 г. произведен был в полковники, в Навагинский полк, и только 21-го апреля 1789 г. произведен был в бригадиры в сформированный из Навагинского и Тенгинского полков С.-Петербургский гренадерский полк, с которым был, с 26-го мая, в походе против Швеции на галерном флоте, под предводительством Принца Нассау-Зигена. Во время этой войны Ртищев был в сражениях: 4-го августа – при островах Ментукари и Летте, 13-го – при поражении неприятельского флота у островов Кутцель, Мулима, Котка и Муссала, 21-го – в Рюнконлапландском (Рикулахт) заливе, при сбитии неприятеля с батареей на острове Кусисари и на следующий день был пожалован, за дело 13-го августа, золотою шпагою с надписью «за храбрость». 21-го сентября он

участвовал в поиске на неприятельской стороне в Гервнисках, под пушечною канонадою.

В 1790 г. Ртищев с 17-го апреля находился в сухопутном походе и был 24-го числа при переходе через реку Кюмень в Мемель, при сбитии неприятеля с батареей и завладении ими, а 25-го – при прогнании неприятеля. С 7-го июня и до конца войны Р. оставался со своим полком на канонерских лодках в гребном флоте, в отдельном отряде вице-адмирала Повалишина, по заключении же мира с Швециею был послан с Навагинским и Куринским полками на гребной флот в Ревель, под начальство вице-адмирала Козлянинова, а в 1791 г. – командирован в Ригу для начальствования вновь построенною гребною флотилиею и стоял близ крепости Дюнамюнде, под начальством генерал-фельдмаршала графа Салтыкова, до конца кампании. Затем, произведенный 1-го января 1793 г. в генерал-майоры, он служил в заграничной армии в Польше, под начальством печальной памяти генерала от инфантерии Игельстрома; с того же года пробыл год в отпуску (вероятно, по случаю кончины, 22-го мая 1793 г., матери, для устройства своих имущественных дел), а в последние два года царствования Екатерины II, состоя по армии, присутствовал в Военной Конторе.

Император Павел 24-го января 1797 г. назначил Ртищева шефом Нарвского его имени мушкетерского полка, а 25-го марта 1798 г. произвел в генерал-лейтенанты с назначением Астраханским комендантом и шефом Астраханского гарнизонного его имени полка. В должность Ртищев вступил 5-го июня. По его донесению о невзносе жителями Астрахани денег на полковые надобности последовал Высочайший рескрипт: «Расположить в дома ослушников пехотный полк», что и было им исполнено с большою строгостью 19-го июля. Службою своею здесь Ртищев, однако, стал тяготиться и по прошению уволен был в отставку, с мундиром, 22-го сентября, а 25-го октября того же 1798 года объявлено ему было Высочайшее благоволение за расторопность и усердие, оказанные в бытность комендантом.

Находясь в отставке, Ртищев 23-го октября 1799 г. женился, в церкви родового своего имения села Яринского, Калязинского

(прежде Дмитровского) уезда, причем выбор его пал весьма неудачно на *Генриетту Фредерику* – в общежитии *Екатерину Николаевну* – вдову *Мильет*, вероисповеданием кальвинистку. Детей этот брак не принес. Едва ли от избытка семейного счастья захотев принять участие в войнах Александра I, Ртищев был вновь принят в службу в 1806 г. и зачислен по армии 3-го апреля, а 27-го сентября назначен начальником 16-ой пехотной дивизии, за успешное сформирование которой он 1-го августа 1807 года пожалован был орденом св. Анны 1-й степени. С 8-го марта 1808 г. находясь в походе, Р. участвовал с 14-го апреля по 5-ое мая в осаде крепости Браилова и по 12-ое мая 1809 г. пробыл в Молдавии, Валахии и Бессарабии. 15-го мая назначенный начальником 25-ой пехотной дивизии, он с 22-го сентября по 8-ое декабря 1809 г. был в походе в Австрийской Галиции; 26-го ноября 1810 г. был награжден орденом св. Георгия 4-ой степени, а 8-го января 1811 г. назначен начальником 19-ой пехотной дивизии. В том же году он впервые попал в край, в летописи коего записал свое имя чертами неизгладимыми: 7-го июля определенный в должность Главного Начальника войск, расположенных по Кавказской линии, и всего этого края, равно как и губернии Астраханской и Кавказской, он уже 16-го февраля 1812 г. назначен был главнокомандующим Грузии и главноуправляющим по гражданской и по граничной частям в этой области и в вышеназванных губерниях.

«Хворый, увечный и престарелый (?) генерал», по отзыву Ф. Ф. Вигеля в его «Воспоминаниях», он принял вверенный ему край в положений чрезвычайно трудном и опасном. Ртищеву предстояло: отстаивать от Турции взятые Котляревским, почти чудом, Ахалкалаки; отражать персиян, прорвавшихся в Елисаветпольскую дистанцию и направлявшихся в Шамшадильскую; бороться с Лезгинами, которые вторглись в Грузию и угрожали самому Тифлису; усмирять дагестанцев и казикумыкцев; подавлять восстание хевсуров и других племен, обитавших по обе стороны Военно-Грузинской дороги, которые сожгли все мосты и прекратили сообщение Кавказской линии с Европейскою Россиею, вследствие чего ждать помощи оттуда было невозможно, между тем как наличный состав местных

войск был крайне недостаточен. Но, благодаря энергии и большой распорядительности Ртищева, благодаря боевым качествам многих из подчиненных ему генералов и выдающимся свойствам войск, удалось необычайно быстро достичь как внешней безопасности Закавказья, так и внутреннего его усмирения.

Ранее всего, уже к концу 1812 г. генерал-майорами Симановичем и преемником его Дельпоццо был водворен порядок на Большой Грузинской дороге и восстановлено сообщение с Владикавказом. Борьба г.-м. Хотунцева с дагестанскими и казикумыкскими мятежниками сопровождалась непрерывным успехом в течение всех пяти лет его деятельности и в последние годы восстание проявлялось лишь мелкими вспышками.

Бухарестский мир с Портою дал Ртищеву возможность поручить князю Орбелиани, командовавшему до тех пор предназначенным для защиты от Турции отрядом, дело внутреннего усмирения Грузии, Кахетии и Карталинии. Оно было достигнуто быстрее, чем через два года. Генерал-майорами Орбелиани и Гурьевым и полковником Тихановским Лезгины были разбиты в целом ряде сражений и после разгрома их 15-го октября 1813 г., около селения Сабуй, водворилось полное спокойствие.

В войне с Персией прославились, кроме незабвенного ген. Котляревского, барон Клодт-фон-Юргенсбург и Лисаневич. После многих поражений, сын Фет-Али-шаха, Аббас-Мирза, предложил переговоры о мире. Ртищев 23-го августа 1812 г. выехал из Тифлиса к Персидской границе, вступил на берегах Аракса, при посредничестве Английского посланника, в переговоры, но не принял условий, предложенных Аббас-Мирзою, и отдав г.-м. Котляревскому соответствующие стратегические распоряжения, возвратился в Тифлис. Аббас-Мирза, пославший часть войск разорять области Шекинскую и Ширванскую, готовился к переправе через Аракс, но Котляревский предупредил его, перешел на правый берег реки, в первом же сражении разбил вдесятеро сильнее врага, отнял весь его лагерь и значительную часть артиллерии,

оттеснил к Асландузу, а 20-го октября взял последний, со множеством орудий и иной добычи. Выступив, затем, 17-го декабря, с двухтысячным отрядом, на освобождение Талышинского ханства, он прошел пустынную и безводную Муганскую степь и под новый 1813 год взял с остававшимися полутора тысячами войска, почти неприступную и сильно вооруженную крепость Ленкорань, причем погиб весь ее четырехтысячный гарнизон, с несколькими ханами во главе; пленных не было. Раненый при этом тремя пулями, Котляревский навсегда уехал с Кавказа, но Персидские войска продолжали терпеть поражения сперва в областях Шекинской и Бомбакской, а затем и в ханстве Гриванском, где полковник Пестель 3-го апреля 1813 г. разбил их при Кара-Бюк. Снова вызвалась Персия к заключению мира; 10-го октября Ртищев опять выехал из Тифлиса в Карабах и на Персидской границе, в урочище Гюлистан, заключил 12-го октября 1813 г. вечный мир, по которому Персия отказалась от притязаний на Дагестан, Грузию, Имеретию, Абхазию, Мингрелию и признала наши права на все завоеванные и добровольно подчинившиеся России области и ханства (Карабахское, Ганджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубанское, Бакинское и Талышинское). За распоряжения, следствием коих было взятие Асландуза, Ртищев получил орден св. Александра Невского (30-го ноября 1812 г.), а за заключение достигнутого им Гюлистанского мира – чин генерала от инфантерии и от Персидского правительства орден Льва и Солнца I-ой степени с алмазами.

Державин писал ему:

«Какие ужасы Персида ни являла,
Но пред оружием вмиг Александра пала
От Ртищева меча».

Успехи, достигнутые Ртищевым, были тем замечательнее (как указал Ад. Берже в предисловии к т. V-му «Актов, собранных Кавказскою Археографическою Комиссиею», посвященному времени управления Ртищева), «что высшее правительство наше, занятое политическими замешательствами в Европе и войною России с Наполеоном, естественно не могло

уделять южной своей окраине того внимания, которого требовали обстоятельства данного времени. Все эти причины влекли за собою то, что Ртищев был, так сказать, предоставлен самому себе и тем средствам, какие находились в его распоряжении. И действительно, он не только не мог рассчитывать на новые подкрепления его войсками, но даже по делам меньшей важности бывал вынужден приносить жалобы Императору Александру на встречаемое к себе со стороны министров равнодушие. Так, например, по поводу Царевича Александра он писал, что граф Нессельроде прекратил всякие с ним сношения, и что на многие, весьма серьезные представления его не получает в течение двух лет никакого разрешения». С Царевичем Грузинским Александром Ираклиевичем, скрывавшимся в Дагестане подстрекателем мятежей, Нессельроде даже сносился через армянина прапорщика Курганова, помимо Ртищева, вопреки последнему доверяя готовности Царевича выехать в Россию, тогда как Ртищев, долго пытавшийся склонить его к этому, прервал, убедившись в его коварстве, мирные с ним сношения. В чрезвычайно прямодушных всеподданнейших рапортах от 10-го июня и 3-го сентября 1816 г. Ртищев, докладывая о неправильном образе действий Управлявшего Министерством Иностранных Дел, справедливо предсказывал, что Царевич Александр, несмотря на свои обещания и получение денег от графа Нессельроде, никогда не выедет в Россию.

Невзирая на такое отношение к Ртищеву многих представителей высшего правительства, время его направления должно (говоря словами Ад. Берже) «занять в летописях русского владычества на Кавказе одно из самых видных мест по событиям, имевшим несомненно громадное влияние на дальнейшие судьбы края. К таким событиям относятся... следующие выдающиеся мероприятия:

1) Введение в обращение ассигнаций, о которых народ не имел никакого понятия; они были только отчасти известны и принимались одними купцами, которые имели торговые связи с Россиею, причем употребление их не распространялось далее

Тифлиса и крепости Баку, по коммерции последней с Астраханью;

2) Учреждение в Тифлисе Грузино-Имеретинской Св. Синода Конторы. Учреждение это начинало собою эру благоустройства духовной части в Грузии, хотя в то же время не обошлось без некоторого замешательства. Оно повело генерала Ртищева почти до явного столкновения с высшею центральной духовною властью, благодаря той привилегии, которая давалась присутствию Синодальной Конторы – иметь на первом месте Императорский трон.

3) Устройство горного дела на Кавказе».

С течением лет отношение к Ртищеву высших правительственных учреждений все ухудшалось. Так, например, когда он вызвал против себя, объезжая Имеретию, недовольство всех сословий тем, что подготавливал их к передаче церковных имуществ в казну, заботясь о средствах для предуказанного положением о Грузино-Имеретинской Конторе устройства духовной части в Тифлисе, то Святейший Синод уведомил его чрез князя А. Н. Голицына, что имеет в виду не отчуждение церковных имуществ, а лишь приведение их в порядок для устройства и содержания на доходы с них церквей, училищ и богоугодных заведений (каковою мерой возбуждение Имеретин уменьшено не было). Подобно этому и Государственный Совет, хотя 27-го января 1812 г. утвердил проект Ртищева о торговле с горцами солью, а 21-го ноября того же года – его мнение о продаже в Персию, в обмен на серебро, казенной меди с грузинских горных заводов, однако не разрешил предложенного им в 1816 году восстановления Тифлисского монетного двора для введения в Грузии в обращение, наравне с ассигнациями, медных денег чеканенных из излишка запаса меди. В общем, гражданское управление Ртищева Кавказом было менее успешно, нежели военное, и давало повод к разным темным слухам, помрачавшим его добрую славу. Впрочем, большинство отзывов современников об нем лично были благоприятны; зато все сходились в признании состава подчиненных, его окружавших, крайне плохим, а жену Ртищева называли взяточницей.

Последнюю служебную поездку Ртищев совершил для осмотра Имеретии, обозрения Турецкой границы и учреждения кордонов на ней, с 14-го марта по 15-е октября 1815 года, а 9-го апреля 1816 г. был, по прошению, уволен от занимаемых должностей, но управлял краем до прибытия, в следующем году, определенного на его место А. П. Ермолова.

Назначенный сенатором 26-го мая 1817 г., Ртищев 25-го июня получил повеление присутствовать во 2-м Отделении 6-го Департамента Сената и, поселившись в Москве (на улице Шаболовке, в приходе Св. Троицы), нес эту службу лет 15, пока не зачислен был, с 1832 года, сенатором неприсутствующим. Досуги свои он проводил в Английском Клубе, где состоял старшиною. Весьма обременен был он долгами, итог коих, помимо долга Опекунскому Совету, превышал 200000 рублей, тогда как в его имениях Вяземского, Калязинского и Касимовского уездов, полученных им по наследству от родителей и по разделу с родным дядей, премьер-майором Никитой Алексеевичем Ртищевым, в 1782 г., состояло всего 435 душ. Стесненное положение вынудило его возбудить, в декабре 1833 г., ходатайство о пособии на уплату долгов, и 16-го января 1834 г. он получил на этот предмета 35000 рублей.

Прожив последние годы вдовцом, Николай Федорович Ртищев 30-го ноября 1834 г. потерял и сестру (схороненную рядом с матерью в Донском монастыре) и, пережив ее весьма мало, последовал, скончавшись 8-го января 1835 г., на то же кладбище.

Московский Архив Министерства Юстиции, дела молодых лет по Дмитрову, кн. 24, д. 45 и дела по Герольдии о недорослях, кн. 58, д. 14; два формулярных списка; дело Министерства Юстиции 1833 г., № 1405; метрические книги церкви села Яренского; Архив Департамента Герольдии: дело о дворянстве Ртищевых по Владимирской губернии, № 518; «Москвитянин» 1842 г., № 2, стр. 521–524; «Русская Старина» 1903 г., кн. 3, стр. 520 и след.; «Северная Пчела» 1852 г., №№ 62, 154 и 156; Н. Устрялов, «Русская История», II, стр. 326–327; «Сочинения Державина с примечаниями Я. К. Грота», т. VI, стр. 284–286; Московский Архив Министерства

Иностранных Дел: переписка Ртищева о Царевиче Александре Грузинском и с ним; Чистович, «Руководящие деятели духовного просвещения в России», стр. 96–97; «Архив Госуд. Совета», журналы 1810–1825 гг., стр. 971–972, 1259, 595; «Архив кн. Воронцова», т. 36, стр. 180; «Русский Архив» по указателям; надгробие; Великий Князь Николай Михайлович, Русские портреты, т. IV; Н. Н. Кашкин «О Ртищевых Дмитровского корня», стр. 98–106; его же, «Родословные разведки», под ред. Б. Л. Модзалевского. т. I, СПб. 1912 г.

Ртищев, Тимофей Григорьевич

Ртищев, Тимофей Григорьевич, городской воевода; ум. в 1709 году. Начал службу в 1651 году – как сын тогдашнего стряпчего с ключом Григория Ивановича Ртищева, прямо с должности царицына стольника, что не помешало ему находиться в походах 1654–1656 годов, быть 15-го февраля 1659 г. поверстанным поместным окладом и жалованьем и участвовать в несчастнейшем Конотопском бою того же года в полку князя А. Н. Трубецкого, а в 1661 г. – в полку В. Б. Шереметева в Киеве. Лишь после этого, со следующего года, перечисленный в стольники царские, он вновь был в походах: против Запорожцев, в 1668–1669 годах, в полку князя Г. Е. Куракина; против Стеньки Разина, в 1671 г., в большом полку начальника всего отряда князя Ю. А. Долгорукова; в Чигиринском походе 1678 г., в полку князя Г. Г. Ромодановского, и в Путивле, в полку князя В. В. Голицына, в 1680 г. В промежутках между походами бывая на Москве, он не раз исполнял стольничьи обязанности при торжественных обедах: царевичу Грузинскому Николаю Давыдовичу 8-го мая 1660 г., Английскому послу «князю Чарлусу Говорту» 19-го февраля 1664 г., Польским послам – Веневскому с товарищами – 12-го ноября 1671 г.; в день объявления совершеннолетним царевича Феодора Алексеевича, 1-го сентября 1674 г.

Пришлось ему также дневать при гробе царевича Алексея (умершего 17-го января 1671 г.) и, участвуя, вместе с отцом и братом Лукой, в погребении Царя Алексея Михайловича, нести, переменясь с другими стольниками, гроб с его телом в Архангельский собор 30-го января 1676 года. При его преемнике Ртищев участвовал иногда в выходах двора в подмосковные села, а в 1681 г. получил назначения: сперва по писцовому делу, а затем на одно из лучших Сибирских воеводств – в Тюмень. Пробыв здесь первым (и, по-видимому, единственным) воеводой обычный двухлетний срок, т. е. 1682 и 1683 года, он почему-то остался тут еще на два года – уже в должности второго или «другого» воеводы, под Никифором Ивановичем

Колобовым, бывшим начальником одного из Московских стрелецких полков, во время стрелецкой смуты битым батогами и лишенным вотчин и поместий. В обстоятельствах воеводства Тимофея Ртищева много неясного и любопытного. Попав в местность, где давно гнезился и процветал раскол, и будучи подчинен, как все воеводы Тобольского Разряда, воеводе Тобольскому князю Алексею Андреевичу Голицыну, Тимофей Григорьевич должен был помогать ему в преследовании «раскольников и раздорщиков». В мае 1682 года Голицын уведомил его об опасности, как бы не возник в Утяцкой слободе, куда со всех сторон съезжалось много всяких людей к слободчику Федору Иноземцеву, новый скит, подобный существовавшему ранее на о. Березовке, где сожегся монах Даниил со своими последователями. Голицын требовал от Ртищева производства розыска и принятия мер к тому, чтобы никого в названную слободу не пропускать. При допросе «затворщиков старца Авраамия и слободчика Федки Иноземцева и его единомысленников» они показали, что «крест не целовали и впредь они великим государем креста целовать не хотят же». Никаких мер против них Ртищев, по-видимому, не принял, а Утяцкие фанатики, собравшись с женами и детьми в числе 400 человек, для спасения душ сожгли себя в запертых дворах. Ужасный этот случай должен был породить вспышки вероисповедной смуты в окрестностях и усилить преследования. Голицын выслал против раскольников письменного голову Родиона Пименовича Орлова с ратными людьми; Ртищев должен был послать туда же вооруженный отряд в 150 человек Тюменских служилых людей и Литвы, дал память об этом Татарскому голове Текутьеву в октябре, но и в половине декабря Текутьев с отрядом в стоянку Орлова – Ялуторовскую слободу, не прибыл, за что Ртищев получил от Голицына письменный выговор. Затем Голицын послал в три уезда, в том числе и в Тюменский, сына боярского Фефилова со стрельцами «для проведывания и сыску раскольников, где заводят пустыни». Фефилов, между прочим, нашел в деревне Гилевой, у посадского Ивана Коробейникова 13 книг, 2 ящика писем и человеческие волосы в коромысле, но увезти

Коробейникова и эти предметы местные жители не дали, выразив готовность скорее умереть за своих старцев и учителей. Ртищев и тут никаких мер против раскольников не принял, но, напротив, когда Гилевцы обратились к нему с жалобами на крутость Фефилова и на жестокий обыск, произведенный им без предъявления указа, то их Ртищев выслушал и показания их, 15-го февраля 1683 г., велел записать. По этим отрывочным сведениям и всем другим актам, относящимся до первых двух лет воеводства Тимофея Григорьевича, нельзя не заключить, что он положительно противился воздвигнутому Голицыным гонению на раскольников, разгоревшемуся, по приезду Колобова, с новой силою. Иначе и быть не могло, так как Тимофей Григорьевич вырос в семье, стоявшей, по терпимости своей, во главе тогдашнего общества, создавшей лучшего представителя его – Федора Большого Михайловича Ртищева, и в свою очередь несомненно подчинившейся его влиянию. Недаром Тимофей Ртищев, по смерти всех старших членов семьи, остался в тесной близости, засвидетельствованной сохранившимися документами, с единственным родным племянником, воспитанником и наследником преданий «милостивого мужа» – Михаилом Большим Федоровичем Ртищевым. То обстоятельство, что по назначении Колобова в Тюмень, где Ртищев был до него единственным воеводой, последний остался здесь же, как видно из «боярских списков» и других актов, – побуждает догадываться, что его мирволение раскольникам повлекло какое-нибудь обвинение его, какое-нибудь следствие, требовавшее пребывания его тут.

Казнь Никиты Пустосвята 9-го июля 1682 г., став известною в Сибири, должна была усугубить рвение защитников Никонианства, их подозрительность и жестокость; грамоты о преследовании раскольников, разосланные из Москвы в ноябре того же года, подлили масла в огонь. Поведение Ртищева, естественно, должно было вызвать травлю его, и, вероятно, в пылу начавшейся борьбы, он и позволил себе заглазно оскорбить, поносить Тобольского архиерея. Гласит об этом следующее, не вполне ясное повествование: «Того ж (1685)

году ехал из Якутского воевода стольник Иван Васильевич сын Приклонской и в Тобольске, по государевой грамоте, за архиерейской понос сажень в тюрьму, на тюремном дворе, и ко архиерею из Приказные Палаты прислан был головою. А другой Тюменской воевода стольник Тимофей Григорьевич Ртищев иман был с Тюмени и отсылан головою ж ко архиерею; и велено его в тюрьму ж садить; и он архиерея умолил, и простил его архиерей, а в тюрьму не сажень по уmolению боярскому», – то есть, боярина князя П. С. Прозоровского, нового воеводы Тобольского.

Не удивительно, поэтому, что по возвращении в Москву Ртищев никогда более не получал ответственных назначений. От Крымского похода князя В. Б. Голицына он освободился по болезни ног, заплатив по 2 рубля с каждого из принадлежавших ему 147 крестьянских дворов, а 15-го августа 1692 г. получил и полную отставку от полковой службы по старости, ранее старшего своего брата Федора. Но совсем без дела при Петре Великом не оставался никто: в 1696 году Ртищева посылали в Мирополье принять там солдат и отвести на Валуйку; с 1703 года ему было велено жить ежегодно три месяца в Москве для посылок из Разрядного Приказа; в 1708 г. он еще являлся, приехав в Москву, В. Д. Корчмину, а в следующем, 1709 г., скончался.

Вещественным памятником по нем остается пожертвованное им излюбленному Ртищевыми монастырю – Лихвинскому Доброму Покровскому, в 1692 году, для поминовения его родителей, Евангелие, печатанное на александрийской бумаге и стоившее 150 рублей. Дар этот был ему под силу, ибо обеспечен он был имущественно вполне. Военными службами своими он давно приобрел, кроме поместного оклада в 1000 четвертей, и жалованье свыше 100 руб. в год, а за женою своею *Евдокией* получил от ее отца, дворянина московского Тимофея Дмитриевича Клокачева, 13-го августа 1672 г., небольшую вотчину в Шуйском уезде; имел в разное время поместья в Переяславле-Залесском, Дмитровском, Ржево-Володимирском, Зубцовском, Углицком и Елецком уездах, он приобрел вотчины на Пошехонье, на Орле;

из Кашинского его поместья пожаловано было ему в вотчину, за Чигиринскую его службу, 200 четвертей (из числа его крестьян в Зубцовском уезде 29 дворов долгие годы находились в споре с боярином Кондратьем Фомичом Нарышкиным). Получил он также часть наследства бездетного меньшого своего брата Луки; сам он тоже детей не имел, и наследовали по нем потомки старшего его брата – Максима Ртищева.

Московский Архив Министерства Юстиции, боярские книги: 5, л. 92 об.; 6, л. 123 об.; 7, л. 161; 10, л. 111; 11, л. 126; боярские списки с 1-ой по 57 книгу; столпцы Московского стола 420, № 59; 397, I столпик, № 98, 532, VI столпик, № 209; 590, № 226; 253, № 36; 731, № 1085; 775, № 412; 1009, XIII столпик, № 12; 297, № 140; 704, № 1; 700, № № 74–79; жалованным грамотам записная книга 13, лл. 352 об. – 353; столпцы вотчинной записки 1678 г., № 18285; переписная книга Кашинского уезда 1678 г., № 11. 837, д. 164, д. 192 и др.; «Дворцовые Разряды», т. III, ст. 522, 567, 979; дополн. к т. III, ст. 415; т. IV, ст. 5, 8, 12, 106; «Дополнения к Актам Историческим», т. X, № 3, акты I–VIII; «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 1-ое, т. VII, стр. 367 и 387; Архим. Леонид, «Описание Лихвинского Покровского Доброго монастыря»; семейный Архив Кашкиных в с. Нижних Прысках (ныне в Имп. Академии Наук); Н. Н. Кашкин, Родословные Разведки, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, СПб. 1912, стр. 395–399.

Ртищев, Федор Григорьевич

Ртищев, Федор Григорьевич, городской воевода; ум. в 1701 году; был вторым из сыновей думного дворянина *Григория Ивановича Ртищева*. Возмужав в те годы, когда отец его еще не выбился из рядов уездного дворянства, но уже достиг воеводства, он начал службу в 1649 г. в скромном чине жильца, но, вследствие приближения его отца ко двору, уже в следующем году попал в стряпчие, в каковом звании упоминается в свите, сопровождавшей Царя Алексея в Троице-Сергиев монастырь и в подмосковное село Хорошево, где в 1652 году он пожалован был в стольники. 1654–1656 годы Р. провел в походах Царя Алексея, в рядах его, государева, полка. Очевидно в виде награды было дано ему 4-го августа 1656 г. поручение съездить в Вильну к великим послам князю Н. И. Одоевскому с товарищи «с государевым жалованьем – спросить о здоровье» и передать грамоту о взятии у Шведов Динабурга: несомненно, он был за это, по обычаю, одарен лицами, взысканными царскою милостью.

По окончании войны он не нес иных обязанностей, кроме придворных, общих всем стольникам, до 1664 г., когда был призван в полк князя Я. К. Черкасского, с которым был в Можайске и Почепе, а в следующем году – в полк князя Ю. А. Долгорукова в Дубровне, Удостоенный затем назначения на воеводство, некогда занятое его отцом и, конечно, им, как Лихвинцам, самое приятное – в Калугу, он пробыл тут не только обычный двухлетний срок, но и на третий, 1669-й, год был здесь оставлен, несмотря на то, что не раз вызывал жалобы на свою пристрастность; так, добился освобождения от подведомственности ему, ссылаясь на их «недружбу», Воротынец Тургенев в 1669 г.; так, стольник (впоследствии думный дворянин) Семен Михайлович Нестеров хлопотал о том, чтобы не Ртищев, а Козельский воевода расследовал дело по обвинению, якобы несправедливому, одного крестьянина Нестеровской вотчины С. Чуносова в убийстве, 6-го мая 1669 г., «обморного бобылька» Артемия Герасимова, каковое дело

неправильно принял и распорядился приводом в Калугу обвиняемого Федор Григорьевич Ртищев, «радеючи Артемью по ближнему своему свойству», а Нестерову «мстя недружбу брата своего родного Максима». Надо думать, что Федор Григорьевич вообще отличался неуживчивостью: так, например, сам он однажды тоже ходатайствовал о передаче дела о краже сена у него от Данковского воеводы Севастьяна Силича Крюкова, по недружбе с последним, Пронскому воеводе.

Памятником службы Ртищева в Калуге остался составленный им сметный список этого города. Ему же пришлось, во исполнение одного из условий Андрусовского договора, отсылать на Разряд 15 бывших в Калуге польских и литовских колоколов, подлежавших возвращению в Литву. После воеводства Р. снова вернулся в полковую службу, причем в 1671 г., участвуя в походе против Разина, был в рядах полка князя Ю. А. Долгорукова под Арзамасом и Красной Слободой. С конца 1673 г. он прожил несколько лет в Москве, зачисленный в стольники походные, состоя в государевом полку и изредка назначаемый стольничать при дворе, встречать за городом послов в качестве головы у одной из жилецких сотен и т. п., а 30-го января 1676 г. он отдал последний долг Царю Алексею Михайловичу, вместе с братом своим Тимофеем и другими стольниками переноса тело почившего Царя из дворца в Архангельский собор. При Царе Феодоре Алексеевиче он вновь состоял в стольниках походных и сопровождал его чуть ли не во все его богомолья и посещения подмосковных сел по 1681 г., когда вторично получил назначение на городовое воеводство – во Гдов. По истечении обычного срока он опять служил на Москве, взамен участия в ратных походах платил подворные деньги и ведал отправку из Москвы ратных людей. В 1694 г. он несколько раз дневал и ночевал при гробе Царицы Натальи Кирилловны, 13-го февраля 1696 г. на смотре, произведенном Тихоном Никитичем Стрешневым, Р. освобожден был от военной службы вовсе, а через 5 лет – скончался.

Ф. Г. Ртищев имел около сотни крестьянских дворов в уездах Московском, Каширском, Елецком, Рязанском, где он имел поместья, и Рязском и Воротынском, где у него были

вотчины; из числа последних, грамотою от 16-го апреля 1685 года, были пожалованы ему в вотчину, «за Чигиринскую службу» 1678 года, 215 четвертей его поместья при деревнях Рындиной и Петраковой, Воротынского уезда.

После него осталось двое сыновей: *Алексей* (смолоду был стольником Царицы Прасковьи Федоровны) и *Михаил Меньшой Федорович*, оба полковые стольники в «начальных людях», участники Нарвского боя, долго служившие в офицерских чинах и умершие бездетными. Едва ли не дочерью Ф. Г. Ртищева была жена Федора Леонтьевича Лопухина, комнатного стольника царя Петра – *Фекла Федоровна*.

Московский Архив Министерства Юстиции, боярские книги: 5, лл. 28 и 81; 6, лл. 47 и 14 и след.; боярские списки, кн. 1–45; столпцы Московского стола Разрядного Приказа 250, № № 205–206; 532, VI столпик № 197; 590, № 249; 354, III столпик, № 128; 700, № 54; 704, № 3; столпцы Белгородского стола 1338, лл. 645–648; жалованным грамотам записная книга 13, лл. 331–332; «Дворцовые Разряды», т. III, ст. 256, 308, 522, 916, 1054, 1194, 1642; дополнения к т. III, ст. 67; т. IV, ст. 2, 8, 12, 16, 21, 858; Моск. Архив Министерства Иностранных Дел, Приказные дела под 1679 г. июня 6 – июля 11; «Описание документов и бумаг Моск. Архива М-ва Юстиции», т. IX, стр. 152; «Акты Московского Государства», т. II, ст. 532; Князь П. В. Долгоруков, «Российская Родословная Книга», ч. II, стр. 58, № 87; семейный архив Кашкиных в с. Нижних Прысках, Козельского уезда (ныне в Имп. Академии Наук); Н. Н. Кашкин, Родословные разведки, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, СПб. 1912, стр. 899–402.

Ртищев, Феодор Большой Михайлович

Ртищев, Феодор Большой Михайлович, окольничий, «милостивый муж»; род. в апреле 1626 г., ум. 21-го июня 1673 г.; сын *Михаила Алексеевича Ртищева*, Лихвинского городского дворянина, и жены его *Иулиании Феодоровны*, урожденной Потемкиной. Детство Ф. М. Р. протекло, по всему вероятно, то в Москве, то в вотчине отца – селе Покровском, находившемся в 15 верстах от Лихвина и в 5 от древнего Покровского Доброго монастыря, а в 1635–36 гг. в Темникове, городе в Мордовской земле, куда его отец был назначен воеводой. К сожалению, неизвестны подробности того, как рос и воспитывался Р. вместе со своей старшей сестрой Анной и младшим братом, носившим тоже имя Феодора. Несомненно, однако, что, так как М. А. и И. Ф. Ртищевы были людьми благочестивыми и набожными, уделявшими от своего незначительного состояния и на благолепие храма, и на нужды братии, то и дети росли в страхе Божиим и привыкли больше думать о своих ближних, чем о себе.

По словам Н. Н. Кашкина, написавшего биографический очерк Ф. М. Ртищева, он «воплотил в себе идеал высшей нравственности русского мирянина XVII в.» Профессор В. О. Ключевский сравнил его с маяком: по его мнению, он принадлежал к тем людям, которые «из своей исторической дали не перестанут светить, подобно маякам среди ночной мглы, освещая нам путь». По своей близости к Царю Алексею Михайловичу, поручавшему ему выполнение важных государственных дел, Р. занимал выдающееся место среди высшей придворной знати, но современники оценили его главным образом не с этой точки зрения. Он стоял для них на недостижимой высоте вследствие того, что целью своей частной жизни поставил служение страждущему и нуждающемуся человечеству. Вскоре после его кончины было составлено: «Житие милостивого мужа Феодора, званием Ртищева» – явление чрезвычайно редкое для мирянина старинной

Московской Руси, так как в те времена составлялись, главным образом, жизнеописания святых и духовных лиц, а не мирян.

Р. рано лишился матери, и ее предсмертные наставления укрепили в нем желание угодить Богу. Усердное посещение церкви, созерцательная молитва, пост, служение сирым и убогим, проявление «смирения истинного, кротости незазорной» с одной стороны и удаление от игр и забав со сверстниками с другой – вот как рисуется нравственный облик отрочества Р. в его «Житии».

Из «недорослей» Р., по обычаю того времени, по достижении известного возраста, был верстан поместьем и стал «новиком», а затем, так же, как и отец его, Лихвинским городовым дворянином. В 1645 г. он в течение четырех месяцев со своим отцом (в то время уже московским дворянином) и братом находился в Туле, в полку князя Якова Куден. Черкасского, посланного туда на случай прихода «Крымского царя и крымских и ногайских людей».

Вскоре после кончины Царя Михаила Феодоровича в том же 1645 г. Ртищевы были вызваны из Тулы «к государю к Москве». Мих. Ал. Ртищев назначен был в «стряпчие с ключом», а Р. пожалован быть стряпчим у государя в «комнате у крюка». При Царе Михаиле Феодоровиче эту должность занимал Богд. Матв. Хитрово, родной племянник Мих. Ал. Ртищева, получивший затем назначение на должность полкового воеводы в Темникове. Весьма возможно, что начало приближения ко двору Ртищевых произошло благодаря стараниям Хитрово, который пользовался уже известным значением при дворе и особенно почитал своего дядю Мих. Ал. Ртищева. В 1646 г. поместный оклад Ф. М. Р. определен был в 650 четв., да жалованья дано 40 руб. К этому же приблизительно времени относится его женитьба на *Ксении Матвеевне Зубовой*, в приданое за которой он получил вотчину своего тестя в Кинешемском уезде. Осенью 1646 года Р. занял должность стряпчего с ключом, после того, как отец его был пожалован в постельничие.

Со времени женитьбы Царя Алексея на Марье Ильинишне Милославской в 1648 г., положение Ртищевых при дворе еще более упрочилось, и на разные должности при царице были

назначены не только Ртищевы, но и их родственники Соковнины. В день бракосочетания Царя Алексея Михайловича Р. находился «у государева платья», а накануне свадьбы Царь подарил Р. и его отцу 4 сорока соболей, чтобы они имели чем ударить челом государю и государыне «на их государственной радости». Сестра Р. Анна Михайловна Вельяминова, овдовевшая еще в 1642 г., была назначена 17-го января 1648 г. кравчей, а затем и «вторую верховую боярыней». По-видимому, Анна Михайловна была женщиной незаурядной, с сильным характером; Р. почитал ее, как мать, а при дворе она скоро приобрела большое значение. Жена Ртищева была «приезжей боярыней Царицы», брат его, Феодор Мих. Меньшой – комнатным стольником, а когда он женился, то и его жена стала тоже «приезжей боярыней». Двоюродный дядя Р., Прокофий Феодорович Соковнин, занял высшую должность при дворе Царицы – должность дворецкого; сын Прокофия Феодоровича, Алексей, назначен комнатным стольником. Затем Ртищевы через Соковниных вступили в свойство с Морозовыми, а следовательно и с Царем: Царь Алексей и Борис Иванович Морозов были женаты на двух сестрах Милославских, а старший брат Бориса Ивановича, Глеб, женился на дочери Прокофия Феодоровича Соковнина – Феодосии.

Чтобы иметь возможность более подробно остановиться на некоторых сторонах разнообразной деятельности Р., скажем сначала о его службе вообще. 11-го августа 1650 года Р. назначен был в постельничие, а его отец, занимавший эту должность, пожалован в окольничие. В 1654 г. Р. сопровождал Царя в Литовский поход, продолжавшийся с 18-го мая до осени этого года, но вследствие морового поветрия пришлось перед возвращением в Москву в течение трех месяцев простоять в Вязьме. Возвратившись в Москву лишь 10-го февраля 1655 г., Р. 11-го марта снова выступил с Царем в Литовский поход, во время которого проявилась его благотворительность (как мы увидим ниже) не только по отношению к русским, но и к иноземцам и даже к врагам. В сентябре этого года Царь возложил на Р. весьма серьезное поручение. Великий гетман Литовский князь Януш Радзивилл, стоявший во главе

соединенных Польских и Литовских войск и облеченный большими полномочиями, не сумел своевременно устроить оборону Литвы. Вследствие этого многие важные города были взяты русскими войсками, а другие шведским королем Карлом X. Князь Радзивилл вступил в сношения с последним и просил его принять Литву под свое покровительство, на что тот с радостью согласился. Между тем, польный гетман Литовский Гонсевский, предпочитая Московское покровительство Шведскому, обратился к Царю Алексею Михайловичу с просьбой о присылке доверенного лица для переговоров о мире. Царь назначил Р., который немедленно отправился, 5-го сентября, в стан главного русского военачальника, князя Я. К. Черкасского и застал там гонцов, прибывших от князя Радзивилла и от гетмана Гонсевского. Судя по речам гонцов, было ясно, что если бы Царь Алексей Михайлович обратился своевременно с грамотами к некоторым Литовским вельможам, напр., к старосте Жмудскому Глебовичу, то Москва одержала бы перевес над Швецией. Р. поспешил известить об этом Царя, и Алексей Михайлович распорядился посылкой поощрительных грамот в разные местности Литвы. Переправившись через Неман, Р. стал наводить справки относительно того, где находится Гонсевский. Эти разведки дорого обошлись Р.: Литовский отряд Юрия Хрептовича схватил его, как подозрительную личность, и препроводил в местечко Крынки, близ Гродна. Р. спасла только царская грамота, бывшая при нем и доказавшая, что он действительно посланник Московского Царя. Как раз в это время Гонсевский, за свою приверженность к Москве, находился под стражей, князь Радзивилл был удален за то, что передался Швеции, а место гетмана занял Павел Сапега. Р. долго отказывался ехать к Сапеге с царской грамотой, ссылаясь на то, что он послан к Гонсевскому, а потому не может вступать в какие бы то ни было переговоры с другим лицом. Когда Р. заявили, что во всяком случае его не отпустят из Литвы без разрешения Сапегы, он покорился необходимости и согласился на свидание с Сапегой, находившимся в Бресте. Из представленного Р. статейного списка было видно, что Царь прислал его, по просьбе

Гонсевского, с извещением о согласии на ведение мирных переговоров. Далее в статейном списке шла речь о земельных уступках и о денежном вознаграждении со стороны Литвы и о выборе места для съезда послов. В заключение Р. выразил удивление, что Польский король Ян-Казимир, зная силу Московского Царя, не вступил с ним заблаговременно в переговоры. Сапега ответил, что князь Радзивилл был уполномоченным короля и сейма в деле ведения войны и мирных переговоров, вследствие чего король держался в стороне. Теперь же, когда князь Радзивилл передался на сторону Швеции, Сапега и сенаторы пошлют к Царю Алексею гонца Глядолицкого для предварительных переговоров о мире.

Только 21-го октября Р. получил возможность отправить к Царю гонца с известием о том, как он правил посольство. В это время Алексей Михайлович, долго ничего не зная о Р., сильно беспокоился о нем, как видно из грамот Царя князю Урусову и А. Л. Ордын-Нащокину, воеводе в Друе. В одной из грамот сказано, между прочим: «про постельничего нашего Федора Михайловича Ртищева проведали бы есте всякими обычеи накрепко, где он ныне, у Радзивила ль, или у немец, или к королю послан, а что от ково про то уведаете – и вы б о том писали к нам тотчас». В начале ноября Р. прибыл к Царю в Смоленск. Главной заслугой Р. было удачное выполнение тайного наказа об увеличении титула Московского Царя: Сапега написал в своих статьях, по настоянию Р., титул Царя, с прибавлением слов «и Малыя и Белья России». 10-го декабря, во время торжественного въезда Царя в Москву, по сторонам его шествовали царевич Сибирский и Ртищев.

12-го января 1656 г. совершилось торжественное объявление Р. думным разрядным дьяком С. И. Заборовским пожалования его в окольничие. При этом была прочитана «сказка», в которой похвалялась его посольская служба в Литве: «Служба твоя к нам, великому государю, отменна, потому что ты взял нашу государеву титлу с новоприбылыми титлами», тогда как «и в предках того не бывало, что в ратной брани между великими государями не учиня миру титл сполна послы и посланники не имывали». На полях этой сказки Царь

собственноручно написал: «от гораздо!» Не в пример другим окольничим, Р. был учинен оклад на 400 четвертей больше обыкновенного оклада окольничих. Одновременно с пожалованием в окольничие Царь указал Р. «сидеть во дворце», т. е. назначил его в дворецкие, а эту должность занимали обыкновенно только бояре.

15-го мая 1656 года Царь Алексей выступил в поход против Швеции. Сопутствовал ему также Р., поставленный перед тем во главе Литовского Приказа: эта должность наложила на него новые обязанности, и он вел 7-го декабря переговоры с посланником Гонсевского Казимиром Журавским. По возвращении 14-го января в Москву Р. был назначен главным судьей Приказа Лифляндских дел и вступил в переписку с Гонсевским по поводу беспорядков в недавно завоеванных местностях Литвы и о желательности избрания Алексея Михайловича на Польско-Литовский престол. В 1657–1664 гг. Р. управлял также Дворцовым Судным Приказом, затем Приказом большого Дворца и в связи с ним – Приказом Тайных Дел, надо полагать, до того времени, как он выделился в особое учреждение. Последний из этих Приказов ведал разные дела, смотря по тому, что главным образом заботило Царя. Приказ Лифляндских дел заведовал между прочим поселением в Сибири пленных немцев, поляков и литовцев. Здесь кстати будет упомянуть, что хотя ссылкой в Сибирь знаменитого Крижанича, произведенной по царскому повелению, должен был распорядиться Р., но Крижанич отзывается в своих писаниях особенно тепло и лестно о Р. и о Морозове. Во время своего пребывания в Москве в течение 16-ти месяцев Крижанич вращался в кругу Андреевских старцев и надеялся очевидно через Р. снискать доверие Царя и добиться соединения православной церкви с римско-католической. Крижанич старался также об издании исправленной славянской Библии и о составлении и издании славянской грамматики и словаря, рассчитывая в этом отношении на Р., как на человека образованного. По свидетельству Крижанича Р. и Морозов одобрили его намерение перевести описание путешествия Олеария и написать на него возражения и велели привести в

исполнение. Н. Н. Кашкин пишет по поводу отношений Ртищева к Крижаничу, между прочим, следующее: «Очевидно, докладывал о нем (Крижаниче) Царю Ртищев, почему знаменитый писатель и оказался подведом ему по Приказу Большого Дворца. Очевидно также, что если им или кем другим истинные цели Крижанича были разгаданы, то в этом и разгадка ссылки, которую сам ссыльный, как ясно из беспристрастных, то есть хвалебных отзывов его о Р., в глубине души признавал естественною; да и обставил ему «дивный милостивый муж» ссылку эту со всей той мягкостью, с которою всегда относился к людям искренно верующим, хотя бы, по его мнению, и заблуждающимся».

Отношения к Малороссии. По окончании Польской войны, Московскому правительству пришлось вмешиваться во внутренние дела. Малороссии, вследствие происходивших там раздоров. Ртищев, будучи близок к Царю и известен в Малороссии, как ученик Киевских старцев (о чем речь будет ниже), силою обстоятельств выступил на политическое поприще. Большая часть духовенства и простой народ не раскаивались, что отдались под покровительство Московского Царя, войсковая старшина и шляхта стремились к соединению с Польшей. По смерти Богдана Хмельницкого в 1657 г. был избран в гетманы Выговский и тяготение к Польше еще более усилилось. Посредником между Московским правительством и Малороссийским народом выступило малороссийское духовенство, причем у Ртищева завязались отношения со многими духовными лицами, которые обращались к нему даже по своим частным делам. Гетман Выговский изменил Московскому правительству; так же поступил преемник его Юрий Хмельницкий. Ощутилась крайняя необходимость иметь в Малороссии надежное лицо, которое употребило бы влияние свое в пользу Москвы. Ртищев указал на Нежинского протопопа Максима Филимоновича, с которым состоял уже в течение нескольких лет в переписке. Филимонович был вызван в Москву, возведен в сан епископа Мстиславского и Оршинского, под именем Мефодия, и назначен блюстителем Киевской митрополии. В то время было три кандидата на гетманство в

Малороссии: наказной гетман Самко, полковник Золотаренко и Запорожский кошевой Брюховецкий. Притворяясь преданными Москве, они старались показать вид, что не только не стремятся получить гетманскую булаву, но считают желательным, чтобы Малороссией ведал москвич. Самко, а с ним вместе многие полковники и старшие казаки заявляли, что самым подходящим правителем был бы Ртищев, потому что он ласков с малороссиянами, доводит до сведения Царя их прошения, внимательно относится к их посланцам и что им говорит – то все правдиво, а «им де, казакам, старшинам и всей черни то любо и надобно и надежнее будут на великого государя милость». Брюховецкий писал епископу Мефодию: «нам не о гетманстве надо заботиться, а о князе Малороссийском от Его Царского Величества, на это княжество желаю Феодора Михайловича». Назначение Ртищева правителем Малороссии, однако, не состоялось, и гетманство получил Брюховецкий. За Брюховецким, тоже изменившим Московскому Царю, следовал гетман Многогрешный; при нем особенным влиянием в делах Малороссии пользовался Черниговский архиепископ Лазарь Баранович. С каким уважением он относился к Ртищеву, видно из его письма к Симеону Полоцкому, которого он просил переговорить по поводу удовлетворения некоторых желаний казаков с «господином Федором Иртышем, как с мужем рассудительным».

Денежная реформа. Чтобы иметь возможность платить жалованье ратным людям во время войны с Польшей, а затем со Швецией, Московское правительство увеличило налоги с купцов и с крестьян. Если мы припомним, что оставались тщетными все попытки Московского правительства найти в пределах своего государства серебряную и золотую руду, и что на денежном рынке обращались только иностранные монеты, то будет понятно, почему в государственной казне ощущался в это время сильный недостаток в серебряной монете. В 1656 г. придумали чеканить медные деньги и выпустить их в одинаковой цене с серебряными. В точности неизвестно, кому пришла мысль о подобной денежной реформе, но считают, что она произведена по совету Ртищева. Из приведенных выше

нравственных свойств Р., оставившего такой глубокий след в памяти его современников, мы приходим к заключению, что он не мог быть инициатором монетной реформы, и что приписываемое ему в этой реформе участие является поклепом со стороны его врагов. Искусственное уравнивание медных денег с серебряными не могло долго держаться, тем более, что появились так называемые «воровские», а по теперешнему – фальшивые, деньги. В 1658 г. медные деньги стали понижаться в цене, а съестные припасы и предметы первой необходимости дорожать. Головы и целовальники, приставленные правительством для надзора за приемом и расходом как меди, так и денег, злоупотребляли царским доверием и богатели. Повторилось то же, что и в начале денежной реформы: как тогда «ворам», т. е. фальшивым монетчикам, так теперь головам и целовальникам мирволили за посулы боярин Милославский и думный дворянин Матюшкин. К лету 1662 г. падение цены медного рубля дошло до того, что он стоил в 12 или 13 раз дешевле серебряного. Это совпало с новым налогом: на войну с Польшей из-за Малороссии производился сбор уже не десятой деньги, как было раньше, а пятой деньги. 25-го мая 1662 г. вспыхнул в Москве мятеж, поводом к которому послужили подметные листы, расклеенные ночью неизвестными лицами на воротах и городских стенах. В подметных листах объявлялось о намерении передаться Польше двух Милославских, Сем. Лукьян. Стрешнева, Ф. М. Ртищева, Б. М. Хитрово и гостя Шорина. Узнав, что Царь Алексей в своем любимом селе Коломенском, в семи верстах от Москвы, толпа двинулась туда. Царь был у обедни и при виде толпы, шумно требовавшей выдачи вышеупомянутых лиц за их злоупотребления, велел всем приближенным, в том числе и Ртищеву, спрятаться в комнатах царицы и царевен. Н. Н. Кашкин приводит интересную догадку какого-то писателя, что «на Ртищева народ был направлен именно из Польши, ибо гибель этого видного деятеля православия и борца за воссоединения Малой и Московской Руси никому не была так выгодна, как полякам...» Возможно, что толпа обвиняла Ртищева в злоупотреблениях вследствие его близости к

Хитрово, который, действительно, отличался корыстолюбием. Что касается царского тестя, Милославского, то Ртищев был с ним в дурных отношениях. Благодаря находчивости Царя мятеж был подавлен и никто из бояр не погиб. В 1663 г. медные деньги были изъяты из обращения.

Просветительная деятельность. Ртищев стремился приобрести знания и просветить своих соотечественников, а так как в то время наука в представлении православного человека была исключительным достоянием церкви, то весьма естественно, что у него явилась мысль основать училищный монастырь. Еще в 1640 г. южно-русский насадитель просвещения Петр Могила обращался к Царю Михаилу с просьбой о построении в Москве обители, где бы старцы Киевского Братского монастыря могли обучать детей греческой и славянской грамоте. Что не устроилось при Михаиле Феодоровиче, то создалось при сыне его Алексее Михайловиче, благодаря стараниям Ф. М. Ртищева. Поблизости от Москвы, почти у самых Воробьевых гор, над Москвой рекой, существовал небольшой храм во имя Андрея Стратилата. Выбор Ртищева пал на это урочище, называвшееся «Пленицы», т. е. «узы». С разрешения Царя и с благословения патриарха Иосифа, Ф. М. Ртищев выстроил там церковь во имя Преображения Господня и на свои, весьма скудные средства учредил в 1648 г. училищный монастырь, в котором поселилось 30 иноков, вызванных им еще в 1646–47 гг. из нескольких Малороссийских монастырей. Устройство обители Царь возложил на келаря Новоспасского монастыря Пафнутия Еропкина; настоятелем Ртищев выбрал «мужа», по отзыву «Жития», «добродетelmi украшенна» – Досифея. По просьбе Царя Киевский митрополит Сильвестр прислал в 1649 г. ученых иноков Арсения Сатановского и Епифания Славинецкого, а в 1650 г. – Дамаскина Птицкого. Желающие могли учиться в Ртищевской школе и сделаться со временем переводчиками св. Писания и справщиками богослужебных книг; ученые иноки должны были приняться за издание славянской Библии, исправленной предварительно по греческому тексту. Епифаний Славинецкий, отличавшийся замечательным трудолюбием и

основательными лингвистическими познаниями, принес русскому обществу большую пользу своими переводами не только церковных книг, но и книг по философии, истории, космографии и географии и составлением нескольких словарей. Между прочим, как сказано в «Житии», им составлен по просьбе Ртищева «триглоссон» – словарь славяно-латино-греческий, заключавший до 7000 слов. Некоторое время Славинецкий жил в Андреевском монастыре, и беседы с ним давали богатую пищу уму Ф. М. Ртищева. В «Житии» читаем: «любомудрия рачитель Федор... яко в днех служение своего чина исполняя, в нощех же, презирая сладостный сон, со мужи мудрыми и божественного писания изящными в любезном ему беседовании иногда целыя ночи бодростне препровождая, и паки своего чина к служению обращаешся». Нашлись лица, которые готовы были считать Р. еретиком за то, что он учился греческому языку; Морозов тоже жаловал киевлян, следовательно, по их мнению, и он уклонился в ересь. Что касается латыни, то ее изучение было, по воззрению этих лиц, равносильно совращению с истинного пути. Наветы в таком смысле одного из учеников Андреевского братства царскому духовнику Вонифатьеву остались без последствий, так как Вонифатьев хорошо знал и ценил Ртищева.

Сношения с учеными южноруссами открыли Ртищеву глаза на многие неправильности, допускавшиеся в церковном обиходе, и он ревностно принялся за их устранение. С помощью Вонифатьева, протопопа Казанской церкви в Москве Неронова и архимандрита Новоспасского монастыря (впоследствии патриарха) Никона Р. удалось ввести церковные проповеди, чему было до тех пор чуждо великорусское духовенство. Особенным успехом, как проповедники, пользовались Епифаний Славинецкий и Неронов. Р. пошел дальше и в своем стремлении восстановить благолепие в церковном служении, доказал Вонифатьеву, а через Неронова – многим московским священникам, что следует заменить «единогласным» пением «хомовое» пение и «многогласие». По правилам «хомонии» произвольно менялись ударения в словах, напр., семени вместо семени, или вставлялись гласные на место полугласных:

Сопасо вместо Съпас, во моне вместо во мъне (ъ=о). Против «многогласия» высказался еще Стоглавый собор, созванный Царем Иоанном IV, но оно продолжало существовать. Возникло «многогласие» вследствие того, что церковные службы, как положено их совершать по уставу, казались длинными и утомительными, а пропускать что-либо считали грехом. Для ускорения стали совершать богослужение «многими голосами»: одновременное пение, провозглашение ектений и возгласов и чтение в несколько голосов производили такую путаницу, что ничего нельзя было разобрать. Печалась о таком нестроении, Р. желал, чтобы исправление было произведено «тихо и безмятежно», а не насильственно, «долгим бо временем в обычаи всего народа укрепися». Особенно деятельную поддержку он нашел в Никоне, когда тот сделался Новгородским Митрополитом. Никон ввел у себя в Новгородском Софийском соборе внятное раздельное чтение и стройное пение, а когда приезжал в Москву, то служил по новому порядку и со своими певчими в придворной церкви, в присутствии Царя Алексея Церковный Собор, созванный Царем по совету Р. 11-го февраля 1649 г., постановил, вследствие упорства патриарха Иосифа, ничего не предпринимать против «многогласия». Алексей Михайлович не утвердил соборного постановления и обратился к Константинопольскому патриарху, который решил этот вопрос в благоприятном для Ртищева смысле. В феврале 1651 г., после нового собора, было объявлено введение «единогласия» по всем церквам. Для полного успеха дела Ртищев послал в Киев, с согласия Царя, за образцовыми певчими и за нотными книгами.

Вслед за изменениями в богослужении началось исправление Никоном церковных книг, которое повело за собой, как известно, возникновение в русской церкви так называемого раскола. Многие выдающиеся люди как, напр., Неронов, протопоп Аввакум и его ревностная последовательница боярыня Морозова стали в первые ряды поборников «древлего благочестия». Никон одержал верх, но сам пал вследствие своего высокомерия по отношению к Царю, который в расцвете дружбы с патриархом называл его «собинным другом». Ртищев

был в дружеских отношениях со всеми вышеупомянутыми лицами. Вот как характеризует проф. Козловский роль Р. в это время: «В эпоху первой борьбы с расколом он явился чуть ли не самым разумным деятелем просвещения, чуждым крайностей и резкостей; он старался перенести споры на академическую, богословскую почву, устраивал на дому диспуты противных сторон, с равным уважением относился к крупным деятелям обеих партий. Для него на первом плане, очевидно, было дело, а не лица... По своим передовым взглядам на права свободы слова, свободы совести и свободы веры он стоит далеко выше не только своих современников, но и потомков». Ученые люди, как жившие в Москве, так и приезжавшие туда, с уважением отзывались о Р. Цареградский архимандрит Венедикт, посетивший Москву с просветительными целями, называл его «сыном своим о Дусе Святе любимым и мудрейшим». Терпимость Р. к чужим воззрениям и к религиозным верованиям, которые он не разделял, видна, напр., из того, что он не отвернулся от Неронова (в иночестве «старца Григория») и от Аввакума, когда они возвратились в Москву из ссылки. Они находили у Р. радушный прием и покровительство. По свидетельству Аввакума, получившего в дар от Царя, Царицы, царского духовника и Родиона Стрешнева по 10 руб., «старый наш дружище Федор Ртищев – тот и шестьдесят рублей велел своему казначею сунуть мне». Дружба, возникшая у Р. с Никоном по поводу церковных реформ, поколебалась после того, как, будучи возведен в сан патриарха, Никон стал вмешиваться в дела государственного управления. Ртищев неоднократно указывал ему на несоответствие его поступков с духом церкви и учением Священного Писания. Иногда Никон выслушивал Р., но случалось ему раздражаться и однажды даже выгнать настойчивого друга «с бесчестием». После удаления Никона Р. недоумевал, как поставить себя по отношению к нему, но вскоре сделался одним из немногих ходатаев за опального и затем низверженного патриарха.

Воспитательство Царевича Алексея Алексеевича. Царь Алексей и Царица Марья Ильинишна так высоко ставили

нравственные и умственные свойства Ртищева, что выбрали его вторым дядькой к своему сыну, наследнику престола Царевичу Алексею Алексеевичу, когда тому минуло 10 лет, т. е., в 1664 г. Первым дядькой числился боярин князь И. П. Пронской, но его назначение можно считать только ради почета; в учителя был выписан белорусский ученый, иеромонах Симеон Петровский Ситианович, известный под именем Симеона Полоцкого. Приняв на себя обязанности воспитателя Царевича, Ртищев освободился от службы в Приказах: Дворцовом, Лифляндских дел и Литовском. Из тех немногих сведений, которые сохранились о Царевиче Алексее Алексеевиче, видно до какой степени он был даровит от природы, и как умело вел его воспитание Ртищев, а учение Симеон Полоцкий. Можно сказать с уверенностью, что Ртищев сознавал ту ответственность, которая падала на него, в качестве воспитателя наследника престола, и что он прилагал все силы для должного выполнения возложенного на него важного дела. Житие говорит: «Он же прилежным ко Государю Царевичу служением наипаче себе изнури, бодрствуя и смотря, и поучая его благочестно». Царственные родители хотели возвести Ртищева в бояре, но он, по своему смирению, уклонился от этой чести.

1-го сентября 1667 г. Царевич Алексей Алексеевич был торжественно провозглашен совершеннолетним и стал участвовать в приемах и отпусках своим отцом иностранных послов. Той же осенью Царевич принимал у себя в покоях великое Польское посольство и произнес речь, в которой говорил о важности единения между славянскими племенами. Речь эта была произнесена наполовину по-польски, наполовину по-латыни, и привела послов в такое восхищение, что они обещали поддержать кандидатуру Царевича на Польский престол. Не суждено было, однако, Царевичу стать во главе ни Польши, ни России: 17-го января 1670 г. он скончался совершенно неожиданно, и врачи не сумели объяснить причину его смерти иначе, как только недостаточно подвижным образом жизни. Из вещей Царевича Ртищеву был дан на память золотой крест, который он на себе постоянно носил. Смерть даровитого юноши, бывшего на попечении Р. в течение шести лет, так его

поразила, что он удалился от двора и государственной деятельности и только однажды присутствовал на придворном торжестве: 22-го января 1671 г., на свадьбе царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной.

Благотворительность. Во время Польской войны 1654 г. представилось широкое поприще для благотворительности Р. Он подбирал по пути больных и раненых и довозил их до места стоянки, причем нередко уступал особо трудным больным место в своей повозке, а сам садился верхом на коня, хотя, как сказано в «Житии», «сам же нозе име болезненне, ея же ради болезни не бе ему удобь кроме колесницы путешествовати, обаче совершенная в нем любовь к Богу превозмогаше скорбь его». Для помещения больных, раненых и изнемогавших от зимней стужи Р. нанимал в попутных городах дома, приискивал врачей и надзирателей, заботился о пропитании призреваемых и расходовал на это из собственных средств, а также из денег, данных ему Царицей Марьей Ильинишной.

Во время Шведской войны он спас трех купцов греков, которых шведы ограбили и еле живых пустили на произвол судьбы. Греки с трудом добрались до московского войска и скитались, изнемогая от голода и холода. Слух о их бедственном положении дошел до Р.; он довез их на своих лошадях до Москвы и покоил до полного выздоровления.

Помощь во время войны Р. оказывал не только русским, но и пленным неприятелям, потому что знал, до какой степени тяжело положение русских пленных в разных государствах, и хотел поступать по евангельскому завету: «любите враги ваши, добро творите ненавидящим вас». В царствование Алексея Михайловича выкуп пленных считался делом общественным и существовал особый налог, так называемые «полоняничные деньги». Выкупные ставки были настолько высоки, что собираемых денег оказывалось недостаточно, и русские пленные томились в неволе. Р. обратился к знакомому купцу – греку Афанасию, неоднократно выкупавшему пленных на свои деньги, и дал ему 1000 руб. серебром (на наши деньги 17000 руб.) для выкупа пленных из Крыма и Турции. Благотворительность Р. была весьма разнообразна. Видя на

улицах Москвы множество больных, бесприютных и пьяных, так как в то время в Москве не было ни богаделен, ни странноприимных домов, ни больниц, Р. придумал два способа оказания помощи. Слуги его разыскивали и приводили в особо устроенный им дом больных, неимущих и пьяных; им давался временный приют: больных лечили, неимущих кормили и одевали, пьяных протрезвляли. Р. посещал этот дом и наблюдал за тем уходом, каким пользовались его случайные обитатели. Другой дом он предназначил для постоянного призрения 13–15 неимущих и больных. После кончины Р. дом сгорел; родственники не желали дать средства для возобновления этого учреждения, но почитатели Р. выстроили дом, который существовал и при Петре Великом под именем «Вольницы Федора Ртищева»: туда принимали неизлечимо больных, стариков, слепых и содержали на добровольные пожертвования.

На церковном соборе 1681 г. Царь Феодор Алексеевич предложил устроить больницы и богадельни не только в Москве, но и в провинциальных городах, следовательно почин, сделанный Ртищевым, показал, насколько необходимы такого рода убежища.

Особенно ярко выразилась благотворительность Р. в 1671 г., во время сильного голода в Вологде. Он послал к тамошнему архиепископу Симону 200 мер хлеба, а затем 900 рублей серебром и 100 золотых, вырученных главным образом от продажи одежды и утвари. Следует заметить, что тогдашний рубль равнялся теперешним 17-ти рублям. Следуя евангельскому учению, чтобы левая рука не знала о тех благодеяниях, которые творит правая, Р. писал архиепископу Симону при отправке хлеба: «Некоторые Христолюбивые человецы, при отшествии своем от сего мира, вручили мне имение свое на раздаяние нищим и убогим, паче же скорбным и гладным, и я, уведав настоящую скорбь и глад града Вологды и в пределах его, известно умыслив, от того оставленного имения послал двести мер хлеба с боголюбивыми людьми». В благодарность за оказанную помощь, архиепископ Симон

вписал в свой синодик, раньше имени своего отца, имена тех лиц, которых просил поминать Р.

Щедрость Р. была безгранична. У него был возле города Арзамаса большой участок земли, за который ему давали 1000 рублей. Узнав, что земля эта нужна городу, он не захотел продать ее в частные руки и послал предложить арзамасцам. Денег у арзамасцев не было, и они должны были отказаться от покупки. Не долго думая, Р. подарил городу эту землю.

Землевладения Ртищева. Промыслы его. Его отношения к крепостным и холопам. У Р. были поместья и вотчины в нескольких уездах, но Андреевское братство и дела благотворительности поглощали такие суммы, что надо было подумать об увеличении доходов. Вследствие этого Р., вместе со своим братом Феодором Михайловичем Меньшим, взялся за промысел «будный», т. е. за выделку поташа и смолы, на которые был постоянный спрос за границу. Им были отданы на оброк из казны с 1652 по 1672 г. три свободных будных завода с приписанными к ним лесами в Олешенском уезде, на Ахтырке и в Путиловском уезде, и дозволение заводить новые буды и рубить леса, кроме заповедных. Сами Ртищевы не имели досуга наблюдать за этим делом, а потому вели его в складчину с другими лицами и в некоторые годы получали большой доход. Близость заводов к западной границе Московского государства давала возможность пользоваться для этой тяжелой работы наемным трудом поляков и литовцев. Но политические события того времени причинили Р. большой убыток: в 1659 г. под Олешню пришел гетман Выговский с крымцами, и «будники» разбежались с заводов. После ухода крымцев, олешенцы напали на пустые заводы и растащили все имущество, так что Р. пришлось обратиться с челобитной к Царю о восстановлении порядка. Прекратив временно работу на будных промыслах, Р. вскоре возобновил ее и должен был, по-видимому, кроме наемных людей пользоваться е своими крепостными, так как иначе заводы не приносили бы достаточного дохода. Долгое время братья Ртищевы сообща владели вотчиной в Лихвинском уезде, уступленной им отцом в 1650 г., и другими земельными угодьями, которые им случалось покупать или менять. В 1661 г.,

когда братья разделились, у Феодора Михайловича Большого оказалось в вотчинах Лихвинского, Тарусского и Московского уездов 715 четвертей, да в поместьях, состав которых часто менялся, набиралось до 1500 четвертей.

Составитель «Жития» сообщает, что Ртищев заботливо относился к своим слугам и крестьянам, и если ему случалось наказывать кого-нибудь, то он делал это с сожалением, считая своим долгом наставлять их: «и о их скорбех не веселяся, но яко с ними состраждя, и о них, яко о своем телеси, пекийся». Будучи милостив к посторонним, Р. не отягощал своих крестьян и довольствовался, сравнительно с другими вотчинниками и помещиками, небольшими оброком и барщиной. Даже при продаже вотчины он не переставал заботиться о населявших ее крестьянах. Так, напр., уговорившись с купцом относительно цены на село Ильинское, которое он вынужден был продать, он призвал купца и сказал ему: «аз тебе цену умаляю ради села того поселян, да имееши их в милости, и трудами и податми их да не отяготиши, но по возможности им вся та да будут свободно». Для большей уверенности в исполнении этого Р. заставил купца поклясться пред иконой.

Летом 1673 г. Р. стал настолько сильно недомогать, что счел необходимым составить духовное завещание. Мысль о благоденствии крестьян не покидала его даже во время предсмертной болезни. Он призвал свою дочь и ее мужа, князя Вас. Феод. Одоевского, и умолял их быть, в память его, милостивыми к крестьянам: «да будут под властью вашею во отраде и в возможности работы и оброков ваших; ибо они нам суть братия. Такового от вас прошу по себе строения». В «Житии» Р. помещено несколько рассказов о тех видениях и предзнаменованиях, которые случились пред его кончиной, светлой и радостной. На нем исполнились, по мнению составителя «Жития», слова св. Иоанна Лествичника: «дел бо ради милосердия кийждо свой прибыток в исходе познавает». Имя Р. записано в синодиках многих монастырей и церквей, в благодарность за его денежные вклады и предстательство перед Царем, Царицей и патриархом.

При составлении биографии Ф. М. Ртищева мы руководствовались главным образом трудами: 1. Проф. Козловского: Ф. М. Ртищев. Историко-биографическое исследование, Киев. 1906 г., и 2. Н. Н. Кашкина: Родословные разведки. Посмертное издание под редакцией Б. Л. Модзалевского, СПб. 1912 г., где на стр. 402–447 помещена подробная биография Ф. М. Ртищева, а вслед за ней, на стр. 448–449, – полная о нем библиография.

Ртищев, Федор Меньшой Михайлович

Ртищев, Федор Меньшой Михайлович, «ближний человек» Царя Алексея Михайловича; род. после 1626 года, сконч. 28-го января 1663 г.; был сыном окольного М. А. *Ртищева* и братом «милостивого мужа» *Федора Большого Михайловича*. Вся служба его протекла при дворе Царя Алексея Михайловича, в самом начале царствования коего он, находясь на Туле, в полку князя Я. К. Черкасского, вместе с отцом и братом был вызван «к Государю к Москве» грамотою, полученной 27-го августа 1645 года. Здесь отец его занял должность стряпчего с ключом, а через год – постельничего; поэтому следует думать, что Федор Меньшой Михайлович, упоминаемый в это время в должности стряпчего, был из числа не полковых или приказных, а дворцовых стряпчих, непосредственно подчиненных его отцу; оттого в день Благовещенья 1647 года и повышен он был в звание стольника «комнатного». На свадьбе Царя Алексея с Марьей Ильиничной Милославской, близкой семье Ртищевых, Федор Меньшой стал путь новобрачным «от церкви к месту и от места к сеннику» (16-го января 1648 г.), а затем был назначен в число комнатных стольников молодой Царицы, окруженной его родственниками – сестрою его Анной Вельяминовой и Соковниными. Неся только придворные обязанности, он в дворцовых летописях упоминается при многих торжествах, особенно часто чашником, то есть, наливающим питье за обедами; иногда – в царских походах на богомолья; но во время войн с Польшей и Швецией он и в ратных этих походах был со дня выступления Царя Алексея из Москвы, 18-го мая 1654 г., и до окончания Лифляндского похода в январе 1657 г., везде, где был Государь, едзя за ним в должности его есаула и ближнего человека. Упоминается он и в числе стольников царских (22-го августа 1658 г.); при царицыном же дворе он, по-видимому, оставался недолго. Какого рода поручения получал он от доброй и нищелюбивой Царицы Марьи Ильиничны, видно по следующему примеру. 2-го июня 1652 г., при выходе царской семьи в Троице-Сергиеву Лавру, Государыня во многих местах

жаловала милостыню нищим и послала в Тверскую богадельню ста нищим по алтыну, а распоряжался этим Федор Меньшой Ртищев. Наградой за его службу явилась не раз выраженная забота Царя Алексея о его благосостоянии: так, на Святой неделе 1657 г. он был назначен подносить Государю «великоденские» золотые, меха и прочие дары от духовных, посадских и иных неслужилых людей и, по обычаю, жалован «за золотой по рублю, а за ширинку по 5 рублей» – всего 275 рублями (что, по нынешней стоимости рубля, соответствует 4675 рублям). При указанной близости его к Царю и Царице, естественно, что и жена Р. стала приезжей боярыней Царицы Марьи и несла разные придворные обязанности, например, в мае 1659 г. упоминается она при гробе Великой Княжны Анны Алексеевны. Женой Федора Меньшого Ртищева была с 1649 г. *Ульяна*, дочь дворянина Московского Степана Петровича Навалкина, происходившего из довольно богатого владимирского рода; рано осиротев, Ульяна Степановна унаследовала вотчину при селе Языкове с сельцом Радиловым и деревнями, во Владимирском уезде, пространством в 501 четверть. Мать ее, из рода Киселевых, постриглась с именем Каптелины в Вознесенском Московском монастыре, где была келарем.

От брака своего Федор меньшой Ртищев имел дочерей *Евдокию* и *Марью* и сына *Михаила*, которому, когда умер Федор Михайлович, его отец, было лишь около полугода. Марья Федоровна впоследствии была замужем за Иваном Бутурлиным, Евдокия же с 1668 г. – за стольником князем Ф. Ф. Хилковым, умершим в 1681 г., а с 12-го февраля 1632 г. – за боярином князем А. Г. Ромодановским, крымским пленником, умершим в мае 1686 г.

Скончавшись лет тридцати пяти от роду, Федор Михайлович не успел ни проявить себя на какой-либо службе, кроме придворной, ни очень преуспеть на поприще хозяйственном. После него остался, впрочем, дом в Белом городе, на Никитской улице, купленный им за 3000 рублей; поместий по нем осталось в уездах Коломенском, Алексинском и Козельском 652 четверти; вотчин, по разделу с братом 1661 года, в уездах

Московском, Лихвинском, Козельском, Воротынском и Шацком – 1253½ четверти в поле, а вдву потому ж; большая часть этих имений была приобретена им вместе с братом; с ним же вместе он арендовал землю в Алаторском уезде, занимался будным заводским делом в Алешинском и Путивльском уездах и на Ахтырке, словом, вел почти все свои дела сообща с Федором Большим Михайловичем и, надо думать, занимался ими более, чем последний, всегда поглощенный множеством забот высшего порядка.

Московский Архив Министерства Юстиции: боярская книга 5, л. 62; столпец Московского стола, 199, № 4176.; столпцы Белгородского стола 348, лл. 52–54 и 124–129; 706, л. 54, и 500, листы 34–35; оклеенные столпцы: по Арзамасу 42, д. 2; По Алексину 92, д. 4; столпец вотчинной записки 18223/4, 1649 г.; дела старых лет по Коломне, кн. 14, дело 41, и др.; «Русская Историческая Библиотека», т. X, стр. 357; «Дворцовые Разряды», т. III, ст. 83, 291, 404–5, 418, 476, 530, 520; дополнения к т. III, ст. 32, 43, 53, 57, 84, 187; И. Е. Забелин, «Домашний быт русских цариц», г. II, стр. 351, 513, материалы, стр. 16; «Домашний быт русских царей», стр. 509–510; «Акты Московского Государства», т. II, стр. 390; «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. V, стр. 318; семейный архив Кашкиных в с. Нижних Прысках (ныне в Имп. Академии Наук); Н. Н. Кашкин, Родословные разведки, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, СПб. 1912, стр. 449–451.

Ру, Игнатий Анжелович (Ignace-Nicolas-Jean Roux)

Ру, Игнатий Анжелович (*Ignace-Nicolas-Jean Roux*) – доктор медицины; родился 26-го июня 1784 года в Турине, там же обучался врачебным наукам и получил в 1808 году от Туринского университета звание доктора медицины. Прибыв в Россию в 1812 году с неприятельскими войсками, в звании полкового врача при корпусе маршала Нея, он был взят в плен казаками под Смоленском и затем навсегда остался в России. В 1815 году он получил от Харьковского университета звание лекаря, в 1819 г. переехал в Москву, где 9-го августа 1819 г. был принят в штат Московской полиции частным лекарем, имея уже 36 лет от роду, а 18-го августа того же года поступил в Московскую Голицынскую больницу палатным ординатором. 2-го июня 1822 года произведенный в штаб-лекари, Ру 26-го ноября 1823 года, по экзамену в Московском Отделении Императорской Медико-хирургической академии, удостоен был степени доктора медицины; 27-го марта 1828 г. получив чин коллежского асессора, он 20-го апреля 1833 г. был назначен помощником инспектора и главного доктора Голицынской больницы.

Дослужившись до чина статского советника и получив еще в 1825 году орден св. Владимира 4-ой степени, Ру умер от удара, в доме больницы, 26-го марта 1847 года; погребен на Московском иновещерском кладбище на Введенских горах.

В 1821–1834 гг. Ру бесплатно лечил больных в Якиманской богадельне Московского Попечительного Комитета Императорского Человеколюбивого Общества. В 1852 году собрание медицинских книг Ру поступило в Императорскую публичную библиотеку.

Формулярный список за 1835 г.; Ив. Сейделер, Московская Голицынская Больница, М. 1865, прилож., стр. 264; Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1852 год; «Московский Некрополь», т. III, стр. 45.

Рубан, Василий Григорьевич

Рубан, Василий Григорьевич, писатель, переводчик и издатель; род. в Малороссии, в местечке Белгороде, в 40 верстах от Киева, 14-го марта 1742 г. Происходил от *Мирона Рубана*, по всем вероятиям – казака, который еще в XVII веке обзавелся в Малороссии довольно крупным имением. Отец Р. – *Григорий* жил в царствование Елисаветы Петровны и был дважды женат; имя матери писателя остается неизвестным; знаем лишь, что он родился от 1-го брака отца и, таким образом, вторая жена отца – вдова Марфа Васильевна Салтанова, приходилась ему мачехой. После домашнего обучения Р. был отдан отцом в Киевскую духовную академию, находившуюся тогда в апогее своей славы, где в числе близких товарищей Рубана были, между прочим, оба брата Бантыш-Каменские – Николай и Иван. Во главе Академии в то время стоял Георгий Конисский, под руководством которого Р. и начал в 1752 году свои занятия. Знакомство наставника с учеником сохранилось и позднее и даже укрепилось благодаря общности их литературных интересов, о чем свидетельствует довольно живой обмен письмами и взаимными услугами, поддерживавшийся в течение долгих лет. Окончив в два года курс философии, Р. не пожелал продолжать в Киеве богословское образование, на завершение коего требовалось в то время четыре года, и перевелся около 1754 года в Московскую духовную академию, но здесь пробыл сравнительно недолго: когда, в 1755 году, в Москве был основан университет и при нем учреждены две гимназии – для дворян и для разночинцев, Рубан вышел из академии, чтобы поступить в университет; но так как, по действовавшим тогда правилам, в университет нельзя было поступить прямо, без специальной подготовки при университетских гимназиях, то в одну из них должен был определиться и Р. Надо полагать, что он был зачислен в состав гимназии для разночинцев, так как в сохранившихся списках «благородной гимназии» его имени не значится. Р. выказал хорошие успехи и, по выдержании

установленного экзамена, был, в числе первых воспитанников гимназии, удостоен звания студента 27-го апреля 1759 г. Во время прохождения университетского курса Р. слушал, между прочим, лекции по риторике и стихотворству у Н. Н. Поповского, преподававшего также и в университетской гимназии. По-видимому, под непосредственным влиянием этого профессора и создавалась у Р. страсть к стихосложению, которой он остался верен до последних дней жизни. Первые шаги Рубана на литературном поприще также относятся еще к студенческим годам. Среди его товарищей по университету было немало лиц, впоследствии выдвинувшихся на литературном поприще, как, напр., Д. И. Фонвизин, Ип. Ф. Богданович, С. Г. Домашнев, М. Д. Чулков и др. Некоторые из них уже и в то время принимали участие в журнале Хераскова «Полезное Увеселение». В этом же журнале начал сотрудничать и Рубан, поместив в 1761 г. свой первый литературный опыт – перевод с латинского: «Папирия, Римского отрока, остроумные вымыслы и молчание» («Полезное Увеселение», т. III, стр. 135).

Кроме стихотворства, риторики и других предметов, Р. обучался в университете пяти иностранным языкам: латинскому, греческому, французскому, немецкому и татарскому и «за успехи в науках получал медали золотые и серебряные». В 1761 г. Рубан окончил курс в университете, получив 12-го июня 1762 г. чин коллежского актуариуса Коллегии иностранных дел, и поступил вскоре на службу переводчиком турецкого языка в Запорожье, у Никитина перевоза на Днепре (ныне Никополь, местечко Екатеринославской губернии), где на его обязанности лежала выдача паспортов русским подданным, отправлявшимся по своим торговым делам в Крым. На этой должности Р. оставался, однако, недолго, покинув ее 10-го августа 1763 года и получив аттестат о своей службе из «Коша войска ее Императорского Величества Запорожского Низового». Вслед за тем Р. перебрался в Петербург и, по-видимому, продолжал служить по ведомству Коллегии иностранных дел, в то же время принимая деятельное участие в ряде журналов того времени и даже выступая с собственными изданиями. Дальнейшая служебная карьера Р. складывалась следующим

образом. 12-го июля 1767 г. он был произведен в чин коллежского переводчика и оставался в нем до 25-го февраля 1771 года, когда получил патент на чин коллежского секретаря; в мае 1773 года он, однако, оставил Коллегию иностранных дел и перешел на службу в Сенат – на должность протоколиста Межевой Экспедиции, под начальство генерал-прокурора князя А. А. Вяземского. Но в Сенате Рубан оставался очень недолго: получив в 1774 году чин коллежского асессора, он, по приглашению князя Г. А. Потемкина, занял при нем должность секретаря. В этой должности он оставался в продолжение 18 лет, постепенно повышаясь в чинах и исправляя по временам и другие служебные обязанности. В 1775 г., после назначения князя Потемкина генерал-губернатором Новороссийской, Астраханской и Азовской губерний, Р. последовал за своим начальником на юг России в качестве человека, знакомого с этими местами по прежней своей службе переводчиком в Запорожье. Будучи произведен 29-го сентября 1779 г. в надворные советники и оставаясь по-прежнему секретарем при Потемкине, Р. одновременно с этим был назначен временно исправлять должность директора Новороссийских училищ; обязанности эти, впрочем, прекратились уже в следующем году. Вместе же с Потемкиным, который в декабре 1784 г. был назначен Президентом Военной Коллегии, в это учреждение был назначен и Р., заняв в Коллегии должность заведующего иностранной перепиской и переводчика деловых бумаг с польского языка. В этой последней должности Рубан оставался до самой смерти своей, дослужившись, в феврале 1786 г., до чина коллежского советника.

В одном из своих поздних стихотворных произведений, – а именно в рукописном послании к графу П. А. Зубову, в январе 1794 г., поздравляя его с назначением членом Военной Коллегии, Р., между прочим, так характеризует свою службу:

В Военной бо и я советником служу,
Но не советую, а только превожу
На русской польские патенты и дела.

На службе его удерживала исключительно полная необеспеченность; в другом его послании – к графу Н. И.

Салтыкову, написанном в том же 1794 г., находим следующее место: «Шестой же от роду имею лет десяток – и в жалованье весь мой состоит достаток, да разве мне своей деревней счесть Парнас, скотины же один, но ветхий уж Пегас».

Эта же необеспеченность, как увидим ниже, неоднократно заставляла Рубана прибегать к помощи и покровительству вельмож-меценатов того времени, так как получаемого им жалования далеко не хватало на жизнь и на издание его произведений. Одно время у Рубана была надежда получить от Потемкина, при котором он прослужил 18 лет, в награду за усердие, поместье где-нибудь на юге России, но, по-видимому, смерть князя помешала ему осуществить это намерение; Р. остался ни при чем и следующим образом, не без горечи, сообщал об этих своих разбитых надеждах П. В. Пассеку: «Пять тысяч четвертей земли мне князь Тавриды давал, но на письме ее лишь зрятся виды; в поместье ж не пришла сия поднесь мне часть, и я не знаю, кто приял ее во власть, или казенною она осталася поныне».

Вспоминая о своей службе при Потемкине, Рубан подчеркивает свою близость к князю и доверие, оказывавшееся последним своему секретарю: «Я из сенатских взят к нему секретарей, правителем его был письменных идей», говорит он в своем послании к А. Н. Самойлову; из этого же послания между прочим видно, что Рубан умел вообще жить в ладу со своим начальником: «Зрел милости его и гневны иногда, но гневны мне его не принесли вреда».

К концу службы Рубан стал страдать слабостью зрения и слуха. К прежней нужде присоединились еще болезни, и положение Р. еще более ухудшилось. Чувствуя себя не в состоянии продолжать службу, Р. в последние годы жизни не раз обращался к А. Н. Самойлову, графу Н. И. Салтыкову и к другим лицам с просьбами о назначении ему пенсии. В письме к А. Н. Самойлову в январе 1794 г. он писал: «И в прозе, и в стихах и день и ночь трудясь, нередко бодрствовал, спать сутки не ложася; чрез то и зрение, и слух мой потерял и более служить уже не в силах стал». А в августе того же года он в следующих стихах излагал свою просьбу графу Салтыкову: «Не лишник

требую при старости наград, но чтоб коллежских мне советников оклад, какой в сем городе по штатам утвердила (т. е. Императрица), чтоб оный дать и мне по смерти определила или, ясней сказать, чтоб до последних дней мне семьсот пятьдесят в год пенсии рублей высоким повелеть изволила указом, и чтоб уволен я военным был приказом от службы, ибо я и слеп уже, и глух, лишился зрения и потерял мой слух».

Но все хлопоты Р. о получении пенсии остались безрезультатными. Не удалось ему также осуществить и другое желание – приобрести на старости хотя бы клочок земли, чтобы там безмятежно провести последние годы своей жизни. С подобной просьбой Р. обратился в последний раз к П. Б. Пассеку, когда тот был избран Президентом Вольного Экономического Общества; жалуясь в своем послании на свое одиночество и на полную необеспеченность, он писал: «Я бобылем живу и в горестной судьбине и нанимаю дом, хоть не весьма хорош, доколе есть еще в кармане царский грош; своей же нет земли ни четверти аршина; наследие мое – всех улиц грязь и тина, котору всякий день ногами я мешу».

В самые последние дни его жизни кое-кто из друзей Р., стараясь его ободрить, советовал ему покинуть Петербург и поехать отдохнуть. На Украину звал его Курский епископ Феоктист, а С. Г. Зорич приглашал его к себе в Шклов и даже выслал ему денег на поездку, но оба приглашения уже запоздали: разбитый болезнью Рубан не мог тронуться с места и вскоре после этого умер, так и не избавившись от тягостного чувства одиночества и вечной нужды.

Как уже упоминалось выше, литературная деятельность Рубана началась еще со студенческой скамьи, но особенно ревностно предался он ей после переезда из Запорожья в С.-Петербург. Уже в 1764 году он начал сотрудничать в журнале В. Д. Санковского «Доброе Намерение», поместив в нем ряд заметок. Не оставляя и позднее сотрудничества в целом ряде журналов своего времени, В. Г. Рубан вскоре предпринял целый ряд самостоятельных изданий: трижды принимался он за издание периодических журналов, выпустил значительное количество как собственных трудов и переводов, так и

произведений других лиц, опубликовывал исторические памятники, статистические сборники и справочники. Из опубликованных им собственных его произведений значительная часть состоит из мелких изданий, часто даже из оттисков, на одном листе, различных торжественных од и надписей; но наряду с ними Рубаном было издано немало и капитальных вещей, имевших значение не только в его время, но сохранивших его и долгое время спустя.

Кроме журнала «Доброе Намерение», Р. сотрудничал также в «Парнасском Щепетильнике», издававшемся в 1770 г. М. Д. Чулковым, и в двух новиковских журналах – в «Трутне» в 1770 году и в «Живописце» в 1772 г. Но еще раньше этого, а именно в 1769 г., в лучшую пору деятельности сатирических журналов XVIII века, Р., замечая успех «Всякой Всячины» В. Г. Козицкого и «И то и се» Чулкова, решил выступить с самостоятельным органом. 21-го февраля 1769 г. начали появляться, под его редакцией и при участии С. Башилова, еженедельные периодические листки под заглавием «Ни то, ни се» (с эпиграфом из Проперция: «*Maxima de nihilo nascitur historia*»). Листки составлялись в прозе и в стихах, выходили по субботам и стоили недорого, как это явствует из двустишия, напечатанного на заглавном листе первого издания:

Всяк, кто пожалует без денежки алтын,
Тому ни То ни Се дадут листок один.

Но, несмотря на успех, которым у нас пользовались в то время сатирические издания, журнал Рубана особенного успеха не имел. Причина этого в настоящее время ясна: Р., как редактор, как раз не обладал теми качествами, которые давали жизнь и смысл сатирической журналистике. Его листки не отличались меткими нападками на темные стороны тогдашней действительности, мало было в них и искренности, простоты и задушевности. В довершение всего сам Р. довольно смутно сознавал назначение и цель своего журнала. По его собственным словам, одною из основных причин, побудивших его сделаться журналистом, было собственное самолюбие. «Эта страсть, говорит сам Рубан: будучи сопровождаема еще охотою показаться грамотными и желанием услужить публике,

сделала издание сих листков необходимым». Но при этом он едва ли отдавал себе ясный отчет в том, какого же рода услугу он должен оказывать своим читателям; по крайней мере, характер самого журнала не представлял из себя чего-нибудь выдержанного. Напротив, выражая свои редакторские взгляды, Р. находил необходимым «мешать поучения с увеселениями и угрюмость строгих правил умягчать какими-нибудь приятностями или закрывать прелестными цветами». В его журнале, поэтому, очень мало было сатиры, больше же прославления современного ему порядка вещей. Благодаря упомянутому же соображению, выбор статей для «Ни то, ни се», не был объединен какой-нибудь общей мыслью или направлением. По обнародованной уже в № 1 журнала программе, содержанием его должна была являться «смесь, состоящая из прозы и стихов, сочинений и переводов. И действительно, содержание «Ни то, ни се», можно сказать, оставалось верно этой программе, с тем только добавлением, что в нем отдавалось особенное предпочтение разного рода риторическим упражнениям. Чуть ли не единственным исключением за все время издания журнала является статья: «План воспитания и вояжа Г***, им самим написанный», изображающая в преувеличенном виде невежество тогдашних педагогов-иностранцев и плачевные итоги их обучения и заключающая в себе элементы хоть и грубой, но все же сатиры. Принимая самое близкое участие в ведении журнала, Р. старался, правда, оживить его эпиграммами и блесками остроумия, но чаще всего у него на это не хватало таланта и умения. Как на пример таких неудачных попыток, можно сослаться на одну из статей № 1 журнала, обращавшуюся непосредственно к читателям: «Сочинение наше, говорилось там, покажется читателям или полезно, или бесполезно, или ни то, ни другое. Что до первого принадлежит, то мы обещаемся понести великодушно, если кто наше «Ни то, ни се» захочет превратить в нечто. Что же касается до второго, то мы не обязуемся ответственность за тех читателей, которые из сего нашего затору произведут неприятную чувствам кислоту, а если случится третье, то мы уже будем не первые отягощать свет

бесполезными сочинениями: между множеством ослов и мы вислоухими быть не покраснеем...» Помимо самого Р., поместившего в журнале ряд стихотворений и переводов, в нем принимали более или менее близкое участие С. Башилов, В. П. Петров, М. В. Попов и некоторые другие, менее известные писатели. «Ни то, ни се», несмотря на все свои недостатки, все-таки расходилось, и даже год спустя было перепечатано, в 1771 году, вторым изданием, с сохранением всего прежнего содержания. Но, тем не менее, не встречая особой поддержки со стороны читающей публики, оно не могло просуществовать даже всего года сполна и прекратилось на № 20, вышедшем 11-го июля. Впрочем, и выходил журнал не вполне регулярно: уже в июне случился перерыв, после которого сразу были выпущены четыре листа; эту задержку Р. объяснял тем, что «сочинители его (т. е. журнала), желая доставить себе возможность пользоваться приятностями исходящей весны и начинающегося лета», разрешили сами себе месячный отпуск. Прекращая выпуск в свет своего журнала, Р. в последнем листе этого издания поместил следующее стихотворное обращение к читателю, в котором не трудно подметить затаенную горечь от постигшей его неудачи. Как ни старается автор скрыть свои подлинные чувства, прочесть их не составляет особого труда: «Уж нам „Ни то, ни се“ наскучило писать, читатели, а вам наскучило читать. К другим трудам свои мы обратили руки, но ныне публика терпеть не будет скуки. Здесь „Всяка Всячина“ досель еще цветет, от ней „И то и се“, и с „Трутнем“ „Смесь“ растет, и пишется притом „Полезное с приятным“: предметов много есть и добрым, и развратным. Для умножения забавы и отрад помесечно завел свою здесь почту ад. Пусть публика сии листы теперь читает, веселья с пользой ей „Ни то, ни се“ желает, но ныне для чего окончилось оно, то в следующем здесь письме помещено».

В упоминаемом же письме сообщалось, что редакция, убедившись на собственном опыте, как прилипчива болезнь «марать бумагу прозой», нашла на нее надежное лекарство в «многоделии», которого, «если дать добрый прием больному, то сколь бы в нем сия болезнь ни застарелась, то он, если не

навсегда, то по крайней мере на несколько месяцев исцелится». Рассуждая далее о причинах неудачи журнала, Рубан приходит к следующим выводам: «...мы не угодили ни петиметрам, ни степенным людям: первым – потому что не грезили ни о нарядах, ни об модах, но о том жалеть нечего: ведь они и сами больны головою, однако не ломом, а пустотою в голове; а вторым – потому что мы писали на лоскутках, которых они и в руки не берут; они охотники до увесистых книг, но, по несчастию, прекратившаяся скоропостижно наша болезнь не дала нам времени сгромоздить ничего такого, что бы им руки обломить могло. Итак, осталось нам ожидать себе похвалы от одних здоровых людей, но, по несчастию, их очень мало»... Не удовлетворяя вкусам тогдашней читающей публики, «Ни то, ни се» было встречено недружелюбно и своими собратьями – другими периодическими журналами. Чуть ли не с первого номера возгорелась ссора между ним и «Всякой Всячиной», особенно же усердствовала в этом отношении «Смесь», неоднократно ополчавшаяся против Рубана и его журнала. Уже вскоре после появления в свет первых листов «Ни то, ни се» в «Смеси» было помещено «Рассуждение», в котором автор его, играя словом рубить и пользуясь сходством между этим словом и фамилией Рубана, осмеивал страсть последнего к стихотворству. В другой раз в той же «Смеси» было прямо сказано по адресу Рубана: «Сей стихотворец мог бы всползти на Парнас, но он не пишет стихи, а рубит их, как дрова». Наконец, не прошло без насмешек со стороны «Смеси» и прекращение журнала «Ни то, ни се». В своем 17-м листе она поместила следующую эпитафию: «Немного времени „Ни то, ни се“ трудилось, в исходе февраля родившись на свет: вся жизнь его была единый только бред, и в блоху наконец в июле преродилось; а сею тварию презренно быв везде, исчезло во своем убогоньком гнезде».

В последних стихах содержится намек на стихотворение: «Блоха, из Овидиевых фрагментов», помещенное в последнем листе журнала «Ни то, ни се». В наши дни журналу Рубана было приписано А. И. Незеленовым в его исследовании «Литературные направления в Екатерининскую эпоху»

нигилистическое и материалистическое направление. Что касается первого пункта этого обвинения, основанного на неверно понятом смысле стихотворения «Скажите, отчего родилось «То и се», в котором прославляется деятельность нулей, то его, по мнению Б. Л. Модзалевского (в его исследовании о литературной деятельности Рубана) вряд ли можно считать основательным, если не делать натяжек. Но еще более неосновательно и второе обвинение, выводимое Незеленовым из стихотворения «Деньги», напечатанного во втором номере журнала. Стихотворение это действительно представляет настоящий дифирамб деньгам, но, как бы предчувствуя возможность обвинения в материализме, Рубан сопровождает его объяснением, почему «Ни то, ни се» «загляделось так пристально» на презренный металл: «У голодных, – читаем мы в этом пояснении, – хлеб на уме, а мы недавно вышли из безсребренного Минервиных питомцев жилища [т. е. из университета], где и слово „деньги“ только в лексиконах видали... При всем том мы, не обинуясь, можем сказать, что не они нас взманили писать сии листки; но дело в том только состоит, что недостаток оных не позволяет нам быть щедрыми». Признаваясь далее в том, что до издательской деятельности ему приводилось преимущественно вращаться в обществах, «где ничто так не маловажно, как деньги», Рубан говорит: «Потом, как выступили вдруг на такой театр, где почти все действия производятся деньгами, то не можно поверить, как мы были удивлены чудесами, творимыми от оных». Сопоставляя эти признания редактора-издателя «Ни то, ни се» с отмеченною уже выше постоянной его нуждой в деньгах и полной необеспеченностью, можно поверить их искренности, опровергающей какую бы то ни было пропаганду материализма.

Первая неудача на поприще журналистики не остановила Рубана, и уже в 1771 году он начал, со второй половины года, издавать (на счет купца М. Седельникова) новый еженедельный журнал – «Трудолюбивый Муравей». Новый журнал начал выходить как раз в такое время, когда все прежние Петербургские журналы прекратили свое существование. Ставя себе целью увеселять публику и тем доставлять «сугубое

удовольствие себе и читателям, сидящим во скуке без еженедельных новостей», Р. приглашал всех и каждого «к споспешествованию трудов своих» и обнадеживал их «в издание свое вмещать все присылаемые к нему сочиненные или переведенные в прозе и стихах пьесы, которые здравому рассудку и благопристойности противны не будут». Но «Трудолюбивому Муравью» не удалось по замыслу издателя «выходом своим оживотворить кости усопших своих собратий». Оценка с точки зрения «благопристойности» у Рубана на этот раз зашла еще дальше, чем при издании «Ни то ни се», заставляя его безжалостно исключать со страниц журнала как серьезную критику тогдашней общественности, так, наряду с ней, даже и невинную сатиру. Он таким образом вторично остался глух к запросам своего времени и взял еще более неверный тон, чем в первый раз. «Трудолюбивый Муравей», не встретив поддержки, вскоре же прекратился, едва дотянув до конца 1771 г. В последнем выпуске журнала Р. сообщал, будто он удостоверился во внимании к нему читателей «великим, бывшим на листы его расходом во все время своего течения», и обещал в следующем же году выступить с новым еженедельным изданием; надо, однако, полагать, что это заявление не было вполне справедливым, да и не могло быть таковым, ибо читатель, оставшийся неудовлетворенным при издании «Ни то, ни се», вряд ли мог удовлетвориться «Трудолюбивым Муравьем» – тем более что издание последнего велось еще более безыдейно и представляло собрание материалов, не способное удовлетворить даже читателей, смотревших на литературу, как на лекарство от скуки и приятное препровождение времени. Подавляющее большинство статей этого журнала представляло переводы французских и латинских писателей, к тому же выбранных наудачу, и в большинстве случаев было лишено не только общественного, но и литературного интереса. Сотрудниками «Трудолюбивого Муравья», помимо многих лиц, скрывшихся под разными инициалами, выступали между прочим: В. И. Майков, И. У. Ванслов, М. Г. Спиридов и Дмитрий Грозинский – архимандрит Спасского монастыря в Новгород-Северске. Сам

же Рубан поместил в журнале несколько надписей в стихах и стихотворный же перевод из Лукиана: «Диоген и Александр». Исполнить обещание, данное читателям при прекращении «Трудолюбивого Муравья» – выступить в следующем году с новым еженедельным изданием Рубану не пришлось, но он все же не отказался от мало свойственной ему роли журналиста и с августа 1772 г. выступил с изданием сборников «Старина и Новизна»; вторая книжка сборника появилась в следующем, 1773 году и на ней издание окончательно прекратилось. Содержанием своим оба сборника не отличаются от предыдущих изданий Рубана: в них та же смесь стихотворений, оригинальных и переводных статей по самым различным вопросам, касающимся главным образом России; есть даже, между прочим, статьи, посвященные статистике, педагогике и духовному красноречию. Есть основание полагать, что в сборники вошел материал, накопившийся для предполагаемого журнала; между прочим сам Р. в «предуведомлении» к I части «Старины и Новизны» заявлял, что побудительным мотивом к выпуску сборников явилось с одной стороны наличие большого количества «сочиненных и переведенных прозаических и стихотворных разного содержания небесполезных рукописей», а с другой – желание «услужить публике, к чтению книг охоту имеющей». Интересно отметить, что в числе сотрудников «Старины и Новизны» встречается больше лиц, пользовавшихся в то время известностью; так, в ней участвовали: М. М. Херасков, княжна Е. С. Урусова, бывший наставник Рубана по Киевской академии – Георгий Конисский, М. Г. и А. Г. Спиридовы, Петербургский митрополит Гавриил Петров, М. И. Вережкин, Н. Н. Бантыш-Каменский, Г. Н. Теплов и др.; наконец, в этом же издании впервые выступил на литературное поприще Державин, поместив в «Старине и Новизне» свой (анонимный) перевод с немецкого: «Ироида, или Письмо Вивлиды к Кавну». Самим Рубаном были помещены в этих сборниках, помимо многочисленных надписей и од, несколько стихотворных переложений молитв и загадок.

В «Старине и Новизне» обращает на себя внимание преобладание статей исторического содержания. Это

обстоятельство приобретает особенное значение ввиду дальнейшего направления литературной деятельности Рубана, выявившейся в издании целого ряда книг историко-географического содержания, памятников русской литературы и других сочинений как своих, так и чужих. Очевидно, годы издания «Старины и Новизны» приходится считать переходным периодом, когда окончательно определились наклонности В. Г. Рубана, и он, окончательно оставив поприще журналиста, променял его на более благодарную для себя стезю посильного служения обществу путем издания и составления полезных книг научного содержания. Отдельные произведения этого рода были переводимы и издаваемы Рубаном и до 1772–1773 г., но ими он тогда как бы нащупывал почву и лишь в последующие годы окончательно и уже бесповоротно стал на избранный путь. В хронологической последовательности его научно-литературная деятельность сперва исключительно состояла из переводов с иностранных языков – французского, латинского и греческого. Так, еще в 1765 г. он напечатал книгу: «Настоятель Килеринский, нравоучительная история, сочиненная из записок одной знатной Ирландской фамилии», соч. д'Аржанса, перевод с французского. Начав издание «Настоятеля» в 1765, Р. закончил его (в 6 частях) лишь в 1781 г. В 1770 г. появился «Канон Пасхи св. Иоанна Дамаскина», переложенный стихами. Это издание выдержало в 1779 г. второе издание, а после смерти В. Г. Рубана, в 1821 году в Синодальной Типографии было отпечатано и 3-м изданием (на обложке оно ошибочно обозначено вторым). В 1771 г. Р. перевел с латинского «Царский свиток, посвященный Греческому императору Иустиниану, диакона Агапита, состоящий из 72 глав» и «Карла Линнея наставление путешествующему», перевод с латинского, СПб. 1771 г.; в следующем же году была издана «Омирова Ватрахомиомахия, то есть война мышей и лягушек, забавная поэма»; в 1788 году этот перевод был издан вторично. Начиная же с 1773 года, как мы уже указывали, издательская деятельность Рубана особенно усилилась и приняла более определенный характер. Начиная с этого года, он составил и издал следующие собственные сочинения: в 1773 г. «Краткие

географические, политические и исторические известия о Малой России, с приобщением украинских трактатов и известий о почтах, також списка духовных и светских тамо находящихся ныне чинов, числе народа и пр.» Издание это имело успех и уже в 1777 году потребовалось второе издание его, а одновременно с ним Рубаном было составлена и издана в Петербурге «Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год, с изъяснением настоящего образа тамошнего правления и с приобщением списка прежде бывших гетманов, генеральных старшин, полковников и иерархов, також землеописания, с показанием городов, рек, монастырей, церквей, числа людей, известий о почтах и других нужных сведений». Между прочим, эта «Летопись» была переведена Шерером на французский язык, но без упоминания имени Рубана. Самому Рубану в «Краткой летописи» принадлежит главным образом редакционная обработка, так как летописный свод событий до 1734 г. был прислан ему Георгием Конисским, более поздние события и списки начальствующих лиц сообщил А. А. Безбородко, а землеописание и прочие сведения составил кто-то из Украины. В виде дополнения к «Краткой летописи» в том же году появилось «Землеописание Малыя России, изъясняющее города, местечки, реки, число монастырей и церквей и сколько где выборных казаков, подпомощников и посполитых по ревизии 1764 года находилось». Это «Землеописание» начинается топографическим очерком Малороссии и содержит довольно много статистических сведений. Подробнее других описан Полтавский полк, почти о всех городах которого приведены краткие исторические данные; в конце «Землеописания» был приложен алфавитный географический указатель.

В 1775 г. Рубан выпустил «Любопытный Месяцеслов на 1775 год, являющий и на все простые лета, кроме високосных, числа или дни месяцев по старому и новому стилю»... Кроме чисто календарных сведений, это издание содержало в себе краткий перечень исторических событий и изобретений, роспись русских государей и лиц царствующего дома, краткие астрономические и почтовые известия, наставления садоводам

и др.; но больше всего внимания было уделено истории русской духовной иерархии и историко-статистическому отделу, подробно описывающему наместничества, губернии, города, епархии, монастыри, церкви, кладбища, училища, аптеки и типографии. «Любопытный Месяцеслов» продолжал выходить и в следующие годы, а именно в 1776, 1778 и 1780 г., печатаясь в С.-Петербурге, и только в 1776 г. появился «Московский Любопытный Месяцеслов». В полном заглавии «Месяцеслова» Рубан, между прочим, указывал, что издает его «для пользы россиян»; с этой же целью позднее им было выпущено несколько изданий различных справочников, в том числе: «Дорожник чужеземный и российский и поверстная книга Российского государства...», СПб. 1777 г.; «Всеобщий и совершенный гонец и путеуказатель», СПб. 1791 г., разошедшийся тремя изданиями (второе в СПб. в 1793 г., а 3-е, посмертное, – СПб. 1808 г.); «Дорожный перечень, представляющий знатнейшие российские и иностранные, в Европе и Азии находящиеся города», СПб. 1785 г.; «Историческая табель владетельных великих князей, царей и императоров Всероссийских», СПб. 1782 г.; «Российский царский памятник, содержащий по абевегальному, т. е. азбучному, порядку краткое описание жизни Российских государей, их супруг и чад обоего пола, с показанием времени и места рождения, кончины и погребения оным, с приобщением панихидной росписи по дням и месяцам всего лета», СПб. 1783 г. Книжка эта, разосланная первоначально Рубаном по церквям, в короткое время выдержала шесть изданий, из них первые три – в течение одного 1783 г.; «Изъявление по полосам губерний, наместничеств и областей всей Российской Империи, с означением времени их открытия, звания их городов... также и описания тамошних мундиров...», СПб. 1785 г.; «Краткий степенник владетельных Великих Князей, Императоров и Императриц Всероссийских», СПб. 1786 г.; «Посетитель и описатель святых мест, в трех частях света состоящих, или путешествие Мартына Баумгартена, немецкой Империи дворянина и кавалера, в Египет, Аравию, Палестину и Сирию... также История о нравах и обычаях тамошних народов,

некоторых Государей и Государств, о их начале, происхождении и приращении или упадке...», перевод с латинского, СПб. 1794; «Геройский подвиг Екатеринославского корпуса егеря» (время и место издания не обозначено); «Изъявление настоящего образа правления Малыя России», СПб. (время издания не обозначено). Уже из одного перечня изданных Рубаном книг не трудно заключить, что большинство их отвечало чисто практическим потребностям того времени и благодаря этому пользовалось успехом. Но среди его трудов были и более выдающиеся, обратившие на себя внимание не только современников; из таких его изданий прежде всего следует остановиться на труде, посвященном жизни и деятельности Петра I. Сочинение это, носящее заглавие: «Начертание, подающее понятие о достолавном царствовании Петра, Великого, с приобщением хронологической росписи главнейших дел и приключений жизни сего великого государя», СПб. 1778 г., – хотя и написано, по отзывам исследователей, под влиянием иностранной литературы о Петре, имело и свои достоинства, как выпуклая и умело составленная характеристика внешней и внутренней истории Петровского царствования; кроме того, ей предшествовала картина состояния России при Иоанне Грозном и его ближайших преемниках. Посвящен был этот труд графу З. Г. Чернышеву. Другим, еще более ценным изданием В. Г. Рубана было опубликованное им в 1779 г. «Историческое, географическое и топографическое описание С.-Петербург от начала заведения его с 1703 г. по 1751 год...», с 84 гравированными рисунками и портретом Петра Великого. Составлено было это «Описание» первоначально А. И. Богдановым, помощником библиотекаря и архивариуса Академии Наук и было открыто Рубаном в Новгородской семинарской библиотеке; но потом Р. дополнил его собственными изысканиями, снабдил предметным указателем и украсил издание гравюрами, изображающими строения, от которых теперь по большей части не осталось следа. Кроме того к «Описанию» был приложен список надгробий Александро-Невского монастыря, опять-таки теперь уже давно исчезнувших. В 1903 г. А. А. Титов издал Дополнение к

изданному Рубаном «Описанию Петербурга», составленное тем же Богдановым.

По словам исследователя истории Петербурга – П. Н. Петрова, издание Рубана и до сих пор выгодно отличается от прочих материалов по истории столицы точностью и добросовестностью собранных сведений. Тщательно составленное по архивным документам, оно и теперь еще сохранило ценность справочника благодаря обилию в нем исторического материала. Издано оно было на средства князя Г. А. Потемкина и посвящено Екатерине II, коей, по словам издателя, «сей град всем своим великолепием и славою одолжен». Три года спустя после издания «Описания» Петербурга, в 1782 г., Рубаном было издано и «Описание Императорского столичного города Москвы». Этот труд не представляет уже такого интереса, как предшествующий, и ограничивается главным образом топографией первопрестольной столицы и описанием ее церквей, присутственных и казенных мест. Любопытно только, что на обложке его Рубан именуется себя «издателем описания Санкт-Петербурга», а это дает основание к заключению, что первое произведение пользовалось в свое время широким успехом и содействовало популярности издателя.

Наконец, В. Г. Рубаном в разное время было издано несколько исторических памятников, свидетельствующих о его желании сохранить для потомства эти старинные и важные материалы. Занимаясь изданием их, Р., правда, не держался никакой системы, публикуя, вероятно, то, что попадалось ему под руку; но он понимал, что издание старинных памятников, «из челюстей едкие древности исхищаемых, нарочито умножило знание отечественной истории и обогатило природный язык, от многого чужеземных наречий введения оскудевать начинавший». В 1773 г. с этой целью им был издан «Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города и торжественное оттуда с победоносным воинством возвращение в Москву». Памятник этот представляет из себя журнал А. С. Шеина о двух его экспедициях в Азов; он снабжен именным списком

участвовавших в этом походе лиц; издание посвящено графу П. И. Панину. Четыре года спустя, по распоряжению князя Г. А. Потемкина, Рубаном был издан в свет найденный в Оружейной Палате список «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящей в 663 указах или статьях в Государствование царей и Вел. Кн. Василия I Шуйского и Михаила Феодоровича... в 1607 и 1621 годах». Составленная по иностранным источникам Онисимом Михайловым, рукопись этого «Устава» представляет весьма интересный памятник начала XVII ст., дающий ясное представление о способах ведения в то время военных действий. При опубликовании «Устава» Р. пришлось затратить немало времени на разыскание утерянных чертежей (которые, однако, так и не нашлись), что сильно задержало печатание, так что вторая часть его могла появиться только в 1781 г. Редактируя текст «Устава», Р. позволял себе делать в нем произвольные поправки, хотя в предисловии к нему он и отрицает это, говоря, что в его издании «ничего в подлиннике находящегося не упущено, исключая явных некоторых погрешностей писцовых». Еще менее научно Р. обошелся с двумя другими изданными им памятниками: 1) «Пешеходца Василия Григоровича-Барского-Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, Путешествие к Святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году», СПб. 1778 и 2) «Путешествие московского купца Трифона Коробейникова с товарищами в Иерусалим, Египет и к Синайской горе в 1583 году», СПб. 1783 г. Первое из этих «Путешествий», пользовавшееся в XVIII в. известностью, напечатано было Р. со значительными пропусками и изменениями, исправлением слога подлинника и т. п., что делает это издание совершенно неудовлетворительным в научном отношении. Опущены в издании и все рисунки и чертежи, имевшиеся в подлиннике Барского, причем Р. мотивирует это тем, что «все виденные сочинителем места столь обстоятельно и живо описаны, что и без рисунков читатель совершенное понятие приобрести может». Но, несмотря на эти дефекты, «Путешествие» Барского

выдержало четыре издания при жизни Р. и два – после его смерти (II изд. СПб. 1785 г.; III – посад Клинцы, 1788 г.; IV – СПб. 1793 г.; V – СПб. 1800 и VI – СПб. 1819 г.). Что касается второго «Путешествия», то с ним повторилось то же, что и с первым. По словам И. П. Сахарова, занимавшегося сличением рукописей «Путешествия Коробейникова», Р. позволил в своем издании делать произвольные вставки и исправления слога. В предисловии к этому «Путешествию» Рубаном, между прочим, было высказано сомнение в принадлежности этого памятника Коробейникову. Новейшие исторические разыскания вполне подтвердили эти сомнения Р., установив, что изданный им памятник в своей большей части является пересказом записок паломника 1552 г. Василия Позднякова.

Помимо исторических памятников, В. Г. Рубаном в разное время были изданы следующие чужие труды: 1) «Китайский мудрец, или наука жить благополучно в обществе, состоящая в наиполезнейших нравоучительных наставлениях, сочиненных древним восточным брамином. Перевод с французского», СПб., I изд. 1773 г.; II – 1777 г., III – 1785 г. Автор перевода неизвестен, но, по догадкам самого Рубана, им был Сенатский протоколист Колосов; 2) «Энеида» Виргилия, перевод с латинского В. Санковского, с комментариями Рубана, СПб. 1775 г.; 3) «Слово о промысле Божии, вообще ко всему свету, и особливо к России», Гавриила Бужинского, произнесенное 11 октября 1720 г., с предисловием, написанным В. Г. Рубаном, СПб. 1776; 4) «Хоры на торжество мира с Оттоманской Портой», соч. аудитором Иваном Селецким, СПб. 1776 г.; 5) «Путешествие английского Лорда Балтимура из Константинополя через Румелию, Болгарию, Молдавию, Польшу, Германию и Францию в Лондон», перевод с английского С. И. Плещеева, СПб. 1776 г.; II изд. – 1778 г.; 6) «Гимназический или семинарский, то есть школьный наставник учащегося юношества, Генриха Милса, перевод с латинского Г. Данкова, СПб. 1781 г.; 7) «История философическая», сочинение Фридриха Генцкения. Перевел с латинского К. Быстрицкий, СПб. 1781 г.

Наряду с научной и издательской деятельностью В. Г. Рубан не порывал со своей давнишней страстью к стихотворству; можно даже сказать, что она с годами в нем возрастала. Свои стихотворные произведения и переводы, – главным образом с латинского – он помещал либо в журналах, сотрудничая в 1776 г. в «Собрании Новостей», в 1779 г. в «Утреннем Свете», в 1780 г. в «С.-Петербургском Вестнике», в 1786 г. в «Растущем Винограде» и с 1791 по 1796 гг. в «Новых ежемесячных сочинениях», либо же издавал их отдельно. Преобладающей формой его стихотворений являются либо оды, так распространенные в XVIII в., либо «надписи», сочинявшиеся им на разные случаи. В последние годы жизни стихотворная производительность Рубана достигла особенно значительных размеров, так как в стихах он вел даже свою личную переписку. Сохранился записанный П. Ф. Карабановым рассказ о том, как Потемкин однажды поручил своему секретарю написать, вместо отношения, о выдаче 10000 рублей стихотворное послание в Соляную Контору.

Рубан пользовался в свое время малозавидной славой стихотворца-панегириста, и действительно можно сказать, что он не упускал случая выступить с прославлением сильных мира сего и прибегал к их покровительству очень часто. Как уже указывалось, единственным оправданием такого поведения Р. служит его постоянная необеспеченность, особенно усилившаяся к старческим годам, когда болезненное состояние давало себя сильно чувствовать. К этому можно еще прибавить лишь указания на его скромность и довольство даже и незначительными благодеяниями со стороны покровителей и меценатов. Так, между прочим, в одном из своих предсмертных посланий к Н. Н. Д. – Рубан заявлял: «...от других, не так достаточных людей я с удовольствием в дар беру и сто рублей, и меньший дар цены с приятностью приемлю; от многих же совсем и ничего не возьмю». Какими мелочами иногда приходилось Рубану довольствоваться в качестве подачки, видно, напр., из следующего «Щета забранных в зачет надгробия вещей»: «Вы ласковы ко мне бывали всякий час: фунт чаю получил от вашего я сына и в ангел мой сукна для

фраку три аршина, да вашей фабрики иголок двадцать шесть... – вот безуронная вам вся до нитки смета, чем своего снабдить изволили поэта». Сохранились и другие указания, за что приходилось Р. благодарить своих покровителей: известного богача С. С. Яковлева он благодарил (в стихах) за муфту и шубу, митрополита Гавриила – за бутылку меда, графиню Мусину-Пушкину – за манжеты, г-на Даева – за нюхательный табак и т. п. Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что другие стихотворцы – современники Рубана упрекали его в пресмыкательстве с корыстными целями. Один из них – В. В. Капнист не останавливается в своей «Сатире первой» перед следующим резким отзывом о Рубане: «Можно ли каким спасительным законом принудить Рубова мириться с Аполлоном, не ставить на подряд за деньги гнусных од и рылом не мутить Кастальских чистых вод».

Другой его современник – граф Д. И. Хвостов заявлял, что Рубан «не иначе восходил на Парнас, как для прославления богатых и знатных особ». Это, конечно, преувеличение, так как нельзя отрицать за Р. довольно сильной страсти к стихотворству и помимо выгод, получаемых им от хвалебных од, но само собой разумеется, на основании одной этой страсти его нельзя еще назвать поэтом. Сын своего времени, Рубан, как и большинство тогдашних русских стихотворцев, видел поэзию в рифме и выработал себе известный навык по части составления од и эпистол. Являясь верным подражателем Ломоносова, он применял повсюду, вместо искреннего чувства и собственных переживаний, риторические сравнения, вдохновлялся чужими восторгами. Все это делает его стихотворные опыты искусственными и тяжеловесными, что и обрекло их на полное забвение в потомстве. То же самое приходится повторить и о большинстве его «надгробий». Только одна его надпись получила некоторую известность и пережила самого автора, а именно его «Надпись к камню, назначенному для подножия статуи Императора Петра Великого»:

«Колосс Родосский! свой смири прегордый вид
И Нильских зданья высоких пирамид
Престаньте более считаться чудесами:

Вы – смертных бренными соделаны руками!
Нерукотворная здесь российская гора,
Вняв гласу Божию из уст Екатерины,
Прешла во град Петров чрез Невские пучины
И пала под стопы Великого Петра».

Эта надпись в свое время создала Рубану известность и долгое время считалась образцовой. О ней упоминает между прочим Державин в своем рассуждении о лирической поэзии, указывая на нее, как на пример «правдоподобия»; Пушкин также считал ее удачной; она помещалась и во многих сборниках и хрестоматиях, как образец этого рода поэзии. Впрочем, это мнение разделялось далеко не всеми, и эта же надпись вызвала насмешки со стороны Хемницера, посвятившего ей две эпиграммы.

Любопытно, что сам Рубан совершенно не замечал слабых сторон своей стихотворной деятельности; напротив, он был склонен считать себя «чистейшим ключом, прохладу подающим». В составленных им себе самому акростихах он ставит себе, между прочим, в заслугу то, что он «сколь часто говорил вдруг множество стихов, отличным связанным союзом пышных слов», сообщал свои рассуждения «в прекраснейших стихах» и «часто, в двух словах, давал преостры мненья».

Нелегко даже перечислить все стихотворные упражнения В. Г. Рубана, тем более что далеко не все из них были им опубликованы. Он поэтому был вполне прав, указывая на «множество» своих стихов. Не следует, однако, думать, что писание их давалось ему очень легко: в оставшихся после него бумагах сохранились следы, как по многу раз приходилось ему менять один и тот же стих, а часто переделывать и целые стихотворения. Наиболее крупные стихотворные произведения его принадлежат к числу переводных с латинского: «Две Ироиды, или Два письма древних героинь», соч. Овидия Назона, СПб. 1774; «Виргилиева Еклога Титир», СПб. 1777 г.; «Виргилия Марона Георгик, или О земледелии четыре книги», СПб. 1777 г.; «Ироида, или Письмо в стихах от Врисеиды к Ахиллу», соч. П. Овидия Назона, СПб. 1791. Из собственных же стихотворных произведений Рубана, кажется, только один

«Эпицинтион, или Неумирающая память славных дел светлейшего князя Г. А. Потемкина» выдержал два издания (I – в 1792 г., II – в 1794 г.), да его «Сочиненные и переведенные надписи на победы россиян над турками, одержанные в 1769 и 1770 г. и на другие достопамятности» вышли в 1771 г. отдельным изданием. Напечатанные им послания, оды, надписи обнимают самые разнообразные случаи общественной и даже частной жизни тех лиц, к которым Р. приходилось обращаться за помощью или просто поддерживать с ними сношения. В хронологическом описании трудов В. Г. Рубана, составленном А. Н. Неустроевым, перечислены, между прочим, далеко не все изданные отдельно Р. стихотворения, даже не все – из хранящихся в Императорской публичной библиотеке.

Вот значительно пополненный нами перечень изданных Р. отдельными оттисками мелких его самостоятельных стихотворений и переводов: «Ода на кончину графини В. А. Шереметевой, последовавшую 1767 года», М. 1767 г.; «Ода, читанная в публичном по окончании погребения собрании при присутствии Св. Прав. Синода членов... на кончину... преосвященного Тимофея, Митрополита Московского и Калужского, последовавшую 18 апреля 1767 г.»; «Ода на день рождения Императрицы Екатерины II», СПб. 1768 г.; «Ода в честь геройских дел победоносной Е. И. В. армии главного предводителя, князя А. М. Голицына над турками и татарами и на взятие Хотина», СПб. 1769; «Надписи к камню, назначенному для подножия статуи Императора Петра Великого», СПб. 1770; «Песнь на торжественное поражение и разогнание многочисленных Оттоманских сил, собравшихся на сей стороне Дуная, Российскими Имп. войсками, под предводительством главнокомандующего первой армией ген.-фельдм. и разн. орденов кавалера П. А. Румянцева, июля 7, 21 и 27 числ. 1770 года и на занятие города Измаила»; «Ода Императрице Екатерине II на привитие оспы»; «Канон покаянный, переложенный стихами», СПб. 1770; «Памятник повседневный каждого православного христианина», М. 1770; «Стихи на великолепное здание соборной Исаакиевской церкви с приделом храма святых Кира и Иоанна, сооружаемое в С.-

Петербурге», СПб. 1770 г.; «М. А. Мурета отроческое наставление», перевод с латинского, СПб. 1770; «Надпись на прибытие Его Сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова из Архипелага в С.-Петербург», СПб. 1771 г.; «Надпись на завоевание крымских городов и на покорение их... князем Василием Михайловичем Долгоруковым в 1771 г.»; «Надпись на благополучное возвращение Его Сиятельства графа Гр. Орлова из Москвы в С.-Петербург декабря 1771 г.»; «Стихи на день рождения Императрицы Екатерины II», СПб. 1772; «Надпись на положение Екатериною Великою пред надгробие Петра I флага, взятого у турок в Архипелаге августа 29 дня 1772 г.», СПб. 1772; «Стихи на день рождения Его Императорского Высочества 20 сентября 1772 г.»; «На день рождения Е. И. Высочества Благоверн. Государя Цесаревича и Вел. Кн. Павла Петровича 20 сент. 1773», СПб.; «Элегия на смерть господина генерал-аншефа лейб-гвардии Измайловского полку подполковника, депутатского маршала и орденов Белого Орла, Ал. Невского и св. Анны кавалера Александра Ильича Бибикова, последовавшую к сожалению всех Оренбургской губернии в слободе Бугульме... Апреля 9 дня 1774 года»; «Надписи, изъявляющие достопамятности заключенного в Кучук-Кайнарджи в окрестностях Силистрийских, по ту сторону Дуная, у России с Портой мира 10 июля 1774 г.»; «На пожалование Его Высокопревосходительству Григорию Алекс. Потемкину ордена св. Апостола Андрея 25 декабря 1774 года», СПб.; «Его Сиятельству Высокопревосходительному Господину генерал-фельдмаршалу, главнокомандующему в Императорском столичном г. С.-Петербурге, Сенатору, Е. И. В. генерал-адъютанту, действительному камергеру и разных орденов кавалеру князю Александру Михайловичу Голицыну на принятие начальства над Петербургом», СПб. 1774 г.; «Ода на день брачного сочетания их светлостей владеющего Курляндского герцога Петра и герцогини Евдокии Борисовны, урожденной княжны Юсуповой, февраля 23 дня 1774 г.»; «Стихи Его Превосходительству господину генерал-поручику Гр. Ал. Потемкину», СПб. 1774: I. На прибытие его из армии в Петербург; II. На полученное им письмо, извещающее о

пожаловании в генерал-адъютанты; III. На пожалование в генерал-адъютанты; IV. На тот же случай; V. На тот же случай; «Стихи, поданные ее Императорскому Величеству, при отшествии Ее Величества из Царского Села в Москву, 16 генваря 1775 г., в 11 ч. пополудни и удостоенные Высочайшего награждения, оказанием сочинителю оных Монаршей милости»; «Ода на истребление злодеев графом П. И. Паниным», М. 1775 г.; «Его Светлости Священные Римские империи князю Г. А. Потемкину на приобретение княжеского достоинства 22 марта 1776 г., в день именин сочинителя сего, и на получение королевских орденов Датского Белого Слона и Прусского Черного Орла», «Надпись, изъявляющая достопамятность времени, в которое получена первая весть заключения мира...»; «На великолепное торжество мира с Оттоманской Портою, продолжавшееся с 10 по 24 число июля 1775 г. в Москве на Ходынке», 1776 г.; «На заложение Его Имп. Высочеством Вел. Кн. Павлом Петровичем Петропавловской каменной церкви, при доме для морских инвалидов, 17 мая 1776 г.»; «На обручение Их Имп. Высоч. Благоверного Государя Цесаревича и Вел. Кн. Павла Петровича и Благоверной Государыни Вел. Княжны Марии Феодоровны, урожденной Принцессы Виртемберг-Штутгартской, в Санкт-Петербурге 15 сент. 1776 г.»; «На день тезоименитства Его Светлости князя Григ. Алекс. Потемкина 30 сент. 1777 г.»; «Надпись на пожалование Его Превосходительству Семену Гавриловичу Зоричу Польских орденов Белого Орла и Св. Станислава, 26 ноября 1777 г.»; «На пожалование Королевского Шведского ордена Меча Сем. Гавр. Зоричу, Ораниенбаум 1777 г.»; «На пожалование генерал-майором и Кавалергардского полка корнетом Его Превосходительства С. Г. Зорича, 22 сентября 1777 г. в Санкт-Петербурге» ; «Стихи на день рождения Ее Величества Государыни Имп. Екатерины II 21 апреля 1778 г.»; «На день рождения Елизаветы Тихоновны, супруги Надворного Советника Степана Силича Аничкова, 15 апреля 1778 г.»; «Стихи на кончину ее Светлости Евдокии Борисовны, владеющей Герцогини Курляндской и Семигальской, урожденной княжны Юсуповой... последовавшую, в 33 лето от ее рождения, 8 июля

1780 года, в Санкт-Петербурге...», СПб. 1780 г.; «На пожалование Его Сият. князя Василию Васильевичу Долгорукову ордена св. Анны», СПб. 1781 г.; «Акростиhi, поднесенные Его Светлости кн. Григ. Алекс. Потемкину на новый 1781 год»; «Гимн на бракосочетание их Сиятельств графа Франциска Браницкого, Великого коронного гетмана... и графини Александры Васильевны, урожденной Энгельгардовой, благополучно совершившееся ноября 8-го дня 1781 года»; «Список с надписи, вырезанной на мраморном монументе, покрывающем гроб Его Сият... князя Сергея Васильевича Мещерского...в Свято-Троицком Александро-Невском монастыре», СПб. 1781 г.; «Список с надписи, вырезанной на мраморном монументе, покрывающем гроб Михаила Гавриловича Вершницкого...в Троицком Александро-Невском монастыре», СПб. 1781 г.; «Стихи на день тезоименитства Его Светлости, кн. Григ. Алекс. Потемкина, 30 сент. 1781 г.»; «Надпись к камню Грому, находящемуся в С.-Петербурге в подножии конного вылитого лицеподобия Имп. Петра Великого», СПб. 1782 г. (второе издание – в том же году на разных языках); «Краегранесие, изображающее свойство нравов благотворительного дворянина» (акростиhi этого стихотворения дает имя Михаила Леонтьевича Фалеева), СПб. 1783.; «Стихи на всевожденное и всерадостнейшее рождение ее И. В. Государыни Вел. Кн. Елены Павловны, ко щастию всея России, последовавшее во град св. Петра Декабря 13 дня 1784 года»; «Благодарственные стихи Его Светлости... князю Гр. Алекс. Потемкину... за оказанную милость сочинителю сего новопринятием оного в высокое Его Светлости Начальство и покровительство», СПб. 1784; «Надписи, на новостроящийся ее Императорского Величества дворец близ Невских порогов, в 30 верстах от С.-Петербурга по Шлиссельбургской дороге при мызе Пелле», СПб. 1785 г.; «Акростиhi, сочиненные на 28 июня 1786 года»; «Переписка учителя с учеником о летнем посещении, 1791 года и Елегия о славе стихотворцев, из Овидия, умершего в 1-м столетии по Р. Хр.», перевод с латинского 2-е изд., СПб. 1791 г.; «Лавры, прозябшие на юге, из побед, Императорским Российским воинством над турками одержанных в окончании

1790 года поражением и пленением оных на Кубани, взятием Измаила и других, по обеим сторонам Дуная, в Бессарабии и Булгарии лежащих турецких городов и крепостей, под главным начальством высокоповелительного господина генерал-фельдмаршала, Екатеринославских войск великого гетмана, многих орденов кавалера и проч. Светлейшего Князя Гр. Ал. Потемкина-Таврического», СПб. 1791; «Дифирамб пану Фаддею Костюшке, разбитому и взятому в плен с предводимыми им польскими мятежниками при замке Мачевице, в 60 верстах от Варшавы 29 сентября 1794 года; «Пеан, или Песнь на победы, одержанные генералом графом Алекс. Вас. Суворовым-Рымникским над мятежниками Польскими в окрестностях города Бреста Литовского, близ Круничского Монастыря при реках Муховице и Буге, текущем в Вислу, 6 и 8 сент. 1794 г.», СПб. 1794; «Его Высокопревосходительству Александру Николаевичу Самойлову 5-го октября 1794 г.»; «На маловременное наводнение, приключившееся в С.-Петербурге на Петровском острове 20 июля и на бывший там после оногo праздник в лагере Корпуса чужестранных единоверцев того же июля 26 дня 1794 г.»; «Ода на торжественный день восшествия на престол Е. И. В. Екатерины II Императрицы и Самодержицы Всероссийской 28 июня 1795 г.»; «Ода на торжественный день тезоименитства Е. И. В. Благоверные Государыни, Великие Княжны Марии Феодоровны 22 июля 1795 г.»; «Парнасский цветок на память в Бозе почивающие Благоверные Государыни, Великие Княжны Ольги Павловны», СПб. 1795; «Письмо Его Высокопреосвященству Самуилу, Митрополиту Киевскому и Галицкому из Санкт-Петербурга 20 августа 1795 года»; «Пук цветов Парнаских, в память в Бозе почившему Ивану Ивановичу Бецкому», СПб. 1795; «Стихи в память Его Высокопревосходительства Александра Александровича Нарышкина, ее Императорского Величества обер-шенка, скончавшегося во граде св. Петра 21 мая 1795»; «Послание Российской музы к Овидию, знаменитому Римскому стихотворцу, об учреждении и открытии Вознесенской губернии», СПб. 1795 г. Кроме перечисленных отдельных изданий стихотворений, В. Г. Рубану принадлежат также и

следующие, время выхода которых в свет неизвестно: «Епистола генерал-аншефу П. Б. Пассеку», СПб.; «Епистола графу Г. А. Потемкину», СПб.; Его Высокопревосходительству Григ. Алекс. Потемкину, господину генерал-аншефу, командующему легкой конницей... Государственной Военной Коллегии Вице-Президенту, Новороссийскому генерал-губернатору и войск, там поселенных, главному командиру, Ее Императорского Величества генерал-адъютанту, действительному камергеру, лейб-гвардии Преображенского полка подполковнику и орденов Росс. Св. Александра Невского и Св. Великомученика и Победоносца Георгия; Польских: Белого Орла и Св. Станислава и Голстинского Св. Анны кавалеру» (закрывающие четыре надписи); «Надпись к Санкт-Петербургской Пантелеймоновской церкви, что на Фонтанке, противу Летнего дворца и саду»; «К портрету Александры Васильевны Ангельгардовой, Е. И. В. Фрейлины»; «К портрету Варвары Васильевны Ангельгардовой, Е. И. В. Фрейлины»; «К портретам трех сестер Александры, Варвары и Екатерины Васильевны Ангельгардовых».

Как уже у поминалось, далеко не все стихотворные произведения Р. попадали в печать; лишь за два последние года его жизни в оставшихся после него бумагах накопилось немало неизданных его посланий, писем в стихах и т. п. Среди них встречаются как знакомые имена благодетелей Рубана, так и ряд новых: А. Н. Нарышкин, епископ Тверской и Кашинский Ириней, П. Е. Родзянко, Феокист епископ Белгородский и Курский, граф И. А. Ферзен, И. П. Хмельницкий, П. А. Бакунин, гр. П. В. Завадовский, духовник Императрицы Савва Исаев и др., с которыми Р. поддерживал переписку и сношения. Кроме того, известно, что он своими сочинениями обратил на себя внимание таких лиц, как граф П. А. Румянцев, П. Д. Еропкин, граф П. И. Панин, князь А. А. Безбородко и Георгий Конисский, и находился с ними в переписке.

Почти все самостоятельные стихотворения Р. носят характер од и посланий; как на исключение, можно указать на стихотворения: «К Черной речке» и «Песня рабочих»; последнее

стихотворение любопытно также и тем, что носит совершенно несвойственный творчеству Рубана игривый характер.

Последние стихотворения Р. были напечатаны уже после его смерти в 1796 г.; одно из них: «Стихи на кончину графа Ф. Г. Орлова» были изданы отдельным оттиском, а другое: «Размышление о надгробиях и общая эпитафия» – помещено в СХХ части «Новых Ежемесячных Сочинений».

Подводя итог более чем тридцатилетней литературной деятельности Рубана, приходится поневоле быть скромным и согласиться с оценкой его биографа – Б. Л. Модзалевского, что лишь в деле собирания и обнародования историко-географических материалов, полезных как для современников, так и для потомства, Рубан «занимает довольно видное место среди многочисленных «трудолюбивых муравьев» Екатерининского времени»; что же касается остальных областей литературы, в которых Рубан принимал участие, то, как журналист, он оказался не в состоянии понять дух своего времени, а как поэт – не был одарен талантом.

Принимая некоторое участие в общественной деятельности, В. Г. Рубан в 1774 г. вступил в образовавшееся в Москве, при тамошнем университете «Вольное Российское Собрание», а в сентябре 1777 года был избран действительным членом Вольно-Экономического Общества. Будучи, как издатель, в то же время и страстным библиофилом, Р. собирал повсюду рукописи и книги для своей библиотеки; но вообще жить ему приходилось более чем скромно; после его смерти не осталось ничего, кроме долгов, и для уплаты их собранные Рубаном книги были проданы с молотка.

Умер В. Г. Рубан в С.-Петербурге 24-го сентября 1795 г. и был погребен на Большеохтенском кладбище, близ паперти Георгиевской кладбищенской церкви. По словам А. Н. Неустроева, его могила сохранялась вплоть до 1850 г. и была покрыта двухаршинной плитой, на которой мелкими буквами была высечена надпись, дававшая чуть ли не полную биографию этого литературного труженика. Но позднее его могила была скрыта по распоряжению кладбищенского начальства и теперь на этом месте образована площадка.

После смерти Р. в Петербурге была издана брошюра: «Памятник на кончину Российского песнопевца коллежского советника В. Г. Рубана», а граф Д. И. Хвостов, посетив в 1799 г. могилу Рубана, написал следующее надгробие, напечатанное им в сборнике «Аониды» (кн. III, стр. 148):

Здесь Рубан погребен; он для писанья жил;

Надгробописец быв, надгробну заслужил.

Портрет Рубана, написанный с него в 1786 г. масляными красками Ал. Клепиковым, находится в Имп. Академии Наук, а снимки с него были воспроизведены в исследовании Б. Л. Модзалевского о Р. в «Русской Старине» 1897 г. и в издании Великого Князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX ст.», т. IV.

Б. Л. Модзалевский, Василий Григорьевич Рубан. (Историко-литературный очерк), СПб. 1897 г. (оттиск из «Русской Старины» 1897 г., август, стр. 393–415); А. Н. Неустроев, Литературные деятели XVIII века. I. Вас. Григ. Рубан, СПб. 1896 г.; Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. III, ч. I, М. 1898 г., стр. 163–181, прим., стр. 24–25; Рукописи Имп. Публичной Библиотеки, Ф. XIV, № 46, т. I и II; там же хранятся его патенты на чины и письма к нему Георгия Конисского (напечатанные Б. Л. Модзалевским в «Русской Старине» 1896 г., № 11); Н. И. Новиков, Словарь писателей, изд. СПб. 1867 г., стр. 95; Н. Обручев, Обзор рукописей и печатн. памятн., относящ. до истории военного искусства в России, СПб. 1853 г., стр. 21; А. Пыпин, История русской литературы, изд. 2-е, 1903 г» т. II, стр. 204, т. IV, стр. 190; А. И. Незеленов, Литерат. направления в Екатерининскую эпоху, СПб. 1889 г., стр. 81–85; С. А. Венгеров, Русская поэзия, вып. VI, стр. 338–344; С. К. Смирнов, История Московской славяно-греко-латинской Академии, М. 1855 г., стр. 253; А. Н. Афанасьев, Русские сатирич. журналы 1769–1774 гг., М. 1859 г., стр. 3, 11–14, 16, 23, 24, 34; «Исторический Вестн.» 1890 г., т. 40, статья И. Р. Тимченко-Рубан: Из воспоминаний о прожитом, стр. 332–333; «Русск. Старина» 1872 г., т. V, стр. 467; 1891 г., т. LXXII, стр. 595; 1892 г., т. LXXV, стр. 426; В. И. Аскоченский, Киев с его древнейшим училищем-Академией,

К. 1856 г., ч. II, стр. 139, 204–205; П. И. Страхов, *Краткая История Академической Гимназии*, М. 1855 г., стр. 3–4; С. П. Шевырев, *История Московского Университета*, М. 1855 г., стр. 59, 93; *Справочный энциклопедический словарь*, под ред. А. В. Старчевского, СПб. 1855 г., т. IX, ч. II, стр. 219; «*Книжный Вестник*» 1865 г., стр. 293; «*Смесь*» 1769 г., лист 12, стр. 96; Е. Ф. Шмурло, *Петр Великий в русской литературе*, СПб. 1889 г., стр. 98; П. Н. Петров, *История С.-Петербурга*, СПб. 1884 г., стр. 3; И. П. Сахаров, *Сказания русского народа*, т. II, СПб. 1849 г., стр. 136; «*С.-Петербургские Ведомости*» 1795 г., № 89, стр. 2004; «*Сын Отечества*» 1821 г., ч. 71, № 30, стр. 191; «*Опыт трудов Вольного Российского собрания*», М. 1775 г., стр. 17; *Продолжение «Трудов Вольного Экономич. Общества»* 1779 г., ч. I, Реестр членам; там же 1795 г., ч. 50; «*С.-Петербургский Вестник*» 1780 г., июнь, стр. 446; И. И. Хемницер, *Сочинения*, СПб. 1873 г., стр. 362; *Словарь Русских светских писателей*, Митроп. Евгения, 1845 г., т. II, стр. 151; *Опыт историч. словаря о Росс. писателях*, Н. Новикова, СПб. 1772 г., стр. 191; «*Журн. Мин. Народн. Просвещ.*» 1898 г., № 1, стр. 170; Н. Н. Булич «*Сумароков и современная ему критика*», стр. 122; «*Русские портреты XVIII и XIX ст.*», изд. Великого Князя Николая Михайловича, т. IV, стр. 66; «*Русский Вестн.*» 1811 г., № 5, ч. XIV, стр. 11–34; А. Скальковский, *История Новой Сечи*, изд. 3-е, Одесса. 1885 г., ч. I, стр. 225; Л. Весин, *Обзор учебников географии*, стр. 52, № 15; «*Заволжский Муравей*» 1883 г., №3; «*Финский Вестник*» 1845, т. III, стр. 223–5 (ст. А. В. Старчевского «*Очерк историч. деят. в России до Карамзина*»); *Письмовник Курганова*, 6-е изд., СПб. 1796, ч. II, стр. 21–24; И. Божерянов, *Невский проспект*, СПб. 1903, стр. 256–7; Кн. Н. В. Голицын, *Портфели Г. Ф. Миллера*, М. 1809, стр. 95, 107; Гр. Д. И. Хвостов, *Стихотворения*, 1830 г., т. V, стр. 157, 321, 382; Б. Н. Алмазов, *Сочинения*, т. II, М. 1892, стр. 484; В. А. Олешев, «*Вождь к истинному благоразумию и к совершенному счастью*», СПб. 1780, стр. 167; «*Сын Отечества*» 1823, ч. 83, стр. 134; С. Артемьев, *Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Имп. Казанского*

Университета, СПб. 1882, стр. 34–40, 68–72; «Русское Обозрение» 1896, № 9, стр. 339; Н. Сушков, Московский Университетский Благородный Пансион, прилож., стр. 87; «Иллюстрация» 1846 г., № 9, стр. 133, столб. 1; Н. Собко, Календари и месяцесловы, Берлин 1880, стр. 36, 37, 38; Проповедь на блаженную кончину в Бозе почившего Св. Прав. Синода члена Преосвящ. Тимофея, митропол. Моск. и Калужского, последовавшей 18 апреля 1767 г.», М. 1766 (см. заглавный лист); Г. Н. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908; В. П. Семенников, Материалы для истории Русской литер. и для словаря писателей, II, 1915; его же «Русские сатирич. журналы 1769–1774», СПб. 1914; его же «Собрание, старающееся о переводе иностр. книг», СПб. 1913 (со снимком с автографа Р.).

Рубан, Иван Осипович

Рубан, Иван Осипович, военный инженер, генерал-майор; сын полковника *Осипа Ивановича Р.* (ум. 26-го ноября 1866 г.), родился около 1840 года и 16-го июня 1856 г. выпущен был в военную службу прапорщиком, после чего поступил, для получения высшего образования, в практический класс Николаевской инженерной академии, откуда вышел, прапорщиком же, по 1-му разряду, в 1858 году, с назначением в л.-гв. Саперный батальон и с оставлением репетитором при Николаевской инженерной академии и училище; в 1869 году, в чине капитана л.-гв. Саперного батальона, Р. состоял преподавателем архитектуры в Инженерной академии 17-го апреля 1870 г. произведен был в полковники и в 1880 г. состоял при Инженерном училище.

Умер в чине генерал-майора 6-го января 1888 г. и погребен на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры.

Ко дню 50-летия Инженерной академии Р. составил и представил ей в рукописи «Курс начертательной архитектуры».

М. Максимовский, Исторический очерк развития Главного инженерного училища, СПб. 1869, стр. 201 и прил., стр. 130; Список полковникам 1880 г., стр. 250; История л.-гв. Саперного батальона, СПб. 1879 г., по указ.; Петербургский Некрополь, т. III.

Рубан, Яков Андреевич

Рубан, Яков Андреевич, профессор, писатель; родился около 1760 года; будучи студентом Киевской академии, он, в числе нескольких других отличнейших студентов Академии (А. А. Прокопович-Антонский, П. А. Сохацкий и др.), был в 1782 году выписан оттуда «на иждивение» новиковского Дружеского Ученого Общества в Москву и определен в Филантропическую семинарию при Московском университете, причем получал от Общества содержание наравне с казеннокоштными студентами. Будучи студентом университета, Р. принимал участие в основанном И. Г. Шварцем и М. И. Антоновским студенческом ученом обществе, члены которого, питомцы Дружеского Общества, должны были упражняться, в свободное от лекций время, в сочинениях и в переводе полезных книг, для издания их в свет, причем в 1783 г., когда Антоновский покинул службу при университете, Р., в числе других товарищей, посвятил своему наставнику нарочито по этому случаю написанные стихи.

Окончив курс университета, Я. А. Рубан был назначен профессором Черноморского корабельного училища в Николаеве; по закрытии училища в 1803 году Р. остался за штатом и просил об определении его профессором в Харьковский университет; Министр Народного Просвещения предложил ему представить соответственную диссертацию в Московский университет; однако, уже в 1805 году он был уволен от службы со званием профессора; имел чин надворного советника, в каковой был пожалован 29-го января 1802 г.

Умер, по-видимому, до 1806 г.

Он напечатал: 1) «Историческое рассуждение о возмутительном и насильственном переселении в средних веках варварских северных народов в провинции Римской Империи, ими до основания разоренной», М. 1789, 8°; 2) «Математическая география, почерпнутая из достоверных писателей и в пользу юношества выработанная», Николаев. 1802, 8°; 3) «Кантово основание для метафизики нравов»,

переведено с немецкого языка профессором Я. Рубаном, Николаев. 1803, 8°.

С. Шевырев, История Московского университета, М. 1855, стр. 267; Записки М. И. Антоновского – «Русск. Арх.» 1885 г., кн. I, стр. 150 и 151; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 277; Описание дел Архива Морского Министерства, т. III, СПб. 1882, стр. 880; т. VI, СПб. 1891, стр. 257; т. IX, СПб. 1902, стр. 11 и 332; Материалы для истории Русского Флота, т. XVII; Словарь профессоров Московского университета, т. II, М. 1855, стр. 435.

Рубанов, Василий Степанович

Рубанов, Василий Степанович, переводчик Коллегии Иностранных Дел; родился в 1724 году, службу начал в 1740 году в Коллегии Иностранных Дел и в 1747 г. находился при Неплюеве в Константинополе, затем был переводчиком Коллегии Иностранных Дел; в 1764 году состоял переводчиком при Русском консуле в Крыму, премьер-майоре Никифорове; около 1772 г. состоял при ст. сов. Обрескове; 18-го марта 1782 г. произведен был в ассессоры и в 1784 г. получал жалованья 600 рублей, да из почтовых доходов 100 рублей. В 1790 г., сентября 8-го, Р. был пожалован в надворные советники и в 1793 г. в этом же чине состоял в ведомстве Коллегии Иностранных Дел; умер, будучи статским советником, в марте 1799 года и 18-го марта был погребен на Смоленском кладбище.

В печати неизвестно переводов Р., а в рукописи сохранилось начало его перевода с итальянского языка: «Основание и правление владения, сочиненные Иоанном Ботером Бенеским», перевода, который был закончен Дандолом и хранится ныне в библиотеке Казанского университета.

Александренко, Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в., т. II, Варшава, 1897, стр. 349, 394; Сенатский Архив, т. VII; А. И. Артемьев, Описание рукописей, хранящихся в Библиотеке Казанского университета, СПб. 1882, стр. 92; Метрические книги Смоленского кладбища в Петрограде; Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ., т. LI; Список находящимся в статской службе чинам на 1793 г., стр. 148.

Рубиконди, мозаичист

Рубиконди, мозаичист. В 1846 году, во время путешествия своего по Италии, император Николай Павлович, любуясь итальянскими мозаиками и вспомнив о строившемся в Петербурге Исаакиевском соборе, пожелал, чтобы и в последнем были сделаны образа из мозаики, а так как император любил, чтобы его желания тотчас воплощались в жизнь, то сопровождавший его Министр Двора князь П. М. Волконский получил поручение устроить в Риме мастерскую для внучки, под руководством итальянских мастеров, из присланных академических учеников «русских мозаичистов». Мастерская была устроена в Риме, из России прислали четырех учеников: Раева, Солнцева, Шаповалова и Федорова, а в число руководителей был приглашен из Ватикана мастер Рубиконди. В Риме мастерская просуществовала только четыре года, когда нашли нужным перевести ее в Петербург.

Мастер-учитель Рубиконди был приглашен и поехал в Петербург, где и устраивал эту мастерскую на Стеклянном заводе. Впоследствии мастерская была переведена в помещение при Академии Художеств. Кроме обучения вышеуказанных русских художников мозаичному искусству, Рубиконди с помощью Федорова, Гартунга, Тихобразова, Лебедева и Щетинина, исполнил местную икону Божией Матери для Исаакиевского собора. Кажется, после исполнения этой работы в 1851 году Рубиконди вернулся в Италию, так как дальнейших сведений о нем мы не нашли. Впрочем, из прошения швейцарского уроженца Франческо Ботта о задании ему программы для получения звания художника по скульптуре, причем ему дозволено было сделать для того бюст мозаичиста Рубиконди (2-го июля 1855 года), можно заключить, что Рубиконди в 1855 году еще был в Петербурге, хотя, конечно, швейцарский уроженец Ботта мог делать бюст и по памяти и по портретам. Во всяком случае Рубиконди заслуживает упоминания, как первый учитель наших немногочисленных мозаичистов.

*Серафимов, Описание Исаакиевского собора, стр. 74–77;
П. Петров, Материалы для истории Академии Художеств, т.
III, стр. 240.*

Рубини, Иосиф (Джузеппе) Павлович

Рубини, Иосиф (Джузеппе) Павлович, лектор итальянского языка в Московском университете, писатель; род. 22-го января 1793 г. в г. Дервио, в Ломбардии, на берегу озера Комо, и происходил из благородной семьи; первые годы детства провел в Тирано, в Валтеллине, где отец его был начальником Управления государственными имуществами; затем Р. учился в Collegio Gallico, в Комо, а потом в университете в Павии, где и окончил курс. В 1822 году он поселился в Мюнхене, заняв, по приглашению генерала Тауша, начальника Кадетского корпуса, место преподавателя итальянского языка в Корпусе, а 20-го июля 1824 г. отправился в Россию, «с нетерпением ожидая увидеть страну, которая, под мудрым управлением и при отеческих попечениях своих Государей, идет столь быстрыми шагами на поприще просвещения»; в Петербург он явился 7-го августа, с рекомендательным письмом от королевы Баварской Каролины к ее сестре – Императрице Елисавете Алексеевне.

Лето 1825 г. Р. провел в Царском селе, причем «не избег разных случайностей, которым подвергается всякий молодой человек, оставаясь один, вдалеке от своей родины»... Здесь, в доме графа Ю. П. Литты, он познакомился с Карамзиным, который подарил ему французский перевод «Истории Государства Российского», сделанный St.-Thomas и Jouffret, а по переезде в Петербург был представлен А. С. Шишкову, тогдашнему Министру Народного Просвещения. При его помощи Р. 17-го августа 1826 г. был принят в русскую службу и определен преподавателем итальянского языка в Московский университетский благородный пансион, а вскоре (11-го февраля 1827 г.) получил кафедру итальянского языка и литературы в Имп. Московском университете. 13-го марта 1843 г. Р. принял русское подданство, а 17-го августа 1851 г., по прослужении 25 лет, был, по представлению Совета университета, утвержден лектором еще на 5 лет; в 1862 году Р. еще читал лекции. Время его смерти нам неизвестно.

Р. издал следующие книги: 1) «Cours grammatical de la langue Italienne» (М. 1828), с посвящением Императрице Александре Феодоровне, пожаловавшей автору, 17-го декабря 1828 г., золотую табакерку; Папа Лев XII прислал Р. за поднесение этой книги четки и золотую медаль при письме на латинском языке (которое, по распоряжению попечителя университета А. А. Писарева, было опубликовано, в переводе, в «Московских Ведомостях»), а Король Баварский Людвиг – золотую медаль с надписью «Zum Andenken»; 2-е издание этой грамматики Р. выпустил в 1850 г.; 2) «Scelta di Prose Italiane», с итальянско-французско-русским словарем (М. 1832); 3) «L'Inferno di Dante», с комментарием, М. 1838; 4) «Antologia Italiana Poetica del secolo decimo nono» (М. 1843–1844), с биографиями 26 итальянских поэтов (между прочим, – художника С. Тончи), сочинения которых включены в сборник; 5) «Dei doveri degli uomini», соч. Сильвио Пеллико, с итальянско-французско-русским словарем (М. 1849); 6) «Tre squarci tratti dal manoscritto della Storia Russa» (М. 1854, 8°); 7) «Storia di Russia» (Torino. 1858, 8°); над этой книгой Р. усердно работал более 20 лет и при составлении ее пользовался, кроме Карамзина, Устрялова, Бантыш-Каменского и других историков, сказаниями о России иностранцев – Контарини, Да-Колло, Поссевина, Герберштейна, М. Бера, Жолкевского, Петрея, Гордона, Манштейна, Альгаротти и др.; 8) «Storia della letteratura Russa» (Firenze, 1862, 12°), составленная вместе с С. П. Шевыревым; книга эта была рассмотрена 2-м Отделением Академии Наук и заслужила вполне благоприятный отзыв; рецензия о ней И. И. Срезневского напечатана в «Записках Имп. Академии Наук», т. II, кн. 2, СПб. 1862.

Биографический словарь профессоров Имп. Московского университета, т. II, М. 1855, стр. 369–373 (автобиография); Г. Геннади, Словарь русских писателей, т. III, М. 1908, стр. 277; Rossica Имп. публичной библиотеки, т II; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, СПб. 1896, стр. 785.

Рубинский, Николай Яковлевич

Рубинский, Николай Яковлевич, врач; род. в 1828 году и происходил из дворян Каменец-Подольской губернии; окончив курс в одной из южных гимназий, Р. был принят в 1850 году в Киевский университет св. Владимира, на медицинский факультет, и в 1854 г. был выпущен лекарем; в том же году он поступил в Минский пехотный полк, спустя два года был переведен в 6-ой Новоодесский, а в 1859 году – в 18-ю артиллерийскую бригаду, в коей прослужил пять лет; кроме служебных обязанностей и частной практики, Р. еще сотрудничал и в медицинских журналах, преимущественно в «Современной Медицине», где помещались его корреспонденции.

В 1864 г. он вышел в отставку, но через восемь лет снова поступил на службу – в 76-й пехотный резервный батальон, в следующем году перевелся в Орловский пехотный полк, а затем – в 13-ый стрелковый батальон, где прослужил до 1875 года, когда был назначен старшим врачом в Литовский пехотный полк; с этим полком он сделал Русско-турецкую кампанию 1877–1878 гг.

Скончался 28-го января 1884 г.

Л. Ф. Змеев, Русские врачи-писатели, вып. III. СПб. 1889 г., тетрадь V, стр. 86: «Военно-Медицинский Журнал» 1884 г., часть 149, март, часть офиц., стр. 81.

Рубинский, Сергей Михайлович

Рубинский, Сергей Михайлович, доктор медицины, главный врач Чимкентского военного полугоспиталя; род. в 1838 году и был сыном священника; медицинское образование получил в Московском университете, из которого был выпущен в 1865 году лекарем; служил с 1866 г. врачом в Оренбургском стрелковом батальоне, а в 1868 г. переведен был на должность секретаря Туркестанского Военно-Медицинского Управления; в 1870 году был назначен главным врачом Туркестанского военного полугоспиталя, в 1871 году прикомандировался к клинике Московского университета, работал здесь два года и написал диссертацию: «О расположении губчатого вещества костей» (Дисс. Д. М., М. 1873 г., 64 стр., 8°), защитив которую был, 21-го мая 1873 г., удостоен степени доктора медицины. Будучи назначен главным врачом в Чимкентский военный полугоспиталь, Р. вскоре, 22-го февраля 1874 г., скончался, на 36 году от рождения.

«Военно-Медицинский Журнал» 1874 г., ч. 120, май, № 5, часть офиц., стр. 7.; Л. Ф. Змеев, Русские врачи-писатели», вып. II, СПб. 1889 г., тетр. V, стр. 100.

Рубинштейн, Николай Григорьевич

Рубинштейн, Николай Григорьевич, пианист-виртуоз, основатель Московского Музыкального Общества и консерватории; родился 2-го июня 1835 года; отец его, *Григорий Романович, Рубинштейн*, православный, по происхождению еврей, был уроженцем Бердичевского уезда, а мать, Калерия Христофоровна, урожденная Левенштейн (ум. 15-го сентября 1891 г.), была уроженка Прусской Силезии, где, кажется, впервые и встретила со своим мужем. Из старших братьев Николая Григорьевича приобрели известность *Яков Григорьевич* – врач (ум. 30-го сентября 1863 г.) и в особенности *Антон Григорьевич*, знаменитый композитор и виртуоз, основатель Музыкального Общества и консерватории в Петербурге. Около 1834 года семья Рубинштейн поселилась в Москве, где вскоре приобрела дом на Ордынке, в Толмачевом переулке. Здесь Р. отец устроил карандашную и булавоочную фабрику и в этом-то доме родился Николай Григорьевич Рубинштейн. Образование ему было дано домашнее, причем главным образом, по тогдашнему обыкновению, все внимание было обращено на практическое изучение французского и немецкого языков; кроме того, его с четырех лет начали учить музыке: у мальчика оказались блестящие способности, и уже через год он всех поражал своей игрой, почему мать Р. обратила особенное внимание на его музыкальное образование; будучи хорошей пианисткой, она сама начала заниматься с сыном игрою на фортепиано, и успехи его были столь блестящи, что когда в 1842 году в Москву приехал знаменитый Лист, ему представили маленького Рубинштейна, причем последний играл не сидя за роялем, так как и таком случае ему было трудно дотянуться в виртуозных пассажах с одного конца клавиатуры на другой, а стоя, ибо ему более удобно было перемещаться всем корпусом; игра маленького виртуоза привела в восторг Листа, который расхвалил и обласкал мальчика. Однако, таких блестящих результатов. Николай Рубинштейн достиг далеко не шутя. Тогда как отец его отличался мягким, добрым и даже нежным

характером, мать, напротив, будучи женщиной умной и образованной, обладала твердым, властным, почти суровым характером. Заметив у младшего сына Николая блестящие музыкальные способности, она решила сделать из него пианиста, а потому будила его ежедневно в 6 часов утра (даже и зимой) и заставляла его играть на фортепиано в течение нескольких часов подряд; сама же она в это время брала работу и уходила в смежную комнату, из которой в маленькое окошко видно было фортепиано. Случалось часто, особенно зимой, когда в комнате бывало и темно, и холодно, что мальчика начинал одолевать сон, но стоило ему только задремать, как Калерия Христофоровна уже стучала в окно, и мальчик знал, что это не пройдет ему даром, так как его мать верила в воспитательное значение розги и применяла ее довольно часто, так что маленькому виртуозу случалось иногда бывать в день раза по два и даже по три высеченным. Музыкальные занятия Р. обыкновенно состояли в том, что мать задавала сыну сыграть известное число раз несколько гамм, упражнений и какую-нибудь пьеску. Чтобы контролировать сына, она брала колоду карт и откладывала после каждого сыгранного раза по карте. Ввиду того что она требовала сыграть каждую пьеску по несколько десятков раз – а благодаря своим блестящим способностям Николай Григорьевич знал ее обыкновенно наизусть после второго или третьего раза, то понятно, что она ему скоро надоедала. Поэтому, заметив, что мать обыкновенно помнила пьесу не особенно хорошо, он решил часть пьесы пропускать, а чтобы это было не так заметно, сочинял небольшие модуляции на мотивах пьесы, которые заменяли собою пропущенное; таким образом он значительно сокращал время игры. Это длилось довольно долго, пока однажды Калерия Христофоровна не заметила неестественной быстроты выполнения урока и, взяв ноты, не открыла обмана. «И порка же была после этого! тут уже сразу досталось и за обман, и за леность», рассказывал Р. об этом случае. Однако, такое принуждение к музыкальным занятиям не испортило дела: мальчик по-прежнему продолжал любить музыку, благодаря же требованиям матери занимался ею не

шутя и поэтому делал блестящие успехи. О том, как твердо заставляла его мать разучивать в детстве пьески, видно из следующего случая. Однажды, много лет спустя, будучи уже директором консерватории, он услышал в классе фортепиано, как одна из учениц разучивала пьеску «Cheval de bataille», делая ошибки; когда она окончила, Р. сел за рояль и сыграл наизусть эту пьеску, сказав, по окончании, удивленным слушателям: «Вот как твердо было выучено – до сих пор помню, а играл я эту пьесу семи лет».

В начале 1840-х годов материальные средства Григория Романовича Рубинштейна стали ухудшаться и коммерческие дела его почему-то пришли в расстройство; несмотря, однако, на это, весной 1844 года Калерия Христофоровна решила с двумя своими сыновьями, Антоном и Николаем, и дочерью отправиться за границу, чтобы там дать детям более серьезное музыкальное образование. Николаю Рубинштейну было в то время только девять лет. Приехав в Берлин и представив своих детей тогдашним музыкальным знаменитостям, которые знали уже ее старшего сына, а теперь восторгались и младшим, Калерия Христофоровна пригласила в качестве преподавателя музыки знаменитого в то время Дена, который когда-то был учителем М. И. Глинки, к младшему же сыну, кроме того, пригласила еще и Т. Куллака, известного пианиста и фортепианного композитора. В Берлине Николай Рубинштейн пробыл два года, делая большие успехи. В 1846 году в Москве внезапно умер его отец; это имело большое значение для Р., так как за неимением средств, его занятия музыкой в Берлине должны были прекратиться. Калерия Христофоровна Р. вместе с ним и дочерью вернулась в Россию и здесь, в качестве преподавателя музыки, к Николаю Р. приглашен был Виллуан. Несмотря на весьма стесненные обстоятельства, ей и в голову не приходило начать эксплуатировать дарования своих сыновей. Чтобы как-нибудь отделаться от тяжелой нужды, она решила принять место классной дамы в том Пансионе, в который поместила свою дочь, и из своих скудных средств нередко уделяла кое-что младшему сыну.

Вскоре по приезде Николая Григорьевича в Москву Виллуан предпринял с ним концертную поездку по России, которая длилась около двух лет и создала мальчику обширную известность, так как уже в то время он был прекрасным пианистом, в большинстве случаев превосходя своей игрой игру местных музыкантов. Об этом артистическом турне впоследствии Р. рассказывал, шутя, что в течение двух лет ему постоянно было только одиннадцать лет, а по возвращении в Москву стало сразу тринадцать. В это время он уже играл такую трудную пьесу, как фантазия Листа из «Дон Жуана». Видя, что он передал мальчику все, что мог передать, и что больше учить его нечему, Виллуан прекратил свои уроки. С этих пор Р. стал жить вполне самостоятельно и сам зарабатывал на все ему необходимое уроками музыки. В то же время Р. начинал подумывать и о будущем.

По смерти отца, когда прекратились гильдейские взносы, Рубинштейны снова были записаны в мещанство, и таким образом Р. грозила в будущем солдатчина, которую в то время отбывали только крестьяне и мещане. К тому же, будучи от природы умным и любознательным юношей, он стремился получить серьезное общее образование; этому вначале мешали его усиленные занятия музыкой и концертные поездки, но, по возвращении в Москву и после прекращения занятий с Виллуаном, Р. решил непременно поступить в университет. Это возможно было сделать двумя путями: или окончив для этого курс гимназии, или прямо выдержав вступительный экзамен в университет; Рубинштейн решил на последнее и начал готовиться. Пригласить хороших преподавателей средств у него не было, а потому ему пришлось заниматься одному, но, несмотря на это, он все-таки менее, чем в три года настолько успел подготовиться, что в 1851 году успешно выдержал вступительный экзамен и был принят на юридический факультет; в это время ему было только 16 лет. Увлечшись вначале юридическими науками, он в первый год посещал лекции очень аккуратно и, не довольствуясь лекциями по своему курсовому расписанию, в свободные часы слушал и других профессоров. Однако такое усердие его вскоре

охладело, он начал вести рассеянную жизнь и стал редко посещать университет. Его блестящие музыкальные способности открыли ему доступ в высшее Московское общество, благодаря же своему уму и независимому характеру, он вскоре занял там вполне твердое положение.

Студенческая жизнь его была полна самых разнообразных приключений. Обладая страстным, увлекающимся характером, Р. сошелся с одним обедневшим князем, бывшим вольнослушателем университета, жившим в старом собственном доме на Тверском бульваре. Здесь вскоре они вдвоем, пригласив еще нескольких товарищей, основали коммуну, просуществовавшую более года. В эту же пору Р. начал увлекаться карточной игрою и предался кутежам с товарищами.

Между тем, музыкальная известность Рубинштейна все возрастала, и он мог иметь уроков столько, сколько хотел; кроме того, его весьма часто приглашали концертировать; однако, денег по-прежнему у него никогда не было, чему главной причиной были карты. Так, однажды ему было предложено дать концерт во Владимире, причем был гарантирован довольно значительный сбор. Как раз в это время у Р. вовсе не было денег, поэтому 15 рублей на дорогу собраны были среди товарищей и на них он отправился во Владимир. Концерт удался прекрасно, сбор превзошел все ожидания и дал 300 рублей чистого дохода. Однако, по окончании концерта молодой виртуоз засел играть в карты, и в тот же вечер проиграл все, что получил, так что возвращаться ему опять было не на что. Эта страсть к картам сохранилась у Р. до самой смерти, и впоследствии он нередко проигрывал в один вечер сотни и тысячи рублей. Будучи от природы человеком пылким, страстным, впечатлительным, он любил посещать великосветские балы; правда, недостаток средств часто мешал этому, но тут на выручку ему приходили отцовские карандаши, которые хранились в кладовой у матери: взяв несколько пачек, он нес их в Ножевую линию, а на вырученные деньги покупал то, что ему было необходимо.

В начале 1854 года на одном из балов Р. встретился со своей будущей женой. Увлечшись ею и сделав ей предложение, он решил жениться, несмотря на все препятствия со стороны как ее родных, так и своих. Особенно восставали против этого брака его родные, боявшиеся, чтобы брак его не помешал дальнейшей артистической его карьере, тем более что родные невесты поставили непременно условием женитьбы, чтобы он отказался от появления в концертах. Однако, несмотря на все это, молодой артист упорно стоял на своем и лишь согласился отложить свадьбу до окончания курса университета.

В 1855 году Рубинштейн окончил курс в университете и вскоре за тем женился. Несмотря на свои двадцать лет, он пользовался уже широкою известностью, как прекрасный виртуоз и преподаватель музыки. Поэтому его желание взять все расходы по дому на себя было бы легко выполнимо, если бы он мог устраивать концерты; но в этом отношении он как раз был связан словом, данным родным жены – не появляться на концертных эстрадах; поэтому ему приходилось довольствоваться одними уроками. Правда, их он мог иметь сколько угодно, но для того, чтобы хватало на довольно большие домашние расходы, ему пришлось ездить по урокам часов по двенадцати в день. Все это сильно утомляло его, так что, возвратившись с уроков домой, он старался поскорее лечь в постель и уснуть, чтобы хоть немного отдохнуть и встать на другой день вовремя. Между тем, жена его продолжала вести великосветский образ жизни, вставала поздно, выезжала, принимала у себя гостей. Супруги виделись редко, и охлаждение наступило быстро, тем более, что детей у них не было. Наконец, в 1858 году они окончательно разошлись.

Окончив курс университета, Р. тем самым избавлялся от отбывания воинской повинности, но, по существовавшему в то время взгляду в обществе, он должен был поступить на какую-нибудь службу. Широкие связи в высших кругах Москвы дали ему возможность легко устроиться при Канцелярии московского генерал-губернатора. Служба эта была, конечно, только номинальная, так как, обремененный уроками музыки, он чуть

ли ни разу не был в Канцелярии и уже в 1857 году вышел в отставку с чином губернского секретаря.

Разойдясь с женой, Р. снова вернулся к своей прерванной артистической деятельности. Значительно сократив число уроков и облегчив, таким образом, свой труд, он получил возможность употреблять гораздо больше времени на собственные занятия музыкой; недостающие же средства с избытком давали ему концерты, которые он стал ежегодно давать Великим постом в Москве и в Петербурге. Кроме того, в это же время он получил постоянный ангажемент от антрепризы Chappell's в Лондоне, куда уезжал обыкновенно весной. Помимо этих концертов, многие богатые представители английского общества нередко приглашали его играть на своих музыкальных вечерах, за что платили очень хорошо.

Время удаления от эстрады и публики не пропало для Рубинштейна даром: кроме того, что за эти годы он сильно развил свою технику, он сосредоточился внутренне и углубился в искусство, что дало ему возможность выработать твердые, самостоятельные музыкальные принципы. Это впоследствии особенно рельефно обрисовалось во время его двадцатилетнего руководства Московским музыкальным Обществом, а с 1866 года и Московской консерваторией. Хотя в 1858 году ему было только 23 года, однако он успел приобрести себе широкую известность не только в Москве и России, но даже и во всей Европе. Везде считали его выдающимся пианистом-виртуозом, и концерты его всегда делали полные сборы. С 1858 же года популярность его возросла еще больше – этому способствовали многочисленные концерты, которые он давал в разных городах в 1858–1860 гг. В эти годы он концертировал почти во всех крупных провинциальных городах: в Одессе, Киеве, Харькове, Казани, Саратове, Ярославле, Нижнем Новгороде и других. Успех его везде был выдающийся.

Не обладая крупным и ярким композиторским талантом, какой был у его старшего брата, к тому же за два года занятий у Дена не приобретя необходимой композиторской техники, он, естественно, не мог рассчитывать сделаться композитором; несколько пьесок, написанных и изданных им еще в ранние,

юношеские годы, не отличались особенною оригинальностью и самобытностью таланта и не имели успеха; с тех пор он никогда более и не принимался за композиторскую работу. Между тем, в конце 1850-х годов перед ним встал вопрос о том, какого рода музыкальной деятельности посвятить себя. Карьера концертного виртуоза его особенно не увлекала; при своем огромном таланте, неисчерпаемой энергии и глубоком уме он не мог удовлетворяться одними виртуозными успехами: ему нужна была широкая деятельность, способная увлечь все существо его, могущая заставить посвятить ей все силы. Между тем, в то время музыканту не композитору с сильным талантом, кроме виртуозной карьеры, посвящать себя было нечему; капельмейстерская деятельность тогда ценилась не высоко, так как существовало убеждение, что капельмейстером может быть всякий порядочный музыкант, и что для этого не нужно особенного таланта. Поэтому капельмейстерской деятельности посвящали себя обыкновенно те артисты, которые не надеялись иметь успеха ни в качестве композиторов, ни в качестве виртуозов. Рубинштейну удалось создать себе такое поприще деятельности, где он был наиболее полезен. Больше всего любя исполнять камерные ансамбли, он прекрасно изучил фортепианную литературу камерной музыки и, имея обширные знакомства как в высших, так и в средних кругах Московского общества, он всюду был любим и с радостью принимаем. Этими знакомствами и связями, концертами и уроками Р., быть может, в начале еще бессознательно, приготавливал Московское общество к принятию и укреплению в нем идеи Московского Отделения Русского Музыкального Общества. Мысль об учреждении этого Общества явилась в Петербурге в середине 1850-х годов. Ревностным пропагандистом этой идеи был старший брат Николая Григорьевича – Антон Рубинштейн. Благодаря стараниям последнего и некоторых влиятельных любителей музыки, в начале 1859 года задуманное Общество, наконец, было учреждено, и одним из директоров его и руководителем был выбран Антон Р., причем Устав Общества, прежде окончательного его утверждения, был послан Антоном Григорьевичем в Москву, на просмотр к брату. Таким образом,

Николай Григорьевич принимал некоторое участие в организации Музыкального Общества и в Петербурге. В силу одного из параграфов Устава, это Общество могло открывать свои филиальные Отделения во всех городах, где найдет это нужным; тотчас по возникновении Общества решено было открыть самостоятельное Отделение его и Москве, почему Комитет Дирекции в 1860 году назначил в Москве особую Комиссию для осуществления этого плана. В состав членов этой Комиссии вошли: П. С. Киселев, В. М. Лосев, князь Ю. А. Оболенский, В. И. Якунчиков, а главным руководителем – Н. Г. Рубинштейн.

Благодаря неутомимой энергии, с которою члены Комиссии, а особенно Р., взялись за дело, еще в том же 1860 году Музыкальное Общество в Москве было открыто. В состав Дирекции вошли почти все члены Комиссии, в том числе и Николай Григорьевич. Хотя в это время ему было лишь 25 лет, он пользовался уже такою установившеюся популярностью, таким широким авторитетом среди Московской публики, как ни один артист.

Считая, не без оснований, что главную поддержку Обществу может оказать дворянство, Р. старался привлечь в члены Общества наиболее видных его представителей; недостаток материальных средств и отсутствие необходимого для концертов и спевов хора любителей помещения легко устранялись, благодаря связям и стараниям Р. – московский генерал-губернатор П. А. Тучков, знавший и благоволивший к Рубинштейну, сочувственно отнесся к Обществу и предоставил для нужд его на первое время одну из зал генерал-губернаторского дома. Когда Музыкальное Общество в Москве, наконец, было вполне устроено, Р. постарался как можно шире поставить его деятельность. Устроен был хор и оркестр из членов Общества, организованы квартетные собрания, на которые приезжали лучшие артисты Европы и в которых сам Рубинштейн всегда принимал участие. Его обширные знания фортепианной литературы и камерной музыки давали ему полную возможность предоставлять приезжим скрипачам, виолончелистам и другим артистам выбирать что угодно для

исполнения с ним в квартетных собраниях Музыкального Общества. Кроме того, Обществом устраивались концерты, которыми дирижировал тоже Рубинштейн. Благодаря этому, Музыкальное Общество в Москве приобрело вскоре широкую популярность, и билеты на его концерты и собрания доставать было очень трудно.

Между тем Р. давно уже думал об учреждении высшего музыкального училища – консерватории. Выполнению этой идеи много помогло то твердое положение, в которое сразу стало Музыкальное Общество, и общее к нему доверие и уважение. Поэтому, вслед за открытием консерватории в Петербурге, решено было открыть ее и в Москве. Рубинштейн, со свойственной ему энергией и страстностью, весь отдался этому делу. Самостоятельный, гордый, никогда и ни у кого не просящий для себя ничего, он все забывал, когда дело касалось Общества или Консерватории: здесь он готов был поступиться своею гордостью и просить кого угодно. Московская консерватория обязана своим существованием всецело заботам Р.

Она была открыта в 1866 году и первым директором ее был назначен Н. Г. Рубинштейн; кроме того, он вел в ней также и фортепианный класс. Не лишенный некоторых личных недостатков, он был образцовым директором консерватории, и, благодаря ему, последняя дала немало хороших артистов; в числе его учеников был, например, Зилотти и некоторые другие известные впоследствии музыканты. О той высоте, на которой стоял тогда фортепианный класс Московской консерватории, руководимый Н. Г. Р., можно судить хотя бы по тому, что он вскоре приобрел европейскую известность и привлекал учеников даже из-за границы.

Продолжая по-прежнему во время Великого поста давать концерты в Москве и Петербурге, Рубинштейн не прекратил своих поездок и в провинцию и за границу. Кроме Лондона и Парижа, он неоднократно выступал в качестве пианиста в Кенигсберге и Вене. Когда в 1877 году началась война с Турцией, Р., по свойственной ему доброте сердца, решив хоть чем-нибудь помочь раненым воинам, предпринял поездку по

всей России, давая концерты в каждом большом провинциальном городе; объехав 33 города и повсюду пользуясь огромным успехом, он весь сбор с этой поездки, который простирался свыше 30000 рублей, пожертвовал в пользу раненых.

В начале 1881 года Р. стал хворать, однако, по-прежнему продолжал неумолимо нести свои обязанности. Еще в феврале он давал, хотя и совсем больной, концерт в Петербурге, а затем, возвратившись в Москву, несмотря на то, что ему делалось все хуже, решил дирижировать на симфоническом концерте Музыкального Общества; он был так слаб, что не мог уже стоять на ногах и дирижировал сидя; к концу концерта ему сделалось так худо, что его пришлось унести с эстрады на руках... В то же время ему было предложено руководить русскими концертами на Всемирной Выставке в Париже. Туда же, для совета со специалистами, его посылали и московские врачи; в конце февраля Р. выехал в Париж, но ему не пришлось уже выступать на эстраде: несмотря на усилия лучших французских врачей, болезнь быстро подвигалась вперед, и 11-го марта 1881 года Рубинштейн скончался в Париже.

Московская Городская Дума ассигновала 3000 рублей на привезение тела Р. и на погребение его в Москве, в Даниловом монастыре; на могиле Р. поставлен памятник с его бронзовым портретом-барельефом.

«Полярная Звезда» 1881 г., март, стр. 162–164 (некролог); «Русское Обозрение» 1897 г., сентябрь, № 9, стр. 151–169 и 1898 г. № 5, стр. 328–338, ст. Кашкина: «Воспоминания о Николае Григорьевиче Рубинштейне»; «Россия» 1901 г., № 812, 31-го июля (иллюстрированное приложение), ст. К. Н. де Лазари: «Воспоминания о Николае Григорьевиче Рубинштейне», стр. 5–8; «Современная Летопись» 1866 г., № 30, ст. Н. С.: «Открытие Московской Консерватории, стр. 2–4; «Репертуар Русского Театра и Пантеон Русского и всех европейских театров» 1844 г., т. 6, театральная летопись, стр. 93; «Московские Ведомости» 1881 г., 13-го марта, № 72, ст. Ignotus'a: «Смерть Н. Г. Рубинштейна»; «Русские Ведомости» 1881 г., 13-го марта, №

72, стр. 2–3 (некролог); «Нувеллист» 1881 г., апрель, № 4, ст. М. М. Иванова: «Н. Г. Рубинштейн», стр. 2–6 (фельетон), ст. П. И. Чайковского: «Последние дни жизни Н. Г. Рубинштейна», стр. 6–7; некролог, стр. 12; «Новое Время» 1881 г., 14-го марта, фельетон М. М. Иванова; «Современные Известия» 1881 г., март; «Московская Иллюстрированная Газета» 1892 г., № 32; «С.-Петербург. Вед.» 1843 г., № 53, стр. 250 и № 56, стр. 262; 1844 г., № 58, стр. 258, № 66, стр. 283–284; «Моск. Вед.» 1847 г., № 149; «Москвитянин» 1849 г., т. I, № 2, янв., кн. 2, стр. 55; «Нива» 1879 г., № 17, стр. 321, и 1881 г., № 14, стр. 324 (с портр.); «Голос» 1881 г., № 74, статьи Д. Кюи; «Воспоминания Юрия Арнольда», вып. III, М. 1893; А. Фитингоф-Шель, мировые знаменитости, СПб. 1899, стр. 130–145; Н. Г. Рубинштейн. На память ценителям искусства, М. 1881, с портр.; «Русск. Стар.» 1889 г., № 11; «Русск. Стар.» 1890 г., № 1; Н. М. Лисовский, Антон Григорьевич Рубинштейн. Пятьдесят лет его музыкальной деятельности, СПб. 1889, стр. 1, 11, 12 и др. и прил., №№ 1, 2, 9, 12, 73, 94, 135, 266. «Московский Некрополь», т. III, стр. 45.

Рубо, Иван Маркович

Рубо, Иван Маркович, купец 1-й гильдии; род. в 1786 г.; в 1803 г. прибыв из Марсели в Одессу и основавшись здесь, с тех пор пользовался, в течение 38 лет, постоянным расположением главных начальников Новороссийского края – адмирала де Рибаса, герцога Ришелье, графа Ланжерона и графа М. С. Воронцова и доверием сограждан, постоянно избиравших его в разные городские должности. В 1832 г. он награжден был кубком за разведение отличной пшеницы, а в 1834 г. – золотой медалью за труды по лесоводству и садоводству; кроме того, Р. имел медаль «За полезное» и «За прекращение чумы»; он был известен во всей Южной России своими обширными и деятельными торговыми оборотами, за которые имел звание почетного гражданина; умер в Одессе весной 1852 года, на 67 году.

«Сын Отеч.» 1852 г., т. III, № 5, совр. летопись. стр. 52; Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ., т. 62.

Рубцов Иван, подьячий

Рубцов Иван, подьячий большого Прихода в 1660 г.; в июле 1663 состоял дьяком того же приказа, в 1666 г. был дьяком в Киеве; в феврале 1668 г. был назначен дьяком Новгородским; прибыл в Новгород в марте того же года; состоял дьяком Новгородской Приказной Избы до 1670 г., а в 1671–1672 г. находился в Москве.

«Доп. к Акт. Ист.», IV, 403; VIII, 336; «Дворц. Разр.», III, 715, 845, 888, III, дополн., 371; «Чтения Моск. Общ. Ист. и др.» 1858, кн. 2, матер. отеч., 66; Доп. I; Акт. Ист., V, 409, 411; «Акты Гр. Распр.», II, стр. 314, 457; А. Ю. Б., II, 188, 200, 207.

Рувим, архимандрит Тихвинского Успенского монастыря

Рувим, игумен Николаевской Добринской пустыни Тверской епархии в 1713 г.; в бытность свою тамошним игуменом подал митрополиту Рязанскому Стефану доношение на Ивана Максимова, одного из единомышленников Тверитинова, за его хулу на церковные догматы во время пребывания Р. в Богоявленском монастыре в Москве; по обстоятельствам дела был допрошен в Преображенском Приказе в апреле 1713 г. и выступал позднее свидетелем по делу Ивана Максимова. В 1717–1718 годах Р. был архимандритом Тихвинского Успенского монастыря Новгородской епархии, куда переведен был из Троицкого Великолуцкого монастыря (1715–1717 гг.).

«Опис. Докум. и бум. Арх. Святейш. Синода», II, ч. 1, с. 271, 281; прил., с. XXIV, № X; Записка Л. Магницкого по делу Тверитинова (изд. Общ. Люб. Древн. Письм., LXXX), стр. 10, 117, 129, 130; Зверинский, II, № 1280; С. Строев, Списки иерархов, 482, 64.

Рувим, архимандрит Астраханского Воскресенского монастыря

Рувим, был архимандритом в двух Астраханских монастырях: Николаевском в 1693 г. и Воскресенском в марте 1706 г.

Строев, Списки иерархов, стр. 316; С. Соловьев, История России (изд. Общ. Пользы) III, стр. 1388.

Рувим (Петулинский), игумен Георгиевского монастыря

Рувим (Петулинский), игумен Георгиевского монастыря, Черниговской епархии, куда переведен был в 1777 г. из Киевского Петропавловского монастыря; скончался в 1784 году.

Козелецкий Георгиевский третьеклассный мужской монастырь, Чернигов. 1862, стр. 17; С. Строев, Списки иерархов, стр. 528.

Руге, Эмильян Викторович фон

Руге, Эмильян Викторович фон – генерал-лейтенант, топограф; родился в 1790-х гг., в службу вступил в 1815 г.; в 1823 г., будучи подполковником квартирмейстерской части, составил карту Турции; в 1829 году, в чине полковника, находился при генерале П. Д. Киселеве и, числясь по Генеральному Штабу, состоял при Главной квартире 2-й армии; в 1842 г. получил орден св. Георгия за 25 лет, затем, уже в чине генерал-майора, состоял начальником съемок: Киевской губернии – с 1847 по 1849 г., Херсонской губернии – с 1850 по 1852 г., Екатеринославской губернии – с 1853 по 1854 г. и северной части Таврической губернии – в 1855 г. В 1857 г., будучи Генерального Штаба генерал-лейтенантом, был уволен, по прошению, от службы. Имя Р. находится на медали, выбитой в память 50-летия Корпуса военных топографов, в числе деятелей последнего.

Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, стр. 335; Н. Григорович и В. Степанов, В память столетнего юбилея военного отдела св. Георгия, стр. 161; Н. П. Глиноецкий, История русского Генерального Штаба, т. II, СПб. 1894, стр. 19, 22, 26, 45; Ю. Б. Иверсен, Медали в честь Русских государственных деятелей и частных лиц. Вып. IV, СПб. 1882, стр. 160.

Рудаков, Александр Ильич

Рудаков, Александр Ильич – вице-адмирал (брат адмирала Д. И. Рудакова); родился в 1817 году; воспитывался с 28-го марта 1829 г. в Морском корпусе и 8-го декабря 1832 г. произведен в гардемарины. В 1833 г., на корабле «Император Петр I», крейсировал в Балтийском море, 19-го декабря 1834 г. произведен был в мичманы, с назначением в Черноморский флот; в 1835 и 1836 г. на шхуне «Гонец» перешел из Николаева в Севастополь, а оттуда в Константинополь, в распоряжение Российского посольства, и плавал в Архипелаге и Средиземном море до берегов Египта. В 1837–1841 г. на той же шхуне, бриге «Кастор», фрегатах «Штандарт», «Агатополь», «Флора» и «Бургас», Р. крейсировал у Восточного берега Черного моря и за отличие, оказанное в 1837 г. в деле против горцев, награжден был орденом св. Анны 4-й ст. «за храбрость», а за участие при десантной высадке в 1839 г. при занятии местечек Субаши и Шахе был награжден орденом св. Станислава 3-й ст. с мечами. 14-го апреля 1840 г. Р. произведен был в лейтенанты и в 1842 г. переведен из Черноморского в Балтийский флот и крейсировал на корабле «Орел» в Балтийском море, а в 1844 г. на бриге «Аякс» плавал по портам Финского залива. 1-го ноября 1844 г. Р. поступил на службу в Российско-Американскую Компанию и в 1845–1849 гг., командуя компанейскими кораблями: «Наследник Александр», «Князь Меншиков» и бригами «Байкал» и «Промысел», плавал из Ново-Архангельска в Калифорнию, Сан-Франциско и к берегам Камчатки, после чего в 1850 г. возвратился берегом в Петербург.

9-го мая 1851 г. произведенный в капитан-лейтенанты, Р. 11-го июля назначен был помощником Главного Правителя Российско-Американской Компании, с производством в капитаны 2-го ранга, и в 1851 и 1852 г., на компанейском корабле «Кадьяк», перешел из Кронштадта в Ново-Архангельск. В 1854–1857 г. Р. находился в откомандировке на острове Кадьяке для водворения там разработки и для устройства торговли местными произведениями и 30-го августа 1855 г.

произведен был в капитаны 1-го ранга. 6-го октября 1858 г. Р. был прикомандирован к 20-му флотскому экипажу, с увольнением от занимаемой должности, 29-го декабря 1859 г. назначен был Начальником Астрабадской станции, а 4-го апреля 1862 г. переведен был в 45-й флотский экипаж, в Астрахань, 5-го сентября того же года прикомандирован был к 14-му экипажу и, наконец, 16-го марта 1863 г. был причислен к 8-му экипажу. 1-го января 1865 г. Р. был произведен в контр-адмиралы, с зачислением по резервному флоту, а 12-го января 1870 г. произведен в вице-адмиралы, с увольнением от службы.

Скончался 15-го февраля 1875 г. в Петербурге, где и погребен на Смоленском кладбище.

«Общий Морской Список, ч. XI, СПб. 1900, стр. 393–395: надгробие.

Рудаков, Александр Павлович, протоиерей

Рудаков, Александр Павлович, протоиерей, автор учебников Закона Божия; сын причетника Петербургской епархии, родился в Петербурге 27-го октября 1824 года, умер 13-го марта 1892 г.; погребен в Петербурге, на Смоленском кладбище. Образование получил в С.-Петербургских духовных семинарии и академии, курс коей окончил в 1849 году, по первому разряду, магистром богословия. 19-го июля 1850 года рукоположенный во священника к церкви преп. Макария Египетского, что при С.-Петербургском горном институте, и определенный законоучителем названного института, Р. это место занимал до 1882 года, когда, по слабости здоровья, был уволен за штат. Кроме того, в 1853–55 годах он безвозмездно преподавал Закон Божий во Второй девичьей школе Человеколюбивого Общества, а в 1856–1876 годах состоял законоучителем в старших классах Ларинской гимназии.

3-го апреля 1866 года о. Рудаков возведен был в сан протоиерея и 4-го июля 1867 г. определен был членом Учебного Комитета при св. Синоде. В 1868 году, по поручению С.-Петербургского митрополита, им составлен был пенсионный Устав и Положение об эмеритальной кассе духовенства С.-Петербургской епархии; он участвовал также в составлении программы преподавания Закона Божия в гимназиях и прогимназиях Ведомства Министерства народного просвещения.

Составленные Р. учебники Закона Божия служили и до настоящего времени служат учебной книгой в некоторых учебных заведениях и вышли в свет во многих изданиях. Вот список его трудов: «Священная история Нового Завета», СПб. 1854 (в 1904 году вышло 34-е издание); «География Палестины» (СПб. 1855), «История Христианской православной церкви» (СПб. 1856; в 1903 году вышло 26-е издание), «Священная история Ветхого Завета», СПб. 1858 (в 1904 г. вышло 34-е издание), «Краткое учение о богослужении православной церкви», СПб. 1861 (в 1903 г. вышло 29-е

издание), «Краткие рассказы о важнейших событиях Священной истории Ветхого и Нового Завета», СПб. 1872 (8-е издание вышло в 1900 г.), «Православное догматическое богословие», СПб. 1876 и 1894 (два издания), «Наставление в Законе Божиим», СПб. 1878 (13-е издание вышло в 1904 г.), «Краткая церковная история, составленная по программе городских училищ», СПб. 1885 (в 1904 г. вышло 13-е издание).

Кроме того, А. П. Рудаков перевел с немецкого: «Письма против материализма», Соч. Ф. Фабри (СПб. 1867) и «Очерк церковной истории» Куртца, со многими изменениями и дополнениями в соответствии с учением Православной церкви (СПб. 1868).

«Церковные Ведомости» 1892, № 12; «Новое Время» 1892, № 5764 и 5766; «Библиограф. Записки» 1892, № 7; «Нива» 1892, № 15; День» 1892, № 1353; «Петербург. Листок» 1892, № 72, 73, 74, 75; Д. Д. Языков, Обзор, вып. XII, СПб. 1912, стр. 159–161; А. С. Родосский, Биографический Словарь студентов С.-Петербургской духовной академии. 1814–1869, СПб. 1907.

Рудаков, Алексей Гаврилович

Рудаков, Алексей Гаврилович, гравер; род. в 1748 году и был сыном Гаврилы Р., служившего с 1-го января 1730 года в Словолитной Палате Академии Наук учеником пунсонного художества, а потом бывшего пунсонным мастером и медальером и умершего 25-го сентября 1772 года; в 1761 году Алексей Р. был принят (13 августа) в академическую службу «рисовальным учеником гравирования»; в 1766 г., будучи учеником в 3-м классе, обучался гравированию у подмастерья А. Грекова и получал по 30 рублей жалованья; 5-го июня 1773 г. назначен подмастерьем; был подмастерьем и в 1784 г.; работал еще в 1803 году.

Из работ его известны: «Тит Веспасиан, Цесарь Римский», 1766 г.; одна доска в книгу Реймерса 1793 г.: «Внутренний вид Церкви св. Софии в Константинополе»; две доски в книгу П. Сумарокова: «Досуги Крымского судьи», СПб. 1803 (рисунки 9 и 21); с Челноковым исполнил ряд чертежей к «Описанию С.-Петербурга», В. Г. Рубана, изд. 1779 г., и много мелких чертежей в различные издания Академии Наук.

Архив Конференции Имп. Академии Наук; Д. А. Ровинский, Подробный Словарь Русских граверов XVI–XIX вв., СПб. 1895, стр. 566–567.

Рудаков, Дмитрий Ильич

Рудаков, Дмитрий Ильич, вице-адмирал; род. в 1819 году, воспитывался в Морском корпусе, откуда был выпущен гардемаринем в 1835 г. Первое двадцатилетие своей служебной деятельности, вплоть до конца Крымской войны, Р. провел в плаваниях на море; в 1836 г. он был произведен в мичманы, в 1839 г. за храбрость, обнаруженную в сражении с горцами, получил орден св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость», в 1842 г. был произведен в лейтенанты, а в 1845 г. – в капитан-лейтенанты. В 1850 г. Р. был переведен в 18-й флотский экипаж и назначен командиром шхуны «Метеор», в 1854 г. был произведен в капитаны 2-го ранга и получил в командование фрегат «Цесаревна». Когда в 1855 году англичане, не имея возможности нанести вред нашим крепостям на берегах Финского залива, систематически занимались разорением издала наших прибрежных городов, вроде Фридрихсгама, Нарвы и др. Р. в 1856 г. была поручена защита Транзундских проходов с моря к Выборгу. Это поручение он исполнил блестящим образом. 1-го июля английские судна: фрегат «Arrogount», проход «Magicienne» и винтовая канонерка «Ruly» вошли в Малый Транзундский рейд и, посадив десант на шлюпки эскадры, хотели прорваться сквозь Транзундский пролив к Выборгу. Распоряжаясь 8-ю гребными лодками и 2 или 3 сотнями сухопутных войск, Р. не только успел помешать намерениям неприятеля, но нанес ему весьма серьезный урон и за храбрость и распорядительность в этом бою получил орден св. Владимира 4-й степени с бантом. В том же году Р. был произведен в капитаны 1-го ранга, а в 1857 г. был назначен командующим 25-м флотским экипажем и кораблем «Великий князь Михаил». В марте 1860 г. Р. назначен был командиром Свеаборгского порта и 21-го октября 1866 г. Произведен был в контр-адмиралы, а 1-го января 1874 г. – в вице-адмиралы.

В течение своей службы Р. сделал 16 морских кампаний. Вступив в командование Свеаборгским портом, Р. нашел его в крайне плохом состоянии, и ему пришлось употребить много

труда для приведения порта в лучшее состояние. Портовая деятельность Свеаборга по изготовлению к плаванию и вооружению военных судов за время командования портом Р. выражается следующими цифрами: в нем было изготовлено 51 винтовая канонерская лодка, 3 плавучих маяка, 3 шхуны, 1 плавучий док, 4 гребных канонерских лодки, 4 кр. плашкоута, 4 паровых катера, 1 винтовой пароход и 29 барж. Под управлением Р. Свеаборгский порт, кроме исполнения своих прямых обязанностей, по ходатайству Р. у высшего начальства, находил возможным оказывать безвозмездные пособия сооружению православного собора в Гельсингфорсе, а также при постройке Финляндской железной дороги – разными подъемными, перевозочными и другими средствами. В должности командира Свеаборгского порта Р. пробыл более 15 лет и успел привести его в прекрасное состояние. В 1872 г., по Высочайшему повелению, Р. был командирован в Москву главным распорядителем церемониала торжественного шествия ботика Петра Великого в ознаменование 200-летнего юбилея дня рождения Петра I и открытия в Москве 1-й Политехнической выставки.

Р. умер в Петербурге 8-го октября 1875 г. и похоронен близ Выборга; был женат на *Александре Андреевне Костылевой*.

В «Морском Сборнике» 1862 г. (№ 10) был напечатан рапорт Р. о повреждении винтовой лодки «Хват», ставшей в шхерах на камень.

«Голос» 1875 г., № 290; «Гражданин» 1876 г., № 4, стр. 105; «Кронштадтский Вестник» 1875 г. № 120, «Общий Морской Список», ч. XI, стр. 395–397; «С.-Петерб. Вед.» 1875 г. (объявл.).

Рудаков Иван, живописец

Рудаков, Иван, один из живописцев Партикулярной Верфи, могущей считаться родоначальницею нашей Академии Художеств; Р. работал, по имеющимся сведениям, в промежуток времени с 1731 по 1748 год; он исполнял сперва малярные работы – красил и золотил панели, расписывал каминные, балясины, рамы в царских дворцах и в церквах Петербурга. При исполнении этой работы на Р. обратил внимание итальянец Перезинотти и взял его к себе в ученики. Очевидно, Р. оказался способным учеником, потому что от золочения рам перешел к «писью стен», а последнее из имеющихся о нем сведений говорит, что он «вместе с Перезинотти писал плафоны в новом летнем доме в саду, в мыльне» и «пред Армиатаж в светлую галерею». Армиатаж (эрмиатаж) – неизвестная постройка Елисаветы Петровны, где-то в нынешнем Михайловском саду; этой постройкою очень интересовалась Императрица и, конечно, Гоф-Интендантская Контора не послала бы расписывать ее Ивана Рудакова, если бы он не обладал талантом живописца.

А. И. Успенский, Словарь художников, стр. 146.

Рудаков Иван, писатель

Рудаков, Иван, писатель; родился в 1743 году; был старшим наборщиком в Типографии Академии Наук, в 1771 году получал жалованья по 72 р. в год; 10-го октября 1772 г. уволился с аттестатом, «для определения в другой команде»; потом был поручиком и корректором в Типографии Военной Коллегии; по сообщению Новикова, он «сочинял разные весьма курьезные стихотворения, а по большей части сатирические, но напечатанных нет»; в своем «Опыте» Новиков напечатал написанные Рудаковым «Стихи к Опыту Исторического словаря о Российских писателях» (нач.: «Представлен свету здесь мужей разумных род, Которы принесли России вечный плод»...), из коих видно знакомство Р. и с древними классиками, и с сочинениями западных писателей.

Он умер или в последний день 1791 или в первый день 1792 года и 2-го января 1792 года погребен был на Смоленском кладбище.

Метрические книги Смоленского кладбища; Н. И. Новиков, Опыт словаря о Российских писателях, изд. С.-П. 1867 г., стр. 96–97; Архив Конференции Имп. Академии Наук, кн. 543, § 564.

Рудаков, Павел Дмитриевич

Рудаков, Павел Дмитриевич, генерал-лейтенант, автор «Записок»; происходил из потомственных дворян Тверской губернии, родился 10-го января 1811 года и был сыном капитана *Дмитрия Матвеевича Р.*; воспитывался в Александровском сиротском доме, а затем в Дворянском полку (ныне Константиновское военное училище), откуда был выпущен в 1828 году прапорщиком в батарею № 1 роты 14-й артиллерийской бригады. Первые годы своей службы Р. провел при Штабе 6-й артиллерийской дивизии, в 1838 году назначен был адъютантом при Начальнике 6-й артиллерийской дивизии, в 1844 году прикомандирован был к С.-Петербургскому Арсеналу по искусственной части и в том же году был утвержден адъютантом к исправляющему должность инспектора местных арсеналов. В 1846 г., по собственному желанию, Р. отчислен был во фронт, будучи прикомандирован к образцовой пешей батарее; в 1847 г. назначен был командующим резервной № 12 батареей 4-й артиллерийской бригады, в 1848 году – командиром легкой № 6 батареи той же бригады, причем произведен был, за отличие, в подполковники.

Затем Рудаков, приняв участие в Венгерской кампании, был во многих походах и сражениях в 1848–1849 г., также, как и в 1853–1854 гг., – а именно в следовании на Кавказско-Турецкую границу, где присоединился к действующему корпусу; в 1854 г., 24-го июня, с 1-м дивизионом батарей, в составе Александропольского отряда, сражался при этом городе; в сражении при селении Кюрюк-Дара Р. командовал на правом фланге нашей боевой линии сводным дивизионом, состоявшим из одного взвода бывшей легкой № 6 и одного взвода легкой № 8 батарей 18-й артиллерийской бригады при совершенном разбитии в этом деле 60000-ного корпуса, бывшего под начальством мушира Зарифа-Мустафа-паши. После этого блестящего сражения, П. Д. Рудаков произведен был, за отличие, в полковники и награжден орденом. Равным образом и в течение 1855 г. П. Д. Рудаков принимал деятельное участие во

многих перестрелках и сражениях с неприятелем: 17-го сентября был при штурме крепости Карса и при ее блокаде, а 16-го ноября 1855 г. – при сдаче Карса с находившимся в ней Турецким гарнизоном.

По окончании войны 1853–1856 гг. П. Д. Рудаков оставил фронтовую службу и был назначен Начальником Московского Арсенала, в 1876 году, за отличие, был произведен в генерал-майоры, а 30-го декабря того же года произведен в генерал-лейтенанты с увольнением, за болезнью, от службы.

Последние годы своей жизни П. Д. Рудаков провел почти безвыездно в имении своей жены – селе Крест, Велижского уезда Витебской губернии, где с любовью занимался садоводством и наслаждался деревенскою жизнью, которую всегда любил. Боевая походная жизнь и тяжкий удар судьбы, лишившей его единственного сына, поручика 1-й Его Величества батареи гвардейской конно-артиллерийской бригады, *Александра Павловича Рудакова*, умершего в цвете лет 26-го мая 1873 года, подкосили его силы. Покушение Соловьева (2-го апреля 1879 г.) на жизнь Императора Александра II окончательно разбило потрясенное уже здоровье П. Д. Рудакова и низвело его в преждевременную могилу: он скончался 6-го ноября 1879 г.

«Мы лично знали Павла Дмитриевича», пишет М. И. Семевский: «это был человек чрезвычайно симпатичный – скромный, честнейший служака, русский человек до мозга костей, страстно любивший отечество и безгранично преданный Верховному Державному Вождю России».

После Р. остались очень интересные Записки, начало которых, под заглавием «Два эпизода из войны в Азиатской Турции», было напечатано его вдовою в 1883 г., в 40-м томе «Русской Старины» (стр. 523–552); это начало состоит из 4-х глав, остальная же часть (т. е. 106 глав) была Рудаковым в 1878 г. уничтожена по мотивам довольно непонятного свойства. В той же «Русской Старине» В. Д. Корсакова опубликовала «Дневник П. Д. Рудакова о войне в Малой Азии в 1854–1855 г.» (1905 г., № 5, стр. 274–304 и № 6, стр. 481–508, с портретом П. Д. Рудакова при № 5); при отрывке из «Записок», в «Русской Старине» 1883

г. напечатаны также некоторые стихотворения Рудакова. По поводу его Записок см. статью А. Л. Зиссермана в «Русск. Архиве» 1885 г., кн. II, стр. 329.

«Русск. Стар.» 1883 г., т. XC, и 1905 г., т. CXXII; «Новое Время» 1889 г., № 1342; «С.-Петербург. Ведом.» 1889 г., № 322.

Рудаков, Филолог Васильевич

Рудаков, Филолог Васильевич, педагог, главный инспектор училищ Восточной Сибири, писатель; род. 6-го января 1827 г. в Каинске, уездном городе Томской губернии, где отец его был штатным смотрителем уездного училища. Первоначальное образование Р. получил в Томске, куда, после смерти мужа, переехала с детьми его мать – сначала в уездном училище, а затем, с 1838 г., во вновь открывшейся Томской гимназии; успешно окончив в ней курс, Р. был отправлен на казенный счет в Казанский университет, где поступил на камеральное отделение юридического факультета. Окончив курс в 1848 г. с золотою медалью за сочинение: «О статистических отношениях киргизских и калмыцких степей и настоящем управлении народами», Р. решил, поступить на службу непременно в Сибирь, несмотря на то, что ему предлагали остаться при университете, с возможностью даже заграничной командировки. Насколько Р. обратил на себя внимание некоторых профессоров (напр., Мейера, Осокина), показывает тот факт что он, по предложению университета, в год своего окончания и не сдавая магистерского экзамена, за неимением третьего профессора, выступил официальным оппонентом на защите кандидатом Рязановым диссертации «Об очистительной присяге в уголовных делах».

19-го января 1849 г. Р. был определен старшим учителем судопроизводства в Томскую гимназию, а 28-го июля 1850 г. к этому присоединилась еще обязанность старшего учителя законоведения; кроме учительских обязанностей и библиотекарства в гимназических библиотеках, Р. с 15-го января 1853 г. по август 1854 г. исправлял еще должность надзирателя за казенными воспитанниками; здесь он впервые обнаружил свои воспитательские таланты и вскоре был определен постоянным воспитателем. Позднее, будучи уже директором Тобольской гимназии, Р. составил изложение тех мер, к которым он прибегал в инструкции надзирателям Тобольской гимназии (см. «Тобольские Губернские Ведомости» 1863 г., № 12, отд.

неоф.: «Инструкция надзирателям при Тобольской гимназии о предоставляемых им мерах нравственного исправления воспитанников внесена директором училищ на рассмотрение Педагогического Совета 13-го августа и затем представлена вместе с журналами совета на утверждение главного инспектора училищ 24-го августа 1862 г.»).

9-го марта 1862 г. Р. был назначен, минуя инспекторскую должность, директором училищ Тобольской губернии и местной гимназии; последняя находилась в сильном упадке, и новый директор предпринял ряд оригинальных мер с целью оживить и поднять гимназию и ее педагогический персонал; между прочим, он испросил разрешение провести следующие меры к улучшению вообще учебной части гимназии: 1) печатать в «Тобольских Губернских Ведомостях», с соблюдением цензурных правил, те журналы Педагогического Совета, которые признано будет полезным сообщать во всеобщее сведение; 2) открыть доступ в Педагогические Советы Гимназии желающим родителям и другим лицам, интересующимся делом воспитания детей; 3) дозволить родителям и другим членам общества во всякое время посещать гимназию (в присутствии инспектора и не в ущерб учебным занятиям).

На призыв директора откликнулись все преподаватели, начиная со священника-законоучителя и кончая учителем рисования и черчения. Их заметки, поступавшие предварительно на рассмотрение Педагогического Совета, значение которого новый директор всеми силами старался поднять, с заключительною резолюцией его, были первыми журналами Педагогического Совета, отпечатанными в «Тобольских Губернских Ведомостях» 1862 (№ 43 и следующие и 1863 г., № 1–36).

Не менее труда, внимания, заботливости и истинной любви к делу Р. высказал в заведовании и прочими учебными заведениями Тобольской губернии: при нем и его стараниями было открыто много школ; он устроил Педагогические Съезды учителей и добился увеличения жалованья учителям народных школ.

В должности директора училищ Р. оставался до 20-го июня 1879 г., когда был назначен главным инспектором училищ Восточной Сибири. За время своей тридцатилетней службы он дослужился до чина действительного статского советника (8-го марта 1875 г.). Кроме прямых своих обязанностей, он еще в Томске принял на себя, без жалованья, обязанности секретаря Комитета Общества попечительного о тюрьмах, а в Тобольске состоял с 1865 года Директором Тобольского Тюремного Комитета, Р. возродил к жизни Общество вспомоществования бедным студентам из уроженцев Тобольской губернии (в половине 1870-х годов), выбравшее его в почетные члены, и он же устроил в Тобольске Музыкальное Общество.

Деятельность Р. в Иркутске в должности главного инспектора была недолговременна – всего 4 года, и не была для него счастлива: он не поладил с генерал-губернатором Восточной Сибири Анучиным и получил отставку раньше окончания срока своей службы. Проводя свою любимую идею об объединении педагогического мира, Р. устроил в Иркутске собрания учителей и учительниц всех учебных заведений Иркутска, с диспутами; под его руководством стал издаваться, по примеру других учебных округов, специальный орган – «Циркуляр по Восточно-Сибирским учебным заведениям».

Покинув Иркутск в 1883 году, Р., причисленный к Министерству народного просвещения, скончался в Тобольске 31-го мая 1885 г.

Уже в последнее время жизни Р. хотел посвятить себя литературной деятельности и предпринял труд, который озаглавил: «Тяжелое время на Руси. 1849–1882 г.». Отдельные главы этого труда напечатаны в приложении к его биографии. Ему принадлежат статьи: «От Тобольской гимназии» – «Тобольские Губернские Ведомости» 1862 г. № 43, часть неоф., стр. 289; «Сочувствие общества к учебным заведениям» – там же № 49; «Ответ на замечания журнала „Воспитание“ против педагогических статей Тобольской гимназии» там же 1863, № 18, ч. неоф.; «От гимназии» *ibid.*, 1863 г., № 36, ч. неоф.

«Филолог Васильевич Рудаков», Тобольск. 1890 г.; некролог – «Тобольские Губ. Вед.» 1885 г., № 23; «Тобольская

Дирекция училищ и Тобольское общество» – «Современ. Слово» 1863 г.; «Нововведения Тобольской гимназии», – «Воспитание» 1863 г., т. 13, № 1, внутр. изв., стр. 11–13; «Педагогическая деятельность в Тобольской гимназии» – там же, № 2, Внутр. Изв., стр. 30–36.; «Тобольским педагогам» – там же, т. 14, № 10, стр. 77–83; «Голос» 1863 г., № 11, стр. 41; С. Замахаяев и Г. Цветаев, Тобольская губернская гимназия, Тоб., 1889, стр. 215 и сл.

Рудаков, Яков Тихонов Казанец

Рудаков, Яков Тихонов Казанец, иконописец XVII века; был, по-видимому, крестьянином князя Черкасского и определен был в жалованные иконописцы одновременно с Симоном Ушаковым, в 1648 г., причем – по старшей против последнего статье, с окладом наравне с лучшим иконописцем того времени – Иваном Паисеином; из этого можно заключить, что он был, вероятно, старше Ушакова годами.

Из работ Рудакова, о которых дошли до нас сведения, можно назвать иконы: Алексия, человека Божия, Марии Египетской (в молении Богоматери) и образ Казанской Богородицы; им же писана «до лиц» известная икона Благовещения в церкви Грузинской Богоматери, в Москве.

Г. Филимонов, Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи – «Сборник на 1873 г.», М. 1873, стр. 5 и 18.

Рудановский, ЛаврЯковлевич

Рудановский, Лавр Яковлевич, общественный деятель, д. с. с.; происходил из дворян Черниговской губернии, где и родился в родовом имении в 1824 году; образование получил в гимназии, службу начал по Министерству Государственных Имуществ, а затем перешел в Хозяйственный Комитет Человеколюбивого Общества; здесь работал до 1863 года, когда поступил на службу в Городскую Думу, где исполнял различные обязанности по городскому хозяйству, и, благодаря своей опытности, оказал городу немало услуг. По преобразовании Думы Р. был выбран в гласные и, кроме того, состоял членом Управы; в 1881 году был избран членом-распорядителем Правления Городского Общества взаимного страхования; последнее время Р. состоял еще попечителем Обуховской больницы и принимал участие в устройстве городских кладбищ; умер 19-го августа 1888 года.

«Новое Время» 1888 г. 22-го августа, № 4483 (некролог); «Портреты гласных С.-Петербургской Городской Думы сессии 1877–1890», СПб. 1880, стр. 107.

Рудановский, Леонид Платонович

Рудановский, Леонид Платонович, генерал-лейтенант, начальник 29-й пехотной дивизии; род. 21-го ноября 1814 г. в городе Нежине, Черниговской губернии. Отец его, бывший сначала учителем Нежинского уездного училища, а потом инспектором Нежинской же гимназии, человек образованный, с ранних лет старался воспитать в сыне любовь к труду и привычку к чтению; мальчик чуть не пяти лет выучился читать и зачитывался историческими книгами, из которых главным образом состояла библиотека его отца, увлекался, по словам Н. В. Гербеля, военными подвигами героев Греции и Рима и мечтал о военной славе. В 1826 году он поступил в 4-й класс гимназии высших наук князя Безбородко и в июле 1832 года окончил в ней курс с правом на чин 12-го класса.

По желанию отца Р. поступил, 29-го июля 1833 года, канцелярским чиновником в Департамент разных податей и сборов, в августе того же года был утвержден в чине губернского секретаря, но гражданская служба была не по душе ему: 13-го февраля 1834 г. он взял отпуск и уехал в Нежин, а затем 1-го ноября поступил, на правах студентов, унтер-офицером в Якутский пехотный полк, выказав себя, как он сам выражался, «непокорным сыном». 17-го сентября 1835 г. Р. был произведен в прапорщики, 25-го марта 1838 года – в подпоручики, 6-го ноября 1838 поступил в Императорскую военную академию (ныне Николаевская академия Генерального Штаба), 8-го мая 1840 года был произведен в поручики, а 29-го декабря, по окончании курса Академии, причислен был к Генеральному Штабу, 2-го января 1841 года назначен был в Штаб 3-го пехотного корпуса, 9-го декабря 1841 года был переведен в Отдельный Кавказский Корпус и уже 25-го декабря 1842 года, за отличие в делах против горцев, получил орден св. Станислава 3-й ст. С этих пор до 1860 года почти непрерывно продолжалась боевая деятельность Р., и этот период является самым блестящим периодом его жизни и деятельности.

4-го июля 1844 года за экспедицию 1843 года ему объявлено было Высочайшее благоволение, 24-го июля он произведен был в капитаны, а в экспедицию 1845 г. принимал деятельное участие в атаке правого неприятельского фланга, в завладении высотами Данкуль-Бярского хребта и в преследовании бежавших горцев до сел. Ницы. За это Р. получил орден св. Анны 3-й ст. с бантом и 10-го апреля 1845 г. произведен в подполковники. В том же 1845 г., 10-го декабря, Р. пожалован был орденом св. Владимира 4-й ст. с бантом, а 4-го октября 1846 года он был назначен в Штаб войск Кавказской Линии и Черномории и 11-го марта 1847 г. награжден орденом св. Анны 2-й ст. за взятие (25-го июля 1846 г.) штурмом завалов на хребте Тлия, в экспедицию 1846 г.; 27-го октября 1847 года Р. был перечислен обратно в корпусную квартиру, а 20-го апреля 1848 г. отправлен для исправления должности дивизионного квартирмейстера 20-й пехотной дивизии, в каковой должности и утвержден приказом от 28-июля того же года. 20-го марта 1849 года Р. назначен был обер-квартирмейстером войск Кавказской Линии и Черномории, 16-го августа того же года за экспедицию против горцев 1848 года ему пожалована была золотая шпага с надписью «за храбрость», 3-го июня 1850 года он произведен был в полковники и получил последовательно целый ряд наград, в том числе 26-го ноября 1853 г. орден св. Георгия 4-й ст. – 12-го марта 1854 г., с переходом Кавказской Линии и Черномории в ведение атамана Войска Донского, Р. командирован был в его распоряжение для сообщения ему сведений о Кавказской Линии и Черномории, 8-го июля 1854 г. ему пожалован был перстень с вензелевым изображением Императорского имени за экспедицию против горцев 1853 года. 8-го мая 1855 года Р. командирован был, без отчисления от должности обер-квартирмейстера, в действующий корпус на Кавказско-Турецкой границе и 3-го июня принимал участие в кавалерийском деле нашего авангарда под стенами Карса; 28-го июня он произвел рекогносцировку части карсских укреплений, лежащих на левом берегу Карс-чая, 17-го сентября участвовал в штурме Парса в составе колонны генерала Ковалевского, атаковал со своим отрядом турецкие войска,

расположенные на Шорохских высотах. Приступ был отбит, причем сам Ковалевский – смертельно ранен, большинство офицеров перебито, а Рудановский ранен осколком гранаты в ступню левой ноги с повреждением костей, но сел на лошадь и, пока позволяли силы, не покинул поля сражения. После боя он взял отпуск и поехал в Тифлис, а в мае месяце 1856 года снова принял команду над отрядом, назначенным для укрепления Анапы. 5-го марта 1856 года ему объявлено Высочайшее благоволение за дела против турок, а 21-го марта он произведен в генерал-майоры, 8-го апреля назначен командиром 1-й бригады Черноморско-Линейных батальонов и 16-го августа – начальником Штаба 20-й пехотной дивизии и войск левого крыла Кавказской Линии. 22-го февраля 1857 года ему пожалован был орден св. Станислава 1-й ст. за укрепление Анапы, и тогда же Государь разрешил ему ходить с ручным костылем для облегчения раненой ноги, которая давала себя чувствовать во время походов.

В сентябре 1857 г. Р. начальствовал экспедицией против горцев, взял штурмом аул Осман-Юрт и за это 6-го октября награжден орденом св. Анны 1-й ст. с мечами. – 10 апреля 1858 года Р. был командирован в распоряжение командующего войсками правого крыла Кавказской Линии (ныне Кубанской области) для исправления должности его помощника и 12-го июля утвержден в этой должности. В экспедиции, предпринятой в 1858 г. под начальством генерала Евдокимова для занятия Аргунского ущелья, он командовал левою колонною и послан был по правому берегу Шаро-Аргуна через Измаил-Юрт, левее Дутена, на хребте Шимберды, чтобы угрожать неприятелю обходом, если бы он решил держаться в Дутене. Затем, уже вполне самостоятельно, Р. построил и укрепил Майкоп – штаб-квартиру Кубанского полка и, начальствуя осеннею экспедициею, взял и истребил укрепленный Баракаевский аул, за что был награжден 6-го ноября орденом св. Анны 1-й ст. с короною и мечами. В 1859 г. Рудановский был Начальником войск Майкопского и Белореченского отрядов, а также Люблинского, которым командовал и в 1860 году. С весны 1860 г. Шапсугский отряд, начальство над которым было поручено

Рудановскому, начал наступательные действия, взял штурмом аул Кубаниц, уничтожил аулы, известные под общим названием Этогу-Охо, аулы Тей-Маз-Хобль, два большие аула в ущелье Догай и множество других, так что, по словам газеты «Кавказ» (1860 г., № 77), только с 21-го по 24-е сентября 1860 г. Рудановский разорил 38 больших аулов, не считая малых, взял до 100 голов крупного скота, много сена и очистил от неприятеля все ущелье р. Азипса. В сентябре Р. возвел еще Григорьевское укрепление и построил мост на р. Шебше. 17-го октября 1860 г. он был произведен в генерал-лейтенанты, но уже в начале 1861 г. в его служебной деятельности произошел крутой переворот; Н. В. Гербель в своей статье о Рудановском объясняет этот переворот возникшими у него несогласиями с начальством – факт только тот, что с 1861 года карьера Рудановского почти закончилась.

20-го апреля 1861 года он был переведен с Кавказа в распоряжение Главнокомандующего бывшею 1-ю армиею, затем назначен (31-го мая 1861 г.) Военным Начальником Августовской губернии, 1-го августа – начальником 8-й пехотной дивизии, 5-го марта 1862 года получил Высочайшее именное благоволение за успешные результаты, оказанные 8 стрелковым батальоном по всем предметам образования. Во время подавления Польского восстания 1863 г. он командовал, с января по ноябрь 1863 г., сначала Владимиро-Волынским, а затем Кременецким отрядом, 3-го июня 1863 г., в виде награды получил денежную аренду по две тысячи рублей в год на двенадцать лет, но вместе с этим 22-го сентября был причислен к Генеральному Штабу с зачислением по запасным войскам. Затем до 1869 г. Р. еще получил несколько наград (16-го января 1864 г. – орден св. Владимира 2-й ст., 15-го апреля 1866 г. – орден Белого Орла и, наконец, в мае 1868 г. – табакерку с портретом Его Величества),

20-го декабря 1864 г. был назначен начальником 29-й пехотной дивизии, но 25-го марта 1869 года был окончательно отчислен в запас с оставлением в Генеральном Штабе и с назначением кандидатом на должность коменданта, как уведомил его в письме военный министр. Р. не мог примириться

с увольнением в запас и через полтора года обратился с письмом к военному министру, в котором говорил, что здоровье его поправилось, что он хотел бы более живого дела, чем должность коменданта, так как он еще чувствует себя полным энергии и не жаждет отдыха. «Служба для общества, писал он, была всегда целью моей жизни, и теперь деятельность – лучшее лекарство для меня. Ни частная жизнь, ни материальные выгоды никогда не имели для меня значения; о средствах я не забочусь, так как привык довольствоваться самым необходимым»; ответа Р. не получил, и это окончательно подорвало его здоровье: летом 1874 г. его поразил нервный удар, который почти парализовал у Р. обе ноги и обе руки. Два раза ездил он за границу лечиться, но ничто уже не могло помочь ему, и 20-го августа 1877 года он скончался в Мариенбаде, в Богемии; похоронен на семейном кладбище в мест. Мрине, Нежинского уезда.

Рудановский был человек хорошо образованный; свободное от походов время посвящал занятиям историей и, между прочим, по словам Гербея, составил мемуары в 4-х больших томах: «Военный обзор Южного Дагестана» и «Записки очевидца о некоторых происшествиях кампаний на Кавказе в 1843, 1844, 1845 и 1846 гг.» – материалы для истории Кавказской войны. Записки эти достались его наследнику. При Нежинской гимназии он учредил две стипендии в память отца своего, *Платона Осиповича Рудановского*.

Послужной список от 30 янв. 1866 г.; статья Н. В. Гербея в книге «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», СПб. 1881 г., стр. 432–441; «Один из героев Кавказа», Н. В. Гербея (отд. отт., СПб. 1881 г., стр. 1–19); «Русский Инвалид» 1877 г., № 229; «Кавказ» 1860 г., № 77; «Акты Кавказской Археографической Комиссии», т. X, стр. XXX; «Лицей Князя Безбородко», 1859, отд. II, стр. 116–118 (статья В. Толбина); «Русск. Стар.» 1879 г., стр. 610; 1882, дек., стр. 583, 1889, апр., стр. 373, 1895, сент., стр. 112–114; «Ежегодник Русской армии», 1878, дек., стр. 94; Н. П. Глиноецкий, История Русского Генерального Штаба, т. II, СПб. 1894, стр. 246–247 и 253.

Рудановский, Николай Васильевич

Рудановский, Николай Васильевич, контр-адмирал, исследователь Сахалина; род. 15-го ноября 1819 года; образование получил в 1-м штурманском полуэкипаже, куда поступил кадетом 14-го ноября 1835 года; 30-го марта 1841 г. произведен в прапорщики Корпуса штурманов, в следующем году находился у описи и при промерах в Финляндских шхерах, а с 1843 по 1850 год – на кораблях «Кацбах», «Императрица Александра», «Император Александр I» и винтовом фрегате «Архимед» – крейсировал в Балтийском море; 8-го апреля 1851 года произведен в подпоручики, а 19-го декабря того же года – в поручики, с переименованием в мичмана и с назначением в Петропавловский порт. С этого времени начинается деятельность Р. по исследованию Амура и о. Сахалина. Еще до прибытия в Петропавловский порт Р. был, 30-го марта 1852 г., произведен в лейтенанты. В следующем году, на транспорт «Иртыш», он плавал старшим офицером в Охотском море, потом на компанейском корабле «Николай I» перешел к Сахалину и здесь поступил в распоряжение Начальника Амурской экспедиции капитана 1-го ранга Невельского и принял участие в производстве гидрографического и статистического описания о. Сахалина. В том же году Р. был назначен начальником описной партии, произвел опись Восточного берега залива Анива и составил карту южной части Сахалина. В 1854 г. за Сахалинскую экспедицию Р. получил орден св. Станислава 3-й ст. и тогда же, по случаю Крымской войны, перешел на транспорте «Двина» от Муравьевского поста в Императорскую гавань и некоторое время командовал Константиновским постом, но вскоре был назначен помощником начальника Аянского порта и там возводил укрепления. В следующем году Р. занимался перевозкой войсковых частей и производил опись и промер правого берега реки Амур, в 1856 г. получил поручение озаботиться возможно лучшим устройством на Сахалине добычи каменного угля, а также определением наших границ с Японией; результатом его работ было открытие трех

новых каменноугольных копей – Путятинской, Воздвиженской и Отасу, и основание на реке Косукой поста; кроме того, Р. описал еще западный берег Сахалина. В 1858 году он был переведен в Балтийский флот, а за труды по Сахалинской экспедиции повелено было производить Рудановскому пенсию по 350 рублей в год.

В 1861–1863 гг. Р. командовал винтовыми лодками «Гром и Молния» и «Чайка», 1-го января 1862 года был произведен в капитан-лейтенанты, а спустя два года командирован в приволжские порта для изучения хлебной торговли; с этого же времени начинается деятельное его сотрудничество в «Морском Сборнике», где он поместил ряд статей по вопросам хлебной торговли и другим. В 1865 г. Р. вернулся из командировки и в следующем году представил отчет о нашей хлебной торговле, получив за него орден св. Станислава 2-й степени. В 1869 году Р. был назначен членом Комиссии для рассмотрения различных вопросов, возникавших при составлении Сборника узаконений по хозяйственной части для военных судов; 1-го января 1870 года был произведен в капитаны 2-го ранга, а 15-го мая следующего года уволен для службы на коммерческих судах, но уже менее, чем через год, снова был зачислен на действительную службу и назначен в 8-ой флотский экипаж, а через несколько месяцев – младшим помощником командира над Кронштадтским портом. В том же году ему было поручено рассмотреть и дать отзыв о новой системе Н. П. Столпянского для первоначального обучения грамоте нижних чинов Гвардейского экипажа.

1-го января 1873 года Р. произведен был в капитаны 1-го ранга и назначен заведующим кадром мастеровых и рабочих Кронштадтского порта, а 7-го ноября 1881 года был произведен в контр-адмиралы с увольнением от службы. Помимо своих прямых служебных обязанностей, он неоднократно принимал участие в разных комиссиях, как, напр., в Комиссии, образованной в Обществе для содействия русской промышленности и торговле для обсуждения вопроса о пенсии рабочим, в Комиссии для пересмотра и исправления, сообразно

действительной потребности, Положения о численности постоянных мастеровых и рабочих Кронштадтского порта и др.

Н. В. Рудановский скончался в Петербурге 2-го января 1882 г., на 63 г. от рождения.

В «Морском Сборнике» напечатаны следующие его статьи: «О морской Кронштадтской Библиотеке» – 1862 г., № 3, стр. 4–15; «Сведения о хлебной торговле в низовых Волжских пристанях. (Из Отчета по путешествию кап.-лейт. Рудановского по реке Волге и ее притокам для изыскания способа получения в команды Балтийского флота лучшего провианта)» – 1865 г., № 11, ч. неоф., стр. 3–59, № 12, стр. 147–182, 1866 г., № 6, стр. 3–15; «О хлебной торговле в С.-Петербурге, о заготовке провианта в зерне и о новом приварке» – 1866 г., № 10, ч. неоф., стр. 125–140 и № 11, стр. 79–112; «О состоянии Беломорской хлебной торговли» – 1866 г., № 12, ч. неоф., стр. 213–219. – Ему же принадлежит статья: «По поводу воспоминаний Н. В. Буссе об острове Сахалине и экспедиции 1853 г.» («Вестн. Евр.» 1872, № 8), с предисловием Р. Невельского.

Общий Морской Список, т. XI, СПб. 1900 г., стр. 397–400; «Кронштадтский Вестник» 1882 г., 6-го янв., № 3, стр. 2 (некролог).

Рудановский, Петр Васильевич

Рудановский, Петр Васильевич, доктор медицины; происходил из дворян, родился в 1829 г. в Казани и в 1854 г. окончил курс медицинского факультета Казанского университета; будучи стипендиатом Горного ведомства, он начал службу врачом в Верхне-Туринском казенном заводе Верхотурского уезда, через год переведен был в Каменский казенный завод Камышловского уезда и здесь прослужил до 1858 г., когда был командирован Горным ведомством за границу с научною целью – для ознакомления с устройством госпиталей в горнозаводских округах и для усовершенствования по глазным болезням. В 1859 г., вернувшись на Урал, Р. был назначен в Нижне-Тагильские заводы Демидова, где получил в заведование больницу в самом Нижнем Тагиле; здесь он оставался до самой своей смерти в продолжение почти 30 лет. Прекрасно оборудовав больницу, Р., на средства Демидова, богато обставил ее научными пособиями (библиотека, музей) и так блестяще вел дело, что приобрел по всей округе и даже по Сибири славу искуснейшего хирурга и окулиста.

Печатные труды его по вопросам нервной патологии и физиологии доставили ему известность в науке; Казанский университет присудил ему, в 1875 г., степень доктора медицины *honoris causa*; в 1868 г. от Имп. Академии Наук он получил премию Л. Рклицкого за сочинение: «Исследование над строением нервной системы человека и некоторых высших животных» (с приложением атласа, состоящего из более 200 фотографических рисунков). Парижская Академия Наук избрала Р. своим корреспондентом; он вел переписку с такими учеными физиологами, как Клод Бернар, Шарко, Реклингхаузен и др.

Помимо ученой, Р. отдавался также и общественной деятельности: основал в Нижнем Тагиле Санитарный Комитет, в котором сам был Председателем; при больнице устроил школу для подготовки фельдшеров; был членом Училищного Совета, по выбору земства, по Верхотурскому уезду и Почетным Мировым Судьею; в 1873 г. он принимал деятельнейшее

участие в Съезде естествоиспытателей и врачей в Казани; наконец, он заведовал всею врачебною частью на Тагильских заводах П. П. Демидова князя Сан-Донато. Рудановский пользовался неограниченною любовью рабочего населения и его полным доверием; даже местные раскольники относились к нему доверчиво и благожелательно.

П. В. Рудановский умер 27-го января 1888 г., в Петербурге; погребен в Нижнем Тагиле, в ограде Введенской церкви.

Рудановский написал следующие ученые работы и статьи: 1) «Практические заметки о крупе у детей» – «Московская Медицинская Газета» 1858 г., № 26; 2) «Случай жирового худосочия» и «Совпадение изменений воздуха с появлением болезней» – там же 1858 г., № 42; 3) «Об атмосферном давлении в применении к патологии» – «Протоколы Общества Русских Врачей в Петербурге», 1858–1859 г., стр. 265; 4) «Иридектомия при некоторых страданиях глаза» – там же, стр. 436; 5) «О глазе, как гидростатическом аппарате» – «Московская Медицинская Газета» 1859 г., № 23 и 24; 6) «Неблагоприятное влияние хлороформа при некоторых глазных операциях» – там же, № 30; 7) «О вдыхании водного раствора брома и бромистого кали при лечении крупа» – «Московская Медицинская Газета» 1860 г., № 7 и 15; 8) «К этиологии некоторых болезней кишечного канала у детей» – там же, 1860 г., № 52; 9) «Животный паразит в моче» и «Патологические заметки» – там же 1861 г., № 20 и 31; 10) «Микроскопическое исследование язв после ожога» – «Современная Медицина» 1861 г., стр. 933; 11) «Новый способ образования искусственного зрачка» и «Выхождение круглых глист через пупок» – там же, 1862 г., стр. 209 и 926; 12) «Письмо из Нижнего Тагиля» (этнотопография завода); «К исследованиям над строением головного и спинного мозга» и «Первый дебют молодого врача Туржанского» – там же 1863 г., №№ 5, 30 и 31; 13) «Observations sur la structure de tissu nerveux par une nouvelle méthode» – «Journal de l'anatomie par Robin», 1865, fasc. 23–24. Это исследование о методе замораживания, впервые примененном к гистологии, сообщено было в Парижской Академии Клодом Бернаром 12-го декабря 1864 г., а по-русски появилось в

«Медицинском Вестнике» 1865 г., № 8–12 и в «Современной Медицине» 1867 г., № 7; 14) «Краткая заметка по поводу так называемой возвратной горячки» – «Современная Медицина» 1865 г., № 21; 15) «Анатомические отличия чувствительных и двигательных нервов спинного мозга» – «Медицинский Вестник» 1866 г., № 3; 16) «Нервные ячейки и их пигментация» – там же 1866 г., № 26 и 1867 г., № 4; 17) «Corpuscula hyaloidea s. gelatinosa в нервной системе, как особенный нервный элемент» – там же 1866 г., № 32 и 1867 г., № 6; 18) «Etudes photographiques sur le système nerveux de l'homme et de quelques animaux supérieures; d'après les coupes de tissu nerveux congelé, avec atlas de 20 planches, contenant 203 photographies» (1867). – К этому относится «Письмо в Съезд», с приложением еще пяти новых таблиц, – «Труды II Съезда Русских Естествоиспытателей и Врачей», 1869 г.; 19) «Замораживание мозга для приготовлений микроскопических препаратов» – «Протоколы Общества Русских Врачей» 1868–1869 г., стр. 184; 20) «Употребление красящих веществ при исследовании нервной системы» – там же 1869–1870 г., стр. 126; 21) «О присутствии сократительных элементов в первичных трубках периферических нервов» – «Медицинский Вестник» 1869 г., № 18; 22) «О строении осевых цилиндров в первичных трубках спинно-мозговых нервов» – там же 1870 г., № 36; то же на немецком языке напечатано в журнале Вирхова: «Archiv für pathol. Anatomie und Physiologie und für klin. Medicin», 1870, Band XXII, Heft 2; 23) «Метод исследования нервной ткани и о строении стволов и спинных нервов» – «Журнал для нормальной гистологии, фармакологии и клинической медицины» 1870, т. II, стр. 50; 24) «О строении корешков спинных нервов, спинного и продолговатого мозга человека и некоторых высших животных», Казань. 1871–1876 г., три выпуска, с приложением фотографических рисунков. – Это исследование было переведено на французский язык дочерью автора – О. П. Рудановской и напечатано в Париже в 1876 году; 25) «Метод исследования нервной ткани и строение корешков спинных нервов и нервной ткани в центральных органах» – «Протоколы Общества Казанских Врачей» 1872–1873 гг. и в

«Трудах Казанских Врачей» за 1872 г.; 26) «Об эпидемии травматических повреждений» – «Современная Медицина» 1872 г., № 16 и 17; то же напечатано в «Записках Уральского Общества Любителей Естествознания» 1872 г., стр. 131; 27) «Об ядре и околоплодной полости нервных ячеек» – «Протоколы Общ. Русск. Врачей» 1873 г., стр. 181; 28) «О фотографировании микроскопических препаратов» – «Дневник, изд. Обществом Казанских Врачей» 1873 г., стр. 192; 29) «Речь при открытии Верхотурского Санитарного Комитета» – «Протоколы Общества Пермских Врачей» 1874–1875 гг., стр. 22–26; 30) «Микротопографическое исследование извилин головного мозга собаки» «Труды V Съезда Русских Естествоиспытателей и Врачей» 1876 г.; то же в «Протоколах Съезда Русских Врачей» 1876–1877 гг., стр., 9 и 33; 31) «Случай микроцефалума» – «Протоколы Съезда Псих. Врачей» 1880 г., стр. 26–30; 32) «О механических изменениях в осевых цилиндрах» – «Протоколы Съезда Русских Врачей» 1880–1881 гг.

По указанию одного авторитетного лица, «некоторые из препаратов П. В. Рудановского хранятся, как образцовые, в коллекциях гистологической и зоологической лаборатории Московского университета».

«Труды Пермской Ученой Архивной Комиссии», вып. V, Пермь. 1902, стр. 54–56; «Деловой Корреспондент» 1888, № 40 и 53; «Пермские Губ. Ведом.» 1888, январь (и отд. брошюра под ред. П. А. Вологодина); Д. Д. Языков, Обзор, вып. VIII, М. 1900; «Нов. Вр.» 1888, № 4282 и 4285.

Руданский, Степан Васильевич

Руданский, Степан Васильевич, один из наиболее выдающихся украинских поэтов; род. в с. Хомутицах, Винницкого уезда Подольской губернии, в 1833 (?) г.; отец его, священник, прочил сына на свое место, но поэт, пройдя курс наук в бурсе и Каменецкой семинарии (где он учился с украинскими деятелями: писателем Свидницким и этнографом Шейковским), в 1855 г., вопреки поле отца, поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию и окончил в ней курс в 1861 г. Расхождение Р. с отцом усилилось из-за различия в их национальных взглядах: отец относился отрицательно к поэтическим упражнениям сына и вообще к употреблению им украинского языка в разговоре и письмах. Годы студенчества Р. провел в борьбе с нуждой, в самой убогой обстановке (стихотв. «Студент»), лишь изредка получая из дому отравленную попреками материальную помощь. Все это, вместе с неудачным для поэта сердечным увлечением, пагубно отразилось на его слабом здоровье, и начавшийся туберкулезный процесс заставил его поселиться в Ялте. Там он сошелся с простой крестьянской девушкой-украинкой, от которой имел 2-х детей, и в 1873 г., не дожив и до 40 лет, скончался от чахотки и был погребен на городской счет, оплакиваемый всеми, как популярный среди населения врач-бессребреник.

Глубокий идеалист, обаятельный в обращении, желанный член всякого общества, Р. отличался широтою умственных запросов, занимался историей Египта, хорошо знал древнееврейский, классические, чешский и польский языки, был талантливым живописцем и оставил заметный след в истории украинских фольклорных изучений (его ценные записи – во 2-м т. «Трудов Эксп. в Юг.-Зап. Край», в «Малоросс. Преданиях и рассказах» Драгоманова и в Собрании его сочинений: «Байки світові в людських оповідках»).

Из обширного поэтического наследия Р. при жизни поэта было напечатано лишь несколько стихотворений, помещенных в «Основе» в 1861 г. В 1872 г., в № 2–3 галицкой «Правды», не

полученном Р., был помещен небольшой отрывок его перевода на украинский язык «Илиады»; самая же история помещения там этого перевода, сопровождавшаяся недоразумениями, явилась для Р. источником огорчений и едва ли не ускорила его кончину. За то многие из произведений Р., частью еще при его жизни, сделались достоянием народа и стали народными песнями; таковы: «Ой із-за гори, із-за кручи», «Повій, вітре, на Вкраїну» и особенно популярные в народе комические «Засідатель» (теперь «Становой»), «Жалібний дьяк», «Вареники». Многие его пьесы исполняются лирниками. После смерти Р. его произведения опубликовывались в течение ряда лет в «Киевской Старине» и в галицких журналах «Правда», «Зоря», «Нове Зеркало», в альманахе «Ватра». В 1880 г. издана небольшою книжечкой часть его «Співомовок» (28 №№) в Киеве; в 1886 г. – 2-е их собрание во Львове (изд. Е. Олесницький). Лишь в 1895 г. приступлено было к изданию собрания его сочинений, выходившему во Львове (последний том в 1903 г.) под последовательной редакцией украинского библиографа М. Комарова, галичанина Володимира Левицкого (Василь Лукич), проф. А. Крымского и д-ра И. Франка, со вступительными статьями, библиографическим обзором литературы о Р. и его произведениях до 1895 г. и описанием его автографов. Не вошедшими в издание оказались немногие мелкие вещи, появившиеся в печати после 1895 г. (напечатаны в «Лит. Науков. Вістнике» и в «Кіевск. Стар.»), его письма и переводы: части вергилиевской «Энеиды» и лермонтовского «Демона» (последний закончен М. Старицким). В 1902 г. в Киеве вышел I-й том его «Творів»; в 1911 в Каменце-Подольском снова 1-й т. (изд. Дністер).

Собрание сочинений Р. составляют: 1) несколько сот мелких пьес, представляющих необыкновенно искусную, полную юмора, легкую по форме и поэтичную обработку народных анекдотов, легенд, поверий – всевозможных народных фабль, подчас легкомысленного содержания; 2) лирические пьесы: одни из них созданы на основе личных переживаний и рисуют скорбный душевный мир поэта (удачны очень все «песни» и особенно хороша «Моя смерть» – вещь, исполненная самого

возвышенного идеализма); в других изображена сочувственно и ярко крестьянская крепостная неволя («Над колыскою», «П'яниця»); в третьих – общечеловеческие ноты протеста против привития молодому поколению рабской морали («Наука») и призыв к протесту и прогрессу («До дуба», «Гей бики» и др.); (в лирических мотивах замечается сходство с Некрасовым и Кольцовым); 3) эпические: а) патриотические поэмы, основанные на довольно наивных историч. представлениях о прошлом «Украины» (д. б. по Истории Малороссии Маркевича); их 6; наиболее интересны «Павло Полуботок» и «Ив. Мазепа»; 4) большая аллегорическая поэма «Царь Соловей», рисующая с заметным славянофильским оттенком историю славянских народов в их взаимоотношениях и в борьбе с католизацией и клерикализмом, а также и великорусско-украинские отношения; 5) переводы (сверх упомянутых выше): с русского, польского, чешского – мелкие вещи; с древнерусского «Слово о полку Игореве» с интересным предисловием; с чешского – отрывки из «Краледворск. Рукописи», «Любушин Суд», «Вышеградск. Песнь»; с греческого вся Илиада («Омирова Ильйонянка») и «Война мышей и лягушек». В переводах не соблюден размер подлинника (написаны 12-слоговым белым стихом, что вместе с украинизацией собственных имен (Аид – Невид; Муза – Сьпіва; Арес – Ярило и т. п.) составляет ее недостаток, несмотря на близость к тексту и легкость для чтения.

Как художника слова, историки украинской литературы оценивают Р. очень высоко. «В Степане Руданском, – пишет д-р Ив. Франко, – мы видим большой, наряду с Шевченком наиболее выдающийся в украинской литературе XIX в. поэтический талант...» Различие между этими двумя поэтами в том, что «в то время как Шевченко в каждом своем произведении – настоящий оригинальный творец, Р. является лишь только необычайно талантливым репродуктором, будь ли то традиционный материал, или исторические факты (здесь он, прибавим, довольно слаб и без искры свойственного Шевченку огня), или переводы иноязычных произведений. При всей грусти, свойственной характеру украинца-подолянина, поэзия Руданского везде ясна и жизнерадостна»: «этот юморист в

чахотке – по словам другого историка украинской литературы С. Ефремова – пессимист во всем, что касается современности, надеется все же на лучшую долю родного края в будущем».

Следует еще отметить никем не подчеркнутое значение литературной деятельности Р. и в другом отношении: он первый в поэзии заговорил на западно-украинском диалекте, чем положил начало обогащению украинского литературного языка и родную свою литературу, представленную ранее одними приднепрянами, спаял с родной ей литературой галичан, с которыми говорил и писал на одном наречии.

Биографические данные – в Галицком журн. «Зоря» 1886 г., № 5 и 6, ст. Одессита: «С. В. Руданський. Знадоби до його біографії з патретом Р., малюнком могили його». Ibid. его письма к Ковалеву и в № 9 того же года ст. Б. Познанского: «До біографії Ст. Руданського» (сообщение о его картинах); у Омеляна Огоновского в его Истории литературы русской, ч. II, 1 вбддел, стр. 319–329; в ст. О. Лотоцького в I томе Сочинений Р. (Камен.-Под. 1911); в статьях, сопровождающих львовское изд. его сочинений. Обзор и оценка литерат. деятельности – в трудах по истории украинской литературы С. Ефремова, проф. Петрова, д-ра Ив. Франка и Огоновского; рукописи – главы, образ. в библиотеке Наук. Товар. им. Шевченко во Львове, частью же в руках частных лиц.

Рудецкий Василий, живописец

Рудецкий Василий, украинский живописец половины XVIII столетия; работал бесплатно и написал иконостас в церковь Архангела Михаила в с. Малиновки, около г. Чугуева, и иконы в Святогорский монастырь; за последнюю работу игумен упомянутого монастыря благословил его иконою Св. Апостола Андрея с мощами, которую художник отдал в ту же церковь с. Малиновки; икона эта имеет следующую надпись: «Сии части мощей даны мне, Василию Рудецкому, в благословение от игумена Святогорского Сильвестра Кияновского и мною ж грешным принесены в сей храм св. Архистратига Михаила, 1767 г., июня 24 дня».

Материалы для археологического словаря – «Древности. Труды Московского Археологического общества», т. VIII, М. 1880, стр. 14.

Руджа Марк, мастер

Руджа Марк, каменных дел мастер, род. в 1754 г., ум. 24-го сентября 1834 г. в Петербурге; работал при сооружении Казанского и Исаакиевского соборов в Петербурге и в литейной для отливания бронзовых статуй при Академии Художеств, где ему поручалось главным образом наблюдение за исправностью кладки сводов.

История и достопримечательности Исаакиевского собора, СПб. 1858; Сборник материалов для истории Имп. С.-Петербургской Академии Художеств, т. I, СПб. 1864.

Рудзевич, Александр Яковлевич

Рудзевич, Александр Яковлевич, генерал от инфантерии; род. в 1776 году, ум. 23-го марта 1829 г. в Валахии, похоронен близ Карасубазара.

Отец Р. – татарин *Якуб Измайлович*, в царствование Императрицы Екатерины II оказал России важные услуги при покорении Крыма, за что пользовался расположением Императрицы, и умер в чине статского советника. По смерти Якуба жена его с двумя малолетними сыновьями и двумя дочерьми была вызвана из Крыма в Петербург, помещена в доме графа Брюса и получала содержание от правительства. Вскоре дети ее были крещены в православную веру, причем восприемниками их были – сама Императрица, Великая Княгиня Елисавета Алексеевна и Великие Князья Александр Павлович и Константин Павлович; старший сын Якуба Измайловича получил имя *Александра*; 6-го апреля 1786 г. он был записан сержантом в Преображенский полк и поступил в существовавший тогда в Петербурге Греческий кадетский корпус, где учился шесть лет; 27-го марта 1792 г. был он произведен в капитаны Генерального Штаба, а через три месяца отправлен в армию, действовавшую в Польше.

В день возмущения в Варшаве, 6-го апреля 1794 г., Р. выступил оттуда вместе с другими войсками и в одной из схваток с мятежниками был ранен в правую руку. Оставаясь потом в корпусе генерала Ферзена, Р. был в сражениях при Песочном и Служеве, снял план укреплений Варшавы во время блокады ее русско-прускими войсками, строил батареи при переправе корпуса Ферзена через Вислу, обозрел неприятельские позиции под Мацеиовицами и снял план их, а на другой день, 29-го сентября, при атаке на поляков, вел колонну генерал-майора Торماسова. 20-го октября он участвовал в деле при Кобылке, а 24-го был на Прагском приступе, за который получил золотой знак на Георгиевской ленте. Приобретя известность в названных делах, Р. в 1796 г.

был вызван в Петербург и послан в Выборг – для снятия топографических карт Финляндии.

По воцарении Императора Павла Р. был отправлен им в Казань с повелением снять план с окрестностей ее и составить маршруты войскам, назначенным для маневров под Казанью. Потом Р. состоял при корпусе князя Дашкова; в январе 1799 года был командирован в армию генерала от инфантерии Ласси, расположенную между Ковной и Брест-Литовском, и 9-го ноября произведен в подполковники. В марте 1800 г. Р. был вызван, по Высочайшему повелению, в Петербург и в начале 1801 г., когда последовал разрыв России с Англиею, Император Павел послал его обозреть берега Финского залива от Петербурга до устья Наровы и составить описание береговой местности для предполагавшейся тогда обороны от нападения англичан.

В первый год царствования Императора Александра происходили у нас жаркие схватки с горцами на Кавказе, и туда стремились молодые офицеры. Р. по собственному желанию был переведен, 19-го апреля 1801 г., в Троицкий мушкетерский полк, расположенный тогда в Крыму и предназначенный для действий за Кубанью. В декабре 1804 г. Р., произведенный в полковники, выступил со своим полком за Кубань. Находясь в отряде генерал-майора Лихачева, он три недели участвовал в успешных схватках с хищниками в ущельях гор, а 30-го декабря – в отряде генерал-майора Баркова, с двумя ротами ворвался на штыках в Арбское укрепление и истребил большую часть защищавших его. Этот подвиг Р. был награжден орденом св. Анны 3-го класса на шпагу. В марте 1805 г. Р. командовал авангардом в поиске начальника Кавказской Линии генерал-лейтенанта Глазенапа. С тысячею линейных казаков он более других участников поиска содействовал усмирению Большой Кабарды и особенно отличился в делах 11-го марта при урочище Ергдиоки и 15-го марта – при Кизбуруне. По окончании поиска Р. получил орден св. Владимира 4-й степени с бантом. Вскоре потом Глазенап узнал о неприязненных действиях Засунженских чеченцев; чтобы прекратить набеги их на грузинскую дорогу, от Моздока до Владикавказа, Р. было

поручено избрать место для постройки редута. Он исполнил поручение удачно и, командуя притом отрядом войск, навел такой страх на горцев, что вскоре явились от них к Глазенапу старшины с изъявлением покорности. Главнокомандующий в Грузии, князь Цицианов, испросил Р. в награду орден св. Анны 2-й степени с алмазными украшениями. В январе 1806 г. Р. был назначен шефом Тифлисского мушкетерского полка, одна, часть которого находилась в Елизаветполе, а другая в Шекинском ханстве, но в продолжение всего года не участвовал в военных действиях. В 1807 г. он стоял с полком своим в Куракчае при отряде, наблюдавшем границы Персии, когда преемник князя Цицианова, граф Гудович действовал против Турок.

После шестилетней службы на Кавказе Р. по домашним обстоятельствам вышел в отставку и уехал в Крым, на родину. Приведя свои дела в порядок, он просил об определении его снова на службу, и 3-го декабря 1809 г. был назначен шефом 22-го егерского полка, находившегося за Кубанью, в походе против горцев. 1-го февраля 1810 г. Р. находился уже при своем полку и 4-го числа разбил и преследовал в самых ущельях напавшего на него неприятеля. 22-го февраля и 14-го марта он рассеял скопища закубанцев, а 11-го июля разбил их близ Куматырь-Аула, где предводительствовал ими Анапский паша Гуссейн. В половине декабря, получив от своего дивизионного начальника, герцога Ришелье, предписание взять на берегу Черного моря крепость Суджук-Кале, Р. 20-го числа выступил в поход и в Суджук-Калеской теснине был атакован горцами, но отразил их, а 24-го разбил наголову скопища нутухайцев и занял Суджук-Кале. После двухнедельного там пребывания, разрушив крепость, он 6-го января 1811 г. пошел к Анапе, где продолжал военные действия с 11-го января по 24-е февраля против шапсугов и нутухайцев. Неприятели, всюду расстроенные и разбитые, изъявили покорность и дали заложников. За взятие Суджук-Кале Р. был произведен в генерал-майоры, а за другие подвиги награжден орденом св. Георгия 3-го класса. В октябре того же года новые хищничества шапсугов побудили герцога Ришелье составить отряд из четырех батальонов 12-го и 22-го егерских полков, батальона Великолуцкого мушкетерского и

шести пеших и двух конных полков Черноморских казаков, с 22-мя орудиями артиллерии. Герцог сам находился при сем отряде, а главным его помощником был Р. Войска переправились через Кубань и 1-го ноября вошли в селения шапсугов; 5-го и 6-го под огнем неприятелей они выжгли многие аулы и 16-го возвратились в Екатеринодар.

Вскоре для Р. началось новое обширнейшее поприще деятельности. В декабре 1811 года он перешел со своим полком в Крым и осенью 1812 г. получил приказание идти на усиление Дунайской армии Чичагова, уже находившейся в дороге для соединения с армией Тормасова. В начале ноября он соединился с корпусом графа Ланжерона и разделял с ним труды и славу походов 1813 и 1814 годов. Во время переправы французов через Березину Р. был послан со своим полком на усиление генерала Чаплица и в первый раз сражался с Французами 16-го ноября при селениях Стахове и Брилях. Целый месяц, по 17-е декабря, оставался он в авангарде Чаплица и принимал непрерывное участие в поражении несчастных остатков Наполеоновой армии, за что был награжден орденом св. Анны 1-й степ. 17-го декабря он возвратился с полком своим в корпус графа Ланжерона и, по переходе за Неман, участвовал в преследовании неприятеля до Торна. Во время осады этой крепости Р. с 25-го января командовал на правом крыле бригадою из 10-го и 22-го егерских полков и 4-го февраля успешно отразил вылазку из крепости. До покорения Торна он разделял труды осаждавших и получил за то алмазные знаки ордена св. Анны 1-й степ. При сближении войск около Бауцена бригада его поступила в авангард Чаплица и заняла место на правом крыле, к Кликсе. 6-го мая он участвовал и деле при Кенигсварте, а 8-го и 9-го мая находился в Бауценских сражениях. При отступлении союзников от Бауцена он находился в арьергарде, под начальством Чаплица, а 17-го мая, по болезни его, принял начальство над арьергардом и занимал эту важную и трудную при тогдашних обстоятельствах должность до прибытия армии в Швейдниц, где было заключено с Наполеоном перемирие. Во время перемирия русские войска, составлявшие корпус графа Ланжерона,

поступили в состав Силезской армии Блюхера, и Р. был поручен авангард графа Ланжерона. Силезская армия должна была наблюдать за каждым шагом Наполеона, не упускать его из вида и пользоваться каждой оплошностью его, каждым случаем к разделению его сил, чтобы тем дать возможность главной и другим союзным армиям привести в исполнение общий операционный план.

При таком назначении Силезской армии авангард ее мог быть вверен только самому опытному в боях начальнику, каким был Р. 6-го августа, по Высочайшему приказу, Р. был назначен начальником штаба графа Ланжерона, но он пока удержал его начальником авангарда, а должность начальника штаба временно поручил исправлявшему ее до тех пор полковнику квартирмейстерской части Нейдгардту. 7-го августа Силезская армия открыла военные действия движением вперед, причем Р., прибыв с авангардом к Цобтену, должен был сделать обозрение и занять Зибенэйхенские высоты для устройства там переправы через Бобер, так как мосты на этой реке были сожжены неприятелем. Генерал-майор Греков 8-й с казачьими полками перешел реку в брод и завязал дело с неприятелем, отвлекая его внимание от места настоящей переправы, где 12-й и 22-й егерский полки перешли реку по пояс в воде и быстро овладели лесом на левом берегу; после сего Р. переправился со всем авангардом и атаковал селение Зибенэйхен; неприятель сопротивлялся упорно – селение три раза переходило из рук в руки, и, наконец, после трехчасового жестокого боя русские егеря утвердились в нем. Конница Р., под начальством генерал-майора Эммануеля, также перешедшая через реку, выстроилась за лесом, опрокинула две подходившие на помощь к неприятелю колонны и преследовала их версты две. Все старания сбить Р. с занятых им высот были безуспешны; егеря даже подвинулись вперед и дали коннице возможность врубиться во французскую колонну, прикрывавшую корпусный обоз. Много пленных, весь обоз и даже собственный экипаж маршала Макдональда достались победителям. Так исполнил Р. данное ему предписание, заняв твердую позицию для прикрытия переправы. Успех этот был началом другого подвига,

более трудного. Р. получил известие, что сильные неприятельские колонны приближаются с левого крыла его, и хотя генерал Греков довольно долго удерживал их, но число неприятелей увеличивалось, и Р. был атакован с обоих флангов. Река отделяла его от главных сил корпуса Ланжерона. Неприятели уже заняли селение Зибенэйхен. Генерал-майор граф Витт, с 1-м и 3-м Украинскими полками, несколько времени задержал их в селении и таким образом дал время Р. отойти с позиции без потерь на Шпербергские высоты. Между тем, граф Ланжерон, уже приславший к нему шедшие впереди главной колонны полки Московский и Либавский, лично атаковал Зибенэйхен 22-ю дивизией Турчанинова. Неприятель, опасаясь приближения всего корпуса нашего, перестал теснить Р., который и удержался на Шперберге до вечера, когда перешел за реку между Мерцдорфом и Диппельсдорфом. Пруссак, бывшие свидетелями боевого отступления и переправы Р., удивлялись его распорядительности, а также порядку, с каким русские произвели все движения и спустили пушки почти с отвесного берега. 8-го августа войска, составлявшие авангард Р., были сменены другими, и 9-го он снова перешел к Цобтену. Блюхер намеревался сделать общее нападение на французов, но в это самое время Наполеон прибыл к своей армии и направил большие силы против Блюхера, с целью овладеть Гольдбернской дорогою и разорвать центр Силезской армии. Блюхер уклонился от боя и приказал Р. прикрывать отступление армии. Атакованный самим Наполеоном, Р. исполнил Повеление Блюхера, и Наполеон, видя невозможность настигнуть Силезскую армию и вынужденный спешить к Дрездену, угрожаемому главною армией союзников, возложил на маршала Макдональда главное начальство над корпусами: его собственным, Лористона и Нея, вместо которого командовал Сучам. В Силезской армии еще не знали об отбытии Наполеона к Дрездену с гвардиєю и другими войсками и оставались в убеждении, что он лично предводительствует тут тремястами тысяч войска.

Желая усилить заблуждение союзников, неприятель с 7-ми часов утра 11-го августа повел сильное нападение на Гольдберг,

защищаемый Р. Граф Ланжерон отправил на подкрепление его 15-ю дивизию. Усиленный ею Р., действовавший до сих пор оборонительно, атаковал французов, три раза брал Вольфсбергскую высоту, но каждый раз был вытесняем превосходными силами неприятеля. Несмотря на неудачи, он атаковал высоту в четвертый раз и овладел ею. Блюхер приказал ему прекратить бой, после чего начал общее отступление, продолжавшееся 12-го и 13-го августа. На следующий день, 14-го августа, узнав об отъезде Наполеона из Силезии в Дрезден, Блюхер пошел с главными силами вперед к Кацбаху, оставив графа Ланжерона действовать отдельно. В тот же день произошло Кацбахское сражение, в котором Р. бился от утра до вечера. На следующий день он преследовал неприятеля и занял Гольдберг, идучи дорогами едва проходимыми от непрерывных дождей; 16-го дошел до Пильграмсдорфа, а 17-го встретил дивизию генерала Пюто, отрезанную от Макдональдовой армии разлившимися реками. Видя себя стесненным со всех сторон войсками Ланжерона, Пюто утвердился на высотах при Левенберге и решился защищаться до последней крайности. Р. занял противоположные высоты Гиршберга и Вейнберга, послал к князю Щербатову просить подкрепления и открыл по неприятелю пушечный огонь. Когда приблизились князь Щербатов и следовавшая за ним конница барона Корфа, Р. свернул пехоту свою в колонны и ударил на неприятеля; в то же время атаковал его князь Щербатов. Французы, смятые, сбитые отовсюду, бросались в реку Бобер, скрывались по берегам ее и на деревьях.

Дивизия Пюто, состоявшая первоначально из 11000 человек, расстроенная сдалась в числе 3500 человек. Преследование Макдональда продолжалось до 19-го августа, когда Наполеон, возвратясь из Дрездена в Силезию, устремился против Блюхеровой армии. 22-го числа Р. участвовал в деле под Гохкирхеном и последовал за армиею до Лихтенбергских высот. Тут вследствие болезни от непрерывных трудов Р. сдал командование арьергардом генералу Корнилову, но 31-го числа, когда армия возобновила наступательные действия, он снова явился к своему месту. 11-го сентября при

селении Волькау авангард Р. был сильно атакован. Имея приказание не вступать в дело до прибытия главного корпуса на позицию, Р. медленно отступал, оспаривая у неприятеля каждый шаг земли. Прошедши Шпительвиц, он заметил, что многочисленные неприятельские стрелки выдвинулись вперед слишком далеко от своих резервов. Тотчас по его приказанию генералы Эммануэль и граф Витт с авангардной конницей кинулись на стрелков и обратили их в бегство. Раздраженный этою неудачей неприятельский генерал двинул сильные колонны в подкрепление своего расстроенного авангарда. Р., имея целью только удерживать неприятеля, медленно отступал на позицию, когда между тем уже прибыл главный корпус. За свои подвиги Р. Императором Александром был награжден чином генерал-лейтенанта, а король Прусский пожаловал ему орден Красного Орла 2-й ст.

С 13-го сентября французы начали общее отступление, и арьергард Р., сделавшись опять авангардом Ланжеронова корпуса, 21-го сентября переправился через Эльбу под Вартенбергом. 23-го прибыв в Дюбен, он начал устраивать переправу через Мульду, но в это время неприятельская дивизия заняла противоположный берег и открыла огонь. Городок Дюбен загорелся. Р. приказал тушить пожар и направил столь сильный огонь на неприятельские батареи, что сбил их, после чего стал спешить постройкой моста, который скоро и был наведен. В следующие дни Р. продолжал движение вперед, соблюдая возможную осторожность, так как в Силезской армии хотя знали о выступлении Наполеона из Дрездена, но не могли пока угадать его планов. Далеко посылая разъезды из авангарда, Р. постоянно доставлял сведения в главную квартиру Блюхера, благодаря чему движение Силезской армии было верно и точно. Р. первый понял замысел Наполеона сосредоточить силы свои у Лейпцига и произвести нападение на Блюхера. 4-го октября, когда союзные войска приближались к Лейпцигу, Р. принимал деятельное участие в сражении при Клейн и Гросс Видериче. Все войска авангарда его были в сильном огне. 6-го октября, в день громадной Лейпцигской битвы, идучи утром во главе корпуса графа Ланжерона к Таухе,

Р. получил лично от Блюхера приказание овладеть селением Мокау, занятым французами, чтобы устроить там переправу через реку Парту, на противоположном берегу которой стояли неприятели и стреляли из 16-и орудий. Р. открыл батареи и под огнем их 7-й, 12-й, 22-й и 30-й егерские полки перешли Парту вброд, выбили французов из Мокау, ударили в штыки и опрокинули неприятеля с высот, куда он вступил, потерявши селение. Конница авангарда следовала за пехотою к селению Шенфельду, где корпус Ланжерона присоединился к армии Шведского наследного принца. Тут произошло упорное и жестокое сражение при взятии этого селения. Войска, составлявшие авангард Р., были в жесточайшем огне сряду девять часов и покрыли себя славою. На следующий день корпус Ланжерона, перешедши на правый берег Парты, после блестящего сражения взял приступом Галльское предместье и защищавшие его укрепления, и передовые войска его прежде других достигли моста на Эльстере, что окончательно повело к расстройству французов. Р. был награжден за Лейпцигскую битву орденами св. Александра Невского и Шведского Меча 2-й степени.

После Лейпцигского сражения Силезской армии было назначено обложить крепость Касселя и Майнца. Р., принявший начальство над 10-м пехотным корпусом вместо И. М. Капцевича, тяжело раненного под Лейпцигом, обложил Кассель. Блокаду он снял 22-го января, когда передал ее прибывшим германским войскам, под начальством принца Саксен-Кобургского, сам же с 22-ю пехотною дивизией переправился через Рейн, при Оппенгейме. 7-го февраля он присоединился к Силезской армии, расположенной близ Шалона, и потом успешно прикрывал ее отступление через реку Урк. 20-го февраля, когда вся Силезская армия прошла через Суассон, Р. была вверена защита этого города. 21-го, ранним утром, разъезды известили его о приближении корпусов маршалов Мармона и Мортье, имевших приказание овладеть Суассоном. Несмотря на превосходство неприятельских сил, Р. с непоколебимою твердостью приготовился к обороне: поставил главный резерв в ближайших к городу частях предместья;

второй на валу, окружающем Суассон; стрелков на краю предместья; артиллерию разместил в удобных местах; одну часть конницы оставил в городе, а другую расположил по обеим сторонам Суассона для извещения о неприятеле и для наблюдения дорог из Брена и Компьена. Каждому отряду дал он проводников на случай отступления; для раненых очистил дом префектуры, и собрал там все врачебные пособия. Окончив приготовления, Р. объехал войска и говорил им об обязанностях к Государю, о чести и славе русского оружия. Войска радостно приветствовали доблестного вождя. В семь часов утра Мортье и Мармон атаковали предместье Суассона, но были отбиты; второе покушение также не имело успеха. При начале сражения Р. являлся среди войск и ободрял их. В предместье французы разломали кровли на занятых ими домах, встали туда пушки и стреляли в русских, стоявших на валу; внизу кипел также батальный огонь. Бой продолжался до позднего вечера, и хотя маршалы были вдвое сильнее Р., они не могли оттеснить его ни на один шаг. В 10 часов огонь прекратился и французы отступили к концу предместья. Русские удержали Суассон; начальник Р., граф Ланжерон, прибывший накануне в Суассон, не только одобрил все его распоряжения, но и вызвался быть помощником его и всегда превозносить его подвиг. 23-го февраля, по приказанию Блюхера, Р. оставил Суассон и присоединился к Силезской армии, а 4-го марта принял начальство над прибывшим из Реймса 8-м пехотным корпусом, командир которого, граф Сен-Приест был перед этим смертельно ранен.

В битке под Парижем 18-го марта 1814 г. Р. было приказано взять Монмартр во что бы то ни стало. Преодолев все препятствия на пути к Монмартру, Р. построил войска в колонны к атаке, на дороге из Сен-Дени в Булонский лес. Под ружьем у него считалось 8000 человек. Не надеясь остаться живым, он подозвал к себе любимца своего, дежурного штаб-офицера подполковника Храповицкого, передал ему свою последнюю волю относительно семейства, простился с ним, стал между 1-ю и 2-ю колоннами и дал сигнал к приступу. Барабаны загремели «поход», и колонны двинулись беглым шагом, оглашая воздух

ревушим грозным ура! В то же время гранаты и ядра посыпались на защитников Монмартра. Пораженные французы заколебались и быстро стали подыматься на гору. Русские в удивительном порядке и с беспримерным мужеством взбирались за ними и шли на смерть. Граф Ланжерон уверял, что в течение многолетней боевой своей службы и девятнадцати сделанных им походов он не видал ничего подобного, за исключением Измаильского приступа. Солдаты рвались на Монмартр друг перед другом; при перемене раненых стрелков нужно было силою удерживать порывавшихся на места их. Атака была столь стремительна, что французы успели выстрелить только два раза картечью и вывели у нас только несколько десятков храбрых. Нижняя батарея тотчас была схвачена. Видя ее во власти русских, неприятель сделал последний выстрел из всех орудий верхней батареи; огонь артиллерии и ружейная пальба из домов и укреплений не поколебали наступавших: ровно в десять минут все укрепления и батареи были взяты приступом. Французы, уstraшенные грозным наступлением русских, побежали в беспорядке в Париж, преследуемые стрелками, и поспешили известить графа Ланжерона, что они прекращают военные действия. Восхищенный граф обнял Р. в виду войск. Император Александр тотчас велел поздравить его кавалером ордена св. Георгия 2-го кл., а Прусский король прислал ему орден Красного Орла 1-й ст. Таким образом, судьба предоставила Р. нанести в войне 1814 года последний удар Наполеону.

Через два с половиною месяца после взятия Парижа Р. выступил из пределов Франции и, прибыв в Россию, при новом расписании войск, получил в командование 13-ю пехотную дивизию в корпусе генерала Ермолова, принадлежавшем к Южной армии Бенигсена. С 26-го октября 1814 г. до 1-го января 1816 г. Р. исправлял должность Херсонского военного губернатора, за отсутствием герцога Ришелье. В то же время он командовал после Ермолова корпусом его, названным 6-м, а 9-го мая 1816 г. был назначен начальником Главного Штаба 2-й армии. 22-го февраля 1819 г. он был назначен командиром 7-го пехотного корпуса. – 23-го октября 1823 г. в присутствии

Государя Р. производил маневры, которыми Государь остался очень доволен и, изъявив благодарность ему, вскоре за тем пожаловал его супругу кавалерственной дамой ордена св. Екатерины меньшего креста. Император Николай наградил Р. в день своего коронования, 22-го августа 1826 г., чином генерала от инфантерии, а 8-го ноября того же года он был назначен командиром 3-го пехотного корпуса, принадлежавшего к 1-й армии фельдмаршала Сакена.

В 1828 г. перед началом войны с Турцией 3-й пехотный корпус вошел в состав 2-й армии, и Р. приказано было спешить с ним к Дунаю, переправиться через эту реку и обратиться к крепостям Тульче, Исакке, Мачину, занять Бабадаг и посылать разъезды от Троянова Вала. В мае находившиеся под начальством Р. войска сосредоточились близ Измаила. Они состояли из трех пехотных дивизий генералов Засса, Ушакова, Бартоломея и Свечина, 3-й гусарской дивизии генерал-лейтенанта Ридигера, 11-ти пеших и двух конных рот артиллерии, двух пионерных батальонов и двух тысяч казаков – всего 35000 человек пехоты и до 5000 конницы. По приближении к Дунаю, около Сатунова, где назначено было Р. произвести переправу, оказалось, что противоположный берега, занят турками. 27-го мая, ранним утром, войска Р., одушевляемые присутствием Императора Николая Павловича, двинулись к Дунайскому берегу по длинным гатям, устроенным через протоки и посреди камышей. Под прикрытием огня с флотилии и с береговой батареи, предварительно устроенной на левом берегу, бригада егерей начала переправляться на судах и, невзирая на сильную пальбу неприятелей, три роты 17-го егерского полка полковника Лаппы первыми ступили на берег. Выскочив из лодок, по пояс в воде, люди шли около версты болотом, держа ружья и сумы над головою. Достигнув луга, они начали тотчас строиться и, мужественно удержав стремительную атаку турецкой конницы, дали время выстроиться трем шедшим за ними батальонам. Переправа совершилась еще и в другом месте, под распоряжением генерала П. Д. Киселева. Охотники бросились вперед. Турки взорвали пороховой погреб, когда наши порвались в первый

редут сквозь амбразуры, но егеря овладели батареею и устремились вперед, захватывая одно укрепление за другим. Р. переправился с 8-ю дивизией и окончательно выбил турок из лагерей на возвышениях: они бежали к Исакче и Тульче. Таким образом, в несколько часов, днем совершена была достопамятная переправа, несмотря на упорное сопротивление неприятеля. Р. с 5-ю батальонами пехоты, с 6-ю орудиями и сотнею казаков немедленно двинулся к Исакче и обложил ее, а 30-го мая крепость эта сдалась. В тот же день был готов мост на Дунае, и остальные войска Р. переправились на правый берег. В продолжение июня взяты были крепости Мачин, Гирсово, Кюстенджи и Тульча. 28-го июня Р. с главной квартирой прибыл в Базарджик, занятый Ридигером. Затем авангард Ридигера занял Козлуджи и 5-го июля пришел туда и Р.; на другой день он выступил к Шумле и занял Енибазар; 8-го числа вся армия начала сближаться к Шумле. Три бригады 9-й пехотной дивизии с артиллерией составляли авангарды под начальством Р.; за ним шли другие войска. Неприятель занимал крепкую позицию в четырех верстах от Шумлы. Р. перешел через реку Буланлых; едва передовые наши войска остановились на другом берегу для прикрытия переправы прочих, турецкие наездники напали на них, один подскакал к самому Р., который, распорядясь переходом войска, стоял подле пехотного батальона; наездник выстрелил в него из четырех пистолетов и из ружья, но все пять раздал промах. Вскоре первая линия уже шла на неприятельскую позицию, и турки, оказав сначала отчаянное сопротивление, обратились в бегство. Главнокомандующий Гуссейн-Паша воткнул в землю несколько знамен и свои бунчуки и тем остановил бегущих. Они обратили против нас огонь. Р. велел бросить несколько гранат в толпу, и тем окончательно обратил ее в бегство. Вечером того же дня заложили редут № 1-й, названный редутом Рудзевича. До 16-го июля построено было еще несколько редутов, и 16-го числа наши войска заняли возвышение у самой крепости. За все эти действия Р. были пожалованы алмазные знаки ордена св. Александра Невского.

Главной целью собранных вокруг Шумлы русских войск было удержать турецкую армию в бездействии и отнять у нее возможность посылать подкрепления к Варне и Силистрии. Корпус Р. и часть войск 7-го корпуса охраняли редуты, остальные войска подвинулись к Чифлику. 14-го августа ночью турки атаковали оба фланга нашей позиции. При шуме сильного ветра они незаметно подошли к редуту № 5, находившемуся очень близко к крепости, напали на него и истребили малочисленных его защитников, прежде нежели подоспела к нашим помощь. Турки выкатили из редута 6 орудий и начали стрелять из них вдоль линий русских войск. Конница их напала на следующий редут; в то же время другой конный отряд обходил наше левое крыло. Турок отбили повсюду, но редут № 5 они удерживали с ожесточением. Несколько раз Р. водил в атаку часть 15 и 16-го егерских и Тамбовского пехотного полков, и только по прибытии конно-артиллерийской батареей неприятель был вытеснен из оспариваемого редута. Спустя несколько времени часть наших войск отделилась от Шумлы, и корпус Р. один охранял там редуты, успешно отражая нападения на них. По взятии Варны, когда не было более надобности наблюдать неприступную Шумлу, а наступавшее позднее осеннее время не позволяло предпринимать дальнейших действий, корпусу Р. было приказано идти к Силистрии и прикрывать ее со стороны Шумлы. 2-го октября выступил он к месту своего назначения. Вследствие грязи от проливных дождей переходы были весьма затруднительны. Однажды Р. нужно было подниматься из долины на крутую гору. Лошади были очень изнурены и солдаты на себе вывозили орудия и полковые обозы. Турки в значительном числе напали на оставшихся в долине. Р., видя опасность, велел раздать людям все, что можно было нести, истребил часть обозов, не вывезенных из долины, и в порядке продолжал движение. От Силистрии выслали к нему несколько лошадей под артиллерию, и он скоро прибыл к этой крепости. Переправясь на левый берег Дуная, Р. расположил корпус свой на зимние квартиры в Валахии. Но здесь он вскоре умер – 23-го марта 1829 г.

Р. был женат на *Марфе Евстафьевне Нотара*, от которой имел 8 человек детей; дочь его *Мария* была (с 1830 г.) фрейлиною; один из сыновей был убит под Варною.

Рудзевич, одаренный от природы недюжинным умом и получивший хорошее образование, всего себя посвятил военному делу. На войне он являлся начальником самым распорядительным и не знавшим опасности; везде он проявлял хладнокровие, сметливость, верный взгляд на дело; в молодости он был исполнителем важных поручений, в годы мужества совершил ряд подвигов. Все это дает ему право занять видное место среди знаменитейших генералов своего времени.

Император Александр I-й и его сподвижники. Военная галерея Зимнего Дворца, А. И. Михайловского-Данилевского, т. 3-й, СПб. 1846; Н. К. Шильдер, Император Александр I-й, его жизнь и царствование, т. 4-й, СПб. 1898 г., стр. 102, 411, 414, 419, 470, примеч. 237; Энциклопедия военных и морских наук, ген.-лейт. Леера, т. 6, вып. 4, СПб. 1893 г., стр. 587; «Исторический Вестник» 1889 г., т. 38-й, окт., стр. 56–57, примеч., дек., стр. 688–693, историч. справка Н. Щербаня; Военно-Энциклопедический Лексикон, т. II, СПб. 1847 г., стр. 561–564; «Записки Имп. Одесского Общества истории и древностей», т. 10, Одесса. 1877 г., стр. 256; «Военный Сборник» 1874 г., т. 99-й, № 11, стр. 31–32, статья Н. Глиноецкого: Русский Генеральный Штаб в царствование Императора Александра I-го; Н. Глиноецкий, История Русск. Генер. Штаба, т. I, СПб. 1883, стр. 272–273, 274, 275, 408; Военная Галерея 1812 г., СПб. 1912 (с портретом); Отчет Имп. Публ. Библиотеки за 1907 г., СПб. 1914, стр. 111; Энциклопедич. Словарь Крайя, под ред. Старчевского; О. Шишкина, Заметки и воспоминания русской путешественницы, ч. II, СПб. 1848, стр. 246, 247, 255–258, 260, 264, 266–268, 282. «Русск. Стар.» 1881, т. XXX, 1895, т. 83, 1896, т. 86; 1898, декабрь, 1900, pass.; И. Дебу, О Кавказской Линии, СПб. 1829, стр. 93; Г. Гераков, Продолжение путевых записок, СПб. 1830, стр. 58–59, 61.

Рудзевич, Николай Александрович

Рудзевич, Николай Александрович, генерал-лейтенант; сын А. Я. Рудзевича (см.), родился в 1811 г., в службе числился с 6-го ноября 1825 г., в офицеры произведен был 25-го марта 1828 г. и сразу принял участие в Турецкой войне; за ряд боевых отличий награжден был орденом св. Анны 3-й степени с бантом, а затем находился в Польской кампании 1831 г.; за дело под Варшавой и за другие сражения этой войны получил орден св. Владимира 4-й ст. с бантом и золотую шпагу с надписью «за храбрость»; в 1853 г., за 25-летнюю службу, получив орден св. Георгия 4-й степени, в 1853–1855 г. участвовал в Крымской кампании, командуя отдельною частью, и получил ордена св. Станислава и св. Анны 1-й степени с мечами; 27-го марта 1855 г. был произведен в генерал-майоры, в 1857 и 1859 гг. участвовал в Кавказских войнах, а именно в покорении Чечни и Дагестана, и 18-го февраля 1860 г. произведен был в генерал-лейтенанты; с 11-го июля 1861 г. по 9-е декабря 1866 г. был Костромским губернатором, После чего был зачислен по армейской кавалерии, с состоянием по Министерству Внутренних Дел, при котором числился до смерти, получив в 1878 г. орден Белого Орла.

Скончался в июне 1889 г.; погребен в г. Симферополе.

«Новое Время» 1889 г., № 4783; «Сын Отеч.» 1889 г., № 167; Списки генералам за разные годы.

Рудзкий, Фелициан Матвеевич

Рудзкий, Фелициан Матвеевич, вице-инспектор Корпуса лесничих, генерал-майор; происходил из дворян Волынской губернии, род. в Подольской губернии 10-го ноября 1802 (или 1803) года; воспитание получил в Винницкой гимназии и, по выходе из оной, поступил в военную службу, в Тарутинский пехотный полк, с которым участвовал во взятии приступом Варшавы в 1831 г. По учреждении Корпуса лесничих, Р. перешел в этот Корпус и назначен был окружным лесничим в Черниговскую губернию. С упразднением должностей окружных лесничих Ф. М. Рудзкий был назначен лесным ревизором в Черниговской губернии, а затем – губернским лесничим сперва в Оренбург, а потом в Ковно. Когда в 1856 году, со вступлением в управление Министерством Государственных Имуществ графа М. Н. Муравьева, почти все губернские лесничие были заменены специалистами по лесной части, Р. оставлен был в этой должности (несмотря на то, что не получил специального образования), так как практическим знанием дела и из ряда выходящим честным отношением к службе обратил на себя особое внимание. При Министре генерал-адъютанте Зеленом Ф. М. Рудзкий был назначен вице-инспектором Корпуса лесничих, что составляло также исключительное явление, так как институт вице-инспекторов комплектовался тогда преимущественно из заслуженных полковников и генералов армии и флота.

Р. умер 12-го августа 1887 года в Петербурге, где и погребен на католическом кладбище на Выборгской стороне.

Дело о службе Р. в Архиве Министерства Государственных Имуществ; сообщения родственников и личные воспоминания.

Рудинский, Василий Иванович

Рудинский, Василий Иванович, доктор медицины, старший ординатор Московского военного госпиталя; род. 25-го декабря 1837 года и по происхождению принадлежал к духовенству Воронежской губернии; среднее образование получил в Воронежском духовном училище и в Воронежской духовной семинарии, откуда в 1856 г., из высшего отделения, поступил в Московский университет на медицинский факультет, курс которого окончил в 1861 году со званием лекаря и определен был в Перновский гренадерский полк, отсюда в следующем году Р. был переведен младшим врачом в Московский военный госпиталь и здесь начал готовиться к докторской диссертации.

В 1863 году Р. напечатал свою первую статью в «Военно-Медицинском Журнале»: «Об отнятии предплечья на продолжении костей с двумя лоскутами» (1863 г., ч. 88, февраль, № 2, стр. 109–114); в следующем году в том же журнале появился ряд его статей: «Замечание о камнесечении по способу Буханана», «Случай сращения мягкого неба с заднею стенкою глотки» и др. Кроме того, в том же 1864 году Р. издал книгу: «Малая хирургия и учение о повязках, с кратким изложением обязанностей фельдшеров и цирюльников 2-го комплекта» (Москва. 1864 г.). В 1866 году Рудинский подготовил диссертацию: «Обзор современно употребляемых способов бокового камнеиссечения у мужчин» (Дисс. Д. М., Москва. 1866), которую защищал 28-го мая того же года, и был удостоен степени доктора медицины.

В следующем году Р. был назначен старшим врачом в гренадерский стрелковый батальон, но пробыл в нем недолго и в 1868 году был переведен на ту же должность в 139-й пехотный Моршанский полк, а через пять лет (в 1873 году) назначен был главным лекарем Ярославского местного госпиталя. В этом году он напечатал в «Медицинском Вестнике» свое исследование: «Обрезание крайней плоти по способу Виндаля в военной практике» (1873 г., № 17–20 и «В.-Мед. Журн.» 1874 г., ч. 121, март, № 3, стр. 209–214) и «Трахеотом»

(«В.-Мед. Журн.» 1874 г., март, № 3, стр. 215–239). В скором времени Р. был командирован за границу на два года, с переводом на должность старшего ординатора Московского Военного Госпиталя. Возвратившись из-за границы, он заболел и скончался 19-го июля 1876 года, на 39 году от рождения.

«Военно-Медицинский Журнал» 1876 г., ч. 127, сентябрь, № 9, официальная часть, стр. 19; Л. Ф. Змеев, Русские Врачи-Писатели», вып. II, СПб. 1889, тетр. 6, стр. 100–101; В. В. Литвинов, Питомцы Воронежской духовной семинарии, вышедшие из духовного звания, Вор. 1914, стр. 76–77.

Рудинский, Виктор Игнатьевич

Рудинский, Виктор Игнатьевич, гражданский инженер; род. в 1837 году; отданный в 1850 г., в Строительное училище (теперь Институт гражданских инженеров) и пробыв в нем девять лет, Р., по окончании курса, в 1859 году занял место помощника начальника искусственного стола в Пермской губернской строительной и дорожной Комиссии, в следующем году был назначен начальником искусственного стола, а через два года, в 1862 году, был переведен на ту же должность в Нижегородскую строительную и дорожную Комиссию; здесь он оставался до преобразования Комиссии в 1865 году, когда остался за штатом; затем занимался наблюдением по постройкам частных лиц – до 1870 года, когда снова поступил на службу сверхштатным техником Нижегородского Губернского Правления, в следующем году был назначен архитектором Нижегородского Мариинского Института, а в 1874 году – Нижегородским младшим инженером.

Скончался от чахотки 9-го июля 1874 года в Нижнем Новгороде, где и погребен.

«Юбилейный Сборник 1842–1892 г. Института гражданских инженеров», СПб. 1892 г., стр. 293.

Рудинский, Орест Иванович

Рудинский, Орест Иванович, доктор медицины, тайный советник; родился 22-го марта 1816 года в селе Сагунах, Острогожского уезда Воронежской губернии, где отец его был настоятелем церкви; среднее образование получил в Воронежской духовной семинарии, по окончании курса которой в 1835 году отправлен был на казенный счет в Московский университет, на медицинский факультет; в 1840 году окончил курс университета со званием лекаря с отличием и был назначен врачом в Тульский егерский полк, но уже в следующем году был переведен в Московский военно-сухопутный госпиталь; здесь прослужил он восемь лет и в 1849 году получил от Московского университета звание штаб-лекаря; успев зарекомендовать себя, как прекрасный хирург, Р. вскоре был командирован в Главную квартиру действовавшей в Венгрии армии. Здесь ему впервые пришлось работать под пулями. По окончании Венгерской кампании Рудинский был назначен главным доктором военного 3-го класса временного госпиталя в Севастополе, а с началом военных действий в 1853 году исполнял обязанности главного хирурга в 4-м и 5-м армейских корпусах, а потом – в южной армии.

Когда решено было защищать Севастополь, О. И. Рудинскому поручена была в заведование вся хирургическая часть, и он работал под руководством Н. И. Пирогова. Условия, при которых эти хирурги подавали первую помощь раненым, были самые тяжелые, особенно в дни бомбардировок и после ночных вылазок, когда Н. И. Пирогову и О. И. Рудинскому приходилось делать по сто и более серьезных операций в день. Когда в 1855 г. Н. И. Пирогов уехал на время в Петербург, Рудинский один остался заведующим хирургической частью. По окончании Севастопольской кампании он возвратился в Москву и был назначен помощником главного доктора Московского военного госпиталя. С этого времени он стал готовить диссертацию на степень доктора медицины и хирургии. Еще до войны он написал исследование: «Образование носа из кожи

лба с восстановлением части щеки, прилежащей к левому крылу носа» («Военно-Мед. Журн.» 1854 г., ч. 63, Январь, № 1, стр. 12).

В 1859 году он был назначен главным доктором Московского военного госпиталя, а в следующем году, 6-го июня, защищал диссертацию на степень доктора медицины и хирургии: «De ratione qua vesica urinaria et urethra cum partibus viciscis in sexu virili conjunctae sunt» (Diss. D. M., М. 1857 г.) Получив степень доктора, О. И. Рудинский в том же году был назначен профессором-консультантом молодых врачей в Московском военном госпитале и эту должность занимал в течение девяти лет, посвящая все свое время и силы руководству практическими и научными занятиями молодых врачей-хирургов. В этот период времени он написал несколько сочинений: «О резекциях трубчатой кости человеческого тела вообще», «Первоначальные понятия об устройстве человеческого тела. Для фельдшеров» (СПб. 1862), «Шесть случаев meningitidis cerebro-spinalis, встретившихся в Московском военном госпитале», «Два случая удачного вылущения больших членов: вылущение правого плеча и левого бедра, произведенные в Московском военном госпитале» («Военно-Медиц. Журн.» 1870 г., ч. 107, октябрь, № 10). Кроме этих работ, им было написано еще несколько статей, помещенных в разных медицинских и общих журналах.

С 1869 года начинается собственно административная деятельность Р.: в этом году он был назначен окружным медицинским инспектором Московского военного округа, а в 1872 г. назначен был, кроме того, Почетным Членом Военно-Медицинского Ученого Комитета. Тогдашним главным начальником Военно-Медицинского Управления Н. Ил. Козловым Р. был в 1875 году вызван в Петербург, где ему предложено было занять место помощника главного начальника Военно-Медицинского Управления, а когда вскоре Н. И. Козлов оставил свой пост, то исполнять его должность в 1878 году назначен был Рудинский, утвержденный в должности лишь в 1884 году. Во время Р. Главное Военное Медицинское Управление, однако, ничем особенным не проявило своей

деятельности, так как Р. часто болел и уже в 1887 году должен был по болезни оставить должность главного начальника, будучи назначен неперменным членом Военно-Медицинского Ученого Комитета и членом Медицинского Совета Министерства Внутренних Дел.

Скончался он в Петербурге 6-го апреля 1889 года, на 74 году от рождения; погребен на родине.

Кроме вышеприведенных, в разное время О. И. Рудинским было опубликовано много и других работ, как-то: «Две трахеотомии в Московском Военном Госпитале» («Друг Здравия» 1857 г., № 45 и «Московские Ведомости» 1857 г., № 101), «Трахеотомия» («Военно-Медиц. Журн». 1874 г., декабрь), «Раненые под Альмой в 1854 году, доставленные англичанами в Одессу» («Медиц. Вестн.» 1871 г., № 28), «Об учреждениях, необходимых для общества попечения о больных и раненых на военное время» (Москва. 1873), а также несколько других работ, напечатанных или отдельно, или в медицинских журналах.

Л. Ф. Змеев. Русские Врачи-писатели, вып. I, СПб. 1886, тетр. 2, стр. 87; «Врач» 1889 г., № 16, стр. 364 (некролог); «Русская Медицина» 1889 г., № 15, стр. 240 (некролог); «Русский Инвалид» 1889 г., № 78, стр. 6 (некролог); «Гражданин» 1889 г., № 99, 3-го апр. (некролог); «Новое Время» 1889 г., 9-го апреля, № 4710 (некролог); «Новости и Биржевая газета» 1889 г., 8-го апреля, № 97, стр. 2 (некролог); В. В. Литвинов, Питомцы Воронежской духовной семинарии, вышедшие из духовного звания, Вор. 1914, стр. 77.

Руднев, Даниил Владимирович

Руднев, Даниил Владимирович, контр-адмирал; поступил в Морской кадетский корпус в 1786 г., 6-го августа, и произведен в гардемарины 28-го сентября 1788 г. В 1789 г. участвовал в Эландском сражении, а в следующем году – в Красногорском и Выборгском. В том же году Р. был произведен в мичманы, а в 1791 г. командирован в Архангельск, откуда на следующий год сделал переход в Кронштадт. В 1793 г., 11-го марта, он был произведен в лейтенанты и с 1793 по 1797 г. ежегодно плавал в Финском Заливе, затем был командирован в Тульскую губернию, за рекрутами, и «за хороший привод рекрута» в следующем же, 1798 г., февраля 24-го, был произведен в капитан-лейтенанты. Командированный затем в том же году в Архангельск, Р. перешел оттуда на корабле Ярослав, в эскадре вице-адмирала Баратынского, к берегам Англии, а оттуда в Кронштадт с десантными войсками.

С 1801 года Р. начал командовать отдельными судами и продолжал свои почти ежегодные плавания; в 1810 г., за 18 кампаний, был награжден орденом св. Георгия 4 класса, в 1808 г. был произведен в капитаны 2 ранга и в том же году крейсировал в Финском Заливе на корабле «Всеволод». Уходя однажды от преследования английского флота, Р. сел у Пакерорта на мель и был взят двумя английскими кораблями на абордаж. В 1810 г. Р. был произведен в капитаны 1 ранга и в следующем году командовал обороною цитадельской крепости в Кронштадте. После командировки в Архангельск в 1812 г., откуда в 1813 г. он привел корабль «Гамбург» в Ревель, и в следующем – в Кронштадт, Р. в течение 1815 и 1816 гг. командовал 26-м корабельным экипажем в Кронштадте, в 1817 г. плавал в Кале, откуда с десантными войсками вернулся в Кронштадт, и затем крейсировал с флотом у Красной Горки; затем год Р. командовал 14-м флотским экипажем в Кронштадте, в 1819 г. был снова командирован в Архангельск, где, при посещении флота Государем Императором, был награжден бриллиантовым перстнем. После возвращения на

корабле «Трех Святителя» в 1820 г. в Кронштадт, Руднев с 1821 г. по 1826 г. командовал 5-м флотским экипажем и в 1824 г. был произведен в капитан-командоры; в 1826 г. он командовал отрядом гвардейских парусных судов в Невской губе и за маневры этого отряда получал троекратно Монаршее благоволение; в том же году 6-го декабря Р. был произведен в контр-адмиралы; в течение времени с 1827 г. по 1830 г. он командовал сначала 3-ею, а потом 1-ою флотскими бригадами.

Скончался 11-го августа 1831 г.

«Общий Морской Список», т. IV, стр. 697–699; «Материалы для истории Русского флота», ч. XIV (см. указ.); А. С. Кротков, «Повседневная запись замечательнейших событий в Российском флоте», стр. 321–324; «Записки Ученого Комитета Главного Морского Штаба» 1882 г., ч. VIII, стр. 319–320 (биография).

Руднев, Матвей Данилович, протоиерей

Руднев, Матвей Данилович, протоиерей, писатель; сын сельского священника Одоевского уезда Тульской губернии, родился в 1803 г.; воспитывался в Тульской семинарии, откуда, из богословского класса, в полкурса, отправлен был в С.-Петербургскую духовную академию (1821 г.), и здесь окончил курс в 1825 г. 22-м магистром VI курса, после чего был определен в Рязанскую духовную семинарию профессором церковной истории и греческого языка; в январе 1828 г. назначенный инспектором той же семинарии, с перемещением на класс философии, Р. в августе того же 1828 г. был переведен по прошению, профессором философских наук и еврейского языка в Тульскую духовную семинарию, где был также помощником инспектора и секретарем Семинарского Правления.

В 1831 г. Р. рукоположен был во священника к Старо-Никольской церкви г. Тулы и в 1841 г. возведен был в сан протоиерея, в 1855 г. перемещен был ключарем к Тульскому кафедральному собору, а в 1861 г. был уволен от профессорской службы; скончался в Туле 18-го мая 1875 г.

Будучи студентом Петербургской духовной академии, Р. в сборнике «Некоторых упражнений студентов VI курса» (ч. II, стр. 72) напечатал «Слово в Неделю 5-ю по Пасхе»; в «Тульских Епархиальных Ведомостях» 1862–1864 гг. напечатано было несколько статей Р.

А. Родосский, Биографический словарь студентов С.-Петербургской Духовной Академии, СПб. 1907, стр. 417; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 277; «Тульские Епархиальные Ведомости» 1875 г., т. XXVII, стр. 317 и 362–364 (некролог и надгробное слово, прот. Державина); В. И. Чернопятов, Тульский Родословец, ч. III, стр. 130.

Руднев, Михаил Матвеевич

Руднев, Михаил Матвеевич, доктор медицины, профессор и ученый секретарь Медико-хирургической академии, Вице-президент Общества Русских врачей в С.-Петербурге, редактор-издатель «Журнала нормальной и патологической гистологии, фармакологии и клинической медицины»; род. 31-го октября 1837 года, умер 10-го декабря 1879 года.

Родился в Туле, в семье протоиерея и заслуженного профессора Тульской духовной семинарии *М. Д. Руднева* (см. выше); получив первоначальное образование в той же семинарии и окончив в ней среднее отделение, Руднев в 1855 г. поступил в С.-Петербургскую Медико-хирургическую академию и в 1860 году окончил в ней курс со званием лекаря с отличием (*sum eximia laude*), «за успехи в науках» был награжден серебряною медалью и оставлен, в числе лучших десяти человек, на три года при Академии, для дальнейшего специального образования. В продолжение этих трех лет Руднев работал, в качестве ординатора, в сифилидологической клинике профессора П. П. Заблоцкого-Десятовского и состоял помощником в патологоанатомической лаборатории профессора Т. С. Иллинского, который только что был назначен на эту вновь учрежденную в Академии кафедру. Занимая с 1860 года должность ассистента при кафедре патологической анатомии, Руднев весь отдался исследованиям в области этой науки.

Как ближайший помощник профессора Иллинского, он постоянно принимал самое деятельное участие во всех практических занятиях по патологической анатомии, приготавливал при патологоанатомических вскрытиях трупов препараты для музея, устроенного при кафедре, и микроскопические препараты для демонстраций по время чтения лекций. Кроме работ при двух названных кафедрах, Р. прослушал в первый же год по окончании курса Академии частный курс физиологии у профессоров Сеченова и Якубовича и курс физики у профессора Хлебникова. Сдав затем экзамены на степень доктора медицины, Р. защитил в 1863 году

диссертацию, темой для которой взял мало разработанный в то время вопрос «О бугорках и бугорковидных образованиях на серозных оболочках», и получил искомую степень. В это время окончился срок его прикомандирования, но Конференция Академии, обратив внимание на большую работоспособность и внимательное отношение Руднева к своей работе, отправила его на два года за границу, для научного усовершенствования в патологической анатомии, которую он окончательно избрал своей специальностью.

В продолжение заграничной командировки Руднев работал в Вюрцбурге у профессоров Ферстера и Шерера и в Вене у профессора Брюкке, но большую часть своей командировки он провел в Берлине, куда в то время были обращены взоры всего образованного мира: там в полном блеске сияло новое светило науки – знаменитый Рудольф Вирхов, первый показавший настоящее значение патологической анатомии и создавший целлюлярную патологию. К нему в лабораторию стекались молодые ученые со всех концов света. К нему-то тянуло и Руднева с самого начала командировки. Он посвятил себя всецело изучению патологической анатомии и почти все время проработал в лаборатории Вирхова; последний с большим интересом следил за его исследованиями и, так же, как профессор Иллинский в Петербурге, пользовался его микроскопическими препаратами для демонстраций на своих знаменитых курсах. Но в Берлине Р. пользовался вниманием не одного только Вирхова: многие европейские ученые занимались вместе с ним научными исследованиями; так, например, много статей, помещенных в немецких журналах того времени, подписаны: Kühne и Руднев, Max Schultze и Руднев. Вообще те два года, которые Руднев провел за границей, были самыми плодотворными по количеству серьезных, строго научных его трудов. К такого рода трудам Руднева надо отнести его химические и микроскопические исследования над амилоидным веществом. Этою работою, написанною на немецком языке и помещенною в «Архиве Вирхова» за 1865 год, Р. разрешил волновавший в то время медицинский мир вопрос о том, вырабатывается ли в человеческом теле крахмал – вещество,

свойственное исключительно растительному царству. Этот вопрос возник вследствие полученной при амилоидном перерождении органов химической реакции, как будто указывавшей на сходство этого патологического продукта с крахмалом. Благодаря исследованиям сначала Friedereich'a и Кеселе, а затем Руднева и Kühne, особенно благодаря точным химическим анализам последних, было установлено, что сходство реакций не есть доказательство тождества, и что амилоидное вещество относится не к углеводородам, а к разновидностям белковых, азотистых веществ, не чуждых человеческому организму. В это же время Рудневым произведены были интересные микроскопические исследования «О развитии патологической кости», которые были напечатаны на двух языках – русском и английском; «О новообразованиях в печени и почках при вторичном сифилисе», об опухолях костей, сальника и так далее. Кроме того, своими «Исследованиями над осмиевой кислотой» Руднев указал на ее значение, как микроскопического реагента, чем обогатил гистологическую технику, которая, благодаря этому, получила возможность видеть и изучать неизвестные до того времени тонкости в устройстве тканевых элементов. И тотчас же сам Руднев использовал свое открытие, написав работу «Об эпидермоидальном слое кожи лягушки», познакомившую ученых с особыми причудливыми формами клеточек кожного эпителия. Этот труд его был напечатан в «Архиве» Max'a Schultze.

Обогатившись таким солидным количеством научных знаний, старательно изучив методы преподавания в лучших европейских университетах, для чего он побывал еще в университетах Парижа и Лондона, Руднев вернулся в конце 1865 г. в Россию. Тотчас же по возвращении он был избран Конференцией Медико-хирургической академии на должность прозектора при кафедре патологической анатомии, к тому же профессору Иллинскому, у которого он работал до заграничной командировки. В скромной роли прозектора, с весьма скудными материальными средствами и научными пособиями, Руднев принялся за преподавательскую деятельность. Начал он ее в Академии с открытия не существовавших в ней до того времени

курсов практических занятий патологической гистологией, на которые перенес дух учения Вирхова. Этим он дал то направление занятиям патологией, которое было уже принято везде за границей, но у нас еще известно не было; работы производились по строгому и точному научному методу. Благодаря этому, его ученики приобрели обширное поле для самостоятельного изучения болезненных процессов. Нужного для кафедры материала, например, трупов было достаточно, и Иллинский тщательно разбирал и оценивал весь материал, который брался со вскрытий, обогащая тем коллекции патологического музея Академии; однако, со времени основания кафедры прошло слишком мало времени, чтобы возможно было довести ее до совершенства. Эта кафедра была открыта лишь в 1859 г., и на ее содержание отпускались столь незначительные суммы, что даже таких необходимых для лаборатории предметов, как микроскопы, было лишь пять, тогда как число студентов на старших курсах было более чем по сто человек. К тому же еще профессор Иллинский работал один, так как Руднев был первый прозектор этой кафедры. Им он пробыл только один год, причем за это время был еще раз командирован за границу на летний семестр.

4-го августа 1867 года профессор Иллинский скончался в Париже, и Р. был избран на его место и утвержден в этой должности 30-го ноября 1867 г. Еще в сентябре 1867 года Рудневу было поручено читать лекции по патологической анатомии; в то же время на заседаниях Конференции Академии решался вопрос о замещении вакантной кафедры. Вскоре после избрания профессором Академии Руднев был приглашен преподавателем патологической гистологии в Ветеринарный институт Медико-хирургической академии. Как профессор, он был одним из лучших в Медико-хирургической академии того времени. В его лаборатории, которая едва вмещала всех желавших пользоваться советами и руководством замечательного учителя, кипела широкая научная деятельность. Все очередные вопросы разрабатывались здесь под личным руководством Руднева.

В высшей степени мягкое обращение со студентами, постоянная отзывчивость ко всем, кто к нему обращался, доставили Р. искреннюю любовь и глубокое уважение всех его учеников. Большая часть врачей, посещавших Академию, стремилась работать в его лаборатории; поэтому большинство защищавшихся тогда в Академии докторских и магистерских диссертаций выходило из его лабораторий. В короткое время Руднев создал в России целую самостоятельную школу патологоанатомов, из которых многие впоследствии сами занимали профессорские кафедры при университетах и в Медико-хирургической академии. Руднев пользовался большим уважением среди своих товарищей – профессоров Академии. Так, в 1868 году, вскоре после избрания его профессором, он был избран Ученым Секретарем Конференции Академии, после ухода профессора Буяльского. Но эту почетную должность Руднев занимал недолго: в том же году у него вышли несогласия со студентами, которые были недовольны отношением Р. к одному из их товарищей, протест их принял довольно крупные размеры, и Рудневу пришлось извиниться перед студентами; ввиду же того, что он, как уже было указано, любил своих слушателей, приведенный случай произвел на него такое тяжелое впечатление, что он тотчас же просил Конференцию уволить его от обязанностей Ученого Секретаря. Освобождая его от этой должности, Конференция писала Рудневу следующее: «Избирая Вас в 1868 году представителем своей педагогической и административной деятельности, Конференция руководилась почетной известностью, которую Вы снискали себе в науке и по кафедре. Теперь же, лишаясь Вас, она утешает себя мыслию, что освобождение от занятий, сопряженных с этим званием, даст Вам возможность всецело посвятить себя Вашей учебной и ученой деятельности, которую, по праву и справедливости, гордится Академия».

С 1872 года Руднев начал читать патологическую анатомию для слушательниц Женских врачебных курсов. Сначала он читал их в Патологическом институте Медико-хирургической академии, а потом, с переходом Курсов в Николаевский военный госпиталь – в последнем. Вопросам женского

медицинского образования в России Руднев уделял много времени. Уже при самом учреждении Женских медицинских курсов в Петербурге он был одним из ревностных участников в их делах; когда же он занял на курсах место преподавателя, то внес сюда свой обычный труд, направление и свою душу. И здесь следствием его работы были многие научные труды его учениц. Насколько сочувственно относился Руднев к женскому образованию, видно из того, что начатое им «Руководство по общей патологии» посвящено «слушательницам медицинских курсов». К сожалению, этот труд его остался неоконченным: вследствие болезни он успел издать только 14 листов своего руководства, которые не захватывали и половины всего предмета общей патологии.

Будучи профессором, Руднев не переставал и сам обогащать своими научными трудами медицинскую литературу – не только русскую, но и иностранную, особенно немецкую. Уже в первое время по возвращении из-за границы, Рудневу удалось открыть в Петербурге трихинную болезнь, которой до него никто в России не встречал. После же его статьи: «Über das Vorkommen der Trichinen in Russland», напечатанной в «Архиве» Вирхова за 1866 год, и статьи в «Медицинском Вестнике» за 1868 год: «Нерешенные вопросы в истории трихинной болезни» – русские врачи научились отыскивать этих паразитов, и последние оказались даже нередкими: в одном Петербурге в том же 1866 году они были найдены три раза на 150 вскрытиях; вскоре за тем они были найдены и в других городах России. После этого Руднев указал и на другую невиданную в России болезнь – эпидемию цереброспинального менингита. До тех пор эта болезнь считалась свойственной лишь странам Западной Европы; гарантия от цереброспинального менингита для России кончилась в 1867 году, когда Руднев указал на несколько случаев вскрытия трупов лиц, умерших от этой болезни в Петербурге. Последующими работами как самого Руднева, так и его учеников были разъяснены многие темные стороны дифференциальных патологоанатомических свойств этой болезни.

Когда летом 1866 года в Петербурге свирепствовала холера, то Руднев всецело отдался изучению этой болезни. Все лето он работал над анатомическими и микроскопическими исследованиями обильного материала. Он нисколько не боялся заразы, хотя уже испытал на себе опасность работы патологоанатома, заразившись однажды трупным ядом. Плодом таких его трудов является «Патологическая анатомия холеры, господствовавшей в Петербурге в 1866 году» – работа, представляющая ценный вклад в русскую научную литературу. Кроме того, Руднев постоянно знакомил иностранных ученых с успехами патологической анатомии в России, сообщая в немецкие журналы рефераты работ, которые производились под его руководством. В 1870 году Руднев приступил к изданию специального «Журнала для патологической анатомии, гистологии и клинической медицины». На работу по изданию этого журнала он тратил массу сил и энергии, печатал в нем собственные труды, рецензии и рефераты иностранных и русских работ; привлекал к сотрудничеству в нем видных ученых и профессоров: Богдановского, Заварыкина, Забелина и др. Однако, журнал не имел большого распространения, причины чего лежали вне самого издания: во всей постановке нашего медицинского дела. И все же Руднев не поддавался унынию и до самой своей болезни, без всякой материальной поддержки и выгоды, из одного только желания принести пользу отечественной науке, продолжал это издание. Только в 1878 году, когда болезнь заставила его прекратить ученую деятельность, кончилась и его издательская работа, так что последняя книга его журнала вышла благодаря участию Н. П. Ивановского.

Когда в 1872 году Руднев был назначен совещательным членом в Медицинский Совет при Министерстве Внутренних Дел, то он и здесь нашел себе много работы. С первых же шагов он столкнулся с неудовлетворительным положением патологоанатомического исследования судебно-медицинских случаев; и здесь он старался помочь своею опытностью, для чего издал в 1873 году книгу: «Метод судебно-медицинского исследования мертвых тел». Этот труд представляет весьма

ценный вклад в судебную токсикологию, ясно указывая на то большое значение, какое может занимать микроскопический анализ в судебно-медицинской экспертизе.

Руднев вел очень правильную жизнь, но, с увлечением занимаясь любимой наукой, забывал об опасности чрезмерного умственного переутомления. А отсюда-то и угрожала ему опасность: уже в последних его произведениях (последние листы «Общей патологии»: Обзор медицинской литературы) появляются фальшивые нотки, предвещающие что-то недоброе. И все же Р. в первую половину 1877 года продолжает исполнять свои обязанности, хотя уже без обычного своего увлечения и с заметным утомлением. Его тяжелая болезнь (прогрессивный паралич) продолжалась год, и 10-го декабря 1878 года, Р. умер, всего на 41 году жизни; погребен он в Тульской губернии.

Сразу же после его смерти Конференция Медико-хирургической Академии постановила поставить бюст его в стенах Академии, где так кратковременно, но так плодотворно и много трудился для науки покойный М. М. Руднев. Для этого была открыта подписка среди его товарищей – профессоров и многочисленных его учеников. В этой подписке деятельное участие приняло Общество Русских врачей в С.-Петербурге, в котором Руднев был вице-президентом с 1870 до 1872 года. Уже к началу 1880 года была собрана достаточная сумма, и бюст был заказан скульптору-академику Чижову. Постановка этого бюста происходила в торжественном собрании 15-го ноября 1883 года; он находится в той аудитории анатомического института, где читал лекции Руднев.

За свою короткую, но кипучую научную деятельность Руднев написал следующие научные труды: «Случай перехода саркомы в рак» – «Медицинский Вестник» 1862 г., № 15; «О бугорках и бугорковидных образованиях на серозных оболочках,» дисс., СПб. 1863; «О новообразованиях в печени и почках при вторичном сифилисе» – «Медицинский Вестник» 1863 г., № 11; «К учению о развитии патологической кости» – там же, 1864 г., №№ 38 и 39; «Ueber die Structur und chemische Zusammensetzung einer Geschwulst des Oberschenkels» – «Virch. Arch.» 1865, № 33; «Zur Chemie der amyloiden Gewebsartung»,

von Dr Kühne und Dr Rudnew – «Virch. Arch.» 1865, № 33; «Einige Bemerkungen bezüglich der morphologischen Verhältnisse bei der Amyloidentortung der Bauchorgane» – «Virch. Arch.» 1865, № 33; «О строении эпидермоидального слоя кожи лягушки, предварительное сообщение» – «Медицинский Вестник» 1865 г., № 29; «Об употреблении осмиевой кислоты при гистологических исследованиях и в частности при исследовании светящегося органа насекомого *Lampyris splendidula*» – там же, 1865 г., №№ 31 и 32; о том же – «Arch. Max Schultze», Heft I, S. 132; «Weitere Mitteilungen über die Einwirkung der Ueber Osmium-Saure auf tierische Gewebe, von M. Schultze und Dr M. Rudnew» – там же 1865 г., № 1; «О кровооточивом воспалении твердой мозговой оболочки» – предварительное сообщение в Протоколах Общества Русских врачей в СПб. 1865–1866 гг.; «Ueber das Vorkommen der Trihinen in Russland und ein Fall von primären medullaren Zottenkrebs des grossen Netzes» – «Virch. Arch.» 1865, № 35; «О трихинах в России. Не решенные вопросы в истории трихинозной болезни» – «Медицинский Вестник» 1866 г., №№ 17–21; «О средствах к изучению патологической анатомии в С.-Петербургской Медико-Хирургической Академии» – там же 1866 г., №№ 22, 23, 24; «О растительных паразитах в желудке» – Протоколы Общества Русских врачей в СПб. 1866–1867 г.; «Патологическая анатомия холеры, господствовавшей в С.-Петербурге летом 1866 года» – там же 1866–1867 г.; «On the development of morbid boue» – «Dr Bealés Arch. of Medec.» 1867, № 16; «Pachymeningitis acuta interna infantum» – Протоколы Общества русских врачей в СПб. 1866–1867 гг.; «Meningitis cerebro-spinalis epidemica in Russland» – «Centrlbl. f. d. Med. Wiss.» 1867 г., № 18; «Ueber die Epidemie von Meningitis cerebro-spinalis in Russland, v. Dr M. Rudnew und J. Burzew» – «Virch. Arch.» 1867, № 21; Некролог Т. С. Иллинского – «Медицинский Вестник» 1867 г.; «О тифе, господствовавшем в С.-Петербурге с сентября 1869 до марта 1870 года» – Протоколы Общества русских врачей в СПб., 1869–1870 гг.; «О простых и сложных келоидах» – «Журнал для нормальной и патологической гистологии» 1870 г., том I; «Общая гистология раковых образований» – там же 1870 г., том II; «О сифилитических

стриктурах желудка» – там же, 1870 г., т. II; «О собачьем бешенстве» – там же 1871 г., т. III; «О спинно-мозговой сухотке и лечении ее Кавказскими минеральными водами» – Протоколы Общества кавказских врачей 1871 г.; «Конституциональный сифилис и Кавказские минеральные воды» – там же 1871–1872» гг.; «Руководство к изучению общей патологии. Лекции, читанные на женском курсе при Императорской Медико-Хирургической Академии в приложении к «Журн. для норм. и патол. гист.» за 1873 и 1874 г.; «По вопросу о введении обязательного оспопрививания в России» – там же 1875 г., т. X; «Международный медицинский конгресс в Филадельфии» – Проток. Общества русск. врачей в СПб. 1876–1877 г.; «Современное состояние специальной медицинской литературы в России» – «Журнал для норм. и патологической гистологии» 1877 г., т. XI.

Под редакцией Руднева вышли следующие сочинения: «О пище и пр.», Э. Вильсона, перев. с английского, 1867; «О параличе, невралгии и пр.», Ю. Алтгауса, перевод с английского, 1867 г.; «Учение об опухолях», Р. Вирхова, перев. с немецкого, 1868 г.; «Руководство к патологической анатомии», Э. Клебса, перев. с немецкого, 1871 г.; «Метод судебно-медицинского исследования мертвых тел», – обработка и перев. судебной медицины Каспера-Лимана – в «Сборник сочинений по судебной медицине» 1873 г.

Л. Ф. Змеев, Русские врачи-писатели, вып. I, СПб., 1886 г.; его же, Былое врачебной России; История Имп. Военно-Мед. Академии за 100 лет, 1798–1898, СПб. 1898 г.; Вл. Крылов, К истории трихиноза в России, Москва. 1876 г.; Двадцатипятилетие деятельности врачей, окончивших курс в Медико-хирург. академии в 1860 году, СПб. 1885 г.; А. Тасенецкий, Исторический очерк кафедры и музея нормальной анатомии при Имп. Военно-медицинской академии за сто лет, СПб. 1895 г.; М. Ландовский, Исторический очерк кафедры гистологии и эмбриологии в Имп. Военно-медиц. академии, СПб. 1898 г.; «Русский мир» 1878 г., № № 341, 353; «Медицинский Вестник» 1879 г., октябрь; «Врачебн. Ведом.» 1879 г., окт.; «Всем. Илл.» 1879, № 527 (с портр.); «Военно-

Мед. журн.» 1879 г., окт.; «Новое Время» 1879 г., окт.; «Голос» 1879 г., окт.; «С.-Петербург. Ведомости» 1879 г. окт.; Д-р И. Коровин, Краткий исторический очерк кафедры патологической анатомии при Имп. Военно-медицинской академии, СПб. 1898 (с портр.); Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908.

Руднев, Михаил Прохорович

Руднев, Михаил Прохорович, генерал-лейтенант, начальник Военно-топографической съемки Новгородской губернии; происходил из дворян Киевской губернии, родился 1806 г., воспитывался в 1-м Кадетском Корпусе, 16-го мая 1824 г. поступил прапорщиком из фельдфебелей 1-го Кадетского корпуса в Саперный (ныне Гренадерский саперный) батальон, в 1825 г. (8-го ноября) произведен был в подпоручики, а 19-го декабря 1828 г. – в поручики. С 1829 г. (18-го марта) по 7-е декабря 1833 г. Р. последовательно служил: в резервном батальоне поселенной 1-й саперной бригады (с 18-го марта 1829 г. по 10-е апреля 1832 г.), в Генеральном Штабе, и (с 21-го июня 1832 г. по 7-е декабря 1833 г.) в Штабе Начальника военных поселений Херсонской и Екатеринославской губернии; наконец, произведенный, 6-го декабря 1833 г., в штабс-капитаны, был назначен (7-го декабря) дивизионным квартирмейстером 5-й легкой кавалерийской дивизии. Эту должность Р. исполнял до 1846 г. в различных только частях войск, 12-го мая 1835 г. он был переведен в 4-ю легкую кавалерийскую дивизию, 30-го мая 1836 г. – во 2-ю легкую кавалерийскую дивизию, 25-го ноября 1838 г. – в первую, потом опять в четвертую дивизию и, наконец, 23-го мая 1841 г. – в 11-ю пехотную дивизию, в которой и находился до назначения своего, 6-го марта 1846 г., в Штаб Отдельного Корпуса Внутренней стражи.

За это время в 1833 г. он, между прочим, заведовал в гор. Вознесенске съемкою и разделением полей Округов военного поселения первых бригад 4-й и 5-й легких кавалерийских дивизий, а 11-го сентября 1836 г. командирован был в г. Дерпт для слушания лекций астрономии у проф. Струве, где и находился по 30-е января 1838 г. – 24-го марта 1836 г. Р. произведен был в капитаны, а в 1847 г. (6-го декабря) произведен в полковники и 18-го июля 1849 г. назначен исправляющим обязанности Члена Военно-Цензурного Комитета, а 11-го декабря 1853 г. – исправляющим обязанности

Правителя Канцелярии Департамента Генерального Штаба. 25-го февраля 1854 г. Р. был утвержден в этой должности и 13-го марта 1860 г. произведен в генерал-майоры с назначением начальником военно-топографической съемки Новгородской губернии. Занимая эту должность, Р., помимо служебных обязанностей, участвовал в составлении Атласа ко дню тысячелетия России, поднесенного Государю Императору, и статистического описания Новгородской губернии. Работы по съемке были, несмотря на неудобства местности, закончены им за год до назначенного срока. 31-го января 1867 г. Р. был произведен в генерал-лейтенанты и 20-го февраля, по болезни, уволен от службы; в том же году, в сентябре, он скончался в Петербурге, где и погребен на Волковом кладбище.

Послужной список 1867 г.; «Петербургский Некрополь», т. III, стр. 632; «Полицейские Ведомости» от 17-го сентября 1867 г., № 202.

Руднев, Михаил Федорович

Руднев, Михаил Федорович, доктор медицины и хирургии; род. в 1840 году, происходил из духовного звания; среднее образование получил в духовной семинарии, по окончании курса которой поступил в Петербургскую Медико-хирургическую академию, в 1868 году был выпущен лекарем и в следующем году назначен врачом сначала в 11-й пехотный Псковской полк, а потом во 2-ой Оренбургский линейный батальон, в котором прослужил шесть лет; в 1875 году Р. был назначен врачом в 13-й Туркестанский батальон и вслед за этим прикомандирован к Петербургской Медико-хирургической академии, так как намеревался защищать диссертацию на степень доктора. В 1877 году Р. получил звание полевого хирурга, защищать же диссертацию ему не удалось, так как, вслед за получением звания полевого хирурга, он был назначен старшим врачом 1-го Оренбургского линейного батальона, а затем – в резерв врачей-хирургов действующей армии.

По окончании Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Р. снова был прикомандирован к Академии и начал готовить диссертацию: «О реплантации и трансплантации цельных трубчатых костей и костных кусков» (Дисс. Д. М., СПб. 1880 г.), которую и защитил 24-го мая 1880 года, получив степень доктора медицины и хирургии.

Назначенный в Оренбургский линейный батальон, а затем во 2-ой Закаспийский стрелковый батальон, Р. в 1882 году перевелся в Оренбургскую Неплюевскую военную гимназию, а в следующем году – старшим врачом Оренбургской же военной прогимназии и здесь оставался до 24-го января 1885 года, когда был назначен старшим ординатором Оренбургского военного госпиталя, но в середине 1885 года скончался в Оренбурге.

Л. Ф. Змеев, Русские врачи-писатели, вып. II, СПб. 1889 г., тетр. 5, стр. 101; «Военно-Медицинский Журнал» 1882 г., ч. 144, август, № 8, официальная часть, стр. 69 и 1885 г., ч. 152, февраль, № 2, офиц. часть, стр. 24.

Руднев, Николай Алексеевич

Руднев, Николай Алексеевич, профессор Ярославского Демидовского училища; происходил из духовного звания, родился в 1783 году, первоначальное образование получил в Тульской семинарии, а закончил – в С.-Петербургском главном педагогическом институте, по окончании курса в котором, 20-го октября 1809 г., был определен учителем в Ярославское уездное училище, откуда 20-го июля 1812 г. переведен был старшим учителем латинского языка в Ярославскую гимназию; 15-го марта 1824 г. Рудневу вместо латинского языка поручено было преподавать исторические науки, но в том же году (1-го сентября) он был назначен штатным смотрителем Ярославского уездного училища; 21-го ноября 1829 года Р. был утвержден Министром Народного Просвещения профессором политической истории, всеобщей и русской истории и статистики в Ярославском Демидовском высших наук училище; в 1832–1834 гг. он исправлял должность секретаря Совета Училища, где читал также и курс географии.

Р. издал книжку: «Рассуждение о постепенном распространении сведений о земной поверхности», М. 1830 г., 4°; ему же, вероятно, принадлежит статья «Статистико-географическое описание Российского Государства в начале XVII столетия» (из сочинения Нейгебауера под названием «Moscovia») в «Журн. Мин. Нар. Просв.», ч. XI.

Умер в июне 1836 года.

Формулярный список в Сенатском Архиве (сообщен Н. А. Мурзановым); «Временник Демид. юрид. лица», кн. 42, статья Головщикова, стр. 87; «Моск. Ведом.» 1830 г., № 56, стр. 2517; Г. Геннади, Словарь русских писателей, т. III, М. 1908, стр. 278.

Руднев, Николай Андреевич, протоиерей

Руднев, Николай Андреевич, профессор Московской духовной академии; воспитывался в Московской духовной семинарии (до 1832 г.) и в Московской духовной академии, курс которой окончил в 1836 г. 1-м магистром 10-го курса, после чего был назначен, в августе 1836 г., профессором словесности в Московскую семинарию, а в январе 1837 г. перемещен был бакалавром в Московскую академию; в 1840 году рукоположенный во священника, он служил при Георгиевской в Грузинах церкви.

Умер в сане протоиерея, в Москве, 5-го сентября 1876 г.

Им написано «Рассуждение о евреях и расколах», изданное в Москве в 1838 г.

Н. Кедров, Московская духовная семинария. 1814–1889, М. 1889, списки, стр. 17 и 61; Г. Геннади, Словарь русск. писателей, т. III, М. 1908, стр. 278;»Моск. Епарх. Ведом.» 1876, № 39, стр. 336.

Рудницкий, Николай Иванович

Рудницкий, Николай Иванович, художник; происходил из дворян и был родом поляк; родился в 1831 году; по окончании курса учения в Виленском дворянском институте он в 1846 году был определен в Радзивилловскую Таможню, откуда в 1851 году переведен был в Бессарабскую Казенную Палату, но, по страсти к живописи, вышел в 1855 году в отставку и отправился в Петербург, где был принят в класс гипсовых фигур Академии Художеств (15-го апреля 1855 года), через два года переведен был в натурный класс, где пробыл сравнительно долго, причем весь 1859 год, «по домашним обстоятельствам», не посещал классов; в 1861 году Академия наградила 30-летнего ученика-художника второю серебряною медалью за автопортрет, а в 1866-м году выдала ему аттестат на звание некласного художника; дальнейшая деятельность и работы Рудницкого неизвестны, но нельзя не отметить, что в 1864 году художник просил от Академии отпуска (и получил его) для поездки в Бессарабию «для художественных занятий».

Архив Академии Художеств, д. № 33/Р; П. Петров, Материалы, т. III, стр. 83 (упоминаемый здесь Рудницкий, ученик Академии в 1847 году, автор картин «женская головка» и «акварельный портрет», присланные из Радзивилова, быть может – одно лицо с Н. Р.).

Рудольский, Александр Андреевич

Рудольский, Александр Андреевич, архитектор; родился в 1806 году; происходил из обер-офицерских детей Московской губернии; 11-ти лет от роду поступил в число учеников или, как тогда говорили, «вступил в службу в Архитектурную школу ведомства Экспедиции Кремлевского строения», где и пробыл в течение 6 лет, когда определился учеником архитектуры в Московский Почтамт. Служа архитектурным учеником, что соответствует нынешнему строительному десятнику, Рудольский 31-го декабря 1824 года был произведен в коллежские регистраторы, а через три года (28-го января 1827 года) был переведен, уже архитекторским помощником, в штат Московского губернского архитектора, но в этой службе оставался недолго, поступив 1-го августа 1828 года «учителем русского языка и рисования» в Московский кадетский корпус. Учительствовал Рудольский в течение 7 лет, выйдя 7-го июля 1835 года в отставку в чине титулярного советника. Затем 19-го апреля 1840 года он снова поступил на службу – на казенную Лосиную фабрику, при которой исполнял обязанности архитектора.

6-го декабря 1845 г. Рудольский отправил прошение в Императорскую Академию Художеств и, указывая, что «он возымел желание получить звание архитектора, просил Академию назначить ему проект. Академия, что очень характерно, как будет видно из нижеследующего наложения, потребовала «предварительно архитектурного черчения с надлежащим исполнением без посторонней помощи»; Рудольский доставил такие чертежи, и Академия задала ему проект «гимназии на 100 человек»; в августе 1847 года Рудольский представил проект и явился сам в Академию Художеств для устных испытаний в строительном искусстве, но его постигла неудача: титулярный советник не выдержал испытания, а 30-го октября 1847 года программа его была найдена «неудовлетворительною». Об этом Академия Художеств известила Рудольского по месту его службы – в

Богородский уезд Московской губернии, на казенную Лосиную фабрику. Рудольский не замедлил письменно разъяснить Академии Художеств причину своей неудачи: он писал, что в то время, как получил задание проекта от Академии Художеств, был слишком занят по службе и потому не мог с достаточным вниманием разработать этот проект. Приводя оправдание, Рудольский просил задать ему другой конкурс.

4-го июня 1848 года Академией Художеств ему дана была вторая тема: проект концертного зала на 1200 человек. Разработка Рудольским этого проекта была признана удовлетворительною, но оставалось еще препятствие: нужно было ехать в Академию и держать устный экзамен по строительному искусству; очевидно, боясь неудачи, Рудольский сумел найти выход: он обратился к профессору К. Тону, который был в то время в Москве, на постройке храма Христа Спасителя, и Тон 1-го мая 1851 года выдал Рудольскому аттестат, в котором признавал его сведения в теории строительного искусства вполне достаточными. Этот аттестат вместе с указанием на невозможность, вследствие казенной службы, явиться в Петербург, в Академию Художеств на устные испытания, Рудольский представил в Академию; последняя не могла заподозрить Тона и, признав аттестат, выданный Тоном, равносильным испытаниям при Академии, 26-го ноября 1851 года определила: выдать Рудольскому аттестат на звание художника по архитектуре. Дальнейшая служба Рудольского протекла в качестве архитектора при Московской Комиссариатской Комиссии.

Говоря о требовании Академией Художеств от Рудольского архитектурных чертежей, да еще заверенных подлежащим начальством, мы подчеркнули, что это требование Академии было очень характерно для последней, и вот на каком основании. Пять лет отставки (с 1835 по 1840 г.) Рудольский не отдыхал, а посвятил себя издательской деятельности. В 1838 году он издал книгу «Домостроение. С планами, фасадами каменных и деревянных городских и сельских зданий, расположенных в изящном и простом вкусе, флигелей, кухонь, сараев, амбаров, конюшен, разных садовых украшений, как-то

беседок, гротов, мостов и многими другими чертежами, составленное титулярным советником Александром Рудольским», в 3 частях, Москва, в типографии Николая Степанова: 1-ая часть – 20 стр. текста (Вступление. О зданиях вообще) и 17 чертежей, 2-ая часть – 14 стр. текста (описание строительных материалов) и 7 чертежей, 3-я часть – 10 стр. текста (изъяснение планов и фасадов) и 126 чертежей, а в 1839 году появилось другое издание Рудольского: «Архитектурный альбом для хозяев, содержащий в себе более 100 архитектурных чертежей, нужнейших для сельских строений, как-то: сельских домов, конных и скотных дворов, овинов и многих других рисунков, касающихся до сельского домостроительства», Москва, в типографии Ивана Смирнова при Императорских Московских Театрах, 1839 г., 24 стр. текста + 139 чертежей на 99 таблицах. Очевидно, имея за собою такие работы по архитектуре, Рудольский, обращаясь в Академию Художеств с просьбою дать ему проект, думал, что его работы Академии Художеств небызвестны. Но наше высшее учреждение по распространению художественных знаний или не знало о работах Рудольского, или игнорировало их и, основываясь на букве своего Положения, потребовало представления специальных архитектурных чертежей, чтобы судить о том, умеет ли Рудольский «чертить». Не менее характерны и те темы, которые Академия задавала Рудольскому. Последний, в своем прошении, указывал, что он исполняет обязанности архитектора при казенной фабрике; в своих двух книгах Рудольский разрабатывал специальные задания для сельских хозяев, а Академия задала ему сперва проект гимназии, а потом – проект концертного зала, которые не имели ни малейшего отношения к деятельности Рудольского.

Изданные Рудольским пособия не безынтересны, и будущий историк архитектуры в России не сможет обойти их молчанием. К первой своей книге Рудольский приложил следующее введение: «Получив от искусных и опытных наставников твердые начала гражданской архитектуры в училище, Высочайше учрежденном при Московской Кремлевской Экспедиции, я почувствовал непреодолимую склонность и,

смею сказать, открыл в себе достаточные способности для сей благороднейшей и необходимой в общежитии науки. Опыты, приобретенные мною на службе, в ведении Московского Почтамта и Губернского Правления, внимательные наблюдения при земляных, деревянных и каменных работах и сведения, собранные мною в сочинениях лучших отечественных и иностранных архитекторов дали мне способ самому приступить к делу, и первый шаг на этом трудном и опасном пути был удачен. Собственные мои планы, фасады, сметы, прочность и красивость удовлетворили удобства в помещении, желанию и вкусу образованнейших и именитых домоводов. При всем том, имея пред собою лучшие произведения опытнейших зодчих, я не осмелился бы представить ученому свету изложение заимствованных правил и собственных моих дополнений, если бы, признаюсь с благодарною скромностью, не побудило меня к сему настоящее желание особ, которым оказал я удовлетворительные услуги в сем роде. Строгий суд и благосклонный прием трудов моих в расчетливом мнении домостроителей, имеющих вкус образованнейший, будут для меня и поощрением к дальнейшим предприятиям, и лестною наградой».

Предисловие это очень характерно: оно свидетельствует, прежде всего, о том, что Рудольский не был заурядным архитектором, что в нем были заложены хорошие начала – стремление к самоусовершенствованию и развитию; далее, в этом предисловии есть указание, что работы Рудольского, «прочность и красивость», как говорит он сам, обращали на себя внимание. Но, очевидно, были какие-то обстоятельства, которые не позволили Рудольскому пойти по тому пути, который он намечал себе изданием двух вышеуказанных книг, а заставили поступить на казенную службу; кажется, некоторую роль играли семейные обстоятельства: Рудольский был дважды женат, имел детей, издание же архитектурных книг с чертежами в то время (1838 и 1839 г.) стоило очень дорого, расходились книги туго и кроме убытка, вероятно, ничего не давали. Конечно, могли быть и другие обстоятельства, но нам, к сожалению, не удалось их отыскать.

Введение в «Домостроительство» интересно в том отношении, что показывает способность Рудольского улавливать в других сочинениях главные мысли и умение излагать кратко и ясно. Судя по этому «введению», можно думать, что Рудольский был хорошим преподавателем русского языка. Конечно, во «Введении» он не высказывает каких-либо своих мыслей, а пересказывает лучшие сочинения по архитектуре того времени. Многочисленные ссылки на Палладия, Ваньолу, Витрувия, Дюрана и т. д. показывают, что Рудольский основательно познакомился с литературой предмета, и, безусловно, читатели 1840-х годов не без интереса и любопытства могли прочесть этот краткий очерк развития архитектуры. Обращаясь к практическим советам, укажем, что, по мнению Рудольского, при самом легком размышлении мы увидим, что всегда и везде все мысли и действия человека происходили от двух главных начал: от любви добра к самому себе и от отвращения от зла. Поэтому люди, при построении частных домов и публичных зданий, должны стараться: 1-ое, получить от них большую выгоду и, следовательно, строить их сообразно назначению; 2-ое, смотреть, чтоб работы не были слишком тяжелы и не требовали бы больших издержек, когда надобно платить за них деньги.

Если, издавая первый свой труд – «Домостроение», Рудольский преследовал и общие задачи – познакомить русского читателя с развитием архитектуры, то при издании «Архитектурного Альбома» он имел в виду исключительно нужды русского помещика. Конечно, эта последняя книга в настоящее время имеет исключительно исторический интерес: по ней можно судить о том, как строился небольшой, среднего достатка русский помещик; и настоящее время мы более или менее изучили усадьбу русских аристократов и богатых людей, мы знаем, что дворцы в подмосковных и других имениях строили первоклассные архитектора, но как строился средний, рядовой русский человек, как он украшал свою резиденцию, какие разбивал сады, какие строил беседки и т. д., – мы на это не обращали и не обращаем внимания. В этом отношении «Архитектурный Альбом» Рудольского дает большой материал:

здесь мы находим, кроме «сельского одноэтажного дома длиною на 9½ шириною на 7½ саж.», и «двухэтажный небольшой сельский домик для летнего пребывания», и «хлебный амбар», и ряд скотных и конных дворов, и «оранжерей», и «беседки», и «каменный грот», и «пустыньку для сада», «вороты для околицы селения» и т. д.

Что же касается до самых чертежей, то они вполне отвечают тем требованиям, которые предъявлялись к чертежам в 1840-х годах: они изящны, отличаются художественностью в исполнении, все детали их ясны и точны. Если в «Архитектурном Альбоме» проекты хозяйственных построек и могут быть признаны плодом собственного творчества Рудольского, то большинство фасадов «Домостроения» является перепевами и перефразировками проектов больших мастеров, но все же нельзя не отметить, что это не простое, рабское подражание или перекопировка: во многих случаях проект большого мастера подвергался значительной переработке, в зависимости от условий строительства. Греческих и римских построек Рудольский не предлагал строить русским хозяевам и тщательно следовал вышеприведенным двум правилам строительства.

Архив Академии Художеств, дело № 21/P.; «Северная Пчела», pass.

Рудольфов, Яков Васильевич

Рудольфов, Яков Васильевич, профессор Казанской духовной академии, род. в 1833 году в семье небогатого священника, в Саратовской губернии; воспитание получил сначала в Саратовском духовном училище, а потом в Саратовской же духовной семинарии, по окончании курса которой в 1852 году был послан на казенный счет в Казанскую духовную академию; здесь шел одним из лучших студентов и воспитывался на казенный счет; в 1856 году окончил курс Академии со степенью магистра богословия и, ввиду выдающихся способностей и редкого трудолюбия, был оставлен при Академии и назначен бакалавром по классу еврейского языка, а 9-го декабря следующего года взял на себя преподавание патрологии и эту кафедру занимал до самой своей кончины; некоторое время был помощником секретаря академического Правления, а потом в течение многих лет был экономом Академии. В 1868 году он оставил последнюю должность, а в следующем году был назначен экстраординарным профессором по занимаемой им кафедре, не прекращая лекций даже тогда, когда его тяжкая болезнь достигла крайнего развития; скончался 3-го декабря 1869 года, на 37-м году от роду.

«Православный Собеседник» 1869 г., январь, ст. А. Трекова: «Яков Васильевич Рудольфов» (некролог), стр. 57–78; Г. Геннади, Словарь русских писателей, т. III, М. 1908, стр. 278.

Рудольф, Иван Яковлевич (Johann-Heinrich-Friedrich Rudolph)

Рудольф, Иван Яковлевич (*Johann-Heinrich-Friedrich Rudolph*) – академик Императорской Академии Наук, ботаник; родился в Йене 11-го января 1754 года и был сыном Якова Р., бывшего секретарем в Эйзенахе; образование получил сперва в йенской школе, а затем, с 1771 года, – в Йенском университете, где ревностно изучал математику у Гамбергера и Видербурга (из коих последний обучал его у себя на дому и астрономии), философию у Геннингса и Ульриха, физику и статистику – у Суккова (который поручил ему в смотрение сына своего), естественные науки – у знаменитого Валха. По окончании курса Р. собирался поступить в Штутгартскую военную школу, но, поступив помощником письмоводителя к д-ру Нейбаеру, Р. решил заняться медициной, которую и изучал у Нейбаера (анатомию, хирургию и акушерство), Николаи, Грунера, Шенке и др. При экзаменах Р. представил ботаническую диссертацию на латинском языке (о растениях йенской флоры) и, успешно защитив ее, 1-го февраля 1781 г., получил диплом на степень доктора медицины и хирургии.

В 1782 г., в январе, по его словам, он получил приглашение от Петербургской Академии Наук принять участие в ученой экспедиции на Кавказ, в качестве ботаника, но по болезни не мог приехать вовремя, почему вместо него отправился с экспедициею Зуев, а Р., приехав в Петербург в 1783 году, получил от Академии приглашение занять место ее адъюнкта, однако отказался от этого предложения, по незначительности содержания, получавшегося адъюнктами, и вскоре определен был, 24-го октября 1783 г., врачом в г. Рождествен, но поспешил уехать из этого глухого городка, выйдя в отставку «по домашним обстоятельствам». Приехав снова в Петербург, Р. поступил 1-го апреля 1784 г. во вновь открытый Калининский Медико-хирургический институт профессором хирургии, клиники и повивального искусства и от Медицинской Коллегии получил право медицинской практики в России (21-го октября 1784 г.);

кроме того, Р. служил в течение 18 лет врачом при Госпитале хирургического института, безвозмездно. Калининский институт д-ру В. Груздеву рисуется, как «создание немецких рук», основанное «со специальною целью облегчить русским немцам получение лекарственных дипломов»; по его словам, «кафедры в институте отдавались лицам, единственное достоинство которых заключалось в их немецком происхождении».

Когда затем знаменитый академик П. С. Паллас представил Р. Адмиралтейской Коллегии, как первого естествоиспытателя, в экспедицию в Западный Архипелаг (Океанию), для открытий, с жалованьем за три года 6000 рублей, да сверх того на инструменты и книги 2000 руб., а по истечении 3-х лет и по окончании путешествия, с 2000 руб. единовременной награды, пожизненной пенсией в 1000 руб., повышением чина и награждением орденом – Р. уже стал готовиться к экспедиции, уверенный в своем участии в ней, но экспедиция не состоялась, и ему пришлось остаться профессором Калининского института, где он и прослужил до 1791 года, когда был, по прошению, уволен от службы; однако, уже 1-го августа 1793 г. Р. снова поступил в тот же институт, получил затем чин надворного советника (27-го сентября 1799 г., со старшинством с 24-го октября 1794 г.), а после выхода в отставку профессора Петра-Фридриха Гофмана (30-го апреля 1800 г.), преподававшего в институте патологию и терапию, а также заведовавшего Петербургским Ботаническим Садам, лекции его, до приискания другого преподавателя, были поручены Рудольфу, с профессорским жалованьем по этой кафедре; точно так же, когда профессор Ф. К. Уден, заместивший Гофмана, взял месячный отпуск, Р. читал за него лекции и потом потребовал за это жалованье, которое получил из сумм Медицинской Коллегии (1800 г.). В 1796 г., по случаю посещения акушерской клиники в Медико-хирургическом институте Императрицею Мариєю Феодоровною, Р. получил от нее золотую табакерку, а от Императора Александра I – перстень.

28-го августа 1797 г. он был избран почетным членом Имп. Академии Наук; весною 1802 г. Р. был предложен Конференции Академии к избранию в члены Академии по кафедре ботаники,

но, однако, не был избран; когда же, 22-го декабря 1804 г., академики Озерецковский, Фус и Шуберт снова предложили Р. к избранию, Конференция 15-го февраля 1804 года избрала его ординарным академиком по ботанике.

Рудольф был довольно деятельным членом академического собрания и заведовал ботаническим садом Академии. В 1804 г. он совершил, по поручению Конференции, научную экскурсию в Финляндию.

С 1803 года, после того, как Калининский институт был упразднен и присоединен к Медико-хирургической академии, превратившись в немецкое ее отделение, Р. был назначен профессором Медико-хирургической академии по кафедре ботаники, повивального искусства и судебной медицины и читал первую – по Линнею, второе – по Штейну и третью – по Пленку; с 1808 г. он читал ботанику и фармакологию и заведовал Ботаническим Садом.

Р. был с 1786 г. членом Вольного Экономического Общества, в «Трудах» коего поместил ряд статей, и в 1787 г. принят в члены Физического и в 1789 г. – Минералогического Йенских Обществ, а в 1801 г. признан был членом Лондонского Линнеева Общества; в 1802 г. он был удостоен звания Почетного Члена Медицинской Коллегии.

Р. умер 19-го августа 1809 года, от антонова огня, в Петербурге.

Библиотека Р. после его смерти была продана его вдовой для библиотеки Имп. Медико-хирургической академии; вдове было выдано 4000 руб. из сумм Московского Отделения Академии, с тем, чтобы в него поступили дублиеты библиотеки Рудольфа. В Академию Наук куплен был его гербарий за 2000 руб. (более 5000 видов).

Из работ его известны: 1) «*Commentatio botanica in genus Ziziphora dictum*» (Conventui exhibitum die 1 maii 1805) – «*Nova Acta Acad. Imp. Scient.*», t. XV, p. 468–472, «*Mém. de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg*», V série, t. I, p. 423–437 и (sectio tertia) – *ibid.*, t. II, p. 307–317 (с 3 таблицами; представлено 15-го июня 1808 г.); 2) «*Descriptio botanica novae speciei Myosotidis*», с табл. (представлено 2-го июля 1806 г.) –

«Mém. de l'Acad.», V série, t. I, p. 349–354; 3) «Descriptio botanica novae speciei Fumariae», с табл. (представлено 4-го февраля 1807 г.) – *ibid.*, t. I, p. 379–383; 4) «Dissertatio exhibens novissimas plantas Sibiriae Orientalis», с 2 табл. (представлено 1-го марта 1809 г.) – *ibid.*, t. IV, p. 339–349. В «Трудах Вольного Экономического Общества» он напечатал статьи: «Описание красивых мхов» (ч. 55, стр. 30–47), «О хлебных произрастениях» (ч. 53, 1803, стр. 1–29), «Суслик, хлебное растение» (ч. 56, стр. 120), «Описание Алтайского или озимого лука, Бутун называемого, сера rupestris, в отношении к хозяйству и врачевным силам» (ч. 57, 1805, стр. 313–319); «Описание растения каперсов» (ч. 50, 1807, стр. 17–26, с рис.); «Описание земляного ореха или подземного американского ореха, *Arachis hypogaea*, у Линнея, яко растения, очень полезного к разведению в южных областях России» (ч. 59, 1807, стр. 271–281, с фигур.); «Речь о масляных растениях в России, говоренная декабря 21-го 1807 г. в торжественном собрании Имп. Вольного Экономического Общества» (ч. 60, 1808, стр. 326–338). Упомянутая выше диссертация Рудольфа носит следующее заглавие: «Dissertatio botanica sistens florae Jenensis plantas ad polyandriam monogymiam Linnaei pertinens», Jenaе. 1781, 4°.

Формулярный список в Архиве Правления Имп. Академии Наук (кн. I, л. 89); «Mémoires de l'Académie Impér. des Sciences de St.-Pétersbourg», t. III, St.-P. 1811, p. 8; Мумр Евгений, Словарь светских писателей, т. III; М. 1845, стр. 153–156; Я. Чистович, История первых медицинских школ в России, СПб. 1883, стр. CCLXXXV–CCLXXXVI; «Всеобщий Журнал врачебной науки», 1811 г., № 2, стр. 101–106; Б. Л. Модзалевский, Список членов Имп. Академии Наук, СПб. 1908; Протоколы Конференции Имп. Академии Наук, т. IV, ч. I; История Имп. Военно-Медицинской Академии за сто лет, СПб. 1898, стр. 91, 126, 182; Систематический Каталог Библиотеки Имп. Медико-Хирургической Академии, ч. I, т. 1, СПб. 1871, стр. IV; П. Г. Голубев, Исторический Очерк Библиотеки Имп. Военно-Медицинской Академии, СПб. 1898, стр. 8; В. Груздев, Исторический Очерк кафедры акушерства и женских болезней

Имп. Военно-Медицинской Академии, СПб. 1898, стр. 12–13, 20–28, 24, 33; П. П. Сущинский и С. Д. Костюрин, Очерк истории кафедры фармакологии... в Имп. Военно-Медицинской Академии, СПб. 1898, стр. 11; В. И. Липский, Историч. очерк Имп. Ботанического Сада, т. III, СПб. 1913, стр. 230, 248, 249, 254–255; его же, Биографии и литератур. деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Имп. Бот. Садам, вып. III, Петр. 1915, стр. 422–424.

Рудольф, Михаил Давыдович

Рудольф, Михаил Давыдович, землемер, писатель; жил в Москве, где и умер в феврале 1867 г.

Он издал несколько полезных карт и планов, а именно: 1) «Москва, с топографическим указанием всей ее местности и окрестностей», 3 ч., с планом, М. 1842, 12°; 2) «Указатель местности в Кремле и Китае-городе столичного г. Москвы», Вып. I, М. 1846; с планом; 3) «Карта железной дороги между С.-Петербургом и Москвою», с 2 планами обеих столиц, М. 1851; 4) «Историко-топографическое описание к плану Троице-Сергиевой лавры и ее окрестностей». Издание М. Неронова, М. 1859, в 16° д. л.; 5) «Описание местности Москвы и С.-Петербурга», М. 1852, 16°; 6) «Топографическая подробная карта Московской губернии», на 2 листах, М. 1866; 7) «План Москвы и окрестностей», М. 1853, 6-е издание, М. 1865 и 8-е – 1868; 8) «Топографический купеческий рядский календарь к плану Московских рядов и гостинных дворов». Издание В. Руднева, М. 1862, 16°.

Г. Геннади, Справочный словарь о русских писателях, т. III, М. 1908, стр. 278–279.

Рудольф, Федор Федорович (Фридрих Адольф)

Рудольф, Федор Федорович (Фридрих Адольф), архитектор; сын камер-музыканта, родился 29-го июля 1818 года; был, может быть, родственником умершего в феврале 1787 году в Петербурге комнатного живописца из Штетина *Иоганна Михаила Рудольфа* (см. «С.-Петербургские Ведомости», 1787 г., стр. 1130), работавшего в Петербурге и Царском Селе *al fresco*. Первоначальное образование, как сын камер-музыканта, Р. получил в Театральном училище, курса учения в котором не окончил, а поступил в ученики к архитектору Стасову. 15-го января 1845 года, представляя свои работы в Академию Художеств, он просил назначить ему программу, и Академией была дана тема: «проект больницы для неизлечимых». Разработка программы была признана удовлетворительной, но устных испытаний Рудольф не выдержал и не рискнул держать при Академии вторичный экзамен, а 20-го мая 1846 года обратился к ней с прошением, в коем, указав, что после неудачного испытания в теории строительного искусства он особенно усиленно занялся теорией, просил проверить его знания в «Департаменте проектов и смет», где программа испытания была, по его словам, совершенно одинакова с программой испытания в Академии Художеств и где Рудольф выдержал испытание с полным успехом. Получив это прошение, Академия удовлетворила ходатайство Рудольфа и признала его, 20-го июня 1846 года, «в звании некласного художника по архитектуре».

Получив звание архитектора, Рудольф определяется (15-го ноября 1847 г.) исправляющим должность архитектора в Правление 1 Округа Путей Сообщения, который в то время наблюдал за постройками в С.-Петербурге. Видимо, Рудольф был на хорошем счету у начальства, и в следующем, 1848 году откомандирован был производителем работ по зданию С.-Петербургской Городской Думы, в которой расширялся и

украшался зал думских заседаний. По окончании этой работы Рудольф получил назначение членом Комиссии по устройству домов на Охте (19-го февраля 1850 г.). В это время был поднят вопрос о присоединении Охты к городу и поэтому полагали усилить внимание над этим пригородом Петербурга.

8-го мая 1853 года Р. обратился в Академию Художеств с просьбою назначить ему программу на звание академика. К сожалению, в делах Академии не сохранилось сведений, дала ли Академия просимую программу и выполнил ли ее Рудольф.

У архитектора Фридриха Адольфа Рудольфа был еще старший брат – *Карл Рудольф*, который, по экзамену в Академии в 1824 году, был принят в число учеников Академии, а через 6 лет, в 1830 году, переведен в 1-ый возраст; очевидно у Карла Рудольфа не было художественных способностей.

Архив Академии Художеств, д. № 61/Р; П. Н. Петров, Материалы для истории Академии Художеств, т. II, стр. 198, 249.

Рудольф, Эрнест Федорович

Рудольф, Эрнест Федорович, агроном, писатель; жил в усадьбе Халезовой, Макарьевского уезда Нижегородской губернии, а в 1842 г. проживал в селе Гущине, Галичского уезда Костромской губернии. В «Земледельческой Газете» он напечатал статьи: «Некоторые замечания на вопросы г-на Ельчанинова» (1838 г., № 51), «О предсказании погоды» (1838 г., № 82), «О сельском производстве в северных лесных губерниях» (1839 г., № 78; в этой статье Р. извещал, что он переводит сочинение Амона: «Полное руководство для конских извозчиков»), «Нечто о времени жатвы ржи» (1843 г., № 4).

Рукопись Р., с девизом «Что хорошо для предка и для внука», представленная в 1841 г. на конкурс, получила в 1842 г. от Ученого Комитета Министерства Государственных имуществ малую золотую медаль, а книга «Сходка кладоискателей» (181 стр., 4°, на русском языке, с девизом: «Покуда до ананаса, довольны будьте ковшом кваса»), представленная на конкурс в Ученый Комитет того же Министерства, в 1844 г. награждена была малой золотой медалью в 50 червонцев. В 1845 г. в Петербурге Р. издал (при «Журнале Министерства Государственных Имуществ» 1844 и 1845 гг.) «Земледельческий Календарь» (50 экз. которого было приобретено Вольным Экономическим Обществом) и «Земледельческий Календарь, примененный к хозяйству северной и средней полосы России» (Прибавление к журналу «Эконом» на 1849 год), изд. 2-е, значительно дополненное и исправленное, СПб. 1849; «О плуге и плугах в механическом и земледельческом отношениях», с рисунками, СПб. 1846, 8°.

Рудольф был с 1842 г. членом-корреспондентом Императорского Московского Общества Сельского Хозяйства и корреспондентом Вольного Экономического Общества; был жив еще в 1855 году, когда получил от последнего Общества большую серебряную медаль за ответы на конкурсную от Общества тему о сушке хлеба и о хранении его.

В «Земледельческом Журнале» Московского Общества Сельского Хозяйства Р. напечатал статьи: «О конских породах и о влиянии, под которым они образуются» (1841 г.), «Что стоит содержание домашних животных и какой получается от них доход в средней и северной полосах России» (1842 г.), «О распределении и учете зимнего корма для скота в северных губерниях России» (1842 г.), «Некоторые очерки издельного хозяйства в Костромской губернии», с таблицами (1843 г.).

А. А. Титов, «Материалы для биобиблиографического Словаря». Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. По рукописи М. Я. Диева, М. 1892 (из журнала «Библиогр. Записки»), стр. 37–38, № 111; А. И. Ходнев, История Имп. Вольного Экономического Общества. СПб. 1865, стр. 285 и 437; С. Маслов. Историческое обозрение Имп. Московского Общества сельского хозяйства, Москва. 1846, стр. 125 и прил., стр. 204 и 276.

Рудыковский, Андрей Петрович

Рудыковский, Андрей Петрович, автор «Воспоминаний»; брат *Е. П. Рудыковского* (см.); родился 2-го октября 1796 г. в с. Ольшанке, Васильковского уезда Киевской губернии, и рано потерял отца; воспитывался, на казенном содержании, в Киевской академии, откуда вышел еще из низшего отделения в 1811 г., вследствие пожара, случившегося в Киеве, на Подоле, от которого сгорел Братский монастырь с церковью, академические классы и бурса. Прожив два года в деревне в великой бедности, Р., потеряв мать и оставшись сиротой, отправился к родственнику своему в Житомир, где занимался столярным ремеслом, потом жил у дяди в деревне, а в 1815 г. был выписан братом Евстафием, врачом в Киеве, и определен, со званием недоросля из дворян, подпрапорщиком в Томский пехотный полк, стоявший в Черниговской губернии, через два года произведен был в офицеры, а спустя год был переведен, служа в Бутырском полку, в 1820 г., в военные поселения в Новгородскую губернию, где пробыл до ноября 1821 г., затем до 1830 года служил в Харьковской губернии, командуя ротой Бутырского полка и дослужившись до чина капитана; в 1830 г. Р. был с маршевым батальоном отправлен в Польшу, переведен в Волынский полк, в 1833 г. участвовал в походе в Молдавию и Валахию, в 1839 г. переведен был в Измаильскую крепость плац-адъютантом, а в 1848 г. уволен был по прошению от службы, «с награждением чином майора, мундиром и пенсионом полного жалованья по 315 р. в год».

Поселившись затем в Киеве, Р. жил здесь до самой смерти, последовавшей 3-го августа 1874 г.; погребен он на Киевском кладбище «Щековиха».

Любопытный отрывок из воспоминаний Р.: «Устройство военных поселений (из записок отставного майора А. П. Рудыковского)» напечатан был, еще при его жизни, в «Русской Старине», т. VIII, 1873, кн. 10, стр. 594–596; его «Воспоминания от юности бурсацкой жизни до вступления в военную службу и до офицерского чина» – искренний и неприкрашенный рассказ о

внутреннем быте дореформенной бурсы, о быте сельского духовенства в юго-западном крае в начале XIX века, о службе в войсках в провинции, изданы внуком Р. – В. П. Щербиною в «Киевской Старине» 1892 г., май, и отдельным оттиском в брошюре: «Из семейного архива. I. Записки А. П. Рудыковского. II. Стихотворения Е. П. Рудыковского», Киев. 1892, стр. 1–18.

В. П. Щербина, Из семейного архива, Киев. 1892 г.; надгробная надпись.

Рудыковский, Евстафий Петрович

Рудыковский, Евстафий Петрович, врач, автор воспоминаний; старший сын из дворян священника в с. Ольшанке, Васильковского уезда Киевской губернии (имении графа К. Браницкого); родился 21-го сентября 1784 г., учился в Киеве, в бурсе, на казенном содержании, затем в Киевской же академии, которую был избран для отправки (1806 г.) в Петербург, и Медико-хирургическую академию; в ней он и окончил курс, со званием лекаря, в 1810 г. и в том же году, 30-го июня, определен был на службу лекарем в Томский пехотный полк, с которым в 1812–1815 гг. участвовал в Отечественной войне (за которую имел медаль), находился в сражениях под Смоленском (5-го августа 1812 г.), при Бородине (24–26-го августа), под Малым Ярославцем (12-го октября), под Красным (6-го ноября); в 1813–1815 гг. был с полком в Герцогстве Варшавском, Силезии, Саксонии, Баварии, Франции, Пруссии; в походе он познакомился с Н. Н. Раевским, генералом М. Ф. Орловым и др. В 1818 г. Р. перешел на службу в родной Киев, в военный госпиталь и вскоре был прикомандирован к Штабу 4-го пехотного корпуса, главная квартира коего была в Киеве же.

В 1820 г. Р. сопровождал генерала Н. Н. Раевского, совершавшего с сыном и дочерьми поездку из Киева на Кавказские минеральные воды; с ними ехал и Пушкин (упоминающий о Р. в своем письме к брату от 24-го сентября 1820 года), и Р. оставил нам свои воспоминания о встрече своей с поэтом в Екатеринославе и о совместной поездке с ним на Кавказ – «Встреча с Пушкиным (из записок медика). 19 мая 1820», – напечатанные в «Русском Вестнике» 1841 т., т. I, стр. 273–274 (перепечатаны П. В. Анненковым в «Материалах» для биографии Пушкина, стр. 66–67); в записной книжке Пушкина того времени сохранилось двустишие: «Аптеку позабудь ты для венков лавровых, И не мори больных, но усыпляй здоровых»; эту эпиграмму с большим вероятно можно относить к Рудыковскому, который занимался писанием стихов и в одном шуточном стихотворении вспоминает даже, как он воспевал с

Пушкиным Нарзан; был знаком Р. и с Грибоедовым. Отношения его с семьею Раевского не прерывались и позже; у него в доме, а также по службе Рудыковский сталкивался со многими декабристами, лечил некоторых из них и был в дружественных отношениях, но о планах их не был осведомлен.

В 1825 г. Р. оставил военную службу и поселился в Киеве, определившись в больницу Приказа общественного призрения (Кирилловскую), а в 1834 г., уже в чине статского советника (с 31-го декабря 1831 г.), перешел в Киевский военный госпиталь, в котором служил до самой смерти, сперва младшим, а потом старшим ординатором и имел звание штаб-лекаря. В Киеве он имел обширную практику и пользовался репутацией искусного врача; был близок с генералом А. И. Красовским (начальником 4-й дивизии), на суд которого любил отдавать свои стихотворные опыты. Был близок Р. и к университетским профессорам, особенно к В. Я. Шульгину, М. А. Максимовичу, К. А. Неволину и др.

По характеру Р. был человек идеалистического склада, не практик, и житейские дела мало его интересовали; он имел слабость к редким и старинным книгам и собрал прекрасную библиотеку; в зрелые годы изучил новые языки, интересовался литературой, историею, политикою и богословскими вопросами.

Он любил писать стихотворения, и до внука его дошло несколько десятков его пьес – од и религиозных стихов, патриотических стихотворений; на малорусском Р. написал много басен, сказок, песен, пародий и т. под. Произведений своих Р. не печатал; некоторые из них опубликованы внуком его, В. П. Щербиною, в «Киевской Старине» 1892 года (май, стр. 193–224, июнь, стр. 363–398, июль, стр. 55–84) и 1894 г., июль, стр. 115–122 в статье: «Из семейного архива. I. Записки А. П. Рудыковского. II. Стихотворения Е. П. Рудыковского» (издано также и отдельным оттиском, Киев. 1892). Стихотворения Р. писаны на русском и на малорусском языках; последние относятся еще к 1825 г. и дают Р., по мнению В. П. Щербины, право быть причисленным к самым ранним представителям новой украинской литературы; на Р., как малорусского поэта, оказал влияние известный профессор М. А. Максимович, в

архиве которого сохранился сборник малорусских стихотворений Р., относящихся к 1840–1841 гг. (байки и сказки).

Р. умер в Киеве в 1851 году.

История Императорской Военно-медицинской Академии СПб. 1898, прилож.; Списки чинам и Медицинские списки; «Русск. Арх.» 1866, ст. 1102–1105; «Архив Раевских», т. I, СПб. 1908; Соч. Пушкина, изд. Академии Наук, т. II, СПб. 1905; «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1906 г., ноябрь, крит. и библиогр., стр. 203–204 (в статье Н. Лернера); В. П. Щербина, Из семейного архива, Киев. 1892, стр. 1–117.

Рудеев, Кузьма Иванович

Рудеев, *Кузьма Иванович*, подьячий, писец Дмитровского уезда в 7193–7194 гг.; в июне 1688 г. межевал вотчинные земли окольного Вен. Андр. Змеева, пустоши Сосенского стана Московского уезда; в 1699–1700 г. был дьяком.

«Опис. докум. и бум. М. А. М. Ю.», кн. I, № № 652–654 и 1546; *Акты Гражд. Распр.*, II, стр. 679; *П. Иванов, Указат. к боярским книгам*, стр. 360.

Рукавишников, Николай Васильевич

Рукавишников, Николай Васильевич, основатель и директор Московского исправительного приюта; род. 27-го ноября 1845 г. в Казани; отец Р. занимался золотым промыслом и часто отлучался из дому, вследствие чего воспитанием Р. занималась мать, строго придерживавшаяся патриархальных воззрений; в основу воспитания она старалась положить религиозность и безусловную покорность старшим, особенно отцу. В 1862 г. мать Р. заболела и уехала, по предписанию докторов, за границу, на воды, взяв с собою 16-летнего сына. Выздоровев, она предприняла с ним путешествие по Европе. Возвратившись в Россию, Р. поступил в университет; крайне экзальтированный и религиозный, Р. усердно посещал церковь и проявлял сильную набожность; с товарищами он не сходилась и вообще держался в стороне от общественной жизни университета. Окончив в 1868 г. курс физико-математического факультета со степенью кандидата, Р., по желанию отца, имевшего несколько железоделательных заводов, поступил вольнослушателем в Петербургский горный институт, несмотря на то, что ему не хотелось расставаться с горячо любимой матерью. В Петербурге Р. жил совершенно одиноко и считал дни, когда наступит каникулярное время, чтобы вернуться домой. Приехав в Москву, он стал умолять отца позволить ему остаться дома, давая слово, что будет трудиться и самостоятельно изучит предметы, необходимые для управления заводами. На этом основании отец позволил Р. оставить Горный институт.

В 1870 г. М. Н. Капустин предложил Р. место директора Исправительного приюта, основанного «Обществом распространения полезных книг». Р. просил несколько времени на размышление; ему было о чем подумать: он выбирал в это время путь для всей своей дальнейшей жизни. Решившись принять на себя обязанности директора Приюта для малолетних преступников, Р. захотел их исполнить как должно; это был громадный труд, и Р. посвятил ему все свое время; с раннего

утра и до позднего вечера Р. находился в Приюте, за всем наблюдал, обо всем думал и все исправлял. Отец Р. долго не хотел примириться с подобной жизнью сына, но последний был необыкновенно тверд в принятом решении посвятить свою жизнь исправлению малолетних преступников.

Приют имел крайне скудные средства, при которых нельзя было думать не только об образовании, но даже о здоровой жизни детей; поэтому Р. на свои средства сделал все необходимое и привел Приют в прекрасное состояние. Впоследствии этот Приют был переименован в «Рукавишниковский Приют для малолетних преступников». Задавшись целью сделать из своих воспитанников честных и искусных ремесленников, Р. устроил при Приюте мастерские: сапожную, портняжную, столярную, переметную и брошюровочную. Р. старался приучить мальчиков к труду и, чтобы доставить им возможность сделаться хорошими мастерами, пригласил заведовать мастерскими лучших ремесленников, дал им хорошее жалованье и принял их семьи на свое содержание. Но, кроме обучения мастерствам, Р. заботился также об умственном развитии своих воспитанников; они обучались Закону Божьему, Русскому языку, первым четырем правилам арифметики, географии всеобщей и русской, истории и нотному пению. Часто Р. сам водил гулять своих воспитанников по Москве, показывал им Кремль, Румянцевский музей, картинные галереи или панораму Москвы с Ивановской колокольни или Воробьевых гор... В часы, свободные от занятий или в праздничные дни, Р. сам распоряжался детскими играми и вообще все свое время посвящал Приюту. В 1873 г. Рукавишниковский приют посетил декан Вестминстерского Аббатства, доктор Стекли; он вынес из этого осмотра самое отрадное впечатление.

Совершая однажды прогулку с своими воспитанниками на Воробьевы горы, Р. простудился и умер, на 30-м году жизни, 8-го августа 1875 года; погребен в Новодевичьем монастыре.

Т. Толычева: «Николай Васильевич Рукавишников», М. 1878 г.; «Московские Ведомости» 1875 г., № 217 и 240; «Православное Обозрение» 1875 г., I–II, 667–696, III, № 9, стр.

218–224, № 12, стр. 781–791; «В память Ник. Вас. Рукавишникова». «Слово при отпевании директора Московского Исправительного Приюта малолетних, Н. В. Рукавишникова, Протоиерея Н. А. Сергиевского», М. 1875 г.; «Илл. Неделя» 1875 г., № 35; «Гражданин» 1876 г., № 4, стр. 104; «Церковный Вестник» 1875 г., № 21, стр. 19, 20, № 33, стр. 16–18; «Московский Некрополь», т. III, стр. 47.

Рукавкин Данила, депутат

Рукавкин Данила, самарский купец; в 1767 г. был выбран депутатом от города Самары в Екатерининскую Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения. В заседании 19-го октября 1767 г. выслушано было его мнение о том, что разрешение крестьянам производства торговли хлебным товаром, путем перекупки поведет их к отвращению от земледелия и обратит к лености; основываясь на законах Петра I, предоставившего право торговли исключительно купцам, Р. стоял за мнения о воспрещении торговать и иметь заводы также разночинцам и дворянам. В заседании 18-го июня 1768 г. им было высказано мнение о необходимости принятия строгих мер против набегов и разбоев, производимых в Самаре калмыками; к мнениям Р. присоединилось большинство депутатов от купечества.

«Сборник Имп. Русского Исторического Общества», т. VIII, стр. 99, 144, 147, 148 и 155; т. XXXII, стр. 140 и т. CVII, стр. 460.

Рукин, Иван Федорович

Рукин, Иван Федорович, первый редактор «Ярославских Губернских Ведомостей»; окончил курс Вологодской духовной семинарии в 1824 году по первому разряду и в 1826–27 годах служил у Ярославского Губернского предводителя дворянства П. А. Соколова учителем его детей; в 1831 году, когда были основаны «Ярославские Губернские Ведомости», И. Ф. Рукин был назначен их редактором, каковую должность занимал и течение пяти лет.

В «Ярославских Губернских Ведомостях» за его подписью статей нет, но можно предполагать, что в первое время издания «Ведомостей» все неподписанные статьи принадлежат их редактору, т. е. Рукину. Он вел записки, впоследствии приобретенные В. И. Лествицыным, из которых напечатал отрывки: «Предание о Царе Иване Васильевиче» – «Русск. Стар.» 1880, № 5, и в «Ярославских Епархиальных Ведомостях» 1880 г.: «Клад, найденный в 1827 г. на берегу р. Ухтомы», «Праздник Пасхи в селе Минчакове в 1827 г.», «Пожар в с. Погорелове в 1827 г.», «Средство сделаться благоразумным» и др.

«Русская Стар.» 1880 г., № 5, стр. 148; А. А. Титов, Описание рукописей И. А. Вахромеева, т. III, стр. 154–169.

Рукин, Степан Васильевич

Рукин, Степан Васильевич, капитан-командор; поступил на службу матросом в 1716 г., с 1721 был подшкипером, а с 1726 г. – шкипером, в 1733 г. был произведен в мастера капитанского ранга от солдат, в 1741 г. пожалован в лейтенанты, в 1751 г. – в капитан-лейтенанты, в 1754 г. – в капитаны 3 ранга, в 1758 г. – в капитаны 2 ранга, – после многочисленных кампаний, в которых неоднократно в старших чинах командовал кораблями, то плавая единолично, то в составе флота; наконец, в 1762 г., «по старости лет», Р. был назначен капитаном Ревельского порта; незадолго перед тем, в 1760–61 г., он, командуя, в чине капитана 1 ранга, кораблем «Наталия», в отряде Мордвинова, участвовал в деле под Колбергом и атаковал крепостные его батареи. В 1763 г. Р. был произведен в капитан-командоры, а в следующем году, вследствие полной глухоты, был уволен от службы с половинным жалованьем.

Общий Морской Список, т. II, стр. 357–358; А. Кротков, «Повседневная запись замечательных событий в русском флоте», стр. 333, 346, 349; «Материалы для истории Русского флота», ч. XI (указ.); Достопамятные происшествия, относящиеся к военной морской части и проч. – «Записки Госуд. Адмиралт. Департ.» 1824, ч. VII, стр. 238.

Рукомойкин, Илья Семенович

Рукомойкин, Илья Семенович, гравер на меди, сын крестьянина, род. в Петербурге в 1726 г. (у Ровинского год рождения Р. указан неправильно); в собственноручной сказке, поданной в апреле 1744 года при генеральной ревизии, Р. объявил, что его отец – крестьянин «Ржевы Володимеровы уезда, Осипова монастыря Осташковой слободы, был отпущен для прокормления в Петербург», куда и прибыл в 1726 году; отца своего Р. не помнил, так как он «поехал для ловления рыбы в Выборг и Нарву и доднесь не возвратился, и никакого известия о нем не имеется». Воспитанный матерью, Р. в 1739 году попал «в Академию Наук рисовального дела учеником», и в 1744 году получал жалованья 18 рублей в год, а в 1745 году был назначен к Гмелину, в числе других живописцев, «для малевания собранных им в Камчатской экспедиции трав»; хотя Гмелин неоднократно жаловался Конференции Академии, что присланные к нему живописцы ничего не делают и редко приходит, изданная Академией «Flora Sibirica» с многочисленными рисунками свидетельствует, что живописцы, в том числе и Рукомойкин, свое дело делали; многие из рисунков «Флоры» прямо художественны; к сожалению, они не подписаны, и определить, что именно сделал Рукомойкин, невозможно. У Гмелина Р. оставался до октября 1745 года, когда, за исполнением большей половины рисунков живописцы были возвращены в Рисовальную Палату.

В этом же году Рукомойкин попался в обычном для академических учеников того времени дебоше: в пьяном виде, с тремя товарищами, он отнимал у извозчика лошадь; извозчик «стал им говорить, чего ради они озорничеством своим берут лошадь», ученики «того извозчика стали бить и разбили у него нос до крови», а когда на помощь извозчику выбежал «рогаточный караульный служитель», то и его «стали бить кулаками и топунками и подбили у него правый глаз и выше глаза на лбу». В конце концов ученики попали в полицию, которая «за ту продерзость» положила «учинить им наказание

кошками», а после наказания отослать в Академическую Канцелярию.

В 1747 году Р. из рисовального класса взят был в Гридировальную Палату к мастеру Ивану Соколову, и ему повышено жалованье до 24 рублей в год. В 1750 году Соколов возбудил ходатайство о прибавке всем находящимся у него граверами жалованья, причем Рукомойкину предполагал повысить жалованье на 36 рублей, т. е. до 60 р. в год. Кроме исполнения разных гравировальных работ, например, в 1754 году «исторических фигур», Рукомойкину был поручен надсмотр за Фигурною Палатою.

Д. Ровинский, Словарь граверов, стр. 275; «Материалы для Истории Имп. Академии Наук», т. V, стр. 552, т. VII, стр. 70, 220, 272, 457, 658, 716; т. VIII, стр. 369, 371, 726; т. IX, стр. 176, т. X, стр. 659.

Рулье, Карл Францович

Рулье, Карл Францович, ординарный профессор зоологии Московского университета, известный ученый; родился 8-го февраля 1814 г. в Нижнем Новгороде; родители его были французские эмигранты и не обладали состоянием; сначала Р. воспитывался дома, а потом родители отдали его в небольшой частный пансион. На 16-м году Р. поступил в Московское отделение Медико-хирургической академии; отличаясь выдающимися способностями, он окончил свое медицинское образование в Академии блестящим образом и был выпущен из нее в 1833 г. лекарем 1-го отделения, с первой серебряной медалью. Не имея никаких средств, Р. должен был поддерживать себя собственным трудом и поэтому, когда представилась вакансия, поступил доктором в Рижский драгунский полк, в котором пробыл до 1836 г.; здесь еще более, чем в Академии, Р. убедился, насколько практическое занятие медициной не соответствует его характеру; поэтому он с радостью принял в 1836 г. предложение Г. И. Фишера-фон-Вальдгейма, бывшего тогда президентом Московской Медико-хирургической академии, поступить в Академию репетитором. С первого же времени занятия по должности репетитора при таком выдающемся ученом, каким был Г. И. Фишер-фон-Вальдгейм, показали Р. крайнюю скудость его знаний в области естественно-исторических наук. Но Р. чувствовал к ним большое влечение и потому принялся с большой энергией за их изучение. Он начал с практического знакомства с окрестностями Москвы, затем перешел к различным областям России и дошел до истории преимущественно зоологии в России, для чего им было собрано значительное количество материалов. Однако, вместе с практическими работами Р. не забывал и теоретическую часть естественно-исторических наук, изучая ее с особенным интересом.

Обладая очень живым темпераментом, интеллигентным складом ума, недюжинными способностями и любовью к труду, Р. быстро завоевал себе общую любовь и уважение и вскоре

был назначен адъюнктом и отдельным преподавателем минералогии и зоологии в Медико-хирургической академии. В 1837 г. Р. выдержал экзамены на степень доктора медицины, защитив диссертацию «О геморрое». Около этого же времени Р. было поручено заведование естественно-историческим кабинетом Медико-хирургической академии и музеем Московского университета. Эти новые занятия очень способствовали ознакомлению Р. с естественно-историческими науками. Кроме преподавания минералогии и зоологии в Академии, Р. некоторое время состоял преподавателем естественной истории в Московском кадетском корпусе, в Александринском сиротском институте и в Московском воспитательном доме.

В 1840 г. Р. начал читать лекции по зоологии в Московском университете. Обладая уже значительными сведениями и опытом в научных занятиях, Р. пожелал ознакомиться с преподаванием естественных наук за границей и в 1841 г. уехал в Германию, где осмотрел известнейшие кабинеты зоологии и анатомии в Берлине и Кенигсберге, посетил университеты северной и средней Германии и слушал лекции профессоров Эренберга, Мюллера, Вагнера, Зибольда, Хушке, Г. Розе, Митчерлиха, Савиньи и др. светил естественно-исторических наук. Однако, Р. остался недоволен преподаванием этих наук в германских университетах; эрудиция знаменитых профессоров поражала его, и он удивлялся громадности накопленных знаний, но в то же время замечал в лекциях и сочинениях этих ученых почти полное отсутствие глубоко сознанной необходимости построить зоологию на чисто научных началах и согласить различные ее части между собою по цели и по способу обработки и изложения. Р. вынес много пользы из своего путешествия, но полезнее всего для его будущей деятельности было то, что в нем проснулось страстное желание возвести зоологию на степень науки. Он тут же, во время путешествия, изложил свои мысли в небольшом сочинении, озаглавленном: «Сомнения в зоологии, как науке» (было помещено в том же году в «Отечественных Записках»); в этом произведении Р. высказал несколько мыслей, касавшихся понятия о виде,

зооэтики, и, главное, логического плана зообиологии. Вся последующая ученая деятельность Р. была направлена на то, чтобы найти ответы на эти вопросы, сильно заинтересовавшие его пытливый ум.

Вскоре по возвращении из заграничного путешествия (в 1842 г.) Р. был назначен экстраординарным, а в 1850 г. ординарным профессором Московского университета. Начав свое ученое поприще палеонтологическими трудами («Геологические экскурсии под Москвой» – в «Известиях Моск. Общ. Испыт. Природы»), заслужившими полное одобрение знаменитого Леопольда фон Буха, Р. в последние годы посвятил все свои труды разработке вопросов общей зоологии. Ни в одном русском университете, кроме Московского, не читалась общая зоология в том смысле, в каком понимали ее Жоффруа Сент-Илер и Бронн. Всю свою жизнь Р. проработал над труднейшими частями этой науки, достигая часто блестящих результатов, как, напр., в вопросе о «перелете птиц». Однако самой ценной и плодотворной его работой было создание им плана общей зоологии, как самостоятельной науки. Результаты своих трудов Р. постоянно высказывал в своих лекциях, которые не были сухим перечнем унаследованных от прежних поколений знаний – в них живым ключом была современная наука, давая только что открытые истины и указывая любознательным умам еще неразрешенные загадки природы. Лекции Р. производили громадное влияние на слушателей необыкновенным мастерством, с которым он сводил частности в одно общее, силой синтеза, картинностью и поэтичностью изложения. Р. пользовался известностью замечательного лектора. Его влияние на молодых зоологов было весьма плодотворно, они находили в нем не только учителя, но друга и руководителя. Р. не останавливал холодным, насмешливым словом труд начинающего, напротив, теплым участием и советом возбуждал его к деятельности. Хотя Р. был доктором медицины, но не любил практической работы врача; он не занимался собственно медицинскими науками, но с любовью и увлечением касался всего, что из сферы естественных наук могло найти применение

в медицине. Примером может служить статья его об «озоне», помещенная в «Вестнике Естественных Наук» за 1838 г.

Последние годы своей жизни Р. посвятил приложению своих научных знаний к делу практической пользы. Сознывая всю важность утилитарного направления, он вместе со своими учениками деятельно принялся за акклиматизацию в России полезных животных, чтобы этим путем увеличить средства русского народа в борьбе с природой. Одним из любимых предметов исследования для Р. было и человечество. Занятия по изданию «Вестника Естественных Наук», которого он был редактором в 1854–1858 г., чтение лекций, работы по Комитету акклиматизации, которого Р. был основателем и директором с 1856 г., обязанности секретаря при Московском обществе испытателей природы, которым он состоял с 1840 до 1851 г., отнимали у Р. много времени и затрудняли ему таким образом обработку добытых результатов и открытий. Вследствие этого немногие из трудов Р. были вполне обработаны и напечатаны, большинство же их состоит из заметок и начатых, но неоконченных статей.

Р. состоял членом нескольких русских и иностранных ученых обществ и завоевал себе почетное место в науке. Преждевременная смерть не дала ему возможности выполнить многих из задуманных им работ, даже обработкой добытых им истин принуждены были заняться его ученики.

Р. умер в Москве от апоплексического удара 10-го апреля 1858 г.; погребен на Иноверческом кладбище на Введенских горах.

Из его печатных трудов укажем следующие: 1) Биографии профессоров Медико-Хирургической Академии и Московского Университета: а) Г. И. Фишера-фон-Вальдгейма – в юбилейном «Акте Общества Испытателей Природы»; б) А. Л. Ловецкого – в «Bulletin» Московского Общества Испытателей Природы и в «Речах Московского Университета»; с) И. А. Двигубского – там же; 2) Речь «О животных Московской губернии», произнесенная в 1845 г. в Московском Университете; 3) «Naturhistorische Notiz über die Umgebung von Moscou» – «Bull. de la Soc. des Natur. de Moscou», 1844, III, 625; 4) «Voyage scientifique (Voyage de

Kareline)» – «Bull. de la Soc. des Natur. de Moscou», 1840, III, 379); 5) «Aegoceras Pallasii, ein neuer russischer Zweihufer» – там же, 1841, IV, 910; 6) «Les principales variations de Terebratula acuta dans l'Oolithe de Moscou» – там же, 1844, IV, 889; 7) «Explications de la coupe géologique des environs de Moscou» – там же, 1846, II, 444, IV, 359; 8) «Études progressives sur la géologie de Moscou» – там же, 1849, I, 3; 9) «Etudes paléontologiques sur les environs de Moscou» – (в «Jubilaeum semisaecular. Doctoris Medicinae et Philosophiae Gotthelf Fischer de Waldheim», 1847; 10) «Ход рыбы против течения воды» – в «Записках об ужении рыбы» С. Т. Аксакова; 11) «Три открытия в естественной истории пчелы» – Приложение к «Русскому Вестнику», 1856 г.; 12) «О кохинхинских курах» – в «Записках Комитета Акклиматизации», 1889 г., кн. 1-я; 13) «Растения, ловящие насекомых» – «Вестник Естественных Наук», 1855 г., т. 2, стр. 521–616; 14) «Описание Кавказского тура» – в «Известиях Общества Испыт. Прир.»; 15) Публичные лекции 1852 г. «Об отношении животных ко внешним условиям», изданные вместе с лекциями других профессоров; 16) несколько статей в «Вестнике Естественных Наук»; несколько заметок (в том числе о мамонте, найденном под Москвой, и др.) помещено в «Московских Ведомостях», в «Журнале Министерства Народного Просвещения», в «Отечественных Записках», в «Современнике», в «Живописном Обзрении», в «Живописной Энциклопедии», в «Журнале Общества Сельского Хозяйства» и др. Свои статьи Р. иногда подписывал псевдонимом.

С. Шевырев, *Словарь профессоров Московского Университета*, М. 1855 г., ч. 2-я, стр. 373–376; «*Московские Ведомости*» 1858 г., № 49, стр. 203; «*Московская Медицинская Газета*» 1858 г., № 16, стр. 132; «*Журнал Общества Полезных Сведений*» 1858 г., № 44, стр. 383–384 (статья Н. Вагнера); «*Вестник Естественных Наук*», 1858 г., № 8, стр. 225–228 (статья С. Усова); «*Журнал Министерства Народного Просвещения*» 1853 г., т. XCVIII, отдел VII, стр. 131–134; «*Семейный Круг*», 1859 г., № 12, стр. 192–202 (статья Н. Волокитина); «*Воспоминания о К. Ф. Рулье*, его

предсмертные минуты», М. 1858 г., Александра Барабина; Степан Маслов, «Историческое Обозрение Императорского Московского Общества Сельского хозяйства», М. 1846 г.; «К. Ф. Рулье и его предшественники по кафедре зоологии в Московском университете», очерк Анатолия Богданова, Москва. 1885 г.; «Журнал Министерства Народного Просвещения» 1886 г., ч. 243, февраль, отд. 2-й, стр. 370–371; «Сын Отечества» 1858 г., № 16, стр. 473, «Северная Пчела» 1858 г., № 81, стр. 380; «Московские Ведомости» 1858 г., Литературный отдел, № 64, стр. 255; «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1842 г., ч. 33, № 22, стр. 21–42; «Московский Некрополь, т. III; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 280.

Руммель, Карл Христиан Леопольд (Карл Фридрихович) фон

Руммель, Карл Христиан Леопольд (Карл Фридрихович) фон, заслуженный профессор Дерптского университета; сын советника Верхнего Надворного Суда в Газенноте, Курляндской губернии, где и родился 1-го ноября 1812 года. Тринадцати лет от роду, в 1825 году, определен был в Митавскую гимназию, курс которой окончил в 1832 году, а затем поступил в Дерптский университет, в котором с 1835-го по 1839 год изучал юриспруденцию. Находясь в Университете, Руммель в 1838 году получил золотую медаль за сочинение: «Comparantur Romani et Russici juris principia in dominii acquisitione, facta a bonae fidei possessore in fructibus perceptis. Quomodo amplificari et emendari possint leges in libro Свод Законов гражданских et in ejus libri supplementis inde ab anno 1832 usque ad annum 1834 editis, quaeritur». В следующем (1839) году Руммель получил степень кандидата юридических наук за диссертацию, напечатанную в 1840 году в Дерпте под заглавием: «Das Verhältniss des Fiscus zu den bona vacantia». 9-го декабря 1840 года, на основании представленной диссертации pro venia legendi: «De collatione bonorum a descendentibus facienda secundum juris romani principia» (Dorpat. 1840), Р. был избран советом Университета сверхштатным приват-доцентом по части юриспруденции, в каковом звании и был утвержден Министром Народного Просвещения 10-го января 1841 года.

Избранный затем единогласно Советом университета в нотариусы университетского суда, Руммель утвержден был в этом звании 22-го ноября 1841 года; одновременно он держал устные экзамены на степень магистра прав, 1-го февраля 1843 года защитил диссертацию: «Zur Lehre von der Einwerfung des Vrausempfangenen nach livesth-und kurländischen Landrecht» (Dorpat. 1843), а 4-го марта того же года состоялось утверждение его в степени магистра прав. Получив 17-го июля того же 1843 года место штатного приват-доцента провинциального Лифляндского, Эстляндского и Курляндского

прав, Руммель в ноябре того же года уволен был от должности нотариуса университетского суда, а в декабре Гейдельбергский университет удостоил его степени доктора прав. Однако, степень эта, приобретенная Руммелем за границей, не давала ему права на звание экстраординарного профессора, ибо по закону русские подданные должны были приобретать ее в отечественном университете; поэтому, избранный Дерптским университетом в экстраординарные профессора по кафедре Лифляндского, Эстляндского и Курляндского прав еще 1-го февраля 1845 года, Руммель, по двукратном ходатайстве за него университета, лишь 6-го июля того же года был допущен к временному исполнению обязанностей экстраординарного профессора, впредь до приобретения им докторской степени в русском университете. Защитив в 1847 году в Дерптском университете диссертацию на степень доктора прав: «De statu actatis secundum juris livonici principia» (Dorpat. 1847), Руммель тотчас же был представлен Советом университета в экстраординарные профессора, но Министерство утвердило его в этом звании лишь 22-го апреля 1849 года. 10-го марта 1851 года Руммель произведен был в надворные советники, 14-го декабря того же года – в коллежские советники, а 12-го декабря 1852 года утвержден был в должности ординарного профессора по занимаемой им кафедре Лифляндского, Эстляндского и Курляндского прав, будучи представлен Университетом в эту должность еще 10-го марта 1852 года. Пожалованный 5-го января 1854 года в чин статского советника, Руммель 17-го июля того же года утвержден был председателем апелляционного и ревизионного суда Дерптского университета и 1-го января 1859 года назначен деканом юридического факультета на четыре года. 1-го января 1855 года Р. вновь был утвержден деканом юридического факультета на четыре года, а 18-го сентября того же года утвержден заступающим место проректора Дерптского университета, тоже на четыре года, и затем был вновь утвержден в должностях впредь на четыре года: декана юридического факультета с 1-го января и заступающего место проректора университета – с 24-го сентября 1863 года. За особые труды, понесенные при

составлении 3-ей части «Свода местных узаконений», Руммель 10-го июня 1865 года получил орден св. Анны 2-й степени с короною, а 4-го февраля 1866 года утвержден был проректором Дерптского университета на три года, с увольнением от должности декана юридического факультета. В 1867 году Руммель утвержден был вновь (4-го февраля) председателем апелляционного и ревизионного университетского суда и уволен (20-го февраля) от должности проректора университета.

Выслужив 25 лет по учебной части, Руммель 12-го мая 1867 года оставлен был при Университете еще на пять лет, а 13-го сентября того же года вновь избран деканом юридического факультета, коим и был по день увольнения от службы. 20-го декабря 1868 года Руммель получил чин действительного статского советника, 18-го августа 1869 года – звание заслуженного профессора и 1-го января 1872 года – орден св. Владимира 3-ей степени. В 1872 году Руммель подвергся в Совете университета баллотировке к оставлению на следующее пятилетие, но, вследствие получения недостаточного количества голосов, был уволен в отставку 3-го июня 1872 года. Помимо исполнения прямых своих обязанностей, Руммель исправлял в 1857, 1868 и 1869 годах должность ректора университета, в 1869 – должность попечителя Учебного округа и в 1851 – должность цензора.

Кроме перечисленных выше диссертаций, Руммель оставил еще следующие труды: 1) «Instructorium des Kurländischen Processes nach Vergleichung mehrerer Handschriften herausgegeben», Dorpat. 1844; 2) «Die Quellen des Kurländischen Landsrechts» (в Bungés und Madaís Sammlung der Rechtquellen Liv, Esth- und Kurlands (I u. II B.), – ibid. 1844–51; 3) «Acta Commissionis de anno 1617, erhaltend unter Anderem die kurländischen Formula regiminis und die kurländischen Statuten. Nach Vergleichung der bisherigen Ausgaben und mehreren Handschriften herausgegeben» – ibid. 1848; 4) «Des vormaligen piltenschen Kreises Gesetze und Statuten von 1611»; 5) «Modus procedendi in liquidis Rechtssachen von 1746 und Modus procedendi in Restitutions-Sachen von 1775 und Nachtrag zu den Acta Commissionis de anno 1617» – ibid. 1850; 6) «Kurländische

Landtags- und Conferenzial-Schlüsse von 1618–1759, nach Vergleichung mehrerer Handschriften herausgegeben» – *ibid.* 1851;
6) «Das curländische Vormundschaftsrecht» – *ibid.* 1850.

Скончался Руммель 30-го декабря 1887 года в Дерпте.

Послужной список 1868 года (сообщен Б. Л. Модзалевским); *H. Hasselblatt und Dr. G. Otto, «Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat», Dorpat. 1889, № 3376; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902), т. I, под ред. Г. В. Левицкого, Юрьев. 1902, стр. 565–569; Е. В. Петухов, Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования (1802–1902), т. I, Юрьев. 1902, стр. 404.*

Румницкий, Иван Михайлович

Румницкий, Иван Михайлович, врач; род. в конце 1770-х гг., происходил из дворян; получив звание лекаря около 1799 г., он в течение 40 лет служил при Имп. воспитательном доме, приобрел исключительную опытность в лечении детских болезней и пользовался, поэтому, широкою известностью и имел большую практику; особенно благожелательно относился он к молодым врачам, начинавшим практическое поприще под его руководством; он следил за новейшими открытиями и наблюдениями в медицине, но печатных трудов не оставил; умер в звании штаб-лекаря и в чине статского советника в Петербурге 21-го марта 1839 г.

«С.-Петербургские Ведомости» 1839 г., № 74.

Румовский, Николай Лукич, протоиерей

Румовский, Николай Лукич, протоиерей; родился в городе Великом Устюге, Вологодской губернии, в 1797 году, умер в Устюге же 31-го июля 1867 года; сын протоиерея Устюжской Преображенской церкви, Р. после домашней подготовки поступил в Вологодскую духовную семинарию, курс которой окончил в 1820 году по второму разряду; 6-го февраля 1821 года он рукоположен был во священника в Устюжский Успенский собор, в 1828 году Советом Имп. С.-Петербургского университета был определен законоучителем в Устюжское уездное училище, где и служил до 13-го июня 1854 года; кроме того, безвозмездно преподавал Закон Божий в Устюжских приходских училищах: мужском (1836–1845 гг.) и женском (1844–1845 г.).

В 1850 году Р. возведен был в протоиерея и в том же 1850 г. получил благодарность от попечителя Округа М. Н. Мусина-Пушкина за «очень хорошие успехи учащихся, вразумительное преподавание и за стремление к усовершенствованию себя в деле образования юношества». 17-го октября 1851 года Р. переведен был протоиереем в заштатный город Лальск, Вологодской губернии, в Воскресенский собор, но в декабре того же года, по прошению, перемещен был вновь в Устюжский Успенский собор, на место второго священника. В середине 1850-х годов Р. был перемещен протоиереем к Великоустюжской Стефановской градской кладбищенской церкви, где и служил до смерти.

Из его печатных трудов известно «Описание Велико-Устюжского Успенского собора», печатавшееся сначала на страницах «Вологодских Губернских Ведомостей» 1851 г. (№ 20–22, 24–28, 31, 34, 36, 37, 39–41, 48, 51), а затем вышедшее отдельной книгой (Вологда. 1862, 8°).

Формулярный список; П. Дилакторский, Вологжане-писатели.

Румовский, Степан Яковлевич

Румовский, Степан Яковлевич, академик и вице-президент Имп. Академии Наук; родился 29-го октября 1734 года в селе Старом-Погосте, Владимирской губернии, где отец его был священником. После переезда отца, в 1739 году, вместе со всею семьею на службу в Петербург, Румовский поступил в Невскую семинарию, где и получил свою фамилию: отец его не имел фамилии и в официальных бумагах назывался обыкновенно «попом Яковом Борисовым». В апреле 1748 года Румовский вместе с тремя другими товарищами был переведен из Семинарии в Гимназию при Академии Наук и 10-го мая того же года вступил в учрежденный при Академии Университет. Из наук, преподаваемых в последнем, Румовский избрал в 1750 году для специальных занятий математику.

Руководителем его в деле изучения высшей математики был профессор Рихман. На экзамене в конце 1752 года Румовский представил экзаменаторам свое первое математическое сочинение: «Нахождение прямой линии посредством тангенсов такой, которая бы равна была кривой эллиптической линии»; им, по словам экзаменаторов (проф. Рихмана, Брауна и Попова), Румовский «довольно показал, что он в математике и в выкладках изрядный успех имеет, и ежели он с таким же прилежанием и ревностью в математике и физике вдаль происходить будет, с какою упражнялся поныне, то по общему согласию достоин он повышения из студентов по академическому Регламенту». Пребывание Румовского в академическом Университете окончилось возведением его в звание адъюнкта, состоявшимся 13-го декабря 1753 года на основании представленного им «специмена» под заглавием: «Solutio problematis Kepleriani ex dato sectore invenire semiordinata». Так как в это время между академиками не было представителя высшей математики, то специмен Румовского посылали в Берлин на рассмотрение Л. Эйлеру, который дал о нем вполне удовлетворительный отзыв, найдя, что сделанные в

нем выкладки стоили большого труда и несомненно доказывают способность автора к математическим вычислениям.

Весною 1754 года Румовский был послан в Берлин для дальнейшего изучения математики под руководством Эйлера. Недостаточность суммы, ассигнованной на этот предмет Академиею, не позволила, однако, Румовскому пробыть в Берлине столько времени, сколько было нужно для окончательного достижения поставленной цели. В августе 1756 года он возвратился в Петербург. Здесь с редким в современной академической среде рвением он принялся за отправление своих обязанностей, как члена Академии и профессора академического Университета. В заседании 20-го января 1757 года он прочел свой первый мемуар: «De dracone volante», оставшийся, впрочем, ненапечатанным. В этом же году появился в свет и его первый печатный труд научно-популярного характера: «Рассуждение о кометах» («Ежемесячные Сочинения, к пользе и увеселению служащие», часть II, июль 1757, 8°, стр. 40–53). В Университете Румовский читал (по-видимому, с 1757 г.) лекции математики на русском языке и, кроме того, для некоторых особо назначаемых студентов – теоретическую и практическую астрономию. Для руководства своих слушателей, ввиду «недостатка на российском языке до наук касающихся книг», Румовский издал в 1760 году «Сокращения математики часть первая, содержащая начальные основания арифметики, геометрии и тригонометрии» (СПб., 8°, 20+458+4 стр. и 10 таблиц).

Оратором в торжественных публичных собраниях Академии Румовский выступал три раза со следующими речами на русском языке: «Изъяснение наблюдений по случаю явления Венеры в Солнце, в Селенгинске учиненных, читанное в публичном собрании Императорской Академии Наук сентября 23 дня 1762 года» (СПб., 4°, 24 стр.); «Речь о начале и приращении оптики до нынешних времен, при Высочайшем присутствии ее Императорского Величества Екатерины Второя, Императрицы и Самодержицы Всероссийския и прочая, и прочая, и прочая, говоренная в публичном собрании Императорской Академии Наук июля 2 дня 1763 года Астрономом и Профессором

Экстраординарным Степаном Румовским» (СПб., 4°, 2+26 стр.); «Содержание сочинений о суточном земли обращении, удостоенных награждения от Санкт-петербургской Императорской Академии Наук, читанное в публичном собрании октября 10 дня 1783 года» (СПб., 4°, 20 стр.) или во французском переводе: «*Precis des mémoires couronnés par l'Académie sur le mouvement diurne de la terre*» («*Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*», t. I, Hist. Acad., p. 122–140). С французского перевода эта речь была снова переведена на русский язык и напечатана в «Академических сочинениях», выбранных из первого тома Деяний Императорской Академии Наук под заглавием: «*Nova Acta Academiae Scientiorum Imperialis Petropolitanae*» (часть I, 1801, стр. 168–194).

Экстраординарным профессором Румовский был избран по предложению Президента Академии, графа Разумовского, с 1-го января 1763 года. В 1766 году он же, несмотря на свою сравнительную молодость, был назначен членом Комиссии, поставленной во главе Академии и в течение многих лет заведовавшей ее управлением; затем с 1767 года он был уже ординарным профессором астрономии, с 1800 года (3-го ноября) назначен был Вице-президентом Академии Наук и с 1767 г., сверх того, состоял ее почетным членом.

О качествах профессорской деятельности Румовского можно судить по блестящим успехам в изучении практической астрономии, оказанным, благодаря его руководству, несколькими моряками-астрономами, командированными Адмиралтейством с целью этого изучения в Академию Наук. В награду за труды, приведшие к таким результатам, Румовский получил в 1799 году (10-го июля), по представлению Морского ведомства, чин действительного статского советника. Кроме этого, в XVIII столетии очень редко даваемого чина, Румовский получил от правительства еще ордена Св. Анны 2-го класса (25-го марта 1802 г.) и Св. Владимира 3-ей степени (23-го января 1809 г.).

Ученая деятельность Румовского в области физико-математических наук разделялась главным образом между

чистою математикою и астрономиею с геодезию. Первой принадлежали следующие мемуары: «Solutio problematis cujusdam ad maxima minimave pertinentis» («Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», Tomus VIII pro annis 1760 et 1761, Petropoli. 1763, 4°, p. 189–194), бывший первым напечатанным в академических изданиях мемуаром автора; «Methodus investigandi integrale aequationis $dp(1-p)(nn-ss)+ds(nn+p^3+ps+pps)=0$ » («Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae». Pro anno 1781. Pars prior, Petropoli. 1784, 4°, p. 147–154); «Summatio seriei $1n-2n+3n-4n+5n-6n+7n-8n+$ etc. denotante n numerum quemcunque integrum» (читано 5-го октября 1789 года) («Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», Tomus VI, Petropoli. 1790, 4°, p. 114–122); «Integratio formulae ^{23]}⁴

aliamque nonnullarum» (чит. 22-го января 1795 г.) (там же, т. X, СПб. 1797, p. 126–136); «Integratio formularum ^{56]}⁷ et ^{8]}⁹¹⁰ » (чит. 3-го декабря 1795 г.) (там же, т. XI, СПб. 1798, p. 213–219); «Integratio formulae $p^3vvdv=nvdp+npdv(1-p)(2-p)$ » (чит. 14-го ноября 1797 г.) (там же, т. XII, СПб. 1801, p. 192–195); «Integratio formularum ^{1112]}¹³⁾

¹⁴ et ^{1516]}¹⁷⁾

¹⁸ » (читано 2-го августа 1807 г.) («Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St-Pétersbourg», Т. II 1810, 4°, p. 84–94). Главным предметом занятий Румовского в области чистой математики был таким образом Анализ бесконечно малых и в частности интегральное исчисление.

В астрономии и геодезии работы Румовского были главным образом практическими. Для наблюдения Прохождения Венеры по солнцу 26-го мая (6-го июня) 1761 года он был послан Академиею Наук в Селенгинск. Вследствие пасмурной и дождливой погоды ему удалось наблюдать только прикосновение западного края Венеры с западным краем солнца, да и то вследствие ветра и облаков недостаточно точным образом. Соединяя свои наблюдения в Селенгинске с наблюдениями того же явления в других местах, Румовский нашел средний горизонтальный параллакс солнца равным 8", 33. Чтобы вознаградить себя и Академию за неудачу в

отношении главной цели своей поездки, Румовский сделал все, что позволяли находившиеся в его распоряжении средства: он определил долготу Селенгинска, произвел в нем наблюдения над маятником и делал метеорологические наблюдения. Отчет о всех произведенных им в Селенгинске работах представляет его сочинение: «*Brevis expositio observationum occasione transitus Veneris per solem in urbe Selenginsk anno 1761 institutarum*» (СПб. 1762, 4°, 28 стр.; также в «*Novi Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae*», Т. XI, pro anno 1765, Petropoli. 1767, p. 443–486). Тому же явлению и связанным с ним наблюдениям были посвящены еще следующие два сочинения Румовского: «*Investigatio parallaxeos solis ex observatione transitus Veneris per discum solis Selenginski habita, collata cum observationibus alibi institutis*» (Petropoli. 1764, 4°, 32 p.; также в «*Novi Commentarii*» etc., Т. X, pro anno 1765, Petropoli. 1767, p. 487–538); «*Animadversiones in supplementum cel. Pingre ad dissertationem ejus de parallaxi Solis. Cum additamento: Disquisitio errorum tabularum lunarium Maieri ex observatione eclipseos Solis anno 1761, 23 maii (3 iunii) institute*» («*Novi Commentarii*» etc., t. XII, pro annis 1766 et 1767, Petropoli. 1768, 4°, p. 575–586).

Для наблюдения следующего, второго прохождения Венеры по солнцу 23-го мая (3-го июня) 1769 года – Румовский ездил в Колу. Эта поездка была удачнее прежней: благодаря более благоприятной погоде, ему удалось наблюдать первые три фазы явления, то есть, первое наружное прикосновение краев Венеры и солнца и первое и последнее внутренние их прикосновения. Ускользнула от него только последняя фаза – последнее наружное прикосновение краев обоих светил. Величина среднего горизонтального параллакса солнца, выведенная Деламбром из сочетания наблюдений Румовского с наблюдениями других астрономов, равнялась 8", 47. По выражению Бесселя, Румовский в Коле более угадывал, чем видел. Второму прохождению Венеры по солнцу и относящимся к нему своим наблюдениям Румовский посвятил «*Observationes spectantes transitum Veneris per discura solis et eclipsin solarem die 23 maii (3 iunii) 1769 Kolae in Lapponia institutae*» (Petropoli,

1769; 4°, 22 р.; также в «Novi Cominentarii» etc., t. XIV pro anno 1769, Petropoli. 1770, р. 111–153) и «Наблюдения явления Венеры в солнце в Российской Империи в 1769 году учиненные с историческим предуведомлением, сочиненным Степаном Румовским, Академии Наук членом» (СПб. 1771, 4°, 8+165 стр. и 1 таблица). В Коле, так же как и в Селенгинске, Румовским были произведены определения долготы и широты и наблюдения магнитные и метеорологические.

С 1763 года, после смерти академика Гришова, астрономическая обсерватория при Академии Наук была передана в фактическое заведование Румовского, хотя первое время и «под дирекцию» академика Эпинуса. В течение своего многолетнего, продолжавшегося до 1803 года, управления обсерваторию Румовский произвел на ней ряд наблюдений, составивших содержание следующих его мемуаров: «Observatio eclipseos lunaris die 19 (30) august. 1765 habita in observatorio Imperiali Petropolitano» («Novi Commentarii» etc., t. XI pro anno 1765, Petropoli. 1767, р. 567–568). «Observationes nonnullae in observatorio Imperiali Petropoli habitae» (там же, т. XII pro annis 1766 et 1767, СПб. 1768, стр. 587–596). «Observationes nonnullae observatorio Petropoli institutae» (там же, т. XV pro anno 1770, СПб. 1771, стр. 565–570). «Observationes astronomicae Petropoli anno 1772 institutae» (там же, т. XVII pro anno 1772, СПб. 1773, стр. 681–685). «Observationes astronomicae Petropoli habitae» («Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Pro anno 1779. Pars prior», Petropoli. 1782, 4°, р. 340–348). «Locus lunae ex occultatione γ Virginis anno 1780 die 9 (20) martii observata determinatur» (там же, pro anno 1780, р. pr., СПб. 1783, стр. 399–403). «Comparatio observationis eclipsis lunae anno 1783 die 7 (18) martii in urbe Charkow habitae cum observatione Petropoli et Parisiis institute» (там же, pro anno 1781, р. posterior, СПб. 1785, стр. 380–383). «Commentatio de eclipsi solis anno 1779 die 3 (14) junii observata» (там же, pro anno 1782, р. pr., СПб. 1786; стр. 344–356). «Commantatio de transitu Mercurii per discum solis anno 1786 die 23 apr. (4 maii) tempore civili Petropoli observato» (чит. 6-го ноября 1786 г.) («Nova Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae», t. I, Petropoli. 1783, 4°, р. 376–388), или в

русском переводе – «Рассуждение о явлении Меркурия в Солнце в 1786 году апреля 23 (мая 4) дня примеченном» («Академические Сочинения», часть I, 1801, стр. 75–78). «De momento conjunctionis Mercurii cum Sole nec non latitudine illius tempore transitus per discum solis anno 1786» (чит. 18-го октября 1787) (там же, т. II, СПб. 1788, стр. 267–274). «De transitu Mercurii per Solem anno 1786 die 23 april. (4 maii) Bagdati observato» (чит. 22-го ноября 1787) (там же, стр. 275–280). «Observatio eclipsis Solis anno 1787 die 4 (15) junii habita in observatorio Petropolitano» (чит. 22-го нояб. 1787) (там же, стр. 281). «De eclipsi solis anno 1787 die 4 (15) junii observata» (чит. 6-го ноября 1788 г.) (там же, т. IV, СПб. 1789, стр. 293–305). «De eclipsi solis anno 1788 die 24 maii (4 junii) observata» (чит. 29-го апр. 1790) (там же, т. VI, СПб. 1790, стр. 322–329). «Observatio eclipsis solis anno 1791, die 23 Mart (3 April.) Petropoli habita» (чит. 25-го апр. 1791) (там же т. VII, СПб. 1793, стр. 363–364). «De eclipsi Solis anno 1791 die 23 Mart. (3 April). Petropoli observata» (чит. 1-го дек. 1791 г.) (там же, стр. 382–387). «Observationes nonnullae astronomicae Petropoli habitae (Emersiones et immersiones satellitum Jovis 1775, 1778–1785)» (чит. 2-го дек. 1793) (там же, т. VIII, СПб. 1794, стр. 379–383). «Commentatio de eclipsi solis anno 1791 die 23 Mart. (3 april.) observata» (чит. 25-го авг. 1796 г.). «Additamentum» (чит. 27-го окт. 1796 г.) (там же, т. X, СПб. 1797, стр. 463–469 и 470–473). «Tentamen investigandi parallaxin Lunae ex eclipsi Solis, quae contigit anno 1793 die 23 mart. (3 april.)» (чит. 31-го авг. 1797 г.) (там же, т. XII, СПб. 1801, стр. 415–447). «Observatio transitus Mercurii per discum Solis, habita in observatorio Petropolitano anno 1799 die 26 aprilis (7 maii) tempore civili» (чит. 31-го окт. 1799 г.) (там же, стр. 493–496). «De transitu Mercurii per Solem. Anno 1799, die 26 April. 7 Maii Petropoli expectando» (чит. 13-го авг. 1798) (там же, т. XIV, СПб. 1805, стр. 603–608). «Observatio eclipsis Solis anno 1802, die 16 28 Augusti habita in Observatorio Petropolitano» (чит. 19-го сент. 1802) (там же стр. 728). К этим мемуарам должен быть присоединен и еще один, написанный при соучастии Лекселля: «Observationes astronomicas ab astronomis Academiae Imperialis scientiarum Stephane Rumovski et Andr. J. Lexell. anno 1773 institutas,

recensuit And. J. Lexell» («Novi Commentarii» etc., t. XVIII pro anno 1773. Petropoli. 1774, p. 602–630).

Геодезические труды Румовского состояли, главным образом, в определении положения различных мест Российской Империи на основании наблюдений, произведенных частью им самим во время его поездок в Селенгинск и Колу, частью другими астрономами.

Изложению результатов этих трудов были посвящены следующие мемуары Румовского: «Experimenta circa longitudinem penduli simplicis minuta secunda Kolae et Archangelopoli oscillantis» («Novi Commentarii» etc., t. XVI pro anno 1771, Petropoli. 1772, p. 567–585). «Determinatio latitudinis et longitudinis quorundam Sibiriae locorum deducta ex observationibus a Domino Islenieft institutis anno 1770» (там же, т. XVII pro anno 1772, СПб. 1773, p. 686–703). «Determinatio longitudinis et latitudinis quorundam Moldaviae et Walachiae locorum deducta ex observationibus a Johanne Islenieff institutis» (там же, t. XVIII pro anno 1773, СПб. 1774, p. 631–646). «Determinatio longitudinis et latitudinis quorundam Imperiae Russiae locorum [anno 1773] deducta ex observationibus a Johanne Islenieff institutis» («Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae», Pro anno 1777, Pars II, Petropoli. 1780, p. 359–380). «Animadversio in longitudes urbium Neschin, Lubny et Kiowiae» (там же, Pro anno 1781, P. II, СПб. 1785, p. 373–379). «Observationes astronomicae in Chersoneso Taurica anno 1785 institutae a Theodoro Tchernoi. Referente Stephano Rumovski» (там же, Pro anno 1782, P. II, СПб. 1786, p. 329–341). «Determinatio latitudinis et longitudinis fortalitii Mosdok deducta ex observationibus anno 1785 a Theodoro Tchernoi institutis» (чит. в заседании Академии 5-го мая 1788 г.) – «Nova Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae», T. III, Petropoli. 1788, p. 298–301). «Determinatio differentiae meridianorum Petropolis, Gothae et Lilienthal ex occultatione a luna binarum stellarum δ Tauri» (чит. 2-го марта 1797 г.) (там же, t. XI, СПб. 1798, p. 511–519). «Meditatio de figura tellutis exactius cognoscenda» (чит. 11 марта 1799 г.) (там же, t. XIII, СПб. 1802, p. 407–417). Широты и долготы разных мест России, найденные в этих мемуарах, а также и почерпнутая из трудов других

ученых, Румовский соединил в таблицы, появившиеся первоначально в «Месяцеслове на лето от Рождества Христова 1780» под заглавием «Таблицы с показанием широты и долготы мест Российской Империи чрез наблюдения определенные» (стр. 52–58). Дополненные новыми определениями, эти таблицы были еще раз напечатаны в 1786 г. и, кроме того, помещены в двух иностранных изданиях: в Берлинских «Эфемеридах» и в «*Connaissance des temps, a l'usage des astronomes et des navigateurs, pour l'année commune 1789, avec des additions, publiée par ordre de l'Académie Royale des sciences, par M. Méchain, de la même Académie*» (Paris. 1786, pp. 328, 346–348 etc.).

Геодезические работы, произведенные Румовским во время его поездки в Селенгинск и обнаружившие в нем искусного геодезиста, были едва ли не главной побудительной причиной передачи в 1766 году в его заведование учрежденного при Академии Наук Географического Департамента. Деятельность Румовского по этой должности, непрерывно занимавшейся им до 1803 года, состояла в течение долгого времени главным образом в составлении, проверке и изданиях географических карт, то есть, в той работе, которая в 1730-х годах стоила Леонарду Эйлеру потери правого глаза.

В области физических наук Румовскому принадлежали обработка труда Исленьева: «*Observationes meteorologicae anno 1768 et 1769 a Johanne Islenieff in Jakutsk institutae, quarum potiora momenta recensuit Steph. Rumovsky*» (чит. в заседании 25-го июня 1795 года) («*Nova Acta*» etc., t. X, p. 474–485) и собственное сочинение «*Methodus exactior declinationem acus magneticae observandi*» («*Acta*» 1781, pars I, p. 191–195).

Неоднократно избираемый в члены комиссий, назначаемых для рассмотрения представляемых в Академию сочинений и новых изобретений, Румовский участвовал в составлении следующих докладов о результатах этих рассмотрений: Румовского, Николая Фусса и Лекселля «*Rapport fait a l'Académie au sujet d'un ouvrage de M. l'Abbé Rochon qui a pour titre: Recueil de mémoires sur la mécanique et la physique*» (чит. 30-го июня 1783 года) («*Nova Acta*», t. I, hist, p. 115–119), или в

русском переводе «Донесение Академии о сочинении аббата Рошона под заглавием: «Собрание механических и физических размышлений» («Академические сочинения», ч. I, 1801, стр. 38–44). Румовского, Крафта и Лекселя «Rapport au sujet d'un nouvel instrument nautique envoyé et soumis a l'approbation de l'Académie, par. M. de Magellan» («Nova Acta», t. I, hist., p. 141–150), или в русском переводе «Мнение о новоизобретенном корабельном орудии, представленном от г. Магеллана на рассмотрение Императорской С.-Петербургской Академии Наук, читанное в публичном собрании 10 октября 1783 года» («Академические сочинения», ч. I, стр. 45–58). Румовского и Крафта «Rapport sur un mémoire de Mr. Jonathan Williams «On the use of the thermometre in navigation» («Nova Acta», t. XII, hist, p. 40–42). Котельникова и Румовского «Sur une machine pour mater les vaisseaux. Extrait du rapport sur un mémoire de Mr Polet» (там же, t. XIII, hist., p. 35–36).

В 1775 году Румовский, в прибавление к лежавшим уже на нем обязанностям, должен был взять на себя, по предложению Академии, еще новую, состоявшую в издании академических календарей и исполнявшуюся им затем до 1801 года. Дело этого издания перед его переходом в руки Румовского представлялось ежегодным составлением и печатанием на следующий год девяти календарей: «Месяцеслова на лето от Рождества Христова, сочиненного на знатнейшие места Российской Империи», «Исторического месяцеслова», «Географического месяцеслова», «Месяцеслова в пользу домостроительства», «Месяцеслова с наставлениями»; «Придворного календаря»; «Стенного Календаря»; «Месяцеслова с росписью чиновных особ в государстве» и «Дорожного Месяцеслова». Все эти календари вышли и в первый год заведования ими Румовским; но уже в следующем году он нашел возможным соединить «Месяцеслов в пользу домостроительства» и «Месяцеслов с наставлениями» в один, имеющий заглавиями: на 1777 год – «Месяцеслов с разными наставлениями, а паче служащими к домостроительству» и на следующие годы – «Месяцеслов с наставлениями». Та же участь постигла в следующем году «Месяцеслов исторический»

и «Месяцеслов географический», которые вышли на 1778 год уже в соединенном виде под заглавием: «Месяцеслов исторический и географический». Позднее все эти, преобразованные Румовским календари были совсем прекращены: «Месяцеслов с наставлениями» с 1787 года, а «Месяцеслов исторический и географический» с 1798 года. Труды самого Румовского в деле издания календарей состояли главным образом в составлении астрономического отдела, в группировке материала, получаемого Академиею из различных источников и от разных ведомств, и в общем редактировании. Что касается астрономического отдела, то его содержание в «Месяцеслове, сочиненном на знатнейшие места Российской Империи», составляли: долгота дней и ночей, восхождение и захождение солнца в главных городах России, явление планет, кульминации луны и «Выписка учиненным при Санкт-Петербургской Академии Наук наблюдениям о погодах и воздушных приключениях». К этому постоянному содержанию отдела Румовский в первые годы своего заведования изданием календарей находил иногда нужным прибавлять еще небольшие астрономические статьи, обыкновенно не подписанные автором и, по-видимому, принадлежащие самому Румовскому. Этими статьями были: в «Месяцеслове» на 1779 год «Способ по горизонтальным солнечным часам находить время посредством луны» (стр. 54–57); в «Месяцеслове» на 1780 год – упомянутые уже таблицы географических положений мест; «Таблицы, по которым, по данному году, месяцу и числу, можно находить день недели, в которой то число было или впредь будет, вычисленные по «Иулианскому счислению» (стр. 58–61); «Как боевые и карманные часы ставить исправно» (стр. 62–65); «Уведомление о Комете, в 1780 и 1781 ожидаемой» (стр. 66–70) и в «Месяцеслове» на 1781 год – «Собрание разных астрономических знаний» (20 стр.). Также Румовскому принадлежало, по-видимому, и помещенное рядом с последнею из названных сейчас статей «Собрание разных знаний о законах рождения и смертности в роде человеческого» (21 стр.).

Деятельность Румовского, как популяризатора науки, не ограничилась календарными работами и произнесением

общедоступных речей в торжественных собраниях Академии, но распространилась также и на издаваемые Академией периодические издания популярного характера. Он был редактором двух из них: «Академических Известий» (1779–1781, 8 частей, 8°) и «Новых ежемесячных сочинений» (1786–1796, 20 частей, 8°). Первое он редактировал только некоторое время; во втором поместил следующие свои статьи: «Рассуждение о предсказании погоды» («Новые ежемесячные сочинения» 1786, Часть I, стр. 1–13); «Рассуждение о вопросе, убывает ли на шаре земном количество воды, или постоянно одно и то же количество ее сохраняется?» (Там же, ч. V, стр. 12–39; продолжение – 1787, ч. VII, стр. 83–114). Обе эти статьи подписаны буквами С. Р. Кроме них, были, вероятно, и другие из числа не подписанных авторами, также принадлежащие Румовскому. В XIX столетии он поместил в изданиях Академии Наук под своею подписью следующие статьи популярного характера: «Известие о новой планете» – «Ученые Известия» прибавление к «Санкт-Петербургским Ведомостям» 1802, стр. 3–5); «О различии Юлианского и Григорианского счисления времени» (там же, стр. 59–62; «Технологический Журнал» (прибавление), 1806, часть I, стр. 1–11); в нем же была помещена и статья «Известие о новой планете» (на стр. 19–26). Кроме собственных популярных статей, Румовскому принадлежат еще следующие переводы иностранных сочинений того же рода: «Известие о новейших опытах в Англии, учиненных в рассуждении определения долготы места. Из Астрономического Парижского календаря» («Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» 1764 г., Часть I, стр. 347–377); «Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе» (8°; часть I, 14+319 стр. и 1 таблица, СПб. 1768; ч. II, 12+339 стр. и 3 табл., СПб. 1772; ч. III, 14+406 стр. и 9 табл., СПб. 1774; 2-ое издание, СПб. 1785; 3-е изд., СПб. 1790–91; 4-ое изд., СПб. 1796). «Письма» были написаны Леонардом Эйлером к его ученице, принцессе Ангальт-Дессау из Прусского Королевского Дома; «Всеобщая и частная Естественная История графа де Бюффона». Часть I, переведенная Румовским и Лепехиным

(СПб. 1789, 4°, 378 стр. и 5 листов. Изд. 2-ое, СПб. 1792). «Похвальная речь покойному Леонгарду Эйлеру, сочиненная на французском языке и читанная в собрании Академии октября 23 дня Николаем Фуссом» («Академические сочинения», ч. I, 1801, стр. 97–167). Из специальных сочинений Румовским было переведено только одно «Руководство к астрономическим наблюдениям, служащим к определению долготы и широты мест, в пользу офицеров Генерального Штаба по Высочайшему повелению сочиненное Фридериком Федором Шубертом» (СПб. 1803, 8°, IV+113 стр. и 1 таблица).

Приобретенное Румовским еще в молодости многостороннее образование позволило ему развить свою учено-литературную деятельность не только в области физико-математических наук, но и в некоторых других отраслях литературы и науки. Так, в издании французского ученого Робине «Dictionnaire universel des sciences morales, économiques, politiques et diplomatiques, ou bibliothèque de l'homme d'état et du citoyen» (Londres – Neuchatel). 1777–1783, 30 volumes) Румовский, по поручению Академии Наук, вызванному обращением к ней издателя, поместил статью «Des divers changements arrivés dans les lois Russes jusqu'à ce jour et de la rédaction d'un nouveau Code Russe» (t. XXVIII, 1783, pp. 40–69). По мысли Академии, эта статья должна была составлять простое извлечение из речи академика Штрубе-де-Пирмонта: «Discours sur l'origine et les changements des lois russiennes, lu dans l'assemblée publique de l'Académie Impériale des sciences le 6 septembre 1756, a l'occasion de l'anniversaire du jour du nom de sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies etc. par Mr Strube de Piermont». Но Румовский не нашел возможным ограничиться одним извлечением и ввел в статью много своего: он изменил несколько порядок изложения, вновь сообщил подробные сведения о Наказе Екатерины II и рассмотрел законодательную деятельность Петра Великого с обстоятельностью и подробностями, далеко превосходящими оригинал. Еще более самостоятельными были работы Румовского, как члена Российской Академии.

Основанная в 1783 году, эта Академия, согласно ее Уставу, должна была иметь своими целями «очищение и обогащение русского языка, установление употребления слов, свойственное русскому языку витийство и стихотворство». Вмененными ей в обязанность средствами достижения этих целей были составление и издание русской грамматики, русского словаря, риторики и правил стихотворства. В списке первых членов Академии, назначенных ко дню ее открытия 21-го октября, находился и Румовский.

Кроме исправного посещения заседаний и деятельного участия в прениях, в них происходивших, деятельность Румовского, как члена Российской Академии, имела и разнообразные другие проявления. Для толкового Словаря, изданного Академиею в шести томах (in 4°), выходявших соответственно в 1789, 1790, 1792, 1793 и 1794 (V-й и VI-й) годах под заглавием «Словарь Академии Российской», Румовский доставил приведенное в порядок собрание слов на букву Е, объяснения математических и астрономических терминов и слова, выбранные из «Новгородского Летописца». Примерами данных Румовским объяснений терминов могут служить: «Звездоблюститель – Обсерватор, наблюдающий светила небесные» (т. III, стр. 32); «Наблюдалище – Строение, место, где делаются наблюдения» (I, 236); «Геометрия – Наука, имеющая предметом все то, что измеряемо быть может в длину, ширину и вышину, и служит основанием другим частям математики» (II, 33); «Числословие – Арифметика» (VI, 779). За свои труды по составлению и изданию Словаря Румовский получил от Российской Академии золотую медаль. При деятельном участии Румовского происходило также и издание Академиею другого Словаря, отличавшегося от первого как расположением слов в алфавитном порядке, а не по корням, так и многими изменениями и дополнениями. Он вышел в свет в 1806–1822 годах в шести частях под заглавием «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» (in 4°). Для него Румовский сообщил и привел в алфавитный порядок объяснения слов и речений на букву О и вместе с Озерецковским перед началом издания составил его план.

Из сочинений, представляемых в Российскую Академию для напечатания или для соискания премий, Румовский, по ее поручению, дал письменные разборы и отзывы о «Glossaire Russe» академика Штрубе-де-Пирмонта; о «Правилах русского правописания», собранных членом Академии В. Г. Григорьевым; о «Руководстве к логике» И. С. Рижского; о русском переводе «Образцового расположения человеческих познаний»; о плане риторики академика Озерецковского и об одном из конкурировавших на премию похвальных слов Царю Иоанну IV.

Участие Румовского в переводческой деятельности Российской Академии выразилось в стоившем ему больших трудов и даже неприятностей переводе «Анналов» Тацита с латинского языка и в переводе речи Геллерта с немецкого языка. К первому из этих переводов, напечатанному вместе с латинским подлинником в четырех томах (СПб. 1806–1809) под заглавием «Летопись К. Корнелия Тацита», Румовский приложил две помещенные в начале I тома собственные статьи: «Известие о жизни Тацита» и «Краткое изъяснение некоторых слов, встречающихся в летописи Корнелия Тацита». Второй перевод, под заглавием: «Речь Геллерта о причинах преимущества древних писателей пред новейшими, особливо в стихотворстве и красноречии», был напечатан в возникшем при деятельном участии Румовского периодическом издании «Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею» (7 частей, 1805–1823 годы).

Румовский не отстранялся также и от участия в хозяйственных делах Российской Академии. Избранный в члены Комитета, заведовавшего постройкою академических зданий, он много способствовал успешному окончанию этого дела. С 16-го января 1812 г. Р. был почетным членом Общества любителей Российской словесности при Московском университете.

Педагогическая деятельность Румовского не ограничивалась исполнением профессорских обязанностей, но распространялась также на средние и низшие школы. В 1776–83 годах он был инспектором учрежденной в Петербурге для «чужестранных одноверцев» и в особенности греков гимназии, а с 1803 года сделался и затем оставался до конца жизни членом

Главного Правления Училищ и был первым попечителем Казанского учебного округа (с 20-го июня 1803 по 9-е июля 1812 г.). В Гимназии учебное дело было поставлено Румовским так хорошо, что в обществе стали смотреть на нее, как на одно из лучших учебных заведений Петербурга. Следствием этого взгляда было вступление в пансионеры Гимназии многих детей из русских дворянских фамилий. Открыв Казанский университет, Румовский употребил много труда и усилий для привлечения к нему лучших профессоров. В какой степени был удачен в некоторых случаях сделанный им выбор, показывает приглашение из-за границы таких выдающихся профессоров, как математик Бартельс и астроном Литтров. Однако новейший историк Университета находит в деятельности Румовского в Казани много отрицательных черт. В своей деятельности в Главном Правлении Училищ Румовский являлся сторонником постепенного, свободного от скачков, прогрессивного движения. Так, взяв на себя вместе с Озерецковским и Фуссом рассмотрение учебников для средних и низших школ, он всегда руководился мыслью, что прежние учебники должны быть только тогда заменяемы новыми, когда последние превосходят их в чем-нибудь существенном.

Свобода слова не занимала Румовского и даже, по-видимому, как это ни странно в писателе, не имела его своим сторонником. По его настоянию, например, редакции издаваемых Академиею Наук «С.-Петербургских Ведомостей» были в 1790 году запрещены всякие сообщения, которые могут умалить значение Академии в глазах русского общества.

Имя Румовского, главным образом как астронома, получило, благодаря его работам, известность и за границу. Он был избран в члены Стокгольмской королевской Академии Наук, а его биография вместе с портретом появилась в 1800 году под заглавием «Stephan von Rumovski, russisch-kaiserlicher wirklicher geheimer Staats-Rath, kaiserl. Astronom, Mitglied der St.-Petersburger und anderer Akademien der Wissenschaften» в журнале барона Цаха: «Monatliche Correspondenz zur Beförderung der Erd und Himmelskunde» (Erster Band, S. 281–291). Эта биография, в составлении которой принимал участие

и сам Румовский, как находившийся в переписке с Цахом, послужила для появившихся после нее справочных иностранных изданий, а также и для сочинений по истории астрономии, главным, если не единственным, источником сведений о жизни и деятельности Румовского. Упомянутыми справочными изданиями были: J. J. Lalande: *Bibliographie astronomique avec l'histoire de l'astronomie depuis 1781 jusqu'à 1802*. (Paris, 1803, p. 479–480); Meyer's *Conversation-Lexicon*, VI Band, zweite Abtheilung (1851, S. 621) и *Biographisch-literarisches Handwörterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften von Poggendorff*, II Band (1863, S. 720). Из сочинений по истории астрономии можно указать, как на содержащие сведения о Румовском и его астрономических работах, на *Geschichte der Astronomie von Rudolf Wolf* (München. 1877, S. 644) и на *Geschichte der Himmelskunde von Dr. Mädler* (2 тома, Braunschweig. 1873).

Румовский умер в Петербурге 6-го июля 1812 года, от припадка паралича. Его смерть вызвала появление трех посвященных ему некрологов, далеко, впрочем, уступающих по точности и обстоятельности сообщаемых сведений биографии в журнале Цаха. Первый из них был напечатан в № 57 от 16-го июля 1812 г. «Санкт-Петербургских Ведомостей»; второй, почти тождественный по содержанию с первым, появился на французском языке в «*Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg*» (t. V, 1815, Histoire de l'Académie pour l'année 1812, p. 3–6) и третий – в № XXXIV «Периодического сочинения о успехах народного просвещения» (1813 г., стр. 154–156). Биографические очерки, посвященные Румовскому в более позднее время, появлялись частью в словарях, частью в сочинениях, посвященных истории науки и литературы в России. Из первых достаточно назвать «Словарь русских светских писателей» митрополита Евгения (т. II, 1845, стр. 156–158), а из вторых – «Опыт краткой истории русской литературы» Греча и «Казанский университет в Александровскую эпоху» Н. Н. Булича («Известия и ученые записки Императорского Казанского университета» 1875, № 1, стр. 20–40 и 45–48) и его же книга «Из первых лет Казанского университета» (т. I, Каз. 1887).

Единственная подробная и довольно полная биография Румовского, занимающаяся главным образом его деятельностью в Российской Академии, написана академиком Сухомлиновым и напечатана в его «Истории Российской Академии» (вып. II, 1875, стр. 3–157 и 389–451).

В печати появились не все написанные Румовским сочинения. Кроме его, уже упомянутых выше студенческих работ, как на оставшиеся ненапечатанными можно указать на «Examen observationum occasione transitus Veneris a Poposcio Irkuzki habitatum» (представлено в заседании Академии 8-го марта 1764 года); «Положение государства Российского на земном шаре» и «Климаты Российские, судя по наблюдениям погоды». Последние два сочинения автор приготавливал для задуманного Академиею Наук в 1777 году, по предложению ее директора Домашнева, но не вышедшего в свет издания под заглавием: «Начертание общего топографического и физического описания Российской Империи, предпринятого Императорскою Санкт-Петербургскою Академиею Наук».

К сочинениям Румовского может быть причислена также еще и не подписанная автором статья «О системе мира», напечатанная в издававшемся Академиею Наук «Собеседнике Любителей Российского слова» (1783 г., часть II, стр. 166–191; ч. V, стр. 173–185); основанием для этого причисления служит упоминание в двух письмах Румовского к Миллеру о составляемой первым статье по предмету системы мира.

Перечисленные выше источники, а также: «Чтения Моск. Общ. Истории и Древн.» 1865, III, 190; Справочный Энциклопедический Словарь Крайя, под ред. Старчевского, т. IX, ч. 2, стр. 228; А. Н. Пыпин, История Русской Этнографии, т. I; «Словарь членов Общества Любителей Российской словесности», М. 1911, стр. 244; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 281; Н. П. Загоскин, История Имп. Казанского Университета, т. I–IV, Казань. 1902–1906, pass. (с портр.); Сорок семь портретов членов Имп. Российской Академии. С исторической справкой Б. Л. Модзалевского, СПб. 1911; Протоколы Конференции Имп. Академии Наук, т. II–IV, СПб. 1899–1911 гг., pass.

Румяной Никита, дьяк

Румяной Никита, был митрополичьим дьяком в 1569–1572 гг.; вероятно, он же с февраля 1588 по июль 1589 г. был дьяком Большого Прихода.

«Арх. Строева», I, стр. 495, 500; Акты Арх. Эксп., I, 314, № 342 и III, стр. 152; «Рус. Ист. Библ.», XIV, стр. 827; Акты Юр., № 209, V (Арх. Строева, I, № 336 и 339), № 214, II; Акты Ист., I, № 152; Н. Лихачев, Разр. дьяки, 473.

Румянцова, Екатерина Михайловна

Румянцова, графиня *Екатерина Михайловна*, дочь знаменитого сподвижника Петра I, фельдмаршала князя *Михаила Михайловича Голицына*, от брака его с Татьяною Борисовною Куракиною и родная сестра полководца времен Екатерины II князя *Николая Михайловича Голицына*; род. 20-го сентября 1724 г. в Москве; впрочем, о годе рождения графини Румянцовой существует немалое разногласие: так, граф Д. А. Толстой говорит, что она родилась 25-го сентября 1714 г. и по достижении уже 34-летнего возраста вступила в брак с графом *П. А. Румянцовым*; автор исследования о роде князей Голицыных, г-н Серчевский, заявляет, что она родилась в 1723 г., но того же 25-го сентября; князь Лобанов-Ростовский, в своей Русской Родословной Книге, т. II, принимает годом рождения графини 1725 год; автор книги «Род Князей Голицыных», т. I, – князь Н. Н. Голицын показывает, что она родилась в 1724 году того же 25-го сентября; этот год изображен и на ее надгробном памятнике в Москве и подтверждается не только словами самой графини в письме к ее супругу, в котором она высказывает, что она ему ровесница (граф родился в 1724 году), но также письмом ее отца князя М. М. Голицына к князю Борису Ивановичу Куракину, что «Всевышний даровал ему дочь Екатерину сего 25-го сентября 1724 года». («Старина Новизна», вып. XIV) стр. 88).

Проживая в доме своих родителей, княжна получила хорошее для того времени образование, владела хорошо французским языком, знала также и немецкий, но хуже. О детстве и молодости ее сведений не имеется; известно только, что, имея 34 года, она вступила в брак с графом *Петром Александровичем Румянцовым*, в то время известным, впрочем, более различными неблагоприятными своими приключениями, не безызвестными даже Императрице Елисавете Петровне: свою громкую боевую славу он приобрел гораздо позднее, а в 1740-х гг. он был только очень молодым полковником (благодаря своему отцу), имел небольшие средства, мог сделать

блестящую карьеру в силу служебного положения возведенного в графское достоинство родителя своего, был красив собою, умен, любим женщинами и т. д. Все это делало молодого Румянцова желательным женихом для молодой княжны, которая обладала очень привлекательной наружностью, была умна, владела немалым состоянием и обширными, притом родственными, связями. Можно предположить, что князю, по обычаям того века, не много расспрашивали о ее чувствах к будущему супругу, и родители обеих сторон, по взаимным переговорам, заключили в 1748 году брак своих детей, оказавшийся вскоре же неудачным. Причину этой неудачи граф Д. А. Толстой объясняет значительною разницею лет обоих супругов: по его словам, жена оказывалась старше мужа на 10 лет. Но такой разницы не было: супруги были почти одних лет, и на основании всей жизни молодой графини надо искать причину ее несчастного брака в характере ее супруга, вся жизнь которого ясно доказывает, что он был человек, не владевший своими страстями и прихотями, не постигший всех обязанностей супружеской жизни, а главное – не желавший себя в чем-либо стеснять и подчиняться требованиям нравственного долга. Он и после супружества не воздержался от различных увлечений и приключений, которые вскоре привели к тому, что он совсем покинул супругу, оказавшуюся на деле образцовою, попечительною матерью, прекрасною, рассудительною хозяйкою, отлично управлявшею хозяйством, и притом верною и любящею супругою, добивавшеюся если не до самой своей кончины, то очень долго совместного супружеского житья с мужем «так, как жила первые годы». Проживая первое время брачной жизни сначала в Москве зимою, а летом в принадлежавшем княгине подмосковном имении Стрепкове, супруги Румянцовы жили согласно; вскоре у них родилась дочь, прозывавшаяся *Танюша*, но рано умершая, а затем родился сын *Михаил* – в 1750 году, потом *Николай* – в 1754 г. и *Сергий* – 17-го марта 1755 г., чрез одиннадцать месяцев после рождения Николая.

Вскоре после этого возникла в Европе Семилетняя война, на которую отправился и молодой гр. П. А. Румянцов. Война

окончилась для него благополучно, и в продолжение ее он был произведен из полковников прямо в генерал-аншефы, прославился взятием Кольберга и вместе с тем возымел намерение остаться в Данциге; он писал супруге, что болен, намерен оставить службу, а на самом деле, забыв супругу и детей, увлекся какою-то обывательницею Данцига и намеревался ехать с нею за границу, на воды, на что требовал от жены денег. Супруга денег не дала и отвечала рядом писем, в которых упорно отстаивала свои права супруги, упрекала мужа в неверности, напоминала ему о детях и т. д. Весь длинный ряд писем графини Е. М. Румянцовой, большею частью изданный графом Д. А. Толстым, а также еще хранящийся неизданным в Императорской публичной библиотеке, не достиг желаемой цели. Граф, отдавая своей супруге должную справедливость за попечение о детях и о хозяйстве, в то же время всячески бранным образом писал ей, что видеть ее не желает. Прибыв в Петербург в 1762 г., он не сообщил ей о своем приезде, и графиня, стороною узнав о возвращении мужа в отечество, продолжала ему писать о совместной жизни, тем более необходимой, что дети подрастали, необходимо было давать им образование, средств же на это было недостаточно вообще, а при житье на два дома – еще затруднительнее иметь таковые. Она в каждом письме писала мужу о его детях, надеясь тем возвратить его к себе, но все это оставалось без успеха. Она даже предлагала ему жить в одном помещении только для видимости, *pro forma*, в отстранение разных толков и пересудов, но граф не соглашался и на это. К сожалению, письма самого графа П. А. Румянцева к его супруге до сих пор неизвестны: не только не напечатаны, но неизвестно, хранятся ли где-либо.

С назначением графа П. А. Румянцева в 1765 г. правителем Малороссии, супруга его отправилась также в Глухов, в то время местопребывание правителя Малороссии, чтобы не подать повода к разным толкам об отношениях ее к супругу, который сам в 1765 и 1766 г. почти не бывал в своей резиденции и находился в разъездах то по вверенной ему Малороссии, то в Петербург, то в Буртнев (его имение в

Лифляндии). Графиня скучала, много писала своему мужу и, наконец, покинув Малороссию в начале 1767 г., возвратилась в Москву. С этого времени по день своей кончины в 1779 г. она состояла только в переписке с супругом. Она по-видимому уже потеряла надежду жить вместе с ним и писала ему преимущественно о хозяйственных делах, о детях и об их обучении, что всецело оказалось возложенным на нее одну: отец вовсе этого не касался. Графиня напоминала мужу своему, что долг его давать детям воспитание (разумея это в обширном значении слова, т. е. воспитывать и обучать); что она сама все согласна делать для детей своих; что она лично, со своей стороны, с радостью отдала бы их и в Кадетский корпус, и послала бы в чужие края, видя, что не имеет способа сама воспитывать их, как надобно, в Москве; она добавляла при этом: за что это образование отнимать у них (т. е. детей). Не получая от супруга своего даже ответа на все это, она предлагала ему просить Ее Величество чрез графиню Пр. А. Брюсс об отпуске на каждого из ее сыновей по 800 руб. в год для отправки их за границу и на содержание их там в течение двух лет. Узнав, что дети графа Разумовского отданы в учрежденный Г. Н. Тепловым особый пансион, она просила мужа, находившегося временно в Петербурге, узнать об этом пансионе, намереваясь временно поместить в него своих сыновей, и добавляла, что «она лично с радостью отдала бы их в чужие края». Между тем, чтобы не терять времени в обучении детей, она взяла отставного артиллерийского подполковника учить их арифметике. Позднее из ее писем усматривается, что в доме ее является учитель для детей – майор прусской службы, родом швейцар, некто Цвилер, который прибыл сюда для службы, но, не имея протекции, по нужде пошел обучать детей, с условием, чтобы звали гувернером, а не учителем. Кондиции его были сносные: он согласился сверх содержания и экипажа получать 300 руб. в год и сверх того дусеры, т. е. подарки. Таким образом, у детей графини находился гувернером прусский майор и учителем математики – подполковник. Потом был еще майор французской службы Моно, а также некто Лаянс, впрочем, недолго. Заботясь ничего не упускать, что по смыслу

ее, а также по ее возможности и силам (средства денежные были незначительны) она в состоянии была сделать для образования своих сыновей, графиня Екатерина Михайловна позднее, когда сыновья ее становились более взрослыми, находила нужным обучать их также верховой езде, танцам, фехтованию (как она пишет, «биться на рапирах»), рисованию и, кроме того, географии, истории, но только денег у нее не хватало. Это может свидетельствовать о неблестящем в это время денежном положении графини Румянцовой, которое понуждало ее и ранее делать по возможности сокращения в расходах – даже необходимых. Оно побудило ее еще в 1765 г. даже сократить учебный персонал ее детей, отправляясь из Москвы в Украину, где супруг ее был генерал-губернатором. Она спрашивала тогда его мнения: надо ли ей брать с собою француза, живущего в доме, а также и немца Цвилера, высказывала, что намерена взять одного немца, ибо он может учить не только немецкому и латинскому, но также и французскому, истории, географии, арифметике и математике. При этом она хотела знать, нельзя ли будет в Украине обучать детей ее вместе с другими. В Украине она пробыла, как сказано выше, весьма не долго и, возвратясь в Москву, продолжала заботиться о воспитании своих трех сыновей, которым, несмотря на нелады со своим супругом, сумела внушить изумительную привязанность, преданность и как бы благоговение к совсем не заботившемуся о них отцу – как это можно усмотреть из писем сыновей к последнему, не всегда изъявлявшему желание даже просто видеть их. Графиня, не теряя надежды вернуть к себе своего супруга, подробно писала ему о детях и об их занятиях, о всех своих хлопотах и заботах по хозяйству и управлению различными имениями и домами в Москве, о домашних делах и даже об исполнении ею различных поручений своего супруга, которому она заказывала мундиры, шляпы, чепраки, винчуры и т. д. По мере того, как сыновья ее подрастали, являлась для графини новая забота – об определении их на службу. Она намеревалась определить старшего сына, в конце 1768 г., волонтером в армию под начальством своего супруга, чтобы была оказия сыну научиться

военному делу. Но, встретив упорное несогласие на это со стороны мужа, определила его в л.-гв. Преображенский полк и хлопотала о полном его снаряжении, отправляя в Петербург. Затем подошла очередь заботам о службе остальных двух ее сыновей, которые оба были записаны в л.-гв. Конный полк. Но уже в начале 1768 г., по совету графа Брюса, она хлопотала о переводе сына Николая в л.-гв. Семеновский полк, причем Брюс изъявил готовность взять его в ординарцы и доставить ему возможность жить дома, числясь на службе. Скоро они были произведены оба в прапорщики (в 1769 г.), а затем пожалованы, 1-го августа 1772 г., камер-юнкерами, после чего вскоре, в 1774 г., отправились, для дальнейшего своего образования, за границу, причем графиня-мать заботилась о снабжении их деньгами и сожалела, что отец их дает им слишком мало.

Но еще ранее этого графиня была принуждена покинуть родную Москву: будущий Наследник престола, Великий Князь Павел Петрович достиг уже возраста для вступления в брак, и в супруги ему была избрана Принцесса Гессен-Дармштадтская, позднее получившая, при святом крещении, имя Наталии Алексеевны. Встретить Принцессу в Москве в 1773 г. назначена была, по указанию, без сомнения, гофмейстерши, графини Марии Андреевны Румянцовой, и ее дочери, графини Прасковьи Александровны Брюс (как известно, обе пользовались большим расположением Императрицы), графиня Екатерина Михайловна, которую Екатерина II встречала и ранее. Графиня исполнила возложенное на нее поручение, и в день бракосочетания Великого Князя, 15-го августа 1773 г., была пожалована в действительные статс-дамы и назначена гофмейстериною при малом дворе Великого Князя. По этой новой должности она участвовала во всех проявлениях придворной жизни, как-то выходах, приемах, обедах, вечерах и т. д., как это видно из писем ее к супругу в 1773 и 1774 г., а также из камер-фурьерского журнала за это время.

Вместе с двором она ездила в 1775 г. в Москву на торжественные празднования побед ее супруга, довершенных известным миром в Кучук-Кайнарджи. В воспоминание этого

славного мира был возложен на нее, 12-го июля 1775 г., орден Св. Екатерины малого креста. Находясь в Москве, она виделась с супругом на празднествах и была «до того пренебрежена своим супругом и так худо трактована им, что николи ни о чем не говорил, что она после ни о чем не хотела ему советовать» (см. письмо ее к супругу 7-го февраля 1776 года). По возвращении в Петербург в 1775 г. она продолжала переписку с мужем, просила его о совместном сожитии, хотя только pro forma, и сокрушалась до слез, получив от него решительный в этом отказ. Она твердо решила уже в это время оставить двор, почитая тягостным для себя сопряженные с ее должностью беспокойства. Но неожиданная кончина от неблагополучных родов Великой Княгини, 15-го апреля 1776 года, удержала Румянцову от исполнения ее намерения. Императрица была безмерно довольна понесенными ею при этом трудами и беспокойствами, убеждала ее остаться при дворе хотя бы на год и заявила, что коль скоро Великий Князь увидит свою невесту, то ей, Румянцовой, необходимо будет ехать со свитою встречать ее в Мемеле. Румянцова согласилась исполнить желание Императрицы. Вскоре действительно Великий Князь Павел Петрович, в сопровождении фельдмаршала Румянцова, 13-го июня поехал в Берлин, где виделся с будущей своей второй супругой, Принцессой Виртембергской Софией-Доротеей, названной при миропомазании Марией Феодоровной, а затем и графиня Е. М. Румянцова со свитою 12-го июля отправилась в Мемель для встречи долженствующей прибыть невесты, Причем Императрица возложила на графиню орден Св. Екатерины большого креста и послала с нею подарки для самой невесты и ее матери.

По прибытии с невестою в Петербург графиня продолжала отправлять при малом дворе обязанности гофмейстерины. Великий Князь составил своей супруге особую инструкцию, по которой предлагалось ей предоставить графине Румянцовой полную свободу относительно прислуги и других мелких домашних распоряжений, даже относительно гардероба Великой Княгини, и никогда не допускать, чтобы ей жаловались

на супругу фельдмаршала, и т. д. Пребывая при дворе, графиня часто писала своему супругу, пребывавшему в Малороссии, сообщала ему придворные события, разные слухи и новости при дворе, а также о своем неудачном хозяйстве в деревнях, о невыгодной поставке вина в казну, о постройках и т. д. Но она не покидала мысли удалиться от двора, несмотря даже на богатые подарки, полученные ею при крестинах 21-го декабря 1777 г. первого сына Великого Князя – Александра. В начале 1778 г. она уже формально просила увольнения от двора, воображая, какую блаженную жизнь будет вести в Кайнарджи – имении Румянцева под Москвою. Их Высочества не дали никакого ответа на ее просьбу об увольнении, но прислали графа Ник. Ив. Панина уговаривать ее остаться при дворе; однако, «он тщетно мучил ее сладкоглаголанием»; затем Великая Княгиня убеждала ее остаться, делая разные препозиции и обещания, но, видя непреклонность графини, приняла от нее письмо к Ее Величеству с изложением просьбы разрешить ей покинуть двор. Получив чрез графа Безбородко на другой день сообщение, что Ее Величество, хотя и с сожалением, увольняет графиню от двора, последняя отправилась благодарить Императрицу и вместе с тем испросить дозволение взять с собою в деревню младшего сына – Сергея, зачисленного уже в военную службу. Государыня соизволила на эту просьбу графини, но, по словам последней, уволила ее «так хорошо, как бы я в наказание была выгнана вон; ниже чай на дорогу, не спросила, с чем еду, есть ли сани, есть ли карета. Сказала только: «худа дорога будет». Их Высочества же при прощании пожаловали ей на руку браслет с их портретами, осыпанными бриллиантами. Заметим кстати, что в книге Волкова: «Двор Русских Императоров в XVIII столетии» ошибочно показано, будто Румянцева в 1776 г. была отпущена на всегдашнее пребывание в Москву по кончине Великой Княгини Натальи Алексеевны.

Удалившись от двора, графиня Е. М. Румянцева ни разу более не была в Петербурге. Она проживала зимою в Москве, очень скромно, имея небольшой круг знакомых, и то по преимуществу из ближайших ее родственников. Сперва она как

бы скучала, по словам княгини Агр. А. Куракиной, но потом успокоилась, утешилась своим новым домом и заботилась о приращении своего прибытка. Она всецело посвятила себя детям и своему хозяйству, для которого большую часть года проводила в селе Кайнарджи, или Троицком, в 40 верстах от Москвы, куда переезжала раннею весною. Она по-прежнему продолжала писать своему мужу и описывала ему о том, как сооружает церковь в Кайнарджи, как строит оранжерею, переделывает мельницу, роет пруды, выписывает холмогорских коров, волов из Малороссии для полевых работ и т. д. Она намеревалась все постройки делать каменные и притом сперва соорудить все хозяйственные постройки, а затем уже самый дом для себя и спрашивала своего супруга, где поставить дом, по какому рисунку и т. д. Как особа очень хозяйственная и расчетливая, она увидела, что выгоднее самой косить луга, нанимая косцов, нежели отдавать их в аренду, и перестала поэтому давать покосы посторонним лицам. Ревностно занимаясь сельским хозяйством, она вскоре усмотрела, к сожалению, что работы обходятся ей дорого, рабочие мало знающие, нерадетельные своим господам; к тому же в 1775 г. урожай был плохой, и она все была принуждена покупать, а доходов не было. Однако, она не падала духом, находила большое удовольствие жить в Кайнарджи, в котором ходила, по ее словам, как влюбленная в свою деревню. Она не упускала случая прикупать близлежащие земли по дешевой цене, если продавали сходно, и, сообщая об этом супругу, просила у него денег на подобные покупки. Она часто ездила по другим, принадлежавшим ей деревням близ Москвы, описывала их хозяйственное состояние, писала, что в одной устроила фабрику для выделки трипа, в другой – обучает ткать ковры и т. д. Она не упускала из виду и домов своих в Москве и советовала супругу один из них продать совсем. В это время она уже вполне подчинилась своей горькой судьбе, отказалась совсем от мысли возвратить себе своего супруга, к которому сохраняла по-прежнему нежную привязанность и внимательную заботливость, вселяемые чувством любви к человеку, который ее совсем покинул. Она даже ласкала себя мыслию, что он

когда-либо посетит ее в Кайнарджи, и советовала ему лучше приехать летом, чтобы лучше все осмотреть, и т. д. Но этого она не дождалась. Уже с половины 1778 года графиня начала недомогать: у нее часто болели глаза, без очков она не могла ничего читать или писать; часто хворала лихорадкою, а потом у нее появилась, по словам доктора, какая-то скорбутика. Эта болезнь заставила ее пробыть долго в Кайнарджи, и только в половине ноября 1778 г. она переехала в Москву и еще 27-го декабря писала своему супругу; она скончалась 22-го августа 1779 г. в Москве, на 55 году жизни; погребена в Донском монастыре.

Князь Н. Н. Голицын, *Род Князей Голицыных*, т. I; *Русская Родословная Книга*, князя Лобанова-Ростовского, т. II; *Записки о роде князей Голицыных*, СПб., составил Серчевский, СПб. 1853; «*Московский Некрополь*», т. III; «*Старина и Новизна*», кн. IV (письма гр. Завадовского к гр. П. А. Румянцову) и кн. XIV, стр. 88; Гр. Д. А. Толстой, *Письма гр. Е. М. Румянцовой к ее супругу, фельдмаршалу гр. П. А. Румянцову*, СПб. 1881; «*Сборник Императорского Русск. Историч. Общества*», т. XXVI, стр. 247 (Биография Князя Безбородко), т. XXVII, стр. 95–108; «*Архив Куракиных*», т. VIII, стр. 219, т. X, стр. 398; *Императорская Публичная Библиотека*, Рукоп. Отдел: бумаги, поступивший от Н. А. Дивова (см. *Отчет Библиотеки за 1888 год*, стр. 18 и след.); «*Русская Старина*», т. II: *Записки Карабанова*, 1871, кн. 2; т. 76, 81, 93; 1898 г., февраль, стр. 251 и след.; *Записки И. И. Неплюева*, изд. 1893 г., стр. 177; Волков, *Двор Русских Императоров в XVIII столетии*; *Камер-Фурьерский журнал за 1771–1778 годы*; «*Исторический Вестник*» 1888 года, июль: «*Покорная и верная жена*»; «*Журнал Министерства Народного Просвещения*» 1888 г., т. 257, ст. 404 и след.; «*Киевская Старина*» 1888 г., т. 23, стр. 183 и след.; *Архив Мин. Имп. Двора*, опись № 36–1629, д. № 132.

Румянцова, Мария Андреевна

Румянцова, графиня *Мария Андреевна*, дочь действительного тайного советника графа *Андрея Артамоновича Матвеева* и первой его супруги, *Анны Степановны*, урожденной *Аничковой* (дочери стольника); родилась 4-го апреля 1698 г. и провела первые годы своей жизни в Вене и Гааге, где отец ее был послом России до 1710 года. Она рано лишилась своей матери, скончавшейся 4-го октября 1699 г., и росла под надзором мачехи, второй супруги отца, *Анастасии Ермиловны* (неизвестно, кто она была урожденная), бывшей ранее в супружестве за *Михаилом Аргамаковым*. Сам граф *Андрей Артамонович Матвеев* был одним из образованнейших людей своего времени; он любил читать, знаком был близко с внешней стороной европейской жизни, устроил дом свой на иностранный образец и т. д., а потому естественно, что и дочерям своим старался дать образование, несколько иное от общепринятого тогда в нашем отечестве. Молодая графиня *Матвеева* свободно владела французским языком, умела довольно бойко говорить, хорошо танцевала, так что не замедлила обратить на себя внимание *Петра I* на ассамблеях, не задолго пред возвращением *Матвеева* из-за границы установленных в нашем отечестве по царскому указу 1718 года. По словам *Карабанова*, *Петр I* не только имел большое расположение к *М. А. Матвеевой*, но и ревновал ее к другим до того, что однажды даже наказал ее собственноручно за слишком смелое обращение с кем-то другим и пригрозил ей, что выдаст ее замуж за человека, который сумеет держать ее в строгости и не позволит ей иметь любовников, кроме него одного. Действительно, когда вскоре один из его любимых денщиков – *Александр Иванович Румянцов* возымел намерение вступить в брак, *Петр I* приехал с ним к *А. А. Матвееву* сватать его дочь за своего денщика. *Матвеев* не счел удобным противиться этому предложению, и в скором времени, в присутствии царя и царицы, состоялось бракосочетание 19-летней *Марии Андреевны Матвеевой* с

Александром Ивановичем Румянцовым (10-го июля 1720 года). На другой день, 11-го июля, Их Величества кушали на почтовом дворе у Румянцова (см. Журнал 1720 года). Петр I щедро награждал новобрачных. Результатом этого брака явилась дочь *Екатерина*, родившаяся в ноябре 1721 г., а затем еще две дочери и сын *Петр*, будущий фельдмаршал, родившийся в Москве 8-го января 1725 года, во время пребывания мужа Марьи Андреевны в Константинополе, а затем на Персидской границе для размежевания. Графиня уже в то время, несмотря на молодость ее лет, имела влияние при дворе; чрез нее сблизился с ее мужем Французский посланник Кампредон, делавший ей подарки, которые, по его словам, очень ему помогли в его делах. М. А. Румянцова была в близких отношениях к Великой Княжне Елисавете Петровне, если придать полную веру рассказу дюка де Лирия (XVIII век, т. II, ст. 117 и след.) о том, что Великая Княжна, узнав, что ее сватают за старшего сына маркграфа Альберта (дяди Прусского короля), дала знать Прусскому посланнику барону Мардефельду, чрез посредство одной дамы по фамилии Румянцовой, которая бывает в доме Принцессы и пользуется ее любовью и доверенностью, чтобы он оставил все хлопоты по этому делу, ибо она вовсе не думает выходить замуж и никогда не выйдет за сына маркграфа Альберта».

Вскоре графине пришлось разделить печальную участь супруга, подвергшегося опале и лишению чинов, и отправиться с детьми на житье, под строгим присмотром, в Алатырскую деревню, где она и пребывала около трех лет, а затем, при назначении ее мужа в армию Миниха, переехала с семейством же в Киев, откуда, при посредстве известной Мавры Егоровны Шуваловой, поддерживая прежние свои связи с Петербургом, посылала самой Цесаревне Елисавете Петровне поклоны свои, гостинцы, книгу, а затем не замедлила поздравить Императрицу Елисавету с восшествием на родительский престол после удачно свершенного переворота. В Киеве Румянцова пробыла недолго.

С назначением ее супруга уполномоченным на конгресс в Або в 1740 году она переехала в Петербург, при праздновании

заклучения мира в Або удостоилась получить звание статс-дамы и в 1743 году, кроме того, портрет Ее Величества; муж же ее (а следовательно и она) был возведен в графское достоинство. Новая графиня приобрела вскоре большое влияние при дворе, которое удержала до конца царствования Елисаветы Петровны. Этому очень содействовали ее ум, большой такт, знание людей, умение расположить их к себе и привлекательная наружность. Представители иностранных держав, зная о влиянии Румянцовой при дворе, старались расположить ее в свою пользу. Так, Шведский генерал Дюринг хвалился тем, что успех его поручения обнадежен ему приязнью генеральши Румянцовой; Французский посланник Далион находил нужным производить ей пенсию от своего двора и писал своему правительству, что она в большой милости у Императрицы; Английский посланник Вейч склонял ее также на сторону своего кабинета. Но Румянцова, равно как и ее супруг, были сторонниками Французского двора и держались партии Шуваловых. Особенно видную роль получила графиня М. А. Румянцова с назначением в 1744 году состоять при Принцессе Ангальт-Цербстской (привезенной для бракосочетания с наследником Русского престола Великим Князем Петром Феодоровичем), в качестве доверенной особы Ее Величества, для надзора и опеки над Принцессой, с обязательством отдавать Императрице подробный отчет о всем замечаемом ею. Это, конечно, вооружило против Румянцовой будущую Императрицу Екатерину II, при торжественном бракосочетании которой графиня принимала большое участие. Она сопровождала Императрицу Елисавету в ее поездке из Москвы к Разумовскому в Глухов в 1744 г., а затем в Петербург, была с нею же на пиру у Разумовского в Гостилицах в день ее именин 5-го сентября 1745 года и т. д.

После бракосочетания будущей Императрицы Екатерины II графиня М. А. Румянцова была уволена от должности гофмейстерины и получила приказание вернуться к своему супругу, о чем никто при дворе не сожалел, потому что она подавала поводы ко многим пересудам. Причинами же этого удаления должно считать неприязненное к ней отношение со

стороны матери Великой Княжны, на которую М. А. Румянцова наговаривала Императрице Елисавете, и нерасположение к ней канцлера Бестужева-Рюмина, сила которого все увеличивалась. Но это увольнение от должности не удаляло М. А. Румянцову от двора Императрицы, так как она по-прежнему пользовалась расположением Елисаветы Петровны, и сама Великая Княгиня Екатерина Алексеевна брала от нее советы, как сама заявляет об этом в своих Записках.

Лишившись своего супруга в 1749 г., графиня М. А. Румянцова, оставаясь при дворе, продолжала тот же самый широкий род жизни и занимала собиравшихся у нее гостей разговорами, которые даже гораздо позднее известный граф Сегюр находил чрезвычайно занимательными. С годами она заменила танцы, в которых была большая искусница, картами, и немало проигрывала, увлекаясь игрою с утра до поздней ночи. Будучи к тому же нерасчетлива и расточительна, она нередко нуждалась в деньгах и обращалась с просьбами о вспомоществовании к Императрице Елисавете, а затем и к Екатерине II, при дворе которой, как старейшая придворная дама, современница Великого Преобразователя, пользовалась большим уважением, чему отчасти содействовали и заслуги ее сына. Екатерина II не вспоминала многих неприятностей, испытанных ею ранее от Румянцовой, и 12-го июня 1775 года наградила ее орденом Св. Екатерины, год спустя, 10-го июня 1776 г., пожаловала ее гофмейстериною, а в 1782 г. подарила ей богатый перстень. Графиня весьма часто присутствовала на разных обедах, свадьбах и торжествах при дворе; в день первого бракосочетания Великого Князя Павла Петровича (1773 г.) она, очень хорошо еще танцевавшая, просила Великого Князя оказать ей честь протанцевать с нею, так как она в свое время имела честь танцевать с его прадедушкой, дедушкой, и батюшкой, а затем, еще много лет спустя, на Придворном балу 24-го ноября 1781 г., в день именин Императрицы, прошлась в польском с одним из внуков Екатерины II – Великим Князем Александром Павловичем. 22-го сентября 1778 года графиня Румянцова была пожалована обер-гофмейстериною Высочайшего двора, – к великому ее удовольствию. Проживая

по-прежнему в Петербурге, она расходовала немало денег и, нуждаясь постоянно в деньгах, прибегала к щедрости Императрицы, которой в 1784 г. поднесла также особое письмо об устройстве ее домашних дел на случай своей смерти. Вскоре ее постигло семейное горе: сперва она лишилась одной дочери – графини П. А. Брюс, а затем умерла и жившая с нею другая дочь – Е. А. Леонтьева, чрез год после которой скончалась и она сама. Графиня сперва стала часто недомогать, сильно кашляла, затем ее постиг паралич, но, по чрезвычайно счастливой крепости своего сложения, она долго превозмогала болезни и, сохранив до глубокой старости веселость и живость ума и воображения, скончалась 4-го мая 1788 года, пережив своего супруга почти на 40 лет. Она погребена в Благовещенской церкви Александро-Невской Лавры.

Необходимо упомянуть, что графиня М. А. Румянцова отличалась необыкновенною добротою и готова была помогать всем и каждому по мере сил своих. Она была из первых, выразивших в 1763 году готовность принимать в своем доме беспомощных приносимых детей и оказывать им призрение и воспитание. С назначением ее сына правителем Малороссии все отправлявшиеся в эту страну являлись к графине просить у нее предстательства пред сыном, рекомендательного письма и т. д. Графиня никому не отказывала и писала сыну о лицах, которых даже вовсе не знала. Кончина ее, поэтому, произвела впечатление в Петербурге, и знаменитый Державин посвятил ей одну из своих од – «На смерть графини Румянцовой».

Гр. М. А. Румянцова имела одного сына *Петра*, будущего фельдмаршала, родившегося в 1725 г. (биография его помещена ниже), и трех дочерей, о которых скажем в немногих словах.

Старшая из них – *Екатерина*, первый ребенок М. А. Румянцовой, родилась в ноябре 1721 года [делаем это предположение потому, что самые крестины новорожденной происходили 26-го ноября 1721 г., в присутствии Его Величества и Его супруги, по словам Берхгольца. (Дневник камер-юнкера Берхгольца, перевод Аммона, 1857, стр. 243).] и, получив, как и прочие девицы того времени, домашнее, довольно

ограниченное образование, вступила позднее в брак с генерал-лейтенантом *Николаем Михайловичем Леонтьевым*, бывшим значительно старше ее летами и по-видимому обладавшим нравом довольно крутым. Супруги не сошлись характерами, и Екатерина Александровна, покинув своего мужа около 1760 года, возвратилась в дом к своей матери, у которой и проживала до самой своей кончины. По словам Гарновского, автора известных Записок, она была одною из первейших корреспонденток своего брата фельдмаршала и умерла 3-го апреля 1788 года (См. дела Гос. Архива, XI, № 64; Стар. и Нов., т. IV, стр. 71). Детей она не имела. Муж ее погиб преждевременно: 19-го сентября 1769 г. он был убит ружейным выстрелом в хоромное окно в своем селе Голощапове (Крапивенского уезда) одним из своих крепостных, с которыми зверски обращался. Князь Я. П. Шаховской сообщает, что графиня Марья Андреевна, пользуясь отменною милостью Ее Величества, исходатайствовала, чтобы из имения Н. М. Леонтьева была выделена его жене указная часть, т. е. из недвижимого одна седьмая часть, где пожелает взять, а вместо четвертой части движимого – дать деньгами 35000 руб. Указ об этом Сенату к исполнению состоялся 21-го марта 1761 г. Но затем, добавим мы от себя, Сенат нашел, что запрещено делать такие противные дела, чтобы при живой жене или при живом муже части брать, и потому оной жене генерал-поручика Леонтьева части давать не следует, и ежели ей что дано по указу, то надлежит оное возвратить прежнему мужу, а буде чего не дано – того и не давать. Императрица Екатерина II подтвердила это 8-го августа 1762 г.

Вторая дочь М. А. Румянцовой – *Дарья* родилась, как надо предполагать, в конце 1723 года [это предположение основано на словах того же Берхгольца, записавшего в своем дневнике за 1723 г., т. II, стр. 248, октября 31-го, что в тот день А. И. Румянцов уехал в Астрахань, а жена его, беременная в последнем периоде, осталась в Петербурге.] и впоследствии, в 1755 году, вступила в брак с графом *Францем Иосифом Вальдштейном* (р. 1719 г., ум. в 1758), будучи помолвлена с ним еще в 1752 г., но чрез три года овдовела и была 7-го апреля

1760 г. помолвлена и вскоре обвенчана с сыном известного генерал-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкого, – князем *Юрием Никитичем*. Она получила в 1755 г. от своей матери во владение часть имения Буртнек, которое было разделено между нею и братом ее, графом Петром Александровичем. Муж ее, князь Юрий Никитич (р. 1736 г., ум. в 1811) находился в военной службе, был произведен в 1775 г. в генерал-лейтенанты и вышел в отставку, но при короновании Павла I переименован в тайные советники, с назначением в сенаторы, а в 1797 г. произведен в действ. тайн. советники. Он был членом общества мартинистов. Супруга его отличалась искренним и примерным благочестием, говорили даже что она в последние годы жизни была даже посхимлена, хотя и не жила в пределах монастырских стен. Она скончалась в 1817 г. и погребена в Александро-Невской лавре в Петербурге. От брака с Трубецким она имела одного сына, князя *Александра*, родившегося в 1765 году и умершего в 1805 г. в чине статского советника, и одну дочь *Прасковью*, р. в 1762 г. и ум. 1848 г. (она была замужем за кн. *Федором Сергеевичем Гагариным*). Кроме того, от первого ее брака с графом Вальдштейном она имела дочь *Марию Александровну*, бывшую в числе первых воспитанниц учрежденного в 1763 г. Воспитательного Общества благородных девиц в Петербурге. Позднее она вступила в брак с графом *Иваном Александровичем Апраксиным* и с 1809 г., апреля 9-го, была кавалерственной дамою ордена св. Екатерины малого креста.

Третья и последняя дочь графини М. А. Румянцовой – *Прасковья* родилась 7-го октября 1731 г. (имея в виду слова Императрицы, что эта дочь Румянцовой была на два года моложе Великой Княгини Екатерины Алексеевны [Императрица Екатерина II род. 21-го апреля ¹⁹ 1729 г.]), при которой ее мать была вроде гофмейстерины). Это доставило молодой Румянцовой доступ к будущей Императрице, и она скоро сделалась близкою ее подругою, постоянно ее сопровождавшею и пользовавшеюся большим ее расположением. Императрица первую часть своих записок посвятила ей («другу своему гр. Брюсс, которому может сказать все, не опасаясь последствий»).

Она вступила в брак в 1751 году, мая 27-го, с очень богатым гвардии офицером – графом *Яковом Брюсом*, и была обвенчана в придворной церкви, причем для брачного торжества отпущены были из Придворной конторы различные предметы. Она бывала по-прежнему весьма часто при дворе и была пожалована в статс-дамы 15-го августа 1773 г., в день бракосочетания великого князя Павла Петровича. Она имела неосторожность не только увлечься фаворитом Императрицы – молодым Римским-Корсаковым, но довести дело до того, что Екатерина II застала их вместе в своей комнате, после чего они оба были удалены от двора, и прежняя их дружба обратилась в немалую ненависть. Пользуясь в свое время значением и влиянием при дворе, она успела доставить своему супругу сенаторство (в 1779 г., в январе), чин генерал-аншефа, и подполковника л.-гв. Семеновского полка и даже должность Московского генерал-губернатора по смерти графа Захара Григорьевича Чернышева. Графиня Брюс скончалась 17-го апреля 1786 года. От Брюса она детей не имела, по словам князя Долгорукова, но от Корсакова имела дочь *Екатерину*, которую намеревалась выдать за графа Дмитриева-Мамонова, любимца Императрицы; предположение это не осуществилось по той причине, что Мамонов влюбился во фрейлину княжну Щербатову, и дочь Брюса (позднее в 1793 г.) вступила в брак с графом *Василием Мусиным-Пушкиным* (тайн. советн. и посланником в Испании), который присоединил к своей фамилии еще фамилию Брюс. С кончиною его в 1836 г. прекратился род графов Мусин-Пушкин-Брюс.

«Русская родословная Книга», князя Лобанова-Ростовского, т. I, стр. 366; Деяния Петра Великого, Голикова; «Русская Старина», т. II ст. 476, т. IV, ст. 587 и след., т. XXII, ст. 57, т. XXV, ст. 289, т. LXXXIV, стр. 95; 1870 г., кн. 2, стр. 448, 473, 1871, кн. 4, ст. 586 и след., кн. 2, ст. 587; «Юрналаы 1720 года»; «Дневник камер-юнкера Берхгольца с 1721 по 1725 год», перев. Аммона, Москва. 1857, т. I, стр. 88, 201, 243, т. II, ст. 100; 248; «Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.», т. VIII, ст. 36 и след., X, стр. 320, XII, донесен. Каскарта 19 (30) сент. 1768; т. XXVII, письмо 27 мая 1788

года; LVI, стр. 539 и след.; LXIII, стр. 132 и след.; LXVI, стр. 328; CVIII, стр. 188; CXI, стр. 86, т. XXX (донесения Кампредона) ст. 190, 390, т. CV ст. 83, 354, 447; История России, С. М. Соловьева, т. IV, ст. 940 (изд. Общ. Польз.), т. V, ст. 409; Волков, Двор Русских Императоров в XVIII столетии; «Архив князя Воронцова», т. I, стр. 83, т. II, стр. 407, 441, 475, 461; т. IV, стр. 164, 167, т. V, т. VII, ст. 625, 649, т. XXVIII; «Русский Архив» 1888, кн. III, стр. 316–363; 1894, кн. II, стр. 115; Записки Императрицы Екатерины II, перевод с подлинника, издание Имп. Акад. Наук, СПб. 1907 г., стр. 52 и след., 211 и след., 229, 233 и 236, 264, 357, 481, 862; «Исторический Вестник» 1883, декабрь, 634; 1897 г., кн. I (статья Михневича), ст. 110–130; XVIII век, т. II, стр. 117 и след.; «Старина и Новизна», т. IV, ст. 71, и т. XIV, стр. 507; Сочинения Державина, издан. Я. К. Гротом, т. I, стр. 214 и след. и т. VIII, стр. 609, т. IX, 257, 321, «С.-Петербургские Ведомости» 1763 г., октября 14; «Архив кн. Куракина» т. VIII, стр. 454; Семейство Разумовских, соч. А. Васильчикова, т. II, ст. 408–435; Камер-фурьерский журнал с 1745 года, 1751 г. (особенно много в 1762–1777 годах); Mémoires du prince P. Dolgorouikoff, т. I, р. 171–181; Дневник А. В. Храповицкого, изд. Н. Барсуковым; Mémoires du Comte de Ségur, t. III; Д. Фон-Визин – в Сочинении: «Придворная грамматика»; Гос. Архив, р. XI, д. № 6, № 30 и 34, а также 64, П. Меццеского; Сказание о роде кн. Трубецких, изд. кн. Е. Трубецкою, С.-Петербург. 1891, стр. 344; Записки князя Л. П. Шаховского, изд. 1872, стр. 159; Архив Правител. Сената, книги Высоч. указов, № 102, л. 117–118; Московский Некрополь, т. II, стр. 167; Петербургский Некрополь, т. I; Архив Минист. Императ. Двора, опись 36–1629, № 84 и № 132; Н. Мурзанов, Правительствующий Сенат, Списки сенаторов, С.-Петербург. 1911.

Румянцов, Александр Васильевич

Румянцов, Александр Васильевич, контр-адмирал; род. 17-го апреля 1826 г. и после первоначального обучения в доме родителей был определен, 21-го февраля 1845 года, кадетом в штурманский полуэкипаж; чрез три года, 11-го апреля 1848 г., он был произведен в кондукторы Корпуса флотских штурманов и начал совершать плавания от Кронштадта до Дагерорда сперва на яхте «Королева Виктория», а затем на пароходе «Фонтанка», 6-го декабря 1849 г. был произведен в прапорщики, а в следующем году крейсировал по Финскому заливу и Балтийскому морю на корабле «Полтава» и «Амфитрида». 15-го октября 1851 г. Румянцов был переименован в мичманы и продолжал до 1854 года плавания по Балтийскому морю, пределы которого он в своих плаваниях во всю службу не преступал. При возникшей в 1853 г. войне с турками и ее союзницами, Румянцов принимал участие в защите крепости Свеаборга от нападения в 1854 года англо-французского флота, которое ограничилось непродолжительным и безуспешным бомбардированием этой крепости.

После этого Румянцов в 1855–56 гг. находился в кампании на восточном Кронштадтском рейде на корабле «Гремящий» и по заключении в скором времени Парижского мира в 1856 г. был назначен на корабль «Париж», стоявший на Ревельском рейде. 1-го января 1858 г. он был произведен в лейтенанты с назначением командиром 2-й роты и вместе с тем экипажным адъютантом 10-го флотского экипажа. В период времени с 1858 г. по 1866 г. он совершал обычные плавания по Финскому заливу сперва на корабле «Гремящий», а с 1863 г. – на корабле «Император Павел» и был награжден в 1865 г. орденом св. Станислава 3 степ. за успешное обучение морской команды. В 1866 г. Румянцов был назначен командиром винтовой канонерской лодки «Забияка» и плавал в Финляндских шхерах, в 1867 г. находился при проводке гидравлического дока из Кронштадта в Петербург. Произведенный 1-го января 1869 г. в капитан-лейтенанты, Румянцов был назначен, 22-го марта того

же года, заведовать фрегатом «Светлана», а также председателем экипажного суда 1-го флотского экипажа. В следующем, 1870 г. он был переведен в 7-й флотский экипаж. В это время он на пароходе «Петербург» совершал рейсы преимущественно между Кронштадтом и Петербургом, 1-го января 1877 г. был произведен в капитаны 2 ранга, 1-го января 1881 г. – в капитаны 1-го ранга, а с производством 1-го января 1886 г. в контр-адмиралы был уволен от службы и в том же году 21-го октября скончался.

«Общий Морской Список», ч. XI.

Румянцов, Александр Иванович

Румянцов, Александр Иванович – сын костромского дворянина, стольника *Ивана Ивановича*, родной брат генерал-майора и сенатора *Никиты Ивановича Румянцова*, в биографии которого, помещенной ниже, сообщаются сведения о происхождении рода Румянцовых; родился, как надо заключить из надписи на памятнике, сооруженном на его могиле в Златоустовском монастыре в Москве, в самом конце 1679 г. или в начале. 1680 г. и, вероятно, первые годы своей жизни проводил в деревне, в кругу семьи, обучаясь, как и его сверстники, русской грамоте и Закону Божьему у местного дьячка и не помышляя о более широком образовании. Ему, однако, посчастливилось попасть в число тех потешных, которых Царь Алексей Михайлович набирал для своего юного сына, будущего преобразователя России, заметив в нем склонность к военным забавам. Совместное пребывание в рядах этих потешных сблизило молодого Румянцова со многими из будущих великих сподвижников Петра I, как-то: с князем М. М. Голицыным, А. Д. Меншиковым, Гр. П. Чернышевым, П. И. Ягужинским и другими, и вместе с тем доставило ему случай сделаться лично известным будущему Царю, который мог и в то уже время обратить внимание на усердие и ревность Румянцова в службе, на его исполнительность и другие качества, которые он проявлял и позднее. По достижении установленных для военной службы лет, Румянцов был определен в армию и вскоре принял участие в начавшейся в то время великой Северной войне. Он был послан с дворянами из недорослей под Нарву в 1700 г. и определен был адъютантом к бывшему тогда окольничему Петру Матвеевичу Апраксину. Он участвовал в злополучном для нас сражении 19-го октября 1701 г. под Нарвою, вскоре после которого был переведен, в 1703 г., в л.-гв. Преображенский полк нижним чином, по выбору самого Петра I, и участвовал в походах совершенных полком в это время. Этот перевод в л.-гв. Преображенский полк в то время имел большое значение, потому что это был не только любимый

полк Царя, но как бы рассадник сановников и должностных лиц Русского государства того времени. Царь давал постоянно различные поручения офицерам Преображенского полка и по степени их исполнения заключал о способностях исполнявшего, о степени рвения его к царской службе и намечал того или другого офицера на различные, более или менее видные должности. Из этого же полка посылались Царем молодые люди за границу для приобретения различных технических сведений.

Находясь в строю, Румянцов совершал с полком поход в 1704 г. под Нарву и участвовал во взятии оной штурмом в том же году 16-го августа, а затем, возвратясь в Москву, был отправлен в 1705 г. к Полоцку во время военных действий Шведского короля Карла XII и его генералов против Польского короля Августа II, союзника Петра I. Овладев Митавой 2-го сентября, Петр подошел 2-го октября к Гродно и, усмотрев намерение Карла XII отрезать его от России, благополучно отошел к Киеву, сделав смотр Преображенскому полку в Орше. Можно предположить, что около этого времени Румянцов был произведен в сержанты. В следующем, 1706 г. Петр двинулся к Выборгу, причем в осаде этого города участвовал и Румянцов; осада была не успешна и скоро, в 1707 г., русские войска, а в том числе Преображенский полк с Румянцовым, были стянуты около Гродно для действия против Карла XII. В это время Румянцов был произведен 1-го мая в капралы, а затем пожалован Его Величеством и сержанты в том же году, вероятно, в награду за отличие по службе. Карл XII, как известно, в это время начал зимнюю кампанию, которая привела его к Полтаве, причем ранее, при м. Лесном, около г. Пропойска, был разбит 28-го сентября 1708 г. его фельдмаршал Левенгаупт. В этом сражении особенно отличились полки л.-гв. Преображенский и Семеновский.

В следующем, 1709 г. последовала знаменитая битва при Полтаве 27-го июня, в которой также отличился и Преображенский полк и в том числе Румянцов, произведенный незадолго до того в прапорщики (8-го февраля 1708 г.). Карл XII бежал в Турцию, а Петр I предпринял опять осаду Выборга и

овладел им в 1710 г. 14-го июня. Преображенцы, а с ними Румянцов, вступили в этот город и затем возвратились в Петербург. В 1711 г. полк этот, вместе с другими войсками, участвовал в войне с Турциею, закончившеюся мирным договором при р. Пруте, причем договор был послан на ратификацию султана с Румянцовым, который и привез его обратно 9-го мая 1712 года, как об этом упомянуто в походном журнале 1712 г. Наши войска, в то время действуя против шведов в Померании, осаждали гор. Штеттин. Петр I того же 9-го мая отправил Румянцова к нашему представителю в Копенгагене князю Долгорукову для сообщения королю Датскому о мире, заключенном с Турциею, и писал Долгорукому: «сего приносителя подпоручика Румянцова объявите в нашем (т. е. Преображенском) полку поручиком». По словам Румянцова, он вместе с полком принимал участие в походе в Померанию и участвовал в осаде г. Штеттина, Стральзунда, Фридрихштадта и в дальнейшем движении в Тенигсену, взятому нами 3-го мая 1713 г. Он отправлял в это время должность адъютанта при Его Величестве, исполняя различные его поручения.

По возвращении Царя в Петербург после капитуляции Штетина 21-го сентября 1713 г. Румянцов продолжал исполнять различные поручения Петра I. Так, в 1714 году Петр I посылал Румянцова, уже капитан-поручика, в г. Архангельск для набора 500 матросов из Сумского острова и других прилегающих мест на строящийся военный корабль в 60 пушек. В следующем, 1715 г. ему же поручено было занять отдаленный город в Финляндии – Каянсберг; Румянцов овладел им 26-го апреля 1716 г. и вместе с ним 20 пушками и немалым количеством амуниции. В 1716 же году Румянцов сопровождал Петра, отправившегося с очень небольшою свитою в заграничное путешествие. Получив в Амстердаме известие о бегстве своего сына Царевича Алексея, Петр немедленно послал Румянцова с тремя другими офицерами с письмом к нашему послу Веселовскому в Вену, с тайным повелением схватить Царевича и отвезти в Мекленбург. Узнав в Вене, что Царевич в Тироле, Румянцов немедленно направился туда и, удостоверившись,

что Царевич Алексей пребывает в Эренберге, в цесарском замке, возвратился в Вену и донес о всем Царю, испрашивая повеления для дальнейших действий. Веселовский, однако, приказал ему опять ехать в Эренберг, следить за Царевичем и при отъезде его из замка следовать за ним неотлучно. Царевич Алексей еще до второго прибытия Румянцова покинул, однако, Эренберг и пробрался, как оказалось впоследствии, в Неаполь. Румянцов, узнав об этом по прибытии своем в Эренберг, пустился далее и проследил Царевича до самого Неаполя, где узнал, что он пребывает в замке Сен-Эльмо, расположенном на одной из высот, окружающих Неаполь. С этим известием Румянцов вернулся в Вену и затем поехал в Спа, к Царю Петру I, пользовавшемуся в то время водами. Петр I 1-го июля 1717 г. отправил Румянцова вместе с П. А. Толстым обратно в Вену, с письмами, из коих одно было к Царевичу, а другое – к Императору Германскому с требованием о выдаче ему сына. Тайная конференция не признала возможным удовлетворить требование Царя, но для доказательства дружбы к нему разрешила Румянцову и Толстому ехать в Неаполь, видаться с Царевичем, переговорить с ним и, если он не пожелает возвратиться, то неволею его не пошлют. На особой аудиенции, поблагодарив Цесаря за такую откровенность, Румянцов и Толстой 21-го августа уехали из Вены в Неаполь, куда прибыли 24-го сентября, виделись с Царевичем Алексеем и убедили его вернуться в отечество. Румянцов, сопровождая Царевича из Неаполя, заехал в Барри для поклонения мощам Св. Николая, а затем чрез Рим, Болонью, Венецию, Инсбрук добрался сухим путем до Линца, откуда уже водою прибыл в Вену 4-го декабря, поздно вечером. Не являясь Цесарю, путешественники направились сухим путем прямо в Брюнн и затем чрез Бреславль и Данциг добрались до Риги к 10-му января 1718 года, откуда чрез Новгород и Тверь прибыли 30-го января в Москву поздно вечером и сдали на другой день Петру I его сына, над которым был назначен верховный суд из 27 лиц, в числе коих был и Румянцов. Суд приговорил Царевича к смертной казни. За успешное исполнение царского приказания А. И. Румянцов, 13-го декабря 1718 г., особым указом, был

пожалован двумя чинами, именно от гвардии майором и генерал-адъютантом, да деревнями Александра Кикина и Кирилла Матюшкина.

Забываясь о приготовлениях к морской кампании, Петр I уже в следующем, 1719 году послал Румянцева осмотреть Ревель, т. е. гавань, цитадель и батареи, а также вооружавшиеся там суда. Кроме того, в том же 1719 г. он был послан в Москву, чтобы захватить в иезуитском монастыре всех иезуитов, проживавших в городе, осмотреть и взять их письма и на рассвете объявить иезуитам указ об их изгнании и затем, дав им убраться, послать из Москвы за рубеж с добрым провожатым. Румянцов все в точности исполнил, и иезуиты были удалены в 1719 г. из пределов нашего государства.

В следующем, 1720 г. Румянцов вознамерился вступить в брак с избранною им особою, но Петр I не одобрил его выбора невесты и поехал с ним вместе к боярину графу Андрею Артамоновичу Матвееву – сватать его дочь, молодую красавицу Марию Андреевну, бывшую немалое время за границею вместе с отцом. Матвеев, считая Румянцева бедным дворянином, находил его недостойным руки своей дочери, но не счел удобным противиться желанию Петра I, тем более, что Царь выразил ему, что любить Румянцева, и что в его власти сравнить жениха с самими знатнейшими. Свадьба Румянцева с гр. Марией Андреевной Матвеевой состоялась 10-го июля 1720 г. в присутствии Царя и его супруги, которые на другой день, 11-го июля, кушали у Румянцева на Почтовом дворе.

Вскоре после бракосочетания Румянцов был послан Царем в Швецию, 9-го августа 1720 г., к Шведскому королю Фридриху I Гессенскому, супругу Ульрики-Элеоноры, сестры Карла XII, с грамотою поздравительною о вступлении его на королевский престол после кончины бездетного Карла XII в 1718 году. При этом Царь поручил Румянцову выразить Фридриху I, что имеет желание быть в мирных отношениях с новым королем. Вместе с тем Румянцову была дана особая инструкция, на основании которой он должен был поступать в Стокгольме, т. е., что и как говорить, что узнать и т. д. Румянцов, как писал Царю с дороги, благополучно доехал в Або в сентябре месяце, переправился

чрез залив в Стокгольм и 14-го и 16-го октября имел аудиенцию у короля и королевы. Он был принят очень ласково и приметил в короле и его министрах готовность к заключению мира. Он доставил Петру I письмо короля с выражением желания начать картель о размене пленных и открыть переговоры о мире прямо, причем местом для переговоров предполагалось избрать г. Або. Петр I приказал в декабре 1720 Остерману написать Шведскому королевскому секретарю Генкену письмо от имени Румянцова, обещая в скором времени начать переговоры о мире, которые на деле скоро открылись в Нюштадте, близ Або. Румянцов в этих переговорах прямого участия не принимал, но находился в Финляндии в 1720 и 1721 г. в качестве генерал-адъютанта при главном командире наших войск в Финляндии и был обязан о всех действиях и всем поведении командира доносить прямо Его Величеству. Когда на конгрессе встретилось сомнение в точности имевшихся у него географических карт, Петр I приказал Румянцову ехать в Выборг и обще с губернатором Шуваловым исправить карты и доставить к нему для отправки на конгресс. Равным образом чрез Румянцова Петр I напоминал своим представителям на конгрессе о включении в мирный трактат со Швециею пункта о свободной торговле в Балтийском море всех народов. Интересуясь очень ходом переговоров в Нюштадте, Петр I, находясь в Рогернике, писал Румянцову 8-го июня 1721 г., чтобы он из Нюштадта ехал прямо сухим путем в Рогерник, «а письмо пошли водою, дабы я с обеих путей сведал скорее». Румянцов прибыл в Рогерник с приятным известием, что дела конгресса идут по его желанию; желанный мир был заключен 30-го августа 1721 года. На празднованиях этого мира Румянцов был пожалован в бригадиры и вскоре отправлен в Малороссию для расследования по жалобам, поданным Петру в Петербурге Малороссийскою старшиною, с Полуботком во главе, на действия Малороссийской Коллегии под председательством бригадира Вельяминова и назначенных должностных лиц из великороссиян и по просьбе-жалобе старшины и казаков Стародубовского полка, чтобы определить им из великороссиян «правам их хранителей». При этом Петр I приказал Румянцову осмотреть все Малороссийские города, осведомиться, желают

ли все малороссияне великорусских коллегий и судов, а также русских полковников, узнать, ведают ли старшины и казаки о челобитной, поданной Царю от их имени, разузнать, какие обиды учинены казакам от старшин в отнятии земель и мельниц, и т. д.

Румянцов, прибыв в главный пункт Малороссии в то время – г. Глухов, объехал по полкам, на которые она делилась, и поручил в каждом полку особому офицеру вместе с бунчуковым товарищем произвести расследование по вышеприведенным жалобам и вопросам. Кроме того, он сам ездил по полковым городам, собирал на сход полковую старшину и по несколько сот казаков, убеждал их, что им будет лучше при новых порядках, когда вместо выбираемых ими полковников им будут назначены полковники из великороссиян, и спрашивал их, довольны ли они определенным полковником Кокошкиным, на что казаки, сообразив в чем дело, ответили: «по высокой царской милости зело удовольствованы». Из расспросов Румянцов узнал, что казаки не просили ни об упразднении Малороссийской Коллегии, ни об избрании гетмана, что все это измыслила в своих интересах войсковая старшина, которую настраивали к этому находившиеся в Петербурге малорусы и научали побуждать Малороссийский народ заявлять о желании иметь у себя великорусских судей и таких же полковников. Кроме того, он спрашивал о том, когда и где бывают ярмарки, о положении их хозяйства, о занятиях и промыслах и т. д.

Во время своего пребывания в Малороссии Румянцов сменил в Переяславле наказных полковников, найдя их ненадежными, и назначил других, дав им строгое предписание управлять хорошо, по указам Его Величества, честно и верно. Кроме того, он заложил так называемый Александр-шанец на том месте, где ныне Херсон.

Возвратясь в Петербург, Румянцов застал Царя, занятого приготовлениями к Персидскому походу, предпринятому Петром для утверждения владычества России на Каспийском море, с целью проникнуть не только в Персию, но в Хиву, Бухару и т. д. Румянцов находился при Царе в первом его походе 1722 года и дошел до г. Дербента, но сильная буря, разбившая немалое

число наших судов, как известно, принудила Петра, за недостатком провианта, возвратиться обратно в Торки, а затем 4-го октября и в Астрахань, где он стал готовиться к новому походу. Встречая необходимым иметь для этого особый флот, Петр отправил из Дербента 20-го октября 1722 г. Румянцова, уже гвардии майора, в Казань для постройки к весне будущего года немалого числа плоскодонных судов, которые и были им сооружены вовремя. Петр остался этим очень доволен и 23-го апреля 1723 г. благодарил Румянцова за скорое исполнение данного поручения, приказав ему, отправив последние суда, проводить их лично до устья р. Камы и затем приезжать самому в Астрахань.

Румянцов все это исполнил и был отправлен позднее с войском для участия во взятии г. Баку, которым и овладел Матюшкин 26-го июля 1723 г. Вскоре после этого был заключен союзный договор с Персией, вызвавший необходимость произвести новое разграничение земель в Азии между Россией, Персией и Турцией, возложенное позднее на Румянцова, который, возвратясь из Персидского похода в конце 1723 г., направился в следующем году в Москву на коронацию супруги Петра I – Екатерины I и командовал, в чине бригадира, при этом войсками, собранными на Ивановской Площади. Вскоре после коронации Румянцов был отправлен в Константинополь чрезвычайным послом к султану, причем был произведен в генерал-майоры, с тем, чтобы начать именоваться этим чином только по приезде в Турцию. Предстояло ратифицировать заключенный с Турцией мирный трактат 1724 г., и кроме того Петр I дал Румянцову промеморию, собственноручно написанную, из семи следующих пунктов, относящихся до дел наших с Персией. Ему поручалось озаботиться, чтобы мера таковая была правдивая, узнать состояние дорог от Баку до Грузии, а также и возле Азова и Черного моря можно ли идти по ним с войском, можно ли добыть на пути провиант, фураж, лошадей, можно ли р. Курю плыть до Грузии, хотя бы и малыми судами, узнать состояние и силу армян, грузин, и т. д. Помимо этого из Государственной Коллегии была дана Румянцову обширная инструкция, относившаяся по

преимуществу до размежевания земель в Малой Азии, и выдана полномочная грамота за большою печатью. Кроме этого, Царь приказал Румянцову для обучения турецкому языку выбрать из учеников Московской духовной академии четырех из шляхетства и взять их с собою в Константинополь. Ему было отпущено немало денег на расходы и много всякой мягкой рухляди и червонцев для раздачи на подарки. При нем состояла немалая свита различных должностных лиц и военная команда. Румянцов двинулся из Петербурга в октябре 1724 года, добрался с трудом до Киева к 13-му ноября и был уже 27-го числа в Бендерах, где встречен с почетом и комплиментами турецкими властями и 26-го декабря достиг Константинополя, где виделся с нашим резидентом при Порте в то время – Ив. Ив. Неплюевым. Румянцов имел 2-го января 1725 г. аудиенцию у визиря, а затем 5-го января – первую аудиенцию у султана, а после оной следующую 19-го января для принятия ратификованных грамот. Румянцов не замедлил донести о своих аудиенциях у султана Царю, но донесение от 5-го января не застало уже в живых великого преобразователя, и Румянцов не замедлил написать его, вдове, Императрице Екатерине I, поздравительное письмо о вступлении ее на Всероссийский престол. Он сам торопился приступить к исполнению остальных поручений, касавшихся Персии и разграничения с нею наших земель, которое должно было быть произведено между прочим при участии представителя Французского двора. Турецкие власти не раз заявляли Румянцову на словах, что не замедлят отправить его в Персию, а на деле все отсрочивали его отправление под разными предлогами, в числе которых самым существенным являлось происшедшее в то время в Персии восстание Эшрефа, объявившего себя законным правителем Персии вместо Тохмасиба. Турция не признала Эшрефа владетелем Персии и для его изгнания из пределов Персии отправила свои войска, которые, постепенно занимая один персидский город за другим, стали приближаться постепенно к нашим границам у Каспийского моря.

На вопрос Румянцова, что ему делать и ожидать ли в Константинополе водворения тишины и порядка в Персии,

последовал в феврале 1726 г. из Коллегии Иностранных Дел на его имя указ, что если со стороны турок склонности к разграничению не видно и пребывание его в Константинополе им неприятно, то он может уехать в Петербург со всею свитою, сдав все бумаги и деньги Неплюеву. Если же Порта намерена приступить к разграничениям, то пусть отправит его с комиссарами к местам разграничения. Против различных завоеваний, сделанных турками в Персии, ему предписывалось возражать. Румянцов сообщил все это визирю и, после многих частных аудиенций у него, имел наконец прощальную у него аудиенцию 12-го мая, после которой направился без французского медиатора Даллиона, как предполагалось первоначально, 18-го числа морем и прибыл 2-го июня в Требизонд, откуда пустился далее сухим путем. Из писем его к Неплюеву, а также князю А. Д. Меншикову видно, что он, больной, ехал верхом или в качалке, по пустынным местам, имел дорогу злую на Ерзерум, а затем в Карс, куда прибыл 21-го июня и добрался довольно счастливо до Ганжи к 3-му июля, но все время был болен лихорадкою. Он поехал далее на Шемаху, куда прибыл лишь 4-го августа, и стал торопить турок приступить к разграничению. Турки медлили; он пребывал в Шемахе без дела, а большая часть лиц, его сопровождавших, болела лихорадкою. Наконец, спустя месяц, было приступлено к разграничению, которое было закончено 27-го октября 1726 г., когда в м. Мабуре был подписан инструмент (акт) о разграничении между Россиею и Турциею земель в Ширванской провинции, принадлежащей Персии.

Но еще во время работ по этому разграничению возник вопрос о созвании, по желанию шаха Тохмасиба, общего конгресса (России, Персии и Турции) для решения спорных вопросов о земельных границах этих трех государств, и командующие нашими войсками на азиатской границе, Левашев и кн. Долгоруков, находили необходимым участие в этом конгрессе Румянцова, производившего разграничение земель с Персиею близ Каспийского моря, затянувшееся во многом по неимению верных географических карт тех местностей, которые еще приходилось составить, и по нежеланию некоторых

независимых владельцев горских племен дозволить проводить линию и проходить межою по их владениям. Это вызывало долгие переговоры с ними и с Портою, которой они признавали себя подчиненными, а тем временем Румянцов был принужден пребывать в бездействии то в Баку, то в Дербенте. Он писал об этом Неплюеву, нашему послу в Константинополе, добавляя: «продолжаю праздную бытность, которой скуки мое перо не может описать». От двора он получил рескрипт, что невозможно ему уехать, не дождавшись ведомости от Совета и от Порты. В это время, 27-го июня 1727 г. Румянцов был произведен в генерал-лейтенанты, причем ему повелевалось по окончании работ по разграничению земель в Персии «быть в команде у генерала кн. Долгорукова». Он в это время находился в частной переписке с могущественным кн. А. Д. Меншиковым, писал ему, что турки только время проводят, и просил исходатайствовать ему милостивую резолюцию, «дабы мне еще праздность мою здесь не продолжать». Но этого Меншикову не суждено было сделать для своего прежнего сотоварища по службе при Петре I.

В половине 1727 г. Румянцов получил указ о кончине, 6-го мая, Императрицы Екатерины I и о вступлении на престол по ее завещанию внука Петра I, молодого Петра II, сына Царевича Алексея, в поимке и печальной кончине которого проявил немалую деятельность Румянцов. Он мог справедливо опасаться подвергнуться опале, но на деле эти опасения не осуществились, и во все непродолжительное царствование Петра II Румянцов пребывал в Закавказье и отправлял возложенные на него еще ранее служебные обязанности. Он скоро сильно заболел в Ширване и прибыл в октябре 1728 г. в Баку до того больным, что не мог сам донести Коллегии о своем болезненном состоянии, продолжавшемся до начала февраля 1729 г. В марте того же года молодой Царь, признав заслуги Румянцова, в благодарность выдал ему 20000 руб. за отобранные у него ранее поместья. Ему предписывалось еще ранее не допускать Ширванского хана Сурхая присваивать себе куралинцев, живущих близ Дербента, производить из доходов с Баку ежегодное жалованье различным горским владельцам и

сестре Грузинского Царя Вахтанга игуменье Нине и т. д. Румянцов, пребывая в Дербенте, просил указа, как поступать с кабардинцами, ибо ему совершенно неизвестно, когда Кабарда поступила под державу Его Величества и границы Кабарды ему неизвестны. Он очень просил о присылке ему войска, потому что, хотя и спокойно среди горских народов, но необходимо смотреть за мелкими князьями; кроме того, он очень опасался набегов со стороны Муганской степи, полагая, что могут еще восстать и волноваться Кизил-баши и подвергнуть край большой опасности.

Утомившись до крайности своим пребыванием в прикаспийских землях, Румянцов просил Коллегию Иностранных Дел освободить его от возложенных на него обязанностей и разрешить возвратиться в Москву. Верховный Тайный Совет еще 30-го мая 1730 г., сообщив ему, что по делу о разграничении с Персиею от Куры до Гиляк будет прислан с инструкциями генерал-майор Еропкин, поручал ему окончить разграничение не только в Ширвани, но и в Мугани, приготовить доказательства о всех обидах от Сурхая, составить верную карту с описанием и т. д. Но все это ему не пришлось исполнять, потому что 16-го июля 1730 г. состоялся указ о возвращении Румянцева в Москву, причем командование всеми русскими войсками в прикаспийских землях возложено было на Левашова, а все бумаги, бывшие у Румянцева, надлежало передать генералу Венедьеру. Румянцов еще 29-го августа благодарил Остермана из Дербента за такую милость и добавлял, что направится в путь 2-го сентября.

Прибыв в Москву 12-го ноября 1730 г., он был очень ласково принят новою Императрицею [Петр II скончался с 18-го на 19-е января 1730 г., на престол вступила 25-го января 1730 г. Анна Иоанновна], которая указом 27-го ноября 1730 года «генерал-поручика и гвардии Преображенского полка майора Румянцева пожаловала в тот же полк в подполковники и в свои генерал-адъютанты». Но, человек Петровского закала, любивший все русское, чуждый роскоши и изнеженности, деятельный, преданный отечеству, каким был Румянцов, не мог соответствовать порядкам, водворявшимся при дворе, где

господствовал герцог Бирон и прочие немцы, и потому весьма естественно, что он имел скоро столкновение с братом всеильного временщика, навлекшее для него печальные последствия и по другому совсем делу. Императрица возымела намерение предложить Румянцову место президента Камер-коллегии. Румянцов отказался, сказав, что с ранних лет будучи солдатом, ничего не смыслит в финансах, не умеет выдумать средств для удовлетворения роскоши и т. д. и, конечно, высказал при этом сгоряча много неприятного для Императрицы о новых порядках при дворе, вследствие чего она приказала ему удалиться и затем отдала приказание его арестовать и предать суду Сената, который 19-го мая 1731 г. приговорил его к смертной казни.

Царица из милости сохранила ему жизнь, заменила казнь ссылкой в пределы Казанской губернии, лишив чинов и ордена св. Александра Невского и отобрав пожалованные ему ранее 20000 руб. Румянцов со всем семейством своим был отправлен в село Чеборчино, Алатырской провинции, где и прожил более трех лет под строгим присмотром капитана Шипова, который, по данной ему инструкции, должен был неотлучно при нем находиться, никого к нему не допускать, читать все получаемые им письма и списывая с них копии, присылать в Петербург, вести дневные записки о всем происходящем в доме Румянцова, следить за его расходами, даже за мелочными и по хозяйству, которые последний не мог производить без разрешения Шипова. Не получая ничего от казны, Румянцов существовал на средства, имевшиеся у него и у его супруги которая для насущных потребностей продавала свое имущество. В таком уединении Румянцов прожил более четырех лет и только в конце июля 1735 года, вероятно, по ходатайствам родственников и близких графини Матвеевой, состоялся указ 28-го июля о том, что Александр Румянцов пожалован был в Астраханские губернаторы, на место престарелого Ивана Измайлова, причем Румянцов жалуетя прежним чином генерал-лейтенанта и кавалером ордена св. Александра Невского. Румянцов едва успел послать 20-го августа благодарственное письмо Анне Иоанновне, как

состоявшимся тем временем новым указом 12-го августа был назначен правителем Казанской губернии и главным командиром войск, определенных к прекращению башкирских замешаний. Ему были даны указы и инструкции, как поступать с башкирами, и сообщены донесения Кирилова об этом восстании, причем Кирилову было предписано следовать предложениям и ордерам Румянцова во всем, что касается башкирских замешаний, и во всем поступать неотступно.

Румянцов уже 19-го сентября вступил в отправление своих новых обязанностей и в октябре того же года доносил из Мензелинска о заложении Оренбургской крепости. Он разослал от себя во всю Башкирию «рассудительные универсалы», которыми, а также своими поступками и обращениями с башкирами, достиг вскоре того, что главные бунтовщики принесли ему повинную и учинили присягу по своему закону. Вместе с тем он, вместе с Кириловым, составил подробный план о совершенном успокоении башкир и отправил его с Кириловым на утверждение в Петербург. Румянцов, исходя из того, что главною причиною бунта башкирцев были суровые и незаконные поступки с ними Тевкелева, опасался еще более взволновать башкир строгими мерами усмирения бунтовщиков (на чем настаивал Кирилов) и полагал, за неимением также достаточного войска и необходимых проводников, оставить бунтовщиков до удобнейшего времени в тишине, ибо «их к верности государству и к накладу на них податей скоро без всякого их возмущения никак привести невозможно», а надобно делать к тому постепенные приготовления. Императрица, одоблив этот план, приказала Кирилову приехать к Румянцову в Мензелинск и обсудить меры окончательного успокоения башкир.

Выработанные Румянцовым к концу декабря 1735 г. меры состояли главным образом в следующем: 1) привести в должное состояние полки, находящиеся в Башкирии; 2) основать Оренбург и другие намеченные крепости и тем огородить ими башкирцев как бы стеною и 3) устраивать городки среди башкирских земель; 4) в каждой волости башкирской иметь выборных старшин, ответственных за всякое

преступление; 5) оставив в каждой дороге одного только ахуна (священника), взять с них присягу, чтобы не совращали в свою веру, не строили мечетей и школ без разрешения и сообщали бы о всяком совершенном преступлении; 6) разрешить покупать и арендовать у башкир земли и уголья; мещерякам, тептярям и бобылям старым за их верность отдать в вечное владение все земли, снимаемые ими у башкир; 7) воспретить делать сборы, а также устраивать кузницы и держать кузнецов в уезде и не отпускать последних из городов в уезды; 8) башкирам, замеченным в воровстве, вообще воспретить иметь при себе оружие и т. д. С проектом этих мер Кирилов был отправлен в Петербург, а тем временем в 1736 году Румянцов, уповая, что все тихо, поехал из Мензелинска в Казань для правления губерниею. Но едва прибыв в этот город, он получил известие о новом и значительном замешании башкир на р. Деме (большой приток р. Белой) и прилегающих к ней местностях. Румянцов быстро вернулся и двинулся к р. Деме с войском, где и производил поиски над воровскими шайками. Тогда же вернулся и Кирилов с указами, одобрявшими представление Румянцова о башкирах и предоставлявшими ему полную мочь к прекращению всех башкирских замешаний, которые, утихнув на р. Деме, возникли в стороне Уфы, под предводительством двух мятежников – Акая и Кильмяка. Румянцов двинулся на них и 29-го июня подвергся сильному с их стороны нападению, на рассвете, в то время, как стоял лагерем на р. Косуме, при деревне Урмексевой, в 120 верстах от Уфы и 28 верстах от Белебея. Румянцов потерял в этом деле одними убитыми 180 человек и 60 ранеными; бунтовщики угнали всех его лошадей и удалились в горы. Лошади были возвращены, когда команда оправилась. Румянцов последовал за ними, но не мог их настичь; он возвратился к Мензелинску и в 20 верстах от него узнал, что мятежники напали на верных нам башкир. Он снова вернулся, дошел до села Елдяшева (120 верст от Мензелинска), но не найдя нигде воров, прибыл 29-го августа в город, где застал новый указ Ее Величества от 13-го июля 1736 г. о том, чтобы при башкирской комиссии быть гвардии майору Хрущову, а ему, Румянцову, отдав команду, следовать к главной

армии, действовавшей против турок под начальством генерал-фельдмаршала графа Миниха.

Румянцов 14-го октября 1736 г. оставил Мензелинск и в январе 1737 г. прибыл в Глухов, где получил указ о назначении его в Малую Россию, на место князя Барятинского, который был потребован в Москву. Вскоре после этого, указом 22-го января 1737 г., Румянцов был произведен в действительные полные генералы и зачислен в комплект генералитета, в армию фельдмаршала Миниха, по его о том представлению. Румянцов не замедлил принести благодарность за таковую монаршую милость и занялся делами Малороссии, преимущественно делами по снабжению армии всем необходимым по ее требованиям для предстоящего похода. Он учредил также в Глухове школу для обучения пению при искусном регенте, приступил к собранию сведений о лицах, коим были розданы по универсалам гетманов различные деревни и земли и т. д. Но скоро Барятинский возвратился и, вступив в управление Малороссиєю, принял обратно все дела от Румянцова, который уже в 1737 году принимал участие в приготовлениях ко второму походу графа Миниха. По плану похода надлежало в эту кампанию подчинить весь Крым, Кубань, Кабарду, Азовское море и гирла рек, впадающих между Крымом и Кубанью. Одной из трех пехотных дивизий в армии Миниха командовал Румянцов, находясь, конечно, в полном подчинении Миниха. Его дивизия 10-го апреля двинулась с берегов рек Псела и Сула, 16-го июня была у Буга, а после зело трудной переправы имела такой же трудный марш безводными местами, сожженной степью, претерпевая большой недостаток в воде, и, подойдя к Очакову, сделала на него нападение. При этом войска неожиданно наткнулись на широкий и глубокий передовой ров, не в состоянии были перейти его и должны были прекратить штурм. Однако, 2-го июля в Очакове произошел взрыв большого порохового погреба, разрушивший часть города. Турки просили перемирия, но получили отказ от Миниха, предложившего им сдаться на капитуляцию, добавив, что если чрез час не сдадут крепости, то гарнизону не будет пощады. Турки сдались, и часть русских войск заняла Очаков, после чего

Миних хотел двинуться к Бендерам, но значительные потери в людях, недостаток продовольствия, подножного корма и даже воды, множество больных в армии побудили Миниха возвратиться на зимние квартиры. Однако из Петербурга пришло приказание идти на Бендеры. На созванном в армии Совете это признали невозможным и она, направляясь на Очаков, Александр-шанец на Днестре, достигла, 23-го сентября Переволочной и была расположена на зимние квартиры [Во время этого неудачного похода, в Немирове велись переговоры о мире, не имевшие никакого успеха. Австрийцы, наши союзники в этой войне с Турцией, также не имели успеха в своих военных действиях против Турции, но домогались получить Боснию, а главным образом Молдавию и Валахию; Турки, конечно, не соглашались на это, и предстояла следующая кампания 1788 года].

Миних разделил обширные границы, вверенные его охранению, на 2 части: одну от Киева по Днепру до начала Украинской линии он поручил Румянцову, а другую – от Днепра по Украинской линии – генералу Леонтьеву, а позднее Кейту. Вся зима прошла к приготовлениям к кампании 1738 г., в продолжение которой надлежало по первому плану Миниха занять Белгородские и Буджакские орды по ту сторону Днепра, а также Молдавию и Валахию. С наступлением весны Миних располагал выступить в поход, а в это время умер князь Барятинский, на место которого в Петербурге назначен был генерал-майор Шипов; Миних же, до получения об этом указа, ввиду нужнейших экспедиций, возложенных на князя Барятинского, чтобы не остановить снабжение армии, немедленно отправил в Глухов на место умершего – Румянцова, поручив ему отправление всех дел, лежавших на князе. Это было одобрено Императрицею, как видно из указа, состоявшегося 6-го марта 1738 года. С приближением теплых дней хотя не вся армия была в готовности двинуться 15-го апреля к Днестру, тем не менее, Миних, исполняя желание Императрицы, выступил из лагеря при Омельнике, оставив в Переволочной Румянцова, которому было предписано, собрав все необходимое для кампании и взяв с собою все почему-либо

опоздавшие команды, присоединиться с возможной скоростью к армии. Движение Миниха чрезвычайно замедлялось переправами чрез множество рек различных размеров, протекавших между Днепром и Бугом, и он только 15-го июня подошел к притоку Буга – Ташлыку, где узнал о появлении опасной болезни (т. е. чумы) в нижней части Днепра. Приняв меры предосторожности, Миних пришел к Бугу, переправился по устроенным мостам 23-го и 24-го июня, и тогда же присоединился к нему Румянцов со всеми обозами, а также рекрутами, которые были распределены по полкам. Затем в армии узнали, что опасная болезнь свирепствует в Яссах и около Бендер. Ввиду этого, на собранном военном совете решено было двинуться далее несколько иным путем к берегам р. Кодымы (приток Буга), где появились татары, намеревавшиеся напасть на Миниха; для отражения их он послал Румянцева обратно чрез р. Кодыму, который успешно их отбил 30-го июня и 1-го июля, когда явился и сам Миних и оттеснил татар. Затем он имел с ними дело при р. Савраны, причем Румянцов с небольшим отрядом был оставлен для обороны обоза. Эти дела с татарами задерживали движение армии, которая, подходя к Днестру 24-го июля, узнала, что ее ожидают 60000 турок и 78000 татар, расположенных на правом берегу Днестра, в крепкой позиции, и на левом берегу р. Молокиша, впадающей в Днестр. Ближайшее рассмотрение сил неприятеля и занимаемых им мест убедило Миниха в невозможности для него переправы чрез Днестр, и 29-го июля он отступил к р. Каменке, перейдя трудное дефиле чрез р. Билочь, причем для облегчения лошадей и ускорения марша решено было 4-го августа сжечь все негодные и лишние амуниции, кафтаны, сбрую и т. д. и двинуться к р. Догны и затем вниз по оной до впадения в Буг. Направляясь по ее берегам, армия прошла 20-го августа к Бугу, а затем к р. Сорока, откуда одна колонна под командою Румянцева была направлена в Белую Церковь и Киев, а другая под начальством Миниха – к Каневу. На марше он получил приказание Императрицы возвратиться опять к Днестру. На собранном военном совете Румянцов и многие другие генералы высказывали

определительно, что этого учинить невозможно по неимению провианта и подножного корма, по причине наступающих холодов, большой убыли в людях, причем здоровые весьма уфатигованы, а одежда вся изнасилась. Императрица, по докладу всего этого, одобрила решение военного совета о возвращении армии. Румянцов прибыл 15-го сентября в Киев, а Миних – 25-го в Канев. Поход был неудачен; кроме того, приказано было покинуть крепости Очаков и Кинбурн, разрушив все укрепления.

Неудача в войне побуждала союзников [Австрия в 1737 г. также воевала неудачно: она потеряла Ниш 18-го сентября 1737 г., а затем г. Оршу – ключ Трансильвании, а также Темешвар и готовились потерять Белград] желать более, чем когда-либо мира, и для скорейшего его заключения принять посредничество в этом деле Франции. Турки возгордились своими успехами и сделали еще несговорчивее. Сделав распоряжение об охране границ зимою, Миних в начале января 1739 г. уехал в Петербург для обсуждения плана кампании весною, передав всю команду над армиею Румянцову и снабдив его подробною инструкциею относительно подготовки армии к предстоящему походу, обеспечения границ от набегов татар, о мерах против чумы и т. д. Вскоре по отъезде Миниха татары стали вторгаться в наши пределы в разных местах. Румянцов отправился сам против татар и отразил Крымского Калгу-султана. Затем особым Высочайшим указом на Румянцова был возложен сбор в Малороссии волов, потребных для армии в огромном количестве, что было сопряжено с немалыми затруднениями; при этом Румянцов очень заботился о прекращении всякого самоуправства со стороны войск при этом сборе. Волы поставлялись медленно, что вызывало неудовольствие начальников войск и навлекало на Румянцова неприятные ему указы. Работы по приведению в порядок полевой и осадной артиллерии производились также попечением Румянцова, а равно и снаряжение к походу Малороссийских полков, о которых он озаботился заблаговременно и весьма настоятельно. Много хлопот доставляло ему снабжение армии продовольствием: надо было

собрать оное не только для довольствия армии в походе, но и на время, предшествующее выступлению ее в поход, устроить перевозку продовольствия в походе и т. д. Много затруднений причиняла свирепствовавшая чума, которая не давала возможности пользоваться запасами, находившимися в местностях, охваченных чумою; то же самое было и в отношении фуража. Хотя по проекту Миниха в 1739 г. русские знамена должны были развеяться на стенах Константинополя, но действительный план кампании 1739 г. был значительно скромнее: надлежало только занять Хотин и, по обстоятельствам, действовать далее, против Очакова и Кинбурна, только препятствуя сооружению новых укреплений.

Румянцов, не ожидая возвращения Миниха, приказал в начале марта тяжелой артиллерии начать передвижение с зимних квартир и предписал полкам наблюдать за исправностью проселочных дорог, мостов, гатей, гребней и т. д. В конце апреля Миних с 4 дивизиями, из коих первую командовал генерал-аншеф Румянцов, совершив переправу чрез Днепр при большом разливе и весьма холодной погоде, двинулся к Василькову и затем далее к р. Бугу, причем каждая дивизия шла самостоятельно. К 17-му июня армия стала подходить к Бугу; отряды татар, всего до 50000, находились у Дубоссар и на р. Савране и Кодыме. Переправившись спокойно чрез Буг, Миних собрал военный совет, на котором было решено идти прямо к Хотину на Днестре, одна дивизия от другой не в дальнем расстоянии и с большими осторожностями, так как и турки оказались невдалеке. – 6-го июля армия собралась на р. Бованец, притоке Збруча, где узнали, что в Хотине крепость вполне исправна, имеет до 90 пушек, гарнизон в 40000 и поджидает прибытия еще 20000 турок, и что решено не допустить русскую армию совершить переправу чрез Днестр; Поляки же в большой дружбе с турками.

Военный Совет решил идти скорее к Хотину и совершить переправу чрез Збручу, обойти Недоборгские горы и явиться к Хотину с другой стороны. Все это было исполнено, хотя и с большими затруднениями. Но полученное известие о чуме в Каменце-Подольском принудило изменить направление

движения армии и совершить переправу чрез Днестр выше Хотина. Чтобы скрыть это от неприятеля, часть нашей армии в 30000–40000 под начальством Румянцева должна была показывать вид, что вся армия идет прямо к Хотину, и тем удерживать путь неприятеля. Другая же часть, около 27000, с Минихом во главе, под видом конвоя лица, едущего от Ее Величества в Турцию, должна была идти к Днепру выше Хотина и переправиться там. Все это вполне удалось. Миних переправился 19-го июля у сел. Сосновицы и стал ожидать Румянцева, который, чтобы ввести турок в заблуждение, сперва подвинулся вперед, а потом перешел р. Ничлаву и к 26-му июля подошел к Днестру. Миних потребовал его к себе и поручил его начальству свой кор-де-баталь (главный отряд). Скоро последовала битва при Ставучанах, 17-го августа, в которой турецкая армия в 70000 была совершенно разбита и рассеяна. Миних немедленно подошел к Хотину и тот же час потребовал сдачи: Хотин сдался ему 19-го августа. Желая воспользоваться удобным временем года, Миних немедленно двинулся к Яссам и занял их 3-го сентября. Молдавия соглашалась признать над собою власть Русской Императрицы. Но вдруг Миних получил уведомление, что Австрия заключила мир с Турцией в Белграде 7-го сентября; он пришел в негодование и решил продолжать военные действия и двинулся по Пруту в урочищу Кайнар, но наступившее холодное время, дожди и плохие дороги побудили его возвратиться к Хотину, где он получил указ из Петербурга также о заключении мира с Турцией; при этом Миниху предписывалось возвратиться с армиею в пределы Империи. Вся армия Миниха предприняла обратный поход, и Румянцов 16-го ноября 1739 г. возвратился с вверенными ему полками на зимние квартиры в Переяславль, о чем не замедлил сообщить Бирону. Вместе с тем, он ходатайствовал пред всемогущим Герцогом об определении 13-летнего сына своего – будущего фельдмаршала – в Швецию или Данию к нашим посольствам (министрам) для обучения его практике, с назначением ему, если возможно, жалованья «за моим недостатком». При этом А. И. Румянцов добавлял, что «не для какой пользы сие

намерение восприял, токмо проча впредь его, сына моего, дабы годен был в высокой службе Ее Величества».

Эти непрерывные и продолжительные походы Миниха чрезвычайно отрывали Румянцова от непосредственного управления Малороссиею, о котором, однако, дошли до нас весьма благоприятные отзывы. Так, по словам Бантыш-Каменского, поведением своим он приобрел от всех полную доверенность и доброхотство. При нем восприяло начало и далеко распространилось вежливое, свободное и благонравное поведение между малороссиянами, увеличившееся при его преемнике генерале Кейте. Командование Румянцова, по личным его качествам, было кроткое, справедливое для малороссиян и утешительное, как заявляет Георгий Конисский. При Румянцове имел большое значение в делах Малороссии его любимец, генеральный писарь Андрей Безбородко (отец будущего великого дельца Екатерины II), отличавшийся своими способностями: он забрал в свои руки местную администрацию и много содействовал окончательной деморализации низшей старшины, получавшей места исключительно из его рук. В 1740 г. состоялся указ, коим Румянцов назначен был штатгальтером, а на его место повелено быть генерал-майору и Измайловского полка майору Шипову (Арх. Малор. Колл., д. № 26658), а вскоре за тем Румянцов был пожалован каменным домом в Москве. Вместе с тем, в исполнение одного из условий только что заключенного 7 (18) сентября 1739 г. мира с Турциею, он поставлен был во главе великого посольства, которое надлежало отправить в Константинополь. Румянцов, крайне этим довольный, писал благодарственное письмо Императрице за лестное назначение и за ценное пожалование. Он был вызван в Петербург и принимал участие в составлении посольства, которое было довольно многочисленно [в свите Румянцова, кроме секретаря и маршала посольства, священника с причтом, лекаря с подмастерьями и переводчиков, находилось до 200 гренадер, 12 дворян посольства, 36 лакеев, 12 гайдуков, несколько трубачей, егерей, музыкантов, много повозок с багажом, немало лошадей всякого рода и т. д., словом – целый караван, останавливавшийся

ежедневно лагерем для ночлега и отдыха]. Румянцову было отпущено на подъем и экипажи 15000 руб., назначено на стол со дня выступления из пределов России по тысяче рублей в месяц и на различные чрезвычайные расходы 20000 рублей. Кроме того, ему была отпущена парадная карета для въезда, балдахин, кресла и парадная палатка, серебряные сервизы и всякого рода блюда для угощения турецких властей и много богатой мягкой рухляди для раздачи в виде подарков в Турции.

Ему был дан 16-го мая Высочайший указ, что он посылается в характере чрезвычайного уполномоченного посла, обязанного именем Ее Величества накрепчайше ободрить Турецкое правительство, что с нашей стороны постановления мира будут во всех артикулах твердо и ненарушимо соблюдены, охранены и никогда противно поступлено не будет. После отпускной аудиенции 19-го мая Румянцов выехал из Петербурга 20-го мая, был в Москве 30-го числа и, забрав все необходимое, направился в Киев 4-го июня, куда прибыл только 22-го и вступил в переписку о времени размена на границе с Турецким послом Мегмет-Эмином, ехавшим уже в Петербург из Константинополя. По условию мира размен послов должен был произойти на Днестре, у Конских вод; однако Турецкое правительство признало удобнее для себя совершить это вблизи Очакова у р. Ялпы, где есть граница, на что не соглашался А. И. Румянцов, преимущественно по неудобству и затруднительности пути на р. Ялпе, и убеждал письменно Турецкого посла ехать чрез Польшу. Мегмет-Эминь долго не соглашался на это, но наконец послы сговорились учинить свой размен у самых Польских рубежей, по сей стороне Днестра, причем Турецкого посла примет и будет сопровождать в Петербург брат А. И. Румянцева, генерал и сенатор *Н. И. Румянцов* (см. ниже его биографию). Затем пошли переговоры и препирательства о церемониале и порядке размена, так что только 16-го августа А. И. Румянцов с братом своим выехал из Киева, со всем посольством на 1400 подводках к Егорлыку, где была в то время Турецкая граница. Предстояло ехать много степью и ненаселенными местами. Перейдя Польскую границу близ Василькова, Румянцов 1-го сентября был в Немирове, где

получил от Эминь-паши письмо, что ему разрешено не ехать к Конским водам, и что размен последует близ р. Буга. Равным образом и он получил из Петербурга известие о кончине Императрицы Анны Иоанновны, а затем о рождении внука ее Принца Иоанна Антоновича; он узнал также и о гайдамаках появившихся на предстоявшем ему пути, что побудило его двинуться на Умань и затем стать на р. Синюхе, где находился также лагерь и Турецких комиссаров, а равно генерала Кейта и генерала Н. И. Румянцова, учинивших торжественную встречу А. И. Румянцову.

Назначенный встретить А. И. Румянцова и проводить его до Константинополя Нуман-паша также скоро подошел к этому месту; после переговоров с ним Румянцов объявил, что размен послов состоится 17-го октября при устье р. Великий Канар. Он действительно и состоялся торжественным образом, и Румянцов не замедлил, 21-го октября, подробно донести об этом Ее Величеству, которая тем временем скончалась (17-го октября вечером), о чем и было сообщено Румянцову с доставлением ему вместе с тем новых верительных грамот. Затем 23-го октября Румянцов двинулся далее к Бендерам, где был торжественно встречен, и, пробыв до 12-го ноября, пустился далее. Как усматривается из его донесений, он был не совсем доволен отношением, турок к нему и ко всему посольству: он жаловался на скудость отпускаемых припасов и провизии, так что дорогою находился почти на своем иждивении. Дальнейший путь его из Бендер шел на Измаил, откуда 4-го декабря он поплыл на галиотах до Тульчи, а затем, промешкав два дня, за неимением подвод, двинулся на Бабабис, Вазарджик и Праводы к Адрианополю и т. д., причем в Базарджике, куда он прибыл 20-го декабря, возникли затруднения из-за квартир, которых турки не хотели ему отводить, а затем также из-за подвод. В Праводах в день Рождества Христова он посетил со всею свитою греческую церковь, где служил Польский иерей. Тут он получил указ 28-го ноября с манифестом о низвержении Бирона и о вступлении на престол дочери Великого Преобразователя – Императрицы Елисаветы, приводил к присяге всех находившихся при нем лиц и затем 1-

го января 1741 г. приступил к затруднительному переходу чрез турецкие Балканы. Он благополучно прибыл в Айдос, а затем 15-го января подошел к Адрианополю, где тогда свирепствовала чума. Тем не менее, он совершил с большою церемониею торжественный въезд в этот город, делал обычные посылки с комплиментами, раздавал подарки, бывал на обедах и угощениях. Тем временем из Царьграда пришло повеление отпустить ему всего 300 пар волов и 230 лошадей для дальнейшего его следования; этого было недостаточно, и после объяснения Румянцова ему отпустили необходимые подводы, и он 5-го февраля направился к Бургасу, откуда 6-го числа послал известие в Константинополь о скором своем прибытии. Ему было предложено остановиться в Сан-Стефано, чтобы, ввиду наступающего празднования малого Байрама, не тревожить Порту, а затем, 19-го числа февраля, совершить въезд в Константинополь. Румянцов на все это согласился. Между тем, настала ненастная погода, снег, стужа, и торжественный въезд Румянцова состоялся только 17-го марта. Он поместился в старом доме Русского посольства, свите же его отвели десять домов из лучших, «но едва ли вы будете довольными», писал Канчиони. Следующие дни Румянцов с офицерами свиты и секретарем делал визиты послам иностранных держав, раздавал подарки турецким сановникам, принимал у себя многих являвшихся к нему обывателей Перы, а также начал переговоры о приеме его визирем и султаном. При этом возникли разные прения об этикете, о правой руке, о потребных для приема экипажах, лошадях, казаках и т. д., но все это, после неоднократных объяснений, уладилось, и приемная аудиенция состоялась у визиря 26-го марта, а затем и у султана, очень торжественная. Никто из здесь пребывавших, зная гордость турок, не думал, что будет такой прием, «тем более, что этого не оказали даже Австрийскому послу Уллефельду», – добавлял Румянцов, донося в тот же день в Петербург о данных ему аудиенциях.

После этого Румянцов пробыл в Константинополе более шести месяцев, занятый переговорами по возложенным на него поручениям, а именно: 1) о признании за Ее Величеством

титула Императорского, 2) о выдаче наших соотечественников, бывших в плену у турок, 3) о выборе мест для построения нами новых крепостей близ Турецкой границы и 4) о срытии укреплений в Азове. По всем этим пунктам в то же время шли переговоры и в Петербурге, с прибывшим в нашу столицу Турецким послом, окончившиеся обоюдным соглашением, выраженным в четырех артикулах, которые и были сообщены Румянцову, получившему без труда согласие на них Султана. Во время переговоров Румянцов часто посещал представителей различных европейских держав в Константинополе, принимал их у себя, часто был трактован великим визирем, проводил время в развлечениях и т. д. Однако, развившаяся в городе чума побудила его принимать различные меры предосторожности; он должен был даже прекратить сношения с лицами своей свиты, из числа коей некоторые умерли от чумы, и перебраться в Буюк-Дере, не прерывая сношений с Портою и начатых переговоров. Он посещал верховного визиря в его загородном дворце, давал сам празднества с иллюминацией в день рождения Ее Величества. Наконец, 26-го августа он был приглашен к великому визирю, и, в присутствии всего Турецкого министерства, с соблюдением обоюдно всякого рода учтивостей, ему вручена была конвенция, состоявшая из трех пунктов, которою Порта впредь признавала Императорское Высочайшее достоинство за Ее Величеством и ее фамилиею; Россия и Турция обязывались учинить размен пленных и освободить их немедленно; кроме того, Россия обязывалась действительно разорить и подорвать Азовскую крепость.

5-го сентября, в день тезоименитства Императрицы, а также в день рождения Его Высочества Румянцов приглашал к себе большое и знатное общество в числе более 200 особ; у него был большой обед, бал, ужин и большая иллюминация. Он полагал, что недолго пробудет еще в Константинополе, надеялся уехать в начале октября и вел об этом переговоры с Портою, которая затягивала его отъезд, желая окончательно согласиться с Россиею о многих оставшихся по трактату неисполненных с обеих сторон делах, преимущественно же о выборе мест для сооружения новых крепостей. Но все это было

возложено разрешить особым комиссарам. Румянцов же, находясь еще в Константинополе, получил известие об объявлении войны Швецией России и 25-го сентября об одержанной нами победе над шведами. Румянцов не замедлил совершить торжественное богослужение в греческой церкви.

Наконец, получив отпускную аудиенцию у Султана, он отправился обратно в отечество и дорогою узнал, что 12-го декабря 1741 г. он награжден орденом Св. Андрея Первозванного. Прибыв в Москву в мае 1742 г., он принимал участие в короновании Императрицы Елисаветы Петровны, а затем в конференциях, происходивших с Шведскими депутатами и бароном Нолькеном, преимущественно о Французской медиации в наших делах со Швецией. Но уже в конце июня месяца Румянцов, назначенный состоять при корпусе Выборгском и в Ингерманландии, уехал из Москвы, как оказалось, чтобы образумить дух буйства, проявившийся в нашей армии, стоявшей в Финляндии. При отъезде Императрица пожаловала Румянцову, 2-го июня 1742 г., богатую табакерку с алмазами, денег 35000 руб. и назначила его полковником гвардии Преображенского полка, в котором он начинал свою службу при ее родителе. Румянцов из Петербурга 2-го июня поздравлял Императрицу со взятием нашими войсками Фридрихсгама и в тот же день выехал в Выборг, где и принялся за расследование дела о гренадерах л.-гв. Семеновского полка, обвиняемых в драке с офицерами напольных полков и в произведении ими якобы бунта. Можно допустить, что все это дело, сильно преувеличенное молвою, было ничем иным, как простым буйством пьяных солдат, кричавших в хмелю неизвестно что и почему и притом без всякого подговора и умысла. Это подтверждается незначительным числом (всего 18 человек – и то солдатского звания) обвиняемых по этому делу, препровожденных Румянцовым в Тайную Канцелярию по ее требованию. Сам же Румянцов, пребывая еще в Выборге, получил указ 16-го августа 1742 г. о назначении его уполномоченным на конгрессе в Або для мирных переговоров со Швецией. Как известно, возникшая со Швецией война 1741–43 г. окончилась довольно скоро

завоеванием нашими войсками всей Финляндии до берегов Ботнического залива включительно. Видя невозможность продолжать войну, шведы старались начать переговоры о мире в Або, для чего назначены были с нашей стороны А. И. Румянцов и Люберас (находившийся тогда в Москве), причем в данном ему указе от 16-го августа выражалось желание распространить наши границы по р. Киминь (т. е. Кюмень) близ г. Фридрихсгама, имея право и далее распространять претензию. Успехи нашего оружия (военные действия продолжались и во время переговоров о мире) вызвали новый указ на имя Румянцева и Любераса – от 20-го сентября, в котором кондиции мирной негоциации и градусы всеконечно должны быть отменены, и надлежит начать переговоры не иначе, как кто чем владеет. При этом добавлялось, что уступки всегда будет время сделать позже. Разграничение земель теперь определить трудно по неимению здесь (в Петербурге) точных и подробных карт Финляндии, которые надлежит получить от Ласси (главного нашего командующего армиею в Финляндии). Румянцову кроме того предписывалось домогаться о том, чтобы наследником Шведского престола был избран племянник Императрицы – герцог Голштинский. Ему было дано обширное полномочие договориться и заключить мир, который Ее Величество указом 20-го декабря обязывалась во всем апробовать и утвердить с ратификациею. Нельзя не упомянуть, что Румянцов, находясь все еще в Выборге, заведовал, как видно из множества дел, всем относящимся до завоеванного края. Он получал рапорты генералов о всем, происходившем на театре войны, давал предписание о заготовке провианта и фуража, об устройстве почтовых дорог, об описи хлебных мельниц и т. д.; делал распоряжения о приводе обывателей Финляндии к присяге, о том чтобы обыватели, покинувшие свои жилища, возвращались бы в свои дома и принимались за мирные занятия, и т. д. В половине декабря он, с разрешения ее Величества, ездил в Петербург благодарить за милости и чтобы распорядиться всеми приготовлениями к конгрессу в Або, хотя и находил это место по многим причинам неудобным для этого. Он заботился не только о помещении для конгресса, об убранстве оного, но

также о продовольствии, необходимом для наших представителей, а также и Шведских, как это было при предшествовавших конгрессах, и т. д. Сам Румянцов направился в Або 18-го января, куда и прибыл 23 числа вечером, а на другой день послал извещение о своем прибытии Шведским уполномоченным барону Цедеркрейцу и Нолькену (находившимся в Або с 6-го января) и, после обмена визитами, открыл 7-го февраля первое заседание конгресса речью на французском языке. Затем потянулись длинные переговоры о мире. Шведские уполномоченные пришли в ужас от предъявленных им требований и выразили желание ограничиться одними условиями Нюштадтского мира, на что, конечно, не мог согласиться Румянцов. Переговоры остановились до дальнейших Высочайших повелений с обеих сторон, но уполномоченные посещали друг друга и беседовали о способах к соглашению обоих дворов. Нолькен при этом однажды высказал, что избрание епископа Любского на Шведский престол, вероятно, последует, если Императрица возвратит Швеции все завоеванные у нее в минувшую войну земли, даст Швеции субсидию и заключит с нею оборонительный и наступательный союз против всех тех, кои одну или другую сторону атаковать вздумают. Это до того показалось странным Румянцову, что он ответил Нолькену, что сие не конференция, а дискурс (т. е. разрыв) конференции, и что не для чего долее пребывать в Або. О ходе переговоров Румянцов очень часто доносил в Петербург, откуда стал получать указы о более и более значительных уступках, которые могли быть сделаны шведам для скорейшего заключения мира, с непрямым, однако, условием избрания епископа Любского на Шведский престол. Сперва было приказано Румянцову объявить шведам, что Ее Величество возвращает им Нюландию, с удержанием одного ландсгевдингсшафства Кюменегородского (о размерах которого имелось смутное в Петербурге понятие), но это не повлияло на шведов. Потом им же было объявлено, что Россия уступает всю Тавастию и Савалакс, а затем еще добавили и из Кексгольма то, что границами не занято. Но шведы оставались недовольными и

этими последними предложенными уступками: они упорно стояли на своем и заявляли, что уедут с конгресса. Румянцов же, со своей стороны, доносил, что настоящий мир со шведами не иным чем, но действительным приготовлением к предбудущей кампании скорее достать льзя (т. е. можно); что, ввиду мало оказуемой склонности к миру со шведской стороны, должно вооружением кораблей и галерного флота всевозможно поспешать; что скорейшее вооружение и высылка нашего флота и прибавка войска в Финляндии для успокоения здешнего народа необходимы очень; что финны, как нам не манят, но в сердце своем, по единоверию и давности, больше к шведам склонности имеют и т. д. Но все это оставлялось без внимания в Петербурге, а Румянцов, предвидя отъезд шведских уполномоченных из Або, просил даже снабдить его повелением в случае отъезда Цедеркрейца, что ему делать и в Петербург возвращаться ли, к чему единый путь есть водяной. Но до этого, однако, не дошло. Узнав, что Ласси около половины июня месяца угрожает высадкою на берега Швеции, ее уполномоченные решились заключить мир и скоро на конгрессе пришли к соглашению с Румянцовым. Россия возвращала Швеции значительно большую часть Финляндии, нежели предполагалось сначала (именно, граница России со Швециею переносилась от Выборга только на реку Кюмень, причем Россия отказывалась от всех завоеванных в Финляндии земель и сохраняла за собою из завоеванных только Кюменегородскую провинцию) и Нейшлот с округом. Епископ Любский, Адольф Фридрих брат наследника Русского престола Петра Федоровича, был избран на Шведский престол. Мирный договор был подписан 7-го августа 1743 г. и послан немедленно в Петербург, где он был ратификован, после чего последовал 27-го числа обмен ратификаций и выдача Шведским уполномоченным щедрых наград: Цедеркрейц и Нолькен получили по 3000 червонцев и из мягкой рухляди по собольему меху, причем первому было обещано выдать еще 2000 червонцев, но чтобы Нолькен отнюдь этого не знал. Кроме того, Цедеркрейцу был пожалован орден Св. Андрея Первозванного; Нолькену же орден Св. Александра Невского пожалован не был, потому что

он несоответственный ранг имел и кавалерии (т. е. орденов) не имел вовсе.

Заклучив мир, Румянцов оставался в Або для переговоров со Шведскими уполномоченными о различных второстепенных вопросах, о которых, однако, позднее было признано более удобным договориться в Петербурге. Ему оставалось еще сделать распоряжения по производству разграничения земель между Россией и Швециею, которое было возложено на князя Н. В. Репнина. По окончании этого, Румянцов получил указ 1-го сентября о возвращении в Петербург; но он пребывал в Або еще 5-го сентября и праздновал в этот день тезоименитство Императрицы и даже 10-го сентября, когда делал различные прощальные визиты, и только после торжественных проводов 11-го числа покинул 12-го Або, и 16-го прибыл в Выборг, где поджидал Любераса, с которым вместе отправился и, приехав 2-го октября в Петербург вечером, в тот же вечер был у Ее Величества. При этом возвращении своем он не получил какой-либо награды за конгресс, вероятно, потому, что торжественное празднование мира со Швециею было назначено в Москве в 1744 году, куда отправилась Императрица и весь ее двор [в это же время, 29-го июня состоялось торжественное обручение Великого Князя Петра Федоровича с Принцессою Ангальт-Цербтскою Екатериною Алексеевною]. При этом праздновании Румянцов 15-го июля 1744 г. был возведен с потомством своим в графское достоинство, причем ему была дана грамота на этот титул с означением заслуг, оказанных как им самим, так и предками его, и дан еще герб с известною надписью *per solum armis*, т. е. «не токмо оружием». При этом Императрицею было выражено желание, чтобы означенный герб оставался бы ненарушимо во все времена. (Гос. Арх., XI, крас. № 2). Кроме того, Румянцову пожаловано 84 $\frac{3}{8}$ гака земли в Прибалтийском крае, а супруга его пожалована в статс-дамы Ее Величества.

По возвращении в Петербург пошли толки о назначении графа А. И. Румянцева вице-канцлером, чего очень добивался известный Лесток, но это не осуществилось, и Румянцов, не имея особой государственной должности, состоял в числе сенаторов, числясь по войскам Украинской дивизии. Он

проживал то в Петербурге, то в Москве, принимая участие по временам и в заседаниях Совета 1745 и 1746 гг. при обсуждениях плана предстоящих военных действий в Пруссии, в которых сам Румянцов, по старости лет, уже не принимал непосредственного участия. В 1748 г. Императрица, из особой к нему милости, в рассуждение его старости и слабости здоровья, уволила его и от сенатских дел и от воинских команд, позволив ему жить с супругой в тех местах, где он за способное изобретет. Он по временам являлся ко двору, бывал на торжественных обедах и праздниках орденов Св. Андрея Первозванного и Александра Невского в 1748, был на бракосочетании при дворе фрейлины Ягужинской с графом Ефимовским 14-го февраля 1748, имел счастье принимать Ее Величество в Москве в своем доме 28-го февраля 1749 года [из вышеизложенного очевидно, что А. И. Румянцов не мог быть умершим в 1745 году, как означено на его надгробном памятнике], и после этого вскоре, 4-го марта того же года, скончался почти неожиданно. Он похоронен в Златоустовском монастыре, под собором св. Иоанна Златоуста, причем на надгробной плите показано, что он жил 68 лет 2 месяца и 3 дня.

После него остались вдова, графиня *Марья Андреевна*, три дочери и один сын *Петр*, будущий фельдмаршал, о которых биографические сведения сообщены ниже.

Если А. И. Румянцов и не может быть причислен к выдающимся государственным деятелям, оставляющим надолго следы плодотворной своей деятельности, тем не менее, он является бескорыстным и самоотверженным исполнителем приказаний и предначертаний свыше, которые вел не щадя своих сил и всегда горячо отстаивая интересы отечества; он не уклонялся от возлагаемых на него дел и всегда оказывался верным и точным исполнителем. По словам В. А. Нащокина, он имел в генеральском чине только смелство доброго солдата, без диспозиции, тогда как фельдмаршал Миних, знавший его хорошо и близко, пишет в 1737 году: «до сих пор имеет все силы, которые нужны для полевой службы, и здоров, однако же склонность имеет более к статской службе, чем к военной. При замирении можно будет поручить ему

главную команду в Украине». По словам Долгорукова, лично, конечно, не знавшего Румянцова, последний был попросту шпион (?), но обладал большим умом, был тонкий человек, с большою придворною и дипломатическою ловкостью. Он был приятный собеседник, очень любезен и предупредителен, имел удивительную память, доставлявшую его разговору большую занимательность. Он обладал добрым сердцем – и это уменьшало число его врагов и обезоруживало его соперников.

Князь А. Б. Лобанов-Ростовский, *Русская родословная книга*, т. II; Н. Н. Селифонтов, *Родословная Селифонтовых и Румянцовых. Для друзей*, С.-Петербург. 1890 г.; «Общий Гербовник Российской Империи», т. III и IX; Московское Отделение Архива Главного Штаба, формуляр о службе Румянцова; *История Военного Министерства за сто лет. История Главной Квартиры*, стр. 53 и прилож.; *Государственный Архив*, разр. XI, № 2, красн.; «Сборник Импер. Русского Исторического Общества», т. 9, 30, 52, 55, 56, 58, 64, 69, 79, 84, 94, 104, 100, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130; «Русский Архив», годы: 1865, 1864, 1872, кн. 2, 1880, кн. 1, 1883, кн. 1 и 2, 1889, кн. 5, 1892, кн. 3; «Русская Старина», тома II по V включ., VIII, XI, XV, XXIII, XXV, XXVI, LXI, LXV, LXXXIX, XC, CIII, CXXIII, CXXVII; «Киевская Старина» 1882, № 2, 1883 г., № 6, 1884, № 1 и № 4, 1886, № 10, 1890, № 2; *Описание дел Архива Сената*, составил Баранов, № № 7505, 7550, 7559, 7704, 7913; *Архив Правит. Сената*, дела № № 87, стр. 47–48; Азанчевский, *История л.-гв. Преображенского полка*, Москва. 1859; Чичерин и Долгов, *История л.-гв. Преображенского полка*, т. I и т. IV, стр. 180; *История Петра Великого*, Н. Устрялова, т. VI; *История России*, С. М. Соловьева, изд. Общ. Пользы, т. IV, стр. 1215–1224; В. Татищев и его время, Никла Попова, 1861, стр. 161–178; «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» за 1759 г., ч. I, стр. 13–22, 195–225; 1-ое Полное Собрание Законов, № № 4651, 6571, 6567, 6576, 6584, 6890; И. Голиков, *Деяния Петра Великого*, т. IV, ст. 32, т. V, 58, 271, 584; VI – 115, III – 151; VIII – 96–232; IX ст. 199, 254, 397–408; X – 59, 85; XIII – 354, 372; XV ст. 72, 73, допол. к деяниям, т. X, ст. 245;

т. XII, ст. 131, т. VII – 430; XVIII век, т. I, статья М. Лонгинова, стр. 164, т. II и III (Записки дюка де Лирия); Московск. Отд. Госуд. Архива: портфели Миллера, т. II, № 728–761, стр. 29; реестры делам Турецкого двора; сами дела Турецкие 1724, № 16, 1725 г., св. 64, 67, 68, 73, 1726, св. 69; 1727 г., св. 10, 11; 1737 г., V. 43; дела персидские: V. 22 св. 25. 1728 № 10 и 12. 1729. V. св. 82; 1741 г. № 61, 63, 64, дела кабардинские. № 1; дела калмыцкие № 11; Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан, С.-Петербург, 1847 г.; Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, С.-Петербург. 1763 г., соч. Ив. Соймонова; Военная история походов Россиян в XVIII ст., Бутурлина, перевод Корниловича, т. 2, стр. 10 и след.; Дневник камер-юнкера Берхгольца, перевод с немецкого И. Аммона, Москва. 1857 г.: за 1721 г. ст. 88, 178, 228, 236, 1722 г. ст. 100, 201, 236, 248–1724 г.. ст. 302; История Малой России, Бантыш-Каменского, Киев. 1903, изд. 4, стр. 425–447; Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдцейхмейстеров Бантыш-Каменского изд. 1840; Дневник Я. А. Марковича, изд. «Киевской Старины» 1893, т. XI, ст. 10–33; Н. Витевский, И. И. Неплюев и Оренбургский Край до 1758 года, стр. 144, 510. Записки Неплюева, изд. Суворина, стр. 60–80, 121, 178 и след.; Mémoires du prince P. Dolgoroukow, стр. 171 и след ; Список военных генералов со времен Петра до Екатерины II (из архива Госуд. Военной Коллегии), изд. 1809 года, стр. 17, 25, 33, 58; Д. Ивановский, Государственный Канцлер Н. П. Румянцов, С.-Петербург. 1870; Жизнь Петра Великого, соч. Галема, перевод по Высочайшему повелению, С.-Петербург. 1813 г., т. II, стр. 246, 359; т. III, стр. 49, 167, 202, 244; Жизнь графа Миниха, генерала-фельдмаршала, соч. Галема, Перев. Тимковского, ч. I; Манштейн, Современные Записки о России, перевод с французского, т. I, ст. 122, 218, 303, 392, 428, т. II. 6, 8, 23; Записки фельдмаршала графа Миниха, перевод с франц., изд. Шубинского, 1874; Русская армия в царствование Императрицы Анны Иоанновны (Война России с Турцией в 1736–1739 гг.). Исследование А. К. Байова, С.-Петербург, 1906 г., 4 части; И. Пушкарев, История

Императорской гвардии, стр. 113, 116, 133, 233; А. Терещенко, Опыт обозрения жизни сановников, и т. д., I. II, стр. 222; «Северный Архив» 1822 г., кн. 1, стр. 206; Ourousoff, Résumé historique des principaux traités de paix conclues entre les puissances Européennes depuis le traité de Westphalie 1648 jusqu'au traité de Berlin (1878), Evreux. 1884; Сборник военно-исторических материалов, выпуск X, XI и XIII (всеподданнейшее донесение гр. Миниха), выпуск II (Ставучанский поход 1739 г., г. Масловского); Кочубинский, Гр. Андрей Иванович Остерман 1735–1739 – в «Записках Имп. Новороссийского Университета», Одесса. 1899 г., т. 74, стр. 28, 67, 80, 374, 471–473, 477; Материалы Военно-Ученого Архива Главного Штаба, т. I, под редакцию А. Ф. Бычкова, стр. 531, 729; Материалы для истории Императорской Академии Наук, т. VI (История Академии Наук, Миллера), стр. 58, 112, 389, 452; «Архив князя Воронцова», т. I, стр. 119, 125, 127, 140, 177, 179, 180, 302, 476, 563; т. II, 33; т. IV – 206, 208, 213, 228, 356; VII – 220; Материалы к истории военного искусства в России, выпуск 3, стр. VI – X, 3; Архив Министерства Имп. Двора, Московское Отделение, опись 52, № 2004; Обзор внешних сношений России с 1800 года, составил Бантыш-Каменский, т. I, стр. 48, 256; т. II, 152, 197; т. III, стр. 24, т. IV, стр. 37, 218, 236; Орлов, Очерк истории С.-Петербургского Гренадерского Короля Вильгельма III полка, изд. 1887, стр. 18 и след.; Лавров, Краткое описание боевой жизни и деятельности 77 пехотного Тенгинского Его Имп. Высоч. Вел. Кн. Алексея Александровича полка, Тифлис. 1900.

Румянцов, Василий Иванович

Румянцов, Василий Иванович, вице-адмирал; род. в 1798 г. и с ранних лет (23-го июня 1802 г.) был определен кадетом в Морской корпус, в котором, за прилежание и успехи в науках, был произведен 10-го мая 1809 г. в гардемарины, а затем и в мичмана 16-го февраля 1812 г., с назначением дежурным офицером при тогдашнем Морском министре адмирале де Траверсе. При начале знаменитой Отечественной войны 1812 года Румянцов был переведен на фрегат «Свеаборг», в состав офицеров Балтийского флота, и в течение 1812–1814 годов находился в плавании у берегов Англии, Голландии и Франции, состоя флаг-офицером при адмирале Тете, сперва на фрегате «Свеаборг», а потом на корабле «Храбрый», вошедшем в состав эскадры, перевозившей наши войска из Шербурга в Россию. В 1816 г., марта 30-го, Румянцов был произведен в лейтенанты.

Оставив службу по домашним обстоятельствам в апреле 1817 г., Румянцов уже 23-го января следующего года снова поступил во флот и в 1818 и 1819 г., на фрегате «Поспешный», сделал переход из Кронштадта в Кадикс, откуда, возвратясь на испанском транспорте в Кронштадт, крейсировал по Финскому заливу на корабле «Орел», до назначения его, в 1820 году, адъютантом к главному командиру Черноморского флота и портов, известному вице-адмиралу Грейгу.

Румянцов, однако, недолго состоял адъютантом и уже в 1822 г. получил командование над яхтами сперва «Утеха», а затем «Твердая» и совершал на них плавания в Черном море в 1822–1827 годах, в продолжение которых был награжден в 1824 – орденом Св. Анны 2 ст., а в 1826 г. – орденом Св. Владимира 4 ст. В 1827 г., декабря 8-го, он был произведен в капитан-лейтенанты. Когда при начале Турецкой войны 1828 и 1829 годов Император Николай признал необходимым находиться ближе к театру военных действий и отправился в армию, осаждавшую Варну, супруга же его, Императрица Александра Феодоровна пожелала пребывать в Одессе и в Крыму, то на

время Высочайшего пребывания в этих местах Румянцов, как отлично образованный офицер, получил назначение состоять при Ее Величестве и находиться в распоряжении Императрицы; за исполнение этой обязанности он был награжден бриллиантовым перстнем. В 1828 г., состоя при адмирале Грейге по особым поручениям на корабле «Париж», Румянцов принимал также участие во взятии Турецких крепостей Анапы и Варны и за вырезку Турецкого транспорта гребными судами между Анапою и Геленджиком награжден орденом св. Георгия 4 ст. за храбрость. Командуя яхтою «Твердая», он сопровождал от Варны до Одессы корабль «Императрица Мария», на котором находился Император Николай, и выдержал при этом очень опасную бурю. По заключении Адрианопольского мира, положившего конец нашей войне с Турциею, Румянцов был переведен из состава Черноморского флота в Балтийский и получил в 1829 г. в командование брандвахтенный фрегат «Крейсер» на Кронштадтском рейде, а затем в 1830 г. фрегат «Екатерина», с которым в 1830–32 крейсировал в Балтийском море, а в 1831 г. – преимущественно около Полангена, для преграждения всякого сношения с морем полякам, незадолго перед этим произведшим мятеж, на усмирение которого было направлено немало войск. Для возможного прекращения всякого подвоза морем мятежникам оружия, пороха и прочих военных потребностей и было учреждено крейсерство наших судов около Полангена, и Румянцов дважды высаживал на берег десант и действовал против мятежников.

По подавлении мятежа Румянцов с 1832 по 1834 гг. командовал в Гельсингфорсе 1 флотским экипажем, а в 1835 г. командовал фрегатом «Аврора» и заведовал переводкою его из Петербурга в Кронштадт. В 1836 г., марта 28-го, он произведен был в капитаны 2 ранга и крейсировал на том же фрегате у Дагерорда, а в 1837 и 1838 гг. плавал по Балтийскому морю, командуя кораблем «Лесное». В 1839 г., марта 26-го, Румянцов был произведен в капитаны I ранга и получил в команду корабль «Ретвизан»; с которым совершил переход из Архангельска в Кронштадт и был награжден орденом Станислава 2 ст. Продолжая командовать тем же кораблем,

Румянцов крейсировал с 1840 по 1846 год по Балтийскому Морю, а в 1847 г. – в Немецком море и был 26-го ноября того же года произведен в контр-адмиралы с назначением командиром 1-й бригады 2-й флотской дивизии; ранее еще – в 1846 г. награжденный орденом Св. Анны 2 степ., Румянцов с 1847 года по 1853 г. по-прежнему крейсировал в Балтийском море, имея свой флаг на корабле «Полтава», а затем на кораблях «Император Петр I» и «Императрица Александра».

В 1853 г., апреля 19-го, он был награжден орденом Св. Станислава 1-й ст. и назначен командующим 3-й флотской дивизии; он пребывал на Свеаборгском рейде, имея свой флаг на корабле «Прохор». Румянцов имел отличную репутацию по судовым порядкам, которые он строго соблюдал. В 1855 г., января 1-го, он был назначен заведующим морской частью в Финляндии, на правах главного командира, с оставлением при прежней должности. Но эту новую обязанность он отправлял весьма недолго и в мае месяце того же года был назначен членом Генерал-аудиториата в Петербурге, а чрез несколько месяцев, 30-го августа произведен в вице-адмиралы, с оставлением в той же должности. Исполняя усердно до конца жизни обязанности высшего военного суда, Румянцов, кроме того, был призван для рассмотрения проекта основных положений преобразования военно-судной части Империи и к присутствованию в военной кодификационной Комиссии для участия в рассмотрении проектов о преобразовании военных арестантских рот и устройства военных тюрем. Румянцов был награжден затем, 1-го января 1858 года, орденом Св. Анны 1-й степ., а в день пятидесятилетия службы в офицерских чинах, в 1862 г. – золотою с бриллиантами табакеркою, украшенною портретом Государя Императора.

Произведенный в адмиралы в 1866 г., он скончался 17-го декабря того же года, после непродолжительной болезни. Румянцов ни разу не был ранен, но в 1854 году был сильно контужен в голову при разрыве орудия, возле которого он близко стоял во время стрельбы в цель.

Общий Морской Список, часть VIII, стр. 149 и след.; «Морской Сборник», т. 88, 1867 года; «Иллюстрированная

Газета» 1867 г., № 12, стр. 190.

Румянцов, Иван Николаевич

Румянцов, Иван Николаевич, писатель; род. в 1845 году и происходил из крестьян Пензенской губернии; скончался 24-го июля 1880 г. В 1879 г. он приобрел от Ив. Исакова еженедельный журнал «Гражданин. Журнал литературы, политики и общественной жизни», пригласив затем в соиздатели П. Я. Бугайского; № 1-й вышел в Петербурге, под редакцией Р., 30-го сентября, № 2-й – 7-го октября 1879 г., а затем журнал был переименован в «Луч. Журнал политики, литературы и общественной жизни», выходил еженедельно, в Петербурге, в 4°; вышло 26 №№; некоторое время соиздателем Р. был П. Я. Бугайский, а с 19 № – Е. Я. Румянцова; в «Луче» Р. поместил несколько романов, повестей и рассказов. В 1877 г. вышла книга Р.: «В плену у Шамиля. Записки русского» (СПб.).

Румянцов, Михаил Петрович

Румянцов, граф *Михаил Петрович*, старший сын фельдмаршала графа *П. А. Румянцева* и его супруги, графини Екатерины Михайловны; родился в Москве в 1751 году, как можно заключить из письма княгине Татьяны Голицыной к Е. М. Румянцовой от 9-го сентября 1751 г., в котором она поздравляет ее с новорожденным сыном. Он провел все свое детство, и первые годы юности в доме своей матери, проживавшей преимущественно в Москве и ее окрестностях и очень заботившейся о воспитании и обучении своих детей. Покинутая своим супругом, графиня одна руководила их обучением и старалась дать им возможно широкое образование, не ограничивая его, по принятому в то время порядку, одним умением хорошо говорить по-французски.

Она, как видно из ее биографии, нанимала сыновьям различных гувернеров, и учителей для обучения их географии, истории, математике, немецкому языку и т. д. Впрочем, по отзыву одного из них, француза Моно, граф Михаил Петрович не проявлял склонности к учению и к занятиям или проявлял склонность очень малую: «Он бесплодно тратит на учение время», писал Моно: «которое можно употребить лучше, приготавливаясь к предназначаемому ему роду жизни». Графиня Е. М. Румянцова намеревалась отправить сыновей своих за границу, для дальнейшего образования, но не получила на то разрешения своего супруга и не имела к тому своевременно средств.

А тем временем молодой граф Михаил Петрович, записанный, по обычаю того времени, с малолетства в военную службу и произведенный в сержанты гвардии 5-го января 1759 г., пребывая в родительском доме, должен был явиться на действительную службу в л.-гв. Преображенский полк в качестве уже прапорщика – с 15-го февраля 1763 года. Он в начале февраля 1764 г. был представлен Императрице, в бытность ее в Москве, а затем, в чине подпоручика с 12-го января 1766 года, опять явился в полк в ноябре 1767 года, но

вскоре захворал и, по расположению к нему графа А. Гр. Орлова, был отпущен с 1-го января 1768 г. в годовой срок, по истечении которого, т. е. в начале 1769 г., снова прибыл на службу и летом был с командою в Петергофе, причем проводил много времени у Великого Князя Павла Петровича, пользовался его милостью, очень часто обедал и ужинал у него.

Ввиду ожидаемых военных действий на Дунае тогда шла речь о переводе его волонтером в армию, под начальством отца, но это не состоялось, и только после производства его в поручики в 1771 году молодой граф М. П. Румянцов, по повелению Ее Величества, был назначен генеральс-адъютантом при отце своем, фельдмаршале П. А. Румянцове (17-го июня 1771 года). Прибыв к нему в армию в Фальдешты в августе 1771 года, он вскоре принял участие в военных действиях первой Турецкой войны. Он находился при корпусе генерал-поручика фон Ессена и, командуя батальоном, участвовал в поражении турок под Бухарестом, а затем и при взятии города Журжи. В начале кампании 1772 г. он был отправлен в Польшу для сформирования гренадерского батальона и, возвратясь с ним в главную армию, был включен в состав главного корпуса под начальством самого фельдмаршала, а затем в конце года находился в корпусе князя Долгорукова действовавшем против крепости Браилова.

В кампанию 1773 г. он командовал батальоном гренадер и находился в лагере при Фальчи; затем он составлял авангард корпуса генерала Вейсмана.

Дойдя до Карасу, он разбил со своим батальоном турок и овладел их лагерем, за что был награжден орденом св. Георгия 4 степ. После этого он участвовал в разбитии Турецких войск при переправах чрез Дунай, при м. Гуробалю, находясь под командою генерал-поручика Ступишина. и затем подошел к самой Силистрии.

При штурме этой крепости 18-го июня ген. Вейсманом наши войска преодолели самые невозможности, достигли подошвы окопов, но смешались, увидев убитым своего полковника Лунина.

Однако Ступишин и Румянцов с гренадерским батальоном подоспели и вместе с другими ворвались в укрепление, после чего турки заперлись в самой Силистрии, от взятия которой фельдмаршал отказался и отступил обратно за Дунай. После этого, находясь в отряде генерала Долгорукова, Румянцов участвовал во вторичном поражении турок при Карасу и затем во взятии Базарджика.

В 1774 г. он находился в корпусе князя Н. В. Репнина, совершал переправу чрез Дунай и был в авангарде при движении опять к Силистрии.

Фельдмаршал Румянцов послал своего сына к Императрице с донесением о счастливом переходе чрез Дунай. Получив это известие, Екатерина II, поздравляя фельдмаршала с таким успехом, сообщала ему вместе с тем, что пожаловала сына его, графа Михаила Румянцева полковником (25-го сентября 1773 года). При заключении же с Турциею известного мира в Кучук-Кайнарджи с этим радостным известием был прислан в Петербург снова граф М. П. Румянцов, который был в самый день своего приезда, 23-го июля 1774 г., пожалован из полковников в генерал-майоры, а затем, при торжественном праздновании этого мира в Москве, Императрица возложила на него орден св. Александра Невского (12-го июля 1779 года). В торжественном поезде 3-го августа того же года гр. М. П. Румянцов ехал в парадной карете вместе с Р. С. Воронцовым.

В том же году мать его, графиня Е. М. Румянцева намеревалась устроить брачный союз его с одною из наиболее видных невест того времени – с дочерью гр. Гаврила Ивановича Головкина, очень богатою и достойною особою, и писала об этом своему супругу, но брак этот не состоялся.

В 1777 году граф М. П. Румянцов был послан в Порхов – выбирать рекрут для пополнения наших войск, действовавших в Крыму против татар. В 1778 г. он намеревался ехать к своему отцу и, по-видимому, переговорить с ним о своем переходе к нему в армию, но, получив от отца приказание обождать, должен был остаться, хотя был отпущен в отпуск с дозволением поступить на службу по определению отца своего.

Вскоре его постигло великое несчастье: он лишился своей горячо любимой матери, графини Е. М. Румянцовой, последовавшей в 1779 году. Он впал в тяжкую меланхолию.

Чтобы «извлечь его из печального состояния в таком месте, где все напоминает ему утрату», брат его Николай Петрович ездил к нему в Москву с намерением его куда-нибудь вывезти – «для разрывки», как писал гр. Безбородко его отцу. Можно не без основания допустить, что после этой утраты гр. М. П. Румянцов поехал в продолжительный отпуск в водах за границу, был в Спа, а затем в Париже, где встретился и долго прожил вместе со своею теткою гр. Пр. А. Брюс и братом Сергеем Петровичем.

Он намеревался пробыть год в этом городе, на что имел разрешение начальства и своего отца, но на деле в 1783 году покинул Париж ввиду сильных толков о предстоящей войне турок с нами.

В конце сентября месяца 1783 г. он возвратился в Петербург, с посылкою от Гримма Императрице.

Он намеревался ехать к отцу, но, по письмам его брата Сергея Петровича к их отцу, он 21-го октября 1783 г. должен был отложить поездку, потому что у него возобновились почешуйные припадки, от которых он «претерпевал разные недуги». Отец советовал ему переменить воздух и жизнь и перейти в Московскую дивизию, но гр. М. П. Румянцов этого не пожелал сделать и тем навлек на себя гнев своего отца. Тем временем граф М. П. Румянцов 28-го июня 1782 г. был произведен в генерал-поручики, как видно из писем гр. А. А. Безбородко и гр. П. В. Завадовского к фельдмаршалу.

Его взял князь Г. А. Потемкин в состав своей армии, думая, как писал князь, угодить этим фельдмаршалу, отцу его, после того, как ему сказали, что последний его любит отменно пред другими.

М. П. Румянцов не принадлежал, однако, к отряду войск, действовавших под Кинбурном, но находился в Кременчуге, где формировал гренадерские батальоны.

Позднее он командовал в армии Потемкина кавалериею в составе 12 полков в районе войск Екатеринославского

наместничества, где генерал-аншефом был князь Долгорукий.

Находясь при князе Потемкине в 1786 г., граф М. П. Румянцов сообщил ему о прибытии в Кременчуг в декабре 1786 года принца Нассау-Зигена и по поручению князя приглашал к нему на ужин Принца, который позднее, 7-го февраля 1787 г., представился Императрице и сопровождал Ее Величество в путешествии по р. Днепру.

Гр. М. П. Румянцов участвовал также в путешествии Императрицы Екатерины на юг России и находился в Киеве 30-го марта 1787 года, в 5 день св. Пасхи, на обеде у Ее Величества, после чего отправился на галере с Императрицею и был на обеде, данном ею Польскому королю Станиславу-Августу на галере «Десна», по приезде его в Канев. После этого он отправился к Потемкину и скоро был послан навстречу Императору Иосифу, прибывшему, под именем графа Фалькенштейна, в Херсон, и приветствовал его от имени Императрицы.

Затем он отправился к Екатерине II с донесением, что граф Фалькенштейн прибыл 6-го мая в Кайдак и намеревается посетить ее. Императрица, узнав об этом, вышла из галеры, пересела в экипаж, следовавший берегом, и направилась навстречу Иосифу II; Румянцов же поехал обратно к Потемкину и скоро направился из Берислава в Тавриду, вместе с гр. Браницким, Принцем Нассау-Зигеном и т. с. Чертковым, для встречи Ее Величества.

В июле 1787 г. он прибыл в Петербург и все был нездоров, но, однако, немного выезжал и был при дворе Ее Величества в Царском Селе, как писала гр. Марья Андреевна своему сыну фельдмаршалу.

В следующем, 1788 г. М. П. Румянцов находился при главном корпусе войск генерала Мих. Васил. Каховского, действовавшего в Крымском полуострове, но скоро прибыл в Петербург; по словам Завадовского, он «под видом болезни сюда в Петербург приехал и, как Авессалом, скитался на даче, не показываясь в городе», намекая этим, что он являлся приверженцем Потемкина, а не отца своего.

Князь Потемкин, взяв к себе М. П. Румянцова в армию, думал угодить самому фельдмаршалу, как и писал ему, «потому что ему сказали, что вы его любите отменно пред другими; он не может никак сказать, чтобы я его не для чего брал». Между тем, фельдмаршал негодовал на сына за то, что он служит у Потемкина в армии, и писал о нем Завадовскому как об изверге; он будто предательствовал его в угождение князя. Насколько последнее справедливо, решить трудно за неимением точных данных; нельзя не заметить только, что положение М. П. Румянцова являлось не из удобных.

Отец не желал, чтобы сын его занимал соответствующее его чину место в армии, им предводительствуемой, и в то же время негодовал на сына за служение поневоле в другой армии. Помимо этого, физическое здоровье его было очень расстроено в это время и побудило его приехать в Петербург, где, по словам его брата С. П. Румянцова, в 1789 г. здоровье его хотя и поправлялось, но еще долго не поправится; он при этом просил своего отца, ввиду жалкого здоровья брата, простить ему вольные и невольные его вины. В 1790 г., когда стали стягивать войска к границам Польши, ввиду происходивших там смут, в числе начальников этих войск, по словам Гельбига, был назначен также граф М. П. Румянцов, вместе с бароном Игельстромом и графом Ив. Петр. Салтыковым.

Он находился в этих местах и в начале 1792 г. и принимал меры для предупреждения вторжения неприятельских отрядов по направлению к Риге. Он все не пользовался расположением к нему отца своего, что очень печалило не только его лично, но и брата его Сергея Петровича, не раз за него ходатайствовавшего пред отцом. В том же 1792 г. гр. М. П. Румянцов получил ордер принять команду в Риге над Нумсеном, что считалось назначением, для него лестным.

Но затем, при отъезде кн. Н. В. Репнина в свои губернии, М. П. Румянцов принял команду над войсками близ Польских границ, но не получил особого назначения для участия в войне с Польскими мятежниками, ознаменованной блестящими действиями графа А. В. Суворова и довершенной штурмом

Праги; поэтому в описании военных действий этой кампании имя графа М. П. Румянцева и не упоминается.

Можно полагать, что он считал себя обиженным, что оставлен был без дела. Из письма его брата, графа Сергея к отцу от 10-го февраля 1795 г усматривается, что в феврале 1795 г М. П. Румянцов просил разрешения отца покинуть службу, почитая себя обиженным, и намеревался поручить своему брату Сергею Петровичу подать о том прошение Ее Величеству.

Но до этого не дошло. М. П. Румянцов, по-видимому, был вскоре польщен повелением Императрицы пропускать «за пост кавалергардов» не только князя Репнина и фельдмаршала Румянцева, но также и генерал-поручика Михаила Румянцева и его мать, графиню Марию Андреевну.

Он продолжал отправлять обязанности командующего войсками в Литве до самой кончины Императрицы и затем также и при новом Императоре.

В чине уже генерал-лейтенанта, гр. М. П. Румянцов делал все надлежащие распоряжения по переезду бывшего Польского короля Станислава Понятовского из Гродна в Петербург на жительство, после 3-го раздела Польши.

Граф Безбородко сообщал ему заблаговременно об этом переезде.

Новый Император, должно быть, не признал в М. П. Румянцове военных способностей и 9-го апреля 1797 года пожаловал его в действительные тайные советники и вскоре повелел ему присутствовать в Сенате, назначив жалованье по 4000 рублей.

По-видимому к Румянцову относились благосклонно и Павел I, и особенно его супруга, которую Румянцов выручал в ее нередко затруднительных денежных отношениях, ссужая ей не малые суммы. Будучи сенатором, он был избран в 1798 году Петербургским дворянством на должность губернского предводителя дворянства на три года и отправлял эту обязанность по 1801 год. В 1799 году граф Михаил Петрович внес вместе со своим братом графом Николаем 50000 рублей в Сохранную Казну при Воспитательном доме, с тем, чтобы на

проценты с этой суммы было приумножение воспитанников Военно-сиротского дома. По кончине Павла он часто посещал вдовствующую Императрицу в Павловске, вместе со своим братом С. П. Румянцовым.

Пребывая сенатором, особенного значения по службе М. П. Румянцов не имел ни при Павле I, ни при Александре I, вероятно, по слабости здоровья.

Из писем за это время Императрицы Екатерины Алексеевны усматривается, что здоровье гр. М. П. Румянцева уже в 1806 г. было в очень плохом положении: он очень изменился с осени. Одно время он бывал в обществе, но в январе 1806 г. опять заперся у себя дома. Должно принять, что у графа уже тогда проявлялось умопомешательство, от которого он позднее и скончался.

Император, однако, облек М. П. Румянцева одною из важнейших придворных должностей: в конце 1807 г. он назначил его обер-шенком Высочайшего Двора, после смерти камергера Николая Александровича Загряжского.

По этому званию он принимал ближайшее участие во всех торжествах и празднествах различного рода, происходивших как при Высочайшем Дворе, так и при Дворе вдовствующей Императрицы, как это можно усмотреть из камер-фурьерских журналов за время 1808–1810 годов. В 1809 году, 16-го апреля, по случаю бракосочетания Великой Княжны Екатерины Павловны с Принцем Георгием Ольденбургским М. П. Румянцов удостоился получить брильянтовые знаки к ордену св. Александра Невского стоимостью в 9500 рублей.

Из письма А. А. Николаи к гр. Воронцову от 7-го января 1810 г. видно, что граф Румянцов перенес в том же 1809 г. тяжкую болезнь, от которой полагали, что он не поправится вовсе. Он имел сильный припадок безумия (folie). Однако если граф и поправился, то не надолго; уже чрез год с небольшим он был Всемиловнейше уволен по болезненному состоянию, 22-го февраля 1811 года, к Кавказским теплым водам впредь до выздоровления, хотя еще 5-го февраля был на обеде при Высочайшем Дворе. В то же время над всем имением больного графа М. П. Румянцева была учреждена опека по нахождению в

Петербурге имения, состоявшего в даче, смежной с дачею Его Имп. Величества, которая была одно время у него взята в казенное Петергофское ведомство без всякой платы или замены и затем, по Высочайшему повелению 15-го мая 1811 года, отдана по-прежнему во владение графа, причем повелено было дачу не считать в казенном ведомстве.

Граф отправился на Кавказские минеральные воды и в том же году, около июня месяца, скончался, о чем 3-го июля был извещен брат его граф Сергей.

В письме своем от 4-го июля 1811 г. к гр. Н. П. Румянцову известный Барклай-де-Толли выражал сердечное сожаление о кончине графа М. П. Румянцева.

Граф М. П. Румянцов был погребен в крепости Константиногорской, в 40 верстах от гор. Кизляра.

Женат он не был и потомства не оставил.

Значительные земельные владения, доставшиеся на его долю после смерти отца его, были поручены в 1801 г. в управление д. т. с. Державина, доколе графиня Мусина-Пушкина Брюс (племянница М. П. Румянцева, которой он, по всей вероятности, оставлял после себя свои владения) пробудет в отсутствии или не сделает другого по праву ее собственности распоряжения.

Неблагоприятный отзыв о М. П. Румянцове делает гр. В. Н. Головина в своих воспоминаниях: она пишет, что граф был самый ограниченный человек, очень гордый и к тому же сплетник.

Будучи недоволен Суворовым, он написал кн. Н. В. Репнину, что Суворов овладевает умами поляков, намекая, что готовится восстание; Репнин же сообщил это Павлу I и следствием этого была опала и ссылка Суворова.

Головина, впрочем, не приводит никаких доказательств к обвинениям, взводимым ею. Карабанов в своих рассказах также голословно сообщает почти то же, именно что граф Румянцов донес сам Павлу I, что у Суворова собирается много военных чиновников.

Архив Главного Штаба в Москве, формуляр о службе графа Румянцева (книга формул. генералов с 1773 по 1784 г.,

лист 127); «Северный Архив» 1822, кн. 2, стр. 334; Архив Мин. Ин. Дел в Москве: письма Румянцова и Императрицы Екатерины II; Госуд. Архив, Дело XI разряда, № 273, также дело № 13, 4, 116 и 200 красн., того же разр. XI и № 103, разр. V по 29 августа 1771 года; «Сборник Имп. Русск. Истор. Общества», т. I, т. V, стр. 154, т. XIII, стр. 428, т. XIX, стр. 423 (донесение Гуннинга графу Суффольку), т. XXIII, стр. 281, 285; т. XXVI, стр. 182; т. XXXVII, стр. 221; т. XLIV, письма Гримма к Императрице Екатерине II, стр. 196, 339; т. XLVII, стр. 325; Колотов, Царствование Императрицы Екатерины II, ч. II, стр. 134, 203; «Архив кн. Воронцова», т. XXXII, стр. 165, т. XXIV, стр. 244, т. XXII, стр. 409, т. XXVI, стр. 471; М. Богданович, Походы Румянцова, Потемкина и Суворова; А. Н. Петров, Вторая Турецкая война в царствование Екатерины II, 1787–1791 гг., приложение; Н. Ф. Дубровин, разбор сочинения А. Н. Петрова: Вторая Турецкая война в царствование Екатерины II; Пушкарёв, История Императорской Гвардии, стр. 312; История л.-гв. Преображенского полка, Чичерина и Долгова, т. IV, стр. 180; «Киевская Старина» 1891 г., т. 32–34; Г. В. Есипов, Путешествие Имп. Екатерины II в Южную Россию в 1787 г.; Письма гр. А. А. Безбородко к гр. П. А. Румянцову – в «Старине и Новизне» 1900 г., стр. 51; Письма гр. П. В. Завадовского к гр. Румянцову – в «Старине и Новизне» 1901 года; Письма гр. Сергея Петровича Румянцова к отцу его, фельдмаршалу – в Императорской Публичной Библиотеке, рукописное отделение, бумаги Дивова; Гр. Д. А. Толстой, Письма гр. Е. М. Румянцовой к ее супругу, фельдмаршалу Румянцову (продолжение этих писем – в рукописи, отделении Имп. Публичной Библиотеки, см. П. 7 августа 1778 г.); Бумаги князя Потемкина Таврического в IV выпуске «Сборника военно-исторических материалов», стр. 137, 283, 254; Н. А. Мурзанов, Списки сенаторов, СПб. 1911; Камер-Фурьерский Журнал за 1808–1810 гг. включительно; «Русская Старина», т. VI, стр. 93, т. 83, стр. 165, т. 96, стр. 406, и 1898 г., август, стр. 403; Архив Министерства Императорского Двора, опись 36–1629, № 232, л. 22 и дело № 201, л. 129; Собрание сочинений Державина, изд. Грота, т. IX,

стр. 321; Гельбиг, Случайные люди, перев. Бильбасова., *Souvenirs de la comtesse Golovine, nee princesse Galitzine, 1766–1821, avec une introduction de Waliszewsky, Paris, Plon, p. 171–172*; Императрица Елисавета Алексеевна, изд. Великого Князя Николая Михайловича, т. II, стр. 181; Исторические монографии В. А. Бильбасова, т. IV, статья «Принц Нассау-Зиген», стр. 525 и т. д.; «Письма и бумаги Имп. Екатерины, хранящиеся в Имп. Публ. Библиотеке», изд. А. Ф. Бычкова, СПб. 1873; Госуд. Архив, разр. XI, № 76 (письма В. Попова к гр. П. А. Румянцову) и разр. XI, № 267 (п. кн. Потемкина к гр. П. А. Румянцову); «Сборник Исторических материалов, извлеченных из Архива Соб. Е. И. В. Канцелярии», т. VI, стр. 45; Архив Правит. Сената, Высоч. повеления 1797, апр. 9 и 28; Архив С.-Петербургского дворянства; Письма гр. С. П. Румянцева к его отцу от 13-го авг., 80-го сент. и 5-го ноября 1789 года (Имп. Публ. Библиот., рукописное отделение).

Румянцев, Макар Иванович

Румянцев, Макар Иванович, скульптор; род. в 1833 году и происходил из государственных крестьян; увольнение получил, по Высочайшему повелению, уже в 1853 году, находясь в Академии Художеств; увольнение это последовало потому, что Румянцев был «на рекрутской очереди». В Академии Художеств Румянцев обучался успешно: уже почти тотчас по поступлении ему была объявлена похвала за сделанный с натуры бюст и выдано 50 рублей из суммы, назначенной на поощрение художникам; 14-го марта 1857 года он получил серебряную медаль 1-го достоинства за вылепленный барельеф: «Ахиллес влачит тело Гектора»; еще раньше этой академической награды, на второй год после поступления в Академию, Р. уже выставил на Академической Выставке 1854 года бюст актера Петра Каратыгина; бюст этот был найден очень схожим. Но, видимо, материальная необеспеченность, заставлявшая Румянцева браться за частные заказы, не позволяла ему заниматься в Академии так, как требовалось; по крайней мере, с конкурсом на золотую медаль у Румянцева вышли какие-то затруднения.

11-го августа 1858 года ему была задана программа: «Цинциннат принимает Римских послов»; не исполнил ли Румянцев эту программу, или исполнение было признано неудачным, но в 1859 году ему была задана новая тема: «Сцена из Олимпийских игр», и опять-таки без результата, так как в 1860 году ему дана была третья программа – «барельеф: Муций Сцевола из Тита Ливия»; эскиз ее был утвержден 22-го декабря 1860 г., но выполнения не последовало, и Румянцев 19-го сентября 1861 года получил от Академии аттестат на звание классного художника по скульптуре. В то же время, не успевая или недостаточно хорошо, по мнению Академии, выполняя назначенные работы, Румянцев участвовал на Выставках; так, на Выставке 1859/60 года была его бронзовая статуя «Путница». Может быть, в неполучении академических наград играла роль и известная самостоятельность Румянцева и уверенность его в своем таланте; это видно из двух следующих случаев.

В 1863 году Румянцев предложил Министерству Двора сделать для Зимнего Дворца мраморную статую «Сусанны»; Министерство отвечало ему, что он должен обратиться в Академию Художеств, а между тем последняя, как видно из чернового отпуска, сохранившегося в делах Академии, отвечая на запрос Министерства о способностях Румянцева, не отрицала этих способностей, но указывала, что он еще недостаточно опытен для таких серьезных работ, как скульптура в Зимний Дворец. Далее характерен со стороны Румянцева и способ, избранный им для получения степени академика: он не обращался к Академии с просьбою дать ему программу, а прислал 4 «модельки» (так, в уменьшительной форме, и написано в определении Совета Академии Художеств) статуй в эскизах: 1) сидящего сатира под дубовою веткою (леность), 2) разносчика с фруктами, 3) статую Сусанны и 4) «Фауст соблазняет Маргариту» и просил «утверждения оных для исполнения на звание академика». На это прошение Академия Художеств ответила, что «утверждение эскиза работы последует тогда, когда представится что-либо более определенное в сочинении и исполненное в виде модели». Надежда сделаться академиком скульптуры, так же, как и ранье надежда на получение золотой медали, так и осталась надеждою, и в начале 1866 года Румянцев обратился в Совет Академии Художеств с собственноручным прошением (написанным с грубыми орфографическими ошибками, почерком малообразованного человека), в котором просил Академию назначить его учителем рисования в Виленский военный округ и заодно командировать оценщиков к Петербургскому откупщику Карали для оценки сделанной Румянцевым последнему статуи, так как, по мнению Румянцева, откупщик назначил ему слишком незначительную сумму. В этом прошении Румянцев мотивировал свое желание поступить в Виленский округ тем, что он хорошо знает условия этого Округа, так как окончил Варшавское военное училище, подразумевая под последним, очевидно, Школу кантонистов. На первую просьбу Академия ответила, что в Виленском военном округе не имеется вакансий, а вторую просьбу – оценку статуи, обошла молчанием.

Сведений о дальнейшей судьбе Румянцева не имеется. В Музее Академии Художеств хранится гипсовый бюст архитектора А. И. Штакеншнейдера работы Румянцева (принесенный в дар Академии Художеств в 1902 году); кроме того, известен бюст Жуковского работы Румянцева же.

Безусловно, Румянцев обладал скульптурным талантом, но, не получив общего образования, не имея достаточных средств, не мог развить свои задатки и, принужденный работать, из-за куска хлеба, на разных откупщиков, не дал ничего более или менее выдающегося. Представленные им эскизы на звание академика интересны потому, что в них видно стремление художника отойти от трафарета. Правда, как бы в угождение Академии Художеств, он представил эскиз из древнегреческого мира, но рядом поставил и чистый жанр: «Разносчик фруктов», и иллюстрацию к Гете: «Фауст, соблазняющий Маргариту». Может быть, это стремление уйти от классицизма, быть более жизненным и заставило Академию Художеств, в то время строгую хранительницу заветов старины, отклонить просьбу Румянцева. Не получив помощи, Румянцев, видимо, испытывал большую нужду, если хотел даже уехать из Петербурга в Виленский военный округ.

Архив Академии Художеств, дело № 34/Р.; «С.-Петербургские Ведомости» 1854 г., № 231; «Северная Пчела» 1862 года, № 228 и 1854 года, стр. 1095 и 1328; П. Петров, Материалы к истории Академии Художеств, т. III, 184, 283, 315, 334, 366, 369, 437; Исаков, Императорская Академия Художеств, Музей, Русская скульптура, стр. 127; С. Кондаков, Императорская Академия Художеств, стр. 270.

Румянцов, Никита Иванович

Румянцов, Никита Иванович, сенатор, генерал; родной брат *Александра Ивановича Р.* (см. выше), принадлежал также к роду Румянцовых, родоначальником которого, по справке Разрядного Архива, признается нижегородский боярин *Василий Румянец*, оказавший большие услуги Московскому великому князю Василию Дмитриевичу при завоевании им в 1391 году Нижнего Новгорода. Дети этого Василия Румянца, предавшего в руки князя Василия Дмитриевича своего князя Бориса и его удел, стали называться *Румянцовыми* и образовали семейство, разделившееся со временем на несколько отраслей или ветвей, встречающихся среди дворянских родов в различных губерниях: Костромской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Смоленской и Ярославской, причем степени их родственных отношений совсем не установлены. О большинстве лиц этого обширного дворянского рода дошли до нас только одни имена, не всегда с прозвищами, без указания годов рождения и смерти этих лиц и без означения, хотя бы в самых кратких словах, их службы или иной какой-либо деятельности. Не приводя поэтому здесь этот перечень одних имен различных лиц, скажем только, что представители рода Румянцовых рано встречаются в числе служилых лиц Российского государства.

Так, в самом начале XVII века их немало состояло на службе в смутные годы 1604–1617, по исследованию Л. М. Сухотина; затем А. П. Барсуков указывает немало Румянцовых, бывших воеводами в XVII веке. Так, *Иван Иванович Р.* был в 1627–28 гг. воеводою в Балахне, а за тем с 1631 г. в Кетском остроге; *Федор Иванович* служил стольником, был воеводою в Чебоксарах с 1686 года. *Сила Никитич* был стряпчим и воеводою в Белоозере с 1681 года, а *Степан Семенович* с 1687 – в Бежецком Верхе (Тверской губ). Правнук упомянутого Василия Румянцова – *Иван Румянцов*, живший в половине XVI ст., имел внука *Василия Никитича*, который был стольником, был жалован вотчинами в 1620 и 1670 гг. и состоял дьяком при посольстве Потемкина в Голландию, Францию и Италию в 1669

году. В Дворцовых Разрядах (т. III) упоминается под 1663 годом (стр. 589) дьяк *Семен Румянцов*, бывший в 1666 году, в праздник Алексея митрополита, в походе Царя из села Преображенского в Чудов монастырь, а затем находившийся при приеме Грузинского Царевича Николая. В 1675 году этот же Семен Румянцов был в походе Царя в Троицкий Сергиев монастырь и состоял дьяком в Поместном Приказе (стр. 906, 1412). По сведениям, сообщаемым гг. Холмогоровыми [Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии, вып. X, стр. 61–67], дьяк *Семен Румянцов* владел, около 1681 г., в Можайском уезде, у села Покровского, пустошью вместе со стряпчим *Василием Семеновым Румянцовым*; равным образом тою же землею владел в 1695 г. *Яков Румянцов*, променявший село Покровское с церковью архимандриту Донского монастыря. Упомянутый выше Семен Румянцов, дьяк, заведовал в 1673–74 гг. доставкой большого Голландского наряда государева полка для предполагавшегося похода против Крымского хана и Турецкого султана по соглашению с Польским королем Михаилом, а в 1705 г. дьяк Семен Румянцов назначен был к окольному кн. Ив. П. Барятинскому при провозе наряда р. Окою до Белева и Орла и далее в Путивль [См. Описание документов и бумаг Моск. Архива Министерства Юстиции, т. XIII].

В тех же Дворцовых Разрядах (т. III) нередко упоминается дворянин *Иван Иванович Румянцов* (который мог быть сыном старшего брата указанного Василия). Он находился в 1645 году, сентября 6-го, в походе Государя к Троице для *станов в окольные место* (стр. 12). В подобного рода походах (т. е. шествиях) Царя и Царицы на богомолье к Троице, а также в село Коломенское, Покровское, Хорошево означенный Ив. Ив. Румянцов находился и в 1650–51 и 52 гг. (там же, стр. 189, 208, 231, 259, 317). В 1654 г. он участвовал в походе на Польского и Литовского короля Яна Казимира (там же, стр. 419) «чтобы с другими головы ставить сторожи». Подобную же обязанность он исполнял в 1655 году. Позднее, в 1672 г., он был стряпчим в Астрахани при воеводе кн. Якове Никитиче Одоевском (стр.

884), а в 1674 г. ему, стряпчему, приказано, вместе с воеводою, быть из Астрахани в Москву. Этот дворянин Ив. Ив. Румянцов, служивший Царю Алексею Михайловичу с 1663 г., а затем Царям Иоанну и Петру и могший быть и костромским помещиком, по словам князя А. Б. Лобанова Ростовского (Русская Родословная книга, т. II), за труды, понесенные в Крымском походе 1689 г., был пожалован *стольником* как для его собственных, так и для многих служб отца его *Ивана Никитича*, который находился в военной службе Царя Алексея Михайловича и был убит в войну с Польшею под Вильною. Этот упомянутый Иван Иванович мог иметь дочь *Анну*, вступившую в брак с Иваном Александровичем Еремеевым, на дочери которого Наталье в 1734 женился Семен Иванович Мордвинов (отец известного Николая Семеновича Мордвина), а также сына *Федора*, поступившего в Преображенский полк одновременно с Никитою Ивановичем Румянцовым и затем умершего в 1729 году в чине капитан-лейтенанта, и еще сына *Ивана*, состоявшего на службе в Канцелярии Строений²⁰. В действительности он имел, как утверждают, двух сыновей: *Александра* – будущего графа, родившегося в 1677 году, и другого – *Никиту*, родившегося 3-го апреля 1688 года.

Имя матери, а также какие-либо сведения о ранней молодости этого *Никиты Ивановича Румянцова* до нас не дошли; можно не без вероятия принять, что он, по обычаю того времени, подобно большинству своих сверстников, проводил свою юность в деревне, в кругу семьи, обучаясь грамоте и Закону Божьему у местного дьячка и вращаясь в сфере сельской жизни того времени. С достижением совершеннолетия он был определен на службу в л. гв. Преображенский полк солдатом в 1707 году, в то самое время, когда полк, входивший в состав армии, действовавшей против Шведского короля Карла XII, в Великую Северную войну, был расположен на квартирах между Петроковым до Мозыря и занимался учениями и постройкою моста на упомянутой реке. В марте месяце 1707 г. полк двинулся на соединение с войсками, стоявшими близ Киева, и на этом пути осаждал крепость Быховскую, где заперся приверженец Карла XII – Синицкий, и чрез месяц овладел ею и

стал около Кейдан на зимние квартиры. Карл XII, намереваясь, по-видимому, проникнуть в Москву, двинулся к г. Гродну и занял его 26-го января 1708 г., имея намерение понемногу приблизиться к Малороссии, где имел союзника в лице гетмана Мазепы. Занятие шведами Гродна побудило нашу армию постепенно отступать к Смоленску, прикрывая путь к Москве. По прибытии в 1708 г. из Петербург к армии самого Петра I, не совсем еще оправившегося после болезни, были вскоре заняты нами места переправ и затем кн. Голицын в очень удачном для нас деле при с. Добром, на берегу р. Черной Ниппы, 28-го августа разбил Шведский отряд Росса и отошел к Мстиславлю. Узнав в то время о приближении из Риги к Пропойску ген. Левенгаупта с большими обозами, Петр I, с Преображенским полком, нанес ему полное поражение при дер. Лесной 27-го сентября 1708 года. Карл XII направился в Малороссию чрез Глухов, Лебедин и Сумы, делая поход при суровой зиме и сжигая на пути деревни. Следя за его движениями, кн. Голицын узнал, что довольно сильно занято шведами, под командою Альбедия, местечко Рашевка и прикрыта тремя рядами рогаток. Он приказал выбить шведов, что и последовало после упорного штурма 15-го февраля 1709 г., в котором Преображенский полк понес не малую потерю. Петр I был сперва недоволен этим, но потом признал действия Голицына правильными. Из Рашевки Преображенский полк и с ним Н. И. Румянцов двинулся к Полтаве, которую осаждал уже Карл XII. Вскоре последовал известный Полтавский бой 27-го июня 1709 г., после которого Карл XII бежал в пределы Турции с весьма небольшим числом своих приверженцев, а Преображенский полк был сперва направлен к осаде Риги, но за поздним временем направлен в Москву, куда прибыл 13-го декабря и участвовал в происходивших в честь Полтавской победы празднествах, продолжавшихся до самого нового года. Румянцов был в это время произведен в прапорщики.

В следующем, 1710 году Преображенский полк из Москвы направлен был к осаде Выборга, причем на пути прапорщику Н. И. Румянцову поручено было продать собранный в Новгороде провиант и деньги доставить в Петербург, что он исполнил и

затем на судах из Петербург отплыл с полком к Выборгу, который после бомбардирования сдался, до штурма, 8-го июля; Преображенский полк вступил в Выборг 14-го июля 1710 года. Затем имелось намерение войска, бывшие под Выборгом, направить в Лифляндию, но свирепствовавшее там моровое поветрие (чума) воспрепятствовало этому, и Н. И. Румянцов с полком остановился в Луге и в конце октября прибыл в Петербург, для торжества по случаю бракосочетания племянницы Петра 1-го – Анны Иоанновны с Герцогом Курляндским 31-го октября 1710 года. Тем временем Турция, подстрекаемая Карлом XII, решилась на войну с нами; посол наш в Царьграде П. А. Толстой 22-го декабря сообщил о разрыве Порты с нами, после чего состоялся 25-го февраля 1711 г. манифест о войне с Турцией, а затем сборным местом всех войск, назначенных для войны с Турцией, был назначен г. Брацлав, куда к 1-му июня 1711 года прибыл сам Царь и Преображенский полк. Армия скоро переправилась чрез р. Днестр и, двигаясь далее к Яссам, терпела немало от недостатка провианта и воды и от сильного зноя. Перейдя Прут, подошли к р. Жиже и скоро получили от нашего ген. Януса известие, что турки переходят Прут и уже заняли Фальчу. Армия наша остановилась, и Янусу приказано было отходить и к ней присоединиться. Между тем, на деле турки не думали переправляться, но, увидев отступление Януса, тот же час переправили свои лучшие войска и, заняв г. Фальчи, стали его преследовать. Петр I с некоторыми полками, в том числе Преображенским, двинулся на его подкрепление. Произошло очень горячее дело, в котором Н. И. Румянцов был ранен, а затем наши войска стали постепенно отходить, причем турки наседали непрерывно на арьергард и останавливали его движение на каждом шагу. Отбиваясь от турок, пройдя местечко Гуж, близ реки Прута, наша армия стала лагерем в виде треугольника, который турки стали скоро окружать. Затруднительное положение армии и большая потеря в людях принудила, как известно, Петра I начать переговоры о мире. Визирь очень медлил ответом, Петр даже стал готовиться к выступлению и выстроил свою армию у лагеря; визирь, увидев

это, поспешил согласиться на перемирие для переговоров о мире, который и был заключен 12-го июля 1711 года.

После этого в тот же вечер армия наша покинула лагерь и 1-го августа была у Днестра, а затем Преображенский полк с Румянцовым, произведенным в то время в подпоручики, был направлен к Эльбингу на усиление русских войск, действовавших в Польской Пруссии. Главнокомандующим там в то время был Царевич Алексей, живший в Торне. Недостаток в продовольствии и неудовольствие Польши на размещение в ее землях наших войск на зимние квартиры побудили Петра I двинуться в Померанию, где Меншиков не мог овладеть Штеттином по неимению артиллерии. Дав необходимые указания к занятию этого важного для союзников опорного пункта, Петр двинулся далее к Стральзунду, чтобы осадить его, но поражение, нанесенное датско-саксонским войскам при Гадебуше Шведским генералом Стенбоком, побудило его приостановить предпринятое движение и направиться чрез Гистрау, Гамбург и Ренсбург к Фридрихштадту, занятому шведами, и осадить его. Наши войска, с Преображенцами во главе, постепенно заняли передовые укрепления этого города и тем побудили Штейнбока отойти к Тюнингсену с отрядом в 4000 ч. Заняв 1-го февраля 1713 года Фридрихштадт, наши войска немедленно двинулись к Тюнингсену и обложили его; преображенцы исполняли при этом должность саперов. Недостаток продовольствия, развивавшиеся болезни, а также наши бомбардировки и осадные работы заставили Стенбока сдаться на капитуляцию 3-го мая 1713 г. Этим и завершились наши действия в Голштинии, и после того, как и Штетин сдался 21-го сентября, наши войска возвратились в отечество.

В наступившей затем войне в Финляндии, ознаменованной взятием Нишлота 27-го июня 1714 г. и сражением при Гангеуде, в котором был взят в плен контр-адмирал Эреншильд с частью флота, Румянцов по-видимому также принимал участие вместе с Преображенским полком²¹. В следующем году происходили снова приготовления к войне со Швецией, причем предполагалось, соединив наш флот с датским, прикрывать перевозку десанта из Мекленбурга в Зеландию и затем,

совместно с датскими войсками, сделать десант в Шонию (южную провинцию Швеции). В исполнение этого плана, в 1716 г. Преображенский полк, расположенный от Митава до Мемеля, занимался постройкою судов (скамповей) и со вскрытием вод ото льда 20-го марта направился на судах к Данцигу и Росток, где был 8-го мая, и получил приказание плыть к Копенгагену. В столицу Дании он прибыл 8-го июля и расположился лагерем. Недоброжелательство Ганноверского правительства расстроило высадку в Швецию, и наши войска, простояв до 2-го октября у Копенгагена, возвратились в Мекленбург, где пробыли до января 1717 г. и направились обратно в свое отечество.

В Персидском походе, предпринятом в 1722 году с целью овладеть берегом Каспийского моря, Н. И. Румянцов находился в составе Преображенского батальона, который под начальством его брата (А. И. Румянцева) принимал участие в этом походе. Он дошел до Нижнего Новгорода, а затем на судах 15-го июня 1722 года приплыл в Астрахань и 30-го числа двинулся берегом Каспийского моря к Таркам. Шамхал Тарковский добровольно подчинился Петру I 12-го августа. Затем, после незначительного действия с горскими народами под начальством различных владетелей, в том числе Дауд-бека, наш отряд, при сильной жаре, дошел до Дербента, наиб которого вышел навстречу, пал на колени и сдал город, занятый нами 23-го августа. Недостаток провианта побудил Петра отказаться от дальнейшего движения в Баку. Оставив гарнизон в занятых местах и сделав распоряжение к походу в следующем году, Петр I с преображенцами и семеновцами направился водою до Царицына, а оттуда сухим путем в Москву, куда прибыл 18-го декабря 1722 г. Отпраздновав новый год в Москве и затем торжественное коронавание своей супруги Екатерины, Царь возвратился с гвардейцами в Петербург в 1723 г. В наступившее мирное время Румянцов, уже в чине капитан-поручика, получил приказание заняться расчисткою порогов на Волхове, соединяющем озеро Ильмень с Ладожским. Ему поручено было выбрать плиту в реке, что стоит ребром, занесена песком или камнями и очищать до фундамента каменного, что под водою, гладкий, который не ломать. Из

представленных им отчетов видно, что в 1725 и 1726 г. вычищено было, по правую сторону от берега, по реке в длину 530 сажен в разных местах, в ширину реки на 20 сажен и в глубину выломано на 1? фута; выбраны камни одинокие и плиты наносные, как указ повелевает. «А сколько сажен порогов, – того обстоятельно написать невозможно, ибо под водою не видно». Он имел иногда до 30000 рабочих в месяц. На в 1727 году, июня 12-го, решено было для чистки порогов Румянцова не посылать и предписать ему сдать остаточные деньги в Камер-коллегию, а инструменты и припасы – Ладожскому коменданту.

Продолжая службу в Преображенском полку, Н. И. Румянцов указом Императрицы Анны Иоанновны от 6-го августа 1731 г. был пожалован в полковники с определением в Рижский гарнизон и пребывал в городе Риге до 1737 года, будучи командирован в 1735 году, по ордеру Рижского вице-губернатора, генерал-лейтенанта Гофмана, с полком для прикрытия Лифляндских границ и содержания кордонов на Польской границе, во время войны с Польшею. Затем, при начале войны с Турциею (см. *биографию А. И. Румянцова*) в 1737 году Н. И. Румянцов был определен к главной армии в Днепровскую экспедицию, в Санкт-Петербургский пехотный полк, и находился по старшинству в должности бригадирской. Он совершил в этом звании поход (Днепровский) 1737 г. к Очакову, находясь в составе дивизии, командуемой его братом, и по занятии этой крепости 2-го июня возвратился вскоре в Киевскую губернию. Затем в 1738 г. он участвовал в походе графа Миниха для занятия Белгородской и Буджакских орд, по ту сторону Днепра, а также Молдавии и Валахии. Поход этот был неудачен (см. *биографию А. И. Румянцова*), но Миних не упал духом и стал готовиться к новому походу с целью занять Хотин и по обстоятельствам действовать против Очакова и Кинбурна. В чине уже бригадира Н. И. Румянцов совершил и этот поход, также под начальством своего брата. Выступив в конце апреля 1739 г., армия двинулась к Хотину (на Днестре) и 6-го июля была у реки Бованец, где узнала о сильном укреплении Хотина и о приближении к нему еще Турецкой армии

в 20000 человек. Решено было, обойдя Недоборгские горы, явиться к Хотину с противоположной стороны, что и было исполнено удачно, и 17-го августа последовала известная битва при Ставучанах, последствием которой было полное поражение Турецкой армии, а затем и сдача Хотина 19-го августа. Во время этого сражения турки произвели сильное нападение на Бутырский и С.-Петербургский пехотные полки, которыми командовал Н. И. Румянцов, произведенный вскоре 14-го февраля 1740 года, в генерал-майоры. В том же году 2-го марта он был назначен и сенатором, и вскоре принял участие в рассмотрении дела известного кабинет-министра Артемия Волинского и подписал смертный его приговор 23-го июня 1740 года. В следующем, 1741 году он получил особое почетное поручение, именно – он был отправлен для приема на границах и препровождения в столицу особого Турецкого посла, так как, по условиям Белградского мира 1739 г., между прочим, договаривавшиеся державы (Австрия, Россия и Турция) должны были обмениваться торжественными посольствами. На этом основании Россия в 1740 году отправила, в качестве своего посла, в Константинополь генерал-аншефа Александра Ив. Румянцова, которого торжественно встретил на Турецкой границе особый, назначенный к тому Турецкий уполномоченный; Турция же в свою очередь послала в Петербург своего посла Эминя-Магмета пашу, которого принять на границе и препроводить по назначению поручено было, указом 10-го июля 1740 г., сенатору Ник. Ив. Румянцову. Это поручение было по различным причинам не из легких: предстояло не только условиться о месте и времени размена послов, но соблюдать равенство в трактаментепослов с обеих сторон, причем Н. И. Румянцов должен был стараться выдавать послу так называемый таин, т. е. поденное пропитание послу и всей его свите, и притом в натуре, а не деньгами; «если же посол принимать их не будет, то объявить со всею учтивостью, что дается по требованию». Румянцову была дана при этом особая инструкция из Кабинета Министров 16-го июля 1740 г., которую ему приказывалось ехать с всевозможным поспешением на самую границу для приема Турецкого посла, условиться

заранее о прибытии к месту размена послов, дабы не было спору о времени размена, а также о всех лицах, долженствующих быть при размене, и о церемониале самого размена. Он должен взять с собою в Киеве конвой из драгун и казаков, хороших, в добрых мундирах, в таком числе, какое будет иметь и Турецкий посол, взять также деньги, необходимые на покупку съестных припасов и питья. Ему же поручалось распорядиться заготовкою от Петербурга до г. Севска хороших дворов для остановки посла со свитою, а также заготовкою на этих станах всякого провианта, фуража, дров, свечей и прочих жизненных потребностей. При этом предусматривалось, что Турецкий посол мог потребовать некоторые предметы (сахар, кофе, корицу, шафран, имбирь, пшено) в таком количестве, что невозможно было бы достать в пути, и на этот случай Румянцову разрешалось закупить их в Москве или Петербурге по знатной части и везти собою, а чай зеленый и черный, в количестве по два пуда каждого, принять в Москве из Сибирского Приказа. В принятии посла, содержании его, оказании ему чести и дистинкции Н. И. Румянцову предписывалось поступать сообразно получаемым о всем этом сведениям от брата его, А. И. Румянцова, и по тому же примеру. А если не получит надлежащего о том уведомления, то поступать с совета Киевского губернатора, применяясь к прежде бывшим примерам. Ему дозволялось предоставить Турецкому послу медлить в Киеве, сколько он пожелает, а при назначении им дня отъезда – доставить потребные ему и его свите подводы, а также купить послу коляски и телеги, если это потребуется, и дать конвой такой же, какой дан Русскому послу. На пути из Киева до Москвы и Петербург он не должен был понуждать посла в езде, ниже где против воли его останавливать или удерживать; все это предоставлялось на волю посла, которому Румянцов должен был делать все с величайшею учтивостью и смотреть за тем, чтобы от людей свиты посла наглостей и беспорядков не происходило и подданным Ее Величества обид показано не было; если же таковые будут, то об унимании того и достойном наказании тех продерзостных свиты посла людей дружеским и учтивым

образом представлять послу. Н. И. Румянцову на расходы по посольству дано было 20000 руб. и ему лично 1500 руб. на экипаж и прочие потребности; ежели сверх того будут издержки, то предоставлялось ему получить деньги в Москве.

Отправившись из Петербурга в конце июля, Румянцов из Калуги 1-го августа доносил о плохом состоянии мостов по перспективной дороге из Петербург в Москву и от Москвы по Киевскому тракту и о необходимости их починить, ибо по некоторым из них с послом будет невозможно проехать. Затем, прибыв в Киев, он 13-го августа сообщал, что застал там брата А. И. Румянцова и узнал от него, что Турецкий посол поехал уже из Адрианополя на Бендеры к Очакову, намерен переправиться чрез Днепр и, следуя Крымскою стороною, прибудет к Конским водам, где начинается новая граница между обеими державами. Этим маршрутом Турецкого посла изменялось первоначальное предположение учинить размен послов в Василькове, по той собственно причине, что в упомянутом месте не сошлись границы Турецкие и Российские. Вместе с тем нашему послу предстояло ехать в Константинополь крайне неудобным путем – пустыми степями, вместо того, чтобы иметь путь удобный чрез польские владения. Н. И. Румянцов, поэтому, получив в Киеве 1500 конных гренадер и драгун с литаврщиками, трубачами и музыкантами, 2000 казаков и 6 пушек полковых, двинулся в августе месяце в Переволочную и Усть-Самару, а затем далее и, условившись заранее с подъезжавшим Турецким послом, учинил 17-го октября, при речке Великий Канар, впадающей в Буг, размен послов, по церемониалу, подробно им описанному, после которого брат его, А. И. Румянцов, направился далее по пути в Константинополь, а Н. И. Румянцов с послом Турецким Эминь-Мегмет пашою двинулся обратно к Переволочной и прибыл 3-го ноября к ретраншементу у Днепра, невдалеке от Мишурнорожской крепости. Затем он направился в Глухов, причем на пути получил известие о кончине Императрицы Анны Иоанновны, о чем объявил также послу. Найдя необходимым довести об этом до сведения султана, Турецкий посол требовал от Румянцова для этого особые подводы, которые и были ему даны. Подвигаясь не быстро, около 25–30 верст в сутки,

Румянцов с послом прибыл 30-го ноября в Севск и здесь узнал об учреждении регентства и только 1-го января 1741 г. прибыл в Москву, а 4-го числа имел торжественный с послом въезд с церемониею. Посольство Турецкое разместилось близ Донского монастыря, у Калужских ворот, заняв до 50 домов, но сам посол был помещен в доме баронов Строгоновых.

Он ожидал теперь из Константинополя новых кредитивных грамот на имя новой Правительницы, чтобы ехать в Петербург, и продолжал вести неприятные пререкания и объяснения с Н. И. Румянцовым относительно отпуска ему таина; эти объяснения вызвали очень натянутые отношения между ним и послом, которые еще более обострились задержанием в карантине, по случаю чумы, курьера, ехавшего из Константинополя к послу с бумагами. Посол выразил, наконец, что ничего не будет брать от Румянцова – ни денег, ни провизии и все будет покупать на свои деньги, и писал об этом в Петербург, требуя, чтобы всемерно переменили Румянцова. Это требование в Петербурге уважили. Кабинет еще ранее удивлялся, что Румянцов ничего не пишет о поведении и склонности посла, об изъяснениях его о делах и состояниях здешних, о том, какие он получает указы из Порты, о чем он пишет от себя, о чем говорил с встретившимся в Мценске сераскиром и Колчан-пашою, ехавшими из Петербург, и т. д. «Нам о всем этом надо знать», писал Кабинет, – «и для того, наиприлежнейшее и всяким образом проведая, нам доносить имеете». Получив жалобу Посла, Кабинет прислал Н. И. Румянцову указ от 24-го января 1741 года, что «если с послом вступать в изъяснения о неотпуске ему припасов и денежной дачи, то из того напрасные дальности произойти могут, и для убежания сего признано за лучшее при нем, после, и всю комиссию вместо Румянцова поручить генерал-майору и вице-губернатору Москвы графу Брюсу, которому и надлежит передать данную Румянцову инструкцию, также деньги и всю переписку по этому посольству. Но дабы посол Турецкий не признал и не мнил, что Румянцов отлучается от него якобы по его жалобам, то в указе к генералу и обер-гофмейстеру графу Салтыкову предписано, чтобы он поручил Румянцову в Москве на время какую-либо знатную комиссию, которая бы к большей

честь, а не к унижению Румянцова и не в сатисфакцию послу была и ежели оного знатного там в Москве места нет, то велено Салтыкову определить Румянцова в Канцелярию Сенатскую, где он имеет при нем, генерале, до нашего впредь указа у дел присутствовать». При этом Румянцову указывалось, что ему «потребно быть с Брюсом у Турецкого посла и о своей смене и определении к другим делам (не упоминая отнюдь того, что по его требованию от него отлучается), с надлежащим почтением объявить и от него с пристойною учтивостью отпуск взять». Румянцов не замедлил 2-го февраля 1741 г. донести о точном исполнении всего предписанного ему указом 21-го января, приложив подробный экстракт из его журнала для лучшего и обстоятельнейшего усмотрения всего происходившего у него в бытность его при Турецком поселе.

В Москве Н. И. Румянцов оставался недолго: 9-го июля 1742 г. он был назначен в Пернов для командования драгунскими и пехотными полками, а в следующих 1743–1751 годах он находился разновременно при полевой команде в Смоленске, Лифляндии, Эстляндии и в С.-Петербурге, а также и при ревизии команд в этих местах.

В 1752 г., апреля 23-го, он был уволен от службы за старостью и болезнями и, проживая в Москве, скончался 6-го сентября того же 1752 года. Он погребен в Златоустовском монастыре, при соборе св. Иоанна Златоуста, прожив, как усматривается из надгробной надписи, 64 года, 5 месяцев и 3 дня.

Никита Иванович был женат на княжне *Марии Васильевне Мещерской* (бывшей в первом браке за Милославским) и имел от нее только одну дочь *Анну*, которая родилась 11-го февраля 1730 года. Она позднее вступила в брак, 8-го октября 1749 г., с *Александром Александровичем Нарышкиным* (позднее обер-шенк и сенатор), причем Великая Княгиня Екатерина Алексеевна (будущая Императрица), хотя и не совсем здоровая, должна была, по приказанию Императрицы, устроить к венцу невесту, племянницу состоявшей при ней гофмейстерины гр. Марьи Андреевны Румянцовой. Самое бракосочетание совершалось в Москве, в Анненгофской

дворцовой церкви, в присутствии Петра Феодоровича и его супруги Екатерины Алексеевны, которыми новобрачные были препровождены, при сильном морозе, в дом статс-дамы Нарышкиной, чрез всю Москву на краю Немецкой слободы, куда прибыла также Императрица Елисавета Петровна со всем двором. Молодой А. А. Нарышкин назначен был вскоре гофмейстером Их Высочеств, и это доставило еще большую возможность Великой Княгине близко узнать Анну Никитишну, коротко сойтись с нею и сделаться ее другом по уму и отличным ее качествам. По словам Екатерины II, брак Нарышкиной имел не более последствий, чем ее собственный: «Сходство положений моего и Нарышкиной много способствовало установлению дружеской между нами связи, которая долго нас соединяла». Она очень любила Нарышкину, и когда последняя была больна, то Екатерина, не смея без позволения выходить, переодевалась в мужское платье и, в сопровождении Льва Ал. Нарышкина ходила навещать больную после ужина с Великим Князем. У Нарышкиной она встретила с Понятовским. Нарышкина была очень добрая и сострадательная особа; она в числе немногих выразила позднее желание принимать у себя приносимых детей и оказывать в своем доме пособия беспомощным младенцам. В торжественный день миропомазания и бракосочетания Великой Княгини Натальи Алексеевны (супруги Павла Петровича) 15-го сентября 1773 года Нарышкина была пожалована в статс-дамы, а 20-го марта 1787 г. награждена орденом Св. Екатерины, присланном ей Императрицею из Киева. Император Павел I пожаловал ее, 12-го ноября 1796 г., гофмейстериною Императорского Двора. Она скончалась 2-го февраля 1820 года, почти 90 лет, пережив своего супруга на 25 лет, и погребена в Александро-Невской Лавре в Петербурге. Детей она не имела и оставила свое достояние своим племянникам – графам *Николаю* и *Сергею Румянцовым*, из которых первый был очень к ней привязан.

Общий Гербовник Российской Империи, т. III и IX; Холмогоровы, Историч. материалы для составления церковных летописей Московской епархии, выпуск X, стр. 66–67; Дворцовые Разряды, т. III и Дополн.; Описание документов

и бумаг Московского Архива Мств. Юстиции, т. XIII; А. П. Барсуков, Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия, С.-Петербург. 1902 г.; Д. М. Сухотин, Четвертчики смутного времени 1604–1617 года, Москва. 1912 года; Кн. Лобанов-Ростовский, Русская родословная книга, т. II; Н. Н. Селифонтов, Родословная Селифонтовых и Румянцовых, для друзей, СПб. 1890 г.; Государственный Архив, разр. XI, красн. № 2, копия с грамоты; Московское Отдел. Архива Главного Штаба, формул. о службе Н. И. Румянцева 1, выписка из дела армейск. повытья, Опись № 8, книга 384; История л. гв. Преображенского полка, 1683–1883 гг., Чичерина и Долгова, т. I, стр. 242 и след., т. IV, стр. 180; Азанчевский. История л.-гв. Преображенского полка, Москва, 1859 г.; Журналы Петра Великого; И. Голиков Деяния Петра Великого, т. XV; Е. М. Соловьев, История России, т. IV и V; Госуд. Архив в Москве, дела Турецкие 1740 года, № 72; Архив Министерства Имп. Двора, опись 36/1629, дело № 132; «Русская Старина», т. II, стр. 476 и т. 84, стр. 95; Русская армия в царствование Имп. Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739, издание ген.-м. Байова, С.-Петербург. 1906 г., т. I и прилож. и т. II, прим. и прил.; Сборник Имп. Русск. Истор. Общества (Протоколы Верховного Тайного Совета, pass.), т. 104 (бумаги Кабинета Министров); также т. 106, т. 114, стр. 91; Волков, Двор Русских Императоров, 1900 г.; «Петербургский Некрополь», т. III, стр. 211; «С.-Петербургские Ведомости» 1749 г., № 83, стр. 662, 1763, декабря 14; Записки Имп. Екатерины II, перевод с подлин., изданного Имп. Академией Наук, С.-Петербург. 1907 г., изд. Суворина, стр. 168, 287, 379, 427; Список военных генералов со времен Петра I до Екатерины II, из Архива Госуд. Воен. Коллегии, изд. 1809, стр. 45, 53, 72; Баранов, Опись Высоч. указам, хранящ. в Архиве Сената, № 7705.

Румянцов, Николай Петрович

Румянцов, граф *Николай Петрович*, канцлер, второй сын фельдмаршала графа *П. А. Румянцева* и его супруги, графини Екатерины Михайловны, урожденной княжны Голицыной; родился в 1754 году, 3-го апреля, и первые годы своей жизни провел под непосредственным надзором своей матери, заботившейся о его воспитании и образовании. По обычаю того времени, граф Н. П. Румянцов воспитывался дома, хотя его мать, сознавая неудовлетворительность домашнего воспитания, намеревалась отправить своих сыновей за границу или определить их в особый пансион, основанный в Петербурге, под главным руководством Г. Н. Теплова, графом Разумовским для своих сыновей. Не получив на это разрешения супруга, графиня нанимала для обучения своих сыновей отставного артиллерийского подполковника (имя его не дошло до нас), чтобы учить их арифметике, а затем – майора Прусской службы, родом швейцарца, вероятно Мейера, «на сносных кондициях». Позднее появился немец Цвилер, обучавший графа Николая не только немецкому и латинскому языкам, но также истории, географии, арифметике и математике, причем оказалось, что граф Николай проявлял большие способности к математике. Давал ему уроки также некто Лайонс, но короткое время. Позднее в доме проживал француз Моно, который, расставаясь с своими учениками в 1765 г., писал их отцу, что оба младшие сына, т. е. графы Николай и Сергей Петровичи, очень прилежны и стараются приобрести познания, любят занятия, могут служить во всем примером всем 15-летним юношам и со временем будут предметом большой радости родителям; «эти растения, пишет Моно, обещают богатые плоды, если будут возделаны рукою искусною и опытною в науках». Графиня Е. М. Румянцева, заботясь ничего не упускать, по ее смыслу, силам и возможности, в образовании своих детей, позднее, когда сыновья ее делались взрослыми, старалась обучать их верховой езде, танцам, фехтованию, а затем озаботилась об определении на службу графа Николая, который, по порядкам

того времени, был с ранних лет записан в л.-гв. Конный полк. По просьбе его матери и по совету графа Брюса, он был в 1768 г. переведен в л.-гв. Семеновский полк, числился действительно служащим ординарцем при Брюсе, но проживал дома и 1-го января 1769 г. был пожалован, пользуясь старшинством, в прапорщики – за службу отца своего. Скоро Румянцов был назначен адъютантом полка, конечно, по представлению своего родственника, гр. Брюса, а затем, 1-го августа 1772 г., Высочайшим указом пожалован был камер-юнкером с производством установленного жалованья (по 1000 руб. в год).

Граф проживал в Петербурге, с матерью, назначенною вскоре обер-гофмейстериною при дворе Великого Князя Павла Петровича, вступившего тогда в первый брак с Принцессою Гессен-Дармштадтскою. Это назначение, а также уважение и расположение, которыми пользовались со стороны Императрицы Екатерины не только сам фельдмаршал Румянцов, но и его мать, статс-дама графиня Мария Андреевна, а также и его супруга, а равно родственные их связи доставили молодому графу Николаю Петровичу возможность не только посещать высшее общество столицы, но и сделаться быстро известным Екатерине II, которая, узнав его, вскоре удостоила его разрешением присутствовать на ее известных собраниях в Эрмитаже, в которых участвовали только самые избранные и наиболее известные и приближенные к Императрице лица. Из молодых людей на эти собрания допускались только братья Румянцовы. Тут граф Николай познакомился с известным ученым и публицистом-писателем бароном Мельхиором Гриммом, как известно, пользовавшимся большим расположением Екатерины II; он незадолго пред этим прибыл в Петербург вместе с Наследным Принцем Дармштадтским, воспитанием которого он руководил. Граф Н. П. Румянцов, имевший желание посетить чужие края и пополнить свое образование в одном из германских университетов, о которых, особенно о Лейденском, много знал от своего двоюродного брата, князя Александра Борисовича Куракина, был очень обрадован, узнав, что барон Гримм согласен руководить им и

его братом в поездке за границу, и отправился, в конце 1773 г., в Молдавию, к отцу своему, командовавшему нашею армиею, для испрошения его согласия на предполагаемую поездку и для получения необходимых на то денежных средств. Получив желаемое без особых затруднений, граф Николай Петрович испрашивал разрешение ее Величества на свою поездку, вследствие чего состоялся 14-го апреля 1774 г. указ об увольнении его в чужие края, без вычета жалованья во всю его там бытность. Срок увольнения определен в указе не был: Императрица советовала сопровождавшему его Гримму путешествовать спокойно и возвратиться не спеша.

Покинув отечество в конце апреля 1774 г., граф Николай вместе с братом, бароном Гриммом и тремя слугами отправились сухим путем, единственным в то время способом путешествия, в своих экипажах на переменных лошадях, в Варшаву, а затем заехал в Карлсбад, где Гримм, вместе с графом Николаем, пил воды, хотя сам граф Николай был совсем здоров. После этого, посетив Лейпциг, Готу, берега Рейна и Голландию, он прибыл в Лейден, где около года слушал лекции в пользовавшемся в то время известностью университете этого города, о котором имел различные необходимые сведения от упомянутого уже выше князя А. Б. Куракина, своего двоюродного брата. В конце сентября 1775 г. граф Николай с братом заехал на короткое время в Париж, чтобы вместе с Гриммом, оставившим их в Лейдене одних, совершить совместное путешествие по Италии. На пути из Парижа они остановились в Женеве, посетили здесь уже престарелого Вольтера, а затем направились в Геную, Милан, Флоренцию, Рим и Неаполь, откуда поехали обратно на Венецию и Вену. Узнав в Венеции о кончине Великой Княгини Натальи Алексеевны и о том, что фельдмаршал Румянцов сопровождает Великого Князя Павла Петровича в поездке его в Берлин, чтобы ознакомиться с предназначаемою ему в супруги Принцессою Виртембергскою, путешественники поспешили ехать в Берлин, чтобы повидаться с родителем. Но последний почему-то признал это для себя нежелательным и неудобным, и чрез князя Куракина приказал своим сыновьям не приезжать в

Берлин во время его там пребывания; они конечно, повиновались этому приказанию и вблизи Берлина, в небольшой деревне, выждали отбытия из этого города своего отца, чтобы самим въехать в столицу великого короля. Пробыв недолго в Берлине, граф Николай возвратился 6-го сентября 1776 г. в Петербург, не выдав ни Франции, ни Англии, по недостатку необходимых на это средств, довольно скудно отпущенных на поездку его родителем. В том же году, 30-го сентября, он был послан в Вену с возвещением о совершившемся втором браке Павла Петровича с принцессою Виртембергскою.

По возвращении в Петербург граф Николай стал снова отправлять придворную службу, его, однако, тяготившую: он желал получить место представителя нашего государства в Дрездене, но это не состоялось; просил, затем, но также без успеха, назначить его в Крым, готов был перейти на военную службу бригадиром (не имея никакого понятия о военном деле) или ехать на два года в Вену к дяде – князю Д. М. Голицыну для ознакомления со службою по дипломатической части. Но собственно в гражданскую службу он не находил для себя возможным поступать, считая это для себя неудобным, и просил отца своего содействовать назначению его по дипломатической части в Лондон или в Дрезден; другого какого-либо назначения он принимать не желал. Несмотря на ходатайство отца, назначение графа Николая затягивалось, а тем временем удалилась от Двора в деревню его мать, графиня Е. М. Румянцова, и положение его в Петербурге стало тяготить его еще более, он просил отца ходатайствовать о нем не только пред Государынею, но и пред князем Потемкиным; однако эти ходатайства успеха не имели, но 5-го мая 1779 г. граф Н. П. Румянцов, вместе с братом Сергием, был пожалован камергером Двора Ее Величества, а в Дрезден был назначен посланником князь Юсупов. Граф Н. П. Румянцов, тем не менее, продолжал просить отца ходатайствовать об его назначении, а тем временем, отправляя придворную службу при Дворе Великого Князя, постепенно приобретал все более и более расположение не только последнего, но и его молодой

супруги. Последовавшая в августе 1779 года кончина нежно любимой матери очень опечалила графа и заставила его некоторое время заняться приведением в порядок оставшегося после нее имущества, предоставленного ею в собственность сыновей ее, трех братьев, причем он купил небольшой дом графа Ягужинского в Петербурге, а затем по-прежнему проводил свое время при Их Высочествах и с их соизволения просил отца доставить ему место при каком-либо иностранном дворе. Упомянем также, что граф Николай уже в это время читал Российскую историю или, как он выражался, «вознамерился ее исследовать» и просил отца своего о доставлении ему некоторых книг, для этого необходимых. После четырех лет домогательства, при немалом содействии графа А. А. Безбородко, в 1781 году, Императрица Екатерина II, уважая службу и просьбу фельдмаршала Румянцова, назначила его сына своим Уполномоченным Министром при Курфюрстском округе Нижнего Рейна и при многих других владетельных принцах ближайших округов; он должен был иметь свое местопребывание во Франкфурте-на-Майне, и по крайней мере раз в год посещать рекомендованных ему мелких князей; обязан был следить за соблюдением Германской конституции, т. е., охранять в равной мере как права фюрстов, так и власть императора в своей столице. Пользуясь тем, что в Иностранной Коллегии стали составлять ему инструкции для отправления его служебных обязанностей в сфере только что вновь учрежденной дипломатической должности, граф Румянцов направился к отцу своему в Малороссию поблагодарить его за успешное о нем ходатайство и, пробыв у него некоторое время, возвратился в Петербург и только 8-го февраля 1782 г. поехал во Франкфурт чрез Берлин, так как Прусский король Фридрих II, чрез своего посла Герца, выразил желание видеть его в своей столице. Императрица Екатерина II пожелала, чтобы Румянцов посетил также Императора Иосифа II в Вене.

Выехав из Петербурга в феврале 1782 г., Румянцов 1-го марта прибыл в Берлин, был милостиво принят Фридрихом II, но разговор их вообще был непродолжителен и холоден; Министр его Герцберг говорил с ним о властолюбии Австрии.

Затем, прибыв в Дрезден, граф, по недомоганию своему, пробыл тут дней шесть, и был в Вене 30-го марта (10-го апреля), имел продолжительный разговор с Иосифом II на прогулке в Аугартене о Цвейбрюкенском деле, затем обедал с ним в Лаксенбурге и получил от Императора приказание явиться к нему еще раз, что граф, конечно, исполнил и имел объяснение по тому же делу. После довольно продолжительного недомогания покинув Вену, граф заехал в Аугсбург, намереваясь представиться курфюрсту, но это ему не удалось по внезапной болезни сестры последнего, и он поехал в Мюнхен, где был очень хорошо принят курфюрстом Баварским, а затем снова отправился в Аугсбург, где провел несколько дней, пользуясь гостеприимством курфюрста. Тут он узнал о кончине фельдмаршала Верхнерейнского округа Принца Георга Дармштадтского, об учреждении в Баварии приорства Мальтийского ордена, о стараниях Франции умножить доходы Герцога Цвейбрюкенского и т. д. Из Аугсбурга Румянцов прибыл в назначенный ему для его пребывания Франкфурт-на-Майне и занялся устройством своего помещения и крайне незначительной канцелярии, ему назначенной. Он вскоре получил известие, что Наследник Русского престола с супругою, совершая путешествие по Европе под именем графа и графини Северных, должны скоро прибыть во Франкфурт. Это побудило Румянцова выехать им навстречу в Люттих и сопровождать их в поездке чрез Спа в Аахен и Франкфурт и состоять при Их Высочествах во время пребывания их в этом городе, а после сопровождать Их Высочества чрез Дармштадт в Монбельяр, а затем также к Штутгартскому двору.

По возвращении своем во Франкфурт Румянцов приступил к аккредитованию себя при различных владетельных князьях духовных и светских, входивших в состав его дипломатического округа [он получил кредитивные грамоты к трем духовным курфюрстам (Майнцскому, Кельнскому, Трирскому) и епископу Бамбергскому и к пяти Имперским округам юго-западным, т. е.: Верхнерейнскому, Нижнерейнскому, Швабскому, Франконскому и Вестфальскому и еще особые верительные грамоты к владетельным князьям: Анспаха, Бадена, Вюртемберга,

Гессена (для Дармштадта и Касселя) и Цвейбрюкена.], посетив прежде всего курфюрста Майнцского, как наиболее значительного и влиятельного, а затем Кельнского, престарелого Максимилиана Фридриха фон Кенигсен-Ротенфельс. Это аккредитование тянулось довольно долго, вызывало много разъездов и не малую трату времени, потому что при средствах сообщения того времени на каждое аккредитование шло немало дней; это, впрочем, доставило Румянцову возможность ознакомиться с различными фюрстами того времени, о которых он доносил в Петербург не в приглядном виде. Если не все без исключения, то значительное большинство их в образе жизни подражали Версальскому двору, не имея на это достаточно средств, предавались разным удовольствиям, нуждались в деньгах, постоянно помышляли о том, как их добыть, были привязаны до крайности к мелочам и обрядам, издавна принятым, постоянно о чем-то хлопотали, превращали политику в сплетни и заменяли мысль и доводы, по словам Румянцова, рассказами и пересудами. Он находил, что не должно вмешиваться в кучу внутренних связей и раздоров Германии, а следить только за Императором, стараться заслужить уважение всех князей и вообще обходиться с ними построже, чтобы они не воображали, будто у них заискивают. Соблюдая честь и достоинство России, Румянцов держал себя высокомерно и иногда ссорился с иностранными посланниками из-за мелочей придворного этикета, желая взять над ними верх. Он до того усердно следил за интересами России, что его ненавидели все друзья Пруссии, а сам Фридрих II называл его дьяволом, бешеным и не мог равнодушно говорить о нем. Нельзя не заметить, что самому Румянцову очень скоро не понравилась вся эта немецкая среда, в которой должна была протекать его дипломатическая деятельность. Он уже в 1783 году писал графу Безбородко, а также и отцу своему, что чувствует, «сколь недобровольное есть мое от отечества временное отлучение, что вы вероятно доставите мне одно из тех двух мест, которые мне занимать приличнее того, в котором ныне нахожусь; что пост мой маловажный, имеет не весьма пространное поле для радения к службе Ее Величества, на

котором однако принужден прилагать самый большой труд. Если человек с некоторою способностью к делам долго здесь пробудет, то он оную способность в себе истребит» и т. д... Но это желание графа получить другое назначение весьма долго не осуществлялось, и ему ничего не оставалось иного, как, пребывая во Франкфурте, доносить Императрице и ее слабому помощнику Остерману, весьма подробно, не только о всех мелких событиях, происходивших в Германии в то время, но также о разных лицах и принцах, их министрах и людях, имеющих самое малое влияние в Германской Империи. Нельзя не удивляться тому, как много писал граф Н. П. Румянцов, если принять в соображение, что он не имел даже порядочного секретаря, и не только сам писал черновые своих бумаг, но и сам весьма часто переписывал их набело. По содержанию своему, т. е. по большей или меньшей важности сообщаемых сведений, донесения графа Румянцева не представляли особенно глубокого интереса, потому что относились до предметов, не имевших особого значения или интереса для России. Германию в это время занимал вопрос об устьях реки Шельды или так называемый Голландский вопрос. По Вестфальскому еще миру из Нидерландов, принадлежавших Испании, выделилась самостоятельная Голландская республика, а остальная часть Нидерландов (ныне Бельгия) осталась по Утрехтскому миру 1713 года во владении Габсбургского дома, под именем Австрийских Нидерландов, причем за голландцами сохранилось право распоряжаться устьями реки Шельды, по которой производилась вся торговля Нидерландов. Эта торговля разными мерами голландцев была убита, потому что они не пускали чужих кораблей в устье Шельды. Кроме того, Габсбурги обязаны были вечно владеть этой страной (т. е. Австрийскими Нидерландами) и ничего из нее не уступать никакому Принцу не из их рода. Голландия же получила право содержать в нескольких Нидерландских крепостях свои гарнизоны и получала от Габсбургов (т. е. Австрия) за это известную сумму денег, так как Нидерланды служили защитой для Голландии против французов (так называемый «барьер-трактат»). Австрия давно пыталась

освободиться от этого платежа денег голландцам. Иосиф II в 1781 г. приказал скрыть крепости, занятые голландцами, которые, не имея сил сопротивляться Австрии, должны были исполнить это. Иосиф II в 1783 г. завел с ними спор о каких-то землях и изгнал их гарнизоны из нескольких спорных фортов, в том числе из Мاستрихта. Кроме того, он же отнял немалую часть земель, лежавших в Австрии, у епископства Пассау. Затем он же придумал променять свои Австрийские Нидерланды на Баварию, вступив в добровольное об этом соглашение с курфюрстом Баварским Карлом-Теодором и с его наследником – Карлом, герцогом Цвейбрюкенским.

В 1784 г. Австрийский посланник в Мюнхене, граф Лербах, представил упомянутому Карлу-Теодору план этого обмена, по которому Карл-Теодор уступал Иосифу Баварию, за исключением Люксембурга и Намюра; Иосиф же II обязывался отдать ему Нидерланды, уплатить еще полмиллиона гульденов и доставить ему титул Бургундского короля. Обмен должен был получить гарантию России и Франции. Весь этот обмен был совсем незаконным. Выше сказано, что Австрия не имела права уступать Нидерландов кому бы то ни было; Иосиф II по Тешенскому миру 1779 г. отказался от всяких притязаний на Баварию, и кроме того Карл-Теодор Баварский также не имел права уступать кому-либо Баварию по Павийскому договору 1329 г., на основании которого все земли Баварского дома считались общею собственностью дома и при вымирании одной линии соединялись в руках другой; курфюрстское достоинство переходило то к той, то к другой линии, смотря по тому, где представитель старше. О соблюдении этого договора представители разных линий Виттельсбахского дома заключили между собою тайное условие весьма недавно, незадолго до кончины Максимилиана-Иосифа в 1778 году. Тем не менее, Император Иосиф II своим намерением вызвал волнение в Германии и борьбу между княжескими дипломатами и придворными, причем главным поприщем борьбы являлся г. Мюнхен и Цвейбрюкен. Король Фридрих и (Прусский) обещал Карлу прислать генерала для устройства Баварских войск и чтобы управлять, по словам Румянцова, не только войсками, но

и особою будущего курфюрста. Французы снабжали его деньгами. Румянцов, имевший приказание не допускать обмена земель, почти не выезжал из Цвейбрюкена, следил за каждым шагом герцога, вмешивался в его домашние дела и о всем доносил в Петербург, получая приказания не упустить ничего, что может утвердить или умножить связь фюрстов с Российской Империей, не показывая вида, что ими интересуются. После долгих и неоднократных объяснений Румянцева с герцогом Цвейбрюкенским в продолжение трех недель (описанных им на 30 больших листах в донесении Екатерине II) дело об обмене земель прекратилось. В начале 1785 г. Иосиф признал, что обмен стал невозможен, по крайней мере в настоящее время, и его министр Кауниц засвидетельствовал признательность своего двора Екатерине II как за добрые ее намерения, так и за исполнение. Дело с Голландией о реке Шельде и крепостях также скоро окончилось. Хотя Иосиф II отправил ультиматум в Голландию об открытии Шельды, приказал стягивать войска к Бельгии и отозвал своего посланника, но участие к Голландии, проявленное Францией, заставило его удовлетвориться только вознаграждением за военные издержки и отменой так называемого барьер-трактата. Шельда осталась по-прежнему в полной власти голландцев, не пропускавших чужих кораблей в устье этой реки. Эти обе неудачи Иосифа II, уронив его нравственное влияние в Германии, возвысили национальное значение Пруссии, принявшей сторону и Голландии, и Цвейбрюкена. Ее король Фридрих II выступал еще в 1784 году со своим планом Союза князей, т. е. устройства в Германской Империи из фюрстов, как светских, так и духовных, рода ассоциации, на подобие бывшей некогда Шмалькальденской лиги, с тем, чтобы добыть себе союзников. Очевидно, этот Союз князей в пользу Пруссии готовился против Австрии и России. Подробное изложение развития и осуществление на деле этого плана не входит в биографию графа Н. П. Румянцева, тем более что и в инструкции, ему данной, ничего не упомянуто об этом Союзе. Он лично находил, что в составе Союза не было не только ни одного светского курфюрста, но даже ни одного фюрста I-го разряда, а только один фюрст II разряда и

несколько князей низшего разряда; все они пользуются почестями верховной власти, не имея и тени характеризующего ее могущества. Словом сказать, они не имели ни достаточного войска, ни денег для его содержания. Лига эта, писал Румянцов, при первых о том стараниях не сбылась; она бессильна и послужит лишь к торжеству императорских домов, если только за них будут Бавария, Вюртемберг и Кассель. Впрочем, и Фридрих II сам не возлагал больших надежд на лигу, принимая, что она может выставить никак не более 27000 войска. Румянцов же, стараясь противодействовать этому союзу, обратил особенное внимание на эти три названные государства, а также некоторые другие.

Так, он ездил к герцогам Цвейбрюкенским, где встретился с Прусским агентом Штейном, сделавшимся столь известным в 1813 году, с целью не допустить его примкнуть к лиге; но это ему не удалось: Штейн умел склонить Карла и Максимилиана на сторону лиги, они подписали договор о лиге и дали подписку на себя и потомков никогда не соглашаться на обмен баваро-пфальцских наследных земель. Равным образом курфюрст Майнцский Фридрих Карл Иосиф по убеждениям Штейна и Бемера 18-го октября 1785 г. также подписал союзный договор, несмотря на старание Румянцова и Троутсмандорфа, посланника Венского. По следам Майнцкого владыки пошел и маркграф Баденский. Но курфюрсты Трирский и особенно Кельнский, приняв очень любезно Румянцова, отказались от Союза князей. Из епископов, которых также посетил Румянцов, все отказались примкнуть к лиге, за исключением епископа Оснабрюкского. Среди светских фюрстов Румянцов имел мало успеха. В Карлсруэ маркграф Баденский приступил к лиге; равным образом, после колебаний и разных прельщений и угроз со стороны агентов Прусских, ландграф Гессен-Кассельский, а также и многие другие, менее значительные фюрсты, пристали к лиге, потому что, как замечал Румянцов, в Германии слабые всегда следуют за сильными. Против союза князей явились герцоги Ольденбургский, Виртембергский и курфюрст Баварский; к ним из Пруссии даже и не посылали приглашения приступить к Союзу, сознавая заранее тщетность. Таким

образом за год с небольшим до кончины великого короля, последовавшей 6-го августа 1786 года, был заключен Союз князей. Его преемник на престоле и племянник Фридрих-Вильгельм и явился ревностным приверженцем этого Союза и, по словам Н. П. Румянцева, «дал ей новое приращение. Переписка, переезды и сношения всякого рода интриганов более прежнего событие возымели».

Молодой король и особенно его министр старались укрепить Союз князей и извлечь из него общую пользу. Скоро к Союзу или лиге примкнул даже коадьютор Майнцкого архиепископа и оба герцога: Мекленбург-Шверин и Стрелиц. Таким образом, вопреки стараниям Румянцева, по предписаниям из Петербурга, состоялся в пользу Пруссии так называемый Союз князей, который, впрочем, существовал недолго. Между союзниками стали проявляться раздоры, каждый из них старался преследовать свои эгоистические цели, князья завидовали друг другу и подозрительно следили один за другим. Саксония и Ганновер составляли тайную оппозицию против успехов Пруссии в Германии; Баден стремился образовать частную унию и т. д. Скоро появились разные памфлеты против Союза князей (в том числе известного Иоганна Мюллера) и уже в 1792 году Союз князей как бы и не существовал уже, а Пруссия и Австрия заключили союз между собою, для борьбы с Французскою революциею 1789 года. В это время предстояло произвести выбор коадьютора Майнцкого. Это была особенно важная должность, так как самый курфюрст Майнцкий занимал первое место в Германии; он руководил императорскими выборами, председательствовал в коллегии курфюрстов на императорском сейме, помазывал избранного императора на царство, назначал имперского вице-канцлера в имперский Надворный Совет, заправлял всем Имперским Сеймом и т. д. Поэтому выбору ему помощника, имеющего его заместить со временем, придавали большое значение; в Германии очень интриговали по поводу этого избрания. Кроме того, интриговали и Пруссия и Австрия в пользу выбора выставляемых ими кандидатов, в числе которых являлся и Дальберг, в то время наместник Майнцкого архиепископа в

Эрфурте и один из просвещеннейших и выдающихся лиц Германии в то время. «Он славится отменно мудрым, доносил Румянцов, в великом уважении во всей здешней Империи, имеет безмерные знания в высших науках» и т. д. Австрийский канцлер князь Кауниц ручался, что император доставит место коадьютору Дальбергу, которому было обещано и содействие Екатерины II, через Румянцова. Пруссия же старалась провести некоего Дингейма и отклонить от Дальберга сочувствие Майнцских каноников. После не малых происков и хлопот всякого рода сам Майнцкий курфюрст согласился на выбор Дальберга, после чего он и был избран 5-го июня 1787 года Майнцским коадьютором, к немалому собственному его изумлению.

Вскоре после этого выбора граф Н. П. Румянцов, давно желавший посетить Петербург, получил, наконец, в 1789 году разрешение прибыть в отечество. Он был милостиво принят Ее Величеством и старался освободиться от дальнейшего пребывания во Франкфурте, указывая на худое состояние своего здоровья и на продолжительное уже пребывание на одном месте, во Франкфурте. Он готов был, за неимением свободных посольских и министерских мест, принять временное назначение в члены Иностранной Коллегии, до открытия первой вакансии. Но это не осуществилось, а между тем внезапная кончина 26 февраля 1790 г. Императора Иосифа II принудила его отправиться в скорейшем времени обратно во Франкфурт и принять участие в предстоящем избрании и короновании нового Императора. Пространным рескриптом Имп. Екатерина поручила графу Н. П. Румянцову присутствовать при всех имеющих быть по этому случаю торжествах, о всем происходящем ее уведомлять и выражать почти уверенность, что выбор курфюрстов, по крайней мере большинства, падет на особу короля Венгрии и Богемии – моего союзника, (т. е. брата умершего Иосифа II Леопольда), чем Германская Империя приобретет императора справедливого и миролюбивого, Действительно, избран был Леопольд II, и коронован 28-го сентября (9 октября) 1790 г. Румянцов присутствовал на всех происходивших по этому поводу торжествах и сам принимал у

себя в особом помещении, истратив на это представительство немало собственных денег, данных ему на этот предмет его отцом. Леопольд II, как известно, был недолго Императором: он скончался в конце февраля месяца 1792 г., после чего Румянцову пришлось снова присутствовать во Франкфурте на различных торжествах и празднествах, происходивших во время избирательного сейма для выбора нового Императора – Франца II 24-го июня (5-го июля) и затем его коронования (или венчания, как доносил Румянцов) 14-го июля 1792 года. Все это было сопряжено снова с немалыми расходами для Н. П. Румянцова, занятого в то время совсем другим делом, как наложено ниже. Румянцов же был произведен, 1-го января 1791 года, в тайные советники.

Происходившие около этого времени события во Франции привлекли Румянцова вскоре к новой деятельности. Как известно, после происшедшей в Париже в 1789 г. революции и взятия 14-го июня Бастилии братья короля Людовика XVI, как-то герцог Прованский (будущий король Людовик XVIII), герцог д'Артуа (будущий Карл X), принц Кондэ и многие другие лица, бывшие при дворе, а также очень многие дворяне, пользовавшиеся различными преимуществами старого порядка, 17-го июня покинули Францию и после скитания по разным местам Европы собрались, под именем эмигрантов, близ самого Кобленца, в замке, принадлежавшем родственнику Французского королевского семейства курфюрсту Трирскому. Видя спасение Французской монархии в применении вооруженной силы, эмигранты прилагали все усилия восстановить Европу против революционной Франции, чтобы спасти корону Франции, которую ее король не в силах был защищать. Нуждаясь сами и в деньгах, и в войске, королевские принцы и эмигранты просили различные государства (Швецию, Пруссию, Австрию и Россию), а также различных немецких курфюрстов придти им на помощь. Тем временем, в силу различных мер, принимавшихся во Франции, значительно увеличилось число эмигрантов, покидавших отечество и собиравшихся у Кобленца и преимущественно у Вормса, где они, под начальством принца Конде, составляли целый военный

отряд. По близости этих мест от Франкфурта и ввиду письменных сношений принцев и других эмигрантов с Императрицею Екатериною II, Н. П. Румянцову поручено было быть как бы посредником между ее Величеством и принцами в Кобленце. Это и вызвало его неоднократные поездки в Кобленц, где его принимали с очень большим почетом и уважением, устраивали различные оации (как, напр., маршал Брольи во главе 800 дворян-эмигрантов в парадной форме произносил ему в 1791 году благодарственную речь), принимали всегда очень ласково, так что Румянцов, помимо личного сочувствия делу эмигрантов, находил удовольствие проводить время в таком отменном обществе. Он явился ревностным ходатаем эмигрантов пред Императрицею, хотя очень хорошо знал, что Государыня не примет деятельного участия в их деле и, не посылая свои войска на берега Рейна, ограничится только денежными вспомоществованиями.

Румянцов доносил в Петербург очень часто и весьма подробно о всем происходившем в Кобленце и касавшемся дела эмигрантов; он нередко в самых цветистых фразах, притом на французском языке, передавал Государыне их признательность Императрице за доставляемые им деньги, за ее благосклонное к ним расположение, ходатайствовал весьма часто об определении многих из эмигрантов на службу Ее Величества, Представлял в ярких красках бедственное их положение в денежном отношении и т. д. Как известно, в 1792 году Франция, после известного свидания в Пильнице 26-го августа 1791 г. Австрийского императора с Прусским королем и изданной ими декларации 27-го августа, объявила им, 20-го апреля 1792 г., войну, возникшую вскоре в различных местах по границам Франции, причем принц Конде с 35000 французов направился в составе Австрийской армии под начальством принца Гогенлоэ, а прочие принцы – в Прусскую армию, под начальством герцога Брауншвейгского, с целью скорее вступить в пределы Франции. Должно заметить, что отсутствие единства в стремлениях и действиях со стороны французов, боровшихся с революциею, и недостаток средств материальных не могли доставить желаемого успеха предпринимаемому делу –

восстановить старую монархию во Франции. Король Людовик XVI и его супруга, находившиеся в заключении, не желали прибегать в военной силе и вмешательству иностранных войск для своего освобождения и водворения на престоле Франции. Как известно, чрез преданного им Бретеля они послали к Императрице Екатерине некоего маркиза Бомбелля в 1792 г. с поручением убедить Государыню созвать конгресс для обсуждения способов и восстановления порядка во Франции прежнего королевства. Императрица, недолголюбивавшая Бретеля еще с 1762 года, приняла Бомбелля сухо и с высокомерием, отвечала уклончиво на его предложение, которое не замедлила сообщить гр. Н. П. Румянцову, в свою очередь поспешившему известить об этом принцев, графов Прованского и д'Артуа, желавших во главе войск вернуться во Францию и силою оружия низложить революционное правление, доставить торжество роялистам и овладеть престолом Франции. Они оба очень рассердились на Людовика XVI. Партия роялистов в то время представляла при иностранных дворах «скандал и даже посмешище, что часто хуже скандала», по словам Ланжерона в его записках. При каждом дворе оказывалось два представителя Франции: один от короля и королевы, а другой – от принцев и братьев короля; эти представители зависели от различных кабинетов; во главе первого стоял Бретель, во главе другого – Калон, и оба, прибегая к разным средствам, относились враждебно друг к другу и к республиканцам. Императрица Екатерина II и ее представитель граф Н. П. Румянцов приняли сторону принцев, но ограничивались исключительно денежными вспомоществованиями, не принимая участия в войне Австрии и Пруссия с революционной Францией, хотя, по словам Ланжерона, она намеревалась, вместе с королем Шведским Густавом III и под его начальством, по договору 19-го октября 1791 г., высадить в Нормандии отряд войск из 24000 русских и 12000 шведов, которыми вообще должен был распоряжаться талантливый, храбрый и предприимчивый генерал, маркиз Буллье.

Внезапное убийство Густава III 16-го марта 1792 года на маскараде в Стокгольме расстроило совершенно это предприятие; Екатерина II занялась вторым разделом Польши, куда были направлены ее войска. Война же Австрии и Пруссии с Франциею, как известно, тянулась долго и с переменным успехом. Н. П. Румянцов при самом начале войны умолял Императрицу Екатерину II, 24-го июня 1792 года, позволить ему последовать за принцами и доблестным французским дворянством и служить Ее Величеству, находясь при принцах. Это ему было разрешено, и он успел присоединиться к принцам 1-го (12-го) октября, в то время, когда они с армиею герцога Брауншвейгского отступали из пределов Франции после неудачного похода и в большом смятении и беспорядке вступали обратно в Люксембург и расположились на зимние квартиры. Из Люксембурга Румянцов доносил 8-го (19-го) и 23-го октября (2-го ноября) о герцоге д'Артуа и о свидании его с королем Прусским, о бедственном положении французских эмигрантов, а затем сообщил Ее Величеству 17-го (28-го) декабря, что братья Людовика XVI, исполняя волю короля Прусского, поселяются в м. Гамм, в Вестфалии, принадлежащей Пруссии; сам же король Прусский остается во Франкфурте довольно долго, и что он, Румянцов, будет находиться при нем, как министр Ее Величества. Уже во Франкфурте Румянцов получил все милостивейший рескрипт о пожаловании ему, 24-го ноября 1792 г., ордена св. Александра Невского. В Париже в продолжение этой войны совершилось потрясающее событие: казнь в январе 1793 г. Людовика XVI (а затем, позднее, и его супруги, Марии-Антуанетты), после которого остался малолетний сын, Людовик XVII, признанный роялистами в то время королем Франции, причем, ввиду его малолетства, регентом Франции объявлен был старший брат умершего короля, герцог Прованский (будущий король Людовик XVIII); брат же, герцог д'Артуа, был сделан главным начальником военной силы Франции (*lieutenant-général du Royaume*). Последствием этого было, между прочим, прекращение со стороны России всех политических сношений с революционной Францией по указу 8-го февраля 1793 года, прекращение всех

торговых сношений между Россией и Францией указом 8-го апреля и выселение из пределов Империи всех французов, не желавших принять присягу на верность королевской власти. Вместе с тем, Россией было признано регентство в лице герцога Прованского, и представителем Императрицы при нем был назначен граф Н. П. Румянцов, по его о том желанию, в 1793 году. С этого времени он постоянно пребывал при регенте и его брате; делами же Франкфуртской миссии заведовал за него некто Вукасович, по временам извещавший его о совершавшемся в Германии. Между тем, обстоятельства складывались весьма неблагоприятно для стремлений роялистов, и положение эмигрантов становилось все плачевнее. Денежные средства их, полученные от благосклонной щедрости некоторых царствующих особ, быстро исчезали, при тех легкомысленных расходах, которые они себе позволяли на представительство, на поддержание блеска и роскоши при дворе, большого придворного штата, к числу которого надо причислить и некоторых дам, пользовавшихся особым расположением герцогов Прованского, д'Артуа, Конде и др. Вскоре эти герцоги принуждены были прибегать к различным займам, заключать которые становилось все более и более затруднительным, так как военные действия Австрии и Пруссии, предпринятые в их пользу, не сопровождались успехом.

Войска революционной Франции подошли сами к берегам Рейна и Майна, и ее правительство стало требовать все более и более настойчиво удаления эмигрантов из сопредельных с Францией мелких Германских государств и недопущения формирования отдельных отрядов из эмигрантов, явно враждебных Франции. К тому же и население этих мелких государств стало тяготиться пребыванием в своей среде эмигрантов, не имевших никаких средств и проживавших как бы на его счет. Вскоре последовали распоряжения различных немецких правительств об удалении эмигрантов из пределов их территории, особенно после того, как предпринятая в марте месяце 1793 года поездка графа д'Артуа в Петербург не имела успеха; он был принят с различными почестями, но холодно, хотя сам был в восторге от Императрицы, подарившей ему при

отъезде золотую шпагу с большим солитером, но недовольной его приездом. Екатерина II решительно отклонила его просьбы принять сторону королевского трона во Франции деятельным образом и послать свое войско в пределы Франции. Она ограничилась предоставлением д'Артуа небольшой относительно суммы в 200000 рублей. Вскоре последовало приказание со стороны Австрии и Пруссии о роспуске отряда принца Конде, как самостоятельной части армии, и об удалении эмигрантов из пограничных с Францией государств, а также и Нидерландов. Затем и сами графы прованский и д'Артуа, видя, что надежды и не осуществляются, покинули свое местопребывание – Кобленц первый, после долгих переговоров, перебрался в Испанию в виде частного лица; граф д'Артуа переехал со старшим сыном в Англию, а позднее – в Митаву. Румянцов же 1-го (12-го) августа 1794 г. из Гамма в Вестфалии доносил Императрице, что «таковым делом и отсутствием положен миссии моей при Королевских Высочествах предел», и что он возвращается к исполнению своих обязанностей по должности во Франкфурт-на-Майне, согласно приказанию Ее Величества. Дела во Франкфурте с 1793 по 1795 год не представляли чего-либо замечательного; все внимание было обращено на военные действия Пруссии и Австрии с Францией [Пруссия вскоре заключила с революционной Францией мир в Базеле – в 1796 г., марта 5-го; Австрия же продолжала войну дольше и только после битвы при Маренго 14-го июня 1800 г. заключила мир с Францией в Люневилле.].

Румянцов следовал приказанию Екатерины II – «не подавал вида, чтобы в Петербурге придавали какую-либо важность Союзу князей или опасались каких-либо весьма значащих от него последствий». Ему предстояло действовать с осторожностью и делать к немецким князьям представления и указания в такой форме, чтобы они, убеждаясь в их правильности, сами отставали от возникавших в них несправедливых суждений. Пользуясь затишьем в своей миссии, граф Румянцов испросил себе увольнение в Петербург в 1795 году, на что последовало тогда же Высочайшее соизволение, причем управление делами миссии было

возложено на бывшего при Румянцове поверенного в делах надв. сов. Ивана Вукасовича, управлявшего делами, за невозвращением более графа Румянцева к возложенному на него посту, до 1797 года, когда, в феврале месяце, последовало назначение барона Ивана Карловича Стакельберга на должность чрезвычайного посланника и полномочного министра.

Пребывая более 11 лет во Франкфурте-на-Майне, граф Н. П. Румянцов, помимо прямых своих дипломатических обязанностей, исполнял и другие поручения, возлагавшиеся на него Императрицею. Так, ему не раз поручалось приискивать и отправлять в Россию иностранцев, обладавших различного рода техническими познаниями. В исполнение этого он рекомендовал некоего де Фаллуа, ученика Белидора, бывшего начальника инженеров в армии Генриха Прусского; Бейста – управлявшего солеварнями в Сардинии, а затем в Саксонии; Зильбершлака – известного по части гидравлики и гидростатики; Фельдгейма – по части механики и особенно по рудокопной науке; Канкриниуса, – также известного познаниями по соляной части, и т. д. Некоторые из сих лиц и были приняты на службу Ее Величества.

Граф собирал также сведения об училище в Штутгарте, в котором воспитывались дети некоторых Русских дворян.

В конце 1790 г. на Румянцева было возложено особо важное поручение, доказывающее степень доверия к нему Императрицы Екатерины II: ему поручено было среди германских княжеских домов приискать наиболее соответствующую невесту будущему наследнику престола Великому Князю Александру Павловичу, причем Императрица не раз писала Румянцову весьма обширные письма, на которые и он отвечал пространными сообщениями. Большая часть этих писем напечатана уже в труде Великого Князя Николая Михайловича: «Императрица Елисавета Алексеевна, Супруга Императора Александра I».

Румянцову в этом, особенно затруднительном для него поручении указывалось, как известно, обратить внимание на одну из дочерей наследного принца Карла-Людвига, маркграфа

Баденского, Луизу-Августу 11 лет и Фредерику-Доротею 9 лет, что он и исполнил, и после продолжительной переписки они обе, 31-го октября 1792 г., прибыли в Петербург, а 28-го сентября 1793 года совершилось бракосочетание старшей принцессы Луизы с любимым внуком Императрицы Екатерины II.

Равным образом Румянцов по поручению Императрицы приискивал невесту и второму ее внуку, Великому Князю Константану Павловичу, ездил по ее приказанию ко дворам принцев Нассау-Вейльбургского, Нассау-Усинген и принцу Кобургскому, где обратил особенное внимание на принцессу Юлию; в своем донесении 24-го мая (4-го июня) 1795 г. он писал, что все так стремятся быть супругою Великого Князя Константина Павловича, что он ручается за успешное исполнение данного поручения; но Великий Князь может вступить в брак лишь с одною из принцесс, и он опасается за себя, что неизбранные им побьют его камнями («Je m'attends à être lapidé par toutes celles qu'il n'aura pas pris»)...

В конце 1795 г. граф Н. П. Румянцов прибыл снова в Петербург, но с намерением не возвращаться более во Франкфурт; он надеялся, при посредстве очень любившей его тетки – Анны Никитичны Нарышкиной и при содействии князя П. А. Зубова быть назначенным членом Коллегии Иностранных Дел, но это не осуществилось, и граф Румянцов был назначен сперва в особую Комиссию для обсуждения вопроса об изменении курса нашей медной монеты, а затем, 11-го апреля 1796 года, занял место графа П. В. Завадовского в Государственном Заемном Банке; при этом он был назначен сенатором по I Департаменту Сената. С учреждением же особого Комитета для изыскания средств к скорейшему погашению государственных долгов и к изысканию новых средств для удовлетворения государственных потребностей, граф Румянцов 8-го мая 1796 г. был назначен членом этого Комитета вместе с князем П. А. Зубовым, графом А. А. Безбородко, графом А. Н. Самойловым и другими.

Вскоре скончалась Великая Императрица. Ее преемник, Император Павел, равно и его супруга, Императрица Мария

Феодоровна, очень благоволили к графу Н. П. Румянцову и оба находились в переписке с ним; новый Император не замедлил уже 16-го ноября 1796 г. пожаловать его в гофмейстеры, а затем, 22-го ноября того же года – в обер-гофмейстеры, а чрез четыре дня, 26-го ноября, произвел его в действительные тайные советники. Вскоре граф Н. П. Румянцов лишился отца своего, фельдмаршала графа П. А. Румянцева, скончавшегося в Ташани (близ Киева), и после него сделался обладателем весьма значительного состояния. По должности, им занимаемой, он обязан был постоянно находиться при Дворе и пользовался расположением к нему Монарха и его Супруги. В день коронации Императора, 9-го марта 1797 г., он награжден был очень ценною табакеркою с портретом Его Величества. С учреждением особого Вспомогательного для дворянства Банка, 18-го декабря 1797 года, граф Н. П. Румянцов был назначен одним из его Директоров.

При Императорском Дворе, как известно, вскоре возникли придворные интриги из-за влияния на Императора, одно время находившегося под благотворным влиянием своей супруги и особенно ее фрейлины – Е. И. Нелидовой; обе они были очень расположены к братьям Румянцовым. Вскоре, однако, противная партия успела удалить Нелидову, в 1798 году, после чего опала постигла братьев Куракиных, а затем и их двоюродный брат, обер-гофмейстер граф Румянцов 6-го сентября 1798 г. был уволен от службы и получил приказание уехать в чужие края; на его место был назначен Ив. Ан. Тизенгаузен.

Граф Н. П. Румянцов принужден был, таким образом, покинуть Петербург и только при вступлении на престол Александра I получил разрешение возвратиться в Россию, затем, 17-го августа 1801 г., был назначен присутствовать в Совете, а 27-го того же месяца – и в I Департаменте Сената (см. Арх. Сената, кн. № 241, от 1801 г., стр. 215 и 296). Немного ранее, 21-го августа 1801 г., благодаря покровительству вдовствующей Императрицы, он был назначен Директором водяных коммуникаций, на место Кушелева, отправлявшего эту обязанность при Павле I. При коронации Императора

Александра, 15-го сентября того же года, ему была пожалована табакерка с бриллиантами в 8500 рублей.

Граф Румянцов не замедлил распределить заведование водяными сообщениями между 4 членами Департамента и, ввиду недостатка в то время отечественных техников, испросил Высочайшее разрешение на отправку за границу, в Англию и Францию, нескольких лиц для изучения производства гидравлических и других работ. Он озаботился окончанием работ, начатых его предшественниками, и приступил к исполнению новых сооружений, как-то: каналов Березинского, Вельевского, Ивановского, Мариинского и Огинского, Свирского, Сясского, Северо-Екатерининского и Тихвинского, а вместе с тем начал расчистку фарватеров многих рек для улучшения по ним судоходства, как-то: по рекам Бугу, Волхову, Западной Двине, Дону, реке Москве, Суре, Упе и т. д. Он принимал меры к нарезке и устройству бечевников, необходимых для тяги судов, и к составлению правил о пропуске судов по каналам. При нем же в ведение Департамента поступил в 1805 г. водопровод в г. Москве из Мытищ, а в Петербурге – Лиговский канал, снабжавший водою Таврический сад; при нем же был устроен и Обводный канал. Позднее, в 1807 г. последовало Высочайшее повеление об улучшении системы Вышневолоцких вод и реки Волги, а также об исправлениях по трем водяным путям, соединяющим Петербурге с Каспийским морем. Граф Румянцов управлял водяными коммуникациями Империи до 1809 года, когда возложенное на него, сверх Министерства Коммерции, еще управление Министерством Иностранных Дел побудило его просить об освобождении от управления водяными коммуникациями. 18-го апреля 1809 г. он был освобожден от этого управления и награжден весьма лестным рескриптом; преемником ему был в то же время назначен Принц Георг Ольденбургский, главный начальник губернии Новгородской, Тверской и Ярославской.

Ранее этого, с учреждением Министерств в 1802 г., граф Н. П. Румянцов был назначен Министром коммерции и отправлял эту обязанность до самого упразднения Министерства Коммерции 25-го июня 1811 года и передач и ее дел ведению

Департамента внешней торговли, входившего в состав Министерства Финансов. Время 1802–1811 годов не представлялось благоприятным для торговли; Россия в этот небольшой промежуток времени воевала два раза с Францией, едва не все время – с Турцией и, кроме того, с Швецией и Англией. Поэтому едва ли можно было ожидать значительного развития нашей торговли в это время. Тем не менее, и в это время состоялись распоряжения по этой части, заслуживавшие внимания, как, напр., следующие: в 1806 г. графом Румянцовым были собраны сведения о торговле (т. е., о привозе и вывозе товаров в Империи) за 1802–1805 годы в форме синоптических таблиц, которые Император приказал сделать известными всем верноподданным, с тем, чтобы всякий мог содействовать общественной пользе. Эти сведения указывали наглядно, что торговый баланс склонялся не в нашу пользу, и граф Румянцов заботился немало о его поправлении.

Еще в 1802 году он испросил Высочайшее разрешение на издание с 1803 г. под его надзором «С.-Петербургских Коммерческих Ведомостей», которые печатались в типографии Коммерц-коллегии. Газета хотя не окупалась, но выходила до 1811 года. Кроме того, при графе Румянцове издавались еще, с 1802 по 1807 год, «Виды государственной внешней торговли России». В Петербурге было открыто Училище корабельной архитектуры. При Румянцове же приступлено, в 1804 г., к сооружению нового здания С.-Петербургской Биржи, являющегося украшением столицы и в наши дни (она была закончена 1809 году), а также к сооружению новых амбаров в Риге для склада пеньки (в 1804 году). Румянцов, на основании особого рескрипта от 18-го марта 1802 г., имел особое наблюдение за развитием торговли в Одессе и Южном Крае России и вел обширную и очень любопытную переписку с известным дюком де Ришелье, назначенным Императором Александром I, 27-го января 1802 г., градоначальником города Одессы и в 11 лет своего управления много сделавшим для вверенного ему города. Ришелье прилагал старание к привлечению торговли в Одессу и другие порты Черного моря и к направлению товаров транзитом из Одессы в Молдавию,

Валахию, Австрию и Пруссию; заботился об устройстве портовых сооружений, мола, набережной, таможенных и карантинных строений в Одессе, а также об учреждении Коммерческого Суда, разменной и учетной Контор Банка и т. д. Кроме того, он основал Коммерческую гимназию и Благородный институт, преобразованный со временем в Лицей, названный в честь его «Ришельевским». Для города Одессы Ришелье разбил городской сад, построил собор и театр. Одновременно с Одессою дюк, как звали для краткости дюка де Ришелье, обращал внимание на весь обширный юг России от Днестра до Кубани. Он поселял колонии иностранцев, облегчал ногайским кочевникам переход к оседлости и сельскому хозяйству, водворял остатки запорожцев на Кубани, учреждая из них Кубанское войско, основал Никитский Сад в Крыму и крымское виноделие, выписывая лозы из Франции, развивал овцеводство, приобретая опытных овчаров и племенных овец, и т. д. Кроме того, он заботился о развитии образования в южных губерниях, учредил Институт для детей дворян, несколько приютских школ.

В подобных непрестанных заботах о вверенном ему крае Ришелье был в деятельной переписке с Н. П. Румянцовым, от которого, в качестве Министра Коммерции, он был в непосредственной зависимости по отношению коммерции и промышленности вообще. Граф являлся горячим сторонником просвещенных взглядов Ришелье относительно мер, предлагавшихся им к развитию торговли и промышленности вверенного ему края, и усердным предстателем пред Его Величеством различных мероприятий, предлагавшихся Ришелье. По представлениям Румянцева состоялись Высочайшие повеления, разрешавшие большую часть указанных выше предположений дюка де Ришелье и отпуск необходимых для этого денежных средств. Кроме того, были, по докладам Румянцева, уменьшены пошлины на все товары, привозимые в Одессу и отвозимые из этого порта, и т. д. Любопытная переписка дюка де Ришелье с графом Н. П. Румянцовым хранится в Государственном Архиве и нельзя не пожелать ее издания.

В 1803 году Румянцов испросил разрешение на учреждение Архангельской Торговой Компании для производства рыбных и звериных промыслов в Белом море. Кроме того, он очень покровительствовал основанной ранее Российско-Американской Компании, имевшей обширные земли на северо-восточном берегу Америки, где находился также порт или гавань, носившая его имя.

Румянцов заботился о развитии вывоза наших товаров, о поощрении торговли по Закавказскому побережью, о распространении овцеводства вообще на юге Империи – для доставления хорошей шерсти нашим суконным фабрикам, выделявавшим различные сукна, необходимые для обмундирования нашей армии и флота, а также об увеличении числа означенных фабрик в разных местах Империи. Нельзя не упомянуть, что при графе Румянцове положено начало производству в нашей Империи сахара из свекловицы, получившему впоследствии весьма значительное развитие; первый завод был устроен помещиком Бланкенгагеном в Тульской губернии, причем ему было выдано пособие в размере около 50000 рублей. Число лиц, принадлежавших к торговому сословию, значительно увеличилось при Румянцове предоставлением, по его докладам, прав заниматься торговлею лицам, до этого такими правами не пользовавшимся. Так, в 1802 г. было дозволено лицам дворянского сословия производить оптовую заграничную торговлю, а в 1804 г. им же разрешено было входить в состав купеческих товариществ и записываться в 1-ю и 2-ю гильдии; для поощрения купечества заниматься торговлею непрерывно, из рода в род, была заведена так называемая Бархатная книга; лицам, торговавшим оптом по всему государству или за границу, присвоен был титул первостатейный купец. Разрешено было записываться в купечество всем лицам и во всякое время, кроме мещан и поселян. В гильдии разрешено записываться иностранцам, принимавшим навсегда подданство России. Всем крестьянам разрешено торговать собственным именем, по свидетельствам четырех родов, причем торг хлебом и произведениями хозяйственными, крестьянскому быту свойственными,

оставался свободным и для крестьян. Разрешался и самый переход крестьян в купечество в тех случаях, когда крестьянин не упражнялся хлебопашеством, обзавелся в городе и земля, им покидаемая, не остается впусе.

Граф Румянцов был, по его собственным словам, приверженец свободной торговли и враг различных привилегий, данных разновременно различным иностранным компаниям, в ущерб прямому интересу нашего отечества. Заботясь о выгодном для нас торговом балансе, он принимал меры к усилению нашего вывоза и к возможному уменьшению привоза иностранных товаров, что вызвало к нему нерасположение и даже какую-то злобу со стороны приверженцев безграничной, свободной торговли и нашего торгового союза с Англиею. К числу таких лиц должно причислить и бывшего его друга графа Семена Романовича Воронцова, решавшегося высказывать даже письменно, «что самый глупейший таможенник в Константинополе менее графа Н. П. Румянцева несведущ в общих началах государственной торговли».

Будучи Министром Коммерции, граф Н. П. Румянцов состоял Членом Государственного Совета со дня его учреждения в 1801 году, принимал деятельное участие в обсуждении дел, доходивших до рассмотрения Совета, и нередко высказывал особые мнения, из которых многие позднее были напечатаны. При преобразовании Государственного Совета в 1810 г., граф Н. П. Румянцов был назначен первым Председателем оного, на те случаи, когда Его Величество не председательствует в Совете. Когда же в 1812 году, 1-го апреля, графу Румянцову повелено было находиться при Императоре по особым поручениям, на место Председателя Государственного Совета, со времени отбытия Государя из столицы, назначен был фельдмаршал граф Н. И. Салтыков. Помимо этого, Румянцов принимал также участие в особых Комиссиях или Комитетах, которые учреждались при Государственном Совете для рассмотрения особенно важных дел и возникавших вопросов, как, например, в 1810 году – для окончательного рассмотрения образования Министерств, для рассмотрения проекта учреждения Сената, записки Н. С. Мордвинова о рекрутской

повинности, многих дел об увольнении крестьян в свободные хлебопашцы и т. д.

Вскоре граф Румянцов получил еще другое назначение.

Известно, что заключенный в Тильзите в 1807 году мир совершенно изменил существовавшие ранее отношения между Россией и Францией; возникшие дружественные между ними отношения делали невозможным сохранение за бароном Будбергом, отъявленным врагом Наполеона, занимаемой им должности Министра Иностранных Дел. Наполеон добивался его замещения другим лицом и, кроме того, выражал желание, чтобы в Париж было прислано торжественное посольство со стороны России. Император Александр I намеревался первоначально послать в Париж графа Н. П. Румянцева, но, возвратясь из Тильзита в столицу, нашел его до того осунувшимся, больным и не могущим следовать везде за Наполеоном, что не решился назначить его в Париж, к великому сожалению самого Румянцева, и предпочел назначить туда графа П. А. Толстого. Граф же Румянцов, указом Сенату от 12-го февраля 1808 г., был назначен Министром Иностранных Дел, с оставлением и Министром Коммерции и при всех прочих должностях, на него возложенных. Румянцов долго не соглашался принять этот пост, но уступил убеждениям Государя, по словам Стединга, а также потому, что был пленен представившеюся ему перспективою славы включения своего имени в число тех, которые удостоятся чести быть упомянутыми в столь великом веке, уготовляемом Наполеоном: граф Румянцов в то время имел великое доверие к Наполеону и его обещаниям и старался делать ему все удобное, как это надо заключить из слов Савари, посланника Наполеона при Российском дворе.

Назначение Румянцева не могло не возбудить неудовольствия со стороны лиц, впрочем, не весьма в то время еще многочисленных, желавших войны с Наполеоном и не одобрявших такой угодливости к нему со стороны нашего правительства. Означенные лица отзывались о графе Н. П. Румянцове весьма неблагоприятно. Так, Греч в своих Записках называет его неспособным говоруном; князь А. А. Прозоровский

считал, что графа Румянцова купить, конечно, нельзя, но что он не более, как полный глупец (*animal à manger du foin*). Н. Н. Новосильцев писал, что это безумец, которого морочат, и т. д. Бунина считала, что граф Румянцов по своим способностям мог бы управлять Департаментом иностранных дел в республике Сан-Марино, что он подлый льстец, душою всегда предан был Наполеону и т. д. Не останавливаясь далее на подобных голословных отзывах о графе Н. П. Румянцове, заметим только, что он, гораздо ранее назначения его Министром иностранных дел, был известен, как не желавший войны с Францией, как приверженец союза с Францией, и еще в 1804 году, при казни герцога Энгиенского, а затем и в 1805 г., после сражения при Аустерлице, высказывался против разрыва с Францией, настойчиво советуя беречь силы России для собственных ее ближайших целей, каковыми, по его мнению, в то время являлись вопросы Польский и Турецкий. Он находил необходимым добиться осуществления обещаний, данных Наполеоном в Тильзите – именно присоединить к Империи нашей Молдавию и Валахию, чтобы прочно утвердиться на Дунае; этим он навлек на себя ненависть Меттерниха, видевшего в этом намерении стремление охватить Австрию славянами с севера и юга. В отношении Польши он не допускал и мысли о ее восстановлении, к чему вселяло надежды среди поляков учреждение Герцогства Варшавского в 1807 году; он прямо говорил Коленкуру: «Мы продадим последние наши рубашки, а не согласимся на восстановление Польши».

Он разделял мысль Императора Александра I, что Галиция, отнятая Францией от Австрии, должна быть разделена между Россией и Герцогством Варшавским. Придерживаясь союза с Наполеоном, граф Румянцов предвидел, что рано или поздно Франция с ее союзниками объявит войну России, и что война сия может и даже неминуемо должна решить участь России, и писал об этом Барклаю-де-Толли еще 30-го марта 1810 г. При назначении же его на должность Министра в 1807 году он сам и его Император были, конечно, очень далеки от мысли о войне с Наполеоном. В следующем, 1808 году состоялось известное свидание обоих монархов в Эрфурте, на которое граф

Румянцов сопровождал Александра I, и вел дипломатические переговоры с Шампаньи, назначенным на место Талейрана. Он вырабатывал совместно с Шампаньи проекты разрешения различных вопросов, которые окончательно решались совместно обоими Императорами. На этом свидании (с 15-го (27) сентября по 2-е (14) октября 1808 года), в котором, под влиянием тайных бесед с Талейраном, зародились разочарования Александра I в своем союзнике, Наполеон предоставил Александру I завоевать себе Финляндию, а также присоединить к России Дунайские княжества, если бы ей удалось принудить к такой уступке Порту.

Оба Императора согласились обратиться к Англии с предложением мира с Францией и послали в Лондон соответствующую депешу, ответ на которую должны были ожидать в Париже Шампаньи с графом Румянцовым. Поэтому последний, в октябре месяце 1808 года, отправился в Париж, с полномочием Императора Александра на заключение желаемого с Англией мира. Он представлялся не раз Наполеону, вскоре отправившемуся в Испанию, где шла упорная война со всем населением этой страны, бывал часто при дворе Императрицы, посещал высшее французское общество, осматривал все достопримечательности города и т. д., но желаемой, главной цели поездки ему достичь не удалось: Англия отказалась вступить в переговоры о мире. Притом же Наполеон был занят предстоявшею ему войною с Австриею, которую всеми силами старался предотвратить Император Александр I, обязанный, по секретной конвенции, заключенной 30-го сентября (12-го октября) в Эрфурте, в случае объявления Австриею войны Наполеону, действовать заодно с Францией. По возвращении из Испании Наполеон осыпал графа Румянцева милостями и подарками; во время этого пребывания его в Париже и перед отъездом его 3-го (15-го) февраля 1809 г. из Парижа вручил ему письмо к Императору Александру от 2-го (14) февраля, в котором выражал, что «никто, кроме графа Румянцева, по его талантам и полнейшей осторожности, не был склонен осуществить все то, что мы (т. е. Император Александр

и он) предначертали для блага мира... Он передаст вам на словах весь наш разговор об Австрии».

Покинув Париж, граф Румянцов, не заезжая ни в Карлсруэ, ни в Веймар, быстро приближался в Кенигсбергу (где в то время имел резиденцию король Прусский, лишенный Наполеоном большей части его владений после погрома при Иене и Ауерштедте) и получил в Мариенвердере, 17-го февраля (1 марта) 1809 года, письмо Императора Александра, который, предполагая, что граф еще близ Парижа, приказывал ему остановиться и ожидать на месте приказаний Наполеона в отношении взглядов, выраженных Государем о действиях Венского двора. Александр I, не одобряя таковых, находил необходимым сделать Австрии, для получения положительного от нее ответа, намеревается ли она воевать с Францией, представление решительное, но благородное, не делая ей каких-либо угроз, но силою неотразимых доводов доказав ей, что собственный интерес Австрии побуждает ее быть в неразрывном союзе с обоими Императорами и держаться системы, принятой в Эрфурте. Александр I добавлял, что, по его мнению, один граф Румянцов может быть облечен необходимым доверием для предстоящих об этом переговоров с Австриею. Граф Румянцов сообщил Наполеону содержание этого письма и добавил, что охотно бы ожидал его приказаний, но, находясь уже не близ Парижа и не на дороге в Вену, но почти у границы своего отечества, он будет при своем повелителе ожидать распоряжений Наполеона к достижению мирного союза с Австриею, с полною готовностью ехать в Вену, если это будет признано необходимым. Затем граф Румянцов посетил в Кенигсберге короля Прусского, обедал у него, имел с ним продолжительную беседу, которую предпочел передать Его Величеству на словах, и, получив от короля орден Черного Орла с бриллиантами, поехал далее.

Он прибыл в Петербург 15-го марта 1809 г. и был очень милостиво принят Императором Александром I, занятым в то время войною со Швециею, тянувшеюся уже второй год. После известного перехода наших войск по льду Ботнического залива в 1809 году, опасность грозила столице Шведского короля

Густава-Адольфа IV и принуждала его желать мира. Поэтому вместе с военными приготовлениями стали подготавливаться и к дипломатическим переговорам, и еще в бытность графа Румянцева в Париже Император Александр 16-го февраля 1809 г. поручил Д. Алопеусу (бывшему нашему послу в Стокгольме) вступить с новым Шведским Министром иностранных дел Лагербьелке в переговоры о мире на заранее установленных условиях, в числе коих главнейшим являлась полная уступка России всей остальной Финляндии, принятие Ботнического залива и реки Торнео границами обоих государств и т. д. С этими условиями Алопеус и отправился в Або, но вскоре узнал, что в Стокгольме 2-го (13) марта 1809 г. король Густав IV был устранен от престола со всем потомством, и что корона Шведская перешла к его дяде Карлу XIII (герцогу Зюдерманландскому), не имевшему детей. Сей последний прислал в Петербург своего адъютанта с извещением о своем вступлении на престол и о желании Швеции заключить с Россией мир. Вследствие этого Алопеусу поручено было съездить в Стокгольм и выяснить шведам, на каких условиях Россия согласна переговариваться.

В то же почти время Император, намереваясь присутствовать на открытии Финляндского Сейма в Борго 16-го марта, направился туда 13-го числа в сопровождении князя А. Н. Голицына, М. М. Сперанского, Толстого, а также графа Н. П. Румянцева, который не считал, однако, созвание подобного Сейма уместным и необходимым. Открыв Сейм, Его Величество и сопровождавшие его лица 17-го числа уехали в Гельсингфорс, а затем прибыли в Петербург. Тем временем Алопеус, пробыв в Стокгольме дня четыре, вернулся также в Петербург. Вскоре под главным руководством Канцлера должны были открыться в Фридрихсгаме 19-го июля 1809 г., переговоры о мире, причем со стороны России представителями были граф Румянцов и упомянутый выше Алопеус, а со стороны Швеции – Стединг, бывший в Петербурге при Екатерине II Шведским послом, и полковник Шельдсбрانت. Переговоры тянулись довольно долго. Стединг по болезни и другим причинам прибыл только 2-го августа, а заседания Конгресса начались только 4-го августа.

Затем Стединг возбуждал бесчисленные затруднения о границах, об Аландских островах, о долгах Швеции и т. д. Но успешные действия Каменского в Швеции при Севаре и Ратане сделали Стединга уступчивее. Граф Румянцов, для скорейшего окончания этого дела, испросил разрешение Государя принять границую не реку Торнео, а реку Кемь, немного восточнее, пожертвовав железными рудниками между Торнео и Каликсом. «Стоит ли настойчиво гоняться за таким убогим богатством, писал граф Румянцов, рискуя замедлить заключение мира». Император согласился на это, но с тем, чтобы это было сделано при самой последней крайности и притом, чтобы вместо реки Кеми была принята границею река Торнео. Тем временем Стединг заболел лихорадкою; король же Шведский непременно желал сохранить за собою Аландские острова и принять границую на севере непременно реку Кемь. Начались снова бесконечные прения. Видя их бесполезность, граф Румянцов сделал вид, что считает переговоры, по несогласию Швеции, прекратившимися и выразил сожаление, что Фридрихсгамская конференция не привела к установлению мира. Стединг, по болезни которого это заседание происходило у него на квартире, просил дать ему время на размышление и притом дожидаться возвращения его адъютанта из Стокгольма с дополнительными приказаниями. Граф Румянцов согласился на это и писал Его Величеству, что со стороны шведов возражений не видит даже по вопросу о северной границе. Государь остался очень доволен графом Румянцовым и писал ему 29-го августа, что «невозможно было вести переговоры с большим талантом и мудростью. Россия обязана Вам признательностью».

После этого было приступлено к составлению самого мирного договора, который и был подписан 5-го сентября 1809 года (I П. С. З., № 23883) и по которому Швеция навсегда уступала России завоеванные оружием губернии: Кимменегродскую, Ниландскую, Тавастгусскую, Абовскую и Бьернеборгскую с островами Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазовскую, Улеаборгскую и часть западной Ботнии до реки Торнео. За успешное достижение таких мирных условий

граф Румянцов был возведен в звание Государственного Канцлера 7-го сентября 1809 года.

Вскоре после этого закончилась и война Наполеона с Австриею – миром в Шенбрунне 2 (14)-го ноября 1809 г., по которому, за оказанное Франции содействие в этой войне, Россия получила небольшую Тарнопольскую область Галиции. Нерешительные действия русских войск в этой последней войне Франции с Австриею вызвали охлаждение отношений Наполеона к России; участие в континентальной системе, принятое на себя Александром по обязательству в Тильзите, наносило ущерб торговле России и тяготило Государя, а присоединение части Галиции к образованному Герцогству Варшавскому и земель Герцогства Ольденбургского к Франции усиливали раздражение Александра против Наполеона, который, в свою очередь, был также раздражен неудачным исходом переговоров о своем браке с сестрою Императора – Великою Княжною Анною Павловною, в конце декабря 1809 года. Оба прежние союзника начинали помышлять о войне между собою и приготовляться к ней, но Канцлер не допускал и мысли о подобной войне.

Еще до начала Отечественной войны граф Румянцов успел осуществить давно задуманную им мысль: 30-го мая 1811 г. он испросил Высочайшее разрешение учредить при Московском Архиве Иностранных Дел особую Комиссию, с известным Н. Н. Бантыш-Каменским во главе, для собрания и напечатания всех Российских древних и новых публичных трактатов, конвенций и тому подобных актов, по примеру сборника, составленного во Франции Дюмоном. Граф Румянцов все расходы (до 67000 руб.) по этому изданию принимал на себя. К концу 1811 года большая половина 1-й части «Собрания Государственных грамот и договоров» была приготовлена к печати, но наступившая Отечественная война задержала дальнейшие работы этой Комиссии [Сообщим здесь, что упомянутый том «Собрания государственных грамот и договоров» был издан в 1813 г.; следующие три части изданы в 1819–1828 гг., но уже под наблюдением А. Ф. Малиновского, управлявшего Архивом после кончины Н. Н. Бантыш-Каменского. Издание актов

доведено до 1696 года. Пятая часть издана уже в 1894 г.]. Ввиду приближения французов к Москве все дела не только этой Комиссии, но и всего Архива были вывезены в Нижний Новгород, а сам граф Румянцов, назначенный указом 1-го апреля 1812 г. состоять при особе Государя Императора, должен был сопровождать его в Вильно, куда Александр направился для осмотра своих войск, собранных на наших западных границах. Как известно, наши армии вскоре отступили от границ и продолжали отступление до самой Москвы. Император и граф Румянцов покинули Вильну; первый поехал в Москву, а второй в Петербург. Дорогою, в Великих Луках, удар паралича постиг графа Румянцова, окончившего только что переговоры о договоре с Испаниею и ее представителем Зеа-Бермудес 8 (20) июля 1812 года.

Оправившись от паралича, значительно повредившего его слух, граф Румянцов прибыл в Петербург и вступил в отправление своих служебных обязанностей, когда уже знаменитая Отечественная война 1812 года была в разгаре. Наполеон со своими армиями направлялся к нашей древней столице, причем по нашему плану войны наши армии постоянно отступали. Это непрерывное отступление наших войск вызвало, как известно, неудовольствие не только в армии, но и во всей стране против одного из главных ее начальников – графа Барклая-де-Толли; он был замещен князем М. И. Кутузовым. Это же неудовольствие распространялось и на графа Н. П. Румянцова, известного обществу по своему расположению к Наполеону и к Франции. Враги его сделали попытку его сместить; в начале августа 1812 года, после взятия Смоленска французами, они поручили Английскому генералу Вильсону, приехавшему из Константинополя в Петербург, намекнуть Императору о смене графа Румянцова. Вильсон это выполнил, и Александр ответил ему, что армия заблуждается в отношении графа Румянцова, что граф никогда не советовал ему покориться Наполеону и никогда не подавал повода ни к какому несогласию, либо разномыслию с ним, и что он, Император, «не может напрасно пожертвовать верным и преданным ему лицом». Граф Румянцов таким образом остался во главе

вверенного управления, но уже только номинально: большая часть бумаг и дел шла чрез руки графа де Местра и молодого Нессельроде; граф же Румянцов был отстранен от личных сношений с Императором по дипломатической части, и ему давали подписывать и скреплять бумаги, написанные другими лицами. При вторичной поездке, в декабре 1812 года, Императора Александра в Вильну, к армии, после окончательного поражения Наполеона при Березине стоявшей уже на берегах Немана, граф Румянцов не сопровождал уже Государя – «из уважения к его преклонным летам и болезненному состоянию»; он оставался в столице, облеченный почетною должностью Председателя Государственного Совета.

Граф Румянцов принадлежал к числу немногих лиц, не сочувствовавших намерению Императора Александра кровью русских воинов и деньгами населения России пуститься, в союзе с другими державами, на освобождение Европы от ига Наполеона. «Не желая слыть Государственным Канцлером, когда отлучен от участия и сведения государственных дел», граф Румянцов решил совсем покинуть службу, испросив на то разрешение Государя при удобном случае, каковой и представился ему в 1813 году. Необходимо здесь припомнить, что после мира с турками в Бухаресте в 1812 году их союзники, персы, тем не менее, продолжали войну с нами в Малой Азии, за Кавказом, но вскоре герой Кавказа, генерал Котляревский, 19-го и 20-го октября 1812 года нанес им жестокое поражение при Асландузе, после которого и был заключен с персами 12-го октября 1813 г. мирный трактат в Гюллистане, подписанный Главнокомандующим в то время на Кавказе генералом Н. Ф. Ртищевым. По установленному канцелярскому порядку этот трактат был доставлен в Министерство Иностранных Дел для представления его на Высочайшее воззрение Его Величества. Граф Румянцов представил таковой Государю при особом письме 29-го апреля 1813 г., в котором, упомянув, что служил 12 лет Его Величеству, причем, в последние 6 лет, различные войны закончились благополучно мирными трактатами с Швециею, Турциею, Англиею и Персиею, просил увольнения от службы, добавив: «не лета и не болезнь из оной меня выводят,

а необходимость, что продолжаю слыть Государственным Канцлером, когда отлучен пребываю от участия и сведения государственных дел». Не получая на это никакого ответа от Императора, занятого в то время военными действиями против Наполеона на Эльбе, граф Румянцов решился напомнить ему о своей просьбе при первом удобном случае, а тем временем неоднократно просил графа А. А. Аракчеева, с которым был в большой дружбе, содействовать разрешению его просьбы. Император оставлял долго подобные просьбы Канцлера без последствий и только в 1814 г., по возвращении своем из-за границы в Петербург, после ряда писем графа Румянцева к графу Аракчееву и после того, что граф Румянцов написал Его Величеству 11-го февраля 1814 года, что он устранился от всех дел, ему вверенных, и передал их, по порядку, старшему после себя т. с. Вейдемейеру, состоялись, наконец, 1-го августа 1814 года, краткий указ Сенату об увольнении Румянцева от дел, на него возложенных, с сохранением всех получаемых им ныне окладов, и рескрипт графу с выражением отличной благодарности за оказанные им отечеству услуги и непоколебимого уважения к нему Его Величества, причем высказывалась надежда, что граф не отречется быть полезным отечеству своими познаниями и опытностью, когда состояние здоровья его то дозволит.

После этого граф Румянцов чрез графа Аракчеева, 13-го августа 1814 г., испрашивал милости откланяться Его Величеству и прочесть ему докладную записку о сдаче, кому будет повелено, работ Обводного около столицы канала, что займет не более десяти минут. По-видимому, граф Румянцов приема у Его Величества не имел; об этом не упоминается и в Камер-Фурьерских журналах после 13-го августа.

Румянцов вскоре уехал в свой любимый Гомель и очень занялся им. Скажем об этой новой деятельности графа в нескольких словах, упомянув ранее, что за время управления графом Румянцовым Министерством Иностранных Дел началось постепенное преобразование центрального управления этого ведомства на новых началах: была учреждена особая министерская Канцелярия, и из ведения Коллегии

изъяты были дела по дипломатической части, возникающие в Азиатских государствах; они возложены были на особый Азиатский Департамент. Кроме того, была учреждена особая Экспедиция консульских дел, с начальником, утверждаемым Высочайшею властью, во главе; эта Экспедиция, кроме дел консульских вообще, заведовала делами о призах и предметах, до торговли и мореплавания относящимися.

На живописном берегу р. Сожи, притоке Днепра, был расположен, при местечке Гомеле, барский дом графа Румянцова с большим садом и церковью возле него во имя Св. Петра и Павла, в которой позднее был предан земле прах владельца местечка Гомель, прилегавшего к усадьбе. Граф Н. П. Румянцов не только любил, но и увлекался сельским хозяйством, следил за его развитием и усовершенствованием в других землях и старался вводить у себя в Гомеле все, что было доступно и возможно. Это вовлекло его не только в немалые расходы, но и в большую переписку с различными лицами, более или менее известными в то время, по части сельского хозяйства. Из этой переписки можно усмотреть, что граф получал из Лиссабона семена португальских овощей, из Кременецкого Лицея – разные семена, полученные из Новой Голландии, в том числе китайскую коноплю, из Устюга – семена кедров; из дворцового сада в Киеве – деревья грецкого ореха, из Никитского Сада в Крыму – различные растения и т. д. Он выписывал луковичные семена и семена клевера из Гамбурга, чрез нашего резидента Струве, который покупал и отправлял ему голландских коров, а также мериносов и овчаров для них. Граф обращал особенное внимание на овцеводство и выписывал овец и бонитеров (особых ученых пастухов овец) из Саксонии, а также мериносов от графа Нессельроде. Стада тонкорунных овец графа были известны графу Канкрину, посылавшему графу статьи и правила об овцеводстве.

Граф Румянцов не гнался за доходом от своего имения; он находил, что ему неприлично делать спекуляции и гоняться за будущими важными прибылями; он желал покойно пользоваться своими знатными имениями и держать их не только в устройстве, но и в отличном порядке. Помимо добывания

различных произведений сельского хозяйства он стремился их перерабатывать у себя и с этой целью устраивал у себя различные заводы. Кроме очень хорошей сыроварни, тут имелись заводы винокуренный, стеклянный, гончарный, прядильный, выделявавший из льна и конопли пряжу и затем салфетки, скатерти и пр. При этом заводе была еще белильная фабрика. Для лучшей перевозки своих произведений граф Румянцов учредил пароходство по рекам Соже и Днепру (существующее и поныне). Помимо этого, граф заботился и о самом местечке Гомеле: он построил новый мост чрез реку Сож, каменную католическую церковь, а также еврейскую школу, с тем, чтобы на содержание ее Гомельское еврейское общество вносило ежегодно 12000 руб. по частям; водворял в местечке мастеровых и т. д.; он помышлял и об устройстве ланкастерских школ для обучения местного населения.

Как любитель, интересующийся сельским хозяйством, граф Н. П. Румянцов состоял членом Императорского Вольно-Экономического Общества, отпускал неоднократно деньги в распоряжение Общества на выдачу премий в поощрение различных сельскохозяйственных усовершенствований, открытий и сочинений, доставлял Обществу различные семена для их распространения в нашем отечестве. Общество не раз выражало графу Румянцову свою признательность за такие приношения и 7-го декабря 1804 года поднесло ему особую золотую медаль, при бумаге за подписью всех членов Общества, а затем, с 1807 года, он получал все издания Общества.

Нельзя не упомянуть также о довольно обширной переписке графа Румянцева с Христианом Христиановичем Стевенем, начальником Никитского Сада в Крыму, касавшейся исключительно разведения в Саду различных полезных в хозяйстве деревьев и растений, с целью распространения их в нашем отечестве. Граф не раз посылал в Сад различные деревья и растения и позднее пожертвовал Саду свой бюст. Но эти занятия графа Гомелем и ежегодные почти объезды его обширных земельных владений являлись для него как бы минутами отдохновения от занятий более важных и

возвышенных, которым он всецело предался, удалясь от государственной службы, и которые доставили ему венец бессмертия в летописях Русской исторической науки. Об этой деятельности графа не раз уже подробно говорилось в различных исследованиях, указанных ниже, на основании которых, для полноты биографического очерка графа Н. П. Румянцова, скажем только несколько слов и об этой его деятельности.

Граф с молодых лет имел расположение в отечественной истории: еще в 1777 году он просил отца своего о доставлении ему церковных книг, находя, что они являются дополнениями к сказаниям летописцев. Позднее, будучи послом во Франкфурте на Майне, он также занимался собиранием исторических выписок и сочинений, относящихся до славянской истории и сношений России с Германиею в XI веке, и сам составил краткий очерк Русской истории на французском языке. Кроме того, при посредстве Австрийского министра Стадиона, он вступил в сношения с известным Добровским о разыскании памятников древних сношений России с Моравиею и Чехиею. В то время уже он сожалел, что не мог отдаться вполне изучению Русской истории и древностей и, желая сказать какую-либо пользу ее изучению, предложил еще в 1790 году Императрице Екатерине II приступить к изданию, по образцу Дюмона, русских трактатов и договоров с различными государствами, принижая расходы по изданию на свой счет. Мысль эта не получила в то время осуществления, но граф Румянцов ее не покинул, как сказано уже выше, и, будучи Министром Иностранных дел, испросил разрешение Императора Александра I на учреждение для этого особой Комиссии в Москве, как сказано выше, под непосредственным заведованием Н. Н. Бантыш-Каменского и его помощника А. Ф. Малиновского, которые не замедлили издать 1-й том, а затем и следующие, на средства графа. Это издание положило начало оживленной переписке графа с А. Ф. Малиновским, которая продолжалась до конца его жизни и касалась почти всех предпринимаемых графом ученых изданий и изысканий, а также приобретения рукописей, медалей, монет, остатков старины и т. д. Но еще ранее этого Канцлер вступил в

сношения с известным нашим иерархом Евгением Болховитиновым, а именно, еще в 1804 году, когда Евгений прислал ему рисунок Корсунских врат в Новгороде, а затем неоднократно высказывал ему, какие розыскания по библиотекам и архивам желательно произвести, причем указывал также лиц, которым можно было поручить подобные труды (в том числе известного со временем А. Х. Востокова). Румянцов вскоре возымел мысль о собрании памятников Отечественной истории и представил разновременно Императорской Академии Наук 25000 руб. для издания рукописи летописца Нестора по Кенигсбергскому или Радзивилловскому списку, а также свод ее по трем другим спискам: Ипатьевскому, Ермолаевскому и Хлебниковскому. В то же почти время (1813 г.) он поручал Н. Н. Бантыш-Каменскому отыскать Киприяновскую Степенную Книгу и сличить ее текст, намереваясь приступить к изданию древних наших рукописей, хранящихся в Библиотеке Имп. Академии Наук. Он желал издать также древние богатырские сказки, древние стихотворения и т. д. и просил А. Ф. Малиновского их приискать. Для этих трудов были приглашены им К. Ф. Калайдович и П. М. Строев. Занимавшийся ранее этого в Синодальной Библиотеке, Калайдович обратил на ее сокровища внимание графа, который поручил Малиновскому испросить разрешение духовного начальства на издание описания рукописей этой Библиотеки.

В 1817 году граф Румянцов поручил П. М. Строеву осмотреть и описать монастырские библиотеки Московской епархии, начав с обители св. Иосифа Волоколамского, причем Строев получил указания от А. Ф. Малиновского для этого труда, который был выполнен им к великому удовольствию графа, намеревавшегося занять Строева изданием древних Российских путешествий, начав с путешествия Афанасия Тверетина в Индию, а также составлением вместе с Калайдовичем описи всем древним рукописям, хранящимся в библиотеке Троице-Сергиевской Лавры. Строев по поручению графа потрудился над изданием Софийского Временника, причем из-за вознаграждения за этот труд отношения графа и Строева несколько обострились, но это не препятствовало

Строеву предложить графу приступить к составлению словарей: исторического, географического, топографического и толкового для уразумения языка летописей и других памятников древней нашей словесности, на что исчислялось около 10000 руб. Последовавшая вскоре кончина графа Румянцева воспрепятствовала осуществлению этого полезного издания, которому граф готов был содействовать. До этого граф вступил в переписку с молодым Григоровичем, священником в Гомеле, которого знал с детства, составителем исторического и хронологического «Опыта о посадниках Новгородских», предложившим графу составить обозрения архивов белорусских монастырей и актов северо-западного края с переводами оных. Граф испросил на это новое разрешение и принял на свой счет расходы по изданию составленной Григоровичем I части Белорусских архивов древних грамот. После этого Григорович сообщал графу о древнейшем Литовском летописце, найденном в Польше, о лежащих в г. Мстиславле старых делах и т. д.

Граф также знал и очень любил молодого Лерберга, написавшего на немецком языке свое исследование к объяснению древней Русской истории, которое было переведено, по поручению графа, Д. И. Языковым. Лерберг очень скоро умер, и граф купил его библиотеку, причем познакомился с академиком Ф. И. Кругом, по совету которого приступил к изданию некоторых византийских источников Русской истории, как-то: Льва Дьякона, Георгия Амартола и прочих. С этой целью Круг, по поручению графа Румянцева, вступил в переписку с эллинистом Газе и другими лицами относительно приобретения неизданных сочинений византийских историков, хранящихся в монастырях Малой Азии, Испании, а также в книгохранилищах Англии.

По тесной связи нашей отечественной истории с судьбами соседнего Польского королевства граф Н. П. Румянцов не мог не обратить внимания на различные акты, относящиеся к истории сего государства и вступил в переписку с некоторыми польскими учеными исследователями того времени. Так, с проф. Ив. Ник. Лобойко граф переписывался об издании сочинения о народе, жившем в Литве, и языке его, об издании

Волынского летописца и о бумагах Супрасльского монастыря, а также о различных Литовских древностях. Граф выражал ему желание издать на свой счет Литовско-Самогитский словарь. Равным образом граф имел сношения с профессором Самуилом Линде, а также с известным Иоахимом Лелевелем, изъявлявшим готовность взять на себя, по желанию графа, наблюдение за печатанием труда Даниловича о Литовском Статуте; Лелевел узнавал также для графа и о хронике тевтонских рыцарей Вигандта. Граф Румянцов получал от профессора Варшавского Университета Буссе сведения о богатом собрании славянских рукописей в базилианском монастыре в Журавицах, а также о найденной Ганкою древнейшей рукописи Чешского права XIV века, бывшей до этого неизвестною, и о договоре гетмана Жолкевского с Русскими боярами об избрании Владислава на престол Московский. Другой польский ученый – Бандтке – сообщал графу об исторических материалах, относящихся до Литвы, Польши и России и хранящихся в труднодоступных библиотеках Вены.

Граф Румянцов, понимая важность для истории России многих писателей Востока, вступил, при посредстве нашего академика Френа, в сношения с известным Гаммером относительно издания восточных рукописей, касающихся истории, географии и этнографии России, а также с Козегартеном по поводу издания хроники Масуди. Сам же Френ, по желанию графа, трудился над переводом истории Абулгази и Беласори, а также Ибн-Фацлана. Помимо этого, Френ содействовал графу при приобретении различных рукописей, а также монет и медалей восточного происхождения, определял их стоимость и значение для науки и составлял подробный им каталог. Френ определил и заслуги самого Румянцева в отношении литературы Востока. Под влиянием Френа граф постепенно все более и более стал увлекаться восточною и русскою нумизматикою, особенно, когда были найдены в 1822 году в самом Гомеле около 82 куфических монет, которые были описаны Френом. Граф Румянцов дорожил очень монетою Спартака IV, купленною в Крыму, и очень интересовался также

памятниками греческого и римского происхождения, встречающимися на юге России, по преимуществу в местах существования Генуэзских колоний, в позднейшее время. Он обращался к Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору графу Ланжерону об отводе ему по берегу моря полосы земли у подножья Митридатовой горы и далее за Золотую гору, на протяжении 5 верст, при ширине в полторы версты, где находилась древняя Пантикапея, для производства раскопок и для доставления отечеству пользы и наукам приращения. Граф Ланжерон, не отводя графу Румянцову береговой полосы, принял меры, чтобы никто, кроме графа, не касался этой земли. Под влиянием того же Френа граф Румянцов понемногу стал увлекаться и восточною и русскою нумизматикою.

Оживленную переписку вел Румянцов с Аделунгом и А. Х. Востоковым. Первый сообщал ему о хронике Вигандта, о редких изданиях в Лейпциге, об описании Тибета, о переводчике географии Геродота французе Гэле (Gail) и писал ему о путешествии Мейерберга и о рисунках к нему, а также о продаже разных коллекций; он же составил план систематического издания сказаний иностранных писателей о России; Румянцов очень сочувствовал этому изданию и содействовал его осуществлению, но судьба допустила их обоим издать только две монографии, именно – путешествия Герберштейна и Мейерберга. Кроме того, Аделунг являлся как бы посредником в сношениях графа с Шегреном, Кеппеном, Беттихером и Вуком Караджичем, а также исполнителем множества поручений и пожеланий графа, по преимуществу научного содержания. Востоков же вел, по поручению графа, обширную переписку по разным редким, по преимуществу славянским, книгам и научным историческим вопросам и затем, заведая отделом русских книг и славяно-русских рукописей в библиотеке самого графа, заботился об их пополнении, рассматривал приобретения графа по части славяно-русских летописей и древних книг, сличал рукописные книги, ему присылаемые, и составил множество библиографических

описаний для каталога славяно-русских рукописей графской библиотеки.

Петр Иванович Кеппен, издатель «Библиографических Листов», путешествуя по России и за границу, сообщал графу о различных рукописях и редких сочинениях, которые он видел в книгохранилищах Европы. Граф, в свою очередь, писал ему о своих приобретениях и спрашивал его мнения о том, не лучше ли сделать издание Сербской рукописи Даниила в самой Вене, поручив это Вуку или Копитару.

Расширяя постепенно круг своих научных изысканий, граф Румянцов вошел в сношения с В. Н. Берхом, известным собирателем материалов Пермского края, и поручил ему отыскивать в том краю летописи и грамоты, описывать надписи на камнях и утесах, собирать образцы инородческих слов, богатырские песни, предания, сказки, а также монеты и рукописи на татарском языке и т. д. Равным образом граф переписывался с М. Ф. Берлинским о различных древностях г. Киева и его окрестностей, о надгробных надписях, древних священных книгах, о росписях древних митрополитов. Через него граф вступил в сношения с приором Доминиканского ордена, обладавшим рукописью о древнем быте г. Киева, и осведомлялся о том, не находится ли в Киевских католических монастырях и помещичьих архивах древних документов и рукописных книг, особенно на пергаменте, ранее XV века, относящихся до России, на языках латинском, польском и русском.

С протоиереем Новгородского Знаменского собора Скородумовым граф с 1817 года сносился о разных древних летописях и рукописях в Новгородской епархии и в Софийской библиотеке, о летописце Ферапонтова монастыря и выражал притом желание, чтобы протоиерей уговорился с двумя из лучших семинаристов или писчиков относительно переписки старых рукописей. Кроме того, граф писал ему о разыскании древних монет, о покупке старой гривны серебра и других каких-либо древностей. Означенными выше лицами далеко не ограничивалась переписка графа Н. П. Румянцева по ученой части, потому что он, прочтя в газетах или узнав каким-либо

иным образом о научных новостях, его интересовавших, имел обыкновение обращаться письменно за разъяснением и доставлением ему более подробных письменных об этом сведений. С другой стороны и сами владельцы интересовавших его предметов вступали с ним в переписку. Так, напр., граф Румянцов писал Броневскому о монгольской броне; А. М. Тургеневу (Тобольскому губернатору) – о покупке древнего вооружения бурят; П. Н. Пизани – о славянских рукописях на пергаменте; Бутеневу – о продаже на Афоне в монастыре «Изограф» библиотеки, о доставлении каталога книг Синайского монастыря; князю П. А. Голицыну – о кожаных деньгах, найденных при сломке старой кремлевской стены в Серпухове; князю Г. С. Волконскому в Оренбурге – о древних рукописях, могущих быть в местных церквях и у дворян этого края; г. Васильевскому в Омске – об иконе Премудрости Божией в Софийском храме этого города; графу В. Н. Панину – о славянских или русских рукописях, а также и об описании путешествий испанцев до конца XVI века, имеющихся в Эскуриале, и т. д. [в Госуд. Архиве имеется целый ряд подобных дел в разряде XVI красном].

Нельзя не заметить, что граф в своей переписке, как и вообще в обращении со своими сотрудниками, отличался необычайною вежливостью, скромностью и простотою; он обходился с ними, как с лицами, совершенно равными ему, несмотря на значительное между ними различие и по общественному положению, и по состоянию; принимал большое участие в них, старался сделать все для них возможное и был очень аккуратен в денежных с ними расчетах. Он любил заранее точно определить все по возможности, вступая с автором или издателем в обязательства по какому-либо изданию или труду вообще, и не допускал, чтобы сделанный для него труд оставался без вознаграждения или был бы недостаточно им оценен. Он принимал ближайшее участие в самих изданиях совершаемых по его желанию научных трудов и входил во все мелочи издания, внимательно просматривая не только текст, но и предисловия, в которых не допускал высказывать каких-либо похвальных слов самому себе, и

заставлял перепечатывать листы, если что-либо подобное в них встречалось.

При таком личном участии графом были напечатаны следующие издания: 1. «Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в Коллегии Иностранных дел». Три части, со многими изображениями печатей и рукоприкладств, Москва. 1813, 1819 и 1822 годов; 2. «Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные, с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева», составил К. Ф. Калайдович, Москва. 1818 года; 3. «Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами и с образцами почерков, изданные К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым», Москва. 1819 года; 4. «Исследования, служащие к объяснению древней русской истории, сочиненные Лербергом», СПб. 1819 года; 5. «Рустрингия, первоначальное отечество первого Российского великого князя Рюрика и братьев его. Исторический опыт Голдмана, переведенный Снегиревым», Москва. 1819 г.; 6. «История Льва Дьякона Калойского и другие сочинения Византийских писателей, изданные в первый раз с рукописей Королевской Парижской Библиотеки и объясненные примечаниями Карлом Бенедиктом Газе», переведены с греческого Д. Поповым, СПб. 1820 года; 7. «Записки о некоторых народах и землях средней Азии, соч. Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813 и 1814 годах», СПб. 1821 года; 8. «Памятники Российской словесности XII века, изданные с объяснениями, вариантами и образцами почерков К. Ф. Калайдовичем», Москва. 1821 года; 9. «Исторический и хронологический опыт о посадниках Новгородских, из древних Русских летописей извлеченный протоиереем Г. Григоровичем», Москва. 1821 года; 10. «Софийский Временник или русская летопись с 862 по 1534 год. Издал П. Строев», 2 части, с изображением почерков, Москва. 1820 и 1821 года; 11. «Письма к Алексию Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, с рисунками найденных там в 1822 году древностей»,

К. Ф. Калайдовича, Москва. 1823 года; 12. «Иоанн Экзарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетия, написано К. Ф. Калайдовичем, с 16-ю гравированными изображениями», Москва. 1824 года; 13. «Белорусский архив древних грамот, собранный протоиереем Г. Григоровичем», часть I с изображениями, Москва. 1824 г.

Помимо этих изданий, появившихся в печати иждивением графа Н. П. Румянцова, неутомимый труженик науки имел намерение обогатить историческую нашу литературу и другими столь же полезными изданиями, как это видно из его переписки, но преждевременная и неожиданная кончина графа воспрепятствовала осуществлению на деле его благих намерений. На эти различные издания и научные предприятия графом затрачено было до 300000 рублей и притом безвозвратно, так как все его издания, несмотря на их бесспорную важность и полезность для нашей исторической науки, разделили общую участь, постигающую научные труды в нашем отечестве и по настоящее время, т. е. раскупались до крайности медленно и не всегда окупали расходы по изданию. Но это не смущало графа в его заботах об успехе отечественной науки, и до самой своей кончины он сохранил к ней глубокую привязанность; на смертном даже одре просил он брата своего докончить начатое им издание путешествия по России Мейерберга.

Помимо изданий, граф пытался приготовить лиц для занятия русскою историею, помещая лучших учеников духовной семинарии в Киевскую духовную академию под руководство Евгения Болховитинова. Кроме того, Румянцов давно имел мысль, для будущего полного сочинения Российской истории, образовать общество писцов, которым, собравшись вместе, одна особа читала все русские летописи, и каждый из них вносил бы в свою тетрадь выписку того, что к его труду принадлежит. Труд этот должно было производить под надзором мудрого ведателя Российской Истории. Кроме того, для трудов на поприще Русской истории граф признавал необходимым приготовить полезных деятелей из отличных учеников

Могилевской семинарии, поместив их пансионерами на его счет в Киевскую духовную академию. Эти свои мысли он сообщал очень уважаемому им митрополиту Евгению, который не разделял, однако, этих взглядов графа.

Граф Н. П. Румянцов, не ограничиваясь осмотром наших отечественных хранилищ исторических актов и бумаг, приступил также к разысканию и рассмотрению памятников отечественной истории, находящихся в чужих землях. С этою целью он послал г-на Штрاندмана в Италию, а Шульца – в Германию, преимущественно в Кенигсберг, Струве – в Гамбург, а также других лиц в Копенгаген, Стокгольм, Волфенбюттель, Любек, Бремен, Мекленбург, Шверин и т. д. для снятия самых точных копий с соответствующих актов и бумаг. В Англии осмотр подобных рукописей шел с большим успехом, благодаря содействию нашего посланника графа С. Р. Воронцова, друга Румянцева и страстного любителя отечественных древностей. Таким путем граф Н. П. Румянцов получил значительное количество списков, весьма важных, вошедших в состав рукописей Румянцовского музеума. Штрандман также доставил любопытные списки из знаменитых библиотек Италии, в том числе с писем русского митрополита Исидора. Из Парижа ориенталисты Газе и Сен-Мартен сообщали графу, что открыли немало важных документов на греческом и восточных языках, касающихся России, – как в Париже, так и в библиотеках Венеции, в Генуе и Милане. Румянцов предложил им издать на его счет ряд Византийских писателей и препроводил на это немало денег в Париж. Он также заботился о пополнении своей библиотеки, не упуская удобных к тому случаев, при помощи постоянных своих корреспондентов в этом отношении, как, напр., князя Козловского в Лондоне, Лизакевича в Дании, состоявших при наших посольствах, ученого библиографа Трескау в Германии и библиотекаря Вихмана, высылавших графу антикварные каталоги различных книг и изданий, а также подробные описания продаваемых более или менее обширных собраний различных книг и т. д. При посредстве означенных лиц графу Н. П. Румянцову удалось собрать у себя весьма обширную и ценную библиотеку.

Интересуясь также географией и вопросом об открытии морского прохода на севере из Атлантического океана в Ледовитый океан и на юге из Южного океана в Атлантический, граф Н. П. Румянцов снарядил, на свои средства, корабль «Рюрик», совершивший замечательное для того времени плавание под начальством Коцебу. 30-го июля 1815 г. он отплыл из Петербурга и, совершив благополучно переход в Тенериф и Бразилию, обогнул бурный мыс Горн и поднялся до Камчатки. Открыв в северной широте 14°57'20" целую группу островов, Коцебу один из них назвал островом графа Румянцева, а затем дошел до острова св. Лаврентия и, возвратясь, по причине больших туманов, в Уналашку и порт св. Франциска, направился к Сандвичевым островам и группам островов Радак, причем одну из этих групп, под 9°28'9" широты, назвал купюю островов графа Румянцева, а самый большой из ее островов – островом графа Аракчеева. Затем Коцебу, чрез Маниллу и Зондский пролив, достиг острова Мадагаскара, обогнул мыс Доброй Надежды и чрез Англию благополучно прибыл в Петербург 20-го августа 1818 г. (т. е. чрез три года), и стал на р. Неве пред домом канцлера, который затем издал на свой счет также описание этого плавания под заглавием: «Путешествие в Южный Океан из Берингов пролив для изыскания северо-восточного морского прохода в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах, иждивением государственного канцлера графа Н. П. Румянцева на корабле Рюрик, под начальством флота отставного лейтенанта Коцебу», СПб. 1821–1823 г., в трех частях.

Нельзя не упомянуть также, что тогда же, по предложению П. М. Строева, был выработан план ученых поездок по некоторым губерниям, нашего государства, для исследования монастырских библиотек и архивов, и что сам граф Румянцов, несмотря на свой преклонный возраст, болезнь глаз и глухоту, принимал личное участие в этих поездках, причем делал немало ценных приобретений всякого рода. Так, в начале мая 1822 года он совершил, вместе с К. Ф. Калайдовичем, поездку, для разыскания древностей, по монастырям Московской губернии, а также в Микулино Городище и в города Ржев и

Старицу; этот объезд доставил ему целый ряд драгоценных рукописей, хранившихся в монастырях. В следующем, 1823 году, летом, он предпринял еще более тяжелое путешествие, также на лошадях, в окрестности Пятигорска для пользования, по совету врачей, Кавказскими минеральными водами. Из Пятигорска он сухим же путем направился в Крым и объехал всю наиболее интересную часть этого полуострова. Он остался очень доволен поездкою, устал, но, по его словам, вознаграждался впечатлениями и воспоминаниями и приобрел немало различных монет и медалей, большею частью древних, о которых писал Ф. И. Кругу. Из Крыма он проехал в Киев, навестил Евгения Болховитинова и прибыл в свой любимый Гомель, где навестил его граф Аракчеев, проведший у него несколько дней. В начале февраля 1824 года граф Румянцов прибыл в Петербург и вскоре стал собираться в Москву, чтобы оттуда проехать в Нижний Новгород. Накупив немало медалей и монет, он прибыл в Гомель, но здесь очень ослабел; к тому же зрение его было чрезвычайно расстроено и он мог только подписывать письма и бумаги, заготавливаемые его домашним секретарем, делая иногда лишь небольшие приписки. В 1825 г. граф пробыл в любимом Гомеле первую половину года и затем ездил на ярмарку в Ромны, откуда в июне месяце возвратился в Петербург.

Граф Румянцов был очень обрадован, узнав, что Император Александр I, путешествуя по Крыму, посетил также Никитский Сад, остался им очень доволен и выписал для Сада особый вид дуба. Вскоре за тем он был поражен и опечален кончиною монарха, которому был искренно предан.

Пребывая в Петербурге, граф, по обыкновению, проживал в своем доме – на Английской набережной, близ Николаевского моста, купленном им еще в 1802 году от английского купца Вара. Он занимал весь главный этаж, а кругом, в различных залах и других помещениях, хранились все его драгоценные рукописи, медали, монеты и обширная библиотека. В этом доме он и скончался. Выйдя однажды из кабинета без провожатого, граф Н. П. Румянцов от слабости упал и ушиб левую ногу; у него появилась изнурительная лихорадка, от которой он и

скончался. Он на словах поручил брату своему, графу Сергею Петровичу, не покидавшему больного, предоставить на общую пользу занимаемый им дом и все его собрание книг, рукописей, медалей и монет, а также докончить издание путешествия Мейерберга по России, приготовленное к печати Аделунгом. С этими словами граф и скончался 3-го января 1826 г.

По выраженному им ранее желанию, прах его был отвезен в Гомель и предан земле в соборе св. Петра и Павла, в левой стороне от главного престола. Над могилою Румянцова возвышается постамент из черного мрамора, на котором водружен поясной бронзовый бюст канцлера, а рядом с ним стоит бронзовая фигура Ангела мира, с пальмовою ветвью в руке. На одной стороне постамента изображены следующие слова: «Воздал Божия – Богови, Кесарево – Кесарю, отечеству – любвию и жертвами». Обычной же надписи, указывающей, кто погребен, скольких лет умер, какие имел звания и т. д., на памятнике не имеется.

Граф Н. П. Румянцов женат не был и потомства не оставил. Все его достояние, за исключением дома, в котором он жил, и богатого книгохранилища с монетами и медалями, завещанных на словах Русскому обществу на благое просвещение, перешло единственному в то время брату его, графу Сергию Петровичу, исполнившему в точности последние его желания (см. ниже, в биографии графа С. П. Румянцова).

Кроме этого замечательного и драгоценного пожертвования на пользу общества, канцлер разновременно принес в дар немало денег на общественную пользу. Так, еще в 1799 г. он внес 50000 руб. в Сохранную Казну Воспитательного дома, с тем, чтобы на проценты с этой суммы увеличено было число воспитанников Военно-Сиротского Дома. В 1812 г. он обратил на пользу изувеченных защитников Отечества все разновременно полученные им от иностранных дворов ордена и табакерки, при продаже которых было выручено 75000 рублей. На этот же предмет граф, кроме того, жертвовал ежегодно по 3000 рублей. В 1814 году, по увольнении его от всех служебных обязанностей, он испросил соизволение Его Величества на зачисление в капитал на пользу инвалидов всех окладов

содержания, сохраненных за ним при увольнении. В 1813 г. и 1825 г. он внес в Императорскую Академию Наук 25000 рублей на издание русских летописей и 4149 руб. для напечатания Греческого словаря. Он выстроил каменный дом в Гомеле для духовного училища, оставив ему, кроме того, капитал в 4399 рублей для поддержания его; в Харьковский Духовный Коллегиум – дал 2000 руб. для раздачи ежегодно медалей отличнейшим ученикам в память князя Д. М. Голицына и в Киевскую духовную академию 3000 руб. для выдачи из % премий за лучшее сочинение по истории древностей или географии Киевского края. Он пожертвовал на отливку статуи Императрицы Екатерины II, для постановки в доме Благородного Собрания в Москве – 2000 рублей, на сооружение памятника в Ярославле д. с. с. Павлу Григорьевичу Демидову 1000 рублей и т. д.

Граф Н. П. Румянцов состоял почетным членом Императорской Российской Академии (с 18-го января 1819 года), а с 1814 года был членом Финляндского Экономического Общества, почетным членом Имп. Вольного Экономического Общества (с 1802 г.); был он и членом литературного общества Арзамас (см. Письма Карамзина к Дмитриеву, стр. 93). Кроме того, он был почетным членом Философского Общества в Филадельфии и членом Азиатского Общества в Париже (с 1822 г.), почетным членом Харьковского Университета (с 1814 года); почетным членом Общества любителей истории и древностей Российских в Москве (с 1823 года) членом Географического Общества в Париже, учрежденного известным географом Мальт-Брюном (с 1822 года).

Если служебная деятельность графа Румянцева и могла вызвать неблагоприятные для него отзывы о ней, как указано в надлежащих местах, то служение его Русской исторической науке и всему делу просвещения в нашем отечестве снискало ему единогласные отзывы великой за это признательности и было высоко оценено всеми, более или менее с ним знакомыми. Так, например, его современник Шлецер писал, что Румянцов создал сам себе «памятник бессмертный»; он понимал истинное значение науки, он привлекал к себе людей,

разделявших с ним любовь к науке и неутомимо трудившихся для нее, как и он сам. По словам А. Ф. Малиновского, граф «покинул суету дел мира и обратился к науке, показав, как и в отставке можно служить Отечеству». Как человек строгих научных интересов, говорит Кочубинский, граф в своих научных начинаниях шел твердо по одному, ясно сознанным пути, с твердою целью глубоко изучить бывшее Русской земли, искал везде материал к этому изучению и всюду призывал всех к работе. Современник поэта Пушкина и близкий к нему человек, П. А. Плетнев говорит: «Если только чье-нибудь помышление клонилось на путь народной славы, никого не отчуждал граф Н. П. Румянцов, сей благородный вельможа, от своей поучительной беседы и благородного вспомоществования, был ли то историк, или мореходец, поэт или антикварий, географ или художник, грамматик или законовед. Он обратил дом свой в храм общественных муз, которого самая надпись «на благое просвещение» служит для нас заветом назидательным».

Формулярный список о службе графа Н. П. Румянцева в Государственном Архиве (дело № 48); Общий Гербовник Российской Империи, т. III и IX; Русская Родословная книга, князя А. Б. Лобанова-Ростовского, т. II, стр. 188; Письма графини Е. М. Румянцовой-Задунайской, изд. графом Д. А. Толстым; дополнения к тем же письмам – в Императорской Публичной Библиотеке, Рукописное Отделение (по Отчету 1888 года, № 1); Камер-фурьерский журнал (по алфавитн. указателю); Полное Собрание Законов: первое: т. XXVI, стр. 768, 860, 867, XXVII, стр. 37, 65, 69, 82, 199, 226, 232, 250, 313, 365, 381, 426, 518, 532, 832, прил. 36; XXVIII, стр. 413, 711, 758, 899, 901, 902, 1106, прил. 5; XXIX, стр. 320, 361, 991, 1011, 1173, 1191, 1214, 1221, 1297, 1321; XXX, стр. 50, 61, 111, 184, 278, 744, 875, 893, 913, 951, 993, 1015, 1037, 1115, 1188, 1229, 1231, 1233; XXXII, стр. 240, 390, 607, 875; XXXIV, стр. 945, 947; XXXV, стр. 410; XXXVI, стр. 401; XL, прил. 96; Второе: I, 552; III, 524, 325, 785; VI, 412; IX, 288; X, 59; XX, 1042; XXI, 551; XXIV, 311; XXVIII, 526; XXXI 2, доп. 4; XXXVI, 777; XXXVII, 529; XXXIX, 415; XLIII 2, 316; XLIV, 524; Сборник Имп. Русского Исторического Общества, том III, IV, VIII, XV, XX, XXI, XXIII,

XXVIII, XXIX, XXXII, XXXVII, XLII, XLVII, LIII, LVI, LIX–LXII включ., LXIV, LXV, LXVIII, LXXVI, LXXVIII–LXXXI вкл. LXXXIV, LXXXV, LXXXIX–XCI, XCV, XCIX, CIII–CVIII включ., CXI, CXIV, CXVII, CXXII–CXXVI включ., CXXVIII; «Чтения Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс. в Москве», 1880, кн. I и IV, 1882, кн. I; «Русский Архив» 1864, 1866, 1867, 1869–1873 включ., 1875, 1876, 1878, 1880, 1881–1883, 1888, 1891, 1893, 1894, 1896, 1897, 1899, 1901, 1902 гг.; «Русская Старина», т.т. II, IV, X, XI, XX, XXIII, XXVIII, XXIX, XXXII, XXXVII, XXXIX, XLII, XLVII, LIX, LIII, LVI, LXI, LXIV, LXVIII, LXXIX; LXXX, LXXXI, LXXXIII, LXXXV, CV–CVIII, CXIII, CXXIII, CXXV–CXXVIII; Архив Государственный: в Петербурге, разр. IX, №№ 2–109, 121–197; разр. XI, № 116, 272; XV, № 37–44, 427; XVI, № 12, XVII, №№ 28–86 вкл., также *Campagne de Suède 1809, négociations de paix*, кар. 83; в Москве – д. Франкфуртские, III, карт. 1–10; «Архив графов Мордвиновых», т. III, стр. 414–446, т. IV, стр. 51, 396, 413, 465, 610; V, 418; VI, 668; «Архив кн. Куракина», т. 15; «Архив князя Воронцова», т. 7 по 10 вкл., 13, 15–24 включ., 27, 29, 30, и 32; Архив Мин. Импер. Двора в Петербурге, опись 212–646, раз. I, д. № 289, карт. 5343; оп. 36–1629, д. 106, 125; оп. № 52–886, д. № 29; оп. 214–648, раз. I, д. № 74, карт. 4015; Архив Конференции Импер. Акад. Наук, № 85 (письма Румянцева к Кругу); Архив Мин. Путей Сообщения, дела 1797 г., №№ 30, 82; 1799, № 41; 1802, № 17–49, 55; 1803, № 70–133; 1806, №№ 35–63, 66–71; 1804, № 49–67; 1807, № 96–143; Архив Прав. Сената, кн. Высоч. пов. № 184, ст. 54; № 232, ст. 358; № 236, ст. 134; Архив Департ. Мануфактур и внутр. торговли 1803, св. 72; 1814, св. 153, 248; 1808, св. 21; Архив Государств. Совета, т. I; Государственный Совет, 1801–1901, издание Государственной Канцелярии, СПб. 1901 г.; «Древняя и Новая Россия» 1877 г., т. I стр. 5–22, 387 и след., 1880, т. I, стр. 18, 289, 361; т. II, стр. 723–770; т. III, стр. 619; И. Пушкарев, История Императорской гвардии; Карцов, История л.-гв. Семеновского полка; А. Ивановский, Государственный канцлер граф Н. П. Румянцов; Список членов Императорской Академии Наук 1725–1907 г., составил Б. Л. Модзалевский, СПб. 1908 г., стр. 342; Сборник Историч. материалов, извлеченных из Архива Собств. Его Импер. Велич.

Канцелярии, т. VI, стр. 145 и след., и т. XII, стр. 84–214; А. Старчевский, О заслугах графа Румянцева, оказанных отечественной истории – «Журн. Мин. Народн. Просвещ.» 1846, т. 49, № 1–3; 1849, 1850 г., т. 65, отд. V, стр. 1–27; «Путешествие в Южный Океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах, иждивением Государственного канцлера графа Н. П. Румянцева на корабле «Рюрик», под начальством флота отст. лейт. Коцебу, СПб. 1821–23 г., в 3-х частях; «Сын Отечества» 1830 г., № 2, стр. 110–113; В. Иконников, Опыт русской историографии, т. I, кн. 1 и т. II; Кочубинский, Адмирал Шишков и Канцлер Румянцов, Одесса; «Переписка Митрополита Киевского Евгения Болховитинова с госуд. канцлером графом Румянцовым, Воронеж 1868 г., 3 выпуска; К. Ф. Калайдович, два биографических очерка Безсонова в 1861 и 1862 гг., изд. в Москве; П. М. Строев, Жизнь и труды, исследование Н. П. Барсукова; Переписка протоиерея Иоанна Григоровича с графом Н. П. Румянцовым, в «Чтениях Имп. Общ. Ист. и Древн. Российских», 1864 г., кн. I; Биография Круга, напечатанная Куником на немецком языке, помещена в «Forschungen in der älteren Geschichte Russlands», 2 Band, S.-Petersburg. 1848 г.; Содействие Круга канцлеру Румянцову... в «Отечествен. Записках», т. 65, V; Шиман, Смерть Павла I, стр. 8; Шильдер, Император Павел I; Е. С. Шумигорский, Фрейлина Е. И. Нелидова; Сочинения Державина, изд. акад. Я. К. Грота, т. VI, стр. 777 и след.; Верховский, Исторический очерк Министерства Путей Сообщения, СПб. 1898 г., часть I; С. Соловьев, Собрание сочинений, т. I, Император Александр, стр. 294, 433; Tableaux du commerce de l'Empire de Russie, années 1802–1805, publiés par M. le comte de Roumantzoff et traduits de l'original en forme synoptique par M. Pfeiffer, St.-Petersbourg; П. П. Семенов, Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год, т. II; Кайданов, Систематический каталог делам Государственный Коммерц-коллегии, СПб, 1884; Тихменев, Историческое обозрение Российско-Американской Компании и действию ее до настоящего (1860

г.) времени; Семейство Разумовских, А. Васильчикова, т. III, стр. 149, 151, 179; т. IV, стр. 392–397, 414–430, 441–511; т. V, 112, 313, 317; Записки, мнения и переписка А. С. Шишкова, Берлин. 1870, т. I, стр. 105, 125–128, 221; Записки Имп. Екатерины II, перевод с подлинника, изданного Имп. Академией Наук, СПб. 1907 г., издание Суворина; «Труды Вольно-Экономического Общества» за 1802 г.; А. Ходнев, Исторический очерк Императорского Вольно-Экономического Общества, СПб.; Е. Ф. Корш, Опыт нравственной характеристики графа Н. П. Румянцева; Столетие Военного Министерства, т. V, кн. I, стр. 407; История Министерства Иностранных Дел, по случаю 100-летия его существования, СПб. 1912; «Журнал Мин. Народн. Просв.» 1834 г., т. I, стр. 27 и след. (речь П. А. Плетнева на акте 1833 года); Собрание государственных грамот и договоров, т. IV, предисловие А. Ф. Малиновского; «Записки Имп. Одесского Общества Истории и древностей», 1902, т. XXIV, статья: «К отысканию древностей в Новороссийском крае»; «Императорское Одесское Общество истории и древностей», статья М. Г. Попруженко в «Историческом Вестнике» 1914 г., ноябрь, стр. 514 и след.; «Летопись занятий Археографической Комиссии», т. IV, стр. 130–164; «Временник Московского Общества Истории», кн. V, статья Максимовича; Письма гр. Румянцева к пр. Захарию Скородумову, изд. Прудников, СПб. 1854 г.; Письма гр. Николая Петр. Румянцева к его отцу, фельдмаршалу – в Имп. Публичной Библиотеке, в Рукописном Отделении (за октябрь и декабрь 1777 г. и п. 16 апр. 1780 г.); Бантыш-Каменский, Обзор внешних сношений России с 1800 года, т. I, стр. 86; т. II, 262; Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам, К. Ордина, т. II; П. Н. Милюков, Главные течения русской исторической мысли, СПб. 1913 г., изд. 3, стр. 178–221; «Императрица Елисавета Алексеевна, Супруга Императора Александра I», Исследование Великого Князя Николая Михайловича, СПб. 1908 г., т. I и II; Ernest Daudet, Histoire de l'émigration, t. I; Les Bourbons et la Russie, u II: Coblenz ou les émigrés et le 18 fructidor. 1789–1793; Comte Steding,

Mémoires, traduits par Beck, v. II, p. 336, 457, Catherine II et la Révolution Française, par Charles de Larivière, Paris, 1895; Le duc de Richelieu en Russie et en France 1766–1822, par Léon de Crousar-Crété, Paris, Librairie Finin Didot, 1897; Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, classés et réunis par A. Klinkowstroem, Paris. 1880, 2 vol.

Румянцов, Петр Александрович

Румянцов, граф *Петр Александрович*, генерал-фельдмаршал; сын первого графа *Румянцева Александра Ивановича* (см. выше) и супруги его, графини Марии Андреевны, урожденной графини Матвеевой (см. выше); родился в Москве, незадолго до кончины Петра Великого, а именно 4-го января 1725 года, и при св. крещении получил имя Петра – весьма вероятно, в честь Великого Преобразователя, очень благоволившего к его отцу; он праздновал позднее день своих именин 14-го января, когда Св. Церковь чтит память Св. Петра в веригах. Восприемницею новорожденного желала быть сама Императрица Екатерина I, благоволившая к матери будущего фельдмаршала, но графиня Мария Андреевна пожелала, чтобы восприемницею была Царица Имеретинская. Сам граф А. И. Румянцов находился в то время в дальнем и продолжительном отсутствии – в Константинополе и в Малой Азии, и возвратился в Москву только в 1730 году (см. выше); это одно уже достаточно опровергает пущенное недавно в ход сведение, будто молодой Румянцов родился в глухой Молдавии, в селе Строенцах, в то время, когда его мать поехала навстречу своему супругу, будто бы возвращавшемуся из Константинополя в 1725 году: жена его вовсе не должна была ездить в то время в Молдавию, по той причине, что муж ее не возвращался из Константинополя чрез Молдавию, ибо он позднее поехал чрез Малую Азию на Кавказ и вернулся в Москву, когда его сыну было уже лет шесть. По обычаю того времени, молодой Румянцов был записан на службу рядовым в л.-гв. Преображенский полк, хотя оставался в доме родителей и вскоре последовал с ними в село Чеборчино, Алатырского уезда, куда был сослан его отец, и здесь пребывал до 1737 года, а затем перебрался в Малороссию, когда отец его, назначенный в армию Миниха, должен был пребывать в Глухове (главном городе Малороссии в то время).

Мальчику было уже около 13 лет, и весьма вероятно, что, по обычаю того времени, он обучался грамоте у местного дьячка,

каковым был некто Тимофей Михайлович Сенютович, причем иностранным языкам, которые он знал с ранней молодости, обучала его мать, долго пребывавшая в юности за границей. Отец же его, граф Александр Иванович, принимавший несколько лет деятельное участие в походах в Крым, не мог не только руководить, но даже следить за воспитанием и первоначальным образованием своего единственного сына, находившегося под надзором матери. Желая, однако, доставить сыну возможность чему-либо обучиться и в Императорской службе *впредь искусным быть*, а также дать возможность ознакомиться с порядками и обычаями в других европейских государствах, граф А. И. Румянцов просил всесильного тогда временщика Бирона отправить его сына в Швецию или в другое государство, где имеется Русское посольство, и назначить ему жалованье. В конце августа 1739 г., действительно, последовал на имя тайн. сов. барона Бракеля, в то время нашего представителя в Берлине, особый рескрипт о том, что, «снисходя к просьбе генерала Румянцева, сын его отправляется *дворянином посольства* к Вам, дабы Вы его при себе содержали и как в своей канцелярии для обучения письма употребляли, так и в прочем ему случаи показывали, чтобы он в языках и других, ему потребных науках от добрых мастеров наставлен был и искусства достигнуть мог, дабы *впредь в Нашу службу с пользою употреблен был*». Жалованье ему все милостивейше определено было 400 рублей.

Молодой Румянцов прибыл в Берлин, но оставался при Бракеле весьма недолго: последний уже в октябре того же 1739 г. доносил о невероятных и час от часу умножающихся его продерзостях и мотовстве. Румянцов, по словам Бракеля, ничему обучаться не хотел; приставленные к нему учителя жаловались на его лен и забиячество; он делал долги, закладывал свои вещи и платье, чтобы продолжать беспутные мотовства с солдатами, лакеями и другими бездельными людьми; наконец, он скрывался из своей квартиры и т. д. Все это окончилось тем, что молодой Румянцов, в первых числах мая 1740 г., по письму отца своего к Бракелю, был отправлен из Берлина на фурмане (т. е. на поводе) в Данциг, а затем водою в

Петербург, куда и прибыл в начале мая месяца, – в то время, как отец его собирался ехать снова в Константинополь, но уже в качестве чрезвычайного нашего посла.

Желая дать какое-либо образование к служебной деятельности своего сына, граф А. И. Румянцов просил Императрицу об определении сына в Шляхетный Кадетский Корпус, и 5-го августа того же 1740 г. состоялся указ об определении сына генерала А. И. Румянцева Петра в Кадетский корпус, причем предписывалось за ним и его поступками иметь особое смотрение. В корпусе граф П. А. Румянцов был только несколько месяцев; уже в начале 1741 г. он не числился более в списках кадет; в формулярном списке о его службе даже не упоминается о пребывании его в Корпусе; из списка этого видно, что он 28-го октября 1740 г. произведен был в подпоручики, очевидно по просьбам отца, и стоял со своим полком в Финляндии. По словам Бантыш-Каменского, пылкий, огненный юноша, пользуясь отсутствием отца, проводил жизнь, полную всевозможных увлечений и разгула, ничем и никем не сдерживаемого.

Возникшая тем временем война со Швециею довольно скоро окончилась, и начались переговоры о мире в Або, для ведения которых с нашей стороны был назначен уполномоченным граф А. И. Румянцов (а также г-н Люберас), взявший к себе в качестве флигель-адъютанта своего сына, который не принимал, конечно, по молодости лет и неопытности, ни малейшего участия в делах конгресса, а только при полном окончании переговоров был послан, 29-го июля 1743 г., из города Або от отца своего в Петербург к Императрице Елисавете Петровне с бумагами и с ратификациею Шведским королем мирного Абоского трактата. За доставку этих бумаг Румянцов, будучи в то время уже капитаном, был пожалован, 3-го июля 1743 года, в полковники и, по словам Французского поверенного в делах в Петербурге, получил в награду Воронежский пехотный полк, которым и стал командовать, имея всего 18 лет от роду. О самом командовании полком и о служебной деятельности Румянцева за это время сведений не имеется, так как архив полка за это время не дошел до нас. Он

продолжал, по-видимому, свою разгульную жизнь, рассказам о которой не было конца. Императрица Елисавета, до которой доходили эти рассказы, сведав о какой-то выходке молодого полковника, приказала отправить его, для примерного наказания, к отцу, подвергнутому сына-полковника наказанию розгами. Императрица, тем не менее, принимала немалое участие в молодом Румянцове, что выразилось, между прочим, в том, что она предназначала и сватала ему богатую невесту – Марию Артемьевну Волынскую, дочь знаменитого кабинет-министра. Этим был очень польщен отец молодого Румянцова, но последний не изъявил, однако, в то время желания вступить в брак вообще; он продолжал вести свой прежний разгульный и беспокойный образ жизни, как с офицерами, так и с посторонними, что и побудило Императрицу в 1747 г. сказать отцу его, чтобы он унял сына, а ежели он того не учинит, «то де я более власти имею, нежели он, его унять». Старик-отец в письмах уговаривал сына переменить свое поведение, быть постепеннее, не уморить безвременно его с супругою, матерью молодого Румянцова, писавшей последнему, что «видно в нем ни страха Божеского нет, ни жалости об нас;... мы совсем от вас отречемся» и т. д.

В начале следующего, 1748 года канцлером Бестужевым-Рюминым был послан во Франконию вспомогательный корпус наших войск под начальством князя В. Н. Репнина, вскоре возвратившийся обратно, причем никаких военных действий не происходило. Хотя Воронежский полк и не вошел в состав войск, вверенных князю Репнину, и не имеется прямых указаний, чтобы Румянцов участвовал в этом походе, но из слов отца его в письме к нему: «слыша об вас, как вы были *в походе, как (т. е. сколько) чрез свои худые поступки потеряли*», – должно заключить, что молодой П. А. Румянцов в этом походе участвовал и без всякой притом для себя пользы по службе.

В том же 1748 году граф П. А. Румянцов вступил в брак с княжною *Екатериною Михайловною Голицыной* (см.); брак этот к числу счастливых и удачных причислен быть не может: супруги жили вместе очень недолго; конец их супружеской жизни положила наступившая чрез несколько лет Семилетняя война, в

которой Румянцов начал приобретать немалую боевую известность, будучи произведен, 24-го декабря 1755 года, в генерал-майоры, к великому удовольствию его родителей и родных. Канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, считая короля Прусского Фридриха II *«таким для нас соседом, который опаснее всех и является всегдашним и натуральным России неприятелем»*, заключил в 1756 г. наступательный трактат с Австриею, чтобы поддержать ее и пресечь королю Прусскому Фридриху II пути в Саксонию. К этому трактату примкнула Франция, небольшая Саксония, а позднее и Швеция, так что летом 1756 г. Фридрих II, король Прусский, был окружен со всех сторон врагами. Он быстро вступил в Саксонию в конце августа 1756 года, когда наша армия, еще не в готовности стоявшая вдоль Западной границы России, не могла угрожать диверсией Прусской армии, находившейся под начальством Левальда в Восточной Пруссии. Русский главнокомандующий, граф Степан Федорович Апраксин, решил беспокоить Пруссиков в зимнее время легкими набегами. По плану военных действий предстояло занять Кенигсберг и блокировать Пилау. Апраксин приказал коннице, под командою Румянцова и Ливена, вступить в пределы Литвы, а затем, осмотрев ее, решил перейти за Неман в пределы Восточной Пруссии, не ожидая результатов действий Фермора, направленного к осаде Мемеля, который и сдался Фермеру 24-го июня. Это движение Фермора обеспокоило Прусского генерала Левальда, который стянул свои войска на укрепленную позицию при дер. Каленен и Илишкен. Тем временем Апраксин занял Гумбинен и Инстербург и затем, соединившись с Фермором близ Инстербурга, у Старкене, двинулся на Алленбург, причем 19-го августа 1757 г. произошло известное сражение при Гросс-Егерсдорфе, на берегах р. Прегеля. Исход этого сражения, клонившегося в начале на сторону Пруссиков, был решен тем, что два полка бригады Румянцова пробрались чрез болота, считавшиеся непроходимыми, ударили во фланг Прусской пехоты, дали залп и бросились в штыки, после чего пруссаки пришли в полное замешательство и обратились в бегство. Апраксин почти не преследовал их, по неимению в должном порядке войск для

преследования и по недостатку продовольствия. Левальд быстро отступил к Велау, на р. Алле. Намереваясь обойти эту позицию справа, Апраксин двинулся выше Велау, но недостаток провианта и особенно фуража для лошадей побудил собранный военный совет предпринять движение на Тильзит, чтобы еще осенью овладеть м. Лабиау и рекою Дейме, с целью обеспечить армии доставление всего необходимого. Апраксин, пройдя чрез Тильзит, перешел реку Неман и расположился на зимние квартиры. Он вскоре был отрешен от занимаемой должности и преемником его назначен был Фермор. Прибыв в армию 21-го октября 1757 г., Фермор занялся подготовлением войск к предстоявшей новой кампании, по плану которой предполагалось весною занять Тильзит, овладеть Кенигсбергом и пленить Прусскую армию. Занятие Тильзита поручено было графу Румянцову.

Зимой 1757–1758 года он неоднократно посещал кавалерийские полки, ему вверенные, наблюдал за их занятиями, производил строгий разбор людей, подготовленных к боевой службе, от неподготовленных к оной, а также разбор лошадей по их годности и т. д., словом, устраивал кавалерию и, на основании повеления Конференции двинуться в Пруссию еще зимою, вступил уже в январе 1758 в ее пределы, заняв 2-го января Тильзит; затем он направился на Лабиау и далее к Кенигсбергу с войсками генерала Ивана Салтыкова и уже 11-го января 1758 г. занял окрестности и форштаты города. Фридрих II, не обратив внимания на это наступление русских и выставив против Фермора армию в 30000 под командою Левальда, сам обрушился сперва на австрийцев. Фермор, пользуясь этим, приказал графу Румянцову распорядиться и занять Эльбинг, что и было исполнено 20-го февраля, и направиться в Столбцы, около Кенигсберга, для организации остальной кавалерии и переформирования кирасирских полков, граф Румянцов выполнил это поручение к 16-му мая. В то время получено было из Петербурга предписание Конференции Фермору действовать на Кюстрин, войти в сношение со Шведскими войсками и привести Фридриха II в смущение, действуя одновременно на Штеттин, Бреславль и Франкфурт на Одере. Во исполнение

этого Фермор вступил тремя колоннами в Пруссию, причем кавалерия графа Румянцева прикрывала правый фланг и тыл нашей армии, на марше к р. Нетце, и демонстрировала по направлению к Нижнему Одеру, чтобы утвердить пруссаков в мнении, что в Померании военных действий не будет. Граф Румянцов занял г. Конниц 5-го июня и, двинувшись далее, обнаружил, что Прусская армия генерала фон Дона, оттеснив шведов, движется на встречу Фермору и подходит к Шведту. Позднее были получены от нашего начальника Штофельна сведения, что корпус Дона сосредоточивается между Кюстрином и Франкфуртом на Одере. Фермор приказал графу Румянцову придвинуться к главной армии и сам отошел к Кенигсвальду, где был созван военный совет, решивший выдвинуть графа Румянцева вперед к Гамерау, для прикрытия армии. Румянцов, усматривая трудность возлагаемой на него задачи, докладывал об этом Фермору, но, получив подтверждение данного приказания, начал приближаться к главным силам и, подходя к Ландсбергу, получил приказание наблюдать и за Кольбергом и, если возможно, занять его. Но сильный гарнизон Кольберга делал исполнение этого приказания невозможным. Граф Румянцов вскоре занял мост чрез р. Одер у Шведта, на который было обращено все внимание Румянцева и Фермора, в том предположении, что пруссаки ради переправы чрез Одер не замедлят попытаться овладеть этим мостом. Между тем, пошли слухи, что Фридрих II сам спешит на выручку Кюстрина, обложенного Фермором, который, узнав об этом, стал укреплять свои позиции, с целью воспрепятствовать королю перейти р. Одер у крепости. Фридрих II быстро явился, осмотрел позиции Фермора и решил сделать переправу у Гюстенбиза, чтобы, разрезав Русскую армию, разбить сперва Фермора, а затем и графа Румянцева, отрезанного уже от главной армии. Последовал 14/25-го августа беспримерный, жесточайший бой при Цорндорфе, в котором Фридрих II убедился, что Русские войска можно скорее перебить, чем разбить.

Фермор удержал все занимаемые им позиции и только 16/27-го августа с рассветом выступил чрез Конницу к Гросс-

Камину на соединение с графом Румянцовым, стоявшим в Марвице, что доставило армии нашей возможность без опасности достигнуть Ландсберга. Во время сражения при Цорндорфе 14/25-го августа пруссаки усиленно демонстрировали к Шведту. Граф Румянцов заботился об его удержании, тем более, что получил от Фермора несколько приказаний держать Шведт. Ночью с 14-го на 15-е августа, узнав от бежавших с поля сражения о затруднительном положении Фермора, изображенном ими в мрачных красках, граф Румянцов послал отряд Берга к месту Цорндорфского боя, но это было уже поздно. По словам Д. Масловского, «теперь, когда весь ход сражения вполне выяснился, очевидно было, что граф Румянцов мог, не ожидая приказа Фермора, выступить еще 13-го августа к Цорндорфу, явиться во фланг и тыл пруссаков и тем содействовать нанесению им полного поражения». «Но Румянцов этого не сделал», пишет Екатерина II в своих Записках. По словам Ф. П. Лубяновского, предполагалось даже отдать графа Румянцева и весь его корпус под суд, и Румянцов был, по его словам, даже вызван в Петербург, но почему-то благополучно отделался от генерал-прокурора князя Н. Ю. Трубецкого.

После Цорндорфа армия наша пришла к Ландсбергу, где 22-го августа был созван военный совет, на котором граф Румянцов подал особое мнение о расположении на зиму в округах Познани по рекам Варте и Просне, в которых войска Ее Величества еще не бывали и, следовательно, могли найти себе все необходимое для пропитания. В то время, 5-го сентября, был получен указ Конференции сперва о занятии зимних квартир в Бранденбурге, а затем о взятии Кольберга и о наступательных действиях против Дона и т. д. Но на военном совете армии 1-го сентября было решено, что оставаться в Бранденбургии нельзя, а движение прямо к Висле навлечет гнев Императрицы, а потому надо избрать среднее – идти в Померанию, стать лагерем у Старгардта и послать отряд войска занять Кольберг, важный пункт для подвоза всяких припасов в Русскую армию. Напасть на Дона не представлялось возможным по пребыванию его в неприступных местах, с

превосходною кавалерию и артиллерию; около реки Одера – от Кюстрина до Шведта – не имелось пропитания и т. д. Отправленный к Кольбергу генерал Пальменбах не мог им овладеть, и Фермор со всею армиею отступил к Висле, где войска и расположились на зимние квартиры.

Граф Румянцов, перейдя Вислу, расположился в Кульме, Растенбурге и окрестных местах, командуя 3-ю дивизиею. Усмотрев в генеральной диспозиции неопределенность директив для дальнейших своих действий, он вступил с Фермором по этому предмету в переписку, не имевшую, однако, результатов. Фермор, в начале января 1759 года, был вызван на короткое время в Петербург, куда и направился, передав команду над армиею Фролову-Багрееву, а затем, для обсуждения плана будущей кампании, был вызван в столицу и граф Румянцов. Переход пруссаков в наступление в феврале месяце 1759 года побудил их обоих отправиться из Петербурга на берега Вислы, где, по новому распределению войск, был образован особый тыловой корпус для прикрытия от нападения неприятелей военных магазинов по Висле и в Восточной Пруссии; этот корпус поручен был графу Румянцову. На него, кроме того, были возложены и другие немаловажные задачи по укомплектованию армии и по снабжению ее, по наблюдению за Данцигом и управлению занятой нами Восточной Пруссии, не сосредоточенному в одних его руках (управление оставалось в руках генерала Корфа), что представляло немало затруднений.

По плану кампании 1759 года нашей армии предстояло направиться прямо к Саксонским границам до самого Одера. Наша армия 21-го апреля стала переправляться чрез Вислу, после чего вскоре последовало совершенно неожиданное назначение на место Фермера главнокомандующим Петра Семеновича Салтыкова, прибывшего в армию 19/30-го июня 1759 года. Фермор изъявил желание остаться начальником дивизии под начальством Салтыкова, военные действия которого ставились в зависимость от действий Австрийской армии, бывшей под начальством Дауна. Салтыков двинулся на соединение с Дауном, узнав, что ему угрожает нападение со стороны пруссаков. При этом 12/23-го июля 1759 г. он имел

упорное сражение с пруссаками при Пальциге (или при р. Кай, или Цюллихау), в котором пруссаки потерпели сильное поражение и отступили на левый берег Одера. В этом сражении принимал участие и граф Румянцов, ранее сдавший командование тыловым корпусом Фролову-Багрееву. После сражения русские войска заняли Кроссен 16-го июля, и тогда соединились с ними и австрийские войска, остававшиеся ранее этого в бездействии. Салтыков 20-го июля занял Франкфурт на Одере и намеревался послать графа Румянцева совершить набег на Берлин, для взятия военной контрибуции, провианта, быков, лошадей и пр.

Приближение Фридриха II с армиею на защиту его столицы побудило Салтыкова отказаться от этого намерения, а требование Дауна соединить русскую армию с австрийскою на р. Бобре заставило Салтыкова отступить к Кроссену, причем Фридрих II вскоре атаковал русские войска 1/12-го августа на высотах Куннерсдорфа, у реки Одера. Граф Румянцов, со второю дивизиею, занимал центр нашей позиции и в решительную минуту бросился на прусских кирасир и опрокинул их, что и содействовало одержанию нами решительной победы над Фридрихом II, которого Салтыков преследовал до самого Францендорфа. У пруссаков было захвачено 172 орудия, громадное количество огнестрельных припасов и 5000 пленных. Салтыков был возведен в звание фельдмаршала, а граф Румянцов был награжден орденом Св. Александра Невского и, кроме того, получил от Императрицы Марии-Терезии 2000 червонцев. Армия наша после такой битвы требовала отдыха и приведения в порядок материальной части; она не в состоянии была двинуться на Берлин без содействия Дауна, находившего, что надо помышлять уже и о винтер-квартирах. После взаимных объяснений обоих главнокомандующих решено было сперва занять Дрезден, а затем двинуться в Верхнюю Силезию и потом уже идти на Берлин. Дрезден вскоре сдался, и Даун, во исполнение приказаний своего Двора, двинулся к Бауцену, удалившись значительно от Салтыкова, который, придя в негодование от движения Дауна, сам отошел к Губену, откуда

послал графа Румянцева к Дауну для переговоров о дальнейших военных действиях.

По словам самого графа Румянцева, Даун изъявил готовность прислать Салтыкову вспомогательный отряд в 10000–12000 человек, а также осадную артиллерию и обеспечить ему фураж и продовольствие, в котором русская армия испытывала крайний недостаток; но это последнее далеко не было выполнено австрийцами: вместо обещанных 20000 центнеров муки было поставлено в Христианштадт только 600 центнеров. Вскоре было получено известие, что Фридрих II спешит на соединение с принцем Генрихом, а Даун, вместо того чтобы не допускать этого соединения или поставить Фридриха II между двух огней, решился идти к реке Эльбе в Саксонию. Это удаление австрийской армии лишало Салтыкова возможности иметь спокойные зимние квартиры в Силезии, а потому он перевел свою армию на правую сторону р. Одера и отошел до Прима, где и оставался до ноября, при самых неблагоприятных условиях расквартирования, Конференция в Петербурге упрекала его за отступление от данных ему инструкций и, подчиняясь все более и более влиянию Австрийского кабинета, приказала ему из состава армии отделить 20000 человек в распоряжение Австрийского начальства. Ближайшая к союзнику дивизия графа Румянцева была назначена к выполнению этого приказа, которое не состоялось, однако, по той причине, что Лаудон вскоре отступил в Австрию, а граф Румянцов расположился на зиму на Висле, от Грауденца до Эльбинга. После этого вскоре Салтыков уехал в Петербург, где его план действий на предстоящую кампанию 1760 г. не был одобрен Конференцией²². По соглашению с Австрией, Конференция предписала армии наступать по р. Одера и искать соединения с австрийскими войсками между Глогау и Франкфуртом на Одере. Граф Румянцов, получив командование 1 дивизией (бывшею Фермера), названною теперь 2-ю, занял 1-го июня г. Познань, где вскоре собралась вся армия. Тут было получено Салтыковым предписание Конференции от 18-го июля скорее наступать на г. Бреславль и соединиться с австрийцами. Однако ввиду изменившегося

положения австрийцев Конференция вскоре, 22-го августа, предписала Салтыкову перенести операции в Померанию. Между тем, фельдмаршал Лаудон и первый министр Марии-Терезии князь Кауниц требовали, чтобы Салтыков осадил Глогау, а Даун – привлечения Салтыковым на себя войск Фридриха II и принца Генриха, чтобы тем дать себе возможность пройти к Швейдницу. На созванном Салтыковым военном совете признано было невозможным овладеть Глогау по неимению к тому осадных средств, и решено было а) образовать отряды: один – для набега на Берлин, а другой – для операций под Кольбергом; б) главным силам – следовать по обоим берегам р. Одера и в) дивизию графа Румянцова направить по правому берегу реки Одера для прикрытия артиллерии и обоза. Действия против Кольберга успеха не имели. Первый набег на Берлин, произведенный генералом Тотлебенем, был неудачен, но произведенный позже графом З. Г. Чернышевым был успешен: Берлин сдался на капитуляцию 27-го сентября (8-го октября); с города была назначена контрибуция в 1500000 талеров. Получив, однако, известие, что Фридрих II спешит к Берлину, Чернышев отступил и прибыл во Франкфурт 3/14-го октября, куда подошел и граф Румянцов. Слух о приближении Фридриха II озаботил Салтыкова; он решил отступить за Варту и расположиться около Ландсберга, зная, что уже назначен ему преемник, именно генерал-фельдмаршал Александр Бутурлин, прибывший в армию 14/25-го октября. Бутурлин убедился, что, по недостатку средств пропитания, невозможно зимовать в Померании, и потому предписал армии, согласно заключению военного совета, двинуться к Висле, причем граф Румянцов со своею дивизиею расположился в Грауденце и его окрестностях.

Зима 1760–1761 года прошла спокойно. Конференция полагала начать кампанию весною – взятием Кольберга, а затем совершить переход чрез р. Одер, двинуться к Берлину и захватить Кюстрин. Она соглашалась двинуть главные силы в Силезию, но идти не далее Бреславля. Кампанию 1761 г. союзники начали неудачно; французский маршал дюк де Брольи был не допущен в Ганновер; австрийцы были отброшены к Бамбергу и разобщены от русской армии, стоявшей еще у

Вислы; Бутурлин только что стягивал свои силы на правом берегу Вислы, как получил от Конференции приказание двинуться на соединение с Лаудоном, отправив в то же время графа Румянцова, с отдельным корпусом, осаждать Кольберг и снабдив его инструкцією для действия в Померании. Граф Румянцов, с отрядом около 11000 чел., переправился 15/26-го мая 1761 г. чрез Вислу, занял Кеслин и, организовав особый осадный корпус, приступил к овладению Кольбергом, в котором имелся гарнизон в 5000 человек под командою г. Гедике; кроме того, близ Кольберга, в укрепленном лагере, на правом берегу р. Персанты, стоял значительный корпус прусских войск в 12000 человек под начальством принца Виртембергского и генерала Платена. Скоро подошел к Кольбергу наш флот, под начальством Полянского, с десантом в 6000 человек и с осадною артиллериею; все это было свезено на берег в начале августа, после чего граф Румянцов открыл действия против корпуса герцога Виртембергского, разбил его кавалерию при Трептове 3/14-го сентября и попытался овладеть передовыми укреплениями Кольберга 7/18-го сентября. Попытка эта оказалась неудачною, после чего, на созванном военном совете, было постановлено снять осаду и следовать к р. Варте и Нетце. Граф Румянцов положительно не допускал мысли об отступлении; он решил приступить к постепенной атаке Прусского лагеря, усиленно бомбардировать Кольберг, держать его гарнизон в строгой блокаде и требовать от Бутурлина подкрепления для охраны тыла от действий корпуса Платена, угрожавшего сообщениям графа Румянцова с Вислою и Рюгенвальдом. Та же мысль о снятии осады высказывалась и на военном совете 28-го сентября (2-го октября), созванном после того, как Шатену удалось уклониться от высланного против него отряда князя Долгорукова и, быстро отступив под Кольберг, утвердиться на прилегающих высотах и войти в сношение с герцогом Виртембергским. Но граф Румянцов не разделял мысли об отступлении, несмотря даже на то, что сильная буря 30-го сентября разбросала все корабли Полянского и побудила его отойти от Кольберга. Граф Румянцов стал решительно действовать на сообщения Кольберга со

страною и тем вскоре принудил Платена с корпусом отойти к Нижнему Одеру. Затем Румянцов принудил 14/25-го октября генерала Кноблоха сдаться ему со всем отрядом. Принц Виртембергский, стесненный строгою блокадою Румянцова, незаметно отошел от Кольберга.

Тем временем Бутурлин сообщил графу Румянцову, что, отказавшись от всяких демонстраций, он отступает к Висле, направив один корпус на Варту для прикрытия Познани, а другой, в 40000, для усиления корпуса графа Румянцова. Последний энергично повел осаду Кольберга по обеим сторонам р. Персанты. Вскоре наступила зима и холод. Нападение принца Виртембергского и Платена 1/12-го декабря на Трептов, занятый войсками графа Румянцова, было отбито, после чего храбрый комендант Кольберга сдался на капитуляцию 5/16-го декабря со всем гарнизоном числом в 2815 человек. Донесение графа Румянцова о взятии Кольберга было, по Высочайшему повелению, напечатано и разослано по Империи чрез Правительствующий Сенат 25-го декабря 1761 года. Победитель не был ничем награжден за взятие Кольберга – вероятно потому, что в этот самый день (т. е. 25-го декабря 1761 года) Императрица Елисавета Петровна скончалась и на престол вступил ее племянник, Петр III Феодорович, великий приверженец Фридриха II.

На место Бутурлина, отправившегося из армии в Петербург 27-го декабря 1761 года, был назначен 4/15-го января 1762 года любимец армии П. С. Салтыков, а граф Румянцов экстренно вызван в Петербург. Сдав весь корпус свой князю Волконскому, он отбыл из армии и был очень милостиво принят новым Императором, возложившим на него орден Св. Андрея Первозванного и произведшим графа в генерал-аншефы. Затем, особым рескриптом от 25-го февраля 1762 г. ему было предписано приготовить корпус «к известному назначению», причем Салтыков и гр. П. И. Панин должны были во всем ему содействовать. Особым рескриптом от 21-го мая 1762 года графу Румянцову указывалось, что он должен быть «как можно в большей готовности к получению силою от Дании того, нам принадлежащего, к получению чего добровольно употреблены

были уже последние средства, и что он должен распоряжение сделать, какими местами до Голштинии маршировать и где по тому путевым и настоящим магазинам быть». Он должен был вступить в Мекленбург ранее появления датчан в этой местности. По прибытии на место в армию, ему надлежало сделать немедленно производство обер-офицерское, а о штаб-офицерах, что кому следует, представить Императору на основании указа 2-го марта 1762 г.

Граф Румянцов еще в марте месяце возвратился к войскам в Померанию и приступил к исполнению данных ему приказаний; ему предстояло занять Висмар и Шверин и в начале июля утвердиться в Мекленбурге с армиею в 50000 человек. Граф Румянцов ни одним словом не возражал против непреклонной воли Монарха, не вмешиваясь в политику, для него чуждую, быстро приводил в исполнение получаемые им приказания и в конце июня месяца 1762 года был уже на пути к Анкламу и Штеттину, когда получил манифест за подписью новой Императрицы – от 28-го июня 1762 г., которым ему сообщалось о вступлении на престол супруги Петра III, Императрицы Екатерины II, и вместе с тем повелевалось сдать немедленно команду графу П. И. Панину и немедленно же явиться в Петербург. Граф Румянцов, донеся, что вверенные ему войска приведены им к присяге, испрашивал у Императрицы увольнения своего в отставку. Получив от нее собственноручное письмо, в котором Императрица Екатерина позволяла ему для излечения жить в деревне или ехать на воды, граф Румянцов нашел для себя удобным продолжать службу и заверял ее: «благополучие мое и спасение со всеми моими соотчиками заключается в особе Вашего Императорского Величества».

Лишение графа Румянцева командования корпусом и отозвание его от армии, конечно, было для него огорчительно, по словам князя Гр. Гр. Орлова, но объясняется тогдашней необходимостью сменить его для нового правительства, которому опасно было оставлять во главе значительного отряда лицо, отличавшееся своею преданностью только что свергнутому Императору. Граф П. А. Румянцов, получив, как

упомянуто, дозволение или ехать к целительным водам, или жить в деревне, никуда, однако, не уехал, а проживал в Данциге, увлеченный одною из его обывательниц, ради которой изменил своей супруге, намеревался покинуть службу, и, пребывая в Данциге или в ином месте, даже оставить свое отечество. В начале следующего, 1763 года граф Румянцов просил уже полного увольнения от службы по своему болезненному состоянию. Императрица Екатерина II, зная, что Румянцов в армии Апраксина считался в числе лучших полковников и немало отличился своими военными действиями в минувшую Семилетнюю войну, а также взятием Кольберга, не желала лишиться такого генерала и письмом из Москвы 13-го января 1763 г. предлагала графу Румянцову приехать в Москву, если его здоровье это дозволяет, добавляя, что он «будет принят с тою отменностью, которую его заслуги отечеству и его чин требуют». Граф Румянцов, хотя и обещал Императрице приехать, но медлил исполнением своего обещания, что было неприятно его матери, которую, как видно из писем ее к сыну, Императрица Екатерина II спрашивала не раз о времени прибытия ее сына в Россию.

Наконец граф Румянцов решился покинуть Данциг и возвратиться в Петербург, что немало удивило Двор, по словам Сольмса, который объяснял это возвращение содействием графа Гр. Гр. Орлова и любезностью Екатерины II к фавориту и добавлял, что «Румянцов с его надменным нравом и решительным тоном едва ли долго удержится, благодаря только своим достоинствам». Эти слова Сольмса оправдались только отчасти: граф П. А. Румянцов, очень ласково принятый Императрицею, остался недолго при Дворе; в 1764 г. он, по прошению, был уволен на год для излечения болезни, с дозволением жить, где пожелает, т. е., в отечестве или ехать за границу. Однако, Румянцов никуда не поехал и в конце того же 1764 г. был назначен правителем Малороссии, куда и отправился в конце того же года, откланявшись Ее Величеству 21-го декабря 1764 года. Дорогою, близ Москвы, он был опрокинут вместе со своим экипажем, получил значительные ушибы, заставившие его промедлить немало в Москве, и только

8-го апреля 1765 г. прибыл в Глухов, главный в то время город Малороссии, откуда и послал 20-го апреля свое первое донесение Ее Величеству о вверенном ему крае, в котором предполагалось совершить немало преобразований. Как известно, по присоединении Малороссии, в гетманство Богдана Хмельницкого, к России в 1682 г., начинают проявляться стремления со стороны Русского правительства объединить по возможности новую присоединенную окраину с остальным государством. Так, при Петре I уже была учреждена в 1722 г. особая Малороссийская Коллегия, под председательством бригадира Вельяминова, явившегося на деле правителем всей Украйны, а в 1722 году, по смерти гетмана Скоропадского, 3-го июля 1722 года, выборы гетмана были отложены на неопределенное время, а исполнение его обязанностей поручено Полуботку с генеральною старшиною, с тем, чтобы он во всех делах совещался с Вельяминовым. Хотя, после смерти Петра I, Малороссийская Коллегия была упразднена и гетманом Малороссии был избран в 1726 году Даниил Апостол, но и при нем состоял особый резидент (сперва Наумов, а потом Нарышкин), заменивший собою гетмана после смерти Апостола в 1737 г. Лет чрез десять, при Императрице Елизавете Петровне, гетманство было восстановлено в лице ее любимца графа Кирилла Григорьевича Разумовского, причем главным центральным управлением края явилась Генеральная или Войсковая Канцелярия, с войсковым писарем во главе и Генеральный Суд. Такой порядок просуществовал до Императрицы Екатерины II, когда, в видах объединения с Империею и обрусения Провинций, имевших свои особенные законы, были приняты также меры, чтобы и в Малороссии «во век и имя гетманов исчезло, не токмо бы персона какая была произведена в это достоинство». Граф К. Г. Разумовский вскоре отказался от гетманства; одновременно с его увольнением манифестом 10-го ноября 1764 г. было объявлено об учреждении снова Малороссийской Коллегии и о назначении графа П. А. Румянцева, «яко генерал-губернатором и Президентом означенной Коллегии». Вместе с этим выражалось упование, что народ Малороссийский, «видя наше тоlikое об

нем матерное попечение, не оставит оное принять с тою подданническою благодарностью, которой Мы от него несумненно ожидаем». При этом назначении графу Румянцову была дана Императрицею в ноябре 1764 года особая секретная инструкция, так как одно губернаторское наставление, недавно изданное, было для него недостаточно, «ибо состояние вашей губернии от других весьма разнствует». Это наставление могло быть от времени до времени дополняемо посылаемыми к нему секретными повелениями. Главные положения этой инструкции заключались в следующем. Исходя из того, что в Малороссии получается очень мало дохода (даже излишний расход в 48000 рублей), Императрица поручала графу Румянцову: 1) произвести полное камерально-статистическое описание страны; 2) прекратить переход поселян с одного места на другое, а также всякий непорядок, от перепутанного правления происходящий; 3) развивать всеми мерами промыслы и торговлю и 4) обратить внимание на продовольствие края солью, на неправильное истребление леса, на его сбережение и новые его посевы; 5) наблюдать за благоустройством городов, прекращать заразные болезни; 6) по смежности края с Турциею и Польшею принять меры к прекращению побегов в эти государства и к охранению общей от них безопасности; 7) обратить особенное внимание на политические обстоятельства края: все возникающие в нем смуты и ненависть малороссиян к великорусам происходят от слухов и толкований нередко ложных, вызываемых новыми мерами, принимаемыми для пресечения прежних беспорядков и корыстолюбий; 8) пока время откроет народу глаза и докажет ему пользу принимаемых правительством мер, необходимо стараться об уменьшении сокровенной ненависти народа Малороссии против здешнего, о приобретении доверия народа правосудием, бескорыстием, снисхождением, ласкою и т. д.; 9) необходимо всемерно стараться правильно устроить взимаемые с народа повинности и сборы, иметь сведения о количестве и качестве народных поборов и других податей и доходов, а также ввести бережливость и закономерность в расходах. «Теперь же доходы скарба (то есть Малороссийской казны) в самовольном

расхищении, народ в разорении, войско в худом состоянии, без порядков, и множество земли, определенное на уряд полков, обращено в вотчины главных и низших чиновников». Исправить все это является трудом великим, «ибо не всегда можно употреблять власть вверенную, более приходится изворачиваться средствами снисхождения, смотря по делу, времени и человеку, а для того необходимо иметь и волчьи зубы, и лисий хвост»; 10) содержать границу в надлежащей безопасности от набегов и нападений неприятельских и воровских; предостерегать переходы и побеги за границу; не допускать огорчений выходцам из Польской границы; 11) накрепко смотреть и провеживать тайно, нет ли кому утеснений всякого рода в судах; 12) в губернии иметь двух докторов, а по городам – потребное число врачей и учеников; учредить аптеки, где необходимо. В губернии для предосторожности от падежа скота и лошадей иметь двух или хотя бы одного иностранного искусного коновала и прижать ему из молодых людей – учеников; 13) в городах учредить магистраты и ратуши по примеру Европейских городов и поручить им полицию, благоустройства и благочиния; 14) заботиться об исправности проезжих дорог, строить постепенно мосты каменные; 15) исподволь осушать болота и обращать их в удобные для земледелия земли; в степях насаждать разного рода леса; 16) составить описание судоходных рек по губернии, предположения об их взаимном соединении, а также подробную ландкарту водяных путей и сообщений; 17) иметь на казенном жалованье искусного строителя всяких машин и мельниц; 18) собрать сведения о торговых людях и купцах всякого рода и их капиталах, а также о всякого рода ремесленниках и охранять их от всяких притеснений и обид; прилежно наблюдать о заграничном торге и о торговом балансе, стараясь обращать его и умножать в нашу сторону; 19) развивать производство и разведение многих растений, имеющих сбыт, а также овцеводство для шерсти и знать обстоятельно о состоянии земель владельческих и войсковых; 20) наблюдать за действием духовенства и помогать ему в деле укоренения в народе страха Божьего, узнавать о влиянии и власти

духовенства на народ и представлять кандидатов на вакансии архиереев; учредить по церквам книги метрические, о вступивших в брак, об умерших и т. д.

Одно уже исполнение этого наставления должно было поглотить всю деятельность графа Румянцева, а между тем он вскоре был отвлечен начавшимися войнами с Турцией, обратившими его внимание совсем на другие предметы. Кроме того, он признал еще от себя необходимым обратить внимание и на другие потребности вверенного ему края, усмотренные им уже на месте.

По прибытии 8-го апреля 1765 года в Глухов граф Румянцов немедленно совершил объезд по своему генерал-губернаторству и, усмотрев плохое состояние дорог, особенно по большим плотинам и гатям у мельниц, дал предписание Малороссийской Коллегии от 12-го июня о содержании дорог в надлежащей исправности, а затем 25-го июня представил Ее Величеству записку об усмотренных им в Малой России недостатках и о необходимых переустройствах. Императрица некоторые его предположения утвердила, как, например, предположения приступить 1) к правильному сооружению каменных построек в городах и к урегулированию их планов; 2) к преобразованию полиции в городах, возложив ее на одного из бургомистров; 3) к заведению в городах художеств и ремесел с особыми привилегиями и определением числа таковых в каждом городе; 4) к разведению полезных животных и растений, заведению пороховых заводов по обилию селитры; 5) к устройству почт по всей Малороссии; 6) к учреждению для сбережения лесов, надзора за ними и выписке искусных лесоводов. Другие предположения Румянцева повелено было для рассмотрения передать: одни – в Правительствующий Сенат, как-то об учреждении двух судов в Малороссии вместо одного; об учреждении различных богоугодных заведений, как-то больниц для увечных, безумных, требующих призрения; другие – в Комиссию о Коммерции (предположения об обложении акцизом всех припасов, потребляемых в городах, о пересмотре существующих тарифов). Третий род предположений был передан в Комиссию Духовную, как-то: об

отобрании монастырских имений и о назначении монастырям взамен оных известного денежного содержания; о приспособлении некоторых монастырей к воспитанию девиц; о заведении первоначальных школ в городах и селах; об учреждении для Малороссии заведения вроде шляхетского Корпуса, а также школы музыки. Наконец, некоторые предположения Румянцева были вовсе отклонены Ее Величеством, как-то: о назначении главнокомандующего артиллериею в казачьем войске, об отобрании в казну обнесенных валом местечек, розданных частным лицам, об отобрании данных служащим маетностей, с назначением им взамен оных определенного жалованья; кроме того, были предположения измененные Императрицею: так, граф Румянцов предлагал возвратить в казну все города, розданные частным владельцам, и деревни, розданные ратушам; Императрица разрешила отобрать города и деревни, только пожалованные не государевыми указами. Равным образом предположение о введении различных привилегий по некоторым городам, для их восстановления, Императрица поручила рассмотреть и выяснить, не лучше ли в политическом и коммерческом виде заводить в пристойных местах новые города.

Осмотрев вверенный ему край, граф Румянцов предпринял в том же году осмотр его границ в военно-политическом отношении, начав таковой с наших границ с Турциею. Он нашел наши крепости, тут расположенные, неудовлетворительными, а селения внутри линии – довольно хорошими, но не усматривал средств сохранить их при войне. Равным образом он признал не только трудным содержать нашу армию за Днепром, но даже невозможным. За линиею он полагал пресечь вовсе заселение и дозволить иметь там только скотоводство и подвижные хутора для жителей, кои твердо оседлы внутри линии, и т. д.

Возвратясь после этого объезда 26-го ноября 1765 г. в Глухов, граф Румянцов приступил к исполнению данной ему Высочайшей инструкции и прежде всего занялся составлением правил для штаб-офицеров, которых он предполагал послать в полки для учинения генеральной описи Малороссии, столь теперь научно известной, и вместе с тем указал и цель этой

описи или ревизии: она производилась единственно для освобождения людей от дошедших до крайности отягощений со стороны старшины, для лучшего впредь известия о породе (т. е., о происхождении) всякого человека, для отыскания неправого и паче «гвалтового» (т. е., насильственного) отнятия земель и приведения всех сих дел, на вечные времена, в твердое и надлежащее состояние. Кроме того, ревизия должна была доставить о стране точные сведения, отсутствие которых ставило в затруднение главное управление Малороссиею при осуществлении необходимых правительственных распоряжений. Главною целью переписи являлось также разграничение казаков от посполитых (обыкновенных крестьян-поселян) и закрепление тех и других в их положении, с тем, чтобы отстранить вредные переходы крестьян и удержать казаков в их звании, не уменьшая их численности. При переписи надлежало обратить внимание и точно записывать, как в городах, так и селениях, состав населения и семейное положение каждого, точно описать число обывателей, число домов и хат, число всякого скота и всякого имущества вообще; ни от кого ничего не следовало отбирать; отнюдь не должно было входить в разбор могущих возникнуть или быть заявленных споров и притязаний, но только записывать, оставляя до резолюции все во владении тех же лиц, за кем что ныне состоит. Все должны были содействовать успеху описи, объявлять все, что от них будут спрашивать, ничего не утаивать и т. д. При таком описании городов, местечек, сел, деревень и хуторов надлежало по возможности присутствовать полковым старшинам, поступавшим в отношении переписи под начальство особых посланных для этого штаб-офицеров из великороссиян. Они, по-видимому, усердствовали исполнить в скорейшем времени возложенное на них поручение, но новость самого дела породила всякие толки в народе и недоумения в исполнителях, обращавшихся за разъяснениями к графу П. А. Румянцову. Наступившее позднее осеннее время к тому же делало невозможным производство точных измерений земель посредством межевых инструментов. Все это было причиною, что работы по переписи затянулись до 1769 года, когда

возникшая с Турцией война положила конец этим работам. Материал, собранный штаб-офицерами, был сложен в архив, и даже при графе П. А. Румянцове был в беспорядке, приводившем самого его в изумление, оставаясь незаконченным. Позднее же собранный материал был, так сказать, брошен, невзирая на его важность, и предан забвению до такой степени, что считался погибшим. Относительно недавно А. М. Лазаревский нашел часть этой переписки, именно 148 фолиантов в тысячу листов каждый, в Архиве Черниговской Гражданской Палаты и передал в библиотеку Черниговского Губернского Статистического Комитета, откуда большая часть «Описи» передана была в Рукописное Отделение Библиотеки Имп. Академии Наук, где хранится и ныне, привлекая к себе внимание исследователей. Лишнее добавлять, что эта переписка практически управлению Малороссией при графе Румянцове никакой пользы не принесла.

В том же году граф Румянцов передал Малороссийской Коллегии записку «о усмотренных им в Малой России недостатках и неурядицах, о исправлении которых Коллегии трактовать должно». Записка эта является как бы сводом секретной инструкции, ему данной, и высказанного в записке, представленной им Императрице 18-го мая (о которой упомянуто выше), о замеченных им в Малороссии недостатках и необходимых переустройствах. Коллегия отнеслась со вниманием к этой записке своего президента и взгляды свои на указания графа Румянцева включила немного позднее в Наказ, врученный за подписью Румянцева депутату от Малороссии в Комиссию составления Проекта Нового Уложения, П. Д. Натальину.

В том же 1765 г. граф Румянцов издал от имени Малороссийской Коллегии указ об учреждении по всей Малороссии конной почты для надобности казенной и частной, а также Устав об этой почте (ранее этого существовало только почтовое сообщение г. Киева с Петербургом, Москвою, Глуховом и Царьградом). Этот Устав о почте графа Румянцева (позднее подтвержденный указом 21-го октября 1786 года) вводил почтовые тракты: из Глухова в Киев, Полтаву, Стародуб,

Чернигов, Переяславль; из Киева – в Стародуб и Полтаву; из Полтавы – в Чернигов, также из Александровской крепости в Крым. Почтою могли пользоваться купцы в пересылке товаров, а также всякого звания и чина люди не больше, однако, 10 пуд. клади и двух лошадей; желавшие иметь более лошадей должны были заранее уведомлять о том почтмейстера. Были установлены табели о платеже денег за вес с товаров и писем и табель прогонных денег за лошадей, доставляемых на почту обывателями. В 1776 г. Румянцов сделал распоряжение об уменьшении на некоторых станциях числа лошадей, ввиду уменьшения гоньбы за наступившим мирным временем (28-го апр. Арх. Малор. Колл., 2650), а затем, усмотрев, что ему доставляются с почты письма с поврежденными печатями или подпечатанные, предписал Малороссийской Коллегии и Глуховскому Почтовому Правлению в 1780 г., чтобы не вскрывали самовольно на почте письма и не подпечатывали бы их (д. № 2640 и 2658).

Позднее граф Румянцов (в 1787 г.) обратил внимание на неравномерность обращения почтовой повинности по вверенным ему трем губерниям и предписал для ее уравнивания, чтобы губернии, по сношению между собою, определили, какое число лошадей будет содержано каждою из них и на каких станциях. Румянцов же учредил и верстовые столбы по дорогам.

Упомянем также, что в том же 1765 году из Сената, при указе 31-го мая, было прислано графу Румянцову подробное наставление, как разводить земляные яблоки, *потетес именуемые*, т. е. картофель, а затем прислано было до 12 пудов самого картофеля. Граф Румянцов предложил этот указ к немедленному исполнению; картофель был поставлен в казенный погреб, в котором немалая часть его померзла; небольшая часть годного, около двух пудов, была роздана желающим заняться разведением этого растения, появившегося тогда в первый раз в Малороссии (Арх. Малор. Колл., № 2651, 1263).

В начале 1766 г. граф Румянцов отправился в Петербург, куда был вызываем Императрицею еще в конце 1765 года, для

обсуждения различных дел. Из Петербурга он проехал в Лифляндию, в свое имение Буршнев, где, по рассказам, пребывала близкая ему особа из Данцига, и возвратился в Малороссию лишь в конце октября месяца. Он признал полезным, ввиду большой волокиты в судах и причиняемого ею разорения казаков и коронных местечек, сел и деревень, учредить в марте 1767 г., при Малороссийской Коллегии и суде генеральном, четырех адвокатов, для помощи бедным людям, лишенным способов защищать свою пользу. Кроме того, он заботился о водворении в Малороссии колонистов в Переяславском полку, на форштадтах Киево-Печерской крепости и в пустом городке Белые Вежи, а также проектировал ряд правил об упорядочении перехода крестьян от одного владельца к другому, причем самым существенным являлось правило, что без дозволения правительства таковой переход не допускался. Прошения о переходе рассматривались в особом правлении; желавший перейти должен был предварительно отыскать землю, на которую намерен переселиться вновь.

Императрица Екатерина II, как известно, желала выслушать мнения русских людей о существующих в государстве законах и о средствах исправлять то, что казалось им дурным, для чего в Москву должны были собраться 30-го июля 1767 года депутаты, числом до 460 человек, от правительственных мест, а также от дворянства, городов, однодворцев и прочих старых служб служилых людей и, наконец, поселяне и образовать известную Комиссию для сочинения Проекта Нового Уложения, которой Императрица дала в руководство свой знаменитый Наказ, представляющий собою свод мнений, добытых наукою, о лучшем устройстве человеческих обществ, причем указывалось, что устройство страны должно соответствовать действительным потребностям и страны, и народа. Помимо этого общего Наказа, депутаты получили от своих избирателей особые частные указы, в которых были изложены местные нужды и высказаны пожелания; эти указы читались и обсуждались в заседаниях Комиссией, закрытой, как известно, гораздо ранее окончания возложенной на нее задачи – в конце 1768 года.

Указ о выборе депутатов в означенную Комиссию об уложении 1767 года возбудил в Малороссии много превратных толков и рассуждений и доставил немало забот графу Румянцову: 13-го июня 1767 г. он рекомендовал Малороссийской Коллегии разослать во все полки и Земские Суды указы, чтобы от таких рассуждений воздерживались и упражнялись в делах полезных, издал для предстоящих выборов предводителей и депутатов в Комиссию особый циркуляр, в котором предлагал: принять с радостью подаваемый всем обывателям случай к достижению общенародного благоденствия и пользоваться им прямо; обратить все свое примечание на общенародное дело, отдалив все, что блесит нашею собственною корыстью; избрать в Комиссию лиц, достойных этого, помышляющих об общенародных отягощениях, нуждах и недостатках, а не о своих собственных и т. д. Вместе с тем Румянцов принимал участие в составленном для депутатов, наказе, который заканчивался пожеланием: «да увенчает Всевышний успехами счастливое начало сего дела и да сохранит виновницу оного и российского благополучия Императрицу, объявляющую нам свои премудрые меропожелания», и т. д. Помимо этого, он приказал собрать для руководства депутатам все грамоты и указы, разновременно для Малороссии изданные со времен Хмельницкого и объясняющие положение дел, порядков и обычаев, и дать депутатам наставление о принадлежащих им делах, дабы они могли давать объяснения в Комиссии. Он старался немало влиять на выбор депутатов, просматривал внимательно списки кандидатов и писал Екатерине II о «коварстве и своеволье» украинцев, о фальшивых или невежественных «республиканских» мыслях их, что многие де проявляют стремление к восстановлению автономии Украины и ее древних прав, и т. д.

Нельзя не упомянуть, что выборы депутата в Нежинском полку и составление ему наказа, вызвавшие небольшое разногласие среди избирателей, дали повод генерал-губернатору графу Румянцову возбудить уголовное преследование против лиц, действовавших, по его мнению,

неправильно. Сенат утвердил это мнение графа Румянцева и предал обвиняемых суду по принадлежности: воинских лиц – суду воинскому, а гражданских и неслужащих – гражданскому. Состоявшиеся, однако, не без влияния Румянцева, суровые приговоры об означенных лицах были, при рассмотрении оных Сенатом, значительно смягчены, и вместо всякой ссылки Сенат определил посадить обвиняемых всего на шесть недель в тюрьму. Императрица же, на Высочайшее утверждение которой это определение Сената поступило, собственноручно написала 15-го января 1770 г.: «Бог простит», и осужденные были таким образом совершенно оправданы.

Стараясь искоренять в народе суеверие, противное чистому разуму и вере, граф Румянцов предписал, 4-го августа 1767 г., послать по всей Малороссии публикацию с объяснением, что различные колдовства, чародейства и пр. сами по себе никакой силы не имеют и не опасны, и потому нет основания придавать им какое-либо значение. Равным образом, в 1767 г. он обратил внимание на обучение казачьих детей грамоте и военной экзерциции.

Румянцов заботился также о равномерности взимаемых с населения повинностей всякого рода, о том, чтобы таковые взимались одинаково с казаков и посполитых и с этою целью разделил в 1767 году Малороссию на 20 комиссарств, по способности положения сотен и по уравниению в них числа хат по последней ревизии, возложив на этих комиссаров заведование сбором всяких податей и повинностей.

В 1768 г. графом Румянцовым были изданы различные ордера (предписания) Малороссийской Коллегии о принятии мер против пьянства, «порока толь мерзкого, от которого текут наибольше злые дела», о нечинении шума, беспокойства, драки и т. д., о различных перекупщиках, о воспрещении в городе грабить проезжих людей, делать им какие-либо утеснения, самовольно чинить себе удовлетворение в претензиях, а также о прекращении всяких непорядков в Судах и различных злоупотреблений при производстве служащих в чины и т. д.

Вскоре, однако, события в соседней с нами Польше, а затем возникшие войны с Турциею, в которых граф П. А.

Румянцов приобрел столь большую славу, отвлекли на долгое время его внимание от управления Малороссиею; он принужден был даже, в начале 1769 года, все главное управление краем возложить на члена Малороссийской Коллегии князя Мещерского, поручив в то же время генеральному судье Журману наблюдение и осмотр судебных установлений, оставив за собою только дела о назначении и увольнении различных должностных лиц, в Малороссии состоящих (Арх. Малор. Колл., № 2655).

Еще в 1764 г. возникла у нас война с Польшею из-за предоставления православным и другим некотолическим обывателям (диссидентам вообще) прав наравне с католиками. Католический фанатизм поляков этому противился всеми силами, а слабый король Станислав Понятовский нерешительностью своею и уклончивыми действиями довел до того, что русские войска в феврале 1767 г. вступили в пределы Польши на подкрепление находившихся уже там ранее русских войск. В Польше образовались конфедерации в Баре, Радоме, Слуцке и других местах, поднявшие знамя восстания, на усмирение которых и двинулись русские войска. Преследуя польских мятежников, значительный казацкий отряд въехал в село Балту, на Польской границе с Турциею, принадлежавшее хану Крымскому, убил несколько татар и турок и проник до Дубоссар (также ханской вотчины) и сжег этот город. Это явилось предлогом для Турции объявить России войну в марте 1769 года. Императрица Екатерина II при этом созвала особый совет (открывший свои действия 4-го ноября 1768 г.) и повелела образовать 3 армии: *первую* – наступательную, под начальством князя Голицына для действий на Днестре, против Хотина; *вторую*, украинскую – под начальством графа Румянцева, которая собралась около Бахмута и Усть-Самары для действий со стороны Крыма, и *третью* под командою генерал-аншефа Олица, имевшую назначением служить как бы резервом для первой армии. Голицын еще в 1769 г. подошел к Хотину, имел незначительное дело с турками 19-го апреля, после чего переправился обратно через Днестр по недостатку продовольствия и, отступив затем к р. Бугу, стал близ

Меджибожа, в окрестностях Деражна. Скоро турки, переправясь через Дунай, поднялись по р. Пруту до Балты и Рябой Могилы. Не желая допустить их до г. Каменца-Подольска, князь Голицын 8-го июня двинулся на них и 1-го июля подошел к Пашковцам (в 6-ти верстах от Хотина) и нанес туркам 2-го июля поражение, после которого имел с ними еще большое дело 29-го августа при переправе турецких сил через Днестр у Браге, а затем – дело 6-го сентября, после которого турки 9-го сентября очистили Хотин, немедленно занятый нашими войсками. Наступившая холодная и ненастная погода побудила князя Голицына с главными силами отойти опять к Меджибожу. Тем временем Императрица, недовольная его нерешительными действиями в начале кампании, назначила на его место графа Румянцова, прибывшего к 1-й армии 17-го сентября, в то время, как она находилась в м. Черчи.

Позднее время года побудило нового начальника расположить только что вверенную ему армию на тесных квартирах между Днестром, Бугом и Збручем, причем главная его квартира была перенесена в село Тинну. Граф Румянцов занялся устройством вверенной ему армии, укомплектованием ее полков, снабжением их всем необходимым для предстоящей кампании и также составлением плана оной. Екатерина II требовала от него самых решительных действий и подстрекала его самолюбие. Румянцов, по плану, предположил для 1-й армии – не допускать турок занимать Молдавию и часть Бессарабии, тогда как 2-я армия, перешедшая под начальство Петра Ивановича Панина, будет осаждать Бендеры и охранять наши южные границы со стороны Очакова и Крыма. Предположено было устроить флотилию на Азовском море и овладеть Керчью, Еникале и Таманью (в устье реки Кубани). Еще зимою наши войска старались вытеснить турок, находившихся в Молдавии и Валахии, за Дунай. Штофельн направил отряды к Журже, и один из них, под командой майора Анрепа, потерпел поражение при монастыре Комане на р. Аржисе, причем сам Анреп был убит. К весне 1770 г. пространство от Прута до Ольты было очищено нами от неприятеля, и 23-го апреля, несмотря на затруднения и

малочисленность полков своей армии, Румянцов выступил из зимних квартир к Хотину, имея двухмесячный запас провианта в полковых и наемных подводах. Армия его, в составе около 36700 человек, собралась к Хотину 12-го мая и вскоре встретилась не только с полчищами турок, но также с различными климатическими невзгодами (частые дожди, сильные жары, сменяемые холодными ночами, и т. д.) и с опасностью свирепствовавшей в Молдавии чумы, от которой уже погиб Штофельн. Эта опасность чумы побудила графа Румянцева направить армию по левому берегу Прута. Отойдя от Хотина 130 верст, он остановился, чтобы лучше изучить пути и местность дальнейшего его движения и дожидаться вместе с тем приближения к Бендерам 2-й армии Панина.

Рекогносцировки, им произведенные, вскоре открыли присутствие значительных турецких сил, а затем и лагерь до 50000 Крымских татар, под начальством хана, против Рябой-Могилы на р. Пруте. Движения графа Румянцева побудили неприятелей снять лагерь и удалиться за р. Ларгу, при которой вскоре, 5-го и 7-го июля, произошло большое сражение. Турки под начальством Абди-паши и Крымский хан не хотели без боя уступить занимаемой ими сильной и укрепленной позиции за р. Ларгою. Граф Румянцов, перейдя р. Цыганку, тремя каре атаковал их с фронта (5-го числа), тогда как, с главными силами пехоты и большею частью конницы, он решился нанести врагам удар обходом занимаемой ими позиции. Поражение неприятелей было полное: победителям достались роскошные палатки трех пашей и Крымского Каплан-Гирея, 8 знамен, 33 орудия. Румянцов был награжден орденом св. Георгия 1-го класса; он первый получил этот высокий знак незадолго перед этим вновь учрежденного военного ордена. Потери его армии были совершенно незначительны. Граф Румянцов немедленно выслал вперед два авангарда, доставившие сведение, что передовой отряд неприятеля стоит на левом берегу р. Кагула; левее, за озером Елпук, верстах в 20-ти от передового отряда, стояли татары. Имея продовольствия всего на 3–4 дня, граф Румянцов не решился двинуться немедленно, не выждав шедших сзади обозов, а тем временем силы врагов возросли;

турок стало 150000, в том числе 100000 конницы, собранной со всех мест, где она славилась. Граф Румянцов мог отступить на соединение со 2-ю армиею, но, держась правила «не считать врага, а только искать его», решился атаковать турок 21-го июля, прежде, нежели татары успеют напасть на него с другой стороны. Сделав все необходимые распоряжения для атаки неприятельской позиции, прикрытой ретраншементами, имевшими общий вид вогнутой, серпообразной дуги, граф Румянцов на рассвете перешел Троянов вал, построил армию в пять каре и подвергся немедленно нападению турецкой кавалерии со всей линии, около 4-х часов утра. После жестокой пальбы эта атака была отбита и в 8 ч. утра Румянцов двинулся на ретраншементы. При этом, когда каре Племянникова подходило для овладения ретраншементом, янычары, внезапно выскочив из лощины с саблями в руках, толпою ударили на правый фас каре и в самый его угол, смяли его, ворвавшись в каре, и своею превосходною силою замешали полки, составлявшие это каре, и пригнали их в каре генерала Олицы. Увидев это, Румянцов сказал ехавшему с ним Принцу Брауншвейгскому: «Теперь настало наше время», бросился к бегущим, несмотря на явную опасность, и словами «Стой, ребята» удержал бежавших, ободрил их, повел на янычар, приказав в то же время «ударить на них наихудшее из своих батарей». Вскоре великая часть янычар, общими усилиями нашей пехоты и конницы и огнем артиллерии, была перебита. Визирь, увидев павшими свои лучшие войска, побежал из лагеря во всю мочь со всеми войсками. Воронцов с батальоном егерей взошел в ретраншемент на оконечности левого фланга и овладел находившимися тут батареями. Полки Племянникова и Бауера непрерывно преследовали турок по берегу р. Кагула. Потери турок были громадны – до 20000 человек. Победителям достались знамена, бунчуки, палатки, верблюды, разный скот, экипажи, провизия, фуры с провиантом, 203 орудия и до 2000 пленных. Екатерина II наградила графа Румянцева очень лестным рескриптом, возвела его в звание фельдмаршала и учредила для нижних чинов, участвовавших в этой битве, особую медаль на голубой Андреевской ленте с надписью:

«Кагул июля 21-го дня 1770 г.». На другой день битвы отслужено было торжественное молебствие в армии, со 101 пушечным выстрелом и троекратным залпом.

После этого незначительные турецкие крепости на левом берегу устьев Дуная стали сдаваться войскам графа Румянцова, кроме сильно укрепленного города Браилова в Валахии, для овладения которым был послан довольно сильный отряд под начальством ген.-майора Глебова, в конце сентября 1770 года. Не имея осадной артиллерии, представлялось мало вероятия овладеть этою крепостью, и граф Румянцов приказал Глебову не вдаваться в рискованные предприятия до прибытия к нему осадной артиллерии от графа Панина из Бендер. Эта осадная артиллерия прибыла, заставила замолчать один из бастионов крепости, сбила многие орудия, но зарядов в артиллерии оставалось на один день, а между тем было получено известие об ожидаемом прибытии в Браилов значительного подкрепления. Глебов, отряд которого был очень ослаблен сильными вылазками турецкого гарнизона, вместо того, чтобы отступить, решился на отчаянное предприятие – на штурм крепости, укрепления которой оставались еще в целости. Произведенная им 24-го октября атака трех бастионов крепости тремя особыми колонками по 500 чел. в каждой (четвертая, в 200 чел. должна была производить фальшивую атаку) не имела успеха; мы потеряли более двух третей сражавшихся; у Глебова оставалось способных носить оружие только 1700 человек, и он принужден был поспешно снять осаду и отступить в ту же ночь к Максименам. Чрез четыре часа после снятия осады в Браилов действительно вступил, присланный на помощь гарнизону, сильный отряд турок. Граф Румянцов, в свою очередь, также послал Глебову подкрепление в Максимены из 4-х полков пехоты и одного батальона гренадер, под начальством генерал-майора Хераскова. Тем временем возникли переговоры о прекращении войны между Россиею и Турциею, и Румянцов, усматривая, что взятие вами Браилова может значительно способствовать достижению нами более льготных условий этого мира, решил еще до наступления зимы овладеть Браиловом и очистить всю Валахию от турецких войск. Уже 10-го ноября нами

занята была Тульча, после чего турки поспешили очистить Браилов, который и был занят нашими войсками. Это чрезвычайно встревожило визиря, стоявшего в Исакчи. Вскоре после этого Гудович занял 14-го ноября Бухарест, а затем сам граф Румянцов из Фальчи двинулся в Яссы и торжественно вступил в этот город. После этого наши войска расположились на зимние квартиры. Турки только со стороны Журжи питались двинуться по дороге в Краиову, но вскоре были разбиты Кречетниковым в сражениях 16-го и 20-го декабря при р. Аржисе, а затем, 24-го декабря, при Браковано, после которого, 28-го числа, Кречетников занял Краиову, чем и закончилась кампания 1770 года. Во время этой кампании наш флот под начальством Ф. Г. Орлова действовал в Морее, занял Корону, Наварин и разбил турецкий флот при Хиосе, а затем, 24-го июля, при Чесме.

Армия наша требовала отдыха и пополнения ее боевых сил, а также всякого рода военных запасов. По распоряжению графа Румянцева из России посылались в армию самые необходимые предметы (сапоги, башмаки, сукно, холст, ранцы, палатки и т. д.) на подводах, под конвоем особых воинских команд из Полонного, нередко очень запаздывавших своим прибытием по причине худого состояния дорог, осенней и зимней непогоды, ненастья и пр.

Немало препятствовала снабжению армии чума, появившаяся в то время в пределах Империи. Графа Румянцева очень заботило продовольствие армии, доходившей до 38000 человек. По примеру минувшей кампании были учреждены опять три линии запасных магазинов; для скорейшего движения транспортов устроены особые станции с подводами; самый путь движения был сокращен и направлен от Киева чрез Польшу до Сорок на реке Пруте и затем – по Молдавии к Фальче, Яссам и далее в Бухарест. Учреждены были госпитали, но недостаток топлива очень отягощал положение больных. Нельзя не упомянуть, что турки также позаботились об устройстве своей армии: улучшили артиллерию при содействии французских офицеров, устранили иррегулярные войска с главного театра войны, а главное –

изменили самый образ ведения ими войны: они стали вести войну оборонительную, заперлись в своих крепостях и заняли по возможности сильные позиции.

По плану кампании, составленному в Петербурге, предназначено было в 1771 году главным образом действовать в Крыму и завоевать его; эта задача была возложена на князя В. М. Долгорукова. Армия графа Румянцева должна была охранять места, занятые на левом берегу Дуная, и делать поиски на правый его берег, к Журже, Исакке, Тульче. Для этого местными средствами граф Румянцов устроил флотилию на Дунае. Кампания 1771 г. открылась рано весною удачными для нас делами генералов Вейсмана, Гудовича и князя Репнина. Граф Румянцов, ожидая нападения турок со стороны Браилова, приказал сделать поиск к Тульче храброму Вейсману, который и овладел ее батареями. Турки отступили к Бабадагу. Этим был расстроен план турок в самое Светлое Воскресенье, 27-го марта, произвести нападение на нашу сторону. После этого, 15-го апреля, Вейсман делал поиски к Браилу и Исакке, но овладеть замком в Исакке не мог, а потому, оставив около него отряд, чтобы не выпускать турок, отошел назад. В то время турки пытались делать поиски на нашу сторону близ Виддина, но были отражены 18-го мая Гудовичем, после чего занявший его место князь Н. В. Репнин подошел к гор. Турно, но штурмовать его не решился и стал отходить к Бухаресту. На пути он узнал, что турки в значительном числе двинулись на Слободзею, близ Журжи, намереваясь вторгнуться в Валахию и овладеть Бухарестом, а потому князь Репнин направился также к Журже. Во время этих движений турки подошли к Журже, а комендант ее, генерал Гензель, не уверенный в успехе обороны крепости, сдал ее туркам, по их требованию, 29-го мая, в 10 ч. вечера, выговорив почетный выход всему гарнизону. Через несколько часов подошел князь Репнин, но не решился вступить в бой с турками, имевшими теперь в Журже до 14000 человек, и отошел, как и намеревался ранее, к Бухаресту. Граф Румянцов предал Гензеля суду, приговорившему его к вечной каторге, но этот приговор был смягчен, по ходатайству самого же графа Румянцева, указом от 14-го декабря 1771 г.

Занятие Журжи придало смелости туркам и они стали тревожить наши посты на р. Яломице. Граф Румянцов предписал Вейсману предпринять поиск на Измаил, а князю Репнину – охранять сообщение с Браиловым через Яломицу, сам же двинулся из Фальчи к Водянам. Вскоре получив известие, что турки из Журжи и Мачина намерены напасть на Браилов, а из Гирсова – на посты по р. Яломице, граф Румянцов предложил Репнину перейти в наступление. Турки же переменили свое направление, двинувшись не на Браилов, а на Бухарест. Поэтому и Репнин отступил к Бухаресту и 30-го июня при Вакарешти разбил турок. После этого граф Румянцов предложил князю Репнину овладеть Журжею, что последний исполнить был не в состоянии, потому что в этой крепости имелся гарнизон в 15000 человек. Притом дороги до Журжи были в дурном состоянии и пересекались тяжелыми дефилями. Помимо этого у князя Репнина было провианта всего на 2 недели, т. е. до 1-го июля, и неоткуда было его получить; на местные же средства нельзя было рассчитывать, так как обыватели были сами в крайности. Солдаты получали половину дачи хлеба, а в иных отрядах вместо хлеба выдавали мешанину из кукурузы, проса и плохой муки. Обувь и одежда были в отчаянном состоянии. К довершению всего не было при отряде ни волов, ни лошадей. При таком положении нельзя было помышлять о наступлении в Журже, имея всего 17500 солдат, которыми кн. Репнин должен был держаться к Валахии и защищать огромное пространство по течению р. Дуная. К тому же слухи, что, по переговорам о мире, Дунайские княжества отойдут обратно в Турцию, напугали жителей и они избегали чем-либо помогать войскам Репнина, чтобы не навлечь на себя за это мщения турок впоследствии. Граф Румянцов, решившись не очищать княжеств, изменил расположение своих войск и приказал Вейсману сделать во что бы то ни стало поиск на правую сторону Дуная. Вейсман 11-го июля двинулся на судах к Тульче, штурмовал ее и занял город, ретраншемент и до 43 судов. Уничтожив все, что было возможно, Вейсман отошел к Измаилу. Это движение его побудило турок отказаться от всяких

решительных действий не только близ Тульчи, но и в других пунктах.

Граф Румянцов же все настаивал на движении вперед. Осторожный кн. Репнин, предполагая в турках более решительности и более военных знаний, находил свое положение на р. Самборе безвыходным, чего не разделял граф Румянцов. Это побудило князя Репнина просить увольнения от армии по болезни. Преемником его 19-го июня 1771 г. был назначен генерал Эссен, который, найдя принятые графом Румянцовым меры для охраны княжеств недостаточными и находя, что с вверенными ему войсками он не в состоянии что-либо сделать, а тем менее идти к Журже, требовал присоединить к нему еще отряд Бауера. Между тем, сильный разлив рек Дуная, Самбора и Серета совершенно отделил войска Эссена от остальной армии. Граф Румянцов советовал Эссену выманить турок в открытое место; он последовал этому и 6-го августа произвел весьма неудачное для нас нападение на турок, которые защищались отчаянно. Эссен был принужден отступить к деревням Боне и Груе; турки его, впрочем, не преследовали. Императрица, утешая графа Румянцева в этой неудаче, писала: «Бог много милует нас, но иногда и наказует, дабы мы не возгордились. Но как мы в счастье не были горды, то надеюсь, что и неудачу снесем с добрым духом; сие же несчастье, я надежна, что вы не оставите поправить, где случай будет». Румянцов не переставал высылать на поиски: Вейсмана – в нижнюю часть Дуная, а Бауера – к Тирсову. В октябре месяце Вейсман, 19-го числа, овладел Тульчею, захватил 36 пушек, 80 орудий и затем, преследуя турок, овладел Бабадагом и сжег его. 20-го числа Эссену удалось разбить турок близ Бухареста, а 23-го числа того же месяца Вейсман занял Журжу и ее замок, брошенный турками; он хотел идти на Мачин, но, узнав, что этот город взять Милорадовичем, 21-го октября направился на Исакчу, которым скоро овладел. Этим окончился поход графа Румянцева 1771 года²³; наши войска расположились на зимних квартирах; сам граф Румянцов пребывал в Яссах, готовился к предстоящей новой кампании и

писал в Петербург о доставке рекрут для пополнения армии, лошадей – для кавалерии и т. д.

В это время он получил из Константинополя сообщение от представителей Пруссии (Цегелина) и Австрии (Тугута), что Турция согласна приступить к переговорам о мире, на условиях, ею предложенных; это же подтвердил и великий визирь Муссин-Углу, домогаясь, чтобы местом для предварительных переговоров о мире, а затем и для конгресса был назначен не Измаил, а Бухарест или Фокшаны, как места, удаленные от военных действий, и чтобы срок перемирия был назначен по 1-е июля 1772 г., с тем, что этот срок будет продолжен еще на три месяца, если мир почему-либо не будет заключен к 1-му июля. Демаркационной линией определялся Дунай. Перемирие распространялось и на действия нашего флота на морях. Граф Румянцов, соглашаясь на ведение переговоров о мире в Бухаресте, не брал на себя распространения перемирия на действия флота и находил нужным оговорить, чтобы разоренные нами крепости и города по Дунаю не возобновлялись во время перемирия, которое он не признавал возможным продолжить более 1-го июля. Визирь со всем этим согласился, и уже 9-го апреля 1772 г. уполномоченные обеих держав приступили в Журже к переговорам, скоро благополучно достигшим окончания, как вдруг из Петербурга получено было предложение принять на время перемирия другие условия и изменить некоторые пункты, по которым уже состоялось предварительное соглашение съехавшихся уполномоченных. Визирь был этим очень изумлен, написал графу Румянцову довольно резкое письмо, на которое последний ответил ему, что ведет переговоры вполне самостоятельно, имея на то уполномочие Ее Величества, добавив, что, в доказательство сего, он приказал своему комиссару, если это непременно надобно, заключить перемирие и на тех прежних пунктах, которые согласились было подписать 22-го апреля оба комиссара (т. е. ст. сов. Симолин с нашей стороны и Абдул-Керим-эффенди – с турецкой). Условия перемирия после этого были подписаны и местом для переговоров о мире избран г. Фокшаны. Уполномоченными были назначены с нашей стороны

граф Гр. Орлов и т. с. Алексей Мих. Обрезков, освобожденный из заточения в Константинополе; съехаться решено было 15-го июля. В Руцук не замедлили прибыть Тугут и Цегелин – в качестве представителей посредствующих держав (Австрии и Пруссии), сопровождаемые турецким посольством, и уведомили Румянцова о готовности своей отправиться в Фокшаны. Однако оба представителя не были приглашены на первое заседание: им было объяснено, что Россия не искала и не принимала их посредничества в переговорах с Турцией, а только одно их содействие к примирению. Тугут и Цегелин этим удовольствовались и остались в Фокшанах. На конгрессе возникли жаркие споры о независимости Крымских татар от султана, об уплате военных издержек России и т. д. Турки выказывали себя крайне настойчивыми и неуступчивыми, уповая, вероятно, на поддержку иностранных держав. Видя это, граф Орлов 28-го августа уехал в Петербург, а Обрезков – в Яссы к графу Румянцову, турецкие же уполномоченные – в Руцук. Визирь, узнав об этом, 7-го сентября просил графа Румянцова продлить перемирие хотя бы на девять дней, но граф Румянцов не согласился и стал подвигать свои отряды на Дунае, хотя армия его далеко не была вполне устроена.

Но вести войну с Турцией в 1772 году нам представлялось очень нежелательным: государство наше было немало истощено войнами предшествовавших годов; в армии была большая убыль людей. Кроме того, моровая язва проникла уже в Москву, на северо-востоке Империи быстро распространялся бунт Пугачева; к тому же надвигалась еще война со Швецией. Поэтому граф Румянцов согласился продолжить перемирие, по просьбе визиря, до 20-го октября, надеясь этим путем восстановить переговоры, что и было вскоре достигнуто. 21-го октября открылся новый конгресс, но уже в Бухаресте, где имелись более удобные и теплые помещения. Нашим представителем был Обрезков, а турецким – рейс-эфенди Эльхазин Абдул Резак. Он предъявил в первом собрании просьбу о продлении перемирия, находя невозможным окончить переговоры к истечению срока установленного перемирия.

Абдул Резак соглашался при этом на предоставление русским торговым судам различных преимуществ и желал, чтобы вопрос о независимости Крымских татар был бы решен так, чтобы устранялись в будущем возможные столкновения России и Турции по этому поводу. Граф Румянцов согласился прекратить военные действия долее срока, назначенного перемирием, и продолжать перемирие сообразно с ходом переговоров на конгрессе. Главным затруднением явились теперь условия о Крымских городах, которые Россия требовала для себя. После многих и долгих препирательств уполномоченные окончательно договорились на уступку России Азова и Таганрога, на известные гарантии для грузин, молдаван, казаков, на торговлю русских подданных на Черном море и Архипелаге и т. д. Но турки упорно отказывались уступить Керчь и Еникале. Кроме того, турецкие уполномоченные не решались взять на себя ответственность за уступку России некоторых крепостей в Крыму и признание гарантий России над татарами. Обрезков, истощив все средства привести переговоры к желаемому концу, уехал из Бухареста 11-го февраля 1773 года, а затем уехали и уполномоченные Порты, согласившись установить между собою переписку по вопросу о мирных переговорах, несмотря на то, что военные действия с нашей стороны были возобновлены немедленно, по разъезде уполномоченных, так как Румянцов получил от 28-го февраля 1773 г. Высочайшее повеление вынудить у неприятеля силою оружия то, чего доселе нельзя было достигнуть переговорами, и для того с армиею или частью ее перешел Дунай, атаковать визиря и главную его армию. По плану войны, армии графа Румянцева, значительно усиленной, предстояло перейти Дунай и направляться к Константинополю, куда Азовская флотилия должна была также перевезти войска из Малой Азии и сделать десант. Однако армия графа Румянцева не была еще усилена и не была пополнена; двинуться чрез Дунай в Балканы, при натянутых наших отношениях с Австриею, было очень рискованно, тем более, что и турки собирали значительные силы. Граф Румянцов еще ранее, 13-го марта 1772 г., писал Императрице, что «не предвидит удобств в распространении в даль действий с

настоящим числом ему вверенных войск, которое довольно обременяется защитой и пространством завоеванных земель и крепостей».

Теперь же, в 1773 г. он встречал еще большие затруднения исполнить желание Ее Величества, хотя имел армию уже в 77000, которая должна была, однако, охранять Дунай на протяжении 750 верст, защищать княжества, оберегать тыл армии от Польши и т. д. Он писал 25-го марта 1773 г., что овладение 7 крепостями штурмом или продолжительною осадой потребует много времени и много людей; если же перенести войну за Дунай не овладев крепостями, то, вероятно, турки удалятся в горы, и мы, не имея возможности углубиться внутрь страны или в горы, принуждены будем уйти назад без всякого результата. Он предлагал в 1773 г. действовать против турок малыми отрядами, близ берегов Дуная, и по мере благоприятных обстоятельств углубляться вперед. При этом он добавлял: «не имев и в лучшем веке больших способностей и искусства, в преклонном ныне чувствую, если не от долговременных трудов, то от частых припадков, всю слабость и оскудение в силах и не могу иметь довольно доверенности к своим средствам и мероположениям».

Граф Румянцов стал тревожить турок близ Силистрии; турки нападали со стороны Гуробала, а хан татарский – со стороны Шумлы к Плевне. Граф Румянцов собрал много судов для переправы чрез Дунай, но предпринять что-либо решительное было очень трудно: дороги были непроходимы от грязи, подножного корма не было, кавалерия бедствовала, войска были изнурены, прибывшие рекруты – незнакомы с военным делом. Появилась в армии болезнь – скорбут, армия была недостаточна, не укомплектована и разбросана на большом протяжении. При такой обстановке получено было из Петербурга предписание открыть решительные действия на правом берегу Дуная и атаковать визиря. Не решаясь явиться ослушником царского приказа, граф Румянцов спросил мнения главных начальников ему подчиненных войск о перенесении войны за Дунай. Большинство из них находило невозможным двинуться на визиря, не овладев Шумлою или Силистриею. Чтобы

прекратить частые поиски турок на нашу сторону, Вейсман, по приказанию графа Румянцова, делал также поиски к Бабадагу (17-го апреля), Карасу (20-го апреля) и Карауману; известный А. В. Суворов овладел 9–10-го мая Туртукаем, причем захватил 12 пушек и много судов, а Текелий – делал поиск к Мавродину (15-го мая) и Турно (19-го мая). Около этого времени граф Румянцов, с главными силами, перешел из Фокшан к Браилову и после вторичного поражения Вейсманом турок у Карасу 27-го мая совершил переправу чрез Дунай 5-го июня, у Гуробала, в 30 верстах от Силистрии, куда было доставлено все необходимое для этой переправы. Заняв Гуробал, граф Румянцов немедленно двинулся к Силистрии и 12-го – 18-го июня открыл решительные против нее действия, при палящей жаре днем, причем по ночам было, однако, холодно. Осман-паша, стоявший особым лагерем, был разбит 12-го июня. Подойдя еще ближе к Силистрии, Румянцов овладел нагорным редутом 18-го июня, после продолжительного сражения, причем на помощь туркам подошел отряд Черкал-паши, который также был разбит. Содействовать Румянцову в действиях против Силистрии должен был граф Ив. Петр Салтыков, нерешительность которого дала туркам возможность сосредоточить у Силистрии большие силы и тем воспрепятствовать намерениям графа Румянцова. В самой Силистрии было до 30000 войска и к ней подходило еще 20000. Собранный графом Румянцовым военный совет решил очистить занятый нами редут. Наступивший дожди воспрепятствовали совершить предположенные передвижения войск, и 20-го июня граф Румянцов отступил от Силистрии к Галацу. Вскоре было получено известие, что на нашем левом фланге, между двумя деревнями Биюк и Кучук-Кайнарджи появились турецкие войска, угрожавшие тылу нашей армии при ее отступлении; это были лучшие турецкие войска в числе 30000 чел. под начальством Нуман-паши, рассчитывавшего на полное уничтожение нашей армии. Вейсман, осматривавший их позиции 22-го июня, вступил с ним в бой и совершенно разбил турок, но был сам убит. Нуман-паша бежал к Базарджику. Это поражение навело страх на турок, и визирь, покинув Шумлу, ушел в Румелию.

На собранном 24-го июня военном совете решено было отказаться от дальнейших действий за Дунаем, за отсутствием подножного корма. Отступление наше ободрило турок. Они собрались около Шумлы и стали делать в разных местах нападения на левый берег Дуная. Главная квартира графа Румянцева была в Жигалеве против Гуробала, а затем в Браилове. Граф Румянцов писал Ее Величеству свое известное письмо, в котором говорил, что персональные неприятели выводят его на пробу жестокую; что все генералы, с ним бывшие – свидетели, сколько он старался, не щадя ни трудов, ни жизни, выполнить волю Ее Величества; что, имея под именем армии только корпус в 13000 пехоты, он разбил турок; что в походе этом очень утомлены люди и лошади; что если продолжать действия за Дунаем, то надо не удвоить, а утроить армию и т. д. Граф заканчивал свое письмо словами, что *«охотно желает увидеть на своем месте здесь такового, кто лучше находит моего способы удовлетворить Высочайшей воле Вашего Императорского Величества и благу отечества, сим обоим драгоценным предметам»*.

Императрица в известном письме своем от 18-го июня 1773 г. по пунктам опровергла все высказанное графом: она прямо заявила, что неприятелей его, на которых он жалуется, не знает и о них кроме, как от него, не слыхала, да и слышать не может, *«ибо я свой слух закрываю от всех партикулярных ссор»*, и т. д. В сражениях де не число побеждает, но доброе руководство командующего, совокупленное с храбростью, порядком и послушанием войск... Удвоить и еще менее утроить армию она не в состоянии и сверх того, не почитает сие за полезное. Руки она ему не связывает, и как теперь, так и прежде в совершенной воле Румянцева состоит наносить неприятелю все те удары, которые, по мере сил его, Бог ему на сердце положит... Конечно, она сердечно жалеет о его болезни, но со всем тем, если бы по человечеству свойственным припадкам он, к общему сожалению и ее также, не в силах продолжать искусное свое руководство, то и в сем случае *«она поступила бы с обыкновенным своим ко всем в подобных обстоятельствах находящимся уважением»*. Фельдмаршал, немного возражая в

ответном письме, высказывал надежду, что ему разрешено будет, в случае дальнейшей болезни, отлучиться по крайней мере «куда-нибудь под кровлю, ради спасения последних его жизненных сил».

Между тем граф Румянцов составил новое расположение своей армии и стал выжидать удобного случая для решительного предприятия против турок, не давая им возможности предпринять что-либо против наших войск. Вскоре турки обратились к Гирсову, куда еще ранее был выслан Милорадович, 30-го июля, принудивший турок отступить; равным образом неуспешны были их нападения на Журжу и Гирсово, а 3-го сентября Суворов разбил их под Карасу, чем граф Румянцов был очень доволен. Через несколько дней, 16-го сентября Салтыков разбил турок у Баронешти, но страшная жара не дала ему возможности их преследовать. Императрица была довольна этими действиями фельдмаршала и подтверждала свою волю возобновить решительные действия за Дунаем. Граф, зная, что осенью турецкие войска расходятся по домам, решил опять переправиться в разных местах чрез Дунай и появиться неожиданно для турок. Он намеревался атаковать их у Карасу, двинуться к Шумле и Варне и овладеть ими; для отвлечения внимания турок от этих мест он делал демонстрации к Силистрии и Рущуку. Согласно этому, Суворов имел 7-го октября удачное дело против турок у Карасу, а затем Унгерн и кн. Долгоруков заняли 23-го октября Базарджик. Граф Румянцов предписал им употребить все усилия к занятию Варны и особенно Шумлы, где была главная квартира визиря. Штурм Варны, произведенный Унгерном 30-го октября, был неудачен, и он пошел к Аджемилиеру; Долгоруков же, двигаясь по направлению к Шумле, разбил близ Козлуджи турок, но, узнав о неудаче Унгерна, отошел к Карасу. Граф Румянцов, до болезни своей, оставался в Браилове все время. Вскоре оба упомянутые отряда отошли с правого берега Дуная, и армия стала располагаться на зимние квартиры, произведя еще диверсию к Рущуку, причем Салтыков имел удачное для нас дело с турками при Мавродине 3-го ноября, после которого овладел Мавродинским редутом и обложил Руцук, не имея

способов его штурмовать. Главная квартира Румянцева была в Яссах. Армия его, истомленная в 1773 г. различными переходами, стояла теперь в совершенно опустошенных княжествах Валахии и Молдавии, не имевших ничего необходимого для снабжения армии; приходилось все привозить из отдаленных мест. Жители относились недружелюбно к Русской армии, которая была малочисленна и расстроена. Сообщение с Империею, по отдаленности и плохим путям, было чрезвычайно затруднительно. Сам Румянцов впал в тяжелую болезнь, от которой, однако, оправился.

Он стал готовиться к новой кампании с весны 1774 года, по плану которой надлежало перенести военные действия за Дунай, оставив отряд Ив. Петр. Салтыкова для обеспечения наших сообщений чрез Молдавию и Валахию и со стороны не взятых крепостей и, постепенно занимая новую страну, проникнуть до Балканских гор, но не переходить их. Исполнение этого плана было очень затруднительно. Турки заперлись в крепостях и сильных позициях, находившихся на пути движения наших войск и на флангах; оставить эти крепости, не заняв их нашими войсками, не было возможности. Сообщение чрез Дунай происходило на небольших судах; мостов чрез Дунай не существовало, они снесены были водою. Охрана и оборона устьев Дуная вынуждала отделить для этого из состава армии значительный корпус. Тем не менее, граф Румянцов решился действовать наступательно за Дунаем, хотя распускал слухи, что ограничится оборонительными действиями. Императрица одобрила это, приказала снарядить новую эскадру в Петербурге для отправки ее в Архипелаг; Азовской же флотилии было предписано охранять Крым и отвлекать турецкий флот. Такое же назначение получила и вторая армия. Румянцов с вверенными ему войсками должен был перейти Дунай, направиться к Шумле, изгнать визиря, овладеть Варною и начать трактование о мире, крайне необходимом в это время не для нас одних. Нуждались в мире и турки: об этом извещал Румянцева Прусский уполномоченный Цегелин из Константинополя, а также и великий визирь, выражавший желание прекратить пролитие крови утверждением спасительного мира. Равным образом

турецкие уполномоченные, бывшие на конгрессах в Фокшанах и Бухаресте, писали о желании окончить войну, высказывая надежду на успех новых переговоров. В Константинополе в начале 1774 году умер султан Мустафа; преемник же его, брат его Абдул-Гамид, ретиво готовился к дальнейшей войне и намеревался одним решительным ударом начать и кончить кампанию. Граф Румянцов знал, что султан при переходе чрез Дунай не застигнет вверенной ему армии врасплох, но сам долго не решался двинуться за Дунай, тем более, что стояла стужа, и не было подножного корма. К тому же рекруты не все подошли, и армия не была еще вполне снабжена всем необходимым. Не прекращая военных приготовлений, граф Румянцов вступил в переписку с великим визирем и сделал новые назначения начальников вверенных ему войск. Командование центром армии, или главною армиею у Браилова он сохранил за собою; левое ее крыло у Измаила предоставил М. Ф. Каменскому. Правое крыло, при Слободзее, до прибытия князя Н. В. Репнина, поручено было А. В. Суворову, командовавшему резервом при р. Яломице и охранявшему Гирсово. Корпус И. П. Салтыкова охранял Журжу и Банат. С открытием военных действий надлежало делать поиски у Рущука и Орсова.

В апреле месяце Каменский переправился чрез Дунай, дошел до Карасу; вместе с ним перешел у Тирсова и Суворов; они оба направлялись на Шумлу, где находился визирь. В первых числах мая перешел р. Яломицу Репнин и стал у Слободзеи, готовый двинуться к Силистрии. Граф Румянцов приказал Суворову и Каменскому самим условиться между собою об их дальнейшем наступлении и определить удобное к тому время.

Каменский, разбив вскоре турок, овладел 2-го июня Базарджиком, чем прекратил сношения Шумлы с Силистриею и Варною. Суворов в это время прикрывал его движение со стороны Силистрии и 3-го июня дошел до селения Карачи. Граф Румянцов предписал Каменскому идти на Шумлу, взяв у Суворова войска, сколько потребуется, и сам переправился через Дунай у Гуробала 5-го июня. Репнин же перешел Дунай у

Лукорешти. Сильные дожди не позволили Салтыкову прибыть в Туртукай ранее 6-го июня. Переправившись через Дунай, он разбил турок 9-го июня у Туртукая и выслал отряды к Рущуку и Силистрии для наблюдения за турками, отошедшими к Мавродину. Но в то же время 9-го июня Каменский с Суворовым жестоко разбили турок при Козлуджи: героями дня были А. В. Суворов, Милорадович и Озеров. Следовало немедленно идти на Шумлу, но созванный военный совет нашел осторожнее остаться в Козлуджи дней шесть, чтобы дать отдых изнуренным войскам и выждать подвоза провианта, а затем занять позицию между Шумлою и Силистриею, чтобы отрезать последней сообщение с внутреннею частью Турции. Граф Румянцов был очень недоволен таким решением и настаивал на движении к Шумле, чтобы овладеть ею, если же это окажется невозможным – двинуться к Силистрии и начать действия против этой крепости. С целью воспрепятствовать туркам выслать из Силистрии войска на помощь Шумле, граф Румянцов, находясь у Лукорешти, направил часть своих войск к Кучук-Кайнарджи и Эни-Базару.

Тем временем переговоры о мире, шедшие между графом Румянцовым и визирем, не приводили к желаемой цели. Турки были по-прежнему не сговорчивы и не соглашались на уступки Керчи и Ени-Кале на вмешательство России в политические дела Крымских татар и на свободное плавание русских военных кораблей во всех принадлежащих Турции морях, с правом захода в Гавани; русским же купеческим судам, но без пушек, они соглашались предоставить плавание как в Черном, так и Белом (Мраморном) морях, на тех же основаниях, как торговым судам других дружественных с Турциею держав. После обоюдного обмена нот по этим вопросам граф Румянцов, видя несговорчивость визиря, ответил ему 9-го июня, что не намерен напрасно тратить время и слова и сообщил об этом в Константинополь рейс-эфенди и Цегелину.

Вскоре после этого, по приказанию графа Румянцева, Каменский выступил из Козлуджи в дер. Еникой, Суворов – в Кулевчи, а сам фельдмаршал, после небольшого дела с турками у Эни-Базара 16-го июня, подошел к Галацкому озеру

близ Силистрии. – Шумла, расположенная на высотах отрасли Балканских гор, представляла собою настолько сильную позицию, что Каменский (Суворов, по недоразумениям с ним, уехал в то время по болезни в Бухарест) не решался прямо ее атаковать и принял меры, чтобы отрезать ее от сообщения с Константинополем и другими местами и в то же время, лишив ее провианта и корма для лошадей, а также воды, принудить Шумлу к сдаче. В начале июля, 7-го числа, Каменский, не без значительных усилий, овладел ретраншементом пред Шумлою (это было последнее военное дело в кампанию 1774 года), после чего турки в Шумле, видя, что ожидать им помощи неоткуда, что Шумле предстоит штурм, и что русское войско проникло в Балканские горы, сочли за лучшее возобновить переговоры о мире с графом Румянцовым. Визирь еще 20-го июня (1-го июля) писал об этом Румянцову и просил перемирия, Румянцов не хотел слышать ни о перемирии, ни о конгрессе, а требовал заключения положительного мира. Твердость Румянцова и положение военных дел побудили визиря согласиться на это и послать в главную квартиру Румянцова своим уполномоченным, Ресли-Ахмет-эфенди и Ибрагима-Миуниба, которые, прибыв 4-го июля в деревню Кучук-Кайнарджи, настаивали видеть самого главнокомандующего. Но этого они не достигли: для переговоров с ними граф Румянцов назначил князя Н. В. Репнина. Особых затруднений при переговорах не возникало, и 10-го июля, чрез 63 года, после Прутского договора, был подписан договор в Кучук-Кайнарджи, с тем, чтобы утверждение его визирем последовало не позднее пяти дней, т. е. 15-го (26-го) июля. Это было выполнено турками, после чего обе стороны обменялись подписанными условиями, которые и были отправлены, для установленной ратификации, в Петербург и Константинополь. Султан подписал мирные условия в ноябре 1774 года. В Петербург повез условия мира сам князь Репнин. Императрица Екатерина II была чрезвычайно довольна этим миром и в особом рескрипте к графу Румянцову высказала, что «этот мир – знаменитейшая услуга его пред Нами и отечеством, что вам одолжена Россия за мир славный и выгодный, какового по известному упорству

Порты Оттоманской, конечно, никто не ожидал, да и ожидать не мог с рассудительною вероятностью. Самая зависть не может оспорить сей истины».

Условия этого Кучук-Кайнарджийского мирного договора состояли в следующем:

1. Всем татарам быть вольными и ни от кого, кроме Бога, независимыми в своих делах политических и гражданских, а в духовных – сообразоваться им с правилами магометанского закона, без малейшего, однако, предосуждения их вольности и независимости; все земли и все крепости в Крыму и на Кубани и на острове Тамани отдаются татарам, кроме Керчи и Еникале, которые уступаются России.

2. России уступается также замок Кинбурн с его округом и всею степью, между реками Бугом и Днестром, а Порты удерживает Очаков, Молдавию, Валахию и Архипелагские острова, на выгодных для жителей условиях.

3. Торговля и мореплавание купеческим кораблям дозволяется на всех водах, равно как плавание из Черного моря в Белое (Мраморное) и обратно, и в этом отношении русские подданные пользуются преимуществами, предоставленными подданным Франции и Англии.

4. Порты обязалась заплатить России за военные издержки 4500000 рублей.

По словам Императрицы Екатерины II, турки, лишившись Крыма и всех татарских орд, лишились на будущее время значительного числа войск, тем более полезных, что содержание их Порте ничего не стоило, а уступка нам трех пристаней на Черном море дает нам способ вредить Порте в самых для нее чувствительных местах, если б она опять покусилась на войну с нами, вследствие посторонних происков.

Известие об этом мире произвело сильное впечатление в кабинетах главнейших Европейских держав. «Невероятно, до какой степени простирается в Париже зависть к нашим успехам», писал наш посол князь Иван Сергеевич Барятинский из столицы Франции. В Австрии было страшное негодование против турок, заключивших подобный мир; главный министр Марии-Терезии князь Кауниц говорил: «Турки вполне заслужили

несчастье, которое их постигло, частью своим слабым и глупым ведением войны, частью недостатком доверия к державам, которые, особенно Австрия, желали высвободить их из затруднительного положения. Зачем не потребовали они посредничества Австрии, Англии и Голландии».

Великий король и лукавый союзник – Фридрих II пробовал внушать в Петербурге, что этот мир непрочен, и переслал депешу Цегелина о том, что Порта просит Прусского короля употребить свои добрые услуги для смягчения условий Кучук-Кайнарджийского мира. Но все это не имело успеха.

Торжественное празднование этой знаменитейшей услуги графа Румянцова не могло, однако, состояться своевременно – отчасти по болезни виновника торжества. Он лежал в постели, в мучительной болезни, в таком изнеможении, что ему на помощь для окончания мирного дела и принятия начальства над армией был назначен князь Н. В. Репнин, который должен был ехать чрезвычайным послом в Константинополь для утверждения мирных условий подписью султана. Приехав в Фокшаны, князь Репнин писал князю Потемкину 15-го сентября 1774 года: «Я нашел фельдмаршала в крайней еще слабости и не в состоянии встать с постели, хотя уже из всей опасности вышел. Жалко на него глядеть и на всех, здесь находящихся – из всего города сделалась больница». Репнин полагал, что недели через три или четыре фельдмаршал придет в желаемые силы, и тогда нет надобности ему, Репнину, при нем оставаться. Но граф Румянцов еще не оправился вполне от болезни, как на него, особым рескриптом, были возложены новые обязанности, а именно – заведование бывшею в Крыму второю армией (вместо князя Долгорукова) и улаживание возникших татарских дел. Должно заметить, что после подписания мирного договора в Кучук-Кайнарджи было предписано князю Долгорукову, находившемуся со вверенною ему армией на Крымском полуострове, очищать постепенно Крым, оставив гарнизоны в Керчи и Еникале. Князь не замедлил приступить к исполнению этого приказания, но в это время в Крым высадился турецкий сераскир Алибей и Крымский хан Сагиб-Гирей не только не оказал ему никакого сопротивления, но выдал ему даже

Веселицкого, Русского при нем в то время резидента. Это побудило наше правительство предписать князю Долгорукову не очищать Крыма ранее, как турецкие войска покинуть полуостров или по мере их выхода; с турками и татарами, дабы не подано было с нашей стороны ни малейших поводов ко вражде, поступать с такою разборчивостью, чтоб всегда удаляться от первых задоров. Пока составляли и посылали это предписание, князь Долгоруков прислал донесение, что он войска выводить из Крыма, а сам, по слабости своего здоровья, просит увольнения в Москву, с позволением сдать команду старшему генерал-поручику Щербинину (командовавшему недолго: на его место вскоре был назначен князь А. А. Прозоровский). Эта просьба князя была уважена, и вскоре за тем главное командование войсками в Крыму было возложено на больного графа Румянцева. Турецкие войска вскоре, впрочем, покинули Крым, вместе со своим флотом; Веселицкий был освобожден, но татары были преисполнены крайнего отвращения ко всем оказанным им благодеяниям и не пожелали принять дарованной им Кучук-Кайнарджийским миром вольности. Они послали в Константинополь особых депутатов просить, чтобы отношения их к Порте были бы прежние, причем депутаты должны были заявить, что они никогда не переставали желать раболепствовать Порте по-прежнему, как это доносили еще и князь Долгоруков и Веселицкий. Графу Румянцову при таких обстоятельствах было тяжело заведовать двумя армиями, и хотя он и писал Ее Величеству, что «пощады не делаю ни здоровью, ни самой жизни своей, против совету докторов жертвую вседневными последними силами исполнению моей должности», но, тем не менее, он просил Императрицу о назначении для второй армии или прежнего командира – князя Долгорукова, или кого-либо другого, хорошо знающего дела того края²⁴. Тем временем великий визирь, ввиду заявления Крымской депутации и подстрекаемый немало французским представителем в Константинополе Шуазелем не признавать независимость татар Крымского полуострова, просил графа Румянцева письмом об изменении мирных условий трактата, касающихся татар и Дунайских княжеств. Граф Румянцов, в

ответном письме, выразив крайнее свое удивление по поводу подобного желания, высказал, что перемена священных договоров вслед за их постановлением была бы предосудительна достоинству и славе Высочайших дворов, и решительно отказал великому визирю в его домогательстве.

Посланному же в Константинополь для улажения татарских дел полковнику Петерсону он разрешил обещать сто, двести и, наконец, триста тысяч рублей тому, кто возьмется уничтожить все происки недоброжелательных людей и довести дело до того, чтобы ратификация была отправлена в Петербург без всяких изменений в первоначальном договоре. Это скоро было достигнуто, и Петерсон уже 5-го ноября, из Константинополя, поздравлял Румянцева с утверждением Кучук-Кайнарджийского договора без всякой перемены. Но татары, домогавшиеся полной независимости от султана, были по-прежнему недовольны тем, что должны считать султана своим духовным владыкою и молиться за него. Этим настроением татар воспользовался Шагин-Гирей, калга-султан Крымский, главный над Ногайскими ордами. Он начал волновать татар – и не без успеха, особенно на Кубани, и сообщил Щербнину, что есть возможность склонить ногоев к протесту против поведения крымцев (желавших упорно оставаться под турецким владычеством) и даже возведению на Крымское ханство его, Шагин-Гирея, если будет ему отпущено сто тысяч рублей и несколько войска для охраны. Совет в Петербурге признал, что предложение Калги весьма полезно к утверждению сооруженной нами татарской области; что Калга, будучи обязан нам возведением своим на ханство, останется совсем преданным к нашей стороне, и, таким образом, татары нечувствительно отвыкнут от турок и могут сделаться, наконец, совершенно от них независимыми. Тем временем, граф Румянцов получил, как выше сказано, известия от Петерсона об утверждении Портою мирного трактата. Не желая препятствовать водворению мира новыми движениями на Кубани, он предписал Щербнину приостановиться исполнением плана Шагин-Гирея. В Петербурге с этим согласились, и 15-го декабря было дано надлежащее о том

предписание Щербинину, с тем, однако, чтобы он удержал татар к тому в готовности и не допускал их переселяться в старые их жилища. Этим закончились на время происки Шагин-Гирея, и на Крымском полуострове восстановилась, хотя и ненадолго²⁵ тишина, доставившая возможность отправить в Константинополь чрезвычайным и полномочным послом князя Н. В. Репнина, причем графу Румянцову пришлось позаботиться снабжением его надлежащим конвоем и различными другими воинскими чинами. Вскоре после этого состоялось в Москве торжественное празднование, 10-го июля 1775 г., заключенного с турками мира в Кучук-Кайнарджи, подробно описанное в Камер-фурьерском журнале за 1775 год (стр. 432–478). Сообщим о нем в самых кратких словах. Граф Румянцов прибыл для торжества в Москву в начале 6-го часа пополудни 8-го июля, прямо в Императорский дворец у Пречистенских ворот, был встречен дежурным генералом кн. Г. А. Потемкиным и препровожден к Ее Величеству, а затем к Их Высочествам, после чего в дворцовой карете отбыл в приготовленный ему для жительства Коломенский дворец, в котором и проживал во время своего пребывания в Москве в 1775 году.

От предполагавшегося торжественного въезда в Москву фельдмаршал уклонился, и 9-го июля Ее Величество, вечером, прибыла простым выходом в город, в Кремлевский дворец, и шествовала к всенощному бдению в Успенский собор. Во время чтения св. Евангелия на Ивановскую колокольню был совсем поднят большой колокол весом 3500 пудов. В пятницу, 10-го числа, в день торжества, в 9 ч. утра, был торжественный съезд всех особ, имеющих приезд во дворец, затем – парадный выход Ее Величества, в малой короне, под балдахином, из дворца по Красному Крыльцу в Успенский собор, причем фельдмаршал граф Румянцов шел впереди Ее Величества в фельдмаршальском мундире (а не в орденском уборе). Их Высочества следовали за Ее Величеством. После божественной литургии произнес приличную торжеству речь преосвященный Платон, а затем было благодарственное молебствие и при возглашении песни «Тебе Бога хвалим», по данному сигналу ракетой, была произведена пушечная пальба из всех пушек на

Красной площади и колокольный звон у всех церквей, во время которых подносились поздравления Высочайшим Особам. После этого все собрались в Грановитую Палату, где, в присутствии Императрицы, генерал-прокурор князь А. А. Вяземский именем всех верноподданных читал поздравительную и благодарственную речь на благополучное заключение мира, по прочтении которой именем Ее Величества отвечал вице-канцлер граф Остерман. После этого Императрица, стоя на троне, жаловала к руке всех находившихся в Грановитой Палате, а затем д. т. с. А. В. Олсуфьев, стоя на нижней ступени трона, читал вслух о милостях и наградах, пожалованных в этот день различным лицам, принимавшим участие и содействовавшим заключению мира, причем одним из первых явился граф Румянцов, который в тот день удостоился получить: 1) похвальную грамоту с прописанием службы его в прошедшую войну и при заключении мира с прибавлением к его званию прозвища *Задунайского*, причем ему жаловались; 2) за разумное полководство – алмазами украшенный повелительный жезл или булава; 3) за храбрые предприятия – шпага, алмазами украшенная; 4) за победы – лавровый венок; 5) за заключение мира – масляная ветвь; 6) в знак монаршего за то благоволения – крест и звезда алмазами украшенного ордена Св. Ап. Андрея; 7) по чести ему, фельдмаршалу, и в поощрение потомству его примером – медаль с его изображением; 8) для увеселения его – пять тысяч душ, староство Гомельское; 9) для построения дома – сто тысяч рублей; 10) для его стола – серебряный сервиз; 11) для убранства дома – картины; 12) граф Румянцов немного ранее этого, 6-го марта 1775 г., был зачислен уже полковником в списки кирасирского военного ордена Св. великомученика и Победоносца Георгия полка (ранее бывший Кирасирский графа Миниха полк) и состоял таковым по день своей кончины. По прочтении всего списка лиц, удостоившихся наград, эти лица приносили Ее Величеству благодарение, а затем все направились из Кремля торжественным шествием во дворец, что у Пречистенских ворот, причем происходила пальба из 41 пушки и звон на Ивановской колокольне; в то же время генерал-

майор Пав. Серг. Потемкин, с двумя герольдами верхом, бросали народу особо приготовленные жетоны. По прибытии во дворец, всем участвовавшим в шествии придворным чинам розданы были большие золотые медали.

Во дворце был обед, причем граф Румянцов с весьма немногими сидел за столом, с Императрицею, во внутренней комнате. Вечером и за полночь в городе все дома были иллюминированы. В следующие затем дни были обычные при дворе обеды, балы, маскарады и прочие празднества, завершившиеся разными увеселениями, устроенными для народа на Ходынке, в присутствии Ее Величества и всего ее двора. Эти увеселения начались 21-го июля и закончились в четверг, 23-го числа. Народу даны были 4 жареных быка, а также множество жареной живности на особых пирамидах, были устроены фонтаны с виноградными винами и т. д. Кроме того, были различные, увеселительные игры, и в том числе три открытых театра, в которых являлись акробаты с разными штуками, играла музыка, плясали и пели цыгане и цыганки и т. д. В нарочно устроенной круглой каланче, названной Азовскою, был приготовлен обед для особ духовных и первых пяти классов, заседавших по классам их, за особыми столами, под номерами, на что раздавались особые билеты. При этом граф Румянцов заседал вместе с Ее Величеством за столом № 1, а Его Высочество наследник заседал за столом № 2 с матерью фельдмаршала, графинею Марьей Андреевной Румянцовой. Вечером 23-го числа был зажжен фейерверк, продолжавшийся до 12 часов, по окончании которого Ее Величество посетила маскарад и, побыв малое время, возвратилась с Ходынки во дворец.

По окончании празднеств граф Румянцов, оставаясь в Коломенском, бывал очень часто у Императрицы в самой Москве, обедал очень часто с нею и принимал участие в ее поездках по окрестностям этой столицы, как-то в село Коломенское, 4-го августа, где смотрели вновь построенный оперный дом возле дворца, на Царе-Борисовские пруды – 8-го августа, где занимались ловлею рыбы, причем казак варил уху по-своему, в Царицыно – 19-го августа, в подмосковное село

Веры Борисовны Лопухиной в 12-ти верстах от Царицына – 25-го августа, в Фили к г. обер-шенку Алек. Александ. Нарышкину – 1-го сентября, также в Воскресенский монастырь и село Ивановское (принадлежавшее В. Б. Лопухиной) – 13–14-го августа, а затем в село Ярополчь, принадлежавшее в то время графу Захару Григор. Чернышеву, где пробыли до 17-го сентября. Граф Румянцов участвовал также в путешествии Ее Величества в г. Коломну и обратно, причем посетили графа Петра Борисовича Шереметева в селе Маркове и Мещеринове (с 13-го октября по 17-е число), а также Голутвин монастырь, и принимал участие в шествии на охоту для стрельяния тетеревей в Подмаксинской роще, в 12 верстах от Москвы, 23-го октября. Императрица 28-го октября посетила также с особами ее свиты подмосковное село Кайнарджи (ранее Троицкое, в 20-ти верстах от Москвы), принадлежавшее графу П. А. Румянцову, который выехал ей на встречу из своего села верстах в трех и был очень польщен этим посещением.

Румянцов участвовал также на большом бале-маскараде, где была кадриль в турецком платье, бывшем 15-го ноября, на котором присутствовал и чрезвычайный полномочный Турецкий посол, разговаривавший с Румянцовым и сидевший за ужином рядом с ним.

В это пребывание Румянцова в Москве на него, особым рескриптом от 5-го ноября 1775 года, было возложено главное начальство над кавалериею нашей армии, которая, по словам рескрипта, «в бывшую Прусскую войну из неустройства или, паче сказать, из небытия его единственно искусством и трудами приведена была в доброе состояние». Фельдмаршалу теперь предоставлялось устроить кавалерию в наилучшем виде. Помимо этого важного и сложного дела, ему же поручалось в то время на словах, как это надо заключить из позднейших повелений, окончательное устройство Крыма, о чем сказано ниже. В том же 1775 г., ноября 8-го, графу Румянцову было Высочайше дозволено писать свое отчество с окончанием *вич*. Заметим при этом, что это же преимущество было даровано позднее графу К. Г. Разумовскому – 11-го декабря и князю Г. А. Потемкину – 20-го января 1776 г.

Императрица, как известно, пробыла в Москве до 7-го декабря 1775 г., когда предприняла обратную поездку в Петербург и, посетив при этом также города Серпухов, Тулу, Калугу, прибыла в столицу 24-го декабря. Граф Румянцов не сопровождал Ее Величества в этом путешествии, но оставался в Москве и в Кайнарджи, которое покинул, оправившись от болезни, сильно беспокоившей его, по временам, в продолжение пребывания его в Москве. Он только 20-го февраля 1776 г. прибыл в Черешенки, откуда писал графу Н. И. Панину о худом состоянии своего здоровья, о том, что силы его весьма слабеют (21-го марта), и П. В. Завадовскому (того же 21-го марта), что принужден будет коснуться последнего пособия – целительных вод, и что здоровье его требует великой починки, – «не знаю, откуда начать» (письмо 10-го апреля). При таком расслаблении и «стения под самым легким бременем дел, здесь (в Малороссии) отправляемых», Румянцов вдруг получил рескрипт Ее Величества от 18-го апреля 1776 года, чтобы он поспешил приехать в Петербург, так как Государыня желает сделать его участником в «верном, нужном и приятном деле, о коем иначе не желает объявить ему, как при свидании с ним». При этом Екатерина II добавляла, что «ожидает увидеть его дней чрез двадцать конечно». Граф Румянцов, естественно, был очень взволнован этим таинственным приглашением, тем более, что и преданный ему П. В. Завадовский, выражая свое удовольствие вскоре увидеть своего благодетеля в столице, не открывал ему, соблюдая тайну цареву, в точности сущность дела, для которого граф столь скоро призывался, и только добавлял: «Храни Бог от поездки отговариваться; весьма негодно будет Государыне и Великому Князю».

Очень вероятно, что эти последние слова преодолели колебания фельдмаршала ехать в столицу, в которой, по прибытии своем, он узнал и о цели его вызова, состоявшей в следующем. По кончине первой супруги Наследника престола, Великой Княгини Наталии Алексеевны 15-го апреля 1776 г., ему намечена была тогда же, при содействии брата Прусского короля Фридриха II, принца Генриха, находившегося в то время в Петербурге, в новые супруги одна из родственниц короля,

принцесса Виртембергская, пребывавшая в это время в Берлине. Для ознакомления с предназначавшеюся ему супругою Великому Князю предстояло совершить поездку в Берлин, причем, по желанию Императрицы, его должен был сопровождать фельдмаршал граф П. А. Румянцов. Прибыв в Петербург в начале июня 1776 года, граф отправился с Его Высочеством в Берлин в сопровождении графа Н. И. Салтыкова, Нарышкина и князя Куракина. Они ехали из Царского Села на Ригу и Мемель в Шланген, где, на границе с Пруссией, были торжественно встречены известным генералом Фридриха II Лентулусом, земскими чинами, графом Денгофом и бургграфом Дона. После этого все поехали в Кенигсберг, Диршау и Данциг, осматривали аббатство в Оливе и, миновав затем Вейсензе, совершили торжественный въезд в Берлин в золоченых каретах. Король Фридрих II сделал все распоряжения, чтобы обставить проезд сына своей союзницы в Берлин самым торжественным образом, а самое пребывание его в Берлине сделать для Великого Князя чрезвычайно разнообразным, причем оказал много лестного внимания и самому графу Румянцову. В Потсдаме 29-го июля король устроил для прибывших большое воинское учение не только войскам, стоявшим в Потсдаме, но и королевской гвардии, пришедшей для этого из Берлина. Фридрих II, желая почтить и польстить графу Румянцову, на ученье намеревался изобразить различные движения и построения, совершенные Русскими войсками в знаменитой Кагульской битве. Существует рассказ, что фельдмаршал будто бы принял все эти движения войск за совершенные не по его приказанию при Кагуле, а по распоряжениям какого-либо греческого или римского полководца и выразил это довольно громко, что, конечно, не могло быть приятно королю, если только все это справедливо.

Граф Румянцов, как сопровождавший Великого Князя, участвовал на всех празднествах, собраниях, обедах и пр., происходивших при Берлинском дворе, ездил также к принцу Генриху, проживавшему в своем замке Рейнсберг, близ Берлина, где пробыл два дня, и затем, 8-го августа, отправился в обратный путь чрез Швет в Кенигсберг в сопровождении того же

Лентулуса, с которым и расстался в этом городе. Посетив Митаву, где их встретил наш генерал-губернатор Браун, а затем Ригу, путешественники прибыли в Царское Село 14-го августа, в 8 часов вечера.

После этого граф Румянцов оставался в столице до самого бракосочетания Великого Князя, бывшего 14-го сентября (на котором присутствовал), а также и на всех происходивших по этому случаю придворных торжествах. Затем, с разрешения Ее Величества, граф поехал на некоторое время в свой любимый Буртнек, где пробыл до осени, и вернулся в Малороссию осенью 1776 года, выразив Ее Величеству свою готовность принять на себя выработку проекта, по которому войско, во всех отношениях, не являлось бы тяжестью общенародною, и количество его было бы соразмерно внешнему и внутреннему его употреблению. При этом он испрашивал дозволение уклониться в уединение, но, не получив на это разрешения, вступил в управление вверенным ему краем и не замедлил подтвердить строжайше, в том же 1776 г., о нечинении ссор, драк и смертоубийств, нередко происходивших между обывателями и воинскими командами, и о нечинении последними никаких утеснений и обид жителям, довольствуясь тем, что определено им законами.

В конце того же 1776 года Императорская Академия Наук, в торжественном заседании 29-го декабря, в присутствии Наследника престола Великого Князя Павла Петровича, принца Генриха Прусского (брата Фридриха II), князя Понятовского и прочих лиц, избрала фельдмаршала графа Румянцева почетным своим членом вместе с графами Н. И. Паниным и З. Гр. Чернышевым, Ив. Ив. Шуваловым и другими лицами.

По возвращении своем в Глухов граф П. А. Румянцов не замедлил приступить к выполнению некоторых мер, указанных ему, несомненно, Императрицею в бытность его в Москве и направленных к непосредственному подчинению Крыма Российской Империи. Ему было, между прочим, указано составить предстоящую весною кампаны из войск наших в стороне Крыма и Кубани. Он это составил, и Екатерина II поручила ему расположить войска по разным в Крымской

стороне пристойным местам, по границе и по Днепру и вместе с тем подтверждала князю Потемкину в 1776 году доставлять Румянцову все нужные снабжения и пособия, дабы ни в чем не могло повстречаться никакого недостатка или упущения, «так как теперь наступило уже время к действительному произведению порученного от нас графу Румянцову предприятию на Перекоп и Линию». В Крыму в это время происходили внутренние раздоры, которыми желательно было воспользоваться. Не задолго перед этим был свергнут Крымский хан Сагиб-Гирей, бывший ханом с 1771 года, который своим пристрастием к европейским порядкам и обычаям очень раздражал татар и усилил число приверженцев Турции, которые и провозгласили ханом своим Девлет-Гирея. Турция за преданность его султану обещала возвратить Керчь, Кинбурн и Еникале. Граф Румянцов стал принимать меры к составлению партии преданному России Шагину-Гирею (брату низвергнутого Сагиба) и к изгнанию Девлета-Гирея. Вместе с тем Румянцов заботился принудить турок к выполнению ими одного из условия Кучук-Кайнарджийского мира, именно о выводе турецких войск из Крыма. При помощи денег и различных подарков Шагин-Гирей был избран в 1776 г. ханом ногайских орд; оставалось только склонить Турецкого султана признать его в этом достоинстве и выдать ему обычную грамоту. Но это очень затянулось, а между тем граф Румянцов направил к Перекопу и далее отряд русских войск под начальством князя Прозоровского. В то же время другой отряд, под начальством де Бальмена, шел чрез Чунгары к Арабату, а третий, бригадира Бринка – к Тамани и занял Темрюк. Прозоровский, несмотря на крайне неблагоприятное для похода осеннее время, успешно занял весь Крымский полуостров и тем много содействовал признанию Шагин-Гирея (находившегося в то время еще в Абхазии), ханом всего Крыма. Прежний же хан Девлет-Гирей и его приверженцы сперва всячески противодействовали новому хану и нашим войскам, но скоро Девлет лично удалился в Константинополь, где жаловался Порте на притеснения Шагин-Гирея при помощи русских войск. Князь Прозоровский составил от татарских обществ грамоты в Петербург и Константинополь, в

которых излагались сведения о событиях в Крыму и опровергались жалобы Девлета, причем в грамоте к Екатерине и выражалась от татар благодарность Ее Величеству за присылку войск в Перекоп и избавление страны от коварства Девлета. Граф Румянцов же предписывал князю Прозоровскому не мешаться в дела, касающиеся самодержавной власти хана (именно права назначить себе преемника), и разместить свои войска так, чтобы иметь жителей полуострова под наблюдением войск и в то же время иметь возможность отразить турок в случае высадки их на берега Крыма и полуострова Тамани. Для лучшего достижения означенных двух целей князь Прозоровский просил графа Румянцова отрядить из Кизикермена в Шагин-Гирейский ретраншемент один пехотный полк и 5 эскадронов кавалерии.

Шагин-Гирей, по словам князя Прозоровского, человек слабого сложения, больной, но самолюбивый и настойчивый, которого «в понятие справедливости никак привести нельзя», скоро вызвал всеобщее к себе неудовольствие различными несвоевременными и несообразными с обстоятельствами распоряжениями, своею надменностью в обхождении с окружающими его и своим презрением к подвластному ему народу. Он вскоре представил графу Румянцову, 21-го апреля 1777 г., особый присяжный лист, которым Крымское общество татар отказывалось от избрания впредь ханов, видя вредные для себя от этого последствия. При этом Шагин-Гирей просил представить это на одобрение и утверждение Ее Величества. Князь Прозоровский из лагеря при Бузлыке поздравлял графа Румянцова с подобным актом, которым вводятся союз, мир и тишина в стране... Шагин-Гирей, кроме того, намеревался уравнивать армян и греков, в податях и преимуществах с магометанами, заводил регулярное у себя войско на случай внезапного возмущения после ухода русских войск, устраивал крепость у Бахчисарая на горе и т. д. Все это вместе привело, в октябре 1777 года, к восстанию новонабранных Шагином-Гиреем регулярных войск, к которому скоро примкнула и масса простого народа. Восстание распространилось по всему полуострову и поставило в крайне затруднительное положение

войска князя Прозоровского, размещенные небольшими отдельными отрядами по всему Крыму. Вести правильной войны с мятежниками князь Прозоровский не имел никакой возможности и просил графа Румянцева усилить его корпусом Гудовича, дабы обратить оный для действия против турецкого десанта; сам же он с вверенными войсками, будет продолжать усмирять всеместный бунт. Граф Румянцов, пребывая в своих имениях, то в Парафеевке, то в Вишенках, то в Буртнеке и полагаясь на боевую опытность князя Прозоровского и на мужество его войск, был убежден, что мятеж скоро будет прекращен; он усматривал в мятеже только одну интригу Порты с целью свергнуть Шагин-Гирея и не удовлетворял просьбы князя Прозоровского о присылке ему подкрепления, имея презрение к невежеству татар в военном деле, а также находя, что князь имеет достаточно войск для усмирения мятежа в Крыму. Он писал князю, что надо принимать меры такие, которые бы положили предел мятежу сообразно их натуре и нашей пользы. Прозоровский не оставлял без возражений замечания и советы фельдмаршала и между ними возникла очень любопытная переписка-полемика, во время которой граф Румянцов тем не менее отправил из Кизикирменя два полка в Перекоп, а другие два расположил так, чтобы они могли поспеть по мере надобности и к Перекопу и к Кинбурну. Этот мятеж в Крыму смутил Румянцева настолько, что он 30-го октября 1777 года высказывал Императрице предположение, не лучше ли, «ограждаясь от татар, оставить их в зависимости от Порты, а в замену одержать в прибавок некоторые выгоды для нашей торговли на Черном море или гавань способнейшую от оной». Потемкину же он писал 14-го ноября того же года, что всего досаднее, что из всего военного искусства не изыскиваются и образы, как против татар войну вести и каковыми бы привести себя от них в некоторое безопасное положение, разве двумя тысячами Донских казаков. В письмах к графу Н. И. Панину он высказывал, что «по неприязни турок не видится надежды кончить дело в Крыму».

Граф Румянцов полагал, что по образу, как ведет себя Порты, должно ускорить решительным о Крыме определением.

Князь же Прозоровский, однако, благодаря стойкости русских войск и распорядительности таких ближайших начальников, как Михельсон, Тунцельман и др., успел сосредоточить свои отдельные отряды, соединиться с графом Бальменом и занять Карасу-Базар, после чего на берегу Сиваша князь Прозоровский разбил главного предводителя бунтовщиков Сеит-Велидтаз-агу 11-го декабря 1777 года, после чего и вся восточная часть Крыма от Кафы до Карасу-Базара была очищена от мятежников. Затем князь Прозоровский стал постепенно очищать от них прочие части полуострова. Но в то время прибывший из Очакова Селим-Гирей высадился в Акмечети, был избран бунтовщиками ханом и дошел до р. Бештерека, близ Салгира. Это встревожило графа Румянцева, получившего от князя Прозоровского сообщение, что в Порте возымела преобладание воинствующая партия, которая, признав Шагина-Гирея недостойным ханского звания и заслуживающим смерти, решила сказать поддержку бунтовщикам в Крыму и отправила в Черное море 8 турецких кораблей. Граф Румянцов предписал князю Прозоровскому отклонять татар от Селим-Гирея и прекратить мятеж и сообщил верховному визирю о нарушении Портою мирного ее трактата с Россиею. Вместе с тем он вызвал резидента при Крымском хане Константинова и поручил ему действовать на хана и его правительство и побудить их доказать свою непоколебимую привязанность и верность Императрице и усердие к отечеству и, кроме того, дал ему непроницаемой тайны поручение: убедить хана отправить к Порте двух мазаров для признания султана первосвященником и для испрошения у него себе духовного благословения, а после этого – стараться укрепить Кубань за Шагин-Гиреем и приводить ее обывателей в единомыслие... Граф Румянцов, истощив уже свои внимание и мысли на наставления, даваемые по Крымским делам, просил Потемкина, «своего дражайшего друга», помочь ему своими советами и наставлениями. В то же время граф Румянцов доносил Императрице о затруднениях, неизбежных при войне с турками в Крыму, опять просил снабдить его «решительным определением о Крыме и наставлением о дальнейшем

пребывании в Крыму наших войск», находя, что таковое несогласно с нашим трактатом с Турциею.

Он получил обширный рескрипт от 16-го февраля 1779 г., которым повелевалось прекратить мятеж в Крыму и восстановить власть хана Шагин-Гирея, действовать его именем и силою указов его дивана, везде, где случай представится, принять под защиту наших войск всех преданных нам татар и христиан; в Кубани же составить независимое от крымских татар благонамеренное общество, под властью Шагина-Гирея. Если же мятеж не будет прекращен – занять в стороне Перекопа позицию, в которой удобно отражать мятежников и прикрывать Керчь, Еникале и наши сообщения с Кубанью. Тем временем кн. Прозоровский, стеснив мятежников у Инкермана, принудил их просить помилования, но Селим-Гирей и другие татарские начальники ранее этого отплыли, 10-го февраля, в Турцию. Весь Крым был покорен Шагину-Гирею. Чтобы еще более отклонить татар от содействия туркам, граф Румянцов приказал выдать бедным, пострадавшим от мятежа, 40000 рублей, советовал хану удалить татар от берегов моря, чтобы пресечь им всякое сообщение с турками, распускал слух о приближении двух наших армий. В то же время он возымел мысль переселить из Крыма христиан в Россию, ради предохранения их от утеснений и свирепств, которым они могут подвергнуться от магометан. Хан был решительно против подобного распоряжения, лишавшего его немалой части дохода; правительство хана опасалось, что Порта сочтет подобную меру посягательством России на обращение Крыма в свою провинцию. Митрополит в Крыму Игнатий находил это переселение делом возможным; князь же Прозоровский считал оное совсем излишним, ввиду имевшегося намерения присоединить весь Крым к Империи, когда христиане будут здесь первыми жителями, и выводить их отсюда незачем. Переселить христиан граф Румянцов намеревался на хорошие земли в Новороссийской и Азовской губерниях.

Эта мера вызвала негодование Шагин-Гирея, который резко переменял свое обращение с А. В. Суворовым, заменившим с 23-го мая 1778 г. князя Прозоровского, и нашим президентом

при нем Константиновым: он стал избегать всякого с ними сношения. Граф Румянцов, узнав об этом, объяснил эту перемену тем, что Шагин-Гирей, желая примириться с Портою, готов сделать ей уступки в независимости татар, лишь бы она скорее признала его в ханском достоинстве. Румянцов решился возобновить с Портою переговоры о судьбе татар, причем могли выясниться причины, по которым Порты упорствует в непризнании ханом Шагина-Гирея. С этою целью граф Румянцов испросил разрешение ее Величества сделать с нашей стороны первый шаг в готовности уступить Порте что-нибудь в статье о независимости татар, потребовав за это уступки г. Очакова с округом. Хан же Шагин-Гирей намеревался просить об отмене выселения татар, которое начал производить уже А. В. Суворов. В продолжение этих сношений мерами Суворова было переселено в Азовскую губернию в конце июня месяца уже 3000 обоего пола городских жителей²⁶. Граф Румянцов писал, что такой вывод христиан может почестся завоеванием знатной провинции. Между тем, Шагин-Гирей был очень недоволен за это Суворовым и даже отказался от управления и занятий делами области. Это вызвало в свою очередь неудовольствие и волнение народа, верившего распускаемым слухам, что будто бы русские войска получили приказание избивать магометан. Румянцов, входя в положение хана, предлагал Суворову обходиться с ханом ласково, почтительно, но не таил своего недоверия к хану и отзывался о нем, что он, хан, предпочитает всему свою собственность, оставляет свое отечество, имение и ближних, чтобы следовать своим намерениям, старается всегда проникать по настоящему будущее и т. д. Граф Румянцов колебался, в надежде удержать ханский престол за Шагин-Гиреем, который будто бы побуждал татар к мятежу и присоединению к Турции, намереваясь бежать сам за Кубань и т. д. Затем граф Румянцов представлял о возвращении корпусов Крымского и Кубанского в пределы Империи, для отдыха и чтобы иметь их под рукою ввиду толков об участии России в делах Германии, по поводу возникшего вопроса о баварском наследстве.

Сам Шагин-Гирей в январе 1778 года, высказывая графу Румянцову, что не желает поступать в чем-либо против воли Монаршей и премудрейших постановлений графа Румянцова, в его пользу издаваемых, просил его не оставить своим высоким ходатайством и довести, согласиём обеих Империй, положение области татарской до решительного постановления и утверждения. Незадолго пред этим, 8-го января 1778 года граф Н. И. Панин сообщил графу Румянцову, что Ее Величество возложила на него доверенность по ведению Крымских дел, причем ему было разрешено, дабы не связать ему руки в столь важном деле, устраивать их «по лучшему локальному (местному) усмотрению, к достижению предположенной цели, не ожидая разрешения из С.-Петербурга». Это новое доказательство Монаршего к нему доверия побудило графа Румянцова принять ближайшее участие в дипломатической переписке, происходившей в то время между нашим кабинетом и Константинопольским, при посредстве нашего уполномоченного при Порте г-на Стахиева. Главное содержание этой многословной переписки заключалось в том, что в Константинополе усматривали доказательства полного притеснения и насилия с нашей стороны над свободою татар в том, что войска наши вступили в Бахчисарай и пребывали там после избрания и утверждения нового Крымского султана, а также в том, каким способом означенный хан известил султана о своем избрании. С нашей стороны это все опровергалось, причем было заявлено, что наши войска будут выведены из Крыма немедленно по присылке Портою хану установленных знаков его избрания.

Переписка эта долго тянулась, и, наконец, Императрица приказала графу Румянцову, 27-го января 1778 года, отозваться от своего лица великому визирю, что делается последнее и окончательное предложение Порте, далее которого идти невозможно, именно, что наши войска будут выведены из Крыма немедленно, после того, как Порта признает Шагин-Гирея ханом Крымским и пришлет ему калифское благословение, а также признает независимость татар новою декларациею. Это было сообщено великому визирю, дававшему

ответ, что последняя резолюция Порты есть мир и искренность, для приведения себя в равенство с Россиею; Порты ни на шаг не уступит Черное море ни России, ни татарам; это собственность Турции, и никакой военный корабль не может плавать по Черному морю кроме турецких. Такой ответ убедил Императрицу Екатерину II в тщетности дальнейших переговоров. Она признала нужным начать военные действия осенью, когда турецкие войска расходятся по домам. Она была уверена, что турки будут разбиты, а тогда Очаков и Крым останутся в наших руках «залогом за долг», турками не выплаченный. Открывая графу Румянцову «сей сокровеннейший замысел» в своем рескрипте от 2-го июля 1778 года, Императрица поручала ему еще раз, ради выиграния времени, в ответе визирю показать податливость к трактованию, а между тем употребить все средства к выполнению ее плана. При этом же графу Румянцову был дан особый указ о пожаловании ему остальных деревень Гомельского староства, составлявших предмет его домогательств со времени пожалования ему в 1775 году немалой части Гомельского староства. Ввиду осложнений Баварского вопроса в Германии в то время, опасаясь, что наше посредничество в этом деле может вызвать с нашей стороны и военное вмешательство, Императрица, 7-го ноября 1778 г. предписывала графу Румянцову приостановиться приготовлениями к известной осаде, до дальнейшего о том повеления.

Граф Румянцов вступил в переписку со Стахиевым и с визирем, а также с резидентом Константиновым, которому Румянцов также писал, чтобы он оказывал хану уважение, почет, заботу о его пользе, твердил бы всем султанам в Крыму, что власть хана – главная в Крыму, и т. д. Тому же Константинову граф Румянцов поручал проверить слухи о том, будто бы сам Шагин-Гирей побуждает татар к мятежу и присоединению к Турции, намереваясь сам бежать за Кубань. Неосновательность этих слухов скоро обнаружилась. Шагину-Гирею были вручены богатые от нас подарки, а дан кредитив в 50000 рублей. В то же время переговоры графа П. А. Румянцева

с Портою, благодаря содействию Французского посла, кавалера де Сень-При, пришли в желаемому окончанию, и граф Румянцов 7-го апреля 1779 г., из своей Парафиевки, мог сообщить Императрице свою радость, что дела с Портою решились по желанию Ее Величества, а именно, что Порта, после долгих переговоров, 30-го марта 1779 года²⁷ подписала конвенцию, которой, подтверждая Кучук-Кайнарджийский трактат, признала Шагин-Гирея ханом Крымским, и султан выдал ему благословенные грамоты. Россия согласилась, чтобы ханы Крымские, по избрании их целым народом, испрашивали благословения у султана, и обещала вывести свои войска из Крыма и Тамани в три месяца после подписания конвенции, а из Кубани – в три месяца двадцать дней. По просьбе Шагин-Гирея, на первое время, оставлен был, на случай мятежа, эскадрон кавалерии, две роты и один батальон. На имя графа Румянцева в апреле 1779 г. последовало два рескрипта; одним ему разрешалось, по его о том просьбе, проживать по временам в Белорусских его деревнях без всякого формального отпуска, тем более, что он «и в сем пребывании другим должностям, на нем лежащим, удовлетворить не упустит». Другим рескриптом предписывалось ему сделать распоряжение об изготовлении ратификации договора и подарков участвовавшим в переговорах, учинить пристойную публикацию от себя Высочайшим именем, вывести войска из Крыма, оставив немного, под видом гарнизона, в Керчи и Еникале. Граф Румянцов не замедлил все это исполнить, чем и завершилась деятельность его по приведению Крыма в необходимость отдаться России. Дальнейшие меры в том направлении осуществлялись уже по указаниям свыше чрез князя Потемкина, на которого было возложено заведование Крымскими делами в 1782 году.

Императрица Екатерина II, как известно, вступила в переговоры с Австриею относительно событий, могущих произойти от смут в Крыму, после чего последовал 14-го декабря 1782 г. рескрипт на имя Потемкина о присоединении Крымского полуострова к России: «не иначе, что поводом к таковому присвоению должны служить некоторые точно

означенные случаи». Потемкину вменялось стараться преклонять татар на нашу сторону, внушать им, чтобы подали просьбу о присоединении Крыма к России, осыпать хана милостями и т. д. В начале 1782 г. вспыхнуло сильное восстание против Шагин-Гирея, вызванное его жестокостями. Он был принужден удалиться в Таганрог, а затем крымские татары просили Ее Величество о принятии их под свое покровительство. Указом от 8-го апреля 1783 г. Крым был присоединен к России; Шагин-Гирей отказался от престола и был переведен в Воронеж, а затем в Калугу; обыватели Крыма приведены к присяге на верность Российской Империи 28-го июня 1783 г., в день восшествия на престол Императрицы Екатерины II; Турция признала присоединение полуострова Крыма конвенцией от 28-го декабря 1783 года.

Занимаясь делами Крыма, граф Румянцов по временам указывал Малороссийской Коллегии на худое состояние дорог в Малороссии и на неисправности мостов, предписывая принять меры к приведению их в должное состояние и составить им описание с чертежами; заботился о приведении мер и весов к одинаковому размеру, о прекращении нищенства и прошения милостыни; предписывал осторожное обращение с огнем в лесах и поселениях для отвращения пожаров и т. д. Он в то же время получил повеление озаботиться введением в Малороссии Учреждения о губерниях 1775 года. По этому Учреждению, для исправления различных недостатков и злоупотреблений, существовавших в общем управлении губерниями, Императрица Екатерина II предназначала разделить Империю на губернии меньшего объема, чем прежде существовавшие, именно заключающие в себе от 300 до 400 тысяч обывателей, и самые губернии разделить на уезды, содержащие от 20 до 30 тысяч жителей, и всю совокупность административных и судебных дел распределить между специальными управлениями, действующими более или менее самостоятельно на точном основании законов, причем заведование судебными делами отделено было отчасти от административных учреждений. Ближайшее и непосредственное управление или заведование каждою

губернией было возложено на губернаторов, или правителей наместничества, на которых лежала и ответственность за управление губернией. Высший же надзор и общее наблюдение на местах за администрацией вообще и действиями сословий (которым был предоставлен также и выбор лиц на некоторые должности) лежали на Наместниках государевых, или генерал-губернаторах, которые назначались один на две губернии и даже на три. Наместнику этому подчинялись и войска, находящиеся в вверенных ему губерниях. Пределы его власти не были точно определены; в Положении сказано, что он обязан строгое и точное взыскание чинить со всех подчиненных ему мест и людей, не должен быть ни законодателем, ни судьей, не имеет права наказывать без суда и т. д. Контроля по закону над ним не было; он находился под непосредственным наблюдением Его Величества и Сената.

Положение о губерниях 1775 года вводилось в Империи постепенно, и граф Румянцов получил в 1776 году Высочайшее повеление озаботиться о введении означенного Положения в Малороссии. Ему предстояло составить предположение о разделении Малороссии на три губернии или наместничества, примерное расписание каждого наместничества, разделение его на уезды, осмотреть их удобность, сообразить, какие города назначить губернскими и уездными и т. д., и все это с планами представить на Высочайшее утверждение, вместе со списками лиц, предназначенных к отправлению новых должностей. После Высочайшего утверждения всех означенных предположений графа Румянцева на него же было возложено приступить к самому открытию наместничества и установлению границ между ними и вновь образованными уездами. Граф по означенным обязанностям вел немалую переписку с преданным ему А. А. Безбородко, постоянно обращаясь к нему за советами, указаниями, наставлениями по разным возникавшим вопросам, ввиду того что он сам не занимался ими ранее, а к тому же и по слабости своего здоровья, которое препятствовало ему отлучаться для осмотра на месте будущих наместничеств. Он позднее, в 1781 г., 24-го августа, доносил Ее Величеству, что по введению Положения о губерниях в Малороссии очень много

трудился Милорадович²⁸ и понес неусыпные труды, работая за Румянцова, «по причине и крайнего моего изнеможения, в коем я от прошедшей осени и поныне нахожусь».

Тем не менее, графу Румянцову удалось открыть торжественно, 27-го декабря 1779 года, Курское наместничество, причем он сам произнес две довольно обширные речи, преисполненные похвал Великий Императрице. Подобным же образом были открыты и прочие наместничества: Слободско-Украинское или Харьковское в 1780 году и Новгород-Северское или Курское в 1781 году, о чем было письменно доложено графом Румянцовым Ее Величеству. За открытие наместничества ему было Высочайше пожаловано 15000 рублей, и он приносил благодарность за щедрые и беспримерные благодеяния Ее Величества, непрестанно на него изливаемые.

Граф Румянцов в 1780 г. издал от себя весьма обстоятельный и практический Наказ о приказном и сельском порядке в отношении крестьян, конечно – только казенных или государственных. Это – своего рода Устав сельского хозяйства, в котором излагалось, в виде наставления, как надзирать за хозяйством крестьян, какие вводить и распространять растения и т. д., а затем в следующих статьях говорилось об обязанностях десятских, сотских и войтов выборных, а также о сельских приказах, состоявших из упомянутого войта, по одному старосте от деревни и писаря, и излагались их права и обязанности и т. д. Равным образом излагались правила о соблюдении чистоты и порядка в селении, о содержании улиц, дорог, мостовых, мостов, различных насаждений около домов, о воздержании от пьянства и бесчинств, о ласковом и дружеском обхождении с соседями и гостеприимном с проезжими и т. д.

Помимо этого, новое устройство управления Малороссии возбудило немало различных вопросов, получивших разрешение 26-го октября 1781 г. особым Высочайшим указом, большей частью согласно с предположениями графа Румянцова. При этом граф предполагал дом в Глухове, ранее сооруженный для высших присутственных мест всей Малороссии, обратить на помещение высшего учебного

заведения, которому предполагал дать название Екатерининская Коллегия. Однако Императрица это не утвердила и приказала передать здание в Приказ общественного призрения Новгород-Северской губернии.

Границы губерний и уездов, образованных в Малороссии, при введении Положения о губерниях 1775 года, не совпадали с границами полков и сотен, на которые до этого делилась Малороссия. Это побудило Румянцова войти с представлением о коренном преобразовании казачьих полков, бывших в Малороссии. По его предположению из бывших девяти полков выборных (реестровых) казаков, предназначенных для военного дела, но не одинаковых по численному составу, он сформировал десять, которые все делились на равные по числу людей эскадроны и роты, не стесняясь принадлежностью их к тому или другому полку по месту жительства. В каждом таком полку, названном Карабинерным, полагалось по 6-ти эскадронов, в числе 138 человек каждый, т. е. в полку 828 человек; полки эти формировались каждый в точно определенной местности и содержались на счет особого подушного с казаков в Малороссии сбора, в размере 1 руб. 20 коп., и квартировались в селах по месту жительства казаков, входивших в состав прежних полков. Офицеры назначались из представителей Малороссийской старшины, с утверждения высшего начальства. Эти карабинерные полки являлись переходною ступенью к полному слиянию бывших казачьих полков с общемою массою Российских войск в позднейшее время, в 1789 и 1791 годах; им присваивалась тогда же амуниция и мундиры по образцам кирасирских полков. Позднее, при графе Румянцове, в 1786 г., был сформирован в его генерал-губернаторство еще особый гренадерский полк, в составе 3974 чел. – путем набора из среды монастырских крестьян в Малороссии, которых насчитывалось в то время в этих трех губерниях до 97397 душ мужеского пола.

Имея только высший надзор за вверенными ему тремя губерниями, граф Румянцов почти не находился в главном месте своего генерал-губернаторства, а проживал преимущественно в своих излюбленных владениях, как-то:

сперва в Парафиевке, а после пожара, истребившего его роскошный дом, в новом месте, в Вишенках и Ташане, откуда по временам, как бы напоминая о своем существовании, доносил Ее Величеству или о всеобщем спокойстве и благополучии вверенного ему края, или о каких-либо чрезвычайных явлениях, случаях и событиях происходивших в его генерал-губернаторстве, как, напр., об открытии заразительной болезни в Лубенском уезде, а также в Екатеринославской губернии, об ужасной болезни в Киевской губернии, возникшей от употребления в пищу черных рожков, встречающихся в хлебе, о большом граде в Козелецком уезде, о необычайном разливе Днепра, о большом пожаре в Глухове в 1785 году и о менее значительных в других местах, о рождении ребенка без рук с одним пальцем на плече и т. д. Кроме того, он нередко ходатайствовал о награждениях подчиненных ему лиц. Едва ли надо упоминать, что граф Румянцов исправно присылал Ее Величеству и членам ее дома свои поздравления с наступающим новым годом, со Светлым праздником, с днем их рождения и днем ангела и по другим случаям и поручал себя в милостивейшее намятование и благоволение с глубочайшим благоговением.

Проживая в деревне, он получил известие о кончине своей любимой сестры графини *Прасковьи Александровны Брюс* в 1786 году, а затем немного позднее, в 1788 году, – и его очень любимой матери, престарелой графини *Марии Андреевны Румянцовой*. По обоим случаям Императрица писала ему утешительные письма, на которые граф не замедлил благодарить, равно как и за состоявшееся ранее назначение его сына, графа *Николая*, полномочным нашим министром во Франкфурте на Майне, при некоторых округах Германской Империи, считая такое назначение «благопризнанием Ее Величества к его личным заслугам», кои, «в рассуждении великого вашего благопризнания ко мне, суть весьма недостаточны».

Проживая в деревне и наслаждаясь сельскою жизнью, вместе с небольшим числом приближенных, среди которых находились и лица женского пола, граф Румянцов уделял

немалую часть досуга на управление, улучшение и украшение своих земельных владений, принявших благодаря щедротам Великой Императрицы весьма обширные размеры. Об этих владениях Румянцова позволим себе упомянуть в немногих словах.

Унаследовав после отца своего, первого графа Румянцова, *Александра Ивановича*, немало гаков в Лифляндской губернии, означаемых общим названием Буртнек, а также имения внутри России – в Нижегородской губернии – село Чеборчино, в Московской – село Стрепково, Ильинское, Тельниково, Панино и т. д., граф П. А. Румянцов, для управления означенными вотчинами, составил еще в 1754 году особенное хозяйственное учреждение, в котором содержалось: 1) наставление в отношении денежных приходов и расходов целовальнику Андрею Володимирову; 2) пункты, утвержденные 17-го января 1754 года, по которым во всех принадлежащих ему низовых вотчинах управители, приказчики и старосты имеют наказывать крестьян за разные преступления; 3) окладные списки состоящих в с. Чеборчине дворовых людей, с означением, кому, по званию, что получать жалованья, провианта, платья и пр. и пр.; 4) предписание от 20-го января 1754 г. вновь избранному бурмистру Аврааму Афанасьеву в Чеборчине и наставление, по которому имеют отправляться в приказной избе вотчинного правления дела от всех низовых вотчин, принадлежащих Румянцову в селе Чеборчине; 5) правила о содержании конского завода, рогатого скота и прочего, также живности (кур, уток, гусей и т. д.) и каким образом с ними поступать определенным на то служителям; 6) наставление к исправлению с наилучшим порядком наших художественных домовых работ, причем было учреждение домовое, имевшее одно 12-ть частей или глав, а именно: а) о генеральном управлении домов и вотчин графа Румянцова; б) о казначействе; в) о вотчинной части, т. е., где кому и каких дел управлению быть, и для того людям по званиям; г) каким образом в произведении дел и (щотов) счетов поступать; д) о должностях управителя, стряпчего, приказчика, поверенного, бухгалтера, о старостах из крестьян, целовальниках, купчинах, о старостах; е) о содержании

вотчинных людей и крестьян; ж) о экономии, т. е. уборке хлеба и содержании скота; з) домостроительство – о порядке в производстве строений; и) о довольстве людей в домах моих; й) о прочих расположениях экономических; к) о том же продолжение; л) о штрафах; м) роспись дней, по которым работ не производить. (Составленная в царствование Елизаветы Петровны, роспись была позднее дополнена днями восшествия на престол Екатерины II (28-го июня), коронавания ее (22-го сентября), а в конце росписи приписано еще рукою графа: «декабрь 12 – рождение Его Имп. Выс. Александра Павловича»); н) учреждение, каким образом поступать в содержании винного завода, в истреблении всех до ныне происходивших непорядков и вместо пристойной пользы неописанных убытков; о) учреждение о конском заводе, по которому имеют быть содержимы лошади целый год; п) табель, коликое число в Чеборчине имеется каких чинов у какого дела людей, что им денежного, хлебного и угодного жалованья отпускают.

Все учреждения и наставления подписаны по пунктам графом П. А. Румянцовым и, конечно, свидетельствуют о его стремлении все в хозяйстве упорядочить, все заранее определить и тем, конечно, по возможности, отвратить всякого рода произвол и непорядок, столь присущие в хозяйстве того времени, основанном на крепостном праве.

Все эти наставления и руководства были распространены и на разновременно пожалованные графу имения, которых было немало. Так, еще в 1770 году Румянцову указом Сенату 1770 г. были пожалованы купленные у графа Владиславича волость Топальская и село Парафеевка с принадлежащими к ним землями и угодьями, а также три ранговые деревни в полках: Нежинском, Стародубовском, Черниговском и Переяславском, из Кантакузенских описных имений несколько сел, со всеми к ним принадлежащими крестьянами, бобылями, землями и всякого рода угодьями.

При праздновании Кучук-Кайнарджийского мира в 1775 г., июля 10-го, графу пожаловано местечко Гомель и целый ряд сел и деревень, к этому местечку принадлежавших, а также немало

урядовых деревень в Нежинском малороссийском полку и немалое число описных Кантакузинских сел в Переяславском полку, известных под общим именем Пологи, со всеми к ним крестьянами и бобылями. В 1778 году ему же пожалованы были остальные деревни, входившие в состав Гомельского староства. Затем при третьем разделе Польши в 1794 году, совершенном после известных побед графа А. В. Суворова, графу Румянцову также пожаловано было 7099 душ крестьян в Литовской губернии, в экономии Бржестской, и в Брацлавской губернии, село Серебрянец²⁹. Таким образом граф Румянцов, являясь одним из крупных земельных собственников того времени, весьма естественно обращал большое внимание на их управление, сосредоточенное в шести отдельных больших экономиях, вверенных каждая особому управителю, над которыми позднее (с 1792 г.) находился еще главный ревизор, обязанный осматривать подробно все экономии и о всем усмотренном доносить графу. Помимо этих обширных, пожалованных ему владений, граф, как домовитый хозяин, не упускал случая приобретать на свой счет подходящие ему имения и неоднократно поручал доверенным лицам осмотреть то или другое из продающихся имений и войти в переговоры с их владельцами об условиях продажи оных, причем граф покупал иногда имения более приятные, нежели прибыльные. Граф, помимо прекрасных поместий для себя, устроенных им в различных, особо излюбленных им местах (в Парафиевке, Топале, Вишенках и Гомеле) постоянно заботился то о возведении храма во славу Божию, то различных хозяйственных построек, то винокурни, то мельницы, обращал болото в озеро, чтобы получить приятный вид, намеревался строить театр, обучал мальчиков духовной музыке, держал псовую охоту, не будучи сам охотником, но чтобы посылать П. В. Завадовскому, при его приезде в деревню, довольно близкую от земель Румянцова. Он чрезвычайно заботился об украшении своих садов, особенно в Кайнарджи под Москвою, выписывал искусных садовников, а также огородников из Ростова и различные деревья и кустарники, давал приказания об устройстве дорожек в саду и т. д. Помимо этого, он вел

переписку о доставке ему всякого рода племенных хозяйственных животных, а также фазанов, лебедей и даже рыб для разведения в устраиваемых им нарочно для этого прудах. Он намеревался даже выписать из Константинополя померанцевые и лимонные деревья, но отложил это намерение, найдя, что оранжерей, наполненные ими, не приносят ничего ни приятного, ни полезного.

Несмотря, однако, на все изданные графом правила и большую его заботливость о благоустройстве его имений, едва ли можно сказать, чтобы хозяйство его было бы удовлетворительно. Он сам изумлялся, получая известия о неявившихся вещах (т. е. не оказавшихся) в его домах, не знает что и думать, когда в его присутствии видны большие упущения; люди его все идут по-своему, не внимая ни мероположениям, ни внушениям графа относительно их обязанностей. Граф сам усматривал, что здания не ремонтируются своевременно, а если и ремонтируются – то не надлежащим образом, и сожалел о потраченных на это деньгах, а еще более – о потраченном времени. «У меня, писал граф кн. Н. В. Репнину, с которым был в большой дружбе, ни вода, ни огонь, да не знаю что, – все глотает и сокрушает; иногда ничего не растет, не зреет и не собирается. Может быть этому и быть надобно, чтобы чужое казалось» (письмо к Репнину в 1777 году).

Несмотря на эту неудовлетворительность ведения хозяйства в денежном отношении, граф П. А. Румянцов оставил своим трем сыновьям имения свои незаложенными и, кроме того, весьма значительную сумму наличными деньгами, найденными у него на дому в Ташане.

Впрочем, эта мирная, буколическая жизнь фельдмаршала неоднократно нарушалась событиями, если и не первостепенной важности, то, тем не менее, настолько влиявшими на его судьбу, что он покидал деревню и переселялся в Киев для соответствующих распоряжений, ими вызываемых.

Уже в марте месяце 1780 г. наш посланник в Вене, князь Д. М. Голицын, сообщал графу П. А. Румянцову, что Император Австрийский Иосиф II, совершая поездку по своим владениям

Галиции и Трансильвании, намерен приехать в Могилев (на Днепре), для свидания с Императрицею Екатериною II, в апреле месяце, самым партикулярным образом, под именем графа Фалькенштейна, с очень небольшою свитою, не желая быть обеспокоен никакими церемониальными обрядами или угощениями. При этом князь добавлял, что Иосиф II в путешествии довольствуется всякою пищею, лишь один раз в день кушает (обедает), но для своей свиты приказывает делать ужин, пьет утром кофе со сливками, никакого питья, кроме воды, не употребляет, привык к скорой езде и во всякому в дороге беспокойству и т. д., и что Император ожидает указания, каким путем наиболее удобно совершить переезд в Могилев и в какое в точности время, чтобы отнюдь не задержать Ее Величества долее назначенного Ею срока пребывания в Могилеве.

Граф Румянцов, получив такое извещение, тем не менее, распорядился изготовить для приема графа Фалькенштейна в Василькове (в то время нашем пограничном городе) монастырский дом, в Киеве – находящийся там дворец, а в Чернигове – архиерейский дом и, кроме того, во всяком месте, где определены станции – лучшие обывательские дома, исправив и убрав их по приличию. Кроме того, он составил расписание, где на пути должны быть обеды, ужины, ночлеги, в каковых местах также соберутся войска для почетных караулов. При этом он приказал на всех станциях ледники наполнить пивом, медом, разными съестными припасами, перевезти серебряный сервиз из Вишенки в Киев и просил Ее Величество 9-го апреля 1780 г. приказать доставить из Петербурга поваров и «ординарных вин», так как ни тех, ни других в тамошних местах не имелось. Сам Румянцов намеревался ехать из Вишенки в Киев для должных распоряжений к приезду Императора. Граф послал в Броды к местному губернатору особого офицера с просьбою его предварительно уведомить, когда Иосиф II действительно отправится в путь. Тем временем, в мае месяце 1780 г., прибыл в Киев посланный Императором Иосифом II офицер, некто Кавалло, для приискания помещения высокому путешественнику, сообщивший графу Румянцову о прибытии

Иосифа II в Киев 15-го числа и об образе и порядке его путешествия. Несмотря на все убеждения графа Румянцева, что все уже приготовлено к приезду и приему графа Фалькенштейна, г-н Кавалло от всего этого отказался и приискал довольно приличное помещение своему Государю на Подоле, в трактире грека, куда Иосиф II действительно прибыл 14-го мая, в 2 часа пополудни, и немедленно послал сказать Румянцову, что на другой день, в 10 часов утра, будет у него. Румянцов еще в тот же день, в 12 часов, после обеда, узнав, что Иосиф II приказал искать себе лошадей, сам поехал, будто не нарочно, на Подол и, приближаясь к занимаемому Иосифом II помещению, увидел одного из его свиты, который, по его о том просьбе, и привел его к прибывшему путешественнику, так что Румянцов успел сделать первый визит Императору, беседовавшему с ним о нашей Императрице и о своем намерении пробыть в Киеве до 18-го числа, а затем направиться в Могилев, куда он прибудет к 25-му или 26-му мая. Румянцов нашел, что Иосиф II очень снисходителен и разговорчив. Он осматривал Киевские святые места и пещеры, а также самый город, крепость, цейхгауз и даже смотрел небольшой маневр «по положению здешних мест и по количеству людей». Он, по словам Румянцева, весьма любопытствовал посмотреть древнюю Российскую и знатнейшую в свете столицу – Москву. Из Киева Иосиф II уехал 18-го мая, направляясь в Могилев, и не желал иметь конвоя. Но по случившемуся недавно перед тем ограблению близ Киева графа Потоцкого, Румянцов счел необходимым учредить так, чтобы конвойные ехали по сторонам дороги параллельно, в лесных местах не отдаляясь много, но чтобы они только видимы не были, а в открытых местах – чтобы и вовсе не можно было их приметить. Граф Фалькенштейн намеревался, не доезжая Могилева, остановиться на последней станции и ожидать прибытия Ее Величества, чтобы въехать в город немного ранее Императрицы. Обо всем этом граф Румянцов сообщил графу З. Г. Чернышеву, правителю Белоруссии. 19-го мая Иосиф II был уже в Чернигове, где намеревался остаться день для отдыха и осмотра местностей и войска, но, получив эстафету из Полоцка

об ускорении Екатериною II ее прибытия тремя днями ранее в Могилев, отменил свою остановку и немедленно по изготовлении экипажа поехал далее. Нельзя не заметить, что граф Фалькенштейн ничем приготовленным для него действительно не пользовался и все необходимое для себя и своей свиты покупал на свои деньги; помещения занимал в частных домах, по выбору своего квартирмейстера, и не только ни у кого не обедал и не ужинал, но и вообще ничего не кушал из ему заготовленного, оставляя его без употребления.

Вскоре после этого, в начале 1781 г., молодой Великий Князь Павел Петрович со своею супругою, под именем «Князя Северского», предпринял путешествие по Европе, причем должен был ехать на Вену через Киев. Графу Румянцову было заблаговременно сообщено об этом для необходимых его распоряжений по заготовке лошадей для высоких путешественников, для устройства им помещений и надлежащих встреч. Граф Румянцов, еще 31-го июля 1781 г. предписав Киевскому магистрату о приеме Великого Князя с Супругою, сам выехал ему на встречу в Гомель и затем прибыл в Киев в ночь с 10-го на 11-е число октября, предшествуя Их Высочествам. 11-го октября, в 12 часов утра, он поехал с парадными экипажами за Днепр к Лысой горе, куда прибыли Их Высочества и, пересев в экипажи, совершили, при пушечной пальбе, торжественный въезд в Киев, через триумфальные ворота, и направились прямо в Киево-Печерскую лавру, где у Троицких ворот ожидало их духовенство. Приложившись к святым мощам, высокие посетители прибыли во дворец, где собрался для их встречи весь генералитет, оба фельдмаршала (графы Разумовский и Румянцов) и прочие знатные особы. Вечером съехались во дворец все знатные дамы и были допущены к руке. На другой день, 12-го октября, Их Высочества осматривали крепость, пещеры ближние, церковную ризницу, прикладывались к мощам, обедали у архимандрита и ездили по городу, а к 9-ти часам вечера прибыли вместе с графом П. А. Румянцовым, в одной карете, в Магистрат, где было торжественное собрание, окончившееся большим ужином. При этом играл хор музыки из 29 человек, принадлежавший графу

Румянцову. 13-го октября был смотр войскам с разводом, затем – посещение Братского монастырского училища, Духовной Академии, а после обеда во дворце – бал с ужином у графа Румянцова, в губернаторском доме. В следующий день, 14-го октября, чествовали день рождения ее Высочества, Великой Княгини Марии Федоровны, причем был бал во дворце, иллюминация, а затем, в 11 часов вечера – великолепный фейерверк. 15-го октября, в день отъезда Их Высочеств из Киева, все собрались во дворец на торжественные проводы, после чего, отслужив напутственное молебствие, Их Высочества поехали на Васильков в сопровождении графа Румянцова. Переночевав в этом городе, Их Высочества поехали к местечку Фастову, на Польской границе, а граф Румянцов возвратился 17-го октября в Киев и того же числа получил из местечка Жидовец благодарственные письма от Их Высочеств от 16-го октября 1781 г.

В 1784 году граф Румянцов получил извещение о намерении Ее Величества совершить путешествие в Киев и на юг ее Империи, с Крымским полуостровом включительно. Граф Румянцов приступил было к необходимым распоряжениям, вызываемым подобным путешествием, но таковое было тогда отложено, ввиду появившейся чумы на юге Империи, и затем получило осуществление только в 1787 году.

Это путешествие Екатерины II вызвало со стороны Румянцова необычайно заботливую предусмотрительность для доставления Императрице всех возможных удобств во время ее поездки. Киевскому обер-коменданту Ельчанинову он предписал озаботиться наилучшим устройством дворца в Киеве, его убранством и заготовкою всякого рода жизненных припасов. Генерал-квартирмейстер Бердяев должен был привести в наилучший вид дорогу от Чернигова до Киева и по обеим ее сторонам посадить чрез каждые десять сажен по три разнородных дерева. На станциях по этому тракту должно было заготовить также всякие припасы, а в местах, назначенных для ночлегов – не только все спальные принадлежности, но также различную мебель, которую, по невозможности ни купить, ни изготовить на месте, надлежало достать от ближайших по

тракту помещиков или монастырей. Придворным садовникам в Киеве предписывалось вывести к 1 мая землянику, вишни, всякую кухонную зелень и приготовить мед клюквенный, не крепкий. Словом, Румянцов старался все устроить к лучшему приему Ее Величества и не раз спрашивал надлежащих для этого указаний и советов от вполне преданного ему графа А. А. Безбородко.

Ее Величество, выехав из Царского Села 7-го января 1787 г. с большою свитою, была уже 20-го января в Чечерске, где пребывала вдова графа Захара Григ. Чернышева, Анна Родионовна. Тут, почти на границе своего генерал-губернаторства, встретил Екатерину II граф П. А. Румянцов и сопровождал ее верхом до дома графини Чернышевой, где Ее Величество провела ночь. На другой день, 21-го января, на границе Новгород-Северской губернии, в м. Столбунь, представлялось Ее Величеству все местное дворянство. Проехав далее, сам граф Румянцов принимал Императрицу в своем великолепном доме в Вишенках, на берегу Десны, в котором Екатерина обедала, и затем поехала чрез Сосницу в Нежин, где остановилась в доме графа А. А. Безбородко, встретившего ее на подъезде своего дома. Тут, на другой день, Румянцов представлял Ее Величеству должностных лиц и знатное купечество, а хозяин дома – дворянство, нежинских дам и жен купцов. Затем Императрица направилась чрез Козелец и Бровары в Киев, где были устроены триумфальные ворота для въезда Ее Величества, и, несмотря на мороз в 20°, направилась к святым вратам Киево-Печерской лавры и поклонилась святым мощам, будучи водима под руку графом П. А. Румянцовым. Он был очень доволен тем, что имеет случай принимать высокочтимую им Императрицу, и не щадил своих денег на обычные по такому случаю празднества. Он устроил в своем доме большой бал-маскарад, удостоенный посещением Ее Величества 5-го февраля, а затем, на другой день, на иждивение графа был устроен маскарад же в помещении Магистрата. Позднее он устроил пред дворцом разные гульбища, безденежно, в течение Святой недели, а 21-го апреля – бал во дворце, на котором играла духовая музыка графа; в

заклучение этого бала был сожжен великолепный фейерверк, стоивший 30000 рублей. Императрица, как известно, была в Киеве в ожидании теплой погоды и вскрытия Днепра до 22-го апреля, когда, после молебствия в Киево-Печерской лавре, села на галеру «Десна» и направилась в дальнейшее путешествие, причем граф Румянцов, будучи нездоров, был не в силах сопровождать ее до границы вверенных ему губерний, а возложил эту обязанность на Киевского губернатора Ширкова. Пред отъездом из Киева Императрица пожаловала *знатный подарок* Румянцову, имевшему, по словам графа Сегюра, недовольный вид во все время пребывания Екатерины II в Киеве. Это многие объясняют производством в это время осмотра графом Ангальтом учебных заведений, находившихся в Киеве, а также сенаторами графом А. Р. Воронцовым и д. т. с. и Коммерц-коллегии Президентом Алексеем Васильевичем Нарышкиным – ревизии дел в наместничествах Киевском, Новгород-Северском и Черниговском. Но едва ли это объяснение основательно. Императрица Екатерина обыкновенно в поездках своих поручала сенаторам, ее сопровождавшим, осматривать судебные учреждения, требовать ведомости о делах решенных и об остававшихся еще без решения, причем обращалось особенное внимание, чтобы колодники не содержались долго без решения их дел. Находясь в Киеве, Императрица точно так же пожелала узнать, насколько удовлетворителен и целесообразен введенный, незадолго перед этим, по ее приказанию, порядок делопроизводства по правилам общего Положения о губерниях 1775 года. Граф Румянцов был своевременно предупрежден об этой ревизии письмом князя А. М. Голицына, который, добавляя, что Императрица, конечно, и о строениях спросит, выражал уверенность, что Румянцов водворит во всем порядок, к такому случаю потребный. Ревизовавшие сенаторы, как видно из их донесений, усмотрели во всех судебных местах скорое и согласное с Высочайшими учреждениями течение дел, нашли весьма малое число нерешенных дел; а в особенности уголовных. Казенная Палата найдена была в хорошем состоянии; дела в Наместническом Правлении найдены были во

всей их пространности вполне удовлетворительными: везде усмотрены были поспешность, порядок и попечение о ведении оных; заведения ведомства Приказа общественного Призрения отличаются отменным порядком, чистотою и т. д., что делает не малую честь правителю губернии, и т. д. Словом сказать, Румянцов не имел ни малейшего повода быть недоволен результатом ревизии, которою он, по всей вероятности, и не обижался, понимая прекрасно ее цель. Грустное же настроение его духа правильнее объяснить его недомоганием, которому он и без ревизии весьма часто подвергался: трудно требовать веселого настроения духа от страждущего человека.

Помимо этих кратковременных отлучек от пребывания в своих имениях, Румянцов вскоре был привлечен на гораздо более продолжительное время к берегам Дуная, по случаю возникших вновь военных действий наших с Оттоманскою Империю.

Хотя Турция, особою конвенциею от 28-го декабря 1783 г., и признала присоединение Крыма к России, но она вполне сознавала важность и тягость понесенной ею потери и усматривала возможность появления Русского флота пред Константинополем в весьма скором времени. Желая предупредить эту опасность, Турция в 1787 г. представила Русскому послу в Константинополе, Я. И. Булгакову, ультиматум, которым требовала явно невозможного от России, как-то: выдачи Молдавского господаря Маврокордато, признания Грузинского царя Ираклия, присоединявшегося к России, турецким подданным, согласия на осмотр всех Русских кораблей, выходящих из Черного моря, и т. д. Булгаков отверг эти требования и был заключен турками в Семибашенный замок, после чего последовало объявление войны Турции со стороны России. Несмотря на союз наш с Австриею, мы начинали войну при весьма неблагоприятных для нас условиях. Нельзя было рассчитывать на Польшу, питавшую расположение к султану, и кроме того надвигалась еще война со Швециею, вскоре вспыхнувшая на самом деле. Для военных действий против Турции были сформированы две армии: *Екатеринославская* под начальством князя Потемкина, которая

должна была идти к Очакову и овладеть им, и *Украинская*, под начальством графа Румянцова, между Бугом и Днестром; она должна была прикрывать осаду Очакова и первую армию со стороны Польши и кроме того являться соединением первой армии с Австрийскою, расположенною по кордонной системе. По плану войны, Румянцову надлежало перейти Днестр, взять Бендеры, перейти Прут и, соединившись с австрийцами, двинуться к р. Дунаю. Армия его состояла из 14000 пехоты и 17000 кавалерии, составлявших три дивизии, из коих одна, под командою Салтыкова, стояла в Подолии, другая у Винницы, к Немирову, под начальством Эльмпта и третья – Каменского – в Уманьском округе до Ольвиополя. Турки открыли военные действия бомбардированием Кинбурна, а затем, сделав десант, были разбиты 14-го сентября 1787 г. Суворовым, чем кампания 1787 года и закончилась.

Австрийцам, под начальством Принца Кобургского стоявшим в Буковине³⁰, предстояло взять Хотин; ввиду малочисленности его армии Румянцов послал ему, по его о том просьбе, дивизию Салтыкова. Опасаясь, что турки могут предпринять что-либо для усиления Хотина и Очакова, Румянцов в 1788 г. перешел Днестр, подошел к Пруту, чтобы прикрывать осаду обеих крепостей, и настаивал на решительных действиях против Хотина; он писал не раз об этом Принцу Кобургскому, но безуспешно. Потемкин обложил Очаков, турки же заняли 24-го июня Яссы. Австрийцы, вместо того, чтобы двинуться вперед, отступили из Фокшан к Рябой Могиле, открыв туркам всю Молдавию. Румянцов, перейдя Днестр, двинулся в Молдавию и, узнав на пути, что турки идут к Хотину, распорядился направить войска Эльмпта и Австрийского генерала Сплени в местность между р.р. Прутом и Серетом. Но Принц Кобургский приказал Сплени идти на прикрытие Трансильванской дороги, куда двинулся визирь. Это распоряжение расстраивало планы графа Румянцова, выражавшего Принцу Кобургскому свое неудовольствие, – что побудило Принца отменить свое приказание, и Сплени остался, но затем Эльмпт³¹ не счел нужным преследовать турок, как это приказывал ему Румянцов. Около 7-го сентября австрийцы

заняли Хотин, предоставив турецкому гарнизону покинуть крепость с военными почестями, чем граф Румянцов был недоволен. Он же не нашел возможным исполнить просьбу Кобургского и расположить Русскую армию по р. Серету. Узнав в то время, что турки стоят у Рябой Могилы, граф Румянцов 17-го сентября двинулся к Цоцоре и выждал взятия Очакова, чтобы стать на зимние квартиры. Тем временем турки разбили австрийцев около Старой Орсовы и затем у Слатина, после чего Император Иосиф II заключил с турками перемирие.

Граф Румянцов же продолжал свои действия против турок, и Каменский разбил их под Ганкуром (западнее Бендер), чем и закончились военные действия второй армии в эту кампанию 1788 года. Очаков был взят Потемкиным только 6-го декабря.

Следующая кампания, 1789 года открылась по-прежнему в союзе с Австриею, но мы вели, кроме того, тяжелую войну со Швециею на суше и на море. Кроме того, Польша, находясь в явно враждебном к нам настроении, не хотела пропускать чрез свои владения ни наши войска, ни военные запасы всякого рода. Пруссия, недовольная нашим союзом с Австриею и распространением наших владений в Турции и желая сама получить часть Польши, возбуждала и Турцию, и Швецию к продолжению войны с нами. Для беспрепятственного снабжения нашей армии всем необходимым было чрезвычайно важно занять течение Днестра и крепости Бендеры и Аккерман. Эта задача была возложена на армию Потемкина. Графу Румянцову предстояло действовать на р. Серет, по соглашению с австрийцами, под начальством Лаудона опять расположенными отдельными отрядами; они должны были перейти Дунай и занять Белград. Турецкий главнокомандующий Юсуф-Паша направился на Румянцова, стоявшего в Новороссии и Екатеринославской губернии (поэтому его армия теперь называлась Екатеринославской)³² и поручил Гассан-паше идти к Измаилу. Зима 1788–1789 гг. прошла спокойно; турки весною, в нижней части Прута, заняли монастырь св. Адама. Румянцов двинул против них Дерфельдена, который их оттеснил и дошел до Фальги и дер. Цыганки.

Худая дорога не позволила двинуться далее, и Дерфельден ожидал австрийцев из Баксу (на р. Быстрице). Однако Принц Кобургский не считал возможным двинуться и тем дал возможность туркам предпринять общее наступление на австрийцев со стороны Фокшан и на русских со стороны Пуден. Австрийцы быстро отступили, оставив Дерфельдена одного, и он вскоре разбил турок (7-го апреля 1789 года).

Турки отступили к Максименам, где были снова разбиты Дерфельденом 14-го апреля, и отошли к сильной позиции у Галаца. Дерфельден последовал за ними и после упорного боя овладел городом, сжег его и двинулся к Бырладу, уничтожив на пути два Турецкие корпуса. Граф Румянцов остался очень доволен его действиями. Тем временем Императрица Екатерина II возымела мысль отозвать Румянцова, присоединив вверенную ему армию к армии князя Г. А. Потемкина, о чем и писала последнему 22-го марта³³, вскоре после чего Румянцов был отозван в Петербург для поручения ему особой армии, которая могла сказаться необходимою для действий против Пруссии. Он получил об этом 23-го апреля 1789 года рескрипт, отвечая на который 24-го мая, высказывал: «сие Всевысочайшее писание мою до крайности прискорбную душу вновь оживило, за исключением моей скорби, которою я так долго буду страдать, как долго я буду лишен случаев и способов на доказательство моего горячего усердия в военной службе Вашего Величества, коей я мою всю жизнь посвятил». Граф А. А. Безбородко, прекрасно знавший и понимавший фельдмаршала, тогда же утверждал, что фельдмаршал в Петербург не приедет, а будет проситься к водам. Слова эти оправдались. Фельдмаршал вскоре прислал прошение об увольнении его за границу для лечения. Это ему было, конечно, разрешено и был заготовлен даже паспорт для его проезда со всею при нем свитою, а Императрица сердечно желала ему успеха в пользовании водами. Однако Румянцов разрешением уехать не воспользовался и пребывал в Яссах. «Его присутствие в Молдавии подает случай к слухам, Моим и общим делам вредным», писала Екатерина II Потемкину 6-го сентября 1789 г.: «я желаю и требую, чтобы он выехал из

Молдавии». Но фельдмаршал не выезжал. Видя его упорство, Императрица, прождав тщетно полгода исполнения ее повеления, писала ему 17-го апреля 1790 г., чтобы он выехал из Молдавии либо к водам, либо в Россию, ибо пребывание его в Яссах вредно ее делам. Но фельдмаршал не помышлял повиноваться этому приказанию Ее Величества и под разными предложениями откладывал исполнение приказания, повторенного ему в мае того же года. Императрица начала терять терпение и полагала, в письме 20-го августа 1796 г., что «всего лучше послать ему, Румянцову, сказать, что легко случиться может, что турки его вывезут скоро, если он не уедет заранее сам, а если и сие не поможет, то послать к нему конвой, который бы его, оберегая, выпроводил». Однако к этому не пришлось прибегнуть: Румянцов в конце 1790 г. переселился, наконец, в свое малороссийское имение Вишенки. Хотя при наградах по случаю заключения мира с Турцией в Яссах 29-го декабря 1791 г. первым был помещен в списке фельдмаршал граф Румянцов, в начале войны предводительствовавший Украинскою армиею, пожалованный за занятие Молдавии шпагою с алмазами, тем не менее, Екатерина II долго не могла забыть ему неповиновения его ее приказанию покинуть театр военных действий. Она, по словам Храповицкого, 30-го декабря 1790 г. даже отказалась подписать заготовленную ему благодарность на присланное от него поздравление с новым годом и только *чрез три года*, именно 2-го января 1793 г. подписала ему сухую *благодарность* за присланное им новое поздравление. Ранее этого, 2-го января 1792 г. она вычеркнула из заготовленного ему письма «*пожелание доброго успеха в делах и намерениях*, сказав, что он ничего не делает». Все это может служить доказательством, что сама Екатерина II признала необходимым удалить из армии графа Румянцова в 1789 г., и что для этого вовсе не требовалось настоятельных просьб и происков князя Потемкина, которым многие писатели исключительно приписывают это удаление. Императрица не раз имела сведения о более или менее продолжительных болезнях фельдмаршала, была не совсем довольна медленностью его действий в кампанию 1788 года и возымела весьма естественно

мысль заменить его другим лицом, тем более что благосклонное ее расположение к фельдмаршалу, по словам Храповицкого, уже было поколеблено в это время. Она в январе 1789 г. находила, что было бы лучше, если бы фельдмаршал пошел в отставку. Эту мысль Императрица еще решительнее высказывает сама в письме к Потемкину в том же 1789 г. «Мое мнение», писала она: «есть фельдмаршала Румянцова отозвать от армии и поручить тебе обе армии, дабы согласнее дело шло». Более чем вероятно, что Потемкин не противоречил этому мнению Императрицы, являвшемуся к тому же отголоском мнения самого Румянцова. Он сам предлагал ранее обе армии – Украинскую и Екатеринославскую – слить в одну, поручив начальство над нею одному лицу. Кроме того, Румянцов сам писал Потемкину, что «дело в сем крае не может лучше пойтить, как под одним Вашим командованием», что сам он болен, чуть видит, что пишет... Теперь это в сущности и осуществилось, только едва ли начальником этой соединенной армии Румянцов намечал то лицо, которое было назначено.

Проболев около 2-х лет, граф Румянцов только в июле 1791 г. перебрался в свой любимый Ташан, где и проживал до начала 1794 г., опять занимаясь преимущественно разнообразными делами своего обширного хозяйства в различных имениях, ему принадлежавших.

Тем временем в Польше возникло восстание с известным Костюшкою во главе, имевшее целью вернуть все утраченную Польшу предшествовавшими двумя разделами Польского королевства. Войска наши, стоявшие в Варшаве, подверглись внезапному нападению в самый страстной четверг и с трудом отступили к Ловичу. Предстояло принять спешные меры против поляков и направить в Польшу войска из ближайших мест. Общее начальство над войсками от пределов Минской губернии с Изяславскою до устья Днепра было поручено, 27-го февраля 1794 г., фельдмаршалу графу Румянцову. Известие это было принято с восторгом публикою вообще, и особенно со стороны бывших его ранее подчиненных боевых генералов, как-то графом М. Ф. Каменским, князем А. А. Прозоровским, графом А. В. Гудовичем и др. Граф Румянцов писал Императрице, что не

замедлит все наряды и распоряжения сделать и назначить свою главную квартиру, получив все необходимые сведения от командующих генералов, каковыми были князь Репнин, Ферзен и знаменитый уже А. В. Суворов, не замедливший прибыть лично к фельдмаршалу в Ташан для надлежащих объяснений о предстоящих военных действиях. Объяснение это было непродолжительным, и Суворов скоро уехал на поля битв пожинать новые лавры, а Румянцов остался у себя дома и вскоре пришел в такое состояние, что, по многим своим недугам, а паче по своему «изнеможению в здоровье», не в состоянии был даже *писать своеручно* ни по-французски, ни по-русски, как об этом он сам писал пользовавшемуся его расположением князю П. М. Дашкову 25-го сентября 1794 года. Тем временем блистательные победы графа Суворова, действовавшего вполне самостоятельно, при Кобрине 3-го сентября, под Крупчицами 6-го сентября и занятие затем Бреста и поражение при Мацейовицах генералом Денисовым и Дерфельденом самого Костюшки, взятого при этом в плен, привели вскоре к знаменитому штурму Праги 24-го октября, после которого сдалась и Варшава 1-го ноября. Суворов послал к графу Румянцову донесение об этом вместе с ключами города. Румянцов не замедлил донести об этих успехах Императрице, которая 20-го ноября 1794 г. за торжественным обедом провозгласила тост за возведенного в звание фельдмаршала графа Суворова и наградила его обширным имением «Кобринский Ключ», заключавшим до 7000 душ мужеского пола. Граф же Румянцов был награжден домом в Петербурге, пред которым возвышался у Царицына Луга памятник с надписью: «Победам Румянцова-Задунайского», а также деревнями в Литовской губернии, в экономии Бржестской, имевшими 5700 душ, да в Брацлавской губернии село Серебрянец, имевшее 1399 душ – всего 7099 душ. Румянцов писал Суворову в ноябре 1795 г. об устройстве управления Русскою военною властью в занятом нами Польском королевстве, об устранении короля от этого управления, о сборе доходов и т. д., но это все не совсем совпадало с распоряжениями Суворова, сделанными ранее, который, по

словам графа Безбородко, *исключал себя из зависимости* старого фельдмаршала, а сей последний удалялся от надлежащих распоряжений. Ввиду несогласий с нашими союзниками в этой войне, Австриею и Пруссиею, предстояло готовиться к войне с ними, и было составлено новое расписание войск, по которому графу Румянцову были подчинены войска, расположенные в губерниях Волынской, Подольской, Брацлавской, Вознесенской, Екатеринославской и во всей Малороссии. Но опасности войны миновали; с союзниками были заключены договоры: с Пруссиею в 1795 г., а с Австриею позднее, в 1796 году. В 1795 году граф Румянцов, несмотря на свои недуги и довольно пожилые годы, возымел желание вступить в новый законный брак, как это усматривается из переписки его в это время с генералом Петром Богдановичем Пассеком. Императрица Екатерина дозволяла ему выполнить это его намерение, несмотря ни на что и ни на кого. Однако, это свое намерение граф Румянцов, по неизвестным причинам, не осуществил. Он продолжал жить в Ташане, где его навещил еще князь Эстергази, оставивший в своих письмах любопытные сведения о последних, так сказать, днях жизни фельдмаршала в Ташане. Эстергази видел в нем бодрого, здорового старца, жаловавшегося только *на ноги*, но он читал без очков бумаги и письма, вел очень хорошо разговор на французском языке, говорил рассудительно о делах Франции и очень скромно – о своих войнах с турками, как будто на самом деле «не он командовал армиею, не совершил ничего особенного, а сделал то, что выполнил бы на его месте всякий другой».

Вскоре после этого Румянцов узнал о кончине Великой Императрицы 6-го ноября 1796 г., а затем упомянутый Пассек сообщил ему, что новый Император оставил себе Преображенский полк, а в Конную гвардию произвел полковником же фельдмаршала графа Румянцева. При разделении 3-го декабря 1796 года войск на 12 дивизий, позднее названных инспекциями, была в числе других образована и Украинская, – вверенная Румянцову. К нему Павел I, по-видимому, благоволил и очень желал, чтобы фельдмаршал участвовал при погребении усопшей

Императрицы, о чем ему было послано от Императора особое письмо, которое, по словам графа С. П. Румянцова, должно было уверить фельдмаршала в *самых благоволительных расположениях* к нему Павла I. Фельдмаршал отвечал на это письмо, но в Петербург не прибыл, весьма вероятно – по слабости здоровья и по недостатку подвижности. К тому же и самое письмо дошло до него незадолго пред его кончиною, последовавшею в Ташане почти чрез месяц после кончины благоволившей к нему Императрицы, именно 8-го декабря 1796 года, в три четверти десятого часа пополудни, от удара; захворал он, как видно из описания его болезни, еще 28-го ноября. Все старания врачей не были в состоянии спасти больного.

Император Павел I приказал всю армию облечь в траур на три дня, а 25-го февраля 1797 г. повелел соорудить в память побед фельдмаршала *obelisk* на площади у Летнего сада, перенесенный, по повелению Императора Александра I, 23-го сентября 1813 г., на площадь Первого кадетского корпуса, дабы питомцы его созерцали монумент славы графа Румянцова.

Фельдмаршал погребен в Киево-Печерской Лавре 8-го января 1797 г.

Все почти признают в графе Румянцове великого полководца, но расходятся в оценке его как человека. Так, еще сама Императрица Екатерина II находила, что он имеет военные дарования, *«но двояк; храбр умом, а не сердцем»*. Преданный ему граф А. А. Безбородко, хорошо и давно его знавший, писал однажды: *«должно отдать и ту справедливость, что никто не пустится столько подавать фимиаму случайным (людям), как наш верховный полководец. Он пишет князю П. А. Зубову, что ему достоин слава наибольшего участия в делах, что он ему (т. е. Румянцову) был главнейший споспешник и т. д. Жаль, что пристойность не вместна с большим талантом»*, добавляет при этом Безбородко. Суровый приговор произносит о фельдмаршале, как человеку, и Алексей Михайлович Маркевич, человек, как известно, исключительный по своим высоконравственным идеалам: Румянцов был «великий полководец, но не великий человек; он был завистлив, горд,

высокомерен, любострастен, льстец, корыстолюбив, скуп, – следовательно пленник страстей самых низких и следовательно малодушен».

Граф П. А. Румянцов состоял в браке с княжною *Екатериною Михайловною Голицыною* (р. 25-го сентября 1724 г.) и имел от нее трех сыновей: *Михаила*, *Николая* и *Сергия* (см. их биографии, помещенные в этом же томе). Но брак этот причислить к удачным или счастливым нельзя, потому что граф очень рано, еще во время Семилетней войны, отказался от супружеского сожительства, увлекаясь различными другими особами, и упорно отказывался даже для приличия жить в одном доме со своею законною супругою, как это можно усмотреть из писем к нему последней. Не живя вместе, супруги состояли, однако, в переписке между собою до самой кончины в 1779 году графини, которой граф предоставил не только все заботы по воспитанию своих детей, проживавших вместе с матерью, но и возложил управление своими подмосковными имениями и домами в Москве, а также исполнение различных его поручений, касавшихся хозяйства и его туалета. Не имея непосредственного надзора за своими сыновьями и наблюдения за их воспитанием, граф-отец доставлял, однако, необходимые для этого денежные средства, а позднее отпускал каждому из них известную сумму в год на житье (по 6000 рублей). По временам он ходатайствовал за них о движении по государственной службе, допуская их себе на глаза лишь изредка, и то каждый раз с особого его разрешения и притом на короткое время. Он более всего был расположен к среднему своему сыну – *Николаю*, с которым и вел немалую переписку, касавшуюся более денежных дел и расчетов, существовавших между отцом и сыновьями. Старший сын – *Михаил* не пользовался его расположением, как объясняли, – за то, что служил при князе Потемкине, а младший, *Сергей* – за то, что служил не довольно усердно, часто менял занимаемые им служебные должности и проводил время вне службы. Все три сына, впрочем, были преисполнены искренней любви и привязанности к отцу, очень дорожили родительскою ласкою и высоко ценили его государственные заслуги, как то

усматривается из их писем. Не пользуясь нормальной семейною жизнью, граф Румянцов, живя большею частью в своих имениях, имел при сем немало близких сердцу особ, с одной из которых даже намеревался вступить в брак, как упомянуто выше, и притом уже в преклонные лета жизни. К числу незаконных детей его, обыкновенно более или менее сомнительных, нельзя не причислить неких братьев *Умянцевых* или *Омянцевых*: Петра, Александра, Федора и Андрея, а также сестру их Анну Людовику, которые все, даже и сестра, были возведены королем Польским Станиславом Понятовским, 4-го апреля 1772 года, в звание *баронов Польских*, вместе с их детьми, наследниками и законными потомками, «за особенную ревность в оказании услуг Нам (т. е. Станиславу Понятовскому) и Нашему Королевству». Эти бароны Умянцовы получили немалую долю из обширных владений графа Румянцова в наших южных губерниях, по преимуществу в Екатеринославской; один из них был полковник русской службы и уволен в отставку генерал-майором, другой был Симбирским губернатором.

По кончине графа П. А. Румянцова все его обширное достояние, по словам Е. П. Карновича, доходившее до 298 тысяч десятин земли и 30000 душ крестьян (эти цифры ниже действительности), а также значительные денежные капиталы перешли к трем его упомянутым законным сыновьям, мирно распределившим это достояние между собою.

Граф П. А. Румянцов, как должно заключить из напечатанной по сие время переписки его, находился в близких и самых приятельских отношениях с главнейшими лицами двора Екатерины II, из числа которых многие пользовались ее благосклонным расположением. Так, он был в *приятельских* отношениях с князем Гр. Орловым, при начале царствования Императрицы, когда князь пользовался ее великим фавором. Князь нередко в письмах своих просил Румянцова быть к нему *милостивым*, сохранять дружбу, которую видит, и выражал намерение (в 1770 году) *поступить на службу под начальство* графа. Пребывая в Петербурге, Гр. Орлов был неоднократно преданным ходатаем Румянцова

пред Ее Величеством и в письмах своих называл часто последнего «*голубчик мой*» и сообщал ему не только повеления Ее Величества, но и ее желания и намерения, дабы Румянцов мог сообразоваться с ними. Вместе с прочими Орлов скорбел об ослаблении здоровья Румянцова.

Другое очень влиятельное лицо в царствование Императрицы – граф Иван Гр. Орлов был в тесной дружбе с Румянцовым, постоянно заботился и о нем лично, и об его интересах и домашних делах, являясь в то же время преданным посредником между Императрицею и ее полководцем. От графа Ив. Гр. Орлова Румянцов узнавал взгляды на него Екатерины II, выводывал, насколько его действия будут ей благоугодны, подносил благодарности за изливаемые на него милости и просил о даровании ему новых. Он нередко спрашивал Ив. Гр. Орлова, как отнесется Ее Величество к тому или другому предполагаемому ею подарку со стороны фельдмаршала. Граф И. Г. Орлов, как преданный Румянцову человек, постоянно заботился о денежных его делах, вносил за него платежи, хлопотал о покупке для него деревень и о пожаловании ему хуторов и дворов, им желаемых. Румянцов сам пускался с ним в откровенности и писал о предметах, о которых в то время едва ли было удобно писать на письме.

Брат И. Г. Орлова, известный герой Чесмы граф Алексей Григорьевич, в немногих дошедших до нас письмах неоднократно заверял Румянцова в своей дружбе и преданности.

Очень влиятельное также лицо в царствование Екатерины II, граф Никита Иванович Панин, к которому Румянцов весьма часто обращался в письмах за советами и указаниями по делам политическим, был также очень расположен к графу Румянцову, называвшему его своим *милостивцем*. Брат же его, покоритель Бендер, граф Петр Иванович при конце своей жизни писал, что с самой юной молодости своей заботился о соблюдении графом Румянцовым милостивых к нему благодеяний и искреннейшего дружелюбия и благодарил за таковые пред своею кончиною.

Могущественный генерал-прокурор Императрицы, пользовавшийся ее расположением почти тридцать лет, князь

Александр Алексеевич Вяземский, считал себя обязанным исполнять *угодное* графу Румянцову и просил его о благосклонном к нему расположении. Из писем супруги князя Вяземского усматривается, что он считал Румянцова начальником своего счастья, любившего его по заслугам. Даже могущественный фаворит князь П. А. Зубов называл Румянцова своим благодетелем, благодарил за милости, ему оказанные, писал о своем высокопочитании и заверял в своей преданности.

Многочисленные письма князя Н. В. Репнина, начиная с 1770 г. по самую кончину графа Румянцова, удостоверяют не только в уважении, но и преданности к нему Репнина, немало служившего под начальством Румянцова.

Несколько труднее установить в точности характер взаимных отношений Румянцова и князя Г. А. Потемкина, по неимению обстоятельной биографии последнего и ввиду господствующего пока мнения, будто они оба, в последние годы их жизни, друг друга *ненавидели*, что и было причиной опалы Румянцова и отозвания его от армии в 1789 году. Но из изложенного выше можно усмотреть, что Румянцов *сам сделал все*, чтобы быть отозванным от армии, и что самая мысль об его отозвании принадлежит Императрице, а не Потемкину, который был не только расположен, но и *предан* Румянцову. Из обнародованного в последнее время целого ряда писем Потемкина можно усмотреть, что, называя Румянцова дружески «батюшкою», он неоднократно заверял, что душевно его любит, пребудет во всю жизнь вернейшим его другом, покорнейшим слугою и будет *неложно предан* ему, и просил пренебрегать толками, которые сплетают зависть и злость, как он сам это делает, т. е. пренебрегает этим. Потемкин оказывает ему целый ряд мелких вниманий, которые обыкновенно не оказываются лицами, к которым расположения не имеется. Румянцов в свою очередь называл Потемкина *вседражайшим* и любезнейшим другом, высказывал, что *благоддеяния его столь многочисленны*, что нет момента, в которой он не находил бы обязательств быть ему признательны и благодарным, и просил не раз Потемкина *помочь ему* в его частных делах.

Нельзя не упомянуть при этом, что граф Румянцов поручал преданному ему графу П. В. Завадовскому разведать о чувствах к нему Потемкина, и Завадовский, исполнив это поручение, писал подробно Румянцову, что князь, по его мнению, имеет полное уважение к Румянцову и желает, чтобы *собственные дети его так любили и почитали* графа, как Потемкин его любит и почитает.

Наиболее преданными Румянцову лицами должно, впрочем, считать двух лиц, бывших некогда его подчиненными, которые, быв представлены им Императрице, быстро достигли и большой известности, и большого при ней влияния – именно это были: некогда полковник Старооскольского полка Петр Васильевич Завадовский, позднее любимец Екатерины и граф, а другой – Александр Андреевич Безбородко, служивший некогда в канцелярии Румянцова, а впоследствии бывший главным деятелем Великой Императрицы по делам внешней политики, а также и по внутреннему управлению государством, ее правая рука, граф, а позднее, при Павле I, канцлер и с 1797 года князь. Безбородко считал себя *неоплатным должником* графа Румянцова, который вывел его на блестящий путь и продолжал особое к нему благоволение. Поэтому Безбородко принимал большое участие в начинавших только свое служебное поприще сыновьях фельдмаршала, исполнял поручения самого фельдмаршала по делам, лично его касавшимся, а также просьбы его о других лицах, сообщал ему о предстоящих назначениях и распоряжениях Ее Величества, а также о ее намерениях и, препровождая Румянцову Высочайшие повеления по его представлениям, добавлял от себя о том, как было принято Императрицею то или другое его распоряжение и что было при этом Ею выражено. Сам Румянцов, в свою очередь, часто обращался к графу Безбородко по различным вопросам, касавшимся дел, на него возложенных, просил дать ему *совет* или указание, как лучше угодить Ее Величеству, как поступать в том или другом случае, и нередко ходатайствовал за различных лиц, в участи которых принимал большее или меньшее участие. Все это дает полное основание причислить графа А. А. Безбородко к числу лиц,

очень преданных Румянцову, считавшему, впрочем, *лучшим своим приятелем* и не только любезным *другом*, но и дружбе *верным* графа Петра Васильевича Завадовского, который, как видно из их переписки, вполне оправдывал это мнение фельдмаршала. Исполняя долг искренно преданного друга, Завадовский советовал Румянцову, как генерал-губернатору, *не жить в своей деревне*, а в городе, «ибо есть *толки*»; отнюдь не отговариваться от поездки с Цесаревичем в Берлин, потому что это будет *весьма неудобно* Ее Величеству; не просить у нее новых отпусков себе и не пребывать в Молдавии, чтобы *не раздражать Государыню*. Он же советовал Румянцову по возможности не перечить Потемкину, старался установить добрые между ними отношения, добавляя при этом: «временем повиновение только доставляет благопристойность, – есть дело мудрости».

Завадовский, как друг, преданный графу Румянцову и его семейству, заступался за сыновей последнего и мирил их с отцом, не без успеха. Кроме того, он постоянно заботился о материальных делах графа, как-то: об известном Пологском деле, производившемся в Сенате (большая тяжба с поселянами), об отводе графу земель по пожалованию, о покупке ему деревень, о посылке денег его сыновьям и т. д. и исполнял нередко разные хозяйственные поручения графа Румянцева.

Он же, как и Безбородко, постоянно сообщал фельдмаршалу о различных предположениях и намерениях Ее Величества, о имеющихся в виду назначениях и наградах для самого Румянцева, о предстоящих путешествиях Императрицы в Смоленск, Киев, Херсон и т. д., о разговорах, происходивших при дворе о графе Румянцове, о предстоявших ему приемах Ее Величества и об устройстве оных по желанию и вкусу Государыни. Всего указанного не станут делать лица нерасположенные, а тем более лица, враждебно относящиеся к данному лицу, а потому можно с полным основанием сказать, что граф Румянцов все время своего служения имел усердных и преданных ему ходатаев у престола Екатерины II, и только подозрительный, мелочной характер графа мог усматривать

себе врагов там, где их вовсе не было. Обращаясь после этого к отзывам о личности и деятельности Румянцова, должно упомянуть прежде всего, что известный военный писатель М. И. Богданович, в своем исследовании «Походы Румянцова, Потемкина и Суворова», сделал следующую оценку графа П. А. Румянцова. По его словам, он как генерал-губернатор Малороссии способствовал к слиянию сей обширной страны с прочими областями Империи и водворил в ней порядок и владычество законов... Как военачальник деятельность его не имела предела. Начальствуя армиею, он беспрестанно являлся на коне между солдатами, старался видеть все сам и между тем занимался неусыпно кабинетными работами... Он обращал особенное внимание на соблюдение строгой дисциплины в войсках, говоря, что потворством мол; но испортить лучшую армию. Но строгость его была всегда неразлучна с справедливостью... Война с Турциею 1769–1774 годов, названная современниками Румянцовой, имела большое влияние на успехи военного искусства. Тактические его нововведения дали решительный перевес регулярным войскам над нестройными полчищами. Прежние походные движения, производившиеся в огромном каре либо в одной колонне, были заменены движениями войск в небольших колоннах, состав которых способствовал быстрому построению нескольких каре. Кавалерия при этом следовала в отдельных колоннах, артиллерия же полковая и полевая шла в интервалах колонн... Румянцов требовал от кавалерии, чтобы она действовала исключительно холодным оружием и строилась для боя в две шеренги. Он обращал большое внимание на тактическое образование войск и на внушение им духа подчиненности и издал с этою целью немало инструкций и распоряжений... Он улучшил также провиантскую часть армии... Для лучшего ее устройства и заведования он предлагал учредить верховный военный совет, под председательством Государя, состоящий из директоров, назначаемых Высочайшею властью, причем непременно его членами должны состоять генерал-фельдцейхмейстер, генерал-инженер и генерал-комиссар. Каждый директор, кроме общих дел, заведует особенными

экспедициями, Все дела совета чрез директоров поступают на Высочайшее разрешение. Граф Румянцов находил, что наша Империя по ее обширности, разнoverию и разноправию своих обитателей и по разнообразию ее соседей, должна наблюдать, чтобы подражать другим державам только *в приличном и весьма уважать тот источник*, который и доселе один питает ее воинские силы. Источник сей *есть народ*, дающий войску и людей, и деньги. Надлежит стараться, дабы несоразмерным и бесповоротным взиманием не оскудить сей источник, но употреблять такие средства, которые, в случае непредвиденной надобности, доставили бы казне денежные запасы и увеличили бы силы России для нее нечувствительно, но для души приметно. Граф Румянцов, по приведенным выше словам Маркевича, был великий полководец, но невеликий человек; он был завистлив, горд, высокомерен, любострастен, льстец, корыстолюбив, скуп – следовательно, пленник страстей самых низких и следовательно малодушен. Один же великий человек заслуживает похвальных слов. Как хозяин, он был замечателен. Благодарное перо Лесницкого, бывшего питомца и секретаря графа Румянцева, рисует нам иной очерк графа. По словам Лесницкого, «он соединял с начальством уважение к подчиненным в войске и земле, удерживал правила общежития, хранил гостеприимство в домашней жизни, обходился со всеми и со всяким ласково. Законы отечественные помнил совершенно. *Связи были для него неизвестны*; ссужал многих и долгов не имел. Никому не подражал и ни от кого не заимствовал. Пышность ненавидел; шуму и городской жизни удалялся; нигде не одолевался скукою. Приятелями к себе располагал всех и каждого, а друзей – избирал опытом. Быстрейший имел бег мыслей и дар слова пространнейший». Похвальный отзыв о фельдмаршале, как человеке, находится и в Записках Л. Н. Энгельгардта, у Бантыш-Каменского, у Чичагова, написавшего целую книгу (без означения года издания) о заслугах и великих достоинствах фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского, и у многих других писателей, указанных ниже.

Формулярный список о службе графа П. А. Румянцева в Архиве Главного Штаба в Москве, в списках 1773–1784 гг.; Общий Гербовник Российской Империи; Русская родословная книга, князя А. Б. Лобанова-Ростовского, т. II, стр. 188 и след.; князь П. Долгоруков, Российская Родословная книга, ч. I, стр. 302; ч. IV, стр. 889; В. Руммель, «Родословный сборник», т. II; Н. Н. Селифонтов: «К биографии гр. Румянцева»; Камер-фурьерский Журнал (по алфавитам к Журналам); Полное Собрание Законов: Первое, т. XVIII, ст.ст. 37, 169, 170, 372, 391, 752, 801, 853, 914, 920, 1029; т. XIX, 525, 771, 852, 957, 966; т. XX, ст.ст. 49, 81, 169, 223, 306, 326, 401, 463, 555, 723, 763, 826, 917, 936, 979, 1023; т. XXI, ст.ст. 136, 246, 295, 374, 393, 721, 759, 1056, 1071; т. XXII, ст.ст. 138, 233, 273, 346, 418, 437, 456, 463, 507, 540, 677, 834, 838, 877, 879, 884, 887, 897, 1063, 1148; т. XXIII, ст. 9, 11, 104, 257, 613, 689, 691, 790; т. XXIV, ст. 225, XXV, ст. 108; XXVII, ст. 591; т. XXVIII, ст. 901; XXIX, ст. 658; XXXV, ст. 573; Второе, т. VIII, ст. 499; т. VIII₂–19; X–59; т. XII–441; т. XV приб. 1839, ст. 1; XXXI₂–115; «Сборник Императорского Русского Исторического Общества», тома II, III, V, VII по XIX включительно, XXIII, XXVI, XXIX, XXXIII, XXXIV, XL, XLII, L по LIV включительно, LVIII, LIX, LXVI, LXIX, LXXII по LXXXI включительно; LXXXIV, LXXXI; LXXXVIII, LXXXIX, XCI, XCIV, CVIII, CXVI, CXVIII, CXXIV; «Сборник Харьковского Историко-Филологического Общества», т. II; «Сборник Военно-исторических материалов», выпуск VI, бумаги Потемкина; «Чтения Императорского Общества Истории и Древностей в Москве», 1859 г. кн. 3; 1861 г., кн. 1; 1865 г., кн. I и II; 1866 г. кн. 1; 1868 г., 1869 г., 1875 г., кн. 1; 1876 г. кн. 1; 1876 г., кн. 2; 1891 г., т. I и V; «Чтения в Историческом Обществе Нестора-Летописца», кн. I VI; «Русский Архив»: годы 1863 по 1867 включит. 1869–1875 г. включит.; 1877, 1879, 1880, 1882, 1889, 1892, 1893, 1898, 1899, 1901, 1902; Архив Министерства Юстиции в Москве: ордера Румянцева 1770 г.; Дела Сената по бывшей Конференции при Дворе, № 42–8143; Дела Черниговского Наместничества, в. № 2960, дело 86; Дела Молдавские и Мутянские; Архив Министерства

Императорского Двора: в Петрограде: оп. 352–1343, рос. I, д. №№ 37, 40 и 83; оп. 36/1629, д. №№ 138, 139 и 140; в Москве: № 62225, № 104; «Архив графов Мордвиновых», т. I, стр. 189; т. II, стр. 41, 537, т. III; «Архив князя Куракина», т. 8–10 включит.; Архив Малороссийской Коллегии – в Харьковском университете (по описи); «Архив князя Воронцова», т. 4, 6, 7, 8, 10–13 включит.; 16, 17, 20, 22, 24, 25, 27, 31 – по 33 включит.; «Архив Государственного Совета», изд. 1880 г., т. I и II; Архив военно-ученый Главного Штаба в Петрограде, т. I, опись, составл. капитаном Бендером; Архив Правительствующего Сената, книги Высочайших повелений с 1760 по 1796 г. включительно; Архив Государственный Мин. Иностранных Дел: в Петрограде: разряд XI № 96, 865; XI крас. № 4 по 98; разр. XII № 332, разр. XVI № 496, разр. XVI № 742 ч. 1 и 2; разр. XX № 221; в Москве: дело Бранденбургского двора 1740 г., № 4; дела Турецкие, 1768–1790 гг.; дела Крымские, 1770–1782 гг.; дела Прусские № 43; дела Абовского Конгресса 1743 г.; Письма Императрицы Екатерины II к графу П. А. Румянцову (часть напечатана в «Северном Архиве» 1822 г.); Архив 1-го Кадетского Корпуса, в Петербурге, д. 1740 г.; Из архива семейных бумаг князя Мещерского; «Русская Старина», т. II, III, VIII, IX, XIII–XIV вкл.; XVI–XX вкл.; XXII–XXIV, XL, XLII, XLIX, L, LII, LIII, LXI, LXIV, LXXIX, LXXX, LXXXVI, LXXXIX, CVIII, CXXVI, CXXVIII; «Старина и Новизна», изд. Обществом ревнителей Историч. Просвещения, кн. I, III, IV и V; «Киевская Старина» 1882 г., №№ 1–4; 1883 г., № 7; 1884 г., №№ 8, 9; 1885 г., № 15; 1888 г., №№ 20–23; 1889 г., №№ 24, 25; 1890 г., № 31, 32; 1891 г., № 35; 1892 г., № 36; 1895 г., № 48; 1896 и 1901 г.; «Журнал Императорского Русского Военно-Исторического Общества» 1910 г., кн. I, дневник Каульбарса; «Журн. Минист. Народного Просвещения» 1841 г., XXX, № 1 (статья А. А. Скальковского); «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. XXIII; Записки о Южной России, изд. П. Кулиша, С.-Петербург. 1887 г., т. II, ст. 170 и след.; Анекдоты, объясняющие дух фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского, С.-Петербург, 1811 г.; Жизнь генерал-фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайского, С.-

Петербург. 1848 г. (Чичагова); Государственный канцлер граф Н. П. Румянцов, А. Ивановского, С.-Петербург; Д. Бантыш-Каменский, Словарь достопамятных людей русских светского чина; Энциклопедия военных и морских наук, изд. Леера, ст. Н. Ф. Дубровина Зарульский (Станислав), Описание Малой России и Украйны, с приложениями, Москва. 1840 г.; Переписка Екатерины II с гр. П. А. Румянцовым, Москва. 1805 г.; Переписка Имп. Екатерины II с разными особами, Москва. 1807 г.; Сочинения Имп. Екатерины II, изд. Смирдина; Записки Императрицы Екатерины II, перевод с подлинника, изданного Имп. Академией Наук, С.-Петербург. 1907 г., изд. Суворина, стр. 209, 440, 450; Г. А. Брикнер, Биография князя Потемкина, С.-Петербург. 891 г.; его же, История Екатерины II, 1885 г., С.-Петербург, изд. Суворина; Записки Л. Н. Энгельгардта, 1766–1886 гг., Москва. 1867 г.; Россия и Русский двор в первой половины XVIII века. Записки гр. Эрнста Миниха, С.-Петербург. 1891 г., изд. «Русской Старины»; граф Петр Иванович Панин, составили П. А. Гейсман и Дубовской; Н. В. Берх, Жизнеописания первых Российский адмиралов, т. III, стр. 229 и след.; Е. П. Карнович, Замечательные богатства частных лиц в России, С.-Петербург. 1874 г.; В. Д. Смирнов, «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии», Одесса. 1889 г.; Присоединение Крыма к России; рескрипты, письма, реляции и донесения, составил Н. Ф. Дубровин, С.-Петербург. 1885 г., т. I–IV; «Военный Сборник» 1868 г., № 7: Ген.-фельдм. князь А. А. Прозоровский, статья Н. Ф. Дубровина; А. А. Васильчиков, Семейство Разумовских, т. I, стр. 157, 353–371, 466; т. III, стр. 170–175; Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова, Берлин. 1870 г., т. I, стр. 19; Очерк истории Украинского народа, М. С. Грушевского, С.-Петербург. 1904 г.; Малороссия в 1767 г., эпизод из истории XVIII столетия, соч. В. Г. Авсеенко; Малороссийские посполитые крестьяне, А. М. Лазаревского; Скорбный лист архива Малороссийской Коллегии, Тимченко; История Руссов или Малороссии, соч. Конисского; Обзорение Румянцовской описи Малороссии, А. М. Лазаревского; – «Черниговские Губернские Ведомости» 1852 г., № № 35, 50;

1895 г., №№ 54; 1898 г.; «Записки Черниговского Губернского Статистического Комитета», выпуск I и II; Собрание разных сочинений и новостей, С.-Петербург. 1777 г., т. II, август, сентябрь; Исторические монографии В. А. Бильбасова (Журналы во время царствования Петра III); Описание русских и славянских рукописей в Румянцовском Музее в Москве, А. Востокова, 1842 г., стр. 488, № 355; «История России», С. М. Соловьева, изд. Общ. Пользы, т. VI; Памятники новой русской истории, С.-Петербург, т. I; Сухопутный Шляхетский Кадетский Корпус, П. Ф. Лузанова, С.-Петербург. 1907 г.; История Императорской гвардии, Пушкарева; История л.-гв. Преображенского полка, 1683–1883 гг., Чичерина и Долгова, в 4-х томах; то же, Азанчевского; то же, Бобровского; История л.-гв. Кирасирского Его Величества полка; История Кирасирского военного ордена полка, Григоровича; История л.-гв. Гренадерского полка, Судравского, Петербург. 1906 г.; История л.-гв. Эриванского полка, П. О. Бобровского; История Моршанского полка, Будницкого; История конницы, полк. Маркова, ч. IV, отд. I; Хроника 37 драгунского Военного ордена фельдмарш. Миниха полка, составил Григорович; Кратная история гренадерского Малороссийского графа Задунайского полка, Правикова, изд. 1889 г.; Жизнь, характер и военные действия графа П. А. Румянцева, соч. Сазоновича, Москва. 1803 г.; Русская армия в Семилетнюю войну, Д. Ф. Масловского; Турецкая война 1769–1774 гг. и Польские конфедераты, соч. Петрова, в 4-х томах; Вторая Турецкая война в царствование Екатерины II, 1787–91 гг., соч. Петрова; Генералиссимус князь А. В. Суворов, соч. Петрушевского, т. II; Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турцию, М. И. Богдановича; Исторический обзор деятельности графа Румянцева-Задунайского и его сотрудников, Саковича, Москва. 1858 г.; Гр. А. В. Суворов среди преобразователей русской армии, Н. Ф. Дубровина, 1876 г.; Материалы для истории инженерного искусства в России, соч. Ласковского, ч. III, стр. 513–618; Материалы к истории военного искусства в России, выпуск X; Материалы для истории Русского флота, т. XI и XII; Щукинский Сборник, т. VI

(Записки Грязнова); Памяти графа М. М. Сперанского, С.-Петербург. 1872 г.; Антон Бюшинг, Автобиография; Записки И. В. Лопухина (в «Чт. Общ. ист. и древн.» за 1866 г.); Записки А. Т. Болотова, С.-Петербург, кн. I; Записки Ф. Ф. Вигеля, Москва. 1891 г., т. II; Обозрение царствования и свойств Императрицы Екатерины Великой, А. Сумарокова, Петербург. 1822 г.; Деяния Императрицы Екатерины II, Колотова, С.-Петербург. 1811 г.; Письма графини Е. М. Румянцовой к ее супругу, изд. графом Д. А. Толстым, а также находящиеся в Рукописи. Отд. Импер. Публичной Библиотеки; Письма графов Николая и Сергея Петровичей Румянцовых к их отцу, фельдмаршалу, в Рукописи. Отд. Импер. Публичной Библиотеки; Записки А. В. Храповицкого, изд. Н. П. Барсуковым; *Mémoires de Falkenschöld*, Paris. 1836; *Mémoires du comte Rogers de Damas*, Paris. 1826; *Nouvelles lettres du comte Valentin Esterhazy*, Paris. 1908.

Румянцов, Петр Александрович

Румянцов, Петр Александрович, генерал-майор; происходил из дворян Ярославской губернии, родился в Петербурге в 1805 году; отец его, *Александр Иванович Р.*, был секунд-майором и женат был на Наталье Яковлевне Мещериновой. После домашнего обучения Р. определен был в 1820 году в Пажеский корпус, где за отличное поведение и успехи в науках был в 1824 году (3-го апреля) назначен камер-пажом, а затем, по выдержании испытания в курсе наук, произведен был, 15-го апреля 1825 г., в гвардии прапорщики с зачислением в л.-гв. Измайловский полк; чрез год он был произведен в подпоручики (6-го октября 1826 года), причем немного ранее, за примерный порядок, усердие и точность в исполнении своих обязанностей, именным Высочайшим указом Правительствующему Сенату от 28-го марта 1826 г., повелено было убавить ему один год службы из 25-летнего срока, определенного на заслугу военного ордена св. Георгия.

Наступившая вскоре война с Турциею 1828 г. привела Румянцова, вместе с полком, сперва к берегам Дуная, а затем к крепости Варна, при осаде которой, в 1828 году, Румянцов занимал с командами разные редуты для прикрытия осадных батарей, находился в траншеях и шанцах при производстве траншейных работ и был не раз в составе ближайших резервов под беспрестанными неприятельскими пушечными и ружейными выстрелами. За отличие в делах против турок Румянцов награжден был, 28-го ноября 1828 г., орденом св. Анны 4-й ст. за храбрость. По взятии Варны Румянцов возвратился в пределы Империи и находился на кантонир-квартирах с 24-го ноября 1828 г. по 18-е сентября 1829 г. в Каменец-Подольской губ. в г. Гайсине, а затем с 25-го сентября был в походе к Петербургу и 6-го апреля 1830 года был произведен в поручики.

Возникшая вскоре война с Польскими мятежниками 1830 года привела П. А. Румянцова в Польшу; он участвовал в 1831 году в движениях наших войск от г. Остроленки к р. Нуру для воспрепятствования мятежникам совершить переправы чрез р.

Нарев и Буг, а позднее – при отступлении гвардейского корпуса к Тыкочину, в виду неприятеля, сильно на него нападавшего, при занятии 9-го мая Тыкочина и преследования поляков к Остроленке усиленными маршами, а затем в движении к Макову, Плоцку и в переправе через Вислу на левый ее берег и, наконец, в наступательных движениях к г. Варшаве, а также при взятии с боя передовых Варшавских укреплений и городского вала 25-го и 26-го августа, за что и был награжден орденом св. Анны 3-й степени с бантом (15-го февраля 1832 года). После церемониального вступления 27-го августа наших войск в Варшаву П. А. Румянцов находился в составе особого отряда войск гвардейского корпуса, высланного, в сентябре 1831 г., для преследования остальных мятежнических шаек от местечка Блонье к Русской границе и после удаления мятежников в Пруссию возвратился в конце сентября в Варшаву, а затем и в Петербург – 28-го февраля 1832 года. В следующем году (2-го апреля 1833 г.) Румянцов был произведен в штабс-капитаны, а в декабре 1839 г. – в капитаны, оставаясь в том же л.-гв. Измайловском полку, причем за отлично усердную службу был награжден, 6-го декабря 1839 г., орденом св. Владимира 4-й степени.

13-го июля 1843 г. он был произведен в подполковники с назначением для особых поручений к командующему Отдельным корпусом внутренней стражи. По главным обязанностям, возложенным на этот корпус в те времена – по конвоированию всякого рода арестантов, при их пересылке и по приему и доставлению рекрут по назначению – Румянцову очень часто приходилось объезжать этапные команды, расположенные на пространстве всей Империи, по поручениям разного рода, на него возлагаемым, и успешное исполнение которых его стороны доставило ему не раз особые благодарности; кроме того, он был награжден орденом св. Станислава 2-й степени 22-го августа 1843 г. и произведен за отличие в полковники (28-го сентября 1846 года) с назначением командующим резервною бригадою 19-й пехотной дивизии. Эту должность он отправлял до 1862 года, По назначению своему резервная бригада готовила рекрут к действительной

службе в дивизии, и ревностное отношение Румянцова к своим служебным обязанностям и заботливость его о сбережении нижних чинов доставили ему неоднократно Высочайшие благоволения за отлично усердную его службу (в 1851), за отличное состояние рекрут (в 1852 г.), за бдительное внимание к сбережению чинов (в 1854 году), за отличную распорядительность и заботливость по исправному содержанию резервной бригады (в 1854 г.); кроме того, Румянцов был награжден орденом св. Владимира 3-й степени (22-го ноября 1852 года) и, наконец, произведен был, 11-го апреля 1854 г., в генерал-майоры с оставлением в той же должности, которую он продолжал исполнять до 1862 г., когда был по прошению уволен от службы.

Румянцов по формулярному списку за 1856 год показан холостым.

Московское Отделение Архива Главного Штаба: выписки из формулярных списков, доставленных от Кавказского корпуса за 1856 г., по архиву № 33; князь А. Б. Лобанов-Ростовский, Русская Родословная книга, т. II, стр. 189.

Румянцов Семен, дьяк

Румянцов Семен, дьяк тобольский с 1658 г. по февраль 1664 г.; ранее августа 1665 г. был назначен дьяком Новой Чети, где состоял и в 1666 г.; с 1667 г. (сент.-дек.) по 10-е ноября 1668 г., вместе со стольником Петром Ив. Потемкиным, состоял послом в Испанию для объявления о заключении перемирия с Польшею на 13½ лет и предложения дружбы, причем получил от Испанского короля два портрета (короля и королевы) и запон в 6500 ефимков, На обратном пути с той же целью заезжал во Францию, причем, во время переговоров французские министры убеждали послов заключить трактат о свободной торговле между обеими странами, но послы, не имея полномочий, уклонились от переговоров по этому вопросу.

С июля 1669 г. он был дьяком Поместного Приказа. В октябре 1673 г. участвовал в государевом походе в Троице-Сергиеву Лавру. В 1673–4 был временно отчислен от Поместного Приказа и состоял дьяком в Калуге при князе Ив. П. Барятинском во время приготовления к предполагавшемуся походу на Крымского хана. В 1677–1678 гг. – дьяк Астраханский. В 1679 г., марта 28-го, вместе со стольником Сем. Ероф. Алмазовым, был назначен посланником в Данию для уверения Датского короля Христиана в крепкой дружбе и любви, с просьбой не вступать в мирные переговоры со Швециею, не известив о том Москву, принять на себя посредничество в примирении с Польшею и о разрешении приискать в Дании офицеров для Русской службы; на обратном пути послы должны были заехать в Пруссию – просить курфюрста Бранденбургского Фридриха-Вильгельма не мириться со Швециею без согласия Русского двора; Р. отправился в посольство 13-го мая и возвратился из Пруссии 29-го ноября 1679 г. В 1680–1685 гг. Р. был дьяком Сибирского Приказа.

Владел пустотами в Долбинском стану Московского уезда и помещной и вотчинной землей (вместе с сыном *Василием* и братом *Никоном*) в диком поле на р. Филиной Зушице и в починке Избищах, Городского стана Чернского уезда. Он имел

четырех сыновей: *Василия*, *Ивана* (стряпчий 1676–1682 г.), *Петра* (дворянин Московский 1692 г.) и *Степана* (стольник 1689–1692 г.).

Доп. к Акт. Ист., т. IV, 346; Древн. Российск. Вивлиофика, изд. 2, т. XX, стр. 344, 360, 396; Опис. докум. и бумаг Моск. Арх. Мин. Юст., т. 13-й, стр. 184; Двинская летопись, изд. А. Титовым, стр. 30; П. Н. Петров «История родов русского дворянства», т. I, СПб. 1885 г., стр. 304; Дворц. Разр., т. III (дополн.), 169; Доп. к Акт. Ист., IV, 188, 236, 262, 345, 350; Дворц. Разр., т. III, 589; Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешн. снош. России, т. I, 162; т. IV, 81, 261; С. Шумаков, Экскурсы по истории Поместного Приказа, стр. 47; его же, Сотницы, грамоты и записи, т. III, 144, 150, 153, 166; т. V, 77, 79; А. Г. Р., II, № 138 и № 168 (с. 679); Доп. к Акт. Ист., т. VI, 65, 66; Дворц. Разр., т. III, 906, 1412; Опис. докум. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст., кн. I, №№ 21, 41, 43, 320–321; Дон. к Акт. Ист., т. VII, 221–224, 230, 237, 240–251, 254, 258, 259, 263, 267, 271, 273; т. VIII, 1–3, 24–27, 36, 54, 55, 59, 74, 77; Н. Бантыш-Каменский, Обзор внешних снош. России, т. I, 162, 233, 301; т. IV, 17–18, 81, 258, 261; Доп. к Акт. Ист., т. VIII, 276, 277, т. VII, 50, 121, 122, 238, 363, 368; т. VIII, 11, 12, 15, 48, 117, 173, 210, 211, 238, 239, 241, 260, 282, 294, 297, 320, 333; т. IX, 214; т. X, 69, 323; Акты Ист., т. V, 88, 90–91, 98, 100, 101, 104, 106, 221; Опис. Докум. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст., кн. I, №№ 1445, 2821.

Румянцов, Сергей Петрович

Румянцов, граф *Сергий Петрович*, третий и последний сын фельдмаршала графа *П. А. Румянцева* и его супруги, графини Екатерины Михайловны, урожденной княжны Голицыной; родился 17-го марта 1755 г., через одиннадцать месяцев после рождения своего брата *Николая*, в селе Стряпкове, Юрьевского уезда Владимирской губернии. Первые годы своей жизни провел он под непосредственным надзором своей матери, заботившейся о воспитании и образовании своих сыновей. По обычаю того времени, молодой Сергей Румянцов воспитывался дома, хотя его мать, сознавая неудовлетворительность домашнего воспитания, намеревалась или отправить сыновей за границу, или определить их в особый пансион, основанный графом Разумовским для своих сыновей в Петербурге, под главным руководством Г. Н. Теплова. Не получив на это разрешения своего супруга, графиня для обучения своих сыновей нанимала различных воспитателей: то отставного артиллерийского подполковника, чтобы учить сыновей арифметике, то майора Прусской службы, родом швейцарца (вероятно Мейера), «на сносных кондициях». Позднее является немец Цвилер, обучавший Сергея Р. не только немецкому и латинскому языкам, но также истории, география, арифметике и математике, причем ученик проявлял большое прилежание и особенную способность к рисованию; ему же давал также уроки некто Лайонс, но короткое время. Позднее в доме проживал француз Моно (Monod), который, расставаясь в 1765 году со своими учениками, писал их отцу, что оба младшие сына (т. е. Николай и Сергей Петровичи) очень прилежны, стараются приобрести познания, любят занятия, могут служить во всем примером всем 15-летним юношам и со временем будут предметом большой радости родителям; «эти растения, пишет Моно, обещают богатые плоды, если будут возделаны рукою искусною и опытною в науках». Графиня Е. М. Румянцева, заботясь ничего не упускать, по ее понятием, а также по силам и возможности, в образовании своих детей, позднее, когда ее

сыновья сделались взрослыми, старалась обучать их игре на скрипке, верховой езде, танцам, фехтованию, а затем заботилась об определении на службу графа Сергея Петровича.

По порядкам того времени он был записан с детства в военную службу, но проживал вместе с матерью, переселившеюся в село Аксиныно, в 10 верстах от Москвы. Он был записан в гвардейскую артиллерию, в 1762 г. переведен был вахмистром в л.-гв. Конный полк, а затем, в 1769 году, января 1-го, был пожалован в корнеты за службу своего отца, после чего, Высочайшим указом 1-го августа 1772 г., пожалован был камер-юнкером, с производством установленного жалованья (по 1000 рублей в год). Граф проживал тогда в Петербурге вместе с матерью, назначенною вскоре обер-гофмейстериною при дворе Великого Князя Павла Петровича, вступившего тогда в первый брак с Принцессою Гессен-Дармштадтскою. Это назначение, а также уважение и расположение, которыми пользовался со стороны Императрицы Екатерины II не только фельдмаршал граф Румянцов, но и его мать, графиня Марья Андреевна, а также и его супруга, а равно родственные связи Румянцовых доставили молодому графу Сергею Петровичу возможность не только посещать высшее общество столицы, но и сделаться ближе известным Екатерине II. Узнав его, Императрица удостоила его приглашением присутствовать на ее известных собраниях в Эрмитаже, в которых участвовали самые избранные лица и наиболее известные приближенные Ее Величества. Из молодых людей на эти собрания допускались только оба брата Румянцовых, причем Екатерина II в графе Сергее Петровиче усмотрела человека необыкновенного. Тут же граф Сергей познакомился с известным ученым и публицистом-писателем Мельхиором Гриммом, пользовавшимся большим расположением Екатерины, незадолго прибывшим в Петербург вместе с Наследным Принцем Дармштадтским, воспитанием которого он руководил. Граф С. П. Румянцов, «имевший желание посетить чужие края и пополнить свое образование в одном из германских университетов» (о которых, особенно о Лейденском, много слышал от своего двоюродного брата, князя Александра

Борисовича Куракина), был очень обрадован, узнав, что и Гримм согласен руководить как им, так и его братом, графом Николаем, в поездке за границу. Он отправился в конце 1773 года в Молдавию к своему отцу, командовавшему в то время нашею армиею – для испрошения как его согласия на предполагаемую поездку, так и для получения необходимых на то денежных средств. Получив желаемое без особых затруднений, граф С. П. Румянцов испросил разрешение Ее Величества на поездку за границу, вследствие чего 14-го апреля 1774 г. состоялся указ об увольнении его в чужие края вместе с братом его Николаем, без вычета жалованья во всю их бытность в чужих краях. Срок увольнения определен в указе не был. Императрица советовала при этом сопровождавшему молодых людей Гримму путешествовать спокойно и возвратиться не спеша.

Покинув отечество в конце апреля 1774 г., граф Сергей Петрович, вместе с братом, бароном Гриммом и тремя слугами отправился единственным в то время способом путешествия – в своих экипажах, на переменных лошадях, на Варшаву и, совершив затем поездку по Германии, заехал в Карлсбад, где Гримм пил воды, а граф Сергей Румянцов пить их не пожелал. Посетив Лейпциг, Готу, берега Рейна и Голландию, он с братом прибыл в Лейден, где оба они около года слушали лекции в пользовавшемся в то время известностью Лейденском университете, о котором имели разные необходимые сведения от упомянутого уже выше князя Куракина, их двоюродного брата. В конце сентября 1775 г. граф Сергей Румянцов с братом заехал в Париж на короткое время, чтобы вместе с Гриммом, оставившим их в Лейдене одних, совершить затем совместное путешествие по Италии. По пути из Парижа они остановились в Женеве, посетили знаменитого, но уже престарелого Вольтера в его уединении в Фернее; Вольтер, ознакомившись с французскими стихами графа Сергея Петровича, сообщенными Вольтеру Гриммом, предрек молодому графу, что он пойдет далеко. После этого путешественники направились на Милан, Флоренцию, Рим и Неаполь, откуда поехали обратно на Венецию и Вену. Узнав еще в Венеции о кончине Великой

Княгини Натальи Алексеевны, супруги Великого Князя Павла Петровича, и о том, что фельдмаршал Румянцов, их отец, сопровождает Великого Князя Павла Петровича в Берлин, чтобы ознакомиться с предназначаемою ему в супруги Принцессою Виртембергскою, путешественники поспешили ехать в Берлин, чтобы повидаться с родителем. Но фельдмаршал почему-то признал это для себя нежелательным и неудобным и чрез Куракина приказал своим сыновьям не приезжать в Берлин во все время его там пребывания. Они, конечно, повиновались этому приказанию и вблизи Берлина, в небольшой деревне, выжидали отбытия из этого города своего отца, чтобы самим въехать в столицу великого Короля.

Пробыв в Берлине недолго, граф Сергей возвратился 6-го сентября 1776 года в С.-Петербург, не видев ни Франции, ни Англии по недостатку необходимых на это средств, довольно скудно отпущенных ему на то родителем. Граф Сергей стал снова отправлять придворную службу, которая далеко не удовлетворяла его деятельности. Он намеревался поступить в военную службу, ездил к отцу в начале 1777 года, чтобы переговорить с ним об этом, но не встретил надлежащего согласия, а только успел получить от отца обещание производить сыновьям ежегодно определенные выдачи, без чего, как он сам писал 30-го августа 1777 г., «никакое помышление о приобретении понятного себе упражнения и в мысли входить не могло». Он намеревался представить своему отцу предположения, «чтобы видеть нас вышедших из обременяющей праздности». Тем временем его мать в начале 1778 г. покинула занимаемую ею должность обер-гофмейстерины и переселилась в Москву, где проживала зимою, проводя большую часть года в близлежащем Кайнарджи, поместье ее супруга; она выразила желание, чтобы и сын ее граф Сергей поехал с нею. С Высочайшего разрешения он был уволен 23-го февраля 1778 года, в отпуск с 26-го числа впредь на один год и явился усердным помощником своей матери по всему управлению имениями, ей принадлежащими, и, как можно заключить из писем его, весьма ревностно принялся за это новое для него дело. Это, конечно, удаляло его от главной

цели – искать действительной службы, но доставляло возможность быть полезным матери, которой он был всем обязан. Хотя он и считал свое положение наилестнейшим, однако не покидал мысли приобретать знания и утвердить в себе оные и желал быть при отце на службе, предоставляя на волю отца предписать ему какое угодно место и упражнение.

В конце года он возымел намерение совершить поездку чрез Торнео кругом в Стокгольм, причем граф Ив. Григор. Чернышев, большой приятель его отца, фельдмаршала, готов был снабдить его санями и всем необходимым. Эта поездка, однако, почему-то не состоялась, а тем временем, 5-го мая 1779 г., граф Сергей Петрович, в день крещения Великого Князя Константина Павловича, был, вместе с братом, пожалован в камергеры, ранее получив разрешение находиться при своей матери, по ее о том желанию, чтобы не быть одной. Но отец не одобрил этого, и послушный сын поспешил прибыть в Петербург, представился Их Высочествам, стал опять отправлять придворную службу и сетовал в письмах к отцу на свое претягостное положение, образу мыслей его совсем противное, и ходатайствовал его разрешения просить себе увольнение от двора. Он желал бы снова ехать за границу – не для искания наук, для которых езда уже поздняя, но для приобретения «знаний, гражданским должностям приличных».

Во время этой переписки сына с отцом, очень раздражавшей фельдмаршала, скончалась супруга последнего в августе 1779 года. Граф Сергей был чрезвычайно опечален смертью горячо любимой им матери: он потерял с ее кончиною все, что только на свете потерять было можно. Горестное положение, в которое он был повергнут этою кончиною, не позволяло ему скоро воспринять службу, требующую спокойного настроения и совсем иного, противного расположения духа. Он опять обращается к отцу с просьбою о разрешении ему уехать за границу, и на сей раз получает таковое, и притом на два года, с отпуском ему по 6000 рублей в год. Кроме того, фельдмаршал отпустил с ним, по его о том просьбе, числившегося при нем адъютантом г. Замятина (проживавшего, впрочем, в Москве по делам графа), приняв содержание его на свой счет.

Предписанием от 4-го октября 1779 года Ее Величество изволила разрешить графу Сергею Петровичу отлучиться в чужие края по 1-е число октября 1780 года (позднее этот отпуск был продолжен, 4-го октября 1781 г., еще на один год). Впрочем, отъезд графа С. П. затянулся по многим причинам; то он приискивал человека, бывшего в Дании и Швеции, то задерживал отъезд Замятин, то граф хотел повидаться с братьями, то не имел случая откланяться Ее Величеству, то отъезд затягивал Великий Князь, приглашая графа к себе, и т. д., так что Румянцов покинул Петербург только 9-го января 1780 г.

Он направился среди зимы в Стокгольм чрез Финляндию намереваясь даже объехать берега Ботнического залива, но в г. Вазе он переехал залив по льду и тем сократил свой самый трудный путь чрез Торнео почти на тысячу верст. Он прибыл в Стокгольм, где прожил до конца июня месяца, после чего проехал через Ландскрону в Копенгаген, куда прибыл 29-го июня, и затем ожидал прибытия в город нашей эскадры, под начальством адмирала Борисова, который взял его на собственный корабль и после девятидневного плавания морем высадил на берегах Голландии в Текселе, откуда С. П. Румянцов поехал уже сухим путем в Гаагу, для свидания с нашим посланником и своим родственником князем Димитрием Алексеевичем Голицыным. После этого свидания граф на пакетботе доехал 21-го августа до Лондона, где и прожил почти целый год, истратив немало денег. Он представлялся королю и королеве, делал разные покупки, заказывал себе дорожную карету, ездил в модное дачное место Bath, а также в Вильтон, где жил лорд Герберт и отец его, лорд Пемброк, пил воды, посещал парламент и т. д. Припоминая, что срок его отпуска приближается к концу, он просил отца дать наставление, что ему делать, т. е. приличнее ли ему возвратиться, или попросить продлить отпуск, и во всяком случае прислать ему денег. Отец разрешил ему остаться еще за границею, прислал денег, и граф Сергей Петрович, узнав, что в модное в то время место в Спа (в Бельгии) прибыл его брат, граф Михаил Петрович, и его тетушка, графиня Прасковья Александровна Брюс, колебался между

удовольствием их видеть и намерением остаться в Лондоне до зимы. Однако удовольствие одержало верх, и граф, оставив Замятина в Лондоне, направился в Спа. Прибыв 18-го августа в Спа, он встретил там упомянутых своих родственников и «немалое собрание значительных особ Европы», по его собственным словам, в том числе многих французских дам, с которыми познакомился и «тем приуготовил себе приветствие в самом Париже». Он испрашивал разрешение отца на поездку в столицу Франции, вместе со своим братом и тетушкой. Молодой граф находил, что вред пребывания в Спа «праздным разумом и нравом слабым – неисчислимым». Тем не менее, граф С. П. пробыл в Спа до конца сентября, захворав довольно опасно кровавым поносом, и только в первых числах октября поехал в Париж, причем дорогою встретил «прекрасную госпожу А., имеющую дарование разума и таланта», с которою более, нежели близко познакомился и поддерживал свои с нею отношения во все время пребывания своего во Франции, которое пришлось до того по вкусу графу Сергею Петровичу, что он не замедлил в том же октябре месяце просить своего отца разрешить ему остаться в Париже на целый год. Признавая пользу и удовольствие, которые доставляет ему пребывание в столице Франции, он, кроме того, считал необходимым познать обстоятельства здешней земли, для чего приезжать во второй раз и неудобно, и дорого. К тому же и здоровье его истощено было долгим путешествием; на службе же в своем отечестве ему трудно и почти невозможно получить приличное назначение. В ожидании ответа гр. С. П. Румянцов представился королевскому двору, многим важным особам, а благодаря письмам Вольтера и Гримма и знакомству с дамами в Спа, имел доступ в очень многие дома, в которых беседовал с отличными философами и красавицами, писал им стихи, играл на домашних спектаклях, бывал в различных театрах, а также в маскарадах, посещал престарелую г-жу Лавальер, очень его полюбившую – словом, вел жизнь совсем необыкновенную, по его словам, и доставлявшую ему «знакомых и отличие». Тем временем (в 1781 г.) брат его, граф Николай, получил назначение быть нашим полномочным министром во

Франкфурте-на-Майне, а сам граф Сергей Петрович, к немалому, вероятно, своему изумлению, получил от отца разрешение остаться еще на год вне отечества, что доставило ему возможность видеть в Париже Великого Князя Павла Петровича, посетившего со своею супругою столицу Франции в июне 1782 года. Совершив после этого опять поездку в Спа, граф Сергей Румянцов высказывал отцу своему желание остаться за границею несколько лет, дабы после «спокойнее и обстоятельнее посвятить жизнь службе и обитательству». «Знаю, пишет граф в письме от 1-го сентября 1782 г. из Спа, как предосудительно молодому человеку проводить время в праздности, но я в ней не обращаюсь. Празднее меня большинство сенаторов, на которое опирается благосостояние государства». Но это письмо, по-видимому, до того раздражило его отца, фельдмаршала, что он даже ничего не отвечал сыну, который, пробыв в Спа с месяц, возвратился в Париж, где в тщетном ожидании писем от отца и графа Безбородко, продолжал вести тот же образ жизни, как и ранее. Приятная жизнь, которую он вел, и отличия, которыми во многих случаях он пользовался, не позволяли ему и думать о выезде, так что кроме Парижа С. П. Румянцов нигде не был во Франции. Наконец, в начале 1783 г. брат его, граф Николай Петрович, написал ему, что Императрица намеревается дать ему назначение по службе. Граф С. П., не имея возможности с приличностью отговориться, решился «не без печального чувства» возвратиться в Россию. Он совсем собрался около 15-го апреля 1783 г. оставить Париж – даже лошади были им заказаны для отъезда, но он захворал и, по совету графини П. А. Брюс, остался на несколько дней, чем обязан был спасением жизни.

Только в конце апреля он покинул Париж и 5-го мая был уже в Франкфурте-на-Майне, виделся с братом Николаем, но не узнал от него чего-либо определенного о предполагаемом для него назначении и поехал чрез Берлин прямо в Петербург, «не спав и не ев, чтобы поспешностью доказать, что жертвует всеми приятностями положения своего, коль скоро его сочли годным получить какое-нибудь назначение». В Петербурге он узнал, что,

считая его неудобным к отправлению должности внутри государства, его предполагают назначить посланником в Данию; место это было еще занято, но, по ссоре нашего посланника с Министерством, предстояло его отозвать. Место это для начала должно было почитать отличным, а по важности связи Датского двора с нашим – даже превосходящим силы графа. Он решился принять это место не прежде, как увидев, что не представляется никакой возможности помышлять о другом назначении. Граф С. П. Румянцов и в то время особенно желал бы испытать склонность свою в военной службе, а потому просил своего отца дозволить ему, при возобновлении военных действий, следовать этой наклонности и прибыть к нему в армию. Фельдмаршал счел это непостоянством с его стороны, не согласился на подобную перемену, советовал ожидать назначения в Петербурге и не разрешал ему приехать к себе в деревню.

Граф С. П. Румянцов, проживая в Петербурге, нередко бывал при дворе как Императрицы, так и Великого Князя, пользовался расположением последних и принимал также участие в «Собеседнике Любителей Русского слова», который издавала княгиня Дашкова, напечатав в этом журнале несколько статей без подписи своей фамилии в томах III и IV. Он занимался, как надо заключить из статей, историею Петра Великого, будучи восторженным почитателем его деятельности, и намеревался издать какой-то Адрес-календарь с примечаниями историко-философско-критическими. В это время он имел случай близко познакомиться с Н. Н. Нелединской-Мелецкой и этим достаточно утешился от негодования на брата, который извлек его из Парижа. Вскоре, в 1784 г. открылась вакансия обер-прокурора в Сенате и граф С. П., по совету друзей, решился просить это место для себя. Генерал-прокурор князь А. А. Вяземский принял это заявление «милостиво, но отклонительно» и предложил ему обратиться лично к Императрице. Екатерина II отнеслась снисходительно к его желанию, но все назначения были отложены до 24-го ноября. Вскоре после этого Ее Величество предприняла свое известное путешествие на юг России, в продолжение которого граф С. П.

Румянцов пребывал в Петербурге, и только 28-го февраля 1785 года состоялось его назначение – посланником к курфюрсту Баварскому. Граф Румянцов не считал это назначение для себя лестным и просил Ее Величество чрез П. И. Пастухова освободить от оногo, представляя, что тем отдаляется он от отечества. Императрица, однако, очень разгневалась этим, и граф Румянцов решился повиноваться ей и скоро явился благодарить за такое назначение. Он был милостиво принят и получил дозволение съездить к отцу, чтобы проститься с ним. Между тем, назначение со стороны курфюрста Палатинского своего уполномоченного в Петербурге почему-то затянулось, и графу С. П. Румянцову не предстояло надобности скоро уезжать по назначению. В то же время наш представитель в Берлине, князь Долгоруков, после 20-летнего своего пребывания при Прусском дворе, был уволен, и Ее Величество, по старательству князя А. А. Безбородка, назначила 23-го июня 1785 года графа С. П. Румянцова чрезвычайным посланником и полномочным министром при короле Прусском. о чем Безбородко сообщил Сергею Петровичу, находившемуся у отца в Малороссии, особою эстафетою, советуя приехать, как можно скорее, чтобы еще зимним путем отправиться в Берлин. Молодой граф приехал в столицу, но составление инструкций, обыкновенно даваемых нашим министрам при их назначении, а также еще особой, которую пожелала снабдить графа Румянцова сама Екатерина, как новичка в дипломатическом деле, явилось причиною, что он отправился в Берлин только в июне 1786 года. В упомянутом наставлении Румянцову предписывалось обращать особенное внимание на Берлинский двор, потому что он сам по себе сила и является, кроме того, средоточием соединения многих немецких дворов; наш союз с Пруссией основан не на природе вещей и может быть только временным, смотря по обстоятельствам; он не так выгоден, как союз с Австрией.

Тем не менее, графу Румянцову предписывалось иметь самое осторожное и бдительное поведение, являть доказательства, что в Петербурге не было, и нет намерения отменять и уничтожать прежние связи с Прусским королем. Он

был обязан наблюдать и за Союзом князей, недавно возникшим, разузнавать о секретных его статьях, о количестве имеющихся у Союза войск и их размещении, о финансах Союза и т. д. Кроме того, графу С. П. Румянцову поручалось озаботиться о деле г. Данцига, которое находилось в столь неприятном положении, что здесь истощена была черта снисхождения России, а также всемерно препятствовать всякому покушению короля Прусского на Курляндию, особливо, если он будет пытаться присвоить эту область себе или непосредственно, либо под именем герцога, из дома его учрежденного, или даже не родственника его. Он должен был не допускать Пруссию до союза с Англиею и быть весьма осторожным в сношениях с Франциею, с представителями которой происходили у нас частые недоразумения и столкновения.

Прибыв в Берлин, граф С. П. Румянцов вместе со своим предместником, князем Владимиром Сергеевичем Долгоруким, а также с графом Финкенштейном не замедлил 16-го (27-го) июня представиться в Сан-Суси великому Королю, находившемуся в крайне болезненном состоянии. Мучимый водянкою, он сидел в креслах, до пояса обвернутый одеялами. Фридрих II был уже весьма слаб, очень похудел, но сказал несколько слов о многих опытах дружбы, явленных ему Императрицею Екатериною, а также немного лестных слов представлявшимся ему лицам. Несмотря на старания врачей, в том числе известного Циммермана, здоровье Фридриха II все ухудшалось, и 6-го (17-го) августа 1786 г. он скончался. На престол вступил племянник его, Фридрих-Вильгельм II, который негодовал на нашу Императрицу за холодный прием, оказанный ему в Петербурге в 1780 году, ненавидел Римского Императора Иосифа II и был сильный приверженец Союза германских князей. При нем старика Финкенштейна заменил Герцберг, находивший, что Пруссия должна поддерживать свою славную роль решительницы Европейских дел и блюстительницы равновесия, и что она должна приобрести Данциг, Торн, Калиш, Познань и Шведскую Померанию, разделявшую земли Прусского королевства как бы на две части. Кроме того, большим влиянием у нового короля пользовался

Бишофсвердер. Вступление на престол нового Короля вызвало необходимость присылки из Петербурга графу Румянцову новых верительных грамот, причем на него возлагалось сказать пристойное от Русского правительства приветствие. После своего представления 9-го (20-го) октября новому королю, отправившемуся вскоре осматривать свои войска и владения, граф Румянцов приступил к исполнению возложенных на него поручений, но не достигнул желаемого успеха. Пруссия уже давно стесняла торговлю вольного города Данцига, расположенного при устье р. Вислы, учреждая на своих границах различные сборы с провозимых этим городом товаров. Обыватели Данцига не раз на это жаловались и прибегали к покровительству России, при содействии которой эти неудовольствия города Данцига были одно время улажены. Но учреждение Пруссией новых сборов в Фордоне, важном торговом пункте, вызвало новые жалобы со стороны Данцига. Для выяснения этих пререканий вызваны были депутаты от Данцига в Берлин; они не раз объяснялись с графом С. П. Румянцовым и Прусскими министрами, на словах выражавшими готовность исполнить желание Екатерины II; на деле же весь этот вопрос о торговле Данцига, не получив разрешения в Берлине, был передан в конце 1787 года на рассмотрение в Варшаву вместе с прочими вопросами, относившимися до судоходства по реке Висле.

Во время суждений о торговле Данцига возникли сильные препирательства в Голландии между штатгальтером и гражданами этой страны, дошедшие до того, что супруге штатгальтера – родной сестре Прусского Короля – было нанесено сильное оскорбление. Фридрих-Вильгельм II вступился за свою сестру, и его войска под начальством герцога Фердинанда Брауншвейского вступили в Голландию, скоро овладели даже Амстердамом и принудили восставших покориться. Это в свою очередь много способствовало сближению Пруссии с Англиею, с которою 13-го августа 1788 года и был заключен договор, по которому обе державы обязались защищать друг друга и в особенности действовать согласно относительно предстоящей войны между Австриею и Россиею с

одной стороны и Оттоманскою империею с другой. Румянцов сообщал немного ранее о прибытии в Берлин французского поверенного Грошлага с предложением, чтобы Пруссия содействовала Франции к принятию общих мер для спасения Турции.

Эта возникающая война России с Турциею побудила самого графа С. П. Румянцева просить о переводе его в ряды нашей армии. Он был не особенно доволен своим местом в Берлине и еще в 1786 году, в августе месяце, не прослужив еще года, просил разрешения уехать из Берлина к брату во Франкфурт на Майне или в Россию, оставив на его место простого поверенного в делах. Не получив тогда надлежащего разрешения, граф в 1787 г., 31-го июля, просил графа Безбородко исходатайствовать ему отпуск для поправления здоровья, но, не достигнув желаемого, обратился к своему отцу с просьбою дозволить ему перейти в военную службу и состоять под его начальством в армии, предводительствуемой им против турок. Фельдмаршал пришел в негодование от подобной просьбы и отказал в ней своему сыну, который после этого, 24-го ноября 1787 года, обратился к графу Безбородко и просил его передать Ее Величеству письмо его и снабдить наставлениями относительно намерения перейти на военную службу. Он желал присутствовать сперва волонтером при армии, а затем, ознакомившись с делом, получить какое-либо назначение. Граф добавлял, что ежели не определено ему быть воину знамениту, то еще гораздо менее может он отличиться в делах, возложенных на него к исполнению, опыт которого обнаружил всю скудость его дарований. При этом он добавлял, что решительно вознамерился покинуть это место с начатию весны. После такого заявления на занимаемое Румянцовым место был назначен 13-го августа 1788 г. Нессельроде (отец будущего канцлера), а Румянцову посланы отзывные грамоты и три тысячи рублей на возвратный путь, по получении которых он скоро покинул Берлинский двор, где, по его собственным словам, он не имел счастья поправиться столько же, как и его предшественник. По-видимому, граф С. П. Румянцов не усмотрел или не оценил должным образом наступавшую

перемену в отношениях между Пруссией и Россией. Новый король Фридрих-Вильгельм II, нерасположенный к Императрице Екатерине II, как выше сказано, и недовольный ее сближением с Австрией в лице Императора Иосифа II, старался противодействовать этому сближению и показать России, что она может только потерять от перемены Прусского союза на Австрийский. Кроме того, он желал, пользуясь новой войною России с Турцией, увеличить также свои владения на счет Польши, но дипломатическим путем – именно заключив союз с Портою, причем Турция, уступая часть своих земель России и Австрии, получала в свою очередь только гарантию четырех держав (Австрии, Англии, Пруссии и Швеции) в целости на будущее время остальных ее владений. Россия уступала Швеции небольшие земли в Финляндии; Швеция за это отдавала Пруссии свою Померанию; Австрия отдавала Польше Галицию, а Польша, получив Галицию, отдавала Пруссии Данциг и Торн. Все эти сложные замыслы Фридриха-Вильгельма II и его новых министров не получили, как известно, осуществления; в то же время Пруссия противодействовала нашим действиям в Польше, но без успеха. Обо всем этом граф С. П. Румянцов умалчивал в своих донесениях в Петербург.

Возвращением графа С. П. Румянцева в Петербург был чрезвычайно недоволен его отец, фельдмаршал; он не желал даже видеть своего сына, усматривая в его возвращении какое-то самовольное странствование. Императрица Екатерина II совершала в то время свое известное путешествие на юг России и, по прибытии в Петербург, отнеслась благосклонно к своему камергеру, без всякой особенной служебной обязанности пребывавшему в Петербурге. Вскоре, 1-го января 1791 года, граф С. П. Румянцов, одновременно со своим братом был пожалован в тайные советники, после чего он в том же году ездил к своему отцу, сильно в то время недомогавшему. По-видимому, он был хорошо принят родителем, как надо заключить из собственных его слов в письме 15-го сентября 1791 г., что «милость отца открыла ему новую жизнь». Он тяготился, однако, своим бездействием, не занимая никакой должности.

В 1792 г. граф пребывал в Петербург «в поражающем унынии» и просил всеильного тогда князя П. А. Зубова поднести его письмо Ее Величеству с ходатайством о соответствующем для него назначении. Было предположено назначить его в число сенаторов, но граф от этого отказался, что не вызвало, однако, неудовольствия со стороны Императрицы; она ему намекала довольно ясно, что он получит скоро другое назначение. Тем временем, в начале февраля 1793 г., ожидали прибытия в Петербург графа д'Артуа, и Екатерина II поручила графу С. П. Румянцову его принять и состоять при его особе во все время его пребывания в Петербурге. Граф 1-го марта 1793 г. отправился его встречать в Дерпт (Юрьев), а затем находился при нем во все время пребывания его в Петербурге и проводил обратно до Ревеля, откуда граф д'Артуа пустился морем в Англию. Вскоре после этого прибыл из Стокгольма наш посланник граф Стакельберг, а затем на его место, 1-го июня 1793 г., граф С. П. Румянцов был назначен чрезвычайным послом при Его Величестве короле Шведском. Перед своим отъездом граф съездил к своему отцу в Ташань, где пробыл около месяца, и, возвратясь в Петербург, принимал участие в торжествах по случаю окончания князем Суворовым войны с Польшею и затем – по случаю бракосочетания Великого Князя Александра Павловича с принцессою Баденской. Получив надлежащие инструкции и награжденный орденом Белого Орла, граф С. П. Румянцов собрался совсем ехать в Стокгольм морем осенью, но кончина дяди его, нашего посла в Вене, князя Дмитрия Михайловича Голицына, душеприказчиком которого был назначен также граф Сергей Петрович, задержала его отъезд, и только в конце октября он поехал в Ревель, откуда отплыл 27-го октября в Стокгольм, в самое неблагоприятное время для плавания по Балтийскому морю. После тяжелого переезда он добрался до окрестностей Стокгольма 4-го (15-го) ноября, претерпев значительную бурю, и чрез два дня вошел в Стокгольмскую гавань, отказавшись от обычной салютации.

13-го (24-го) ноября он имел уже торжественный прием у молодого Короля с большими церемониями, в присутствии

регента (герцога Зюдерманландского) и других лиц, а на другой день представлял молодому Королю и регенту камергера С. А. Ададунова, присланного с извещением о бракосочетании Великого Князя Александра Павловича. Отношения России и Швеции были в то время довольно натянутые; регент, под влиянием своего любимца Рейтергольма, начинал сближаться с революционной Францией. Румянцов в первых своих донесениях сообщал немало любопытного о личности молодого короля Густава IV (сына убитого короля Густава III) и о регенте, о жизни Шведского двора и о соблюдаемых при оном этикетах и порядках; о том, что его не всегда приглашали на королевские ужины; о предполагаемом браке Короля с одною из дочерей наследника Русского престола, причем граф Румянцов предупреждал, что Король – ребенок, и охотно подчиняется регенту. Он также писал, что Шведское правительство, по-видимому, решилось принять необходимые меры предосторожности против появившихся в Стокгольме, во множестве, дерзких и наглых республиканцев-якобинцев и т. д. Императрица Екатерина II была довольна донесениями графа Румянцева, который очень хорошо сошелся с графом Спарре, в то время великим канцлером королевства, и другими членами Совета и пользовался, как он доносил в декабре 1793 г., лестным для него доверием самого регента, что дает ему большие надежды на успех в разрешении могущих возникнуть дел. Таковое дело скоро и возникло совсем внезапно.

В Стокгольме открыт был заговор, имевший целью не только устранить от дел, но даже убить Рейтергольма при содействии народа, будто бы даже и Русского двора. Вождями заговора были Аминов, Армфельдт (Густав Мориц, позднее имевший немалое влияние при Александре I), Лилия, Монк и другие лица, в том числе фрейлина двора Магдалена Руденшельд, очень близкая особа к Армфельду, при посредстве которой он вел переписку с разными участниками заговора; ее знал также и граф С. П. Румянцов. Началось следствие, при котором, как и всегда, открылось многое, не имевшее отношения к делу; в газетах стали печатать разные слухи и толки об этом деле, между прочим и об участии в заговоре

Русского двора, причем опубликовали отрывки из переписки Армфельда, касавшиеся священной особы Ее Величества и некоторых ее подданных, которым приписывали также некоторое участие в заговоре, и т. д. Граф С. П. Румянцов горячо вступился по этому поводу, не раз объяснялся с регентом и довел дело до того, что регент сообщил ему в откровенности, что намеревается все сообщения по делу Армфельда (как означали дело об этом заговоре) производить непосредственно личною перепискою с ее Императорским Величеством, а затем граф Спарре, по просьбе Румянцева, сообщил ему 15-го мая 1794 г., что регент письменно уже объяснился с Ее Величеством по интересующим его делам, доставил Ей все желаемые ею по ним сведения во всей подробности, и не имеет затем чего-либо для сообщения по этим делам графу Румянцову, с которым регент не разрешает графу Спарре вступать в какие-либо дальнейшие объяснения о ходе дела, представленного уже на рассмотрение Парламента. При этом граф Спарре выразил, что регент желает, чтобы дела этого рода обсуждались непосредственно Императрицею с самим регентом. Румянцов после этого спрашивал Ее Величество, угодно ли ей предписать ему быть по сему случаю гласом ее расположения; подобным распоряжением регента обрекаясь на бездействие и неловкое положение в Стокгольме, он просил Ее Величество дозволить ему прибыть в Петербург, на некоторое время, для личных объяснений. Не получая на это ответа, он писал о том же Остерману и А. И. Моркову, который 21-го июня 1794 г. сообщил Румянцову, что испрашиваемая им отлучка от занимаемого поста разрешена, и что он может ею воспользоваться по усмотрению своему. При этом Морков добавлял, что в Петербурге не придают большого значения инциденту по делу Армфельда, смотрят на него совсем иначе, и лучше бы было, если бы и он со своей стороны не вызывал по этому поводу скандала, который приведет к тому, что он лишится занимаемого им поста.

Граф Румянцов, получив это письмо 29-го июня 1794 г., немедленно собрался покинуть свой пост в Стокгольме, к великому изумлению и сожалению графа Спарре и его супруги.

Король, в знак вечного своего к нему расположения, послал ему свой портрет, будучи доволен его пребыванием в Стокгольме и сохраняя надежду, что оно продолжится. Граф Румянцов не замедлил откланяться 31-го июля (11-го августа) в Дротнинггольме молодому Королю и членам его семейства, представил им г. Нотбека, оставляемого им в качестве поверенного в делах, а вечером того же дня был в собрании во дворце и на спектакле, причем Король и члены семейства разговаривали с ним с большою благосклонностью и поручили ему передать Императрице чувства их к ней уважения. На другой день Румянцов на катере «Анна Маргарит», под командою лейтенанта Креницына, отплыл из Стокгольма и благополучно прибыл в Ревель, откуда сухим путем доехал в Петербург 26-го августа. Он столько претерпел от переезда, что не в силах был ехать в Малороссию навестить отца своего и остался в Петербурге. Императрица благосклонно приняла его, сохранила за ним занимаемое место посланника и получаемое по этому месту жалованье, дозволив ему ежедневно к ней являться, что он и исполнял довольно усердно. Отец-фельдмаршал, как усматривается из писем графа С. П. Румянцева, был очень недоволен им и даже не хотел его видеть. Сергей Петрович был в отчаянии, что лишен родительской милости, и тщетно просил своего отца допустить его повергнуть к стопам родителя чувства горести, что лишен счастья его видеть, умоляя возвратить ему его милость, и т. д. Фельдмаршал был неумолим, несмотря на заступничество графа П. В. Завадовского. Тем временем граф Сергей Петрович занемог и более шести месяцев не выезжал из дома и «не только к службе, но и к общежитию едва ли был годен». Императрица, по своему великодушию, оставляла за ним по-прежнему занимаемую им должность, хотя он и не помышлял отправляться из Петербурга в Стокгольм, куда только в 1795 году был назначен на его место барон Будберг, прибывший в Стокгольм в конце ноября 1795 года.

Граф С. П. Румянцов все время пребывал в Петербурге, нередко хворал и скоро был опечален кончиною благоволившей к нему Императрицы, последовавшею в ноябре 1796 года.

Вскоре после этого он испытал и другую тяжкую утрату: в том же году, 8-го декабря, скончался отец его, фельдмаршал, в Ташане; граф С. П. Румянцов не только очень любил отца, но и очень высоко ценил и уважал за его полезную деятельность. Эта кончина делала его одним из сонаследников огромного имущественного достояния, как земельного, так и денежного, оставшегося после фельдмаршала, которое три его сына, жившие в чрезвычайной дружбе, мирно поделили между собою.

Преемник Великой Императрицы, ее сын Павел I, благоволивший и к самому фельдмаршалу Румянцову, и к его сыновьям, которых знал с ранней их молодости, приказал графу С. П. Румянцову в самые первые дни своего царствования донести, не теряя времени, «что может быть сходного ему в воздаяние за претерпенные им утеснения». Граф выразил желание продолжать ту же службу, и Павел I назначил его, указом 14-го ноября 1796 года, присутствующим членом (четвертым) в Коллегии Иностранных Дел (на место отставленного от службы графа Моркова), где вице-канцлером был его двоюродный брат князь Александр Борисович Куракин, а канцлером – граф Иван Андреевич Остерман.

На долю Румянцова выпало заведование всеми текущими делами (не политическими) Коллегии, имевшими по преимуществу инспекторский, канцелярский характер – занятие, не удовлетворявшее деятельности Румянцова и потому продолжавшееся недолго. С учреждением 18-го декабря 1797 г. особого Государственного Вспомогательного Банка для дворянства, причем в то же время была учреждена и учетная Контора на выдачу денег купечеству под векселя и товары российских изделий, главная дирекция этого Банка была возложена на графа С. П. Румянцова. Когда же в сентябре месяце следующего года его двоюродный брат, князь Алексей Борисович Куракин, оставил недолго отправляемую им обязанность министра уделов, эта должность Высочайшим указом 25-го сентября 1798 г. была возложена на графа С. П. Румянцова (3-го), причем впредь до повеления он сохранял за собою и главную дирекцию в Государственном Вспомогательном для дворянства Банке.

Став во главе управления имущественными средствами (по преимуществу – населенными имениями, получившими наименование удельных), которые должны были служить к обеспечению содержания членов Императорской фамилии, Румянцов составил «наставление сельским приказам с выборными должностными лицами», создавши как бы крестьянское самоуправление в удельных имениях. При нем же состоялось Высочайшее повеление, разрешавшее удельным крестьянам, при уплате известного выкупа, переходить в сословия купцов и мещан. При Румянцове (обозначенном, по служебным того времени спискам, 3-м) началось также установление границ удельных земель и выделение из их состава земель, почему либо принадлежавших частным владельцам; равным образом леса удельного ведомства были переданы в ведение Адмиралтейств-коллегии на основании указа от мая 1798 года. Возникавшие так называемые удельные капиталы стали помещаться в Государственный Банк и Сохранную Казну Воспитательного Дома, причем Департамент Уделов получил право выдавать из свободных средств удельного капитала суммы в заем правительственным учреждениям. На самые удельные имения распространены правила 29-го ноября 1799 г. о хлебных запасных магазинах в Империи, и были командированы с Высочайшего соизволения 10-го марта 1799 г. особые лица для исследования причин образовавшихся в некоторых имениях недоимок, а также для уяснения вопроса, можно ли дополнить недостающее до 15 десятин на душу, согласно указу 1798 года, количество земли пустопорожними казенными землями, смежными с удельными.

Император благоволил к графу С. П. Румянцову и разрешил ему приезжать в Павловск в какое время он только пожелает. В конце 1799 года болезненное состояние графа С. П. Румянцова побудило его просить увольнения на год за границу, и 2-го января 1800 г. последовало на то Высочайшее соизволение. Он на самом деле отправился на воды в Теплиц, где с ним встретился известный Ф. П. Лубяновский. Но еще до истечения срока дозволенного ему отпуска последовал, 7-го июня того же 1800 г., Высочайший указ Сенату о том, что д. т. с. граф

Румянцов отставляется от службы. Причины такого отставления от службы, конечно, в указе указаны не были и в различных записках современников о них также не упоминается. Румянцов одновременно был уволен и от дирекции Государственного Банка для дворянства, которая была возложена на князя Гагарина. Эта немилость Императора продолжалась недолго, и уже указом 24-го ноября 1800 г. граф Р. был снова принят на службу чином д. т. советника, с отдачею прежнего старшинства, и назначен членом Совета при Высочайшем Дворе. Вскоре после этого Император Павел, 11-го марта 1801 г., скончался; новый монарх, Александр I, не замедлил упразднить 26-го марта самый Совет и назначил в то же время С. П. Румянцова к присутствованию в Сенат.

Молодой Император, за выбытием князя Гагарина, намеревался в конце 1801 г. назначить графа С. П. Румянцова опять управляющим Банком, но такое назначение почему-то не состоялось, и только в 1802 г., указом Государственному Совету от 21-го апреля, он был назначен членом вновь учрежденного Государственного Совета и принимал участие в рассмотрении проекта нового устройства Сената, составленного по поручению Императора неофициальным комитетом. В том же году Румянцов был уволен от этой службы по непосещению им заседаний Совета, но в 1805 году вновь назначен членом Совета и состоял таковым по день своей кончины в 1838 году. Одно время он принимал живое участие в рассмотрении дел, восходивших на разрешение Государственного Совета, как это надо заключить из многих его отдельных мнений по таковым делам, напечатанных в «Чтениях Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете».

Еще в конце того же 1802 г. граф С. П. Румянцов, через Н. Н. Новосильцева, обратился к Его Величеству с предположением об увольнении крестьян в свободные хлебопашцы и имел личное по сему делу объяснение с Императором в декабре 1802 года, после чего этот важный вопрос был рассмотрен в Государственном Совете. Предложение графа Румянцова было в основной мысли одобрено и состоявшееся мнение Государственного Совета

утверждено Императором, после чего и последовал известный указ 20-го февраля 1803 г. (1-е П. С. З., № 20620), который Государь вручил графу С. П. Румянцову при особом рескрипте 25-го февраля; Монарх выражал ему свою признательность, а также и то, «что расположение его принадлежит графу навсегда». Во свидетельство своих чувств Государь наградил Румянцова тогда же своим портретом. Указ этот навлек на графа С. П. Румянцова немало резких и неблагоприятных отзывов о нем не только со стороны лиц, его недолюбливавших, как-то Державина, Ростопчина и т. д., но и со стороны лица, очень расположенного к нему и всему его семейству, – именно графа П. В. Завадовского, который писал графу С. Р. Воронцову: «Граф С. П. Румянцов не может быть без затеев и всегда странных; вообразил подбиться любимую материею, что и удалось на первый взгляд. Предполагаемое не сам выполнить, а для других дело несбыточное». Ростопчин прямо высказал: «верно захотел или четвертый раз в службу или двухаршинной ленты голубой. Но, увы, наградили табакеркой».

Не касаясь вопроса о том, какие побуждения руководили графом Румянцовым при представлении проекта о свободных хлебопашцах, заметим только, что слова графа Завадовского оправдались на деле, т. е., что граф лично почти не воспользовался состоявшимся указом, оставил за собою всех принадлежавших ему многочисленных крепостных людей и передал их позднее своим дочерям, за исключением весьма небольшого числа, около 400 душ крестьян, обращенных им в свободные хлебопашцы.

Этот проект не доставил, однако, графу С. П. Румянцову какого-либо преимущества по службе. Он числился только членом Государственного Совета и, проживая в столице, нередко бывал при Высочайшем Дворе на различных торжествах, на спектаклях в Эрмитаже, обедал у Их Императорских Величеств в самом тесном кругу, играл в карты с Ее Величеством и т. п. Все это не удовлетворяло честолюбия С. П. Румянцова и в 1806 г. он обратился к Государю с письмом, в котором, указывая на свою бесполезность службе Его Величества, просил увольнения в бессрочный отпуск, для

поездки за границу. Но после личного объяснения с Императором, выразившим намерение доставить ему соответствующее назначение, граф С. П. Румянцов отказался от путешествия за границу и ограничился поездкою по своим многочисленным деревням со своею дочерью. По возвращении же своем в столицу в октябре месяце, он посещал довольно редко заседания Государственного Совета, становившиеся все более и более незначительными, бесцветными по его мнению, а с 1807 года и совсем прекратил их посещение, особенно, когда в октябре 1807 года он был назначен членом Комитета по части финансов, учрежденного в 1806 году и занимавшегося преимущественно составлением государственной росписи, рассмотрением сметы доходов и расходов, а также проектируемых новых налогов и сборов и т. д. По этой новой должности граф С. П. Румянцов не раз удостоивался разговора с Его Величеством о занятиях этого Комитета, но скоро, после столкновения с Государственным Казначеем того времени, Ф. А. Голубцовым, он решил не посещать более заседаний означенного Комитета и обратился к Его Величеству вновь с просьбою (10-го апреля 1808 года) о дозволении ему ехать к целительным водам, для поправления крайне расстроенного здоровья, на что и последовало 5-го мая Высочайшее соизволение. Закончив свое дело о командорствах (о котором сказано ниже), он оставил Петербург в начале июня и пробыл за границею менее года. Возвратясь на родину в начале 1809 года, граф вскоре представил Его Величеству записку о финансах на французском языке и, по желанию Государя, сделав ее перевод, имел неоднократные объяснения с Александром I о содержании этой записки, причем Император подробно разбирал все касавшееся армии. Позднее граф С. П. Румянцов в 1810 г. представил другую записку – о чеканке медной монеты и снова покинул столицу в 1811 году.

В начале возникшей вскоре Отечественной войны граф С. П. Румянцов возвратился в Петербург и счел долгом испрашивать у Его Величества, в особом письме от 6-го ноября, возможности «быть ему в деятельной какой-либо должности». Сообщенный чрез князя А. Н. Голицына ответ Его Величества,

что он изумлен подобною просьбою о месте, так как граф С. П. Румянцов не хотел воспользоваться назначением, состоявшимся ранее, побудил графа С. П. Румянцева написать довольно длинное письмо Государю, отправленное им с Д. А. Балашевым, отъезжавшим в армию, при которой Государь в то время находился. Балашев доставил ему ответ, что Его Величество сделает распоряжение по возвращении своем в столицу. Военные действия против французов в 1813 и 1814 году, как известно, замедлили это возвращение, а вместе замедлилось и какое-либо назначение графа С. П. Румянцева. Это побудило его просить 16-го марта 1816 года письмом частной аудиенции у Императора. После немалого ожидания граф Румянцов был милостиво принят и получил обещание, что Государь подумает о лучшем для него назначении: его чин и места, ранее им занимаемые, требуют обсуждений, после которых он переговорит с ним еще раз. Добиваясь назначения по внутреннему управлению государством, граф Румянцов, в начале 1817 года, вновь просил о том Государя и 17-го февраля получил чрез князя А. Н. Голицына приказание яснее высказаться, какое место желал бы он получить. Румянцов признал для себя невозможным точно указать желаемое им назначение, но выразил готовность исполнять волю Государя во всякой должности, которая будет ему вверена. Но и это не содействовало его назначению. Граф Румянцов просил всемогущего графа Аракчеева не отказать ему в содействии к его назначению, а сам уехал в 1818 году в деревню. Он возымел намерение совсем оставить городскую жизнь и поселиться в деревне; на приведение этого намерения в исполнение он испрашивал Высочайшее разрешение, напомнив вместе с тем о данном всемилостивейшем обещании, и просил дозволения явиться Государю. Письмо это осталось без ответа. Прожив вне Петербурга до 1820 года, он при своем возвращении в столицу нашел свою тетку Анну Никитишну Нарышкину в отчаянном положении; она скончалась 2-го февраля 1820 года. Участие и внимание, оказанное ей Императором во время ее болезни, побуждали графа С. П. Румянцева лично выразить Его Величеству свою глубокую за

это признательность. Он был принят 29-го февраля очень милостиво Государем особо, удостоился немалого разговора, но о каком-либо назначении его не было и речи. Вследствие этого Румянцов письмом от 12-го мая просил у Государя дозволения явиться к нему частно пред своим отъездом, чтобы выразить ощущаемое им в душе глубокое горе от несчастья, что навлек на себя нерасположение монарха. На это он не получил прямого ответа, но князь П. М. Волконский сообщил ему, что в Царском Селе, где пребывал в то время Государь, представлений Его Величеству не бывает.

Граф С. П. Румянцов уехал обозревать, по заведенному порядку, свои обширные имения и, по возвращении своем в 1822 году, виделся с графом Аракчеевым, который подкрепил своим советом его желание снова просить аудиенции у Государя. Таковая на самом деле ему была назначена на 5-е февраля, но сказалась очень непродолжительною; притом Государь более интересовался его братом (бывшим канцлером), находившимся в то время уже в полной отставке. После этой аудиенции граф Румянцов писал Его Величеству 8-го февраля и просил о смягчении его жребия, отягощающего его уже шестой год. Вследствие этого письма Император поручил графу Аракчееву переговорить с графом Румянцовым и выяснить его желание. По просьбе первого высказаться откровенно, граф С. П. выразил желание быть назначенным в Комитет Министров. Но и это желание графа не получило осуществления. Государь вскоре отправился на конгресс в Верону; граф Румянцов же, видя тщетность своих домогательств, решился не делать более никаких попыток к получению какого-либо назначения.

Он занялся приготовлениями к свадьбе одной из своих дочерей, графини *Екатерины*, вступавшей в брак с князем Мещерским. Когда же другой его зять (женатый на его дочери графине *Варваре*) – князь Павел Голицын был пожалован в звание камергера, граф Румянцов счел долгом письменно благодарить за это назначение Государя, выразив при этом довольно ясно желание иметь аудиенцию. Между тем, наступали горестные для графа Румянцева годы: Император Александр I скончался в Таганроге 19-го ноября; нежно

любимый им брат граф *Н. П. Румянцов* в конце декабря 1825 года упал в своей квартире, сильно повредил ногу и скончался 3-го января 1826 года. Граф Сергей Петрович сопровождал его прах, преданный земле в Гомеле 1-го февраля. По возвращении графа в Петербург скончалась горячо любимая им дочь его *Екатерина*; эта кончина повергла графа Румянцева в жестокое одиночество, и он намеревался уехать в Москву к другой дочери, княгине Голицыной, но желание отдать последний долг усопшему Императору побудило его остаться в Петербурге и принять участие в печальной церемонии погребения Александра I, причем граф Румянцов был назначен нести Императорскую державу, одну из трех регалий, получаемых непосредственно из рук самого Монарха. После этой печальной церемонии граф Румянцов уехал в Москву, написав молодому Императору Николаю I письмо, которым выражал готовность служить Его Величеству, несмотря на свои уже истекшие 65 лет жизни.

По возвращении своем из Москвы граф ожидал назначенного коронования Императора, которое было отложено по случаю кончины вдовствующей Императрицы Елисаветы Алексеевны, и, тяготясь неопределенностью своего положения, спрашивал князя А. Н. Голицына, может ли он удостоиться отдельной аудиенции у Государя. На это он получил краткое от князя извещение, что Монарх не имеет возможности принять его в настоящее время, а если он имеет что-либо сообщить Его Величеству, то предпочтительнее изложить это письменно. Граф Румянцов и после этого просил о личном представлении Его Величеству, но, не имев успеха, уехал в Гомель и возвратился в Москву 15-го сентября, к окончанию празднеств по случаю состоявшегося 22-го августа коронования Императора. Он написал Его Величеству письмо, прося дозволения пожертвовать 50000 рублей на пользу вдов и сирот того полка, которому будет присвоено наименование полка фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайского. В особом благосклонном рескрипте это предложение было почему-то отклонено в то время. Затем последовал ряд мелких оскорблений самолюбия графа, как-то: при представлении Императрицам он был поставлен ниже генерала Яшвиля; он не был приглашен на

бал, бывший в покоях Императрицы, и тому подобные, указывавших, что ему не придают цены и не нуждаются в его особе. Это побудило его не показываться при Дворе, устроиться у себя дома, принимая желавших его посетить, посвятить себя домашним делам и семейству и заняться вместе с тем осуществлением различных благотворительных мероприятий, по поводу которых он не раз обращался к Его Величеству. Так, еще в 1808 году он выразил намерение получаемые им командорственные доходы по орденам св. Александра Невского и св. Иоанна Иерусалимского обратить на выдачи пенсионов 10 гвардейским и 20 армейским отставным нижним воинским чинам, отличившим себя более других службою и мужеством. Император Александр, в особом рескрипте графу Румянцову чрезвычайно одобрил это предположение, дававшее возможность 30 заслуженным воинам получать каждому по 105 руб. в год – сумму, довольно значительную в то время. Чтобы обеспечить инвалидов, получающих эти пенсии из командорственных его доходов и на будущее, после его смерти, время, граф С. П. Румянцов еще при жизни своей внес, в декабре 1827 года, в Сохранную Казну Опекунского Совета, особо 66000 рублей, из процентов с которых должны были выдаваться пенсии инвалидам, на основании изданных на это правил. Затем в 1832 году граф С. П. Румянцов пожертвовал капитал в 50000 руб. для обращения процентов в пользу вдов и сирот, могущих остаться после офицеров и нижних чинов полка имени родителя его, фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайского. В следующем, 1833 году он пожертвовал неприкосновенный капитал в 10000 руб. для выдачи из одного процентов одному из увечных офицеров, которые вместе с тем получали именование Кайнарджийских пенсионеров. В 1834 году он внес в инвалидный капитал 100000 рублей, а в 1838 году еще 112948 рублей на содержание из процентов 59 штатных пенсионеров, замещая вакансии пенсионеров нижними чинами, ранеными в войну с Польскими мятежниками.

Еще в 1827 году граф Румянцов обратился к Его Величеству с предложением приобрести от него местечко Гомель, со всеми принадлежащими к нему крестьянами, числом 13579 душ,

деревнями и землями. После немалой переписки, причем Румянцов не раз обращался к Его Величеству, это местечко было приобретено окончательно в 1836 г. и сдано князю И. Ф. Паскевичу-Эриванскому за 800000 руб., причем в уплату этих денег зачтены два 8-летних долга Румянцова Банку: один в 401000 руб., а другой в 399300 рублей – всего 800300 рублей. Около того же времени граф С. П. Румянцов, желая увековечить навсегда победу, одержанную Кутузовым над французами 6-го октября 1812 г. при дер. Тарутино, Калужской губ., доставшейся ему в наследство после покойного его брата, испрашивал Высочайшего повеления о том, дабы всех крестьян села Тарутина с деревнею Границевой, числом 439 душ, признать вольноземледельческими, предоставив им все угодья, коими они пользовались в то время. Крестьяне же, таким образом освобождаемые от крепостной зависимости, воздвигают свидетельствующий их душевную признательность памятник, на свой счет, в Тарутине, в честь битвы 6-го октября, по составленному рисунку. Это предположение графа Румянцова удостоилось Высочайшего утверждения 20-го декабря 1828 г. и было приведено в исполнение.

Помимо этого, исполняя словесную волю покойного брата своего, графа Н. П. Румянцова, граф Сергей Петрович принес в дар Отечеству унаследованный от него дом на р. Неве, близ Николаевского моста, для помещения богатой библиотеки и собрания различных рукописей, монет и прочих собраний, принадлежавших умершему канцлеру, и для устройства музея, доступного публике. Кроме того, сам граф С. П. Румянцов пожертвовал еще другой дом, ему принадлежавший, смежный с первым, но выходивший на Галерную улицу, а также и прекрасную свою библиотеку в 10000 сочинений, украсил главное здание снаружи колоннадою, а зало – лепными работами, устроил шкафы, поставил портреты своих предков и своего брата, отремонтировал дом на Галерной улице и т. д. Этот музей был в 1828 г. передан в непосредственное ведение казны, после довольно продолжительной переписки графа С. П. Румянцова с разными лицами, на которых было Высочайше возложено устройство высшего управления всего музея, а

затем, 28-го мая 1831 г., был утвержден и первый штат музея, который получил наименование Румянцовского, в память своих основателей – покойного государственного канцлера графа Николая и д. т. с. графа Сергея Румянцовых, как прямо выражено в ст. I Устава музея 27-го мая 1846 г., утвержденного в Варшаве. Граф С. П. Румянцов и после этого делал пожертвования для украшения зала музея и в том числе пожертвовал полученную им из складов Эрмитажа картину художника Торелли, изображающую торжественный вход Императрицы Екатерины II в завоеванные у турок земли, причем на белой лошади изображен был и фельдмаршал граф П. А. Румянцов.

Все эти пожертвования, конечно, обращали на Румянцева внимание Монарха, удостоивавшего его не раз лестными рескриптами. Помимо этого, Румянцов и другим путем обращал на себя внимание Его Величества. Так, при восстании греков и отчаянной их борьбе с турками он написал о них, для генерала Дибича, записку, которую, как он сам писал, можно представить Его Величеству. Затем в 1830 году он написал записку графу Бенкендорфу (в то время шефу жандармов) о современном положении дел, предоставляя ему воспользоваться ею для пользы службы. Бенкендорф доводил эту записку до Высочайшего сведения. Румянцов в это время добивался обещанной ему ранее аудиенции у Императора, но безуспешно: сначала, в 1825 г., сам граф заболел воспалением левой ноги, затем Его Величество был занят приготовлением к войне с Турциею, а потом покинул столицу и отбыл на театр военных действий.

В 1828 г., декабря 2-го, граф С. П. Румянцов для скорейшего безмятежного перехождения из состояния рабского в свободное, представлял Его Величеству о необходимости сказать из Банков помощь желающим вступить в сие состояние и не оставлять без покровительства тех, кои в оное собственными средствами вступили. Наступившая Турецкая война, а затем Польская отвлекли, конечно, внимание Его Величества от этой благой мысли.

Помимо этого граф испрашивал в 1832 г. Высочайшего разрешения поставить, на собственном его иждивении, памятник своему отцу, фельдмаршалу, среди селения Троицкого, переименованного в Кайнарджи по приказанию Императрицы Екатерины, причем граф увольнял крестьян этого селения безмездно, на основании законов о вольных земледельцах. На это также, по рассмотрению дела в Комитете Министров, последовало Высочайшее утверждение.

Нельзя не упомянуть в заключение, что, будучи очень крупным землевладельцем, граф уделял немало времени на ежегодное почти обозрение своих владений, как это видно из дошедшей до нас, не в полном составе, переписки его с братом, графом Н. П. Румянцовым. Почти ежегодно граф Сергей уезжал из Петербурга то на Москву и далее, то на Дерпт, Ригу, Витебск, направляясь к Гомелю, претерпевая всякие неудобства от езды в экипаже по худым дорогам и нередко при ненастной погоде. Из Гомеля он уже посещал различные отдельные экономии, входившие в состав как его владений, так и принадлежавших его брату, которые он также осматривал и о результатах осмотра сообщал по принадлежности. Из писем графа нельзя прийти к заключению, что положение его хозяйства было удовлетворительно; в письмах встречаются весьма часто сетования на недобросовестность и хищничество различных управляющих, на частые их увольнения, на скудость доходов и т. д. Кроме того, можно усмотреть, что граф С. П. Румянцов, как и его брат, занимался усовершенствованием нашего овцеводства и достиг хороших результатов. К сожалению, эта переписка прекратилась с кончиною графа Николая Петровича в 1826 г. и в отношении остальных годов жизни графа Сергея остается только предположить, что он и после 1825 года продолжал, по заведенному порядку, свои объезды по имениям, а также возмущался хищением своих управляющих. Имеется сведение, что в 1830 и 1837 годах он совершал опять поездки за границу и, посетив снова Париж, имел случай, восхищаясь этою очаровательною столицею, вспоминать о тех развлечениях, которыми он наслаждался более полувека тому назад. Сын его приятеля, нашего

знаменитого историографа, Андрей Николаевич Карамзин встречался с ним в Париже и сообщал своей матери, что был у графа Румянцова, говорливого и любезного по обыкновению и также по обыкновению странного; запахом допотопной старины от него так и несет; он магнетизм называет месмеризмом, защищает триединство в трагедии, нападает на романтизм в противоположность классицизму – словом он совсем окаменел (*fossile tout à fait*). Это была уже последняя поездка графа за границу.

Граф Сергей Петрович Румянцов скончался 24-го января 1838 г. и погребен близ Москвы, в селе Троицком, принадлежавшем в то время дочери его, *Зинаиде Сергеевне Дивовой*, а ныне князю Голицыну.

Граф Румянцов состоял с 14-го марта 1810 г. почетным членом Императорской Академии Наук, а с 1828 г., апреля 14-го, действительным членом Российской Академии. Он женат не был, но оставил после себя трех дочерей, носивших фамилию *Кагуловых* (или *Кагульских*); они все вступили в брак, как упомянуто выше. Он долгое время находился в близких отношениях с Наталией Николаевной Нелединскою-Мелецкою, жил с нею в одном доме, очень к ней привык и был очень к ней привязан.

Отзывы о графе Румянцове весьма различны. Известный иерарх Евгений Болховитинов дает о нем следующий суровый отзыв: «надо иметь крепкое ухо, чтобы слушать все его вздорные рассуждения. Это непонятливая голова». Так же неблагоприятно отзываются о нем, как о члене негласного Комитета 1801 г.: «Румянцов С. П. не опасен: он будет говорить пустые вещи (*des choses nulles*) и подпишет все». Напротив того, Лубяновский находит, что он обладал умом необыкновенно беглым и острым, а также счастливою памятью, много читал, и мало было предметов, о которых он не имел бы разнообразных сведений». – «Он был блестящий вельможа времен Екатерины, человек отменного ума, большой образованности, любознательный по всем отраслям наук», – вот отзыв о графе С. П. Румянцове автора Старой записной книжки. Н. М. Карамзин, очень расположенный к графу, «чем более узнавал

его, тем более любил, не говоря о почтении, и спрашивал его, не сочиняет ли он новые планы для поэм и романов, которые не уступили бы в занимательности произведениям Вальтера Скотта, и не собирается ли издать свои остроумные басни с веселым предисловием».

Весьма сочувственный в общем отзыв дает о графе и Герц в своих Записках о России, если исключить слова, что «граф может, пожалуй, забавляться уснащением своих донесений шутками и злословием, и что лучшим средством для избавления графа от скуки было бы, если бы нашлась какая-нибудь любезная дама и покладистая любовница, к которой он мог бы воспылать страстью».

Нельзя не упомянуть в заключение, что граф С. П. Румянцов находился в самых близких и дружественных отношениях со своим братом-канцлером; они оказывали друг другу самую искреннюю заботливость и постоянное внимание, как это видно из их переписки. Следуя примеру своего брата, граф Сергей Петрович также очень интересовался отечественною историею, читал много исследований, до нее относящихся, и не раз писал об этом своему брату. Он состоял также членом литературного общества Арзамас (см. Письма Карамзина к Дмитриеву, стр. 93). К своему отцу, фельдмаршалу, граф Сергей Петрович был преисполнен сыновней любви и привязанности, близко принимал к сердцу малейшее его неудовольствие к нему, заботился постоянно о снискании его благорасположения, а также об увековечении и распространении громкой его известности. Он заказывал то бюст отца скульптору Мюнстеру, в 1799 г., то картину в 8000 руб. художнику Квадалю, изображавшую смотр войск Императором Павлом и фельдмаршалом Румянцовым. Потомство последнего прекратилось совершенно с кончиною графа Сергея Петровича Румянцева.

Формулярный список о службе графа С. П. Румянцева в Государственном Архиве; Российская родословная книга, князя Лобанова-Ростовского, т. II, стр. 188; Князь П. В. Долгоруков, Родосл. книга; В. В. Руммель, Родословный Сборник, т. II; Камер-фурьерский Журнал (по Алфавитным Указателям);

Полное Собрание Законов,: первое – т. XXVI, стр. 656; XXVII, стр. 462; XXX, стр. 744; второе: т. IV, стр. 325, VIII, стр. 499; X, стр. 59; XXI, стр. 551; XXXVI, стр. 777; XXXIX, стр. 416; Сборник Имп. Русского Ист. Общ., тома: V, IX–XI вкл., XVII, XXX, XL. LVIII, LXIV, LXI, LXIX, LXXVIII, LXXIX, CXXV; «Чтения Имп. Общ. Ист. и Древн. в Москве», 1860, кн. I и IV; «Русский Архив», годы: 1863, 1868–1870, 1872, 1876, 1878, 1879, 1881 и 1882; «Русская. Старина», томы: V, IX, XI, XXX, XXXII, LXI, LXXII, LXXXV–LXXXVI, LXXXVIII, CCXXV; Архив Мин. Имп. Двора в Петербурге, оп. 36/1629, д. № 125, 135, 144, 148 и 152; Архив графов Мордвиновых, т. III, стр. 31, 225; т. VII, стр. 447; Архив князя Куракина, т. 6–9 включит.; Архив князя Воронцова, т. 8, 10, 12–15 вкл., 17, 18, 20, 24, 27, 29, 30, 32; А. Васильчиков, Семейство Разумовских, т. III, стр. 151; т. V, стр. 80, 194, 219; Архив Государственный в Петербурге, разр. XI, № 116, кр. 208; XV, № 41; р. XVI, № 13, р. XVII, б. 28, 86, 200, 204; в Москве: Берлин, III, Картоны № 18–22 вкл. и Швеция – Картоны 78, 79 и 80. – Архив Министерства Уделов: дела, Высочайшие повеления, а также в связках; Письма графини Ек. М. Румянцовой-Задунайской, изданные графом Д. А. Толстым; дополнение к тем же письмам – в Имп. Публичной Библиотеке, в Рукоп. Отд., по отчету за 1888 г., № 1; Письма графа Серг. Петр. Румянцева к его отцу фельдмаршалу – в Имп. Публ. Библиотеке, в Рукописн. Отделе, в собрании бумаг Дивова; «Памятники Русской Истории»; Памятники истории крестьян XIV–XIX вв., Москва, изд. Клочкова, стр. 165–169; Список членов Императорской Академии Наук 1725–1907, составил Б. Л. Модзалевский, СПб. 1908, стр. 84 и 344; История л.-гв. Конного полка, Н. П. Анненкова; Исторический очерк: «Министерство Иностранных Дел, к столетию его существования»; Государственный Совет за сто лет, 1801–1901, издание Государственной Канцелярии, приложен.; История Уделов за столетие их существования, 1797–1897 года, т. II, стр. 43 б.; т. III, прил.; Граф П. А. Строгонов, соч. Великого Князя Николая Михайловича, т. II. стр. 137, 149; Письма Н. Н. Новосильцева к Румянцову в Имп. Публичной Библиотеке, Рукоп. Отделение, гг. 1802 г., ноября 11 и

декабря 11 и 12; Сочинения Державина, изд. Гротом, т. VI, стр. 812, т. VIII, стр. 799, 822; В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в царствование Александра I; Отечественная война и Русское Общество и 1812 году, т. II, стр. 152 и след.; Столетие Военного Министерства, т. XIII, ч. I, прил., стр. 48, 53, 61–63, 65; Собеседник Любителей Русского Слова, 1783 г., т. III и IV; «Журнал Мин. Народн. Просвещения» 1846 г., т. LI, июль, стр. 4–15 (Устав Гум. Музея 1846 года); А. С. Трачевский, Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II, С.-Петербург. 1877, стр. 379–390, 405 и след.; Записки графа Комаровского, в издании: XVIII век, стр. 354; «Старина и Новизна», т. I, IV, V и XVII; Вестник Общества ревнителей истории, выпуск I, стр. 21 («Из записок о России графа фон Герца», Прусского посланника при дворе Екатерины II); Арх. Правит. Сената, Книги Высоч. повелений, № 184, стр. 54; № 232, стр. 358; № 236, стр. 134 и 135; А. Е. Викторов, Передача Румянцовского Музеума в ведомство Мин. Народн. Просвещения – в Сборнике материалов для истории Румянцовского Музеума. Выпуск I, Москва. 1882, стр. 135 и след.

Рунеберг Вальтер, академик

Рунеберг Вальтер, академик Императорской Академии Художеств по скульптуре. Родом финн, родился в 1838 году; образование получил за границей и в 1874 году был признан академиком скульптуры за статую из мрамора «Спящий Амур» и группу из гипса «Психея и Купидон»; этими своими группами он экспонировал на Венской Всемирной Выставке 1873 года в Русском отделе изящных искусств; на Всемирной Парижской Выставке 1877 года Рунеберг заслужил «почетную похвалу» выставленными им работами: «Психея с Юпитеровым орлом», «Психея с лампою», «Психея, уносимая зефирами» – все статуи из мрамора.

Кроме того, известны еще следующие работы Рунеберга: «Аполлон и Мерлас» (мрамор), бюст профессора Норденшильда (мрамор), высеченный после возвращения Норденшильда из его полярного путешествия, и «мраморный надгробный памятник с барельефом, представляющим ангела мира (памятник находится на кладбище в Риме). Будучи выбран академиком в Императорскую Академию Художеств, Рунеберг благодарил последнюю коротким письмом, которым, кажется, и ограничилось участие Рунеберга в делах Академии Художеств. В 1877 году он был выбран членом Стокгольмской Академии Художеств. Уже судя по названным его произведениям, Рунеберга можно считать представителем классицизма или, вернее, лжеклассицизма в скульптуре. По своим произведениям Рунеберг родственен другому скульптору его времени – Залеману. Резец его был тверд и силен.

С. Кондаков, Императорская Академия Художеств, т. II, стр. 279; Отчеты Императорской Академии Художеств за 1873–74 г., стр. 13, 83, за 1877–78 г., стр. 53, 64, 65, 66; Архив Академии Художеств.

Рунич, Аркадий Павлович

Рунич, Аркадий Павлович, правитель Канцелярии у графа Ф. В. Ростопчина; сын сенатора *П. С. Рунича* (см.); род. в 1785 г., в службе числился уже с ноября 1786 г, каптенармусом л.-гв. Семеновского полка, 7-го января 1789 г. произведен был в сержанты, а в 1796 г., за реформой, остался в том же чине; затем, по именному указу 22-го мая 1802 г. Р. произведен был в губернские секретари и определен в Канцелярию Вятского гражданского губернатора (своего отца), 5-го мая 1805 г. перешел в штат Московского Почтамта и в феврале 1806 г. пожалован чином титулярного советника, Затем, во исполнение Высочайшего повеления, в том же году прикомандирован был, для исправления дел, к своему отцу, тайн. сов. сенатору Руничу, по случаю ревизии сим последним разных губерний, и за труды по этой должности награжден был, 29-го июля 1807 г., чином коллежского асессора. 7-го февраля 1808 г. пожалованный бриллиантовым перстнем, Р. 31-го декабря 1809 г. определен был правителем Канцелярии главнокомандующего в Москве, генерала-фельдмаршала графа Гудовича, 7-го сентября 1810 г. получил орден св. Владимира 4 ст., 5-го января 1812 г. произведен в надворные советники, а 17-го июля того же года, за ревностное исполнение должности правителя канцелярии при Главнокомандующем в Москве графе Ростопчине, пожалован был орденом св. Анны 2-го класса. 1-го июня 1813 г. Р. произведен был в коллежские советники, а 1-го августа 1815 г. уволен от должности, для определения к другим делам.

Проведя 6 лет в отставке, он вновь вступил в службу и, по Высочайшему повелению от 16-го октября 1821 г., был определен советником в Комиссию сооружения в Москве храма во имя Христа Спасителя; в 1824 г., с другими членами Комиссии, он был отдан под суд, причем в 1828 г. на имение его, как и других членов, был наложен секвестр; Р. был жив в 1841 году; время смерти его неизвестно; погребен он на Ваганьковом кладбище в Москве.

Формулярный список в Сенатском Архиве; Дневник И. М. Снегирева, т. I, стр. 299; «Русск. Стар.» 1876 г., т. XVII, стр. 117, 122, 268–71. Московский Некрополь, т. III.

Рунич, Дмитрий Павлович

Рунич, Дмитрий Павлович – попечитель Петербургского учебного округа; род. 19-го декабря 1778 г. и был сыном сенатора Павла Степановича Рунича и внуком выходца из Угорской Руси (Венгрии), поселившегося в России в царствование Елисаветы Петровны; известен как один из главных возбудителей и деятелей возмутительного суда над несколькими профессорами Петербургского университета, обвинявшимися в 1821 г. в религиозном и политическом «вольнодумстве». Развитие и изменение воззрений Рунича, его литературные труды, сношения с видными масонами и служебная деятельность еще ждут подведения итогов. Опытom этого подведения и является настоящий биографический очерк.

Р., будучи еще в колыбели, был записан в сержанты лейб-гвардии Семеновского полка (1780); в действительности же поступил в военную службу 18-ти лет, в 1797 г., в начале царствования Павла, будучи выпущен прапорщиком в армейские полки. В том же году, 4-го февраля, он определен был в ведомство Коллегии Иностранных Дел переводчиком, быв причислен к Канцелярии любимца Императора – вице-канцлера князя Куракина – и во время коронации Императора Павла находился в Москве. Вскоре после отъезда Двора в Петербург, Р. получил назначение (1-го мая 1797 г.) на должность секретаря-переводчика при Венском посольстве и приехал в Вену во время заключения Кампо-Формийского мирного договора, а 25-го сентября 1798 г. был уже отчислен от посольства и «возвращен в Коллегию», причем пожалован в коллежские асессоры. В 1799 г., при известии о первой победе Суворова над французскими революционными войсками в Италии, при Требии, Р. находился в Берлине, откуда граф Н. И. Панин, Русский посланник при Прусском Дворе, отправил его с депешей, сообщавшей об этом событии Императору Павлу. Сравнение столиц двух главных германских государств, сделанное Р. в его «Записках», весьма кратко и образно: «Берлин после Вены делал впечатление облачного неба после

прекрасного восхода солнца!» Р. приехал в Петербург в половине июня 1800 г. и представился, как курьер, привезший депеши, вице-канцлеру графу В. П. Кочубею.

В том же 1800 г. он был причислен (7-го июля) к штату своего отца, в то время Владимирского гражданского губернатора, с пожалованием в надворные советники. По всему вероятно, к этой поре относится воспоминание Р., мучительно живо восставшее перед ним в одну из бессонных ночей 1854 года: «Мне не спалось, – говорил Р. пришедшему навестить его Д. Н. Родионову, – и вдруг воскресло передо мною давно былое время моей юности. Я видел себя в Москве, в том обществе, которое слыло самым образованным, потому что наизусть знало Вольтера, Дидерота и Руссо; но не знало преград в удовлетворении своих хотений, среди роскоши и распутства. У князя Н. после обеда барыни ушли на свою половину, а мужчины отправились в диванную. Нам подали халаты, мы одели колпаки и на турецких подушках, в комнате, освещенной пламенем от горевшей жженки, пели богохульные песни. Серебряная миска была неисчерпаемая, а гости становились все беспутнее и беспутнее. Песни, крики, говор, плеск вокруг синеватого огня: все кружилось при хохоте и песнях этих ужасных!.. И вот, все это воскресло предо мной в ночной тиши, и через более полу столетия повторял я слова давно забытой той страшной песни, и ни от слов, ни от напева не мог я отделаться!.. Так вот, теперь понял я те муки, которые души отшедших претерпевать будут в загробной жизни: им вспомнится до мельчайшей черты их деяний дурных, и это неотвязчивое воспоминание, при уразумении их нравственной нищеты и зла, которое от этого последовало, и составит тяжесть загробной кары!..» Приводим это воспоминание Р., так как оно уясняет ту внутреннюю борьбу, которую пришлось ему пережить и которая привела его впоследствии к другой крайности. Религиозный мистицизм, в соединении с внешней православной обрядностью, и преклонение перед властью имущими – вот те отличительные черты мирозерцания Р., которые создали ему печальную известность. – 16-го марта 1802 г. Р. был пожалован в коллежские советники и назначен состоять при своем отце,

переведенном губернатором в Вятку, где исполнял особые поручения (напр., по приведению в повиновение крестьян коммерции советника Губина), и 8-го сентября 1802 г. пожалован был орденом Анны 2-й степени; с назначением отца его сенатором, Р. был оставлен при нем, а 28-го июня 1805 г. был назначен помощником Московского Почт-директора.

В конце 1806 года (28-го сентября) он женился на *Екатерине Ивановне Ефимович* (дочери помещика Малоярославецкого уезда Орловской губернии Ивана Николаевича Ефимовича) и по жене попал в родство с Нарышкиными и с гр. Н. И. Салтыковым, воспитателем Александра I; 31-го августа 1807 г. пожалованный в статские советники, он 8-го сентября 1811 г. награжден был орденом Владимира 4-й степени.

В 1812 г., после ареста и высылки из Москвы графом Ростопчиным Московского Почт-директора Ф. П. Ключарева (несмотря на благоволение к нему Императора), Р. был назначен на его место (10-го августа). В ночь с 1-го на 2-е сентября Р. выехал из Москвы во Владимир, причем по его распоряжению было спасено казенных и частных капиталов на 5000000 рублей. Не успел еще Р., по приезде во Владимир, выработать план для упорядочения почтового сообщения, как получил от графа Ростопчина уведомление, что Главнокомандующий армией князь Кутузов требует отправить все присутственные места из Владимира в Нижний Новгород, Прибыв в Нижний, Р. должен был создать новую почтовую линию для сношений Москвы с Сибирью, Граф Ростопчин, очевидно, недолюбливал как Д. П. Рунича, так и его отца, сенатора Павла Степановича. В такое тяжелое время, каков был конец августа 1812 г., Ростопчин писал из Москвы Государю: «Нет больше времени заниматься отдельными лицами, но если вам придется спокойно царствовать, помните, Государь, что вы можете положиться на Нелединского, Нарышкина и Кушникова, но никогда на (И. В.) Лопухина и Рунича (сенатора): ибо это ваши враги».

18-го ноября 1812 г. Ростопчин между прочим писал Александру I: «Находясь в Нижнем, граф Панин намекал, будто

вы приказали сдать Москву. Другой господин, начавший давать волю языку своему, есть сын сенатора Рунича, который заместил на почте Ключарева». Несмотря, однако, на такого рода нападки со стороны Ростопчина, Р., по возвращении в Москву, продолжал занимать место Почт-директора. К этому времени (1813 г.) относится приезд в Москву художника А. Л. Витберга, приглашенного графом Ростопчиным, чтобы рисовать виньетки и картины для предположенного им описания патриотических подвигов войны 1812 г. С благодарностью воспользовавшись гостеприимством Рунича, Витберг прожил у него в мезонине два года; беседы и «искания» Рунича, как видно, не остались без влияния на Витберга. Одна из прогулок Витберга по Кремлю с Руничем и каким-то их общим знакомым решающим образом определила дальнейшую судьбу Витберга. Разговор зашел о выборе места для храма Христа Спасителя, задуманного Императором, в качестве памятника победы над Наполеоном I. «Одушевленный моей идеею – пишет Витберг в своих «Записках», – я распространился о мыслях моих насчет храма, и Рунич, одаренный горячею душою, просил меня убедительно, неотступно, для него хотя в альбом набросать главный очерк моих идей храма. Я отвечал, что легко было говорить мне, чувствуя это; но, не зная архитектуры, мудрено мне было бы исполнить его просьбу». Вскоре после того Витберг принялся за изучение архитектуры и полгода спустя показал Руничу довольно удовлетворительный эскиз храма.

Ко времени службы Р. в Москве относится переписка с ним известных масонов: Н. И. Новикова (сохранились письма 1806–1817 гг.) и И. В. Лопухина (с декабря 1812 до половины 1815 г.). Из этой переписки мы узнаем о новом повороте в воззрениях Р.: он стал мистиком, не разделяя идей масонов, и эти воззрения высказывал в целом ряде сочинений. Новиков жил в своем подмосковном имении, с. Тихвинском; Лопухин – сначала в подмосковной, а затем в имении Орловской губернии – селе Воскресенском. Р. был знаком с масонами еще в бытность свою в Австрии, но по собственному признанию, ни за границей, ни в России не состоял действительным членом какой бы то ни было масонской ложи. Из ответа Новикова на письмо Р. от 1808 г.

видно, что Р. высказал намерение не сближаться в Москве ни с кем из масонов. Новиков одобрительно к этому отнесся и приглашал его погостить в Тихвинском, чтобы получить таким способом возможность руководить им письменно. Польза от переписки бывает, по мнению Новикова, лишь тогда, когда «водитель ведомого брата поставит на прямой путь, узнает всю нравственность его, поправит понятия его о вещах, направит и устремит его к истинной цели, положит основание и выучит азбуку». По-видимому, Р. делился впоследствии с Новиковым своими горестями, сообщал ему о разных неудачах и притеснениях по службе, так как Новиков приводил из Св. Писания примеры долготерпения и утешал его тем, что «не возложится на нас тяготы больше, нежели сможет понести». Из писем Новикова узнаем, что Р. исполнял его поручения, начиная от покупки семян, разных лекарств, черносливу и т. д. и кончая продажей отхожей пустоши крестьянину графа Бобринского и хлопотами по внесению в Опекунский Совет денег за имение Новикова.

Письма Лопухина наглядно знакомят нас с умственными и общественно-политическими интересами как Лопухина, так и Р., бывших в то время членами Библейского Общества. Министр Народного Просвещения граф Разумовский преследовал Библейские Общества, и мистические и теософские книги, выходившие из-под пера Р., запрещались и изымались из продажи, о чем глубоко скорбел Лопухин. В письмах к Р. Лопухин подробно сообщал о своих литературных занятиях и издаваемых им мистических книгах, которые, печатаясь в провинциальной типографии в Орле, избегли участи сочинений Рунича, и о кружке тогдашних мистиков, к которому принадлежали: сам Лопухин, Павел Степанович Рунич и его сыновья Дмитрий и Аркадий, ветеран Московских мистиков Ник. Ив. Новиков, А. И. Трескин, С. И. Гамалея, И. И. Маклаков и профессора Московского Университета Х. А. Чеботарев и М. Я. Мудров. Преобладающим мотивом в письмах Лопухина являются: восторг от личности Александра Благословенного, доходивший до обожания, и ненависть к Наполеону.

11-го февраля 1816 г. Р., произведенный в действительные статские советники, был уволен от должности, с причислением к Почтовому Департаменту и с производством ему жалованья по званию помощника Московского Почт-директора. Не у дел Р. пробыл до 8-го марта 1819 г., когда был назначен членом Главного Правления училищ. Тогда Главный Педагогический институт в Петербурге был переименован в Петербургский университет. К 1820-му году относится интересное письмо Р. к издателям «Русского Инвалида» по поводу статьи о лорде Байроне, переведенной из Парижского журнала «Conservateur». Из этого письма ясно видно, в какой мере он уже в то время вступил на путь совершеннейшего обскурантизма и фарисейски считал благом для русского общества отстранение от него чужеземного влияния и всех просветительных идей даже в газетных статьях. Р. не желал признавать в Байроне гениального поэта, называл его «английским безбожником-стихотворцем», который даже по мнению французского автора переведенной статьи имеет мрачную и свирепую душу и изуродованный самолюбием разум, воспламененные и освещенные адским огнем! Р. считал совершенно излишним помещать в русских газетах сведения, что «в Англии, или Америке, или Австрии есть чудовища, в ожесточенном неверии сплетающие нелепые системы и поэмы, целью коих есть то, чтоб представить преступление страстью и необходимой потребностью великих душ». Особенно вредно, по мнению Р., печатать статьи, прославляющие Байрона, именно в «Русском Инвалиде», так как эту газету читают в России много тысяч людей всякого возраста и состояния. «Кто заразится бреднями Байрона, – восклицает Р., – такой погиб навеки!.. Кого публично похвалами превозносят, тому и подражать хочется, кто слышет гением, на того и походить всяк желает». На предполагаемые возражения со стороны издателей-редакторов «Русского Инвалида», что «хвалится только гений и поэзия Байрона, а философия его осуждается и представляется такою, какая есть», Р. заходил так далеко, что сравнивал поэзию Байрона с «искусством убийцы, который проворно и ловко режет и убивает людей». В пояснение этого Р. писал: «Стихотворческий дух его показывает, говорят,

истинного поэта, – высокое достоинство, не спору, но стихотворения его исполнены смертоносного яда, такой философии, которую изрыгает только ад!» Р. заканчивает свое письмо заявлением, что «Русскому Инвалиду» свойственно «возвещать согражданам своим, храбрым воинам и мирным гражданам, торжество веры над неверием, великодушие над злобою, бескорыстия над алчностью, добродетели над пороком. Вот предметы, достойные внимания русских! Что им нужды до романической чувствительности и нежности французских трубадуров, мрачной поэзии англичан и человеконенавистнической философии немцев! Мы имеем свет истинный, просвещающий и освещающий всякого человека. Будем держаться сего света, не обращая и внимания нашего на чадные факелы лжеименного разума, какой бы он ни был: английский, французский, греческий или санскритский».

Те же воззрения Р. очень остроумно и зло изображены А. Ф. Воейковым в его знаменитой сатире «Дом Сумасшедших»:

Други, признаюсь: из кельи,
Уши я зажав, бежал...
Рядом с ней, на новосельи,
Рунич бегло бормотал:
«Вижу бесов пред собою;
От ученья сгинул свет...
Этой тьме Невтон виною
И безбожник Боссюэт!
Локк запутал ум наш в сети,
Геллерт сердце обольстил;
Кантом бредят даже дети,
Дрекслер нравы развратил!»

Первая русская книга, присланная на просмотр Р. после назначения его членом Ученого Комитета, была «Естественное право» профессора Царскосельского лицея Куницына. По этой книге Куницын преподавал в лицее и в Петербургском университете естественное право и спрашивал, через Директора лицея Энгельгардта, дозволения министра посвятить свою книгу Императору. Согласно с мнением Р., Главное Правление Училищ нашло книгу о «Естественном праве»

«противоречащую явно истинам Христианства и клонящуюся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных», вследствие чего Куницын был уволен, в марте 1821 г., от преподавания как в лицее, так и в университете. 7-го мая 1821 г. на место С. С. Уварова, получившего отставку согласно собственному желанию, Р. был назначен исправляющим должность Попечителя Петербургского университета и учебного округа.

В конце того же 1821 г. произошел печальный в летописях русского просвещения эпизод – суд над профессорами Петербургского университета: Германом, Раупахом, Галичем и Арсеньевым. С этой историей особенно тесно связана в общем представлении, как сказано о том выше, личность Р. Действовал Р. под влиянием своих единомышленников – попечителя Казанского университета и учебного округа Магницкого, жившего тогда в Петербурге, и министра Народного просвещения князя А. Н. Голицына. Подозревая, что между профессорами Петербургского университета находятся лица, преподавание которых вместо пользы приносить вред юношеству, Р. поручил Директору Петербургского университета и состоявшего при нем Благородного пансиона Д. А. Кавелину взять тайно у некоторых студентов университета и воспитанников Благородного пансиона тетрадки с записями лекций заподозренных профессоров. Студенческие тетради были препровождены в Главное Правление Училищ, откуда ректору Петербургского университета А. М. Балугьянскому было дано знать, что «Главное Правление Училищ, рассмотрев тетради студентов здешнего университета по Отделению философских и исторических наук, нашло лекции профессоров: Германа, Раупаха, Галича и адъюнкт-профессора Арсеньева составляющими обдуманную систему неверия и правил зловерных и разрушительных в отношении к нравственности, образу мыслей и духу учащихся и к благосостоянию всеобщему...», а потому определило прекратить лекции вышеупомянутых профессоров.

3-го, 4-го и 7-го ноября 1821 г. состоялись заседания Конференции и Правления Петербургского университета, под

председательством Р. и в присутствии Кавелина. По Высочайшему повелению профессор Балугьянский был уволен от должности ректора, и, согласно предложению Министра Народного Просвещения, временное исправление этой должности поручено заслуженному профессору Зябловскому. Первым из обвиненных был приглашен в заседание Конференции профессор статистики Герман. Р. прочел ему вопросные пункты, касавшиеся до его обвинения, а Кавелин – выписки из студенческих тетрадей. Несмотря на усиленные просьбы Германа дозволить ему написать ответы дома, его заставили исполнить это немедленно, но, по представлению некоторых профессоров, разрешили писать в особой комнате, под надзором профессора Плисова. Призванный затем в Присутствие Раупах и словесно, и письменно заявил о невозможности дать удовлетворительные ответы на предлагаемые ему вопросы, если ему не будут возвращены собственные его тетради, а для сличения и удостоверения – та студенческая тетрадь, по которой сделаны выписки. Как только Раупах, отдав свой письменный ответ, вышел из Присутствия в сопровождении эзекутора, Р. стал называть его «бунтовщиком, возмутителем, иллиуминатом, государственным изменником». В это время Плисов принес письменные ответы Германа, заканчивавшиеся просьбой передать на рассмотрение знатоков политических наук те отмеченные в студенческих тетрадях выражения, которые он признает своими. Р. распорядился призвать в Присутствие Германа и с неудовольствием заявил ему, что его ответы можно было бы признать достаточными, если бы не противозаконное требование «révision par des juges compétents» (суда компетентных лиц), который нельзя допустить, так как, следовательно, ни его, ни Главное Правление Училищ Герман не считает «компетентными судьями».

На другой день, 4-го ноября, состоялось заседание для рассмотрения дела Галича и Арсеньева. Упрекая Галича за то, что он в своей книге «История философских систем» не опровергает эти системы, Р. уподобил его книгу «тлетворному яду или заряженным пистолетам, положенным среди играющих

детей либо диких, не знающих употребления огнестрельного оружия», и торжественно произнес: «Я сам, если бы не был истинным христианином и если бы благодать свыше меня не осеняла, я сам не отвечаю за свое поползновение при чтении книги Галича». Когда Галич был призван в Присутствие, Р. обратился к нему с длинным увещанием, выставляя на вид, что он русский, и осыпая бранью всех иностранцев, живущих в России. Между прочим Р. позволил себе сказать следующее: «Вы явно предпочитаете язычество Христианству, распутную философию – девственной невесте, Христовой церкви, безбожного Канта – самому Христу, а Шеллинга и Духу Святому». По уходе Галича в особую комнату с адъюнктом Роговым, в Присутствие вошел Арсеньев. Р. обратился к нему сначала тоже с увещаниями, а затем, как сказано в «Записке» профессора Плисова – «с большим ожесточением устремился на него с ругательствами и злословием». На заявление Арсеньева, что он преподавал теорию статистики по печатной книге профессора Германа, изданной в 1807 г. от Главного Правления Училищ и одобренной Правительством, Р. резко сказал: «Это не послужит вам в оправдание, что книга напечатана и одобрена от Правительства; тогда было время, а теперь другое!» При этом Р. добавил, что по поручению Главного Правления Училищ Ученый Комитет начал рассматривать прежде изданные и одобренные книги и усмотрел 18 разных сочинений, изданных и одобренных прежним Главным Правлением Училищ, предосудительными, развратными и т. д., вследствие чего эти сочинения будут осуждены на истребление. В то время, как Арсеньев был отпущен в особую комнату для составления письменных ответов на вопросные пункты, адъюнкт Рогов принес письменный ответ Галича. Ответ этот, по своей краткости и неожиданности, должен быть приведен целиком: «Сознавая невозможность отвергнуть или опровергнуть, предложенные мне вопросные пункты, прошу не помянуть грехов юности и неведения». Р. зарыдал, по прочтении ответа Галича, велел призвать его в Присутствие, бросился обнимать его и называл «блуждающею овцою, оглашенным, обращенным,

просветившимся». Восторг Р. и Кавелина выражался бурно и вызвал недоумение во многих членах собрания. Желая уверить всех присутствующих в искренности «обращения» Галича, Р. предложил ему издать вновь «Историю систем философских» и «в предисловии к оной торжественно описать свое обращение и отречение от мнимого просвещения, на лжеименном разуме основанного». Молчание Галича заставило его задуматься, а затем он с новой силой стал доказывать, что Галич заслужил прощение, которое он и выхлопочет непременно у Министра. По уходе Галича вошел Арсеньев. Его письменные ответы вызвали со стороны Рунича и Кавелина «прежние ругательства»; кроме того, Р. позволил себе не только смеяться, но просто хохотать над требованием Арсеньева предоставить ему законные средства для оправдания от взводимых на него обвинений.

7-го ноября 1821 г. были прочитаны протоколы двух предшествовавших собраний; заседание крайне затянулось (оно закончилось уже в 4 часа пополудни) вследствие разглагольствований Рунича и пререканий, возникших из-за неправильных записей, допущенных в протоколах. Р. зашел так далеко, что находил нужным «подсудимых профессоров привести с жандармами, поставить в собрании аналой и заставить их, при обнаженных саблях, «писать ответы так, как то делается в Уголовной Палате, или даже прямо отослать их в Уголовную Палату».

Вследствие донесения Рунича Главное Правление Училищ постановило: 1. печатные курсы всех четырех обвиняемых профессоров изъять из обращения и 2, так как Раупах, Герман и Арсеньев требовали суда над собою «компетентных» лиц, то предать их суду уголовным порядком. Министр Народного Просвещения князь Голицын внес все дело о профессорах в Комитет Министров, причем полагал: Германа и Раупаха выслать из России; Галича оставить при университете, но в другой должности; Арсеньеву запретить преподавание в учебных заведениях какого бы то ни было ведомства, предоставив другой род службы; Рунича утвердить Попечителем и наградить за открытие (подлинное выражение князя Голицына). Комитет Министров единогласно признал вредным

учение четырех обвиняемых профессоров (на основании выписок из их лекций), но относительно самих профессоров были высказаны различные мнения. Что касается утверждения Рунича Попечителем, Комитет допускал это отнюдь не в виде награды, потому что Р., открывши в Университете вредное учение, исполнил только свою обязанность. Была избрана особая комиссия из трех членов Комитета Министров для рассмотрения этого дела. Собиралась ли комиссия – неизвестно; а при новом Императоре Николае Павловиче, в феврале 1827 г., последовало Высочайшее повеление считать дело оконченным.

В 1821 г., тотчас по исключении из университета адъюнкт-профессора Арсеньева, Великий Князь Николай Павлович принял его в преподаватели Главного инженерного училища. Вслед за Раупахом, Германом и Арсеньевым еще несколько профессоров покинули Петербургский университет и тоже получили места преподавателей в учебных заведениях, не подведомственных Министру Народного Просвещения. Протоиерей Павский, к которому Р. сначала очень благоволил, должен был прекратить в Петербургском университете чтение лекций по «истории постепенного развития религиозных идей в человеческом обществе», так как Р. нашел их зловредными. Вместо этого курса, Р. вменил ему в обязанность читать студентам университета церковную историю по руководству, изданному для духовных училищ, и «объяснение св. Писания» при пособии книги, составленной митрополитом Амвросием.

Увольнение Арсеньева и добровольный выход из университета других профессоров заставили, однако, Р. пережить весьма неприятную минуту. Получив Владимирскую звезду (3-го февраля 1824 г.), он должен был, по обычаю, принятому при Дворе, представиться и благодарить старшего из Великих Князей (вследствие частого отсутствия из Петербурга Александра I). Доложили о Р. Великому Князю Николаю Павловичу. Выйдя в зал и не дав Р. вымолвить ни слова, Великий Князь Николай Павлович начал благодарить его от себя, от матери и от брата Михаила Павловича за Арсеньева и за других профессоров, уволенных из университета, которых

они с радостью приобрели в свои учебные заведения. «Сделайте одолжение, нам очень нужны такие люди – пожалуйста, выгоняйте их побольше из университета, у нас для всех найдутся места».

Не менее интересный случай произошел с Вас. Тимоф. Плаксиным: он, во время разгрома Петербургского университета в 1821 г., в числе других студентов, был исключен из него без всяких прав, по неблагонадежности; но в 1823 г. последовало разъяснение, что «студент Василий Плаксин неблагонадежен только к учительскому делу и может быть принят в государственную службу», почему и был определен в Департамент Народного Просвещения канцеляристом; затем, с 1826 по 1866 г., т. е. в течение сорока лет, он был учителем во многих учебных заведениях Петербурга. В 1829 г. Император Николай Павлович посетил однажды офицерский класс Морского корпуса и остался, по-видимому, очень доволен лекцией по истории русской литературы Плаксона. Пробыв на лекции довольно долго, Государь вышел из класса, а когда пробило два часа и офицеры окружили окончившего лекцию Плаксона, Государь возвратился, остановился против Плаксона и притворно сердитым голосом сказал: «Как ты смеешь учить, когда тебе это запрещено! Ну, если узнает Рунич? А?» – «Иван Феодорович», – обратился Государь к директору Морского корпуса Крузенштерну: «как ты принял к себе в Корпус такого вольнодумца? Вас обоих под суд к Магницкому!» И с этими словами ушел, довольный своей шуткой.

В это время Р. не мог уже никому вредить: Высочайшим указом 25-го июня 1826 г. он был уволен от должности попечителя Петербургского учебного округа, подвергнут следствию и предан суду за беспорядки, допущенные в отчетности при постройке нового здания Петербургского университета.

По-видимому, уже после увольнения Р. от должности был дан ход проекту Цензурного Устава, составленному им и Магницким. Проект был найден в Архиве Министерства Народного Просвещения и поднесен Директором Департамента князем Ширинским-Шихматовым к подписи Министру Шишкову,

так как Государь требовал представления Цензурного Устава, а на составление нового Устава понадобилось бы немало времени. Кроме стеснительности мер, Устав этот замечателен тем, что им запрещались не только целые роды сочинений (напр., биографии, мемуары), но целые науки: философия, политика, геология; наконец, всякое рассуждение, где автор от рассмотрения природы восходит мыслию к божеству. Независимо от строгой цензуры, автор подвергался ответственности как за пропущенное цензурою и напечатанное, так и за представленное в рукописи к цензурному дозволению.

Считаем не лишним остановиться на двух обстоятельствах, в которых Р., не занимавший уже никакого служебного положения, стремился проявить свои общественные воззрения, резко отличавшиеся от его воззрений двадцатых годов. Теперь он являлся сторонником тех людей, которых способен был бы преследовать, будучи у власти, и, наоборот, порочил своего прежнего покровителя, князя Голицына. Такими обстоятельствами были: во-первых, смерть графа М. М. Сперанского в 1839 г., и во-вторых, оставление государственной службы князем А. Н. Голицыным в 1842 г.

Возвратившись, 15-го февраля 1839 г., с погребения Сперанского в Александро-Невской лавре, Р. набросал свои «Мысли», причем высказал, что возвышение Сперанского «не есть дело ни счастья, ни случая, а естественное явление следствий силы ума великого, характера твердого, способностей необыкновенных». Перечислив имена государей, полководцев, министров и писателей, прославившихся в XVIII и в начале XIX века, Р. так закончил свою весьма небольших размеров статью: «И та же история и то же потомство, вспоминая с благоговением Венценосного благодетеля своего, благополучно царствующего Государя Императора, и по имени, и по делам Первого, даровавшего России образование прочное и законы положительные, благословляя царствование Николая, при взгляде на Свод Законов, к благодарным чувствам присовокупят, конечно, и чувства глубокого уважения к памяти и отечественным заслугам Сперанского». Статья о графе Сперанском не появилась в печати и вызвала переписку,

сохранившуюся в бумагах Р. В самый день получения от Р. этой статьи, 15-го февраля 1839 г., Греч уведомил его, что не может поместить ее в «Северной Пчеле», потому что, «вследствие принятых журналами правил, одно частное лицо не может судить о жизни и заслугах государственных мужей от своего собственного имени; сверх того, биография графа М. М. составляется по оставшимся от покойного документам, с согласия родственников и одобрения высшего начальства, Ф. В. Булгариным». Помещение статьи в «Отечественных Записок» тоже не состоялось, как видно из письма Краевского от 25-го февраля того же года: цензор В. Н. Лангер возвратил ему статью со следующей надписью: «На напечатание этой статьи Комитет не согласился». Рунич был и обижен, и раздосадован; он решил препроводить и статью, и письма Греча и Краевского, при особом письме, к Н. А. Полевому, надеясь, что он расскажет обо всем в своих «Воспоминаниях». Потом Рунич раздумал, и как статья его о графе Сперанском, так и переписка напечатаны были, более, чем через полстолетия, в «Русской Старине» 1893 года. 18-го июня 1842 г., когда К. И. Арсеньев был уже ординарным академиком, Р. прислал ему оправдательную записку, в которой всю ответственность по делу Петербургских профессоров 1821 года возлагал на князя А. Н. Голицына. Письмо, при котором она препровождалась, начинается так: «Вы удивитесь, конечно, получа письмо мое. Содержание его и прилагаемая записка объяснят вполне мое побуждение. Всеу есть время! время молчать и время говорить! Я уверен, что вы меня оправдаете!»... «Направление по делу профессоров, по собственным ли расчетам, или по посторонним внушениям, но непосредственно давал князь Голицын. Я никогда не подал бы, если бы от власти моей зависело, повода к насильственным мерам по части народного просвещения, которые тогда принимались, и за мнения и системы самые ложные не подверг бы гонению лица, которые в них обличались...», а заканчивается записка словами: «При дверях гроба я умру спокойнее, уверенный, что Всемилостивейший Государь преклонился к невинности моей неистощимыми Высокомонаршими правосудием и благодатью».

Не сумеем сказать, сделалась ли «Записка» Р. известна Государю, но надежда оправдаться в его глазах оказалась тщетной. Некогда состоятельный и влиятельный, Р. жил в 1854 г. в С.-Петербурге, в Бассейном переулке, в низеньком, одноэтажном, полуразвалившемся домике, покинутый своими близкими. Бывавший у него Д. Н. Родионов (племянник Мих. Ник. Мусина-Пушкина, в то время попечителя Петербургского учебного округа) так описывает убранство его комнаты: «Несколько белых стульев, простой стол, мягкое кресло, несколько сосновых ящиков с бумагами – остатками от его долголетней жизни, и бюст Христа в терновом венце над кроватью – вот все, чем он владел и пользовался».

Скончался Р. 1-го июня 1860 г. и погребен на Волковом кладбище.

При жизни Р. появились в свет следующие его переводы с французского: 1) «Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году миледи Кравен», М. 1795 г.; 2) «Удивительное мщение одной женщины». Соч. Дидерота, М. 1796 г.; 3) «Дружеский совет всем тем, до кого сие касаться может. Напечатано в пользу разоренных и не разоренных. Продается по пятидесяти копеек медью», М. 1813 г. (Книга эта была конфискована за рассуждения о таинстве крещения, несогласные с учением о православной церкви). Р. издал в Петербурге в 1837 г. 4) «Histoire Chronologique du Nouveau Testament, ou tableau de la vie, de la doctrine, de la passion, de la resurrection et de l'ascension de notre Sauveur Jésus Christ». Кроме того, изданы 3 стихотворения Р.: «К портрету кн. Варшавского, гр. Паскевича Эриванского, СПб. 6 сентября 1831. – На победы кн. Варшавского, СПб. 13 сентября 1831 г. – На победы Русских в Польше, СПб. 13 сентября 1831»: все три стихотворения напечатаны вместе, на одной четвертке с пометой: «Печатать дозволяется, 18 сентября 1831», в типографии Н. Греча, на 4 страницах.

Рунич оставил в рукописи «Записки» на французском языке, законченные им в 1850-м году. «Записки» эти обнимают время Екатерины II, Павла и Александра I; в виде вступления к «Запискам» Р. касается эпохи Петра В. и характера его реформ.

«Записки» могут служить вспомогательным материалом для так называемой внутренней истории России, т. е. для истории нашей общественности и культуры за все указанное время, но пользоваться ими следует лишь при помощи тщательной исторической критики, так как, излагая большею частью известные факты, Р. является субъективным при характеристике лиц, с которыми была связана его собственная деятельность. Своей личности Р. касается в «Записках» лишь с внешней стороны, отмечая свои служебные назначения. Перевод «Записок» Рунича в двух редакциях напечатан: в «Русской Старине» 1896 г., кн. 11-я, и 1901 г., кн. 1–6 (в февральской книге «Русской Старины» 1901 г., кн. 2, помещен портрет Р.) и в «Русском Обзрении» 1890 г., кн. 8–10. В «Чтениях Моск. Общ. Ист. и древн.» 1905 г. А. А. Титов напечатал «Письма Д. Рунича 1821 и 1842 гг.» к князю А. Н. Голицыну и неизвестному лицу (отд. отт. М. 1905, 14 стр.). Тот же Титов издал, на правах рукописи, «Автобиографические записки Дмитрия Павловича Рунича», Ярославль. 1909, 8°, 14 стр. в 2 столбца, и его Записку 1854 года «Россия от 1633 до 1854 года. Взгляд на древний и новый ее быт», Ярославль. 1909, 8°, 29 стр. в 2 столбца.

Сведения о суде над профессорами С.-Петербургского университета в 1821 г. находятся: 1) у В. В. Григорьева: Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб. 1870 г.; 2) в «Сборнике Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук», СПб. 1872 г., т. 9-й (в «Бумагах К. И. Арсеньева»); 3) В «Древней и Новой России» 1880 г., III («Представление Рунича министру Народного Просвещения князю Голицыну о С.-Петербургском университете за 1821–1822 гг.»); 4) у С. А. Венгерова в «Критико-Биографическом Словаре русских писателей и ученых», СПб. 1886 г., т. I (в биографии К. И. Арсеньева). – Записка Плисова о суде над профессорами Петербургского университета напечатана дважды: 1) в «Чтениях Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1862 г., кн. 3, отд. V и 2) у М. И. Сухомлинова: Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, СПб. 1889 г., т. I.

Отрывочные сведения о Р. встречаются: «Рус. Старина» 1872 г., т. V; 1874 г., т. IX; 1880 г., т.т. XXVII и XXIX; 1893 г., т. 4; 1895 г., август; 1896 г., октябрь; 1898 г., август; «Русский Архив» 1870 и 1871 гг.; «Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1905 г., IV; формулярный список (у Б. Л. Модзалевского); Отчет Имп. Публ. Библ. за 1870 г., стр. 50–60 (письма Карамзина к Руничу); Переписка Р. с Козодавлевым – М. И. Сухомлинов, История Российской Академии, т. VI, стр. 478–484; П. П. Пекарский, Биография К. И. Арсеньева, СПб. 1871; И. Чистович, Руководящие деятели духовного Просвещения, СПб. 1894; Отчет Имп. Публ. Библиотеки за 1900–1901 гг., СПб., стр. 193–196; «Литерат. Вестн». 1904 г., т. VIII, стр. 106–119 (о масонстве); «Русск. Арх.» 1866, ст. 850; Н. К. Шильдер, Имп. Николай I, СПб. 1903, т. II; Н. И. Греч, Записки о моей жизни, СПб. 1886.

Рунич, Ефим Петрович

Рунич, Ефим Петрович, переводчик; служба в л.-гв. Преображенском полку, он 4-го мая 1799 г. был от него отчислен с чином полковника, 13-го августа 1801 г. снова зачислен в Преображенский полк, в 1802 г. был пожалован (5-го ноября) командором ордена св. Иоанна Иерусалимского, а в 1806 г. снова уволен был из полка с чином полковника и с мундиром, после чего, по-видимому, более не служил; в 1808 г. имел тот же чин полковника и до 1825 г. состоял домовладельцем в Москве.

Переводы его: 1) «Письма некоторой духовной особы и его дочери, писанные из деревни к его сыну, находящемуся в Лондоне», с франц. языка, М. 1784, 8°; 2) «Достопамятные и любопытные приключения Альфреда, короля англосаксонского», соч. Галлера, перев. с франц. языка, М. 1788, 12°; 3) «Наставление молодым господам, вступающим в свет и брачные союзы, служащее продолжением юношескому училищу, где изъясняются должности как в рассуждении их самих, так и в рассуждении их детей», соч. Лепренс-де-Бомонт, с франц. языка, М. 1788, 4 части.

Придворный Месяцеслов на 1811 г., стр. 645; М. Беляев, Исторические сведения о Московской Григорие-Неокесарийской церкви, М. 1894, стр. 228; Г. Геннади, Словарь Русских писателей, т. III, М. 1908, стр. 283; А. Чичерин, История л.-гв. Преображенского полка, т. IV, приложение, СПб. 1883, стр. 189.

Рунич, Иван Степанович

Рунич, Иван Степанович, генерал-майор; служба в л.-гв. Преображенском полку сержантом, в 1789 г. за отличие в сражении 13-го августа с неприятельским флотом произведен был в прапорщики того же полка и уже через 10 лет, 15-го декабря 1799 г., получил чин генерал-майора с назначением шефом Мушкетерского графа Ивелича (потом – Навагинский мушкетерский) полка.

А. Чичерин и др., История лейб-гвардии Преображенского полка, т. IV, прил., СПб. 1883, стр. 189; Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 62, стр. 227.

Рунич, Павел Степанович

Рунич, Павел Степанович, сенатор, тайный советник, автор Записок о Пугачевском бунте; родился 25-го июня 1750 г. и происходил из семьи, переселившейся из Угорской Руси (Венгрии) в Южную Россию в царствование Елисаветы Петровны. Р. рано потерял своего отца; дядя его, генерал-поручик Черноевич, взял на себя заботы об осиротевшем мальчике и определил его в Сухопутный шляхетный кадетский корпус; по окончании образования в этом, лучшем тогда учебном заведении в России, Р. в чине поручика Ярославского пехотного полка поступил в военную службу (1-го января 1770 г.) и, вместе со старшим братом своим *Петром*, участвовал в Первой Турецкой кампании под начальством графа Петра Ивановича Панина, знавшего Р. еще в бытность его в Корпусе. В кровавом штурме Бендер брат Р. был убит, а сам он – сильно контужен в бою при Ларге 7-го июля 1770 г. и за отличие произведен в капитаны, приняв участие в корпусе Боура, в сражениях при Кагуле и др. В это время Р. занимал должность квартирмейстера и к концу кампании получил чин майора; в 1771 г., по ордеру генерала-фельдмаршала графа Румянцева от 1-го января, был командирован на Трансильванскую границу – для учреждения форпостов по границам Молдавии и Валахии и для снятия на карту означенных границ; 10-го июня, по ордеру же фельдмаршала, отправлен был из лагеря, на Когурлуе находившегося, осмотреть строящиеся на р. Пруте до 300 судов, «шайками» называемых, сделать исчисление, какое количество провианта они вместить и поднять могут, рапортовать о том и сопровождать означенные суда по Пруту на Дунай и, наконец, сдать оные подполковнику Мекнобу при poste его на Дунае.

Во исполнение данных ему поручений помянутые суда были им препровождены по назначению без всякой воинской команды, с одними рабочими людьми. В 1772 г. Р. безотлучно находился в разных движениях армии; в 1773 г. откомандирован был на военном судне с одною пушкою и одною гренадерскою

ротою за Дунай, чрез который переправился 10-го марта, и 12-го марта вступил в бой с неприятелем при Гурабале; действуя только с одною гренадерскою ротою, он разбил неприятеля, состоявшего из 2500 человек под командой Курт-паши и Чафер-паши, взяв при этом поражение в плен Бонрастара и 8 человек турок, и освободил более 50 человек болгар, которых и перевез из-за Дуная в корпус генерал-поручика Потемкина. По переходе наших войск за Дунай, находясь в передовом корпусе генерал-поручика Потемкина, Р. участвовал в сражениях: 12-го, 14-го, 15-го, 16-го и 18-го июня – при крепости Силистрии, где был сильно контужен в правую ногу, выше ступни, в самую кость; в сентябре месяце был в разных сражениях на острове против Силистрии; в октябре, ноябре и декабре месяцах находился в траншеях и на батареях, построенных против Силистрии.

За раню, 1-го января 1774 г. был отставлен от службы с производством в секунд-майоры и возвратился в Россию. Пугачевский бунт и затем назначение графа П. И. Панина усмирителем взволнованного мятежом Низового Края застали Р. в Москве, куда он прибыл в начале 1774 года из Южной армии для лечения от контузии. Узнав о назначении графа Панина главнокомандующим отправленных против Пугачева войск, Р. явился к нему, изъявил ему свое желание участвовать в этом походе и тотчас был зачислен в свиту Панина, а несколько дней спустя, назначен в состав особой секретной комиссии, прибывшей в Москву из Петербурга. Задача этой комиссии заключалась в том, чтобы схватить Пугачева путем подкупа его приближенных. Ей даны были весьма обширные полномочия; так, например, они могли останавливать курьеров, следующих к главнокомандующему, и вскрывать посылаемые ему донесения. Кроме того, комиссия обладала значительными денежными средствами. Она состояла всего из трех лиц: капитана гвардии Галахова (являвшегося в ней начальником), майора Павла Рунича и мнимого Яицкого казака, бывшего купца г. Ржева, Тверской губернии, Долгополова, именовавшегося Остафьем Трифоновым. Комиссия выехала из Москвы 5-го августа 1774 года и быстро пронеслась по взволнованному краю в дни наибольшего разгара мятежа. Однако, почти везде она

приезжала слишком поздно: разбитый несколько раз Михельсоном, Пугачев бежал в такую глушь, куда комиссия не осмелилась за ним следовать. Таким образом, она не достигла своей цели, но усердная служба Р. была принята графом Паниным во внимание. Р. было поручено наблюдать за пойманным Пугачевым и сопровождать его по дороге в Москву. Эту новую обязанность Р. исполнил, как должно: он смотрел за Пугачевым самым тщательным образом, водил его к допросам, видел приготовления к его пытке, был неотлучным его спутником; Р. много беседовал с Пугачевым и кое-что из слышанного от него записал.

В конце 1774 года (21-го ноября) Р. было поручено формирование Смоленского драгунского полка, шефом которого был сделан в это время Потемкин. По Высочайшему Ее Величества соизволению от 4-го января 1775 г. Рунич командирован был с особым поручением к графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому, находившемуся с главною квартирою армии в Могилеве на Днестре, для личного изустного изложения генерал-фельдмаршалу о бывшей секретной комиссии против Пугачева, в коей находился сам Рунич, а также и о действиях города Ржева-Володимерова купца Астафия Трифонова Долгополова. По возвращении из этой командировки, 10-го февраля 1775 г. пожаловано ему было, за Пугачевскую комиссию, в вечное и потомственное владение, Полоцкой губернии Несвижского повета 276 душ крестьян. 1-го сентября 1775 г. Р. командирован был с 2 эскадронами в г. Коломну для встречи Екатерины II и получил изустное благоволение за исправность означенных эскадронов, коим в награждение пожаловано было 2000 руб.

7-го декабря 1777 г. Р. был переведен л.-гв. в Семеновский полк капитан-поручиком, 1-го января 1779 произведен капитаном того же полка, 1-го января 1783 – бригадиром с повелением определить его к гражданским делам. Рунич состоял при Герольдии с означенного времени и более 6 раз просил Государыню об определении его к должности; на это 22-го декабря 1792 г. объявлено ему было генерал-прокурором графом Самойловым Высочайшее повеление определить его к

должности, которую сам избрать пожелает. Затем неоднократно повелено было определить его к месту, соответствующему его чину, и уже по повелению Павла I, 29-го ноября 1796 г., на имя главнокомандующего в Москве Измайлова, предписано было Руничу явиться в Петербург для определения к должности.

Наконец 6-го января 1797 г. Р. был назначен Владимирским гражданским губернатором с производством в д. с. с. Император Павел уже в самом начале царствования обратил большое внимание на Урал и Дон, откуда ждал нового мятежа. Он решил успокоить и привлечь на свою сторону старообрядцев, составлявших значительную часть населения восточных губерний. С этой целью Имп. Павел решил послать туда человека, совершенно преданного ему, который нащупал бы почву и привез ему несомненные факты, по которым он мог бы составить себе разумный план способа держать себя относительно них. Р. как раз в это время был в Петербурге, и его выбрали для этой поездки, как лицо, хорошо ознакомленное с местными обычаями и взглядами старообрядцев. Р. потребовали во дворец, где «он удостоился Высочайшей аудиенции с глазу на глаз с Государем». Павел дал ему собственноручное письмо следующего содержания: «Вы поедете в Уджин и окрестные местности, чтобы уверить жителей в моем благоволении и желании видеть их всегда спокойными и счастливыми. Павел». Через два месяца Р. вернулся в Петербург и представил Государю отчет о настроении умов посещенных им местностей. Павел остался доволен отчетом, оставил Р. Владимирским губернатором и объявил ему, что с этого времени он вверяет его попечениям все, что могло касаться Донских, Волжских и Уральских старообрядцев, с правом обращаться в экстренных случаях прямо к нему, без посредников.

В 1798 году Р. получил новое поручение в таком же роде: он должен был расследовать причины беспорядков в Саратовской губернии, в Иргизском старообрядческом монастыре, и заявить от имени Государя, что обряды старообрядцев не будут больше стесняемы. В том же году Р. получил секретные предписания о князе Платоне Александровиче Зубове, поселившемся, по

повелению Павла I-го, в своих имениях, находившихся во Владимирской губернии. Р. должен был наблюдать за образом жизни князя Зубова, за его сношениями и поступками и обо всем обстоятельно доносить в Петербург [Проезжая в 1798 году через Владимир, Имп. Павел остался так доволен сделанной ему здесь встречей, что пожаловал Р. орден св. Анны 1-й степени (17-го мая)]. В том же году по предложению Р. Павел I велел выдать старообрядцам 12000 рублей для постройки сгоревшей в Верхнеуспенском монастыре церкви. В 1799 году во Владимирскую губернию был сослан генерал от инфантерии граф Николай Зубов, и Руничу было поручено наблюдать за ним так же строго, как и за его братом. После донесений, посланных Руничем в Петербург «о упражнении» Платона и Николая Зубовых, Павел I повелел им покуда не отлучаться из своих имений без особого на то разрешения из столицы.

В 1800 году Р. снова ездил к старообрядцам и затем сообщил в Петербург, что Владимирский архиерей и Консистория употребляют несоответствующие меры для обращения старообрядцев в православие. Павел велел сменить и архиерея, и всех консисторских чиновников, но вместе с тем советовал Р. не входить во внутренние распри старообрядцев между собою. В 1800 г., 21-го мая, Р. был произведен в тайные советники. Имп. Александр I-й оставил его на посту Владимирского губернатора, поручив ему (21-го апреля 1801 г.) дела Иргизских, Уральских и Узельских старообрядцев, и велел обращаться с ними мягко и без притеснений. Согласно предложению Р., земли старообрядческих монастырей были отмежеваны отдельно, и указ, изданный по этому поводу Правительствующим Сенатом, запрещал местным межевым начальствам каким бы то ни было образом распоряжаться этими землями.

В 1802 году (8-го февраля) Р. был переведен губернатором в Вятскую губернию, но дела о старообрядцах по-прежнему остались у него в руках, и он, не испрашивая разрешения, мог во всякое время отлучаться из губернии.

В 1804 году, 30-го августа, Р. назначен был сенатором в 6-м Департаменте Правительствующего Сената, а в 1805 г.

переведен был в 7-й Департамент. В 1806 году он был послан ревизовать Рязанскую, Тамбовскую, Орловскую и Смоленскую губернии и нашел все в хорошем порядке, за исключением дел однодворцев и казенных крестьян с помещиками из-за спорных земель. Р. предложил упростить судопроизводство подобных дел, – для того, чтобы долгими проволочками не отрывать крестьян от работ. Александр I велел Р., подробно расследовав этот вопрос, представить ему свое мнение. В 1808 году, ревизуя Вятскую и Пермскую губернии, Р. нашел большие неправильности в судебных делах этого края и в 1809 г., 28-го января, награжден был орденом св. Александра Невского. По его предложению многие чиновники были отрешены от должностей. В 1809 г. Р. докладывал Императору дело о беспорядках, возникших на Екатеринбургских заводах, принадлежавших наследникам Турчанинова, причем доказывал, что недовольство рабочих произошло от уничтожения указом 25-го января 1805 года некоторых праздничных дней. В 1813 году Р. был переведен в 8-й апелляционный Департамент Правительствующего Сената.

18-го января 1818 г. Р. был уволен, по болезни, в отпуск на 1 год, с сохранением получаемого содержания. Между тем, при производстве им в 1808 г. ревизии в Вятской губернии, по донесению его, был удален от должности бывший тогда Вятским гражданским губернатором д. с. с. В. И. Болгарский, с преданием его суду за разные будто бы открытые в той губернии беспорядки; однако по рассмотрении сего дела Сенатом и Государственным Советом Болгарский найден был ни в чем невиновным, вследствие чего, по докладе о сем Государю Императору, Высочайше утвержденным 9-го августа 1818 г. положением Государственного Совета, между прочим, повелено было, в отношении к сенатору Руничу, о найденной Болгарским по управлению первого тою же Вятскою губерниею утрате хлеба из сельских магазинов на сумму более 700000 рублей, о недостатке суммы, за его же Рунича время, по Казенной Палате до 500000 рублей, а также и о произвольно издержанных им, Руничем, 10000 рублях из строительной суммы – Правительствующему Сенату войти по этим предметам в

особое рассмотрение и сделать по оным надлежащее заключение. Затем, по рассмотрении в Комитете Министров Всеподданнейшего донесения Рунича, Комитет, найдя с своей стороны, что приносимая им, в объяснение по означенному делу, жалоба, за последовавшим уже Высочайше утвержденным положением Государственного Совета, не только неосновательна, но и наполнена неприличными изъяснениями, полагал: заметить об этом сенатору Руничу чрез Министра Юстиции от Высочайшего имени; это положение Комитета Министров в 6-й день мая 1819 г. удостоено было Высочайшего утверждения, и Высочайшим указом от 27-го июня 1819 г., согласно прошению, «по болезненным припадкам», тайн. сов. Рунич был уволен вовсе от службы, причем повелено было, во уважение 44-х летней службы его, производить ему в пенсион, по смерти, по 3000 рублей из Государственного Казначейства.

Живя с тех пор в Москве, на покое, Р. принялся за разборку заметок, сделанных им в эпоху Пугачевского бунта, и составил «Записки о Пугачевском бунте», напечатанные впоследствии в «Русской Старине» 1870 г., т. II, № 8, стр. 116–131, № 9, стр. 211–253 и № 10, стр. 321–372, и имеющие большой интерес, как описание очевидца.

Р. умер в Москве 24-го февраля 1825 года и похоронен на Ваганьковом кладбище. По смерти его, указом Императора Александра I, данным в Таганроге 30-го сентября 1825 г., повелено было, во внимание к долговременной усердной службе сенатора Рунича, оставшейся после него вдове производить тот пенсион, с коим он был уволен от службы в 1819 году, т. е., по 3000 рублей в год.

П. С. Рунич был женат на дочери действительного камергера Аркадия Ивановича Бутурлина – девице *Варваре Аркадиевне* (род. 10-го мая 1756, ум. 22-го апреля 1837) и имел детей, сыновей: 1) *Дмитрия* (см. выше) 2) *Александра*, 3) *Аркадия* (см. выше), 4) *Николая*, 5) *Федора* и дочерей 6) *Александру*, в замужестве (1819) за надв. сов. Черевиным, 7) *Екатерину* и 8) *Елену*.

Формулярный список; «Русское Обозрение» 1890 г., № 8, стр. 653–686: «Записки Д. П. Рунича»; «Отчет

Императорской Публичной Библиотеки за 1870 г.», СПб. 1872 г., стр. 50–57; «В память графа Михаила Михайловича Сперанского», СПб. 1872, стр. 448–450; «Рассказ очевидца о посещении Императором Павлом I города Владимира на Клязьме» – «Владимирские Губ. Ведомости» 1870 г., № 1, часть неофициальная; «Записки Филиппа Филипповича Вигеля», М. 1892 г., т. I, стр. 208; «Журналы заседаний Рязанской Ученой Архивной Комиссии за 1885 г.», Рязань, 1885 г., заседание 6-го октября 1885 г., приложения, стр. 9–12: «Секретные рескрипты и письма Императоров Павла I, Императора Александра I-го, П. Х. Оболянинова и князя П. В. Лопухина к Владимирскому губернатору П. С. Руничу»; «Ежегодник Владимирского Губ. Статистического Комитета», Владимир. 1878 г., т. II, стр. 101–124: «Материалы для истории пребывания императора Павла I-го в городе Муроме, в 1798 году»; «Остафьевский Архив князей Вяземских», т. I, Переписка князя Вяземского с Тургеневым, под ред. В. И. Саитова, СПб. 1899 г., стр. 579–580; «Журналы Комитета Министров», царствование Императора Александра I, с 1802–1826 г., т. I, стр. 168 и 279; т. II, стр. 403, 404; «Русский Архив» 1866 г., стр. 850, 1867 г., стр. 1176, 1870 г., стр. 1215; 1874 г., стр. 593; «Русская Старина» 1875 г., т. 13, стр. 124; «Осьмнадцатый век», изд. Петром Бартеневым, М. 1869 г., кн. 4, стр. 472, 474, 475; Великий Князь Николай Михайлович, Русские портреты XVIII и XIX столетий, т. I, СПб. 1905, № 23; «Труды Орловской Ученой Архивной Комиссии» 1894 г., вып. 4, стр. 39–40 (Ревизия Орловской губернии в 1806 г.).

Руно, Иван Дмитриевич

Руно, Иван Дмитриевич, воевода. В борьбе Великого Князя Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой Руно, в числе других детей боярских, в 6954 (1446) г. принимал участие в замысле сторонников Великого Князя освободить его из плена; для этого, вместе с князьями Ряполовскими, когда обнаружилось коварное отношение Шемяки к детям Великого Князя, Р. отправился в Мстиславль, к Князю Василию Ярославичу, побуждая его освободить заключенных в Угличе Великого Князя Василия Васильевича и его детей; по-видимому, он участвовал и в более раннем походе Ряполовских к Белоозеру, спасаясь от преследований Шемяки.

В 6976 г. Р. был послан Великим Князем Иваном Васильевичем, вместе с прочими воеводами, на Вятских и Камских инородцев, причем на Каме разбил татарский отряд. В следующем году, весною, было решено нанести окончательный удар Казанским татарам, для чего в Нижнем Новгороде были собраны полки Великого Князя и удельных князей, но Иван III неожиданно изменил свое решение: по объявлении государевой воли собранной рати, последний, выделив из себя охочих людей, решил самостоятельно идти «искать ратной чести» и избрал предводителем одного из «середних бояр» – именно Ивана Руно. Вопреки запрещению главного воеводы Нижегородского ополчения князя Константина Александровича Беззубцова, Руно вместе со своим отрядом поспешно отправился в Казань, без сопротивления вошел 21-го мая в предместья, сжег их вместе со спавшими жителями, захватил большую добычу и освободил русских пленников. Нагруженный добычей, предводительствуемый им отряд, сев на суда, отправился к Коровничьему острову, где по его приказанию стоял целую неделю, чем Руно навлек на себя подозрение в измене; это, впрочем, вряд ли можно считать справедливым.

В 6986 г. Р. состоял приставом при Новгородском посольстве. Он имел брата Поярка, участвовавшего в 7006 г. в попытке князя Василия Ивановича присвоить великокняжескую

казну на Вологде и Белоозере. Р. владел землями, между прочим, в Костромском уезде, по реке Соти (в 1477 г.).

«Полн. Собр Русск. Летоп.», т. IV, стр. 149, т. V, стр. 275; т. VI, стр. 43, 175, 176, 188, 189; 241*, 278*, 279, 212; т. VIII, 118, 153–154, 156, 157, 190, 231; т. XII, стр. 70, 119, 121; т. XX, стр. 279, 280; Арханг. летоп., стр. 170; Акты, относящ. до юридич. быта, т. I, стр. 641, 642; т. II, стр. 477; М. Горчаков, О земельных владениях Всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода», СПб. 1871, прилож., стр. 76; Н. М. Карамзин, Ист. Госуд. Российск. (изд. 5-е), т. V, пр. 340; т. VI, стр. 12, 13, пр. 17, 444; С. М. Соловьев, История России (изд. 3-е, «Общ. Пользы»), кн. 1-я, стр. 1069, 1414, 1415; А. В. Экземплярский, «Великие и удельные князья Северной Руси», т. I, СПб. 1889, стр. 173, 194, 195.

Руновский, Андрей Максимович

Руновский, Андрей Максимович, Нижегородский губернатор; происходил из малороссийских дворян, родился 1-го октября 1761 г., службу начал подканцеляристом в Новороссийской Губернской Канцелярии (22-го января 1780 г.), откуда переведен был регистратором в Харьковскую Казенную Палату (28-го июня 1781 г.); перейдя затем, 26-го апреля 1782 г., актуариусом в Коллегию Иностранных Дел, он находился при секретных делах, вверенных д. т. с. А. А. Безбородко, и последовательно был произведен в протоколисты (21-го марта 1784), секретари (30-го апреля 1785), коллежские асессоры (21-го апреля 1787) и надворные советники (8-го сентября 1790); кроме того, 2-го сентября 1793 г., за ревностные труды, «по мирной негоциации с Оттоманской Портой понесенные», Р. награжден был орденом св. Владимира 4-й степени.

В 1793–1794 гг. Р. находился для особых поручений при сенаторе Т. И. Тутолмине, управлявшем тогда Минской, Изяславской и Брацлавской губерниями, а 20-го декабря 1794 г. назначен был Директором экономии Черниговской губернии; через два года (6-го января 1797 г.) он произведен был в коллежские советники с назначением вице-губернатором Киевской губернии. Пожалованный затем чином статского советника (19-го февраля 1799 г.), Р. 29-го июня того же года был награжден орденом Св. Анны 2-й степени и назначен вице-губернатором Малороссийской губернии.

В 1802 г. (26-го июля) он был произведен в д. с. советники и в 1803 г. назначен Нижегородским губернатором. Здесь он прослужил десять лет, проявив в 1812 году большую деятельность в связи с тогдашними военными событиями, наводнившими Нижний большим количеством беженцев и Московских учреждений; несколько ранее, в марте 1812 г., ему пришлось принять на свое попечение сосланного в Нижний Сперанского и затем отправить его в Пермь.

Р. умер от простуды 5-го марта 1813 г. и погребен в Нижегородском Печерском монастыре.

В 1800 г. Р. был холост и потомства после себя не оставил.

В. Л. Модзалевский, *Малороссийский родословник*, т. IV, К., 1914, стр. 403; *Формулярный список в Сенатском Архиве 1800 г.*, кн. 59, л. 225–227; *Список чинам первых 6 классов за 1806 г.*, стр. 59; «Сев. Почта» 1813 г., № 24; надгробие; Барон М. А. Корф, *Жизнь графа Сперанского*, т. II, стр. 47, 48, 52, 53, 68–70; *Сочинения Державина*, под ред. К. Я. Грота, т. VI, стр. 810; П. И. Щукин, *Бумаги, относящиеся до Отечественной войны*, ч. I, стр. 148–149.

Рунов, Константин Алексеевич

Рунов, Константин Алексеевич, флигель-адъютант, полковник; род. в 1839 г. Получив воспитание в Павловском кадетском корпусе, он поступил в 1857 г. на службу прапорщиком л.-гв. в Гренадерский полк, с прикомандированием к Михайловской Артиллерийской Академии, а в 1859 г. был переведен л.-гв. в Павловский полк; прикомандированный затем, в 1861 г., к Новгородскому графа Аракчеева Кадетскому корпусу, в должность репетитора по предмету математики, Р. в 1862 г. произведен был в подпоручики и в 1863 г. в поручики и участвовал, в течение пяти месяцев, в усмирении Польского восстания в составе войск Виленского военного округа, причем за отличие, оказанное в деле у местечка Гедройц, награжден был орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Неутомимая жажда деятельности влекла Р. к занятиям, и он не удовлетворялся только строгим выполнением обязанностей строевой службы, а всегда был готов на всякий полезный труд. Общество офицеров Павловского полка выбрало его библиотекарем, и в этом деле он оставил по себе добрую память, ибо обогатил библиотеку новыми капитальными научными трудами, ввел правило о принятии всеми офицерами участия в управлении ею и записи всех мнений относительно порядка приобретения сочинений, устройства помещения и пр. В начале 1864 г. Р. был назначен начальником школы солдатских детей и детского приюта, состоявших при Павловском полку, и, для лучшего изучения дела по преподаванию, посещал Крюковские казармы, где в то время обучением заведовал опытный педагог. Р. относился к детям совершенно по-отечески и делил с ними все их интересы; много забот и изобретательности вносил он, чтобы разнообразить монотонность их казарменной жизни и облагородить некоторую грубость ее нравов. По его почину явился в школе волшебный фонарь, организовались чтения, музыкальные вечера и домашние спектакли; Р. привлек к своему делу всех молодых

офицеров и сделался центром кружка, главный интерес которого сосредоточивался в горячем интересе к литературе, музыке и школе.

В 1866 г. Р. был произведен в штабс-капитаны, в 1867 г. назначен членом полкового суда, в 1870 г. произведен в капитаны, в 1871 г. награжден орденом св. Станислава 2-й ст. и в 1873 г. занял должность председателя полкового суда; затем, в 1874 г. назначенный членом комиссии для составления Устава внутренней службы и членом комиссии по вопросу об учебной части в войсках, Р. в первой из этих комиссий, в качестве делопроизводителя, принимал весьма деятельное участие. В том же 1874 г. он был произведен в полковники, а в 1875 г. был назначен флигель-адъютантом и командиром 1-го и 2-го батальонов лейб-гвардии Павловского полка. В 1877 г. Р. со своим полком выступил в поход и после того, как полковник Озеров был ранен при переправе через Дунай, был назначен начальником сводного конвоя Его Величества и с этим конвоем участвовал при взятии Ловчи. В этом сражении, несмотря на громадные препятствия, гвардейцы и стрелки, все время имея впереди Р. и других офицеров, взяли приступом турецкие завалы и прогнали турок за р. Осьму. За это дело Р. был награжден золотой саблей с надписью «за храбрость». При штурме Скобелевскими войсками турецких редутов при Горном Дубняке 12-го октября 1877 г. Р. одним из первых бросился на приступ и успел уже спуститься в ров, но здесь был смертельно ранен осколком гранаты и вскоре скончался; по повелению Имп. Александра II, тело его было перевезено в Петербург и 22-го ноября погребено на Смоленском кладбище.

«Иллюстрированная Хроника войны 1877–1878 гг.», приложение к *«Всемирной Иллюстрации»* за 1877 и 1878 г., т. II, № 74, стр. 163 и 168; *«Русский Инвалид»* 1877 г., № 226, стр. 4 и № 205: *«Рапорт Свиты Его Величества ген.-м. князя Имеретинского Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему о взятии г. Ловчи»*; *«Дополнительный альбом портретов деятелей войны 1877 и 1878 гг.»*, – приложение к *Сборнику военных рассказов*, изд. кн. В. П. Мещерского, СПб. 1879 г.; *«Нива»* 1878 г., № 3, стр. 44, 46–47;

А. Старчевский, «Памятник Восточной войны 1877–1878 гг., СПб. 1878, стр. 336–338; В. К. Шенк, Императорская Главная квартира. История Государевой Свиты. Царствование Императора Александра II, СПб. 1914, с портр.; Петербургский Некрополь, т. III. стр. 636.

Руперт, Вильгельм Яковлевич

Руперт, Вильгельм Яковлевич, генерал-губернатор Иркутский и Енисейский с 1837 г. по 1847 г.; род. в 1787 г. и происходил из Голландских дворян, о чем, как говорится в его формуляре, свидетельствовали инженер-генералы граф Сухтелен и Деволан. В Русскую службу Р. вступил 8-го апреля 1800 года – юнкером в 1-й Конно-Артиллерийский батальон и в 1804 г., 13-го апреля, будучи по 2-м Пионерном полку и «имея от роду 17 лет», был произведен в подпоручики. В 1806 году, апреля 3-го, – поручик и в 1810 году (30-го апреля) – штабс-капитан того же полка, Р. в 1812 г., за отличие в сражении при Калафате, во время Турецкой кампании 1811 года, где он выказал свою храбрость, под неприятельскими пулями строя укрепления, был произведен (14-го февраля) в капитаны. В 1813 году Р. был переведен (17-го февраля) в лейб-гвардии Саперный батальон и в этом же (1813) году находился при главной действовавшей против французов армии, вместе с которою в следующем году дошел до Кульма, и в 1815 году вернулся в Россию.

В 1816 г. Р. был произведен (26-го ноября) в полковники и назначен командиром 5-го Пионерного батальона; в 1824 г., 16-го августа, переведен во 2-ю сводную Пионерную бригаду с назначением командующим последнею, 1-го января 1826 г. был произведен в генерал-майоры с утверждением командиром названной бригады, а в 1833 году, 6-го декабря – в генерал-лейтенанты с назначением начальником 11-й пехотной дивизии; однако, уже 10-го января следующего, 1834 г. Р. был переведен начальником 2-й пехотной дивизии, а еще через месяц (9-го февраля 1834 г.) переведенный в Корпус жандармов, с назначением Начальником 5-го округа этого корпуса, Р. в 1837 г., 29-го июля, был назначен Иркутским и Енисейским генерал-губернатором и командующим войсками Восточной Сибири.

К этому времени Р. за свою отличную службу и образцовое управление вверенными ему частями не раз удостоился заслужить Высочайшее благоволение и получил несколько

орденов и знаков отличия. Особенное, по-видимому, расположение Императора Николая Р. приобрел впервые в 1825 году, когда (25-го декабря), за отличное усердие к службе, Всемиловнейше был пожалован орденом св. Анны 2-й степени с алмазами; есть указание, что во время известных декабрьских событий он находился в Зимнем Дворце. В следующие затем годы, во время Турецкой кампании 1828 года, Р. не раз обращал на себя внимание, как искусный руководитель осадных и прочих военно-инженерных работ. Так, в 1828 году, с 6-го по 25-е мая, он устроил против неприятеля подступы к берегам Дуная на расстоянии 6-ти верст, а за устройство в том же году переправы через Дунай удостоился выражения Высочайшего благоволения; в конце же кампании, 22-го августа 1829 года, за отлично ревностную службу и благоразумные распоряжения, оказанные при устройении переправ и мостов, коими содействовал к успешному открытию кампании 1829 года, Всемиловнейше был пожалован орденом св. Анны 1-й степени с Императорскою короною.

Высочайшее расположение, которым Р. пользовался до конца своей службы на поприще военного инженера, он сохранил, по-видимому, даже при менее счастливой для него административной деятельности на генерал-губернаторском посту; благоволение к нему сказалось, между прочим, и в том, что Император Николай в 1834 году крестил у него сына Николая, который позднее (в 1837 г.) был зачислен в пажи. Назначенный в июле 1837 года генерал-губернатором в Иркутск, Руперт, совершенно неподготовленный предыдущеею деятельностью к новому назначению, не отличавшийся, по свидетельству современников, особенным умом, слабохарактерный и добродушный, в первые же годы своего управления навлек на себя некоторыми своими административными мероприятиями неудовольствие Главного Управления Сибири. Сам человек не высокой нравственности, хотя, быть может, и безукоризненной честности, Р., по слабости ли характера или по добродушию, попустительствовал общей в то время распущенности сибирского чиновничества, что и навлекло на него в конце концов сенаторскую ревизию.

Последняя окончилась для Руперта печально: он не сумел себя выгородить и в 1847 году (29-го июня) должен был выйти по прошению в отставку. Едва ли не единственной мерою, оставившею и поныне прочный след управления Руперта было устройство им в Иркутске Сиропитательного дома и Банка имени купцов Медведниковых, которых он убедил на пожертвование для этого особого капитала.

Р. скончался в марте 1849 г. в имении Логанешти, близ Кишинева; он был женат на дочери д. с. с. Недобы – *Елене Федоровне* и имел сыновей *Николая* и *Ивана* и дочерей *Елизавету*, *Аспазию* и *Александрю*.

Формулярный список на 1846 г.; В. И. Вагин, *Сороковые годы в Иркутске – «Литературный Сборник»*, изд. Восточного Обозрения, 1885 г., стр. 249–277; Из воспоминаний Леонида Феодоровича Львова – *«Русский Архив»* 1885 г., № 3, стр. 355–360; № 4, стр. 541; С. Максимов, *«Сибирь и Каторга»*, ч. I, стр. 75, изд. 3, 1900 г.; А. Заблоцкий-Десятовский, *Граф Киселев*, т. IV, стр. 47; А. А. Панов, *Банк и Сиропитательный Дом Медведниковых в Иркутске (с портретом)*; *История л.-гв. Саперного батальона*, СПб. 1879 г., стр. по указ.

Рупини (Рупин), ИванАлексеевич

Рупини, Иван Алексеевич (или, точнее, *Рупин*) – певец и композитор; крепостной человек известного любителя музыки и пения шталмейстера Петра Ивановича Юшкова, он родился в 1792 г. в Костромской губ. и с детства обладал превосходным альтom, перешедшим потом в тенор. Владелец его, Юшков, отдал его в обучение пению к Мускети, знаменитому в свое время певцу, проживавшему в Москве в начале XIX века. Этот Мускети, чтобы более обратить внимание слушателей на своего даровитого ученика, переделал его русскую фамилию Рупин в итальянскую – Рупини. Рупини в Москве ограничивался церковным пением, но затем переехал в Петербург и начал обучаться светскому пению и вскоре сделался известен, как исполнитель русских песен, которые в 1831–36 г. были положены им на музыку и изданы. В Петербурге Рупини был знаком с Пушкиным, Туманским, бароном Дельвигом и другими писателями, произведения которых очень искусно перелагал на музыку. Рупини вскоре приобрел известность и как хороший учитель пения и вполне занялся педагогической деятельностью. В 1840 г., имев несчастье потерять жену, он впал в апатию, стал пренебрегать уроками и скоро очутился в нужде, заставившей его поступить в театр учителем хоров итальянской оперы (1843 г.).

Он постепенно был забыт публикою и умер 22-го марта 1850 г., в бедности, в своей небольшой квартирке у Николы Морского, в Петербурге; погребен на Смоленском кладбище.

В 1839 г. Р. издал 1-ю тетрадь сборника своих романсов, под заглавием «Букет», в который вошли «Жил на свете рыцарь бедный», Пушкина, «Горит вся грудь моя в огне» (слова Ф. Кони), «Не припадай ко мне на грудь» (слова Полежаева) и др. Отдельно Р. издал русскую песню «Как вечор молода молодешенька», на слова И. И. Козлова. Первая тетрадь его «Русских песен», посвященная Императрице, вышла в свет в 1831 году, вторая часть – в 1833 году, а в 1836 году вышла третья и последняя тетрадь, которая содержала семь песен,

положенных на один голос, с вариациями и аккомпанементом фортепиано. Наибольшим успехом из последней тетради пользовались следующие песни: «Голубчик, голубчик, голубчик ты мой!» и «Я по цветикам ходила, по лазоревым гуляла». Главное достоинство песен, положенных на музыку Рупини, заключается в сохранении чистого народного напева. Их вариации обладают редким свойством – нисколько не удаляясь от темы, быть в то же время и необыкновенно близкими к переливам голоса наших простонародных песен. Они своими мастерскими переходами из одного тона в другой восхищают и захватывают внимание слушателей. Благодаря своему неподражаемому умению передавать русские песни и открытому, простому, добродушному характеру, у Рупини было много близких друзей из кружка наших лучших поэтов и литераторов. В числе их были, как сказано выше, сперва Пушкин, Дельвиг, Туманский и некоторые другие, а впоследствии Полевой, Струговщиков, Якубович, С. Глинка, Ф. Кони и др. В ту пору дом его всегда был открыт для друзей, и он очень любил блеснуть Московским гостеприимством и радушием. У него в доме всегда можно было встретить несколько человек литераторов, любителей музыки и артистов. Нередко здесь же писались слова для песен и романсов и здесь же сейчас их клали на музыку. «Лучшие русские песни и лирические стихотворения барона Дельвига, рассказывает Ф. А. Кони, родились в минуту увлечения, на рояле Рупини, и им положены на музыку. Жена И. А. своей непринужденной веселостью, добротой, остроумием и простым, сердечным обращением делала эти литературно-музыкальные вечера еще более привлекательными».

Кроме русских народных песен Р. является автором еще около 50-ти песен, романсов, кантат, каватин и мелодий, из которых очень многие сделались совершенно народными. Такова, например, его песня «Вот мчится тройка удалая». Лучшие из его романсов: «Кого-то нет, кого-то жаль», «Нет, обманула вас молва», каватина «Не припадай ко мне на грудь», «Могила Марии», «Дружба», «Сновидение», «Не цвета небесного очи твои», «Бокал», «Нищий», «Видение», «Тебя

здесь нет», «Не улыбайся так приветно», «И нет в мире очей», «Ах как мне быть, скажите мне». Из его русских песен лучшие: «Одинокое море плыло», «Приди, приди на этот луг», «Ах не одна в поле дороженька», «Я не знала ни о чем в свете тужить», «Не белые снега», «Рано, цветик, рано ты в поле распустился», «Не жемчуг дорогой на цветике блестит», «По небу тучки громовые ходят», «Что, соловушка, напеваешь ты» и «Кольцо». Некоторые из этих песен были изданы автором в Альбомах; наиболее интересным альбомом считался вышеупомянутый «Букет». Остальные песни издавались им или отдельно, или были напечатаны в периодических изданиях. Последнее большое его издание было в 1839 году: «Русский привет ее Императорскому Высочеству, Великой Княгине Марии Николаевне» и «Русское ура!». Произведения Рупини пользовались успехом, их часто пели на сцене и в концертах. Повременные издания в своих критических разборах хвалили и одобряли их и многие из них были удостоены Высочайших наград. Главное достоинство и отличительная черта творчества Р., кроме исключительно присущего ему вкуса и мелодичности, состояли еще в том, что у него каждая пьеса имела свойственный только ей одной колорит. Романсы его отличаются благородством стиля и полны чувства, редкой грации, свежести и разнообразия мотивов. Их эффектные переходы и драматизм в особенности снискали им популярность.

Ф. А. Кони; *Русский певец и композитор И. А. Рупини – «Пантеон и Репертуар русской сцены» 1850 г., т. II, кн. 4, стр. 21–40 (с литограф. портретом); Остафьевский Архив князей Вяземских, т. III, примечания, стр. 607; «Сын Отеч.» 1839 г., т. VII; «Сев. Пчела» 1836 г., № 19; «Историч. Вестн.» 1886 г., т. XXIV, стр. 229.*

Рупрехт, ФранцИванович (Franz-Joseph Ruprecht)

Рупрехт, Франц Иванович (*Franz-Joseph Ruprecht*) – ординарный академик Императорской Академии Наук, исследователь Дагестана, доктор медицины; старший сын умершего в Праге интендантского чиновника Австрийской службы, Р. родился в Фрейбурге, в округе Бризгау, 4-го (16-го) ноября (или 1-го) 1814 г. Первые годы его детства прошли среди кочевой, походной жизни, ибо он находился при отце, по обязанностям службы сопровождавшем армию, сражавшуюся тогда против Наполеона. Во время кампании умерла его мать, и отец его, по заключении мира, решил поселиться навсегда в Праге, где женился во второй раз. В Праге молодой Р. поступил в гимназию, по окончании курса в которой изучал и Пражском университете, с 1830 по 1836 г., медицину. Но не медицина составляла специальный предмет занятий Р.: уже на студенческой скамье он с увлечением отдавался ботанике, делал экскурсии в Тирольские Альпы и в Богемию, старательно собирая редкие растения для коллекции Рейхенбаха «*Flora Germanica exsiccata*» и составляя себе гербарий образцов Богемской флоры, уступленный им впоследствии Казанскому университету (об этом гербарии см. журн. «*Lotos*» 1852 г., стр. 191). Насколько успешны были эти занятия Р., доказывается тем, что уже в 1837 г. он написал сочинение о топографии и флоре Богемии.

Занимаясь в течение нескольких лет ботаникой, Р. имел случай познакомиться с самыми выдающимися пражскими специалистами, напр., Костелецким, графом Штернбергом и др., и вступить в корреспонденцию с такими известными учеными, как Бауер, Шамиссо, Клотц, Кунт, Линк, Люце, Неезе-фон-Эзенбек и др.; отношения эти у него образовались со времени предпринятого им путешествия по Германии со специальною целью осмотреть и, по возможности, изучить важнейшие ботанические коллекции. Результатом этих занятий явился серьезный труд Р. – опыт общей агростографии («*Tentamen*

agrostographiae universalis»), вышедший в свет в 1838 г. В том же году он защищал диссертацию на степень доктора, причем темой для этого ему послужил разбор двух семейств злаковых растений (paniceae и rottbeliaceae). 1-го августа 1838 г. Р. получил желаемую степень.

Еще перед защитой своей диссертации Р. познакомился со знаменитым агростографом, русским академиком Триниусом, приехавшим в Прагу на собрание Германских естествоиспытателей и врачей. Триниус сразу оценил способности молодого ученого и предложил ему место хранителя Ботанического музея в Имп. Академии Наук. Вследствие этого Р., только что начавший врачебную практику в Праге, оставил родину и уехал в Петербург, куда прибыл весной 1839 г., а осенью был утвержден в своей новой должности Конференциею Академии. В Петербурге открылось для Р. поле самостоятельной и полезной деятельности. Основанный в 1823 г. и устроенный Триниусом при Академии Наук Ботанический музей обогатился в сравнительно короткое время не только редкими экземплярами русской флоры, но также обширными коллекциями с образчиками растений из всех частей света; весь этот материал был не обработан и не приведен в порядок. Для систематизации его в Академии было только двое специалистов – Триниус и Бонгард; первый посвятил себя почти исключительно агростографии, ученая деятельность второго была прервана преждевременной смертью. Таким образом, Р. сделался, в сущности, единственным распорядителем музея, и нужно было с его стороны много энергии и любви к делу, чтобы, исполняя трудные и многосложные обязанности хранителя такого обширного ботанического собрания, находить еще время для трудов научного содержания.

В день своего утверждения в звании хранителя Ботанического музея Р. представил Академии Наук подробную монографию о бамбуковых растениях (Vambuseae) – труд, над которым он долго и упорно работал еще в Праге. В 1840 г. внимание всего ученого мира обратило на себя другое, более крупное сочинение Р.: «О водорослях Тихого Океана» («Die Tange des nördlichen Stillen Océans») – труд тем более ценный,

что, после «*Historiaefucorum*» Гмелина, он явился первой попыткой самостоятельной работы в этой области. Материалом для этого исследования Р. послужили растения, собранные во время кругосветного плавания адмирала Ф. П. Литке, впоследствии графа и Президента Академии Наук. Академия удостоила это сочинение полной Демидовской премии. Эти деньги он употребил на путешествие с научной целью в Архангельскую губернию, самоедскую тундру и на остров Колгуев, куда был командирован Министром Народного Просвещения и где пробыл с мая по сентябрь 1841 г. Результатом этого путешествия были привезенные им богатые ботанические коллекции и сочинение, посвященное обработке их. Вместе с другим, позднейшим трудом Р. о флоре Северного Урала, написанном на основании материалов, собранных Уральской экспедицией Русского Географического Общества, сочинение это дает полную картину растительной жизни крайнего Севера Европейской России.

В 1847 г. Р. женился на русской немке – *Каролине Мейнсгаузен* из Риги и перешел из Австрийского подданства в Русское; год спустя (5-го февраля 1848 г.), он был назначен адъюнктом Академии Наук, в 1853 г. избран (5-го ноября) и Высочайше утвержден экстраординарным, а в 1857 г. (11-го января) – ординарным академиком. Еще ранее, в 1850 г., он занял место директора С.-Петербургского ботанического сада, которое и сохранял до 1855 г.; параллельно с этим он до 1859 г. состоял преподавателем ботаники в С.-Петербургском педагогическом институте, причем, находя имевшиеся учебники неудовлетворительными, написал пособие к своим лекциям на русском языке – работу, стоившую ему многих трудов. После смерти директора Ботанического музея Мейера Р. занял место его в 1855 г.

После покорения в 1859 г. Русскими войсками восточной части Кавказа – Дагестана, Академия Наук постановила командировать Р. на Кавказ со специальной целью изучения Дагестанской флоры. Два лета провел Р. в Дагестане, изучая образцы местной растительности, а затем уехал в Грузию, где занялся исследованием местной флоры, обращая главное

внимание на культуры экзотических растений. Результаты этого путешествия были чрезвычайно ценны: кроме богатых и разнообразных ботанических коллекций, собранных им, он привез еще описание некоторых мест Дагестана, до тех пор еще не исследованных и почти неизвестных в то время. Краткое описание результатов, своего изучения местной флоры Р. представил еще в Тифлисе, прочитав доклад в тамошнем Обществе Сельского Хозяйства. Краткий отчет о своей командировке Р. представил Академии тотчас по прибытии в С.-Петербург; весной того же года он сделал к нему дополнения и в таком виде опубликовал. Параллельно с этим Р. работал над приведением в порядок и систематизацией собранных им материалов, что заняло более года. Самими же важными и серьезными плодами его путевых трудов явились два его сочинения: «*Barometrischen Höhenstimmungen*» (1863 г.) и «*Flora Caucasi*» (1867); к последнему было издано в 1869 г. прибавление.

Работая над своими коллекциями, Р. в то же время значительную часть своей энергии отдавал исследованиям по ботанике же, но в несколько другой области ее. Так, в 1869 г. он взял на себя систематизацию образцов азиатской флоры, собранных секретарем Русского Географического Общества бароном Ф. Р. Остен-Сакеном во время его поездки в Тянь-Шань. Еще ранее того Р. занимался изучением флоры С.-Петербургской губернии и даже был командирован с этою целью Академией в 1853 г. в Петербургский уезд. В 1863 г. Р. ездил в Харьков и Казань с целью осмотра ботанических собраний местных университетов. Кроме того, он занимался еще исследованием чернозема и результаты своих работ опубликовал. Словом, Р., благодаря упорному труду и редкой преданности науке, сумел соединить свои прямые обязанности с серьезной работой ученого.

За свои научные заслуги Р. был избираем в члены разных ученых Обществ: с 1841 г. он состоял членом-корреспондентом Королевского Баварского Общества в Регенсбурге; с 1849 г. – Общества естествоиспытателей «Лотос» в Праге; с 1856 г. – членом Ученого Общества в Упсале; с 1857 г. – Русского

Географического Общества; с 1857 г. – Комитета акклиматизации при Московском Обществе Сельского Хозяйства; с 1859 г. – Вольно-Экономического Общества; с 1859 г. – Русского Общества садоводства в С.-Петербурге; с 1861 г. – почетным членом Совета Агрономического Горыгорецкого училища; с 1863 г. – Эстляндского Общества садоводства в Ревеле; с 1868 г. – членом Общества Естествоиспытателей в Москве; с 1869 г. – почетным членом Общества естествоиспытателей в С.-Петербурге; с 1870 г. – Общества естествоиспытателей при Харьковском университете. – В ботанике имя Р. связано с видом *Ruprechtia* из семейства *Polygonaceae*. Точный и аккуратный, одаренный сильным аналитическим умом и обладавший выдающейся эрудицией, Р. оставил заметный след в своей любимой специальности.

Умер Р. 23-го июля 1870 г. в Петербурге, в чине действительного статского советника; погребен он на Волковом лютеранском кладбище.

Что касается научной деятельности Р., то он известен следующими своими трудами: I. F. Ruprecht in Prag: «Über *Stellaria latifolia* De C. Prodr.» – в «Flora» 1834, год XVII, ч. II, ст. 707–710; «Tentamen Agrostographiae universalis, exhibens characteres ordinum generumque dispositionem naturalem cum distributione geographica, adjectis tabulis analyticis», Pragae. 1838; «Tentamen agrostographiae universalis» etc. Ordo I. II, Pragae. 1838; «Bambuseas monographice disposuit D-r F. I. Ruprecht» – в «Mém. de L'Acad. Imp. des Sc. de St.-Pétersbourg», VI série, Sc. math. phys. et natur., t. V, 1840, 91–164; также отдельным изданием, СПб. 1839; «Illustrationes Algarum in itinere circa orbem» etc. Auctoribus prof. A. Postels et Doct. F. Ruprecht, Petropoli. 1840; «Lichenes – в книге Bongard und Meyer: Verzeichniss der Pflanzen... etc., St.-Petersburg. 1841, – в «Mém. de l'Acad. de Sc., Sc. natur., t. IV, I, ст. 78; «Über einige neue brasilianische Bambusrohre» – в «Bulletin scientif. de l'Académie Imp. des Sc. de St.-Pétersb., VIII, 1841, 332–336; «Bericht über die Bereicherungen der botanischen Sammlungen» etc. – в «Bull. scientif.», VIII, 1841, 350–352; «Gramina Agrostidea etc., exposuerunt C. B. Trinius et F. J. Ruprecht» – в «Mém. de

l'Acad. Imp. des Sc.», VI série, t. VII, 2, ст. 1–189; отдельное издание под титулом «Species graminum stipaceorum», Petrop. 1842; «Gramineae» – в «Bulletin de l'Acad. royale des sc. et. belles lettres de Bruxelles», 1842, IX, 2, ст. 227–248; «Neue Beobachtungen über Oscillaria» – в «Bull. de la Classe physico-mathématique de l'Acad. Imp. des sc. de St-Pétersb.1, III, 1845; «Flores Samojedorum cisuralensium offert F. I. Ruprecht» – в «Beiträge zur Pflanzenkunde des Russischen Reichs», II, 1845; «Distributio Cryptogrammarum Vascularium in Imperio Rossico» – там же, III, 1845; «In historiam stirpium Florae Petropolitanae diatribae», – там же, IV, 1845; «Symbolae ad historiam et geographiam plantarum Rossicarum», Petropoli. 1846; «Über den Standpunkt der Cryptogamie in Russland» – в «Bull. de la cl. phys.-math.», VI, 1848, ст. 305–311; «Carl Bernhard Trinius» etc., Berlin. 1848; «Bemerkungen über den Bau und das Wachsthum einiger grösseren Algenstämme und über die Mittel das Alter derselben zu bestimmen» – в «Mém. de l'Acad. Imp. des sc.», VI sér., VIII, 2, 1849, стр. 59–70; отдельное издание – 1848; «Die Vegetation des Rothen Meeres» etc. – в «Mém. de l'Acad. Imp. d. sc.», VI sér., VIII, 2, 1849, ст. 71–84; отдельное издание – 1849 г.; «Chupp-Tatt» etc. – в «Bull. de la cl. phys.-math.», VIII, 1850, ст. 121–126; отд. изд. – 1849; «Vorläufige Anzeige über die Entdeckung von Gefässen» etc. – в «Bull. de la cl. phys.-math.», VIII, 1850, ст. 233–234; отд. изд. – 1850; «Über die Verbreitung der Pflanzen in nördlichen Ural» – в «Bull. cl. phys.-math.», VIII, 1850, 273–297; «Tange des Ochotskischen Meeres» etc. – в «Reise in den äussersten Norden u. Osten Sibiriens» etc., I, СПб. 1856; «Über das System der Rhodophyceae» etc. – в «Mém. de l'Acad. Imp. d. sc.», VI sér., IX, 2, 1855, ст. 25–54; «Hatte die diesjährige Sonnenfinsterniss in St. Petersburg einen Einfluss» etc.? – в «Bull. cl. phys.-math.», IX, 1851; «Neue oder unvollständig bekannte Pflanzen» etc. – в «Mém. de l'Acad. Imp. des sc.», VI sér., X, 2, 1855; «Разбор сочинения старших учителей при Ревельской Гимназии... Видемана и Вебера...» – в «Отчете о XXII присуж. Демид. наград», СПб. 1853; «Analyse des Werkes der H. H. Wiedemann und Weber» etc. – в «Bull. de la cl. phys.-math.», XIII, 1855, стр. 113–128; «Flora boreali-uralensis» etc. – в «Der

nordliche Ural und das Küstengebirge Pae-choi» etc., ч. II, 1856; «Флора Северного Урала. О распространении растений на северном Урале», СПб. 1854; «Bericht über eine Reise in Gouvernement St.-Pétersburg» – в «Bull. de la cl. phys.-math.», XII, 1854; «Разбор сочинения Д-ра Мерклина» и т. д. – в «XXIV присужд. Демид. нагр.», СПб. 1855; «D-r Carl Anton Meyer» – в «Bot. Zeitung» 1855, ст. 374–375, «Einige Worte über die Gattung Calyptrastigma» – в «Bull. cl. phys.-math.», XIV, 1856, ст. 93–94; «Rapport de M. Ruprecht sur un travail de Mr. E. Borszcsow» etc. – в «Bull. de la cl. phys.-math.», XIV, 1856; «Animadversiones in plantas» etc. – в «Bull. de la cl. phys.-math.», XIV, 1856, ст. 229–238; «Разбор сочинения г. Турчанинова» и т. д. – в «XXVI присужд. Демид. нагр.» 1857, стр. 37–48; «Разбор сочинения г. Ценковского» и т. д. – там же, стр. 153–159; «Die ersten botanischen Nachrichten über das Amurland» etc. – в «Bull. de la cl. phys.-math.», XV, 1857, ст. 120–144; «Die ersten botanischen Nachrichten über das Amurland» etc. – в «Bull. cl. phys.-math.» XV, 1857, ст. 257–267; 352–383; «Ein Beitrag zur Frage über die Parthenogenesis bei Pflanzen» etc. – в «Bull. de la cl. phys.-math.», XVI, 1858, 273–279; «Bemerkungen über einige Arten der Gattung Botrychium» – в «Bull. de la cl. phys.-math.», XVII, № 3, 1858, 47–48; «Revision der Umbelliferen Kamtschatka» – в «Bull. de la cl. phys.-math.», XVII, № 7, 1858, 106–108; «Die Edeltaunen von Pavlovsk» – в «Bull. de la cl. phys.-math.», XVII, № 17, 1858, 261–270; «Rapport sur un mémoire de Mr. Regel» etc. – в «Bull. de la cl. phys.-math.», XVII, 1859, 411–415; «Decas plantarum amurensium» etc., Petropoli. 1859; «Путешествие на Амур» и т. д., СПб. 1859; «Разбор сочинения г. Максимовича» и т. д. – в XXVIII присужд. Демид. нагр., СПб. 1859; «Revision cer Umbelliferen aus Kamtschatka» etc. – в «Beiträge zur Pflanzenkunde des Russ. Reichs», 1859; «Parthenogenesis bei Pflanzen» – «Bonplandia», VII, 1859, 4–6; «Flora Ingrica» etc., Petropoli. 1860; «Über einen verkieselten Baumfarn» etc. – в «Bull. de l'Acad. Imp.», I, 1860, 147–153; «Разбор сочинения г. Анненкова» – в «XXIX прис. Демид. нагр.», СПб. 1860; «Разбор соч. г. Рачинского» и т. д. – там же, ст. 193–200; «Записка Р.» и т. д. – в «Зап. Кавказ. Общ. Сельск. Хоз.» 1861, Тифлис;

«Vorläufige Nachrichten über meine Reise» etc. – в «Bull. Acad. Imp.», V, 1862, 25–33; «Barometrische Höhenbestimmungen» – в «Mém. de l'Acad. Imp.», VII, № 1, 1863; «Bemerkungen über die Kaukasischen Primeln» – в «Bull. de l'Ac. Imp.», VI, 1863, 217–238; «О научных пособиях» и т. д. – в «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1863, 1–14; «Ein Beitrag zur Frage» и т. д. – в «Bull. de l'Acad. Imp.», VII, 1864, 148–158; «Das botanische Museum» etc. – в «Zur Geschichte der Museen der K. Akademie der Wissenschaften», прилож. к «Bull. Acad.», VII, 1864; «Очерк истории Ботанического Музея» – в «Зап. Ак. Н.», V, 2, 1864; «Über den Ursprung des Tschornosjom» – в «Bull. Ac.», VII, 1864, 417–425; «Über die... Bedeutung des Tschornosjom» – в «Bull. Ac.», VII, 1864, 425–438; «О происхождении чернозема» – в «Учителе» 1864, №№ 10, 11, 12, 9; «Разбор соч. Борщова» и т. д. – в «XXXIII прис. Дем. нагр.», СПб. 1865, 146–158; «Beiträge zur Geschichte» и т. д. в «Bull. Ac.», VIII, 1865; «Über eine mikroskopische Süßwasser-Alge» etc. – в «Bull. Acad.», IX, 1866, 35–43; «Neuere geobotan. Untersuchungen» etc. – в «Bull. Acad.», IX 1866, 482–569; «Геоботаническое исследование о черноземе», СПб. 1866; «Разбор 1-го вып. соч. Цабеля» и т. д. – «XXXVI прис. Дем. нагр.», СПб. 1866; «Замечания по поводу доклада комиссии» и т. д., СПб. 1866; «Revisio Campanularum Caucasi» – и «Bull. Ac.», XI, 1867, 203–222; «Новые исследования о черноземе» – в «Натуралисте» 1867, № 13–20; «Sternbergia Fischeriana» – в «Gartenflora» 1868, 100–102; «Caucasische Zwiebelgewächse» и т. д. – в «Gartenflora» 1868, 130–132, «О сочинении Шперка» и т. д. – в «Зап. Имп. Акад. Наук», XIV, 1869, II, ст. 123–125; «Freicher von der Osten-Sacken u. F. I. Ruprecht: Sertum tianschanicum» etc., СПб. 1869; «Flora Caucasi», ч. 1 – в «Mém. Acad.», VII sér., XV, № 2, 1869; «О ботанических названиях» в «Толковом Словаре Даля» и т. д. – в «Зап. Им. Ак. Наук» XVII, 2 ст. 87 и 88, и некот. другие статьи. В «Трудах Ботанического Сада Имп. Юрьевск. Унив.», т. XIV, 1913, напечатаны письма Р. к жене (урожденной Мейнсгаузен) за время его путешествия на Кавказ.

«*Bullet. de L'Acad. Imp. des scienees de St. Pétersb.*», XVI, 1871, приложение; «*Allgemeine Deutsche Biographie*», т. 29, ст. 748–753; К. Максимович, «Очерк жизни и трудов Ф. И.

Рупрехта», СПб. 1871; «Отчет Имп. Русского Географ. Общества» за 1870 г.; «Отчет Имп. Академии Наук» за 1870 г.; «СПб Ведомости» 1870, № 201; Б. Л. Модзалевский, Список членов Императорской Академии Наук 1725–1907, СПб. 1908, стр. 50; «Вестник Росс. Общ. Садоводства» 1870 г., № 6, стр. 537–538.; Г. Геннади, Словарь писателей, т. III, М. 1908; А. Пыпин, История Русской Этнографии, т. IV, стр. 288, 294; В. И. Липский, Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Имп. Ботаническим Садам. Вып. III, Пгр. 1915, стр. 424–432 (с портр.); Д. И. Литвинов, Библиография флоры Сибири, СПб. 1909, стр. 243–247; Энциклопед. Словарь Брокгауза-Ефрона, полут. 53, стр. 293.

Русановский, Михаил Руфович

Русановский, Михаил Руфович, врач Староингерманландского полка; род. в 1853 году, среднее образование получил в Тифлисской гимназии, по окончании курса в которой поступил в Петербургскую Медико-хирургическую академию. Еще будучи студентом, он напечатал в «Медицинском Вестнике» (1878 г., № 2, и рефер. «Мед. Обозр.» 1878 г., стр. 144) из акушерской клиники проф. Славянского исследование: «Кровотечение во время родов из разреза наружных половых частей». В 1879 году Р. окончил курс Академии, а в следующем году был назначен младшим врачом в 9-й Староингерманландский полк, стоявший в Нижнем Новгороде.

Здесь он деятельно принялся за практику, посылая время от времени статьи в разные медицинские журналы. Так, в 1880 г. им была помещена во «Враче» (1880 г. № 37) статья «К лечению ожогов содою»; в следующем году, вместе с врачом Генрихом Родзевичем, Р. сделал первую в Нижнем Новгороде операцию переливания крови, после чего напечатал (вместе с Г. Родзевичем) во «Враче» (1881 г., № 45) статью: «Первый успешный случай в Нижнем Новгороде переливания крови в полость брюшины». Вскоре после этого он напечатал во «Враче» же (1882 г., № 1) свою последнюю статью «О способах Ле-Бона оживлять мнимо умерших новорожденных» (погружением в горячую воду).

Дальнейшая работа его была прервана скоропостижной смертью от острого отека легких; он скончался 5-го апреля 1882 г., на 29 году от рождения.

Л. Ф. Змеев, «Русские врачи-писатели», вып. II, СПб. 1889 г., т. 5, стр. 102; «Врачебные Ведомости» 1882 г., № 14 (516), ст. Генриха Родзевича: «М. Р. Русановский» (некролог), стр. 3115.

Русановский, Петр Иванович

Русановский, Петр Иванович, директор музеума Государственного Адмиралтейского Департамента; с 1770 г. был учителем иностранных языков в Дворянской гимназии Московского университета, от которого имел звание бакалавра и магистра. В 1794 г. он был командирован на Шведскую границу в качестве чиновника особых поручений при начальнике Русской гребной флотилии вице-адмирале маркизе де Траверсе, с которым и плавал непрерывно в течение последующих 5 лет, а затем был экспедитором Комиссии духовных училищ по ученой части. Будучи лично знаком маркизу де Траверсе, с 1809 г. управлявшему Морским Министерством, Р., тогда коллежский советник, назначен был, 30-го июня 1810 г., директором музеума Государственного Адмиралтейского Департамента – на место известного графа де Местра; ему было поручено приведение в порядок всего инвентаря музеума, но, как говорит историк последнего, «преклонные годы и видимая любовь к сибаритству Русановского сказали на дела музеума разлагающее влияние. Да и обстоятельства, к тому же, сложились для Русановского самые неблагоприятные: наступал тревожный 1812 год, Наполеон приближался к Москве, что вызвало в С.-Петербурге принятие чрезвычайных мер, заключавшихся в вывозе из столицы... музеев различного рода, в числе которых подвергся вывозу и Морской музеум, с его кабинетом редкостей и обширной библиотекой. Поспешно уложенные в ящики, предметы музеума отправлены были на Накрохинскую пристань в Новгородскую губернию, но, зазимовав в Ладоге, они в том же году возвращены обратно. Тут-то сибаритство Русановского и сказалось в полной своей неприглядности. Вместо быстрого приведения в должный порядок музейного имущества, директор стал реже посещать музеум, уклоняться от приема вещей под предлогом болезни и неудобств помещения, «весьма-де холодного, где приходилось ему заниматься». Адмиралтейский Департамент долго понуждал Русановского к работе и к явке на службу, но когда убедился, что понуждения не достигают цели,

постановил производить директору половинное жалование. Еще в 1818 году не была приведена в порядок библиотека музеума, так что, наконец, дело о приведении в порядок инвентаря музеума и составление каталогов его имущества поручено было особой Комиссии, в которой деятельное участие принимал Правитель Канцелярии Адмиралтейского Департамента А. С. Никольский (Член Российской Академии), благодаря которому желаемый порядок в музеуме водворился лишь к 1822 г., а в 1823 г. Р., уже бывший тогда статским советником, был уволен от службы, причем, благодаря ходатайству маркиза де Траверсе, Высочайше пожалован ему был в пенсион полный оклад жалованья – 1500 руб. в год.

Умер Русановский в Москве в 1839 г.

Он был членом масонской ложи Лабзина (члена Адмиралтейского Департамента) «Умиравший Сфинкс», но в 1820 г. был из нее исключен за то, что не посещал собраний ложи.

С. Ф. Огородников, Модель-Камера, впоследствии Морской Музей, СПб. 1909, стр. 27–28; Месяцеслов на 1820 г., ч. I, стр. 899 и на 1823 г., ч. I, стр. 309; Протоколы ложи «Умиравшего Сфинкса» в Имп. Публичной Библиотеке.

Русанов, Александр Андреевич

Русанов, Александр Андреевич, художник, сын кронштадтского купца 3-й гильдии, род. 1-го июня 1845 года; 21-го октября 1854 года поступил в С.-Петербурге в Главное немецкое училище (Peterschule), где и окончил курс 27-го марта 1865 года, а в декабре этого года поступил вольнослушателем в Академию Художеств, в класс гипсовых голов.

Вольнослушателем Русанов был до сентября 1866 года, когда представил приговор Кронштадтской Городской Думы о разрешении ему, как принадлежащему к купеческому сословию, поступить в Академию Художеств. В последней его заставили не только обучаться художеству, но и общеобразовательным предметам. Не выдержав экзамена по геометрии (официально, Русанов не держал экзамена по болезни горла), он вспомнил, что у него имеется аттестат Главного немецкого училища, и, следовательно, он имеет право не держать экзаменов по общеобразовательным предметам: Русанов и обратился с означенною просьбою в Совет Академии, который, согласившись с его доводами, разрешил ему держать экзамены только по специальным предметам; но и специальные предметы были затруднительны для Р.; например, 20-го мая 1869 года он просил разрешения держать переэкзаменовку по перспективе. Для усовершенствования в художественных познаниях Р. отправился, в 1867 г., на свой счет в заграничное путешествие по Германии и Франции, в 1873–74 году посещал педагогические классы по рисованию и в том же 1874 году, перед выпускным экзаменом, принес «для костюмного класса Академии Художеств» в дар алебарду времен Императрицы Елисаветы Петровны. 26-го октября 1874 г. Академия Художеств выдала Р. аттестат 2-й степени за программу «Милосердие самарянина», а в 1876 году рекомендовала его, как учителя рисования, в Гимназию человеколюбивого Общества.

Архив Имп. Академии Художеств, дело № 87 за 1866 г.

Русанов, Василий Акимович

Русанов, Василий Акимович, генерал-майор, род. в 1779 г., воспитывался в Пажеском корпусе и 8-го октября 1798 г. из камер-пажей был выпущен поручиком в л.-гв. Гусарский полк, в котором произведен был 20-го сентября 1799 г. в штабс-ротмистры, 9-го декабря 1801 г. – в ротмистры и 30-го ноября 1803 г. – уже в полковники; переведенный затем, 13-го января 1805 г., в Александрийский гусарский полк, он принял с ним участие в делах с французами; 27-го января 1807 г., в сражении под Прейсиш-Эйлау, был сорван ядром с лошади, причем ему повредило грудь и левое плечо; за мужество, оказанное в этом сражении, Р. был награжден орденом св. Георгия 4-й степени (26-го апреля 1807 г.) и, кроме того, ему пожаловано было в потомственное владение 4000 десятин земли в Саратовской губернии. 5-го февраля 1809 г. Р., за ранами, уволен был в отставку, с производством в генерал-майоры, а 4-го июля был снова принят на службу и сперва назначен состоять по армии, а затем определен Окружным начальником 8-го Округа Отдельного Корпуса внутренней стражи. 30-го апреля 1812 г. Барклай-де-Толли поручил ему сформировать 6 новых пехотных и 2 егерских полка в Воронеже, Рязани и Тамбове для действующей армии; этим делом Р. был занят свыше двух лет; 30-го сентября 1827 г. он был уволен вовсе от службы с пенсионом полного жалованья. В 1831 г. Р. проживал в Землянском уезде Воронежской губернии.

Формулярный список в Архиве Капитула Орденов; О. фон Фрейман, Пажи за 183 года.

Русанов, Василий Михайлович

Русанов, Василий Михайлович, генерал-майор; род. в 1794 году и уже в первый год своей военной службы принял участие в Турецкой войне 1810 года. Затем весь 1812 и начало 1813 год он провел в боевой обстановке, участвуя во многих делах с французами. Находясь в составе войск, отправленных для преследования Наполеона; после его бегства из России, Русанов, между прочим, принимал участие в сражении 17-го января 1814 года при городе Бриень-Лешато, причем был ранен нулей, оторвавшей у него большую часть челюсти с двумя зубами. Несмотря на эту тяжелую рану, он не бросил военной службы и в 1823 году был назначен в Новороссийский край, где провел 15 лет; будучи уже и чине генерал-майора, он занимал должность начальника Одесской Карантинной стражи.

Скончался он 1-го июня 1838 года, на 44-м году от рождения.

«Одесский Вестник» 1838 г., 15-го июня, № 48, некролог, стр. 583–584.

Русанов, Иван Иванович

Русанов, Иван Иванович, генерал-майор; род. около 1753 года, в службе был с 1771 года; служил в Военной Коллегии, в 1784 г. был коллежским асессором, а 27-го ноября 1788 г. из надворных произведен был в чин военного советника; в 1788–1793 гг. находился при вице-президенте Военной Коллегии графе В. П. Мусине-Пушкине – «у исправления дел, Всевысочайше ему вверенных», и имел орден св. Владимира 4-й степени, а 22-го сентября 1793 г. получил тот же орден 3-й степени; 24-го июня 1801 г. Р. произведен был в генерал-майоры и назначен Правителем Канцелярии Воинской Комиссии Военной Коллегии, учрежденной тогда под Председательством Цесаревича Константина Павловича, а затем был (1810) генерал-контролером Счетной и Контрольной Экспедиции Военной Коллегии.

Умер 26-го января 1814 г. в Петербурге, где и погребен на Смоленском кладбище.

В «Историческом очерке Главного Штаба», в истории организации, расквартирования и передвижения войск за период 1801–1805 гг., напечатана (Столетие Военного Министерства, т. IV, ч. I, кн. 2, отд. 2, стр. 149–157) составленная Русановым для учрежденной Императором в июне 1801 г. «Воинской Комиссии для рассмотрения положения войск и устройства оных» – «Пиеса о расположении войск по инспекциям», представляющая большой интерес для выяснения вопросов организации и дислокации войск в начале царствования Императора Александра I и послужившая Воинской Комиссии как бы отправною точкою при разработке различных вопросов, тесно связанных с организацией войск и с соображением «выгодного» расписания армии по инспекциям; в том же издании, т. IV, ч. I, кн. 1, отд. 1, прил., стр. 1–4, напечатано составленное им же «Исчисление о собранных в Российской Империи в прошедшем осьмнадцатом столетии рекрутах» (май 1802 г.). За первую «Пиесу» Р. получил Высочайшее благоволение. В 1804 г. он представил проект

организации военных поселений на несколько иных основаниях, чем те, на которых они впоследствии осуществились. Проект Русанова, «выказавшего», по мнению генерала И. Г. Фабрициуса, « во многих своих трудах по военным вопросам весьма недюжинные организаторские способности, находился в связи с остальными предположениями этого генерала по организации пенсионного и инвалидного дела, изложенными в объемистой докладной записке, поданной им в Военную Коллегию» (на основании коих в 1811 г. около крепости Бобруйска возник инвалидный поселок). В 1808–1810 гг. генерал-контролер Р. был членом от Счетной экспедиции Военной Коллегии в Комитете о новом образовании Военного Департамента.

Список Воинскому Департаменту 1792 г., стр. 4; Месяцесловы и Календаря за разные годы; Архив Капитула орденов; Метрические книги Смоленского кладбища; Столетие Военного Министерства, т. I, стр. 165; т. III, ч. I, стр. 16; т. IV, ч. I, кн. 1, отд. 1, прил., стр. 1, 4; отд. 2, стр. 5; кн. 2, отд. 2, стр. 149, 157, 158, 184, 394; т. VII, стр. 872, 504 и 610; Конспект, стр. 451 и 748; Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ., т. 62, стр. 227 и 742.

Русанов, Николай Иванович

Русанов, Николай Иванович, С.-Петербургский 1-й гильдии купец, потомственный почетный гражданин; происходил из бывших государственных крестьян Архангельской губернии, Онежского уезда, Пабережского прихода, и родился 4-го декабря 1820 года. Станционный писарь Денисовской Почтовой Конторы научил крестьянина Р. читать по Часослову, а местный священник получил его писать и дал некоторое понятие о четырех правилах арифметики. С этими познаниями одиннадцатилетний мальчик отвезен был отцом в Петербург для дальнейшего образования, которое, впрочем, ограничилось посещением, в течение нескольких месяцев, школы одного малоохтенского дьячка. Этим окончилось образование мальчика, и отец взял его с собою для сплава лесных материалов купца Скрябина из Олонецкой губернии к Петербургскому порту.

С этого времени началась та деятельность Русанова, которой он посвятил всю свою дальнейшую жизнь. С конца 1830-х годов Р., в качестве десятника, сплавливал леса для Петербургского кораблестроения. Недовольный медлительным и дорого стоившим сплавом бревен в малых плотах чрез озера Ладожское и Онежское, Р. рискнул сплавливать лес плотами 150 саженой длины, с мачтами и парусами. Опыт удался вполне – и Р. сравнительно щедро награжден был своими хозяевами. Это дало ему возможность в 1852 году, с капиталом в 900 рублей, приступить к ведению лесной торговли за собственный счет, всегда с успехом для собственных интересов и с небывалыми выгодами для государства.

В 1855 г. малограмотный лесопромышленник Русанов представил Министру Государственных Имуществ графу П. Д. Киселеву проект замены казенного способа доставки лесов для кораблестроения путем подрядным чрез частных поставщиков. Проект был принят и Русанов стал одним из крупных контрагентов по снабжению флота лесными материалами. В 1861 году он устроил первый в России паровой лесопильный

завод, близ Петербурга, при впадении р. Утки в Неву. Но наиболее значительным предприятием Русанова является Мезенская лесная операция. В 1870 году на объявленные Лесным Управлением торги на производство Мезенской лесной операции явился один только Русанов, не убоясь, что предстояло организовать дело в местности малонаселенной, неизведанной ни в лесоводственном отношении, ни в отношении путей транспорта. Приняв на себя эту операцию, Р. устроил в устье Мезени порт и паровой лесопильный завод, приспособил суда для сплава леса – и все это по собственным чертежам и проектам.

Не получив почти никакого образования, Р. понимал всю пользу его и тратил немалые суммы на устройство школ для детей своих рабочих и местного населения, обставлял удобствами помещения учителей и содержал их на свой счет. Не менее того Р. заботился и о религиозной стороне: строил церкви при своих заводах и в других местах, обеспечивал существование причтов и т. под.

Кроме лесного дела, Р. занимался развитием солеварения и железорудного дела, но всегда на родном Севере. За полезную деятельность Р. неоднократно награжден был медалями и орденами – до ордена св. Анны 2-й степени, а потомству своему заслужил потомственное дворянство.

Умер этот русский самородок 14-го апреля 1882 года, оставив своим наследникам многомиллионное состояние. Погребен он в Никольской церкви на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры.

«Николай Иванович Русанов», СПб. 1872; Петербургский Некрополь, т. III, стр. 636; «Новое Время» 1882 г., № 2204; Кронштадтский Вестник» 1882 г., № 42.

Русецкий, Александр Христофорович

Русецкий, Александр Христофорович, доктор философии; род. в 1765 году и происходил из польского дворянского рода герба *Равич*; обучался, на иждивении родителей, в Краковском Университете, где окончил курс и удостоился степени доктора философии, после чего поступил (15-го июля 1779 г.) ординарным профессором «природных прав» в Люблинскую Коллегию; отсюда он уволился 10-го марта 1782 г. и следующие 13–14 лет находился, по-видимому, вне службы, а по присоединении Польши к России приехал в Петербург и определился учителем в Сухопутный шляхетный кадетский корпус, откуда, «с отличным аттестатом, свидетельствующим о хорошем поведении и рачительности, по желанию» был уволен 20-го июня 1799 года и через год (3-го июня 1800 г.) поступил инспектором и учителем философии и риторики в С.-Петербургскую армейскую семинарию; однако, и здесь прослужил он недолго – лишь до 30-го мая 1801 г., когда снова вышел в отставку; затем 25-го июня 1802 г. Р. определен был преподавателем математической и политической географии со статистикою, а также всемирной древней истории в Инженерный корпус (ныне 2-й), а 1-го августа 1806 г. получил уроки «обеих историй и географии, как древней, так и Российской» – в Военно-сиротском корпусе и преподавал в первом – до 20-го июня 1808, а во втором – до 20-го июня 1809 г., после чего попечителем Казанского учебного округа академиком С. Я. Румовским был назначен (9-го декабря 1809 г.) учителем высшего латинского класса в Императорскую Казанскую гимназию, где прослужил до 29-го июня 1813 года, и затем (6-го июля) поступил, по собственному желанию, в Симбирское резервное ополчение сотенным начальником, а затем – и батальонным командиром, 7-го октября того же года, после роспуска ополчения, был уволен «с отличным аттестатом» и 12-го ноября 1813 же года, по прошению, определен был старшим учителем латинского языка в Вятскую губернскую гимназию. В

этой же должности Р. был и в 1820 г., но в 1824 г. там уже не служил.

В послужном списке Р. так велеречиво записано, конечно, со слов его самого – о его сочинениях: «В 1783 году, октября 23-го, сочинил природные права на польском языке в 11 главах и по напечатании поднес Польскому монарху Станиславу Августу; 1789 г., июня 3-го дня, сочинил на латинском языке два ораторические дела и по напечатании одно из оных поднесено палатину Ромеру, а другое – аудитору принца [князя] Масальского – Антонию Крутевскому; того ж 1789 г., февраля 19-го дня, сочинил речь по указу на польском языке, по данной начальством материи, а по написании с предисловием во многих экземплярах поднесена Его Светлости принцу [князю] Альбрехту Радивиллу; в 1795 г., 14-го июня, сочинил и напечатал торжественную речь на латинском языке с предисловием, которая и поднесена генеральному аудитору и администратору принца Масальского – Крутевскому»; находясь в Сухопутном шляхетном корпусе, «сочинил в 1798 году, апреля 14-го, книгу на латинском языке в похвалу св. Александра Невского и по напечатании в Академии Наук [читай: в Типографии Академии Наук] имел честь поднести Его Императорскому Величеству Павлу I»; «в 1801 году, 10-го августа, сочинил ораторическое дело на латинском языке, во время коронавания в Москве, на Высочайшее имя Его Императорского Величества Александра I, которое и было поднесено г. докладчиком, генерал-майором Муравьевым».

В 1790 г. Р. был пожалован деревнями от короля Станислава-Августа, но «лишился их через тяжбу», а в 1794 г., 20-го апреля, получил от него же орден св. Станислава; кроме того, Р. почему-то носил громкий титул «маршала Герцогства Осветимского», с каковым и записан в послужном его списке, сохранившемся в делах канцелярии Вятского губернатора за 1815 г. и составленном, очевидно, при участии самого Р., постаравшегося, с известными ему целями, изобразить свою службу и деятельность как можно пышнее и велеречивее.

«Труды Вятской Ученой Архивной Комиссии» 1912 г., вып. III, отд. 2, стр. 102–105; «Месяцеслов» 1820 г., ч. I, стр.

Русецкий, Болеслав–Михаил– Юлий Канутович

Русецкий, Болеслав-Михаил-Юлий Канутович, художник; из дворян Виленской губернии – по-видимому, сын живописца, кандидата философии Виленского университета *Канута Ивановича Русецкого*, бывшего пансионером университета за границей (род. 1801, ум. 1860); родился 23-го ноября 1824 года; в 1844 году, как вольноприходящий ученик Академии Художеств, находился в числе учеников Карла Брюллова. 23-го сентября 1850 года он обратился в Совет Академии Художеств со следующим прошением: «Поступив в 1843 году в число учеников Императорской Академии Художеств и после двух лет занятий в гипсовых классах перешедши в натуральный и выслушавши курс вспомогательных наук, я занимаюсь живописью под руководством профессора Ф. А. Бруни по части исторической, писал этюды и рисовал с натуры. Теперь же, как слабое здоровье, по причине вредного для меня климата, не позволяет мне здесь далее совершенствоваться, честь имею представить сделанный мною с натуры портрет князя Гедройца и просить всепокорнейше Совет Императорской Академии Художеств рассмотреть его и удостоить меня за оный званием художника». Пребывание Б. Русецкого в мастерской Брюллова и Бруни не прошло даром, и, несмотря на необычную форму прошения, Совет Академии Художеств нашел возможным дать Русецкому звание неклассного художника (25-го сентября 1850 года). Получив это звание, Русецкий видимо отправился на родину, откуда 16-го июля 1853 года прислал второе прошение в Академию Художеств – прошение, оригинальное по своей форме: «Предприняв написать картину для моего благодетеля, имеющего поместье в Ковенской губернии при впадении реки Виллии в реку Неман, я счел за лучшее избрать сюжетом представление упомянутых рек»; а как исполнение этого труда требует много времени, этюдов и издержек, то Русецкий просил Академию Художеств разрешения представить эту картину на звание академика. Таким образом, он хотел разом достигнуть

двух целей: отблагодарить своего благодетеля (к сожалению, он не называет его фамилии) и сделаться академиком. Отношение Совета Академии Художеств и в этот раз было несколько необычное: тут же, на этом прошении, была положена резолюция: «признать назначенным», т. е., желание Б. Русецкого было исполнено.

Картину он написал гораздо скорее, чем указывал, и она была выставлена на академической Выставке 1853 года под названием «Впадение реки Виллии в Неман» (аллегорическая картина), причем об этой картине был дан следующий отзыв: «достойна внимания, по постановке и исполнению, аллегорическая картина художника Русецкого... Виллия представлена молодой девушкой, которая как будто ищет покровительства у старика Немана». Но, несмотря на благожелательство Академии, на сочувственный отзыв прессы того времени, Русецкий не получил за эту картину звания «академика» и в следующем, 1854 году прислал в Академию Художеств из Белостока «портрет с натуры (до колен натуральной величины) Его Высокопревосходительства г. военного губернатора здешнего края генерал-лейтенанта Ильи Гавриловича Бибикова» и просил разрешения представить эту работу на звание академика. Прошение было получено Академией Художеств, но никакой резолюции на него не положено, что позволяет предположить, что Б. Русецкий, видимо, больной чахоткою, умер, не дождавшись решения Академии и не получив желаемого звания академика.

Считаем уместным указать, что фамилию *Русецкого* носил еще один художник, о деятельности которого сохранилось лишь следующее известие: 1829 года, октября 18-го, Академия Художеств была извещена о пожаловании Императором Николаем Павловичем 6 копий с картин Рафаэля, списанных в Риме Русским художником Русецким и представляющих: 1) Богословие, 2) Правосудие, 3) Философию, 4) Поэзию, 5) Адама и Еву и 6) Аполлона, сдирающего кожу с Марсиаса; первая копия доставлена в Академию Художеств в 1830 году.

Архив Имп. Академии Художеств, дело № 54 Р.; «С.-Пет. Вед.» 1850 г., № 275, стр. 1108; «Северная Пчела» 1853 г.,

стр. 895, П. Петров, Материалы по истории академии художеств, т. II, стр. 243 и 256, и т. III, стр. 144, 201.

Руска, Александр Иеронимович

Руска, Александр Иеронимович, архитектор; род. в 1806, ум. в апреле 1861 г.; был уроженцем, по-видимому, Швейцарии, так как в формулярном списке о службе указано, что он «швейцарский подданный», и что дети его от первого брака – «сын *Атилла*, родившийся в 1832 г., и дочь *Жозефина*, родившаяся в 1834 году, находятся в Швейцарии». Очевидно, лишившись первой жены, Руска, подобно другим своим родственникам и однофамильцам, поехал в Россию; первое сведение о нем относится ко 2-му февраля 1835 года, когда в журнале Академии Художеств записано: «Чертежника Руско признав назначенным академиком сей Академии, задать ему на звание действительного академика следующую программу: сделать проект публичной библиотеки на 200 тыс. томов книг, со всеми удобствами и помещениями, таковым зданием требуемыми, фасад и профиль должны иметь меру в чертежах $\frac{1}{2}$ дюйма на сажень, а план $\frac{1}{4}$ дюйма на сажень». Судя по масштабу, заданному Академией Художеств, А. И. Руска должен был представить чертеж громадных размеров; к сожалению, неизвестно, представил ли Руска этот чертеж и Академия Художеств признала его неудовлетворительным, или просто-напросто А. И. Руска удовлетворился на время званием «назначенного» в академики и, за рядом работ, не изготовил требуемого проекта, но звание академика А. И. Руска получил гораздо позднее и за другой проект; 27-го сентября 1846 года Руска за «проект публичных бань с удобствами и роскошью», во «уважение искусства и познаний, в художестве доказанных исполненной программой», был возведен в звание действительного академика.

«Назначенный» академик был прикомандирован к инженер-генерал-лейтенанту Базену, который был производителем работ строившегося Троицкого собора лейб-гвардии Измайловского полка. Базен поручил Руске наблюдение за постройкою большого купола собора; такое ответственное поручение показывает что А. И. Руска ценили, как опытного архитектора.

По исполнении этой сравнительно большой работы Руска были командирован в Константинополь, в Русское посольство, помощником архитектора при постройке в Пере «посланницкого дома». В выданном А.И. Руске чрезвычайным посланником при Оттоманской Порте свидетельстве значится, что он занимал означенную должность с июня 1838 года по окончании 1843 года.

В этот период времени Руска женился вторично на «*Екатерине Дмитриевой*», католического исповедания, от которой затем у него родилась дочь *Виргиния*. Прибыв из Константинополя в Россию, Руско с разрешения министра Императорского Двора был назначен «каменных дел мастером» при постройке «театра-цирка», где и пробыл с 12-го июля 1847 года до 29-го января 1849 года. Театр-цирк в настоящее время – Мариинский театр, конечно, перестроенный после пожара. При постройке этого театра особенное внимание обращало на себя значительное перекрытие куполом; припоминая, что первая работа Руска был купол Троицкого собора, можно заключить, что он считался знатоком в постройке сводов. После означенной работы Руска был прикомандирован к Кабинету Его Величества «для употребления изобретенного им способа к осушению придворных зданий от сырости». По распоряжению Министра Двора от 24-го февраля 1849 года Руска был командирован к архитектору Росси для безотлучного надзора за успешным производством работ по увеличению четырех лож авансцены Александринского театра. Одной из следующих работ Руска нужно считать составление сметы на перестройку генерал-прокурорского дома.

За свои работы Руска неоднократно удостоивался Высочайших наград; так, за работы по куполу Троицкого собора, «в награду за отличные труды и рвение», он 14-го февраля 1835 года Всемиловейше пожалован был золотыми часами с такою же цепочкою, а за перестройку лож в Александринском театре ему была пожалована табакерка.

Умер Руска в апреле 1861 года в Петербурге.

Кроме указанных детей, у него был еще сын *Павел*, родившийся 5-го января 1848 г.

Формулярный список от 30-го сентября 1850 г. (у Б. Л. Модзалевского); П. Петров, Материалы для Истории Академии Художеств, т. II, стр. 324 и т. III, стр. 65; С. Кондаков, Императорская Академия Художеств 1761–1914 гг., т. II, стр. 382; «С.-Петербург. Ведомости» 1851 г., № 240, стр. 962; «Журнал Министерства Юстиции» 1896 г., X. стр. 270.

Руска, Джеронимо Джиованни

Руска, Джеронимо Джиованни, каменных дел мастер; был выписан И. И. Бецким, начальником Конторы С.-Петербургского Строения, в 1767 г. для работ при памятнике Петру Великому и при Исаакиевском (Екатерининском) соборе; это – отец известного архитектора *Луиза Руска* и, быть может – *Александра* и *Франца Руска*.

И. Грабарь, История Русского Искусства, вып. 17, стр. 476.

Руска, Карл-Иосиф Карлович

Руска, Карл-Иосиф Карлович, швейцарский подданный; очевидно, происходил из той же фамилии, как и другие архитекторы Руска; в 1853 году он обратился в Академию Художеств с просьбою назначить ему программу на получение звания архитектора. Академия Художеств предложила К. Руска представить проект: «вокзал в саду»; составление проекта не заняло у К. Руска много времени, и 19-го ноября 1853 года он был удостоен просимого звания некласного художника. О деятельности его, как архитектора, пока еще не собрано сведений.

Архив Академия Художеств, дело № 59/P.

Руска, Луиз (Луиджи, Алоизий) Иванович

Руска, Луиз (*Луиджи, Алоизий*) *Иванович*, архитектор, большой мастер переходной эпохи от Гваренги и Камерона к Росси; швейцарец по происхождению, он родился в Тессинском кантоне в 1758 г.; прибыл в Россию или вместе с отцом в 1767 году, или значительно позднее, в конце 1770-х годов и оставался в России до 1818 года, когда вернулся в Валенцо, где и умер в 1822 году.

Где и какое первоначальное образование он получил, неизвестно; более чем вероятно, что, родившись в семье «каменных дел мастеров», он с малолетства привыкал к занятию отца и, если бы не случайное обстоятельство – приезд в Россию, он так и остался бы на всю жизнь «каменных дел мастером». Но прибыв в Россию, заявив себя рядом построек, он был удостоен звания академика Императорской Академии Художеств. К сожалению, в архиве Академии не сохранилось дела об Л. Руска и поэтому приходится цитировать по «Материалам к истории Академии Художеств» П. Н. Петрова. «1815 года, января 19, в собрании Совета происходило следующее: по письменному отношению архитектора Его Императорского Величества статского советника Людовика Руска, при коем, представляя «Recueil des Dessins de différents batimes, construits à St.-Pétersbourg et dans l'intérieur de l'Empire de Russie par Louis Roesca, dédié à S. M. Alexandre I, Empereur de toutes les Rossies, avec la description» (см. каталог «Russica», т. II), изъявляет свое желание принадлежать к Академии и объявляя, что он намерен ехать в чужие края, предлагает, не имеет ли Академия чего препоручить ему. Определено: как г. архитектор Руска, столь известный практическими своими работами, давно назначаем был Советом в члены Академии и в прошлое торжественное собрание не поступил в оные единственно по неполучению от него никакого отношения, которое бы служило поводом к его избранию; то ныне исполнить оное, тем более что и г. министр по объявлению гг. вице-президента и конференц-секретаря, изъявил на то также свое

согласие, почему и признать его в звании почетного вольного общника».

Таким образом, Л. Руска 19-го января 1815 года был избран почетным вольным общником; между тем, С. Кондаков в «Справочнике Императорской Академии художеств» (т. II, стр. 382) называет Л. Руска академиком. Проверить это несоответствие, вследствие утраты подлинного дела, к сожалению, пока невозможно. Так же не полон и формулярный список Л. Руска; по крайней мере, мы можем только указать, что 1-го августа 1803 года Луиз Руска, архитектор 8 класса, в ведении Гоф-Интендантской конторы, произведен в надворные советники, а 27-го декабря 1804 года в коллежские советники.

Список главных работ Л. Руска в хронологическом порядке следующий: 1) Обуховская больница (1782–84 гг.), 2) дом Мятлева, ныне графов Бобринских (90-ые года XVIII века), 3) дом иезуитов, ныне дом Министерства Имп. Двора (угол Екатерининского канала и Итальянской улицы) (конец 1790-х годов – начало XIX века), 4) театр Таврического дворца (1801–1803), 5) Стрельнинский дворец (1803), 6) казармы на Петербургской стороне (1803–1805), 7) манеж Кавалергардского Полка (1803–1806), 8) перестройка Измайловских казарм (1805–1806), 9) гранитная терраса в Царском Селе (1809), 10) церковь Всех скорбящих (1816–1818). Эти постройки находятся в Петербурге; кроме них, Л. Руска строил очень много на юге России – в имениях князя Кочубея, графа Румянцева, Д. П. Трощинского и других.

Как видим, главная деятельность Руска относится к первому десятилетию XIX века – в Екатерининское время его затмевали Гваренги и Камерон, а затем, во второй половине царствования императора Александра I – Росси. Это последнее обстоятельство – предпочтение Росси и неполучение значительных построек заставили Л. Руска покинуть в 1818 году (по указанию И. Грабаря) Россию. Р. в 1811 г. имел чин статского советника, а 12-го ноября 1807 г. награжден был орденом св. Владимира 4-й степени; в 1814 г. он был избран в члены Вольного Экономического Общества.

Отличительными чертами построек Л. Руска являются возвышенная простота и строгость форм; но его постройки не поражают своею грандиозностью – в них не видно полета творческой фантазии, ширины размаха; наоборот, каждая из них тщательно продумана, взвешена. Нет у Л. Руска этих громадных колоннад, как у Гваренги и Камерона, нет того охватывающего полукруга, как у Воронихина или Росси; размеры построек менее громадны. Даже в самой торжественной из своих построек – в зале театра Таврического дворца Л. Руска не поражает размерами. Лучшей из его построек, на наш взгляд, является дом иезуитов, сохранившийся в почти неизменном виде до наших дней, и церковь Всех скорбящих радости. Первая постройка в настоящее время несколько теряет; не надо забывать, что когда она строилась, напротив нее не было зданий, а тянулся забор Императорских садов, а по Итальянской улице были небольшие каменные и деревянные постройки. Теперь этот дом стиснут, его нельзя даже хорошо рассмотреть, и понятно, что впечатление от его строгого классицизма пропадает. В церкви Всех скорбящих радости ярко выражается идея – храм этот не велик, он даже как будто несколько приземист, но в то же время он радует сочетанием простых и строгих по красоте форм. Интересно отметить, что Л. Руска работал в то время, когда положение дел в России было неопределенное – все жаждали и не знали, можно ли надеяться, а в политическом отношении только начиналась борьба с Францией; эта общая неопределенность жизни и высказалась в отсутствии яркости архитектурного творчества Л. Руска. Ведь постройки Гваренги так соответствуют величественному маршу: «Гром победы раздавайся», а творения Росси вполне воплощают внешнее могущество и внешний блеск царствования Императора Николая I. В 1810 году Л. Руска издал в свет два тома своих проектов под вышеприведенным заглавием; кроме того, в библиотеке Академии Художеств есть два альбома его проектов, а один альбом хранится в библиотеке Института инженеров путей сообщения; таким образом, несмотря на то, что многие из построек Л. Руска не сохранились, многие искажены

позднейшими перестройками и исправлениями, мы имеем достаточно материала для изучения этого бесспорно талантливому, изящному архитектору.

«С.-Петербургские Ведомости» 1803 г., стр. 2121; там же 1805 г., стр. 53; П. Свиньин, Достопамятности С.-Петербурга; С. Кондаков, Императорская Академия Художеств. 1764–1914 гг.; И. Грабарь. История русского искусства, вып. 17; П. Петров. Материалы к истории Академии художеств, II, стр. 59.

Руска, Франц Иванович (Frantz Ruska), доктор медицины

Руска, Франц Иванович (Frantz Ruska) – доктор медицины; родом из города Лугано, в Швейцарии, род. в 1756 г. (вероятно, сын архитектора); учился в Пармском и Павийском университетах в течение 8 лет и в первом из них получил (5-го июля 1781 г.) диплом доктора медицины; вслед за тем он приехал в Петербург и, по экзамену в Медицинской Коллегии, получил право практики в России (11-го июля 1782 г.); умер 4-го апреля 1788 г. в Петербурге.

Я. Чистович, История первых медицинских школ в России, СПб. 1883, стр. ССХХХVI; Сборн. Имп Русского Историч. Общества, т. 62, стр. 227.

Руска (Руско), Франц Иванович, архитектор

Руска, Франц Иванович (Руско) – архитектор ведомства Кабинета Его Величества; родился в 1785 году; быть может – брат известного *Луиджи Руска*, он прибыл в Россию каменных дел мастером и 17-го мая 1817 года, по Высочайшей конфирмации, был причислен в ведомство Кабинета Его Величества; через 2 года – 21-го августа 1819 года – Кабинет откомандировал, его на Императорскую Петергофскую бумажную фабрику, на которой в это время производилась усиленная постройка домов и казарм; на Петергофской фабрике Руска оставался недолго и в начале следующего, 1820 года причислен был к Строительной Комиссии при Кабинете для устройства против Зимнего Дворца правильной площади. Затем, 7-го мая 1827 года, по распоряжению управляющего Кабинетом Его Величества, Руска был командирован к обер-гофмейстеру барону Альбедилю, для переделки комнат Государыни Императрицы Марии Феодоровны, и по окончании этой работы получил назначение в строительную комиссию, учрежденную при Кабинете для устройства двух каменных корпусов с торговыми магазинами и новой театральной площади; эти корпуса помещаются на Театральной улице: один занят Театральным училищем, другой – учреждениями Министерства Внутренних Дел; бывшие в первом этаже «торговые магазины» в скором времени после их устройства были переделаны, так как не находилось желающих снимать их; в одном из этих магазинов некоторое время (в середине 30-х годов XIX века) помещался ресторан «Феникс», – приют артистов Александринского театра.

В 1829 году Руска получил новое назначение – быть архитектором при доме бывшего Главного Штаба и принимал участие в переделке бывшего дома Кусовникова, входившего в здание Штаба. Дом Кусовникова выходил частью фасада на Дворцовую площадь, а частью – на Адмиралтейскую; дом Главного Штаба, архитектором которого состоял Руска, некогда

принадлежал Молчанову и был на углу Б. Морской и Дворцовой площади; впоследствии же дома соединились в один общий дом.

3-го ноября 1832 года, по Высочайшему повелению, объявленному Министром Императорского Двора, Ф. И. Руска был командирован для проверки и подробного рассмотрения и соображения планов зданий, предположенных к постройке в Почаевском монастыре Волынской губернии. Вслед за командировкою в Почаевскую лавру Ф. И. Руска получил следующую командировку – 29-го апреля 1834 года, которая для него, как католика по вероисповеданию, не могла быть приятною: по Высочайшему повелению Ф. И. Руска отбыл в Варшаву, в распоряжение генерал-фельдмаршала Паскевича князя Варшавского, для обращения существовавшего в Варшаве костела и монастыря Бернардинов в Греко-российский храм и архиерейский двор. Как кажется, это была последняя командировка Ф. И. Руско: 16-го февраля 1838 года он был определен архитектором в комиссию проектов и смет, а через неделю, 24-ю февраля того же года, был назначен и наблюдающим, без особого жалования, за строениями Императорского Ботанического сада; эти должности Ф. И. Руско совмещал со своею первоначальною – архитектора по дому Главного Штаба.

В начале своей службы Ф. И. Руска получал дважды назначение в «печальные комиссии»: первую в 1825 году, устроенную для похорон Императора Александра I, вторую – в 1828 году, для похорон вдовствующей Императрицы Марии Федоровны.

Служба Ф. И. Руска награждалась очень щедро. Кроме чинов (22-го августа 1822 года – 10-го класса, 17-го июля 1823 года, 9-го класса), он 11-го ноября 1826 года пожалован был кавалером ордена св. Анны 3-ей степени, 2-го апреля 1828 года – орденом св. Владимира 4-й степени (что по тому времени давало права Российского дворянства), 11-го сентября 1830 года – орденом св. Анны 2-ой степени, 4-го июня 1831 года – тем же орденом, украшенным Императорскою короною, 2-го января 1833 года произведен в 8-й класс. 21-го апреля 1834

года пожалован кавалером ордена св. Станислава 3-ей степени, повышенного впоследствии во 2-ю степень; 31-го марта 1840 года произведен в надворные советники, 9-го июня 1844 года получил орден св. Станислава 2-й степени, украшенный Императорскою короною, а 29-го мая 1849 года получил Высочайшее благоволение; кроме того, неоднократно получал Высочайшие подарки драгоценными вещами, деньгами и увеличением жалованья.

Приехав в Россию «каменных дел мастером», Руска и остался таковым: хотя он и именовался архитектором, но на это звание он не получал права от Академии Художеств. Все работы он производил по проектам других архитекторов и, быть может, лишь построенный им «castrum doloris» при погребении Императрицы Марии Феодоровны был его собственного сочинения. Состоя при Кабинете, Руска исполнял проекты гениального Росси; здание Главного Штаба он переделывал сперва по проектам того же Росси, а затем – военного инженера Черника; таким образом, как архитектор, Руска не проявил себя никакою самостоятельной работою, но он был хорошим производителем работ и за это производство был награждаем вполне по-царски.

Как кажется, он не был женат. Год его смерти нам неизвестен, во всяком случае – после 1853 года, когда был составлен использованный нами формулярный его список.

«Волынские Епархиальные Ведомости», прил. к № 13, 1870 года; Я. Жилинский, Здание Главного Штаба.

Руска, Эжидио Матвеевич

Руска, Эжидио Матвеевич, архитектор; очевидно, родственник предыдущих Руска; уроженец Швейцарии; в 1849 г. прислал в Академию Художеств, из Киева, проект «церкви, составленный в русском вкусе», и просил признать его «свободным художником по архитектуре». Свое прошение Руска подписал латинскими буквами: очевидно, он не умел писать по-русски. 12-го ноября 1849 года Академия Художеств уведомила Руска, что его проект был признан неудовлетворительным. 28-го февраля 1850 года Э. Руска обратился в Академию Художеств со вторым прошением, в котором, указывая, что он 32 года работает в России, прилагал план «вновь проектируемого здания» и просил признать его свободным художником. Это признание или, как выражался Э. Руска, «милостивое благоизволение» «истинно осчастливит и вознаградит 32-х летние труды постоянного его в России пребывания». 30-го ноября 1850 года Академия Художеств определила, «во уважение многолетних практических работ по строительному искусству г. Руска, о которых получены Советом Академии подробные сведения, удостоить его, Руска, звания некласного художника по части архитектуры с правом производить строения». Из указанных сведений Академии Художеств видно, что весной Руска первоначально жил в Петербурге и находился каменных дел мастером при Исаакиевском соборе, при строении таможни в Кронштадте, а затем был откомандирован в Киев, где состоял при постройке Киевского университета. Перед тем, как обратиться с просьбой в Академию Художеств, Эжидио Руска принял Русское подданство.

Архив Академии Художеств, № 56/P; П. Петров, III, стр. 150.

Рускони, Феликс Осипович

Рускони, Феликс Осипович, доктор медицины, лейб-хирург; по происхождению итальянец, Австрийский подданный, родился в 1769 или 1770 г. Вступив в службу волонтером при Московском госпитале 13-го декабря 1795 г., он 1-го ноября 1798 г. был произведен в кандидаты хирургии и вскоре назначен был (23-го декабря) в родильню Воспитательного дома, откуда 18-го июля 1799 г. определен был лекарем в Гренадерский Лукашевичев батальон; отсюда последовательно переведен был в гарнизонный Плуталова (20-го мая 1800), а затем в л.-гв Семеновский (9-го июля того же 1800 г.) полк.

Произведенный 14-го августа 1802 г. в штаб-лекари, он в 1805 г. награжден был бриллиантовым перстнем, а в 1806 г., за отличное усердие, оказанное во время кампании 1805 г. В корпусе Цесаревича Константина Павловича, произведен был в коллежские асессоры; в том же году, по представлению Кутузова, он, за отличное исправление должности при размене пленных, награжден был 1500 рублей. 9-го февраля 1807 г. Р. был назначен полковым штаб-лекарем в л.-гв. Измайловский полк и 31-го октября 1807 же года, за отличие в заграничной армии в Пруссии, пожалован орденом Владимира 4-й степени; 26-го июля 1808 г., по образовании Медицинской Экспедиции Военного Департамента, он определен в нее советником и 29-го августа 1811 г. произведен в коллежские советники. 1-го февраля 1810 г. избранный в корреспонденты Импер. Медико-хирургической академии, он, при новом образовании Медицинского Департамента Военного Министерства, 23-го марта 1812 г., был утвержден в должности начальника 1-го Отделения означенного Департамента, а 1-го апреля того же 1812 г., по Высочайшему повелению, приказано ему было исправлять должность Директора Департамента, которую он и исправлял по 1816 г. 2-го февраля 1813 г. он награжден был орденом св. Анны 2 класса, 12-го ноября того же года избран был членом Виленского Медицинского Общества, 9-го января 1814 г. был пожалован в статские советники, а 14-го марта 1814

г. Императорскою Медико-хирургическою академиею признан доктором медицины и хирургии.

30-го августа 1814 г., по предложению главного по армии медицинского инспектора, за неприбытием еще из Франции д-ра Геслинга к назначенному месту штаб-доктора всей гвардии, как пехоты, так и кавалерии, Рускони велено было, до прибытия его, Геслинга, занять это место. Затем именным указом, данным Сенату 14-го января 1816 г., Рускони был назначен вице-директором Медицинского Департамента Военного Министерства, 12-го декабря 1816 г. получил за ревностную службу Высочайшее благоволение; 10-го мая 1817 г., в уважение усердной службы, пожалована была ему аренда на 12 лет, а 26-го июня 1818 г. он был назначен членом Медицинского Совета при Министерстве Духовных Дел и Народного Просвещения.

Ф. О. Рускони был женат на дочери гвардии капитана Макарова, *Анне Николаевне*, но детей не имел.

Умер 28-го ноября 1819 г. и погребен на Смоленском кладбище.

Формулярный список в Сенатском Архиве 1818 г., № 26, л. 6–11; надгробие; Сборн. Имп. Русского Исторического Общества, т. 62, стр. 227–228; «Историч. Вестн.» 1894 г., № 4, стр. 35.

Руссау, Карл Карлович

Руссау, Карл Карлович, директор С.-Петербургского коммерческого училища; род. в Риге 4-го января (или февраля) 1764 г. Он начал свою службу в Преображенском полку нижним чином, потом, по обычаю, был выпущен офицером в армию, сражался, во время войны с Польшей в 1794 г., при штурме Праги (23–24-го октября), за что и имел золотой знак; кроме того, получил золотую шпагу с надписью «за храбрость»; перейдя затем в ведомство Путей Сообщения, Р. в 1803 г. находился у производства работ при канале для соединения Днепра и Двины; в 1804 г., будучи коллежским асессором, за отличие был награжден (26-го ноября) орденом св. Георгия 4-й степени, а в 1805–1808 гг., в чине надворного советника, состоял главным Смотрителем Березинского канала и 19-го июля 1807 г. награжден был орденом св. Анны 2-й степени.

В 1810 г. Р., по личному выбору самой Императрицы Марии Феодоровны, Р. был назначен, на место В. С. Подшивалова, директором С.-Петербургского коммерческого училища; он был в первый периоде, существования училища единственным директором, не имевшим высшего образовательного ценза. По мнению историка училища, «назначая его, Императрица заботилась, по всей вероятности, о поддержании дисциплины в училище, на которую он и обращал главным образом свое внимание» за время почти девятилетнего своего директорства.

Получив чин статского советника около 1814 г., Р. скончался в Петербурге 22-го октября 1819 г. и погребен на Волковом лютеранском кладбище.

Сборник материалов для истории С.-Петербургского Коммерческого Училища, Отд. IV, V и VI, СПб. 1889, стр. 90, 114, 138 и др.; А. Г. Тимофеев, История С.-Петербургского Коммерческого Училища, т. I, СПб. 1901, стр. 95, с фотот. портретом Руссау; В. Степанов и Н. Григорович. В память столетнего юбилея... ордена св. Георгия, СПб. 1869; «Месяцеслов» на 1820 г., ч. I, стр. 884; Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ., т. 62, стр. 228; Петербургский некрополь, т.

III, стр. 637; Месяцеслов, на 1804 г., ч. I, стр. 261; на 1806 г., ч. I, стр. 338 и на 1808 г., ч. I, стр. 351.

Руссов, ВалерианФедорович (Friedrich-Iohann-Wilhelm Russow)

Руссов, Валериан Федорович (Friedrich-Iohann-Wilhelm Russow) – зоолог, исследователь орнитологии Туркестана; из потомственных дворян, сын инженерного полковника, род. 18-го апреля 1842 г. в Ревеле, ум. 6-го января 1879 г. в Оренбурге. Первоначальное воспитание Р. получил дома, а затем поступил в Ревельскую гимназию, курса которой, однако, не мог окончить по слабости здоровья. По выходе из гимназии, он посвятил себя сельскому хозяйству, но вскоре его оставил, так как его влекло к себе изучение природы – особенно жизни и систематики птиц. Так как с молодых лет у Р. была страсть к коллекционированию и замечательная способность к таксидермии, то в 1862 г., 26-го ноября, он поступил на место хранителя Зоологического кабинета Дерптского университета, в котором и служил в течение 12 лет, – до 1874 г. В продолжение своей службы в Дерптском университете Р. постоянно производил экскурсии в окрестностях Дерпта и по поручению Дерптского Общества Естествоиспытателей, в 1870, 1873 и 1874 гг., – в губерниях Рижской, Митавской и Ревельской.

Кроме того, в 1871 г., с апреля по октябрь, Р. имел случай совершить первую свою поездку в Туркестан, куда он сопровождал профессора Дерптского университета по кафедре сельского хозяйства Петцольда. В 1874 г. Р. оставил Дерпт и поступил ученым хранителем отделов млекопитающих и птиц в Зоологическом музее Имп. Академии Наук. Р. начал свою деятельность в музее с просмотра массы накопившихся шкурок, которые были определены еще Брандтом, Менетрие, Нордманом, Миддендорфом, Шренком и Радде и послужили материалом для их работ. Р. принялся, прежде всего, за певчих птиц, выделил все экзотические виды, рассортировал по родам и видам формы, принадлежащие вообще русской и палеарктической фауне, определил их частью окончательно, частью приблизительно, снабдив этикетками и переложив в коробки. Далее, все шкурки плавающих птиц были таким же

образом систематически распределены, снабжены этикетками и переложены в ящики. Р. также составил подробные систематические списки для каждого из этих (50) ящиков. Одновременно с этими работами, требовавшими немало времени и труда, Р. заведовал технической лабораторией музея и при этом отнюдь не ограничивался одним лишь руководством и надзором за работами, но принимал в них личное участие и мастерски, можно сказать, даже неподражаемо, сам набивал особенно редкие и ценные экземпляры и заново расставил всех набитых птиц, причем внес в каталог более половины числа их, т. е., свыше 3500 номеров, почти всегда с предварительной проверкой определения. Кроме исчисленных работ, Р. собрал все имевшиеся в музее гнезда и яйца, прибавил еще кое-какие, собранные им самим в Ревеле и его окрестностях, и разложил весь этот материал в трех шкафах, а также доставил чрезвычайно богатый и интересный зоологический материал из своего Туркестанского путешествия.

Орнитологические коллекции Р. из Туркестана особенно богаты, притом не только по числу видов, но и экземпляров, которых он добыл не менее 1500. Коллекция рыб (туркестанских) Руссова оказалась также весьма богатою по числу видов и экземпляров. В 1878 г., в январе, Академия Наук командировала Р., на один год, снова в Туркестан для зоологических исследований, в экспедиции А. Ф. Миддендорфа. В феврале того же года Р. прибыл в Чиназ, который он избрал центром своего пребывания – вследствие удобства, представляемого им для собирания птиц и наблюдений над ними во время их пролета, как это дознал он еще во время первого своего путешествия в Туркестан. В Чиназе Р. пробыл вместе с сыном академика Миддендорфа до 15-го мая, а затем отправился в Заамин, где в соседнем Урьюкле-тау собрал значительные коллекции. В конце июня того же года Р. предпринял поездку в горы чрез Пенджакент, Кштун, Артуч, Кушхалан, Маргусаар и Рават к Искандер-кулю, который он достигнул 15-го июля. Здесь пробыл он месяц и снова возвратился в Чиназ. Получив приглашение сопутствовать отправляемому в Бухару Туркестанским правительством

посольству, Р. выехал 30-го сентября из Самарканда и посетил Китаб, Шар, Саар-теке, Дербент и Байссун. В последней местности Р. отделился от посольства, так как быстрое его перемещение не давало возможности коллектировать с надлежащей точностью. Возвратившись в Самарканд, Р. в декабре предпринял свою обратную поездку в Петербург, но по дороге умер.

Р. напечатал: «Ueber die Zunahme der Vogelfauna in Liv-Ehst- und Curland» – «Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher-Gesellschaft», Dritter Band, Zweites Heft, S. 143, 1870 г.; «Über Töne, die von einigen Vögeln während der Paarungszeit hervorgebracht werden, ohne Kehllaute zu sein» – ibid., S. 147, 1870 г.; «Verzeichniss der in des Matzol-Bucht als brütend oder als durchziehend beobachteten Vögel» – ibid., S. 155, 1870 г.; «Ergebnisse einer ornithologischen Reise durch die Ostseeprovinzen, während der Sommermonate 1870 – ibid., S. 150 и 159, 1870 г.; «Bericht über Ergebnisse einer zoologischen Reise durch Liv-und Ehstland im Frühjare 1873» – ibid., 3 Band, 5 Heft, S. 401, 1873 г.; «Bericht über Ergebnisse einer ornithologischen Reise im Jahre 1874» – ibid., 3 Band, 6 Heft, S. 483, 1874 г.; «Tabellarische Uebersicht der bei Dorpat beobachteten Zugzeit der Vögel in den Jahren 1866–1872 – Meteorol. Beobacht. im Dorpat, VII, VIII Jahrz., Band 11, Heft 2–3, S. 82, 1874 г.

А. Богданов, Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее 35-летие (1850–1888), т. III, М. 1891 г. («Известия Имп. Общества Любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском Университете», т. LXX, Труды Зоологического Отделения Общества, т. VI, лист 30); А. Штраух, Зоологический музей Имп. Академии Наук. 50-летие его существования – Приложение к LXI т. «Записок Имп. Академии Наук», стр. 133, 184–185; Формулярный список о службе Руссова за 1868 г.

Руссов, Степан Васильевич

Руссов, Степан Васильевич, писатель, составитель «Библиографического каталога российским писательницам», автор многочисленных произведений в области исторических исследований и ревностный поклонник Карамзина; был сыном пономаря и родился в селе Репнине (Сухиненках тож), Калужской губернии и уезда, по мнению одних (Неустроев) – в 1768 г., по другим (Семевский) – в 1770 году. Учился сначала в Калужской семинарии, а затем, в сентябре 1784 года, поступил в Троицкую семинарию, откуда в 1786 году был послан в Петербург для приготовления в учителя народных училищ. Из Петербурга в том же 1786 году, 22-го сентября, Руссов был отправлен в Пензенскую губернию, где занял место учителя Пензенского главного народного училища.

Педагогическая деятельность Руссова продолжалась до начала 1790-х годов: 4-го мая 1793 года, по желанию директора экономии Зубова, Руссов был переведен в Пензенскую Казенную Палату на должность бухгалтера – «для установления бухгалтерии по казенным винокуренным заводам». Через год он был произведен в коллежские бухгалтеры. В Казенной Палате Руссову поручено было вести переписку и с высшим начальством. 23-го января 1797 г. он был переведен в Апелляционный Сената Департамент и вместе – в Канцелярию Генерал-прокурора и 10-го апреля того же года был пожалован в губернские секретари, а 6-го декабря 1798 г. – в титулярные советники.

В это именно время Руссов выступил на литературное поприще. По примеру многих писателей того времени, Руссов начал стихами. Из всех известных до сего времени его произведений должна быть поставлена на первом месте его «Ода Государю Императору Павлу Петровичу на... день... восшествия Его... на престол 1797 г., ноября 6-го числа», СПб. 1797, 20 стр. Эта ода, считавшаяся ненапечатанною, была вторично напечатана М. И. Семевским в сборнике «Оснадцатый век» 1869 г., кн. 4-я, стр. 476–488); издатель в

предисловии говорит, что некий Степан Руссов, весьма дюжинный писатель, воспользовался богатым материалом из первого года царствования Павла I и составил свое песнопение; но воспользовался он материалом «грубо, аляповато, бездарно и без всякого разбора». Ода, о которой идет речь, далеко не единственное произведение Руссова в стихах: из различных списков его произведений видно, что свои труды в стихах выпускал он и отдельными брошюрами, а иногда помещал их в журналах своего времени (напр., в «Новостях Русской Литературы»). Мнение Семеvского о первом стихотворном труде Руссова вполне приложимо и к последующим: все они так же грубы, аляповаты. Одно за ним можно признать достоинство: произведения его иногда являются проникнутыми блесками сатирического ума, но и при всем том Руссова нельзя признать поэтом – это был приличный стихослагатель, каких в то время было очень много.

Служебная карьера С. В. Руссова на первых порах была очень разнообразна: в 1799 г. мы его видим директором Курских народных училищ (апрель-июль), а 15-го июля того же года он был переведен опять в Канцелярию Генерал-прокурора, в 1800 г., в декабре, – в Провиантскую Экспедицию Секретарем; здесь он получил чин надворного советника. На этом месте службы с Руссовым случилось неприятное происшествие: он был отдан под суд; событие это сам Руссов считал «важнейшею заслугою, ибо он имел случай сохранить несколько миллионов казенного интереса». Пока тянулись этот суд и дело, Р. занимался частным образом в Конторе Российско-Американской Компании И. А. Голикова, получая за это приличное вознаграждение. В январе 1806 г. Руссов был снова принят на службу – он был определен Секретарем Общего Собрания Сената, а 8-го октября того же года назначен прокурором Волынской губернии.

Результатом пребывания Руссова в Житомире явились «Волынские Записки» (1809 г., СПб.), напечатанные, по ходатайству князя П. В. Лопухина, на счет сумм Кабинета Его Императорского Величества. По словам самого Руссова, будучи в должности волынского губернского прокурора, он ходатайством своим возвратил и охранил все церковные земли,

во время Французской 1807 г. войны помещиками насильственно от греко-российских церквей отбиравшиеся. В Волынском крае Руссов пробыл только два года: 22-го октября 1808 г. он был переведен на должность обер-секретаря Сената, – именно в 7-й Департамент, в Москве. В 1811 г. ему был пожалован орден св. Владимира 4-й степени.

Служба в Москве свела Руссова с тогдашними московскими учеными, и он около 1810 г. был избран членом Общества истории и древностей Российских; при нашествии французов на Москву он был отправлен с делами Сената сначала в Нижний Новгород, а потом в Казань, где и 1814 г. был избран членом Казанского Общества любителей отечественной словесности.

Казалось, обстоятельства в жизни Руссова складывались к его благополучию, но он, надо думать, был плохой чиновник: как оказывается, его легко мог обмануть и провести любой мелкий служащий, бывший в его подчинении. Таковым на службе в Москве и оказался Павел Леонтьевич Пучков, который в 1815 г., сделав в одном судебном деле подлог в фактах, довел Руссова до того, что тот вместе с Пучковым лишен был места и отдан под суд. По тогдашнему времени дело это тянулось очень долго, и Руссову для своего оправдания пришлось исписать немало бумаги.

Дело кончилось в 1819 году по указу Императора Александра, который разрешил допустить Руссова «к определению паки на службу». Однако он от занятия всякой должности отказался, хотя прежде и очень добивался этого. Он долго путешествовал по Европе, а возвратясь в Россию, посвятил все свои досуги литературе.

Руссов, как писатель, был очень плодовит; он сотрудничал в очень многих повременных изданиях своего времени: имя его встречается в «Отечественных Записках» (изд. Свиньина), в «Северном Архиве», в «Сыне Отечества», «Литературной Газете», «Славянине» и др.; на 1832 г. он сам издавал журнал «Воспоминания». Кроме указанного сотрудничества, Р. немало сочинений своих выпустил в свет отдельными брошюрами и книгами.

Руссов посвятил себя в литературе главным образом разработке словесности и отечественной истории. В области словесности известна преимущественно его книжка, в настоящее время весьма редкая – «Библиографический каталог российским писательницам», СПб. 1826 г., 8°, 46 страниц. В книжке дан краткий перечень писательниц и их произведений. Далее известно, что когда стихотворец граф Д. И. Хвостов задумал составить и издать словарь русских писателей, то ревностным сотрудником его в этом деле явился С. В. Руссов. Кроме поэтических произведений (оды, эпистолы и другие стихотворения), известно в литературе несколько статей Руссова, говорящих о филологических попытках автора, направленных к объяснению различных слов в русском языке.

Более известен Руссов по его попыткам, направленным к разработке Отечественной истории. Здесь, по массе им написанного и по разнообразию лиц и предметов, о которых он писал, трудно сказать, что особенно его интересовало, и надо согласиться с В. П. Бурнашевым, который говорит, что этот приземистый старик, т. е. С. В. Руссов, печатавший брошюры и статьи в защиту святой для него тени Карамзина, говоривший с пеной у рта о тех вольностях, какие правительство дозволяет различным нахалам – невольно возбуждал смех своими курьезными статьями. Правда, Руссов был избран в 1834 году, по предложению А. С. Шишкова, членом Российской Академии, так как, «в своих сочинениях он старался ясными и справедливыми, без всякой стачки и пристрастия, доводами и доказательствами опровергать неблагонамеренное некоторых писателей намерение ложными выдумками и умствованиями исказить бытописания наши, летописи, язык и даже нравственность», но, несомненно, более справедливо отзываясь о достоинстве исторических трудов Руссова П. А. Плетнев, когда говорит: они (труды), «остаются, как материал, занимательный для небольшого числа ученых, обязанных проходить и самые темные стези в области их ведения».

Что Руссов был членом Российской Академии, это, конечно, нисколько не оправдывает достоинства его сочинений.

И действительно, Руссов подвергался немалым нападкам в тогдашних журналах за свой дубовый слог, которым он излагал свои статьи: «Слог Руссова – чудо, – писалось в «Северной Пчеле» 1836 г.: – Тредьяковский, Елагин и Емин легко могут принять его за контрафакцию своего стиля – словом, слог Руссова не анахронизм только на Васильевском острове».

В заключение нельзя не отметить одной выдающейся черты в характере С. В. Руссова: это был человек в высшей степени самолюбивый, для восстановления своей будто бы попорченной чести или подорванного авторитета своей ученой эрудиции не брезговавший, кажется, никакими средствами. Дело доходило даже до доносов на своих противников.

Руссов скончался в Петербурге 20-го марта 1842 года, на 74 году, и погребен на Волковом кладбище.

В заключение очерка жизни Руссова приводим список его сочинений.

1) Ода Государю Императору Павлу Петровичу на высокаторжественный день Всевысочайшего Его Императорского Величества на Всероссийский престол восшествия 1797 г. Ноября 6 ч., СПб., при Императорской Академии Наук, 1797, 4°, 20 стр.; 2) То же, – с предисловием М. И. Семева – «Оснадцатый век», изд. М. 1869, кн. 4, стр. 477–488; 3) «Челночик, или Путешествие к щастию». Стихи. – Первое издание напечатано в Петербурге, в Императорской типографии, 1799 г., 8°, с означением, что это перевод; тоже (изд. 2-е), М., в тип. С. Селивановского, 1819, 8°, 24 стр., ц. 1 руб. 50 коп.; 4) Епистола Всепресветлейшему Государю Императору Всея России Александру Павловичу, Сентября 15 дня 1801, в Импер. тип. Стихи, ц. 2 руб.; 5) Вопрос. Стихи – «Нов. Рус. Литер.» 1802, ч. II, стр. 301–302; 6) Басни: Басня, Стихотворение – там же 1802, ч. IV, стр. 95–96; 7) Дуб, Стихотворение – там же 1802, ч. IV, стр. 239; 8) Биография И. А. Голикова, первого основателя Российско-Американской Компании – «Немецкий Журнал» Шредера, СПб., 1806 г., Январь; 9) Волынские Записки, сочиненные в Житомире, по Высочайшему Повелению, СПб., в Импер. тип., 1809, 8°, XX и 196 лист., с тремя картами, ц. 5 руб. Из карт: 1 представляет

древнее положение России до Рюрика, 2 – Разделение Волынской губернии, 3 – водяные сообщения; 10) Словарь Российской орфографии или правописания, М. 1813, 8°, в тип. Селивановского, ц. 1 руб. 50 коп.; 11) Ода Александру Первому, на случай низвержения Наполеона, восстановления всеобщего мира и всеобщего же совещания, какое принадлежит название Царю-Герою, М. 1814 г., тип. Селивановского, 8°, 16 стр., ц. 2 руб.; 12) Гений, СПб., в тип. Деп. Нар. Пр., 1820, 8°, II и 15 стр., ц. 1 руб. 50 коп. (Стихи, – нечто вроде оды); 13) Обзорение критики Ходаковского на Историю Российского Государства, сочиненную Н. М. Карамзиным, сочинение Руссова, СПб., в тип. Деп. Нар. Пр., 1820, 12°, 130 стр., ц. 5 руб.; 14) Похвала патенсам (английской обуви), с приобщением словарика всех обуви древних. Перевод с иностранного, СПб., в тип. Медицинского Департамента, 1824, 8°, 10 стр., с 2 рис.; 15) Варяжские законы с Российским переводом с латинского языка и краткими замечаниями, СПб., в тип. Медицинского Департамента, 1824, 8°, 32 стр., ц. 2 руб. 50 коп.; 16) Опыт о идолах, Владимиром в Киеве поставленных во время язычества и сим же Великим Князем самим уничтоженных, когда он просветился благодатным учением христианской веры – «Сын Отечества», ч. 98 (1824, № 50), стр. 145–161; 17) То же, изд. отдельно: СПб., тип. Н. Греча, 1824, 8°, ц. 2 руб. 50 коп.; 18) О супруге Французского Короля Генриха I – «Сын Отеч.» 1824 г., ч. 97, № 46, стр. 241–257 и ч. 98, № 47, стр. 3–24; 19) это же издано отдельно, под заглавием: Историческое розыскание о дочерях Ярослава, СПб., тип. Греча, 1824, 8°, 35 стр., ц. 2 руб. 50 коп., а после смерти Руссова напечатано еще в «Маяке» 1844 г., т. 14, кн. 27, март, гл. 3, стр. 81–100; 20) Путешествие по Петербургу, СПб. 1824 г.; 21) Калейдакустикон, музыкальное упражнение для составления 214 миллионов вальсов и более, на Российском, Французском и Немецком языках. Издание 2-е, СПб., в тип. Смирдина, 1825, 8°, с 231 карточками подвижных нот, ц. 4 руб.; 22) Отрывок из путешествия по Европе. Парижская выставка искусств и рукоделий – «Отеч. Зап.» 1825, ч. 21, № 2, стр. 253–268; 23) То же, изд. и отд., СПб., тип. Смирдина, 1825, 12°, 13 стр., ц. 1 руб.; 24) Еще о Корсунских

вратах Новгородского Софийского собора – «Отеч. Зап.» 1825, ч. 22, № 6, стр. 419–428; 25) То же было изд. и отд., СПб. 1825, 12°; 26) Фантазия, или Российско-Римский словарь, то есть: Собрание Славянских и Римских слов, одни корни имеющих, СПб., Тип. Медич. Департ., 1826, 8°; 27) Библиографический каталог Российским писательницам, СПб., в тип. Медич. Деп-та, 1826, 8°, 46 стр.; здесь указаны 87 писательниц, с самыми краткими и неполными известиями о их произведениях; 28) Об основании города Вильны – «Отеч. Зап.» 1826, ч. 27, стр. 140; 29) О происхождении слова рубль – «Отеч. Записки», т. 27, 1826 г., № 72, стр. 137–139; 30) Письмо о Россиянах, бывших в нынешней России до Рурика – «Отеч. Записки», т. 30 (1827 № 86) стр. 463–488, и т. 31 (№ 87 и 89), стр. 104–126, 337–368; 31) Письмо Руссова – «Отеч. Записки», т. 30, 1827 г., стр. 327–334; 32) О времени печатания первой Русской газеты – «Русск. Инвалид» 1827, № 172; 33) Замечания на статью о убиении Св. Вячеслава, князя Чешского – «Северн. Архив» 1827, ч. 29, № 19, стр. 239–254; 34) Еще нечто о легенде, в которой повествуется о Вячеславе князе Чешском – «Северн. Арх.» 1828, № 2, стр. 352–370. (Это – ответ на возражения издателя той легенды); 35) Несколько слов о грамоте Владислава (1337) – «Сев. Пчела» 1828, № 121; 36) О происхождении двух простонародных слов: Карачун и Чур – «Отеч. Записки», ч. 34 (1828, № 98), стр. 474–480; 37) Краткое замечание относительно разных мнений о начале Российского государства – «Отеч. Зап.» 1828 г., ч. 35, стр. 122–124 (тут же ответ Лупулу); 38) Несколько слов о книге под названием: Нынешнее состояние Молдавии, Валахии и Бессарабской области, И. Яковенка – «Отеч. Записки» Свинына, т. 35 (1828), стр. 124–127; то же отдельно: 39) Взгляд на историю трех княжеств: Валахии, Молдавии и Бессарабии, с II по XIII столетие, с прибавлением разбора палеографской статьи по сему же предмету. (Из журнала «Отеч. Записки»), СПб. в тип. К. Крайя, 1828, 12°, 42 стр.; 40) Мысли о критике автора Истории Русского народа (Н. А. Полевого) на историю Н. М. Карамзина, СПб. 1829 г.; 41) Древняя история Волынской губернии, служащая продолжением первобытной истории народов государства Российского, сочиненная Графом

Иоанном Потоцким. Перевод с франц., СПб., в тип. К. Крайя, 1829, 12°, 14+XII+32 стр.; 42) то же под заглавием: 42) Письмо о книге барона Розенкампа под названием «О Кормчей книге» – «Сын Отеч.» 1829, № 28, стр. 83–97; 43) Словарь жемчужный, или описание мест и вод, на пространстве в России находящихся, в коих добывался жемчуг, СПб., в тип. Деп. Нар. Пр., 1829, 12°, 36 стр.; 44) О критике г. Арцыбашева на историю Государства Российского, сочиненную Н. М. Карамзиным, СПб., в тип. Деп. Нар. Просв., 1829, 12°, 105 стр.; 45) Примечания на некоторые непонятные слова в русской истории, занятые из Порфиорогента – «Сын Отечества» 1829 г., кн. 14; 46) Сокращение Скандинавской Мифологии. Перевод с иностранного языка, расположенный по русскому алфавиту, СПб., в тип. К. Крайя, 1829, 12°, 64 стр.; 47) Разбор Академической речи проф. Артемовского-Гулака, произнесенной в торжественном собрании Харьковского университета 30-го августа 1827 года, о разрешении некоторых вопросов, относящихся до Славянской древности – «Славянин», т. 12, 1829 г., № 40 и 41, стр. 64–90. Есть и отдельные оттиски этой статьи, в тип. Штаба отд. Корпуса Внутренней стражи, на 27 стр.; 48) Замечания на статью, в XIII, XIV, XV и XVI книжках «Вестника Европы» на сей 1829 год напечатанную под заглавием Взгляд на Русскую Правду – «Отеч. Записки», т. 40, 1829 г., № 116, стр. 337–379; 49) Поверка летосчисления некоторых достопамятных событий, помещенных в Готском Альманахе на нынешний 1829 год – «Бабочка» 1829, № 98; 50) Города, составлявшие Ганзейский Союз – «Отеч. Записки», том 40, 1829, № 116, стр. 483–489; 51) Опыт о подлинности Несторовой летописи, или разбор статьи, помещенной в № 15 «Вестника Европы» на сей 1830 год. О скудости и сомнительности происшествий первого века нашей древней истории, от основания государства до смерти Игоря, т. е. до 945 года – «Славянин», ч. 14, 1830, № 23, стр. 371–416; 52) Есть оттиски этой статьи, с прибавлением указателя предметов, СПб., тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи, 1830, 8°, 50 стр.; 53) Замечание на Историю Русского народа, сочиненную Николаем Полевым – «Славянин», ч. 13, 1830, № 6, стр. 367–401 и 463–

481 и ч. 14, 1830, № 7, ч. 16, 1830, № 19 и 20, стр. 49–85 и 141–163; 54) То же и отд. оттиски (три брошюры). с приложениями указателей предметов., СПб. 1830, тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. стражи, и 1831, тип. Главн. Управл. путей сообщения, 8° (то, что печаталось в «Славянине»); 55) Рецензия на 2-й том «Истории Русского Народа» Н. Полевого – «Северн. Меркурий» 1831, № 6; 56) О происхождении суеверия насчет Мая месяца, по сходству сего слова с Римским – «Отеч. Записки» Свинына, ч. 49, 1830, стр. 241; 57) Долг платежом красен – «Славянин», ч. 15, стр. 233–237 и отд. изд.; 58) Замечания на книжку, под названием: исследование о древнейшей Киевской церкви Св. Илии, соч. Е. Остроумовым, СПб. 1830, в Тип. Штаба Отд. Корпуса Внутрен. Стражи, 8°, 15 стр. Из «Славянина»; 59) Замечания на бранчивую статью, в 17 и 18 книжках «Московского Телеграфа» на 1830 год помещенную, по случаю издания г. Бантыш-Каменским Малороссийской истории, СПб., в тип. Глав. Упр. Путей сообщ., 1831, 8°, 19 стр., ц. 50 к.; 60) Замечания на 80 или последнюю главу Салических законов – «Лит. Газета» 1831 г., том III, № 2, стр. 14–15; 61) Нечто о вороном коне – «Литерат. Газета» 1831 г., т. III, № 4, стр. 30; 62) Замечания на статью, в «Московском Телеграфе» напечатанную, «О исторических книгах, некоторыми россиянами изданных» – «Литерат. «Газета» 1831 г.; 63) Замечания на слово юбилей, неправильно будто бы помещенное в речи проф. Ив. Мих. Снегирева. – «Литерат. Газета» 1831 г.; 64) Обзорение книги под названием Клятва при гробе Господнем, или русская быль XV века. Издание второе, СПб., в тип. Депар. Нар. Просв., 1832, 8°, 27 стр. Первое издание в журнале Руссова – «Воспоминания», кн. 8; 65) Воспоминания на 1832 год, СПб., 12 книжек (наполнено преимущественно статьями самого издателя); 66) Рюрики. Сколько их по Европейским летописям и известиям отыскать было можно, с примечаниями – «Воспоминания», 1832 г., кн. I, стр. 35–52; 66) Хроника Русская – там же 1832, кн. 4, стр. 19–25; 67) Историческая заметка. (По поводу статьи в «Чтениях Имп. Акад. Наук») – там же 1832, кн. 4 стр. 66; 68) Историческая заметка. (По поводу призвания Рюрика) – там же, 1832 кн. 5, стр. 70–72; 69) Обзорение

прагматической истории государства Российского – «Воспоминания» 1832, кн. 6, стр. 37–48; кн. 7, стр. 3–32; кн. 8, стр. 33–48 и кн. 9, стр. 65–82; 70) Еще о царе Борисе Федоровиче Годунове – там же, 1832, кн. 12, стр. 103–107; 71) Родословная Российских Государей, с показанием достопамятностей времени каждого, СПб., в тип. Глав. Упр. Путей сообщ., 1832, – на открытом листе; 72) Примечания на книгу, г. Берхом изданную, под названием: «Царствование Михаила Феодоровича и взгляд на междоусобицу», СПб. 1832, 8°, в тип. Департ. Народн. Просв., ц. 75 коп. имя автора – в конце); 73) Кадетские вопросы, или разбор книги под названием: Руководство к познанию литературы, В. П-на (Плаксына), СПб. 1834, 8°, с подписью: Р..); 74) О сагах в отношении к русской истории, или вообще о древней Руси, СПб., в тип. Иверсена, 1834, 8°, 122 стр., ц. 85 коп.; 75) О подлинности древнего русского стихотворения, известного под названием «Слово о полку Игореве, Игоря Святославля, сына Ольгова». СПб., в тип. Главного Управления Путей Сообщения и публич. зданий, 1834, 8°, 32 стр., с подписью Руссова; 76) О происхождении слова Муза – «Литературные прибавления к Инвалиду» на 1834 г.; 77) О русских герундиях – в Собрании разных критик на грамматику Греча, самим им напечатанных; 78) Замечания на письма Строева, одобряющие критику Арцыбашева на Историю Государства Российского – «Сын Отечества»; 79) Замечания к розысканиям о слове «вервь»; 80) Опыт о кожаных деньгах, СПб., в тип. Имп. Рос. Академии, 1835. 8°, 100 стр., ц. 60 коп.; 81) Разбор статьи, напечатанной в «Сыне Отечества» на 1835 год в № 37, 38, 39 о мнениях касательно Руси, СПб., в тип. Имп. Росс. Академии, 1836, 8°, 96 стр., ц. 60 коп.; 82) Словарь Русских простонародных речений, в древних французских актах находящихся. (При книжке о кожаных деньгах); 83) О древностях России. Новые толки и разбор их, СПб., в тип. Российской Академии, 1836, 8°, 100 стр., ц. 75 коп.; 84) Замечания на статью в «Северной Пчеле» 1837 г., в № 150 напечатанную, о книгах: Обзорение монет русских, Б. Шодуара, и Ключ к истории Государства Российского, СПб., в тип. Росс. Акад., 1837, 8°, ц. 50 коп.; 85) Исторические воспоминания, Губ.

г. Житомир. – «Волын. Губ. Вед.» 1838, № 12, стр. 61–66 (это – из «Волынских Записок»); 86) Историко-критические исследования. I. Опровержение мнений г. Крузе о мнимо-ютландском происхождении Рюрика. – II. Разбор мнений Н. М. Карамзина и П. Г. Буткова об Алдейгабурге – «Маяк» 1844, т. 14, кн. 27, март, гл. 4, стр. 55–76; 87) Материалы для исторического и статистического описания Калужской губернии, 1708–1840. (Из Калужской летописи, собранной Ст. Руссовым – «Калужск. Губ. Вед.» 1860, № № 22–25; 88) Записки (Руссова) перед книгою: «Выпись хронологическая из истории Русской». (Об археологическом собрании При Екатерине II) – «Зап. Имп. Акад. Наук», т. IX, кн. I, стр. 99–101; 89) Притча «Путешественники» – в «Новостях Литературы» и «Казанском Вестнике».

Некоторые сочинения С. В. Руссова остались в рукописях (в архиве М. И. Семевского). Перечень их составил Н. М. Востоков. Вот этот список: Елиада, или Война 1812 г. в стихах; История Калужской губернии, отчины руссов; История русской нумизматики; Путешественные записки, или взгляд на Европу; Словарь словарей; Словарь хронологический, общий; Стихотворение «Слава»; Хронология всех орденов Европейских; Черта древней и новой истории Бессарабии; Разбор мнений философов, древних и новых; Разбор летописи Иоакима; Опыты о происхождении России; Разбор польской истории Бандке; Цыгане Пушкина; Анекдоты; Афоризмы Иннократовы; Басни и всякие стихотворения (мелочь); Всеобщей истории обозрение, или разбор истории Кайданова; Эстетика; Гимн Калеанта; Реестр географических карт; Для забавы; Ливонская история; Славянская мифология; Название месяцев у разных народов; О патриаршествах; Опыт о русских летописях; Путешествие по окрестностям Волги (критика); Слово о бессмертии великих; Словарь христианский, или епархий; Записка об университетах; Философия нравоучительная; Опыты, откуда произошла басня, что Рюрик – племянник Кесаря; Возражение на книгу о происхождении руссов; География Российская; I столетие по повествованию Птолемея и прочих; Словарь энциклопедический; Каталог поэм;

Словарь архиереев и хронология церковная; Альманах; Апология или мое жизнеописание.

«Северная Пчела» 1836 г., № 56; «Журнал Министерства Нар. Просв.» 1842, ч. 38, III, стр. 26; «Справочный Энциклоп. Словарь», СПб., 1855, т. 9, ч. 2, стр. 232–233; «Рус. Энцикл. Словарь»; изд. И. Н. Березиным, т. I, отд. 4-е, стр. 346, «Энциклопедический Словарь», изд. Брокгауза-Ефрона, СПб., 1899 г., т. 27 (полутом 53), стр. 361; С. К. Смирнов, «История Троиц. Лавр. Семинарии», М., 1867, стр. 533–534; Петербургский старожил В. Б. (Бурнашев): «Мое знакомство с Воейковым в 1830 г.» – «Русский Вестник», т. 95, 1871 г. № 10, стр. 630–631; П. А. Плетнев, «Отчеты Имп. Акад. Наук по Отд. русск. яз. и словесности», СПб. 1852 г., стр. 48–49; «Библиограф. Листы» П. И. Кеппена, т. I, стр. 147 и 430; «Русский Архив» 1869 г., столб. 2096–2101: М. Погодин; М. И. Сухомлинов, «История Рос. Академии», т. VII, СПб. 1885 г., стр. 220, 474, «Сборник, изд. студентами СПб. Университета», т. I, СПб. 1857: Предисловие к «Запискам о Московском быте» Герберштейна, стр. 7; Г. Н. Геннади, «Временник Имп. Московского Общества истории и древн. Росс.», Кн. 25, 1857 г., отд. IV, стр. 24–32; М. И. Семевский и Н. М. Востоков: «Русская Старина», т. 71, 1892 г., № 4, стр. 103–115 и 116–119; А. В. См. (Смирнов): «Труды Владимирской Ученой Архивн. Комиссии», Кн. II, 1900 г., материалы, стр. 30–58; «Оснадцатый век», Исторический сборник, Кн. 4, 1869 г., стр. 476–488 (М. И. Семевский); Григорий Геннади, Справочный словарь..., Т. 3-й, М. 1908 г., стр. 284–285; Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», Кн. II, стр. 357; кн. V, стр. 208, 403; Д. А. Ровинский, «Словарь русских гравированных портретов», 1888 г. т. III, стр. 1888–1889; «Библиотека» Д. В. Ульянинского, Т. I, М. 1912 г., стр. 125 и др. по указателю; Каталоги Я. Ф. Березина-Ширяева, Сопикова, Смирдина, Плавильщикова и др.; Петербургский Некрополь, т. III, стр. 638.

Рустем, Иван Францович

Рустем, Иван Францович, художник, профессор живописи Виленского университета, надворный советник; происходил, как значится в его формулярном списке, «из купецких детей». В биографии его есть несколько темных мест, которые остаются невыясненными: так он, будучи по национальности поляком, родился в 1764 году в Пере, предместье Константинополя; по формулярному списку он значится, как мы выше указали, «из купецких детей», а между тем в нем принимал большое участие князь А. Чарторыйский, который увез его из Константинополя в Варшаву и заботился о его воспитании, поместив его в лучшее учебное заведение. Рустем впоследствии отблагодарил князя А. Чарторыйского, увековечив его и его семью в ряде портретов. Почувствовав в ранней юности влечение к живописи, Рустем получил начальные знания в ней в школе Норблена, а дальнейшие – в мастерской польского художника Вассиаерлли. В 1798 году он был назначен в Виленский университет адъюнктом на кафедру живописи, а после смерти профессора живописи Франца Смуглевича, в 1807 году, выбран был экстраординарным профессором, в звании которого и утвержден был 9-го июня 1811 года; чин надворного советника он получил 12-го февраля 1812 года.

Умер в 1835 г., 71 года от роду, в той же Вильне.

Рустем – портретный живописец, хотя, как и большинство художников того времени, писал и пейзажи (вид дворца КORYTOBECKOГО и др.), жанры и исполнил много рисунков, которые были литографированы в Вильне и выпущены в продажу альбомом под заглавием: «Память о Яне Рустеме», Вильно. 1837 г. Главное достоинство портретов Рустема – их сходство – не только внешнее, но и внутреннее: он, но выражению современников, умел передавать душу изображаемого лица; особенно ему удавались портреты близких ему лиц или лиц исторических. Его биограф приводит длинный список портретов, принадлежащих кисти Рустема; укажем из них очень интересный и схожий «автопортрет», портреты князя А.

Чарторыйского (имеется и миниатюра, где князь изображен с женою), Михаила Огинского, Иосифа Саундерса, Иосифа Гловацкого, Снядецких, Тизенгаузов, князя А. Сапеги, епископа Виленского Яна-Непомука Коссаковского, и ряд женских – княгини И. Чарторыйской (урожденной Флемминг), княгини Гедройц, княгини Марии Радзивилл и др.; из русских – С. Н. Марина; большое значение для Польского, главным образом, искусства (хотя в Виленском Университете обучались и русские художники) Рустем оказал как профессор живописи в университете: он ввел в преподавание рисование с натуры, как с антиков, так и с живой натуры, причем посвящал ученикам очень много времени, и, не довольствуясь преподаванием в самом Университете, не только приглашал наиболее талантливых к себе на дом, в свою мастерскую, но и посещал их. Как человек, Рустем отличался необыкновенной добротой.

Формулярный список 1814 г. (у В. Л. Модзалевского); E. Rastawiecki, Słownik malarzow polskich, Warszawa. 1851 (здесь приведена и библиография о Р.); Великий Князь Николай Михайлович, Русские портреты XVIII и XIX столетий, т. II (портрет Марина, 1810 г.).

Рутковский, Антон Иванович

Рутковский, Антон Иванович, врач; род. в 1813 г.; происходил из дворян Виленской губернии; обучался медицине в Виленской Медико-хирургической академии на казенный счет с 1832 г., в 1836 г. выпущен был врачом в парк 10-й артиллерийской бригады, в 1840 г. переведен в Селенгинский пехотный полк, в 1842 г. в Виленской академии получил звание штаб-лекаря и в 1843 г. назначен старшим лекарем в Апшеронский пехотный полк, но в том же году умер от воспаления легких.

В «Тыгоднике лекарском» Р. напечатал работу «Круп травматического происхождения» (1851 г., № 21).

Л. Ф. Змеев, Русские врачи-писатели, тетр. 2, СПб. 1886, стр. 88.

Рутковский, Владислав Игнатьевич

Рутковский, Владислав Игнатьевич, врач; род. в 1821 г. и происходил из дворян; воспитывался в университете св. Владимира в Киеве и выпущен был в 1848 г. лекарем в Симферопольский военный госпиталь; переведенный в 1849 г. в Подольский егерский полк, а в 1855 г. полковым врачом в Волынский пехотный полк, Р. в 1860 г. был командирован в Киевский военный госпиталь с научною целью; с 1864 г. он состоял секретарем из медиков Одесского Военно-Окружного Управления, а в 1867 г. назначен и. д. доктора 14 и 13 пехотных дивизий и в 1873 г. – 17-й дивизии; умер в чине статского советника в 1873 году.

Напечатал работу «Сакские минеральные воды и грязи» – «Военно-Медиц. Журнал» 1849 г., ч. 54, отд. II (с Ф. Цветаевым).

Л. Ф. Змеев, Русские врачи-писатели, тетр. 2, СПб. 1886, стр. 88.

Рутковский, Клементий Лукьянович

Рутковский, Клементий Лукьянович, тайный советник, Плоцкий гражданский губернатор; происходя из старинной дворянской семьи, начал службу 9-го ноября 1807 г. в Литовском крае; в 1831 году он был Виленским полицеймейстером, в 1838 году был полковником корпуса жандармов и 29-го сентября этого года был, за отличие, произведен в действ. статские советники и вскоре назначен Плоцким Гражданским Губернатором. Ознакомившись с положением дел в губернии, он особенное внимание обратил на тяжелое положение Польских крестьян. Многие помещики, в видах заведения у себя многопольного или плодопеременного хозяйства, уничтожали усадьбы крестьян и занимаемые ими земли присоединяли к господским, которые обрабатывали своим скотом и своими же наемными поденщиками. Последних они помещали в упраздненных крестьянских домах, давая им только огород и шестидесятое зерно от выработанного на господских землях хлеба, или же деньгами от 7½ до 10 копеек серебром в сутки. Понятно, что такое положение вещей не могло не внушать опасений, так как оно неминуемо должно было вести к обезземелению, а следовательно и к обеднению крестьянского сословия. Понимая серьезность такого положения вещей, Р. начал бороться с этим злом и обратился к главному директору Внутренних и духовных дел Царства Польского, но, видя, что это не приносит результатов, он во Всеподданнейшем годовом отчете о состоянии Плоцкой губернии за 1843 год, описывая положение дел, ходатайствовал о запрещении помещикам самовольно отнимать земли у крестьян, говоря, между прочим: «К предупреждению столь вредных последствий (обезземеления крестьян) я полагал бы полезным всех крестьян-хлебопашцев перевести на оброк (подобно тому, как это имеет место в Пруссии), а между тем воспретить отнимать самовольно землю от крестьян, издревле поселенных». Не ограничиваясь одними донесениями, Рутковский, во время проездов Императора Николая I через Остроленку, лично

докладывал ему о положении крестьян, обращая внимание Государя на те серьезные последствия, которыми грозило лишение их земли. Кроме личного доклада, Р. подал еще по этому вопросу несколько всеподданнейших записок, на основании которых и был издан закон 1846 года об ограничении своеволия Польских помещиков по отношению к крестьянам. Кроме того, Р. в течение своего почти 9-летнего управления губернией много сделал для самого города Плоцка и для всей Плоцкой губернии. В самом Плоцке, благодаря его стараниям, построен был постоянный мост, сделана набережная, засажен бульвар, открыты и вымощены многие улицы, общественный сад приведен в отличное состояние, расширены помещения многих губернских присутственных мест; в губернии же при нем начато было устройство шоссейных сообщений второго разряда. Награжденный 5-го октября 1840 г. орденом св. Станислава 1-й степени, Р. в 1847 г., в чине тайного советника, вышел в отставку и поселился в Варшаве, где и скончался в 1856 году.

«Варшавский Дневник» за 1867 г., 17-го (19) сентября, № 201, ст. Ю. А. Статковского: воспоминания о К. Л. Рутковском.

Рутковский, Кузьма Осипович

Рутковский, Кузьма Осипович, камер-музыкант. альтист Императорской Русской оперы; происходил из дворян Витебской губернии и родился в конце XVIII столетия. С 1810 года, в течение семнадцати лет, Р. играл в разных частных оркестрах Петербург, а 10-го февраля 1828 года был принят на службу Дирекции Императорских театров в качестве альтиста в Русскую оперу и назначен камер-музыкантом на место умершего Кистермахера, с жалованьем 1250 рублей в год. На службе Дирекции Р. оставался до самой своей смерти; участвуя в концертах, он исполнял партию альты в квартетах.

Рутковский скончался 15-го декабря 1840 года.

Архив Дирекции Императорских Театров, Дело 1840 года за № 337.

Рутцен, Николай Карлович фон

Рутцен, Николай Карлович фон, «Нестор Курского губернского земства»; род. 4-го ноября 1826 г. в г. Орле и детство свое провел в семье; отец его, поручик *Карл фон Рутцен* и мать Ольга Николаевна, урожденная Потемкина (род. 1799), жили в деревне, в сельце Костюрине, около г. Малоархангельска, а зимой – большею частью в Орле; как Р., так и его брат и две сестры воспитывались и учились дома, для чего родители старались отыскивать лучших учителей русских и иностранных. Р. с большим удовольствием вспоминает о своем учителе математики Василии Петровиче Петрове, который сумел заставить его любить математику, а также о священнике Сидонском, который давал ему уроки и Петербурге.

В 1842 году Р. поступил в Московский университет, на математический факультет, откуда и вышел кандидатом в 1846 году. Все время университетской жизни он охотно занимался математикой, деятельно посещал лекции, записывал их и благополучно сдавал экзамены. Будучи студентом, Р. почти все время жил у профессора Т. Н. Грановского, влияние которого отразилось на характере и идеях Р. Общительность, приветливость и доступность были крайне развиты у Рутцена.

Вскоре по выходе из университета, Р. потерял свою мать, причем на его руках остались две молоденькие сестры, брат и 1000 душ крестьян в Орловской губернии (в имении матери), на которых лежали такие огромные и просроченные долги казне и частным лицам, что почти равнялись стоимости имения. При таком положении о какой-нибудь деятельности для себя лично Р. не смел и думать, хотя его сильно влекло в Корпус путей сообщения – по его страстной наклонности к механике, которой он занимался в промежуток между делами по имению у известного академика и профессора Пафнутия Львовича Чебышева. Встретясь в это время где-то в обществе с Р., Ив Серг. Тургенев спросил его, чем он занимается в деревне: Р. отвечал, что он «описывает свои имения», и хотя ответ этот показался не совсем ясным Тургеневу, это выражение вполне

характеризовало тогдашнюю деятельность Р., так как тогда он был занят изучением своих владений и их экономического состояния. В то же время Р. сам готовил своего брата в университет, ездил с сестрами для их уроков и разъяснения в Москву и в Петербург. Он окружил их заботами и, любя их всей душой, пользовался взаимно их безграничной привязанностью и преданностью. Сестры говорили часто про Р., что во всей его жизни не было ни одного промежутка, когда бы он не был кем-нибудь особенно любим. Одним из любимых занятий Р. и в то же время средством для отдыха была охота, которой он предавался с полным увлечением в промежутках между делами; своим учителем и деле охоты он считал известного охотника Ивана Михайловича Казакова (соседа и приятеля его отца).

Общественная деятельность Р. по выходе из университета началась с того, что он был избран почетным попечителем Рыльского уездного училища и в этой скромной роли стремился быть полезным делу народного образования; уже тогда, в 1850-х годах, он составил проект преобразования уездных училищ (ввиду их разобщенности со всей системой воспитания) в прогимназии, которые каждому открывали бы путь к дальнейшему образованию и давали бы возможность жителям уездных городов воспитывать детей в самом нежном возрасте у себя, дома. Проект этот Р. докладывал и устно, и письменно бывшему в то время товарищу министра народного просвещения князю Ширинскому-Шихматову, который, однако, отвечал ему на это лишь, что правительство «в существующем порядке руководится высшими соображениями». В это же время Рутцена занимал один его проект, которому он придавал огромное общественное значение – «проект перевозки грузов по снегу и по льду посредством парового двигателя»; его увлекала, между прочим, и простота исполнения; он рассчитывал, что это доставит России неисчислимые выгоды, сделав общедоступными все лесные и другие богатства северо-восточной России, казенные и частные.

Проект этот был им вполне разработан дома и за границей и был напечатан в «Промышленном Листке» и отдельными

брошюрами в Москве и Париже – в «Génie Industriel». Р. имел привилегию на этот способ перевозки, который был им представлен на обсуждение в Академию Наук и, несмотря на то, что это составляло его *idée fixe* почти до конца его жизни, проект остался неосуществленным – сначала за недостатком у него свободных средств, потом за охватившей его общественной деятельностью, а наконец за недостатком здоровья и энергии.

Хозяйство свое Р. мало-помалу привел в порядок и, вступив в брак в 1856 году, предложил своим дворовым свободу; ею воспользовались все мастеровые и молодые люди, старики же и немощные остались; многим он дал оседлость (земли), а другие до смерти остались на его попечении; прислуга же с 1856 года была уже вся нанятая. В имении своего отца при с. Покровском, Фатежского уезда, где Р. жил последнее время, не удалось отклонить крестьян от решения взять дворовый надел, и они все время находились в опеке у Р.

В 1857 году, 20-го ноября, были опубликованы, как известно, первые рескрипты, касавшиеся освобождения крестьян. Р. прочел об этом на Почтовой станции в Туле, в декабре, на пути в Москву; в полчаса у него созрел проект о выкупной операции крестьянских наделов. Проект выкупа земли для крестьян давно уже занимал Р. и был им уже составлен и представлен, кажется, в Опекунский Совет, вскоре по выходе из университета.

Как ни рвался Р. к общественной деятельности, ввиду открывавшейся в то время новой жизни, давно ожидавшейся, но все его попытки и желания попасть по выборам или по назначению на службу крестьянскому делу оставались безуспешными.

В начале 1858 года Р. уехал из Москвы в Орел – на Дворянское собрание, состоявшееся для поднесения Государю адреса, и, участвуя по 4-м уездам: Орловскому, Мценскому, Болховскому и Малоархангельскому и переходя из одного в другой, старался содействовать тому, чтобы от Орловской губернии поднесен был так называемый «безусловный» адрес,

т. е. адрес с заявлением о желании освобождения крестьян с землею.

Вслед за тем в 1858 же году происходило Дворянское собрание для выборов членов в Губернский Комитет по крестьянскому делу, по одному от каждого уезда. Р. страстно желал попасть в Комитет и не скрывал своего желания, но в уезде были определенные на этот предмет взгляды, партии и готовые наперед кандидаты, и, несмотря на все свое желание, Р. к крайнему своему прискорбию, не попал в Комитет ни от дворян, ни от правительства; тем не менее, это не охладило его желания, и по окончании Орловских выборов он сожалел, что продал имение жены в Ефремовском уезде, так как иначе сейчас поехал бы баллотироваться в Тулу. В 1860 году Р. был выбран в Орловское губернское Дворянское собрание для проверки земских сумм от Орловского уезда. Тут, собственно, он в первый раз вступил в общественную жизнь; депутаты, по его инициативе, доложили общему собранию дворянства, что отчетность находится в хаотическом беспорядке. Вследствие этого доклада, по ходатайству Орловского дворянства и с разрешения Министра внутренних дел, открыта была комиссия для проверки расходов земства Орловской губернии и для составления предположений об изменении правил проверки расходов сумм земского сбора; в состав этой Комиссии должны были войти депутаты по одному от каждого уезда. Из всех депутатов для этой проверки явилось в Орел только двое: Н. В. Карташев от Малоархангельского уезда и Р. от Орловского. Остальные 10 все отказались под разными предлогами. Но и вдвоем, работая усердно над этой проверкой, они открыли много беспорядков и злоупотреблений, о которых Р. писал в «Современной Летописи» «Русского Вестника» в начале 1861 года, в № 7, 11 и 23, за подписью «Депутат от Орловского уезда по проверке земских сумм», и о которых они доложили Орловскому Дворянскому собранию. Среди этой работы застало Р. назначение его в мировые посредники в Малоархангельский уезд, в июле 1861 года, куда он прямо и был назначен Орловским губернатором, графом Н. В. Левашевым.

Сочувствуя всей душой освобождению крестьян от крепостной зависимости и улучшению их быта, Р. во всей своей деятельности мирового посредника неуклонно и неотступно преследовал эту цель, служа ей всеми своими силами. Ему удалось сохранить порядок в своем участке, не прибегая ни разу к помощи военной силы: ему удалось сделать удобные для крестьян разверстания, провести некоторые меры, полезные для крестьян, благодаря сильной поддержке председателя Орловского по крестьянским делам присутствия, Орловского губернатора графа Н. В. Левашева и членов от правительства: А. Д. Карпова и А. И. Нарышкина. Так, по письму Р. князь Меншиков в своем 2-м участке Малоархангельского уезда дал полный надел крестьянам и отдал им землю в аренду; равным образом, по письму же Р., простил им старую недоимку и помог деньгами после пожара. По ходатайству Р. княжна Голицына выдала своим крестьянам за деньги много рекрутских квитанций, избавлявших от рекрутства. Р. также ходатайствовал, чтобы квитанции эти правительство зачло за службу; это вызвало общее распоряжение, и квитанции, выданные помещиками, были зачтены по всей России. В имении князя Куракина Р. устроил волостной банк, написав сам для него Устав; банк этот имел большие обороты и под контролем Р. шел отлично. В участке Р. возникали училища, часто он посещал волостные суды и направлял их деятельность. Словом, он усердно служил крестьянскому делу.

Имея в виду интересы крестьян, Р. служил им самоотверженно и подчас вызывал недовольство помещиков, находивших, что он мало защищает их интересы. Однако, упреки эти были несправедливы, так как Р. никогда не допускал пристрастия в чью-либо сторону. Когда затем граф Левашев назначил Р. исправлять должность члена Губернского по крестьянским делам Присутствия по болезни Карпова, Р. взял на себя работу по отделу разрешения выкупных сделок и подвинул его в самое короткое время. Общие приемы всегда помогали Р. в успехе дела и здесь, а так как разрешение выкупных сделок постоянно задерживалось за несоблюдением разных формальностей, он напечатал общую форму, со всеми

необходимыми вопросами, которую и разослал всем мировым посредникам: стоило только поставить в каждую графу ответ, и выкупная сделка была правильно составлена. Таким образом, и тут он споспешествовал скорейшему, столь желаемому окончанию всех обязательных отношений.

В 1864 году открылся учредительный Комитет в Царстве Польском, Долго исправляя должность от Правительства в Губернском по крестьянским делам присутствии, Р. отстал от дел своего участка, а так как место члена от Правительства, за смертью Карпова, было предложено графом Левашевым г-ну Ратынскому, то Р. и задумал перейти в Польшу, где Правительство желало наделить крестьян землею. По приезде Р. в Варшаву, он получил место Председателя Калишской Комиссии. И здесь Р. служил с тем же рвением, как и в Орловской губернии. Работая над устройством быта Польских крестьян, с широкими полномочиями, он мог идти в том направлении, которому всегда горячо сочувствовал, и которое твердо поддерживало Правительство в лице своих лучших представителей тогдашнего времени: Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева, князя В. А. Черкасского, В. А. Арцимовича и др.

В Калишской Комиссии Р. всевозможными средствами избегал, при разверстании, помощи военной силы, находя это плохим средством знакомить народ с монаршею милостью; Калишскому военному начальнику не удавалось никуда проехать с казаками без того, чтобы Р. или не остановил его, или не отправился с ним туда же. Войска не могли быть введены ни в одно селение без ведома Председателя Комиссии, и много раз его личное присутствие на месте разрешало дело мирным путем. Бывали дела очень сложные, но, благодаря поддержке Учредительного Комитета, они всегда разрешались в смысле улучшения положения крестьян.

Первый Правильный рекрутский набор, между прочим, прошел при Рутцене в полном порядке. Для Польских панов он также старался как можно скорее разрешать ликвидационные табели (наши выкупные сделки), так как все они в то время нуждались в деньгах.

Когда Правительство дало Польским крестьянам все их наделы безвозмездно, отдав за землю панам по оценке выкупными свидетельствами, Р. говорил, что осталась теперь очередь за Остзейскими губерниями, что надо ехать туда наделять крестьян землей. Проникнутый желанием пользы делу, пользуясь доверием высших инстанций и имея большую власть, Р. располагал со стороны почти всей Комиссии самыми лучшими к себе чувствами, ибо никто не видел в нем никаких личных стремлений и исканий; товарищи справедливо видели в нем хорошую силу; он же к ним относился в высшей степени доброжелательно, стараясь словом и примером внушить им любовь к делу, умеренность и экономию. Товарищи его были с разных концов России и из разных родов войска и учебных заведений, разного возраста, разного образа мыслей, но очень скоро в заседаниях комиссии на его стороне почти всегда составлялось большинство. Кроме заседаний Комиссий, которые бывали в Калише, он остальное время почти постоянно бывал в разъездах по разбору дел и только изредка, окончивши дела, позволял себе принять участие в какой-нибудь охоте за кабанами и козами, куда его, впрочем, приглашали часто, узнав, что «пан Презус» любит охоту.

Расстроенное здоровье Р. не позволяло ему долго продолжать службу по крестьянскому делу, но Я. А. Соловьев просил его не выходить в отставку, а причислиться к Учредительному Комитету, в том предположении, что он опять сможет вернуться на службу, когда поправится его здоровье. Р. так и сделал.

В июле 1866 года Р. вернулся в свое имение – с. Покровское, Фатежского уезда Курской губернии. Найдя земские и мировые учреждения давно уже открытыми, Р., однако, не мог взять на себя какую-нибудь обязательную службу, так как здоровье его давно пошатнулось. Но в то время открылся такой простор общественной деятельности для каждого, что Р. всегда мог иметь столько дела, сколько хотел и сколько мог взять на себя. Открыты были училища, училищные съезды, училищные советы, земские уездные и губернские собрания, ревизионные комиссии, наконец, – Присутствия по крестьянским делам;

езде в них Р. принимал горячее, по мере сил, участие в качестве Председателя или Члена Училищного совета, уездного и губернского гласного, почетного мирового судьи, члена Губернского по крестьянским делам Присутствия, члена Попечительного Совета и попечителя разных учебных заведений. Фатежское земство никогда не отказывалось от его услуг и ни в чем не препятствовало его деятельности; к сожалению, разбитое здоровье не позволяло Р. служить земству так, как бы он желал. Он посещал училища, сам давал уроки, экзаменовал, возился с учителями, проверял их, наставлял и помогал им. Он старался организовать в училищных советах дело народного образования, отстаивая интересы в уездных и губернских земских собраниях. Не пропустив, в качестве гласного, за все время ни одного ни уездного, ни губернского собрания, он являлся всегда постоянным и работающим членом Ревизионных комиссий и всегда и при всех обстоятельствах прямо и откровенно выражал свое мнение о делах и людях. В качестве члена ревизионной комиссий в Губернском земском собрании Р. потрудился еще над приведением в порядок отчетности Губернской Управы. Он нашел остатки земских сборов, не переведенные от старых учреждений, и старые недоимки, нигде не числившиеся, и убедил Губернское Земское Собрание назначить их на народное образование. Проводя принцип взаимной помощи, он исходатайствовал у Губернского Земского Собрания помощь голодающим самарцам. Сторонник и поборник реального образования, он возбуждал ходатайство о даровании прав поступления в университеты реальным училищам. Искренно желал прогресса путем мирных реформ, он возбуждал вопрос о переселении крестьян из густонаселенных местностей. Журналы губернских земских собраний, в которых он возбуждал важные вопросы экономического значения, свидетельствуют о горячем участии, которое принимал в них Р.; эти работы поглощали последние остатки его сил.

Последние годы Р. был постоянно болен и не мог принимать в собраниях того деятельного участия, как прежде и как ему хотелось. Совершенно больной, едва дыша, он, однако, приезжал из своей деревни в Курск на каждое земское

заседание, сопровождаемый целыми ящиками земских постановлений, отчетов, смет и т. п., в которых он любил рыться, отыскивая упущенные источники дохода, незамеченные остатки сумм и пр. В этом горячем интересе к вопросам общественной жизни он почерпал силу для забвения тех страданий, которые быстро приближали его к могиле. Но и больной, с прерывающимся голосом, останавливаемый на каждом слове глубоким кашлем, Р. до конца дней своих оставался в собраниях тою же нравственной силой, вдохновляющею на честное гражданское дело, направляющею на правдивый путь.

Он скончался 6-го декабря 1880 года в с. Покровском.

Узнав о его кончине, Губернское Земское Собрание, ценя в Р. его бескорыстную службу обществу, почтило его память своим высоким вниманием, постановив 9-го декабря 1880 года: 1) учредить стипендию имени Р. для лучшего воспитанника Курской земской учительской школы, образовав для этого капитал в 6000 рублей, с тем, чтобы воспитанник имени Рутцена продолжал свое учение в одном из учительских институтов, без обязанности отслуживать земству; 2) поместить портрет Р. в зале учительской школы, которой он был одним из главных основателей и состоял членом Попечительного Совета до последнего времени; 3) отслужить в присутствии земского собрания панихиду по Р. в учительской школе и 4) выразить его вдове соболезнование Курского Губернского Земского Собрания письмом.

Своим духовным завещанием Р. уравнил части дочерей с сыновьями и назначил 6000 рублей в пользу слушательниц Женских врачебных курсов. Живя последнее время почти постоянно в деревне, Р. очень интересовался успехами сельского хозяйства, вводил разные усовершенствования в обработке и севооборотах, устраивал крахмальные заводы, занимался садоводством. Живя постоянно в своей семье, он живо интересовался воспитанием и успехами детей, сам учил их математике, сам приготовил старшего сына в общий класс Московского технического училища, со старшей дочерью прошел из математики весь курс мужской гимназии и занимался

со своими меньшими детьми. Один из друзей Р. так рисует портрет Рутцена: «Оригинальная высокая фигура, с седой гривой, беспорядочно откинутой назад, с лицом, полным ума, воодушевления, в костюме небрежном до крайности, внушали какое-то особенное доверие и симпатию. Речь Р. была в высшей степени естественна, проста и жива, как откровенная дружеская беседа, но она, вместе с тем, сверкала такими яркими образами, таким тонким остроумием, поражала такою убедительною и строгою логикою, что бороться с нею было очень трудно, и перед нею часто умолкали самые решительные противные взгляды. Такой оригинальный ораторский талант, как Р., мог бы играть выдающуюся роль в политических и общественных собраниях и странах, где ценятся парламентские дарования. Но сильнее его дара слова влияли на решения Земского Собрания глубокие и цельные убеждения Р. Это был с головы до ног человек принципа, а не компромисса и не личностей. Это было до того всем ясно, что даже откровенные враги его почитали в нем эту нравственную стойкость».

«Русск. Стар.» 1882 г., т. 33, стр. 597–624 (биографический очерк, с предисл. Е. Л. Маркова); В. В. Руммель, Родословный Сборник, т. II.

Рут, Яков Иванович (Ruuth)

Рут, Яков Иванович (Ruuth) – автор «Руководства к изучению испанского языка»; швед по происхождению, он родился в 1808 г. и имел ученую степень кандидата богословия; в 1833 г., 30-го сентября, он был допущен к исправлению должности помощника библиотекаря С.-Петербургского университета по найму, а в 1836 г., 22-го января, с разрешения Министра Народного Просвещения, назначен был исправляющим должность библиотекаря университета, на том же основании; в 1840 г., 4-го октября, по Высочайшему повелению, Р. был принят в Российское Финляндское подданство и в 1841-м году, 7-го января, по представлению Министра Народного просвещения, был утвержден в должности библиотекаря. Затем, в том же 1841 году, 22-го августа, Р. перешел на службу в Министерство Иностранных Дел, был уволен из Петербургского университета, и определен чиновником во 2-ю Экспедицию Департамента Внешних Сношений этого Министерства. В 1841 же г. Р. выдержал экзамены в Петербургском университете, на юридическом факультете, и получил степень кандидата прав. Служа в Министерстве Иностранных Дел, он в 1846 году, при наименовании Департамента

Внешних Сношений Особою Канцеляриею Министерства Иностранных Дел, оставлен был в должности при означенной Канцелярии и в той же экспедиции причем, по словам Плетнева, ведал дипломатическими шифрами и в 1847 г. проживал в Гельсингфорсе, о чем упоминает Я. К. Грот в письме к Плетневу от 16-го июня. В 1850 году Р. отправлен был дипломатическим курьером из С.-Петербурга в Стокгольм, а 12-го марта 1852 г. был произведен в коллежские асессоры. В 1854 г., 1-го января, Р. был назначен Помощником Управляющего Второю Экспедициею Особой Канцелярии Министерства Иностранных Дел; в той же должности состоял и в 1859 г., а в 1864 г., уже в чине д. с. советника, был старшим чиновником при той же Канцелярии.

В 1840 г. Р. издал книгу: «Руководство к изучению испанского языка, в IV отделениях: I) Испанская грамматика. II) Слова и Разговоры. III) Краткая История и Литература Испанского языка. IV) Отрывки для упражнения в чтении с необходимым для сего словарем» (СПб. 1840, 8°, в Тип. Х. Гинце, 287+5 нен. стр.); это был, по словам автора, «первый, совестливый опыт» его трудов.

Формулярный список 1854 г.; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I–III, СПб. 1896; В. В. Григорьев, Имп. С.-Петербургский университет в первые 75 лет его существования, (СПб. 1869, стр. 288 и LXXVIII; Адрес-календари 1859–1864 гг.

Руф, преподобный Печерский, затворник

Руф, преподобный, затворник Печерский. Постоянно занятый богомыслием, он преставился в XIV веке. Мощи его покоятся в Феодосьевых пещерах в Киеве. Память его вспоминается Православною церковью 8-го апреля и 28-го августа.

Словарь исторический, 1836, стр. 232; Ив. Косолапов, Месяцеслов Православной Кафолической Церкви, Симбирск, 1880 г., стр. 169, 403; Указатель святыни и священных достопамятностей Киева, изд. 10-е, К. 1898, стр. 114; Филарет, «Жития святых», изд. 3, 1900, апрель, стр. 89 и август, стр. 267; Ф. Титов, Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры и других святых и достопримечательностей города Киева К. 1911, стр. 86.

Руцкий, Илья Васильевич

Руцкий, Илья Васильевич, профессор Московской акушерской школы, доктор медицины Страсбургского университета; родился в Киевском наместничестве, общее образование получил в Киевской Академии, из которой 15-го ноября 1761 г. перешел учеником в Петербургский генеральный сухопутный госпиталь; здесь Р. прошел полный курс наук и 20-го ноября 1762 г. был произведен в подлекари. В следующем году он слушал акушерские лекции доктора Линдемана и 15-го мая 1766 г. был произведен в лекари. Кончив полный курс учения в Госпитальном училище, Р. оставил службу, а спустя несколько лет, задумав получить степень доктора медицины, с этою целью отправился. 28-го декабря 1778 года, в Страсбург и здесь занялся специально изучением акушерства. В начале 1781 года, по напечатании диссертации «De peste» (Argentorati, Diss. D. M., 1781, 4°, 26 стр.), он получил (20-го июня) докторский диплом и вернулся в Россию. Здесь, после экзамена в Медицинской Коллегии, 28-го августа 1781 года, ему дано было право практики, и он стал проситься в Курск на должность акушера Врачебной Управы. Однако Медицинская Коллегия, не желая упустить знающего врача-акушера, который мог бы с успехом занять должность профессора при одном из госпитальных училищ, назначила его младшим доктором в Петербургский адмиралтейский госпиталь, а в апреле 1782 года – профессором в Московскую акушерскую школу с жалованьем по 600 рублей в год. Здесь, в Москве, И. В. Руцкий и скончался 2-го октября 1796 года; погребен он в Донском монастыре. Р. имел чин надворного советника.

Л. Ф. Змеев, Русские врачи-писатели, тетр. 3, СПб. 1886, стр. 88; Я. Чистович, История первых медицинских школ в России, СПб. 1883 г., приложения, стр. CCLXXXVI–CCLXXXVII; Я. Чистович, Очерки по истории русских медицинских учреждений в XVIII столетии, СПб. 1870 г., стр. 176 и 185; Путеводитель к древностям и достопамятностям

Московским, т. IV, М. 1792, стр. 149; Московский Некрополь, СПб., т. III; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 285–286.

Рушковский, Иван Александрович

Рушковский, Иван Александрович, московский почт-директор; происходил из белорусских дворян и родился в 1763 г. Службу свою Р. начал 1-го февраля 1780 г. в штате генерал-поручика Степана Матвеевича Ржевского – «генеральным писарем сержантского чина»; выйдя, 8-го апреля 1784 г., в отставку по болезни с чином прапорщика, он через 7½ лет был принят вновь на службу (31-го декабря 1791 г.) в Московский Почтамт, с производством в губернские секретари, и здесь, быстро двигаясь в чинах (титулярный советник 4-го мая 1797 г.; коллежский асессор – 30-го мая 1798 г. и надворный советник 2-го января 1801 г.), он 22-го ноября 1802 г. награжден был орденом св. Владимира 4-й степени. Назначенный 14-го сентября 1802 г. Экспедитором при особых делах Московского Почтамта, Р. 5-го июля 1804 г. получил чин коллежского советника, а 31-го мая 1808 г. пожалован был в статские советники и 8-го сентября 1811 г. награжден алмазными знаками к ордену св. Анны 2-го класса.

30-го марта 1815 г., «как старший по времени службы, имеющий превосходные способности и заслуживший всякую доверенность», Р. был назначен к исправлению должности помощника московского почт-директора, а 15-го февраля 1810 г. утвержден был в этой должности с оставлением, до времени, при отправлении должности экспедитора по особой части; 21-го августа 1816 г. объявлено было Рушковскому Высочайшее благоволение за открытие потаенного привоза неклеимых иностранных товаров, а 30-го того же августа, «за бескорыстие и примерную любовь к ближним и ревностную службу», Всемилоостивейше пожалован был в действительные статские советники, затем 24-го января 1818 г. был награжден орденом св. Владимира 3-й степени и 23-го декабря 1819 г. назначен был московским почт-директором, а 17-го июля 1821 г., «за отличное усердие и похвальную службу, неусыпные труды и деятельность», получил орден св. Анны 1-го класса и в конце 1820-х годов произведен был в тайные советники. В должности

почт-директора Р. оставался до своей смерти, последовавшей в Москве 7-го июня 1832 г.; погребен он на иноверческом кладбище на Введенских горах, где над его могилой сестрою его воздвигнут памятник с длинною надгробною надписью на латинском языке, восхваляющею его добродетели.

По словам хорошо его знавшего князя П. А. Вяземского, Р., старый холостяк, «был большой оригинал, умный, со сведениями и, по крайней мере, по-видимому, простосердечный, скромный»... При К. Я. Булгакове [предшественнике Рушковского] «Почтамт отличался любезною угодливостью всем невинным ходатайствам московских барынь, особенно молоденьких и пригоженьких. С Рушковским ничего этого не было. Почтамт сделался заповедным монастырем и недоступною крепостью: с ним существовали одни официальные сношения. В Москве Рушковского никто не знал: он был нелюдим и не общителен. Он точно родился на почте: почта была мать его, семейство, родина. По некоторым слухам, приметам и по выговору его можно было приписать к белорусам, с отпечатком иезуитского образования». Граф М. Д. Бутурлин, в свою очередь, пишет в Записках своих, что «по безукоризненности долговременной своей службы и по прямоте его характера, москвичи смотрели на него как на нового Аристиды или Катона». По словам некролога, Р. «вел жизнь уединенную, монастырскую, исключительно посвященную службе, в отправлении которой был неутомимо деятелен, знал много иностранных языков и мог называться не только человеком образованным, но и ученым»; доказательством справедливости последнего утверждения может служить и то обстоятельство, что Московский университет в 1830 г. избрал Р. в свои почетные члены.

Формулярные списки 1805 и 1821 г.; «Остафьевский Архив князей Вяземских, т. I, стр. 674; Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского, т. VIII. стр. 389–390; «Русск. Арх.» 1897 г., кн. II, стр. 182; «Молва» 1832 г., № 48; «Русский Инвалид» 1832 г., № 164 и 165, стр. 657–658; «Русск. Арх.» 1902 и 1904 гг.; «Моск. Вед.» 1832 г. № 56, стр. 2518; «Моск. Некрополь», т. III, стр. 50.

Рчинов, Артемий Михайлович

Рчинов, Артемий Михайлович, стряпчий в 7135, 7147, 7148 гг., а затем Патриарший стольник; был воеводой Алатырским в 1649 и 1653 г., в сентябре 1662 г. был в Приказе Денежных Дел на положении начальника Приказа; в 1665–66 г. описывал оброчные пустоши Вяземского уезда.

П. Иванов, Указатель к боярским книгам, стр. 369; Дворц. Разр., т. II, 949; Матер. историч. и юридич. района бывш. Казанского Дворца, I, стр. 37, 57; Дворц. Разр., III (дополн.). 351; Опис. Докум. в Бум. Моск. Арх Мин. Юст., т. I. № 370.

Рыбакова (Каменская), артистка

Рыбакова (урожденная *Каменская*, по другим сведениям – *Зелинская*) – провинциальная артистка середины XIX столетия, дочь самого крупного в то время антрепренера и жена известного трагика *Н. Х. Рыбакова* (см.); род. около 1820 года и, обнаружив склонность к сценической деятельности весьма рано, в конце 1830-х годов поступила в одну из провинциальных драматических трупп, причем обнаружила драматический талант. Спустя несколько лет, она встретила с *Н. Х. Рыбаковым*, за которого вскоре вышла замуж, и с этих пор они постоянно играли вместе. Уступая мужу в силе и яркости таланта, она считалась одною из лучших провинциальных актрис. «Игра ее, по словам современников, была разнообразна до изумления, и если не всегда равно верна, то всегда очаровательно эстетична». Талант *Р.* был очень разнообразен; прекрасная наружность, безыскусственность и неподдельность игры были главными причинами ее успеха в трагических ролях. В то же время обладая гибким, звонким, чистым голосом, она являлась и очень хорошей оперной исполнительницей.

Из чрезвычайно обширного ее репертуара наиболее выдающимися ее ролями считались роль *Марьи Петровны* в «Деловом человеке», роль *Сусанны* в «Бабушке и внучке», *Гретти* в «Тоске по отчизне», *Габриели* в «Девушке-Гусаре», *Мати* в «Подмосковских Проказах», *Лизы* в «Барышне-Крестьянке», *Эснельды* в «Эснельде», *Вероники* в «Уголино», *Офелии* в «Гамлете», *Анны Львовны* и пьесе «*Андрей Степанович Бука*», *Марии* в пьесе «*Материнское благословение, или Бедность и честь*» и многие другие роли. Вместе со своим мужем она побывала почти во всех больших провинциальных городах, особенно в южных. Она играла в Харькове, Казани, Таганроге, Киеве, Севастополе, Екатеринославе, Нижнем Новгороде и других городах и везде пользовалась выдающимся успехом. В середине 1860-х годов, ввиду преклонного возраста, и не желая переходить на амплу старух, она оставила сцену. Современные ей провинциальные критики почти единодушно

признавали ее самой выдающеюся провинциальной артисткой, особенно хорошей исполнительницей чисто трагических и сильных драматических ролей.

«Репертуар Русского Театра и Пантеон Русского и всех Европейских театров» 1843 г., ч. 4, кн. X, ст. Н. М.: «Екатеринославский театр во время Петропавловской ярмарки», стр. 7; 1845 г., т. VIII, отд. II, ст. М. Чернявского: «Екатеринославский театр», стр. 68 и 70, т. X, кн. IV (апрель), ст. Харьковского сторожила W. W.: «Харьковский театр», стр. 106; 1848 г., т. 4, отд. VI, ст. С. Саблина: «Ставропольский театр», стр. 36, 37–41; А. С. Гациский, «Нижегородский театр (1798–1867)», Нижний Новгород, 1867 г., стр. 59.

Рыбаков, Николай Хрисанфович

Рыбаков, Николай Хрисанфович – известный провинциальный артист; род. в Курске 7-го мая 1811 года. Отца своего, бывшего управляющим в имении курского помещика Вельяминова, по его словам, не помнил, мать же его содержала белошвейную мастерскую и дамский магазин. Много всяких посетителей являлось в мастерскую, и мальчику, таким образом, представлялась широкая возможность наблюдать и изучать различные типы; этим опытом он и пользовался впоследствии, нередко говоря, что эти первые уроки ему оченьгодились на сцене.

Дела белошвейной мастерской матери шли не особенно хорошо – надо было помогать ей, и 14-ти лет окончив Курскую 4-классную гимназию, Р. поступил в Канцелярию Курской Казенной Палаты – в качестве канцелярского служителя. В это время у Р. начала развиваться страсть к театру, и все свое свободное время он отдавал ему. Правда, удовлетворять своей страсти сначала было очень трудно, так как платить за место в театре было нечем, однако, впоследствии он справился с этим затруднением: ему удалось получить выходные роли, за что он и пользовался свободным входом в театр.

Скоро, впрочем, ему начали поручать и довольно видные роли, так что в 1826 году, дебютировав 5-го февраля в выходной роли римлянина в пьесе «Суматоха в маскараде», он стал выделяться из общей массы актеров труппы. По просьбе матери, Вельяминов увез Р. на службу на Кавказ, но Р. бежал в Курск и в 1832 г. окончательно променял свою чиновничью карьеру на артистическую; это было в Харькове и притом совершенно случайно. Гастролировавший там Мочалов поссорился с антрепренером Млотковским и отказался играть роль Гамлета. Отказ был прислан после того, как афиши были уже напечатаны, и антрепренер, таким образом, был поставлен в очень затруднительное положение. Как раз в это время Н. Х. Рыбаков был в Харькове. Узнав об отказе первого трагика от роли Гамлета, он сейчас же отправился к антрепренеру и начал

просить того, чтобы эта роль была поручена ему. Будучи в безвыходном положении и в то же время зная Рыбакова, как порядочного артиста, антрепренер согласился – роль Гамлета была отдана молодому артисту, и он в ней дебютировал перед харьковской публикой. Дебют прошел необыкновенно удачно, так что ни публика, ни антрепренер не жалели о замене старого трагика Рыбаковым. Вскоре после этого дебюта молодой артист, познакомившийся в это время с Мочаловым и пользовавшийся его руководством и советами, получил несколько хороших ангажементов от разных провинциальных антрепренеров.

С этого времени, прослужив в Харькове более 10 лет, Рыбаков начал жизнь странствующего актера. Он неоднократно побывал в Казани, Саратове, Орле, Воронеже, Туле, Одессе, Таганроге, Николаеве, Житомире, Кишиневе и других городах и везде пользовался у публики большим успехом. Он был одарен истинным дарованием. Правда, в его игре были недостатки, свойственные, впрочем, всем провинциальным артистам, не имевшим хороших образцов, но вообще игра его всегда была обдумана, серьезна, мимика вполне соответствовала словам, с которыми соглашалось и выражение лица. У него никогда не было утрировки жестов и восклицаний. Видно было, что он вдумчиво относился к своей игре, всегда серьезно изучая свою роль и стараясь строго выполнить характер представляемого лица именно таким, каким хотел его изобразить автор. В патетических сценах он невольно увлекал и заставлял забываться зрителя. Его благородный, мужественный вид, мужественное лицо, голос, полный страсти и чувства, так сильно действовали на душу, что публика нередко плакала, глядя на артиста. Если же принять во внимание, что он играл в провинции, где публика склонна в театре скорее смеяться, чем плакать, где игра даже лучших артистов в таких поистине трагических ролях, как роль Несчастливцева в пьесе Островского «Лес», зачастую и по сию пору вызывает бурные взрывы смеха, тогда, конечно, станет понятно, что надо было иметь большой талант, надо было играть действительно хорошо, чтобы эту самую публику заставить плакать, глядя на того же Несчастливцева. Рыбаков имел редкую, необычайную

способность каждое слово из своей роли переложить ко вниманию зрителей; этому, впрочем, много помогал его чистый, звучный, необыкновенно выразительный, проникающий прямо в душу голос, полный то страсти, энергии и мужества, то душу терзающей тоски или отчаяния.

После смерти Мочалова Р. дебютировал на сцене Императорского театра в Москве, а в 1854 году – и в Петербурге, в Александринском театре, в роли Гамлета. Дебюты имели большой успех, но театральное начальство предложило ему такие скромные условия, что он уехал в провинцию. Иногда успехам Р. мешало его пристрастие к спиртным напиткам. Этот порок Рыбакова, действительно, был очень серьезен, так как не раз случалось, что он не только перед самым спектаклем иногда вдруг оказывался не в силах выйти на сцену, но бывало даже и так, что во время самого спектакля, сыграв два-три действия прекрасно, ему удавалось скрыться в соседний кабачок, из которого обыкновенно приводили или приносили его в состоянии невменяемости. Другим пороком этого прекрасного артиста была необыкновенная страсть ко лжи; впрочем, это несколько не отражалось на его сценической деятельности, а так как ложь его была обыкновенно самого безобидного свойства и не причиняла никому ни малейшего вреда, то за эту страсть можно и не поставить ему упрека. Столичная публика была знакома с его игрой не по одним только дебютам на Императорской сцене: Москвичи познакомились с его талантом в 1872 г. во время Политехнической Выставки, на сцене народного театра, которым в то время управлял Федотов. Игра его и здесь нравилась публике и нередко вызывала шумные овации. Зимний сезон 1873–74 гг. он играл в Артистическом кружке, а в последнее время – в «Общедоступном театре» С. В. Танеева.

В феврале (5-го) 1876 года исполнилось 50 лет его сценической деятельности Р., и его сотоварищи, артисты московских театров, и представители Общества драматических писателей во главе с А. Н. Островским торжественно и тепло отпраздновали этот юбилей, почтя заслуженного артиста несколькими очень прочувствованными адресами, подарками и

серебряным лавровым венком. Пятидесятилетняя артистическая деятельность хотя и чрезвычайно расстроила его здоровье, однако, он не хотел еще оставлять сцены и продолжал играть в труппе Федотова в Павловске до самой своей смерти. В последнее время он очень ослабел, и слух, и память часто изменяли ему, так что он принужден был перейти на комические роли и проститься со своими прежними ролями Гамлета, Лира, Ляпунова и даже любимую свою ролью трагика Несчастливцева в «Лесе» Островского. Однако, несмотря на перемену амплуа, талант его выдавался и в новых ролях, хотя и подвергался за последнее время в некоторой части периодической печати не совсем справедливым нападкам.

Из его обширного репертуара наиболее выдающимися были роли Болотникова в «Скопине Шуйском», Тяпкина-Ляпкина в «Ревизоре», Президента в «Коварстве и Любви», Гамлета в «Гамлете», Оттона в «Смерть или Честь», Антипа в «Иване Рябове», слуги Франца в драме Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние», Конрада в «Живой покойнице», Неизвестного в «Параше Сибирячке», Отелло в «Отелло», Несчастливцева в «Лесе» Островского, Ляпунова в «Скопине Шуйском», Лира в «Короле Лире»; наконец, Алупкина в тургеневском «Завтраке у предводителя» и многие другие.

Он умер в Тамбове 16-го ноября 1876 года.

Живые о нем воспоминания, относящиеся к последнему году жизни Р., оставил А. А. Плещеев.

Всеобщий Календарь на 1878 г., стр. 28, некролог; «Суфлер» 1879 г., 14-го октября, № 1, стр. 3–4; «Репертуар Русского театра и Пантеон русского и всех европейских театров» 1848 г., т. 4, отд. VI, ст. С. Саблина: «Ставропольский театр», стр. 37 и 41; 1852 г., т. 4, кн. VII, ст. Валентина Средина: «Воронежский театр», стр. 22; 1858 г., т. 7, кн. I, ст. Е. Гринберга; «Театр в Костроме», стр. 6 и 7 и т. 8, кн. 3, ст. Ф. И. Грехновского: «Курский театр», стр. 19; «Исторический Вестник» 1891 г., ст. Н. И. Иванова; «Воспоминания антрепренера», ноябрь, стр. 336, и декабрь, стр. 589–597; А. С. Гациский, «Нижегородский театр» (1797–1867 г.), стр. 54, 55 и 59, Нижний Новгород. 1869 г.; Л. Н.

Самсонов, «Пережитое. Мечты и рассказы русского актера (1660–1871 гг.)», СПб. 1880, стр. 20, 22–26, 30–86, 39–42; «Иллюстрированная Газета» 1876 г., 6-го декабря, № 48, некролог, стр. 384; «Костромские Губ. Ведом.» 1852, № 4, стр. 429–430; «Ист. Вестн.» 1901, т. 86, Воспом. А. А. Плещеева; то же в книге А. А. Плещеева; Что вспомнилось. Актеры и писатели, СПб. 1914, стр. 182–196; «Радуга» 1884 г., № 38–41 (Воспоминания о Р. Е. Литовской); «Россия» 1901 г., № 917 и № 919 (заметка В. М. Дорошевича); «Дневник Артиста» 1893, статья о Рыбакове Н. Городецкого.

Рыбасов, Иван Осипович

Рыбасов, Иван Осипович, капельмейстер Александринского театра; род. в 1846 г.; музыкальное образование получил в Придворной певческой капелле, в которой потом был и учителем. В 1860-х годах, после смерти Погожева, его назначили капельмейстером Александринского театра, и он с этих пор до самой своей смерти не покидал этой должности. Основательное музыкальное образование, даровитая артистическая натура, большие дирижерские способности вполне соответствовали занимаемому Р. месту. С другой стороны, его личные качества – сердечность, душевная доброта, чувство товарищества – создали ему уважение и любовь среди всех знавших его. Искренний художник, он думал только о своем искусстве, никогда не заботясь о материальных выгодах; он скончался всего 30-ти лет от роду, 13-го марта 1877 г.; погребен на Смоленском кладбище.

*«Петербургская Газета» 1877 г., № 51 и № 53, некролог;
«Голос» 1877 г., № 74, 15-го марта, некролог.*

Рыбинский Федор, дьяк

Рыбинский Федор, дьяк; с 1630–31 г. по 1633–34 г. состоял дьяком в Казани; в мае 1635 г. и в августе 1637 г. присутствовал на приеме Государем Персидских и Литовских послов, причем в 1637 г. состоял дьяком Большого Прихода и подписал, между прочим, таможенную откупную грамоту г. Шуе; в 1639 г. он был дьяком в Великом Новгороде; скончался в том же 1639 г. (в июле или августе).

П. Иванов, Указатель к боярским книгам, стр. 361; Кн. Разр., II, 354, 687; Дворц. Разр., II, 290, 342, 395; А. Ю., т, X, стр. 166 (с. 186–188). Акты Московск. Госуд., I, № 387; Дворц. Разр., II, 464, 878; А. Ю. Б., I, 250; Дворц. Разр., II, 614; А. А. Э., III, № 289 (с. 432); Рус. Ист. Библ., V, № 7; П. Иванов, Указатель к боярским книгам, стр. 361.

Рыбинский, Василий Петрович

Рыбинский, Василий Петрович, художник акварельной живописи, ученик Московской школы живописи; род. в 1826 году и был дворовым человеком камер-юнкера Н. Шереметева из села Кубенцова, Балахнинского уезда; он был отпущен своим помещиком на волю в 1846 году, очевидно, из-за его способностей к рисованию. Нужно думать, что в это же время он поступил в Московскую рисовальную школу. В 1851 году генерал-адъютант А. Философов, согласно желанию Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей, представил в Академию Художеств 11 рисунков и акварелей В. П. Рыбинского, представлявших собою виды г. Нижнего Новгорода, для получения Р. звания художника. Эти рисунки и акварели были представлены 15-го января 1851 года, а 1-го февраля того же года Совет Академии Художеств признал В. П. Рыбинского достойным просимого звания. Рисунки были следующие: акварели – 1) вид внутреннего базара в переднем приходе ярмарочного двора, 2) вид на ярмарку с гребешка, 3) вид с плашкоута ярмарочного моста на Благовещенский монастырь и гребешок, 4) вид ярмарочного собора и китайских рядов от татарской мечети, 5) театральная площадь на ярмарке, 6) ярмарочный мост с видом на Нижегородский кремль, карандашом: 7) вид Благовещенского монастыря, 8) вид на Нижний с каланчи при доме полицмейстера, 9) вид на собор и дворец с Николаевской башни, 10) Печерский монастырь и Нижегородская набережная гл. фигурой живописца, и 11) церковь Михаила Архангела. Вслед за первым успехом последовали и следующие: в 1854 году работы В. П. Рыбинского, продолжавшего еще оставаться в Московской школе живописи и ваяния, выставленные им на академической Выставке этого года, были приобретены президентом Императорской Академии Художеств Великою Княгиней Мариею Николаевною, а в 1858 г. Рыбинский был отправлен в Италию, в Рим, пансионером Академии Художеств.

В Риме он не забывал Москвы и в 1858 году прислал туда несколько пейзажей из окрестностей Рима. Пейзажи эти были выставлены для публики в единственной (в то время) в Москве картинной галерее купца Родионова. Художественная критика того времени отметила, что «эти пейзажи холодны по тону». Такой отзыв не смутил художника, и он выставил на Выставке Московской школы живописи и ваяния, бывшей 20-го апреля 1860 года, еще несколько видов Рима, которые были признаны уже не только холодными по тону, но прямо неудачными. После этого года (1860) мы не имеем сведений о художнике, поначалу подававшем большие надежды.

Архив Академии Художеств, д. № 55; С. Кондаков, Императорская Академия Художеств, т. II, 171; П. Петров, Материалы, III, стр. 158; «С. Петербургские Ведомости» 1851 г., № 283, стр. 934; «Северная Пчела» 1854 г., стр. 1828; «Иллюстрация» 1858 г., № 98, стр. 362; 1860 г., № 119, стр. 302.

Рыбинский, Николай Петрович

Рыбинский, Николай Петрович, художник пейзажной живописи, ученик Московского училища живописи и ваяния; род. в 1820 году, вероятно – *брат предыдущего*, хотя он и значится мещанином города Горбатова, Нижегородской губернии; из мещанского общества он получил увольнительный приговор 8-го ноября 1847 года. Учился Р. в Московском училище живописи и ваяния, где был товарищем известного художника Н. Неврева и учеником Скотти. 24-го января 1855 года Московское училище живописи и ваяния представило картину Н. П. Рыбинского: «Вид на Воробьевы горы», за которую Рыбинский был признан некласным художником. В 1875 г. Московский Комитет о просящих милостыню обратился в Академию Художеств с просьбою выслать состоящему в числе призреваемых в Работном доме этого Комитета художнику Николаю Петровичу Рыбинскому утраченный им в Москве аттестат от Академии Художеств на звание художника. Что довело последнего до работного дома, к сожалению, неизвестно.

Архив Академии Художеств, д. № 39; С. Кондаков, Императорская Академия Художеств, т. II, стр. 171; П. Петров, Материалы к истории Академии Художеств, т. III, стр. 231, 232 и 234.

Рыбин, Василий Андреевич

Рыбин, Василий Андреевич, художник; род. 17-го февраля 1794 г.; 23-го сентября 1805 года Р. был принят казенным воспитанником Академии Художеств, в которой обучался с успехом: 4-го августа 1813 года получил вторую серебряную медаль, 4-го мая 1815 года, будучи учеником 3 возраста, был удостоен первой серебряной медали за рисунок с натуры, а в 1819 году, 7-го декабря (по указанию П. Н. Петрова) или 19-го декабря (на основании послужного списка), был выпущен из Академии Художеств, с аттестатом 1 степени и шпагою, по живописному историческому классу.

3 года В. А. Рыбин оставался не у дел, может быть, мечтая усовершенствоваться в искусстве и добиться высших наград, пока 17-го февраля 1822 года не поступил учителем рисования в 1-й Кадетский корпус. Занятие педагогическою деятельностью шло вполне успешно: кроме 1 Кадетского корпуса, Рыбин преподавал и в Пажеском корпусе, причем в 1833 году за успешные занятия в последнем получил денежную награду в 600 руб., а в 1835 году был утвержден в звании наставника-наблюдателя рисования и за исполнение этой последней должности 30-го августа 1836 года был награжден Высочайшим подарком по чину. В 1838 году, в чине коллежского асессора, был представлен ко знаку за XV лет беспорочной службы. В 1846 г. Рыбин находился, в качестве художника-реставратора при Императорском Эрмитаже, причем «Иллюстрация» Н. Кукольника высказывала надежду, что умерший перед тем реставратор Эрмитажа Андрей Филиппович Митрюхин, умирая, успел передать Рыбину тайну «удивительной» реставрации картин.

Р. умер, в чине статского советника, 28-го мая 1855 г., на 62-м году, и погребен на Смоленском кладбище.

Послужной список В. А. Рыбина от 31 июля 1838 г. (у Б. Л. Модзалевского); С. Кондаков, Императорская Академия Художеств, т. II, 171; П. Петров, Материалы к Истории Академии Художеств, т. I, стр. 567, т. II, стр. 49, 63, 118,

124; «Иллюстрация» 1846 г., № 14, стр. 220; Петербургский Некрополь, т. III, стр. 641.

Рыбкин, Николай Андреевич

Рыбкин, Николай Андреевич, генерал-майор; родители его были дворяне, помещики Воронежской губернии, где он и родился 6-го июня 1842 года. Военную службу свою Р. начал 16-го июня 1859 г., поступив юнкером в Константиновское военное училище; в следующем же году произведенный в прапорщики артиллерии, он был назначен в 11-ую артиллерийскую бригаду, в которой и прослужил 5 лет. Поступив в 1865 году, уже в чине поручика, в Николаевскую Академию Генерального Штаба, Р. через два года по окончании курса в Академии по первому разряду был произведен в штабс-капитаны и вслед за тем был причислен к Генеральному Штабу.

Первая служба его по окончании курса Академии была при Штабе Харьковского военного округа, но уже в 1868 году он был назначен на должность старшего адъютанта 2-ой Гренадерской дивизии, которую и занимал вплоть до 1874 года, когда был назначен состоять для поручений при Штабе Харьковского военного округа; в следующем году, за отличие по службе, он был произведен в подполковники, год спустя – прикомандирован к Тамбовскому пехотному полку для командования батальоном, но по случаю мобилизации войск в том же 1876 году откомандирован был обратно к месту служения. Вслед за этим Р. был назначен на должность штаб-офицера для особых поручений. С этим же корпусом в 1877 году, по объявлении войны Турции, он отправился на театр военных действий и во все время кампании находился в составе действующей армии, за отличие в делах против турок был произведен в полковники, а затем награжден орденом св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом. В следующем, 1878 году он получил золотое оружие с надписью «за храбрость» – за отличие в деле против турок при обороне, 30-го октября 1877 года, знаменитого Шипкинского перевала, в которой он принимал деятельное участие. Кроме того, в Турецкую кампанию он получил еще орден св. Анны 2-ой

степени с мечами за отличное мужество и храбрость, оказанные в деле с турками 28-го декабря 1877 года на Шипке.

В 1878 году Р. был назначен Начальником Штаба 11 пехотной дивизии, по возвращении же из Турции состоял начальником Штаба 31-ой пехотной дивизии (с 1879 года по 1886 год), причем неоднократно исполнял обязанности начальника Штаба 10-го армейского корпуса. В 1881 году, за отлично-усердную и ревностную службу, Р. был награжден орденом св. Владимира 3-ей степени, а в 1886 году был назначен командиром 150-го пехотного Таманского полка, которым и прокомандовал около двух лет – до 1888 года, когда, произведенный за отличие в генерал-майоры, он был назначен на пост начальника Войскового Штаба Терского казачьего войска.

В июне месяце 1888 г. Р. прибыл во Владикавказ, но спустя месяц серьезно заболел и уехал в Пятигорск, для пользования минеральными водами, а оттуда – на Южный берег Крыма; восстановив здоровье, он в декабре вернулся во Владикавказ, но болезнь вернулась, и он скончался, от воспаления мозга, 23-го февраля 1889 года; тело его предано земле в Харькове.

«Новое Время» 1889 г., 14-го марта, № 4684, некролог; «Всеобщий Календарь» на 1890 г., некрологу стр. 496; «Терские Ведомости» 1889 г., 26-го февраля, № 77, ст.: «Генерал-майор Николай Андреевич Рыбкин»; «Русский Инвалид» 1889 г., № 60, некролог.

Рыбников, Александр Николаевич

Рыбников, Александр Николаевич, автор стихотворений; сын московского купца, умершего до 1843 г., воспитывался, с братом своим, в Московской практической Академии коммерческих наук и, еще в бытность учеником ее, выступил в печати с произведениями своими: «Стихи директору Московской практической Академии статскому советнику А. И. Шредеру», М., в типогр. А. Семена, 1840, 8°, и «Стихи, произнесенные на торжественном акте в Московской практической коммерческой Академии воспитанником оной Александром Рыбниковым ноября 28-го дня 1841 года», М., в типогр. А. Семена, 1841, 8°; стихотворение это «К Москве», с эпиграфом из Ф. Глинки, напечатано также в Истории Академии, на стр. 353–354; на акте 1843 г. Р. читал рассуждение свое, на французском языке: «*Sur la Technologie en général, ses divisions et ses progrès*». В этом, 1843 г. Р. окончил курс в Академии и был выпущен из нее с правом на звание личного почетного гражданина. Дальнейшая судьба его нам неизвестна.

И. Глебов и Д. Иванов, История Московской Практической Академии Коммерческих наук, М. 1860, стр. 352–354, 355 и 361; М. Ольхин, Систематический реестр русским книгам, СПб. 1846, № 5575 и 5576.

Рыбников Иван, депутат

Рыбников Иван, купец; в 1767 г. был выбран депутатом от города Кронштадта в Екатерининскую Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения. В заседании 29-го октября 1767 г. он произнес речь в защиту русского купечества от обвинений его в нерадении и косности по отношению к внешней торговле. 29-го апреля 1768 г. Р. был выбран от маршала и генерал-прокурора Комиссии в особую Комиссию «О предостережении противоречия между воинскими и гражданскими законами». Участвуя с 10-го июля по 9-е сентября 1768 г. в заседаниях по рассмотрению проекта прав благородных, он стоял за мнение об ограничении прав дворян на владение фабриками и заводами и за предоставление лицам, дослужившимся до обер-офицерского чина, прав потомственного дворянства.

«Сборник Императорского Русского Исторического Общ.», т. VIII, стр. 176 и т. XXXII, стр. 44, 186 и 252.

Рыбников, Иван Назарович

Рыбников, Иван Назарович, старейший из суконных фабрикантов, мануфактур-советник, московский 1-й гильдии купец, почетный гражданин; родился 13-го ноября 1777 г. Отец его, калужский мещанин Назар Андреевич Р., был иконописцем. Это ремесло давало плохой заработок, и семья Р. часто находилась в большой нужде. Отец хотел, чтобы сын научился грамоте, и на 8-м году Р. отдан был к пономарю, который за 60 алтын медью взялся выучить мальчика читать и писать. Затем, под руководством отца, Р. стал изучать иконопись, но не доучился. В 1785 г. отец Р. умер, оставив семью почти в нищете. Вдова, желая, чтобы сын ее продолжал ремесло отца, отдала Р. в учение к живописцу, но вскоре принуждена была взять его обратно, так как этот живописец не давал мальчику даже достаточно хлеба, чтоб утолить его голод; после этого мать отдала Р. в услужение в мелочную лавочку на 4 года; здесь его главное занятие заключалось в делании калачей и баранков, а иногда, в отсутствие хозяина, Р. исполнял и должность приказчика. Прослужив 4 года в мелочной лавке, Р. не захотел остаться у старого хозяина, несмотря на то, что тот предлагал ему хорошее жалованье, пошел искать более прибыльного занятия и вскоре поступил приказчиком, на жалованье в 75 руб. в год, к богатому хлебному торговцу, имевшему обширные дела в нескольких городах. Р. исправлял у него должность лабазного приказчика – принимал и отпускал хлеб.

Несмотря на выгодность этого места, Р. вскоре решил его оставить и поступил на службу к знаменитым тогда в Калуге купцам Прянишниковым, на 6 лет. Здесь в обязанность ему вменялось, кроме магазинной торговли, исправление домашних должностей: ставить самовары, топить печи, ездить за каретой, а нередко быть и кучером. Выполняя все эти обязанности терпеливо и старательно, Р. обратил, наконец, на себя внимание хозяев, и они поручили ему новое дело: приемку и продажу железа на железоделательных заводах, принадлежавших Демидову – Любимовском и Сукремежском.

Это было весьма значительное дело: за полтора года Р. принял и продал железа на полтора миллиона рублей. Однако при получении отчета Прянишниковы остались недовольны Р., и тот должен был искать себе новое место.

Проведя год без всякого дела, Р. отправился, в 1796 г., в Москву и здесь поступил сначала к суконному фабриканту Ф. А. Бородину, а затем перешел к И. И. Овчинникову, имевшему также суконную фабрику и магазины. Р. поступил сидельцем в лавку Овчинникова и должен был торговать вместе с 14-летним сыном хозяина. Однако и здесь едва не вышло недоразумения, так как Р. потакал слишком широким замашкам хозяйского сына. Между тем, вскоре И. И. Овчинников умер, дела его стали запутываться, и родственники вдовы советовали ей выдать дочь замуж за Р. Сначала Овчинникова-мать сильно сопротивлялась этому, но, наконец, согласилась на этот брак. С этого времени для Р. началась новая жизнь: хотя он не считался хозяином завода, но фактически был им, после же смерти тещи, когда фабрика была назначена в продажу за долги с аукциона, Р. приобрел ее за 1000 рублей. Понемногу он довел фабрику до блестящего состояния, и она стала приносить ему громадные барыши. В то время был большой спрос на байку и фризы, которые Р. и выделял на своей фабрике; кроме того, он брал товары других фабрикантов для окончательной отделки. В 1810 г. с ним могли конкурировать только братья Бабкины; тогда Р. вошел с ними и товарищество и этим еще улучшил свои дела. В 1812 году общий капитал товарищества простирался до 400000 рублей. Когда французы вступили в Москву, Р. уехал в г. Данилов, Ярославской губернии, и во время его отсутствия все товары, спрятанные частью у Бабкиных, а частью в городских амбарах, сгорели. Убыток товарищества достигал от пожара до 300000 рублей. Однако часть сукон на сумму до 28000 рублей была вывезена в Козлов, а до 150000 руб. осталось в долгах за разными купцами. Возвратясь в Москву, Р. продал полученный из Козлова товар по очень выгодным ценам. Фабрика Бабкиных сгорела, а фабрика Р. осталась безо всяких повреждений. Случайно они нашли большое количество шерсти, смешанной с навозом: французы постилали ее лошадям вместо соломы; эта

шерсть была пущена в дело и благодаря чрезмерному спросу на суконные товары дала товариществу около 100000 рублей прибыли в течение 10 месяцев.

В 1813 г. Р. ездил в Пензу, к графу Ф. А. Толстому, и снял у него в аренду Цициановскую фабрику в 52 станка; фабрика эта оказала сильное влияние на расширение действий товарищества, так как отделка на ней была особенно хороша и считалась одною из лучших в России. В 1814 г. Р., уже независимо от товарищей, купил у князя Барятинского посессионную Даниловскую фабрику, с мельницами и крестьянами в Даниловской слободе. Дела у него шли вполне успешно, и Р. сделался поставщиком сукон в казну, причем поставка сукон производилась им вместе с Бабкиными, на общий счет. В 1819 г. за поставку сукон на Павловскую фабрику Р. получил золотую медаль на Аннинской ленте, а в 1821 г. был пожалован в мануфактур-советники, в 1826 г. получил орден св. Анны 3-й степени, а 1831 г. – св. Владимира 4-й степени и св. Анны 2-й степени. В том же 1831 г. фабрика, содержащая им и братьями Бабкиными, была удостоена на Московской Выставке золотой медали за сукна, приготовленные для Китая. При учреждении звания почетного гражданства Р. одним из первых получил это звание. В 1833 г. Р. особенно отличился своими сукнами на бывшей в Петербурге Выставке, за что получил через Министра Финансов Высочайшую благодарность, был приглашен к Высочайшему столу и в том же году получил орден св. Станислава 2-й степени. В 1834 г. Р. было выражено Высочайшее благоволение за предупреждение затруднений в продовольствии Москвы и пожалован ему бриллиантовый перстень; затем, в 1888 г. Р. получил орден св. Анны 2-й степени с Императорскою короной по званию церковного старосты и за сооружение нового каменного храма.

В 1838 г. Р. окончательно разделился с Бабкиными и купил у Турубаева Чудинскую суконную фабрику. Главное количество своих сукон Р. производил для торговли с Китаем.

Р. умер, после продолжительной болезни, 19-го декабря 1844 г. в Москве и похоронен на кладбище Даниловского монастыря.

С 1833 г. Р. состоял действительным членом Имп. Московского Общества Сельского Хозяйства; кроме того, в 1825 г. он был действительным членом Общества Любителей коммерческих знаний при Московской практической коммерческой Академии.

«Москвитянин» 1845 г., кн. 1, № 1 (Московская летопись), стр. 13; кн. 3, № 5 и 6, стр. 246–250; «Московские Ведомости» 1845 г., № 10 (некролог, П. Веретенникова); Степан Маслов, «Исторический Обзор Императорского Московского Общества Сельского Хозяйства», М., 1846 г., Приложение, стр. 280; Месяцеслов на 1846 г., стр. 166; Московский Некрополь, т. III.

Рыбников, Павел Николаевич

Рыбников, Павел Николаевич, известный собиратель былин; родился 24-го ноября 1831 г. в Москве, умер 17-го ноября 1885 г. в Калише. Предки его были московскими купцами-старообрядцами; отец Р. умер, когда ему было около 5 лет, оставив семью с довольно ограниченными средствами. Это не помешало, однако, младшему из братьев, Павлу Р., получить хорошее образование – сперва домашнее, давшее ему прекрасное знание иностранных языков, затем – в гимназии и, наконец, в университете. В 3-ей Московской (реальной) гимназии, когда поступил в нее Р. в 1844 г., директором был известный педагог П. Погорельский; преподавательский персонал насчитывал в своей среде целый ряд лиц, причастных к науке и литературе, как, напр., П. Перевлесский, В. Клоссовский, С. Шестаков, Б. Ордынский, М. Н. Капустин и, наконец, Ф. И. Буслаев (с 1841 по 1846 г.). Несмотря на материальные затруднения – по словам сестры, «ему приходилось с младших классов давать уроки», Р. учился блестяще и кончил в 1850 г. курс гимназии с серебряной медалью. В промежутке между 1850 г. и 1854 г. Р. совершил путешествие за границу в качестве переводчика при К. Т. Солдатенкове (указание на связи Р. с Московским старообрядчеством) и Н. П. Боткине, причем, по собственным словам его, довольно долго жил в Италии. Поступив в 1854 г. на филологический факультет Московского университета, Р. на первом же курсе успел зарекомендовать себя переводами из Тацита у проф. П. М. Леонтьева, а на втором – читал у проф. Шевырева, вместе с А. А. Котляревским, свою работу о II томе «Мертвых Душ» (Университетские отчеты 1854–1858 гг.). Другими учителями его были Шестаков, Буслаев, Бодянский. Он слушал Кудрявцева, Соловьева, Грановского, которого застал еще на кафедре, Тихонравова. Кончил Р. курс кандидатом в 1858 г. Не менее плодотворным в своем роде было для Р. также и то деятельное участие, какое он принимал в студенческой жизни. По словам сестры, «он часто говорил на сходках и все,

время был под надзором полиции», вследствие чего, «из боязни обыска, чтобы не пугать мать», с которою жил вместе, уехал и жил то с тем, то с другим из товарищей: А. А. Козловым (известным впоследствии профессором философии Киевского университета), М. Я. Свириденко (был потом управляющим книжного магазина Кожанчикова в Петербурге), Вл. Власьевым (держал магистерские экзамены по уголовному праву). Другими товарищами и современниками Р. по университету были А. А. Котляревский, талантливый переводчик Рассадин, Александр и Федор Веселовские. Из них Котляревский и Рассадин вместе с Козловым занесены были гр. А. А. Закревским в знаменитый «список подозрительных лиц 1859 г.». Но неосторожно было бы отсюда заключать о действительной партийной принадлежности всех их и Р. в том числе: правильней было бы указать вообще на свободомыслие тогдашней молодежи, питавшейся идеями передовой журналистики. Всюду возникали кружки для совместного горячего обсуждения всевозможных вопросов современности, преимущественно социально-политических, и философских. Одним из таких был и кружок Козлова и Р. Последнего занимали Фейербах, Макс Штирнер, Луи Блан, Прудон, а также Гегель, Вико, и Монтескье. Но интересы этого кружка, еще более широкие, всего лучше, может быть, определяет тот факт, что эти идейные ученики «Современника» сказались вдруг (с 1854–1855 гг.) в самых тесных личных отношениях с человеком диаметрально противоположного направления, А. С. Хомяковым. В своем некрологе Хомякова (1860 г.) Козлов рассказал, как этот большой московский барин и знаменитый писатель приезжал на поздние собрания безвестных студентов-«бедняков», где-нибудь «в душной мансарде», для споров о науке и философии. Рыбникову это знакомство с Хомяковым дало очень много. В. И. Модестов, говоря о широкой образованности его, упоминает, между прочим, и о хорошем знании богословской литературы – очевидное влияние Хомякова. Через последнего Р. сблизился и с другими славянофилами: К. С. и И. С. Аксаковыми, Юрием Самариным (со всеми ими он потом переписывался). В деле сближения со славянофилами немалую роль сыграла не

умиравшая в Р. старообрядческая традиция и вообще органическая близость его к народу.

Говорят, в детстве нянька сказывала ему былины. Трудно поэтому ему было не заинтересоваться, когда после смерти Петра Киреевского, начались заботы об издании его собрания, когда появился П. И. Якушкин, а затем П. В. Шейн из Симбирской губернии со своими былинами и историческими песнями, Р. давал уроки детям Хомякова и летом 1858 г. жил в его Тульском имении Богучарове. От него он получил рекомендацию в Черниговскую губернию к помещику Жеребцову (имение Лаврики или Лаврентьево), а вместе с тем и в Черниговские староверческие слободы – для изучения раскола и записи песен. Р. удалось сделать много записей, но результат всего этого был вполне неожиданный – арест и гибель всего собрания, сожженного вместе со всеми его бумагами г-жой Жеребцовой (французское письмо ее к матери Р.). Причиной ареста были, по совокупности, и споры Р. с Черниговским архиереем, вызвавшие неудовольствие полиции, и отсутствие паспорта, и едва ли не более всего – то «русское платье», в которое он яко бы «переряживался» при этом своем «хождении в народ». По свидетельству сестры его, Р. не для чего было специально переряживаться по той простой причине, что он вообще тогда носил это русское платье, т. е. поддевку, рубаху, высокие сапоги – согласно со своими славянофильскими устремлениями. Несмотря на хлопоты друзей-славянофилов, прежде всего, конечно, Хомякова, через таких влиятельных лиц, как Шеншина и особенно фрейлина А. Ф. Тютчева, Р. был сослан в Олонецкую губернию. Бдительный Герцен не преминул по этому поводу поместить в «Колоколе» (№ 51, от 1-го сентября 1859 г.) заметку, полную сарказма.

Р. прибыл в Петрозаводск, вероятно, к началу весны 1859 г. и 10-го июня уже был записан в число канцелярских служащих Канцелярии начальника губернии. Местная интеллигенция, сплошь чиновничья, встретила его с недоверием и страхом, но то был только первый момент. Очень скоро положение Р. вполне определилось и упрочилось, как самое благоприятное и в служебном, и в общественном отношении – благодаря, конечно,

прежде всего ему самому, его уму и образованию, его живой и яркой личности. По примеру Герцена и Салтыкова он очень быстро стал повышаться по службе: 30-го ноября того же 1859 г. Р. был уже делопроизводителем Губернского Комитета; в 1860 г. – младшим помощником Правителя Канцелярии губернатора; в 1861 г. – секретарем Статистического Комитета и младшим чиновником особых поручений; в 1862 г. – старшим чиновником особых поручений; в 1863 г. советником Губернского Правления. Начальство у него было хорошее, все три губернатора: Н. П. Волков, еще в 1858 г. подавший правительству проект эмансипации; А. А. Философов (недолго); Ю. К. Арсеньев (1862–1870), сын К. И. Арсеньева, профессора Петербургского университета, пострадавшего некогда вместе с Галичем и Раупахом. С другой стороны, и среди местной интеллигенции нашелся целый ряд лиц, с которыми Р. не замедлил войти в самое живое общение на той или иной почве: член-корреспондент Академии Наук Д. В. Поленов; Е. В. Барсов; В. И. Модестов – тогда учитель гимназии, впоследствии известный профессор классической филологии; И. П. Хрущов, также учитель и также потом профессор (в Киеве); сослуживец Р. – А. В. де Сен-Лоран (сохранились интересные письма к нему Р.); К. Петров, работавший вместе с Р. в Петрозаводском Статистическом Комитете. С некоторыми из них, напр., с Модестовым, Р. связали узы тесной дружбы, Целые вечера и даже ночи проводили они в разговорах, причем Р., по словам Модестова, постоянно обнаруживал самые широкие познания в истории философии (особенно Гегеля), экономике («левые» учения Франции и Германии), древней классической литературе, приводившие «в изумление» классика Модестова.

Неизменный интерес Р. к народной жизни во всех ее проявлениях осмыслил его официальные занятия по должности статистика. Он деятельно работал над собиранием всевозможных сведений о практических потребностях местной жизни. Эти труды его, часто довольно обширных размеров, появлялись в «Олонецких Губернских Ведомостях», затем в «Памятных книжках Олонецкой губернии». Статистической, но уже неофициальной явилась работа его по составлению в 1864

г. таблиц сравнительного спроса в губернии на журналы и газеты и на игральные карты. Отсюда был прямой переход к таким культурно-просветительным начинаниям среди местного населения, как организация и открытие, в январе 1860 г., городской Публичной библиотеки. Тот факт, что Р. был избран ее библиотекарем, самый подбор газет и журналов указывают на то, что Р. должен был принимать во всем этом самое живое участие. Не имея солидной поддержки, библиотека просуществовала только до 1862 г. Но в 1865 г. Р. вновь принялся за аналогичное дело – снабжение книгами библиотеки уездного Училища, после того, как в нее получили доступ частные лица и жертвовали в нее журналы и газеты. Любопытно известие о выступлении Р., в марте 1866 г., в качестве защитника на первом в крае уголовном процессе после введения судебной реформы. Защита оказалась блестящей, и подсудимый, которому угрожала смертная казнь, был оправдан.

Главной работой Р., сделавшей известным его имя, было собирание памятников народной словесности и старины. Здесь после былин нужно упомянуть также и духовных стихах, собранных Р. в большом количестве и переданных им П. А. Бессонову (вошли и его сборник «Калики Перехожие»), о поступившей от него в Археологическое Общество коллекции каменных орудий, старинных стеклянных отливок – копий с античных ониксов, а также монет и рукописей. Другая партия рукописей была передана им П. А. Бессонову и содержала, как говорят, замечательный по полноте экземпляр Киево-Печерского Патерика.

Обращаясь к собранию былин Р., должно отметить, что здесь Р. по известной степени примкнул к традиции, существовавшей уже до него в Олонецкой губернии. Так, собирал былины начальник Олонецких горных заводов Н. Ф. Бутенев, и собрание это, по словам самого Р., было «значительным». Есть сведения также о другом собрании ссыльного чиновника-петрашевца, А. П. Болассоглу, поступившем затем в распоряжение учителя гимназии Ф. И. Дозе. Из собрания Болассоглу были напечатаны всего одна-две старины в «Олонецких Губернских Ведомостях» за 1856–1857 гг.

(вошли в собрание Р.). Собрание Бутенева поступило к самому Р., который и начал печатание его в «Олонецких Губернских Ведомостях» за 1859 г. Но у Р. мы находим только пять былин, полученных «от Н. Ф. Бутенева». Получены Р. еще былины: от чиновника Шкалина три, от Обручева – четыре, от Миролюбова – две и от Прозоровского – одна. Остальные чужие записи в его сборнике сделаны уже по его инициативе и заказу (большей частью – волостными писарями). Этнографические поездки Р. совпадали обыкновенно со служебными. «В первые два путешествия», писал Р. 11-го апреля 1861 г. П. А. Бессонову: «выдалось у меня пять свободных дней; в это время я записал бытовые песни, заплачки, свадебные песни и духовные стихи, собрал разные рукописные материалы» (январь и март 1860 г.). «В третью поездку, в два с небольшим месяца записал более осьмидесяти былин, а должен был, между тем, возиться в сельских волостных правлениях со становыми и исправниками» (май-июнь 1860); «и, наконец, в четвертую поездку в один день записал последние былины» (январь 1861 г.). Р. упоминает еще о пятой своей поездке. Кроме этих пяти, биограф (А. Е. Грузинский) насчитывает за период 1861–1866 гг. еще 12–13 поездок, как за новым материалом, так равно и для проверки ранее полученного. Очевидцы (В. И. Модестов) свидетельствуют, с какою тщательностью производилась Р. эта проверка, до мельчайших подробностей в отношении как языка, так и содержания – проверка по несколько раз и притом у того же самого сказителя, у которого старина была впервые записана. Та же самая былина в передаче другого певца ставилась всегда отдельно, с сохранением всех ее индивидуальных особенностей, языка (произношения) и содержания (мотива). В составе его сборника 200 с лишком былин могут быть «отнесены сколько-нибудь определенно к селению или лицу». Точные указания места жительства и имени имеются относительно 29 певцов... За указанными 29 певцами идет еще 9 лиц, не носящих имени, но обозначенных, помимо места, какими-нибудь личными приметами, вроде: «Калика из д. Красные Ляги», «90-летний старик из Колодозера», «Шальский лодочник»... Все это обусловило высокое научное достоинство

его собрания, явившегося по тому времени настоящим откровением (Пыпин, О. Миллер). Впечатление от I тома было настолько сильно, что ученый мир не хотел даже верить, и акад. Срезневский, прежде чем дать свой отзыв, почел нужным справиться на месте у Д. В. Поленова и В. И. Модестова, включив затем их сообщения в свою рецензию. Позднее Авг. Шлейхер приветствовал сборник «как одну из самых важнейших книг новейшего времени, которая открывает читателю новый, до сих пор не знакомый свет». Сохранилось два письма его к Р., который посылал Шлейхеру свои сборники по мере их выхода с 1861 по 1867 г. Первые два тома его были редактированы П. А. Бессоновым, третий – самим Р., четвертый – О. Ф. Миллером.

Последнему Р. принужден был поручить редакцию потому, что сам к тому времени переведен был (1-го сентября 1866 г.) на должность Калишского вице-губернатора, в каковой и оставался без всякого дальнейшего движения до самой своей смерти, последовавшей 17-го ноября 1885 г.

Если никто не ставил в вину Салтыкову его вице-губернаторства, то таковое Рыбникова справедливо считается компромиссом ввиду того ярко обрусительного характера, какой приняла политика Русского правительства по отношению к Польше после Милютина и князя Черкасского. В бумагах Р. сохранились две статьи его по Польскому вопросу, вполне готовые к печати. Если сказать, что в них положение не только австрийских, но даже прусских поляков признается куда более благоприятным по сравнению с поляками русскими, то вряд ли нужно будет объяснять, почему статьи эти так и не увидели света за подписью вице-губернатора Рыбникова. Очевидно, мы имеем здесь дело с противоречием, достаточно мучительным, между внутренним убеждением и поступками человека. На известное обострение моральных запросов указывает, по-видимому, и интерес Р. в последние годы жизни к Л. Н. Толстому. Он добывал и читал появлявшиеся тогда за границей произведения Толстого, как «Исповедь» и «Изложение Евангелия». В его доме молодой М. С. Громека читал по частям свою книгу об «Анне Карениной». Наконец, и сам Р. пробовал писать как о художественных произведениях Толстого («Война и

Мир» и «Анна Каренина»), так и о религиозно-философских («Изложение Евангелия»); в его бумагах находим черновики статьи и письма к Л. Толстому. Сохранившиеся письма к Рыбникову О. Ф. Миллера и Ф. И. Буслаева указывают, что и будучи оторван от научной работы, Р. не порывал дружеских связей со своими учителями. Он состоял действительным членом Общества Любителей Российской Словесности при Московском университете (избран 17-го октября 1861 г., по предложению И. С. Аксакова), Имп. Русского Географического Общества и членом-сотрудником Имп. Археологического Общества.

Труды Р.: «Былины, песни и духовные стихи» («Олонецкие Губернские Ведом.» 1859 г., №№ 30, 32, 34, 37, 39, 42, 43–45; здесь старины: о Добрыне Никитиче, о трех богатырях, о Дюке Степановиче, о Настасье королевне Политовской; стихи: о Егории Храбром, о Борисе и Глебе); «Былины, песни и духовные стихи» (там же, 1860 г., №№ 17, 33, 35, 39 и 47; здесь былины: о Василии Игнатьевиче; о двух братьях, двух Ливиках и кн. Романе Дмитриевиче; о Лжедмитрии; о добром молодце неудачливом; стихи о чуде святителя Николая); «О льняной промышленности Пудожского уезда» (там же 1860 г., № 32; перепечатано в «Журн. Мин. Вн. Дел» 1860 г., кн. 8); «Шунгская в Олонецкой губернии крещенская ярмарка («Вестник промышленности» 1860 г., кн. 8); «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», ч. I: Старины и побывальщины (М. 1861 г., 488 стр.); ч. II: Народные былины, старины и побывальщины (М. 1862 г., 354 стр.); ч. III: Народные былины, старины, побывальщины и песни (Петрозаводск, 1864 г., 460 стр.); ч. IV: Былины, побывальщины, старины и былевые песни (СПб. 1867 г., 299 стр.). Издание удостоено было от Академии Наук Демидовской награды; «Описание рукописей, доставленных в Имп. Арх. Общество», («Изв. Имп. Арх. Общества» 1862 г., т. IV, вып. 5); «Ониксы, найденные в Олонецкой губ.» («Олон. Губ. Ведом.» 1862 г., № 8); «Заметки с дороги» (там же, 1862, №№ 43–45, 48–49. Перепечатано в Дне» 1862 г., №№ 47, 50 и 52; 1863 г., № 4); «Нашествие татар», былина («День» 1863 г., № 11); Былина о Хотене Блудовиче» («Олон. Губ. Вед.» 1863 г., №

10); «Былина о кн. Владимире (там же, № 11); «Варианта Новгородской летописи» (там же, №№ 37–42); «Иван Гостинный сын», былина (там же, № 43); «Царь Алексей Михайлович», былина (там же, № 44; перепечатано в «Смол. Губ. Вед.» 1864 г., № 1); «О начале града Москвы», из Новгородской летописи («Олон. Губ. Вед.» 1863 г., № 45; перепечат. в «Памятной книжке Олонецкой губернии на 1863 г.», ч. II); «Бой Ильи с сыном», былина («Олон. Губ. Вед.» 1863 г., № 46); «Шунгская Богоявленная ярмарка в 1864 г. (там же, 1804 г., №№ 6–9); «Сборник слов, употребляемых в Олонецкой губ.» («Этнографич. Сборник», над. Имп. Русск. Геогр. Обществом, 1804 г., в. VI); «О каменных орудиях» («Известия Имп. Археол. Общества» 1864 г., т. V, в. 6); «Народные поверья и суеверья в Олонецкой губернии. Заонежские поверья». («Памятная книжка Олонецкой губ.» 1864 г., отд. II, стр. 191); «О разведении льна в Пудожском уезде» (там же, отд. II., стр. 145); «Народные легенды о водяниках» («Олон. Губ. Вед.» 1865 г., № 9); «Об особенностях Олонецкого подречия. Произношение. Словообразование. Словопроизношение» («Памятная книжка Олонецкой губернии» на 1865 г., отд. II, стр. 105): «Статистические таблицы о состоянии Олонецкой губернии в 1863 г.» (там же, стр. 3); «Шунгская Богоявленная ярмарка в 1843–65 гг.» (там же, отд. II, стр. 140); «Слова так называемого биямского языка, употребляемого Ладвинскими стекольщиками» («Олон. Губ. Вед.» 1866 г., № 8); «О Петрозаводском и Повенецком уездах. Данилов и Лекса» (там же, №№ 26, 27, 35; перепечатано в «Памятной книжке Олонецкой губернии» на 1867 г.); «О Тивдийских мраморных ломках» (там же. № 48); «Этнографические заметки о Заонежанах» (вероятно, Р.) – «Памятная книжка Олонецкой губернии 1866 г.», отд. II, стр. 3); «Былины об Илье Муромце, Иване Гостинном сыне, Кострюке, наезде литовцев на Москву. Пудожские свадебные заплачки» (там же, отд. II, стр. 71–94); «Петрозаводские северные вечера» Баландина, напечатанные Р. («Олон. Губ. Вед.» 1866 г.); «Старинные акты, доставленные П. Н. Рыбниковым в Имп. Археологическое Общество («Олон. Губ. Вед.» 1867 г., № 38), «Ониксы, найденные в Олон. губ.»

(там же, № 10); «Песни, собранные П. Н. Р.», изд. 2-е, под ред. А. Е. Грузинского, с портретом, биографией и указателем, М. 1909–1911 гг., СП+512, V+727, VI+432 стр.

А. Герцен в «Колоколе» 1859 г., 1 сент., № 51; И. И. Срезневский – в «Известиях 2 Отд. Акад. Наук», т. X, 1863 г.; Статья о сборнике Р. – «Олон. Губ. Вед.» 1867 г., № 47; Некрологи: Отчет Имп. Русского Географ. Общ. на 1885 г. (В. Модестова); «Новости» 1885 г., № 354 (его же); «Новое Время» 1885 г., 2 декабря; «Журнал Министерства Народного Просвещения» 1885 г., ССХIII, кн. 12; отд. IV, стр. 217–221; «Церковно-Общественный Вестник» 1885 г., № 106; «Библиограф» 1880 г., № 6–7, стр. 99–100; «Исторический Вестник» 1886 г., кн. I, стр. 256–57; «Новь» 1886 г., кн. 4, стр. 269; «Северный Вестник» 1886 г., кн. 3, отд. II, стр. 73–93; 1887 г., кн. 4, отд. II, стр. 82–86; «Новь» 1888 г., кн. 7, стр. 222 (с портретом); «Беседы в Обществе Любителей Российской Словесности», I, прил., стр. 3; Словарь членов Общества Любителей Российской Словесности», стр. 244; Д. Д. Языков, «Обзор жизни и трудов покойных русских писателей», в. V и дополнения при вып. VII и XII; А. Н. Пыпин, «История русской этнографии», т. I, стр. 34, 226; т. II, стр. 48, 61–64, 68, 82, 105, 136, 221–224, 229, 231, 240–41, 245, 311, 326, 346; т. III, стр. 104, 457; С. Приклонский, «Судьба губернских статистиков» – «Сев. Вестн.» 1886 г., т. 3, отд. I, стр. 73–93; К. Петров, «Провинциальные статистики и писатели» – «Сев. Вестн.» 1887 г., т. 4, отд. II, стр. 82–86; М. С-ский, Эпизод из истории нашего народоведения – «Труд» 1890 г., т. VI, стр. 153–167; Энциклоп. Словарь Брокгауза-Ефрона, т. XXVII, 1899 г.; Л. Пантелеев, «Из воспоминаний прошлого», т. I, стр. 263; И. А. Шляпкин, «П. Н. Рыбников и новое издание его сборника». (С приложением новых материалов: список трудов Р., письма его к О. Ф. Миллеру и Д. Е. Кожанчикову, письма к О. Ф. Миллеру Е. В. Барсова и А. А. Котляревского) – «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1912 г., № 6, стр. 305–321.

Рыбушкин, Михаил Самсонович

Рыбушкин, Михаил Самсонович, директор Астраханских училищ, адъюнкт Казанского университета, писатель; род. в 1792 году в Симбирске, ум. 20-го марта 1849 г. в Казани; учился в Казанской гимназии, а затем в Казанском университете, где окончил курс и 1812 г. со степенью кандидата по Словесному отделению и в том же году назначен (22-го мая) учителем славяно-русского класса и Казанскую гимназию, а два года спустя (2-го октября 1814 г.) – комнатным надзирателем. Со 2-го апреля 1815 Р. занимал должности: учителя истории и географии, корректора Университетской типографии (с 1-го января 1816 г. до 24-го апреля 1819 г.), старшего учителя исторических наук (с 27-го января 1820), члена Гимназического Совета (с 16-го августа 1820) и, наконец, инспектора гимназии (с 4-го августа 1823 г.).

Составив славянскую грамматику, Р. пытался в 1821 г. получить звание адъюнкта Российской словесности при Казанском университете, но его постигла неудача, и лишь в 1823 г., сентября 17-го, он был избран и утвержден в этой должности. Назначенный членом Училищного Комитета (27-го августа 1824 г.), он ровно через год оставил эту должность, которую снова занял 30-го июня 1827 г., будучи 2-го августа 1826 г. назначен Секретарем Отделения словесных наук университета, а в 1830 г. (17-го ноября) определен был управляющим Университетской типографией. В 1828–29 гг. Р. исправлял должность директора Казанских училищ, продолжая оставаться адъюнктом в Казанском университете, в 1835 г. назначен был директором училищ Астраханской губернии, а в конце 1843 г. – директором училищ Пензенской губернии. В Пензе у него произошли крупные служебные неприятности, что и было причиной выхода его в отставку.

Р. много писал и в прозе, и в стихах, как по разным отделам изящной литературы, так и по литературной критике и по вопросам из местной истории, археологии и этнографии. Он выступил на литературное поприще в 1814 г., напечатав в

Казани отдельной книжкой трагедию в прозе «Иоанн, или взятие Казани». Остальные его произведения печатались в «Казанском Вестнике», в «Прибавлениях» к нему и в «Казанских Губернских Ведомостях». Главной заслугой Р. является издание в 1832–1834 гг., совместно с адъюнктом латинской словесности М. В. Полиновским, первого Казанского частного периодического журнала – «Заволжский Муравей». На выходном листе журнала, наверху, под словом «Заволжский», было изображено насекомое (больше похоже на пчелу, чем на муравья) в венке из лавровой и дубовой веток; под насекомым поставлено слово «Муравей». В качестве эпиграфа – следующее двустишие:

За труд мой не ищу себе похвал и славы,
Люблю трудиться лишь для пользы иль забавы.

Журнал выходил два раза в месяц книжками небольшого формата, приблизительно по 62 страницы в книге; цензуровался в Москве. Одной из усердных сотрудниц «Заволжского Муравья» была жена профессора Казанского университета, Александра Андреевна Фукс, сама по себе казанская дворянка и помещица, урожденная Апехтина. В «Заволжском Муравье» помещено было, между прочим, довольно много статей по местным истории, археологии и этнографии, а чтобы дать понятие о разнообразии содержания этого журнала, берем наудачу 1-ю книгу за январь 1833 г.: 1) Араслан-Бабр (башкирская повесть). 2) Модная жена; 3) Казань; 4) Известия, полученные о Черемисском Телеграфе; 5) Церковный обряд вшествия Христа Спасителя в Иерусалим; 6) Об искусстве чтения; 7) О смысле русских пословиц; 8) Разговор двух приятелей.

Склонность к историческим изысканиям побуждала Р. совершать поездки в окрестности Казани и внимательно изучать как прошлое, так и настоящее города Казани и Казанской губернии. Кроме множества статей, посвященных частным историческим вопросам, Р. занялся составлением «Краткой истории г. Казани»; ее вышло два издания: 1-е изд. в 1834 г., 2-е изд. в 1848 и 1850 гг.; оба издания в двух частях. Посвящение Городскому голове, находящееся во 2-м издании, настолько своеобразно, что мы выписываем его целиком: «Его

Высокостепенству Господину Градскому Главе, потомственному Почетному гражданину, имеющему три золотые медали за усердие и одну серебряную и Высочайше пожалованный от Двора нарядный кафтан, Онисиму Кирилловичу Месетникову, усерднейше посвящает сочинитель». Первые две вводные главы «Краткой истории г. Казани» (пользуемся вторым изданием) доселе не утратили своего значения по тем статистическим данным о Казани за XVIII и XIX вв., которые сообщает Р. Самая история в общих событиях, касающихся Казани от ее основания до покорения Иоанном Грозным, составляет сокращение повествования Карамзина и только с VI главы начинается самостоятельное изложение Р. Сказав об учреждении в Казани епархии, Р. сообщает краткие жизнеописания Казанских иерархов и топографию Казанского Кремля и его древностей, главным образом церковных. Затем долго останавливается на посещении Казани Петром I и на учреждениях, основанных им в этом городе. Дальнейшие главы 1-й части «Краткой истории г. Казани» посвящены: основанию в г. Казани духовной семинарии, новокрещенских школ, гимназий и связанных с ними татарских училищ, возникновению театральных зрелищ, пребыванию в Казани Императрицы Екатерины II и нашествию Пугачева. Так как после Пугачева произошли в г. Казани большие изменения в топографическом отношении, а некоторые храмы и здания были совершенно истреблены, то Р. счел небесполезным перечислить главные улицы, слободы и церкви, существовавшие там до нашествия Пугачева.

Во 2-й части Р. отводит целую главу описанию пожаров, испепелявших Казань девять раз, с 1598 по 1842 г., причем особенно подробно останавливается на пожаре 1842 г. Весьма интересны статистические данные о населении Казани и о развитии в ней торговли и фабричной промышленности в 1842 г. Немало места отведено учебным заведениям: Главному народному училищу, открытому в 1786 г., и гимназии, преобразованной в 1798 г. Особенно обстоятельно говорит Р. об окончательном устройстве в 1814 г. Казанского университета, о профессорах, их заграничных командировках и ученых трудах,

об университетской библиотеке, учебно-вспомогательных учреждениях и т. д. Вслед за университетом идет описание духовной семинарии и академии, Школы военных кантонистов, Землемерного училища и Родионовского института для девиц. Желая представить наиболее полно все интересы Казани и все, чем она отличалась от других городов, Р. посвящает отдельные главы Пороховому заводу, основанному на берегу р. Казанки по повелению Екатерины II, и памятнику в честь воинов, убитых при осаде Казани Иоанном Грозным в 1552 г. Говоря о нравах и обычаях жителей, Р. так характеризует дворянство и купечество: «Дворянство Казанское довольно многочисленно, но не столь богато в сравнении с подобными сословиями в других губерниях. Патриотические чувствования издавна были отличительными чертами дворянства Казанского. Еще во времена Императрицы Елисаветы Петровны здешнее благородное сословие могло гордиться любовью к отечеству, утонченностью нравов, гостеприимством и общежитием». За содействие к усмирению Пугачевского бунта Екатерина II в рескрипте на имя генерал-майора Бибикова выразила благоволение в очень лестных для Казанских дворян выражениях: «Подражая примеру верного и усердного дворянского корпуса Казанского, повелела я, яко помещица той губернии, с дворцовых волостей, с каждых двух сот душ, Вам отдать по одному рекруту»... Р. очень высоко ставил казанское дворянство и находил, что «трудно изложить вполне все человеколюбивые подвиги здешнего дворянства: они столь многочисленны и разнообразны, что требуют подробнейшего описания». Разделяя казанское купечество на «первостатейное» и «среднего класса», Р. делает между ними такого рода сравнение: «Первостатейное казанское купечество отличается уединенным образом жизни и чуждается общественных увеселений. По нашему мнению, это происходит, во-первых, оттого, что купцы здешние непрерывно занимаются своим делом и не находят досуга развлекать себя роскошью или тратить время для пустой забавы, а во-вторых, и от самого образа их воспитания... Более приметно общежития и стремления к образованности в среднем классе купеческого

сословия. Оно с разборчивостью препровождает время своего досуга, любит заниматься чтением книг, судить о литературе иногда с отчетливою основательностью; старается об образовании детей и даже заботится о пользе просвещения». Далее Р. говорит о татарах, останавливаясь главным образом на их школах и праздниках.

В 1-й части «Краткой истории», как мы видели выше, были описаны пребывания в Казани Петра I и Екатерины II; во 2-й части сказано не только о посещениях города Императорами Павлом и Николаем I, но и о приездах великих князей и других особ царской фамилии. Последняя, XI-я глава посвящена подробному перечислению и историческому описанию монастырей г. Казани и Казанской губернии. В заключение приложен список Казанских царей, а с 1552 г. – список бояр, воевод и прочих правителей Казани.

Из Предисловия Р. к «Краткой истории г. Казани» видно, что он пользовался, кроме печатных, многими рукописными источниками, представлявшими в то время редкий материал для местной Казанской истории.

«Записки об Астрахани» составлены по тому же плану, как и «Краткая история г. Казани», но менее обширны.

Список сочинений Р. и краткая его биография напечатаны в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета» (1804–1904 гг.), Казань. 1904 г., ч. 2-я. Указатель статей по археологии, истории и этнографии, помещенных в журнале «Заволжский Муравей» (1832–1834 гг.), находится в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете», Казань. 1892 г., т. X, вып. 3.

«Москвитянин» 1849 г., ч. 2, № 8, апр., кн. 2. стр. 141–147 (некр., А. Артемьева); «Казанские Губ. Вед.» 1849 г., № 15, стр. 129 и № 16, стр. 133–134; 1852 г., № 16, стр. 147–151; «Казанский Литерат. Сборник» 1878 г., стр. 179–222; Н. П. Загоскин, Деятели Имп. Казанского университета, М. 1900, стр. 49–60.

Рыддер, Денис Петрович

Рыддер, Денис Петрович, генерал-поручик; еще в 1696 году, будучи поручиком и майором, он участвовал в Петровском походе под Азов; затем, вероятно, участвовал в других войнах Петра в позже, при Императрице Елизавете Петровне, был бригадиром; 25-го декабря 1755 г., пожалован был из бригадиров в генерал-майоры, с состоянием при армии, а уже через год, 9-го сентября 1756 г., произведен был в генерал-поручики при армии же; в это время он был послан для осмотра Сибирской Линии.

«Поход боярина... Шеина к Азову», изд. В. Рубана, СПб. 1773, стр. 73; П. Баранов, Описание Высоч. указам Сенатского Архива; Ильенко и Масловский, Описание дел секретного повеления Моск. Отд. Архива Главного Штаба, М. 1890, стр. 69 и 80; Описание дел Архива Морского Министерства, т. IV; «С.-Петербург. Ведомости» 1756 г., № 7; Список военным генералам со времен Петра I до Екатерины II, СПб. 1809, стр. 68.

Рыдзевский, Александр Людвигович

Рыдзевский, Александр Людвигович, доктор медицины; родом поляк и католик, он воспитывался на казенный счет в Московском университете и в 1846 г. был выпущен лекарем, с назначением в Гренадерский Румянцева-Задунайского полк, в котором в 1852 г. был назначен полковым штаб-лекарем; выйдя в отставку в 1853 г., Р. в 1861 г. определился старшим врачом больницы Псковского Приказа Общественного Призрения и в том же году получил степень доктора медицины от Петербургской Медико-хирургической академии. Уволившись в отставку в 1865 г., он в 1867 г. был назначен Саратовским врачебным инспектором, где был и в 1886 г., имея чин д. с. советника.

Умер 20-го мая 1887 г., 64 л.

Напечатал диссертацию: «О затрудненных или болезненных месячных очищениях», СПб. 1862, 8°, 59 стр.

Л. Ф. Змеев, Русские врачи-писатели, тетр. 2, СПб. 1886, стр. 88; Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. 62, стр. 742.

Рыдзевский, Георгий-Эдуард-Андрей Николаевич

Рыдзевский, Георгий-Эдуард-Андрей Николаевич, генерал-майор, командир 2-й бригады 21-й пехотной дивизии; происходил из дворян Смоленской губернии, родился 8-го ноября 1837 г., окончил курс в Николаевском инженерном училище (поступил в него кондуктором 28-го сентября 1853 г., произведен в портупей-юнкера 9-го января 1857 г.); 6-го июня 1857 г. произведенный в прапорщики и оставленный при Академии для продолжения курса наук, он 22-го июня 1859 г. переведен, был прапорщиком в л.-гв. Саперный батальон, 30-го августа 1859 г., в чине подпоручика, командирован был в Офицерскую стрелковую школу, которую окончил 21-го августа 1862 г., а 30-го августа 1863 г. произведен был в штабс-капитаны и назначен командиром роты Его Величества. С 1865 по 1872 г. Р. получил несколько орденов, до св. Владимира 4-й ст. (14-го ноября 1871 г.), 16-го апреля 1867 г. произведен был в полковники, а в следующем году, 6-го апреля, назначен командиром 1-го Кавказского саперного Великого Князя Николая Николаевича Старшего батальона. Через четыре года (22-го июня 1872 г.) ему поручено было командование 14-м Гренадерским Грузинским Великого Князя Константина Николаевича полком, с которым он и принимал участие в Турецкой кампании 1877–78 гг. Первым боевым подвигом Р. было отражение, 3-го июня 1877 г., вылазки Карсского гарнизона у сел. Аравартан и Чифтлик, затем, 10-го сентября, за бой под Зивином 13-го июня, он был награжден орденом св. Георгия 4-й ст. и произведен в генерал-майоры, с назначением командиром 2-й бригады 40-й пехотной дивизии. При штурме Карса Р. командовал седьмою колонною, состоявшею из двух батальонов Гурийского и Абхазского полков при 24 орудиях. Задачей его было, по диспозиции, выступив у сел. Мицри, занять позицию перед фронтом укреплений Араба и Карадача и продемонстрировать против них ружейным и артиллерийским огнем, угрожая решительным наступлением. Задачу эту он и

выполнил 5-го ноября блестяще, причем, как было сказано в реляции, под его личным начальством взят был форт Араб. За штурм Карса Рыдзевский награжден был орденом св. Георгия 3-й ст. (10-го декабря 1877 г.) и затем до 1880 г. получил целый ряд наград: 12-го февраля 1878 г. – золотое оружие с надписью «за храбрость» за дела 20, 21 и 22-го сентября под Аладжинскими высотами и у гор Б. и М. Ягны, 13-го мая 1878 г. – орден Короны со звездой, пожалованный ему Императором Германским, 20-го сентября 1878 г. – св. Станислава 1-й ст. с мечами за поражение Турок под Аладжинскими высотами, 7-го сентября 1878 г. – серебряную медаль на Андреевско-Георгиевской ленте в память войны 1877–78 гг. и медаль, пожалованную Князем Николаем Черногорским, наконец 19-го июня 1879 г. – св. Анны 1-й ст. с мечами за отличие при блокаде Эрзерума.

2-й бригадой 40-й пехотной дивизии Р. командовал недолго: 6-го мая 1878 г. он был назначен командиром 2-й бригады 41-й пехотной дивизии, а 31-го декабря – 1-й бригады той же дивизии, затем (2-го сентября 1882 г.) ему поручено было командование 2-й бригадой Кавказской гренадерской дивизии и, наконец, 20-го декабря 1884 г. – 2-й бригадой 21-й пехотной дивизии. 30-го августа 1882 г. он награжден был орденом св. Владимира 2-й ст.

Р. скончался (застрелился) 3-го декабря 1885 г. в урочище Дешлагар, Дагестанской области.

Полный послужной список А. Н. Рыдзевского по 1 января 1883 г.; «Русский Инвалид» 18 декабря 1885 г., № 275; «Новое Время» 5 и 6-го декабря 1885 г., №№ 3511–12; История л.-гв. Саперного батальона, СПб. 1879, по указ.

Рыдзевский, Николай Антонович

Рыдзевский, Николай Антонович, инженер-генерал-лейтенант, член Военного Совета и Главного Военно-Тюремного Комитета; происходил из дворян Смоленской губернии, родился в 1805 году; первоначальное образование получил в Финляндии, где служил его отец, затем был определен пансионером в Петербург, в нынешнюю 2-ю Гимназию. 30-го октября 1820 г. он, сдав экзамен, поступил кондуктором в Главное инженерное училище, 19-го ноября 1822 г. произведен был в прапорщики полевых инженеров, как тогда назывались офицеры нынешнего Корпуса военных инженеров, и 18-го декабря 1824 г., по окончании курса в офицерских классах Главного инженерного училища (ныне Николаевская инженерная Академия), был назначен на службу в крепость Бобруйск, получив при переходе в старший офицерский класс чин подпоручика (22-го декабря 1823 г.) – высшую тогда академическую награду.

6-го марта 1825 г., в числе немногих русских инженерных офицеров (Зеленко, Алекс. Ден, Алекс. Аврежио, Типольд), Р. был ; командирован в распоряжение Наследника Цесаревича Константина Павловича для работ в Польских крепостях – Модлине и Замостье вместе с инженерами Польских войск, пользовавшимися тогда хорошою репутациею, и под руководством известного строителя этих крепостей, инженерного генерала Наполеоновских войск – Моллета, поступившего на Польскую службу под фамилиею Мелецкого. 8-го ноября 1827 г. Рыдзевский произведен был в поручики, а 5-го апреля 1829 г. командирован в Европейскую Турцию к исправляющему должность Начальника инженеров 2-й армии и, по прибытии на место, с 10-го по 23-е мая производил осадные работы под крепостью Силистрией, за что был, 14-го июля 1829 г., награжден орденом св. Анны 3-й ст. с бантом. Затем, во время движения (24-го мая) главных сил по Шумлинской дороге через сел. Каургу, Р. находился при Начальнике инженеров 2-й армии ген. Лейхнере, участвовал при поражении, 30-го мая,

великого визиря под Кулевчею, а после перехода, в июле месяце, наших войск через Балканы, укреплял этапы и военные дороги в горах блокгаузами, за что получил (30-го августа 1829 г.) орден св. Владимира 4-й ст. с бантом. После Адрианопольского мира он, 24-го февраля 1830 г., вернулся в Бобруйск, причем ему было дан не в зачет, в виде награды, годовой оклад жалованья.

С началом Польского восстания, Р. 6-го апреля 1831 г. прикомандирован был к Начальнику инженеров действующей армии инженер-генералу Ив. Ив. Дену, с которым и работал над укреплением города Брест-Литовска (27-го апреля), Мендзержица (1-го мая) и Седлеца (9-го мая); 11-го мая, после переправы наших войск через р. Буг, он следовал с войсками через Соколове, Гродно и Высокомазовецк до Остроленки, откуда вместе с ген. Деном поехал, 18-го мая, в Лонжу для укрепления этого города, а 26-го мая послан был в отряд ген. Ридигера, с которым участвовал в военных действиях в Люблинской губ. (в гор. Люблин приехал 24-го июня). 6-го июля он устроил переправу через р. Вепрж под Лысобоками, 7-го июля участвовал при поражении корпуса Янковского под Будиско, а 8-го июля – при движении на Коцк, причем вторично устроил переправу через р. Вепрж; с 18-го по 26-е июля работал над устройством укреплений и переправы через р. Вислу у м. Юзефова, 28-го июля был в авангардном деле при м. Границе, а с 1-го по 6-е августа опять укреплял и устраивал переправу через р. Вислу у дер. Подгуржи.

С окончанием Польской кампании боевая деятельность Р. сменилась мирною строительною. Произведенный, 14-го октября 1831 г., в штабс-капитаны, он 22-го апреля 1832 г. назначен был командиром инженерной команды в креп. Замостье и здесь до 1838 г. работал над перестройкой и укреплением крепости; 28-го марта ему был пожалован бриллиантовый перстень «за работы в Замостской крепости», 6-го декабря ему объявлено Высочайшее благоволение, 1-го января 1835 г. он произведен был в капитаны, а 9-го августа 1838 г. награжден орденом св. Станислава 2-й ст.

10-го ноября 1838 г. Р. поручена была инженерная команда в проектированной крепости Ивангороде. Р. приехал сюда, когда на месте крепости стояла только корчма при перевозе через Вислу близ впадения в нее Вепржа. В сравнительно короткий промежуток времени, до 1844 г., он создал всю крепость в ее главных частях и за это, кроме производства в подполковники (23-го мая 1840 г.), получил два раза – 9-го августа и 27-го сентября 1840 г. – выражение Высочайшего благоволения. 13-го января 1844 г. Р. назначен был начальником инженерной команды в Новогеоргиевскую крепость. Здесь до его приезда главнейшие фортификационные работы были уже закончены, но он устроил целый ряд других сооружений, имевших не только практическое, но и научное значение: устроил полную контрминную систему, первый в России висящий на проволочных канатах мост через р. Нарев, первую же, после Мытищинской в Москве, паровую водокачку, паровую мельницу, долго бывшую единственной в наших крепостях, и т. д. Затем он предпринял обширные работы по регулированию течения рр. Вислы и Нарева и по укреплению их берегов под крепостью. Работы увенчались полным успехом, также как и оченьгодились впоследствии, при приведении крепости в 1854–55 гг. в оборонительное положение, построенные им запасные плавучие мосты через рр. Вислу и Нарев.

17-го декабря 1844 г., за выслугу в офицерских чинах 25 лет, он получил орден св. Георгия 4-й ст., 8-го мая 1845 г. ему объявлено было Высочайшее благоволение «за работы в Новогеоргиевской крепости», а через год – 28-го мая 1846 г. он вышел в отставку полковником. В отставке Р., впрочем, был недолго – до 6-го мая 1848 г. и 15-го мая 1848 г. опять вернулся в Новогеоргиевск – начальником инженерной команды. До 1850 г. он два раза получал выражение Высочайшего благоволения (25-го июня 1849 и 4-го мая 1850 г.) «за отличный порядок по содержанию воинских зданий и верхов крепости». Произведенный 4-го мая 1850 г. в полковники, он 21-го ноября назначен был в Штаб Начальника инженеров действующей армии ген. К. А. Шильдера и занял должность штаб-офицера для особых поручений, на котором лежала вся проектная часть

по городам и крепостям Западного инженерного округа и поверка смет на годовые работы. За свою деятельность на этой трудной должности он 3-го февраля 1853 г. награжден был орденом св. Анны 2-й ст.

Во время Восточной войны 1854–55 гг. на Р. возложено было приведение всех западных крепостей в оборонительное положение и военно-инженерные работы в Царстве Польском, ввиду ожидавшегося тогда разрыва с Австрией. За успешное выполнение этой задачи ему был пожалован, 31-го мая 1855 г., орден св. Анны 2-й ст. с Имп. короною, а в следующем, 1856 г., 10-го января, он назначен был состоять при Инспекторе по инженерной части ген. Дене, 26-го августа 1856 г. получил орден св. Владимира 3-й ст. с мечами, а 17-го апреля 1858 г. произведен был в генерал-майоры и утвержден в должности вице-директора бывшего Инженерного Департамента. С 1860 по 1862 г. Р. был удостоен последовательно нескольких наград: 8-го марта 1860 г. ему объявлено Монаршее благоволение за успешное управление Департаментом во время болезни директора, 17-го апреля – орден св. Станислава 1-й ст., 27-го апреля 1862 г. – св. Анны 1-й ст. с мечами. 26-го января 1863 г., с преобразованием Департамента в Главное Инженерное Управление, он назначен был в нем вице-директором, вскоре, 4-го апреля 1865 г., произведен в генерал-лейтенанты, затем в 1867 г. вступил в должность члена Инженерного Комитета и заведующего делами этого Комитета, а в 1872 г. был назначен членом Военного Совета. На нем, как на единственном в то время члене Совета – инженере, лежало рассмотрение всех дел, касавшихся инженерной специальности. «Ему не суждено было совершать блестящих подвигов, о которых пишут в реляциях, он не сооружал бьющих в глаза монументальных зданий, не участвовал в административных работах, с которыми навсегда связаны имена участников, но он выполнил деятельность, плодотворную для общества, очень нужную ему, требующую основательных знаний, солидного ума и громадного трудолюбия» – так сказал в своей речи инженер-генерал Герсфельд; в 1874 г., по случаю 50-летия службы Рыдзевского в офицерских чинах.

Р. умер 10-го марта 1878 г., от воспаления легких.

Полный послужной список генерал-лейтенанта Рыдзевского; А. Савельев, Исторический очерк Инженерного Управления в России, т. IV, СПб. 1899, стр. 50–51; «Русский Инвалид» 1873 г., 26-го марта, № 70; «Новое Время» 13-го марта 1878 г., № 732; «Ежегодник Русской армии» 1879 г., некр., стр. 126; Н. М. Затворницкий. Память о членах Военного Совета, СПб. (с портр.).

Рыжков, Митрофан Егорович

Рыжков, Митрофан Егорович, доктор медицины, род. в 1835 году и происходил из дворян Могилевской губернии; учился в Ярославской гимназии и с 1852 г. в Московском университете, откуда в 1856 г., марта 1-го, был выпущен лекарем, с назначением в Кирасирский Военного Ордена полк; в 1860 г. переведенный в понтонный № 6 парк, он в 1872 г. был прикомандирован к Петербургской медико-хирургической Академии, от которой в 1875 г. получил, по защите диссертации, степень доктора медицины и был назначен старшим врачом в Донской казачий № 26 полк; перейдя в 1876 г. в Охотский Пехотный полк, он в 1877 г. был старшим ординатором лазаретов 11-й пехотной дивизии, в 1879 г. обратно вернулся в полк и умер в 1881 г. от брайтовой болезни.

Его докторская диссертация – «О переваривании сушеного мяса желудочным соком» – была напечатана в «Военно-Медицинском Журнале» 1875 г., ч. 123, т. VII, стр. 5–62 и вышла в том же году отдельною брошюрою (СПб., 8°, 59 стр.).

Л. Ф. Змеев, Русские врачи-писатели, тетр. 5, СПб. 1839, стр. 103–104.

Рыжов, Алексей Иванович

Рыжов, Алексей Иванович, цензор, писатель; родился в 1829 г.; получив домашнее воспитание, он затем поступил в Московский университет, на юридический факультет; здесь под влиянием Т. Н. Грановского, у которого одно время Р. даже жил, он проникся идеальными стремлениями того времени: либеральные идеи пустили в нем глубокие корни, и впоследствии Р. при всяком удобном случае старался провести их в жизнь. По окончании курса Университета Р. определился в Петербурге в Надворный Уголовный Суд; здесь, однако, он пробыл недолго и затем перевелся в Комитет Иностранной Цензуры, где и состоял в звании Секретаря Комитета иностранной цензуры с 1854 по 1858 год. В те строгие времена Р. был сравнительно либеральным цензором и всячески облегчал затруднения при выдаче иностранных книг. Часто Р. действовал даже вопреки предписаниям, когда видел, что данная книга действительно удовлетворяет потребности в знании. В 1859 г. Р. перевелся в Министерство Государственных Имуществ, до 1865 г. был Секретарем при Канцелярии Министра, а затем был назначен членом юридической комиссии при Учредительном Комитете Царства Польского. Обладая хорошими юридическими познаниями, серьезной научной подготовкой и честными взглядами, Р. принес много пользы своей деятельностью в юридической комиссии. По упразднении Учредительного Комитета Р. жил в Петербурге. За последнее время он исполнил, по поручению Министерства Государственных Имуществ, несколько важных командировок: на Волгу, в Северо-Западный край (Гродненская губ.) и в Привислянский край.

Кроме служебной деятельности, Р. трудился еще на литературном поприще. Много статей было им помещено в «Отечественных Записках», «Голосе» и др. периодических изданиях. Эти статьи, большею частью подписанные псевдонимом «О. Колядин», касались видных литературных явлений или носили юридический характер. Из его более

крупных статей укажем следующие: «Воспоминания о Т. Н. Грановском» – в «Библиотеке для Чтения» 1855 г., № 12, отд. III и IV; «Прусский государственный человек 1806–1815 годов» – «Отечеств. Записки» 1857 г., т. CXV, № 11 и 12, отд. I, стр. 293–334, 737–776; «К вопросу о Цензурном Уставе» – «Отечеств. Записки» 1862 г., № 7, отд. III; «Биография генерал-лейтенанта князя Мадатова», СПб. 1863 (не подписана автором). Кроме того, Р. перевел трагедию Шекспира «Тит Андроник»; этот перевод помещен в «Собрании сочинений Шекспира», изданном Н. В. Гербелем. Когда последняя служба по Министерству Государственных Имуществ открыла Р. во время командировок новое поле для наблюдений различных сторон народной жизни, он высказал в газетных корреспонденциях много практических указаний и разъяснений относительно существующих неудобств административной машины. Из этих корреспонденций особенного внимания заслуживают адресованные им из Варшавы в «Голос».

Жизнь Р. закончилась трагически: он был убит в Петербурге своим шурином, поручиком Шляхтиным, во время ссоры с ним, 29-го января 1872 г.; погребен на Волковом кладбище.

«С.-Петербургские Ведомости» 1872 г., № 33; «Петербургская Газета» 1872 г., № 17 и 19; «Русск. Архив» 1874 г., стр. 1115; «Голос» 1872 г., № 32 и 33; «Московские Ведомости» 1872 г., № 60; «Ведомости С.-Петербургской Городской Полиции» 1872 г., № 25; Г. Геннади, Словарь, т. III, стр. 642.

Рыкалова, Аграфена Гавриловна

Рыкалова, Аграфена Гавриловна, артистка Московских Императорских театров, жена *Василия Васильевича Рыкалова*, урожденная Степанова, сестра известного комика *Петра Гавриловича Степанова*. На Московской сцене она дебютировала в начале ноября 1821 года в роли Эдельмоны в «Отелло»; об ее дебюте сохранилась статья в «Вестнике Европы», хотя в ее время журналы писали только о выдающихся сценических деятелях или о каком-либо особенно интересном спектакле и не имели постоянного отдела театральной критики. Это внимание к дебютантке надо отнести не столько к ее сценическому дарованию, которое хотя и подавало тогда довольно большие надежды, но впоследствии оказалось не особенно блестящим; будет более верно предположить, что восторженная статья театрального критика «Вестника Европы» была вызвана главным образом замечательной внешностью артистки: она была высока, стройна, имела свежее лицо с правильными чертами, резко обозначенными, прелестную улыбку и черные большие глаза, «способные выразить все оттенки чувства», как говорить о ней автор статьи. По словам П. Н. Арапова, она была очень интересна собой и занимала роли первых любовниц как в драмах, так и в комедиях, хотя, как артистка, она далеко не была выдающейся, и дарование ее во много раз было ниже дарования ее мужа; однако, о ней осталось довольно много сведений и воспоминаний. Она играла разнообразные роли и притом нередко весьма важные: в комедиях, например – княгиню Ветрону в «Мещанине во дворянстве», Леонору в «Школе мужей»; в трагедиях – Амалию в «Разбойниках», Эдельмону (или Дездемону) в «Отелло».

На сцене Р. пробыла почти 20 лет, намного пережив своего мужа. Скончалась она 28-го мая 1840 года, всего на 35 году, и погребена на Ваганьковом кладбище в Москве; сообщая Каратыгину о ее смерти, Д. Т. Ленский между прочим писал: «Умерла А. Г. Рыкалова; актриса она была незавидная, но

женщина прелестная и по душе, и по наружности». Рыкалова была очень дружна со своим братом, П. Г. Степановым.

«Русский Архив» 1887 г., ст. А. Н. Сиротинина: «Артистическая семья Рыкаловых», стр. 385–386; «Вестник Европы» 1821 г., № 21, стр. 63–70; П. Арапов, «Драматический Альбом», СПб. 1850 г., стр. LXXXIX; «Русская Старина» 1876 г., т. XV, стр. 67; 1880 г., № 10, стр. 831; «Ежегодн. Имп. Театров», сез. 1900–1901 г., 2 прил. стр. 11; «Московский Некрополь», т. III, стр. 52.

Рыкалова, Елизавета Васильевна

Рыкалова, Елизавета Васильевна (в замужестве *Марсель*) – артистка Петербургских Императорских театров, сначала водевильная, а потом оперная. Она была дочерью знаменитого Петербургского комика *Василия Федотовича Рыкалова* и рано осталась сиротою; на театральных подмостках в первый раз появилась вскоре после смерти отца – 26-го января 1813 года, в бенефис, данный в пользу ее и ее братьев. Впрочем, это появление ее на сцене было лишь пассивное: по обычаям того времени, если давался бенефис в пользу чьих-нибудь сирот, то старший из них должен был со сцены поблагодарить публику за ее внимание. Рыкалова воспитывалась затем в Театральном училище, откуда должна была выйти в балет, но князь А. А. Шаховской заметил у нее голос и драматический талант, и с этого времени она стала готовиться к драме и опере.

В первый раз выступила она на сцене в качестве исполнительницы 27-го мая 1818 года в комедии «Маскарад», в день бенефиса своего учителя пения Бианки; она произвела хорошее впечатление своею привлекательною внешностью, молодостью, веселой увлекательной игрой. В то время Р. была еще воспитанницей школы, из которой, впрочем, скоро была выпущена на сцену. Р. обладала не большим, но красивым и мелодичным голосом и с успехом исполняла многие оперные партии, но главный успех имела в водевилях, где во всей силе проявлялось ее милое простодушие и та резвая, увлекательная веселость, которая была отличительной чертой ее отца. Поэтому она выступала исключительно в пьесах этого рода и в течение 5-ти лет считалась лучшею водевильною актрисой Петербургской сцены. Она отличалась в роли Бабеты в комедии «Новая Шалость», Жоржетты в комедии «Бабушкины попугаи», Розы в комедии «Суженого конем не объедешь», Ленушки в «Карантине». Как известный Н. И. Хмельницкий водевилями составил себе литературное имя, так и слава Рыкаловой основалась на тех же водевилях, причем исполнением разных ролей в пьесах Хмельницкого Р. немало способствовала

известности этого писателя. Репертуар ее был чрезвычайно обширен, и в него входили почти все пьесы этого рода, игравшиеся тогда на сцене. С течением времени известность ее начала падать: необходимые условия ее успеха – молодость и юная грация проходили, а с ними исчезал и тот восторг, который она вызывала у зрителей и который теперь должна была делить, а затем уступить новым талантам. Видя себя на втором плане в водевилях, артистка захотела вернуть себе прежнее положение в опере и снова стала заниматься пением, но подняться на прежнюю высоту уже не могла, так как в течение 5-ти лет совершенно забросила свою музыкальную деятельность. Однако она все-таки пользовалась значительным успехом и после ухода со сцены Нимфодоры Семеновой заняла некоторые из ее ролей. Наибольшее внимание публики на ее долю выпадало в опере Вебера «Фрейшюц», где она выступала в роли Анеты, и в «Красной Шапочке» в роли Красной Шапочки, но на этом и закончился ее успех: имя Рыкаловой перестало интересовать общество и уже в конце 1830-х годов не встречается в театральных отчетах. Правда, Р. М. Зотов в 1840 году говорит еще, что если Рыкалова захочет перейти на амплу комических старух, то будет на месте, так как «талант никогда не стареется», однако этого не случилось. «Она – по выражению одного из ее биографов, А. Н. Сиротинина, – промелькнула на русской сцене мимолетной звездочкой и как неожиданно удивила всех своим живым, увлекательным талантом, так же незаметно и скоро затерялась среди новых талантов, озаривших своим блеском русский театр».

П. Арапов, Летопись русского театра, СПб. 1864, стр. 265, 279, 295, 317 и 329; «Артист» 1891 г., кн. 18, ст. А. Н. Сиротинина: Очерк развития русского сценического искусства, стр. 45; «Русская Старина» 1880 г., № 10; «Репертуар русского театра» 1840 г., № 9, ст. Р. Зотова: «И мои воспоминания о театре», стр. 41–42; «Русский Архив» 1887 г., ст. А. Н. Сиротинина: «Артистическая семья Рыкаловых», стр. 381–383.

Рыкалова, Пелагея Титовна

Рыкалова, Пелагея Титовна, артистка Петербургских Императорских театров начала XIX столетия, жена знаменитого комика *Василия Федотовича Рыкалова*; урожденная Пожарская, она родилась в 1779 г., воспитывалась в Петербургском театральном училище, причем обучалась пению у Сапиенцы. Выпущена была из училища 23-го января 1798 года и сейчас же вышла замуж за В. Ф. Рыкалова, так, что 1-го февраля 1798 года, при зачислении на службу Дирекции Императорских театров, значилась уже под новою фамилией. Сначала она заняла амплу служанок, но через несколько лет перешла на амплу комических старух, причем жалованье ее было увеличено с 350 рублей до 500 рублей в год; кроме того, ей ежегодно выдавалось еще по 150 рублей квартирных денег. Как артистка, она была довольно талантлива, но об игре ее сведений сохранилось очень немного; она скончалась 15-го февраля 1862 г., 83 лет, и погребена с мужем на Смоленском кладбище.

Архив Дирекции Императорских театров: «Распоряжения Дирекции, книга V, лист 288; кн. VI, л.л. 113, 181; кн. VII, л. 116; Приходно-расходная книга, III, л. 9; «Архив Дирекции Императорских Театров», вып. I, СПб. 1892 г., Отд. I, стр. 102 (1069); Отд. II, стр. 443 (404), 500 (468), 608 (478), 529 (486), Отд. III, стр. 38 (63, 64), 148 (37), 151 (12), 321; Азбучный указатель, стр. 95; Пимен Арапов, Летопись Русского театра, СПб. 1861 г., стр. 203; «Русский Архив» 1887 г., ст. А. Н. Сиротина: «Артистическая семья Рыкаловых», стр. 380; «Петербургский Некрополь», т. III, стр. 642.

Рыкалов, Василий Васильевич

Рыкалов, Василий Васильевич, артист Московских Императорских театров первой четверти XIX столетия; сын знаменитого комика *Василия Федотовича Рыкалова*, родился 1-го января 1799 года, воспитывался, как и сестра его *Елизавета Васильевна*, в Петербургском театральном училище; впервые выступил на Императорской сцене в мае 1818 года, на роли слуг, и после дебюта был принят на службу Дирекции, но, пробыв недолго в Петербурге, перешел на Московскую сцену.

О московских артистах вообще сохранилось мало сведений; та же участь постигла и В. В. Рыкалова, хотя Арапов утверждает, что Р. во все время своей деятельности пользовался славой «знаменитого комика». Он выступал в водевилях, комедиях и фарсах и занимал то же амплуа, что и знаменитый французский комик Потье, производя впечатление на зрителей своей способностью оставаться совершенно спокойным и серьезным в самых комических местах своей роли. Он играл комические роли с таким видом, как будто и не понимал их комизма, и эта естественность исполнения заставляла зрителей смеяться до слез. Он, так же как и его отец, особенно хорош был в мольеровских комедиях – с той разницей, что он исполнял лишь роли слуг. На сцене пробыл он сравнительно недолго – не более шести лет, но успел завоевать себе довольно видное место в истории нашего театра. После его смерти многие из его ролей долгое время оставались незанятыми, а из-за некоторых пришлось даже снять пьесы с репертуара, так как не было никого, кому можно было бы поручить их исполнение.

В. В. Рыкалов был женат на *Аграфене Гавриловне Степановой*, сестре комика Петра Гавриловича Степанова, которая тоже была артисткой Московских Императорских театров (см. выше).

Как человек, В. В. Рыкалов, так же, как и его отец, оставил по себе добрую память. Неподдельная веселость, добродушие,

искренность и ум снискали ему любовь и уважение всех его товарищей.

Он скончался 12-го марта 1827 г. (по другим сведениям – в 1825 году).

После него остались жена и дети, в пользу которых был дан спектакль 22-го апреля 1827 года; в этот бенефис шла комедия Мольера «Сицилиец», переделанная князем А. А. Шаховским.

«Русский Архив» 1887 г., ст. А. Н. Сиротинина: Артистическая семья Рыкаловых, стр. 383–385; П. Арапов, Драматический Альбом, СПб. 1850 г., стр. LXXXVIII; «Русский Вестник» 1872 г., № 3, ст. Родиславского: «Мольер в России», стр. 68, Артист» 1891 г., кн. 18, ст. А. Н. Сиротинина: «Очерк развития русского сценического искусства»; стр. 44–45; «Московский Некрополь», т. III.

Рыкалов, Василий Федотович

Рыкалов, Василий Федотович, артист Петербургских Императорских театров; родился 1-го марта 1771 года; отец его, *Федот Рыкалов*, был впоследствии «Театральной Дирекции офицером» и умер 5-го марта 1815 г. (пережив сына), 75 лет от роду (род. 1740). В. Ф. Рыкалов впервые выступил на провинциальной сцене, в Туле, в ролях благородных отцов, в которых имел большой успех. Этот успех побудил Рыкалова испробовать свои силы на столичной сцене; к тому же побуждало его и тяжелое положение провинциального актера.

В 1792 году Р. явился в Петербург и обратился к Ивану Афанасьевичу Дмитревскому, который как раз в это время составлял молодую труппу из не окончивших учеников Театральной школы, выпущенных в оркестр театральным начальством по недостатку в средствах. В этой, так называемой «молодой» комической труппе не доставало актера на роли благородных отцов, и поэтому Дмитревский был очень доволен приезду Рыкалова, прослушал его чтение и охотно принял его в число актеров своей новой труппы, причем даже сам взялся обучать его. Вскоре, однако, отдельное существование молодой труппы прекратилось, и она всецело слилась со старой, причем актеры, ее составлявшие, были зачислены на службу Дирекции. Таким образом, с 1-го июля 1793 года Рыкалов был уже на Императорской сцене. В Петербурге, однако, ему сначала не повезло, и в драматических ролях здесь он не имел никакого успеха: избалованная столичная публика поставила ему в упрек и его мало подходившую к драматическим ролям физиономию, и его грубоватые манеры, и нечистый выговор, и привычку сильно повышать голос в патетических сценах, за что игру его насмешливо прозвали рычанием. Только один Дмитревский не смеялся над ним, стараясь исподволь исправить его игру. Р. играл преимущественно в пьесах Коцебу, который в то время был наиболее популярен из драматических авторов. В знаменитом спектакле в Гатчине 26-го августа 1800 г., когда давали переведенную Н. С. Краснопольским драму Коцебу

(бывшего в то время в ссылке): «Лейб-кучер Императора Петра III», Рыкалов исполнял роль столяра Либрехта, а роль лейб-кучера играл Крутицкий. На этом спектакле присутствовал Император Павел I, и пьеса, исполненная лучшими артистами, произвела на него такое сильное впечатление, что он приказал возвратить ее автора из ссылки.

На пьесах Коцебу Рыкалов приобрел себе необходимый светский лоск, но слава его была еще впереди. По смерти Крутицкого князь А. А. Шаховской предложил его амплуа Р. Последний неохотно согласился на это, отказываясь и утверждая, что его призвание – трагические роли, но, выступив в комических ролях, стал первым комиком не только в глазах современников, но и всего XIX века. Все современные ему отзывы полны самых восторженных похвал; театр неистовствовал, встречая Рыкалова в его новых ролях. Те недостатки, которые так мешали ему стать трагиком, как нельзя более подошли к ролям комических стариков, за которые он взялся. Это был прирожденный комик в лучшем смысле этого слова. Он не «играл» – он сам становился тем лицом, которое изображал, так что Император Павел, видевший его однажды в роли Гарпагона, спросил его по окончании спектакля: «А скажи, сударь, не на самом ли деле ты такой скарעד, какого представляешь?» На это Рыкалов отвечал, что искусство актера и заключается именно в умении притворяться, и что хотя он и сознает в себе очень много пороков, но от скупости его Господь миловал. Затем Император Павел еще довольно долго с ним разговаривал, расспрашивая его о сценическом искусстве и о классических писателях для сцены и, отпуская его, восхищенный его игрой, пожаловал ему ценный подарок. После этого, по желанию Государя, Рыкалов участвовал почти в каждом представлении во дворце. Лучшей похвалой артисту и характеристикой его таланта могут служить слова Арапова: «Наш неподражаемый Щепкин один может быть сравнен с Рыкаловым». Особенно хорош был Рыкалов в мольеровских пьесах, в коих он исполнял роли: Гарпагона в «Скупом», Сганареля в «Мнимом рогоносце», Журдена в «Мещанине во дворянстве» и главную роль в «Лекаре поневоле». Коронною же

его ролью можно назвать роль Жеронта в «Скапиновых обманах». Ф. Булгарин, видевший впоследствии эту пьесу несколько раз на Парижской сцене, игранную лучшими артистами, всегда вспоминал игру Рыкалова и Сандунова, говоря, что лучших комических артистов на эти роли он не встречал. Рыкалов иногда позволял себе прибегать к фарсу, не только в таких ролях, как, например, Журдена в «Мещанине во дворянстве», где и сам автор тоже собственно переходит в фарс. Об исполнении Рыкаловым роли Жеронта Жихарев писал в своем «Дневнике Чиновника»: «Какая великолепная комическая фигура! Лицо, стан, походка, движения – все в нем так натурально глупо, что при одном появлении его нельзя удержаться от смеха, а орган, а дикция – это совершенная натура! Никаких натяжек, никакого преувеличения, ничего площадного, словом видишь перед собой не актера, а настоящего Жеронта». Действительно, он умел сообщить необыкновенный комизм каждому своему слову, каждому своему взгляду, каждому движению. Его высокий рост, его глаза навывкате, которым он по желанию мог сообщать выражение удивительной простоты и добродушия, его тон, соответствовавший выражению глаз – все было просто, так естественно, так натурально, что зрители невольно забывались, и одно его появление вызывало смех во всех углах театра. Так же хорош был Рыкалов и в русской комедии: он не только талантливо изображал героев комедий, но умел сообщить им и особые черты, развивавшиеся в них вследствие особых условий русской жизни.

Таким образом, он стал лучшим исполнителем не только мольеровских комедий, но и русских. Наиболее выдающимися в его русском репертуаре были роли собачьего охотника Вспышкина в комедии князя А. А. Шаховского «Ссора или два соседа» и Транжирина в «Полубарских затеях» того же автора; особенно хорош был он в последней; затем в ролях председателя в комедии Струговщикова «Неслыханное диво или честный секретарь», Якова Силина в комедий Клушина «Рассудительный дурак», Деревенского в комедии Павла Сумарокова «Деревенский в столице» и Сумбунова в комедий

Крылова «Модная Лавка». В этой последней пьесе роль Сумбуровой играла тоже очень известная в свое время актриса Христина Федоровна Рахманова, и совместная игра ее с Рыкаловым, по словам Жихарева, не только смешила, но и заставляла удивляться той верности, с какой представляли они своих персонажей. Успех Рыкалова был равен его таланту, он сделался любимцем публики в качестве лучшего комического актера.

Но сам он не был доволен своею славой – ему все еще хотелось попробовать свои силы в трагедии, и только обещание прибавить жалованья и назначить бенефис заставили его, наконец, перейти совсем на амплу комических стариков. Однако он не отказался еще от своей *idée fixe*, и в первый же свой бенефис, когда сам мог назначить пьесу и выбрать себе роль, решил поставить трагедию Озерова «Эдип в Афинах» и сам взялся за роль Эдипа. Успех был отрицательный, и когда Рыкалов, по рассказу Жихарева, после спектакля спросил у товарищей о впечатлении, на них произведенном, то Ежева метко высказала общее мнение: «Шуточно, батюшка, как из мешка вылезал», намекая этим на комическую сцену Жеронта в «Скапиновых обманах». Эта неудача образумила артиста, и с этих пор он отдался комедии, к сожалению, ненадолго, так как уделом этого великого таланта была ранняя смерть.

«Это был замечательный артист, какого русский театр долго иметь не будет, говорит о нем Р. М. Зотов в своих театральных воспоминаниях. «Это было одно из тех редких явлений в художественном мире, которые случаются только для того, чтобы показать другим, до чего труд и дарование могут достигнуть». В комизме Рыкалова ничего не было ни искусственного, ни принужденного, ни вымученного: его игра была жива и увлекательна, непринужденная веселость лилась в ней широким, неудержимым потоком. Это была «натура-фарс», как удачно охарактеризовал ее С. Т. Аксаков; однако, у ней ничего не было общего с пошлым буффонством, и она несколько не мешала верному и естественному изображению характеров как в русских пьесах, так и в комедиях Мольера. В Рыкалове общество потеряло не только артиста, но и

прекрасную личность, готовую на всякую помощь, на всякое доброе дело. Многие обращались к нему со своими нуждами, и он удовлетворял их, как мог. Помощь его была обширна, так как с добрым сердцем он соединял в себе ум и образование, что дало ему возможность помогать советами многим начинающим авторам и актерам. Вообще это был человек, оставивший по себе лучшую память.

У Рыкалова было несколько человек детей, из которых дочери *Елизавета* и *Ольга Васильевны* и сын *Василий Васильевич* впоследствии пользовались известностью (см. выше); вообще В. Ф. Рыкалов был родоначальником замечательного артистического семейства, которое в течение более ста лет постоянно имело в числе своих членов выдающихся представителей сценического искусства.

В. Ф. Рыкалов скончался 9-го января 1813 года в Петербурге, где и погребен на Смоленском кладбище. 26-го января того же года Дирекцией дан был спектакль в пользу его сирот. На могиле Рыкалова вырезана следующая эпитафия:

Прохожий! прослезись! Под камнем сим сокрыт
Прах добродетельного мужа;
Не славой громких дел он в мире знаменит,
Но, сердца благость обнаружа,
Для ближних, для семейства жил
И с радостной душой одно добро творил.

«Артист» 1891 г., кн. 18, стр. 44–45, ст. А. Н. Сиротинина: «Очерк развития русского сценического искусства»; «Репертуар русского театра» 1840 г., № 11, стр. 16–17, ст. кн. А. А. Шаховского: «Летопись русского театра»; «Отечественные Записки» 1855 г., № 9, стр. 139–140, ст. Жихарева: «Дневник Чиновника», и № 10, стр. 121; П. Н. Арапов, «Летопись русского театра», СПб. 1863 г., стр. 141, 163, 174, 184, 192, 200, 205; «Пантеон русского и всех европейских театров» 1840 г., ч. I, стр. 81–82, ст. Ф. Булгарина: «Театральные воспоминания»; Семейная хроника и воспоминания С. Т. Аксакова, СПб. 1879, стр. 463; «Отечественные Записки» 1854 г., № 11, стр. 34; «Репертуары русского театра» 1840 г., № 4, стр. 5 и № 7,

стр. 26–27, ст. Р. М. Зотова: «И мои воспоминания о театре»; П. Н. Арапов, «Драматический Альбом», СПб. 1850 года, стр. XXXIII–XXXIV; «Русская Старина» 1873 г., т. VII, стр. 160; «Северная Пчела» 1830 г., 26-го авг., № 102, стр. 4, ст. «Русский Театр»; «Отечественные Записки» 1854 г., № 10, стр. 109, ст. «Воспоминания Старого театрала»; «Русский Архив» 1887 г., ст. А. П. Сиротинина: «Артистическая семья Рыкаловых»; «Петербургский Некрополь», т. III стр. 642; «Известия Отд. Русск. яз. и слов.», т. XI, кн. 3, стр. 255; Метрич. книги Смоленского кладбища 1815 г. о умерших (о смерти отца Рыкалова).

Рыкатов, Петр Гаврилович

Рыкатов, Петр Гаврилович, художник-мозаичист; род. 22-го февраля 1838 г., ум. 4-го января 1879 г.; будучи учеником Академии Художеств, он 27-го августа 1863 г. был удостоен звания некласного художника по портретной живописи, но уже с 1856 года начал заниматься мозаикой в мозаичном заведении Императорской Академии Художеств, которым заведовал Бруни. С 1856 по 1868 год П. Г. Рыкатов участвовал в исполнении для Исаакиевского собора «образа фамильного по правой стороне, произвел образ св. Николая Чудотворца из мелкой мозаики (этот последний образ в 1857 году был представлен Государю Императору) и образ Казанской Божией Матери». Все вышеуказанные работы позволили Рыкатову, состоявшему со 2-го октября 1865 г. младшим художником при мозаическом заведении, просить Совет Академии Художеств удостоить его звания художника 3-й степени. Академия, при благосклонном отзыве Бруни, в 1868 году, 19-го октября, присудила Рыкатову просимое звание.

Отличаясь необыкновенным трудолюбием, Рыкатов страдал болезнью легких, и Бруни стремился помочь своему младшему помощнику и в отношении лечения. В мае 1869 года Рыкатов командирован был в Севастополь для исправления повреждений в мозаическом образе Спасителя в Николаевском кладбищенском храме. Одновременно с этою командировкою Рыкатов обратился с просьбою к вице-президенту Академии Художеств князю Г. Г. Гагарину исхлопотать ему разрешение на бесплатное пользование Сакскими грязями. Академия, по распоряжению князя Гагарина, возбудила соответственное ходатайство перед Министерством Внутренних Дел, но последнее ответило, что Сакские грязи сданы в аренду, причем арендатор обязался давать бесплатное лечение только трем беднейшим чиновникам Таврической губернии, а потому-де Министерство не вправе предоставить бесплатное лечение Рыкатову. Последний все-таки лечился и обратился с просьбою к Бруни о выдаче ему истраченных денег. Бруни принял к

сердцу и это прошение Рыкатова и так как находил, что «неудобно» просить у Министерства Двора этих денег в дополнение к ассигновке на командировку Рыкатова в Севастополь, так как расход по командировке был исчислен самим Отделением, то полагал возможным возбудить особое ходатайство; это ходатайство было возбуждено, но Министерство Двора вместо 200 рублей выдало Рыкатову пособие лишь в 80 рублей.

29-го сентября 1869 г. Рыкатов просил о даче ему звания художника 2-го разряда за исполнение в образе св. Александра Невского для Исаакиевского собора части руки и всей драпировки; это звание было дано ему 30-го октября 1869 г., а через три года, 1-го ноября 1872 года, за исполнение в Исаакиевском Соборе «во образе Положение во гроб в малом иконостасе фигур св. Марии и св. Иосифа и за портрет мелкой мозаикой тайного советника Алексея Дмитриевича Сивкова», Рыкатов просил о назначении своем в академики. Но здесь произошла небольшая заминка – были пущены слухи, что портрет А. Д. Сивкова Рыкатов исполнил не самостоятельно, а с постороннею помощью. Секретарь Конференции «конфиденциально» запросил Бруни об этих слухах, и Рыкатов представил свидетельство за подписью ряда художников о том, что портрет исполнен им самостоятельно; 26-го января 1873 года Рыкатов был удостоен звания, но не академика, а художника 1-й степени, и 1-го июля того же года назначен был, по представлению Ф. А. Бруни, старшим художником при мозаическом отделении. Это повышение несколько устраивало денежные дела Рыкатова, видимо, очень нуждавшегося материально и постоянно обращавшегося в Совет Академии Художеств с просьбами о выдаче ему вперед или жалованья, или квартирных денег. 31-го октября 1877 года Бруни полагал возможным назначить Рыкатова, за выполнение головы и спины воина во образе «Бичевания», академиком; это предложение было утверждено Советом Императорской Академии Художеств в заседании 4-го ноября 1877 года, причем в определении говорилось, что звание академика дается ему «за отличные

познания в искусстве, доказанные при выполнении мозаичных работ».

Но старый недуг – легочное заболевание, усиливался, и 4-го января 1879 года Рыкатов умер; погребен он в Александро-Невской лавре, на Никольском кладбище.

Как мозаичист Рыкатов безусловно выделился, но, к сожалению, ему приходилось увековечивать в мозаике образа работы Т. А. Неффа, которые только по недоразумению называются образами; так, в образе св. Николая Чудотворца угодник одет в современное архиерейское одеяние, особенно же поразительна его митра.

Весьма естественно, что выполнение таких работ не могло влиять благотворно на развитие таланта художника.

Из работ Р. известны: две передних фигуры в образе «Положение во гроб», исполненном П. С. Васильевым в Исаакиевском соборе; руки и драпировка в образе «св. Александра Невского», исполненном Хмелевским, с оригинала профессора К. Б. Венига; доска для стола с изображением птиц и цветов, исполненная им вместе с Дмитриевым; «Положение во гроб», с оригинала профессора Дузи; «св. Николай Чудотворец»; «Казанская икона Божией Матери» из мелкой мозаики, для князя В. А. Долгорукова, и упомянутый портрет А. Д. Сивкова, тоже из мелкой мозаики.

Архив Академии Художеств, дело № 40; Отчет Императорской Академии Художеств 1876–77 г., стр. 16; С. Кондаков, Императорская Академия Художеств, т. II, стр. 451; Петербургский Некрополь, т. III, стр. 642; Указатели художественным произведениям на выставках Имп. Академии Художеств за 1869, 1874 и 1880 гг.; Отчет Имп. Академии Художеств за 1876/7 г.; Ф. И. Булгаков, Наши художники, СПб. 1887 г.

Рыкачев, Александр Петрович

Рыкачев, Александр Петрович, отставной капитан-лейтенант, участник Наваринского сражения, земский и общественный деятель. Происходя из старинного дворянского рода, имевшего жалованные поместья в Ярославской, Тверской и Тамбовской губерниях, внук *М. И. Рыкачева* (см.), *А. П. Рыкачев* родился в 1803 году; родителями его были *Петр Маркович Р.*, служивший ротмистром в Сумском гусарском полку и участвовавший в Суворовских походах, и *Марья Андреевна Авинова*, дочь рязанского помещика. В 1814 году, по смерти своей матери, *Р.*, одиннадцати лет от роду, вместе со своими братьями был перевезен в Петербург, где поступил в пансион *Д. А. Сорокина*, бывшего одним из лучших преподавателей математики в Морском кадетском корпусе. Все заботы о воспитании мальчиков были предоставлены полностью *Д. А. Сорокину*, отличавшемуся необыкновенно честными взглядами и любовью к детям, и мальчики вскоре полюбили своего наставника и его семейство. *Р.* очень хорошо учился в пансионе и в 1816 году (12-го мая) поступил в Морской кадетский корпус прямо в гардемарины, откуда в 1817 г., в числе 12 лучших гардемарин, был назначен на бриг «Феникс» под команду капитан-лейтенанта *Дохтурова*, и сделал плавание в Стокгольм и Копенгаген. В это плавание товарищами *Р.* были герой Синопа *П. С. Нахимов*, *Влад. Ив. Даль* – писатель и знаток русского языка, и другие известные моряки.

В 1818 году *Р.* был произведен в гардемаринские унтер-офицеры, а в 1819 году (3-го марта) – в мичманы, выдержав экзамен девятым в выпуске. По приезде в Кронштадт *Р.*, имея там много родственников, попал сразу в морское общество, состоявшее из лучших моряков того времени. В 1822 году, служа на корабле «Ретвизан», он обратил на себя внимание адмирала *Р. В. Кроуна*, который вскоре зачислил его в свой штаб флаг-офицером, в каковой должности он и состоял почти без перерыва до 1827 г., находясь постоянно в плавании на

«Ретвизане» и «Кацбахе». В 1827 году, уже в чине лейтенанта (с 21-го апреля 1824 г.), Р. был назначен на корабль «Гангут», уходивший в Средиземное море в составе эскадры под общим начальством контр-адмирала графа Логгина Петровича Гейдена. В этом году, 8-го октября, Р. участвовал в Наваринском сражении при истреблении Турецко-Египетского флота, причем за отличие в этом деле награжден был, 21-го декабря этого же года, орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Весною 1828 года корабль «Гангут» по своему ненадежному состоянию был возвращен в Россию, но Р. по его собственному желанию перевелся на фрегат «Кастор», блокировавший Наварин, Корон и Модон. Состоя на этом фрегате, Р. участвовал в аресте и взятии в плен египетского корвета, названного впоследствии корветом «Наварин». Вследствие того, что на взятом корвете оказались признаки чумы и на «Касторе» было несколько подозрительных смертных случаев, последний был послан на остров Мальту, где выдержал полный чумный карантин, по окончании которого вышел опять в море для блокады Пороса и Наварина. В январе 1820 года, по приходе фрегата «Кастор» на Мальту, Р. получил назначение состоять при интенданте эскадры – капитане 2 ранга Л. Ф. Богдановиче, с зачислением в судовой состав корабля «Александр Невский», а в июле 1830 года, по окончании дел на Мальте, отправился на бриге «Ахилесс» в Архипелаг, где явился к месту своего служения на корабль «Александр Невский», плававший в отряде известного контр-адмирала П. И. Рикорда. На этом корабле Рыкачев проплавал в Греции и Архипелаге вторую половину 1830 года и возвратился в Кронштадт 10-го октября 1831 года в отряде контр-адмирала Г. И. Платера.

Возвращение этого отряда ознаменовалось страшной катастрофой на корабле «Фершампенуаз», сгоревшем на малом Кронштадтском рейде в виду порта и эскадры. Во время этого пожара корабль «Александр Невский» подвергся серьезной опасности, находись борт о борт с горящим судном, но избежал ее, благодаря находчивости лейтенанта Рыкачева, бывшего в это время на вахте: ловким маневром он обрубил канат, поставил паруса и отошел под ветер, чем спас свой корабль от

гибели. По возвращении в Кронштадт, получив 6-месячный отпуск, Р. отправился на родину, где вскоре сделался женихом своей дальней родственницы – княжны *Аскитрии (Александры) Николаевны Солнцевой-Засекиной*, дочери князя Николая Андреевича Солнцева-Засекина, последнего представителя старшей линии этого древнего рода. Свадьба состоялась в июле 1832 года. Вернувшись из отпуска, Р. поступил адъютантом к адмиралу Р. В. Кроуну, а в начале 1833 года, получив известие о смерти своего тестя – князя Н. А. Засекина, уехал в отпуск, откуда уже более на службу не возвращался.

Получив при отставке (8-го ноября 1833 г.) чин капитан-лейтенанта и поселившись в имении жены своей, в сельце Николаевском, Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии, Р. занялся сначала сельским хозяйством, а затем воспитанием своих девяти детей. Так текла жизнь его до того времени, когда старшие его сыновья поступили в Морской кадетский корпус, а сам он переселился с семьей в губернский город Ярославль. С этой поры начинается его общественная служба по выборам и в земстве. Сначала он прослужил несколько трехлетий в звании уездного предводителя дворянства Романово-Борисоглебского уезда, а затем, после окончания Крымской войны и по вступлении на престол Императора Александра II, принял деятельное участие в проведении реформ нового царствования. Он был избран членом в первый подготовительный Комитет по освобождению крестьян от крепостной зависимости, принимал самое горячее участие в работах этого Комитета, а затем был назначен членом от правительства в Ярославское Губернское по крестьянским делам Присутствие. Одновременно с этим Р. состоял гласным в Романово-Борисоглебском и Мышкинском земских уездных собраниях и почетным мировым судьей в тех же уездах. Пользуясь большим уважением, доверием и любовью своих сограждан и соседей, Р., служа по выборам, никогда не расставался с любимым морским мундиром и даже отказывался от наград орденами, считая полученный им за Наваринское сражение орден св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом выше всех орденов за гражданские заслуги. Обладая всю жизнь

хорошим здоровьем и заболел в начале декабря 1870 года, Р. сразу слег и скончался через несколько дней – именно 9-го декабря, окруженный многочисленным своим семейством; похоронен он в своем имении Николаевском, при церкви Воскресения.

В морской литературе известны «Записки гардемарина А. Рыкачева во время плавания на бриге «Феникс». Часть этих записок была напечатана в «Кронштадтском Вестнике» 1877 г. Другой его труд напечатан был в 1877 году и вышел под названием «Год Наваринской кампании. 1827 и 1828 год. Из записок лейтенанта Александра Петровича Рыкачева, веденных на эскадре контр-адмирала графа Логгина Петровича Гейдена. С портретами союзных адмиралов, видом корабля „Гангут“ в Наваринском сражении и двумя планами сражения. Посмертное издание», Кронштадт. 1877, 8°. Представляя из себя дневник, веденный автором для самого себя, записки эти интересны тем, что рисуют картину внутренней, домашней жизни офицеров на корабле, описанию которой записки и посвящены главным образом. Кроме того, в них можно найти и правдивый, бесхитростный рассказ очевидца о военных событиях того времени, так, как их наблюдал сам автор; об отношениях наших офицеров с другими союзниками и с местными жителями, где эскадре приходилось иметь продолжительные стоянки. Из этих рассказов видно, что отношения союзников, англичан и французов, были самыми лучшими, о чем свидетельствует то радушие, с которым наши офицеры принимались на Мальте. Эти же записки послужили опровержением статей, помещенных около того же времени в английских газетах и журналах, в которых говорилось о недружелюбных отношениях, якобы существовавших между Наваринскими союзниками, а также рассказов о необразованности и угловатости тогдашних русских моряков: «Записки» А. П. Рыкачева показывают, как дружно жили наши моряки со своими английскими товарищами, не говоря уже о Греции и Архипелаге, где офицеры эскадр Гейдена и Рикорда были несомненно самыми дорогими, желанными гостями.

И. Н. Ельчанинов, *Материалы для генеалогий Ярославского дворянства*, Яр. 1911, стр. 54; *Общий Морской Список*, т. VIII, стр. 153–154; *Предисловие издателя книги «Год Наваринской компании»*, Кронштадт. 1877, стр. III–VII.

Рыкачев, Владимир Петрович

Рыкачев, Владимир Петрович, генерал-майор, брат предыдущего; родился в 1804 году; в 1816 году отданный в Морской кадетский корпус, он 9-го июня 1818 года был произведен в гардемарины, а 2-го декабря 1821 года – в мичманы, с назначением в Балтийский флот. В течение 4-х лет Р. крейсировал на разных судах по Балтийскому морю, а в 1826 году был командирован в Архангельский порт, причем 30-го декабря того же года произведен был в лейтенанты; в следующем году он снова возвратился, на корабле «Кульм», в Кронштадт и пробыл в составе Балтийского флота недолго, будучи в 1829 году переведен в Черноморский флот, где служба его продолжалась непрерывно в течение 30-ти лет. Назначенный в 1830 году командиром брандвахтенной лодки № 7, Р. в течение 2 лет плавал на Керченском рейде, в 1832 г. был переведен на фрегат «Штандарт», который уходил в Архипелаг, и на этом корабле побывал в Александрии, а в следующем году – на Буюкдерском рейде, откуда с десантными войсками перешел в Феодосию, за что был пожалован Турецкою медалью. Затем в течение 6 лет Р. плавал в Черном море, командуя с 1836 года тендером «Быстрый», 18-го апреля 1837 г. был произведен в капитан-лейтенанты, а в 1840 году назначен состоять для особых поручений при Командире Севастопольского порта и военном губернаторе контр-адмирале А. П. Авинове (впоследствии адмирале и члене Адмиралтейств-совета).

В этой должности Р. состоял до 1843 года, когда получил в командование пароход «Боец». В следующем году, за усердие по службе, он был пожалован орденом св. Станислава 3-й степени, а 17-го апреля 1846 года, за отличие же по службе, был произведен в капитаны 2 ранга. Пароход «Боец» был из числа тех четырех пароходов, которые охраняли Черноморскую Береговую Линию и поддерживали сообщение между нашими береговыми укреплениями; поэтому, он постоянно крейсировал вдоль побережья, причем ему неоднократно приходилось

принимать участие в морских экспедициях к берегам Кавказа, которые нередко назначались для поддержки наших сухопутных войск. В 1848 году В. П. Рыкачеву, вместе с остальными судами Черноморской береговой линии, а также и с некоторыми другими судами этого флота пришлось вытерпеть ужасную Новороссийскую бурю, во время которой погиб тендер «Струя» со всем экипажем, замерзнув под тяжестью намерзшего вокруг него льда; в ту же бурю на корвете «Пилад» погибло 48 человек команды; кроме того было много разбито торговых судов и еще больше попорчено как торговых, так и военных кораблей, причем погибло много людей. Только пароход «Боец», благодаря распоряжениям Рыкачева, отделался сравнительно легко: по его приказанию «Боец» не оставался на мертвом якоре, как это сделал тендер «Струя», что и было главной причиной его гибели, а стал на оба свои якоря, причем пары были все время разведены, и машине давали соответственный ход для облегчения канатов, когда же командир увидел, что канаты выдержат уже недолго, то приказал наполнить трюм водой, чтобы предохранить пароход от ударов о грунт. Действительно, канаты вскоре лопнули, но, благодаря принятой мере, пароход выбросило или, вернее, посадило на песок довольно легко, вследствие чего как самое судно, так и весь экипаж его остались целы и невредимы. Таким образом, благодаря энергии и находчивости Р., был спасен не только «Боец», но и вся его команда.

В 1846 году исполнилось 25 лет службы Рыкачева в офицерских чинах, и он 26-го ноября был пожалован орденом св. Георгия 4-ой степени. 6-го марта 1849 года Р. был произведен в капитаны 1-го ранга, за отличие по службе, и до 12-го марта 1852 года продолжал плавать в Черном море. В начале 1852 года Начальником интендантской части в Черном море был назначен контр-адмирал Н. Ф. Метлин, впоследствии адмирал и Член Государственного Совета; зная лично Рыкачева, он предложил ему перейти комиссионером Черноморского флота в Одессе. Рыкачев принял это предложение и 12-го марта 1852 г. был переименован в полковники с зачислением по Адмиралтейству. Ввиду

предстоящей Крымской кампании, интендантству было много работы, а главное – ему нужны были честные, хорошие люди. Поэтому Р. пришелся как нельзя более кстати: его трудолюбие, энергия, неутомимая деятельность, неподкупная честность резко выделяли его среди других служащих интендантства, почему многие из служащих не любили его, видя в нем живой укор. Но Р. был почти один среди остальных старых служащих интендантства, которые смотрели на свою службу, как на средство наживы; поэтому, несмотря на все свои старания, ему удалось лишь очень немного сделать для улучшения интендантской части в наших Крымских портах. Комиссионером Черноморского флота в Одессе Рыкачев прослужил более 8 лет и 4-го апреля 1860 года, когда была упразднена эта должность, вышел в отставку с чином генерал-майора, прослужив более 40 лет по морскому ведомству. С этих пор, несмотря на свой преклонный возраст, он вел кочевой образ жизни, живя то в имении брата в Ярославской губернии, то в Севастополе, то в Николаеве, то в Одессе. В последние годы он страдал раком в желудке, однако, до последних дней сохранял веселый и живой характер.

В. П. Рыкачев скончался 27-го июня 1875 года в имении своего брата, в сельце Николаевском, Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии. Его сослуживцы по флоту с глубоким уважением отзывались о нем, как о человеке честном, энергичном, умном, решительном и обладавшем добрым, отзывчивым сердцем.

*«Кронштадтский Вестник» 1875 г., № 91. некролог;
«Общий Морской Список», ч. VIII, СПб. 1894 г., стр. 156–168.*

Рыкачев, Дмитрий (Маркович?), переводчик

Рыкачев, Дмитрий (Маркович?), переводчик, учился в Московском университете и в 1776–1778 гг. имел звание ученика его. Известны следующие переводы Дмитрия Р.: «Юлия, или Торжество дружбы», комедия с французского, М. 1780, 8°; «Журнал и любопытные анекдоты путешествия графа Фалькенштейна», с французского, М. 1781, 8°; «Журнал и любопытные анекдоты путешествия графа Фалькенштейна», с немецкого, М. 1787, 8°. – Речи студента Московского Университета Дмитрия Р. Помещены в двух изданиях: «Торжество, в котором Е. И. В. Императрице Екатерине II, Великому Князю Павлу Петровичу и Великой Княгине Марии Феодоровне, по счастливом... их бракосочетании, публичными речами на разных языках Московский университет приносит поздравления», М. 1776; и «Торжество в котором 12-го декабря 1777 года Московский университет публичными речами на разных языках приносит поздравления», М. 1778, 4° (подробное описание этих двух изданий см. у А. Родосского: «Описание книг гражданской печати XVIII столетия, хранящееся в библиотеке С.-Петербургской духовной академии», СПб. 1899, стр. 219 и 220). Кроме того, Дмитрий Р. сотрудничал в «Утреннем Свете» 1780 г., ч. VIII и IX, в «Московском Еженедельном издании, заключающем в себе собрание разных лучших статей, касающихся до нравоучения, политической и ученой истории», 1781 г. (ч. I), и в «Московских Ведомостях» 1780 г., где он помещал переводы.

Г. Геннади, Словарь, т. III, стр. 286; Список находящимся в статской службе чинам 1793 г., стр. 158; Сопиков, Опыт, изд. В. Н. Рогожина; А. Н. Неустроев, Историческое розыскание, СПб. 1874.

Рыкачев, Дмитрий Петрович

Рыкачев, Дмитрий Петрович, участник Наваринской битвы, капитан-лейтенант, брат А. П. и В. П. Рыкачевых, родился 7-го июля 1807 г.; воспитывался в Морском кадетском корпусе (с 18-го марта 1817 г.), в мае 1820 г. произведен был в гардемарины, а 22-го февраля 1823 г. – в мичманы и на фрегате «Патрикий» крейсировал в Балтийском море; в 1824 и 1825 гг. он на брандвахтенном транспорте «Невка» плавал между Свеаборгом и Гангутом, в 1827 г. на корабле «Гангут», находившемся под командою капитана 2 ранга А. П. Авинова, перешел от Кронштадта до Портсмута, а оттуда в Средиземное море в эскадру контр-адмирала Л. П. Гейдена, где ему пришлось принять участие в Наваринском сражении; здесь Р. был ранен осколком коечных сеток в плечо, получив в награду орден св. Анны 3-й степени с бантом, а 22-го февраля 1828 г. произведен в лейтенанты и возвратился в Кронштадт. Переведенный в том же году, 27-го сентября, в Морской Корпус, Р. в 1829 г. на фрегате «Урания» плавал с кадетами между Петербургом и Кронштадтом, а 18-го декабря того же года, вследствие расстроенного здоровья, уволен был от службы с чином капитан-лейтенанта; умер в Рязани, одним из последних, оставшихся в живых участников Наваринской битвы, в мае 1888 года.

«Кронштадтский Вестник» 1888 г.; «Нов. Вр.» 1888 г., № 4403; Общий Морской Список, ч. VIII, стр. 158.

Рыкачев, Марк Иванович

Рыкачев, Марк Иванович, генерал-майор, затем – тайный советник; Происходил из древнего дворянского рода, восходящего к началу XVI столетия и внесенного в VI часть дворянской родословной книги Тверской, Ярославской и Тамбовской губерний; сын бригадира Ивана Матвеевича и внук стольника Матвея Ивановича Рыкачевых, он родился 16-го апреля 1716 г.; воспитывался в Сухопутном шляхетном корпусе, куда поступил 30-го мая 1732 г. и откуда выпущен был в армию прапорщиком 13-го февраля 1738 года; в том же 1738 г. был штаба генерал-фельдмаршала графа Миниха флигель-адъютантом «ранга поручицкого». 25-го декабря 1755 г. из подполковников и кригскомиссаров Р. был произведен в обер-кригскомиссары.

Во время войны с Пруссией (Семилетней), в 1751–58 гг. Р. находился при заграничных армиях, под командою обер-кригскомиссара Карабанова, с денежными суммами при дивизиях для продовольствия в кампании полков. В 1761 г. Р. был ландмилиции подполковником, а 21-го марта 1762 г. был произведен в генерал-майоры и назначен главным судьей в Канцелярию Конфискации в Москве, причем 19-го апреля 1764 г. был перечислен в статскую службу; за время нахождения в этой должности (1762–1781 гг.) им были, между прочим, сделаны представления Сенату: о том, что налагаемые на судей и секретарей штрафы совсем почти не взыскиваются, вследствие бесконечной судебной волокиты, и о необходимости ограничиться печатанием публикации о продаже конфискованных имуществ только в Петербурге и Москве, а не по губерниям, что не достигает цели.

В 1767 г., будучи в чине генерал-майора, Р. был выбран депутатом от дворян Серпейского уезда Московской (ныне Калужской) губ. в Екатерининскую Комиссию о сочинении Проекта нового Уложения; он был также избран в поверенные для выбора головы, под руководством которого должны были производиться, в свою очередь, выборы депутата от города

Москвы. Будучи выбран депутатом от Бежецкого дворянства, Р. сдал свое Серпейское депутатство, так как быть депутатом от двух мест было нельзя. Им же был подписан наказ от Канцелярии Конфискации. 10-го июля 1775 г. Р. был произведен в тайные советники.

Скончался Р. в 1814 году, 98 лет от роду, в усадище Плишкине, Мышкинского уезда Ярославской губернии, и погребен у церкви Покрова.

Его портрет, принадлежащий его правнуку, академику М. А. Рыкачеву, был на Выставке «Ломоносов и Елизаветинское время» (1912), как и портрет его жены – Анны Даниловны, урожденной Опочининой. М. И. Рыкачев был помещиком Весьегонского, Борисоглебского, Шацкого, Мышкинского и Краснохолмского уездов.

Именной список кадетам Шляхетного Корпуса, СПб. 1761 г., стр. 56–57; «Сборник Императорского Русского Исторического Общества», т. IV, стр. 20 и 60; т. VIII, стр. 511, и т. XLIII, стр. 389; Архив Департамента Герольдии Прав. Сената, книги решенных дел: № 17, 1770 г., стр. 262 и № 66 – 1844–1851 г.; «Записки Я. П. Шаховского 1705–1777 г.», изд. «Русской Старины», СПб., 1872, стр. 109, и «Русская Старина» 1881 г., т. XXXI (И. Е. Андреевский: Канцелярия Конфискации 1729–1780 г., стр. 175 и 178); Месяцесловы и списки чиnam за разные годы; А. П. Рыкачев, «Год Наваринской кампании. 1827–1828», Кроншт. 1877, стр. III; «С.-Петербург. Ведом.» 1756 г., № 7; И. Н. Ельчанинов, Материалы для генеалогии Ярославского дворянства, Яр. 1911, стр. 55.

Рыкачев, Николай Александрович

Рыкачев, Николай Александрович, контр-адмирал, редактор, издатель и основатель «Кронштадтского Вестника». Происходил из дворян Ярославской губернии и был сыном А. П. Рыкачева (см.) и жены его А. Н., урожденной княжны Засекиной; родился 17-го апреля 1833 г.; хорошо подготовленный дома, он поступил затем, 18-го февраля 1847 г., в Морской кадетский корпус, в котором окончил курс и в 1851 году, после неоднократных плаваний в Балтийском море, был произведен в мичманы (7-го августа). В этом чине Р. совершил заграничное плавание в Англию и Голландию на корвете «Наварин». 13-го декабря 1853 года «Наварин» снялся с Спитгетского рейда и после семидневного плавания в Английском канале должен был, вследствие повреждения, войти в р. Шельду и в порте Флиссинген стал на якорь. Три месяца простоял корвет в Голландии, и русские моряки в продолжение всего этого времени пользовались самым радушным приемом со стороны Голландского правительства и местных офицеров. Флиссингенское общество также весьма любезно встретило гостей. Постоянные увеселения, вечера и обеды были устраиваемы в честь русских моряков, которые, кроме того, познакомились с бытом голландцев. Любопытный и в высшей степени наблюдательный, Р. в особенности интересовался Голландией, этой колыбелью русского флота, где Великий Петр, работая, как простой плотник, поучался морскому делу у голландских корабельщиков. Посетив Гагу и милостиво принятый, в числе прочих своих товарищей, вдовствующей королевой. Р. вынес самое приятное впечатление о пребывании в Голландии; множество интересных наблюдений заставило Р. описать свое путешествие и пребывание в Флиссингене.

С 1854 по 1856 год Р. участвовал в делах Восточной войны, командуя на Западной Двине взводом канонерских лодок батальона Рижской гребной флотилии, причем 5-го июля 1855 г. участвовал в перестрелке на Рижском рейде с английским винтовым фрегатом; в боевой деятельности он проявил

смелость, распорядительность и полное знание дела и за бой с английским кораблем 29-го июля 1855 г. награжден был орденом св. Анны 4-й ст. «за храбрость». Кабинетная работа была, однако, более по сердцу Р.; множество разнообразных впечатлений, вынесенных им за продолжительное плавание по чужим морям, влекло его к литературному труду, и он все свободное время проводил в каюте, составляя записки и воспоминания о пережитом и виденном. По возвращении своем из плавания в 1856 году. Рыкачев напечатал в «Морском Сборнике» 1856 г. (книжки 9 и 10, стр. 102–131 и 402–423) свои путевые записки: «Три месяца во Флиссингене». Эта же статья, дополненная и исправленная, была выпущена им в свет отдельным изданием.

Ободренный первым успехом, Р. начал серьезно работать в «Морском Сборнике», время от времени помещая там свои статьи (напр., «Морская жизнь» – по поводу сочинений Д. В. Григоровича, И. А. Гончарова и И. И. Льховского – 1862 г., № 5, библиографический указатель, стр. 1–17 и № 6, библиографический указатель, стр. 23–40; «По поводу Записок Севастополя» – 1868 г., № 3, библиографический указатель, стр. 32–45 и др.). Знание языков французского, немецкого и английского при наблюдательности и любознательности Р., оказывали ему большую помощь в его литературной работе.

В 1858 г., января 1-го, Р. был произведен в лейтенанты, плавая в Средиземном море в течение трех лет: сперва на пароходофрегате «Камчатка» он ходил из Кронштадта в Бордо и обратно (на «Светлане») и на «Светлане» же, с Великим Князем Генерал-адмиралом, из Кронштадта в Англию, откуда на корабле «Гангут» перешел в Средиземное море и там поступил на корвет «Медведь». В конце 1860 года он возвратился в Кронштадт, будучи уже опытным офицером и удостоившись назначения командовать винтовым корветом «Новик».

Время в Кронштадте Р. проводил среди своих друзей, развитых и литературно образованных товарищей-офицеров, которые часто собирались в его небольшой квартирке и за стаканом чая вели горячие споры о морских вопросах.

Однажды, в конце декабря 1860 года, у Р. собрались мичманы Павел Павлович Новосильский, Николай Иванович

Тимирев и Петр Дмитриевич Рыкачев (родственник и сожитель Н. А. Рыкачева) и лейтенант Егор Иванович Костенко, старший офицер паруснофрегата «Олаф». Речь шла о недостатке морской прессы, о том, что в Кронштадте до того времени еще не имеется самостоятельного органа. В этом-то кружке зародилась тогда же мысль об издании Кронштадтской газеты; Н. А. Рыкачев подхватил зародившуюся идею, которая у него развилась в серьезный план крупного предприятия. Он тут же решил издавать газету, могущую отвечать своему серьезному назначению частного органа Русского флота. В компании с названными лицами Р. выработал программу новой газеты, причем Р. единогласно избран был главою дела. Не откладывая, начал он хлопоты о разрешении газеты, чего можно было добиться только с Высочайшего соизволения, и решил назвать ее «Кронштадтским Вестником». Заручившись разрешением главного командира над портом, Р. отправился к Управляющему Морским Министерством Н. К. Краббе, который принял Р. очень любезно и обещал немедленно сделать представление Государю о разрешении Рыкачеву издавать «Кронштадтский Вестник». Между тем, Р. внезапно сильно заболел, а неудача по службе ухудшила его здоровье. Занятый приготовлениями к своему изданию, устройством материального положения газеты, он не мог следить за своей службой и вакансиями старших офицеров, а потому вторично был обойден начальством. В начале 1861 года он взял отпуск и до июля месяца занялся лечением расстроившегося здоровья.

По возвращении из отпуска его уже ожидало Высочайшее разрешение на издание газеты, и работа закипела. С двумя помощниками Р. работал днем и ночью: составлял статьи, писал фельетоны, редактировал рукописи и читал корректуры. Сотоварищи его вскоре должны были уйти в море, Рыкачев же остался на берегу и начал кабинетную работу. Благодаря усердному труду и умению вести дело, которое проявилось с первого же месяца издания «Кронштадтского Вестника», газета имела большой успех. «Морской Сборник», иногда вступавший в полемику с «Кронштадтским Вестником», «Северная Почта», «Journal de St.-Petersbourg» и «Петербургские Ведомости»

печатали выдержки из него; интересовались им и «Московские Ведомости». Петербургское начальство благоволило к «Кронштадтскому Вестнику», а вместе с тем и к Рыкачеву, видя в нем офицера, приносившего несомненную пользу флоту. Лица, стоявшие во главе Морского Министерства, охотно принимали Р. в своих салонах и оказывали ему всевозможную поддержку. Надо заметить, что Рыкачев обладал необыкновенно красивою речью, а потому был весьма приятным собеседником, всегда умел убедить своими доводами каждого, а потому, благодаря этому, он многого добился для «Кронштадтского Вестника» при тогдашних тяжелых условиях цензуры. Деятельное участие в газете, по просьбе Рыкачева, принимали князь М. П. Голицын и даже Н. К. Краббе. Флигель-адъютант С. А. Грейг, благодаря хорошим отношениям с Рыкачевым, сообщал ему немедленно все телеграммы и официальные известия о плавания судов.

Кроме того, Р. сумел привлечь к сотрудничеству в газете адмирала Г. И. Бутакова. С. С. Лесовского, А. А. Попова, И. А. Шестакова, В. А. Стеценкова и И. Ф. Лихачева. За короткое время «Кронштадтский Вестник» был поднят на такой уровень, что стал необходимою газетою для каждого моряка. Зачастую на страницах его печатались известия о состоянии судов, находившихся в плавании, раньше, чем публиковались о том официальные известия; так, например, 27-го октября 1862 г. вышедший в море клипер «Жемчуг» под командою капитан-лейтенанта Шварца, сел на мель: «Кронштадтский Вестник» напечатал об этом первый, тогда, когда еще и помину не было о каких-либо донесениях по начальству. Краббе очень рассердился на это, и Рыкачев был вызван к нему для объяснения, из каких источников он почерпнул известия о катастрофе.

Будучи редактором, сотрудником и издателем, Р. не переставал время от времени работать и в «Морском Сборнике»: так, в 1862 году, он напечатал на его страницах упомянутые выше интересные статьи под заглавием «Морская жизнь», в которых подробно разобрал вышедшие в свет сочинения Д. В. Григоровича «Год в Европе и на Европейских

морях», И. А. Гончарова «Фрегат Паллада» и И. И. Льховского «Сандвичевы острова».

В 1865 году, февраля 6-го, Р. был назначен адъютантом Штаба главного командира Кронштадтского порта, а в 1867 году (2-го января) получил назначение состоять старшим адъютантом дежурства при Кронштадтском военном губернаторе. Чин капитана 2-го ранга Р. получил по линии в 1876 году (4-го января), а в 1877 году принимал участие в торжествах по случаю пятидесятилетнего юбилея Николаевской морской Академии; на Р. было возложено составление описания этих празднеств, что он и исполнил, напечатав составленную им брошюру в типографии «Кронштадтского Вестника». В 1880 году Р. был произведен (1-го января) в капитаны 1-го ранга, 8-го мая 1882 г. назначен адъютантом Штаба главного командира Кронштадтского порта, а в 1886 г., 3-го февраля, на основании 5-ой статьи Положения о морском цензе, был зачислен по флоту с назначением состоять в распоряжении командира Кронштадтского порта. Служба в порту и частые поручения, возлагаемые на Рыкачева, сильно мешали ходу его работ в редакции, но он умел удачно распределять время между служебными и литературными работами.

Из первых основателей «Кронштадтского Вестника» Р. с течением времени остался один, но до последней минуты жизни оставался верным любимой газете. Считая, во всяком случае невыгодным для своего дела выход в отставку в штаб-офицерском чине, Рыкачев продолжал службу в Кронштадтском порту. Положение его давало ему возможность иметь сношения со многими лицами, стоявшими во главе Морского Министерства, что приносило пользу его газете, и Р., сознавая это, дорожил службой, поставив себе целью дослужить до чина контр-адмирала. Наконец, 9-го июля 1886 г. Р. был произведен в контр-адмиралы с увольнением от службы с мундиром и пенсией.

Располагая с этой поры свободой, он поспешил всего себя посвятить любимому своему делу и другим отраслям общественной деятельности. Газета его в это время достигла высоты своего положения. У «Кронштадтского Вестника» была

своя типография, свой книжный магазин, в котором находилось множество изданий; кроме того, число подписчиков газеты значительно увеличилось. Задачею своей газеты Р. поставил исключительно интересы флота и города Кронштадта и оставался верным своему плану до конца. Морской отдел газеты, которым почти исключительно теперь Р. занимался, заключал в себе не только известия о текущих событиях и делах Морского Ведомства и флота, с разработкою иногда новых технических вопросов, но содержал также описание доблестных деяний прежних, давно сошедших в могилу моряков.

Ряд подробных биографий героев Русского флота и старых заслуженных адмиралов помещался на страницах «Кронштадтского Вестника». Описывая деяния моряков давно минувших времен, Р. не забывал и подвиги современников, поддерживая тем старые традиции Русского флота. Проникнутый самым горячим желанием успеха нашему морскому делу, Р. неуклонно шел в этом направлении; он следил за всем, что делалось в морском мире как в России, так и за границей, следил за иностранной литературой, знакомя читателей с современными вопросами морской специальности.

Городская Дума, общественные учреждения, благотворительные общества и обыватели города Кронштадта широко пользовались услугами «Кронштадтского Вестника», а вместе с тем и Рыкачева, который никогда не отказывал в своей посильной помощи различным благотворительным базарам, гуляньям и т. п., помещая в газете бесплатные объявления, сборы, пожертвования и т. д.

Между тем, деятельность Р. не ограничивалась только редакторством и издательством «Кронштадтского Вестника»: он состоял членом и секретарем Кронштадтского Окружного Правления Общества Спасения на водах. В этом Обществе имя Р. осталось особенно памятным, ибо его трудами много было введено нового в устройстве Общества, деятельность которого особенно была заметна во время его секретарства. Рыкачев был также почетным членом и секретарем Кронштадтского Благотворительного Общества; много трудился он на пользу этого общества и много добра сделал большому числу бедняков

во время своей деятельности. Кроме того, Р. состоял членом Кронштадтского Отделения Красного Креста и неустомимо работал в нем во время кампании 1877 и 1878 г. Когда Император Александр II выразил желание, чтобы офицеры делали для солдат образовательные сообщения, Р. принял на себя заделывание устройством лекций для нижних чинов в Морском манеже, за что неоднократно получал благодарность от Управляющего Министерством. Деятельное участие принимал Р. также в организации лекций в Морском Собрании для офицеров, пользуясь большою популярностью и любовью морской молодежи.

Всегда занятый с утра до вечера, Р. позволял себе одно развлечение: он был членом-сотрудником Петербургского речного Яхт-клуба. Характера Р. был пылкого, человек был отзывчивый на всякое хорошее дело и всегда твердо стоял за правду. В дружбе был он непоколебим и с самых юношеских лет не поссорился ни с одним из своих товарищей и друзей. Так и в газете своей он не изменил себе; преследуя всякие ложные и злые толкования, он был непоколебимым стражем и охранителем чести газеты. В последнем отношении Р. был особенно щепетилен, и где дело касалось этой чувствительной стороны редактора, тут он был неприступен. Будучи приятным собеседником в обществе, Р. обладал в высшей степени добрым сердцем, без зависти радовался успеху каждого и горячо сочувствовал удачам ближних. До последних дней жизни Р. сохранил бодрый и здоровый вид, не жаловался ни на какие недуги.

Смерть застала его в самый разгар его деятельности, на 58 г. жизни; он скончался скоропостижно, в Кронштадте, 24-го ноября 1891 г., искренно оплакиваемый друзьями. Тело его перевезено было в Петербург и предано земле на Волковом кладбище.

«Библиографические Записки» 1892 г., № 1. стр. 37; С. И. Педелькович, Краткий исторический очерк морской и городской газеты «Кронштадтский Вестник»... за XXV л., Кронштадт. 1886 г., passim; «Новое Время» 1891 г., № 5658; «Общий Морской Список», ч. XI, СПб. 1900, стр. 412–416;

«Историч. Вестник» 1892 г., т. XLVII, янв., стр. 293; «Сын Отеч.» 1892 г., 2 изд., № 1, некр.; «Петерб. Газета» 1891 г., № 329, стр. 2 (некр.); Д. Д. Языков, Обзор, вып. XI: «Петерб. Некрополь», т. III, стр. 642.

Рыков, Александр Максимович

Рыков, Александр Максимович, писатель; вероятно, сын рисовального ученика Академии Наук Максима Рыкова (см. ниже); в службе состоял с 1766 г., был учителем у детей Императора Павла; в 1782 г. был принят на службу в Коллегию Иностранных Дел и 8-го февраля 1783 г. произведен был в переводчики Коллегии, где в 1784 г. получал жалованья по 300 руб. в год; 17-го июля 1786 г. он был пожалован в коллежские асессоры и в 1793 г. числился на службе в Коллегии Иностранных Дел, причем в этом году, 18-го ноября, от Императрицы Екатерины II получил грамоту на дворянское достоинство и герб, вошедший в I часть «Гербовника» (№ 138). В 1801 г. Р. числился при Герольдии; с 8 апреля 1801 до марта 1803 гг. он был членом Комиссии об учреждении училищ и в 1806 году был еще жив, состоя снова при Герольдии и имея чин коллежского советника, в который он произведен был еще 3-го июня 1799 г.

Ему принадлежит составление и издание следующих книг: «Руководство, ведущее к удобному изучению российского чистописания, написано и издано А. Рыковым», СПб. 1782, 4°; «Способ, изведенный опытом, писать на пергаменте золотом и чернилами», СПб. 1784, 8°; «Азбука, или руководство, ведущее к удобному изучению российского чистописания, написано и издано А. Рыковым», СПб. 1787; «Прописи Российские», СПб. 1789, 6», 17 листов; «Забавный вечерок», СПб. 1790, 12°; «Тестиада, или Чтение для пользы и удовольствия, издал А. Рыков», 3 части, СПб. 1800–1808. 12° (должно было выйти 4 части, но последняя, быть может, за смертью Рыкова, издана не была).

Архив Департ. Герольдии, Книги решенных дел 1805 г., 14 марта и 1806 г., л. 304–307; Описание дел Архива Министерства Народного Просвещения, под ред. С. Ф. Платонова и А. С. Николаева, т. I, Изр. 1917, стр. 4, 60, 87, 109 и 167; Г. Геннади, Словарь, т. III, стр. 286–287; Сопиков, Опыт, изд. В. Н. Рогожина; Граф А. А. Бобринской, Дворянские

роды, внесенные в Общий Гербовник, т. II, СПб. 1890, стр. 544; Месяцеслов на 1793 г., стр. 36; Список находящимся в статской службе чинам 1703 г., стр. 210; Список чинам I–VI классов на 1806 г., ч. II, стр. 14; «Сборн. Имп. Русск. Историч. Общества», т. 62, стр. 229; Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства Народного Просвещения, т. I, СПб. 1893; В. Н. Александренко, Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в., т. II, Варш. 1897, стр. 400; Н. Губерти, Материалы для библиографии, в. III, 150; Ю. Битовг, Редкие русские книги, М. 1905, стр. 449.

Рыков, Василий Дмитриевич

Рыков, Василий Дмитриевич, генерал-майор, участник Отечественной войны; происходил из дворян Саратовской губернии, родился в 1759 году, ум. 25-го июля 1827 г. в Киеве. Поступив в 1776 г. фурьером в лейб-гвардии Преображенский полк, Р. в 1779 г. произведен был в сержанты, в 1790 г. выпущен в армию капитаном с определением в Оренбургский драгунский полк, в 1797 г. произведен в майоры, в 1798 г. назначен полковым командиром, в 1800 г. произведен в подполковники и за усердную службу награжден орденом св. Иоанна Иерусалимского, а в 1806 г., 14-го февраля, назначен командиром новосформированного Лифляндского драгунского полка.

В первый раз Р. выступил в поход против неприятеля, после 30-ти лет своей службы, в ноябре 1806 года, когда готовилась вторая война с Наполеоном. Лифляндский драгунский полк состоял тогда в 8-й дивизии генерал-майора Эссена 3-го, и вместе с Петербургским драгунским и Ольвиопольским гусарским полками составлял кавалерийскую бригаду 8-й дивизии. Этой бригадой командовал сначала генерал-лейтенант Шепелев, а затем генерал-майор Глебов. 4-го декабря Р. пришел к Остроленке, откуда через несколько дней направился при своей дивизии вниз по Нареву к Попову, а оттуда в половине декабря, после Пултуского сражения, к Остроленке, на соединение с Беннигсеном. Поступив под начальство Беннигсена, назначенного главнокомандующим русской армией, Р. участвовал в походе от Остроленки, через Новоград, Тыкочин и Гейльсберг до Янкова, откуда армия наша отступила к Прейсиш-Эйлау. В первые дни отступления, 23-го, 24-го и 25-го января 1807 г., Р. находился с своим полком в арьергарде, имел частые схватки с неприятелем, а 27-го января участвовал в Прейсиш-Эйлауском сражении, где Лифляндский полк стоял на правом нашем крыле. 27-го января маршал Султ, по приказанию Наполеона, занял мельницу, находившуюся вблизи нашего правого крыла. Генерал-майор Фок выступил против

французов с двумя пехотными полками и, подкрепленный Лифляндскими и Рижскими драгунами, выгнал неприятеля из мельницы. Здесь Р. был ранен пулей в левую ногу и впоследствии, по ходатайству Фока, получил за это золотую шпагу с надписью: «за храбрость». После Прейсиш-Эйлауского сражения русская и французская армии, утомленные трудными зимними маршами, не предпринимали ничего одна против другой в течение четырех месяцев. Военные действия возобновились 24-го мая под Гутштадтом нападением Беннигсена на корпус маршала Нея. В этом сражении Лифляндский драгунский полк был послан к Эльдингену подкреплять генерал-майора Юрковского и помочь ему прогнать неприятеля, переправившегося из Либштата через реку Пассаргу. На другой день, 26-го мая, Р., находясь с Лифляндским полком на правом крыле нашей армии, под начальством Уварова, участвовал в вытеснении неприятеля из селения Вольфсдорф, а 2-го июня в кровопролитной битве под Фридландом, несколько раз ходил в атаку с полком, шеф которого, барон Пален, был убит в этом сражении. Награжденный за дело 26-го мая и за отличие под Фридландом орденом св. Владимира 4-й степ. с бантом, Р. по заключении Тильзитского мира возвратился с полком в Россию и в том же году, 12-го декабря, был произведен в полковники.

Спустя около года со времени окончания второй войны против Наполеона, Лифляндский драгунский полк получил приказание идти в Молдавскую армию, предводимую фельдмаршалом князем Прозоровским. В то время было перемирие между нашими и турецкими войсками. В начале апреля 1809 года оно прекратилось, и Лифляндский драгунский полк перешел в Валахию, где с 20-го июля до 10-го сентября содержал передовую цепь у Слободзеи, с 10-го по 14-е того же месяца был на передовых постах против Силистрии, с 14-го по 20-е октября – против Браилова, а после, со 2-го по 13-е ноября участвовал в блокаде сей крепости. После покорения Браилова П. К. Эссеном Р. отправился с полком на зимние квартиры в Молдавию. Весной 1810 г., по новому расписанию Молдавской армии, Лифляндский драгунский полк, вошедши в состав

корпуса графа Ланжерона, перешел в начале мая на правый берег Дуная и следовал к Гирсову и Харасу, а оттуда, с корпусом графа Каменского, к Базарджику. Утром 22-го мая граф Каменский, разделив войска на четыре колонны, окружил Базарджик. Колонна генерал-майора князя Долгорукова, к которой принадлежал Лифляндский полк, первая была встречена вышедшею из Базарджика турецкою конницею, но опрокинула ее, пошла на приступ и выломала городские ворота. Р. с двумя эскадронами Лифляндских драгун и четырьмя конными орудиями кинулся в крепость и рассеял встреченную им толпу неприятельских всадников. Одновременно вломились в Назарджик наши войска с других сторон – и город пал. За участие в этой победе Р. был награжден орденом св. Владимира 3-й степени. Из Базарджика граф Каменский 1-й пошел к Шумле на соединение с главною армией. На пути туда Р. находился 3-го июня в деле под Янибазаром. Через неделю, 11-го июня, во время сближения наших корпусов к Шумле, и потом, 12-го, 21-го и 26-го того же месяца Лифляндские драгуны рубились с турецкою конницею, делавшею вылазки из Шумлы. Продолжая находиться при блокаде сей крепости, Лифляндский полк особенно отличился в сражении 23-го июля, где подкреплял отряд генерал-майора Сабанеева, и вместе с Ольвиопольским гусарским полком отбросил турок в лощину. Оба полка были награждены за сей подвиг серебряными трубами, а Р. пожалован Георгиевский крест 4-й степени. 26-го августа Р. находился при поражении турок под Батиным; в октябре ходил при армии графа Каменского 2-го под Никополь, а потом, возвратясь на Дунай, расположился на зиму в Валахии.

Весною 1811 года, вследствие болезни графа Каменского 2-го, начальство над Молдавскою армией было передано Голенищеву-Кутузову, который сосредоточил главные силы свои под Журжею, 19-го июня перешел с ними на правую сторону Дуная и стал лагерем в 4-х верстах перед Рущуком. 22-го-июня, на рассвете, турецкая армия, предводимая Верховным Визирем Ахмет-Беем, повела общую атаку на русскую армию. В начале сражения Верховный Визирь, прорвавшись сквозь наше левое крыло, старался обойти правое, но два эскадрона Лифляндских

драгун вместе с Донцами ударили на турок и опрокинули их. После Рущукской победы Лифляндский драгунский полк поступил в резерв. В мае 1812 г., после окончания войны с Турцией, когда Наполеон готовился вступить в Россию, армия Кутузова поступила под начальство адмирала Чичагова и в половине июля двинулась от берегов Дуная на Волынь. Лифляндский полк поступил в корпус графа Ланжерона, а Р., оставаясь в звании полкового командира, был назначен исправлять должность коменданта главной квартиры армии Чичагова, именовавшейся Дунайской. Исполняя эту должность до января 1813 г. при адмирале Чичагове, а затем, до второй половины мая того же года – при Барклае-де-Толли, Р. участвовал в разных делах, как-то: 11-го сентября 1812 г. под Павловичами и Локачами, 14-го – под Любомлем, 29-го под Брест-Литовском, 16-го ноября, во время переправы Наполеона через Березину, у Стахова и Бриля, 7-го мая 1813 г. под Кенигсвартою, а 8-го и 9-го того же месяца – под Бауценом. Чичагов «за благоразумную расторопность и особенное усердие» Р. исходатайствовал ему орден св. Анны 2-го класса. 19-го мая 1813 г., когда Барклай-де-Толли был назначен главнокомандующим Главной армии, Р. занял место коменданта главной квартиры армии Барклая-де-Толли. Тогда же ему было поручено начальство и над конвоем главной квартиры. По возобновлении военных действий с Наполеоном, Р. находился в сражениях под Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом и Парижем, и по ходатайству Барклая-де-Толли был награжден: за Дрезден – орденом св. Анны 2-го класса с алмазами, за Лейпциг чином генерал-майора, а за Париж – Высочайшим благоволением. Кроме того, король Прусский пожаловал ему орден «За заслуги». В конце июля 1814 г. Р. пришел с армией Барклая-де-Толли в Варшаву, и оставался там до апреля 1815 г., когда бегство Наполеона с острова Эльбы побудило Императора Александра двинуть вторично войска во Францию, где Р. находился на блистательных смотрах под Вертю. Во время обратного следования в Россию, 1-го декабря 1815 г., в Плоцке он был назначен командиром 3-й бригады 1-й уланской дивизии, 22-го октября 1816 г. командиром 2-й бригады Украинской

Казачьей Дивизии, а в 1817 году – начальником Бугской Уланской Дивизии. За труды по расквартированию этой дивизии в Херсонской губ. Р. был награжден в 1820 г. орденом св. Анны 1-го класса. С 17-го октября 1823 г. Р. состоял по кавалерии без должности и жил в Киеве до своей смерти; он был холост.

А. И. Михайловский-Данилевский, Император Александр I и его сподвижники. Военная Галерея Зимнего дворца, т. 5, вып. 109, тетрадь 5, СПб. 1848 г.; Военная Галерея 1812 г., СПб. 1912, стр. 211–212, с портретом.

Рыков, Василий Иванович

Рыков, Василий Иванович, контр-адмирал; родился 5-го марта 1829 г., образование получил в Морском кадетском корпусе и 5-го марта 1844 года был произведен в гардемарины, затем плавал в Балтийском море и 18-го августа 1847 г. был произведен в мичмана в Балтийском флоте, где служил до 1852 г. и после производства, 30-го марта, в лейтенанты был переведен в Черноморский флот. С начала Русско-Турецкой войны 1853–1856 гг. Р. принимал в ней участие, в 1853 г. плавая на фрегате «Кагул», а в 1854 и 1855 году командуя канонерской лодкой № 15 в составе Дунайской флотилии. За Синопское сражение в 1853 г. В. И. Рыков был награжден орденом св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость». В Черноморском флоте он оставался до 1-го января 1862 г., когда был произведен в капитан-лейтенанты и назначен в Сибирскую флотилию, а в следующем году получил в командование винтовую шхуну «Восток». В 1864 году Р. получил орден св. Анны 3-й степени и командовал шхуной «Гонец», а с 1864 по 1869 год командовал винтовым транспортом «Японец». 17-го августа 1868 года Рыков был назначен презусом Комиссии военного суда в портах Восточного океана, 1-го января 1871 года произведен был в капитаны 2-го ранга и переведен снова в Балтийский флот. а спустя два года, за выслугу 25-ти лет в офицерских чинах, получил орден св. Владимира 4-ой степени, 8-го апреля того же 1873 года произведен в капитаны 1-го ранга и переведен в 8-ой флотский экипаж; в том же году, за 10-летнюю службу на Амуре, ему была назначена пенсия в 450 рублей в год. В следующем году Р. был командирован в Вологодскую губернию для выбора новобранцев во флот, а 25-го июня 1879 г., по расстроенному здоровью, был уволен в отставку с производством в контр-адмиралы.

Скончался 27-го ноября 1880 г. в Петербурге, где и погребен на Митрофаньевском кладбище.

«Общий Морской Список», т. VIII, СПб. 1894 г., стр. 415–416; Петербургский Некрополь, т. III, стр. 642.

Рыков, Евгений Владимирович

Рыков, Евгений Владимирович, художник; происходил из дворян Таврической губернии, родился 5-го марта 1838 г. в Симферополе; перейдя в 4-й класс Симферопольской гимназии, Рыков поступил в 1857 году в Академию Художеств и в 1864 году, на третнем экзамене, получил 2-ую серебряную медаль за этюд с натуры. Материальная необеспеченность и необходимость содержать младшего брата заставили Рыкова отказаться от дальнейшего усовершенствования в видимо любимом им искусстве (любовь к живописи чувствуется в его прошении в Совет Академии Художеств) и, получив серебряную медаль, он просил о выдаче ему аттестата на звание свободного художника; этот аттестат и был выдан ему 6-го марта 1865 года. Дальнейшая судьба художника нам неизвестна.

Архив Академии Художеств, д. № 42; С. Кондаков, Императорская Академия Художеств, т. II, стр. 171.

Рыков, Иван Васильевич

Рыков, Иван Васильевич, генерал-лейтенант флота, род. в 1797 г., ум. 12-го мая 1869 г. в Петербурге, похоронен на Митрофаниевском кладбище. 15-го июня 1812 г. Р. поступил в Морской Корпус кадетом, 14-го мая 1815 г. был произведен в гардемарины, а через три года, 9-го февраля 1818 г., – в мичманы. В 1820 г. на галете «Англия» он плавал между Свеаборгом и Ревелем, в 1821 г., на брандвахтенном бриге «Молния», был в кампании на Свеаборгском рейде, с 1822 по 1824 гг. находился при Свеаборгском порте и в это время, 22-го марта 1823 г., произведен был в лейтенанты. В 1825 г. на шхуне «Радуга» Р. плавал между Кронштадтом и Свеаборгом, в 1827–1829 гг., командуя транспортом «Невка» и «Фонтанка», ежегодно плавал по портам Финского залива, с 1830 г. по 1836 г., командуя пароходом «Охта», ходил между Петербургом и Кронштадтом и 22-го апреля 1833 г. был произведен в капитан-лейтенанты. В 1836 г. Р. находился при работах у форта «Александр I» и награжден был 1000 рублями, а с 1837 по 1844 гг., командуя пароходами «Проворный» и «Поспешный», ходил там же; 6-го декабря 1843 г. он был произведен в капитаны 2-го ранга, с назначением помощником капитана над Свеаборгским портом, и в том же году, за выслугу 25 лет в офицерских чинах, награжден орденом св. Георгия 4-го класса. 20-го февраля 1846 г. Р. назначен был помощником капитана над Кронштадтским портом, а 7-го апреля того же года произведен в капитаны 1-го ранга. В течение десяти лет, с 1846 по 1856 гг., состоя в той же должности, Р. ежегодно командовал внутренней брандвахтой, в 1853 г., за выслугу 35 лет, был награжден орденом св. Владимира 4-й степ., 22-го февраля 1856 г. назначен был присутствовать в Конторе над Кронштадтским портом, 26-го августа того же года произведен в генерал-майоры, с состоянием при том же порте, 28-го декабря 1859 г. зачислен по резервному флоту, а 30-го августа 1861 г. произведен в генерал-лейтенанты и уволен от службы.

«Общий Морской Список. ч. VIII, царствование Александра I», СПб. 1894 г., стр. 159–160; Петербургский Некрополь, т. III, стр. 642–643.

Рыков Максим, рисовальщик

Рыков Максим, рисовальщик Академии Наук; сын солдата, он 12-го ноября 1736 г. был принят для обучения немецкого языка в Академическую гимназию, в которой учился и в 1741 году, получая по 4 руб. жалованья в треть; с 1740 года он определен был к Академическому мастеру Гриммелю для обучения рисовальному художеству, в 1742 г., за ровность и прилежание, получил прибавку к жалованью – еще по 12 руб. в год (всего по 24 руб. в год) и в 1743 г. был учеником рисования, оказывая посредственные успехи. 15-го июня 1743 г. Р. был уволен из Академии, «для изыскания себе другой службы», но, не найдя таковой, в декабре просился снова в Академию, к «молярному и живописному делу учеником» и 9-го января 1744 г. был принят – ввиду «изрядных проб», им представленных, и «доброва и тихова состояния»; в 1748 г. он получал уже по 36 руб. жалованья, в 1750 г. употреблен был, в числе других, для рисования дипломов и гербов для чинов Лейб-компания; в марте 1751 г. он находился в ведении унтер-библиотекаря И. И. Тауберта и исполнял разные художественные работы при художественном собрании Академии Наук; в 1754 г. (как и в 1767 г.) состоял при Кунсткамере; в 1756 г. был произведен в звание подмастерья рисовального художества в получал по 100 руб. в год жалованья.

Пробыв при Академии 31 год, Р. постановлением Комиссии Академии Наук от 26-го февраля 1767 г. «за частые его отлучки и неприлежность» был уволен от Академии, причем в прошении своем, поданном в Комиссию в тот же день, указывал, что он «в разные времена и при разных профессорах и мастерах, також и при Кунст-Камере отправлял препоручаемые дела прилежно и рачительно» и просил о награждении его чином мастера и о выдаче «милостивого аттестата». Однако, Комиссия, выдав ему аттестат, в котором свидетельствовала, что Р. «в деле своем искусен, в штрафах и подозрениях не бывал», чина мастера ему не дала и уволила с аттестатом от 1-го марта 1767 г. Дальнейшая судьба его нам неизвестна.

Материалы для истории Имп. Академии Наук, т. IV–X; Архив Конференции Имп. Академии Наук, кн. 1133, кн. 537 (§ 248) и кн. 303, лл. 280–282; Д. А. Ровинский, Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв., СПб 1895, ст. 197 в 203.

Рылеев, Александр Николаевич

Рылеев, Александр Николаевич, генерал-майор; происходил из древнего Тверского рода; по десятиям 1650 г., в числе городских дворян г. Торжка Тверской губернии числился Василий Баранов с. Рылеев, владевший 300 четями и земля, в новиках же в том же году упоминается Никита Иванович Рылеев, родственные отношения которого к будущему Петербургскому обер-полицеймейстеру, носившему то же самое имя и отчество, не установлены. Позднее, в царствование Императрицы Анны Иоанновны, в деле о предании суду в 1728 г. капитана Пырского, поступившего в противность данной ему инструкции при сопровождении в ссылку в Раненбург князя А. Д. Меншикова, упоминается гвардии солдат Карп Рылеев. Многим позднее встречается Александр Николаевич Рылеев, дворянин Казанской губернии, владевший лично (его родители имения недвижимого не имели) имением в уездах Тетюшском, Цивильском и Чебоксарском, из 150 душ.

Он родился в 1778 году и после домашнего обучения поступил, 24-го мая 1794 года, в военную службу сержантом в л.-гв. Преображенский полк, в котором служил весьма недолго и был переведен в 1797 году в учрежденный Императрицею Екатериною в 1762 г. Кавалергардский корпус, с переименованием в унтер-офицеры. Император Павел еще в августе 1797 возымел мысль не то сократить численность кавалергардов, не то вовсе уничтожить Кавалергардский полк; мысль эта еще усиливалась тем, что начальник их в то время, маркиз д'Отишан, слишком резко расходился с вошедшими в силу гатчинцами, особенно с бароном Аракчеевым, и неоднократно утруждал Государя своими предположениями, в которых старался доказать, что можно управлять людьми и не прибегая к палке. Наконец, 5-го сентября 1797 г. при народе состоялся Высочайший приказ о сокращении штатов Кавалергардского полка, а затем Император 19-го октября выразил желание не иметь никаких кавалергардов, после чего, 1-го декабря 1797 г., Кавалергардский полк фактически

прекратил свое существование; офицерам полка предоставлялось выйти в отставку или перейти тем же чином в Конную гвардию или в лейб-гусары; унтер-офицерам – перейти тем же званием в полк, откуда поступили в кавалергарды, или выйти в отставку с чином гвардии корнета или же коллежским юнкером в гражданскую службу. На этом основании А. Н. Рылеев был переведен по своему желанию в лейб-гвардии Гусарский полк и в скором времени, 10-го сентября 1798 года, произведен был в корнеты. Продолжая службу в полку, он был последовательно произведен в поручики (9-го декабря 1801 года), штабс-ротмистры (31-го марта 1803 г.) и ротмистры (15-го января 1805 года).

Наступившая вскоре война Франции с Австриею, причем Россия явилась на помощь Австрии на основании союзного договора 25-го октября (6-го ноября) 1804 года, доставила Рылееву случай, вместе с гвардейским корпусом, принять участие в единственном замечательном, но бедственном для нас сражении этой кампании – именно при Аустерлице, близ Ольмюца, 20-го ноября (2-го декабря) 1805 г., причем он за отличие удостоился Всемилостивейшей награды орденом св. Анны 3 класса (что ныне 4-й). Вскоре было заключено, 22 ноября (4-го декабря) 1805 г. перемирие обеих воюющих сторон, и наша гвардия, а в том числе л.-гв. Гусарский полк, немедленно возвратилась в Петербург в начале 1806 г., и А. Н. Рылеев 27-го июля того же года был, по болезни, уволен от службы с награждением чином полковника. В отставке он пробыл менее двух лет и вступил вновь на службу с прежним чином подполковника в Павлоградский гусарский полк (27-го февраля 1808 года) и, продолжая службу в этом полку, был командирован в 1809 г. с двумя эскадронами для усмирения крестьян в местечке Меличицах (на границе Гродненской губернии Брест-Литовского уезда), восставших против своего владельца Цукербекера. Своими благоразумными, спокойными распоряжениями Рылеев восстановил порядок. Затем в 1810 г. он был командирован в Ровенское и Чудновское рекрутское депо для надзора за обучением рекрут и успел довести всех

рекрут до знания кавалерийской службы, надлежащей выправки и притом без малейшей убыли в людях.

Произведенный 30-го августа 1811 года в полковники, А. Н. Рылеев 2-ой во время Отечественной войны 1812 г. состоял в распоряжении инспектора всей кавалерии Цесаревича Константина Павловича и был командирован сперва для осмотра рекрутских депо: Азовского, Бахмутского, Изюмского, Павлоградского, Таганрогского и Чигиринского и для выбора из них в кавалерию оставшихся по болезням рекрут, а затем был послан для формирования 8-и эскадронов гусар и драгун в Новороссийских рекрутских резервах, но в скором времени, в конце 1812 г., был вытребован в свой Павлоградский гусарский полк и присоединился к нему уже в то время, когда, после бедственной для Наполеона переправы через Березину, различные уцелевшие части его армии поспешно отступали, преследуемые нашими войсками. При этом для преследования Саксонско-Французских войск под командою генерала Ренье, а также Австрийских войск под начальством фельдмаршала Шварценберга, отходивших по направлению к Варшаве, были направлены наши войска под предводительством графа Милорадовича, скоро занявшего Варшаву – 26-го января (7-го февраля) 1813 г. Во время этого движения были военные действия под Картуг, Березою и Кобриным, причем А. Н. Рылеев 2, двигаясь Кобринскими болотами, заболел нервическими припадками, принудившими его оставить полк, к которому он снова примкнул, по выздоровлении своем, лишь в 1813 году, поступив под команду генерал-лейтенанта графа М. С. Воронцова, находившегося с корпусом при обложении и блокаде крепости и Магдебурга на р. Эльбе. При этом Рылеев с кавалериею, не раз переходя р. Эльбу, участвовал в разбитии неприятельских отрядов, шедших из Испании к Наполеону, а также во внезапных форсированных маршах, приводивших даже к стенам города Лейпцига. Рылеев скоро, вместе с другими русскими войсками, был послан на усиление войск Наследного Шведского Принца Бернадотта, стоявшего впереди Берлина, для охранения этого города от французских войск, наступавших под начальством маршала Удино, и принял

участие в сражении при Гросс-Беерене 11-го (23-го) августа, в котором Удино был разбит и отступил к Виттенбергу. В этом сражении Рылеев с тремя казачьими полками был командирован к местечку Гребену и удерживал в дефиле целые сутки более 8000 неприятельских войск, шедших к Гросс-Беерену, а затем преследовал отступавших после сражения французов. Вскоре после этого Наследный Принц Шведский вознамерился атаковать маршала Нея, наступавшего также к Берлину; при этом последовало сражение при Денневице 25-го августа (6-го сентября) 1813 года, в котором Ней потерпел поражение и отступил в Торгау. Рылеев в этом деле прикрывал нашу артиллерию, много содействовавшую успеху дня, и был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом, а затем вскоре был произведен в генерал-майоры (15-го сентября 1813 года).

При общем движении наших войск к Лейпцигу, в последовавшей известной битве под Лейпцигом 4–6-го октября, Рылеев был командирован с 2 эскадронами гусар и двумя орудиями конной артиллерии выбить французов из селения Таука, занятого им двумя сильными батальонами пехоты. Рылеев успешно исполнил это приказание, занял селение, преследовал отступавших французов картечными выстрелами и взял много пленных, за что и был награжден орденом св. Анны 2-го класса. После этого сражения Рылеев был командирован корпусным генералом бароном Винценгероде во Франкфурт на Одере для принятия 5-ти эскадронов кавалерийского резерва и 6-ти пехотных батальонов. Он доставил их в лучшем виде по собственному маршруту в город Бремен и, находясь под начальством графа М. С. Воронцова, принимал участие в делах против датчан и маршала Даву, вышедшего из Гамбурга по приказанию Наполеона, чтобы идти в Голландию, а также в обложении Гарбурга. Маршал Даву вскоре отступил за р. Билле, и датские войска одни не в силах были противиться русским войскам. Воронцова и Строганова, а также войскам наследного Шведского Принца; поэтому Датское правительство 2-го (14) января 1814 г. заключило в Киле конвенцию, по которой отложилось от Наполеона, обязалось выставить против него

10000 чел. солдат и уступило Швеции королевство Норвежское, кроме островов Исландии и Фарер, получив в свою очередь остров Рюген и всю Шведскую Померанию. Войска русские под начальством графа Воронцова направились во Францию, причем Рылеев, командуя казаками, составлял авангард этого отряда. Он дошел до г. Ротеля, а затем вытеснил французов, укрывшихся в крепости Седане, и упорно удерживал каменный мост на р. Эн у Бери-о-бак 22-го февраля (6-го марта) 1814 года. После этого Рылеев принимал участие в известном сражении под Краоном, в котором войска Воронцова, числом около 18000 чел., упорно оборонялись против превосходных французских сил, под начальством самого Наполеона, нанесли ему огромный урон и отошли частью к Шавиньону, а частью по направлению к Лаону (Laons), где к 25-му февраля (9-го марта) собралась вся Прусская армия ген. Блюхера числом 40000 чел. Наполеон, имея около 36000 человек, а также и русские войска числом 60000 человек, атаковал союзников 26-го февраля, потерпел сильное поражение и отступил к Суассону. Рылеев, участвовавший и в этом сражении, был по окончании оного назначен Блюхером военным генерал-губернатором двух департаментов (Лаонского и Арденского) и отправлял эту обязанность до заключения известного первого мирного Парижского трактата 18-го (30-го) марта 1814 г. и вступления наших войск в Париж 19-го (31-го) марта.

По условиям особой конвенции 11-го (23-го) апреля 1814 г. союзные войска обязывались выступить из Франции, ограниченной пределами 1792 г., по мере очищения французскими войсками крепостей вне этих пределов и передаче ими большого числа орудий, огромных запасов, литейных дворов, кораблей и т. д. на сумму до 1200 миллионов франков. Пока все эти сдачи происходили, получено было известие, что в ночь с 22-го на 23-е февраля (6-го марта) 1815 года Наполеон покинул остров Эльбу, двинулся к Парижу, вступил без выстрела в Тюильрийский дворец, причем король Людовик XVIII бежал в Лилль и т. д., после чего вскоре начались известные военные действия союзных держав против Наполеона, с намерением навсегда с ним покончить. После

решительной победы при Ватерлоо 10-го (22-го) июня 1815 г. Наполеон вторично отказался от престола Франции – 13-го (25-го) июня; наши войска вторично вступили в Париж 29-го июля (10-го августа) и затем 8-го (20-го) ноября 1815 г. был подписан второй Парижский мир, по которому, сохраняя свои границы 1700 года, Франция обязывалась уплатить военную контрибуцию в 700 миллионов франков. В обеспечение этой уплаты и для сохранения спокойствия в стране войска союзников в количестве 150000 чел. должны были в продолжение пяти лет занимать 17 крепостей Франции в северо-восточных департаментах, под общим главным начальством английского полководца герцога Веллингтона; в состав этого войска вошел корпус графа М. С. Воронцова в числе 27000 человек с 84 орудиями, причем в этот корпус по назначению начальства был определен Рылеев 2-й. Во время пребывания во Франции он был назначен, 11-го октября 1815 года, состоящим при дивизионном начальнике 3-й драгунской дивизии, а позднее, 12-го декабря 1816 г., – командиром 1-й бригады 1-й драгунской дивизии.

Он пребывал в пределах Франции до возвращения упомянутого корпуса в отечество в 1818 году; вскоре после этого, по случаю паралича, лишившего его употребления языка, а также правой руки и ноги, Рылеев в 1818 году, 25-го июля, по Высочайшему повелению, был назначен состоящим по кавалерии, причем ему Высочайше пожаловано было 3000 десятин земли с сохранением получаемого по чину жалованья. Он пребывал в этом положении до 1829 года и неоднократно назначался презусом (т. е. председателем) военно-судных комиссий, учреждаемых при С.-Петербургском ордонанс-гаузе для рассмотрения действий различных лиц, как-то провиантского казначея Иванова и прикосновенных к оному лиц – провиантских чиновников Рагозина, Матвеева, генерал-майора Ставицкого, состоящего по кавалерии генерал-майора Баркова.

Высочайшим приказом 3-го октября 1829 года Р. был уволен от службы вовсе; он скончался 25-го (или 28-го) мая 1840 года в Саратове.

Рылеев был женат два раза (1-м браком на *Елизавете Михайловне*, урожденной *Осокиной*) и от обоих браков имел сыновей *Петра* и *Николая* и дочерей *Любовь* и *Анну*, воспитывавшихся в Смольном монастыре и (от 2-го брака) дочь *Александру*.

В. Сторожев, Тверское дворянство XVII века, Тверь. 1893, выпуск 2, стр. 130–134; «Сборник Имп. Русск. Историч. Общества», т. 84, стр. 62; формулярный список о службе Алек. Ник. Рылеева 2-го в Московском Отделении Общего Архива Главного Штаба, формул. списки состоящих по Армии. № 631; История Кавалергардов, сост. С. А. Панчулидзевым, т. II, 1901, стр. 138–141; М. Богданович, История Отечественной войны 1813 года, СПб. 1863; Сборник биографий кавалергардов, т. II, стр. 328 (с портр.); Военная галерея 1812 года, СПб. 1912, стр. 212–213, с портр.

Рылеев, Кондратий Феодорович

Рылеев, Кондратий Феодорович, писатель, поэт и политический деятель; родился в небогатой стародворянской семье 18-го сентября 1795 года. Год рождения Рылеева долгое время был в литературе предметом разногласия (см. сообщение Д. Кропотова в «Русск. Старине» 1872 г., № 11, стр. 602–604, статью А. Бестужева: «Взгляд на старую и новую словесность в России» в «Полярной Звезде» 1823 г., стр. 29, ст. В. Е. Якушкина: «Из истории литературы двадцатых годов» в «Вестн. Европы» 1888 г., ноябрь, стр. 196–199), пока наконец не был установлен с точностью на основании показания близкого к нему А. А. Бестужева и соображений редактора собрания его сочинений, П. А. Ефремова. Отец его, *Федор Андреевич Р.*, служил главноуправляющим имениями княгини В. В. Голицыной; он отличался жестоким и деспотическим характером. Не такова была его жена, мать Кондратия Феодоровича, Анастасия Матвеевна (урожденная Эссен), покорная, тихая, кроткая натура. Федор Андреевич очень дурно обращался с женою, запирали ее в погреб, наносил ей побои; так же круто поступал он и с маленьким сыном. От матери Р. наследовал кроткий характер, глубокое религиозное чувство и чрезвычайную впечатлительность. Когда мальчику было три года, он опасно заболел, и наступил такой критический момент, когда болезнь клонилась к печальному исходу; Анастасия Матвеевна заснула за молитвой о выздоровлении своего дитяти, и ей привиделась во сне виселица, на которой суждено было ее сыну окончить свои дни (сообщение В. Савицкой «Сон Рылеевой» – «Исторический Вестник», 1804 г., январь, 210–214). Безобразные сцены, которые устраивал буйный отец, тихие слезы и молчаливая покорность матери раздирали душу бедного мальчика, и, как ни горько было Анастасии Матвеевне расставаться с сыном, маленький Р. был помещен в Первый кадетский корпус, куда был принят в январе 1801 года, в Отделение для малолетних. В корпусе того времени, где был директором генерал Клингер, науки не особенно процветали, но

телесные наказания применялись в видах возмездия и устрашения. Рылеева часто секли, но наказания не могли сломить его, и иногда, перенеся наказание, он тут же, немедленно, грубил начальству. Корпусная жизнь Р. изобиловала шалостями и проказами; особенно популярна была его проделка с любимцем всех кадет, добрейшим экономом А. П. Бобровым. В этой шутке впервые обнаружилась и его страсть к стихам. Выбрав удобный момент, Р. выкрал из треугольной шляпы Боброва рапорт, с которым тот шел к начальству, и на место его положил свою шуточную поэму в стихах – «Кулакиаду». В этой поэме, состоящей из двух песней и 156 стихов, описывалась скорбная кончина «творца пирогов», корпусного повара Кулакова, и горе эконома Боброва, который, «наперсника лишенный, восплакал, возрыдал». Подобные остроумные и довольно безобидные шалости доставили Рылееву любовь товарищей и репутацию удальца. Учился он очень недурно и только в математике был слаб, зато до чтения был большой охотник. В одном письме к отцу он просит денег на книги: «сделайте милость, не позабудьте мне прислать денег на книги, потому что я, любезный батюшка, весьма великий охотник до книг». Среди сентиментально-слезливой беллетристики Рылееву от времени до времени попадалось и «философское» чтение. Книги были для него учителями жизни; в 1812 г. он писал отцу: «я знаю свет только по одним книгам, и он представляется уму моему страшным чудовищем, но сердце видит в нем тысячи питательных для себя надежд». Из того же письма (17-го декабря 1812 г.) видно, как пессимистически смотрит 17-летний юноша на жизнь: «В свете ум мой видит ряд непрерывных действий и ужасается. Несчастья занимают первое место; за ними следуют обманы, грабительства, вероломства в так далее». Вообще все это письмо, в котором молодой Р. излагает свои взгляды на жизнь, носит печать влияния тогдашних романов с их чувствительными, рассудительными и подолгу разглагольствовавшими героями; что же до развиваемых в нем политических взглядов, то по ним можно судить, как мало способствовали корпусное воспитание и замкнулся жизнь развитию политических убеждений Рылеева,

который только по выходе из Корпуса на самостоятельную дорогу выработал и развил то политическое credo, певцом, деятелем и мучеником которого суждено было ему стать. Из ранних его произведений, кроме «Кулакиады», до нас дошло только несколько стихов приторно-идиллического настроения, прославляющих прелести скромного и мирного жития (в одном из писем к матери, 1814 года), да ода «Любовь к отчизне», внушенная войной с французами и помеченная 4-м июня 1813 года.

Выход Рылеева из Корпуса или, как он выражался в упомянутом письме к отцу, «переход в волнуемый страстями мир» состоялся 10-го февраля 1814 г., когда он был произведен в офицеры и выпущен в первую резервную артиллерийскую бригаду, в конную № 1 роту. Рылеев очень обрадовался свободе и долгожданым офицерским эполетам. Почти немедленно по производстве в офицеры он был отправлен в действовавшую за границей армию. 28-го февраля он писал матери из Дрездена, где комендантом был его родственник, Михаил Николаевич Рылеев; в марте находим его в Шафгаузене. Полгода он был в походе и побывал в Швейцарии и во Франции, а в сентябре уже опять находился в Дрездене, где комендант Рылеев выхлопотал ему место при артиллерийском магазине. Здесь он пробыл недолго и в том же году за какую-то провинность был послан обратно в Россию, в Минскую губернию, где была расквартирована бригада, в которой он состоял. 12-го апреля 1815 г. он был вторично отправлен в заграничный поход и побывал в Париже, откуда 23-го сентября того же года поехал на родину. Заграничное путешествие принесло много пользы его развитию и многому его научило. Среди рассеянной, полной недоступных на родине удовольствий Парижской жизни Рылеев учился, читал и сам писал. Его занимала история; до нас дошли некоторые его суждения («Нечто о средних временах» и отрывок из письма из Парижа от 18-го сентября 1815 г.); они проникнуты духом сентиментального либерализма. Из его стихов заграничного периода до нас дошла только небольшая часть сатиры «Путешествие на Парнас», написанной в Дрездене и помеченной 15-м октября 1814 г. Заграничный поход сильно

подвинул развитие Рылеева; он был свидетелем великих политических событий, завершивших эпопею великого завоевателя XIX века, и, может быть, грандиозный пример обаяния Наполеона на массы внушил ему мысль, что и его личность сможет влиять так же сильно на окружающих; он видел разницу между просвещенным западом и своей бедной родиной; он привык задумываться об историческом ходе развития общества, и в нем, еще незаметно для него самого, начинало прозябать революционное семя. Такие настроения и мысли привез он в Россию. Опять потекла его служба.

Материальные же дела Рылеева и его родных были очень запутаны. Федор Андреевич Р. умер в начале 1814 г., и вдова его принцепала, князя Серг. Фед. Голицына, княгиня Варвара Васильевна, сделала на него начет в 80000 рублей. Бедную семью Рылеева этот начет окончательно подкосил; всю свою жизнь старался он снять с наследственного имущества это тяжелое бремя, но дело было окончено только после его смерти. Воинская часть, в которой служил Рылеев (11-ая конно-артиллерийская рота), стояла в Острогожском уезде Воронежской губернии. Служба была не обременительна, и Рылеев ею не тяготился. Вот как описывает он свою жизнь в одном письме к матери (10-го августа 1817 г., из слободы Белогорья): «Время проводим весьма приятно; в будни свободные часы посвящаем или чтению, или приятным беседам, или прогулке; ездим по горам и любимемся восхитительными местоположениями, которыми страна сия богата; под вечер бродим по берегу Дона и при тихом шуме воды и приятном шелесте лесочка, на противоположном берегу растущего, погружаемся мы в мечтания, строим планы для будущей жизни и чрез минуту уничтожаем оные; рассуждаем, спорим, умствуем»... Здесь, в гостеприимном доме жившего в 30 верстах от Белогорья, летней стоянки части, где служил Рылеев, помещика Михаила Андреевича Тевяшева, Рылеев нашел себе жену в лице младшей дочери Тевяшева, *Наталии Михайловны*. В письме к матери (17-го сентября 1817 г., из Белогорья), прося ее благословения. Р. описывает свою невесту: «Ее невинность, доброта сердца, пленительная

застенчивость и ум, обработанный самою природою и чтением нескольких отборных книг, в состоянии соделать счастье каждого, в ком только искра хоть добродетели осталась. Я люблю ее, любезнейшая матушка, и надеюсь, что любовь моя продолжится вечно... Узнав некоторые достоинства милой Наталии, а особенно доброту души ее, я полюбил ее, и теперь время от времени любовь моя более и более увеличивается»... По желанию Тевяшевых прапорщик Р. вышел в отставку 26-го декабря 1818 г., с чином подпоручика, но, вследствие различных дел и хлопот, свадьба его с Натальей Михайловной состоялась только 22-го января 1820 г.

После женитьбы Рылеев переехал в Петербург. Здесь снова началась его служебная деятельность, хотя на ином поприще, и правильные литературные занятия. Поэтический талант его окреп. К этому времени принадлежит его перевод написанной по-польски сатиры Ф. В. Булгарина «Путь к счастью» (см. «Вестник Европы» 1888 г., ноябрь, стр. 217–221). В столице кипела умственная жизнь, издавалось несколько журналов, существовали масонские ложи. Рылеев был избран в члены Вольного Общества любителей Российской словесности (25-го апреля 1821 г. он был выбран в члены-корреспонденты, а 5-го апреля 1823 г. – в действительные члены); вместе с тем он участвовал в масонской ложе «Пламенеющей Звезды» и в 1820–1821 гг. числился в ней действительным членом 1-ой степени; прения велись там исключительно по-немецки, из чего видно, что Рылеев знал этот язык; польским и французским языками он также владел. Он не писал в это время почти ничего серьезного: его тогдашние произведения – игривые, легкие любовные песенки, буколические послания и описания и беззлобные сатирические опыты. Среди всего этого малозаметного и легковесного литературного багажа начинающего писателя ярко выделилась доставившая ему большую популярность дерзкая и резкая выходка против всемогущего графа А. А. Аракчеева, обличавшая в Рылееве уже вполне созревшего гражданина. Это была сатира «К временщику», явившаяся в «Невском Зрителе» 1820 г., в IV кн., и бывшая первым печатным произведением Рылеева. Она была

напечатана с указанием, что это подражание сатире Персия «К Рубеллию»; у Персия ничего подобного сатире Рылеева нет, и ссылка на римского поэта была только уловкой, придуманной для того, чтобы отвлечь подозрения цензуры. Вся читающая публика была поражена смелостью автора, который называл «преданного без лести», всесильного временщика «подлецом», «тираном» и обличал его «низкие страсти и подлую душу». К счастью, этот первый дебют в журнальной литературе прошел Рылееву благополучно: «наверху» не заметили или сделали вид, что не заметили смелого нападения. Сатира сразу сделала Рылеева известным, и он стал «своим» в лучших литературных кругах. Наиболее близки к нему были А. А. Бестужев (Марлинский) и Ф. В. Булгарин, тогда еще не занимавший в литературе той позорной позиции, на которой он очутился впоследствии, и пользовавшийся дружбой и расположением такого человека, как А. С. Грибоедов. Познакомился он и с А. С. Пушкиным, бароном А. А. Дельвигом, Н. И. Гнедичем. Писал и печатал Рылеев немного; свои произведения он помещал в «Невском Зрителе», «Литературных прибавлениях к «Русскому Инвалиду» А. Ф. Воейкова, «Благонамеренном» А. Е. Измайлова, «Сыне Отечества» Н. И. Греча, «Соревнователе просвещения и благотворения», «Литературных Листках» и «Северной Пчеле».

Лето Рылеев обыкновенно проводил в Малороссии, в имении родных жены. «Пирую на Украине, пью донские вина и обжираюсь стерлядями», – писал он из Острогожска 20-го июня 1821 г. Ф. В. Булгарину. Острогожск Рылеев описал в особой исторической заметке («Об Острогожске») и воспел в думе «Петр Великий в Острогожске» этот «городок уединенный острогожских казаков». Литература не могла поддерживать Рылеева; другие его средства были ничтожны, и ему приходилось служить. Благодаря тому, что у Рылеевых было маленькое имение в С.-Петербургской губернии – сельцо Батово, Петербургского уезда, дававшее ему необходимый служебный ценз, он был избран 24-го января 1821 г. заседателем от дворянства Палаты Уголовного Суда; на этой должности он пробыл до 1824 г. Служба по судебному

ведомству в те времена не пользовалась общественным уважением, и если Рылеев выбрал ее, то им, несомненно, руководило желание не только вообще служить, но приносить народу пользу, и притом в такой сфере, где честных и преданных долгу людей было тогда очень немного. Всю свою службу Р. посвятил борьбе с «мучительными крючкотворствами неугомонного и ненасытного рода приказных», как назвал он судейских взяточников в письме к Ф. В. Булгарину из сл. Подгорной, от 8-го августа 1821 г.: «это настоящие кровопийцы, и я уверен, что ни хищные татарские орды во время своих нашествий, ни твои давно просвещенные соотечественники в страшную годину междоусобицы не принесли России столько зла, сколько сие лютое отродье...» Как судья Рылеев стоял на высоте своего призвания, и его очень любили и ценили. Однажды Петербургский военный губернатор граф М. А. Милорадович пригрозил какому-то мещанину отдачей под суд; мещанин обрадовался и стал благодарить графа: «Теперь я знаю, что избавлюсь от всех мук и привязок; знаю, что буду оправдан. Там есть Рылеев – он не дает погибать невинным». Даже Н. И. Греч, постаравшийся в своих «Записках» унижить и очернить Рылеева, признает за ним эту благородную сторону его служебного поприща. Между 29-м ноября 1823 г. и 1-м октября 1824 г. Рылеев вышел из заседателей Петербургской Палаты Уголовного Суда и тогда же перешел в Российско-Американскую Компанию правителем Канцелярии; там он и прослужил до самого декабря 1825 года. Его честность и исполнительность и здесь были достойно оценены. Благодаря своей службе в Компании он свел знакомство с М. М. Сперанским и с графом Н. С. Мордвиновым. Последний, которого высоко ставили современники (между прочим, и Пушкин) за его честность и прямоту, внушил Рылееву такое уважение к себе, что поэт посвятил ему оду «Гражданское мужество» и отдельное издание своих «Дум».

«Думы» Рылеева – ряд исторических картин, в стихах, исполненных в духе умеренного либерализма, лишенных всякого протеста, и проникнутых довольно скромной и невинной гражданской моралью. Судя по ним, трудно угадать в авторе

будущего заговорщика и мятежника; негодующего пыла, энергичного гражданского возмущения в них совершенно нет. Тем не менее, строгая цензура к некоторым из них отнеслась сурово и отказала им в своей санкции, так что увидеть свет им пришлось лишь много лет спустя после смерти их автора.

В доме Рылеева происходили иногда собрания литераторов. На одном из этих собраний возникла мысль об издании альманаха-ежегодника. В «Сыне Отечества» 1822 г., № XLVIII («Новости неполитические», стр. 84), появилось извещение о готовящемся издании, которое было первым в России типичным альманахом и послужило образцом для многих подобных изданий: «Два известные литератора К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев вознамерились сделать в сем роде первый опыт. Они издадут на будущий 1823 год карманную книжку, или альманах, под заглавием «Полярная Звезда». Многие русские поэты и литераторы сообщили им статьи в стихах и прозе для составления сего альманаха». В конце 1822 г. явилась «Полярная Звезда» на 1823 год. Этот небольшой сборник обратил на себя всеобщее внимание; Пушкин писал о нем брату Льву Сергеевичу 30-го января 1822 г., из Кишинева: «Бестужев прислал мне «Звезду» – эта книга достойна всякого внимания». В «Полярной Звезде» были между прочим пьесы Пушкина, подписанные **. Издателем альманаха был книгопродавец И. В. Сленин. Следующий выпуск «Полярной Звезды» в 1824 г. имел еще больший успех: в три недели были раскуплены полторы тысячи экземпляров; издателем был тот же Сленин. В 1825 г. Рылеев и Бестужев издали свой альманах сами. К 1826 г. они приготовили меньшего объема альманах, под названием «Звездочка», но событие 14-го декабря 1825 г. не позволило ей появиться в свет; отпечатанное издание сгнило в подвалах Третьего Отделения. Третья книжка альманаха была посвящена Императрицам Марии Феодоровне и Елизавете Алексеевне; Бестужев получил за это золотую табакерку, а Рылеев – два бриллиантовые перстня. В «Полярной Звезде» на 1824 г. был напечатан отрывок из поэмы Рылеева «Войнаровский», по поводу которого Пушкин писал брату Льву Сергеевичу в январе 1824 г., из Одессы: «„Войнаровский“ полон

жизни». Вообще, «Поэмы» Рылеева стоят по политическому подъему чувства гораздо выше его «Дум»; о последних такой тонкий ценитель, как Пушкин, отзывается, что они происходят не от польского слова, а от немецкого *dumm*, и был очень невысокого мнения об их однообразном тоне искусственной, по его мнению, морали; он писал В. А. Жуковскому: «Думы Рылеева и целят, да все не впопад». Самому автору великий поэт писал: «Что сказать тебе о «Думах»? Во всех встречаются стихи живые: окончательные строфы «Петра в Острогжске» чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой, составлены из общих мест: описание мест действия, речи героя и нравоучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имен (исключая «Ивана Сусанина» – первую думу, по которой начал я подозревать в тебе истинный талант)». В «Поэмах» талант Рылеева проявил себя ярче и сильнее. Материал для них он взял из истории борьбы вольного и свободолюбивого Малороссийского казачества за веру в народную свободу. Герои их – Войнаровский, Наливайко, Хмельницкий. В поэмах этих заметен значительный подъем лирического боевого чувства; еще не виден тот Рылеев, который сложил свою голову на эшафоте, потому что в поэмах нет особенно яркого революционного протеста, но все же они не звучат простыми воздыханиями о свободе скромного «либералиста» Александровской эпохи. Рылеев тогда уже был членом тайного общества. Весьма любопытны мнения Пушкина о поэмах Рылеева. 12-го января 1824 г. он писал А. А. Бестужеву: «Рылеева „Войнаровский“ несравненно лучше всех его „Дум“: слог его возмужал и становится истинно повествовательным, чего у нас почти нет». В марте 1825 г. «Войнаровский» вышел из печати весь, отдельной книгой, с посвящением А. А. Бестужеву и с жизнеописаниями Мазепы, которое написал А. О. Корнилович, и Войнаровского, написанным А. А. Бестужевым. Пушкин писал тогда брату: «„Войнаровский“ мне очень нравится. Мне даже скучно, что его здесь нет у меня». Князю П. А. Вяземскому Пушкин писал: «Поэма „Чернец“ (Козлова) полна чувства и умнее „Войнаровского“, но в Рылееве есть больше

замашки или размашки в слогe. У него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого я бы дорого дал». Когда Рылеев напечатал отрывок «Палей» из поэмы «Богдан Хмельницкий», Пушкин писал брату: «Если „Палей“ пойдет, как начат, Рылеев будет министром» (на Парнасе). Менее понравился Пушкину отрывок из «Наливайка»; он писал Рылееву: «...об „Исповеди Наливайки“ скажу, что мудрено что-нибудь у нас напечатать истинно хорошего в этом роде. Нахожу отрывок этот растянутым; но и тут, конечно, наложил Р. свою печать». Общий отзыв Пушкина о поэзии Рылеева мы находим в одном из его писем к Бестужеву: «Очень знаю, что я его учитель в стихотворном языке, но он идет своею дорогой. Он в душе поэт; я опасаюсь его не на шутку и жалею очень, что его не застрелил, когда имел к тому случай; да черт его знал! Жду с нетерпением „Войнаровского“ и перешлю ему все мои замечания. Ради Христа, чтоб он писал, да более, более!» Князь П. А. Вяземский смотрел на «Думы» с другой стороны и одобрял их за то, что находил в них «цель» и «намерение». «Цель» и «намерение» свои Рылеев кратко указал в посвящении А. А. Бестужеву «Войнаровского»: «Прими ж плоды трудов моих... Ты не увидишь в них искусства, – зато найдешь живые чувства: я не поэт, а гражданин». Свое поэтическое и человеческое credo Рылеев выразил в послании «К А. А. Бестужеву»: «Моя душа до гроба сохранит высоких дум кипящую отвагу; мой друг, недаром в юноше горит любовь к общественному благу». Уверенностью в своем призвании звучат его стихи (из того же послания): «В чью грудь порой теснится целый свет, кого с земли восторг души уносит, назло врагам тот завсегда поэт, тот славы требует, не просит!» Мнения свои о поэзии Рылеев изложил в «Нескольких мыслях о поэзии» («Сын Отечества» 1825 г., ч. CIV). Предмет статьи – еще не разрешенный спор о романтической и классической поэзии, и взгляд, высказываемый по этому поводу Рылеевым, делает много чести его критическому пониманию: «Ни романтической, ни классической поэзии не существует. Истинная поэзия в существе своем всегда была одна и та же, равно как и правила оной. Она различается только по существу и формам, которые в разных веках приданы ей духом времени,

степенью просвещения и местностью той страны, где она появлялась... Много вредит поэзии суетное желание сделать определение оной, и мне кажется, что те справедливы, которые утверждают, что поэзии вообще не должно определять. По крайней мере, по его перу никто еще не определил ее удовлетворительным образом: все определения были или частные, относящиеся до поэзии какого-нибудь века, какого-нибудь народа или поэта, или общие со всеми словесными науками... Идеал поэзии, как идеал всех других предметов, которые дух человеческий стремится обнять, бесконечен и недостижим, а потому и определение поэзии невозможно, да, мне кажется, и бесполезно». Пушкин был совершенно прав, когда писал о Рылееве: «я его учитель в стихотворном языке»; действительно, Рылеев не мог не поддаться влиянию Пушкина, но не сделался его подражателем и сохранил свою самостоятельность, которую за ним признавал и Пушкин: «он идет своею дорогой». Рылеев преклонялся пред Пушкиным. В письмах он расточает ему горячие похвалы и называет его чародеем, чудотворцем, гением, но в мотивах и содержании своей поэзии остается вполне самостоятелен. Впоследствии он «заплатил» Пушкину, своему учителю: Пушкин воспользовался «Войнаровским» как богатым материалом для своей «Полтавы».

Рылеев был в дружеских отношениях не только с Булгариным и А. А. Бестужевым: он водил дружбу с Е. А. Боратынским, Н. И. Гнедичем, которому написал «Послание» и посвятил думу «Державин», и завязал сношения с польским писателем и патриотом Юлианом Урсыном-Немцевичем. Его «Исторические песни» своим горячим патриотизмом привлекли внимание Рылеева, который в предисловии к, отдельному изданию своих «Дум» привел слова Немцевича из предисловия к «Историческим песням» и перевел одну из них – «Глинский». По этому поводу между ними завязалась переписка. Письмо от 11-го сентября 1822 г., при котором Рылеев послал Немцевичу перевод думы «Глинский», отыскалось лишь недавно; нашел его и напечатал в журнале «Kraj» польский историк А. Краусгар (см. «Новое Время», 16-го марта 1904 г., № 10069). В письме к

Немцевичу (январь 1823 г.) русский поэт-гражданин превозносит польского патриота за то, что он, «как Тиртей, высокими песнями возбуждал в сердцах сограждан любовь к отечеству, усердие к общественному благу, ревность к чести народной и другие благородные чувства».

Домашняя жизнь Рылеева не отличалась особым спокойствием. Первый его ребенок, *Александр*, умер в 1824 г., в 1823 г. у Рылеева родилась дочь *Анастасия*, впоследствии издательница его сочинений; в 1824 г. умерла его мать, и пошатнулись его денежные дела; пришлось заложить имение. На долю Рылеева, вообще отличного семьянина и, как можно видеть из его писем к жене, любящего мужа, выпало несчастье: он увлекся какой-то госпожой К., женщиной недостойной и преследовавшей отнюдь не любовные цели. Влюбившись в нее, Рылеев не переставал любить и жену, сознание своего падения мучило его, и он переживал тяжелые душевные страдания. Отголосок этой внутренней драмы находим в его поэзии: «молю, да ненависть» – писал он – «заступит преступной страсти пламень злой – и честь, и стыд, и мой покой ценой достойною искупит». Он сознавал, что «преступная страсть» губит его и отвлекает от дела, которому он себя обрек (в это время Рылеев уже целиком был погружен в революционные замыслы): «мне не любовь теперь нужна, занятия нужны мне иные, отрадна мне одна весна, одне тревоги боевые. Любовь никак нейдет на ум. Увы! Моя отчизна страждет, душа в волненье тяжких дум теперь одной свободы жаждет».

В начале 1824 г. Рылееву пришлось драться на дуэли. В доме у него жила его побочная сестра, *Александра Федоровна*, девица уже немолодая, но ветреная и легкомысленная. С ней вступил в связь молодой офицер лейб-гвардии Финляндского полка князь *Шаховской*, и репутация девушки пострадала. Рылеев вызвал его на поединок; тот отказался, и Рылеев, чтобы заставить его принять вызов, плюнул ему в лицо. Дуэль состоялась, и Рылеев был ранен в ногу навылет. Гражданские стремления, воодушевлявшие Рылеева еще в самом начале его поэтической деятельности и носившие в начале какую-то расплывчатую, туманную физиономию, с течением времени

становились все яснее и определеннее, и поэт стал говорить в стихах уже не просто об «общественном благе», а об отмене рабства, об уничтожении царившего в суде и в администрации произвола, о необходимости просветить народ. В оде «Видение», написанной на день тезоименитства Великого Князя Александра Николаевича, будущего Александра II, Рылеев обращается к нему: «Люби народ, чти власть закона... дай просвещенные уставы в обширных северных странах, наукам очисти нравы и веру укрепи в сердцах... люби глас истины свободной... рабства дух неблагородный – неправосудье истреби... будь просвещенья покровитель... будь человек для человека, будь гражданин для сограждан». Самая священная, почетная деятельность в глазах Рылеева – деятельность самоотверженного гражданина, который «души возвышенной свободу хранит в советах и суде» и презирует «неправый глас страстей»; его удел истинно прекрасен и высок: «подвиг воина гигантский и стыд сраженных им врагов в суде ума, в суде веков ничто пред доблестью гражданской» (ода «Гражданское мужество»). Из опубликованных В. Е. Якушкиным черновых набросков Рылеева («Вестник Европы» 1888 г., ноябрь, стр. 210–212) можно видеть, как живо интересовался Рылеев русской историей и национально-русскими и общемировыми политическими вопросами. В программе для статьи: «Дух времени, или судьба рода человеческого» он записывает положения: «I. Человек от дикой свободы стремится к деспотизму; невежество причиною тому. II. Человек добр и добродетелен по знанию, по уверенности, что быть таковым для его блага необходимо». «Усовершенствование есть цель, к которой стремится человечество по предназначению Промысла; история всех народов служит тому неопровержимым доказательством».

Таковы были взгляды Рылеева; его живая и кипучая натура рождала труд, рождала возможности осуществить свои мечты, не оставить праздными свои чаяния. Кругом себя Рылеев видел серую, безотрадную русскую действительность: дряблкое, инертное, слабо на что-то надеющееся русское общество и грузным гнетом нависшую над ним могучую реакцию последних годов Александровского царствования. В одной только сфере

деятельно мыслили, работали для лучшего будущего; это было революционное тайное общество, – и Рылеев примкнул к нему.

Союзы Благоденствия и Общественного Спасения уже не существовали: первый закрылся к началу 1818 г., второй распался в 1821 г. На смену им образовались два новые тайные союза: первый, центр которого находился в Тульчине, где квартировал штаб Южной армии, и северный – в Петербурге. Главным деятелем в Южном союзе был Пестель, а во главе Северной думы стоял Никита Муравьев. Северное общество, возникшее в конце 1822 г., состояло из убежденных и соединенных или согласных. Право набирать новых приверженцев принадлежало только убежденным, которые занимали в обществе главенствующее положение и из числа которых избиралась дума или директория.

Свободолюбивый поэт, участник великой войны за освобождение Европы, пламенный гражданин, популярный деятель, вступая в Северное общество, был принят прямо в разряд «убежденных», минуя разряд «согласных». Ввел его в общество И. И. Пущин, известный друг Пушкина. В какой дружбе был с ним Рылеев, видно из одного письма Рылеева к неизвестному (в марте 1825 г.): «Спасибо, что полюбил Пущина... Кто любит Пущина, тот уже непременно сам редкий человек». В конце 1824 г., когда из-под пера Рылеева уже выходили прокламации в стихах с прямым призывом к революционному восстанию, он был избран одним из трех директоров общества, на место князя С. П. Трубецкого. По своим убеждениям Рылеев был настоящий демократ. Выработанный Муравьевым проект аристократической конституции не пользовался его одобрением; конституционный проект Южного общества, который, при всем своем радикализме, устанавливал олигархию и игнорировал возможные требования народа, Рылеев также отвергал. Точно определенной политической программы у Рылеева не было, как впоследствии не оказалось и разумной революционной тактики. Несмотря на свои дышавшие призывом к восстанию революционные песни (их нет в русских изданиях сочинений Рылеева, и печатаются они только в заграничных), Рылеев

признавал себя сторонником ограниченной монархии и находил, что для республиканской формы правления Россия еще далеко не созрела.

Известие о смерти Александра I застало оба тайные союза врасплох; приходилось действовать скоро и решительно. С величайшей неохотой согласился Рылеев на кровавый умысел, возникший среди заговорщиков, уступая усердным настояниям пламенного Якубовича и пылкого Каховского. Наконец, и он согласился, что царевубийство должно быть совершено.

Незадолго до кончины Александра I, именно 8-го сентября 1825 г. произошла известная дуэль Чернова, двоюродного брата Рылеева, подпоручика Семеновского полка, с флигель-адъютантом Новосильцевым. Она кончилась смертью обоих противников. Дуэль эта имела особенное значение, так как поведение Новосильцева истолковывалось, как обычное поведение аристократа и богача по отношению к людям не столь выдающегося общественного положения. На либеральную часть общества сильнейшее впечатление произвели слова предсмертной записки Чернова: «пусть паду я, но пусть падет и он, в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмехались над невинностью и благородством души». Рылеев в этой дуэли участвовал в качестве секунданта со стороны Чернова. Похороны последнего носили характер политической манифестации. Рылеев написал проникнутое грозным протестом стихотворение «На смерть Чернова»: «Клянемся честью и Черновым – вражда и брань временщикам, тиранам, нас угнесть готовым. Нет, не отечества сыны питомцы пришлецов презренных! Мы чужды их семей надменных, они от нас отчуждены... Я ненавижу их, клянусь, клянусь и честью, и Черновым!» Столь высокий гражданский пафос мог быть продиктован только глубоким гражданским негодованием и готовностью бороться с вековым гнетом, одним из проявлений которого была даже та семейная история, которая навлекла гибель оскорбленного – Чернова и оскорбителя – Новосильцева.

Наступило после смерти Александра I то «роковое время», когда, по словам Рылеева («Гражданин»), было постыдно «позорить гражданина сан и подражать тебе, изнеженное племя

переродившихся славян». Те, которые «постигнуть не хотят предназначенья века и не готовятся для будущей борьбы за угнетенную свободу человека», впоследствии «раскаются, когда народ, восстав, застанет их в объятьях праздной неги и в бурном мятеже ища свободных прав, в них не найдет ни Брута, ни Риэги». Момент для государственного переворота, о котором мечтали деятели тайного общества, казался им очень удобным. В народе не знали, кто будет на престоле: Константин Павлович или Николай Павлович, так как отречение Константина Павловича от прав на престол почему-то хранилось в тайне; заговорщики рассчитывали на растерянность войска, с помощью которого надеялись произвести переворот. 14-е декабря 1825 г., день, когда назначено было принесение войсками присяги Николаю Павловичу, был роковым днем для Северного общества и, в частности, для Рылеева. Многие из заговорщиков изменили данному слову и не явились на Сенатскую площадь, где стояла сбита с толку горсть солдат. Избранный в «диктаторы» князь Трубецкой не явился на площадь. Рылеев недолго был там и, видя полный неуспех задуманного дела, «увидал безначалие и неустройство», как показал он впоследствии своим судьям, и мрачный и опечаленный вернулся домой. Надежда на успех вооруженного восстания разлетелась, и Рылеев сидел дома, погруженный в тупую апатию, ничего не предпринимая. Ночью он был арестован и отвезен во дворец, где заговорщиков допрашивал сам государь. Оттуда его свезли в Петропавловскую крепость, и он был заключен в каземат № 17 Алексеевского рavelина. На государя он произвел, по-видимому, довольно выгодное впечатление, потому что он разрешил ему переписываться с женою и оказал ей значительное денежное пособие. Рылеева, как одного из самых важных деятелей заговора, часто вызывали в Следственную комиссию для дачи показаний и очных ставок. Показания Рылеева отличались откровенностью, прямою и спокойствием. За товарищей своих он стоял горой и всячески старался своими показаниями облегчить их участь. Он осуждал себя и своих товарищей за их отчаянную попытку, упрекал себя в неумении взвешивать обстоятельства и оценивать реальные

силы, но напоминал судьям, что «дух времени – такая сила, перед которою они не в состоянии были устоять». Из крепости Рылеев писал государю: «Государь, будь милосерд к товарищам моего преступления. Я виновнее их всех; я, с самого вступления моего в думу Северного общества, упрекал их в недеятельности; я преступною ревностью своею был для них самым гибельным примером; словом, я погубил их, чрез меня пролилась невинная кровь. Они по дружбе своей ко мне и по благородству не скажут сего, но собственная совесть меня в том уверяет». Как рассказывает А. О. Смирнова в своих известных «Записках», Николай Павлович не знал тогда, что Рылеев поэт; узнал он это только впоследствии и пожалел о том, что не знал этого раньше – иначе он оставил бы жизнь поэту. Сидя в крепости, Рылеев горько и искренно раскаивался в своем увлечении; о нем можно сказать его же словами о Новгородском борце за свободу Вадиме, который занимал умы тогдашней «вольнолюбивой» русской интеллигенции (о «Вадиме» пробовал писать и Пушкин): «Несмотря на хлад убийственный сограждан к правам своим их от бед спасти насильственно хочет пламенный Вадим». Напечатанное П. Е. Щеголевым дело об отношениях А. С. Грибоедова к декабрьскому движению («А. С. Грибоедов и декабристы», СПб. 1905) показывает, что запутанный в несчастное дело автор «Горя от ума» благополучно избавился от грозившей ему большой опасности только благодаря показанию Рылеева, решительно заявившего, вопреки другим показаниям, что Грибоедов, хотя и знал из его намеков о существовании тайного общества, однако, не был принят в него совершенно, так как не выказывал полного сочувствия его целям.

Письма Рылеева к жене полны дружеской нежности; он дает ей советы и указания по разным денежным и домашним делам. Защищаться Рылеев не пытался, как не пытался он бежать 14-го декабря. Суду он говорил то же, что писал государю: «Я признаю себя главным виновником происшествий 14-го декабря: я мог все остановить и, напротив, был пагубным примером преступной ревности. Если кто заслужил казнь, вероятно, нужную для блага России, то, конечно, я, несмотря на

мое раскаяние и совершенную перемену образа мыслей». В мае 1826 г. следствие было закончено, и дело из Комиссии перешло в учрежденный 1-го июня Верховный Уголовный Суд; из числа членов этого Суда был избран особый Комитет, в девять человек, для определения меры наказания осужденным. В это время жене Рылеева было разрешено свидание с мужем, которое и произошло 9-го июня.

Во второй половине июня Комитет установил законные меры наказания, и дело снова перешло в Верховный Суд для определения степени виновности каждого. Осужденные были разделены по тяжести их вины на четырнадцать разрядов; ни в один из них не были включены П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Каховский и Рылеев: доклад Суда гласил, что, «превосходя других во всех злых умыслах силою примера, неукротимостью злобы, свирепым упорством и, наконец, хладнокровною готовностью к кровопролитию, они стоят вне всякого сравнения». Рылеев был признан виновным в том, что «умышлял на цареубийство, назначал к совершению оного лица, умышлял на лишение свободы, на изгнание и на истребление Императорской фамилии и приготавливал к тому средства, усилил деятельность Северного общества, управлял оным, приготавливал способы к бунту, составлял планы, заставлял сочинить манифест о разрушении правительства, сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи и принимал членов, приготавливал главные средства к мятежу и начальствовал в оных, возбуждал к мятежу нижних чинов чрез их начальников посредством разных обольщений и во время мятежа сам приходил на площадь». В числе особо поименованных пяти человек Рылеев был приговорен к четвертованию, но наказания всем осужденным были смягчены – и они приговорены были к повешению. Перед самой казнью Рылеев написал жене письмо, полное удивительного спокойствия и благодарного чувства за то счастье, которое она ему дарила в течение всей их супружеской жизни. Рылеев находился эти дни в чрезвычайно повышенном состоянии какого-то мистического восторга пред раскрывавшеюся смертью. «О, милый друг, – писал он жене, – как спасительно

быть христианином! Благодарю моего Создателя, что он меня просветил, и что я умираю во Христе». 13-го июля, на рассвете, казнь совершилась. Казнимые были в оковах выведены из своих келий и приведены к эшафоту. Впереди всех шел П. Г. Каховский, за ним Бестужев-Рюмин под руку с Муравьевым, потом Пестель с Рылеевым, тоже под руку; они говорили по-французски. Когда приговор был им прочитан и они услышали слова: «за такие злодеяния повесить!» – Рылеев бодро обратился к товарищам: «Господа, надо отдать последний долг», и все они упали на колена, и, обращая взоры к небу, крестились. Рылеев молился вслух о благоденствии России. Поцеловав руку у священника и сказав ему: «Батюшка, помолитесь за наши грешные души, не забудьте моей жены и благословите мою дочь» – он перекрестился и первый взошел на эшафот. Вследствие дурного устройства эшафота, Рылеев выскользнул из петли и больно расшибся; то же случилось с Пестелем и Каховским. Их немедленно подняли, взяли другие веревки и повесили. Где покоится прах Рылеева, в точности не известно.

Среди наших гражданских поэтов Рылееву принадлежит первое место. Нравственная чистота «Рыцаря Полярной Звезды», обаяние, которое он производил на окружающих, глубокая гражданская скорбь, жажда борьбы делают его одной из самых привлекательных, светлых личностей нашей культурной истории. «Я не поэт, а гражданин» говорил о себе Рылеев, но он был и гражданином, и поэтом, и если применить к его произведениям то художественное мерило, которого он сам чуждался, придется заключить, что в нем угасло большое художественное дарование.

«Сочинения К. Ф. Рылеева», изданные под редакцией М. Н. Мазаева, издание Я. Соколова, СПб. 1895; «Сочинения и переписка» Рылеева, под редакцией П. А. Ефремова, СПб., 1872; «Сочинения и переписка» К. Ф. Рылеева, издание журнала «Всемирный Вестник», СПб., 1905 г.; «К. Ф. Рылеев, поэт-публицист» («Новое Время», приложение, 16-го сентября 1895 г.); «Из истории литературы двадцатых годов, новые материалы для биографии К. Ф. Рылеева», В. Е Якушкина

(«Вестник Европы» 1888 г., ноябрь, стр. 195–222); «Стихотворения» К. Рылеева. Берлин, 1857; «Сочинения» Н. С. Лекова, т. II, СПб., 1897, стр. 97–99; «Сочинения» Р., Лейпциг. 1860; «Русск. Стар.» 1875 г., сентябрь, 71; письмо Р. к А. Ф. Воейкову от 1-го июля 1823 г. – в «Трудах Черниговской губернской архивной комиссии», вып. II, стр. 25; «Пушкин и Рылеев» В. В. Сиповского («Пушкин в его современники», вып. III, СПб., 1905, 68–88); «Записки» П. А. Каратыгина, СПб., 1880 г., 137, 139; «Полярная Звезда» 1906 г., № 7, 27-го января, стр. 466–480, статья Н. Котляревского «Кондратий Федорович Рылеев»; письмо К. Ф. Рылеева к В. И. Туманскому от 15-го января 1825 г. – «Киевская Старина» 1899 г.; «Отрывок из моей жизни 1820–1826 гг.» И. И. Ростовцева – «Русск. Арх.», 1873 г., № I, 459; «Украинский Журнал» 1825 г., VIII, 72; «Несколько слов о К. Ф. Рылееве» Д. И. Кропотова – «Русск. Вестн.» 1869 г., № 12; «Воспоминания о К. Ф. Рылееве» его же – «Русск. Вестн.» 1869 г., № 3; письмо А. А. Бестужева к Н. А. и К. А. Полевым – «Русск. Вестн.» 1861 г., № 3, стр. 286; «Вестник Европы» 1872 г., август 865–867; К. Ф. Рылеев, «Известие о смерти председателя СПб. палаты гражданского суда, 2-го декабря колл. сов Д. Г. Высочина» – «Русск. Инвалид» 1823 г., № 247, 18-го октября, стр. 986, и «Ист. Вестн.» 1910, № 11, стр. 816; Думы и поэмы», издание А. С. Суворина; В. Андреев, «Очерки из истории литературы и образования в России», СПб. 1872, стр. 71–74; «Венера или собрание стихотворений разных авторов», М. 1831, стихотворения К. Р.; «Московские Ведомости» 1826 г., № 82, 13-го октября, стр. 3339, объявл. № 26, от книжного магазина Глазунова; см. указатель «Русск. Старины», «Исторического Вестника» и «Русск. Архива»; «Звездочка» на 1826 г., издание А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева – «Русск. Стар.», 1883 г., XXXIX, 43–100; «Литературные Листки» Ф. Булгарина, 1824 г., ч. I, № 5, стр. 194; «Девятнадцатый век» П. И. Бартенева, ч. I, М. 1872; А. Н. Пыпин. «История русской этнографии», т. I, 231; III, 18, 96, 117; IV, 372; В. И. Маслов, «Литер. деятельность К. Ф. Р.», К. 1912 и дополн. вып., К., 1916; В. И. Маслов, «Архив К. Ф. Р.» – «Изв. Акад. Наук» 1910 г., № 12; Ел.

Милич, «Кондратий Р. Картины прошлого» (на нем. яз.),
Майнц. 1914; Н. Котляревский, «Р.», изд. «Светоча», СПб.,
1908.

Рылеев, Михаил Николаевич

Рылеев, Михаил Николаевич, генерал-лейтенант; происходил из дворян Костромской губернии, Галицкого уезда, и родился в 1771 году; обучившись дома по-русски, по-немецки и по-французски (как упомянуто в его формуляре), он был зачислен, имея 13 лет, в военную службу, 2-го января 1785 г., в л.-гв. Конный полк и 4-го числа того же месяца произведен был в вахмистры. В этом полку он прослужил до 1-го января 1794 года, когда был выпущен из гвардии капитаном армии, а затем, февраля 1-го того же года, зачислен был в Московский гренадерский полк, а из оного переведен в Сибирский гренадерский полк (1-го февраля 1796 года). В означенном Сибирском полку Р. был произведен в майоры 3-го ноября 1799 г. и пребывал вместе с полком по квартирам в Польше, в Очакове (в 1797 году) и в Одессе (в 1798 и 1800 годах), находясь в 1799 г. в Волынской губ., а затем в 1801–1804 годах стоял в Николаеве. Возникшая война с Францией побудила, в конце 1804 года, перевезти Сибирский полк на судах Черноморского флота по Черному морю, а также по Мраморному и Средиземному, на Ионические острова, состоявшие в то время под верховным владычеством турок и под покровительством России, которая содержала там свою эскадру и занимала острова своими гарнизонами.

В начале 1805 г. Сибирский полк пребывал в Корфу, под общим главным начальством генерала Анрепа. По объявлении России, Англией и Австрией войны Франции в 1805 году, войска под начальством Анрепа были перевезены в Италию для изгнания французов. Они прибыли 7-го ноября в Неаполь, двинулись к Риму, но близ Гаэты получили приказание часть войск отправить опять для защиты Ионических островов, а другую, в том числе и Сибирский полк, направить в Черноморские гавани. В 1806 г. в марте месяце Сибирский полк прибыл в Одессу и вскоре, 27-го апреля 1806 г., Рылеев был произведен в подполковники. В том же году Сибирский полк был включен в состав 11-й пехотной дивизии, которая, при

начале военных действий с Турцией в 1806 году, под начальством генерала Милорадовича, перейдя Днестр у г. Могилева, двинулись далее, на Бырлад и Рымник к Бухаресту, который после небольшого сражения и был занят нашими войсками 13-го декабря 1806 г. Главнокомандующий нашими войсками, действовавшими против турок на Дунае, генерал И. И. Михельсон имел намерение овладеть Измаилом и, чтобы лишить турок возможности доставить подкрепления этой важной крепости, выслал отряд графа Каменского к Браилову, а генерала Милорадовича – к Журже. Последний на пути своем имел упорное сражение с турками 5–6-го марта 1807 г. при Турбате, близ Журжи. Затем было получено известие о наступлении из Журжи Турецкой армии под начальством Мустафы Байрактара, а также из Силистрии к Бухаресту – под предводительством верховного визиря Ибрагима-паши, подходившего уже к м. Обилешти. Милорадович двинулся на Ибрагима-пашу двумя колоннами, причем во второй, под начальством генерал-майора Бахметева, находился и Сибирский полк. 2-го июня при Обилештах произошло сражение, продолжавшееся с 7-ми часов утра до 2-х ч. дня; раздраженные солдаты «не давали пардону» – говорится в реляции. При этом Рылеев 1-й удостоился получения, за храбрость свою, ордена св. Владимира 4 ст. с бантом. Милорадович, дав войскам отдых, поспешно двинулся к Бухаресту, имея в виду, что Мустафа Байрактар спешит занять Бухарест, в котором было очень мало наших войск. Это, однако, ему не удалось, потому что Милорадович был 3-го июля уже под Бухарестом. Вскоре, 12-го августа 1807 г., было заключено с турками перемирие в Слободзее, продолжавшееся и весь 1808 год. Сибирский полк в это время стоял спокойно сперва в Бухаресте, а также в Сентештах. Тем временем скончался Михельсон, и прибывший в марте 1808 года новый главнокомандующий, князь А. А. Прозоровский (вскоре также скончавшийся – 9-го августа 1809 года) намеревался начать военные действия против Журжи. Рылеев же в это время, за болезнью, был переведен, 4-го мая 1808 года, в Ахтиарский гарнизонный батальон, в котором и пробыл до 30-го декабря

1808 года, когда был переведен в Бутырский пехотный полк, а затем назначен, 1-го января 1810 г., полковым командиром Смоленского пехотного полка, во главе которого принял вновь участие в делах с турками. Он находился сначала в Болгарии, за Дунаем, и вскоре принял участие в штурме крепости Базарджика, назначенном, по усмотрению нового главнокомандующего, молодого графа Ник. Мих. Каменского, на 22-е марта 1810 года. Смоленский полк входил в состав 3-й штурмовой колонны, находившейся под начальством ген. Войнова. В реляции о штурме упомянуто, что при штурме особенно отличился подполковник Рылеев 1-й, командовавший Смоленским полком: он был сперва отряжен к прикрытию подвижной батареи, а затем при самом штурме распоряжался батальоном с отличною храбростью и мужеством, поражая всюду на нас бросавшегося врага.

Рылеев за штурм Базарджика был награжден золотою шпагою с надписью «за храбрость» и получил вместе с другими особый золотой крест, выбитый по случаю взятия Базарджика. После этого Смоленский полк принял участие в обложении крепости Шумлы (в Балканских горах) и в поражении войск Юсуфа-паши 11, 12 и 26-го июня под стенами Шумлы. Особенно же отличился подполковник Рылеев при сильной вылазке, сделанной турками из Шумлы 23-го июля. Он, как говорилось в донесении, управляя своею частью с благоразумным распоряжением, многократно наносил гибель неприятелю, поражая его с неописанною храбростью повсюду, где он осмеливался показаться, чем немало содействовал к одержанию победы над войсками верховного визиря. За подобные отличия Рылеев был награжден орденом св. Анны 2-й степени. После взятия Шумлы Рылеев с полком был в поиске и открытии турок по дороге из Шумлы, при блокаде крепости Рущука и, наконец, 13-го октября – при блокаде и взятии Никополя. После этого Смоленский полк был передвинут в Молдавию, в Яссы, где пробыл до февраля 1811 года, а Рылеев был вскоре произведен в полковники (30-го августа 1811 года).

До начала Отечественной войны 1812 г., Рылеев 1-й 29-го мая 1812 г. был назначен шефом Копорского пехотного полка,

но, по причине скоро открывшихся военных действий, не отправился к месту назначения, а остался при 12-й пехотной дивизии, назначенный командиром 1-й ее бригады, состоявшей из полков Нарвского и Смоленского.

В начале Отечественной войны 1812 г. армия Багратиона должна была отступить от Волковыска на соединение с 1-й армией, находившеюся под начальством Барклая-де-Толли. Французские войска, под начальством маршала Даву, предупредили ее на пути к Минску, что и побудило Багратиона двинуться на Несвиж, Бобруйск и Могилев. В Бобруйске 6-го июля он получил приказание двинуться на города Могилев и Оршу. Надеясь предупредить войска Даву в Могилеве и пробиться силою, Багратион выслал корпус Раевского, в состав которого входил и Смоленский полк, к Могилеву 7-го июля, а на другой день выслал и корпус Бороздина. 9-го июля Раевский достиг Старого Быхова и скоро оттеснил французов к Салтановке (Могилевской губ.), где Даву и стянул свои войска. 11-го числа Багратион приказал атаковать сильную позицию французов, но, несмотря на все усилия наших войск, оказалось невозможным ни обойти фланг французов, ни прорвать фронт их. Раевский приказал начать отступление к Дашковке, и затем вся армия Багратиона двинулась чрез Мстиславль на Смоленск, где и соединилась со 2-ю армией. Донося о сражении при Салтановке, Раевский писал о Рылееве, что когда было приказано Смоленскому полку идти вперед в штыки, он с отличным присутствием духа бросаясь с первыми рядами на неприятельскую колонну, подавал собою пример неустрашимости и опрокинул французов, причем был ранен картечью. За это дело Рылеев был произведен, 11-го июля 1812 г., в генерал-майоры, причем Император Александр I велел считать старшинство со дня оказанного им отличия.

В деле при Салтановке Рылеев был довольно тяжело ранен картечью навывлет в плюсну левой ноги, что побудило его, для лечения раны, покинуть на полтора года действующую армию, к которой он мог снова присоединиться только в 1813 году, когда наши войска, после битвы под Лейпцигом 4–6-го октября 1813 г., двигались уже к берегам Рейна. Маршал Сен-Сир, упорно

оборонявший город и крепость Дрезден, столицу Саксонии, принужден был сдаться на капитуляцию в конце 1813 г., после чего генерал-губернатором Саксонии был назначен князь Н. Г. Репнин, а военно-областным начальником 3-го округа и комендантом города Дрездена был назначен генерал М. Н. Рылеев 1-й, отправлявший эту обязанность до заключения первого Парижского мира 18-го (30-го) мая 1814 года, после чего возвратился в Россию. Скорое появление Наполеона с острова Эльбы во Францию 22-го февраля (6-го марта) 1815 года побудило Императора Александра I снова направить некоторые свои войска в пределы Франции, в том числе и Рылеева 1-го, командовавшего уже, с 25-го мая 1815 года, 25-ю пехотную дивизию во 2-м корпусе. Он совершил поход из России до города Байрейта в Баварии, когда было получено известие о поражении Наполеона при Ватерлоо 10-го (22-го) июня 1815 года и отречении его от престола Франции 13-го (25-го) июня, а затем и о заключении второго Парижского мира 8-го (20-го) ноября 1815 г. После этого М. Н. Рылеев 1-й возвратился вместе с нашими войсками в отечество и вскоре был назначен (22-го июня 1818 г.) командиром 2-й бригады 13-й пехотной дивизии и за Высочайший смотр при городе Тирасполе в 1818 г. удостоился Монаршего благоволения, причем ему пожалована была аренда на 12 лет, считая с 1820 года, в Лифляндской губернии, а также орден св. Георгия 4-й степени за 25 лет службы (15-го февраля 1819 года).

После Парижского мира 1815 г. возобновились учреждения военных поселений, начатые еще в 1811 году водворением одного батальона Елецкого пехотного полка в Могилевской губернии. Теперь, с 1816 года, последовательно водворялись третьи батальоны различных дивизий. Рылеев 1-й был назначен сперва бригадным командиром третьих поселенных батальонов 7, 8 и 9-й пехотных дивизий с 1820 г., а затем таковым же командиром батальонов 16, 18 и 19-й пехотных дивизий с 15-го октября 1823 г., причем за отличие по службе удостоился получить в вечное владение в Бессарабской области 3000 десятин земли. После этого, удостоившись не раз монаршего благоволения за смотры в 1820, 1822 и 1823 годах, Рылеев 1-й

9-го мая 1824 года был назначен отрядным командиром поселенных войск, расположенных в Могилевской губернии. За отличие по службе он был затем произведен, 19-го марта 1826 года, в генерал-лейтенанты, 22-го августа 1826 г. награжден был орденом св. Анны 1-й ст., а чрез 2½ года после этого (22-го марта 1829 г.) был назначен комендантом в Новгород и в этой почетной должности скончался 8-го июня 1833 (или 1831?) г. (исключен из списков в приказе 28-го июня).

И. Н. Рылеев в начале 1811 года вступил в брак с дочерью генерала Говорова – *Мариєю Ивановною* и оставил после себя двух сыновей (*Ивана и Михаила*) и четырех дочерей (*Екатерину, Елизавету, Наталью и Аделаиду*).

Формулярный список о службе в Московском Отделении Общего Архива Главного Штаба: Книги формул. списков состоящих по роду оружия за 1-ю половину 1818 года; Справочный Энциклопедический Словарь А. Старчевского, С.-Петербург 1855 г., т. IX; Военно-Энциклопедический Словарь под ред. ген. Леера (где ошибочно указано производство Рылеева в генерал-лейтенанты в 1811 году); С. Южаков, Большая Энциклопедия (очень кратко); Краткая история 9-го Гренадерского Сибирского Его Императорского Высочества Вел. Кн. Николая Николаевича Старшего полка. 1700–1889, составил Лугинин, Тамбов. 1889 года; История 25 пехотного Смоленского полка за 2 века его существования, 1700–1900 года, составил князь В. Б. Максудов, С.-Петербург. 1901; М. Богданович, Отечественная война 1812 года; Военная Галерея 1812 года, СПб. 1912 (с портр.); «Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.», т. 62, стр. 229.

Рылеев, Никита Иванович

Рылеев, Никита Иванович, СПб. обер-полицеймейстер, а потом губернатор. Сведения о его происхождении и о первых годах его службы нам неизвестны; равным образом не удалось нам найти и формулярного списка о его службе: таковой, должно полагать, сгорел вместе со многими другими делами СПб. Губернского Правления во время большого пожара 1864 года, достигшего до здания Министерства Внутренних Дел, что у Чернышева моста. Службу свою Р. начал в 1760 году, из чего можно заключить, что он родился, вероятно, в конце 1740-х гг.; в марте 1776 г. он был полковым секретарем в канцелярии л.-гв. Преображенского полка и в этой же должности был и в октябре 1777 г. Будучи уже полковником и и. д. СПб. полицеймейстера, он 1-го января 1784 г. назначен был СПб. же обер-полицеймейстером и 24-го ноября того же года пожалован в бригадиры. Императрица Екатерина, незадолго перед этим, «ввиду крайней необходимости», «для споспешества доброму порядку, удобнейшему исполнению законов и для облегчения присутственных мест, по недостатку установлений до сего затрудняемых», утвердила для всех городов ее Империи 8-го апреля 1782 (1-е П. С. З., № 15379) новый Устав Благочиния, или Полицейский. По этому замечательному памятнику Русского законодательства XVIII века полицейское управление поручалось в каждом городе единому месту, которое учреждалось под именем Управы Благочиния или Полицейской, состоявшей в столице под председательством обер-полицеймейстера (в прочих же городах – городничего), из двух приставов (уголовных и гражданских дел) и двух ратманов, избираемых от обывателей. Этой Управе был дан подробный наказ (ст. 28–74), в котором содержались: 1) правила добронравия обывателей, 2) правила общественные, 3) качества определенного к благочинию начальства и т. д. Власть такой Управы не распространялась далее черты города, его предместий и слобод. Под ведением ее находились частные приставы (столица тогда делилась на 10 частей, полагая на

часть от 200 до 700 дворов, а каждая часть делилась на кварталы, в которых полагалось примерно от 50 до 100 дворов). В каждой части города был еще словесный суд, разбиравший окончательным примирением гражданские дела до 25 рублей и притом не более одного дня. Кто этим судом бывал недоволен, тому объявлялось, что до него суду дела нет и стороны могут бить челом, куда пожелают (стр. 63). Управа налагала также взыскания по уставу без суда и сажала под арест. Очень подробно определены были обязанности частных приставов (ст. 85–131).

По этому же Уставу в столице должен был находиться полицеймейстер, о котором в этом Уставе имелось только одно упоминание в ст. 28 – именно, что этот полицеймейстер заседает в Управе Благочиния под обер-полицеймейстером и выше приставов уголовных и гражданских дел. В деятельности своей он должен был, очевидно, руководствоваться узаконениями, состоявшимися ранее 1782 года, как-то узаконениями 1763 года, декабря 15-го, а также 28-го февраля 1768 года (№ 13075), известным дополнением к большому наказу, гл. XXI, статьями 527–566, в которых определялось, что должно разуметь под словом «благочиние, называемое инако полиция, и как сия последняя должна поступать и действовать». Полицеймейстер, являясь помощником обер-полицеймейстера, имел ближайший и непосредственный надзор за действиями частных приставов. Помимо этого, на имя Рылеева последовали особые указы: 24-го апреля 1788 года (1-е П. С. З., № 16648) о неупотреблении впредь никому из лакеев, скороходов, егерей и прочих служителей белых перьев на лакейских шляпах, киверах и шапках; 13-го июля 1790 г., № 16884 – о неупотреблении в одежде ливрейных служителей и кучеров изящных украшений и о невпрягании в карету лошадей более дозволенного числа. Ему же, по словам А. В. Храповицкого, было дано приказание в 1787 году примечать за шведами (стр. 44 Записок), прибывающими в столицу, а также поручение вместе с Архаровым разыскать старый образ Тобольской Божией Матери с богатым окладом, ценою в 8000 рублей, похищенный из большого Придворного Дворца. Из того

же дневника Храповицкого усматривается, что за успешный розыск денег, украденных в Морском корпусе и полицией найденных, Рылееву был дан в 1789 году указ удержать из этой суммы тысячу рублей в награждение чинам полиции.

В 1790 году, ввиду наступившей войны со Швецией, признано было необходимым иметь в столице запасные батальоны, из которых можно было бы употреблять людей туда, где для службы нужда окажется, и Рылееву поручено было составить таковой противу полевых батальонов мушкетерских. Немного позднее, в 1790 году, ноября 8-го (№ 16917), состоялось Положение о гербергах и трактирах в Петербурге, открытие коих никому из мещан не воспрещалось. Нельзя не упомянуть также, что помимо чисто полицейских обязанностей и всякого рода надзоров и наблюдений, на Управу Благочиния, еще указом января 15-го 1783 г., (1-е П. С. З., № 15634), был возложен не только надзор за типографиями, но и наблюдение за произведениями печати (т. е., их цензура). По означенному указу всякому дозволялось заводить, по собственной воле, типографию для печатания книг, не требуя ни от кого дозволения, а только давая знать о заведении таковой Управе Благочиния. В этих типографиях дозволялось печатать книги на русском и иностранных языках, с соблюдением, чтобы в отдаваемых в печать книгах ничего противного законам Божиим и гражданским или же к явным соблазнам клонящегося, издаваемо не было; для сего Управа Благочиния должна была свидетельствовать отдаваемые в печать книги, и если усмотрит в них что-либо противное законам, то воспрещает печатать, а в случае самовольного напечатания – конфискует книги и о виновных сообщает, куда следует. Для исполнения этого, при Управе Благочиния находился особый смотритель от Академии Наук. Исполнение этой цензорской обязанности чинами полиции, составлявшими Управу Благочиния, при многочисленности других обязанностей, на них лежавших, и совершенно не соответствующей прямым их обязанностям, должно было неизбежно повлечь за собою то, что они цензуровали немалое число книг, не читая их обстоятельно, а довольствовались поверхностным просмотром и нередко только

титолом (заглавием), как поступил, по словам графа А. А. Безбородко, шалун Н. И. Рылеев в отношении известной книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», сильно обеспокоившей, как известно, Императрицу Екатерину II, которая, по-видимому, отнеслась, однако, совершенно снисходительно к Рылееву за такую небрежность и не подвергла его за это какому-либо взысканию или замечанию.

Императрица, по-видимому, благоволила к Рылееву, что подтверждается отчасти и тем, что, состоя еще полицеймейстером, он был включен в небольшое число лиц, которых было приказано пропускать во дворце «за пост кавалергардов», занимавших внутренний караул (Архив кн. Вор., т. XXVI, стр. 259). О деятельности Н. И. Рылеева как полицеймейстера вообще сведений сохранилось мало. Припоминая, однако, что назначенный полицеймейстером в 1783 году, он вскоре же был произведен в генерал-майоры (22-го сентября 1786 г.) за отличие по службе, а после пятилетнего отправления своих обязанностей, награжденный орденом св. Владимира 2-й степени, занимал со 2-го сентября 1793 года и должность Петербургского губернатора, нельзя не прийти к заключению, что Императрица Екатерина была довольна деятельностью Рылеева, хотя, при невысоком уровне умственно-нравственного развития всех чинов полиции, особенно того времени, конечно, эта деятельность могла вызывать справедливые нарекания, остававшиеся безызвестными Императрице. Это усматривается, между прочим, из письма Ее Величества к Рылееву от 10-го августа 1794 года, хотя и помещенного в 1-м Полном Собрании Законов (№ 17240), но и малоизвестного вообще и написанного по следующему поводу. Пристав, подполковник Верещагин, неизвестно за что и почему, поколотил бомбардира, сержанта Ларионова, посланного с нужным пакетом от генерал-фельдцейхмейстера князя П. А. Зубова к обер-гофмейстеру графу А. А. Безбородко. Соприкосновение к этому делу, довольно заурядному в те времена, двух первых лиц двора Императрицы, пользовавшихся большим значением в то время, делает понятным, что дело очень скоро дошло до сведения Ее

Величества и побудило вместе с тем Императрицу написать Рылееву следующие строки: «.Поступок пристава сугубо нагл и дерзок – не дана власть полицейским офицерам самолично ударить кого-либо. Кроме личной обиды, нанесено оскорбление мундиру всего артиллерийского корпуса, не сделано уважения и тем особам, от кого и к кому сержант послан. Прикажите тотчас частного пристава Верещагина арестовать, отрешить от должности, определить на его место другого и обвести сем по всем частям Управы Благочиния».

При этом из письма не усматривается, чтобы было сделано замечание или выговор самому Рылееву, как главному начальнику, за подобные незаконные действия его подчиненных. Что касается отзывов о Н. И. Рылееве, как о человеке, то нельзя умолчать о единственном в этом роде отзыве о нем, сделанном лицом, пользовавшимся большим уважением – именно Алек. Мих. Тургеневым. Он записал в своих Записках, что Петербургские генерал-губернатор Брюс и обер-полицеймейстер Рылеев – «оба известные превыспреннейшей глупостью своею». А. М. Тургенев, как бы в подтверждение этого, приводит два следующих рассказа. Императрица Екатерина II однажды приказала им обоим наблюдать за французом, присланным новой Французской республикой в Петербург, чтобы совершить покушение на ее жизнь, и арестовать его. Позабыв сообщенную им фамилию прибывшего француза, Брюс и Рылеев заподозрили в этом намерении явившегося в их приемную комнату француза, только что прибывшего в Петербург, и, не довольствуясь словесным его допросом, не давшим желанного им результата, подвергли его наказанию розгами, после чего оказалось, что наказуемый вовсе не злодей, а просто главный повар бывшего французского министра Верженя, прибывший искать себе соответствующего места в России. Все дело уладилось мирно, и гражданин новой республики остался доволен, получив жалованья в год 12000 рублей вместо 6000 руб., которые предполагал получить. Императрица очень смеялась этому. Конечно, достоверность рассказа крайне сомнительна и остается всецело на А. М. Тургеневе, который также утверждает,

что сам видел и читал приказ Рылеева 1796 года о том, чтобы было объявлено хозяевам домов с подпискою, чтобы они заблаговременно, именно за три дня, извещали полицию о том, у кого в доме имеет быть пожар («Русск. Стар.» 1887, т. 53, стр. 92). На это было уже замечено, что Тургенев такого приказа Рылеева от 1796 г. читать не мог, потому что Рылеев уже в то время обер-полицеймейстером не был («Русск. Стар.» 1888, т. 57, стр. 79). Мы же добавим к этому, что по Уставу Благочиния обязательные распоряжения для обывателей города издавались в то время не полицеймейстером, а самою Управою Благочиния, как это видно из ее Устава. Есть еще и другой рассказ, также анекдотического свойства, а следовательно не заслуживающий особенного внимания, но мы его приводим потому, что его сообщает серьезный ученый Я. К. Грот (см. Собрание Сочинений Державина, т. I, стр. 399).

В день торжественного празднества большого маскарада, бала и фейерверка на озере, устроенных князем Г. А. Потемкиным-Таврическим 25-го июня 1791 года в Петербурге, в известном ныне Таврическом дворце, в то время еще частном доме, поблизости казарм Конной гвардии, на площади пред этим зданием были устроены для простого народа различные угощения и увеселения, которые надлежало начать при приближении ко дворцу экипажа Императрицы Екатерины II. Между тем, распорядившиеся этим народным празднеством, приняв ошибочно экипаж одного из вельмож за экипаж Ее Величества, распорядились дать знак началу народного празднества, после чего толпа быстро устремила и все увеселения и угощения начались гораздо ранее, так что при приезде Ее Величества ко дворцу на площади происходил невообразимый беспорядок. Императрица, недовольная этим, подозвав находившегося тут же Н. И. Рылеева к своему экипажу, сказала ему: «В прекрасном порядке я совершенно узнаю вас», на, что Рылеев немедленно ответил: «Радуюсь, что имею счастье заслужить удовольствие Вашего Величества», не поняв (а быть может, и умышленно объяснив в свою пользу) истинный смысл слов Императрицы, которая, как можно заключить из записанного А. В. Храповицким, была весьма

невысокого мнения об умственных качествах своего обер-полицеймейстера. В известном Дневнике Храповицкого под 27-м сентября 1790 г. записаны следующие ее слова: «Ежели полковые офицеры малый рассудок имеют, то от практики делаются способными обер-полицеймейстерами, но здешний – сам дурак, *celui ne profitera pas*» (т. е. он этим не воспользуется). Несмотря на такое мнение, Императрица, однако, спрашивала Храповицкого, сколько лет Рылеев генерал-майором – намереваясь, очевидно, наградить его следующим чином, а в 1791 г. выразила, что ему пора в губернаторы, добавив: «*quand ils sont longtemps en place, ils deviennent grognards*», т. е., «занимая долго одно место, они делаются ворчунами».

Действительно, в скором времени Петербургский губернатор Петр Петрович Коновницын был назначен генерал-губернатором Архангельского и Олонецкого наместничеств (2-го марта 1793 г.), а Петербургским губернатором был назначен (2-го сентября 1793 г.) Н. И. Рылеев, вскоре произведенный в генерал-поручики (в 1795 году), а затем награжденный, 13-го ноября 1796 г., орденом св. Анны 1-й степени, что может служить доказательством милостивого расположения к нему со стороны нового Императора. Вскоре после кончины Императрицы Екатерины II Н. И. Рылеев Императором Павлом, 7-го января 1797 г., был, вместе с четырьмя другими губернаторами, переименован из генерал-поручиков в тайные советники, а затем, 9-го июня того же года, уволен в отставку; занимаемая им должность была возложена на графа Ф. Ф. Буксгевдена. Рылеев, с получением по смерти пенсион в 3000 рублей, вероятно, проживал в деревне Галицкого уезда, где и скончался 22-го февраля 1808 года; погребен он при Ильинской, что в Шарике, церкви Галицкого уезда; на надгробном памятнике его не имеется никаких дат.

Н. И. Рылеев был женат, но на ком, нам неизвестно; его дочь, *Елизавета Никитична*, в 1818 г. была замужем за генерал-майором Иваном Ивановичем Прево-де-Люмианом (род. 1758); сын Рылеева, неизвестный нам по имени, был полковником, был также женат и оставил малолетнюю дочь,

которую тетка ее, упомянутая Е. И. Прево-де-Люмиан, лишила всего имения; спорное об этом дело тянулось до 1819 г., как то видно из Записок А. С. Шишкова.

1-е Полное Собрание Законов, тома XXI, № 15379 и 15634, XXII, № 16648, XXIII, № 16963, 16882, 16884, 17189 и 17240; «С.-Петербургская Столичная Полиция и Градоначальство. Краткий исторический очерк», С.-Петербург. 1903 г.; Памятная Книжка С.-Петербургской губернии на 1899 г., стр. XV; Князь Н. Н. Туркестанов, Губернский Служебник, С.-Петербург. 1869 г., стр. 7, 118; Архив графа Мордвинова. изд. Бильбасова, т. V, С.-Петербург. 1902, стр. 146; «Остафьевский Архив», т. III, стр. 514; «Русская Старина» 1886, нояб., стр. 262, 1887, январь, стр. 92; 1888, т. 57, март, стр. 791; Архив Правит. Сената, кн. Высоч. повел., кн. 192, стр. 152 и кн. 193, стр. 61; «Архив князя Воронцова», т. V, стр. 424, 430; т. XVIII, 26, 35; «Сборн. Имп. Русск. Истор. Общества», т. 29, стр. 94–95; «Дневник Храповицкого», изд. Н. И. Барсукова, стр. 26, 44, 213, 354; «Собрание сочинений Г. Р. Державина», изд. Я. К. Грота, т. I, стр. 383 и след. и 399, т. V, стр. 596; Провинциальный Некрополь, СПб. 1914, т. 1, стр. 753; Н. Н. Бантыш-Каменский, Историческое собрание списков кавалеров 4-х Императорских орденов, стр. 335; Приложение к Камер-фурьерскому Журналу 1784 г., стр. 73; Список Воинскому Департаменту 1792 г., стр. 59–60; Список находящимся в статской службе чиnam на 1793 г., стр. 21; Месяцесловы 1786 г., стр. 116 и 1792 г., стр. 123; Безак, Описание С.-Петербурга, СПб. 1794, стр. X; «Русск. Арх.» 1870 (ст. 2081), 1872, 1875 и 1878 гг.; Восемнадцатый Век, сборник Бартенева, т. I, стр. 242, 243; Записки, мнения и переписка А. С. Шишкова, т. II, Берл. 1870, стр. 87–89; Опись дел Государственного Совета, т. I, стр. 192.

Рымашевский, Ипполит Августович

Рымашевский, Ипполит Августович, оператор, главный врач Ставропольского военного госпиталя; родился 26-го марта 1823 года и происходил из дворян Минской губернии; медицинское образование получил в Московском университете, откуда выпущен был лекарем в 1840 году и назначен в запасную бригаду 4-ой артиллерийской дивизии, а через два года – в 1-ый Сводный резервный гусарский полк. В том же году Р. был переведен сначала в Екатеринодарский военный госпиталь, потом назначен Таманским окружным врачом, а в 1854 году – исполняющим должность оператора Черноморской войсковой Врачебной Управы.

В 1856 году, получил звание оператора Московского университета, Р. занял должность главного лекаря Екатеринодарского военного госпиталя, в котором прослужил до 1870 года, когда был переведен на ту же должность в Георгиевский военный госпиталь. В 1875 году был назначен консультантом Грозненского военного госпиталя, в котором служил до 1880 года. Во время Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. он находился при Эриванском отряде и в это время получил орден св. Владимира 4-й степени, в 1880 году был назначен главным врачом Ставропольского военного госпиталя, а в следующем году состоял при Закаспийском отряде.

Умер от апоплексии 9-го января 1882 года в чине д. с. советника.

В 1863 году им была издана в Тифлисе книжка: «Исекунские минеральные воды».

Л. Ф. Змеев. «Русские врачи-писатели», вып. II, СПб. 1889 г., тетр. 5, стр. 104.

Рындин, Другой Тимофеевич

Рындин, Другой Тимофеевич, был думным дьяком Приказа Казанского и Мещерского Дворца в 1611 г.

А. Ю. Б., II, стр. 528.

Рындин, Кирилл Степанович

Рындин, Кирилл Степанович, сенатор; происходил из дворян и родился около 1753 года. По обычаю того времени, он еще мальчиком, 30-го июня 1765 года, был определен сержантом в армию, а 1-го января 1769 года произведен в прапорщики и принял участие в походе против Оттоманской Порты: в 1769 г. находился при атаке и взятии Хотина, в 1770 г., получив звание адъютанта (1-го января), был при разбитии неприятеля при Ларге (7-го июля) и при Кагуле (21-го июля) и за отличие в боях, 21-го июля 1770 г., был награжден чином поручика. Через 3 дня он присутствовал у Дунайских берегов при взятии в плен разбитых турок и при отнятии всего неприятельского обоза. В 1771 и 1772 гг. Р. находился в главной армии, где 1-го января 1772 г. был произведен в капитаны; в 1773 г. участвовал при атаке городов Силистрии и Рущука, а в 1774 г. – в делах при разбитии турок под Базарчуком (2-го июня) и неприятельской конницы при Яни-Базаре (12-го июня), а также при отбитии, 4-го и 7-го июля, вылазок из гор. Шумлы. За оказанную отличную храбрость при разбитии неприятеля под Базарчуком, Р. был награжден чином секунд-майора.

В 1778 г. Рындин оставил военную службу и, произведенный при отставке в премьер-майоры (29-го июля), занял должность председателя Костромской Верхней Расправы (12-го сентября), а затем был Председателем Костромского Губернского Магистрата; 31-го июля 1780 года Р. назначен был Советником Вологодского Наместнического Правления, где получил чин надворного советника (24-го января 1782 г.), 24-го мая 1783 г. определен Председателем Вологодского Верхнего Земского Суда, 29-го июня 1784 г. переведен председателем Архангелогородской Гражданской Палаты, 22-го сентября 1785 г. награжден чином коллежского советника, а 14-го ноября того же года назначен Председателем Вологодской Уголовной Палаты. Кроме указанных выше должностей, Рындин два трехлетия нес на себе звание Вологодского Губернского Предводителя Дворянства (1787–1792 гг.), деятельно работая на пользу

дворянства и заботясь «о заведении и сочинении узаконенной Всемилоостивейшею дворянству грамотою родословной книги». 22-го сентября 1792 г. он получил назначение Поручиком Правителя Костромского наместничества, а и 22-го сентября 1794 г., за отлично усердную и ревностную службу, пожалован и был орденом св. Владимира 3-й степени. В 1796 году Рындин был награжден чином статского советника (28-го июня) и назначен к отправлению должности Обер-прокурора во вновь учрежденном тогда для решения прежних дел Межевом Департаменте Правительствующего Сената. 11-го февраля 1797 г. ему было повелено быть в должности Обер-прокурора Межевого Департамента Сената, а 5-го апреля, в день коронации Павла I, он пожалован был в Обер-прокуроры.

Высочайшим указом 24-го декабря 1797 г. Р. пожаловано было 3000 десятин земли «из пустопорожних земель, казне принадлежащих», в число которых, по указу 24-го марта 1798 года, вошли земли: в Вологодской губернии 139 дес. 420 саж., в Ярославской 883 дес. 458 саж., в Орловской 234 дес. 1867 саж., во Владимирской 185 дес. 1134 саж., в Пензенской 62 дес. 229 саж. и в Нижегородской 1495 дес. 692 саж. – 9-го июля 1800 г. К. С. Рындин был пожалован в тайные советники, а 14-го октября того же года ему повелено было присутствовать во Временном Межевом Департаменте и Правительствующего Сената, из которого 12-го декабря 1800 г. он был перемещен к присутствованию в 4 Департаменте Сената.

Рындин скончался 8-го февраля 1809 года, по полуночи в 5-м часу, и погребен на Смоленском кладбище.

У Р. было 4 сына: *Филадельф* (генерал-майор в 1827 г.), *Петр* (армии майор), *Николай* (штабс-капитан) и *Александр*, в 1827 г. поручик и вологодский помещик.

Сенатский Архив, Высочайшие указы; Списки чинам гражданского ведомства; «Сборник Имп. Русского Исторического Общества», т. 62; Н. А. Мурзанов, Список сенаторов (рукописный); Князь Н. Туркестанов, Губернский служебник, стр. 119; «Русск. Арх.» 1870, кн. III, стр. 122; Метрические книги о умерших, Смоленского кладбища; «Архив Князя Воронцова», pass.

Рындин, Лука Васильевич

Рындин, Лука Васильевич, был дьяком Вологодского владыки в 1579 и 1587 гг.

А. А. Э., т. I, стр. 334 (Архив Строева, I, стр. 520); С. Шумаков, Сольвычегодские сотницы, стр. 10.

Рындо, Иван Сидорович

Рындо, Иван Сидорович, врач; происходил из мещан, родился в 1824 г., медицинское образование получил в Московском университете, из которого был выпущен лекарем 1-го Отделения и назначен в Мингрельский егерский полк, а в следующем году был переведен в Модлинский пехотный полк, с которым и сделал всю Венгерскую кампанию; по возвращении в Россию был переведен в Измайловский госпитальный кадр, а в 1854 году назначен штаб-лекарем Подольского егерского полка, с которым совершил кампанию 1854–1856 гг.; затем был назначен старшим врачом Киевского гусарского полка, а в 1862 г. переведен на ту же должность в 5-й стрелковый батальон, где прослужил 3 года и в 1865 году вышел в отставку и поселился в Витебске, где занялся частной практикой и сделался одним из наиболее видных членов Витебского Общества врачей. В 1875 году в «Протоколах» этого Общества были помещены его статьи: «По поводу ответственности врача за неявку к больному» и «О роже»; в 1876 г. там же поместил статью «О лечении бродячей рожи лица у детей старшего возраста», а в 1877 году статью «Взгляд на гигиеническое положение г. Витебска и жителей его» (1877 г., стр. 28).

Скончался 3-го ноября 1880 г., на 57 году от рождения.

Ф. Л. Змеев, *«Русские врачи-писатели»*. вып. II, СПб., 1889 г., тетр. V, стр. 104.

Рындовский, Федор Михайлович

Рындовский, Федор Михайлович, поэт; родился 7-го февраля 1783 года в Черниговской губернии, в семье священника; образование получил в Черниговской семинарии, из которой затем поступил в Медико-хирургическую Академию в Петербурге. По данным формуляра, курс Академии он окончил в 1805 году, со званием лекаря (7-го марта), а в 1809 году получил звание штаб-лекаря (18-го мая). По окончании курса Р. долгое время жил в Петербурге, о чем и вспоминает, как о времени веселья, как о времени, прожитом среди друзей без забот (см. «Путешествие и Отдыхи», «К приятелю в столицу из деревни»).

Можно думать, что литературная деятельность Р. началась еще в Чернигове: в то время в семинариях процветали занятия поэзией, но официально, в печати, он выступил уже в Петербурге. В 1809 году он издал книжку своих мелких стихотворений: «Унылые, веселые и печальные тоны моего сердца» (СПб. 1809). Жизнь среди веселья, когда «язык развяжет нам вино, а сердце наделит словами», – наложила определенный отпечаток на мировоззрение поэта. Чисто внешние удовольствия скоро, очевидно, ему надоели. В них он увидел жизненную фальшь, и в дальнейшем о столичной жизни отзывается не особенно лестно:

Там языки – эхидны жало!

В сердцах же чувств не ожидай.

(«К приятелю в столицу из деревни»).

В силу этого, при первой возможности он покинул столицу и поехал в глухую провинцию, в 1811 году был назначен в Тетюшское рекрутское Депо (Казанской губернии).

На первых порах после сутолоки и разочарования в столичной жизни, он в провинции жаждал отдыха. Тетюши и теперь – большое захолустье, в то же время и это была скорее деревня:

Городом назвать неможно:

В городах квартиры есть.

Но это не смущало его, мечтавшего о душевном покое, и он с большими надеждами отправился к месту своего нового служения:

Все готово – дунем к месту!
Как жених красу-невесту
Жаждет в первый раз обнять,
Так и я лечу в Тетюши,
На безлюдьи бить баклуши,
Телом жить, душою спать.
(Путешествие и отдых).

И он мечтал здесь, среди чуваш, татар, мордвы, найти отдых своему сердцу, усталому от притворной любви столицы.

Его ожидания отчасти оправдались. Правда, физического отдыха он здесь не нашел: в 1811 году он уже, вместе с Депо, был переведен в Таганрог. Стихотворения этого года помечены Таганрогом, Ростовом, но начатки душевного покоя в его личной жизни намечаются уже в Тетюшах. «Чтобы сердцем излечиться, нужно с сердцем подружиться» – писал он в Тетюшах, и действительно, в Тетюшах он нашел то, что искал: здесь он знакомится с помещичьими семьями, особенно с семьей известного в то время идиллика Влад. Ив. Панаева. В стихотворениях этих годов (напечатаны они были позднее) мы можем заметить уже намеки на его сильное чувство к семье Панаевых.

В Таганроге Р. был до 16-го апреля 1815 года, когда был назначен в «Казанскую Военную Гошпиталь», может быть, не без содействия старых знакомых, и здесь уже Р. окончательно поселился. В 1818 году он женился на второй дочери Ивана Ивановича Панаева – *Поликсене Ивановне* (род. 1789, ум. 1848), сестре поэта, а вскоре вышел в отставку «по болезни» (1819 г., 24-го марта) и сделался казанским жителем.

Казань в начале XIX века была одним из крупных провинциальных литературных центров, с определенной литературной традицией, созданной здесь такими поэтами, как Державин или Г. Каменев, родоначальник сентиментализма. Ко времени же приезда Ф. М. Рындовского эта традиция вылилась в определенную литературную организацию – Общество

Любителей Отечественной Словесности при Императорском Казанском университете, где руководителем был известный в то время проф. Г. Н. Городчанинов.

Рындовский, конечно, не мог пройти мимо этого литературного кружка и как близкий человек к казанской интеллигенции, благодаря родству с Панаевыми, так и в силу своих литературных интересов, которые в нем не заглохли ни в провинции, ни во время скитальчества по России, о котором он пишет в своем «Путешествии и отдыхе»:

Я не год живу на свете,
Ездил на ослах верхом.
С барской гордостью в карете,
На телеге мужичком;
А нередко и пехотой
Поневоле и охотой
До упаду сил своих
Измерял в Руси дорогу
И доселе – слава Богу! –
Без напастей роковых.

В литературном же отношении к этому времени он был вполне самоопределившимся поэтом. Мотивы его поэзии, правда, были не широки. Он не внес ничего нового. Он шел по проторенной дорожке, вполне уничтожаясь, так сказать, поэтически в мирозерцании Жуковского: и для него «земная жизнь, есть сновиденье: мы в ней осуждены к мечтам» («Настоящая и будущая жизнь»). И только вера в будущую жизнь дает ему силы:

О, вера! Я живу тобою,
Хоть и увял здоровья цвет;
Иду нетрепетной ногою,
Куда мой рок меня зовет.
(Жизнь и Смерть).

В этой же жизни для него привлекательного ничего нет. В ней он не может найти осуществление своим мечтам, она полна «пустых надежд, слепых желаний», она является «смесью добра и зла». Лучшее, что в ней есть – это любовь. Ей он и слагает свои песни:

Пусть вдохновенные поэты
Гармонией своих стихов,
Одушевляют все предметы –
Я петь хочу одну любовь.
(Мое занятие).

Но истинной, вечной любви, которая является космическим началом мировой жизни, лучом Божества («Любовь», «Сотворение мира») – на земле нет. Земная любовь слишком ветрена и непостоянна. На земле является законом мода.

Настали те блаженны годы!
Счастлива участь милых жен!
Нет верности – по праву моды –
А мода всем дает закон!
(Век просвещения).

И в его поэзии, когда он касается земных отношений любящих, звучит нотка сатиры. Поэт предостерегает мужчин от жен-модниц, которые дают счастье любви лишь два раза в жизни:

Всю жизнь с ней два лишь дня он не клянет судьбины –
День брачных радостей и день ее кончины.
(О супружестве N. N.).

В сатирах предостерегает поэт и женщин от увлечений мечтами:

Красавицы! мужчин, страшитесь;
В их каждом слове яд сокрыт;
Он сладок вам, но берегитесь –
В нем заключается ваш стыд.
(Непостоянство мужчин).

И непостоянству любви на земле поэт посвящает ряд сатирических стихотворений, с особенною силою указывая на превратность любви женщин («О супружестве N. N.», «Непостоянство женщин». «Модная жена», «Век просвещения», и крупное произведение: «Модница, или Жена, каких везде довольно»). Этот мотив он и считает единственным для современных Ювеналов.

А дней новейших Ювеналы,
Ни то, ни се, и нам их жаль –

Они то приторны, то вялы,
То носятся в туманну даль.
(Непостоянство женщин).

О чистой же, божественной любви можно только мечтать под дымкой меланхолии в силу несоответствия идеала и действительности. И поэт тоскует по этой любви в целом ряде элегических произведений, проникнутых этой скорбью по неосуществленному идеалу.

И в этом отношении учителем его был Жуковский –
светлый наш певец
Баллад единственный творец,
Небесным даром вдохновленный,
Бессмертной славой озаренный.
Мы жаждем слушать твой напев.
Пой милых дев – для юных дев,
Рать русскую – для русских воев,
Героев славу для героев
Наш Русский Шиллер, наш Тиртей
Пленяй нас музыкой своей.
(Метромания).

Естественно, что, когда Рындовский, уже определившийся поэт, явился в Казань, он занял в литературных кругах определенное место, настолько определенное, что нашлись и подражатели ему, правда – неудачные, как вице-губернатор Казанский Е. В. Филиппов.

В это время Рындовский возобновил литературные связи с Петербургом. В 1818 году он начал печатать свои стихотворения в журнале Измайлова: «Благонамеренный», где сотрудником был и Влад. Ив. Панаев. В этом журнале Рындовским напечатано до 16 стихотворений, разнообразных по содержанию и настроению: находим среди них и элегии, и сатиры, и даже оды.

Благодаря участию в этом журнале, Рындовский, как поэт, становится уже известным, и, конечно, в Казани он был одним из крупных; без него уже теперь не возникает ни одно литературное предприятие. И когда здесь возник литературный кружок основанный проф. К. Ф. Фуксом, где главную роль

играла его жена – казанская поэтесса А. А. Фукс, Ф. М. Рындовский явился одним из деятельных его участников, приняв участие и в журнале, который начал издаваться по инициативе кружка – «Заволжский Муравей».

Каждый номер этого журнала имел в себе то или иное произведение Рындовского. Здесь же были напечатаны и некоторые прежде написанные им произведения; так, на страницах этого журнала начали печататься отрывки «Путешествия и Отдыхи» – произведения, начатого еще в 1810 году, некоторые элегии, написанные им в Таганроге в 1813 году, и т. д. Здесь же мы находим и те стихотворения, в которых сказались его литературные вкусы и взгляды на русскую поэзию. Его отзыв о поэзии Жуковского уже приведен. Но не один Жуковский был его поэтическим учителем. Такие стихотворения, как «Мое занятие», «Песнь пирующих» не могли быть навеяны поэзией Жуковского. Здесь был другой источник, и он вскрывается к стихотворению, посвященном Державину, где Рындовский устанавливает для того времени исключительный, но совершенно правильный взгляд на поэзию Державина. Державин для него не поэт Екатерины, а поэт земных радостей и счастья в духе Анакреона:

Твои вакханки огневые
И пламенеют, и кипят,
Стран русских девы молодые
Родною пляской говорят.
Изобразишь ли жен прекрасных –
В их светлом взгляде, в чувствах ясных
И непорочность, и любовь;
Твои амуры – дети рая;
Хариты – прелесть неземная,
То хоры дев других миров.
(Дума).

Всего в «Заволжском Муравье» было помещено около 20 стихотворений такого же характера и форм, какие мы находим в «Благонамеренном». Вообще Р. и к концу своей литературной деятельности остался тем же сентименталистом, последователем Жуковского, с чего начал свою литературную

карьеру. В этом отношении новейшие течения поэзии, какие обрисовались в лице Пушкина, прошли мимо него. Всю жизнь он продолжал писать элегии, воспевать идеальную любовь, иногда только отступал от этого в сторону сатиры.

Умер Р. в Казани 27-го сентября 1839 г.

Перу Р. принадлежат следующие произведения: «Печальные, веселые и унылые тоны моего сердца», СПб. 1809 г. В журнале «Благонамеренный» помещены, с подп.: Ф. Рындовский; Ф. Р.; Ф. Ры-ский: «Век Просвещения». С польского – 1818, № 1 (Январь), стр. 15–16; «К. приятелю в столицу из деревни». С польского. Казань – 1818, № V, (Май), стр. 142–144; «Песнь пирующих» – 1818 г., № II (Февраль), стр. 196–197; «Жизнь и смерть» – 1818 г., № VI (Июнь), стр. 267–268; «Г. И. П.» – К грудной булавке с птичкой, держащей сердечко на золотой цепочке. Казань – 1818, № VII (Июнь), стр. 286; «К Полине». Элегия. Таганрог. 1811–1818, № VII (Июль), стр. 3–9; «Шарада». Казань – 1819. № X (Май), стр. 219; «Песнь радости». С латинского. Казань – 1819, № XXII (ноябрь), стр. 129–134; «Волк и Лисица». Басня. Казань – 1819, № VI (март), стр. 330–331; «Надежда на будущую жизнь». Подражание французскому. Казань – 1819, № X (Май), стр. 209–210; «Акrostихи»: I. Лиза. – Таганрог 1812; П. Глафира. – Казань. 1811–1821, № IV (Февраль), стр. 206; «Экспромпт» (на вопрос: что скажу о девицах П...) Ростов. 1812–1821, № IV (Февраль), стр. 205–206; «К Полине». При вручении ей золотого перстня, на котором изображены две руки, укрепленные алмазом. Казань. 1811–1821, № III (Февраль), стр. 145–146; «Модница, или жена, каких везде довольно». С польского. Казань – 1821, № V (Март), стр. 256–268; «Наказанное любопытство». С французского. Казань – 1821, № XV (август), стр. 158–159.

В журнале «Заволжский Муравей» помещены (с подп.: Ф. М. Рындовский, Ф. Р., Ф. Ры-ский): «Мое занятие» – 1832 г., ч. I, № 1, стр. 29–32; «Копия с письма в Санкт-Петербург». К Вл. Ив-чу Па-ву – 1832, ч. I, № 3, стр. 119–129; Стихи, петье 20 ноября 1831 года в день восшествия на всероссийский престол Его Имп. Величества Государя Императора Николая I (три стихотворения) – 1832 г., ч. I, № 3, стр. 130–131, 132–133; 133–

134; «О супружестве N. N.» (Ответ на письмо приятеля) – 1832, ч. II, № 9, стр. 482–488; «Любовь» – 1832 г. ч. II, № 10, стр. 535–538; «Непостоянство женщин» – 1832 г., ч. II, № 12, стр. 637–643; «Настоящая и будущая жизнь» – 1832 г., ч. III, № 17, стр. 942–943; «Коварство мужчин» – 1832 г., ч. III, № 18, стр. 1006–1008; «К ней» – 1832, ч. III, № 21, стр. 1193–1195; «Метро мания» – 1832 г., ч. III, № 22, 1255–1260; «Летнее утро». Элегия. Таганрог, 1813–1832 г., ч. III, № 24, стр. 1885–1889; «На смерть малолетней дочери Надежды, скончавшейся 9 августа 1832 г. Село Никольское – 1832 г., ч. III, № 24, стр. 1389–1392; «Модная жена» – 1833 г., ч. I, № 1, стр. 20–32; Послание приятелям моим. Из «Путешествие и Отдых». Рыбинск. Ноября 2 дня 1810 г. – 1833, ч. I, № 8, стр. 432–439; Отрывок из стихотворения «Путешествие и Отдых». Тетюши. 24 ноября. 1810–1833 г., ч. II, № 9, стр. 499–504; Отрывок из стихотворения «Путешествие и Отдых» – 1833, ч. II, № 10, стр. 556–561; Дума при получении Высочайшего соизволения на сооружение в Казани памятника великому поэту – 1834 г., № 5, стр. 250–255; «Элегия». Таганрог, 1811 г. – 1834 г., № 11, стр. 146–154; «Экспромт, написанный после благородного спектакля в пользу бедных, данного в г. Казани 5 февраля 1834 года – 1834 г., № 11, стр. 154–155; «Сотворение мира», Поэма, СПб. 1832; «Путешествие и Отдых». Стихотворный рассказ, Казань. 1833 г.

Ф. М. Рындовский – «Русск. Вестник», ч. CXVIII (1875 г.), стр. 611–615; Н. Я. Агафонов, Казанские поэты – «Истор. Вестн.» 1900 г., кн. VIII, стр. 594–595; Е. А. Бобров, А. А. Фукс и Казанские литераторы 30–40-х гг. – «Русск. Стар.» 1904 г., № VII; Н. П. Лихачев, Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки – «Русск. Библиофил, 1913, кн. V, стр. 59–63 (здесь же напечатано стих. Ф. М. Рындовского: «Везде в Альбомах много слов» – стр. 62); Г. Геннади, Словарь, т. III, 2875; А. Мезьер, Русская литература, ч. II. стр. 353; В. Карцев и М. Мазаев, «Опыт словаря псевдонимов русск. писателей», СПб. 1891, стр. 114, 145; «Московский Телеграф», 1832, ч. 47, стр. 256; «Библиотека для Чтения», 1834 г., т. II, отд. VI, стр. 2; «Месяцесловы» 1825, ч. I, стр. 599; 1834, ч. I, стр. 560.

Рынкевич (Ренкевич), ЕфимЕфимович

Рынкевич (также *Ренкевич*), *Ефим Ефимович*, действительный статский советник, Вятский гражданский губернатор (1830–1834 гг.); происходил из дворян Лифляндской губернии и родился 25-го марта 1772 г. в Ямбурге; в службу вступил нижним чином лейб-гвардии в Измайловский полк и 1-го января 1790 г. был выпущен из него капитаном в Псковский мушкетерский полк, а 3-го июля 1791 г. перемещен был в Козловский мушкетерский же полк и 29-го сентября 1794 г., за отличие, был пожалован в секунд-майоры, получив, кроме того, за штурм Праги, золотой крест (24-го сентября 1794 г.).

Переведенный, 21-го августа 1798 г., в Полтавский мушкетерский полк, Р. 12-го января 1799 г. был назначен его полковым командиром и 15-го сентября того же года произведен был в подполковники. Награжденный 30-го января 1800 г. орденом Анны 2-й степ., а 11-го декабря того же года произведенный в полковники, Р. 24-го декабря 1801 г., по прошению, уволен был от службы. В год своего поступления в действительную службу. Р. принял участие в походах против шведов – в 1790 году; апреля 28-го находился в команде у секунд-майора Несветаева и при пограничной деревне у Раксаловой перешел неприятельскую сторону за реку Кюмень, при занятии неприятельского стана. В 1792 г. с 26 то июля находился в Польше, в 1794 г. был там же в делах против поляков: 26-го мая – при Щикочине, 28-го и 29-го – при Песочном; был затем в действительных сражениях со 2-го июля по 26-е августа у Варшавы, под долговременною канонадою; 27-го сентября – переправясь на правую сторону реки Вислы, и 29-го при атаке и разбитии неприятеля, укрепившего стан при Мещевице, где взят был Костюшко. 24-го сентября он был при штурме Праги, за что получил вышеупомянутый золотой крест в петлицу.

Поступив, 30-го ноября 1806 г., в состав Земского войска, Р. находился сначала тысячником по 4-й области, а потом, по требованию главнокомандующего ею, назначен был для

образования подвижной милиции – до 31-го января 1808 г., причем в 1808 г. получил за это подарок и золотую медаль на Владимирской ленте. В 1812 г. Р. с Рязанским ополчением, в которое поступил 8-го августа 1812 г. и в коем командовал 3-м пехотным полком, был «в походах и действиях против неприятеля для защищения к столичному городу Москве», за что и получил Высочайше установленную в 1812 году серебряную медаль на голубой ленте; по переходе же за границу 19-го июля 1813 года Р. принял под свое начальство бригаду и был взят с оною из Рязанского ополчения по именному Высочайшему повелению генерал-адъютантом Закревским в Польскую армию; по 1-е января 1815 года он находился в Галиции, в Герцогстве Варшавском, в Силезии, Богемии, Саксонии и в оной при блокаде Дрездена, с 1-го октября по 1-е ноября 1813 года, и в бывшей вылазке французов из Дрездена, октября 5-го числа, и в действительном сражении против оных; был равно и при сдаче того города на капитуляцию; после сего, выступив с полком чрез Пруссию, Бранденбург и Вестфалию, находился при блокаде крепости Магдебурга с 15-го декабря 1813 г. по 4-е января 1814 года, где во время сделанной неприятелем сильной вылазки декабря 19-го, при деревне Дездорф, а также 23-го – при другой деревне в действительных сражениях находился; затем, выступив к крепости Гамбургу, проходил чрез владение Брауншвейгское, Ганноверское, Голштинию, Данию и земли Ганзеатические и по прибытии к крепости Гамбургу находился при блокаде оной с 22-го января по 15-е июня 1814 года, а за дела, бывшие 28-го января и 5-го февраля того же года, и за ночные вылазки получил золотую шпагу с надписью «За храбрость»; по сдаче Гамбурга, следуя со вверенным ему отрядом вторично чрез Голштинию и владение Ганноверское, проходил Герцогства Мекленбург-Шверинское и Мекленбург-Штрелицкое и потом чрез Пруссию, Померанию и Польшу достиг до границ Российских.

Уволившись от службы 13-го апреля 1815 г., по роспуске ополчения, Р. 12-го июля того же 1815 г. был назначен и. д. Симбирского вице-губернатора, в каковой должности был утвержден 10-го ноября 1816 г. с производством в статские

советники. 3-го августа 1817 г. Р. был переведен вице-губернатором в Москву, 21-го августа 1818 г. награжден был орденом св. Владимира 3-й степ., а 18-го апреля 1819 г. произведен в действительные статские советники. 28-го октября 1821 г. Р. уволен был, по прошению, от должности Московского вице-губернатора с назначением состоять при Герольдии. В Москве Р., по словам одной записки Фон-Фока (управляющего III Отделением), «вел жизнь чрезвычайно роскошную, позволяя себе, по занимаемому им месту, большие злоупотребления. Покойный Граф Гурьев намерен был предать его уголовному Суду, но предстательством обер-егермейстера Пашкова, на племяннице которого Рынкевич был женат, он избавился от Суда и был только удален от места».

27-го августа 1829 г. он был определен в Комиссию, Высочайше учрежденную для рассмотрения Положения о мерах борьбы с корчемством, 28-го ноября того же года определен был чиновником особых поручений Министерства Внутренних Дел и, наконец, назначен Вятским гражданским губернатором – 24-го января 1830 года; находясь на службе, он умер 19-го марта 1834 года, после десятидневной болезни, и похоронен был сперва в Вятке, в церкви Всех Святых, где доныне сохранилась чугунная доска с соответствующею надписью, а затем – в Московском Новодевичьем монастыре, куда тело его было вывезено 5-го июня того же года.

В бытность свою в Вятке, Рынкевич пожертвовал серебряную лампаду к чтимой местной иконе Спасителя, которая находится в Присутствии Губернского Правления, где ежегодно, в день 16-го августа, совершается торжественное молебствие.

Из отношения, поступившего в Губернское Правление из Рязанского Дворянского Депутатского Собрания от 21-го июля 1912 года за № 1298, в которой одна из внучек Рынкевича ходатайствовала о выдаче ей копии с формулярного списка Е. Е. Рынкевича, видно, что потомки его, согласно указу Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 28-го февраля 1891 года за № 2334, последовавшему в Рязанское

Дворянское Депутатское Собрание, теперь именуются по фамилии «Рынкевичи», а не «Ренкевичи».

Е. Е. Рынкевич был женат с 1799 г. на *Александре Александровне Пашковой* (род. 27-го сентября 1772 г., ум. 22-го апреля 1823 г. в Москве; погребена с мужем), старшей дочери А. И. Пашкова, женатого на богачке Д. И. Мясниковой, и получил за ней большие поместья в Ветлужском уезде Костромской губернии. Из их сыновей *Александр Ефимович Р.* (род. 1802 г.), товарищ по л.-гв. Конному полку поэта князя А. И. Одоевского, был прикосновен к делу декабристов и в 1826 г. был переведен в Бакинский гарнизонный батальон прапорщиком, а *Ефим Ефимович* (род. 7-го апреля 1807 г., ум. 14-го марта 1849) с 10-го мая 1848 г. был управляющим Московской Палатой Государственных Имуществ (до того был в той же должности в Туле); из дочерей Р. *Татьяна Ефимовна* (род. 30-го октября 1804, ум. 29-го апреля 1828) была за Иваном Алексеевичем Пушкиным (род. 1804, ум. 1875).

С детьми Е. Е. Рынкевича, в качестве домашнего их учителя, занимался, с 1817 г., Д. М. Перевошиков, впоследствии академик.

Формулярный список 1831 г.; «Сев. Пчела» 1834 р., № 78 (некр.); «С.-Петерб. Вед.» 1834 г., № 82 (некр.); «Труды Вятской Ученой Арх. Комм.», 1912 г., кн. III, стр. 96–98; С. П. Жихарев, Дневник студента, изд. «Русск. Арх.», стр. 248; «Московский Некрополь», т. III, стр. 16; Князь А. Б. Лобанов-Ростовский, Русская родосл. книга, т. II, стр. 79; «Русск. Стар.» 1904 г., июль, стр. 161; В. И. Чернопятов, Тульский Родословец, ч. VI; Столетие Вятской губернии. 1780–1880, т. II, Вятка. 1881 г., стр. 401 и сл., 415.

Рыхлевский, Андрей Иванович

Рыхлевский, Андрей Иванович, директор Медицинского Департамента; род. в 1783 г., в службе находился с 1792 г. в Совестном Суде бывшей Колыванской губернии, откуда около 1795 г. перешел в штат Тобольского гражданского губернатора. В 1803 г. Р. определился в Департамент Министерства Внутренних Дел, в 1808 г. произведен был в коллежские асессоры и в 1810 г. перешел в Департаменте Полиции. С 1811 по 1815 г. Р. был Советником Рязанского Губернского Правления, а в 1816 г. поступил чиновником особых поручений при главноуправляющем Грузии А. П. Ермолове, был у него правителем Канцелярии, а в 1817 г. участвовал, в звании комиссара, в Персидском посольстве Ермолова, заведую денежными суммами и подарками, предназначавшимися для Шаха; в 1818–1820 гг. ему пришлось участвовать в походах в Грузии, причем в 1819 г. он был в действительном сражении при защите крепости Внезапной от нападений черкесов.

В 1821 г., будучи уже статским советником, он был назначена Олонецким гражданским губернатором; в этой должности он прослужил до 8-го января 1825 г., когда был переведен губернатором же в Вятку, в 1826 г. произведен в д. с. советники, 24-го февраля 1829 г. награжден был орденом Анны 1-й степени, а 24-го января 1830 г. от этой должности уволен с назначением директором Медицинского Департамента Министерства Внутренних Дел, но уже 3-го декабря того же 1830 г. скончался, 48 лет от роду, в Петербурге, где и погребен на Волковом кладбище.

Его вдова, *Елена Павловна*, пережила его на 45 лет и скончалась 10-го декабря 1875 г., на 73 г. Р. имел сыновей *Павла* (род. в 1827 г., ум. 25-го мая 1883 г., д. с. с.) и *Ивана* (род. 1828 г., ум. в Палермо 15-го октября 1900 г., д. с. с., управляющий Гродненской Казенной Палатой). В Вятке Р. оставил по себе память человека, «отличавшегося особенною справедливостью в своих действиях и заслужившего расположение жителей вверенного его управлению края».

Адрес-календари и Списки губернаторов; Петербургский Некрополь, т. III, стр. 614; Столетие Вятской губернии 1780–1880, т. I, Вятка. 1880, стр. 141–143, 381–387 и т. II, стр. 390–401; формулярный список в деле Архива Департамента Герольдии Прав. Сената.

Рычков, Владимир Дмитриевич

Рычков, Владимир Дмитриевич, присяжный поверенный, редактор «Судебного Вестника» и «Северного Вестника», ум. в ноябре 1884 г. По окончании курса в Казанском университете, приехал в Петербург и здесь вскоре занял заметное место в среде присяжной адвокатуры, так как был выдающимся цивилистом, хорошо знавшим теорию гражданского права, и принимал деятельное участие в «Судебном Вестнике», издававшемся под редакцией профессора А. П. Чебышева-Дмитриева. В конце 1875 г. эта газета (и приложение к ней – «Судебный Журнал») перешла от А. Думашевского к Рычкову, и все время его редакторства (до 21 № за 1877 г., когда издание было приостановлено) была органом лучшей части русских юристов. По прекращении «Судебного Вестника», Р. был некоторое время редактором заменившего эту газету «Северного Вестника» (начал выходить с мая 1877 г. и был запрещен по Высоч. повелению на 94 № за 1878 г.), но это редакторство было также непродолжительно, а последние годы жизни Рычкова были исключительно посвящены адвокатуре.

«Журнал Гражданского и Уголовного Права» 1884 г., декабрь, отд. II, стр. 85; Н. М. Лисовский, Библиография русской периодической печати, Пгр. 1916 г.

Рычков, Николай Петрович

Рычков, Николай Петрович, сын историка Оренбургского края *П. И. Рыкова*; родился в 1746 году, умер в 1784 г. С малолетства был записан в военную службу и числился, а затем и служил сперва в драгунском Троицком, а потом в Ревельском и, наконец, в Пензенском пехотных полках. К 1767 году он оставил военную службу с чином капитана и в том же году поступил в снаряженную Императорскою Академиею Наук экспедицию проф. Палласа «для физического описания южных Российских провинций» и описал места по западному берегу реки Белой до Камы и далее до Кунгура, Челябинска и по Киргизской степи; был в Вятке и Перми и осматривал Соликамские заводы.

В этой экспедиции Н. П. Рычков объездил в 1769 и 1770 годах Уфимскую, Пермскую, Вятскую, Оренбургскую и Казанскую губернии. «Не имея ученой подготовки, – пишет П. П. Пекарский, – в чем откровенно сознавался сам, он выказал, однако, много добросовестности и усердия при выполнении данной ему инструкции, так что его описания и донесения могут служить с пользою, в особенности по значительному количеству довольно точных для своего времени чертежей и известий о древних городищах и об устных преданиях, с ними связанных, а также о нравах, обычаях и занятиях разнородных обитателей проеханных им стран; наконец, о состоянии горного дела в названных губерниях во второй половине XVIII столетия». Этот труд Н. П. Рыкова издан Императорскою Академиею Наук в 2 частях: «Журнал, или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 годах», СПб. 1770, 1772 гг.; был перевод на немецкий язык: «Herrn Rytschkow Tage buch über seine Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs in d. Jahren 1769, 1770 и 1771». Aus dem Russ. von Chr. H. Hase, Riga. 1774, с рис. Здесь переведено и второе путешествие.

В 1771 году из Орской Крепости отправился отряд войска в киргизскую степь для преследования калмыков, и Р.

присоединился к этому отряду, по его словам: «для исследования достопамятных мест, находящихся во владении киргиз-кайсацкого народа и собрания продуктов, находимых в той стране». Описание этого путешествия составлено Н. П. Рычковым и издано также Академиею Наук, под заглавием: «Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкой степе (sic.) 1771 году» (СПб. 1772).

В 1772 году Р. был назначен директором только что открытого Ахтубского шелкового завода, вблизи города Царицына; это место Р. и занимал до смерти, последовавшей в 1784 году.

Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях (СПб. 1772), переиздано П. А. Ефремовым в книге: «Материалы для истории русской литературы» (СПб. 1867); Митр. Евгений (Болховитинов), Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, Том II, М. 1845; П. П. Пекарский. «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, СПб. 1867; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 287.

Рычков, Петр Иванович

Рычков, Петр Иванович, первый член-корреспондент Императорской Академии Наук, историк Оренбургского края; родился в Вологде 1-го октября 1712 года, умер 15-го октября 1777 г. в Екатеринбурге.

Отец П. И. Рычкова был вологодский купец, имевший торговые сношения с Архангельском. Около 1720 года семейство Рычковых постигло несчастье: Рычков-отец взял подряд на отправку за границу поташу, смольчугу, клею и проч., но суда его потерпели крушение дорогой, и казна конфисковала имущество Рычковых для взыскания убытков. Разорившиеся Рычковы переехали в Москву (в 1722 г.), где через некоего графа Бонде отец Рычкова был определен ко двору герцога Шлезвиг-Голштинского Карла-Фридриха экономом или гоф-фактором.

Еще до переезда из Вологды в Москву П. И. Рычков, по его словам, «читать и писать по-русски умел уже нарочито» и познакомился с начатками арифметики. По приезде в Москву он поступил «для обучения бухгалтерской науки и внешней коммерции» к директору полотняных фабрик И. Тамесу. «Он меня, – пишет П. И. Рычков, – как сына любил и в своей конторе не только языков и бухгалтерству учил, но и при всех своих рассуждениях и представлениях, к размножению мануфактур и к пользе Российской коммерции чинимых, употреблял». По смерти Тамеса П. И. Рычков жил некоторое время у отца и в 1730 году переехал в Петербург и поступил к англичанину Элмзену, бывшему директором казенных стеклянных Ямбургских и Жабинских заводов, а вскоре перешел в С.-Петербургскую Портовую Таможню переводчиком и помощником бухгалтера.

В 1734 году Р. был определен бухгалтером в известную экспедицию обер-секретаря Сената И. К. Кириллова. О первых годах службы в Оренбургском крае Рычков пишет в своих Записках: «Они (т. е. начальники), по тогдашним башкирским беспокойствам, о том, как бы счетные книги по регуле

бухгалтерской установить, почти и думать уже перестали; но, усмотря, что я в таких строгих случаях к правлению канцелярских дел других был способнее, все канцелярское правление на меня одного положили. При таких обстоятельствах имели они меня всегда и во всех походах безотлучно при себе и подлинно содержали меня в отменной милости».

С учреждением Оренбургской губернии Рычков остался служить в Канцелярии Губернатора. В 1743 году первый Оренбургский губернатор И. И. Неплюев выхлопотал Рычкову, в награду за его усердную службу, земли в Оренбургском крае, где он и поселил крестьян и устроил усадьбу «Спасское».

В 1757 году через академика Г. Ф. Миллера Рычков начал хлопотать, «по силе Регламента Императорской Академии Наук, причислить его в титулярные ее члены для гистории». В январе 1759 года был учрежден при Академии класс «членов-корреспондентов», и Академическая Канцелярия, сообщая Конференции об утверждении Президентом доклада, писала: «а оным корреспондентам давать дипломы и начать сие учреждение принятием в такие корреспонденты, с данием дипломы, коллежского советника Рычкова». Таким образом Рычков является первым членом-корреспондентом Императорской Академии Наук.

16-го марта 1760 года он получил годовой отпуск, во время которого, побывав в Петербурге, выхлопотал окончательное увольнение от службы, которое и получено было в самом начале 1761 года. Р. поселился было в своей усадьбе «Спасское», но она в декабре 1761 года выгорела, вследствие чего он задумал опять поступить на службу.

В его письмах к акад. Миллеру есть просьбы похлопотать в 1761 и 1763 годах о назначении его директором Казанской гимназии, а в 1767 г. – помощником Казанского губернатора. В середине 1770 года Рычков был, наконец, определен на службу: ему было вверено правление Оренбургских соляных дел. В 1774 году главнокомандующим Оренбургской, Казанской и Нижегородской губерниями П. И. Паниным поручено было Рычкову собрать сведения о киргизах и башкирах. «Его

Сиятельство – писал он в декабре 1774 года к акад. Миллеру – первым моим трудом, по предписанию его чиненным, столько доволен был, что пожаловал мне от имени Ее Величества 2000 рублей».

В письмах Р. с 1770 года попадают все чаще и чаще его жалобы на нездоровье и слабость сил. Болезненное его состояние еще более ухудшилось от падения на крыльце, когда он раздробил ногу и потому мог ходить, лишь упираясь на палку с одной стороны и поддерживаемый с другой.

Но, несмотря и на это болезненное состояние, Рычков начал собирать сведения для составления географического и исторического лексикона Оренбургской губернии. Около середины 1776 года он первую часть своего труда (на буквы А–М) послал с письмом к генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому, «приложив притом, по его совету, и просительное письмо к Ее Императорскому Величеству о нуждах и недостатках к содержанию своему». В феврале 1777 года Рычковым была получена копия с Высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату, на пожалование ему за труды и службу 15000 рублей.

14-го марта 1777 года он был назначен главным командиром Екатеринбургского Заводского Правления, а 15-го октября того же 1777 года умер в Екатеринбурге. Тело его было перевезено в его усадьбу «Спасское» и погребено при построенной им там церкви.

П. И. Рычков был избран в ноябре 1765 году в действительные члены только что открывшегося в Петербурге Вольного Экономического Общества и от этого Общества, за сообщение сочинений и опытов, был награжден двумя медалями: в 1769 – серебряною и в 1770 году – большой золотою.

В 1773 году учрежденное при Московском университете учено-литературное общество – Вольное Российское Собрание избрало Рычкова в свои члены. В письме к Рычкову по этому поводу, между прочим, читаем: «Вольное Российское Собрание, совершенно известное, с какою ревностью вспомоществовали всегда С.-Петербургской Академии Наук и Вольному

Экономическому Обществу, основательно питает себя надеждою, что если предложение вами будет принято, то сообщения ваши не менее принесут пользы и чести, как доньше приносили обоим упомянутым местам».

Немало сочинений Рычкова помещено в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», напр.: «Переписка между двумя приятелями о коммерции» (1755, № 2, 4, 12, 1757, № 1), «История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии» (1759, № 1–8, 10, 11; издано отдельно Оренбургским Статистическим Комитетом в 1896 году); «Письмо к издателю на вопрос о титуле Белого Царя» (1763, № 8), «Топография Оренбургской губернии» (1762, № 1–11) и другие. Последнее его сочинение было издано и отдельно, под заглавием: «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии» (2 тома, СПб. 1762); оно дважды переведено на немецкий язык: перевод Родде издан отдельной книгой в Риге в 1772 году, а перевод Газе помещен в V и VI частях издания Бюшинга: «Magazin für die neue Historie und Geographie».

В «Трудах Вольного Экономического Общества» помещены статьи Рычкова по вопросам экономическим и сельскохозяйственным: «Опыт о козьей шерсти» (1766 г., части II и III), «О мануфактурах из хлопчатой бумаги и из верблюжьей шерсти» (1766. II), «О березовой воде» (1766, IV), «О содержании пчел» (1767, V, 1769, XI), «О прежнем и нынешнем земледелии» (1767. V), «О сбережении и размножении лесов» (1767, VI), «О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии» (1767, VII), «Описание урожая хлеба в Оренбургской губернии» (1769, XIII), «О крапивной куделе и о употреблении в пряжу» (1770, XV), «Описание Илецкой соли прежней и нынешней и о ее добывании» (1772, XX), «О спирте из вербовых цветов и из травы, называемой Воробьиной» (1773, XXIV) и другие.

Изданы отдельными книгами, без помещения в каких-либо журналах, два его труда: «Опыт Казанской истории древних и средних времен» (СПб. 1766; переведена на немецкий язык Родде и издана в Риге в 1772 году) и «Введение к Астраханской

топографии, представляющее в первой части разные известия о древнем состоянии сей губернии и обитавших в ней народов, а во второй – о покорении сего царства под державу Российских монархов» (М. 1774).

Н. И. Новиков, «Опыт исторического словаря о российских писателях» (переиздано в книге П. А. Ефремова: «Материалы для истории русской литературы», СПб. 1867); Митроп. Евгений (Болховитинов), «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, том II, М. 1845; Акад. П. П. Пекарский, «Сношения П. И. Рычкова с Академией Наук в XVIII столетии», СПб. 1866; Его же, Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, СПб. 1867, «Оренбург. Губ. Ведом.» 1867, № 7; 1869, № 50; 1870, № 4; «Северн. Почта» 1867, № 99; «Беседы в Обществе Любит. Российск. Словесности» 1867, вып. II; «Уфимские Губ. Ведом.» 1897, № 16, 17; «Справочн. листок г. Казани» 1867, № 54, 56, 65; А. Пушкин. История Пугачевского бунта (в прилож.); Г. Геннади, Словарь, т. III.

Редкин, Аполлон Михайлович

Редкин, Аполлон Михайлович, Орловский вице-губернатор, поэт; родился в 1807 г. и происходил из дворян Орловской губернии, где у него было, в Елецком уезде, родовое имение в с. Покровском и сельце Ясенках; образование получил в Московском университете, где окончил курс в 1826 г. действительным студентом, после чего, 20-го июля 1826 г., поступил в Канцелярию Экспедиции Кремлевского строения и тогда же был назначен к делам Комиссии о Высочайшей Коронации, причем надзирал за убранством внутри Успенского собора и за отделкою входов и находился при устройстве народного праздника на Девичьем поле. 19-го июля 1829 г. утвержденный в звании почетного смотрителя Задонского уездного училища, он в 1830 г. сделал ему пожертвований на 650 рублей и содействовал учреждению при нем Школы взаимного обучения по методу Ланкастера; в 1829 г. ему поручено было (2-го сентября) попечителем Московского учебного округа осмотреть Ефремовское уездное училище.

Отчислившись от Экспедиции Кремлевского Строения 7-го марта 1830 г., он исполнял поручения попечителя Московского учебного округа, а 30-го марта 1831 г. утвержден был в звании почетного блюстителя Задонского уездного училища, «с изображением его имени золотыми буквами на доске в зале одного училища», и 6-го июня 1831 г. назначен директором училищ Астраханской губернии, откуда 16-го ноября 1833 г. переведен был на ту же должность по Курской губернии. 6-го марта 1836 г. Р. пожалован был в звание камер-юнкера, 24-го апреля 1837 г. назначен директором училищ Херсонской губернии, а 17-го ноября перешел в ведомство Министерства Внутренних Дел и 26-го февраля 1838 г. определен чиновником особых поручений VI класса. 20-го октября 1839 г. Р. перешел на ту же должность в Департаменте разных податей и сборов. Перейдя, наконец, снова в ведомство Министерства Внутренних Дел 31-го октября 1842 г., Р. 4-го ноября был назначен

Орловским вице-губернатором и должность эту занимал до 1-го апреля 1847 г.

В 1859–1867 гг. Р. был, в звании камер-юнкера и в чине статского советника, причисленным к Министерству Государственных Имуществ и директором Орловского Попечительного о тюрьмах Комитета, а в 1868–1869 гг. – в такой же должности, но уже в чине д. с. советника и в звании камергера, и в 1871 г. на службе уже не значился. В особом же прибавлении к «Отчету Московского Опекунского Совета Ведомства Учреждений Императрицы Марии за 1875 г.», М. 18761 г., указано, что А. М. Редкин скончался 3-го февраля 1867 г. (sic!), причем наследниками его явились: родная племянница (дочь сестры) Варвара Николаевна Коротнева (дочь Елецкого уездного предводителя дворянства) и Аполлон Михайлович Прибытков, сын его двоюродной сестры Раисы Алексеевны Прибытковой, урожденной Редкиной.

В молодости Р. писал стихи, из коих нам известны стихотв. «Бабочка» (Подражание Ламартину) – в «Сев. Пчеле» № 142; «Элегия» (Подражание Восточному), с подп.: «Москва. 23 Авг.» – там же, № 171; «Встреча в гавани, или сердце делу не поможет», водевиль в 1 действии, переделанный с французского, М., в тип. Семена, 1827, 12° (рец. – «Сев. Пчела» 1827 г., № 53); «Цевница. Стихотворения Аполлона Редкина», М., в тип. Селивановского, 1828 г. (рец. – «Атеней» 1828 г., ч. III, № 12, стр. 419–422, и «Revue Encyclopédique» 1830, т. 46, стр. 143, Edméa Hureau). В эту миниатюрную, изящно изданную книжку с эпиграфом из Парни вошло 20 маленьких посредственного достоинства пьес (pièces fugitives), оригинальных и подражательных: элегии, альбомные стихотворения, романсы, «Мадагаскарская песнь» и т. под., подражания Байрону, Ламартину, Гафизу, Парни перевод из Т. Мура.

С 21-го декабря 1828 г. Р. был действительным членом Общества Любителей Отечественной Словесности при Казанском университете, с 26-го октября 1829 г. состоял действительным членом Имп. Московского Общества испытателей природы, а с 23-го ноября 1829 г. –

действительным же членом Общества Истории и древностей Российских при Имп. Московском университете.

Послужной список А. М. Редкина, 1846 г.; Адрес-календари; Смирдин, «Роспись».

Редкин, Петр Григорьевич

Редкин, Петр Григорьевич, профессор Московского университета, ректор С.-Петербургского университета, сенатор, почетный опекун, член Государственного Совета; родился 4-го октября 1808 г. в г. Ромнах, Полтавской губернии, в семье зажиточного малорусского дворянина-помещика. Четверо братьев его и сестра умерли в младенческом возрасте, и он остался единственным ребенком у своих родителей. Отец его, *Георгий (Григорий) Федорович*, служил сначала в военной службе и совершил Итальянский поход Суворова, а также участвовал в штурме Варшавского предместья – Праги, за что был награжден большим золотым крестом на Георгиевской ленте. Впоследствии Г. Ф. Редкин долгое время занимал должность полицеймейстера в Ромнах: в 1820 г. он вышел в отставку с чином коллежского советника и поселился в своем хуторе, где и умер в 1848 году.

Первоначальное воспитание П. Г. Редкин получил частью в родительском доме, где с ним занимались русский учитель и француз-дядька, а с 1-го декабря 1816 г. поступил в Роменское трехклассное уездное училище. В этом училище, по случайному стечению обстоятельств, все почти учителя были люди достойные, и все предметы были преподаваемы по хорошим, для своего времени, руководствам, изданным в царствование Императрицы Екатерины II для народных училищ. Не довольствуясь тем, что давала школа, мальчик много читал сам, пользуясь книгами из небольшой домашней библиотеки, состоявшей главным образом из литературных произведений, но заключавшей в себе также несколько исторических сочинений. Призвание к педагогической деятельности сказывалось уже тогда: любимейшею игрою молодого Редкина было собирать вокруг себя мальчиков, задавать им уроки и выслушивать ответы.

Летом 1820 г. Редкин с отличием окончил курс уездного училища и осенью того же года был отправлен родителями в открывавшуюся в г. Нежине (Черниговской губернии)

девятиклассную гимназию Высших Наук Князя Безбородко (впоследствии Нежинский лицей); в ноябре 1820 г. он был зачислен туда сверхштатным пансионером.

Постановкой образования гимназия была обязана первому своему директору, отцу известного писателя Н. В. Кукольника – В. Г. Кукольнику, пробывшему, однако, директором недолго – всего несколько месяцев. Вторым ее директором, при котором Редкин и окончил курс, был медик И. С. Орлай. Преподавались здесь языки новые и древние, исторические, естественные и этико-политические науки. Программа была широкая и довольно пестрая: начиная от логики, естественной истории, физики, естественного права и народного хозяйства, римского права, российского права, гражданского и уголовного, вплоть до Литовского статута, артиллерии, фортификации, каллиграфии, музыки, танцев и фехтования.

Все 9 классов Редкин прошел в 6 лет. Политические науки преподавал М. В. Билевич, венгерский выходец, профессор, в смысле знаний своих, не особенно блестящий. Гораздо выше его стоял, имея большое и благотворное влияние на слушателей, Белоусов – питомец Харьковского университета, кантианец, профессор естественного и римского права.

Энциклопедизм гимназического образования впоследствии послужил Редкину в пользу при преподавании вообще, в особенности же Энциклопедии Законоведения, требующей знания не одних юридических наук. Много дала ему библиотека гимназии, состоявшая почти исключительно из французских, и притом исторических, книг. Доступ в библиотеку был свободный, тем более что профессор французской словесности, он же и библиотекарь, Ландражин, взял Редкина к себе в помощники. Но в особенности благотворно подействовало на него господствовавшее тогда между воспитанниками, независимо от преподавания, направление, выражавшееся не только в страсти к чтению, но и в начатках литературной деятельности. Так, вместе с тремя другими воспитанниками – Базили, Кукольником и Тарновским – был предпринят Редкиным огромный труд: возможно полное сокращение Всеобщей Истории, изданной Обществом английских ученых (несколько десятков томов

inquarto). Работа не была окончена, но много способствовала и основательному изучению русского и французского языков, и «развитию исторического смысла», и приучила к ученым трудам. Кроме того, кружок, в коем принимал участие также и Н. В. Гоголь, собираясь на квартире гувернера Мышковского, в тесной комнатке которого Редкин жил, порученный его надзору, занимался еще изданием рукописных журналов и альманахов. Писались статьи, и друзья собирались для чтения их и критической оценки.

В июле 1826 г. Редкин был выпущен из Нежинской гимназии первым кандидатом первого выпуска, записанный в *Liber honoris*, с правом на получение золотой медали по ее изготовлению.

Окончив курс гимназии, молодой Р. имел намерение отправиться в Дерптский университет, рассчитывая встретить там лучшие условия для подготовки к профессорскому званию. Но отцу не хотелось отпускать единственного сына – он желал определить его в общую гражданскую службу. И не столько усиленные просьбы, сколько молодость лет повели к тому, что Р. отпустили на несколько времени в Москву для поступления в Московский университет.

Отправившись вместе с товарищем, В. В. Тарновским, в октябре 1826 г., Р. поступил на этико-политическое отделение Московского университета, с освобождением от слушания общих, приготовительных курсов. Богословие, библейскую и церковную историю читал архимандрит Иннокентий, русское право – Малов и Смирнов, практическое судопроизводство – «знаменитый юрист-практик и отлично остроумный человек», бывший сенатский обер-прокурор, известный Сандунов; римское право и «права знатнейших древних и новых народов» – Цветаев, доктор философии Геттингенского Университета, поклонник французов XVIII века; политическое и народное право – Василевский, политическую экономию и «дипломатию» – Бекетов, всеобщую историю и статистику – Ульрих, русскую словесность – Мерзляков, русскую историю и статистику – «первый критик Отечественной истории» Каченовский, которому

Р. считал себя обязанным «в отношении не столько самого содержания, сколько ученых приемов».

В Москве окончательно созрело решение Р. посвятить себя профессорскому званию. Неудовлетворенность, однако, преподаванием тогдашних профессоров университета заставила его воспользоваться первым же случаем – приглашением от правительства поступить в так называемый профессорский институт, чтобы начать об этом хлопоты. Неизвестный никому из профессоров ближайшим образом, и не имея времени испросить позволения своих родителей, в согласии которых имел, впрочем, основательную причину сомневаться, Р., после некоторых затруднений, осуществил свою мечту о Дерптском университете. Дело в том, что кандидаты в Профессорский институт должны были, согласно инструкции, пробыть известное время в Дерпте, а затем их отправляли в заграничные университеты; «по удостоению», они получали кафедру в одном из русских университетов и обязывались за все это прослужить, не выходя в отставку, 12 лет.

В мае 1828 г. Р. был отправлен в Петербург и после экзамена, произведенного в Академии Наук, прибыл в июне месяце того же года в Дерпт. Каждый слушатель находился под ближайшим руководством того профессора, специальность которого являлась главным предметом ученика. Избрав главным своим предметом Римское право, Р. занимался у профессоров Дабелова и Клоссиуса. Р. считал, что Дерптскому университету он обязан многим. Здесь он приготовился к тому, чтобы вполне воспользоваться заграничным пребыванием; здесь его общему и в особенности юридическому образованию положена была прочная основа; здесь он изучил, кроме немецкого, и древние классические языки.

К концу 1830 г. занятия на юридическом факультете почти расстроились за отъездом, смертью и болезнями некоторых профессоров; а потому, по предложению тогдашнего Начальника II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, М. М. Сперанского, Р. вместе с товарищем своим Калмыковым был, 5-го октября 1830 г., зачислен на службу по этому

Отделению, а 22-го ноября оба они были отправлены за границу.

Здесь Р. пробыл до половины 1834 г. Лекции он слушал, главным образом, в Берлинском университете, а вакации проводил «в ученых путешествиях» по Германии, Швейцарии и Италии. Берлинский университет был в ту пору в расцвете своей славы. Римское право (институты и пандекты) и прусское право Р. слушал у Савиньи, пользуясь его редкой библиотекой; римское и общегерманское наследственное и общегерманское судопроизводство – у Рудорфа, беря у него же частные уроки по истории Римского права; у Раумера слушал «политику» и новую историю; у Гегеля – логику и историю философии. Частным образом Редкин продолжал изучение древнеклассических и новых языков – особенно английского, итальянского, испанского. «По особому вызову» графа Сперанского он принялся также за изучение санскрита у профессора Бонна. Товарищами Р. были здесь: Никита Ив. Крылов, Орнатский, Куницын, Неволин и др. Общее руководство юристами лежало на проф. Савиньи. Однако последователем исторической школы Р. не сделался, его влекли к себе Гегель и Тибо.

В июне 1834 г. Р. вернулся из-за границы. Полгода прошло в подготовке к экзамену на степень доктора прав по особой программе и еще полгода ушло на выдержание испытания в особой комиссии, учрежденной, по Высочайшему повелению, при юридическом факультете Петербургского университета из профессоров и старших чиновников II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии под председательством М. А. Балугьянского. После публичной защиты тезисов, выбранных из равных частей правоведения, и по получении в сентябре 1835 г. диплома на степень доктора прав, Р. отправлен был, по выбору только что назначенного попечителем графа С. Г. Строганова, преподавателем в Московский университет, где, в начале ноября того же года, начал чтение лекций на юридическом факультете по Энциклопедии законоведения.

31-го декабря 1835 г. Р. был произведен в экстраординарные профессора для преподавания Энциклопедии законоведения и государственных законов, а 24-

го марта 1837 г. – в ординарные и по сему званию «получил патент на чин надворного советника».

Почти в начале своей ученой карьеры Р. был избран Советом Дерптского университета на кафедру Русского права, но отклонил это приглашение, не желая уезжать из Москвы.

С 1841 г. по 19-е марта 1847 г. Р. был ежегодно утверждаем инспектором над частными учебными заведениями в Москве; время с июля 1842 г. по август 1843 г. он снова провел за границей, совершив путешествие по Англии, Франции, Испании, Италии и Германии, – преимущественно для наглядного ознакомления с постановкою учебного дела, администрацией и судопроизводством этих стран. В 1844 г., 8-го июня, за представленную диссертацию «Об уголовной кодификации» (первоначально напечатано было в «Юридических Записках» 1842 г.) он был вторично утвержден Министром Народного Просвещения в степени доктора прав.

Профессорскую и административную свою и деятельность Р. соединял с литературною. В 1841–1842 гг. он издавал бессрочное повременное издание «Юридические Записки», в 1843–1846 гг. – журнал «Библиотека для воспитания», в 1847 г. – журнал «Новая библиотека для воспитания» (вышли в 1847 г. книги 1–9, в 1849 г. кн. 10). Педагогические журналы явились результатом убеждения Редкина, что русские дети почти совсем лишены внеклассного чтения, приобретая скудные знания лишь в средних заведениях и то большею частью от плохих учителей. Особенное значение в своих журналах он придавал научному отделу, пригласив для ведения его Грановского, С. М. Соловьева и др. Оттого-то исторический отдел в журнале «Новая библиотека для воспитания» был поставлен настолько хорошо, что некоторые статьи его, напр., «Геродот», «Похищение Энея», «Русская летопись для первоначального чтения» С. М. Соловьева вышли также в отдельных изданиях, а «Русская летопись» выдержала их даже несколько.

В течение 12-ти лет профессорства в Московском университете Р. читал и общие, и частные курсы из области юридических наук. Общими курсами были: «Энциклопедия законоведения в связи с историей философии права и

философии вообще», «государственные законы», историко-догматическое изложение русского государственного права с введением в науку государственного права вообще. Частные курсы были: из истории философии права, из историко-догматического изложения государственного права иностранных государств, история общегерманского гражданского права, всемирно-историческое обозрение законов и обычаев о браке, о составлении Французского гражданского уложения, Европейское право награждения. Наконец, по особому приглашению попечителя, он несколько лет кряду для студентов всех факультетов излагал догматически Русские Основные Законы и учреждения и Русские законы о гражданской службе и состоянии.

В университете Р. пользовался большою известностью. «Редкин, – говорит А. Н. Афанасьев, вспоминая Московский университет в 1843–1849 гг., – читал с одушевлением оратора; он любил отпустить иной раз пышную фразу, особенно при окончании своей лекции, причем обыкновенно разгорячался и возвышал голос и говорил быстро; в выговоре его слышался неприятный малороссийский акцент, а в лекциях часто попадались иностранные слова: индивидуальность, конкретность, абсолютность, абстракт и проч. Меня сильно поразила его первая лекция, которую начал он вопросом: «Милостивые государи, зачем вы сюда явились?» – и потом сам же отвечал, что нас вело в университет предчувствие узнать здесь истину и сделаться в своем отечестве защитниками правды. «Вы жрецы правды – вы юристы!» восклицал он, и окончил лекцию любимой своей поговоркой: «все минется, одна правда остается!» – причем быстро соскочил с кафедры и убежал, что он делал очень часто... Он был истый гегелист; Гегеля он уважал по преимуществу перед всеми германскими философами и по его началам построил все свои лекции. Он толковал нам о принципе, из которого все развивается, о трех моментах в круге развития: момент абсолютного, всеобщности, момент конкретного обособления и момент единства того и другого; от этой трояственности он не отступал ни на шаг. Все лекции его делились на три части, из которых каждая опять на

три, и так далее, что если и придавало им строгий систематический вид, зато всегда искусственный и изысканный. В «Энциклопедии законоведения» он объяснял нам развитие права по трем его моментам: право обычное, законодательство и право юристов: право обычное – темно, бессознательно истекающее из массы народа – это первый момент; второй – будет законодательство, где право высказывается уже с сознательной целью, исходит от лица и обуславливается его произволом; наконец, в 3-м моменте, в котором два первые являются в единстве, право вступает на высшую ступень; здесь оно бывает уже плодом трудов образованных юристов, вышедших из народа и ведающих его нужды и потребности. Право обычное восходило по следующим ступеням: а) устные юридические пословицы и поговорки, б) юридические символы и формулы и с) записанное обычное право. От вещественных, грубых, символических форм право, все более и более одухотворяясь, принимает словесную оболочку и в последнем своем моменте приближается уже к законодательству и как бы становится первым моментом в развитии этого последнего. Законодательство проходит также три момента: а) отдельные записанные постановления, б) свод, с) уложение, т. е. не только собранные в одно целое, но и подвергнутые критике законопостановления, следовательно, здесь уже ясно влияние законоведцев (юристов). Право юристов, выражая в себе вполне сознательное развитие права, возвращает его народному обычному источнику, а таким образом конец совпадает с началом и круг развития завершается. В предисловии (которое также делилось и подразделялось на неминуемые три части) к этим лекциям П. Г. Редкин объяснял нам название науки, ее методы, источники, возможность, действительность и полезность, доказывая философское положение: «все, что возможно, то действительно».

Несмотря на явную искусственность и однообразие системы, лекции Редкина нам, первокурсникам, явившимся из гимназий и из родительских домов с малоразвитыми головами, оказали в своем роде пользу. Они наставили нас видеть в явлениях сего мира внутреннее развитие и в этом развитии

признавать постепенность; показали нам, что ничто не возникает вдруг и что есть законы, которых никак нельзя обойти. Мы были в восторге от его лекций, по это продолжалось, только на первом курсе. Уже на втором курсе, где читал он «Государственное право» (коренные законы, учреждения и законы о состояниях), увлечение наше значительно ослабело, а на 4-м курсе мы уже нисколько не восхищались его гегелевскими замашками и смотрели на них с благоразумною трезвостью. На 4-м курсе Редкин имел обыкновение менять свои лекции; предшественникам нашим он читал один год философию права по Гегелю, другой год – сравнительный (и весьма любопытный) курс современного гражданского права по Франции и Англии; нам читал он историю философии права – предмет весьма интересный, но доведенный им только до новой истории, и то средневековое учение изложено им было весьма кратко, в трех лекциях, не более. Зато древний период прочитал пространно; он даже перевел нам целые места из сочинений Платона, Аристотеля и Цицерона о государстве и законах. Изложение, впрочем, было несколько сухо и по-старому натянуто на гегелевскую тройственную систему, которая так сильно надоела нам под конец. Той же системе подчинял он и государственное право, или, правильнее, свое длинное предисловие к государственному праву, читанное им более полугода; постановления Свода Законов изложены им были весьма кратко и без всякого указаний на их историческое происхождение и судьбу. Помню только, что лекции Редкина о разных формах правления, о значении и формах конституционного устройства были и живы, и любопытны, и либеральны. Этим последним качеством (либерализмом) отличались, впрочем, все его лекции, и это-то особенно располагало нас в его пользу. В жизни он был строгий формалист и потому бывал несносен. Если не в срок подавали ему студенты конспекты лекций, которыми он нас мучил, то ни за что уже не брал, хотя бы это было на другой день после срока, а потом за неподачу конспекта ставил дурной балл».

Таков был Р. в 40-ые годы для студентов. Иначе рисуется образ его в характеристике его товарища Грановского, в кружке

которого и Герцена Р. был близким всем другом. «Человек, каких не много, – писал о нем Грановский Н. В. Станкевичу (письмо от 25–26-го ноября 1839 г в книге А. В. Станкевича «Т. Н. Грановский», т. II, стр. 308) – лекции его о философии права (в Энциклопедии) будут поосновательнее Гансовых. Он крепко занимается историей философии и государственным правом. Мы вместе держим обед и видимся, следовательно, ежедневно. В поэзии ничего не смыслит и не преследует, между тем, как у него препозэтическая натура. Живет оригинально: почти нигде не бывает, работает целый день – и умеет, кроме 8000 рублей жалованья (он получает добавочное за другую кафедру) и отцовских денег, входить ежегодно в долги. Добрейший из добрейших».

В 1847 г. разыгралась известная история с Н. И. Крыловым, женатым на Любви Федоровне Корш: Л. Ф. оставила мужа. В этой истории приняли горячее участие друзья семейства Корш: Грановский, Редкин, Кавелин (женатый на А. Ф. Корш); они обратились к Попечителю графу Строганову с жалобами на недостойное поведение Крылова и предложили на выбор: или он, или они должны оставить университет. В половине января 1848 г. Р. подал прошение об отставке и 6-го июля был уволен, удержав должность инспектора классов Александринского сиротского института.

23-го апреля Р. женился на дочери лектора английского языка при Московском университете, *Елисавете Эдуардовне Гарве*, а с 1-го августа 1848 г. определен был преподавателем предварительных понятий о законоведении, основных законов, учреждений и законов о состояниях в вышеназванном Институте.

В это время товарищ Р. по Дерпту, известный В. И. Даль, передал ему предложение графа Л. А. Перовского, у которого состоял секретарем, занять место секретаря у товарища министра Уделов и вместе с тем быть управляющим собственною Канцеляриею министра. 10-го июля 1849 г. назначение состоялось. На службе в Удельном ведомстве Р. пробыл до 1882 г.; 19-го марта 1850 г. он был назначен членом Общего Присутствия Департамента Уделов, 1-го января 1866

переименован в члены Совета того же Департамента, 23-го сентября назначен Председателем Департамента Уделов и, наконец, в январе 1882 г. назначен членом Государственного Совета. В качестве юриста и администратора Редкин принимал деятельное участие в устройении экономического быта удельных крестьян по Положению 26-го июля 1863 г.

С переездом в Петербург наступает 15-летний перерыв в профессорской деятельности Р.; но влечение к педагогике не покидает его и в это время: с пробуждением, после Крымской войны, в обществе интереса к вопросам воспитания, с легкой руки Н. И. Пирогова – коллеги Р. по Дерпту, последний задумывает проводить новые педагогические взгляды в жизнь и с этою целью уговаривает одного из членов своего постоянного кружка, А. А. Чумикова, издавать педагогический «Журнал для воспитания. Руководство для родителей и преподавателей» (1857–1859 гг.). Все главные статьи «Журнала для воспитания» за первые годы существования его принадлежат перу самого Редкина.

К этой поре жизни Р. относится наивная, но довольно любопытная, эскизная характеристика его, занесенная студентом Главного педагогического института, будущим публицистом «Современника», 20-летним Н. А. Добролюбовым, в его Дневнике. Они встретились в доме известного деятеля по крестьянской реформе Татаринова 8-го февраля 1857 г. «Часа два, пишет Добролюбов, я с желчным наслаждением распространялся о педагогической теории и практике Давыдова и Вышнеградского. Редкин был вне себя от восторга. Вообще в наших понятиях о воспитании и пр. мы с ним сошлись (!)... В разговоре он кажется лучше, нежели в статьях своих... Мне даже нравится его уклончивый тон, за которым как-то скрывается человек себе на уме. Стрижен он как-то странно... Я не знаю, как назвать эту прическу, в которой волосы на голове все совершенно ровны... Это солдатская стрижка, только здесь волосы больше, чем у тех, большею частью чуть не подбритых служивых. Эта стрижка придает несколько звериный вид г. Редкину; но лицо его довольно умно; тон умеренный и уверенный... Стремления благородны... Я ему сказал о своей

статье, что передал Чумикову, он обещался пересмотреть ее, заранее согласившись с моей основной мыслью и выразивши мысль, что воспитание именно к тому и должно быть направляемо, чтобы мало-помалу разрушать авторитет (!) в душе ребенка... Вообще говоря, я на него произвел хорошее впечатление и, прощаясь, он усердно просил продолжения моего знакомства».

11-го октября 1859 г. в квартире Р. состоялось собрание педагогов (А. А. Чумиков, Г. И. Паульсон А. С. Воронов, К. И. Май, К. Я. Люгемиль и др.) и, по предложению хозяина, единогласно постановило: образовать в Петербурге первое Педагогическое Общество в целях изучения и исследования вопросов воспитания и обучения, сближения отечественных педагогов между собою и распространения в обществе здоровых педагогических понятий и сведений. Сначала собрания носили частный характер, но с 9-го января 1860 г. Общество стало существовать легально. Редкин до 1874 г. был бессменным его Председателем; он прекрасно руководил его собраниями, умел указывать темы для рефератов, умел вести прения, вовремя останавливал горячего референта или оппонента, коротко и ясно обобщал мнения, а иногда прочитывал молодым педагогам целые лекции, если вопрос требовал разъяснений с философской или юридической точки зрения. Более 500 лиц самых разнообразных званий перебивали членами Общества.

С 1861 по 1870 г. в Петербурге издавался журнал «Учитель», возникший не без содействия Р., принявшего в нем живое участие. Здесь он поместил 47 небольших статей (общий их заголовок: «Современные педагогические заметки»), используя свои знания иностранных языков для обзоров всего нового, что совершалось в области педагогики. Это – заметки о типах школ в различных государствах, а «такие статьи, – пишет Д. Д. Семенов, – как: «Выгонять или не выгонять ученика из училища?», «Как учителю вести себя с учеником», «Детские руки – золотые руки», «Не наказывать, а предохранять от наказания», «Любовь все может», «Малолетние преступники» – дышат любовью к детям, проводят гуманный христианский взгляд на воспитание и обучение,

ратуют за тесную связь семьи со школою; в статье «Без учительской семинарии – нет спасения» П. Г. первый, еще в 1863 г., заговорил о необходимости давать специально педагогическое образование нашим народным учителям и учительницам. Может быть, благодаря статье Редкина «Детские сады» и вообще журналу «Учитель», идеи Фребеля стали зарождаться и на русской почве. И вот, одним из главных инициаторов основания в России Фребелевского Общества является снова П. Г. Редкин, который был и первым его Председателем в 1872 г.».

12-го июня 1863 г., по докладу Министра Народного Просвещения А. В. Головнина, Р. был назначен ординарным профессором С.-Петербургского университета по кафедре энциклопедии права.

«Появлению Р. пред студентами, – говорит Коркунов, – предшествовали слухи о том, что он не избран, а назначен. В иных студенческих кружках это возбуждало против него предубеждение. Но первая же его лекция завоевала ему всю его аудиторию безраздельно. По рассказам тогдашних его слушателей, он взошел на кафедру видимо взволнованный и несколько минут молчал, прежде чем произнес обычное: «милостивые государи!». Он начал с выяснения той новой постановки, какую его кафедре давал Университетский Устав 1863 года, переименовавший ее из энциклопедии законоведения в энциклопедию права. Затем, объяснив причины, побудившие его принять эту кафедру, он закончил свою вступительную лекцию призывом слушателей судить его профессорскую деятельность, его лекции со всею строгостью, напомнив вместе с тем, что беспристрастный судья должен всегда выслушивать подсудимого, прежде чем произнесет над ним приговор».

«Этот призыв не прошел бесплодно. Пятнадцать чередующихся одно за другим поколений молодежи с чутким, жадным вниманием слушали любимого учителя. И как читались эти лекции! Кто из бывших студентов Петербургского университета не помнит одиннадцатой (теперь девятой) аудитории во время лекций Р. Обширный амфитеатр аудиторий,

весь битком набитый до самых ступеней кафедры слушателями, внимающими словам учителя, так торжественно, с таким сознанием святости долга выполняющего свое дело, словно он священнодействует на кафедре. В его любви к «нашей науке», как он называл энциклопедию права, в его преданности призванию учителя была какая-то сила, невольно покорявшая ум и увлекавшая за собой. Чем иначе объяснить, что в тревожное время шестидесятых и семидесятых годов университетская молодежь, так увлекавшаяся тогда политическими и социальными вопросами, толпилась у кафедры, с которой ей во всех детальных подробностях и с строгой методичностью излагали теологизирующую систему Штала и панэнтеизм Краузе?».

Приступив к лекциям в Петербургском университете, Р. в области философии права следовал иным уже началам, нежели в Москве. Убежденный гегелианец прежде, здесь он явился сторонником позитивизма, однако, далеко не полно и не последовательно им проводимого. «Многое в его лекциях, – говорит Коркунов, – и в это время подходило ближе к системе Гегеля, чем к позитивизму. Учение позитивистов, что все человеческое знание относительно, что нам недоступно познание абсолютного, никогда не было Р. воспринято вполне. Начала правды и справедливости являлись в его изложении началами абсолютизма. Генетический метод, которым, с переходом к позитивизму, он думал заменить диалектический метод Гегеля, в практическом приложении оказывался очень близким к диалектическому. В лекциях Р. раскрывался не генезис реальных явлений исторического развития положительного права, а только генезис понятий правды и справедливости. Потому и курс энциклопедии сводился у Р. к изложению, собственно, развития философских учений о праве. Так, в последнем читанном им курсе 1877–78 учебного года, I отдел первой части, посвященный изложению принципов и определений права, делится сообразно стадиям генетического развития на три главы: 1) восхождение к принципам и определениям права; 2) развитие принципов и определений и 3) отношение науки к принципам и определениям права. Под

«восхождением к принципам права» Р. понимал ряд положительных фактов, как ступеней поступательного, генетического движения восхождения человечества в своем сознании к принципам права. Весь этот ряд положительных фактов служит отправною точкою генезиса этого предмета, как «развития поставляемых философами принципов права». В второй главе под «развитием» разумеется генетическое развитие, а не другое какое-нибудь, например, историческое, а под принципами права разумеются здесь «поставленные философами начала права». Наконец, в третьей главе под «отношением науки к принципам права» должно разуметь «различные взгляды представителей науки на поставленные принципы и вообще указания на то, как может смотреть на них наука, как смотрит и как должна смотреть». Этот отрывок как нельзя характернее и нагляднее изображает особенности генетической методы Р. Действительный предмет его исследования – не явления действительности, а создаваемые человеческим сознанием понятия. Если в первой главе рассматриваемого отдела и говорится о положительных фактах, то только как об отправной точке генезиса устанавливаемых философами принципов права, являющихся уже подлинным предметом исследования по генетическому методу».

«Заявив себя в 1865 г. решительным сторонником О. Конта, Р. курс 1872–73 учебного года начал вступительной лекцией, в которой отстаивал самостоятельность философии, основываясь на доводах такого метафизика, как Эд. Гартман. Во вступительной лекции 1874–75 учебного года Р. выступил убежденным последователем Дарвина... А через год новому поколению первокурсников объяснял, что «юридические науки изучают человека, как существо нравственное вообще, которому присуща свобода, которое этою своею свободою возвышается и над природою, и над историею, подчиняя себе первую и творя сам последнюю». Еще через год Р. призывал слушателей отвергнуть отождествление права с силой и признать, что «право есть ни что иное, как осуществление человечеством в действительности правды и справедливости, этого мыслимого человечеством права, законами которого

управляется мир нравственный, подобно тому, как заводами физическими управляется мир вещественный, природа, но с тем существенным различием, по законы физические действуют с роковою необходимостью, между тем, как действие права происходит не иначе, как под условием содействия человеческого разума и свободной воли».

«Р. не выработал законченного целостного учения о праве. Тем не менее, его преподавание имело огромное и благотворное влияние. До самого конца жизни он с поразительною неутомимостью следил за новыми явлениями литературы. Лекции старого профессора дышали всем обаянием новизны, современности. Если у него не всегда можно было найти определенный точный ответ, то во всяком случае никто другой не умел с такою силою возбуждать в слушателях интерес к вопросам научного знания, так расширять их кругозор – так увлекать их в исследовании истины. Ему был дан полною мерою великий дар учителя».

Несколько иначе отзывался тот же Н. М. Коркунов о значении Р. как ученого в первой своей вступительной лекции в Петербургском Университете в 1878 г. Р., по его словам, «займет видное, почетное место в истории русской энциклопедии (права). Он первый дал энциклопедии вполне самостоятельную, вполне научную постановку». В его лекциях «она получила вполне определенную постановку, как общее учение о праве», как «самостоятельная наука, имеющая свое содержание, свою задачу».

С 19-го сентября 1873 г. по 9-е сентября 1876 г. Р. был выборным ректором Петербургского университета, а осенью 1878 г. оставил его и профессорскую деятельность навсегда. Назначенный председателем Департамента Уделов после увольнения из университета, он в 1882 г. получил звание члена Государственного Совета. Последние годы Р. провел почти исключительно в кругу своей семьи, весьма редко выезжая либо по служебным обязанностям, либо посещая, почти слепой, собрания учителей в Педагогическом музее военно-учебных заведений, да подготавливая к печати свои лекции по истории философии права (1889–1891).

5-го октября 1890 г. праздновался шестидесятилетний юбилей его ученой деятельности, а 7-го марта 1891 г. Р. скончался; погребен он на Смоленском евангелическом кладбище.

Летом 1901 г. наследники Редкина принесли всю его библиотеку в дар Петербургскому университету, причем дочь Р., *Е. П. Редкина*, от имени всех наследников, выразила желание, чтобы все книги юридического и философского содержания поступили в юридический Кабинет университета, в котором был помещен также и портрет его, писанный в 1878 г. его дочерью.

Сочинения Р., в хронологическом порядке, следующие.

1841 г. Обзорение Гегелевой логики («Москвитянин», ч. IV, № 8, стр. 410 и сл.; «Юридические Записки», издаваемые Петром Р., доктором прав и ординарным профессором Императорского Московского университета. Том I, М.: 1) предисловие. 2) О казенных подрядах и поставках в России до первого их преобразования (т. I, стр. 161–187). 3) О Гейдельбергском юридическом факультете (ibid., стр. 277–342).

1842 г. «Юридические Записки», т. II: 1) Прусский устав о домашних слугах (т. II, стр. 179–193). 2) О причинах преступлений и о средствах противодействовать их умножению (ibid., стр. 194–262). 3) Об уголовной кодификации (ibid., стр. 409–490).

1845 г. «Библиотека для Воспитания». В двух отделениях. Двенадцать частей, М. 1845–1846 гг.: 1) Плиний младший (1845 г., отд. I, ч. 2, стр. 160–189). 2) Фукидид (ibid., отд. II, ч. 1, стр. 87–130). 3) Об изучении новых языков (ibid., отд. II, ч. 1, стр. 28–90). 4) На чем должна основываться наука воспитания (1846 г., отд. II, ч. 3, стр. 1–46).

1846 г. «Какое общее образование требуется современностью от русского правоведа? Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета 15-го июня», М.

1847 г. «Новая Библиотека для Воспитания», издаваемая Петром Р. Десять частей, М.

1857 г. Что такое воспитание? («Журнал для Воспитания», т. I, № 1, стр. 3 слл.; № 2, стр. 137 слл.; № 3, стр. 265 слл.);

История педагогики от древнейших времен до настоящего времени, Ф. Кернера. Рецензия (ibid., т. I, стр. 125 слл.); Обзор педагогической литературы (ibid., № 1, стр. 125 слл.; № 2, стр. 213 слл.); Можно ли и должно ли воспитывать детей? (ibid., № 4, стр. 373 слл.); С чего начать? (ibid., т. II, № 10); Почин дело красит (ibid., № 11); Первое знакомство детей с природою (ibid., № 11, стр. 395 слл.).

1858 г. Обзор педагогической литературы по Франции (ibid., т. III, отд. I, № 1, стр. 75 слл.; № 2, стр. 140 слл.).

1859 г. Обзор юридической литературы по римскому праву («Юридические Записки», т. III, стр. 250–402).

1860 г. О независимости юстиции (ibid., т. IV, стр. 179–191); Обзор юридической литературы (по юридической энциклопедии) (ibid., стр. 339–710).

1861–1866 гг. «Современные педагогические заметки» (47 небольших статей) в педагогическом журнале «Учитель».

1888 г. «К решению женского вопроса». Книга статей. [Издание П. Г. Редкина], СПб.

1889–1891 гг. Из лекции по истории философии права в связи с историей философией вообще, СПб. т. I. I–VII.

1890 г. О значении изучения естественных наук в общеобразовательном курсе средних учебных заведений. Доклад в Педагогич. музее военно-учебных заведений.

Университетские лекции Р. (в рукописях) см., напр., Отчет Имп. Румянцевского музея за 1883–1885 гг., М. 1886, стр. 88–89. [«Обзор государственного права иностранных государств», «Государственное право Российской Империи», «Энциклопедия законоведения»]. Под редакцией Р.: «Записки Имп. Русского Географического Общества», 1851 г., т. V, СПб.

Биографический Словарь профессоров Имп. Московского университета, ч. II, М. 1855 г., стр. 376–386; (В. Толбин), Лицей кн. Безбородко, СПб. 1859, стр. 119–125 (с портретом Р.); В. В. Григорьев. Имп. СПб. университет в течение первых 60 лет его существования. Историч. записка, СПб. 1870, стр. 330 слл.; Е. В. Петухов. Гимназия высших наук в Нежине, СПб. 1895, стр. 35–38; (Н. М. Коркунов), Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. СПб. университета за

истекшую третью четверть века его существования 1869–1894, Т. II, СПб. 1898, стр. 155–168; Письма П. Г. Р. к Н. В. Гербелю (см. Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1906 г. СПб., стр. 166); И. Ф. Павловский. Полтавцы, Полтава. 1914, стр. 249 (с портретом); Жизнь и труда М. П. Погодина, см. Указатель; Album Academicum des Kais. Universitäts Dorpat, Dorpat. 1889 г.; М. В. Шумановский, П. Г. Р. (биографический очерк; с приложением портрета), Одесса. 1891; П. В. Быков, П. Г. Р. – «Всемирная Иллюстрация» 1890, № 1133, стр. 239–242 (с портретом); Драшусова. Записки – «Русский Вестник» 1881, № 11, стр. 311, 313; А. Н. Афанасьев, Московский Университет 1848–1849 гг. – «Русская Старина» 1886, № 8, стр. 363–366, 375–376. А. Головачева-Панаева, Русские писатели и артисты, СПб. 1890, гл. VII, стр. 146, 150; «Отклик. Литературный сборник», Одесса. 1892, стр. 50–54; А. Станкевич, Т. Н. Грановский, М. 1897, т. II. Указатель; Н. А. Добролюбов. Дневник 1857 г. в «Юбилейном сборнике Литературного Фонда 1859–1909», СПб. 1910, стр. 334, 336–337. – Некрологи: «Правительств. Вестник» 1891 г., 14 марта, № 58; «Новости» 8 марта, № 67; «Новое Время», в марта, № 5396 (портрета в № 5404); «Неделя» 1891, № 10; (К. Н. Бестужев-Рюмин) «Журнал Мин. Народн. Просвещения» 1891, ч. 274, апрель, отд. IV, стр. 167–170; «Журнал Гражданск. и Уголовн. Права» 1891, кн. 4, стр. 220–224; Отчет по делопроизводству Госуд. Совета за 1891 г., приложения, стр. 14–16; К. М[одзалевский], Памяти Р. – «Русская Школа» 1891, № 4, стр. 50–63; «Историч. Вестн.» 1891 г., т. XLIV, май, стр. 527; «Труды Одесского Юридич. Общ.» 1872, т. 5, стр. 20–28; Н. Коркунов, «Наука права и естествознания» «Журнал Гражд. и Угол. Права» 1879, март-апрель, стр. 29; Е. О., Здоровый идеализм – «Вестник Европы» 1889, № 6, стр. 667–677; «Судебная Газета» 1890, № 41; И. Василевский (Буква) «Новороссийский Телеграф» 1890, № 4913; Д. Д. Семенов, П. Г. Р., как педагог – «Женское Образование» 1891, № 5, стр. 481–487; «Библиографич. Зап.» 1892, № 1, стр. 37, № 6, стр. 437; «Истор. Вестн.» 1901,

июль, Смесь, стр. 742–743; Д. Языков, Обзор, Вып. XI; Пыпин, Ист. русск. этнографии, Т. I, стр. 838; т. II, стр. 30, 72, 110.

Резанов (Рязанов), Гавриил Андреевич

Резанов (Рязанов)³⁴, Гавриил Андреевич – генерал-поручик; 1-го марта 1749 г., будучи полковником, пожалован был в бригадиры, 29-го марта 1753 г. был определен к работам по исправлению Ладожского канала, делал изыскания о водяном тракте между Волгою и Волховом и 25-го декабря 1755 г. был пожалован в генерал-майоры. 7-го мая 1757 г. было повелено ускорить отправку Р., назначенного в помощь к генерал-аншефу Фермеру, «по особо возложенной на него военной экспедиции», причем 22-го мая это повеление было вновь подтверждено, а 5-го января 1758 г. он был пожалован, одновременно с графами П. А. Румянцовым и З. Г. Чернышевым и др., в генерал-поручики, – за участие в действиях во время Семилетней войны. Будучи отозван из заграничной армии, он получил, 1-го сентября 1759 г., поручение заведовать, по-прежнему, Ладожским каналом; в этой должности он оставался до 2-го апреля 1761 г., когда был замещен генералом А. П. Ганнибалом, а его самого повелено было определить к каким-либо делам по усмотрению Сената. В 1762 г. повелено было производить новую водяную коммуникацию от Волги до Волхова по планам и мнениям Р. – сперва под его наблюдением, а потом под наблюдением генерала Деденева. В 1763 г. Р. находился при Балтийском Порте и 16-го октября того же года ему повелено было принять участие в работах по сооружению водяной коммуникации от Волги до Волхова. В 1766–1768 гг. он был главным начальником при Балтийском Порте.

П. Баранов, Описание Высоч. указам и повелениям, хранящимся в Сенатском Архиве, т. III, СПб. 1878; Сенатский Архив, т. XIII и XIV; Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. 62, стр. 229.

Резанов, Дмитрий Иванович

Резанов, Дмитрий Иванович, сенатор; по происхождению дворянин, родился в начале 1757 года. Начав службу 7-го марта 1774 г. капралом в л.-гв. Конном полку, он 9-го декабря 1777 г. был переведен в Преображенский полк сержантом, 1-го января 1782 г. произведен был в прапорщики, в 1785 г. – в подпоручики, в 1787 г. – в поручики и в полковые секретари, в 1790 г. – в капитан-поручики, а в 1793 г. – в капитаны, с возвращением к строевой службе. Через два года Р. был из Преображенского полка уволен – для определения к статским делам, с чином армейского бригадира, и 20-го марта того же 1795 г. поступил в Провиантский штат. В день коронавания Императора Павла Петровича, 5-го апреля 1797 г., он был пожалован в генерал-майоры и в том же году определен (25-го августа) управляющим Статного Казначейства, с переименованием в действительные статские советники.

В царствование Павла I Р. получил в награду орден св. Анны 2-й степени (6-го августа 1798 г.), чин тайного советника (9-го июля 1800 г.) и назначение управлять Первою Экспедициею о государственных доходах (14-го июля 1800 г.). – Александр I, указом 19-го декабря 1801 г., пожаловал Р. орден св. Анны 1-й степени, а с образованием Министерств, 29-го октября 1802 г., повелел ему быть директором Департамента Министерства Финансов. Высочайшим указом 5-го сентября 1805 г. Р. был назначен к присутствованию в Правительствующем Сенате, причем за ним было сохранено то же жалованье и содержание, какое он получал по последней должности.

Службу в Сенате, по обязанности сенатора, Р. начал в 1-м Отделении 5-го Департамента, 1-го мая 1813 г. был переведен в число сенаторов 4-го Департамента, через год, 30-го июня 1814 г., ему было повелено присутствовать в 1-м Отделении 3-го Департамента Сената, а 30-го мая 1816 г., на время, он был помещен в число присутствующих 4-го Департамента Правительствующего Сената. 24-го июня 1819 г. сенатор

Резанов был назначен членом учрежденного при Правительствующем Сенате Комитета для уравниения по всему государству земских повинностей. 6-го апреля 1826 г. Р., по расстроенному здоровью, был от службы уволен – впредь до совершенного выздоровления, с производством жалованья по 3000 руб. в год из Государственного Казначейства. Точных сведений о времени смерти его мы не имеем; он скончался не позже 1-го января 1828 года, так как с этого времени была определена его вдове пенсия, ходатайство о которой было возбуждено ею в феврале месяце 1828 года; но возможно, что умер он и ранее указанного времени.

Д. И. Резанов был женат: первым браком – на *Варваре Федорове* (род. 24-го ноября 1773, ум. 12-го января 1820) и вторым браком – на вдове, по-видимому, француженке, по имени *Марии Ивановне*; от 1-й жены он имел двух дочерей: *Елизавету* (род. в 1798 или 1797 гг.), вышедшую замуж за помещика Вологодской губернии, колл. секр. Макшеева, и *Анну*, бывшую в замужестве за колл. сов. Сушковым; последняя умерла в 1825 г.

В Пензенской губернии у Р. было родовое имение.

«Сборник Имп. Русского Историч. Общества», т. 62; формулярный список о службе в деле М-ва Юстиции 1828 г., о пенсии вдове; Н. А. Мурзанов, Список сенаторов, СПб. 1911, стр. 40.

Резанов, Иван Гаврилович

Резанов, Иван Гаврилович, сенатор; родился 21-го января 1726 г. и был сыном генерал-поручика *Г. А. Резанова* (см.); служил с 1736 г.; 30-го ноября 1762 г. он, будучи от армии подполковником, был назначен в Московскую Синодскую Контору Прокурором, с чином и жалованьем против прокурора Сенатской конторы, и в этой должности был и в 1766 г. (в 1767 г. был уже С. И. Рожнов); в 1767–1770 гг. он, в чине бригадира, был главным судьей в Конторе Канцелярий Опекунства иностранных в Саратове, 21-го апреля 1773 г. был пожалован в д. с. советники; состоял и в 1778 г. обер-прокурором в I Департаменте Сената – до 1780 г., когда, 24-го ноября, был назначен сенатором, а 13-го июля 1786 г. был уволен от службы до выздоровления; в 1785, 1786 и 1796 гг. Р. упоминается, как главный директор Монетного Департамента и Конторы разделения золота от серебра; на надгробии Р. на Лазаревском кладбище в Александро-Невской лавре значится, однако, что он умер 23-го декабря 1787 г.; по-видимому, здесь ошибка в годе (вместо 1797 г.), так как еще в Месяцеслове на 1797 г. Р. значится уволенным до «выздоровления». С 24-го ноября 1782 г. Р. был кавалером ордена св. Анны 1-й степени.

Сенатский Архив, т. XI, стр. 302–303; Статской Календарь на 1765 г.; Петербургский Некрополь, т. III; Н. А. Мурзанов, Правительствующий Сенат, СПб. 1911, стр. 40; Сборн. Имп. Русск. Исторического Общ., т. 62, стр. 229; Месяцесловы 1766–1797 гг.; Д. Н. Бантыш-Каменский, Списки кавалерам.

Резвые

Резвые³⁵, или по написанию прежнего времени, *Резвые*. Название фамилии производится от старинного правописания прилагательного: «резвой». Объяснение такого происхождения написания находится в семейном предании, по которому один из предков, очень быстро исполнивший какое-то поручение Императрицы Елисаветы Петровны, получил от нее название «резвой»³⁶.

Резвой, Дмитрий Петрович

Резвой, Дмитрий Петрович, один из героев Отечественной войны, сын *Петра Терентьевича* и внук *Терентия Резвого*; род. в 1762 г. и получил, видимо, основательное домашнее образование; поступив в военную службу фурьером в 1781 г., он 25-го декабря 1785 г. произведен был в сержанты в л.-гв. Артиллерийском полку, а в 1786 г., 12-го мая, произведен был в прапорщики и назначен, вследствие знания иностранных языков, переводчиком в штат генерал-аншефа Меллера, при коем состоял адъютантом и по производстве своем, 24-го мая 1788 г., в капитаны.

С 1788 года началась боевая жизнь Р.: он участвовал при штурме Очакова, в 1789 году был при занятии Аккермана и Бендер, в 1791 году – при взятии Мачина; в Польской кампании 1794 года он принимал участие в сражениях при Кручице, Бресте, Кобылке и за штурм Праги был награжден орденом св. Георгия 4-ой степени. 28-го июля 1796 г. произведенный в майоры 2 Канонерского полка, он 24-го декабря того же года произведен был уже в чин подполковника в Шлиссельбургский пехотный полк, а 12-го августа 1798 г. произведенный в полковники, переведен был в батальон генерала Челищева и затем отправился вместе с Суворовым в Швейцарский поход, где состоял в корпусе генерала от инфантерии Розенберга, в дивизии генерал-лейтенанта Ферстера, начальствуя над полевой артиллерией; после неудачного, но все же славного сражения при Цюрихе и Шлахе, он вместе с Римским-Корсаковым совершил знаменитое отступление перед во много раз превосходящими силами генерала Массены. Чин генерал-майора (15-го октября 1799 года), назначение шефом батальона своего имени во 2-м Артиллерийском полку (13-го сентября 1800 г.) и рескрипт Императора Павла I (4-го декабря 1800 года) с пожалованием его в почетные командоры ордена св. Иоанна Иерусалимского были наградами Резвому за Швейцарский поход.

В 1801 году (27-го августа) Р. был назначен шефом 3-го Артиллерийского, а затем (23-го сентября) 4-го батальонов на место генерала-майора Берха, а в 1803 г., июля 18-го, при преобразовании батальонов в полки, – шефом 2-го Артиллерийского полка.

В следующие года, когда у нас производилось преобразование полевой артиллерии, Д. П. Резвой принял самое деятельное участие в этой работе. 18-го ноября 1803 года Аракчеев писал ему следующие строки: «Имея в вас себе хорошим помощником, поставляю себе за удовольствие с вами и рассуждать о делах, до артиллерии касающихся». Несмотря, однако, на этот отзыв, Аракчеев вскоре сделался личным врагом Резвого и жестоко мстил ему. За участие в преобразовании нашей пешей артиллерии Р. был награжден Высочайшим рескриптом и орденом св. Анны 2-го класса с алмазами, а 1-го июня 1805 года была подписана грамота на дворянство Резвого.

Участие его во второй войне против Наполеона выразилось в сражениях при Янкове, Лансберге, Вольсдорфе, Гутштадте, Гейльсберге и Фридланде; за последние два сражения Резвой получил украшенную алмазами шпагу. Но особенное участие принимал он в сражении под Прейсиш-Эйлау (награда – Аннинская звезда): в этом сражении он командовал всею артиллериею, благодаря которой Прейсиш-Эйлаусская битва не кончилась для русских поражением. В этом сражении Резвой был ранен в первый раз; вторая рана была получена им в Турецкую кампанию 1808–1812 г., когда, за подвиги в сражении под Татарицею, он был награжден орденом св. Георгия 3-ей степени. В великую Отечественную войну Резвому предстояла крупная роль, если бы не ненависть к нему Аракчеева, о чем мы уже у поминали выше.

В Записках Маевского мы читаем следующие строки: «Докладываю фельдмаршалу (князю Кутузову), что по случаю соединения всех армии нужно назначить одного начальника артиллерии. «Кого же лучше, как не Дмитрия Петровича Резвого, – отвечает князь: – он человек умный и знает это дело лучше всех». – Вдруг докладывают, что граф Аракчеев приехал

к Светлейшему, – и представьте наше удивление: граф говорит о том же, о чем говорили и мы за минуту до него, но разговор был в другом уже тоне и духе. Граф Аракчеев: «Государю Императору угодно соединить командование всею артиллерией в лице одного артиллерийского генерала, а выбор последнего предоставляется Вашей Светлости. Его Величество думает, что всего ближе дать этот пост А. П. Ермолову».

Князь: «Вот спросите у него (указывая на меня): мы сию минуту об этом говорили, и я сам хотел просить Государя Императора, чтоб назначен был А. П. Ермолов. И можно ли назначить лучше кого-либо другого?».

Маевский в своих Записках добавляет: «Надо приметить, что Кутузов ненавидел Ермолова, а Аракчеев – Резвого». Поводом ненависти (особливо после вышеприведенного нами похвального отзыва) служило будто бы следующее обстоятельство. У Р. собралось как-то за вечерним столом несколько сослуживцев. Говорили о том, что Аракчеев недавно сказал кому-то из артиллерийских офицеров: «Уйди ты в отставку, – да я тебе пенсию в тысячу рублей назначу». – На это будто бы хозяин дома сказал: «Тысячу! Да я ему сам дам три от себя, только бы ушел!» Слова эти были переданы Аракчееву, и первым результатом этой передачи была вышеуказанная интрига Аракчеева с А. П. Ермоловым.

Не получив главного командования, Резвой продолжал исполнять хотя и черновую, но ответственную работу; так, в 1813 г. (по словам того же Маевского) ему было поручено исправление неверно составленной сметы для огнестрельных запасов. 5-го июля 1814 года главнокомандующим графом Бенигсеном было отдано в приказе по армии Высочайшее повеление о пожаловании генерал-майора Д. П. Резвого в генерал-лейтенанты, но приказ не был утвержден Аракчеевым даже при выходе Резвого в отставку 17-го декабря 1815 года. Резвой, несмотря на то, что он прослужил в чине генерал-майора полные пятнадцать лет, был уволен без производства.

Будто бы для выяснения этого обстоятельства Резвой явился к Аракчееву и просил доложить, что приехал «генерал-лейтенант Резвой». Аракчеев вышел и сказал: «Генерал-

лейтенанта Резвого я не знаю, но отставной генерал-майор Резвой мне известен», – и вместе с этим подал Высочайший приказ с подписью Императора Александра I об увольнении Резвого в отставку генерал-майором. Дело в том, что Император, всецело доверяя Аракчееву, снабдил его пустыми бланками за своею подписью, предоставляя право их заполнить. Этим правом и воспользовался для своей мести граф Аракчеев.

По выходе в отставку Резвой до своей смерти – 19-го января 1823 года, жил или в Петербурге, в доме на Шпалерной – там, где теперь Дом предварительного заключения, или в своем благоприобретенном в начале XIX века имении «Мариенгоф» Ямбургского уезда. Это имение было собственностью баронов Блескен и последний представитель этого рода, генерал-аншеф (в 1763 году), владел всей этой территорией, которую тогда называли «Терпигорьем». Со смертью последнего Блескена земля перешла к сестре его, Шведской подданной фон Маркварт, у которой купил ее Шведский консул в Нарве, по фамилии Дельфин, а у последнего приобрел Резвой. В имении сохранялся до наших дней помещичий дом постройки времен Петра Великого.

В 1803 году Д. П. Резвой женился на дочери майора Василия Осиповича Налетова – *Надежде Васильевне* (р. 1780, ум. 1845 г.), вышедшей за Резвого вторым браком, от которого были сын *Модест* (смотри ниже) и дочь *Вера*, замужем за известным деятелем Общества поощрения художеств А. П. Сапожниковым, главным руководителем рисования в военно-учебных заведениях и составителем некогда популярного курса рисования.

Д. П. Резвой погребен в Петербурге, на кладбище Фарфорового завода.

Великий Князь Николай Михайлович, Русские портреты, том VI, стр. 99; А. П. Михайловский-Данилевский. Описание войны России с Францией 1799 года, т. VI, стр. 394; Столетие Военного Министерства, т. VI, ч. I, приложение, стр. 53; «С.-Петербургский Некрополь», т. III, стр. 559; «С.-Петербургские Ведомости» 1797 г., стр. 608, 1801 г. стр.

2847; 1803 года, стр. 1895; 1805 г., стр. 715; 1808 г., стр. 1222; «Русская Старина», т. I, стр. 254, Т. VII, стр. 491, т. VIII, стр. 164, 257; «Старые годы» 1913, № 4 (апрель), стр. 3–31, статья барона Н. Н. Врангеля; Военная Галерея 1812 г., СПб. 1912, стр. 213–114 и портр. на табл. 61-й. П. Столпянский.

Резвой, Модест Дмитриевич

Резвой, Модест Дмитриевич, сын предыдущего, военный и общественный деятель царствования Императора Николая Павловича. Получил образование в Главном инженерном училище, где, по окончании полного курса учения в 1825 г., был записан «на почетную доску в конференц-зале». Затем, по выходе из училища, назначен на службу в С.-Петербургскую инженерную команду и с ноября 1826 года преподавал историю в «верхних» (т. е. старших) классах Инженерного училища; в 1828 году гвардии инженер-поручик, он в 1833 году произведен был в капитаны и тогда же участвовал в хронометрической экспедиции в Балтийское море, под начальством генерал-лейтенанта Ф. Ф. Шуберта.

В 1835 году Р. по болезни уволен был от преподавания истории и переведен (13-го января 1836 года) в Корпус инженеров военных поселений, а в 1837 году уволился за болезнью в отставку с чином коллежского асессора, но менее, чем через год, в 1838 году, определился в Инженерный Департамент Начальником первого строительного Отделения, в 1840 году произведен был в надворные советники, в 1842 г. пожалован орденом св. Анны 3-ей степени, в 1846 году, с Высочайшего соизволения, был командирован в крепость Нарву для обозрения на месте существующих там зданий, примечательных своею древностью, и для содействия при составлении полного проекта на исправление происшедших в них повреждений. В 1849 г. он был переименован в полковники по Корпусу инженеров морской строительной части и был назначен вице-директором Строительного Департамента Морского Министерства.

Умер 7-го сентября 1853 года и погребен вместе с отцом, на кладбище Императорского Фарфорового завода.

Таков послужной список М. Д. Резвого, но известность свою он приобрел на поприще художественном.

19-го сентября 1839 года Императорская Академия Художеств, в заседании своем, постановила: «признать

почетным вольным общником Модеста Дмитриевича Резвого, коллежского асессора, известного любовью к искусствам и отличным успехом в рисовании и музыке».

Почти в это же время Резвой был избран в члены Общества Поощрения Художеств (39-ый по порядку член этого Общества), а выборы в Общество Поощрения Художества в то время были обставлены очень тяжелыми условиями: производилась закрытая баллотировка, и если у баллотирующегося находились «два черных балла» (т. е. два отрицательных голоса), – он лишался права быть когда-либо избранным в Общество; при нахождении одного черного балла, если никто из присутствовавших не пожелает изъяснить, почему он положил черный шар – назначалась через год вторая и последняя баллотировка; Резвой же не только был избран в члены Общества, но с 12-го октября 1844 года был почтен званием Секретаря Общества, которым и оставался до 1850 года.

«Любовь к искусствам» – так говорилось в постановлении Академии Художеств при выборе Резвого в Почетные вольные общники – была главным импульсом жизни М. Д. Резвого, и эта любовь была вполне чистой, бескорыстной; даже более того – она до известной степени вредила успехам его по службе. Не забудем, что в то время на писателя и вдобавок – на художественного писателя в сферах был отрицательный взгляд, и если Резвой не слишком успешно двигался по иерархической лестнице и довольно часто выходил в отставку «по болезни», то во всем этом была виновата вышеуказанная «любовь и искусству».

Сам Резвой выделялся среди любителей того времени исполнением миниатюрных портретов и литографий; между последними известны следующие: 1) портрет профессора А. А. Бунге в костюме мандарина (А. А. Бунге был некоторое время в Китае); 2) портрет бургомистра города Вендена Иоганна Эвадда Гассинга (предка жены М. Д. Резвого); 3) портрет доктора Рейнека Грота; 4) портрет баронессы Корф, урожденной Врангель; 5) портрет графини Кутайсовой; родная тетка М. Д. Резвого – Анна Петровна Резвая (176..., ум. 1848 г.), бывшая замужем за известным фаворитом Императора Павла I –

графом Иваном Павловичем Кутайсовым); 6) портрет Герцога Максимилиана Лейхтенбергского, президента Императорской Академии Художеств; 7) портрет генерала Ф. Ф. Шуберта (под начальством которого М. Д. Резвой, как было указано выше, совершал хронометрическую экспедицию в Балтийское море).

Из этого, далеко неполного перечня литографических портретов видно, что М. Д. Резвой рисовал со своих родных и знакомых в часы досуга. Но эти портреты не могут назваться «неопытными упражнениями дилетанта-любителя»: в них виден и опытный карандаш, и безусловное художественное чутье; между тем Резвой никогда не учился специально рисованию, и можно думать, что при получении систематического художественного образования из него вышел бы талантливый художник. Но неполучение Резвым специального художественного образования было и к лучшему, пожалуй, появился бы еще один талантливый художник, но уже наверное не был бы такой ревностный, даже, можно сказать более – фанатический защитник и покровитель начинающих талантов, каким стал Резвой, как Секретарь Общества Поощрения Художеств. Основатели этого Общества – богатые и знатные филантропы – не могли бы действовать так успешно, если бы в Обществе не состояли Резвой и А. П. Сапожников (женатый на сестре М. Д. Резвого и состоявший Казначеем Общества). Секретарь и Казначей Общества выискивали всевозможные средства, чтобы поощрить, развить зарождающееся русское искусство. Пусть они часто ошибались, пусть многие из открытых ими талантов оказывались «пустоцветами», но нельзя ни на мгновение забывать, что только благодаря усиленной поддержке Общества Поощрения Художеств Александр Андреевич Иванов мог закончить свою картину «Явление Христа в мир», что пенсионером Общества был и Карл Брюллов, конечно, не признаваемый ныне всемирным гением, но все же бывший большим талантом и сильно влиявший на развитие русского искусства; наконец, пенсионерами Общества были и братья Чернецовы, граверы Пожалостин, Иордан и ряд других, менее значительных художников. Литография же вполне обязана Обществу Поощрения Художеств, которое всеми

зависящими от него способами стремилось распространить это искусство у нас в России. И главным работником в этом направлении был Резвой, никогда не забывавший своих питомцев и всегда умевший оказать поддержку – и в такой форме чтобы не оскорбить, не обидеть нуждавшегося в этой поддержке. Для этого делались заказы художникам, устраивались лотереи художественных произведений, выдумывались различные иллюстрированные издания, посылались рекомендательные письма к сильным мира сего и, наконец, обращались и к туго набитому кошельку меценатов, не говоря уже о личной материальной помощи. Внук Терентия Резвого, разбогатевшего на подрядах, умел находить остаткам дедовских капиталов достойное применение.

Еще более значительны, хотя и еще менее оценены заслуги Резвого в области музыки. Будучи сам виолончелистом, Резвой устраивал сам и участвовал в устраиваемых другими музыкальных вечеринках, где исполнителями были все любители: генералы Шуберт и Шильдер, Сапожников и многие другие.

«Собирались рано, – вспоминает один из современников, – часов в 6 вечера, и далеко за полночь игрались квартеты, квинтеты, трио Гайдена, Моцарта и изредка Бетховена».

Но кроме этих любительских вечеринок, Резвой был постоянным участником того любительского оркестра, который, заключая в себе представителей высшего света, начиная с середины 1840-х годов, играл на ежегодно устраиваемом концерте в пользу частных школ Патриотического Общества. Затем Резвой был в течение ряда лет защитником и покровителем чуть ли не большинства приезжавших в Петербург музыкантов. В этом отношении Резвой прибегал и к помощи прессы, помещая в «Северной Пчеле» заметки и отзывы; к сожалению, большинство из них помещалось или анонимно, или под затейливыми псевдонимами (так, кажется, подпись ξ [кси], довольно часто встречающаяся на столбцах «Северной Пчелы» за 1838 и 1839 гг. под различными музыкальными рецензиями, принадлежит Резвому).

Но под одной из своих заметок – об музыканте-пианисте Адольфе Гензельте – Резвой подписался полностью «Модест Резвой». Не говоря уже о том, что в этой заметке сохранились очень любопытные подробности, указывающие, как нужно было устраивать концерты в 1840-х годах в Петербурге, эта заметка интересна и потому, что в ней отразились взгляды Резвого на музыку.

Об Адольфе Гензельте после его приезда в Россию ходило много слухов, и Резвой пишет: «Невзирая на некоторое недоверие и даже предубеждение – мы нашли в нем виртуоза гениального в полном значении этого слова. Игра его исполнена огня, силы, чувства, выражения, мягкости, всегда вдохновения. Если по исполнению ставят его на одну степень со знаменитым Тальбергом, то он имеет над ним большой перевес по своим сочинениям, в которых отразилась мощь и творческая сила самобытного гения. Гензельт есть явление совершенно поэтическое. Тальберг, Лист и Шопен принадлежат столько же своему искусству, сколько миру, в котором живут. Гензельт весь сосредоточен в своем искусстве. Он отделен от света, он, как младенец, не знаком с прозою житейских потребностей и отношений... Утешительно видеть, что в наше время художественных беснований (извините за выражение) Гензельт сохранил всю чистоту и выпренность своего искусства; отвергая все, что только приближается к шарлатанству, убегал холодности и сухости записных классиков, не вдается в безотчетность буйного романтизма; отклоняясь от злоупотреблений новейших школ, он воспользовался, однако, нововведением и усовершенствованием по части механизма. Нет трудностей, которые бы затрудняли его».

К этому отзыву об артисте приведем не менее характерную рецензию Резвого на «Новые издания древних напевов православной церкви». Заметка была помещена в той же «Северной Пчеле» за 1848 год и также подписана его полной фамилией.

«Пользуясь всеми пособиями науки и искусства, вникая в дух и склад нашей церковной музыки, дошедшей до нас или в письменных памятниках, или по преданиям, г-н Львов, – писал

М. Д. Резвой, – облек родные, священные напевы в стройные, звучные гармонии, отвергая все чужое, постороннее и несвойственное и тщательно сохраняя то, что сохранило время, и с тонкою разборчивостью отыскивая и восстанавливая утраченное. Это новое произведение г-на Львова, свидетельствуя о неутомимой его деятельности и стремлении к полезному и изящному, конечно, принято будет с благодарностью всяким русским, всяким православным! Остается сказать несколько слов о музыкальном достоинстве и неподдельной подлинности упомянутых изданий. Имея случай слушать некоторые из заключающихся в них напевов, превосходно исполненных хором Придворной Капеллы, мы ощутили величайшее художественное наслаждение, исполнившее душу умилительного благоговения. Эти дивные звуки казались нам творением неземным, а принадлежащим обители чистейшего мира». И далее Резвой высказывает следующий взгляд на молитву.

«Молитва должна быть не концертом, а молитвою; музыка должна сообразоваться со словом, а не слово с музыкою. Молитва читается или рецитируется, и музыка только тогда может почитаться вполне соответственной, если, подчиняясь условиям просодических форм, не отвлекает от содержания текста, а напротив того способствует к уразумению его».

Из приведенных отзывов ясно, что Резвой не был новатором музыкальной критики, а скорее хранителем хороших музыкальных традиций доброго старого времени. И, конечно, не в любительском музицировании, быть может, иногда доходившем и до виртуозности; не в писании музыкальных рецензий было значение Резвого. Значение его в отношении к музыке ярко, ясно и, главное, в немногих словах охарактеризовал другой деятель той же эпохи – князь В. Ф. Одоевский. Последний писал в 1845 году: «Резвой не только глубокий знаток музыки и талантливый сочинитель, но он своим переводом Фуксова «Генерал-баса» установил впервые наш технический язык. Этот труд – нелегкий и требовал со стороны переводчика не только знания обоих языков, но и полного обладания музыкою, как наукою и как искусством. Если ныне

преподавание музыки на русском языке сделалось возможным, если каждый из нас может теперь писать о музыке, не останавливаясь на каждом шагу, то этим мы обязаны единственно почтенным трудам Резвого».

Все выше сказанное князем Одоевским о Резвом позволило в 1842 году Отделению русского языка и словесности Императорской Академии Наук (в следующем, в 1843 году, Резвой был избран в члены-корреспонденты Отделения) поручить Резвому обработку всех слов, относящихся к музыке. Не прошло и года, как Отделение Академии Наук следующим образом охарактеризовало работу Резвого: «М. Д. Резвой со всем усердием принялся за полезное и столь новое у нас дело. Сравнивая объяснения музыкальных терминов, помещенных в словаре Французской Академии, с нынешним состоянием теории музыки, он увидел, до какой степени было бы недостаточно это пособие для добросовестного исполнения дела. Итак, он решился, вместо перерабатывания статей, внесенных в корректурные листы нашего словаря, постепенно составить отдельный Словарь музыки, который, к большому удовольствию Отделения и к общей пользе Русских литераторов, он уже успел закончить и представить в Отделение».

В препроводительном письме к председательствовавшему в Отделении Резвой такими словами охарактеризовал главные, основные свои положения: «Во-первых, по всем отраслям просвещения существуют, в большем или меньшем изобилии, на русском языке теоретические сочинения. По одной только музыке, как в художественном, так и в ученом отношении язык наш не имеет почти никаких прочных оснований. То, что до сих пор было издаваемо по этой части, содействовало, может быть, к водворению и распространению понятий о музыкальном искусстве в нашем отечестве; но Русская терминология музыки, подавляемая выражениями и формами, заимствованными без разбора у французов, итальянцев и немцев, нередко вовсе не свойственных духу нашего языка и здравому смыслу, получила какое-то чудовищное безобразие и неопределимость. Два весьма хорошие музыканта могут говорить по-русски о

музыкальном предмете, им обоим совершенно знакомом, и не понимать друг друга единственно по несходству терминологии, которым каждый из них следует. Во-вторых, по отвлеченности музыкальных понятий, так как они относятся к искусству самому идеальному, оказывается иногда затруднительным сделать краткое определение какого-либо слова по части музыки без некоторого описательного дополнения или объяснения. В-третьих, русские имеют большую склонность, можно даже сказать – врожденную страсть к музыке; но по недостатку слов не всегда могут выразить на родном языке то, что чувствуют. Вот причины, по которым мне казалось простительным и даже нужным допустить в Русском Словаре несколько, хотя и весьма незначительно, большую подробность при обделке слов, относящихся к музыке. Впрочем, я искал по возможности избегать изложения энциклопедического и всех вообще подробностей. Для устранения некоторых повторений, без пользы увеличивающих объем сочинения, я старался, где оказывалось удобным, совкуплять в одну статью все то, что можно было к ней отнести, не раздробляя напрасно предмета, ограничиваясь потом, в своем месте, одними ссылками на эту статью».

Отдельным изданием «Музыкальный Словарь» Резвого не вышел, но все объяснения терминов по части музыки, заключающиеся в изданном Отделением Русского языка и словесности Императорской Академии Наук «Словаре Русского и церковно-славянского языка», принадлежат Резвому.

Мы выше указали, что у Резвого остались лишь остатки большого состояния его деда, Терентия Резвого: дом на Шпалерной улице Резвой передал еще своим наследникам; как кажется, этот дом был последней петербургской его недвижимостью, потому что еще в 1845 году можно было прочесть в «Полицейских Ведомостях» нижеследующее объявление: «Против Екатерингофского Дворца, на рукаве реки Невы продается остров (известный под названием Малого Резвого острова) с каменным на оном домом и другим строением. Об условиях продажи узнать у коллежского советника М. Д. Резвого, живущего в Инженерном Замке».

М. Д. Резвой был женат на *Фанни Алексеевне Гассинг* (род. 30-го августа 1816 г., ум. 8-го марта 1846 года, погребена на Смоленском лютеранском кладбище), дочери известного в Петербурге врача, и имел трех детей: сына *Дмитрия Модестовича*, генерала от инфантерии, скончавшегося 29-го ноября 1912 года, и двух дочерей: *Ольгу* и *Софию*.

Приведем в заключение небольшой список статей подписанных М. Д. Резвым: «Северная Пчела» 1838 г., стр. 245 (заметка о Гензельте); 1835 г., стр. 1154 (о виолончелисте Кнехте); 1839 г., № 42 (Смесь, статья М. Р.); 1842 г., № 53 (Историческая Оратория Петр Великий); 1848 г., № 71, стр. 281 (Древние напевы православной церкви). Кроме того, М. Д. Резвым составлен текст к литографированным картинам по Русской Истории, изданным Обществом Поощрения Художеств.

Столетие Военного Министерства, т. VII, ч. I, стр. 180; формулярный список 1846 г.; Отчеты Общества Поощрения Художеств разных лет до 1852 г.; «Петербургский Некрополь», том III. 559; Н. Петров, «Материалы к Истории Императорской Академии Художеств», том II, стр. 287; «Аполлон», 1912 года, № 1; «Русская Старина», том LXXIII, стр. 425; «Художественная Газета» 1840 г., № 25, стр. 22; «Отчет Императорской Академии Наук» за 1853 г., стр. 62–65; Березин, «Русский Энциклопедический Словарь», буква Р., стр. 149 (здесь неверно указано, что М. Д. Резвой был генерал-майором); «Ведомости С.-Петербургской Полиции» 1845 г., № 20, объявления; «Литературная Газета» 1845 г., стр. 185; Б. Л. Модзалевский, «Список членов Имп. Академии Наук», СПб. 1908.

Резвой, Николай Петрович

Резвой, Николай Петрович, Петербургский городской голова, старший сын *Петра Терентьевича* и брат *Дмитрия Петровича Р.* (см.); род. около 1749 г. и, оставаясь купцом, продолжал торговые дела и подряды своего отца. Между прочим, в 1788 г. он взял на откуп Красносельские сады придворного ведомства на 4 года с платою в 1500 рублей в год; но придворная Контора, видимо, имея какие-то счета с Резвыми (помня его отца или даже деда), на следующий же год (1789 г.) удалила Резвого от аренды и стала взыскивать с него убытки, высчитав их, каким-то непонятным образом, в несколько десятков тысяч. Р. подал жалобу в Суд, который нашел претензий Дворцового Управления несправедливыми. Дело пошло по инстанциям и дошло до Государственного Совета, который, рассмотрев его в заседании 15-го марта 1809 года, т. е. спустя 20 лет после начала иска, признал Резвого правым и сложил бывшую на нем недоимку. Помимо подрядов, Р. продолжал содержать открытый еще его отцом гастрономический магазин.

Кроме торговых дел, Н. П. Резвой продолжал, идя по стопам отца, городскую службу: в 1783 году он был выбран в Городовой Магистрат бурмистром, в 1785 году – заседателем Губернского Магистрата и Приказа Общественного Призрения, в 1792 году – городским головою. С восшествия на престол Павла I карьера Резвого сразу выяснилась, так как на его родной сестре, Анне Петровне, был женат недавний брадобрей, а теперь всесильный любимец Императора – новопожалованный граф Кутайсов.

4-го мая 1797 года коллежский ассессор Резвой был награжден чином надворного советника, когда же было введено новое Положение для столичного града С.-Петербург, то 12-го сентября 1798 года появилась именной указ Павла I: «Надворному Советнику Резвому повелеваем в. Санкт-Петербургском Городском Правлении отправлять должность Экономии Директора, всемилостивейше жалуя его в коллежские

советники»; в 1799 году, 13-го ноября, т. е. уже через год, «С.-Петербургского Городового Правления Экономии Директор коллежский советник Резвой, в воздаяние за усердную службу и труды, по сей части прилагаемые», всемилостивейше пожалован был в статские советники, с оставлением в настоящей должности, а 1-го марта 1800 года повелено было: «служащему в Камер-Департаменте Экономии Директору статскому советнику Резвому, оставляя ему в пенсион нынешнее жалованье, быть Президентом в Санкт-Петербургском Ратгаузе» и, наконец, 15-го июня 1800 года: «Санкт-Петербургского Ратгауза Президента Резвого всемилостивейше жалуюм в наши действительные статские советники», а 14-го июля того же года: «Президенту Ратгауза» Резвому всемилостивейше пожаловано было 3000 десятин в Саратовской губернии. Кроме этих наград чинами и землею, Н. П. Резвому были пожалованы ордена св. Анны 2-й степени (19-го февраля 1799 г.) и св. Иоанна Иерусалимского (19-го сентября 1800 г.).

Таким образом именитый гражданин города Петербург в 3 года, 2 месяца и 11 дней сделался действительным статским советником, кавалером и владельцем 3000 десятин земли.

При вступлении на престол Александра I Ратгауз был упразднен, снова ввелась жалованная грамота Императрицы Екатерины II городам, и Н. П. Резвой в 1803 году был причислен к Герольдии, а в 1808 году, 15-го января, был избран уездным предводителем дворянства Шлиссельбургского уезда.

В бытность Резвого президентом Ратгауза был произведен значительный ремонт здания Ратгауза и выстроена, между прочим, сохранившаяся до наших дней башня Ратгауза – башня Городской Думы.

Н. П. Резвой скончался в 1816 году; он был женат на *Прасковье Матвеевне Белозеровой* (род. 25-го октября 1762 г., ум. 20-го февраля 1842 г.), дочери Шлиссельбургского купца и городского головы, и имел 3 сыновей: *Петра*, *Дмитрия* и *Николая* (все три служили в артиллерии) и 3-х дочерей: *Александру*, *Екатерину* и *Анну*; последняя была замужем за

инженер-генерал-лейтенантом, сенатором Василием Ивановичем Масловым и умерла 6-го апреля 1875 г., 81 года.

Об имущественном положении Резвого дает некоторое представление следующее объявление, помещенное в «С.-Петербургских Ведомостях» уже долго спустя после смерти Н. П. Резвого, – в 1829 году: «С 1-го июня 1830 года отдается в содержание мукомольный крупичатый завод о 7 поставах, находящийся на 49-ой версте от С.-Петербурга, по правому берегу Невы, на Черной речке, на даче наследников действительного статского советника Резвого. При сем заводе устроены пильная мельница и красильная толчея, также имеется сенокосная и пахотная земля. Желающие взять таковую мельницу в содержание могут явиться для заключения условий на вышеупомянутую дачу».

Архив Государственного Совета, т. III, ч. 1, ст. 555; «С.-Петербургские Ведомости» 1797 г., стр. 793; 1789, № 8; 1798 г., стр. 595; 1803 г., прибавление к № 56; 1829 г., стр. 1909; Сенатский Архив, т. I, стр. 439, 562, 597, 625, 635; «Московские Ведомости» 1804 г., стр. 1669; «Русская Старина», т. VII, стр. 491; «Архив Воронцова», т. XXX, стр. 351; Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском Архиве, отдел III, пункт II, № 1073; Сенатский Архив, Формулярные списки 1816 г., кн. 72, л. 484.

Резвой, Петр Терентьевич

Резвой, Петр Терентьевич, сын *Терентия Резвого*, Санкт-петербургский купец, родился в 1731 году; он продолжал торговое дело своего отца и был подрядчиком дворцового ведомства. Императрица Екатерина II любила его звать «мой подрядчик». 20-го октября 1774 г. П. Т. Резвой был избран в бургомистры г. Петербурга. Кроме дома на Шпалерной (теперь на месте этого дома возвышается здание Петербургской тюрьмы для предварительного заключения), Резвой имел еще два дома в Петербурге: один на углу Мошкова переулка и Дворцовой набережной (в этом доме жил сам П. Т. Резвой; он отличался, по семейным преданиям, богатством внутренней отделки), а второй – на Луговой Миллионной улице (нынешняя Морская; в настоящее время на месте этого дома находится арка Главного Штаба); в этом последнем доме помещалась торговля П. Т. Резвого гастрономическими товарами и фруктами, едва ли не первая по времени открытия в Петербурге; далее в этом доме была одна из первых публичных библиотек Петербург, носившая название «Вивлиофика Дальгрена». В этом же доме любили останавливаться и разные заезжие знаменитости, артисты и артистки, а в 1783 году весь верх дома заарендовал для своей труппы Петербургский антрепренер Книппер.

П. Т. Резвой скончался 15-го июня 1779 г., 49 л., 11 м. и 22 дней от роду; он погребен в Александро-Невской Лавре; на памятнике его имеется следующая трогательная надпись: «Жизнью своею украшал гражданство и с пользою тому служил, а смертью причинил неутешную горесть многочисленной семье своей».

Р. был женат на *Анне Дмитриевне Куниной*, надолго пережившей мужа (умерла 23-го мая 1801 года, 67 лет; погребена также в Лавре). Дети его были: *Дмитрий*, *Николай* (см. выше) и *Павел*, умерший 20-го мая 1841 года, на 75-м году жизни надворным советником (погребен на кладбище Фарфорового завода); дочери *Анна* (гр. Кутайсова) и *Татьяна*

(по мужу Разнатовская). У Павла Петровича Резвого были дети Орест (род. 21-го февраля 1811 г., ум. 29-го января 1904 года, генерал от артиллерии), Клеоник (род. 1812 г., ум. 15-го марта 1878 г., служил в Капитуле Российских Орденов), и дочери: Евдокия (ум. 9-го марта 1900 г.) и Таусия (род. 31-го мая 1806 г., ум. 24-го сентября 1861 г.).

Петербургский Некрополь, т. III, стр. 559; П. Н. Петров, История С.-Петербурга, стр. 799; «Сборник Императорского Русского Исторического Общества», т. XIII, стр. 206; «С.-Петербургские Ведомости» 1787 г., стр. 8.

Резвой Терентий, купец

Резвой Терентий, купец, родоначальник фамилии; переселился в Петербург вскоре после его основания из города Осташкова – быть может, вместе с другим Осташковским жителем, Саввою Яковлевичем Собакиным, изменившим впоследствии свою фамилию на отчество (Яковлев) и положившим основание другому, тоже известному роду Яковлевых. В городе Осташкове Резвые, видимо, пользовались почетным положением, так как впоследствии один из них, Кузьма Резвой, был депутатом от города Осташкова в Екатерининской Комиссии о сочинении проекта нового Уложения.

Терентий Резвой занялся в Петербурге рыбною торговлею; его барка или, по-нынешнему, живорыбный садок, стояла на Неве, возле Почтового Дома, у Троицкой пристани – приблизительно там, где теперь въезд на Троицкий мост. В последние годы царствования Петра Великого был издан указ о переводе садка повыше по Неве, против Фонтанки. Этот перевод был сделан потому, что здесь же, по берегу Фонтанки, на месте нынешних домов Дворцового Ведомства, известных под названием «Бауровский» и «Прачешный», и Училища правоведения, устраивался «Сытный двор», т. е. место для хранения припасов для царской семьи. А рыба потреблялась при Дворе в большом количестве и, следовательно, было удобно, когда и живорыбные садки находились тут же, под боком; для того, чтобы и владелец этих садков жил неподалеку от них, ему отвели и домовый участок по нынешней Шпалерной улице – там, как мы и указали выше – где теперь возвышается здание Дома Предварительного заключения. Поставкою рыбы для Двора Терентий Резвой занимался и в царствование преемников Петра Великого, так как его фамилия встречается в расходных книгах Императрицы Екатерины I; дочь Петра Великого, Елисавета Петровна, освободила Терентия Резвого от всякой службы, а дом его – от всякого постоя, дабы он мог беспрепятственно поставлять к царскому двору живых

стерлядей; кроме царского двора, Резвой являлся поставщиком и других Петербургских учреждений; так, в Архиве Сухопутного шляхетного кадетского корпуса (ныне 1-й Кадетский), в сохранившейся описи уничтоженных дел, под ноябрем 1732 года значится дело «О рыбниках Дмитрее Пиначеве и Терентье Резвом – сколько от них по цене и какой рыбы в Кадетском корпусе забрано». Кроме рыбного подряда, Т. II. Резвой держал на откуп «конский сбор» в Шлиссельбургском уезде и мало-помалу сделался крупным земельным собственником: у него появилось большое имение под Шлиссельбургом; кроме того, ему был пожалован остров, сохранивший его прозвище – Резвый, напротив Екатерингофа.

«Сборник Имп. Русского Исторического Общества», том 32; Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском Архиве, отделение I, том II, № 664 и 679; «Архив Государственного Совета», т. III, ч. I, стр. 551; «С.-Петербургские Ведомости» 1807 г., стр. 440.

Репина, Надежда Васильевна

Репина, Надежда Васильевна, жена композитора А. Н. Верстовского, артистка Императорских Московских театров; род. в Москве 25-го сентября 1809 года; с раннего детства вращалась в артистической среде; отец её, В. Д. Репин, происходивший из крепостных людей помещиков Столыпиных и выкупленный на волю Дирекцией театров, был музыкантом Императорских Московских театров, и естественно, что, благодаря окружающей обстановке, у его дочери рано начала пробуждаться любовь к театру; к тому же весьма скудные средства отца заставили его отдать свою дочь, уже на седьмом году ее жизни, 7-го июля 1816 года, в Московское театральное училище, где она пробыла около 9 лет. В училище вскоре выяснилось, что у девочки недюжинные артистические способности и довольно сильный и мелодичный голос. Будучи еще ученицей Театрального училища. Репина с 1823 года стала появляться на сцене Московского театра, причем завоевала внимание публики и Театральной Дирекции. Это внимание, однако, досталось ей не даром: Дирекция в ту пору не только к воспитанникам и воспитанницам Театрального училища, но даже и к служащим артистам относилась очень строго; за ошибку при исполнении какой-либо роли наказывали весьма серьезно; так, Репина, вспоминала, что однажды, при первом представлении переведенной с французского пьесы Скриба «Простая История», в которой она играла главную женскую роль, она сбилась при исполнении одного куплета, и за это ее после спектакля поставили на колени.

Вскоре после первых своих выходов она обратила на себя внимание Инспектора музыки Московских театров А. Н. Верстовского, который, понимая сценическое искусство, много помогал ей своими советами. Выступив в 1823 году в первый раз на Московской сцене, Репина еще почти целых два года, часто появляясь в спектаклях, продолжала оставаться в Театральной школе и только 26-го мая 1825 года, не имея еще полных 16-ти лет, вышла из училища. Публика к этому времени

уже хорошо знала ее. Дарование Р., по отзывам современников, было обширно и многосторонне, а потому нет ничего удивительного, что, несмотря на свои еще очень молодые годы, она заняла одно из первых мест на Московской сцене, на которой прослужила 16 лет. О гибкости и разносторонности ее таланта можно судить по чрезвычайно разнообразному репертуару пьес, в которых она исполняла нередко роли самого противоположного характера. То она исполняла роли наивные, веселые, то роли страстные, сильно драматические, то водевильные, то первые роли в драмах и первые партии в операх, в которых, даже несмотря на свой не особенно обширный голос, исключительно благодаря неподражаемой игре, занимала первое место. А. Н. Верстовский, впоследствии ее муж, написал для нее партии Надежды в «Аскольдовой Могиле» и Пахиты в «Тоске по родине». Особенно же Н. В. Репина выделялась во французской комической опере, где, как известно, хорошая игра требуется в такой же мере, как и хорошее пение, а там, где дело касалось игры – успех Репиной был вполне обеспечен. Ее репертуар этого рода был очень обширен, но наибольшими симпатиями она пользовалась в операх: «Невеста», «Фра-Дьяволо», «Черное Домино» и некоторых других. Не будучи красавицей, Репина была очень миловидна, жива, полна чувства, страсти. Все свои роли, как сильно драматические, так и водевильные, проводила она воодушевленно, жизненно, страстно.

Белинский, говоря об ее игре в «Цыганах» (по Пушкину) и исполнении ею песни Земфиры «Старый муж, грозный муж», так охарактеризовал ее: «Н. В. вся была огонь, страсть, трепет, дикое упоение». О силе, естественности и чрезвычайно захватывающей страстности ее игры можно судить уже по следующему случаю, рассказанному бывшим режиссером Московских Императорских театров, покойным С. П. Соловьевым. В этих же «Цыганах», в которых исполнение Н. В. Репиной роли Земфиры приводило в восторг не только Белинского, но и всю Москву, роль Алеко исполнял П. С. Мочалов. Однажды он до того поддался очарованию артистки, что при стихах песни: «Как ласкала его я в ночной тишине»,

совершенно забылся и вскричал: «Это черт, а не женщина!» Но не в одной только роли Земфиры Репина производила такое сильное, захватывающее впечатление. Последней созданной ею ролью была роль Славской в водевиле Д. Т. Ленского (посвятившего ей водевиль «Лев Гурыч Синичкин»): «В людях ангел – не жена, дома с мужем – сатана»; здесь, несмотря на свои почти 32 года, она силою таланта, молодостью души сумела дать замечательно рельефное изображение молоденькой женщины, кажущейся то ангелом смирения, покорности, кротости и любви, если на нее смотрел кто-нибудь посторонний, то капризным, своенравным ребенком, беспощадно мучающим своего мужа, как только она остается с нею наедине. По отзыву Вл. Родиславского, особенно восхитительна она была, когда произносила, как бы по секрету публике, приложив при последнем слове палец к губам, слова заключительного куплета: «И здесь есть, верно, не одна, / Что в людях ангел – не жена, / А дома с мужем – сатана!»

Эта роль была последняя, созданная Н. В. Репиной, и ею она закончила свою артистическую карьеру, исполнив ее в последний раз на Московской сцене 8-го февраля 1841 года. Однако, несмотря на такую одухотворенность и страстность игры, Р. нельзя было назвать артисткой вдохновения, артисткой минуты; нет, она всегда много работала над каждой ролью, вдумывалась в нее, заботилась об отделке даже мелочей; в то же время она не была и артисткой заученной, рассчитавшей и изучившей каждый свой жест, каждое свое движение, что всегда придает игре какую-то деланность, натянутость и даже мертвенность. Это была артистка, полная жизни, страсти, таланта и ума; всякую роль, как бы она ни была бесцветна и бессодержательна, Репина умела провести с захватывающим интересом. Белинский, вообще сильно увлекавшийся Р., разбирая ее игру в роли Сусанны в «Свадьбе Фигаро», говорит между прочим: «Признаемся, что если бы все и всегда так играли (как Н. В. Репина), то не было бы больше плохих пьес, и все пьесы, даже дурные, были бы превосходны. По словам Родиславского, Р. «из каждой роли создавала законченное художественное произведение. Тонкое, эстетическое понимание

ролей, глубина и сила чувств, звучный, симпатичный голос, одушевленное, выразительное лицо, блестящие черные глаза и грация, присущая всем ее движениям – вот те орудия, которыми она побеждала все трудности искусства, очаровывая всех зрителей»... Сила ее таланта особенно рельефно обрисовалась в последние годы ее артистической деятельности. Будучи уже не первой молодости, она, однако, так естественно изображала то наивных, то капризных 15–16-летних девочек, что видевшие ее на сцене никогда не поверили бы, что артистке уже за 30 лет. Прослужив на сцене 16 лет, Репина в 1841 году, еще в полном расцвете своего таланта, вышла в отставку. Одной из причин этой отставки был, кажется, ее брак с *А. Н. Верстовским*, состоявшийся вскоре после того, как она оставила сцену. Но и в отставке артистка не переставала интересоваться театром и до самой смерти своего мужа очень часто посещала театр. Многие артисты и особенно артистки часто обращались к ней за советом, весьма дорожа ее мнением об их игре. Строгая к себе, она была снисходительна к другим, и отзывы ее даже о дурном исполнении всегда отличались мягкостью и деликатностью, хотя, конечно, всегда было видно, что это обусловлено не отсутствием вкуса и непониманием дела, а сердечной добротой и снисходительностью. По смерти мужа здоровье Р. сильно пошатнулось. 19-го ноября 1867 г., вечером, она вдруг почувствовала себя дурно, а 20-го ноября, в 11 часов утра, скончалась; тело ее погребено на Ваганьковом кладбище, возле могилы ее мужа.

«Иллюстрированная Газета» 1867 г., 14-го декабря, № 49, стр. 382, некролог; *«Энциклопедический Словарь»* Брокгауза и Ефрона, т. 27, стр. 481 и т. VI, стр. 52; *«Современная Летопись»* 1867 г., № 45, ст. Вл. Родиславского: *«Надежда Васильевна Репина»*, стр. 14–15 (некролога); *«Репертуар Русской сцены»* 1840 г., т. 2, кн. XI, ст. Л. Л.: *«Русский театр в Петербурге и в Москве»*, стр. 3 и 4; *«Московские Ведомости»* 1825–1841 гг.; *«Историч. Вестн.»* 1912 г., № 6, стр. 881–882; *Сочинения С. Т. Аксакова*, изд. Просвещения, по указ.

Репинский, Косьма Григорьевич

Репинский, Косьма Григорьевич, действительный тайный советник, сенатор, сотрудник Сперанского по кодификационным его работам; сын сельского священника, родился 29-го июня 1796 г. в селе Репном, Саратовской губернии. Окончив в 1816 г. курс наук в Пензенской духовной семинарии, он, по рекомендации ректора ее, архимандрита Аарона, был принят на службу в Канцелярию Пензенского гражданского губернатора, которым тогда состоял М. М. Сперанский. Случайная служебная встреча со Сперанским предопределила всю дальнейшую чиновничью карьеру Репинского: начиная с 1817 г. и до самой смерти Сперанского Репинский следовал за своим патроном по всем канцеляриям, его обслуживавшим, исполняя в то же время обязанности личного его секретаря. Умение Сперанского всегда безошибочно находить нужных ему для дела людей заставляет нас предположить, что в молодом Репинском рано проявились ценные канцелярские способности. Действительно, до нас дошли указания на то, что уже в первые годы службы Репинского Сперанский ценил в нем «скромность и верность». В те же годы будущий декабрист Г. С. Батенков, служивший с Репинским в канцелярии Сибирского генерал-губернатора, отзывался о нем, как о человеке ученом, верном и честном. Перевод Репинского из Пензы в канцелярию Сибирского генерал-губернатора состоялся в 1819 г., – одновременно с назначением на пост генерал-губернатора Сперанского.

В 1821 г., вслед за возвратившимся в Петербург Сперанским, Репинский был прикомандирован к делопроизводству Сибирского Комитета, оставаясь формально «при делах» Сибирского генерал-губернатора. Вместе с тем, входя в состав личной канцелярии Сперанского, снова получившего ближайшее соприкосновение с Комиссией Составления Законов, Репинский оказался как бы причастным деятельности и этого учреждения, непосредственного предшественника II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярий в деле кодификационных работ. В 1822 г., с

разделением Главного Сибирского Управления на две части, Репинский, оставаясь откомандированным в делопроизводство Сибирского Комитета, был назначен в Канцелярию Главного Управления Восточной Сибири, но в том же году формально закреплён и за Сибирским Комитетом, будучи назначен столоначальником в его делопроизводстве. В Сибирском Комитете Репинский служил до самого закрытия Комитета. В июле 1827 г. Репинский поступил на службу во II Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии и в связи с этим назначением покинул ведомство Главного Управления Восточной Сибири. С этого времени и до начала 1860-х годов служебная карьера Репинского была тесно связана с делом кодификации.

Ко времени поступления во II Отделение низшие ступени служебной лестницы были Репинским уже пройдены: поступив в 1817 г. на службу в чине губернского регистратора, он в 1826 г. был уже коллежским ассессором. Щедро вознаграждавшаяся служба во II Отделении ускорила дальнейшее служебное продвижение Репинского. Получая каждый год по одной, а иногда и по несколько наград (чином, орденом, деньгами), Репинский по окончании работ над составлением Свода Законов, в исторический для Свода день 29-го января 1833 г., был пожалован: 1) в коллежские советники, 2) орденом св. Анны 2-й ст., украшенным Императорскою короною, и 3) единовременною выдачею 10000 рублей.

Состоя во II Отделении «младшим помощником», Репинский являлся одним из деятельнейших рядовых работников в созидании Полного Собрания и Свода Законов. На него возложена была подготовка следующих частей Свода Законов: общего учреждения министерств и некоторых частных учреждений; всех губернских учреждений; устава о предупреждении и пресечении преступлений; устава о содержащихся под стражею и о ссыльных. Кроме того, Репинский принимал участие и в окончательной проверке некоторых других частей Свода. Служба во II Отделении, руководимом Сперанским, способствовала, конечно, неизменной прочности как деловых, так и чисто личных отношений Репинского к последнему. Длинный ряд записок и

писем Сперанского к Репинскому, сохранившийся в архиве последнего, неопровержимо свидетельствует о том, что Сперанский видел в Репинском «своего» человека, которому можно поручить, притом в столь характерной для Сперанского мягкой, деликатной форме, не только служебные дела, но и хлопоты, связанные с переездом на новую квартиру. Доброму отношению со стороны Сперанского Репинский отвечал чувством безграничной преданности. Всю свою жизнь он оставался верным стражем благоговейной памяти Сперанского: не только служебные заветы, но и все, что касалось личности Сперанского тщательно, любовно им оберегалось.

После завершения работ над изданием Свода Законов Репинский продолжал принимать деятельное участие во всех кодификационных работах II Отделения, а также образовывавшихся при II Отделении Комитетов. При его участии и под его наблюдением производились работы по изданию Продолжений Свода Законов, работы по переделкам и новым изданиям Свода (в 1842 г. – новые издания I, II и IV томов; в 1857 г. – тех же трех томов и 2-й части VIII тома), наконец, готовились новые части Свода (в 1848 г. Репинский принимал ближайшее участие в составлении всех Счетных уставов, в 1856 г. – Свода уставов о управлении духовных дел иностранных исповеданий). Весьма близкое касательство имел Репинский и к работам состоявшего при II Отделении Рекрутского Комитета: членом Рекрутского Комитета он был, правда, назначен лишь в 1854 г., но до этого, с 1829 г. он был неизменным производителем дел Комитета. Через руки Репинского прошли, таким образом, все важнейшие законоположения о рекрутской повинности (в 1829 и 1830 годах готовился общий Рекрутский Устав по началам долговой системы и очередного порядка, а в 1837 году и последующих – особенные Уставы о жеребьевом порядке). В 1834 г. Репинский исполнял обязанности производителя дел в Комитете, составленном из высших чинов Министерства Финансов, Внутренних Дел и Юстиции «для рассмотрения одного особого дела, тайне подлежавшего». В 1836 и 1837 г. он состоял производителем дел в комитете об устройстве столичной

полиции. С 1833 по 1860 г. Репинский состоял юрисконсультос Государственного Заемного Банка. Продвижение Репинского по лестнице чинов, орденов и денежных наград производилось в то же самое время без всяких задержек, я отмечу лишь важнейшее. Еще в 1834 г. он был назначен старшим чиновником по II Отделению, в 1837 г. – произведен в статские советники, в 1839 г. – ему пожалована аренда по 1000 руб. в год на 12 лет, в 1841 г. – он произведен в действительные статские советники. В 1844 и 1845 г. Репинскому приходилось уже временно исполнять должность Начальника II Отделения, а в 1852 г., на время отъезда за границу Главноуправляющего II Отделения, графа Д. Н. Блудова, Репинскому доверены были и некоторые из функций последнего, а именно, производство сношений по текущим делам Отделения, заведование личным составом Отделения и его типографии. В 1854 г. Репинский был произведен в тайные советники и, наконец, 30-го августа 1856 г. ему Высочайше повелено было присутствовать в Правительствующем Сенате. Репинский был, однако, слишком тесно связан с работой II Отделения, чтобы с легким сердцем от этой работы отстать; поэтому, одновременно с назначением его сенатором ему было повелено остаться на службе во II Отделении – «до окончания нового, третьего издания Свода Законов». Связь К. Г. Репинского со II Отделением была закреплена, однако, и после появления в свет Свода Законов издания 1857 года: в 1857 г. состоялось Высочайшее повеление «оставить сенатора Репинского при II Отделении Собственной Его Величества Канцелярии, без обязанности присутствовать в Правительствующем Сенате». В том же 1858 году Репинский был награжден орденом Белого Орла.

Между тем, подошла полоса новых веяний. Пришли новые люди, во всех областях государственной жизни были выдвинуты новые лозунги. Репинскому, перешедшему уже 60-летний возраст, после долгих лет службы в рядах прочного Николаевского чиновничества, вся новизна показалась чуждой и ненужной. В ряду активных деятелей эпохи «великих реформ» его имени мы не встретим; в тех же случаях, когда он получал к этим реформам формальное касательство, дальше чисто

внешнего к ним отношения дело у него не шло. В апреле 1859 г. Репинский был назначен от II Отделения в образованную при Министерстве Внутренних Дел, под председательством Н. А. Милютина, Комиссию о составлении проектов положений об уездном полицейском управлении и об учреждении для разбора недоумений и споров между помещиками и крестьянами. Однако, уже в октябре того же 1859 г., в связи с поручением Милютинской Комиссии составления проекта преобразования губернских учреждений, Репинский представил Блудову ходатайство о замене его в Комиссии другим лицом; ссылаясь он на сердечную болезнь, мешающую ему ездить «в утомительные заседания Комиссии», но помимо болезни ощущал, по-видимому, и неизменную внутреннюю отчужденность от производившегося под руководством Милютина дела; не скрывая своего недоверия к новым веяниям, Репинский в той же записке Блудову писал: «Какую затевают перемену в губернском управлении, я еще ничего не знаю, да едва ли знают что-нибудь положительно и те сами, которые затеяли ее...» В ноябре 1859 г. Репинский был формально заменен в Комиссии Н. В. Калачовым. Когда же волна либерализма докатилась до II Отделения, Репинский покинул и это учреждение, с которым его тесно связывали столь долгие годы добросовестной службы. 4-го апреля 1861 г. Репинский писал Блудову: «Ваше Сиятельство! Отовсюду слышу, что судьба увлекает Второе Отделение под новое начальство... Крайне смущенный этими вестями, решаюсь... утруждать Вас представляемою при сем формальною просьбою об увольнении меня от дел Отделения». «Новым начальством» для II Отделения явился барон М. А. Корф, назначенный Главноуправляющим Отделением не в апреле 1861 г., как думал Репинский, а лишь 6-го декабря того же года; незадолго до этого назначения, 30-го ноября 1861 г., и состоялось формальное увольнение Репинского от занятий по II Отделению. Барон Корф стремился наложить столь знаменательную для эпохи печать либерализма, выражавшуюся в сочетании самодержавного по существу своему политического строя с формой некоторых западноевропейских публично-

правовых категорий и на деятельность II Отделения. В этом стремлении Репинский мог, конечно, увидеть только измену заложенным в кодификационную деятельность самим Сперанским принципам, измену его, священной для Репинского памяти. Сохранились любопытные отметки Репинского на двух печатных экземплярах записок Корфа: о преобразовании порядка составления продолжений Свода и новых его изданий и на записке об отделении законов от административных постановлений. Заметки Репинского на полях этих записок выдают чрезвычайное недоброжелательство их автора по отношению ко всем затевавшимся Корфом нововведениям, резкую, порой ироническую критику отдельных предположений и даже выражений, и начинаются следующим двустилием:

Вам нужен новый Свод? – извольте:

Вот вам совет; но нас – увольте!

Заканчиваются эти заметки личным выпадам против Корфа («Не узнаю! фразерство – прежнее, а трудолюбие исчезло!») и грустным предположением: «Была Комиссия составления законов; пора быть Комиссии оставления законов!».

Репинский был привлечен и к работам «по преобразованию судебной части», но в истории и этих работ не обеспечил себе сколько-нибудь прочной памяти.

После освобождения от работ по II Отделению Репинский был назначен присутствовать во Втором Департаменте Сената (с 1-го января 1862 г.), но, видимо, в Сенате он чувствовал себя чужим человеком и стремился к деятельности, более близкой к той «суете служебной», в которой по его собственным словам (письмо к Блудову), провел он всю свою жизнь: уже 28-го марта 1862 г. он был освобожден от присутствия в Сенате ввиду назначения в Комиссию для пересмотра Рекрутского Устава и согласования его с новыми условиями крестьянского быта. В октябре 1863 г. Репинский вернулся, однако, к присутствованию во Втором Департаменте Сената, а в марте 1865 г. был освобожден, согласно желанию, от занятий по Комиссии о пересмотре Рекрутского Устава. 24-го декабря 1865 г. Репинский был назначен Первоприсутствующим в 1-е Отделение Третьего Департамента Сената, от каковых обязанностей был, опять-таки

по собственному о том ходатайству, освобожден 13-го апреля 1868 г. с назначением присутствовать в Общем Собрании первых трех Департаментов и Департамента Герольдии. 17-го июля 1869 г. исполнилось пятидесятилетие службы Репинского в классных чинах: в этот день он получил от Государя рескрипт и орден Св. Александра Невского с алмазными украшениями. 1-го января 1872 г. Репинский получил последнюю награду: «за отлично ревностную службу» он был произведен в действительные тайные советники.

Скончался Репинский 80-ти лет от роду – 25-го ноября 1876 г. и похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры.

Репинский был женат на купеческой дочери *Екатерине Федоровне Ильиной* и имел четырех сыновей (*Михаила, Григория, Владимира и Александра*) и дочь (*Надежду*, вышедшую замуж за камер-юнкера *Тевяшева*). Вторым сыном Репинского – *Григорий Космич*, родившийся в 1832 г. (ум. 1906), был назначен сенатором 30-го августа 1875 г.: таким образом около года сенаторами были и отец, и сын Репинские.

Формулярный о службе список Репинского в Сенатском Архиве; Бумаги Репинского – в Российской Публичной Библиотеке, куда они были переданы в 1877 г. (См. «Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1877 год», СПб. 1879, стр. 11–24); сведения о службе Репинского во II Отделении Собств. Е. И. В. Канцелярии – в делах II Отделения, хранящихся ныне в Архиве Законодательных Дел; упоминаемые в тексте печатные записки барона М. А. Корфа с рукописными отметками Репинского – в Библиотеке Петроградских Высших Женских Курсов; П. М. Майков, «Второе Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии 1826–1882», СПб. 1906, приложения, стр. 38–42 (Приложение XIV – «Биографические сведения о К. Г. Репинском»); Бар. М. А. Корф, «Жизнь графа Сперанского, СПб. 1861, т. II; Сборник «В память графа Сперанского», СПб. 1872; «Граф М. М. Сперанский и граф А. А. Аракчеев (по воспоминаниям Г. С. Батенкова, написанным 31 Марта 1826 г.)» – «Русская Старина» 1897 г., т. 92, стр. 84; «Записки Иркутского

жителя (И. Т. Калашникова)», сообщ. Б. Л. Модзалевский – «Русская Старина» 1905 г., т. 123, стр. 249; «Судебные Уставы 20 Ноября 1864 г. за пятьдесят лет», т. I, Птгр. 1914, стр. 195; «История Правительствующего Сената за двести лет, 1711–1911 гг.» т. V, СПб. 1911, стр. 148; Гр. А. Бобринской, *Дворянские роды*, т. II, стр. 647.

Репин, Иван Иванович

Репин, Иван Иванович, сенатор; дворянин по происхождению, он родился в начале 1750-х гг.; в 1765 г. зачисленный в службу солдатом л.-гв. в Преображенский полк, он в 1770 г. принял участие в военных действиях в Архипелаге, в течение 1772 года был в двух сражениях: в июле месяце – на острове Негропонте, а в ноябре – на острове Митилене. За это время Репин был произведен: в 1771 году – в капралы, в 1772 году – в подпрапорщики, а в 1773 году – в сержанты. По возвращении с места военных действий, Репин отправился в г. Пензу для свидания с родными и здесь, во время поднявшегося Пугачевского бунта, был выбран дворянством на службу, в силу манифеста, дававшего такое право желающим офицерам, находившимся в отпуску или в отставке; за это Р. 29-го октября 1774 года был произведен из сержантов гвардии в капитаны армии и определен в Черниговский пехотный полк.

В 1785 году, 13-го февраля, он был отставлен от службы секунд-майором, а в мае следующего года, произведенный в надворные советники, был принят на службу по Водяной Коммуникации между Москвой и С.-Петербургом. В этой должности Репин пробыл всего год, так как уже в апреле 1787 года вновь перешел в армию и, будучи переименован в подполковники, вступил в Московский карабинерный полк. В 1789 году он был послан на передовые посты против десанта, сделанного Королем Шведским в Биоркэ, и здесь, с 22-го мая во 23-е июля, был ежедневно в делах с неприятелем, за что и был награжден, 23-го мая 1790 года, орденом св. Владимира 4-ой степени.

Во время войны в Польше в 1794 году Репин находился дежурным при корпусе генерал-поручика князя Голицына и был командирован князем Голицыным с отрядом под местечко Сакати, под которым «отбил атаку в великом числе неприятеля под командою генерала Гудовича» и прикрыл ретирату «сильнейшему отряду», командированному под начальством полковника Экеля. За эти отличия Репин был награжден

орденом св. Георгия 4 степени и в том же году, в октябре, был, с чином полковника, переведен в Ахтырский легкоконный полк, а через 3 года, в январе 1797 г. – в гусарский Дунина полк. В сентябре того же года он был отстранен от службы, а в ноябре, с пожалованием в генерал-майоры, был вновь принят по армии.

В мае 1799 г. Репин был назначен командиром Ольвиопольского гусарского полка и уже в октябре был произведен в генерал-лейтенанты, а в 1800 году, 4-го марта, уже с чином генерала от кавалерии, снова был отставлен от службы, но в июле месяце того же года, по Высочайшему указу, был послан на Дон для ревизии атаманских дел и Войсковой Канцелярии; сверх того, ему было поручено наблюдение за ходом и ускорение окончания возникшего тогда дела Грузиновых, обвинявшихся с товарищами в государственном преступлении; для этой же цели вместе с ним был послан генерал Кожин. Прибыв на место назначения в Старочеркасск, Р. так ревностно принялся за дело, что не больше, как в месяц покончил с ним; Старочеркасский прокурор протестовал, и в результате этого протеста, дошедшего до Императора, был послан новый указ о помиловании виновных. Но Р. и Кожин задержали повеление до тех пор, пока казнь над осужденными не была приведена в исполнение – опираясь в своих действиях на предшествовавший указ – от 21-го августа 1800 года, в котором было повелено «Евграфа Грузинова, полковника гвардии, за измену (его обвиняли в непочтительных отзывах о Государе), лиша чинов и дворянства, нещадно бить кнутом». Казнь над Грузиновым была совершена 5-го сентября при следующих обстоятельствах: «Полиция перед казнью ходила по всем домам Старочеркасска и выгоняла старых и малых обывателей смотреть на экзекуцию. У эшафота на углах поставлено было четыре заряженных пушки, дула которых направлены были в народ. В руках прислуги были зажженные фитили. Ропот и сожаление народа высказывались только причитанием баб и плачевными возгласами мужчин. Битье началось при восходе солнца и продолжалось до 2 часов пополудни. При каждом ударе Грузинов громко произносил: «Господи, помилуй» – до тех пор, пока третий палач бросил кнут

и отошел в сторону; четвертого палача не нашли, а потому решили умертвить Грузинова другим способом: приказали ему напиться холодной воды, отчего он тотчас же и скончался». 27-го сентября были казнены остальные товарищи Грузинова: войсковой старшина Иван Афанасьевич Апонасов и три казака; им были отрублены головы.

Сведения об этих зверствах дошли до Павла: Репин и Кожин были отданы 13-го октября 1800 г. под суд Правительствующего Сената; однако каким-то образом Сенат, по рассмотрении дела, не нашел Репина виновным и представил о том Императору, на что воспоследовала Высочайшая резолюция: «дать абшид»; в том же 1801 году повелено было производить Репину пенсион по 2000 рублей в год. Далее, в 1805 году, Репин был пожалован землею, но, по невозможности населить ее, просил принять ее обратно в Казну, за что было Высочайше повелено видать ему 16000 рублей. Уже в 1807 году Репин вновь был принят на службу генерал-лейтенантом по армии и откомандирован для командования и приготовления к походу 30-ти башкирских и 10-ти калмыцких команд, расположенных в нескольких внутренних губерниях; но, по заключении с Франциею мира, войска эти были распущены, а Репин получил Высочайшую благодарность.

В 1808 году, 22-го июля, он был назначен комендантом в город Баку и, сверх того, ему поручено было управление Бакинской, Дербентской и Кубанскою провинциями, а также ведение политических сношений с соседними ханствами. За особые заслуги по этой деятельности Р. в 1810 году получил орден Анны I-ой степ. при Высочайшем рескрипте и был сделан шефом Бакинского гарнизонного полка. В 1813 году, после продолжительного отпуска, Репин был отправлен в Могилевскую губернию для скорейшего исследования и приведения в ясность беспорядков, произведенных в Белоруссии Малороссийским Ополчением под командою графов Гудовичей. Наконец, 16-го февраля 1816 года ему повелено было присутствовать в Правительствующем Сенате, во 2-м Департаменте, а в июле того же года было особо Высочайше повелено «казенных денщиков оставить при нем»;

6-го сентября 1817 года Р. повелено было присутствовать в Межевом Департаменте Сената.

Он умер 24-го ноября 1832 года, 80 лет, и погребен на Смоленском кладбище.

Формулярный список; *«Русская Старина»*, т. II, стр. 239, т. VII, стр. 630, 632, 574, 575; т. XII, стр. 258; т. XXIII, стр. 243–247, 262, 263, т. XVIII, стр. 602: *«Сборник Имп. Русского Исторического Общества»*, т. VI; *«Журналы Комитета Министров. Царствование Александра I»*, т. II; *«Донские Войсковые Ведомости»* 1860 года, № 5, стр. 10; *«Историч. Вестник»* 1901, № 4, стр. 216, 226, 228, 229, 233; *«Акты Кавк. Археографич. Комм.»*, т. IX, стр. XXVIII и т. X, стр. XXIX.

Решетилов, Константин Федорович

Решетилов, Константин Федорович, генерал-лейтенант, наказной атаман Азовского казачьего войска; род. в 1793 году на Дону, но принадлежал к роду дворян Таврической губернии; зачисленный чуть ли не в день своего рождения в один из гвардейских полков, он еще юношей начал свою действительную службу, причем вскоре же ему пришлось получить и боевое крещение, так как началась Отечественная война. Постепенно подвигаясь в чинах и должностях, Р. в 1840-х годах был назначен наказным атаманом Азовского казачьего войска, а вскоре за тем произведен в генерал-лейтенанты и пожалован значительным участком земли в Бердянском уезде Таврической губернии; в самом Бердянске у него тоже была земля и несколько домов. После Крымской кампании Р. вышел в отставку и последние годы жизни провел или в своем имении, или в Бердянске.

Скончался 25-го мая 1867 г., на 75 году от рождения.

«Одесский Вестник» 1867 г., 27-го июня, № 147, ст. А. Родионова.

Решетников, Андрей Гордеевич (Гордианович)

Решетников, Андрей Гордеевич (или *Гордианович*), московский типографщик, издатель; когда в 1783 г., 15-го января, был дан указ о разрешении всякому желающему заводить типографии, то Р., наряду со многими другими лицами, завел свою собственную типографию, которая и существовала, вероятно, до конца 1796 г., когда, указом 16-го сентября, все «вольные» типографии были запрещены. Когда, в силу указа 9-го февраля 1802 г., была открыта, 16-го марта 1803 г., с дозволения Управы благочиния, Московская губернская типография, Р. взял ее на содержание и был содержателем ее и в 1807 г.; в этом году в ней печатание производилось на языках российском, греческом, латинском, французском и немецком, причем в ней было собственных Решетникова станов 5, да принадлежащих Губернскому Правлению 2 и 2 фигурных стана для печатания эстампов. В 1792 г. типография Р. находилась в Москве, на Дмитровке, близ Георгиевского монастыря, а в 1810 году – на Петровке, у Рождества в Столешниках, в собственном его доме. Во время нашествия французов на Москву Решетников с семьей, в которой находился и мальчик Погодин, соученик его сына, удалился в Суздаль; дом Р., в котором во время занятия Москвы стояли французы, уцелел от пожара.

Р. имел чин губернского регистратора, как отмечено в формулярном списке его сына. Время смерти его нам неизвестно. По отзыву Погодина, прожившего в его семье около двух лет, Решетников был «строгий», но добрый старик, человек просвещенный.

Его издательская деятельность ограничивается двумя десятками лет (1791–1812), в продолжение которых он издал (а отчасти, по-видимому, сам и составил) следующие книги: 1) «Любопытный художник и ремесленник, или Записки, касающиеся до разных художеств, рукоделий, составов и до некоторых экономических, поваренных и садовых работ и проч., собрал и издал Андрей Решетников», 2 ч., с фигурами, М. 1791,

8°, в тип Решетникова; 2) «Новый способ, или новейшая Азбука – для научения детей по правилам грамматическим Российскому и Французскому чтению, Арифметике, Географии, Рисованию и нотному пению, собрано и издано Андреем Решетниковым», 3 ч., М. 1791, 8°; 3) «Начальные правила Арифметики и краткое руководство к Географии, в пользу Российского юношества собрал Андрей Решетников», М., в тип. Решетникова, 1792, 8°, ц. 5 руб.; 4) «Краткая Решетникова Азбука для юных детей, при помощи Божией начинающих учению письмен Российского языка, с присовокуплением Священной Истории Ветхого и Нового Завета», М., в тип. Решетникова, 1800, 8°; 5) то же, изд. 4 и 6, под названием «Краткая Решетникова Российская Азбука для юных детей, с Священною Историю Ветхого и Нового Завета», М., в тип. Решетникова, 1815 и 1819 гг., 8°; 6) то же, издание 5, под названием «Российская Азбука для юных детей, с Священною Историю и нравоучительными баснями», М., в тип. Решетникова, 1815, 8°, ц. 1 руб. 50 коп.; 7) «Новая Российская Азбука, для обучения детей чтению, с присовокуплением прописей, руководствующая к чистому Российскому письму, содержащая в себе примерные письма, многие нравоучительные правила, краткую грамматику и басни с картинками», М. 1801, 8°; 8) «Азбука для чистописания», изданная Решетниковым, М., 4°, s. a.; 9) «Священная История Ветхого и Нового Завета, сокращенная из библейских книг Андреем Решетниковым», М., 1803, 8°; 10) «Первоначальное учение Российского языка чтению обою пола детей, или Новейшая азбука, содержащая в себе по возрасту их многие наставления, как-то: в вере, добронравии и благопристойном обхождении в обществе, с присовокуплением басен, собрал А. Решетников», М. 1808, в тип. Решетникова; изд. 4, 5, 6 и 7, М. 1813, 1814 и 1815; новое издание означено 4-м, М. 1818, 8°; 11) «Для малолетних детей, начинающих обучаться Российскому чтению, Азбука или первоначальный урок, руководствующий их легчайшим способом к чтению книг», изд. 1, 2, 4 и 6, М. 1810, 1811, 1813 и 1820, 8°, в тип. Решетникова; 12) «Полное собрание Псалмов Давида, поэта и царя, преложенное как

древними, так и новыми Российскими стихотворцами из прозы стихами, с надписанием каждого из них имени, собранное по порядку Псалтыри Андреем Решетниковым», 2 т. с фигурами, М. 1811, 8°, в тип. Решетникова (по Сопикову – М. 1809 и 1812); в издании этом многое переведено с еврейского Амвросием Зертис-Каменским; 13) «Новый Месяцеслов, или полный показатель во весь год празднуемых Российской церковью святых, с росписью всех церквей, находящихся в Москве, и с толкованием имен», с гравированными картинами, собрал Андрей Решетников, М. 1799, 8°, изд. 2-е – М. 1802, 8°.

Кроме книг, Р. издавал еще журналы: 1) «Дело от безделья, или приятная забава, рождающая улыбку на челе угрюмых, умеряющая излишнюю радость вертопрахов и каждому, по его вкусу, философическими, критическими, пастушьими и аллегорическими повестями, в стихах и прозе состоящими, угождающая», М. 1792, 8°, 4 части (12 книжек, янв.-дек.); сотрудниками здесь были М. Сушков, Н. Павлов, И. Наумов, И. Вахромеев, А. Есипов, И. Андреевский, И. Виноградов; 2) «Прохладные Часы, или аптека, врачующая от уныния, составленная из медикаментов старины и новизны, то есть: философических, критических, рифмотворных, пастушьих и аллегорических веществословий», М. 1793, 8°, 2 части (12 книжек, янв.-дек.); здесь сотрудничали: П. Рославлев, П. Левашев, Н. Павлов, Д. Зиновьев. Я. Романовский, Е. П. Люценко и др. Вероятно, он же был издателем и третьего подобного журнала, печатавшегося в его типографии, но значительно позже: «Московский Собеседник, или Повествователь мыслей в вечернее время упражняющихся в своем кабинете писателей; рассказывающий повести, анекдоты, стихотворения, полезные рассуждения, а временем и критику. Ежемесячное издание на 1806 год», М., у А. Решетникова, 1806, 8°.

Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. I, стр. 7, 11, 15, 17; М. Погодин, Год в чужих краях, ч. II, М. 1844, стр. 201; «Сборник старинных бумаг, хранящ. в Музее П. И. Щукина», ч. VIII, М. 1901, с. 128; В. Н. Рогожин, Материалы для Русской библиографии, т. I, вып. I, СПб. 1903; Краткий обзор

книжной торговли Глазуновых, СПб. 1882, стр. 11; Г. Геннади, Словарь, т. III; В. Сопиков, Опыт Российской библиографии, изд. В. Рогожина; Смирдин, Роспись книгам; А. Неустроев, Историческое розыскание о русск. повреж. изданиях и сборниках, СПб. 1874, стр. 715 и 738.

Решетников, Иван Андреевич

Решетников, Иван Андреевич, сельский хозяин, писатель; сын предыдущего, он родился в 1800 году, воспитывался и учился дома, совместно с мальчиком Погодиным, впоследствии известным ученым, и Овером, ставшим затем знаменитым врачом, причем брал уроки у студента Посникова, а по-французски учиться ходил с товарищами в пансион г-на Порты; в декабре 1815 г. Р. определен был на службу в Московское Губернское Правление подканцеляристом, получив в то же время позволение слушать лекции в Московском университете; оказывая здесь хорошие успехи, он в июне 1817 г., за представленное им рассуждение, награжден был серебряною медалью, а 20-го января 1819 г. утвержден был, по окончании университетского курса, в звании действительного студента; все время числясь на службе в Губернском Правлении, Р. 16-го февраля 1820 г. перешел в Канцелярию Московского гражданского губернатора Дурасова и в декабре произведен был в губернские секретари, после чего 18-го октября 1823 г., по предложению губернатора Безобразова, определен был корректором (без жалованья) в Московскую губернскую типографию, содержащуюся его отцом, и уже 10-го января 1824 г. назначен был ее смотрителем.

В июле 1826 г. Р. был командирован в Комиссию о коронации Николая I и в октябре, по ее представлению, получил подарок и коронационную медаль, а в декабре произведен в титулярные советники. 17-го ноября 1840 г. он был определен в число чиновников Канцелярии Московского военного генерал-губернатора князя Д. В. Голицына и прослужил здесь до 9-го февраля 1845 г., когда вышел в отставку с награждением чином коллежского асессора, а 3-го ноября того же года был назначен почетным смотрителем при Городских начальных училищах в Москве, в коей у Р. в 1840 г. был на Петровке каменный дом, купленный им в 1845 г. у княгини Веры Гавр. Долгоруковой. В 1847 г. Р. был избран, на 3-летие, депутатом по Московскому уезду для раскладки земских повинностей.

Умер он в Москве 27-го мая 1852 г., на 53 году от роду, и погребен на Ваганьковом кладбище.

В 1830-х гг. и до смерти Р. состоял членом Московского Попечительного о бедных Комитета Имп. Человеколюбивого Общества, а 2-го марта 1831 г. был избран, «из уважения к трудам его, содействующим успехам сельского хозяйства», действительным членом Имп. Московского Общества Сельского Хозяйства; 12-го октября 1835 г. он, в числе прочих членов этого Общества, получил Монаршее благоволение «на труды и стремление к улучшению сельского хозяйства», а 31-го марта 1843 г., по засвидетельствованию Министерства Государственных Имуществ о «полезной предприимчивости и особенном усердии, оказанных им по части сельского хозяйства», Р. был пожалован орденом Анны 3-й степени; в 1841–1842 гг. Р. временно управлял учебно-практическим хутором Московского Общества Сельского Хозяйства, а ранее, с 1838 по 1842 г., был казначеем этого Общества; кроме того, состоя также членом Российского Общества Любителей Садоводства в Москве, он 14-го февраля 1838 г. был избран вице-директором Ученого Отделения этого Общества.

Будучи еще студентом, Р. перевел с латинского языка и издал в типографии своего отца книгу: «Опыт рассуждения о том, что именно Римляне заимствовали от Греков и Етрусков, и каким образом заимствованное от сих народов обратили в свою пользу», М. 1817, 8°. Позже он издал следующие книги по вопросам сельского хозяйства: «Краткое руководство к выгоднейшему возделыванию картофеля в полях», М., в тип. Степанова, 1834, 12°, ц. 50 коп.; «Наставление крестьянам, как садить картофель в поле». М., в тип. Селивановского. 1834, 8°, ц. 50 коп.; «Руководство к приисканию и распознаванию мергеля и удобрению им полей и лугов. Сочинение Домбаля. Издал Решетников, с целью обратить внимание русских хозяев на это могущественнейшее средство к поправлению истощенных полей, как в черноземных, так и в других губерниях, нуждающихся в землеудобрении», М., в тип. Решетникова, 1840, 8°, ц. 75 коп.; то же, изд. СПб. 1841, 16°; «Краткое Руководство» и «Руководство к приисканию мергеля» в 1835 и 1840 гг. было

приобретено в большом числе экземпляров, для распространения, Имп. Вольным Экономическим Обществом, членом которого Р. состоял.

Кроме книг, Р. написал много статей по сельскому хозяйству и домоводству – напр.: «Несколько улучшений, способствующих прочности крестьянских изб» – «Моск. Губ. Ведом.» 1851 г., № 41; статья об усовершенствованном им колесе – «Землед. Газета» 1839 г.; перепечатано в «С.-Петербур. Ведом.» 1839 г., № 91, стр. 402; в «Трудах Имп. Московского Общества Сельского Хозяйства»: 1) «О содержании ананасов, с замечаниями на книгу Г. Нерехотского о сем предмете» (1831), 2) «О запашке гречи под посев озимого» (1832), 3) «Опыты с озимым посевом клевера» (1833), 4) «Наставление крестьянам, как садить картофель в поле» (1834, тоже и отд.), 5) «Несколько слов о животно-угольном туке» (1834), 6) «О посеве и уборке клевера» (1843), 7) «О болезни картофеля «сухая гниль"» (1844), 8) «О возделывании цервы» (1844).

Имение самого Р., в котором он жил, было в Московском уезде – село Знаменское (Марьино), в 20 верстах от Пресненской заставы; в селе было 70 душ крестьян мужского пола; здесь же был и крахмальный завод Решетникова.

Будучи членом Московского Попечительного о бедных Комитета, Р. принимал участие в его издательской деятельности и в типографии своей напечатал сочинения Г. С. Сковороды: 1) «Убогий жайворонок. Притча», М. 1837 (здесь помещено предисловие, содержащее, на 2 страницах, биографию Сковороды, с подписью: «М. Макаров и И. Решетников, члены Попечительного Комитета»); 2) «Дружеский разговор о душевном мире», М. 1837; 3) «Беседа двое», М. 1837; 4) «Басни Харьковские», М. 1837; 5) «Брань Архистратига Михаила с сатаною», М. 1839.

Формулярный список 1846 г.; «Моск. Вед.» 1835, № 15, стр. 727; Г. П. Данилевский, Украинская Старина, Харьк. 1866, стр. 88; «Труды Имп. Вольного Эконом. Общ», т. 77, стр. 884; А. П. Перепелкин, Краткий историч. очерк Земледельческой Школы Московского Общества Сельского Хозяйства, М. 1895, прил. 4; его же, Историческая записка об учреждении Имп.

Московского общества Сельского Хозяйства, М. 1895, стр. 44 и прил., стр. 30; С. Маслов, Историческое Обозрение Имп. Московского Общества Сельского Хозяйства, М. 1846, стр. 61, 118, 256, 267, прил., стр. 123, 191–192; А. И. Ходнев, История Имп. Вольного Экономического Общества, СПб. 1865, стр. 283; Г. Геннади, Словарь, т. III, М. 1908, стр. 290; «Русск. Арх.» 1904 г., № 1, стр. 105 (в Дневнике И. М. Снегирева); «Русск. Арх. 1878 г., т. I, стр. 483; «Моск. Губ. Ведом.» 1847, № 3, стр. 9; К. Нистрем, Указатель селений в жителей уездов Московской губернии, М. 1852, стр. 35 и 54; «Московский Некрополь», т. III.

Решетников, Федор Михайлович

Решетников, Федор Михайлович, писатель; родился 5-го сентября 1841 г. в Екатеринбурге. Отец его был бедный дьячок, горький пьяница; когда Р. было 40 недель от роду, мать ушла с ним в Пермь, к дяде; здесь, не вполне еще оправившись от родов, она испугалась громадного пожара, заболела и умерла в больнице. Таким образом, Р. совсем не помнил свою мать, а отца видел только раз в жизни, на десятом году от роду. Р. приютили у себя его дядя и тетка. Дядя его был старшим сортировщиком в Пермской Почтовой Конторе и получал небольшое жалованье. Он держал воспитанника из сожаления и в силу своей бедности тяготился им. Дядя Р. был крайне малообразован и не любил читать, считая это пустою тратой времени. Он, может быть, по-своему любил Р., но требовал от него к себе безусловного почтения и полнейшего послушания; в характере же юного Р. обнаруживалось много игривого и веселого. Он не прочь был пошалить и подурачиться, но деспотический характер дяди и общая огрубелость и жестокость окружавших его вскоре превратили веселость Р. в озлобление. С ранних пор в Р. обнаруживалась впечатлительность: он вечно разыскивал что-нибудь новое и с жадностью набрасывался на все, что обращало на себя его внимание. Но дядя не поощрял подобной любознательности, приказывал мальчику вести себя смирно и всегда прибегал к ремню, когда хотел научить его уму-разуму. «Пес», «ножовое вострее», «балбес», «безрогая скотина» и пр. были самыми обыкновенными для Р. кличками. Пять-шесть лет битья, наконец, совершенно ожесточили ребенка, добродушная наблюдательность его превратилась в злость, и Р. стал изыскивать средства, как бы досадить окружающим; в свою очередь и дядя бил его с ожесточением и раз так ударил об пол, что у Р. потекла кровь изо рта. Шестилетний Р. чувствовал кругом себя только врагов и все больше озлоблялся. Никто из окружавших его людей не действовал смягчающим образом на его характер; и своих «воспоминаниях детства» он следующим образом описывает

установившиеся у него отношения к окружающим. «Пройдет мимо меня почтальон и смеется: „Что сидишь, дрянная харя?“ – „Что ты дразнишься, пес ты экой?“ – отвечаю я. Почтальон щиплет меня за волосы. „Что дерешься, подлец!“ – и я ударяю его. Он отойдет и говорит: „Вор, вор! не ходи во двор“... „Я те, сволочь!“ – скажет другой почтальон, выходя из дверей. Пройдет женщина и со злостью, направляя на меня кулаки, говорит: „У, подкидыш!“ – „Молчи, чуча!“ – „Молчи, чума сибирская!“. Плюнет на меня женщина, уйдет и скажет тетке, что я обозвал ее скверной руганью». Побои сыпались на Р. со всех сторон, но они не укрощали его. Наконец, дядя принялся учить Р. грамоте при помощи того же ремня. Дело шло плохо, Р. упрямылся, и никакие побои не в состоянии были заставить его учиться прилежнее. Тогда дядя отдал его в ученье к одному отставному чиновнику, с платой по четыре рубля в месяц. Всех учеников у него было 8. Чиновник был страстным любителем птиц, и ученики главным образом занимались чисткой клеток и кормлением их обитателей. В 1850 г. дядя решил отдать девятилетнего Р. в бурсу. Сначала тот был в восторге. Ему поправилась жизнь с товарищами после одинокой, загнанной жизни у дяди. Однако он вскоре ощутил отрицательные стороны бурсы: здесь были уже совершенно без всякого повода, а прямо по принципу; в виде назидания было принято, кроме частных случаев битья, в конце каждой недели сечь всех учеников подряд. Сверх того, товарищи обильно наделяли Р. пинками и ударами; Р. стало здесь жить невмоготу, и он решил убежать. С этой целью Р. забрался на колокольню и, выждав удобное время, спустился с нее и ушел к реке. Там он нашел шалаш рыбака, рыболовные принадлежности, а также пищу; Р. сел найденный хлеб и, сев в лодку, поплыл по реке. Так как он не умел управлять лодкой, то ее прибило к берегу. Здесь его настиг хозяин лодки и так избил, что Р. остался в беспамятстве лежать на земле. Когда он очнулся, то заметил, что по реке плывет лодка со сторожем и бурсаками, отправленными на поиски за ним. Р. хотел убежать, но бурсаки его поймали и снова жестоко избили. Однако худшее ожидало его впереди. В бурсе девятилетнего мальчика так высекли, что его пришлось

замертво снести в больницу, где он пролежал целых три месяца. Все это, однако, не изменило намерения Р. бежать из бурсы. Как только он оправился от болезни, он снова незаметно выбрался на свободу и, чтобы не быть узнанным, бросил верхнее платье и измазал себе лицо грязью. В таком виде Р. добрался до ближайшего завода, где его приютили рабочие. Ему понравилась их простая, хотя и трудная жизнь, и он захотел с ними остаться; но беглеца боялись держать у себя, и поэтому Р. приходилось переходить с места на место. Вследствие такой бродячей жизни, Р. познакомился с нищими, старавшимися увлечь его и эксплуатировать. Они обращались с ним крайне жестоко, заставляли его пить водку, петь, танцевать, а когда он отказывался исполнить их требования, тогда его жестоко били. Часто Р. доходил до отчаяния и молил встречных спасти его из рук нищих, но никто не обращал на его просьбы внимания. Однажды случайно знакомая дяди узнала Р. и привела его домой; но здесь вместо участия и ласки он встретил холодность, жестокость и презрение. От прежней веселости и шаловливости у Р. не осталось и следа. С этого времени он стал вдумываться в свое положение и взвешивать свои поступки. Хотя ему было всего только с небольшим 10 лет, но он перенес уже столько страданий, столько видел и пережил такие сильные ощущения, что охота вновь обогащаться ими и блуждать по свету у него как бы пропала. Долго не мог Р. придти в себя. Почти целый год провел он дома, редко выходя даже из комнаты. Чаще всего он сидел в углу, за дверью, чтобы никому не мешать и чтобы на него обращали меньше внимания. Голова его была обременена виденным и слышанным; иногда все это путалось, и голова у него шла кругом. Одно лишь он сознавал вполне ясно: свое одиночество и беззащитность. Часто, сидя в своем углу, Р. плакал. Тут он вспомнил о своем отце, которого ни разу еще не видел. Со всей полнотой одинокого существа Р. любил отца заочно и желал его поскорее увидеть, чтоб рассказать ему свое горе и искать у него помощи и защиты. Как раз к этому времени его отец приехал из Екатеринбурга. Конечно, при первой же встрече мальчик убедился, что это совсем чужой для него человек и притом еще более грубый, чем

дядя. На другой день после приезда, разговорившись с теткой о сыне, на жалобы ее он сказал: «Дери ты его, что есть мочи дери!»... А когда ему предложили взять сына с собой, отец ответил: «Куда мне с ним? Не надо... Мне и одному трудно жить!» Р. пробовал излить пред отцом накопившие в нем чувства и мысли, но тот ничего не понял и еще прикрикнул на сына. Распрощались они, как чужие, и с тех пор Р. его больше не видел: года через два отец его умер. Как глубоко должен был чувствовать Р. свое одиночество, видно из следующих его слов: «Когда я узнал о его (отца) смерти, я долго плакал о нем. Горячи и ядовиты были эти слезы, и плакал я, как помню, потому, что теперь я остался без отца и без матери». Сидя в своем углу, за дверью, Р. не терял времени даром: он учился читать; у дяди в погребе стоял сундук со старыми, разрозненными книгами, – и вот, когда тетка посылала Р. туда за чем-нибудь, он захватывал из сундука книжку и тайком читал ее у себя за дверью. Когда дядя, считавший чтение праздным препровождением времени, узнал о занятиях Р., то сильно его наказал...

На одиннадцатом году жизни Р., по приказанию дяди, начал ходить в Почтовую Контору – присматриваться к делу и помогать чиновниками. В продолжение двух лет Р. изучил все почтовое дело и даже научился считать на счетах, что было величайшей мудростью для многих почтовых чиновников. Наконец, дядя решил отдать его в уездное училище. Р. говорит об этом учений следующее: «Я три года пробыл в первом классе и ничего не понял. Об умственном развитии учителя не заботились, а учили нас в зубрежку и ничего не объясняли. Кроме того, учителя считали за наслаждение бить нас. Я отсюда не убежал, потому что уже привык к розгам». По свидетельству товарища Р. по уездному училищу, тот был в это время «угрюм, сосредоточен в себе, необщителен и чуждался всех и всего. Ни с кем он не вел особенной дружбы, хотя и редко с кем ссорился. Игры, особенно шумные, он не любил, и если временами принимал в них участие, то как-то нехотя, чтобы только чем-нибудь заняться». По словам того же товарища, у Р. были выдающиеся способности, которые были признаны как

преподавателями, так и учениками, но механическое заучивание наизусть было ему так неприятно, что он готов был выдержать побои и сделать даже скверный поступок, лишь бы избавиться от этой зубрежки.

Вместе с посещением училища Р. продолжал ходить в Почтовую Контору и помогать чиновникам. Часто Р. помогал сортировать безграмотным сторожам пришедшие книги и газеты, и вот однажды ему пришла в голову мысль снести газету учителю, чтобы его задобрить. Это прекрасно удалось: остался доволен не только учитель, но и весь класс, потому что преподаватель тут же принялся за чтение и ни у кого не спрашивал уроков. Это поощрило Р., и с этих пор он занялся регулярно похищением с почты газет и книг, которые относил учителям или обменивал товарищам на нравившиеся ему вещи. Раз Р. нечаянно захватил вместе с газетой одну деловую бумагу и, боясь ее возвратить назад, чтоб его не поймали, забросил ее в огород. Бумаги хватились и стали ее разыскивать. Один из почтовых чиновников, недолголюбивавший дядю Р., узнал, что Р. носит учителям газеты. Он поехал к учителям, но те, конечно, сказали, что не знали, каким путем доставал Р. газеты, и предложили чиновнику взять их обратно. Р. признался в своей вине; началось судебное дело, тянувшееся два года. Дядя Р. употреблял все усилия, чтобы выпутать племянника. Враждовавшие с ним чиновники упрекали его, что из его воспитанника вышел вор. «Сначала мне стыдно было выйти из дому, – рассказывает сам Р., – стыдно встретиться с кем-нибудь – все друзья мои отшатнулись от меня и я сидел дома, в углу за дверью, читая географию или катехизис... Но книги не шли мне на ум! Я готов был Бог знает что сделать для дяди, только бы он не сердился».

За это время Р. переработал новый ряд мыслей. Он увидел, как необдуманый поступок, которым он никому не думал принести вред, привел к таким тяжелым последствиям для близких к нему людей. Под влиянием этих размышлений в Р. выработалась та поразительная честность, которой впоследствии все удивлялись. Наконец, дело его было решено бывшей Палатой уголовного и гражданского суда, и ему была

назначена ссылка на покаяние в Соликамский монастырь на три месяца. Здесь Р. исполнял самые низкие должности, но, несмотря на это, монастырская жизнь ему понравилась. Ее «исправительное» значение было скорее отрицательным, так как нравы монахов отличались крайней распущенностью. «В Соликамске, говорит Р.: «я в одну неделю познал нечестие монахов, как они пьют вино, ругаются, едят говядину, ходят по ночам, ломают ворота». Под конец пребывания в монастыре Р. с каждым днем все более привязывался к своим новым знакомым. «И так я чудно и весело проводил время с монахами, – рассказывает он дальше: они меня поили пивом, и я часто приходил домой пьяным. Иногда обедал и спал в кельях. Словом, очень весело я проводил время с доброй братией и в особенности тогда, когда пили пиво». По его же словам, пиво это обыкновенно для большей крепости настаивалось на табаке... Но, несмотря на распущенные нравы монахов, Р. все-таки вынес из монастыря религиозное чувство и пристрастие к аскетизму и мистицизму. В течение 1857 и 1858 годов он читал большею частью духовные книги и посвящал много благочестивым размышлениям как в письмах к друзьям, так и в своих заметках. В этот период религиозного настроения Р. начал писать проповеди. По возвращении из монастыря он снова поселился у дяди в Перми и поступил в уездное училище. Школьный товарищ Р. говорит, что «ссылка заметно повлияла на Р. Выражение его лица сделалось серьезнее и задумчивее. В отношениях с окружающими он старался быть мягче и приветливее, но вместе с тем он стал еще более замкнутым и сосредоточенным в себе». Он усердно принялся за работу и вместо прежних единиц стал получать пятерки. Сравнительно трудно давалась ему математика.

В 1859 году дядя переехал в Екатеринбург, куда был переведен в качестве Помощника Почтмейстера (впоследствии он был назначен Почтмейстером в Оханск). Оставшись на свободе, Р. как будто ожил, и вместо рассуждений о непостижимом в его записках появляются стихи, очерки лиц, с которыми ему пришлось жить, описание городских происшествий и т. п. Во время пожаров в 1859 г. в Перми Р.

нанимался по ночам караулить дома, за что получал по 20 копеек за ночь: видно денег у него не было в избытке!

25-го июля 1859 года Р. окончил курс уездного училища и получил аттестат с отличными, хорошими и (только из арифметики и геометрии) достаточными отметками. Тотчас же Р. отправился к дяде в Екатеринбург. Здесь он поступил в Екатеринбургский Уездный Суд, с жалованьем по 3 рубля в месяц. Р. поступил туда с большой охотой и чрезвычайно гордился тем, что служит в таком месте, где решаются дела о людях. Принося служебную присягу, Р. думал про себя: «Зачем я буду изменять ей? Я буду верно служить, не так, как они... для пользы людей»... В то же время он принялся усиленно за писание. Первые его труды на литературном поприще носили стихотворную форму. 1860-м годом помечена его поэма в трех частях «Приговор», а в 1861 году Р., по-видимому, окончил драму в 6 действиях «Панич». Пока он жил у дяди, ему трудно было вполне отдаться работе. «Пора тебе, дураку, за канцелярское дело приниматься; нечего зря-то бумагу марать», – говорил, бывало, дядя племяннику, когда тот, забравшись на полати, «сочинял» что-нибудь на четвертушке бумаги. Не раз дядя, чтоб отучить Р. от «сочинительства», прибегал к старому средству – ручной расправе. В 1860 году Р. получил место в том же Уездном Суде – помощника столоначальника чернорабочего стола. В это же время Р. познакомился с одним рабочим, служившим на Екатеринбургском Монетном Дворе; он поддерживал в Р. честные стремления и внушал ему мысль о необходимости жить для пользы других. Под его влиянием Р. начал писать обличительные статьи; из них известны только две и то лишь по одним названиям: «Черное озеро» и «Деловые люди» – они не сохранились в бумагах Р. По мере того, как у Р. укреплялось сознание, что с помощью своих произведений он может сделать полезное дело, Уездный Суд и Екатеринбург стали ему надоедать, и все сильнее возрастало в нем желание ехать в Пермь. Он хотел принести пользу своим ближним, но не знал, как за это взяться. Р. глубоко чувствовал недостаточность своего образования и еще до поездки в Пермь говорил: «Не было у меня ни одного такого человека, с которым можно было

бы отвести душу. Часто случалось, что я, сидя на реке, глядел куда-нибудь в даль; глаза останавливались, в голове чувствовалась какая-то тяжесть и вертелись слова: как же это? отчего это? и в ответ ни одного слова... И думаешь: эх, если бы я был богат – купил бы себе книг, много, много... Все бы выучил и пользу какую-нибудь принес бы». Кроме желания доучиться и увидеть побольше света, Р. тянула в Пермь еще привязанность к какой-то девушке, имя которой осталось неизвестно. Ему пришлось выдержать тяжелую борьбу с дядей, не хотевшим отпустить его от себя.

В Перми Р. долго не мог найти места – с одной стороны потому, что он был некогда под судом, а с другой стороны мешали его обличительные статьи, слух о которых распространился по Перми, так как Р. их посылал в редакцию «Пермских Губернских Ведомостей». После долгих поисков Р. удалось, в июне 1861 г., получить место канцелярского служителя Казенной Палаты. «Меня посадили», пишет Р.: «в регистратуру. Вся моя работа, не умственная, а машинная, состоит в записывании входящих бумаг, а при получении пяти или шести рублей жалованья кажется вдвое обременительнее. Для ума же никакой пищи». В этот период, как и почти всю свою жизнь, Р. прожил на границе нищеты. О скромности его средств к существованию можно судить по относящемуся к тому времени бюджету, им самим записанному: «За квартиру – 1 руб. 50 коп. На говядину – 30 ф. по 3 коп. за фунт – 90 коп. Хлеба на 60 коп. и молока на 60 коп.» «Буду жить, – замечает дальше Р., – как Бог велит». Терпя такую нужду, Р. в то же время переживал внутреннюю драму: девушка, которую он любил, изменила ему и вышла за другого, более обеспеченного жениха. После этого нового удара он с новым рвением схватился за перо и стал передавать бумаге свои мысли и чувства. В Перми у него нашлось несколько судей его литературных работ: какой то сослуживец – Т. и редактор «Пермских Губернских Ведомостей» – П. В это время Р. начал писать рассказ из заводской жизни «Скрипач», а затем поэмы «Два барина», «Воля» и драму в 5 действиях «Раскольник» (отрывки, с предисловием Г. И. Успенского, не пропущенные в свое время

цензурой и ныне принадлежащие Пушкинскому Дому, напечатаны в ч. II «Невского Альманаха», Пгр. 1917 г.). Тогда же Р. написал вчерне многое из того, что впоследствии было им обработано и напечатано. Р. неутомимо читал и писал во все свободное от занятий время. При Казенной Палате была своя библиотека, там получались также новые журналы и газеты. Первая статья Р., напечатанная в «Пермских Губернских Ведомостях», касалась этой библиотеки. «Как же вы пишете, а меня не спрашиваете?» – сказал ему Председатель Палаты, когда прочитал статью. Но дурного от этого для Р. ничего не вышло, а наоборот, – статья принесла ему пользу: ему прибавили жалованья и назначили библиотекарем, что дало ему возможность еще больше времени посвящать на чтение. Однако Р. вскоре увидел, что, живя в Перми, он так и не принесет никакой пользы своими сочинениями. Р. хотелось высказать перед всеми ту массу горя, нищеты и бедствий, которую он наблюдал в жизни. Ему хотелось, чтобы все узнали о страданиях, выпадающих на долю простого рабочего и крестьянина. Он думал, что все это существует лишь потому, что общество об этом ничего не знает. Ему казалось, что достаточно описать все виденное им во всей наготу, правде и искренности, чтобы каждый интеллигентный человек постарался уменьшить страдания народа. Провинциальная жизнь перестала удовлетворять Р., и его стало тянуть в Петербург. С одной стороны он чувствовал, что знает еще мало, и стремился в столицу, по его собственным словам, «чтобы поумнеть и поучиться». С другой, только там он мог надеяться, что будут напечатаны его произведения. Случай помог Р.: в Пермь приехал из Петербурга ревизор; Р. попал к нему в переписчики бумаг и, видя к себе хорошее отношение со стороны ревизора, решился попросить его, и то только письменно, помочь ему перевестись в Петербург. Ревизор расхохотался, когда узнал о желании канцелярского служителя заняться писательством. Желал испытать способности Р., он поручил ему в течение двух недель выучить наизусть весь Рекрутский Устав. Р. исполнил блестяще эту задачу, и тогда ревизор, убедившись в его способностях, обещал ему свое содействие, но на прощанье

советовал Р., вместо занятий литературой, в свободное от служебных обязанностей время работать в квартале, «где вам все-таки дадут лишних рублей восемь»...

В 1863 г. Р. прибыл в Петербург. Несколько месяцев ему пришлось жить без места, пока бывший ревизор не пристроил его в какое-то присутственное место с жалованьем по 9 рублей в месяц. И в Петербурге Р. жил почти в нищете. Сначала он послал несколько очерков в «Северную Пчелу», где их приняли (напр., «Лотерея», с подп.: «2-го сент. 1863 г.», – 1863 г., № 240 и 241), но денег Р. не заплатили. В 1864 году Р. написал своих знаменитых «Подлиповцев», но так мало был избалован успехом, что стеснялся сам отнести их в редакцию, а послал рукопись с дворником. Вместе с тем Р. написал письмо к редактору, в котором высказывал мотив, заставивший его взяться за перо: «Зная хорошо жизнь этих бедняков (бурлаков), я задумал описать ее, чтобы хоть сколько-нибудь помочь этим несчастным труженикам». Напечатанные в № № 3 и 4 «Современника» за 1864 год, «Подлиповцы» сразу обратили на себя внимание публики. Наша интеллигенция, обитающая большею частью в городах, даже не воображала, что в недрах богоспасаемой России могли существовать дикари, подобно неграм обращенные во вьючный скот. Перед читателем был не опытный, хитроумный художник, которому ничего не стоит и присочинить ради эффекта, а безыскусственный самоучка, пишущий лишь для того, чтобы объявить всенародно, как страдают «Подлиповцы», и обратить на них внимание общества.

В продолжение своей дальнейшей литературной деятельности Р. написал много произведений, помещающихся ныне в двух томах, содержащих 124 листа компактной печати. Все его произведения заключают в себе неизменно одно и то же содержание: «как голодают, холодают, терпят всевозможные мытарства, обиды и оскорбления бедные люди, пробивая себе дорогу к обеспечению своего существования». Наиболее выдающимися из произведений Р. считаются: «Ставленник», «Между людьми», «Глумовы», «Где лучше?» и «Свой хлеб».

Жизнь Р. значительно улучшилась после приобретения литературной известности. Вскоре он женился на своей землячке, так же, как и он, круглой сироте, приехавшей в Петербург искать, «где лучше». Р. имел двух детей (из коих дочь *Мария* за свящ. Евстратовым). Из оставшихся после Р. записок видно, что его ни на минуту не покидала жажда знания. Живя в Петербурге, Р. не переставал работать над собой: он читал книги и составлял из них конспекты, чтобы усвоить себе их содержание. Несколько раз Р. ездил в Пермь и посещал чугунно-литейные и другие заводы, с целью снова освежить в своей памяти прежние наблюдения и дополнить их новыми. Каждое новое произведение Р. вызывало в литературе целую бурю. Эстетики и любители легкого чтения набрасывались на него с пеной у рта, глумились над его «приемами», над «языком» и «нехудожественностью» его произведений. Они считали их ниже всякой критики и не заслуживающими никакого внимания. Каково должен был чувствовать себя Р., читая подобные отзывы интеллигенции? Ведь, он стремился только к тому, чтобы верно изобразить страдания народа и этими картинками, списанными с действительности, тронуть сердца «власть имеющих» – «соли земли Русской». И вот журналы со всех сторон набрасывались на него за то именно, что он написал слишком реально, без всякого творческого вымысла, «нехудожественно». Это, конечно, вызвало в нем сомнение относительно полезности его писательской деятельности. К тому же, несмотря на свою известность в литературе, Р. постоянно нуждался в деньгах, во-первых, потому, что его эксплуатировали издатели, во-вторых, потому, что он всегда делил со всеми все, что у него было. Сомнение в продуктивности своей деятельности и вечная нужда крайне пагубно действовали на Р., и он стал все больше запивать.

Он умер от отека легких, на 29-м году жизни, 9-го марта 1871 года. После него осталось много заметок и громадный дневник, который он вел в продолжение 10 лет; дневник этот до сих пор еще не напечатан «по независящим обстоятельствам».

«Сияние» 1872 г., т. I, № 19, стр. 306–308; «Грамотей» 1871 г., т. II, кн. VIII, стр. 41–53; «Русск. Архив» 1873 г., стр.

1504; «Илл. Календарь» 1872 г., приложение, стр. 69; «Заря» 1869 г., № 9; «Русский Вестник» 1869 г., № 4, стр. 670–704; «Русский Календарь» на 1872 г.; «Русское Слово» (Воспоминания детства) 1864 г., № 10 и 11, стр. 289–322 и 1–29; «Илл. Газета» 1871 г., № 12; 1872 г., № 40; «Отечественные Записки» 1871 г., № 4, стр. 418–436; А. Пыпин, «История русской этнографии», т. I, стр. 44; т. II, стр. 73, 350 и 408; «Дон» 1871 г., № 36, стр. 2–4; А. М. Скабичевский, «История новейшей русской литературы», СПб., 1900 г., стр. 229–286; «Петербургская Газета» 1871 г., № 36; «Петербургский Листок» 1871 г., № 50; «Новости» 9-го марта 1901, № 67; «К биографии Ф. М. Решетникова» – в сборн.: «В память женщины-врача Е. П. Серебренниковой», СПб., 1900, стр. 337–357; «Памяти Ф. М. Решетникова», Е. Колтоновской – «Вестн. Евр.» 1911, март, стр. 367–371; «Киевск. Мысль» 1911, № 68 (заметка Л. Войтоловского); «Труды Пермск. Ученой Арх. Комм.», вып. V, стр. 56–57; А. М. Скабичевский, «Беллетристы-народники: Решетников, Левитов, Г. Успенский, Н. Златовратский и пр.», Критические очерки, СПб., 1888; Г. С. Десятов, К биографии Ф. М. Решетникова, изд. ред. газеты «Волжский Вестник», Казань. 1897; «Ист. Вестн.» 1910, № 3, стр. 819–824 (Восп. Скабичевского).

Решетов, Гавриил Степанович

Решетов, Гавриил Степанович – действительный статский советник, товарищ министра Департамента Уделов, Волынский губернатор; родился в 1746 г. и, вероятно, был сыном С. Ф. Решетова (см.); образование получил в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, откуда 22-го апреля 1764 г. выпущен был подпоручиком в один из армейских полков и откомандирован для межевания земель под поселения иностранцев в ведомство Опекунской Канцелярии; произведенный 1-го июля 1769 г. в поручики, он, за увольнением в том же году от межевания, поступил в Смоленский пехотный полк, из которого в 1770 г., при формировании в Смоленске С.-Петербургского легиона, переведен был в этот легион тем же чином, 1-го января 1771 г. был произведен в капитаны и принимал участие, в 1772–1773 г., в походе «противу возмутителей Польских», а 18-го июля 1773 г. был уволен от военной службы секунд-майором.

Дальнейшая служба Решетова протекла по гражданскому ведомству: в 1774 году он был назначен в Чертежную Межевой Экспедиции Правительствующего Сената, откуда 1-го мая 1776 г. переведен был членом вновь учрежденной Смоленской Межевой Конторы, а в 1781 г. – советником в Смоленскую Казенную Палату. 1-го января 1794 г. Решетов был избран предводителем дворянства Рославльской округи Смоленской губернии, где у него было имение при сельце Михайловском-Половитне, но вскоре за тем (1-го мая 1794 г.) он был назначен председателем Смоленской Гражданской Палаты. При посещении Императором Павлом Смоленска Решетов был награжден, 9-го мая 1797 г., орденом св. Анны 2-го класса и вслед за сим, указом 30-го июля 1797 г., был назначен товарищем министра Департамента Уделов, недавно перед этим образованного согласно Учреждению об Императорской Фамилии. Будучи пожалован (3-го ноября 1798 г.) в действ. статские советники и по особому указу от 25-го апреля 1800 г. награжден пожизненным пенсионом в 1000 руб. в год за отличное усердие в отправлении этой должности, Решетов

вслед за сим, по удостоению Правительствующего Сената, Высочайше назначен был, 19-го января 1802 г., Волынским губернатором, коим и оставался до смерти.

По поводу кончины Решетова сохранилось письмо известного киевского протоиерея И. В. Леванды, адресованное ко вдове его, *Екатерине Андреевне* (урожденной Якушкиной): из письма этого видно, что Решетов скончался 28-го августа 1805 г.

Именные указы Императора Павла I (Сенатский Архив, том I, стр. 147, 265, 457); Сенатский Архив – формулярные списки 1802 г., № 53, л. 1–3 и 1803 г., № 45, л. 2–3; Месяцеслов 1804 г., ч. 2-я, стр. 39; История Уделов. 1797–1897, т. III, стр. 51; Биография протоиерея И. В. Леванды, Киев 1879 г., стр. 375.

Решетов, Степан Федорович

Решетов, Степан Федорович, переводчик; воспитывался в Сухопутном шляхетном корпусе, затем служил в Государственной Коллегии Иностранных Дел, в 1767 г. имел чин надворного советника и, в числе прочих, подписал наказ депутату от г. Петербург в Екатерининскую Комиссию о сочинении Проекта Нового Уложения; спустя 23 года, – в 1790 г. он носил звание Советника Коллегии Иностранных Дел; умер до апреля 1791 г., когда его жена, *Акулина Андреевна*, упоминается уже вдовой.

Р. принадлежат переводы: «История о персидском шахе Тахмасп-Кули-Хане. С французского на российский язык переведенная асессором Степаном Решетовым», СПб. 1762; 2-е издание этой книги вышло в Петербурге в 1788 г., а 3-е издание известно под заглавием: «Персидский Александр или страшный Надир, потрясший самое богатейшее в свете Индейское царство и нанесший трепет на весь восток, переведено Канцелярии Советником Степаном Решетовым», СПб. 1790; «История Англинская», сочинение Рапина де Тоараса, перевод с французского, 6 частей, СПб., в Типографии Академии Наук, 1768–1783 г.

Именной список кадетам... Шляхетного корпуса, СПб. 1761; Месяцесловы; Архив Конференции Академии Наук; П. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа, ч. III, СПб. 1869, стр. XIX; Г. Геннади, Словарь, т. III, стр. 290; Сборн. Имп. Русск. Историч. Общества, т. 107.

Решимов, Михаил Аркадьевич

Решимов, Михаил Аркадьевич, артист Императорских Московских театров; род. в Рязани и происходил из артистической семьи: отец его, окончивший Театральную школу, был преподавателем танцев в некоторых учебных заведениях в Рязани, а также давал и частные уроки. Сына своего он отдал сначала в местную гимназию и не готовил его к артистической карьере; однако, серьезно заниматься у мальчика не было охоты, и поэтому, не окончив гимназии, он поступил в военную службу. Впрочем, и к военной деятельности он не питал особенной любви и обнаружил стремление сделаться артистом. Принимая участие в любительских спектаклях, и пользуясь при этом успехом у зрителей, он все больше и больше увлекался мыслью сделаться актером. Сценическая деятельность казалась ему настолько привлекательной, что он решил, как только произведут его в первый офицерский чин, бросить военную службу и поступить на сцену.

Действительно, как только произвели его в прапорщики, он тотчас же подал в отставку и вступил в труппу известного в ту пору провинциального антрепренера и артиста Медведева. Жизнь провинциальных актеров в 1840-х годах была далеко не заманчива: материальное их положение было тяжелое; работы же для добросовестного артиста, ввиду малочисленного обыкновенно состава труппы, было много. Но зато провинциальная сцена имела и довольно большое преимущество перед столичными: она давала возможность молодым начинающим артистам испробовать свои силы в ролях самого разнохарактерного свойства. Таким образом талантливому, энергичному, умному и работающему артисту представлялась полная возможность выдвинуться вперед. Этою возможностью, конечно, не преминул воспользоваться и Решимов. Он деятельно принялся за работу, разучивал роль за ролью, пробовал себя на разных ампуа. Как артист талантливый и горячо преданный сценическому искусству, он каждую роль, как бы ничтожна она ни была, разучивал весьма

тщательно, вдумывался в нее, отделявал ее. Благодаря такому отношению к делу, он вскоре обратил на себя внимание провинциальной публики и приобрел ее симпатии. Переезжая из города в город, он перебивал почти во всех крупных городах: Харькове, Нижнем Новгороде, Ставрополе, Таганроге, Екатеринославе и во многих других.

Об его игре в ту пору И. Филаретов в «Репертуаре и Пантеоне Русского театра» отзывался, между прочим, так: «Он (М. А. Решимов в роли Ивана в пьесе «Барская спесь, или Анютины глазки») очаровывал публику... совершенно понимал ее (роль), и это глубокое понимание олицетворялось в игре, мастерски обдуманной и мастерски исполненной».

Обыгравшись в провинции, приобретя там симпатии и внимание публики, Р. задумал перейти в Москву. Его дебюты в Малом театре прошли удачно, и он был принят в Императорскую труппу. Но порученное ему амплуа *jeune premier*'а не совсем соответствовало его дарованию, да к тому же на это амплуа в ту пору в Москве было несколько более даровитых артистов, почему Решимов сначала и не обратил на себя особенного внимания Московской публики, но за то, когда он перешел на амплуа *jeune comique*, которое так соответствовало его дарованиям, то сразу завоевал себе внимание и симпатии москвичей – такое же, если даже не большее, чем то, каким он пользовался в провинции. Таким образом, многолетняя нелегкая работа не пропала даром. Будучи вообще умен, он прекрасно понимал, что, не получив специального артистического образования, только благодаря одному таланту, нельзя сделаться выдающимся артистом; поэтому он всегда охотно выслушивал и исполнял советы людей беспристрастных и компетентных в вопросах сценического искусства, а также присматривался к игре опытных, известных артистов, но, впрочем, никогда не старался подражать им, копировать их, а всегда оставался оригинальным. Поэтому всегда веселая, живая, энергичная, подчас страстная игра его увлекала зрителей и имела большой успех. Из весьма обширного и разнообразного его репертуара можно указать на роли Ивана («Барская спесь, или Анютина

глазки»), Макшеева в пьесе Шпажинского «Поздний расцвет», присяжного поверенного в пьесе «Второй брак» и мн. др.

Усиленная работа, тянувшаяся несколько десятков лет и требовавшая постоянного напряжения нервов, не могла не отразиться на здоровье артиста. В начале 1880-х годов у него развилась чахотка, которая заставляла его последние годы реже появляться на сцене. Но, несмотря на болезнь, несмотря на почти полный упадок сил, он по-прежнему оставался хорошим и добросовестным актером и заботился всегда об отделке роли. Последний год он был уже настолько слаб, что, начиная роль, ни сам он, ни товарищи не знали, хватит ли у него сил окончить ее. По окончании зимнего сезона 1886–1887 года, Решимов поехал на Кавказские минеральные воды, чтобы там отдохнуть и собраться немного с силами; но эта поездка была для него роковою: по несчастью, он захватил на Кавказе страшную даже и не для чахоточного «кавказскую лихорадку», которая вконец надломила его силы. В Москву он возвратился уже совсем умирающим, и промучившись несколько недель, скончался 21-го августа 1887 года; тело его погребено в Москве, на Ваганьковском кладбище.

«Московские Ведомости» 1887 г., 22-го августа, № 230, некролог, стр. 4 и 25-го августа, № 233; «Русские Ведомости» 1887 г., 28-го августа, № 231, некролог, и 25-го августа, № 233; «Московские Ведомости» 1880 г., №№ 23 и 29 (театр и музыка); «Репертуар Русского театр и Пантеон Русского и всех европейских театров» 1852 г., т. 6, кн. XI, ст. И. Филаретова: «Вышневолоцкий театр», стр. 16; Всеобщий Календарь на 1888 г., стр. 522, некролог; С. В. Танеев, «Театральные мелочи», вып. IV, стр. 41, СПб. 1887 г.; «Московский Некрополь», т. III.

Рюль, Иван Федорович (Иоганн Георг)

Рюль, Иван Федорович (Иоганн Георг), лейб-медик, действительный тайный советник; род. в Мариенбурге, в Лифляндии, 21-го мая 1768 г. (по другим сведениям – 20-го мая 1769 г.) и был сыном доктора Ф. Рюля (см.); получив домашнее образование, он на 15 году поступил в Хирургический институт и службу начал 28-го июля 1787 г., вступив из вольнопрактикующих медико-хирургов в С.-Петербургскую Обуховскую больницу ординатором, а 21-го февраля 1788 г. перешел врачом в морской корабельный флот, причем определен был на отправлявшийся тогда в Средиземное море корабль «Победоносец»; здесь он находился по 3-е июля 1788 г. и был в сражениях у Гохланда и Гельсингфорса (во время Шведской войны), после чего, под командою капитана Тимашева, отправился от Кронштадта до Красной Горки, а оттуда до острова Сескари, где соединился с Российским флотом под предводительством адмирала Грейга, который крейсировал для поиска неприятельского флота и прибыл на Ревельский рейд; отсюда, по приказу вице-адмирала Козлянинова, Р. 16-го октября прибыл в Копенгаген к состоявшему там Российскому флоту под предводительством вице-адмирала фон Дезина и здесь зимовал, причем посещал лекции копенгагенских профессоров Винслова, Костенштейна, Тоде и других. В 1789 г. Р. крейсировал с эскадрою Козлянинова и был в сражениях, а у о. Бернгольма соединился с флотом адм. Чичагова. По возвращении в Петербург, Р. 10-го января 1790 г. назначен был штаб-лекарем в С.-Петербургский генеральный сухопутный госпиталь и в 1792 г. от Эрфуртского университета признан был доктором медицины и хирургии; после этого, 28-го марта 1793 г., Р. перешел в Московский генеральный госпиталь, а 19-го января 1794 г. – полковым врачом в л.-гв. Преображенский полк.

С 20-го марта 1798 г. началась служба Рюля при Дворе, куда он, замеченный Имп. Павлом в Преображенском полку, был назначен младшим гоф-хирургом; 1-го февраля 1799 г. он

пожалован был в надворные советники, а 9-го ноября 1800 – в 6-й класс и 19-го мая 1802 г. – в гоф-хирурги; 26-го того же мая Рюль, по желанию Великой Княгини Екатерины Павловны, назначен был к ее Двору, но в сентябре снова вернулся к Высочайшему Двору и 1-го августа 1805 г., по Высочайшему повелению, был откомандирован к генерал-адъютанту графу Ливену для дальнейшего отправления, согласно полученному им повелению, причем был определен главным доктором в армию Волынской губернии. Находясь в походах, Р. в сражении у монастыря Ламбаха спас 163 человека наших раненых и больных, а при монастыре Мельк, в виду неприятеля, – 300 раненых, с великою для себя опасностью, едва сам успев спастись, за что 3-го марта 1806 г. награжден был орденом Владимира 4-й степени. Быв в 1805–1806 г. в сражениях в мест. Вельс, Энс, Кремс, Штейн и при Аустерлице, Рюль деятельно помогал раненым воинам.

30-го марта 1806 г. возвратившись в Петербург, Р. постоянно оставался при особах Императорской Фамилии и по Высочайшему повелению имел надзор за больницами воспитательных и богоугодных заведений; 9-го июля 1808 г. он награжден был чином статского советника, 1-го января 1810 г. пожалован в лейб-хирурги, 3-го января 1817 г. произведен в д. с. советники, в 1819 г. получил от Короля Прусского орден Красного Орла, а от Петербургской медико-хирургической Академии – почетный диплом на звание доктора медицины и хирургии (членом-корреспондентом этой Академии он состоял еще с 1813 года); после этого Рюль, 26-го июля 1821 г., награжден был орденом Владимира 2-й степени большого креста, а 24-го октября 1823 г. – пожалован в лейб-медики (со старшинством с 15-го марта 1819 г.) и был членом Медицинского Совета Министерства Внутренних Дел, а в 1825 г. пожалован в тайные советники.

7-го мая 1828 г. Р. был утвержден Советом Имп. Человеколюбивого Общества в звании Председателя Медико-Филантропического Комитета, а 6-го декабря того же года, Высочайшим рескриптом, ему повелено было быть Инспектором по Медицинской части в состоявших под покровительством

Имп. Марии Феодоровны заведений. За составление проекта Устава для управления Домом для умалишенных он 27-го октября 1829 г. получил благоволение Николая I, а 15-го января 1831 г. награжден был орденом Анны 1-й степени; в сентябре того же года, «за похвальное рвение и неутомимую попечительность» при появлении холеры в Петербурге и за лечение больных, получил благодарственный рескрипт; в 1833 г. (17-го марта) назначен был Почетным Членом Демидовского Дома призрения трудящихся, состоявшего под покровительством Императрицы Александры Феодоровны и получил (16-го апреля) Монаршее благоволение за усердные труды по званию и. д. Попечителя по нравственной части Больницы всех скорбящих ведомства Попечительного Совета заведений общественного призрения в Петербурге; 3-го февраля 1835 г. он был утвержден попечителем больницы по нравственной части, получая неоднократно благодарность за труды по этим заведениям. 12-го июля 1837 г. Рюль утвержден был почетным членом Совета Имп. Человеколюбивого Общества и 16-го июля награжден орденом Белого Орла. Состоя все время инспектором медицинской части учреждений Императрицы Марии, Р. 6-го декабря 1843 г. пожалован был в действительные тайные советники.

Болея последние годы жизни и не будучи уже в состоянии выезжать из дому, Р. скончался в Петербурге 17-го декабря 1846 г.; погребен на Волковом лютеранском кладбище.

В 1806 г. Р. значился по формулярному списку вдовым и имеющим 12-летнего сына *Алексея*, обучающегося в 1 Кадетском корпусе, а в 1841 г. показан женатым на *Авдотье Сергеевне Сергеевой* (род. 25-го февраля 1785, ум. 27-го сентября 1848) и имеющим дочерей *Эмилию* (39 л.) и *Веру* (род. 3-го августа 1811, ум. 16-го января 1893), находящихся в замужестве; последняя была за Виллие.

Особенную память по себе Р. оставил в области общественной психиатрии, в которой явился новатором; рассмотрению этой стороны его деятельности по лечению и призрению душевнобольных посвящено специальное исследование Л. Прозорова, составленное на основании

докладных записок и печатных трудов Рюля (см. ниже их перечень).

«Кротостью, мягкосердием и искренним участием к страданиям близких», читаем в одной из его биографий: «Рюль приобрел доверенность и благоволение Высочайших особ Императорской Фамилии; более всех оказывала ему доверия Императрица Мария Феодоровна, при Дворе которой он находился с 1807 года. Она, оценивая его достоинства и благородный характер, выразила ему свою благодарность в своем духовном завещании, назначив ему, на память, некоторые из своих драгоценностей. Для усовершенствования заведений, вверенных его надзору, Рюль делал много пожертвований из собственного достояния. Так, он в 1844 и 1846 году внес значительные суммы в Заемный Банк, с назначением ежегодных процентов в награду отличным ученикам, выпускаемым из фельдшерских школ при Мариинской и Обуховской больницах. Особенно близка его сердцу была больница Всех Скорбящих, и он много содействовал к приведению ее до нынешнего отличного состояния. Нося звание Председателя V Отделения Императорского Вольного Экономического Общества, Рюль содействовал всеми мерами к распространению в России оспопрививания и изданию общепользных народно-врачебных наставлений. Его ходатайством введено безденежное снабжение бандажами бедных, страждущих грыжею; определены во всех частях города повивальные бабки для безвозмездного подания помощи бедным родильницам.

16-го июля 1837 г. было праздновано 50-летие служения его в звании врача; при этом он получил орден Белого Орла; благотворительные и ученые общества прислали к нему депутатов для поздравления, и на великолепном обеде поднесена ему, на серебряном блюде, золотая медаль, с Высочайшего соизволения выбитая в честь его».

Рюль издал следующие сочинения: 1) «Dissertatio de usu medicamentorum antimonialium in febribus intermittentibus», Erfordiae. 1792, 4° (докторская диссертация); 2) «Об уединении, Циммермана», перев. с нем., СПб. 1794, 12°; 3) «Фармакопея

для руководства врачам бедных, состоящим в ведомстве Филантропического Комитета», СПб. 1829; 4) Проект Устава С.-Петербургского Дома умалишенных, ныне Больницы всех скорбящих, СПб. 1832; 5) «Projectzum Reglement der Verwaltung des St.-Petersburg. Irrenhauses», St.-Petersb. 1837; 6) «Краткое наставление, каким образом должно обходиться с умалишенными, доколе они не будут помещены в заведение, устроенное для больных этого роду; необходимость и польза помещения их в оное». Изданное лейб-медиком Рюлем, С.-Пб. 1839, в тип. Глазунова, 8°, стр. 23; то же по-польски: «Krotkie przepisy co do sposobu, jakim ochodzic sie nalezy z oltakanymi na umysle», перевод М. Giedroyс'a, Wilno. 1840. Здесь, по словам рецензента, «ученый и человеколюбивый автор этой книги, учредитель превосходного заведения, в котором страждущие душевными болезнями могут быть помещаемы до принятия их в больницу ума лишенных, говорит сначала о необходимости приветливого обращения с этими несчастными, потом старается опровергнуть предрассудки, которые удерживают многих от помещения помешанных своих родственников или знакомцев в заведения, назначенные для лечения этого роду больных; объясняет, как надобно ходить за ними, какие укротительные средства можно употреблять без вреда для страждущих; наконец, упоминает о необходимой для них диете и содержании вообще. К книжке приложен рисунок, на котором изображена так называемая усмирительная фуфайка». Изд. 2-е, СПб. 1840; 6) «Опыт статистического обозрения о числе одержимых разного рода душевными недугами в России», СПб. 1840; 7) «Ведомость о состоянии больницы Всех Скорбящих в 1836 г.» – «Журн. Мин. Внутр. Дел» 1837 г.; 8) «Об учреждении в С.-Петербурге временного заведения для приема больных, страдающих душевными болезнями» – «Журн. Мин. Внутр. Дел» 1836 г., т. XIX. Кроме того, Р. содействовал изданию полезных сочинений и из собственных средств назначал для этого премии. Он также изобрел искусственную ногу, которая «повсюду нашла одобрителный прием».

Формулярный список 1841 г.; Г. Н. Геннади, Словарь, т. III, стр. 290; П. И. Якобий, Основы административной

психиатрии, Орел. 1900; Справочный Энциклопедический Словарь Старчевского-Крайя, СПб. 1855, т. IX, ч. 2, стр. 243; Ю. Б. Иверсен, Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц, вып. IV, СПб. 1882, стр. 166–167; «Сев. Пчела» 1837 г., № 166 (юбилей); «Друг здоровья» 1837, № 31, стр. 246 (тоже); некрологи: «Innland» 1846, стр. 1275; «Сев. Пчела» 1846, № 286; «Mediz. Zeitung Kusslands»' 1847, № 81 (Bredow); Recke und Napiersky, Lexicon, III, 581 u Nachträge II, 157; список статей – у Callisen, Medicin. Schriftsteller-Lexicon, XVI, 400 и XXXI, 39; «Моск. Вед.» 1846, № 154; «Русск. Инвалид» 1847, № 61, стр. 244, № 62, стр. 248 и № 63, стр. 253 (Воспоминание о Рюле А. Никитина); «Русск. Инвалид» 1847 г., № 144, стр. 575–576; И. Селезнев, 50-летие IV Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, СПб. 1878, стр. 54 и 278 и прил., стр. 2; Н. П. Черепнин, Имп. Воспит. Общество благородных Девиц, т. I, СПб. 1914, стр. 499 (портрет); А. Я. Ходнев. История Имп. Вольного Экономического Общества, СПб. 1865, стр. 651; К, Ордин, Попечительный Совет Общества призрения в С.-Петербурге, СПб. 1878, стр. 4, прил. и др.; «Месяцеслов» на 1848 г., стр. 169; «Библ. для Чтения» 1839 г., апр., отд. VI, стр. 45–46 (рец.); Петербургский Некрополь, т. III; Х Прозоров, Из Истории русской психиатрии. И. Ф. Рюль, М. 1914, 8°, 20 стр.

Рюль, Федор (Friedrich-Ludwig Rühle или Rüll)

Рюль, Федор (*Friedrich-Ludwig Rühle или Rüll*) – отец *Ивана Федоровича Р.*, доктор медицины, родом из Мариенбурга, род. в 1736 г., учился в Берлинском университете, от которого и получил докторский диплом. Прибыв после этого в Курляндию, Рюль вскоре получил при Курляндском Герцогском Дворе место гоф-хирурга и практиковал в Курляндии в течение 22-х лет. Приехав затем в Петербург, он подвергся экзамену в Медицинской Коллегии и получил право практики в России (20-го июля 1784 г.), после чего состоял на службе сперва в Валкском, а потом в Верроском уездах, в Лифляндии. Уже достигнув 57 лет, Р. стал ходатайствовать о чине надворного советника, но Медицинская Коллегия отказала ему в этом, на том основании, что он не прослужил еще 10 лет со времени получения права практики в России (1793); будучи уже гоф-хирургом, он 9-го ноября 1800 г. получил чин 6-го класса.

Я. Чистович, История первых медицинских школ в России, СПб. 1883, стр. CCLXXXVII.

Рюмин Алексей, художник

Рюмин Алексей, художник-пейзажист; из мещан г. Москвы, был учеником профессора Маркова; 16-го сентября 1855 года представил в Совет Академии Художеств нарисованный им по выбору Маркова вид на Петербург с Вольного Острова и этюд с натуры и просил за означенные картины удостоить его звания некласного художника по живописи пейзажной. Просьба его была удовлетворена, так как картины были признаны удовлетворительными.

П. Н. Петров, Материалы по истории Академии Художеств, т. III, стр. 244; С. Кондаков, Императорская Академия Художеств, т. II, стр. 172.

Рюмин, Василий Гаврилович, генерал-майор

Рюмин, Василий Гаврилович, генерал-майор; сын мичмана Гавриила Герасимовича Р., воспитывался дома и 8-го июля 1820 г. произведен был в гардемарины; плавая в 1820–1827 гг. ежегодно в Черном море, был произведен, 22-го февраля 1823 г., в мичманы; в 1828 г. на бриге «Ганимед» крейсировал у Абхазских берегов, после чего, командуя иолом № 14, участвовал при взятии Варны, за что награжден был орденом св. Анны 3-й степени с бантом и 2-го октября того же года был произведен, за отличие, в лейтенанты, а в 1829 г. на фрегате «Штандарт» крейсировал у Румелийских и Анатолийских берегов, причем, «за вырезку и истребление турецких судов из-под крепости Ахиолло», награжден был орденом Владимира 4-й ст., после чего на бриге «Ганимед» крейсировал между Сизополем и Трапезундом. В следующем, 1830 г он на корабле «Пимен» плавал при перевозке десантных войск из Румелии и Болгарии в Черноморские порты, потом командовал транспортом № 16 у Крымских берегов и, наконец, командуя катером «Жаворонок», плавал в Черном море от Севастополя до Геленджика.

В последующие годы Р. командовал брандвахтенным судном № 17 у Керчи (1832), на корабле «Пимен» перешел из Севастополя на рейд Буюкдере у Константинополя, откуда с десантными войсками прибыл в Феодосию, причем награжден был Турецкою медалью (1833), крейсировал на разных судах (1834–1837), в сентябре 1837 г. произведен был за отличие в капитан-лейтенанты, а в 1838–1848 гг. командовал бригам «Аргонавт» в отряде судов Абхазской экспедиции; 6-го декабря 1846 г. он произведен был, за отличие, в капитаны 2 ранга и 23-го апреля 1850 г. – в капитаны 1 ранга, причем командовал фрегатом «Мария». Назначенный, 31-го октября 1851 г., комиссионером в Ростов на Дону, с переименованием в полковники и с состоянием по Черноморскому Адмиралтейству,

Р. 4-го апреля 1860 г. произведен был в генерал-майоры и уволен от службы.

Общий Морской Список, ч. VIII, СПб. 1894, стр. 161–162.

Рюмин, Василий Гаврилович, писатель

Рюмин, Василий Гаврилович, писатель; младший сын рязанского откупщика *Г. В. Рюмина* (см. ниже), родился в 1807 г., Б 1817–1821 гг. был воспитанником Московского университетского благородного пансиона, где окончил курс с золотой медалью, а в 1822 г. был студентом Московского университета, затем служил в Москве и в 1829 г. имел чин коллежского асессора; в 1846–1848 г. был надворным советником, что видно из его договоров с крестьянами его имений Зарайского (дер. Клинской, 123 души), Егорьевского (сел. Угорная слобода, Березники, Василькова, Шарапова и Погостища, 460 д.) и Касимовского (14 селений – 1769 душ) уездов Рязанской губ., которых уволил в свободные хлебопашцы. По этому поводу Д. И. Ростиславов пишет в Записках своих: «Василию (Рюмину) достались деревни Тумского прихода и окрестностей этого села. Это был едва ли не самый лучший по отношению к крестьянам из сыновей Рюмина. Через несколько лет после смерти отца своего он решился на редкий во время крепостничества поступок, как увольнение своих крестьян в свободные хлебопашцы. Поступок этот тем более заслуживает похвалы, что старший брат – Николай давал ему гораздо большую сумму, нежели какую должны были внести крестьяне. Благородный этот человек недолго пожил».

Переселившись в Швейцарию, Р. навсегда там остался и в Лозанне владел доселе существующей в неприкосновенном виде виллою «Eglantine», над Женевским озером. От брака с княжной *Шаховской* он имел одного сына – *Гавриила*, умершего холостым и завещавшего несколько миллионов франков на устройство в Лозанне университета; в последнем помещен бюст жертвователя, а одна из главных улиц в Лозанне, ведущая к «Eglantine», называется «Avenue Rumine».

Будучи воспитанником Благородного пансиона, Р. занимался литературными упражнениями, из коих в Пансионском издании «Каллиопа» были напечатаны: 1)

«Страсть к похвале. Из Томаса» (ч. III, 1817 г., стр. 251–253), 2) «О строении языка. Из Блера» (ч. IV, 1820 г., стр. 115–137) и 3) «О мнении. Из Вейса» (там же, стр. 149–160), затем издал 4) «О причинах заблуждений, рассуждение из класса философии», М. 1821 (рецензия – в ж. «Благонамеренный» 1821, приб. к № 7–8, стр. 16–18); за это сочинение Р. был причислен к сотрудникам Общества Любителей Российской Словесности при Московском университете – 8-го марта 1821 г., но вскоре, 29-го октября того же года, Общество определило не числить его более своим сотрудником «по причине отсутствия».

Р. был также, с 1833 г., членом Имп. Московского Общества Сельского Хозяйства и членом Главного при нем Общества улучшенного овцеводства.

А. Повалишин, Рязанские помещики и их крепостные, Ряз. 1903, стр. 216, 218, 119; Словарь членов Общества Любителей Российской Словесности, М. 1911, стр. 246; Н. В. Сушков, Московский Университетский Благородный Пансион, М. 1856, стр. 32 и прил., стр. 89; С. Маслов, Историческое Обозрение Имп. Московского Общества Сельского Хозяйства, М. 1846, прил., стр. 267, 280; «Столица и Усадьба» 1917 г., № 81–82.

Рюмин, Гавриил Васильевич

Рюмин, Гавриил Васильевич, статский советник, откупщик, благотворитель; сын мещанина г. Рязани, он родился здесь в 1752 году. «Бедность, – рассказывает Д. Н. Бантыш-Каменский, – постигла его в самых молодых летах и приучила к трудолюбию; лишась от пожара, по кончине отца, последнего своего имущества, он отправился во Владимир, где определился к содержателям винных откупов. Особенная честность и расторопность Рюмина, равно как и доставленные им значительные выгоды откупщикам снискали ему совершенно их доверенность. Они, по прошествии некоторого времени, приняли его к себе в часть и таким образом содействовали ему в приобретении значительного капитала. Тогда Рюмин имел возможность сам снимать винные откупы и, посредством полученного навыка, умных оборотов, в течение нескольких лет составил себе обширное состояние».

Рескриптом на имя Генерал-прокурора князя А. Б. Куракина Рюмин, за усердие и ревность «к приумножению доходов казны», был 12-го июля 1798 года пожалован шпагою и медалью на голубой ленте. «С Монаршим и особенным благоволением нашим», – читаем в рескрипте: «приняв представленное вами Нам донесение о благоуспешном совершении торгов на будущее четырехлетие винных откупов, справедливым находим Мы вознаградить засвидетельствованное вами усердие и ревность некоторых из купечества, к приумножению доходов казны Нашей по сему случаю содействовавших, а посему и возлагаем на вас изъявить им милость Нашу, пожалованием... именитому гражданину Рюмину шпаги и медали на голубой ленте».

Именным Высочайшим указом от 27-го мая 1799 г., за то же усердие к пользам казны, он пожалован был в надворные советники, с оставлением в прежних по купечеству правах. С производством в этот чин, Рюмин был зачислен по Герольдии, а с 7-го марта 1801 г. вступил в действительную государственную службу: именным Высочайшим указом, данным

Правительствующему Сенату, он был назначен Президентом Рязанского ратгауза, с чином по месту, т. е., с производством в коллежские советники. По упразднении ратгауза Рюмин вновь был причислен к Герольдии. Будучи при Герольдии, Р., по докладу Министра Финансов, 28-го февраля 1806 г. получил Высочайшее повеление принять на себя комиссию перевозки с Симбирских и Пензенских казенных винокуренных заводов до С.-Петербурга 418415 ведер вина. Окончив возложенное поручение с успехом и немалою выгодною для казны, Р. 28-го сентября 1807 г. получил от Имп. Александра I бриллиантовый перстень с сапфиром, а 31-го мая 1809 г. определен был в Экспедицию казенных винокуренных заводов инспектором и 1-го сентября 1810 г., за особое усердие к службе на пользу казны, пожалован был орденом св. Анны 2-й степени.

23-го сентября того же 1810 г., по именному Высочайшему указу, Р. был определен членом Комиссии снабжения государства солью, с оставлением и при прежней должности, 5-го января 1812 г. награжден был орденом св. Владимира 3-ей степени, а 2-го сентября 1813 г. назначен инспектором казенных питейных сборов по губерниям Московской, Смоленской и Калужской; 17-го января 1817 г. Рюмин был Всемиловнейше пожалован бриллиантовыми знаками ордена св. Анны 2-го класса.

В 1822 г. он был уже вдов; из детей его старшие – *Николай* (26 л.) и *Константин* (19 л.) служили в Экспедиции по государственным доходам; *Александр* (23 лет) был в то время капитаном в отставке, а младшие – *Иван* (18 л.) и *Василий* (15 лет) обучались в Московском университете. В том же 1822 году за Р. состояло во владении 9000 душ крестьян, поселенных в Рязанской, Московской, Нижегородской и Пензенской губерниях.

В 1824 г., за старостью и болезнью, Р. был, по прошению, уволен от службы с чином статского советника и умер 26-го ноября 1827 г., на 75 году от рождения; погребен в Троицком монастыре, которому завещал 10000 рублей.

В 1822 г. Р. пожертвовал в пользу учрежденного в Рязани Дома трудолюбия и призрения неимущих 20000 руб.; на возобновление собора во имя Рождества Христа Спасителя –

30000 руб., на поддержание огромного и величественного Успенского кафедрального собора, клонившегося в 1800 г. к разрушению – более 10000 руб., причем употребил средства на сделание в нем, по обеим сторонам царских врат, двух среброкованых вызолоченных икон, и 40000 руб. – на сооружение соборной колокольни. В 1803 г. он пожертвовал 7000 руб. Воспитательному дому, от которого в 1799–1803 гг., вместе с прочими, держал откуп продажи игральных карт.

Любопытные воспоминания оставил о Р. и Записках своих проф. Д. И. Ростиславов. Вот что пишет он здесь: «...И до Балашова, и после Балашова, и при Балашове жила в Рязани туземная, можно сказать, самородная знаменитость – статский советник Гавриил Васильевич Рюмин, о котором даже и теперь, с лишком 40 лет после его смерти, рассказываются легендарные предания. Несмотря на то, что в 1824 г. ему уже было за 70 лет, в Рязани было еще несколько стариков, его сверстников, которые видели его детство и знали былые его занятия. Рюмин по своему происхождению был мещанин, в детстве и молодых летах добывал себе хлеб разноскою аладьев, блинов, пирожков и разною мелочною торговлею и, разумеется, был очень беден, перебиваясь, по поговорке, со дня на день кое-как, где сытый, а где и впроголодь... О том, как Рюмин сделался богачом, носились различные слухи; но все они сходились в том, что, бросив алады, пирожки, блинцы и другие предметы мелочной торговли, пошел, по тогдашнему выражению, по кабацкой части; сначала пристроился где-то подносчиком, т. е. помощником целовальника, потом сам сделался целовальником; тут его заметил тогдашний богач и откупщик рязанец Малыгин, сделав своим агентом, помощником и пр. Поговаривали даже, что Рюмин умел не совсем добросовестно понажиться около своего благодетеля, но, как бы то ни было, только он скоро сделался сам откупщиком и зачислился, разумеется, в первую купеческую гильдию. Отсюда уже было не далеко до звания коммерции советника, а почислившись несколько лет коммерции советником, хоть, может быть, ровно ничего не посоветовавши по части русской коммерции, можно уже было получить чин надворного

советника. Сверх того, Рюмин сделал много крупных пожертвований; особенно говорили, что в 1812 г. едва ли не до миллиона пожертвовал на тогдашние военные нужды. Все это давало ему ордена, чины, известность. О нем узнал покойный Император Александр I, увидел, полюбил его и был крестным отцом одного или нескольких детей его и, когда приезжал в Рязань, всегда останавливался в доме Рюмина. Однажды Балашов, будучи недоволен за что-то Рюминым, приготовил квартиру для Государя в другом каком-то доме. Но Государь, когда его подвезли к отведенной для него квартире, сказал: „Это что такое? Я хочу остановиться у Рюмина“ – и велел везти себя туда. Старик на всякий случай приготовился, и Император нашел прежнюю свою квартиру в том же самом виде, в каком застал ее прежде. Но Рюмин, награждаемый чинами и орденами, не забывал того, что ему их доставляло, т. е. деньги. Как ловкий и оборотливый откупщик, он жил и наживался и, сделавшись дворянином, начал покупать крестьян на нажитые деньги. По смерти его, случившейся, кажется, в 1827 г., оказалось, что он оставил своим детям в наследство, как тогда говорили, более 10000 душ крестьян и до 15 миллионов рублей денег. Этот бывший блинщик и подносчик, сделавшийся статским советником, богачом и кумом Государя, кажется не забывал о прежней своей бедности и был очень хорошим помещиком относительно своих крестьян. Оброк на них налагал очень не большой, рублей по 20–30 с тягла, снабжал крестьян землею более, нежели в достаточном количестве, а главное – его фамилия служила им защитой против чиновничьих придилок. Рюминского крестьянина опасались поприжать и исправник, и заседатель, и стряпчий, и даже все временное Отделение, составлявшееся для производства какого-либо следствия; разве только к бурмистрам Рюмина любили заезжать напиться чаю, поесть и попить.

После этого не удивительно, что крестьяне Рюмина жили хорошо; нищие между ними были редкость. В Туме и около нее Рюминские крестьяне были самыми зажиточными. Не забывал он, как выражались духовные, и церковью Божиих. В Рязани он выстроил второй этаж соборной колокольни и переделал

теплый собор. Затем священники, в приходе которых находились рюминские крестьяне, смело могли идти к барину их; почти не было примера, чтобы, по объяснении церковных нужд, он отказал в пособии просимого, но большею частью всегда давал порядочную сумму. Мой батюшка при постройке каменной церкви и в разных других случаях являлся к нему не один раз; покойник говорил, что был принимаем самым вежливым образом; случалось даже, что он занимался с одним батюшкою и, выслушав его нужды, просил посидеть, напиться чаю и разговаривал с ним по часу, по два, оставляя даже своих гостей. Два раза батюшка имел случай видеть его казначейство. Один из этих случаев он так описывал. Выслушав рассказ о нуждах Тумской церкви, Рюмин позвал свою ключницу и спросил моего батюшку: „Пойдет ли отец протопоп в мою кладовую?“ Она была устроена у него на одном из углов его дома, без окон. Сначала была, кажется, деревянная красная дверь, потом следовала железная с несколькими замками. Когда обе двери были отворены, батюшка, вошедши за ключницу и Рюминым в кладовую, увидел большой железный сундук, прикованный цепями со всех сторон. Сначала Рюмин попробовал висячие замки, потом велел ключнице отпереть сундук, и когда крышка открылась при помощи какого-то механизма, он быстро осмотрел внутренность сундука, где батюшка заметил кучи ассигнаций и мешки монеты.

Старик сказал ключнице: „Возьми вон в том углу тысячу рублей“. Взяв ее в руки, он велел запереть сундук, попробовал каждый замок после того, как его заперла ключница; то же самое сделал с замками дверными. Пришедши в одну из комнат, он ключнице велел положить связку ключей в тот ящик комода, откуда она их прежде вынула, и ключ от него уже положил к себе в карман. Отдавши батюшке деньги и попросивши непременно пересчитать их, он сказал: „Я, батюшка, в комode мало держу денег, а в кладовую сам всегда хожу за ними – это надежнее“.

Настоящим, впрочем, благодетелем Рюмин был для рязанской аристократии, как помещичьей, так и чиновничьей; для купцов, кажется, он был не очень доступен, по крайней

мере, они у него едва ли бывали гостями; как-то об этом мало тогда говорили. За то имевшие свободный вход в дом Рюмина чиновники и помещики находили там всегда щедрое угощение. Кажется, особенных приемных дней не было; едва ли не каждый день двери были отворены для желающих воспользоваться гостеприимством хозяина. Надобно полагать, что иногда у старика бывали гости даже и среди дня; так, по крайней мере, рассказывал мой батюшка. Однажды, пришедши к Рюмину до обеда, он был принят им в одной из зал и слышал, что в соседней комнате происходила карточная игра...»

«Но и прочим жителям Рязани Рюмин доставлял разные удовольствия. Несколько лет он содержал на свой счет в Рязани театр, который, по тогдашним слухам, приносил ему до 10000 руб. чистого убытка. Я сам никогда не бывал при представлениях на этом театре, но слышал, с каким восхищением рассказывали богословы и философы о том, что они там видели и слышали. Особенно хвалили какую-то оперу под названием „Русалка“. Потом всем городским жителям, – разумеется, порядочно одетым, – открыт был во все летнее время вход на загородную дачу Рюмина. Она находится близ самого города и даже до сих пор служит чуть не единственным местом, где можно подышать свежим полевым воздухом, имея возможность прикрываться под тенью деревьев и прогуливаться по хорошо утрамбованным дорожкам. При старике Рюмине она содержалась гораздо лучше, нежели при сыне и внуке его; тогда небольшая деревенька крепостных крестьян только и имела обязанность содержать рощу в чистоте. Ежегодно на этой даче Рюмин в какие-то семейные праздники устраивал очень порядочные фейерверки, которые отличались особенным великолепием, когда он выдавал двух своих дочерей, одну, между прочим, за генерала Павленко, бывшего после начальником Рязанского ополчения в Крымскую войну...»

«Разбогатевши, вероятно, он в былые времена не захотел довольствоваться нашим зеленым вином, несмотря на то что оно ему доставило и богатство, и почет, и даже маленькую знатность; должно думать, принялся за шампанское и другие вина западного происхождения, за что Бахусом и был наказан,

нажив болезнь богачей. Задолго еще до моего переселения в Рязань я слышал, что Рюмин весь опух, что ноги и руки его в язвах, что его каждый день обкладывают пластырями, что пальцы его на руках толсты от опухоли и пластырей и всегда при людях покрыты перчатками. Так описывала народная молва подагру и хирагру, которыми Рязанский Лукулл страдал, кажется, не один десяток лет. То же самое молва гласила, что он будто бы лечился не одними пластырями и подражал царю Давиду. В какой степени справедливо это, – сказать я не могу. Но о влиянии подагры и хирагры на старого Селадона я сам имел возможность судить, когда он приезжал к нам на так называемые публичные экзамены. Несмотря на то, что он даже имя свое подписывал очень дурно и не умел хорошо читать, а читал одни векселя, контракты и т. п., его с особенною заботливостью приглашали в Семинарию на экзамены, чтобы он оценил своим откупщичьим взглядом наши ученые занятия и своим высоким вниманием поощрил нас к дальнейшему продолжению их. Какая, бывало, тревога поднимается при его приезде!.. И удивительное дело! Верно среда имеет волшебное действие. Этот бывший продавец аладьев и блинов, подносчик и откупщик предлагал тоже вопросы, которые выслушивались и решались с достоподобным вниманием к его если не уму, то карману. Вот тут-то бывало мы и смотрели во все глаза».

«Но и рязанская медицина со своими пластырями и давидовские компрессы не могли спасти Лукулла Рязанского от костлявой старухи с ее косою. Рюмин скончался, как я уже говорил, в 1827 г. Его наследники – дети озаботились доставить при этом случае рязанским жителям не совсем обыкновенный спектакль. Покойник лежал в одной из зал своего огромного дома, на возвышенном катафалке, в великолепном гробе, покрытом богатейшею парчою, обставленном подсвечниками с толстейшими свечами. Высшая рязанская публика приглашалась на двукратно совершавшиеся панихиды при гробе в каждый день; духовенство соборное пело „со святыми упокой“ и „вечную память“. Прочей средней и низшей публике дозволено было почтить память покойника своими поклонами во время панихид. Двери дома были отворены для всякого

желавшего войти в них; нужно было только при входе вытирать ноги. Гроб был поставлен где-то далеко от передней, нужно было проходить по длинному ряду комнат, где лакеи расставлены были в приличном траурном одеянии; доходили до катафалка и до гроба; тут дозволялось не надолго остановиться, поклониться покойнику и отправляться далее, но по другим комнатам; так что посетители имели возможность любоваться чуть не всеми комнатами второго этажа дворца покойного. Самое же перенесение тела из дома в Троицкий монастырь и отпевание там происходило не очень торжественно. Разумеется, дроги, балдахин, траурные лошади и кучера, факелы и еловые ветви – все это было, как следовало. Хотя архиерей, живший в то время в Петербурге, не мог быть при погребении, но все-таки духовенства под предстательством нашего ректора было вдоволь; певчие со всеусердием пели „Святый Боже“. За гробом в приличном трауре шли четыре сына покойного, без фуражек, несмотря на холодное время и трехверстное расстояние между домом и монастырем. Но охотников провожать нашлось не очень много; по улицам стояло везде порядочное количество зевающих, но они не присоединялись к печальной церемонии, в которой за гробом шло едва ли 200 человек».

«Так как ректор и инспектор были в церемонии, то некоторые из нас, в числе их и я, нашли возможность уйти из семинарии и присоединиться к погребальному шествию. К этому нас побудил слух о том, что ректор станет говорить проповедь. И слушали мы ее... Самая низкая лесть относительно покойника, пересоленные, так сказать, похвалы его добродетелям, множество церковно-библейских слов, соединявшихся в надутые выражения, опошленные мысли о суете мира сего, о тленности благ земных и пр. – все даже нам, семинаристам, не имевшим почти никакого литературного вкуса, и то показалось слишком натянутым и невыносимо-приторным».

Г. В. Рюмин был женат на *Екатерине Ивановне Макаровой*; портреты его и его жены воспроизведены в журнале «Столица и Усадьба», № 81–82 (1917 г.). Из дочерей их одна была за генералом Павленковым, бывшим рязанским уездным

предводителем дворянства; сын их, флигель-адъютант, был женат на Берс (сестре жены графа Л. Н. Толстого), разведшейся с ним и вышедшей за другого Берса; другая дочь – за сенатором Д. М. Морозом; впоследствии она пошла в монашество с именем Алексии и в своем Рязанском имении основала монастырь.

Сенатский Архив (формулярный список); Д. Н. Бантыш-Каменский, Словарь достопамятных людей русской земли, ч. IV, М. 1836, стр. 377–379; «Моск. Вед.» 1828 г., № 2, стр. 61 и № 6, стр. 213–214 (некролог); «С.-Петербур. Ведом.» 1804 г., приб. к № 15; Записки Д. И. Ростиславова – «Русск. Стар.» 1894 г., т. 82, дек., стр. 67–74; «Столица и Усадьба», № 18, 69 и 81–82.

Рюмин Иван, автор Записок

Рюмин Иван, участник бунта и побега Бениовского из Камчатки (1771 г.) и автор Записок, содержащих описание их кругосветного плавания от Камчатки до Франции. Рюмин был, как о нем говорится в следственном деле, «шельмованный казак», разжалованный за какое то преступление «из канцеляристов. Довезенный Бениовским до Франции и оставленный там на произвол судьбы, Рюмин с женой, в числе прочих 17 человек злополучных спутников, добрался до Парижа, где они обратились к нашему резиденту. Объявившиеся беглецы были прощены Императрицей, приведены снова к присяге и получили право выбора своего местожительства. Рюмин с женой выбрал Тобольск, куда и был выслан в 1773 г., 5-го октября.

Записки его были помещены сначала в «Сыне Отечества» за 1821 г., ч. XXVII и XXVIII, затем В. Н. Берхом в опровержении мемуаров Бениовского – в «Северном Архиве» 1822 г. (№ 5, стр. 376, № 6, стр. 477 и Апрель, стр. 3) и отдельно – «Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским», изд. В. Берх, СПб., Тип. Греча, 1822, 8°.

Исторический очерк главнейших событий в Камчатке, Лейт. Сгибнев – «Морск. Сборн.» 1869 г., № 6, стр. 52–69; Записка о бунте, произведенном Бениовским в Большерецком остроге, и о последствиях оного – «Русский Архив» 1865 г., № 4, стр. 417–38; № 7, стр. 859–895; Н. В. Слюнин; «Охотско-Камчатский край», СПб. 1900 г., т. I, стр. 63; Бунт Бениовского в Камчатке – «Русская Старина» 1876 г., т. XV, стр. 526, 540, 546, 757–761; И. Вейдемейер, Двор и замечательные люди в России, стр. 112, 118.

Рюмин, Михаил Акимович

Рюмин, Михаил Акимович, обер-прокурор Московских Департаментов Сената; род. 4-го ноября 1805 г. и был сыном купца; в 1822 г. он окончил курс в Московском университете со степенью кандидата и с золотою медалью, после чего, 3-го ноября того же года, поступил на службу во 2-е Отделение 6-го, Московского Департамента Сената. Во время производившейся сенатором Дурасовым ревизии Костромской губернии Р. находился при нем и получил от него полное одобрение, за что награжден был чином титулярного советника; в феврале 1828 г. он был утвержден Секретарем 1-го Отделения 6-го Департамента и в марте 1833 г. награжден был бриллиантовым перстнем, а 20-го июня того же года переведен был на службу в Департамент Министерства Юстиции для занятий по проверке Свода Законов; 13-го мая 1836 г. Р. был утвержден начальником II-го Отделения Департамента Министерства Юстиции и в этой должности получил несколько наград.

В 1840 г. Р. обозревал порядок дел в судебных местах и тюремных замках в губерниях Новгородской, Тверской, Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской и Псковской, а по окончании этого поручения назначен был за обер-прокурорский стол в то же II-е Отделение 6-го Департамента Сената (15-го декабря 1840 г.), откуда уже 8-го января 1841 г. был перемещен на ту же должность в 1-е Отделение 5-го Департамента. В 1843 г. назначенный вице-директором Департамента Министерства Юстиции, с принятием в особое управление его двух Отделений, Рюмин был назначен также членом Консультации при Министерстве Юстиции и членом Комитета для рассмотрения Уложения о Наказаниях, причем в 1844 г. пожалован в д. с. советники; затем, в 1845 г. он был назначен обер-прокурором II-го Отделения 6-го, Московского Департамента Сената и в 1848–1849 гг. исправлял, одновременно, обязанности обер-прокурора 1-го Отделения того же Департамента и ревизовал суммы Московского Сенатского Казначейства и дела Владимирской Палаты

Гражданского Суда, В 1851 г. Р. был назначен и. д. обер-прокурора Общего Собрания Московских Департаментов Сената и в 1854 г. был утвержден в этой должности, с 1853 г. в то же время и. о. обер-прокурора 8-го Департамента и в 1859 г. награжден был орденом Анны 1-й степ.

Скончался в Москве 15-го января 1873 г. и погребен в Новоспасском монастыре.

Формулярный список в деле Архива Департамента Герольдии; «Моск. Епарх. Вед.» 1873 г., № 5, стр. 45–46 (некр.).

Рюмин, Николай Гаврилович

Рюмин, Николай Гаврилович, тайный советник; старший сын *Г. В. Рюмина* (см.), родился 6-го ноября 1793 г.; в службе числился с 15-го февраля 1806 г., в 1820 г. награжден был орденом Владимира 4-й ст., в 1822 г. служил в Экспедиции Государственных доходов и в 1831 г. получил бриллиантовый перстень с вензелем Императора Николая I; затем, 5-го августа 1839 г., будучи коллежским советником и почетным попечителем Рязанской губернской гимназии, Р. был произведен в статские советники, а 25-го августа 1840 г. пожалован в звание камергера Высочайшего Двора. Продолжая быть попечителем Рязанской губернской гимназии, Р. в 1847 г. был статским советником и затем последовательно получил чины д. с. советника и тайного советника.

Скончался 15-го января 1870 г. и погребен в Троицкой Сергиевой Лавре, вместе с женою, *Еленой Федоровной*, урожденной *Кандалинцевой* (род. 14-го июня 1800 г., ум. 9-го июня 1874 г.); он имел 12 человек детей, из коих выжили: сын *Федор*, бывший паж и Царскосельский гусар, а затем камер-юнкер и в 1875–1878 гг. Рязанский губернский предводитель дворянства (женат был на княжне О. С. Голицыной и имел одного, умершего бездетным, сына Федора) и дочери: *Екатерина*, бывшая за графом Буксгевденом, *Любовь* – за Б. А. Полторацким, *Прасковья* – за А. В. Вельяшевым и *Марья* – за Н. С. Мухановым; *Вера* умерла девицей.

В 1860 г. Р. был вице-президентом, а с 1862 г. – президентом Российского Общества Любителей Садоводства в Москве, и в 1870 г. состоял президентом Рязанского Общества Сельского Хозяйства; кроме того, с 1833 г. он был членом Имп. Московского Общества Сельского Хозяйства, в Истории которого упоминается о том, что в 1837 г. Р. занимался улучшенным овцеводством и с 1833 г. был членом Главного Московского Общества улучшенного овцеводства.

В 1845 г. его имение состояло из 2830 душ, каменного дома в Рязани и 700 душ благоприобретенных, а у жены был, с 1841

г., каменный дом в Москве, на Воздвиженке. В Московской губернии Р. в 1851 г. принадлежали имения: дер. Кучино в Московском уезде, в 21 вер. от города (описание этой живописной усадьбы см. в журн. «Столица и Усадьба» № 18, № 69 и № 81–82, со снимками) и Федуркино в том же уезде, Алексунино, Андроновое, Большой Двор, Борисово, Буньково, Васильева, Васютино, Вострикова, Гаврилова, Гаврина, Грибнино, Дуброва, Заозерье, Зуево, Карабанова, Кузнецы, Михалево, Нажицы, Насырево, Никулино, Ожерелки, Понкратово, Семернино, Тарасово (все в Богородском уезде), Алексино, Новинки, Симбухово и Тютчево (в Вере́йском уезде); было у него также имение и в Рязанской губернии.

Говоря о сыновьях Г. В. Рюмина, Д. И. Ростиславов пишет в Записках своих: «Николай был сыном, достойным своего отца, любил и был способен беречь и наживать деньги, и за эту, вероятно, способность награжден был отцом более, нежели другие сыновья. По тогдашним слухам, крестьяне были будто бы разделены поровну между сыновьями; каждому досталось будто бы с чем-то по 3000 душ или около того. Но деньги едва ли не все или по крайней мере большею частью достались Николаю, и он постарался поскорее прибрать их под свой непосредственный надзор. Еще при жизни отца он жил в особом доме, почти визави с отцовским дворцом. Пока еще тело отца стояло в доме, сундук оставался там же, в кладовой; но лишь тело торжественно отправили в Троицкий монастырь, как лица, уполномоченные Николаем Гавриловичем, едва ли не с большею тождественностью перенесли в дом его, разумеется, со всеми пачками и мешками, в нем хранившимися... Получивши миллионы рублей и тысячи крестьянских душ в свое владение, он пошел по следам папаши, сделался одним из почетных наших откупщиков и нажил, как долго говорили, громадное состояние, рязанское дворянство чуть ли не с лишком 30 лет постоянно выбирало его почетным попечителем своей гимназии. В этом отношении он действительно оказал огромные услуги ей. Не говоря уже о том, что, купивши отцовский дворец у своего брата, кажется Василия, он его подарил для Благородного пансиона, от него ежегодно были

делаемы более или менее значительные пожертвования, общая сумма которых превышала сотню тысяч. Но этот богач, по уничтожении откупов, пустился в разные неудачные спекуляции, конечно, не сделался бедным, но перестал быть богатым человеком и оставил единственному своему сыну не Бог знает какое состояние»... Сад свой в Рязани, близ дома находившийся, он подарил городу. Его богатое поместье под Рязанью «Рюмина Роща» описано в романе Всеволода Крестовского (псевдоним) «Большая Медведица».

Адрес-календари и Списки чинам за разные годы; «С.-Петербург. Ведом.» 1839 г., № 207, и 1840 г., № 208; С. Маслов, Историч. обозрение Имп. Московского Общества Сельского Хозяйства, М. 1846, стр. 145, прил., стр. 123, 267, 280; А. Повалишин, Рязанские помещики и их крепостные, Ряз. 1903, стр. 224; К. Нистрем, Указатель селений и жителей уездов Московской губернии, М. 1852; Записки Д. И. Ростислава – «Русск. Стар.» 1894, т. 82, стр. 75–76.

Рюрик, первый русский князь

Рюрик, первый русский князь. Биографические сведения о нем, почерпаемые из летописей, довольно скудны. Впервые древнейшие летописи (Лаврентьевская и Ипатьевская) упоминают о Р. в рассказе 6370 г. о восстании северных племен, покоренных варягами и обложенных данью, против своих поработителей – восстании, окончившемся изгнанием варягов. Освободившиеся племена начали управляться самостоятельно, но «не бе в них правды», «вста род на род и быша в них усобице». Тогда они решили поискать себе князя – и с этой целью «идоша за море к варягом, к Руси; сице бо тий звахуся Варязи Русь (вар.: Русью), яко се друзии зовутся Свие (вар. Свее), друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте (вар.: Готе), тако и си. Реша Руси Чюдъ и Словени и Кривичи и Вси: «земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет; да поидете княжить и володети нами».

Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку рассказ об изгнании варягов и посольстве к ним приводит наряду с другими известиями 6362 г., с неопределенным дополнением, что отмеченные события произошли во времена Кия, Щека и Хорива, причем в изгнании, по рассказу этой летописи, не участвует Весь; отсутствует в Новгородской первой летописи и объяснение племенного имени варягов – Русь.

В ответ на предложение посольства, отправленного к варягам, «избращася» три брата «с роды своими», «пояша по себе всю Русь» и отправились в путь. В отношении места, куда прибыли, наконец, братья, и, в частности, где остановился Р., один из братьев, источники наши дают разные показания. Ипатьевская летопись и некоторые списки Лаврентьевской (Радзивилловский и Академический, из более поздних летописных сводов так называемый Летописец Переяславля Суздальского) рассказывают об этом так: «и придоша к словенам первее (вар. из Радзив. и Академ.: первое) и срубиша (Переясл.: сделаше) город Ладогу и седе старейшей (Радзив. и

Академ.: старей, Переясл.: старший) в Ладозе Рюрик, а другой Синеус на Белоозере, а третей в Изборьске. И от тех Варяг прозвася Руская земля». По словам же Троицкого списка Лаврентьевской летописи, «старейший, Рюрик, седе Новегороде»; в дополнение к этому, Новгородская первая рассказывает, что сюда, в Новгород, с «дружиной многой и предивной», пришли сначала все братья. «И от тех Варяг прозвася Русская земля, Новугородьци, ти суть людье Новогородьци от рода Варяжьска, преже бо беша Словени», заключает свой рассказ Лаврентьевская летопись; в Новгородской же первой то же место изложено уже иначе: «и от тех Варяг, находник тех, прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля; и суть Новгородстии людие до днешнего дня от рода Варяжьска».

В соответствии с указанным различием места поселения Р., идет и дальнейший рассказ летописи по разным спискам. Когда, спустя два года, братья Р. скончались, то он, «прия... власть всю один», отправился «к Ильмерю и сруби город (вар. из Радзивиловского и Академического списков Лаврентьевской летописи: городок) над Волховом, и прозваша и Новгород и седе ту княжа». Ранние летописные своды дают немного сведений о дальнейшей жизни и деятельности Р. Известно только, что Р. раздавал мужам своим «волости» и «грады», подвластные ему (Полоцк, Ростов, Белоозеро, Муром). Двое из его мужей – Аскольд и Дир «с родом своим», с согласия Р., отправились «ко Царюгороду».

Р. имел сына *Игоря*, которого, ввиду малолетства, вместе с княжением, в год смерти (6387) поручил родственнику своему Олегу.

Приведенные скудные данные о Р. поздние летописные своды дополняют рядом новых подробностей. Так, напр., по словам Густынской и Воскресенской летописей, совет послать за мудрым мужем в Прусскую землю дал новгородским «владельцам» старейшина Ростомысл; «они же шедше в Прусскую землю обретоша князя Рюрика, суца от рода Римского царя Августа, и молиша его с посланными всех новоградец, дабы к ним шел княжить». Происхождение Р. от

Римского кесаря Августа положено в основу тех княжеских родословных, которые находятся в некоторых летописях (Воскрес., Степенная книга). По словам другого летописного свода (Никоновского), словене («рекше новгородцы»), меря и кривичи не сразу послали к варягам за князем: было намерение пригласить его из своей среды «или от казар, или от полян или от дунайцев»; когда же посланные в 6367 г. пришли к варягам, то те не хотели сначала идти, «бояхуся зверинского их обычая и права и едва избрашася три брата» и «поидоша из немец». Спустя два года после того, как Р. сел в Новгороде (6372 г.), новгородцы, призвавшие его, «оскорбишася ...глаголюще: яко быти нам рабом и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его». Р., по словам той же Никоновской летописи, жестоко расправился с недовольными: «уби Вадима храброго и иных многих изби новгородцев, советников его». Внутренний мир не устанавливался и после того, как Р. сделался единовластным правителем (смерть бездетных Синеуса и Трувора, братьев Р., Никон. летопись относит к 6373 г.): еще в 6375 г. много новгородских мужей бежало от Р. в Киев. В дополнение к этому, некоторые поздние летописные своды (напр., Воскрес.) рассказывают, что Р. и в отношении соседей держал себя не очень мирно: едва только прибыл в Новгород, как «начал воевати всюду». В одном летописном сборнике позднего происхождения есть известия о посылке Р. (в 6374 г.) воеводы Валета для завоевания Карелии, причем и сам Р. будто бы «умре... в войне в Кореле» (6387 г.).

Поздние летописные своды дают иногда новую хронологию для отдельных моментов биографии Р. Так, некоторые указывают год рождения Игоря (6370 – по Воскрес., 6362 – Софийск., Новгородск. 4-я, 6373 – Никоновск. и др.); год смерти Р. по одной летописи (Ермолинской) не обычный 6387, а 6877 и др. По тем же летописям, Олег, которому Р. передал княжение, приходился ему племянником (Воскресенская и др.).

Сказание летописи о первых князьях на Руси, в частности о Р. составляет особый вопрос русской исторической науки, так назыв. «варяжский», обсуждение которого началось со времени появления первых научных трудов по русской истории и

продолжается до настоящего времени. За столь долгий промежуток времени было высказано много теорий, объяснявших в той или иной степени начало «Русской земли», но ни одна из них не может быть признана окончательной. Разница между старшими по времени исследователями вопроса (до 2-й половины XIX в.) и новыми заключается, главным образом, в отношении к летописному рассказу. Если первые принимают букву традиции и лишь изощряются в толковании летописного сказания, то новые исследователи (начиная с Д. И. Иловайского и особенно А. А. Шахматова) стараются уяснить себе происхождение и развитие летописных рассказов и домыслов о начале Русского государства. Литература вопроса до сих пор не сведена воедино исчерпывающим образом: есть отдельные обзоры (см., напр., ниже труды Куника, Креск'а и Грушевского), но полная библиография отсутствует. Ниже приводятся указания только на некоторые важнейшие сочинения, относящиеся к так называемому «варяжскому» вопросу русской исторической науки.

Полн. Собр. Русск. Летоп., I, 8, 9, 251 (летоп. по Лаврент. списку [СПб. 1897], с. 19, 20, 22); II 234–237 (Летоп. по Ипатск. списку [СПб. 1871], с. 11–13); IV, 173, 174, то же, изд. 1915 г. (т. IV, ч. 1), с. 11, 12, IV, ч. 2, с. 11–13; V, 1–2, 88; VI, 18, 33, 205; VII, 222, 231, 239, 250, 267, 268; VIII, 160; IX, 8–9, 15; XV; XVI, 35, 36, 261, 307, 308; XVII, 3, 4, 111, XVIII, 7–9, 23, 226, 227, 253; XX, 1, 11, 43, 44; XXI, 2, 3, 6, 7, 41, 42, 59–61, 63–65, 165, 168; 190, 221, 235, 236, 279, 296, 315, 343, 393, 412, 435, 457, 528, 581, 535, 582, 629, 653; XXII, ч. 1-я, 20, 349, 476, 477, 495, ч. 2-я, 150, 154; XXIII, 2, 3, 167; «Новгородск. летоп. по Синодальн. харатейн. списку (СПб. 1888), с. 4–5, 431–433; «Летописец Переяславля Суздальского» («Времен. Моск. Общ. Ист. и Древн.» 1851, кн. 9), с. 5–6; «Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 852 до 1598 г.» (М. 1781), с. 3–5; «Древн. Российск. Вивлиофика», изд. 2-е (1791), т. XVI, с. 52–53.*

*Th. Baier, «Русские летописи». С пред. С. А. Белокурова. («Чтения Моск. Общ. Ист. и древн.» 1898, кн. IV), с. 12–18, *20–*21; «Opuscula», ed. Klotz, Halle. 1770; Bioerner, «Schediasma*

historico-geographicum de Varegis heroibus Scandianis et primis Russiae dynastie», Stockholmiaae. 1743; G. Friedr. Müller, «Origines gentis et nominis Russorum», Petrop. 1749; Strube de Piermont, «Discours sur l'origine et les changements des lois Russiennes», St.–P. 1756; Thunmann, «Untersuchungen über die älteste Geschichte der nordlichen Völker», 1772; езоже, «Untersuchungen über die älteste Geschichte der östlichen Völker», Leipz. 1774; L. Schlözer, «Nestor»; Ph. Krug, «Zur Münzkunde Russlands», St.–P. 1805; езоже, «Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands», St.–P. 1810; езоже, «Forschungen in der älteren Geschichte Russlands», I–II, St.–P. 1848; G. Ewers, «Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen», I–II, Dorpat. 1814; езоже, «Das älteste Recht der Bussen in seiner geschichtlichen Entwicklung dargestellt», Dorpat u. Hamburg. 1826; A. Lehrberg, «Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands», St.–P. 1816; Н. Карамзин, «История Государства Россійскаго»; F. Fraehn, «Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen», St.–P. 1823; J. Neumann, «Über die Wohnsitze der ältesten Russen. Sendschreiben an Gust. Ewers», Dorpat. 1825; М. Погодин, «О происхождении Руси», 1825, изд. 2-е, перераб., под заглавием «Происхождение Варягов Руси», – во 2-м томе «Исследований, замечаний и лекций», 1846; его же, «Г. Гедеонов и его система о происхождении Варягов на Руси» («Зап. Имп. Акад. Наук» 1864, т. VI, прилож. № 2); его же: «Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями», М. 1874; М. А. Максимович, «Откуда идет Русская земля. По сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям Русским», К. 1837; Ю. Венелин, «Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах», М. 1842; A. Kunik, «Die Berufung der schwedischen Rodsen durch Finnen und Slawen», I–II, St.–P. 1844–1845; его же – Предисловие к «Отрывкам С. Гедеонова» («Зап. Имп. Акад. Наук» 1862, т. I, прил. № 3), его же – Примечания к «Каспию» Б. Дорна («Зап. Имп. Акад. Наук», 1875, т. 26, кн. 1; на с. 445–462, 687–697 приводится обзор литературы по варяжскому вопросу за

1859–1875 гг.); его же и бар. В. Розена: «Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах», I–II, СПб. 1878–1903; его же, «О записке Готского топарха», СПб. 1874; его же, «Открытое письмо к сухопутным морякам», СПб. 1903; Н. Савельев-Ростиславич, «Варяжская Русь по Нестору и чужеземным писателям» («Журн. Минист. Народн. Просв.» 1845, ч. 48, отд. II, с. 1–64); В. Ламанский, «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании» («Учен. Зап. 2-го Отдел. Имп. Акад. Наук» 1859, кн. 5); Н. Ланге, «Исследование об уголовном праве Русской Правды», СПб. 1860; Н. Костомаров, «Начало Руси» («Современник» 1860, т. 79, с. 5–32 и в «Собр. сочинений»); «Публичный диспут 19 марта 1860 г. о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым» («Современник» 1860, т. 80, с. 257–292); Н. Щеглов, «Кто были варяги Русь, то есть, что мы такое» («Отечеств. Зап.» 1860, кн. 7 и 8); С. Гедеонов, «Отрывки из исследований о варяжском вопросе» («Зап. Имп. Акад. Наук» 1862–1868 гг.); его же, «Варяги и Русь», I–II, СПб. 1876; А. Котляревский, «О погребальных обычаях языческих славян», М. 1868; Д. Хвольсон, «Известия о хозарах, бургасах, булгарах, мадьярах и руссах Ибн-Даста», СПб. 1869; Гаркави, «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских», СПб. 1870; Д. Иловайский, «О мнимом призвании варягов», М. 1871; его же, «К вопросу о летописи и начале Руси», М. 1873; его же, «Разыскания о начале Руси», М. 1876, изд. 2-е, М. 1882; его же, «Дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому», М. 1886; его же, «Вторая дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому», М. 1902; Н. Ламбин, «Источник летописного сказания о происхождении Руси» («Журн. Минист. Народн. Просв.» 1874, ч. 173, июнь, с. 225–263; ч. 174, июль, с. 53–119); Б. Дорн, «Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями и о других набегах их на побережья Каспийского моря», СПб. 1875; И. Забелин, «История Русской жизни с древнейших времен», I–II, М. 1876–1879, изд. 2. М. 1912; Thomsen «The relations between ancient Russia and Scandinavia and the origin Russian state», 1877, немецкий перев. с дополнен. подзаглав. «Der Ursprung der

russischen Staates», 1879, русский перевод под заглав. «Начало русского государства» – в «Чтениях Моск. Общ. Ист. и Древн.» 1891. кн. I; В. Г. Васильевский, «Русско-византийские отрывки. VIII. Житие Георгия Амастридского» («Журн. Минист. Народн. Просв.» 1878, ч. 195, февр., с. 277–306, ч. 196, март, с. 128–181); его же, «Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Греческий текст и перевод, с введением» («Летоп. занятий Археогр. Ком.», в. IX (1893), отд. II, с. I – CCCV+1–128); его же, «Русско-Византийские исследования», в. 2-й, СПб. 1893; Kreck, «Einleitung in die slavische Literaturgeschichte», изд. 2, 1887, с. 335 и сл. – библиография вопроса; А. Будилович, «К вопросу о происхождении слова Русь» (изложение содержания доклада в «Журн. Минист. Народн. Просв.» 1890, ч. 269, май, соврем. летоп., с. 25–29); Ф. Браун, «Разыскания в области готославянских отношений», СПб. 1899; S. Rozniecki, «Perun und Thor. Ein Beitrag zur Quellenkunde der russischen Mythologie» («Archiv für slavische Philologie» 1901, B. 23, SS. 462–520); Марквардт, «Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge», Leipz. 1903 (ср. Ю. Кулаковский, «Новые домыслы о происхождении имени Русь» – «Киевск. Универс. Изв.» 1906, № 6); Фр. Вестберг, «Комментарий на записку Ибрагима Ибн-Якуба о славянах», СПб. 1903; его же, «К анализу восточных источников о Восточной Европе» («Журн. Минист. Народн. Просв.» 1908, новая серия, ч. 13, февр., с. 364–412, ч. 14, март, с. 1–52); Ф. Успенский. Рецензия на сочинение Ф. Вестберга, СПб. 1904; Ф. Тарановский, «Норманнская теория в истории русского права» («Зап. Общ. ист., филол. и права при Имп. Варш. Унив.» 1909, в. 4); А. А. Шахматов, «Сказание о призвании варягов» («Изв. Отдел. русск. яз. и словесн.» 1904, т. IX, кн. 4, стр. 284–365); его же, «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», СПб. 1908; его же, «Очерк древнейшего периода истории русского языка» («Энциклоп. славянск. филологии», вып. 11, 1. Пг. 1915); его же, «Повесть временных лет», т. I, Пг. 1916; Arne, «Les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des Vikings» («Cinquième Congrès préhistorique de France», 1909); его же, «Sveriges

förbindelser med Ostern under Vikingatiden», Fornvannen. 1911; его же, «La Suède et l'Orient. Etudes archéologiques sur les relations de la Suède et l'Orient pendant l'âge des Vikings», Upsal. 1914; Егиск. Курбон, «Культурная роль Иверии в истории Руси», Тифл. 1910; М. С. Грушевський, «Історія України-Руси», т. I, виданне третє, К. 1913 (обзор норманнской теории – с. 602–624); Г. Барац, «Происхождение летописного сказания о начале Руси», К. 1913; Д. Багалеј, «Русская история», т. I, М. 1914; Л. Падалка, «Происхождение и значение имени Русь» («Тр. XV Археолог. съезда», т. I, М. 1914 и «Тр. Полтавск. Учен. Арх. Ком.», 1915, в. 12); К. Тиандер, «Датско-русские исследования», в. III, Пг. 1915 (ред. М. Грушевского в «Украин. Науков. Збірн.», в. II (1916), с. 110–112); его же, «Варяжский вопрос» (Нов. Энцикл. Слов., т. 9-й, стб. 611–614); М. Любавский, «Лекции по древней русской истории до конца XVI в.», М. 1915; Е. Щепкин, «Варяжская вира» («Записки Импер. Одесского Общ. Ист. и Древн.», т. 32 и отд., Одесса. 1915); его же, «Древнейшие сношения Швеции с Востоком (Новости шведских археолог. журн.))» – «Истор. Изв.» 1917, № 1, с. 14–24; В. С. Иконников, «Опыт русской историографии», т. 1 (кн. 1 и 2) и II (кн. 1 и 2).

Рюрик-Василий Ростиславич, великий князь Киевский

Рюрик-Василий Ростиславич, сын великого князя *Ростислава Мстиславича*, великий князь Киевский. В 6665 г. во главе смолян участвовал в походе великого князя Изяслава Давидовича на Туров. В 6667 г. послан отцом на помощь князю Полоцкому Рогволоду Борисовичу против Ростислава Глебовича; в том же году помогал Черниговским князьям Святославу Ольговичу и Святославу Всеволодовичу в их борьбе с Изяславом Давидовичем и половцами; после отступления Изяслава Р. возвратился «в свояси», но, ввиду нового нападения Изяслава, Святослав Ольгович шлет за ним; узнав же о том, что на помощь Изяславу Давидовичу шел Изяслав Андреевич с ростовцами, он вместе с Святославом заключил мир с Изяславом Давидовичем. В следующем году (6668), в союзе с Святославом Ольговичем, во главе Киевского полка, был в походе против Святослава Владимировича. В 6670 г. вместе с другими князьями отправился из Торческа к Белгороду на Изяслава Давидовича, причем отнял Слуцк у князя Владимира Мстиславича. В 6671 г. женился на дочери Половецкого хана Белука. В 6671 г. вместе с прочими князьями оберегал в Каневе торговые караваны от нападения половцев.

Когда умер его отец (6677), Рюрик участвовал вместе с прочими князьями в призвании на Киевский стол Мстислава Изяславича. Приняв предложение, Мстислав послал в Киев до своего приезда Василька Ярополковича; приверженцы Мстислава донесли Васильку о состоявшемся будто бы договоре Рюрика, брата его Давида и некоторых других князей, имевших целью «взяти... волость у Мстислава по своей воле». В том же году Рюрик заключил ряд с Мстиславом о волостях, получив Овруч, причем по приглашению Мстислава приезжал в Киев, где принимал участие в походе против половцев. В следующем году (6678) он опять был в Каневе, охранял в Каневе путь гречникам и залозникам. Отношения Рюрика к великому князю, однако, ухудшились, так как еще при вступлении

Мстислава на великое княжение брат Рюрика, Давид, получил донос от Петра и Нестора Бориславичей о намерении великого князя захватить Рюрика и Давида на званом обеде; братья условливаются не идти на пир к великому князю, объясняя ему причину, и требуют от него, чтобы он вновь целовал им крест, что не замышляет против них зла. Мстислав изъявил готовность целовать крест согласно их желанию, прося, однако, выдать клеветника, на что Ростиславичи не согласились. Хотя крестоцелование состоялось, «обаче сердце их не бе право» по отношению к великому князю. Причиною раздора между князьями, по-видимому, был Новгород: новгородцы изгнали брата Р., Романа, и звали кого-либо из сыновей Мстислава.

Недобрые отношения между Ростиславичами и великим князем обнаружились в том же 6678 г., когда, услышав о приближении рати Андрея Боголюбского, Р. отправил брата Давида захватить в пути Михаила Георгиевича, посланного великим князем Мстиславом к сыну в Новгород; сам же выступил с ратью из Овруча на соединение с Андреем Боголюбским и принял участие во взятии и разграблении Киева. По-видимому, он участвовал и в последующих походах Андрея, между прочим, в осаде и взятии Михайлова, где скрылся князь Василько Ярополкович. Изгнав Мстислава из Киева, Андрей в союзе с Рюриком подступил к Новгороду. В награду за оказанную помощь Рюрик получил от Андрея Новгород, куда отправился в 6681 г., передав свою волость брату Давиду. Впрочем, Рюрик не долго оставался в Новгороде, успев, однако, перессориться с новгородцами. На обратном пути из Новгорода в Смоленск у него родился сын Ростислав-Михаил, которому он дал в удел город Лучин. По уходе Р. из Новгорода Андрей послал туда своего сына. Это послужило одною из причин испортившихся отношений между Р. и великим князем. Тогда же начал Андрей «вины покладывати» на братьев Ростиславичей, причем одного из них, Романа, лишил Киева и отдал распоряжение о высылке остальных из русской земли. Когда же протест Р. и всех прочих Ростиславичей остался даже без ответа, Р. в союзе с братьями захватил Киев и занял великокняжеский стол. В том же году он подверг осаде Торческ,

где заперся великий князь Киевский Михаил Георгиевич; впрочем, вскоре он заключил с Михаилом ряд и получил от него Переяславль. Поведение Р. не осталось без ответа со стороны Андрея, который приказал ему покинуть Киев и отправиться к брату в Смоленск. Решив бороться с Андреем, пославшим против него большое войско, Р. оставил Киев и заперся в Белгороде, заключив договор с Ярославом Изяславичем Луцким. Когда осаждавшая Белгород рать удалилась, Р. вновь возвратился в Киев и передал его Ярославу, оставив себе и братьям киевские волости. По переходе же Киева к Святославу Всеволодовичу Черниговскому, Р. обращался к Андрею Боголюбскому с просьбой разрешить посадить в Киеве брата Романа. На эту просьбу, заключающую, в сущности, признание Р. права Андрея распоряжаться Киевским столом, не было получено удовлетворительного ответа. В 6683 г. Р. участвовал в походе Олега Святославича против Святослава Всеволодовича, неприязненно относившегося к Ростиславичам.

В 6685 г., по приказанию великого князя Романа Ростиславича, Р. был в походе против половцев, причем из-за ссоры с братом Давидом потерпел от половцев поражение. В борьбе со Святославом Всеволодовичем за Киевский стол, Р. «не хотячи губити Русской земли», по совету с великим князем Романом и своими союзниками, уступил великокняжеский стол Святославу, который занял Киев. По кончине в 6686 г. брата Мстислава, Р. взял, по просьбе брата, на попечение его сына Владимира вместе с братнею волостью. Между тем, великий князь Святослав Всеволодович по-прежнему неприязненно относился к Рюрику и его братьям; так, от 6688 г. сохранилось известие о намерении великого князя изгнать Р. «из земле»; в том же году Святослав Всеволодович напал на волость брата Р., Давида, который бежал из Смоленска к Р. в Белгород. Понимая, что Ростиславичи не простят ему такого отношения к ним и сознавая их превосходство, Святослав уехал из Киева, который был затем занят Р. На помощь к нему пришли Всеволод и Ингвар Ярославичи; брата же Давида Р. отослал в Смоленск к Роману Ростиславичу. По получении известия о смерти последнего, Р. плакал по нем, как по отце. В том же году он

вновь уходит из Киева в Белгород, ввиду приближения Святослава Всеволодовича и Игоря Святославича с половцами; вместе с тем он посылает против них рать, которая одержала над ними победу, но, несмотря на это, ради мира Р. счел необходимым вновь уступить Святославу Киев и старейшинство, оставив себе Киевские волости. Князья взаимно целовали крест. Таким образом, в Киевщине установилась диархия: летописец и того, и другого князя называет великими князьями. Если в последующие тринадцать лет (до смерти Святослава) отношения между «великими князьями» не всегда были сердечными, то, во всяком случае, князья связаны были некоторой солидарностью интересов в защите Киевской земли от половцев. Так, в 6691 г. Р. принимал участие в походе великого князя на половцев, причем нанес им большое поражение; участвовал также в удачном походе следующего года против Кончака, в походах 6693, 6695 и др. годов. Еще ранее этой совместной борьбы против половцев оба князя породнились между собою: Р. выдал свою дочь за сына великого князя Глеба Святославича. В 6695 г. Р. отправил сватов к великому князю Всеволоду Юрьевичу просить руки дочери его Верхуславы для своего сына Ростислава. В том же году была отпразднована пышная свадьба, «аки же несть бывала на Руси». Тогда же Р. праздновал другую свадьбу, выдав дочь свою Ярославу за князя Святослава Игоревича Новгород-Северского.

В последующие годы Р. был вовлечен в Галицкие дела. Так, еще в 6695 г. к нему в Овруч прибежал Олег Ярославич, прозвищем Настасевич, сын Галицкого князя Ярослава Осмомысла, изгнанный по смерти отца боярами и Владимиром Ярославичем; не получив от Р. просимой помощи, Олег удалился в Польшу. В следующем, 6696 г. в Белгород к Р. явился другой претендент на Галицкие волости – зять Р., женатый на его дочери Предславе, князь Роман Мстиславич, пытавшийся путем возмущения галичан завладеть городом, в чем, однако, он потерпел неудачу, хотя и получил от Р. просимую помощь. Отстаивание интересов Романа в его домогательствах Галича и в споре с братом Всеволодом из-за

Владимира-Волынского, а также тайные переговоры великого князя Святослава с Венгерским королем об уступке завоеванного венграми Галича сыну великого князя Глебу едва не поссорили Р. со Святославом. По совету митрополита князья решают предпринять поход для отвоевания Галича, но неуступчивость Р. в вопросе о дележе еще не завоеванного Галицкого княжества привела к тому, что поход не состоялся. Впрочем, споры о волости Галицкой не прошли, по-видимому, бесследно для взаимных отношений князей. Под 6698 г. летопись сообщает, что Р. и Святослав, «утишивше земле Русскую и половцы примиливши в волю свою», едут охотиться на устье Тесмени, где «во любви пребыста и во веселии». Но слухи о приближении половцев нарушили идиллию, нарисованную летописцем. Р. отправляется в Овруч, просить помощи у Святослава на защиту Русской земли; последний хотя обещает послать свой отряд, но данного обещания не выполняет, «зане бьет ему тяжа с Рюриком и с Давыдом и Смоленскою землею», и лишь настойчивые требования Р. и его угрозы прикончить мирные отношения заставили Святослава послать вспомогательный отряд для борьбы с половцами, причем Святослав целовал крест Р. на всей его воле.

В последующие годы (до смерти Святослава Всеволодовича в 6702 г.) Р. пытался путем заключения мирных договоров добиться от половцев прекращения нападений на Русскую землю, не всегда, однако, встречая в этом отношении содействие со стороны Святослава. В те же годы Р. неоднократно намеревался идти на Литву, но, ввиду несочувствия Святослава и постоянной угрозы со стороны половцев, не мог привести своего намерения в осуществление. После смерти Святослава Всеволодовича в 6702 г. Р. занял вновь великокняжеский стол. В следующем году, среди бесконечных пиров и общего ликования, он заключил с братом Давыдом ряд о земле Русской, назначив каждому из князей соответствующие волости; при этом князья забыли или не захотели принять во внимание притязаний Всеволода на право решать одному эти вопросы. Тогда (в 6704 г.) последний прислал к Р. послов с упреками, что Р. забыл его, своего

«старейшего», и не дал ему части в Русской земле, отказывая в дальнейшем в помощи Рюрику и претендуя, между прочим, на волости, данные Р. зятю своему Роману Мстиславичу. На предложение Р. дать Всеволоду какие-либо другие земли последний ответил отказом. Ввиду нежелания нарушить клятву, данную Роману, Р. обратился за советом к митрополиту Никифору, который, во избежание междоусобия, разрешил его от клятвы. Известив Романа о притязаниях Всеволода, Р. отдал с его согласия требуемые земли Всеволоду, последний же уступил часть их сыну Р., Ростиславу. Тогда Роман начал подозревать Р. в злом умысле, в намерении оттягать его волость в пользу сына, и, несмотря на убеждения тестя Р. в противном, не верил ему, начал побуждать Ольговичей в лице Ярослава Всеволодовича Черниговского завладеть Киевом и пытался постричь свою жену, дочь Рюрика. Началась новая междоусобица. Уведомив о случившемся Всеволода, Р. расторгнул крестное целование с Романом, но последний, боясь его, бежал за помощью в Польшу, где в то время происходила борьба Казимировичей с дядей их Межкой. Одолев племянников, Межка пошел на сторонника их – Романа и разбил его. В тяжелую минуту, будучи ранен, Роман признал себя виновным перед Р., и, по просьбе митрополита Никифора, Р. простил его и дал ему некоторые волости. С другой стороны, заручившись содействием Всеволода и брата Давида, Р. потребовал, чтобы сторонники Романа, Ольговичи, навсегда отказались от своих притязаний на Киев и Смоленск. Ольговичи готовы были дать обязательство только за себя и по отношению лично к Р. и просили его заключить с ними мир отдельно от его союзников, Всеволода и Давида. Не подозревая с их стороны злого умысла и имея намерение примирить их со своими союзниками, Р. не только заключил с ними отдельный мир, но даже распустил войско и «своих дея орудей» уехал в Овруч. Когда же в 6704 г. Ольговичи напали на Смоленскую землю, Р. разорвал с ними крестное целование и грозил, в случае, если Черниговские князья пойдут на Смоленск, отправить рать на Чернигов; тогда же (6704), невзирая на оправдания Ярослава Всеволодовича, заручившись согласием Всеволода помочь ему,

Р. вторгнулся в Черниговскую область. Ярослав просил мира, на что Р. согласился под условием свободного пропуска его послов к Всеволоду и Давиду; мир не был заключен из-за нежелания Ярослава принять это условие. Борьба продолжалась; в ней принял активное участие на стороне Ярослава зять Р. – Роман Мстиславич, сторону же Р. держал Всеволод. Но в разгар борьбы Всеволод, без ведома Р., заключил союз с Ольговичами. Упрекая Всеволода за то, что он перессорил его с Романом и Ольговичами, втянув в тяжелую борьбу и не исполнив союзных обещаний до конца, заключив мир, Р. отобрал от него все ранее данные ему города Киевщины и роздал их братьям. Неизвестно, заключил ли Р. мир с Ольговичами, но, во всяком случае, по договору последних с Всеволодом, они обязались не добиваться Киева до смерти Рюрика и Смоленска – до кончины Давида, но не согласились порвать связи со своим союзником Романом. Р. самому предстояло, таким образом, посчитаться с последним. Борьба началась не сразу; наоборот даже, все последующие годы (6705–6710) Р. занимался мирным строительством; так, в 6705 г. на его средства был построен в Белгороде собор во имя св. Апостол и церковь во имя его соименного святого – Василия в Киеве; в 6707 году была создана каменная стена в Выдубецком монастыре и, весьма вероятно, церковь св. Василия в Овруче. Между тем, Роману, по смерти Владимира Ярославича, с помощью поляков удалось прочно утвердиться на Галицком княжении. Непрочность междукняжеских отношений сравнительно долго еще не позволяла Р. двинуться на Романа; лишь в 6710 г. в союзе со Всеволодом Чермным Черниговским, хотевшим посадить на Галицкий стол Игоря Святославича, Р. решил выступить против Галицко-Волынского князя, но Роман предупредил союзников и сам вторгся в Русскую землю. Дело принимало очень благоприятный для Романа оборот: вся Киевская область во главе с Киевом поднялась против Р. и передалась Роману. Причины такой перемены отношения киевлян к Р. неясны; может быть, они надеялись, что в руках сильного Галицкого князя Киевская земля получит покой и былую славу, что Киев вновь сделается политическим центром Руси. Р. ничего не оставалось

сделать, как заключить мир и удалиться в Овруч; Киев же был отдан великим князем Всеволодом и Романом племяннику последнего Ингварю Ярославичу. Но в следующем же 6711 г. Рюрик в союзе с Ольговичами и половцами появился вновь перед Киевом, взял его приступом и подверг город небывалому погрому: были разграблены Подол, Гора, церкви и монастыри. После такого разгрома Р. не мог надеяться удержать Киев в своих руках и потому отправился опять в Овруч. Тогда Роман осадил Овруч, убеждая Р. целовать крест ему, Роману, и великому князю Всеволоду и его детям и обещая просить для него у Всеволода Киева. Р. согласился на эти условия – и, с согласия Всеволода, вновь становится Киевским князем. Враждебные отношения князей, однако, этим не окончились.

В 6712 г. Р. и Роман совершали совместно поход против половцев. На обратном пути, остановившись в Треполе, князья заспорили о распределении волостей согласно заслугам каждого. Дело кончилось тем, что Роман схватил Р., его жену и дочь (свою жену), отослал их в Киев и велел постричь в монашество. По приказанию великого князя Всеволода Роман должен был, однако, отпустить сыновей Р., причем старший, Ростислав, занял Киев. По смерти Романа (6713), убитого в борьбе с ляхами, Р. сбросил с себя чернеческое одеяние, хотел и с женой сделать то же, но она приняла схиму. Заключив союз с Ольговичами и сев снова в Киеве, Р. отправился затем на Галич, но в его отсутствие Киев был занят его союзником – Всеволодом Чермным. Застигнутый врасплох, Р. на короткое время отправился опять в Овруч. Собравшись с силами, он в том же 6714 г. вновь отнял у Всеволода Киев, а также Переяславль. В следующем, 6715 году Всеволод опять выгнал Р. из Киева; после краткого пребывания Всеволода в Киеве, Р. снова садится там. Эта непрерывная борьба с переменным успехом, по-видимому, одинаково утомила обе стороны, а в особенности Р. Было решено, что Р. уступит Всеволоду Киев, себе же возьмет Чернигов и Киевские волости.

В 6718 г. Р. окончательно покинул Киев, переехал в Чернигов, где и умер. Год смерти его в точности неизвестен: летописные показания группируются около 6723–6727 гг., хотя,

по вполне справедливому мнению историков (Карамзин, Соловьев, Грушевский), смерть его произошла ранее 1214 года. Татищев, основываясь на неизвестных источниках, утверждал, что Р. умер 19 апреля 1211 г.

Р. был женат трижды: 1) в 6671 г. на дочери Половецкого хана Белука, 2) на дочери Турово-Пинского князя Юрия Ярославича и 3) на дочери какого-то князя Всеволода – Анне. От этих браков у него было два сына: *Ростислав-Михаил* (род. 6681 г.) и *Владимир-Димитрий* (род. 6695 г.) и дочери: 1) *Предслава* (Передслава) (за Романом Мстиславичем Галицким); 2) неизвестная по имени (за Глебом Святославичем с 6690 г.); 3) *Ярослава* (за Святославом Игоревичем Новгород-Северским с 6695 г.) и 4) *Всеслава* (за Рязанским князем Ярославом Глебовичем с 6706 г.).

Полн. Собр. Русск. Летоп., т. I, стр. 149, 151, 155, 166, 173–176, 179, 180, 182–185 (Летоп. по Лавр. сп. (СПб. 1891), стр. 332, 336, 346, 374, 391, 392, 397–400, 405–408, 411, 413, 416); т. II, стр. 82, 83, 86–88, 90–92, 94, 96, 98, 99, 105, 107–110, 117, 119, 120, 122–129, 132–156, 305–331, 334, 336 (Летоп. по Ипатск. сп. [СПб. 1871], стр. 337, 340, 347–349, 354, 356, 357, 361, 365, 368, 370, 371, 376, 383, 386, 388–392, 408, 409, 412, 416, 418, 420–422, 424–427, 429, 430, 435, 438–440, 442, 446, 448, 450, 458–470, 472–476, 480, 481); т. III, стр. 14, 15, 26; т. IV, стр. 10, 12, 13, 19; т. V, стр. 161, 163, 164, 172; т. VII, стр. 66, 71, 72, 74, 76, 77, 79–84, 87, 97, 98, 102–109, 112, 113, 115–117, 119, 234, 285; т. IX, стр. 209, 215–6, 219, 233, 235, 237, 248; т. X, стр. 11, 23–30, 34–36, 50–53, 59, 60, 62, 69; т. XVI, стр. 47, 314; т. XVIII, стр. 28, 36–39, 42, 43, 45, 46, 48; т. XX, стр. 11, 12, 120, 121, 123, 124, 126, 136, 139, 140, 142, 143, 145, 146; т. XXI, стр. 47, 239, 249, 250, 277, 284; т. XXIII, стр. 26, 42–44, 46–48, 53, 56–63; Новгородск. летоп. по Синод. харатейн. списку, СПб. 1888, стр. 68, 150, 151, 179, 440; Русск. Истор. Библ., т. XXXI, СПб. 1914, стр. 31, 38. – В. Н. Татищев, «История Российская», кн. 3, М. 1774, стр. 187–193, 307–353, 363–369; – Н. М. Карамзин, «История Государства Российского», изд. 5-е, СПб. 1842, т. II, стр. 176, 186, 189, пр. 385, 386, 396, 397, 401, 401, 410, 415–417, 419, 420, 422–424; т.

III, стр. 11, 13–16, 35, 36, 38, 40, 44, 46, 47, 50, 55–62, 65–67, 69, 71, 73, 75, 77, 89, 133, пр. 3, 8, 11, 12, 15, 16, 18, 33, 54, 58, 60, 67, 72–74, 77, 80, 89, 93–95, 99, 104, 107–110, 113, 114, 118, 121, 126, 133, 135, 153, 155, 341; т. IV, пр. 27, 192; – С. М. Соловьев, «История России», изд. 3-е («Обществ. Пользы»), кн. I, стб. 460, 464, 467, 469, 478, 475, 476, 478, 484–486, 502, 504–506, 511, 526, 530–533, 537, 538, 540–542, 544–552, 555, 562–564, 569, 583, 630, 631, 635, 637–639, – М. Грушевський, «Історія України-Руси», т. II, Льв. 1905 г., стр. 193, 194, 198–207, 209–233, 235, 288, 297, 298, 309, 310, 342, 446, 449, 450, 521, 531, 560–562, 587; – Д. Зубрицкий, «История древнего Галичско-Русского княжества», ч. 2-я, Льв. 1852, стр. 131; ч. 3-я, Льв. 1855, стр. 5–7, 9, 21–26, 33, 35–37, 40, 61, 65; – П. Голубовский, «История Северской земли до половины XIV стол.», К. 1881, стр. 152, 158, 161, 164–170, 175; – Д. Багалея, «История Северской земли до полов. XIV стол.», К. 1882, стр. 253–261; – П. Голубовский, «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар», К. 1884, стр. 155–158, 168; – Н. Молчановский, «Очерк известий о Подольской земле до 1434 г.», К. 1885, стр. 62, 82; – А. Андрияшев, «Очерк истории Волынской земли до конца XIV стол.», К. 1887, стр. 143, 145, 146, 148–150, 155; – М. Довнар-Запольский, «Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII стол.», К. 1891, стр. 132, 134, 137–146, 160; – М. Грушевский, «Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV стол.», К. 1891, стр. 207, 208, 214, 215, 220, 221, 226–273; – П. Голубовский, «История Смоленской земли до начала XV стол.», К. 1895, стр. 192–195, 279, 280, 282–285, 289, 291, 293–295; – К. Бестужев-Рюмин, «О составе русских летописей до конца XIV века», СПб. 1868, стр. 149–150; – Д. Иловайский, «Разыскания о начале Руси», М. 1882, стр. 104–106, 108; А. Шахматов, «Повесть временных лет», т. I, Петр., стр. XLIII–XLIV; – С. Голубев, «Подбережная каменная стена в Киево-Выдубецком монастыре» – «Чтен. в Общ. Нестора Летописца», кн. 19, в. 4, К, 1907, отд. IV, стр. 88–101; – С. Голубев, «Киево-Выдубецкий монастырь (домонгольское время)», К. 1913, стр. 43–56, 85–94.

Рюрик Ростиславич, князь Перемышльский

Рюрик Ростиславич, князь Перемышльский, сын князя *Ростислава Владимировича Тмутараканского*, один из князей-изгоев. Первые известия о нем встречаются в рассказе летописи о том, как в 6592 г. два Ростиславича (по-видимому, старший Рюрик и Василько, так как третий брат, Володарь, находился в это время в Тмутаракани), живя (волею или неволею – неизвестно) у Ярополка Изяславича во Владимире Волынском, воспользовавшись, несомненно, поездкой Ярополка в Киев, «выбегоста» от него и, собравши рать, выгнали его из Владимира. На помощь Ярополку выступил великий князь Всеволод, пославший против князей-изгоев сына своего Владимира, который прогнал Рюрика и брата его из Владимира. Для замирения Ростиславичей им, по-видимому, тогда же были даны Галицкие волости (Перемышль, Теробовль, Звенигород и др.), которые до того времени были в руках Ярополка. Вопреки утверждению некоторых авторов (Соловьев и др.), летопись в рассказе о Любецком съезде говорит, что Перемышль, где сел Р., Ростиславичи получили от Всеволода (а не отняли от поляков). Таким образом, 1084 г. можно считать годом основания самостоятельного Галицкого княжества, а Р. и его брата – первыми Галицкими князьями. Это наделение Ростиславичей было, по всей вероятности, одною из причин войны Ярополка с Всеволодом и тех неприязненных отношений его к Р. и его братьям, которые завершились тем, что Ярополк в 6695 г., после примирения с великим князем, «иде Звенигороду» – очевидно, походом против Рюрика и его братьев, но на пути был убит Нерадцом, бежавшим затем к Рюрику в Перемышль. В том же году великий князь Всеволод ходил походом к Перемышлю. Причины похода, а также вопрос о роли Рюрика в убийстве Ярополка до сих пор не находят согласного объяснения среди историков. В последующие годы Рюрик несомненно участвовал в начинавшейся борьбе Галича с Польшей.

Умер он в 6600 г.

Карамзин высказал ошибочное предположение, что жену Рюрика звали Ланкой (Янкой; упоминается во время борьбы с венграми в 1099 г.): на самом деле Ланка – мать Рюрика.

Полное Собрание Русских Летописей, т. I, стр. 88, 92; т. II, стр. 277, 278, 284; т. V, стр. 148; т. VII, стр. 4, 6; т. IX, стр. 114, 118; т. XX, стр. 95, 96; – Н. М. Карамзин, «История Госуд. Российск.», изд. 5-е, т. II, стр. 58, 59, 77, пр. 149, 190, 191. – С. М. Соловьев, «История России», изд. 3 (Обществ. Пользы), стр. 306, 309. – А. Тюрин, «Смерть Ярополка Изяславича» – в «Современнике», т. XVI; – Д. Зубрицкий, «История древнего Галичско-Русского княжества», ч. 2-я, Льв. 1852, стр. 19–20; – А. М. Андриашев, «Очерк истории Волынской земли», К. 1887, стр. 111; – П. Иванов, «Исторические судьбы Волынской земли», К. 1895, стр. 121; – М. Грушевський, «Історія України-Руси», т. II. Льв. 1905, с. 72, 74, 75, 77, 100, 408–417, 417; – В. С. Иконников, «Опыт русской историографии», т. II, кн. 1, К. 1908, ст. 540.

Рютчи, А. А., артист

Рютчи, А. А., артист Московских и провинциальных частных театров; начал артистическую карьеру на одной из провинциальных сцен и в короткое время приобрел известность, как исполнитель сильных драматических ролей; путешествуя из города в город, переходя с одной провинциальной сцены на другую, он побывал в Нижнем Новгороде, Казани, Киеве, Харькове, Одессе и других провинциальных городах, пользуясь везде симпатиями публики. В 1882 году Р. был приглашен Коршем играть на сцене его Московского театра, в Газетном переулке. Пробыв в Москве два года, Р. снова уехал в провинцию, но в 1888 г. вернулся в Москву и здесь играл в труппе Лентовского. Как и все почти артисты, Р. не сумел обеспечить себя на случай болезни или старости; между тем, разные житейские невзгоды в последнее время сильно расстроили его материальные дела, притом он захворал, его пришлось поместить в Голицынскую больницу, где он и скончался 25-го сентября 1889 года. Так как после него ничего не осталось, то Корш и его товарищи хотели похоронить Р. на свой счет, но Горева, на сестре которой, Колосовой-Рютчи, он был женат, все расходы по погребению приняла на себя. Р. был погребен на Ваганьковском кладбище.

«Русские Ведомости» 1889 г., № 271, некролог (в хронике);
«Петербургский Листок» 1889 г., № 269 (некролог).

Рябинин, Александр Дмитриевич

Рябинин, Александр Дмитриевич, подполковник Генерального Штаба, писатель; родился в Валуйском уезде Воронежской губернии 11-го февраля 1833 г. и был младшим ребенком в семье своих родителей; отца он лишился в 1837 г. и рос на попечении боготворившей его матери, а в 1845 г. был определен во вновь открытый Михайловский Воронежский кадетский корпус, где был товарищем по классу А. С. Суворина; в июле 1851 г., по окончании курса в корпусе, Р. был переведен сперва в Дворянский полк, а оттуда, через два года – в Образцовый кавалерийский полк, стоявший в Павловске, под Петербургом. 10-го мая 1854 г. Р. был произведен в корнеты Глуховского кирасирского Великой Княгини Александры Иосифовны полка, расположенного в Подольской губернии и переходившего с места на место в Волынскую, Киевскую и Херсонскую губернии. В делах заканчивавшейся Крымской кампании ему не пришлось принять участия.

В мае 1857 г. он прикомандировался к Воронежскому корпусу репетитором, с целью подготовиться в это время к Военной Академии, куда он и поступил, по экзамену, в сентябре 1858 г. Числясь, по расформировании армейских кирасир, в Александрийском гусарском Его Высочества Великого Князя Николая Николаевича Старшего полку (с октября 1860 г.), Р. 21-го декабря того же года окончил курс в Академии и был причислен к Генеральному Штабу, с назначением состоять при Штабе Оренбургского корпуса (окончательно переведен был в Генеральный Штаб с 1863 г.) и в мае 1861 г. отправился в Оренбург; здесь пробыл он до апреля 1863 г., когда перевелся сперва состоящим при Департаменте Генерального Штаба, а затем – старшим адъютантом в Штаб 28-й пехотной дивизии в г. Витебске.

В 1865 г. Р. был командирован на Урал, в качестве делопроизводителя Комиссии, учрежденной для раздела между Уральскими казаками и Зауральскими киргизами долины левого берега р. Урала. С мая 1867 г. Р. был делопроизводителем по

Главному Управлению иррегулярных войск – до 12-го февраля 1872 г., когда вышел в отставку с чином подполковника, намереваясь занять частную должность в предприятии по разработке каменноугольных копей; обманутый неким ловким дельцом, доверчивый Р. был совершенно разорен и лишился места, что вынудило его, в конце 1878 г., снова поступить на службу штаб-офицером Генерального Штаба по войскам Киевского военного округа.

11-го декабря 1879 г. он скончался в Киеве, от разрыва сердца; погребен в Киеве же, на Лыбедском кладбище.

Р. напечатал следующие работы: 1) «Яицкое казачество» – «Русск. Вестн.», июль 1863 г., т. 46. стр. 311–336 и июль 1864 г., т. 52, стр. 590–619; 2) «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. – Уральское казачье войско», 2 ч., III+V+ 419 стр. и 108 стр. + 47 статист. табл., с картою, СПб. 1866, 8°; 3) «Общедоступное изложение Уложения о наказаниях с примерами замечательных процессов и с приложением Воинского и Дисциплинарного Уставов». Составили Рябинин и Шведер, СПб. 1870; 4) «Краткое объяснение Уложения о наказаниях для нижних чинов и крестьянского сословия, с приложением замечательных процессов и с приложением Воинского и Дисциплинарного Уставов». Составили Рябинин и Шведер, СПб. 1870; 5) «Руководство практических сведений: уголовного законодательства, судебной реформы, обязанностей общей полиции и закона 19-го мая 1871 г. Для офицеров Корпуса Жандармов, СПб. 1872; 6) Г. О. Тэн, «Развитие политической и гражданской свободы в Англии, в связи с развитием литературы». Перевод под ред. А. Рябинина и М. Головина, 2 ч., VIII+IX+577 и XII+552 стр., СПб. 1871, 8°.

Сборник воспоминаний и материалов для истории Михайловского Воронежского кадетского корпуса, статья Д. Д. Рябинина: А. Д. Рябинин. Бывший кадет 1-го выпуска Михайловского Воронежского кадетского корпуса; то же, отд. отт., Екатеринослав. 1889, 8°.

Рябинин, Андрей Михайлович

Рябинин, Андрей Михайлович, директор Московского Ассигнационного Банка; был сыном адмирала *М. И. Рябина* (см.) и родился в 1772–1773 гг.; в 1780 г., 1-го января, был определен л.-гв. в Преображенский полк, где в 1782 г. произведен был в младшие унтер-офицеры, а в 1783 г. – в старшие; выпущенный в армии капитаны, он 25-го января 1790 г. был назначен флигель-адъютантом при вице-президенте Адмиралтейств-коллегии графе И. Г. Чернышеве и принял участие в следующих походах: в 1790 г. – на корабле «Три иерарха», под командою флота капитана Оболянинова, находился в крейсерстве в Балтийском море и в сражениях со Шведским флотом у Красной Горки; 23-го и 24-го мая – при «сикурсе», 22-го июня – при поражении неприятельского флота во время прорыва его из Выборгской бухты; в 1791 г., на корабле «12 Апостолов», под командою флота капитана Федорова, стоял на Кронштадтском рейде, а 25-го января 1792 г. был переименован в лейтенанты и весь этот год находился в Кронштадте, на берегу.

В 1793 г., на корабле «Три иерарха», под командою флота капитана Оболянинова, Р. ходил от Ревеля до Копенгагена; в 1794 г., на корабле «Саратов», под командою флота капитана Мясоедова, находился в плавании от Ревеля до Балтийского порта, а затем, на корабле «12 Апостолов», под командою капитана Бачманова, ходил до Кронштадта. 1795 год Рябинин провел на корабле «12 апостолов», под командою флота капитана Ломена, стоя на Кронштадтском рейде, а 11-го января 1797 г. был определен в Провиантский штат обер-провиантмейстером и 5-го апреля того же года назначен был провиантмейстером-лейтенантом.

1-го января 1799 г. определенный в Свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, Р. 17-го числа произведен был в полковники, а 22-го января назначен флигель-адъютантом к Павлу I, но уже 3-го ноября определен был бригад-майором по инфантерии. Пожалованный 8-го апреля

1800 г. в действительные камергеры, а 1-го мая определенный Советником Государственного Ассигнационного Банка, с переименованием в действительные статские советники, он 13-го января 1804 г. занял место первого директора в Московском Отделении этого Банка, а 8-го июня назначен управляющим этим Отделением и Московскою Учетною Конторою; 22-го сентября 1807 г., при рескрипте, он получил орден Владимира 3-й степени. Должность директора Р. занимал до 1809 г. включительно, когда был отрешен от должности за обнаруженную недостачу медных денег на 100245 руб., причем Высочайше повелено было взыскать эти деньги со всех чиновников Отделения Банка.

За Рябининым в С.-Петербургской губернии состояло лишь 30 душ крестьян.

Р. был в многолетних дружеских отношениях с Карамзиным и с князем А. И. Вяземским (отцом писателя). Когда с Р. стряслась служебная катастрофа, Карамзин принимал в нем живое участие и в январе 1817 г. обратился с письмом к Императору Александру I, приложив к нему записку по делу Рябинина и прося Государя обратить внимание на это дело и оказать милость «одному из его добрых и честных подданных», т. е., «причислить к Герольдии», как хотел того Рябинин. Просьба Карамзина увенчалась успехом, как видно из письма его к И. И. Дмитриеву от 5-го февраля 1817 г., где он писал: «На сих днях Государь оказал нам большую милость. Я осмелился через письмо просить его о А. М. Рябине, которого не велено было определять ни к какому месту. Вынесли справку, и Государь простил Рябинина, то есть, велел именным указом причислить его к Герольдии».

Ф. Ф. Вигель, в Записках своих упоминая о Рябине, выставил его как человека самодовольного, «состряпавшего себе Русскую знатность» благодаря только своим связям, материальному достатку, женитьбе и знанию французского языка.

А. М. Рябинин в 1820-х годах жил в Москве и умер в преклонных летах – в 1854 или 1855 г. (до 29-го апреля).

Он был женат на княжне *Екатерине Алексеевне Шаховской*, дочери князя Алексея Леонтьевича (род. 1755, ум. 1838), и имел сыновей: *Александра* (гвардии штабс-капитан, род. 23-го августа 1808, ум. 31-го декабря 1857), *Михаила* (колл. асс., род. 2-го янв. 1814, ум. 6-го дек. 1807) и *Алексея* (род. 1-го августа 1800, ум. в Москве 3-го апреля 1882, д. с. советником), крестника князя А. И. Вяземского; и дочерей: *Варвару*, *Наталью* (ум. 1891) и *Екатерину*. Все они вместе с отцом 1-го февраля 1850 г. были внесены в Дворянскую родословную книгу Новгородской губернии, во II ее часть.

Р. был членом-учредителем Имп. Московского Общества Сельского Хозяйства и в 1846 г., по случаю 25-летия Общества, получил от него серебряную медаль.

Формулярный список в Архиве Департамента Герольдии Прав. Сената; Князь П. П. Голицын, Родословная книга дворян Новгородской губернии, Новг. 1910, стр. 124; Общий Морской Список, ч. IV, 1890, стр. 704; Московский Некрополь, т. III, стр. 55; «Русск. Арх.» 1897 г., кн. II, стр. 110–112 (письмо Карамзина и записка по делу Р.); Вигель, Записки, ч. IV, М. 1892, стр. 65; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, СПб. 1866, стр. 205; «С.-Пб. Ведом.» 1804 г., стр. 246; Архив Капитулы орденов, Журнал по ордену Влад. 3 ст. 29 апр. 1855; С. Маслов, Историческое Обозрение Имп. Московского Общества Сельского Хозяйства, М. 1846, прил., стр. 267; А. П. Перепелкин, Историч. Записка об учреждении Имп. Московского Общества Сельского Хозяйства, М. 1895, стр. 6 и 65; В. В. Квадри, Имп. Главная Квартира. История Государевой Свиты. XVIII век, СПб. 1902, стр. 326, 434, 446, 456, 474, прил., стр. 193, 201, 202 и 238.

Рябинин, Егор Михайлович

Рябинин, Егор Михайлович, новгородский губернатор, посланник в Бадене; сын адмирала *М. И. Рябина* (см.) и жены его Екатерины Михайловны, урожденной Колошиной (ум. 1778), родился 19-го ноября 1768 г. и в 1780 г. начал службу сержантом л.-гв. в Преображенском полку, из которого 1-го января 1785 г. был выпущен в капитаны армии и 13-го марта определен во флигель-адъютанты к Вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И. Г. Чернышеву, причем в 1785–1787 гг. ежегодно плавал в Балтийском море, а в 1787 г. командовал трешкоутом на р. Днепре во время путешествия в Крым Екатерины II. Определенный в генеральс-адъютанты к графу Чернышеву 1-го января 1788 г., он на корабле «Три иерарха», в эскадре адмирала фон Дезина, перешел из Кронштадта в Копенгаген и крейсировал в Балтийском море у Карлскроны, после чего на фрегате «Брячислав» возвратился в Кронштадт и в 1789 г., командуя шебекою «Летучая», участвовал в Роченсальмском сражении, за отличие в котором награжден был орденом св. Георгия 4-го класса.

В 1790 г., января 11-го, он был произведен в капитан-лейтенанты и затем, командуя гребным фрегатом «Св. Екатерина», был в Выборгском и Роченсальмском сражениях и в последнем был взят в плен. Освобожденный из плена, Р. уже в 1791 г. командовал на Петергофском рейде плавучими батареями и канонерскими лодками, в 1792 г. командовал при гребном порте 1-ю дивизиею и 4-ю эскадрою канонерских лодок, а в 1793 г. был командирован, в числе других дворян торжественного посольства, в Константинополь, откуда вернулся в Петербург, по болезни, в, 1795 г. и 15-го ноября 1796 г. произведен был в капитаны 2 ранга.

В 1797 г. Р. перевел и исправил книгу «Факел морской», за что получил денежную награду, и в том же году определен был к чертежной при Адмиралтейств-коллегии, 12-го октября 1798 г. произведен был в капитаны 1 ранга, 25-го ноября 1799 г. назначен в члены учрежденного при Адмиралтейств-коллегии

Комитета и награжден орденом св. Анны 2-й степени. Определенный в 1800 г. снова во флот, Р. через два года (1802) назначен был в члены Коммерц-коллегии и 13-го февраля 1803 г., «в сравнение со сверстниками», пожалован в д. с. советники.

Уволившись по прошению от должности 26-го марта 1804 г., Р. в 1805–1806 гг. был Новгородским гражданским губернатором, а с 23-го января 1808 г. по 27-е декабря 1810 г. – посланником в великом герцогстве Баденском (в Карлсруэ).

Выйдя затем в отставку, Е. М. Рябинин скончался в Петербурге 28-го мая 1827 г., 58 лет от роду, и погребен был на Смоленском кладбище.

Кроме указанных выше орденов, Р. имел Шведский орден Меча и был командором ордена Св. Иоанна Иерусалимского.

Сестра Е. М. Рябинина – *Александра Михайловна* (ум. 1841 г.), жена генерал-лейтенанта и сенатора И. П. Пущина, была матерью декабриста И. И. Пущина.

Общий Морской Список, ч. IV, СПб. 1890, стр. 706–707; Очерк истории Министерства Иностранных Дел, СПб. 1902, прил., стр. 8; Путешествие Н. Озерецковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя, СПб. 1812, стр. 401; «Разные сведения о Российской внешней торговле», СПб. 1829, стр. 64, 65; Метрич. книги Смоленского кладбища; «С.-Петербург. Ведом.» 1804 г., № 30 стр. 929; Петербургский Некрополь, т. III, стр. 648.

Рябинин Ждан, дьяк

Рябинин Ждан, дьяк в 1628–1629 г.; в 1631–1633 г. был дьяком в Алатыре, а в 1634–1636 гг. – дьяком Земского Приказа; умер в 1636 г.

П. Иванов, Указатель к боярским книгам, 362; Кн. Разр., II, 688; А. А. Э., III, № 219; А. И., III, с. 105–106; Дворц. Разр., II, 480; Древняя Росс. Вивлиофика, изд. 2, т. XX, стр. 30.

Рябинин, Михаил Ильич

Рябинин, Михаил Ильич, вице-адмирал и генерал-контролер; поступив в 1743 г. в ученики Морской академии, он уже в 1744 г. был произведен в гардемарины, с 1745 по 1747 г. ежегодно находился в кампаниях в Балтийском море и раз сделал переход из Архангельска в Кронштадт. В 1746 г. Р. был произведен в мичманы и с 1748 по 1751 г., командуя ботом, принимал участие в гидрографических работах в восточной части Балтийского моря, в 1751 г. был произведен в унтер-лейтенанты, а в следующем году был в Казани, где заведовал отправкой в Петербург дубовых лесов. В 1754 г. Р. был произведен в корабельные секретари, а в 1756 г. – в лейтенанты, затем два года плавал в Балтийском море и сделал переход из Архангельска в Кронштадт. Затем, в 1759 г. произведенный в капитан-лейтенанты и переведенный в галерный флот, Р. в 1762 г. произведен был в капитаны 3 ранга и в том же году, 2-го сентября, был определен в штат Морского кадетского корпуса; в следующем году, командуя 54-м пушечным кораблем, он совершил с гардемаринами практическое плавание в Немецком море.

В 1764 г. Р. был произведен в капитаны 2 ранга и назначен командиром корабля «Москва», в следующем, 1765 году, 1-го января, был произведен в полковники и назначен в Советники Интендантской Экспедиции, а в 1768 г., в звании Советника Интендантского Департамента, был командирован в Донскую Экспедицию. Назначенный затем, в 1769 г., за обер-интенданта при постройке в Новопавловске судов нового типа, Р. в 1771 г., 27-го ноября, был послан из Киева на Дунай начальником экспедиции для заведения флотилии в завоеванных княжествах; в 1772 г. был пожалован в действительные обер-интенданты в Главной Интендантской Экспедиции Адмиралтейской Коллегии, в 1776 г. произведен был в генерал-интенданты и в следующем году был уже в Петербурге; в 1780 г., 24-го ноября, Р. награжден был орденом св. Анны 1-й

степени. В 1782 г. Р. был произведен в вице-адмиралы и назначен генерал-контролером.

Он умер 17-го мая 1790 г. и погребен на Смоленском кладбище с женою, *Екатериной Михайловной*, урожденной Колошиной (ум. 1778). Двух из оставшихся после него сыновей было тогда же Высочайше повелено принять во флот, а дочь его *Александра Михайловна*, впоследствии Пущина, была взята во дворец.

«Общий Морской Список», т. II, стр. 360–361; «Материалы для истории Русского флота», т.т. VI, X, XI, XII, XIV (см. указатели); Разные сведения, относящиеся к экспедиции П. В. Чичагова – «Записки Гидрографического Департамента» 1811, ч. IX, стр. 110–111; Достопамятные происшествия, относящиеся к военной морской части и проч. – «Записки Государственного Адмиралтейского Департамента» 1824 г., ч. VII, стр. 286, 288, 290; Петербургский Некрополь, т. III, стр. 648.

Рябинин, Николай Егорович

Рябинин, Николай Егорович, контр-адмирал, герой Севастопольской обороны, писатель: родом из дворян Новгородской губ., сын *Е. М. Рябинина* (см. выше), род. 10-го августа 1813 г., ум. 18-го сентября 1880 г. В 1827 г. Р. поступил в Морской кадетский корпус кадетом, 18-го января 1830 г. был произведен в гардемарины, а 21-го декабря 1832 г. – в мичманы, с назначением в 13-й флотский экипаж. В 1836 г., 2-го июня, он был переведен в Морской кадетский корпус, через год, 17-го апреля 1837 г., снова назначен был в 13-й флотский экипаж, где 8-го апреля 1838 г. произведен был в лейтенанты, 22-го января 1840 г. был переведен в 7-й флотский экипаж, 27-го января 1843 г. назначен адъютантом к начальнику 1-й флотской дивизии, вице-адмиралу А. П. Лазареву, 28-го октября 1848 г. определен в 5-й флотский экипаж, с оставлением в прежней должности, и в том же году, 6-го декабря, награжден орденом св. Анны 3-ей степени, а ровно через год, 6-го декабря 1849 г., произведен в капитан-лейтенанты. В 1850 г., 25-го января, Р. был переведен в 32-й флотский экипаж, 25-го мая того же года – в 37-й флотский экипаж, с назначением командиром брига «Неарх», и 6-го мая 1853 г. – и 31-й флотский экипаж с назначением командиром брига «Тезей».

В 1854 г., 1-го июня, Р. находился в деле при бомбардировании англо-французским флотом г. Севастополя, 14-го августа был командиром бастиона № 3; 4-го октября командовал бастионом № 6; 7-го числа того же месяца назначен был, в составе 44-го флотского экипажа, на Малахов Курган, где и был ранен в левую ногу с обнажением кости. 22-го декабря 1854 г. Р. был пожалован, за отличие при обороне Севастополя, орденом св. Владимира 4-й степ., 1-го ноября 1855 г., за защиту Севастополя, награжден серебряною медалью на Георгиевской ленте, а спустя несколько дней, 24-го ноября, переведен в 9-й флотский экипаж, откуда 6-го мая 1856 г. был прикомандирован, на правах раненых, к Морскому кадетскому корпусу. Того же года, 26-го августа. Р. был награжден бронзовою светлою

медалью на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 гг.; 22-го августа 1857 г. пожалован знаком отличия беспорочной службы за XX лет; 30-го сентября 1857 г., с разрешения генерал-адмирала, назначен был командиром учебного фрегата, находившегося в кадетском лагере в Ораниенбауме, 12-го февраля 1858 г. назначен состоять по флоту, а 26-го сентября того же года, за отличие по службе, произведен был в капитаны 2 ранга. 11-го января 1860 г. Р. был зачислен по резервному флоту, 25-го апреля зачислен на действительную службу, 7-го мая прикомандирован к Инженерному и артиллерийскому училищу Морского Ведомства, как раненый 2-го класса, и в 1862 г., 1-го января, произведен в капитаны 1 ранга.

В 1863 г., 27-го марта, Р. был причислен к Инженерному артиллерийскому училищу, через два года, 4-го апреля 1865 г., награжден орденом св. Станислава 2-й ст., в 1870 г., 1-го января, произведен в контр-адмиралы, 19-го декабря того же года прикомандирован к Инженерному училищу, как раненый 2-го класса, 18-го октября 1872 г., на правах же раненого, прикомандирован к Морскому училищу, а 22-го января 1874 г. назначен членом в Комиссию для разбора и описания дел Архива Морского Министерства за время до 1805 г.

В плаваниях Р. находился: от Кронштадта до о-ва Гогланда и обратно на корабле «Арсис»; в 1832 г. от Кронштадта до о-ва Борнгольма и обратно на корабле «Св. Георгий Победоносец»; в 1833 г. – на корабле «Императрица Александра», под командою капитана 1 ранга Епанчина, – с 22-го июня по 28-е августа, по Балтийскому морю и Финскому заливу; в 1834 г., на тендере «Лебедь», от Ревеля до Свеаборга, о-ва Сескари, Гогланда, Оденгольма и Балтийского порта и обратно в Ревель, а оттуда в Кронштадт. В 1835 г., с 6-го июля по 15-е октября, на бриге «Филоктет», под командою капитан-лейтенанта барона Левандаля, Р. плавал от Кронштадта до Ревеля и находился в стоянии на Кронштадтском рейде; в 1837 г. на корабле «Великий Князь Константин», с 15-го мая по 15-е июля, он был в крейсерстве из Ревеля в Балтийское море, а оттуда в Кронштадт; в 1839 г. – на корабле «Великий Князь Михаил», под командою капитана 2-го ранга Трескина; с 30-го июля по 2-е

сентября был в крейсерстве от Кронштадта в Балтийском море и потом в Ревель; в 1841 г., на корабле «Березина», под командою капитана 2-го ранга Антипина, с 24-го июля по 6-е сентября, крейсировал по Балтийскому морю и Финскому заливу, а в 1842 г., с 14-го мая по 18-е июля, от Свеаборга по Балтийскому морю. В 1845 г. на кораблях «Фершампенуаз» и «Россия» Р. был флаг-офицером при начальнике 1-й флотской дивизии вице-адмирале Лазареве, с 23-го июня по 25-е августа был снова в плавании по Финскому заливу; в 1847 г. на фрегате «Церера», под командою капитан-лейтенанта Тобизена, с 17-го мая по 30-е августа, Р. плавал по Балтийскому морю и Финскому заливу; в 1848 г., на корабле «Император Александр I», был флаг-офицером при начальнике 1-й флотской дивизии вице-адмирале Лазареве, с 12-го июля по 20-е сентября плавал от Кронштадта до кеге-бухты и находился в крейсерстве у Датских и Прусских берегов, потом прошел в Ревель, а оттуда на зимовку в Кронштадт; в следующем году, на том же корабле, с 15-го мая по 14-е августа, плавал от Кронштадта до Ревеля, а оттуда крейсировал по Балтийскому морю. В 1850 г. на пароходе «Херсонес» Р. плавал, с 1-го мая по 24-е сентября, из Севастополя в Константинополь для принятия в свое командование брига «Неарх»; в том же году, в качестве командира брига «Неарх», с 24-го сентября по 18-е декабря, находился на Севастопольском рейде для посылок по разным портам Черного моря; в 1851 г., на том же бриге, с 26-го февраля по 23-е июля, он был в крейсерстве у восточных берегов Черного моря; с 11-го по 25-е сентября плавал на Севастопольском рейде и в море до Николаева, а с 3-го по 19-е ноября от Николаева до Севастополя. В 1852 г. на бриге «Неарх», в качестве командира, с 20-го февраля Р. был в плавании от Севастополя в Одессу, потом в Новороссийск, для присоединения к отряду судов, крейсировавших у восточных берегов; затем он возвратился, 15-го июля, в Севастополь, где находился по 24-е апреля 1853 г. на рейде; наконец, в 1853 г., с 3-го мая по 15-е октября, Р. находился в крейсерстве у восточных берегов Черного моря.

Из трудов Р. известны: «Новый способ оконпачивать мореходные и речные суда» – «Морской Сборник» 1849 г., № 10, стр. 678–682; «Графический способ составить чертеж парусности на данное гребное судно», практическая заметка Р-а под псевдонимом: Folliculaire – *ibid.*, 1865 г., № 8, ч. неоф., стр. 203–209; «Матросская библиотека», с подп. Folliculaire – *ibid.*, 1861 г., № 1, с. об., стр. 49–61; «Царскосельская флотилия», с подп. Folliculaire – *ibid.*, 1864 г., № 4, отд. неоф., стр. 247–262.

Р. погребен в с. Шереховичах, Боровичского уезда Новгородской губернии, при Покровской церкви.

Послужной список за 1870 г.; «Кронштадтский Вестник» 1880 г., № 113; Общий Морской список, ч. XI, СПб. 1900 г., стр. 420–421; «Новое Время» 1880 г., № 1650; Провинциальный Некрополь, т. I, стр. 755.

Рябчиков, Александр Федорович

Рябчиков, Александр Федорович, доктор медицины; происходил из духовного звания, родился в 1787 г. Вступив 2-го мая 1807 г. в число студентов Московского университета, он 2-го сентября был помещен в Отделение врачебных наук и, выслушав курс медицины, 6-го сентября 1811 г. получил звание лекаря, а 24-го октября определен был при университете прозектором при проф. Грузинове. 20-го августа 1812 г. удостоенный за диссертацию степени доктора медицины от Московского университета, Р. чрез два дня (22-го августа), по требованию бывшего тогда в Москве главнокомандующим графа Ф. В. Ростопчина и по собственному желанию, командирован был от университета с проф. Грузиновым для пользования военнослужащих чиновников Московской военной силы. Вместе с армиею Р. находился в 1812 г. в сражениях под Бородиным, Тарутином, Малым-Ярославцем, Вязмою, Красным и другими местами в пределах России. 26-го мая 1813 г. главнокомандовавшим Московскою военною силою графом А. И. Марковым Р. был помещен, после смерти проф. Грузинова, на вакансию штаб-доктора. В июле 1813 г. Р. вернулся обратно в Университет и 9 числа удостоен был, по представлению М. Я. Мудрова, звания адъюнкта. В этой должности он пробыл лишь до 10-го декабря, а затем вышел в отставку. 26-го февраля 1814 г., за усердие и помощь ратникам в бытность Р. при армии, объявлено ему было Монаршее благоволение. 19-го мая 1815 г. Р. вновь вступил в службу, заняв должность уездного врача в г. Коломне и вместе и. д. уездного лекаря в г. Бронницах. Эти должности Р. занимал до 4-го февраля 1818 г., получив в 1816 г. в Московском университете звание акушера.

Выйдя затем вторично в отставку, он занялся изучением медицинской науки и 16-го марта 1826 г., по выдержании испытания, получил звание инспектора Врачебной Управы. 22-го февраля 1827 г. Р. занял должность старшего ординатора Московской Екатерининской больницы. В 1830 г., независимо от своих обязанностей, он около 2-х месяцев исправлял должность

доктора при Доме умалишенных и в том же году оказал особое усердие по лечению больных холерою, за что был награжден орденом св. Анны 3 степени (22-го мая 1831 г.). В 1831 г. Р. получил чин надворного советника, а 1-го февраля 1835 г., по открытии при Екатерининской больнице Фельдшерской школы, добровольно изъявил желание быть в качестве инспектора Школы, без всякого за то вознаграждения. В 1835 г., в течение 3-х месяцев, Р. исправлял должность старшего врача Екатерининской больницы, 14-го июня 1835 г. пожалован был орденом св. Владимира 4-й ст., а в 1837 г. – чином коллежского советника. В 1840 г. (22-го ноября) произведенный в статские советники, он в 1848 г. уволился из Московской Екатерининской больницы и жил в деревне, в Переяславском уезде.

Л. Ф. Змеев, Русские врачи-писатели, тетр. 2, СПб. 1886, стр. 89; Архив Капитула Орденов, кавалерские списки по ордену Владимира 4-й ст., кн. 11, стр. 87.

Рязанские князья

Рязанские князья, вели свое происхождение от *Святослава Ярославича Черниговского*, получившего по завещанию отца (ум. в 1054 г.) Чернигов с Тмутараканью, Муромом и страной вятичей. Святославу Ярославичу приписывается основание в 60-х гг. XI века ряда укрепленных пунктов, которые должны были защищать юго-восточные границы Руси от нападения половцев. Одним из таких пограничных пунктов была Рязань, ныне селение Старая Рязань, против города Спасска, на правом берегу р. Оки – в том месте, где эта река достигает наибольшего юго-восточного изгиба и, приняв реку Проню, поворачивает на север. Впервые Рязань упоминается в летописях под 1096 г. До второй четверти XII в. земли Муромо-Рязанские не выделялись в самостоятельное княжество, отдельное от Черниговского, и не имели своего особого князя.

Первым таким князем был сын Святослава Ярославича – *Ярослав*, изгнанный в 1127 г. племянником, Всеволодом Ольговичем, из Чернигова и занявший вновь Муром, где он сидел до перехода на Черниговский стол. Ни он, ни его дети не стремились после того к занятию Черниговского княжества. По смерти Ярослава Муромо-Рязанская область распалась на уделы Муромский, Рязанский и Пронский. Борьба с кочевниками (печенегами и половцами) и болгарами, которые вели в крае оживленную торговлю; участие в междоусобиях Ольговичей и Мономаховичей; постоянные столкновения с Владимиро-Суздальскими князьями, которые нередко распоряжались Муромо-Рязанскими князьями, как князьями подручными; внутренние убоицы между князьями, иногда достигавшие неслыханных жестокостей и во многом способствовавшие ослаблению княжества и подчинению его суздальским князьям – вот главные факты биографий Рязанских князей до XIV в. Отмеченные обстоятельства во многом разъясняют особенности характера Рязанских князей. По словам Д. И. Иловайского, Рязанские князья «бесспорно... самая воинственная и

беспокойная ветвь Рюрикова дома, в то же время самая жестокая и коварная: нигде не были так часты нарушение крестного целования, измены и злодейства между близкими родственниками... Рязанские князья более других забывают об единстве Рюрикова поколения, о целостности Русской земли и преследуют только свои личные интересы». Князья, впрочем, являлись в этом отношении верными представителями населения, которое слыло у соседей за буйных, гордых и строптивых людей.

Татарское иго едва ли не больше, чем где-либо, чувствовалось в Рязанской земле, ввиду ее пограничного положения. В зависимости от татарских отношений находилась внешняя политика Рязанских князей. Близость Орды, полустепной характер южных частей княжества, слабость сил не позволяли Рязанским князьям стремиться к возвращению независимости. Полной покорностью хану пытались они удержать свои волости и спасти их от новых разгромов. Между тем, возвышение Москвы с ее стремлением к собиранию русских земель грозило самостоятельности Рязанских князей с другой стороны. Московские князья стараются привлечь к себе благоволение ханов и тем лишают Рязанских князей сильной опоры. Вмешательство же их в междоусобицы князей Рязанских и Пронских, стремившихся обособиться и стать в равные отношения к старшей линии, только способствовало усилению Москвы за счет своих соседей.

С XIV в. Рязанские князья, кроме Москвы, столкнулись с новым соперником в лице князей Литовских, преследовавших те же цели собирания русских земель, что и князья Московские. Основные вопросы внешней политики Рязанского княжества – отношения к татарам, Москве и Литве – были поставлены с наибольшей яркостью в княжение великого князя Рязанского Олега Ивановича. Олег многое сделал для разрешения их с наибольшей выгодой для интересов Рязанского княжества, но и он не мог придать самостоятельности княжества жизненной прочности, способной к дальнейшему развитию, так как «отдельная личность, как бы она ни была высоко поставлена, не может создать что-нибудь крепкое, живучее там, где недостает

твердой исторической почвы». Впрочем, нельзя сказать, чтобы дело Олега окончилось вместе с его жизнью и не оставило заметных следов: без Олега Рязанское княжество едва ли пережило бы все великие уделы. По справедливому замечанию автора «Истории Рязанского княжества», «между преемниками Олега нет ни одного князя, над которым историк мог бы с участием остановить свое внимание. Их имена сливаются вместе и не оставляют после себя никаких цельных образов. В этом отношении потомков Олега можно сравнить с его предшественниками, которые наполнили собой первую половину XIV в. – разница в том, что на последних лежит печать жесткого и беспокойного характера, между тем как первые, напротив, отличаются мягкостью, несвойственной их предкам, и заметным недостатком энергии».

1. Василий Александрович – см. *Иван Александрович*.

2. Василий Иванович, сын великого князя Ивана Федоровича, великий князь Рязанский, род. в 1448 г., ум. 7-го января 1483 г. По смерти отца, восьмилетним мальчиком был взят, «по приказу» отца, вместе с сестрой Феодосией на воспитание великим князем Василием Васильевичем Московским, а в Рязанские города «на соблюдение» были посланы Московские наместники. От имени малолетнего Василия Ивановича великий князь Василий Васильевич вел все внутренние и внешние дела Рязанского княжества; сохранились, напр., в источниках указания на «записи dokonчальные», заключенные Василием Васильевичем «за великого князя Василия Ивановича» с князьями царевича Касыма и др. Пробыв в Москве до 1463 г., юный князь был отпущен Иваном III и его матерью Мариею Ярославной на Рязань. В том же году зимой Василий Иванович вновь приезжал в Москву и женился там на младшей сестре Ивана III – Анне; брак был совершен 28-го января 1464 г. в соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы. На память трех святителей (30-го января) молодые выехали в Рязань. Довольно продолжительное княжение Василия Ивановича носило мирный характер по отношению соседей, в частности, Москвы. Взаимному согласию обоих княжеств, несомненно, во многом способствовала супруга

Василия Ивановича, сестра Ивана III, великая княгиня Анна Васильевна, игравшая видную роль в Рязанской истории второй половины XV в. Между прочим, Анна Васильевна нередко гостила в Москве; в свое пребывание там в 1467 г. она родила (14-го апреля) сына Ивана. Весьма вероятно не без ее посредничества перед великим князем Иваном Васильевичем совершилось при ее муже окончательное присоединение к Рязани Пронского удела; впрочем, подробности этого дела остаются нам неизвестны. Перед кончиной Василий Иванович благословил старшего сына Ивана двумя третями княжества с городами Переяславлем (столицей княжества), Ростиславлем и Пронском со всеми волостями и отъезжими местами; второй сын, Федор, получил от отца в удел треть всего княжества с городами Перевитском, Старой Рязанью и третью Переяславских доходов; «четверть во всем» в наделах сыновей была отдана в пожизненное владение супруге Василия Ивановича, великой княгине Анне, скончавшейся значительно позже мужа (в 1501 г.). Кроме упомянутых сыновей Ивана и Федора, новейшие родословные приписывают Василию Ивановичу еще третьего сына, Петра (род. в 1468 г., ум. при жизни отца). Василий Иванович имел также неизвестную по имени дочь, бывшую с января 1498 г. в замужестве за князем Федором Ивановичем Бельским.

Полн. Собр. Русск. Летоп. IV, 149, 152, 155; V, 274; VI, 36, 42, 43, 181, 185, 235, 241, 277*, 278*; VII, 226, 244; VIII, 3, 147, 150–152, 155, 214, 234; XII, 112, 116, 117, 214; XVIII, 212, 216, 270; XX, 277, 350; XXI, 3, 473; XXIII, 158, 183, 191, 194; «Летописец, содержащий Российскую ист. с 1206 по 1534 г.», стр. 262, 305; А. Шахматов, «О так назыв. Ростовской летописи», М. 1904, стр. 72; «Собр. Гос. Гр. и Догов.» I, № 115–116, 127–128; «Акты XIII–XVII вв., представл. в Разрядн. Прик.», М. 1898, № 13, 26; «Рязанск. Достопам., собр. архим. Иеронимом. С примеч. И. Добролюбова», Ряз. 1889, §§ 86 и 93. – Д. Тихомиров, «Истор. исследов. о генеалогии князей Рязанск., Муромск. и Пронск.», М. 1844, стр. 18; Д. Иловайский, «История Рязанск. княжества», М. 1858, стр. 213–217, 290–291; А. Экземплярский, «Вел. и удельн. князья Сев. Руси в*

татарский период», т. 2-й (СПб. 1891), стр. 600–601; К. Баумгартен, «К родословию последних великих князей Рязанских» – *Летоп. Истор.-Родосл. Общ. в Москве* 1907, в. 3-й, стр. 5. – Н. М. Карамзин, «Ист. Госуд. Российск.», изд. 5-е, V, 203; VI, 6, 114, пр. 1, 629 (под 1468 г.); С. М. Соловьев, «История России с древнейш. врем.», изд. 3-е, Т-ва «Обществ. Польза», I, 1083, 1386, 1387. – А. Пресняков, «Образование великорусского государства», Пг. 1918 г., стр. 255. – А. Селиванов «Деньга кн. Василия Ивановича Рязанского» – *Журн. засед. Рязанск. учен. арх. ком. за 1884–1885 гг.*, стр. 40–41; О великой княгине Анне Васильевне см. статью Л. Б. Вейнберга «Личность Анны Васильевны, вел. княг. Рязанской» в «Труд. Рязанск. учен. арх. ком.» за 1889 г., т. IV, стр. 167–169, и его же статью в «Русск. Биогр. Слов.», т. II, стр. 156–157.

3. Василий Константинович, сын князя Константина Романовича. Единственное летописное известие, сохранившееся об этом князе, относится к 1308 г., когда Василий Константинович был убит в Орде. Неизвестно, что послужило причиной ханского гнева, которому подверглись и все рязанцы, так как в том же году татары воевали их область. В годы невольного пребывания его отца в Москве (1301–1306), Василий Константинович, как полагают, управлял Рязанским княжеством, по смерти же отца в 1306 г. ему удалось удержать великое княжение за собой, помимо других внуков св. Романа – Ивана и Михаила Ярославичей, князей Пронских, по проискам которых, как думают, Василий Константинович и был убит в Орде. Неизвестно, был ли женат Василий Константинович, но потомства он не оставил.

Полн. Собр. Русск. Летоп. X, 176., ср. «Рязанск. Достопамятн.», § 55, пр. 189; Тихомиров, стр. 17; Иловайский, стр. 139; Экземплярский, II, стр. 577–578; Карамзин, IV, пр. 247, 264; Соловьев, I, 913.

4. Владимир Дмитриевич, князь Пронский. Родословные считают его или сыном Ярослава Александровича Пронского, приписывая последнему второе (христианское) имя Димитрия, или внуком Ярослава чрез неизвестного по летописям сына Ярослава – Димитрия. Летописи знают этого князя только под

именем Владимира Пронского или Владимира Дмитриевича Пронского, и нет оснований считать Владимира Дмитриевича сыном Ярослава Александровича. Владимир Дмитриевич, по воле великого князя Московского Дмитрия, занимал великокняжеский Рязанский стол после Скорнищевской битвы 14-го декабря 1371 г., но еще до лета 1372 г. великий князь Рязанский Олег Иванович изгнал Владимира Дмитриевича из Рязани и «привел его в свою волю». Никоновская летопись под 1372 г. называет Владимира Дмитриевича зятем Олега Ивановича, что возможно, если не считать Владимира Дмитриевича сыном Ярослава Александровича, дяди Олега Ивановича. Владимир Дмитриевич, умерший в 1372 г., является первым достоверным родоначальником князей Пронских. Он имел или оставил единственного сына Ивана.

Летоп. по Лаврент. списку, СПб. 1897 г., стр. 606; Полн. Собр. Русск. Летоп. IV, 65, 67; V, 230, 232; VII, 243; VIII, 13, 17, 19; XI, 5, 6, 14, 17, 19; XV, 431; XVI, 91, 95; XVII, 38, 39, 131; XVIII, 104, 110, 112; XX, 191, 193, 194; XXII (ч. 1), 412; XXIII, 114, 116, 117; Иловайский, 164; Экземплярский, II, 584, 585, 628–630; Баумгартен. 4–5; «Жалов. грамота Олега Рязанского, древнейший докум. Моск. Арх. Мин. Юстиции. Снимок и текст со статьями Д. В. Цветаева и А. И. Соболевского», М. 1913, стр. 14, 33; Карамзин, IV, пр. 250; V, 6, 12, 16, 18, пр. 24, 29, 135, 137; Соловьев, I, 963, 965, 966, 973.*

5. Глеб Владимирович, сын Владимира Глебовича. Самые ранние летописные известия о нем относятся к октябрю 1196 г., когда вместе с отцом Глеб присутствовал в Москве на свадьбе сына великого князя Всеволода Юрьевича, Константина, и на постригах его другого сына, Владимира. В следующем году Рязанцы и Муромцы вместе с великим князем Всеволодом принимали участие в междоусобиях Черниговских и Смоленских князей. Как зять Давида Ростиславича Смоленского, Глеб, был послан последним против Ольговичей, напавших на Смоленские земли. В течение десяти последующих лет летописи молчат о Глебе. Между тем, в эти годы один за другим умерли сыновья Глеба Ростиславовича, отец и дяди Глеба Владимировича (Владимир, Игорь, Всеволод и Ярослав);

оставались в живых только дяди Глеба – Роман и Святослав, родные братья Глеба – Олег, Константин и Изяслав, и его двоюродные братья, сыновья Игоря (Ингварь, Роман, Глеб, Юрий и Олег) и Всеволода (сын его Кир-Михаил) Глебовичей. Произошел новый раздел Рязанских волостей и, следовательно, новые распри. Среди недовольных оказался Глеб Владимирович с братом Олегом. По-видимому, братья жаловались великому князю Всеволоду Юрьевичу на своих дядей, но, не получив удовлетворения, затаили до случая обиду против родственников. В 1207 г. великий князь Всеволод, отправляясь в поход против Киевского князя Всеволода Чермного, послал звать к себе, между прочим, Рязанских князей. Направляясь к Оке на соединение с ними, Всеволод получил донос, что Глебовичи вступили уже в тайные сношения с его врагами, сторонниками Всеволода Чермного – Черниговскими князьями. Доносчиками явились бояре, посланные Глебом и Олегом Владимировичами. Летописцы различно относятся к этому факту: летописи Новгородские и Никоновская называют Глеба и Олега клеветниками, но Лаврентьевская, Симеоновская и Львовская признают, по-видимому, за обвинением известные основания. Некоторые обстоятельства (напр., родственные связи Рязанских князей с Черниговскими), действительно, могли возбудить подозрение в великом князе Всеволоде, и он поверил сообщению Глеба и Олега. Когда отряды Рязанских князей соединились с войсками Всеволода, он пригласил князей к себе, принял их радушно, но за обедом в одном шатре с собою посадил только Глеба и Олега. Неизвестно, какие доказательства были приведены затем Владимировичами в изобличение измены дядей и двоюродных братьев, но только шесть Рязанских князей (Роман и Святослав Глебовичи, двое сыновей последнего – Мстислав и Ростислав, и Ингварь, и Юрий Игоревичи) с их боярами были схвачены и отправлены во Владимир. Глеб же и Олег Владимировичи принимали затем участие в осеннем походе Всеволода против Рязанского княжества; Глеб Владимирович находился в войсках Всеволода при осаде Пронска. Когда же великий князь Всеволод отдал Пронск не Владимировичам –

Глебу и Олегу, а Муромскому князю Давиду, братья в следующем 1208 г. явились вместе с половцами под стенами города и заставили Давида покинуть Пронск. После же того, как великий князь Всеволод в том же году отправил на Рязань сына своего Ярослава, а по Рязанским городам посажал своих наместников, Рязанцы вступили в сношения с Глебом и Изяславом Владимировичами (Олег умер в 1208 году), предлагая им выдать Ярослава Всеволодовича. Неизвестно, как отнесся к этому предложению Глеб Владимирович; во всяком случае, летописи молчат об его участии в борьбе с Всеволодом Рязанских князей Кир-Михаила Всеволодовича и брата Глеба, Изяслава, напавших зимой 1209 г. на Владимирское княжество и опустошивших окрестности Москвы. Впрочем, летописцы мало говорят о жизни Рязанского княжества между 1209 г. и событиями 1217 г. В этом году Глеб был великим князем Рязанским. Не довольствуясь, по-видимому, своим положением, Глеб задумал освободиться от своих родичей, чтобы присоединить их волости себе. Пособником Глеба явился его брат Константин. Глеб пригласил князей-сородичей приехать к нему в Исады (на берегу Оки, в нескольких верстах от Старой Рязани) для улажения споров о волостях. Среди приехавших находились родной брат Глеба – Изяслав и пять двоюродных – Кир-Михаил Всеволодович, Мстислав и Ростислав Святославичи, Роман и Глеб Игоревичи. 20-го июля, когда князь весело пировали в шатре Глеба, Владимировичи (Глеб и Константин), при помощи скрытых за шатром вооруженных слуг и половцев, набросились на братьев, и все шесть внуков Глеба Ростиславича были убиты; вместе с князьями погибло немало бояр и слуг. Заговор Глеба удался не вполне, так как среди оставшихся в живых был Ингварь Игоревич, только случайно не попавший на «поряд» к Глебу. С помощью великого князя Юрия Всеволодовича, Ингварь Игоревич выступил против Глеба и одолел его. Глеб принужден был бежать к половцам, не раз, впрочем, делая затем набег на Рязань, пока в 1219 году не был окончательно разбит Ингварем, после чего едва спасся бегством к половцам. По некоторым летописям (Воскрес.), Глеба постигла обычная с точки зрения летописцев судьба

братоубийц: Глеб «обезуме и тамо (среди половцев) скончася», неизвестно, впрочем, в каком году.

Глеб Владимирович был женат на дочери Давида Ростиславича Смоленского, но потомства, по-видимому, не оставил.

Летоп. по Лаврент. сп., стр. 409, 410, 418, 419, 422, 465, 476; Летоп. по Ипатск. сп., стр. 464–465; Новгород. летоп. по Синод. харат. сп., стр. 190, 207; Полн. Собр. Русск. Летоп., IV (ч. 1-я), 181, 197, (ч. 2-я), 180, 193; V, 172; VII, 105, 114–116, 124–126, 219, 235, 242, 243; X, 23, 27, 55, 56, 59, 77, 78, 81, 82; XV, 305–307, 325, 329; XVIII, 36, 44, 49, 51; XX, 141, 145–147, 149, 150; XXI, 224, 258; XXIII, 57, 61, 62, 66, 67; «Летописец, содерж. Российск. ист. с 1206 до 1534 г.», М. 1784, стр. 6, 7; «Летописец Переяславля Суздальского», М. 1851, стр. 102, 108, 109; Тихомиров, 12–13; Иловайский, 75, 76, 78–80, 83, 84, 88–90; Карамзин, III, 59, 74, 102, 106, 120, пр. 80, 95, 123, 125, 130, 178; Соловьев, I, 566, 568, 595; А. Селиванов, «К вопросу об основании гор. Переяславля Рязанского» – Тр. Рязанск. учен. арх. ком., VI (1892), стр. 25, пр. 3.*

6. Глеб Ростиславич, князь Рязанский, сын князя Ростислава Ярославича. В 1145 г. он был послан своим отцом из Мурома княжить в Рязани, но княжение его продолжалось лишь один год, потому что сыновья Юрия Долгорукого вытеснили из Рязани не только Глеба, но и его отца, за союз их с южными князьями, враждебными Юрию. В 1161 г. в Муроме сел Юрий Владимирович (сын Владимира Святославича), а Рязанский стол занял Глеб Ростиславич. Сведения о нем продолжают оставаться отрывочными; так, напр., известно, что в 1167 г. князь Владимир Мстиславич, обратившийся к Андрею Боголюбскому во время распри своей с родным племянником, Киевским князем Мстиславом Изяславичем, нашел приют у Глеба Рязанского. Андрей Боголюбский послал его с такими словами: «Ступай (пока) в Рязань к Глебу Ростиславичу; я наделю тебя». Как из этой посылки, так и из участия в нескольких походах Андрея Боголюбского сыновей Глеба Рязанского и Юрия Муромского, заключаем о некоторой подчиненности их Андрею Боголюбскому. Между Андреем и

женой Глеба существовало родство: Глеб был женат на дочери Ростислава, старшего брата Боголюбского – следовательно, на его родной племяннице. Весьма вероятно, что и это имело значение, так как мы знаем, что старшие родственники пользовались почетом даже и в то время, когда между князьями бывали распри. После смерти в 1174 г. Андрея, суздальцы, очевидно, опасались, что соседние князья, смирявшиеся перед ним, могут выместить на Суздальской области за прежние обиды. Во Владимире, куда съехались дружинники Андрея, слышались такие речи: «За каким князем мы пошлем? соседями у нас князья Муромские и Рязанские; боимся их мести, как вдруг придут на нас войною; а князя у нас нет. Пошлем к Рязанскому Глебу и скажем ему: хотим Ростиславичей Мстислава и Ярополка, твоих шурьев». Надо полагать, что это пожелание было высказано не без влияния присутствовавших на Владимирском съезде Рязанских бояр Дедильца и Куневича. Суздальцы отправили к Глебу посольство из знатнейших людей, с просьбой отпустить своих мужей вместе с суздальцами в Чернигов за обоими Ростиславичами. Мстислав и Ярополк Ростиславичи пригласили княжить с собой совместно и дядьев своих, Михаила и Всеволода Юрьевичей. Весьма возможно, что их побудила к тому рознь, существовавшая между различными городами и слоями населения Суздальской области, и влияние Черниговского князя Святослава Всеволодовича, который держал сторону Юрьевичей. Вскоре по прибытии на север вышеупомянутых князей возникли междоусобия, и Юрьевичи удалились на юг. Глеб не сумел ни упрочить положения своих шурьев в Суздальской области, ни подчинить их своему влиянию; он оказал им помощь только в весьма постыдном деле: вместе с ними ограбил богатый Владимирский собор и воротился в Рязань с большою добычею. При вторичном столкновении Юрьевичей с Ростиславичами, в 1176 г., Глеб не принимал никакого участия в их распре; после поражения Мстислава дядей его Михаилом, Глеб оказал гостеприимство Ярополку, а Мстислав бежал в Новгород. По утверждению своем во всей земле Ростовской, Михалко отправился с воском на Рязань, чтобы возвратить соборной церкви Владимира

награбленные оттуда Глебом сокровища, между прочим, самый образ Богоматери, привезенный Андреем Боголюбским из Вышгорода, и богослужебные книги. На реке Нерской, впадающей в Москву, встретили Михалка послы Глеба: «Князь – сказали они, – Глеб кланяется тебе и говорит: я во всем виноват и теперь возвращаю все, что взял у шурьев своих, Ростиславичей, все до последнего золотника». Михалко согласился на мир, действительно, получив все награбленное Глебом. Кроме того, Глеб должен был поклясться, что не станет помогать своим шурьям против Михалка и Всеволода.

Несколько времени спустя умер Михалко; ростовцы призвали к себе из Новгорода прежнего своего князя Мстислава Ростиславича; владимирцы целовали крест Всеволоду Юрьевичу и детям его. Всеволод старался мирно окончить дело, однако, ни ростовцы с боярами Мстислава, ни владимирцы с переяславцами не соглашались решить спор иначе, как оружием. Проиграв сражение, Мстислав бежал в Новгород, но не был там принят и нашел приют у своего зятя Глеба в Рязани. Подстрекаемый Мстиславом к войне с Всеволодом. Глеб напал осенью 1177 г. на Москву, сжег ее и опустошил окрестные села. Всеволод выступил было против него, но за Переяславлем его встретили новгородские послы и советовали подождать помощи из Новгорода. Всеволод возвратился; помощь он получил, несколько времени спустя, не от новгородцев, а со стороны Черниговских князей Олега и Владимира Святославичей и своего племянника, князя Переяславля Залесского – Владимира Глебовича. Всеволод пошел с ними к Коломне, а Глеб с своими сыновьями Романом и Игорем, с обоими Ростиславичами и с половцами, прямым путем через леса, направился к Владимиру. Получив известие, что Глеб разграбил в Боголюбове соборную церковь, щедро украшенную Андреем, пожег несколько церквей и боярских сел, а жен, детей и всякое имение отдал половцам на щит, Всеволод немедленно вернулся в свою волость и встретил Глеба на р. Колакше. Вследствие оттепели, лед на реке сделался очень тонок, и в течение целого месяца противники не могли предпринять решительной битвы. В феврале произошло

сражение, окончившееся победой Всеволода: рязанцы были разбиты; Глеб с сыном Романом, Мстислав Ростиславич, большая часть дружины и много знатных бояр Рязанского князя попали в плен. Ярополк Ростиславич и сын Глеба – Игорь успели спастись бегством.

Во Владимире радовались победе и ждали, что Всеволод расправится с пленными без всякого милосердия. Так как он, напротив, снисходительно относился к ним, то на третий день поднялся мятеж; пришли к Всеволоду бояре и купцы и сказали ему: «Князь, мы тебе добра хотим и головы за тебя складываем; а ты держишь врагов своих на свободе: враги твои и наши – суздальцы и ростовцы: либо казни их, либо ослепи, либо отдай нам!» Для утишения мятежа Всеволод велел посадить пленников в тюрьму и послал к рязанцам с требованием выдать Ярополка Ростиславича. Рязанцы разыскали на Воронеже скитавшегося Ярополка и привезли его во Владимир; сами они были сердиты на Ярополка, говоря: «Князь наш и братья наши погибли из-за чужого князя».

Между тем Смоленский князь Мстислав Ростиславич, по прозванию Храбрый, женатый на дочери Глеба, послал к Святославу Всеволодовичу Черниговскому просить его заступничества перед Всеволодом Юрьевичем за пленных князей; княгиня Рязанская, жена Глеба, обратилась с той же просьбой относительно мужа и сына. Святослав отправил во Владимир ходатаями Черниговского епископа Порфирия с игуменом Ефремом. Глебу было предложено отказаться от Рязани и ехать на жительство в южную Русь. Он не согласился на такое условие. «Лучше умру в тюрьме – говорил он, – а не пойду в Русь на изгнание». 30-го июня того же 1177 года Глеб умер в тюрьме. Сын его Роман был отпущен на Рязанское княжение лишь два года спустя.

Летоп. по Лаврент. сп., 342, 345, 353, 359, 360, 363–365; Летоп. по Ипатск. сп., 227, 370, 376, 404, 408, 410, 411; Новгород. летоп. по Синод. харат. сп., 153, 154. Полн. Собр. Русск. Летоп., IV, ч. 1 (в. I), 167–169, ч. 2 (в. I), 169–171; V, 166, 167; VII, 81, 86, 90, 92–95, 234, 242, 253, IX, 252, 253, 256; X, 3–5; XV, 238, 254, 259, 262–264; XVIII, 24, 25; XX, 123, 131–133;

XXI, 3; XXIII, 46, 49–52; Иловайский, 42, 51–63; Карамзин, II, 187, пр. 288, 417; III, 23, 25, 27, 30–32, 35, пр. 35, 39, 41, 44, 49–52; Соловьев, I, 389, 515, 521, 523, 524.

7. Иван Александрович, великий князь Рязанский, сын князя Пронского Александра Михайловича, внук Михаила Ярославича, отец великого князя Рязанского Олега Ивановича. Вопреки утверждению некоторых родословных, считающих, может быть, из вражды к памяти Олега его отцом братоубийцу Ивана Ивановича Коротопола, сам Олег в жалованной грамоте Ольгову монастырю на село Арестовское называет своим отцом Ивана Александровича («молитвою отца своего князя великого Ивана Александровича»), а договорные преемников Олега – великих князей Рязанских Феодора Ольговича, Ивана Федоровича, Василия Ивановича и Ивана Васильевича называют Ивана Александровича ближайшим преемником Ивана Ивановича Коротопола и непосредственным предшественником Олега Ивановича на великом княжении Рязанском. Между тем, летописи Воскресенская, Никоновская и Симеоновская, не зная совсем Ивана Александровича, сообщают под 1350–1351 гг. о кончине князя (по Никон. – великого князя) Василия Александровича; в Львовской же летописи князь Рязанский, умерший в 1351 г., назван «Василий Ярославич Александрович (или Александровича)», т. е. Василий – сын Ярослава Александровича. Доверяя более свидетельству современных грамот, известия летописей Воскресенской и Никоновской считаются некоторыми историками (Иловайский, Добролюбов, Экземплярский) ошибочными (указанные авторы не пользовались летописями Симеоновской и Львовской), и Иван Александрович грамот признается тем же лицом, что и Василий Александрович летописей. Существует, впрочем, другое мнение (Н. А. Баумгартена), что несомненно княживший на Рязани после убиения Коротопола (1343 г.) великий князь Иван Александрович был братом Ярослава и Василия Александровичей; для согласования же летописных известий, на основании которых можно предположить, что в промежутке между Иваном Коротополом и Олегом Ивановичем великое княжение занимали Ярослав и Василий Александровичи, с

грамотами, которые совсем не упоминают их в числе великих князей Рязанских, высказывается предположение, что «Иоанн Александрович, по каким-либо неизвестным причинам (может быть, душевный или телесный недуг), не мог лично защищать свои интересы и поэтому за него выступали его братья как в борьбе с Коротополом, так и в управлении великим княжеством». По мнению историков, отождествляющих Василия Александровича с Иваном Александровичем, в годы княжения на Рязани его брата Ярослава (1342–1344 гг.), занимавшего Рязанское великое княжение помимо старшего брата Ивана только по воле хана, Иван Александрович, по-видимому, сидел в Пронске, а по смерти Ярослава занял великокняжеский стол и умер великим князем в 1350–51 гг. Н. А. Баумгартен, сомневаясь, чтобы братья Ивана Александровича, Ярослав и Василий, занимали великое княжение, считает Ивана Александровича князем Пронским до 1342 г. и великим князем Рязанским «по всей вероятности» с 1342 г.; по мнению того же автора, Иван Александрович скончался «до 1353 г.», когда летописи впервые называют его сына Олега великим князем Рязанским. В дополнение к последнему мнению А. Е. Пресняков справедливо полагает, что у нас нет основания утверждать, что князь Иван не занял старшего Рязанского стола (в Переяславле) еще при жизни брата Ярослава, т. к. последний умер князем в Пронске.

От брака с неизвестной Иван Александрович оставил сына Олега и дочь Анастасию, бывшую замужем за татарским мурзой Салахмиром, во святом крещении Иваном Мирославичем, родоначальником Апраксиных и Вердеревских.

Полн. Собр. Русск. Летоп. VII, 215, 243; X, 222; XVIII, 97; XX, 186; «Жалованная грамота Олега Рязанского...», М. 1913, стр. 5, 11, 47, 57, 60–62; «Собр. Гос. Грам. и Догов.», I, № 36, 48, 65, 115, 116; Карамзин, IV, п. 335, 373. Тихомиров, стр. 17; Иловайский, стр. 158, 159, 308–313, 328. «Рязанск. Достопамятности», стр. 22–23, пр. 26. Экземплярский, II, стр. 575, 576, пр. 854, 581, 582, 627, 628; Баумгартен, стр. 3, 4; Иконников, II, стр. 1032, 1033; Пресняков, «Образов. великорусск. госуд.», стр. 232, 233.

8. Иван Васильевич, сын великого князя Василия Ивановича, род. 14-го апреля 1467 г. в Москве, сконч. 20-го мая 1500 г. Иван Васильевич занял великокняжеский стол после смерти отца своего в январе 1483 г., получив в управление большую часть (две трети) Рязанского княжества, чем объясняется прозвище этого князя – «Большия области Третной», встречаемое в некоторых грамотах, напр., в жалованной грамоте Ивана Васильевича воздвигнутой им в 1485 г. церкви Иоанна Златоуста в гор. Переяславле и др. Ввиду молодости Ивана Васильевича в первые годы его великого княжения делами Рязанского княжества руководила его мать, великая княгиня Анна Васильевна. Внешняя политика княжества в годы правления Анны Васильевны, а также в последующие годы княжения Ивана Васильевича, мало чем отличалась от политики отца Ивана Васильевича, великого князя Василия Ивановича. Все большее подчинение Москве, положение, в сущности, подручника великого князя Московского – вот что характеризует деятельность Ивана Васильевича в сношениях его с Иваном Васильевичем Московским. Это подтверждается, с одной стороны, тем договором, который был заключен Иваном Васильевичем Рязанским с Иваном Васильевичем Московским 9-го июня 1483 г., а с другой – известиями летописей, которые отмечают, напр., участие Рязанских войск во главе с братом Ивана Васильевича, Федором, и его воеводой Инькой Измайловым в походе 1493 г. великого князя Московского на Серпейск и Мезецк. В упомянутом договоре 1483 г. великий князь Рязанский называет Ивана III и его сына братьями старейшими, его брата Андрея – братом и других братьев Ивана III, Бориса и Михаила, – младшими братьями; обязуется быть с великим князем Московским и его сыном «везде за один без хитрости», может вступать с сношения с Литовскими князьями и недругами Ивана III лишь с его согласия, а с татарскими царевичами обязуется жить по докончанию с ними Ивана III, признает за Москвой куплю великого князя Василия Васильевича в пределах великого княжества – Тешилов, Венев, Ростовец и др., и не имеет права вступаться в Елец и елецкие места. С своей

стороны Иван III обещал «печаловатися» об Иване Васильевиче и его отчине. Несколькими годами позже, в договоре 7-го февраля 1494 г., заключенном между Литвой и Москвой, великий князь Московский считается уже единственным судьей над великим князем Рязанским, если он в чем-либо «сгрубит» великому князю Литовскому. Несмотря, однако, на московскую опеку и полное унижение перед Москвой, в своих внутренних делах – в отношениях к сородичам великий князь Рязанский Иван Васильевич держится так же, как великий князь Московский Иван Васильевич по отношению к своим братьям и родственникам. В договоре 19-го августа 1496 г. великого князя Рязанского с родным братом Федором отношения между братьями устанавливаются по образцу Московских междукняжеских отношений. Иван Васильевич, как старший, называется в договоре великим князем, Федор – удельным. Братья договорились, между прочим, что оба княжения должны быть строго раздельными, наследственными в нисходящей линии; в случае, если который-либо из них умрет бездетным, братья обоюдно обязались не отдавать свои уделы мимо друг друга «никакою хитростью». Но в договоре случайно или умышленно не был предусмотрен тот случай, который произошел на самом деле: старший брат Иван Васильевич умер раньше младшего, оставив сына, и удельный князь Федор Васильевич, пользуясь недомолвкой договора, без всякой хитрости отказал перед смертью (в 1503 г.) свой удел великому князю Московскому. Летописи ничего не сообщают о последних годах жизни Ивана Васильевича. От брака (с 13-го июля 1485 г.; венчание, происходившее в Переяславле, совершал Рязанский епископ Симеон) с *Агриппиной Васильевной Бабич-Друцкой* Иван Васильевич оставил сына *Ивана*. Некоторые новейшие родословные дают ему еще сыновей Василия и Федора, в летописях не упоминаемых, впрочем, не признаваемых историками (Иловайский, Экземплярский и Баумгартен), кроме автора примечаний к «Рязанским Достопамятностям».

Полн. Собр. Русск. Летоп. IV, 155, 161; VI, 36, 39, 44, 45, 235, 237, 240, 243*, 278*; VIII, 152, 214, 238; XII, 117, 214, 234, 251; XVIII, 270, 277; XX, 350, 352, 358, 370; XXI. 3; XXIII, 183,*

194; «Летописец, содерж. Российск. ист. с 1206 по 1034 г.», стр. 262, 305, 328; А. Шахматов, «О так назыв. Ростовской летописи», стр. 72; «Собр. Гос. Грам. и Догов.», I, № 115, 116, 127, 128; «Сборник Муханова», изд. 2, № 40, 41; «Акты XIII–XVII вв., представл. в Разр. Прик.», № 29, 30, 32, 35, 40, 41, 44; С. Шумаков, «Сотницы, грамоты и записи», в. I, стр. 47; «Рязанск. Достопамятности», §§ 87, 88, пр. 325, 326; «Тр. Рязанск. учен. арх. ком.», т. XII, в. 2, стр. 316–317; И. Беляев, «Церковь св. Иоанна Златоустого в Переяславле Залесском» – Москвитянин, 1855, т. II, № 12, кн. 2, стр. 143–144; Тихомиров, стр. 18; Иловайский, стр. 217–222, 251, 252; Экземплярский, II, стр. 576, 600–605, 609, 633, 645, 646. – Карамзин, VII, 114, 203, пр. 294, 383, 396, 562, 629; Соловьев, I, 1387, 1388; Б. Ключевский, «Курс русской истории», ч. I (изд. 2-е), стр. 423–425; А. Пресняков, «Образов. великорусск. госуд.», стр. 256–258.

9. Иван Иванович, прозвищем *Коротопол* или *Коротополь*, сын князя Ивана Ярославича, великий князь с 1327 г., убит в 1343 г. Заняв по смерти отца великое княжение, Иван Иванович, в силу договора, заключенного его отцом с Юрием Даниловичем Московским в 1320 г., несомненно, принимал участие в походе Ивана Даниловича Калиты в 1333 г. против Новгорода; в числе союзников Ивана Калиты упомянуты князья Рязанские. Затем до 1339 г. (Никон., Тверская) или 1340 г. (прочие летописи) летописи ничего не сообщают об Иване Ивановиче; в этом же году великий князь Рязанский ходил в Орду, на обратном пути откуда сопровождал татарского посла Товлубия и татар, посланных царем Азбеком против Смоленского князя Ивана Александровича; в Переяславле к татарской рати должны были присоединиться рязанские войска. В пути Иван Иванович встретил одного из удельных Рязанских князей – князя Пронского Александра Михайловича, своего двоюродного брата, который вез в орду выход. Подобно Московским князьям, великие князья Рязанские желали одни ведать сношения с татарами, и поступок князя Пронского встретил противодействие со стороны Ивана Ивановича. Он ограбил Александра Михайловича, отвел его в Переяславль и

там его убил; впрочем, Львовская летопись замечает при этом, что убийство князя Пронского было совершено по приказанию ханского посла Товлубия. Сыну убитого, князю Пронскому Ярославу, отправившемуся в Орду вместе с другими Рязанскими и Пронскими князьями после смерти Ивана Калиты, удалось склонить на свою сторону хана, и в 1342 г. Ярослав, в сопровождении ханского посла Киндяка и татар, прибыл из Орды к Переяславлю, который был осажден пришедшими. Несмотря на отчаянное сопротивление, оказанное Иваном Ивановичем, ночью того же дня Коротопол должен был спасаться бегством. В следующем 1348 г. Иван Иванович был убит, но кем и почему, летописи не сообщают; если же сопоставить известие Воскресенской и Ермолинской летописей о том, что Иван Иванович был убит «на Рязани», т. е. в Рязанской земле, с сообщением Львовской, что в том же 1343 г. князь Иван Иванович убил «на Рязани» какого-то князя Ярополка, то возможно, что новое злодеяние со стороны Ивана Ивановича было причиной его гибели. Предполагают, что именно Иван Коротопол начал первый титуловать себя великим князем Рязанским.

По-видимому, Иван Иванович Коротопол не оставил потомства; признаваемый родословными его сыном великий князь Олег Иванович является на самом деле сыном не Ивана Ивановича, а Ивана Александровича.

Полн. Собр. Русск. Летоп. IV, ч. 1-я (в. I-й), 270, ч. 2-я (в. I-й), 254; V, 222; VII, 206, 209, 243; X, 211, 215; XV, 421; XVI, 73; XVII, 31, 125; XVIII, 93, 94; XX, 180, 181, 184; XXI, 3; XXIII, 105, 107; «Летоп., содерж. Российск. ист. с 1206 по 1534 г.», стр. 85, 88, 89; «Русские летописи. I–III. По рукоп., принадлеж. Н. П. Никифорову», стр. 43. – Тихомиров, стр. 17; Иловайский, стр. 139, 140; Экземплярский, II, стр. 260, 400, 575, 576, 578–580, 582, 626–628; Карамзин, IV, 127, 147, 148, 157, пр. 271, 320, 335; Соловьев, I, 922, 941; А. Пресняков, «Образов. великорусск. госуд.», стр. 230–232.*

10. Иван Иванович, сын великого князя Ивана Васильевича, последний великий князь Рязанский, род. в 1496 г., ум. около 1534 г. По смерти отца в 1500 г. Иван Иванович

остался на попечении матери, Агриппины Васильевны, и бабки, Анны Васильевны, вскоре (в 1501 г.) умершей. Великое княжение Рязанское, потерявшее по смерти в 1503 г. дяди Ивана Ивановича, Федора Васильевича, значительную часть земель, перешедших по завещанию Федора Васильевича к Москве, с каждым годом попадало все в большую зависимость от Москвы; как это видно из наказа великого князя Ивана III Якову Телешову 1502 г., великий князь Московский распоряжался на Рязани, как в своей отчине, а в договоре Василия III с великим князем Литовским 1508 г. земля Рязанская считается принадлежащей Москве. В годы малолетства Ивана Ивановича при Рязанском великокняжеском дворе образовались две партии, из которых одна группировалась около молодого князя и ставила своей целью освобождение Рязанского княжества от Московской опеки, для достижения чего она пыталась устранить от власти главу противной партии – сторонников Москвы, послушную Московскому князю мать Ивана Ивановича, Агриппину. Несомненно, под влиянием местных патриотов, указывавших молодому князю на Крым и Литву, как единственных союзников против Москвы, Иван Иванович при помощи Крымских татар отнял в 1516 г. власть у матери; не без связи с этими событиями находилось нападение в том же году на Рязанскую землю Крымского царевича Богатыря. Сношения Ивана Ивановича с Крымским ханом Магмет-Гиреем, приславшим ему помощь при занятии великого княжества, не остались тайной для Василия III. Он звал Ивана Ивановича в Москву для объяснений, но великий князь Рязанский колебался и не ехал. Когда же подкупленный Василием III один из самых доверенных советников Ивана Ивановича, Семен Крубин или, как справедливо исправляет Герберштейн Д. И. Иловайский – Коробьин уговорил великого князя Рязанского отправиться в Москву, по приезде туда Иван Иванович был схвачен и посажен под стражу, мать его отправлена в монастырь, а на Рязань посланы Московские наместники, в частности, в Переяславль известный воевода Иван Васильевич Хабар, еще в мае 1520 г. бывший наместником Перевитским, одного из Рязанских городов, доставшихся

Москве в 1503 г. В июле 1521 г. союзник Ивана Ивановича – Крымский хан Магмет-Гирей ходил на Москву в связи с Рязанским переворотом и присоединением княжества к Москве. Таким образом, заключение Ивана Ивановича под стражу произошло между маем 1520 г. и июлем 1521 г., а не в 1515–16 гг. (зимой 7024 г.), как полагали на основании Архангелогородской летописи. Помимо отмеченного выше, еще от июня 1519 г. сохранились жалованные грамоты «великого князя Рязанского Ивана Ивановича». Обстоятельства окончательного присоединения Рязанского княжества к Москве рассказаны современником, С. Герберштейном, посетившим Москву вскоре после того; русские летописи (за единственным исключением, указанным выше) молчат о последних годах самостоятельного существования Рязани, а некоторые хронографы считают даже последним самостоятельным князем Рязанским не Ивана Ивановича, а его отца.

В июле 1521 г., ввиду приближения к Москве Магмет-Гирея, в городе произошли беспорядки; в возникшей сумятице Ивану Ивановичу удалось бежать из Москвы. Известие Степенной книги, что в пути, на Бронницах, Иван Иванович был убит татарами, неверно. Окольными путями Иван Иванович пробирался к Переяславлю, рассчитывая при помощи хана вернуть себе великое княжение Рязанское. Через доверенных лиц Иван Иванович старался завязать сношения с рязанцами, но попытки его вернуть свою отчину сказались безуспешными: посланные Иваном Ивановичем в Переяславль Димитрий Сунбулов и некий Наска были пойманы Московскими воеводами и отправлены в Москву, где под пыткой назвали многих лиц, на которых рассчитывал Иван Иванович. Видя бесполезность своих усилий, Иван Иванович бежал в Литву и там получил от Сигизмунда в пожизненное владение местечко Стоклишки в Ковельском повете. Крымский хан неоднократно пытался переманить Ивана Ивановича к себе, чтобы иметь в его лице, как претенденте на Рязань, постоянную угрозу Москве, но Иван Иванович остался в Литве. Он вел там обычную жизнь литовских магнатов: богато одевался и не платил долгов, как видно из одного дела о нем 1533 г.; держал большое количество

бояр и слуг, которым позволял грабить соседей, награждая своих приближенных казенными землями без королевского разрешения, как о том свидетельствуют два других дела (1533 и 1560 гг.), занесенных в Литовскую Метрику. Неизвестно точно, когда умер Иван Иванович, но предположительно смерть его относится к 1534 г., так как в этом году пожизненное владение Ивана Ивановича в Литве, Стоклишки, было пожаловано князю Семену Федоровичу Бельскому, бежавшему из Москвы, а в 1537 г. князь Семен просил у Сигизмунда помощи, чтобы возвратить себе свою старинную отчину – не только княжество Бельское, но и Рязанское. По пресечении мужской линии князь Семен Бельский считал себя наследником Рязанским, так как по матери был внуком великого князя Рязанского Василия Ивановича и княгини Анны Васильевны. Таким образом, в это время Ивана Ивановича уже не было в живых.

Неизвестно, был ли женат Иван Иванович, но потомства он не оставил.

Полн. Собр. Русск. Летоп. VII, 244; XII, 251; XXI, 3; «Летоп., служащ. продолж. Нестору», 224; «Летописец (Архангелогородский), содерж. в себе Российск. ист. от 852 до 1598 г.», М. 1781, стр. 190; «Сборн. кн. Оболенского», стр. 1–12, 47–52; А. И., I, № 127; С. Герберштейн, «Записки о московитск. делах», СПб. 1908, стр. 104, 105; «Акты XIII–XVII в.в., представл. в Разрядн. Прик.», № 46–50, 93, 94, 98, 101–103, 105–108, 110, 111. А. З. Р., II, № 116; «Опис. докум. и бумаг, хранящ. в Моск. Арх. Мин. Юст.», кн. XXI, стр. 121, 253; Тихомиров, стр. 18; Иловайский, стр. 222, 223, 228–242, 317–325; Экземплярский, II, стр. 604–609, 646; Баумгартен, стр. 6. – Карамзин, VI, 203, пр. 562; VII, 16, 73, пр. 248; Соловьев, 1, 1388, 1647, 1648; А. Пресняков, «Образов. великорусск. госуд.», стр. 258.

11. Иван Ярославич, сын Ярослава Романовича, занимал Рязанское княжение, как старший в потомстве Ярослава Святославовича, после смерти Василия Константиновича, с 1308 по 1327 год. Ранее этого года Лаврентьевская летоп., не называя Ивана Ярославича по имени, отмечает под 1300 годом, что «Рязанские князи Ярославичи (т. е. Иван и Михаил)... у

Переяславля». По догадке Д. И. Иловайского, это отрывочное известие указывает на уособицу племянников Константина Романовича, занявшего, по мнению автора «Истории Рязанского княжества», Рязанское княжение после смерти отца Ивана Ярославича. Как полагают некоторые, по проискам Ярославичей был убит в Орде в 1308 г. сын Константина Романовича, Василий. За время княжения Ивана Ярославича летописи отмечают только три факта из его биографии. По неизвестным причинам, не указанным летописью (Новгор. 1-й), в 1320 г. Юрий Данилович Московский отправился в поход против Рязанского князя, но дело, по-видимому, не дошло до столкновения – князья примирились и между ними был заключен договор. Как рассказывают некоторые западнорусские летописи, за князя Киевского Станислава, изгнанного Гедимином из Киева и жившего в Брянске, князь Рязанский Иван сватал свою единственную дочь Ольгу и, не имея сына, обещал ему за дочерью великое княжение Рязанское; Станислав женился на Ольге и после смерти Ивана Ярославича был великим князем Рязанским. Не говоря уже о том, что личность Киевского князя Станислава считается легендарной, приведенный рассказ является одной из исторических басен: после Ивана Ярославича княжил на Рязани не Станислав, а сын Ивана Ярославича, Иван Иванович.

Наконец, под 1327 г. летописи сообщают об убиении Ивана Ярославича, но обстоятельства дела рисуют различно: по одним летописям (Львовская и др.), Иван Ярославич убит в Орде, по другим (Никон.) – убит в то время, когда татары наказывали тверичей за убиение Шевкала, и, наконец, третьи (Лавр., Новгор.) не указывают ясно, была ли связь между нашествием татар на Тверь и убиением Рязанского князя.

От брака с неизвестной Иван Ярославич оставил сына Ивана.

Летоп. по Лаврент. списку, изд. 3-е, стр. 461, 503; Новгор. летоп. по Синодальн. харат. списку, стр. 319, 323; Полн. Собр. Русск. Летоп. IV, ч. 1 (в. 1), 261, ч. 2 (в. 1), 246; V, 218; VII, 201, 243; X, 194; XV, 416; XVI, 65; XVII, 260, 313, 374, 439, 493; XVIII, 90; XX, 178; XXI, 3; Летоп., содерж. Российск. ист. с

1206 до 1534 г., стр. 82. – Тихомиров, стр. 17; Иловайский, стр. 137, 139; Экземплярский, II, стр. 576–579, 626, 627. – Карамзин, IV, 121, 127, пр. 264, 271; V, пр. 224, 275; Соловьев, I, 911, 913, 922; М. Грушевський, «Історія України-Руси», IV (1907), стр. 18.

12. Иван Федорович, сын великого князя Федора Ольговича. Летописи не отмечают ни года его рождения, ни времени, когда он занял великокняжеский стол; неизвестно также, когда умер его отец – годом смерти Федора Ольговича некоторые считают 1409 г., а другие 1423–1427 гг. Самое раннее упоминание об Иване Федоровиче, как великом князе Рязанском, находится в договоре его с Витовтом, заключенном, несомненно, после 1425 г. и ранее 1430 г. Признавая себя по отношению к Витовту служебным князем, Иван Федорович обязывается верно служить ему, иметь общих друзей и недругов и без его воли ни с кем не заключать договоров и никому не помогать; в случае спора Витовта с великим князем Московским Василием Васильевичем, Иван Федорович должен помогать Витовту. Этот договор имел силу до смерти Витовта в 1430 г. По некоторым летописям, Иван Федорович (по другим летописям – его послы) принимал участие в 1430 г. в известных празднествах, на которых Витовт намеревался объявить себя Литовским королем. В промежутке между 1425 (вероятнее, 1430) и 1433 г. Иваном Федоровичем был заключен какой-то договор с великим князем Василием Васильевичем, которому Иван Федорович помогал в его борьбе с Юрием Дмитриевичем Галицким. Когда же Юрий взял Москву (1434 г.), Иван Федорович как лично от себя, так и от имени Пронского князя, с которым он незадолго перед тем помирился, заключил договор с Юрием, обязавшись участвовать лично или чрез воевод во всех походах Юрия Дмитриевича. После смерти Юрия в том же году не видно, чтобы Иван Федорович принимал участие в борьбе великого князя Василия Темного с детьми Юрия; уже по окончании междоусобицы Иван Федорович заключил 20-го июня 1447 г. новый договор с Василием Васильевичем. Договор 1447 г. допускает возможность заключения Иваном Федоровичем нового соглашения с Литвой, но «по думе» с великим князем

Московским, а в договоре 1449 г. с великим князем Казимиром Василий Темный обещает даже не гневаться и не мстить Ивану Федоровичу, если он захочет служить Казимиру; на случай, если Иван Федорович в чем-либо сгрубит Казимиру, последний должен обослаться о том с великим князем Московским; если же вразумления Московского князя не будут способствовать исправлению великого князя Рязанского, то Казимир в праве его наказать, а Василий Васильевич в то не вступается. Неизвестно, в каких отношениях к Литве находился Иван Федорович в эти годы; смуты в Польско-Литовском государстве способствовали, однако, набегам рязанцев на Литовские земли; жалобы пограничных жителей, сильно страдавших от этих набегов, заставили Казимира отправить по этому поводу специального посла к Ивану Федоровичу, который принимал его в июне 1456 г. Летописи ничего не сообщают об Иване Федоровиче за годы его княжения, хотя упоминают об отдельных событиях из жизни Рязанского княжества, например о набеге татар и проч.

В июне или позже в 1456 г., по пострижении в иноческий чин с именем *Ионы*, Иван Федорович скончался, вскоре за своей супругой по имени *Анной* (имя ее устанавливается на основании одного из синодиков Московского Успенского собора), неизвестной по происхождению; вопреки утверждениям некоторых авторов (Диттеля, Макария и др.), гробница одной из двух великих княгинь с именем Анны, находящаяся в Рязанском Рождественском соборе, должна принадлежать именно супруге Ив. Фед.; там же погребен сам Иван Федорович. От брака с великой княгиней Анной Иван Федорович имел сыновей *Петра* (ум. малолетним при жизни отца) и *Василия* (род. 1448 г.) и дочь *Феодосию*. Малолетних детей своих Иван Федорович оставил на попечение великого князя Московского.

Полн. Собр. Русск. Летоп. IV, 147; V, 272; VI, 181; VII, 226, 243, 244; VIII, 8, 147; XII, 111, 112; XVII, 61, 101, 133, 616; XVIII, 212; XX, 263; XXI, 3, 473; XXIII, 155; «Русские летописи», стр. 39; – А. А. Э., I, № 25. С. Г. Г. и Д., I, № 48, 65; А. З. Р., I, № 50 (стр. 65), 58. А. И., I, № 36; А. Пискарев, «Древн. грам. и акты Рязанск. края», № 3; Сборн. Муханова, изд. 2, № 324; Акты XIII–XVII в.в., представл. в Разр. Прик., № 7, 8; Н. Лихачев, «По

поводу сборн. А. И. Юшкова...» – Сборн. Археол. Инст., VI (1898), стр. 28; Изв. Тамбовск. уч. арх. ком., в. XXV, стр. 41; «Рязанск. Достопамятн.», §§ 93, 125; «Жалов. грам. Олега Рязанского», стр. 58, 60, 63; Н. Голицын, «О синодике Московск. Успенского собора» – Изв. Русск. Генеалогич. Общ., в. II, стр. 29–30. – Тихомиров, стр. 18; Иловайский, стр. 205–213; Экземплярский, II, стр. 232, 324, 331, 575, 596–599, 605; Баумгартен, стр. 5. – Карамзин, V, 146, 154, 195, 203, пр. 261, 275, 349, 362; Соловьев, I, 1062, 1082, 1083; А. Пресняков, «Образов. великорусск. госуд.», стр. 251–255.

13. Ингвар Игоревич, сын Игоря Глебовича. В числе прочих Рязанских князей Ингвар приходил со своими отрядами в 1207 г. к Всеволоду III, направлявшемуся в поход против Киевского князя Всеволода Чермного. Будучи обвинен наряду с остальными князьями в измене Всеволоду III, Ингвар был схвачен и отправлен во Владимир, где оставался до самой смерти Всеволода в 1212 г., когда Ингвар был отпущен на Рязань Юрием Всеволодовичем. Случайно избегнув участи своих родных и двоюродных братьев, убитых Глебом Владимировичем в 1217 г., Ингвар с помощью Юрия Всеволодовича выступил против Глеба и изгнал его из Рязани; окончательная битва между Глебом, пришедшим к Рязани со множеством половцев, и Ингваром Игоревичем произошла в 1219 г. – «и Божьею помощью и креста честного силою» Ингвар победил Глеба. В благодарность за спасение от руки Глеба и в память победы, одержанной над братоубийцей, Ингваром Игоревичем был основан в том же 1219 г. Львовский Успенский монастырь, по соседству с укрепленным городком Львовом, верстах в 12-ти вниз по течению р. Оки.

Неизвестно, когда умер Ингвар Игоревич, т. к. летописи после 1219 г. почти ничего не сообщают о Рязанском княжестве до второго нашествия татар в 1237 г., когда великим князем Рязанским был сын Ингвара, Юрий. У Ингвара Игоревича были дети: *Юрий, Олег и Роман*; упоминаемые родословными три других его сына (Давид, Глеб и Ингвар) неизвестны по летописям.

Летоп. по Лаврент. списку, стр. 409, 418, 419; 422, 465, 487; Полн. Собр. Русск. Летоп. III, 30; 50; IV, ч. 1 (в. 1), 181, ч. 2 (в. 1), 180; V, 172, VII, 114, 115, 118, 124–126, 242, 243; X, 55, 77, 78, 81, 82; XV, 305, 325, 329; XVIII, 44, 49, 51, XX, 145; XXI, 3, 258, 300; XXIII, 61, 66, 67 – Летоп., содерж. Российск. ист. с 1206 до 1534 г.; стр. 7; «Рязанск. Губ. Ведом.» 1855, № 9; «Жалов. грам. Олега Рязанского», стр. 18. – Тихомиров. стр. 12, 13; Иловайский, стр. 79, 80, 90, 91, 116; Карамзин, III, 74, 106, 166, 168, пр. 123, 178, 185, 356; Соловьев, I, 566, 582, 595; А. Пресняков, «Образов. великорусск. госуд.», стр. 225, 226.*

14. Ингвар Ингваревич. Ранние летописи совсем не знают этого князя. Сведения о нем дает «Повесть о разорении Рязани Батыем», вошедшая в некоторые поздние летописные своды и сборники; вслед за «Повестью» некоторые родословные считают этого князя сыном Ингвара Игоревича. В Батыев приход Ингвар Ингваревич, по рассказу «Повести», находился в Чернигове у «брата» своего, великого князя Михаила Всеволодовича и после Батыева пленения сел на великом княжении Рязанском. Но в своей исторической части «Повесть» явно недостоверна: 1) «брат» Ингвара, великий князь Черниговский Михаил Всеволодович, у которого находился Ингвар в Батыев приход 1237 г., еще в 1232 г. покинул Чернигов и вернулся в свою отчину только в 1245 г., а в год татарского нашествия (1237 г.) в Чернигове сидел Мстислав Глебович; 2) автор «Пов.» (а за ним некоторые историки) смешивает Ингвара Ингваревича с Ингваром Игоревичем, так как считает отцом первого Игоря Глебовича, а его «братьями» великого князя Георгия, Глеба и Олега Игоревичей, убитых по «Пов.» татарами; впрочем, среди спутников Ингвара при посещении им поля битвы упоминается брат его, Олег Игоревич Красный, выше отмеченный в «Повести» среди убитых князей; 3) среди братьев Ингвара, оставшихся в живых, назван Роман Игоревич Коломенский, на самом деле, по согласному свидетельству летописей, убитый татарами, и др. Данные «Повести», в связи с показаниями столь же недостоверной в историческом отношении «Повести о приходе чудотворного Николина образа Зарайского, иже бе из Корсуня града, в пределы Рязанские ко

князю Феодору Юрьевичу во 2-е лето по Калкском (!) побоище», внесли немалую смуту в генеалогию Рязанских князей: приходилось, напр., как-нибудь объяснять отмеченное выше одновременное существование и живого, и мертвого Олега Игоревича Красного; решили считать одного братом Ингвара, а другого его дядей. Таким образом, у генеалогов, считавшихся с показаниями повестей, выходило, что у Игоря Глебовича (сына Глеба Ростиславича) были дети: Ингвар, Роман, Глеб (два последних убиты Глебом Владимировичем в 1217 г.), Юрий и Олег (погибшие от татар в 1237 г.), а у Ингвара Игоревича, кроме известных по летописям Юрия, Олега и Романа, еще Давид и Глеб, убитые по «Повести» в 1237 г., и Ингвар; если сравнивать имена детей Игоря Глебовича и Ингвара Игоревича, то выходит, что они носили одинаковые имена – факт любопытный, но маловероятный. Между тем, еще Карамзин указывал на недостоверность исторической стороны повестей; соображения историографа только подкрепляются приведенными выше справками. Таким образом, нет оснований верить показаниям упомянутых повестей, не подтверждаемым другими источниками, а отсюда самое существование Ингвара Ингваревича, которого не знают ни ранние летописи, ни многие родословные, приходится отвергнуть.

Времен. Моск. Общ. Ист. и Древн., X, 29, 30, 193; Рязанск. Достопамятн. §§ 44–46; Иловайский, стр. 128, 132, 134–136, 307; Экземплярский. II, стр. 568–572, 582, 626; Карамзин, III, пр. 360; К. Калайдович, «Письма к А. Ф. Малиновскому об археологич. исследов. в Рязанск. губ.», М. 1823, стр. 75; Иконников, 111, 482, 1031, 1042, 1054; А. Пресняков, «Образование великорусск. государства», стр. 225, 226.

15. Константин Романович, сын великого князя Романа Ольговича. Родословные считают Константина непосредственным преемником его отца, Романа, умершего в 1270 г., а сыном Константина называют Ярослава, тогда как последний по Никон. летописи приходился Константину братом и был князем (или по той же летописи – великим князем) Пронским, умершим в 1299 г. Летописные известия о Константине очень скудны: летописи рассказывают только о

столкновении его с Московским князем Даниилом Александровичем и о кончине его. В 1301 г. Даниил Московский предпринял поход против Константина. Летописи не указывают причину похода, но Д. И. Иловайский справедливо, кажется, полагает, что яблоком раздора была Коломна, Рязанский город, который запирает устье р. Москвы и был необходим Москве для округления ее владений. Не лишено основания предположение А. В. Экземплярского, что поход Даниила имел также целью поддержать удельных князей Пронских, сыновей Ярослава Пронского, Ивана и Михаила, против дяди их Константина, хотевшего присоединить Пронский удел к своему княжеству. Нападение Даниила не было внезапным, так как Константину помогали татары. Рязанский князь проиграл битву, вследствие измены Рязанских бояр; Константин был взят в плен «не какою хитростью», как поясняется позднейшим летописцем, и отправлен в Москву, где его, по словам Никоновской летописи, держали «в чести»: Даниил, по-видимому, надеялся заключить с Константином договор и отпустить его на Рязань. Константин оставался в плену до самой смерти Даниила в 1303 г., но не был отпущен на Рязань даже при сыне Даниила, Юрии, по приказанию которого в 1306 или 1307 г. Константин был убит; летописи не указывают причину расправы Юрия с пленником, но замечают при этом, что Рязанский город Коломна остался после того за Москвой.

По словам Никоновской летописи, Константин имел сына *Василия*.

Летоп. по Лаврент. сп., стр. 462; Полн. Собр. Русск. Летоп. VII, 183, 220, 243; X, 173, 176; XVIII, 85, 87; XX, 172, 173; XXI, 3; XXIII, 95; Летописец, содерж. Российск. ист. с 1206 по 1534 г., стр. 53, 54. – Тихомиров, стр. 91, 16, 17; Иловайский, стр. 137, 138; Экземплярский, II, стр. 274, 461, 573–578, 626. – Карамзин, IV, 98, 107, 173. пр. 188, 211; Соловьев, I, 883, 884, 903; Пресняков, «Образов. великорусск. госуд.», стр. 118, 229, 230.

16. Олег Иванович, сын великого князя Ивана Александровича, великий князь Рязанский. Летописи не указывают года рождения Олега; лишь под 1353 г., июня 22,

когда рязанцы захватили Московскую волость Лопастню, летописец замечает: «князь же их (рязанцев) Олег Иванович тогда еще был млад». Обычно принимается, что Олегу было не более 12–15 лет, когда умер его отец. Нет никаких сведений о той обстановке, в которой протекали юные годы Олега. Если же судить по тому, как искусно воспользовались рязанцы обстоятельствами, в которых оказалось Московское и великое княжение по смерти Симеона Гордого в княжение Ивана Ивановича и годы малолетства Димитрия, нельзя, кажется, отрицать, что молодого князя окружали умные и преданные советники. Рязанские бояре сумели сохранить Лопастню и шесть других мест за Рязанью и пытались в 1358 г. при помощи татар добиться исправления границы с Москвою. В своих притязаниях к Москве Рязанские бояре (как позже их князь Олег) ищут опоры в Орде. В последующие годы XIV в. значение Рязанского княжества только усиливалось. Впрочем, отмечая отдельные факты из жизни Рязани за это время, летописец только под 1365 г. говорит опять об Олеге. В этом году один из татарских князей, Тагай из Наровчата (в Мордовской стране), внезапно напал на Переяславль, взял город, сжег его и окрестные волости и с большим полоном ушел «в поле». Олег вместе с князьями Владимиром Пронским и Титом Козельским погнался за Тагаем, настиг татар под Шишевским лесом, в урочище Войнове, и после жаркой битвы одержал над ними победу. Тагай едва спасся бегством с немногими людьми. В продолжение пяти следующих лет летописи опять молчат об Олеге; кажется, в эти годы нарушилось внешнее согласие Олега с Москвой, хотя в 1370 г. войска Рязанские, под предводительством Владимира Пронского, еще ходили на помощь Московскому князю при нашествии Ольгерда на Москву, но уже в следующем 1371 г. началась открытая война между Москвою и Рязанью. Причины ее в точности неизвестны. Татищев полагал, что на разрыв повлияли пограничные споры из-за Лопастни и двойственное отношение Олега к русско-литовской борьбе; по мнению же Д. И. Иловайского и отчасти А. В. Экземплярского, одною из основных причин конфликта является вражда между Олегом и Владимиром Пронским; наконец, А. Е. Пресняков «мотив»

разрыва между Москвой и Рязанью «всего естественнее» видит в возражениях Олега против попыток Дмитрия лишить Рязань самостоятельных внешних сношений, как о том можно заключить из договора Дмитрия с Ольгердом, который А. Е. Пресняков относит к июлю 1371 г. Как бы то ни было, великий князь Московский послал рать на Рязанского князя под начальством искусного воеводы кн. Дмитрия Михайловича Волынского. В местечке Скорнищеве, недалеко от Переяславля, 14-го декабря 1371 г. москвичи разбили рязанцев на голову, и Олег с небольшою дружиною едва спасся бегством. Рязанское княжение по воле великого князя Московского занял князь Пронский Владимир Дмитриевич. Однако, еще до лета 1372 г. Олег согнал Владимира Пронского с великого княжения Рязанского, привел его в свою волю и вернул себе великое княжение.

По некоторым нелетописным известиям, большое содействие в возвращении великого княжения Рязанского оказал Олегу татарский мурза Салахмир, по его просьбе пришедший из Орды с большой военной силой и поступивший к Олегу на службу; по принятии Салахмиром крещения под именем Ивана, Олег дал ему щедрый земельный надел, женил его на своей родной сестре Анастасии и сделал одним из ближайших своих советников. Неизвестно, как отнесся к возвращению Олега Дмитрий Иванович, но на этот раз он уклонился от решительного столкновения с Рязанским князем. Возобновившаяся борьба с Михаилом Тверским и Ольгердом Литовским и ордынские отношения заставляли Дмитрия искать в Олеге союзника, хотя и ненадежного. После того в течение восьми лет мирные отношения князей не нарушались ничем; Олег сохранял, по-видимому, нейтралитет в борьбе Москвы с Тверью; об этом свидетельствует договорная грамота Дмитрия Ивановича с Михаилом Тверским 1375 г.; грамота назначает Рязанского князя третейским судьей в спорных делах между Московским и Тверским князьями. 70-е годы Олегу пришлось провести, главным образом, в отражении татарских нападений на Рязанские окраины. По словам летописца, в 1373 г. Мамаевы татары пришли из Орды на Рязанского князя Олега, города его

пожгли, множество людей побили и с большим полонем возвратились восвояси. Дмитрий Иванович с братом Владимиром Андреевичем выступал во главе Московских полков на берега Оки, но, кажется, явился слишком поздно на помощь Олегу. Осенью 1377 г. на Рязанскую землю «изгоном» набежал царевич Арапша и взял Переяславль, Олег попался было в плен, но весь израненный татарскими стрелами вырвался и убежал. В следующем 1378 г. (11 августа) татары под предводительством мурзы Бегича были разбиты Московскими войсками в Рязанских пределах в битве на берегах р. Вожи; летописи не отмечают, однако, участия Олега в этом сражении. Но татары шли не только против Дмитрия, но и против его союзника Олега. В 1379 г. в сентябре Мамай, мстя за поражение на берегах Вожи, устремился на Рязанское княжество, сжег много городов и селений и с большой добычей вернулся домой. Не считаясь с возможностью такого нападения после нанесенного татарам поражения, Олег был застигнут врасплох и бежал на левый берег Оки. Разгром лучшей части княжества не мог не повлиять на последующую политику О. и, в особенности, на его поведение в знаменитый 1380 г. Мамай с огромными полчищами собирался двинуться на Русь; в числе своих союзников он считал великого князя Литовского. Не было никакой уверенности даже среди приближенных Московского князя, что удастся отразить татарские полчища. Независимо от исхода дела первый удар их во всяком случае должен был пасть на Рязанское княжество, которое еще не успело оправиться от погрома 1379 г. С другой стороны, успех Москвы не принес бы ничего хорошего Рязанскому княжеству. Обстоятельства заставляли Олега вести двойственную политику – с одной стороны, он вступает в тайные сношения с татарами, обещает давать прежний выход, присоединить свои отряды к татарским и заключает с союзником Мамаем, великим князем Ягайлом, договор; с другой стороны, он поддерживает наружно дружеские отношения с Дмитрием Ивановичем, предупреждает даже его о грозящей опасности. Олег не участвовал в знаменитой Куликовской битве. Ему не удалось предотвратить столкновение рязанцев с возвращавшимися с

Дону москвичами. Это послужило поводом для Москвы, чтобы покончить с самостоятельностью Рязанского княжества. Димитрий Иванович собирался послать рать на рязанского князя, но Рязанские бояре внезапно явились к нему и сообщили, что Олег покинул со своим семейством Рязанскую землю и просили не посылать на Рязань войско. Исполняя их просьбу, Димитрий ограничился отправкой на Рязань своих наместников. Неизвестно точно, куда бежал Олег и когда он вернулся обратно. Во всяком случае, не ранее августа 1381 г. между ним и великим князем Димитрием были начаты формальные переговоры о заключении договора, проектом которого, составленным в Москве, не утвержденным и не вошедшим в силу, является грамота 1381 г. На основании упомянутого проекта договора Олег признавал себя младшим братом Московского князя; неясные дотоле границы обоих княжеств определялись более точно, причем некоторые части Рязанской территории отходили к Москве; за Московским князем утверждались его приобретения в областях, находившихся в сфере влияния Рязанского княжества (Мещера и др.); в заключение Олег обязывался сложить крестное целование к Литовскому князю, а свои внешние отношения (к татарам, Литве и другим русским княжествам) должен был вести в согласии с интересами великого князя Московского. Договор, на таких тяжелых для Олега условиях, не был принят Олегом.

Когда же в следующем, 1382 г. новый хан Тохтамыш шел походом на Москву, Олег, пытаясь спасти свое княжество от нового погрома, встретил хана с покорностью, обещал ему помощь против Димитрия и указал татарам броды на р. Оке. Без всякого навета Суздальских князей, как это утверждает Татищев, татары знали цену обещаниям Олега и на обратном пути не пощадили Рязанского княжества, причем Олег принужден был снова бежать. Но и Москва не могла оставить на этот раз безнаказанным поведение Олега. По возвращении в столицу, Димитрий Иванович отправил свои рати на Рязанского князя; Московские войска подвергли Рязанскую область страшному опустошению: «пущи ему бысть и татарские рати», замечает по этому поводу летописец. Сам Олег,

возвратившийся на Рязань после нашествия Тохтамыша, с небольшой дружиной едва спасся бегством от московского плена. Неясно, чем закончилось это опустошение. Летописи не говорят, когда и как вернулся Олег на свое княжение; есть некоторые основания предполагать, что это произошло осенью 1382 г. Вероятно, последующие два года были проведены Олегом в упорной подготовке к новой борьбе с Москвой. 25-го марта 1385 г. неожиданным нападением Олег взял Коломну, подверг ее грабежу и захватил при этом в плен многих бояр и богатых граждан. Московские войска под предводительством Владимира Андреевича, высланные против Олега, вернулись на этот раз с большими потерями. Положение Москвы в указанное время не позволяло ей вести наступательную политику против Рязани; Дмитрий Иванович пытался склонить Олега к миру, но великий князь Рязанский, чувствуя свою силу, не соглашался на эти предложения. И только личное участие в посольстве 1386 г. (в Филиппов пост) к Рязанскому князю игумена Сергия, уже тогда известного своей святой жизнью далеко за пределами Москвы, привело к заключению «вечного мира» между Рязанью и Москвою. Неизвестно, был ли заключен договор между Олегом и Дмитрием Ивановичем, но во всяком случае до конца жизни Олега между ним и Москвой не было новых столкновений. В следующем году (в сентябре) мир был скреплен установлением родственных связей между Рязанским и Московским князьями: сын Олега, Федор, женился на дочери Дмитрия Ивановича, Софье. – Что касается отношений О. к татарам, то они вплоть до смерти его оставались неопределенными. Нельзя не указать, во-первых, что Олег путем купли или захвата постепенно отнял у татар и мордвы многие земли по Дону и Цне. Не без связи с этой колонизацией стояли татарские набеги на Рязань.

После нашествия Тохтамыша Олег, подобно всем князьям северо-восточной Руси, должен был платить татарам выход; в качестве заложника О., был отпущен в Орду его сын Родослав, бежавший оттуда зимою 1387 г. Может быть, в связи с бегством Родослава стоит нападение в том же году татар на Рязань, когда едва не был захвачен ими сам Олег. Без всяких видимых

причин татары совершали свои набеги на Рязанское княжество и в 1388–1390 гг.; летописцы ничего не говорят о мерах О. против нападений татар, но при набеге 1394 г. Олег побил татар Тохтамышевой орды. Нашествие Тамерлана едва затронуло Рязанское княжество, а в последующие до 1398 года отношения к татарам носили, кажется, мирный характер; в этом году Олег принимал даже на Рязани Темир-хана, посла Тохтамыша, приезжавшего сюда по торговым делам. Впрочем, через два года, в 1400 г. Олег вместе с князьями Пронскими, Муромским и Козельским ходил против татар к Червленому Яру, где рязанцы избили множество татар, взяв в плен царевича Мамата и других ордынских князей, а в 1402 г. татары вновь приходили на Рязанские окраины.

Не менее забот, чем татарские отношения, доставляла Олегу Литва. Как и в татарских делах, Олег вел здесь независимую от Москвы политику. Отчасти под влиянием родственных связей (дочь Олега была замужем за Юрием Святославичем) со Смоленскими князьями, а еще более из боязни усиления Литвы за счет Смоленска и соседних мелких княжеств, Олег вынужден был вести активную политику против Витовта. В ноябре 1393 г. Олег вмешивается в дела Литвы и берет на поруки своего зятя Корибута, попавшего в плен к Витовту, а в 1394 г. он идет ратью к литовскому городу Любутску (близ Калуги) и со многим полоном возвращается восвояси. Когда в 1395 г., в отсутствие Юрия Святославича, бывшего у тестя на Рязани, Смоленск был взят великим князем Литовским Витовтом, Олег с зятем своим Юрием и князьями Пронскими, Козельским и Муромским ходил ратью на Литву и «много зла сотвориша им». Еще до возвращения Олега, Витовт, со своей стороны, напал на Рязань, повоював многие волости. Когда весть об этом дошла до Олега, он оставил пленных «в некоем месте» и устремился на Рязань, и Витовт вскоре принужден был вернуться назад. В следующем 1396 г. в сентябре Олег опять ходил ратью к Любутску, но, ввиду вмешательства Василия Дмитриевича, отступил от города; через год в 1397 г. около Покрова Витовт «со всею Литовскою силою» совершил новое нападение на Рязань и жестоко расправился с рязанцами;

«люди улицами сажали, и многа кровь неповинная пролита бысть», рассказывает летописец; сам Олег принужден был бежать. Между тем, Юрий Святославич, проживая у тестя на Рязани, не оставлял надежду вернуть себе Смоленск. После большого поражения, понесенного Витовтом в битве при Ворскле 12 августа 1399 г., сторонники Юрия из среды смольнян, прибыв тайно на Рязань, стали особенно настаивать на том, чтобы Юрий попытался вернуть себе великое княжество Смоленское. Юрий «с великим рыданием и плачем, и слезы проливая яко же источники», просил помощи у тестя. В 1401 г. Олег вместе с Юрием и князьями Пронскими, Муромским и Козельским отправился походом на Смоленск. По прибытии к городу в августе того же года, О. послал смольнянам требование отворить городские ворота и принять к себе исконного князя, угрожая в противном случае подвергнуть город длительной осаде и все предать мечу и огню. Ввиду опасности, угрожавшей городу, смольняне выполнили требование Олега. Последний, вернув зятю Смоленск, отправился походом на Литву, разорил некоторые Литовские волости и с большим полоном вернулся домой. Олег уже не принимал участия в походе рязанцев 1402 г. на Брянск, где сидели подручные Литве князья; в бою у Любутска рязанцы, бывшие под предводительством сына Олега, Родослава, потерпели большое поражение, причем сам Родослав попал в плен и отведен был в Литву, где в течение трех лет сидел в заключении, пока не был выкуплен из плена за несколько (по Никон. – за три, по другим летописям – за две) тысяч рублей.

5-го июля 1402 г. Олег скончался и был похоронен в Солотчинском монастыре. Таковы главные факты биографии Олега.

Княжение Олега составляет славную страницу в истории Рязанского княжества. В свое долголетнее правление О. поставил Рязанское княжество в небывалое положение. Пределы княжества расширились при нем заметным образом. Договорные грамоты его преемников называют приобретения, сделанные при О. на востоке у мордвы (в Мещере) и на юго-востоке у татар; южная граница при О. охранялась постоянными

караулами, как это видно из рассказа летописи о проводях О. в 1389 г. митрополита Пимена и его спутников, ехавших в Царьград. Не осталась без изменений и западная граница, мало устойчивая при О. Удельные князья – Пронские, Муромские, Козельские и Елецкие – почти самостоятельные до того, при О. были вновь в подчинении Рязанскому князю, отдавая свои полки в его распоряжение. О. заботился также об укреплении Переяславля, столицы княжества, и об украшении его дворцами и храмами. При нем упоминаются города, о которых не было известно ранее. С именем О. связано построение монастыря в честь Богородицы при впадении Солотчи в Оку; О. щедро одарил монастырь движимым и недвижимым имуществом. Покидая невольно в декабре 1371 г. Переяславль, О. дал обет наделить другой монастырь края, Ольгов, основанный его предками Ингваром Игоревичем с детьми Юрием и Олегом; по возвращении в свою вотчину в 1372 г., в дополнение к прежде пожалованному селу Арестовскому, О. дал монастырю право на сбор мыта и побрежного на Рязани. Двор О. отличался многолюдством и пышностью. Руководители и советники О. первых лет его княжения не утратили, конечно, своего влияния в последующие годы; но «крамола» Рязанских бояр в 1371 и 1380 годах не могла не отразиться на их составе. Среди приближенных О. замечаем в последние 1-оды его княжения новых лиц, татарских и литовских выходцев, каковыми являются, напр., татарский мурза Салахмир, явившийся к О. на службу с значительной военной силой, принявший христианство под именем Ивана Мирославича, женившийся на сестре О. и ставший его ближайшим советником, или пришлец из Литвы Семен Федорович по прозв. Кобыла Веселой и др. Ко времени О. относится окончательное утверждение епископской кафедры в Переяславле; епископов Василия и Феогноста, занимавших эту кафедру при О., он щедро наделил землями. Как устроитель внутреннего порядка и защитник народный, О. сохранился в памяти самого отдаленного потомства, а об его пирах и гостеприимстве существуют исторические песни.

По своему положению Рязанское княжество, как отмечено выше, острее всех чувствовало на себе татарское иго и

вражеские нашествия, отсюда зависимость от татарских отношений внешняя политика О. Не вступая в открытую борьбу с татарами, О. старался сохранить перед ханами внешний вид покорности, не отказываясь даже от союза с ними против их врагов, но в благоприятную минуту тот же О. не раз наносил им жестокие поражения. Не мог О. спокойно смотреть на политику своих других соседей – великих князей Московских и Литовских, стягивавших в свои руки мелкие уделы и усиливавших свою власть О. удалось задержать распространение литовцев на восток, отбить наступательное движение Москвы и заставить Дмитрия Ивановича Московского приостановить воинственную политику в отношении Рязани. По примеру Литвы и Москвы, О. стремился создать на берегах р. Оки третий центр объединения, около которого могли бы сплотиться юго-восточные земли. Таким образом, и во внешней политике, как и в области внутреннего управления, на первом месте ставились О. интересы его княжества. Эта основная черта деятельности О. была понятна и для летописца, когда, по поводу поведения О. во время нашествия Тохтамыша, летописец-москвич заметил: «не хотяше бо добра нам, но своему княжению помогаше». Интересами своего княжества, а не общерусскими, руководился О. также в знаменитый 1380 г. Летописцы не жалеют красок, чтобы представить О. в самом мрачном свете. Необходимо заметить, однако, что обличительный и страстный тон рассказа об О. распространенной редакции летописной повести о Мамаевом побоище указывает на позднее происхождение этого рассказа: в годы, непосредственно следовавшие за Куликовской битвой, как указано выше, упрочились мирные отношения Рязани к Москве. Имея в виду подражательный характер летописной повести о Мамаевом побоище, нельзя, конечно, требовать от автора ее, несомненного москвича, спокойного, беспристрастного отношения к событиям 1380 г. Между тем, рассказ летописи (Новгор. IV и др.), а в особенности различных сказаний, построенных на основе летописного рассказа и занесенных в другие летописи (напр., Никон.), несомненно повлиял на суждение историков о личности О., рассматривающих его деятельность, подобно автору

летописной повести, в большинстве случаев с точки зрения интересов только Московского княжества. Впрочем, после характеристики О., сделанной Д. И. Иловайским, устанавливается более правильный взгляд на него. «Воинственный и упорный, с живой любовью к Рязанской земле, этот незаурядный политик сумел многое сделать для своего княжества», пишет, напр., про О. Д. В. Цветаев.

Олег – его христианское имя Иаков, по обычаю князей и знатных того времени, в конце жизни принял монашество с именем *Ионы*; время его пострижения в точности неизвестно, но обычная дата (1390 г.) основана на показании надписи над гробницей Олега, сделанной в XVIII в. и на неправильной датировке жалованной грамоты Олега епископу Феогносту, под которым надо разумеать не Феогноста I, а Феогноста II (1393–1408) – и по всей вероятности, Олег постригся незадолго до смерти, а не за 12 лет, как утверждают историки (Иловайский. Добронравов, Цветаев). Перед самой смертью Олег принял схиму с именем Иоакима и похоронен в Покровской церкви Солотчинского монастыря; в конце XVIII в. гробница князя была устроена в Рождественской церкви того же монастыря; на дне гробницы показывают его череп, несколько костей и кольчугу; кости и кольчуга составляют предмет почитания местных жителей. Вместе с Олегом похоронена его супруга *Евфросиния* (в иночестве Евпраксия, умерла 5-го декабря 1405 г.).

До появления статьи Н. А. Баумгартена полагали, что Олег был женат один раз и от этого брака имел или оставил двух сыновей – *Федора* и *Родослава* (Ярослава) и четырех дочерей: 1) *неизвестную* по имени, бывшую еще до 1371 г. замужем за Владимиром Дмитриевичем Пронским; нет оснований отрицать этот брак, если не признавать, по указанным выше причинам (см. биогр. Влад. Дм.), что Влад. Дм. был двоюродным братом Олега; 2) *неизвестную* по имени (по Баумгартену, Агриппину), бывшую, по Никон. летоп., с 1377 г. за Иваном Титовичем Козельским, 3) *неизвестную* по имени – за кн. Юрием Святославичем Смоленским, причем «Kronika litewska», «Latopisiec Litwy» и др. указывают, что вел. кн. Скиргайла «посади его (Юрия, в 1386 г.) на великом княженье Смоленском

занеже бысть за князь Юрьем дщи старшее (вар.: старее) сестры Скиригайловы»; другими словами, супруга Олега как будто происходила из Литвы и приходилась старшей сестрой Скиргайлу Ольгердовичу и, наконец, 4) *Анастасию* – за князем Дмитрием Васильевичем Друцким и вторично (еще до 1393 г.) за кн. Корибутом-Дмитрием Ольгердовичем – или, если признать, что Олег был женат на старшей дочери Ольгерда, то Корибут-Дмитрий Ольгердович вступил в брак, таким образом, со своей родной племянницей, что, конечно, маловероятно. Эту генеалогическую путаницу Н. А. Баумгартен, не сомневающийся в литовском происхождении в. кн. Евфросинии, старается разрешить предположением, что Олег был женат дважды, имея детей также от первого брака, и на дочери Олега от первого брака был женат Корибут-Дмитрий Ольгердович, что будто бы более допустимо по церковным правилам; к первой жене Олега относится, по мнению Н. А. Баумгартена, предание о ее татарском происхождении, что, однако, противоречит передаче предания у автора «Истории Рязанского княжества» (стр. 199, прим.) – именно вел. кн. Евфросиния, по преданию, была дочь какого-то татарского князя. Но едва ли есть надобность в предположении, что Олег был женат дважды, если принять во внимание, во-первых, что старшая сестра Скиргайлы была замужем не за Олегом – факт неизвестный генеалогам, и во-вторых, Юрий Святославич мог быть женат дважды – в первый раз, как указывает «Kronika litewska» и др., на племяннице Скиргайлы и уже после 1386 г. вступить во второй брак с дочерью Олега; ведь, наши летописи только под 1396 г. называют Олега тестем Юрия Святославича. Т. обр., вопреки мнению Н. А. Баумгартена, остается в силе утверждение, что, по имеющимся данным, О. был женат один раз.

Летоп. по Лаврент. сп., 506, 609. Новгород. летоп. по Синод. харат. сп., 392; Полн. Собр. Русск. Летоп. IV (старое изд.), 65, 67, 74–77, 82, 84, 85, 89, 90, 95, 99, 101, 102, 105; то же, изд. 1915 г., ч. I (в. I), 291, 296. 297, 308, 310–312; V, 230–232, 237, 240, 242, 245, 247; VI, 90–92, 97–99, 103, 123, 129, 131; VII, 243; VIII, 13, 18, 19, 33–36, 41, 43, 44, 47, 49, 69, 70, 75; X, 227; XI, 5, 6, 14, 16, 17, 19, 26, 42, 43, 46–48, 51, 52, 55, 56, 66,

67, 72, 77, 80, 81, 86, 87, 90, 91, 93, 95, 156, 162, 163, 166–168, 184–186, 188; XV, 431, 441, 451, 462; XVI, 91, 94, 95, 105, 107, 108, 110, 118, 121, 122, 129, 130; XVII, 37–40, 42, 44, 46, 48, 81, 96, 97, 169, 174, 278, 281, 327, 330, 389, 392, 453, 457, 516–518; XVIII, 98, 104, 110–112, 127, 130, 132, 133, 135, 136, 149, 150, 281; XX, 191, 194, 200–205, 217, 218, 220; XXI, 3, 396, 419, 420, 444; XXII (ч. I), 412, 414–416, 423; XXIII, 114, 116, 117, 124, 125, 127, 129, 130, 135, 138; «Летопись, содерж. Российск. ист. с 1206 по 1531 г.», 102, 110, 112, 113, 151, 153, 154, 156, 157, 166, 167, 170, 180, 181, 184, 185, 207, 209, 215, 217; «Летописец (Архангелогородский), содерж. в себе Российск. ист. от 852 до 1598 г.», 71, 74, 80, 81, 83, 86–88, 90; «Русские летописи», 47, 48–50, 53, 55, 85, 86. Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. I, № 28, 31, 32, 36, 65, 115, 116; А. И., I, № 2, 13 и 14; «Жалов. грам. Олега Ряз., древнейший документ Моск. Арх. Мин. Юстиции. Снимок и текст со статьями Управл. Архивом Д. В. Цветаева и академ. А. И. Соболевского», М. 1913, стр. I–V+1–63 (указания на предшеств. издания грамоты на стр. 31, примеч.); «Рязанск. Достопам.», §§ 52, 63, 67, 71, 72, 74, 78, 93; «Акты XIII–XVII вв., представл. в Разр. прик.», М. 1898, № 2, 116; Н. П. Лихачев, «По поводу сборника А. И. Юшкова...» (Сборн. Археол. Инст. VI (1898), стр. 26); И. Проходцов, «Так назыв. „Олегов дворец“ в Рязани, ныне Архиерейский дом» – Тр. Ряз. учен. арх. ком. т. XX (1905), в. I, стр. 90–106; С. Шамбиного, «Повести о Мамаевом побоище». СПб. 1906. – Щербатов, т. IV, ч. I, стр. 125; Арцыбашев, II, прим. 984; Карамзин, IV, 157, 173, 177, 179, пр. 375; V, 6, 15, 18, 23, 27, 28, 34, 37, 43, 45, 49–51, 61, 67, 85, 90, 91, 102, 103, 127, пр. 24, 29, 49, 65, 73–75, 86, 90, 105, 115, 190, 224, 230, 284; Соловьев, «Ист. отнош. между князьями Рюрикова дома», М. 1847, стр. 388–395; Соловьев, I, 963–966, 973, 976–979, 982, 984, 985, 1028, 1032, 1035; Иловайский, «Ист. Ряз. княж.», стр. 158–200; его же, «Ист. России», т. II (1884). стр. 139–140, 255–258; Костомаров, «Истор. моногр. и исслед.», III (изд. 2-е), стр. 17–22; Экземплярский, II, 290, 328, 419, 425, 494, 575, 576, 578, 580–594, 624, 628–630, 633, 643, 644; Иконников, II (полов. 1-я), 1033–1034; Грушевский, «История України-Руси» IV, 69–70, 168; Пресняков, «Образов.

великорусск. госуд.», 233–247. – В. Буймистров, «Олег Иванович, вел. кн. Рязанский» – в сборн. «Празднование 800-летия (1095–1895 гг.) г. Рязани», Ряз. 1896, стр. 56–69; Н. Залесов, «Взгляд на историч. прошлое Рязанск. края» – в том же сборн., стр. 78–80; П. Внуков, «Что побудило Рязанского князя Олега Иван. постричься в иноки Салотчинского мон-ря» – Ряз. Губ. Вед. 1845, № 22, стр. 118–119; К. Калайдович, «Письма к А. Ф. Малиновскому об археологич. исследов. в Ряз. губ.», М. 1823, стр. 36; Н. Любомудров, «Гробница вел. кн. Рязанск. Олега Иван. и супруги его вел. княг. Евфросинии» – Изв. И. Археол. О-ва, т. II (СПб. 1861), стр. 111–112; П. Внуков, «Могила схимонаха Ионы (и. кн. Ряз. Олега Ивановича) в Салотчинск. мон-ре» – Странник 1862, сент., отд. I, стр. 389–402; «Рязанск. Достопам.», § 78, примеч. 283. – Тихомиров, стр. 5, 6, 17; Иловайский, стр. 199, примеч.; Баумгартен, стр. 4; I. Danilovicz, «Latopisiec Litwy i Kronika ruska», Wilno 1827, стр. 43; «Pomniki do dziejow litewskich (Kronika litewska). Zebrane przez T. Narbutta», Wilno 1847, стр. 30–31; П. Голубовский, «История Смоленской земли до начала XV стол.», К. 1895, стр. 326; Иконников, II, стр. 505; «Археологич. Изв. Моск. Археол. О-ва» 1895, № 12, стр. 423; М. Грушевський, «Історія України-Руси», т. IV (1907), стр. 168, 510.

17. Олег Ингварович, сын великого князя Ингвара Игоревича, великий князь с 1238 по 1258 гг. Во время нашествия Батыя на Рязань помогал брату Юрию защищаться против татар; ему удалось, однако, избежать участи братьев – Юрия и Романа, убитых татарами в 1237 г. Некоторые родословные утверждают, что Батый взял Олега с собою в Орду, где последний пробыл до 1252 г. Основанием для этого, кажется, послужило летописное известие о том, что в 1252 г. татары «пустиша» О. на его отчину, Рязань, а отсюда заключение родословных, что О. был в Орде все годы после татарского нашествия. Но другие летописи (Новгор. 4-я и др.) отмечают, что и в промежутке между 1238 и 1252 годами О. ходил к хану, напр., в 1242 году (по Новгор. 5-й в 1241 г.), а в следующем 1243 г. вернулся от хана. По-видимому, летописное известие

1252 г. говорит об одном из обычных путешествий О. в Орду. На долю О. выпало устройство разоренного татарами Рязанского княжества, хотя об этой стороне его деятельности летописи ничего не говорят. В княжение О. в 1257 г. татары «изочли» Рязанскую землю. С именем О. связана одна из древнейших грамот – жалованная грамота 23-го ноября 1257 г. ханскому свойственнику Ивану Шай, который выехал к О. из Орды и крестился; грамота признается некоторыми (Н. М. Карамзин и Н. П. Лихачев.) подложной; по мнению же других (А. И. Юшков), хотя грамота дошла до нас в сильно испорченном виде, но она «отражает» древнейший текст.

Олег умер 20-го марта 1258 г., на Страстной неделе в среду, приняв иноческий образ и схиму, и положен в церкви св. Спаса, что в Зарецком Спасском монастыре, находившемся против Старой Рязани. От брака с неизвестной Олег оставил сына Романа.

Летоп. по Лаврент. сп., 450, 451, 487; Новгород. летоп. по Синод, харат. сп., 247; Полн. Собр. Русск. Летоп. IV, ч. I (в. I), 215, 228, ч. 2 (в. I). 208, 218; V, 173, 187; VII, 139, 160, 162, 243; X, 105, 139, 141; XV, 366, 397, 401; XVI, 52, 53; XVII, 17, 26, 119; XVIII, 54, 55, 70, 71; XX, 56, 163, 164; XXI, 3; XXII (ч. I), 396; XXIII, 74, 84, 85; «Русские летописи», 27, 37; «Бархатная книга», ч. I, 54; «Времен. М. О. И. и Др.», X, 29, 30, 193; «Рязанск. Достопамятн.», § 42, 133, пр. 134, §§ 47, 49, пр. 168; Н. Лихачев, «Разрядн. дьяки XVI в.», 357; «Акты XIII–XVII в.в., представл. в Разр. Прик.», № 1 (стр. 1–2), 180 (стр. 163); Н. Лихачев, «По поводу сборн. А. И. Юшкова...» – Сборн. Археол. Инст., VI (1898), стр. 24–26; Иконников, II, 394; Тихомиров, 14, 15; Иловайский, 128, 134, 136; Экземплярский, II, 570–572, 616, 626. – Карамзин, III, 166, 167, пр. 356, 357, 360; IV, 45, пр. 90; Соловьев, I, 821, 852; Пресняков, «Образов. великорусск. госуд.», стр. 225, 226, 230.*

18. Роман Глебович, старший сын Глеба Ростиславича. Впервые в летописях Р. упоминается в рассказе о неудачном походе Андрея Боголюбского на Новгород в 1169 г., а в 1170 г. с прочими Глебовичами и сыновьями Юрия Муромского воевал с волжскими болгарами и принимал участие во втором походе

Андрея Боголюбского на Киев. После битвы при Колакше в 1177 г. Р. вместе с отцом и братьями попал в плен к Всеволоду и был заключен в тюрьму во Владимире, где едва не подвергся расправе озлобленных владимирцев. Благодаря хлопотам тестя, Святослава Всеволодовича Черниговского, не ранее 1179 г. Р. был отпущен на Рязанское княжение. Летописцы не говорят прямо об условиях, на которых был освобожден Р., но выражения их, вроде: «князя Р., укрепивше крестным целованием и смиривше зело, отпустиша в Рязань», указывают на признание Р. полной своей подчиненности Всеволоду Юрьевичу. Поражение на Колакше, плен князей и последующее унижение и подчинение Рязанских князей Владимирскому князю послужили поводом для нападений степных кочевников на Рязанскую землю – отсюда первым делом Р. по возвращении в свою отчину был поход на половцев, которым он нанес поражение на р. Большой Вороне. С 1180 г. начинаются убоицы между сыновьями Глеба. Повод к раздорам подал старший из них. Р. Опираясь на помощь тестя, Святослава Всеволодовича Черниговского, и в союзе с братьями Игорем и Святославом, Р. затеял спор о волостях с младшими братьями, Всеволодом и Владимиром, которые княжили на Проне. Последние обратились за помощью к Всеволоду Юрьевичу, обвиняя Р. в том, что он «уимает волости» у них, слушая тестя своего Святослава, и нарушил крестное целование великому князю. На предложение Всеволода III уладить дело мирным путем, Р. ответил отказом. Тогда Всеволод Юрьевич выступил против него со своими полками. На помощь Р. тесть его Святослав отправил Черниговскую дружину, которая заняла Коломну, вскоре, однако, взятую Всеволодом обратно. Осаждавший братьев в Пронске Р., при вести о приближении Всеволода, снял осаду и отправился ему навстречу. Передовые отряды рязанцев, переправившись через Оку, были разбиты или взяты в плен. Узнав о поражении, Р. бежал в степь, мимо Рязани. Преследуя его, Всеволод взял Борисов-Глебов и осадил Рязань. Р. и его братья просили Всеволода о мире и снова целовали ему крест на всей его воле, обещая не обижать друг друга, и не вступаться в чужие волости. Всеволод «поряд

сотворы всей братии, раздав им волости их по старейшинству». В том же году Рязанские князья должны были помогать Всеволоду в походе его против тестя Р., Святослава Черниговского, а затем участвовать с владимирцами в походе против дяди Глебовичей, Ярополка Ростиславича; в 1184 г. Р. с братьями принимал участие в походе великого князя Всеволода против волжских болгар. Несогласия между Глебовичами, по-видимому, не прекращались и после 1180 г. «Рязанские князья, хотя братья родные, но между собой воюют», писал Всеволод Святославу в Киев в 1184 г. В 1186 г. Глебовичи произвели новый раздел волостей: Роман, Игорь и Владимир сели на Рязани, а Всеволод и Святослав – на Проне. Тогда же Р. послал к Пронским князьям, приглашая их на совет для разбора их споров с Игорем и Владимиром. Узнав от бояр о намерении старших братьев схватить их, Пронские князья стали готовиться к защите, а старшие Глебовичи начали опустошать Пронскую область. Увещания Всеволода и его угрозы только усилили вражду между братьями. Старшие Глебовичи осадили Пронск, «бишася крепко», но, узнав о приближении посланных Всеволодом Юрьевичем войск, должны были снять осаду и вернуться в Рязань. Когда же отряды великого князя отправились обратно во Владимир, старшие Глебовичи снова осадили Пронск, переняли у жителей воду и велели сказать оставшемуся в Пронске Святославу: «не мори себе и дружины своея и людей своих голодом, но иди семо к нам; ты нам брат свой, что ся боиши нас, еда снемы тя, но точию не приставай к брату своему ко князю Всеволоду». По совету дружины Святослав отворил ворота города. Братья целовали крест и оставили его княжить в Пронске; дружину же Всеволода Глебовича, его жену и детей связанными отправили в Рязань; владимирцы, посланные Всеволодом Юрьевичем на помощь Всеволоду и Святославу Глебовичам, были также объявлены пленниками. Всеволод Юрьевич требовал освобождения его дружинников. Не желая войны с великим князем, Р. с братьями отправили к Всеволоду посольство; «ты господин, ты отец, ты брат; где будет твоя обида, мы же преже головы своя положим за тя; а не имей на нас гнева, мужи твоя пуцаем», говорили

братья Всеволоду. Но последний не согласился, однако, на «лестный» (льстивый) мир. Тогда старшие Глебовичи обратились к посредничеству Черниговских князей и духовенства.

В следующем, 1187 г. послы Святослава и Ярослава Всеволодовичей вместе с Порфирием, епископом Черниговским, прибыли во Владимир просить Всеволода заключить мир с Рязанскими князьями. Всеволод дал свое согласие и для окончательных переговоров вместе с епископом Порфирием отправил в Рязань своих бояр. Условия, поставленные Всеволодом, были, по-видимому, очень тяжелыми, и епископ Порфирий, весьма вероятно, не советовал Рязанским князьям принимать их. Начатые переговоры не привели к заключению мира. В том же году Всеволод отправился с войском на Рязань, разорил много волостей и сел и захватил большое число пленных; тогда же южные Рязанские волости грабили половцы. Рязанским князьям не оставалось ничего делать, как вновь просить Всеволода о мире, согласившись на все его требования. Глебовичи по-прежнему остались подручными Всеволоду князьями. Мирные отношения между ними и великим князем не нарушались в последнее 10-летие XII века. В 1196 г. Роман с братьями присутствовал на свадьбе сына великого князя, Константина, и на постригах его другого сына, Всеволода; в том же 1196 г. Глебовичи ходили вместе с Всеволодом против Ольговичей к Чернигову, а в 1199 г., под личным начальством Всеволода, Рязанские князья выступали против половцев. Ко времени старейшинства Р. относится учреждение на Рязани в 1198 г. самостоятельной епископии. По просьбе брата Р., Ярослава, женатого на дочери Киевского князя Рюрика Ростиславича, последний согласился на разделение Черниговской епархии и склонил к тому митрополита Иоанна.

Летописцы молчат о последующих до 1207 г. годах жизни Р. Между тем, в эти годы умерли его братья Игорь, Всеволод, Владимир и Ярослав. Смерть старших Глебовичей вела к новому разделу Рязанских волостей. Недовольными новым распределением земель оказались сыновья Владимира

Глебовича, Глеб и Олег. Когда полки Всеволода направлялись в 1207 г. в поход к Киеву, против Всеволода Чермного, к ним присоединились на р. Оке отряды Рязанских князей – двух Глебовичей, Романа и Святослава (последний с двумя сыновьями), двух Игоревичей – Ингвара и Юрия и двух Владимировичей – Глеба и Олега. По навету Глеба Владимировича, Роман, его брат и племянники были схвачены по приказанию Всеволода, обвинены в измене и тайных сношениях с Черниговскими князьями и отправлены во Владимир, «а оттоле в Петров». В 1212 г. Рязанские князья были отпущены в свою отчину преемником Всеволода, Константином, но летописи не говорят, находился ли среди них Р., или он умер в заключении у Владимирского князя, как полагает Д. И. Иловайский. Роман не оставил потомства.

Летоп. по Лаврент. сп., 364, 365, 367–369, 380, 881, 384, 407, 409, 410, 465; Летоп. по Ипатск. сп., 410, 411, 415; Новгород. летоп. по Синод. харат. сп., 153, 190; Полн. Собр. Русск. Летоп. IV, ч. 1 (в. 1), 169, 181, ч. 2. (в. 1), 170, 180; V, 166, 167, 172; VII, 94, 95, 99–101, 106, 112, 114, 115; X, 4–9, 14–18, 23, 54, 56; XV, 263, 264, 266, 268, 274–278, 305, 311; XVIII, 24–26, 31, 32, 36, 44; XX, 133–135, 137, 138, 145; XXI, 224, 225; XXIII, 51–54, 61. – Тихомиров, 9, 11, 12; арх. Макарий, «Сборн. церк.-истор. и статистич. сведений о Рязанск. епархии» – с. за 1863 г» кн. II, отд. I, стр. 59–64; Иловайский, 61–66, 68, 70–72, 77–80, 87; Экземплярский, II, 564, 565. – Карамзин, III, 31, 32, 35, 41, 74, пр. 50, 52, 63, 67, 80, 123, 153, 178; Соловьев, I, 523, 524, 528, 564, 565, 566, 582; Пресняков, «Образов. великорусск. госуд.», стр. 224.*

19. Роман Ольгович, сын Олега Ингваровича, великий князь с 1258 по 1270 год. Летописи сообщают только о мученической кончине Р. в Орде 19 июля 1270 г. Будучи обвинен в хуле хана Менгу-Тимуру и его веры, Р. был вызван в Орду, где его принуждали принять «бессерменскую веру». В ответ на это Р. стал вновь поносить веру хана и славить христианскую, за что был подвергнут страшным мучениям: татары отрезали ему язык, пальцы рук и ног, губы и уши и, содрав с головы князя кожу, повесили голову на копье и надругались над ней. Князь-

мученик причтен православной церковью к лику святых еще до собора 1547 г.; местное празднование ему началось с 1854 г.

От брака с Анастасией, известной из приписки к рязанскому списку Кормчей книги, Роман оставил сына: Константина; Никон. летоп. считает также его сыновьями князей Федора (ум. в 1294 г.) и Ярослава Пронского (ум. в 1299 г.).

Полн. Собр. Русск. Летоп. IV, ч. I (в. 1), 240, 241, ч. 2 (в. 1), 227; V, 197; VII, 170, 243; X, 141, 149, 150; XV, 403, 404; XVIII, 73; XX, 167; XXI, 3, 39, 48, 300, 301; XXIII, 88. Летописец, соерж. Российск. ист. с 1206 по 1534 г., стр. 43. – Тихомиров, 15, 16; Иловайский, 136, 137; Экземплярский, II, 572–574. – «Роман Ольгович, князь Рязанский. О страданиях и убиении князя Романа Ольговича в Орде» – Рязанск. Губ. Вед. 1842, № 3; А. Пискарев, «Смерть Романа Ольговича, князя Рязанского» – Рязанск. Губ. Вед. 1845, № 4; И. Сладкопевцев, «Роман Ольгович, благоверный великий князь Рязанский великомученик» – Рязанск. Епарх. Вед. 1865, № 1–2; «Святой благоверный князь Рязанский великомученик Роман Ольгович» – Рязанск. Епарх. Вед. 1895, № 17; Филарет, «Русские святые», июль, стр. 114–118; Н. Барсуков, «Источники русской агиографии», СПб. 1882, стр. 466; «Слово о царях, князех и властелех» – Истор. Вестн. 1897, № 3, стр. 1152; Е. Голубинский, «История канонизации святых в русской церкви», М. 1903, стр. 66, 196.

20. Ростислав Ярославич – сын Ярослава Святославича, родоначальник князей Рязанских и Пронских. По смерти отца в 1131 году и до 1143 года (года смерти Юрия Ярославича Муромского) Р. сидел, по-видимому, в Пронске, а затем на Рязани; когда же в 1145 г. умер его другой брат, Святослав, Р. занял его место в Муроме, а на Рязани оставил своего сына Глеба. Кажется, на Муромский стол претендовал сын Святослава, Владимир, искавший против дяди Р. помощи и покровительства у Святослава Ольговича и Юрия Владимировича. Это обстоятельство явилось поводом к первому столкновению Р. с суздальскими князьями. Изяслав Мстиславич, занявший Киевский стол в 1146 г., когда на него

собирались силы недругов Р., Святослава Ольговича и Юрия Владимировича, просил помощи у Р.; последний воюет Суздальскую область и заставляет Юрия отступить от Козельска. Но борьба с Суздальскими князьями была не по силам Р. В том же 1146 г. Ростислав и Андрей Юрьевичи заставляют Р. бежать из Рязани к половцам. Не ранее 1149 г. удалось ему вернуться в свою волость. Уступая необходимости, Р. принужден был изменить прежним союзникам и подчиниться Юрию. Так, в 1152 г., после разорения Городка, по требованию Юрия Долгорукого, Р. явился с полками Муромскими и Рязанскими, чтобы отправиться против черниговских князей. Впрочем, спустя два года Р. отказался участвовать в походе суздальцев на Киев и опять был изгнан из Рязани, куда Юрий Долгорукий посадил своего сына Андрея. Через короткое время Р. вернулся с половцами, и Андрей едва спасся бегством, а дружина его подверглась совершенному истреблению. «Если делать заключение о характере Р. по его поведению, то, очевидно, ему нельзя отказать в настойчивости и какой-то суровой энергии... Р. замечателен для нас особенно в типическом отношении, потому что он вместе с дядею Олегом (Святославичем) начинает целый ряд Рязанских князей, отмеченных общею печатью жестокого, беспокойного характера» (Иловайский).

Год смерти Р. неизвестен, но, по справедливой догадке Д. И. Иловайского, он умер, по-видимому, в 1155 г.

У Р. упоминаются летописями два сына: Андрей и Глеб.

Летоп. по Ипатск. сп., 227, 236, 240, 314, 315. Полн. Собр. Русск. Летоп. VII, 38, 58, 242, 244; IX, 194–197; XV, 220; XX, 117; XXI, 3; XXIII, 39. – Тихомиров, 4, 8, 9; Макарий, 56, 57; Иловайский, 41–51. – Карамзин, II, 128, 130, 156, пр. 288, 299, 307, 350, 358; III, пр. 35; Соловьев, I, 389, 438, 453.

21. Юрий Игоревич – сын Игоря Глебовича, приходил в 1207 г. к великому князю Всеволоду, направлявшемуся походом против Киева, и, будучи обвинен вместе с прочими Рязанскими князьями в измене, был схвачен по приказанию Всеволода и отправлен во Владимир, где в заключении пробыл, весьма вероятно, до 1212 г. Умер. кажется, ранее 1217 г. и великого

княжения Рязанского, вопреки утверждению некоторых историков, не занимал. Юрия Игоревича нередко смешивают с великим князем Юрием Ингваревичем, так как некоторые летописи будто бы называют великого князя Юрия Ингваревым (т. е. Ингваря Игоревича) братом; но слово брат (или как стоит в некоторых летописях – брат его) должно быть связываемо с следующим за ним словом Олег; при таком толковании соответствующего места летописи (известие 1237 г.) выходит, что у великого князя Юрия Ингваревича был брат Олег; таким образом, утверждение жалованной грамоты Олега Ивановича Ольгову монастырю на село Арестовское и показания Воскресенской летописи о том, что после Ингваря Игоревича княжили его дети, Юрий и Олег, совершенно правильны.

Летоп. по Лаврент. сп., 409, 465. Новгород. летоп. по Синод. харат. сп., 190. Полн. Собр. Русск. Летоп. IV, ч. 1 (в. I), 181, ч. 2 (в. I), 180, V, 210; VII, 114, 115; X, 55, 65; XVIII, 44; XX, 145; XXIII, 61. – Ср. Иловайский, 79, 80, 91, 116, 128, 134, 135; Иконников III, 1045, пр. 2 и 3.*

22. Юрий Ингваревич – сын великого князя Ингваря Игоревича, великий князь. Неизвестно, когда занял Юрий великое княжение, но во второе нашествие татар в 1237 г. он был великим князем Рязанским. Вместе с прочими князьями – братьями Олегом и Романом, и князьями Муромским и Пронским, на требование татарами десятины, Юрий, по словам летописи, мужественно ответил татарским послам: «коли нас не будет всех, то все то ваше будет». Собрав войско, Ю. выступил против татар к р. Воронежу, имея в виду в открытом поле дать сражение. Вместе с тем он послал просьбу о помощи к великому князю Юрию Всеволодовичу, но последний ни сам не отправился в поход, ни помощи не прислал. После упорной битвы Ю. и его союзники были разбиты татарами. Опустошая все на пути, татары подступили 16-го декабря 1237 г. к Рязани, где заперся Ю. со своим войском. Несмотря на упорное сопротивление, город был взят 21-го декабря того же года и предан сожжению. Князь, княгиня, много мужей, жен и детей были убиты татарами; вся Рязанская земля была предана страшному опустошению. Ипатьевская летоп. прибавляет к

этому, что татары лестью заманили к себе великого князя Юрия, повели его в Пронск, где находилась супруга Ю., и там обоих убили.

Родословные утверждают, что Юрий не имел детей.

Летоп. по Лаврент. сп. 487, 488 (ср. 437, 438). Летоп. по Ипатьев. сп., 618. Новгород. летоп. по Синод харат. сп., 247, 248. Полн. Собр. Русск. Летоп. IV, г. 1 (в. I), 208, 209: V, 173; VII, 139; X, 105, 106; XV, 366, 367: ср. XVI, 51; XVII, 17, 119; XVIII, 54, 55; XX, 156; XXII, 396; XXIII, 74. Летописец, содерж. Российск. ист. с 1206 до 1534 г., стр. 22. «Русские летописи». 27, 28. – Иловайский, 79, 80, 91, 116, 128, 134, 135; Экземплярский, II, 568, 569. Карамзин, III, 166–168, пр. 356–358, 360; Соловьев, I, 821; Пресняков, «Образов. великорусск. госуд.» стр. 224. 225.*

23. Ярослав Александрович, сын князя Пронского Александра Михайловича, князь Пронский, по-видимому, занимал великое княжение Рязанское с 1342 по 1344 г. По смерти Ивана Калиты в 1341 г. в числе прочих Рязанских и Пронских князей Я. отправился в Орду, откуда в 1342 г. был отпущен ханом на Рязанское княжение. Вместе с татарами Я. пришел к Переяславлю, где затворился Иван Иванович Коротопол, убийца его отца, бежавший после дневной битвы из города, куда ворвались затем татары, предавшие город разгрому. Может быть, ввиду последнего обстоятельства Я. сел не в Переяславле, а в Ростиславле. Источники не указывают, играл ли Я. какую-либо роль в убиении Коротопола в 1343 г.

Сам Я. умер в следующем 1344 г. в Пронске. Летописи в рассказе о событиях на Рязани в первые годы княжения Олега упоминают Пронского князя, которого называют то Владимиром Пронским, то Владимиром Дмитриевичем Пронским; некоторые родословные считают этого Владимира сыном Я., приписывая Я. второе имя – Димитрия; но к такому заключению нет, в сущности, никакого основания. Впрочем, другие родословные считают Владимира внуком Я. по сыну его Димитрию. Львовская летопись под 6859 г. дает Я. второго сына, которым считает умершего в этом году князя Рязанского Василия (по другим летописям – Василий приходился братом Ярославу).

Полн. Собр. Русск. Летоп. VII, 209; X, 215, 216; XVIII, 94; XX, 180, 181, 184. Летописец, содерж. Российск. ист. с 1206 по 1534 г., стр. 88, 89. Времен. М. О. И. и Др., X, стр. 31. – Иловайский, 140, 141, 308, 309; Экземплярский, II, 580, 581, 624, 627, 628; Баумгартен, 3–5. Карамзин, IV, 151, пр. 335; Соловьев, I, 911; Пресняков, «Образов. великорусск. госуд.», стр. 232.

24. Ярослав Романович, по Никон. летоп. сын Романа Ольговича. Летописи (Лавр., Воскр., Симеон. и Львовск.) отмечают под 1299 г. смерть князя Ярослава Пронского, а Никон. летоп. под тем же годом говорит о преставлении «князя великого Ярослава Романовича Пронского». Родословные считают Я. не братом, а сыном Константина Романовича. Нет, в сущности, серьезных оснований для утверждения историков, что Я. занимал великое княжение Рязанское. Я. был женат на неизвестной по происхождению Феодоре и имел двух сыновей – Ивана и Михаила.

Летоп. по Лаврент. сп., 461. Полн. Собр. Русск. Летоп. VII, 182, 243; X, 172; XVIII, 84; XX, 172; XXI, 3; XXIII, 95. «Рязанск. Достопам.», § 61. – Иловайский, 137, 147, 307, 308; Экземплярский, II, 573–576, 582, 626, 627. – Карамзин, IV, 107, пр. 271; Соловьев, I, 883; Пресняков, «Образов. великорусск. госуд.», стр. 228–230.

25. Ярослав Святославич, сын Черниговского князя Святослава Ярославича, князь Муромо-Рязанский, родоначальник князей Муромских, Рязанских и Пронских. Судя по изображению княжеского семейства в известном Святославовом сборнике, Я. родился немного ранее 1073 г. По смерти отца его в 1076 г. Я., как младший из сыновей Святослава, получил в удел муромо-рязанские волости Черниговского княжества, но, по-видимому, по малолетству Я. управляли этими волостями посадники брата Я., Олега. В роли подручника брата Олега встречаем Я. еще двадцать лет спустя, когда во время борьбы Олега с Мстиславом Владимировичем за Суздальскую землю Я. был послан с сторожевым отрядом на р. Медведицу, откуда Я. при приближении Мстислава спасался бегством. После же битвы Олега с Мстиславом у Суздаля, «на

Кулачье» (Колакше), в 1096 г., в четверг на второй неделе поста, Я. был заперт Олегом в Муроме, а сам Олег «иде к Рязани». Неизвестно, однако, какая судьба постигла Я., когда Муром был взят Мстиславом. Летописец под 1097 г. говорит, что за Я. на Любечском съезде были сохранены те же земли, которые он получил от отца. В 1101 г. Я. участвовал на княжеском съезде на Золотче, где был заключен мир с половцами. Под 1103 г. узнаем, что Я. «бися... с мордвою» и был побежден ею 4-го марта, а под 1111 г. некоторые летописи упоминают среди князей, принимавших участие в походе против половцев, также Я. (по другим известиям – это Ярослав Святополкович).

По смерти в 1123 г. Давида Святославича Черниговского на его место в Чернигов, переходит Я. По смерти Владимира Мономаха в 1125 г. Я. не добивается Киева, но берет с Мстислава Владимировича клятву поддерживать его в Чернигове. В 1127 г. племянник Я., Всеволод Ольгович, неожиданно напал на Чернигов, захватил дядю Я., а дружину его перебил и ограбил. Когда же на выручку Я. к Чернигову стал собираться великий князь Киевский Мстислав Владимирович вместе с братом Ярополком, Всеволод Ольгович отпустил Я. в Муром и пытался склонить на свою сторону Мстислава, приходившегося ему тестем. Тогда Я. из Мурома прибыл в Киев и умолял Мстислава не медлить походом на Чернигов. «Хрест еси целовал ко мне, поиди на Всеволода», говорил Я. Но против новой междоусобной борьбы решительно выступило Киевское духовенство и особенно уважаемый Владимиром Мономахом и самим Мстиславом игумен Андреевского монастыря Григорий. «То ти менше есть... переступив хрестъное целование на рать не встанешь, неже кровь пролити хрестьянскую», говорил Григорий великому князю. «На ны будет тот грех», вторил ему «сбор иереиский». Мстислав «сотворы волю их» и «соступи хреста... к Ярославу». Я. принужден был отправиться назад в Муром, где в 1129 г. скончался.

Ярославу приписывается историками крупная роль в устроении Муромо-Рязанского края; вероятно, ему обязаны своим возникновением некоторые древние города края, как,

напр., Пронск, Переяславль, который, по словам С. Герберштейна, первоначально назывался Ярославлем. Еще большая заслуга Я., по мнению некоторых, заключается в его трудах по утверждению христианства в Муромо-Рязанской земле. Летописи ничего не знают об этом, не упоминают даже о построении Я. каких-либо церквей. Историки, указывающие на эту сторону деятельности Я., пользуются не летописями, а «Сказанием о житии и о пребывании и о чудесах св. чудотворцев Муромских благоверного князя Константина и чад его Михаила и Феодора» (в списках XVI–XVII в.в.) «Сказание», между прочим, изображает древнейшее состояние Муромо-Рязанского края, время борьбы христианства с язычеством и водворения в нем первого Константином Святославичем; в состав его входит также рассказ об обретении мощей Муромских просветителей, которым на соборе 1547 г. установлено местное празднование 21 мая и мощи которых покоятся в Благовещенском Муромском монастыре. Те авторы, которые видят в князе Константине «Сказания» действительное историческое лицо (Филарет, Иловайский, арх. Макарий и др.), считают имя Константина христианским именем Ярослава Святославича, а так как у Даниила Паломника (правда, не во всех списках его «Житья и хоженья») христианское имя Ярослава – Панкратий и имена детей его по «Сказанию» не соответствуют действительным, то те же авторы считают имена «Сказания» монашескими именами Я. и его детей. Но едва ли не более правы другие авторы (Ключевский и др.), которые хотя признают историческую основу «Сказания», но отказываются пользоваться его подробностями, между прочим, на том основании, что редакции «Сказания» не согласны в своих показаниях о времени описываемого события, из которых ни одна, впрочем, не заслуживает веры: полная относит прибытие Константина в Муром к 6731 (1223) году (в этом году в Муроме княжил Давид Юрьевич), замечая однако ж, что это было немного после св. Владимира; краткая – неопределенно обозначает событие 6700 г., по ее словам, спустя 200 лет по убиении первого Муромского князя Глеба (убитого, на самом деле, в 6523 году). Есть и другие несообразности в «Сказании».

Константину не было надобности, как рассказывает автор «Сказания», брат Муром силой, т. к. он получил его в удел. Он не мог быть первым просветителем Мурома, потому что уже в 1096 г. существовал там Спасский монастырь. Ярослав Святославич мог, конечно, содействовать распространению и утверждению в крае христианства, хотя положительного об этом мы пока ничего не знаем. Высказано, наконец, мнение (Серебрянский), что Константин Святославич «Сказания» – неизвестный по летописям Муромский князь, живший в XIII в.

Историками отмечалось также послание митр. Никифора о латинах, обращенное к Ярославу Святославичу; как показал А. Попов, и это и подобное ему послание к неизвестному князю обращено не к Ярославу Святославичу, а к Ярославу Святополковичу, князю Волынскому, который имел свой удел в соседстве с «Лясской (Польской) землей».

От брака, с неизвестной по имени (умершей в 1124 г.), Я. оставил трех сыновей: Ростислава, Юрия и Святослава.

Летоп. по Лаврент. сп., 230, 231, 247, 265, 269, 281, 282, 285. Летоп. по Ипатск. сп., 165, 167, 181, 185, 206, 207, 209–211. Новгород. летоп. по Синод. харат. сп., 119. Полн. Собр. Русск. Летоп. IV, ч. 1 (в. 1), 138, ч. 2 (в. 1), 140; V, 150; VII, 11, 12, 18, 20, 25–27, 242, 244; IX, 128, 129, 137, 139, 154, 156; XV, 184, 189, 193–195, 293; XX, 11, 99, 102–105; XXI, 3, 300; XXIII, 26, 29, 30. – Тихомиров, 7, 9; Макарий, «Сборн. церк.-истор. и статист. свед. о Ряз. еп.», 47–51; Иловайский, 17–19, 25–41; С. Д. Яхонтов, «Вел. кн. Яросл. Святославич – первый князь Ряз., основатель Рязани» – Рязанск. Губ. Вед. 1895, сент.; «Памятн. старин. русск. литер.», I, 229–237 (текст «Сказания»); А. А. Э., I, стр. 203; Русск. Истор. Библ., III, 78, 79. Филарет (Гумилевский), «Ист. русск. церкви», изд. 6-е, М. 1894, стр. 35–36; Рязанск. Епарх. Вед. 1877, № 22–24 (текст «Сказания»; третье печатн. изд. см. ниже под Серебрянским); «Житие и хождение Даниила Руськия земли игумена 1106–1108 гг.», под ред. М. В. Вeneвитинова – Правосл. Палест. Сборн. т. I, в. 3 (предисловие) и т. III, в. 3; Макарий, «Ист. русск. церкви», II, стр. 29–34, 192–194, 358; А. Попов, «Истор. литер. обз. древне-русс. полемич. сочинений против латинян», М.

1875, стр. 108, 109. – «Ярослав во святом крещении Константин, благоверный князь Муромский» – Христ. Чтение 1855, I, 287–288; «Рязанск. Достопам.», пр. 10, 178; В. Ключевский, «Древне-русск. жития святых, как историч. источн.», стр. 286–288; Н. Барсуков, «Источн. русск. агиографии», стр. 312–313; Е. Голубинский, «Ист. канонизации святых в Русской церкви», стр. 84, 101; его же, «Ист. русск. церкви», т. I, (половина первая), стр. 206, 207, 857, т. II (вторая половина), стр. 188; Н. Д. Квашнин-Самарин, «О князьях Муромских, причтенных к лику святых» – Тр. второго областн. Тверск. археол. съезда, Тв. 1906, отд. II, стр. 315, 316; арх. Мисаил, «Святой благоверный кн. Константин и Благовещенский монастырь, где почивают мощи князя и чад его Михаила и Феодора» – Тр. Владим. учен. арх. ком. VIII, 1906, стр. 1–88; Иконников, «Опыт русск. историогр.», т. II, стр. 1045; Н. Серебрянский, «Древне-русские княжеские жития», М. 1915, стр. 234–247, прилож., стр. 100–107, (краткая редакция «Сказания»). – Карамзин, II, 70, 71, 80, 82, 94, 101, 102, 127, пр. 132, 151, 173, 178, 198, 247, 278, 299, III, пр. 33, 153; Соловьев, I, 304, 324, 346, 361, 362.

26. Феодор Ольгович, сын Олега Ивановича, великий князь. До занятия великого княжения после смерти отца 5-го июля 1402 г., летописи дважды упоминают о Ф.: в 1387 г., когда он женился на Софии Дмитриевне, дочери Дмитрия Донского, и под 1401 г. по случаю выхода замуж дочери Ф. Василисы за сына Владимира Андреевича Храброго, Ивана. По смерти отца Ф. отправился с дарами в Орду к хану Шадибеку. По-видимому, вместе с ним поехал в Орду князь Пронский Иван Владимирович, добивавшийся великого княжения. На этот раз хан дал ярлык на отчину и дедину Ф.; впрочем, и Иван Владимирович носил уже в первые годы княжения Ф. титул великого князя Пронского. В том же 1402 г. (ноября 25-го) Ф. заключил новую перемирную грамоту с великим князем Василием Дмитриевичем, где признавал себя младшим братом Московского князя; Ф. обязался при этом заключить договор «по давным грамотам» с упомянутым Иваном Пронским и князьями новосильским и торусским. Отношения Ф. к татарам не были,

однако, прочными. В 1405 г. они изгоном налетели на Рязань и, забрав добычу, отправились восвояси. Ф. выслал за ними погоню, которая отняла пленников и награбленное и многих татар перебила. Не желал оставлять своих притязаний на великое княжение Рязанское князь Пронский Иван. В 1408 г. он «безвестно» подошел с татарскими отрядами к Переяславлю и согнал Ф. с великого княжения. Ф. принужден был бежать за Оку. В том же году Ф. пытался вернуть свою отчину. По совету «бояр юных» великий князь Василий Дмитриевич оказал помощь Ф. 1-го июня 1408 г. между соперниками произошла битва между реками Смедвой и Осетром, притоками Оки. Победа осталась за Иваном Владимировичем, несмотря на то, что в решительную минуту татары не оказали ему помощи. Впрочем, в том же или следующем 1409 г. князья помирились и каждый занял свою наследственную отчину. После описанного столкновения летописи ничего не говорят о Ф., поэтому некоторые полагают, что Ф. умер в 1409 г.; по мало обоснованному мнению других, Ф. скончался около 1423–1427 гг.

От брака с Софьей Дмитриевной Ф. имел двух сыновей: *Василия* (ум. весною 1407 г.) и *Ивана*, и дочь *Василису*, бывшую, как указано выше, с 1401 г. в замужестве за князем Иваном Владимировичем Серпуховским.

Полн. Собр. Русск. Летоп. IV, 110; VI, 131, 135; VII, 243, 244; VIII, 51, 75, 82; XI, 90, 185, 188, 191, 203, 204; XV, 480, 481; XVI, 157; XVIII, 137, 154, 281; XX, 205, 219, 220, 225; XXI, 3; XXIII, 130, 138, 143. Летописец, содерж. Российск. ист. с 1206 по 1584 г., стр. 186, 187, 229. – Собр. Гос. Гр. и Догов., I, № 36; «Изв. Тамбовск. учен. арх. ком.» в. XXV (189), стр. 40. – Тихомиров, 17; Иловайский, 202–205, 224; Экземплярский, II, 224, 305, 575, 576, 582, 589, 592–596, 605, 619, 625, 630, 631; Баумгартен, 4; И. Диттель, «Святыни, древности и достопримечательности гор. Рязани» – Чт. в М. О. И. и Др. 1859, кн. 3, отд. II, стр. 125. – Карамзин, V, 52, 103, 129, пр. 187, 190, 224, 229, 254; Соловьев, I, 1023, 1024.

27. Феодор Романович, по Никоновской летоп. сын Романа Ольговича; родословные считают этого Ф. сыном Константина

Романовича. Единственное летописное известие об этом князе находим под 1294 г., когда князь Ф. скончался. Занимал ли он великое княжение Рязанское, мы не знаем, хотя некоторые историки (Иловайский, Экземплярский) утверждают, что Ф. был великим князем с 1270 по 1294 г. Ни из летописи, ни из родословных не видно, чтобы Ф. имел детей.

Летоп. по Лаврент. сп., 460. Полн. Собр. Русск. Летоп. X, 169; XVIII, 83. – Тихомиров, 17; Иловайский, 137, 147, 307, 308; Экземплярский, II, 573–575, 626. – Карамзин, IV, пр. 218; Соловьев, I, 883; Пресняков, «Образов. великорусск. госуд.», стр. 228–230.

Рязанцев, Василий Алексеевич

Рязанцев, Василий Алексеевич, писатель; род. в 1831 г.; он напечатал несколько рассказов в «Сыне Отечества» 1860 г. и в «Московских Ведомостях»; умер 5-го ноября 1866 г., 35-ти лет от роду.

«Иллюстрированная Газета» 1866 г., № 49, стр. 383; Г. Геннади, Словарь, т. III, стр. 291.

Рязанцев, Василий Иванович

Рязанцев, Василий Иванович, даровитый актер-комик начала XIX века; во время своего непродолжительного пребывания на сценическом поприще, успел сделаться любимцем театральной публики обеих столиц и, несмотря на крайнюю недостаточность образования, обещал быть блестящим украшением Императорской сцены. С. Т. Аксаков рассказывает в своих «Воспоминаниях», как Щепкин однажды шепнул ему про Рязанцева: «Это наш капитал!» Это был в полном смысле актер-самородок, с прирожденной комической жилкой, имевший неотразимую способность заражать публику свойственным ему веселым и шутливым настроением. Одного его появления на сцене было достаточно, чтобы возбудить в зрителях самый искренний и душевный смех, в чем он имел так много общего со знаменитым комиком Московского Малого театра В. И. Живокини. Если Рязанцев не оставил по себе такого же громкого имени, то виною этого была слишком преждевременная смерть. При всем том надо удивляться, как мало о нем говорила печать; но это объясняется условиями того времени, когда он жил. Только в конце 30-х годов появился у нас первый театральный журнал, а в газетах и других изданиях предшествующей поры почти не было обыкновения говорить о деятелях сцены. Единственно этим можно объяснить и тот удивительный факт, что когда умер Рязанцев, то нигде не появилось никаких некрологов и воспоминаний о нем, и только в «Северной Пчеле», и то спустя некоторое время, была лаконически отмечена кончина этого даровитого артиста – буквально только отмечена, и то не в некрологе или хотя бы кратком сообщении о нем, а в простом перечне умерших от холеры; лишь почти через десять лет является в журнале «Репертуар Русской Сцены» посвященная ему краткая биографическая заметка под громким заглавием: «Биография Василия Ивановича Рязанцева». Эта заметка, служившая потом и остающаяся доныне единственным источником, откуда почерпались сведения о талантливом артисте, повторенные в

несколько сокращенном и перефразированном виде в «Иллюстрированной Газете» и в некоторых справочных изданиях, далеко не свободна от неточностей и ошибок...

Родиной Рязанцева была Москва. Он происходил из податного сословия (московский мещанин) и должен был пробивать себе дорогу сам, своим во всяком случае далеко недюжинным дарованием, решительно без всякой поддержки. Родился он 13-го февраля 1803 г. Благоприятным обстоятельством для Рязанцева в чисто отрицательном смысле можно считать разве то, что во время его детства отцу его удалось получить отпускную от помещиков Усачевых и сделаться свободным человеком, что, по крайней мере, давало возможность нашему комику не зависеть от чужого произвола и распоряжаться своей личностью. Отец Рязанцева приписался к мещанскому сословию. О даровитости молодого человека громко говорит уже то обстоятельство, что, после безусловно потерянных для учения лет отрочества, он нашел свое поприще, начав учиться грамоте уже в том возрасте, в котором такие занятия не могли не считаться крайне запоздалыми даже в начале этого века; он познакомился с книгой только 18 лет, когда поступил в приходское училище на Большой Никитской. К сожалению, мы ничего не знаем, что побудило Рязанцева в такие годы сесть на школьную скамью рядом с малолетними ребятами; но трудно, кажется, сомневаться в том, что причина этого должна была иметь что-нибудь общее с его позднейшим влечением к сцене, что то и другое имело более или менее близкое отношение к его природной даровитости. По словам названной биографии, «несмотря на свой живой, резвый характер и на шалости, неразлучные с юношеским возрастом, он учился довольно прилежно». Но здесь мы наталкиваемся на недоумения, указывающие, по-видимому, на недостаточную достоверность «биографии». «В этом самом училище» – читаем дальше – «был в то время также и сын актера Куликова», с которым подружился Рязанцев. Между тем, Николай Иванович Куликов, о котором здесь идет речь, родился лишь в 1815 г. и, имея это в виду, нельзя уже с безусловным доверием отнести к дальнейшим словам биографии: «Рязанцев подружился с

Куликовым, хотя был старше его несколькими (?) годами и защищал его часто от обид других учеников». Вероятно, здесь неверен не самый факт, но есть какая-нибудь неточность в годах, так как по этим данным оказывается, что Куликову в год поступления Рязанцева в школу было только три года. Как же они могли быть товарищами? Надо предположить, что Рязанцев пробыл в училище несколько лет, и, может быть, в последний год своего пребывания там он сделался покровителем маленького Куликова, которому было суждено, в свою очередь, стать вскоре его благодетелем. Проверить приведенное в настоящее время едва ли могла бы представиться какая-нибудь возможность за неимением никаких более обстоятельных сведений о юности Рязанцева; проверить нечем, но сущность дела остается несомненной, потому что, благодаря Куликову, чувствовавшему признательность к своему великовозрастному школьному однокласснику-покровителю, Рязанцеву удалось попасть на представления театра любителей, бывшего также на большой Никитской улице, в доме князя Юсупова. Маленький Куликов, очевидно, мог в данном случае оказывать своему товарищу известную протекцию, как сын одного из актеров этого театра. Рязанцев был совершенно очарован театром и с нетерпением ждал случая попасть на представление; в нем тотчас же сказался прирожденный артист. Далее биограф Рязанцева рассказывает, что ввиду его успехов отец его, взяв (?) из Никитского училища, определил в гимназию. Здесь мы впадаем еще в большее недоумение: спрашивается, скольких же лет Рязанцев поступил в гимназию, и что значит эта фраза, что отец «взял его из Никитского училища»: если до окончания курса, то как это согласить с фактом дружбы Рязанцева с Куликовым; ведь если последний поступил в училище даже пяти лет, то и в таком случае, через год, положим, Рязанцев уже должен был кончить курс. Как бы то ни было, оставив в стороне не поддающуюся проверке, за отсутствием иных сведений о Рязанцеве, путаницу в хронологических данных, последуем дальше за единственным биографом артиста. «В гимназии» – говорит он – «Рязанцев уже не имел товарища, который бы водил его даром в театр, а не имея денег, не мог даже в

воскресные дни покупать себе билеты в раек». Пробывши в гимназии около двух лет, Рязанцев должен был оставить ее и определился сидельцем в одном из магазинов на Кузнецком мосту. Там, несмотря на вседневные занятия свои по торговле, он имел, однако же, довольно свободного времени, которым мог располагать по своему произволу. Помня, какое удовольствие доставляли ему театральные представления, в которые водил его Куликов, он познакомился с одним из актеров вольного театра, дававшего свои представления за Москвой-рекой, близ Калужских ворот, и стал ходить туда, не пропуская ни одного спектакля. Из всего этого безусловно достоверным можно считать лишь то, что после посещения представлений в театре на большой Никитской, Рязанцев страстно стремился к сценическим наслаждениям и, наконец, благодаря знакомству с актерами вольного театра, добился возможности посещать спектакли. Рязанцеву тем легче было завязать знакомства и дружеские отношения в театре любителей, что там принимали участие в представлениях преимущественно люди его круга, купцы и сидельцы. Через несколько времени Рязанцеву удалось добиться дебюта, и вскоре он уже стал выступать в комедиях, драмах и трагедиях.

Когда о сценических успехах Рязанцева дошло до одного из чиновников Московского Малого театра Сухопрудского, последний, желая дать надлежащее направление таланту даровитого самоучки, поместил его в Театральную школу. В то же время Рязанцеву было назначено жалованье 100 руб. в год, слишком ничтожное по современным понятиям, но в то время немаловажное для человека, вышедшего из простого звания и совершенно неприхотливого. Главное же было то, что Рязанцев, наконец, мог свободно вздохнуть, сознавая, что отныне для него открывается желанное поприще. Однако на императорской сцене ему снова предстояли обычные терния; надо было мириться с так называемыми выходными ролями. Все это показывает, как много времени взяла у Рязанцева подготовительная ступень к артистической карьере, и как мало недолгая жизнь отвела ему простора для самостоятельного служения музам. Биограф находит хорошую сторону и в этих

мытарствах – в том, что, «благодаря выходным ролям», Рязанцев выучился ходить по сцене, понимая это выражение в буквальном смысле, так как при покатоности рампы это представляет немалые трудности. Нельзя, однако, не согласиться, что подобное соображение едва ли может иметь большую цену, когда речь идет об артисте с положительным дарованием; надо полагать, что такое приобретение было слишком ничтожно для Рязанцева и затрата на него около года времени была для него прискорбной и непроизводительной лотерей времени – настолько это было ниже артистических средств хотя и неопытного, но чрезвычайно способного молодого артиста. Наконец, когда Рязанцеву однажды дана была роль вестника в пьесе «Густав Ваза», где он должен был произнести всего три слова: «датские драгуны приближаются!», он сумел так сказать это восклицание, что весь театр обратил на него внимание и проводил его дружными рукоплесканиями. Тут уже Рязанцеву удалось, наконец, пробить себе дорогу. Хотя и после этого ему снова пришлось еще, по выражению биографа, «долго отдыхать на лаврах», но все же он был замечен и мог надеяться на дальнейшие успехи: так трудно было отвоевать себе артисту достойное место в труппе Малого театра.

Рязанцев еще выступил однажды с немалым успехом в роли Тарабара в опере «Русалка» (в те времена не было такого строгого разделения, как теперь, между артистами оперными и драматическими, а Рязанцев обладал также хорошим голосом и мог пользоваться успехами и в опере). И все-таки ему снова приходилось некоторое время заниматься преимущественно обучением людей его прежнего круга, купцов и сидельцев, танцевальному искусству, а в театре ждать «у моря погоды». Возможно, что ему снова пришлось бы долго напрасно мечтать о том, чтобы, наконец, ему дана была возможность проявить талант и чтобы ему дали ход, но его снова выручил счастливый случай. В 1823 г. в Москву приехала на гастроли оперная певица Сандунова. Она выбрала для первого спектакля оперу «Cosa Rara»; но ей не доставало артиста на роль Тита. Она сама отправилась в театральную школу, испытывала там голоса

воспитанников и осталась видимо недовольна, пока наконец разборчивая артистка не обратилась к Рязанцеву, которого она перебила на первых же нотах, сказав: «Вот мой Тит; лучшего мне не надобно». И здесь уже, не имея протекции, столь всевластной в театральном мире, Рязанцев мог заявить себя во всем блеске; долгое ожидание было вознаграждено самым несомненным успехом. После этого его положение было обеспечено; оставалось кончить курс в Театральной школе, что имело место в 1824 г. Затем Рязанцев пробыл на Московской сцене около пяти лет, и хотя недостаток воспитания и постоянное пребывание в низменной среде наложили на него невыгодный отпечаток, сделав из него артиста, имевшего недостаточное понятие о значении своего призвания, мало работавшего и притом предавшегося позорному пороку пьянства, но при его несомненно крупном даровании слава его постоянно росла, и он завоевал себе симпатии публики, которые особенно обнаружились, когда ему было предложено перейти на Петербургскую сцену – это значило уже, что его дарование было вполне оценено и что Петербургская Дирекция желала привлечь его в свою труппу. В Москве Рязанцев должен был дослужить обязательный срок службы за обучение в Театральной школе, после чего он решился перейти в Петербург, где тогда были сосредоточены почти все лучшие силы русской сцены. Там же находился горячо полюбивший его и оценивший его дарование артист Сосницкий, отношения которого к Рязанцеву носили какой-то трогательный отпечаток. Московская публика с сожалением должна была уступить своего любимца Петербургу.

В конце февраля 1828 г. мы видим Рязанцева на Петербургской сцене, где он был встречен восторженно и пожинал богатые лавры. Товарищ его П. А. Каратыгин (брат знаменитого трагика и также весьма даровитый актер) в своих «Записках» так говорит о нем: «В 1828 году перешел с Московской сцены на Петербургскую актер Рязанцев и с первых же своих дебютов сделался любимцем публики. Это был, действительно, замечательный комик. Он был небольшого роста, толстенький, кругленький, краснощекий, с лицом, полным

жизни, с большими черными выразительными глазами; всегда весел и натурален, всегда действовал он на зрителей. Такой непринужденной веселости и простоты не встречал я ни у кого из своих товарищей в продолжение моей службы. При появлении его на сцену, у всех невольно появлялась улыбка, и комизм его возбуждал в зрителях единодушный смех». Рязанцев, как и в Москве, продолжал играть в комедиях, операх, водевилях, занимал самые разнообразные, но непременно комические амплуа. К сожалению, он иногда относился к своим обязанностям до такой степени небрежно, что иногда совершенно не знал роли. П. А. Каратыгин рассказывает забавный случай, как Рязанцев однажды на репетиции взбесил своим отношением к делу инспектора драматической труппы Храповицкого, который поспешил довести об этом до сведения Директора театров, князя Гагарина, и просил последнего присутствовать на спектакле. Не ожидая такой энергичной меры, Рязанцев вечером прибыл на спектакль неприготовленный; как вдруг он узнает, что князь Гагарин в театре. Ему ничего не оставалось больше, как заставить суфлера как можно проворнее прочесть роль, пока сам Рязанцев одевался и гримировался. И что же? «Лишь только он вышел на сцену», – рассказывает Каратыгин, – «публика оживилась, симпатичность его вступила в свои права, и дело пошло на лад; он играл молодцом, весело, живо, с энергией, не запнулся ни в одном слове. Публика была совершенно довольна, смеялась от души, вызвала его и других артистов, и комедия удалась вполне».

Таков был этот актер-самородок. К сожалению, его блистательно начавшаяся сценическая карьера была рано и неожиданно прервана смертью от холеры в ночь с 28-го на 29-е июня 1831 года; погребен он на Смоленском кладбище, на холерном участке.

Рязанцев, веселый, развязный, приятный в обществе, любимец товарищей и начальства, шутник и остряк, привыкший ко всему относиться самоуверенно и беспечно, и в эту страшную годину, когда всеми овладел ужас, разъезжая по дачам, постоянно был в самом веселом настроении и отважно

насмехался над эпидемией и людьми, трепетавшими за свою жизнь; он утверждал, что холеры ему бояться нечего и что такого здоровяка ей не скосить. Натура несдержанная, Рязанцев совершенно не хотел слышать ни о какой диете, ни о каких самых элементарных предосторожностях. На сцене он являлся таким же разбитным весельчаком, как всегда, и заставлял забывать об ужасном бедствии. 27-го июня он играл в последний раз «с обычной неподдельной веселостью, электрически действовавшей и на товарищей по сцене, и на публику – в ту печальную холерную пору довольно малочисленную», как рассказывал по дошедшим до него воспоминаниям покойный артист И. Ф. Горбунов. «По окончании спектакля – читаем мы в той же статье – придя в уборную, в которой с ним вместе одевался и Сосницкий, Рязанцев, сняв костюм и увидев у дверей квасника с большим жбаном ледяного квасу, с жадностью осушил два стакана. „Эх, Вася, – заметил Сосницкий, – можно ли, распотевши, в нынешнее время пить холодное, да еще такую кислую бурду?“ – „А что? – сказал Рязанцев, не то с недоверием, не то с робостью: – Ничего... не в первый раз. Надобно же чем-нибудь освежиться в эту жару... я, брат, не трусливого десятка“».

На другой день даровитого артиста не стало.

«Северная Пчела» 1828 г., № 42 и 1831 г., № 207 (15 сентября); «Биография Василия Ивановича Рязанцева», Н. Мундта – «Репертуар и Пантеон», 1840, кн. 1, стр. 1–4; ««Пантеон Русского и всех европейских театров» 1840 г., ч. 4, № 10, стр. 40–46 (с портр.); «Литературные и театральные воспоминания» С. Т. Аксакова, изд. Мартынова, т. IV, стр. 58, 68, 84–85; «Иллюстрированная Газета» 1867, № 18; «Русская Старина» 1873, т. VII, стр. 168–175; 1880, т. XXIX, стр. 301; «Исторический Вестник», в статье г. Сиротинина «Биография Сандунова», 1889, стр. 574–575. «С.-Петерб. Ведом.» 1831 г., приб. № 160, стр. 1461; «Моск. Вед.» 1831 г., № 160, стр. 1461; «Ежег. Имп. Театров, сезон 1899–1900», прил. кн. 2; Воспоминания М. Каратыгиной – «Русск. Вестн.» 1881, № 4, стр. 590.

Рязанцев, Григорий Петрович

Рязанцев, Григорий Петрович, доктор медицины; медицинское образование получил в Московском университете, где был казеннокоштным воспитанником; окончил курс докторантом, а 21-го июля 1824 г. получил степень доктора медицины и звание акушера и был определен (20-го августа 1824 г.) акушером Архангельской Врачебной Управы, в 1833 г. переведен был на ту же должность в Новгород, а в 1835 г., получив в Московском университете звание инспектора Врачебной Управы, был назначен таковым в Оренбургскую (ныне Уфимскую) губернию; здесь, в Уфе, он прослужил до 1872 г., когда вышел в отставку; он читал лекции также в местной Семинарии.

Скончался в 1875 году, в чине д. с. советника, который получил 19-го июля 1869 г.

Его докторская диссертация – «Dissertatio inaugur. medico-legale de praestantia vasorum utensilium», М. 1824, 8°.

Р. имел в Уфимском уезде имение с 860 десятинами земли и дом в городе Уфе.

«Уфимские Губ. Ведом.» 1875 г., № 9 (некр., Н. Гурвича); Л. Ф. Змеев, «Русские врачи-писатели», тетр. 2, СПб. 1886, стр. 89.

Рязанцев, Степан Родионович

Рязанцев, Степан Родионович (Резанцев) – подьячий Вятской Приказной Избы в 1677–1679 гг.; в 1686 г. был дьяком Сибирского Приказа; в 1688–1689 гг. – дьяком в Симбирске, а в 1691–92 гг. – дьяком Двинской Приказной Избы.

А. И., V, № 18, стр. 28, 65, 75; Д. к А. И., VIII, стр. 109, XII, № 52, стр. 337, 338; А. А, Э., IV, стр. 451; Двинская летопись (изд. А. Титова), стр. 57, 61. – П. Иванов, Указат. к боярск. книгам, стр. 352; «Древн. Росс. Вивл.», изд. 2, т. XX, стр. 397; Симбирск. Губ. Вед. 1852 г., №№ 41, 42; Симбирск. Епарх. Вед. 1898 г., № 18, прил., 1901 г., № 16.

Ряполовский, Андрей Иванович

Ряполовский, Андрей Иванович (*Стародубский, Стригин*) – князь, сын князя Ивана Федоровича Ряполовского-Стригина, умершего окольниковым, нередко смешивается с князем Андреем Ивановичем Ряполовским-Хрипуновым и с князем Андреем Ивановичем Оболенским-Стригиным. В 1546 г. он принимал участие в Казанском походе. В 1551 г., с 27-го сентября, в предполагавшемся Полоцком походе, он был назначен первым воеводой одного из полков, а в ноябре того же года отправлен восьмым воеводой под Могилев. В 1554–55 гг. был послухом в данной князя Ивана Александровича Оболенского Троице-Сергиеву монастырю на сельцо Бубнец с деревнями в Переяславском уезде (на обороте данной сохранилась подпись князя Андрея). Вместе с племянником, Никитой Михайловичем Стародубским, он участвовал в Полоцком походе 1563 г., причем состоял посыльным воеводой. В 1565 г., во время нашествия Крымских татар, был вторым воеводой передового полка на берегу Оки; в 1567 г. состоял первым воеводой в Мценске, а в 1569–70 гг. был наместником в Почепе, по получении же вестей из Путивля о приближении татар, был назначен третьим воеводой большого полка на берег Оки. В Ливонском походе 1570 г. Р. был прислан переменным воеводой к Юрьеву. В том же году, сентября 4-го, послан в Серпухов вторым воеводою передового полка, с приказанием, в случае, если Крымские татары не уйдут с берега Оки, а станут грабить украинские местности, идти за реку воеводой сторожевого полка.

В том же году, сентября 22-го, отправлен был «с берега» вторым воеводой в Тулу, где, по-видимому, и скончался 28-го октября 1570 г. Был похоронен в Троице-Сергиевом монастыре, против западных дверей церкви Сошествия Св. Духа.

Князь Андрей был женат на княгине *Марии Тимофеевне Пожарской* и приходился, таким образом, дядей известному князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому. От этого брака детей не было.

Он владел вотчинами в уездах Московском (село Льялово), Дмитровском (деревни и пустоши в Рязанском конце) и Стародубе-Ряполовском (села Волосынино и Пантелеево). По духовной 1556–57 гг. все его имущество, движимое и недвижимое, было завещано им жене, причем половина села Пантелеева по ее смерти должна была поступить в Троице-Сергиев монастырь; во исполнение воли мужа, княгиня Марья дала в 1569–70 гг. данную монастырю на эту половину, часть же села была продана ею племяннику мужа, князю Никите Михайловичу Стародубскому, сын же последнего, Иван, передал и эту часть, в 1571–72 гг., в Троице-Сергиев монастырь. По родословным князь Андрей и брат его Михаил считаются последними представителями рода Стригиных-Ряполовских, но это утверждение неверно, так как князь Михаил имел сына Дмитрия, по словам Курбского, казненного Иоанном Грозным, и уже упомянутого Никиту, а у последнего был сын Иван; те же родословные не отмечают третьего сына Ивана Федоровича Стригина-Ряполовского – Симеона, умершего ранее 1556–57 гг., женатого на княгине Евфросинии и имевшего дочь Феодору.

Сборн. Троице-Сергиевой Лавры, № 530, по Стародубу-Ряполовскому, главы 12, 13, 16–20; Полн. Собр. Русск. Летоп., т. XIII (полов. 1-я), стр. 350; «Древн. Российск. Вивлиофика», изд. 2, т. XIII, стр. 384, 399, 412; т. XX, стр. 31; «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих», ч. II, М. 1787, стр. 76, 300, 372, 384, 413; (М. Спиридов) «Сокращенное описание служеб Российских дворян», ч. 2-я, М. 1810, стр. 88–89; «Русский Историч. Сборн.», т. II, М. 1838, стр. 69, 71, 79, 277, 303; «Временник Московск. Общ. Ист. и Древн.», кн. X, М. 1851, стр. 66, 154, 250; «Синбирский Сборник», т. I, М. 1845, стр. 18, 24, 26, 28; А. Сапунов, «Витебская Старина», т. IV, Витебск. 1885, стр. 42; «Сборник Муханова», изд. 2-е, СПб. 1866, стр. 153; А. В. Горский, «Историч. опис. Свято-Троицкие Сергиевы Лавры», ч. 2-я, М. 1879, стр. 95; П. Н. Петров, «История родов русского дворянства», т. 1, М. 1885, стр. 138; С. В. Рождественский, «Служилое землевладение в Московском государстве XVI в.», СПб. 1897, стр. 65 примеч.,

73, 81, 118–119, 172–174, 177, 179, 180, 193; С. Шумаков,
«Обзор грам. Коллегии Экономии», в. 4-й, М, 1917, стр. 273.

Ряполовский, Василий Семенович Мних

Ряполовский, князь *Василий Семенович Мних*, В 1478 г. в Казанском походе, в конной рати, участвовали князь Василий и брат его, князь Феодор Семенович Хрипун; пришед под Казань, им велено быть в передовом полку с князем Сем. Ив. Ряполовским. В 1492 г., в походе в Новгород-Северскую область – первый воевода в левой руке; в 1495 – в Новгородском походе; в 1500 г., в Литовском походе – воевода в левой руке; в 1502 г. в Смоленском походе, под предводительством кн. Дмитрия Ивановича (сына Иоанна III), в передовом полку с князьями Стародубским и Шемячицем. В 1503 г. он был наместником в Брянске и получил приказание от Иоанна III давать Московским послам, возвращавшимся из Крыма, корм и лошадей от Путивля. В конце этого года кн. Р. довел до сведения вел. князя, что Кричевский наместник Остафий Дашкович вступается в волость Прикладни и в деревни этой волости, а кричевцы «чинят многия обиды» русским людям. В 1506 г., в Казанском походе – воевода в правой руке. В том же году, в апреле, вел. князь Василий Иванович пожаловал кн. Р. – выдал за него свою свояченицу Марию Юрьевну Сабурову; являли это жалованье, т. е. сообщали его кн. Р. бояре: Яков Захарьин, Григорий Феодорович, печатник Юрий Дм. Траханиотов и дьяки. Разряд свадебного поезда не писан.

В Российской родосл. книге кн. Долгорукова имеется сведение, что кн. Р. был женат на *Елене Ивановне Заболоцкой*. Мы полагаем, что в первом браке кн. Р. был женат на Заболоцкой, а во втором на *Сабуровой*.

В 1507 г. кн. Р. участвовал в Литовском походе вместе с князьями Стародубским и Шемячицем: был первым воеводой в левой руке, а в 1513 г. – в Литовском походе первым воеводой в передовом полку.

Карамзин, Ист. госуд. Рос., т. VI; Погодин, Рус. Ист. Сб., II; кн. Долгоруков, Рос. Род. Кн., IV; Петров; Экземплярский, I; «От. Зап.» 1830, ч. 44; «Чт. М. О. И. Др.» 1902 г., I; «Сб. Имп. Рус. Ист. Общ.», т.т. 35, 41 и 61.

Ряполовский, Дмитрий Иванович

Ряполовский, князь *Дмитрий Иванович* (в монашестве Домитиан).

В 1446–47 гг., вместе со своими братьями Иваном и Семеном, держал сторону Вас. Вас. Темного против Шемяки. Имя его записано в синодике Патриаршей ризницы.

Карамзин, Ист. госуд. Рос., V; Соловьев, Ист. России, IV; Экземплярский, I и II; Петров.

Ряполовский, Иван Андреевич Нагавица

Ряполовский, князь *Иван Андреевич*, по прозвищу *Нагавица*, XIV–XV (первая половина) в. в.; по родословным – третий сын князя Андрея Федоровича Стародубского. Получив в удел Ряполовский стан Суздальского уезда, он прозвался по месту владения Ряполовским. Считается родоначальником князей Ряполовских, Хилковых и Татевых. Известен только по родословным, которые указывают, что он имел 4-х сыновей: *Ивана, Семена Хрипуна, Димитрия и Андрея Лобана*.

«Временник Моск. Общ. Ист. и Древн.», кн. X, стр. 64, 66, 154, 250; *«Родословная книга князей и дворян российских и выезжих»*, ч. II, М. 1787, стр. 76; (М. Спиридов), *«Сокращенное описание служеб Российских дворян»*, ч. 2-я, М. 1810 г., стр. 84; П. Н. Петров, *«История родов русского дворянства»*, т. I, СПб. 1885, стр. 138; А. В. Экземплярский, *«Великие и удельные князья Сев. Руси»*, т. II, СПб. 1891, стр. 183, 186, 191.

Ряполовский, Иван Иванович

Ряполовский, князь *Иван Иванович*, как он, так и братья его, князья Дмитрий и Семен, держали сторону Вас. Вас. Темного в борьбе его с Шемякою. В 1446 г., когда Вас. Вас. был схвачен в Троицком монастыре и увезен в Москву приверженцами Шемяки, два малолетних сына Вас. Вас. укрылись на монастырском дворе. В ту же ночь, с оставшимися при них людьми они бежали к Юрьеву, в с. Боярково, к кн. Ив. Ив. Ряполовскому. Вместе с братьями своими, Дмитрием и Семеном, с княжичами и со всеми людьми, кн. Ив. Ив. спешно отправился в Муром и затворился там. Узнав об этом, Шемяка призвал к себе Рязанского и Муромского епископа Иону, обещая дать ему митрополию, освободить Вас. Вас. и наделить его «отчиною»; он просил Иону ехать в Муром и взять детей Вас. Вас., под ручательство в их безопасности, «на свой патрахель». Епископ отправился в Муром и передал кн. Ряполовским желание Шемяки. Посоветовавшись между собою, кн. Ряполовские решили, что лучше добровольно передать княжичей святителю, чем допустить, чтобы Шемяка взял их силою. Они передали детей в соборной Рождественской церкви епископу Ионе, который принял их с пелены на свою епитрахиль, следовательно, поручился своим святительским саном в их безопасности. 6-го мая Иона прибыл с детьми Вас. Вас.-ича в Переяславль к Шемяке; он принял княжичей с притворною лаской, звал их к себе на обед, одарил их, и на третий день, в сопровождении епископа Ионы, отправил в Углич к отцу, в заточение. Видя коварство Шемяки, кн. Ряполовские начали придумывать средства к освобождению Вас. Вас., и составилось большое сообщество единомышленников. Условились собраться под Угличем, в полдень Петрова дня, что и было исполнено всеми, исключая кн. Ряполовских. Так как Шемяка узнал о их замысле, то они вынуждены были уйти за Волгу, к Белоозеру. Шемяка отправил в погоню за ними два многочисленных отряда, которые должны были соединиться при устье Шексны. Один из предводителей опоздал и был разбит кн.

Ряполовскими на Мологе, а другой бежал от них за Волгу. После этого кн. Ряполовские направились в Литву через Новгородскую землю. Вслед за ними пришли в Мстиславль к кн. Вас. Яросл. Боровскому как их сообщники, так и посторонние люди и стали побуждать кн. Вас. Яросл. снарядиться для освобождения Вас. Вас. из Углича. В следующем, 1447 г., узнав, что Шемяка выпустил из Углича Вас. Вас. и что он находится в Твери, кн. Ряполовские со своими единомышленниками и кн. Боровский решили идти туда и, в случае необходимости, оказать Вас. Вас. помощь.

В 1459 г. кн. Р. вместе с кн. Ив. Юр. Патрикеевым ходил в Вятку. Они взяли Орлов и Котельнич, долго держали в осаде Хлынов, и вятчане, наконец, «добили челом на всей воле великого князя».

Имя кн. Ив. Ив. Р. записано в синодике Патриаршей Ризницы.

Др. Рос. Вивл., VI; Карамзин, Ист. гос. Рос., V; Соловьев, История России, IV; Экземплярский, I, II; Петров.

Ряполовский-Стригин, Иван Феодорович

Ряполовский-Стригин, князь *Иван Феодорович*, в 1522 г., во время похода вел. кн. Василия Ивановича на Коломну против Крымского хана Магмет-Гирея, кн. Р. был одним из рынд у вел. князя. В 1537 г., когда во Владимире стояло войско, кн. Р. был вторым воеводой в правой руке. В том же году – воевода городской в Нижнем Новгороде; с ним кн. Мих. Мих. Троекуров. В 1540 г., когда Казанский царь Сафа-Гирей приходил к Мурому, полковыми воеводами там были: кн. Р., Ив. Вас. Шереметев и кн. Петр Деев. В том же году он пожалован в окольничие. В 1541 г. – первый воевода сторожевого полка в походе из Владимира в Казань на судах, он в 1542 г., во время посольства от польского короля Сигизмунда к царю Ивану Васильевичу, с паном Яном Юрьев. Глебовичем во главе, упоминается в числе тех, которые «в думе не живут, а при послах в избе были». В 1543 г. в Пскове были наместниками: боярин кн. Дан. Дм. Пронской и кн. Р. Полоцкий воевода Довойна уведомил их, что литовские судьи прибыли в Полоцк для размежевания спорных Себежских земель. Князя Пронской и Р. довели об этом до сведения вел. князя, который решил отложить размежевание до лета и обещал выслать тогда на старые границы своего сына боярского.

Кн. Р. в Костромском у., на посаде у Соли у Малыя, принадлежала целая улица; на этой улице находились два двора, которыми затем владел Троице-Сергиев монастырь.

Др. Рус. Вивл., XX; Кн. Щербатов, VII; Погодин, Рус. Ист. Сб., т.т. II и V; Экземплярский, II; Писц. кн. XVI в., т. I; Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 59; Петров.

Ряполовский, Петр Семенович Лобан

Ряполовский, князь *Петр Семенович Лобан*, боярин; ум. в 1524 г. В 1492 г. в походе в Новгород-Северскую область – второй воевода в левой руке. В 1499 г. Иоанн III послал в Казань войско против Шибанского царевича Агалака, ополчившегося против Абдул-Летифа. Когда Агалак ушел назад в свои улусы, в Казани были оставлены для защиты интересов Абдул-Летифа боярин кн. Вас. Вас. Шуйский и Р. В 1500 г. под Казанью стояли три недели ногайские мурзы, да Ямгурча со многими людьми; русские воеводы, находившиеся там, кн. Мих. Феод. Карамыш-Курбской и кн. Р., отразили ногайцев. В том же году кн. Р. находился в числе поезжан на свадьбе кн. Вас. Дан. Холмского с дочерью Иоанна III – Софией. В 1502 г. он – первый воевода в передовом полку, при походе в Стародуб и в Литовскую землю; после победы над князем Ижеславским, близ Мстиславля, были оставлены в Стародубе кн. Воротынский и кн. Р. В 1503 г. кн. Р. был воеводой в передовом полку в Литовском походе, в 1506 г. – в Казанском походе, а в 1507 г. – по Казанским вестям в Муроме. Кроме участия в 1506 г. в Казанском походе, князь Р. исполнил поручение вел. князя: основал на Белой новую крепость, в защиту от Литвы. В 1508 г. – второй воевода в левой руке во время Литовского похода; 1509 г. – один из воевод сторожевого полка в походе к Дорогобужу, а в 1511–12 г. – третий воевода в правой руке по время Литовского похода. Летом 1513 г. вел. кн. Василий Иванович пошел в Боровск для «своего Смоленского дела». Большим воеводам он велел наперед себя идти к Смоленску 11-го августа, в правой руке – кн. Мих. Дан. Щенятев и Фед. Никит. Бутурлин, «а как придет кн. Лобан Ряполовский, и Лобану быть со кн. Михайлой в правой руке на Феодорово место Бутурлина, а Феодору быти со кн. Данилом в большом полку». В 1517 г. – второй воевода в большом полку в Мещере, на Толстике; затем, вместе с кн. Ив. Петр. Шуйским, наместник в Пскове. Они прислали вел. князю донесение, что собирается в Москву посольство Прусского магистра Альбрехта

Бранденбургского с посланником Дитрихом Шонберг. В 1518–19 гг. кн. Р. должен был заботиться то об отправке с дьяком Некрасовым к магистру Альбрехту того толмача, который ездил раньше с Загряжским, то о проводах и выдаче корма человеку магистра, то о приискании для посольства Конст. Тим. Замыцкого толмача, «который бы умел по-немецки и собою добренек». В 1519 г. кн. Р. пожалован в бояре. В 1522 г. участвовал в походе вел. князя против Крымских татар; на устье р. Осетра стояли с передовым полком воеводы: кн. М. В. Горбатой, князь Р. и князь П. Ф. Охлябинин.

Др. Рос. Вивл., XIII, XX; Софийский Временник, II; Карамзин, Ист. госуд. Рос., VI и VII; Погодин, Рус. Ист. Сб., М. 1838 г., т.т. II и V; Экземплярский, II; Лихачев, Сборник актов, СПб. 1895; Петров; Чт. М. О. И. Д. Р. 1902 г., I; Памятники диплом. сношений древней России с держ. иностр., СПб. 1851, I; Сб. Имп. Рус. Истор. Общ., т. 53.

Ряполовский, Семен Иванович Хрипун

Ряполовский, князь *Семен Иванович Хрипун*, ум. в 1503 г. В 1446–47 гг. вместе со своими братьями Дмитрием и Иваном держал сторону Вас. Вас. Темного против Шемяки. В 1458 г. вел. князь отправил на вятчан воевод: кн. Ив. Вас. Горбатого-Суздальского, кн. Сем. Ив. Р. и Григ. Перхушкова; но этот поход не удался, потому что Перхушков за «посулы» благоприятствовал вятчанам.

Карамзин, V; Соловьев, IV; Экземплярский, I.

Ряполовский, Семен Иванович

Ряполовский, князь *Семен Иванович*, боярин; сын князя Ивана Ивановича; женат на княжне Марье Ив. Патрикеевой, дочери кн. Ив. Юрьев. Патрикеева. В 1477 г. предводительствовал суздальцами и юрьевцами во время похода Иоанна III в Новгород. Подойдя к Новгороду, он был послан к Юрьеву монастырю с несколькими воеводами и с войском; они перешли через Ильмень по льду и отняли городище и все монастыри под городом. После этого кн. Р. был с войском по Пидбе и на Стипе. В 1478 г. пожалован в бояре. В 1487 г. воевода передового полка в Казанском походе, содействовал кн. Холмскому во взятии Казани. В 1488 г. на место выселенных из Великого Новгорода в разные области бояр, именитых граждан и купцов были посланы служилые люди и гости из Москвы; между прочим, в Вотскую пятину перевезены послужильцы кн. Р.: Сарыевы, Теткины, Зеленины, Берюлевы, Битюговы, Амбучевы. В 1491 г. на его долю выпало исполнить весьма тягостное поручение Иоанна III. Осенью этого года приехал из Углича в Москву брат вел. князя, Андрей Васильевич. Хотя вел. князь был недоволен братом за то, что он не послал весною своего войска против татар, тем не менее принял его радушно, а на следующий день позвал к себе обедать. Ласково встретив Андрея Васильевича, Иоанн III отослал его бояр в другую комнату, где велел взять их под стражу. Князь Р., по приказанию вел. князя, явился со многими боярами перед Андреем. Не будучи в состоянии побороть внутреннего волнения, князь Р., заливаясь слезами, сказал дрожащим голосом: «Государь князь Андрей Васильевич! пойман еси Богом да государем, великим князем Иваном Васильевичем всея Руси, братом твоим старейшим». Андрей встал и с твердостью ответил: «Волен Бог да государь, брат мой; а Всевышний рассудит нас в том, что лишаюсь свободы безвинно».

В 1494 г. (17-го января – 12-го февраля) к Иоанну III приехало посольство от вел. кн. Литовского Александра, для

заключения мирного договора и для сватовства дочери Иоанна III, Елены. В числе бояр, которые вели разговоры с Литовскими послами, находился кн. Р.; 27-го января послы обедали у него. 9-го марта того же года кн. Р. был послан вместе со своим шурином, кн. Вас. Ив. Косым Патрикеевым, в Литву для переговоров с вел. кн. Александром по поводу его сватовства на дочери Иоанна III. Князю Р. поручено было передать вел. кн. Александру поминки от вел. кн. Софьи Фоминишны, от сыновей великого князя – Василия, Юрия и Дмитрия Ивановичей, и от его внука, кн. Дмитрия Ивановича (сына умершего Иоанна Младого, от первого брака Иоанна III с Тверской княжной). 18-го апреля Московские послы прибыли в Вильну, а 23-го обедали у вел. кн. Александра. Они должны были настаивать на сохранении вел. княжною Еленою греческого закона, а Александр, заключив мирный договор, упомянул, между прочим, в грамоте относительно вероисповедания своей будущей жены, что он не станет принуждать ее к перемене веры, но в случае, если она сама захочет принять римскую веру, то он не может помешать ей. Московские послы не соглашались на такое изменение и отказались взять грамоту. Девять лет спустя, весной 1503 г., отправляя снова посольство в Литву к вел. кн. Александру, Иоанн III в наказе, данном послам, как они должны держать себя во взаимных отношениях, между прочим, упомянул с укоризной к памяти кн. Р.: «а не так бы есте чинили, как кн. Семен Ряполовский высокоумничал над князем Васильем княжим Ивановым сыном Юрьевича (т. е. над кн. Вас. Ив. Патрикеевым) ...а розни бы меж вас ни в чем не было, чтоб есте своею ровню мне нечти (т. е. бесчестья) не учинили, а делу бы моему в том поруки не было».

В августе того же 1494 г. снова приезжало в Москву посольство от вел. кн. Александра для объяснений и дальнейших переговоров, и послы обедали у кн. Р. 13-го января 1495 г. вел. княжна Елена Иоанновна была отпущена родителями из Москвы в Литву для венчания с вел. кн. Александром. За ней приехали Литовские бояре, а из Москвы даны в провожатые бояре: кн. Р. и Мих. Яковл. Русалка, с их женами. В «памяти», данной кн. Р., сказано, чтобы по пути

останавливаться и заказывать молебны в Звенигороде, Можайске, Смоленске; в случае плохого состояния моста в Витебске – не придется быть у молебна в соборе; в Полоцке следует заказать молебен в Софийском соборе. Кн. Ряполовская и боярыня Русалка должны сидеть в течение пути в повозке с великой княжной, а во время остановок для обеда – быть при ней. По приезде в Вильну бояре, дьяк и дети боярские должны явиться к вел. кн. Александру с поминками; уговариваться с панамы относительно венчания будут только бояре. В тайном наказе, данном Р., как главному из сопровождавших вел. княжну бояр, высказано требование, чтобы она венчалась в греческой церкви, в русской одежде. При совершении брачного обряда, на вопрос католического епископа о любви ее к Александру, она должна ответить: «люб ми, и не оставити ми его до живота никоея ради болезни, кроме закона; держать мне греческий, а ему не нудить меня к римскому». После венчания боярам вменялось в обязанность послать к Иоанну III такого гонца с грамотою, который бы «умел великому князю и словом сказать», как ехали, где были встречи, как въехали в Вильну, как были у венчания, где и кто венчал. Бояре и другие, сопровождавшие вел. княжну, согласно желанию Иоанна III, должны были остаться в Вильне, с разрешения Александра, до тех пор, пока вел. кн. Елена «обойдется», т. е. привыкнет.

В феврале 1495 г., после венчания, была послана Иоанну III князем Р. запись, из которой видно, что в Вязьме, Смоленске, Витебске и Полоцке были встречи, причем кн. Р. «являл панов» вел. княжне. Возле постов кн. Р. и Русалка выходили из саней и пешком сопровождали вел. княжну, ехавшую в повозке, до соборов. Во время остановки в Смоленске, кн. Р. подавал в светлице вел. княжны Смоленскому епископу и Литовским боярам, а кн. Р. подносила вино вел. княжне. Со Смоленска начались уже переговоры относительно венчания. Вел. кн. Александр встретил свою невесту в Немежах, в трех верстах от Вильны; сойдя с лошади, он приветствовал Елену, затем подал руку боярыням, снова сел на коня, и все вместе поехали в город. В тот же день произошло венчание в католической

церкви. Боярыни (кн. Р. и Русалка) расплели перед венчанием вел. княжне косу, причесали ее, положили на нее кiku и осыпали хмелем. Католический епископ и вел. кн. Александр усиленно возражали против того, чтобы приехавший с вел. княжной Еленой русский поп Фома читал в церкви православные молитвы, а кн. Р. держала бы над Еленой венец; но кн. Р. настоял на исполнении того и другого.

Отпуская обратно кн. Р. и Русалку, Александр заявил, что не может поставить для своей жены греческую церковь «на переходах», как того желает Иоанн III, потому что в «правах» написано, чтобы не увеличивать количества греческих церквей; в городе есть греческая церковь – и вел. княгиня может посещать ее. В мае 1495 г. приехал от Александра посол Петряшкевич к Иоанну III благодарить за присылку Елены, объявить о нападении на Литовские владения воеводы Молдавского Стефана и, в конце концов, принести жалобу на московских послов, кн. Р. и Русалку, которые будто бы по пути из Вильны в Москву грабили жителей на две мили по обе стороны дороги, а также и встречных купцов. Иоанн был во многих отношениях недоволен своим зятем, что и высказал Петряшкевичу; по поводу жалоб на кн. Р. и Русалку последовал ответ, что они не грабили, а, напротив, во всем терпели недостаток во время пути.

В 1498 г. в походе против шведов кн. Р. был вторым воеводой в передовом полку под Выборгом. Вследствие просьбы о помощи со стороны Казанского царя Магмет-Аминя, которого согнал с Казанского царства ногайский хан Мамутек – вел. кн. Иоанн III убавил воевод в Шведском походе и приговорил на весну послать воевод в Казань: воеводой в судовой рати в большом полку был кн. Р. В том же году произошло сильное изменение в отношениях к жене Софье Фоминишне, к сыну от брака с нею Василию, к невестке (вдове кн. Иоанна Младого) и к внуку Дмитрию Ивановичу, и это изменение явилось пагубным для кн. Р., враждебно настроенного против Софьи Фоминишны и Василия Ивановича. Это враждебное отношение обуславливалось известной распрей из-за вопроса о Московском престолонаследии между

двумя партиями, образовавшимися в Москве не только среди бояр и царедворцев, но и среди посадских людей. Когда верх взяла партия Софьи Фоминишны и Василия Ивановича, то Иоанн III произвел жестокую расправу с знатнейшими боярами, обличенными в крамолу, в том числе и с кн. Р. Князя Патрикеевы, Ив. Юрьев. и старший сын его – Василий Косой, избегли смертной казни благодаря заступничеству митрополита Симона, архиепископа Ростовского и других святителей, но должны были постричься в монахи. Кн. Р. был обезглавлен 5-го февраля 1499 г. на берегу Москвы-реки. Не спасло его от гнева Иоанна III воспоминание о важной услуге, оказанной отцом кн. Семена Ивановича, кн. Иваном Ивановичем, и дядьями его, как самому Иоанну, так и Василию Васильевичу во время утеснения их Шемякою. Имя кн. Р. записано в синодике Патриаршей Ризницы.

Никон. Лет., VI; Соф. Временник, II; Царств. Летописец; Др. Рос. Вивл., XIV, XX; «Отеч. Зап.» 1830 г., ч. 44; «Чт. М. О. И. Д. Р.» 1902, I; Сб. Имп. Р. И. Общ., т. 35; Карамзин, Ист. госуд. Рос., VI, X; Соловьев. Ист. России, V; Экземплярский, I; Петров; Бантыш-Каменский, Словарь достоп. людей, изд. 1836 г., т. IV.

Ряполовский, Феодор Семенович большой

Ряполовский, князь *Феодор Семенович большой*, боярин; прозывался в родословных Стрига, а в летописях Хрипун. 1468–69 гг. – воевода Нижегородский; ходил с Московскою дружиною против казанцев и разбил на Волге отряд ханских телохранителей. В 1487 г. участвовал во взятии Казани кн. Дан. Холмским и привез радостное известие об этой победе вел. кн. Иоанну III. В грамоте сына Иоанна III, кн. Иоанна Иоанновича, писанной прежде 1490 г. приказчикам Коршакову и Козмину об отдаче Спасо-Евфимьеву монастырю двух лугов с. Омуцкого, принадлежавших лично кн. Иоанну Иоанновичу, сказано: «и о тех лугех бил ми челом Спасский архимандрит Константин да строитель Иов Кодаков с моею братьею, кн. Иваном Александровичем, да кн. Петром Ивановичем, да кн. Феодором Семеновичем Хрипуном». В 1493 г. пожалован в бояре. В 1496 г. был под Выборгом в передовом полку, в 1500 г. находился в числе поезжан на свадьбе кн. Вас. Дан. Холмского, в 1502 г. участвовал в походе к Смоленску, а в 1506 г. в Казанском походе; оба раза – воевода в левой руке. По всему вероятно, кн. Р. был убит во время этого похода, так как имя его помещено в синодике Патриаршей Ризницы в числе тех, которые сражались с татарами под Казанью, пострадали за православную веру и были убиты.

Соф. Временник, II. – Др. р. Вивл., VI, XIII, XX; «Отеч. Зал». 1830 г., ч. 44. Акты ист., I; Чт. М. О. И. Д. Р. 1902 г., 1; Карамзин. Ист. госуд. Рос., VI; – Соловьев, История России, V; Экземплярский, II; Петров.

Ряполовский-Хрипунов, Феодор Семенович меньшой

Ряполовский-Хрипунов, князь **Феодор Семенович меньшой**, ум. в 1498 г. В 1496 г. был вторым воеводой в передовом полку под Выборгом.

Погодин, Рус. Ист. Сб., II и V; Лихачев, Разр. дьяки; Петров.

Рясовский, Григорий Андреевич

Рясовский, Григорий Андреевич – доктор медицины, адъюнкт Московского университета, доктор Серпуховского детского приюта в Москве; род. в 1798 г. в Воронежской губернии, где отец его был священником. Образование получил сначала в Воронежской духовной семинарии, в которой, впрочем, курса не окончил, будучи исключен из богословского класса 8-го июля 1817 года, после чего поступил студентом в Харьковский университет, на медицинский факультет; пробыв там три года, Р. в 1820 году перешел в Московский университет и здесь закончил свое медицинское образование в сентябре 1820 г.

В 1824 году он перевел с немецкого сочинение Консбруха и Эбермейера: «Рецептура» (М. 1824 г., 8°, стр. 6+VI+387), а в следующем году, 27-го июня, защитил докторскую диссертацию «De lithiasi, seu morbo calculoso» (Дисс. Д. М. М. 1825 г., 8°) и был удостоен искомой степени. Оставленный, «за отличные успехи и примерное поведение», при университете «по ученой части», Рясовский с 1-го сентября 1826 по 1-ое сентября 1828 г. преподавал студентам университета ветеринарную анатомию и физиологию, руководствуясь преимущественно сочинением Фейта. 30-го июня 1827 года Р. был утвержден адъюнктом, а с начала того же академического года – акушером и доктором при родильном институте университетской клиники – в качестве помощника профессора акушерства. Затем, с 1-го сентября 1828 года, в течение семи лет, Р. преподавал науку о женских болезнях, руководствуясь отчасти сочинениями Сибольта. В 1830 году, во время холерной эпидемии в Москве, Р. будучи членом Комитета, учрежденного при университете для охранения от холеры живших в нем и в заведениях, ему подведомственных, принял на себя, 19-го сентября, обязанности доктора временной больницы в Московской губернской гимназии и исполнял их до 17-го февраля 1831 года; за свою полезную деятельность в борьбе с холерой он получил, 25-го августа 1831 г., Монаршее благоволение.

В 1830 году Р. поместил в «Московских Ведомостях» (№ 93) статью: «О паровой ванне для лечения холерных».

Избранный в 1832 году (23-го августа) секретарем Отделения врачебных наук при Московском университете, он более двух лет исполнял эту должность; кроме того, с 1832 по 1834 г. был акушером и доктором при Родильном институте, а в конце 1835 года, за реформой при введении нового Устава и штатов, уволен был от службы при университете.

В своей «Памятной записке о профессорах Московского университета», поданной графом А. Н. Паниным, помощником попечителя Московского учебного округа, в 1831 году князю А. Н. Голицыну, он характеризует Рясовского следующими словами: «Рясовский. Смыслит акушерство, по словам медиков, но малодушен в заразительных болезнях», что, впрочем, противоречит действительности: на основании других источников, можно с достоверностью утверждать, что Рясовский, во время холерной эпидемии 1830 года не боялся заразиться и энергично боролся с ужасною болезнью. Оставив университет, он занял должность врача Серпуховского детского приюта в Москве.

Г. А. Рясовский был женат и в 1834 г. имел двух сыновей: *Василия* 4-х лет и *Николая* 1 года. Скончался, в чине статского советника, 28-го июня 1864 г., на 66 году от роду, и погребен в Москве, на Ваганьковом кладбище.

Сенатский Архив, формуляр; Словарь Геннади, т. III, стр. 291; Сборник Имп. Русск. Историч. Общ., т. 62, стр. 232; Московский Некрополь, т. III, стр. 56; Биографический Словарь профессоров и преподавателей Московского университета, М. 1855 г., т. II, стр. 386–387; Л. Ф. Змеев, Русские врачи-писатели, вып. I, СПб. 1886, тетр. 2, стр. 89–90; «Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских» 1870 г., кн. IV, смесь, – записка графа А. Н. Панина: Памятная записка о профессорах Московского университета, стр. 218.

Примечания

¹ - Богдан Антонович Рооп и Эммануил Антонович Рооп – разные люди, братья (см. Рооп). Эммануил Рооп получил Г4–25 в 1835 году и стал генерал-майором в 1846, а Богдан Рооп – Г4–25 в 1838 году, генерал-майором в 1865. До какого-то момента они вместе служили, А4 и В46 получали одновременно, оба и под Кульмом и в Польше были, потом служба разошлась. В списке полковникам 1844 они оба есть. В РБС их смешали и теперь надо проверять факты биографии, что к Богдану, а что к Эммануилу относится... Был еще Евстафий Антонович Рооп, их старший брат. Прим. редакции

² - $\mathrm{1}$

³ - $(3-zz)^2$

⁴ - $(1+zz)$

⁵ - $\mathrm{3}$

⁶ - $(1+x)^4$

⁷ - $(1-z)^5$

⁸ - $\mathrm{6}$

⁹ - $(1-x)^7$

¹⁰ - $1+x$

¹¹ - $\mathrm{8}$

¹² - $(1+zz)^9$

¹³ - $(1+6zz+z^{10}$

¹⁴ - 3

¹⁵ - $\mathrm{11}$

¹⁶ - $(1-zz)^{12}$

¹⁷ - $(1+6zz+z^{13}$

¹⁸ - 3

¹⁹ - 2 мая

²⁰ - Он был майором Выборгского гарнизона и из капитанов указом 1722 года определен в Канцелярию от Строений (см. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 69, стр. 753, 756, т. 94, стр. 347, 758 и т. 104, стр. 223.

²¹ - В формулярном списке о службе Н. И. Румянцева после перечисления походов, в которых он участвовал, имеется такая оговорка: «да сверх писанного, в бытность мою с 1708 года в гвардии, во время продолжавшейся войны, был во многих знатных акциях и партиях как в Малороссии и прочих местах. Также где она гвардия в те годы ни была, как морем, так и сухим путем был без отлучно». Надо заключить из этого, что он был и в войне со Швецией в Финляндии в других местах.

²² - Он предлагал овладеть Помераниею до крепостей по реке Одере, занять Данциг и осадить Кольберг, прикрывая его осаду главною армиею, а после приступить к осаде одной из крепостей по Одере.

²³ - В течение 1771 г. князь В. М. Долгоруков успешно действовал в Крыму. Он 14-го июня подошел к Перекопу, овладел им и двинулся к Бахчисараю и Каффе, которые занял 29-го июня, а затем 22-го июля занял Козлов. После этого Долгоруков овладел постепенно прочими городами Крыма. Хан Крымский Селим-Гирей был смещен и умер в ссылке. Покорение Крыма явилось сильным ударом Турции.

²⁴ - Таким лицом был позднее избран, как упомянуто выше, князь Прозоровский.

²⁵ - В конце 1775 г. был свергнут преданный России Сагиб-Гирей и возведен приверженец Турции Девлет-Гирей, свергнутый Россией, причем был возведен Шагин-Гирей.

²⁶ - Всех же вообще христиан было переселено в Азовскую губернию 31609 душ обоего пола, на что израсходовано было до 130000 руб.

²⁷ - Это состоялось до заключения известного Тешенского мира весною 1779 года, по которому Бавария сохранила свою независимость, уступив Австрии небольшое пространство своей земли, и по смерти ее правителя переходила герцогу Карлу Цвейбрюкенскому. Россия, Франция и Немецкая империя поручились за ненарушимость Тешенского договора, который, будучи подтверждением Вестфальского мира, являлся гарантией имперской конституции.

²⁸ - Он и был назначен правителем Курского наместничества.

²⁹ - Графу был тогда же пожалован дом в Петербурге.

³⁰ - Правее, в Трансильвании, стоял Фабрис с войсками, а еще правее, у Слатена – ген. Вартенслебен, а затем у Землина, против Белграда – сам Император Иосиф II; рядом с ним, в Боснии, была армия Лихтенштейна.

³¹ - Эльмпт вскоре покинул армию и уехал в Ригу. Место его занял генерал Каменский.

³² - Армия Потемкина была расположена между р.р. Серетом, Прутом, Днестром в Бессарабии и Молдавии и стала называться Украинскою.

³³ - Князь Потемкин уже 9-го апреля 1789 г. возлагал на князя Н. В. Репнина командование Украинскою армиею до будущего расписания.

³⁴ - Заголовок статьи в оригинальной орфографии: Рѣзановъ (Резановъ, Рязановъ).

³⁵ - В печатном оригинале (дореформенная орфография) здесь: Рѣзвые.

³⁶ - В печатном оригинале (дореформенная орфография) здесь: «рѣзвой».